

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

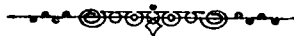
ТОМЪ LXXIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXIII

1898

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1898

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
ЮЛЬ, 1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1898 г.

	стр.
I Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). XVIII—XIX. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5
II. Воспоминанія Константина Карловича Жерве . V—VI. (Продолженіе).	30
III. Деревенскіе дѣльцы. (Изъ воспоминаній земскаго начальника). II. (Окончаніе). В. А. Тимашева-Беринга	74
IV. Штурмъ Карса 17-го сентября 1855 г. (Изъ записокъ очевидца полковника де-Саже). П. Ф. К.	92
V. Памирскій походъ I—V. (Воспоминанія очевидца). Б. Л. Тагъева	111
VI. Иностранецъ-доброжелатель Россіи въ XVII столѣтіи. Н. П. Лихачева	139
иллюстрація: Пасторъ Іоаннь-Готфридъ Грегори.	
VII. Театральныя вѣспоминанія. V—VI. (Окончаніе). В. А. Тихонова	153
VIII. Поселеніе русскихъ старообрядцевъ въ Буковинѣ. Григорія Купчанко	182
IX. Кругосвѣтное путешествіе нѣсколькихъ японцевъ черезъ Сибирь, сто лѣтъ назадъ. (Переводъ съ нѣмецкаго). В. Турковскаго	193
X. Древности города Гомбина. (Путевыя замѣтки). Г. А. Воробьева	211
иллюстраціи: 1) Часть алтарной стѣны съ древними кафлями костела г. Гомбина.—2) Еврейская деревянная божница въ г. Гомбинѣ.	
XI. Раскопки въ Россіи въ 1897 году. В. В. Жерве	218
XII. В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти. IX—XV. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго	224
XIII. По китайскому побережью. V. Городъ Шангай. (Продолженіе). В. Д. Черевкова	271
XIV. Профессоръ А. Х. Гольмстенъ . (По поводу двадцатипятилѣтія его учено-литературной дѣятельности). В. В. Никольскаго	302
иллюстрація: Адольфъ Христіановичъ Гольмстенъ.	
XV. Записки архіепископа Фелинскаго. І. Кучинскаго	313
XVI. Критика и библиографія.	334

1) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ второй. Публицистика. Съ портретомъ автора, вступительною статьею В. Д. Спасовича и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1898. **Д. Корсакова**. — 2) Догма римскаго права. Лекціи В. В. Ефимова. Спб. 1898. — Система римскаго права профессора Ба-

См. слѣд. стр.

рова, перевелъ Л. Петражицкій. 2-е изданіе, исправленное по 9-му нѣмецкому изданію. Выпускъ 1-й. Общая часть. Москва. 1898.—Л. Н. Загурскій. Элементарный учебникъ римскаго права. Общая часть: выпускъ 1-й, 2-е изданіе. Харьковъ. 1897; выпуски 2-й и 3-й, 2-е изданіе. Харьковъ. 1898. Особенная часть, семейное право, выпускъ 1-й и 2-й, 2-е изданіе Харьковъ. 1898. **Б. Никольскаго.**—3) И. Н. Божеряновъ. Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ, его жизнь, литературные труды и двадцатилѣтняя дѣятельность управления министерствомъ финансовъ. Изданіе графа И. В. Канкринъ. Спб. 1897. Б. Гл.—4) Сочиненія Н. Э. Гейнце. Четыре тома съ портретомъ автора и предисловіемъ. Изданіе В. В. Комарова. Спб. 1898. С. л—ина.—5) Джонъ Буль конца вѣка. М. Л. Златковский. Спб. 1898. А. Ф—ва.—6) Дж. Эшли. Экономическая исторія Англии въ связи съ экономической теоріей. Переводъ подъ редакціей Д. М. Петрушевскаго. Москва. 1897. И.—7) Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ VI. Исслѣдованіе И. И. Дубасова. Тамбовъ. 1897. П. Щеголева.—8) Минусинскіе и ачинскіе инородцы (матеріалы для изученія). Статьи А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. Изданіе Енисейскаго губернскаго статистическаго комитета. Красноярскъ. 1898. В. Р—ва.—9) Сводъ Законовъ Россійской имперіи. Неофициальное изданіе въ одной книгѣ, подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Изданіе Товарищества Общественная Польза. Выпуски 1—6, томы I—X, часть I Свода Законовъ. Спб. 1897—1898. **Б. Никольскаго.**—10) И. С. Влюхъ. Вудущая война въ техническомъ, экономическомъ отношеніяхъ. Шесть томовъ, съ 1,500 рисунковъ, чертежей, картъ и картограммъ. Спб. 1898. В. Петерсона.—11) Исторія л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Томъ второй. 1866—1896. Составилъ того же полка ротмистръ Ю. Елецъ. Спб. 1897. С—наго.—12) Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. Спб. 1898. **В. Бояновскаго.**—13) Стихотворенія А. Н. Плещеева (1844—1891). Третье дополненное изданіе подъ редакціей П. В. Быкова. Спб. 1898. Гл.—14) Хроника моей жизни. Автобіографическія замѣтки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Томъ первый. Сергіевъ Посадъ. 1898. В. Б.—15) Отчетъ о дѣятельности православною братства святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго за 1895—1896 годы. Вязники. 1897. Щ.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 359

1) Цицеронъ въ потокѣ столѣтій.—2) Религіозная революція въ Миланѣ въ XII вѣкѣ.—3) Куба чегыреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.—4) Испанская армада.—5) Литература юбилея Васко де-Гама.—6) Колдуны, и колдуны въ Баваріи.—7) Трехсотлѣтняя годовщина Нантскаго эдикта.—8) Наполеону ли принадлежатъ слава творца Наполеоновскаго кодекса?—9) Новые мемуары графини Потопкой.—10) Леопарди и Антуанета Томазини.—11) Трансваальская республика и ея президентъ Крюгеръ.—12) Гладстоніана.—13) Французы о Россіи.

XVIII. Смѣсь 380

1) Актъ Археологическаго института.—2) Юбилей Николаевскаго кавалерійскаго училища.—3) Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ г. Вильгѣ.—4) Диспутъ Б. А. Тураева.—5) Генеалогическое общество.—6) Юрьевское учено-литературное общество.—7) Географическое общество.—8) Археологическія раскопки въ Бахчисараѣ.—9) Археологическая экспедиція.—10) XI археологическій сѣздъ.—11) Музей П. И. Щукина.—12) Памятникъ на могилѣ Ю. Н. Говорухи-Отрока.—13) Некрологи: Е. М. Фоктистовъ; Г. Д. Филимоновъ; И. В. Миловидокъ; И. И. Ендогуровъ; Н. А. Богдановъ.

XIX. Рѣдкіе портреты. I. Незвѣстный портретъ Е. А. Баратынскаго. С. А. Венгерова 399

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Евгенія Абрамовича Баратынскаго.—2) Назаръ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. **Е. Вексона** Часть первая. I—V. Переводъ съ англійскаго. (The Vintage).

ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ БАРАТЫНСКІЙ.

доз. ценз. 25 июня 1898 г. спб.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾.

(Романъ-хроника).

XVIII.

СЪ ТОЛКОМЪ, съ чувствомъ, съ ненужными отступленіями и подробностями, начала Демьянова свое повѣствованіе.

Отправилась она на прошлой недѣлѣ, въ будній день, къ ранней обѣднѣ и, отстоявъ службу, свернула на базаръ посмотрѣть, не навезли ли дѣвки изъ сосѣднихъ деревень полевыхъ цвѣтовъ на продажу.—Хотѣла купить для нашего Свѣтика, онъ такой охотникъ до нихъ! и вдругъ, этта, передъ прилавкомъ калачницы, стоитъ человѣкъ, бублики покупаетъ. Глянула я на него разъ, глянула два,—какъ будто знакомый, а кто таковъ — никакъ не вспомнить. И онъ на меня поглядываетъ и тоже, какъ будто, любопытствуетъ вспомнить, гдѣ меня раньше видѣлъ. И вдругъ, какъ осклабится: «Пани Демьянова!» Ну, тутъ ужъ я его по говору признала. «Какъ ты сюда попалъ, Казимирка?» спрашиваю. «Съ моимъ паномъ грабіемъ, говорить, я здѣсь».

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXII, стр. 713.

— Графъ Маржерецкій?—прервала ее барышня, безъ особеннаго, впрочемъ, восторга, а скорѣе, какъ будто, съ неудовольствіемъ.

— Онъ самый.

— Какъ онъ сюда попалъ?

— Да вотъ, скажи послѣ этого, что судьбы нѣтъ, и что все, что ни случается, устроивается человѣками,—продолжала старуха.—Въ ссылкѣ они здѣсь, вотъ что.

— Какъ это въ ссылкѣ?

— А также, очинно просто. Вѣдь поляки они, ну, съ прочими другими и попались, какъ бунтъ-то у нихъ былъ, помнишь? У насъ еще въ тотъ годъ у Свѣтика первый зубокъ прорѣзался...

Катерина Артемьевна стала припоминать. Разумѣется, она про этотъ польскій бунтъ слышала и отъ Леонтія Артемьевича, который жаловался на безмозглыхъ поляковъ за то, что они весь край всполошили и большихъ убытковъ ему надѣлали (неподалеку отъ Коржина было сраженіе). Болтали и люди про партіи закованныхъ въ кандалы повстанцевъ, которыхъ провозили черезъ Москву въ Петербургъ, но ее все это такъ мало интересовало тогда, что она пропускала всѣ эти розказни мимо ушей, и когда толки о возстаніи смолкли, про все забыла. Но теперь все это ей опять всплыло на память. Ей даже стало казаться, будто она и раньше слышала отъ кого-то, что графъ Ксаверій участвовалъ въ возстаніи... А, можетъ быть, это было только предположеніе, высказанное при ней Леонтіемъ Артемьевичемъ, и на которое она не обратила вниманія?.. До того ли ей тогда было, особенно, когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ въ Москву.

А Демьяновна между тѣмъ продолжала:

— Цѣлыхъ три года въ крѣпости графчикъ нашъ содержался, измадѣлъ такъ, что и узнать нельзя...

— А ты и его видѣла?

— Видѣла. Говорить съ нимъ не говорила, а видѣла. На балконѣ сидѣлъ въ томъ дому, что они здѣсь наняли, совсѣмъ близко отъ насъ, пройти только сосѣдскій садъ, да въ переулочекъ завернуть, тутъ тебѣ гора будетъ, а на полгорѣ такой бѣлый домъ съ бельведеромъ. Ну, въ этотъ самый домъ они и пріѣхали, какъ вышелъ приказъ ихъ сюда на жительство водворить. Хотѣли было графа-то въ Сибирь угнать, да побоялись, чтобъ дорогой не померъ, въ крѣпости разболѣлся, отъ слабости на ногахъ не стоялъ. Теперь, слава Богу, дѣло на поправку идетъ. Какъ стали мы къ дому подходить, Казимирка толкъ меня въ бокъ, а самъ глазами на балконъ указываетъ. Глянула я вверхъ и вижу: сидитъ нашъ графчикъ въ креслахъ, книжку читаетъ, а ноги на стулъ вытянулъ. Халатъ на немъ бархатный, и волосы какъ точно на балъ взбиты, во! какой кокъ торчитъ. Какимъ былъ щеголемъ, такимъ и остался. Сейчасъ видать, благородный господинъ. А какъ онъ обрадовался, какъ про тебя узналъ, что мы здѣсь...

Катя усмѣхнулась.

— Ужъ выболтала! Очень было нужно.

— А я такъ думаю, что Самъ Господь, по милости Своей, намъ его послалъ; все же таперича мы не однѣ на свѣтѣ, есть кому за насъ вступиться.

Но Катя продолжала скептически ухмыляться.

— Это какимъ же манеромъ?

— А такимъ, что онъ и посовѣтовать можетъ, и благонадежнаго человѣка въ управители намъ сыскать ему ничего не стоитъ. Знакомство у него большое, не то, что у насъ, а они, поляки-то, народъ не трусливый, какъ взъерепенятся, съ самимъ чортомъ готовы въ драку полѣзть... А графчикъ, сама знаешь, какъ намъ преданъ.

— Да вѣдь онъ ссыльный,— раздумчиво замѣтила Катя.

— Такъ чтожъ, что ссыльный? Богатство его при немъ осталось. Поципали маненечко, ужъ такое дѣло, безъ того нельзя, а все же много еще у него добра осталось. И не на всю же жизнь онъ въ ссылкѣ, выйдетъ случай — ослобонятъ. Пріятелей у него въ Питерѣ много. Они, поляки-то, страсть какъ другъ за дружку держатся, да другъ дружку тянутъ... Сказать ему, что ли, чтобъ къ намъ пришелъ?—спросила она, переждавъ немного.

Но барышня колебалась. Душа ея волновалась самыми разнообразными чувствами. Ей и отраднo, и стыдно, и жутко было въ одно и то же время. Отраднo, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который ею интересуется и на все готовъ для нея, даже на борьбу съ такимъ могущественнымъ противникомъ, какъ братецъ Леонтій, стыдно, что, благодаря безсердечному отношенію къ ней и къ ея ребенку этого послѣдняго, она нуждается въ покровительствѣ чужаго человѣка, и жутко при мысли, что графъ Ксаверій можетъ однимъ своимъ появленіемъ нарушить ея уединеніе, ея мирную, полную свѣтлыхъ радостей, жизнь. Съ нимъ придется стѣсняться, измѣнять обычный порядокъ въ домѣ, дѣлить время между имъ и Свѣтикомъ...

Опасалась она также призраковъ прошлаго, пробудившихся въ ея душѣ съ первыхъ же словъ Демьяновны. Эти призраки навѣвали на нее страхъ и тоску. Ну, что, если, благодаря новому покровителю, отъ нихъ невозможно будетъ отдѣлаться?

Но Демьяновна слишкомъ многого ждала отъ счастливой случайности, столкнувшей ихъ съ графомъ, чтобъ не воспользоваться ею, и нерѣшительность барышни начинала ее не на шутку раздражать.

— Какъ посмотрю я на тебя, какая ты стала кислая, да робкая, ажно злость беретъ,— начала она, съ досадой пожимая плечами.— И куда только твой умъ да бойкость дѣвались, дивиться только надо, ей-Богу! Ничего-то ты обсудить не можешь, всего-то ты боишься да опасаяешься, хуже мокрой курицы стала, право!

Все-то тебѣ лѣнь да неохота. Хоть бы для ребенка встряхнулась да за умъ бы взялась, хоть бы его пожалѣла. Богатство твое расхищаютъ, а тебѣ и горюшки мало. Чтожъ онъ станетъ дѣлать, какъ выростетъ, безъ денегъ, безъ имени?.. Вѣдь ужъ шестой годочекъ ему пошелъ, а все до сихъ поръ въ безродныхъ считается...

— Что же тутъ графъ можетъ сдѣлать?—перебила ее сердито барышня.

— А ты съ нимъ поговори, тогда и узнаешь.

Катя вспыхнула.

— Чтобъ я создалась ему въ моемъ позорѣ? Да ты съ ума сошла!—вскричала она запальчиво.

— Зачѣмъ? Можно какънибудь обинякомъ, не сейчасъ, а потомъ, какъ станеть у насъ бывать и самъ заговорить...

— Ну, ступай, будетъ теперь объ этомъ, я подумаю... Приведи мнѣ Свѣтика,— все еще съ неудовольствіемъ проговорила барышня.

Но старуха и этимъ была довольна; она ждала худшаго, ждала, что ей не дадутъ и договорить про ея встрѣчу съ Казимиркой и запретяты упоминать про графа. Она, разумѣется, впоследствии, нашла бы случай нарушить это запрещеніе, но на это понадобилось бы время, а теперь можно заварить кашу и не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Барышня предупреждена, что графчикъ ищетъ свиданія съ нею, значитъ, теперь ужъ отъ него зависитъ найти случай къ ней подойти и заговорить. Казимирка знаетъ, что Катерина Артемьевна каждый день гуляетъ съ сыномъ на морскомъ берегу, ну, пусть и баринъ его туда поидетъ; такое мѣсто, никому нѣтъ запрета тамъ прогуливаться.

Первая встрѣча Катерины Артемьевны съ ея бывшимъ поклонникомъ именно такъ и произошла.

Около десяти лѣтъ прошло съ того осенняго утра, когда графъ Маржерецкій, до безумія влюбленный, смотрѣлъ въ послѣдній разъ на обожаемую дѣвушку въ аллеѣ стараго Коржинскаго сада, вкладывая въ этотъ взглядъ всю силу своей любви къ ней и ожидая отъ нея такого слова, которое пролило бы немного свѣта и надежды въ его тоскующую душу. Но она такъ и отпустила его, ничѣмъ не утѣшивъ и въ горькомъ недоумѣніи.

Чтобъ заглушить въ себѣ любовь, забыть жестокою красавицу, насмѣявшуюся надъ его юношескою страстью, онъ, очертя голову, кидался въ самыя опасныя предпріятія, странствовалъ по дикимъ дебрямъ Африки и Америки и въ поискахъ за сильными ощущеніями не останавливался ни передъ какими опасностями. Но и это не облегчало его страданій. По временамъ любовь его превращалась въ ненависть, и бывали минуты, когда онъ съ отчаяньемъ себя спрашивалъ: что было бы для него слаще—видѣть ее въ своихъ

объятіяхъ, трепещущую отъ любви къ нему, или мертвой отъ его руки? Да, временами онъ чувствовалъ къ ней ненависть, но равнодушія — никогда.

И вдругъ, среди его странствованій по чужимъ землямъ, до него случайно долетѣла вѣсть о возстаніи въ Польшѣ.

Если не жалѣть себя, тамъ теперь навѣрное можно найти смерть въ бою съ русскими.

Не задумываясь, онъ полетѣлъ туда.

Его мучительница была русская, и ему казалось особенно отрадно, цѣною жизни, отомстить ея соотечественникамъ, не за одну только отчизну, а также и за себя, за свои поруганныя чувства.

Но онъ слишкомъ усердно искалъ смерти, чтобъ найти ее. При самомъ началѣ войны его взяли въ плѣнъ и заключили въ крѣпость.

Оттуда, черезъ нѣсколько дѣтъ, онъ вышелъ совѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ раньше. Страсть его къ безсердечной кокеткѣ погасла. Глаза его открылись, и онъ судилъ ее безпристрастно. Ничего онъ къ ней теперь не чувствовалъ, ни любви, ни бѣшеной ненависти, а развѣ только легкое презрѣніе къ ея неразвитости, дурному воспитанію и испорченности.

Перемѣна эта совершилась постепенно.

Сначала, обвиняя ее, въ припадкѣ жгучаго раскаянія за эпизодъ съ Машей, онъ и себя клеймилъ преступникомъ и невольнымъ убійцей, но по мѣрѣ того, какъ душа его, предоставленная самой себѣ, въ тиши уединенія и оторванная отъ вліянія внѣшняго міра, мужала и развивалась въ обобщеніяхъ и въ холодномъ анализѣ причинъ и послѣдствій, все, что до него лично касалось, стало казаться ему такъ ничтожно въ сравненіи съ міровыми событіями, управляемыми предвѣчными законами Творца вселенной, что онъ улыбался при воспоминаніи о приключеніи въ Коржинѣ, котораго онъ былъ героемъ и, узнавъ черезъ Казимирку, что дѣвушка, перевернувшая вверхъ дномъ всю его жизнь и изъ-за которой онъ рвался къ смерти также страстно, какъ другіе рвутся къ счастью и къ славѣ, что эта дѣвушка здѣсь, въ двухъ шагахъ отъ него, и что ему стоитъ только захотѣть, чтобъ ее увидѣть и узнать, какія она питаетъ къ нему чувства,—при этомъ извѣстіи, въ первую минуту ничто не шевельнулось въ его сердцѣ, кромѣ любопытства.

— Она здѣсь одна?—холодно спросилъ онъ.

Казимирка поспѣшилъ повторить все, что Демьяновна сочла нужнымъ ему рассказать:

— Барышня Коржина замужъ вышла, овдовѣла и поселилась на югѣ для сына, которому, по слабости здоровья, нуженъ теплый климатъ. Живетъ она здѣсь ужъ третій годъ въ полнѣйшемъ одиночествѣ, ни съ кѣмъ не знакомится, выѣзжаетъ только кататься съ дитятей и съ нимъ же гуляетъ по морскому берегу, всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ, возлѣ ихъ дома, который, выходя съ

одной стороны къ морю, съ другихъ сторонъ окруженъ густымъ садомъ, такъ что съ улицы его не видно.

Графъ выслушалъ этотъ рассказъ, не отрывая глазъ отъ книги, которую читалъ, и, повидимому, не придавая ему большого значенія, такъ что Казимирка, стоя въ дверяхъ, подождая съ минуту, чтобъ какимъ нибудь вопросомъ его поощрили къ дальнѣйшей болтовнѣ, и ничего подобнаго не дождавшись, счелъ благоразумнымъ на этомъ и прекратить свои сообщенія.

День прошелъ, какъ всегда, и, повидимому, графъ былъ въ обычномъ расположеніи духа.

Но это было только повидимому. Мысль о Коржинской барышнѣ не покидала его. Съ проникательностью влюбленнаго выводилъ онъ изъ скудныхъ свѣдѣній, услышанныхъ про нее, безчисленное множество предположеній самаго разнообразнаго свойства. Но на чемъ онъ останавливался съ особеннымъ наслажденіемъ, это на мысли, что, можетъ быть, и въ ея жизни свершился такой же переворотъ, какъ и въ его, и что теперь она совсѣмъ иначе понимаетъ жизнь и любовь.

Она была замужемъ...

Странное дѣло, про ея умершаго мужа онъ не хотѣлъ думать, и не могъ себѣ представить ее женщиной, супругой и матерью.

Когда наступилъ вечеръ, графъ, какъ всегда, отправился гулять и вернулся поздно.

Завидѣвъ его издали, поднимавшагося на гору, Казимирка подумалъ, что на этотъ разъ встрѣчи между его графомъ и госпожей Коржиной еще не произошло; онъ прогуливался въ такой мѣстности, которая совершенно противоположна той, гдѣ обыкновенно гуляла Катерина Артемьевна.

Однако, Казимирка понялъ, что графъ интересовался ею, потому что за ужиномъ, передъ тѣмъ, какъ встать изъ-за стола, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: какъ теперь фамилія г-жи Коржиной?

Казимирка отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ. Старая няня продолжаетъ звать ее барышней. Прислуга ея состоитъ исключительно изъ Коржинской дворни. Тотъ Прошка, котораго они тамъ видѣли казачкомъ, теперь у нихъ лакеемъ, а поваромъ бывшій поваренокъ Захарка и такъ далѣе.

— Новыхъ совсѣмъ нѣтъ, окромя компаньонки, дѣвицы купеческаго званія,—прибавилъ онъ.

Графъ поднялся изъ-за стола, прошелъ въ спальню, раздѣлся и легъ въ постель, но заснулъ только на разсвѣтѣ и такимъ тревожнымъ сномъ, что всталъ блѣднѣе обыкновеннаго и съ нервнымъ подергиваніемъ лѣвой стороны лица. Подергиваніе это, послѣдствіе болѣзни, вынесенной имъ въ крѣпости, являлось у него теперь очень рѣдко и только вслѣдствіе сильныхъ душевныхъ волненій.

Погода испортилась, шелъ дождь, съ неба висѣли тяжелыя свинцовыя тучи, отъ которыхъ тяжело было дышать, такъ низко спустились онѣ къ землѣ.

«И какъ же мы будемъ сегодня весь день скучать!» думалъ Казимирка, подавая своему господину завтракъ.

Но графъ принялъ мѣры противъ скуки. Онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, вынувъ изъ одного изъ ящичковъ бюро на половину исписанную толстую тетрадь въ переплетѣ, съ надписью на заглавномъ листѣ: «Souvenirs et impressions», а изъ другаго—ворохъ легучихъ листковъ, исписанныхъ карандашемъ, и усердно принялся за работу, перечитывая замѣтки и вписывая въ тетрадь то, что казалось ему достойнымъ вниманія.

Сколько именно времени предавался онъ этому занятію, Казимирка не могъ бы сказать; все, что онъ зналъ, это то, что, когда онъ, часа черезъ три, подошелъ къ двери и, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, сталъ прислушиваться, вмѣсто скрипа пера онъ услышалъ шаги своего господина, прохаживающагося взадъ и впередъ по кабинету, и продолжалось это такъ долго, что онъ отошелъ отъ двери, не дождавшись, чтобъ шаги стихли. Когда же пробилъ часъ обѣда, и Казимирка пришелъ звать своего барина кушать, этотъ послѣдній лежалъ, растянувшись на диванѣ, устремивъ взглядъ въ пустое пространство и въ такомъ глубокомъ раздумѣ, что когда дверь растворилась и на порогѣ появился камердинеръ, онъ вздрогнулъ, и въ испугѣ, какъ ужаленный, вскочилъ съ мѣста.

— Что надо? Кто пришелъ? Что случилось?

Эти три вопроса одинъ за другимъ сорвались съ его губъ такъ стремительно, и при этомъ лицо его выражало такую растерянность, и съ такою лихорадочной поспѣшностью запахивалъ онъ дрожащими отъ волненія пальцами свой халатъ и расправлялъ галстукъ, что Казимиркѣ стало жутко.

«Ужъ не мѣшается ли въ умѣ ясновельможный?» подумалъ онъ, докладывая, что кушанье подано.

— А дождь все идетъ?

— Нѣтъ, давно пересталъ. Солнце свѣтитъ, и стало просыхать.

Лицо графа прояснилось и, поправивъ туалетъ передъ трюмо, онъ объявилъ, что сейчасъ выйдетъ въ столовую.

Обѣдъ длился недолго; кушанья приносили, ставили на столъ и черезъ минуту уносили нетронутыми. Послѣ обѣда графъ приказалъ подать себѣ одѣваться и отправился на обычную прогулку.

Но, дойдя до конца улицы, вмѣсто того, чтобъ повернуть влѣво, онъ пошелъ вправо, къ морю, и минутъ черезъ десять увидать на берегу стройную женскую фигуру въ бѣломъ, въ которой тотчасъ же, раньше, чѣмъ онъ могъ различить черты ея лица, узналъ сердцемъ Катерину Артемьевну Коржину.

Воображеніе живо дополняло то, чего за разстояніемъ онъ ви-

дѣтъ еще не могъ, но чѣмъ ближе онъ подходилъ къ ней, тѣмъ больше поражала его переменна, которую онъ въ ней находилъ. «Неужели эта серьезная, блѣдная женщина, съ печальнымъ, задумчивымъ взглядомъ, съ медленной походкой и плавными, усталыми движеніями, Катерина Артемьевна?» спрашивалъ онъ себя, глядя на нее съ возрастающимъ изумленіемъ.

Она шла, держа въ одной рукѣ книгу, а въ другой снопъ только что нарванныхъ цвѣтотъ, разговаривая съ красивымъ, бѣлокурнымъ мальчикомъ въ бархатной курточкѣ съ большимъ батистовымъ, отложнымъ воротникомъ, и при этомъ такъ низко опускала голову, укутанную въ черное кружево, точно ей тяжело было отъ волосъ, выскальзывающихся изъ-подъ гребенки густыми локонами, на шею и плечи. По временамъ мальчикъ отбѣгалъ отъ нея, чтобъ сорвать цвѣтокъ, погнаться за бабочкой или чтобъ поднять раковину, и тогда она останавливалась и, не оборачиваясь по сторонамъ, пристально и въ глубокомъ раздумьи, смотрѣла на море до тѣхъ поръ, пока сынъ ея не возвращался, протягивая ей рученку съ найденнымъ сокровищемъ.

«Какъ къ ней подойти? Что сказать?» мелькало въ головѣ графа. «А если она не захочетъ его узнать, или дастъ ему понять, что не желаетъ возобновлять съ нимъ знакомство? Какъ тогда поступить? Неужели покориться безъ борьбы, потерять ее снова и ужъ теперь навсегда?»

И чѣмъ дальше, тѣмъ вѣроятнѣе казалось ему, что такой именно исходъ и ждетъ попытку его воскресить слабую тѣнь прошлаго. Не безъ причины обрекла она себя на уединеніе... И какое имѣетъ онъ право лишать ее душевнаго покоя вдали отъ свѣта и людей? Она, безъ сомнѣнія, ничего такъ не боится, какъ воспоминаній о прошломъ, и онъ огорчить ее, разстроить и прогнѣвить, являясь передъ нею внезапно, не испросивъ на то заранѣе позволенія, не узнавъ, желаетъ ли она его видѣть...

Онъ повторялъ себѣ, что поступаетъ глупо, пошло, безтактно, неделикатно, и сердце его болѣзненно сжималось при мысли о томъ, что его ждетъ, но остановиться и пойти назадъ, пока она еще не увидала его, онъ былъ не въ силахъ. Ему, во что бы то ни стало, надо было свидѣться съ нею, услышать ея голосъ и все узнать... Что именно, этого онъ не могъ бы высказать, но душа его была переполнена такимъ мучительнымъ, жгучимъ недоумѣніемъ, что онъ не остановился бы передъ смертельной опасностью, лишь бы только разъяснить это недоумѣніе хоть сколько нибудь.

Онъ былъ ужъ шагахъ въ двадцати отъ нея, когда Свѣтикъ, слышавъ скрипъ песку подъ его ногами, глянулъ на ходу въ его сторону и, дернувъ мать за платье, сказалъ ей вполголоса пофранцузски: *maman, il y a là un monsieur, qui nous suit.*

Какъ вкопанная, остановилась она, повернула голову въ ту сто-

рону, куда движеніемъ руки указывалъ мальчикъ, и покраснѣла, увидавъ графа, который съ отчаянною рѣшимостью и поспѣшными шагами перешелъ раздѣляющее ихъ пространство.

Что сказали они другъ другу при этомъ первомъ свиданіи, какими именно словами завязалась между ними бесѣда,—этого ни онъ, ни она не могли бы впослѣдствіи вспомнить, но вопреки ихъ опасеніямъ все обошлось какъ нельзя лучше, и если оба, въ первую минуту и ощутили замѣшательство другъ передъ другомъ, то оно очень скоро разсѣялось; почти тотчасъ же почувствовала она, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ, влюбленнымъ въ нее до безумія, а онъ, чѣмъ дальше смотрѣлъ на нее, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что она несчастна, одинока и нуждается въ его любви.

А между тѣмъ, она была съ нимъ очень сдержанна и горда; въ голосѣ ея звучали по временамъ насмѣшливыя нотки, во взглядѣ ея не выражалось ни малѣйшей нѣжности, а въ обращеніи съ нимъ проявлялась только свойственная благовоспитанной женщинѣ вѣжливость; она даже какъ будто боялась, чтобъ онъ не догадался о нравственной перемѣнѣ, свершившейся въ ней съ тѣхъ поръ, какъ они разстались, и старалась ему доказать, что онъ найдетъ въ ней все то же избалованное, безсердечное существо, какимъ она была въ то время, когда отбила его отъ Маши.

Но, невзирая на всѣ ея усилія, онъ чувствовалъ, что она уже не та, что прежде. Смѣхъ ея звучалъ натянуто и фальшиво; сквозь иронию проглядывала горечь разочарованія въ жизни, выраженіе тоскливой тревоги въ глазахъ плохо гармонировало съ саркастическимъ тономъ ея рѣчи, и въ самой ея улыбкѣ было что-то такое, нѣчто до такой степени скорбное, что ему каждую минуту хотѣлось, чтобъ она перестала притворяться, сказать ей, что съ нимъ это ни къ чему не поведетъ, и что ей не удастся его обмануть.

И, невзирая на это, а также на то, что оба они тщательно избѣгали намека на прошлое, и что между ними не было произнесено ни единого слова о томъ, чѣмъ было полно сердце того и другаго, ему было съ нею невыразимо отрадно, а когда наступила минута разставанья, и на просьбу дозволить ему явиться къ ней съ визитомъ она отвѣчала согласіемъ, ему стоило большихъ усилій скрыть свою радость и, какъ того требовало приличіе, прикоснуться губами только слегка къ протянутой ему на прощанье ручкѣ, вмѣсто того, чтобъ осыпать ее страстными поцѣлуями.

Но за то какъ нѣжно расцѣловалъ онъ ея сына!

Удивленный ребенокъ, все время съ любопытствомъ разглядывавшій незнакомца, съ которымъ мать его такъ долго и съ такимъ оживленіемъ разговаривала, спросилъ у нея, указывая на удалявшася графа:

— Неужели этотъ господинъ намъ чужой, мама?

Вопросъ этотъ неприятно подѣйствовалъ на нее.

— Разумѣется, чужой,—возразила она съ досадою. Ей захотѣлось прибавить къ этому окрикъ въ родѣ: «нѣ говори глупостей», или: «что ты за вздоръ выдумываешь!» но мальчикъ глядѣлъ на нее такими удивленными глазами, что усилиемъ воли она овладѣла приступомъ гнѣва и, страстнымъ движеніемъ притянувъ его къ себѣ, спросила между двумя поцѣлуями:—почему тебѣ кажется, что графъ намъ не чужой, моя радость?

— Потому что онъ меня поцѣловалъ такъ, какъ ты меня цѣлуешь, мамочка,—отвѣчалъ мальчикъ, въ невинности своей не подозревая, какую бурю поднимаетъ онъ своими словами въ ея душѣ.

Съ перваго взгляда на графа она увидала, что онъ ее любитъ попрежнему, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ своимъ существомъ почувствовала, что не только отвѣчать на эту любовь, но даже переносить ее безъ отвращенія она не можетъ. Слишкомъ жгуча была ея страсть къ другому, она сожгла ей сердце, истребила въ немъ навсегда всѣ нѣжныя чувства, за исключеніемъ чувства къ ребенку. Ей нѣтъ еще двадцати пяти лѣтъ, но пора любви для нея навсегда миновала; отцвѣлъ и осыпался цвѣтъ женственности въ ея душѣ, невзирая на все еще продолжавшую пышно развиваться красоту.

Въ дружбѣ графа она, можетъ быть, нашла бы себѣ отраду и развлеченіе, но при одной мысли о любви ее коробило.

Захочетъ ли онъ довольствоваться ея дружбой? Она могла уповать на это раньше, до свиданія съ нимъ, но теперь это было невозможно.

А между тѣмъ, какъ будто сама судьба толкаетъ ее въ его объятія. Все заставляетъ ее задумываться надъ мыслью, что съ ея стороны будетъ преступленіемъ оттолкнуть неожиданную помощь, посылаемую ей Провидѣніемъ именно въ ту минуту, когда единственный человѣкъ, отъ котораго зависитъ ихъ существованіе, оказывается ихъ врагомъ и предателемъ. Еслибъ она была одна на свѣтѣ, ей ничего бы не стоило внести въ монастырь уцѣлѣвшія крохи отъ расхищеннаго братомъ-коршуномъ состоянія и кончить жизнь въ кельѣ, но у нея есть сынъ, и для него она не имѣетъ права отступать передъ жертвами, какъ бы жестоки онѣ ни были.

Но, разумѣется, прежде, чѣмъ дать графу высказаться, она откроетъ ему всѣ подробности своего паденія. Поступить иначе она не можетъ, даже, еслибъ за эту исповѣдь ей грозила смерть.

Мысли эти беспорядочными клочками налетали ей на умъ, вопреки всѣмъ ея стараніямъ ихъ отогнать и увѣрить себя, что опасенія эти существуютъ только въ ея воображеніи, и что графъ ничего не имѣетъ въ виду, кромѣ желанія возобновить съ нею знакомство, скучая въ городѣ, гдѣ ему, какъ ссыльному поляку, съ русскимъ обществомъ сблизиться неудобно.

У нея тоже есть причины вести одинокую жизнь, онъ это узналъ, и одинаковость положенія показалась ему достаточнымъ поводомъ къ сближенію...

Ей такъ хотѣлось услышать подтвержденіе этихъ надеждъ, что, уложивъ Свѣтика спать, она позвала къ себѣ Демьяновну и спросила у нея:

— Что про насъ знаетъ графъ?

Старуха передала ей все, что она сочла нужнымъ сообщить Казимиркѣ:

— Сказала ему, что ты замужъ вышла и овдовѣла, и что для здоровья ребенка мы здѣсь живемъ. Что-жъ,—прибавила она съ горькой усмѣшкой, подмѣтивъ, что слушательница ея сердито сдвигаетъ брови,—не за дѣвицу же тебя таперича передъ чужими людьми выдавать. Весь городъ тебя за вдову почитаетъ, пусть и они также.

— И больше ничего?—отрывисто спросила, помолчавъ немного, ея госпожа.

— Ничего. До сихъ поръ я только два раза съ нимъ видѣлась, и онъ все про своего барина рассказываетъ. А я и рада, намъ чѣмъ больше про себя помалкивать, тѣмъ лучше.

Катерина Артемьевна ничего не возражала, и Демьяновна, подождавъ немного, снова заговорила:

— Жалѣеть онъ барина, Казимирика-то. При такомъ богатствѣ да добродѣтели долженъ бобылемъ жить. И все, говоритъ, отъ жестокости дѣвицы, которую полюбилъ еще въюношей и до сихъ поръ забыть не можетъ...

Какъ ни разстроена была Катерина Артемьевна, но этотъ подвохъ старой няньки вызвалъ усмѣшку на ея губахъ.

— Ты что-жъ это ухмыляешься? Со стороны посмотрѣть, можно подумать, что дѣло это до тебя и не касается,—сердито замѣтила эта послѣдняя. — Свѣтикъ-то поумнѣе тебя, даромъ что всего пять годочковъ ему минуло. Не даромъ говорится, что Господь вразумляетъ младенцевъ понимать все лучше большихъ. Ужъ такъ онъ полюбилъ графа, такъ полюбилъ, ну, вотъ, какъ роднаго... Чуетъ его сердечко, что у этого господина онъ, какъ у Христа за пазухой, выростетъ, и что все онъ можетъ ему предоставить, и богатство и...

Ей не дали договорить.

— Ну, будетъ, оставь меня въ покоѣ!—запальчиво прервала ее барышня.—И не смѣй у меня вбивать въ голову ребенку глупыхъ мыслей, вѣдь я узнаю, и тогда хуже будетъ,—строго возвышая голосъ, прибавила она.

Старуха поняла, что еще не приспѣло время говорить съ барышней въявь о задуманномъ ею планѣ, что нетерпѣніемъ только отдалить на далекій срокъ его исполненіе, и мысленно побожилась предоставить дѣло на волю Божию. При этомъ она дала обѣщаніе, въ случаѣ удачи, пожертвовать на украшеніе церкви «Всѣхъ скорбящихъ» довольно крупную сумму изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Прошло недѣли двѣ. Каждый день графъ видѣлся съ Катериной Артемьевной и съ ея сыномъ. Они гуляли по морскому берегу или по тѣнистымъ аллеямъ сада, забавляясь ребенкомъ, который не отходилъ отъ нихъ ни на минуту и такъ привязался къ своему новому пріятелю, что каждое утро, просыпаясь, спрашивалъ: увидитъ ли онъ его сегодня? Разговаривая о постороннихъ предметахъ, о новой книгѣ, о вычитанной въ газетахъ политической новости, или о томъ, что видѣлъ и испыталъ графъ во время своихъ далекихъ странствованій, оба они такъ тщательно избѣгали коснуться того, что переполняло ихъ сердца, что онъ даже со дня на день откладывалъ освѣдомиться о Леонтіи Артемьевичѣ и о его семьѣ, а она ни единымъ словомъ не намекала ему про его участіе въ возстаніи и про его заточеніе. Оба боялись зайти въ своихъ изліяніяхъ слишкомъ далеко, и этимъ нарушить мирное настроеніе, благодаря которому имъ можно было провѣрять свои чувства и безпрепятственно изучать другъ друга.

Никогда не оставались они вдвоемъ, даже на минуту и по словамъ Анны Никитишиной, часто присутствовавшей при ихъ свиданіяхъ, графъ держалъ себя такъ сдержанно и серьезно съ Катериной Артемьевной, что, кромѣ почтительнаго вниманія, ничего нельзя было вывести изъ его обращенія съ нею.

Впрочемъ, онъ вообще ни живостью, ни словоохотливостью не отличался, и люди, видѣвшіе его въ Коржинѣ десять лѣтъ тому назадъ, теперь вѣрить не хотѣли, чтобъ этотъ спесивый господинъ, болѣзненнаго вида, съ просѣдью въ порѣдѣвшихъ волосахъ и строгими, всегда печальными глазами, былъ тотъ самый, жизнерадостный красавчикъ, который ухаживалъ за покойницей барышней Марьей Леонтьевной. Этотъ казался такимъ старымъ, разочарованнымъ и измученнымъ нравственно и физически, что годился бы въ отцы тому.

И національныя особенности выступали въ немъ теперь какъ-то рѣзче; никто раньше не замѣчалъ, чтобъ онъ такъ плохо говорилъ порусски, такъ пыжился и гордился, какъ теперь. Всѣ движенія его казались заученными, словечка въ простотѣ не скажетъ, чтобъ польскій свой гоноръ не проявить. Все это, можетъ быть, было въ немъ и раньше, но сглаживалось молодостью, юношескою наивностью и восторженностью. Да и обстоятельства, при которыхъ онъ тогда явился въ Коржино, были не тѣ, что теперь, а ужъ про положеніе Катерины Артемьевны и говорить нечего... Не красиво оно было, всѣ это сознавали.

Странное дѣло, Демьяновна не распространялась съ челядью о барскихъ дѣлахъ; писемъ, получаемыхъ по почтѣ отъ Леонтія Артемьевича, барышня никому не давала читать и, повидимому, все шло попрежнему, но по признакамъ, такимъ же загадочнымъ, какъ тѣ, которыми руководствуются крысы, покидающія домъ передъ пожаромъ, или вороны, каркающія передъ покойникомъ, въ домъ чуж-

лось приближеніе катастрофы, и всѣ ждали ея наступленія съ жуткимъ любопытствомъ, а когда неожиданно-негаданно явился этотъ чужеземецъ, появленіе его сразу дало другое направленіе мыслямъ. Всѣ были почему-то убѣждены, что встрѣча эта произошла не даромъ, и что судьба снова свела барышню съ бывшимъ ея воздыхателемъ послѣ десятилѣтней разлуки, не для того только, чтобы имъ прогуливаться вмѣстѣ по морскому берегу и разговаривать о погодѣ.

Въ атмосферѣ этихъ ожиданій, волненій и предположеній, невольно поддаваясь сдержанной страсти челоѵка сильнаго волей, дававшего ей понять каждымъ своимъ взглядомъ и движеніемъ, что она для него милѣе и дороже всего на свѣтѣ, Екатерина Артемьевна чувствовала себя съ каждымъ днемъ все безпомощнѣе въ глухой борьбѣ между сердцемъ и разсудкомъ, поднявшейся въ ея душѣ съ той минуты, какъ она увидала графа, убѣдилась, что чувства его къ ней не измѣнились, и что отъ нея зависитъ взять отъ него все то, что другой отъ нея отнял: честь, богатство, общественное положеніе, право во всеуслышаніе называть Свѣтика своимъ сыномъ...

О, какъ онъ ждалъ ея рѣшенія! Какъ ясно читала она его нетерпѣливое ожиданіе въ его глазахъ, въ страдальческомъ выраженіи его блѣднаго лица со стиснутыми съ мучительнымъ усиліемъ губами, когда онъ вдругъ, не будучи больше въ силахъ притворяться, обрывалъ свою рѣчь на полусловѣ и впадалъ въ глубокое раздумье.

— У моего друга заболѣла головка?—спрашивалъ тогда шопотомъ Свѣтикъ.—Его не надо беспокоить? Да?

Она съ улыбкой прикладывала палецъ къ губамъ и отводила его въ сторону, чтобы онъ не замѣтилъ конвульсивной судороги, подергивавшей лицо графа въ минуты нервнаго утомленія.

Но предосторожность ея была напрасна. Въ одинъ прекрасный вечеръ, подходя къ террасѣ, на которой графъ сидѣлъ съ Свѣтикомъ, она услышала слѣдующій между ними разговоръ:

— Тебѣ больно, когда ты дѣлаешь гримасы?—спрашивалъ Свѣтикъ.

— Нѣтъ, дружочекъ,—отвѣчалъ графъ.

— Зачѣмъ же ты не отучишься?—продолжалъ любопытствовать мальчикъ.

— Непремѣнно отучусь. Отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ слѣдуетъ отучаться, но вдругъ нельзя, надо постепенно...

— Ну, ты хоть постепенно отучись, пожалуйста,—умоляюще протянул ребенокъ, обвивая ручонками шею своего друга и прижимаясь къ нему.

Катерина Артемьевна вышла на террасу.

Догадался ли графъ, что она слышала его разговоръ съ ея сыномъ, или просто, ему захотѣлось, чтобы она узнала, наконецъ, что перенесъ онъ съ того дня, какъ долженъ былъ уѣхать изъ Кор-

жина, не повидавшись съ нею,—такъ или иначе, но въ тотъ вечеръ онъ подробно разсказалъ ей и про свое участіе въ возстаніи, и про то, что послѣдовало послѣ взятія его въ плѣнъ.

Тутъ онъ въ первый разъ, мелькомъ, правда, и съ ироніей, но тѣмъ не менѣе достаточно ясно, чтобъ вызвать краску смущенія на ея лицѣ, намекнулъ и на причину, заставившую его сначала бѣжать изъ Россіи, а потомъ идти на вѣрную смерть или мученичество.

— Когда ваша няня объявила мнѣ, что вы считаете неприличнымъ меня принять, я понялъ, что долженъ бѣжать изъ Россіи, чтобъ не сойти съ ума...

Хорошо, что стало темнѣть, когда онъ началъ свой разсказъ, и онъ не могъ видѣть, съ какимъ волненіемъ его слушали: это дало ему силу разстаться съ Катериной Артемьевной съ обычною холодною, вѣжливо отказавшись отъ предложенія откупать съ нею чай, на которомъ она, впрочемъ, и не настаивала, желая остаться одной съ новыми мыслями и впечатлѣніями.

Всю эту ночь Катерина Артемьевна ни на минуту не сомкнула глазъ.

Въ жару и тоскѣ прометалась она на постели до разсвѣта, и чуть забрезжилось утро, сорвалась съ кровати, накинула на себя поверхъ пудромантеля турецкую шаль и, вынувъ изъ бюро шкатулку розоваго дерева съ перламутровыми инкрустаціями, осторожно, чтобъ не разбудить спящихъ обитателей дома, вышла на балконъ.

Тутъ она сѣла на ступеньки, спускавшіяся въ садъ, отперла шкатулку золотымъ ключикомъ, висѣвшимъ у нея на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ, и стала внимательно и по порядку перечитывать лежавшія въ ней письма.

Всѣ до одного были отъ Леонтія Артемьевича и написаны за два послѣдніе года.

Впрочемъ, ихъ было немного, и ни объемистостью, ни экспансивностью они не отличались. Все, большею частью, краткія извѣщенія о томъ, что дѣла ея идутъ все хуже и хуже, доходы съ ея имѣній уменьшаются, и посылать ей столько денегъ, сколько прежде, онъ ужъ теперь не можетъ. На ея вопросы относительно его обѣщанія урегулировать, такъ или иначе, общественное положеніе ихъ ребенка, онъ съ раздраженіемъ упрекалъ ее въ безразсудствѣ и нетерпѣніи. Неужели она не можетъ понять, что даже и съ большими деньгами подобныя дѣла скоро не дѣлаются?

Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ даже раздражается грубою бранью по поводу ея намѣренія самой пріѣхать въ Петербургъ, чтобъ хлопотать о судьбѣ сына, и грозитъ совершенно отказаться отъ веденія ея дѣлъ, если она позволитъ себѣ дѣйствовать само-

вольно. «И не забудьте, что вамъ ни подорожной, ни лошадей почтовыхъ не дадутъ, если я заявлю начальнику губерніи, что для спокойствія всей нашей семьи, которую вы обезчестили вашимъ постыднымъ поведеніемъ, вы не должны показываться ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ».

Письмо это было помѣчено десятымъ апрѣля; она получила его только три недѣли тому назадъ (въ тотъ самый день, когда узнала о томъ, что графъ здѣсь), и оно такъ глубоко уязвило ей сердце, что рана была до сихъ поръ свѣжа, и отъ прикосновенія къ ней больно заныла. Но, тѣмъ не менѣе, она и это письмо заставила себя перечитать съ большимъ вниманіемъ.

Ей надо было утвердить себя въ горькомъ убѣжденіи, что, кромѣ предательства, ей ничего нельзя ждать отъ человѣка, которому она такъ беззавѣтно отдалась тѣломъ и душой, и что ей надо, во что бы то ни стало, искать выхода для себя и для сына изъ безпомощнаго, позорнаго и зависимаго положенія, въ которомъ злодѣи ихъ держатъ.

Чѣмъ глубже уходила она въ прошлое, тѣмъ живѣе воскресало оно передъ нею, и тѣмъ мрачнѣе и тяжелѣе становилось у нея на душѣ.

Какъ могла она полюбить и отдаться такому нравственному уроду? Какъ могла не понимать, что когда она ему не будетъ больше нужна, онъ и съ нею поступитъ такъ же коварно и жестоко, какъ со всѣми?

И, чтобъ оправдаться хоть сколько нибудь передъ самой собой и объяснить себѣ причину своего заблужденія, она уходила мыслями все дальше и дальше въ прошлое и вызывала въ памяти подробности забытыхъ событій, имѣвшихъ роковое и непоправимое вліяніе на ея судьбу. Ко всѣмъ этимъ событіямъ молодой коршунъ былъ примѣшанъ, и (она теперь это, какъ нельзя лучше, понимала) всѣми ими онъ руководилъ, чтобъ безповоротнѣе погубить ее. Съ какою, по истинѣ, сатанинскою ловкостью и послѣдовательностью отдалялъ онъ ее постепенно отъ всѣхъ на свѣтѣ, пользуясь для этого ея строптивымъ нравомъ, врожденною гордостью и болѣзненнымъ самолюбіемъ! Какъ безжалостно эксплуатировалъ онъ исключительное и, во всѣхъ отношеніяхъ, фальшивое положеніе, въ которое самъ ее поставилъ въ семьѣ своей и въ обществѣ еще раньше, чѣмъ она паденіемъ своимъ оправдала всеобщее о ней мнѣніе! О, еслибъ она могла это предвидѣть! Еслибъ былъ на свѣтѣ человѣкъ, который предупредилъ бы ее, удержалъ бы на краю пропасти...

Но развѣ она тогда послушала бы кого нибудь? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Никому не позволила бы она открыть ей глаза. Слишкомъ любила она его.

И онъ ее любилъ...

Да, любилъ. Она не можетъ этого забыть. Кромѣ этого воспоминанія, у нея ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Ребенокъ? Но это онъ же! Отдѣлить ихъ одного отъ другого она не можетъ. Она даже представить себѣ не въ силахъ, что чувствовала бы она къ Свѣтику, еслибъ онъ не напоминалъ ей отца взглядомъ, улыбкой и многими неуловимыми особенностями, замѣтными одной только ей?

Перебирая въ умѣ минуты безумнаго счастья, испытанныя ею въ разгарѣ преступной страсти, ей вспомнилось и то время, когда, оставшись въ Коржинѣ послѣ смерти Маши, она переписывалась съ своимъ опекуномъ.

Это было самое счастливое время въ ея жизни. Каждую недѣлю, а иногда и чаще, получала она отъ него длинныя письма, полныя самой страстной, самой нѣжной любви.

Всѣ эти письма онъ у нея отобралъ назадъ, еще до рожденія ихъ ребенка, передъ ея отъѣздомъ въ Москву, вскорѣ послѣ того, какъ она отдала ему ящикъ съ драгоценностями.

Онъ ее тогда любилъ, но это не мѣшало ему принимать противъ нея мѣры предосторожности и предвидѣть тотъ день, когда ему можно будетъ опасаться ея мести...

А она ничего подобнаго не предвидѣла, вѣрила ему безгранично и не могла себѣ представить жизни безъ его любви.

И все это рухнуло, испарилось, какъ блаженное сновидѣнiе. Остался только Свѣтикъ, да ожиданiе полнѣйшаго разоренiя. Скоро у нея ничего не останется, кромѣ степного имѣнiя, сданнаго Демьяновой въ аренду. Послѣднiя деньги, которыя она получила, присланы оттуда, изъ Куклина. Если такъ будетъ продолжаться, ей нечѣмъ будетъ платить за наемъ дома, содержать людей, поддерживать домашнiй обиходъ, и ей ничего больше не останется дѣлать, какъ переселиться въ степь. Тамъ она съ ребенкомъ, по крайней мѣрѣ, съ голоду не умретъ...

На этотъ выходъ Леонтiй Артемьевичъ ужъ намекалъ ей въ послѣднемъ своемъ письмѣ.

Она снова отыскала это письмо въ кучѣ исписанныхъ листковъ, лежащихъ на ея колѣняхъ, чтобъ еще разъ измѣрить глубину бездны, въ которую ее такъ безжалостно толкали.

Восходъ все ярче и ярче багровѣлъ и золотился подъ лучами восходящаго солнца. Природа просыпалась. Въ воздухѣ, вмѣстѣ съ легкимъ вѣтеркомъ съ моря, носился ароматъ цвѣтовъ, освѣженныхъ ночью росой.

Она ничего не замѣчала и, машинально кутаясь въ шаль, перечитывала листокъ, исписанный твердымъ, красивымъ почеркомъ, дрожавшiй въ ея холодѣющихъ отъ утренней свѣжести пальцахъ. Она даже не чувствовала, какъ слезы наворачивались на ея глаза и, на мгновенiе задержанныя въ длинныхъ рѣсницахъ, медленно, одна за другой скатывались по ея блѣднымъ щекамъ.

И вдругъ, по золотообрѣзной, синеваѣ бумажѣ, трепетавшей въ ея дрожавшихъ пальцахъ, скользнула тѣнь, и совсѣмъ близко отъ нея заскрипѣлъ гравійъ подъ чьими-то шагами. Она вздрогнула подняла глаза и увидала графа.

Онъ тоже всю ночь не спалъ, думая о ней. Вышелъ изъ дому, чтобъ пройтись по морскому берегу, но, проходя мимо рѣшетки ея сада и увидавъ ее издали промежъ деревьевъ на ступенькахъ балкона, не могъ не подойти къ ней.

— Я давно тутъ стою и смотрю на васъ,—сказалъ онъ, указывая на дерево въ десяти шагахъ отъ нея.

Она не возражала, только крѣпче закуталась въ шаль отъ нервной дрожи, пробѣгавшей по ея тѣлу, а въ глазахъ ея, кромѣ спокойной рѣшимости, ничего нельзя было прочесть, ни испуга, ни гнѣва, ни досады.

— Шелъ я сюда совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобъ васъ видѣть и говорить съ вами,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—но такъ случилось, что я васъ увидѣлъ въ такую минуту, когда замъ казалось, что вы однѣ и... Мнѣ кажется, что чѣмъ скорѣе мы обьснимся, тѣмъ лучше будетъ для насъ обоихъ, Катерина Артемьевна.

Отъ сдавленнаго волненія голосъ его звучалъ глухо, и онъ произносилъ слова съ особенною отчетливостью, которая показалась ей въ эту минуту жесткой и непріятной, но тѣмъ не менѣе она сознавала, что онъ правъ, и что имъ пора объясниться.

Надо, чтобъ онъ узналъ про ея позоръ, а тамъ... пусть поступаетъ, какъ хочетъ.

Рѣзко, ясно и кратко было ея признаніе:

— Я не вдова и мужа у меня никогда не было. Свѣтикъ—сынъ моего брата Леонтія, котораго я была любовницей,—проговорила съ отчаянною рѣшимостью и не спуская съ своего слушателя пристальнаго, вызывающаго взгляда.—А теперь... она запнулась, но на одно только мгновеніе:—прочтите это, и вы узнаете, въ какомъ я положеніи,—прибавила она, собирая порывистымъ движеніемъ письма, разсыпанныя на ея колѣняхъ, и протягивая ему ихъ.

Онъ взялъ ихъ и молча удалился въ глубь сада, а она продолжала сидѣть на томъ же мѣстѣ, облокотившись обѣими руками на колѣни и опираясь подбородкомъ на ладони, ничего не видя и не слыша. И долго, долго глядѣла она, ничего не видя, въ сверкающую изумруднымъ блескомъ зелень съ весело рѣющимися въ ней крылатыми насѣкомыми. Ни о чемъ она не думала, ничего не ждала и не жѣлала. И умъ и сердце ея были въ эту рѣшительную для нея минуту также пусты, какъ шкатулка съ крышкой, стоявшая возлѣ нея на ступенькѣ.

А въ домѣ, между тѣмъ, закипала обычная жизнь. Свѣтикъ проснулся и, вырвавшись изъ рукъ Анны Никитишны, въ одной рубашенкѣ побѣжалъ къ матери, но не нашелъ ея ни въ спальнѣ,

ни въ уборной. На его крикъ приближала Демьяновна и унесла его въ противоположный конецъ дома. Ей ужъ успѣли шепнуть, что барышня въ саду съ графомъ, и, чуя желаемую развязку, старуха приняла всѣ мѣры, чтобъ имъ не мѣшали разговаривать. Одѣвъ мальчика, она отправила его съ Анной Никитишной въ сосѣдній садъ.

Долго читалъ графъ довѣренныя ему письма; солнце было уже высоко, когда онъ вернулся къ балкону.

Шелъ онъ сгорбившись, какъ старикъ, и лицо его было сурово. Она не шелохнулась при его приближеніи и смотрѣла на него тупымъ взглядомъ.

— Катерина Артемьевна, графъ Ксаверій Маржерецкій имѣетъ честь просить вашей руки,—произнесъ онъ съ низкимъ, почтительнымъ поклономъ.

Голосъ его звучалъ торжественно и слегка дрожалъ отъ сдержаннаго волненія.

Она подумала, что надо его благодарить, но ей было слишкомъ тяжело. вмѣстѣ съ словами вырвутся, пожалуй, слезы, а ей не хотѣлось плакать передъ нимъ, и она молча, съ легкимъ наклономъ головы въ знакъ согласія, протянула ему руку, которую онъ прижалъ къ губамъ.

XIX.

Когда дворня узнала, что барышня выходитъ замужъ за графа, въ домѣ стало такъ радостно, точно въ Свѣтлое Христово воскресенье.

У всѣхъ отлегло отъ сердца, благодарили Бога, обнимали и поздравляли другъ друга.

Тутъ только можно было понять, въ какой смертельной тревогѣ всѣ здѣсь жили съ тѣхъ поръ, какъ стали догадываться о намѣреніи Леонтія Артемьевича, воспользоваться сиротствомъ и беззащитностью барышни, чтобъ бросить ее съ сыночкомъ на произволъ судьбы.

На графа взирали, какъ на избавителя.

Чужеземецъ онъ, правда, и господинъ сурьезный, но, по всему видать, сердце у него доброе и справедливое, зря никого не обидитъ.

Да и Казимирка божится, что жить у нихъ тамъ хорошо, что лучше и не надо.

Но что особенно восхищало Коржинскую дворню, это убѣжденіе, что новый ихъ покровитель непременно сдѣлится съ Леонтиемъ Артемьевичемъ изъ-за барышнинаго богатства и не дозволитъ его больше расхищать.

— Будетъ ужъ ему теперича хапать и нашимъ добромъ, какъ

своимъ собственнымъ, распоряжаться,—толковали въ людскихъ, дѣвичьихъ и лакейскихъ.

— И что раньше-то нагребилъ, заставятъ вернуть. Во всемъ, въ кажинной мелочи подай отчетъ и сдай все въ цѣлости, такъ-то—

— Какъ съ другихъ умѣлъ взыскивать, такъ и съ него взыщутъ, вотъ что.

— Вывертывайся, голубчикъ, изловчайся, какъ знаешь, а ужъ только ничего тебѣ не простится, за все до крошечки въ отвѣтъ будешь.

— И какъ же онъ, милые, осерчаетъ, узнавши, что наша барышня жениха себѣ нашла, страсть!

— А пусть себѣ серчаетъ на здоровье, намъ-то что!

— Намъ наплевать.

— Вѣстимо, наплевать,—съ громкимъ, веселымъ смѣхомъ соглашались всѣ.

И первое время все подтверждало Коржинскую дворню въ ея предположеніяхъ.

На правахъ объявленнаго жениха графъ не замедлил выразить желаніе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ своей невѣсты и, какъ ни неприятно было ей касаться этого предмета, онъ съ педантичною назойливостью заставлялъ ее припоминать про всѣ записки, росписки, заемныя письма и довѣренности, вытребованныя отъ нея въ разное время Леонтіемъ Артемьевичемъ, сначала въ качествѣ опекуна, потомъ попечителя и наконецъ повѣреннаго.

Къ сожалѣнію, она могла припомнить, да и то отчасти и приблизительно только, въ какое время происходили эти сдѣлки, что же касалось до ихъ содержанія, она ничего не могла сообщить, такъ какъ все подписывала не читая.

— Даже и ту довѣренность, которую онъ у васъ взялъ по достиженіи вашего совершеннолѣтія?! — вскричалъ въ ужасѣ графъ.

— И это такъ же, какъ и все остальное.

О! она отлично помнила, при какихъ обстоятельствахъ подписала эту бумагу. Въ этотъ день у Свѣтика прорѣзался первый зубокъ... Онъ совсѣмъ умиралъ... Леонтій принесъ ей подписать какія-то бумаги именно въ ту минуту, когда ребенку стало лучше, жаръ спалъ, выступила испарина, и онъ крѣпко заснулъ... Она отъ радости чуть съ ума не сошла... До того ли ей было, чтобъ читать дѣловыя бумаги? Да она, все равно, ничего бы въ нихъ не поняла... И ни къ чему бы это не повело... Что выиграла бы она, еслибъ узнала раньше, что ее систематически обираютъ? Къ кому обратилась бы она за помощію? Сестра Лиза, напимѣръ, была лучше обставлена, чѣмъ она; съ нею всѣ родные были въ хорошихъ отношеніяхъ, и все-таки Леонтій Артемьевичъ, говорятъ, совсѣмъ ее разорилъ и такъ держитъ ее въ рукахъ, что она пикнуть не смѣетъ. Его всѣ боятся. Передъ ихъ отъѣздомъ изъ Москвы Демья-

новна искала знающаго человѣка, который согласился бы взять на себя управленіе дѣлами ея барышни, и ей многихъ рекомендовали, между прочимъ такихъ, которые управляли дѣлами князей Голицыныхъ, графовъ Зубовыхъ и другихъ извѣстныхъ магнатовъ. Эти люди сидѣли безъ дѣла и искали мѣста; но каждый изъ нихъ, услышавъ, что имѣнія, которыми ихъ приглашаютъ управлять, находились подъ опекой г. Коржина, и что онъ до сихъ поръ распоряжается ими по довѣренности владѣлицы, настрѣвъ отказывался съ нимъ имѣть дѣло.

— И неужели же за васъ до сихъ поръ некому было вступить?— вскричалъ съ негодованіемъ графъ.

— Некому, я одна на свѣтѣ,—повторила она.

— Но ужъ теперъ вы не имѣете права такъ говорить,—сказалъ онъ съ чувствомъ.

Она вздохнула.

Да, онъ ей поможетъ спастись отъ нищеты и дастъ имя ея ребенку, но какою дорогою цѣною она за это заплатитъ! Не можетъ она его любить. Чѣмъ больше она его знаетъ, тѣмъ больше убѣждается въ этомъ. А онъ между тѣмъ съ каждымъ днемъ становился требовательнѣе и нѣжнѣе, не спускаетъ съ нея любовнаго взгляда, безъ позволенія беретъ ея руки и цѣлуетъ ихъ такъ страстно, что у нея морозъ пробѣгаетъ по тѣлу отъ отвращенія.

Какая у нея несчастная, проклятая натура! Ни къ чему не относится она такъ, какъ всѣ. Другая на ея мѣстѣ была бы вполне довольна, что ей представляется такая блестящая партія, а она въ отчаяніи. Какъ Маша его любила! Жизнью поплатилась за эту любовь. Да и не одна Маша, а, безъ сомнѣнія, множество другихъ женщинъ сходило по немъ съ ума, находя его красивымъ, умнымъ, великодушнымъ, а ей онъ противенъ, и отъ усилій скрывать это чувство и терпѣливо выслушивать его любовныя рѣчи и улыбаться его планамъ на счетъ ихъ будущей совмѣстной жизни нервы ея въ постоянномъ напряженіи, такомъ мучительномъ, что она ждетъ минуты остаться одной, какъ вышшаго блаженства, какъ избавленія отъ пытки.

Онъ этого не замѣчалъ и употреблялъ всѣ силы, чтобъ ближе съ ней сойтись, и, чтобъ доказать ей свою преданность и довѣріе, посвящалъ ее съ полною откровенностью въ свои дѣла. Имѣнія его въ Польшѣ конфискованы. Но, благодаря тому, что онъ попалъ въ плѣнъ въ самомъ началѣ возстанія и не успѣлъ еще принять участіе въ самыхъ опасныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ, есть надежда на то, что ему возвратятъ его состояніе.

Раньше онъ объ этомъ не заботился, ему съ избыткомъ хватало на жизнь въ ссылкѣ той ренты съ капитала, помѣщеннаго въ Англіи, которую высылаетъ ему одинъ изъ его пріятелей, но теперь дѣло другое, супруга его ни въ чемъ не должна терпѣть ли-

шенія, и домъ ихъ долженъ стоять на такой ногѣ, на которой прилично стоять дому графа Маржерецкаго. Ему лично ея состоянія не надо, но у нихъ могутъ быть дѣти, и сама она не захочетъ, чтобъ Свѣтикъ не былъ вполне обезпеченъ отъ всякихъ случайностей судьбы, а потому необходимо серьезно заняться ея дѣлами, уничтожить довѣренность, данную ею Леонтію Артемьевичу, потребовать отъ него отчеты и вывести на свѣжую воду его плутни.

— Пусть онъ докажетъ, почему доходы ваши годъ отъ году уменьшаются, куда дѣлся капиталъ, завѣщанный вамъ отцомъ, и проч.

Всѣ эти доводы нестерпимо ее раздражали, но возражать противъ нихъ было нечего, и, чтобъ заставить его смолкнуть, она спѣшила съ нимъ соглашаться.

— Разумѣется... надо и довѣренность у него отнять и отчеты потребовать... но только не сейчасъ, конечно, со временемъ... Надо ему написать, предупредить его,—смущаясь, сама не зная чего, лепетала она.

— Какъ хотите, но мнѣ кажется, что чѣмъ скорѣе начать дѣйствовать, тѣмъ лучше. Надо дать довѣренность на веденіе вашихъ дѣлъ другому лицу. Я вамъ укажу вѣрнаго человѣка, изъ общества, съ хоршимъ положеніемъ въ административномъ мірѣ и вполне мнѣ преданнаго. Вы можете ему довѣриться... Но, разумѣется, для этого вы ужъ должны быть не г-жей Коржиной, а графиней Маржерецкой,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.—Я вамъ сейчасъ объясню, почему...

Ему не дали договорить.

— Но зачѣмъ же такъ скоро?—умоляюще проговорила она.

— Но для чего же медлить, моя дорогая?—спросилъ онъ съ печальною улыбкой.

Для чего? Да чтобъ отдалить хотя бы на время ту минуту, когда она будетъ принадлежать ужъ не одному своему обожаемому мальчику, а также и ему, этому чужому человѣку, съ которымъ ей такъ неловко, стыдно и тяжело.

Онъ знаетъ, что она выходитъ за него замужъ только потому, что ей нуженъ защитникъ, а сыну ея—имя! Она ему это объявила въ тотъ самый день, когда приняла его предложеніе.

— Я это знаю,—отвѣтилъ онъ.

Но ни умиленія, ни признательности не вызвалъ этотъ великодушный отвѣтъ въ ея сердцѣ, а только досаду и раздраженіе.

Она ненавидѣла себя за такую несправедливость и безчувственность, но упреки, которые она себѣ дѣлала, только усиливали ея страданія, чувства же ея не измѣнялись.

Прошло еще недѣли три подъ тѣмъ же томительнымъ нравственнымъ гнетомъ.

Графъ пересталъ говорить съ нею про дѣла, но продолжалъ дѣйствовать. У него былъ пріятель въ Петербургѣ, нѣкто Лагуаръ,

по профессіи учитель французской литературы, который былъ вхожъ во многіе дома административнаго міра и зналъ такъ много изъ закулисной общественной жизни, что многіе были такого мнѣнія, что, кромѣ явныхъ занятій, у него были еще и тайныя, извѣстныя только тѣмъ, кто пользовался его умомъ и ловкостью. Враги милаго, любезнаго, услужливаго м-сье Лаглуаръ увѣряли, будто онъ рѣдкую ночь не является съ докладами въ страшный домъ у Цѣпнаго моста, но это не мѣшало ему имѣть много друзей и слыть за человѣка, на котораго въ случаѣ надобности можно положиться и который умѣетъ помнитъ оказанныя ему услуги.

Такого именно о немъ мнѣнія былъ и графъ Маржерецкій. Онъ написалъ ему письмо съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла между г-жей Коржиной и ея бывшимъ опекуномъ, и просилъ совѣта, какъ ей поступить, чтобъ, уничтоживъ данную довѣренность г-ну Коржину, передать ее другому лицу.

Все это Катеринѣ Артемьевнѣ было извѣстно, и въ ожиданіи отвѣта она жила въ кошмарѣ: мучась въ присутствіи своего жениха проявленіями его любви и преданности, а оставшись одна, терзаясь предчувствіемъ новыхъ напастей отъ Леонтія Артемьевича и сознаниемъ, что всѣ, кто въ ней принимаетъ нелицемѣрное участіе, и графъ, и Демьяновна, правы, увѣряя, что надо дѣйствовать скорѣе, чтобъ спасти хоть часть состоянія для Свѣтика, и что нерѣшительностью своею она губить будущность ребенка.

Что же ее удерживаетъ? Почему ей кажется легче разстаться съ жизнью, чѣмъ поставить третье лицо между собою и бывшимъ ея опекуномъ?

Неужели она до сихъ поръ, сама того не сознавая, любитъ погубившаго ее изверга?

Она пришла въ ужасъ отъ этой мысли; всей силой разума, совѣсти и самолюбія возстала противъ нея, и ей удалось ее отогнать.

Въ этотъ день она была такъ привѣтлива съ графомъ и выказала ему столько довѣрія, что онъ ушелъ отъ нея вполне счастливымъ.

А дома ждалъ его отвѣтъ отъ Лаглуара.

Надъ отвѣтомъ этимъ онъ просидѣлъ до разсвѣта въ глубокомъ раздумьѣ, не потому, чтобъ свѣдѣнія, сообщаемыя ему, поразили его неожиданностью, нѣтъ, не было гнусности, которой онъ бы не ждалъ отъ Коржина, но онъ не зналъ, что теперь посовѣтовать своей невѣстѣ.

Оказалось, что французъ отлично зналъ г. Коржина и его семейство и много слышалъ о Катеринѣ Артемьевнѣ. Отъ всей души жалѣлъ онъ своего пріятеля за то, что несчастная судьба столкнула его съ такою недостойною особой. Нѣтъ человѣка въ многочисленной семьѣ покойнаго стараго коршуна (кличка эта и ему тоже была извѣстна), который отозвался бы о ней иначе, какъ съ пре-

зрѣніемъ и негодованіемъ. Изъ уваженія къ пріятелю Лаглуаръ воздерживался отъ передачи всѣхъ слуховъ, которые здѣсь про нее ходятъ, но если и согая доля изъ нихъ справедлива, то этого достаточно, чтобъ отвратить отъ нея каждаго, уважающаго себя человѣка. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ своимъ долгомъ предупредить графа, что съ г. Коржиннымъ бороться опасно; онъ лично извѣстенъ государю съ самой лучшей стороны, слыветъ любезнѣйшимъ и умнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ, а супруга его пользуется расположеніемъ императрицы. Графу Маржерецкому, въ томъ печальномъ и зависящемъ положеніи, въ которомъ онъ находится, было бы крайне неблагоразумно навлечь на себя гнѣвъ такой могущественной личности, а потому онъ позволяетъ себѣ дать ему дружескій совѣтъ не вмѣшиваться въ это дѣло. Всего было бы лучше, еслибъ особа, которою онъ интересуется, сама пріѣхала въ Петербургъ и постаралась бы полюбовно кончить дѣло съ своимъ братомъ, почтеннымъ и всѣми уважаемымъ г. Коржиннымъ.

Вотъ что совѣтовалъ Лаглуаръ.

Но на этомъ совѣтѣ несчастный женихъ и останавливаться не хотѣлъ.

Отпустить ее одну, такую молодую, красивую и неопытную, въ чужой городъ, гдѣ у нея столько враговъ и недоброжелателей, казалось ему невозможнымъ. Внутренній голосъ ему твердилъ, что если они теперь разстанутся, онъ навсегда ее потеряетъ. Коржинъ употребить всѣ усилія, чтобъ ихъ разлучить. Отъ такого врага всего можно ждать. Не даромъ Лаглуаръ такъ осторожно про него выражается и такъ настаиваетъ на его могуществѣ и на опасности для Маржерецкаго становиться ему, въ чемъ бы то ни было, поперекъ дороги. Борьба слишкомъ неровна между отбывающимъ наказаніе государственнымъ преступникомъ и облеченнымъ царскимъ довѣріемъ сановникомъ, начинать такую борьбу было бы безуміемъ, тѣмъ болѣе, что Ксаверій Маржерецкій ужъ себѣ больше не принадлежитъ и рисковать вторично своимъ состояніемъ, свободой и жизнью не имѣетъ права. Что станетъ съ его невѣстой и съ ея ребенкомъ, если его опять заключать въ крѣпость, или сошлютъ въ Сибирь, или лишатъ возможности получать изъ-за границы деньги, на которыя онъ теперь существуетъ?

— Письмо это съ вами?—спросила Катерина Артемьевна, когда, не додумавшись ни до какого рѣшенія, графъ изложилъ ей вкратцѣ, конечно, и избѣгая всего, что могло ее оскорбить, содержаніе отвѣта, полученнаго изъ Петербурга.— Дайте мнѣ его,—прибавила она, замѣтивъ испугъ, выразившійся на его лицѣ, и невольное движеніе, которымъ онъ схватился за боковой карманъ,—мнѣ надо его самой прочесть и обдумать. Дѣло идетъ о судьбѣ моего сына.

Она произнесла эти слова такимъ рѣшительнымъ тономъ и такъ повелительно протянула руку за требуемымъ документомъ, что

о сопротивленіи нечего было и думать, но ему очень больно было на нее смотрѣть, когда она, блѣднѣя отъ гнѣва и негодованія, читала про взводимыя на нее клеветы и про торжество злодѣя, которому такъ удалось очернить ее въ глазахъ всего свѣта и всѣхъ возстановить противъ нея. Не будучи больше въ состояніи собою владѣть, онъ схватилъ ея руки и, осыпая ихъ страстными поцѣлуями, сталъ со слезами умолять ее забыть прошлое и вѣрить, что онъ всю свою жизнь посвятить ея счастью.

— Бросьте!.. Зачѣмъ вамъ знать про мерзости, которыя на васъ взводятъ люди, недостойные этого имени? Надо стать выше всего этого... отвѣчать гордымъ презрѣніемъ на клевету... со временемъ все узнается... Всевышній все видитъ и всѣмъ воздастъ по заслугамъ... Передъ вами цѣлая жизнь... забудьте прошлое, забудьте его, это проклятое прошлое, — повторялъ онъ безсвязно, опустившись передъ нею на колѣни и прижимая лицо къ ея рукамъ.

Она не отнимала ихъ у него и не прерывала его, но онъ чувствовалъ, что она его не слушаетъ и что-то такое рѣшаетъ про себя, судорожно стиснувъ губы и устремивъ пристальный взглядъ въ пространство.

— Вашъ пріятель правъ, — вымолвила она наконецъ, съ усиленіемъ произнося слова, — я сама должна туда ѣхать.

И, отстранивъ его, она поднялась съ мѣста.

— Однѣ? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Онъ тоже всталъ, не спуская съ нея растеряннаго взгляда.

Его подергивающееся судорогой лицо, съ прилипшими къ мокрому отъ слезъ щекамъ волосами, представляло любопытный контрастъ съ ледянымъ спокойствіемъ его невѣсты.

— Одна, съ сыномъ, — отвѣчала она, не глядя на него и сдвигнувъ брови подъ напоромъ мыслей.

Ея побѣлѣвшія губы тронулись злою усмѣшкой.

— Врядъ ли господинъ Коржинъ успѣлъ исполнить свою угрозу и предупредить губернатора, чтобъ мнѣ не выдавали подорожную... А если онъ ужъ это сдѣлалъ, — продолжала она, постепенно одушевляясь и возвышая голосъ, — я все-таки поѣду. Поѣду подъ чужимъ именемъ... достану чужой паспортъ... пѣшкомъ пойду, чтобъ поставить на своемъ и обличить его! Ни передъ чѣмъ я для этого не останавлиюсь... до самого государя дойду... Пусть насъ судятъ... пусть дадутъ намъ очную ставку... Я заставлю его все вспомнить, все! И во всемъ сознаться и повиниться! Я напомяну ему такія минуты, что онъ упадетъ къ моимъ ногамъ и будетъ молить о пощадѣ... Лицемѣръ! предатель! Я сорву съ него маску!

Глаза ея горѣли гнѣвомъ, и голосъ обрывался отъ волненія. Новыя мысли съ такою быстротой возникали въ ея мозгу, что слова не успѣвали срывать съ побѣлѣвшихъ отъ волненія губъ. И вдругъ она смолкла, взглянула на своего слушателя пристальнымъ испытующимъ взглядомъ, и лицо ея озарилось улыбкой.

— Графъ, — начала она все еще дрожащимъ голосомъ, но постепенно овладѣвая собой, такъ что послѣднія слова были произнесены совсѣмъ твердо, — хотите обвиняться со мной сегодня... сейчасъ? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Пусть онъ знаетъ, что дѣвицы Коржиной уже нѣтъ на свѣтѣ, а есть графиня Маржерецкая. Я хочу туда явиться вашей женой.

Желаніе ея было исполнено.

Благодаря золоту графа и протекціямъ, приобретеннымъ Демьяновной среди церковнаго причта и полиціи, на слѣдующій день утромъ, передъ ранней обѣдней, въ маленькой церкви за городомъ произошло вѣнчаніе графа Ксаверія Маржерецкаго съ Катериной Артемьевной Коржиной.

Свидѣтелями были пріятели попа и пристава, образъ неся Свѣтикъ, а по окончаніи обряда новобрачная сѣла съ сыномъ и съ Демьяновной въ дорожную карету, съ Казимиркой на козлахъ рядомъ съ ямщикомъ, и пятерка почтовыхъ лошадей помчалась по дорогѣ въ Петербургъ.

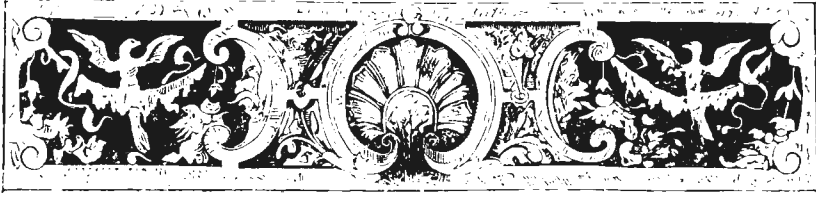
Глядя вслѣдъ удалявшемуся экипажу, графъ думалъ, что сегодня по приглашенію священника онъ въ первый разъ поцѣловалъ въ губы ту, которую беззавѣтно любилъ цѣлыхъ десять лѣтъ, и что, сдѣлавшись ея мужемъ передъ людьми и закономъ, они разстались такъ же чуждыми другъ другу, какъ были раньше. Но ему удалось доказать ей свою любовь, и онъ былъ этимъ счастливъ. Она вернется и въ объятіяхъ его забудетъ прошлое. Оба еще молоды, жизнь у нихъ впереди.

Еслибъ онъ могъ тогда знать, что сойтись имъ ближе не суждено, что ихъ первый поцѣлуй будетъ послѣднимъ! Но, къ счастью, будущее отъ насъ скрыто.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

V.

Встрѣча съ двумя школьными товарищами.—Командировка въ Брянскъ.—Начальникъ арсенала полковникъ Войнаховскій.—Пререканіе съ артиллерійскимъ департаментомъ.—Пріѣздъ въ Брянскъ начальника штаба генералъ-фельдцейхмейстера князя Долгорукова.—Объясненіе съ нимъ.—Мой успѣхъ.—Работы по устройству арсенала.—Предложеніе Мальцева.—Богачъ Бахтинъ.—Образъ его жизни.—Небольшыя.—Бахтинская охота.—Крупное пожертвованіе Бахтина на устройство въ Орлѣ кадетскаго корпуса.—Царская награда ему и трехдневный пиръ, имъ устроенный по этому случаю.—Отъѣздъ мой въ Бобруйскъ.

В 1834 ГОДУ я ѣздилъ изъ Бобруйска въ Петербургъ для покупки разныхъ инструментовъ, необходимыхъ для крѣпостныхъ работъ, и для принятія тѣхъ, которые были приготовлены инженернымъ департаментомъ. На обратномъ пути я проѣзжалъ черезъ г. Порховъ (Псковск. губ.). Пока мнѣ прискивали здѣсь хорошую телѣгу и устроивали болѣе удобное сидѣнье, я вынужденъ былъ оставаться въ скверной гостиницѣ. Вышелъ я въ коридоръ и встрѣтился тамъ съ какимъ-то гусаромъ. Мы стали всматриваться другъ въ друга и оба обрадовались, такъ какъ въ гусарѣ я узналъ бывшаго своего товарища по Инженерному училищу Фелькерзама, который вышелъ оттуда еще юнкеромъ въ какой-то гвардейскій кавалерійскій полкъ. Какъ оказалось, онъ остановился въ Порховѣ по той же причинѣ, какъ и я. Онъ уже былъ полковникомъ, фли-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXII, стр. 732.

гель-адъютантомъ и ѣхалъ принимать какой-то гусарскій полкъ, командиромъ котораго былъ назначенъ. Мы тотчасъ рѣшили провести время вмѣстѣ, заказали себѣ лучшій обѣдъ, во время котораго выпили бутылку шампанскаго. Наши экипажи не могли быть готовы раньше слѣдующаго утра, а потому послѣ кофе, чтобы убить время, мы пошли съ нимъ играть на билліардѣ. Маркеръ что-то все время очень пристально присматривался ко мнѣ. Когда намъ уже надоѣло играть, и мы собирались пойти къ себѣ, маркеръ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Sind Sie nicht Herr von Gervais ¹⁾?

— Ja.

— Erkennen Sie mich nicht?

— Nein.

— Ich bin Alopeus, Ihr früherer Schulkamerade aus der Kreis-Schule.

Тогда я, дѣйствительно, припомнилъ, что въ Выборгѣ со мною вмѣстѣ ходилъ въ школу сынъ виннаго погребщика, Алопеусъ. Отецъ его слылъ за весьма небѣднаго человѣка, потому я удивился его настоящему положенію. Оказалось, что разными неудачами, а главное, сильно придерживаясь рюмочки, онъ подвергся такой горькой участи. Я далъ ему денегъ, и мы отправились съ Фелькерзамомъ къ себѣ, рассуждая, какъ странно судьба иногда играетъ людьми. Надо же мнѣ въ маленькомъ городишкѣ, Порховѣ, встрѣтиться съ двумя школьными товарищами: одинъ—полковникъ, флигель-адъютантъ, полковой командиръ, другой—маркеръ въ дрянной гостиницѣ... Мы хотѣли еще угостить Алопеуса изъ жалости, но онъ уже былъ готовъ: пропилъ всѣ деньги, которыя я ему далъ, и не могъ прійти. На другое утро мы съ Фелькерзамомъ пустились въ путь, я—въ своей скромной телѣгѣ, а ему достали коляску напрокатъ. Съ Фелькерзамомъ мы никогда уже болѣе не встрѣчались, но, нѣсколько лѣтъ спустя, я узналъ, что онъ страшно кутилъ, чуть не прокутилъ полкъ, его лишили флигель-адъютантства, отдали подъ судъ и по суду разжаловали въ рядовые. Послѣ довольно долгаго времени онъ дослужился до полковника, былъ произведенъ въ генералы, а что потомъ съ нимъ было—не знаю.

Въ это же время (въ 1834 году) мнѣ дали командировку въ городъ Брянскъ для перестройки, послѣ пожара, брянскаго арсенала и постройки деревяннаго флигеля, военного полугоспиталя, а также отдѣлки всего вновь. Я пріѣхалъ туда и остановился въ гостиницѣ. Брянскъ — городъ не маленькій. Одна часть его лежитъ на горѣ, довольно высоко, другая — у самаго берега рѣки Десны.

¹⁾ «Не Жерве ли вы?» — Да. — «Не узнаете ли вы меня?»—Нѣтъ.—«Я Алопеусъ — вашъ школьный товарищъ изъ общей школы» (окружное училище, существовавшее въ Выборгѣ).

Эта часть довольно грязная; мостовую замѣняетъ рядъ сплоченныхъ брусевъ, довольно дурно содержимыхъ, и потому ѣзда по нимъ несносная, тряская и даже опасная: того и гляди, что лошадь попадетъ въ какую нибудь дыру и сломитъ себѣ ногу. Вся эта часть города была болотиста, и гдѣ не было этой бревенчатой мостовой, грязь чуть не по колѣно. Обстроены городъ очень порядочно, много каменныхъ домовъ, двѣ церкви. Рѣка Десна здѣсь довольно широка и глубока, судоходна, и по ней во все время навигаціи тянется очень много барокъ и плотовъ. Это значительно способствуетъ процвѣтанію торговли въ городѣ, около котораго очень много большихъ фабрикъ, какъ въ Жиздренскомъ, такъ и въ Карачевскомъ уѣздахъ. Изъ казенныхъ зданій въ городѣ былъ каменный арсеналъ со многими постройками для мастерскихъ и администраціи арсенала, при которомъ производилась отливка мѣдныхъ орудій и лафетовъ какъ для крѣпостной, такъ и для полевой артиллеріи, съ полною оковкой и окраской. Для этого необходимо было имѣть много разныхъ мастерскихъ, и казнѣ было выгодно, что въ сосѣдствѣ Брянска находились большіе дубовые казенные лѣса, которые доставляли готовый сырой матеріалъ. Полугоспиталь было небольшое деревянное строеніе съ разными пристройками, необходимыми для госпиталя. Ему-то не доставало одного флигеля, постройка котораго была мнѣ поручена. Въ городѣ ни клубовъ, ни собраній общественныхъ не было. Недалеко отъ Брянска, верстахъ въ трехъ, лежалъ огромный Свенскій монастырь. Близъ него осенью ежегодно бывала довольно значительная ярмарка, на которую съѣзжались многіе изъ богатыхъ окрестныхъ помѣщиковъ.

Начальникомъ арсенала былъ тогда артиллерія полковникъ Филиппъ Филипповичъ Войнаховскій, мужчина здоровый, высокаго роста, видный, весьма добрый и благородный. Войнаховскій принялъ меня очень вѣжливо, привѣтливо и пригласилъ къ себѣ обѣдать попросту, безъ затѣй. Онъ былъ женатъ на урожденной княжнѣ Салаго, имѣлъ троихъ дѣтей: двухъ сыновей и дочь, — всѣ малолѣтнія. Онъ былъ въ польской кампаніи и имѣлъ Станислава 2-й степени со звѣздой (впоследствии звѣзда этой степени была отмѣнена и замѣнена короною надъ орденомъ). Помощникомъ у него былъ артиллерія подполковникъ Дебуаръ. Городничимъ — израненный, исковерканный капитанъ Бруннеръ.

Когда я пришелъ къ обѣду къ Войнаховскому, онъ представилъ меня женѣ своей, очень скромной, хотя некрасивой, но во всѣхъ отношеніяхъ отличной женщиной. Войнаховскій передалъ мнѣ, что по исправленію арсенала есть два проекта: одинъ — губернскаго архитектора, другой — корпуса путей сообщенія майора Сентянина, находящагося членомъ строительной комиссіи въ Орлѣ. Сентянина я зналъ еще, когда былъ въ институтѣ корпуса путей сообщенія. У Войнаховскаго же я познакомился съ старшимъ докторомъ полу-

госпиталя Пронскимъ; онъ былъ женатъ, но бездѣтенъ. Войнаховскаго я просилъ о квартирѣ, онъ похлопоталъ, и городничій отвелъ мнѣ въ верхней части города отдѣльный деревянный домъ, довольно помѣстительный, бокъ о бокъ съ домомъ, въ которомъ жилъ исправникъ, отставной капитанъ Логатино, съ большимъ семействомъ. По переѣздѣ моемъ въ свою квартиру, Войнаховскій прислалъ мнѣ оба проекта перестройки арсенала. Я рассмотрѣлъ ихъ подробно, осмотрѣлъ также очень тщательно зданіе арсенала и, сообразивъ все, увидѣлъ, что оба проекта никуда не годятся, такъ какъ главные основы будущей прочности зданія арсенала были упущены изъ виду, и не было возможности произвести по проектамъ работы, если брать на себя отвѣтственность за дальнѣйшую прочность зданія. Я составилъ новый проектъ, приложилъ нѣсколько чертежей, опровергъ прежніе проекты и ясно описалъ причины, побуждающія меня не соглашаться на производство работъ по нимъ. Подалъ рапортъ съ моимъ опроверженіемъ и новымъ мною составленнымъ проектомъ Войнаховскому, съ которымъ имѣлъ уже нѣсколько совѣщаній и который положительно соглашался съ моимъ мнѣніемъ. Я просилъ его представить мой рапортъ съ приложениями въ артиллерійскій департаментъ, а между тѣмъ отъ себя донесъ инженерному департаменту и представилъ ему мое опроверженіе прежнихъ проектовъ и свой новый проектъ. О томъ же я донесъ и въ Бобруйскъ. До полученія разрѣшенія изъ артиллерійскаго и инженернаго департаментовъ нельзя было приступать къ работѣ. Инженерный департаментъ вскорѣ прислалъ мнѣ предписаніе, что такъ какъ я посланъ въ Брянскъ для производства работъ, то уже мое дѣло производить ихъ по тому или другому проекту, но что вся отвѣтственность въ соответствующей цѣли и прочности производства работъ будетъ лежать непосредственно на мнѣ, другими словами: «дѣлай, братъ, какъ знаешь, а мы умываемъ руки». Мнѣ крайне досадно было, что инженерный департаментъ оставляетъ меня изолированнымъ vis-a-vis артиллерійскаго департамента и ничего не написалъ, одобряетъ ли мои дѣйствія или нѣтъ. Артиллерійскій же департаментъ написалъ мнѣ съ угрозою суда, чтобы я приступилъ тотчасъ къ работамъ, по сдѣланному уже до меня и высочайше утвержденному проекту. Я отвѣтилъ, что никакія угрозы не побудятъ меня произвести работы по этому проекту, такъ какъ я отвѣтственное лицо за прочность и за удобство для артиллерійскихъ работъ и потому не приступлю къ работамъ иначе, какъ по представленному мною проекту. Въ противномъ же случаѣ, прошу меня избавить отъ производства этой работы, и пусть просятъ выслать другого офицера, который, можетъ быть, и приметъ на себя отвѣтственность производить ихъ по прежнимъ проектамъ. Все-таки я считалъ долгомъ предупредить, что по этимъ проектамъ произведенныя работы не могутъ быть соот-

вѣтственныя требованія, не могутъ быть прочны и не удовлетворяютъ арсенальное начальство, а деньги будутъ брошены напрасно. На это я получаю изъ артиллерійскаго департамента бумагу, въ которой просятъ, чтобы хотя нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но примѣняя предположенія по моему проекту, я приступилъ къ работамъ. Опять я отвѣтилъ, что если бы не былъ совершенно убѣжденъ, что исполненіемъ желанія артиллерійскаго департамента я сдѣлаю неисправимое зло ему же, то мнѣ не было бы никакой надобности противиться его желанію, но что совѣсть и долгъ службы не могутъ не быть приняты въ соображеніе при каждомъ исполненіи своей обязанности. Артиллерійскій департаментъ замолчалъ.

Между тѣмъ, время производства работъ прошло. Наступила осень, за нею зима,—и тогда только Войнаховскому дано было знать, что начальникъ штаба генераль-фельдцейхмейстера, князь Долгоруковъ, прибудетъ самъ весною, чтобы осмотрѣть арсеналь. Кромѣ моей переписки по перестройкѣ арсенала, были еще кое-какія запутанныя дѣла бывшаго начальника арсенала Богомолова, которыя должны были рѣшиться на мѣстѣ.

Дѣйствительно, во второй половинѣ мая пріѣхалъ князь Долгоруковъ. При представленіи корпораціи офицеровъ арсенала и я былъ представленъ ему. Онъ обратился ко мнѣ.

— А, это вы, который опровергаетъ проекты по перестройкѣ арсенала? Вы, г.г. молодые люди, прожектеры. Все лучше хотите знать, чѣмъ старшіе.

— Напротивъ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ я.—Если кто лучше знаетъ, такъ пусть укажетъ, я буду очень благодаренъ. А согласиться безусловно на неосновательно составленный проектъ и брать на себя отвѣтственность постройки доказало бы прямо, что я неучъ.

— Посмотримъ, посмотримъ. Я васъ попрошу быть здѣсь около часа; вы укажете мнѣ, что вы опровергаете и что предполагаете.

Я поклонился. Когда князь ушелъ, ко мнѣ подошли Дебуаръ, Соловьевъ и другіе офицеры и сказали:

— Зачѣмъ вы отвѣчали такъ князю? Это навѣрное произведетъ на него дурное впечатлѣніе.

— А мнѣ какое дѣло?—отвѣтилъ я.—Я говорю такъ, какъ есть, а если ему это не нравится, такъ онъ толку не знаетъ, и мнѣ совершенно все равно, какое бы его мнѣніе ни было.

Ушелъ домой, принесъ всѣ планы, смѣты какъ прежнихъ проектовъ, такъ и моихъ. Въ одной изъ уцѣлѣвшихъ комнатъ арсенальнаго зданія я поставилъ столъ, разложилъ планы и сталъ поджидать. Пришли князь, Войнаховскій и другія лица корпораціи арсенала. Князь просилъ меня указать ему лишь главные пункты, чтобы онъ могъ обсудить дѣло, не входя въ спеціальные предметы техники постройки.

— Боковая стѣна арсенала,—началъ я,—имѣетъ сквозную тре-

щину съ фундамента до верху и вверху трещина въ $3\frac{1}{4}$ вершка. Эту трещину, по прежнимъ проектамъ, гг. составители ихъ предлагали задѣлать и удержать ее восемью толстыми желѣзными скобами. При задѣлкѣ скобы не въ состояніи удержать наружную продольную стѣну отъ отклоненія, такъ какъ тяжесть ея составляетъ, по исчисленію, болѣе 22-хъ тысячъ пудовъ. А легко можетъ быть, что при раздѣлкѣ она поддастся еще болѣе, особенно, если на некрѣпко связанной стѣнѣ придется ставить стропила и покрыть крышу желѣзомъ тяжестью до 11 тысячъ пудовъ.

— Да это само собою разумѣется,—сказалъ князь,—это пойметъ всякій, хотя бы и не архитекторъ.

— Такъ и я думалъ, ваше сіятельство,—сказалъ я.

— Да объ этомъ съ вами никто и спорить не будетъ.

— Какъ же, ваше сіятельство, когда на мое возраженіе мнѣ грозятъ судомъ и непременно настаиваютъ, чтобы я приступилъ къ производству работъ по такому безсмысленному проекту.

— Въ этомъ вы совершенно правы, что не приступили къ работѣ. Но еще что?

— Подъемъ орудій изъ ямы, когда они отлиты, предположено производить посредствомъ вертящагося шпиля на чердакѣ зданія арсенала. Потолокъ арсенала не сводчатый, а бревенчатый; устанавливать шпиль на балкѣ при подъемѣ въ особенности осадныхъ орудій, въ сѣдмѣ 220 — 240 пудовъ, чрезвычайно опасно. Укрѣпить балки нѣтъ другого способа, какъ шпренгелями, т.-е. по обоимъ концамъ подставками, упирающимися въ стѣны. При шпилевомъ наворачиваніи каната неудобство работы состоитъ въ томъ, что нужно перепрыгивать черезъ канатъ и необходимо большое количество рабочихъ рукъ; шпренгеля же стѣсняють помѣщеніе другихъ машинъ. Все это вмѣстѣ побудило меня совершенно отвергнуть этотъ способъ рутинный, тяжелый и опасный для строенія, потому что при движеніи людей около шпиля и огромной тяжести на вѣсу строеніе будетъ имѣть значительное сотрясеніе, имѣющее непремѣнное вліяніе на прочность всего зданія.

— Съ этимъ я совершенно согласенъ,—сказалъ князь.—Но, спрашивается, чѣмъ вы его замѣните?

— Очень простымъ механическимъ способомъ веревочнаго рычага, т. е. въ разныхъ мѣстахъ, между двумя вертикальными стѣнами—и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше—прикрѣпить большіе блоки, чрезъ которые толстый канатъ проходилъ бы свободно, переходя со стѣны на стѣну и раздробляя силу подъ извѣстнымъ угломъ. Концомъ каната 5—6 человекъ могутъ очень легко и совершенно безъ вреда строенію подымать какую угодно тяжесть, идя по средней капитальной продольной стѣнѣ.

— Да, это очень просто,—сказалъ князь.—И на это я совершенно согласенъ. А еще что?

— Остальное, ваше сіятельство, не особенной важности, но только доказываетъ, что гг. составители проектовъ о строительномъ искусствѣ имѣютъ весьма ограниченныя свѣдѣнія, а о практической technikѣ производства—никакихъ. Это я доказываю въ своемъ проектѣ ясно, и всякій technikъ, немного посвященный въ эту науку, оправдаетъ мои доводы. При томъ эти господа вообще дѣлали проекты, не вникнувъ въ дѣло, зная, что они работу производить не будутъ, а лишь бы сбыть съ рукъ данное имъ порученіе. Мнѣ же, какъ производителю работъ, лицу отвѣтственному предъ правительствомъ и рискующему своею репутаціею,—нельзя было принять на себя такъ легко эту во всякомъ случаѣ довольно важную перестройку.

— Въ этомъ вы правы,—сказалъ князь.

— Но, ваше сіятельство, извините меня, я удивляюсь, какъ можно было представлять подобный проектъ на высочайшее утвержденіе. Хорошо, что государю императору не пришло въ голову разсмотрѣть подробности проекта: тогда навѣрное не дешево отдѣлались бы и тѣ, кто составили, и тѣ, кто представили ихъ.

— А вы гдѣ до этого назначенія находились на работахъ?—спросилъ меня князь.

— Въ Бобруйскѣ, ваше сіятельство.

— О, такъ и говорить нечего: вамъ и книги въ руки. Тамъ такая школа, что только у васъ и надо учиться. Приходите ко мнѣ на квартиру въ 3 часа, просто въ сюртукѣ, мы это дѣло сейчасъ покончимъ.

По уходѣ князя, всѣ опять обступили меня, поздравляли съ отличнымъ исходомъ дѣла и говорили: «Молодецъ! Не только провелъ отлично свое дѣло, но и дѣльно возразилъ князю». Я отвѣтилъ: «И, господа! Если я знаю свое дѣло, такъ меня никто не переувѣритъ».

Пришелъ я въ 3 часа къ князю. Приемъ былъ уже совсѣмъ другой. Онъ меня принялъ очень вѣжливо, взялъ за руку и говоритъ:

— Да, вы правы. И какъ ни предупреждали меня, какъ ни вооружали противъ васъ, я долженъ согласиться совершенно съ вашимъ предложеніемъ. Но остается еще рѣшить важный вопросъ: во сколько времени вы можете окончить работу?

— Мѣсяца въ четыре, ваше сіятельство, такъ что къ 1 октября, я полагаю, все будетъ готово.

Князь посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторою недовѣрчивостью, потому что въ прежнихъ проектахъ работы распределены были на два года, чтобы послѣ закладки трещины и скрѣпленія стѣны желѣзными скобами дать время устояться стѣнѣ.

— Какъ же это?—спросилъ меня князь.—Вѣдь въ проектахъ требовалось два года.

— Не нужно, ваше сіятельство. Если вы только развяжете мнѣ руки и если не будетъ остановки въ деньгахъ, то къ 1 октября, могу васъ увѣрить, все будетъ готово.

— Въ такомъ случаѣ, — обратился онъ къ Войнаховскому, — я вамъ дамъ предписаніе отпускать поручику Жерве сколько нужно денегъ въ размѣрѣ смѣты, представленной вами, — обратился онъ уже ко мнѣ. — И если вы дѣйствительно сдержите свое слово, то мы всѣ будемъ вамъ благодарны, потому что арсеналь намъ очень нуженъ.

Я откланялся и ушелъ. Такимъ образомъ это весьма щекотливое дѣло окончилось очень благополучно. Войнаховскій былъ чрезвычайно радъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ мнѣ сказалъ уже по отъѣздѣ князя Долгорукова, послѣдній былъ крайне вооруженъ противъ меня. Притомъ онъ полагалъ, что мои смѣлые отвѣты повредятъ мнѣ еще болѣе, и никакъ не ожидалъ такого благополучнаго исхода. Во главѣ съ бывшимъ начальникомъ арсенала, генераломъ Богомоловымъ, существовала партія антагонистовъ настоящаго его начальника, Войнаховскаго. Недоброжелатели эти, зная мои отличныя отношенія къ послѣднему, были вооружены и противъ меня. Они крайне непріязненно смотрѣли на мои опроверженія ими составленныхъ проектовъ и, какъ говорили, въ этомъ смыслѣ писали своимъ друзьямъ въ Петербургъ. Можетъ быть, это и подало поводъ первоначальному строгому отзыву артиллерійскаго департамента. Они радовались моей неудачѣ и крайне огорчились *carte blanche*, которую мнѣ далъ начальникъ штаба.

Приступилъ я къ работамъ, но встрѣтилъ крайнее затрудненіе въ наймѣ мастеровыхъ, каковыхъ вообще было немного въ Брянскѣ. И это малое количество имѣло крайнее недовѣріе къ арсеналу, такъ какъ прежній начальникъ рассчитывался съ вольнонаемными рабочими крайне туго, не держался сдѣланныхъ условій и обижалъ ихъ неполною уплатою денегъ. Мнѣ удалось, однако, вскорѣ убѣдить ихъ, что я рассчитываюсь скоро и вѣрно; одинъ передавалъ объ этомъ другому, и скоро недостатка въ рабочихъ не было. Я началъ каменную работу съ устройства фундаментовъ для контръ-форсовъ, предположенныхъ мною для удержанія отклоня стѣны; вмѣстѣ съ тѣмъ приготавливались и стропила для крыши.

Дабы убѣдить арсенальное начальство, что мой взглядъ на дѣло былъ вѣренъ, я пригласилъ формальнымъ образомъ начальника арсенала съ гг. офицерами, а также и генерала Богомолова, пожаловать на чердакъ зданія арсенала и въ присутствіи всѣхъ приглашенныхъ лицъ вымѣрилъ аккуратно на верху въ стѣнѣ образовавшуюся трещину. Къ 6 часамъ вечера того дня, къ которому предполагалъ я поставить на мѣсто 4 пары стропиль, вновь пригласилъ я тѣхъ же лицъ. При нихъ я измѣрилъ опять трещину, которая только отъ этой незначительной тяжести увеличилась на 2¹/₂ вершка; это показывало ясно, что наружная стѣна отклонилась настолько же, и что 8 предположенныхъ по прежнему проекту желѣзныхъ скобъ не могли бы удержать отклоненія стѣны, если бы даже утроить ихъ количество. Въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, и поэтому

волею-неволею всё должны были согласиться съ фактическимъ доказательствомъ, что мое опроверженіе было совершенно рационально, справедливо и основано на точныхъ правилахъ строительнаго искусства. Для избѣжанія дальнѣйшаго отклоненія стѣны, я при всѣхъ присутствовавшихъ тотчасъ же велѣлъ снять стропила. Полковника Войнаховскаго я просилъ объ этомъ фактѣ донести въ Петербургъ, что онъ и исполнилъ съ большимъ удовольствіемъ.

Закипѣла моя работа снаружи и изнутри. Такъ какъ съ 4-хъ часовъ утра я постоянно присутствовалъ на работѣ, распоряжался увѣренно, указывалъ мастеровымъ съ знаніемъ дѣла, то и они, видя, что всё мои распоряженія всегда имѣютъ блистательные результаты, исполняли смѣло и слѣпо мои приказанія, и дѣло шло отлично. Уже мѣсяца черезъ полтора, когда виденъ сталъ ходъ работъ, Войнаховскій увѣрился въ возможности, что я сдержу слово и окончу работу къ назначенному мною сроку, въ чемъ онъ, какъ мнѣ самъ сказалъ впоследствии, сначала усомнился. Войнаховскій, какъ вѣрный и некорыстолюбивый служака, крайне былъ недоволенъ тѣмъ, что на огромныя кузницы выходило громадное количество древеснаго угля, закупавшагося въ окрестностяхъ и доставлявшагося подрядчиками за довольно дорогую цѣну; при всемъ томъ уголь доставлялся не совсѣмъ доброкачественный. Не имѣя возможности останавливать работы, большею частью громадныя и срочныя, Войнаховскій часто мнѣ говорилъ объ этомъ, какъ о предметѣ, болѣе всего его тревожащемъ, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ зло и не имѣлъ никакихъ средствъ искоренить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить его. Я предложилъ Войнаховскому устроить углеобжигательную печь, по всѣмъ правиламъ, тогда извѣстнымъ по этому предмету. Я выяснилъ ему огромную выгоду, которую эти печи приносятъ, въ сравненіи съ углеобжигательными ямами, въ которыхъ обжигается уголь для арсенальныхъ работъ гораздо худшаго качества. Онъ очень обрадовался моему предложенію и для начала дѣла обѣщалъ мнѣ тотчасъ доставить матеріалъ и людей, дабы построить такую печь при арсеналѣ, не очень большихъ размѣровъ; и если, по опыту, окажется дѣйствительно такая выгода, то онъ обѣщалъ по начальству испросить разрѣшеніе построить по имѣющемуся образцу нѣсколько большихъ углеобжигательныхъ печей въ казенныхъ окрестныхъ лѣсахъ и производить самому арсеналу обжиганіе угля. Матеріалъ—кирпичъ, известь и все прочее—былъ доставленъ. Средствами арсенала недѣли черезъ три углеобжигательная печь была построена, и результатъ перваго обжиганія превзошелъ всё ожиданія. Войнаховскій былъ въ восторгѣ. Въ кузницѣ, огромномъ, длинномъ одноэтажномъ строеніи, въ которомъ было 40 горновъ, мѣха приводились въ движеніе ручнымъ трудомъ, такъ что 80 человекъ были заняты ежедневно только приведеніемъ ихъ въ движеніе. Этотъ расходъ людей, кромѣ того, что стоилъ довольно дорого казнѣ содер-

жаніемъ постоянной команды въ 80 человѣкъ, по малочисленности вообще арсенальной команды, весьма часто парализировалъ дѣйствіе рабочей силы арсенала по крайне нужнымъ другимъ работамъ. Кузница была расположена недалеко отъ рѣки, но не совсѣмъ соответствовала требованіямъ моего проекта, предложеннаго мною начальнику арсенала. Однако это обстоятельство можно было устранить слѣдующимъ образомъ: я предложилъ Войнаховскому устроить на рѣкѣ большое маховое колесо, привести его водою въ движеніе, сообщить общее лямочное движеніе всѣмъ мѣхамъ и тѣмъ самымъ обойтись безъ людей, приводящихъ въ движеніе мѣха. Онъ очень охотно согласился. Было построено большое маховое колесо, и посредствомъ шестерни приводились въ движеніе двѣ продольныя оси, а отъ нихъ сообщалось движеніе каждому мѣху отдѣльно. Движеніе сдѣлалось ровное, болѣе сильное и, въ зависимости отъ желанія, можно было дать ему болѣе или менѣе быстрый ходъ или вовсе остановить. Результатъ былъ великолѣпный.

Затѣмъ, арсеналь очень часто былъ въ крайнемъ затрудненіи получать мелкія чугуныя вещи, приборы, плиты и проч.; какъ не подлежащія общимъ размѣрамъ продающихся гуртомъ съ чугунолитейныхъ заводовъ, они всегда заказывались особо, по даннымъ размѣрамъ и лекаламъ. Эти особые заказы для арсенала, въ небольшомъ количествѣ, стоили крайне дорого. Я предложилъ Войнаховскому устроить свою чугуно-литейную сопку—вагранку, не болѣе какъ пудовъ на 50 чугуна. Литейщиковъ хорошихъ въ арсеналѣ было довольно, формовщиковъ также. И на это онъ вполне согласился. Я построилъ небольшую сопку внутри самаго зданія арсенала, такъ что, въ случаѣ нужды, она могла быть приспособлена и для отлитія мѣдныхъ мелкихъ вещей. Сопка построена была скоро, и я самъ уже былъ свидѣтелемъ отливки мелкихъ чугунныхъ издѣлій. Войнаховскій видѣлъ, что всѣ мои предложенія и постройки даютъ желаемые результаты, расположеніе его ко мнѣ было неограниченно, и онъ на всякомъ шагу выказывалъ мнѣ это. Онъ предложилъ мнѣ похлопотать, если я на это согласенъ, чтобы мнѣ остаться совсѣмъ при арсеналѣ, такъ какъ всѣ мои дѣйствія и труды оказываются крайне полезными для арсенала. Но я отказался отъ этого предложенія, сказавъ Войнаховскому откровенно, что меня впереди ждутъ болѣе важныя работы, и мое положеніе, какъ бы ни было хорошо содержаніе, будетъ слишкомъ односторонне и не соответственно моему желанію усовершенствоваться въ строительномъ искусствѣ.

Почти въ то же время исправникъ также спросилъ меня, не приму ли я мѣсто секретаря у г. Мальцова на слѣдующихъ условіяхъ ¹⁾: вести его корреспонденцію на тѣхъ иностранныхъ языкахъ,

¹⁾ Мальцовъ—основатель и владѣлецъ знаменитыхъ хрустальныхъ заводовъ О немъ рѣчь впереди.

которые я знаю, и одинъ разъ въ годъ съѣздить въ Одессу и Константинополь для ревизіи его конторъ; онъ же мнѣ предлагаетъ за это отдѣльный домъ въ Людиновѣ ¹⁾ со всеѣми хозяйственными удобствами, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, экипажемъ, всеѣ необходимые припасы для стола и 15 тысячъ рубл. ассигн. въ годъ содержанія. Казалось бы, что предложеніе очень выгодное, но тогдашній взглядъ, что все не военное не имѣетъ никакого значенія въ Россіи, и перспектива бросить службу коронную и служить партикулярному лицу, уже порядочному старику, отъ каприза и жизни котораго могла зависѣть вся моя будущность, — казались аргументами довольно сильными къ отказу отъ этого предложенія, что я и сдѣлалъ.

Между тѣмъ постройки по арсеналу и полугоспиталю шли быстро и весьма удовлетворительно при скудныхъ средствахъ, мнѣ предоставленныхъ. Какъ мною обѣщано было, все работы были окончены, и 1 октября арсеналь былъ освященъ. Ко дню освященія Войнаховскій пригласилъ архіерея и устроилъ большой обѣдъ, во время котораго въ спичѣ отдалъ полную справедливость блистательному окончанію предпринятыхъ мною работъ и порученій; дѣятельность и труды мои, сказалъ онъ, заслуживаютъ какъ особаго вниманія правительства, такъ и искреннюю его благодарность, — и предложилъ тостъ за мое здоровье ²⁾.

Между тѣмъ исправникъ Логатино уже нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ и Дьякевичу ³⁾ познакомиться съ окрестными помѣщиками. Я долго отказывался, но наконецъ онъ меня уговорилъ. У отставного полковника Бахтина было какое-то празднество, и Логатино уже предупредилъ его, что пригласить насъ къ нему пріѣхать. Старикъ былъ очень доволенъ, и мы съ исправникомъ поѣхали къ нему. Бахтинъ былъ владѣлецъ колоссальнаго имѣнія. Въ томъ селѣ, гдѣ онъ жилъ, было 3.000 душъ, а всего у него было 7.000 душъ и 7 милліоновъ денегъ. Домъ у него былъ дворецъ съ огромными залами съ хорами для музыки, нѣсколько гостиныхъ, огромная столовая, также съ хорами, и для пріѣзжихъ гостей въ домѣ и во флигелѣ до 60 комнатъ, мебелированныхъ и убранныхъ съ полнымъ ком-

¹⁾ Село Людиново—центръ всеѣхъ заводовъ и фабрикъ Мальцова. В. Ж.

²⁾ Кромѣ высочайшей награды — одновременно 900 р.—начальникъ арсенала полковникъ Войнаховскій, въ знакъ особаго ко мнѣ расположенія и по просьбѣ всего наличнаго состава офицеровъ брянскаго арсенала, приказалъ отлить для меня два мѣдныхъ орудія: 6-ти-фунтовую пушку и $\frac{1}{4}$ пудовый единорогъ, оба въ $\frac{1}{6}$ часть натуральной величины. Пушка на лафетѣ изъ краснаго дерева съ полною ковкою и отдѣльнымъ заряднымъ ящикомъ, отличной работы, а единорогъ безъ лафета. Этотъ подарокъ Войнаховскій прислалъ мнѣ въ Бобруйскъ уже послѣ моего отъѣзда изъ Брянска. Пушка до сихъ поръ хранится въ нашей семьѣ.

В. Ж.

³⁾ Саперный шт.-капитанъ Дьякевичъ прибылъ въ арсеналь для пріема вещей и жилъ вмѣстѣ съ дѣдомъ.

В. Ж.

фортомъ. У него была своя музыка въ 40 человекъ, капельмейстеръ. Его охота состояла изъ 100 человекъ верховыхъ егерей со всѣми возможными атрибутами, собаками всевозможныхъ породъ и въ огромномъ количествѣ. Оранжерея превосходная: широкая, большая, длиною съ полверсты, убранная зеркалами и разною садовою мебелью. Духовой садъ на версту, болѣе чѣмъ съ 2.000 фруктовыхъ деревьевъ всевозможныхъ породъ. Особый птичникъ для фазановъ, до коихъ старикъ былъ большой охотникъ, и часто потчевалъ гостей фазаннымъ жаркимъ. Volallière, гдѣ собрано было огромное количество разныхъ птицъ, полугаевъ, какаду и пр. и пр.

Прибывъ къ Бахтину, исправникъ представилъ насъ хозяину, который принялъ насъ очень ласково. Старикъ былъ лѣтъ около 70-ти, высокаго роста, довольно бодрый, пріятной наружности, привѣтливъ,—баринъ въ формѣ, но не гордъ. Съ своими крестьянами жилъ онъ въ ладу, дѣлалъ имъ и окрестнымъ помѣщикамъ много добра, родню свою недолюбливалъ. Вотъ что, по слухамъ, я зналъ о его жизни. Бахтинъ въ молодости служилъ, кажется, въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, влюбился въ одну весьма красивую, умную и добрую дѣвушку, которая его также полюбила и сдѣлалась его невѣстой, но по какому-то несчастному случаю незадолго до свадьбы умерла. Бахтинъ былъ неутѣшенъ, самъ сильно заболѣлъ, но, по молодости лѣтъ, вынесъ болѣзнь. Весь свѣтъ ему опостылѣлъ, онъ вышелъ полковникомъ въ отставку и уѣхалъ въ свои огромныя помѣстья. Сначала жилъ онъ очень тихо, потомъ познакомился съ сосѣдями, посѣщалъ ихъ рѣдко, но къ себѣ принималъ очень часто и постоянно всѣхъ весьма радушно. Однако онъ остался холостякомъ и даже въ преклонныхъ лѣтахъ всегда съ чувствомъ скорби вспоминалъ о постигшемъ его несчастіи. Недалеко отъ дома своего онъ построилъ большую церковь, со всею возможною для церкви роскошью, полагать надо, въ память усопшей своей невѣсты; но въ устройствѣ ея онъ не показалъ своей цѣли, а держалъ эту сокровенную мысль въ тайнѣ своего прекраснаго сердца.

Мы застали у него довольно большое общество, человекъ до сорока гостей. Въ столовой залѣ накрытъ былъ большой столъ, обѣдъ былъ роскошный. Музыка играла на хорахъ; за каждымъ гостемъ стоялъ лакей въ ливреѣ. Общество состояло и изъ нѣсколькихъ дамъ, но намъ онѣ не были извѣстны, да и разспрашивать было неловко. Разговоръ шелъ общій и подъ-конецъ обѣда довольно оживленный. Старикъ шепнулъ что-то на ухо буфетчику, и скоро принесли на серебряномъ подносѣ бутылку вина, всю заплѣсневѣвшую, видно, долголѣтнюю. Оказалось, что это было венгерское вино, еще покойнымъ отцомъ его приобрѣтенное и хранившееся въ его погребѣ. Исправникъ, которому, вѣроятно, не въ первый разъ была знакома эта процедура, рассказалъ намъ послѣ, что каждая такая бутылка, по процентному исчисленію ея существованія отъ времени покупки,

въ настоящее время стоила 110 рублей. Въ маленькія рюмки разлили вино, какъ масло густое, темно-коричневаго цвѣта, сладкое, чрезвычайно пріятнаго вкуса, но имѣвшее свойство всѣхъ старыхъ венгерскихъ винъ: голова остается совершенно свѣжею, а ноги не слушаются. Я никому не повѣрилъ бы, что это правда, если бы на себѣ не испыталъ: встать съ мѣста послѣ обѣда было невозможно. Всѣ смѣялись другъ надъ другомъ, и только спустя около четверти часа и съ нѣкоторымъ усиліемъ удалось намъ встать со стульевъ. Хоръ музыки перешелъ въ другую, танцевальную залу и такъ какъ старикъ любилъ, чтобы молодежь у него веселилась, то сначала, хотя съ большимъ трудомъ, начали вальсировать, а потомъ уже дѣло пошло нѣсколько лучше. Нѣсколько дамъ однако скоро уѣхали, и старикъ предложилъ намъ партію въ вистъ. Хотя исправникъ предупредилъ насъ, что въ домѣ Бахтина игра высокая, но мы никакъ не ожидали такого куша: по червонцу призъ. Опираясь на слова исправника, я взялъ съ собою, на всякій случай, всѣ деньги, сколько ихъ было, около 1500 рублей ассигн., но все-таки страшно было приступить къ такой игрѣ. Видя, что я не очень смѣло приступаю къ игрѣ, старикъ шепнулъ мнѣ: «Играйте смѣло. Я за все отвѣчаю, если бы вы проиграли болѣе, чѣмъ полагали». Я ему откровенно сказалъ, что у меня съ собою только 1500 рублей. «Играйте смѣло въ мою голову»: Сѣли, поиграли часа полтора, и я выигралъ 800 рублей. Я счелъ долгомъ подойти къ хозяину и предложить половину выигрыша, но онъ возразилъ: «Всѣмъ, что вы выиграли бы сверхъ 1500 рублей, я съ вами подѣлился бы, но теперь было бы несправедливо», — и не взялъ денегъ. Хозяинъ подошелъ къ большому столу, обитому зеленымъ сукномъ, и сказалъ: «Ну, теперь, господа, банчокъ. 100 тысячъ на столѣ, а за 300 тысячъ отвѣчаю». Я никогда не любилъ этой игры, никогда не имѣлъ терпѣнія высиживать понтеромъ, а потому отправился въ бібліотеку старика, одну изъ лучшихъ когда либо мною встрѣченныхъ у частнаго лица, и не замѣтилъ, какъ позвали закусить. Въ закускѣ принимали участіе кто хотѣлъ; многіе вовсе не закусывали, многіе продолжали карточную игру. Впослѣдствіи, когда мы нѣсколько болѣе познакомились съ Бахтинымъ, мы распорядились иначе: охотники до банка уходили играть въ свою игру, а мы составляли свой вистъ и играли сколько хотѣли.

Послѣ обѣда мы познакомились съ нѣкоторыми помѣщиками. Тутъ были три брата Небольсины, — всѣ довольно богатые помѣщики. Они уже нѣсколько лѣтъ сряду были избираемы дворянствомъ въ предводители, и по очереди одинъ братъ смѣнялъ другого; въ настоящее время предводителемъ былъ младшій, Константинъ. У каждаго изъ нихъ было по большому имѣнію и по богатой усадьбѣ, и всѣ три брата были холостые; два старшихъ уже въ порядочныхъ лѣтахъ, младшему было подъ сорокъ.

Гудима—помѣщикъ не очень богатый, женатый, съ премилымъ семействомъ, которое Бахтинъ очень любилъ.

Пошли мы, наконецъ, съ Дьякевичемъ въ отведенныя намъ комнаты спать. Насъ помѣстили въ самомъ домѣ: три комнаты, у каждаго своя спальня и общія пріемная и прихожая, человѣкъ для услугъ, постель, бѣлье, аксессуары туалета—все отличное. На другое утро, проснувшись не рано, мы позвонили, умылись, одѣлись и усѣлись пить чай и кофе; подавали что кто просить. Входить довольно молодой человѣкъ, весьма изящно одѣтый, въ бѣлыхъ перчаткахъ, раздушенный, расфранченный. Мы оба привстали. Онъ попросилъ насъ не беспокоиться и на чистомъ французскомъ языкѣ предупредилъ насъ, что онъ у Бахтина... первый поваръ и распорядитель стола. Мы не мало удивились и при томъ не знали, что ему отъ насъ нужно. Тогда онъ объяснилъ намъ, что, по обычаямъ дома de son excellence, всѣмъ гостямъ, которые у него обѣдаютъ, кромѣ общаго стола, предоставляется право выбрать для своей собственной особы одно какое либо особо любимое блюдо, которое и будетъ подано за столомъ. Мы поблагодарили его, но ничего особаго для себя не заказали, потому что столъ Бахтина и безъ того былъ такъ изысканъ и тонокъ, что добавлять что либо было бы странно. Вскорѣ потомъ зашелъ къ намъ исправникъ и объявилъ, что по экстренному служебному дѣлу долженъ сейчасъ уѣхать, но чтобы мы остались безъ всякой церемоніи, такъ какъ онъ не сегодня-завтра заѣдетъ за нами. Хотя намъ казалось нѣсколько страннымъ пріѣхать въ первый разъ въ домъ, оставаться и распорядиться, какъ у своихъ старыхъ знакомыхъ, но по всему этикету дома видно было, что это входитъ въ общепринятые обычаи; притомъ исправникъ прямо объявилъ, что чѣмъ дольше мы останемся у старика, тѣмъ болѣе онъ будетъ доволенъ: «значить, понравилось гостямъ». Мы разсмѣялись и сказали, что нечему удивляться, если такая жизнь нравится: поять, кормять, угощаютъ отлично и напропалую, да еще и деньги платять,—чего же лучше?

Въ обычаяхъ дома было принято гостей оставлять совершенно свободными до обѣда, который всегда подавался въ 4 часа. Закуску разносили по требованію гостей въ ихъ комнаты, или же всѣ спускались въ столовую, гдѣ также приготовлялась закуска и оставалась на столѣ до половины втораго часа. Мы высказали исправнику желаніе прокатиться и осмотрѣть хозяйственныя заведенія Бахтина. Тотъ сказалъ, что отличныя сани тройкою будутъ сейчасъ готовы, и онъ дастъ намъ чичороне, который все покажетъ намъ подробно. И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ къ намъ зашелъ человѣкъ въ прекрасной ливрейной шубѣ и доложилъ намъ, что лошади готовы. Сани теплыя, низъ, бока и полость—все медвѣдь и все битое домашнею охотою и дома же выдѣланное. Поѣхали мы прежде прокатиться. Насъ вихремъ несли. Въ корню шель знаме-

нитый кровный рослый рысакъ; пристяжки—прелесть. Вся тройка—караковые кони—какъ одинъ. Кучеръ—красавецъ съ черною, какъ смоль, окладистою бородою. Мы пролетѣли взадъ и впередъ верстъ двадцать и дѣйствительно въ полномъ удовольствіи. Отпуская лошадей, я приготовился дать кучеру два цѣлковыхъ, но онъ отвѣтилъ мнѣ: «Бариномъ крѣпко-на-крѣпко приказано никогда и ни въ какомъ случаѣ не брать отъ гостей ничего, и мы, любя барина, держимся его приказа строго. Мы сыты и довольны какъ нельзя болѣе, а огорчать барина ни за что никто не захочетъ». Нечего дѣлать, спрятали свои деньги и порадовался и за барина и за людей. Такъ какъ во время прогулки мы порядочно прозябли, то отложили осмотръ хозяйства до другаго раза и, переодѣвшись у себя, спустились внизъ выпить водки. Здѣсь застали мы Гудиму, который убѣдительно просилъ насъ назавтра къ себѣ обѣдать, такъ какъ вся наличная компанія Бахтина и онъ самъ собирались къ нему на другой день по случаю какого-то семейнаго праздника. Провели и этотъ день у Бахтина. Вечеромъ я опять выигралъ рублей 150, а Дьякевичъ за оба вечера до 600 рублей.

Въ Брянскѣ проводили мы время, посѣщая маленькіе вечера у Дебуара, Пронскаго, обѣдывали иногда у Войнаховскаго, который также не прочь поиграть въ вистикъ; собиралъ и я иногда всѣхъ ихъ къ себѣ по вечерамъ. Дьякевичъ игралъ на флейтѣ, я принялся отъ скуки за скрипку, и мы кое-какъ разыгрывали дуэты. Въ числѣ офицеровъ, служившихъ при арсеналѣ, былъ очень милый капитанъ полевой артиллеріи Соловьевъ, человекъ лѣтъ 28-ми, красивый собою, женатый; жилъ довольно бѣдно, но прилично. Онъ часто навѣщалъ насъ для партіи, а, главное, нерѣдко забавлялъ насъ до слезъ анекдотами про малороссіянъ, которыхъ копировать и говорить ихъ языкомъ былъ неподражаемый мастеръ. Ѣздили мы, по возможности, къ Бахтину и къ другимъ помѣщикамъ. Между прочимъ, мы были приглашены однажды къ старшему брату Небольсину. Онъ жилъ довольно богатымъ помѣщикомъ съ двумя сестрами, уже старушками,—не знаю, вдовами ли или старыми дѣвами, никогда добиться не могъ,—но съ довольно хорошимъ тономъ. У нихъ прекрасная усадьба, отличный домъ, изысканный обѣдъ, вообще все очень прилично и соответственно состоянію. Мы провели у нихъ очень приятно два дня.

По приглашенію младшаго Небольсина, мы поѣхали къ нему отъ старшаго брата. У него также хорошая усадьба и весьма приличный домъ, но все уже болѣе на холостую ногу, разгульно и не такъ этикетно, какъ у брата. Мы отлично пообѣдали. Послѣ обѣда хозяинъ вызванъ былъ изъ комнаты, и вотъ по какому случаю. Черезъ его усадьбу проѣзжалъ какой-то егерскій офицеръ съ молододою и недурненькою женою и маленькимъ ребенкомъ. Они страшно прозябли и попросили позволенія переночевать у него. Добрый Не-

больсинъ тотчасъ отвелъ имъ двѣ теплыя комнаты, накормилъ и напоилъ ихъ на славу. Онъ распорядился, чтобы имъ приготовили теплую кибитку, одарилъ ихъ теплою одеждою, подарилъ имъ кибитку и пару лошадей и на другое утро, напоивъ чаемъ, отпустилъ счастливую чету, не находившую словъ благодарить добраго старика. Мы объ этомъ узнали уже послѣ отъ исправника и, при первой встрѣчѣ съ Небольсинымъ, провозгласили тостъ за его здоровье и человѣколюбивый поступокъ. Бахтинъ, всегда готовый на доброе дѣло, просилъ исправника прослѣдить, куда отправилась эта чета, и вручилъ исправнику 200 рублей для передачи офицеру. Тогда же мы узнали, что добрый Небольсинъ далъ на дорогу уѣхавшимъ 50 рублей. Долго искалъ исправникъ слѣды путешественниковъ и только чрезъ мѣсяца полтора ему удалось узнать, что полкъ, въ которомъ служилъ этотъ офицеръ, стоялъ въ какомъ-то городкѣ Смоленской губерніи. Туда онъ отправилъ деньги отъ имени Бахтина и получилъ отъ полкового командира расписку въ полученіи ихъ.

Къ слову сказать, гг. орловскіе помѣщики и меня очень полюбили и всегда принимали чрезвычайно радушно и даже родственно.

Въ эту зиму (1833 г.), предъ новымъ годомъ у помѣщика Гудимы сгорѣлъ скотный дворъ. Бахтинъ попросилъ къ себѣ Гудиму съ его семействомъ и продержалъ ихъ у себя подъ разными предлогами около 3-хъ недѣль. Гудима очень хорошо понималъ, въ чемъ дѣло, но молчалъ, чтобъ не лишать старика удовольствія сдѣлать ему сюрпризъ. Между тѣмъ Бахтинъ приказалъ построить Гудимѣ новый скотный дворъ, гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ прежній, и подъ желѣзною крышей; поставилъ туда полный комплектъ рогатаго скота и лошадей и, когда все было готово, отпустилъ гостей домой. Легко представить себѣ благодарность и удивленіе Гудимы, когда онъ возвратился къ себѣ.

Въ ту же зиму Бахтинъ пригласилъ къ себѣ на большую охоту многихъ окрестныхъ помѣщиковъ и насъ въ числѣ ихъ. Верховые съ сворами борзыхъ и другихъ собакъ стройно предшествовали цугу экипажей и очень порядочно играли на охотничьихъ рогахъ. Выѣхали мы на поле около 4-хъ верстъ въ квадратъ. По данному знаку, загонщиками было выгнано на поле большое количество разныхъ сортовъ звѣрей: медвѣди, волки, лисицы, зайцы— все тутъ было. Пустили собакъ, и безъ выстрѣла все было затравлено собаками и окончательно добито охотниками. Подъ конецъ охоты выгнали изъ лѣса пять лосей: самца, самку и трехъ дѣтенышей. Ихъ направили къ коляскѣ Бахтина, тотъ выстрѣлилъ, и задній лось палъ. Снова погнали лосей по тому же направленію и это повторяли, пока онъ не положилъ всѣхъ пятерыхъ на мѣстѣ. Бахтинъ остался очень доволенъ охотою и, признаюсь, врядъ ли можно было видѣть что либо болѣе грандіозное и даже сценическое,

чѣмъ эта охота. Шумъ двухъ тысячъ крестьянъ, которые уже нѣсколько дней передъ тѣмъ, окружая лѣса, съ крикомъ и трещетками выгоняли звѣрей на поляну, борьба на жизнь и смерть собакъ и звѣрей, визгъ, пискъ, ревъ раненныхъ и обороняющихся, гамъ отъ людскихъ голосовъ, сигналы рожковъ и пр.,—все это представляло собою такую картину, которую я видѣлъ въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ моей жизни. На полѣ была раскинута огромная палатка, гдѣ желающіе могли выпить и закусить; людямъ было также выкачено нѣсколько бочекъ вина и пива. Вообще, Бахтинъ всегда награждалъ очень щедро, и его охоты доставляли не только удовольствіе, но и пользу, освобождая страну отъ множества дикихъ звѣрей, дѣлавшихъ немало зла бѣднымъ крестьянамъ. Эта охота обошлась Бахтину, по самому умѣренному расчету, съ уплатою крестьянамъ по 1 руб. 50 коп. въ день наградныхъ, болѣе 8.000 рублей. Между тѣмъ весь результатъ охоты, всю добычу онъ раздѣлилъ всѣмъ помѣщикамъ и гостямъ, присутствовавшимъ на охотѣ, и оставилъ себѣ одного молодого лося на жаркое. Во время охоты случился весьма интересный эпизодъ. Въ числѣ звѣрей былъ выгнанъ огромный кабанъ, который уже сразу уничтожилъ нѣсколькихъ собакъ и задѣлъ клыкомъ медвѣдя. Кабанъ и медвѣдь сцѣпились въ борьбу. Страшно было смотрѣть на силу остервенѣвшихъ звѣрей и ихъ лютое сраженіе, въ которое, несмотря ни на что, вмѣшивались собаки съ крайнимъ ожесточеніемъ, пока не легли оба звѣря.

Еще лѣтомъ 1833 года Бахтинъ возымѣлъ намѣреніе употребить часть своего огромнаго состоянія на какое либо значительное доброе дѣло. Ему пришло на мысль устроить на свой счетъ въ г. Орлѣ кадетскій корпусъ для воспитанія дѣтей орловскихъ и окрестныхъ губерній дворянъ. Бахтинъ представилъ свой проектъ по начальству государю, предлагая пожертвовать на этотъ предметъ полтора милліона денегъ и 1.500 душъ крестьянъ. Покойный государь Николай, какъ рыцарь, сочувствовалъ вполнѣ прекрасной мысли Бахтина, написалъ ему собственноручное письмо, въ которомъ благодарилъ его за жертву и увѣдомилъ его, что приказалъ принять приношеніе. Государь сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи комитета для постройки, какъ его величеству угодно было назвать, «Бахтина орловскаго кадетскаго корпуса». Вмѣстѣ съ тѣмъ присланъ былъ ему орденъ Владиміра 3-й степени и высочайшій приказъ о томъ, что уволенный отъ службы полковникъ Бахтинъ принимается вновь на службу генераль-майоромъ, съ зачисленіемъ по кавалеріи. Старикъ былъ въ восторгѣ отъ царской милости, написалъ государю благодарственный вѣрноподданическій отвѣтъ и положилъ 6-го декабря отпраздновать на славу тезоименитство государя императора.

Онъ пригласилъ къ обѣду болѣе 150 человекъ и просилъ всѣхъ

прибыть къ 12 часамъ дня для выслушанія обѣдни. Приглашенный Бахтинымъ изъ Орла архіерей со всѣмъ причтомъ въ его церкви отслужилъ молебеніе о долгоденствіи государя императора Николая I, съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ. Затѣмъ былъ накрытъ обѣденный столъ въ огромной оранжереѣ, стѣны которой были убраны зеркалами, зеленью и драпировками, экзотическими растеніями и гирляндами изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Противъ конца стола была прекрасно устроена ниша, въ видѣ грота, изъ разныхъ цвѣтныхъ камней, вся убранная густо живыми цвѣтами и громадными тропическими растеніями. Въ этой нишѣ стоялъ превосходно сдѣланный изъ бѣлаго каррарскаго мрамора бюстъ государя.

Морозъ былъ градусовъ въ 25—28, а мы сидѣли, какъ въ самый теплый лѣтній день въ прекрасномъ саду: благоуханіе цвѣтовъ, совершенно зрѣлые, во множествѣ висѣвшіе фрукты, тутъ и апельсины, и персики, и груши, и сливы разныхъ сортовъ выглядывали между вьющимся шпалерами виноградомъ, разноцвѣтные гроздья котораго тяжело висѣли съ перекладинъ, и пр. и пр. Два хора музыки играли попеременно въ обоихъ концахъ залы въ закрытыхъ зеленью бесѣдкахъ; одинъ оркестръ свой, другой былъ выписанъ изъ Орла. Орловскій губернаторъ князь Кочубей съ двумя сановниками и еще другія важныя лица изъ окрестностей Орла участвовали въ обѣдѣ, всѣ въ мундирахъ. Старикъ Бахтинъ также въ полной парадной генеральской формѣ, въ ботфортахъ, въ бѣлыхъ панталонахъ, съ саблею или палашемъ—не помню, былъ совершенно счастливъ. Всѣ принадлежности генеральской формы выслали ему друзья его, узнавшіе заранѣе о намѣреніи государя, изъ Петербурга, а мундиръ изъ Москвы.

Обѣдъ былъ донельзя роскошенъ, продолжался очень долго, не жалѣлось ничего, тосты за здоровье государя и царской фамиліи и гимнъ повторялись нѣсколько разъ, шампанское лилось рѣкой. Десертъ же послѣ сладкихъ *entremets* не подавался, а вся оранжерея предоставлялась въ распоряженіе гостей: всякій могъ брать сколько и какихъ ему угодно фруктовъ. Если бы оказалось недостаточно нижнихъ рядовъ фруктовъ, которые гости могли доставать сами, то къ услугамъ ихъ былъ садовникъ съ двѣнадцатью мальчиками въ весьма красивыхъ костюмахъ. Оранжерея была иллюминирована превосходно: до 60 люстръ и до 200 бра и разставленныхъ на пьедесталахъ канделябровъ освѣщали ее; отблескъ въ зеркалахъ и свѣтъ между зеленью придавали всему чисто волшебный видъ. Гулявшіе по оранжереѣ гости, напившись кофе и кюрасо и насытившись свѣжими фруктами, часа чрезъ полтора были приглашены въ большую залу, также убранную растеніями, зеленью и цвѣтами и освѣщенную *adjiorno*. Самъ старикъ Бахтинъ открылъ балъ польскимъ. Гости старались придать возможно больше оживленія вечеру, танцовали много и веселились до 2-хъ часовъ ночи, когда приглашены были къ великолѣп-

ному ужину. Часа за полтора до ужина сожженъ былъ очень хорошій фейерверкъ, выписанный изъ Орла; въ особенности хорошъ былъ щить съ вензелемъ государя. Послѣ ужина мы поблагодарили радушнаго хозяина тостомъ и покачали его отъ души порусски. Старикъ весь день былъ весьма веселъ, но утомился. Хотя для гостей было приготовлено до 60 комнатъ, все-таки для всѣхъ не хватило мѣста ночевать; потому Бахтинъ просилъ ближайшихъ сосѣдей помѣщиковъ принять часть его гостей къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы къ первому часу на другой день всѣ вернулись къ нему. По русской пословицѣ, онъ желалъ непремѣнно праздновать три дня. «Богъ любить Троицу», объявилъ старикъ громогласно.

Мы съ Дьякевичемъ поѣхали къ Гудимѣ и на другой день опять вернулись къ Бахтину. Обѣдали уже въ столовомъ залѣ, и такъ какъ нѣсколько лицъ изъ числа вчерашнихъ гостей не приѣхали, то старикъ былъ не совсѣмъ доволенъ.

Архіерей съ причтомъ и орловскій хоръ музыки также уѣхали. Какъ тогда говорили, онъ далъ архіерею 1.000 рублей за приѣздъ, причту 500 рублей и музыкантамъ 250 рублей, кромѣ всѣхъ путевыхъ издержекъ, которыя принялъ на себя. Въ этотъ вечеръ шла большая игра, но мы танцовали. Однако мы были свидѣтелями, какъ князь Кочубей поставилъ карту въ 50 тыс. на нѣ, и когда выигралъ, то Бахтинъ въ полномъ удовольствіи отсчиталъ князю 100 тыс. рублей. На третій день уже оставалось мало гостей, и мы съ Дьякевичемъ и исправникомъ уѣхали послѣ чая.

Вотъ какъ жили тогда русскіе помѣщики. Возвратится ли когданибудь это золотое время? Врядъ ли.

Я забылъ сказать, что въ день св. Николая Бахтинъ приказалъ устроить во всѣхъ своихъ деревняхъ праздничные столы съ полнымъ угощеніемъ, музыкой и танцами. Дня за два передъ тѣмъ прибыли къ нему пять паръ молодыхъ, которые желали вступить въ бракъ. Онъ приказалъ въ день св. Николая всѣмъ невѣстамъ выдать по двѣсти рублей.

Когда кончились мои работы въ Брянскѣ, я сдалъ все какъ по арсеналу, такъ и по полугоспиталю исправно и получилъ въ томъ отъ начальника арсенала полную квитанцію, а также благодарность за мои труды. Распростился я со всѣми въ арсеналѣ, обѣщалъ всѣхъ помѣщиковъ благодарить за ихъ гостепріимный и радушный приемъ и отправился черезъ Дмитріевъ въ Бобруйскъ.

VI.

Театръ въ Бобруйскѣ.—Вечеръ въ общественномъ саду.—Осмотръ императоромъ Николаемъ I работъ въ крѣпости.—Объясненіе съ государемъ.—Недовольство его при осмотрѣ госпиталя.—Мальцевскій заводъ.—Назначеніе меня помощникомъ командира Херсонскаго округа.—Фельккерзамъ и его безтактность.—Инспекторскіе смотры.—Увольненіе Фельккерзама и назначеніе на его мѣсто полковника Павловскаго.—Выходки лейтенанта Макарова.—Бахчисарайскій фонтанъ.—Приключеніе съ батареей.—Принятіе мною дистанціи.— Столкновеніе съ Павловскимъ.—Донось.—Осмотръ производимыхъ мною работъ генераломъ Зассомъ.—Моя болѣзнь.—Выходъ въ отставку.

По возвращеніи въ Бобруйскъ, я поселился въ своей прежней квартирѣ.

Кромѣ клубныхъ вечеровъ и баловъ, даваемыхъ взаимно, иногда по разнымъ случаямъ, зимою къ намъ пріѣзжала польская труппа Жураховскаго. Театръ устроивался на форштатѣ въ какомъ-то большомъ, холодномъ, жидовскомъ сараѣ, гдѣ дуло со всѣхъ сторонъ. Освѣщеніе театра производилось плохими лампами и сальными свѣчами и никого не шокировало, если въ антрактѣ жидъ съ пейсами и въ длинномъ своемъ лапсердакѣ являлся на авансцену снимать со свѣчей. Декорации, кромѣ старыхъ, привезенныхъ Жураховскимъ съ собою, покровительствомъ и пособіемъ Девеля¹⁾, рисовались гарнизонными солдатами и арестантами. Костюмы соответствовали всему ансамблю. Ставили обыкновенно разныя легкія пьесы, водевили, танцы, но случалось, давали драмы, и какъ ни плохо сколачивались подобныя пьесы, часто старикъ Девель, сидѣвшій въ первомъ ряду, заливался слезами. Театръ почти всегда былъ полонъ, и несмотря на то, что мы жили на заводѣ, посѣщали его довольно часто, дабы поддержать предпріятіе и дѣлать удовольствіе старику Девелю. Пріѣзжали и другіе артисты, тирольскіе пѣвцы и т. п., но концерты, которые давались въ клубномъ залѣ, впрочемъ, съ весьма дурнымъ резонансомъ, были очень рѣдки.

Одну или двѣ зимы сряду у насъ устроивался любительскій театръ. Главнымъ затѣйщикомъ этого дѣла былъ саперъ, штабсъ-капитанъ Загоскинъ, а подручнымъ ему былъ г. Годениусъ. Онъ былъ прежде инженернымъ поручикомъ, а потомъ разжалованъ въ рядовые по слѣдующей причинѣ: устроивъ себѣ подорожную и всѣ нужныя бумаги, онъ выдавалъ себя за адъютанта графа Аракчеева, по высочайшему повелѣнію инспектировалъ внутренніе гарнизонные баталіоны и бралъ съ нихъ страшныя контрибуціи. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ, говорилъ на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ и отлично рисовалъ. Онъ-то и разрисовывалъ занавѣсы и кулисы, съ помощью данныхъ ему хорошихъ маляровъ рядовыхъ

¹⁾ Даниль Оедоровичъ Девель—артиллерій генераль-майоръ.

«истор. вѣстн.», июль, 1898 г., т. LXXIII.

и изъ арестантовъ. Помню, какъ теперь, что въ этомъ театрѣ, устроенномъ въ клубномъ залѣ, давали очень недурно «Горе отъ ума». Помнится, что, кромѣ Загоскина и Годеніуса, участвовали также какой-то очень хорошенькій молодой офицеръ Бибииковъ, который игралъ весьма недурно роль Лизы.

Лѣтомъ у насъ всегда стояла дивизія для работъ и саперная бригада. Саперы, большею частью, были знакомы въ домахъ, а бѣдные молодые люди армейскихъ полковъ не имѣли никакого пристанища, гдѣ бы они могли проводить время въ обществѣ. Поэтому мы, инженеры, устроили въ крѣпостномъ общественномъ саду большую круглую бесѣдку съ хорошимъ поломъ, и все бобруйское общество стало собираться каждое воскресенье въ садъ, гдѣ играла музыка и подавался чай и холодныя закуски по подпискѣ. А дабы участіе въ этихъ вечерахъ было доступно и бѣднымъ армейскимъ офицерамъ, мы положили цѣну подписки для нихъ 5 рублей ассигнаціями на все лѣто; другіе же члены нашего общества платили больше, но предоставлялось каждому платить сколько угодно, семейнымъ—не менѣе 10 рублей за лѣто. Расходы, превышавшіе подписную сумму, корпорація корпусныхъ инженерныхъ офицеровъ покрывала своими средствами. Общимъ голосомъ офицеровъ распорядителемъ этихъ вечеровъ былъ избранъ я, а въ помощь мнѣ Горбенковъ ¹⁾. Вечера были весьма оживленные, и вскорѣ даже помѣщики близлежащихъ имѣній стали участвовать въ этихъ собраніяхъ. Иногда дождикъ дѣлалъ маленькую контрверсію. Тогда стоило только перебѣжать черезъ улицу, и клубная зала замѣняла бесѣдку, а между тѣмъ эти казусы веселили, а не печалили общество и вызывали много хохоту.

Лѣтомъ 1837 года государь посѣтилъ Бобруйскъ. Плацъ-майоромъ, вмѣсто Пушкарева, былъ давно уже назначенъ саперный подполковникъ Жукановъ, хорошій человекъ, любившій пожить довольно открыто. Государь остался очень доволенъ нашими работами. Кромѣ укрѣпленія «Фридрихъ-Вильгельмъ», я завѣдывалъ также и работами 6-го полигона, бараками, въ которыхъ располагались войска, кирпичнымъ заводомъ и постройкою офицерскаго флигеля. Обжиганіе кирпича было доведено у меня до возможнаго совершенства. Стѣны редюита рavelина я возводилъ машиннымъ кирпичемъ совершенно шарлаховаго цвѣта, а всѣ перемычки и украшенія сине-краснаго цвѣта. Государь остался такъ доволенъ этими работами, что своею рукою выбралъ три или четыре кирпича изъ стоявшихъ тутъ клѣтокъ и съ дистанціи послалъ ихъ съ фельдъегеремъ къ королю прусскому, чтобы показать, какого совершенства достигли въ выдѣлкѣ и цвѣтѣ кирпича. Здѣсь, на валу около редюита, государь спросилъ Кокорева, какъ онъ предполагаетъ устроить

¹⁾ М. Н. Горбенковъ—инженеръ.

спусковыя лѣстницы съ верху редюита. Кокоревъ высказалъ свою мысль. Государь постоялъ, подумалъ и сказалъ на это:

— Я не совсѣмъ согласенъ. Какъ ты думаешь, Жерве?

Я сдѣлалъ свое предложеніе.

— Да, вотъ это такъ: съ этимъ я согласенъ. Такъ и слѣдуетъ сдѣлать,—сказалъ государь, хотѣлъ меня поцѣловать, но нечаянно сбросилъ мою шляпу, которая покатила по валу внизъ. Онъ разсмѣялся, взялъ меня подъ руку и пошелъ со мною по работамъ.

По лѣвой сторонѣ крѣпости, противъ огромнаго болота, отдѣлявшаго ее отъ берега рѣки Березины, со стороны рогачевской дороги, предположено было построить трехъэтажную башню, оканчивавшуюся полукругомъ. Такъ какъ мѣстность была очень топкая, то необходимо было подъ фундаментъ вбить сваи. И вотъ Опперманъ, для сокращенія расхода на постройку этой башни, предположилъ набить сваи только подъ $\frac{2}{3}$ фундамента, а остальную часть просто забучить, въ томъ предположеніи, что она удержится тяжестью другихъ частей. Противъ этого возстали наши офицеры, но не могли убѣдить Оппермана. Дистанціонный офицеръ, однако, для оправданія своего, подалъ рапортъ по командѣ, что вслѣдствіе даннаго ему порученія онъ приступилъ къ производству работъ согласно полученному проекту, но что, по убѣжденію своему, онъ считаетъ невозможнымъ брать на себя отвѣтственность за прочность ихъ, о чемъ и считаетъ долгомъ донести, предоставляя волѣ командира дать ходъ этому рапорту или оставить его въ дѣлахъ команды. Рапортъ этотъ командиръ команды показалъ строителю, но дальнѣйшаго хода ему не дали. Забили сваи, положили фундаментъ и оставили его на два года, чтобы онъ получилъ надлежащій осадокъ. Послѣ двухъ лѣтъ приступили къ постройкѣ этой башни. Вывели нижній этажъ—ничего, фундаментъ выдержалъ; но какъ только стали выводить второй этажъ, вся башня сплошь дала огромное количество трещинъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Далѣе производить постройку не было возможности, остановили работу и донесли въ Петербургъ, съ подробными планами и показаніемъ всѣхъ трещинъ. Вскорѣ прискакалъ Опперманъ, а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и государь.

Пришли къ балнѣ, посмотрѣли,—работа отличная, но трещинъ бездна.

— Жаль, очень жаль работы, но дѣлать нечего,—сказалъ государь:—тутъ ужъ никто не виноватъ, кромѣ насъ съ тобой,—сказалъ онъ, обратясь къ Опперману.—Надо разобрать до основанія строеніе и фундаментъ и вновь построить на болѣе прочной свайной бойкѣ.

Тутъ же государь поручилъ мнѣ производство этой работы, предоставивъ мнѣ распорядиться, какъ самъ знаю, въ томъ же мѣстѣ и въ томъ же году. Разобравъ башню и фундаментъ ея, подъ всю башню я набилъ сваи чеснокомъ, т. е. одну подлѣ другой, а на

третій годъ кончилъ работу. Башня стоитъ и теперь безъ малѣйшаго поврежденія ¹⁾).

Отъ этой-то башни къ Глусскимъ воротамъ государю показалось выгоднымъ вывести кремальерами валь огромной высоты (до 14 сажень). По всѣмъ соображеніямъ я никакъ не могъ согласиться съ этимъ. Когда государь началъ мнѣ толковать, какъ онъ желаетъ, чтобы была произведена работа, я доложилъ ему, что на предполагаемая обширныя работы должны употребиться огромныя суммы, а между тѣмъ эта оборона будетъ совершенно бесполезна, въ виду топкаго болота болѣе чѣмъ на версту. Государь приказалъ мнѣ принести на другое утро въ 7 часовъ планы и нанести карандашемъ его проектъ. На другой день я принесъ все, проработавъ почти всю ночь напролетъ. Снова разгорѣлся споръ. Государь опять приказалъ передѣлать проектъ и принести на слѣдующее утро. Это продолжалось четыре дня сряду. Споръ былъ жаркій: я отстаивалъ науку и свое мнѣніе. На четвертый день, во время спора, государь провелъ линію. Забывшись, я вырвалъ у него изъ рукъ карандашъ и сказалъ:

— Да это не такъ, ваше величество!—и остолбенѣлъ...

Государь сказалъ:—Ничего, ничего. Продолжай.

Я съ жаромъ сталъ продолжать свои доводы. Государь постоялъ, подумалъ. Потомъ, обратившись къ Опперману и другимъ присутствовавшимъ, которые, когда я вырвалъ карандашъ изъ рукъ государя, поблѣднѣли всѣ, какъ полотно, сказалъ:

— А что, вѣдь, нѣмецъ правъ. Надо дѣлать, какъ онъ говоритъ, и отложить проектъ навсегда.

Видя, что я все еще въ испугѣ стою, государь обратился ко мнѣ, поблагодарилъ меня очень благосклонно и, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ смѣясь:

— Спасибо, научилъ. Смѣлъ, но правъ.

Такъ кончилось это дѣло, которое могло бы имѣть весьма дурныя послѣдствія.

Въ этотъ же промежутокъ времени государь назначилъ испытаніе вновь выстроенной на укрѣпленіи «Фридрихъ-Вильгельмъ» башни, оканчивающейся полукругомъ для обстрѣливанія берега рѣки Березины. Около 4-хъ часовъ государь прибылъ, спросилъ:

— Что, готово?

И вошелъ въ башню.

— Ваше величество, извольте выйти изъ башни, я тотчасъ же начну.

— Это что такое?—спросилъ государь.

— Да можетъ же случиться какое либо несчастье, — вывалится кирпичъ или что другое, — я буду отвѣчать передъ всею Россіей за вашу намъ всѣмъ слишкомъ драгоцѣнную жизнь.

¹⁾ Въ 1850-хъ годахъ.

— Ну, пустое: стрѣляй!

— Ваше величество, вы хотите сдѣлать меня несчастнымъ.

— Ну, а ты останешься?

— Я... я—песчинка, а вы—царь Россіи.

Усмѣхнулся государь, но вышелъ.

Я началъ пробу холостыми зарядами, потомъ залпомъ холостыхъ зарядовъ; затѣмъ—ядромъ, двумя ядрами послѣдовательно и, наконецъ, залпомъ двухъ ядеръ. Башня уцѣлѣла отлично. Государь вошелъ въ башню и былъ очень доволенъ, благодарилъ всѣхъ и меня особенно.

На послѣдній день государь назначилъ подробный осмотръ вновь выстроеннаго большого госпиталя на 1.000 человекъ. Наканунѣ этого дня я пошелъ осмотрѣть госпиталь и увидѣлъ, что, по распоряженію госпитальнаго начальства, новая мѣдная и оловянная посуда, блестящая и вычищенная, расположена въ верхнемъ этажѣ, а запасные тюфяки, халаты, одѣяла и бѣлье сложены въ подвальный этажѣ. Я тотчасъ же пошелъ къ смотрителю и къ главному доктору и сказалъ имъ, что это—противъ предписанныхъ правилъ, и что государь этимъ будетъ недоволенъ. На это они мнѣ отвѣтили, что пойдетъ ли государь въ подвальный этажъ или нѣтъ—это еще вопросъ, а блеснуть нашимъ богатствомъ слѣдуетъ.

— Ну, смотрите, — сказалъ я: — я умываю руки: предупредилъ васъ, а тамъ дѣлайте, какъ знаете.

Но изъ предосторожности я зашелъ и сказалъ о томъ же коменданту, строителю и плацъ-майору. Комендантъ хотя и послалъ за старшимъ докторомъ, но тотъ его успокоилъ, что это, молъ, Жерве хочетъ только себя показать.

Приѣхалъ государь—и прямо въ подвальный этажъ. Онъ увидѣлъ тамъ вышеупомянутыя вещи и спросилъ только:

— Нельзя ли было бы дать вещамъ, которыя подвергаются гніенію, лучшее мѣсто, чѣмъ подвальный этажъ, всегда болѣе сырой.

Но такъ какъ государь, вѣроятно, думалъ, что строеніе еще не совсѣмъ готово, и вещи эти хранятся только временно, то не настаивалъ болѣе. Затѣмъ осмотрѣлъ больныхъ, кое съ кѣмъ разговаривалъ. Ткнулъ въ одну дверь,—заперта: это, говорятъ, квартира ординатора.

Государь уже недовольнымъ тономъ сказалъ:

— Такъ что-жъ? Сегодня всѣ двери должны быть отперты.

Я иду впереди и веду государя, уже очень неспокойнаго; слышу его мнѣ слишкомъ знакомый голосъ, когда онъ недоволенъ. Поднялись въ средній этажъ, и когда, послѣ тюфяковъ въ подвалѣ, государь увидѣлъ посуду въ бель-этажѣ, то окончательно разсердился.

— Какъ?—сказалъ онъ.—Такъ вы намѣрены гноить рухлядь въ подвалѣ, а посуду держите вверху?—и началъ бранить смотрителя

и старшаго доктора, которыхъ немедленно приказаль арестовать на гауптвахтѣ. Досталось и коменданту.

— Старая баба, которая только слушаетъ всякій вздоръ, а самъ о своемъ дѣлѣ понятія не имѣетъ.

Я иду ни живъ ни мертвъ впереди. Государь быстро вышелъ, спустился съ лѣстницы. У выхода я посторонился, отдавая честь, и чувствую, что стою блѣдень, какъ полотно. Государь взглянулъ на меня. Онъ всегда былъ рыцарь благородства и справедливости и видѣлъ хорошо, какъ я былъ огорченъ и взволнованъ найденнымъ имъ беспорядкомъ. Онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, остановился, обернулся лицомъ къ фасаду строения, внимательно осмотрѣлъ его и потомъ сказалъ во всеуслышаніе:

— Строеніе прекрасное, выстроено отлично,—вольно же дуракамъ не умѣть пользоваться. Спасибо, инженеры!—сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Можно легко себѣ представить нашъ всеобщій восторгъ. Государь, садясь на дрожки, взглянулъ на меня, кивнулъ. Я весь покраснѣлъ и низко ему поклонился. Теперь мы были уже увѣрены, что всѣ непріятности насъ не коснутся, такъ какъ государь совершенно отстранилъ насъ отъ всѣхъ притязаній и придирокъ, воздавъ, впрочемъ, справедливую похвалу за дѣйствительно отлично построенное громадное зданіе.

Для насъ, инженеровъ, вообще всякій пріѣздъ государя всегда былъ праздникомъ. Дѣло свое мы знали хорошо, вели его добросовѣстно, съ большимъ стараніемъ и усердіемъ. Если и случались иногда какія либо ошибки или промахи, мы никогда не скрывали ихъ отъ государя, а сами ихъ ему показывали, объясняя, отчего они произошли, и какъ думаемъ ихъ исправить. И всегда государь оставался доволенъ, всегда у насъ на работахъ былъ веселье, съ дистанціонными офицерами обходился совершенно благосклонно, изъявляя свое удовольствіе прямо на мѣстѣ, лаская, цѣлуя насъ. Очень часто, долго гуляя подъ-ручку съ дистанціоннымъ офицеромъ, онъ передавалъ ему запросто свои мысли и чрезвычайно радовался, когда его понимали, но не сердился, если высказывали и свое мнѣніе. Такое обхожденіе государя въ присутствіи массы народа и всѣхъ начальствующихъ лицъ было триумфомъ для каждого изъ насъ и было такъ поразительно, что Иванъ Никитичъ Скобелевъ, разъ послѣ подобной милости государя заѣхавшій ко мнѣ утромъ, смѣясь даже спросилъ меня, не сродни ли я государю.

Однажды утромъ государь вошелъ во вновь отстроенную сортію въ 7-мъ полигонѣ. У насъ выводили обыкновенно боковыя стѣны сортіи до извѣстной высоты, а потомъ по наклону сортіи притесывали кирпичъ, такъ что стѣны сортіи составляли во всю свою толщину и длину ровныя наклонныя плоскости. Этотъ способъ постройки мнѣ показался недостаточно прочнымъ, вслѣдствіе огром-

наго груза, который долженъ лежать на кирпичахъ, и вслѣдствіе того, что такая двойная притеска кирпича для стѣнъ и сводовъ непремѣнно должна повліять на выкрашиваніе кирпича. Поэтому я упросилъ полковника Кокорева позволить мнѣ построить сортію безъ притески кирпича, а прямо со стѣнъ по палубѣ выводить и своды. Сначала онъ не хотѣлъ согласиться, тѣмъ болѣе, что и каменныхъ дѣлъ мастеръ Мерке, довольно хорошо знавшій каменную кладку, сомнѣвался въ успѣхѣ; но я убѣдилъ ихъ, объявивъ, что если работа не удастся, то я разберу сводъ и сложу его по прежнимъ правиламъ на свой счетъ. На дѣлѣ оказалось, что работа вышла не только хорошая, но и красивая, потому что швы кирпичей шли, концентрируясь вверхъ, къ замку свода. Государь, увидя эту работу, попросилъ меня объяснить, какъ я производилъ ее, и остался очень доволенъ. Какъ знатокъ дѣла, сообразивъ легко по моему объясненію, что такая работа несравненно прочнѣе, государь приказалъ принять этотъ способъ къ руководству при всѣхъ вообще вновь возводимыхъ сортіяхъ.

Когда я былъ дежурнымъ по командѣ офицеромъ, государь пріѣхалъ однажды раннею весной, въ первыхъ числахъ мая. Войска только что выступили въ лагерь, и отремонтировать казармы не было никакой возможности. Наше инженерное начальство было въ страшныхъ хлопотахъ, не желая показать государю казармы въ беспорядкѣ. Одну большую казарму, въ которой помѣщались два батальона, нечего было и думать отремонтировать въ такой короткій срокъ, всѣ же другія казармы отремонтировали, по возможности, довольно хорошо. Начальство наше очень тревожилось, но я успокоивалъ всѣхъ, увѣряя, что все будетъ хорошо. По всей анфиладѣ казармъ я приказалъ окрасить двери и стѣны около нихъ и начисто вымыть полы по проходу. Государь подъѣхалъ къ казармѣ, отворилъ двери и увидѣлъ всю анфиладу. Но когда онъ пожелалъ войти, я сказалъ ему:

— Ваше величество, не извольте входить.

— Это отчего?

Я какъ будто замялся отвѣтомъ.

— Ну, что? говори.

— Въ казармѣ блохъ видимо-невидимо. Люди недавно вышли, и вся казарма кишитъ блохами.

Государь отшатнулся, повернулъ назадъ, но, конечно, догадался, что это была лишь уловка, чтобы не впустить его въ казарму. Онъ усмѣхнулся, погрозилъ мнѣ смѣясь пальцемъ и ушелъ, будучи совершенно убѣжденъ, что казарма будетъ исправна въ свое время. Само собою разумѣется, двѣ-три комнаты отъ входа были отремонтированы. Конечно, всѣ остались довольны такимъ исходомъ дѣла.

Въ бытность мою въ Брянскѣ я поѣхалъ однажды съ женою осматривать Мальцевскіе заводы и фабрики, о которыхъ мы такъ

много слышали. Мальцевъ въ это время купилъ огромные лѣса въ Жиздренскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ. Тогда много шуму надѣлало то, что за эти лѣса онъ внесъ въ орловское губернское правленіе миллионъ рублей чистыми деньгами, а не банковыми билетами,—какъ говорили тогда, первый примѣръ подобной раслаты. Мы пріѣхали въ Людиново, центръ всѣхъ заводовъ и фабрикъ Мальцева, огромное село, гдѣ, несмотря на тогда еще существовавшее крѣпостное право, всѣ крестьяне были фабричныя мастеровые. На фабрикахъ каждая вещь и каждый трудъ были оцѣнены денежною стоимостью, и фабричныя, еженедѣльно получая свою заработную плату, ни о чемъ не заботились, такъ какъ казенныя повинности, оброки и проч. помѣщикъ отбывалъ самъ. Во всемъ селѣ не было ни одного кабака, и достать рюмку водки даже проѣзжему не было никакой возможности. За то въ селѣ помѣщикомъ содержались лавки, въ которыхъ можно было получать все необходимое въ крестьянскомъ быту, въ весьма большомъ количествѣ и по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Сахаръ, чай, одежда, предметы ховяйства и пр.—все въ изобиліи и гораздо дешевле, чѣмъ въ окрестныхъ городахъ и деревняхъ. Если у фабричнаго не случалось денегъ, то онъ могъ брать товаръ подъ росписку и въ субботу расплатиться. Вообще порядокъ въ селѣ былъ строгій и стройный. Фабричныя всѣ казались здоровыми и веселыми.

Остановиться въ Людиновѣ можно было только у управляющаго. Это былъ довольно высокій, плотный мужчина, изъ вольноотпущенныхъ же крестьянъ Мальцева, теперь второй гильдіи купецъ. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ, и я попросилъ его провести меня къ помѣщику, который въ то время случайно находился въ селѣ. Управляющій проводилъ меня, доложилъ. Мальцевъ меня принялъ. Сѣдой старикъ, лѣтъ около 60-ти, средняго роста, не очень худой, но и не плотный, онъ обращалъ на себя вниманіе умнымъ лицомъ и чрезвычайно проницательными глазами. Я раскланялся и объяснилъ ему, что прибылъ только для осмотра его фабрикъ и заводовъ, чѣмъ онъ казался очень доволенъ. Онъ обѣщалъ распорядиться, чтобы все мнѣ было показано во всѣхъ подробностяхъ, и началъ разговоръ о томъ, о семъ. Видно было, что онъ желалъ вывѣдать, знаю ли я толкъ въ томъ, что желаю видѣть, и не есть ли это лишь пустое любопытство съ моей стороны; впрочемъ, мною и моимъ разговоромъ онъ остался, кажется, весьма доволенъ.

Пошли мы осматривать прежде всего стеклянную фабрику, на которой въ сырцѣ pripravляли разную стеклянную посуду, тогда для насъ зрѣлище довольно любопытное, такъ какъ мы передъ тѣмъ ничего подобнаго не видали. Печь, или горнъ, въ которомъ топилась расплавленная масса стекла, имѣла въ діаметрѣ, по крайней мѣрѣ, около 20 сажень и 40 устьевъ. При каждомъ устьѣ два или три работника, съ длинными и короткими желѣзными труб-

ками, запускали концы ихъ въ жидкую массу стекла и выдували изъ нея разныя вещи; формы ихъ усовершенствовали и сглаживали потомъ кусочкомъ дерева на вертящемся деревянномъ же кругу. Впрочемъ, процессъ производства этихъ работъ слишкомъ извѣстенъ, но здѣсь замѣчательнѣе громадностью ихъ. Такъ какъ плата за работу производилась поштучно, то усердіе, ловкость и проворство мастеровыхъ были изумительны. Нѣкоторые мастера, напримѣръ, дѣлали въ рабочій срокъ времени до 40 штукъ мелкихъ вещей и, получая за каждую вещь не менѣе 3-хъ коп., зарабатывали 1 рубль 20 коп. въ день, не зная никакихъ заботъ объ уплатѣ какихъ бы то ни было повинностей,—огромный заработокъ.

Потомъ мы зашли въ гранильню и шлифовальню хрусталя. Для производства хрустальныхъ вещей имѣлся особый горнъ, гораздо меньшихъ размѣровъ, съ матеріаломъ несравненно болѣе дорогимъ, чѣмъ употребляемый для выдѣлки обыкновеннаго стекла. Въ составъ для хрусталя входило довольно большое количество мышьяку, берлинской синьки и проч., весьма недешевыхъ веществъ. Около этихъ горновъ работали и мастеровые болѣе знающіе, которые получали возвышенную плату. Бракъ ихъ издѣлій былъ строгій, малѣйшая неправильность, кривизна или отклоненіе отъ линіи образца, а также пузырьки внутри вещи, были причиною брака. Поэтому производство работъ здѣсь шло медленнѣе и съ большею тщательностью. Гранировка производилась посредствомъ круглыхъ тонкихъ пластовъ крѣпкаго песчаника, родъ мягкаго камня, который, какъ говорили, получался изъ Австріи; онъ былъ, однако, настолько твердъ, что треніемъ стачивалъ стекло. Эти круглые камни, имѣя въ центрѣ отверстіе, приводились въ движеніе большимъ маховымъ колесомъ, помѣщавшимся внѣ зданія гранильни. Это колесо приходило въ сильное движеніе посредствомъ воды, съ большою силою падавшей на приемы колеса. Посредствомъ же кожаныхъ лямокъ это движеніе сообщалось станкамъ, которыхъ въ гранильнѣ было до 20. Предназначенный къ шлифованію предметъ имѣлъ на себѣ рисунокъ, наведенный самымъ легкимъ натертымъ шлифовальнымъ камнемъ или особымъ рѣзцомъ. Для производства рисунковъ на хрустальныхъ вещахъ были опять особые мастера, съ порядочными познаніями въ рисовальномъ искусствѣ, чтобы наносить рисунокъ правильно и аккуратно, а также съ нѣкоторымъ вкусомъ, дабы рисунокъ вышелъ не аляповатый и имѣлъ изящный видъ. Этимъ мастерамъ платили хорошо и по степенямъ знанія дѣла. Гранильщикъ, получивъ такую хрустальную вещь съ готовымъ рисункомъ, по изображеннымъ на вещи линіямъ подставлялъ ее къ каменному вертикальному колесу, которое, вращаясь, вытирало стекло до желаемой глубины. Гранильщикамъ платилось поштучно, смотря по величинѣ вещи, по большей или меньшей сложности самаго рисунка, а также и по времени, въ которое ра-

бота должна быть непременно окончена, такъ какъ часто случались срочные заказы. Гранильщикамъ платили иногда по 40 и 60 рублей за большія вещи, и трудились они иногда надъ ними болѣе мѣсяца. Когда мы были въ гранильнѣ, то почти всѣ станки были заняты граненіемъ большихъ стеклянныхъ балясинъ для ограды клироса церкви всѣхъ учебныхъ заведеній, что въ Смольномъ монастырѣ, въ Петербургѣ.

Потомъ мы вошли въ живописную. Тамъ сидѣло человѣкъ шесть живописцевъ, которые красками разрисовывали разныя изящныя вещи и золотили края. Эти вещи потомъ должны были быть опять пропущены черезъ огонь. Кромѣ искусства рисовать, мастера должны были также знать и тѣ химическія измѣненія, которымъ краски подвергаются въ огнѣ, мѣняя въ то же время свой цвѣтъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи по чугуннымъ формамъ выливались хрустальныя вещи. Въ форму, состоявшую изъ двухъ половинокъ, въ родѣ вафельной доски, вливается жидкій хрусталь. Форма складывается, сдавливается прессомъ, кладется на короткое время въ огонь для сращиванія и, когда остынетъ, то раскрывается, и готовая вещь вынимается. Этотъ способъ получать готовые граненыя вещи очень простъ, но самыя вещи далеко не такъ красивы, какъ изъ литаго хрустала, и мало прочны вслѣдствіе вторичнаго поступления въ огонь.

Когда мы возвратились домой, для насъ былъ приготовленъ обѣдъ. Пришедшаго къ намъ хозяина съ управляющимъ я спросилъ, почему у нихъ, при производствѣ такой массы изящныхъ вещей, не дѣлаются въ хрусталь влитые портреты, виньетки и пр. Мальцевъ сказалъ мнѣ, что на заводѣ его пробовали, но что это производство, не будучи имъ извѣстнымъ, не удавалось, вещи всегда трескались. Я случайно имѣлъ съ собою сдѣланный въ Вѣнѣ стаканъ, въ днѣ котораго была очень хорошо вставленная виньетка Наполеона I. Я вынулъ стаканъ изъ чемодана, показалъ его хозяину. Стаканъ ему очень понравился, и я предложилъ его Мальцеву, съ правомъ разбить его, если этимъ можетъ открыться секретъ его издѣлія. Старикъ очень благодарилъ меня.

Послѣ обѣда мы пошли осматривать сахарный заводъ. Выдѣлка сахара самая обыкновенная, и я нашелъ рафинировку его весьма посредственною. Управляющій мнѣ объяснилъ потомъ, что сахаръ у нихъ выдѣлывается преимущественно для фабричныхъ и для крестьянъ села Мальцева и при непремѣнномъ условіи возможно большей дешевизны его, поэтому на рафинировку не обращается слишкомъ много вниманія. Распродажа же въ постороннія руки очень незначительна и также только для болѣе бѣднаго класса людей. Есть у Мальцева еще бутылочный стеклянный заводъ—первый, имъ устроенный; но такъ какъ онъ въ 8-ми верстахъ отъ Людинова и не могъ представлять собою ничего замѣчательнаго,

то мы и не поѣхали осматривать его, такъ же какъ и заводъ оконныхъ стеколъ.

Мальцевъ, какъ мнѣ говорили, по выходѣ изъ военной службы въ отставку съ чиномъ премьеръ-майора, получилъ въ наслѣдство отъ отца очень небольшое имѣніе въ 50 душъ. Страна, чрезвычайно богатая лѣсами (Орловская губернія) и почти безъ всякой промышленности, давала много шансовъ къ большимъ выгодамъ. Мальцевъ тогда-то и затѣялъ у себя въ маленькомъ имѣньицѣ бутылочный заводъ, потребовавшій на устройство и производство его весьма маленькій капиталъ. Сбытъ былъ отличный. Къ бутылочному заводу Мальцевъ присоединилъ заводъ оконныхъ стеколъ, а затѣмъ уже пошло устройство другихъ фабрикъ и покупка различныхъ имѣній.

Въ тотъ же день мы осмотрѣли довольно большую ткацкую фабрику, гдѣ болѣе всего ткались салфетки и огромныя скатерти. Вечеромъ я поѣхалъ съ приказчицею на чугунно-литейный заводъ, верстахъ въ 4-хъ отъ Людинова. Дюма огромная: въ ней помѣщалось 300 пудовъ чугуна, плавился оня угляемъ. Раздувательные мѣха, или, вѣрнѣе, 6 чугунныхъ цилиндровъ съ поршнями большого размѣра, приводящіеся въ движеніе также посредствомъ воды, раздували огонь. Ночью, когда всѣ формы и опоки для принятія сплавленнаго чугуна были готовы, отливка началась въ моемъ присутствіи. Люди дѣйствовали привычно и отливали на этотъ разъ болѣе мелкія вещи. Струя лилась ровно, и вещи вышли довольно удачно. При этомъ заводѣ отличная и богатая желѣзная руда, но заводъ не отказывался и отъ покупки стараго чугуна и желѣза. Осмотрѣли мы также и желѣзо-ковательный заводъ. Въ немъ молотъ небольшой, пудовъ въ 50, не болѣе. По порученію артиллерійскаго департамента, заводъ былъ занятъ тогда изготовленіемъ винтовъ для подъема и опусканія казенной части крѣпостныхъ орудій большого калибра. Мы видѣли, какъ изъ толстаго круглаго желѣза вытачивался винтъ на станкѣ, который приводился въ движеніе также посредствомъ водяного махового колеса. Токарный станокъ, на которомъ точился винтъ, разбрасывалъ стружки желѣза точно такъ, какъ бы при точеніи дерева. Здѣсь же вблизи расположена была и гвоздильная фабрика. Хотя нѣкоторыя машины для обрѣзки граненаго по толщинѣ гвоздей желѣза приводились въ движеніе посредствомъ водяного махового колеса, все-таки большая часть работъ производилась ручнымъ способомъ, какъ-то: пляпки, завастриваніе концовъ гвоздей, и проч.

Осмотрѣвъ всѣ фабрики и заводы, предъ выѣздомъ изъ Людинова, я пошелъ опять къ Мальцеву, чтобы поблагодарить его за любезный пріемъ. Пытливый старикъ снова началъ со мной предлинный разговоръ. Онъ чрезвычайно внимательно выслушалъ мои отвѣты и замѣчанія относительно его заводовъ, такъ какъ

я вовсе не считалъ себя обязаннымъ только хвалить всё его приспособленія, а, напротивъ, критически разсматривая ихъ, высказалъ свое мнѣніе о томъ, какъ постепенно, съ усовершенствованіемъ наукъ, совершенствуются также всё фабричныя, заводскія и мануфактурныя заведенія. Видно, мой взглядъ на вещи ему понравился, и мы разстались очень привѣтливо. За все время постоя и содержанія нашего съ меня никакой платы не взяли, дали лошадей до самаго Брянска, и мы благополучно возвратились домой.

Въ концѣ ноября (1838 г.) пріѣхалъ къ намъ генералъ Лехнеръ изъ Петербурга и объявилъ, что его высочество генералъ-инспекторъ инженеровъ великій князь Михаилъ Павловичъ назначаетъ меня въ Севастополь исправляющимъ должность помощника командира херсонскаго инженернаго округа полковника Фелькерзама, дабы привести въ порядокъ весьма запутанныя дѣла по округу и по постройкѣ Севастополя. Хотя я серьезно уже подумывалъ перевестись въ инженеры военныхъ поселеній, въ данномъ случаѣ нельзя было идти противъ воли великаго князя, и пришлось отказать отъ мысли о переводѣ. Надо сказать, что Карлъ Ефимовичъ Теше, уѣхавшій изъ Бобруйска въ Петербургъ, былъ до этого назначенъ командиромъ команды въ Севастополь. Но, прибывъ туда, онъ нашелъ команду въ такомъ разстроенномъ и распущенномъ видѣ, что не рѣшился даже принять ее, тѣмъ болѣе, что отъ безтолковаго строителя Фелькерзама не могъ ожидать поддержки въ поправленіи дѣлъ, такъ какъ Фелькерзамъ, большею частью, самъ былъ виноватъ въ разстройствѣ ихъ. Объ этомъ Теше донесъ въ Петербургъ и, проживъ въ Севастополѣ нѣсколько мѣсяцевъ, возвратился назадъ. Такъ какъ Бобруйскъ былъ разсадникомъ хорошихъ инженерныхъ офицеровъ, и Теше отказался отъ принятія севастопольской инженерной команды, гдѣ дѣла разстроивались все больше и больше, и необходимо было принять какія нибудь мѣры противъ этого,—потому, вѣроятно, я и былъ назначенъ прямо исправляющимъ должность помощника командира Херсонскаго инженернаго округа. Дѣйствительно, въ январѣ 1839 года я получилъ бумагу объ этомъ назначеніи.

Прибывъ въ Севастополь, я остановился на сѣверной сторонѣ, въ гостиницѣ, надѣлъ парадную форму, сѣлъ на катеръ и поѣхалъ черезъ бухту являться по начальству. Въ Севастополѣ встрѣтилъ я нѣсколькихъ своихъ товарищей и прежнихъ сослуживцевъ. Вскорѣ по моемъ прибытіи, Фелькерзамъ устроилъ вечеръ, чтобы познакомиться меня со своими сослуживцами. Меня очень удивило, что многихъ изъ офицеровъ не было на вечерѣ, и узналъ, что г. окружной командиръ пикируется съ прапорщиками... М-ше Фелькерзамъ, довольно молодая и красивая женщина, имѣла своихъ любезныхъ между молодежью, а ихъ-то муженекъ не принималъ къ себѣ въ домъ. Вообще трудно поставить себя въ болѣе глупое отношеніе къ подчиненнымъ и ко всемъ вѣдомствамъ, чѣмъ поставилъ себя Фель-

керзамъ. По смыслу полученнаго мною порученія—привести въ порядокъ запутанныя дѣла—я принялся разсматривать ихъ. Оказалось, что Фелькерзамъ, вполне по собственной винѣ и изъ-за безтолковой фанаберіи, былъ въ ссорѣ со всѣмъ флотскимъ начальствомъ, съ начальникомъ дивизіи, съ генераль-губернаторскимъ управленіемъ, съ комендантскимъ, вообще со всѣми,—и все только изъ-за того, что не умѣлъ придать себѣ вѣсу. Онъ дѣлалъ такія распоряженія, которыя не только не соответствовали его посту, но явно выказывали недостатокъ познаній самыхъ простыхъ правилъ администраціи и шли противъ дисциплины и порядка вещей. Подрядчики, напримѣръ, оставались не рассчитанными за нѣсколько мѣсяцевъ и на весьма значительныя суммы потому только, что Фелькерзамъ не умѣлъ заставить разсмотрѣть отчеты о расходѣ суммъ или изъ-за вздорныхъ придирокъ на самыя бездѣльныя суммы въ 50—100 рублей задерживалъ деньги подрядчиковъ на десятки тысячъ. Тогда какъ деньги ихъ лежали праздыми въ сундукахъ округа, сами подрядчики, нуждаясь въ уплатѣ, не могли быть исправными въ исполненіи своихъ контрактныхъ обязательствъ, вслѣдствіе чего происходили споры, жалобы, замѣчанія отъ генераль-губернатора, выговоры отъ инженернаго департамента и другія значительныя непріятности. Я тотчасъ принялся за это дѣло и нашелъ, что окружное правленіе кругомъ виновато, слишкомъ поддаваясь вліянію вовсе не понимающаго дѣла Фелькерзама.

Я прямо объявилъ ему, что сдѣлалъ полный расчетъ, провѣрилъ всю отчетность и нашелъ претензіи и жалобы подрядчиковъ совершенно основательными, а дѣйствія округа незаконными и вредными казни и предложилъ Фелькерзаму немедленно выдать подрядчикамъ слѣдующіе имъ 220 тысячъ рублей и съ первою почтою донести генераль-губернатору и инженерному департаменту, что всѣ претензіи подрядчиковъ удовлетворены. Въ случаѣ же несогласія его, я обѣщалъ прямо отъ себя донести генераль-губернатору и инженерному департаменту о томъ, что найдено мною въ округѣ, и показалъ даже приготовленные на этотъ предметъ рапорты. Фелькерзамъ, увидя, что я дѣйствую рѣшительно и на законной почвѣ, струсилъ. Предписаніе окружному управленію о немедленной выдачѣ денегъ подрядчикамъ было подписано, и я пришелъ съ намъ въ управленіе, гдѣ расшевелилъ всѣхъ. На другой же день подрядчики были рассчитаны и съ нихъ были взяты расписки о неимѣніи претензій. Я написалъ тотчасъ донесеніе генераль-губернатору въ Одессу и въ инженерный департаментъ, и такимъ образомъ первое и самое важное дѣло было покончено благополучно. Подрядчики, не ожидавшіе такого скорого расчета, принялись опять съ усердіемъ за работы, которыя закипѣли такъ, какъ давно не было видано.

За другое дѣло—примирить инженеровъ со всѣми вѣдомствами—я принялся вскорѣ послѣ этого. Дабы никому не подавать повода

коситься на меня, я рѣшилъ сдѣлать визиты всѣмъ скольконибудь значительнымъ представителямъ мѣстнаго общества. Чтобы придать этимъ визитамъ болѣе officialный, парадный видъ посѣщенія лица, которое въ инженерной администраціи занимало второе мѣсто въ округѣ, я обновилъ свою карету, запрягъ четверку лошадей цугомъ, съ фореиторомъ, посадилъ ливрейнаго лакея на запятки — и началъ объѣздъ съ военнаго губернатора адмирала Авинова. Затѣмъ я посѣтилъ артиллерию генераль-майора Бракера, контръ-адмирала Станюковича, капитана 1-го ранга Новосильскаго, прославившагося въ турецкой войнѣ 1828—1829 годовъ, и другихъ. Вскорѣ многіе стали собираться у насъ и въ другихъ семейныхъ домахъ, затѣяли мы танцъ-классы для дѣтей-подростковъ, и такимъ образомъ повемногу завязались правильныя и даже пріятныя отношенія между инженерами и другими членами общества.

Немного времени спустя, прибылъ къ намъ въ званіи командира инженерной команды капитанъ Бекбулатовъ. До этого онъ былъ, но недолго, командиромъ Бендерской инженерной команды, а потомъ принялъ команду севастопольскую. Не имѣя никакого понятія о командныхъ дѣлахъ, притомъ человѣкъ недобросовѣстный и не умѣвшій снискать довѣрія офицеровъ, онъ такъ запутался въ дѣлахъ, что, не пробывъ и года, былъ переведенъ на Кавказъ. Онъ сдалъ команду капитану Александру Андреевичу Зейдлицу, адъютанту командира Кіевскаго инженернаго округа, генераль-майора Фреймана.

По обязанности своей я былъ посланъ Фелькерзамомъ для инспекторскаго смотра командъ и дистанцій Херсонскаго инженернаго округа. Начавъ съ Симферополя, гдѣ осмотрѣлъ госпиталь и удовлетворилъ справедливыя жалобы главнаго доктора, я поѣхалъ затѣмъ въ Карасубазаръ и Феодосію. Здѣсь, при осмотрѣ военно-рабочей команды, люди заявили претензію на ротнаго командира. Я нарядилъ слѣдствіе и донесъ по командѣ. Комендантомъ въ Феодосіи былъ тогда прибывшій съ Кавказа генераль-майоръ Ольшевскій, и управляющій здѣсь комендантской частью очень жаловался, что больныхъ, присылаемыхъ съ Кавказа, некуда положить, нѣтъ мѣста. Я прибылъ въ госпиталь и увидѣлъ, что онъ дѣйствительно биткомъ набитъ ранеными и больными, а между тѣмъ флигель во дворѣ и два барака стояли совершенно пустыя. Смотрителю госпиталя не хотѣлось отдѣлять больныхъ изъ главнаго корпуса въ эти зданія изъ своихъ расчетовъ, опираясь на то, что какъ флигель, такъ и бараки находятся въ неисправномъ видѣ, и что въ нихъ жить нельзя. Я осмотрѣлъ ихъ и нашелъ все въ совершенной исправности, за исключеніемъ нѣсколькихъ выбитыхъ стеколъ и страшной пыли и грязи, такъ какъ смотритель превратилъ ихъ въ склады для разнаго своего скарба и помѣстилъ тамъ своихъ любимчиковъ служителей. Тотчасъ же удалилъ я всѣхъ незаконныхъ жильцовъ изъ этихъ помѣ-

щеній, приказалъ дистанціонному офицеру выслать человѣкъ тридцать рабочихъ, чтобы все вымыть, убрать и вставить стекла,—и уже къ вечеру строенія были въ полномъ порядкѣ. Я донесъ коменданту, что въ очищенныхъ мною помѣщеніяхъ весьма удобно могутъ быть размѣщены до 300 человѣкъ больныхъ, и указалъ ему на смотрителя, какъ на чиновника, не исполняющаго своихъ обязанностей добросовѣстно изъ корыстолюбивыхъ расчетовъ. Къ тому же присовокупилъ, что такъ какъ жалобы коменданта на отсутствіе помѣщенія для больныхъ и сѣтованія на нераспорядительность окружнаго управленія дошли уже до Петербурга, то я донесъ о моемъ распоряженіи въ округъ и прямо отъ себя въ инженерный департаментъ, съ описаніемъ всего, что мною найдено, и мѣрь, какія я принялъ для устраненія жалобъ коменданта. Взбѣсился старикъ, немедленно отрѣшилъ отъ должности смотрителя, распекъ главнаго доктора за его непредусмотрительность и также донесъ о своихъ распоряженіяхъ въ Петербургъ.

Изъ Феодосіи поѣхалъ въ Керчь. Градоначальникомъ тамъ былъ генералъ-майоръ князь Херхеулидзе. Дошли ли до него слухи о моихъ рѣшительныхъ распоряженіяхъ въ Симферополѣ и Феодосіи или, можетъ быть, по какимъ нибудь другимъ причинамъ—не знаю, но онъ принялъ меня чрезвычайно любезно. Дѣло въ томъ, что и прежде производились смотры въ округѣ, но почти никогда никакихъ результатовъ отъ этихъ смотровъ не получалось. Въ день моего пріѣзда и на всѣ слѣдующіе дни Херхеулидзе пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. По его приглашенію, я былъ съ нимъ въ клубѣ, гдѣ познакомился съ керченскимъ обществомъ, также на актѣ въ институтѣ дѣвиць. Въ Керчи пришлось провести гораздо больше времени, чѣмъ я предполагалъ, такъ какъ князь и его супруга все придумывали разныя затѣи, чтобы имѣть причину меня задержать. Однажды мы поѣхали осмотрѣть керченскій музей, въ которомъ хранилось довольно большое количество разныхъ древностей, выкопанныхъ изъ-подъ насыпей и бугровъ въ окрестностяхъ Феодосіи и Керчи. Въ то время тамъ хранился саркофагъ, прекрасно отдѣланный золотою и серебряною инкрустаціею, разныя вазы, ожерелья, браслеты, оружіе, щиты, конская сбруя и проч. Этотъ музей, какъ я слышалъ, впоследствии былъ порядочно ограбленъ французами и англичанами въ крымскую кампанію. Странно, что такія, какъ они сами трубятъ, цивилизованныя націи допустили грабежъ рѣдкостей, которыя, какъ памятники древности, ничѣмъ незамѣнимы. Подобный вандализмъ могъ быть простителенъ развѣ только турецкимъ баши-бузукамъ. Изъ музея мы отправились на Митридатову гору, гдѣ построены храмъ. Видъ съ этой горы надъ открытымъ моремъ чрезвычайно живописенъ.

Распростившись съ любезными Херхеулидзе, я отправился въ Еникале, небольшую крѣпость на мысу, у самаго прохода изъ Чер-

наго моря въ Азовское. Работы тамъ были незначительныя, команда небольшая. Оттуда я поѣхалъ чрезъ Гнилое море по Арабатскому перешейку въ Очаковъ. Какія громкія воспоминанія воскрешаетъ память при этомъ имени, и какое жалкое, запустѣлое, разоренное мѣстечко встрѣчаетъ взоръ! Тамъ рѣшительно нечего смотрѣть. Посѣтивъ также Кинбурнъ, небольшую крѣпостцу, гдѣ провелъ сутки и осмотрѣлъ команду, я прибылъ въ Николаевъ. Здѣсь я явился адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву, добрѣйшему, пріятливому старику съ прекраснымъ семействомъ. По его словамъ, я былъ уже извѣстенъ ему, вѣроятно, по письмамъ изъ Севастополя. Въ день пріѣзда я отобѣдалъ у него и вечеромъ выѣхалъ въ Херсонъ. Осмотрѣвъ тамъ команду и госпитали, я вернулся въ Севастополь, пробывъ въ дорогѣ всего около трехъ недѣль. Фелькерзамъ крайне удивился этому, такъ какъ прежніе инспекторскіе смотры продолжались мѣсяца по два. Хотя онъ согласился со всѣми моими распоряженіями въ Симферополѣ и Феодосіи, все-таки, какъ я узналъ, онъ остался ими недоволенъ, считая ихъ слишкомъ смѣлыми. Поэтому онъ донесъ въ Петербургъ обо всемъ съ приложеніемъ своего мнѣнія. Однако отвѣтъ послѣдовалъ для него крайне непріятный, потому что всѣ мои распоряженія были вполне одобрены и найдены совершенно законными. Вскорѣ послѣ этого Фелькерзамъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, и на его мѣсто назначенъ окружнымъ командиромъ и строителемъ Севастополя полковникъ Павелъ Михайловичъ Павловскій. Я зналъ его давно, когда онъ былъ еще адъютантомъ у Оппермана, который принималъ меня у себя въ домѣ кондукторомъ и молодымъ офицеромъ. Павловскій былъ добрый, но пустой и безхарактерный человѣкъ и плохой инженеръ.

Севастопольское общество насъ очень полюбило. Съ флотскими мы жили дружно, комендантъ очень часто приглашалъ меня къ себѣ обѣдать, въ особенности тогда, когда пріѣзжалъ ктонибудь изъ Петербурга по какому либо случаю, такъ какъ я владѣлъ языками, не чуждъ былъ свѣтскаго обращенія и всегда готовъ составить партію въ любую игру. Севастопольскій клубъ помѣщался въ отдѣльномъ домѣ, и нельзя сказать, чтобъ онъ былъ устроенъ роскошно. Зала, хотя большая, но низенькая, освѣщалась посредственно; за то веселились тамъ хорошо, танцевали много, молодыхъ дамъ достаточно, дѣвицъ же мало. Случались иногда и маленькіе скандалчики.

Однимъ изъ завсегдатаевъ клуба былъ лейтенантъ Макаровъ, порядочный забудыга, но славный товарищъ и веселый малый. Тамъ же часто бывала одна недурненькая барыня, жена или вдова— не помню—какого-то флотскаго чиновника Полушкина. Она всегда бывала набѣлена, и довольно замѣтно. Одинъ изъ флотскихъ офицеровъ похвалилъ ее Макарову: «какая хорошенькая».— Не мудрено, что хорошенькая,—возразилъ тотъ,—когда вся наштукатурена.

— Ну, ужъ ты всегда сумѣешь найти что нибудь необыкновенное.

Заспорили.

— Такъ смотри же,—сказаль Макаровъ:—я тебѣ сейчасъ докажу.

Плюнулъ въ платокъ, подошелъ къ Полушкиной, мазнулъ ее по щекѣ, и, конечно, всѣ бѣлила остались на платкѣ.

— Вотъ тебѣ, видишь штукатурку?—сказаль онъ офицеру.—А ужъ вы извините, сударыня,—обратился онъ къ Полушкиной:—мы побились объ закладъ, что вы штукатуритесь.

Эта продѣлка Макарова не осталась безъ послѣдствій: его исключили изъ членовъ клуба и арестовали на гауптвахтѣ.

Обыкновенно послѣ танцевъ, когда дамы разъѣдутся, начиналось веселье молодежи на распашку. Тутъ уже не взыскивай: здѣсь и попойка, и своя пляска—и казакъ, и мателоть, и джигга на сценѣ—и веселье продолжается еще часа два-три послѣ дамъ. Я никогда не отставаль отъ общества, всегда былъ съ нимъ вмѣстѣ, моряки меня любили и я ихъ также.

Близлежащій Бахчисарай давно уже былъ желаннымъ мѣстомъ, которое намъ хотѣлось осмотрѣть, дабы въ натурѣ увидѣть воспѣтый Пушкинымъ бахчисарайскій фонтанъ. Наше общество собралось провести въ Бахчисараѣ нѣсколько дней. Я отослаль туда своего повара, провизию, и мы отправились. Бахчисарай лежитъ въ долинѣ. Къ дворцу, или гарему, ведетъ узкая, довольно грязная улица, по обѣимъ сторонамъ которой стоятъ мазанки, по мусульманскому обычаю, безъ оконъ на улицу. Открытыя лавченки съ весьма плохимъ товаромъ для нуждъ татаръ; кейфующіе при дверяхъ татары съ вѣчной трубкой во рту, безмолвные, съ тупымъ взглядомъ на проходящихъ, или занятые починкой платья и обуви. Рѣдко встрѣчающіяся татарки, съ блестящими какъ уголь черными глазами, въ своихъ бѣлыхъ длинныхъ чадрахъ, открытыхъ только для этихъ глазъ, но скрывающихъ ее всю—и талию, и руки. Изрѣдка проползеть мимо мажара (особаго вида телѣга), запряженная однимъ или двумя верблюдами или парюю черныхъ буйволовъ; везутъ они муку, зерно или, къ концу лѣта, груды фруктовъ, винограда и арбузовъ—богатые дары благодатнаго юга. Деревянный кузовъ мажары лежитъ на осяхъ изъ кизиловаго дерева и движется на двухъ толстыхъ большихъ колесахъ съ широкими ободьями вершковъ пяти-шести; при малѣйшемъ движеніи колеса скрипятъ неимоვნно, такъ какъ оси никогда не смазываются.

Бахчисарайскій дворецъ, очень красивое строеніе въ азіатскомъ стилѣ, весь сквозной, съ галлереями и рѣшетками, лежитъ между горъ и окруженъ деревьями, преимущественно тополями и кипарисами. Садъ при немъ довольно большой. Внутренность дворца, который содержится въ порядкѣ, меблирована и разрисована также въ азіатскомъ вкусѣ. Фонтанъ внутри его хотя не очень великъ,

но во время лѣтнихъ жаровъ даетъ весьма пріятную прохладу. Вода этого фонтана дѣйствительно до того чиста и такого необыкновеннаго вкуса, вѣрнѣе—вовсе безъ вкуса, что почти весь запасъ привезенныхъ нами винъ остался не тронуть: никто ничего не хотѣлъ пить, кромѣ этой превосходной воды. Расположились мы въ самомъ дворцѣ и прекрасно пообѣдали. Когда солнце стало садиться, муэдзинъ съ минарета началъ призывать мусульманъ въ мечеть къ богослуженію. Мы любозпытствовали также войти въ мечеть, насъ посадили въ галлерей верхняго этажа за рѣшетками. Каждый мусульманинъ, при входѣ оставлялъ въ преддверіи свои туфли и потомъ становился въ рядъ одинъ подлѣ другаго противъ середины, гдѣ стоялъ мулла около чего-то въ родѣ алтаря. Сообразно чтенію мุลлы, молящіяся, точно по командѣ, поворачивали головы то въ одну, то въ другую сторону, то всѣ вдругъ преклоняли головы къ землѣ, иногда что-то тихо бормотали, иногда громко вскрикивали. Вообще же все шло чинно и благоговѣйно.

Между мусульманами были фанатики, если не ошибаюсь, монахи какого-то магометанскаго монастыря. Послѣ общей молитвы мусульманъ, намъ предложили посмотрѣть ихъ фанатическое богослуженіе. Мы согласились очень охотно и спустились въ низъ мечети. Человѣкъ десять этихъ фанатиковъ-дервишей, держась за руки, составили кругъ; внутри его стоялъ одинъ, вѣроятно, старшина. Они стали двигаться вокругъ него, сначала тихо, выкрикивая: «агу! агу!» Потомъ движеніе и выкрикиванія становились все чаще и чаще, затѣмъ, ускорились до того, что фанатики только мерцали мимо насъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ вышелъ изъ ряда, завертѣлся неимоверно быстро и упалъ на полъ съ пѣною во рту. Это былъ вдохновенный, какъ они говорили. За это удовольствіе мы заплатили 2 рубля серебромъ.

Вечеръ стоялъ превосходный. Долго мы не рѣшались улечься спать и рѣшили на другое утро пуститься кавалькадою осматривать окрестности. Намъ достали татарскихъ лошадей подъ-верхъ и двѣ арбы для тѣхъ дамъ, которыя не желали ѣхать верхомъ. Послѣ ранняго обѣда, когда сильный жаръ нѣсколько спалъ, мы двинулись въ путь въ сопровожденіи татарина чичероне. По этимъ живописнымъ крутымъ горамъ можно ѣхать только на привычныхъ къ такимъ путешествіямъ татарскихъ лошадяхъ, которыя пробираются весьма осторожно по узкимъ тропинкамъ и карабкаются очень увѣренно на крутизны горъ. Цѣль наша была Чуфутъ-кале. Это сельцо, лежащее на весьма высокой, крутой горѣ, заселенное турецкими жидами-караимами. Къ нему велъ спускъ, сравнительно, пологій, но настолько все-таки крутой, что арбы не могли подняться и дамы должны были выйти изъ нихъ и пойти пѣшкомъ. Жилье караимовъ—совершенный контрастъ жилью нашихъ жидовъ. Насколько послѣдніе живутъ всегда въ грязи по уши, сами въ неопрятныхъ,

оборванныхъ лохмотьяхъ, съ вѣчною вонью отъ чеснока, луку и рыбы, настолько караимы чистоплотны, опрятны, умыты и въ приличной одеждѣ. Мы заходили въ нѣсколько ихъ домовъ и вездѣ находили полную чистоту. Зашли мы также въ синагогу. Тамъ нашли раввина, довольно умнаго старика, который порядочно говорилъ по нѣмецки; онъ показаль намъ всю синагогу, которая также содержится очень опрятно. Изъ какого-то завѣтнаго ящика онъ вынулъ въ нѣсколько сажень длины свертокъ, исписанный на еврейскомъ языкѣ изреченіями изъ талмуда. Раввинъ объяснилъ намъ значеніе письма и показываль грамоты ихъ правъ и льготъ, утвержденныхъ правительствомъ. Жители всѣ болѣе или менѣе существовали торговлею и, полагать надо, были въ довольно хорошемъ положеніи. Въ ихъ селѣ воды вовсе нѣтъ, она доставляется изъ источниковъ у подошвы горы посредствомъ вьючныхъ ословъ; но мы видѣли и женщинъ, которыя приносили воду снизу въ большихъ кувшинахъ на головѣ. Поблагодаривъ раввина, мы спустились внизъ и отправились дальше чрезъ Чоргунъ, съ знаменитымъ садомъ, гдѣ растутъ лучшія груши во всемъ Крыму. Въ крымскую кампанію этотъ садъ былъ разоренъ дотла.

На Константиновской батарее должность дистанціоннаго офицера занималь тогда Як. Ив. Ляпуновъ. Работы его шли довольно успѣшно. Но когда третій этажъ батареи былъ построенъ, то передняя полукруглая часть ея вся осѣла, $\frac{1}{3}$ бапни, отставъ отъ прочаго строенія, дала страшную щель и вся растрескалась. Дѣло въ томъ, что батарея была построена на сплошной скалѣ, которая на разстояніи 6—7 футъ находилась подъ горизонтомъ воды. Вода подмыла скалу, но при началѣ постройки на это не было обращено вниманія. Когда же оставшаяся на вѣсу часть скалы оказалась не въ состояніи выдержать давленіе тяжести, то она треснула, сѣла и потянула за собою постройку. Ляпуновъ очень встревожился, донесъ сперва Павловскому словесно. Тотъ также страшно струсилъ и приказаль обо всемъ донести ему формально. Павловскій позваль меня къ себѣ, передалъ о случившемся и велѣль приготовить планы и чертежи съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ трещинъ, ихъ размѣровъ и пр. для донесенія инженерному департаменту. Я поѣхаль съ Ляпуновымъ на его работу и подробно осмотрѣль ее. Дѣйствительно, часть подмытой скалы треснувъ сѣла, но сѣла очень плотно на нижнюю скалу. Я уговорился съ Ляпуновымъ разобрать всю эту переднюю часть башни до основанія; фундаментъ же частью разобрать близъ трещины и вновь связать уцѣлѣвшую часть съ остальною, которая, по моему предположенію, должна быть повышена. Затѣмъ, весь совершенно годный притесанный камень употребить опять на постройку передней закругленной части строенія и тѣмъ поправить дѣло; средства же обѣщаны были изъ командныхъ остаточныхъ

суммъ. Я былъ увѣренъ, что Тихоновъ ¹⁾, хорошо знакомый съ моими познаніями по строительной части, навѣрное согласится пожертвовать триста—четыреста рублей, лишь бы избѣжать неприятностей, могущихъ возникнуть вслѣдствіе донесенія начальству о происшедшемъ случаѣ. Зная же трусливый характеръ Павловскаго, я рѣшилъ ему объ этомъ ничего не говорить, а тянуть представленіе въ департаментъ, пока возможно, и показать ему поправленное дѣло только тогда, когда все будетъ готово.

Между тѣмъ я призвалъ подрядчиковъ и объявилъ имъ, въ чемъ дѣло. Такъ какъ и имъ было бы очень неприятно и не безубыточно остановить начатую работу и распустить нанятыхъ людей, то они легко согласились содѣйствовать намъ вполне по мѣрѣ возможности. Сказано—сдѣлано. Осторожно разобрали полукруглую башню и часть фундамента, вновь забутили верхнюю часть и сравняли съ поверхностью уцѣлѣвшей части. Изъ наличнаго уже обтесаннаго камня начали вновь возводить переднюю часть осѣвшей батареи. Такъ какъ офицеры и подрядчики были очень заинтересованы этимъ дѣломъ, даже сами рабочіе желали избѣгнуть упрековъ, то работа просто кипѣла. Уже черезъ три недѣли вновь возведенная батарея стояла какъ ни въ чемъ не бывало. Между тѣмъ въ окружномъ управленіи я все представлялъ планы случившейся катастрофы и намѣренно дѣлалъ въ нихъ ошибки, которыхъ Павловскій, какъ ни мало былъ свѣдуецъ въ строительномъ искусствѣ, не могъ не замѣчать. Это подстрекало, во-первыхъ, его самолюбіе, а, во-вторыхъ, давало намъ время оттягивать представленіе и, главное, кончить нашу работу. Наконецъ, прошло такимъ образомъ ужъ больше двухъ недѣль. Павловскій выходилъ изъ терпѣнія. Я окончательно представилъ ему всѣ планы и бумаги, онъ остался доволенъ, подписалъ ихъ, приказалъ тотчасъ же отправить въ департаментъ и успокоился. А я все дѣло взялъ и спряталъ въ своемъ столѣ.

Когда мы окончили работу, я предложилъ Павловскому съѣздить со мною на Константиновскую батарею и осмотрѣть ее поближе, дабы онъ зналъ, что отвѣчать, если, неровень часъ, когонибудь пришлютъ изъ Петербурга. Поѣхалъ онъ со мною, выходитъ къ батарее, —глазамъ своимъ не вѣрить.

— Какъ же это?—говорить.—Да тутъ ничего не видать, батарея вся цѣла.

Тогда я объяснилъ ему все дѣло, показалъ, какъ все придумалъ. Сначала онъ очень сердился, потомъ спросилъ:

— А какъ же я донесъ уже обо всемъ въ департаментъ?

Дѣлать нечего, пришлось сказать, что бумаги не отправлены. Пошумѣлъ онъ нѣсколько, но потомъ, когда я хладнокровно объяс-

¹⁾ Подполковникъ Тихоновъ былъ въ то время начальникомъ инженерной команды въ Севастополь, В. Ж.

нить ему все и напомнить о всѣхъ непріятностяхъ, а кое-кому и несчастіи, которыя могли произойти вслѣдствіе его донесенія, онъ поневолѣ долженъ былъ согласиться, что я сдѣлалъ хорошо, и благодарилъ меня очень любезно. Всѣ остались чрезвычайно довольны. Товарищи вполне оцѣнили всю отвѣтственность, которую я принялъ на себя, а Ляпуновъ и словъ не находилъ меня благодарить.

Когда я прибылъ въ Севастополь, работы по постройкѣ Николаевской батареи подъ руководствомъ поручика Казанцева шли довольно плохо. Многіе недостатки въ производствѣ ихъ я указывалъ еще при Фелькерзамѣ, который не могъ не согласиться, что замѣчанія мои совершенно справедливы. Но онъ не умѣлъ ихъ видѣть прежде меня, и честолюбіе его, какъ строителя, и упрямство побуждали его не принимать моихъ замѣчаній, и работы попрежнему шли нехорошо. Павловскій, какъ ни былъ самъ плохъ по строительной части, понималъ однако, что такъ продолжать нельзя, а потому просилъ меня принять эту дистанцію, оставаясь въ то же время окружнымъ помощникомъ. Я согласился принять дистанцію, но считалъ слишкомъ неудобнымъ оставаться въ такомъ случаѣ окружнымъ помощникомъ. Павловскій согласился съ этимъ, и я принялъ дистанцію.

Надо сказать, что первая безмыслица при производствѣ работъ на Николаевской батарее, строившейся сплошь изъ тесаннаго камня, заключалась въ томъ, что груды камней привозились съ каменной ломки въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они тамъ добывались, и потомъ уже на дистанціи притесывались по шаблонамъ. Оставшіяся отъ притески камней мусоръ горами лежалъ около батареи, и отвозка его требовала большихъ издержекъ. Первое распоряженіе состояло въ томъ, что я отдалъ готовые шаблоны на каменные ломки и тамъ же на мѣстѣ заставлялъ грубою обтеской подготавливать камни по шаблонамъ. Этимъ сразу уменьшились расходы на отвозъ скоплавшагося прежде мусора. Затѣмъ, кладка камней въ своды производилась по палубамъ изъ толстыхъ жердей или реекъ. Изъ-за этого, по окончаніи кладки сводовъ, неровности снизу были неизбѣжны; на обтеску камней изнутри свода для уравниванія ихъ употреблялось огромное количество камнетесовъ,—и все-таки своды выходили не совсѣмъ правильными, такъ что приходилось скрывать недостатки искусственною вставкою маленькихъ камней и штукатуркой. Я немедленно распорядился производить кладку сводовъ по досчатой палубѣ изъ 2¹/₂ дюймовыхъ досокъ и кладку камней аккуратно опредѣлялъ по абсциссамъ и ординатамъ, такъ что своды у меня выходили, какъ вылитые, и никакихъ подправокъ не требовали. Работа вачала подвигаться несравненно успѣшнѣе, такъ какъ употреблялся для этого камень, подготовленный по шаблонамъ и перевезенный заблаговременно, еще зимой. По окончаніи кладки сводовъ я не держалъ ихъ на палубѣ нѣсколько сутокъ, чтобы дать имъ окрѣпнуть, а, напро-

тивъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ, выбивалъ кружала и стойки, дабы тотчасъ дать сводамъ правильный и неизбѣжный осадокъ. Такимъ образомъ работы мои шли правильно, отчетливо и имѣли даже внѣшній красивый видъ.

Павловскій, по характеру своему, былъ крайне недовѣрчивъ, главнымъ образомъ, потому, что самъ дѣло зналъ плохо и повѣрять его не умѣлъ, а вслѣдствіе этого во всемъ подозрѣвалъ обманъ. Кромѣ того, онъ любилъ выказываться начальникомъ и распоряжаться самостоятельно, являясь на дистанцію одинъ. Однажды и на моей дистанціи онъ отмѣнилъ въ отсутствіи меня мое распоряженіе и даже ударилъ унтеръ-офицера, который только доложилъ ему, что исполнилъ мое приказаніе. Узнавъ объ этомъ, я немедленно пошелъ къ нему и просилъ его назначить вмѣсто меня другаго офицера, потому что я нездоровъ и не могу продолжать работу. Павловскій очень удивился и, пожалуй, забылъ даже, что похозяйничалъ у меня на дистанціи. Онъ началъ спрашивать, по какой причинѣ я оставляю работы, не имѣлъ ли непріятностей съ командиромъ команды или съ товарищами, сказалъ, что беретъ на себя, если нужно, тотчасъ все уладить, но просить меня остаться на работѣ. Я долго не соглашался и, наконецъ, прямо сказалъ ему, что у себя на дистанціи никому хозяйничать позволить не могу. Если же онъ имѣетъ въ виду что нибудь измѣнить или несогласенъ съ моими распоряженіями, то пусть передаетъ объ этомъ мнѣ, а не взыскиваетъ съ моихъ подчиненныхъ за исполненіе ими моихъ приказаній. Павловскій увѣрялъ, что сдѣлалъ это безъ всякаго намѣренія меня обидѣть, но я не уступалъ, пока онъ не далъ мнѣ честнаго слова въ томъ, что ничѣмъ не будетъ распоряжаться безъ меня на моей дистанціи. Я поблагодарилъ его за это и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ ему, что отмѣнилъ его распоряженіе на моей дистанціи и оставилъ свое прежнее, а невинно пострадавшему унтеръ-офицеру далъ 2 рубля въ награду. Какъ ни досадно было Павловскому, но, дѣлать нечего, онъ смолчалъ, съ тѣхъ поръ былъ крайне остороженъ у меня на дистанціи и никогда больше не вмѣшивался въ мои распоряженія.

Моимъ работамъ позавидовалъ даже англичанинъ Уптонъ, который строилъ сухіе доки, и, вѣроятно, это и было источникомъ доноса государю, будто Николаевская батарея строится такъ, что при первомъ выстрѣлѣ обрушится. Хотя государь зналъ, кто строить батарею, и, вѣроятно, былъ увѣренъ, что это донесеніе несправедливо, но хотѣлъ, однако, меня оправдать въ виду всѣхъ и послалъ въ Севастополь для испытанія прочности Николаевской батареи генераль-адъютанта Засса. Онъ когда-то служилъ въ конныхъ піонерахъ и, значитъ, принадлежалъ къ инженерному корпусу.

Уже поздною осенью, утромъ 2-го октября 1841 года, я находился на работѣ, и такъ какъ было довольно свѣжо, то на мнѣ

былъ теплый на мѣху сюртукъ. Вижу—ко мнѣ на дистанцію идетъ Павловскій съ какимъ-то другимъ генераломъ. Я встрѣтилъ ихъ и извинился за костюмъ, но на работѣ въ холодную погоду иначе нельзя, такъ какъ шинель мѣшаетъ свободному движенію при лаваньѣ на подмосткахъ. Зассъ совершенно согласился со мною, принялъ меня очень ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Я, капитанъ, долженъ объявить вамъ очень непріятную новость, но вы не очень огорчайтесь ею. Государь благоволилъ при-слать меня сюда, дабы испытать строящуюся вашу батарею, которая теперь вчераѣ окончена,—вслѣдствіе доноса, будто бы Николаевская батарея при первомъ выстрѣлѣ обрушится.

Я отвѣтилъ очень хладнокровно:

— Только-то? Ваше превосходительство, тутъ я не вижу никакой причины огорчаться, а, напротивъ, радуюсь случаю доказать, что тѣ постройки, которыя выходятъ изъ моихъ рукъ, никакого испытанія не боятся, и его величество уже разъ лично въ этомъ убѣдился.

— Да, — отвѣтилъ мнѣ Зассъ, — его величество изволилъ вспомнить этотъ случай въ Бобруйскѣ, и я долженъ сказать къ чести вашей, что государь императоръ спокойно и безъ малѣйшей тревоги передалъ мнѣ возложенное на меня высочайшее порученіе. А такъ какъ вы, капитанъ съ этимъ дѣломъ уже знакомы, то я прошу васъ передать мнѣ, какой способъ испытанія считаете вы лучшимъ.

На это я отвѣтилъ:

— Сначала необходимо выстрѣлить по одиночкѣ изъ орудій холостыми зарядами, затѣмъ—ядрами, потомъ—залпъ изъ орудій, заряженныхъ каждое однимъ ядромъ. Послѣ этого зарядить всѣ орудія двумя ядрами каждое и стрѣлять—сначала по одиночкѣ, а потомъ, при двухъ же ядрахъ на орудіе—залпъ по ракетѣ.

— Это уже лишнее,—сказалъ Зассъ.—Залпъ изъ орудій, заряженныхъ каждое двумя ядрами, можетъ дать такое сотрясеніе батареи, что и наилучшимъ образомъ построенная, пожалуй, дастъ трещины. На это я уже согласиться не могу.

— Извините, ваше превосходительство, я непремѣнно долженъ настоять именно на такомъ испытаніи, во-первыхъ, потому, что его величество уже привыкъ къ нему, такъ какъ этимъ способомъ я испыталъ при немъ мною выстроенную башню; а, во-вторыхъ и потому, что послѣ подобнаго испытанія, кому слѣдуетъ, тотъ прикуситъ языкъ, и никто не посмѣетъ впредь безпоконть его величество.

— Къ чему же вамъ угодно такъ усиленно доказывать прочность зданія, когда мы дѣйствительно убѣдимся въ этомъ и до послѣдняго залпа?

— Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство непременно согласиться на мое предложеніе. Въ противномъ случаѣ я буду рапортомъ просить объ этомъ и упомяну, что испытаніе считаю неполнымъ, если не будетъ сдѣланъ залпъ изъ орудій, заряженныхъ каждое двумя ядрами.

— Въ такомъ случаѣ, вы, капитанъ, берете всю отвѣтственность на себя?

— Такъ и должно, ваше превосходительство: на мнѣ, какъ на строителѣ, лежитъ отвѣтственность за произведенную работу.

Долго еще уговаривалъ меня генераль, но я все не уступалъ, пока онъ наконецъ не согласился со мною. Въ своемъ донесеніи государю императору онъ обѣщалъ, впрочемъ, отмѣтить, что согласился на предложенный мною способъ испытанія только по неуклонному моему настоянію.

— Это какъ будетъ угодно вашему превосходительству,—сказалъ я.

Длина Николаевской батареи была 250 сажень 3¹/₂ фута, т. е. немного болѣе полуверсты. Въ трехъ этажахъ ея было по 28-ми сводовъ, и въ каждомъ сводѣ стояло орудіе; при этомъ, въ крайнихъ сводахъ закругленія, обращеннаго къ рейду, стояли 3 бомбическія пушки. Испытаніе было назначено черезъ день. По соглашенію съ артиллерійскимъ начальствомъ, когда получены были снаряды, я приготовилъ все для испытанія. Собралось все начальство Севастополя флотское, армейское, артиллерійское и инженерное и огромная толпа публики. Испытаніе производилось по предложенной мною программѣ. Послѣ того, какъ прочистили орудія холостыми зарядами, при первомъ выстрѣлѣ ядромъ одно орудіе разорвало на нѣсколько частей. Двухъ человѣкъ при этомъ убило на мѣстѣ, четверо были тяжело ранены, трое ранены легко. Около самаго моего виска пролегло осколокъ орудія и такъ сильно впился при ударѣ въ стѣну, что я потомъ съ трудомъ вытащилъ его. Отъ другаго орудія послѣ выстрѣла отлетѣла казенная часть, ушибла двухъ человѣкъ, но не очень сильно. При дальнѣйшей стрѣльбѣ больше не было несчастныхъ случаевъ, но я просилъ все-таки всѣхъ присутствовавшихъ выйти изъ батареи, такъ какъ нельзя было поручиться, что при залпѣ все обойдется благополучно. Всѣ вышли.

Залпъ изъ орудій объ одномъ ядрѣ не оказалъ никакого вліянія на батарею. Одиночные выстрѣлы двумя ядрами обошлись также довольно благополучно, только въ одномъ орудіи отскочило заднее кольцо отъ казенной части, но безъ всякаго вреда стрѣлявшимъ. Само собою разумѣется, что я во все время испытанія находился внутри батареи. Зарядили орудія двумя ядрами и, по ракетѣ съ Сѣверной стороны, дали залпъ. Сотрясеніе всей батареи было страшное: я и всѣ люди около орудій подскочили, по крайней мѣрѣ, фута на три, но батарея уцѣлѣла въ полномъ блескѣ. Только у одной амбра-

зуры свода нижняго этажа, и то не моей постройки, замковый камень опустился на 2^{1/2} дюйма. Радость моя была неописанная. Засѣ, совершенно тронутый моею удачею и непоколебимою увѣренностью въ произведенной мною работѣ, благодарилъ меня именемъ государя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ ¹⁾. Такъ кончился этотъ страшный для меня и не безъ внутренней тревоги и озабоченности день. Однако, къ моему и всѣхъ крайнему удивленію, никакихъ послѣдствій не было, никакой высочайшей благодарности, даже никакого отзыва инженернаго департамента не послѣдовало. Это меня нѣсколько огорчило, притомъ я, вѣроятно, простудился и отъ тревоги и заботъ жестоко заболѣлъ: у меня сдѣлалась нервная горячка и воспаление въ мозгу. Я слегъ въ постель и 13 дней былъ совершенно безъ памяти и безнадеженъ, такъ что успѣлъ распространиться слухъ, что я умеръ; даже начальникъ военно-рабочихъ ротъ майоръ Земмеръ приходилъ справляться, когда надо будетъ поставить почетный караулъ къ тѣлу моему.

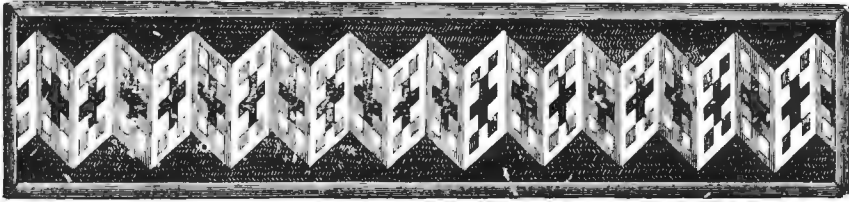
Я поправлялся очень медленно, и только старанія доктора Невинскаго возвратили мнѣ жизнь. По выздоровленіи, врачи запретили мнѣ всякія занятія и предписали полное спокойствіе, по крайней мѣрѣ, на цѣлый годъ. Въ это время одинъ мой родственникъ предложилъ мнѣ переѣхать къ нему въ имѣніе и, отдохнувъ годикъ на свободѣ, приняться съ нимъ за сельское хозяйство. Онъ обѣщаль мнѣ при этомъ нѣкоторыя выгоды взамѣнъ казеннаго содержанія. Какъ ни уговаривалъ меня Павловскій остаться служить и обѣщаль мнѣ тотчасъ выхлопотать Владиміра 4-й степени, я все-таки подалъ въ отставку. Въ деревнѣ здоровье мое возстановилось, но новое дѣло пришлось мнѣ не по душѣ, къ тому же воспитаніе дѣтей вызывало меня изъ деревенской глуши, и я рѣшилъ вновь поступить на службу.

К. Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Засѣ впоследствии былъ членомъ комитета о раненыхъ и во время открытія мошенничества Политковскаго со всѣми прочими членами комитета попалъ въ немилость, причѣмъ былъ лишенъ званія генераль-адъютанта. Потомъ все было возвращено, но весьма стѣсненныя средства къ жизни и какія-то семейныя непріятности и несчастія довели его до сумасшествія. Онъ былъ свезенъ на 11 версту около Петербурга въ больницу для душевно-больныхъ, гдѣ и умеръ.

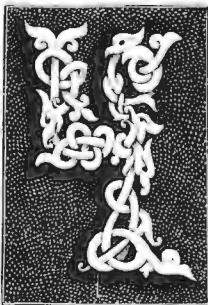
ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЬЦЫ.

(Изъ воспоминаній земскаго начальника)¹⁾.

II.

К а б а к ъ.

I.

ЕРЕЗЪ НѢСКОЛЬКО дней послѣ побѣды, одержанной радѣтелемъ собковскихъ мужиковъ—Лисичкинымъ, надъ Иваномъ Алифановымъ, послѣдній, вмѣстѣ съ кумомъ Бобылемъ, отправился къ земскому начальнику, который зналъ его хорошо и благоволилъ къ нему.

Начальникъ выслушалъ со вниманіемъ рассказъ Алифаныча о подробностяхъ сходки, угощеніи виномъ, продѣлкахъ Лисичкина по поводу луговъ и учрежденіи кабака въ Собковѣ, о чемъ начальникъ уже зналъ изъ представленныхъ приговоровъ. Алифанычъ говорилъ горячо и убѣжденно. Въ заключеніе старикъ сталъ на колѣни и умолялъ начальника не допускать кабака въ Собковѣ, какъ источника всякаго зла. Начальникъ, не менѣе Алифаныча убѣжденный во вредѣ кабака, обѣщалъ сдѣлать съ своей стороны все, что возможно, чтобы помѣшать его открытію, а заявленіе Алифаныча о пьянствѣ на сходѣ записалъ въ особый протоколъ. Черезъ нѣсколько дней онъ лично

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 777.

провѣрилъ подробнымъ допросомъ на мѣстѣ справедливость заявленной Алифаныча. Ихъ подтвердилъ одинъ только Бобыль. Остальные клялись и божились, что вино пилося не на сходѣ, а по окончаніи его, что ставилъ не кабатчикъ и не Лисичкинъ, а что сами они, крестьяне, покупали и пили вино по случаю бывшаго въ тотъ день какого-то праздника. Одинъ изъ нихъ, пріятель Крючкова, сказалъ даже, что Алифанычъ поднялъ весь этотъ шумъ потому только, что самъ хотѣлъ взять въ аренду собковскіе луга, и что когда Лисичкинъ далъ за нихъ дороже его, то Алифанычъ на него «осерчалъ» и даже хотѣлъ побить, что имъ, собковскимъ крестьянамъ, выгоднѣе было отдать луга Лисичкину, такъ какъ послѣдній набавилъ двѣсти рублей противъ прошлогодняго арендатора Хрячкова, въ чемъ можно де убѣдиться изъ приговора, составленнаго на этотъ предметъ. Въ приговорѣ, сумма двѣсти рублей, положенная Лисичкинымъ въ надбавку за ходатайство по межевому дѣлу общества, была присчитана къ общей суммѣ, почему и арендная плата оказывалась больше. Но о томъ, что Лисичкинъ обязывается быть даровымъ ходатаемъ, не сказано было ни одного слова.

Напротивъ, начальнику былъ представленъ одновременно еще третій приговоръ, которымъ собковцы довѣряли Лисичкину вести ихъ дѣла, какого бы свойства они ни оказались, за что обязывались уплачивать ему по двѣсти рублей въ годъ за время ходатайства. Такимъ образомъ, Иванъ Федоровичъ не только ничего не набавилъ за луга, но и получалъ надежду попользоваться ими чуть не даромъ, если бы дѣло размежеванія затянулось на нѣсколько лѣтъ, что было весьма вѣроятно и въ его власти исполнить. О полученіи Лисичкинымъ этихъ денегъ впередъ или какой либо оговоркѣ, обезпечивающей крестьянъ, въ приговорѣ хранилось глубокое молчаніе. Клятвы и божбы крестьянъ, однако же, не убѣдили земскаго начальника. Зная Алифаныча давно за человѣка вполне правдиваго, противъ котораго рѣшительно никто, кромѣ лисичкинскихъ присныхъ, не сказалъ бы дурного слова, къ тому же убѣжденный разоблаченіемъ Алифаныча и старшиною, который сообщилъ ему подкладку этого дѣла,—начальникъ, человѣкъ не робкій вообще, понявшій въ надлежащемъ смыслѣ возложенныя на него обязанности, считалъ трусостью отступать передъ существующимъ въ деревнѣ торжествомъ проходимцевъ Лисичкиныхъ, кабатчиковъ и тому подобнаго люда. Ему напротивъ показалось заманчивымъ примѣнить слова «Положенія» о «близкой къ народу и твердой» власти, и потому онъ рѣшилъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ административнаго взысканія съ крестьянъ и мѣщанъ своего участка. Не колеблясь ни минуты, будучи вполне убѣжденъ въ томъ, что Лисичкинъ и Даниловъ, а не крестьяне сами, ставили вино, и что пьянство происходило на самомъ сходѣ, начальникъ, придравшись къ этому случаю и желая хоть немного охладить эксплуататорскій пылъ народныхъ

«радѣтелей», — написалъ протоколъ о немедленномъ наложеніи административнаго взысканія, въ видѣ трехдневнаго ареста, на Лисичкина и Данилова за угощеніе крестьянъ виномъ на сходѣ при составленіи ими приговоровъ, а крестьянъ, подписавшихъ приговоръ, подвергъ взысканію за распитіе этого вина на сходѣ незначительнымъ денежнымъ взысканіямъ въ пользу мірскихъ суммъ. Распоряженіе это начальникъ лично вручилъ старшинѣ, приказавъ ему немедленно привести его въ исполненіе. Старшина, хотя и не глупый, но очень робкій со всѣми тѣми, кто, какъ Лисичкинъ, могъ сдѣлать ему вредъ (Лисичкина онъ, какъ и всѣ почти въ округѣ, признавалъ чуть ли не всесильнымъ и боялся, какъ огня), долго не могъ понять, какъ у земскаго хватаетъ духу подвергать сраму такое лицо, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Лисичкинъ.

— Что ты на меня такъ уставился? — спросилъ старшину начальникъ, видя его оторопѣлое, почти испуганное лицо.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... это я такъ...

Онъ сдѣлалъ шагъ къ выходу и потомъ, вернувшись, нерѣшительно и боязливо проговорилъ:

— Ваше высокоблагородіе!..

— Что еще? — спросилъ начальникъ.

— Бываетъ, Лисичкинъ-то, Иванъ Хведорычъ, не пойдетъ... Тогда какъ же быть?..

— Какъ не пойдетъ?

— Да подъ арестъ-то! Человѣкъ-то онъ больно спесивый...

— Не пойдетъ, возьми двухъ, четверыхъ, десятокъ людей — подъ ручки и на казенную квартиру... Понялъ? — сказалъ начальникъ, принимаясь читать бумаги, лежавшія у него на столѣ.

Письмоводитель, худосочный молодой человѣкъ, съ черными зубами и землистымъ цвѣтомъ лица, взглянулъ исподлобья на своего патрона, хитро улыбнулся и снова погрузился въ переписываемую имъ бумагу.

— Не вышло бы чего, ваше высокоблагородіе!.. Я только объ этомъ... — добавилъ старшина, снова поворачиваясь къ выходу.

— Ну, ужъ это не твоя забота!.. — отрѣзалъ начальникъ, отпуская старшину жестомъ.

Худосочный письменоводитель еще разъ улыбнулся, не поднимая глазъ и не отрываясь отъ работы. Старшина поклонился и вышелъ изъ канцеляріи.

II.

Недѣли черезъ двѣ, земскаго начальника вызвали въ городъ для объясненій по дѣламъ службы. Нѣсколько недоумѣвая о предметѣ этихъ объясненій, онъ, однако, предчувствовалъ, что дѣло касается именно собковскихъ крестьянъ, Лисичкина и наказанія, которому онъ подвергъ его и кабатчика Данилова.

Онъ угадалъ. Оказалось, что по отбытіи наказанія, наложеннаго на него земскимъ начальникомъ, Лисичкинъ, взбѣшенный униженіемъ, которому онъ подвергся въ глазахъ уѣзднаго населенія, подалъ въ порядкѣ надзора жалобу на неправильное дѣйствіе начальника. Въ этомъ прошеніи онъ указалъ на неподтвердившійся фактъ угощенія имъ и Даниловымъ собковскихъ крестьянъ виномъ, что такимъ образомъ начальникъ не имѣлъ никакого, сколько нибудь законнаго, основанія подвергать его, Лисичкина, и Данилова взыскацію, сопряженному съ лишеніемъ свободы, упоминались не безъ начальства прежнія его служебныя заслуги въ реформенное, особенно сложное время, и выражалась увѣренность и право на особенное уваженіе, которое онъ, Лисичкинъ, несомнѣнно имѣетъ и которымъ пользуется повсемѣстно въ округѣ. Объ этомъ въ прошеніи говорилось очень возвышеннымъ слогомъ, со всѣми признаками элоквенціи шестидесятыхъ годовъ, причемъ Лисичкинъ, не безъ насмѣшки надъ губернскимъ управленіемъ, рассчиталъ, что инциденты, въ родѣ сдачи дѣвокъ въ солдаты, давно отошли въ область преданій, и что такимъ образомъ противорѣчій его самовосхваленію не могло встрѣтиться. Въ концѣ прошенія Лисичкинъ говорилъ, что начальникъ, повидимому, недостаточно проникся смысломъ данной имъ присяги о томъ, чтобы, не увлекаясь ни дружбой, ни родствомъ, относиться неприятно ко всѣмъ, и что въ данномъ случаѣ онъ довѣряетъ двумъ лицамъ болѣе, чѣмъ цѣлому обществу крестьянъ, бывшихъ свидѣтелями страннаго поведенія Алифаньча на сходѣ, только потому, что имѣетъ какую-то неизвѣстную ему, Лисичкину, хотя и несомнѣнную, выгоду ихъ поддерживать. Словомъ, онъ, Лисичкинъ, и Даниловъ оказывались бѣдѣ снѣга, незлобивѣ голубя, Алифаньчъ, Бобылевъ и въ особенности земскій начальникъ—чуть ли не вампиры, пьющіе кровь православнаго крестьянства, а начальникъ, сверхъ того,—если не взяточникъ, то по меньшей мѣрѣ пристрастный и во всякомъ случаѣ неблагонамѣренный чиновникъ.

Въ городѣ съ начальникомъ обошлись очень сухо. На вопросы, ему предложенные, онъ изложилъ факты такъ, какъ они были, полагая, что они сами говорятъ за себя, и указавъ на дѣла о былыхъ продѣлкахъ Лисичкина, хранящихся въ мѣстномъ архивѣ губернскаго правленія. Но ему разъяснили, что хотя все это можетъ быть и такъ, но вообще нежелательно изъ-за какого-то несчастнаго кабака и десятка-другаго десятинъ луга подымать такой шумъ, такую исторію, изъ которыхъ могутъ легко разгорѣться прискорбныя осложненія, и что вообще слѣдуетъ ближе держаться формулы: *laissez faire, laissez passer...* Что же касается землевладѣльца Лисичкина, то онъ едва ли такой вредный человѣкъ, какъ о немъ думаетъ начальникъ, коль скоро до сего времени не подвергался никакой карѣ со стороны мѣстной администраціи. Въ заключеніе отвѣди, начальника попросили не злоупотреблять данною ему

властью и примѣнять право административныхъ взысканій, особенно по отношенію къ лицамъ некрестьянскаго сословія, съ сугубою осторожностью, чтобы не возбуждать противъ себя населенія и не вызывать такихъ прискорбныхъ жалобъ, какъ настоящая, такъ какъ, не слѣдуетъ таить правду, это можетъ, въ концѣ концовъ, пошатнуть престижъ института земскихъ участковыхъ начальниковъ, что на этотъ разъ, разумѣется, инцидентъ будетъ считаться исчерпаннымъ, но что надѣются впредь больше не встрѣчаться съ такими...

Земскій начальникъ уѣхалъ домой взбѣшенный и оскорбленный такимъ отношеніемъ къ этому дѣлу, въ которомъ именно и должна была проявиться твердая и близкая къ народу власть, а не рутинная, мертвая буква...

III.

Въ теченіе наступившей зимы, въ собковскомъ волостномъ судѣ разбиралось дѣло о нанесеніи Иваномъ Алифановымъ оскорбленія дѣйствіемъ и словами Лисичкину въ публичномъ мѣстѣ. Само собою разумѣется, что проступокъ подтвердился показаніями собковского старосты Крючкова и тѣхъ нѣсколькихъ мужиковъ, которые присутствовали при столкновеніи Ивана Ѳедоровича съ Алифанымъ у крыльца его дома, и судъ рѣшилъ дѣло обвиненіемъ послѣдняго, подвергнувъ его мѣсячному аресту по совокупности съ нарушеніемъ тишины и спокойствія въ публичномъ мѣстѣ, то-есть на улицѣ. Начальникъ, получивъ это рѣшеніе, обжалованное обвиняемымъ, препроводилъ дѣло въ апелляціонную инстанцію вмѣстѣ съ протестомъ своимъ, въ которомъ указывалъ на лично извѣстную ему подкладку этого дѣла, непосредственно вытекающую изъ приговоровъ собковского общества о лугахъ и кабакѣ, чтѣ и было причиной столкновенія. Соглашаясь съ юридической стороны съ постановленіемъ волостного суда, онъ просилъ, однако же, инстанцію взглянуть на это дѣло съ бытовой стороны, приводя въ подкрѣпленіе неоднократно повторившіяся въ разъясненіе этого циркуляры.

Но протестъ начальника уваженъ не былъ. Присутствіе раздѣлилось на двѣ части: къ одной принадлежали чиновники-юристы: членъ суда, городской судья и товарищъ прокурора. Этотъ послѣдній съ пѣной у рта доказывалъ виновность Алифанова въ оскорбленіи словомъ и дѣйствіемъ такого, повидимому, почтеннаго лица, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Лисичкинъ, дѣятеля шестидесятихъ годовъ, и потому имѣющаго право на особое уваженіе. Къ другому лагерю принадлежали два земскихъ начальника, въ томъ числѣ и тотъ, въ участкѣ котораго находился собковскій волостной судъ. Послѣдній пополнилъ протестъ, объяснивъ въ совѣщаніи, что такое Лисичкинъ, какова его прошлая и настоящая дѣятельность, и про-

силъ, во имя интереса мѣстнаго населенія, стать на сторону Алифаныча, человѣка безусловно хорошаго, служащаго образцомъ того типа крестьянства, который желателенъ и который непремѣнно слѣдуетъ оберегать отъ народившагося племени проходимцевъ, въ родѣ Лисичкина, и потому просилъ рѣшеніе волостного суда отмѣнить со всѣми его послѣдствіями. Членъ, рыжеватый господинъ, выдававшій себя за поляка и говорившій съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, сквозь который, однако же, очень замѣтно пробивалось еврейское сюсюканье, какъ представитель юстиціи, стоялъ на утвержденіи обвинительнаго рѣшенія, доказывая, что судъ не можетъ входить въ интимныя отношенія лицъ между собою, что изъ даннаго дѣла вовсе не видно ни добрыхъ качествъ Алифаныча, ни злыхъ инстинктовъ Лисичкина, что фактъ проступка является вполне доказаннымъ, и потому наказаніе должно состояться непремѣнно, иначе судъ не стоялъ бы на высотѣ своего призванія. Что же касается антагонизма двухъ типовъ, Алифаныча и Лисичкина, и предпочтительности того или другого, то это вопросъ будущаго, и во всякомъ случаѣ не входить въ компетенцію суда, назначеніе котораго — стоять исключительно на юридической почвѣ. Судья, разумѣется, оказался на сторонѣ коллеги-юриста. На другой сторонѣ остались три земскихъ начальника, поддерживавшихъ товарища, опротестовавшаго рѣшеніе волостного суда. Но въ этотъ день предсѣдательствовалъ именно сюсюкающій юристъ съ польскимъ акцентомъ, и потому перевѣсъ оказался на сторонѣ чиновниковъ.

Въ административномъ присутствіи того же дня, засѣданіе, воспользовавшись отсутствіемъ раздосадованнаго начальника, утвердило оба приговора собковскаго общества объ отдачѣ луговъ въ арендное содержаніе Лисичкину и объ уполномочіи его на веденіе судебныхъ дѣлъ общества вопреки ходатайства начальника объ отмѣнѣ. Это утвержденіе было мотивировано тѣмъ, что арендная плата за луга, предложенная Лисичкинымъ, вполне соответствуетъ существующимъ на этотъ предметъ рыночнымъ цѣнамъ, а относительно порученія ходатайства по дѣламъ общества Лисичкину присутствіе де не видитъ причинъ къ недопущенію повѣреннымъ Ивана Федорова, а потому и не находитъ достаточныхъ основаній къ отмѣнѣ приговора. Приговоръ о кабакѣ также былъ утвержденъ, такъ какъ присутствіе, состоявшее изъ двухъ земскихъ начальниковъ и трехъ чиновниковъ, исправника и предсѣдателя управы, нашло, что этотъ приговоръ по формѣ никакихъ нарушеній не содержитъ, а по существу очевидно клонится къ пользѣ, а не ко вреду общества, обезпечивая его, если не отъ всей недоимки, то отъ наибольшей ея части.

Иванъ Федоровичъ, все это время толкавшійся въ городѣ по канцеляріямъ, нѣсколько разъ совѣщаясь съ своимъ кумомъ и другими свѣдущими людишками, по окончаніи дѣла съ Алифанычемъ торжествовалъ.

И какъ же было не торжествовать?.. Собковскіе дуга за нимъ, ходатайство по дѣлу о размежеваніи собковцевъ съ помѣщикомъ и, слѣдовательно, возможность «солить» послѣднему, сколько хватить силъ, къ его услугамъ; Даниловъ съ недѣлю уже торгуетъ въ собковскомъ кабакѣ на славу и, наконецъ, самое пріятное, Алифанычъ посаженъ «на отсидку» за оскорбленіе его, Лисичкина, признаннаго публично имѣющимъ право на особое уваженіе... Какъ же было тутъ не торжествовать?..

IV.

Угрюмая зима подходила къ концу. Кабакъ успѣлъ приучить къ себѣ не только мужское населеніе отъ мала до велика, но и часть женскаго. Правда, бабы помоложе и дѣвки еще стыдились открыто посѣщать «заведеніе» Данилова, но по вечерамъ, въ особенности праздниками, можно было видѣть подъ окнами кабака женскія фигуры, быстро, какъ бы украдкой, принимавшія посуду изъ створчатаго окна или отъ какого нибудь услужливаго посредника, выносившаго имъ вино прямо на крыльцо.

Не плохо торговалъ молчаливый Даниловъ. Раза два уже съѣздилъ онъ въ городъ и внесъ въ сохранную кассу порядочную пачку денегъ. Въ дальнемъ чуланѣ его «заведенія», куда рѣшительно никто не допускался, кромѣ его жены, дородной, рябой и тоже какой-то застывшей, какъ онъ, вѣчно молчаливой бабы, было набрано много крестьянскихъ зипуновъ, коротаекъ, женскихъ шалей, даже хомутовъ, уздечекъ и прочей деревенской рухляди. У жены Данилова въ сундукѣ, подъ бѣльемъ, хранилось нѣсколько векселей, заемныя расписки на рожь, овесъ и другіе сельско-хозяйственные предметы. Одна расписка даже содержала въ себѣ признаніе долга на двѣ пары сошниковъ и сѣделку, будто бы занятыя должникомъ у кабатчицы Даниловой. Кабакъ не только въ праздники, но и въ будни былъ полонъ посѣтителей, изъ которыхъ самымъ усерднымъ былъ Ефремъ Крючковъ.

V.

Въ эту же зиму Агаѣя, сноха Алифаныча, сошлась съ солдатомъ. Чуть ли не каждую ночь убѣгала она на задворки въ дальній сарай, гдѣ бравый воинъ уже ожидалъ ее. Деревенскія кумушки даже уморились говорить объ этомъ. Алифанычъ, хотя, вѣроятно, догадывался о продѣлкахъ снохи, но относился къ нимъ какъ-то безучастно: у него была другая забота поважнѣе этой. Второй сынъ его, Максимъ, дотолѣ примѣрнаго поведенія, сталъ попивать. Однажды, прошлыми святками, царень вернулся совершенно пьянымъ съ улицы, гдѣ хороводъ игралъ пѣсни.

Алифанычъ крѣпко задумался..

Онъ чуялъ, что съ малымъ что-то приключилось, что на него кто-то дурно вліяетъ, но объяснить себѣ этого никакъ не могъ. Максимъ, всегда покорный, работящій и смиренный, какъ красная дѣвица, вдругъ совершенно измѣнился. Не разъ запаздывалъ онъ на мельницѣ, отговариваясь тѣмъ, что тамъ де «добре завозно» ¹⁾, по нѣскольку часовъ пропадалъ на водопоѣ, забывалъ дать корма скоту или нарубить дровъ для дома. Когда отецъ выговаривалъ ему за это, Максимъ огрызался, что дальше, то больше, такъ что Алифанычъ не разъ уже долженъ былъ обрывать его крикомъ и бранью, чего раньше не бывало.

«Что за притча?—соображалъ старикъ...—Надо подумакать, а не то и вовсе малый отъ рукъ отобьется!..»

— Ужъ не замѣшался ль тутъ врагъ Крючекъ?—говорилъ Алифанычъ, толкуя о сынѣ съ Бобылемъ.

— Дытъ, кто-жь ѿ знаетъ?—равнодушно отозвался кумъ.—Похожа, не Сошка ли, примѣчай, тутъ воровить!..

Алифанычъ вздрогнулъ, озаренный внезапно.

— Что-жь, кумъ, балуютъ?.. Какъ мекаешь?..—спросилъ онъ, погода немного.

— Дытъ кто-жь ихъ знаетъ?.. Народъ баять, а мы нешто знаемъ!..

Алифанычъ поникъ головою.

Но вскорѣ отношенія молодыхъ людей обнаружили признаніемъ самого Максима. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли Максима и Сошку у деревенскаго колодца, онъ льнулъ къ ней все настойчивѣе. Крѣпко полюбилась Сошка Максиму.

Любила ли она парня, или просто зѣрилась на него, какъ на выгоднаго жениха, Богъ вѣсть. Но несомнѣнно, что Крючковъ зналъ про связь дочери во всѣхъ подробностяхъ, и потому, когда Сошка, не имѣя больше возможности скрывать своего положенія, повалилась отцу въ ноги, винясь въ своемъ «грѣхѣ», старый плутъ только забѣгалъ по обыкновенію глазами.

— Ну-къ, что-жь, ну-къ, что-жь...—шамкалъ онъ, слегка покачивая головой.—Таперича, значить, пора... въ самую, то-ись, плеворцію за свадебку узяться!

На возраженія дочери, что Алифанычъ ни за что не дастъ Максиму родительскаго благословенія, Крючковъ, похлопывая дочь по дебелому плечу, говорилъ:

— Нябось, дѣвка, таперича Алихванычу твоему—крышка!.. Шабашъ, значить, хандру справлять!.. Надоть, только усяго, Лисичкина повидать... У ментъ усе оборудуемъ!..

Крючковъ въ тотъ же вечеръ переговорилъ съ Максимомъ, который тоже повинился во всемъ, объявивъ, что онъ другого и не

¹⁾ Очень много помольщниковъ.

«истор. вѣстн.», июль, 1898 г., т. lxxiii.

желаетъ, какъ взять Сошку за себя, какъ слѣдуетъ, по закону, но что отецъ едва ли согласится на ихъ бракъ съ Сошкой, такъ какъ «дobre сердцаеть» на него, Крючкова.

Крючковъ и Максима успокоилъ тѣми же словами, что и Сошку, и велѣлъ ему на другой же день признаться отцу и просить его благословенія.

На радости они тутъ же распили полчетверти вина, которую, разумѣется, поставилъ Максимъ, и разошлись.

На другой день Максимъ удучилъ время и, павъ передъ отцемъ на колѣна, объяснилъ свое положеніе относительно Сошки и просилъ позволенія покрыть грѣхъ вѣнцомъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Алифанычъ наотрѣзъ отказалъ Максиму, прибавивъ, что онъ скорѣе лишится сына и прогонитъ его изъ дома, чѣмъ породнится съ Крючковымъ.

Тогда Ефремъ, не медля ни минуты, отправился къ Лисичкину.

Лисичкинъ, которому рѣшительно не было никакого дѣла до Сошкиной чести, а нужно было только какимъ бы то ни было образомъ «солить» Алифанычу, разъяснилъ Крючкову, что нужно припугнуть старика, но что это возможно лишь при томъ условіи, если самъ Максимъ пойдетъ на это, признавъ свой проступокъ, когда начнется слѣдствіе. Онъ, однако же, предложилъ и другое средство: жениться безъ отцовскаго согласія, прибавивъ, что находить это средство самымъ простымъ, а главное—логичнымъ, такъ какъ изъ родительскаго благословенія шубы де не сошьешь, потому что это одна лишь форма или темное суевѣріе, но что въ этомъ послѣднемъ случаѣ нужно ожидать, что Алифанычъ непремѣнно выгонитъ Максима изъ дома, а, можетъ быть, лишитъ его даже наслѣдства, распродавъ все свое имущество, какъ это нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Отъ такого оборота дѣла никакой пользы Крючкову, конечно, не принесетъ.

Крючковъ хитро улынулся, показывая этимъ, что хорошо понималъ, и что Лисичкинъ попалъ какъ разъ въ точку. Вечеромъ, передавая все это Максиму, онъ посоветовалъ ему примѣнить первое средство, то-есть предложить отцу на выборъ: или дать согласіе, или видѣть своего сына подъ слѣдствіемъ и судомъ.

И Сошка съ своей стороны старалась дѣйствовать на Максима въ томъ же духѣ. Она была не глупа и при томъ, если чувство, быть можетъ, и не стояло у нея на первомъ планѣ, все же она не могла не «жалѣть» своего любовника, хотя бы уже потому только, что расчетъ выйти за богатаго въ ея отношеніяхъ къ нему имѣлъ несомнѣнно большое значеніе. Максимъ беззавѣтно вѣрилъ въ искренность чувства своей лапушки и окончательно рѣшился идти напроломъ, чтобы даже вопреки родительской волѣ жениться на Сошкѣ.

VI.

Объясненіе между Алифанычемъ и Максимомъ вышло очень бурное. Алифанычъ совершенно не внялъ доводамъ и просьбамъ сына, а къ угрозамъ его наложить на себя руки отнесся какъ будто съ насмѣшкой.

— Ну-къ, что-жь?..—сказалъ онъ...—нехай!.. На, поди, возьми возжу... вонъ, у сѣнцахъ висятъ!.. Да покрѣпша выбери... чтобъ не оборвалась!.. Дураку—дурацкая и смерть!.. А благословенія, значить, мово, что хошь, не дамъ... вотъ те истинный Господь... Хошь ты лопни со своею Сошкой!..

Сердце Максима кипѣло злобой противъ настойчиваго отца. Въ головѣ его, еще затуманенной вчерашней выпивкой съ нареченнымъ тестюшкой, стоялъ шумъ, въ груди сосало, хотѣлось опохмелиться, чтобы забыть, хоть на время, всѣ неудачи.

Онъ оставилъ хату, гдѣ происходило объясненіе, и, громко хлопнувъ дверь, выпшелъ на улицу.

Совершенно безсознательно побрелъ онъ къ Крючковой хатѣ и, не поздоровавшись даже, сѣлъ на лавку.

— Здорово, малый,—сказалъ Крючковъ, подымаясь съ другой лавки, на которой лежалъ. Посмотрѣвъ на Максима, онъ прибавилъ:

— Ай, случай какой недобрый?

— А то нѣтъ?

— Съ отцомъ говорилъ?

— Говорилъ!

— Ну?

— Нябось самъ понимаешь!

— Тэ-э-э-къ-съ!..—протянулъ Крючковъ.—Труба, значить?..

— Вина дай!—не отвѣчая на вопросъ, мрачно проговорилъ Максимъ.

Лицо его было блѣдно, глаза сверкали недобримъ огнемъ.

— Хе!.. Ишь ты, раз-охо-тил-ся,—хихикнулъ Крючковъ.

Но Максиму было не до шутокъ и не до смѣха.

— Вина!—крикнулъ онъ, стукнувъ по столу кулакомъ такъ, что Ефремъ вздрогнулъ.

— Да гдѣ-жь я тѣ вина-то возьму? Ишь расшумѣлся,—огрызнулся въ свою очередь Крючковъ.

— Пошли, добре тошно мнѣ,—сказалъ Максимъ спокойнѣе.

— Нябось видишь?.. Одинъ я.. кого послать-то?..

— А Сошка гдѣ, Илюха?

— Молотятъ!

— Ишь ты! Ну, самъ сходи!

— Ну-къ, что-жь, отчего не сходить? Дѣло не за большимъ!—ухмыльнулся Крючковъ.—Давай денегъ!

— Денегъ?.. — протянул Максимъ, какъ бы соображая. — Денегъ?.. А гдѣ-жъ я-то денегъ возьму?

— Обнаковенно, домой сходи!

— Домой? — презрительно возразилъ Максимъ. — Нябось у отца попросить на пропой души?

— Ну-къ, что-жъ, хоша-бъ и у яво! Нябось у дармовыхъ рабочихъ яму вѣкъ служишь! Неузли-жъ и погулять когда малому нельзя? Нашимъ дѣтемъ, къ примѣру, у домѣ запрету ни у чемъ нѣгути, потому, то-ись, имущества обчая. Такъ, значить, самъ Иванъ Хведорычъ говорилъ... Изъ напечатанной книги, говорить, вычиталь... Потому, какъ мой Илюха да Сопшка, то-ись, работаютъ на меня, ну, значить, имущества выходитъ обчая... Что хошь, то и бери!..

— «Да братъ-то нечего», — думалъ Максимъ, оглядывая нищенскую обстановку хаты.

— Сходи, паря, домой, — продолжалъ уговаривать Крючковъ, — возьми, значить, деньжатъ, да и приходи сюда. Пра! Живо оборудуемъ винца, да хлѣбушкомъ съ лучкомъ закусимъ. Первый сортъ, то-ись! Пра!..

— Думаешь, у тятки-то деньги на порогѣ валяются? — возразилъ Максимъ, — тожъ, нябось, въ укладкѣ заперты, а ключъ на поясѣ.

— Ну-къ, что-жъ, — не унывалъ Крючковъ, — можа и не на деньги. Сходилъ у амбаръ, насыпаль мѣрку ржи — вотъ табѣ и деньги!

Максимъ вскочилъ съ лавки, схватилъ шапку и побѣжалъ на улицу. Войдя въ свою хату, чтобы взять ключъ отъ амбара, висѣвшій на извѣстномъ ему мѣстѣ, онъ оглянулся. Въ хатѣ никого не было. Сердце его сильно билось въ груди и щемило, какъ передъ бѣдой. Смутное сознание, что онъ поступаетъ дурно, жгло его.

Но выпить хотѣлось ужасно. Въ желудкѣ ныло и сосало. Голова болѣла, словно хотѣла расколоться пополамъ. Въ ту же минуту ему вспомнились слова Крючка о томъ, что онъ, Максимъ, вѣкъ служить «дармовымъ» рабочникомъ у отца, и что у него поэтому, какъ и у остальныхъ членовъ семьи, одинаковыя права на общее имущество. Зло на отца, мѣшающаго его счастью съ Сопшкой, заглупало въ немъ совѣсть.

— Съ лихаго пса хоть шерсти клокъ, — подумалъ онъ, поспѣшно сорвавъ ключъ и перебѣгая улицу къ амбару.

Алифанычъ, котораго Максимъ впопыхахъ не замѣтилъ, лежалъ на печкѣ и видѣлъ, какъ сынъ пришелъ въ хату и снялъ ключъ. Мрачное его лицо, колебание, необычная поспѣшность, вообще страшный его видъ возбудили въ Алифанычѣ сомнѣние.

— Откеда яво Богъ принесъ? — подумалъ онъ, слѣзая съ печи и поспѣшно обуваясь. — Кажись, объ эту пору молотить бы надоть, а ѣвъ въ амбаръ... Чудно!.. Пойти поглядѣть, не надѣлалъ бы парень чаво!

Максимъ уже выходилъ изъ амбара съ насыпаннымъ мѣшкомъ и запералъ дверь. Онъ стоялъ къ отцу спиной и не замѣчалъ его. Алифанычъ положилъ руку на плечо сына и коротко спросилъ, указывая на мѣшокъ: «это что?».

— Мѣшокъ. Нешто не видишь?..

— Вижу... на что?

— Нужно.

— Куда!

— Въ кабакъ, а то куда-жъ?

Алифанычъ вспыхнулъ и потомъ разомъ поблѣднѣлъ. Его дѣтище, его покорливый, беззавѣтный Максимъ, которымъ онъ еще такъ недавно не могъ нахвалиться, стоялъ теперь передъ нимъ злой, угрюмый, какой-то одичалый, чуть ли не угрожающій.

— Нѣтъ, братъ, мой хлѣбъ въ кабакъ не ходить,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ и, быстро нагнувшись, взялъ мѣшокъ, поставленный Максимомъ на крылечко амбара.

— Не тронь, отецъ!—сказалъ Максимъ зазвенѣвшимъ отъ злобы голосомъ. Лицо его исказила судорога, глаза налились кровью. Онъ схватилъ мѣшокъ за край и сильно дернулъ его къ себѣ. Но руки отца были еще крѣпки. Онъ тоже рванулъ мѣшокъ, который остался у него въ рукахъ.

— Не дамъ, щенокъ,—заревѣлъ онъ на сына,—не дамъ пропивать отцовское доброе съ твоею дѣвкой.

Максимъ словно озвѣрѣлъ. Схвативъ одною рукою отца за горло, а другою мѣшокъ, онъ сильнымъ толчкомъ свалилъ старика съ крылечка на землю и, прыгнувъ черезъ него, побѣжалъ отъ амбара по направленію къ задворкамъ, не замѣтивъ даже, что на улицѣ въ это время видѣли всю эту сцену. Онъ помнилъ только, какъ отецъ охнулъ, ударившись о землю, и какъ онъ перепрыгнулъ черезъ него. Онъ былъ въ какомъ-то туманѣ и только пришелъ въ себя, когда вмѣстѣ съ украденнымъ мѣшкомъ ржи очутился въ хатѣ Крючкова.

VII.

Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ. Алифанычъ, сгоряча надумавшій было отдать сына въ руки правосудія, одумался. Рука не поднялась на родное дѣтище. Онъ предпочелъ отдать Максима въ работу, въ Кіевъ, къ знакомому рядчику, чтобы удалить его отъ Сошки и той среды, которая такъ пагубно на него вліяла.

Въ работѣ съ Максимомъ совершился переворотъ. Въ немъ давно уже росло раскаяніе. Къ концу года угрызения совѣсти стали мучить его невыносимо. Онъ часто посылалъ отцу письма, хотя самъ былъ неграмотенъ, умоляя простить и забыть зло, которое онъ сдѣлалъ. Воспоминанія объ отношеніяхъ къ отцу въ послѣднее время, Крючковъ, его дочь Сошка, казались Максиму теперь какими-то

далекими, туманными и наполняли его суевѣрнымъ страхомъ, что онъ погубилъ свою душу навѣки. Этими угрызениями онъ искренно убивался.

Сошка недолго горевала о Максимѣ. Въ первое время, утративъ возможность покрыть «грѣхъ», она какъ будто заскучала и даже растерялась. Но вдругъ отыскался вдовецъ изъ дальняго села, человѣкъ бѣдный, съ тремя дѣтьми, который пожелалъ взять Сошку за себя. Она, недолго думая и понимая, что въ ея положеніи не время быть разборчивой, вышла за нелюбимаго и незавиднаго жениха-вдовца и, переселившись къ нему, черезъ два мѣсяца родила ему сына ¹⁾.

Когда Максима угнали съ артелью въ Кіевъ, Иванъ Алифанычъ впалъ въ тяжелую хандру, весь посѣдѣлъ и какъ-то сразу осунулся и ослабъ. Не одну ночь просиживалъ онъ на крылечкѣ и утиралъ слезы, катившіяся по щекамъ и побѣлѣвшей бородѣ. Онъ сталъ еще молчаливѣе, замкнутѣе и суровѣе, чѣмъ когда нибудь, и одни только покаянныя письма отъ сына утѣшали его. Тогда разсѣивалась его кручина, и въ припадкѣ умиленія онъ падалъ на колѣна, благодаря Бога за обращеніе Максима. Въ душу его снова врывался лучъ надежды, что сынъ, единственная опора и радость его, вернется къ нему исправленнымъ, покорливымъ, работающимъ—такимъ, какимъ онъ его растилъ и любилъ прежде.

Въ борьбѣ съ кабакомъ Алифанычъ не терялъ ни бодрости, ни силы духа. Не покладая рукъ, слѣдилъ онъ самъ и при помощи Бобыля за собковскимъ кабакомъ, источникомъ всѣхъ его бѣдъ, давъ зарокъ изловить Данилова на какомъ нибудь плутовствѣ или отступленіи отъ закона.

Это было тѣмъ легче, что земскій начальникъ, человѣкъ честный и разумно благонамѣренный, самъ ненавидѣлъ кабаки и кабатчиковъ и, съ своей стороны, зорко слѣдилъ за заведеніемъ Данилова.

Случай мошенническихъ продѣлокъ Данилова скоро обнаружился.

Кабатчикъ былъ изобличенъ въ томъ, что продалъ вина проѣзжему мужику не за деньги, а подъ залогъ безрукавки и полумѣшка муки.

По этому дѣлу Даниловъ былъ подвергнутъ штрафу судомъ на сорокъ рублей. Не прошло и недѣли послѣ этого, какъ однажды вечеромъ въ кабакъ нагрянулъ становой и произвелъ обыскъ, причемъ былъ обнаруженъ и тотъ потайной чуланъ, гдѣ хранились шали, коротайки, безрукавки, зипуны и прочія вещи, которыя Даниловъ бралъ въ залогъ съ потребителей вмѣсто денегъ. Опрошенныя становымъ мужики и бабы, въ особенности послѣднія, которыя всегда больше мужиковъ радѣютъ о домашнемъ добрѣ, молчавшія

¹⁾ По деревенскимъ обычаямъ, за вдовца съ дѣтьми выдаютъ только дѣвку съ какимъ либо физическимъ изъяномъ, перестарка или съ порочною славой. Авт.

дотолѣ, видя, что теперь представляется возможность вернуть свое имущество, не жалѣя Данилова, выдали его головою. Даже многіе, которые подѣ влияніемъ вина и уговоровъ Крючкова и его пріятелей подписали тогда приговоръ, теперь убѣдились въ страшномъ вредѣ, который внесъ за собою кабакъ,—перешли въ оппозицію и, не стѣсняясь, говорили, что пора бы сдѣлать крышку грабительскому заведенію, которое де въ конецъ разорило всю деревню. Становой, предупрежденный начальникомъ, отнесся къ этому дѣлу очень внимательно, подробно обставилъ дознаніе и, руководствуясь статьею закона, отобралъ у Данилова патентъ и все дѣло препроводилъ по подсудности къ начальнику. Такимъ образомъ, впредь до разрѣшенія дѣла судомъ, продажа вина въ собковскомъ кабакѣ была пріостановлена.

Теперь настала очередь Алифаныча торжествовать побѣду надъ заклятымъ своимъ врагомъ—кабакомъ Данилова, нанесшимъ ему и его семьѣ столь тяжкія увѣчья. Теперь, когда данный имъ зарокъ былъ исполненъ,—у земскаго дѣла не сорвется, онъ въ этомъ былъ увѣренъ,—Алифанычъ весь отдался мечтамъ о возвращеніи раскаявшагося Максима. Кромѣ отцовскаго чувства, въ немъ все болѣе и болѣе разгоралось религиозное. Молиться постоянно и горячо стало его насущною потребностью. Но дома ему казалось тѣсно. Ему хотѣлось на просторъ, на широкую волюшку и—что таить—тянуло непреодолимо, болѣзненно къ сыну: повидать, обнять любимое дитя, пожалѣть его, сказать ему, что онъ давно простилъ и не помнитъ на немъ зла. До возвращенія Максима оставалось какихъ нибудь два мѣсяца, а Алифанычъ чувствовалъ, что силъ у него не хватитъ дождаться. Потребность эта захватила его цѣликомъ и съ каждымъ днемъ только росла и крѣпла.

— Эхъ-ма... Хошь бы однимъ глазкомъ поглядѣть на яво, болѣзнаго,—твердилъ старикъ безпрестанно.—Дождусь ли яво домой-то? Года мои ужъ такіе, въ животѣ и смерти—Богъ воленъ.

Осень уже наступила. Хлѣба съ полей были убраны, оставалась молотба, но это было дѣло зимнее, не къ слѣху, и потому Алифанычъ снаряжился въ путь къ святому Кіеву на богомолье, приложиться къ мощамъ угодниковъ, навѣститъ сына, съ которымъ и предполагалъ мѣсяца черезъ два вернуться домой.

Онъ пошелъ пѣшкомъ.

VIII.

Кабатчикъ Даниловъ теперь сидѣлъ безъ дѣла, хотя втихомолку, несмотря на то, что патентъ былъ у него отобранъ, приторговывалъ остававшимся у него виномъ. Мужики хотя и были довольны наступившею въ селѣ тишиною, не могли, однако же, устоять противъ соблазна, и потому тайныхъ покупателей у Данилова было еще много.

Крючковъ вина домой не бралъ, потому что денегъ у него никогда не бывало, а въ кредитъ Даниловъ давно пересталъ отпускать ему. Зато каждый вечеръ, когда у Данилова уже не было посѣтителей, Крючковъ являлся въ кабакъ и неизмѣнно просиживалъ часокъ—другой, бесѣдуя съ хозяиномъ.

Благодаря бѣдѣ, стряпшейся надъ Даниловымъ,—бѣдѣ, которую онъ всецѣло приписывалъ проискамъ Алифаныча, разговоръ исключительно вертѣлся на этомъ предметѣ. Впрочемъ, самъ Даниловъ больше молчалъ и ограничивался короткими ругательствами и зложеланіями по адресу Алифаныча. Изъ его немногосложныхъ рѣчей, однако же, легко было понять, и Крючковъ давно это понималъ, что Даниловъ готовъ чѣмъ угодно отмстить Алифанычу за его происки противъ кабака и за всѣ убытки, въ которые онъ, Даниловъ, былъ вовлеченъ закрытіемъ заведенія.

— Разорилъ, окаянный! — твердилъ Даниловъ, бѣгая глазами подъ полуопущенными вѣками.

Крючковъ поддерживалъ обвиненіе и ругалъ не только Алифаныча, но и всѣхъ тѣхъ, кто способствовалъ закрытію кабака.

— А что-жъ на яво смотрѣть-то, на пралика? Яво принагнуть надоть, во што,—сказалъ онъ однажды, бесѣдуя по обыкновенію съ Даниловымъ одинъ на одинъ въ грязной и душной коморкѣ, служившей послѣднему жильемъ. Даниловъ насторожилъ уши. Въ словахъ Крючкова, слышалось не одно только недоброжелательство по отношенію къ Алифанычу, но и рѣшительная угроза.

— Принагнешь, какъ же,—возразилъ онъ, какъ бы сомнѣваясь.

Онъ налилъ Крючкову вина въ щербатую чашку, а себѣ—въ маленькую рюмку.

— И принагну. Думаешь, нѣтъ? —сказалъ Крючковъ, выпивъ чашку однимъ духомъ, морщась и пережевывая мякишъ хлѣба, валивагося тутъ же на столѣ.—Очень просто,—прибавилъ онъ потомъ, склабясь по привычкѣ.

— Какъ же?—протянулъ кабатчикъ тѣмъ же тономъ сомнѣнія.

— Ночь темная, осенняя — згй Божьей не видать. Вѣтеръ добрый — помогнетъ. Хозяина-то дома нема: чикъ—и готово,—тайственно оглядываясь говорилъ Крючковъ и еще шире распустилъ наглую улыбку по своему лицу.

Кабатчикъ промолчалъ. По лицу его скользнуло что-то въ родѣ улыбки. Глаза загорѣлись. Но это было лишь одно мгновеніе. Лучъ, скользнувшій по его лицу, мгновенно потухъ, и оно снова сдѣлалось безпокойнымъ, суетливымъ, какъ всегда.

— Налей!—сказалъ Крючковъ, подставляя щербатую чашку Данилову.

— Что-жъ, ходитъ што-ль? —спросилъ онъ, когда кабатчикъ налилъ.

Даниловъ помолчалъ, только глаза его забѣгали быстрѣе.

— Не попасться бы,—наконецъ прошепталъ онъ, какъ будто съ величайшимъ трудомъ выговаривая слова.

— Волка бояться—въ лѣсъ не ходить,—хихикнулъ Крючковъ.— Думай! — подстегнулъ онъ Данилова, видя, что тотъ снова задумался.

Настало довольно продолжительное молчаніе. Слышалось только бойкое тиканье часовъ на стѣнѣ да мѣрное храпѣніе супруги Данилова изъ сосѣдней комнаты.

— Ходить,—вдругъ сказалъ Даниловъ рѣшительно, какъ бы преграждая самому себѣ путь къ отступленію и энергично хлопнувъ рукой по столу. Онъ самъ, какъ будто, испугался рѣшительности своего жеста, и тотчасъ же весь съезжился.

— Оборудуемъ, нябось,—сказалъ Крючковъ, встряхнувъ головой, какъ бы желая ободрить Данилова,—говорю: ночь темная, осенняя—зги не видать. Вѣтеръ добрый — помогнетъ. Хозяина дома нема. Нябось Ганька, праликъ ее, таперича, то-ись, съ солдатомъ своимъ... Ну, да нехай её... Вреды тѣжа отъ ихъ ня будетъ—не до того имъ.

Крючковъ снова протянулъ Данилову чашку.

— Не много-ль будетъ? — спросилъ тотъ, опасаясь, что Крючковъ захмелѣетъ и не будетъ въ силахъ «принагнуть» Алифаныча.

Но Крючковъ былъ такъ бодръ, какъ будто и не пилъ ничего.

— Нябось! — сказалъ онъ вставая, — осѣчка не буде. Пущай, старый чортъ, помнитъ собковскій кабакъ да Крючкову Сошку!

— Ну, дѣйствуй, коли такъ,—сказалъ Даниловъ, тоже вставая изъ-за стола.

— А много-ль дашь? — сказалъ Крючковъ дѣловито, въ упоръ посмотрѣвъ на Данилова.

Даниловъ сейчасъ же опустилъ глаза и замолкъ.

— Ну? — подстегнулъ его Крючковъ.

— Да что-жь?—какъ бы нехотя проговорилъ Даниловъ,—...рубльшко пожертвуемъ.

— Нѣтъ, братъ, не ходить. Эвта самая штука горячая — обожгѣшьси. Меньше красненькой — не ходить, — сказалъ Крючковъ серьезно и внушительно.

Между Даниловымъ и Крючковымъ начался настоящій торгъ. Одинъ набавлялъ, другой уступалъ по грошамъ, не торопясь. Оба держались крѣпко.

Они, наконецъ, сторговались за шесть рублей и четверть вина на придачу.

— Давай деньги за-руки, а не то—надуешь,—сказалъ Крючковъ нахально.

Даниловъ вздохнулъ, притворяясь обиженнымъ.

Понимая по настойчивому тону Крюčkова, что тотъ этого требованія не измѣнитъ, Даниловъ подошелъ къ сундуку, отперъ сначала висячій, потомъ внутренний замокъ, чуть-чуть приподнялъ

крышку и, защищая собой содержимое сундука отъ нескромныхъ взглядовъ Крючкова, пошарилъ тамъ рукою и, доставъ двѣ зелененькихъ бумажки, подаль ихъ Крючкову, снова запирая сундукъ на оба замка.

— Лады, — проговорилъ Крючекъ, засовывая деньги въ карманъ. — А вино?

— Завтра отпущу. Небось, не сгорить, — пошутить Даниловъ.

— Врешь, братъ, давай сейчасъ, не то — надуешь... право, велико слово, надуешь... — тоже, какъ бы шутя, отвѣтилъ Крючекъ.

Даниловъ снова вздохнулъ, но пошелъ, однако же, въ помѣщеніе, гдѣ прежде былъ кабакъ и, взявъ оттуда четвертную бутылъ вина, передалъ ее Крючкову.

— Ну, а таперича, значить... то-ись — посошокъ... — сказалъ Крючекъ, снова подставляя щербатую чашку, которая оставалась на столѣ.

Даниловъ безмолвно налилъ чашку. Взявъ ее, Крючковъ посмотрѣлъ на кабатчика, хихикнулъ, низко поклонился и осклабясь сказалъ: — дай табѣ Богъ... осьмину блохъ.

Онъ сосредоточенно, не торопясь, выпилъ, крикнулъ и, морщась, поспѣшно закусилъ хлѣбомъ.

Даниловъ блѣдно улынулся.

— Таперича, значить, уполнѣ... пора, — проговорилъ Крючекъ, вытирая ротъ рукавомъ. — Слышь, вторые пѣтухи поютъ.

Оба вышли на крыльцо.

— Стой, — сказалъ Крючковъ. — Спиць у меня нѣтути. Эхъ, головушка.

Даниловъ снова отворилъ дверь и хотѣлъ уже войти въ помѣщеніе, когда Крючекъ сказалъ ему: — прихвати съ собою карасинцу, не то, похѣжа дождь пошелъ, несоро вздуешь.

Даниловъ отправился за спичками и керосиномъ.

— А-а-а... Погоди... пришелъ и ко мнѣ праздникъ... — думалъ тѣмъ временемъ Крючковъ, стоя на крылечкѣ и ожидая Данилова. — Погоди, другъ любезный Иванъ Алифанычъ, не донести тебѣ новинной лепешки до рта со своимъ собачьимъ сыномъ... Вспомните Сошку, мою дочку рѣдную?.. Сгубили ее, окаянные... И пусть весь вашъ родъ будетъ проклять навѣки...

Сунувъ въ карманъ принесенную Даниловымъ бутылку съ керосиномъ и коробокъ спичекъ, Крючекъ, бережно неся четвертную бутылъ, спустился съ крыльца и, не простившись даже съ кабатчикомъ, почти бѣгомъ, несмотря на непроглядную тьму, пустился по направленію къ хлѣбному сараю Алифаныча.

IX.

...И правда,—какъ сказалъ Крючковъ,—осѣчки не было.

Не болѣе какъ черезъ полчаса хлѣбный сарай Алифаныча горѣлъ и потрескивалъ. Не смолоченный хлѣбъ въ снопахъ полыхалъ такимъ пламенемъ, что нельзя было подойти. Сарай охватило какъ-то разомъ и съ боковъ, и съ крыши. Огромныя шапки горѣвшей соломы, раздуваемая бушевавшимъ порывистымъ вѣтромъ, далеко неслись поверхъ уже опустѣвшихъ огородовъ и садовъ, освѣщая по пути сонныя дома, улицу, обсаженную деревьями, и ометы соломы около риги.

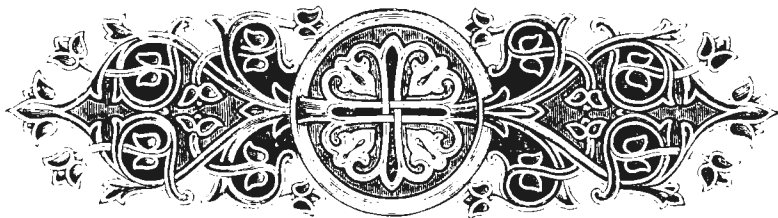
Ударили въ набатъ! Перепуганные со сна собковцы, на ходу натягивая на себя одежду, бѣжали къ мѣсту пожара. Пожаръ перебросило на домъ сосѣда Алифаныча и два ближнихъ сарая. Отъ этого дома загорѣлся слѣдующій, третій, четвертый. Сарай, наполненные недавно убранымъ, еще волжкимъ, хлѣбомъ, загорались одинъ за другимъ, и вѣтеръ далеко разносилъ горѣвшую солому по всѣмъ направленіямъ. Вскорѣ загорѣлся дворъ на дальней слободѣ—огонь перекинуло. И здѣсь начиналось то же. Дворы, сарай, амбары, овины и ометы загорались одинъ за другимъ, перекидывая огонь все дальше и дальше. Не болѣе какъ черезъ часъ цѣлая половина огромнаго села, стоявшая подъ вѣтромъ была объята пламенемъ. Все населеніе Собкова, старъ и младъ, великъ и малъ,—было на улицѣ. Толпа стояла и смотрѣла на постигшее ее бѣдствіе. Бабы и дѣвки-подростки, съ иконами на рукахъ, всхлипывали и голѣсили. Мужики, пробовавшіе сначала растаскивать пылавшія бревна и заливать огонь на половину расплесканными ведрами воды, убѣдившись теперь, что остановить пожаръ было невозможно, бросили работать и стояли, безучастно глядя на пламя и утирая нолами зипуновъ и полшубковъ обильно струившіяся по ихъ лицамъ поты. На улицѣ громоздился вынесенный изъ хатъ домашній скарбъ; стоялъ спиной къ вѣтру выведенный со дворовъ скотъ и лошади.

Староста, совершенно растерявшійся, пробѣжалъ по улицѣ крича, что загорѣлся кабакъ и училище. Толпа бросилась къ кабаку. Даниловъ, уже выскочившій на улицу, кричалъ что-то, повидимому, воя на помощь. Болѣе десятка мужиковъ бросилось внутрь заведенія, вытаскивая оттуда бутылки и бутылки. Они отбивали горлышки, выпивая сами и угощая стоявшихъ на улицѣ. Пьяныхъ становилось все больше и больше. Староста было попробовалъ остановить грабежъ и отвлечь толпу къ загоравшемуся училищу, но никто его не слушалъ, и толпа продолжала таскать вино и напиваться.

Трескъ пламени слышался отовсюду. По всему селу стоялъ свѣтъ, какъ днемъ...

Чуяли ли собковцы, откуда пришелъ къ нимъ этотъ свѣтъ?.. Едва ли!.. Да и когда-то еще почувють!

В. Тимашевъ-Берингъ.

ШТУРМЪ КАРСА 17-ГО СЕНТЯБРЯ 1855 Г.

(Изъ записокъ очевидца полковника де-Саже).

О ВОЗВРАЩЕНИИ изъ Крыма артиллеріи капитана Доливо-Добровольскаго, посланнаго туда главнокомандующимъ на Кавказѣ, Н. Н. Муравьевымъ, подъ Карсомъ стало извѣстно, что, несмотря на отбитый штурмъ 6-го іюня, союзники, послѣ успѣха на р. Черной, повели атаку съ новою энергіей. Потери наши отъ непрерывныхъ бомбардированій становились все болѣе и болѣе чувствительны. Севастополь пѣлъ свою лебединую пѣсню. Надо было ожидать, что, въ случаѣ скорого паденія Севастополя, враги наши направятъ свои усилія для выручки Анатоійскаго корпуса, запертаго нами въ Карсѣ. И хотя наступила уже осень, но оставалось впереди три мѣсяца для похода, который могъ отвлечь часть нашихъ силъ отъ Карса, если бы непріятель высадился въ значительныхъ силахъ въ Батумѣ или Редуть-Калѣ.

Блокада наша, между тѣмъ, наступила на горло турецкой арміи. У стѣнъ Карса, за ретраншментами, искусно возведенными англійскимъ инженеромъ, полковникомъ Лекомъ, держались турецкія войска, повинувась энергической волѣ генерала Вильямса. Бѣдственное положеніе продовольственныхъ средствъ въ Карсѣ скрывалось отъ войскъ и жителей съ такою загадочною тайною, что, несмотря на старанія нашихъ лазутчиковъ, главнокомандующій получалъ изъ крѣпости крайне сбивчивыя свѣдѣнія.

Испытанные въ бояхъ кавказцы смотрѣли на карскія укрѣпленія съ напряженнымъ вниманіемъ. Съ утра до вечера собирались кружки

солдатъ на возвышенности впереди праваго фланга лагеря и разсуждали, какъ штурмовать турецкія табіи ¹⁾). Взоры всюду обращены были, большею частью, на главное укрѣпленіе Чохмахскихъ высотъ—Вели-Папа-Табіэ, прозванное солдатами «Шапкой», потому что, по виду своей сильной профили, она покрывала вершину Чохмаха. Передовыя укрѣпленія Шорахскихъ горъ были менѣ видны изъ лагеря нашего у деревни Четликая, такъ какъ мы занимали позицію, почти по продолженію ихъ оборонительнаго фронта; поэтому они казались на видъ слабыми и въ общемъ мнѣніи отряда удободоступными.

Послѣ блистательнаго набѣга на с. Пенякъ, гдѣ генераль-лейтенантъ Ковалевскій разбилъ отрядъ Али-паши и взялъ его въ плѣнъ, наша лагерная жизнь проходила въ обыкновенныхъ служебныхъ занятіяхъ. Открывшаяся въ войскахъ холера, благодаря попеченіямъ главнокомандующаго, искусству и опытности главнаго доктора Годзіевскаго и здоровому климату благословенной Анатолиі, была прекращена довольно скоро. Скудость нашего фуражнаго довольствія мы также скоро устранили пограничными средствами около крѣп. Александрополя. Достатокъ во всемъ, прекрасные осенніе дни, поддерживали веселый духъ главнаго Александропольскаго отряда, только и занятаго тѣмъ, какъ бы завладѣть скорѣе Карсомъ.

11-го сентября, утромъ, вслѣдъ за густыми клубами дыма, раздалась пушечные выстрѣлы со всѣхъ карскихъ укрѣпленій. Правильная, послѣдовательная пальба давала знать, что турки салютуютъ какому-то радостному событію. Мрачное предчувствіе подсказывало нашимъ войскамъ, что непріятель празднуетъ побѣду въ Севастополѣ. Предчувствіе это вскорѣ оправдалось. 12-го сентября «Русскій Инвалидъ» извѣстилъ, что доблестные защитники Севастополя, послѣ 336 дневной борьбы, небывалой въ исторіи самыхъ кровавыхъ войнъ,—отступили съ южной на сѣверную сторону. Слухъ о высадкѣ Омеръ-паши съ сильнымъ корпусомъ въ Батумъ сдѣлался предметомъ лагерныхъ разговоровъ. Утверждали даже, что Омеръ-паша предпринялъ движеніе чрезъ Аджарскій хребетъ къ Ардагану, но возвратился, сдѣлавъ два перехода.

Страстное желаніе скорѣе вознаградить потерю Севастополя взятіемъ Карса и уничтоженіемъ всего Анатолійскаго корпуса порадовать государя и Россію — сдѣлалось общимъ въ нашемъ лагерѣ. Никто не разсчитывалъ на препятствія смѣлому предпріятію. Въ гордомъ воспоминаніи дней Башъ-Кадыкъ-Лара и Курюкъ-Дара, съ полнымъ довѣріемъ къ главнокомандующему и видя неподвижное состояніе войскъ Вильямса, войска вѣрили въ несомнѣнность успѣха.

¹⁾ Табіэ потурецки называется укрѣпленіе, редуть.

14-го сентября, главнокомандующій отдалъ приказъ: чтобы войска были готовы къ выступленію во всякое время, въ особенности ночью, такъ какъ движеніе можетъ послѣдовать неожиданно, потому что отъ генерала Бакланова ¹⁾ получены были свѣдѣнія о намѣреніи непріятеля прорваться изъ Карса.

Приказъ этотъ готовилъ войска къ штурму. Очевидно было, что истощенный непріятель не могъ рисковать отчаяннымъ ударомъ проложить себѣ отступленіе чрезъ Саганлугъ до Эрзерума. Это былъ единственный путь, по которому онъ могъ бы соединиться съ Велипашей; но безъ продовольственныхъ запасовъ въ мѣстахъ, нами разоренныхъ, имѣя до Эрзерума пять сильныхъ переходовъ, онъ подвергся бы конечному истребленію. Доказательствомъ тому уже служилъ разгромъ высланной имъ кавалеріи изъ Карса, въ ночь съ 22 на 23 августа, отрядами полковниковъ князя Дондукова-Корсакова, барона Унгернъ-Штернберга и Шульца. Отряды эти наблюдали за дорогами на Пенякъ, Эрзерумъ и Ардаганъ.

Не было сомнѣнія, что дѣло шло къ штурму. Генераламъ, начальствовавшимъ главными частями: 13-й дивизіею—Ковалевскому, 18-й дивизіею—князю Гагарину и начальнику кавказской гренадерской бригады—барону Майделю, поручено было ознакомиться съ мѣстностью впереди Шорахскихъ высотъ. Чтобы не привлечь вниманія непріятеля, рекогносцировки эти были произведены съ незначительными конвоями, безъ участія частныхъ начальниковъ, свѣдѣнія которыхъ о мѣстности ограничивались общимъ понятіемъ о начертаніяхъ непріятельскихъ укрѣпленій, вынесеннымъ изъ рекогносцировки, произведенной самимъ главнокомандующимъ 1-го іюля изъ лагеря при с. Тикмѣ съ обсервационной горы ²⁾.

16-го сентября, главнокомандующій созвалъ военный совѣтъ. Генераламъ сообщенъ составленный полковникомъ фонъ-Кауфманомъ ³⁾ проектъ диспозиціи къ бою, съ основаніемъ которой всѣ остались согласны.

Вечеромъ того же дня, командующій корпусомъ, генераль-лейтенантъ Бриммеръ, пригласилъ полковника де-Саже къ себѣ и объявилъ ему о штурмѣ, поздравивъ съ почетнымъ мѣстомъ, которое 1-я легкая батарея должна была занять въ боевомъ расположеніи войскъ. Позиція была назначена на горѣ «Муха»⁴⁾, возвышающейся

¹⁾ Во время блокады генераль Баклановъ занималъ отдѣльнымъ дetchимъ отрядомъ сѣверную часть блокадной линіи, противъ Карадагскихъ высотъ и по Ардаганской дорогѣ.

²⁾ Узкій скалистый хребтъ, лежащій отъ Шорахскихъ горъ на западъ въ разстояніи 800 сажень, названъ обсервационною горою съ 1-го іюля, т. е. со дня рекогносцировки главнокомандующаго.

³⁾ Константинъ Петровичъ, впоследствии туркестанскій генераль-губернаторъ.

⁴⁾ Гора эта отдалена на 300 сажень отъ крайняго лѣваго крыла Шорахскихъ укрѣпленій на юго-западъ. Она составляетъ отдѣльную крутую высоту, неприступную съ берега рѣки Карсъ-Чал.

противъ лѣваго фланга непріятельскихъ укрѣпленій. Дѣйствія батареи должны были прикрывать и облегчать наступленіе штурмующихъ колоннъ. Э. В. Бриммеръ съ непоколебимою вѣрою въ побѣду, неизмѣнно испытанною имъ въ теченіе долговременной и славной боевой службы, надѣялся на успѣхъ отважнаго предпріятія.

Отъ него де-Саже явился къ генералу барону Майделю для полученія подробныхъ приказаній. Они состояли въ слѣдующемъ: батарея должна стать на сборное мѣсто въ 10 часовъ вечера, впереди егерской бригады 18-й пѣхотной дивизіи и въ общей походной колоннѣ находится между баталіонами лейбъ-карабинернаго Эриванскаго Его Величества полка. Приваль назначенъ у горы «Столь»¹⁾. Отъ привала приказано было двинуться кратчайшимъ путемъ, если мѣстность позволитъ, на гору Муха, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ стрѣлковъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона полковника Лузанова и роты Кавказскаго сапернаго баталіона капитана Кокорева. Утвердившись на позиціи, батарея слѣдовало открыть огонь до разсвѣта. Съ занятіемъ нашей пѣхотой непріятельскихъ укрѣпленій, сборный казачій полкъ войсковаго старшины Добрынина долженъ быть пронестись на Шорахскія высоты и преслѣдовать отступающаго непріятели. Вслѣдъ затѣмъ, когда всѣ укрѣпленія будутъ уже заняты, поручено было де-Саже двинуть батарею туда же, а дальнѣйшее дѣйствіе предоставлялось его усмотрѣнію, сообразно мѣстности и обстоятельствамъ боя.

Въ исполненіе этихъ приказаній, де-Саже включилъ въ батарею единорожный и пушечный дивизионы и назначилъ первый головнымъ, въ томъ расчетѣ, что, открывая огонь до разсвѣта, удобнѣе, по горѣнію гранатныхъ трубокъ, слѣдить за вѣрностію полета снаряда въ началѣ боя. Разрывное дѣйствіе гранатъ де-Саже считалъ болѣе дѣйствительнымъ при томъ безпорядкѣ, который неизбѣженъ въ непріятельскомъ лагерѣ при ночной тревогѣ. Для болѣе подвижности, головной дивизионъ оставилъ зарядные ящики при пушечномъ и запася въ передкахъ и сумахъ одними гранатами. Этой мѣрою де-Саже считалъ возможнымъ, несмотря на гористую, весьма пересѣченную мѣстность, безпрепятственно и скоро занять позицію и начать дѣло, хотя бы 4-мя орудіями. Пушечный дивизионъ долженъ былъ слѣдовать за головнымъ по пятамъ. Головной порученъ былъ поручику Семчевскому 2-му, второй же капитану Зыбину. Вводами командовали подпоручикъ Гасфортъ и Дмитровскій, прапорщикъ Сафоновъ и князь Гагаринъ. При дивизионахъ состояли: прапорщикъ Лесли въ единорожномъ, Оленинъ въ пушечномъ. Де-Саже былъ увѣренъ въ своихъ помощникахъ. Семчевскій, Зыбинъ,

¹⁾ Гора Столь составляетъ отдѣльную, весьма значительную высоту, сажень на 800 южнѣе обсервационной горы и отдалена отъ Шорахскихъ укрѣпленій на двѣ версты. Отсюда удобно были видны начертанія непріятельскихъ линій.

Гасфортъ и Дмитровскій были не новичками въ огнѣ и приобрѣли уже прочную репутацію боевыхъ офицеровъ въ походахъ 53 и 54 годовъ, а остальные, по словамъ де-Саже, «съ благороднымъ рвеніемъ одушевлены были къ предстоящему имъ славному бою. Надежный былъ также составъ нижнихъ чиновъ этой отличной батареи. Каждое сраженіе прошедшихъ походовъ закрѣпляло въ нихъ сознание своего мужества и увѣренность въ своихъ боевыхъ достоинствахъ» ¹⁾).

Въ 10 часовъ оградъ сталъ на указанное сборное мѣсто, куда, при яркомъ лунномъ свѣтѣ, въ тишинѣ и порядкѣ, стягивались пѣхотныя колонны. Грозныя и густыя массы двинулись скоро по направленію къ горѣ Столъ. Пройдя около 4¹/₂ верстъ, войска остановились около полуночи для привала, саженьяхъ въ 400 отъ горы.

Приступая къ изложенію эпизода этого кроваваго дня, въ которомъ де-Саже принялъ участіе, командуя батареей, онъ, для поясненія общаго хода боя, слѣдующимъ образомъ описываетъ окружающую Карсъ мѣстность, начертаніе непріятельскихъ укрѣпленій и общее распредѣленіе войскъ нашихъ къ штурму.

«Крутыя и скалистыя высоты прилегаютъ къ крѣпости Карсъ съ трехъ сторонъ. Къ сѣверо-востоку—Карадагскія, къ сѣверу и сѣверо-западу—Чохмахскія и Шорахскія. Карадагскія и Чохмахскія значительно командуютъ надъ крѣпостію, городомъ и всею южною мѣстностію, представляющею волнистую долину верстъ на десять въ окружности. Рѣка Карсъ-Чай, измѣняя у города, близъ армянскаго форштадта, направленіе свое къ сѣверо-востоку, течетъ оттуда прямо на сѣверъ, разсѣкая глубокой трещиной Карадагскія отъ Чохмахскихъ горъ, и образуетъ отвѣсныя скалистые берега по всей сѣверной части цитадели. Крѣпость и цитадель окружены были древнею каменною стѣною съ бойницами для ружейной обороны и съ туръ-бастіонами для орудій. Съ южной стороны городъ укрѣпленъ былъ частью землянымъ валомъ, частью остатками древней стѣны. Городскія заставы укрѣплены двумя сильными батареями: Юсуфъ-Паши Табіэ и Меднилицъ-Табіэ.

¹⁾ 2-го ноября 1853 года въ сраженіи подъ Баяндуромъ 1-я легкая батарея участвовала на правомъ флангѣ боевой линіи. Оставаясь нѣкоторое время безъ прикрытія, она картечью отразила атаку курдовъ. 19-го ноября подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ батарея дѣйствовала картечью въ центрѣ противъ пѣхоты, засѣвшей въ оврагѣ. При атакѣ турками грузинскихъ баталіоновъ, отбившихъ непріятельскія орудія,—два орудія, подъ командою поручика Семчевскаго, съ двумя ротами эриванцевъ поручика Каптурова, емали непріятели въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ командовавшаго корпусомъ князя Бебутова. За эти дѣла батарея пожалована золотыя петлицы.

Подъ Курюкъ-Дара, 20 іюня 1854 года, батарея заставила отступить 12 батареинныхъ орудій, 5-тъ баталіоновъ пѣхоты и одинъ полкъ Суварі. За это славное дѣло и штурмъ Карса высочайше пожалованы батарея Георгіевскія трубы.

«Въ кампанію эту значеніе Карса заключалось не въ древнихъ стѣнахъ его, но въ оборонительныхъ линіяхъ обширнаго укрѣпленнаго лагеря, въ которомъ Анатолійская армія рѣшилась отстаивать судьбу свою. Край, довѣренный защитѣ ея, уже находился во власти нашей на сѣверъ до крѣпости Ардагана; на югъ—за хребтомъ Аградагомъ отъ крѣпости Баязета до Керпи-Кеви; на западъ—за Саганлугскимъ хребтомъ, отъ города Бордуса до Зевина и Гассанъ-Калэ. Пользуясь всѣми выгодами гористой мѣстности, англійскій инженеръ, полковникъ Лекъ, укрѣпилъ Карадагскія высоты тремя отдѣльными редутами: Арабъ-Табіэ, Карадагъ-Табіэ и Зіарать-Табіэ, связанные между собою стѣнкою для ружейной обороны. Съ этой стороны, турецкая армія была успокоена въ началѣ кампаніи, и мы при рекогносцировкѣ 4-го іюня изъ лагеря при Агджи-Калэ нашли оборонительныя средства непріятеля совершенно оконченными. На южной сторонѣ, въ 400-хъ саженьяхъ отъ города, было поставлено шесть редутовъ: главные два, весьма сильной профили: Хабрисъ-Табіэ на лѣвомъ флангѣ и Сувари-Табіэ на правомъ, имѣли на протяженіи 4-хъ верстъ оборонительной линіи еще промежуточные редуты Кни-Орта-Табіэ, Физи-Бей-Табіэ, Канлы-Табіэ и Канлы-Табіэ. Всѣ эти редуты связаны были между собою брустверомъ для ружейной обороны и вооружены частью полевою и частью осадною артиллеріею. Значительной глубины ровъ и волчьи ямы въ три ряда окружали всю оборонительную линію, начиная отъ подножія Карадага до рѣки Карсъ-Чая. Общее начертаніе этой линіи имѣло видъ прямоугольника, основаніе котораго составляли батареи города, крѣпости и Зіарать-Табіэ на Карадагѣ. Восточная сторона отъ подножья Карадага или отъ батареи Колтухъ-Табіэ до Хафисъ-Табіэ составляла лѣвый фасъ этого прямоугольника; передній же или южный заключался линіею редутовъ отъ Хафисъ до Канлы-Табіэ. Послѣдній образовывалъ исходящій уголъ бастіона, фланги котораго фланкировали какъ южную, такъ и западную линіи. Между редутами Канлы и Сувари былъ правый или западный фасъ обороны. Двѣ дороги изъ Эрзерума, пересѣкавшія близъ редута Сувари куртину, были обороняемы траверсами. Редутъ Сувари фланкировалъ не только подступъ къ западному фасу, но обстрѣливалъ долину Карсъ-Чая и лѣвый его берегъ до укрѣпленія Чимъ-Табіэ, назначеннаго для обороны армянскаго форштадта».

«Вся эта линія, включая Карадагъ, имѣла около 7-ми верстъ въ окружности. При рекогносцировкѣ главнокомандующаго, 15-го іюня, изъ лагеря при Магараджи, она была занята всею непріятельскою арміею, готовою принять бой. Невыгоды атаки противъ столь сильнаго фронта, когда непріятель, кромѣ того, прикрывалъ себя батареями города, вѣроятно, вошли тогда въ соображенія главнокомандующаго. При томъ, какъ бы удаченъ штурмъ ни былъ съ южной стороны,

все же отступление оставалось свободнымъ. А для того, чтобы окончательно поставить анатолийскій корпусъ въ безвыходное положеніе, главнокомандующій совершилъ 16-го іюня блестящее стратегическое движеніе отъ сел. Магараджи къ Кени-Хевъ. Ставъ на сообщеніи непріятеля съ Эрзерумомъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, открывали связь чрезъ г. Кагызманъ съ баязетскимъ отрядомъ. Движеніе за Саганлугъ 17-го іюня противъ Вели-паши предоставило намъ всѣ продовольственные и боевые запасы ¹⁾ непріятельской арміи, которой оставалось только одно средство: выжидать судьбу свою за оборонительными линіями. Генераль Вильямсъ, сообразивъ, что съ потерей операціонной линіи высоты Шорахскія и Чохмахскія становились позиціями первостепенной важности, перевелъ туда лучшія свои арабистанскія войска, и полковникъ Лекъ съ изумительною дѣятельностью занялся съ этой стороны устройствомъ обороны. Господствующая высота Чохмахскихъ горъ была укрѣплена большимъ редутомъ Вели-Паши-Табіэ съ блокаузомъ въ горжѣ и вооружена осадными орудіями. Укрѣпленіе это обстрѣливало ущелье между горами Чохмахскими и Шорахскими и дороги, идущія изъ дер. Чазыра и дер. Лайналы въ Карсъ. Кромѣ того, подъ выстрѣлами его находилась вся мѣстность впереди редута Чимъ-Табіэ, защищавшаго кладбище, на которомъ въ 1828 году полковникъ Миклашевскій завязалъ дѣло, окончившееся взятіемъ Карса. Вся позиція отъ редута Вели-Паши до берега рѣки Карсъ-Чая къ сѣверу укрѣплена была цѣпью редутовъ Зарабъ-Табіэ, Томсонъ-Табіэ и Тиздель-Табіэ, оборонявшихъ дороги изъ дер. Лайналы и дер. Калабакилисса. Протяженіе этого сильнаго фронта отъ Карсъ-Чая до Вели-Паши-Табіэ равнялась 600 сажнямъ. Оборона его поручена была редифамъ.

«Гребень Шорахскихъ горъ отдаленъ отъ Карса почти на три версты и отъ Чохмахскихъ укрѣпленій на двѣ. Фронтальное протяженіе этого гребня 2½ версты. На сѣверной сторонѣ его возвышается на версту въ длину и около 200 сажень въ ширину отдѣльная, совершенно неприступная гора, названная Башибузукской ²⁾).

¹⁾ По приказанію главнокомандующаго, въ летучій отрядъ генерала Бакланова, былъ назначенъ подполковникъ фонъ-Кауфманъ (Михаилъ Петровичъ), въ качествѣ завідывающаго штабомъ отряда. По занятіи Бардуса, подполковникъ фонъ-Кауфманъ былъ оставленъ въ немъ съ колонной Бакланова (вернувшаяся лично съ казаками въ главный отрядъ) временнымъ комендантомъ, впродъ до очищенія Бардуса отъ всѣхъ непріятельскихъ запасовъ.

Въ г. Бардусѣ были уничтожены всѣ артиллерійскіе запасы и болѣе двухъ тысячъ четвертей ячменя. Взято генераломъ Баклановымъ 150 арбъ съ рисомъ. Въ Хани-Хевѣ и Караурганѣ генераль Вриммеръ завладѣлъ для корпуса 30 тысячами четвертями разнаго хлѣба. Сѣно и часть провіанта, который невозможно было поднять, сожгли. Одни сухари составили 8-ми-дневный запасъ для войскъ.

²⁾ Со дня прихода нашего подъ Карсъ, гора эта была поручена защитѣ лазамъ и башибузукамъ, лагерь которыхъ былъ разбитъ на ней, вслѣдствіе чего она и названа была Башибузукской.

Поэтому длина атакowanego нами фронта 17-го сентября была 1½ версты. Отъ Башибузукской горы гребень понижается и образуетъ небольшой, сначала, выступъ, на которомъ построена была батарея Ренисонъ-Табіэ. Отъ этой батареи гребень принимаетъ конфигурацію вогнутой куртины въ 250 сажень, на южной оконечности которой выдается другой выступъ съ редутомъ Тэпэ-Юксенъ-Табіэ и двумя батареями Гюрджи-Табіэ и Кая-Ярымъ-Табіэ. Съ обоихъ выступовъ батареи обстрѣливали куртину перекрестнымъ огнемъ. Дорога изъ деревни Сойгунли и деревни Шораха прорѣзывала куртину, выходъ которой защищался траверсомъ. Редутъ Тэпэ-Юксенъ обстрѣливалъ долину между Шорахскими и впереди лежащими горами, и вторую дорогу изъ Шораха въ Карсъ, мимо лѣваго фланга непріятельскихъ укрѣпленій. Эту же цѣль имѣла и батарея Кая-Ярымъ. Отъ нея гребень спускается прямо на югъ, по направленію къ Карсъ-Чаю и въ 200 саженьяхъ закругляется довольно отлогимъ скатомъ, составляя небольшое ущелье между Шорахомъ и прибрежными къ Карсъ-Чаю скалистыми горами. На лѣвомъ флангѣ полковникъ Лекъ отодвинулъ линію обороны отъ гребня сажень на двѣсти, конечно, съ тѣмъ, чтобы, избѣгнувъ образуемое крутостью горы мертвое пространство, дать картечной оборонѣ болѣе силы и, кромѣ того, чтобы южный фасъ центрального редута Тэпэ-Юксенъ могъ фланкировать фронтъ этой линіи. Главнымъ укрѣпленіемъ лѣваго фланга былъ редутъ Тохмасъ-Табіэ, отъ котораго былъ выдвинутъ кремальберный брустверъ для обороны крайняго лѣваго фланга, гдѣ устроены были барбетты на три орудія. Редутъ Тохмасъ обстрѣливалъ не только мѣстность съ фронта, но фланкировалъ также батарею Кая-Ярымъ и редутъ Тэпэ-Юксенъ и, можно утвердительно сказать, составлялъ ключъ позиціи на Шорахѣ».

«Такъ были укрѣплены непріятельскія позиціи, противъ которыхъ направлены были усилія наши 17-го сентября. Но, сверхъ того, батареи нижняго лагеря: Сувари, Чимъ и Юсуфъ, своими осадными орудіями фланкировали лѣвый или обходный флангъ Шорахскихъ линій. На отдѣльной же скалѣ, у берега Карсъ-Чая, прямо по продолженію бруствера отъ Тохмасъ-Табіэ, стояло полевое орудіе, дѣйствовавшее до штурма противъ удалцовъ милиціи полковника Лорисъ-Меликова, исключительно потѣшавшихся ночными тревогами. Вся турецкая артиллерія состояла изъ 128 орудій, изъ которыхъ 23 осадныхъ размѣщены были на Карадагѣ, Чохмахѣ, въ редутахъ: Хависъ, Сувари, Юсуфъ и Чимъ-Табіэ».

«Защита Шорахскихъ укрѣпленій поручена была лучшимъ арабистанскимъ войскамъ, подъ командою дивизионнаго генерала Керимъ-Паши. Они состояли изъ 6 баталіоновъ арабистанскихъ, 2-хъ баталіоновъ редифа, одного гвардейскаго и одного арабистанскаго стрѣлковыхъ баталіоновъ, 200 лавовъ и 18 полевыхъ орудій. Войска эти были вооружены французскими гладкоствольными

ружьями ¹⁾; стрѣлки же—венсенскими карабинами. Всего подъ ружьемъ считалось до 6-ти тысячъ».

«Мѣстность, на которой развертывались наши боевыя силы для штурма, представляла возвышенную долину въ глубину почти на двѣ версты отъ праваго фланга шорахскихъ укрѣпленій. Съверо-западный край этой долины окаймленъ узкимъ, скалистымъ хребтомъ Обсерваціонной горы. У подножья ея лежитъ деревня Шорахъ, чрезъ которую проходили вышеупомянутыя двѣ дороги, одна къ правому, другая къ лѣвому флангу непріятельской позиціи и оттуда въ Карсъ, мимо редута Чимъ-Табіэ. На этой мѣстности, противъ сѣверной оконечности Обсерваціонной горы, строилась колонна генерала Ковалевскаго; на южной, противъ деревни Шораха—колонна генераль-лейтенанта князя Гагарина. Между лѣвымъ флангомъ турецкихъ укрѣпленій и горою Столъ долина упирается въ высоты, которыя образуютъ плоскую возвышенность около 2¹/₂ версты въ окружности. Она оканчивается у береговъ Карсъ-Чая скалистыми вершинами, между которыми гора Муха удалена на 300 сажень отъ крайняго лѣваго фланга непріятеля. Къ западу, между этой возвышенностію и горою Столъ, протекаетъ по ущелью ручей, образуемый родниками у дер. Шораха.

«Войска наши для штурма раздѣлены были на нѣсколько колоннъ.

«Первая, генераль-лейтенанта Ковалевскаго—6 баталіоновъ пѣхоты при 8-ми батарейныхъ орудіяхъ ²⁾. На привалѣ у деревни Татладжи къ ней долженъ былъ присоединиться отрядъ полковника князя Дондукова-Корсакова изъ нижегородскаго драгунскаго полка, 5-ти сотенъ линейныхъ казаковъ конной донской № 7 батареи и 8 станковъ ракетъ. Колонна генерала Ковалевскаго должна была начать атаку до разсвѣта, вслѣдъ за второю колонною генерала Майделя, съ тѣмъ, чтобы овладѣть оконечностію праваго фланга, т. е. батареей Ренисонъ-Табіэ.

«Вторая колонна генераль-майора барона Майделя: 11¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, 8—батарейныхъ, 8—легкихъ, 4 горныхъ орудій и сотни казаковъ ³⁾. Этой колоннѣ назначенъ былъ штурмъ лѣ-

¹⁾ Вслѣдствіи ружья эти поступили въ лейбъ-гренадерскій эриванскій его величества полкъ.

²⁾ Три баталіона вилеискаго егерскаго полка, подъ командою полковника Шликевича; три баталіона Бѣлевскаго егерскаго—подъ командою полковника Неѣлова, 2-я батарейная батарея—подъ командою капитана Красовскаго.

³⁾ Три баталіона лейбъ-эриванскаго карабинернаго полка—подъ командою полковника Моллера. Три баталіона грузинскаго гренадерскаго его высочества в. к. Константина Николаевича полка—подъ командою полковника князя Тарханъ-Моурова 2. Два баталіона мингрельскаго егерскаго полка—подъ командою полковника Серебрякова. Два баталіона рижскаго пѣхотнаго полка полковника Гонцакаго. Одинъ баталіонъ саперъ 3-хъ-ротнаго состава—подъ командою капитана князя Бектабекова. Двѣ роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона полковника Лузанова. Батарейная № 1 батарея кавказской гренадерской бригады полковника Брискорва,

ваго крыла непріятельской позиціи. Бой слѣдовало начать до разсвѣта въ 4 часа утра и занять укрѣпленіе Тохмасъ.

«Промежуточная колонна генераль-лейтенанта князя Гагарина состояла изъ 4^{1/2} баталіоновъ при 4-хъ батарейныхъ орудіяхъ ¹⁾. Колоннѣ этой слѣдовало атаковать, вслѣдъ за генераломъ Ковалевскимъ, центръ непріятельской позиціи, т. е. редуты Гюрджи и Кая-Ярымъ-Табіа.

«Всѣ три колонны строились въ боевомъ порядкѣ въ три линіи: первая въ ротныхъ колоннахъ, вторая и третья—въ колоннахъ къ атакѣ.

«По этому распредѣленію войскъ, фронтъ непріятельскихъ укрѣпленій въ 1^{1/2} версты протяженія долженъ былъ встрѣтить 22 баталіона, 36 полевыхъ и 4 горныхъ орудій, 8 станковъ боевыхъ ракетъ и 19 эскадроновъ кавалеріи.

«Колонна генераль-маіора Базена, въ соединеніи съ отрядомъ генерала Бакланова, состояла изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 4 батарейныхъ орудій, драгунскаго Его Высочества в. к. Николая Николаевича полка, 4-хъ сотенъ линейныхъ казаковъ, 35 донскаго полка, 2-хъ сотенъ горской милиціи и 8 конныхъ орудій 6-й донской батареи. Назначеніе ея было атаковать и взять чохлахскія укрѣпленія.

«Третья колонна генераль-майора графа Нирода, силою въ три баталіона пѣхоты, 8 эскадроновъ драгунъ князя Варшавскаго полка, 12 батарейныхъ, одну пудовую и одну 18-фунтовую пушку 6 конныхъ орудій казачьей № 13 батареи съ милиціей полковника Лорисъ-Меликова. Цѣль этой колонны состояла въ отвлеченіи непріятеля отъ пункта главной атаки на Шорахскія и Чохлахскія высоты. Для этого она строилась противъ укрѣпленія нижняго лагеря въ развернутой линіи, имѣя артиллерію на широкихъ интервалахъ въ серединѣ, баталіоны развернутые по флангамъ. Драгунскій полкъ, имѣя 13-ю конную батарею въ серединѣ, строился по флангамъ въ развернутомъ фронтѣ, образуя при томъ относительно пѣхоты уступъ. Въ четыре часа утра графъ Ниродъ долженъ былъ занять указанную ему позицію противъ редута Сувари въ разстояніи двухъ верствъ.

«Резервная колонна подъ начальствомъ командующаго корпусомъ генераль-лейтенанта Бриммера ²⁾: 10^{1/4} баталіо-

1-я легкая батарея той же бригады. Дивизионъ горной—подъ командою штабъ-капитана Вролевскаго. Сборный полкъ казаковъ—подъ командою войсковаго старшины Добрынина.

¹⁾ Одинъ баталіонъ рязскаго полка; три баталіона тульского егерскаго полка, одна рота саперъ; одна рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона и 4 орудія батарейной батареи 18 артиллерійской бригады.

²⁾ Одинъ баталіонъ лейбъ-карабинернаго вриванскаго его величества полка, два баталіона грузинскаго гренадерскаго его высочества в. к. Константина Николаевича полка, три баталіона рязскаго полка, два баталіона рязскаго полка, два баталіона бѣлевскаго егерскаго полка, одна рота стрѣлковъ, дивизионъ легкой № 6 батареи, легкой № 7 и 8 батареи 18 бригады, донской № 4 полкъ и одна сотня грузинской дворянской дружины.

на, 20 легкихъ орудій и 5 сотенъ кавалеріи. Войска эти должны были занять позицію впереди разоренной деревни Кюмбетъ и, по обстоятельствамъ боя, подкрѣплять колонну генерала барона Майделя или колонну графа Нирода.

«Генераль-майору Шонерту былъ порученъ лагерь и вагенбургъ, для охраненія котораго оставленъ одинъ баталіонъ рязанскаго полка и дивизионъ 6 легкой батареи 18 артиллерійской бригады.

«По дорогѣ къ Саганлугу оставленъ былъ въ деревнѣ Нижніе-Катанлы полковникъ Едигаровъ съ конно-мусульманскимъ полкомъ для наблюденія со стороны Эрзерума.

Ночь съ 16-го на 17-е сентября была холодная; сквозь легкую дымку, покрывавшую гору, проникалъ лунный свѣтъ, отражаясь матовымъ блескомъ по густой щетинѣ штыковъ нашихъ. До непріятеля оставалось 2½ версты; часъ отважной встрѣчи былъ близокъ; какая-то двойная тишина—тишина ночи и двухъ враждебныхъ армій,—предвѣщала грозу съ ея таинственнымъ исходомъ. Въ половинѣ 3-го построились войска въ боевой порядокъ и двинулись къ Шорахскимъ укрѣпленіямъ. Отъ главнокомандующаго, въ это время, прибылъ къ войскамъ полковникъ фонъ-Кауфманъ ¹⁾, командиръ сапернаго кавказскаго баталіона, совершенно знакомый съ мѣстностью и составившій, по указаніямъ главнокомандующаго, диспозицію къ бою. Онъ повелъ артиллерию подъ прикрытіемъ двухъ мингрельскихъ баталіоновъ, двухъ ротъ стрѣлковъ и роты саперъ, въ обходъ по ущелью у горы Столъ, по направленію къ Обсерваціонной горѣ. Всю остальную пѣхоту генераль Майдель направилъ вправо на высоты, лежація впереди лѣваго крыла турецкой позиціи. 1-я легкая батарея въ походной колоннѣ полковника фонъ-Кауфмана шла впереди. Выйдя изъ ущелья въ долину, отрядъ этотъ замѣтилъ влѣво, у подножья Обсерваціонной горы, колонны генерала Ковалевскаго и генерала князя Гагарина; вправо же открылся Шорахскій гребень съ темной полосой турецкихъ укрѣпленій. Подъ прикрытіемъ двухъ ротъ стрѣлковъ полковника Лузанова и роты саперъ штабсъ-капитана Кокорева, 1-я легкая батарея, повернувъ направо, поднялась на высоты по направленію къ горѣ Муха. Отрядъ шелъ быстро вдоль непріятельскаго фронта, за которымъ глубокимъ сномъ покоились турецкія войска. Полковникъ де-Саже выѣхалъ впередъ для отысканія удобной позиціи и нашель, противъ крайняго праваго фланга непріятеля, довольно возвышенный гребень, который, по его соображенію, удаленъ былъ не болѣе 300 сажень отъ непріятеля. Принявъ его за гору Муху ²⁾, де-Саже поставилъ головныя

¹⁾ Константинъ Петровичъ.

²⁾ Впослѣдствіи оказалось, что гора Муха была сажень 100 правѣе, и что подъемъ на нее артиллеріи былъ невозможенъ, по причинѣ крутыхъ скалистыхъ обрывовъ.

орудія подпоручика Дмитровскаго, и вслѣдъ затѣмъ поручикъ Семчевскій снялся съ передковъ съ остальными единорогами. Едва успѣли отбѣхать передки, какъ непріятель далъ по насъ картечный выстрѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднялась общая тревога въ турецкомъ лагерѣ. Дѣло оживилось; на огонь нашъ, весьма успѣшный, турки отвѣчали бѣглымъ огнемъ ядрами и штуцерами. Капитанъ Зыбинъ пристроился съ пушками къ лѣвому флангу, и вся батарея громила безостановочно непріятеля и его укрѣпленія. Пѣхота, въ это время, подошла слѣва на высоту батареи, и генералъ Майдель двинулся съ нею и горнымъ дивизиономъ капитана Броневскаго на непріятеля. На одной высотѣ съ 1-й легкой построилась влѣво батарейная батарея подъ прикрытіемъ двухъ ряжскихъ баталіоновъ полковника Гонецкаго ¹⁾.

Доблестные баталіоны наши наступали въ двѣ линіи: первая въ ротныхъ колоннахъ изъ трехъ эриванскихъ, и лѣвѣе ихъ двухъ мингрельскихъ баталіоновъ полковника Серебрякова; вторая изъ трехъ баталіоновъ грузинскаго гренадерскаго полковника князя Тархантъ-Морурова. Непріятель осыпалъ ихъ картечью и пулями. Баталіоны усиливали шагъ, и, дойдя на разстояніе 200 сажень, поражаемые огнемъ картечнымъ и батальнымъ, терпѣли огромную убыль; но отважно шли впередъ. Турки становились на брустверъ, спускались въ ровъ и ямы для стрѣлковъ, чтобы вѣрнѣе вредить эриванцамъ ²⁾ и мингрельцамъ. Общее «ура» и выстрѣлы изъ рядовъ нѣсколько замедляли движеніе колонны, несмотря на то, что она все болѣе сближалась съ непріятелемъ. Въ свою очередь, храбрые защитники, обезсиленные мѣткими выстрѣлами 1-й легкой батареи и картечью горнаго дивизиона, видимо колебались.

Утренняя заря едва началась, когда кровавое это зрѣлище освѣтилось яркимъ пламенемъ пушечнаго и ружейнаго огня. Наконецъ, 4-й баталіонъ эриванскій, съ майоромъ Визировымъ, бросился въ обходъ лѣваго фланга укрѣпленія. Де-Сажэ долженъ былъ прекратить огонь, такъ какъ войска наши подошли уже почти ко рву бруствера; только огненная полоса раздѣляла эриванцевъ и мингрельцевъ отъ турокъ. Раздалось снова дружное «ура» во всей массѣ нашихъ доблестныхъ кавказцевъ; штыки засверкали, и турки уступили намъ кровью облитое укрѣпленіе. Замолкла на время пальба, и слышны были только отдаленные крики.

¹⁾ Нынѣ членъ государственнаго совѣта.

Ред.

²⁾ На Керимъ-пашу, командовавшего арабистаяцами, движеніе эриванцевъ въ этотъ день и 20 іюля въ сраженіи подъ Курюкъ-Дара произвело сильное впечатлѣніе. Находясь, во время плѣна своего, въ Тифлисѣ, онъ однажды спросилъ коменданта генералъ-майора Рота: «какой у васъ полкъ, весь черный, противъ котораго я подъ Курюкъ-Дара и Карсомъ открывалъ сперва пушечный огонь, но черный полкъ шелъ впередъ; потомъ картечный огонь—полкъ продолжалъ идти; батальный огонь также его не останавливалъ, и наконецъ намъ не оставалось ничего болѣе, какъ уходить». Этотъ полкъ былъ эриванскій.

Было 5 часовъ, когда съ разсвѣтомъ сборный казачій полкъ войсковаго старшины Добрынина поскакалъ по дорогѣ на Шорахскія высоты. Нѣсколько времени спустя, двинулись туда два ряжскихъ баталіона, прикрывавшіе 1-ю батарею. Скоро ружейный огонь влѣво отъ насъ въ редутъ Тохмасть-Табіэ возобновился съ значительною силою. Спустя нѣсколько времени, казаки сборнаго полка возвратились, встрѣтись съ ряжцами, которые уже поднялись и остановились, чтобы пропустить казаковъ. Полагая, что пѣхота наша нуждается въ содѣйствіи артиллеріи, де-Саже взялъ батарею на передки; подполковникъ Брискорнъ сдѣлалъ то же, и обѣ батареи поскакали рядомъ къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Колонна, въ которой батарея шла слѣва, а 1-я легкая справа, догнала ряжцевъ и, подъ прикрытіемъ ихъ, взшла на гору за ретраншменты. Стрѣлки и саперы съ полковникомъ Лузановымъ и штабсъ-капитаномъ Кокоревымъ бросились къ редуту. Встрѣтивъ тяжело раненнаго командира Мингрельскаго егерскаго полка полковника Серебрякова, де-Саже узналъ отъ него, что Тохмасть-Табіэ не занятъ нами. Длинная цѣпь раненыхъ спускалась къ перевязочному мѣсту; значительная потеря свидѣтельствовала, что турки защищаются упорно. Подполковникъ Брискорнъ повернулъ батарею противъ редута и началъ обсыпать картечью, а де-Саже построилъ батарею фронтомъ къ Карсу и укрѣпленіямъ нижняго лагеря Сувари и Чимъ, противъ которыхъ открылъ огонь ядрами и гранатами. Въ короткое время обѣ батареи понесли значительный уронъ въ людяхъ и лошадяхъ отъ ружейнаго и картечнаго огня изъ редута Тохмасть. Въ 1-й батарее убитъ командиръ дивизіона штабсъ-капитанъ Дударовъ, смертельно раненъ прапорщикъ Мензенкампфъ; въ 1-й легкой тяжело ранены подпоручикъ Гасфортъ и князь Гагаринъ. Было уже совершенно свѣтло, когда непріятель съ батареей Сувари, Чимъ и Юсуфъ-Паши открылъ по насъ огонь изъ осадныхъ орудій и во флангъ изъ одного полеваго орудія, стоявшаго, какъ уже упомянуто, на скалѣ у берега Карсъ-Чая. Орудіе это было скоро сбито единорогами подпоручика Дмитровскаго.

Бой разгорался все болѣе и болѣе; замѣтно было, что къ непріятелю подходили подкрѣпленія. На мосту, противъ редута Сувари, спѣшили изъ нижняго лагеря нѣсколько баталіоновъ; пройдя рѣку, они стали подниматься къ позиціи 1-й легкой батареи, но встрѣченные ядрами и гранатами семи орудій и одного батарейнаго взвода поручика Густавсона, которое подполковникъ Брискорнъ поставилъ на одной высотѣ и влѣво отъ 1-й легкой, эти баталіоны свернули къ Чохмахскимъ укрѣпленіемъ и скрылись.

Отличный горный дивизионъ, потерявъ ранеными своего храбраго командира штабсъ-капитана Броневскаго, взводнаго командира и убитыми и ранеными 14 человекъ, половину лошадей, одно подбитое орудіе, выпустивъ всѣ заряды, долженъ былъ оставить позицію.

Еще въ началѣ 7 часа узналъ де-Саже отъ капитана генеральнаго штаба Романовскаго, бывшаго при колонномъ начальникѣ во время штурма, что генераль Майдель тяжело раненъ, и что войска наши, занявшія сперва турецкій лагерь, обратились оттуда на редутъ, въ которомъ непріятель сильно держится. О положеніи этого дѣла капитанъ Доливо-Добровольскій ¹⁾ доложилъ главнокомандующему, вслѣдствіе чего прибылъ на мѣсто генерала Майделя генераль-майоръ Броневскій, и стали подходить подкрѣпленія. Всѣ усилія напряжены были на окончательное завладѣніе редутомъ прибывшими двумя грузинскими баталіонами, но непріятель неослабнымъ батальнымъ и картечнымъ огнемъ отстаивалъ Тохмасть-Табіэ. Къ несчастію, генераль Броневскій вскорѣ былъ тяжело раненъ. Забравшій на батареею ординарецъ генерала князя Гагарина сообщилъ, что обѣ колонны Ковалевскаго и Гагарина отбиты съ чувствительною потерей, и оба генерала ранены.

Не было сомнѣній, что непріятель всѣ войска свои сосредоточилъ противъ насъ и намѣренъ былъ держаться до послѣдней крайности. Полковникъ Гонецкій, оставшійся старшимъ, взялъ прибывшіе на подкрѣпленіе два баталіона своего полка и повелъ ихъ на редутъ. Баталіоны пошли превосходно; ружейный огонь, казалось, сталъ ослабѣвать, и общій крикъ «ура» раздавался уже у самаго бруствера редута. Но и этотъ штурмъ былъ отбитъ. Полковникъ Гонецкій раненъ; заступившій его мѣсто полковникъ Москалевъ ²⁾ убитъ. Всѣ усилія командира грузинскаго полка князя Тарханъ-Моуравова устроить, подъ градомъ пуль и картечи, разстроенныя войска были тщетны. Дѣло продолжалось перестрѣлкой, и редутъ, видимо, уже былъ для насъ потерянъ. Въ это время къ мѣсту боя подошелъ съ баталіономъ рязанскаго полка подполковникъ Михаилъ фонъ-Кауфманъ ³⁾. Обойдя редутъ съ горжи, онъ бросился съ охотниками на редутъ. Отброшенный при первой атакѣ, онъ штурмовалъ укрѣпленіе вторично, но на этотъ разъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ отряда и погибъ бы до послѣдняго человѣка, если бы попытался пробраться назадъ. Но Кауфманъ, убѣдившись въ невозможности отступленія, нашелся въ эту отчаянную минуту и ринулся на проломъ въ глубь турецкаго лагеря. Пройдя всю линію турецкихъ укрѣпленій съ развернутымъ знаменемъ и подбравъ всѣхъ раненыхъ, онъ впослѣдствіи присоединился къ отряду, въ которомъ уже считался потеряннымъ.

¹⁾ Артиллеріи капитанъ Доливо-Добровольскій посланъ былъ генераль-лейтенантомъ Вриммеромъ для узнаніи положенія боя; встрѣтясь на полѣ сраженія съ капитаномъ Романовскимъ, онъ получилъ отъ него подробныя свѣдѣнія, такъ какъ капитанъ Романовскій находился при генералѣ Майдель, когда онъ былъ раненъ, видѣлъ всѣ потери наши и трудность занять редутъ безъ подкрѣпленія.

²⁾ Командиръ кавказской гренадерской бригады.

³⁾ Михаилъ Петровичъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта. Ред.

Этотъ замѣчательный эпизодъ передается Богдановичемъ въ его исторіи Восточной войны 1853—1856 г. (т. IV, стр. 330 и далѣе) слѣдующимъ образомъ:

«Въ половинѣ 9-го (15 сентября) баталіонъ, построенный въ полувзводную колонну изъ середины, двинулся вдоль лѣваго берега рѣки Карсъ-чая и, отойдя съ четверть версты отъ моста, перешелъ черезъ оврагъ и сталъ подниматься по кособору, правѣ отдѣльной скалы (дозъ-тепе), гдѣ находилась подбитая турецкая пушка, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ штуцерныхъ, которые тотчасъ же открыли огонь по нашей колоннѣ. Какъ рязанцы при входѣ на гору нѣсколько растянулись, то Кауфманъ остановилъ головную часть, собралъ остальныхъ людей и построилъ ихъ въ колонну къ атакѣ. Появленіе стройнаго баталіона на правомъ флангѣ войскъ нашей. 2-й колонны, обращенной, несмотря на усилія оставшагося старшимъ полковника Гонецкаго, въ безпорядочную толпу, было своевременно. Русская пѣхота стояла подъ непріятельскою картечью, не подавалась ни впередъ, ни назадъ, но мы удерживались на занятой нами позиціи, благодаря огню нашихъ батарей. Таково было положеніе дѣлъ, когда Кауфманъ, подѣхавъ къ толпѣ, вызвалъ, съ согласія Гонецкаго, охотниковъ идти впередъ вмѣстѣ съ рязанцами. Мгновенно вышло до 120 человекъ, въ числѣ коихъ 5 офицеровъ. Раздѣливъ эту сборную команду на двѣ части и прикрывъ ими фланги рязанскаго баталіона, Кауфманъ повелъ его на штурмъ Тохмасъ-Табіа, но при этомъ движеніи подвергся сильному перекрестному огню двухъ небольшихъ редутовъ, сооруженныхъ изъ камня внутри укрѣпленнаго лагеря. Рязанцы, вмѣстѣ съ охотниками, обратились вправо противъ этихъ редутовъ и овладѣли сперва однимъ, а потомъ и другимъ, переколовъ до 150 турокъ. Но тамъ войска наши попали подъ сильную канонаду Тохмасъ и Вели-Паши-Табіа. Въ это время, по отправленіи раненыхъ въ с. Шорахъ, въ отрядѣ Кауфмана оставалось только 500 человекъ рязанскаго баталіона и до 100 охотниковъ прочихъ полковъ. Несмотря однако же на то, неустрашимый Кауфманъ снова рѣшился штурмовать Тохмасъ-Табію, а находившемуся при отрядѣ гвардіи ротмистру Башмакову поручилъ встрѣтить шедшій отъ с. Шораха 4-й тульскій баталіонъ и направить его съ другой стороны на турецкій редутъ. Но едва лишь Башмаковъ вмѣстѣ съ полковникомъ Корсаковымъ и коллежскимъ ассесоромъ Папаригопуло успѣлъ подъ турецкими пулями проѣхать на шорахскую дорогу, какъ непріятель совершенно отрѣзалъ рязанцевъ отъ прочихъ войскъ. Подполковнику Кауфману оставалось на выборъ: пробиваться назадъ къ войскамъ 2-й колонны или идти впередъ и проложить себѣ путь на соединеніе съ Базинымъ, объ успѣшной атакѣ коего имѣлъ свѣдѣнія еще при выступленіи своемъ изъ резерва. Слыша пальбу на сѣверѣ Карса въ отрядѣ Базина, Кауфманъ рѣшился идти ему на встрѣчу.

Окруживъ свою небольшую колонну цѣпью стрѣлковъ, онъ повелъ ее со внутренней стороны ретраншмента, еще разъ покушался овладѣть Тохмасть-Табіей и, не успѣвъ въ томъ, отвелъ пораженныхъ съ нѣсколькихъ сторонъ и разстроенныхъ боемъ своихъ людей въ долину, гдѣ, снова устроивъ ихъ, хотѣлъ опять атаковать турецкій редутъ, но, убѣдясь въ огромномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, двинулся далѣе и послалъ находившагося при немъ, уже раненаго, урядника Орѣхова съ извѣстіемъ о положеніи своего баталіона къ генералу Бакланову. Между тѣмъ, около половины десятаго утра, Базинъ получилъ отъ высланныхъ Баклановымъ разъѣздовъ извѣстіе о неудачѣ лѣвой и промежуточной колоннъ. Это извѣстіе вмѣстѣ съ большою потерей артиллеріи въ людяхъ и лошадахъ заставило Базина начать отступленіе. Выведа свою артиллерію изъ укрѣпленій, Базинъ поставилъ ее за рвами, а пѣхотою занялъ Тисдель-Табію и Томпсонъ-Табію и ровъ ретраншмента, соединявшаго эти укрѣпленія. Артиллерія же была расположена внѣ турецкихъ выстрѣловъ. Въ 10 часовъ Базинъ, получивъ достовѣрное свѣдѣніе о безуспѣшномъ нападеніи правой колонны на Шоракскія высоты, приказалъ пѣхотѣ отступать. Отойдя версты двѣ и узнавъ отъ Бакланова объ опасномъ положеніи рязанскаго баталіона, Базинъ оставилъ свои войска и выслалъ Бакланова въ помощь Кауфману. Во время этихъ дѣйствій, рязанцы, громимые съ нѣсколькихъ сторонъ изъ непріятельскихъ укрѣпленій и окруженные турками, показали себя достойными славы своихъ однополчанъ, которые нѣкогда пробивались въ бою подъ Реймсомъ сквозь густыя массы французскихъ войскъ. Подобно тому, рязанцы пролагали себѣ путь штыками, унося своихъ раненыхъ. Получивъ на Шоракскихъ высотахъ свѣдѣніе о взятіи Базиномъ «англійскихъ» линій, подполковникъ Кауфманъ, подъ градомъ ружейныхъ пуль и картечи, шелъ на проломъ къ редуту Зорабъ-Табію, надѣясь найти тамъ своихъ, но вмѣсто того, подойдя къ укрѣпленію, былъ встрѣченъ оттуда выстрѣлами. Поражаемый тогда же изъ редута Вели-Паши-Табіи и изъ батареи Тетекъ-Табіи, рязанскій баталіонъ терпѣлъ уронъ на каждомъ шагу. Чтобы скрыть, по возможности, людей отъ непріятельской канонады, подполковникъ Кауфманъ спустился съ баталіономъ въ крутой оврагъ и занялъ края его стрѣлками. Непріятель бросилъ въ оврагъ нѣсколько гранатъ, но не успѣлъ нанести ими вреда рязанцамъ, которые оставались въ такомъ положеніи около получаса; когда же раздались выстрѣлы влѣво отъ оврага, Кауфманъ, справедливо полагая, что ему подана помощь, двинулся по оврагу къ селу Чохмаху и, пройдя влѣво отъ него, въ село Татлиджу, направился къ лагерю у Чифтликая, и прибылъ туда въ 7 ч. вечера. Уронъ рязанскаго баталіона состоялъ убитыми изъ 67 нижнихъ чиновъ; ранеными изъ 2 офицеровъ и 72 нижнихъ чиновъ; кромѣ того, изъ охотниковъ разныхъ полковъ, состоявшихъ

при баталіонѣ, убиты одинъ офицеръ и 70 нижнихъ чиновъ; ранены 32 нижнихъ чина, всего же изъ 750 чел. выбыло: 3 офицера и 240 нижн. чин.—менѣе $\frac{1}{3}$ наличнаго числа людей. Принимая во вниманіе обстоятельства, въ которыя былъ поставленъ баталіонъ, нельзя не признать причинами такого умѣренного урона личныя качества самого Кауфмана; его присутствіе духа, быстроту соображеній, находчивость и соблюденіе порядка въ своей части». За этотъ подвигъ подполковникъ Михаилъ фонъ-Кауфманъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Въ продолженіе этого упорнаго боя, 1-я легкая батарея понесла большой уронъ. Не имѣя возможности, по мѣстности и ходу сраженія, переимѣнить позицію, она охраняла правый флангъ противъ наступленія непріятели изъ города, и, давая отпоръ непріятельской артиллеріи нижняго лагеря, батарея должна была оставаться на мѣстѣ во все время сраженія. Потери ранеными двухъ офицеровъ, 43 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ и 58 лошадей исключительно отъ ружейнаго огня поставили ее въ положеніе весьма затруднительное. Хотя изъ лагеря приведены были 25 подъемныхъ лошадей, вторые ящики спущены въ резервъ, но людей и зарядовъ оставалось такъ мало, что дѣйствія наши къ концу сраженія ослабѣли, а приготовленная во всѣхъ сумахъ картечь назначена была для отпора непріятели, въ случаѣ его рѣшительнаго удара на войска наши.

Въ этомъ положеніи засталъ батарею прибывшій на поле сраженія командующій корпусомъ генераль-лейтенантъ Бриммеръ. По докладу де-Сажэ о состояніи батареи, онъ приказалъ начать отступленіе, имѣя въ виду отвести также и прочія войска. Де-Сажэ снялся съ позиціи и, спускаясь съ Шорахскихъ высотъ, занялся уборкою раненыхъ по обѣимъ сторонамъ спуска. Въ полгоры батарея стала подъ выстрѣлы батареи Кая-Ирымъ-Табіэ, которая открыла огонь во флангъ. Стрѣльба была вялая и недѣйствительная, и артиллеристы, обложивъ лафеты, передки и ящики ранеными, вытащили два подбитыхъ ящика ¹⁾ 18 артиллерійской бригады и спустились къ перевязочному мѣсту.

Общее отступленіе генераль-лейтенантъ Бриммеръ повелъ въ такомъ порядкѣ, что турки должны были отстать съ чувствительнымъ урономъ.

Въ 4-мъ часу войска возвратились въ лагерь. Съ бою было взято одно турецкое орудіе ²⁾ и нѣсколько знаменъ.

¹⁾ Отъ 18-й бригады были посланы 4 ящика на пополненіе зарядовъ въ 1-й легкой батарее. Эти ящики не могли дойти по назначенію, они были подбиты непріятелемъ изъ батареи Кая-Ирымъ-Табіэ. Два изъ нихъ были при отступленіи взяты 1-й легкой батареей, остальные два—остались на мѣстѣ.

²⁾ Орудіе это было взято поручикомъ грузинскаго гренадерскаго полка Пилларъ-фонъ-Шильхау.

«Положивъ только то, чему былъ очевидцемъ,—писать въ заключеніе своего повѣствованія де-Сажэ,—могу утвердительно сказать, что войска наши въ этотъ день поддержали славу своего испытаннаго мужества. Выдержавъ отъ 4-хъ часовъ до 12-ти столь упорный бой, они отошли, вслѣдствіе полученнаго приказанія объ общемъ отступленіи. Потеря 4-хъ колонныхъ начальниковъ, болѣе половины баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, конечно, имѣла вліяніе на единство дѣйствія, которое при постоянныхъ потеряхъ отъ непрерывнаго пушечнаго и ружейнаго огня возстановить было трудно. Исполненіе ночныхъ атакъ принадлежитъ вообще къ самымъ опаснымъ предпріятіямъ, потому что легко потерять направленіе и ошибиться въ выборѣ пункта атаки, что и случилось съ генераломъ Ковалевскимъ. вмѣсто того, чтобы обойти правый флангъ непріятельскихъ укрѣпленій, онъ повелъ колонну въ центръ вогнутой куртины, и войска его были отбиты перекрестнымъ огнемъ. На правомъ флангѣ войска наши, занявъ лѣвое крыло укрѣпленій, преслѣдовали турокъ въ ихъ лагерь, вмѣсто того, чтобы броситься влѣво на Тохмасъ-Табіэ до прихода подкрѣпленій. Генераль Майдель въ это время былъ раненъ, и ошибку безъ главнаго начальника исправить было впоследствии не только трудно, но и невозможно. Не будь этихъ двухъ несчастныхъ случаевъ, то-есть: займи генераль Ковалевскій правый, а генераль Майдель лѣвый флангъ и Тохмасъ-Табіэ, въ то время, когда во власти генерала Базена находился весь фронтъ непріятельскихъ укрѣпленій до Вели-Наши-Табіэ, то, конечно, лучшія арабистанскія войска на Шорахъ были бы совершенно разбиты, и мы, утвердившись на Чохмахскихъ и Шорахскихъ высотахъ, могли бы, если не въ этотъ день, то на слѣдующій, завладѣть Карсомъ. Артиллеріи для этого у насъ было достаточно ¹⁾ и, въ случаѣ надобности, легко было доставить изъ Александрополя осадныя орудія».

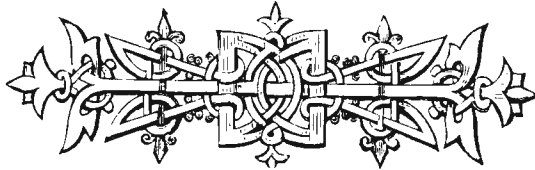
«Упомяная эти обстоятельства, я долженъ прибавить, что впоследствии, будучи при сдачѣ Карса комендантомъ, я отъ турецкихъ офицеровъ и медиковъ слышалъ, что редутъ Тохмасъ-Табіэ былъ спасенъ генераломъ Кенети (Измаиль-пашею), тогда какъ Керимъ-паша, истощивъ всѣ усилія свои, намѣревался оставить его. Кенети, отбивъ колонны Ковалевскаго и князя Гагарина, обратился со всѣми силами на помощь Керимъ-пашѣ. Слѣдовательно, возможность завладѣть редутомъ была для насъ весьма близка, и недоставало въ этотъ день боевого счастья дней Кадыкъ-Лара и Курюкъ-Дара. Безъ этого счастья, лучшія соображенія полководцевъ всегда оставались не исполнимы, о чемъ достаточно говоритъ военная исторія».

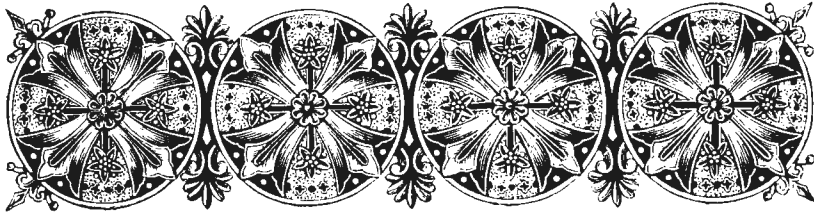
«Духъ войскъ послѣ отбитаго штурма былъ непоколебимъ. Легко

¹⁾ У насъ было 1 пуд. единорогъ, одна 18 фунтовая пушка и 32 батарейныхъ орудія въ отрядѣ, которые могли съ Чохмахскихъ высотъ громить Карсъ, заваленный въ различныхъ мѣстахъ порохowymi складами и боевыми припасами.

раненые оставались при частяхъ, изъ числа поступившихъ въ госпиталь многіе возвратились въ ряды не болѣе какъ чрезъ двѣ недѣли. Непрiятель, не преслѣдовавшій насъ при отступленіи, не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Главнокомандующій, продолжая блокаду, снова предвѣщалъ Анатолійской арміи безвыходное ея положеніе. Настали свѣжіе дни, и войска наши, снабженныя теплой одеждой, хорошей пищей, бодро принялись за устройство зимнихъ бараковъ. Скоро цѣлый городъ домиковъ, бараковъ и конюшенъ замѣнилъ наши палатки, и Вильямсъ уже не могъ сомнѣваться въ предстоящей сдачѣ Карса и плѣнѣ Анатолійской арміи.

Сообщилъ П. Ф. К.

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ.

(Воспоминанія очевидца).

1.

ВЪ НАЧАЛЪ 1892 года, одна за другою стали приходять въ г. Маргеланъ тревожныя вѣсти съ нашей кашгаро-афганской пограничной линіи. Консулъ Кашгара, Петровскій, сообщалъ о враждебномъ настроеніи, развившемся за послѣднее время, противъ нашихъ подданныхъ, между китайцами, а изъ Памирскихъ ханствъ все чаще и чаще стали появляться бѣглецы, которые рассказывали о необыкновенномъ варварствѣ афганцевъ, о насиліяхъ ихъ надъ таджикскимъ населеніемъ Памирскихъ ханствъ и умоляли военнаго губернатора Ферганской области, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ государемъ императоромъ о принятіи ихъ въ русское подданство.

Одного изъ такихъ несчастныхъ я разспрашивалъ о причинахъ тѣхъ бѣдствій, которыя постигли его отечество.

— О таксырь ¹⁾!—говорилъ онъ:— вы себѣ и представить не можете, что переносимъ мы отъ этихъ варваровъ (афганцевъ). Это—лютые звѣри, которые жгутъ наши дома, убиваютъ дѣтей и насилюютъ женъ, и мы теперь лишены возможности оградить свои семейства отъ такого великаго несчастія...

¹⁾ Таксырь — ваше благородіе.

У таджика текли слезы. Видъ его былъ ужасенъ. Какіе-то старыя лохмотья болтались на плечахъ вмѣсто халата, и сквозь нихъ проглядывало бронзовое, запыленное тѣло. Черная борода, усы и нависшія брови были всклоочены и казались сѣрыми отъ густаго слоя пыли, а его босыя ноги, совершившія дальнюю дорогу, были покрыты какъ бы сплошною одеревенѣлою корою. И это былъ не простой таджикъ, это былъ родственникъ правителя Шугнана, за голову котораго афганцы назначили плату, и вотъ онъ бѣжалъ оттуда, надѣясь найти убѣжище въ предѣлахъ Россіи.

Конечно, я не упустилъ случая, чтобы не побесѣдовать съ этимъ несчастнымъ шугнанцемъ. Пригласивъ его къ себѣ, напоилъ чаемъ и приказалъ своему малайкѣ¹⁾ готовить пловъ, а самъ, усадивъ на террасѣ моего гостя, началъ съ нимъ бесѣду.

— Скажите, пожалуйста, что же послужило поводомъ къ подобному варварству афганцевъ? Вѣдь ни съ того ни съ сего не пришли же они и не стали бить васъ ради своего удовольствія—вѣроятно, была какая либо причина къ тому?—спросилъ я его:—вѣдь раньше же вы были подъ игомъ афганцевъ, и они нисколько не обижали вашего населенія?

— Нѣтъ, тюрка,—возразилъ мнѣ таджикъ,—никогда мы не принадлежали афганцамъ. Еще съ незапамятнаго времени мы почитали кокандскихъ хановъ и платили имъ подати, для чего къ намъ пріѣзжали изъ Коканда серкеры; позднѣе наши правители правили уже совершенно самостоятельно. Но вотъ въ 1862 г. явились афганцы во главѣ съ эмиромъ Достъ-Магометомъ, и памирскія ханства пали, несмотря на геройскую защиту жителей. Вотъ такимъ образомъ до 1888 года мы находились въ полномъ рабствѣ у афганцевъ и терпѣливо переносили это бѣдствіе, посланное на насъ Аллахомъ за грѣхи наши. Но вотъ въ Афганистанѣ вспыхнуло возстаніе. Братъ эмира Абдурахмана, Исхакъ, отложился и пошелъ со своими приверженцами на эмира. Пользуясь этимъ смутнымъ временемъ, правители Шугнана, Рошана и Вадахшана, а также Вахана, скрывавшіеся въ предѣлахъ Бухары, водворились на своихъ престолахъ и рѣшились удержать свою независимость, но, увы, силы нашихъ были ничтожны сравнительно съ войсками Абдурахмана. Въ короткій срокъ мы были разбиты, имущество наше сожжено, а жены и дѣти отведены въ Афганистанъ, гдѣ и проданы въ рабство. Большинство изъ уцѣлѣвшихъ бросились въ Россію и Китай чрезъ суровый Памиръ, гдѣ многіе погибли отъ голода и морозовъ, а другіе попались въ руки памирскаго разбойника Сахипъ-Назара, которымъ были выданы афганцамъ, и только нѣкоторымъ удалось благополучно добраться до Ферганской области. Я участвовалъ въ защитѣ своего отечества и командовалъ коннымъ отрядомъ, но хорошо со-

¹⁾ Малайка — слуга сартъ.

знавалъ, что сопротивленіе напрасно. Афганцы завоевали мое отечество, ввели въ немъ свои порядки и законы и поставили войска, которыя дѣлають безнаказанно, что хотятъ. Вотъ, у меня, напримеръ, афганскій маджиръ взялъ себѣ двухъ дочерей, а жену мою, которая защищала своихъ дѣвочекъ, приказалъ зарѣзать. Обрадовались мы, когда въ прошломъ году на Памирѣ появился русскій полковникъ съ отрядомъ ¹⁾, думали мы, что русскіе, видя наше бѣдственное положеніе, рѣшили заступиться за угнетенныхъ таджиковъ, и вотъ мы въ одну ночь 10 іюля, когда отрядъ стоялъ на границѣ Шугнана, вырѣзали всѣхъ афганцевъ съ ихъ солдатами и офицерами, жившихъ въ нашемъ ханствѣ. Афганцы опасались тогда мстить намъ за смерть своихъ соплеменниковъ, они думали, какъ и мы, что русскій отрядъ двигается для нашего освобожденія, но мы ошиблись. Отрядъ ушелъ, и какъ только узнали объ этомъ афганцы, то съ неистовымъ ожесточеніемъ бросились на таджиковъ, и кровь рѣкою полилась по долинѣ рѣки Бортанга. И вотъ сотни таджикскихъ семействъ бѣгутъ теперь въ Россію, просить заступничества Акъ-Паши (Бѣлаго Царя).

Разсказчикъ глубоко вздохнулъ и поправилъ свалившійся съ плечъ ободранный халатъ, причемъ грудь его и правая рука оголились. Я съ удовольствіемъ разсматривалъ его богатырскіе мускулы и широкую, выпуклую грудь, на которой видѣлись двѣ большія бѣлыя круглыя мѣтки, величиною въ копейку, рѣзко выдѣлявшіяся на бронзовомъ фонѣ тѣла.

— Что это такое?—спросилъ я таджика.

Онъ опустилъ свою голову, какъ бы желая взглянуть на то, о чемъ я спрашивалъ, и, ткнувъ пальцемъ въ одинъ изъ знаковъ, вскинулъ на меня своими огромными глазами, въ которыхъ вдругъ вспыхнулъ злобный огонекъ, и сказалъ:

— Это? это—афганскія пули, которыя я получилъ въ 1888 году. А знаешь, тюра,—вдругъ сказалъ онъ:—вѣдь я мертвецъ!..

— Что?—удивленно спросилъ я и подумалъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ. Между тѣмъ мой собесѣдникъ продолжалъ: «Да, я мертвецъ, и всѣ меня зовутъ «Юсуфъ мертвецъ». Я умеръ, лежалъ въ землѣ похороненнымъ, и вотъ я живой, но я мертвецъ и самъ мулла Ахматъ мнѣ сказалъ, что я уже умеръ однажды и на всю жизнь останусь мертвецомъ!»

Я положительно недоумѣвалъ, имѣю ли я дѣло съ сумасшедшимъ или съ человѣкомъ, съ которымъ въ живни былъ какойнибудь особенный случай, заставившій его глубоко увѣровать въ дѣйствительность своихъ словъ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежалъ къ числу фанатиковъ, исповѣдающихъ исламъ.

¹⁾ Рекогносцировка Юнова 1891 г.

Подали пловъ, и мой голодный собесѣдникъ началъ жадно уничтожать его, запихивая въ ротъ рукою жирныя крупинки риса.

Я не мѣшалъ ему и во время ѣды не задавалъ вопросовъ, такъ какъ онъ, какъ бы боясь, что отъ него отнимутъ вкусное кушанье, ужасно торопился поскорѣе наполнить свой желудокъ. Но вотъ пловъ съѣденъ. Юсуфъ по мусульманскому обычаю громко рыгнулъ и, проговоривъ свое «Алла-Акбаръ!», вытеръ о край рубища жирные пальцы и обратился ко мнѣ.

— Если тюра захочетъ, то я ему расскажу, какъ это со мною случилось.

— Конечно, конечно, рассказывайте, — заявилъ я, — даже очень хочу.

— Ну, такъ слушай, таксыръ. Это было въ 1888 году, когда я вмѣстѣ съ своими соотечественниками возсталъ противъ афганцевъ. Сеидъ-Акбаръ-Ша, правитель Шугнана, мой родной дядя, собралъ всѣхъ способныхъ носить оружіе таджиковъ и укрѣпился въ крѣпости Кала-и-Вамаръ. Это была послѣдняя попытка прогнать афганцевъ. Три раза атаквали войска Абдурахмана нашу крѣпость, три раза геройски отбивали мы афганцевъ, но въ концѣ концовъ не выдержали. Крѣпость пала, а съ нею пало и наше отечество. Въ самый моментъ третьей атаки я съ шашкой въ рукѣ стоялъ на валу и готовился вмѣстѣ съ моими братьями броситься на налѣзавшихъ на насъ афганцевъ, какъ вдругъ что-то толкнуло меня въ грудь, и мнѣ показалось, что я отдѣлился отъ земли и сталъ подниматься все выше и выше... Когда я очнулся, то увидѣлъ себя въ какой-то темной саклѣ. Въ груди моей была такая боль, что я захотѣлъ кричать, но языкъ мой не повиновался моему желанію, и мнѣ казалось, что онъ былъ обмотанъ сухою тряпкой. Я сдѣлалъ усиліе и пошевелился. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то подошелъ ко мнѣ, но въ темнотѣ я не могъ ничего различить и только слышалъ, что въ саклѣ кто-то шептался. Я собралъ всѣ свои силы и спросилъ, кто тутъ. Но даже самъ испугался. Вмѣсто словъ у меня изъ груди вырвался какой-то ужасный стонъ. Черезъ нѣсколько мгновеній кто-то вошелъ съ чирикомъ, и я увидѣлъ мою жену Хайру и старшую дочь. Тутъ только я сталъ припоминать, что былъ въ крѣпости, и догадался, что я раненъ. Грудь сильно болѣла, а въ ушахъ стоялъ шумъ.

— Долго я лежалъ въ такомъ состояніи. Каждый день приходилъ ко мнѣ абибъ ¹⁾, мылъ раны и мазалъ ихъ мазью, и также мулла, который читалъ надо мною коранъ. Я ужасно любилъ слушать его чтеніе, и особенно когда онъ читалъ про то, что убитые на войнѣ за вѣру и отечество наслѣдуютъ рай Магомета, и мнѣ тогда становилось досадно, отчего меня не убили. Гораздо же лучше насла-

¹⁾ Абибъ—туземный докторъ.

ждаться блаженствомъ въ райскихъ садахъ пророка, чѣмъ лежать въ темной грязной саклѣ, подѣ страхомъ быть добытымъ афганцами. Однако съ каждымъ днемъ мнѣ становилось легче, и я уже началъ садиться. Одинъ за другимъ начали навѣщать меня друзья и знакомые, и я узнавалъ отъ нихъ о томъ, что постигло мое отечество. Кровью обливалось мое сердце, когда ктонибудь изъ нихъ рассказывалъ мнѣ о варварствѣ афганцевъ, и тогда все существо мое наполнялось местию, и я въ безсильной злобѣ скрежеталъ зубами и до крови кусалъ губы.

— Вдругъ со мной случилось что-то ужасное,—я умеръ!.. Да, тора,—сказалъ онъ, видя улыбку, мелькнувшую на моихъ губахъ,—да, я умеръ и умеръ самымъ настоящимъ образомъ, какъ умираютъ люди. Я поѣлъ плову и легъ спать—и вотъ я почувствовалъ, что умеръ. Я хотѣлъ подняться, но члены мои не слушались, я хотѣлъ пощупать себя, но пальцы оставались неподвижны и будто приросли къ моему окостенѣвшему тѣлу, я широко открылъ глаза, но было темно, и мнѣ показалось, что вѣки мои не поднялись. Я испытывалъ какое-то необыкновенное спокойствіе, и смерть мнѣ не представлялась больше такою ужасною, какою я рисовалъ ее себѣ въ дни моей жизни. Я началъ молиться Аллаху и ждалъ, что вотъ-вотъ явится великій пророкъ и скажетъ мнѣ: «Встань, Юсуфъ, и иди за мной въ уготованное тебѣ мѣсто, гдѣ ожидаетъ тебя вѣчное блаженство и радость—наслаждайся прелестями райскихъ садовъ, достойный воинъ!» но никого не появлялось; все было тихо, а я попрежнему лежалъ, не будучи въ состояніи шевельнуться. Тогда я сталъ думать, что я еще не умеръ по-настоящему, а только начинаю умирать.

— Удивительное дѣло, тора, что мнѣ вовсе не было страшно, я былъ въ состояніи какого-то безразличія. Вдругъ я почувствовалъ, что меня кто-то толкаетъ и зоветъ по имени,—я подумалъ, что это пророкъ пришелъ за мною, но узнать голосъ жены моей Хайры, которая вдругъ страшно завывала и повалилась на мою грудь; мнѣ стало очень неудобно. Хайра была полная женщина и сильно давила меня. Я хотѣлъ крикнуть ей и не могъ. Тогда собралось въ саклю множество народа, пришли плакальщицы и стали плакать, а мулла, часто наставлявшій меня и читавшій мнѣ о загробной жизни, началъ свое чтеніе. Какой же я мертвый, подумалъ я, когда я все слышу и чувствую, и когда пророкъ не пришелъ за мной. Впрочемъ, можетъ быть, такъ и всѣ люди умираютъ; съ того свѣта вѣдь никто еще не возвращался. Наконецъ, меня закутали въ мату, положили на носилки и понесли на кладбище, такъ я тогда подумалъ. Тутъ мнѣ стало немного страшно: я видѣлъ, какъ хоронятъ нашихъ таджиковъ, какъ бывало принесутъ мертвеца къ оградѣ кладбища и выбросятъ его черезъ нее, а уже потомъ мулла и ишанъ кладутъ трущъ въ приготовленный склепъ (таджиковъ всѣхъ хоронятъ въ

склепахъ) и только слегка замуруютъ отверстіе, а черезъ 5 дней задѣлываютъ окончательно и ставятъ памятникъ.

— А мнѣ, должно быть, хорошій памятникъ поставили,—подумалъ я,—вѣдь я умеръ за свою вѣру и отечество.

— Вдругъ я почувствовалъ, что носилки сильно качнулись, и я полетѣлъ съ нихъ куда-то въ пропасть и ударился о камни... Тутъ я уже болѣе не помнилъ ничего.

— Когда я очнулся, мнѣ показалось, что я лежу опять въ моей саклѣ. Я попробовалъ пошевелить рукой и даже вздрогнулъ, рука поднялась, я пошевелилъ ногою, и она тоже безпрекословно повиновалась моей волѣ. Я поднялся и сѣлъ. Кругомъ было темно. Ужъ не сонъ ли все это было, подумалъ я и громко крикнулъ: «Хайра!» Глухой звукъ моего же голоса оглушилъ мои уши. Я ужасно испугался и понялъ, что я нахожусь въ склепѣ. Я зналъ, что въ теченіе трехъ и даже пяти дней склепъ не задѣлывается накрѣпко, да и глина не успѣваетъ просохнуть, и сталъ шарить руками, сясь подняться изъ ямы и затѣмъ найти выходное отверстіе. Воздуху было достаточно, и только холодъ пронизывалъ меня насквозь. Мысль о смерти уже совершенно оставила меня, а надежда на освобожденіе придавала мнѣ энергію. Я шарилъ по всѣмъ стѣнамъ моей могилы и вдругъ наткнулся на мягкій слой глины. Я сталъ сильно толкать его руками, раскапывать, и вдругъ струя воздуха вмѣстѣ съ серебристымъ лучомъ свѣта ворвалась въ мою темницу. Я расширилъ отверстіе и вылѣзъ. Кругомъ было тихо. Памятники, освѣщенные луною, мрачно смотрѣли на меня. Я взглянулъ на свою могилу, она черною дырою глядѣла мнѣ во слѣдъ, какъ бы желая снова поглотить меня въ свою мрачную тѣнь. Мнѣ вдругъ стало такъ страшно, что я бросился бѣжать. Одежды на мнѣ не было никакой, а мата осталась въ могилѣ; я, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода, бѣжалъ прямо къ моей саклѣ. Всѣ спали крѣпкимъ сномъ, когда я постучался. «Кальтакъ», моя собака, громко залаяла на стукъ. Я назвалъ ее по имени, и она, перескочивъ черезъ заборъ, стала выть и ласкаться ко мнѣ. Я снова началъ стучать.

— Кимъ?—раздался испуганный голосъ Хайры.

— Это я, Юсуфъ,—отвѣтилъ я.

— !хъ, Алла Акбаръ!—завизжала моя жена и бросилась назадъ; я услышалъ, какъ за нею заперлась дверь.

Я перелѣзъ черезъ заборъ и началъ проситься въ саклю: я изнемогалъ отъ холода и, кромѣ того, ощущалъ страшный голодъ.

— Уйди, уйди въ свою могилу,—кричала мнѣ жена,—уйди, заклинаю тебя Магометомъ.

Дѣвочки ревѣли. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать.

Пошелъ я было къ Маюнусу, моему хорошему другу, но и онъ страшно испугался и изъ сакли заклиналъ Аллахомъ, чтобы я ушелъ въ свою могилу. У него на дворѣ я увидѣлъ старый халатъ и на-

дѣлъ его. Такимъ образомъ я дождался утра и пошелъ на базаръ, думая тамъ у знакомыхъ лавочниковъ напиться чаю, но при появленіи моемъ всѣ съ искаженнымъ страхомъ лицомъ бросались прочь, оставивъ свои лавки. Томимый голодомъ и жаждою, я самъ сѣлъ къ чай-ханэ и налилъ чаю. Это подбодрило меня, а лепешка утолила голодъ. Въ это время ко мнѣ приближалось цѣлое шествіе.

Впереди шелъ мулла съ кораномъ, а сзади его много народу съ кольями и шашками. Мулла, не дойдя нѣсколькихъ шаговъ, высоко поднялъ коранъ и началъ читать заклятіе.

Я склонился на колѣни и прочелъ молитву.

Долго не рѣшался мулла подойти ко мнѣ, но наконецъ, видя передъ собою живого человѣка, приблизился и назвалъ меня по имени. Я отвѣтилъ ему: «да, это я Юсуфъ-Али, который вышелъ изъ могилы». Мулла велѣлъ мнѣ подать чашку чаю, но такъ какъ никто не хотѣлъ поднести ее мнѣ, то я самъ пошелъ, налилъ чаю и принесъ его муллѣ.

— Пей!—сказалъ мулла.

Я выпилъ чай.

Послѣ этого мулла ближе подошелъ ко мнѣ и, прочитавъ молитву, сказалъ:

— Живи, Юсуфъ, но ты будешь жить мертвецомъ!—и потомъ, обернувшись къ народу, сказалъ:—правовѣрные, вотъ Юсуфъ, которому Аллахъ сподобилъ продлить жизнь его и послѣ смерти. Великій грѣхъ падеть на того, кто посмѣетъ убить его, такъ какъ все равно Аллахъ не пошлетъ смерти «живому мертвецу»! Послѣ этого я пришелъ домой. Сначала всѣ боялись меня и сторонились, а потомъ и привыкли. Вотъ я съ тѣхъ поръ и «живой мертвецъ» — такъ это прозвище за мною и осталось. Таковую благодать послалъ мнѣ Аллахъ за мою вѣрность вѣрѣ и страданія за родину,—сказалъ рассказчикъ,—и теперь, когда я умру во второй разъ, Великій Пророкъ меня прямо возьметъ на лоно свое — мнѣ объ этомъ сказалъ нашъ святой Хазретъ-Ишанъ,—добавилъ онъ.

Я былъ пораженъ слышаннымъ рассказомъ тѣмъ болѣе, что неправдоподобнаго тутъ ничего не было.

— А знаешь что, тюрка? Вѣдь скоро походъ будетъ.

— Почему ты думаешь?

— А потому, что если теперь Акъ-Паша не захочетъ прогнать афганцевъ, то потомъ трудно будетъ. Инглизъ (англичанинъ) очень имъ помогаетъ и оружіе даетъ и денегъ много даетъ. Ой, какъ много!— При этомъ мой собесѣдникъ покачалъ головой.

— Ну, прощай, таксырь,—сказалъ онъ, вставая и протягивая мнѣ руки.—Аллахъ да воздастъ тебѣ за то, что пріютитъ несчастнаго.

Я простился съ Юсуфомъ и при разставаньи предложилъ ему денегъ.

— Спасибо, таксырь, биръ кагазъ (рублевую бумажку) возьму, а больше не надо.

Мы разстались, и съ тѣхъ поръ я его уже не видѣлъ. Слышалъ я потомъ, что онъ поселился въ кишлакѣ Кара-тепе, куда перебрались и прочіе бѣжавшіе таджики, что онъ всеми уважаемъ и любимъ и попрежнему сохранилъ свое прозвище «живого мертвеца».

II.

— Поздравляю васъ съ новостью!—остановилъ меня на Маргеланскомъ бульварѣ мой пріятель, поручикъ Б.

— Съ какою?

— Идемъ въ походъ. Я только что былъ въ штабѣ, и при мнѣ была получена телеграмма,—сказалъ онъ.

— Да вы не шутите?—спросилъ я.

— Какія же шутки, я самъ читалъ телеграмму и даже знаю нѣкоторыя подробности,—и онъ сталъ посвящать меня въ «пріятную новость».

— Во-первыхъ, приказано приготовиться къ походу на Памиръ 2-му Туркестанскому линейному баталіону такимъ образомъ, чтобы изъ всего числа своихъ людей онъ составилъ 1 полубаталіонъ, а другой полубаталіонъ скомплектовать изъ охотничьихъ командъ всѣхъ баталіоновъ Ферганской области; затѣмъ, во-вторыхъ, пойдетъ конногорная батарея, казачій № 6 Оренбургскій полкъ и саперная команда, а также телеграфисты военного телеграфнаго парка. Итакъ мы идемъ въ походъ. Положительно радостное извѣстіе; ужъ засидѣлись мы, пора и пороху понюхать, ну, до свиданья,—онъ торопливо пожалъ мнѣ руку и направился дальше, вѣроятно, чтобы скорѣе подѣлиться еще съ кѣмъ нибудь свѣжею новостью.

Заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, я зашелъ къ своему знакомому, офицеру генеральнаго штаба Г., которому должно было быть извѣстно подробнѣе о предполагаемомъ походѣ.

— А!—радостнымъ возгласомъ встрѣтилъ меня Г.—Ну, что, слышали новость?—и при этомъ бросилъ на меня пытливый взоръ, въ которомъ я прочелъ большое желаніе подѣлиться со мною новинкой.

Чтобы доставить хозяину это удовольствіе, я притворился, что ничего не знаю.

— Какую новость?—спросилъ я.

— Ну, такъ и быть, вамъ я скажу, но смотрите, это по секрету. Ни слова никому, пожалуйста.

— Будьте покойны.

— Видите ли, получена телеграмма. Мы идемъ въ походъ!—Затѣмъ онъ передалъ мнѣ уже слышанное мною отъ Б., но, кромѣ того, сообщилъ и то, что больше всего интересовало меня, именно причины, вызвавшія необходимость двинуть войска на Памиръ, и наконецъ и самую цѣль похода.

— Видите ли,—началъ онъ,—афганцы нарушили наши договоры

о границахъ и выставили свои посты далеко за пограничную линію на нашу территорію. Подстрекаемые англичанами, они заняли Кафиристанъ и Канджуть, а, кромѣ того, владѣютъ совершенно незаконно, никогда не принадлежавшими имъ, ханствами: Шугнаномъ, Рошаномъ и Ваханомъ, насилуютъ населеніе и угоняютъ къ себѣ русскихъ подданныхъ. Китайцы со стороны Кашгарской границы также производятъ безпорядки на Памирѣ и даже грозили поручику Бржезицкому, работавшему на Мусъ-Куль, смертью. Да, кстати, расскажу я вамъ эпизодъ съ этимъ офицеромъ; преуморительный случай! Бржезицкій, какъ вы навѣрно и сами знаете, работалъ на Памирѣ, около Мусъ-Куля (ледяного озера) въ этомъ году, производя маршрутные съемки, какъ вдругъ откуда-то появились китайцы въ количествѣ трехъ лялезъ (эскадроновъ). Ихъ мандаринъ, Джанъ, заставилъ поручика оставить работы и уйти съ Памира, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что они не могутъ допустить русскаго офицера производить съемку китайской территоріи. Какъ ни убѣждалъ ихъ Бржезицкій, что это земля наша, ничто не помогло, и ему пришлось ретироваться. Время приближалось къ зимѣ, и перевалы одинъ за другимъ закрывались, т. е. заваливались снѣгомъ, однако поручикъ добрался до озера Кара-Куля, гдѣ ожидалъ его казачій офицеръ съ полусотнею оренбургцевъ. Но работа была спѣшная, и ее во что бы то ни стало надо было закончить. Тогда оба офицера съ казаками отправились на Мусъ-Куль съ намѣреніемъ прогнать китайцевъ. Выпалъ глубокій снѣгъ, и для того, чтобы по нѣкоторымъ мѣстамъ провести лошадей, казакамъ приходилось настилать на рыхлый снѣгъ кошмы и шинели. Въ теченіе трехъ дней мучились они съ такими тяжелыми переходами черезъ перевалъ Кизиль-Артъ (14.000 ф.) и наконецъ спустились въ долину Мусъ-Куля. Между тѣмъ, китайцы, довольные тѣмъ, что прогнали русскаго офицера, спокойно жили въ киргизскихъ кибиткахъ и грѣлись у костровъ, какъ вдругъ казаки ударили на нихъ въ нагайки, и перепуганные слуги богдыхана не только не защищались, а покорно леглись подъ нагайки казаковъ. Когда пересѣкли поголовно всѣхъ китайцевъ, дошла очередь и до ихъ генерала. Какъ ни протестовалъ мандаринъ противъ подобной расправы, указывая на свой шарикъ и павлинье перо, однако пятьдесятъ ударовъ ему были отсчитаны, и затѣмъ вся его армія, позорно изгнанная съ Мусъ-Куля, отправилась черезъ перевалъ Акъ-Берды восвояси. Ну, и надѣлалъ же поручикъ работы и хлопотъ дипломатамъ. Говорятъ, такая переписка возникла, что, пожалуй, его не поглядятъ по головѣ, а все же молодецъ Бржезицкій, хорошо проучилъ китайцевъ! Ха-ха-ха!..

— Но позвольте, — сказалъ я Г—му, выслушавъ его рассказъ: — вы начали о походѣ и не договорили. Скажите, пожалуйста, какая же цѣль-то похода? — спросилъ я.

— Цѣль?— а вотъ какая.— Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ послѣднюю карту Памира и прилежащихъ къ нему ханствъ.

— Видите,— сказалъ онъ,— предполагають занять, во-первыхъ, Памиры, а, во-вторыхъ, вотъ все это пространство,— провести онъ линію пальцемъ по картѣ, захвативъ ханства Шугнанъ, Ропанъ и Ваханъ,— такимъ образомъ, чтобы нашею естественною границею съ Индіей былъ хребетъ Гиндукушъ. Кромѣ того, положеніе таджиковъ, заселяющихъ памирскія ханства, ужасно. Вѣдь афганцы хуже истязаютъ ихъ, чѣмъ турки сербовъ и болгаръ, въ 1877 году; пора нашему правительству и вступить за несчастныхъ, которые, по праву, наши подданные и терпятъ чортъ знаетъ что отъ афганцевъ.

Я вспомнилъ пророчество Юсуфа— онъ былъ правъ. Поблагодаривъ любезнаго Г., который просилъ меня держать все рассказанное имъ въ секретѣ, я пошелъ домой, гдѣ вслѣдъ затѣмъ мнѣ передали записку. «Голубчикъ,— писалъ мнѣ В.,— я сообщилъ сегодня вамъ о походѣ, но забылъ предупредить васъ, что это пока секретъ, пожалуйста, никому не сообщайте о слышанномъ. Вашъ Б.»

Въ этотъ же вечеръ въ городѣ всѣ уже говорили о предстоящемъ походѣ.

III.

Вездѣ только и рѣчи, что о походѣ, о теплушкахъ, тулупахъ и неприкосновенномъ запасѣ. Завѣдующіе хозяйствомъ съ утра до ночи не вылѣзаютъ изъ канцелярій, дѣлопроизводители по хозяйственной части просто потеряли голову. Всѣ хлопочутъ. Ротные командиры выбираютъ людей и посылаютъ ихъ на испытаніе во 2-й баталіонъ, гдѣ докторъ осматриваетъ ихъ и или бракуетъ или записываетъ въ списки: «годенъ». Въмѣсто забракованныхъ присылаются другіе.

Солдаты покорно идутъ, и только немногіе изъ нихъ ропщутъ на долгія приготовленія.

— И чего, право, гоняютъ только зря,— ворчали нѣкоторые,— хуже, чѣмъ на службѣ, измаяли: все смотри да смотри...

И дѣйствительно, чуть ли не два раза въ день производились различныя смотри разными лицами, и солдатъ за нѣсколько верстъ для этого гоняли въ полковой походной аммуниціи.

— Ужъ скорѣе бы выступить,— ворчали солдаты.— Ей-ей, надоѣло.

Вотъ фельдфебель осматриваетъ одѣтую въ аммуницію роту и поправляетъ рѣзкимъ порывистымъ движеніемъ неправильно скатанную шинель рядового.

— Ишь вѣдь, чортъ, словно баба, шинель скатать— иди, перекатай!— грозно обращается онъ къ солдату, и тотъ, повернувшись кругомъ, бѣжитъ исполнять приказаніе начальника.

— Ну, вольно, ребята, оправиться!— командуетъ фельдфебель, и

начинается кашлянье, сморканье, и солдатскія остроты сыплются со всѣхъ концовъ роты.

— А куды это мы пойдемъ, г. фельдфебель?—улыбаясь во весь ротъ, заискивающимъ тономъ спрашиваетъ одинъ изъ солдатъ «хозяина роты».

— А куды поведутъ, туды и пойдешь,—отвѣчаетъ тотъ.

— Нѣтъ, правда, господинъ фельдфебель?—не угомоняется солдатъ.

— На Памиру, значить, по сусѣдству съ китайцемъ и «аванганцемъ»,—отвѣчаетъ фельдфебель.

Но солдатъ не успокоивается.

— А позвольте спросить, господинъ фельдфебель, для чего столько войска туда посылаютъ?—спрашиваетъ онъ.

Фельдфебель, и самъ не зная, что отвѣтить ему, сердито отворачивается и командуетъ: «смирно! справа по порядку на первый и второй разсчитайсь!»

И по ротѣ то громко, то тихо выкрикиваемыя слышатся отрывистыя «первый! второй» и т. д...

Приготовленія длились слишкомъ два мѣсяца, и наконецъ къ 1-му юню было все готово, маршрутъ былъ полученъ, и выступленіе назначено на 2-е юня.

На большой площади противъ казармъ Маргеланскаго гарнизона выстроились войска покоемъ ¹⁾ въ ожиданіи прибытія начальниковъ. Ружья составлены, и люди разбрелись кучками по площади; вездѣ царить веселое оживленіе. Вдругъ раздалась команда: «въ ружье!» и въ одинъ моментъ всѣ были въ порядкѣ. Къ отряду приближалась группа всадниковъ, впереди которой на буланой лошади, въ бѣломъ кителѣ и фуражкѣ скакалъ молодой полковникъ съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ.

— Здорово, братцы!—немного картавя, привѣтствовалъ онъ отрядъ, круто осадивъ лошадь и граціозно отдавая честь.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!—равкнуло полторы тысячи грудей.

— Вольно, оправиться!—сказалъ полковникъ, и снова оживленіе воцарилось надъ отрядомъ.

Одинъ за другимъ прибывали къ отряду начальствующія лица, пришли остающіяся войска отдать честь уходящимъ, и наконецъ пріѣхалъ командующій войсками, генералъ-майоръ Корольковъ. Началось богослуженіе. Веселость сразу исчезла съ лицъ солдатъ. Они прилежно молились, крестя свои загорѣлые лбы и кладя поклоны, и затѣмъ каждый приложился къ кресту.

Послѣ окончанія этой церемоніи людямъ была предложена чарка водки. Командующій войсками провозгласилъ тостъ за здоровье

¹⁾ Покоемъ называется строй въ видѣ буквы П.

государя императора, и при звукахъ русскаго гимна грянуло дружное «ура».

— Ребята!—началь генераль, когда затихъ послѣдній крикъ.— Поздравляю васъ съ походомъ и надѣюсь, что вы такъ же свято и безропотно совершите возложенное на васъ тяжелое дѣло, какъ совершили его ваши предшественники, славные покорители Туркестана! Помните, что Туркестанъ всегда гордился своими храбрыми войнами, пусть же и на сей разъ въ лѣтописи его прибудеть еще одинъ, покрытый славою походъ. Если придется вамъ столкнуться съ халатниками, то проучите ихъ порусски, какъ учили мы и хивинцевъ и кокандцевъ. Помните, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ. Пью за ваше здоровье, ребята. Ура!

Затѣмъ подходили къ водкѣ нижніе чины, каждый благоговѣйно бралъ чарку и опрокидывалъ ее въ ротъ, какъ бы боясь оставить на ея двѣ хоть капельку казенной водки.

Подъ огромнымъ шатромъ, поставленнымъ посреди плаца, идетъ прощанье офицеровъ со своими семействами. Многія дамы плачутъ, отцы съ грустью держатъ на рукахъ своихъ дѣтей.

Поодаль, около расположившихся подъ тѣнью деревъ солдатъ, собрались кучки народа и сартовъ, а также бабъ-солдатокъ, провожающихъ своихъ мужей; нѣкоторые изъ нихъ воютъ.

Раздался сигналъ сбора.

Роты выстроились; прежде всего двинулся авангардъ, а за нимъ потянулся весь отрядъ подъ звуки марша и грохотъ барабановъ. Раздалась солдатская пѣсня, среди которой выдѣлялось громкое выкрикиваніе подголоска.

— Привалъ!—раздается голосъ спереди изъ облака пыли.

— Стой, привалъ!—подхватываютъ возгласъ въ ротахъ, и баталіонъ останавливается.

Провожавніе въ послѣдній разъ прощаются съ памирцами, и чрезъ полъ-часа отрядъ уже въ полномъ походномъ порядкѣ слѣдуетъ по пыльной дорогѣ, пролегающей то по широко раскинувшейся степи, окаймленной высокими снѣжными горами, то узкими улицами пыльных сартовскихъ кишлаковъ.

Памирскій отрядъ раздѣлился на двѣ части: одна направилась по кратчайшему пути черезъ переваль Тенгизъ-бай, а другая на городъ Ошъ, гдѣ должна была захватить огромный вьючный транспортъ и, переваливъ черезъ Алайскій хребетъ, соединиться съ остальными силами отряда, который двинулся по Исфайрамскому ущелью, черезъ хребетъ Большого Алая. Быстрымъ шагомъ, длинной вереницей идутъ солдаты, тяжело дыша, то поднимаясь, то спускаясь по узкимъ карнизамъ, какъ бы налѣпленнымъ къ отвѣснымъ гранитнымъ стѣнамъ. Грозно возвышаются съ обѣихъ сторонъ пути громадныя другъ надъ другомъ отвѣсныя скалы, мѣстами переходящія въ крутыя осыни, усѣяныя осколками гранита и сорвав-

шимися съ вершинъ камнями. Слѣва глубокий обрывъ, на днѣ котораго kloкочетъ горная рѣчка, наполняющая все ущелье какимъ-то неистовымъ шумомъ, напоминающимъ ревъ сильной бури. Далѣе ущелье все болѣе и болѣе суживается, и наконецъ начинается крутой и довольно продолжительный подъемъ на Тенгизъ-бай. Около полутора сутокъ боролся отрядъ съ огромною преградой, и нѣкоторымъ ротамъ пришлось ночевать на вышкѣ его (12.000 фут.), въ снѣгу, да еще во время мятели. Переваливъ черезъ Тенгизъ-бай, отрядъ вышелъ изъ темнаго Исфайрамскаго ущелья и подошелъ къ выходу въ Алайскую долину, гдѣ и остановился бивуакомъ около крѣпости Дараутъ-курганъ. За пять лѣтъ до возмущенія кипчаковъ (1871 г.), когда Кокандское ханство было самостоятельнымъ, крѣпость эта имѣла важное значеніе для кокандцевъ, такъ какъ, расположенная у входа въ Дараутъ-Исфайрамское ущелье, она оберегаетъ долину рѣки Туза, впадающей въ рѣку Кизиль-су, и защищаетъ переваль Тенгизъ-бай отъ нападеній памиро-алайскихъ кочевниковъ со стороны Каратегина. Кокандскій ханъ держалъ въ этой крѣпости довольно большой гарнизонъ съ уполномоченнымъ комендантомъ, который вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ былъ вырѣзанъ въ 1871 году памиро-алайскими кочевниками, а крѣпость осталась въ запущеніи. Теперь Дараутъ-курганъ представляетъ изъ себя цитадель изъ толстыхъ глинобитныхъ стѣнъ, слегка размытыхъ въ верхней части своей дождями. По угламъ четырехъугольника возвышаются круглыя башни, придающія крѣпости довольно внушительный видъ. Продневавъ у крѣпости, отрядъ двинулся дальше, шелъ все время вверхъ по правому берегу рѣки Кизиль-су, вдоль по Алайской долинѣ, и наконецъ, 16 іюня, прибылъ къ мѣстечку Борда-ба, гдѣ и встрѣтился съ другою частью памирскаго отряда.

IV.

Ляангарское ущелье пролегаетъ по тропинкѣ, тянущейся вдоль узкаго берегового карниза, нависшаго надъ ревущей рѣкою Ляангаръ-сай, и ведетъ отъ города Оша къ укрѣпленію Гульча. Съ обѣихъ сторонъ ущелья громоздятся другъ надъ другомъ огромные каменные утесы, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно нависаютъ надъ головою до того, что страхъ беретъ при мысли, что вотъ-вотъ эта огромная каменная глыба сорвется, и упадетъ съ своей высоты. Узкая полоса голубаго неба, видящаяся вверху, мало освѣщаетъ ущелье, которое остается погруженнымъ въ непріятно-таинственный мракъ, среди котораго царитъ лишь шумъ ревущей рѣки.

Погода начинала хмуриться, кое-гдѣ набѣгали темныя облачка, и мало-по-малу небо покрылось свинцовыми тучами. Гдѣ-то вдали слышались раскаты грома, подхваченные продолжительнымъ эхомъ и разносившіеся по горамъ и постепенно замиравшіе въ одномъ

изъ темныхъ ущелій. Облака почти нависли надъ самыми головами, и въ воздухѣ наступила какая-то особенная тишина. Брызнулъ дождикъ! Онъ освѣжилъ душную атмосферу ущелья, люди вздохнули свободнѣе и пошли бодрѣе.

Вдругъ, какъ бы внезапно распахнувъ гигантское окно, въ ущелье ворвался сильный вихрь, и вслѣдъ за нимъ дождь полилъ, какъ изъ ведра.

Узкая, глинистая тропинка, быстро размякшая отъ дождевыхъ потоковъ, съ шумомъ сбѣгавшихъ съ окружающихъ скалъ, сдѣлалась такою скользкою, что ноги разъѣзжались, идти становилось необыкновенно трудно, да, кромѣ того, ежеминутно грозила опасность сорваться и полетѣть въ пропасть. Небо окончательно заволокло тучами, и въ ущельѣ воцарилась глубокая тьма. Вдругъ яркій блескъ молніи озарилъ все ущелье, и вслѣдъ за нимъ грянулъ оглушительный раскатъ грома. Подхваченные эхомъ, въ темныхъ ущельяхъ, раскаты не успѣвали еще замереть, какъ снова, будто волшебнымъ огнемъ, озарились мрачныя громады, и опять раздавались раскаты съ новою силой, какъ бы желая догнать убѣгавшіе вдаль звуки, подхваченные мрачными лянгарскими ущельями. А дождикъ лилъ какъ во дни потопа. Но вотъ мало-по-малу раскаты становились слабѣе, молнія какъ-то блѣдно освѣщала горы, медленно мигая своимъ блѣднымъ свѣтомъ, дождикъ понемногу стихалъ.

Становилось свѣтлѣе. Сквозь разорвавшіяся свинцовыя тучи кое-гдѣ уже виднѣлись клочки голубаго неба.

Солдаты остановились и, снявъ рубашки, стали выжимать изъ нихъ воду, а нѣкоторые, присѣвши на камни, свертывали свое курево. Солнышко выглянуло изъ-за тучъ и своею теплотою пріятно ласкало озябшіе члены солдатъ. Все сразу ожило, все точно проснулось съ первымъ лучемъ дивнаго свѣтила. Воздухъ наполнился какимъ-то чуднымъ ароматомъ, птички то и дѣло взлетали то здѣсь, то тамъ, иногда вырываясь почти изъ-подъ самыхъ ногъ идущихъ солдатъ, а въ вышинѣ, распустивъ огромныя крылья, парилъ, описывая большіе круги, горный житель—орель.

— Глянь-ко, ребята, домъ русскій!—крикнулъ одинъ изъ идущихъ,—ей-Богу, домъ!

Всѣ обратили вниманіе на небольшой, выбѣленный, русскаго типа домикъ, расположившійся около самой рѣки Лянгаръ-сай, и каждый задавалъ себѣ вопросъ, кто бы это могъ построить домъ среди этой суровой горной природы, вдалекѣ отъ всего русскаго-роднаго. Вѣдь не киргизы же? Гдѣ имъ! они не признаютъ другого жилища, кромѣ своихъ юртъ.

Около домика былъ назначенъ двухъ-часовой привалъ, и солдаты принялись сушить промокшее бѣлье и «согрѣвать» себѣ чайники, а офицеры, въ ожиданіи закуски, забрались въ домикъ.

Это было небольшое строеніе, сложенное изъ сырцоваго кирпича,

состоящее изъ двухъ комнатъ и кухни. Потолокъ уже частью разрушился, штукатурка мѣстами держалась на полустгнившихъ «чйяхъ» (камышѣ). Окна были выбиты, и въ нихъ не оставалось и признака стеколъ, очевидно утащенныхъ киргизами. Около домика находился навѣсъ, служившій когда-то для стоянки лошадей, а теперь пріютившій подъ свой кровъ киргиза, торгующаго арбузами, дынями и сушеными фруктами. Денщики втащили палаты и складные табуреты, мы усѣлись въ кружокъ, и на сцену появилась неизбежная въ походахъ—водка. Какъ пріятно было пропустить рюмочку послѣ тяжелаго перехода! Всѣ были заняты своимъ дѣломъ, кто раскупоривалъ бутылки, кто приготовлялъ закуску, а кто лежалъ на палатѣ, разминая свои уставшіе члены. Снаружи доносился оживленный говоръ солдатъ, и заливалась на всѣ лады гармоника.

Вдругъ дверь открылась, и въ комнату вошелъ старый капитанъ П.

— Николай Николаевичъ, рюмочку скорѣе,—обратились къ нему хоромъ офицеры.

П. былъ любимъ всѣми въ отрядѣ. Это былъ боевой и бывалый офицеръ, участникъ Хивинскаго, Кокандскаго и Алайскаго походовъ.

— Уфъ, и пакостная же погода захватила насъ, господа,—сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь, что вотъ моль по этой самой причинѣ и нужно выпить рюмочку, и съ этими словами опрокинулъ ее въ ротъ.—А знаете, господа,—продолжалъ капитанъ,—сколько воспоминаній воскресилъ во мнѣ этотъ домикъ! Знаете ли вы, что его построилъ Скобелевъ.

— Скобелевъ?—удивился я.

— Да, Скобелевъ,—сказалъ капитанъ,—и самъ проектировалъ для него планъ. Это было въ 1876 году во время Алайскаго похода, когда войска наши спѣшили къ укрѣпленію Гульча, чтобы успѣть разогнать возставшихъ кипчаковъ и кара-киргизъ и захватить ихъ коновода Абдулла-бека, сына извѣстной царицы Алая Курбанъ-Джанъ-Датхи. Какъ и сегодня, мы шли Ляангарскимъ ущельемъ, и ужасная гроза разразилась надъ нашими головами. Измокшіе, голодные, мы пришли вотъ на это мѣсто,—онъ указалъ пальцемъ въ землю,—и раскинули палатки. Скобелевъ помѣстился въ своемъ бухарскомъ шатрѣ, куда собралось множество офицеровъ выпить генеральскаго чайку. Дождикъ лилъ, и вода, промочивъ холстъ, капала на насъ черезъ палатку.

— А вѣдь плохо, господа,—сказалъ Скобелевъ.

— Не важно, ваше превосходительство,—отвѣчаемъ мы.

— Такъ вотъ что, господа,—говоритъ онъ,—въ виду того, что намъ частенько придется проѣзжать съ Алая въ Ошъ, то по-моему нелишне поставить на этомъ большомъ переходѣ хоромы, въ которыхъ бы было возможно переночевать или пообѣдать.

Сказавъ это, генераль взялъ карандашъ и свою записную книжку,

начертилъ планъ и профиль, написалъ всѣ размѣры проектируемаго зданія и, вырвавъ листокъ, протянулъ его мнѣ, такъ какъ я ближе всѣхъ сидѣлъ къ нему.

— Возьмите, поручикъ, и съ завтрашняго же дня приступите къ постройкѣ дома, для чего вамъ будетъ оставленъ взводъ, состоящій изъ каменщиковъ и плотниковъ—я отдамъ объ этомъ въ приказъ.

Дѣлать было нечего, хоть я и понятія не имѣлъ о постройкахъ, а пришлось сдѣлаться и инженеромъ, разъ начальство приказало.

Заложили мы тутъ же новое строеніе, самъ генераль положилъ первый камень, прочитали молитву и крестъ поставили, а вечеромъ кутнули у обожаемаго начальника отряда. На утро отрядъ ушелъ, а я остался съ взводомъ для возведенія домика. Потолковалъ съ солдатами, съ чего бы начать; затѣмъ общимъ совѣтомъ порѣшили и приступили къ работѣ. Нашлись у меня и свѣдущіе люди, такъ что работа закипѣла, и чрезъ недѣлю было надѣлано множество сырцоваго кирпичу, да и кладка подвигалась. За лѣсомъ пришлось посылать въ г. Ошъ, но это не представляло собою особаго затрудненія. Уже и косяки были вставлены и мырлатъ положенъ, только крыть осталось зданіе. Вдругъ, однажды, утромъ прискакалъ казакъ съ пакетомъ. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю, что генераль ѣдетъ съ Алая и предувѣдомляетъ, что надѣется остановиться въ домѣ у Ляангаръ-сая.

Струхнулъ я не на шутку; хорошо я зналъ, что это было приказаніе, а домъ далеко не оконченъ. Крыша не крыта, внутри не оштукатурено, и печей нѣтъ, и кирпича жженаго не доставлено.

Забилъ я тутъ тревогу, начали мы по очереди и днемъ и ночью работать, и дѣло стало подвигаться впередъ. Я почти не спалъ, и мнѣ казалось, что я не успѣю окончить своей работы. Спасибо печнику, попался лихой и смысленый солдатикъ; онъ взялся сложить печи изъ камня, не прибѣгая къ кирпичу. Я ужасно измучился и чувствовалъ, что заболѣю. Оставалось пять дней до приѣзда генерала и я былъ въ отчаяніи. Однажды послѣ обѣда я прилежъ въ палаткѣ отдохнуть, по обыкновенію, вдругъ вижу, что мой денщикъ Шидовъ тихонько поднимаетъ край полотнища и что-то говоритъ мнѣ.

Я уже начиналъ дремать, но очнулся.

— Что тебѣ?—спросилъ я.

— Бѣда, ваше благородіе!

— Что такое?—спросилъ я, вскочивъ на ноги.

— Киргизы, ваше благородіе, близко.

— Что!

Схвативъ револьверъ и шашку, я выбѣжалъ изъ палатки, и передо мною открылась слѣдующая картина.

Нѣсколько конныхъ киргизовъ что-то дѣлали надъ двумя лежащими на землѣ моими солдатами и видимо спѣшили взвалить ихъ на лошадей, а прочіе ломали мой домикъ, изъ-за котораго я пережилъ столько тяжелыхъ минутъ.

— Ребята! нашихъ рѣжутъ!—закричалъ я, но никто не появился на мой призывъ. Полагая, что киргизы успѣли покончить съ солдатами, захвативъ ихъ за работой, я, не помня себя, бросился съ револьверомъ на киргизъ, вязавшихъ солдата, и спустилъ курокъ. Выстрѣла не было. Осѣчка!—подумалъ я и, взведя курокъ, опять выстрѣлилъ. Что за чортъ,—опять осѣчка! Я взглянулъ на револьверъ и чуть не умеръ отъ ужаса—онъ былъ разряженъ. А ко мнѣ подбѣгали трое скуластыхъ киргизъ, и я уже ясно различалъ ихъ искаженные злобой рожи и узкіе прорѣзы глазъ. Я выхватилъ шашку и, зажмурилъ глаза, бросился на нихъ. Что-то сильно давило мнѣ горло, и я полетѣлъ на землю. Я уже ничего не видѣлъ и чувствовалъ, что кто-то сидитъ на мнѣ, я хотѣлъ пошевелиться, но напрасно, что-то сильно давило мнѣ грудь. Вдругъ я почувствовалъ, что острое лезвее ножа дотронулось до моего горла. Рѣжутъ, подумалъ я. Ножъ скользнулъ и впился въ мое горло! Я громко вскрикнулъ—и открылъ глаза. Надо мною шевелилось отъ вѣтра полотно палатки, со лба крупными каплями катился потъ.

Я вскочилъ и вышелъ наружу. Рабочіе уже устилали крышу соломой и замазывали ее жидко разведенной глиной.

Капитанъ остановился и, пропустивъ еще рюмочку, громко крикнулъ и продолжалъ. «Итакъ, ровно черезъ пять дней, я благополучно окончилъ домикъ, но всѣ труды мои и страданія, пережитыя за это время, были напрасны; генераль не пріѣхалъ, и дѣла, осложнившіяся на Алаѣ, заставили его вытребовать меня на театръ военныхъ дѣйствій, и я, оставивъ 4-хъ человекъ для окарауливанія и окончательной очистки дома, отправился на Алай.

— Ну, пора, господа,—закончилъ онъ, вставая.—Кокшаровъ!—крикнулъ онъ денщика,—позови дежурнаго фельдфебеля.

Бравый сверхсрочный фельдфебель, придерживая шашку и отдавая честь, вошелъ въ комнату.

— Подъемъ съиграть и строиться!—сказалъ капитанъ.

— Слушаю-съ!

И фельдфебель, повернувшись кругомъ, вышелъ изъ комнаты, а чрезъ нѣсколько мгновеній рожекъ прогремѣлъ подъемъ, и мы, поднявшись съ мѣстъ, направились къ ротамъ, оставивъ прислугу собирать наши пожитки. Погода совершенно уже прояснилась, солнце ярко свѣтило, озаряя снѣжныя вершины горъ, около которыхъ ютились еще свинцовыя тучи. Предстояло перевалить небольшой, но крутой переваль Чигиръ-Чикъ, и отрядъ медленно сталъ подниматься въ гору. Лошади, напрягая всѣ свои силы, рвутся изъ-подъ тяжелыхъ вьюковъ. Не слышно между солдатами ни веселаго смѣха,

ни обычныхъ разговоровъ, приправленныхъ остротами, и только мѣрные шаги раздаются среди полной тишины, а снизу гдѣ-то далеко, далеко, чуть доносится до идущихъ шумъ капающаго Ляангара.

V.

Я проснулся довольно рано. Товарищъ мой, поручикъ Барановъ, сладко спалъ еще, прикрывъ голову кавказской буркой. Въ воздухѣ царила необыкновенная нѣга. Палатка чуть-чуть колыхалась отъ легкаго вѣтерка, по временамъ налетавшаго изъ ущелья на нашъ лагерь.

— Николай Александровичъ,—окликнулъ я спавшаго.

— Ммм... послышалось въ отвѣтъ изъ-подъ бурки.

— Вставайте, пора,—сказалъ я и сталъ одѣваться.

Бурка, какъ бы сама собою, откинулась, и изъ-подъ нея поднялась исключенная съ заспанными глазами голова поручика.

— Осипъ, чайникъ! — крикнулъ онъ, уже по пріобрѣтенной «за походъ» привычкѣ, и, протеревъ кулакомъ глаза, какъ бы вдругъ стряхнулъ послѣдніе остатки сна и сталъ одѣваться.

Въ палатку вползъ начетверенькахъ откормленный солдатъ съ сильно загорѣлымъ лицомъ и поставилъ на землю небольшой мѣдный чайникъ.

— «Вѣстника» накормилъ?—спросилъ Барановъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, ячменю давалъ, да и трава здѣсь хорошая.

— Ну, ладно, давай сухарей!

Солдатъ скрылся, а мы отправились къ ближайшему горному потоку освѣжиться холодной водой. Что за чудная картина открылась передъ нами! Надъ головами возвышались огромные каменные великаны, сплошь покрытые арчею, съ бѣлѣющими снѣжными вершинами, впереди чернѣлось Талдыкское ущелье, а позади широко раскинулся зеленою бархатною равниною «Ольгинъ лугъ», замкнутый со всѣхъ сторонъ горами, на которомъ маленькими сѣренькими грибочками виднѣлись разбросанныя юрты киргизскихъ ауловъ и громадныя стада рогатаго скота и верблюдовъ.

Освѣжившись холодною водою горнаго потока, мы вернулись въ палатку, гдѣ насъ уже ожидалъ горячій чай и сухари, а также добытое Осипомъ въ аулѣ густое, какъ сливки, молоко.

Полотнище палатки поднялось, и въ нее вошелъ капитанъ П.

— Чайку не прикажете ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, спасибо. А вотъ я, господа, къ вамъ съ предложеніемъ. Завтра дневка, и слѣдовательно мы свободно можемъ пріятно провести два эти дня.

— Какимъ же образомъ?—спросили мы.

— Да вотъ, хотя бы съѣздить верстъ за 12 отсюда на лѣ-

товки алайской царицы въ Ягачартъ. Мы навѣрное застанемъ и самое Курбанъ-Джанъ-датху, такъ какъ она на дѣто всегда перекочевываетъ изъ Гульчи сюда. Интересная старуха,—сказалъ онъ,— тѣмъ болѣе мнѣ бы хотѣлось ее видѣть, такъ какъ я не встрѣчалъ ее съ 1876 года, когда она была захвачена отрядомъ князя Витгенштейна и доставлена Скобелеву, который принималъ ее въ Ляангарскомъ домикѣ.

Это предложеніе было радостно принято нами, и мы рѣшили немедленно отправиться съ визитомъ къ царицѣ Алая. Приказавъ сѣдлать лошадей, мы допили чай и затѣмъ отправились; къ компаніи нашей присоединились еще трое офицеровъ. Мы поѣхали вдоль широко раскинувшася «Ольгина луга».

— Странное названіе носить эта мѣстность; навѣрное оно дано ей кѣмъ либо изъ русскихъ,—сказалъ Барановъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ П.,—и я вамъ могу сейчасъ же пояснить, откуда оно взялось. Видите ли, въ 1876 году, нѣсколько дамъ сопровождали своихъ мужей въ Алайскій походъ, и изъ нихъ были четыре Ольги, въ числѣ которыхъ была и супруга нашего начальника отряда, полковника Юнова. 11-го іюля, во время дневки, здѣсь праздновался Ольгинъ день, и въ честь этихъ смѣлыхъ именинницъ названіе «Ольгина луга» осталось навсегда и теперь нанесено на карту.

— Значитъ вы, Николай Николаевичъ, знакомы съ алайской царицей?—спросилъ я П., желая навести разговоръ на эту интересную личность.

— Какъ же и даже очень хорошо; я сопровождалъ ее до самаго города Оша, по окончаніи Алайскаго похода.

— Ну, расскажите же намъ чтонибудь про нее, — пристали мы къ П., который видимо только и ждалъ этой просьбы, такъ какъ былъ большой охотникъ до разсказовъ о быломъ своемъ житіи и совершенныхъ походахъ.

— Извольте, господа, съ удовольствіемъ. Видите ли, — началъ онъ,— Курбанъ-Джанъ-датха была женою извѣстнаго Алимъ-бека, прославившаго свое имя въ Туркестанѣ своими дикими набѣгами и звѣрскими убійствами въ городѣ Ошѣ. Алимъ былъ предательски убитъ одною киргизкою. Оставшись вдовою, датха приняла власть мужа и начала дѣятельно управлять Алаемъ, избравъ изъ среды батырей мужа, которому не позволяла вмѣшиваться въ управленіе страной. Долго благополучно царствовала датха, и слава объ ея мудромъ управленіи разнеслась далеко за предѣлы Коканда и Каратегина. Послѣ смерти Алимъ-бека, воспользовавшись безцарствіемъ на Алаѣ и вступленіемъ въ управленіе имъ алайской царицы, кокандскій ханъ объявилъ алайскихъ кочевниковъ своими подданными и обложилъ ихъ податью, но датха стряхнула съ себя это иго и наконецъ принудила кокандскаго хана Худояра подписать грамоту,

въ которой онъ признавалъ въ ней законную правительницу Алая. Бухарскій эмиръ, кашгарскій ханъ Якубъ-бекъ и другіе, всѣ относились къ ней съ уваженіемъ и даже разъ въ годъ присылали на Алай своихъ пословъ, снабженныхъ богатыми подарками. Сыновья датхи были ей помощниками въ управленіи, и каждый изъ нихъ завѣдывалъ извѣстною частью Алая. Старшій Абдулла-бекъ, прославившій себя потомъ въ борьбѣ съ нами, Махмудъ-бекъ, Канчи-бекъ, Хасанъ-бекъ и племянникъ датхи Мирза-Паясъ были вѣрною опорой алайской царицы и любимцами кочевого населенія. Объ этихъ бекахъ разнеслась слава далеко за предѣлы Алая, какъ о храбрыхъ батыряхъ и лучшихъ джигитахъ. Послѣ плѣна Автобачи, извѣстнаго коновода кипчаковъ, когда Кокандское ханство было завоевано нашими войсками, и городъ Андижанъ палъ передъ всепобѣждающимъ «бѣлымъ генераломъ», на Алаѣ вспыхнуло возстаніе. Закипѣло, заколыхалось горное населеніе Алая, и шайки отважныхъ батырей стали пополняться новыми силами. Изъ покоренной Ферганы бѣжали узбеки и киргизы, и все это стекалось на громкій кличъ Абдулла-бека, раздавшійся съ высотъ снѣжнаго Алая. Огромныя шайки лихихъ джигитовъ стали разбойничать, производя безпорядки среди русскаго населенія возникавшей области, и разбои эти всегда сопровождались обильнымъ кровопролитіемъ. Тогда-то, для огражденія Ферганской области, былъ двинутъ полубаталіонъ пѣхоты черезъ Исфайрамское ущелье къ крѣпости Дараутъ-кургану, подъ командой капитана Исполадъ-Бега, который былъ встрѣченъ огнемъ, засѣваго въ неприступныхъ скалахъ со своими батырями, Абдулла-бека и, потерявъ нѣсколько человекъ убитыми и ранеными, принужденъ былъ вернуться въ г. Маргеланъ. Вотъ послѣ этого эпизода и былъ объявленъ алайскій походъ и на Алай посланъ отрядъ, во главѣ котораго находился Скобелевъ. Мы выступили другою дорогою, черезъ Ошъ и переваль Талдыкъ. Мы не были нигдѣ встрѣчены непріателемъ, только около урочища Янги-Арыкъ казаки доставили намъ свѣдѣнія, что киргизы заняли это ущелье, сожгли мосты и готовятся подъ предводительствомъ самого Абдулла-бека дать отпоръ нашему отряду. Генераль Скобелевъ, думая скоро кончить съ киргизами, приказалъ пѣхотѣ «прогнать халатниковъ»; но не тутъ-то было! Позиція киргизъ была неприступна; они, скрываясь за каменными завалами, сильно поражали насъ, такъ что Скобелеву скоро пришлось убѣдиться въ невозможности атаковать горцевъ, и онъ рѣшилъ произвести обходъ. Для этого кавалерія была послана на рекогносцировку, а мы, въ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій, оставались около Кизиль-кургана. Вотъ тогда-то я и былъ отозванъ отъ постройки домика въ Ляангарѣ. Черезъ пять дней были собраны самыя точныя справки о путяхъ, могущихъ служить обходомъ. Планъ дѣйствій былъ составленъ, и мы двинулись впередъ. Справа, со стороны перевала Талдыкъ, наступалъ

отрядъ подѣ командою майора Юнова, въ которомъ находился и я. Мы зашли въ тылъ Абдулла-беку и подѣ его огнемъ, выбивавшимъ изъ строя много жертвъ, возстановили сожженный мостъ черезъ рѣку Белаули и, пройдя по немъ, заняли позицію. Путь отступленія же къ кургану Омаръ-Бека отрѣзали двѣ казачьи сотни подѣ командою полковника князя Витгенштейна. Тутъ только Абдулла-бекъ увидѣлъ, что сопротивленіе невозможно, и ночью ушелъ къ Заалайскому хребту, черезъ переваль Кизиль-Артъ (14.000 ф.), а оттуда на Памиры. Летучій отрядъ князя преслѣдовалъ по пятамъ Абдулла-бека, но тотъ, съ ловкостью горнаго козла, увертывался отъ него, завлекая князя въ глубь Заалайскаго хребта, гдѣ весь летучій отрядъ чуть-чуть не погибъ около озера Кара-Куль, во время мятели, отрѣзанный огромнымъ переваломъ отъ главныхъ силъ, безъ провіанта и фуража. Такимъ образомъ, Абдулла-бекъ съ братьями своими Махмудъ-бекомъ и Хасанъ-бекомъ и большинствомъ изъ своей шайки ушелъ отъ преслѣдованія русскихъ черезъ Памиры въ Афганистанъ, завѣщая остающимся батырямъ не сдаваться гяурамъ; послѣ этого мы двинулись къ Алайской долинѣ, гдѣ и остановились, тревожимые все время шайками горцевъ.

Вѣсть о неудачѣ на Янги-Арыкѣ дошла и до царицы Алая, и она со всѣми стадами и имуществомъ бросилась въ Кашгаръ, но по дорогѣ была ограблена шайками китайскихъ разбойниковъ, и несчастная датка была вынуждена броситься по слѣдамъ своихъ сыновей, т. е. на Кизиль-Артъ. Въ сопровожденіи сына своего Канчибека и племянника Мирза-Паяса, она направилась безъ имущества на плохенькихъ, киргизскихъ лошадяхъ къ Кизиль-Арту и около мѣстечка Борда-ба наткнулась на возвращавшагося князя Витгенштейна, которымъ и была захвачена и доставлена въ отрядъ. Въ это время генераль Скобелевъ былъ въ кр. Гульчѣ, и мнѣ было поручено доставить къ нему арестованную царицу Алая и ея двухъ батырей. Я очень обрадовался этому порученію. Войдя въ юрту, гдѣ помѣщалась плѣнная, я увидѣлъ сидѣвшую на коврѣ поазіатски киргизку небольшого роста, хотя не молодую, но красивую, одѣтую въ парчевый халатъ, отороченный какимъ-то мѣхомъ. Она грустно сидѣла, опустивъ голову. Передъ нею стоялъ подносъ, на которомъ лежали фісташки, кипмишъ и другія туземныя сласти. Она видимо находилась въ размысленіи о той метаморфозѣ, которая происходила съ нею, и вся была погружена въ свое горе. Она сразу даже не замѣтила моего появленія и, только спустя нѣсколько секундъ, вскинула на меня своими умными, выразительными глазами и слегка вздрогнула. Я черезъ переводчика сказалъ ей, что назначенъ сопровождать ее до Гульчи, гдѣ находится теперь генераль Скобелевъ; она отнеслась совершенно равнодушно къ моему заявленію.

— Я теперь раба русскихъ, которые могутъ дѣлать со мною что угодно, такая, значить, воля Аллаха,—отвѣтила она черезъ пе-

реводчика, и крупныя слезы блеснули на узкихъ прорѣзахъ ея глазъ.

Я сказалъ ей, что мы ѣдемъ завтра.

— Хопъ, хопъ ¹⁾, таксырь ²⁾,—сказала она мнѣ и кивнула головою въ знакъ согласія.

Я вышелъ изъ юрты и подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ ушелъ къ себѣ. На утро мы были уже на лошадяхъ. Казаки конвоировали плѣнныхъ. Датха бодро сидѣла въ сѣдлѣ, одѣтая въ бархатную шубейку съ галунами и шапочку съ парчевымъ верхомъ, отороченную мѣхомъ.

Подѣзжая къ Ляангару, я замѣтилъ около домика большое сборище киргизъ и казаковъ, и мнѣ сообщили, что генераль ѣдетъ на Алай и остановился для отдыха на станціи. Я приказалъ доложить о себѣ и тотчасъ же былъ принятъ. Сообщивъ о цѣли своего пріѣзда, я получилъ приказаніе ввести въ домъ плѣнныхъ.

Датха, въ сопровожденіи Канчи-бека и Мирза-Паяса, вошла въ комнату. Оба батыря отвѣсили низкій кулдукъ, плѣнная же царица стояла молча, низко наклонивъ свою голову.

Скобелевъ всталъ, подошелъ къ ней и протянулъ свою руку. Датха, повидимому, растерялась, она не ожидала такого пріема, и радостная улыбка озарила ея лицо. Она пожала руку героя и сказала ему что-то покиргизки.

— Скажите датхѣ, — обратился Скобелевъ къ стоявшему здѣсь переводчику киргизу-поручику Байтакову, — что я очень радъ видѣть ее въ добромъ здоровьѣ и надѣюсь, что она, пользуясь своимъ огромнымъ значеніемъ на Алаѣ, повліяетъ и на кочевое населеніе склониться къ миру и подчиниться требованіямъ Россіи. Я много слышалъ объ ея мудромъ управленіи и томъ значеніи, которое заслужила она у сосѣднихъ хановъ, а потому увѣренъ, что датха пойметъ бесполезность враждебнаго отношенія къ русскимъ. Передайте ей, — сказалъ генераль, когда переводчикъ перевелъ часть его рѣчи, — что она, какъ мать, можетъ гордиться своими сыновьями. Абдулла-бекъ свято исполнилъ свой долгъ и ушелъ лишь тогда, когда бороться уже было не мыслимо. Но пусть она знаетъ, что русскіе умѣютъ цѣнить храбрость враговъ. Если она сумѣетъ склонить своихъ сыновей покинуть Афганистанъ и возвратиться на Алай, то я награжу ихъ, какъ подобаетъ награждать героевъ, а теперь я прошу датху принять дастарханъ, — и генераль приказалъ принести, по туземному обычаю, огромный подносъ, на которомъ цѣлою горою возвышались туземныя угощенія; вслѣдъ за тѣмъ онъ собственноручно надѣлъ на плѣннику парчевый почетный халатъ и обратился къ батырямъ, увѣщевая ихъ вѣрно служить Россіи.

¹⁾ Хопъ, хопъ, — хорошо, хорошо.

²⁾ Таксырь — ваше благородіе.

Умная царица сразу поняла свое положеніе и тутъ же дала обѣщаніе генералу, что миръ и тишина будутъ царить въ долинѣ Алая, пока живетъ она на свѣтѣ. По ея требованію, изъ Афганистана возвратился ея сынъ Махмудъ-бекъ и много другихъ батырей; только одинъ Абдулла-бекъ не послушался увѣщаній матери и не вернулся на Алай, а ушелъ въ Мекку, по дорогѣ куда и умеръ.

Попрежнему поселилась датха въ Яга-Чартъ, продолжая пользоваться безграничнымъ вліаніемъ на Алаѣ, а ея сыновья были назначены управителями Алайскихъ волостей и приносили огромную пользу нашему правительству.

Такимъ образомъ присоединенъ былъ Алай къ Русской имперіи, и мы, простоявъ на долинѣ Большого Алая, направились вверхъ по рѣкѣ Кизиль-су и черезъ переваль Кара-Казыкъ—спустились въ долину Шахиваруана и черезъ Вуадиль возвратились въ Маргеланъ. Вотъ и все, господа,—заклучилъ П.,—что я могу вамъ сообщить о датхѣ, которую навѣрно мы сегодня увидимъ, и о той роли, которую она играла въ этихъ мѣстахъ.

— Спасибо, Николай Николаевичъ, теперь мы, получивъ подробныя свѣдѣнія о датхѣ, еще съ большимъ удовольствіемъ жаждемъ увидѣть эту интересную женщину,—сказалъ Барановъ.

— Ну, господа, рысью!—скомандовалъ П.,—а не то поздно будетъ, ужъ очень долго я заболтался.

И дѣйствительно, слушая длинный и интересный разговоръ капитана, мы и не замѣтили, что солнце уже было совсѣмъ на полуденной линіи, и лошади, опустивъ головы, лѣнливо ступаютъ на собственные тѣни, поминутно отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ мухъ, не дававшихъ имъ покою.

Мы поѣхали рысью и втянулись въ узкое ущелье, миновавъ которое очутились въ широкой долинѣ, окруженной горами, сплошь покрытыми арчею, и направились къ показавшемуся большому аулу, юрты котораго были украшены пестрыми палацами и коврами. Громадные табуны лошадей бродили поодаль, наслаждаясь здоровою сочною травою. Со стороны аула къ намъ приближалась группа всадниковъ съ головами, обмотанными большими бѣлыми чалмами. Пестрые халаты ихъ, ярко освѣщенные солнцемъ, красиво выдѣлялись среди суровой природы горнаго ландшафта. Впереди на великолѣпномъ гнѣдомъ жеребцѣ ѣхалъ полный, дородный киргизъ, съ сытымъ загорѣлымъ и добродушнымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшою черною бородкою. Вся фигура его выражала полное довольство жизнью. Одѣтъ онъ былъ въ костюмъ, отличавшійся отъ прочихъ джигитовъ своею простотою и изяществомъ. Бѣлый бешметъ, перетянутый въ талии широчайшимъ серебрянымъ, украшеннымъ насѣчкою и чернью, поясомъ, бѣлая, какъ снѣгъ, чалма; азиатская, съ серебряною рукояткою, пашка красиво блестяла на солнцѣ. Грудь его была украшена медалями, придававшими его ко-

стому еще болѣе величественный видъ. Вслѣдъ за нимъ ѣхали трое джигитовъ, вооруженныхъ мултуками и шашками.

За нѣсколько шаговъ до насъ всѣ туземцы слѣзли съ лошадей и встали въ почтительную позу, сложивъ руки на животѣ, какъ принято у нихъ при выраженіи особеннаго уваженія.

П. соскочилъ съ лошади и подошелъ къ бѣлому всаднику съ медалями на груди.

— Здравствуй, Махмудъ-бекъ!—сказалъ онъ.

— А! таксыръ, селамалейкумъ, калай-сызъ ¹⁾?—радостно, улыбаясь своимъ широкимъ ртомъ, проговорилъ киргизъ.

— Что датха, какъ здорова?—спросилъ П.

— Спасибо, таксыръ, слава Аллаху, здорова, она послала меня встрѣтить дорогихъ гостей, — отвѣтилъ Махмудъ, — она очень рада будетъ видѣть тюру, милости просимъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Господа, позвольте представить вамъ, это гульчинскій волостной управитель Махмудъ-бекъ, сынъ алайской царицы, съ біографіей которой я васъ только что познакомилъ, — сказалъ П.

Мы соскочили съ лошадей, и каждый пожалъ руку симпатичному киргизу.

— Ну, ѣдемъ, Махмудъ-бекъ, — сказалъ П., и мы тронулись въ путь.

Нѣсколько кучекъ туземцевъ, въ праздничныхъ халатахъ, тубитейкахъ и чалмахъ, поджавъ ноги, сидѣли, образуя на ярко зеленомъ фонѣ какъ бы вѣнки, сплетенные изъ пестрыхъ цвѣтовъ. Разодѣтыя киргизки, въ необыкновенно большихъ чалмахъ, скрывающихъ ихъ смуглыя лица, озабоченно сновали изъ юрты въ юрту; оживленіе въ аулѣ было всеобщее. Очевидно насъ ждали. Но кто могъ предупредить здѣсь о нашемъ пріѣздѣ—право, не знаю. Я спросилъ П., но онъ отрицалъ совершенно, увѣряя, что не посылалъ никого сказать, что мы будемъ.

— Вы не знаете киргизъ, у нихъ на этотъ счетъ особенное чутье,—сказалъ онъ,—прекрасно знали они, что мы непременно заѣдемъ къ датхѣ, ну, и приготовились.

Около одной богатой юрты мы остановились; толпа мальчишекъ бросилась къ нашимъ лошадямъ; взявъ за поводья, они стали водить ихъ взадъ и впередъ.

Махмудъ бекъ приподнялъ дверь юрты, мы вошли въ нее, и я увидѣлъ датху. Она сидѣла поазіатски на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. Она была уже не молодая, съ сильно сморщеннымъ лицомъ, съ маленькими, слезящимися глазами, добродушно улыбавшимся намъ. Она отдала какое-то приказаніе сыну, и въ ея жестахъ я уловилъ привычку повелѣвать. Она была одѣта въ парчевую

¹⁾ Здравствуйте, какъ поживаете?

коцевейку, отороченную мѣхомъ, а голова ея была обмотана огромною кисейною чалмою. Мы по очереди подошли къ сидящей старухѣ и пожали ей руку. Она узнала П. и очень ему обрадовалась.

— А Скобелевъ улыды! (умеръ)—сказала она, при чемъ лице ея выразило сожалѣніе, и покачала головою.

— Давно уже,—сказалъ П.

— А Ионовъ прїѣдетъ ко мнѣ?—спросила она.

— Да, я думаю,—отвѣтилъ капитанъ,—полковникъ часто вспоминаетъ васъ и навѣрное не проѣдетъ мимо вашихъ ауловъ.

— Да, онъ хорошій человекъ,—сказала датха,—и жена его и дѣти хорошія, имъ Аллахъ пошлетъ счастья. А теперь на Памиръ идете?—спросила датха.

— Да, на Памиръ.

— Плохо тамъ, ни корму для лошадей, ни достаточнаго количества барановъ, ничего нѣтъ,—сказала она,—киргизы живутъ тамъ бѣдные, тяжело вамъ будетъ; я и то приказала Махмуду и Мирза-Паясу, чтобы они вамъ немедленно все доставляли.

Она говорила съ П. покиргизски, а онъ намъ переводилъ ея рѣчь. Послѣ этого аудіенція наша у датхи окончилась. Вошедшій Махмудъ-бекъ объявилъ, что пловъ поданъ, и мы, пожавъ руку царицы Алая, вышли изъ ея юрты.

Такъ вотъ она, эта датха, о которой я такъ много слышалъ и которую такъ жаждалъ увидѣть,—самая обыкновенная киргизка съ виду, даже трудно себѣ представить, чтобы эта старуха могла когда-то играть такую важную роль.

Мы вошли въ юрту, менѣе богатую, но болѣе обширную, нежели юрта датхи, гдѣ уже собралось немало почетныхъ гостей, случайно съѣхавшихся изъ сосѣднихъ ауловъ. Здѣсь же былъ и Хасанъ-бекъ, братъ Махмуда, высокій, съ большой черной бородой киргизъ, и Абду-Кадыръ, прибывшій недѣлю тому назадъ изъ Каратегина, и казіи ¹⁾ города Оша, и старый мулла, и много другихъ знатныхъ киргизъ, обладателей почетныхъ халатовъ.

Всѣ почтительно встали при нашемъ появленіи и, обмѣнявшись съ каждымъ изъ насъ привѣтствіемъ и погладивъ свои бороды, опять чинно усѣлись въ прежнемъ порядкѣ. Во время ѣды плова въ юрту вошелъ красивый, стройный киргизъ съ хищнымъ разбойничьимъ лицомъ, не лишеннымъ нѣкотораго величія; онъ сдержанно улыбнулся и, поздоровавшись съ П., пожалъ каждому изъ насъ руку; это былъ Канчи-бекъ, старшій сынъ датхи. Онъ угрюмо усѣлся въ сторонѣ, не вступая въ разговоры и не касаясь плова. Время клонилось къ вечеру, и гостепрїимный хозяинъ объявилъ намъ, что юрты для насъ уже готовы, и мы отправились на покой. Прекрасныя кибитки, въ которыхъ были посланы на коврахъ легкія одѣяла,

¹⁾ Казій—судья.

были къ нашимъ услугамъ, и въ нихъ мы прекрасно провели ночь. Утромъ разбудили меня загудѣвшія громадныя трубы, напоминающія собою библейскія, съ которыми по преданію евреи обходили городъ Іерихонъ, и немудрено, если отъ множества такихъ трубъ разрушились стѣны города, потому что отъ двухъ моя юрта вся тряслась, и я былъ принужденъ заткнуть уши, чтобы не лопнули перепонки.

Эти трубы скликали киргизъ на тамашу ¹⁾, устраиваемую въ честь русскихъ гостей. Въ воздухѣ запахло пловомъ. Всадники группировались въ долину, готовые начать байгу (родъ скачки). Наконецъ, передъ толпою былъ брошенъ зарѣзанный козленокъ, и одинъ изъ джигитовъ ловко подхватилъ его и поскакалъ. Всѣ понеслись за нимъ, преслѣдуя общую цѣль завладѣть козленкомъ и принести его къ намъ. Датха сидѣла вмѣстѣ съ нами на разостланныхъ коврахъ и равнодушно смотрѣла на несущуюся толпу всадниковъ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за ходомъ игры. Вотъ, вотъ нагоняютъ джигита съ добычей! окружили... Защелкали въ воздухѣ нагайки, и на мгновеніе все спуталось въ общей массѣ и покрылось густымъ облакомъ пыли. Но вотъ снова, съ отнятымъ козленкомъ, вырывается изъ толпы всадникъ, и вдругъ онъ ринулся въ сторону, далеко оставляя за собою дико кричащую и несущуюся за нимъ толпу джигитовъ. Шумъ поднялся ужасный—«байга» оживилась. Козленокъ, совершенно растерзанный, переходилъ изъ рукъ въ руки; наконецъ одному изъ джигитовъ удалось далеко ускакать съ добычей, и онъ, описавъ кругъ, подскочилъ къ нашему коврику и бросилъ подъ ноги намъ козленка, отъ котораго остались одни лишь ключья. Толпа криками привѣтствовала побѣдителя, а П. вручилъ ему призовой халатъ и пятирублевую бумажку. Почти до сумерекъ длилась тамаша, много было выпито кумысу, всѣ наѣлись досыта плову, всюду видѣлись веселыя лица.

— Ну, а намъ, господа, пора и восвосяи,—сказалъ П.,—какъ разъ къ вечерней зарѣ успѣемъ.

Мы не протестовали, такъ какъ времени оставалось мало, и, попрощавшись съ датхой, которая пожелала намъ добраго пути, мы въ сопровожденіи бековъ отправились къ отряду.

Было уже совершенно темно, когда мы подъѣзжали къ бивуаку.

— Стой, кто идетъ, что пропускъ?—раздался грозный окликъ часоваго.

П. сказалъ. И мы въѣхали въ лагерь.

Отдыхая въ своей палаткѣ, подъ впечатлѣніемъ радушнаго приѣма у алайской парицы, я и не помышлялъ о томъ, что черезъ три года буду свидѣтелемъ ужаснаго горя, разразившагося надъ датхой и ея сыновьями. Въ 1893 году, сыновья ея были вдругъ арестованы

¹⁾ Тамаша—гулянье.

и посажены въ тюрьму, а по Алаю стали ходить тревожные слухи о задушеніи русскаго таможеннаго стражника, погибшаго съ двумя джигитами, во время задержанія контрабанды. Началось слѣдствіе, которое выяснило, что наша¹⁾, которую везли Канчи-беку контрабандисты, была задержана таможеннымъ досмотрщикомъ; послѣдній сначала соглашался пойти на компромисъ съ контрабандистами, но затѣмъ раздумалъ и былъ задушенъ ими, не имѣя возможности защищаться, такъ какъ револьверы его и его джигитовъ оказались безъ патроновъ. Говорили, что въ этомъ дѣлѣ участникомъ былъ Канчи-бекъ, но точныхъ уликъ не было, и дѣло было отложено областнымъ судомъ для дополнительнаго слѣдствія. Великое горе охватило сердце старухи матери; сыновья, ея гордость и надежда, опозорены, замѣшанные въ гнусномъ убійствѣ, и посажены въ тюрьму наравнѣ съ мошенниками и ворами. Лучше бы убила она ихъ своими руками, если бы предвидѣла такое позорное дѣло, но все же она надѣялась и глубоко вѣрила, что сыновья ея не причастны въ этомъ преступленіи. Между тѣмъ, пока длилось дополнительное слѣдствіе, военный губернаторъ Ферганской области генералъ-майоръ Повало-Швейковскій усиленно хлопоталъ о переводѣ этого дѣла изъ-подъ вѣдѣнія гражданскаго суда въ полевой военный; ходатайство его было уважено: беки преданы полемому суду.

Я навѣщалъ въ Маргеланской тюрьмѣ несчастныхъ и долго бесѣдовалъ съ ними. Трудно было представить себѣ, чтобы эти люди, столько лѣтъ безпорочно служившіе русскому правительству, были участниками преступленія. Миѣ отъ души было жаль, глядя на похудѣвшее, грустное лицо Махмудъ-бека и Мирза-Паяса, которые судились за укрывательство преступленія. Я утѣшалъ ихъ, сколько могъ, но они и сами понимали, что значило преданіе ихъ военному суду. Мрачный сидѣлъ въ одиночной камерѣ Канчи-бекъ и все лишь молился Аллаху, соблюдая строгую уразу (постъ). Къ нему никого не допускали. Его сердце испытывало двойное горе: въ числѣ арестованныхъ былъ и его единственный сынъ Арсланъ-бекъ, сидѣвшій тоже въ тюрьмѣ, въ которой томились 21 киргизъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ таможенныхъ.

Судопроизводство происходило при закрытыхъ дверяхъ, нѣсколько дней длились пренія, судьями были командиры баталіоновъ подъ предсѣдательствомъ генерала Корниловича, которые вынесли смертный приговоръ девяти человѣкамъ и въ числѣ ихъ Канчи-беку и его сыну 12-лѣтнему мальчику, а Махмудъ, Мирза-Паясъ и другіе присуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы.

Въ неописанномъ отчаяніи пріѣхала «царица Алая» и, несмотря на дряхлость свою и измученную горемъ душу, явилась къ воен-

¹⁾ Наша—наркотическое средство для куренія, сдѣланное изъ выжимковъ стеблей конопли.

ному губернатору и валялась въ ногахъ у него, вымаливая помилованіе сыновьямъ и внуку...

Да, велико было горе матери, у которой судьба на глазахъ отнимала всѣхъ сыновей. Всѣ русскіе и туземцы были озадачены приговоромъ суда: ожидали полнаго оправданія бековъ, и вдругъ смертная казнь. Всколыхнулось алайское населеніе, и стали ходить слухи, что киргизы намѣрены освободить своихъ бековъ.

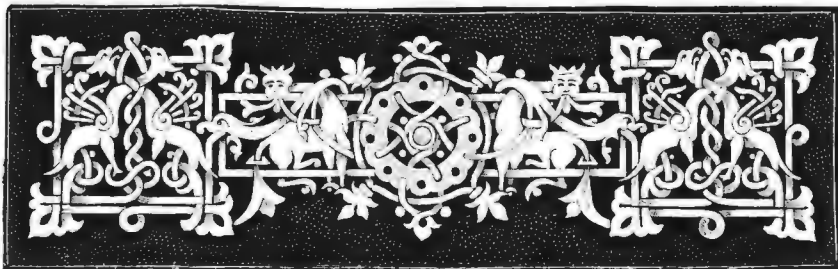
Военный губернаторъ понялъ, что ему грозитъ опасность со стороны киргизъ, и усилилъ караулы. Вокругъ тюрьмы ходили патрули, а около его дома дежурили солдаты. Въ теченіе всего времени суда войска спали не раздѣваясь, дежуря поочередно и имѣя при себѣ боевые патроны; но всѣ эти предосторожности были напрасны. Послѣ подтвержденія смертнаго приговора надъ Канчи-бекомъ и киргизомъ Полваномъ они оба были отвезены въ Опшъ, гдѣ и повѣшены 2 марта 1895 года, въ виду своей родины, дорогого имъ Алая. На казнь изъ города Маргелана за 90 верстъ пріѣхалъ и генералъ Повало-Швейковскій и руководилъ приведеніемъ въ исполненіе приговора суда. Принимая во вниманіе безпорочную службу Махмуда и Мирза-Паяса и несовершеннолѣтіе Арсланъ-бека каторжныя работы имъ и смертная казнь послѣднему были замѣнены ссылкой въ Сибирь, по дорогѣ куда Махмудъ-бекъ, не выдержавъ тягости пути, умеръ.

Послѣ этого печальнаго событія датха пережила новую метаморфозу: мозгъ ея не выдержалъ тяжелаго горя; помѣшалась бывшая Алайская царица, и теперь, въ рублищѣ, не подпуская къ себѣ никого, сидитъ она и молится Аллаху о спасеніи души своего сына. Такимъ образомъ угасъ царственный родъ на Алаѣ, и со смертью датхи только рассказы объ ея быломъ могуществѣ и силѣ будутъ ходить изъ ущелья въ ущелье, разносимые батырами по ауламъ.

Б. Л. Тагъевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЕЦЪ-ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ РОССИИ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

ВЪ ЗАПАДНОЙ Европѣ, въ XVI и XVII вѣкахъ, были въ большомъ употребленіи альбомы, на страницахъ которыхъ друзья и знакомые владѣльца рукописи писали на память. Много такихъ альбомовъ («album amicorum») сохранилось и до настоящаго времени, многіе изъ нихъ были разорваны и распроданы по листочкамъ собирателямъ автографовъ¹⁾. Подобные листки, записанные историческими личностями, цѣнятся, потому что, кромѣ тщательнаго письма, дающаго всѣ характерныя особенности почерка, нерѣдко содержатъ любопытныя мысли или интимныя мнѣнія того или другаго важнаго дѣятеля.

Года два тому назадъ былъ привезенъ изъ-за границы въ Петербургъ такой альбомъ, составленный въ началѣ второй половины XVII столѣтія нѣкимъ Іоганномъ Алгайромъ (Allgeyer) въ г. Штутгартѣ. Въ этомъ сборникѣ оказалось нѣсколько очень интересныхъ листовъ, которые и были приобрѣтены извѣстнымъ собирателемъ автографовъ и гравюръ П. Я. Дашковымъ.

Іоганнъ Алгайръ имѣетъ нѣкоторое прикосновеніе къ русской исторіи и могъ бы быть даже внесенъ въ русскій справочный историческій словарь, какъ лицо, дважды бывшее въ Россіи и со-

¹⁾ Такіе сборники автографовъ въ антикварной торговлѣ обыкновенно носятъ названіе «Stammbücher».

проводившее голштинское посольство, результатомъ котораго былъ знаменитый трудъ Адама Олеарія¹⁾.

Какъ извѣстно, Олеарій былъ въ Москвѣ нѣсколько разъ. Описывая свой первый вѣздъ 14-го августа 1634 года, онъ указываетъ, что въ торжественномъ кортежѣ (въ которомъ онъ участвовалъ, какъ секретарь посольства, и ѣхалъ передъ послами) въ самомъ началѣ поѣзда вслѣдъ за стрѣльцами находились «Яковъ Шеве (Scheve), фурьеръ, Михайлъ Кордесъ и Иоаннъ Альгайеръ (Algeyer), въ одной шеренгѣ».

Второе посольство герцога Голштинскаго, которое выѣхало изъ Гамбурга 22-го октября 1635 года и вернулось въ Готторпъ 1-го августа 1639 года, побывавъ въ Москвѣ въ 1636 и 1639 годахъ, было обставлено съ большимъ великолѣпиемъ и имѣло огромную свиту, перечисляемую Олеариемъ подробно.

Между прочимъ кухня находилась въ завѣдываніи четырехъ лицъ: «Иоанна Альгайера (Algeyer), изъ Безикгейма (Besickheim) въ Виртембергѣ, главнаго повара, съ своею прислугой, а именно: Яковомъ Гансеномъ (Hansen), изъ Тундерна въ княжествѣ Шлезвигскомъ, помощникомъ повара, Юстомъ Шафомъ (Iost Schaff), изъ Касселя Гессенскаго, тоже помощникомъ, и Гансомъ Лукомъ (Luck) изъ Киля въ Голштиніи, поваренкомъ»²⁾.

Безикгеймъ, или, какъ его теперь пишутъ, Besigheim, находится въ 29 километрахъ отъ Штутгарта, столицы Виртемберга, и пред-

¹⁾ У самого Олеарія былъ подобный альбомъ, который рассматривалъ и описать въ 1851 году М. П. Погодинъ такимъ образомъ: («Москвитянинъ» за 1851 годъ, № 7, стр. 193—194 см. «Современныя извѣстія»).

«Прежде всего я долженъ сказать читателямъ нѣсколько словъ объ альбомѣ Олеарія... Какъ объ альбомѣ Олеарія? У Олеарія былъ альбомъ? Да, да, у Олеарія былъ альбомъ, у того Олеарія, который находился въ посольствѣ къ царю Михаилу Оеодоровичу, посѣтилъ Персію, и оставилъ намъ любопытнѣйшее описание своего путешествія. Я видѣлъ самъ этотъ альбомъ. Докторъ Везенмейеръ, проѣзжавшій черезъ Москву въ Саратовъ, показалъ мнѣ его... Я задрожалъ, увидя драгоцѣнность, началъ перелистовать—и повѣяло на меня Русскою стариною съ завѣтныхъ страницъ. Путешественникъ просилъ, видно, всѣхъ начальниковъ въ странахъ, чрезъ кои проѣзжалъ онъ, писать ему на память что нибудь въ альбомѣ. Здѣсь встрѣчаются отрывки нѣмецкіе, шведскіе, персидскіе, турецкіе и русскіе. Что же заключается въ русскіихъ? Стихи изъ псалмовъ и другія изреченія Священнаго Писанія. Я воображаю себѣ, что русскій воевода или дьякъ, получивъ странное для него предложеніе, усомнился: на что нѣмцу его рука или память, нѣтъ ли здѣсь подлогу какого, чтобъ не попасть подъ отвѣтственность, въ опалу! Подумалъ русскій человѣкъ, да и подмахнулъ: блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ, и тому подобное, — и все-таки утаилъ свое имя, ибо гдѣ рука де, тамъ и голова. Только двое дьяковъ были побойчѣе, въ Казани и Астрахани, Кириловъ и Осиповъ, которые подписались подъ текстами».

Въ настоящее время альбомъ Адама Олеарія, по свѣдѣніямъ академика А. А. Куника, находится въ г. Ульмѣ.

²⁾ См. Чтенія Московск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, за 1868 годъ, кн. II, стр. 5. Въ указателѣ къ русскому переводу Альгайеръ почему-то пропущенъ.

ставляетъ изъ себя маленькій городокъ при слияніи рѣкъ Некара и Энца, замѣчательный въ настоящее время, по Бедекеру, только двумя средневѣковыми башнями.

Вернувшись на родину, Іоганнъ Альгайръ основался въ самомъ Штутгартѣ и устроилъ гостиницу для прїѣзжающихъ. Широкій кругъ разнообразныхъ посѣтителей, съ которыми ему прихо-

Пасторъ Іоганнъ-Готфридъ Грегори.

Съ гравированнаго портрета XVII вѣка Грюна.

дилось сталкиваться, какъ хозяину, навелъ его на остроумную мысль завести книгу, въ которой бы останавливающіяся у него болѣе или менѣе интересныя лица писали на память свои имена или цѣлыя сентенціи, излагали свои мысли, писали стихотворенія.

Въ октябрѣ 1667 года, Альгайра посѣтилъ рѣдкій гость—изъ далекой Московіи прїѣхалъ пасторъ Іоганнъ-Готфридъ Грегори. Бесѣды съ путешественникомъ возбудили воспоминанія о совершенныхъ когда-то путешествіяхъ. И хозяинъ, и гость оказались едино-

мысленниками-поклонниками русскаго государства; въ результатѣ альбомъ Альгайра украсился интереснымъ стихотвореніемъ Грегори, которое мы и воспроизводимъ въ настоящей замѣткѣ по оригиналу, находящемуся въ коллекціи П. Я. Дашкова:

«Господи помилуй для Іесуса Христуса.

Der tapfre Reusse wird ein Barbar zwar genennet,
 Und ist kein Barbar doch, wie dieses Buch bekennet,
 Wie mein Herr Wirth auch weiss und ich bezeug es frey,
 Dass in dem Barbarland fast nichts Barbarisch sey.
 Mann sieht hir die Sonn auch auf-und nieder gehen,
 Mann sieht das Erdreich hir voll reifer Früchte stehen,
 Wie mancher schöner Fluss giebt manche frembde Fisch?
 Der Wald giebt Meet und Wild zugleich auf unsern Tisch;
 Das Holz auch in die Kűch', und vor des Winters Schrekken
 Kann, was der Bauer fängt, Fuchs, Wolff und Zobel dekken
 Den vorhin warmen Leib, der oftmahls wird bedacht
 Mit guten Brandtwein, den selbst die Liebste macht.
 Der Bauer der ist fromm, lässt Gott und Einfalt walten.
 Die Einfalt lehrt ihn schlecht und recht Sebot zu halten,
 Die Einfalt wehrt der Sünd, die Einfalt macht ihn treu;
 Die Einfalt ist zugleich der Glaub und Kezerey;
 Der Bürger ist nicht frech, vergnűgt in seinem Handel
 Er ehrt Gott und den Tzarn, ist redlich auch im Wandel,
 Doch kommt mann ihm zu nah, so glaubt Er Eyfers-voll,
 Er sey darzu geborn, dass Er sich rächen soll.
 Es sey lang oder kurz. Und wie soll ich gnug preisen
 Den unverglichenen Tzar, den Gross-Herzog der Reussen?
 Der unser teutsches Volk mehr als die Reussen liebt,
 Und ihnen Kirch und Siz, Sold, Ehr und Schätze giebt.
 O höchst-gepriessner Tzar, Gott wolle dich belohnen,
 Wer wolte doch nicht gern in diesem Lande wohnen?
 Da man auch mit mehr Furcht den höchsten liebt und ehrt,
 Als hir, wo Gottes Wort zum Ekel wird gelehrt.
 Ade ihr teutschen Freund, zu tausend guten Zeiten,
 Ich preise zwar Eur Land und eure Herrlichkeiten,
 Doch kann bey wilden Volk ich noch vergnűgt sein
 Freund Allgaÿr auch Ade, gedenkt am besten mein

Stuttgart
 den 26. Octobr. ao. 1667.

Johann Gottfried Gregorij,
 der teutschen Evangelischen in Moscau
 vollendten christlichen Gemeine Pastor».

Вотъ по возможности буквальный переводъ этого стихотворенія:
 «Хотя храбраго русскаго и называютъ варваромъ, онъ все же не варваръ, какъ доказываетъ эта книга, также какъ это извѣстно моему хозяину, и я свидѣтельствую открыто, что въ этой варварской странѣ нѣтъ ничего почти варварскаго. Здѣсь также видятъ, какъ солнце восходить и заходить; земля (земное царство) здѣсь полна спѣлыхъ плодовъ; многочисленныя рѣки даютъ разнообразную рыбу, а лѣсъ снабжаетъ нашъ столъ медомъ и дичью, кухню дро-

вами. И то, что ловить крестьянинъ — лисица, волкъ и соболь — могутъ прикрыть согрѣтое тѣло ¹⁾, неоднократно (зачастую) снабжаемое также хорошей водкой, которую дома готовятъ сами милья ховаяйки. Крестьянинъ набоженъ, у него господствуютъ Богъ и простодушіе. Простодушіе учитъ его исполнять, какъ слѣдуетъ, заповѣди, удерживаетъ его отъ грѣха, дѣлаетъ его вѣрнымъ; простодушіе это въ одно и то же время и вѣра и суевѣріе. Горожанинъ не заносчивъ (не нахаленъ); довольный своимъ прибыткомъ, онъ чтитъ Бога и царя; въ дѣлахъ онъ честенъ, но если кто его задѣнетъ, онъ твердо вѣритъ, что рожденъ съ правомъ — рано или поздно за себя отомстить.

«Какъ могу я достаточно прославить несравненнаго (несравнимаго)²⁾ царя, великаго герцога русскихъ, который нашъ нѣмецкій народъ любитъ больше русскихъ и нѣмцамъ даетъ церкви, мѣста, жалованье, почести и сокровища. О препрославленный царь! да награди тебя Богъ! Кто не желалъ бы охотно жить въ этой странѣ, въ которой съ большимъ страхомъ чтутъ и любятъ Всевышняго Бога, чѣмъ здѣсь, гдѣ слову Божію учатъ до оскомины (тошноты, омерзѣнія). Прощайте, нѣмецкіе друзья, на многіе счастливые годы. И хотя я и прославляю и вашу страну, и ваше великолѣпіе, все же у дикаго народа я могу быть еще счастливѣе. Другъ Алгайръ, также прощай, не поминай меня лихомъ!»

Иоганнъ Готфридъ Грегори,

пасторъ нѣмецкаго Евангелическаго въ Москвѣ основаннаго прихода».

«Штутгартъ.

26 октября 1667 года».

Нельзя сомнѣваться, что выраженіе «wie dieses Buch bekennet» относится къ экземпляру труда Олеарія, подъ впечатлѣніемъ совмѣстнаго съ хозяиномъ проглядыванія котораго Грегори и вдохновился воспѣть «варварскую» страну.

Чтобы оцѣнить значеніе приведеннаго стихотворенія и выраженныхъ въ немъ мнѣній, надо остановиться нѣсколько на ихъ авторѣ. О пасторѣ Грегори въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была уже статья въ 1885 году (№ 9) съ приложеніемъ его портрета. Изъ сообщаемыхъ въ этой статьѣ данныхъ мы должны только исправить показаніе: «умеръ въ началѣ 1680-хъ годовъ». На самомъ дѣлѣ Грегори не дожилъ до этого времени ³⁾. Подробныя біографическія свѣдѣнія о Грегори даетъ профессоръ Д. Цвѣтаевъ въ его изслѣдованіи «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій» (М., 1890 г.).

¹⁾ Буквально «предъ тѣмъ теплее».

²⁾ Не поддающагося сравненію.

³⁾ Д. Цвѣтаевъ, I. с. стр. 190.

Иоганнъ, Готфридъ Грегори былъ сынъ мерзбургскаго медика Виктора Грегори. Въ октябрѣ 1658 года, молодой «Яганъ» появляется въ Москвѣ и устроивается учителемъ въ лютеранскомъ приходѣ пастора Фадемрехта. Обративъ на себя вниманіе нѣмецкой колоніи и особенно энергичнаго полковника Баумана, Грегори получилъ возможность приобрести вліятельное положеніе среди московскихъ протестантовъ. По словамъ самого Грегори, «просили его генераль Бовманъ съ начальными людьми и дали ему письмо, чтобы онъ ѣхалъ въ Цесарскую землю и сталъ въ пасторы, а ставъ въ пасторы, пріѣхалъ въ Москву»¹⁾. Какъ и когда состоялось такое рѣшеніе, нельзя опредѣлить въ точности, и даже, можетъ быть, эта посылка была дѣломъ одного «генерала Бовмана», желавшаго имѣть свою креатуру и преданнаго человѣка, именно, на мѣстѣ пастора. Бауманъ зналъ, что во всякой колоніи, заброшенной вдали отъ родины среди иновѣрнаго народа, лица духовныя—пастыри душъ—пользуются авторитетомъ и чрезвычайнымъ вліяніемъ. Когда уѣхалъ Грегори изъ Москвы, мы не знаемъ, но въ пасторы онъ былъ посвященъ въ Дрезденѣ въ 1662 году до 16 апрѣля, ранѣе же посвященія занимался въ Іенѣ и успѣлъ тамъ получить ученую степень магистра. Въ Москву онъ вернулся съ очень лестными для себя грамотами отъ саксонскихъ курфюрста Іоанна-Георга и герцога Христиана. Изъ грамотъ явствовало, что Грегори «добровольно подвергъ себя изгнанію, отказавшись отъ всего имущества, оставилъ отчи(з)ну, отеческій дворъ, племянниковъ и всѣхъ родныхъ, на своемъ пути подвергался въ жизни многимъ опасностямъ, и все это не для чего иного, но какъ послушный призванію отъ Бога». Кромѣ того, саксонскіе правители свидѣтельствовали, что пасторъ Грегори «весьма разславлялъ и хвалилъ» царя Алексѣя Михайловича за его отношенія къ протестантамъ.

Въ Москвѣ Грегори сдѣлался вторымъ пасторомъ «нѣмецкой аугсбургско-евангелической офицерской общины въ Нѣмецкой слободѣ подъ Москвой» во вновь построенной, главнымъ образомъ на средства генерала Баумана, церкви. Первые годы пасторства для Грегори были годами испытаній, всѣ старые пасторы возненавидѣли умнаго и краснорѣчиваго соперника, и начался рядъ сценъ и ссоръ, отъ которыхъ представители общины приходили въ недоумѣніе, что дѣлать. Дошло до того, что съ пастора Фокерота было взято письменное обязательство не ругать молодаго сослуживца позорными словами ни въ лицо, ни заочно²⁾.

Понятно, что Грегори съ удовольствіемъ поѣхалъ въ мартѣ 1667 года въ Германію, посланный общиною для сбора пособій на устроеніе и украшеніе церкви, обремененной долгами. Снабженный

¹⁾ Ibidem, стр. 95.

²⁾ Цвѣтаевъ, I. с. стр. 98.

ЮСТАН ПОБИЛОУ, АКА ЈЕСЕА УМСТАРА

Der ewigen Reize wird ein Barbier jeder genannt,
Und ist dein Barbier bist du dieses Brief bekannt,

Wia man den Weg auf weiß, und ist der Weg ist gering
Dass in dem Barbierland fast nicht Barbier sind.

Mann spricht für die Dorn auf dich - und wieder esen,
Manch spricht das fording für toll unser Schrift lesen,

Wia man der Reize Brief gibt man so schnell Brief,
Der Welt gibt Man und ist zugleich des unser Brief,

Das Holz auf in die Reize, und der die wieder esen,
Kann, das der Reize fänge, Brief, edel und hoch edel,
Der Reize in einem Land, der ist der Reize ist edel

mit guten Borne Skandin, dem selbst die Liebe nicht
Der Reize der ist fromm, das Reize und fast edel,
Die Reize fast in ist edel und ist edel zu fallen,

Die Reize ist der Reize, die Reize nicht in dem
Die Reize ist der Reize, der Reize und ist edel,
Der Reize ist nicht edel, der Reize in einem Land,

Es ist der Reize in dem, ist edel und in dem
Der Reize mit dem Reize, ist edel und in dem

Das Reize man in dem, ist edel und in dem
Der Reize man in dem, ist edel und in dem

Es ist der Reize in dem, ist edel und in dem
Der Reize man in dem, ist edel und in dem

Und man, das ist edel und in dem
Der Reize man in dem, ist edel und in dem

Es ist der Reize in dem, ist edel und in dem
Der Reize man in dem, ist edel und in dem

Das Reize man in dem, ist edel und in dem
Der Reize man in dem, ist edel und in dem

Es ist der Reize in dem, ist edel und in dem
Der Reize man in dem, ist edel und in dem

Buttvard
Am 26. Okt.
1867.

Joseph Buttvard Gregory,
Der Reize man in dem, ist edel und in dem

грамотою къ курфюрсту саксонскому, въ которой русскій царь просилъ отпустить къ нему нѣсколькихъ саксонскихъ рудознатцевъ, Грегори ѣхалъ по Германіи какъ бы посланцемъ отъ московскаго правительства, былъ всюду принимаемъ съ почетомъ и, блистательно выполнивъ данное ему порученіе, вернулся въ Москву въ 1668 году (приблизительно 19 или 20 мая).

Издаваемое нами стихотвореніе Іоганна-Готфрида Грегори и было написано какъ разъ во время объѣзда Германіи.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на тонъ и содержаніе этихъ стиховъ, которые представляютъ не защиту только, а прямой двоирамбъ Московіи. Правда, что впоследствии въ томъ же 1668 году, во время слѣдствія надъ нимъ по доносу служилыхъ иноземцевъ, его же прихожанъ, Грегори ставилъ себѣ въ заслугу именно то, что онъ въ Германіи восхвалялъ Россію (обвиняли его, что «онъ же называлъ русскихъ варварами») ¹⁾, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дружескимъ посланіемъ, написаннымъ отъ чистаго сердца. Едва ли бы пасторъ Грегори былъ доволенъ, если бы Алгайръ предалъ стихи его гласности. Въ Москвѣ автора не похвалили бы за утвержденіе, будто царь любитъ нѣмцевъ больше русскихъ, а въ Германіи были бы неприятно изумлены мнѣніемъ пастора о Московіи: «*Da man auch mit mehr Furcht den höchsten liebt und ehrt, als hir, wo Gottes Wort zum Ekel wird gelehrt*».

Стихотвореніе Грегори знакомитъ насъ съ такимъ мнѣніемъ иностранца о Россіи XVII столѣтія, какими мы не избалованы. Посѣщавшіе Московію иноземцы большею частью очень строго относятся къ нравственнымъ качествамъ народа, подчеркиваютъ, какъ только возможно, деспотизмъ правительства, безправіе и некультурность русскаго общества.

Пасторъ Грегори по уму и образованію былъ человѣкомъ недюжиннымъ—онъ ясно показалъ это своей дѣятельностью какъ въ Москвѣ, такъ и въ Германіи. Неожиданно призванный въ послѣдніе годы жизни создать первый русскій театръ, онъ и на новомъ поприщѣ выказалъ свои дарованія и художественное чутье.

Проживя нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, Грегори съ одной стороны не могъ быть особенно высокаго мнѣнія о нравственныхъ достоинствахъ своей паствы, среди которой было не мало буйныхъ искателей приключеній, а съ другой онъ попалъ въ Москву какъ разъ въ то время, когда тамъ образовался при дворѣ кружокъ передовыхъ людей, ядро котораго составили Матвѣевъ, Ртищевъ и воспитатели и учителя царевичей. Можно навѣрное сказать, что съ нѣкоторыми членами этого кружка Грегори былъ знакомъ, и долженъ былъ вынести хорошее впечатлѣніе. Тамъ были, сколько

¹⁾ См. статью Д. Цвѣтаева: «Генераль Николай Бауманъ и его дѣло», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1884 годъ.

«истор. вѣстн.», июль, 1898 г., т. lxxiii.

намъ теперь извѣстно, честные, стремившіеся къ просвѣщенію, идейные люди. Кромѣ того, можетъ быть, Грегори вдумывался и въ нѣкоторые историческіе факты изъ жизни чуждаго, окружавшаго его народа. Недалеко было то время, когда совершилось самоосвобожденіе отъ внѣшнихъ враговъ, когда, какъ писалъ иноземцамъ князь Пожарскій, русскіе люди шли на смертный бой, не ища награды и жалованья: «а сами мы—бояре, и воеводы, и чашники, и столъники, и дворяне и дѣти боярскіе, служимъ и бьемся за святыхъ Божьихъ церкви и за православную нашу крестьянскую вѣру и за свое отечество безъ жалованья» (августъ 1612 года)¹). Плохо устроенныя, нерѣдко плохо вооруженныя, московскія рати дѣтей боярскихъ терпѣли неоднократно пораженія, но сами враги не могли бы отказаться засвидѣтельствовать ихъ упорную стойкость. Разбитыя, разсѣянныя войска собирались и опять шли въ бой, движимыя, одушевленные какимъ-то великимъ чувствомъ, которое отнюдь не было увѣренностью въ побѣдѣ, сознаниемъ своего превосходства надъ врагами. Не мало доблестныхъ подвиговъ русскихъ людей въ теченіе почти непрерывныхъ войнъ XVI и начала XVII столѣтій записано даже иностранцами. Вспомнимъ, наприимѣръ, извѣстіе о поведеніи московской артиллеріи въ бою подъ Кесью 21 октября 1579 года, когда пушкари, видя невозможность спасти тяжелыя осадныя орудія, потерявъ своего воеводу Василья Ѳедоровича Воронцова, не покинули поля битвы, а повѣсились на пушкахъ!

Иноземцевъ, посѣщавшихъ Россію, непріятно поражало то ревнивое чувство, съ которымъ москвитяне охраняли свою обособленность и которое иногда, казалось, доходило до презрѣнія къ чужеземцамъ. Тогдашніе русскіе люди очень цѣнили свою русскую «природу», вѣру, языкъ и обычаи. Царскіе выговоры, случалось, начинались именно словами, что провинившіеся, «забывъ свою русскую природу и государскіе чины», сдѣлали то-то и то-то²). Но то, что казалось со стороны косностью, происходило именно изъ пониманія всей силы вліянія, которое можетъ проявить въ области духа болѣе культурная среда.

Въ сферѣ вещественно-бытовой старая Русь никогда не была консервативной, напротивъ она гонялась за всякаго рода «мастерами», представителями западно-европейской цивилизаціи. Русскіе акты испещрены указами на бытовые предметы иностранной выдѣлки, особо цѣнимыя и уважаемыя. Еще въ 1544 году у Глушицкаго монастыря въ Вологодскомъ уѣздѣ была мельница, при описаніи которой подчеркнута, что у ней «колесо немецкое»³). «Ножи

¹) С. Г. Г. и Д., ч. II, стр. 606—607.

²) Труды Восточнаго Отдѣленія, т. XXI, стр. 312 (іюль 1615 года).

³) Грамоты Коллегіи Экономін, № 2855—14—сотная выпись 7052 года.

угорскіе» ¹⁾, «сѣдла нагайскія и ляцкія» ²⁾ и такъ далѣе передавались и описывались, какъ предметы особой цѣнности. Самыя святыя иконы украшались произведеніями «еретическихъ рукъ» (ткани, серебряныя издѣлія и такъ далѣе). Одинъ изъ наименѣе образованныхъ и, такъ сказать, либеральныхъ митрополитовъ, Даніилъ, не поколебался приказать перевести на русскій языкъ нѣмецкій лечебникъ (въ 1534 году) ³⁾. Напрасно было бы думать, чтобы въ Москвѣ считали изученіе иностранныхъ языковъ дѣломъ предосудительнымъ. Герасимовы и Сильваны не были единичнымъ явленіемъ. Въ одной реляціи времени Ивана Грознаго записано, что былъ взятъ въ плѣнъ молодой бояринъ, говорившій полатыни; припомнимъ, какой великой репутаціей пользовался за границей Аванасій Власевъ, худо или хорошо, но несомнѣнно понимавшій нѣсколько языковъ ⁴⁾. Можно думать, что знаніе польскаго языка среди наиболѣе образованнаго общества (напримѣръ, среди приказнаго дьячества) было довольно распространено. Нечего и говорить о восточныхъ языкахъ—татарскій языкъ знали многіе воеводы. Въ 1556—1558 годахъ, напримѣръ, въ Астрахани сидѣлъ воевода Иванъ Черемисиновъ, нравившійся ордынцамъ именно потому, что «разумѣеть языку татарскому» ⁵⁾. Иностранцы обыкновенно особенно громили въ московитахъ невѣжество, отсутствіе духовныхъ интересовъ, грубость нравовъ, пьянство и развратъ.

¹⁾ Акты юридическіе, стр. 92—93.

²⁾ Ibidem, стр. 93.

³⁾ Жмакинъ, стр. 278, 279. Не говоримъ уже о дѣятельности извѣстнаго архіепископа Генадія Гонзова, который не гнушался и латинскими книгами, для котораго дѣлались извлеченія и переводы съ Вулгаты.

⁴⁾ О латинской псалтири блаженнаго Іоанна Власатаго, Ростовскаго Христарди юродиваго, скончавшагося 3 сентября 1580 года, напечаталъ подробное извѣстіе М. П. Погодинъ въ «Москвитиннѣ» за 1850 годъ (кн. V, стр. 33—34). Въ этой псалтири, лежащей на гробѣ угодника Божія, находится впаивенной слѣдующая запись: «Въ лѣта бытія міра 7210, отъ Рождества же Христова въ лѣто 1702, въ царство великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, марта въ 1 день, въ недѣлю вторую великаго поста, прииде въ Ростовъ преосвященный архіепископъ Дмитрій и пріялъ престолъ митрополити Ростовской и Ярославской. Отъ времени преставленія блаженнаго Іоанна Власатаго, прозываемаго Милостиваго, даже доселѣ быше на гробѣ его книжица сія зѣле ветха псалтирь Давыдовъ, на латинскомъ діалектѣ, юже той Угодникъ Божій, моляся къ Богу, чтяше, и видѣвъ ю ветху и разсыпаннуюся, преосвященный митрополитъ Дмитрій повелѣ ю вновь переплести, и обнови въ пакы, на гробѣ Блаженнаго Іоанна положи, да лежитъ неотъемлемо въ послѣднія лѣта. Аще же кто дерзнетъ сію книжицу отъ гроба Іоаннова взяти и освоити, таковый буди анаосма». Въ подлинникѣ иконописномъ XVIII столѣтіе, изданномъ Г. Д. Филимоновымъ, подъ 3 сентября читаемъ: «Преподобнаго и блаженнаго Іоанна Власатаго Ростовскаго; подобіемъ русь, брада аки Леонтія Ростовскаго и подолѣ, и кругляя, власы на главѣ велики, риза какъ у Алексѣя челоуѣка Божія».

⁵⁾ Прод. древ. рос. вивл., ч. X, стр. 40.

Что касается послѣднихъ рубрикъ — грубости, пьянства, разврата, то и въ исторіи западно-европейскихъ культуръ XVI-го, на примѣръ, столѣтія можно подобрать и навязать нескончаемую нитью рядъ самыхъ анекдотическихъ фактовъ. Жестокіе нравы и распущенность отнюдь не были удѣломъ одной Руси. Русскіе люди, дѣйствительно, любили «вино горячее боярское» ¹⁾ и пили его, можетъ быть, безъ мѣры, но вѣдь и время было такое, что въ официальные памятники, на примѣръ, записывалось, безъ всякаго подчеркиванья и укора—«...и посолъ той ночи пьянъ розшибся, да за немочью, съ королевыми рѣчми не былъ...» ²⁾. А дѣло идетъ о торжественной аудіенціи у государя.

Недаромъ и пасторъ Грегори въ приведенномъ стихотвореніи относится съ такимъ умиленнымъ снисхожденіемъ къ винокурению на домашнюю потребу.

Можетъ быть, и въ вопросѣ о распущенности русскихъ нравовъ Грегори не былъ согласенъ съ наблюдателями, ему предшествовавшими. Духовныя лица болѣе другихъ посвящены въ закулисныя тайны культурной жизни, а взаимное соотношеніе культурности и развращенности—щекотливый вопросъ, который наука выяснила еще далеко не вполне.

Въ области высшихъ понятій Грегори, можетъ быть, подмѣтилъ у русскихъ то, что оставалось неяснымъ для кратковременныхъ заѣзжихъ наблюдателей—это пониманіе идей государства, государственныхъ интересовъ, глубокое сознаніе долга по отношенію къ государству и отечеству, наконецъ, нерѣдкое отреченіе отъ личныхъ интересовъ въ пользу отвлеченныхъ, родовыхъ.

Щепетильность московскаго правительства въ вопросѣ о написаніи царскаго титула неоднократно обращала на себя вниманіе изслѣдователей, многіе изъ которыхъ отнесли къ ней болѣе чѣмъ иронически. Но надо помнить, что этотъ вопросъ всегда былъ связанъ съ вопросомъ онамѣреннымъ пренебреженіи или отказѣ признать права, въ титулѣ поименованныя. А вотъ, на примѣръ, еще 5 февраля 1549 года боярская дума выразила свое мнѣніе о разницѣ борьбы за титулъ и за Русскую землю: «...и царь и великій князь о томъ говорилъ съ бояры, пригоже ли имя его не сполна писати... и толко съ королемъ за то слово не сдѣлати, ино противъ трехъ недруговъ стояти вдругъ истомно, и которые крови христіанскіе прольютца за одно имя, а не за землю, ино отъ Бога о грѣсѣ сумнетелно...» ³⁾.

Въ 1597 году, были посланы въ Персію посольствомъ князь Василій Васильевичъ Тюфякинъ да дьякъ Семень Емельяновъ, а

¹⁾ Этотъ терминъ см. въ «Трудахъ Восточнаго отдѣленія», т. XX, стр. 292. «Вино русское», *ibidem*, стр. 265 и др.

²⁾ Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 346 (1 января 1503 года).

³⁾ Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. LIX, стр. 291.

съ ними подъячій, переводчикъ, толмачъ, два кречетника и «черный попъ» Никифоръ. Только что посольство выѣхало 5 августа изъ Астрахани въ море, какъ разболѣвшійся князь Тюфякинъ слегъ и скончался во время плаванія. Въ Персіи посольство ждала еще большая бѣда—свирѣпствовала какая-то эпидемія—«немоць огненная». Не успѣли отойти отъ берега и нѣсколькихъ переходовъ, какъ захворалъ второй посолъ. Больной доѣхалъ онъ до города Лаажана. «А въ Лаажане городе, рассказываетъ статейный списокъ ¹⁾, стояли четыре дни, и живучи въ Лаажане, государевы люди всѣ разболѣлися. А изъ Лаажана города сентября въ 26 день государева посла, діака Семена Емельянова, понесли на носилицахъ конечно больново. А подъячево Ивана Дубровского и переводчика Есень Алѣя и толмача Стевана Маслова и стрельцовъ и боярскихъ людей повели,—которой не можетъ на лошади сидѣти, и тѣхъ привязывали къ лошади, чтобъ не свалился; а иной, сваялся съ лошади, тутъ и умереть; а иново на станъ мертвово привезутъ привязана къ лошади; а иново мужикъ за бедра, сидя, въ беремяни держитъ, чтобъ съ лошади не свалился и не убился. А се жарко непомерно, отъ солнца испекло, а укрытись негдѣ, лѣсу отнюдь нѣтъ. И того-жь дни Божія воля сталась: государева посла діака Семена Емельянова не стало въ шахове деревне отъ Лаажана города верстъ за десять. Тутъ его и схоронили; а съ нимъ человекъ его Ивашка Кузьмина...». Дальнѣйшій путь представлялъ не менѣе ужасную картину. Поѣхали въ «Казбинъ городъ»—«а переводчика Есень Алѣя конечно больново посадили на обычную лошадь, а у него сѣлъ мужикъ кизылбашанинъ за бедра, да его въ беремя взявъ, держалъ, а два мужика, по сторонамъ идучи, держали. А Есень-Алей иглову по плечамъ изложилъ и очима не взорить и не помнитъ ничего...».

И вотъ сталъ помирать и подъячій: «а отходя сего свѣта, подъячей Иванъ Дубровской въ Дилеманѣ городѣ призвалъ переводчика Есень-Алѣя Дербышева, больново-жь конечно, да кречетниковъ Петра Маркова съ товарищи, да черново попишка Никифоришка, отдалъ кречетнику Петру Маркову съ товарищи да черному попишку Никифоришку государевы царевы и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи къ шаху грамоты и наказъ Ивашкѣ за посольскою Семеновою печатью и говорилъ: говорю де вамъ по приказу государева посла діака Семейки Емельянова: въ государеве казне въ поминкахъ воленъ Богъ да шахъ и стояти вамъ противъ шаха не устояти, воленъ онъ и надъ вами, не токмо надъ казною, а за государевы грамоты и за наказы помрите, а не можете шаху отдати, хороните и берегите накрѣпко такъ, какъ вамъ Богъ по сердцу положить. А будетъ мѣра васъ не возьметъ и

¹⁾ Труды восточнаго отдѣленія, т. XX, стр. 433.

отстоятись будетъ немочно, и вы вымите изъ мѣшка двѣ грамоты къ шаху да грамоту къ Өергаты хану, прилики для, малые выбравъ, а не большіе, чтобъ шахъ дѣла не свѣдалъ, для чего послы приходили...».

На утро подьячій Иванъ Дубровскій померъ; въ два дня, предшествовашіе его кончинѣ, изъ числа посольскихъ слугъ умерло шесть человѣкъ, черезъ день скончался толмачъ и еще двое—одинъ стрѣлецъ да «человѣкъ» кречатника Петра Маркова.

Передъ нами картина страшной эпидеміи: съ момента, какъ почувствовалъ себя больнымъ дьякъ Емельяновъ, и до кончины Дубровскаго прошло всего одиннадцать сутокъ!

Истомленные страшной дорогой, среди приступовъ бреда «огненной немочи», сознавая неизбежность смерти, русскіе люди забываютъ личные интересы, заглушаютъ инстинктъ самосохраненія и, подавляя могучимъ усиліемъ воли грозный недугъ, совѣщаются о государственномъ дѣлѣ, имъ порученномъ, даже собственно и не имъ, такъ какъ посломъ-то былъ только дьякъ Емельяновъ!

Сколько душевной силы надо было найти больному дьяку, чтобы успѣть продиктовать подьячему наказъ, обсудить въ немъ мѣры, которыя должны были быть приняты по случаю смерти обоихъ пословъ, и, передавъ дѣла посольства, оформить документъ приложеніемъ печати. Мы видѣли, что и подьячій Дубровскій въ смертный часъ также только и думалъ объ исполненіи своего долга. На высотѣ положенія оказались и единственно уцѣлѣвшіе изъ всего посольства кречатникъ да «черной попишко», которые не растерялись, а справили посольство и представили подробный статейный списокъ.

Поведеніе Емельянова и Дубровскаго не было явленіемъ исключительнымъ, дѣла ихъ случайно сохранились въ столбцѣ съ старинной помѣтой: «сей столпъ безъ начала и конца и мышами съ краю поѣденъ», но немало подобныхъ подвиговъ могутъ быть извлечены изъ другихъ столбцовъ и документальныхъ книгъ.

Старые русскіе люди очень вѣрили въ судьбы Россіи, въ то, что ее ведетъ Промыселъ Божій, и не боялись умирать за русское дѣло.

До насъ дошло письмо одного «простеца», какъ надо думать, къ сельскому священнику. Писано оно, какъ кажется, 14 мая 1610 г., въ разгаръ смутъ и волненій; слогъ его витіеватый, но въ немъ ясно слышится горячій патріотическій энтузіазмъ:

«А про воровскую статью минованіе, чаемъ Владыку Христа, что насъ избавитъ отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей. Божія бо сила непобѣдима, крѣпка и стоятелна бываетъ, а отпадшая движима и непостоятелна, крѣпости не имуци никоея жъ, но токмо прогонителна во адово жилище бываетъ и во тму кромешную, идѣже тля тлитъ и червь не усыпнетъ и огонь ихъ не угаснетъ. Да воспомани преждъ сего находящихъ на святую и благочестивую вѣру христіанскую злочестивыхъ, богоотступльшихъ и богохулныхъ царей, хотящихъ

прогнати христіянъ и вѣру попрати; не сами ли изгибоша вси и потопоша, яко олово въ водѣ, зѣлнѣ? Да и самъ, господине, вѣси, при твоей памяти содѣяшася многое неистовство: крымскій царь Сапъ-Кирей въ семьдесятъ осмомъ году, грѣхъ ради нашихъ, Господь Владыко на насъ гнѣвъ свой воздвигнулъ, наказуя и приводя насъ и утвержая въ вѣрѣ, огню предалъ и жительство наше въ пепель претворилъ, хотя угодникомъ своимъ преселеніе отъ скверны очистити, и не по мнозѣ времяни многожды плѣнъ и кровопролитіе отъ безбожныхъ за грѣхи наводилъ; и послѣди тѣхъ посѣщеній навелъ быть, превѣденіемъ ѡсовскимъ, антихриста Ростригу; онъ же самъ себе именована быти цесаремъ непобѣдимымъ, не дано бо ему свыше таково именованіе, не погибѣ ли и съ сосудомъ своимъ, уготованнымъ адомъ? И по немъ иныя именовалися царьскими дѣтми, Петръ и Болотниковъ Ивашку, хотя воцаритись, воздвигнули на святую вѣру христіанскую брань, и Владыко Христосъ много ль имъ власть держать далъ? А нынѣ Богомъ не даное тѣмъ же окаяннымъ законопопрателемъ и разорителемъ вѣры христіанскіе и святыхъ церквей праги кровью обогрителемъ и крестному цѣлованію ни во что вмѣняющимъ тожъ воспримуть...»¹⁾

Это письмо, являясь оглоскомъ общественнаго убѣжденія, представляетъ намъ интересныя данныя къ объясненію событій, закончившихъ смутную эпоху.

Непоколебимая вѣра русскихъ людей въ могущество московской государственности, основанной на греческомъ православіи, охраняемой самимъ Богомъ, предназначившимъ Москвѣ быть третьимъ Римомъ (четвертому жъ не бывать), отражалась невольно тамъ иногда, гдѣ менѣе всего можно было бы ожидать.

Пораженія, понесенныя москвитами во вторую половину царствованія Іоанна Грознаго, должны были бы, кажется, сильно уронить престижъ Россіи, а въ подлинномъ документѣ, напримѣръ, 1588 года читаемъ: «... Да тотъ же выходецъ Оилипко сказывалъ: какъ деи онъ былъ у турокъ въ полону, и былъ де въ тѣ поры въ Бурсе, и виделъ въ Бурсе на базаре—турчанинъ смотритъ въ книгу и учалъ плакати, да сталъ сказывать турчаномъ, что государству Турскому Царюгороду послѣдніе лѣта доходятъ, стояти ему з два года да быти взяту отъ русскихъ людей. И того деи турчанина за то велѣли казнити...»²⁾

Въ расцвѣтъ турецкаго могущества, когда турки были грозой всей Европы, зарождается и теплится легенда, что Царьградъ долженъ быть завоеванъ русскими³⁾.

¹⁾ Сборникъ князя Хилкова, стр. 12—13.

²⁾ Сношенія Россіи съ Кавказомъ, изд. С. А. Бѣлокуровымъ, т. I, стр. 43—44.

³⁾ Въ добавленіе къ этому укажемъ на стр. 124—126 интересной книги В. Д. Смирнова: «Турецкія легенды о Святой Софіи» (Сиб., 1898).

Въ борьбѣ съ Стефаномъ Баторіемъ Россія была побѣждена и унижена, а черезъ нѣсколько лѣтъ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ фактомъ, что запорожскіе черкасы, не состоявшіе собственно, въ подданствѣ московскаго государя, не соглашаются идти на помощь имперскимъ войскамъ безъ повелѣнья его царскаго величества, и гонецъ цесаря просить послать къ нимъ царское знамя и повелѣнье (августъ, 1594 года)¹).

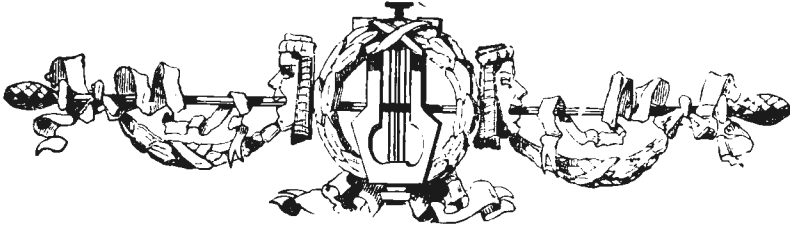
Много, конечно, непривлекательныхъ чертъ было въ общественной и бытовой обстановкѣ жизни Руси до-Петровскаго періода, но было нѣчто въ народномъ характерѣ и взглядахъ такое, что могло заставить иностранца, прожившаго въ Москвѣ, измѣнить первоначальное и обычное предубѣжденіе противъ сѣверныхъ варваровъ.

Умный и проникательный Грегори могъ, и не кривя душой, написать печатаемое нами стихотвореніе. Московиты XVII столѣтія вскорѣ доказали свою доброкачественность, русскому народу надо было обладать исключительно хорошимъ организмомъ, чтобы переварить такъ благополучно и легко реформы Петра Великаго.

Н. Лихачевъ.

¹) Памятники дипломатическихъ сношеній, т. II, ст. 28—29.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дирекція театра.—Подполковникъ А. М. Щербаковъ.—Его отношенія къ артистамъ.—Рецензенты: Н. Г. Питосвъ и Н. В. Симборскій. Симборскій, какъ корреспондентъ съ театра военныхъ дѣйствій; его фельетоны и эпиграммы; рецензій Симборскаго; его характеръ и печальная кончина.—Театральный папаша В. И. П.—вскій; его парижскія похождения и возвращеніе на родину; жизнь при «театрѣ» и грустный финаль въ циркѣ.—Тифлисская публика.—Ея любовь къ театру и къ артистамъ; оваціи.—«Национальная пьеса».—Театральный садикъ-уголокъ любви.

I.

ТОБЫ покончить совѣмъ съ городомъ Тифлисомъ и его театрами, я непременно долженъ упомянуть и о нѣкоторыхъ «театральныхъ лицахъ и особахъ», то-есть о людяхъ, такъ или иначе причастныхъ къ тифлисскому театру.

Нашъ театръ считался казеннымъ. Имѣлась театральная дирекція, во главѣ которой стоялъ генераль-лейтенантъ Л—скій. Выдавалась ли антрепренеру какая нибудь субсидія—право, не знаю. Самая казенность театра выражалась въ томъ развѣ, что во время представленій въ вестибюль театра стоялъ военный караулъ. Директора генераль-лейтенанта Л. мы видали очень рѣдко, но зато нашъ театръ ежедневно посѣщаютъ подпол-

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн», т. LXXII, стр. 811.

ковникъ А. М. Щербаковъ. Какое мѣсто занималъ онъ въ дирекціи, я не знаю, но его-то, кажется, и считали директоромъ de facto. Въ чемъ состояли, впрочемъ, его директорскія обязанности, мы, артисты, въ большинствѣ тоже не знали. Съ антрепренеромъ онъ что-то тамъ говорилъ, даже что-то подписывалъ, кажется. Въ театрѣ бывалъ на спектакляхъ ежедневно, но отношенія его къ актерамъ ограничивались только тѣмъ, что онъ ссужалъ ихъ нерѣдко деньгами взаймы, при этомъ не только безъ процентовъ, но и безъ росписки, а иногда даже безъ отдачи. Это была почтеннѣйшая и милѣйшая личность, всеми нами искренно любимая и уважаемая. Ужъ не говоря о томъ, что онъ никогда и никому не дѣлалъ неприятныхъ замѣчаній, онъ и обращеніемъ своимъ какъ-то умѣлъ всѣхъ привлекать къ себѣ. Въ критическую же минуту,—а у кого ихъ не бываетъ среди актерской братіи,—А. М. всегда былъ готовъ помочь намъ. Будучи самъ человѣкомъ бѣднымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, рѣдко отказывалъ обращающимся къ нему за помощью. Я слышалъ, что этотъ добрый старикъ въ концѣ концовъ остался безъ всякихъ средствъ, вынужденный почему-то выйти въ отставку.

Изъ театральныхъ рецензентовъ я помню теперь только двухъ: И. Г. Питоева и Н. В. Симборскаго. Первый изъ нихъ былъ большой театраль, занимался своимъ дѣломъ усердно и пристально. Впослѣдствіи даже, кажется, былъ антрепренеромъ и потерпѣлъ большіе убытки. Статьи его читались у насъ довольно внимательно, но особо большого значенія имъ почему-то не придавали. Но зато каждая рецензія другаго театральнаго критика всегда производила большую сенсацію.

Покойный Н. В. Симборскій былъ человѣкомъ выдающимся, талантливымъ. Свою литературную карьеру началъ онъ въ Петербургѣ, потомъ, при началѣ войны, посланъ былъ редакціей «Новаго Времени» въ качествѣ корреспондента въ Азіатскую Турцію и въ продолженіе всей кампаніи не прислалъ, кажется, ни одной корреспонденціи въ субсидированную ему газету. Въ отрядѣ Лорисъ-Меликова онъ слылъ за остроумнаго говоруна, злого эпиграммиста и лихаго собутельника. Послѣ дѣла подъ Зивиномъ, 13 іюня 1877 года, Симборскій написалъ очень злое стихотвореніе, подъ названіемъ: «Чортова дюжина». Это стихотвореніе быстро разошлось по отряду въ массѣ списковъ, дошло до Лорисъ-Меликова, и поэтъ былъ немедленно высланъ изъ арміи. На этомъ и кончилась его корреспондентская дѣятельность.

Доѣхавъ до Тифлиса, Симборскій думалъ сдѣлать небольшой привалъ въ этомъ городѣ, да такъ и застрялъ въ немъ навсегда. Сначала онъ работалъ въ «Тифлисскомъ Вѣстникѣ», но потомъ, когда Н. Я. Николадзе началъ издавать свой «Обзоръ», Симборскій перешелъ къ нему въ качествѣ фельетониста и театральнаго рецензента. Фельетоны Симборскаго, хлесткіе, талантливые—имѣли боль-

шой успѣхъ среди тифлисской публики. Онъ пересыпалъ ихъ стихами, которыми владѣлъ въ совершенствѣ. Онъ высмѣивалъ и вышучивалъ и клеймилъ своими эпиграммами все пошлое и подлое. Симборскаго читали, Симборскаго боялись.

Помню, какую сенсацию произвело его стихотвореніе «Головинскій проспектъ» ¹⁾, начинавшееся слѣдующими куплетами:

Отъ стѣнъ ²⁾, куда потомковъ Марса,
Надежду зрѣющихъ невѣсть,
Орловъ Текэ, Зивина, Карса
Сажаетъ Рейтеръ ³⁾ подъ арестъ,
До мѣста, гдѣ лишенный крова,
Наскучивъ жить въ углу чужомъ,
Шавердовъ ⁴⁾, съ помощью Бѣлова,
Газетамъ строить желтый домъ ⁵⁾;
По шумной улицѣ, что нами
Зовется вычурно—проспектъ,
Гуляетъ нестрями рядами
Нашъ пресловутый интеллектъ.

Далѣе Симборскій начинаетъ дѣлать характеристики отдѣльныхъ лицъ, наиболѣе популярныхъ въ Тифлисѣ, гуляющихъ по Головинскому проспекту. Тутъ и...

...Въ бумагомараніи повинень,
За «Узель Гордіевъ» гонимъ,
Идетъ уныло Опочининъ ⁶⁾.

А за нимъ не вдалекѣ, послѣ нѣсколькихъ фигуръ, которыхъ ужъ я теперь не помню,

Давидъ, князь Эривовъ ⁷⁾, какъ пава,
Идетъ сомгнѣемъ обувя:
Что слаще? Батюшкина-ль слава,
Иль трудъ наслѣдственныхъ крестьянъ?

А вотъ:

Рѣзца художника достойна,
Пѣма, какъ Лотова жена,
Какъ мысль философа, спокойна.
Плыветъ фигура Стадлина ⁸⁾.

¹⁾ Лучшая улица Тифлиса.

²⁾ Тифлисская гауптвахта.

³⁾ Тифлисскій плацъ-майоръ.

⁴⁾ Торговецъ газетами и журналами.

⁵⁾ Кіоскъ, выстроенный ими для продажи газетъ, былъ выкрашенъ въ желтую краску. Часть Головинскаго проспекта отъ этого кіоска и до гауптвахты была любимымъ мѣстомъ прогулки тифлисскаго общества.

⁶⁾ П. А. Опочининъ, мѣстный драматургъ, авторъ комедіи «Гордіевъ узель», одинъ изъ популярнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ театраловъ Тифлиса, человекъ всѣмъ любимый и уважаемый.

⁷⁾ Сынъ извѣстнаго грузинскаго поэта, тоже театралъ и литераторъ.

⁸⁾ Одинъ изъ сотрудниковъ «Обзора», мѣстный философъ и учитель французскаго языка.

Далѣ слѣдуютъ уже характеристики не столь добродушные и бьющіе не въ бровь, а прямо въ глазъ. Напримѣръ, въ Тифлисъ былъ одинъ богачъ, у котораго какъ-то необыкновенно счастливо горѣли его лавки. Только что онъ ихъ выстроитъ, застрахуетъ въ очень значительной суммѣ, глядь! онѣ ужъ и сгорѣли. Говорятъ, отъ каждаго пожара ему перепадали значительные барыши. И вотъ Симборскій посвящаетъ ему слѣдующее четверостишіе:

Трясаясь въ кукушкѣ¹⁾ устарѣвшей,
М—въ ѣдетъ осмотрѣть
Рядъ лавокъ, только что сгорѣвшихъ
Иль долженствующій сгорѣть.

Фельетоны свои Симборскій подписывалъ различно. То «Сим—скій», то «Симъ», то—«Боръ». Хотя, какъ фельетонистъ, онъ былъ болѣе усерденъ, чѣмъ какъ корреспондентъ, то-есть все-таки время отъ времени давалъ свои фельетоны, но и тутъ его безпечность, небрежность и поэтическая лѣнь мѣшали ему немало. Умный, даровитый человѣкъ, онъ былъ въ то же время настоящей богемой. Безалаберная жизнь довела его до ранней и печальной кончины: онъ застрѣлился еще сравнительно молодымъ человѣкомъ. Причина самоубійства его осталась, кажется, неизвѣстной. Говорили что-то про несчастную любовь. Можетъ быть и такъ, но я думаю, что безалаберная жизнь была причиной наиглавнѣйшей. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не собраны воедино и не изданы отдѣльно его многочисленныя стихотворенія, а между тѣмъ среди нихъ найдется не мало образчиковъ настоящей поэзіи. До Тифлиса онъ работалъ во многихъ петербургскихъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ прекрасныя лирическія стихотворенія, легенды и былины въ стихахъ. Не задолго до смерти своей онъ нѣкоторое время редактировалъ издававшійся въ Тифлисъ юмористическій журналъ «Фаланга».

Рецензіи Симборскаго о театрѣ появлялись не часто и тѣмъ болѣе интересъ всегда возбуждали онѣ. Какъ и фельетоны свои, онъ пересыпалъ ихъ злыми и остроумными куплетами. Помню одну его рецензію по поводу представленной на Тифлискомъ театрѣ, еще до моей службы въ немъ, Шиллеровой трагедіи «Коварство и любовь». Артистъ и артистка, исполнявшіе Фердинанда и Луизу, были болѣе, чѣмъ смѣшны. Въ самыхъ трагическихъ мѣстахъ своихъ ролей они такъ кривлялись и завывали, что публика была въ полномъ недоумѣніи. И вотъ Симборскій, въ своей рецензіи, задаетъ себѣ вопросъ: были ли хоть какіе нибудь признаки любви и коварства въ только что сыгранной трагедіи, но, дойдя уже до послѣдняго акта, онъ не находитъ ни того ни другаго. Такъ бы на этомъ и кончилось, если бы вдругъ, въ стаканѣ, изъ

¹⁾ Кукушкой обыватели называли убогую каретку этого богача, отличавшагося невѣроятною скупостью.

котораго отравились Фердинандъ и Луиза, не нашелъ онъ тайнаго, скрытнаго коварства.

Какое низкое коварство!

воскликаетъ онъ въ своей рецензiи:

Въ стаканѣ былъ совсѣмъ не ядъ,
А всѣмъ извѣстное лѣкарство—
Магнезіальный лимонадъ.

И вотъ этимъ-то лимонадомъ Симборскій и объясняетъ, отчего такъ судорожно кривлялись и выли злосчастные Фердинандъ и Луиза.

Подобныя рецензiи, конечно, весьма не нравились тѣмъ, кто былъ въ нихъ осмѣянъ, но не задѣтые въ нихъ любили почитать и посмѣяться надъ ними.

Я въ то время началъ уже пописывать и помѣщать коротенькіе рассказы въ газетѣ «Обзоръ», благодаря чему познакомился и съ Симборскимъ. Онъ былъ очень интереснымъ собесѣдникомъ, хотя и говорилъ всегда съ оттѣнкомъ желчности и ѣдкой насмѣшливости.

У молодыхъ людей шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ была выработана особая манера разговора. Въ беллетристикѣ того времени можно легко найти образчики этой манеры: стоитъ заглянуть въ сочиненія Слѣпцова и другихъ подобно ему молодыхъ писателей того времени. Увлеченія въ разговорѣ не допускалось—это наслѣдіе «отцовъ» «дѣтямъ» казалось уже смѣшнымъ. Должна была сквозить легкая иронія, фразы не многословныя и слегка недосказанныя. И въ этомъ недосказанномъ-то и долженъ былъ крыться особый какой-то смыслъ. Слегка вычурныя словечки, въ обращеніи къ собесѣднику: «милордъ», «синьоръ» и тому подобное... Но, главное, презрѣніе ко всему существующему.

Симборскій, конечно, платилъ дань времени, и разговоры его слегка отзывались шестидесятыми годами, но въ глубинѣ души это была натура чисто поэтическая, доступная всему прекрасному и все прекрасное понимающая. Симборскій, какъ и Андреевъ-Бурлакъ, былъ неводерженъ по части крѣпкихъ напитковъ. Совсѣмъ допьяна онъ напивался рѣдко, но пилъ много и почти всегда. Онъ былъ болѣе интересенъ, чѣмъ симпатиченъ, и привлекалъ болѣе головой, чѣмъ сердцемъ, хотя и сердце было у него доброе и отзывчивое.

II.

Послѣ каждой войны въ полкахъ неизбѣжно появляются дочери полковъ, эти маленькіе пріемыши и найденыши. Онѣ воспитываются принявшими ихъ полками, потомъ выдаются замужъ и, вѣроятно,

навсегда сохраняютъ теплое воспоминаніе о своихъ воспитателяхъ. У насъ, при театрѣ, тоже былъ приемышъ, но это былъ уже далеко не ребенокъ, а старецъ, убѣленный сѣдинами, и многіе звали его поэтому «театральный папаша».

Каждый вечеръ, въ партерѣ, въ первомъ ряду, воссѣдалъ высокій полный старикъ съ бѣлою, какъ лунь, коротко остриженной головою и съ небольшими, нафабранными усиками и бородкой. Стальное пенснэ на черной лентѣ плохо держалось на его чисто русскомъ носу; добродушныя губы всегда были сложены въ тихую, почти дѣтскую улыбку, а мясистыя, гладко выбритыя щеки отвисали почти до воротника пестрой крахмальной рубашки. Изъ бокового кармана неизмѣнно выглядывалъ кончикъ свѣтло-розоваго или свѣтло-голубаго фуляра; легонькая лѣтняя пиджачная парочка плотно облегалла его массивную, но еще статную фигуру. На колѣняхъ у него лежала сѣренькая соломенная шляпа какого-то дѣтскаго фасона, съ узенькими полями и широкой голубой лентой вокругъ. Руки, обтянутыя фильдекосовыми перчатками, покоились на набалдашникѣ толстой камышевой палки, а легонькіе башмачки далеко не покрывали обутыхъ въ пестрыя чулки ногъ этого стараго джентльмена. Когда, по окончаніи акта, старикъ этотъ, неизмѣнно похлопавъ немного исполнителямъ, поднимался во весь свой могучій ростъ и медленными, важными шагами шествовалъ изъ партера въ театральный садикъ, поминутно отвѣчая на поклоны своихъ безчисленныхъ знакомыхъ, вниманіе ваше неминуемо останавливалось на немъ, и вы задавали себѣ вопросъ: «Кто это? Что это за странная фигура, словно сошедшая со страницъ англійскаго иллюстрированнаго романа? Кто онъ, этотъ представительный старикъ, съ которымъ всѣ такъ фамиллярно, но привѣтливо здороваются, эlegantный костюмъ котораго, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи оказывается мытымъ и перемытымъ, какъ и фуляры, торчащіе изъ бокового кармашка? Этотъ старый джентльменъ былъ не кто иной, какъ «театральный папаша», когда-то богатый баринъ, парижскій щеголь и мотъ, а нынѣ бѣднякъ, не имѣющій крова и живущій на хлѣбахъ изъ милости у нашего антрепренера С. А. Пальма.

В. Н. П—кій, сынъ одного изъ популярнѣйшихъ москвичей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, унаслѣдовавшій послѣ отца довольно приличное состояніе и чуть ли не утроившій его женитьбой на одной богатой русской барынѣ, переселился въ Парижъ и принялся тамъ жуировать въ широкихъ, но изящныхъ размѣрахъ. Благодаря имени отца, состоянію жены, съ которой онъ, впрочемъ, очень скоро разошелся, и главнымъ, своимъ личнымъ качествамъ, т. е. необычайно добродушному, легкому и привѣтливому характеру, онъ составилъ себѣ въ Парижѣ большое и прекрасное знакомство, былъ на дружеской ногѣ съ Александромъ Дюма (сыномъ) и другими корифеями французской литературы, бывалъ запросто въ наиболѣе мод-

ныхъ и фешенебельныхъ парижскихъ салонахъ, дружилъ со знатными русскими парижанами и беззаботно проживалъ свое состояніе въ томъ вихрѣ, который зовется свѣтской парижской жизнью. Благодаря изяществу вкуса, воспитанности и природной порядочности, состоянія его хватило ему довольно надолго. В. Н. П.—всему перевалило уже далеко за сорокъ, когда онъ увидалъ, что онъ блистательно разоренъ. Оставалось что-то около десяти тысячъ франковъ да хорошенькая вилла за городомъ, въ которой обитала его послѣдняя метресса, красавица мексиканка. В. Н. круто рѣшилъ ликвидировать всѣ свои дѣла, то-есть продать эту виллу тысячъ за пятьдесятъ франковъ и съ этими деньгами, вернувшись въ Россію, догорать въ какомъ нибудь тихомъ углу. Поручивъ своему секретарю ликвидировать его недвижимостъ, В. Н. собралъ своихъ парижскихъ пріятелей въ эту загородную виллу и устроилъ имъ тамъ прощальную пирушку. Никто изъ гостей и не подозрѣвалъ, что ихъ радушный амфитріонъ былъ разоренъ уже почти до нитки. Всѣ увѣряли его, что не пройдетъ и году, какъ онъ, соскучившись въ своей холодной Россіи, вернется опять въ ихъ милый Парижъ, и въ этой же виллѣ они соберутся всѣ снова, чтобы привѣтствовать ихъ возвращеніе.

— Кстати о виллѣ... Что вы думаете съ ней дѣлать?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ на пирушкѣ.

— Я ее пр...—началь было В. Н., но ему не дали договорить.

— Какой вопросъ! Ну, конечно, онъ ее подарилъ уже своей маленькой пріятельницѣ Корѣ,—сказалъ кто-то.

П—вскій покраснѣлъ до ушей, но совершенно машинально повторилъ:

— Да, я ее подарилъ моей маленькой Корѣ.

Мексиканка сорвалась съ мѣста, бросилась на шею къ своему «сѣверному медвѣдю» и влѣпила самый огненный поцѣлуй великодушному другу.

Этотъ поцѣлуй какъ бы припечаталъ окончательное разореніе В. Н., и черезъ нѣсколько дней онъ выѣзжалъ изъ Парижа съ какими нибудь пятью-шестью тысячами франковъ въ карманѣ: прощальная пирушка и маленькіе подарки друзьямъ на память поглотили половину тѣхъ десяти тысячъ, которыя у него еще были при ликвидаціи.

— Я ѣхалъ,—разсказывалъ мнѣ самъ В. Н.,—домой на родину, ни на минуту не позволяя себѣ задумываться, что меня ожидаетъ впереди. Добравшись до Вѣны, я встрѣтился тамъ съ однимъ моимъ старымъ пріятелемъ, русскимъ бариномъ, ѣхавшимъ какъ бы мнѣ на смѣну, за границу, разматывать свое наслѣдственное состояніе. Мнѣ стыдно было признаться ему, что я уже окончательно разоренъ, а натура у этого барина была широкая, запасъ силъ большой, и я, покружившись съ нимъ недѣли двѣ-три въ Вѣнѣ,

спустилъ до послѣдней копейки мои парижскіе остатки. Мой пріятель, нисколько не подозрѣвая этого, простившись со мной, поскакалъ дальше на западъ, а я, чтобы добраться до Одессы, вынужденъ былъ продать въ Вѣнѣ кое-какія имѣвшіяся у меня цѣнныя вещицы, тронувъ даже мое новое, только что сдѣланное въ Парижѣ бѣлье. На родину я вернулся нищъ и убогъ. Въ Одессѣ, куда я попалъ на первыхъ порахъ, у меня не было ни одной знакомой души, и, увы, я впалъ въ такое малодушіе, что сталъ даже подумывать о самоубійствѣ. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и никакое доброе дѣло не остается безъ награды. Когда-то въ Парижѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ А. И. Пальмомъ и оказать ему кое-какія услуги, и вотъ теперь я снова встрѣтился съ нимъ въ Одессѣ и при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Семейство Пальмъ призрѣло меня и помѣстило къ себѣ. И вотъ, cher ami, я живу у нихъ въ качествѣ самаго простаго приживальщика, стараясь, конечно, какъ можно менѣе стѣснять ихъ и быть хоть чѣмънибудь полезнымъ. Сергѣй Александровичъ совѣтуется иногда со мной по части постановки той или другой пьесы, которую мнѣ приходилось видѣть въ Парижѣ, я кое-что перевозжу для нихъ, понимаете, тамъ, различные куплеты, сценки... И они настолько даже добры, что выплачиваютъ мнѣ маленькій гонораръ. Я очень признателенъ этой семьѣ и живу, право, недурно. Меня кормятъ, мнѣ даютъ скромную (болѣе, чѣмъ скромную, прибавлю отъ себя) комнатку и даютъ на карманные расходы. Я каждый вечеръ бываю въ театрѣ. Сергѣй Александровичъ даже проситъ, чтобы я садился на пустое мѣсто въ первый рядъ. Я постоянно бываю за кулисами, я другъ всѣхъ артистовъ и артистокъ... Однимъ словомъ, я веду ту же жизнь, что и въ Парижѣ, конечно, только въ миниатюрѣ.

«Ахъ, въ какой миниатюрѣ!» думалъ я, слушая этого бѣднаго старика.

— А вотъ здѣсь, въ этомъ маленькомъ чемоданчикѣ, я храню мои реликвіи, осколки моей прежней жизни.

И В. Н. развѣтывалъ передо мной свой маленькій чемоданчикъ и показывалъ мнѣ эти реликвіи. Господи Боже, чего тамъ не было? Вотъ связка писемъ Александра Дюма и др. литераторовъ; письма, правда, всѣ были очень незначительны, по нѣсколько строкъ, съ приглашеніемъ зайти пообѣдать или извѣщеніемъ о своей болѣзни, но зато всѣ они были подписаны болѣе или менѣе громкими именами. Вотъ башмачекъ знаменитой балерины, вотъ испанская шапка прославленнаго тореадора, вотъ пустой флаконъ изъ-подъ духовъ Lubin, дорогой для В. Н. тѣмъ, что духи эти носили его имя, то-есть назывались «Bouquet P—sky». Вотъ осколокъ бокала, изъ котораго выпила за его здоровье глотокъ шампанскаго Аделина Патти, а вотъ и цѣлый ворохъ фотографическихъ карточекъ разныхъ артистовъ и артистокъ и просто камелій. На рѣдкой карточкѣ не было автографа ихъ оригиналовъ.

В. Н. у насъ всѣ любили, а артистки даже съ особеннымъ удовольствіемъ прогуливались съ нимъ подъ руку по нашему театральному саду. Его барская, внушительная фигура какъ-то особенно хорошо позировала женщину, шедшую рядомъ съ нимъ. Я не скажу, чтобы всѣ относились къ нему съ уваженіемъ, но доброжелательно— почти всѣ, и всѣ хвалили Пальма за то, что онъ пригрѣлъ этого безпріютнаго старика. Я говорилъ уже, что В. Н. получалъ иногда отъ него маленькій гонораръ за переводы разныхъ куплетовъ. Почувствовавъ деньги въ своемъ ветхомъ карманѣ, П—скій становился безпокоенъ. Купивъ флаконъ духовъ и сдѣлавъ запасъ табаку, онъ соображалъ какъ бы истратить небольшой остатокъ. «Кутнуть бы! угостить бы всѣхъ», мечталъ онъ, но кутнуть и угостить всѣхъ, въ виду крайней мизерности суммы, не представлялось, конечно, ни малѣйшей возможности, и мечты В. Н. разрѣшались тѣмъ, что онъ приглашалъ трехъ-четырехъ маленькихъ выходныхъ актериковъ въ какой нибудь дешевенькій ресторанчикъ и устраивалъ тамъ скромную пирушку, впрочемъ не настолько скромную, чтобы гости его не могли напиться допьяна. Пирушки эти кончались иногда довольно непріятно: подгулявшіе гости становились желчны и раздражительны и позволяли себѣ подтрунивать надъ ихъ почтеннымъ амфитріономъ. Старикъ обижался, но уходилъ изъ ресторана не ранѣе, какъ истративъ послѣднюю копейку, и при слѣдующей получкѣ продѣлывалъ то же самое.

Не задолго до моего отъѣзда изъ Тифлиса В. Н. П—всаго разбилъ параличъ. Старикъ сразу и круто осѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, выписавшись изъ больницы, старался всѣми силами поддерживать свою прежнюю щеголеватость и свой барственный видъ, но теперь уже впечатлѣніе получалось жалкое, почти убогое. Чѣмъ кончилъ В. Н. П—вскій, я хорошенько не знаю. Слышалъ, впрочемъ, что съ семействомъ Пальма онъ почему-то разстался и пристроился къ какому-то странствующему цирку. Говорили даже, что онъ выходилъ на арену въ черномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ, бѣлыхъ лосинахъ и въ высокихъ сапогахъ и безмолвно ходилъ сзади директора цирка, похлопывающаго бичемъ и гоняющаго разныхъ дрессированныхъ лошадей и наѣздницъ. Говорятъ, что его фигура въ этомъ новомъ костюмѣ съ сѣдою головою и попрежнему нафабранными усами и эспаньолкой очень импозантна, и что за это только директоръ цирка и держитъ его.

Можетъ быть, и правда—Богъ знаетъ...

III.

Тифлисъ, по справедливости, считается городомъ «очень театральнымъ», что на актерскомъ языкѣ означаетъ, что мѣстная публика не только охотно посѣщаетъ театръ, но интересуется и его дѣлами,

любить артистовъ, устраиваетъ имъ всяческія оваціи и создаетъ даже имена.

Театральными городами у насъ въ провинціи считаются по преимуществу города университетскіе. Это имѣеть, конечно, свое основаніе и свой смыслъ: учащаяся молодежь всегда охотно посѣщаетъ театръ, смотритъ на него не только, какъ на мѣсто развлеченія, но и какъ на школу, любитъ артистовъ, какъ посредниковъ и истолкователей идей авторовъ, и въ выраженіи своихъ симпатій и несимпатій тоже, конечно, не только болѣе экспансивна, но и юношески искренна. Студенчество того времени, по крайней мѣрѣ, о которомъ я пишу, всегда ревниво оберегало чистоту своего театра, протестовало отъ вторженія въ него всякой пошлости и разнузданности, протестовало противъ оперетокъ и всякой скабрзности, и потому въ студенческихъ городахъ драма и серьезная опера всегда имѣли больше успѣха, чѣмъ гдѣ либо. Да, учащаяся молодежь въ прежнія времена всегда довольно стойко поддерживала знамя чистаго искусства. Странное дѣло! Та же молодежь, «отучившись», какъ-то скоро позабывала святыя завѣты своей *almae matris* и, захлебнувшись дѣлами житейскими, забывала о святомъ искусствѣ и смотрѣла уже на театръ, не какъ на школу, а какъ на мѣсто отдыха и развлеченій, каковы бы они ни были.

Тифлисъ, хотя городъ и не университетскій, но любитъ свой театръ, интересуется его дѣлами и устраиваетъ своимъ любимцамъ артистамъ самыя шумныя оваціи, но довольно неразборчивъ въ своихъ требованіяхъ къ искусству: драма, оперетка, опера, комедія пользуются здѣсь совершенно одинаковымъ успѣхомъ. Театръ здѣсь мѣсто развлеченій, rendez-vous избраннаго общества, мѣсто любовныхъ похожденій. Тифлисская публика живетъ уличною жизнью. Подъ горячими лучами солнца кровь циркулируетъ быстрѣе, всякія чувства выражаются ярче, чѣмъ у насъ, на сѣверѣ, а восторги передъ служителями театра переступаютъ иногда всякія границы. Тифлисская толпа шумна, говорлива, экзальтирована. Едва ли какойнибудь городъ въ мірѣ устраивалъ болѣе шумныя оваціи своимъ любимымъ артистамъ, и эти оваціи никогда почти не ограничиваются театральными стѣнами, а выносятся обыкновенно на улицу. Тысячная толпа съ факелами въ рукахъ провожаетъ своего кумира отъ подъѣзда театра до подъѣзда его квартиры или ресторана, въ которомъ ему предполагается сдѣлать ужинъ. Раздаются восторженные голоса, слышится пѣніе, сыплются цвѣты, всѣ сіяютъ радостью и восторгомъ. А кругомъ царитъ теплая южная ночь, яркія крупныя здѣзды весело смотрятъ съ темнаго южнаго неба, изъ садовъ несетя благоуханіе цвѣгущихъ акацій—картина эффектная, фееричная. Артисты и артистки, на долю которыхъ выпадали подобныя оваціи, конечно, никогда уже не забудутъ ихъ. Да, это «югъ»! И не только югъ, но и «юго-востокъ»!

Но, какъ цѣнители и судьи, тифлисы далеко не стоятъ на высотѣ своего призванія. Для нихъ важно, чтобы сцена была эффектна, красива и даже криклива. Строгаго, серьезнаго искусства Тифлисъ почти не понимаетъ, да и не проситъ. Этимъ-то и можно объяснить, что въ нашемъ театрѣ, не говоря уже объ опереткахъ, громадный успѣхъ выпадалъ на долю такихъ мелодрамъ, какъ «За монастырской стѣной» (Сестра Тереза), «Убійство Коверлей», «Ограбленная почта». Лучшіе же русскіе драматурги, какъ, напримѣръ, Островскій, Писемскій и др., здѣсь почти не пользовались успѣхомъ. Исключеніе представляло только одно «Горе отъ ума». Потому ли что Грибоѣдовъ похороненъ въ Тифлисъ, потому ли что онъ былъ женатъ на грузинской княжнѣ,—но «Горе отъ ума» по истинѣ можетъ здѣсь считаться пьесой національной. Всякій кинто (мелкій торговецъ) считаетъ своимъ долгомъ посмотрѣть хотя разъ въ жизни эту безсмертную комедію, какъ добрый мусульманинъ не считаетъ свою жизнь законченной, если онъ не побывалъ въ Меккѣ. Большая часть и значительно большая часть публики, конечно, не только не можетъ оцѣнить достоинствъ безсмертнаго произведенія Грибоѣдова, но утвердительно можно сказать, что просто не понимаетъ его, не видитъ даже въ немъ смысла. Многіе не умѣютъ даже произнести правильно его названіе. Мнѣ самому приходилось слышать, какъ простодушные зрители, похваливая комедію своего Грибоѣдова, называли ее «Горе о туманъ». Конечно, спору нѣтъ, въ тифлискомъ театрѣ, среди публики всегда наберется немало истинныхъ знатоковъ и любителей сценическаго искусства, и когда они случайно сплачиваются вмѣстѣ, то имъ легко вести за собою и всю остальную толпу, но, увы, интеллигенція наша даже на окраинахъ сплачивается всегда какъ-то туго. Я уже сказалъ, что нашъ театръ и въ особенности принадлежащій къ нему садикъ являются мѣстомъ любовныхъ похожденій и rendez-vous тифлиской публики. Каждая смазливая актриса найдетъ здѣсь не только поклонниковъ ея скромнаго дарованія, но и обожателей ея прелестей, особенно если эти прелести пышны. Но едва ли еще не большимъ успѣхомъ, чѣмъ актрисы, пользуются здѣсь актеры, со стороны женской части публики. Увы, даже молоденькія гимназистки, которыя въ Тифлисъ пользуются всегда какой-то особенной свободой, треплютъ свои юныя сердечки по аллеямъ театрального садика. А въ укромныхъ уголкахъ его

Раздается тихій шепотъ,
Слышнень поцѣлуя звукъ...

Тифлисъ живетъ ночью. Когда закатится солнце и спадетъ дневной жаръ, всѣ сады наполняются пестрой, веселой публикой. Тифлисы очень музыкальны, т. е. вѣрнѣе у нихъ хорошій слухъ, и потому, то оттуда, то отсюда, доносятся обрывки разныхъ оперъ,

оперетокъ, напѣваемыхъ иногда очень красивыми, звучными голосами. Въ Тифлисѣ, въ мое время, почти не было, а если и было-то въ весьма незначительномъ количествѣ, патентованныхъ, т. е. регистрованныхъ жрицъ любви и, можетъ быть, именно потому-то любовь и царила повсюду, а, можетъ быть, и наоборотъ,—кто знаетъ?

Актеры и актрисы очень охотно ѣдутъ служить въ Тифлисъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Возвращеніе въ Казань.—Новый антрепренеръ В. П. Костровскій.—Смѣшанные и случайные спектакли.—Любитель-литераторъ.—Курьезная посылка.—Начало зимняго сезона.—Н. П. Кирѣевъ.—П. М. Свободинъ.—Казанское общество сценическаго искусства.—Первое собраніе и спектакли.—В. Н. Пасхаловъ; его романы и импровизаціи; смерть Пасхалова.—Мои первыя драматическія произведенія.—Оцѣнка и совѣтъ А. И. Пальма.—«Черезъ край». Злоключенія этой комедіи.—Товарищество артистовъ въ лѣтнемъ Панаевскомъ театрѣ.—Мое участіе въ этой труппѣ.—Отъѣздъ за границу.—Возвращеніе въ Петербургъ, безъ мѣста и безъ средствъ.—Поэтъ М. Н. Соймоновъ.—Литературный заработокъ.—«Выѣздной» антрепренеръ Д—нъ.—Спектакли въ Нарвѣ.—Спектакли въ Псковѣ и ночлеги въ баняхъ.—Актеръ В. В. И—въ.—Недоразумѣнія съ антрепренерами.—Антреприза въ Любани.—Полный сборъ и большіе барыши.—Крайняя нужда.

I.

Въ апрѣлѣ 1880 года, я вернулся въ Казань и узналъ, что казанскій театръ на предстоящій зимній сезонъ сданъ новому антрепренеру В. И. Костровскому. Казанская публика почему-то заранѣе уже не довѣряла своему будущему импрессарию. Всѣ вспоминали своего неизмѣннаго любимца Петра Михайловича Медвѣдева, многіе годы державшаго бразды правленія въ казанскомъ театрѣ и всегда безукоризненно ведшаго свое дѣло. П. М. Медвѣдевъ по заслугамъ считался лучшимъ русскимъ антрепренеромъ. Изъ его школы вышли едва ли не всѣ современные первоклассные русскіе артисты. Постановками нѣкоторыхъ сложныхъ пьесъ и феерій онъ не только конкурировалъ, но и затмевалъ казенныя сцены. И вдругъ на смѣну ему является какой-то неизвѣстный для казанцевъ Костровскій. Никто не ждалъ ничего путнаго, и дѣйствительно эти предчувствія почти оправдались. Но объ этомъ еще впереди. Лѣтомъ 1880 года въ Казани не было постоянной антрепризы, и спектакли устраивались случайно въ лѣтнемъ театрѣ, что въ Панаевскомъ саду, и составлялись частью изъ оставшихся въ Казани артистовъ, частью (большею) изъ мѣстныхъ любителей. Въ одномъ или двухъ спектакляхъ принялъ участіе, пріѣхавшій уже въ Казань, будущій антрепренеръ В. И. Костровскій и, помоему, сдѣлалъ большую ошибку: онъ выступилъ въ пьесѣ «Роковой шагъ» и сразу не понравился публикѣ и выборомъ пьесы для своего дебюта, да и самимъ испол-

неіемъ роли отставного гусара. Опять вспоминали Медвѣдева, и не только ужь, какъ антрепренера, но и какъ первокласнаго артиста. «Каковъ попъ, таковъ и приходъ», толковали въ публикѣ. Въ этихъ полу-любительскихъ, полу-артистическихъ спектакляхъ въ Панаевскомъ саду принималъ участіе и я, но самое незначительное. Говорить о казанскихъ любителяхъ особенно много не приходится. Выдающихся силъ не было. Впослѣдствіи, когда уже черезъ полтора года въ Казани возникло «Казанское общество любителей сценическаго искусства», выдвинулись три-четыре хорошихъ исполнителя (О. В. Б—къ, З. Д. К—ва, а изъ мужчинъ братья П. Н. и В. Н. С—кіе. Изъ нихъ В. Н. С—кій впослѣдствіи сдѣлался профессиональнымъ артистомъ, думалъ даже дебютировать на императорской сценѣ, но, сильно разочаровавшись не въ дѣлѣ, а въ лицахъ, снова покинулъ театръ и поступилъ на коронную службу).

Не могу не упомянуть еще объ одномъ любителѣ—П. И. Ф—овѣ, который былъ не столь талантливъ, сколь «театралень». Это былъ очень популярный въ Казани человекъ и слылъ тамъ за настоящаго литератора. Дѣйствительно, имъ когда-то было написано двѣ-три удачныхъ вещички, и онъ долго умѣлъ снимать съ нихъ какъ-то обильную жатву славы. О себѣ говорилъ не иначе, какъ о крупномъ литераторѣ, и любилъ здорово выпить, находя, что истинный художникъ не можетъ не быть пьяницей. Человекъ онъ былъ милый, добродушный, и за это ему многое прощалось. Будучи человекомъ не особенно образованнымъ, но любя говорить обо всемъ авторитетно, онъ нерѣдко попадалъ впросакъ и вызывалъ довольно добродушныя, впрочемъ, насмѣшки. Однако, разъ надъ нимъ подтрунили довольно зло: расхваставшись какъ-то въ компаніи о томъ, что онъ большой гастрономъ, П. И. заявилъ, между прочимъ, что онъ очень любитъ индѣйку, фаршированную омарами. Всѣ, конечно, были крайне удивлены такимъ страннымъ вкусомъ.

— Ну, да,—пояснялъ П. И.,—омары—это такіе черные грибочки, которые отыскиваютъ свиньи, и всякій гастрономъ ихъ очень любитъ.

Тогда всѣ поняли, что П. И. смѣшивалъ омары съ трюфелями. Прошло два, три дня, и въ скромную квартиру П. И. набралось сразу нѣсколько человекъ гостей. Радужный, но бѣдный Ф. не зналъ, чѣмъ ихъ и угостить. Появилась водка, соленые огурцы, вобла, черный хлѣбъ, но, конечно, П. И. самъ понималъ, что для такого гастронома, какъ онъ, подобные hors d'oeuvres крайне мизерны. Не успѣли гости выпить по первой рюмкѣ, какъ вдругъ вошедшая прислуга подала ему довольно объемистый ящикъ, якобы только что полученный съ почты. На ящикѣ была надпись: «Высокоуважаемому литератору и артисту, П. И. Ф—ову, отъ горячихъ поклонниковъ его таланта». Добродушный П. И. самодовольно усмѣхнулся и, замѣтивъ, что «есть и у него почитатели, и не забываютъ

они стараго литератора», принялся откупоривать посылку. Въ ящикѣ оказался большой вареный омаръ и письмо. Вскрылъ П. И. письмо и торжественно сталъ его читать.

Прими отъ насъ ты сей омаръ
За твои таланты въ даръ,
Но пойми, дуракъ,
Что это морской ракъ.

П. И. такъ растерялся, что прочелъ всѣ четыре строчки полностью. Послѣдовалъ общій взрывъ хохота, къ которому, подумавъ немного, присоединился и самъ П. И. Омаръ пришелся кстати,—конечно, его кстати умышленно и прислали,—и явился уже настоящимъ hors d'oeuvre'омъ между воблой и солеными огурцами.

Прошло лѣто, наступила осень, и Костровскій распахнулъ двери зимняго театра и распахнулъ ихъ довольно неудачно. Сформированная имъ труппа не понравилась избалованной П. И. Медвѣдевымъ казанской публикѣ. Исключеніе представлялъ только одинъ Н. П. Кирѣевъ, этотъ нынѣ уже покойный, дѣйствительно выдающийся русскій комикъ. Но и Кирѣевъ не особенно долго служилъ въ казанскомъ театрѣ. Онъ заболѣлъ и уѣхалъ въ Москву, а на смѣну ему явился другой талантливый артистъ, П. М. Свободинъ, впоследствии одинъ изъ премьеровъ Александринскаго театра ¹⁾. Къ сожалѣнію, Свободинъ для своего дебюта въ Казани выбралъ очень неудачную для себя роль и пьесу—тогда же «Роковой шагъ», въ которомъ провалился и Костровскій, и потому не сразу, а только послѣдующими спектаклями завоевалъ себѣ должную любовь казанской публики.

Зимній сезонъ 1880—1881 года я совсѣмъ не игралъ. Не игралъ также и лѣто 1881 года, но съ осени этого года въ Казани начало формироваться упомянутое мною выше «Общество сценическаго искусства». Я примкнулъ къ нему и, когда былъ утвержденъ уставъ (въ концѣ 1881 или въ началѣ 1882 г.), былъ избранъ въ дѣйствительные члены и принималъ участіе въ спектакляхъ, устраиваемыхъ этимъ обществомъ, но не въ качествѣ любителя, а въ качествѣ актера, т. е. получая за участіе гонораръ, правда небольшой, такъ какъ общество не имѣло еще достаточныхъ средствъ.

II.

Казанское общество сценическаго искусства возникло, если не ошибаюсь, главнымъ образомъ по идеѣ П. Н. С—каго, выбраннаго первымъ предсѣдателемъ общества, и редактора неофициальнаго отдѣла «Губернскихъ Вѣдомостей», Н. О. Юшкова, перваго секретаря общества. Въ казначей общества былъ избранъ богатый казанскій

¹⁾ Скончался онъ 9 октября 1892 года, играя роль Оброшева въ ком. «Путники», на императорскомъ Михайловскомъ театрѣ.

купецъ, большой театраль и по вѣѣшности совершенный джентльменъ, П. О. Месетниковъ. Благодаря ему, какъ одному изъ видныхъ членовъ городского самоуправленія, первыя собранія нашего общества происходили въ городской думѣ. Къ обществу сразу примкнуло много членовъ, и спектакли, устраиваемые нами, проходили не только съ большимъ успѣхомъ, но и давали прекрасныя сборы. Въ качествѣ режиссера была приглашена извѣстная провинціальная артистка Е. В. Циунова-Шмитгофъ, принимавшая тоже участіе въ нашихъ спектакляхъ. Особенно удачно прошелъ спектакль, въ которомъ приняли участіе нѣкоторые артисты труппы Костровскаго. Поставлена была «Маюрша», Шпажинскаго. Изъ артистовъ участвовали: Н. Н. Кудрина (Карягина), Н. Н. Соловцовъ (Карягинъ), Е. Н. Полтавцевъ (маюръ Тереховъ), я игралъ въ этомъ спектаклѣ роль денщика Архипа. Изъ любителей выдѣлялись: Н. Д. Карташева (Феня) и Н. А. Медвѣдевъ¹⁾ (Тиша). Хорошо была также разыграна исключительно любительскими силами комедія А. И. Пальма «Нашъ другъ Неклюжевъ» съ В. Н. Соколовскимъ въ главной роли.

Изъ тогдашнихъ моихъ казанскихъ знакомыхъ я, конечно, долженъ упомянуть о преждевременно погибшемъ талантливомъ композиторѣ Викторѣ Никандровичѣ Пасхаловѣ. Произведенія покойнаго маэстро, конечно, хорошо знакомы русской публикѣ. Кто не слыхалъ или не пѣвалъ самъ его романсовъ «Подъ душистою вѣткой сирени», «Что моя нѣжная», «Я-ль не люблю тебя, дѣвушка милая». Кто не знаетъ его знаменитаго «Дитятко, милость Господня съ тобою», этого произведенія, полного скорби и ужаса. Пасхаловымъ начата, но, къ сожалѣнію, не окончена опера «Первый винокуръ». Другъ Мусоргскаго, талантливый пианистъ проживалъ въ то время въ Казани въ большой бѣдности, виновать въ которой, впрочемъ, былъ только онъ самъ. Казанское общество довольно охотно предоставляло Пасхалову возможность давать уроки музыки, но нетрезвая жизнь покойнаго мѣшала всякимъ систематическимъ занятіямъ. Добрый, тихій Викторъ Никандровичъ, напиваясь, становился грустенъ и даже мраченъ. Мысль о самоубійствѣ постоянно преслѣдовала его, а изъ привязанностей въ жизни была у него только одна, горячо любимая имъ мать. На слова, сочиненныя ею, В. Н. охотнѣе всего писалъ свою музыку. Не многимъ онъ пережилъ ее и трагически окончилъ дни свои, удавившись на привязанномъ къ дверной ручкѣ шнуркѣ.

Сколько разъ приходилось мнѣ бесѣдовать съ В. Н., и почти всѣ разговоры онъ сводилъ на тему о самоубійствѣ. Помню одну ночь, которую почти всю мы пробродили по городу; ночь тяжелую, зловѣщую, всю полную мыслью, разговорами и даже попыт-

¹⁾ Впослѣдствіи цедурной провинціальныи актеръ и антрепренеръ.

ками со стороны Пасхалова оборвать опостылѣвшую жизнь. Помню я другую ночь, когда В. Н., сидя за роялью въ громадномъ пустомъ и неосвѣщенномъ залѣ, читалъ на память разные стихи, сопровождая ихъ тутъ же импровизованнымъ акомпаниментомъ. Боже! что это была за вдохновенная мело-декламация! Ничего уже подобнаго мнѣ въ жизни не приходилось слышать. Помню, читалъ онъ:

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо. Ночь мутна...

А изъ-подъ пальцевъ его льются аккорды, полные чего-то таинственнаго и загадочнаго.

Ѣду, Ѣду въ чистомъ полѣ,
Колокольчикъ динь, динь, динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ.

И меня, единственнаго слушателя его въ этой большой и темной залѣ, охватывалъ мистическій страхъ и трепетъ.

А какъ ужасно, болѣзненно сжималось мое сердце, когда онъ заканчивалъ:

Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что лучшія произведенія В. Н. Пасхалова погибли навсегда для публики. Это были вещи, создаваемые имъ экспромтомъ, въ минуты вдохновенія, и, никѣмъ не записанныя, онѣ забывались и самимъ авторомъ. Пасхаловъ былъ невысокаго роста, съ некрасивымъ, но выразительнымъ лицомъ, съ взъерошенными черными волосами, съ большимъ горбатымъ носомъ, на которомъ еле сидѣло дрянненькое стальное пенснэ. Одѣвался онъ небрежно и даже неряшливо. Поэтическое сердце его, конечно, искало и алкало женской любви, но непрезентабельная внѣшность дѣлала его робкимъ и неувѣреннымъ съ женщинами, и кипучее чувство оставалось неудовлетвореннымъ. Женщины увлекались имъ, какъ виртуозомъ, какъ талантливымъ, вдохновеннымъ композиторомъ, но не шли далѣе, и Пасхаловъ бродилъ одиноко съ кипѣвшими у него въ сердцѣ чувствами. Въ концѣ концовъ жизнь стала ему въ тягость, и онъ оборвалъ ее.

Это былъ второй талантливый русскій человекъ, погибшій почти на моихъ глазахъ. Между нимъ и Симборскимъ было что-то общее. Оба были богато одарены талантами и оба губили свою жизнь этимъ ужаснымъ ядомъ русскаго человека, виномъ, и оба погибли отъ своей же руки. Да и немало погибло такимъ же образомъ истинно талантливыхъ, но неуравновѣшенныхъ русскихъ широкихъ

натуръ. Чаше всего эти жертвы приносятся въ міръ искусства, въ міръ, гдѣ бы, казалось, все должно быть прекрасно, все наполнять жизнь и привлекать и приковывать къ ней, но, увы, тутъ-то мы и встрѣчаемъ иногда совершенно противоположное.

III.

Осенью 1881 года въ жизни моей произошло событіе, имѣвшее вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь. Я уже говорилъ выше, что еще въ Тифлисѣ въ 1878 г. я началъ пописывать и печатать свои мелкіе рассказы въ газетѣ «Обзоръ», но я и тогда уже не ограничивался одними рассказами, и меня влекло къ творчеству драматическому. Ни стихи, которые я началъ сочинять съ девятилѣтняго возраста, ни повѣсти, ни романы, не манили меня такъ къ себѣ, какъ комедія и драма. И вотъ, еще въ Тифлисѣ, служа въ труппѣ Пальма, я написалъ первую мою комедію въ пяти дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «Тина». Окончивъ эту пьесу, я съ трепетомъ душевнымъ отнесъ ее къ А. И. Пальму и попросилъ, прочитавъ, высказать о ней свое мнѣніе. Покойный драматургъ былъ такъ добръ, что исполнилъ мою просьбу и, черезъ нѣсколько дней, возвращая мнѣ тетрадку, сказалъ слѣдующія, навсегда запечатлѣвшіяся въ моей памяти, слова: «Пьеса эта не годится, но не отчаивайтесь, у васъ есть навѣрное талантъ и, кромѣ того, чутье къ сценѣ. Попробуйте ваши силы на легонькихъ и маленькихъ комедійкахъ. Мнѣ кажется, изъ васъ чтонибудь да вытанцуется». Признаніе въ любви ко мнѣ прекрасной женщины не звучало бы для меня такимъ небеснымъ гимномъ, какъ эти одобрительныя слова почтеннаго драматурга, авторитету котораго я безусловно довѣрялъ. Я поклялся себѣ свято исполнить его совѣты и чуть ли не черезъ мѣсяць уже нарушилъ эту клятву, написавъ пятиактную драму изъ народной жизни, полную трескучихъ сценъ и мелодраматическихъ эффектовъ. Но дать на прочтеніе эту пьесу Пальму я уже теперь не рѣшился, а, уложивъ мою «Грѣшницу» (такъ называлась моя народная драма) рядомъ съ «Тиной» въ чемоданъ, я забылъ о нихъ надолго.

Въ сентябрѣ 1881 года я, живя въ Казани, заболѣлъ такого рода болѣзнью, которая, оставляя голову въ совершенной свѣжести, заключила меня надолго въ четырехъ стѣнахъ моей комнаты. Правда, скучать мнѣ было некогда. Каждый день меня навѣщаль ктонибудь, да, кромѣ того, я былъ абонированъ въ библіотекѣ и цѣлые дни проводилъ или въ болтовнѣ съ навѣщавшими меня товарищами или въ самомъ усиленномъ, запойномъ чтеніи. Завернулъ какъ-то ко мнѣ посидѣть вечеркомъ почтенный артистъ казанскаго театра, Ев. Н. Полтавцевъ.

— Вотъ что, братъ,—сказалъ онъ, между прочимъ,—въ нынѣшнемъ сезонѣ я буду праздновать юбилей моей артистической дѣятельности (теперь уже не помню: двадцати-лѣти или тридцати-пяти-лѣтней). Такъ было бы не дурно, если бы ты намараковать для этого спектакля, ну, какойнибудь водевильчикъ, что ли. Ты вѣдь, я знаю, пописываешь немного.

Я было хотѣлъ предложить Полтавцеву одну изъ двухъ моихъ уже написанныхъ пьесъ, но почему-то не рѣшился и сказалъ только:

— Хорошо, посмотрю. Если придетъ что въ голову, то отчего же?

Полтавцевъ ушелъ, а мысль написать легонькую комедію или водевиль крѣпко засѣла у меня въ головѣ. Но, чтобы написать водевиль, надо прежде всего подыскать подходящій сюжетъ, а сюжеты-то эти, какъ на зло, никогда мнѣ въ голову не приходили. Долго раздумывалъ я, стараясь вызвать въ своей памяти какіянибудь смѣшныя событія, которыя могли бы послужить темой для комедіи или водевиля, и вдругъ вспомнилъ, какъ еще въ отрядѣ, во время кампаніи, одинъ изъ нашихъ офицеровъ вспоминалъ про одного забавнаго стараго кавказскаго майора, у котораго была нѣжно любимая имъ дочка, такъ свято оберегаемая своимъ папашей отъ всякихъ увлеченій, что молодымъ офицерамъ въ той крѣпости, гдѣ служилъ этотъ майоръ, просто житья не было. Добрѣйшій и честнѣйшій человекъ, онъ готовъ былъ оклеветать каждаго прапорщика и со свѣту, что называется, сжить, если только въ его сѣдую, майорскую голову заползала мысль, что прапорщикъ этотъ можетъ послужить предметомъ увлеченія для его ненаглядной дочурки.

Разсказъ этотъ мнѣ показался очень удачнымъ для обработки его въ форму комедіи, и я принялся обрабатывать. Цѣлыя сутки, кажется, я не спалъ, не ѣлъ, никого не принималъ къ себѣ, а, лежа на диванѣ, создавалъ въ своей головѣ тѣ или другія комбинаціи. И вотъ, какъ сейчасъ помню, 21-го сентября, вечеромъ, я подошелъ къ своему письменному столу, съ совершенно уже готовымъ въ головѣ планомъ моей комедіи. Къ утру слѣдующаго дня первый актъ былъ готовъ. День я частью проспалъ, частью проболталъ кое съ кѣмъ изъ навѣстившихъ меня, въ нетерпѣливомъ ожиданіи вечера и продолженія всецѣло захватившей меня работы. Наступившая ночь подарила мнѣ второй актъ, а на другой день вечеромъ я приступилъ уже и къ третьему.

24 сентября, въ 5 часовъ утра, были дописаны послѣднія строки комедіи, и изъ нихъ же почерпнуто и названіе ея «Черезъ край».

Окончивъ работу, я помню, весь слѣдующій день я уже не могъ сомкнуть глазъ и былъ въ страшно нервномъ возбужденіи. Къ вечеру я пригласилъ двухъ-трехъ моихъ знакомыхъ и прочиталъ имъ свое новое произведеніе. Помню, что всѣ очень смѣялись, хвалили пьесу и предсказывали ей успѣхъ, но все это были лица мало ком-

петентныя въ театральномъ дѣлѣ, и критикѣ ихъ я довѣрялъ мало, а себѣ же я довѣрялъ еще менѣе. Мнѣ хотѣлось прочитать мой «Черезъ край» кому нибудь изъ артистовъ, но, какъ на зло, и Полтавцевъ да и другіе знакомые мнѣ актеры были въ эти дни особенно заняты и не могли навѣстить меня. Полтавцевъ же прислалъ только сказать, что если пьеса готова, то чтобы я ее поскорѣе переписывалъ и посылалъ въ цензуру. Переписать было нетрудно, и какой-то писарь исполнилъ это для меня, кажется, въ два дня. Но послать въ цензуру, куда? какъ? Я ничего этого не зналъ. Изъ моихъ знакомыхъ нашелся, впрочемъ, одинъ глубокомысленный человекъ, очень авторитетно объяснившій мнѣ, какъ все это нужно сдѣлать и объяснившій, какъ оказалось впоследствии, все шиворотъ, навыворотъ. Но я буквально послушался его совѣтовъ и отправилъ мое новорожденное дѣтище бібліотекарю императорскаго Александринскаго театра, г. Мозеру. Отправилъ и сталъ ждать отвѣта, а пока что, рѣшилъ дать прочитать мою пьесу (то-есть черновой экземпляръ) одному моему молодому родственнику, мнѣніе котораго я почиталъ для себя въ то время авторитетнымъ, уже по одному тому, что онъ былъ старше меня на четыре года и все собирался заняться литературой ¹⁾. Родственникъ очень охотно взялся прочитать мой «Черезъ край», но прочитавъ обрушился на меня такою критикой, что я и свѣта не взвидѣлъ.

— Стыдно, стыдно писать такія гадости,—громилъ онъ меня.— Тутъ нѣтъ ни направленія, ни идеи, ни гражданскаго вопроса. Ну, просто глупое гаерство, недостойное даже дебютанта. Нѣтъ, если ты хочешь писать, то выбирай не такія шутовскія темы, а разработывай что нибудь посерьезнѣе.

Я былъ совсѣмъ обезкураженъ и искренно сожалѣлъ, зачѣмъ отправилъ мою пьесу въ Петербургъ, а не выбросилъ ее въ печку. Я хотѣлъ было уже сжечь мой черновой экземпляръ, но Богъ знаетъ почему-то раздумалъ и, бросивъ его на дно своего чемодана, гдѣ уже покоились «Тина» и «Грѣшница», предалъ забвенію, а самъ, по совѣту моего родственника, принялся было разработывать серьезный вопросъ въ комедійной формѣ, но сознаніе моей безталантности, все болѣе и болѣе укрѣпившееся во мнѣ, заставило меня бросить и это занятіе.

Прошелъ юбилей Полтавцева, прошелъ сезонъ, отъ Мозера я не получалъ никакого отвѣта, и «Черезъ край» былъ забытъ окончательно.

¹⁾ Потомъ онъ занялся и нынѣ сталъ довольно извѣстнымъ литераторомъ.

IV.

Подошла весна. Лѣтній казанскій театръ былъ снятъ какимъ-то артистическимъ товариществомъ. На анонсахъ было переименовано не мало актерскихъ фамилій, но когда товарищество съѣхалось въ Казань, то и половины ангажированныхъ артистовъ не оказалось на лицо. Я жилъ тогда въ Казани безъ всякаго дѣла и съ очень ограниченными средствами къ существованію. Заправила товарищества, г. Петунинъ и актеръ Томскій, предложили мнѣ примкнуть къ ихъ труппѣ на очень выгодныхъ для меня условіяхъ. Выбора никакого не было, и я примкнулъ. Но недолго пришлось мнѣ поработать съ моими новыми товарищами: тотъ же молодой родственникъ, что такъ безпощадно забраковалъ мой «Черезъ край», прислалъ мнѣ изъ Петербурга очень заманчивое предложеніе ѣхать по его дѣламъ во Францію на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Мой родственникъ въ то время занимался крупной экспортной торговлей.

Дѣла нашего актерскаго товарищества шли не то, чтобы плохо, но неинтересно. Не было ни одного мало-мальски выдающагося артиста или артистки; репертуаръ носилъ въ высшей степени случайный характеръ, вслѣдствіе недостаточности персонала, начались разныя закулисныя неурядицы, а тутъ еще докторъ, лѣчившій меня, все твердилъ, что сцена для меня гибель, а поѣздка въ чужіе края прямо таки спасеніе и исцѣленіе всѣхъ недуговъ, и я, недолго думая, распростился съ театромъ и отправился черезъ Петербургъ за границу. Мои три неудачныя пьесы поѣхали, конечно, со мной, пріютившись забытыми на днѣ чемодана.

Я думалъ тогда, что навсегда расстаюсь съ театромъ, что въ литературѣ, которой обрекъ я себя съ самаго дѣтства, я пойду другими путями болѣе серьезными и плодотворными. Слова разгромившаго меня за «Черезъ край» родственника еще звучали въ моихъ ушахъ, правда, уже не такъ вѣско и авторитетно, потому что и самъ строгій судья съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утрачивалъ въ моихъ глазахъ и вѣскость свою и авторитетность. Да, въ то время я совершенно искренно думалъ, что расстаюсь съ театромъ навсегда, но... судьба судила иначе.

V.

Осенью 1883 года, мой молодой родственникъ былъ объявленъ несостоятельнымъ, и я остался безъ мѣста и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Положеніе было критическое, и не знаю, чѣмъ бы оно окончилось, если бы въ Петербургѣ въ то время не жилъ мой землякъ, мало извѣстный, но талантливый поэтъ Михаилъ Николаевичъ Соймоновъ.

Покойный писатель былъ человѣкъ глубоко интересный, и когданибудь еще я вернусь къ нему и попытаюсь очертить эту странную, полную удивительныхъ противорѣчій, но въ глубинѣ своей прекрасную и высокую душу. Къ нему къ первому пришелъ я, чтобы подѣлиться моимъ горемъ и посоветоваться о будущемъ.

— Ты можешь писать и потому пиши,—отвѣтилъ онъ мнѣ на мой вопросъ: что дѣлать въ моемъ безысходномъ положеніи.

— Писать я радъ,
Печататься, братъ, трудно,

отвѣтилъ я ему, перефразируя Чацкаго.

— Гдѣ могу, помогу,—коротко отрѣзалъ Соймоновъ и дѣйствительно началъ помогать.

Каждое мое стихотвореніе, за которыя я принялся тогда, онъ штудировалъ съ карандашемъ въ рукахъ, исправлялъ и указывалъ мнѣ мои ошибки и давалъ благіе совѣты, а затѣмъ самъ же разносилъ эти стишки по знакомымъ редакціямъ и, когда ихъ возвращали обратно, убѣждалъ не унывать, а надѣяться. Зато велика была моя радость, когда стихи принимались и печатались. Писалъ я, главнымъ образомъ, тогда стихотворенія и разныя прозаическія мелочи юмористическаго характера, и печатались онѣ, конечно, тоже въ юмористическихъ журналахъ, то-есть въ «Шутѣ», «Осколкахъ» и «Стрекозѣ». Впрочемъ, два стихотворенія серьезныхъ были напечатаны въ газетѣ П. А. Гайдебурова «Недѣля».

Трудно тогда жилось мнѣ, скуденъ былъ мой заработокъ (первое время рублей двадцать пять въ мѣсяцъ, не больше), но молодость и какая-то смутная надежда на лучшее будущее не позволяли унывать и отчаяваться.

— Послушай,—говорилъ мнѣ иногда Соймоновъ,—ты вѣдь бывшій актеръ и, кажется, актеръ не дурной. Отчего бы тебѣ не толкнуться въ здѣшніе клубы. Правда, тамъ платятъ хоть и гроши, но все-таки платятъ.

Но я отмахивался и руками и ногами.

— Нѣтъ, баста,—твердилъ я,—актеромъ я больше никогда не буду. Я посвящу себя всего литературѣ и выбьюсь же когданибудь на настоящую дорогу.

Сказать ли правду? Въ глубинѣ души моей я боялся, чтобы участіе въ клубныхъ спектакляхъ не легло тѣнью на моей будущей литературной репутациі.

И такъ я перебивался съ хлѣба на квасъ, помѣщая коротенькіе стишки и разныя плоскія прозаическія шутки въ разныхъ юмористическихъ журналахъ, главнымъ образомъ въ «Шутѣ». Но вотъ однажды, не помню уже при какихъ обстоятельствахъ, я встрѣтился съ однимъ изъ моихъ сослуживцевъ по Кавказской арміи, поручикомъ М. С. Л—еромъ, а онъ, черезъ нѣсколько дней, познакомилъ

меня съ одной артисткой, М. Г. Г—ой. Узнавъ, что я самъ бывший актеръ и нахожусь въ довольно печальныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, г-жа Г—ая сейчасъ же предложила мнѣ примкнуть къ ихъ труппѣ, находившейся подъ управленіемъ антрепренера Д—на и данавшей свои спектакли разъ въ недѣлю, въ городѣ Нарвѣ. Не прошло и двухъ дней, какъ и самъ господинъ антрепренеръ, Д—нъ, явился ко мнѣ. Это былъ еще молодой человѣкъ, занимавшій какое-то маленькое мѣсто въ С.-Петербургской городской управѣ и въ свободные отъ службы дни, то-есть по воскресеньямъ и праздникамъ, устраивавшій спектакли «наѣздомъ» въ г. Нарвѣ. Онъ мнѣ предложилъ высшій, по его словамъ, у него гонораръ, то-есть, десять рублей за спектакль, при чемъ проѣздъ въ Нарву и обратно, а также и продовольствіе въ день спектакля въ Нарвѣ, на его, антрепренера, счетъ. Присутствовавшій при этихъ переговорахъ Соймоновъ не только посоветовалъ мнѣ принять эти условія, но и самъ предложилъ г. Д—ну свои услуги въ качествѣ перваго любовника. Д—нъ завербовалъ и моего товарища.

Я согласился, разсуждая, что мое Нарвское «позорище» дальше Нарвы и не пойдетъ. Рецензій о тамошнихъ спектакляхъ не пишутъ, а скромный псевдонимъ навсегда прикроетъ мое имя.

Мы ударили съ Д—нымъ по рукамъ. Въ ближайшее же воскресенье я долженъ былъ уже принять участіе въ Нарвскомъ спектаклѣ.

— Репетиціи дѣлаются у меня здѣсь, на квартирѣ,—заклучилъ Д—нъ и, сообщивъ мнѣ свой адресъ, назначилъ день и часъ, когда прійти.

На репетицію мы отправились съ Соймоновымъ вмѣстѣ и, разыскавъ квартиру антрепренера на Гороховой, невдалекѣ отъ Загороднаго проспекта, вступили въ нее. Д—нъ жилъ очень скромно, но сейчасъ же радушно предложилъ намъ чаю.

Вскорѣ собрались остальные исполнители. Странный подборъ: Богатый купеческій сынокъ Ш., горячій любитель театра и очень талантливый комикъ; обдерганный, полуголодный, полухолодный клубный актерикъ N.; очень хорошенькая, изящная барышня смолянка Z. и какая-то актриса, напоминающая скорѣе прачку, чѣмъ актрису; поэтъ Соймоновъ; молоденькая, пятнадцатилѣтняя дѣвочка; пожилая мать семейства; одинъ изъ талантливыхъ артистовъ императорскаго театра, бывший съ антрепренеромъ Д—нымъ въ родственныхъ отношеніяхъ и потому принимавшій участіе въ его спектакляхъ; наша премьерша г-жа Г—ая и наконецъ я. Собрались мы воедино и стали обсуждать, что поставить въ ближайшее воскресенье.

Выбирали мы пьесу исключительно по соображенію имѣющихся на лицо книгъ и ролей и, если не ошибаюсь, для перваго моего выхода, рѣшено было поставить «Вааль» Писемскаго, а для втораго «Бѣшенныя деньги» Островскаго. Тутъ же порепетировали немножко

и затѣмъ разстались съ тѣмъ, чтобы въ воскресенье, къ девяти часамъ утра, съѣхаться на вокзалѣ Балтійской желѣзной дороги.

— Послушай,—недоумѣвалъ Соймоновъ, выйдя вмѣстѣ со мной отъ антрепренера.—А какъ же репетиціи?

— Да, вѣдь, мы же сегодня репетовали,—объяснилъ я ему.—Ну, а потомъ еще въ Нарвѣ пройдемъ немножко передъ спектаклемъ, ну, вотъ и все.

— Постой, я такъ не могу,—запротестовалъ мой другъ.—Какія же это репетиціи?

Я только разсмѣялся, наученный уже провинціальнымъ опытомъ.

— Это, голубчикъ, не только репетиція, но цѣлыхъ двѣ репетиціи,—пояснилъ я ему.

Но Соймоновъ, до сихъ поръ игравшій на любительскихъ спектакляхъ, гдѣ репетиціи, какъ извѣстно, составляютъ главную сущность дѣла и потому бываютъ безчисленны, совсѣмъ упалъ духомъ, хотѣлъ было даже вернуться и отказаться отъ роли, но махнулъ рукой, какъ бы говоря себѣ: будь, что будетъ.

VI.

Въ воскресенье, въ половинѣ восьмага утра, Соймоновъ заѣхалъ ко мнѣ, и мы, наскоро напившись съ нимъ чаю, отправились на Балтійскій вокзалъ. Тамъ насъ встрѣтилъ нашъ антрепренеръ и кое-кто изъ прибывшихъ ранѣе артистовъ. Затѣмъ съѣхались вскорѣ остальные, и импрессарио нашъ, сбѣгавъ въ кассу третьяго класса, усадилъ насъ всѣхъ вмѣстѣ въ вагонъ.

Дорога прошла чрезвычайно весело. Наши артисты и артистки народъ были преимущественно молодой и оживленный. На большихъ станціяхъ мы бѣгали въ буфетъ и покупали для нашихъ дамъ пирожки, не упуская при томъ случая, пропустить по рюмочкѣ водки. Къ тремъ часамъ мы были уже въ Нарвѣ и, разсѣвшись на извозчичьи дрожки, покатали съ вокзала въ городъ.

Старая Нарва очень заинтересовала меня необычнымъ для русскаго глаза видомъ. Узенькія улицы, черепичныя крыши домовъ, кирпичи, все это напоминало скорѣе средневѣковую Германію, чѣмъ современную Русь.

Но вотъ наши извозчики остановились около какой-то гостиницы (кажется, «Петербургъ»), и мы всѣ шумною ватагою ввалились въ столовую, гдѣ насъ уже ожидалъ готовый обѣдъ, скромный, но довольно вкусный и безусловно изъ свѣжей провизіи. Помню, что особенно на этихъ обѣдахъ хорошъ бывалъ картофель.

Пообѣдавъ и выпивъ нарвскаго пивца, мы уже пѣшкомъ отправились въ театръ. Это было небольшое каменное зданіе съ небольшою зрительной залой и порядочною, по несообразно приподнятой надъ партеромъ сценою, съ дующими во всѣхъ углахъ сквозняками,

съ грязными стѣнами. Но для такого городка, какъ Нарва, и этотъ театръ могъ считаться вполне достаточнымъ. Во многихъ великорусскихъ городахъ, съ населеніемъ втрое большимъ, случается, что и такого театра не встрѣтишь.

Осмотрѣвъ уборную и сдѣлавъ распоряженіе относительно парика пришедшему откуда-то парикмахеру, я вернулся на сцену, и мы принялись за репетицію, которая прошла ни хуже, ни лучше обыкновенныхъ провинціально-актерскихъ репетицій. Срепетовавъ главную пьесу и пройдя водевиль, мы отправились въ уборныя— ихъ было всего двѣ: одна для мужчинъ, другая для дамъ, и принялись одѣваться къ спектаклю, попивая кто чай, кто пиво. Въ уборной оказалось страшно холодно, и я началъ было роптать, но явившійся антрепренеръ побожился, что въ слѣдующій разъ уже этого не будетъ, а въ видѣ особаго утѣшенія показалъ мнѣ сегодняшнюю афишу, гдѣ моя фамилія (то-есть псевдонимъ) была напечатана особенно жирнымъ шрифтомъ, и я былъ наименованъ «извѣстнымъ провинціальнымъ артистомъ», а также сообщилъ мнѣ, что сборъ сегодня довольно удаченъ.

Жалкія декорации, жалкая обстановка сцены, конечно, сильно таки расхолаживали насъ— артистовъ, но тѣмъ не менѣе спектакль прошелъ довольно удачно, и публика усердно аплодировала. По окончаніи спектакля, мы опять разсѣлись на извозчиковъ и бурной осеннею ночью поѣхали на вокзалъ. Ревельскій поѣздъ еще не приходилъ, и мы въ ожиданіи его принялись закусывать уже на свой счетъ. Считаю долгомъ добавить, что извозчики въ Нарвѣ оплачивались антрепренеромъ.

Въ Петербургъ мы пріѣхали въ понедѣльникъ, что-то около восьми часовъ утра. И вотъ, такимъ образомъ, за эти сутки, за прогулку въ Нарву и обратно, за исполненіе двухъ ролей въ пьесѣ и въ водевилѣ, истративъ при этомъ своихъ денегъ что-то около трехъ рублей (извозчики въ Петербургѣ, по дорогѣ буфеты и ужинъ въ Нарвѣ), я получилъ гонорару десять рублей. Немного! но и эта цифра считалась въ нашей труппѣ почтенной, и никто болѣе нея не получалъ, а нѣкоторые довольствовались и пятью и даже тремя рублями разовыхъ. Да и то надо удивляться, какъ вывертывался нашъ антрепренеръ, при сравнительно большихъ расходахъ и маленькихъ сборахъ, даже при полномъ театрѣ, такъ какъ цѣны на мѣста были очень дешевыя. И едва ли ему, за всѣ его хлопоты, за рискъ вмѣсто барыша потерпѣть убытки, очищалось много болѣе нашего. Я потомъ на себѣ испыталъ результаты подобной антрепризы, но объ этомъ еще рѣчь впереди.

Тѣмъ не менѣе поѣздка въ Нарву произвела на меня довольно пріятное впечатлѣніе: было весело, въ труппѣ нашей оказалось не мало милыхъ людей, и я, такъ же, какъ и Соймоновъ, стали акку-

ратно, каждое воскресенье, участвовать въ Д—скихъ спектакляхъ, которые страшно походили одинъ на другой, то-есть тѣ же обѣды въ гостиницѣ «Петербургъ», та же холодная уборная и тотъ же скромный гонораръ.

Зимой подвернулся мнѣ другой такой же «выѣздной» антрепренеръ, какъ Д—нъ, и предложилъ съѣздить съ его труппой въ Псковъ, и я ѣздилъ туда два или три раза, причемъ каждую поѣздку мы ставили по два спектакля, благодаря чему въ Псковѣ приходилось ночевать и ночевали мы въ баняхъ.

Дѣло въ томъ, что у этого антрепренера въ Псковѣ жилъ отецъ и содержалъ торговыя бани, а такъ какъ условія поѣздки въ Псковъ были тѣ же, то-есть проѣздъ и содержаніе на счетъ антрепренера, то г. Т., чтобы не тратить лишнихъ денегъ на наемъ для господъ артистовъ номеровъ, размѣщала женскій персоналъ въ квартирѣ своихъ родителей, а мужской въ номерахъ торговыхъ бань, содержимыхъ его отцомъ. И, право, это было совсѣмъ не дурно; такъ какъ спектакли наши (псковскіе) устраивались по праздникамъ, то бани эти были закрыты для публики и не топились, какъ обыкновенно, а протапливались лишь слегка номера, отведенные для господъ артистовъ. Въ нихъ было нежарко и довольно чисто, и едва ли бы мы много выиграли, если бы для насъ отвели помѣщеніе въ какой нибудь псковской гостиницѣ, какъ всѣ провинціальныя гостиницы, не отличающейся чистотой и удобствами. Кормили насъ также не дурно: мы обѣдали и завтракали въ семьѣ нашего антрепренера Т.

Псковскія поѣздки были еще веселѣе, чѣмъ нарвскія. Правда, подборъ артистовъ былъ другой, но и тутъ попадались милые люди, а молодость и веселье скрашивали все. Играли мы въ клубѣ, и псковская публика и встрѣчала, и провожала насъ очень радушно.

Приходилось мнѣ участвовать и по близости Петербурга, за какими-то заставами, на какихъ-то заводахъ, но никогда не рѣшался я переступить порогъ петербургскихъ клубныхъ сценъ. Я въ то время хорошо изучилъ эти клубы, и, право, съ большимъ удовольствіемъ я готовъ былъ выступить передъ безхитростными провинціалами, псковичами, нарвцами, передъ обитателями разныхъ заставъ и заводовъ, даже передъ алеутами и камчадалами, чѣмъ передъ этимъ жалкимъ сбродомъ измотавшейся дряни и продажныхъ женщинъ, которые наполняютъ зрительныя залы нѣкоторыхъ петербургскихъ клубовъ. Мнѣ иногда приходилось видѣть на сценахъ этихъ «заведеній» очень почтенныхъ и солидныхъ артистовъ. Горько становилось мнѣ смотрѣть на нихъ, когда они на этихъ мизерныхъ, клубныхъ сценахъ разрывали свою душу передъ несомнѣнно продажными дѣвицами, несомнѣнными шуллерами, сомнительными «мушкатерками» и вообще остальной сомнительной публикой. Грустно и обидно было и за артистовъ, да и за пьесы, разыгрывавшіяся здѣсь. Нѣтъ, лучше

въ Ямбургъ, Нарву, Гунгербургъ, лучше въ Тосну, Любань и Померанье, чѣмъ въ домъ Якунчикова у Синяго моста ¹⁾ или въ бывшій паллацо князя Голицына на Владимирской ²⁾.

VII.

Въ одинъ изъ спектаклей гдѣ-то за заставой мнѣ пришлось встрѣтиться и познакомиться съ бывшимъ провинціальнымъ трагикомъ, слывшимъ когда-то первокласснымъ артистомъ, В. В. И—вымъ. Неумѣренное поклоненіе чарочкѣ къ тому времени уже окончательно доканало старика, и онъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Его почти уже никуда не приглашали играть, а если приглашали, то зорко слѣдили за нимъ, какъ бы онъ не напился до спектакля вдребезги. Былъ съ нимъ разъ такой случай: долженъ былъ онъ участвовать гдѣ-то за заставой, и антрепенеръ, доставившій его туда въ цѣлости, побѣждалъ къ буфетчику и сейчасъ же заявилъ, чтобы артисту В. В. И—ву до окончанія спектакля ни подъ какимъ видомъ не давать ни капли хмельныхъ напитковъ, и описать при этомъ приблизительно наружность И—ва: невысокаго роста, брюнетъ, съ легкой просѣдью и, конечно, обритыми усами и бородой.

Сдѣлавъ эти распоряженія, антрепенеръ отправился по своимъ дѣламъ, а не болѣе, какъ черезъ полчаса, къ буфету подошелъ невысокій старичекъ, съ сѣдой бородкой, съ сѣдыми волосами на головѣ и подтвердилъ буфетчику приказаніе антрепенера.

— Слышите же, — повторялъ онъ, шамкая:—актеру И—ву ни капли водки, ничего, а то онъ такая пьяница, что только не досмотри за нимъ, налижется, а потомъ хоть спектакль откладывай.

И затѣмъ старичекъ сдѣлалъ еще болѣе подробное описаніе наружности И—ва.

Буфетчикъ только утвердительно кивалъ головой и повторялъ:

— Ужъ не беспокойтесь, знаемъ.

И очень предупредительно, по первому же требованію старичка, налилъ ему большую рюмку водки. За первой послѣдовала вторая, за второй третья, и только послѣ шестой буфетчика взяло сомнѣніе, а когда старичекъ, выпивая седьмую, оторвалъ нечаянно наскоро приклеенную сѣдую бородку и сдвинулъ на сторону сѣдой парикъ, обнаруживъ цѣлую копну черныхъ волосъ, буфетчикъ понялъ свою ошибку, но было уже поздно: И—въ былъ вдребезги пьянъ.

Этотъ артистъ, заранѣе зная, что водки ему не дадутъ, только что пріѣхалъ съ антрепенеромъ въ театръ, сейчасъ же скрылся въ одной изъ уборныхъ и, торопливо загримировавшись, отправился въ буфетъ, гдѣ и одурачилъ буфетчика самымъ блестящимъ образомъ.

¹⁾ Нѣмецкій клубъ.

²⁾ Приказничій клубъ.

Какъ псковскій, такъ и нарвскій антрепренеръ расплачивались съ нами хотя и небогато, но аккуратно. Но попадались мнѣ за эту зиму и такіе, съ которыхъ гонораръ приходилось получать съ большимъ трудомъ и разными, болѣе или менѣе хитрыми способами. Одинъ разъ, помню, я, предупрежденный уже заранѣе, потребовалъ отъ антрепренера гонораръ впередъ, ссылаясь на то, что со мной нѣтъ ни копейки денегъ, и я не имѣю возможности спросить себя изъ буфета даже стаканъ чая.

— Послѣ, послѣ, голубчикъ мой,—депеталь увертливый антрепренеръ,—а что касается буфета, то берите изъ него все, что хотите, я велю записывать все на себя—потомъ разочтемся.

И сейчасъ же послалъ сказать буфетчику, чтобы мнѣ отпустили все безъ задержки.

Предчувствуя заранѣе, что не вытянуть мнѣ изъ антрепренера моего гонорара, я получилъ его полностью, забравъ въ буфетѣ нѣсколько сотенъ папирозъ да коробки двѣ конфетъ. И хорошо сдѣлалъ, потому что другіе артисты, менѣе предусмотрительные, и этого не получили, такъ какъ, когда они уже сунулись въ буфетъ, то буфетчикъ заявилъ имъ, что онъ и самому антрепренеру не довѣряетъ болѣе ни копейки.

Другой разъ, по совѣту одного опытнаго артиста, мы, участвующіе, послѣ перваго же акта принялись разгримировываться и снимать парики, заявивъ антрепренеру, что если онъ сейчасъ же не уплатитъ намъ разовыя, мы на сцену больше не выйдемъ. Антрепренеръ началъ было изворачиваться, увѣряя, что у него нѣтъ въ настоящую минуту ни копейки, что онъ отдастъ намъ послѣ спектакля, но мы, наученные горькимъ опытомъ, не довѣряли его хитрости, и... гонораръ намъ былъ выплаченъ.

А то было еще и такъ, что одинъ антрепренеръ, привезя насъ всѣхъ въ недалеко лежащій отъ Петербурга городокъ, забралъ изъ кассы выручку и скрылся, бросивъ на произволь судьбы не только насъ, но и свою молоденькую, хорошенькую жену. Мы сжалились надъ слезами бѣдной женщины и кое-какъ сыграли спектакль. Говорю, кое-какъ—потому, что за отсутствіемъ антрепренера, который долженъ былъ играть одну изъ главныхъ ролей, пришлось перемѣнить пьесу. И затѣмъ добрались до Петербурга, помогая другъ другу копеечными ссудами, благо доѣхать было близко и дешево. Доставили даже молоденькую, но злополучную антрепренершу, которая, впрочемъ, къ мужу своему, кажется, не возвратилась, а подыскала себя антрепренера болѣе солиднаго и порядочнаго.

Всего бывало со мной за эту зиму. Испыталъ я даже и самъ личину антрепренера. Ахъ, смѣшная это была исторія!

VIII.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей по нарвскимъ спектаклямъ, особенно расположенные ко мнѣ, стали мнѣ совѣтовать заняться самостоятельною антрепризой, обѣщая всякія услуги и содѣйствіе. Я долго колебался и не рѣшался главнымъ образомъ потому, что, дабы начать хоть самую маленькую антрепризу, нужны все-таки нѣкоторые деньги, а у меня не было и копейки за душой. Но добрые товарищи устраняли и это препятствіе. Во-первыхъ, они совѣтовали мнѣ начать съ чего нибудь очень маленькаго, ну, напримѣръ, хоть съ какой нибудь станціи Николаевской желѣзной дороги, и развивать дѣло постепенно, почему-то предсказывая мнѣ непремѣнный успѣхъ.

— А на первый спектакль,—говорили они,—мы всѣ приѣдемъ къ вамъ, куда вы назначите, на свои деньги. Потомъ изъ сбора отдадите. Да и гонораръ не будемъ обозначать заранѣе, а что очистится, то и раздѣлимъ по-братски. Поѣзжайте же по Николаевской желѣзной дорогѣ и подыскивайте подходящее мѣсто,—настаивали они, особенно почему-то совѣтуя обратить вниманіе на станцію Любань.

Боже мой! Это было именно въ такіе дни, когда мнѣ не на что было доѣхать даже и до станціи Любань. Но и тутъ препятствіе было устранено. Милая, симпатичная Нелли, одна изъ вышеупомянутыхъ артистокъ нашей нарвской труппы, заявила, что если я не хочу, такъ она сама дѣлается антрепренершей, а меня приглашаетъ въ качествѣ распорядителя. А на первые расходы... на первые расходы у нея тоже денегъ не оказывалось, и, какъ я узналъ впоследствии, она добыла ихъ подъ залогъ своихъ золотыхъ дамскихъ часиковъ.

И поѣхалъ въ Любань. Мнѣ и грустно и смѣшно было. Никогда еще въ жизни не переживалъ я такой тяжелой нужды, какъ въ эту зиму, но въ предстоявшей антрепризѣ я почему-то не предчувствовалъ избавленія отъ нея. Все-таки всѣ мои надежды возлагались на литературу, да и стремленія всѣ мои были къ ней, а актерствовалъ я лишь изъ крайней необходимости.

Въ Любани я, разспросивъ кое-кого на вокзалѣ, отправился, по совѣту одного изъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, къ мѣстному помѣщику А. Я. Ст—у. Этотъ почтенный старикъ принялъ меня сначала довольно недовѣрчиво, но потомъ, разговорившись и узнавъ, что я бывший офицеръ, маленькій, начинающій литераторъ,—перемѣнилъ со мной обращеніе и сталъ довольно радушень.—У меня есть тутъ одна дача съ довольно просторнымъ заломъ. Вотъ тутъ мы и устроимъ вашу сцену,—сказалъ онъ.

Условія, которыя предложилъ С., показались мнѣ довольно подходящими, и я такимъ образомъ сдѣлался любаньскимъ антрепренеромъ. Вернувшись въ Петербургъ, я собралъ свою очень малочисленную труппу, и мы общимъ совѣтомъ рѣшили для перваго спектакля поставить «Роковой шагъ». Нѣкоторые, улыбаясь, гово-

рили, какъ бы это заглавіе не было роковымъ предзнаменованіемъ, но остановились мы на этой пьесѣ потому, что она очень удачно расходилась между нашими силами. Помню, какъ сейчасъ, распределение главныхъ ролей: героиню пьесы, Вареньку, играла наша нарвская премьерша Г—ская, красавицу-баронессу—Нелли, любовника Бородина—Соймоновъ; молодой художникъ Э—ръ игралъ, кажется, двѣ остальные мужскія роли; я же главнаго героя пьесы—Балавина. Затѣмъ былъ назначенъ еще какой-то водевильчикъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, наша крошечная труппа двинулась въ Любань.

Когда мы приѣхали туда, то оказалось, что билеты уже всѣ проданы, сборъ полный, а какъ вы думаете, великъ ли былъ этотъ полный сборъ? 72 рубля 50 коп.

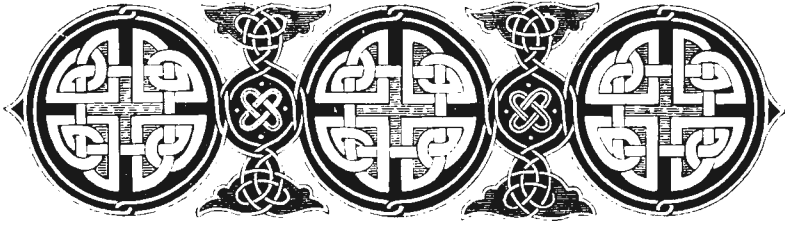
Какъ мы играли, толкаясь на крошечной сценѣ, наскоро построенной плотниками г. С., конечно, не намъ судить, но невзыскательная публика, кажется, была довольна и требовала, чтобы я назначилъ непременно и второй спектакль.

Помню, что меня очень смущало присутствіе среди публики одного зрителя. Это былъ извѣстный литераторъ-публицистъ Н. К. М—скій, жившій въ то время въ Любани и посѣтившій нашъ спектакль. Страшно было играть передъ такимъ зрителемъ. Но Н. К. М—скій, кажется, не досидѣлъ далеко до конца пьесы и ушелъ чуть ли не послѣ второго акта. Пошлая ли мелодрама, которую мы разыгрывали, или же наша дурная игра прогнала его изъ театра, ужъ не знаю, но хотя уходъ его для насъ былъ немного и обиденъ, но зато прибавилъ намъ смѣлости, и мы, что называется, разыгрались во всю.

Послѣ спектакля устроились танцы, въ которыхъ принимали участіе и наши артистки, а на другое утро мы вернулись въ Петербургъ и разстались съ тѣмъ, чтобы черезъ недѣлю опять отправиться въ Любань.

Расплатившись со всѣми моими товарищами, уплативъ всѣ расходы по спектаклю и театру, я принялся подсчитывать мои барыши. Барыши были несомнѣнно, иначе, вѣдь, мнѣ не хватило бы денегъ на расплату. Да, барыши были: отъ перваго спектакля въ Любани я получилъ чистой прибыли—45 коп. серебромъ. Эти сорокъ пять копеекъ были и моимъ гонораромъ, какъ актера, и антрепренерскимъ фондомъ для будущихъ спектаклей. Но тѣмъ не менѣе ни я, ни мои товарищи не унывали, и второй спектакль состоялся такъ же, какъ и первый, то-есть при полномъ сборѣ и съ танцами. Я даже почему-то получилъ прибыли больше, то-есть 2 руб. 30 коп., но въ концѣ концовъ эти два спектакля совсѣмъ таки подорвали всѣ мои средства къ существованію.

Вл. А. Тихоновъ.

ПОСЕЛЕНИЕ РУССКИХЪ СТАРООБРЯДЦЕВЪ ВЪ БУКОВИНѢ.

АМЫЯ достовѣрныя свѣдѣнія о поселеніи русскихъ старообрядцевъ въ БуковинѢ и вообще объ ихъ жизни и дѣятельности въ первые годы послѣ ихъ поселенія въ названной области Австрійской имперіи находятся въ актахъ архива австрійскаго военнаго министерства въ Вѣнѣ. Къ сожалѣнію, эти акты до послѣдняго времени составляли тайну не только для ученыхъ, но и для самихъ буковинскихъ старообрядцевъ, которыхъ эти акты должны были особенно интересовать въ виду ихъ отношенія къ австрійскимъ властямъ и ихъ вѣроисповѣдныхъ дѣлъ. Много цѣнныхъ документовъ относительно возникновенія и развитія русскихъ старообрядческихъ колоній въ БуковинѢ находится въ разныхъ другихъ архивахъ, а также въ частныхъ рукахъ въ БуковинѢ и вообще въ Австріи.

Первые ученые и вообще образованныя лица, которыя начали пользоваться существующими архивными актами и частными документами, относящимися къ русскимъ старообрядцамъ въ БуковинѢ, были нѣмцы: Гёлертъ, Викенгаузеръ, Фикеръ, Полекъ, Кайндль, Гербель-Эмбахъ, Симягиновичъ и др.; русскіе: Субботинъ, Щаповъ, Карловичъ, о. Макарій, Воробкевичъ и др.; поляки: Калинка, Финкель и др.; румыны: о. Мельхиседекъ, Ончулъ, Данъ и др.

Изъ нѣмецкихъ историковъ и писателей особенно усердно занимались исторіей поселенія русскихъ старообрядцевъ въ БуковинѢ, скончавшійся въ 1891 году, буковинскій историкъ Францъ-Адольфъ Викенгаузеръ и буковинскій историкъ-писатель доцентъ Чернов-

цовскаго университета докторъ Раймундъ-Фридрихъ Кайндль. Первый изъ нихъ занимался исторіей Буковины вообще, и его историческое сочиненіе о Буковинѣ и Молдавіи, вышедшее подъ заглавіемъ «Молда» въ нѣсколькихъ томахъ, составляетъ весьма цѣнный историческій трудъ. Что же касается послѣдняго, то онъ посвящаетъ свой ученый и вообще писательскій трудъ преимущественно русскому народу въ Буковинѣ, составляющему, какъ извѣстно, главное населеніе этой части Червонной Руси. Въ виду этого, сочиненія доктора Р. Ф. Кайндля заслуживаютъ особеннаго вниманія русской публики. При составленіи настоящаго очерка я пользовался преимущественно данными новѣйшаго сочиненія доктора Р. Ф. Кайндля, вышедшаго въ Вѣнѣ подъ заголовкомъ: «Das Entstehen und die Entwicklung der Lippowaner-Colonien in der Bukowina» («Возникновеніе и развитіе колоній липпованъ¹⁾ въ Буковинѣ»). Прежде же, чѣмъ начну говорить о поселеніи русскихъ старообрядцевъ въ Буковинѣ, приведу нѣсколько статистическихъ цифръ о нихъ.

Всѣхъ русскихъ старообрядцевъ въ Буковинѣ считалось въ концѣ 1890 года²⁾ 3.213 человекъ обоаго пола. Въ настоящее время ихъ едва будетъ тамъ 3.500 человекъ, такъ какъ они очень медленно размножаются естественнымъ путемъ, и многіе изъ нихъ выселяются на заработки въ сосѣднюю Румынію и Россію. Вотъ цифры, показывающія, какъ медленно росло число русскихъ старообрядцевъ въ Буковинѣ въ послѣднія сто лѣтъ: въ 1784 году—73 семьи, или 350—400 человекъ, въ 1844 году—1.813 человекъ, въ 1847 году—2.000 человекъ, въ 1852 году—2.645 человекъ, въ 1857 году—2.939 человекъ, въ 1863 году—2.942 человека, въ 1869 году—2.928 человекъ, въ 1880 году—2.801 человекъ и наконецъ 1890 году—3.213 человекъ.

Въ настоящее время русскіе старообрядцы живутъ въ Буковинѣ въ своихъ пяти селахъ совокупно и въ разныхъ городахъ этого края по одной, по двѣ или больше семей. Села, заселенныя старообрядцами, носятъ слѣдующія, частью славянскія, частью румынскія, названія: 1) Климовцы, или Климоуцы (понѣм. Klimoutz); 2) Бѣ-

¹⁾ Поселившіеся въ Буковинѣ русскіе старообрядцы называли и по нынѣшній день называютъ себя липпованами (то-есть, филиппованами, отъ имени Филиппа). Такъ называли и называютъ ихъ другіе народы Буковины.

²⁾ При послѣдней всеобщей народной переписи, произведенной во всей Австро-Венгрии въ концѣ 1890 года, въ Буковинѣ считалось: 268.367 человекъ русскихъ (т.-е. малороссовъ и великороссовъ), 208.301 чел. румынъ, 82.717 чел. евреевъ, 51.784 чел. нѣмцевъ, 24.000 чел. поляковъ, 9.000 чел. мадьяръ и около 700 чел. разныхъ другихъ народностей. По своему вѣроисповѣданію народонаселеніе Буковины раздѣлялось въ концѣ того же 1890 года слѣд. образомъ: 450.773 человекъ православныхъ, 92.946 римо-, армяно- и греко-католиковъ, 82.717 чел. іудеевъ, 20.155 чел. лютеранъ, 3.213 человекъ старообрядцевъ и 250 человекъ разныхъ другихъ вѣроисповѣданій.

лая Криница (порум. Фонтана Алба); 3) Липповены-Митока; 4) Липповены-Косованка и 5) Мигодра (понѣм. Mihodra). Вотъ статистическая табличка, представляющая число русскихъ старообрядческихъ жителей этихъ пяти селъ въ 1844, 1858, 1880 и 1890 годахъ:

Годы.	Климовцы.	Б. Криница.	Л. Митока.	Л. Косованка.	Мигодра.
человѣкъъ обого пола.					
1844	840	604	361	—	161
1858	1.187	1.008	421	182	128
1880	1.078	932	435	182	75
1890	1.223	972	469	294	52

До присоединенія Буковины къ Австрійской державѣ, которое послѣдовало, какъ извѣстно, въ 1775 году, въ Буковинѣ находилось 140 русскихъ старообрядческихъ семей. Эти старообрядческія семьи жили и работали на земляхъ буковинскихъ православныхъ монастырей, которые за неимѣніемъ достаточныхъ и хорошихъ рабочихъ силъ для обрабатыванія своихъ многихъ имѣній призывали къ себѣ русскихъ старообрядцевъ изъ сосѣдней Молдавіи, вмѣстѣ съ которой Буковина до 1768 года находилась подъ властью Турціи. Мѣстности или селенія, въ которыхъ жили въ Буковинѣ первые русскіе старообрядцы, до присоединенія ея къ Австріи, носили названія Стуїка и Митока и находились въ юговосточной части Буковины.

Когда, въ 1768 году, въ Молдавіи, Буковинѣ и другихъ сосѣднихъ земляхъ, принадлежащихъ Турціи, явились русскія войска подъ начальствомъ графа Румянцева, то старообрядцы бѣжали изъ Буковины, опасаясь, чтобы русскія войска не взяли старообрядцевъ-мужчинъ въ свои ряды. Но какъ только русскія войска очистили Буковину въ 1774 году, то старообрядцы тотчасъ начали возвращаться въ эту страну, но въ незначительномъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1783 году ихъ считалось въ этомъ краѣ только 16 семей. Затѣмъ, число русскихъ старообрядцевъ росло или уменьшалось въ Буковинѣ въ слѣдующей мѣрѣ: въ 1805 году—20, въ 1806 году—26, въ 1807 году—26, въ 1809 году—23, въ 1811 году—26, въ 1813 году—23, въ 1816 году—25, въ 1819 году—19, въ 1821 году—22, въ 1825 году—38 и въ 1826 году—38 семей.

Тогдашній начальникъ Буковины, генераль Энценбергъ, правившій отъ 1778 до 1786 года, былъ особенно ревностный покровитель русскихъ старообрядцевъ. Это видно изъ его многочисленныхъ докладовъ и прошеній, которые онъ посылалъ то своему непосредственному военному начальству во Львовѣ, такъ называемой генеральной командѣ, то вѣнскому правительству, такъ называемому придворному военному совѣту. Уже въ 1783 году генераль Энценбергъ ходатайствовалъ предъ львовскою генеральною

командою и вѣнскимъ придворнымъ совѣтомъ о надѣленіи русскихъ старообрядцевъ даровою землей, хлѣбомъ, деньгами и пр., представляя россійскихъ липпованъ,— такъ онъ называлъ русскихъ старообрядцевъ,— весьма порядочными и трудолюбивыми и слѣдовательно для края полезными людьми. На эти ходатайства генерала Энциенберга въ томъ же году послѣдовали благопріятныя для старообрядцевъ рѣшенія, именно императора Іосифа II-го отъ 20-го ноября 1783 года и придворнаго военнаго совѣта отъ 26-го ноября 1783 г., въ которыхъ, между прочимъ, сказано, что «липповане поселились девять лѣтъ назадъ (т.-е. въ 1774 году) въ Митокѣ», принадлежавшей сосѣднему православному монастырю Драгомирна, и что «они пришли подъ защиту Австріи безъ всякаго условія». Изъ этого явствуетъ, что Митока была первое поселеніе русскихъ старообрядцевъ въ Буковинѣ со времени присоединенія этого края къ Австріи.

Второе поселеніе русскихъ старообрядцевъ въ Буковинѣ была ихъ колонія Климовцы, или Климоуцы, тоже въ юго-восточной части Буковины. На этомъ мѣстѣ старообрядцы поселились въ 1779 году. Доказательствомъ этого служитъ договоръ, который былъ заключенъ 7-го (18-го) апрѣля¹⁾ 1780 года между настоятелемъ (игуменомъ) православнаго монастыря Путна и русскими липпованами и въ силу котораго 18 липпованскихъ семей получили въ свою собственность «поля и луга вдоль потока Климоуць въ имѣніи Тарнавка», за что они обязались платить монастырю отъ каждаго хозяина ежегодно по 5 австрійскихъ гульденовъ наличными деньгами, давать по одному оку льнянаго масла и работать по одному дню. Новобрачные освобождались въ первомъ году ихъ брака отъ обязанностей въ отношеніи къ монастырю. Слѣдовательно, какъ первая старообрядческая колонія Митока, такъ и второе ихъ поселеніе Климовцы возникли безъ содѣйствія австрійскаго правительства и только съ помощью православныхъ монастырей, нуждавшихся, какъ сказано, въ хорошихъ рабочихъ силахъ. Поселившіеся на землѣ православныхъ монастырей старообрядцы занимались копаніемъ прудовъ и канавъ, плетеніемъ веревокъ и канатовъ, садо- и пчеловодствомъ и тому подобными дѣлами при монастыряхъ.

Только третья старообрядческая колонія въ Буковинѣ, Бѣлая Криница, возникла подъ вліяніемъ и съ помощью австрійскаго правительства въ 1785 году. Мѣстность, на которой поселились старообрядцы и которую они назвали Бѣлою Криницей, называлась раньше Варницею. Название Варница произошло отъ румынскаго слова варница, которое значитъ известковая печь, такъ какъ чрезъ эту мѣстность протекалъ потокъ съ извест-

¹⁾ Всѣ дни мѣсяцевъ въ этомъ очеркѣ указаны по новому календарю.

ковою водою. Поэтому поселившіеся въ этой мѣстности русскіе старообрядцы называли ее порусски Бѣлая Криница, то-есть бѣлымъ колодцомъ или бѣлою водою, и поэтому эта мѣстность и на румынскомъ языкѣ называется Фонтана Алба, то-есть бѣлымъ колодцемъ. Вскорѣ по образованіи колоніи Бѣлой Криницы къ старообрядческимъ жителямъ этой колоніи присоединились русскіе старообрядцы изъ села Глибки (Глубокой), въ которомъ они поселились въ 1784 году. Причиною сліянія старообрядцевъ изъ Глибки со старообрядцами изъ Бѣлой Криницы было то, что какъ одни, такъ и другіе жили раньше въ окрестностяхъ Чернаго моря, именно въ мѣстности, гдѣ вливается Дунай въ море.

Главнымъ инициаторомъ переселенія старообрядцевъ съ Чернаго моря въ Буковину былъ австрійскій императоръ Іосифъ II. Во время его посѣщенія Буковины въ 1783 г., ему представлены были генераломъ Энценбергомъ въ городѣ Сочавѣ, между прочими, также старшины русскихъ старообрядцевъ изъ ихъ колоній Митоки-Драгомирны и Климовцовъ съ климовцовскимъ старообрядческимъ старшиною во главѣ. Старообрядцы такъ понравились императору, что онъ не только даровалъ имъ полную свободу совершенія своихъ религиозныхъ обрядовъ, но приказалъ также генералу Энценбергу, — какъ послѣдній самъ докладывалъ объ этомъ генеральной командѣ во Львовѣ, — «притягать въ край еще болѣе этихъ хорошихъ и полезныхъ липпованскихъ семей». Нѣсколько дней спустя, именно 19-го іюня, императоръ отозвался о старообрядцахъ въ своей собственноручной грамотѣ къ президенту придворнаго военнаго совѣта, между прочимъ, дословно такъ: «Кромѣ того, нужно стараться, умножать въ краѣ число этихъ прилежныхъ и трудолюбивыхъ людей тѣми, которые отъ этой націи еще находятся въ Молдавіи».

Охоту къ переселенію черноморскихъ старообрядцевъ въ Буковину возбудилъ въ этихъ послѣднихъ австрійскій капитанъ Реданжъ (Redange), покупавшій лѣтомъ 1782 года въ окрестностяхъ Чернаго моря лошадей для австрійской арміи и познакомившійся при этомъ случаѣ съ черноморскими старообрядцами. Онъ посоветовалъ старообрядцамъ переселиться въ Буковину ¹⁾, какъ это подтвердилъ генераль Энценбергъ въ своемъ докладѣ отъ 19 октября 1783 года. Черномор-

¹⁾ Причину переселенія черноморскихъ старообрядцевъ въ Буковину бѣлокриницкій старообрядческій игумень Олимпій Милорадовъ въ прошеніи буковинскихъ старообрядцевъ, которое было предложено ими австрійскому рейхсрату объ освобожденіи ихъ отъ воинской повинности въ 1870 году, объяснилъ тѣмъ будто фактомъ, что австрійскій капитанъ Реданжъ предложилъ черноморскимъ старообрядцамъ весьма льготное переселеніе въ Буковину изъ благодарности за то, что они спасли его отъ преслѣдовавшихъ его турокъ и доставили его до австрійской границы. («Промеморія къ петиціи липпованъ къ высокому рейхсрату отъ 15 марта 1870 г. объ освобожденіи отъ воинской повинности на основаніи ихъ поселенческой привилегіи»).

скіе старообрядцы согласились съ совѣтомъ капитана Реданжа и избрали изъ своей среды двухъ депутатовъ, именно Александра Алексѣевича и Никифора Ларіонова ¹⁾, для той же цѣли, чтобы они отправились въ Буковину, осмотрѣли тамошнюю почву и приготовили все необходимое къ поселенію. Запасшись австрійскимъ паспортомъ, который они получили отъ находившагося тогда въ г. Яссахъ австрійскаго капитана Беддеуса, А. Алексѣевичъ и Н. Ларіоновъ отправились лѣтомъ 1783 года въ г. Черновцы къ генералу Энценбергу. Такъ какъ старообрядческіе депутаты не понимали понѣмецки, а генераль Энценбергъ не умѣлъ порусски, то депутаты взяли къ себѣ въ качествѣ переводчика венгерца Ковача, владѣвшаго русскимъ и нѣмецкимъ языками.

Генераль Энценбергъ принялъ старообрядческихъ депутатовъ чрезвычайно любезно. Они заявили ему черезъ переводчика, что болѣе чѣмъ 2.000 старообрядческихъ семей согласны переселиться съ Чернаго моря частію на австрійскіе берега Дуная, чтобы заниматься тамъ кораблестроеніемъ и кораблеплаваніемъ, и частью въ Буковину, чтобы заниматься тамъ хлѣбопашествомъ и ремеслами. Генераль Энценбергъ, выслушавъ старообрядческихъ депутатовъ, отвѣтилъ имъ, что вполне соглашается съ ихъ желаніями, и что старообрядцы получаютъ въ Буковинѣ и вообще въ Австріи разныя права и, кромѣ того, даровую землю, матеріаль для строенія жилыхъ домовъ и хозяйственныхъ зданій и освобожденіе отъ казенныхъ податей и промышленной подати въ продолженіе 3 лѣтъ, что отдѣльныя старообрядческія села получаютъ право имѣть собственныхъ старообрядческихъ поповъ и, наконецъ, что при провозѣ ихъ имущества черезъ границу это имущество не будетъ подлежать таможенной оплатѣ. Къ этому генераль Энценбергъ присовокупилъ, однако, что его обѣщанія подлежатъ подтвержденію изъ Вѣны.

Опасаясь, что подтвержденіе обѣщаній генерала Энценберга заставитъ слишкомъ долго ждать себя, старообрядческіе депутаты немедленно отправились въ Вѣну и подали тамъ, 5-го октября того же 1783 года, прошеніе на высочайшее имя. Въ этомъ прошеніи они просили: 1) о выдачѣ имъ грамоты о привилегіяхъ, даруемыхъ ихъ единовѣрцамъ; 2) о снабженіи ихъ суммою денегъ, необходимыхъ для ихъ обратнаго пути, и 3) о выдачѣ имъ паспортовъ. Въ тотъ же день, 5 октября, императоръ Іосифъ II сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія къ удовлетворенію желаній старообрядцевъ, и президентъ придворнаго военнаго совата, фельдмаршалъ Хадикъ (Hadik), на слѣдующій день уже послалъ копии съ этихъ распоряженій буковинскому областному управленію, львовской генеральной командѣ и венгерскимъ властямъ. Въ одномъ изъ этихъ распоряже-

¹⁾ Въ актахъ архива австрійскаго военнаго министерства эти двѣ фамиліи записаны такъ: Alexiewicz и Larianow.

ній было сказано, чтобы старообрядцамъ были отданы для поселенія участки земли, принадлежавшей раньше православнымъ монастырямъ, чтобы старообрядцамъ была оказана при ихъ поселеніи всякая возможная помощь, и чтобы о всемъ, что будетъ сдѣлано въ пользу старообрядческихъ поселенцевъ, сообщено было придворному совѣту. О томъ же, какими привилегіями должны пользоваться старообрядцы, ни въ одномъ изъ распоряженій императора не было сказано ни одного слова. Это очень опечалило депутатовъ, и они подали 9 октября второе прошеніе («меморіаль») на высочайшее имя, въ которомъ повторили свою просьбу о привилегіяхъ для своихъ соотечественниковъ. Въ этомъ прошеніи они просили точнаго и яснаго отвѣта на слѣдующіе вопросы: 1) будетъ ли оставлена имъ ихъ вѣра; 2) какъ долго они будутъ пользоваться освобожденіемъ отъ податей; 3) будутъ ли они и ихъ дѣти освобождены отъ воинской повинности, и 4) какія подати они будутъ платить по истеченіи срока ихъ освобожденія отъ податей. Немедля, именно того же 9 октября, императоръ Іосифъ II выдалъ на имя президента придворнаго военнаго совѣта распоряженіе, въ которомъ было сказано: что старообрядцы пользуются свободою ихъ вѣры, что они на 20 лѣтъ освобождаются отъ податей, и что они свободны отъ воинской повинности. Въ концѣ этого своего распоряженія императоръ сдѣлалъ слѣдующее дословное примѣчаніе: «Это должно быть написано на пергаментѣ на обоихъ языкахъ ¹⁾ для большей силы, быть подписано вами ²⁾, а также референтомъ, быть скрѣплено большою императорскою печатью и быть прислано мнѣ для подписи, чтобы оно сдѣлало тѣмъ болѣе впечатлѣнія». Того же 9 октября императоръ приказалъ сдѣлать для предназначеннаго для старообрядцевъ «патента» (т. е. распоряженія) жестяной футляръ и выдать депутатамъ сумму денегъ, необходимую для покрытія ихъ путевыхъ издержекъ. Этотъ патентъ былъ уже въ слѣдующій день, т. е. 10 октября, врученъ старообрядческимъ депутатамъ, съ которыми они и возвратились чрезъ Черновцы домой, и который до нынѣшняго дня хранится у старообрядцевъ въ Митокѣ-Драгомириѣ.

Единственною причиною столь большой симпатіи, какою пользовались русскіе старообрядцы у генерала Энценберга и императора Іосифа II, было то, что старообрядцы въ то время строго соблюдали трезвость и вели вообще весьма порядочную и трудолюбивую жизнь, и въ то время въ Буковинѣ было много свободной, необработанной земли. Это подтверждаетъ и докладъ генерала Энценберга о старообрядцахъ, который былъ составленъ 19 октября того же 1783 года для придворнаго военнаго совѣта, и въ которомъ онъ, между прочимъ, такъ отозвался о старообрядцахъ: «Я въ каждое время пред-

¹⁾ Нѣмецкомъ и русскомъ.

²⁾ Т. е. фельдмаршаломъ Хадикомъ.

почитаю одну липпованскую семью пятнадцати польскимъ или пяти молдавскимъ семьямъ, и принимаю ихъ». Въ томъ же своемъ докладѣ генераль Энценбергъ заявляетъ, что самыя удобныя мѣста для поселенія старообрядцевъ въ Буковинѣ находятся въ ея восточной гористой части, между городами Серетомъ и Сочавою.

Когда бывшіе въ Вѣнѣ старообрядческіе депутаты прибыли 31 октября въ Черновцы и явились къ генералу Энценбергу, то послѣдній снабдилъ ихъ деньгами на дорогу и 100 «марками» (т. е. расписками) для старообрядческихъ выселенцевъ при ихъ слѣдованіи чрезъ австрійскую границу. Такія же «марки» получили и австрійскія пограничныя стражи. Чтобы не возбудить особаго вниманія, генераль Энценбергъ выразилъ желаніе, чтобы старообрядческіе выселенцы проходили чрезъ границу не совмѣстно, а по два, по три человѣка и на разныхъ пунктахъ. Объ этомъ также не должны были знать молдавскія (т. е. турецкія) власти, косо смотрѣвшія на выселеніе молдавскихъ старообрядцевъ въ Австрію, и сами молдавскіе старообрядцы, которые не питали особеннаго довѣрія къ черноморскимъ депутатамъ за то, что они возвратились изъ Вѣны въ какихъ-то новыхъ, странныхъ, нерусскихъ костюмахъ, и что А. Алексѣвичъ носилъ даже при себѣ саблю, утверждая, что эти костюмы и саблю они получили въ даръ отъ самого императора. Это подтвердили также шесть старообрядческихъ депутатовъ молдавскихъ старообрядцевъ, которые явились 18 декабря у сочавскаго окружнаго директора (начальника) Шторра съ заявленіемъ, что старообрядцы изъ Молдавіи готовы переселиться въ Буковину и присоединиться къ своимъ единовѣрцамъ въ Митокѣ, но что съ А. Алексѣвичемъ они не желаютъ имѣть ничего общаго. Передъ тѣмъ же окружнымъ директоромъ на А. Алексѣвича жаловались и митокскіе старообрядцы, утверждая, что «А. Алексѣвичъ хочетъ сдѣлаться главою всѣхъ буковинскихъ липпованъ». Дѣло объ этой саблѣ дошло даже до свѣдѣнія императора, который велѣлъ сказать старообрядцамъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ ношенія А. Алексѣвичемъ сабли, «если это никому не вредитъ». На это старообрядцы отвѣтили, что ношеніе оружія противно ихъ вѣрѣ, и А. Алексѣвичъ былъ принужденъ (въ маѣ или іюнѣ 1784 года) отказаться отъ ношенія сабли. Утому много содѣйствовало также разоблаченіе товарища А. Алексѣвича по путешествію въ Вѣну, Никифора Ларіонова, заявившаго, наконецъ, что костюмы и саблю А. Алексѣвичъ купилъ въ Вѣнѣ на собственныя деньги. Много непріятностей надѣлалъ старообрядцамъ, генералу Энценбергу и даже самому императору венгерецъ Ковачъ, который послѣ возвращенія изъ Вѣны въ Черновцы сталъ тамъ играть роль какой-то особенно важной особы и кутить до безобразія. Это стоило, конечно, большихъ денегъ, и эти деньги долженъ былъ платитъ генераль Энценбергъ. Когда же Ковачъ началъ компрометировать дѣло поселенія въ Буковинѣ старообрядцевъ

и вступилъ даже въ тайныя сношенія съ молдавскими властями, то императоръ приказалъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1784 года, уволить Ковача изъ государственной службы. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ изъ Молдавіи переселилось въ Буковину въ 1784 году только 9 старообрядческихъ семей, изъ которыхъ поселились три семьи въ Климовцахъ, а шесть въ Митокѣ.

Что же касается черноморскихъ старообрядцевъ, то первые изъ нихъ прибыли въ Буковину 5-го января 1784 года. Это были три старообрядческихъ монаха. На слѣдующій день въ Буковину прибыли жена А. Алексѣевича съ своими тремя дѣтьми и съ тремя лошадьми и одна старуха, вдова, съ своими двумя взрослыми сыновьями «бурлаками», но безъ скота и снарядовъ. Пришельцы заявили, что съ ними вмѣстѣ въ путь отправилось много старообрядцевъ, но что они вслѣдствіе непогоды и препятствуемые рогатымъ скотомъ, который они съ собою вели, принуждены были остаться въ румынскомъ городѣ Пашканахъ, гдѣ пробудутъ до весны. Узнавъ это, буковинское правительство начало дѣлать разныя приготовленія для ожидаемыхъ переселенцевъ. Для ихъ поселенія были избраны два пункта, именно мѣстность Корчешти, принадлежавшая православному монастырю Драгомирна, и мѣстность Варница, о которой выше была рѣчь. Въ концѣ апрѣля, въ Сочаву прибыла вторая партія черноморскихъ старообрядцевъ, состоявшая изъ десяти семей, пяти монаховъ, трехъ «бурлаковъ» и А. Алексѣевича. Эту партію окружный директоръ Шторръ и выслалъ частью въ Корчешти, частью въ Варницу. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Буковину прибылъ старообрядческій игуменъ, котораго генераль Энценбергъ заставилъ пропагандировать въ пользу переселенія старообрядцевъ въ Буковину. Посланные въ Корчешти старообрядцы, однако, уже 27-го апрѣля возвратились обратно въ Сочаву и заявили директору Шторру, что мѣстность Корчешти не годится къ поселенію. Посланные же въ Варницу старообрядцы нашли эту мѣстность удобною, но слишкомъ тѣсною для поселенія. Въ виду этого они просили, чтобы имъ предоставлена была также часть сосѣдняго села Гораицы.

Въ то время А. Алексѣевичъ и Н. Ларіоновъ были уже въ разладѣ. Всѣ одиннадцать старообрядческихъ семей, находившихся тогда въ Сочавѣ, присоединились къ Н. Ларіонову. Этотъ послѣдній и отправился со своими приверженцами въ Варницу. А. Алексѣевичъ подождать еще нѣсколько дней въ Сочавѣ, и когда туда прибыла новая партія старообрядцевъ, то онъ отправился съ нею 29-го апрѣля въ г. Радовцы и затѣмъ тоже въ Варницу. Всѣхъ старообрядцевъ, оправившихся въ Варницу, было 16 семей, 3 «бурлака», 6 монаховъ и одинъ игуменъ. Этимъ поселенцамъ генераль Энценбергъ предоставилъ, кромѣ мѣстности Варницы, также 110 фалечъ ¹⁾ лу-

¹⁾ Двѣ фалчи равняются тремъ моргамъ или юхамъ земли.

говой земли, принадлежавшей монастырю Путнѣ. Этотъ подарокъ показался А. Алексѣвичу слишкомъ ничтожнымъ послѣ обѣщаній, какія онъ получилъ въ Черновицахъ и Вѣнѣ, и онъ, нѣсколько дней спустя, именно 27-го мая, оставилъ съ девятью старообрядческими семьями Варницю и переселился въ частное имѣніе Глибоку (Глубоку). Вскорѣ туда переселилось еще двадцать старообрядческихъ семей изъ Варницы. Причиною этого новаго неудовольствія старообрядцевъ было то, что власти потребовали отъ нихъ за предоставленную имъ землю разныя подати и таксы, тогда какъ у нихъ не было настолько денежныхъ средствъ. Прибывъ въ Глибоку, старообрядцы заключили съ тамошнимъ помѣщикомъ Фаддеемъ Туркуломъ договоръ, въ силу котораго получили отъ помѣщика за годовую плату въ размѣрѣ 5 гульденовъ 30 крейцеровъ по пять фалечъ луговой и по столько фалечъ пахатной земли, сколько кто могъ обрабатывать. А. Алексѣвичъ заявилъ генералу Энценбергу письменно, что поселеніе въ Глибокѣ они находятъ для себя болѣе выгоднымъ, чѣмъ поселеніе на будто даровой, но въ дѣйствительности очень дорогой землѣ въ Варницѣ. Въ концѣ своего письма А. Алексѣвичъ просилъ генерала Энценберга дать ему 30 рублей для покупки скота и снарядовъ. Генералъ Энценбергъ лично прибылъ въ Глибоку, чтобы видѣться съ липованами и узнать ихъ желанія. Онъ и помогъ многимъ старообрядцамъ завестись хозяйствомъ, купить скотъ, орудія и пр. Но желанію старообрядцевъ о разрѣшеніи имъ построить въ Глибокѣ старообрядческой монастырь онъ воспротивился. Это обстоятельство, а также споры, возбуждаемые среди старообрядцевъ въ Глибокѣ интригами А. Алексѣвича и Н. Маріонова, заставили почти всѣхъ старообрядцевъ оставить лѣтомъ 1785 года Глибоку и переселиться въ Варницю, которая такимъ образомъ сдѣлалась селомъ съ названіемъ Бѣлая Криница.

Въ 1786 году поселившіеся въ Варницѣ русскіе липоване были записаны въ качествѣ австрійскихъ подданныхъ и владѣльцевъ земли въ надлежащія книги. Всѣхъ старообрядцевъ было въ томъ году въ Бѣлой Криницѣ 30 семей, надѣлъ земли этихъ семей былъ слѣдующій: 51 моргъ 1066 квадратныхъ сажень пахатной земли, 208 морговъ 926 кв. сажень луговой земли, 26 морговъ 1459 кв. сажень огородовъ и садовъ и 398 морговъ 47 кв. сажень пастбищъ, слѣдовательно всего 685 морговъ 298 кв. сажень. Кромѣ этого надѣла, всѣ 30 старообрядческихъ семей были на 20 лѣтъ освобождены отъ всякихъ податей. Такимъ образомъ возникло и было обезпечено старообрядческое поселеніе Бѣлая Криница.

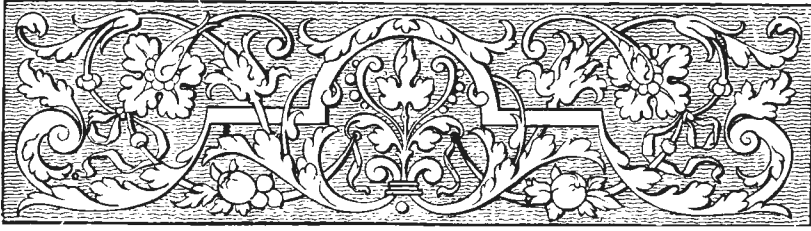
Наконецъ, что касается остальныхъ двухъ старообрядческихъ поселеній въ Буковинѣ, именно Липовенъ-Косованки и Мигодры, то они возникли гораздо позже, именно первое изъ нихъ въ 1845 году, второе 9 лѣтъ раньше, т. е. въ 1836 году. Эти оба селенія основали буковинскіе старообрядцы, именно первое старо-

обрядческіе выходцы изъ Бѣлой Криницы, а второе—старообрядческіе выходцы изъ Климовцевъ. Причиною этого переселенія былъ недостатокъ земли и заработковъ въ старыхъ селахъ. Но жить старообрядцамъ очень трудно и въ ихъ новыхъ поселеніяхъ, особенно же въ Мигодрѣ, число жителей которой съ каждымъ годомъ уменьшается, какъ это видно изъ статистической таблички, помѣщенной въ началѣ настоящаго очерка.

Положеніе русскихъ старообрядцевъ въ Буковинѣ вообще весьма незавидное. Ихъ притѣсняютъ со всѣхъ сторонъ и какъ власти, такъ и частныя лица изъ нерусскихъ и нестарообрядцевъ стараются навязать имъ западно-европейскую цивилизацію въ видѣ космополитическихъ, ненаціональныхъ народныхъ училищъ, увеселительныхъ заведеній, кабаковъ, нѣмецкихъ костюмовъ и т. п. Это, а также принужденіе старообрядцевъ къ исполненію воинской повинности, хотя только въ санитарныхъ отрядахъ, возбудило среди старообрядцевъ въ Буковинѣ сильное неудовольствіе и заставляетъ многихъ изъ нихъ выселяться, какъ сказано, въ Румынію и Россію. Въ своемъ слѣдующемъ очеркѣ я сообщу еще кое-что интересное о русскихъ старообрядцахъ въ Буковинѣ, съ которыми мы, православные русскіе буковинцы, живемъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Григорій Купчанко.

КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ НѢСКОЛЬКИХЪ ЯПОНЦЕВЪ ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ, СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ДИНЪ современный японецъ Кизакъ Тамай (Kisak Tamai) въ 1892 году предпринялъ довольно оригинальное путешествіе черезъ Сибирь — не такъ, какъ обыкновенно ѣздятъ дѣловые люди или туристы: отъ Иркутска до Томска во время самыхъ суровыхъ морозовъ (отъ 25-го ноября до 24-го декабря) онъ ѣхалъ съ чайнымъ обозомъ (въ 225 подводъ). Оригиналенъ при этомъ и самый выборъ пути черезъ Сибирь въ Германію, куда гнала Кизака Тамая жажда «изучить европейскую культуру, а особенно міровую торговлю въ ея источникѣ», въ самомъ «сердцѣ Европы», какъ называетъ онъ Берлинъ; онъ не захотѣлъ воспользоваться болѣе удобными и торными путями. А изучать культуру Европы понадобилось Кизаку Тамаю потому, что она, собственно Германія, есть «прообразъ нашей новой культуры», говоритъ онъ.

Теперь Кизакъ Тамай повѣдалъ свѣту свои дорожныя впечатлѣнія изъ поѣздки между Иркутскомъ и Томскомъ, издавъ свой путевой дневникъ на нѣмецкомъ языкѣ «Karavanen-Reise in Sibirien». Къ своему дневнику онъ сдѣлалъ приложение, очень умѣстное и болѣе интересное, чѣмъ самый дневникъ «Weltreise mehrer Japaner über Sibirien vor 100 Jahren».

Это — выдержки тоже изъ путевого дневника японцевъ, путеше-

ствовавшихъ совершенно по другимъ причинамъ и побужденіямъ и въ такое время, когда Японія была совсѣмъ не та, что теперь. Не та была тогда и Россія, не тѣ и отношенія между ними. Дневникъ этихъ японцевъ даетъ нѣкоторыя очень характерныя и интересныя данныя изъ прошлаго обѣихъ странъ.

Поэтому мы нашли это приложеніе къ книжкѣ Кизака Тамая стоящимъ того, чтобы предложить его въ переводѣ и русской публикѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ сентябрѣ 1804 года, русскій корабль «Надежда» высадилъ на островъ Иво-га-Шима въ гавани Нагасаки четырехъ японцевъ—60-ти-лѣтняго Tsudayu и его товарищей Gihei, Sahei и 34-х-лѣтняго Tajugo, которые за 15 лѣтъ передъ тѣмъ были выброшены при кораблекрушеніи на восточный берегъ Сибири.

По прихоти судьбы, эти четыре моряка за этотъ періодъ времени кругомъ объѣхали земной шаръ. Невольные кругосвѣтные путешественники вели дневникъ, который потому заслуживаетъ общаго интереса, что сто лѣтъ назадъ путешествіе вокругъ свѣта было гораздо болѣе рѣдкимъ явленіемъ, чѣмъ теперь, когда можно объѣхать земной шаръ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ въ не особенно долгое время. Интересенъ этотъ дневникъ еще потому, что написанъ людьми, принадлежащими къ такой націи, которая, еще 40 лѣтъ тому назадъ, жила, совершенно изолировавшись отъ остальнаго міра, такъ какъ выѣздъ за границу былъ запрещенъ подѣ страхомъ смертной казни. Поэтому я позволю себѣ сообщить читателямъ нѣкоторыя наиболѣе интересныя мѣста изъ этого дневника.

I.

Отъ Японіи до Охотска.

Въ самомъ началѣ, 27 ноября 1789 года, когда мы съ капитаномъ Heibeі на парусномъ суднѣ «Waka-Miya-Magi» отправились изъ гавани Jshino-Maki, невдалекѣ отъ Сендая, чтобы транспортировать рисъ въ Іедо, насъ было 16 человекъ. Къ несчастью, нашъ корабль на пути лишился руля, и мы увидѣли себя вынужденными снять и мачты, чтобы выставить противъ бури свои собственные лбы. Что могли мы теперь предпринять безпомощные, безъ руля и безъ мачтъ? Оставалось одно—предоставить волнамъ гнать насъ, куда имъ угодно. Наше счастье было еще то, что мы имѣли

корабль, полный риса, и поэтому у насъ не было недостатка въ провіантѣ.

Мы не видѣли ни одной горы, ни острова, ни берега, и такъ прошло полгода, что показалось намъ съ вѣчностью,— пока, 5-го іюня 1790 года, мы не вышли на неизвѣстный намъ островъ, несмотря на лѣто, покрытый снѣгомъ и льдомъ. Десять дней мы не видѣли ни одного живого существа и только на одиннадцатый пришли въ деревню, жители которой, числомъ около 30, помѣщались въ пещерахъ. Мужчины—по наружности—носили короткіе волосы, длинную бороду и имѣли черный цвѣтъ лица. Одежда ихъ состояла изъ перьевъ и шкуръ; языкъ — совершенно не похожій на нашъ. Съ перваго взгляда мы думали, что передъ нами дикіе звѣри; но, несмотря на дикій видъ, эти люди приняли насъ радушно. Мужчины вытащили наше судно на берегъ, а женщины приносили намъ рыбу, воду и сѣно и устроили для насъ постели. Эта неизвѣстная страна, куда мы попали, былъ островъ, лежащій недалеко отъ Берингова пролива, открытый въ 1787 году капитаномъ Сѣриковымъ, изъ Москвы, и завоеванный послѣ сильной борьбы съ туземцами.

Что касается женщинъ, то замужнія изъ нихъ носили волосы высоко свитыми на макушкѣ, а незамужнія распускали ихъ въ три косы. Станнымъ показалось намъ то, что женщины подкрашивали себѣ подбородокъ и, кромѣ того, черезъ средину носа продѣвали деревянную палочку, а на нее насаживали кольца и рыбныя кости. Десять дней были мы одинокими среди дикихъ,—такъ рассказываютъ далѣе путешественники,—когда подошелъ корабль, весь нагруженный мѣхами; изъ него вышли 10 вооруженныхъ челоувѣкъ чужой націи. Это были русскіе чиновники и солдаты; они насъ стали расспрашивать, но мы никакъ не могли другъ друга понять. Смогли объяснить имъ только то, что мы изъ Японіи. На другое утро русскіе взяли насъ на корабль, который отправлялся на островъ «Nachatsuka», въ 50-ти верстахъ. Онъ находится подъ русскимъ управленіемъ; живетъ тамъ челоувѣкъ 40 русскихъ и около 70 туземцевъ. Здѣсь мы пробыли десять мѣсяцевъ, и все это время русскіе давали намъ пропитаніе, а мы за это помогали имъ ловить рыбу и на охотѣ. На всемъ островѣ не росло ни одного дерева, были только какія-то травы, похожія на камышъ; онѣ и служили здѣсь матеріаломъ для топки. Жители ловили главнымъ образомъ лососей и осетровъ, часто также мертвыхъ китовъ и другихъ морскихъ животныхъ. Эти рыбы варились такъ, какъ онѣ есть въ морской водѣ, или съѣдались со всѣмъ сырыми.

Въ качествѣ оружія употреблялись деревянные палки, длиною метра въ два, на концѣ которыхъ прикрѣплялись отравленные ядомъ камни. Весной 1791 года мы познакомились съ русскимъ капита-

номъ, по имени Гарановъ, который обѣщалъ намъ постараться переправить насъ на материкъ и потомъ въ Европу.

О возвращеніи на родину намъ тогда нечего было и думать, такъ какъ Японія ни съ одной страной не имѣла сношеній; никому также не приходила въ голову мысль о водномъ пути.

Къ несчастью, нашъ японскій капитанъ Heibei зимой умеръ на островѣ, и насъ отправилось съ капитаномъ Гарановымъ 15 человекъ. Держась сѣвернаго направленія, послѣ 25 дней пути, мы прибыли съ нимъ къ острову Sanbashi, отъ острова Nachatsuka въ 400 верстахъ. Здѣсь мы приняли большой грузъ мѣховъ, добытыхъ жителями за послѣднюю зиму, и снова поѣхали на островъ Amiscisk, гдѣ ночь была такъ коротка, что едва можно было ее замѣтить. По нашимъ водянымъ часамъ, только около полуночи смеркалось, а черезъ часъ становилось опять совсѣмъ свѣтло. Здѣсь мы впервые узнали, что, 15 лѣтъ тому назадъ, былъ заброшенъ сюда бурей японскій капитанъ Kodayu со своими товарищами; а относительно дальнѣйшей его судьбы, къ нашему изумленію, мы узнали, что онъ на средства русскаго правительства былъ отправленъ черезъ Охотскъ, Якутскъ, Иркутскъ, въ Петербургъ и оттуда посланъ на военномъ кораблѣ на свою родину.

Десять дней мы пробыли въ пути отъ Nachatsuka, когда показались снѣжныя горы. Капитанъ удивился и объяснилъ при этомъ: «Мы уѣхали уже слишкомъ далеко, около 300 верстъ; это мы вблизи Аляски (Сѣв. Америка)». Тогда мы повернули обратно на Amiscisk, а оттуда черезъ 43 дня пути, 25-го іюня 1791 года, вошли въ Охотскую гавань, находящуюся въ 3.870 верстахъ отъ Nachatsuka. Капитанъ представилъ насъ главному начальнику гавани, который въ первый разъ принялъ насъ съ хлѣбомъ.

II.

Отъ Охотска черезъ Сибирь до Петербурга.

Такъ какъ намъ нужно было найти занятіе, чтобы существовать, а Охотская гавань въ то время была очень незначительна и не могла дать намъ, иноземцамъ, никакой работы, то капитанъ обѣщалъ доставить насъ въ большой городъ Иркутскъ, находящійся въ 4.000 верстахъ отъ Охотска. Однако, такъ какъ, за недостаткомъ лошадей, мы не могли быть отправлены всѣ сразу, мы бросили жеребій, кому отправиться раньше. Раздѣленные на 3 группы мы поочереди прибыли въ Иркутскъ, — первые изъ насъ отправились изъ Охотска 18-го іюля 1791 года, а послѣдніе 3-го августа 1792 года. Путешествіе продолжалось 5¹/₂—6 мѣсяцевъ: лѣтомъ ѣхали верхомъ, зимой на саниахъ. Лѣтомъ мы должны были день и ночь покрывать лицо сѣткой изъ конскаго волоса, чтобы защититься отъ укусовъ

насъкомыхъ. На пути въ Иркутскъ мы потеряли, къ сожалѣнію, одного своего товарища, по имени Ichigoto. Онъ умеръ въ городѣ Якутскѣ, отстоящемъ отъ Охотска на 1.200 верстъ и отъ Иркутска 2.813, послѣ того какъ все тѣло у него распухло отъ ѣзды.

По прибытіи въ городъ Иркутскъ, основанный въ 1653 году, насъ привели къ начальнику города, и здѣсь, къ нашему величайшему удивленію, мы встрѣтили чиновника съ японской наружностью; онъ сидѣлъ возлѣ начальника и съ радостнымъ видомъ смотрѣлъ на насъ. Какъ пріятно и какъ странно было для насъ, когда онъ на нашемъ языкѣ сталъ разспрашивать насъ о нашихъ приключеніяхъ; мы ужь никакъ не ожидали, что здѣсь, за много тысячъ верстъ отъ родины, мы услышимъ родную рѣчь. Изъ необыкновенно пріятной бесѣды съ нимъ мы узнали, что онъ, 15 лѣтъ назадъ, былъ выброшенъ на берегъ вблизи Камчатки при кораблекрушеніи съ капитаномъ Kodayu и отправленъ былъ сюда такъ же, какъ мы. Это былъ Shinso, изъ провинціи Ise, но теперь онъ носилъ русское имя, Николай Петровичъ Коротегеновъ, такъ какъ былъ уже русскимъ подданнымъ, женатъ на русской и имѣлъ троихъ дѣтей. Занимался онъ преподаваніемъ японскаго языка и имѣлъ около 10 учениковъ въ городскомъ училищѣ, гдѣ можно было изучать тогда еще китайскій и монгольскій языки. Кромѣ него, мы встрѣтили еще одного русскаго, называвшагося Токораковъ, старика болѣе 80-ти лѣтъ, который тоже очень хорошо говорилъ на нашемъ языкѣ. Токораковъ втеченіе девяти лѣтъ, съ 12-ти до 20-тилѣтняго возраста, учился японскому языку у одного японца, который тогда странствовалъ тамъ.

При постоянномъ тепломъ участіи этихъ друзей лицъ, мы прожили въ Иркутскѣ восемь лѣтъ. За это время мы были то рабочими, то рыбаками на рѣкѣ Ангарѣ и на большомъ озерѣ Байкалѣ, въ 70-ти верстахъ отъ города. Однажды мы сварили sake (рисовое вино) и этимъ заработали порядочно денегъ. Рыбача на озерѣ Байкалѣ, мы ежедневно видѣли какой-то очень странный народъ, называющійся тунгусами, у котораго не было постоянного мѣста жительства; онъ все бродилъ около озера и очень хорошо стрѣлялъ изъ лука. Такъ, наприимѣръ, тунгусъ пускалъ вверхъ стрѣлу и вслѣдъ за ней другую, причемъ всякій разъ попадалъ въ первую. На иркутскомъ кладбищѣ, къ нашей неожиданности, мы случайно нашли двѣ каменные могилы, съ японскими надписями отъ 1726 года; въ нихъ были похоронены два японца, Takenchi и Matsumoto.

Во время нашего пребыванія въ Иркутскѣ умеръ одинъ нашъ товарищъ Kichiroji, и насъ еще осталось 13.

Наконецъ, 1 марта 1803 года, всѣхъ насъ, 13 человекъ, вдругъ позвали къ начальнику города. Онъ намъ сказалъ слѣдующее.

«Нашъ государь Александръ черезъ своего гонца вчера передалъ мнѣ, что онъ желаетъ принять на аудіенціи всѣхъ находящихся

здѣсь японцевъ, и поэтому я долженъ отправить васъ, какъ можно скорѣе, въ Петербургъ. Государь нашъ желаетъ заключить съ японскимъ государемъ торговый договоръ. Поэтому, конечно, онъ обойдется съ вами, японцами, очень хорошо. Кто изъ васъ пожелаетъ вернуться на родину, того нашъ государь, вѣроятно, отправитъ въ Японію на военномъ кораблѣ».

7-го марта 1803 года, мы съ государевымъ гонцомъ и переводчикомъ Николаемъ Петровичемъ Коротегеновымъ (нашъ землякъ Shinsō) оставили Иркутскъ, гдѣ жили втеченіе 8 лѣтъ. Такъ какъ насъ вызывали на аудіенцію къ государю, то провожали при отъѣздѣ изъ Иркутска съ большими почестями какъ чиновники, такъ и знакомые.

Послѣ 52-хъ сутокъ безостановочной, день и ночь, ѣзды черезъ Красноярскъ (на рѣкѣ Енисеѣ), Ачинскъ, Томскъ, Тюмень, Екатеринбургъ, Уральскія горы, Пермь, Казань, Нижній Новгородъ и замѣчательно красивый большой городъ Москву (тогда она еще не была сожжена Наполеономъ) мы прибыли 27-го апрѣля 1803 года въ Петербургъ. Весь путь мы проѣхали въ экипажахъ, запряженныхъ въ три или четыре лошади. Между Иркутскомъ и Москвой дорога была не хороша, но между Москвой и Петербургомъ она совершенно прямая, ровная и необыкновенно хорошо устроена. Трое изъ нашихъ товарищей Sadau, Seiso и Ginsabuna, должно быть, отъ быстрой ѣзды заболѣли и отстали въ пути. Съ тѣхъ поръ мы о нихъ ничего уже не слыхали. Въ Петербургъ насъ прибыло, такимъ образомъ, не считая переводчика Коротегенова (Shinsō), только десять товарищей.

III.

Пребываніе въ Петербургѣ.

Нашъ переводчикъ былъ позванъ къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Гарафу,¹⁾ а по возвращеніи черезъ нѣсколько часовъ сказалъ намъ:

«Государыня Екатерина II, какъ я вамъ рассказывалъ еще въ Иркутскѣ, однажды, лѣтъ 10 тому назадъ, отправила въ Японію съ посланникомъ Резановымъ на военномъ кораблѣ японскаго капитана Kodaу и двухъ его товарищей, которые, лѣтъ 30 назадъ, были выброшены при кораблекрушеніи на полуостровъ Камчатку и потомъ отправлены въ Петербургъ. По порученію императрицы Екатерины II, посланникъ Резановъ хотѣлъ заключить съ японскимъ государемъ торговый договоръ. Но, несмотря на всѣ старанія, онъ вернулся назадъ ни съ чѣмъ, такъ какъ японскіе портовые чиновники въ Нагасаки были очень упорны и, кромѣ голландцевъ, ни

¹⁾ Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Румянцевъ.

Перев.

съ кѣмъ не хотѣли имѣть дѣла. Теперешній императоръ Александръ хочетъ отправить васъ, японцевъ, въ Японію на военномъ кораблѣ и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повторить неудавшійся опытъ императрицы Екатерины II. Все, что я вамъ только-что сказалъ, я слышалъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ Гарафа. Завтра рано утромъ министръ позоветъ васъ всѣхъ къ себѣ и будетъ говорить съ вами лично».

28-го апрѣля всѣ мы, десятеро, были призваны къ министру Гарафу; онъ спросилъ насъ, желали ли бы мы вернуться на родину. Нашъ отвѣтъ былъ таковъ: «Tsudaуи и еще пять товарищей желаютъ возвратиться на родину, а остальные четверо — нѣтъ». Министръ Гарафъ прибавилъ къ этому: «Нашъ государь въ скоромъ времени приметъ васъ всѣхъ на аудіенцію. Вы должны сказать ему все, чего вы желаете. День, когда васъ государь будетъ принимать, будетъ скоро назначенъ. Я васъ объ этомъ извѣщу».

1-го мая 1803 года, министръ иностранныхъ дѣлъ Гарафъ сообщилъ намъ письменно слѣдующее:

«Его величеству императору Александру угодно принять всѣхъ находящихся здѣсь японцевъ на аудіенцію 16-го числа сего мѣсяца. Императоръ желаетъ видѣть васъ въ японской одеждѣ. Поэтому вы должны постараться всѣми силами, чтобы угодить нашему государю, явиться на аудіенцію въ вашемъ національномъ костюмѣ. Всякія матеріи, какія вамъ только понадобятся для этого, вы получите отъ служащихъ».

Съ большимъ трудомъ сдѣлали мы себѣ, по этому письменному приказу, нашъ національный костюмъ, сапоги и проч., такъ какъ тогда у насъ не было уже ни одной штуки изъ одежды, взятой нами на родинѣ. Волосы на срединѣ головы мы выстригли другъ у друга, а волосы съ боковъ связали вмѣстѣ на затылкѣ, совершенно какъ на родинѣ.

По утру, 16-го мая, мы имѣли большую честь, что пять чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ привели насъ къ императорскому дворцу, и мы были благосклонно приняты императоромъ. Мы сидѣли, размѣстившись по старшинству, въ дворцовой залѣ и ждали съ полчаса. Тогда вышелъ къ намъ министръ Гарафъ съ двумя изысканно одѣтыми господами и семью дамами. Въ этотъ моментъ мы хотѣли было, по нашему обыкновенію, въ знакъ особеннаго почтенія коснуться лбами земли, но насъ остановили, говоря:

— Не кланяйтесь при привѣтствіи до земли; а просто встаньте по русскому обычаю!

Старшая изъ дамъ подошла къ намъ и сказала:

— Это—мой сынъ, императоръ Александръ; а другой— братъ его Константинъ. Та дама, что въ срединѣ между другими пятью, императрица, родомъ изъ Германіи; прочія дамы—придворныя.

Тогда подошелъ къ намъ императоръ съ братомъ Константи-

номъ. Императоръ спросилъ насъ, желаемъ ли мы вернуться въ Японію.

Tsudaу, Gihei, Sahei и Tajugo отвѣчали на это, что, при помощи императора, они хотѣли бы вернуться на родину; а Ма-juго и Minosuke, которые сначала тоже было рѣшились вернуться, теперь отвѣтили, что они хотятъ остаться въ Петербургѣ вмѣстѣ съ остальными.

Императоръ тогда сказалъ намъ: «Вы правы, что хотите снова видѣть свою родину. Будьте спокойны, я постараюсь, чтобы черезъ годъ вы увидѣли своихъ родныхъ и знакомыхъ на родинѣ!»

Каждому изъ насъ, пожелавшему вернуться на родину, государь подарилъ по 20 золотыхъ и карманные часы. Братъ его сталъ было спрашивать насъ о нашей вѣрѣ; но мать императора сказала ему, чтобы онъ насъ объ этомъ теперь не спрашивалъ. Императрица не обмѣнялась съ нами ни однимъ словомъ.

Послѣ аудіенціи у императора, нѣсколько чиновниковъ повели насъ на рѣку Неву, гдѣ впервые тогда въ Россіи дѣлали опыты съ воздушнымъ шаромъ. Сколько было радости и изумленія у безчисленной массы зрителей передъ этимъ вновь изобрѣтеннымъ воздухоплаваніемъ!

Несмотря на наше низкое званіе, все время до отъѣзда, въ теченіе четырехъ недѣль, съ нами обходились очень дружественно, какъ съ рѣдкими гостями правительства.

IV.

Отъ Петербурга до Японіи.

11-го іюня 1803 года, по приказанію министра Гарафа, мы явились къ императорскому посланнику Резанову, который долженъ былъ взять насъ съ собой въ Японію. Онъ подарилъ намъ одежду и прочее, что нужно было для годичнаго путешествія. На другое утро мы съ горькими слезами навсегда простились съ шестью товарищами, пожелавшими остаться въ Россіи и стать русскими подданными. Потомъ съ переводчикомъ Shinso и тремя чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ сѣли на небольшой корабль и внизъ по рѣкѣ Невѣ отправились въ гавань Кронштадтъ, въ 25 верстахъ отъ Петербурга. Тамъ мы пересѣли на большой военный корабль «Надежда», на которомъ намъ предстояло ѣхать въ Японію. Корабль «Надежда» былъ около 70 метровъ длины, 24 метровъ ширины; на немъ было 36 пушекъ, 40 матросовъ и 20 служащихъ, кромѣ посланника Резанова и насъ четверыхъ. Послѣ того, какъ мы помѣстились на кораблѣ, нашъ переводчикъ и чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ вернулись въ Петербургъ.

16-го іюня, мы оставили Кронштадтъ, а 7-го іюля вошли въ гавань

Копенгагенъ, отъ Петербурга въ 2.400 верстахъ. Лишь только корабль вошелъ въ гавань, капитанъ сейчасъ же велѣлъ сносить на берегъ весь запасъ военныхъ снарядовъ и патроновъ. На нашъ вопросъ объ этомъ капитанъ отвѣчалъ: «эта гавань не русская, а принадлежитъ другой землѣ, Даніи. Мы не можемъ здѣсь ни минуты стоять на якорѣ, не сдавши всѣхъ военныхъ припасовъ и патроновъ портовымъ служащимъ на сохраненіе на время нашего пребыванія здѣсь». Нравы и обычаи въ здѣшней гавани такіе же, какъ въ Петербургѣ. Проливъ между Даніей и Швеціей такой узкій, что по вечерамъ на другомъ берегу видны огни. Въ Копенгагенѣ мы пробыли около трехъ недѣль и оставили его 27-го іюля. Передъ отъѣздомъ нашъ капитанъ взялъ къ себѣ на корабль живописца и врача. Нѣсколько дней въ пути капитанъ сильно опасался скалъ. Вечеромъ 2-го августа вдругъ, совершенно неожиданно, насъ стали обстрѣливать съ какого-то военного корабля. Капитанъ черезъ одну машинку, рупоръ («Kurie»), очень громко обратился съ вопросомъ на этотъ корабль, почему въ насъ стрѣляютъ.

Оттуда отвѣчали: «Англійскій военный корабль. Какой землѣ принадлежитъ вашъ корабль, и зачѣмъ вы тутъ?»

Нашъ капитанъ: «Мы—русскіе; веземъ императорскаго русскаго посла въ Японію. Зачѣмъ вы пускаете огонь противъ русскаго посланника?».

Тогда англичане въ большемъ смущеніи просили у нашего капитана извиненія, что они по недоразумѣнію стрѣляли въ насъ. Однако посланникъ Резановъ не удовлетворился этимъ и самъ пошелъ на англійскій корабль. Оттуда онъ написалъ нашему капитану:

«Я поѣду съ англійскимъ офицеромъ въ Лондонъ и тамъ переговорю по поводу обстрѣливанія съ англійскимъ адмираломъ. А вы сейчасъ же отправляйтесь въ «Falmouth» и тамъ ждите меня».

Мы поѣхали въ Falmouth и здѣсь только услышали, что англійскій король Георгъ III воевалъ съ французскимъ императоромъ Наполеономъ I съ 18 мая этого (1803) года, и мы видѣли много французскихъ захваченныхъ судовъ. Спустя 7 дней, посланникъ Резановъ возвратился изъ Лондона къ намъ на корабль. Выѣхавъ изъ гавани, мы 15 дней не видѣли берега и только на 16-й пришли къ Канарскимъ островамъ. Канарскіе острова принадлежали Испаніи. Жители на нихъ были голые, только поясицу покрывали небольшими платками. Они принесли намъ вина, грушъ, яблоковъ, лимоновъ и другихъ неизвѣстныхъ намъ фруктовъ; кромѣ того, свиней, куръ, козъ, гусей и разной зелени. При этомъ мы еще видѣли, что на островѣ носили трехугольныя шапки. Пробывъ шесть дней, мы оставили островъ. На прощанье пять чиновниковъ, по одеждѣ похожихъ на русскихъ, только въ трехугольныхъ шапкахъ, салютовали намъ выстрѣлами.

Первые три-четыре дня мы часто встрѣчали мелкіе острова, но съ пятого дня берега совершенно исчезли, мы видѣли только воду. Съ каждымъ днемъ становилось все теплѣе, и мы едва могли выносить жару; а она была такъ сильна, что мы съ удовольствіемъ вспоминали ледяныя горы, которыя, 14 лѣтъ назадъ, видѣли на сѣверѣ Камчатки, и желали бы ихъ снова встрѣтить. Въ тотъ день, когда достигли экватора, мы устроили праздникъ. Черезъ 45 дней пути отъ Канарскихъ острововъ, 10-го октября (1803 г.), мы пришли на островъ св. Екатерины въ Бразиліи.

Въ гавани этого острова мы увидѣли два англійскихъ и еще два какихъ-то иностранныхъ корабля и, кромѣ того, множество мелкихъ туземныхъ лодокъ. Цвѣтъ кожи туземцевъ былъ черный, какъ у негровъ на Канарскихъ островахъ въ Африкѣ; они ходили босыми въ короткихъ штанахъ; волосы у нихъ густо-курчавые, а глаза совершенно черные. Женщины носили на спинахъ очень пестро раскрашенные платки и сильно широкіе штаны. И мужчины, и женщины все время жевали какое-то черное вещество, похожее на сосновую смолу; поэтому зубы у нихъ были черны, какъ у замужнихъ женщинъ на нашей родинѣ. Мы слышали, что верстахъ въ 20 отъ гавани находится городъ, гдѣ до 1.000 каменныхъ домовъ. Туземцы не ѣдятъ риса, а ѣдятъ большею частію маисовую муку съ теплой водой. Между ними были въ обращеніи испанскія монеты.

27-го декабря 1803 года, мы отправились отъ острова св. Екатерины дальше и проѣхали мимо Огненной Земли кругомъ мыса Горнъ. Отсюда намъ нужно было принять направленіе на сѣверъ, но, къ несчастью, сильной бурей съ противнымъ вѣтромъ мы были вынуждены безцѣльно плыть на югъ. Въ началѣ марта 1804 г., къ нашему удивленію, пошелъ сильный снѣгъ, тогда какъ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ было невыносимо жарко. Всѣ на кораблѣ стали сильно опасаться за свою жизнь и говорили намъ:

«Намъ уже не увидѣть своей родины, такъ какъ теперь мы около 70° южной широты. Тутъ очень много ледяныхъ горъ, и намъ ничего больше не остается, какъ помереть между ними отъ холода и голода».

Какая необыкновенная у насъ судьба! 14 лѣтъ назадъ, мы видѣли ледяныя горы при сѣверномъ полюсѣ, въ прошломъ году были на экваторѣ, а теперь близъ южнаго полюса, въ опасности для жизни! Но намъ еще не суждено было погибнуть, мы были опять счастливы. Вѣтеръ сразу повернулъ на сѣверъ; и пользуясь имъ, мы прибыли 15-го апрѣля 1804 года на одинъ изъ Маркизскихъ острововъ (7¹/₂° южн. ш.). Мы тогда такъ были рады, что готовы были прыгать не только до потолка, а до самаго неба. Когда мы подходили къ острову, навстрѣчу намъ выплыло до 300 женщинъ и мужчинъ. Многія изъ женщинъ держали на своихъ спинахъ маленькихъ дѣ-

тей. Они принесли намъ рыбы и фруктовъ, но за это хотѣли получить въ обмѣнъ куски желѣза. Такъ какъ на этомъ островѣ желѣза совсѣмъ не было, и капитанъ нашъ зналъ объ извѣстной исторіи капитана Кука въ 1774 году, то, прежде чѣмъ стать на якорь, онъ велѣлъ прибрать на кораблѣ всѣ куски стараго желѣза и былъ съ туземцами очень остороженъ.

30 лѣтъ назадъ, туземцы забрали желѣзо съ корабля «Resolution», капитаномъ котораго былъ извѣстный Кукъ, и изъ-за этого между ними и командой произошла сильная схватка. Туземцы еще не забыли ея и были настроены недружелюбно и къ намъ, какъ иноземцамъ. При своемъ прибытіи мы получили фрукты и рыбу, сколько принесли въ рукахъ множество приплывшихъ; но съ такимъ малымъ количествомъ намъ нечего было дѣлать. Намъ необходимо было достать здѣсь провіантъ, но капитанъ, опасаясь туземцевъ, никого не выпускалъ съ корабля на берегъ. Въ такомъ печальномъ положеніи провели мы дней десять.

На наше счастье, пришли къ намъ двое бѣлыхъ, совершенно отличныхъ отъ туземцевъ, и рассказали слѣдующее:

«Мы — одинъ англичанинъ, другой французъ, лѣтъ 10, какъ потерпѣли кораблекрушеніе и попали на этотъ островъ. Съ тѣхъ поръ мы состоимъ любовниками здѣшней королевы, и оба рѣшили навсегда оставаться при ней любовниками».

Капитанъ сталъ ихъ спрашивать, какимъ бы способомъ можно было достать провіантъ, и очень просилъ ихъ устроить ему это. Тѣ отвѣчали: «Послѣ капитана Кука туземцы очень мнительны и враждебны къ иноземцамъ. Мы не знаемъ никакого другого средства, какъ если вы пустите на ночь на корабль, какъ можно, больше дѣвушекъ и женщинъ, а ваши люди подружатся и проведутъ съ ними всю ночь; на утро же пусть они отпустятъ ихъ, давъ маленькіе подарки, кусочки желѣза. Здѣшнія дѣвушки и женщины очень любятъ входить въ любовную связь съ иноземцами, вотъ какъ и мы оба съ королевой, и если угодно, такъ мы постараемся для васъ въ этомъ случаѣ».

Капитанъ нашъ очень обрадовался и просилъ обоихъ объ этомъ. Они ушли съ корабля. Послѣ этого пришло къ намъ много женщинъ и съ радостью остались у насъ на кораблѣ на всю ночь. Утромъ онѣ ушли на берегъ совершенно довольныя подаренными имъ желѣзными кусочками. Это подѣйствовало, и мы въ тотъ же день вымѣняли достаточно провіанта. До самаго отъѣзда женщины очень охотно оставались все время у насъ и заботились о всѣхъ насъ, какъ бы наши жены.

29-го апрѣля 1804 года мы отправились отъ Маркизскихъ острововъ, а 21-го мая пришли къ Сандвичевымъ. Во время пребыванія здѣсь, мы только на день подходили близко къ берегу, а на ночь отходили на значительное разстояніе, такъ какъ на островѣ было много французовъ, относившихся къ русскимъ очень враждебно.

Въ началѣ юня мы оставили Сандвичевы острова и черезъ 3 недѣли приплыли опять на русскій полуостровъ Камчатку, гдѣ были 14 лѣтъ тому назадъ. 7-го августа, мы оставили Камчатку, а 6-го сентября 1804 года, въ среду, пришли къ нашей гавани Нагасаки, отъ которой мы были удалены въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

V.

Отказъ Резанову.

6-го сентября 1804 г., къ нашей величайшей радости, мы услышали отъ матросовъ, что лежащій передъ нами островъ — Иво-га-глима при Нагасаки. Такъ какъ эти берега имъ были плохо извѣстны, то корабль подходилъ осторожно и медленно. Въ этотъ моментъ подошла къ берегу лодка съ двумя нашими чиновниками; и посланникъ Резановъ позвалъ насъ: «Ваши чиновники пришли! Выйдите сейчасъ же на палубу и расскажите имъ о своихъ обстоятельствахъ».

Мы стали ждать ихъ. Въ первый моментъ мы отъ радости не знали даже, что сначала рассказывать. Когда чиновники вопли на корабль и увидѣли насъ, то очень удивились и стали спрашивать, зачѣмъ мы ѣздили за границу, когда это строго запрещено. Но такъ какъ мы, отчасти отъ радости, что возвратились на родину, а отчасти и изъ боязни наказанія, не могли отвѣчать, то показали имъ свои путевые виды отъ Сендая до Иедо, выданные намъ въ Сендаѣ, 15 лѣтъ назадъ, при нашемъ отъѣздѣ въ Иедо для транспортированія риса.

Чиновники сказали намъ: «Хорошо. Будьте спокойны и отвѣчайте на наши вопросы о путевыхъ видахъ!»

Только теперь мы нѣсколько успокоились и стали просто и коротко рассказывать свою исторію. Чиновники потомъ сказали намъ: «Скажите вашему капитану, чтобы онъ всталъ на якорь при входѣ въ гавань и ждалъ тутъ нашего распоряженія».

Черезъ два часа пришли на корабль два портовыхъ чиновника—*Kakuzayemon Yukikata* и *Sahioye Kikutsu*, съ голландскимъ капитаномъ Тоффомъ, съ однимъ голландскимъ чиновникомъ и съ японскимъ переводчикомъ для голландскаго языка. Посланникъ Резановъ сказалъ тогда намъ: «Одѣньтесь въ японскую одежду, сдѣланную въ Петербургѣ, и помогите намъ въ переговорахъ съ японскими чиновниками».

Чиновники спросили посланника: «Изъ какой земли ты сюда пришелъ?» Посланникъ: «Мы изъ Россіи». Чиновникъ: «Зачѣмъ вы сюда пришли?» Посланникъ: «Чтобы передать *Shogun*'у въ Иедо письма и подарки». Чиновникъ: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда русскіе ѣхали въ Гакодате, мы имъ дали грамоту. Принесъ ли

ты ее?» Посланникъ: «Да, она здѣсь». При этомъ онъ показаль имъ эту грамоту. Чиновникъ: «Когда вы выѣхали изъ Россіи и черезъ какія земли ѣхали? Вы должны разсказывать все въ точности». Посланникъ: «Читайте, пожалуйста, эту бумагу! Тутъ я все записаль».

Чиновникъ: «Дай намъ письма для Shogun'a въ Едо!» Посланникъ: «Я хочу вручить ихъ самъ Shogun'у въ Едо. Не вамъ, а только адресату я ихъ отдамъ». Чиновникъ: «Возврати намъ грамоту, которую вы получили отъ насъ въ Гакодате!» Посланникъ: «Кромѣ императора и Shogun'a, я никому ее не отдамъ». Чиновникъ: «По законамъ нашего государства, вы должны сейчасъ же снести на берегъ все оружіе и всѣ военные припасы; иначе вамъ нельзя тутъ стоять ни минуты!» Посланникъ: «Хорошо. Но намъ очень трудно выгружаться ночью. Мы васъ покорнѣйше просимъ подождать до утра». Потомъ посланникъ продолжалъ: «15 лѣтъ назадъ, 16 японскихъ моряковъ при кораблекрушеніи были выброшены на наши берега, и теперь вотъ мы привезли съ собой четырехъ изъ этихъ несчастныхъ; а остальные 6, кромѣ умершихъ за это время, остались въ Петербургѣ». Чиновникъ: «Почему тѣ шесть японцевъ остались въ Петербургѣ?» Посланникъ: «По своему собственному желанію. Я прошу васъ впустить нашъ корабль въ гавань. Здѣсь, при входѣ, опасно отъ вѣтра и волнъ, такъ какъ корабль уже достаточно поврежденъ бурями въ пути». Чиновникъ: «Это не легко позволить; сначала намъ нужно спросить у начальника гавани».

Потомъ чиновники стали спрашивать насъ четверыхъ, вернувшихся на родину. «Вы просили у русскихъ помощи, чтобы вернуться на родину?» Мы отвѣчали: «Мы были приняты на аудіенцію русскимъ императоромъ Александромъ. На его вопросъ, не желаемъ ли мы вернуться на родину, мы отвѣчали, что очень желали бы. Тогда императоръ сказалъ намъ, что онъ позволилъ намъ уѣхать на родину съ его посланникомъ въ Японію». Чиновникъ: «Почему шесть вашихъ товарищей остались въ Петербургѣ?» Мы отвѣчали: «Четырехъ изъ нихъ передъ своимъ отъѣздомъ мы не могли розыскать, гдѣ они живутъ, такъ какъ Россія очень большое государство. А остальные двое обморозили себѣ руки и ноги и приуждены были тамъ остаться».

При разговорѣ съ чиновниками, посланникъ сидѣлъ на стулѣ, въ то время, какъ голландскій капитанъ стоялъ возлѣ чиновниковъ. Намъ казалось, что голландскій капитанъ при видѣ мундира посланника побаивался его. Съ другой стороны, посланникъ говорилъ корабельнымъ служащимъ: «Этотъ голландецъ столь низкаго происхожденія, что намъ нельзя сидѣть въ одной комнатѣ съ нимъ. Уведите его вверхъ на палубу, пока мы рѣшимъ что нибудь важное».

Какъ только голландецъ услышалъ эти слова посланника, сейчасъ же пошелъ на палубу. Вскорѣ послѣ этого ушли въ свою каюту и мы, и поэтому не слышали, о чемъ разговаривалъ посланникъ съ чиновниками съ частъ. Съ недѣлю продолжалась переноска на берегъ пороха, оружія, парусовъ, якорей, канатовъ и всякихъ другихъ корабельныхъ принадлежностей. Первымъ серьезнымъ доказательствомъ недовѣрія къ русскимъ было то, что у офицеровъ отобрали даже охотничьи ружья, между которыми были и очень дорогія. Только послѣ четырехмѣсячныхъ настоятельныхъ просьбъ и убѣжденій позволили офицерамъ взять свои ружья для чистки; но, какъ мы слышали, многія изъ нихъ были уже совершенно испорчены. Русскимъ было строго запрещено имѣть сношенія съ голландцами, а также прогуливаться по улицамъ. Говоря коротко и прямо, русскіе все время въ теченіе полугода (отъ начала сентября 1804 года до середины апрѣля 1805 года) жили, какъ плѣнные.

Между многими драгоценностями, которыя посланникъ Резановъ привезъ отъ русскаго императора въ подарокъ японскому, было одно большое, роскошное зеркало, шириной около 5 метровъ, длинной около 8 метровъ и толщиной $\frac{1}{7}$ метра. Такъ какъ это зеркало не могли внести въ пакгаузъ, то разломали входъ и потомъ пронесли, и то только бокомъ¹⁾.

Когда все съ корабля было выгружено, чиновники сказали посланнику и капитану: «Надняхъ мы отправили въ Іедо къ Shogun'у курьера за распоряженіемъ, какъ мы должны съ вами поступить. Отсюда до Іедо 400 ри (1.600 вер. = около 1.800 килом.); нашъ курьеръ будетъ ѣхать день и ночь. Но ранѣе 100 дней едва ли мы получимъ отвѣтъ отъ Shogun'a. Вамъ придется ждать мѣсяца четыре».

Мы, какъ плѣнные, провели на кораблѣ около трехъ мѣсяцевъ. Усиленныя просьбы посланника разрѣшить выходъ съ корабля на берегъ были уважены, въ виду болѣзни, только 27 ноября. Тогда

¹⁾ Капитанъ Крузенштернъ пишетъ объ этомъ слѣдующее въ своей книгѣ «Reise um die Welt», напечатанной въ Петербургѣ въ 1810 г., т. I, стр. 392—394:

«Для большихъ зеркалъ спаровали прочно двѣ большихъ лодки, положили на нихъ мостки изъ толстыхъ досокъ, покрыли тонкими циновками и, поверхъ всего этого, разстлали красное сукно. Я уговаривалъ, хотя безуспѣшно, чтобы убрали эти дорогіе ковры, такъ какъ для зеркалъ они ни къ чему. Но благоговѣніе ко всему, что касается особы императора, въ Японіи такъ сильно, что на мой экономическій совѣтъ никакого вниманія не обратили. Сейчасъ же подошла къ борту стража изъ солдатъ и встала около зеркалъ.

«Я спросилъ у одного переводчика, какимъ образомъ будутъ доставлять эти громадныя зеркала въ Іедо. Онъ отвѣчалъ, что заставить нести; я возразилъ, что это кажется невозможнымъ, такъ какъ разстояніе очень большое, и для каждаго зеркала потребуются, по меньшей мѣрѣ, 60 человекъ, которымъ придется чередоваться черезъ каждыя полмили. Онъ сказалъ на это, что для японскаго императора нѣтъ ничего невозможнаго, и въ доказательство своихъ словъ рассказалъ, какъ, за два года передъ тѣмъ, японскому императору китайскій подарилъ живого слона, и слона принесли отъ Нагасаки въ Іедо».

вмѣстѣ съ посланникомъ, служащими, поваромъ и слугой, всего 20 человекъ, мы вышли на берегъ, въ селеніи Mumegasaki, гдѣ для посланника было отведено довольно приличное помѣщеніе на мысу съ прекраснымъ видомъ такъ близко къ берегу, что приливъ воды иногда подходилъ къ самымъ окнамъ. Со стороны селенія была поставлена стража. Ворота двора при очень красивомъ, хотя и маленькомъ, жилищѣ посланника были накрѣпко заперты. Домъ его былъ окруженъ сторожевыми будками, и мы ни въ какомъ случаѣ не могли ходить по улицамъ, какъ ни просилъ объ этомъ посланникъ, въ виду выздоровленія. Такъ пришло 20 декабря, когда насъ извѣстили, что прибылъ курьеръ изъ Іедо отъ Shogun'a, съ приказаніемъ ввести «Надежду» во внутреннюю гавань Нагасаки для починки.

На другой день рано утромъ пришелъ къ посланнику курьеръ, по имени Toyama Kinschiro, съ двумя спутниками, Hida Bungo-no-Kami, Narisse Inaba-no-Kami, и съ множествомъ портовыхъ чиновниковъ. Курьеръ Тауама отвергъ предложенія, сдѣланныя посланникомъ Резановымъ отъ русскаго императора, и далъ ему слѣдующую грамоту:

«Въ старину мы имѣли сношенія со многими заморскими странами, но не имѣли отъ этого никакой выгоды. Поэтому мы строго запретили нашимъ торговымъ людямъ ѣздить за границу. Поэтому же затрудняется входъ въ наши гавани для иностранныхъ кораблей. Китайцевъ, корейцевъ и голландцевъ мы допустили вести торговлю, но не изъ-за выгодъ, а ради нашей старой дружбы. Отношенія къ вашей странѣ совсѣмъ не тѣ, что къ упомянутымъ. Мы изстари не имѣли съ Россіей никакихъ сношеній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершенно неожиданно русскій посланникъ привезъ въ Matsushima (теперь городъ Fukuama) нашихъ людей, выброшенныхъ на берега вашей страны, и предлагалъ завести торговлю и сношенія. Теперь вы просите того же, какъ и тотъ разъ, при чемъ также привезли нашихъ людей изъ Петербурга. Но и на этотъ разъ, несмотря на ваши неотступныя просьбы, снесаясь съ нашимъ государственнымъ совѣтомъ, мы рѣшили не говорить болѣе о торговлѣ и сношеніяхъ съ Россіей. Уже давно мы закрыли наше государство для иностранцевъ (исключая нѣкоторыя страны), но мы знаемъ, какъ обращаться съ ними. Мы пришли къ заключенію, что въ сношеніяхъ съ ними для насъ нѣтъ никакой цѣли, такъ какъ ихъ нравы и обычаи совершенно иныя, чѣмъ у насъ.

«2450 лѣтъ просуществовало наше государство безъ сношеній со многими иностранцами, поэтому и состоялся законъ, по которому и впредь слѣдуетъ закрыть его для иностранцевъ. И теперь мы не можемъ измѣнять закона ради одного государства, именно, вашего. До сихъ поръ мы охраняли свое государство однимъ словомъ «геі», что значить «добродѣтель», и ни одно чужое государство не завое-

вало нашей страны. Кромѣ того, если нашъ императоръ приметъ подарки русскаго императора, то намъ придется также отправлять посла съ отдарками въ столь отдаленную, безнадежную (?) столицу С.-Петербургу. Возьмите вы свои подарки обратно въ Петербургъ. Нашему императору лучше ихъ не брать ¹⁾).

«Торговля съ заграницей поведетъ къ тому, что мы будемъ вымѣнивать ничего не стоящія вещи за свои драгоценныя; а это было бы неразумною политикою для нашего государства. Мало-по-малу мы будемъ нарушать наши добрые нравы и обычаи и, наконецъ, впадемъ въ большую нужду. Поэтому торговля, какъ и сношенія, съ заграницей строго запрещена нашими законами, и мы должны совершенно отвергнуть ваши желанія.

«Въ виду этого, не ходите болѣе къ намъ напрасно, такъ какъ намъ больше не о чемъ вести съ вами переговоровъ!»

Въ теченіе полугоднаго пребыванія, посланникъ безъ всякой задержки получалъ отъ японскихъ чиновниковъ всѣ нужныя блюда и напитки ежедневно. Русскіе особенно охотно ѣли *schoyu* (японскій соусъ изъ бобовъ и соли), но имъ очень не нравились *misso* и *pagasuke*, тогда какъ намъ, японцамъ, они казались очень вкусными. Все, что попадалось русскимъ на глаза, нашъ національный костюмъ всякихъ званій, дома, хижины, птицы, животныя, растенія, суда и пр., они рисовали и записывали наши названія. Особенно много старался объ этомъ докторъ Лангендорфъ; онъ былъ не только хорошій рисовальщикъ, но и знатокъ многихъ языковъ.

Несмотря на то, что мы черезъ 15 лѣтъ вернулись на родину, перенеся невыразимыя трудности, мы все-таки должны были оставаться при посланникѣ, какъ плѣнные, подъ строгимъ карауломъ. Между тѣмъ одинъ изъ нашихъ товарищей, Tazugo, сталъ сильно тосковать; ему казалось сомнительнымъ, что мы увидимъ нашихъ милыхъ женъ и дѣтей, и что насъ не казнятъ за отлучку за границу. У него все болѣе и болѣе зрѣло въ душѣ рѣшеніе на отчаянный поступокъ.

16 января 1805 г. Tazugo отрѣзалъ себѣ кухоннымъ ножомъ языкъ, пытался было перерѣзать и шею, но помѣшала стража. Рана была поэтому не опасна для жизни, но говорить и ѣсть онъ, къ несчастью, уже не могъ. Мы трое день и ночь ухаживали за этимъ несчастнымъ. Д-ръ Ерненбергъ и д-ръ Лангендорфъ ничего не могли сдѣлать, какъ ни старались устроить Tazugo питаніе; наконецъ, это удалось нашему доктору Kosai Yoshū, такъ что Tazugo послѣ 30 дней голоданья могъ ѣсть. Не только русскіе доктора, но и всѣ русскіе много дивились искусному лѣченію д-ра Kosai Yoshū.

¹⁾ У Крузенштерна это мѣсто передается такъ: «причиной, приведенной уполномоченнымъ, что подарки не могутъ быть приняты, было то, что въ случаѣ принятія японскій императоръ также долженъ сдѣлать русскому подарки и отправить ихъ въ С.-Петербургъ со своимъ посланникомъ; но по закону запрещалось кому бы то ни было изъ японскихъ подданныхъ выѣзжать изъ своего отечества».

Еще въ самомъ началѣ, послѣ нашего прибытія въ Нагасаки, директоръ гавани просилъ посланника передать ему насть, четырехъ японцевъ, привезенныхъ изъ Петербурга; но посланникъ отказалъ въ этомъ, такъ какъ хотѣлъ самъ представить насть императору или Shogun'у. Черезъ нѣсколько недѣль эта просьба была повторена, но опять отвергнута. Тогда посланникъ говорилъ намъ: «Вы не безпокойтесь; подождите болѣе благопріятнаго времени, а то можете потерять свои головы».

Теперь, при неожиданномъ покушеніи на самоубійство Тазиго, посланникъ самъ сталъ просить директора гавани, чтобы взяли у него японцевъ; но теперь ему отвѣтили, что если онъ въ свое время, когда его дважды просили о томъ, не хотѣлъ отдать, то можетъ и еще оставить у себя. При этомъ директоръ обѣщалъ послать по этому поводу курьера въ Иедо.

Только 18 апрѣля 1805 г. мы оставили домъ посланника, когда онъ уѣхалъ изъ Нагасаки. На прощанье онъ сказалъ намъ:

«Наши желанія и подарки, назначенные для японскаго императора, отвергнуты. Нашъ корабль «Надежда», поврежденный бурями, теперь готовъ опять для дальняго плаванія. Дѣлать намъ здѣсь больше нечего. Поэтому простимся сегодня навсегда. Мы хотѣли бы на память сдѣлать вамъ хорошій подарокъ, но этого не позволять. Можетъ быть, впрочемъ, не опасно, если что нибудь маленькое. Чего вы хотите?»

Мы отвѣчали на это:

«Мы не знаемъ, какъ васъ отблагодарить и за тѣ благодѣянія, которыя вы оказывали намъ до сихъ поръ. Какихъ еще подарковъ мы можемъ пожелать отъ васъ?»

Посланникъ поговорилъ съ чиновниками, и тѣ позволили подарить намъ на память что нибудь незначительное. Несмотря на то, что мы отказывались, посланникъ подарилъ намъ кусокъ тонкаго сукна. Впослѣдствіи этотъ кусокъ мы подарили чиновнику въ Иедо. Садясь на корабль, посланникъ сказалъ намъ, въ глубокомъ огорченіи, топая о берегъ ногою: «Ахъ! на этомъ свѣтѣ мы ужъ не увидимся больше, развѣ на томъ». При этомъ по щекамъ у него текли слезы. У директора гавани посланникъ сильно просилъ выдать ему охранительную грамоту для японскихъ береговъ, но просьба была напрасна. За день передъ отъѣздомъ посланникъ получилъ на два мѣсяца продовольственныхъ средствъ—2.000 мѣшковъ соли, по 30 фунт. каждый, 100 мѣшковъ риса, по 150 фунт., вмѣстѣ съ этимъ 2.000 кусковъ шелковой ваты; соль и рисъ назначались въ подарокъ солдатамъ корабля, а вата офицерамъ.

Разрѣшено было также посланнику, но только послѣ настоячивыхъ просьбъ и представленій, и семи японскимъ переводчикамъ подарить семь различныхъ предметовъ; это были: зеркало, кусокъ

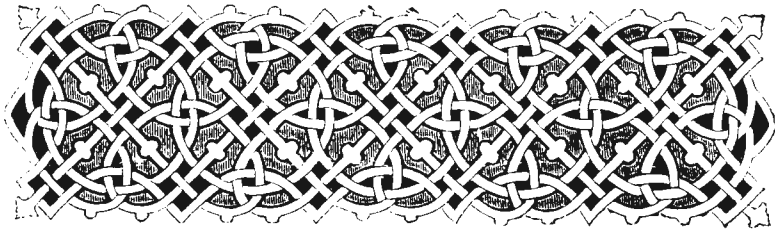
сукна, стеклянный фонарь, кусокъ газета, пара подсвѣчниковъ, пара мраморныхъ столовъ и мраморный умывальникъ.

Лишь только, стоя передъ домомъ посланника, мы увидѣли, что «Надежда» отходить, насъ сейчасъ же посадили въ тюрьму. Тюремный стражникъ тотчасъ же велѣлъ намъ Fumi-Ye, т. е., топтать ногами распятіе. Тѣ, которые возвращаются изъ-за границы, должны это дѣлать, такъ какъ христіанская религія запрещена подъ страхомъ смертной казни. Черезъ полгода насъ отправили въ Иедо и тамъ опять посадили въ тюрьму; но сейчасъ же отпустили.

Какая у насъ была радость, когда мы на родинѣ, въ Сендаѣ, снова увидѣли своихъ милыхъ женъ и дѣтей! Этого не расскажешь; вѣдь мы уже не смѣли надѣяться на это!

В. Турковскій.

ДРЕВНОСТИ ГОРОДА ГОМБИНА.

(Путевыя замѣтки).

АВНО уже я собирался побывать въ Гомбинѣ. Меня тянуло туда—взглянуть на еврейскую божницу, по рассказамъ, очень старую, деревянную. Тѣмъ сильнѣе разыгрывалось мое любопытство, что о гомбинской божницѣ мнѣ не приходилось ничего читать даже у такого трудолюбиваго собирателя свѣдѣній о деревянныхъ божницахъ въ Польшѣ, какъ корреспондентъ краковской академіи наукъ (Akademia Umiejętnosi) г. Матиасъ Версонъ ¹⁾. Потомъ я узналъ, что въ Гомбинѣ не одна божница заслуживаетъ вниманія...

И вотъ въ одинъ прекрасный день выбираюсь въ путь.

Отъ Плоцка до Гомбина недалеко, всего двѣ мили, то-есть, 14 верстъ. Ѣхать можно половину пути на пароходѣ до деревни Добржи-ковъ, а половину на лошадяхъ, или прямо—весь путь на лошадяхъ.

Избираю, по нѣкоторымъ соображеніямъ, послѣдній способъ путешествія.

Подгородній мужичекъ изъ деревни Радзиве, расположенной по ту сторону Вислы, противъ Плоцка, за довольно сходную цѣну беретъ доставить меня по назначенію. Трогаемся въ путь. Утро чуд-

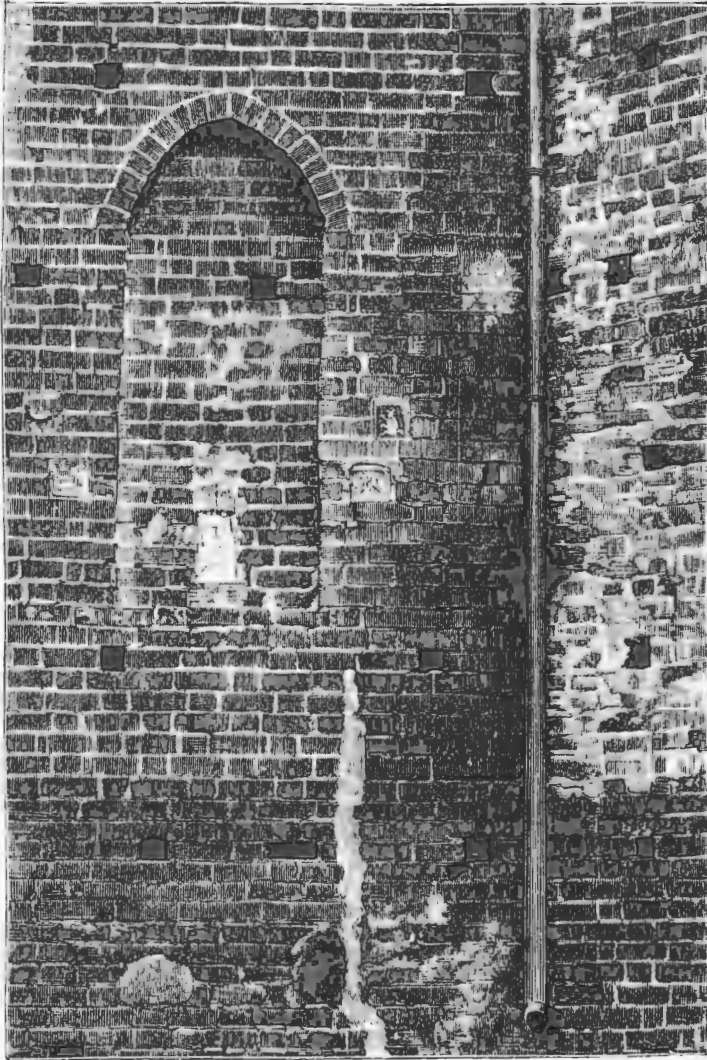
¹⁾ Деревянные старинныя божницы дѣлаются уже большою рѣдкостью. Если онѣ не уничтожаются отъ какихъ либо несчастныхъ случаевъ (пожаровъ, урагановъ), то ихъ, во избѣжаніе такихъ случаевъ и не имѣя возможности чинить, разбираютъ сами евреи. Отсюда весьма желательна, хотя бы при помощи пера и карандаша, сохранить объ нихъ воспоминаніе. Помянутый ученый не мало потрудился надъ этимъ.

ное, хотя немного пасмурное. Наканунѣ шелъ сильный дождь, и песчаный грунтъ проселочной дороги, по которой мы ѣдемъ, поокрѣпъ, что даетъ намъ возможность двигаться нѣсколько быстрее обыкновеннаго. По обѣ стороны дороги—пашни. Рожь мѣстами довольно густая, а мѣстами,—ближе къ Вислѣ, которая во время половодья наноситъ горы песку,—очень рѣденькая. Какъ во времена процвѣтанія Египта богатство его земледельцевъ зависѣло отъ степени разлива Нила и количества наносимаго «священною рѣкою» ила, такъ у насъ, въ Польшѣ, степень матеріальнаго благосостоянія привислинскихъ земледельцевъ зависитъ отъ того, насколько широко разольется Висла и сколько морговъ земли занесетъ своимъ пескомъ... Дорога, по мѣстному обыкновению, обсажена деревьями: акаціею, каштанами, тополями. Попадаются и солидной величины дубы. На многихъ изъ нихъ, словно раны какія, зіяютъ раскрытыя дупла. Рассказываютъ, что во время послѣдняго возстанія многіе и изъ повстанцевъ, скрывавшихся отъ правительственныхъ войскъ, и изъ жителей, бѣжавшихъ отъ тѣхъ и отъ другихъ, искали спасенія въ дуплахъ вотъ такихъ именно деревьевъ, но нерѣдко вмѣсто спасенія находили въ нихъ себѣ могилу: сгнившіе, обратившіеся въ труху, корни не выдерживали человѣка, онъ проваливался подъ землю и умиралъ голодною смертію... На многихъ деревьяхъ виднѣются небольшія иконы, украшенныя набожною рукою зеленью и цвѣтами. Встрѣчаются довольно часто, преимущественно на перекресткахъ, высокіе деревянные кресты и попадаются «религіозныя фигуры» въ видѣ сложенныхъ изъ кирпича, сквозныхъ башенокъ съ фигурою внутри Богоматери или кого либо изъ наиболѣе почитаемыхъ святыхъ. Симпатичный это обычай напоминать путнику о Богѣ! Кое-гдѣ покажется мельница, размахивающая своими огромными крыльями, промелькнетъ деревушка съ чистенькими хатками. Онѣ, хотя сплошь и рядомъ крыты соломой, но не лѣплятся другъ къ другу вплотную. Живая зеленая изгородь раздѣляетъ ихъ. Оттого и пожары здѣсь не такъ губительны, какъ въ Россіи. На каждой хаткѣ дощечка съ № и фамиліею владѣльца. На стѣнѣ жилища солтыса (сотскаго) обыкновенно бѣлая доска съ государственнымъ гербомъ... Всюду чинно и всюду порядокъ... Вонъ ѣдутъ на встрѣчу подводы съ кипами прессованнаго торфа. Онъ сбывается на пароходахъ въ Варшаву, гдѣ въ послѣднее время вошелъ въ большое употребленіе въ качествѣ дезинфекціоннаго средства (въ порошокѣ).

Возчики не горланяютъ и не сквернословятъ, идутъ себѣ тихо, степенно, молча сворачиваютъ съ дороги... Миновавъ Добржиговъ, понемногу отклоняемся отъ Вислы вправо. Вдругъ совершенно неожиданно мягкая дорога смѣняется каменнымъ шоссе, но не надолго. Снова песчаный путь.

Не доѣзжая до Гомбина верстъ трехъ, начинается большой сосновый лѣсъ. Намъ надо подняться въ гору. На встрѣчу идетъ

какой-то старикъ. Приостанавливается, приглядывается, снимаетъ шапку. — *Niech będzie pochwalony Pan Jezus Chrystus!* — привѣтствуетъ прохожія. — *Na wieki wieków. Amen!* — отвѣчаемъ ему съ возницей. Дорога попрежнему песчаная. Ёдемъ шагомъ. Встрѣчается вело-

Часть алтарной стѣны съ древними кафлями костела г. Гомбина.

сипедистъ, блестящій джентельменъ. Песокъ настолько глубокъ, что онъ не можетъ ѣхать, и бѣдному приходится, обливаясь потомъ, чуть не на себѣ тащить стального коня. Близится полдень. Хотя солнце смотреть какъ-то украдкой, день общааетъ быть жаркимъ.

Чудная свѣжесть лѣса и здоровый смолистый запахъ обдають со всѣхъ сторонъ. Птицы рѣютъ въ воздухъ, оглашая его криками... Всѣ невзгоды пути какъ-то забываются... Но вотъ и лѣсъ кончается. Передъ нами Гомбинъ. Пока наша бричка со страшнымъ звономъ и трескомъ прыгаетъ по выбоинамъ, вымощенныхъ какимъ-то необыкновенно крупнымъ булыжникомъ, узенькихъ улочекъ городка съ традиционными канавками вдоль панелей съ струящеюся по нимъ буроватую жидкостью, которая довольно таки чувствительно даетъ о себѣ знать...—припомнимъ тѣмъ временемъ немногосложную исторію Гомбина.

Гомбинъ (попольски пишется Gabin, или Gombin; въ настоящее время безуѣздный городокъ Варшавской губерніи съ четырьмя тысячами населенія, изъ коего половина евреи) принадлежитъ къ числу старыхъ польскихъ городовъ. Уже въ 1437 году Земовитъ, князь мазовецкій на Равѣ и Сохачевѣ, даруетъ ему нѣмецкое право и освобождаетъ жителей отъ разныхъ податей. По прекращеніи линіи равскихъ князей Гомбинъ достается Польшѣ. Желая поддержать его благосостояніе, польскіе короли подтверждаютъ и прежнія дарованныя городу привилегіи и снабжаютъ его новыми. Такъ дѣлають Казимиръ Ягелончикъ въ 1662 г., Сигизмундъ I, послѣ двукратнаго пожара (въ 1540 и 1545 г.), и Сигизмундъ III (въ 1589 г.). Но наступившія затѣмъ скоро шведскія войны обратили Гомбинъ въ развалины. Несмотря на всѣ льготы и привилегіи, какія ему предоставляли послѣдующіе короли вплоть до Станислава-Августа (1766 г.), Гомбинъ не могъ оправиться. Только съ началомъ настоящаго столѣтія онъ сталъ понемногу отстраиваться. Намъ попадаетъ довольно красивой архитектуры каменная евангелическая кирка (въ городѣ и его окрестностяхъ много нѣмцевъ), встрѣчаются опрятные домики, обитатели которыхъ, слышавъ грохотъ экипажа, бросаются къ окнамъ, а многіе выскакиваютъ даже на улицу взглянуть, кто ѣдетъ, мальчишки же и собаки бѣгутъ за нами. Въѣзжаемъ на рыночную площадь—центральный пунктъ всѣхъ подобныхъ городковъ. Она обстроена сравнительно лучшими зданіями — каменными и деревянными двухъ и трехэтажными домами. Нижніе этажи ихъ, по обыкновенію, заняты лавками и шинками. Посрединѣ площади лари разныхъ торговцевъ. Прямо—небольшой каменный магистратъ, очень недурной архитектуры. Правѣе его костель, о которомъ рѣчь будетъ впереди.

Оставляемъ возницу на гомбинскомъ forum'ѣ и отправляемся въ еврейскую божницу. Идти недалеко. Она — тутъ сейчасъ же, въ одной изъ боковыхъ улицъ. Когда мы еще въѣзжали въ городъ, то ея башни виднѣлись изъ-за построекъ. За нами слѣдуетъ толпа ребятишекъ. Когда же мы вынули записную книжку и карандашъ, чтобы сдѣлать набросокъ съ интереснаго въ архитектурномъ отношеніи еврейскаго храма, толпа увеличилась чуть не

вдесятеро. Въ ней были уже не одни подростки — босоногіе мальчишки и дѣвченки, но и взрослые еврейскія барышни. Съ величайшимъ любопытствомъ и напряженнымъ вниманіемъ толпа слѣдила за нашей работой. На лицахъ взрослыхъ играла довольная

Еврейская деревянная божница въ г. Гомбинѣ.

улыбка—выраженіе гордости, что «иновѣрцы» и «иноплеменники» интересуются ихъ святыней!

И въ самомъ дѣлѣ—гомбинская божница заслуживаетъ вниманія въ историко-архитектурномъ отношеніи.

Величественное деревянное зданіе стоитъ на холмѣ и фронтонъ своимъ выходитъ на довольно обширную площадь. Съ этой стороны оно напоминаетъ собою христіанскій храмъ. Сходство придаютъ ему двѣ башни по угламъ фронтона, увѣнчанныя куполами. Рассказывали мнѣ, будто лѣтъ двадцать назадъ куполы эти имѣли нѣсколько иную форму, и что ихъ немного видоизмѣнили при одной изъ реставрацій. Какъ бы то ни было, тщательное изслѣдованіе фронтона убѣдило насъ, что мѣстное еврейское общество довольно рационально относится къ своей древней святынѣ. Наиболѣе старыя деревянныя части, по мѣрѣ необходимости, замѣняются новыми и только.

Сдѣлавъ набросокъ, мы показали его собравшимся. Всѣ были въ восторгѣ. А затѣмъ, когда мы пошли въ божницу, толпа провожала насъ, и немалыхъ усилій стоило шамесу (школьнику) разогнать ее.

Внутри синагога, какъ видно, отреставрирована недавно. Старое дерево всюду замѣнено новымъ. Обшивка стѣнъ и потолка не окрашенными, свѣжими еще досками при обилии свѣта, падающаго изъ многочисленныхъ оконъ въ два яруса съ разноцвѣтными стеклами въ рамахъ, строго выдержанныхъ въ восточномъ вкусѣ, даетъ какой-то волшебный золотистый фонъ.

Внутреннее устройство божницы — такое же, какъ и устройство большинства божницъ. Высокая четырехугольная зала. На верху, съ трехъ сторонъ хоры для женщинъ. Посрединѣ залы возвышеніе, въ видѣ увѣнчанной куполомъ бесѣдки, откуда обыкновенно и читается родалъ. По правую и по лѣвую сторону отъ возвышенія — мѣста для публики (мужчинъ), напоминающія собою лавки въ костелахъ и киркахъ. Впереди, у противоположной входу стѣны, на помостѣ въ нѣсколько ступеней за балюстрадою, идущемъ вдоль всей стѣны, — кивотъ (шкафъ) для храненія священнаго свитка ветхаго заветъа. Передъ балюстрадою подсвѣчники и нѣсколько постаментовъ, въ родѣ нашихъ аналоевъ, съ хранящимися подъ стекломъ выписками изъ священнаго писанія. Съ потолка спускаются люстры, а на колонкахъ, поддерживающихъ хоры, укрѣплены канделябры.

Къ глубокому сожалѣнію, несмотря на всѣ розысканія въ дѣлахъ мѣстнаго городского управленія и гомбинскаго божничнаго дозора, а также и разпросы старожиловъ, намъ удалось добыть самыя скудныя свѣдѣнія о судьбѣ гомбинской божницы. Узнали мы только, что гомбинская синагога существуетъ сто восемьдесятъ семь лѣтъ. Эта дата была открыта случайно. При послѣдней реставраціи нашли двѣ, сложенные вмѣстѣ, дощечки. Когда ихъ раскрыли, то обнаружили 1710 годъ — годъ построенія божницы, начертанный еврейскими письменами.

Посѣтивъ раввина, который не могъ намъ сказать о божницѣ

ничего болѣе того, что мы узнали,—направляемся къ костелу, расположенному почти противъ его квартиры.

Костель стоитъ въ оградѣ, на берегу рѣчки Ниды. По обычаю—отпертъ. Входимъ. Внутри—никого. Передъ главнымъ алтаремъ теплится лампада, указаніе, что тамъ именно находятся Св. Дары. Алтарь довольно величественный. Кромѣ его, есть еще нѣсколько боковыхъ, но въ историко-археологическомъ отношеніи ни они, ни надгробные памятники (коихъ есть также нѣсколько) не представляютъ ничего выходящаго изъ ряда вонъ. Но нельзя того же сказать о наружныхъ стѣнахъ храма.

Гомбинскій костель — одинъ изъ древнѣйшихъ, такъ что даже не сохранилось никакихъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ онъ построенъ. Мѣстное преданіе приписываетъ его сооруженіе одному изъ Земовитовъ, князей мазовецкихъ. Стѣны же его, оставшіяся въ нѣкоторыхъ частяхъ не тронутыми при разныхъ переворотахъ и передѣлкахъ¹⁾, которые испытало на себѣ зданіе, дѣйствительно позволяютъ отнести эту постройку къ концу XIV—началу XV в. Особенность стѣнъ гомбинскаго костела составляютъ кафли съ рельефными на нихъ изображеніями: св. Войцѣха, греческой буквы омеги съ крестомъ внутри ея, орла, всадника, грифа—фигурами, большинство которыхъ мазовецкіе князья варшавской линіи въ XV столѣтіи употребляли въ своемъ гербѣ. Кафли эти размѣщены между обыкновенными кирпичами. Ихъ когда-то было много въ правой и алтарной (presbyterium) частяхъ зданія, о чемъ свидѣлствуютъ отверстія между кирпичами, въ которыхъ теперь воробы и ласточки понадѣлали себѣ гнѣзда. Слабость надзора была причиною того, что до настоящаго времени сохранились въ цѣлости только девять кафлей, остальные варварски разбиты, вѣроятно, уличными мальчишками. Вверху, надъ боковыми дверями паперти, сохранилась скульптурная голова маститаго старца со слѣдами рыцарскихъ доспѣховъ. Принято считать ее за изображеніе основателя костела, князя Земовита. Гораздо вѣроятнѣе, что это просто обломокъ какого нибудь рыцарскаго памятника XVI в., употребленный въ качествѣ матеріала при постройкѣ паперти. По правую сторону костела видны слѣды фундамента, примыкающаго къ зданію. Очевидно, тутъ была когда нибудь каплица.

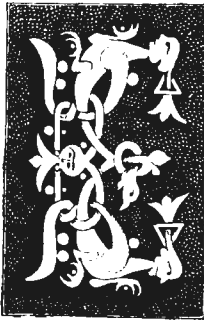
Побродивъ еще немного по городу и заказавъ одному изъ мѣстныхъ любителей нужные фотографическіе снимки, мы тронулись въ утомительный обратный путь.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Последняя—капитальная—была въ 1862 году.

РАСКОПКИ ВЪ РОССІИ ВЪ 1897 ГОДУ.

ВЖЕГОДНЫЯ археологическія выставки добытыхъ древностей, устраиваемыя въ Петербургѣ Императорскою археологическою комиссіею для воззрѣнія Государя Императора, представляютъ собою несомнѣнный интересъ, являясь нагляднымъ результатомъ трудовъ нашихъ археологовъ въ теченіе года во всей Россіи. Все сколько нибудь интересное и цѣнное въ археологическомъ отношеніи собирается здѣсь въ одну общую коллекцію, которая дѣлается доступною и для осмотра лицами, интересующимися археологіею. Послѣ того наиболѣе интересные предметы поступаютъ въ Эрмитажъ и въ Московскій историческій музей, прочіе же отсылаются въ общественные провинціальныя музеи, преимущественно смотря по мѣсту нахождения предметовъ.

Прошлый 1897 годъ былъ счастливымъ для археологовъ и въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые производили раскопки на Кавказѣ. На выставкѣ три комнаты были заняты многочисленными находками, расположенными группами, по районамъ ихъ нахождения; мелкіе же металлическіе и другіе предметы, кромѣ того, были красиво и со вкусомъ прикрѣплены къ особымъ платамъ съ цвѣтнымъ фономъ. Нѣкоторыя мѣста раскопокъ (курганы, могилы, гробницы, развалины) иллюстрированы акварельными рисунками, расположенными на стѣнахъ, возлѣ соответствующихъ имъ предметовъ раскопокъ.

Въ Кубанской области съ особеннымъ успѣхомъ были произведены изысканія профессоромъ Н. П. Веселовскимъ. Въ городѣ Май-

копѣ имъ былъ изслѣдованъ курганъ, высотой въ 5 сажень. Вдоль длинной оси кургана былъ найденъ скелетъ очень древняго времени и, какъ сейчасъ увидимъ, вѣроятно, важнаго лица, быть можетъ, даже царскаго рода, а въ ногахъ у него и въ томъ же направленіи лежали два скелета: мужской—раба и женскій—рабыни. Въ разныхъ мѣстахъ кургана были расположены 14 золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, большею частью съ шарообразнымъ дномъ—признакъ достаточной древности; два сосуда съ изображеніями животныхъ древне-восточнаго типа. По древне-языческимъ понятіямъ, человекъ въ загробной жизни, какъ и въ земной, имѣлъ тѣ же потребности въ пищѣ, питьѣ и пр.,—отсюда и является забота о снабженіи покойника необходимыми для него сосудами и другою домашнею утварью. Принадлежность этого кургана лицу царскаго рода можно допустить на томъ основаніи, что возлѣ перваго скелета было найдено множество золотыхъ штампованныхъ львовъ съ отверстіями по краямъ для прикрѣпленія ихъ къ одеждѣ. Здѣсь же оказались золотыя розетки, золотыя и сердоликовыя бусы, золотыя кружки, плотно одинъ къ другому нашитые на одеждѣ, золотыя серьги, ожерелья, головныя повязки и проч. Въ этомъ же курганѣ профессоръ Веселовскій нашелъ шесть трубочекъ: двѣ серебряныхъ, а четыре—на половину золотыхъ, на половину серебряныхъ. На двухъ серебряныхъ трубкахъ были продѣты два такихъ же бычка, на смѣшанныхъ трубкахъ—два золотыхъ бычка, вѣсомъ болѣе фунта каждый. Такіе бычки съ трубочками найдены впервые, и назначеніе ихъ трудно точно опредѣлить: по нѣкоторымъ предположеніямъ, они служили чѣмъ нибудь въ родѣ жезловъ, по другимъ же предположеніямъ, они могли служить украшеніями и для шатровъ, разбивавшихся для важныхъ лицъ.

Изъ раскопокъ въ Кубанской области обращаетъ на себя вниманіе массивный золотой олень, вѣсомъ 1 фунтъ 53 золотника, съ подогнутыми подъ себя ногами и длинными вѣтвистыми рогами вдоль самой спины. Этотъ олень составлялъ украшеніе щита или налучья. Онъ найденъ профессоромъ Веселовскимъ въ Костромской станицѣ, замѣчательно хорошо сохранился и очень похожъ на знаменитаго Куль-Обскаго оленя Императорскаго Эрмитажа.

Здѣсь же былъ найденъ мѣдный панцырь изъ чешуекъ, нашивавшихся на кожу. Близъ него нашли девять скелетовъ человѣческихъ и двадцать четыре—лошадиныхъ. Не менѣе замѣчательны серебряное вызолоченное блюдо съ красивымъ выпуклымъ рисункомъ, ковшъ, серебряная гребенка съ металлическимъ футляромъ, мужскія и женскія серьги, кольца, бусы, стеклянный бокалъ, серебряный сосудъ. Тутъ же нашли бронзовыя орудія, какъ, напримѣръ: боевыя молоты, кинжалъ, остатки шлемовъ, бронзовые ажурные шары съ круглыми погремушками внутри и пр.

Не меньшій интересъ представляетъ найденный Н. И. Веселов-

скимъ мѣдный гробъ. Весь онъ былъ завернутъ въ пунцовую матерію съ роскошною вышивкою, узоръ которой еще мѣстами сохранился. Гробъ имѣлъ плоское дно и выпуклый, закованный сбоку верхъ. Въ такомъ видѣ его доставили съ мѣста въ Петербургъ, въ археологическую комиссію, и уже здѣсь онъ былъ вскрытъ. Въ немъ лежалъ довольно хорошо сохранившійся мужской скелетъ, какъ видно, военного начальника, занимавшаго высокое положеніе, о чемъ можно судить по золотому поясу, съ золотыми бляхами, которымъ опоясанъ скелетъ. Вдоль его лежатъ сильно проржавѣвшіе желѣзная сабля, ножъ и точилка, а также налучье, украшенное серебряною розеткою со стрѣлами. Три серебряныя круглыя чашки оказались подъ головою и подъ локтями,—очевидно, это одинъ изъ мѣстныхъ обычаевъ погребенія XIV или XV вѣка, къ какому времени и слѣдуетъ отнести эту рѣдкую археологическую находку.

Насколько вообще зависятъ отъ случайности археологическія раскопки, можно судить, между прочимъ, по слѣдующему факту. Въ Ставропольской губерніи пастухъ нашель шейное кольцо (родъ древняго ожерелья), которое, какъ вещь, для него бесполезную, продалъ какому-то мѣщанину за двугривенный. Въ свою очередь и тотъ, не подозрѣвая, что въ его рукахъ цѣнная археологическая находка, вздумалъ приспособить ее при починкѣ телѣги и для этой цѣли выпрямилъ кольцо и разломалъ его пополамъ. Но блескъ въ мѣстѣ излома, а также изображенія головъ какихъ-то звѣрей (въ родѣ львовъ) на концахъ разогнутаго кольца показали ему подозрительными, и онъ понесъ эту «штуку» къ золотыхъ дѣлъ мастеру, который, къ счастью, оказался человѣкомъ честнымъ и откровенно сказалъ, что пруть золотой. Тогда владѣлецъ древняго кольца предпочелъ представить эту находку по начальству и въ результатѣ всего получилъ за обломки кольца 125 рублей, выданные ему археологическою комиссіею.

Въ курганахъ XIV и XV вѣковъ, близъ Нальчика (Терской области), изслѣдованныхъ г. Владиміровымъ, были найдены серебряныя и бронзовыя сережки, пряжки, желѣзное оружіе и другіе предметы. Здѣсь же весьма существенную находку составили издѣлія такъ называемаго готскаго типа—золотыя бляхи и пряжки, украшенныя красными камнями и стеклами. Въ Западной Европѣ подобные предметы встрѣчаются во Франціи и Венгріи, а у насъ доходятъ до Перми и Кавказа.

Въ южной Россіи наиболѣе результатными оказались раскопки около древняго Херсонеса и Керчи, въ Таврической и Екатеринославской губерніяхъ. Возлѣ Херсонеса въ развалинахъ древняго христіанскаго храма былъ найденъ г. Косцюшко-Валюжиничемъ серебряный ковчегъ въ видѣ саркофага съ изображеніями святыхъ и мощами, впоследствии съ почестями перенесенными въ Херсонесскій монастырь. Въ окрестностяхъ Херсонеса, кромѣ того, найдено

довольно много мелкихъ предметовъ, какъ, на примѣръ: погребальныя урны, терракотовыя лампочки съ рисунками, стекляныя браслеты, флаконы, бусы и пр. Вещественными доказательствами нѣкоторыхъ древнихъ обрядовъ погребенія въ этой мѣстности могутъ служить наглазники и наротники—тонкія золотыя пластинки, которыя накладывались покойнику на лицо при погребеніи. Въ Таврической губерніи въ прошломъ году было найдено очень богатое погребеніе, содержавшее массу золотыхъ предметовъ, какъ, на примѣръ: оленью голову, выпуклыя фигурки вакханокъ, большія серьги, ожерелья, браслеты, бусы, перстни и пр. Предметы римскаго времени находятъ здѣсь уже не въ первый разъ.

Раскопки близъ Керчи дали немало предметовъ греческаго издѣлія, ибо, какъ извѣстно, Крымъ былъ когда-то одною изъ богатѣйшихъ греческихъ колоній: довольно тонкой работы вазочки съ фигурами въ двѣ-три краски, статуетки, маски, издѣлія изъ тонкаго стекла—все это произведенія III-IV вѣка до Рождества Христова. Если не ошибаемся, впервые въ этихъ мѣстахъ найдены куски расписной штукатурки—остатки зданій римскихъ временъ, обломки въ свое время прочной работы, о чемъ свидѣлствуютъ остатки пола со вставками изъ мрамора, для прочности. Что же касается статуй, то близъ Керчи, въ селеніи Глиницѣ, еще дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ были въ первый разъ найдены двѣ прекрасныя мраморныя статуи мужчины и женщины, въ греко-римскихъ одѣяніяхъ. Раскопку производилъ тогда г. Арпа, которому удалось извлечь эти статуи въ совершенно неповрежденномъ видѣ изъ склепа на глубинѣ 2 сажень. Въ прошломъ году, кромѣ вышеуказанныхъ предметовъ, были найдены близъ Керчи древнія боспорскія монеты, серебряныя украшенія лошадиныхъ уборовъ, удила и другія принадлежности.

Въ Херсонской губерніи, въ Одесскомъ уѣздѣ, было найдено въ числѣ другихъ предметовъ, круглое бронзовое зеркало, гладко полированная поверхность котораго въ свое время вполне замѣняла современную амальгаму на стеклѣ. Подставку этого зеркала составляетъ женская фигура, которая держитъ на себѣ зеркальный кругъ. Это—греческая работа, такъ же какъ и разныя глиняныя издѣлія (кувшины, вазы и проч.), нѣкоторыя даже въ видѣ человѣческой головы. Близъ Ольвіи раскопки обнаружили двѣ большія чаши съ рисунками сценъ изъ греческой жизни и золотую статуетку. Съ острова Березани ротмистромъ Кушнеромъ были доставлены глиняныя сосуды; но еще болѣе ихъ обращаютъ на себя вниманіе вещи, найденныя близъ Тирасполя—раскопки г. Стемпковскаго: характерная свѣтлоглиняная посуда съ орнаментациею въ краскахъ.

Въ Екатеринославской губерніи раскопки производились помѣщикомъ А. Н. Синельниковымъ (въ его имѣніи), который изслѣдовалъ такъ называемый курганъ Бабу. Здѣсь были найдены боль-

шой бронзовый котелъ съ рельефными орнаментами, остатки бронзовыхъ вазъ и нѣсколько золотыхъ бляхъ, кольца, серьги и разныя небольшія украшения. Всѣ найденные предметы, а также фотографическіе виды произведенныхъ г. Синельниковымъ раскопокъ въ двухъ роскошныхъ альбомахъ были имъ поднесены Государю Императору. Въ этой же губерніи, при разслѣдованіи г. Спицынымъ одного кургана, расхищеннаго много лѣтъ назадъ, были найдены нѣкоторые золотые предметы скиѣскаго типа.

Въ Волынской губерніи были добыты серебряныя рубли-слитки. Въ Кіевской губерніи у собирателей древностей пріобрѣтены желѣзныя кольчуги, очень хорошо сохранившіяся, древнее оружіе, принадлежности конской сбруи, разнаго вида кресты-складни и проч. Въ Могилевской губерніи нашли стеклянный спаянный шарикъ съ жидкостью внутри—можетъ быть, святою водою изъ Иордана, привезенною странникомъ. Возлѣ Новгорода, на размытомъ водою берегу рѣки Волхова, нашли очень тяжелыя желѣзныя вериги съ золочеными крестами. Въ Привислянскомъ краѣ (въ Калишской губ.) были найдены богатый складъ нѣмецкихъ и англо-саксонскихъ монетъ X—XI в., серебро въ видѣ обрубковъ металла самой разнообразной формы и величины. Сравнительно мелкія археологическія находки были сдѣланы въ Петербургской, Астраханской, Лифляндской, Рязанской, Костромской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, при чемъ главныя предметы этихъ находокъ составили серебряныя блюда, кольца, разныя мелкія украшения, бляшки и прочее. Раскопки въ Петербургской губерніи были представлены на археологической выставкѣ наглядно въ очень искусной модели, изготовленной г. Рерихомъ.

Изъ остальныхъ мѣстъ Европейской Россіи слѣдуетъ еще указать на Пермскую губернію. Археологамъ здѣсь удалось наткнуться на языческое жертвенное мѣсто, гдѣ оказались сосредоточенными небольшіе идолы, изображенія животныхъ, ножи, бляшки и разныя священные предметы. Въ Пермской губерніи раньше не разъ были находимы сосуды древне-персидской сассанидской работы, причемъ на этихъ сосудахъ обыкновенно встрѣчались изображенія птицъ, звѣрей или сцены изъ охотничьей жизни. Но въ прошломъ 1897 году было отсюда доставлено серебряное вызолоченное блюдо персидской работы, замѣчательное тѣмъ, что на немъ впервые оказались изображенія съ христіанскимъ сюжетомъ. Они помѣщены въ трехъ медальонахъ, и содержаніе этихъ изображеній поясняется сирійскими надписями, которыя слѣдуетъ отнести къ V—VI вѣку. Въ одномъ медальонѣ изображенъ распятый Христосъ и по сторонамъ Его два разбойника, изъ которыхъ одинъ отвернулся отъ Спасителя—очевидно, тотъ, который издѣвался надъ Христомъ, а другой повернулъ къ Немѣ свое лицо—тотъ, который сказалъ: «помяни мя, Господи, егда придеши во царствіе Твое». Въ другомъ медальонѣ изображено

Воскресеніе Христова, при чемъ у гроба помѣщены Марія Магдалина и другая Марія, а также ангелы и воины; впрочемъ, фигуры послѣднихъ не помѣстились въ самомъ медальонѣ и потому сдѣланы внѣ его. Въ третьемъ медальонѣ включено Вознесеніе Христова. Кромѣ того, на этомъ же блюдѣ изображены пророкъ Даніиль съ двумя львами и апостоль Петръ съ пѣтухомъ (отреченіе Петра). Несмотря на то, что всѣ эти рисунки исполнены далеко не художественно, самое блюдо представляетъ собою крупный археологическій интересъ.

Въ Средней Азіи были найдены обломки изразцовъ съ пестрыми рисунками и плиты съ художественными украшеніями и арабскими надписями. Наконецъ, въ Сибири болѣе интересныя находки были сдѣланы въ Тобольской и Енисейской губерніяхъ, въ которыхъ предметы раскопокъ составили, между прочимъ, серебряное блюдо, нагрудныя украшенія, оружіе, зеркала, маски и разные предметы домашней утвари.

Раскопки въ Россіи сравнительно только очень недавно поставлены подъ охрану закона и, благодаря этому, нынѣ ведутся съ возрастающимъ успѣхомъ и, гдѣ возможно, съ научною послѣдовательностью. 11-го марта 1889 года состоялось высочайшее повелѣніе, въ силу котораго исключительное право производства и разрѣшенія, съ археологическою цѣлью, раскопокъ въ имперіи, на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ и общественныхъ — предоставлено императорской археологической комиссіи. Всѣ учрежденія и лица, предполагающія производить подобныя раскопки, обязаны, независимо отъ сношенія съ начальствомъ, въ вѣдѣніи котораго состоятъ упомянутыя земли, входить въ предварительное соглашеніе съ императорскою археологическою комиссіею. Открываемые при раскопкахъ цѣнные и особо важныя въ научномъ отношеніи предметы должны быть присылаемы въ императорскую археологическую комиссію, для представленія на высочайшее воззрѣніе.

До этого повелѣнія въ Божѣ почившаго Государя Императора всякій могъ безконтрольно производить раскопки гдѣ и какъ угодно, а потому многіе предметы, найденные въ Россіи, цѣнные въ научномъ отношеніи, миновали археологическую комиссію. Теперь же мы видимъ, что археологія, насчитывающая всего лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія, разрабатывается подъ милостивымъ покровительствомъ высочайшей власти все больше и больше. Давая ежегодно видимые результаты трудовъ ея представителей, молодая археологія своими раскопками и изслѣдованіями освѣтитъ не одну туманную страницу исторіи древней Руси и тѣхъ историческихъ и полумифическихъ народовъ, которые когда-то населяли необозримыя пространства современной намъ Русской земли.

В. Жерве.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ И ЧЕСТВОВАНІЯ ЕГО ПАМЯТИ ¹⁾.

IX.

ВЪЧАЛНО кончились многострадальные дни величайшаго русскаго критика, печальная участь постигла на первыхъ порахъ его семейство, обреченное на жестокую борьбу за право существованія. Мало того, самое имя критика сдѣлалось символомъ чего-то опаснаго, подозрительнаго, о чемъ можно было говорить съ большою осторожностью лишь въ тѣсномъ кругу. О величаніи его заслугъ передъ русской литературой и русской жизнью не могло быть и рѣчи, благодаря чему Чернышевскій въ своихъ критическихъ «очеркахъ» вынужденъ даже окрестить ихъ произвольнымъ именемъ «Гоголевскіе», дабы только не группировать ихъ вокругъ имени БѢлинскаго, который на самомъ дѣлѣ являлся, однако, центральною фигурой этихъ «очерковъ». Но время сдѣлало свое дѣло; понемногу и постепенно Россія освободилась отъ разныхъ ложныхъ страховъ и опасностей; выяснилось съ полною очевидностію значеніе ея наиболѣе просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ работниковъ, содѣйствовавшихъ сокрушенію ложныхъ основъ ея дореформенной жизни, и вотъ въ настоящее время мы свободно и безстрашно можемъ говорить,

Какой свѣтильникъ разума погасъ,
Какое сердце биться перестало

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», томъ LXXII, стр. 936.

пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ одну изъ самыхъ темныхъ эпохъ русской жизни текущаго столѣтїя. Русское общество, въ предѣлахъ своей свободы и своихъ средствъ, дружно сознало необходимость достойнымъ образомъ почтить великую память своего павшаго въ жизненной борьбѣ героя-праведника, и то, что обществомъ было сдѣлано съ этою цѣлью, вполне наглядно показываетъ его умственную зрѣлость, ростъ его національнаго (въ лучшемъ смыслѣ слова) самосознанїя. Посмотримъ же теперь, какъ отмѣчено было значеніе пятидесятой годовщины кончины нашего критика, и какія именно его заслуги передъ родною землею выступили съ особенною рельефностью въ знаменательные дни литературныхъ торжествъ, посвященныхъ имени Бѣлинскаго и кратковременной его литературной дѣятельности.

Приготовленїя къ чествованію памяти Бѣлинскаго и стремленїе подчеркнуть общественный смыслъ готовящагося полувѣковаго юбилея со дня его кончины относятся еще къ 1896 г., когда вышло удешевленное Павленковское изданіе «сочиненїй» нашего критика. По поводу этого новаго изданїя въ журналахъ и газетахъ появляется въ теченїе всего 1897 г. рядъ статей о Бѣлинскомъ, изъ коихъ я уже обратилъ вниманїе читателей на статью г. Филиппова «Философскїя убѣжденїя Бѣлинскаго», напечатанныя въ его журналѣ «Научное Обозрѣніе» за 1897 г. Осенью же 1897 г., въ Кіевѣ, въ коллегіи Павла Галагана, преподаватель Г. В. Александровскій произноситъ публичную рѣчь «Къ пятидесятилѣтїю смерти В. Г. Бѣлинскаго», которая затѣмъ поступаетъ въ продажу отдѣльной брошюрой. Съ начала 1898 г. предвѣстники наступающаго юбилея попадаютъ все чаще и чаще. Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ, г. Якушкинъ читаетъ въ Историческомъ музеѣ публичныя лекціи о Бѣлинскомъ, собирающїя массу публики и производящїя обстоятельностью изложенїя фактовъ жизни нашего критика и теплотою чувствъ, вложенныхъ лекторомъ въ свои чтенїя, сильное впечатлѣніе на слушателей. По мнѣнію Якушкина, «взгляды и идеи Бѣлинскаго дали содержанїе всей дальнѣйшей критической литературѣ; великій критикъ впервые представилъ надлежащую оцѣнку всѣмъ выдающимся явленїямъ русской словесности, онъ первый напутствовалъ дѣятельность писателей, которыми гордится новѣйшая русская литература, онъ содѣйствовалъ общественному воспитанію подроставшихъ поколѣній».

Въ той же Москвѣ, на святой недѣлѣ, состоялось торжественное чествованїе памяти Бѣлинскаго Обществомъ любителей россійской словесности въ актовомъ залѣ університета.

Предсѣдатель Общества, Н. И. Стороженко, открылъ торжество обращенїемъ съ прївѣтствїемъ отъ имени Общества къ свояченицѣ Бѣлинскаго, А. В. Орловой, причемъ передалъ ей въ воспоминанїе о чествованїи заслугъ ея великаго родственника букетъ цвѣтотъ. Въ послѣдовав-

шей затѣмъ своей рѣчи проф. Стороженко остановился главнымъ образомъ на одномъ вопросѣ,—вопросѣ объ эволюціи критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго. Перечисливъ всѣ тѣ переходы въ воззрѣніяхъ критика на художественное творчество, которые слѣдовали другъ за другомъ вплоть до петербургскаго періода дѣятельности В. Г., проф. Стороженко указалъ, какъ подъ вліяніемъ условій русской дѣйствительности Бѣлинскій постепенно превращался изъ критика-эстетика въ критика-публициста, отрѣшившагося подъ напоромъ предъявляемыхъ жизнью требованій отъ эстетическихъ и гегеліанскихъ увлеченій и замѣнившаго ихъ опредѣленнымъ общественно-моральнымъ ученіемъ. Это, однако, не была измѣна однимъ взглядамъ и предпочтеніе имъ другихъ противоположныхъ; это было постепенное развитіе, переработка воззрѣній, неустанное движеніе впередъ.

Послѣдовавшее за симъ сообщеніе И. И. Иванова «Бѣлинскій, какъ русскій культурно-историческій типъ» представило живую картину внутренней жизни и постепеннаго духовнаго роста В. Г. Это былъ,—говорилъ г. Ивановъ,—прирожденный апостоль, искавшій прозелитовъ во что бы то ни стало и несмуцавшійся, когда встрѣчалъ на своемъ пути несогласныхъ съ собою. Если онъ шелъ не всегда одною дорогою, то цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, принципы, которымъ служилъ, были всегда неизмѣнны. Завѣты, оставленные Бѣлинскимъ, далеко еще не осуществлены; средства и способы, которые онъ примѣнялъ въ своихъ писаніяхъ,—обнаженіе русской дѣйствительности и сопоставленіе съ нею результатовъ и выводовъ европейской общественной мысли и жизни,—надолго еще останутся надежными и неизбѣжными. И если одинъ изъ враговъ Бѣлинскаго сказалъ про него: «Бѣлинскій умеръ,—живъ Бѣлинскій», то въ этихъ словахъ заключается лучшая похвала знаменитому дѣятелю, невольное признаніе его неумирающаго вліянія на послѣдующую жизнь и послѣдующія поколѣнія.

Фактическій, по преимуществу, характеръ имѣло сообщеніе В. Е. Якушкина: «Бѣлинскій, его друзья и враги», гдѣ лекторъ напомнилъ главнѣйшіе эпизоды изъ жизни и дѣятельности великаго критика. По поводу раздававшихся нерѣдко возгласовъ о недостаточности знаній Бѣлинскаго г. Якушкинъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Если officialный университетъ и не призналъ Бѣлинскаго, то годы студенчества оказали тѣмъ не менѣе на него огромное вліяніе, а потомъ люди и книги сдѣлали то, что не всегда въ состояніи сдѣлать и университетъ. Бѣлинскій въ годы своего ученія встрѣчается вездѣ съ людьми выше средняго уровня, впитавшими въ себя, такъ сказать, всѣ результаты предшествующей работы общественной мысли, и на него въ общемъ оказала вліяніе вся совокупность тогдашней русской образованности. Въ заключеніе своего сообщенія г. Якушкинъ остановился на вопросѣ о редакціи изданій сочиненій Бѣлинскаго. Г. Якушкинъ отмѣтилъ, что первое

изданіе, выпущенное въ 1859 году К. Т. Солдатенковымъ и Н. М. Щепкинымъ подъ редакціей Н. Х. Кетчера и отчасти А. Д. Галахова, имѣвшее такое важное значеніе, не было полнымъ: Кетчеръ не все написанное Бѣлинскимъ внесъ въ изданіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напечатаннаго имъ были сдѣланы пропуски. Между тѣмъ это изданіе перепечатывалось затѣмъ безъ перемѣнъ, а въ изданіи, выпущенномъ въ 1896 году г. Павленковымъ, были произведены еще и новыя сокращенія. Г. Якушкинъ высказалъ пожеланіе, чтобы въ настоящее время было предпринято такое собраніе сочиненій Бѣлинскаго, которое можно было бы назвать дѣйствительно полнымъ.

Яркою характеристикой душевнаго склада Бѣлинскаго явилось сообщеніе А. Н. Веселовскаго «Orlando furioso»¹⁾. Напомнивъ о томъ, какъ произведеніе Аріосто, усердно читавшееся Бѣлинскимъ и его товарищами-студентами, дало поводъ къ наименованію страстнаго и увлекающагося юноши сначала «неистовымъ Роландомъ», затѣмъ «неистовымъ Виссаріономъ», проф. Веселовскій провелъ параллель между героемъ Аріосто и его русскимъ снимкомъ въ лицѣ Бѣлинскаго. При кипучемъ темпераментѣ Бѣлинскаго, при томъ ускоренномъ темпѣ, которымъ билась его жизнь, для него были особенно тягостны общественныя условія тогдашней русской жизни, когда приходилось молчать или тщательно скрывать свои мысли, между тѣмъ какъ, по выраженію Бѣлинскаго, «хотѣлось порою умереть отъ избытка жизни». Статьи Бѣлинскаго представляютъ лишь слабую копию, блѣдный оттискъ того первичнаго образа, который имѣли мысли Бѣлинскаго, и не только потому, что статьи урѣзались цензурою, но и потому, что бумага никогда не передастъ того увлеченія волненія и страсти, которыми горѣлъ Бѣлинскій, когда писалъ свои произведенія. И ни въ западной литературѣ, ни въ русской послѣ Бѣлинскаго нельзя указать такого удивительнаго сліянія критическаго чутья, публицистическаго таланта и горячаго чувства, которое представилось въ лицѣ В. Г. И если въ литературной критикѣ имя Бѣлинскаго останется незабвеннымъ, то въ исторіи личности въ Россіи этотъ «гладіаторъ» и рыцарь правды займетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

«Сложнымъ, извилистымъ, полнымъ переходовъ, колебаній, разочарованій и радостныхъ открытій, представляется долгій путь, пройденный Бѣлинскимъ въ поискахъ за истиной,—сказалъ А. Н. Веселовскій,—но черезъ всѣ ступени развитія проходитъ цѣльный и не пострадавшій отъ столкновеній съ дѣйствительностью нравственный образъ, которому на старомъ литературномъ жаргонѣ не нашлось иного прозвища, кромѣ эническаго имени Аріостова героя. Въ наше время золотой середины и мудрой практической умѣренности, когда воодушевленіе начинается казаться чѣмъ-то старомоднымъ, добытымъ изъ архивовъ сороковыхъ или шестидесятыхъ годовъ, образъ этотъ является еще поразительнѣе.

¹⁾ Рѣчь эта нынѣ полностью напечатана въ «Новостяхъ» (№ 142), 26-го мая, въ день пятидесятилѣтія кончины Бѣлинскаго.

«Пусть же исторія русской критики вѣнчаетъ Бѣлинскаго, какъ ея творца,— исторія развитія личности на Руси будетъ всегда считать однимъ изъ своихъ лучшихъ украшеній такого рыцаря правды, какъ нашъ незабвенный «неистовый Орландъ»».

Сообщеніе Г. А. Джаншіева «Бѣлинскій и эпоха реформъ» устанавливало связь реформъ 60-хъ гг. съ публицистическою дѣятельностью В. Г. Наибольше крѣпка эта связь, конечно, съ главнѣйшею язвой нашего дореформеннаго быта—крѣпостнымъ правомъ. Еще на суденческой скамѣ Бѣлинскій написалъ драму «Дмитрій Калининъ», бичующую зло крѣпостнаго права и аттестованную начальствомъ «безчестною». Этимъ произведеніемъ юноша какъ бы далъ Аннибалу клятву бороться всю жизнь съ существовавшимъ въ русской дѣйствительности поработеніемъ человѣка. Если на необходимость другихъ реформъ Александра II въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго и нѣтъ прямыхъ указаній, то, съ одной стороны, они подготовили ту почву, благодаря которой сдѣлалось возможнымъ возрожденіе Россіи, съ другой—въ письмахъ Бѣлинскаго разбросано множество мыслей, показывающихъ, что знаменитымъ публицистомъ ясно сознавался не только духъ, въ которомъ предстояло произвести преобразование русской жизни, но и тѣ конкретныя сферы ея, которыя въ преобразованіяхъ нуждались.

Въ заключеніе артистъ Сумбатовъ прочиталъ поэму Некрасова «Бѣлинскій», не попавшую въ полное собраніе стихотвореній поэта.

Торжество засѣданія находилось въ связи съ «выставкой» въ память Бѣлинскаго, устроенною обществомъ. Портреты, бюсты, рукописи Бѣлинскаго, портреты его друзей, литературныхъ противниковъ, его издателей,—все, что имѣется въ извѣстныхъ частныхъ собраніяхъ и связано съ именемъ знаменитаго критика, доставлено было на выставку. Большинство предметовъ по разнымъ отдѣламъ выставки взято было изъ собранія П. А. Ефремова, другіе предметы доставлены отъ М. Е. Коршъ, К. Т. Солдатенкова, кн. Н. В. Шаховскаго, А. И. Станкевича, Е. И. Якушкина, Н. И. Стороженко, В. Е. Якушкина, А. Ѳ. Ушакова, А. Н. Невѣрова, Е. С. Некрасовой, А. Б. Щепкиной, М. П. Щепкина, А. П. Ивановой, Ѳ. Е. Корша, Н. Н. Щепкина, П. В. Толченова, А. А. Астапова, А. П. Бахрушина, Д. М. Щепкина. Въ первомъ отдѣлѣ выставки портреты Бѣлинскаго и виды его могилы представлены изъ собранія П. А. Ефремова. Здѣсь помѣщены были портреты критика въ литографіи, исполненной въ 1843 году по рисунку съ натуры академика К. А. Горбунова, въ нѣсколькихъ другихъ литографіяхъ и полиптикахъ съ того же оригинала; гравюра Ѳ. И. Иордана 1859 года съ того же оригинала, съ прибавкой усовъ и бороды, сдѣланною самимъ К. А. Горбуновымъ на его литографіи на другой день кончины Бѣлинскаго; рисунокъ карандашемъ А. Редера, 1858 г., для Н. А. Некрасова по оригиналу О. М. Языковой, сдѣланному съ натуры въ маѣ 1848 года

и находящемуся въ Третьяковской городской галлерей; фототипія художника Астафьева, 1881 г., сдѣланная по бюстамъ и портретамъ Бѣлинскаго; Бѣлинскій въ гробу, раскрашенная фотографія А. Deveria съ оригинала, писаннаго масляными красками К. А. Горбуновымъ на другой день по кончинѣ геніальнаго критика и хранящагося у его дочери О. В. Бензи; эскизъ могилы Бѣлинскаго, сдѣланный съ натуры масляными красками художникомъ Н. Н. Ге, 15-го августа 1856 г.; фотографія съ могилы Бѣлинскаго, послѣ похоронъ Добролюбова, съ могилою послѣдняго, 1862 г.; видъ могилъ Бѣлинскаго и Добролюбова, политипажъ въ Сіаніи 1872 г. и пр. Въ томъ же отдѣлѣ выставлены три бюста В. Г. Бѣлинскаго: бронзовый—работы Н. Н. Ге, изъ собранія К. Т. Солдатенкова, и два гипсовыхъ, одинъ—работы того же художника, а другой работы А. С. Козлова, и по-смертная гипсовая маска, а также подлинная фотографія М. В. Бѣлинской съ дочерью Ольгой Виссаріоновной и сестрою А. В. Орловой (фототипія этого портрета была помѣщена въ «Братской помощи») и фотографіи 1898 г. дочери критика О. В. Бензи и ея сыновей Владиміра и Евгенія. Въ отдѣлѣ, представляющемъ университетскій кружокъ и московскихъ друзей Бѣлинскаго, помѣщены были портреты въ литографіяхъ, фотографіяхъ, фототипіяхъ, гравюрахъ, аквареляхъ и политипажкахъ: Н. В. Станкевича (два портрета и медальонъ), М. А. Бакунина, М. Н. Каткова, И. П. Ключникова, Н. Х. Кетчера, К. С. Аксакова (очень интересный оригиналъ, рисованный К. К. Павловой), Ю. О. Самарина, Я. М. Невѣрова, А. П. Ефремова, Н. П. Фролова, А. И. Герцена (8 портретовъ), Н. А. Герценъ, Герцена и Огарева, дѣтей Герцена, Н. П. Огарева, В. В. Пассекъ, Н. М. Сатина, Т. Н. Грановскаго (два портрета, бюстъ медальонъ), Е. Б. Грановской, Е. О. Коршъ, М. О. Коршъ, С. К. Коршъ, А. Д. Га-лахова, П. Н. Кудрянцева, А. В. Кольцова, И. П. Лажечникова, Н. Ф. Павлова, Н. А. Полеваго, П. Я. Чаадаева, М. С. Щепкина, Д. М. Щепкина, П. С. Мочалова. Въ отдѣлѣ, представляющемъ московскихъ славянофиловъ, выставлены фотографіи, фототипіи, гравюры и литографіи: С. Т. Аксакова, К. С. Аксакова, Ю. О. Самарина, И. С. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. Кирѣевскаго и Н. М. Языкова. Начальство и профессора Московскаго университета 30-хъ и 40-хъ годовъ представлены портретами: попечителя кн. С. М. Голицына, ректора И. А. Двигубскаго, профессора и инспектора П. С. Щепкина, профессора и цензора Л. А. Цвѣтаева, профессоровъ Н. И. Надеждина, М. Г. Павлова, М. Т. Каченовскаго, А. М. Кубарева, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и И. И. Давыдова. Въ отдѣлѣ, изображающемъ петербургскихъ друзей и знакомыхъ Бѣлинскаго, выставлены портреты: А. А. Краевскаго, И. И. Панаева, Е. Я. Панаевой-Головачевой, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева (1838—1839 гг.), Д. В. Григоровича, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевскаго, А. В. Дружинина, кн. В. О. Одоевскаго, К. Д. Кавелина, гр. В. А. Соллогуба, гр. Л. Н. Толстого, И. П.

Лажечникова, В. Г. Бенедиктова, О. Н. Глинки, Н. О. Щербины, Н. М. Львова, А. Н. Майкова, А. О. Писемскаго, П. И. Мельникова и М. П. Полонскаго. Рядомъ помѣщалась группа фотографическихъ портретовъ работы Левицкаго, снятыхъ въ 1850-хъ годахъ съ литераторовъ: В. П. Боткина, кн. П. А. Вяземскаго, О. И. Тютчева, П. В. Анненкова, А. С. Сгруговщикова, А. Н. Островскаго, А. А. Потѣхина и упомянутыхъ выше первоклассныхъ нашихъ писателей; далѣе портреты Пушкина, Лермонтова и Гоголя, какъ нашихъ великихъ писателей, оцѣнка дѣятельности которыхъ дана Бѣлинскимъ, и портреты авторовъ болѣе выдающихся сочиненій и статей о В. Г. Бѣлинскомъ: Н. Г. Чернышевскаго, Н. А. Добролюбова, Д. Д. Минаева, А. А. Григорьева, архимандрита Феодора (А. М. Бухарева), Д. И. Писарева, О. О. Миллера, А. Н. Пыпина, А. М. Скабичевскаго, Н. К. Михайловскаго. Въ отдѣлѣ, представляющемъ противниковъ Бѣлинскаго, помѣщены портреты: О. В. Булгарина, Греча, Сенковскаго, А. О. Воейкова, графа А. Х. Бенкендорфа, графа А. О. Орлова и Л. В. Дубельта. Имѣются также портреты художниковъ, давшихъ изображенія критика,—К. А. Горбунова, Н. Н. Ге и А. А. Наумова,—и издателей его сочиненій: К. Т. Солдатенкова, Н. М. Щепкина, А. И. Глазунова.

Подлинныя черновыя рукописи Бѣлинскаго представлены были изъ собранія П. В. Толченова въ количествѣ 357 листовъ. Рукописи эти представляютъ части статей В. Г. Бѣлинскаго: «Гамлетъ» въ переводѣ Н. Полеваго, 1837 г.; «Уголино», драма Полеваго; «Сто русскихъ литераторовъ»; «О народной поэзіи»; «Стихотворенія графини Ростопчиной», 1841 г.; «Взглядъ на русскую литературу», 1846 г.; «Мертвыя души Гоголя» и др. Въмѣстѣ съ рукописями выставлены 11 записочекъ В. Г. Бѣлинскаго къ А. П. Ефремову, письмо къ нему и письмо Бѣлинскаго къ его невѣстѣ. Изъ журналовъ и сборниковъ, гдѣ помѣщались статьи Бѣлинскаго, выставлены были: Молва 1834 г., Телескопъ, въ которомъ между прочимъ помѣщены первая статья Герцена о Гофманѣ и «Философскія письма» Чаадаева, московскій Наблюдатель съ статьей Бѣлинскаго о «Гамлетѣ» и Мочаловѣ въ роли Гамлета; Отечественныя Записки съ первою статьей Бѣлинскаго въ этомъ журналѣ—«Бородинская годовщина» и послѣднею—«Сочиненія А. Пушкина», статья 11-я и послѣдняя; «Современникъ» Некрасова и Панаева съ первою статьей Бѣлинскаго въ этомъ журналѣ и послѣднею въ № 4-мъ за 1848 г.—«П. С. Мочаловъ», которою закончилась дѣятельность великаго критика; «Физиологія Петербурга», сборникъ Некрасова, и его же «Петербургскій сборникъ». Въ этомъ же отдѣлѣ выставлены: Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г., въ которомъ помѣщена драма Бѣлинскаго, послужившая однимъ изъ поводовъ къ увольненію его изъ университета; сборникъ «Въ пользу голодающихъ» 1892 г., гдѣ помѣщены воспоми-

нанія А. В. Орловой, письма Бѣлинскаго и Боткина, «Жизнь и труды М. П. Погодина», Николая Барсукова, 1894 г., гдѣ помѣщено письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его «Переписки съ друзьями»; «Починъ», сборникъ общества любителей россійской словесности на 1896 г., гдѣ помѣщены письма Бѣлинскаго къ невѣстѣ, и «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ», изд. Г. Джаншіева, 1897 г., гдѣ напечатаны отрывки изъ переписки Бѣлинскаго съ женою. вмѣстѣ съ тѣмъ выставлены книги, изданныя Бѣлинскимъ: «Основанія русской грамматики», «Н. А. Полевой», а также книги и брошюры о Бѣлинскомъ, отдѣльно изданныя: «Очерки гоголевскаго періода русской литературы» Н. Г. Чернышевскаго, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» А. Н. Пынина; «Бѣлинскій какъ педагогъ» О. Э. Миллера, «Бѣлинскій какъ моралистъ» арх. Ѳеодора, «Русская народная поэзія и Бѣлинскій» С. Бураковскаго, а также статьи о Бѣлинскомъ Свіажскаго, Скабичевскаго, Туркина, И. Ѳеоктистова и Протопопова. На выставкѣ находился оригиналь картины А. А. Наумова—«Бѣлинскій передъ смертью»; рядомъ съ нею помѣщались снимки съ апофеоза Бѣлинскаго, нарисованнаго французскимъ художникомъ Полемъ Леруа, и фотографія съ проекта памятника Бѣлинскому, изготовляемаго художникомъ Кауланомъ.

Откликами въ литературѣ этихъ московскихъ торжествъ являются выпедшія недавно два изданія юбилейнаго характера: «Альбомъ выставки, устроенной обществомъ любителей россійской словесности въ память Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго», и сборникъ подъ заглавіемъ «Семь статей». Первое изданіе выполнено художественной фототипіей въ Москвѣ К. А. Фишера и содержитъ въ себѣ по большей части прекрасно и отчетливо воспроизведенныхъ 114 снимковъ съ разныхъ портретовъ, гравюръ, картинъ и рукописей, фигурировавшихъ на юбилейной выставкѣ 8—12-го апрѣля. Значеніе альбома г. Фишера двойное: во-первыхъ, онъ является виднымъ памятникомъ общественной русской жизни за 1898 годъ, когда около имени великаго отечественнаго писателя дружно собрались выдающіеся представители науки и литературы, объединенные общюю любовью и уваженіемъ къ человѣку, столь много работавшему на благо русскаго народа; во-вторыхъ,—и что наиболее существенно,—альбомъ представляетъ собою первую полную коллекцію портретовъ дѣятелей сороковыхъ (главнымъ образомъ) годовъ въ прекрасныхъ и интересныхъ экземплярахъ, составляющихъ настоящую драгоценную рѣдкость. Всѣ снимки въ альбомѣ сдѣланы, за исключеніемъ весьма немногихъ (Пыпина, Михайловскаго, Чернышевскаго), очень отчетливо, а вся ихъ совокупность, не исключая и каррикатуръ (на Греча, Булгарина, Краевскаго, а также каррикатуры Степанова «Типографскія превращенія»), обстоятельно воспроизводятъ среду, въ которой вращался покойный критикъ, и которая такъ или иначе имѣла вліяніе и отражалась на

его жизни и дѣятельности. Къ сожалѣнію, «Альбомъ» не даетъ одной и очень притомъ существенной стороны жизни Бѣлинскаго; въ немъ нѣтъ ничего касающагося его родительской семьи, обстановки, въ которой протекали годы его дѣтства и юности, короче, нѣтъ ничего, что бы намъ говорило о Чембарѣ и Пензѣ. Конечно, винить въ этомъ издательскую фирму К. Фишера не приходится: она добросовѣстно лишь воспроизвела то, что было на выставкѣ въ Москвѣ, но устроители-то выставки объ этомъ могли въ свое время подумать. Вѣдь даже юбилейные №№ напихъ иллюстрированныхъ изданій «Нивы», «Живописнаго Обзорѣнія», «Всемирной Иллюстраціи» нашли возможнымъ воспроизвести кое-что изъ видовъ родины Бѣлинскаго, тѣмъ паче объ этомъ слѣдовало озаботиться при организаци выставки, и тогда, напримѣръ, г. Фишеру не пришлось бы наполнять альбома, посвященнаго Бѣлинскому, воспроизведеніями въ нѣсколькихъ видахъ портретовъ одного и того же лица (напримѣръ, жены Герцена, имѣвшей, въ сущности, очень отдаленное отношеніе къ критику), а представилась бы возможность дать публикѣ портреты родителей и родичей Бѣлинскаго, найти которые, по всей вѣроятности, все же есть хоть нѣкоторая возможность.

Кромѣ портретовъ, изъ бывшихъ на выставкѣ рукописей въ «Альбомѣ» данъ снимокъ съ заключительныхъ строкъ въ статьѣ о «Гамлетѣ» Полевого, съ подписью Бѣлинскаго. Далѣе слѣдуютъ снимки съ трехъ записочекъ къ А. П. Ефремову, университетскому товарищу и близкому пріятелю критика. Снята также та страница изъ записной черновой книги инспектора П. С. Щепкина, гдѣ записано представленіе объ исключеніи Бѣлинскаго изъ университета. На одной страницѣ даны три снимка изъ полицейской книги дома Н. Г. Ефремовой, по Савеловскому переулку, гдѣ жилъ Бѣлинскій съ братомъ, племянникомъ и Бакунинымъ въ 1837—1838 гг. Наконецъ, изъ книги «Руководство къ механикѣ» снята страница, гдѣ написано о награжденіи этою книгой Бѣлинскаго, ученика 2-го класса Пензенской гимназіи.

Альбомъ по изяществу и интересу заключающагося въ немъ матеріала стоитъ недорого—1 рубль 75 копеекъ, и потому, вскорѣ по своемъ появленіи въ продажѣ, былъ разобранъ публикой.

Иное значеніе второго юбилейнаго изданія «Семь статей В. Г. Бѣлинскаго», гдѣ текстъ статей дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ редакціей П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина. Я уже отмѣтилъ въ рѣчи В. В. Якушкина то мѣсто, гдѣ ораторъ говорилъ о необходимости воспроизведенія истиннаго текста статей Бѣлинскаго, а также изданія полнаго собранія его сочиненій, минуя тѣ выкиды и пропуски, которые были допущены первыми редакторами—Кетчеромъ и Галаховымъ. Вотъ вышедшій-то сборникъ «Семи статей» и является первымъ шагомъ по пути воспроизведенія тек-

ста статей Бѣлинскаго, какъ онѣ были имъ въ рукописяхъ переданы въ портфели редакцій. Изъ 357 листовъ рукописей, приобретенныхъ послѣ смерти Кетчера у букиниста Толченова, составляющихъ всего 11 статей, въ «юбилейное изданіе» вошло семь статей—«Гамлетъ въ переводѣ Полеваго», «Уголино», «Сто русскихъ литераторовъ», «Стихотворенія графини Ростопчиной», «Сумароковъ С. Глинка», «Взглядъ на русскую литературу 1846 г.», «Мертвыя души». Изъ предисловія редакторовъ сборника выясняется, что текстъ статей Бѣлинскаго имѣетъ иногда по четыре послѣдовательныхъ редакціи. Первая—подлинная редакція, въ какой, послѣ поправокъ и передѣлокъ, статья была сдана для печатанія. Въ этомъ подлинномъ текстѣ уже редакторъ журнала нерѣдко дѣлалъ свои измѣненія, и получалась вторая редакція; третья редакція, это—печатный текстъ журнала, съ измѣненіями и сокращеніями, сдѣланными цензурою¹⁾; наконецъ, четвертая редакція образовалась при изданіи сочиненій Бѣлинскаго въ 1859—1862 гг. Редакторъ этого изданія Н. Х. Кетчеръ воспользовался рукописями Бѣлинскаго, но не воплѣлъ: изъ рукописей были внесены многія поправки, и частію восстановленъ подлинный текстъ Бѣлинскаго уничтоженіемъ чужихъ измѣненій, но сдѣлано это было далеко не вездѣ, и во многихъ мѣстахъ изданіе сочиненій сохранило пропуски и измѣненія журнальнаго текста. Кромѣ того, Н. Х. Кетчеръ съ своей стороны дѣлалъ измѣненія и сокращенія въ текстѣ печатаемыхъ статей. Наконецъ, при отдѣльномъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго цензура иногда не пропускала даже того, что было раньше напечатано въ журналѣ: такъ въ статьѣ о русской литературѣ 1846 года выпущено было почему-то безобидное замѣчаніе по поводу «Московского Сборника».

Такимъ образомъ, текстъ, напечатанный въ первомъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго и потомъ перепечатывавшійся въ послѣдующихъ изданіяхъ, представляется по отношенію къ журнальнымъ статьямъ отчасти исправленнымъ, хотя и недостаточно, а отчасти—сокращеннымъ и измѣненнымъ. Въ настоящее время издатели «Семи статей» не ставили себѣ задачею полное сопоставленіе четырехъ редакцій печатаемыхъ ими статей Бѣлинскаго; они воспроизвели лишь тексты подлинныхъ рукописей, въ томъ видѣ, какъ онѣ былъ написанъ самимъ авторомъ. Въ примѣчаніяхъ они указали на особенности послѣдующихъ редакцій, образовавшихся изъ первой при помощи чужихъ поправокъ, но при этомъ всѣ мелкія, незначительныя отличія ими оставлены не оговоренными. Такъ какъ, помимо чужихъ поправокъ, рукописи Бѣлинскаго содержатъ немало поправокъ самого

¹⁾ Эти мытарства текста и послужили мотивомъ для карикатуры Степанова въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ» 1848 г., на которой представленъ Бѣлинскій съ корректурными листами въ рукѣ, восклицающій: «Своей собственной статьи не уваю въ печати!».

автора, то издатели вносили такія мѣста въ подстрочныя примѣчанія, особенно если зачеркнутыя фразы и выраженія придавали особый оттѣнокъ мысли или заключали какую нибудь лишнюю черту, имѣющую то или иное значеніе.

Это изданіе «Семи статей» для публики и массы читателей не имѣетъ никакого значенія; оно представляетъ собою лишь значительную цѣнность для историковъ литературы, анализирующихъ текстъ произведеній писателя и по этому тексту устанавливающихъ нѣкоторыя мелкія индивидуальныя черты писательской фізіономіи разбираемаго и характеризуемаго автора. Критика этого текста важна также для характеристики отечественной цензуры и исторіи общественныхъ настроеній, подчасъ рѣзко выясняющихся изъ соотношенія литераторскаго труда и редакціоннаго распоряженія этимъ трудомъ. Въ отношеніи Бѣлинскаго, именно его, въ жизни котораго играли такую важную роль всѣ отмѣченные факторы—редакторскій карандашъ, чернила цензора и особенно общественное настроеніе той эпохи, — «юбилейное изданіе» имѣетъ несомнѣнную цѣнность, значительно облегчая трудъ будущаго историко-литературнаго обслѣдованія его критической дѣятельности, которое до сего времени еще не нашло въ нашихъ писательскихъ рядахъ своего представителя. Изданіе «Семи статей» выпущено въ продажу чрезвычайно аккуратно и изящно и притомъ по доступной рублевой цѣнѣ.

Х.

Почти одновременно съ Москвою и въ Петербургѣ открылись чтенія и собранія, посвященныя великому критику. Первымъ выступилъ извѣстный педагогъ В. П. Острогорскій съ двумя публичными лекціями въ большой аудиторіи Соляного городка на тему «В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ». Лекціи г. Острогорскаго, какъ и лекціи г. Якушкина, собрали громадную толпу, преимущественно учащейся молодежи, которая восторженно встрѣчала и провожала краснорѣчиваго оратора-педагога. Г. Острогорскій представилъ Бѣлинскаго своимъ слушателямъ на общемъ фонѣ русской жизни 1830-хъ годовъ, въ краткихъ чертахъ напомнилъ главнѣйшіе моменты его жизни, указалъ, что сдѣлано было въ литературѣ критикою до Бѣлинскаго, какой поворотъ она приняла, благодаря исключительно его работамъ, обрисовалъ значеніе этихъ работъ, съ особенною обстоятельностью остановившись на воспитательныхъ идеяхъ Бѣлинскаго въ смыслѣ религіозномъ, патріотическомъ и моральномъ. Заключеніе лекцій было посвящено параллели между нашимъ критикомъ и Лессингомъ.

Лекціи г. Острогорскаго въ настоящее время вышли отдѣльною небольшою книгою; она можетъ быть рекомендована, какъ обще-

доступное чтеніе и пособіе къ изученію русской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и для массы читателей, которые бы оказались въ затрудненіи пріобрѣтать дорогія изданія (напр., трудъ Пыпина и др.), трактующія тотъ же вопросъ болѣе распространенно и біографически-спеціально.

Не задолго до появленія въ продажѣ «Лекцій» В. Острогорскаго вышелъ въ свѣтъ и трудъ г. Е. Соловьева (Скрибы) «В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ». Талантливый молодой критикъ выпустилъ свое сочиненіе безъ всякихъ претензій на какое нибудь значеніе самостоятельнаго изслѣдованія; онъ добросовѣстно отмѣтилъ, что его работа «составлена» по такимъ-то и такимъ-то источникамъ, причемъ указалъ даже, какого автора онъ считаетъ лучшимъ истолкователемъ литературнаго значенія Бѣлинскаго. Книга г. Соловьева читается очень легко и живо, причемъ особенное удовольствіе читатели получаютъ отъ ознакомленія съ многочисленными выдержками изъ писемъ Бѣлинскаго, которыхъ нѣтъ даже въ трудѣ А. Н. Пыпина. Авторъ обстоятельно остановился на романѣ Бѣлинскаго съ Орловой и первый изъ нашихъ изслѣдователей выяснилъ все значеніе въ русской литературѣ частной корреспонденціи Бѣлинскаго, всю цѣнность этого матеріала для его характеристики. Послѣ книги г. Пыпина, работа Е. Соловьева, какъ критико-біографическій этюдъ о Бѣлинскомъ, должна быть поставлена вторымъ номеромъ въ нашей литературѣ. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этими положительными чертами труда приходится отмѣтить и одну отрицательную, а именно тотъ неряшливый тонъ и стиль, которымъ написана вся книга отъ начала и до конца. Положительно недоумѣваешь, какъ могъ человѣкъ отнестись такъ безшабашно-развязно къ такой темѣ, какъ жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго, темѣ, не представляющей никакого *raison d'être* для хлесткаго фельетона съ разными выкрутасами, «словечками» и даже полемическими шпильками, которыми обыкновенно отличаются газетныя работы, писанныя, что называется, «съ пылу-горяча». Въ данномъ случаѣ на г. Соловьевѣ очевидно отразилась неблагоприятно роль еженедѣльнаго газетнаго фельетониста, ампула, въ которомъ онъ исключительно фигурировалъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ. За исключеніемъ, однако, этой неблагоприятной стороны книги, въ цѣломъ она представляетъ обстоятельный и талантливо составленный трудъ о Бѣлинскомъ, въ которомъ сплошь и рядомъ попадаются оригинальныя мысли и блестяще написанныя страницы.

Одновременно съ появленіемъ этихъ изданій, и ежемѣсячные журналы наполняются болѣе или менѣе обстоятельными монографіями, посвященными жизни и дѣятельности Бѣлинскаго. Статьи г.г. Венгерова («Русское Богатство»), Мазаева («Недѣля»), Воцяновскаго («Новый Журналъ Иностранной Литературы»), И. Иванова («Міръ

Божій» и «Русская Мысль»), Скабичевского («Русская Мысль»), Вѣтринскаго («Образованіе») и пр. и пр., всё вносятъ въ литературу о Бѣлинскомъ посильное освѣщеніе и уже однимъ своимъ появленіемъ на страницахъ періодическихъ органовъ ясно показываютъ, какъ велико значеніе въ нашей жизни Бѣлинскаго, и какъ интересуется имъ еще до сихъ поръ наше общество.

Изъ названныхъ авторовъ я считаю долгомъ отмѣтить прекрасную работу г. Венгерова «Великое сердце», печатаемую въ «Русскомъ Богатствѣ». Статьи автора о Бѣлинскомъ подъ такимъ заглавіемъ еще не окончены, почему я и воздержусь высказать о нихъ свое окончательное сужденіе. Судя по размѣрамъ вышедшихъ уже очерковъ и широко-взятой программѣ, можно надѣяться, что г. Венгерова не ограничится появленіемъ лишь передъ читателями «Русскаго Богатства», а выступитъ и передъ болѣе обширной публикой съ отдѣльнымъ изданіемъ. Работа г. Венгерова въ той части, которая напечатана, главнымъ образомъ біографическаго характера и притомъ обрисовывающая Бѣлинскаго въ его дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, когда формировался его характеръ и обнаруживалось то «великое сердце», подъ рубрику какого названія и подведена вся эта часть журнальной работы. Съ особеннымъ вниманіемъ и обстоятельностью останавливается авторъ на комедіи Бѣлинскаго и первый въ нашей литературѣ дѣлаетъ ея историко-литературный анализъ. Обладая широкими бібліографическими познаніями и уже много лѣтъ трудясь надъ различными монографіями по исторіи литературы, г. Венгерова несомнѣнно съ теченіемъ времени представитъ русскимъ читателямъ обстоятельное изслѣдованіе о всей жизни и дѣятельности Бѣлинскаго, въ которомъ особую цѣнность будетъ имѣть строго-выясненная точность и достовѣрность фактическаго матеріала.

Заслуживаетъ вниманія и работа И. И. Иванова, печатаемая на страницахъ «Міра Божьяго» по исторіи русской критики вообще. Къ настоящимъ юбилейнымъ днямъ молодой московскій ученый подошелъ въ своемъ изслѣдованіи именно къ эпохѣ Бѣлинскаго и на его дѣятельности сосредоточилъ интересъ статей. Человѣкъ несомнѣнно талантливый, широко-образованный и трудолюбивый, г. Ивановъ даетъ читателямъ очень интересный матеріалъ по исторіи критики вообще и русской въ частности, съ широкими обобщеніями, любопытными параллелями и сопоставленіями. Къ сожалѣнію, многописание, а еще болѣе многоглаголаніе является однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ этого писателя, который, начиная говорить по одному вопросу, неожиданно для читателей сводитъ рѣчь на другой, на третій, не имѣющіе ничего общаго съ первымъ, и въ концѣ концовъ расхолаживаетъ совершенно интересъ къ своей работѣ и затемняетъ ея смыслъ и значеніе. Спѣшитъ ли онъ втиснуть въ рамки данной работы весь имѣющійся у него въ запасѣ

матеріаль знаній, или онъ во что бы то ни стало задается цѣлью написать какъ можно больше, трудно сказать, но во всякомъ случаѣ такое странное отношеніе къ своему дѣлу, гдѣ авторъ летитъ на курьерскихъ съ длиннымъ обозомъ, поднимая вокругъ шумъ, гамъ и столбы пыли, страшно вредитъ непосредственной темѣ работы и ослабляетъ ея историко-литературное значеніе. Я увѣренъ, откажись г. Ивановъ отъ избраннаго имъ метода работы, онъ могъ бы дать нашей литературѣ очень цѣнное историко-литературное изслѣдованіе о развитіи идей Бѣлинскаго и ихъ значеніи въ отечественной журналистикѣ, но теперь, я боюсь, онъ увлечется по обыкновенію длиннописаніемъ и сведетъ всю работу къ собранію многочисленнаго матеріала по исторіи критики, который въ будущемъ придется уже другому лицу расчищать и приводить въ порядокъ.

Очень мило написанъ очеркъ г. Мазаева въ майской книжкѣ приложений къ «Недѣлѣ», гдѣ авторъ отмѣчаетъ общественное значеніе Бѣлинскаго, какъ «національнаго трибуна». Г. Мазаевъ утверждаетъ, что «Бѣлинскій не былъ ни философомъ, ни моралистомъ, ни даже критикомъ въ точномъ смыслѣ этого слова, онъ былъ общественнымъ трибуномъ своего времени, и если не сдѣлался политическимъ ораторомъ или по крайней мѣрѣ публицистомъ, то потому, что къ подобному направленію его дѣятельности условія эпохи оказались неподходящими, да и его личныя симпатіи склонялись въ сторону литературы». Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Имя Бѣлинскаго дорого для насъ потому, что имъ заложено въ каждаго изъ насъ, прошедшихъ школу и знакомыхъ съ литературою, чувство нѣкотораго самосознанія, человѣческаго и гражданскаго, которое должно бы стать закономъ, начертаннымъ въ сердцахъ всѣхъ людей. Бѣлинскій создалъ русскую интеллигенцію. Поэтому и юбилей его — праздникъ преимущественно русской интеллигенціи».

Литература о Бѣлинскомъ, по поводу Бѣлинскаго и изъ сочиненій Бѣлинскаго въ теченіе всего мая и іюня мѣсяцевъ все расширяется и принимаетъ въ концѣ-концовъ очень почтенные размѣры. Я отмѣтилъ уже два труда, вышедшіе отдѣльными изданіями, какъ равно указалъ и на то главнѣйшее, чѣмъ отмѣтила ежемѣсячная пресса юбилейную память нашего великаго критика. Ради цѣльности и единства частей настоящей хроники исчерпаю, въ предѣлахъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи источниковъ, и остальной матеріаль, приуроченный къ юбилейнымъ торжествамъ, появившійся на страницахъ главнѣйшихъ столичныхъ газетъ и на прилавкахъ книжныхъ магазиновъ.

«Новое Время» дважды обращалось къ тѣни великаго критика. Подъ заглавіемъ «50 лѣтъ вліянія» г. Розановъ помѣстилъ въ газетѣ (№ 7988) любопытный фельетонъ, гдѣ, несмотря на свойствен-

ныя этому писателю консервативныя и мистическія тенденціи, отмѣчено великое практическое значеніе идеализма Бѣлинскаго даже для нашихъ дней. «Бѣлинскій есть не только «писатель»,—говорить г. Розановъ,—онъ есть «лицо», и какъ «лицо» онъ также свѣтитъ сейчасъ, какъ и въ вѣчную пору сороковыхъ годовъ. Ничего не умерло въ чертахъ его нравственнаго образа, и въ нихъ онъ несетъ столько значенія, что сталъ вѣчнымъ нужнымъ существомъ, «двѣнадцатымъ» гостемъ среди всякихъ 11 «пирующихъ» или «труждающихся и обремененныхъ». Всякое дурное дѣло имѣетъ, сверхъ упрека отъ живыхъ-честныхъ, еще и упрекъ отъ мертваго, Бѣлинскаго; и всякое доброе дѣло, сверхъ похвалы отъ живыхъ-добрыхъ людей, имѣетъ похвалу и отъ него. Онъ соучастникъ нашей жизни, какъ нравственное лицо—онъ вѣчно жилъ между нами и даже болѣе: въ немъ все тѣ же «100 гр. температуры», «200 пульсъ въ минуту» и онъ насъ спрашиваетъ: «живы ли вы?»

Г. Old Gentleman въ фельетонѣ (№ 7993) проводитъ параллель между Ломоносовымъ и Бѣлинскимъ и, подобно г. Мазаеву, подчеркиваетъ значеніе критика въ дѣлѣ созданія русской интеллигенціи. «Сколько бы ни издѣвались надъ интеллигенціею,—говоритъ онъ,—слово это хорошо уже тѣмъ, что, не требуя дальнѣйшихъ разъясненій и опредѣленій, совершенно понятно для каждого мало-мальски образованнаго человѣка, охватываетъ огромную общественную группу, безъ различія взглядовъ и направленій, разсѣянную въ средѣ русскаго народа, какъ нѣкій рыцарскій орденъ. Основателемъ и первымъ гротмейстеромъ этого ордена былъ безспорно Бѣлинскій, ибо ему на долю выпала высокая честь утвердить краеугольные камни въ храмнѣ русской интеллигенціи: открыть демократизацію науки и литературы и создать общественное мнѣніе. Интеллигенція—элементъ повсемѣстный. Онъ растворился въ народѣ, какъ соль растворяется въ водѣ: смѣшанный съ народомъ, онъ самъ — не народъ, но всюду, гдѣ народъ, и не можетъ и не долженъ быть почитаемъ за нѣчто отъ него органически оторванное. Для этого элемента общественнаго Бѣлинскій, быть можетъ, самое важное и дорогое литературное имя на Руси, и этотъ элементъ, конечно, щедро отозвался бы на всероссійскую подписку въ честь его законнаго отца и воспитателя».

Основное положеніе прекраснаго фельетона писателя то, что необходимо образовать и разрѣшить всенародную подписку для памятника Бѣлинскому отъ имени всего русскаго народа.

«Сейчасъ памятникъ Бѣлинскому, конечно, мужику ничего не скажетъ,—говоритъ онъ,—но, когда и народъ узнаетъ, — если и не прочтеть сочиненій Бѣлинскаго, какъ, повторю, мы знаемъ, но не читаемъ, Ломоносова,—истину о великомъ писателѣ своемъ, кто онъ былъ, что для Руси сдѣлалъ и какъ дѣятельность его на судьбахъ народа отозвалась,—памятникъ этотъ станетъ очень краснорѣчивымъ: «Ни одно растеніе», — сказалъ Викторъ Гюго, — «не выходитъ изъ

земли съ большимъ трудомъ, чѣмъ статуи великаго человѣка, зато ни одно не разрастается пыннѣе, не даетъ больше плодовъ, не сбѣетъ больше добрыхъ сѣмянъ вокругъ себя». И въ оны дни будетъ не совсѣмъ-то ловко, что на пьедесталѣ монумента человѣку съ всероссійскимъ значеніемъ будетъ красоваться не вся «Благодарная Россія», но «Кружокъ поклонниковъ и почитателей».

«Новости», слѣдя за всѣми чествованіями памяти Бѣлинскаго, имѣвшими мѣсто въ столицахъ и въ провинціи, особенно въ Пензѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ день годовщины, 26-го мая, помѣстили уже отмѣченный выше фельетонъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ воспроизведена его московская рѣчь въ засѣданіи общества любителей Россійской словесности, а также стихотвореніе О. Чюминой «Памяти Бѣлинскаго», не прочитанное, за болѣзнь писательницы, на торжествѣ въ залѣ городской думы, устроенномъ союзомъ русскихъ писателей. Г-жа Чумина во 2-й части стихотворенія, обращаясь къ тѣни писателя, говорить:

Ты былъ борцомъ и истиннымъ героемъ,
 Не тѣмъ борцомъ, кого вѣнчаютъ лавры,
 Ведущимъ въ бой дружину — строй за строемъ —
 При звукахъ трубъ и грохотѣ литавръ.

Нѣтъ, бился ты съ невѣжествомъ и тьмою,
 Съ недугомъ злымъ и злою ницетой,
 И гордо шелъ дорогою прямою,
 Не соблазнился приманкой золотой.

Заслугъ твоихъ не въ силахъ мы исчислить:
 Ты былъ за тѣхъ, кого гнететъ судьба,
 Ты юношей учишь любить и мыслить
 И требовалъ свободы для раба.

Ты ратовалъ о горькой женской долѣ;
 Не знающій безенля и тоски,
 Въ сердцахъ людей, какъ въ одичавшемъ полѣ,
 Ты добрыхъ чувствъ отыскивалъ ростки.

Ты весь горѣлъ восторгомъ вдохновеннымъ
 И поражалъ ликующее зло,
 Твой пылкій духъ былъ свѣточемъ священнымъ,
 Сіяющимъ сквозь хрупкое стекло.

Разбилась жизнь; полвѣка миновало
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты безвременно угасъ.
 Но что тебя такъ мощно волновало —
 Попрежнему еще волнуешь насъ.

Не довершень твой подвигъ исполнскій,
 И лозунгомъ въ предпринятой борьбѣ
 Да будетъ имя славное: Бѣлинскій! —
 Для всѣхъ борцовъ, идущихъ вслѣдъ тебѣ.

Къ сожалѣнію, на страницахъ той же газеты, такъ много содѣйствовавшей корреспонденціями г. Быстренина къ подготовкѣ столичной публики для внимательнаго отношенія къ пензенскимъ торжествамъ, нашло себѣ мѣсто и уродливое кривляніе г. Минскаго, подъ названіемъ «По прочтеніи сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Нѣчто, похожее на оду въ прозѣ». Поэтъ, облачившійся нынѣ въ тогу критика, спѣшитъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ періодъ спекуляціи на символизмъ, снова обратить на себя вниманіе оригинальничьемъ и развязнымъ заявленіемъ о своемъ, забытомъ публикою, существованіи. Онъ повѣдалъ публикѣ, что въ день торжественнаго чествованія памяти Бѣлинскаго петербургскими писателями критикъ не былъ съ ними душою, а съ ласковою грустью взиралъ на болѣзненные корчи его, Минскаго, въ благодарность за что критикъ «Новостей» и счелъ долгомъ наговорить ему кучу вздора, граничащаго съ «оскорбленіемъ на словахъ». Въ своей рѣчи г. Минскій, видите ли, объявилъ Бѣлинскому, что лучшими его произведеніями должны считаться тѣ самыя, отъ которыхъ нашъ критикъ самъ отрекался и которыя считалъ дефектными страницами въ своемъ собраніи сочиненій; далѣе ораторъ объявилъ, что Бѣлинскій вовсе не былъ пылкимъ идеалистомъ съ великимъ сердцемъ и страстнымъ темпераментомъ, а человѣкомъ холодной разсудительности и анализа, мыслителемъ, никогда не мѣнявшимъ своихъ убѣжденій и заслуживающимъ безсмертія именно утверженіемъ, что все существующее разумно, какъ какъ оно божественнаго происхожденія...

Если бы я писалъ сейчасъ памфлетъ, а не составлялъ хроники знаменательныхъ событій, то я повѣдалъ бы читателямъ, что отвѣтилъ «неистовый Виссаріонъ» на весь словесный ералашъ, созданный надутымъ самолюбіемъ г. Минскаго, о чемъ послѣдній благоразумно, конечно, умолчалъ; но моя задача сейчасъ иная, и я, не входя въ препирательство съ 50-ти-лѣтнимъ молодымъ поэтомъ, не подающимъ никакихъ надеждъ на возвращеніе къ здоровому смыслу, ограничусь лишь отмѣткой его дикой выходки. Она говоритъ сама о себѣ, подтверждая то положеніе, что во всякой семьѣ бываютъ уроды, позволяющіе себѣ непристойныя колѣнца, даже когда люди собираются не ради легкомысленнаго веселія и шутовства, а въ торжественные дни поминокъ у подножія могильнаго памятника...

Немало содѣйствовали успѣху торжествъ въ публикѣ «Биржевыя Вѣдомости», которыя изъ всѣхъ остальныхъ органовъ повседневной печати наиболѣе обстоятельно сообщали въ репортерскихъ отчетахъ и корреспонденціяхъ о засѣданіяхъ, обѣдахъ и спектакляхъ, посвященныхъ Бѣлинскому. Этими отчетами и корреспонденціями и я въ дальнѣйшей части моей лѣтописной работы пользуюсь, какъ наилучшимъ матеріаломъ изъ всего прочаго, посвящен-

наго тому же вопросу. Не мало корреспонденцій изъ разныхъ городовъ напечатавъ и «Сынъ Отечества», который, кромѣ того, отмѣтилъ день 26 мая обширной передовицей, напечатанной ветераномъ нашей критики А. М. Скабичевскимъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» г. Ухтомскаго въ тотъ же день появились три передовицы о Бѣлинскомъ.

Наша охранительная печать не осталась также непричастною шумнымъ общественнымъ празднествамъ. Подобно городовому и пожарному обозу въ мѣстахъ скопленія многочисленной публики, и «Московскія Вѣдомости» сочли долгомъ явиться съ своимъ словомъ на праздникъ русской литературы. Миѣнній газеты г. Грингмута и его сотрудника г. Медвѣдскаго приводятъ, конечно, не стоитъ: это были столь знакомые намъ крики: «горимъ!»—«пожаръ!»—«отечество въ опасности!»—«либералы разгулялись и пора ихъ обуздать!» и т. д. и т. д. все въ одномъ и томъ же духѣ и тонѣ. Важно въ данномъ случаѣ отмѣтить не содержимое этихъ криковъ и возгласовъ, а самый фактъ ихъ, показывающій, что общество дѣйствительно переживало нѣчто оригинальное и значительное, являющееся своего рода новымъ знаменіемъ въ нашей общественной жизни. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь показать, въ чемъ мною усматривается важность пережитаго въ дни юбилейные, а пока остановлюсь на изложеніи литературы вопроса объ изученіи Бѣлинскаго, появившейся ко дню 50-ти-лѣтія его кончины.

Наряду съ ежемѣсячными журналами и повседневною прессой и еженедѣльные наши изданія дали на своихъ страницахъ не мало матеріала для ознакомленія читателей съ жизнью и дѣятельностью критика, причемъ большинство напечатанныхъ статей было иллюстрировано. Особеннымъ обиліемъ иллюстрацій блеснула «Нива», давъ при этомъ не только хорошій очеркъ о Бѣлинскомъ, но и хроникѣ торжественнаго чествованія его памяти въ Москвѣ и Петербургѣ.

XI.

Что касается книжнаго рынка, то онъ къ 26 мая, кромѣ изданій, о коихъ говорено выше, обогатился еще слѣдующими. Вышли два тома «Дешевой библиотеки» А. С. Суворина, куда вошли статьи Бѣлинскаго «Обзоръ русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина» (1-й т.) и «А. С. Пушкинъ» (2-й т.); два тома «Избранныхъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» въ изданіи О. Н. Поповой съ предисловіемъ и вступительною статьей Н. Котляревскаго; два тома «Сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» съ портретомъ и факсимиле автора, имѣющихъ выйти всего въ 4 томахъ; изданіе это принадлежитъ московской фирмѣ С. Мошкина и пущено въ продажу по 65 к. за каждый компактный томикъ; «Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго». Из-

бранныя статьи для семьи и школы подъ редакціей В. П. Острогорскаго съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ, портретомъ и факсимиле. Изданіе бібліотеки «Дѣтскаго чтенія»; Ц. Балталона «Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополненіями», «Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго»; В. Покровскаго «Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ», изданіе комиссіи преподавателей русскаго языка при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній; А. И. Сальникова—«В. Г. Бѣлинскій объ искусствѣ (основы эстетики)», «В. Г. Бѣлинскій для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности, съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзіи. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній»; Л. С. «Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи»; А. Алферова «Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій» (ц. 5 к. и 20 к.); И. Иванова—«Бѣлинскій»; С. Орловскаго; Я. В. Абрамова «Памяти Бѣлинскаго. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго»; В. Александровскаго «Къ пятидесятилѣтію смерти В. Г. Бѣлинскаго». Вотъ все то, вышедшее отдѣльными изданіями, что поступило до первыхъ чиселъ юня включительно на книжный рынокъ.

Біографическіе очерки гг. Иванова и Алферова, изданные по дешевой цѣнѣ (15 и 10 к.), должны служить средствомъ популяризаціи имени Бѣлинскаго въ массѣ населенія. Въ этихъ цѣляхъ очерки и написаны общедоступно, самымъ простымъ языкомъ, примѣнительно къ пониманію простонародьемъ и школьниками въ элементарныхъ, первоначальныхъ училищахъ. Еще большее значеніе для массы имѣютъ два томика «Дешевой Библіотеки», гдѣ за 20—25 коп. читатели изъ неимущаго класса получаютъ возможность имѣть цѣльные произведенія нашего критика, считающіяся по всей справедливости наиболѣе законченными и цѣнными его трудами по исторіи русской литературы. Такимъ образомъ, эти томички «Дешевой Библіотеки» какъ бы выполняютъ отчасти желаніе поэта, высказанное въ стихахъ:

Эхъ, скоро-ль будетъ времечко,—
 Приди, приди желанное!—
 Когда мужикъ не Францели
 И не Милорда глупаго,—
 Бѣлинскаго да Гоголя
 Съ базара понесеть?..

Изъ числа собраній сочиненій нашего критика выпло лишь два-въ изданіи О. Н. Поповой и С. Мошкина. Г-жа Попова выпустила въ свѣтъ лишь «Избранныя сочиненія» Бѣлинскаго, имѣя въ виду важнѣйшія изъ нихъ, сохраняющія свое историко-литературное значеніе повинѣ. Къ числу такихъ отнесены: во-первыхъ, статьи, въ которыхъ наиболѣе ясно и полно отразилось послѣдовательное развитіе взглядовъ Бѣлинскаго на самые существенные вопросы жизни

и духа, и, во-вторыхъ, критическіе разборы, посвященные Бѣлинскимъ самымъ выдающимся произведеніямъ русской словесности. Статьи, вошедшія въ настоящее изданіе, перепечатаны изъ изданія 1858—1862 г. Солдатенкова и Н. Щепкина, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ приведены не полностью, а лишь въ извлеченіяхъ подъ особымъ заглавіемъ, но съ указаніемъ, откуда эти извлечения заимствованы. Изданіе это, конечно, представляетъ нѣкоторыя достоинства, къ числу каковыхъ, главнѣйшихъ, относится его дешевизна (1 р. 20 к. за томъ въ 800 слишкомъ страницъ двойнаго столбца) и малое количество опечатокъ, которыми такъ обильно извѣстное изданіе Павленкова, но рядомъ съ этимъ оно имѣетъ и немало неудобствъ и несовершенствъ. Произвольность классификаціи статей и искусственность рубрикъ—вотъ наиболѣе существенной изъянъ настоящаго изданія. Составитель собранія статей однѣ изъ нихъ относитъ, напримѣръ, къ статьямъ специально философскимъ, а другія къ категоріи работъ по литературѣ вообще (?), когда вмѣстѣ съ тѣмъ съ одинаковымъ правомъ, безъ всякаго нарушенія истины, можно бы было переставить и наименованія рубрикъ и содержимое въ этихъ рубрикахъ. Затѣмъ, по какому критерию имъ признаны одни произведенія писателя исчерпывающими «вопросы жизни и духа», а другія—нѣтъ? Наружныхъ или опредѣленныхъ данныхъ для того не имѣется въ наличности, и просто приходится полагаться на вкусъ и пониманіе составителя. Что планъ изданія не имѣетъ какой нибудь строго обдуманной и систематической программы, видно также изъ того, что нѣкоторыя стороны творчества критика выдвинуты съ особенною силою, а другія совершенно отсутствуютъ. Приведены, напримѣръ, образцы «подемического остроумія» Бѣлинскаго, а образцы его поэтическаго паэоса или задушевнаго лиризма опущены. Такимъ образомъ, читатели, совершенно незнакомые съ Бѣлинскимъ, врядъ ли восполнятъ пробѣлы своею незнаціею изъ изданія г-жи Поповой. Къ числу достоинствъ послѣдняго должны быть отнесены два указателя, предметный и личный, впервые прилагаемые къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, а также попытка дать краткіе конспекты статей. Большую цѣнность придаетъ изданію содержательно написанный г. Котляровскимъ очеркъ о Бѣлинскомъ, приложенный въ началѣ. Почтенный ученый пытается въ постепенной эволюціи представить исторію роста и развитія умственной и нравственной силы Бѣлинскаго, зависимость ея отъ окружающей культурной обстановки и, наконецъ, ея рѣшающее вліяніе на современную ей жизнь. Результатомъ такой работы является у г. Котляровскаго то основное положеніе, что «изъ числа всѣхъ своихъ современниковъ Бѣлинскій былъ единственнымъ писателемъ, про котораго можно сказать, что его слова были голосомъ всей его эпохи, отзвукомъ на всѣ ея запросы и отраженіемъ всѣхъ колебаній ея мыслей и настроеній».

Къ величайшему удивленію и въ противность всѣмъ ожиданіямъ

лишь совѣмъ неизвѣстная фирма С. Мошкина въ Москвѣ приступила къ полному изданію сочиненій Бѣлинскаго по дешевой цѣнѣ, въ удобномъ форматѣ, хотя и съ немалымъ количествомъ опечатокъ, которыми начинается даже первая страница. Издатель не приложилъ сюда никакого предисловія или объясненія, откуда почерпается имъ текстъ, и по всѣмъ видимостямъ имѣетъ просто въ виду хронологическую перепечатку прежнихъ изданій. Какъ бы упрощенно ни поступалъ г. Мошкинъ, во всякомъ случаѣ за нимъ остается то преимущество передъ прочими «полными» изданіями сочиненій нашего критика, что онъ первый выпускаетъ свое изданіе дѣйствительно по доступной для массы цѣнѣ и тѣмъ наноситъ существенный ударъ всѣмъ предыдущимъ предпріятіямъ того же рода.

Убѣдность появленія въ продажѣ полныхъ собраній сочиненій Бѣлинскаго, когда послѣднія стали уже общественнымъ достояніемъ, повидимому, должна быть объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что недавно вышедшее (за годъ съ небольшимъ передъ тѣмъ) изданіе Павленкова, выпущенное по невысокой цѣнѣ и въ громадномъ числѣ экземпляровъ, вполне удовлетворило потребностямъ и спросу рынка и надолго затормозило распродажу остальныхъ изданій.

Слѣдующія юбилейныя изданія содержатъ въ себѣ болѣе спеціальныя цѣли и задачи, нежели предшествовавшія. Изъ нихъ по всей справедливости должно быть поставлено на первомъ планѣ изданіе библіотѣки «Дѣтскаго Чтенія» Д. И. Тихомирова «Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго», являющееся сборникомъ избранныхъ статей критика, составленнымъ В. Острогорскимъ. Эта книга въ 27 печатныхъ убористыхъ листа стоитъ всего 1 рубль, и вмѣстѣ съ тѣмъ она удовлетворяетъ ряду запросовъ, предъявленныхъ въ нынѣшніе дни на Бѣлинскаго. Во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь очень популярно, живо и интересно написанный біографическій очеркъ нашего критика, во-вторыхъ, рядъ статей (17) по теоріи искусства и поэзіи, взятыхъ изъ сочиненій Бѣлинскаго, съ точнымъ указаніемъ, откуда сдѣланы позаймствованія, въ-третьихъ, приведены главнѣйшіе его труды о нашихъ корифеяхъ новой литературы и очерки литературы сороковыхъ годовъ, въ-четвертыхъ, помѣщены четыре очерка о театрѣ, пламеннымъ истолкователемъ котораго и истиннымъ знатокомъ былъ, какъ извѣстно, Виссаріонъ Григорьевичъ. Такимъ образомъ, сборникъ, составленный г. Острогорскимъ, заключаетъ въ себѣ довольно разнообразный матеріалъ и съ большимъ успѣхомъ выполняетъ тѣ задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ потрудились остальные лица порознь въ отдѣльныхъ книгахъ и брошюрахъ. Поэтому и г. Тихомировъ и г. Острогорскій могутъ считать цѣль настоящаго изданія вполне удовлетворительно достигнутою, цѣль, резюмированную въ предисловіи слѣдующими словами: «дать ученикамъ гимназій и вообще школы, а также народнымъ учителямъ и всѣмъ, чувствующимъ потребность въ литера-

турномъ самообразованіи, такую доступную по цѣнѣ книгу, по которой бы можно было получить хотя нѣкоторыя основныя понятія объ искусствѣ, преимущественно—поэзіи, со стороны ея сущности и значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ознакомиться съ оцѣнкою Бѣлинскимъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ изъ новыхъ русскихъ писателей. Составитель книги смотритъ на нее, только какъ на средство первоначальнаго ознакомленія съ Бѣлинскимъ»... Кромѣ отмѣченнаго матеріала, г. Острогорскимъ добросовѣстно указаны и прочіе источники, полезные для ознакомленія съ личностью и дѣятельностью критика. Въ качествѣ приложенія въ изданіи помѣщено объясненіе и переводъ на русскій языкъ иностранныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, нашедшихъ себѣ мѣсто въ сборникѣ бібліотеки «Дѣтскаго Чтенія».

Послѣ изданія г. Тихомирова по своимъ качествамъ и средствамъ достиженія намѣченной цѣли идутъ два труда, выпущенныхъ въ продажу (тоже по 1 рублю каждый томъ) комиссіей преподавателей русскаго языка при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній — г. Ц. Балталона «Эстетика В. Г. Бѣлинскаго» и В. Покровскаго «Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго». Обѣ книги по содержанію матеріала близко прикасаются къ труду г. Острогорскаго, но представляютъ этотъ матеріалъ болѣе распространено и въ одномъ случаѣ (у г. Балталона) болѣе примѣнительно къ потребностямъ школьнаго преподаванія. Г. Покровскій далъ серію статей (32) Бѣлинскаго о русской литературѣ, начиная съ Державина и кончая «Бѣдными людьми» Достоевскаго. Такимъ образомъ, читатели получаютъ здѣсь полно составленную портретную галерею, которая въ прекрасномъ ея освѣщеніи Бѣлинскимъ даетъ возможность положить правильное понятіе о постепенномъ ростѣ отечественной литературы. Значеніе книги г. Покровскаго учебно-воспитательное, какъ равно таково же значеніе и труда г. Балталона, съ инымъ лишь характеромъ и иною задачей.

Какъ показываетъ само заглавіе этого труда — «Эстетика», оно имѣетъ значеніе теоретическаго руководства по ознакомленію съ принципами литературы и искусства, какъ отвлеченной науки философскаго порядка. «Изученіе сочиненій Бѣлинскаго внушило намъ мысль, — говоритъ г. Балталонъ, — не могутъ ли приведенные въ систему взгляды его на литературную критику и художественное творчество дать нѣкоторое основаніе положительной эстетикѣ нашего времени, или, по крайней мѣрѣ, послужить подготовительною къ ней ступенью? Предлагаемая книга имѣетъ цѣлью представить, въ сжатой и доступной формѣ, заслуги Бѣлинскаго въ области теоріи творчества: для этого мы выдѣлили въ ней изъ массы матеріала, отошедшаго въ исторію, наиболѣе цѣнныя и неувядаемыя элементы. Этотъ сборникъ, состоящій изъ двухъ отдѣловъ, текста, принадлежащаго Бѣлинскому, и дополнительныхъ къ нему статей, представляетъ собою попытку си-

стематическаго расположенія и освѣщенія разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго матеріаловъ, относящихся къ психологіи художественнаго творчества и теоріи литературной критики».

Какъ бы оправдывая свое стремленіе возвести эстетическіе взгляды Бѣлинскаго въ стройную систему, г. Балталонъ утверждаетъ, что «потомству принадлежитъ право выражать, въ той или иной формѣ, свое пониманіе заслугъ Бѣлинскаго, свой взглядъ на значеніе его трудовъ для нашего времени; кромѣ того... сгруппированные здѣсь взгляды Бѣлинскаго представляютъ собою самую устойчивую и независимую часть его воззрѣній, менѣе всѣхъ другихъ измѣнявшуюся въ теченіе его литературной дѣятельности; мы воспользовались тѣми взглядами нашего критика, которые повторялись у него постоянно, высказывались часто и настойчиво по разнымъ поводамъ и въ разное время его писательской дѣятельности».

Второй отдѣлъ книги «Вопросы и дополненія» имѣетъ назначеніемъ содѣйствовать, съ одной стороны, болѣе сознательному отношенію читателей къ тексту Бѣлинскаго, критическому его изученію, какъ образовательнаго матеріала, вызывающаго къ активной умственной дѣятельности; съ другой — освѣтить значеніе эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго при помощи мнѣній нѣкоторыхъ авторитетныхъ художниковъ и критиковъ, такъ, чтобы для читателей выяснилось, какіе элементы въ разсужденіяхъ Бѣлинскаго отжили свой вѣкъ, какіе, наоборотъ, сохранили свой жизненный интересъ, и насколько вообще эстетика Бѣлинскаго можетъ представить эстетику нашего времени. Для достиженія первой цѣли служатъ вопросы, возбуждающіе критическую мысль и резюмирующіе содержаніе текста; для второй—примѣчанія съ избранными цитатами изъ сочиненій Тэна, Пелисье, Бурже, Гоголя, Пушкина, Тургенева, Островскаго, Гончарова, Буслаева. Приложеніемъ къ книгѣ служитъ самостоятельный психологическій очеркъ самого г. Балталона «Образность и сходство, какъ условія художественности».

Нельзя не признать, что изданіе «Эстетики» Бѣлинскаго является оригинальною новинкою въ нашей литературѣ и должно быть разсматриваемо, какъ первый опытъ созданія у насъ полнаго курса по теоріи литературы, въ чемъ ощущается значительный недостатокъ, какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, курсъ г. Балталона (если это названіе только примѣнимо въ настоящемъ случаѣ) нѣсколько одностороненъ, такъ какъ въ основаніе его положенъ всего одинъ, хотя и очень выдающійся писатель, но вѣдь и происхожденіе этого курса ведетъ свое начало именно изъ юбилейныхъ дней памяти этого писателя, почему и назначеніе его можетъ быть разсматриваемо двояко—и какъ дань памяти великому учителю и какъ первый вкладъ въ науку, которая нѣкогда въ лицѣ своихъ официальныхъ представителей отнеслась такъ высококомѣрно и близоруко къ одному изъ самыхъ выдающихся представителей русской мысли.

Тѣмъ же г. Балталомъ составлена, какъ дополненіе къ первому большому труду, небольшая популярная брошюра «Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго», гдѣ попадаются тѣ же положенія, которыя болѣе обстоятельно нашли свое мѣсто въ «Эстетикѣ».

Аналогичное значеніе съ изданіями «Дѣтскаго Чтенія» и «Комисіи преподавателей русскаго языка» имѣютъ и два труда г. А. Сальникова — «В. Г. Бѣлинскій объ искусствѣ. Основы эстетики» и «В. Г. Бѣлинскій для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности, съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзіи. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній». Первая книга соотвѣтствуетъ «Эстетикѣ» г. Балталона, но беретъ задачу уже и даетъ ее читателямъ въ недостаточно систематизированномъ видѣ для полнаго курса по теории литературы. По графамъ и рубрикамъ она скорѣе выполняетъ задачу, положенную въ основаніе первой части работы г. Острогорскаго въ изданіи «Дѣтскаго Чтенія». Что касается второй книги, то она болѣе сродни труду г. Покровскаго, но выполняетъ задачу болѣе полно, нежели «Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго». Въ то время, какъ г. Покровскій начинаетъ серію статей нашего критика съ Державина, г. Сальниковъ захватываетъ и до-Петровскій періодъ, а новую литературу ведетъ съ Кантемира. Кромѣ того, имъ вначалѣ взяты истолкованія Бѣлинскимъ общаго значенія слова «литература» и основныхъ понятій о поэзіи. Уступая книгѣ г. Острогорскаго въ систематичности теоретическаго матеріала и въ статьяхъ общелитературнаго содержанія, а также по театральному искусству, книга г. Сальникова даетъ больше мѣста разбору Бѣлинскимъ русскихъ авторовъ и дѣйствительно всѣхъ больше соотвѣтствуетъ программамъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Кромѣ перечисленныхъ отдѣльныхъ изданій, на книжномъ рынкѣ появилась и небольшая брошюра г. Л. С. «Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи» съ эпиграфомъ изъ Добролюбова:

И мертвый—живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣннй молодой,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и гнѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...

Работа г. Л. С. очень любопытна, давая сводъ мнѣній Бѣлинскаго по одному изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ русской жизни, столь волнующему о сию пору наше общество. Русская литература въ первый разъ, кажется, устами покойнаго профессора Ор. Ѳед. Миллера обратила серіозное вниманіе на педагогическія воззрѣнія Бѣлинскаго, и съ тѣхъ поръ эта сторона его литературной дѣятельности неоднократно бывала предметомъ журнальных обсу-

жденій, и ее же взялъ г. Острогорскій содержаніемъ своихъ рѣчей и на петербургскомъ торжествѣ въ думѣ, и на празднествѣ въ Пензѣ. Поэтому для лицъ, которымъ почему либо недоступны остальные работы по тому же вопросу, брошюра г. Л. С. даетъ вполне добро-совестно и систематически сведенный матеріалъ о педагогическихъ воззрѣніяхъ нашего критика.

Что касается брошюры г. Абрамова «Памяти Бѣлинскаго», то значеніе ея можетъ быть сведено къ довольно пестро составленному собранію изреченій Бѣлинскаго по разнообразнымъ вопросамъ жизни, отчасти пригодному на случай необходимости цитирования мнѣній этого писателя. Тутъ читатель найдетъ опредѣленія, что такое, по мнѣнію Бѣлинскаго, «красота», «Европа и Азія», «театръ», «дѣтскій писатель», «истина» и проч. и проч. изъ самыхъ разнообразныхъ областей. Вторая часть брошюры «Романъ Бѣлинскаго» является небольшимъ отрывкомъ изъ жизни критика, составленнымъ на основаніи извѣстной переписки его съ невѣстой, отрывки изъ которой приведены мною въ первой части настоящаго моего очерка.

Этимъ исчерпывается все, появившееся въ печатномъ видѣ до послѣдняго времени на журнальномъ, газетномъ и книжномъ рынкѣ двухъ столицъ въ качествѣ достойныхъ поминокъ нашего великаго критика. Теперь остается отмѣтить, въ какихъ общественныхъ проявленіяхъ послѣ описаннаго мною уже засѣданія въ обществѣ любителей-россійской словесности была почтена память Бѣлинскаго въ день годовщины его смерти.

ХІІ.

Въ Петербургѣ инициаторомъ чествованія памяти Бѣлинскаго явился «Союзъ русскихъ писателей», перенесшій, однако, и по соображеніямъ лѣтняго времени, и въ виду готовящихся торжествъ въ Пензѣ, свое празднество съ 26-го мая на воскресный день 10-го мая. Въ этотъ день утромъ «союзъ» устроилъ экстренное собраніе своихъ членовъ, въ присутствіи многочисленной публики, явившейся по спеціально разосланнымъ пригласительнымъ билетамъ, въ залѣ городской думы; послѣ торжественнаго утренняго засѣданія послѣдовалъ въ ресторанѣ Контана обѣдъ по заранѣе составленной подпискѣ.

Какъ обстоятельно и вполне точно описываютъ «Биржевыя Вѣдомости», къ двумъ часамъ дня многочисленная публика, въ томъ числѣ представители литературнаго міра, наполнила обширную думскую залу. Предъ бронзовымъ бюстомъ В. Г., обставленнымъ растеніями, расположились участники торжества и представители комитета. Съ небольшимъ въ 2 часа предсѣдатель собранія, объявивъ собраніе открытымъ, предложилъ присутствовавшимъ почтить вставаніемъ память того выдающагося дѣятеля русской литературы, съ

именемъ котораго такъ тѣсно связана ея судьба и котораго могло бы забыть только общество, совершенно чуждое любви къ литературѣ и безучастное къ своей славѣ.

Выступившій на кафедре В. П. Острогорскій предложилъ рѣчь о «Бѣлинскомъ, какъ педагогѣ». По мнѣнiю оратора, Бѣлинскій былъ такимъ же колоссально-великимъ человѣкомъ въ дѣлѣ поднятiя просвѣщенiя и облагороженiя умовъ Россiи, какими были на Западѣ Руссо, Шиллеръ и Гетѣ. Этотъ «первый по времени и единственный доселѣ» русскiй педагогъ, никогда не ставившiй свою цѣлью писанiе специально педагогическихъ статей, слишкомъ, однако же, часто затрогивалъ вопросъ объ истинномъ воспитанiи человѣка и въ рѣшенiи его обнаружилъ свѣтлый умъ. Это былъ патрiотъ-педагогъ, горячо вѣрившiй въ силы своего народа, въ его предрасположенность ко всему прекрасному. «Зрѣютъ уже теперь прекрасныя сѣмена для будущаго»,—говорилъ онъ и высказывалъ твердое убѣжденiе, что не слишкомъ уже далеко то время, когда будетъ у насъ своя самостоятельная литература, и мы будемъ уже не подражателями, но соперниками Запада. Имя Петра I было для него священнымъ символомъ, и въ полемикѣ съ славянофилами онъ страстно бичевалъ допетровскiй мракъ. Уже почти наканунѣ смерти онъ пламенно обличалъ Гоголя за его ретроградныя тенденцiи. Показавъ, далѣе, по выдающимся типамъ русской литературы дѣйствительно печальную постановку у насъ воспитательнаго дѣла, ораторъ перешелъ къ частной характеристикѣ педагогическаго идеала критика. Первое, что отличаетъ его педагогику,—это гуманизмъ, стремленiе воспитать человѣка въ собственномъ смыслѣ, человѣка, отрѣшившагося отъ мелочныхъ интересовъ сословности, чуждаго исключительно матеріальныхъ соображенiй. Честуемый писатель былъ истиннымъ апостоломъ самой широкой гуманности. Другою чертою, рѣзко отмѣчающею его взгляды, былъ идеализмъ, казавшiйся ему дѣйствительною основою воспитанiя. Его идеаломъ было—воспитать человѣка, которому бы до старости не чуждо было ничто человѣческое, который бы отзывался сердцемъ на все, «что проситъ у сердца отвѣта». Въ дѣлѣ воспитанiя чувства огромная роль удѣлялась имъ чувству религiозному и эстетическому. Только такое воспитанiе способно создать не отвлеченнаго человѣка, но горячаго патрiота, сердце котораго живо бьется за интересы національности, борца за истину гражданина. «Теперь,—заключилъ ораторъ,—пробуждается въ обществѣ интересъ къ педагогикѣ. Какъ отрадно видѣть отзвуки его идей даже въ современныхъ педагогическихъ теченiяхъ. Пусть же онѣ и вѣчно будутъ намъ путеводною звѣздой!»

Послѣ шумныхъ аплодисментовъ, сопровождавшихъ рѣчь почтеннаго педагога, на кафедре вошелъ г. Н. А. Котляревскiй, избравшiй темою: «В. Г., какъ истолкователь главнѣйшихъ литературныхъ теченiй своего времени». «Бѣлинскiй, — говорилъ г. Котляревскiй, —

одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ выпадаетъ счастье быть какъ бы истолкователями своего вѣка, закрѣплять въ словѣ весь ходъ жизни современниковъ. Читая Бѣлинскаго, мы какъ бы переживаемъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ десятилѣтій, отмѣченныхъ такимъ полетомъ философской мысли, такимъ интенсивнымъ подъемомъ нравственнаго чувства и художественнаго творчества, какіе рѣдко повторяются. Излагать измѣненія въ его міровоззрѣніи почти то же, что излагать движеніе нашей общественной жизни вообще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Бѣлинскій — горячій романтикъ, ревностный сторонникъ этого теченія, такимъ пышнымъ и роскошнымъ цвѣткомъ распустившася на западѣ. Въ его душѣ разладъ съ дѣйствительностью, онъ живетъ мечтой и идеалами. Но этотъ цвѣтокъ, не имѣвшій въ Россіи достаточно подготовленной почвы, у насъ являлся только тепличнымъ растеніемъ, и Бѣлинскій первый понялъ странность этого увлеченія. Въ началѣ 30-хъ годовъ предъ нами уже новый человекъ, ведущій борьбу съ романтизмомъ, только мѣшающимъ жизни. Теперь это философъ-эстетикъ, повидимому, примирившійся съ жизнью и не осуждающій ея. Намъ теперь не понять, какъ сухія логическія построенія могли заглушить мучительный разладъ духа, но нужно признать, что увлеченія критика философіей были не увлеченіемъ только разсудочнымъ, но, главнымъ образомъ, обусловливались потребностью сердца. Усталое, истомленное и разочарованное, оно видѣло въ философіи успокоеніе и прибѣгло къ ней, какъ къ наркотическому средству. И снова черезъ 2—3 года предъ нами новая фізіономія. Бѣлинскій — боецъ за опредѣленную социальную программу, пытающійся согласить жизнь со своими понятіями объ идеалѣ и чрезъ изученіе жизни запада понявшій, что нужно прежде всего выработать общечеловѣческую личность, свободную отъ стѣсняющихъ традицій, и эмансипировать духовно и матеріально низшіе классы. Онъ радостно привѣтствуетъ Герцена, Тургенева, Достоевскаго и Григоровича потому именно, что въ ихъ рѣчахъ ему слышится жалоба за обездоленнаго и оскорбленнаго человека. Смерть прервала его дѣятельность, но онъ угадалъ идущее смѣнить его поколѣніе. Онъ выстрадалъ многое за этихъ людей, пришедшихъ ему на смѣну, онъ далъ имъ ту убѣжденность, съ какою они выступили на свое дѣло. И философія Гегеля, и славянофильство — все это теперь лишь историческія воспоминанія, — закончилъ лекторъ, — но память Бѣлинскаго жива, и отъ его могилы вѣетъ жизнью. И не больше ли, въ самомъ дѣлѣ, жизни въ иныхъ могилахъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ живыхъ людяхъ?»

«Великое сердце» чествуемаго писателя являлось темою слѣдовавшей затѣмъ рѣчи С. А. Венгерова. Оставляя въ сторонѣ уже отчасти оцѣненные интеллектуальныя достоинства критика, ораторъ задался цѣлью охарактеризовать Бѣлинскаго, какъ душевный типъ, сказать нѣсколько словъ о томъ «Неистовомъ Висса-

рѣшѣ»,—какъ его звали въ его частномъ кружкѣ,—въ каждой фразѣ котораго слышно бѣненіе самаго благороднаго сердца, который стоялъ на никѣмъ не достижимой высотѣ нравственнаго чувства, о томъ рыцарѣ безъ страха и упрека и великомъ страстотерпцѣ, который выстрадалъ свои убѣжденія. Уже въ юношескихъ драмахъ, сыгравшихъ печальную роль въ его жизни, сказался его рѣзкій, идущій прямо отъ сердца протестъ честнаго человѣка противъ злоупотребленій крѣпостного права. Позднѣе тѣ же качества великаго сердца рельефно проявились въ его «Литературныхъ мечтаніяхъ», по бурному и страстному тону которыхъ можно возстановить, какъ живую, личность этого восторженнаго мыслителя. Статьи «Молвы» и «Телескопа», часто писанныя по самымъ ничтожнымъ поводамъ, проникнуты тою же страстностью. Но всего ярче проявилась его восторженность въ философскихъ увлеченіяхъ, которыя возбуждали въ немъ не холодный академическій интересъ, но глубоко затронули его чувство. Онъ вѣровалъ въ откровенія Гоголя, а не только усвоилъ ихъ умомъ, и готовъ былъ на всякую жертву за свои убѣжденія, даже на потерю друга за несогласіе убѣжденій. Средній читатель, которому теперь доступны сочиненія критика, быть можетъ, смутится, читая ихъ. Быть можетъ, замѣтивъ раздвоенность въ его воззрѣніяхъ, онъ спроситъ, какой же Бѣлинскій изъ двухъ Бѣлинскихъ великъ и заслуживаетъ преклоненія? Но, въ сущности, не было никакого раздвоенія, и Бѣлинскій всегда былъ самимъ собою.

Вмѣсто указываемаго далѣе программю лектора А. Н. Пыпина приготовленная имъ рѣчь о литературныхъ и общественныхъ взглядахъ критика была прочитана г. Анненскимъ. Указавъ главнѣйшее враждебное Бѣлинскому теченіе славянофиловъ, выступившихъ съ проповѣдью о «гнѣеніи Запада», г. Пыпинъ отмѣтилъ характеръ борьбы покойнаго писателя со своимъ противникомъ, остановившись на словахъ Бѣлинскаго по поводу статьи Одоевскаго. Но, по словамъ автора рѣчи, Бѣлинскій вовсе не былъ тѣмъ крайнимъ западникомъ, какимъ его представляли и представляютъ иногда понынѣ. Въ послѣднихъ спокойныхъ статьяхъ онъ представляется довольно умѣреннымъ западникомъ, стремящимся къ европейскому «не потому, что оно не азіатское, но потому, что оно человѣческое». Реформаторъ Россіи казался Бѣлинскому лучшимъ представителемъ національности. Послѣ обсуждения значенія критика для Россіи и указанія оцѣнки его дѣятельности ближайшими современниками, авторъ закончилъ свой очеркъ словами человѣка противнаго Бѣлинскому лагеря — Аполлона Григорьева, призывающаго горячее сочувствіе общества на того, кто умѣлъ сочувствовать всему благородному, великому и прекрасному, никогда не отступать отъ правды, кто готовъ былъ ради нея на всякую жертву и смѣло и честно возставалъ противъ лжи.

Вслѣдъ за прочитаннымъ далѣе Е. П. Карповымъ извѣстнымъ отрывкомъ изъ стихотворенія Некрасова «Медвѣжья охота», посвя-

ценнымъ памяти великаго «либерала-идеалиста», Г. А. Джаншиевъ въ своей рѣчи сопоставилъ дѣятельность критика съ эпохою реформъ. Еще на студенческой скамьѣ бичевалъ онъ крѣпостничество, возмущаясь противъ него всею душой, съ замираніемъ сердца слѣдилъ за всѣми попытками императора Николая возвратить народу свободу, вмѣстѣ съ Грановскимъ едва ли не первый заговорилъ «о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ». Въ приведенныхъ въ концѣ рѣчи словахъ славянофила Аксакова ораторъ отмѣтилъ то невольное признание значенія Вѣлинскаго, котораго не могъ не чувствовать даже человѣкъ враждебной ему стороны.

Рѣчь Н. К. Михайловскаго характеризовала покойнаго критика, какъ драматурга. Не скрывая невысокаго художественнаго значенія драмъ и даже видя въ этомъ подтвержденіе того положенія, что можно обладать высокимъ художественнымъ чутьемъ и въ то же время не быть художникомъ, ораторъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на то, что герои обѣихъ драмъ покойнаго являются въ значительной мѣрѣ изображеніями самого «неистоваго Виссаріона». Выражаемые героями чувства, ихъ душевный складъ, даже самый эпиграфъ одной изъ драмъ—все это невольно вызываетъ въ умѣ образъ самого энгузіаста-критика. Въ драмахъ рѣзко сказывается съ одной стороны протестъ противъ несвободности крестьянства (и это за 30 лѣтъ до времени его освобожденія!) и сознаніе необходимости борьбы личности за свою свободу. Выдержками изъ переписки Вѣлинскаго Н. К. показалъ, какимъ заклятымъ врагомъ «холопства» и подавленія личности всю свою жизнь былъ покойный, никогда не продававшій себя и предпочитавшій умереть съ голоду, чѣмъ сдѣлаться чьимъ либо рабомъ. Рѣчь закончилась пожеланіемъ «вѣчной памяти неистовому Виссаріону».

Г-жа О. Н. Чумина по болѣзни въ собраніи не присутствовала, и послѣ рѣчи Н. К. Михайловскаго на кафедрѣ взошелъ П. И. Вейнбергъ, предложившій свою заключительную рѣчь. «День смерти писателя,—говорилъ онъ,—является для насъ днемъ свѣтлой радости. 17 лѣтъ назадъ во время чествованія памяти Пушкина, покойный драматургъ Островскій началъ свою рѣчь словами: «На нашей улицѣ праздникъ!» И эти чествованія памяти писателей, дѣйствительно, праздники, такъ какъ они свидѣлствуютъ о томъ, что есть высшая посмертная жизнь у тѣхъ тружениковъ пера, которые отмѣчены Божьимъ перстомъ, что ихъ трудъ, совершающійся незамѣтно для міра, высоко цѣнится соотечественниками, что и дальніе потомки будутъ чтить память ихъ «съ героемъ наравнѣ». Обратившись затѣмъ къ тому, что было 50 лѣтъ назадъ, г. Вейнбергъ прочувствованными стихами поэта изобразилъ печальное увяданіе и медленное угасаніе этого великаго, «по судьбѣ печальной безпримѣрнаго» [человѣка, смерть котораго для многихъ была совершенно незамѣтною. «Затеряна давно твоя могила, и память благодарная друзей дороги къ

ней не проторила», — писалъ Некрасовъ по поводу смерти друга. Но теперь уже не то. Теперь знаютъ Бѣлинскаго, сочиненія его идутъ въ массу, ими зачитываются, и потомки его передадутъ своимъ потомкамъ его имя, окруженное ореоломъ величія, въ числѣ тѣхъ именъ, какими гордится Русская земля. «Разойдемся же отсюда, — заключилъ ораторъ, — не какъ съ печальныхъ поминокъ, но бодро и радостно, съ вѣрою, что невзгоды и препятствія, встрѣчающіяся русской мысли на пути къ свѣту и добру, преодолимы, что честные дѣятели удостоиваются все большаго и большаго признанія, — разойдемся со словами того поэта, котораго такъ прекрасно понималъ чествуемый нынѣ писатель, — словами Пушкина: «Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!».

Въ собраніи присутствовало немало представителей литературы и журналистики. Во время небольшого антракта П. И. Вейнбергомъ была прочитана телеграмма отъ племянниковъ и племянницъ критика, выражавшая благодарность комитету союза писателей и просьбу присоединить и ихъ, отсутствующихъ родственниковъ покойнаго, къ числу почитателей его памяти. Свояченица В. Г. Бѣлинскаго, г-жа Орлова, бывшая свидѣтельницею его послѣднихъ дней, лично присутствовала на торжествѣ.

Послѣ торжественнаго собранія въ Думѣ, состоялся въ ресторанѣ Контана обѣдъ, на которомъ присутствовали литераторы, адвокаты, педагоги, профессора и одинъ бывший профессоръ, а нынѣ сановникъ, первоприсутствующій сенаторъ Н. С. Таганцевъ. Въ числѣ литераторовъ, участвовали въ обѣдѣ г-жи Шапиръ, Пѣшкова-Толивѣрова, Стѣшова, Пименова, Ясевичъ-Бородавская, гг. Михайловскій, Тимирязевъ, Максимовъ (С. В.), Карповъ, Василевскій, Нотовичъ, Короленко, Вейнбергъ, Глинскій, Лялинъ, Анненскій, Бернштамъ, Мякотинъ, Джаншѣевъ, Ходневъ; въ числѣ профессоровъ: Карѣевъ, Свѣшниковъ, Поссе, Бороздинъ, Модестовъ, Коркуновъ; въ числѣ педагоговъ: гг. Гуревичъ, Анненскій, Острогорскій; въ числѣ адвокатовъ: гг. Спасовичъ, Турчаниновъ, Граціанскій, Берлинъ, Годлевскій. На обѣдѣ присутствовала затѣмъ, въ качествѣ почетной гостыи, свояченица Бѣлинскаго, Аграфена Васильевна Орлова.

Распорядителями обѣда были П. И. Вейнбергъ и Б. Б. Глинскій. Этотъ обѣдъ, по описанію хроникера «Новаго Времени», единственный въ своемъ родѣ, представлялъ собой дружескую трапезу учениковъ, собравшихся чествовать память общаго имъ дорогаго учителя.

Тосты открылъ П. И. Вейнбергъ, предложивъ почтить память отсутствующаго амфитріона и виновника торжества вставаніемъ, послѣ чего предложилъ тостъ въ честь его свояченицы, А. В. Орловой. За этимъ первымъ тостомъ послѣдовали рѣчи, одинаково оживленныя, мѣстами краснорѣчивыя, произнесенныя гг. Тимирязевымъ, Острогорскимъ, Годлевскимъ, Джаншѣевымъ, Михайловскимъ, Бороздинымъ, Таганцевымъ, Гуревичемъ, Анненскимъ, Щегловымъ, Ходневымъ и г-жей Пѣшковой-Толивѣровой.

Г. Тимирязевъ вспомнилъ въ своей рѣчи слова Бѣлинскаго: «мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить». Эти надежды Бѣлинскаго, по мнѣнію автора, не оправдались: тяжело было жить дѣдамъ, да и внукамъ жить не легко. «Въ сегодняшний печальный день его смерти, — закончилъ свою рѣчь г. Тимирязевъ, — мы смѣло и увѣренно выскажемъ надежду, чтобы въ недалекій свѣтлый день столѣтней годовщины его рожденія ученики Бѣлинскаго, если не мы, старые работники на вспаханной имъ нивѣ, то смѣняющая насъ молодежь, сказали бы, вызывая великую тѣнь своего дѣда: «Твои страданія принесли плодъ сторицей, твоимъ внукамъ наконецъ жить легко, ты попрежнему живѣ между нами, но тебѣ нечего плакать горькими слезами, какъ говорилъ Добролюбовъ, настала желанная тобою минута, когда можно русскимъ писателямъ, по словамъ Гете:

На почвѣ свободной
Съ народомъ свободнымъ стоять.

Г. Годлевскій, присяжный повѣренный и публицистъ польскаго происхожденія, сказалъ, что онъ полюбилъ русскую литературу, благодаря сочиненіямъ Бѣлинскаго, и что такіе писатели, какъ Бѣлинскій, благородствомъ своихъ идеаловъ и возвышенностью стремленій всего лучше могутъ способствовать братскому единенію русскихъ съ поляками.

Г. Острогорскій замѣтилъ, что сегодня праздникъ не только русской литературы, но и русскаго просвѣщенія, что, благодаря удивительному критическому чутью Бѣлинскаго, русское общество впервые распознало и оцѣнило тѣхъ пятерыхъ писателей, которые «сдѣлали» современную русскую литературу: Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова и Гоголя.

Г. Таганцевъ, въ качествѣ пензяка, т. е. земляка Бѣлинскаго, вспомнилъ о своемъ пребываніи въ пензенской гимназіи, когда великовозрастные гимназисты учились думать и чувствовать по Бѣлинскому. Впослѣдствіи, въ университетскіе годы, вѣянія измѣнились, и г. Таганцеву съ его однокашниками-пензяками приходилось отстаивать Бѣлинскаго отъ нападокъ. Характеризуя Бѣлинскаго, ораторъ назвалъ его, между прочимъ, «истиннымъ юристомъ», доказывая, что онъ обладалъ настоящимъ «юридическимъ пониманіемъ общественной жизни», понималъ, что «идея и сущность человѣческаго общежитія — развитіе правъ челоуѣка и разумной свободы».

Г. Анненскій говорилъ о свободѣ слова, которую назвалъ «солнцемъ литературы», прибавивъ, что свободу нужно не только желать, но и заслужить.

Г. Гуревичъ предложилъ учредить при Литературномъ фондѣ капиталъ имени Бѣлинскаго, при чемъ тутъ же и собрано было по

подпискѣ свыше 300 рублей; г. Джаншиевъ разсказалъ о своемъ знакомствѣ на о. Корфу съ г-жей Орловой; г. Щегловъ говорилъ объ единеніи писателей; г. Михайловскій сравнилъ Бѣлинскаго съ виноградною лозой, которая дала многочисленныя отпрыски, наличность которыхъ такъ наглядна въ современной литературѣ; г. Вейнбергъ предложилъ тостъ за современную критику въ лицѣ ея талантливаго представителя Н. К. Михайловскаго и предложилъ отправить въ Парижъ проживающей тамъ дочери Бѣлинскаго телеграмму.

Кромѣ торжественнаго собранія въ Думѣ и обѣда у Контана, «союзомъ писателей» въ годовщину смерти критика была отслужена на Волковомъ кладбищѣ заупокойная обѣдня и панихида. Послѣ панихиды у могилы покойнаго были прочтены: Л. Е. Оболенскимъ стихотвореніе, написанное имъ по случаю сегодняшняго дня, г. г. Сальниковымъ и Кулябкой-Корецкимъ рѣчи, изъ коихъ воодушевленная рѣчь послѣдняго оратора произвела на собравшихся особенно сильное впечатлѣніе. Въ заключеніе г. Вейнбергомъ было объявлено о пожертвованіи Л. Ф. Пантелѣевымъ капитала въ 1.500 р. въ Литературный фондъ, какъ преміи за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ. Одинаково съ Петербургомъ и Москва почтила этотъ день церковными служеніями.

ХІІІ.

Не менѣе столичныхъ городовъ отнеслась горячо къ чествованію памяти Бѣлинскаго провинція, гдѣ во многихъ центрахъ — Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Кишиневѣ, Саратовѣ, Казани, Самарѣ, Ставрополѣ, Чембарѣ, Пензѣ, Новочеркасскѣ, Тамбовѣ, Ватумѣ, Екатеринбургѣ, Томскѣ и т. д., были справлены болѣе или менѣе торжественныя поминки великаго критика. Несмотря на многія неблагопріятныя стороны общественной жизни провинціи, несмотря на многіе тормазы и препятствія къ проявленію свободныхъ чувствъ и думъ, однако, праздникъ русской интеллигенціи можно считать въ общемъ удавшимся, и имя славнаго писателя и интересъ къ нему въ теченіе нѣсколькихъ дней положительно заслонялъ собою все остальные явленія и событія будничныхъ дней. Конечно, не вездѣ дѣло обошлось благополучно, гладко, кое-гдѣ сказались непріятныя шероховатости и неудачи, кое-гдѣ не оправдались въ полной мѣрѣ пылкія мечтанія и надежды, но все эти прорухи могутъ быть разсматриваемы, лишь какъ печальныя исключенія и отступленія отъ остающаго свѣтлаго и безоблачнаго фона. Вѣдь надо же имѣть въ виду, какъ еще недавно имя Бѣлинскаго было запретнымъ, какъ еще и нынѣ нѣкоторые морщатся и чуть ли не негодуютъ при воспоминаніи объ одномъ только просвѣтительномъ и освободительномъ значеніи дѣятельности нашего критика. Посмотрите только, что еще нынѣ по тому же вопросу говорится въ «Гражданинѣ» и «Московскихъ Вѣ-

домостяхъ», служащихъ во всякомъ случаѣ извѣстнымъ отраженіемъ нѣкоторыхъ вѣяній, и при томъ вѣяній довольно вліятельныхъ, чтобъ стало яснымъ, сколько энергии и какой затраты силъ потребовалось отъ русской интеллигенціи, чтобъ хоть что нибудь создать достойное вниманія и отмѣтки въ лѣтописи общественной жизни. Поэтому совершенно нельзя согласиться съ г. Абрамовымъ, нѣсколько преждевременно заявившимъ на столбахъ «Недѣли» (№ 22), будто «празднованіе вышло далеко не соотвѣтствующимъ ни достоинству того, чья память чествовалась во время этихъ празднествъ, ни обязанностямъ тѣхъ, кто чувствовалъ себя имѣющимъ право принять участіе въ этомъ праздникѣ интеллигенціи». Я понимаю, что перомъ почтеннаго публициста руководило возвышенное желаніе видѣть празднованіе памяти Бѣлинскаго всенароднымъ, ярко-національнымъ и ознаменованнымъ рядомъ великихъ дѣяній со стороны современниковъ, дѣяній, долженствовавшихъ послужить вещественнымъ памятникомъ великому критику. Что и говорить, конечно, желательно бы было видѣть какъ можно больше такихъ вещественныхъ памятниковъ, но... но надо быть нѣсколько терпѣливымъ и умѣреннымъ въ своихъ благихъ пожеланіяхъ—все это несомнѣнно будетъ, будетъ современемъ, а пока остается лишь порадоваться, что первыя попытки громкаго общественнаго признанія заслугъ передъ Русскою землею со стороны незабвеннаго критика вышли удачными и свидѣтельствующими о несомнѣнной зрѣлости нашей интеллигенціи и о ея культурной возмужалости. Судить о торжествахъ Бѣлинскаго и оцѣнивать ихъ слѣдуетъ въ рамкахъ существующихъ условій русской жизни, а не внѣ пространства и времени, гдѣ нѣтъ ни препятствій, ни неожиданностей, ни всего того, что помѣшало этимъ празднествамъ выйти такими, каковыми ихъ хотѣлось видѣть нетерпѣливымъ и поспѣшнымъ людямъ. Поэтому мнѣ кажется, что всякое брюзжаніе, хаяніе и фрондированіе по отношенію интеллигенціи за ея недостаточное вниманіе къ славному покойнику по меньшей мѣрѣ лишни и бесполезны, чтобъ не сказать сильнѣе. Это вноситъ въ общее настроеніе холодную струю разочарованія и ослабляетъ тотъ подъемъ духа, для котораго въ будущемъ предстоитъ еще много дѣла. Предстоитъ организовать средства для постановки памятника на мѣстѣ родины критика, предстоитъ еще присутствовать при чествованіи его памяти Петербургскимъ университетомъ осенью, устраиваемомъ соединенными силами нѣсколькихъ ученыхъ обществъ при университетѣ, предстоятъ, по слухамъ, еще нѣкоторыя торжества и увѣковѣченія памяти писателя, необходимость которыхъ пока бродитъ въ сознаніи отдѣльныхъ представителей нашего общества. Поэтому, въ видахъ неполной законченности «праздника интеллигенціи», прерваннаго мертвымъ затишьемъ лѣтняго сезона, слѣдуетъ вносить въ общественное настроеніе не разочарованіе, тоску и охлажденіе, а бодрость духа, сознаніе

своихъ сплоченныхъ силъ и вѣру въ непоколебимую крѣпость этихъ силъ. Весенній опытъ вышелъ удачнымъ, будемъ же бодро и съ неомраченнымъ чувствомъ ждать осенняго продолженія этихъ торжествъ, а теперь посмотримъ, гдѣ и какъ провинціальная жизнь отмѣтила памятный день 26-го мая.

Описаніе провинціальныхъ торжествъ, по всей справедливости, надо начать съ Кіева, гдѣ еще осенью 1897 г. въ коллегіи Павла Галагана преподаватель Г. В. Александровскій произнесъ рѣчь, посвященную Бѣлинскому. Ораторъ обстоятельно отмѣтилъ важнѣйшіе моменты критической дѣятельности Бѣлинскаго, указалъ на назначеніе ея въ русской жизни и поскольку она содѣйствовала росту общественнаго самосознанія. Въ заключеніе г. Александровскій поставилъ вопросъ о необходимости изданія для учащагося юношества собранія избранныхъ сочиненій Бѣлинскаго, т. е. намѣтилъ ту задачу, которую дѣйствительно уже выполнили гг. Острогорскій, Покровский, Сальниковъ и Балгалонъ, въ указанныхъ мною выше трудахъ. Рѣчь г. Александровскаго вскорѣ поступила въ продажу отдѣльной брошюрой и на книжномъ рынкѣ явилась первою ласточкой въ нынѣшней обширной литературѣ о Бѣлинскомъ.

Въ томъ же Кіевѣ, въ день 26-го мая была отслужена въ помѣщеніи литературно-артистическаго клуба панихида по критикѣ, а 31-го мая въ залѣ купеческаго собранія состоялось засѣданіе, посвященное памяти покойнаго, гдѣ было прочитано нѣсколько рефератовъ о его жизни и дѣятельности. Въ мѣстной газетѣ «Кіевское Слово», помимо обстоятельнаго отчета о торжествѣ въ залѣ купеческаго общества, былъ напечатанъ рядъ фельетоновъ г. М. М. о жизни и дѣятельности Бѣлинскаго главнымъ образомъ на основаніи извѣстнаго изслѣдованія Пыпина: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». Въ «Кіевскомъ Словѣ» же была воспроизведена полностью интересная рѣчь на засѣданіи «литературно-артистическаго общества» Н. Николаева, посвященная выясненію значенія Бѣлинскаго, какъ театральнаго критика. «Мы знаемъ,—заклучилъ свою рѣчь г. Николаевъ,—что Бѣлинскій не дожилъ до сознанія бытовой, національной комедіи, выступившей въ лицѣ А. Н. Островскаго на поприще общественнаго служенія въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но мы хорошо должны помнить, что пути къ этому служенію были расчищены вдохновеннымъ словомъ чловѣка, который каждымъ біеніемъ своего сердца, стремился къ истинѣ, сгорая, какъ свѣточъ, зажженный рукою творца въ сумеркахъ чловѣческой жизни!...»

Городская хроника Кишенева указала на чрезвычайно любопытное событіе: въ этомъ городѣ во всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ были отслужены панихиды въ присутствіи учебнаго персонала и учащихся, преимущественно старшихъ классовъ. Особенно пріятно отмѣтить панихиду во 2-мъ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, на которой присутствовали: директоръ народныхъ училищъ Бесса-

рабской губерніи, инспекторъ 1-го района, смотрителя 1-го и 2-го уѣздныхъ и ремесленного училищъ, а также учителя уѣздныхъ, ремесленного и приходскихъ училищъ. Эти торжественныя панихиды заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что здѣсь къ участию въ поминкахъ Бѣлинскаго были именно привлечены учащіе и учащіяся, которые въ иныхъ центрахъ провинціи, не исключая и Пензы, какъ видно будетъ дальше, были старательно устранимы отъ присутствія на празднествахъ мѣстной интеллигенціи. Такимъ образомъ, то, что въ однихъ мѣстахъ провинціи поощрялось, въ другихъ находило себѣ порицаніе. Очевидно въ данномъ случаѣ все дѣло находилось въ зависимости отъ того или иного настроенія мѣстной администраціи, въ однихъ случаяхъ сознававшей все воспитательное значеніе такого торжества, какъ чествованіе Бѣлинскаго, въ другихъ не оказывавшейся на высотѣ своего просвѣтительнаго служенія обществу. Въ Кишиневѣ же была отслужена панихида въ тотъ день въ мѣстномъ каедральномъ соборѣ, при участіи хора архіерейскихъ пѣвчихъ.

Въ Одессѣ еще до наступленія 26-го мая были устроены два торжественныхъ засѣданія мѣстныхъ обществъ—литературно-артистическаго и славянскаго благотворительнаго, а также вечеръ въ народной аудиторіи, посвященный памяти Бѣлинскаго. Одесскія торжества, по слухамъ, нельзя считать вполне удавшимися, однако, нельзя не отмѣтить, что Одесса первая сдѣлала попытку сблизить образъ незабвеннаго писателя съ широкой аудиторіей изъ народа, попытку пропаганды Бѣлинскаго въ низшихъ слояхъ общества.

Въ Новочеркасскѣ, Ставрополѣ кавказскомъ и Самарѣ были устроены литературные вечера или утра въ память Бѣлинскаго причемъ особенно удачнымъ вышло чествованіе въ Самарѣ. Здѣсь «утро» началось панихидой, послѣ которой однимъ священникомъ была произнесена рѣчь; за этимъ послѣдовало вступительное слово, произнесенное извѣстнымъ писателемъ А. С. Пругавинымъ, рельефно обрисовавшимъ между прочимъ обстановку, въ которой нѣкогда дѣйствовалъ критикъ; публика горячо аплодировала оратору и нѣсколько разъ вызвала его. За Пругавинымъ вышелъ А. Смирновъ, прочитавшій весьма удачно рефератъ «В. Г. Бѣлинскій, его взгляды, литературное и воспитательное значеніе»; слѣдующій рефератъ А. А. Уманскаго былъ прочтенъ не самимъ авторомъ, а однимъ изъ учителей мѣстной гимназіи. Торжество закончилось чтеніемъ отрывка изъ Некрасовской поэмы «Медвѣжья охота», артистически исполненнымъ М. С. Позернъ, но, къ сожалѣнію, почему-то съ пропусками.

Въ Рязани празднество въ память Бѣлинскаго было организовано мѣстной ученой архивной комиссіей. На торжество собралось до 400 человекъ публики; на эстрадѣ, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго попечителя комиссіи Н. С. Брянчанинова, открылось засѣданіе его рѣчью, объявлявшею, что вліяніе Бѣлинскаго на-

столько широко распространялось въ свое время, что каждая мѣстность можетъ считать его своимъ; списки его статей расходились по рукамъ и въ Рязанской губ.; сохранились эти списки въ библиотекѣ комиссіи, которая потому, имѣя задачей охранять слѣды и реликвию мѣстной исторической жизни, сочла долгомъ осмыслить влияние Бѣлинскаго въ день, когда его сочиненія перестаютъ быть частною собственностью наслѣдниковъ его. На эстрадѣ въ группѣ лавровъ и пальмъ высился портретъ Бѣлинскаго, и подъ нимъ его книги; все это было украшено лавровымъ вѣнкомъ съ лентами: «Бѣлинскому почитатели его таланта».

Далѣе былъ прочтенъ очеркъ жизни и литературной дѣятельности Бѣлинскаго Е. И. Воскресенскимъ, потомъ прочтенъ былъ очеркъ г. Джаншіева «Бѣлинскій и реформы 60-хъ гг.», далѣе слѣдовала рѣчь А. Н. Веселовскаго *Orlando furioso* (неистовый Виссаріонъ) и, наконецъ, рѣчь В. С. Буймистрова о лицахъ, оберегавшихъ талантъ Бѣлинскаго. Огромное впечатлѣніе на публику произвели рѣчи гг. Джаншіева и Веселовскаго. Вообще этотъ вечеръ, какъ засвидѣтельствовалъ корреспондентъ «Биржев. Вѣдом.», и многолюдство аудиторіи, и оживленныя одобренія лекторовъ, и участіе въ средѣ членовъ комиссіи официальныхъ лицъ—все это представляло нѣчто выходящее изъ ряда.

Въ Тамбовѣ чествованіе памяти Бѣлинскаго вызвало борьбу мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, представляющую то несомнѣнно любопытное явленіе, что именно центромъ этой борьбы было имя писателя и оцѣнка его дѣятельности. Пусть не всѣ общественные элементы, хотя бы даже и руководящіе, не казались на высотѣ призванія,—согласенъ признать этотъ печальный фактъ, но здѣсь важно отмѣтить самую возможность уже въ провинціи сосредоточивать борьбу не около дрызгъ и низменныхъ интересовъ, а вокругъ вопросовъ просвѣтительнаго свойства и значенія. Это обстоятельство служитъ несомнѣннымъ показателемъ нѣкоторой умственной зрѣлости общества и его потребности возвышаться надъ уровнемъ повседневной тины жизни. Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ «Сына Отечества» любопытные эпизоды изъ исторіи этой борьбы и то чествованіе въ мѣстномъ театрѣ, которымъ отмѣтилъ Тамбовъ 26-е мая.

Въ Тамбовѣ есть, какъ извѣстно, основанное камергеромъ Э. Д. Нарышкинымъ «Общество по устройству народныхъ чтеній, библиотекъ и читаленъ», но правленіе этого общества, по заявленію предсѣдателя, не считало себя вправѣ созвать членовъ въ общее собраніе для обсужденія вопроса о чествованіи памяти В. Г. Бѣлинскаго, такъ какъ, по мнѣнію правленія, В. Г. Бѣлинскій не имѣлъ никакого отношенія ни къ народной литературѣ, ни къ народному просвѣщенію». Иными глазами взглянуло на заслуги Бѣлинскаго предъ Россіей скромное «общество взаимопомощи приказчиковъ». Оно не забыло, что В. Г. Бѣлинскій,

говоря словами Некрасова, «едва-ль не первый вспомнил о народѣ» въ своей дѣятельности критика и вдохновителя русской литературы. И вотъ отъ этого-то общества приказчиковъ было отправлено въ правленіе общества народныхъ чтеній приглашеніе взять на себя инициативу въ чествованіи памяти Бѣлинскаго городомъ Тамбовомъ. Само общество приказчиковъ, еще ранѣе этого приглашенія, составило проектъ выписать изъ Москвы какого нибудь лектора (и вступило въ переговоры съ г. Алферовымъ) для прочтенія публичной лекціи о Бѣлинскомъ. Но правленіе «общества народныхъ чтеній» не удостоило своимъ отвѣтомъ «какое-то приказчиье общество». Въ общемъ собраніи членовъ тамбовскаго просвѣтительнаго общества предсѣдатель правленія заявилъ: «ниже нашего достоинства пользоваться услугами общества приказчиковъ; что можетъ быть общаго между нами и ими?»

Желавшіе чествовать память В. Г. Бѣлинскаго должны были специально собирать подписи для того, чтобы заставить правленіе созвать общее собраніе (по уставу общества народныхъ чтеній, экстренное собраніе немедленно созывается, если этого требуетъ $\frac{1}{3}$ наличныхъ членовъ). Они выставляли широкую программу чествованія, состоящую въ слѣдующемъ: 1) посылка телеграммы съ выраженіемъ сочувствія на родину Бѣлинскаго, въ городъ Пензу; 2) торжественное засѣданіе общества народныхъ чтеній, на которомъ бы всякій желающій изъ членовъ общества могъ прочесть рефератъ, сдѣлать устный докладъ или произнести рѣчь, посвященную памяти покойнаго критика; 3) публичная лекція о В. Г. Бѣлинскомъ, для прочтенія которой предлагалось пригласить одного изъ извѣстныхъ лекторовъ: г. Алферова, Якушкина, Иванова и т. п.; 4) ходатайство о включеніи въ министерскій каталогъ для общедоступныхъ, бесплатныхъ библіотекъ и читаленъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго во всѣхъ изданіяхъ; 5) ходатайство о разрѣшеніи для публичныхъ народныхъ чтеній біографіи В. Г. Бѣлинскаго, и, наконецъ, 6) предлагалось чествованіе памяти Бѣлинскаго соединенными силами всѣхъ тѣхъ учрежденій и обществъ, которыя пожелаютъ принять въ немъ участіе; причѣмъ общество народныхъ чтеній принимаетъ на себя инициативу этого предпріятія и приглашаетъ принять въ немъ участіе другія учрежденія и общества. Но правленіе общества и большинство членовъ почему-то заранѣе отнеслись къ предложеніямъ, перечисленнымъ выше, какъ къ направленной противъ нихъ партійной вылазкѣ. Отсюда—упрямое непризнаніе прикосновенности Бѣлинскаго къ народному просвѣщенію и народной литературѣ; затѣмъ вынужденное согласіе взяться за организацию чествованія его памяти, а въ видѣ возмездія стремленіе урѣзать программу чествованія. Такъ, для чтенія рефератовъ о В. Г. Бѣлинскомъ создана комиссія изъ такъ называемыхъ «специалистовъ», т. е., попросту, преподавателей русскаго языка и словесности; во

главѣ ихъ поставленъ учитель гимназіи В. К. Вяжлинскій, громко заявлявшій, что онъ недоумѣваетъ, какое можетъ быть «торжество» по поводу воспоминанія печальнаго событія, т. е. смерти В. Г. Бѣлинскаго; а также думавшій, что нельзя посылать въ Пензу «привѣтственную» телеграмму или адресъ, ибо то и другое опять таки возможно лишь въ случаѣ именинъ, бракосочетанія и т. п. радостныхъ событій. Приглашеніе лектора изъ Москвы предсѣдатель не поставилъ на голоса и прекратилъ его обсужденіе, внезапно удалившись изъ засѣданія.

Въ результатъ—печальная вещь: тамбовская публика отплатила пренебреженіемъ за пренебреженіе. На торжественномъ засѣданіи общества народныхъ чтеній членовъ общества и публики, взятыхъ вмѣстѣ, было 42 человекъ. «Спеціалисты» же оказались ниже всякой критики. Одинъ, В. К. Вяжлинскій, прочелъ клочекъ изъ «Воспоминаній» И. С. Тургенева о Бѣлинскомъ; другой—г. Комлевъ—клочекъ изъ книги Пыпина, третій—В. И. Протасовъ—клочекъ изъ Некрасова. Читали скучно и плохо.

Къ счастью для г. Тамбова, въ настоящее время въ немъ гастролируетъ казанско-саратовское товарищество артистовъ подъ управленіемъ г. Бородая. Ему пришла въ голову прекрасная мысль устроить 26-го мая послѣ спектакля торжественный «апоѳеозъ Бѣлинскаго». Необычайно удачно загримированные артисты представляли собой портреты главнѣйшихъ литераторовъ и поэтовъ эпохи Бѣлинскаго, съ нимъ самимъ въ центрѣ группы. Артистъ г. Шумовъ съ большимъ чувствомъ прочелъ извѣстное стихотвореніе Некрасова «Молясь твоей многострадальной тѣни, учитель, передъ именемъ твоимъ позволь смиренно преклонить колѣни»... Почти вся немногочисленная интеллигенція захудалаго Тамбова, собравшаяся въ зданіи театра, привѣтствовала группу и чтеца восторженными рукоплесканіями, настойчиво требуя поднятія занавѣса. Въ заключеніе публика шумно вызывала и благодарила самого устроителя «апоѳеоза», г. Бородая, давшего ей случай ознаменовать день пятидесятилѣтія, протекшаго со дня кончины Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

Въ Екатеринбургѣ мѣстное общество любителей изящныхъ искусствъ устроило также литературный вечеръ, и, кромѣ того, въ этомъ же городѣ рѣшено основать общественную бібліотеку имени Бѣлинскаго. Затѣмъ можно было бы отмѣтить рядъ торжествъ, большихъ и малыхъ, скромныхъ и шумныхъ и во множествѣ другихъ городовъ нашего отечества, но всѣ эти торжества (даже на уральскихъ заводахъ) болѣе или менѣе однородны, и перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много ненужнаго мѣста. Въ однихъ мѣстахъ чествованія выразились панихидами, въ другихъ засѣданіями съ произнесеніемъ рѣчей, въ третьихъ театральными представленіями. Короче, провинціальныя центры отмѣтили этотъ день, какъ могли

и тѣми средствами, которыя были въ ихъ распоряженіи. Но наибольшій центръ общественнаго вниманія въ тѣ дни сосредоточился на торжествѣ въ Пензѣ, Чембарѣ и Саратовѣ, описаніе котораго, сдѣланное мѣстными хроникерами и столичными корреспондентами, и считаю долгомъ предложить читателямъ.

XIV.

Въ Чембарѣ, на мѣстѣ родины Бѣлинскаго, какъ сообщилъ корреспондентъ «Сына Отечества», городская дума единогласно утвердила выработанный комиссіей проектъ устава библіотеки имени Бѣлинскаго и постановила выдавать библіотекѣ ежегодную субсидію въ размѣрѣ 100 рублей. Въ виду доступности библіотеки имени Бѣлинскаго населенію Чембара и его уѣзда, плата за пользование книгами и періодическими изданіями предполагается сравнительно низкая: съ городскихъ подписчиковъ 3 рубля въ годъ, или 30 коп. въ мѣсяцъ, а съ иногороднихъ—5 рублей въ годъ. Въ настоящее время будущая библіотека имени Бѣлинскаго въ матеріальномъ отношеніи до извѣстной степени уже обезпечена, такъ какъ, кромѣ ежегодной сторублевой субсидіи отъ города и членскихъ взносовъ, на нее поступило довольно крупное пожертвованіе отъ извѣстной московской благотворительницы В. А. Морозовой. Открытіе чембарской библіотеки имени Бѣлинскаго предполагалось въ день юбилея, 26 мая, но такъ какъ уставъ ея до сихъ поръ еще не утверждёнъ, то волей-неволею открытіе должно быть отсрочено на вѣкоторое время и, по всей вѣроятности, состоится не ранѣе 1-го января 1899 года.

Программа празднованія памяти Бѣлинскаго заключалась въ слѣдующемъ: 1) 26 мая торжественная литургія въ соборѣ, затѣмъ молебенъ и панихида въ соборѣ по Бѣлинскомъ, въ присутствіи приглашенныхъ представителей города и уѣзда, а также, если окажется возможнымъ, и учащихъ; 2) панихида по Бѣлинскомъ въ городской управѣ; 3) произнесеніе рѣчей и стихотвореній; 4) открытіе библіотеки имени Бѣлинскаго (если будетъ ко дню юбилея утверждёнъ уставъ ея) и помѣщеніе въ ней портрета нашего знаменитаго критика; 5) наименованіе главной улицы Чембара, гдѣ находится домъ, принадлежавшій когда-то отцу Бѣлинскаго, «улицей Бѣлинскаго»; 6) вечеромъ иллюминація городской управы, училищъ и городского сада. На необходимые расходы дума ассигновала 200 рублей.

Въ Пензѣ, гдѣ протекли учебные годы Бѣлинскаго и съ именемъ которой неразрывно связано имя нашего критика, торжество вышло особенно пышно и вполне достойно оправдало ожиданія русскаго общества, столь внимательно въ теченіе цѣлаго сезона прислушивав-

шагося къ приготовленіямъ, здѣсь совершавшимся. Пензенскія празднества были разбиты на два дня и по показаніямъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» протекли въ слѣдующемъ порядкѣ и при слѣдующей обстановкѣ.

Въ теченіе перваго же дня пензенскій городской праздникъ какъ-то внезапно превратился въ праздникъ всероссійскій, праздникъ всероссійскаго просвѣщенія и прогресса. Со всѣхъ концовъ Россіи стеклись почитатели Бѣлинскаго либо лично, либо прислали телеграммы, которыми они присоединяются къ чествованію великаго критика. Однако, какъ выяснила практика Пензенскихъ дней, и теперь, черезъ 50 лѣтъ послѣ кончины, надъ Бѣлинскимъ тяготеетъ какое-то роковое недоразумѣніе.

На извѣстную программу было получено разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, именно 26-го мая—богослуженіе, освященіе читальни и литературный вечеръ. Казалось бы, тутъ уже не могло быть никакихъ затрудненій, но забыли, что, кромѣ свѣтской власти, есть еще духовная: былъ сдѣланъ по телеграфу запросъ въ Петербургъ, и оттуда получился отвѣтъ, что духовное начальство «не считаетъ нужнымъ церковное торжество». На этомъ основаніи въ просьбѣ о литургіи въ соборѣ было отказано.

Далѣе, французскій скульпторъ Капланъ, берущійся бесплатно составить проектъ будущаго памятника Бѣлинскаго въ Пензѣ, изваявшій уже бюстъ «неистоваго Виссаріона», отправилъ этотъ послѣдній съ нарочнымъ въ Россію съ такимъ расчетомъ, чтобы бюстъ попалъ къ торжеству. Вмѣстѣ съ нимъ были отправлены фототипіи картины Леруа «Апоѳеозъ Бѣлинскаго». Фототипіи эти были предназначены для продажи, и сборъ ихъ долженъ былъ пойти на будущій памятникъ Бѣлинскаго. Цензурное разрѣшеніе на ихъ обращеніе въ Россію было уже получено—и, тѣмъ не менѣе, таможенное вѣдомство, по какимъ-то формальнымъ основаніямъ, не разрѣшило ни бюсту, ни фототипіямъ ѣхать вмѣстѣ съ нарочнымъ, отправило ихъ быстрой скоростью, и бюстъ и фототипіи запоздали. Благодаря запозданію бюста г. Каплана, распорядители рисковали совсѣмъ остаться безъ изображенія великаго критика, а одинъ изъ нихъ нарисовалъ даже портретъ масляными красками. Выручилъ бюстъ, присланный предсѣдателемъ московскаго общества любителей русской словесности проф. П. И. Стороженко, работы Н. Н. Ге, который и фигурировалъ на всѣхъ торжествахъ.

Чествованіе 26-го мая началось съ литургіи въ Петропавловской приходской церкви, находящейся на базарѣ, вдали отъ центральной части города, почти на выѣздѣ къ вокзалу. Однако, къ панихидѣ набралось очень много почитателей. Кромѣ пріѣхавшаго къ панихидѣ пензенскаго губернатора, камергера графа Адлерберга, изъ официальныхъ лицъ присутствовали жандармскій полковникъ и начальница женской прогимназіи. Не удостоили храмъ своимъ при-

сутствиемъ директоры среднихъ учебныхъ заведеній, а таковыхъ въ Пензѣ четырнадцать.

Счастливая случайность устроила такъ, что богослуженіе происходило тотчасъ же послѣ праздниковъ Троицы, и храмъ былъ украшенъ зеленью. Зелень эта осталась и на панихидѣ по Бѣлинскомъ, какъ будто символизируя великую весну русской жизни, русскаго прогресса, русскаго просвѣщенія, вышедшую изъ сороковыхъ годовъ, славнымъ борцомъ которыхъ былъ поминаемый «рабъ Божій Виссаріонъ».

Послѣ панихиды всѣ почетные гости направились на выставку, устроенную обществомъ любителей россійской словесности въ память В. Г. Бѣлинскаго сначала въ Москвѣ, а теперь перевезенную въ Пензу и помѣщенную здѣсь въ зданіи пензенской рисовальной школы. Выставка открыта съ 10 час. утра до 5 час. дня и съ перваго же дня стала привлекать большую массу публики, такъ что трудно было протискаться. Въ тотъ же день поступилъ въ продажу и изданный московской автотипіей Фипера альбомъ выставки, чистый сборъ съ котораго поступить въ фондъ на постройку въ Пензѣ зданія для просвѣтительныхъ учреждений—народнаго дворца.

Въ часъ состоялось наименованіе въ честь В. Г. Бѣлинскаго бесплатной народной бібліотеки-читальни, существующей уже свыше двухъ лѣтъ. Послѣ молебствія, совершеннаго въ красиво декорированной зелени и украшенной бюстомъ великаго критика читальной залѣ читальни, Н. Р. Евграфовъ познакомилъ съ тѣмъ, что уже сдѣлала читальня, за что она имѣетъ право претендовать на присвоеніе ей имени Бѣлинскаго. Она успѣла уже пріобрѣсти прочныя симпатіи и насчитываетъ свыше 400 читателей, остающихся ей вѣрными за все время ея существованія. Конечно, есть у нея много недочетовъ, между прочимъ—незначительное количество книгъ, невозможность организовать опросъ читателей о читанномъ и проч. Сильно вредитъ бесплатной читальнѣ-библіотекѣ неопредѣленность средствъ и, между прочимъ, отсутствіе мѣста. Это привело оратора къ пожеланію, чтобы скорѣе удалось осуществить идею постройки въ Пензѣ зданія для просвѣтительныхъ учреждений имени В. Г. Бѣлинскаго. Затѣмъ Н. Р. Евграфовъ, замѣтивъ, что настоящая бібліотека является первымъ живымъ памятникомъ великому критику, объявилъ, что отнынѣ она будетъ именоваться бесплатной бібліотекой-читальней В. Г. Бѣлинскаго. На торжествѣ присутствовалъ пензенскій губернаторъ камергеръ графъ Адлербергъ.

Этимъ и закончилось торжество, послѣ котораго состоялся завтракъ, правильнѣе обѣдъ по подпискѣ, прошедшій очень оживленно и сопровождавшійся цѣлымъ рядомъ тостовъ.

Въ 8½ часовъ въ зданіи дворянскаго собранія состоялся, въ присутствіи губернатора и многихъ официальныхъ лицъ, литературный вечеръ. Программа этого вечера украшена виньеткой. Вверху ея

значится: «Памяти Бѣлинскаго 1848—26 мая—1898 года». Слѣва, въ боку, портретъ великаго критика въ лавровомъ вѣнкѣ, а ниже интеллигентъ, пожимающій руку рабочаго и надъ ними надпись: «Знаніе и любовь».

Далѣе слѣдовали чтенія приватъ-доцента А. Е. Грузинскаго «Личность В. Г. Бѣлинскаго», В. П. Острогорскаго «В. Г. Бѣлинскій, какъ педагогъ» и Ермилова «О міросозерцаніи Бѣлинскаго». Второе отдѣленіе вечера началось съ чтенія Ц. П. Болталона «В. Г. Бѣлинскій, какъ эстетикъ». Затѣмъ А. Н. Кремлевъ прочиталъ извѣстный, посвященный Бѣлинскому, отрывокъ изъ «Медвѣжьей охоты», И. Н. Потаненко—стихотвореніе А. Н. Плещеева, а г. Ладыженскій—свое собственное стихотвореніе.

Послѣ чтенія стихотвореній были прочитаны телеграммы и адреса отъ различныхъ лицъ и учреждений.

Всѣ чтенія и привѣтствія сопровождались громомъ аплодисментовъ, а по окончаніи официальнаго чествованія молодежь устроила свое—подлѣ бюста былъ зажженъ комнатный бенгальскій огонь — и такъ и посыпались къ его подножью вѣтки зелени.

XV.

Второй день чествованія памяти великаго критика начался съ литературнаго утра въ 11 часовъ въ залѣ дворянскаго собранія. Это утро было повтореніемъ 26 мая, съ тою лишь разницею, что читались привѣтствія, полученныя послѣ литературнаго вечера или тѣ, которыхъ не успѣли прочитать вечеромъ.

Литературное утро, какъ и предшествовавшій день, собралъ очень много слушателей; въ аплодисментахъ тоже недостатка не было.

Въ часъ дня въ пензенскомъ народномъ театрѣ начался школьный праздникъ. Праздникъ этотъ былъ устроенъ городской комиссіей по устройству чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго, и на него получили приглашеніе всѣ воспитанники городскихъ школъ и различныхъ пріютовъ. Исключенными оказались только воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ ни одинъ не попалъ на милое, оживленное торжество. Само собой разумѣется, не было допущено никакого истолкованія дѣтямъ значенія происходившаго торжества, и дѣти только случайно могли слышать о Бѣлинскомъ, не зная притомъ, что же онъ собственно такое. На сценѣ шла «Женитьба» Гоголя—и она была очень кстати на праздникъ критика гоголевскаго періода, но еще болѣе кстати было бы нѣсколько живыхъ словъ, посвященныхъ памяти этого самаго критика. Молодая публика замѣчательно отзывчиво относилась къ каждой остротѣ, къ каждому смѣшному положенію комедіи. Восторгамъ ея конца не было. Свѣжіе, щебечущіе голоса звонко раздавались въ воздухѣ,

требуя «всѣхъ», «всѣхъ». И эти ручки, говоритъ корреспондентъ газеты, не привыкшія къ нашему выраженію театральнаго удовольствія, не просто аплодировали, а какъ-то особенно плескали въ воздухѣ выше головъ ихъ обладателей.

По окончаніи спектакля, дѣтишки выстроились попарно, и каждая школа подъ предводительствомъ своего учителя. Вся эта длинная лента потянулась подъ звуки музыки мѣстнаго военнаго оркестра отъ народнаго театра по лѣсу, такъ называемаго, Верхняго Гулянья. Тѣ же щебечущіе, веселые голоса раздавались повсюду, веселье, святое, дѣтское веселье царило вокругъ, и радостнымъ ауканьемъ будило лѣсъ. Четыре тысячи дѣтей вытянулись въ ленту чуть не съ версту, такъ что шедшая въ головѣ музыка едва была слышна въ хвостѣ. Но, вотъ наконецъ, колонна достигла той поляны, на которой были предположены дѣтскія игры и угощенье дѣтей. Ряды были разорваны, съ неистовымъ радостнымъ визгомъ бросились дѣтишки, какъ будто бы на штурмъ, черезъ ровъ, отдѣляющій лѣсъ отъ поляны. Мгновенье—и вся публика разсыпалась по полянѣ. Однако, дѣтишекъ тотчасъ же снова собрали по школамъ, музыка съиграла нѣсколько нумеровъ, затѣмъ имъ было предложено угощеніе, и начались игры—веселыя, беззаботныя игры... Право, если у десятой части этихъ дѣтишекъ западетъ имя Бѣлинскаго, ради котораго имъ устроили такой свѣтлый, радостный праздникъ, то и это уже большое приобрѣтеніе. Придетъ пора—захотятъ и воплотить это имя, познакомиться съ завѣтами его носителя...

Заключительнымъ аккордомъ чествованія былъ парадный спектакль для взрослыхъ. Шла та же «Женитьба», и на этотъ разъ уже надъ занавѣсью красовался портретъ «неистоваго Виссаріона». На спектаклѣ присутствовалъ пензенскій губернаторъ, камергеръ графъ Адлербергъ, и масса публики. Этимъ и закончилось торжество. «Если вспомнить всю массу полученныхъ телеграммъ изъ всѣхъ концовъ Россіи, даже изъ Якутской области, если представить себѣ воодушевленіе присутствовавшихъ и, наконецъ, вспомнить о центральномъ пунктѣ торжества—освященіи народной библіотеки-читальни, то, какъ справедливо утверждаетъ сотрудникъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», нельзя не прийти къ убѣжденію, что это было всероссійское торжество просвѣщенія, торжество идей великаго публициста, что растетъ количество людей, вскормленныхъ этими идеями.

Чрезвычайно задушевымъ, колоритнымъ и знаменательнымъ вышло чествованіе Бѣлинскаго, устроенное въ Саратовѣ мѣстнымъ обществомъ вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Хроникеръ «Саратовскаго Листка» даетъ слѣдующее его описаніе.

Еще съ утра 26-го мая зданіе театра украшено было флагами, что невольно приковывало вниманіе проходящихъ. Къ 8-ми часамъ вечера театръ наполнился самой разнообразной публикой. Торже-

ственное чествованіе памяти покойнаго писателя посѣтили начальникъ губерніи князь Б. Б. Мещерскій, представители разныхъ учреждений и вѣдомствъ, городской голова Н. П. Фроловъ, председатель губернской земской управы В. В. Круберъ, члены городской управы, гласные думы и т. д.; немало было и «простой» публики. Всѣ мѣста въ театрѣ розданы были на вечеръ 26-го мая бесплатно. Входъ въ театръ, зрительный залъ и сцена роскошно были декорированы зеленью, коврами и тропическими растеніями; все это освѣщалось разноцвѣтными электрическими лампочками. Убранство театра было роскошно и дѣлало честь П. Г. Бойчевскому и Г. П. Баракки, которые любезно приняли на себя всѣ хлопоты и труды по декоративной и художественной обстановкѣ театра для этого вечера. При входѣ въ коридоръ партера поставленъ былъ бюстъ Бѣлинскаго, работы художника-скульптора г. Волконскаго; здѣсь же продавались фотографическіе снимки съ бюста. Сцена театра представляла собою эффектную картину: по срединѣ на убранныхъ зеленью и гирляндами постаментѣ и пьедесталѣ красовался удачно выполненный съ посмертной маски бюстъ писателя; вся сцена убрана была гирляндами изъ зелени, а по стѣнамъ, между входами за кулисы, развѣшаны были портреты-медальоны наиболѣе выдающихся писателей, современниковъ Бѣлинскаго, изготовленные художникомъ Баракки: здѣсь, вокругъ бюста чествуемаго писателя, предстали передъ публикой Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Некрасовъ, Достоевскій, Кольцовъ, Григоровичъ.

Передъ открытіемъ занавѣса оркестръ военной музыки Лѣснаго баталіона, помѣщенный за кулисами, тихо началъ играть похоронный маршъ. Въ зрительномъ залѣ воцарилась полная тишина, и занавѣсъ былъ поднятъ. Члены всѣхъ депутацій, помѣщавшіеся на сценѣ вокругъ бюста Бѣлинскаго, встали съ своихъ мѣстъ... Встала и вся публика... Когда всѣ заняли свои мѣста, начался вечеръ. Вступительное слово о Бѣлинскомъ сказалъ А. О. Немировский, рѣчь котораго покрыта была аплодисментами. Затѣмъ, С. К. Экснеръ исполнилъ на концертномъ роялѣ Шредера похоронный маршъ Шопена. Публика тоже аплодировала.

Послѣ этого, депутаціи отъ разныхъ учреждений, обществъ и лицъ возлагали вѣнки на бюстъ Бѣлинскаго, произнося надписи на лентахъ. Порядокъ этого церемоніала установленъ былъ такой: все время играетъ оркестръ; депутаціи выходятъ съ лѣвой стороны изъ-за сцены, подходятъ съ вѣнками къ бюсту, произносятъ надписи на лентахъ и кладутъ вѣнки на постаментѣ бюста. Возложены вѣнки: 1) отъ города Саратова (М. И. Кротковъ и В. А. Коробковъ); 2) Общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ (редакторъ-издатель «Саратовскаго Листка» П. О. Лебедевъ и сотрудникъ газеты, прис. пов. В. Н. Полякъ) съ надписью: «Учителю правды, добра и красоты», и изъ Бѣлинскаго: «Литературѣ рус-

ской моя жизнь и кровь»; 3) Общества любителей изящныхъ искусствъ (А. Ф. Александровъ и А. А. Токарскій) — «Великому критику»; 4) редакціи «Саратовскаго Листка» (издатель И. П. Горизонтовъ и сотрудникъ-секретарь К. К. Сарахановъ) — съ стихотвореніемъ изъ Некрасова:

«Молись твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!».

5) отъ редакціи «Саратовскаго Дневника» (издатель Н. П. Штерцеръ и сотрудникъ Н. М. Архангельскій) — «Рыцарю правды»; 6) отъ редакціи журнала «Братская помощь» (Е. П. Шебуева); 7) отъ редакціи «Земской недѣли» (Н. Н. Сиротининъ); 8) саратовскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества (И. Я. Славинъ, С. К. Экнеръ и Ф. М. Достоевскій); 9) саратовскаго отдѣленія императорскаго русскаго технического общества (М. А. Малишевскій, Е. М. Алексѣевъ и А. С. Кнушевицкій) — «Поборнику просвѣщенія и гуманности»; 10) физико-медицинскаго общества (В. И. Парусиновъ и А. Е. Романовъ) — «Безсмертному Бѣлинскому»; 11) общества санитарныхъ врачей (А. Н. Сахаровъ, Н. И. Кондратьевъ и В. И. Алмазовъ) — «Пламенному борцу за правду и человѣческое достоинство»; 12) комиссіи народныхъ чтеній при санитарномъ обществѣ (А. М. Масленниковъ, М. И. Милашевская и В. И. Серебряковъ) — изъ Некрасова:

Придетъ ли времечко (приди желанное!...),
Когда дадутъ понять крестьянину,
Что розъ портретъ портретику,
Что книга книгъ розъ.
Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго —
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесеть.

13) Общества трезвой и улучшенной жизни (А. А. Чивкуновъ, В. А. Булатовъ и Н. И. Семеновъ) —

«Прочель всѣ черныя страницы
И сохранилъ полетъ орла
И сердце чистой голубицы —
Вотъ человѣкъ!..»

14) Отдѣла народныхъ развлеченій при обществѣ трезвой и улучшенной жизни (Ф. А. Пальчинскій и П. И. Шиловцевъ) — «Истинному другу народа и вдохновенному поборнику театра»; 15) Общества книгопечатниковъ (Ф. Л. Орловъ, В. И. Герасимовъ-Ивановъ и П. К. Крахмалевъ) — «Великому свѣтильнику мысли»; 16) отъ са-

ратовскихъ учителей русскаго языка (Ф. Е. Пактовскій и А. М. Добровольскій)—«Отцу благородной русской мысли»; 17) отъ саратовской молодежи, учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (О. А. Александрова, В. И. Глинчиковъ и Л. О. Малецкій) произнесено привѣтствіе: «Сегодня, въ 50-ю годовщину смерти В. Г. Бѣлинскаго, саратовская молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, приноситъ цвѣты къ бюсту этого великаго студента, выразителя завѣтныхъ думъ лучшихъ людей прошедшаго и настоящаго времени... Пусть этотъ вѣнокъ будетъ откликомъ благодарности нашей на могучій призывъ горячаго энтузіаста, который принесъ намъ неоцѣнимый даръ, пробудивъ въ насъ самосознаніе и внеся новую живую струю въ теченіе русской жизни своею защитою правъ женщины и приобщеніемъ ея къ плодамъ высшаго образованія»; 18) Общества вспомошествованія молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію (А. Л. Морозовъ и Е. И. Флеровскій); 19) отъ учащихся въ саратовскихъ воскресныхъ школахъ (С. Н. Брюханенко, В. К. Архангельская и А. Д. Львова); 20) отъ саратовскаго коммерческаго собранія (Я. В. Ивановъ и И. Т. Миловидовъ); 21) отъ товарищества малорусскихъ артистовъ (Е. Ф. Зарницкая и г. Самаринъ)—«Незабвенному радѣтелю родного театра»; 22) отъ кружка саратовскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ (А. М. Масленниковъ и А. А. Токарскій); 23) отъ служащихъ губернскаго земства (В. Я. Тугаринова и М. И. Семеновъ)—«Памяти великаго русскаго критика и учителя»; 24) отъ саратовскихъ рабочихъ (Я. А. Потыльчинскій и А. П. Григорьевъ).

Отъ редакціи «Саратовскаго Листка» и отъ санитарнаго общества возложены были серебряные вѣнки, отъ другихъ учреждений и обществъ—металлическіе, лавровые и изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложеніе вѣнковъ и привѣтствія отъ всѣхъ депутацій вызывали аплодисменты со стороны публики.

Затѣмъ, Б. А. Араповъ прочелъ рѣчь профессора Веселовскаго «Неистовый Роландъ», а Е. П. Шебуева—стихотвореніе Плещеева «На смерть писателя», начинающееся словами:

«Я помню домъ»....

Прочитавши это стихотвореніе, артистка преклонила колѣни передъ бюстомъ великаго писателя, и въ это время на бюстъ спустился вѣнокъ... Сцена эта вызвала бурные аплодисменты.

Послѣ антракта Э. Н. Цеделеръ проигралъ на скрипкѣ «Элегію» Эрнста, а В. А. Марковскій прочелъ отрывокъ изъ стихотворенія Некрасова «Медвѣжья охота», начинающійся словами:

Еще добромъ должны мы вспомнить тогдашнюю литературу...

Е. М. Алексѣевъ прочелъ рѣчь о Бѣлинскомъ профессора Стороженько, сказанную послѣднимъ на московскомъ чествованіи великаго писателя.

Въ заключеніе вечера А. А. Лукьяновъ (мѣстный авторъ) декламировалъ слѣдующее свое стихотвореніе:

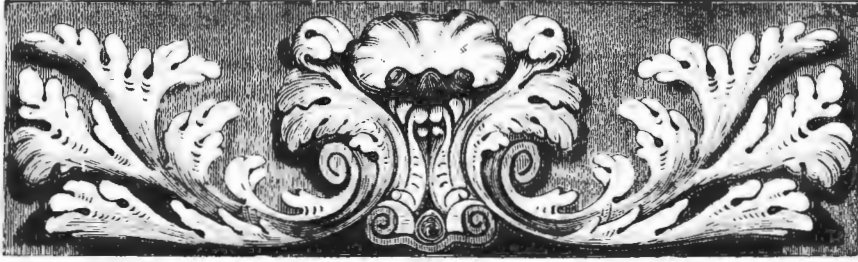
Бѣлинскій былъ далекъ житейской суеты...
 Онъ отдалъ родинѣ и молодость и силы
 И свѣточъ знанья несъ; въ завѣтныя мечты
 Онъ страстно вѣрилъ до могилы.
 Великимъ смерти нѣтъ... Его душа жива,
 Онъ съ нами вѣрный другъ, учитель поколѣній,
 И слышимъ мы его могучія слова,
 И видимъ пылъ его стремленій!
 Онъ былъ всегда правдивъ,—бездарность не щадилъ;
 Но сколько было въ немъ восторженнаго чувства,
 Когда онъ въ комъ нибудь даръ Божій находилъ:
 Никто такъ не цѣнилъ искусства!
 Онъ покорялъ сердца и покорялъ умы,
 И свѣтлый духъ его царить здѣсь величаво...
 Онъ славы не искалъ, но все воскликнемъ мы:
 Тебѣ, Бѣлинскій, слава, слава!!!

Чтеніе статей и стиховъ, а также исполненіе музыкальных №№ программы вызывало аплодисменты публики, вызывавшей также г. Волконскаго, приготовившаго бюстъ Бѣлинскаго. Вечеръ окончился въ 11^{1/2} час. ночи и прошелъ въ замѣчательномъ порядкѣ.

Саратовскимъ торжествомъ закончились весеннія чествованія Бѣлинскаго, какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ.

Я полагаю, что изъ всѣхъ приведенныхъ описаній того, какъ русское общество отнеслось къ памяти своего выдающагося вождя и учителя, можно смѣло заключить, что это общество сумѣло въ предѣлахъ современной возможности обратить день 26-го мая въ настоящій праздникъ мысли, который несомнѣнно благодарнымъ потомствомъ будетъ занесенъ на скрижали исторіи наравнѣ съ страницю извѣстныхъ поминокъ Пушкина въ Москвѣ. Торжественные поминки этихъ двухъ писателей, изъ коихъ одинъ явился въ нашей исторіи основателемъ новой русской литературы, а другой—ея блестящимъ истолкователемъ и пророкомъ ея грядущихъ судебъ на долгія времена, служатъ лучшими указателями, что русское общество достойно своихъ великихъ учителей, и что работа ихъ не осталась безплодною. Они расширили и укрѣпили наше самосознаніе, нашу гражданственность и права на свободу, въ благодарность за каковыя великія услуги потомство и увѣнчало ихъ изваянія лаврами и создало ихъ именамъ памятники, громко свидѣтельствующіе, что торжество солнца и просвѣщенія вѣчно, и что правда жизни рано или поздно, но всегда должна восторжествовать.

Б. Глинскій.

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ¹⁾.

V.

Городъ Шангай.

АННЕЙ весной 1885 года, нашъ старый «Моржъ» медленно пробирался изъ Южнаго Китая въ Шангай отдохнуть и собраться съ силами для дальнѣйшаго слѣдованія во Владивостокъ, гдѣ его уже ждалъ приказъ быть сданнымъ къ порту, т.-е. безболѣзненно, мирно и непостыдно кончить свою долгую и трудную службу на Дальнемъ Востокѣ.

Мы шли шхерами, среди безчисленныхъ островковъ, окаймляющихъ весь матерой берегъ Китая отъ Тонкина до устья Янтсе. Берегъ Восточной Азіи круто обрывается здѣсь въ море, и глубины повсюду значительны. Такая обрывистость, точно такъ же какъ изрѣзанность береговъ и обиліе удобныхъ бухтъ и заливовъ—общее явленіе на югъ отъ устья Янтсе-Кіана; наоборотъ, къ сѣверу отъ Великой рѣки берега предательски обманчивы: море на далекомъ разстояніи отъ видимой линіи суши имѣетъ малыя глубины и почти не даетъ ни бухтъ, ни заливовъ.

Всѣ острова, мимо которыхъ мы шли, представляютъ изъ себя скалистыя массы, голыя или покрытыя скудною растительностью;

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 1012.

въ разсѣлинахъ скаль, у прибрежій ютятся жалкіе домишки китайскихъ рыбаковъ. Все смотритъ сѣро, сумрачно и говоритъ о бѣдности живущаго здѣсь человѣка и о холодной власти моря, съ тоскливымъ плескомъ разбивающаго свои свинцовыя волны объ угрюмые берега. На одиннадцатый день плаванія миновали мы Чусанскій архипелагъ и сразу окунулись въ какіе-то мутно-желтые помои. Это давалъ знать о себѣ «сынъ океана», несущій въ даръ своему батюшкѣ такую кучу размываемыхъ имъ земель, что по вычисленію ученыхъ «осадки, приносимые имъ каждую секунду въ устье, представляютъ твердую массу около шести кубич. метровъ, что, слѣдовательно, даетъ въ годъ 180 милліоновъ кубич. метровъ ила,—количество, достаточное для того, чтобы покрыть пространство въ 100 кв. верстъ слоемъ грязи въ 2 метра толщины». Оттого-то устье «великаго сына океана», несмотря на свою огромность, покрыто такими отмелями, что ходить здѣсь надо очень и очень умѣючи. А дѣйствительно, какое гигантское устье! Мы давно уже плыли по немъ, но ни признака береговъ на горизонтѣ: ихъ раздѣляютъ здѣсь другъ отъ друга около 100 верстъ водной равнины. То, что въ смутныхъ очертаніяхъ мелькаетъ по временамъ вдали, въ видѣ неясныхъ полосъ земли, представляетъ наносные островки, успѣвшіе подняться надъ водой и покрыться растительностью. Но вотъ, также незамѣтно, переходимъ мы изъ устья гигантской рѣки въ устье другой рѣки, вливающейся здѣсь въ Янтсекіанъ, — незамѣтно для насъ, конечно, для нашего мелкосидящаго судна; но океанскіе пароходы знаютъ хорошо всю прелесть этого мѣста: средняя высота воды на барѣ во время прилива всего 19 футовъ, а наибольшая глубина за послѣдніе годы была только 23 фута. Вотъ почему большіе морскіе корабли и не могутъ проходить въ Шангай съ полнымъ грузомъ. Рѣка, въ которую мы вошли изъ лимана Янтсе-Кіана, представляетъ собою соединенныя воды двухъ рѣчекъ: Гуан-пу и Вусунга (послѣдняя носить еще другое названіе: Сучеу-крикъ). Она не имѣетъ своего особаго наименованія, а зовется одними Гуан-пу, другими Вусунгомъ. Сначала и тутъ не видать береговъ; но они скоро начинаютъ показываться въ видѣ чуть поднятыхъ надъ водой ровныхъ низинъ. Все яснѣе и отчетливѣе выступаютъ эти берега, покрытые зеленѣющими полями и селеніями; вотъ потянулись зубчатая, глинобитная стѣны укрѣпленій: это — крѣпость и деревня Вусунгъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ выше, у мѣста сліянія рѣкъ Гуан-пу и Вусунга, и лежитъ Шангай, эта, волею Англіи, «столица Дальняго Востока», «образцовая колонія», «истинная международная республика», и проч., и проч., и проч.: всѣхъ титуловъ державнаго города и не перечтешь. Крутой изгибъ рѣки Гуан-пу ниже Шангай дѣлаетъ то, что городъ открывается какъ-то неожиданно, вырастаетъ передъ глазами почти внезапно. Мы отдаемъ якорь въ сосѣдствѣ американской, т.-е. самой непри-

вѣтливой части европейскаго Шангая. Дѣло въ томъ, что чиновникъ, завѣдующій постановкой судовъ на якорь, не успѣлъ прибыть изъ города, а лодманъ самъ, безъ его разрѣшенія, идти дальше не могъ. На другой день утромъ къ намъ прибылъ самъ харборъ-мастеръ, нѣчто въ родѣ капитана надъ портомъ, въ рукахъ котораго все дѣло правильной установки судовъ на мѣстномъ рейдѣ, что, въ виду громадной массы (около 5.000) ежегодно приходящихъ въ портъ судовъ, является вещь безусловно необходимою, и повелъ насъ къ пункту, уже предуготованному намъ.

Чудесный весенний день весело сіялъ съ голубаго китайскаго неба, но не китайскія картины глядѣли на насъ съ берега. Дыханіе могучей западной жизни несло изъ этихъ мастерскихъ, доковъ, складовъ, вырывалось клубами дыма изъ фабричныхъ трубъ, слышалось во всемъ этомъ характерномъ шумѣ, отдававшемся въ ясномъ воздухѣ утра и имѣющемъ такъ мало общаго съ своеобразными звуками настоящаго китайскаго города. Огромные океанскіе пароходы, точно гигантскія морскія животныя, улеглись на спокойной поверхности рейда и отдыхаютъ, собираясь съ новыми силами въ далекій путь; снуютъ парходики и шлюпки, стоятъ парусныя и паровыя суда всѣхъ флаговъ, между которыми только нашъ національный блещетъ своимъ краснорѣчивымъ отсутствіемъ; кипитъ дѣятельная жизнь, полная сознанія своей силы и власти...

Прошли мы первую, сумрачно какъ-то глядящую часть Шангая, — американскую концессию, или Хонкью; рѣка расширилась, приняла видъ бухты, и изъ-за дѣса мачтъ и парходныхъ трубъ гордо выступили фасады домовъ-дворцовъ тяжелой архитектуры, внушительныхъ размѣровъ, не лишенные своеобразнаго, чисто купческаго величія. Блещатъ огромныя зеркальныя стекла ихъ; на флагштокахъ вѣютъ флаги представителей многочисленныхъ націй; чудная набережная, облицованная камнемъ, обсаженная рядами высокихъ деревьевъ, тянется на нѣсколько верстъ, давая отъ себя откосы каменныхъ пристаней, гдѣ толчется цѣлый муравейникъ шлюпокъ. Предъ нами — англійская концессія, самая богатая и наилучше во всѣхъ отношеніяхъ обставленная часть иностраннаго Шангая. На одномъ выдавшемся, полукругломъ мысѣ разбитъ довольно большой садъ, прямо противъ оконъ англійскаго консульства. Идемъ дальше. Кончилась эта своего рода «дворцовая набережная»; опять потянулись длинные товарные склады, и здѣсь-то, наконецъ, былъ положенъ предѣлъ нашему странствованію: мы отдали якорь въ виду французской концессіи; за домами ея вдали рисовались стѣны и крыши стараго туземнаго Шангая. На противоположномъ городу, т.е. на правомъ, берегу рѣки, виднѣются также доки, верфи и склады: это — пригородъ Шангая, такъ называемый Путунгъ.

Маленькая китайская шлюпка, щеголяющая своей чистотой, свезла

меня съ судна на берегъ, и я пошелъ бродить по оригинальному городу, представляющему единственное въ своемъ родѣ государство въ государствѣ, какъ въ буквальномъ, такъ и въ переносномъ значеніи этого слова. Послѣ скитанія по грязнымъ портовымъ городамъ Китая, среди ихъ страшной толчеи и вони, Шангай производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе. Эти широкія, прямыя улицы, такъ хорошо распланированныя и вымощенныя; эти дома-дворцы набережной, отъ которыхъ вѣетъ такой солидной самоувѣренностью; эти блестящіе магазины, гдѣ можно найти произведенія всѣхъ странъ свѣта; комфортъ и порядокъ виѣшней жизни заставляютъ васъ забыть, что вы въ Китаѣ, и переносятъ воображеніе далеко, на европейскій западъ. Улицы идутъ въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ, перекрещиваясь подъ прямыми углами; неслышно мчатся по нимъ легкіе, изящные европейскіе экипажи на резиновыхъ шинахъ; бѣгутъ китайскіе возницы, запрягшись въ двухколесныя, одномѣстныя коляски (дженерикчи), въ которыхъ возсѣдаютъ пассажиры; неуклюже катятся, двигаемыя тоже мускульной силой человѣка, деревянныя тачки, съ однимъ колесомъ посрединѣ и двумя сидѣньями по бокамъ (только въ Шангаѣ и видѣлъ я такой оригинальный экипажъ, который, говорятъ, въ большомъ употребленіи внутри страны); по троттуарамъ снуютъ представители чуть ли не всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ народностей; но порядокъ повсюду идеальный. Поддержаніе порядка въ «Международной образцовой колоніи», гдѣ постоянно живетъ до 200.000 китайцевъ и куда ежегодно приходитъ масса судовъ съ ихъ командами, зачастую состоящими изъ людей, прошедшихъ огни, воды и мѣдныя трубы, — вся тяжесть полицейской службы лежитъ на плечахъ какихъ нибудь 400 полисменовъ, изъ которыхъ всего 100 человѣкъ европейцевъ; остальные — азіаты, главнымъ образомъ индусы. Одѣтые въ форменные костюмы европейскаго покроя, съ головами, закутанными въ бѣлые тюрбаны, изъ-подъ которыхъ глядятъ смуглыя, мужественныя лица и большіе, темные глаза, стоятъ эти индійскіе полисмены на углахъ Шангайскихъ улицъ и спокойно, сложивъ руки на груди, смотрятъ на потокъ людскихъ волнъ, шумно катящихся предъ ними. Вдругъ, посреди улицы произошло какое-то замѣшательство, образовалась маленькая живая кучка людей, дженерикчей, тачекъ, а тутъ съ обѣихъ сторонъ мчатся коляски и бѣгутъ еще и еще разныя ручныя телѣжки, кажется, — вотъ-вотъ все перепутается и безъ какого нибудь инцидента дѣло не обойдется. Но, точно волшебный жезлъ, поднялась палочка полисмена, лошади остановились, какъ вкопанныя, и все движеніе разомъ замерло. Изгладилось минутное недоразумѣніе, изгладилось само собой, — снова знакъ полисмена, и движеніе закипѣло попрежнему. Понадобилось дамъ или нянѣкъ съ маленькими дѣтьми перейти черезъ улицу, и опять къ услу-

гамъ слабыхъ членовъ колоніи тотъ же волшебный жезлъ. Это— все мелочи, конечно; но въ здѣшнихъ мелочахъ повседневной общественной жизни скрыто столько глубокаго смысла, все онѣ проникнуты такимъ общимъ одухотворяющимъ ихъ значеніемъ, что походишь, походишь по странному городу, и вмѣстѣ съ чувствомъ полнѣйшей и совершеннѣйшей безопасности, какую только можно себѣ представить, подымаются вдругъ какія-то тоскливыя мысли и чувства, весьма далекія отъ этихъ образцово-содержимыхъ улицъ.

Многоэтажныхъ домовъ въ Шангаѣ нѣтъ; громадное большинство двухъ, трехъ, рѣдко четырехъ-этажные. Комнаты въ европейскихъ домахъ высоки; въ нихъ много простора и воздуха. Я нарочно не сказалъ «свѣта», хотя окна очень велики, не сказалъ потому, что свѣтъ, синонимъ солнца, здѣсь въ то же время синонимъ зноя, отъ котораго стараются защититься въ лѣтніе мѣсяцы и жалюзи, и навѣсами, а главное глубокими верандами. Передъ многими домами небольшие садики, гдѣ формы субтропической растительности граціозно перемѣшаны съ представителями флоры умѣренныхъ поясовъ.

Изъ зданій особенно бросаются въ глаза: Шангайскій клубъ, домъ англійскаго консульства, помѣщенія Восточнаго и Шангайско-Гонконгскаго банковъ—на набережной; нѣмецкій клубъ—въ Кантонской улицѣ; домъ французскаго консульства и такъ называемый муниципальный дворецъ французской части. Каѳедральный соборъ во имя св. Троицы представляетъ, по словамъ знатоковъ, одинъ изъ лучшихъ образчиковъ современной архитектуры этого сорта. Кромѣ собора, здѣсь имѣются еще: американская епископальная церковь, церковь лондонскаго миссіонерскаго общества, двѣ римско-католическія церкви, морская церковь въ Путунгѣ и множество миссіонерскихъ часовенъ для туземцевъ-христіанъ. Изъ другихъ общественныхъ учрежденій космополитическаго города обращаютъ на себя вниманіе: публичная бібліотека, содержащая до 10.000 томовъ, отдѣленіе британскаго королевскаго азіатскаго общества, Политехническій институтъ для китайцевъ, музей, масонскій клубъ (въ Шангаѣ существуетъ больше десяти различныхъ масонскихъ обществъ, съ 500 членами). Клубовъ здѣсь вообще масса.

Оркестръ духовой музыки, дающій концерты въ общественномъ саду три раза въ недѣлю въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, образованъ любителями. Изъ добровольцевъ состоитъ и мѣстная пожарная бригада, говорятъ, лучшая за предѣлами Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (пальма первенства въ устройствѣ пожарной части принадлежитъ, какъ извѣстно, Америкѣ). Волонтеры же сформировали здѣсь отрядъ военной силы, могущій сослужить службу въ случаѣ какойнибудь шальной вспышки со стороны китайской черни; состоитъ онъ изъ роты полевой артиллеріи, полускадрона кавалеріи и четырехъ стрѣлковыхъ ротъ, заключающихъ въ себѣ до 300 че-

ловѣкъ. Въ Шангаѣ есть три прекрасныя гостиницы: Central Hotel, Astor House и Hôtel des Colonies, гдѣ цѣны такія же, какъ и вездѣ на Дальнемъ востокѣ: 3—4 доллара въ день за комнату съ полнымъ пансіономъ. По части газетъ—такое обиліе, какого трудно было бы ожидать при населеніи, столь незначительномъ (всѣхъ европейцевъ въ Шангаѣ около 4.000 человекъ). Здѣсь выходятъ: три ежедневныя газеты на англійскомъ языкѣ—«North Chine Daily News», «Shanghai Courier» и «Shanghai Mercury», двѣ ежедневныя газеты на китайскомъ языкѣ—«Shan-pao» и «Hu-pao», которыя продаются приблизительно по копейкѣ за номеръ и, говорятъ, сильно расходятся; «North Ch. Daily News» и «Shanghai Mercury» имѣютъ еще и еженедѣльные изданія: «North Chine Herald» и «Celestial Empire»; кромѣ того, издаются еще нѣсколько миссіонерскихъ газетъ. Двѣ отдѣльныя линіи подводнаго кабеля, находящіяся въ рукахъ иностранцевъ, соединяютъ Шангай съ Европой; три другія, но уже правительственныя китайскія телеграфныя линіи идутъ отсюда: на сѣверъ до Тянь-цзина и Пекина, на югъ до Фу-чжоу и на западъ до Ханькоу. Нѣсколько частныхъ пароходныхъ компаній поддерживаютъ правильное сообщеніе Шангаю, какъ съ приморскими, такъ и со многими внутренними портами Китая. Пароходы французской компаніи Messageries Maritimes, Германскаго Ллойда, англійской P. O. Company связываютъ Шангай съ Европой. Nippon Yusen Kaisha,—съ Японіей; компанія Швелера—съ Кореей, Японіей и Владивостокомъ.

На улицахъ—электрическое освѣщеніе въ лучшихъ частяхъ города и газъ повсюду, въ самыхъ глухихъ закоулкахъ. И на всемъ, на всѣхъ учрежденіяхъ, лежитъ та же печать стройной гармоніи, порядка и заботы объ удобствахъ человѣческой жизни, которая такъ рѣзко чувствуется съ первыхъ же шаговъ въ Шангаѣ.

Очень живописную картину представляютъ нѣкоторыя кварталы европейскаго Шангаю, населенные исключительно китайцами, особенно тѣ изъ нихъ, гдѣ сосредоточились различныя увеселительныя заведенія въ туземномъ вкусѣ, и особенно, конечно, ночью, составляя тогда чрезвычайно рѣзкій контрастъ съ погруженными въ угрюмое безмолвіе фешенебельными частями города.

Заботы мѣстныхъ муниципалитетовъ не ограничиваются городской чертой: онѣ идутъ такъ далеко внутрь страны, какъ только позволяетъ ревнивая подозрительность китайскаго правительства. Когда въ 60-хъ годахъ тайпинскіе мятежники угрожали Шангаю, англійскія военныя власти успѣли провести (за счетъ китайскаго правительства, конечно) нѣсколько отличныхъ, широкихъ дорогъ для провоза артиллеріи, снарядовъ и обозовъ; но потомъ китайцы обратили большую часть ихъ въ пахатныя поля; остались только тѣ, что находятся близъ самыхъ концессій. Одна изъ нихъ ведетъ изъ Шангаю въ деревню Сикавей, находящуюся за городомъ приблизительно въ 10 верстахъ отъ него. Прекрасно пооссированная,

окаймленная садами, красивыми изгородями, дачами, ресторанами, эта дорога общимъ своимъ видомъ напоминаетъ немного петербургскіе острова. Послѣ часа быстрой ѣзды по ней въ экипажѣ, мы остановились у высокихъ, массивныхъ, каменныхъ стѣнъ того миссіонерскаго учрежденія, которому іезуиты сумѣли придать значеніе всемірно-извѣстной метеорологической обсерваторіи. Китаецъ, посланный предупредить хозяевъ о нашемъ прибытіи, скоро вернулся, вмѣстѣ съ однимъ изъ миссіонеровъ. Это былъ старикъ съ живымъ, выразительнымъ, европейскимъ лицомъ, представлявшимъ необыкновенный контрастъ съ настоящимъ китайскимъ костюмомъ его обладателя. Узнавъ о цѣли нашего пріѣзда, онъ повелъ насъ во внутренніе апартаменты перваго стоявшаго на дворѣ каменнаго зданія. Въ немъ и помѣщается знаменитая обсерваторія, богато обставленная инструментами, представляющими послѣднее слово метеорологической науки: большая часть ихъ дѣйствуетъ автоматически. Изъ обсерваторіи мы перешли въ маленькій музей естественной исторіи; имъ завѣдуютъ нѣсколько іезуитовъ, собирая коллекціи фауны Китая въ видѣ скелетовъ, чучель и шкуръ. Намъ показали, между прочимъ, скелетъ особенной породы маленькаго аллигатора, водящагося въ болотахъ провинціи Шензи, представляющаго въ настоящее время очень большую рѣдкость. Въ маленькой комнатѣ верхняго этажа музея докторъ-іезуитъ занимался во время нашего прихода микроскопическими изслѣдованіями, имѣющими цѣлью выяснитъ исторію развитія одного червя, водящагося въ болотной водѣ Шангайскихъ равнинъ. Кромѣ ученыхъ учреждений, въ Сикавей помѣщается цѣлый рядъ различныхъ мастерскихъ и благотворительныхъ заведеній для китайцевъ: школы, сиротскій пріютъ и проч.

Съ чувствомъ глубокаго удивленія и почтенія оставилъ я странное учено-благотворительное учрежденіе, основавшееся въ такой страшной дали отъ европейской цивилизаціи и сумѣвшее тѣмъ не менѣе стать въ ряды первостепенныхъ ея двигателей. И предъ моими глазами все стояли эти сикавейскіе патеры, густыя, европейскія бороды которыхъ, живые европейскіе глаза и живыя французскія рѣчи представляли разительный контрастъ съ ихъ китайскими балахонами, китайскими шапочками и болтающеюся за плечами длинной китайской косой. Какъ все своеобразно въ этой далекой странѣ, какіе удивительные человѣческіе типы приходится встрѣчать здѣсь, и какой свѣжестью и силой вѣетъ отъ этого страннаго міра, стоящаго на порогѣ встрѣчи двухъ совершенно различныхъ расъ и культуръ! Исторія Сикавейскаго учрежденія въ короткихъ словахъ—слѣдующая: въ концѣ XVI-го столѣтія прибылъ въ Китай итальянскій іезуитъ, Матгео Риччи; послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ Южномъ Китаѣ ему удалось, наконецъ, пробраться въ Пекинъ, гдѣ его громадныи умъ, обширныя познанія и замѣчательный тактъ вскорѣ приобрѣли ему расположеніе, какъ самого

императора, такъ и многихъ высокопоставленныхъ сановниковъ государства; нѣкоторые изъ этихъ сановниковъ были даже обращены имъ въ христіанство. Между ними одинъ, нѣкто Сю, получившій при крещеніи имя Павла, сдѣлался самъ ревностнымъ распространителемъ христіанскаго ученія и въ то же время оказалъ Риччи большія услуги въ предпринятомъ имъ переводѣ на китайскій языкъ геометріи Эвклида. Дочь Сю, въ крещеніи Кандида, явилась такой же ревностной проповѣдницей ученія Христа, какъ и ея отецъ; все свое состояніе и жизнь онъ отдала дѣлу обращенія соотечественниковъ въ христіанство. При ея участіи, въ различныхъ провинціяхъ Китая было выстроено 39 церквей и переведено на китайскій языкъ 130 христіанскихъ сочиненій. Этимъ, однако, не ограничилась дѣятельность энергичной женщины: зная, что во многихъ провинціяхъ ея родной земли есть обычай бросать на произволъ судьбы новорожденныхъ, особенно дѣвочекъ (практикующійся, конечно, самой несчастной голью), она устроила воспитательный домъ, куда стали приниматься брошенные дѣти. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ воспитательный домъ Кандиды, основалось впоследствии, въ концѣ XVII-го столѣтія, обширное миссіонерское учрежденіе іезуитскаго ордена, получившее имя Си-ка-вей, собственно Сю-киа-вей, что въ переводѣ значитъ: «Деревушка семьи Сю», сдѣлавшееся обширнымъ учено-благотворительнымъ заведеніемъ, гдѣ получаютъ пріютъ, воспитаніе и ремесленное обученіе сотни дѣтей обою пола, и выдвинувшееся, какъ я уже сказалъ, въ рядъ всемірно извѣстныхъ метеорологическихъ обсерваторій. Метеорологическія наблюденія въ Си-ка-вей имѣютъ цѣлью объять все пространство морей, омывающихъ материкъ Восточной Азіи и сосѣдніе острова, и дали уже блестящіе результаты, спасши множество человѣческихъ жизней и имуществъ своими предупрежденіями о приближеніи грозныхъ тайфуновъ, разсылаемыми по телеграфу по всѣмъ портамъ Тихаго океана.

Разъ зашла рѣчь о метеорологіи, интересно взглянуть, что представляетъ собою Шангай въ отношеніи этого порядка явленій. Средняя годовая температура Шангай $+12^{\circ}\text{R}$.; средняя зимняя $+4^{\circ}$, весенняя $+8^{\circ}$, лѣтняя $+20\frac{1}{2}^{\circ}$ и осенняя $+13\frac{1}{2}^{\circ}$. Въ частности колебанія температуры происходятъ въ границахъ отъ -4° до $+32^{\circ}\text{R}$. По средней годовой температурѣ Шангай подходит къ Риму, тогда какъ по зимней Шангай и Лондонъ тождественны. Лучшая пора года октябрь и ноябрь, когда все время свѣтитъ солнце, и погода стоитъ ясная, ровная, безвѣтренная, умѣренно-теплая. Зимой дуютъ сѣверо-западные вѣтры, что при сухости дѣлаетъ даже маленькій морозъ крайне чувствительнымъ. Жара лѣтомъ бываетъ временами чрезвычайная. Иногда цѣлыми днями термометръ показываетъ неизмѣнно 30° — 31° , что, при огромной влажности, создаетъ обстановку, похожую на условія гигантской паровой бани, гдѣ не то,

что работать, а и дышать-то европейцу бывает трудно. Среднее количество дождливых дней въ году—124; 59 приходится на зиму и 65 на лѣто. Лѣтніе ливни зачастую не уступаютъ тропическимъ.

Относительно санитарныхъ условій Шангай имѣются слѣдующія данныя: смертность между населеніемъ концессій, въ продолженіе послѣднихъ 15 лѣтъ, колебалась въ предѣлахъ отъ 37 до 22,3 на тысячу. Если же мы исключимъ не европейское населеніе, то смертность Шангай представить постепенно убывающій рядъ цифръ отъ 28,6 до 19 про mille — процентъ совсѣмъ невысокій, принимая во вниманіе рѣзкіе переходы отъ зимней сухости къ лѣтней влажности, условія жизни подвижнаго населенія приходящихъ въ портъ судовъ, массу живущаго на небольшомъ пространствѣ люда и состояніе почвы. Воздвигнутый на рисовыхъ поляхъ, городъ долгое время оставался подвергнутымъ влиянію болотъ и топей, вредныя испаренія которыхъ, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, дѣлали климатъ его весьма нездоровымъ. Но въ концѣ концовъ англійская культура восторжествовала надъ всѣми неблагоприятными условіями, и англійскій Шангай сдѣлался, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ Дальняго Востока.

Въ первый разъ я видѣлъ Шангай въ 1885 году, въ послѣдній—ровно десять лѣтъ спустя, ранней весной 1895-го года, когда мы стояли здѣсь, ожидая послѣдствій ультиматума, посланнаго тогда Россіей Японіи. За этотъ десятилѣтній промежутокъ мнѣ пришлось побывать еще нѣсколько разъ въ «столицѣ Дальняго Востока», и чѣмъ больше я знакомился съ ея прошлой исторіей и теперешней жизнью, тѣмъ величавѣе становился образъ этого аванпоста европейской цивилизаціи на крайней оконечности азіатскаго материка, понятнѣе дѣлался духъ великой англійской націи, и рельефнѣе выступали многія оригинальныя особенности китайскаго быта и китайскаго племени.

Шангайскій округъ образуетъ часть великой китайской равнины, которая простирается отъ Пекина на сѣверѣ до Ханчау на югѣ, а къ западу доходитъ до крайнихъ границъ Гупе. Несомнѣнно, что въ сравнительно еще недавнее время вся эта страна находилась подъ водою и обязана своимъ обращеніемъ въ сушу колоссальнымъ отложеніямъ ила рѣкою Янтсе и ея притоками. Въ этомъ убѣждаютъ геологическія изслѣдованія мѣстности, процессы аллювіальнаго образованія почвы, происходящіе здѣсь въ наши дни, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, наконецъ—свидѣтельства китайской исторіи. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ городъ Квинсанъ, который отстоитъ теперь отъ моря почти на 150 верстѣ, былъ приморскимъ портомъ этого округа. (Курьезно, между прочимъ, что Дефоз высаживаетъ своего Робинзона Крузо сперва именно въ этомъ порту, который онъ называетъ Квинчанъ). Девятьсотъ лѣтъ спустя, море уже отступило отъ Квинсана на 80 слишкомъ верстѣ, и морскимъ портомъ сдѣ-

лался городъ Тсинлуанъ. Но Янтсе-Кіангъ продолжалъ неустанно свое гигантское дѣло, наполняя море отложениями размываемыхъ имъ земель, и въ 1101 году нашей эры морская таможня округа была перенесена изъ Тсинлуна въ Шангай. Есть указаніе на то, что Шангай существовалъ еще въ эпоху «Трехъ царствъ», за 250 лѣтъ до Р. Хр. Преданіе такъ рассказываетъ о возникновеніи этого города: одинъ китайскій сановникъ, по имени Хуанши, за услуги, оказанныя своему государю, получилъ титулъ князя Тс'ун-шена и земли, нынѣ извѣстныя, какъ округа Сучау, Сункіанъ и Чинкіанъ на Янтсе. Выбравъ своей резиденціей городъ Сучау, князь отправился осмотрѣть свои владѣнія и былъ пораженъ мѣстомъ, гдѣ нынѣ находится Шангай; тогда эта мѣстность лежала у самаго моря; онъ призналъ ее ключемъ страны, особенно по отношенію къ Сучау, и построилъ здѣсь городъ, которому далъ имя Шен-чіана отъ своего титула Тс'ун-шенъ. Благодаря положенію при морѣ, Шен-чіанъ стали звать также Шангай, что значитъ «Надъ моремъ», — названіе, которое часто въ китайской поэзіи измѣняется въ равнозначащее ему слово «Гай-шанъ». Въ 250 г. до Р. Хр. основатель города былъ убитъ братомъ одной изъ своихъ женъ, которую подарилъ ему государь за ея красоту и таланты. Память покойнаго понынѣ чтится въ туземномъ, застѣнномъ Шангаѣ, гдѣ въ честь его, съ незапамятныхъ временъ, существуетъ часовня, и народъ говоритъ, что тѣмъ князя всегда помогаетъ тѣмъ, кто молится ему въ этой часовнѣ.

Положеніе Шангая въ центрѣ богатаго округа, производящаго въ изобиліи шелкъ, сосѣдство знаменитаго Сучау (или Сучжоу), наконецъ, близость моря и Янтсекіана, этого огромнѣйшаго воднаго бассейна, обнимающаго три восьмыхъ территоріи Китая, на которой ютится почти половина его населенія, и представляющаго такой удобный путь для подвоза всѣхъ продуктовъ внутреннихъ областей, — сдѣлали этотъ городъ важнымъ торговымъ пунктомъ за много вѣковъ до прихода сюда европейцевъ. Вниманіе Запада на Шангай обратилъ впервые въ прошломъ столѣтіи нѣкто Фредерикъ Пигу изъ кантонской факторіи Остъ-Индской компаніи, напечатавшій въ 1756 году записку, гдѣ онъ указывалъ на выгоды естественнаго положенія этого порта для торговли съ Среднимъ Китаемъ. Первая попытка завязать сношенія изъ Кантона съ Шангаемъ была сдѣлана докторомъ Гуцлавомъ. 20-го августа 1831 года, на китайской джонкѣ ему удалось пробраться въ Шангай; съ туземными властями на этотъ разъ онъ не имѣлъ дѣла; свѣдѣнія же, собранныя имъ объ окрестной странѣ, открывали блестящія перспективы въ будущемъ для англійской торговли здѣсь. Въ слѣдующемъ году, нѣсколько англійскихъ купцовъ въ Кантонѣ зафрахтовали парусный баркъ «Амгерстъ», чтобы пройти на немъ вдоль китайскаго побережья къ сѣверу и попытаться вступить въ торговые сношенія съ различными портами страны. Докторъ Гуцлавъ принялъ также участіе въ этой экспеди-

ці; суперкаргò былъ нѣкто Линдсей. Миновавъ благополучно Чусанскій архипелагъ, Линдсей рѣшилъ добыть себѣ лоцмана до Шанга; много китайскихъ лоцмановъ перебивало на «Амгерстѣ», но никто изъ нихъ ни за какія деньги не взялся провести иностранное судно въ Шангай. Одинъ, впрочемъ, далъ нѣсколько такихъ указаній, которыя позволили «Амгерсту» дойти до Вусунга безъ особыхъ приключеній. Нѣтъ худа безъ добра: то обстоятельство, что «Амгерстѣ» принужденъ былъ идти въ Шангай безъ лоцмана, заставило Линдсея и его помощниковъ произвести такъ много тщательнѣйшихъ промѣровъ и наблюденій, что карта, составленная на основаніи ихъ изслѣдованій, оказалась потомъ чрезвычайно цѣннымъ пособіемъ для послѣдующихъ европейскихъ мореплавателей и картографовъ. 21-го іюня 1832 г., Линдсей и Гуцлавъ съ нѣсколькими спутниками, оставивъ свое судно въ Вусунгѣ, отправились на шлюпкѣ въ Шангай. Китайцы попытались было остановить ихъ; но отважные путешественники на всѣ представленія встрѣчныхъ чиновниковъ отвѣчали, что у нихъ есть очень важное дѣло къ губернатору, и что они должны сами изложить ему это дѣло. Въ тотъ же день имъ удалось добраться до Шанга. Свое прибытіе сюда Линдсей описываетъ такимъ образомъ:

«Мы высадились на берегъ среди толпы туземцевъ, вошли въ городъ и отправились къ губернатору, при чемъ народъ вездѣ разступался предъ нами. Когда мы подошли къ ямену (официальныя присутственныя мѣста), стража хотѣла быстро закрыть двери, и намъ едва удалось предупредить ихъ намѣреніе: мы вошли на наружный дворъ; но какъ только мы попали сюда, всѣ три двери, ведущія во внутренній дворъ, были заперты и задвинуты. Подождавъ нѣсколько минутъ, постучавшись нѣсколько разъ безъ отвѣта и не видя признаковъ, что двери когда нибудь будутъ открыты, Симпсонъ и Стивенсъ надавили плечами на среднія двери и высадили ихъ, причемъ онѣ упали на землю съ оглушительнымъ шумомъ. Мы вошли тогда въ большую залу суда, на другомъ концѣ которой стояли столъ и стулъ для губернатора. Здѣсь находилось много чиновниковъ, которые, увидя насъ внезапно посреди нихъ, забыли безцеремонный способъ нашего появленія и приняли насъ чрезвычайно вѣжливо, предлагая чай и трубки. Таотая (губернатора) не было; вскорѣ вошелъ окружный начальникъ и, похваливъ насъ за наше мужество, сѣлъ. Я тотчасъ же послѣдовалъ его примѣру. Чиновникъ вскочилъ и, гнѣвно сверкнувъ глазами, удалился, не произнеся ни слова: онъ счелъ себя глубоко оскорбленнымъ, видя, что мы успѣли въ его присутствіи. Вскорѣ затѣмъ явился таотай... Онъ, очевидно, приготовился разыграть роль грознаго начальника и съ гнѣвомъ приказалъ намъ немедленно вернуться въ Кантонъ. Не прошло, однако, и 24-хъ часовъ, какъ обращеніе этихъ людей столь же внезапно перемѣнилось».

Походивъ по городу, Ляндсей и его спутники вернулись на «Амгерстъ», который тѣмъ временемъ собрался войти въ рѣку. Всѣ морскія и военныя силы сосѣдняго округа были собраны здѣсь, чтобы воспрепятствовать этому. По обоямъ берегамъ рѣки китайцы поставили пушки, длинными рядами бѣлѣли палатки сухопутныхъ войскъ, надъ ними вѣяли многочисленныя знамена и флаги, 15 военныхъ джонокъ стали поперекъ рѣки. «Амгерстъ», однако, прошелъ совершенно благополучно сквозь ихъ строй и отдалъ якорь выше бара Вусунга.

Но, несмотря на всю свою смѣлость и рѣшительность, англичанамъ не удалось на этотъ разъ побѣдить упорство китайскихъ чиновниковъ, и экспедиція «Амгерста» кончилась, въ сущности, ничѣмъ. Такую же неудачу потерпѣли Медгурстъ и Стивенсонъ въ 1835 году, отправившись въ Шангай на «Гуронѣ». Шесть лѣтъ спустя, вспыхнула война между Англiей и Китаемъ, знаменитая «война изъ-за опиума». 16-го iюня 1842 года сэръ Генри Поттингеръ прибылъ въ Вусунгъ съ военной силой и, разбивъ здѣсь китайскія войска, прослѣдовалъ въ Шангай, который и взялъ безъ боя. Нанкинскiй трактатъ 1843 года, далъ право иностранцамъ селиться въ Шангаѣ, арендовать въ немъ земли и заниматься торговлей.

Во главѣ первыхъ шангайскихъ поселенцевъ были, конечно, англичане. Поттингеръ же и выбралъ мѣсто для поселенiя своихъ соотечественниковъ: въ полу-миль къ сѣверу отъ стѣнъ китайскаго города, между рѣкою Вусунгомъ и Янкинпаномъ, маленькимъ ручьемъ, вливающимся въ Гуан-пу; переднюю его границу составляла рѣка Гуан-пу, а заднюю—ровъ, наполненный водою и соединяющiй Янкинпанъ и Вусунгъ; получилось, такимъ образомъ, нѣчто, въ родѣ острова, величиною въ одну квадратную милю. Въ этихъ первоначальныхъ границахъ и осталась до сихъ поръ собственно англiйская часть европейскаго Шангая. Въ выборѣ своемъ Поттингеръ руководствовался главнымъ образомъ стратегическими соображенiями: будущiй поселенъ имѣлъ широкую судоходную рѣку на восточномъ своемъ фронтѣ и три хотя и узкiя, но глубокiя рѣчки съ трехъ другихъ сторонъ, которыя легко можно было защищать въ случаѣ надобности. Первымъ англiйскимъ консуломъ здѣсь былъ капитанъ Бальфуръ, много потрудившiйся для благоустройства юной колонiи.

За англичанами пришли французы и основались между городскими стѣнами и англiйскимъ участкомъ, или, какъ тамъ говорятъ, «концессiей», сначала на небольшомъ клочкѣ земли; затѣмъ они расширили свои владѣнiя по Гуан-пу больше, чѣмъ на милю, между стѣнами китайскаго города и рѣкой, а на западѣ дошли до того же рва, который составляетъ границу и англiйской концессiи. Позднѣе англичанъ и французовъ явились сюда американцы, они заняли небольшой участокъ земли по Вусунгу, въ мѣстности, называемой

Хонкью, въ сосѣдствѣ англійской концессіи. Въ настоящее время всѣ владѣнія «заморскихъ дьяволовъ» въ Шангаѣ простираются въ длину почти на семь верстъ по лѣвому берегу рѣки Гуан-пу. Земля въ Китаѣ номинально принадлежитъ императору; но можетъ арендоваться европейцами на вѣчныя времена по опредѣленной таксѣ, въ Шангаѣ, напримѣръ, по одному доллару за 150 квадратныхъ сажень; арендная плата вносится правительству ежегодно черезъ консуловъ.

Глядя на современный Шангай, съ трудомъ представляешь себѣ усилія, какихъ стоило его созиданіе. Рисовыя поля, отвѣденныя подъ мѣсто для будущаго города, надо было осушить, затѣмъ потребовалось поднять почву, и такъ какъ мягкій грунтъ не представлялъ условій достаточной прочности для возводимыхъ построекъ, то понадобилось сначала глубоко забивать сваи и уже потомъ только возможно стало выводить фундаментъ. Камень для строящихся зданій доставлялся издалека, и подготовительныя работы вообще стоили огромныхъ суммъ. Вслѣдствіе низкаго горизонтальнаго положенія почвы, съ одной стороны, и отсутствія достаточно удобнаго направленія для стока, съ другой,—вопросъ о дренажѣ представлялъ трудности, какъ думали тогда, совершенно непреодолимыя. Но то, что сперва казалось невозможнымъ, нынѣ, благодаря искусству англійскихъ и американскихъ инженеровъ,—совершившійся фактъ.

Вначалѣ Шангай развивался довольно туго. Сильный толчокъ его росту дали событія 1861 года, Тяньцзинскій трактатъ, открытіе сѣверныхъ портовъ Китая, свобода плаванія по Янтсекіану и основаніе европейской колоніи въ Ханькоу. Открытіе для иностранцевъ портовъ Японіи также не замедлило оказать свое вліяніе на Шангай: отъ Нагасаки до Шангайя—рукой подать: какихъ нибудь четырехъ морскихъ миль. Но, кромѣ внѣшнихъ событій, находившихся въ связи съ новой эволюціей международныхъ сношеній, быстрому развитію Шангайя много поспособствовала та грандіозная внутренняя китайская революція, которая носитъ названіе Тайпинскаго возстанія. Судьбы Шангайя и Тайпинскаго возстанія такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что, говоря о первомъ, необходимо сказать нѣсколько словъ и о второмъ. «Исторія Китая¹⁾» свидѣтельствуетъ, что его обитатели издавна отличались любовью къ возстаніямъ. До такой политической игры они страшные охотники и едва ли не опытнѣе въ ней французовъ и испанцевъ. Эпизоды паденія двухъ десятковъ ихъ династій, свободно прославляемые въ мѣстной литературѣ и въ публичныхъ зрѣлищахъ, извѣстны каждому китайцу. Оттого-то центральное правительство страны всегда зорко слѣдитъ, чтобы въ народѣ не было поводовъ даже къ слабому нарушенію спокойствія, зная, что одна злокачественная искра можетъ зажечь

¹⁾ «Очерки Китая» Скачкова.

все государственное здание. Совершенно неожиданно такая искра вспыхнула въ 1849 году въ юго-западномъ углу Китая. Она блеснула вслѣдствіе толчка, даннаго грубыми ошибками администраціи, а возгорѣлась, когда для своихъ цѣлей ею воспользовалась горсть сектаторовъ триархіи¹⁾. Благодаря многимъ благопріятствовавшимъ обстоятельствамъ, возстаніе быстро усилилось и, по щедрымъ примѣрамъ исторіи, вскорѣ преобразилось въ народную брань, въ вопросъ династическій. Явился и предводитель, по имени Хун-сю-цюань, дѣйствительно изъ потомковъ чисто-китайской династіи, Минской, предшествовавшей нынѣшней Манчжурской династіи. Знамя возстанія сулило народу освобожденіе страны отъ манчжурскаго ига и возвѣщало начала триархіи, льстившія общественному самолюбію. Царствованіе претендента было окрещено прозваніемъ «величайшаго спокойствія» (тайпинъ), что и выражало собою программу всѣхъ упований въ народѣ на такую будущность въ странѣ. Главнѣйшею эмблемою возстанія былъ національный костюмъ временъ Минской

¹⁾ «... ереси въ политическомъ складѣ Китая... проявляются въ нѣсколькихъ школахъ. Между ними наиболѣе извѣстны три: ученіе блага ненюфара (peuh-shih alfa), называемое по-китайски «бай лян цзяо», проповѣдуетъ республиканскій строй страны, со многими отбѣнками коммунизма; ученіе триархіи, по-китайски «сань хо цзяо», проповѣдуетъ равенство всѣхъ и каждаго въ положеніяхъ матеріальномъ и нравственномъ, связывая все и каждаго въ общинной равноправности трехъ началъ отца семейства, учителя школы и выборнаго отъ всей общины старшины; ученіе братства, по-китайски «гэ цзяо», проповѣдуетъ тѣснѣйшую взаимную политическую связь всѣхъ и каждаго, жертвуя ради нея даже родственными и общественными обязанностями и связями. Послѣдователи всѣхъ этихъ ученій соединяются въ уни... по тенденціямъ своего ученія часто превосходящія ультра-соціалистическія ученія... два первыхъ ученія ведутъ свое происхожденіе далеко до временъ Рождества Христова. Мы имѣемъ основаніе къ догадкѣ, что они внесены въ Китай извнѣ, можетъ быть, изъ Вавилона пилигримствующими учителями закона (дао-ши), имѣвшими значительнѣйшее вліяніе на весь слагавшійся общественный и моральный складъ китайцевъ. А ученіе братства, по словамъ китайскихъ писателей, есть незаконное дѣтище, происшедшее изъ уставовъ буддистовъ о братствахъ. Нѣкоторые, впрочемъ довольно темные, эпизоды въ исторіи Китая до и послѣ Рождества Христова могутъ отчасти свидѣтельствовать о немногихъ годахъ процвѣтанія, даже господства ученія блага ненюфара, при сочувствіи къ нему самого богдыхана, но при столь мимолетной исключительности во всѣ остальные времена китайское правительство и отчасти общественное настроеніе народа были противъ сказанныхъ ученій. Оттого они строго преслѣдуются уголовными законами и почти покрыты тайной безмолвія въ литературѣ. Впрочемъ, между китайцами ходятъ толки, что ученіе блага ненюфара, имѣя много развитленій и отличаясь многими практическими сторонами милосердія къ бѣднымъ, въ своихъ ученіяхъ имѣетъ и понятія послѣдователей болѣе, чѣмъ остальные два. (Въ отдѣленіяхъ китайскихъ книгъ и рукописей въ публичныхъ бібліотекахъ въ Петербургѣ, въ Лондонѣ и въ Парижѣ нѣтъ ничего о сказанныхъ ученіяхъ. А въ Москвѣ, въ публичной бібліотекѣ и Румянцевскомъ музеѣ, въ ихъ китайскомъ отдѣленіи, по каталогу за № 24, хранится очень цѣнная рѣдкая рукопись, въ 3-хъ тетрадяхъ, in 16°, заключающихъ въ себѣ гіерогамы ученія блага ненюфара и за № 25, о сектѣ блага ненюфара и объ ея послѣдователяхъ, въ трехъ книгахъ in 8°, изданія 1826 года).—(Тамъ же).

династїи, съ распущенными волосами: головная коса, будучи нововведеніемъ отъ манчжуровъ, преслѣдовалась очень строго. Вотъ тѣ элементы, которыми орудовали вожаки возстанїя; а полчища, набравшіяся изъ сбѣгавшихся въ лагери сельскихъ и городскихъ обывателей, были ихъ слѣпымъ орудіемъ. По мѣрѣ успѣховъ возстанїя, вожаки прїобрѣтали для него болѣе и болѣе средствъ, обирая въ сдавшихся городахъ казначейства, провіантскіе магазины и склады оружія. Въ значительной мѣрѣ опустошались и кумирни буддійскія и даоскія; ихъ грабили и сжигали до основанія, во имя уничтоженія въ странѣ религіознаго тунеядства, столь неравноправнаго съ вѣрованіями праотцевъ китайцевъ, признавшихъ храмами однѣ только школы. Инсургенты были снисходительны ко всему китайскаго происхожденія и неумолимо жестоки ко всему, внесенному въ страну манчжурской властью. Тайпины достигли апогея своихъ успѣховъ, овладѣвъ, съ бывшею первою столицею Минской династїи, Нанкиномъ, почти всѣми лучшими внутренними пунктами въ южномъ и въ среднемъ Китаѣ. Чтобъ окончательно сразить манчжуровъ, имъ оставалось покорить сѣверную часть Китая, гдѣ они запаслись множествомъ сильныхъ сторонниковъ, да еще имъ оставалось вступить въ тѣ порты, гдѣ жили иноземцы. Для овладѣнія сѣвернымъ Китаемъ, т. е. для окончательнаго освобожденія страны отъ манчжурскаго правительства, они выжидали среди разыгравшихся тогда событій разгрома того же правительства силами англо-французовъ. Но, однако же, извѣстно, что тѣ же самые иноземцы, благодаря совѣту и помощи со стороны Россїи, любовно поладили съ манчжурами; да еще сверхъ того, по справедливости дорожа для торговыхъ сношеній со страной выгодно заключенными трактатами, оставили манчжуровъ не только неприкосновенными, а даже вновь и крѣпко упрочили ихъ династїю, обративъ свои силы въ противоположную сторону, въ помощь манчжурамъ противъ тайпиновъ. Такимъ образомъ иноземцы, а не сами китайцы,—силы англичанъ, французовъ да еще сѣверо-американцевъ, а не богдыханское войско, разогнали тайпиновъ, разгромивъ ихъ нанкинское сѣдалище. Повторяемъ, что въ такомъ дѣйствїи руководящею нитью для иноземцевъ были политическія соображенія, твердившія имъ, что одна война дешевле двухъ. Дѣйствительно, выгодныя обязательства, подписанныя покорнымъ уже правительствомъ, конечно, нисколько не могли быть обязательны для новой династїи; они могли бы улетучиться, и очень могло бы стать, что для обладанія ими снова пришлось бы затѣвать военный споръ. А это могло бы стоить иноземцамъ слишкомъ дорого, ибо изъ исторїи Китая извѣстно, что его правительства обыкновенно проявляли наибольшую энергію и были сильны въ первый періодъ воцаренія династїи. Стало быть, съ воцареніемъ династїи тайпиновъ, противъ завоеванныхъ иноземцами преимуществъ могло бы подняться не одно полчище войска, а вся масса китайцевъ».

Революція своимъ широкимъ крыломъ захватила и Шангайскій округъ. Въ концѣ 1853 года инсургенты овладѣли китайскимъ, застѣннымъ Шангаемъ. Такъ какъ тайпины сначала не трогали иноземцевъ, боясь вооружить ихъ противъ себя, то огромное количество китайскихъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ мятежниковъ, бросилось въ иностранныя концессіи Шангая, ища тамъ убѣжища, и иностранцы при сей вѣрной оказіи охотки на руку не положили: цѣна на земельные участки сразу выросла до чудовищныхъ размѣровъ. Вслѣдствіе занятія китайскаго города мятежниками, мѣстныя законныя власти были лишены возможности собирать подати и пошлины съ туземныхъ обывателей европейскаго Шангая. Поэтому губернаторъ города условился съ консулами англійскимъ, французскимъ и сѣверо-американскимъ, чтобы пошлины собирались подъ ихъ контролемъ. Китайское правительство нашло такой способъ настолько выгоднымъ для себя, что эта система была затѣмъ распространена на всѣ открытые порты. Такимъ-то вотъ образомъ и положено было начало иностранной инспекціи надъ китайскими морскими таможенными сборами. Шангай долгое время былъ главной квартирой этого оригинальнаго инспектората,—обстоятельство, оказавшееся тоже небезвыгоднымъ для приданія важности и значенія молодому городу¹⁾. Въ 1854 году, отрядъ волонтеровъ, подъ команду капитана Уэда, прогналъ мятежныя войска отъ Шангая.

Въ 1860 году, когда инсургенты овладѣли Нанкиномъ и Сучау, часть населенія, уцѣлѣвшая отъ рѣзни войскъ императора тайпиновъ, бѣжала отсюда опять таки въ Шангай, подъ покровительство иностранцевъ. Туземное населеніе европейскихъ концессій выросло до весьма внушительной цифры въ полъ-милліона человекъ. Тогда начался для Шангая періодъ страстнаго ажіотажа,—острый припадокъ золотой лихорадки. Вдругъ точно изъ-подъ земли выростали колоссальныя состоянія. Появились цѣлыя тучи рыцарей легкой наживы, всякихъ проходимцевъ и авантюристовъ. Чтобы помѣстить внезапно нахлынувшій потокъ бѣглецовъ, понадобилось выстроить на скорую руку цѣлые кварталы. Спекуляція земельными участками, строительными матеріалами, домами, приняла небывалые размѣры. Приблизительное понятіе о томъ, что дѣлалось въ ту пору въ Шангаѣ, можетъ дать, напримѣръ, слѣдующій фактъ: участокъ земли, стоившій въ обыкновенное время 50 ф. ст., продавался теперь за десять тысячъ фунтовъ. Прямымъ послѣдствіемъ золотой лихорадки явилось быстрое украшеніе колоніи каменными дворцами, роскошными магазинами и другими удобствами большого европейскаго города. Много потомъ прогорѣло всякихъ спекулянтовъ, много фирмъ лопнуло; но городъ въ концѣ концовъ выигралъ. Спекуляціей на дома и земли не ограничилась

¹⁾ Лѣтъ 15 тому назадъ, генераль-инспекторъ китайскихъ морскихъ таможенъ сэръ Робертъ Хартъ перенесъ свою резиденцію въ Пекинъ.

дѣятельность европейцевъ въ періодъ послѣдней грозной гражданской войны въ Китаѣ: ловкіе люди пошли дальше въ этомъ направленіи. Дѣло въ томъ, что тайпины, взявъ Нанкинъ, сдѣлались господами положенія на Янтсекіанѣ и задержали все торговое движеніе по этой наиважнѣйшей артеріи китайскаго государственнаго тѣла. Поэтому цѣны на многіе главнѣйшіе предметы первой необходимости, напримѣръ, на соль, поднялись внутри Китая до огромной высоты. Тогда нѣкоторые китайскіе купцы въ Шангаѣ обратились къ помощи иностранцевъ; нанявъ европейскій коммерческій пароходъ, они привязывали къ нему на буксирѣ цѣлыя флотиліи своихъ джонокъ, нагруженныхъ товарами, и преспокойно проходили мимо мятежниковъ, которые сначала не стрѣляли по европейскимъ флагамъ. Выйдя за линію нанкинскихъ тайпинскихъ орудій, пароходъ оставлялъ джонки идти дальше уже на свой страхъ и рискъ, а самъ возвращался назадъ искать другихъ охотниковъ продѣлать такую же простую и весьма выгодную операцію. Но это еще не все: иностранцами были выписаны громадныя партіи военныхъ припасовъ и ружей,—всякаго старья допотопныхъ системъ и образцовъ, и все нашло себѣ сбытъ частью въ правительственныхъ, частью въ мятежныхъ войскахъ. Тайпинское правительство, заботясь о томъ, чтобы европейцы не вмѣшивались въ его расчеты съ манчжурской династіей, думало сперва привлечь къ себѣ ихъ расположеніе, распуская ложные слухи о своей симпатіи къ христіанству. Это дало поводъ англійскому уполномоченному Бонгему отправиться въ Нанкинъ, чтобы поближе ознакомиться съ тайпинами. Чего ожидалъ отъ нихъ Бонгемъ, осталось тайной; извѣстно только, что онъ не былъ принятъ Хунъ-сю-цюаномъ и даже не добился свиданія съ лицами, приближенными къ императору тайпиновъ. Послѣдствіемъ неудавшихся сношеній англійскихъ официальныхъ лицъ съ мятежниками явилось обстрѣливаніе нанкинскими пушками флага англійскаго посла на рѣкѣ Янтсекіанѣ и внезапное нападеніе тайпиновъ на Шанхай. Нападеніе это имѣло мѣсто въ 1861 году. Отрядъ морской пѣхоты, одинъ индійскій пѣхотный полкъ, расположенные гарнизономъ на стѣнахъ китайскаго Шангая, и десантъ, свезенный съ военныхъ судовъ и занявшій постъ у воротъ городской стѣны, непосредственно прилегающей къ французской концессіи, удержали мятежниковъ отъ вторженія въ европейскія концессіи порта ¹⁾. Обстрѣливаніе флага англійскаго посла на Янтсекіанѣ побудило англичанъ, ради водворенія на рѣкѣ спокойствія для внѣшней торговли, предложить манчжурскому правительству свои услуги, что и было принято весьма охотно. Еще раньше, въ самый разгаръ революціи, предложилъ свою помощь туземнымъ властямъ

¹⁾ Съ 1860 по 1865 г. въ Шангаѣ постоянно квартировали: одинъ британскій, два индійскихъ пѣхотныхъ полка и баттарей полевой артиллеріи.

одинъ американецъ, авантюристъ, по фамиліи Уордъ, набравшій шайку изъ дезертировъ и негодяевъ всѣхъ націй, налетѣвшихъ на Шангай для ловли рыбы въ мутной водѣ. Ему дали часть китайскихъ регулярныхъ войскъ, которыхъ онъ обучилъ кое-какъ европейскимъ военнымъ приѣмамъ; но толку отъ такой полутуземной, полуиностранный военной части не было до тѣхъ поръ, пока тогдашній начальникъ англійской эскадры въ китайскихъ водахъ, адмиралъ сэръ Джемсъ Хопъ, не согласился назначить ея командиромъ майора, впоследствии знаменитаго генерала Гордона (погибшаго въ Хартумѣ). Новый, энергичный командиръ обнаружилъ здѣсь сразу свои выдающіяся военныя качества, реорганизовалъ и дисциплинировалъ порученныя ему войска и оказалъ чрезвычайныя услуги китайскому правительству въ борьбѣ съ грознымъ возстаніемъ. Рядъ побѣдъ Гордона надъ полчищами тайпиновъ приобрѣлъ его войскамъ имя «всегда побѣждающей арміи», одно появленіе которой стало наводить панику на мятежниковъ. Въ концѣ 1863 года Гордонъ взялъ Сучау, чѣмъ и побѣдилъ окончательно возстаніе. Памятникъ въ честь иностранныхъ офицеровъ «вѣчно побѣждающей арміи», павшихъ въ этой войнѣ, стоитъ теперь на сѣверной оконечности шангайской набережной.

Сообразно внѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, мѣнялось и количество населенія европейскаго Шангая. Такъ въ 1865 году иностранное населеніе города равнялось 5.600 человекъ; въ 1870 г. иностранцевъ было только 1.900; съ тѣхъ поръ населеніе снова стало прибывать; въ 1880 г. иностранцевъ числилось уже 3.500 человекъ, а теперь число ихъ превосходитъ 4.500; огромное большинство ихъ составляютъ англичане и американцы; японцы и германцы являются второю по численности группой въ этомъ космополитическомъ городѣ, гдѣ 19 націй земнаго шара имѣютъ своихъ представителей.

Колебанія туземной части населенія европейскихъ концессій шли такимъ образомъ: вначалѣ китайцы вовсе не имѣли права жить на земляхъ, отведенныхъ иностранцамъ; но уже въ 1854 году этотъ законъ былъ нарушенъ, и двадцать тысячъ китайскихъ бѣглецовъ нашли убѣжище въ иностранномъ Шангаѣ. А во время взятія тайпинами Нанкина, Сучау и другихъ мѣстъ по близости Шангая, число бѣглецовъ, бросившихся подъ защиту чужеземныхъ пушекъ, было не меньше полумилліона. Въ виду баснословныхъ выгодъ, какія доставило это бѣгство иностранцамъ, законъ, воспрепятствующій китайцамъ селиться среди нихъ, былъ оставленъ втунѣ. Послѣ усмиренія тайпинскаго возстанія, количество туземныхъ обитателей европейскаго Шангая сразу значительно уменьшилось, и въ 1865 году ихъ было всего 146.000 человекъ; перепись 1893 года дала приблизительно 210.000, человекъ, три четверти которыхъ составляютъ взрослые мужчины. Число жителей застѣннаго, китайскаго Шангая около 200.000 душъ обоого пола.

Стремленіе туземцевъ въ европейскій Шангай, гдѣ квартиры дороже, а различные сборы гораздо выше, чѣмъ въ другихъ китайскихъ городахъ, зависитъ отъ многихъ причинъ. Главнѣйшими изъ нихъ для состоятельныхъ людей являются: большая безопасность личности и собственности, какую они здѣсь находятъ, болѣе комфортабельная жизнь, большая доступность развлеченій и центральное положеніе этого пункта относительно средствъ сообщенія. Въ Шангай живутъ многіе китайскіе купцы, нажившіе деньги, очень многіе, удалившіеся отъ дѣлъ чиновники, а также лица, получившія по экзаменамъ право на официальные должности и ожидающія получения такихъ должностей. Поэтому наиболѣе выгодной недвижимой собственностью въ Шангай является та, которую занимаютъ китайцы, особенно же земли, занятыя учреждениями, служащими дѣламъ удовольствія и развлеченія мѣстной китайской *jeunesse dorée*. Въ дотайпинскія времена эта золотая молодежь считала земнымъ раемъ Сучау и Ханчау; нынѣ она находитъ, что удовольствія этихъ городовъ въ изобиліи доставляетъ Фучау-Роодъ европейскаго Шангайя. Постоянно усиливающійся наплывъ китайцевъ заставляетъ европейцевъ, особенно людей съ маленькими средствами, съ каждымъ годомъ селиться все дальше и дальше отъ дѣловыхъ центровъ, монополизировавшихся теперь китайцами. Ренты на дома и цѣны на земельные участки въ селеніяхъ постепенно растутъ, и какъ только какое нибудь старое зданіе сламывается, его мѣсто тотчасъ занимаютъ китайскіе дома.

Многіе изъ китайцевъ, живущихъ въ Шангай, — пришельцы изъ другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ провинцій, привлеченные сюда сравнительно высокою платой за трудъ и возможностью найти болѣе выгодное приложеніе своимъ силамъ и способностямъ. Клерки, переводчики, содержатели ресторановъ — главнымъ образомъ — туземцы изъ Кантона. Такъ называемые комрадоры, или поставщики, слуги, или бои, лодочники, столяры, портные, прачки и приказчики — болѣею частью уроженцы Нин-по. Городъ Сучау даетъ иностраннымъ дамамъ ихъ амъ, т. е. горничныхъ и нянекъ, а туземнымъ магазинамъ ихъ вышивальщиковъ. Нанкинцы торгуютъ сатиномъ, яшмой, часами и драгоценными камнями. Очень многіе торговцы драгоценными камнями и мѣхами — туземцы, магометане изъ восточнаго Китая, которыхъ здѣсь столько, что они въ состояніи даже содержать свою собственную мечеть на Кантонъ-Роодъ.

Въ послѣдніе годы на сцену пестрой шангайской жизни сильно выдвинулся новый элементъ — евразійскій: дѣти отъ союзовъ иностранцевъ съ китайками. Онъ дѣлится на разные отдѣлы, смотря по тому, какого берега придерживаются болѣе его представители: отцовскаго, иностраннаго, или материнскаго, китайскаго. Иностранцы въ общемъ относятся къ нимъ хорошо; китайцамъ же принимать ихъ въ свою среду мѣшаегь культъ предковъ.

Основывая Шангай, англичане хотѣли его сдѣлать центральнымъ пунктомъ для распредѣленія по Китаю своихъ товаровъ, привозимыхъ моремъ, и такимъ же пунктомъ для притягиванія сюда изъ богатыхъ внутреннихъ областей, лежащихъ по Янтсекіану, туземныхъ продуктовъ, служащихъ предметомъ вывоза страны. Въ эпоху паруснаго флота и въ первое время появленія пароходовъ дальняго плаванія, Шангай дѣйствительно игралъ такую роль; но когда стали строить гигантскіе океанскіе пароходы, съ водоизмѣщеніемъ въ нѣсколько тысячъ тоннъ и съ большой осадкой, Шангай, изъ-за бара Вусунга, долженъ былъ поступиться своимъ исключительнымъ положеніемъ частью въ пользу другихъ туземныхъ портовъ, частью въ пользу Гонконга. Тѣмъ не менѣе, однако же, онъ до сихъ поръ является важнѣйшимъ договорнымъ портомъ Китая: больше половины торговли всѣхъ странъ свѣта съ Небесной имперіей принадлежитъ еще Шангаю, и изъ этой половины львиная доля приходится на Англію съ колоніями. Остановливаясь на подробностяхъ шангайскаго ввоза и вывоза мы здѣсь не будемъ, такъ какъ это—предметъ слишкомъ спеціальнѣй, и изслѣдованіе его повело бы насъ, въ виду его обширности, очень далеко за предѣлы настоящей статьи. Скажемъ только, что общая сумма оборотовъ порта равняется приблизительно 250 милліонамъ рублей,—цифра, достаточно опредѣляющая торговое могущество и значеніе Шангая.

Но Шангай занимается не однимъ ввозомъ и вывозомъ. Онъ въ настоящее время—крупный промышленный центръ на Дальнемъ Востоку, вліяніе которое начинаетъ ощутительно сказываться на тамошней жизни. Кромѣ такихъ чисто мѣстныхъ видовъ промышленности, какъ печатное дѣло, мебельное и обойное производства ¹⁾, каретное мастерство, приготовленіе льда въ обширныхъ размѣрахъ, добываніе газа, электрическаго свѣта и проч.,—здѣсь основалось нѣсколько настоящихъ большихъ предпріятій, продукты которыхъ рассчитаны на гораздо болѣе обширный рынокъ, чѣмъ какой представляетъ Шангай, таковы: доки для постройки судовъ и ихъ починки, шелкомотальныя, бумагопрядильныя, бумажныя и спичечныя фабрики, фабрики для очистки хлопка отъ сѣмянъ, пивоваренныя и мыльные заводы, заводы искусственныхъ минеральныхъ водъ.

¹⁾ Всякая мебель, даже привозная, стоитъ въ Шангаѣ гораздо дешевле, сдѣлана лучше, прочнѣе и изящнѣе, чѣмъ та, какую доставляютъ къ намъ во Владивостокъ изъ Одессы и Гамбурга. Мягкая мебель во Владивостокѣ стоитъ совсѣмъ несуразныя деньги, и гораздо выгоднѣе выписывать ее теперь изъ Шангая, гдѣ въ американской части, такъ называемой Хонкью, существуетъ масса магазиновъ, торгующихъ дешевымъ и очень порядочнымъ товаромъ этого сорта. Перевозка на Шевелевскихъ пароходахъ изъ Шангая обходится очень недорого и исполняется этой прекрасной русской фирмой крайне добросовѣстно. Хорошая мебель, сдѣланная въ Шангаѣ, очень изящна и стоитъ тоже порядочныя деньги.

Доки Шангаля выросли изъ мастерскихъ, возникшихъ здѣсь съ самаго начала для исправленія судовъ, посѣщавшихъ портъ. Теперь существуютъ нѣсколько иностранныхъ и туземныхъ компаній, строящихъ баркасы и другія рѣчные суда, и двѣ большія фирмы: Boyd & Co и S. Farnham & Co, каждая съ основнымъ капиталомъ въ 800.000 тѣль,—строющихъ пароходы значительной величины: до 2½ тысячь тоннъ водоизмѣщенія.

Первая европейская шелкомотальня возникла еще лѣтъ 30 тому назадъ, но вскорѣ закрылась, и въ теченіе почти 20 лѣтъ затѣмъ ничего въ этомъ направленіи не предпринималось, пока Руссель и Ко послѣ ряда опытовъ не устроили въ 1881 году Keeschong Filature Association, подъ управленіемъ француза Поля Брюна, который нынѣ является главою большой и цвѣтущей компаніи, извѣстной подъ именемъ Shanghai Silk Filature, смѣнившей первую,—Keeschong Association.—Въ 1882 году, Джардинъ, Матисонъ и Ко устроили вторую шелкомотальню. Вслѣдъ затѣмъ Iveson и Co и Gilmour и Co основали еще два такихъ же учрежденія. Дѣла всѣхъ этихъ компаній идутъ прекрасно. Въ шелкомотальняхъ европейскаго образца коконы шелковичныхъ червей убиваются жаромъ, и процессъ разматыванія, производимый паровой машиной, продолжается круглый годъ, что даетъ возможность посвятить надлежащее количество времени и вниманія различнымъ частямъ производства. Въ результатѣ получается шелковая нить, гораздо болѣе правильная и во всѣхъ отношеніяхъ лучшая, чѣмъ та, какую даютъ туземные станки; но, конечно, европейскій продуктъ и стоитъ гораздо дороже китайскаго. Туземцы наматываютъ шелкъ съ живыхъ коконовъ, и время, которое требуется на это, считается днями. Поддюжины коконовъ кладутъ въ маленькій бассейнъ горячей воды, концы шелковыхъ нитей берутся вмѣстѣ и привязываются къ легкому колесу, которое вращаютъ рукою; коконы разматываютъ одинъ за другимъ, затѣмъ прибавляютъ немного новыхъ и получаютъ такимъ образомъ нить, крайне неравномѣрную.

Изъ 79.000 тюковъ ¹⁾ шелка, вывезеннаго изъ Шангаля въ теченіе 1893 года, 2.000 тюковъ представляли продуктъ европейскихъ шелкомоталенъ; хотя эта пропорція и очень малая еще, но несомнѣнно, что въ непродолжительномъ времени шелкъ, приготовленный туземнымъ способомъ, совсѣмъ перестанетъ появляться въ спискѣ товаровъ, вывозимыхъ изъ Шангаля.

Лѣтъ 15 тому назадъ, послѣ большихъ хлопотъ и затрудненій со стороны китайскихъ властей, образовалась въ Путунгъ (напротивъ Шангаля) маленькая компанія подъ управленіемъ японцевъ, для очистки хлопка отъ сѣмянъ машиннымъ способомъ. До послѣдней японско-китайской войны дѣла ея шли очень хорошо. Тогда же

¹⁾ Тюкъ вѣситъ около 12 пудовъ.

возникла одна китайская компанія для производства хлопчато-бумажной пряжи и товаровъ, подъ управленіемъ американца Данфорта. Дѣла ея шли туго до 1890 года, когда Ма-Ки-Чонгъ, въ то время одинъ изъ директоровъ China Merchant's steam Navigation Company, былъ назначенъ Ли-хун-чаномъ главою предпріятія. Обширная фабрика этой компаніи имѣла 25.000 веретенъ и до 600 ткацкихъ станковъ. Въ теченіе 1892 года, она выпустила одинъ миллионъ фунтовъ пряжи и четыре миллиона ярдовъ хлопчато-бумажной матеріи различныхъ видовъ и превосходнаго качества. Продукты ея продавались немного дешевле иностранныхъ продуктовъ такого же сорта.

Въ самомъ Шангаѣ издѣлія этой фабрики не подлежали оплатѣ пошлиной; если же они шли внутрь страны съ транзитными документами или вывозились изъ Шангаея въ какой либо туземный или иностранный портъ, все равно, то оплачивались въ таможиѣ полной пошлиной. Огромныя зданія фабрики помѣщались по рѣкѣ ниже американской части; она давала работу 800 туземцамъ. Основной капиталъ ея въ 400.000 тѣль находился въ рукахъ китайскихъ чиновниковъ высшаго класса. Въ октябрѣ 1893 года фабрика эта сгорѣла; но теперь, говорятъ, снова отстроена.

Другая большая китайская бумаго-прядельная компанія, съ капиталомъ въ 300.000 тѣль, и теперь въ полномъ ходу. На ней работаютъ 12.000 веретенъ, производящихъ 2 миллиона фунтовъ пряжи въ годъ. Есть и еще нѣсколько мелкихъ заведеній, занимающихся обработкой хлопка. Матеріалъ для этихъ фабрикъ, т. е. хлопокъ, доставляетъ главнымъ образомъ Бомбей. Есть, впрочемъ и туземный продуктъ. Китайскій хлопокъ имѣетъ короткое волокно и особенно пригоденъ для болѣе грубыхъ сортовъ пряжи. Внутри страны прядуть хлопокъ исключительно женщины; онъ же работаютъ и на Шангайскихъ фабрикахъ. Китайнокъ-работницъ на различныхъ фабрикахъ Шангаея въ настоящее время до двадцати тысячъ душъ.

Въ послѣдніе годы, туземцы покупали для внутренняго потребленія громадныя количества индійской пряжи, и полагаютъ, что если бы были уничтожены здѣсь только всѣ стѣсенія хлопчато-бумажной мануфактуры, то Шангай могъ бы въ немного лѣтъ доставить столько пряжи, сколько ее ввозится сюда изъ Японіи и Индіи, и въ скоромъ времени весь туземный спросъ на хлопчато-бумажные товары могъ бы быть удовлетворенъ продуктами собственныхъ фабрикъ въ Китаѣ; между тѣмъ дѣйствіе теперешней системы таково, что значительныя массы хлопка вывозятся въ Японію, а изъ этой страны ввозится въ Китай пряжа: положеніе вещей, которое могло бы быть рационально, если бы Китай представлялъ страну, рѣдко населенную, гдѣ плата за трудъ очень высока, но которое при существующемъ порядкѣ вещей объясняется только нежеланіемъ правительства измѣнять слишкомъ рѣзко свою исконную политику по отношенію къ иностранцамъ и нѣкоторыя изъ своихъ таможенныхъ правилъ.

Лѣтъ 17 тому назадъ, въ Шангаѣ образовалось нѣсколько компаній для производства бумаги. Одна изъ нихъ уцѣлѣла, и теперь выпускается около 120 пудовъ бумаги ежедневно. Здѣсь выдѣлываются сорта бумаги, годныя только для туземнаго употребленія; ничего похожаго на европейскую писчую бумагу не производится.

Дѣланіе спичекъ представляетъ другую мѣстную промышленность, пустившую здѣсь прочныя корни, несмотря на то, что дерево и другіе матеріалы должны привозиться изъ-за границы. Всѣ три, или четыре, спичечныя фабрики Шангаля производятъ ежедневно 6.500 гроссъ спичекъ (въ каждомъ гроссѣ 144 коробки).

Въ 1877 году, братья Major, съ именемъ которыхъ связано вообще много полезныхъ начинаній и предпріятій въ Шангаѣ, устроили здѣсь фото-литографическое заведеніе. Сперва дѣло ограничивалось лишь воспроизведеніемъ старыхъ книгъ. Многія древнія классическія сочиненія, вышедшія изъ печати и первоначально напечатанныя неподвижнымъ шрифтомъ съ деревянныхъ досокъ, были вновь воспроизведены; отпечатано много другихъ сочиненій, которыя благодаря дешевизнѣ процесса, могли продаваться очень дешево. Большой успѣхъ этого предпріятія вызвалъ покупку заведенія китайской компаніей и повелъ къ возникновенію безчисленнаго множества аналогичныхъ учрежденій; большая часть ихъ впрочемъ быстро прогорѣла. Осталось два-три крупныхъ предпріятія, дѣла которыхъ идутъ хорошо, такъ какъ продукты ихъ производства находятъ сбытъ во всей имперіи. Одной изъ характернѣйшихъ особенностей Шангаля, между прочимъ, является чрезвычайное обиліе китайскихъ книжныхъ лавокъ, заваленныхъ изданіями мѣстныхъ китайскихъ типографій. Главную массу этого книжнаго товара составляютъ переводы книгъ съ иностранныхъ языковъ и воспроизведенія сочиненій, погибшихъ во время тайпинскаго возстанія.

Капиталы туземныхъ купцовъ и чиновниковъ вложены широко не только въ упомянутыя выше китайскія предпріятія Шангаля, но и въ компаніи, учрежденныя иностранцами, съ иностранными директорами во главѣ. Говорятъ, что по крайней мѣрѣ 40 процентовъ паевъ нѣкоторыхъ иностранныхъ компаній—въ рукахъ у китайцевъ. Значительная, если не большая часть вкладовъ въ мѣстные европейскіе банки принадлежитъ тоже китайцамъ. Шангай вообще все болѣе и болѣе окитанвается. Важнѣйшіе туземные торговые дома представлены здѣсь теперь почти всѣ, и собственность европейцевъ постепенно переходитъ въ ихъ руки.

Китайское торговое и ремесленное сословія сильны своими гильдіями, представляющими одно изъ оригинальнѣйшихъ учрежденій страны.

Вотъ что рассказываетъ туземное преданіе о возникновеніи гильдій въ Китаѣ. Около 635 года нашей эры, когда знаменитый второй

императоръ могущественной Тан'ской династіи, Т'айтсунъ, или, какъ онъ извѣстенъ также въ исторіи, Ченкуанъ, готовился завоевать Корею, — страна вокругъ тогдашней столицы имперіи, Сіана въ Шензи, была почти совсѣмъ разорена и обезлюжена повторными поборами для удовлетворенія желаній воинственнаго монарха; имперская казна была пуста, и жатва риса скуплена правительственными чиновниками для продовольствія полумилліонной арміи, собранной въ Тенчау (нынѣшнее Чифу) для нападенія на Корею съ суши и моря. Не имѣя дальше средствъ для осуществленія задуманнаго предпріятія, государь рѣшилъ, что его купцы и ремесленники должны быть также привлечены «къ принесенію посильныхъ жертвъ на алтарь отечества». Но въ виду ихъ разсѣянія по всей имперіи представлялось физически невозможнымъ собрать налогъ съ каждаго изъ 10 милліоновъ такихъ его подданныхъ. Для упрощенія процедуры, императоръ издалъ указъ, чтобы наиболѣе богатые и вліятельныя лица каждой отрасли торговли или ремесла въ городахъ имперіи сформировались въ гильдіи, и чтобы всякій купецъ или ремесленникъ занесъ себя, уплативъ извѣстный налогъ, въ ту или другую гильдію, сообразно своей специальности. Налоги, такимъ образомъ собранные, имѣли быть переданы правительству для веденія корейской войны. Оказалось, что въ то время число различныхъ отраслей торговли и ремеслъ въ Китаѣ равнялось 360, и это число было передано отъ предковъ потомкамъ, какъ священное и неизмѣнное. Конечно, еще до этого знаменитаго указа, должны были существовать, хотя и не столь организованныя, какъ теперь, нѣкоторыя торговыя гильдіи, возникшія въ цѣляхъ взаимопомощи и поддержки; но, боясь притѣсненій и вымогательствъ, эти гильдіи образовывались раньше скрытно, пока указъ не далъ имъ права на официальное существованіе. Нынѣ гильдіи Китая столь вліятельны и могущественны, что ни одинъ мѣстный окружный начальникъ не осмѣлится ввести какое либо новшество, не посоветовавшись предварительно съ наиболѣе могущественными изъ гильдій города, являющихся такимъ образомъ своего рода представителями общественнаго мнѣнія. Конечно, такого положенія онѣ должны были добиться путемъ болѣе или менѣе упорной борьбы; но официальная китайская исторія молчитъ объ этомъ. Разумѣется, было бы абсурдомъ предполагать, что всѣ гильдіи, представляющія различныя отрасли торговли, возникли одновременно, — около половины VII столѣтія по Р. Х. Онѣ должны были возникать въ такую пору, когда каждая отрасль торговли дѣлалась достаточно могущественною числомъ своихъ членовъ или богатствомъ, чтобы получить, такъ сказать, естественное право на существованіе. Мы, дѣйствительно, имѣемъ примѣры возникновенія нѣкоторыхъ гильдій одновременно съ приходомъ въ Китайъ европейцевъ; таковы, на примѣръ, гильдіи торговцевъ опиумомъ, хлопчато-бумажными товарами, древью и шертин-

гомъ; точно также, съ воцареніемъ манчжурской династіи и введеніемъ косы, появилась гильдія цирюльниковъ,—корпорація въ Китаѣ очень вліятельная между прочимъ.

Каждая гильдія въ каждомъ китайскомъ городѣ выбираетъ четырехъ лицъ, обыкновенно изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ своихъ членовъ, которыя и образуютъ исполнительный комитетъ ея. Всякій изъ этихъ выборныхъ, поочередно, бываетъ предсѣдателемъ комитета, причемъ остается въ должности только одинъ годъ. Предсѣдатель является и казначеемъ учрежденія,—положеніе очень отвѣтственное, такъ какъ въ нѣкоторыхъ гильдіяхъ общественныхъ денегъ бываетъ иногда до 100.000 тэль. «Великія врата» гильдейскаго зданія открываются, для обсужденія общихъ дѣлъ, два раза въ годъ: весною и осенью, въ дни годовщины рожденія и смерти Куанги, покровителя торговли. Тогда обыкновенно берется извѣстная сумма изъ денежнаго сундука гильдіи для пріема членовъ и собратьевъ изъ другихъ городовъ, причемъ въ большой залѣ учрежденія устроивается банкетъ, сопровождаемый театральными представленіями. На случай, если кому нибудь изъ членовъ гильдіи случится имѣть судебную тяжбу съ постороннимъ лицомъ, не членомъ,— всегда имѣется въ запасѣ извѣстная сумма денегъ, которую члены имѣютъ право извлечь для веденія дѣла въ правительственныхъ мѣстахъ. Если посторонній—также членъ какой либо гильдіи, то обыкновенно просятъ совѣтъ ея явиться посредникомъ въ возникшемъ спорѣ. Когда такое посредничество терпитъ неудачу и дѣло переносится въ правительственныя инстанціи, то рѣшеніе его въ ту или другую сторону становится простымъ вопросомъ богатства и вліянія: та гильдія, которая сильнѣе и которая располагаетъ большимъ количествомъ денегъ, имѣетъ и больше шансовъ выиграть процессъ. При недоразумѣніяхъ, возникающихъ между членами одной и той же гильдіи, дѣло никогда не доходитъ до правительственныхъ мѣстъ, а рѣшается своимъ гильдейскимъ третейскимъ судомъ.

Люди, приходящіе для занятія торговлей въ какой нибудь городъ изъ другихъ городовъ, стараются прежде всего имѣть мѣсто, гдѣ они могутъ встрѣчаться и сообща обсуждать свои дѣла. Если они достаточно богаты, то сразу же выстраиваютъ для себя такъ называемый «залъ собраній», или гуикуанъ, который, помимо своего прямого назначенія, служитъ, между прочимъ, и мѣстомъ временнаго успокоенія для умершихъ членовъ гильдіи. Извѣстно, что китайцы непремѣнно хотятъ быть погребенными тамъ же, гдѣ они родились, и очень боятся сдѣлаться блуждающими и бездомными духами, когда они умираютъ вдали отъ родины. Совѣтъ гуикуана, поэтому, обязывается слѣдить за тѣмъ, чтобы тѣла ихъ умершихъ сотоварищей были перевезены, при первой возможности, въ ихъ родной городъ. При каждой изъ «залъ засѣданій» имѣется отдѣльное помѣщеніе,—временное кладбище, гдѣ складываются гроба умер-

шихъ членовъ гильдіи. Когда ихъ накопится слишкомъ ужъ много (въ гуикуанѣ Нин-по, или, какъ его зовутъ иностранцы, «Joss-Hou», скопляется иногда до 2.000 гробовъ въ одно время), — къ семьямъ умершихъ посылаются извѣщенія принять мѣры для перевозки гробовъ ихъ близкихъ въ родныя палестины. Но если семьи почему либо не могутъ этого сдѣлать, то совѣтъ гуикуана обязанъ отправить гроба по назначенію на счетъ общественныхъ суммъ гильдіи.

Обученіе ремеслу въ Китаѣ продолжается нѣсколько лѣтъ, послѣ чего ученикъ долженъ два года работать даромъ на хозяина, уплативъ ему при этомъ еще отъ 20 до 30 рублей за свое содержаніе, и лишь черезъ семь лѣтъ ему позволяется «повѣсить свою собственную вывѣску». Нарушеніе этого правила со стороны ученика навлекаетъ на него гнѣвъ всей корпораціи, что можетъ повести за собой полное его разореніе и даже голодную смерть: въ своемъ городѣ никто не дастъ ему работы, въ чужомъ существуютъ тѣ же правила, и такъ какъ онъ не въ состояніи показать удостовѣреніе, или рекомендательное письмо отъ своего хозяина, то ему и здѣсь не позволяютъ работать за собственный счетъ.

Число важнѣйшихъ гильдій въ Шангаѣ, очень богатыхъ и вліятельныхъ, простирается до 17; ремесленныхъ корпорацій 6.

Появленіе въ Шангаѣ могущественныхъ туземныхъ гильдій, ростъ значенія въ дѣловомъ мірѣ евразійскаго элемента, конкуренція различныхъ европейскихъ и азіатскихъ народностей сдѣлали то, что теперь и въ Шангаѣ стало невозможно быстро составить себѣ состояніе. Многие изъ иностранцевъ принуждены въ настоящее время оставаться здѣсь гораздо дольше, чѣмъ они предполагали, когда ѣхали на Дальній Востокъ «дѣлать деньги»; многимъ и совѣмъ не подъ силу выбраться отсюда на родину. Не малую роль въ этомъ своеобразномъ кризисѣ сыграло паденіе цѣнности серебра и вздорожаніе золота, особенно рѣзко отозвавшееся именно на такихъ странахъ, какъ Китай, гдѣ главной единицей денежнаго обмѣна является серебро. Вообще та сказочная эпоха, когда достаточно было провести 10—15 лѣтъ въ такихъ городахъ, какъ Кантонъ или Шангай, чтобы вернуться въ Европу чуть ли не миллионеромъ, прошла безвозвратно, и ѣхать сюда искать счастья теперь болѣе, чѣмъ рискованно. Только механики, инженеры, вообще техники, могутъ еще разсчитывать найти здѣсь выгодный заработокъ; всѣмъ же прочимъ смертнымъ нечего теперь дѣлать въ Шангаѣ.

Китай медленно вбираетъ въ себя Шангай, и, быть можетъ, недалеко уже время, когда этотъ городъ приметъ такой же видъ, какой имѣетъ нѣкогда кипѣвшій жизнью и убитый ростомъ Гонконга португальскій городъ Макао. Весьма вѣроятно, что для Шангай

явится скоро столь же опасный соперникъ въ лицѣ его покамѣсть еще ничтожнаго сосѣда, селенія Вусунгъ. Вусунгскій баръ, не дающій возможности большимъ океанскимъ пароходамъ подходить къ Шангаю въ полномъ грузѣ, представляетъ серьезнѣйшее препятствіе дальнѣйшему развитію этого порта въ уровень съ ростомъ увеличивающихся требованій къ нему; рейдъ Шангая, кромѣ того, становится слишкомъ тѣсенъ; а верфи, пакгаузы и пристани, въ сущности, уже составляютъ монополію немногихъ лицъ. Шангайцы неоднократно ходатайствовали передъ китайскими властями о разрѣшеніи углубить вусунгскій баръ; наконецъ имъ это разрѣшили. Работы начались весною 1889 года, продолжались до осени 1891-го года и привели только къ сознанію, что никакія человѣческія усилія ничего не подѣлаютъ здѣсь съ естественными условіями мѣстности. Германское правительство давно, еще въ 1880 году, выхлопотало право разгрузки и нагрузки товаровъ ниже бара Вусунга. Однако, до послѣдняго времени туземныя власти не позволяли здѣсь устраивать склады и противились всякому приобрѣтенію иностранцами земель въ сосѣдствѣ Вусунгскаго бара; но теперь легко можетъ стать, что иностранцы заставятъ китайскія власти измѣнить свои взгляды на этотъ вопросъ, и деревушка Вусунгъ скоро займетъ тогда такое положеніе, при которомъ Шангаю останутся только меланхолическія воспоминанія о быломъ величіи.

Но пока этого еще нѣтъ, бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ стороны общественной жизни «Столицы Дальняго Востока», о которыхъ до сихъ поръ не приходилось еще говорить. Европейскій Шангай нашихъ дней зарабатываетъ свой хлѣбъ въ потѣ лица (и въ буквальномъ, и въ переносномъ значеніи этого слова): это—общество тружениковъ, день-денской занятыхъ въ многочисленныхъ конторахъ, торговыхъ заведеніяхъ, фабрикахъ и проч. Отдыхомъ отъ трудовъ служатъ ему учрежденія, имѣющія главной своей цѣлью удержать здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ, тѣ многочисленные клубы, на устройство которыхъ было потрачено очень много денегъ, времени и хлопотъ, и которые представляютъ характернѣйшую черту мѣстной общественной жизни. Важнѣйшими изъ нихъ являются: «Шангайскій клубъ», носящій международный характеръ; онъ въ то же время играетъ роль и тамошней биржи; нѣмецкій клубъ «Конкордія»; клубъ игры въ доунъ-теннисъ; массонскій клубъ; клубъ морскихъ инженеровъ; клубъ общества морскихъ офицеровъ коммерческаго флота; таможенный клубъ; португальскій клубъ; клубъ скачекъ; клубъ игры въ крикетъ; яхтъ-клубъ; клубъ общества любителей драматическаго искусства; филармоническое общество; la société dramatique française; шангайское литературное общество и прочіе клубы, всего числомъ двадцать.

Охота составляетъ также одно изъ большихъ развлеченій мужской половины населенія европейскаго Шангая.

Безконечныя развалины Казэ и Кашинга, погибшихъ въ тайпинскомъ возстаніи, представляли до семидесятихъ годовъ превосходныя мѣста для шангайскихъ охотниковъ. На прудахъ этихъ разрушенныхъ большихъ городовъ въ изобиліи водились мандаринскія утки; среди развалинъ и густыхъ кустарниковъ, которыми онѣ заросли, укрывались лани, зайцы, куропатки и фазаны. Затѣмъ, любимыми охотничьими мѣстами являются: Хучау, Мейчи-Крикъ, округъ Кинтанскій, а въ самое послѣднее время окрестности города Вуху.

Интересно, какъ управляется это странное государство въ государствѣ, представляемое Шангаемъ.

Надобно замѣтить, что англійская и американская концессіи ведутъ свои городскія дѣла сообща и отдѣльно отъ французской. И тамъ, и здѣсь исполнительными органами общинъ являются муниципальные совѣты, состоящіе изъ нѣсколькихъ членовъ (въ англо-американской части ихъ девять, во французской восемь). Муниципальные совѣтники выбираются всѣми владѣльцами, вносящими опредѣленный налогъ съ недвижимыхъ имуществъ или доходовъ. Митинги плательщиковъ податей устраиваются ежегодно въ февралѣ, на нихъ вотируются мѣстные бюджеты и дается инструкція совѣту, какія цѣли онъ долженъ преслѣдовать въ своей дѣятельности. Въ англійской концессіи ни одна важная мѣра не можетъ привести въ исполненіе, если она не была внесена на спеціальнѣйшій митингъ плательщиковъ податей и не была утверждена ими. Совѣтъ выбираетъ самъ предсѣдателя и вице-предсѣдателя и раздѣляется на комитеты: обороны, финансовъ, общественныхъ работъ и контроля. Доходы европейскихъ концессій Шанга образуются сборами съ домовъ, земель, складовъ, патентовъ и т. д., и идутъ цѣликомъ на нужды городского благоустройства, причемъ главную массу ихъ поглощаютъ общественныя работы, содержаніе полиціи, санитарная часть, пожарная команда, милиція и школы. Англичане имѣютъ въ Шангаѣ свой особый верховный судъ и судятся собственными судьями. Прочіе иностранцы, также пользующіеся правами юридической экстерриториальности въ Китаѣ, судятся своими консулами. Китайцы, проживающіе въ европейскомъ Шангаѣ, отвѣтственны по туземнымъ законамъ; но судятъ ихъ такъ называемые смѣшанные суды, гдѣ предсѣдательство принадлежитъ китайскому чиновнику, а за правильностью веденія дѣла наблюдаетъ европейскій юристъ.

Въ устройствѣ, управленіи и развитіи концессій Шанга, какъ въ маленькомъ зеркалѣ, отразились національныя особенности и характеръ различныхъ народностей Запада, явившихся на Дальній Востокъ въ качествѣ представителей европейской культуры, отразились съ той рельефной выпуклостью, которая еще больше отгѣняется рамкой оригинальныхъ условій китайской жизни, столь отличной, по своимъ основамъ, историческимъ и бытовымъ особенностямъ, отъ жизни всего прочаго міра.

Когда китайское правительство отвело въ Шангаѣ участки земли для націй, заключившихъ съ нимъ трактаты въ періодъ времени съ 1842 по 1844 годъ (это были: Англія, Франція и Соединенные Штаты), то для нарождавшейся колоніи было бы крайне выгодно устроить одно общее управленіе всѣхъ концессій. Французскій и сѣверо-американскій консулы выразили, однако, желаніе, чтобы земли, доставшіяся ихъ націямъ, управлялись различными совѣтами. Для американской части такое желаніе привело на практикѣ воть къ чему: американская конституція не признаетъ, какъ извѣстно, присоединенія колоній въ чужихъ странахъ, и правительство Соединенныхъ Штатовъ не уполномочило своего шангайскаго консула принять именемъ республики уступленную ей концессию даже во временное владѣніе; американскій кварталъ, поэтому, долгое время оставался почти пустыннымъ и послужилъ сперва только къ устройству доковъ для починки судовъ и къ возведенію товарныхъ складовъ; въ 1863 году, территория его была подчинена, въ муниципальномъ отношеніи, англійской части.

Въ судьбахъ французскаго участка Шангая наблюдался болѣе интересный циклъ развитія. Началось съ того, что французскій консулъ облекъ себя по отношенію къ концессіи всѣми правами верховной власти. Чтобы сдерживать такую власть въ границахъ законности, муниципалитетъ имѣлъ въ своихъ рукахъ право вотивовать налоги и утверждать расходы, декретированные консуломъ; но такъ какъ корпусъ полиціи, содержимый муниципалитетомъ, былъ предоставленъ въ полное распоряженіе консула, то въ одинъ прекрасный день муниципальный совѣтъ, оказавшій оппозицію консульскимъ велѣніямъ, нашелъ залъ своихъ засѣданій занятымъ военною силою: старая, но вѣчно юная французская исторія въ микроскопическомъ масштабѣ. Такой порядокъ вещей продолжался вплоть до событій, явившихся слѣдствіемъ франкопрусской войны, и хотя съ тѣхъ поръ многое изъ прежней системы успѣло уступить мѣсто новымъ вѣяніямъ, однако, репутація французской концессіи въ глазахъ сосѣдей уже сложилась прочно. Репутація эта была такова, что отбила надолго у другихъ иностранцевъ всякую охоту селиться въ концессіи и заставила большую часть крупныхъ французскихъ негоціантовъ перебраться на землю англо-американской колоніи. Большинство ея населенія составили повара и матросы всѣхъ національностей, списанные съ коммерческихъ судовъ за дурное поведеніе, и вообще разный сбродъ, болѣе или менѣе опасный для общественнаго спокойствія, взятки съ котораго были, во всякомъ случаѣ, гладки. По всѣмъ этимъ причинамъ французская концессія долгое время оставалась очень бѣдной, и тѣхъ жалкихъ крохъ, какія она тянула со своихъ обывателей, едва хватало на расходы первой необходимости.

Что же касается англійской части Шангая, то здѣсь сказался во всемъ своемъ блескѣ національный геній и тѣ особенности харак-

тера великаго народа, которыя сдѣлали его, по справедливости, владыкою полъ-міра. Ходъ англійской колонизаціи вездѣ таковъ: едва высадившись въ чужой странѣ, первые поселенцы соединяются въ одну общину и выбираютъ уполномоченныхъ; на обязанность ихъ возлагается забота объ удовлетвореніи необходимѣйшихъ нуждъ рождающейся колоніи и объ учрежденіи правильной муниципальной организаціи. Задача здѣсь необыкновенно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что организаторамъ приходится имѣть дѣло не съ грубымъ, сырымъ матеріаломъ, изъ котораго можно сдѣлать, *ad libitum*, или Богу свѣчу, или чорту кочергу (чаще же ни то, ни другое), а съ кирпичами, вполне готовыми, умѣющими плотно и хорошо приспособливаться другъ къ другу для одной общей, ясно сознанной цѣли, ибо каждый индивидъ строящейся общины принесъ съ собою, въ крови, текущей въ его жилахъ, выработанныя въ продолженіе 600-лѣтней сознательно-разумной жизни его страны начала личной свободы, индивидуальной предприимчивости и широкаго уваженія къ знанію, талантамъ и свободѣ себѣ подобныхъ. Если прибавить сюда традиціи того общественнаго склада, что остался тамъ далеко, на туманной родинѣ, строгую, но разумную экономію, неуспынный контроль и силу общественнаго мнѣнія, то вотъ и весь секретъ тѣхъ чудесъ, какія англійскій гений творить вездѣ, куда бы онъ ни проникъ. Такъ было и въ дѣлѣ возникновенія Шангай. А затѣмъ безъ всякихъ официальныхъ указаній, самою силою вещей, здѣшняя англійская колонія развилась въ свободный городъ, «воздвигнутый на территоріи, которая ему не принадлежитъ, управляемый собственными гражданами, содержащими въ немъ на свой счетъ военную силу, налагающими подати и практикующими съ полной независимостью всѣ права власти исполнительной, которая никогда не была имъ официально передана, но уступлена фактомъ безмолвнаго признанія».

Во времена тайпинскаго возстанія Гордонъ предложилъ очистить страну на 30 миль вокругъ Шангай, передать весь этотъ округъ въ руки мѣстнаго европейскаго муниципальнаго совѣта и сдѣлать Шангай свободнымъ городомъ съ территоріей почти въ 3.000 квадратныхъ миль. Предложеніе Гордона не было принято, о чемъ многіе потомъ жалѣли; другіе же говорили, что если бы это случилось, то китайцы, оправившись отъ возстанія, вѣроятно, употребили бы всѣ усилія, чтобы вернуть обратно такое большое пространство своей земли; а это могло повести въ тѣ времена къ разнымъ осложненіямъ, которыя отразились бы очень невыгодно на торговыхъ оборотахъ порта; незначительность же, въ глазахъ Пекина, иностранныхъ поселенцевъ Шангай дала имъ возможность развиваться спокойно, безъ всякихъ крупныхъ недоразумѣній или столкновеній съ мѣстными властями.

Слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ еще о застѣнномъ, чисто

китайскомъ городѣ; но онъ не представляетъ собственно ничего особенно достопримѣчательнаго, ни самъ по себѣ, ни по произведеніямъ мѣстной промышленности; да и слишкомъ ужъ блѣденъ этотъ туземный Шангай послѣ тѣхъ городовъ Южнаго Китая, какіе мнѣ довелось видѣть. Онъ интересенъ только по необыкновенно сильному контрасту его архаическаго вида и склада жизни въ сравненіи съ европейскимъ Шангаемъ: здѣсь—конецъ 19-го столѣтія, европейскаго 19-го столѣтія, съ его широкой терпимостью, свободой мысли и слова, съ стремленіемъ дать человѣку просторъ какъ можно полнѣе и шире проявить свою индивидуальную личность, съ его заботами о лучшемъ устройствѣ человѣческой жизни, объ огражденіи ея отъ различныхъ вредныхъ вліяній, съ колоссальными успѣхами техники, этого торжества разума надъ грубыми силами природы; тамъ — средніе вѣка, со всей ихъ грязью, грубостью, безправіемъ, презрѣніемъ къ человѣческой личности, безграничной властью преданія и авторитета.

В. Черевковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОФЕССОРЪ А. Х. ГОЛЬМСТЕНЪ.

(По поводу двадцатипятилѣтія его учено-литературной дѣятельности).

В текущемъ году, 31-го мая, исполнилось двадцать пять лѣтъ учено-литературной дѣятельности профессора гражданского права С.-Петербургскаго университета, Адольфа Христіановича Гольмстена. Специальность юбиляра—догматическая юриспруденція, главнымъ образомъ гражданское право и гражданское судопроизводство—такова, что сама по себѣ мало соприкасается съ вопросами и предметами, которые составляютъ преимущественное содержаніе программы «Историческаго Вѣстника». И тѣмъ не менѣе въ дѣятельности А. Х. Гольмстена есть такая особенность, которая сообщаетъ его имени право на особенно широкую извѣстность, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было программъ и специальностей: эта особенность—постоянный интересъ его къ нашему обычному праву и его работы въ этой области. Въ настоящее время, благодаря стараніямъ А. Х. Гольмстена, образовано даже особое учрежденіе,—отдѣленіе обычнаго права при С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ,—которое ставитъ себѣ основною задачею собраніе и систематизированіе обычнаго права населенія Россіи. Судя по успѣшному началу, этому симпатичному учрежденію предстоитъ большая будущность. А такъ какъ его созданіе является какъ бы резюмирующимъ выводомъ всей двадцати-пятилѣтней дѣятельности А. Х. Гольмстена, съ которою почти совпало по времени, то всего

умѣстнѣе будетъ отмѣтить эту юбилейную годовщину, обрисовавъ немногими чертами какъ его біографію и произведенія, такъ и сущность того дѣла, которому онъ себя посвятилъ и къ которому въ настоящее время привлекаетъ всѣ свободныя силы нашего юридическаго міра.

А. Х. Гольмстенъ родился въ Ораніенбаумѣ 25-го іюля 1848 г. и, получивъ первоначальное образованіе во 2-й С.-Петербургской гимназіи, окончилъ въ 1873 г. курсъ наукъ по юридическому факультету С.-Петербургскаго университета. Въ томъ же году появи-

Адольфъ Христіановичъ Гольмстенъ.

лась его первая научная работа: «О душеприказчикахъ». Затѣмъ два года А. Х. Гольмстенъ работалъ за границей и въ 1877 г. поступилъ на службу въ законодательное отдѣленіе департамента министерства юстиціи, а съ 1878 г. получилъ кафедру гражданскаго судопроизводства въ Училищѣ Правовѣдѣнія, которую занималъ до 1896 года. Въ слѣдующемъ 1879 году онъ былъ приглашенъ преподавателемъ въ Военно-Юридическую академію, а съ 1881—1888 гг. читалъ общее законовѣдѣніе въ Горномъ институтѣ. Въ 1882 г. онъ былъ причисленъ къ комиссіи по составленію проекта русскаго

гражданскаго уложенія, а съ 1884—1886 гг. состоялъ помощникомъ юрисконсульта военнаго министерства. Въ 1886 г. онъ защитилъ диссертацию на степень магистра гражданскаго права и тогда же былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ Военно-Юридической академіи по кафедрѣ гражданскаго права, а съ 1888—1897 гг. занималъ ту же кафедру въ Александровскомъ лицейѣ. Наконецъ, въ 1889 г. онъ вступилъ въ число приватъ-доцентовъ С.-Петербургскаго университета по гражданскому судопроизводству и торговому праву и въ 1895 г. назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ гражданскаго права и судопроизводства. Изъ прочихъ событій его служебной дѣятельности слѣдуетъ отмѣтить привлеченіе его въ 1894 г. къ участию въ трудахъ комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части и составленіе имъ въ 1897 г. по порученію комиссіи проекта устава о частныхъ производствахъ, а изъ дѣятельности научно-общественной указать на редактированіе имъ въ 1882—1886 гг. и 1888—1891 гг. гражданскаго отдѣла «Журнала гражданскаго и уголовнаго права» и на учрежденіе по его мысли и инициативѣ въ 1897 году юридическаго кабинета при С.-Петербургскомъ университетѣ (завѣдываніе кабинетомъ юридическій факультетъ возложилъ на А. Х. Гольмстена), а при С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ—отдѣленія обычнаго права, котораго онъ и избранъ предсѣдателемъ.

Эта разносторонняя служебная и педагогическая дѣятельность сопровождалась не менѣе разносторонней и энергичною дѣятельностью литературною. Въ отличіе отъ огромнаго большинства нашихъ ученыхъ юристовъ, А. Х. Гольмстенъ никогда не ограничивался обязательными, офиціально требуемыми работами, но, какъ истинный ученый по призванію, постоянно работалъ, издавалъ одно произведеніе за другимъ, подымалъ одинъ за другимъ какъ теоретическіе вопросы науки, такъ и прикладные вопросы практики, участвовалъ въ общихъ и специальныхъ журналахъ, переработывалъ и переиздавалъ какъ свои собственные труды, такъ и знаменитый курсъ гражданскаго права Мейера, словомъ, трудился неутомимо и безкорыстно, не гоняясь притомъ ни за площаднымъ успѣхомъ, ни за дешевою популярностью. Первымъ его научнымъ произведеніемъ по времени, какъ уже упомянуто, было изслѣдованіе о душеприказчикахъ (появилось въ 1873 г., перепечатано въ переработанномъ видѣ въ «Юридическихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ», стр. 105—216), являющееся однимъ изъ очень интересныхъ опытовъ дать теоретическое обоснованіе этого учрежденія, неизвѣстнаго римлянамъ и не осиленаго современною наукой. Уже въ этой первой работѣ сказываются главныя черты А. Х. Гольмстена, какъ ученаго: тѣсная близость теоріи съ практикою, дѣловитая сжатость изложенія, при всей блѣдности и тяжеловѣсности слога удивительно содержательнаго, объективная стройность постановки вопроса и

внутренняя дѣльность юридической концепціи, и, наконецъ, наглядность анализа, какъ въ полемикѣ, такъ и въ догматикѣ. Въ выборѣ исходнаго положенія авторъ примыкаетъ къ теоріи, считающей душеприказчика представителемъ завѣщателя.—Второю по времени крупною работой А. Х. Гольмстена является его «Составительное начало гражданскаго процесса въ теоріи и въ русскомъ законодательствѣ, преимущественно новѣйшемъ» (первое изданіе въ 1879 г., перепечатано съ исправленіями въ «Юридическихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ», стр. 402—484). Центръ тяжести этой статьи главнымъ образомъ въ подробностяхъ и частностяхъ, такъ какъ исходная точка зрѣнія, съ которой она писана, была впоследствии измѣнена авторомъ. Именно, преимущественно сосредоточивъ свои занятія на гражданскомъ процессѣ, онъ съ начала восьмидесятъхъ годовъ примкнулъ въ этой наукѣ къ школѣ извѣстнаго нѣмецкаго юриста Бюлова, принявъ своимъ исходнымъ положеніемъ, вмѣсто прежняго «процессъ есть сумма дѣйствій суда и тяжущихся, направленныхъ къ одной цѣли—защитѣ права», мысль о томъ, что «процессъ есть юридическое отношеніе, по существу отличное отъ матеріальнаго права иска, причемъ послѣднее служить поводомъ къ возникновенію перваго». Этому началу А. Х. Гольмстенъ съ тѣхъ поръ оставался неизмѣнно вѣренъ, и можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что только въ его изслѣдованіяхъ мысль Бюлова получила законченное научное выраженіе. Дѣло въ томъ, что намеки на тотъ же взглядъ можно прослѣдить и у другихъ ученыхъ, задолго до Бюлова, даже еще въ XIV вѣкѣ; заслуга Бюлова состояла въ томъ, что онъ выдвинулъ эту мысль на первый планъ, отгѣнилъ ея методологическое значеніе и намѣтилъ путь и область ея воздѣйствія на теорію гражданскаго процесса. Но въ такомъ случаѣ справедливость требуетъ признать, что гораздо существеннѣе заслуга Гольмстена, который не ограничился принципиальными проектами и планами, но предпринялъ и закончилъ весь трудъ проведенія Бюловскаго плана по всему ученію о гражданскомъ процессѣ. Никто не отрицаетъ, что велика заслуга — найти путь; но еще труднѣе отрицать, что пройти даже найденный путь—заслуга еще большая. По крайней мѣрѣ, только благодаря ей, новыя идеи вступаютъ въ область науки, какъ реальныя, живыя силы, превращаясь изъ стратегическаго плана какъ бы въ дѣйствующія арміи теоріи. Надо кстати замѣтить, что вообще А. Х. Гольмстенъ въ проведеніи мысли Бюлова оказался какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ. Строгий и чрезвычайно положительный догматикъ, онъ въ области теоріи выступаетъ почти исключительно, какъ «завершитель»: роль «зачинателя» мало ему свойственна. Въ его работахъ нигдѣ не замѣтно ни фантастическихъ утонченностей беспочвеннаго анализа, ни, съ другой стороны, высшихъ концепцій обобщающаго научнаго творчества, преобразующаго науку; но зато въ предѣлахъ

положительнаго матеріала, какъ теоретическаго, такъ и практическаго, онъ всегда, съ большимъ вкусомъ и трезвостью критическаго выбора, стремится къ дѣловитой стройности, внутренней и внѣшней законченности, точной постановкѣ вопросовъ, порядку и наглядности. Если позволительно такое сравненіе, въ теоретическомъ отношеніи каждая работа, каждая статья Гольмстена является какъ бы благоустроеннымъ хозяйствомъ, гдѣ все прочно, все нужно, все на мѣстѣ, все практично, все въ порядкѣ. Этимъ же, съ другой стороны, объясняется (хотя не извиняется) и то недоброжелательство и тѣ порицанія, которыми (искренно и неискренно) встрѣчали иные цѣнители работы Гольмстена: какъ всякій истинный хозяинъ все излишнее тщательнѣе изгоняетъ, чѣмъ даже прямо вредное, строго соразмѣряя свой инвентаръ съ внутреннимъ планомъ и потребностями своего устройства, такъ Гольмстенъ устраняетъ всѣ лишнія для концепціи подробности, всю детальную полемику, всѣ мнѣнія о мнѣніяхъ, безъ которыхъ не могутъ обойтись тѣ, кто своихъ мнѣній не имѣетъ, и часто, вмѣсто опроверженій, довольствуется тѣмъ, что упоминаетъ въ какомъ нибудь примѣчаніи о нераздѣляемыхъ имъ взглядахъ. Не трудно понять, до какой степени эта догматическая выдержка и свойства умственнаго характера соотвѣтствовали и помогали главной научной работѣ Гольмстена — систематическому проведенію въ наукѣ гражданскаго процесса преобразовательной, но только намѣченной мысли Бюлова. Изъ отрывочнаго частнаго мнѣнія эта идея у него превращается въ истинную хозяйку теоріи, все приводя въ порядокъ и согласіе, вездѣ отдѣляя главное отъ второстепеннаго, всему находя свое мѣсто и назначеніе. Происходитъ мобилизація науки гражданскаго процесса по плану Бюлова, и происходитъ въ такомъ порядкѣ, съ такою точностію и стройностію, съ какими рѣдко удается осуществлять свои планы даже самимъ «зачинателямъ». Театромъ этой мобилизаціи и служатъ три основныя работы Гольмстена, — его «Принципъ тождества въ гражданскомъ процессѣ» (первое изданіе—1884 г., второе—1886 г., въ третій разъ перепечатано въ «Юридическихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ», стр. 251—381), его «Историческій очеркъ русскаго конкурснаго процесса» (1888 г.) и особенно его «Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства» (1884 г., второе изданіе 1894 г., третье, по слухамъ, печатается), классическая работа, не имѣющая ничего себѣ подобнаго въ нашей юридической литературѣ. На ней нагляднѣе всего оправдывается для критика ходячее сужденіе объ А. Х. Гольмстенѣ, — будто онъ «отъ другихъ профессоровъ юридическихъ факультетовъ рѣзко отличается тѣмъ, что онъ — юристъ». Этотъ учебникъ впервые заставитъ — да и заставилъ уже — науку по каждому рѣшительно частному вопросу считаться съ мыслью Бюлова, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ ее принялъ и разработалъ Гольмстенъ, и потому съ полною спра-

ведливостію ученіе о процессѣ, какъ о юридическомъ отношеніи, должно назвать по имени обѣихъ его основателей — «Гольмстенъ-Бюловскою теоріей» (подобно Гуго-Гейзерской системѣ гражданскаго права). Наконецъ, послѣднею по времени монографіею А. Х. Гольмстена является его «Ученіе о правѣ кредитора опровергать юридическіе акты, совершенные должникомъ въ его ущербъ, въ современной юридической литературѣ» (1894 г.), относящееся къ гражданскому праву. Какъ и юношеское изслѣдованіе «О душеприказчикахъ», эта работа касается чрезвычайно спорнаго и сложнаго вопроса, но отличается отъ нея большею зрѣлостію и законченностью выполненія. Въ остальномъ же въ ней замѣтны уже указанныя черты автора: строгая школа римско-готической догматики, здравый критическій вкусъ, порядокъ и стройность дѣла, изящная постановка вопроса, положительная дѣловитость анализа и гармоничное сліяніе теоретическаго и прикладнаго элемента. Всѣ успѣхи теоріи въ ней предоставлены въ распоряженіе практика и всѣ прикладные выводы введены, какъ провѣрочный матеріалъ, въ область отвлеченныхъ умозрѣній теоретика. Практикъ-ученый (рѣдкое сочетаніе въ русскомъ юридическомъ мірѣ) сказывается въ ней на каждой страницѣ. Въ заключеніе, прежде, чѣмъ обратиться къ работамъ А. Х. Гольмстена въ области обычнаго права, укажемъ еще на три книги, связанныя съ его именемъ. Во-первыхъ, имъ были переработаны и выпущены въ свѣтъ два послѣднихъ изданія (6-е и 7-е) знаменитаго курса — «Русское гражданское право» — Мейера. Неблагодарный и отвѣтственный трудъ — переработка чужаго курса, да притомъ еще и составленнаго не самимъ авторомъ, а по запискамъ слушателей — выполненъ былъ А. Х. Гольмстеномъ съ рѣдкой объективностію и тщательностію. Непрерывно растущій спросъ на книгу доказываетъ, что переработка вполне отвѣчала потребностямъ и запросамъ публики. Надо особенно указать, съ какимъ тактомъ и осторожностію заботился въ ней Гольмстенъ о томъ, чтобы въ книгѣ вполне сохранился умственный образъ «старосвѣтскаго» ученаго, идеалиста-догматика, опереженнаго, но не откинутаго наукой, и какъ новѣйшее законодательство искусно вдвинуто въ старинныя, но прочныя рамки солиднаго и дѣльнаго учебника. Въ нашей наукѣ, столь чуждой, къ сожалѣнію, какъ и наша жизнь, всякихъ прочныхъ традицій, особенно цѣнно такое уваженіе къ чужой индивидуальности и умѣнье сквозь историческіе и случайные недостатки разглядѣть долговѣчное зерно научныхъ заслугъ старшаго поколѣнія ученыхъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ указать на появившуюся въ 1895 году небольшую книжку «Очерки по русскому торговому праву». Она составляетъ печатный конспектъ курса, читаннаго авторомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Особенности книги вполне опредѣляются взглядомъ Гольмстена на такъ называемую «науку» торговаго права. Согласно тому

правильному взгляду, къ которому онъ примыкаетъ, торговое право составляетъ изъ себя не столько отдѣльную науку, сколько особую кафедру, на которой преподаются тѣ немногія особенности, которыми юридическій торговый бытъ отличается отъ быта общегражданскаго. И на самомъ дѣлѣ, обособляя торговое право изъ общей цивилистики, мы поступаемъ такъ же, какъ если бы римляне вздумали обособлять въ особую науку *jus gentium* или *jus naturale*. Производя такое несообразное обособленіе, современные юристы неизмѣнно склоняются къ примѣшиванію совершенно постороннихъ собственно торговому праву элементовъ въ его программу, поражающую своею скудостью, разрозненностью и подчиненностью общему гражданскому праву, если очистить ее отъ этихъ не идущихъ къ дѣлу примѣсей. Главное же неудобство этого обособленія—это его вредъ для науки гражданскаго права, отъ которой оно отвлекаетъ всѣ главныя новообразования современнаго оборота въ области права и такимъ образомъ искусственно удерживаетъ ее въ колодкахъ римско-готической догматики (не какъ школы, а какъ схемы и—мѣстами—догмы). Цивилистика сдѣлала бы разомъ огромнѣйшій успѣхъ, если бы было уничтожено въ наукѣ и въ преподаваніи это ненужное и вредное обособленіе. Приблизительно раздѣляя эту точку зрѣнія, Гольмстенъ и далъ въ своихъ «Очеркахъ» изложеніе собственно торговаго права, наглядно выяснивъ, до какой степени желательно введеніе въ общую гражданскую систему этого набора отрывочныхъ примѣчаній.— Въ-третьихъ, наконецъ, слѣдуетъ указать на упомянутый уже выше сборникъ мелкихъ произведеній Гольмстена за двадцать лѣтъ его дѣятельности—«Юридическія изслѣдованія и статьи. Общая теорія права. Обычное право. Гражданское право. Торговое право. Гражданскій процессъ» (1894 г.). О главныхъ составныхъ частяхъ сборника уже сказано выше; здѣсь отмѣтимъ только еще изъ области гражданскаго права два тонкихъ разбора крупныхъ процессовъ— «Преображенское дѣло» (тяжба города съ Преображенскимъ полкомъ изъ-за Преображенскаго плаца, въ которой авторъ выступалъ повѣреннымъ полка) и «Къ вопросу объ обратныхъ требованіяхъ» (по поводу процессовъ солеторговцевъ съ соледобывателями о возвратѣ акциза послѣ отмены налога на соль) и замѣчательно изящную постановку вопроса въ небольшой замѣткѣ «Юридическая конструкція добровольной неустойки». Изъ области гражданскаго процесса въ сборникъ включены двѣ вступительныя лекціи (особенно интересна первая: «Объ отношеніи гражданскаго судопроизводства къ гражданскому праву») и цѣлый рядъ статей крупнаго и мелкаго объема. Наконецъ, минуя двѣ небольшія статьи по торговому праву, укажемъ на двѣ сильно напумѣвшія въ свое время журнальныя работы Гольмстена по общей теоріи права— «Нѣсколько мыслей о позитивизмѣ въ наукѣ права» и «Позитивизмъ, метафизика и римское право». Несмотря на близость предмета къ философскимъ

вопросамъ, эти статьи вовсе не имѣютъ философскаго характера; можно даже пожалѣть о томъ, что ихъ терминологія совершенно не соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному содержанию. То, что въ нихъ называется «позитивизмомъ», гораздо проще было бы назвать «трезвостью юридическаго анализа», если хотите, даже просто «дѣловитостью»; выраженіе «мегафизика» встрѣчается почти исключительно для доказательства, что въ названіи «метафизикъ» нѣтъ ничего обиднаго, и что къ А. Х. Гольмстену оно непримѣнно даже въ пылу полемики; наконецъ, не совѣмъ ясно, зачѣмъ нужно догму права называть «статикой», а его исторію «динамикою» права. Если же откинуть всѣ эти терминологическія излишества, то передъ нами останутся двѣ очень обстоятельныя и дѣльныя статьи, доказывающія, что взгляды г. Муромцева на право — они и вызвали статьи Гольмстена — чрезвычайно сбивчивы, спутаны, безусловно ненаучны, и что предпринятый въ свое время походъ противъ догматическаго изученія права, хотя бы онъ и прикрывался громкимъ названіемъ «позитивнаго», «соціологическаго» и т. п. «направленія», представляется въ сущности развѣ только школьничествомъ недозрѣлыхъ головъ, лишенныхъ истинно-юридическихъ знаній.

Обращаемся теперь къ главной научно-общественной заслугѣ А. Х. Гольмстена — его трудамъ по обычному праву. Извѣстно, что съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости на нихъ не было распространено въ полномъ объемѣ законодательство имперіи, а вѣдающимъ большинство ихъ дѣлъ инородческимъ, станичнымъ и волостнымъ судамъ было предоставлено руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ мѣстными обычаями. Кромѣ того, и другимъ низшимъ судебнымъ инстанціямъ дано право пользоваться обычнымъ правомъ по ссылкѣ на него тяжущихся, — именно, мировымъ и городскимъ судьямъ, земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ. Можно даже сказать, что только съ учрежденія земскихъ начальниковъ наше писанное гражданское право, т. е. 10-й томъ свода законовъ, начало впервые примѣняться къ крестьянскимъ дѣламъ, до тѣхъ поръ рѣшавшимся исключительно по обычаю. При всемъ томъ, однако же, то обычное право, которому, такъ сказать, заочно было подчинено слишкомъ 100 милліоновъ населенія Россіи, представляло изъ себя, въ сущности, величину неизвѣстную. Произошло, подобное переложенію налоговъ, переложеніе неподготовленною властью судебныхъ обязанностей на само населеніе (это обыкновенное и повсемѣстное историческое явленіе въ нашемъ вѣкѣ возводится даже въ научный принципъ подъ именемъ «самоуправленія» или «мѣстнаго самоуправленія», когда рѣчь идетъ о переложеніи обязанностей административныхъ или даже законодательныхъ), и судебная практика, которой пришлось вдругъ вырасти безъ всякихъ историческихъ корней и традицій въ неподготовленномъ простомъ народѣ, призвана была замѣнить ему законодательство.

Оказалось, однако, что въ юридическомъ отношеніи это переложеніе, вышедшее, вообще говоря, столь гибельнымъ для нашей деревни, не принесло ей особеннаго вреда, а между тѣмъ послужило поводомъ къ образованію драгоценнѣйшаго обычно-правоваго матеріала, именно, книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ, которыя, при другихъ условіяхъ, никогда не отразили бы намъ такъ полно и цѣльно юридическій бытъ народа, какъ теперь. Судебныя рѣшенія по необходимости отражали въ себѣ уже очищенный отъ чисто этнографическихъ элементовъ (поскольку они не являются существенно-необходимыми) обычно правовой матеріалъ, не нуждающійся въ предварительной научной фильтровкѣ, которой неизвѣжно подлежатъ свѣдѣнія наблюдателей-этнографовъ. Дѣло стояло только за его собираніемъ, классификаціей и систематизированіемъ. И однако же, только благодаря усиліямъ А. Х. Гольмстена, эта простая мысль стала нашимъ общественнымъ достояніемъ и начинаетъ уже переходить въ дѣло. Мы накануне знакомства съ тѣми юридическими началами, которыми въ дѣйствительности руководствуется сто-милліонный русскій народъ.

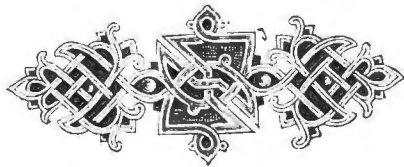
Справедливость требуетъ указать, что Гольмстенъ вовсе не былъ первымъ пионеромъ въ дѣлѣ изученія обычнаго права. Ему принадлежитъ только честь правильной постановки дѣла собиранія и починъ въ его осуществленія, а также и стойкости въ пропагандѣ правильныхъ взглядовъ по этому предмету. Собираніе же началось уже давно: богатый матеріалъ былъ собранъ въ «Трудахъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» и разработанъ Пахманомъ и Оршанскимъ; отдѣльные наблюдатели составляли сборники помѣстныхъ обычаевъ и подвергали собранныя данныя обработкѣ. По имѣющейся въ нашемъ распоряженіи справкѣ, «вопросъ о необходимости ознакомиться съ обычнымъ правомъ впервые былъ возбужденъ еще Н. В. Калачовымъ въ «Архивѣ» за 1859 г.; затѣмъ имъ же внесенъ на обсужденіе 1-го съѣзда юристовъ въ 1875 г. Съѣздъ, признавъ необходимымъ собрать и изучить юридическіе обычаи, вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ или Москвѣ особой комиссіи, которая занялась бы этимъ дѣломъ. Въ 1876 г. комиссія была учреждена при географическомъ обществѣ подъ предсѣдательствомъ самого Н. В. Калачова, а по смерти его—С. В. Пахмана. Комиссія проявила свою дѣятельность исключительно въ изданіи программъ для собиранія народныхъ обычаевъ, но на огромное число этихъ программъ поступило очень мало отвѣтовъ, оказавшихся притомъ совершенно неудовлетворительными. Такая же комиссія, тоже ничѣмъ себя не заявившая, существовала въ концѣ 70-хъ годовъ при московскомъ юридическомъ обществѣ. Появившіеся около того же времени «Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» выдвинули вопросъ объ источникахъ познанія обычнаго права, какъ бы предрѣшая его въ пользу записей и книгъ волостныхъ судовъ. Калачовъ на 1-мъ съѣздѣ юри-

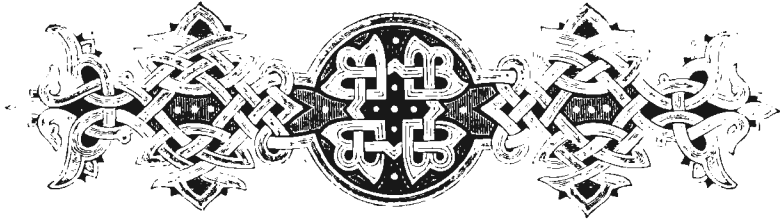
стовъ видѣлъ въ рѣшеніяхъ этихъ судовъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ; Якушкинъ, въ предисловіи къ своему «Обычному праву», присоединился къ этому мнѣнію, добавивъ, что цѣннымъ этотъ матеріалъ окажется только, если собрать значительное число рѣшеній за продолжительный періодъ времени». Съ этой же точки зрѣнія приступилъ къ дѣлу и Гольмстенъ, подвергнувъ пересмотру 20 лѣтнюю практику Кемецкаго волостнаго суда, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи, по вопросамъ гражданскаго права, и изучивъ по его подлиннымъ книгамъ 627 дѣлъ. Результаты этого пересмотра были имъ изложены въ особой, чрезвычайно интересной, статьѣ (1887 г.), перепечатанной въ «Юридическихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ» (стр. 50—91). Опираясь на достигнутый въ этомъ дѣлѣ опытъ (попытка Гольмстена была первою въ своемъ родѣ), онъ въ 1889 г. (въ газетѣ «День», перепечатано въ «Юридическихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ», стр. 47—49) выступилъ съ планомъ собрать всѣ рѣшенія всѣхъ волостныхъ судовъ за все время ихъ дѣятельности и изъ нихъ извлечь нормы нашего обычнаго права, извлечь, собрать и локализовать, т. е. выяснить ихъ географическое распространеніе и опытнымъ путемъ установить, что можетъ быть признано обычаемъ, а что исключеніемъ. Эта широкая программа встрѣчена была чрезвычайно враждебно нашею печатью, совершенно не вѣрившею въ цѣлесообразность такого предпріятія. Однако, правое дѣло восторжествовало, — и этотъ успѣхъ достался ему лишь въ самое послѣднее время.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1897 года при С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ, при горячемъ участіи А. Х. Гольмстена, было образовано новое «отдѣленіе обычнаго права», хотя и встрѣченное вначалѣ непріязненными отдѣльными голосами, но вскорѣ вполне восторжествовавшее надъ оппозиціей въ виду всеобщаго, самаго широкаго къ нему общественнаго сочувствія. Всѣмъ было до очевидности ясно, что никакого смысла не имѣетъ тормозить дѣло изученія народной юридической жизни подъ предлогомъ его трудности, новизны и т. п., что вопросъ этотъ вполне назрѣлъ, и что далѣе отлагать его невозможно. А съ той минуты, какъ это выяснилось въ общественномъ сознаніи, не оставалось ничего другаго, какъ принять и осуществить намѣченную А. Х. Гольмстеномъ широкую программу. Къ ней и примкнулъ комитетъ новаго отдѣленія, докладъ котораго объ этомъ дѣлѣ былъ въ выдержкахъ воспроизведенъ всѣми главными газетами Петербурга и Москвы съ горячими выраженіями сочувствія. Въ настоящее время, какъ мы слышали, даже правительственныя учрежденія выразили готовность оказать значительное содѣйствіе почину юридическаго общества въ этомъ отношеніи, и, такимъ образомъ, мы можемъ рассчитывать, что никакихъ дальнѣйшихъ помѣхъ этому дѣлу не предстоитъ. Съ этимъ сознаніемъ нельзя не поручиться за долговѣчную общественную

признательность ученому, который многолѣтнимъ трудомъ и личнымъ опытомъ выработалъ смѣлый, но практичный планъ собиранія обычаевъ, стойко проводилъ и защищалъ его съ неслабѣющей энергіей среди всевозможныхъ нападокъ и упорнаго недовѣрія, наконецъ, сумѣлъ организовать это дѣло на правильныхъ началахъ и тѣмъ положилъ первый камень къ научной выработкѣ дѣйствительно русскаго, народнаго русскаго гражданскаго права. «Вопреки наклонности теоретиковъ-доктринеровъ», сказано въ «Новомъ Времени» по поводу юбилея А. Х. Гольмстена, «увлекающихся обманчивымъ изяществомъ утонченныхъ конструкцій до пренебреженія къ реальной жизни и до насильственнаго навязыванія дѣйствительности совершенно чуждыхъ ей кабинетныхъ измышлений, старающихся перестроить наивный обычный юридическій бытъ народа созданными на модныхъ началахъ кодексами, — А. Х. Гольмстенъ, напротивъ, признаетъ и чтитъ право народной жизни — не подчиняться теоретическимъ колюдкамъ, а слѣдовать своимъ законамъ въ самопочинной выработкѣ и созданіи юридическихъ началъ и учреждений. Готовность ученаго учиться у исторіи и народа, отказываясь отъ соблазна ихъ поучать и преобразовывать по личнымъ соображеніямъ, является столь же рѣдкой у теоретиковъ, сколь привлекательною и возвышенною чертой умственнаго характера. Между тѣмъ, именно такое уваженіе и любовь къ народу и народной жизни составляютъ наиболѣе рѣзкую и существенную черту всей научно-литературной дѣятельности А. Х. Гольмстена».

Б. Никольскій.

ЗАПИСКИ АРХИЕПИСКОПА ФЕЛИНСКАГО.

ТО КАСАЕТСЯ моего личнаго участія въ дѣлахъ общественныхъ, то свою дѣятельность въ этомъ направленіи я представлю въ томъ освѣщеніи, въ какомъ она казалась мнѣ самому въ данное время. Во многихъ случаяхъ я до сихъ поръ не знаю: хорошо ли, худо ли я поступалъ,—и успокоиваетъ мою совѣсть одно лишь то, что никогда я не принесъ въ жертву личной выгодѣ убѣжденія, что, всегда согласуясь съ нимъ, добросовѣстно пытался исполнять свои обязанности, безразлично—приносило ли мнѣ это пользу или вредъ.

«Возрастающее могущество Россіи ясно указываетъ, что ея задача — сокрушать преграды, по пути предназначеній Господнихъ встрѣчаемыя. Освободить изъ рабства славянскіе народы, ограждать ихъ отъ натиска иноплеменной культуры, пытающейся ихъ обезличить, озарить колыбель рода человѣческаго (Азію) свѣтомъ христіанства и прогресса, наконецъ быть гнѣвомъ Божьимъ, какъ Атилла, для народовъ, пораженныхъ безвѣріемъ, поддерживать среди нихъ уваженіе къ власти, столь попираемой на западѣ,—вотъ одинаково прекрасная и высокая миссія Россіи».

Полагаемъ, что эти двѣ выдержки изъ записокъ католическаго архипастыря даютъ нѣкоторое право относиться снисходительно къ не всегда сдержанному тону и содержанію его записокъ, въ которыхъ онъ является прежде всего полякомъ, а затѣмъ вѣрнымъ сыномъ своей церкви.

I.

Бывшій въ 1862—1863 годахъ архіепископомъ варшавскимъ, Сигизмундъ Щенский Фелинскій прожилъ затѣмъ около двадцати лѣтъ въ городѣ Ярославлѣ, откуда въ 1883 году, послѣ коронаціи императора Александра III, получилъ разрѣшеніе уѣхать за границу. Онъ поселился въ Галиціи, гдѣ и скончался въ 1895 году.

Краковскому изданію его записокъ предпослано предисловіе извѣстнаго польскаго историка Станислава Смольки. «Особеннаго вниманія, пишетъ Смолька, заслуживаетъ глава о тайномъ обществѣ Конарскаго, какъ заключающая въ себѣ много цѣнныхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ подробностей. Воспоминанія о пребываніи въ Парижѣ открываютъ передъ нами любопытную картину польской эмиграціи послѣ извѣстныхъ событій 1846 года и наканунѣ июльской революціи».

Сигизмундъ Фелинскій родился въ 1822 году, въ окрестностяхъ города Луцка, въ небольшомъ принадлежащемъ его родителямъ имѣніи Воготынѣ. Отецъ, Герардъ, депутатъ по выборамъ волынскаго суда, проживалъ въ Житомирѣ и рѣдко наѣзжалъ въ деревню; мать Ева, рожденная Вендорфъ, хозяйничала и воспитывала дѣтей.

Ева Фелинская хорошо извѣстна въ польской литературѣ; она написала много романовъ и оставила донинѣ считающіяся образцовыми семейныя воспоминанія, вѣрнѣе семейную хронику, гдѣ живо и ярко изображенъ домашній бытъ, нравы и понятія польскаго дворянства Минской губерніи начала этого столѣтія (семейство Вендорфовъ до сихъ поръ состоитъ въ числѣ землевладѣльцевъ Минской губерніи). Впослѣдствіи она составила также воспоминанія о времени пребыванія своего въ изгнаніи въ Березовѣ, за участіе въ тайномъ обществѣ Конарскаго.

Отецъ Сигизмунда предпочиталъ домашнему воспитанію въ школахъ общественныхъ и поэтому скоро опредѣлилъ сына въ приходскую школу въ мѣстечкѣ Несвижѣ (а не въ Несвижѣ, какъ ошибочно напечатано и нѣсколько разъ повторено въ книгѣ), по сосѣдству съ Воготыномъ. Католическимъ митрополитомъ былъ въ то время престарѣлый Цецишовскій, про котораго авторъ между прочимъ рассказываетъ слѣдующее.

Все свое жалованіе Цецишовскій раздавалъ нищимъ. Однажды, одинъ изъ одаренныхъ молодой человекъ уходя унесъ съ собою старинныя дорогіе часы. Замѣтивъ это, митрополитъ заторопился, приказывая лакею:

— Догони поскорѣе этого несчастнаго и скажи ему, что я дарю ему часы, лишь бы грѣхъ воровства не отягощалъ его совѣсти.

Католическое духовенство, особенно высшее, одѣвалось въ то время въ обыкновенное короткое платье, употребляя «сутаны»

лишь на время исполненія церковныхъ службъ; одинъ Цециповскій не покорялся этому модному обычаю. Когда вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Александра I, престарѣлый митрополитъ Сестрженцевичъ явился ко двору во фракѣ, императоръ спросилъ, знакомъ ли онъ съ епископомъ Цециповскимъ. Митрополитъ отвѣтилъ утвердительно. Тогда государь, поглядывая съ неудовольствіемъ на куцыя фалды фрака, — проговорилъ въ видѣ вопроса:

— Не правда ли, его длинное одѣяніе наиболѣе соотвѣтствуетъ сѣдинамъ церковнаго сановника?

Съ тѣхъ поръ католическіе митрополиты перестали являться ко двору во фракѣ.

Обученіе Сигизмунда было прервано въ 1831 году, когда всѣ школы закрылись и всѣхъ учениковъ распустили по домамъ. Спустя два года, умеръ отецъ. Мать, исполняя предсмертное его желаніе, опредѣлила сына въ Луцкую гимназію.

Между тѣмъ, на Волыни появился Конарскій, и такъ какъ этотъ историческій эпизодъ имѣлъ несомнѣнное общественное значеніе для края, а для семейства Фелинскихъ былъ чреватъ важными послѣдствіями, то авторъ останавливается на немъ болѣе подробно.

Семень Конарскій, бѣжавшій за границу майоръ возстанія 1831 года, пріявъ къ убѣжденію, что національное самосознаніе простого народа находится едва въ зачаточномъ состояніи, рѣшилъ направить свою дѣятельность къ пробужденію и укрѣпленію этого самосознанія, избравъ раіономъ своей агитаціи Русь и Литву. Намѣченная имъ программа до того расплывчата и всеобъемлюща, что характеризуетъ его скорѣе, какъ утописта-мечтателя, чѣмъ какъ политическаго заговорщика. Хотѣлъ онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ «приспособить и приобщить къ общественной жизни народъ путемъ учрежденія сѣти народныхъ школъ и подъема благосостоянія крестьянъ, освобождая ихъ изъ той неволи, которая дѣлаетъ ихъ собственностью владѣльца обрабатываемой ими земли». И это хотѣлъ осуществить политическій изгнанникъ, тайно пробравшійся въ Россію «въ расчетъ на содѣйствіе главнымъ образомъ мѣстнаго дворянства». Непоколебимое воодушевленіе и рѣдкій ораторскій талантъ, какимъ обладалъ Конарскій, пожалуй, объясняютъ то, что онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону многихъ, сумѣлъ заслонить передъ ихъ глазами очевидную тщету всякихъ попытокъ къ дѣятельности въ указанномъ направленіи, — дѣятельности, замышляемой при столь исключительно неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Можно къ этому добавить, что демократическія идеи, волновавшія въ то время всю Европу, въ польскомъ обществѣ, особенно въ молодомъ поколѣніи, находили живой и сочувственный откликъ.

Это отразилось главнымъ образомъ на парижской польской эмиграціи, гдѣ произошелъ расколъ, и гдѣ партія революціонно-демократическая сплотилась вокругъ Дараша, Мѣрославскаго и др. подъ именемъ «Версальской централизаціи», о которой рѣчь будетъ впереди. Авторъ обращаетъ лишь вниманіе, что съ централизаціей, которая открыто сѣяла рознь между шляхтой и крестьянствомъ, и которая вскорѣ пожала кровавые плоды въ видѣ тарновской рѣзни въ Галиціи, — Конарскій и его «Народный союзъ» ничего общаго не имѣли, что если бы Конарскій хотѣлъ дѣйствовать въ духѣ централизаціи, то Ева Фелинская, одна изъ ближайшихъ его сотрудницъ, никогда бы ни на какое участіе въ этомъ дѣлѣ не рѣшилась. Это, впрочемъ, видно и изъ состава «Союза», состоявшаго почти исключительно изъ дворянъ-помѣщиковъ, съ демократическимъ революціоннымъ движеніемъ не имѣвшихъ ничего общаго.

Часть Воготына арендовалъ Валерій Гжонржевскій, товарищъ по возстанію Конарскаго. Послѣдній, перейдя австрійскую границу именно въ окрестностяхъ Воготына, прямо направился къ Гжонржевскому подъ вымышленнымъ именемъ Януша Гейбовича, которое и сохранилъ для всѣхъ стороннихъ за все пребываніе своего въ Россіи. Одна изъ первыхъ познакомилась и приобщена была ко всѣмъ тайнымъ замысламъ гостя — Фелинская. Опасаясь, какъ бы пребываніе его здѣсь не было вскорѣ обнаружено, она посоветовала ему ѣхать въ Олыку, къ Брынку, главному бухгалтеру князей Радзивилловъ, жившему одиноко на уединенномъ и тихомъ хуторѣ. Но и Брынкъ, не увѣренный въ безопасности, свезъ его дальше въ глубь Полѣсья къ своему хорошему знакомому Родзевичу. Здѣсь, среди непреступныхъ болотъ и лѣсовъ Полѣсья, обосновалъ Конарскій свою главную квартиру; отсюда предпринималъ онъ поѣздки въ разныхъ направленіяхъ, всегда возвращаясь обратно къ Родзевичу, точно въ хорошо защищенную крѣпость.

Особенно цѣннымъ приобрѣтеніемъ для «Союза» оказалось приобщеніе къ нему семейства Михальскихъ, состоявшаго изъ старика отца, соратника Косцюшки, сына, участника возстанія 1831 г. и, какъ защитника Замостской крѣпости въ моментъ ея сдачи, получившаго вмѣстѣ со всѣми прочими полную амнистію, — и дочери Эмилиі. На предложеніе Конарскаго отецъ призвалъ сына и сказалъ:

— Ты знаешь, что нѣтъ жертвы, которой я не принесъ бы на пользу родины. Но я старъ, недостаточно знакомъ съ текущимъ положеніемъ вещей и не дерзаю рѣшить: обратится ли намъ новая затѣя на пользу, либо во вредъ. Выслушай его, обдумай, и какъ рѣшишь, пусть такъ и будетъ.

Молодые люди ушли въ садъ, и жаркій споръ продолжался пять часовъ сряду. Вернувшись, молодой Михальскій сказалъ отцу:

— Наша обязанность идти рука объ руку съ Семеномъ.

Съ тѣхъ поръ всѣ трое считались дѣятельнѣйшими членами союза, беззавѣтно преданными преслѣдуемымъ ими цѣлямъ. А такъ какъ кругъ вліянія ихъ среди мѣстнаго общества былъ весьма обширенъ, то число членовъ стало быстро возрастать. Для окончательнаго установленія организаціонной части назначенъ былъ съѣздъ въ Бердичевѣ, во время ярмарки, въ день св. Онуфрія. На этомъ съѣздѣ Конарскій избранъ былъ единогласно предсѣдателемъ союза, непосредственными задачами котораго опредѣлены: дѣятельность въ пользу просвѣщенія и благосостоянія народа и подъемъ патріотическаго самосознанія во всѣхъ слояхъ общества.

Рѣшено издавать народную газету, а такъ какъ печатаніе ея за границей сопряжено было со многими неудобствами, то менѣе способные и юные члены союза имѣли заняться перепиской возможно большаго количества экземпляровъ. Ева Фелинская приняла на себя обязанности секретарши для корреспонденціи и сношеній съ заграницей.

Но такъ какъ исполненіе этого затруднялось отдаленностью отъ почты и другими мѣстными условіями,—отчасти же имѣя также въ виду воспитаніе подростоющихъ дѣтей, Фелинская оставила Воготынъ и переѣхала въ Кременецъ. Взятому изъ Луцкой гимназіи Сигизмунду и его братьямъ стали преподавать здѣсь на дому профессора нѣсколько раньше упраздненнаго Кременецкаго лицея. Это было весной 1837 года, и въ то время впервые увидѣлъ авторъ Конарскаго. Средняго роста, блондинъ, съ правильными и выразительными чертами лица, глубокимъ и одухотвореннымъ взглядомъ пламенныхъ глазъ, говорилъ онъ плавно и воодушевленно. Пѣлъ и игралъ на флейтѣ и особенно на женщинъ производилъ неотразимое впечатлѣніе.

Однимъ изъ существенныхъ средствъ пропаганды считалось распространеніе летучихъ листовъ и брошюръ, обсуждавшихъ текущіе общественные и національные вопросы и нужды. Къ союзу примкнуло много лицъ съ высшимъ образованіемъ, и въ болѣе или менѣе талантливыхъ сотрудникахъ недостатка не было; за то крайне затруднителенъ былъ способъ распространенія листовъ, путемъ рукописныхъ списковъ. Рѣшено было обзавестись собственной типографіей. Среди неприступныхъ лѣсовъ Полѣсья, вблизи имѣнія Родзевича заарендована была небольшая усадьба, гдѣ имѣла поселиться Фелинская и устроить типографію, возложивъ на сыновей своихъ Сигизмунда и Алоізія техническую часть работы: наборъ, печатаніе и прочее. Типографскіе станки и шрифты взялся доставить самъ Конарскій изъ-за границы, съ которой все время поддерживалъ обширныя сношенія; посылку долженъ былъ получить одинъ изъ членовъ союза, часовщикъ изъ Вильны, подъ видомъ часовыхъ приборовъ и инструментовъ.

Съ цѣлью окончательно условиться насчетъ подробностей всего

этого, Конарскій и Родзевичъ отправились въ Вильно, и здѣсь первый назначилъ часовщику свиданіе въ кабинетѣ при одной изъ болѣе извѣстныхъ въ то время винныхъ торговлей. Владѣлецъ магазина, еврей Розенталь, имѣлъ брата въ Женевѣ, которому Конарскій оказалъ какую-то важную услугу и который снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ брату, съ просьбой оказать подалеку всякое возможное содѣйствіе. Письмо это Конарскій хранилъ при себѣ на всякій случай, и Розенталь о существованіи его не зналъ. Между тѣмъ русское правительство было уже увѣдомлено изъ Парижа, что Конарскій не только находится въ Россіи, но что въ теченіе трехъ лѣтъ продолжаетъ распространять здѣсь тайную пропаганду. Въ числѣ прочихъ мѣръ, направленныхъ къ его поимкѣ, предъявленъ былъ виленской полиціей его портретъ всѣмъ хозяевамъ публичныхъ заведеній, со строжайшимъ наказомъ всякое лицо, сходствомъ своимъ возбуждающее подозрѣніе, немедленно задерживать и представлять властямъ. Розенталя сразу поразило сходство вошедшаго гостя съ изображеніемъ Конарскаго на портретѣ, и онъ, опасаясь отвѣтственности, немедля увѣдомилъ о своихъ предположеніяхъ полицію.

Въ виду неувѣренности заявителя и такъ какъ по этому поводу случилось уже много непріятныхъ недоразумѣній, то предварительно, для установленія истины, командированъ былъ въ кабинетъ тайный агентъ. Увы, Конарскій сумѣлъ убѣдить его, что онъ такой же тайный агентъ и также ищетъ Конарскаго; мало того, что онъ напалъ даже на слѣдъ квартиры, гдѣ скрывается преступникъ. Предлагая удостовѣриться въ этомъ, Конарскій вышелъ вмѣстѣ съ агентомъ на улицу, поставилъ послѣдняго на стражѣ у какихъ-то воротъ и самъ черезъ проходной дворъ исчезъ. Тщетны были немедленные поиски всей поставленной на ноги полиціи; бѣжавшій точно въ воду канулъ.

Конарскій между тѣмъ явился въ больницу, главный врачъ которой былъ членомъ союза. Докторъ уложилъ его на койку, какъ трудно больнаго, и такимъ образомъ Конарскій могъ выждать время, удобное для бѣгства изъ города. Онъ былъ вывезенъ изъ больницы въ гробу, подъ видомъ умершаго и по пути на кладбище пересѣлъ въ поджидавшую его повозку Родзевича. Прибывъ безъ приключеній на первую за Вильно почтовую станцію, путники остановились перемѣнять лошадей; Родзевичъ зашелъ на станцію представить подорожную, Конарскій же остался, скрытый, какъ и все время дороги, подъ фартукомъ. Желая узнать, отчего долго не запрягаютъ лошадей, онъ слегка приподнялъ фартукъ и выглянулъ. Это неосторожное движеніе погубило его. Была ночь, повозка стояла у крыльца, и свѣтъ ярко горящаго у станціонныхъ дверей фонаря падалъ прямо на нее. На крыльцѣ дежурилъ жандармъ. Конарскій и Родзевичъ были схвачены и отправлены въ Виленскую тюрьму. Пред-

сѣдателемъ слѣдственной комиссіи назначенъ былъ князь Трубецкой. Старый, полубольной Родзевичъ оговорилъ многихъ. Всѣ они были доставлены въ Вильно, а въ числѣ первыхъ Ева Фелинская.

По окончаніи слѣдствія, Конарскій былъ приговоренъ къ смертной казни. Его разстрѣляли. Передъ смертью ему разрѣшили просить о какой либо милости. Конарскій просилъ объ освобожденіи Эмилиі Михальской, которую арестовали главнымъ образомъ потому, что считали его невѣстой. Просьба эта была уважена.

Въ числѣ другихъ отправлена была въ изгнаніе въ Березовъ Ева Фелинская. Оставшихся сиротами дѣтей разобрали сосѣди.

II.

Какъ послѣдствіе обнаруженія тайнаго общества Конарскаго,— медицинская академія въ Вильнѣ, послѣдній осколокъ прежняго университета,—была упразднена, а изъ Кіевскаго университета удалены всѣ поляки. Въ то время громкой славой пользовался университетъ Московскій, и всѣ питомцы академіи рѣшили ѣхать въ Москву. Благодаря доброжелательнымъ отношеніямъ къ учащейся молодежи тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа, графа Строгонова, — всѣ политически не скомпрометированные были приняты. Поляки изъ Кіевскаго университета разбрелись въ Харьковъ, Дерптъ, Петербургъ и Москву; тѣмъ не менѣе, самый значительный процентъ поляковъ оказался въ университетѣ Московскомъ: на общее число свыше тысячи студентовъ поляковъ было триста.

Юнаго Сигизмунда, послѣ отъѣзда матери въ Березовъ, взялъ на попеченіе очень богатый землевладѣлецъ юго-западнаго края, Зиновій Бржозовскій, временно по дѣламъ проживавшій въ Кіевѣ. Первоначально рѣшено было, что Сигизмундъ поступитъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, но влѣдствіе отказа изъ Петербурга принять его, онъ уѣхалъ въ Москву, и опредѣленъ былъ на математическій факультетъ университета.

Въ кругу молодежи, между обѣими народностями не существовало въ то время ни недоувѣрія, ни предубѣжденій; напротивъ,— взаимныя отношенія были не только любезны, но и предупредительны. Тѣмъ не менѣе русскіе и поляки жили своей отдѣльной, кружковой жизнью. Современныя событія и столкновенія выработали въ средѣ поляковъ сильный подъемъ патріотическаго чувства,—и въ этомъ отношеніи всѣ, безъ различія характеровъ и убѣжденій, отличались несокрушимымъ единодушіемъ. Авторъ художественно-яркими штрихами обрисовываетъ личности болѣе выдающихся представителей тогдашней польской университетской молодежи. Въ числѣ ея идеаломъ «бурша» былъ переѣхавшій изъ Дерпта въ Москву Дзеконскій. Шестнадцати лѣтъ, какъ

участникъ возстанія 1831 г., Дзеконскій бѣжалъ за границу и поступилъ въ университетъ Кролевецкій (Кѳнигсбергскій). Отсюда, убивъ на дуэли товарища, онъ бѣжалъ обратно въ Россію, воспользовавшись распространенной на него амнистіей. На первыхъ же порахъ, едва успѣвъ перезнакомиться въ Москвѣ съ товарищами, онъ объявилъ, что учреждаетъ «братній союзъ», къ которому приглашаетъ лишь обладателей самостоятельныхъ характеровъ, такъ какъ «союзъ» имѣетъ цѣлью «попирать всѣ установленныя модой и натискомъ общественнаго мнѣнія внѣшнія формы и приличія». Сочиненный имъ уставъ въ главныхъ своихъ чертахъ состоялъ въ томъ, что всѣ доходы и все имущество каждаго изъ членовъ союза составляли общую собственность. Выступающіе изъ союза никакого отчета о расходованіи ввѣренныхъ суммъ требовать не могли. На собранныя членскія деньги Дзеконскій снялъ квартиру изъ двухъ спаленъ и громаднаго зала, снабдивъ ее лишь самой необходимой мебелью. Залъ въ качествѣ библіотеки имѣлъ нѣсколько книжныхъ шкафовъ, а въ качествѣ фехтовальной арены—развѣшенные по стѣнамъ сабли, рапиры, панцыри и пр. Посреди комнаты стоялъ громадный сосновый столъ и такія же стулья. На почетномъ мѣстѣ высился простой, неотесанный пень, удостоенный громкаго имени «трона», предсѣдательское мѣсто Дзеконскаго. Послѣдній уплатилъ впередъ за всѣхъ членовъ въ ближайшемъ трактирѣ обѣды, срокомъ на мѣсяць, сдѣлалъ мѣсячный запасъ чаю и сахару, а на остальные деньги устроилъ товарищескую пирушку съ традиціонной жженой и вообще изрядной выпивкой. Пирушки повторялись каждый разъ, когда въ общую кассу поступалъ новый взносъ; за ними неоднократно слѣдовало продолжительное безденежье и голодовка, такъ какъ уставъ не разрѣшалъ занимать въ долгъ у товарищей; въ крайности дозволено было продать или, въ случаѣ лютыхъ морозовъ, изрубить на дрова всю мебель и обстановку, за исключеніемъ предсѣдательскаго трона. Сумраченъ тогда былъ видъ опустошеннаго такимъ образомъ жилища, тѣмъ болѣе, что о чистоплотности уставъ не упоминалъ ни слова; изъ-за кучъ мусора, валавшаяся по угламъ цѣлыми недѣлями, уныло выглядывалъ изъ-зазаннѣнный, ослизлый тронъ Дзеконскаго. Этотъ идеаль бурша въ стѣнахъ Москвы гостилъ недолго. Власти университетскія не пожелали зачесть времени пребыванія его въ университетахъ Кролевецкомъ и Дерптскомъ, и Дзеконскій, не допущенный къ экзаменамъ, уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ въ компаніи съ Вильконскимъ, знаменитѣйшимъ до настоящаго времени юмористомъ и сатирикомъ польскимъ, основалъ сатирическій журналъ «Литературный Колоколь» (Dzwon literacki). Лѣтъ 15 назадъ въ «Курьерѣ Варшавскомъ» печатались очень любопытные очерки «Богема Варшавская (литературная)» (Cygnaerka Warszawska). Тамъ, если не ошибаемся, Дзеконскому и времени его пребыванія въ Варшавѣ удѣлено подобающее

мѣсто. Вообще это была личность недюжинная и во многихъ отношеніяхъ достойная вниманія.

Отчасти въ этомъ же родѣ отличался Николай Быковскій, братъ извѣстнаго писателя Петра-Яксы Быковского, — великанъ соотвѣтственной росту толщины. Оставивъ изъ причитающагося ему наслѣдства десять тысячъ, дабы имѣть возможность скромно существовать на проценты съ этой суммы, онъ всю остальную львиную часть наслѣдства рѣшилъ прокутить купно съ товарищами. Снял барскую квартиру, съ отдѣльнымъ садомъ, конюшнями, многочисленной прислугой и пр. Абонировался на ложи во всѣхъ театрахъ, составилъ погребъ изъ лучшихъ винъ и все это предоставилъ въ полное распоряженіе товарищей. Когда деньги изсякли, онъ равнодушно, безъ всякой рисовки и волненій, переѣхалъ въ крошечную комнатку и сталъ обѣдать въ дешевой кухмистерской. Замѣтивъ, что часть прежнихъ друзей перестала его навѣщать, онъ добродушно рѣшилъ: «по крайней мѣрѣ, знаю теперь, на кого могу положиться».

Спустя много времени, онъ также хладнокровно отказался отъ блестящей карьеры въ столицѣ, предпочитая у себя на родинѣ скромную должность домашняго врача семейства помѣщиковъ Гольнскихъ.

III.

Окончивъ Московскій университетъ, Сигизмундъ Фелинскій поступилъ въ канцелярію московскаго генераль-губернатора. Но карьера чиновника не улыбалась ему, и по истеченіи года, съ согласія своего опекуна Бржозовскаго, онъ подалъ въ отставку. Бржозовскій предложилъ ему у себя на выборъ три должности: управляющаго имѣніями, агента по торговымъ дѣламъ въ Одессѣ и воспитателя его дѣтей. Фелинскій выбралъ послѣднюю. Такъ какъ его будущіе ученики едва начинали ходить, то для пополненія образованія самого учителя Бржозовскій рѣшилъ отправить его за границу, опредѣливъ годоваго жалованья 1.300 рублей; изъ этихъ денегъ триста выдавались на руки, а тысяча откладывалась въ сберегательную кассу. Накопленный такимъ образомъ капиталъ имѣлъ получить Фелинскій только послѣ окончанія полнаго курса наукъ, при разлукѣ съ своими питомцами.

Считая такимъ образомъ свое будущее точно опредѣленнымъ, онъ охотно покинулъ Москву и отправился на родину. Здѣсь оказалось, что получить заграничный паспортъ было дѣло не легкое.

Революціонныя броженія въ Галиціи и вообще за границей заставляли подозрительно относиться ко всѣмъ молодымъ полякамъ, желающимъ покинуть предѣлы Россіи. Фелинскій ждалъ паспорта два года. Жилъ онъ это время въ одномъ изъ имѣній Бржозов-

скаго — Соколовкѣ, наѣзжая по дѣламъ своего патрона въ Кіевъ, навѣщая сосѣдей, а также мать, вернувшуюся уже изъ изгнанія въ Воготынъ. Этотъ періодъ жизни описанъ имъ подробно въ біографіи сестры Полины, и поэтому въ запискахъ упоминается о немъ вскользь, лишь для связи предыдущаго съ послѣдующимъ.

Болѣе подробно онъ останавливается лишь на знакомствѣ своемъ съ знаменитымъ писателемъ Крапевскимъ. Крашевскій жилъ въ то время въ своемъ имѣніи Грудекъ, въ семи верстахъ отъ Воготына, и между обоими домами установились прочныя и близкія сношенія. Тридцати-четырехлѣтній авторъ многихъ популярныхъ романовъ пользовался уже тогда во всемъ краѣ громкой извѣстностью.

Первое впечатлѣніе производилъ онъ крайне благопріятное, благодаря полной естественности и непринужденности. О своихъ литературныхъ работахъ, успѣхахъ и связяхъ въ литературномъ мірѣ не распространялся никогда; вообще не навязывалъ никому предмета разговора,—наоборотъ самъ приспособлялся къ кругозору своего собесѣдника, къ его точкѣ зрѣнія. Съ хозяиномъ говорилъ о хозяйствѣ, съ художникомъ объ искусствѣ, съ чиновникомъ о дѣлахъ чиновныхъ, съ каждымъ съ такимъ удовольствіемъ, такъ охотно и толково, точно это была его специальность. Былъ онъ одаренъ замѣчательной способностью къ многосторонней и постоянной работѣ. Отдыхалъ не бездѣйствуя, но пережбняя родъ занятія. Утомившись письмомъ, шелъ распоряжаться по хозяйству, затѣмъ садился къ фортепіано, рисовалъ, читалъ, ваялъ, опять писалъ — и такъ изо дня въ день. Ежедневно исписывалъ около 13 листовъ бумаги мелкимъ неразборчивымъ почеркомъ, благодаря чему не могъ подыскать переписчика, и все написанное отправлялъ прямо въ печать. Авторскіе гонорары были въ то время ничтожны—и, по собственнымъ словамъ писателя, ихъ едва хватало на пополненіе бібліотеки и художественныхъ собраній. Источникомъ главнымъ доходовъ было имѣніе, но небольшое и потому требовавшее бережливости.

Что касается умственнаго его склада, то Крашевскій былъ мыслитель не глубокій, скорѣе впечатлительный, подверженный вліянію минуты художникъ. Этимъ главнымъ образомъ объясняется удобопонимаемость и популярность его твореній. Въ искусствѣ заявлялъ себя безусловнымъ противникомъ тенденціи, полагая, что подсказывать читателю или зрителю смыслъ создаемаго не слѣдуетъ. Несмотря на то, что Фелинскій съ удовольствіемъ читалъ романы Крашевскаго, уму его они никакой пищи не давали, и вообще на умственный его кругозоръ Крашевскій не оказалъ ни малѣйшаго вліянія. Наоборотъ громадное вліяніе оказалъ на него въ то время Красинскій, съ твореніями котораго онъ тогда только познакомился.

Это вліяніе авторъ считаетъ эпохой, поворотомъ въ умственной своей жизни, указаніемъ того направленія, которое его жизнь внутренняя приняла съ тѣхъ поръ сознательно на будущее время. Красинскій не былъ популяренъ не потому только, что не былъ цензуренъ, — и помимо цензуры книгу можно было получить изъ-за границы, — а потому, что глубины и даже сущности его міросозерцанія не понимали многіе, даже изъ числа образованнѣйшихъ читателей. Для всѣхъ существовали два опредѣленные, враждебные другъ другу лагеря аристократовъ и демократовъ, и послѣднія слова «Небожественной комедіи» повергли всѣхъ въ недоумѣніе: на чьей сторонѣ авторъ — Генриха (аристократа) или Панкратія (демократа)? И только потомъ изъ «Псалма Любви» поняли о существованіи третьяго лагеря, созидающаго и соединяющаго именемъ христіанской любви то, что ненависть и вражда сокрушила и расторгла.

Фелинскій, исходя изъ этого источника любви, пытался въ то время уяснить себѣ земные пути и предназначенія ближайшихъ народовъ. Его мнѣніе о задачахъ Россіи мы привели въ началѣ настоящей статьи. Разсужденіе о задачахъ польскаго народа до того проникнуто мистицизмомъ, что для русскаго читателя безъ обширныхъ комментаріевъ будетъ совершенно непонятно.

Между тѣмъ рѣзня въ Галиціи и появленіе агентовъ «Версальской централизаціи» въ Россіи (не имѣвшихъ здѣсь впрочемъ никакого успѣха) еще болѣе оттянули полученіе паспорта. Только во второй половинѣ 1847 года, на двадцать пятомъ году своей жизни, Фелинскій уѣхалъ за границу, гдѣ разсчитывалъ пробыть не менѣе трехъ лѣтъ, такъ какъ старшему изъ будущихъ его питомцевъ шелъ всего четвертый годъ.

IV.

Первымъ этапомъ его путешествія былъ Львовъ. Здѣсь у матери поэта Словацкаго онъ познакомился съ знаменитымъ Викентіемъ Полемъ, только что оправившимся послѣ нападенія на него возставшихъ крестьянъ. Поль спасся отъ крестьянъ еле живой, съ переломленными ребрами и въ теченіе года находился между жизнью и смертью. Онъ далъ путешественнику много цѣнныхъ рекомендабельныхъ писемъ, открывшихъ передъ нимъ двери болѣе извѣстныхъ польскихъ дѣятелей, проживавшихъ въ разныхъ центрахъ Европы.

Возстаніе крестьянъ въ Галиціи въ 1846 году послѣдовало, благодаря агитаціи упомянутой нами демократической «централизаціи» польской въ Парижѣ. Во главѣ зачинщиковъ, какъ будущій вождь возстанія, явился отсюда Мѣрославскій. Авторъ характеризуетъ его личность крайне отрицательными чертами. Сынъ французки, воспитанный во Франціи, онъ лучше владѣлъ французскимъ, нежели

польскимъ языкомъ. Послѣ 1831 года французское правительство обратилось къ находящимся въ Парижѣ вождямъ возстанія съ предложениемъ составить описаніе минувшей борьбы для пользованія, въ качествѣ руководства, во французскихъ военныхъ школахъ. Эту книгу подъ редакціей генерала Хржановскаго составилъ офицеръ Бржозовскій. Онъ былъ извѣстенъ исключительно въ ограниченномъ кругу специалистовъ военныхъ. И вотъ, имѣя эту книгу подъ рукою и одновременно пользуясь неоконченной по случаю смерти исторіей возстанія Мохнацкаго, Мѣрославскій совершилъ плагиатъ: издалъ въ 4-хъ томахъ на французскомъ языкѣ исторію возстанія, которая, благодаря блестящему слогу и популярному изложенію, быстро создала автору имя и славу. «Централизація», отъ которой всѣ выдающіеся военные отшатнулись, произвела Мѣрославскаго прямо въ генералы, именуя его вождемъ будущаго возстанія. Между тѣмъ (какъ то видно и изъ изданныхъ недавно записокъ Дембовскаго), участіе его въ возстаніи 1831 года было крайне сомнительнаго свойства и во всякомъ случаѣ не говорило въ пользу его военныхъ способностей. Когда, годъ спустя, Кошутъ пожелалъ пригласить его къ участію въ венгерскомъ возстаніи и предложилъ генералу Дембинскому, въ то время начальнику венгерскихъ войскъ, передать часть ихъ Мѣрославскому, то Дембинскій отвѣтилъ, что не желаетъ имѣть его не только въ качествѣ генерала, но и капрала. Такого же печальнаго мнѣнія о его военныхъ способностяхъ были всѣ, ближе его знающіе. И поэтому, когда въ 1846 году возставшіе назначили Тыссовскаго диктаторомъ Кракова, то благоразумная часть поляковъ потребовала отъ него подъ угрозою смерти отказа отъ диктаторскихъ полномочій и добровольно согласилась передать Краковъ австрійскимъ войскамъ, чѣмъ и спасла его отъ разгрома. Авторъ, во время пребыванія въ Краковѣ, проѣздомъ изъ Львова въ Вѣну, познакомился съ бывшимъ профессоромъ университета Вишневскимъ, авторомъ «Исторіи польской литературы», который именно принималъ въ этомъ дѣлѣ руководящее участіе и подписалъ отъ имени жителей Кракова капитуляцію. Провозглашенный заговорщиками измѣнникомъ, онъ добровольно оставилъ университетъ, хотя не переставалъ пользоваться уваженіемъ лучшей части польскаго общества.

Въ Вѣнѣ проживалъ въ то время престарѣлый ординаръ Станиславъ Замойскій, отецъ г-жи Бржозовской, послѣдній председатель польскаго сената. Передавъ ординацію старшему сыну Константину и раздѣливъ остальные имѣнія между шестью сыновьями и тремя дочерьми, онъ выговорилъ себѣ годовое содержаніе въ полмилліона золотыхъ польскихъ и ва эти деньги содержалъ въ Вѣнѣ небольшой дворъ слугъ и приближенныхъ.

Изъ Вѣны черезъ Прагу и Дрезденъ направился Фелинскій въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ рекомендательное письмо Поля къ Яну Козь-

мяну, женатому на дочери генерала Хлаповскаго, предводителю среди нѣмецкихъ поляковъ католической партіи, основателю, кажется, существующей и нынѣ газеты «Познанское Обзорѣніе» (Przegląd Poznański). Домъ Козьяна составлялъ въ то время центръ польской колоніи въ Берлинѣ.

Въ Брюсселѣ письмо Поля открыло путнику двери къ генералу Скржинецкому, одному изъ вождей возстанія, зачисленному затѣмъ въ бельгійскую армію. Отъ Скржинецкаго узналъ авторъ много любопытныхъ подробностей объ Андреѣ Товянскомъ, личность котораго интересовала въ то время поляковъ, благодаря главнымъ образомъ тому вліянію, какое оказалъ онъ совершенно неожиданно на умы Мицкевича и Словацкаго.

Товянскій въ недавнемъ прошломъ былъ небогатымъ литовскимъ помѣщикомъ и ни о какой общественной дѣятельности не помышлялъ. Случилось, что умеръ одинъ изъ его друзей и сталъ являться ночью во снѣ вдовѣ и наконецъ ему. Товянскому онъ сообщилъ, что его удерживаетъ въ чистилищѣ какой-то неуплоченный долгъ. Тотъ, провѣривъ подлинность долга, уплатилъ его, и одновременно видѣнія прекратились. Этотъ фактъ и былъ тѣмъ сильнымъ толчкомъ, который, оторвавъ Товянскаго отъ окружающей дѣйствительности, направилъ умъ его въ необъятную сферу отвлеченнаго мистицизма. Онъ своеобразно осилилъ эту сферу, выработавъ собственную, далеко не глубокую, теорію соотношенія міра видимаго къ невидимому. Но, не только создавъ, но и фанатически увѣровавъ въ свою теорію, Товянскій естественнымъ порядкомъ вещей пожелалъ явиться проповѣдникомъ и вдохновителемъ ея въ другихъ. Понятно, въ Россіи не совсѣмъ удобно было проповѣдывать о конечной цѣли этого ученія—возрожденіи Польши, хотя бы и на почвѣ исключительно религіозно-мистической, путемъ нравственнаго совершенствованія, отрицая безусловно всякое физическое противодѣйствіе. И вотъ Товянскій распродаетъ все свое имущество и направляется прежде всего въ Познань, обращаясь тамъ къ мѣстному католическому архіепископу Дунину. Принятый сразу любезно, онъ постепенно раскрываетъ передъ нимъ суть своего ученія. Послѣдствія этого, понятно, оказываются печальныя. Лишь только Дунинъ убѣдился, что ученіе это съ церковной точки зрѣнія носитъ всѣ признаки ереси, — тотчасъ прервалъ всякія съ Товянскимъ сношенія. Тотъ не унывая отправляется въ Брюссель къ Скржинецкому, гдѣ точь въ точь повторяется познанская исторія. Скржинецкому онъ изложилъ сущность своего ученія въ особой брошюрѣ: «Бесѣда». Разошедшись съ нимъ, онъ отправляется въ Парижъ, здѣсь созываетъ поляковъ на обѣдню въ соборъ «Notre Dame» и послѣ обѣдни объявляетъ немногочисленнымъ собравшимся, что «посланъ къ нимъ свыше и что желающихъ поучать будетъ принимать на собственной квартирѣ». Первыми явились къ нему Исидоръ Собанскій и

Александръ Ходзько, будущій замѣститель Мицкевича на кафедрѣ «Collège de France».

Въ то время жена Мицкевича сошла съ ума. Когда явился къ ней Товянскій, то нашелъ ее въ саду, украшающей себя цвѣтами, листьями и вѣтками. Она пѣла и блуждающимъ взоромъ, казалось, кого-то призывала. Товянскій магнетическимъ взглядомъ пронзилъ ее и приковалъ къ мѣсту. Постепенно, какъ бы приходя въ себя, она стала сбрасывать платья, листья и цвѣты, замолкла и, когда наконецъ очутилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Товянскаго, совершенно пришла въ сознаніе. Послѣдній торжественно объявилъ, что за заслуги ея мужа Господь исцѣляетъ ее. Затѣмъ отправился исцѣлять мужа. Встрѣтилъ его, возвращающагося изъ костела, послѣ горячей молитвы объ исцѣленіи жены и тономъ вдохновеннаго пророка преговорилъ: «Господь выслушалъ тебя и молитвы твои. Жена твоя здорова. Ступай и служи отнынѣ Господу». Слыша это отъ совершенно незнакомаго человѣка и затѣмъ убѣдившись дома, что жена дѣйствительно здорова, Мицкевичъ сразу горячо увѣровалъ въ миссію Товянскаго и сталъ повиноваться ему безпрекословно; примѣру Мицкевича послѣдовали вскорѣ многіе, и Товянскій для учениковъ своихъ открылъ такъ называемое «Коло» (кругъ).

Илагать сущность товѣанизма здѣсь незначѣтъ. Замѣтимъ лишь, что это ученіе исключительно мистическо-религіозное, чуждое какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій. Послѣдствіемъ увлеченія Мицкевича товѣанизмомъ было то, что у него отняли кафедру славянскихъ литературъ въ «Collège de France», такъ какъ вліяніе этого ученія стало отражаться сильно и на лекціяхъ. Впрочемъ, недолго спустя, Мицкевичъ разошелся съ Товянскимъ, и послѣдній выключилъ его изъ «Коло», какъ отступника.

Изъ Брюсселя Фелинскій направился въ Парижъ, конечную цѣль своего путешествія. Онъ записался и сталъ прилежно посѣщать лекціи лучшихъ профессоровъ въ Сорбоннѣ и Коллеги, а одновременно понемногу знакомился съ представителями и жизнью польской парижской эмиграціи.

Не считая упомянутой группы послѣдователей Товянскаго, довольно обособленной и съ политикой, какъ мы сказали, не имѣющей ничего общаго,—въ Парижѣ въ то время существовали: «Общество демократическое» (централизація) подъ главенствомъ Дараша, «Общество третьяго мая», имѣвшее во главѣ кня. Адама Чарторійскаго, «Общество сліянія», основанное гр. Викентіемъ Тышкевичемъ, «Общество военное» управляемое послѣднимъ вождемъ возстанія генераломъ Рыбинскимъ и наконецъ «Союзъ народный», иначе «Молодая эмиграція», среди которой наибольшимъ вліяніемъ пользовался Дзвонковскій. О характерѣ дѣятельности демократическаго общества мы достаточно освѣдомлены изъ предыдущаго.

Сначала, во главѣ демократическаго общества стояли извѣстный

историкъ Лелевель и Мохнацкій; имена ихъ пользовались популярностью и окружали нѣкоторымъ ореоломъ само общество. Но Лелевель переселился въ Бельгію, Мохнацкій умеръ, и руководящая роль очутилась въ рукахъ лицъ, которыя, не имѣя за собою въ прошломъ никакихъ заслугъ, тѣмъ ярче выкинули красное, открыто революціонное знамя, по примѣру французовъ дополнивъ свой политическій катехизисъ непримиримой ненавистью къ церкви. Продолжая подражать французамъ, они назвали исполнительные органы своего общества централизаціей, само общество разбили на секціи, комиссіи, комитеты, удаляясь постепенно отъ національной и приближаясь къ космополитической организаціи.

Съ самаго начала они особенно рьяно выступили противъ личности кн. Адама Чарторыйскаго, одного изъ величайшихъ и безкорыстнѣйшихъ, по мнѣнію автора, польскихъ патріотовъ. Когда возстаніе 1831 года застигло его въ Варшавѣ, онъ не спасалъ ни своего имущества, ни положенія, что могъ сдѣлать легко, оставаясь въ сторонѣ отъ движенія, въ успѣхъ котораго не вѣрилъ, и которому, поэтому, не могъ сочувствовать. Наоборотъ, желая наравнѣ съ прочими дѣлать судьбы всего народа, онъ не уклонился стать во главѣ народнаго правительства и остался вѣренъ ему до конца, не позаботившись, хотя бы только матеріально, обезпечить себя на всякій случай, т. е. реаллизировать и перевести часть состоянія за границу. Благодаря этому, по окончаніи возстанія, князь съ семействомъ очутился за границей, совершенно лишенный всякихъ средствъ. Тогда одинъ изъ слугъ, рискуя жизнью, пробрался обратно въ Россію, выкралъ ящикъ съ семейными драгоценностями и доставилъ князю. Это ихъ спасло на первое время отъ нужды. Семейство Чарторыйскихъ поселилось тогда скромно, на окраинѣ Парижа, постепенно превращая въ деньги драгоценные камни. Нѣсколько позже явилась къ нимъ съ помощью мать княгини, княгиня Анна Сапѣга. Изъ отобранныхъ въ казну громаднхъ имѣній своего сына Льва (впослѣдствіи виднаго дѣятеля въ Галиціи, отца нынѣшняго князя Адама) она имѣла крупную пожизненную ренту и, обращая на свои нужды незначительную лишь часть ея и вообще умѣло распоряжаясь имѣвшимися у нея на рукахъ суммами, она постепенно сумѣла не только выручить всѣхъ дѣтей своихъ, но и обезпечить ихъ будущее. Для князей Чарторыйскихъ она пріобрѣла знаменитый съ того времени Hôtel Lambert. Вообще, утверждаетъ Фелинскій, основнымъ принципомъ жизни князя Адама было: жертвовать не только матеріально, но и своими убѣжденіями во имя единенія со стремленіями польскаго народа. Въ Парижѣ онъ сталъ во главѣ «Союза третьяго мая». Исходя изъ того положенія, что ни одинъ народъ въ развитіи и жизни своей не дѣлаетъ внезапныхъ скачковъ, ни крутыхъ поворотовъ въ сторону, послѣдователи этого союза нашли наиболѣе естественнымъ, чтобы польскій народъ про-

должалъ независимую внутреннюю свою жизнь и развитіе съ того предѣла, на которомъ остановился въ моментъ потери политической независимости, т. е. имѣя основаніемъ выработанную и одобренную независимою Польшей конституцію третьяго мая.

Кромѣ сохраненія вѣры и языка, поляки должны были сохранить внутреннее единеніе съ тѣми политическими формами и принципами, которые родились и выработались на національной польской почвѣ, чтобы отъ этой почвы не быть болѣе или менѣе отторгнутыми. Тѣмъ не менѣе эти благіе принципы, по словамъ автора записокъ, не уберегли общества третьяго мая отъ крупныхъ ошибокъ. Главныя,—общая всей эмиграціи,—это отождествленіе себя съ цѣлымъ польскимъ народомъ и попытки его именемъ къ дипломатическимъ сношеніямъ съ иноземными дворами.

Противорѣчіе обществъ демократическаго и третьяго мая нагляднѣе всего выступаетъ при сопоставленіи ихъ лозунговъ—перваго: «Все съ помощью народа», и втораго: «Все для народа, но не съ помощью народа». Между тѣмъ оба стремились къ одной цѣли, къ независимой Польшѣ. Цѣль эта требовала полнаго единенія всѣхъ. Вотъ исходная точка третьяго общества, пытавшагося примирять непримиримое, — общества «Союзаго», во главѣ котораго сталъ одинъ изъ сенаторовъ время вѣл. кн. Варшавскаго, Викентій Тышкевичъ. Вокругъ него сгруппировалось нѣкоторое число дезертировъ изъ обществъ демократическаго и третьяго мая, но кружокъ ихъ былъ немногочисленъ и страдалъ отсутствіемъ главнаго: ясно опредѣленной программы. То же можно повторить о союзѣ «военномъ», который отказался отъ всякой политики, и ограничилъ свои задачи тѣмъ, чтобы удерживать въ надлежащей готовности остатки польскихъ войскъ къ возвращенію по первому призыву въ край и къ борьбѣ.

Послѣ событій 1846 года ряды эмиграціи пополнились участниками тогдашнихъ движеній. Такъ называемая «молодая эмиграція», вѣрная своему знамени, вся первоначально сгруппировалась подъ сѣнью демократическаго общества. Но полное разочарованіе не замедлило. Увидя, что это общество скорѣе интернаціональное, чѣмъ польское, всѣ они единодушно оставили его и, не отказываясь отъ своихъ республиканскихъ идеаловъ, составили свой отдѣльный кружокъ: «союзъ народный», нѣчто среднее между обществомъ демократическимъ и третьяго мая. Отъ послѣдняго они переняли строго національную окраску и уваженіе къ церкви. Во главѣ находились: Дзвонковскій, Рогавскій, Лемпицкій, Фредро, Чарновскій, Тхуржевскій и др.,—все молодежь, не достигшая даже 30-лѣтняго возраста. Жизнь этого кружка была кратковременна и ничѣмъ себя не ознаменовала.

Фелинскій, благодаря рекомендательному письму г-жи Бржозовской, былъ принятъ въ Hôtel Lambert очень радушно. Онъ по-

подробно описывает домашнюю жизнь князей Чарторыйскихъ, доказывая, что, несмотря на кажущуюся роскошь, семейство князя вынуждено было къ соблюденію возможной бережливости. Лицевой корпусъ занимали Чарторыйскіе, одно крыло отдано было подъ женскій пансіонъ, во второмъ—находились квартиры княгини Виртембергской, старшей сестры князя Адама, и полковника Владислава Замойскаго, сына младшей его сестры, Софіи, жены ордината Замойскаго.

Къ княгинѣ Виртембергской Фелинскій имѣлъ также рекомендательное письмо г-жи Бржозовской. Это была въ то время 83-лѣтняя старушка, двумя годами старше брата. Ея союзъ съ принцемъ Виртембергскимъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Король прусскій Фридрихъ имѣлъ сестру за мужемъ за принцемъ Виртембергскимъ, дочь которыхъ была супругой будущаго русскаго императора Павла I. Желая въ то же время видѣть на польскомъ престолѣ, послѣ Станислава Понятовскаго, лицо, себѣ близкое, онъ брата будущей русскаго императрицы вздумалъ женить на княгинѣ Чарторыйской, такъ какъ вліяніе Чарторыйскихъ было въ то время очень большое, и съ ихъ помощью принцъ Виртембергскій могъ рассчитывать занять впослѣдствіи польскій престолъ. Бракъ состоялся, но помимо воли самой невѣсты. Принцъ обладалъ крайне вспыльчивымъ, неуживчивымъ характеромъ, и молодая жена, промучившись нѣсколько лѣтъ и оставивъ мужу сына, вернулась къ родителямъ. Здѣсь, въ уединеніи, въ деревнѣ, она жила долгіе годы; въ литературѣ польской извѣстно нѣсколько сентиментальныхъ ея романовъ, а главное не утратившій своихъ достоинствъ и по настоящее время «Пельгржимъ зъ Добромиля» (Пилигримъ изъ Добромиля: популярное изложеніе для народа въ видѣ рассказовъ польской исторіи). Во время возстанія 1831 г. княгиня жила въ Пулавахъ. Въ то время сынъ ея былъ генераломъ русскихъ войскъ, однимъ изъ усмирителей возстанія, въ награду за что получилъ конфискованныя имѣнія своей матери. Она уѣхала въ Парижъ и поселилась скромно въ предместьи, имѣя всего 40 тысячъ франковъ, возвращенныхъ ей однимъ изъ ея прежнихъ должниковъ. Когда на имя принцессы Виртембергской стали приходять письма, то почтальоны стали носить ихъ въ королевской дворецъ, такъ какъ одна изъ дочерей Луи-Филиппа, также Марія, была также замужемъ за однимъ изъ принцевъ Виртембергскихъ. Благодаря этому, мѣстопребываніе ея было вскорѣ обнаружено, и король предложилъ ей гостепріимство въ своемъ дворцѣ. Но въ то время князья Чарторыйскіе предложили ей Hôtel Lambert, и она предпочла жить совместно съ братомъ. Жила она уединенно, имѣя при себѣ лишь старушку компаньонку и духовника. Она сохранила еще вполне бодрость и память о всѣхъ событіяхъ минувшаго.

Третій обитатель Hôtel Lambert—полковникъ графъ Владиславъ

Замойскій, четвертый сынъ ордината графа Станислава и умершей Софii, урожденной Чарторыйской—былъ однимъ изъ адъютантовъ великаго князя Константина Павловича въ Варшавѣ, принималъ участіе въ извѣстныхъ переговорахъ поляковъ съ великимъ княземъ и затѣмъ, какъ соучастникъ возстанія, эмигрировалъ за границу. Это былъ убѣжденный консерваторъ и сторонникъ монархической формы правленія и не вѣрилъ, чтобы иначе, какъ дипломатическимъ путемъ, можно было добиться независимости Польши. Въ качествѣ военнаго онъ отличался неустрашимою храбростью. Сражаясь подъ знаменами короля сардинскаго Карла-Альберта противъ Австріи, онъ получилъ чинъ генерала. Затѣмъ участвовалъ въ венгерской кампаніи, также сражаясь противъ Австріи.

Наиболѣе прочный памятникъ, какой Чарторыйскій оставилъ послѣ себя въ Парижѣ,—это была основанная имъ польская библіотека и соединенное съ нею историческое общество, имѣвшее цѣлью собраніе матеріаловъ для исторіи польскаго народа. Это учрежденіе, встрѣчая сочувствіе наиболѣе видныхъ общественныхъ польскихъ дѣятелей и писателей, существуетъ непрерывно и понынѣ.

Въ салонахъ Чарторыйскаго перезнакомился Фелинскій со всѣми выдающимися эмигрантами.

V.

Наступили дни революціи 1848 года, которую авторъ записокъ описываетъ подробно въ качествѣ очевидца. Польская эмиграція встрепенулась. Рѣшено было закрыть всѣ общества и соединиться въ видѣ конфедераціи воедино, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Чарторыйскій, выслушавъ это, сказалъ: «Что рѣшите, для меня свято. Охотно съ сегодняшняго дня нисхожу въ число частныхъ лицъ и закрываю общество третьяго мая». Онъ сдержалъ слово и въ тотъ же день прекратилъ изданіе печатнаго органа своего общества. За Чарторыйскимъ послѣдовали представители прочихъ кружковъ; оставалась демократія.

Но эта партія отказалась наотрѣвъ отъ всякаго единенія. Отчасти впрочемъ всѣ этого именно и ожидали.

Между тѣмъ, возвратился ѣздившій въ Италію Мицкевичъ, и сторонники соединенія всей эмиграціи отправились къ поэту, желая видѣть въ своихъ рядахъ его популярное имя. Въ числѣ депутатовъ былъ и Фелинскій. Мицкевичъ отвѣтилъ:

— Не отрицаю, что конфедерація, какъ форма правленія, можетъ сблизить и соединить народныя силы. И если бы рѣчь шла о внѣшнемъ оформленіи состоявшагося уже внутренняго единенія народа,—я бы къ такой конфедераціи присоединился охотно. Но укажите мнѣ, существуетъ ли среди васъ это единеніе? Какую идею вы начертили на знамени, подъ которое такъ смѣло совываете поль-

скихъ патриотовъ? Борьба за независимость: это не идея, это—дѣйствие, это—дѣятельность скорѣе физическая, нежели духовная. Рѣшается здѣсь численность, превосходство оружія, наконецъ личныя способности и опытность. И вы зовете меня, человѣка мысли и чувства, чтобы я шелъ подъ ваше знамя, какъ пѣшка, переставляемая на шахматной доскѣ чужой и чаще всего неумѣлой рукою? Идея, соединяющая васъ, это—идея физическаго агломерата, собраннаго изъ разнородныхъ частицъ. Онъ распадется на составныя части, благодаря одному отсутствію химической между ними связуемости, распадется при первой перемѣнѣ политическихъ отношеній, при возникновеніи первыхъ частныхъ недоразумѣній. Подъ такое знамя ни самъ я не пойду и не повлеку никого за собою, такъ какъ это лишь растрачиваніе попусту народныхъ силъ, безъ всякой для будущности края пользы. Дайте мнѣ идею великую, плодотворную, идею, которая живой струей отозвалась бы въ груди моей, идею, которой я былъ бы въ состояніи дать любовь, ради которой жертвовалъ бы съ наслажденіемъ,—укажите людей, собранныхъ подъ ея знаменемъ и настолько ею проникнутыхъ, дабы она сдѣлалась неотъемлемымъ содержимымъ ихъ духа, и во власть такой идеи я предамъ себя всецѣло и служить ей стану всѣми силами души моей. Но вы приносите мнѣ одну скорлупу, зерно же точить давно червь самолюбія; на такой плодъ никто меня не соблазнитъ.

— Правда,—отвѣтилъ Фелинскій,—что въ рядахъ нашихъ нѣтъ единодушія убѣжденій, которыя общественному организму придаютъ однородность, но эти разногласія не касаются главной цѣли нашихъ стремленій, а только средствъ къ ея достиженію. Свобода въ выборѣ путей, ведущихъ къ завѣтной цѣли, не только не нарушаетъ единенія, но сама по себѣ есть источникъ прогресса и даже оплодотворенія мысли человѣческой. Съ той минуты особенно, когда централизація отказалась соединиться съ нами, мы получили несокрушимыя основы единенія, такъ какъ всѣ стоимъ на почвѣ національной и католической, завѣщанной намъ нашей исторіей и церковью. Можетъ ли существовать болѣе великая, болѣе могучая идея, чѣмъ единеніе земной и небесной родины, работа для народа съ Богомъ и для Бога?

— Какъ?—возразилъ Мицкевичъ,—вы утверждаете не колеблясь, что всѣ проникнуты этой божественной идеей внутренняго возрожденія?—Далѣе Мицкевичъ сообщилъ, что хотя порвалъ связи съ Товянскимъ, но не бросилъ его идеи, считая ее «неисчерпаемымъ сокровищемъ, котораго хватитъ на тысячи лѣтъ на духовныя нужды человѣчества, такъ какъ дѣло идетъ о примѣненіи евангелическихъ основъ къ общественной жизни народовъ». Онъ долго и пламенно говорилъ, развивая тѣ идеи, которымъ былъ преданъ въ то время. Это, впрочемъ,—замѣчаетъ Фелинскій,—была эпоха наибольшаго, быть можетъ, нравственнаго угнетенія въ жизни Мицкевича; съ одной

стороны разрывъ съ Тoviaнскимъ, съ другой — неудачная поѣздка въ Римъ, гдѣ онъ на аудіенціи у папы не добился желаемого обсужденія отцами церкви тованизма, такъ какъ папа даже не коснулся этого вопроса, — все это произвело въ его душѣ осадокъ горечи и нѣкотораго раздвоенія. Понемногу, впрочемъ, но постепенно и медленно, онъ возстановлялъ свое внутреннее равновѣсіе. Занимался онъ въ то время формированіемъ обѣщаннаго князю Тосканскому польскаго легіона, начальство надъ которымъ передалъ полковнику Каменскому. Дѣятельно помогалъ ему въ этомъ упоминаемый раньше университетскій товарищъ Фелинскаго, а затѣмъ редакторъ «Литературнаго Колокола» въ Варшавѣ, Іосифъ Дзеконскій. Въ легіонъ поступала молодежь, сочувствующая идеѣ объединенія Италіи и жадная до военныхъ впечатлѣній, но никакимъ другимъ болѣе обширнымъ замысламъ не причастная.

Несмотря на описанныя неудачи, соединенные ряды польской эмиграціи устами генерала Дверницкаго обратились къ представителю французскаго тогдашняго правительства Ламартину, съ надеждой, что «польскій народъ, вѣрный союзникъ Франціи, имѣетъ право, во имя общихъ интересовъ, ожидать отъ нея помощи». Но надежды на эту помощь рухнули скоро. Тѣмъ не менѣе болѣе экзальтированные продолжали вооружаться, чтобы двинуть польскіе легіоны въ великое княжество Познанское и Галицію. Часть этихъ отрядовъ была задержана въ Германіи, часть не переступила даже предѣловъ Франціи, въ числѣ же достигшихъ великаго княжества Познанскаго находился Фелинскій. Здѣсь во главѣ движенія стоялъ уже Мѣрославскій. Заключенный вмѣстѣ съ прочими участниками событій 1846 года въ берлинскую тюрьму, онъ пріобрѣлъ извѣстную популярность среди нѣмецкихъ либераловъ тѣмъ, что на судѣ отказался отъ защитника и защищался лично, щегольнувъ своимъ несомнѣннымъ талантомъ краснорѣчія. Послѣ февральской революціи въ Парижѣ всѣ польскіе политическіе преступники въ Берлинѣ были освобождены, — и нѣмецкіе либералы рѣшили чествовать освобожденныхъ Мѣрославскаго и Либельта публично, устроивъ для нихъ нѣчто въ родѣ триумфальнаго шествія.

Тѣмъ не менѣе возстаніе въ великомъ княжествѣ Познанскомъ вскорѣ легко было подавлено. Фелинскій вернулся благополучно въ Парижъ, а затѣмъ въ январѣ 1851 года въ Россію. Прогостивъ нѣсколько мѣсяцевъ у матери, онъ принялъ рѣшеніе посвятить себя на остальную жизнь духовному званію и въ сентябрѣ того же года поступилъ въ Житомирскую семинарію, а по окончаніи ея въ Петербургскую духовную академію. Здѣсь онъ зарекомендовалъ себя убѣжденнымъ поклонникомъ дѣятельности митрополита Голевинскаго, въ общемъ же, по окончаніи академіи оставшись въ Петербургѣ, игралъ здѣсь роль очень незначительную и во всякомъ случаѣ о санѣ архіепископа варшавскаго не помышлялъ. Между

тѣмъ надвигавшіяся событія требовали, чтобы этотъ постъ занялъ человекъ, ничѣмъ не связанный съ революціоннымъ броженіемъ, ничѣмъ не возбуждающій подозрѣній правительства, а въ то же время, понятно, угодный Риму и могущій снискать довѣріе своей паствы и своего народа—истинно польскимъ образомъ мыслей. Почему-то, подыскивая такое лицо, маркизь Велепольскій остановилъ свой выборъ на Фелинскомъ, лично не зная его совершенно. Уже порѣшивъ это, онъ въ день аудіенціи у императора, дабы имѣть возможность сказать, что кандидата знаетъ лично, постарался точно случайно познакомиться съ Фелинскимъ. Разговоръ былъ натянутый, холодный, ничего не значащій, и маркизь даже не намекнулъ на свои намѣренія; между тѣмъ, въ тотъ же день кандидатура Фелинскаго была одобрена императоромъ, а вскорѣ представлена въ Римъ на утвержденіе. Римъ, не имѣя никакого повода недовѣрчиво относиться къ новому кандидату, поспѣшилъ дать свое согласіе, и очень скоро, а именно 14-го января 1862 года, послѣдовало торжественное посвященіе Фелинскаго въ санъ архіепископа.

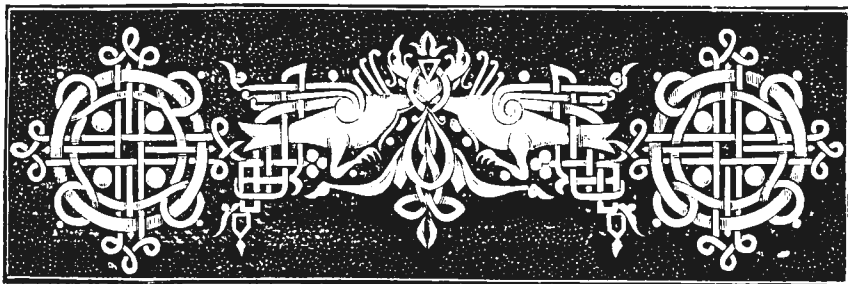
Нѣсколько дней раньше Фелинскій былъ очень любезно принятъ великой княгиней Еленой Павловной, а наканунѣ имѣлъ аудіенцію у государя.

Исторіи пребыванія Фелинскаго въ Варшавѣ мы со словъ его передавать, по многимъ причинамъ, не будемъ. Замѣтимъ лишь, что черезъ весь этотъ скорбный рассказъ яркой нитью перебивается глубокое чувство уваженія и симпатіи къ великому князю Константину Николаевичу и его супругѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Можно смѣло утверждать, что благородныя и свѣтлыя личности великаго князя и княгини сумѣли вселить это чувство навсегда всѣмъ полякамъ, безъ различія направленій ихъ кругозора и дѣятельности.

Фелинскій, ставящій идеаломъ, достойнымъ подражанія, Чарторыйскаго, который «ради единенія съ народомъ жертвовалъ собственными убѣжденіями», не могъ взять на себя роли ни судьи этого народа, ни сочувствующаго или хотя бы безстрастнаго зрителя мѣръ, карающихъ его увлеченія. Въ половинѣ 1863 года онъ былъ отозванъ въ Петербургъ, гдѣ по требованію императора представилъ письменную оправдательную записку о своей дѣятельности. Записка, какъ сознается самъ Фелинскій, была составлена въ слишкомъ «смѣлыхъ» выраженіяхъ и произвела неблагоприятное впечатлѣніе.

Архіепископъ былъ отправленъ, съ сохраненіемъ содержанія, на жительство въ Ярославль, откуда, какъ извѣстно, только спустя двадцать лѣтъ, уѣхалъ за границу.

I. Кучинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ второй. Публицистика. Съ портретомъ автора, вступительною статью В. Д. Спасовича и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1898.

ТОТЪ томъ для большинства читателей нашего времени представляетъ интересъ, значительно превышающій интересъ перваго тома «Собранія сочиненій К. Д. Кавелина». Первый томъ состоитъ изъ монографій и рецензій по русской исторіи, начало которыхъ относится къ половинѣ сороковыхъ годовъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ на полстолѣтіе отъ нашего времени. Представляя богатый матеріалъ для изученія историко-философскихъ и историко-юридическихъ воззрѣній какъ самого Кавелина, такъ и вообще людей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, эти труды Кавелина по русской исторіи имѣютъ для «большой» русской публики конца XIX вѣка лишь относительное значеніе. Задачи и приемы исторической науки очень расширились и измѣнились съ того времени, и неоспоримыя заслуги Кавелина и его современниковъ, историковъ школы родового быта и славянофиловъ, въ русской исторіографіи могутъ быть оцѣнены по достоинству лишь весьма немногими, главнымъ образомъ специалистами-историками. Ихъ дѣло выяснить эти заслуги массѣ образованныхъ русскихъ читателей, которые не имѣютъ ни досуга, ни должной подготовки для такой оцѣнки, хотя и сознаютъ всю важность исторической науки.

Инымъ характеромъ отличается только что появившійся второй томъ сочиненій К. Д. Кавелина. Онъ посвященъ животрепещущимъ, современнымъ общественнымъ вопросамъ, которые до сихъ поръ волнуютъ наше общество, до сихъ поръ являются для него насущными социальными проблемами и дилеммами; они не перестаютъ оставаться доселѣ нашими «злобами дня», каковыми были сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, при началѣ «эпохи реформъ». Раскройте второй томъ сочиненій Кавелина. Въ немъ собрано пятьдесятъ пять публицистическихъ статей, и по какимъ вопросамъ? Освобожденіе крестьянъ, положеніе дворянства послѣ этого освобожденія, общинное и личное землевладѣніе, крупная и мелкая поземельная собственность, необходимость въ дальнѣйшемъ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго быта крестьянъ, земскія учрежденія, условія деревенскаго быта послѣ освобожденія крестьянъ, бюрократія и общество, сословныя отношенія, центръ и провинція, необходимость реформы въ центральной и областной администраціи, выборное начало, студенческія волненія — вотъ о чемъ писалъ Кавелинъ въ теченіе тридцати лѣтъ, съ 1855 по 1885 годъ. Всѣ эти публицистическія статьи К. Д. Кавелина подраздѣлены на четыре отдѣла: 1) крестьянскій вопросъ, дворянство и землевладѣніе; 2) сельскій бытъ и самоуправленіе; 3) общественныя направленія и политическіе вопросы; 4) воспоминанія и разныя статьи. Первые два отдѣла, посвященные вопросамъ, которымъ Кавелинъ придавалъ первенствующее и руководящее значеніе въ общественной русской жизни, составляютъ главное содержаніе тома, равняясь почти двумъ третямъ всего его объема—860 страницъ изъ 1246.

Безбрежное море — русское крестьянство, этотъ «міръ-народъ», подавляющей своей громадной численностью всѣ наши «интеллигентные» и прочіе классы, которые просто тонутъ въ этомъ русскомъ морѣ, всего болѣе привлекалъ къ себѣ симпатіи Кавелина. Русскій «мужикъ», съ его свѣтлыми и темными сторонами, съ самыхъ раннихъ годовъ жизни Кавелина, возбудилъ въ немъ самое искреннее сочувствіе, — и мысль объ улучшеніи судьбы русскаго мужика, возникающая у него еще въ отроческомъ возрастѣ, составляетъ все содержаніе его жизни. «Крестьянскій вопросъ» былъ для Кавелина основнымъ вопросомъ русской общественности и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшимъ его личнымъ вопросомъ. Въ 1855 году, по воцареніи императора Александра II, онъ редактируетъ въ окончательной формѣ свои давнія мысли объ освобожденіи крестьянъ и, вслѣдъ затѣмъ, пишетъ еще двѣ записки по тому же важному вопросу, являясь въ этихъ трехъ трактатахъ однимъ изъ самыхъ настойчивыхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ (стр. 9—106); но Кавелинъ не удовлетворяется, конечно, формальнымъ освобожденіемъ: для него не только недостаточно «манифеста» и «положеній» 19 февраля 1861 г., но онъ недоволенъ весьма многимъ въ этихъ двухъ официальныхъ актахъ, и болѣе чѣмъ недоволенъ, прямо взволнованъ и опечаленъ той реакціонной политикой, какую предпринимаетъ русское правительство въ крестьянскомъ дѣлѣ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Онъ указываетъ дворянству на его общественную роль при новыхъ условіяхъ сельскаго быта, предостерегая отъ того фальшиваго пути, на который становится часть этого дворянства еще въ 1861 г.

(см. статьи «Дворянство и освобожденіе крестьянъ» и «Общественное значеніе дворянства», стр. 106—162); онъ борется за русскую сельскую общину съ ея противниками, талантливо указывая ея дѣйствительное значеніе и возможность ея существованія о боже съ личнымъ землевладѣніемъ (см. статьи «Взглядъ на русскую сельскую общину», «Общинное владѣніе», «Поземельная община въ древней и новой Россіи» и другія, стр. 162—392), и высказываетъ рядъ весьма любопытныхъ соображеній о необходимости улучшить бытъ крестьянъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Серія статей въ этомъ направленіи открывается большой монографіей Кавелина «Крестыанскій вопросъ», начатой имъ въ 1881 году, и заканчивается рѣчью, произнесенной 19 февраля 1885 г., за два съ небольшимъ мѣсяца до ея кончины (стр. 393—652). Деревня, ея бытъ, строй, нужды и потребности—до и послѣ освобожденія крестьянъ, вызываютъ въ Кавелинѣ цѣлый рядъ весьма живо написанныхъ статей, сгруппированныхъ во второмъ отдѣлѣ разсматриваемаго тома. Здѣсь читатель найдетъ интересныя свѣдѣнія о стеной Самарской деревнѣ наканунѣ 19 февраля 1861 г. и вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ; весьма интересенъ правдивый разсказъ Кавелина о томъ, какъ онъ составлялъ уставную грамоту съ своими самарскими крестьянами (стр. 689—718). Вслѣдъ за этой статьёй читатели найдутъ горячее привѣтствіе новымъ, только что заявленнымъ въ 1864 году, земскимъ учрежденіямъ, а вслѣдъ за нимъ грустныя мысли деревенскаго жителя о положеніи дѣлъ въ деревнѣ центральной Россіи, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ (стр. 719—862).

Не менѣе интереса представляетъ III-й отдѣлъ книги: «Общественныя направленія и политическіе вопросы». Въ этомъ отдѣлѣ собраны политическія статьи Кавелина, почти совершенно неизвѣстныя русской публикѣ, потому что изданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ за границей, и притомъ анонимно, восемнадцать, двадцать и болѣе лѣтъ тому назадъ, не давало имъ возможности имѣть широкій кругъ читателей. Таковы брошюры: «Чѣмъ намъ быть?» (1875), (стр. 863—908), «Политическіе призраки» (1877), (стр. 927—994) и «Разговоръ» (1880), (стр. 995—1020). Въ этихъ трехъ брошюрахъ Кавелинъ выясняетъ непримѣнимость къ Россіи западно-европейскихъ конституціонныхъ учрежденій и опредѣляетъ сущность и историческое значеніе русскаго самодержавія. Особенно важна послѣдняя изъ названныхъ брошюръ, въ которой передается разговоръ Кавелина съ однимъ изъ такъ называемыхъ социалистовъ-революціонеровъ. Искренняя любовь къ молодежи, сердечное страданіе отъ ея неправильныхъ увлеченій и непремѣнное желаніе прийти ей на помощь, выяснитъ ея ошибки и спасти отъ гибели—вотъ что руководитъ перомъ Кавелина въ этой брошюрѣ... Четыре статьи политическаго отдѣла: «Мысли о выборномъ началѣ», «Наши недоразумѣнія», «Бюрократія и общество» и «Кое о чемъ»—печатаются впервые по рукописямъ, найденнымъ въ бумагахъ Кавелина. Последняя изъ названныхъ статей, начатая въ 1884 году, найдена недоконченной и представляетъ большой интересъ по безпристрастію, съ которымъ Кавелинъ относится къ общественнымъ дѣятелямъ, несолидарнымъ съ нимъ по воззрѣніямъ. Въ этой статьѣ онъ, между прочимъ, отдаетъ должное общественнымъ заслугамъ Каткова, которому вообще не симпатизировалъ, ни какъ человѣку, ни какъ публицисту. Комментаріемъ къ этой статьѣ можетъ служить отры-

вокъ изъ письма Кавелина къ гр. Д. А. Милютину, отъ 20 декабря 1884 г., приводимый въ подстрочномъ примѣчаніи къ «Кое о чемъ». Этотъ отрывокъ ярко рисуетъ бодрое и честное міросозерцаніе Кавелина за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, а потому позволяю себѣ привести изъ него нѣсколько выдержекъ. Излагая программу задуманной имъ статьи «Кое о чемъ», Кавелинъ надѣется, что эта статья не пройдетъ безслѣдно. «Зимой, за разными хлопотами, плохо работается по строгой наукѣ,— пишетъ Кавелинъ. Въ свободное время набрасываю рядъ статей, въ видѣ разговоровъ пріятелей, подъ заглавіемъ «Кое о чемъ», о разныхъ современныхъ вопросахъ: о судѣ, Катковѣ, Аксаковѣ, интеллигенціи, кохановской коммисіи, историческомъ призваніи Россіи, классицизмѣ и реализмѣ»... «Если удастся выполнить, какъ слѣдуетъ и какъ рисуется въ мысляхъ,— продолжаетъ онъ,— выйдетъ пикантно и подыметъ ниль столбомъ. Кто будетъ хвалить, кто нещадно обругаетъ,—но проснутся и толковать будутъ горячо и живо. Ужъ очень всѣ погрузились въ нездоровую снѣчку, носы повѣспили и поддались кошмару и дурнымъ снамъ. Нужно растолкать и разбудить. Хорошо было бы, еслибъ удалось,—хотя бы пришлось и своими боками полатиться. Не велика была бы бѣда... Смѣйтесь, а мнѣ ужасно улыбается роль дѣвы Орлеанской. Когда все казалось погибшимъ, она твердо вѣрила, и Франція была спасена. Передъ 1612 годомъ, въ 1812 году, у насъ, казалось, все погибло; а нѣсколько твердыхъ характеровъ и горячихъ сердецъ, любившихъ родину, спасли народъ и государство... Какъ бы то ни было, но во мнѣ сложилось убѣжденіе, окрѣпшее въ совершеннѣйшую увѣренность, что всѣ наши бѣды происходятъ отъ повальной лѣни, малолѣтства и невѣжества. Приглядитесь, откуда эта привычка фантазировать и убаюкивать себя невѣжественными, скудоумными грезами, привычка обо всемъ и обо всѣхъ судить, какъ Собакевичъ, скоро и окончательно, вратъ ни съ того, ни съ сего, à la Ноздревъ? Развѣ лѣнь, дѣтство ума и невѣжество не объясняютъ безъ остатка всѣхъ предестей россійской жизни? Вотъ эти столбы наши мнѣ бы и хотѣлось потрясти въ корнѣ, и если удастся, то могу умереть спокойно. Сразу ихъ не своротишь; хотъ бы заставить мозгами тряхнуть,—и то было бы хошо!» (стр. 1132—1134).

Въ приведенномъ отрывкѣ ясно выражается направленіе всей публицистической дѣятельности Кавелина и вмѣстѣ съ тѣмъ отражаются основныя личныя его умственныя и нравственныя свойства. Но матеріалъ для изученія собственно личности Кавелина, многообразной и сложной по психической организаціи и разнообразію присущихъ ей талантовъ,—собранъ въ послѣднемъ IV-мъ отдѣлѣ второго тома его сочиненій. Изъ шеснадцати статей этого отдѣла отмѣчу, какъ наиболѣе замѣчательныя, слѣдующія: «Отрывокъ изъ дневника» 1857 г. (стр. 1157—1180) и «Записку о безпорядкахъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ 1861 г.» (стр. 1192—1206), а затѣмъ восемь некрологовъ близкихъ Кавелину лицъ (стр. 1219—1246). «Дневникъ» переноситъ насъ въ Германію. Въ немъ мы видимъ Кавелина въ Дармштатѣ и Югенгеймѣ въ памятное время первыхъ шаговъ нашего правительства по пути освобожден-

нія крестьянъ, среди интересныхъ бесѣдъ съ покойной императрицей Маріей Александровной и ея фрейлиной, А. Ѳ. Тютчевой, и о предстоящей крестьянской «эмансипаціи», какъ тогда выражались, и о воспитаніи наслѣдника російскаго престола. Кавелинъ, наканунѣ поступленія своего въ наставники къ цесаревичу Николаю Александровичу, откровенно и подробно выясняетъ императрицѣ свой образъ мыслей, весьма независимый и для того времени очень либеральный, и Марія Александровна вполне понимаетъ и оцѣниваетъ такую откровенность. Весьма любопытны замѣтки Кавелина о нравственномъ обликѣ и характерѣ императрицы. Въ «Запискѣ о безпорядкахъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ» высказывается рядъ замѣчательныхъ мыслей о характерѣ и стремленіяхъ русской учащейся молодежи и о мѣрахъ цѣлесообразной организаціи университетскаго студенчества. Мысли эти имѣютъ большое значеніе въ наши дни, когда тѣ же вопросы снова становятся на очередь, и къ мнѣніямъ по нимъ Кавелина слѣдуетъ прислушаться. Близкіе Кавелину люди, о которыхъ онъ оставилъ некрологическія воспоминанія, принадлежатъ къ самымъ противоположнымъ общественнымъ слоямъ и являются носителями самыхъ разнообразныхъ индивидуальныхъ свойствъ,—и въ каждомъ изъ нихъ Кавелинъ умѣетъ подмѣтить и оцѣнить самое существенное изъ этихъ свойствъ. Всего болѣе привлекаетъ его къ себѣ въ людяхъ нравственная выработка, твердый характеръ, личная и общественная честность, и эти качества въ людяхъ служатъ для него мѣриломъ ихъ достоинствъ. Въ некрологахъ, написанныхъ Кавелинымъ, являются и славянофилы (П. В. Кирѣевскій и Ю. Ѳ. Самаринъ) и великая княгиня Елена Павловна и либеральные администраторы (Н. А. Милютинъ, Н. Н. Тютчевъ и А. П. Заблоцкій-Десятовскій) и живописецъ Ивановъ, и скромный земскій врачъ Лукинъ. Болѣе подробныя «воспоминанія» Кавелина должны еще появиться въ слѣдующемъ III томѣ его сочиненій. Тамъ мы встрѣтимся опять съ славянофилами и съ корифеями западническаго направленія—Вѣлинскимъ и Грановскимъ.

Прекраснымъ «введеніемъ» къ публицистическимъ сочиненіямъ Кавелина служатъ воспоминанія о немъ В. Д. Спасовича, написанныя съ свойственнымъ нашему знаменитому юристу-мыслителю и публицисту талантомъ. Г. Спасовичъ, будучи человѣкомъ весьма близкимъ къ Кавелину, представляетъ много новыхъ данныхъ для изученія его воззрѣній и характера и подчеркиваетъ ту преобладающую черту, о которой я говорилъ выше—необычайную отзывчивость на все истинно человѣческое, въ комъ бы оно ни выражалось. Весьма интересны приводимыя В. Д. Спасовичемъ воззрѣнія Кавелина на «польскій вопросъ» въ духѣ примиренія русскихъ съ поляками.

Къ настоящему тому приложенъ прекрасный портретъ К. Д. Кавелина, художественно исполненный въ Петербургѣ въ фототипіи Классена; эта фототипія есть увеличенная раза въ четыре копія съ фотографіи, снятой съ Кавелина С. Л. Левицкимъ, въ 1862 г., въ Парижѣ. Копія столь же живо передаетъ наружность Кавелина, какъ и портретъ Левицкаго, что могутъ засвидѣтельствовать всѣ лично знавшіе въ ту пору Константина Дмитриевича. Facsimile подъ портретомъ заимствовано изъ письма Кавелина 1879 года къ его сестрѣ, С. Д. Корсаковой,—и весьма точно выражаетъ основной жизнен-

ный принцип Кавелина: «Я не понимаю интереса личной жизни иначе, какъ въ общеніи съ другими, и на пользу, радость, утѣшеніе и счастье другимъ», вотъ этотъ принципъ. Д. Корсаковъ.

Догма римскаго права. Лекціи В. В. Ефимова. Спб. 1898.—Система римскаго права профессора Варона, перевелъ Л. Петражицкій. 2-е изданіе, исправленное по 9-му нѣмецкому изданію. Выпускъ 1-й. Общая часть. Москва. 1898.—Л. Н. Загурскій. Элементарный учебникъ римскаго права. Общая часть: выпускъ 1-й, 3-е изданіе. Харьковъ. 1897; выпуски 2-й и 3-й, 2-е изданіе. Харьковъ. 1898. Особенная часть, семейное право, выпускъ 1-й и 2-й, 2-е изданіе. Харьковъ. 1898.

Нынѣшній годъ оказался очень благопріятнымъ для литературы римскаго права, такъ какъ ознаменовался выходомъ новыхъ изданій только что перечисленныхъ курсовъ. Всѣ три книги, какъ переводная, такъ и оригинальныя, рассчитаны на потребности студенчества, но удовлетворяютъ ихъ не въ равной степени и не одинаково. Характеру учебника наиболѣе соответствуетъ «Догма римскаго права» Ефимова, элементарностью и наглядностью изложенія всего лучше приспособленная къ степеніи развитія и умственнымъ запросамъ нашихъ студентовъ. Одинаково избѣгая излишней казуистики и тонкостей теоретическихъ разногласій, авторъ все же даетъ полный и въ общемъ достаточный для учебныхъ цѣлей, а главное — равномерный во всѣхъ отдѣлахъ, обзоръ классическаго римскаго права и состоянія научной литературы послѣднихъ десятилѣтій. Въ сжатомъ учебникѣ, разумѣется, трудно обнаружить особенную научную оригинальность, не посягая именно на его учебную пригодность; однако и въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ Ефимовъ находитъ мѣсто для нѣсколькихъ своеобразныхъ воззрѣній, особенно въ такъ называемой «общей части». Такъ, онъ принимаетъ данное Дорномъ историческое разъясненіе прецедентства о силѣ обычая въ отношеніи закона, разграничиваетъ лицо физическое отъ юридическаго понятіями природной и производной правоспособности, въ своеобразной системѣ излагаетъ теорію сдѣлки, даетъ нѣсколько оригинальныхъ замѣчаній по вопросу объ основаніи защиты владѣнія, объ accessio и особенно о «трудоутомъ началѣ», какъ способѣ пріобрѣтенія собственности, и др.

«Система» Барона, будучи также лишь учебникомъ, носитъ, однако же, совершенно другой характеръ. Постановка вопросовъ въ ней имѣетъ преимущественно научный, а не учебный характеръ; между тѣмъ нагѣренная краткость изложенія при аподиктическомъ тонѣ и отсутствіи какъ наступательной, такъ и оборонительной полемики обусловлена, главнымъ образомъ, учебными соображеніями, что въ цѣломъ неблагоприятно отражается на книгѣ, особенно въ виду довольно рѣзкой односторонности автора. Многое — даже очень многое — въ ней слишкомъ кратко, чтобы имѣть научную цѣну, а между тѣмъ въ учебномъ отношеніи представляется вовсе излишнимъ. Ссылки на источники нерѣдко требуютъ поясненій, которыхъ Баронъ не даетъ, а указанія на лите-

ратуру пзобилують умышленными пробѣлами («замалчиваньями»), часто совершенно не основательными, тѣмъ болѣе, что самъ Баронъ вовсе не настолько авторитетенъ, чтобы можно было признать за нимъ полномочіе лишать другихъ права голоса въ области науки. За этими оговорками, его «Система» — солидный учебникъ прочной нѣмецкой работы, дающій очень много казуистическаго матеріала при вдумчивомъ, хотя и одностороннемъ, теоретическомъ освѣщеніи и главнымъ образомъ пригодный, какъ первое пособіе при самостоятельныхъ занятіяхъ надъ источниками. Изложеніе очень педантично, сухо и отвлеченно, а потому сравнительно трудно доступно для начинающихъ. Переводъ сдѣланъ Петражицкимъ еще на студенческой скамьѣ, и слѣды этого, къ сожалѣнію, замѣтны и въ настоящемъ второмъ изданіи книги, несмотря даже на то, что она была подвергнута, по словамъ предисловія, тщательному пересмотру. Отвѣчая болѣе строгимъ научнымъ требованіямъ, чѣмъ курсъ Вѣримова, «Система» Барона несравненно менѣе пригодна, какъ учебникъ.

Наименѣе отвѣчаетъ своему заглавію курсъ Загурскаго, совсѣмъ не похожій на элементарный учебникъ. Написанный съ тѣми же приѣмами, какъ и «Система» Барона, онъ, однако, еще гораздо обширнѣе по объему, такъ что несомнѣнно долженъ совершенно подавлять учащагося излишнимъ избыткомъ фактическихъ подробностей при чрезвычайной блѣдности теоретическаго освѣщенія. Литературныя указанія въ немъ очень скудны и нерѣдко носятъ случайный характеръ, какъ въ смыслѣ пробѣловъ, такъ и въ отношеніи подробностей. Съ другой стороны, не взирая на пространность текста, этотъ курсъ почти ничего не даетъ читателю, кромѣ подбора голыхъ фактовъ. Слѣдуетъ прибавить, что краткія («не глоссированныя») ссылки на источники мѣстами даются въ избыткѣ, близкомъ къ исчерпывающей полнотѣ, мѣстами же вовсе отсутствуютъ, такъ что учащійся часто не имѣетъ возможности, въ случаѣ надобности, провѣрить курсъ по подлиннымъ текстамъ. Нельзя, наконецъ, умолчать о незаконченности расплывчатаго изложенія, которое отнюдь не помогаетъ читателю разобраться во множествѣ сообщаемыхъ фактовъ. Быть можетъ, все это стоитъ въ нѣкоторой связи съ исходною точкою зрѣнія Загурскаго, будто «научное значеніе римскаго права, какъ теоріи гражданскаго права, не должно закрывать воспитательнаго его значенія»; но въ такомъ случаѣ приходится еще болѣе пожалѣть, что авторъ такъ вѣренъ своимъ принципамъ, ибо воспитательное значеніе римскаго права никакъ не можетъ состоять въ казуистическомъ матеріалѣ, но именно лежитъ въ законченности, точности и изяществѣ его началъ и конструкцій.

В. Никольскій.

И. Н. Вожеяновъ. Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ, его жизнь, литературные труды и двадцатилѣтняя дѣятельность управленія министерствомъ финансовъ. Изданіе графа И. В. Канкринъ. Спб. 1897.

Настоящее роскошное изданіе, скромно отнесенное г. Вожеяновымъ къ числу историко-біографическихъ изслѣдованій и заключающее въ себѣ лишь «матеріалы» для будущей біографіи знаменитаго русскаго министра финан-

совъ, является цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу и по содержанию въ немъ фактическому матеріалу и по богатству украшающихъ его иллюстрацій. И. Н. Божеряновъ, историкъ добросовѣстный, трудолюбивый и осторожный, помѣстилъ въ свой трудъ лишь свѣдѣнія вполне достовѣрныя, подкрѣпленныя многочисленными печатными источниками и ссылками на архивный матеріалъ. Онъ не дѣлаетъ попытки нарисовать образъ выдающагося русскаго финансиста во весь ростъ въ опредѣленномъ выгодномъ для оригинала портрета освѣщеніи и въ обстановкѣ, дѣлающей живописуемый образъ выпуклымъ и рельефнымъ; онъ ограничилъ свою задачу болѣе узкими рамками и лишь старательно, подчасъ кропотливо, собралъ разнообразныя странички изъ жизни Канкринна, большія и малыя, положительныя и отрицательныя черты его характера, отзывы о немъ современниковъ, не исключая и недоброжелательныхъ показаній, а также сужденія о немъ его биографовъ и изслѣдователей его дѣятельности, какъ министра финансовъ. Весь трудъ г. Божерянова написанъ сжато, нѣсколько даже конспективно, съ очень осторожными выводами и заключеніями; часто, точно не рѣшаясь сказать о томъ или другомъ моментѣ жизни министра своего опредѣленнаго слова, биографъ ограничивается лишь тѣмъ, что приводитъ по настоящему предмету мнѣніе какого нибудь авторитетнаго лица или спеціалиста финансоваго права и считаетъ этимъ какъ бы вопросъ исчерпаннымъ. Это, главнымъ образомъ, относится къ тѣмъ случаямъ, когда въ биографіи идетъ рѣчь объ оцѣнкѣ разныхъ финансовыхъ мѣропріятій Канкринна, о расиоряженіяхъ его по управленію вѣдомствомъ и борьбѣ министра съ противниками въ государственномъ совѣтѣ. Здѣсь, повидимому, г. Божеряновъ считаетъ себя мало компетентнымъ и предпочитаетъ въ подтвержденіе правильности дѣйствій и предположеній сановника опереться на чье нибудь чужое мнѣніе. Весь трудъ, не считая предисловія, дѣлится на пять главъ, изъ коихъ 1-я обнимаетъ службу въ Россіи Франца-Людвига Канкринна и заслуги его сына, Егора Францевича, во время войны 1812—1815 годовъ, 2-я захватываетъ дальнѣйшую службу Е. Канкринна въ царствованіе императора Александра I, 3-я относится къ дѣятельности Канкринна въ должности министра финансовъ, по вступленіи на престолъ императора Николая I; 4-я посвящена денежной реформѣ, произведенной графомъ Канкриннымъ, введенію акциза и бандероли на табакъ и другимъ финансовымъ мѣропріятіямъ съ 1829 года по 1839 годъ я, наконецъ, 5-я — поѣздкѣ графа за границу и послѣднимъ годамъ его жизни. Помимо многочисленныхъ иллюстрацій въ текстѣ, книга г. Божерянова снабжена пятью превосходно выполненными рисунками и портретами, отпечатанными на отдѣльныхъ листахъ. Все изданіе выпущено въ продажу съ рѣдкою роскошью и предпринято въ ознаменованіе столѣтней годовщины переселенія въ Россію знаменитаго министра финансовъ. Б. Гл.

Сочиненія Н. Э. Гейнце. Четыре тома съ портретомъ автора и предисловіемъ. Изданіе В. В. Комарова. Спб. 1898.

Вышедшіе четыре тома сочиненій г. Гейнце составляютъ первую серію полнаго ихъ собранія, окончаніе котораго послѣдуетъ въ будущемъ 1899 году.

Въ эту первую серію вошли историческіе романы: «Аракчеевъ», «Князь Тавриды», «Коронованный рыцарь», «Генералиссимусъ Суворовъ», «Малюта Скуратовъ» и «Людовикъ»; романъ изъ сибирской жизни «Тайна высокаго дома»; современный романъ конца вѣка «Въ тинѣ адвокатуры» и большая повѣсть «Власть женщины».

Всѣ перечисленные романы г. Гейнце первоначально появились въ фельетонахъ газеты «Свѣтъ», въ которой авторъ сталъ постоянно сотрудничать десять лѣтъ тому назадъ, а послѣдніе три года подписываетъ эту газету вмѣстѣ съ В. В. Комаровымъ, какъ редакторомъ. «Свѣтъ», какъ извѣстно, расходуется во многихъ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ по всѣмъ крупнымъ центрамъ и самымъ отдаленнымъ захолустьямъ нашего обширнаго отечества, а потому, само собою разумѣется, произведенія автора имѣли огромный кругъ читателей. При такомъ положеніи дѣла казалось бы, что романы г. Гейнце не должны были имѣть сбыта въ отдѣльномъ ихъ изданіи; на самомъ же дѣлѣ это не такъ: каждый изъ поименованныхъ нами романовъ, послѣ своего появленія въ «Свѣтѣ», выдерживалъ два и три отдѣльныхъ изданія въ самое короткое время. Это и побудило В. В. Комарова выпустить въ свѣтъ полное собраніе сочиненій своего ближайшаго сотрудника и соредатора «Свѣта».

Г. Гейнце весьма занимательный рассказчикъ; онъ умѣетъ заинтересовать читателя искусно придуманной фабулой, хитросплетенной интригой, неожиданной развязкой и положеніями то драматическими, то комическими, въ изобиліи пестряющими во всѣхъ его произведеніяхъ.

Въ своихъ романахъ онъ обнаруживаетъ большое знаніе жизни и является умѣлымъ и тонкимъ наблюдателемъ. Такъ въ своемъ романѣ «Въ тинѣ адвокатуры» авторъ даетъ намъ большую, довольно разнообразную картину московской жизни 70-хъ годовъ. Представители всѣхъ слоевъ московскаго общества того времени, начиная съ большого барина, купца, адвоката, актера, редактора мелкой прессы и оканчивая саврасомъ, кокоткой и различными проходимцами, большими и малыми, — всѣ выведенныя авторомъ лица въ этомъ романѣ проходятъ предъ читателемъ словно живыя, и авторъ такимъ образомъ знакомитъ читателя съ жизнью Москвы 70-хъ годовъ почти протокольно, если такъ можно выразиться. Такъ и чувствуется, что герои этого романа не сочинены, не выдуманы, а взяты изъ дѣйствительной жизни, списаны съ натуры, а, пожалуй, сфотографированы. Не даромъ романъ этотъ выдержалъ въ самое короткое время три изданія, послѣ появленія въ «Свѣтѣ»: онъ дѣйствительно занимателенъ.

Что же касается плодовитости Н. Э. Гейнце, то она положительно изумительна. Онъ началъ писать романы относительно недавно: лѣтъ 8—9 тому назадъ и за это время выпустилъ въ свѣтъ около 600 печатныхъ листовъ, изъ коихъ 200 составляютъ первую серію полного собранія его сочиненій.

С. Л.—инъ.

Джонъ Буль конца вѣка. М. Л. Златковскій. Спб. 1898.

Авторъ означенной книги называетъ ее «политической трагикомедіей», предупреждая, что его пьеса не для театра. «Я,—говоритъ онъ,—избралъ драматическую форму единственно для того, чтобы устами самихъ англичанъ высказать ихъ политическое profession de foi; во-вторыхъ, отдавая полную дань английской культурѣ, энергій, патриотизму и семейнымъ добродѣтелямъ англичанъ, я въ то же время никакъ не могу примириться съ ихъ международною политикою, основанною на эгоизмѣ, макіавелизмѣ и безчеловѣчности ко всѣмъ прочимъ народамъ земного шара». Несмотря на это предупрежденіе, пьеса г. Златковскаго выставляетъ англичанъ не только эгоистами въ политической жизни, но такими же чудовищами и въ личной жизни. Его «Джонъ Буль», потерѣвшій неудачу на агитаторскомъ поприщѣ въ Турціи, чтобы спасти себя отъ каземата, легко уступаетъ полицейскому комиссару свою жену и т. п. Политическіе взгляды Джона Буля до такой степени лубочны, что ими никакъ нельзя характеризовать международную политику «коварнаго Альбіона». «Что такое нравственность? Что такое мораль?—воскликаетъ онъ.—Понятія весьма условныя: раздавить насѣкомое, которое васъ кусаетъ, или убить змѣю, которая преграждаетъ вамъ дорогу—не безнравственно? Такъ ли? Почему же раздавить аборигена, который мѣшаетъ вамъ шествовать по цивилизаторскому пути, безнравственно? Не понимаю!» Эти взгляды свойственны гораздо болѣе казаку Ашинову гдѣ нибудь въ Африкѣ; но едва ли они господствуютъ въ международной политикѣ европейскихъ народовъ по отношенію къ корейцамъ, японцамъ, китайцамъ и, въ частности, къ Россіи со стороны англичанъ. Между тѣмъ, вся книга г. Златковскаго объ англичанахъ наполнена самыми темными красками, точно всѣ народы въ колониальной политикѣ и на дипломатическомъ поприщѣ гораздо менѣе хитры и жестоки, чѣмъ современные англичане. «Джонъ Буль» г. Златковскаго напоминаетъ болѣе каторжника, чѣмъ главу лондонскаго «комитета спасенія», и вся книга о немъ лишена не только сценическихъ достоинствъ, но и просто художественныхъ. Это какой-то сборникъ въ лицахъ отрицательныхъ и вульгарныхъ сужденій о нашемъ врагѣ на дальнемъ востокѣ, являющійся подъ перомъ г. Златковскаго болѣе отвратительнымъ, чѣмъ турецкій Абдуль-паша.

А. Ф.—въ.

Дж. Эшли. Экономическая исторія Англій въ связи съ экономической теоріей. Переводъ подъ редакціей Д. М. Петрушевскаго. Москва. 1897.

Труду этому, посвященному памяти Арнольда Тойнби, служить прекраснымъ дополненіемъ небольшая книжка Гиббинса «Промышленная исторія Англій», извѣстная и русскимъ читателямъ. Экономическая исторія Англій представляетъ глубокий интересъ въ томъ отношеніи, что здѣсь мы наблюдаемъ любопытнѣйшій процессъ полного превращенія страны изъ земледѣльческой въ фабричную, капиталистическую, начиная съ половины XVIII вѣка. Въ книгѣ Эшли предъ нами развертывается картина Англій въ ея «земле-

дѣльческомъ» состояніи, то-есть исторія Англіи доведена до аграрной революціи XVI вѣка. Разсматривая эволюцію экономической науки, Эшли руководится тѣми принципами, что политическая экономія, появленіе которой лишь является результатомъ отдѣленія экономическаго мышленія отъ философскаго и политическаго, не представляетъ собою абсолютно истинныхъ доктринъ. Эти экономическія теоріи истинны только въ связи съ создавшими ихъ фактами прошлаго, и разсматривать ихъ нужно въ связи съ современными имъ условіями. Въ своихъ взглядахъ, очевидно, Эшли примыкаетъ къ «исторической школѣ», стремящейся уяснить законы соціальнаго развитія. Все сочиненіе Эшли, основанное на глубокомъ изученіи источниковъ, изобилующее множествомъ цѣнныхъ библиографическихъ ссылокъ, распадается на двѣ части. Въ первой—разсматривается соціальное развитіе Англіи въ XI—XIV вѣкахъ: помѣстье и сельская община, купеческія и ремесленныя гильдіи въ связи съ ученіемъ церкви и государства. Здѣсь особенно цѣнна 3-я глава, гдѣ авторъ разсматриваетъ экономическія теоріи и законодательства того времени. Церковь, какъ извѣстно, весьма опредѣленно высказалась относительно мірскихъ благъ, предостерегая людей отъ погони за богатствомъ и осуждая торговлю. Но въ XI вѣкѣ экономическіе вопросы получили громадное значеніе, возникла новая юриспруденція, основанная на римскомъ правѣ, и церкви пришлось вступить въ опасную схватку съ экономическими вопросами. Чтобы выяснитъ ту аргументацію, которою пользовались средневѣковые схоластики, Эшли останавливается на экономическихъ взглядахъ Тома Аквинскаго, который признавалъ для данной страны въ данное время одну справедливую цѣну для каждаго предмета. Ученіе о ростовщичествѣ тоже встрѣчало отпоръ во взглядахъ средневѣковыхъ схоластиковъ, называвшихъ ростовщичествомъ всякое взиманіе роста. Замѣчательно, какъ видоизмѣнился этотъ взглядъ въ XVI в., когда ростовщичествомъ считали лишь взиманіе роста сверхъ опредѣленнаго размѣра. Разсматривая экономическія условія въ періодъ XI—XIV вѣковъ, когда было мало простора для помѣщенія капитала, Эшли приходитъ къ тому выводу, что запрещеніе роста въ эпоху XI—XIV вѣковъ явилось лишь полнымъ отраженіемъ экономическаго быта Европы. 2-я часть книги Эшли охватываетъ муниципальную жизнь Англіи, которая въ XVI вѣкѣ пришла въ упадокъ, и знакомитъ читателя съ развитіемъ ремесленной организациі послѣ XIV вѣка. Превосходною иллюстраціей развитія промышленности въ Англіи служитъ исторія англійской шерстяной и суконной промышленности. Шерстяная промышленность для экономиста очень важна, поэтому Эшли удѣляетъ цѣлую главу этому вопросу, который объясняетъ происхожденіе богатства Англіи. Съ большимъ интересомъ читается глава объ исторіи промышленности въ первой половинѣ XV вѣка, гдѣ автору приходилось оперировать надъ многими данными. При Тюдорахъ картина англійской деревни совершенно другая. Причиной такой перемѣны — аграрная революція, заключавшаяся въ замѣнѣ земледѣлія скотоводствомъ. Эшли видитъ въ этомъ явленіи лишь частную фазу всего западно-европейскаго движенія. Чтобы понять его, онъ разбираетъ по частямъ англійскій мэноръ, то-есть помѣстье, и выясняетъ природу и характеръ перемѣнъ, происшедшихъ въ немъ послѣ 1450 года. Здѣсь осо-

бенно ярко замѣтна объективность и строгость научныхъ выводовъ. У него совѣтъмъ новый взглядъ на возстаніе крестьянъ въ 1381 году, которое Эшли объясняетъ, главнымъ образомъ, штрафами, налагавшимися лордами. Въ связи съ социальными неурядицами XIV вѣка находится исторія помощи нищимъ въ средніе вѣка, которая выразилась въ законѣ Елисаветы о бѣдныхъ. И здѣсь Эшли занимаетъ самостоятельное мѣсто среди группъ ученыхъ, разсматривавшихъ необходимость помощи бѣднымъ. Сдѣлавъ обзоръ различныхъ способовъ, къ которымъ прибѣгали для облегченія нищеты, Эшли приходитъ къ тому выводу, что не реформація создала нищихъ, какъ это думаютъ. Довольно близкую аналогію съ средневѣковыми условіями Западной Европы представляетъ внѣшняя Турція, гдѣ, несмотря на широкую благотворительность, существуетъ множество профессиональныхъ нищихъ. Государство не пыталось помочь нищетѣ: это взяла на себя церковь. Въ послѣдней главѣ своего труда Эшли разсматриваетъ экономическія ученія канонистовъ. Доктрина каноническаго права, основываясь на богословіи, устанавливала извѣстный кодексъ правилъ и сыграла очень важную роль въ исторіи человѣческой мысли. Однако, къ ней относятся даже съ презрѣніемъ. Ж. В. Сэй называетъ такую работу бесполезной. Центральнымъ пунктомъ доктрины канонистовъ является запрещеніе ростовщичества, поэтому Эшли подробно развиваетъ исторію отношенія канонистовъ къ разнымъ видамъ договоровъ, дающихъ возможность помѣщать капиталъ. Предубѣжденіе противъ ростовщичества отразилось и въ литературѣ XV вѣка, которою авторъ заканчиваетъ свой трудъ. Переведена книга Эшли превосходно.

К.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ VI. Исслѣдованіе И. И. Дубасова. Тамбовъ. 1897.

Внимательное изученіе мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ доставило возможность г. Дубасову, одному изъ неутомимѣйшихъ провинціальныхъ изслѣдователей, издать шестой выпускъ своихъ очерковъ по исторіи Тамбовскаго края. Этотъ выпускъ, какъ и прежніе, является цѣннымъ трудомъ въ нашей областной исторической литературѣ. Главное свое вниманіе авторъ сосредоточилъ на изученіи бытовой русской исторіи. Онъ придаетъ серьезна-научное значеніе именно этой исторіи. Въ этомъ съ нимъ нельзя, конечно, не согласиться. Свои очерки онъ сопровождаетъ большими выписками изъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ тамбовскихъ архивовъ. Въ методахъ своей работы г. Дубасовъ тѣмъ и отличается отъ другихъ провинціальныхъ изслѣдователей, что онъ не ограничивается сообщеніемъ сырого матеріала, а пытается дѣлать кое-какія обобщенія.

Шестой выпускъ «Очерковъ изъ исторіи Тамбовскаго края» посвященъ исторіи тамбовско-русскаго украинскаго быта. Написанныя живо и интересно, помѣщенные въ этомъ выпускѣ работы г. Дубасова даютъ любопытныя и умѣло подобранныя иллюстраціи къ нѣкоторымъ положеніямъ общей русской исторіи. Съ наибольшимъ интересомъ читаются третій и четвертый очерки «Изъ исторіи инородческаго и русскаго землевладѣнія въ Тамбовскомъ краѣ» и «Первые опыты училищнаго дѣла въ Тамбовскомъ краѣ».

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить въ очеркахъ г. Дубасовъ одинъ недостатокъ, сближающій его съ остальными провинціальными изслѣдователями. Это — бросающаяся въ глаза отсталость отъ современныхъ строго-научныхъ взглядовъ не только въ области теоретическихъ вопросовъ, но и въ сферѣ историческихъ фактовъ. Г. Дубасовъ постоянно толкуетъ о патріотизмѣ, о горячей любви къ родинѣ, о патріотическихъ задачахъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Какое дѣло объективному изслѣдователю до разныхъ патріотическихъ задачъ? Онѣ бывають не совмѣстимы съ серьезною научною дѣятельностью. Изъ частныхъ ошибокъ можно было бы указать на несвоевременное пониманіе реформъ Петра (стр. 63), на преувеличенное значеніе монастырей (стр. 28), на излишнюю довѣрчивость къ нѣкоторымъ сообщеніямъ (стр. 45). П. Щеголевъ.

Минусинскіе и ачинскіе инородцы (матеріалы для изученія). Статьи А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. Изданіе Енисейскаго губернскаго статистическаго комитета. Красноярскъ. 1898.

Мы, какъ извѣстно, не можемъ похвалиться обиліемъ мѣстныхъ изслѣдованій ни въ географическомъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Наши окраины до сихъ поръ представляютъ непочатый уголь для мѣстнаго работника-изслѣдователя; но мы сильно обижены, какъ и работниками, такъ и необходимыми для работы средствами. Кой-гдѣ земства удѣляютъ изъ своего скромнаго бюджета три, четыре сотни «на печать», находится безвозмездный труженикъ, и тогда передъ нами появляется весьма не безынтересная книга, рассказывающая съ какой либо стороны о небольшомъ кусочкѣ нашего обширнаго отечества. Поэтому едва ли еще найдется другой народъ, подобный намъ, такъ мало знающій и какъ бы не интересующійся своею родиною. Между тѣмъ, у насъ слишкомъ богата и интересна почва для непосредственныхъ наблюденій и необыкновенно обильны новыми матеріалами мѣстныя «бумагохранилища» (архивы). Въ виду этого уже одно появленіе труда, основаннаго на разработкѣ данныхъ мѣстнаго архива и на личныхъ наблюденіяхъ изслѣдователя, принятаго къ тому же имъ съ затратою не только времени и силъ, но и собственныхъ средствъ, должно вызывать и вниманіе и одобреніе. Если же въ такомъ трудѣ отыскиваются новыя и интересныя данныя, то это одобреніе должно обратиться въ глубокую признательность читателя къ автору.

Прочитавъ статьи г-жи Кузнецовой и г. Кулакова, матеріаломъ для которыхъ послужили дѣла архивовъ четырехъ инородныхъ управъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ и личныя наблюденія надъ минусинскими и ачинскими татарами, мы нашли въ нихъ весьма много цѣнныхъ доселѣ неизвѣстныхъ свѣдѣній объ этихъ инородцахъ и считаемъ необходимымъ подѣлиться ими съ читателями и вмѣстѣ сказать «спасибо» этимъ безвозмезднымъ мѣстнымъ работникамъ.

«Въ жизни минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ въ послѣднее время», — говоритъ въ предисловіи г. Кулаковъ, — «совершаются рѣзкія измѣненія: старинный, національный бытъ и хозяйство рушатся и уступаютъ мѣсто новымъ формамъ, которыя влечетъ за собою быстрый процессъ обрусѣнія инородцевъ.

Главная цѣль предиринятаго труда и есть собраніе матеріала для изученія характера причинъ и значенія этой эволюціи».

Въ своей наиболѣе интересной статьѣ: «Къ новѣйшей исторіи минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ», г. Кулаковъ, прежде всего, останавливается на факторахъ, содѣйствовавшихъ обрусѣнію инородцевъ, въ числѣ которыхъ главнымъ считаетъ уставъ объ инородцахъ 1822 года, облегчавшій инородцамъ постепенный переходъ къ высшимъ формамъ, и «наставленіе» 1824 года татарамъ енисейскаго губернатора Степанова, объясняющее обязанности, налагаемыя 119 ст. устава (гл. I); затѣмъ говоритъ о «движеніи населенія и измѣненіи расселенія инородцевъ подъ влияніемъ борьбы инородческой и русской культуры» (гл. II). Здѣсь онъ утверждаетъ, что, хотя и были случаи еще въ началѣ XIX вѣка вымиранія нѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ, но въ общемъ минусинскіе и ачинскіе татары не только не принадлежатъ къ вымирающимъ инородцамъ, но среди нихъ замѣчается даже прирость, подъ влияніемъ улучшенія земледѣльческаго хозяйства. Въ 1840 году во всѣхъ четырехъ уривахъ (Абаканской, Аскизской, Кизыльской и Мелецкой) насчитывалось мужчинъ и женщинъ — 23.215, а въ 1896 году — 33.855. Главною причиною измѣненія расселенія инородцевъ внутри уривъ и округовъ г. Кулаковъ считаетъ тѣ стѣсненія, какія татары терпѣли отъ русскихъ и обрусѣвшихъ своихъ же соплеменниковъ изъ-за земли, покосовъ, лѣса, рыболовныхъ и другихъ угодій, стѣсненія, поведшія къ продолжительной внутренней борьбѣ. Эта борьба прекратилась, только благодаря размежеванію земель (около 1896 г.), которое съ одной стороны санкціонировало фактическое землепользованіе и, съ другой—еще болѣе сдвигало границы татарскихъ земель. Другою тоже немаловажною причиною этого измѣненія расселенія онъ считаетъ кочеваніе инородцевъ, преимуществу, болѣе слабыхъ и бѣдныхъ, уходившихъ отъ земледѣльческой культуры въ глубь земель татарскихъ, которая въ свою очередь постепенно проникала въ эту глубь. Такъ какъ подобное кочеваніе сплошь и рядомъ вело къ вымиранію, то за послѣднія десятилѣтія замѣчено было постепенно возрастающее превращеніе старыхъ улусовъ въ новые, подобные русскимъ селамъ, и даже перерожденіе улусовъ въ деревни.

Неизбѣжно надвигавшаяся на татаръ русская культура заставляла ихъ прибѣгать къ крайнему средству обрусѣнія—перечисленію ихъ инородческаго въ крестьянское состояніе, которое обыкновенно совѣтовалось администраціей и наиболѣе замѣтно было въ 1840-хъ годахъ. Но «въ общемъ»,—говоритъ г. Кулаковъ,—«татары дорожатъ прежнимъ своимъ ясачнымъ, кочевымъ состояніемъ и связанными съ нимъ льготами и преимуществами. Они больше всего боятся, что ихъ переведутъ въ крестьянское состояніе, увеличатъ подати и повинности, нарѣжутъ опредѣленные надѣлы и станутъ брать на военную службу. Въ виду этого, они часто въ своихъ приговорахъ, въ бумагахъ, отправляемыхъ къ начальству, и при опросахъ, стараются обращать особенное вниманіе на то, что они еще сохранили всѣ обычаи и привычки первобытной, кочевой жизни, къ земледѣлію не привыкли, и что для нихъ было бы пагубно, если бъ ихъ въ правахъ и обязанностяхъ сравняли съ крестьянами» (стр. 38). Съ теченіемъ же времени, когда энергія инородцевъ въ отстаиваніи своей само

бытности стала слабѣть, были и случаи добровольнаго перехода въ крестьянство, нерѣдко сопряженнаго съ нѣкоторыми выгодами.

Въ главѣ III «Измѣненіе религіи и культурно-бытовыхъ формъ» находятся любопытныя свѣдѣнія о распространеніи христіанства среди инородцевъ. По официальнымъ даннымъ, всѣ татары, за исключеніемъ 124 человекъ-шаманъ въ Абаканской управѣ, христіане, обратившіеся къ крещенію «убѣжденные»; между тѣмъ какъ на крещеніе ихъ «силою сгоняли толпами», приманивали сложениемъ ясака на три года и разными подарками. Вслѣдствіе этого до самаго послѣдняго времени среди татаръ сохранилось шаманство; въ архивахъ управъ накопилось множество дѣлъ, жалобъ и т. п. по уклоненію новокрещенныхъ отъ исполненія христіанскихъ обязанностей, и многія прежнія бытовые черты остались вовсе безъ измѣненія. Администрація предпринимала свои полицейскія мѣры къ улучшенію быта инородцевъ, но разныя и корыстные проводники этихъ мѣръ только еще болѣе запугивали татаръ. Главное же средство борьбы со всѣми некультурными привычками, обычаями и вѣрованіями — русская грамота и образованіе — оставалось, за весьма малыми исключениями, безъ употребленія до самаго послѣдняго времени.

Обращаясь, наконецъ, въ IV главѣ къ «Измѣненію хозяйственно-экономическихъ формъ», г. Кулаковъ справедливо не придаетъ большаго значенія архивнымъ цифрамъ, заимствованнымъ изъ донесеній исправниковъ и другихъ полицейскихъ чиновъ, и ограничивается общими соображеніями, обоснованными также и мѣстными наблюденіями и разказами туземцевъ. Подъ вліяніемъ русскихъ земледѣльцевъ распространялось и улучшалось только земледѣліе среди татаръ, хотя болѣе замѣтные успѣхи этого распространенія и улучшенія наблюдаются только съ 1870-хъ годовъ. Мѣры же административныя до 1860-хъ годовъ были весьма малорезультатны, а по отношенію, наиримѣръ, къ посѣву картофеля и даже курьезны. Съ распространеніемъ земледѣлія падало скотоводство, но этому паденію способствовали, конечно, болѣе безкормица и надежи скота, которые даже вызвали мѣры со стороны администраціи къ поднятію его, но мѣры во многихъ случаяхъ безуспѣшныя. Постепенно также падало звѣроловство, исчезали натуральныя повинности, замѣняемая денежной уплатой, прекращалось прежнее кочеваніе изъ зимниковъ въ лѣтники и развивались отхожіе промыслы. Но изъ всѣхъ указанныхъ измѣненій наиболѣе виднымъ является развитіе земледѣлія, послужившее къ измѣненію и другихъ хозяйственно-экономическихъ формъ.

Вторую часть разсматриваемой книги составляетъ статья г-жи Кузнецовой «Жилища, одежда и пища минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ». Изъ нея мы узнаемъ, что вообще происшедшія измѣненія въ жилищахъ, одеждѣ и пищѣ инородцевъ находились въ зависимости отъ географическихъ условій, степени близости русскаго вліянія, и въ частности сказались болѣе всего на жилищахъ и пищѣ; одежда же и въ особенности женская сохранила свои національныя особенности, но не во всѣхъ управахъ въ одинаковой степени. Для иллюстраціи здѣсь помѣщены въ текстѣ рисунки, чертежи и планы, еще болѣе способствующіе интересу статьи.

Въ концѣ книги, вслѣдъ за «Цѣнами — выборками» изъ уставовъ, соста-

вляющими приложение къ статьямъ г-жи Кузнецовой, находится вторая небольшая статья г. Кулакова, подъ заглавіемъ: «Постоянное имущество, производство и потребление у минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ», составленная на основаніи подлинныхъ бюджетовъ, хранящихся въ Енисейскомъ статистическомъ комитетѣ, и дополненная приложеніемъ «Сводныхъ таблицъ о составѣ инородческихъ хозяйствъ, ихъ имуществовъ, приходѣ и расходѣ» (по даннымъ 124 бюджетовъ). Растянувшаяся наша замѣтка мѣшаетъ намъ коснуться любопытныхъ данныхъ этой статьи, а потому мы заканчиваемъ ее пожеланіемъ, чтобы добрый примѣръ нашихъ авторовъ-ислѣдователей поскорѣе нашелъ подражателей въ другихъ мѣстахъ Россіи.

В. Р---въ.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Неофициальное изданіе въ одной книгѣ, подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Изданіе Товарищества Общественная Польза. Выпуски 1—6, томы I—X, часть 1 Свода Законовъ. Спб. 1897—1898.

Удивительною странностью должно признать равнодушное отношеніе нашей повременной печати къ этому грандіозному предиріятію. Говоря безъ всякихъ преувеличеній, оно впервые дѣлаетъ доступными для всѣхъ и каждаго тѣ законы, по которымъ мы живемъ и незнаіемъ которыхъ никто отговариваться не можетъ. Даже какъ приборъ, — говоритъ Коркуновъ (Сборникъ статей Н. М. Коркунова, 1898, стр. 95), — «служащій къ механическому примѣненію законовъ, сводъ уже не представляетъ прежняго удобства и простоты. Въ каждомъ томѣ имѣются ссылки на современныя ему изданія другихъ томовъ, и потому для надлежанщихъ справокъ надо имѣть подъ рукой всѣ томы всѣхъ изданій съ соответствующими къ нимъ продолженіями, начиная съ 1857 года, — а это составитъ цѣлую обширную библіотеку. Если взять одни дѣйствующія изданія и продолженія свода, это составитъ 30 объемистыхъ томовъ. Въ изданіи 1857 года дѣйствуютъ только нѣкоторыя части VIII и XII томовъ. Но если къ нимъ присоединить необходимые для выясненія ссылокъ остальные 19 томовъ изданія 1857 года, то уже это одно составитъ 49 томовъ, то-есть, болѣе всего перваго полнаго собранія законовъ, имѣющаго только 45 томовъ». Къ этимъ чудовищнымъ фактамъ должно еще прибавить, что вся эта масса печатной бумаги содержитъ цѣлыя тысячи уже давно отмѣненныхъ или измѣненныхъ статей и, стало быть, лишь въ незначительной части является дѣйствующимъ законодательствомъ, что, засимъ, при всей дешевизнѣ государственныхъ изданій, въ общей суммѣ ихъ стоимость достигаетъ многихъ десятковъ рублей, и что, наконецъ, инья части и томы свода — какъ ни странно это звучитъ — давно составляютъ величайшую библиографическую рѣдкость, доступную лишь за значительныя деньги. Къ числу этихъ, для всѣхъ недоступныхъ, частей свода законовъ, незнаіемъ которыхъ никто отговариваться не можетъ, принадлежатъ, на примѣръ, такой великой важности узаконенія, какъ особое приложеніе къ IX тому, гдѣ излагается юридическое положеніе крестьянъ, или весь IV томъ, гласящій о натуральныхъ и денежныхъ повинно-

стяхъ. И вотъ смѣлая инициатива двухъ молодыхъ юристовъ приводитъ въ практичный порядокъ весь этотъ хаосъ, изъ года въ годъ усложняемый ростомъ законодательства и дѣятельностью дѣлаго огромнаго спеціальнаго учрежденія, и, въ союзъ съ частною предприимчивостью, разомъ завершаетъ колоссальное дѣло Сперанскаго. вмѣсто огромной библиотеки намъ даютъ въ руки одну книгу, — хотя, конечно, тоже огромную, своего рода «книгу-китъ», — вмѣсто головоломной путаницы устарѣвшихъ, измѣненныхъ, отмѣненныхъ статей и приложений и продолженій къ нимъ, нерѣдко тоже отмѣненныхъ или измѣненныхъ дальнѣйшими, порою также отмѣненными или измѣненными, продолженіями и приложениями, намъ даютъ въ этой книгѣ только дѣйствующее и притомъ все дѣйствующее законодательство, и, наконецъ, даютъ все это не за сотню и болѣе, но за десять рублей, уплачиваемыхъ помѣсячными рублевыми взносами. Въ новомъ изданіи всѣ томы свода законовъ перепечатаны въ одной колоссальной книгѣ, причемъ въ текстъ ихъ включены всѣ продолженія, то-есть, отмѣненные статьи и поправки откинута, новыя напечатаны на надлежащихъ мѣстахъ, а измѣненные помѣщены въ ихъ окончательномъ видѣ. Никакихъ сокращеній ни въ текстѣ, ни въ самыхъ отдѣльных словахъ его (последнее, пожалуй, даже излишняя роскошь, ибо при выработанной системѣ сокращеній было бы можно много выгодать на шрифтѣ и бумагѣ въ смыслѣ еще большаго удешевленія или улучшенія внѣшности книги) редакторы не допускали, но зато исключили хронологическіе указатели и подстатейныя ссылки, такъ какъ послѣднія дѣйствительно нужны лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, а первые должно сдѣлать излишними самое изданіе Волкова и Филиппова. Такимъ образомъ въ дѣломъ можно сказать, что отнынѣ единственный классъ мало-мальски образованныхъ людей, которому не сдѣлано доступнымъ русское законодательство, — это тѣ близорукіе люди, у которыхъ не хватитъ средствъ на пріобрѣтеніе лупы для пользованія изданіемъ Волкова и Филиппова, печатаннымъ, какъ само собою понятно, чрезвычайно мелкимъ, почти бисернымъ, хотя въ то же время четкимъ шрифтомъ. Правда, онъ былъ выбранъ издателями послѣ тщательнаго изслѣдованія и сличенія мелкихъ шрифтовъ, но все же рассчитанъ лишь на «нормальное» зрѣніе и съ тѣмъ соображеніемъ, что законовъ никто не читаетъ подъ рядъ и сплошь. Надо надѣяться, что при послѣдующихъ перепечаткахъ изданія онъ будетъ замѣненъ болѣе крупнымъ, такъ какъ неизбежное въ такомъ случаѣ увеличеніе расходовъ на бумагу не можетъ не окупиться въ такомъ благотѣльномъ предіуріятіи. Засимъ же, повторяемъ, трудно себѣ представить такое учрежденіе, такой домъ, такого образованнаго чловѣка, для котораго изданіе Волкова и Филиппова не являлось бы насущною необходимостью. Цѣна дѣлаетъ его доступнымъ для каждаго волостнаго правленія, для каждаго церковнаго причта, для каждой школы и сельской библіотеки. Наше законодательство впервые становится доступно народу, — хотя, конечно, въ первое время лицамъ, пользующимся сводомъ законовъ, придется пріучиться и привыкнуть къ обхожденію съ огромною книгою, въ которую вошло 11.000 страницъ крупнаго формата. Но эта трудность не составитъ серьезнаго препятствія, — и во всякомъ случаѣ это препятствіе ничтожно

сравнительно съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, когда, послѣ многолѣтней дѣятельности специальныхъ учреждений, наши законы стали окончательно недоступны для всѣхъ и каждаго какъ по объему, такъ и по цѣнѣ и по трудности пользованія, чувствительной порою даже для опытныхъ юристовъ. Съ полною справедливостію можно въ виду этого сказать, что настоящее изданіе составляетъ крупную и важную гражданскую заслугу со стороны его редакторовъ и издателей, за которую они достойны самой живой и горячей признательности отъ каждаго, кому дорого правосудіе и справедливость какъ въ судѣ, такъ и въ другихъ областяхъ нашей государственной жизни. Подобно опубликованію фастовъ Кнеемъ Флавіемъ въ Римѣ, новый сводъ законовъ, составленный изъ разваливъ стараго Волковымъ и Филипповымъ, есть истинный «даръ народу» — *inimicus populo gratum*. Благодаря ихъ смѣлому почину, законъ перестаетъ быть секретомъ въ Россіи. Такое дѣло стоитъ цѣлой реформы и само себѣ является лучшею похвалою. В. Никольскій.

И. С. Вліохъ. Вудущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Шестъ томовъ, съ 1500 рисунковъ, чертежей, картъ и картограммъ. Спб. 1898.

Можно быть увѣреннымъ, что давно уже не появлялось не только поруски, но и ни на какомъ иномъ языкѣ, такого вѣскаго сочиненія, какъ эта колоссальная работа г. Вліоха, обнимающая все военное дѣло, какъ во всей его безконечной общей сложности, такъ и въ мельчайшихъ и притомъ самыхъ современныхъ деталяхъ. Восемь лѣтъ авторъ работалъ надъ этой громадной книгой и, несмотря на такой періодъ времени, навѣрное работалъ усидчиво и прилежно, такъ какъ для того, чтобы ознакомиться съ однимъ только перечнемъ сочиненій на четырехъ языкахъ, которыми пользовался авторъ, надо не менѣе недѣли времени съ большимъ и широкимъ досугомъ.

Цѣль работы г. Вліоха весьма симпатична и благородна, именно: доказать детально и обстоятельно, разборомъ всѣхъ мелочей военного дѣла въ его современномъ развитіи, что путемъ войны нѣтъ уже больше возможности разрѣшать сталкивающіеся интересы народовъ. Онъ цифрами и картограммами старается убѣдить насъ, что побѣда ли или поражение, въ современной страшно убійственной и еще болѣе дорогой войнѣ, по его мнѣнію, не можетъ служить основаніемъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, такъ какъ оба противника къ концу войны окажутся навѣрное обезсиленными и разоренными выше всякой мѣры и вѣроятія.

Другой вопросъ, достигаетъ ли г. Вліохъ этой благородной цѣли въ степени большей, чѣмъ ее же достигали прежде его писавшіе ради той же цѣли моралисты, экономисты, философы и всякіе иные миротворцы? Едва ли! Говорю, едва ли прежде всего потому, что, конечно, за недѣлю, въ теченіе которой имѣю въ рукахъ это увѣснтое сочиненіе я успѣлъ только изумиться богатству его содержанія и не успѣлъ выолнѣ оцѣнить вѣскость доводовъ, приводимыхъ г. Вліохомъ для его главной цѣли. Если эту книгу пришлось писать восемь лѣтъ, то на основательное и сознательное ея чтеніе надо не менѣе трехъ лѣтъ, и то,

когда дойдешь до послѣдней строчки, то, вѣроятно, почувствуешь желаніе вернуться къ забытому уже ея началу. Замѣтилъ же я сомнительность въ хорошемъ достиженіи намѣченной цѣли, благодаря тому, что авторъ, чувствуя чрезмѣрную подробность и полноту своей работы, облегчилъ ея усвоеніе тѣмъ, что свелъ всѣ свои выводы, разбросанные въ пяти томахъ, въ томъ меньшаго объема—шестой, гдѣ и помѣстилъ ихъ подѣ вразумительными и яркими заголовками. Благодаря такому упрощенію, я долженъ сказать, что новаго въ смыслѣ нападокъ на войну г. Блюхъ не высказалъ, а повторилъ ту же старую ошибку моралистовъ, продолжая придавать войнѣ характеръ волевой, тогда какъ даже изъ того, что на землѣ время войнъ человѣческихъ почти въ тринадцать разъ превосходитъ время мира, пора бы убѣдиться, что волевые импульсы и причины въ этихъ случаяхъ только кажущіеся, декоративные, но что войнами управляютъ силы таинственныя, т. е. силы роковыя, съ которыми никакому проповѣднику мира на землѣ ничего не подѣлать.

Молохъ земной ничего не даетъ человѣку добровольно, все у него приходится вырывать силой; и не только война требуетъ постоянныхъ кровавыхъ жертвъ, но даже желѣзныя дороги и ихъ тѣнь—слабыя конки, имѣютъ свои ежегодныя кровавыя мартирологи. По численію самого г. Блюха съ 1496 года до Р. Х. и по 1861 годъ по Р. Х., слѣдовательно за 3357 лѣтъ, мирныхъ лѣтъ было всего 227, слѣдовательно и войны было 3130 года. Цифры эти взяты изъ энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ генерала Г. А. Леера. Сирсисмъ: было ли лучше послѣ 1861 года?

Вспомните только, что у насъ была война польская, закончилось завоеваніе Кавказа, началось завоеваніе Туркменіи. Мы ходили походомъ въ Хиву и Мервъ, побѣдили и то и другое. Владѣли Кульджей, освободили Сербію и Болгарію, дрались на Кушкѣ, война не долгая, но важная въ соображеніяхъ о владѣніи Памиромъ. Наконецъ еще надняхъ неожиданнѣйшимъ образомъ мы лишились тридцати воинствъ въ частномъ «газаватѣ» съ какимъ-то проходимцемъ Имамъ-Халифомъ. Нельзя забывать, что мы теперь занимаемъ Критъ, и вчера еще завладѣли Портомъ Артуромъ. А въ Европѣ? Громаднѣйшія побоища въ Даніи, въ Австріи и во Франціи ради объединенія Германіи, затѣмъ коммуна и наконецъ война греко-турецкая. Италія билась при Кустоцѣ, дралась съ абиссинцами, французы завоевали Тонкинъ, англичане ходили многократно на Хартумъ и дрались въ Трансваалѣ. Американцы дрались сами съ собой за независимость и цѣлость Сѣверныхъ Штатовъ, а теперь, Богъ знаетъ зачѣмъ, воюютъ Кубу у испанцевъ. Къ довершенію печали только что окультурившаяся Японія побилла Китай, и, вѣроятно, къ своему политическому авантажу и благополучію, ибо до этого на политическихъ вѣсахъ не было мѣры Японіи, а теперь нельзя уже не принимать во вниманіе ея вѣсовой гирки. Значитъ все шло и въ новѣйшее время такъ же, какъ шло и до этого времени. На одинъ годъ мира приходилось болѣе 13 лѣтъ войны, и слѣдовательно статистическая пропорція не уменьшилась и не убавилась, и при этомъ культурность боевыхъ націй рѣшительно не играла никакой роли. Самыя культурныя, наибогатѣйшія націи и народы вступали въ распрю, не хуже и не лучше, чѣмъ прежніе варвары. Словомъ, переводя съ французскаго: чѣмъ болѣе мѣнялись формы

дѣла, тѣмъ болѣе сущность его оставалась тою же самою! Вотъ почему только тѣ моралисты будутъ выслушаны со вниманіемъ, которые укажутъ способы и средства избѣгать войны, не лишая ее ея несомнѣнно рокового характера.

Оригинально, сравнительно съ работами болѣе старыми, въ трудѣ г. Блюха, это указаніе, что будущая война обездолитъ классы имущіе и сыграетъ въ руку классамъ мятежнымъ, которымъ нечего терять, но которые выиграютъ многое, пользуясь безпорядкомъ, замѣшательствомъ и общимъ разореніемъ, вызванными войною же. Въ этомъ есть и правда, но только потому, что собственно въ наше время интересы человѣчества живые и страстные размѣстились уже не по географическимъ широтамъ и долготамъ, но по экономической вертикали сословій. Интересы культурныхъ народовъ отличаются болѣе между сословіями одного и того же народа, чѣмъ вообще интересы народовъ разной расы. Оттого и серьезные войны будущаго будутъ имѣть совсѣмъ иные театры войны, чѣмъ предполагаютъ люди специально-военнаго воспитанія. Но и тамъ, какъ и здѣсь, будутъ страдать, мучиться и умирать все тѣ же люди. Отсюда-то и выходитъ та путаница въ политическихъ понятіяхъ нашего времени и то видимое нежеланіе затѣвать какія либо географическія войны! Нѣтъ настоящихъ стимуловъ и нѣтъ тугъ живыхъ интересовъ, разъ желѣзныя дороги, общность образованія, распространенность изученія чужихъ языковъ, общіе промышленные и торговые интересы высшихъ классовъ, часто противоположные интересамъ всего народа, сильно уменьшаютъ политическія страсти и не даютъ имъ возгорѣться до національной или народной войны. Но далеко не то между сословіями. Капиталистъ съ несмѣтными милліонами Рокфеллера, наживающій безъ труда каждую минуту болѣе 4000 долларовъ, и рабочій, не видящій по мѣсяцамъ свѣта, сидя въ каменноугольной шахтѣ, или на нефтяномъ фонтанѣ забывшій даже вкусъ чистаго воздуха безъ нефтяныхъ паровъ, имѣютъ рѣзко противоположные интересы и тѣмъ болѣе рѣзкіе, что и тотъ и другой сознаютъ это. Въ такомъ экономическомъ сознаніи все дѣло. Въ числѣ другихъ страстей, г. Блюхъ выдвигаетъ также призракъ трудности разоружить въ будущемъ, потерявшее дисциплину, войско, въ рукахъ котораго останутся смертоноснѣйшія орудія и страшныя средства современной войны. Но, по счастью, для его интересовъ, какъ банкира, этотъ страхъ всего менѣе основателенъ, такъ какъ для всего нынѣ требующагося ради войны, болѣе чѣмъ когда либо нужны покой и порядокъ, такъ какъ приготовленіе пуль, ружей, кораблей и всего для войны нужнаго, требуетъ колоссальныхъ машинъ, управленіе которыми не подъ силу взбунтовавшемуся простаку.

Склонный вообще признавать силу инстинкта въ дѣлахъ человѣческихъ въ степеняхъ значительно большей, чѣмъ силу разума, логики и разсужденій, я, именно въ этой сложности современнаго оружія вижу гарантію, что потерявшее дисциплину войско надѣлаетъ меньшихъ бѣдъ, чѣмъ бы оно надѣлало, владѣя оружіемъ болѣе простымъ и для каждаго обычнымъ. Изъ скорострѣльнаго, малокалибернаго ружья можно стрѣлять только такими патронами, которые напоминаютъ работу хорошаго ювелира. Безъ такихъ патроновъ современное ружье менѣе палки, какъ оружіе. Ну, а при мятежѣ и безпорядкѣ, конечно, гдѣ же найти ювелировъ, да еще съ машинами громадной сложности

и цѣнности, способныхъ подчиниться дисциплинѣ такой совершенной работы. Прогрессъ въ орудіяхъ войны поэтому вовсе не тянетъ къ уничтоженію войнъ, какъ думаютъ и утѣшаютъ себя нѣкоторые, а тянетъ прямо къ уничтоженію культуры, къ дикости и въ концѣ концовъ къ возвращенію къ старому способу драться кулакомъ, противъ кулака, грудь противъ груди, причемъ опять возстанавливается сила дѣйствительно сильныхъ, мужественныхъ, храбрыхъ и, благодаря всему этому, великодушныхъ и благородныхъ.

Снова явятся настоящіе побѣдители и побѣжденные, изъ которыхъ опять прежде всего поторопятся понадѣлать рабовъ, и этимъ актомъ вновь (который только это разъ, гг. историки?)—заложить начала прогрессирующей гуманитарной культурѣ.

Рокъ и инстинкты, мало нами сознаваемые, въ родѣ біенія нашего же сердца и пульсаціи нашихъ же венъ, управляютъ жизнью всего человѣчества, и, увы, ни тотъ ни другой не знаютъ нашей грамоты и потому не могутъ читать и такія объемистыя сочиненія, какое написалъ трудолюбивый авторъ «Будущей войны».

Во всякомъ случаѣ, какъ монографія по вопросу войны, работа г. Блюха желанный гость въ хорошей библиотекѣ, такъ какъ одинъ собранный въ ней фактическій матеріалъ по военному дѣлу, по политикѣ, а также всего болѣе по экономическимъ даннымъ касающимся Россіи, является приобрѣтеніемъ весьма и весьма цѣннымъ.

В. Петерсень.

**Исторія л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Томъ второй.
1866 — 1896. Составилъ того же полка ротмистръ Ю. Елецъ.
Спб. 1897.**

Нельзя не порадоваться, что наша военная литература обогатилась, особенно за послѣднее время, цѣлой массой книгъ, предметомъ которыхъ являются хроники воинскихъ частей; къ сожалѣнію, не всѣ эти части, оглядываясь на свое прошлое, изложенное въ этихъ хроникахъ, могутъ сказать, что имѣютъ правдивое сказаніе о службѣ предковъ; весьма часто авторы полковыхъ исторій, возстановляя факты не по первоисточникамъ, а по случайно добытымъ свѣдѣніямъ, обыкновенно безъ критики ихъ, искажаютъ суть дѣла, что ведетъ прямо къ недоразумѣніямъ. Говоря о событіяхъ историческихъ, автору полковой исторіи слѣдуетъ быть очень осмотрительнымъ; ему нужно стать на точку зрѣнія объективнаго наблюдателя, излагать дѣятельность своей части въ связи съ духомъ времени, съ требованіями современной службы; только очень немногіе писатели полковыхъ исторій выказали знакомство съ уставными правилами прежняго времени, а этимъ не слѣдуетъ пренебрегать; кромѣ того, полковая хроника, наполненная преимущественно разказами о жизни и дѣятельности только офицерскихъ чиновъ, не есть полная исторія части; для нижнихъ чиновъ она не будетъ назидательной книгой; вѣдь жизнь полка не есть только жизнь офицерской среды; правда, начальство, въ лицѣ офицеровъ, дѣлается видимымъ представителемъ обособленной корпораціи, какою является полкъ, но не надо исторіку полковой хроники забывать, что фізіономія сол-

дата его части, условия жизни его в полку, обучение, воспитание — все это должно занять также страницы полковой истории, чтобы сделать ее полезной книгой.

Предъ нами лежитъ томъ 2-й «Исторіи л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка», обнимающій исторію его со времени перехода изъ Новгородской губерніи въ царство Польское; но это не исторія полка, а матеріалы для будущаго историка одной изъ славнѣйшихъ частей нашей кавалеріи. Въ самомъ дѣлѣ, первая же глава этого труда, наполненная исключительно статистическими данными, представляетъ сырой матеріалъ и дѣлаетъ книгу съ первыхъ же страницъ мало интересной. При чтеніи дальнѣйшихъ главъ интересъ не увеличивается, такъ какъ авторъ не излагаетъ событій полковой жизни и службы въ связномъ разсказѣ, а лишь перечисляетъ хронологически все, что происходило въ полку съ 1866 г.; тутъ приводятся выписки изъ приказовъ, телеграммы, полученные полкомъ или имъ посланные по разнымъ торжественнымъ случаямъ, и т. д. Болѣе интересно изложено участіе полка въ послѣднюю турецкую войну, но, къ сожалѣнію, новаго мы тутъ ничего не нашли. Описаніе похода въ Турцію есть пересказъ изъ составленной А. Тальмой книги: «Л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ въ кампанію 1877—1878 гг. Варшава. 1880 г.», а описаніе дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ прямо выписано изъ дневника похода, изданнаго въ Парижѣ на французскомъ языкѣ: «*A cheval de Warsovie à Constantinople*». Дальнѣйшее изложеніе дѣйствій полка въ турецкую войну хотя и не говоритъ ничего новаго, но читается съ нѣкоторымъ вниманіемъ, такъ какъ представляетъ довольно хорошо обрисованную картину полковой службы во время похода. При чтеніи слѣдующихъ главъ, излагающихъ отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ, прямо или косвенно касающихся полка, невольно задаешь себѣ вопросъ: гдѣ же тутъ исторія полка? Можетъ быть, за послѣднія 20 лѣтъ полковая жизнь и не представляетъ событій, интересныхъ для историка, но вѣдь въ этотъ довольно продолжительный періодъ она не ограничивалась только полученіемъ официальныхъ телеграммъ, посѣщеніями и смотрами высокопоставленныхъ лицъ. Въ главѣ 20-й выписанъ церемональ торжественнаго въѣзда во время послѣдней коронаціи, который настолько подробно описанъ въ современныхъ изданіяхъ, что становится непонятнымъ, зачѣмъ онъ вновь излагается здѣсь. Заключительная глава знакомитъ читателя съ полковой жизнью; здѣсь автору слѣдовало бы подробнѣе остановиться на бытѣ офицерской среды, въ связи съ условіями жизни вообще русскаго общества въ Варшавѣ. Въ числѣ разныхъ приложеній къ исторіи мы встрѣтили списокъ офицеровъ полка, съ его основанія; такіе списки слѣдуетъ составлять подробнѣе; необходимо разсказать, хотя вкратцѣ, біографію каждаго офицера, не ограничиваясь лишь указаніемъ чиселъ и годовъ прибытія и выбытія офицера изъ полка, какъ это дѣлается въ большинствѣ подобныхъ изданій; матеріаловъ для прохожденія службы каждаго офицера нашей арміи имѣется масса въ московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба и въ общемъ архивѣ послѣдняго; образцовое же устройство этихъ архивовъ даетъ возможность получать тамъ весьма быстро даже самыя обстоятельныя справки. О — кій.

Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. Спб. 1898.

Вошедшія въ настоящій сборникъ письма академика К. Н. Бестужева-Рюмина относятся къ періоду съ октября 1892 г. по ноябрь 1896 года. Они имѣютъ несомнѣнно большое значеніе прежде всего для характеристики самого покойнаго ученаго, не перестававшаго живо интересоваться вопросами науки до самой смерти. Но, помимо такого біографическаго значенія, письма эти интересны также и заключающимися въ нихъ чисто научными разсужденіями о Смутномъ времени и, главнымъ образомъ, загадочной судьбѣ царевича Дмитрія. Къ сожалѣнію, письма, изданныя въ настоящемъ сборникѣ, представляютъ собою только половину переписки по этому вопросу. Передъ нами лишь отвѣтныя письма Бестужева-Рюмина на письма графа С. Д. Шереметева, который, по всей вѣроятности, подробно мотивировалъ и доказывалъ свои ученныя наблюденія. О серьезности труда гр. Шереметева можно догадываться по тѣмъ довольно многочисленнымъ мѣстамъ изданныхъ писемъ, гдѣ покойный Бестужевъ говоритъ о «массѣ доказательствъ», которыми гр. Шереметевъ убѣждалъ его въ справедливости своихъ предположеній, о правильности сдѣланной имъ постановки вопроса, о точности метода изслѣдованія и т. д. и т. д. Изданныя отдѣльно, безъ писемъ графа С. Д. Шереметева, письма эти только возбуждаютъ любопытство читателя, и если даютъ понятіе о новой и, по словамъ Бестужева-Рюмина, убѣдительнои теоріи графа Шереметева, то понятіе самое общее и приблизительное. Одно изъ главнѣйшихъ положеній, къ которому пришелъ графъ Шереметевъ послѣ продолжительнаго и тщательнаго изученія источниковъ, состоитъ въ томъ, что царевичъ Дмитрій не былъ убитъ, а спасся, а что вмѣсто него убитъ былъ другой мальчикъ. Сильный аргументъ, доказывающій это положеніе, Бестужевъ-Рюминъ видѣлъ въ указаніи графа Шереметева на разграбленіе конюшни Битяговскаго, лошади котораго очевидно понадобились для спасенія царевича въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей. Вторымъ аргументомъ онъ считалъ отсутствіе Аванасія Нагого при слѣдствіи. «Его не нашли, пишетъ Бестужевъ-Рюминъ, стало быть, не нашли и царевича». Было бы, конечно, въ высшей степени интересно ознакомиться со всѣми деталями изслѣдованія этого темнаго вопроса, но мы должны ограничиться указаніемъ на голый выводъ и, полагаясь на авторитетъ Бестужева-Рюмина, вѣрить, что доказательства графа Шереметева, хотя и «косвенны», (стр. 26), но все-таки убѣдительны, и что толкованіе событій въ изслѣдованіи графа Шереметева «имѣетъ весьма много за себя и почти переходитъ за область гипотезы» (стр. 35). Если такъ мало можно сказать относительно самаго главнаго вопроса въ изслѣдованіи графа Шереметева, то еще меньше выяснены вопросы и положенія второстепеннаго характера. Такъ, напримѣръ, графу Шереметеву удалось подмѣтить связь между дѣломъ царевича Дмитрія и дѣломъ царевича Алексѣя Петровича (sic), онъ указывалъ Бестужеву-Рюмину на то, что у патріарха Никона, Петра Великаго, Ломоносова и Артемія Волынскаго были свѣдѣнія объ углической исторіи болѣе достовѣрныя, нежели тѣ, которыя сообщаются дошедшими до насъ памятниками, и т. д. и т. д.

Мы ограничимся указаніемъ этихъ положеній, не останавливаясь на другихъ, менѣе существенныхъ. Они поражаютъ насъ своей неожиданностью и смѣлостью, но, по всей вѣроятности, на чемъ нибудь да основаны. Съ многими изъ взглядовъ графа Шереметева не соглашались сначала и Бестужевъ-Рюминъ, но затѣмъ, подъ влияніемъ косвенныхъ аргументовъ изслѣдователя, измѣняли свое первоначальное мнѣніе. Нѣтъ, вѣдь, такой истины, противъ которой бы не спорили. Извѣстно, что только такія аксіомы, какъ $2 \times 2 = 4$, принимаются всѣми единогласно. Быть можетъ, съ выходомъ самаго изслѣдованія, кажушіяся теперь для насъ неожиданными выводы графа Шереметева, хотя и будутъ оспариваться, но все-таки покажутся и болѣе убѣдительными.

В. Боцяновскій.

Стихотворенія А. Н. Плещеева (1844—1891). Третье дополненное изданіе, подъ редакціей П. В. Быкова. Спб. 1898.

Появленіе 3-го изданія стихотвореній нашего симпатичнаго поэта, покойнаго А. Н. Плещеева, будетъ встрѣчено всѣми цѣнителями изящной словесности съ чувствомъ неподдѣльной радости. Плещеевъ, хотя и не былъ «владельцемъ думъ» своего поколѣнія, но оказалъ намъ немало цѣнныхъ услугъ, какъ поэтъ-моралистъ, пробуждающій въ каждомъ, кто только вздумалъ бы ближе ознакомиться съ мотивами и настроеніями его поэтическаго творчества, «чувства добрыя» и высокія мысли. Особенно доброе вліяніе оказываютъ его произведенія на молодежь, въ чьихъ сердцахъ Плещеевъ всегда находилъ и при жизни еще восторженные отклики на призывы его музы къ всеобщей любви, гуманности и братству. Настоящее изданіе стихотвореній, выпущенное его сыномъ, безызвѣстнымъ публицистомъ и драматургомъ А. А. Плещеевымъ, текущею весною, значительно дополнено сравнительно съ изданіемъ 1887 года, редактированнымъ самимъ покойнымъ авторомъ, и—1894 г., редактированнымъ П. И. Вейнбергомъ. Сюда включены переводъ интересной трагедіи М. Бэра «Струэнзе» и болѣе семьдесятъ стихотвореній, собранныхъ редакторомъ настоящаго изданія, извѣстнымъ библиографомъ, П. В. Быковымъ. Очевидно, что въ свое время нѣкоторые изъ этихъ стихотвореній были забыты покойнымъ, а другія онъ не помѣстилъ въ свое изданіе умышленно. Тѣмъ не менѣе нынѣ г. Быковъ, въ интересахъ библиографическихъ главнымъ образомъ, не нашелъ возможнымъ руководствоваться этими предположеніями и счелъ нужнымъ включить все пропущенныя доселѣ стихотворенія въ новое изданіе, благодаря чему послѣднее появляется нынѣ въ значительно расширенномъ объемѣ противъ прежняго. Кромѣ того, къ этому изданію, приложены: 1) биографическій очеркъ А. Н. Плещеева, составленный П. В. Быковымъ, 2) прекрасный портретъ поэта, гравированный на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, 3) факсимильные снимки съ трехъ стихотвореній, 4) снимокъ съ могилы А. Н. Плещеева и 5) библиографія его поэтическихъ произведеній. Гл.

Хроника моей жизни. Автобіографическія замѣтки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверского и кашинскаго. Томъ первый. Сергіевъ Посадъ. 1898.

Извѣстный своими историко-литературными работами архіепископъ тверской Савва оставилъ послѣ себя автобіографическія записки, первая половина которыхъ и вышла надняхъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Записки эти охватываютъ очень большой періодъ времени (1819—1850 гг.), но нельзя сказать, чтобы заключающійся въ нихъ матеріалъ представлялъ собой особенный интересъ. Какъ автобіографія, «хроника» архіепископа Саввы имѣетъ несомнѣнное значеніе для характеристики самого автора. Не мало найдется въ ней подробностей, рисующихъ школьный бытъ бурсы стараго времени, а также жизнь великорусскаго провинціального духовенства, представители котораго стояли тогда на очень низкомъ уровнѣ образованности. При этомъ, нельзя сказать, чтобы сообщаемые епископомъ Саввой факты представляли собой что нибудь особенно новое, что нибудь такое, что измѣняло бы представленіе, установившееся по этимъ вопросамъ на основаніи другихъ источниковъ. Свѣдѣнія, разсѣяныя въ запискахъ епископа Саввы, лишь иллюстрируютъ общія положенія, подкрѣпляютъ эти положенія новыми «случаями» и фактами. Все сказанное нами, конечно, относится только къ находящемуся передъ нами первому тому труда епископа Саввы. Думаемъ, что второй томъ будетъ гораздо содержательнѣе. До сихъ поръ авторъ записокъ выступаетъ передъ нами или въ роли учащагося, или же въ роли уѣзднаго священника. Съ 1851 года онъ занялъ видное служебное положеніе, по необходимости долженъ былъ играть въ некоторую роль въ общественной жизни, сталкиваться со всякаго рода людьми.

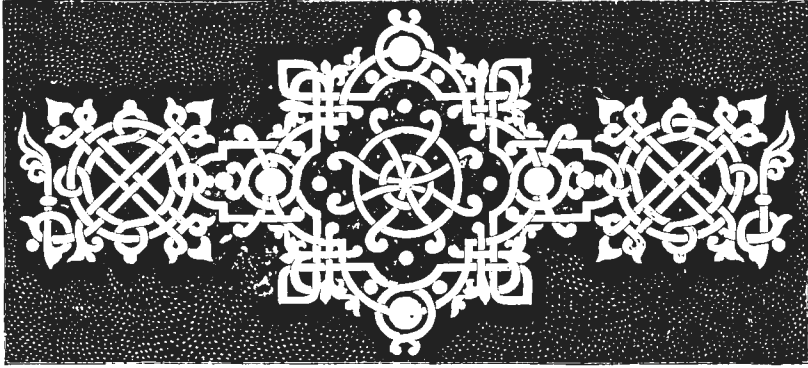
В. В.

Отчетъ о дѣятельности православнаго братства святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго за 1895—1896 годы. Вязники. 1897.

Въ этомъ объемистомъ отчетѣ наибольшій интересъ представляетъ описаніе дѣятельности братства, направленной къ ослабленію раскола и сектантства во Владимірской епархіи. Любопытны и приложенія къ этой части отчета—это «Бесѣда мисіонера Т. Николаева съ Перетрухинымъ въ г. Шуѣ» и «Разговоръ мисіонера Т. Николаева съ Онисимомъ Швецовымъ по поводу одной написанной имъ тетрадки». Къ сожалѣнію, редакторъ не указываетъ, какъ и когда сдѣланы были эти записки. Безъ этого указанія, приложенія, врядъ ли, могутъ имѣть достовѣрное значеніе.

Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЦИЦЕРОНЪ ВЪ ПОТОКЪ СТОЛЪТІЙ. Нареканія, даже сама, казалось бы, убѣдительныя служатъ только на пользу истинному величію. Какъ бы ни былъ широкъ и шуменъ успѣхъ порицаній и клеветъ, успѣхъ этотъ недолговѣченъ. Рѣчи Цериота занимаютъ толпу лишь до тѣхъ поръ, пока не разсердятъ Одиссея. А тогда людямъ остается лишь благодарить площаднаго ругателя, такъ какъ его наглость послужила поводомъ лишній разъ обнаружиться мудрости хитроумнаго царя, т.-е., лишній разъ обогатила міръ этой мудростью. Конечно, случается порою, что выразителями площаднаго непониманія выступаютъ люди, которыхъ мы охотнѣ видѣли бы, во имя ихъ собственного достоинства, на совѣтѣ царей, чѣмъ въ ихъ состязаніи съ Цериотомъ; такихъ людей извинить еще труднѣе, чѣмъ базарныхъ ругателей; но, въ концѣ концовъ, и ихъ рѣчи приносятъ свои добрыя послѣдствія въ видѣ того протеста, который вызываютъ, и въ которомъ нерѣдко лишь глубже и ярче раскрывается смыслъ и красота бессильно поносимаго ими величія. Такую именно роль сыграли въ истекающемъ столѣтіи нападки на Цицерона, которыми отличились Друмандъ и Моммсенъ, особенно послѣдній. Хотя эти возрѣнія никогда не господствовали въ наукѣ, а напротивъ немедленно встрѣтили стойкія возраженія, но все

же лишь въ самое послѣднее время противъ нихъ обнаружилась замѣтная реакція въ видѣ основанныхъ на источникахъ изслѣдованій, переводящихъ голословную брань или остроты на почву безпристрастнаго анализа фактическихъ данныхъ. Съ другой стороны пороченье Цицерона заинтересовало ученый мiръ вопросомъ о самой славѣ великаго римлянина. Такъ, напримѣръ, вышедшая въ Лейпцигѣ нѣмецкая брошюра профессора Петербургскаго университета Зѣлинскаго—«Цицеронъ въ потокѣ столѣтій»¹⁾—представляетъ въ сущности исторію славы Цицерона, изложенную въ коротенькомъ очеркѣ. Въ своемъ первоначальномъ видѣ этотъ очеркъ былъ напечатанъ порусски, но нѣмецкая переработка представляетъ и самостоятельную цѣнность, благодаря исправленіямъ и дополненіямъ. Основная мысль его нагляднѣе всего выражена въ образномъ сравненіи. Зѣлинскій указываетъ на дороги, ведущія черезъ Альпы отъ Ломбардской низменности. Всѣ вѣка оставили на нихъ свои слѣды: то встрѣчается остатокъ римскихъ укрѣпленій, современный Марку Аврелію, то рыцарскій замокъ, памятный по походу въ Италію котораго нибудь изъ Гогенштауфеновъ, то хребетъ, выдавшій Ганнибала, то ущелье, помнящее Наполеона, то мостъ, гласящій о Суворовѣ, то озеро, прославленное эпиграммою Катутла, то земля, памятная по терціи Данте, то видъ, описанный въ дневникѣ Гёте, то скала, къ которой прикована мысль о несчастной любви Тристана и Изольды. Таковы же воспоминанія, напрашивающіяся свѣдущему въ исторіи читателю Цицерона: вотъ изреченіе, залавшее въ сердце бл. Иеронима, вотъ другое, которымъ Дидро старался умертвить предразсудки потомства; вотъ мысль, восхищавшая Петрарку, вотъ другая, много и бурно волновавшая Лютера въ его сомнѣніяхъ; вотъ жемчужина, оправленная въ золотомъ стилѣ Боссоэ, вотъ сверкающая сталь, изъ которой коваль себѣ кинжалъ иной яkobинецъ; вотъ фраза, внушившая свѣтскую улыбку прекрасной поклонницѣ фернейскаго патріарха, вотъ другая, тронувшая до слезъ свирѣпыхъ судей Людовика XVI. Сочиненія Цицерона состоятъ изъ трактатовъ, писемъ и рѣчей. Въ первыхъ—предъ нами философъ, во вторыхъ—человѣкъ, въ третьихъ—государственный мужъ и ораторъ. Эпоха распространенія христіанства видѣла въ Цицеронѣ только философа, притомъ исключительно въ области морали; для нея были значительны только его трактаты. Возрожденіе узнало Цицерона и какъ человѣка, и особенно цѣнило его переписку; впрочемъ, и въ философѣ оно открыло новую сторону—индивидуализмъ, лежащій въ его скептицизмѣ. Наконецъ, вѣкъ просвѣщенія усмотрѣлъ и третью сторону Цицерона, впервые появивъ въ немъ государственнаго дѣятеля, благодаря его рѣчамъ и политическимъ произведеніямъ. Съ каждою новою ступенью культуры углублялся и расширялся взглядъ на античную древность, и ея цѣна возрастала въ каждомъ новомъ періодѣ цивилизаціи. Но согласна ли это съ идеею прогресса? Да: пусть образомъ культуры для насъ будетъ долговѣчный дубъ, который до конца, сохраняетъ какъ старѣйшую, прочвѣйшую и глубочайшую сердцевину тысячелѣтняго дерева, его нѣкогда годовалый зеленый побѣгъ.

¹⁾ Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Ein Vortrag von Th. Zielinski. Leipzig. 1897. Стр. 101, мал. 8°.

— Религіозная революція въ Миланѣ въ XII вѣкѣ. Эмиль Гебгартъ разсказываетъ въ «Journal des Debats» отъ 15-го іюня по поводу миланскихъ безпорядковъ ¹⁾ о томъ религіозно-соціальному волненіи, которое болѣе 800 лѣтъ тому назадъ происходило въ этомъ старинномъ итальянскомъ городѣ. Это народное движеніе имѣло названіе патаріи, или возстанія патаринцевъ, т. е. трущобниковъ. Въ срединѣ XII вѣка нравственное разложеніе нравовъ среди высшего католическаго духовенства дошло до своего апогея. Пока три анти-папы оспаривали другъ у друга престолъ св. Петра, епископы вели развратную жизнь на доходы съ индульгенцій, а богатые патеры открыто брали себѣ женъ, мелкое городское и въ особенности сельское духовенство, притѣсняемое своимъ начальствомъ, голодное, почти обнаженное, глухо роптало и съ нетерпѣніемъ ожидало появленія апостола настоящаго христіанства, который выгналъ бы изъ храма позорившихъ его торгашей. Естественно, вокругъ этихъ мелкихъ духовныхъ лицъ группировался весь бѣдный, несчастный, обездоленный людъ, ютившійся въ отвратительныхъ трущобахъ и носившій въ Италіи общее названіе патаріи. Отсюда происхожденіе тѣхъ религіозно-народныхъ волненій, которыя въ различныхъ мѣстахъ Апеннинскаго полуострова нашли себѣ геройскихъ защитниковъ въ лицѣ Арнольдо Бресчанскаго, Ріензи, Ландо, Мазаньелло и Саванароллы. Въ Миланѣ также происходили отъ 1058 по 1074 г. подобныя всышки, во главѣ которыхъ стояли Аріальдо и Эрлембальдо. Первый изъ нихъ, по положенію дьяконъ, началъ краснорѣчивую проповѣдь противъ скандаловъ католическаго духовенства и, обращаясь преимущественно къ нищенскому населенію города, онъ постоянно говорилъ имъ: «помните, что Сынъ Человѣческій не имѣлъ камня, чтобы преклонить голову, и что Онъ говорилъ: блаженны нищіе. А теперь посмотрите на служителей алтаря, на ихъ дворцы, дачи, одежды, на ихъ гордость, праздность, развратъ». Къ Аріальдо вскорѣ присоединился капитанъ Ландольфо, аристократъ по происхожденію, но искавшій популярности и отличавшійся пламеннымъ краснорѣчіемъ. Они вдвоемъ возбудили народныя страсти въ городскихъ трущобахъ, повели вооруженную толпу на соборъ и выгнали изъ алтаря архіепископа. Мѣстный синодъ призвалъ такое дѣйствіе святотатствомъ и отлучилъ ихъ отъ церкви. Но они апеллировали къ папѣ римскому, которымъ тогда былъ нѣмецъ Стефанъ IX. Онъ послалъ свое святѣйшее благословеніе патаринцамъ, отечески простилъ ихъ и послалъ двухъ легатовъ, чтобы уладить дѣло къ явному ущербу архіепископа и ломбардскихъ вельможъ. Этими легатами были: Анзельмъ изъ Лукки, впоследствии папа Александръ II, и Гильдебрандъ, извѣстный всему міру подъ пменемъ Григорія VII. Однако, прежде чѣмъ они успѣли довести свое дѣло до конца, новый папа Николай II отправилъ къ нимъ въ подмогу третьяго легата Пьера Дамьена. Послѣднему удалось поборотъ гордость Гвидо, назначеннаго въ архіепископы самимъ императоромъ, и онъ, отправившись въ Римъ съ повинной, поклялся, что не будетъ болѣе допускать злоупотребленій среди духовныхъ лицъ своей епархіи. Между тѣмъ Эрлембальдо, братъ Ландольфо, организовалъ по-военному

¹⁾ Une Revolution religieuse à Milan, par E. Gebhart. Journal des Debats, 15 juin.

толпу патаринцевъ и, получивъ отъ папы освященное знамя, сдѣлался настоящимъ главою города. Когда же Гвидо не сдержалъ своей клятвы, Эрлембальдо добился отъ папы буллы объ отреченіи отъ церкви архіепископа, ворвался со своими сторонниками въ соборъ, избилъ палками архіепископа и оставилъ его полумертвымъ. На слѣдующій день мѣстные аристократы и богатые горожане возстали противъ народной толпы, обратили въ бѣгство Ариальдо и, поймавъ его близъ Леньяно, предали его самой ужасной смерти, отрѣзавъ носъ и губы, выколовъ глаза и вырвавъ языкъ, въ присутствіи племянницы архіепископа Оливіи. Но патаринцы не были побѣждены: покровительствуемый папой, Эрлембальдо вырылъ тѣло Ариальдо и торжественно похоронилъ его въ церкви святаго Амвросія, какъ мученика. Тогда началось въ Миланѣ царство патаринцевъ, которые съ одной стороны проповѣдывали чистоту нравовъ и бѣдность духовныхъ лицъ, а съ другой разносили жилища богатыхъ горожанъ. Два года диктаторствовалъ Эрлембальдо и изгонялъ одного за другимъ вновь назначаемыхъ архіепископовъ. Григорій VII не поощрялъ открыто патаринцевъ, но и не предпринималъ ничего противъ нихъ. Наконецъ Эрлембальдо вышелъ изъ всѣхъ границъ, и его сторонники стали поджигать Миланъ. На Святой недѣлѣ въ 1074 году богатый и знатный Миланъ далъ наконецъ отпоръ народной толпѣ, и послѣ кровопролитной битвы въ улицахъ Эрлембальдо былъ убитъ, и патарія настала конецъ.

— Куба четырехста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Въ *Revue Illustrée* отъ 12-го мая напечатанъ очень ксгати въ французскомъ переводѣ отрывокъ изъ книги знаменитаго испанскаго филантропа Бартоломеа Ласъ-Казаса о завоеваніи Кубы испанцами ¹⁾. Какъ извѣстно, этотъ островъ, названный Колумбомъ «самой чудной, не имѣющею себѣ ничего равнаго, землей», былъ открытъ великимъ мореплавателемъ въ 1492 г., но только въ 1511 году Веласкесъ окончательно утвердилъ тамъ владычество Испаніи. Какъ совершилось это завоеваніе, видѣлъ собственными глазами патеръ Бартоломео Ласъ-Казасъ, и веѣ его ужасы произвели на благороднаго служителя алтаря такое тяжелое впечатлѣніе, что онъ сдѣлался апостоломъ индѣйцевъ и посвятилъ всю свою жизнь на защиту несчастныхъ, угнетенныхъ туземцевъ Вестъ-Индіи. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ въ Испанію шестнадцать разъ, написалъ двѣ книги, а Карль V такъ цѣнилъ его заслуги, что сдѣлалъ епископомъ. Подлинный разсказъ подобнаго очевидца о тѣхъ звѣрствахъ, которыми ознаменовали испанцы свое водвореніе на Антильской жемчужинѣ, является краснорѣчивымъ объясненіемъ, почему, спустя болѣе чѣмъ четырехста пятьдесятъ лѣтъ, кубинцы наконецъ привлекли къ отвѣту своихъ вѣковыхъ мучителей. Эти дышащая правдой и нравственнымъ негодованіемъ страницы, написаны въ Валенціи въ 1542 г. и снабжены современными, характерными рисунками, изображающими травлю кубинцевъ собаками, сожженіе кубинскаго селенія и т. д. «Въ 1511 году, говоритъ Ласъ-Казасъ, испанцы перешли на Кубу, гдѣ были богатая земля, и стали тамъ дѣйствовать еще жесточе, чѣмъ на остальныхъ индѣйскихъ островахъ, туземцы которыхъ люди очень простые, безхитростные,

¹⁾ La conquête de Cuba, par B. de Las Casas. *Revue Illustrée*. 1 juin.

добрые, послушные, мирные, но слабые по природѣ и не способные къ большому труду. По совѣту своихъ вождей, слышавшихъ о жестокостяхъ, произведенныхъ испанцами на островѣ Гаити, жители Кубы скрывались отъ завоевателей, но найденные ими предавались смерти. Такъ одного вождя за то, что онъ защищался, сожгли живаго. Но прежде смерти одинъ францисканскій монахъ хотѣлъ его обратить въ христіанство, обѣщая ему за это всѣ блаженства рая, а вмѣстѣ съ тѣмъ страшая адскими страданіями въ случаѣ его упорства. Индѣецъ задумался, а потомъ спросилъ, гдѣ будутъ испанцы, на что получилъ въ отвѣтъ: въ раю, по крайней мѣрѣ достойные среди нихъ. Тогда индѣецъ сказалъ: не хочу въ рай; лучше пойду въ адъ, чтобъ не видѣть такихъ варваровъ, какъ испанцы. И вотъ какъ служили Богу и святой вѣрѣ люди, дѣйствовавшіе въ Индіи. Въ другой разъ насъ встрѣтили радушно жители большаго города и вышли къ намъ на встрѣчу съ хлѣбомъ, мясомъ, рыбой и всѣмъ чѣмъ могли, но чортъ обуялъ испанцевъ, они обнажили мечи и при мнѣ убили до 3.000 человекъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Я тутъ посмотрѣлся на такія жестокости, какихъ живые люди никогда не видѣли и не увидятъ. Такой страхъ напалъ на туземцевъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, что одни бѣжали въ горы, а другіе вѣшали себя, женъ своихъ и дѣтей. Кромѣ того, испанцы доводили до смерти индѣйцевъ и чрезмѣрнымъ трудомъ. Они заставляли ихъ таскать нестерпимыя тяжести, и многіе падали подъ гнетомъ наваленной на нихъ ноши. Они запирали ихъ въ свои суда, гдѣ несчастные погибали отъ жажды и голода. Они отнимали у нихъ женъ и дочерей, отдавая ихъ на потѣху солдатамъ и матросамъ. Еслибъ я разсказалъ о всѣхъ этихъ злодѣйствахъ, то наполнилъ бы цѣлую книгу, которая устрасила бы весь свѣтъ. Сколько они сдѣлали вдовъ и сиротъ? Сколько совершили насилія, прелюбодѣянія, растлѣнія? Сколько возбудили слезъ, стоновъ, рыданій? Сколько они причинили горя и бѣдствій? Сколько навлекли вѣчныхъ страданій въ будущей жизни на себя, совершая столь великіе грѣхи. Еще упомяну объ одномъ дьявольскомъ ухищреніи, безчеловѣчнѣ котораго врядъ ли совершаютъ дикіе звѣри. Испанцы держали на Кубѣ сердитыхъ собакъ и травили ихъ на индѣйцевъ. Для пищи этихъ собакъ они водили съ собою въ цѣпяхъ известное число индѣйцевъ, словно свиней, и, убивая ихъ, кормили собакъ человѣческимъ мясомъ».

— Испанская армада. Американцы съ нѣкоторыхъ поръ начали очень заниматься исторіей морскаго дѣла не только у себя, но также въ Англіи, и почти во всѣхъ американскихъ журналахъ появляются статьи о знаменитыхъ морскихъ сраженіяхъ. До сихъ поръ излюбленнымъ предметомъ были побѣды Нельсона, но въ юньскомъ номерѣ «Century Magazine» появился очеркъ Вильяма Тильтона по новымъ рукописнымъ ирландскимъ документамъ, находящимся въ лондонскомъ архивѣ, о судьбѣ великой Армады съ предисловіемъ перваго современнаго американскаго авторитета по морской исторіи, капитана Альфреда Мэана ¹⁾. Соглашаясь съ Тильтономъ, что гибель колоссальнаго испан-

¹⁾ The Spanish Armada: 1) Introduction by Captain A. Mahon. 2) The Flote of the Armada, by W. Tilton.—Century. June.

скаго флота, посланнаго для уничтоженія Англіи въ 1588 году, составляетъ одну изъ величайшихъ военныхъ катастрофъ на свѣтѣ, капитанъ Мэанъ приводитъ свидѣтельство испанскаго капитана Дуро, собравшаго въ своей книгѣ «Ненобъдимая Армада» всѣ сохранившіеся официальные испанскіе документы и рассказы очевидцевъ объ этомъ событіи — о томъ, что Армада вышла изъ Лисабона въ числѣ 130 судовъ, а лишилась около половины, именно шестидесяти трехъ. Изъ нихъ погбло въ бою только девять, потерпѣло крушеніе у шотландскихъ и ирландскихъ береговъ девятнадцать, а тридцать пять пропали безъ вѣсти, во время бури. Причину этого неслыханнаго бѣдствія оба амерпканскіе писатели видятъ въ коренныхъ недостаткахъ великаго предиріятія испанцевъ. Главнo-командующій флотомъ Медина-Сидонія былъ человекъ неспособный, и не только не обратилъ вниманія на совѣтъ герцога Пармы предварительно взять Флиссигенъ и сдѣлать его базисомъ своихъ дѣйствій, но, не ослабивъ сначала англійскій флотъ, прямо приступилъ къ завоеванію этой страны. Кроме того, самая эскадра Медины-Сидоніи состояла изъ ненадежныхъ, тяжелыхъ судовъ, которыя не годились для боя съ ловкими, подвижными соперниками, а потому, пострадавъ въ трехъ битвахъ, хотя и не рѣшительныхъ, съ англичанами, были подвергнуты всѣмъ опасностямъ сильной бури.

Рушившееся на испанцевъ бѣдствіе можно было, по словамъ Мэана, предотвратить благоразуміемъ и принятіемъ своевременныхъ, искусныхъ мѣръ, но Тилтонъ идетъ далѣе и находитъ, что катастрофа съ Армадой была только несомнѣннымъ доказательствомъ внутренняго упадка и разложенія Испаніи. «Это былъ голосъ исторіи, провозгласившей всему свѣту, что дни испанскаго величія сочтены», говоритъ онъ въ концѣ своей любопытной статьи. Какъ и слѣдовало ожидать, главный ея интересъ заключается въ неизвѣстныхъ до сихъ поръ разсказахъ ирландцевъ очевидцевъ о несчастной судьбѣ испанцевъ, выброшенныхъ на берегъ Зеленаго острова, такъ какъ самый очеркъ дѣйствій Армады и ея погибели, основанный преимущественно на матеріалахъ, обнаруженныхъ капитаномъ Дуро, не представляетъ ничего новаго, хотя написанъ очень живо и картинно. Тѣми же достоинствами отличается и пересказъ подлинныхъ показаній ирландскихъ очевидцевъ о той злой судьбѣ, которая ожидала испанцевъ, искавшихъ спасенія на берегахъ Эррина. Англичане такъ сумѣли возбудить въ ирландцахъ страхъ къ врагамъ, что, несмотря на одинаковую съ ними религію, они соперничали съ англичанами въ жестокомъ истребленіи несчастныхъ жертвъ бури; впрочемъ къ этому надо прибавить и жажду грабежа. Какъ бы то ни было, испанцевъ, спасшихся на ирландскій берегъ, безжалостно убивали сотнями и грабили до чиста. Напримѣръ, одинъ ирландецъ, по имени Маккадъ, своимъ топоромъ отправилъ на тотъ свѣтъ болѣе восьмидесяти испанцевъ; конечно, англичане не отставали отъ ирландцевъ, и губернаторъ провинціи Коннотъ, сэръ Ричардъ Бингамъ, совершенно хладнокровно казнилъ въ Гальвеѣ 400 испанскихъ узниковъ во славу Божію, какъ дѣлались всѣ звѣрства въ то набожное время.

— Литература юбилея Васко де-Гама. Хотя празднества въ честь четырехсотлѣтней годовщины прибытія Васко де-Гама въ Каликутъ должны были занять четыре дня отъ 17 по 20 мая, но они продолжаются до сихъ поръ, и не видно ихъ конца. Вся страна принимаетъ участіе въ этомъ національномъ

торжествъ, и естественно, что литература откликнулась на него. Первое мѣстовъ этомъ отношеніи принадлежитъ изданіямъ географическаго общества въ Лисабонѣ, которое руководитъ юбилейными чествованіями. Особая коммисія, назначенная для этой цѣли, выпустила два новыхъ изданія «Лузіады» Комоенса, воспѣвавшего экспедицію Васко де-Гама; одно изъ нихъ поражаетъ своимъ великолѣбіемъ и чисто національно, такъ какъ матеріалъ и трудъ, употребленные на него, исключительно португальскіе, а второе очень оригинально и доказываетъ, какъ Португалія умѣетъ цѣнить своихъ великихъ людей. Это не имѣющее себѣ равнаго въ литературахъ всего свѣта изданіе литературнаго классика—автографическое, т. е. знаменитая поэма переписана по строфамъ различными писателями, учеными, артистами и вообще выдающимися людьми Португаліи и Бразиліи, а потомъ всѣ автографы точно воспроизведены. Само географическое общество не хотѣло отстать отъ своей коммисіи и трудами председателя, адмирала Дона Ферейра-до-Ампраля, а также секретаря Луціано Кордейро издало къ юбилею цѣлый рядъ брошюръ и книгъ въ стихахъ и прозѣ. Впрочемъ только поэзія, именно «Гимнъ Индійскому юбилею» и «Путешествіе въ Индію» Фернандо Кисты, навѣяна Ваской де-Гама, а проза посвящена самымъ разнообразнымъ предметамъ, имѣющимъ очень отдаленное отношеніе къ юбилею и даже никакого, напримѣръ: «Битвы въ Индіи: какъ потерянь Армуръ, Кордейро» (исторія паденія азиатской имперіи португальцевъ), «Жизнь аббата Дашеля въ Цетскомъ монастырѣ, Перейры» (кафрская рукопись V столѣтія), «Хроника Биснагскаго царя» (туземная рукопись XVI столѣтія о мусульманскихъ династіяхъ Индіи), «Великая Японія» Морасса (описаніе историческое, этнографическое и т. д. Лионіи), и «На востокъ» Ларейро (разсказъ о странствованіяхъ изъ Неаполя въ Китай съ историческими ссылками). По примѣру Португаліи Англія и Франція принесли свою юбилейную лепту великому мореплавателю. По этому случаю особенно несчастливилось знаменитому «Дневнику первой экспедиціи Васко де-Гама въ 1497—1499 гг.»¹⁾ Онъ изданъ на англійскомъ языкѣ въ Калькутѣ Ридомъ и въ Лондонѣ Равенштейномъ, а на французскомъ въ Парижѣ Маріей Теллесъ де-Гама въ заключительныхъ трехъ статьяхъ ея біографическаго очерка своего знаменитаго предка въ *Nouvelle Revue* ²⁾; извлеченіе же изъ него составляетъ наиболѣе интересную часть статьи Эмиля Веделя «Четвертое столѣтіе Васко-да-Гама» въ *Revue de Paris* ³⁾. Этотъ разсказъ очевидца составляетъ единственное подлинное современное свидѣтельство о великомъ открытіи Васко де-Гама, такъ какъ всѣ корабельныя бумаги экспедиціи исчезли; онъ впервые изданъ въ португальскомъ оригиналѣ въ 1838 г. по рукописи, найденной въ архивѣ Каимбы, и по послѣднимъ историческимъ изслѣдованіямъ Александро Херкулано приписывается Альваро Вельхо. Но кто именно былъ этотъ таинственный авторъ, неизвѣстно, хотя, судя по его тексту, онъ не занималъ въ экспедиціи важнаго

¹⁾ A journal of the first voyage of Vasco de-Gama, 1497—1499, translated by Ravenstein. London. 1898.

²⁾ Vasco-da-Gama, par Maria Telles da Gama. *Nouvelle Revue*. 1 et 15 mai, 1 juin.

³⁾ Le quatrieme centenaire de Vasco da-Gama, par E. Vedel. *La Revue de Paris*. 1 juin.

положенія, такъ какъ онъ отзывается съ особымъ уваженіемъ о капитанахъ судовъ, а въ то же время онъ не могъ быть и простымъ матросомъ, судя по тому, что Васко де-Гама взялъ его съ собою въ числѣ 19 человекъ на торжественную аудіенцію владѣтеля Каликута. Во всякомъ случаѣ этотъ скромный сподвижникъ знаменитаго мореплавателя оставилъ единственный подробный, графическій и исполнѣн вѣрный дневникъ перваго его путешествія моремъ въ Индію. Изъ юбилейныхъ изданій этого интереснаго разсказа наиболѣе заслуживаетъ вниманія англійскій переводъ Равенштейна, такъ какъ онъ снабженъ цѣнными примѣчаніями, отрывками изъ писемъ современниковъ Васко де-Гама, мнѣніемъ адмирала Маркгама о морской сторонѣ его экспедиціи и иллюстраціями того времени, 8 картами и 24 портретами виновника юбилея. Очень хорошимъ его портретомъ, сохраняющимся въ семьѣ графовъ Видигейра, потомковъ Васко де-Гама, начинается юбилейный альбомъ, изданный въ Парижѣ г-жей Адавъ подъ заглавіемъ «Васко-да-Гама. Привѣтъ французской мысли, 1498 — 1898» ¹⁾. Собранный подъ высокимъ покровительствомъ королевы Португальской, кружекъ французскихъ писателей, живописцевъ, музыкантовъ и адмираловъ составилъ этотъ альбомъ въ честь юбилея. Конечно, главнымъ образомъ поэты: Мистраль, Сюлли Прюдомъ, Кошэ и другіе, романисты: Поль Бурже и Лотти, и адмиралы: Ревельеръ, Фурнье, Жервэ, Кувервинъ и де-Бенаръ, воспѣваютъ днюпрямбы юбиляру, а художники: Пюэль, Шаванъ, Каролюсъ, Дюранъ, Бонна, Рафаели, Жаніо, и музыканты: Сенъ-Сансъ, Маснэ, Винсентъ Инди, принесли свои лепты международному дѣлу, задуманному редакторшей Nouvelle Revue, которая на послѣдней страницѣ альбома резюмируетъ мысль изданія: «Васко де-Гама былъ героемъ, который мирнымъ путемъ блестяще прославилъ величіе человѣка».

— Колдуны и колдуньи въ Баваріи. Во второй іюньской книжкѣ «Revue des Revues» помѣщена небольшая, но любопытная статья доктора Каза, основанная на новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдованіяхъ о колдовствѣ въ Баваріи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго дня²⁾. Впервые упоминается о баварскихъ колдунахъ и колдуньяхъ въ старинномъ законѣ, по которому наказывался пеней въ 12 грошей всякій, кто колдовствомъ нанесъ бы вредъ жатвѣ или испортилъ бы стадо, что доказывало въ законодателяхъ недоверіе къ колдовству. Дѣйствительно послѣ обращенія Баваріи въ христіанство въ VIII вѣкѣ колдовство считалось церковью за остатокъ язычества, который слѣдовало уничтожить росироотраненіемъ образованія, а не карами, какъ за преступленіе. Въ древнихъ баварскихъ лѣтописяхъ не упоминается ни одного дѣла, возбужденнаго церковью или государствомъ противъ колдуновъ или колдуній. Въ Салон Episcopi, одобренномъ на Анкирскомъ соборѣ 900 г., прямо заявлялось, что вѣра въ колдовство была языческой иллюзіей. Сиустя столѣтіе, Баркардъ, епископъ Вормскій, въ руководствѣ для духовниковъ говоритъ, что слѣдовало наложить годовую эпитимію на тѣхъ, кто вѣрилъ въ шабашъ и силу

¹⁾ A Vasco da Gama, 1498. Hommage de pensée française, 1898. Album commémoratif, recueilli par M-me Adan. Paris. 1898.

²⁾ La Sarcellerie en Bavière, par le d-r Le Caze. Revue des Revues. 1898. 15 juin.

колдуновъ. А триста лѣтъ ранѣе, въ 724 г. первый епископъ Фрейсвигена, Корбіаній, встрѣтивъ однажды на дорогѣ женщину, извѣстную въ околоткѣ за колдунью въ сопровожденіи слугъ, которые вели лошадь и несли различные мяса, подаренныя ей за изгнаніе бѣсовъ изъ сына богатого землевладельца, — пришелъ въ такую ярость, что соскочилъ съ лошади, подошелъ къ старухѣ, далъ ей пощечину и приказалъ раздать бѣднымъ все, что она набрала. Такъ продолжалось до конца XVI столѣтія, и хотя въ 1512 г. Ратисбонскій синодъ признавалъ, что колдовство навѣяно сатаной, но все-таки предписывалъ духовнымъ лицамъ обращаться «осторожно и любовно» со всѣми, которые занимались колдовствомъ, и карать ихъ эштиміями, а въ крайности отлученіемъ отъ церкви. Но въ 1578 г. упоминаются впервые въ Баваріи судебныя преслѣдованія колдуновъ и колдуній, а съ восшествія на престолъ герцога Вильгельма V, прозваннаго Набожнымъ, въ 1579 г. они усилились до такой степени, что Баварія около года была объята безуміемъ религіознаго гоненія. Главные подстрекатели всѣхъ этихъ жестокостей были доминиканцы и іезуиты, дѣйствовавшіе по предписаніямъ Рима и вопреки желанію баварскаго духовенства. Но суды жгли за колдовство почти исключительно женщинъ: такъ отъ 1589 до 1591 г. въ Шенгау и Верденфельгѣ было предано казни на кострѣ 113 колдуній и только одинъ колдунъ. Герцогъ Максимилианъ былъ самымъ яркимъ изъ преслѣдователей колдовства по наущенію своего духовника Магіаса Кемората, который написалъ цѣлую книгу «Синагога колдуновъ», и въ ней онъ серьезно увѣряетъ, что у всякой колдуньи есть зелье, приготовленное изъ сала сжареннаго ребенка и внутренности ящерицы или паука, отъ чего единственнымъ средствомъ спасенія для людей служить меркурій. Такъ продолжалось до середины XVIII столѣтія, но при курфюрстѣ Максимилианѣ-Іосифѣ наступили другія времена. Въ 1759 г. основана въ Мюнхенѣ академія наукъ съ цѣлью «изгнать изъ всѣхъ отраслей философіи предрасудки и суевѣрія», а въ 1766 г. Фердинандъ Штерцингеръ, настоятель монастыря, публично заявилъ, что вѣра въ колдуновъ самое худшее изъ суевѣрій. Уничтоженіе въ 1803 г. монастырей въ Баваріи, отмѣна судебной пытки въ 1806 г. и наконецъ изданіе новаго уголовного кодекса въ 1813 г., не признававшего колдовства преступленіемъ, положили ему конецъ. Но если законно оно перестало существовать, то еще сохранилось до сихъ поръ въ народныхъ понятіяхъ, благодаря вліянію католическаго духовенства. Такъ 15-го марта прошедшаго года въ Мюнхенѣ, одномъ изъ центровъ умственной и художественной дѣятельности современной Европы, какой-то патеръ торжественно выгналъ бѣсовъ изъ дома № 24 на улицѣ Парка. Впрочемъ нигдѣ въ Европѣ суевѣрія такъ не сильны въ наше время, какъ въ Баваріи. Недавно Маріи Бехеръ являлись видѣнія, а въ 1859 г. монахиня въ обители св. Клары видѣла призракъ недавно умершей сестры. Наконецъ профессоръ Бауцъ недавно открылъ подлинное мѣстонахожденіе ада; на основаніи долгихъ ученыхъ трудовъ онъ пришелъ къ заключенію, что адъ не находится ни на солнцѣ, ни на лунѣ, ни на Марсѣ, какъ предполагали невѣжды, а въ центрѣ земнаго шара. Его присутствіе тамъ доказывается, по словамъ баварскаго профессора, землетрясеніями и вулканическими изверженіями, которыя въ сущности произво-

дятся движеніемъ огня въ адѣ при появленіи большаго количества новыхъ грѣшниковъ. Напротивъ въ чистилищѣ, которое профессоръ Бауцъ знаетъ не мѣнѣе хорошо, чѣмъ рай, души слушаютъ католическую обѣдню, которую служатъ умершіе патеры, а по большимъ праздникамъ нарочно присылаемые съ неба ангелы.

— Трехсотлѣтняя годовщина Нантскаго эдикта. Французскіе протестанты праздновали въ началѣ іюня въ Нантѣ трехвѣковой юбилей введенія во Франціи свободы совѣсти знаменитымъ узаконеніемъ Генриха IV, пзвѣстнымъ подъ названіемъ Нантскаго эдикта. Дѣйствительно этотъ актъ, имѣвшій одинаково важныя послѣдствія религиозныя и политическія, положилъ конецъ, какъ правпльно указали ораторы созваннаго по случаю юбилея протестантскаго конгресса, религиозной борьбѣ, опустошавшей Францію болѣе полувѣка, и водворилъ въ Европѣ эру вѣротерпимости, хотя не разъ прерываемую реакціонными вспышками. Нантскій эдиктъ впервые провозгласилъ великій принципъ, что можно быть хорошимъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ, не исповѣдуя государственной вѣры. Гугеноты, содѣйствовавшіе воцаренію Генриха IV, который самъ сначала былъ протестантомъ, смѣло спросили у него: «Дай намъ эдиктъ, въ силу котораго мы могли бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользуются всѣ твои подданные, даже твои бывшіе враги, имено свободой совѣсти, мирнымъ существованіемъ и безопасностью нашей жизни и имущества; нами руководить въ этомъ требованіи не самолюбіе, не корысть, а стремленіе къ славѣ Божьей и спокойствію государства». Генрихъ IV, самый популярный изъ французскихъ королей, котораго одинъ изъ ораторовъ юбилейнаго торжества назвалъ «республиканскимъ королемъ», отвѣчалъ обнародованіемъ Нантскаго эдикта, гласившаго: «Мы воспріемаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ, какого бы званія они ни были, воскрешать память о бывшихъ безпорядкахъ, оскорблять и преслѣдовать другъ друга, словомъ или дѣломъ, то пусть всѣ живутъ мирно, какъ братья, друзья и сограждане. Да будетъ позволено протестантамъ жить во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ нашего королевства безъ малѣйшихъ ограниченій свободы ихъ совѣсти и безъ малѣйшаго преслѣдованія ихъ въ какой бы то ни было формѣ за исповѣданіе ихъ религій». Хотя, какъ доказываютъ ученныя изслѣдованія «Общества исторіи протестантства во Франціи», докладъ о дѣятельности котораго былъ прочитанъ на юбилейномъ конгрессѣ—практическое примѣненіе Нантскаго эдикта встрѣтило много затрудненій, и его восьмидесятилѣтнее существованіе было постепенной, медленной его отмѣной, только окончательно освѣщенной реакціоннымъ постановленіемъ Людовика XIV, этотъ историческій фактъ, по словамъ пастора Кува, былъ «зародышемъ послѣдующаго признанія правъ человѣка и гражданина». Наболѣе полный отчетъ о Нантскомъ юбилейѣ и о произнесенныхъ на немъ рѣчахъ напечатанъ въ «Temps» ¹⁾, а въ «Revue Bleue» помѣщена лекція Рауля Алье о вліяніи Нантскаго эдикта на распространеніе во французскомъ обществѣ идей о вѣротерпимости. Авторъ приводитъ подлинныя свидѣтельства современниковъ о неожиданно наступившей во французскомъ обществѣ, послѣ знаменитаго акта Генриха IV моды

¹⁾ Troisième centenaire de l'Edit de Nantes.—Temps, 1, 2 et 5 juin.

на сближеніе католиковъ съ протестантами. Такъ въ салонѣ протестантки г-жи де-Ложъ встрѣчались аббатъ Менажъ, Вожа, Бальзакъ и Конраръ. Сама хозяйка приписывала дружескія отношенія между недавними врагами Нантскому эдикту, благодаря которому враги протестантства уже не считаютъ ихъ чудовищами и дикарями, а признаютъ ихъ людьми разумными, даже христианами. Въ салонѣ Конрара, гдѣ зародилась французская академія, мы видимъ рядомъ съ католиками: аббатами Мантивьи и Маскареномъ, Бальзакомъ и др., протестантовъ: самого хозяина Капрара, де-Мулена, пастора Далье, профессора Амиро, ориенталиста пастора Пети и т. д. Они не только поддерживали между собою самыя пріятельскія отношенія, но Бальзакъ и Ракемъ просили Конрара поправлять ихъ произведенія, а когда между ними происходили религіозныя споры, какъ между Амиро и епископомъ Шартрекимъ, то ихъ аргументы отличались умѣренностью и утонченнымъ приличіемъ. Это движеніе въ пользу вѣротерпимости не ограничивалось Парижемъ, а распространялось и въ провинціальныхъ городахъ: такъ губернаторъ Сомюра, маршалъ Брезе, постоянно приглашалъ къ себѣ Амиро и искалъ въ его бесѣдахъ утѣшенія по случаю смерти сына, а епископъ Тулузскій любилъ разговаривать подружески съ Самуиломъ Пети. Но, быть можетъ, самымъ поразительнымъ примѣромъ вѣротерпимости, обуявшей французовъ послѣ Нантскаго эдикта, служить тотъ фактъ, что когда парижскіе пасторы предприняли новый переводъ Библии, то въ немъ принялъ участіе патеръ Симонъ, которому принадлежитъ изложеніе большей части Пятикнижія.

— Наполеону ли принадлежитъ слава творца Наполеоновскаго кодекса? Наполеонъ говорилъ на островѣ св. Елены: «моя главная слава не заключается въ томъ, что я одержалъ 40 побѣдъ, память о которыхъ затмилъ Ватерло, но ничто не стушаетъ славы моего гражданскаго кодекса, который будетъ жить вѣчно». Но не прошло и ста лѣтъ послѣ изданія Наполеоновскаго кодекса, а уже многіе отрицаютъ, что слава творца этого юридическаго памятника принадлежитъ Наполеону. Быть можетъ, послѣдній отголосокъ прежняго поклоненія Наполеону, какъ великому законодателю, встрѣчается въ статьѣ о Наполеоновскомъ кодексѣ Е. Шенана въ IX томѣ «Всеобщей исторіи отъ IV вѣка до нашихъ дней» подъ редакціей Лависса и Рамбо, но только что появившійся трудъ профессора гражданскаго права въ Анжерскомъ университетѣ Эрнеста Жага окончательнo развѣнчиваетъ Наполеона въ этомъ отношеніи¹⁾. Какое участіе принялъ Наполеонъ въ составленіи кодекса, носящаго его имя? Вотъ вопросъ, который себѣ задалъ ученый авторъ, и онъ основалъ свой отвѣтъ на подробномъ изслѣдованіи всѣхъ подготовительныхъ работъ по написанію проекта кодекса и его обсужденія въ государственномъ совѣтѣ, трибунатѣ и законодательномъ корпусѣ. Жакъ не отрицаетъ, что Бонапартъ далъ энергичный толчокъ кодификаціоннымъ работамъ и содѣйствовалъ принятію кодекса, но прямо отрицаетъ, чтобъ ему принадлежала честь его созданія, тѣмъ болѣе, что онъ руководствовался въ своемъ сочувствіи къ этому дѣлу личными интересами и политическими соображеніями, а не юридическими аргументами

¹⁾ Bonaparte et le code civil, par E. J-ag. Angers. 1898.
«истор. вѣстн.», июль, 1898 г., т. LXXIII.

и общей пользой. Какъ пристрастно онъ относился къ нѣкоторымъ частямъ кодекса, между прочимъ доказываютъ его старанія въ виду уже созрѣвшей тогда въ его головѣ мысли о новомъ бракѣ провести между причинами развода несоответствіе характеровъ. Подробно, основательно и документально подтвердивъ свой тезисъ, что слава Наполеона, какъ творца наполеоновскаго кодекса ни на чемъ не основана, Жагъ естественно указываетъ, кому дѣйствительно принадлежитъ честь составленія этого замѣчательнаго, хотя не оригинальнаго законодательства, служащаго въ сущности эклектической амальгамой римскаго и обычнаго французскаго права, королевскихъ постановленій и республиканскихъ законовъ, практики старинныхъ парламентовъ и мнѣній прежнихъ юристовъ. Настоящими творцами наполеоновскаго кодекса были, безъ сомнѣнія, юристы: Троншэ, Камбасересъ, Трельяръ, Биго и Мальваль, славу которыхъ такъ долго затмевала тѣнь великаго полководца.

— Новые мемуары графини Потоцкой. Въ прошедшемъ году надѣлали много шума мемуары графини Потоцкой, которые извѣстны читателямъ «Историческаго Вѣстника», а въ майскихъ и июньскихъ номерахъ *La Revue Hebdomadaire* появилось ихъ продолженіе подъ заглавіемъ: «Путешествіе по Италіи» (1826—1827)¹⁾. Конечно, это продолженіе, какъ обыкновенно всѣ продолженія литературныхъ произведеній, имѣвшихъ успѣхъ, далеко уступаетъ, по интересу, первоначальнымъ воспоминаніямъ польской аристократки о Наполеонѣ, Александрѣ I и другихъ выдающихся политическихъ личностяхъ первой четверти XIX столѣтія. Это, по ея собственнымъ словамъ, бѣглыя замѣтки о томъ, что она видѣла и слышала во время своего годового пребыванія въ Италіи, а такъ какъ въ этихъ замѣткахъ нѣтъ ничего новаго или любопытнаго на счетъ Италіи того времени, то онѣ представляютъ лишь нѣкоторую историческую цѣну по мелкимъ подробностямъ о родственникахъ Наполеона, съ которыми графиня Потоцкая видалась въ различныхъ итальянскихъ городахъ. Даже на порогѣ Италіи, въ Триестѣ, она столкнулась съ бывшей неаполитанской королевой, вдовой Мюрата, Каролиной. Нѣкогда красивая блестящая женщина, она тогда жила въ уединенной виллѣ, въ обществѣ генерала Макдональда, который нѣкогда былъ военнымъ министромъ короля неаполитанскаго и, по слухамъ, послѣ его смерти тайно обвинчался къ Каролиной. Бывшая королева очень любила рассказывать о своей молодости и между прочимъ передала графинѣ Потоцкой, что кормилица Наполеона была грамотная женщина и сочиняла стихи, между которыми замѣчательнъ былъ романсъ, который она постоянно пѣла будущему императору. Онъ начинался очень характерно словами: «посмотрите на моего маленькаго короля, онъ будетъ и вашимъ королемъ». Въ Болоніи графиня посѣтила дочь королевы Каролины, графиню Пеполи, очень красивую и толстую, хотя молодую даму. Флоренція въ двадцатыхъ годахъ была резиденціей двухъ братьевъ Наполеона: Людовика и Иосифа, съ ихъ семьями. Перваго графиня Потоцкая не видала, а о послѣднемъ она отзывается, какъ о добродушномъ, предупредительномъ чловѣкѣ, но очень эгои-

¹⁾ Voyage d'Italie 1826—1827. Par la comtesse Anna Potocka. Revue Hebdomadaire 28 mai. 4, 11, 18, 25 juin.

стичномъ, любившемъ разыгрывать короля и походившемъ чертами лица, какъ это ни странно, въ одно и то же время на Людовика XVIII и Наполеона I. Кромѣ наполеонидовъ, графиня Потоцкая посѣщала во Флоренціи Демидова, домъ котораго былъ средоточіемъ всѣхъ иностранцевъ. Этотъ богатый, но экцентричный русскій богачъ содержалъ на свой счетъ французскую труппу и во дворцѣ Рисполи давалъ парижскіе водевили. Онъ былъ старый и больной, но все-таки постоянно принималъ гостей и кичился передъ ними своимъ богатствомъ, хотя, по словамъ польской графини, его палаццо блестѣло роскошью, а не изяществомъ вкуса. Въ Римѣ, по своей привычкѣ, графиня Потоцкая розыскала двухъ представительницъ наполеоновской семьи, именно бывшую королеву голландскую Гортензію, которая ей показалась очень веселой, но недалекой женщиной, и мать Наполеона, Летицію. «Глубокая старость этой почтенной женщины, — говоритъ графиня: — нимало не пошатнула ея умственныхъ способностей; слѣды ея прелестной красоты замѣтны до сихъ поръ. Она одѣвается очень просто, но съ достоинствомъ, говоритъ мало и повидимому съ трудомъ понимаетъ французскій языкъ. Она очень любитъ говорить о своемъ сынѣ, причемъ на глазахъ ея показываются слезы. Она показывала намъ кольцо, которое ей подарилъ ребенкомъ Наполеонъ и съ которымъ она во всю жизнь не разставалась. Она была очень набожна, но когда ея родственникъ, кардиналъ Фешъ, приставалъ къ ней, чтобы она чаще постилась, то она отвѣчала: «ну, ладно, и такъ довольно. Я не хочу быть ханжей». Къ любопытнымъ чертамъ воспоминаній графини Потоцкой объ ея пребываніи въ Римѣ относится и то, что она говоритъ о хранящемся въ Ватиканской библиотекѣ сборникѣ подлинныхъ писемъ англійскаго короля Генриха VIII къ Аннѣ Болейнъ, на французскомъ языкѣ. Эти письма такъ понравились ей своими поэтическими оборотами и фантастично идеальными стремленіями, что она просила разрѣшенія списать ихъ, но когда доложили объ этомъ кардиналу министру, то онъ не согласился на томъ основаніи, что неприлично распространять свѣдѣнія о находженіи въ Ватиканѣ рукописи, въ которой исключительно говорится о любви. Передавая свои впечатлѣнія о Неаполѣ, графиня Потоцкая очень рѣзко отзывалась о тогдашнемъ королѣ, который, по ея словамъ, находился постоянно въ какомъ-то забытьѣ, занимался охотой и приходилъ по временамъ въ ярость противъ заговорщиковъ, которыми его пугалъ временщикъ Медичи, съ цѣлью крѣпко держать его въ своихъ рукахъ.

— Леопарди и Антуанета Томазини. По поводу юбилея Леопарди появилась во Флоренціи книжка сеньоры Богенъ-Кониглиани¹⁾, которая представляетъ каталогъ всѣхъ предметовъ любви великаго поэта, который, какъ извѣстно, всю свою несчастную жизнь постоянно любилъ, но взаимнѣ получалъ лишь дружбу и сожалѣніе. Въ этомъ длинномъ рядѣ обожаемыхъ поэтомъ богинь были и аристократка Тереза Мальвецци, и пѣвица Марія Бригенти, и честная образованная женщина изъ буржуазной семьи, Антуанета Томазини. О послѣдней госпожа Кониглиани сообщаетъ новыя свѣдѣнія. До сихъ поръ біо-

¹⁾ La Donna nella vita et nelle opere di Leopardi di signora Boghen Conigliani. Firenze. 1898.

графы Леопарди представляли любовь поэта къ Томазини циническою связью, но снвъора Кониглиани доказываетъ фактами, что между ними были только самыя платоническія отношенія. Антуанета была старше Леопарди на двадцать восемь лѣтъ, и ей уже пошелъ сорокъ шестой годъ, когда она впервые встрѣтилась съ нимъ, въ Болоніи, гдѣ ея мужъ былъ докторомъ и университетскимъ профессоромъ. Леопарди посѣтилъ ихъ домъ, чтобы посоветоваться съ докторомъ, и тотчасъ воспылалъ нѣжнымъ чувствомъ къ его женѣ, отличавшейся идеальными стремленіями и любовью къ классической древности, о которой она написала нѣсколько сочиненій. Разставшись съ нею, Леопарди продолжалъ переписываться съ Антуанетой, и ихъ письма, теперь впервые напечатанныя, касаются самыхъ возвышенныхъ патріотическихъ и гуманныхъ вопросовъ. Что касается до выраженія чувствъ поэта къ Антуанетѣ, то онъ между прочимъ говорилъ въ одномъ письмѣ: «Мнѣ не надо ни общаго уваженія, ни славы, а я нуждаюсь только въ любви; вы можете себѣ представить, съ какой радостью я нашолъ въ вашей семьѣ эту желанную любовь». Очевидно Леопарди разумѣлъ подъ любовью дружбу, и это доказывается еще и тѣмъ фактомъ, что когда Антуанета предложила ему проводить ее изъ Флоренціи въ Болонію, то онъ отказался подъ предлогомъ, что не любитъ путешествовать въ лѣтнія жары. «Ни одинъ влюбленный человѣкъ не отказался бы по такой причинѣ отъ поѣздки со своей возлюбленной, — замѣчаетъ сеньора Кониглиани, — а потому можно смѣло сказать, что Леопарди питалъ только дружбу къ Антуанетѣ Томазини».

— Трансваальская республика и ея президентъ Крюгеръ. Въ Амстердамѣ и въ Лондонѣ появились двѣ книги, бросающія новый свѣтъ на отдаленный уголокъ Африки и его главу, которые возбуждаютъ, въ виду недавнихъ событій, общее вниманіе Европы. Трансвааль и его теперешній президентъ Крюгеръ составляютъ предметъ воспоминаній голландца Юрсена ¹⁾ и англичанина Реджинальда Статтама ²⁾. Первый изъ нихъ былъ приглашенъ двадцать лѣтъ тому назадъ президентомъ Бюргерсомъ въ Преторію для оказанія помощи своими юридическими познаніями къ прогрессивному развитію юной республики. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ тамъ по судебной части и въ настоящее время состоитъ членомъ верховнаго суда. Его книга представляетъ очень рельефный разсказъ о послѣднихъ двадцати годахъ трансваальской исторіи. Онъ съ сожалѣніемъ присутствовалъ сначала при распаденіи боерскаго государства, по добродушію президента Бюргерса, что и повело къ присоединенію Трансваала къ Англіи, въ 1877 году, подъ угрозой представителя Англіи сэра Теофила Шипстона напустить на эту страну страшнаго въ то время зулусскаго вождя Читавайо, если не согласятся на подобное присоединеніе. Но какъ только совершился этотъ насильственный шагъ англійской политики, то трансваальцы почувствовали подъемъ патріотическаго духа, стали собирать въ различныхъ мѣстностяхъ народныя митинги негодованія и послали въ Англію депутацію, въ числѣ которой находился авторъ книги съ требованіемъ отмѣнить актъ присоединенія. Англійское правительство не хотѣло объ этомъ и

¹⁾ E. I. Ionissen. Transvaalsche Herinneringen. Amsterdam. 1898.

²⁾ Paul Kruger and his times. By Reginald Statham. London. 1898.

слышать; тогда боеры возстали въ 1880 году, осадили англійскіе гарнизоны въ странѣ и разбили англійскую армію, посланную на выручку. Это пораженіе, причѣмъ былъ убитъ англійскій генераль Коллей, побудило англичавъ вступить въ переговоры и въ концѣ концовъ признать независимость Трансваальской республики, хотя и подъ покровительствомъ Англіи. Покончивъ съ этимъ бурнымъ эпизодомъ трансваальской исторіи, Юрисенъ переходитъ къ эпохѣ теперешняго президента Крюгера и рисуетъ очень характерный портретъ этого страннаго чловѣка, похожаго на суроваго протестанта XVI столѣтія, случайно попавшаго въ XIX вѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне подходящаго для управления боерами, достоинства и недостатки которыхъ онъ вполне олицетворяетъ. Реджинальдъ Статгамъ исключительно посвящаетъ свой трудъ Крюгеру и его эпохѣ. Онъ долго находился въ близкихъ отношеніяхъ къ трансваальскому президенту, а потому, естественно, передаетъ интересныя подробности о старомъ вождѣ боеровъ, который, сидя съ трубкой въ зубахъ на крыльцѣ своего скромнаго домика, перехитрилъ англійскихъ дипломатовъ и германскаго императора. Относительно біографическихъ свѣдѣній мы узнаемъ, что Крюгеръ родился въ 1825 г., былъ два раза женатъ, имѣетъ семнадцать дѣтей и общее число всѣхъ его потомковъ доходитъ до 120. Несмотря на его добродушіе, Крюгеръ иногда позволяетъ себѣ странныя выходки, такъ его англійскій біографъ рассказываетъ, что однажды, выходя изъ дома, гдѣ помѣщается президентская канцелярія, онъ ударилъ по головѣ находившеюся у него въ рукахъ деревяшкой какого-то господина, котораго онъ, вѣроятно, принялъ за чиновника; но это оказался недавно прибывшій въ преторію одинъ англійскій миссіонеръ, который очень удивился подобнымъ неприличнымъ шуткамъ президента.

— Гладстоніана. Смерть Гладстона породила въ Англіи цѣлую литературу. Изъ книгъ заслуживаютъ вниманія «Бесѣды съ Гладстономъ, Лайополнея Толемеча» ¹⁾, и «Гладстонъ въ современной карикатурѣ» ²⁾, изд. Стѣда. Первая представляетъ любопытный рядъ разговоровъ автора съ великимъ старикомъ въ два періода его жизни, отъ 1856 по 1870 и отъ 1891 по 1896 г. Все, что говорилъ Гладстонъ, было интересно, а его бесѣда отличалась всегда такой искренностью, такой серьезностью, что, по выраженію одного изъ его друзей, «онъ какъ будто стоялъ на страшномъ судѣ, говоря о старомъ фарфорѣ». Главными предметами передаваемыхъ Толемечемъ бесѣдъ были богословіе и литература; повидному, Гладстонъ очень высоко ставилъ Теннисона, хотя считалъ Свинборна величайшимъ англійскимъ поэтомъ. Вальтеръ-Скотта онъ признавалъ лучшимъ изслѣдователемъ чловѣческаго характера послѣ Гомера и Шекспира, а романы Джорджа Эліота, по его мнѣнію, не имѣли гармоніи. Мольера онъ низко цѣнилъ и называлъ «Тартюфа» третьеклассной пьесой. Переходя отъ книгъ къ людямъ, мы увидимъ, что Гладстонъ не питалъ сочувствія къ Наполеону и имѣлъ слабость къ Карлу I, котораго, однако, считалъ «ужаснымъ лжецомъ». Тотъ же эпитетъ онъ относилъ къ Парвелю, отличав-

¹⁾ Talks with Mr. Gladstone. by L. Tollemache. London. 1898.

²⁾ Mr. Gladstone in contemporary caricature, edit. by Stead. London. 1898.

шешуся, по его словамъ, замѣчательными способностями государственнаго чело-
вѣка. Среди политическихъ отзывовъ своего собесѣдника авторъ приводитъ,
между прочимъ, очень характерное замѣчаніе Гладстона о Пальмерстонѣ. Онъ
какъ-то очень осуждаетъ Пальмерстона за выраженіе въ парламентѣ, что если
пруссакки нападуть на датчанъ по Шлезвигъ-Гольштинскому вопросу, то послѣд-
ніе не останутся одни, а на слова Толемеча: «вѣроятно, Пальмерстонъ думалъ,
что Англія поддержитъ Данію», онъ отвѣчалъ съ жаромъ: «Ему нечего было
думать. У насъ въ Итонской школѣ былъ учитель Гитъ, который, отправляя
ученика на порку, всегда говорилъ: «Вы думали, такъ или иначе, но вамъ не-
чего было думать; ранѣе старшаго класса ученику не слѣдуетъ думать». Вотъ
такъ и Пальмерстону нечего было думать, пока онъ не убѣдился въ настроеніи
страны». Еще слѣдуетъ упомянуть, что Гладстонъ очень критически относился
ко всѣмъ біографіямъ и говорилъ: «Хуже всего въ біографіяхъ—это ихъ двои-
рамбическій тонъ». Конечно, этимъ тономъ не отличаются собранныя Стэдомъ
200 карикатуръ на Гладстона, появившіяся въ различныя эпохи его жизни
во всѣхъ странахъ, которыя онъ снабдилъ пояснительнымъ текстомъ, но за то
всѣ статьи о немъ, наполняющія англійскіе журналы за іюнь, вполне есте-
ственно превозносятъ его до небесъ на всѣ тоны. Впрочемъ, среди нихъ попа-
даются любопытныя личныя воспоминанія о великомъ старикѣ, и что казалось
бы невозможнымъ въ виду громаднаго количества печатнаго матеріала о немъ
при его жизни, они сообщаютъ новыя, неизвѣстныя доселѣ черты его жизни
и характера. Такъ Макколъ въ «Fortnightly Review» ¹⁾ передаетъ, что въ
1885 г. Гладстонъ предлагалъ лорду Сальсбюри провести биль объ ирланд-
скомъ самоуправленіи, обѣщая его поддержать, какъ глава оппозиціи, но вождь
торіевъ отказался отъ этой славы, которая ему не стоила бы ни малѣйшаго
труда, такъ какъ Гладстонъ бралъ на себя всю работу; еще поразительнѣе
фактъ, приводимый тѣмъ же авторомъ, что Дизраэли предложилъ Гладстону
въ 1858 г. министерскій портфель. Въ доказательство доброты и незлобія вели-
каго старика, Макколъ и Ашлей ²⁾, бывший долго его секретаремъ, ссылаются
первый на его отзывъ о Биконсфильдѣ, а послѣдній на его сожалѣніе о смерти зу-
лусскаго вождя Читавайо. Въ первомъ отношеніи онъ сказалъ: «Я не питаю ни-
какой злобы къ лорду Биконсфильду, и увѣренъ, что онъ скажетъ то же обо мнѣ,
хотя мы были злѣйшими политическими врагами; въ его характерѣ и дѣятель-
ности есть черты, за которыя я всегда буду его уважать: именно за благород-
ную защиту своей расы, за вѣрную любовь къ женѣ и за блестящую парламен-
тскую смѣлость». Когда получилась вѣсть о смерти Читавайо, надѣлавшаго
столько заботъ Англіи, Ашлей бросился къ Гладстону, чтобъ объявить ему о ра-
достной вѣсти, развязывавшей руки Англіи въ колониальной политикѣ, его пре-
мьеръ сказалъ печально: «Жаль бѣднаго старика». По словамъ Ашлея, онъ
въ первый и послѣдній разъ всмылилъ при Гладстонѣ и, сказавъ: «Ну, мистеръ
Гладстонъ, вы единственный челоувѣкъ, который пожалѣетъ его въ Англіи»,
быстро вышелъ изъ комнаты. Но, быть можетъ, доброта и гуманность народ-

¹⁾ Mr. Gladstone, by Canon Maccoll.—Fortnightly Review. June.

²⁾ Mr. Gladstone, by E. Ashley. National Review. June.

наго Вильяма ни въ чемъ не проявлялись такъ ярко, какъ въ его отношеніяхъ къ падшимъ женщинамъ. Еще юношей онъ далъ себѣ клятву сдѣлать всевозможное для спасенія каждой изъ нихъ, которая попадется ему навстрѣчу. Въ Оксфордѣ онъ составилъ планъ о возстановленіи добраго имени падшихъ созданий, и потомъ, въ 1845 г., предлагалъ своему товарищу Гонъ-Скотту привести его въ исполненіе. Но если ему не удалось совершить на большой ногѣ это доброе дѣло, то онъ во всю свою жизнь до старости, вмѣстѣ съ женою, возвращалъ на путь истины и оказывалъ помощь несчастнымъ жертвамъ современной цивилизаціи. По этому поводу Макколль въ своемъ письмѣ къ редактору «Daily Chronicle» напоминаетъ неизвѣстный фактъ его жизни, нарочно или по невѣдѣнію пропущенный всѣми его біографами. Въ маѣ 1853 г., Гладстонъ, тогда министръ финансовъ, возвращался пѣшкомъ домой изъ парламента поздно ночью, какъ къ нему подошла уличная женщина. По обыкновенію, онъ поговорилъ съ нею, но когда, пройдя съ нимъ нѣсколько шаговъ, она удалилась, то къ нему присталъ какой-то человѣкъ, съ цѣлю шантажа. Гладстонъ преспокойно позвалъ полицмена, отдалъ ему негодя и на другой день явился въ полицейскій судъ, гдѣ его противника, оказавшагося мелкимъ почтовымъ чиновникомъ, подвергли тюремному заключенію». Замѣчательно, что хотя этотъ фактъ получилъ гласность, но никто, даже самые ярые враги въ газетахъ, ни тогда, ни впослѣдствіи не рѣшился воспользоваться имъ для клеветы или даже шутки: такой чистой, незапятнанной репутаціей и такимъ истиннымъ уваженіемъ пользовался народный Вильямъ. Далѣе Макколль рассказываетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ въ іюль 1898 г., выходя съ Гладстономъ ночью изъ дома общаго пріятеля, слѣдующей сцены: «Какая-то, говоритъ, онъ падшая женщина пристала ко мнѣ, я молча отвернулся отъ нея; тогда она заговорила съ Гладстономъ, и онъ остановившись сталъ говорить съ нею. Спустя нѣсколько минутъ, онъ догналъ меня и спросилъ: «Вы всегда отвертываетесь отъ этихъ женщинъ?».—Я отвѣчалъ: «Да».—Тогда онъ продолжалъ: «Можетъ быть, вы правы, но я не люблю отвертываться отъ нихъ, когда онѣ заговариваютъ со мною. Такимъ путемъ я узналъ много страшныхъ трагедій и, быть можетъ, сдѣлалъ кое-какое добро; вообще я увѣренъ, что онѣ менѣе грѣшатъ, чѣмъ другіе грѣшатъ противъ нихъ». Тотъ же Макколль указываетъ, что никто изъ общественныхъ дѣятелей не отличался такой безсребренностью, какъ Гладстонъ, который, имѣя право получать въ продолженіе сорока лѣтъ пенсію въ 2.000 фунтовъ стерлинговъ (около 20.000 руб.), не бралъ изъ нихъ ни гроша. Прибавимъ еще, что Дж. Россель въ «Contemporary Review» ¹⁾ опровергаетъ нелѣпныя обвиненія Гладстона въ католицизмѣ и принадлежности втайнѣ къ іезуитскому ордену; по его словамъ, великаго старика можно было назвать историческимъ католикомъ въ виду его мнѣній относительно церкви, духовенства и таинствъ, но съ современнымъ католицизмомъ, а тѣмъ болѣе іезуитствомъ онъ не имѣлъ ничего общаго и часто повторялъ при авторѣ: «Католицизмъ—тиранія съ начала до конца; папѣзъ тиранитъ мірянина, епископъ—патера, а папа—епископа». Еще не лишне замѣтить, что редакторъ Nineteenth

¹⁾ Mr. Gladstone theology, by F. Russill.—Contemporary Review. June.

Century» Нольсѣ ¹⁾, въ журналѣ котораго Гладстонъ помѣстилъ 67 статей по различнымъ предметамъ въ теченіе періода 1877—1896, свидѣтельствуетъ, что онъ никогда не видывалъ такого образцоваго, а вмѣстѣ скромнаго сотрудника, исполнявшаго съ одной стороны буквально свои литературныя обѣщанія, а съ другой строго уважавшаго всѣ редакторскія замѣчанія. Наконецъ Стэдъ, посвятивъ въ юньской книжкѣ своего журнала «Review of Reviews» три статьи Гладстону ²⁾, приводитъ полный библиографическій списокъ его сочиненій, изъ котораго оказывается, что онъ всего написалъ, несмотря на свою энергичную общественную и политическую жизнь 12 книгъ, 6 брошюръ и 235 журнальныхъ статей, изъ которыхъ избранныя вошли въ составъ 7 томовъ сборника подъ заглавіемъ «Gleanings of years», уже не говоря о 8 сборникахъ его рѣчей и безчисленныхъ писемъ въ газетахъ.

— Французы о Россіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ французскаго клерикальнаго журнала «Etudes Religieuses» за прошедшій годъ ³⁾ помѣщена курьезная статья подъ заглавіемъ: «Оклеветанный русскій». Этимъ оклеветаннымъ русскимъ въ глазахъ католической прессы является императоръ Павелъ I. По словамъ анонимнаго автора, онъ далеко не былъ тѣмъ страннымъ, эксцентричнымъ и жестокимъ человѣкомъ, которымъ его представляютъ иностранные историки, а напротивъ отличался добротой, великодушіемъ, любовью къ народу и вообще рыцарскими чувствами, а если онъ слишкомъ далеко простеръ свою солдатманію, то это объяснялось распущеніемъ дисциплины при Екатеринѣ. Такая ярая защита Павла со стороны французскаго журналиста была бы совершенно непонятна, если бы онъ самъ себя не выдалъ, прославляя своего героя за покровительство мальтійскому ордену и іезуитамъ. По его словамъ, онъ не только позволялъ іезуитамъ селиться въ Россіи, но ходатайствовалъ въ Ватиканѣ о возстановленіи этого ордена, распущеннаго папой Климентомъ XIV, и о томъ же писалъ шведскому королю и султану.

Майоръ Маргеронъ, состоящій при историческомъ отдѣлѣ Главнаго штаба французскій арміи, предпринялъ обширный и чрезвычайно важный трудъ изданія подлинныхъ документовъ, относящихся до исторіи войны 1812 года ⁴⁾. По словамъ автора, исторія должна быть, насколько возможно, наукой положительной, а потому имѣть въ своей основѣ подлинныя документы, писанныя участниками историческихъ событій. Для того, чтобы вывести синтезъ изъ историческихъ фактовъ, необходимо, чтобы они основывались на безспорныхъ доказательствахъ, а такимъ относительно кампаніи 1812 года, по правильному замѣчанію Маргерона, служатъ дневные приказы Наполеона и донесенія маршаловъ, генераловъ и начальниковъ частей. Задавшись этой цѣлью, авторъ и представляетъ сборникъ необходимыхъ матеріаловъ для составленія полнаго

¹⁾ Mr. Gladstone as a contributory to the Nineteenth Century, by the editor Nineteenth Century. 18 June.

²⁾ In memoriam: Mr. Gladstone.—Mr. Gladstone in contemporary caricature.—Mr. Gladstone, as an author.—«Review of Reviews».—15 June.

³⁾ Un Russe calomnié. Etudes Religieuses. Novembre 1897.

⁴⁾ Campagne de Russie, par le commandant Margueron, t. I. Paris. 1898.

и основательнаго сужденія о наступленіи французовъ на Россію. Вышедшій первый томъ обнимаетъ подготовленіе войны, ея причины и организацію французской арміи; второй томъ будетъ посвященъ походу великой арміи чрезъ Германію на Нѣманъ, а третій—движенію на Москву и отступленію. Вообще это изданіе послужитъ отличнѣйшимъ пособіемъ для всякаго, желающаго основательно изучить эту знаменательную страницу европейской исторіи въ XIX вѣкѣ.

Недавно вышелъ первый томъ, а вскорѣ появится и второй переписки маршала Кастеллана, въ которой помѣщены письма выдающихся военныхъ дѣятелей іюльской монархіи и второй имперіи о войнахъ: Алжирской, Крымской и Итальянской, а также объ экспедиціяхъ Римской и Мексиканской. Быть можетъ, наибольшій интересъ представляютъ крымскія письма маршала Пелісье, генераловъ Канробера, Трошу, Боскэ и Гербильона, эскадроннаго командира Вико, полковника Клера, барона Бондерана и Ле-Крейцера, капитана графа Море-де-Пенжабо и сына Кастеллана, поручика Пьера Кастеллана, которые войдутъ во второй томъ и напечатаны предварительно въ нумерахъ *Revue Hebdomadaire* ¹⁾ отъ 11 до 18 іюня. Эти письма хотя и писаны разными лицами, но отличаются одинаковѣйшимъ, чисто французскимъ военнымъ шломомъ, недоброжелательствомъ къ своимъ союзникамъ англичанамъ и сочувствіемъ къ врагамъ русскимъ. Въ первомъ же письмѣ этой серіи, еще писанномъ изъ болгарскаго лагеря французской арміи въ Франгѣ, Канроберъ очень рельефно рисуетъ портреты солдатъ турецкаго, англійскаго и французскаго. Первый: «молчаливый, оборванный, съ четками въ рукахъ, покорно преклоняется передъ судьбой, не обращая никакого вниманія на жизнь свою и чужую; второй—хорошо одѣтый, прекрасно накормленный, видный, въ туго стянутомъ мундирѣ, спокойно шагающій, представляетъ идеальный образецъ холодной, непреклонной обороны; третій — живой, веселый, свободный въ одеждѣ и походкѣ, ни въ чемъ не сомнѣвается, ни передъ чѣмъ не останавливается, рожденъ для смѣлой атаки». Вообще французская армія, по словамъ Вико, была не расположена къ крымской экспедиціи, а инженерные и артиллерійскіе авторитеты прямо возставали противъ нея, находя ее опасной и неблагоприятной, но одержавъ альмскую побѣду и осадивъ Севастополь, она, конечно, пришла въ неописанный восторгъ, какъ видно изъ писемъ Клера, Боскэ и Трошу. Но если первый, какъ и подобаетъ зуаву, говоритъ только о новой славной страницѣ въ исторіи Франціи, то второй гнѣвно упрекаетъ англійскаго главнокомандующаго въ томъ, что онъ не послалъ кавалерію въ тылъ праваго крыла русскихъ, благодаря чему могъ бы взять въ плѣнъ 15.000 человекъ и 40 орудій, а также предсказываетъ, что Севастополь будетъ хорошо защищаться, задаетъ себѣ вопросъ: гдѣ будутъ французы танцовать въ предстоящую зиму: въ Крыму, Турціи или Парижѣ. Но все-таки Трошу говоритъ: 18 декабря 1854 г. «мы ведемъ большую игру, и по мнѣнію старыхъ рубахъ никогда они не видали болѣе колоссальной; Севастополь скоро нельзя взять, благодаря гениальному шагу русскихъ,

¹⁾ *Lettres écrites de Crimée au marechal de Castellane. Rev. Hebdomad. 11—18 juin.*

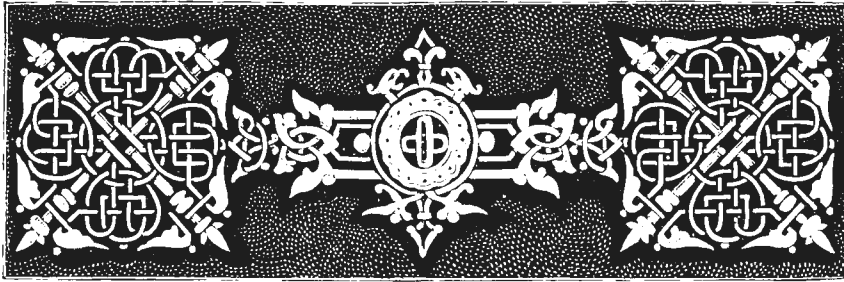
именно затопленію своихъ судовъ, такъ какъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ флота и сухопутной арміи союзники овладѣли бы Севастополемъ въ 48 часовъ. Но я твердо увѣренъ въ благополучномъ результатѣ этой славной кампаніи. Русская армія замѣчательно стойка и всегда причинитъ намъ большія потери, но не вырвется изъ нашихъ когтей и не можетъ противостоятъ нашимъ пылкимъ походнымъ движеніямъ». Бондабранъ упоминаетъ въ мартѣ слѣдующаго года о проектѣ Наполеона III принять командованіе союзными арміями и лично взять Севастополь, какъ о рѣшенномъ фактѣ, хотя признаетъ, что въ случаѣ успѣха подобный смѣлый шагъ много увеличилъ бы его славу и популярность, но неудача причинила бы громадныя затрудненія. Дальнѣйшія письма наиболѣе касаются отказа Канробера отъ командованія арміей въ виду пререканій съ англичанами, и въ нихъ всего интереснѣе отзывы о русскихъ; такъ Понжабо говоритъ: «Русскіе наши учителя въ фортификаціонныхъ работахъ, они работаютъ очень скоро и очень основательно; пользуясь тѣмъ, что мы далеко, они, увидавъ наши новыя работы, тотчасъ пересѣкаютъ ихъ своими и, выставя большее число орудій, чѣмъ у насъ, открываютъ огонь противъ нашихъ батарей, которыя еще не могутъ имъ отвѣчать. Имъ довольно трехъ дней, чтобъ устроить новую батарею, а намъ требуется девять». Ле-Крейцеръ замѣчаетъ, что «русскіе славные и храбрые солдаты, ежедневно доказывающіе свою удалъ». Хотя французы уже въ іюлѣ мѣсяцѣ предчувствовали неизбѣжность второй зимы въ Крыму, «еслибъ ихъ войска имѣли достаточно нравственнаго подъема, чтобъ еще долѣ выносить всѣ усталости», но судьбѣ было угодно иначе: Севастополь палъ 8-го сентября, и маршалъ Пелисье, «взявшій быка за рога», по выраженію Канробера, писалъ, спустя нѣсколько дней: «Наша армія одержала славный, очень славный триумфъ!».

О Крымской войнѣ говоритъ вскользь и Эмиль Оливье въ своей маленькой статьѣ «Русскій союзъ и Наполеонъ III», напечатанной въ іюньской книжкѣ *Cosmopolis*; онъ приводитъ слова Александра II, сказанныя имъ Морни во время пребыванія послѣдняго въ Россіи французскимъ посломъ: «я всегда сожалѣлъ, что мой отецъ не видался съ вашимъ императоромъ. Увѣряю васъ, что онъ этого часто желалъ и когда стали говорить о намѣреніи императора Наполеона отправиться въ Крымъ во время войны, мой отецъ хотѣлъ поѣхать туда, и, конечно, они заключили бы миръ. Если война имѣла хорошую сторону, то лишь въ томъ отношеніи, что она показала, какъ обѣ націи питаютъ сочувствіе, а обѣ арміи уваженіе другъ къ другу». Задавшись цѣлью реабилитировать седанскаго героя, гибели котораго онъ столько содѣйствовалъ, Оливье пишетъ книгу за книгой и статью за статьей о событіяхъ Декабрской имперіи; теперь пришла очередь отношеніямъ Наполеона III къ Александру II, и онъ увѣряетъ, что между ними былъ бы непремѣнно заключенъ союзъ, еслибъ не помѣшало этому упорное желаніе перваго включить въ союзъ Англію, отъ чего послѣдняя отказывалась, не находя возможнымъ заключить какую нибудь комбинацію, въ которой не участвовала бы Австрія, а послѣдняя обязательно устранилась отъ предполагаемаго четвертнаго франко-русско-англо-

¹⁾ L'alliance Russe et Napoleon III, par E. Ollivier. *Cosmopolis*, juin.

пруссаго союза. Несмотря на расположевіе Александра II и Горчакова къ союзу съ Франціей и совѣты Морни, который, вернувшись изъ Петербурга, говорилъ Наполеону III: «Я боюсь англичанъ, какъ огня, а на руссаго императора можно положиться, какъ на честнаго человѣка», будущій седанскій плѣнникъ упорствовалъ въ своей дружбѣ съ Англіей. «Онъ нѣсколько времени оставлялъ пріоткрытой дверь руссаго союза, замѣчаетъ Оливье, но всегда была широко открыта только дверь англійскаго союза; онъ иногда протягивалъ Россіи конецъ пальца, но руку подавалъ лишь Англіи. Эта логическая ошибка была причиною всѣхъ затрудненій, колебаній и несчастій его царствованія».

С М Ъ С Ъ.

КТЪ Археологическаго Института. 10-го мая состоялся торжественный актъ Археологическаго института, привлечшій многочисленныхъ посѣтителей, среди которыхъ находились директоръ Публичной библиотеки А. Ѳ. Бычковъ, управляющій дѣлами комитета министровъ А. Н. Куломзинъ, ректоръ С.-Петербургскаго университета В. П. Сергѣевичъ и многіе др. Директоръ института Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о дѣятельности института въ 1897—1898 учебномъ году. Изъ состава почетныхъ членовъ были скончавшіеся: бывший министръ народнаго просвѣщенія гр. П. Д. Деяновъ, проф. Л. А. Миллеръ и А. В. Толстой. Избраны въ почетные члены за ученые заслуги и просвѣщенное содѣйствіе дѣламъ института: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ, министръ финансовъ С. Ю. Витте, председатель Императорской археологической комиссіи графъ А. А. Бобринскій, ген.-майоръ В. Г. Глазовъ и сенаторъ Н. М. Аничковъ. Всѣхъ почетныхъ членовъ было 64. Кончило курсъ въ институтѣ въ отчетномъ году 20 лицъ, изъ нихъ 6 со званіемъ дѣйствительныхъ членовъ института, 3-е со званіемъ членовъ-соревнователей, 11 кончившихъ курсъ будутъ включены съ составъ дѣйствительныхъ членовъ по окончаніи ими курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ они числятся студентами. Число дѣйствительныхъ членовъ возросло до 79, членовъ-соревнователей до 48. Къ началу учебнаго года въ институтѣ было 55 слушателей, вновь поступило 93 слушателя, такъ что всего обучалось 148 человекъ, изъ нихъ 112 съ высшимъ

бразованіемъ. Занятія слушателей заключались въ слушаніи лекцій, въ непосредственномъ ознакомленіи съ памятниками археографіи и археологіи и въ самостоятельныхъ ученыхъ работахъ. Въ помѣщеніи института устраивались вечернія бесѣды профессоровъ, членовъ и слушателей института для обсужденія специальныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ характеромъ институтскихъ занятій. Всѣхъ вечернихъ бесѣдъ было 13, на которыхъ прочитано 20 рефератовъ. Въ бібліотеку института поступило до 200 книгъ, отчасти пожертвованныхъ, отчасти прибрѣтенныхъ покупкою. Общее число книгъ въ бібліотекѣ превышаетъ 11.000 экземпляровъ. Въ музей института поступило значительное количество предметовъ древности, пожертвованныхъ преимущественно археологическою комиссіею. Общее число предметовъ музея превышаетъ 7.000. Институтъ, по словамъ Н. В. Покровскаго, представляетъ нынѣ обширную, тѣсносложенную семью и солидную научную силу, въ которой заключается прочный залогъ его дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія. Возобновлены вечернія бесѣды, содѣйствующія взаимному сближенію членовъ и слушателей института; начинаютъ возобновляться археологическія экскурсіи слушателей для ближайшаго ознакомленія съ памятниками старины и уясненія приемовъ ихъ научнаго обследованія. Во время чтенія отчета были розданы кончившимъ курсъ аттестаты. Затѣмъ профессоръ А. И. Соболевскій произнесъ рѣчь о влияніи западной литературы на русскую въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, вызвавшую общіе продолжительные аплодисменты. Директоръ института Н. В. Покровскій указалъ на многолюдность настоящаго собранія, напоминающую старое время, при учредителѣ института Н. В. Калачевѣ. Память учредителя института была почтена вставаніемъ, присутствующей въ засѣданіи вдовѣ учредителя Л. В. Калачевой была устроена овація. Актъ закончился народнымъ гимномъ.

Юбилей Николаевского кавалерійскаго училища. 9-го мая исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ со времени основанія Николаевского кавалерійскаго училища. Въ 10^{1/2} час. утра въ училищной церкви была совершена настоятелемъ храма литургія и благодарственное молебствіе; пѣли юнкера училища подъ регентствомъ г. Демченка. Передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, юнкера училища и урядники его казачьей сотни были выстроены въ боль, зпомъ залѣ. Здѣсь поздоровался съ ними начальникъ училища ген.-майоръ ф. Шлеве, а затѣмъ прибылъ помощникъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній ген.-лейт. Якубовскій и, обойдя фронтъ юнкеровъ, передъ фронтомъ прочиталъ высочайшую грамоту о дарованіи штандарта Николаевскому кавалерійскому училищу. Генераль поздравилъ юнкеровъ съ штандартомъ. Громогласное «ура» потрясло стѣны зала. Въ церкви впереди стояли юнкера, а затѣмъ вся правая половина блестяла эполетами, орденами и лентами бывшихъ питомцевъ училища и нынѣ въ немъ служащихъ. Тутъ были членъ государственнаго совѣта д. т. с. Семеновъ (вице-предсѣдатель географическаго общества), д. т. с. Марковъ (начальникъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ), бывшіе начальники училища генералы Вимбергъ и Бильдерлингъ, бывшій некогда преподавателемъ, нынѣ предсѣдатель главнаго морскаго суда генераль Лейхтъ, бывшій инспекторъ, нынѣ членъ военнаго со-

вѣта генераль Домонтовичъ, помощникъ шефа жандармовъ ген.-лейт. Пантелеевъ, генералы Бобровскій, Остроградскій, спб. градоначальникъ ген.-м. Клейгельсъ, а также начальникъ инженерной академіи и училища, извѣстный историкъ, ген.-лейт. Н. Н. Шплеръ и инспекторъ ген.-м. Шуляченко, начальникъ павловскаго военнаго училища ген.-м. Драке, директора кадетскихъ корпусовъ генералы Дружининъ, Верховской, Рудановскій и др. Къ молебну прибылъ бывший воспитанникъ училища великій князь Борисъ Владиміровичъ. Раздѣляющаяся надвое лѣстница, ведущая въ церковь, была уставлена сплошь зеленью растений, а внизу, вверху и при входѣ въ церковь стояли на часахъ въ старинныхъ историческихъ формахъ юнкера училища. Въ концѣ молебствія возглашено многолѣтіе Царствующему Дому, вѣчная память императорамъ Александру I, Николаю I, Александру II, Александру III, воинамъ, на брани животь свой положившимъ, и учившимъ, учившимся и служившимъ почившимъ, и многая лѣта россійскому воинству, начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Послѣ молебствія юнкера построились передъ зданіемъ училища, имѣя на правомъ флангѣ хоръ музыки изъ юнкеровъ же. Великій князь Борисъ Владиміровичъ, сопровождаемый старыми начальниками училища, генералами Вимбергомъ и Бильдерлингомъ и настоящимъ ген.-м. Плеве, при звукахъ марша обошелъ фронтъ юнкеровъ, поздравивъ ихъ съ праздникомъ и Царскою милостью—дарованіемъ штандарта. При кликахъ «ура» музыка сыграла «Боже, Царя храни». Затѣмъ было прочитано передъ фронтомъ письмо главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній генерала Махотина, по болѣзни не могшаго прибыть на праздникъ и поздравляющаго училище. Начальникъ училища въ свою очередь сказалъ юнкерамъ нѣсколько словъ, выразивъ увѣренность, что новая Царская милость еще болѣе подвигнетъ ихъ сохранять старые завѣты и служить Царю вѣрой и правдой. Скомандовали къ церемониальному маршу, и подъ звуки своей музыки юнкера прошли два раза повзводно. Впереди всѣхъ проходилъ рядъ юнкеровъ въ историческихъ формахъ. Послѣ парада въ залѣ училища состоялся актъ, на которомъ ген.-м. Плеве прочиталъ краткій историческій очеркъ жизни училища, получившаго начало въ царствованіе Александра I по мысли великаго князя Николая Павловича. Училище имѣло 4 періода жизни и въ нынѣшній видъ пришло окончательно въ 1894 г. Оно выпустило за это время болѣе 5.000 чел., изъ нихъ 4.871—офицеровъ; нынѣшній составъ училища—252 юнкера. Прочитаны затѣмъ адреса отъ Николаевского кадетскаго корпуса, Пажескаго Его Величества корпуса, и привѣтствовала депутація отъ Павловскаго военнаго училища. Хоръ и оркестръ юнкеровъ исполнили гимнъ «Боже, Царя храни», трижды повторенный при кликахъ «ура» присутствовавшихъ. Послѣ акта присутствовавшимъ былъ предложенъ завтракъ, во время котораго игралъ хоръ музыки преобразженцевъ. За завтракомъ начальникъ училища провозгласилъ Царскіе тосты, при звукахъ гимна и кликахъ «ура»; провозглашены здравицы ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ, августѣйшему главнокомандующему Владиміру Александровичу, генераль-фельдмаршалу Михаилу Николаевичу, ген.-инспектору кавалеріи Николаю Николаевичу, проведшему два года въ стѣнахъ училища Борису Владиміровичу. Великій князь сидѣлъ за

завтракомъ между старѣйшими генералами: графомъ Татищевымъ и генераломъ Вимбергомъ. За старѣйшихъ начальниковъ: барона Таубе, Вимберга, Бильдерлинга, были также осушены бокалы; также возглашены тосты за управляющаго военнымъ министерствомъ генерала Куропаткина. Была прочитана и полученная отъ него въ концѣ завтрака телеграмма, гдѣ генералъ поздравляетъ училище и сожалѣетъ, что не можетъ быть на праздникѣ. Тостомъ за начальника, учителей и за училище закончился завтракъ. Вечеромъ состоялся концертъ.

Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ г. Вильнѣ. Сооруженіе памятника графу М. Н. Муравьеву быстро подвигается впередъ. Торговая фирма «Коссъ и Дюръ», принявшая на себя изготовленіе гранитныхъ частей памятника, уже доставила въ Вильну первый транспортъ, состоящій изъ 60 камней, въ числѣ которыхъ находятся два громадныхъ, вѣсомъ по 560 пудовъ каждый. Вскорѣ ожидается второй транспортъ, съ которымъ будетъ доставленъ и самый большой монолитъ, вѣсомъ до 1.200 пудовъ. На Дворцовой площади, противъ генераль-губернаторскаго дворца, гдѣ сооружается памятникъ, идетъ оживленная работа: устроены лѣса и приспособленія для подъема и укладки на мѣсто каменныхъ великановъ, подвозятъ камни и т. д. Самый фундаментъ уже давно готовъ. По математическимъ расчетамъ, составленнымъ при проектированіи фундамента, были приняты во вниманіе всѣ неблагоприятныя условія грунта, а также приданъ и весьма значительный запасъ прочности фундамента; его слѣдуетъ признать вполне надежнымъ. Для подтвержденія теоретическихъ расчетовъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, производились испытанія посредствомъ пробной нагрузки, значительно превышающей вѣсъ самага памятника. Произведенной затѣмъ нивелировкой установлено, что въ фундаментѣ не произошло ни малѣйшей осадки, и въ такомъ видѣ фундаментъ былъ сданъ фирмѣ «Коссъ и Дюръ», для установки гранитныхъ частей пьедестала. Что касается статуи и детальныя металлическихъ украшеній памятника, то модели таковыхъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ были изготовлены въ Петербургѣ академикомъ М. А. Чижовымъ и одобрены предсѣдателемъ комитета ген.-адъют. В. Н. Троцкимъ, осматривавшимъ ихъ въ мастерской совместно съ предсѣдателемъ строительной комиссіи ген.-лейт. Берггольдтомъ и членомъ комитета художникомъ Грязновымъ. Послѣ осмотра, модели статуи и украшеній были г. Чижовымъ переданы на заводъ для отливки изъ бронзы, и наступающею осенью предполагается закончить всѣ работы по сооруженію памятника. Такимъ образомъ, теперь скоро осуществится Высочайшая Государя Императора воля и въ то же время завѣтная мысль какъ тѣхъ, кто былъ еще очевидцемъ и счастливымъ участникомъ славной дѣятельности покойнаго графа М. Н. Муравьева, такъ и всѣхъ вообще истинно-русскихъ людей, охотно и съ радостью откликнувшихся изъ разныхъ мѣстъ нашего обширнаго отечества, чтобы матеріально помочь осуществленію увѣковѣченія памяти историческаго дѣятеля.

Диспутъ Б. А. Тураева. 9-го мая, въ университетскомъ залѣ приватъ-доцентъ Б. А. Тураевъ защищалъ диссертацию «Богъ Тотъ», представленную имъ для полученія степени магистра всеобщей исторіи. Магистрантъ ридился

въ 1868 г. По окончаніи курса Виленской 1-й гимназіи, онъ въ 1886 г. поступилъ на историко-филологическій факультетъ Сиб. университета и, будучи студентомъ, получилъ золотую медаль за сочиненіе по древней исторіи. Окончивъ курсъ въ университетѣ въ 1890 г., г. Тураевъ черезъ два года сдалъ магистерскій экзаменъ и былъ командированъ за границу. Съ 1893—1895 гг. онъ слушалъ лекціи по древней исторіи Востока въ Берлинскомъ университетѣ, а затѣмъ работалъ въ итальянскихъ и парижскихъ архивахъ и занимался въ Британскомъ музеѣ. Въ настоящее время г. Тураевъ читаетъ лекціи по исторіи древняго Востока въ университетѣ, а также на общеобразовательныхъ курсахъ, организованныхъ при сиб. педагогическомъ обществѣ. Указавъ въ своей вступительной рѣчи на богатство матеріаловъ для культурной исторіи Египта, нуждающихся въ детальной монографической разработкѣ, магистрантъ познакомилъ слушателей въ общихъ чертахъ съ задачами своего изслѣдованія и характеризовалъ ту крупную роль, которую игралъ въ египетской мифологіи богъ Тотъ, избранный имъ темой для его диссертации. Этотъ богъ во всѣхъ сказаніяхъ о мірозданіи является посредникомъ между богами и людьми. Это первый министръ боговъ. Безъ его совѣта ничего не предпринимаетъ даже самъ Озирисъ. Во всѣхъ сказаніяхъ Тотъ является идеаломъ божественнаго «чиновника». «Сугубо-великій» и «трижды-величайшій» Тотъ въ представленіи египтянъ былъ олицетвореніемъ премудрости верховнаго божества. Многочисленныя маленькія фигурки Тота съ окомъ въ рукахъ имѣли магическое значеніе. На изображеніяхъ саркофаговъ онъ всегда присутствуетъ при судѣ умершихъ и не столько въ роли простого протоколиста, сколько въ роли защитника судимаго. Официальный оппонентъ проф. А. П. Леммъ, давъ въ высшей степени похвальный отзывъ о трудолюбіи магистранта и выдающихся ученыхъ достоинствахъ представленной имъ диссертации, ограничился нѣсколькими небольшими замѣчаніями. Второй оппонентъ, проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ, съ своей стороны, признавъ диссертацию цѣннымъ вкладомъ въ науку, также ограничился указаніемъ на нѣкоторыя неточности и закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы примѣръ г. Тураева, перваго русскаго египтолога, вышедшаго изъ нашего университета, нашель себѣ подражателей. Магистрантъ безъ особаго труда отвѣчалъ на немногочисленныя нападенія своихъ опонентовъ и былъ удостоенъ искомой имъ ученой степени.

Генеалогическое общество. Въ концѣ мая во дворцѣ великаго князя Михаила Николаевича происходило, подъ предѣдательствомъ великаго князя Георгія Михайловича, первое засѣданіе недавно возникшаго русскаго генеалогическаго общества. Общество это имѣетъ цѣлью научную разработку исторіи и родословія русскаго дворянства, изслѣдованія по вопросамъ русскаго геральдики, сфрагистики, дипломатики, изданіе въ свѣтъ матеріаловъ, статей, изслѣдованій и замѣтокъ по этимъ предметамъ, а также печатаніе историко-генеалогическихъ актовъ, хранящихся въ многочисленныхъ государственныхъ и семейныхъ архивахъ, разбросанныхъ по всему лицу Русской земли; собраніе специальной библиотеки, коллекціи старинныхъ грамотъ, актовъ, печатей, а также предметовъ, принадлежавшихъ представителямъ служилаго класса и имѣющихъ историческій интересъ. Всестороннее изученіе генеалогическихъ актовъ и матеріа-

ловъ послужить къ выясненію исторіи дворянскаго сословія вообще и дворянскихъ родовъ въ частности, къ освѣщенію многихъ сторонъ домашняго быта нашихъ предковъ, ихъ общественной и государственной жизни, заслугъ ихъ передъ отечествомъ и можетъ открыть новыя, ускользнувшія отъ изслѣдователей, черты древняго быта и правовой жизни и, такимъ образомъ, помимо своей прямой цѣли, доставить новыя данныя для выводовъ по исторіи Россіи вообще. Первая мысль объ учрежденіи русскаго генеалогическаго общества принадлежитъ покойному князю А. Б. Лобанову-Ростовскому и ближайшему его сотруднику по послѣднему изданію «Русской родословной книги» А. К. Губастову (нынѣ министръ-резидентъ въ Цетиньѣ), стараніямъ котораго генеалогическое общество много обязано въ своемъ возникновеніи. На первомъ засѣданіи произведены были выборы членовъ правленія общества, а также лицъ, предложенныхъ въ дѣйствительные члены (21 лицо) и въ члены-сотрудники (2 лица). Засимъ секретарь общества В. В. Руммель доложилъ собранію о желаніи одного изъ членовъ-учредителей, Л. М. Савелова, участвовать въ качествѣ представителя общества на XI археологическомъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Кіевѣ въ августѣ 1899 г., и просьбу того же Савелова объ исходатайствованіи ему разрѣшенія на доступъ для занятій въ архивахъ дворянскаго денугатскаго собранія и статистическаго комитета области Войска Донскаго. Оба ходатайства Л. М. Савелова были уважены собраніемъ. Членъ правленія общества князь М. С. Путятинъ прочелъ подробный докладъ о предстоящей обществу дѣятельности по собиранію, обработкѣ и изданію генеалогическихъ матеріаловъ, причемъ обратилъ особое вниманіе общества на громадное число частныхъ библіотекъ и семейныхъ архивовъ, сложенныхъ иногда въ простыхъ шкафахъ и сундукахъ, которые ему приходилось много разъ видѣть въ дворянскихъ усадьбахъ, старинныхъ церквахъ и монастыряхъ. Всѣ эти драгоцѣнные для работъ общества матеріалы часто немилосердно уничтожаются пожарами (какъ, напр., въ усадьбѣ князей Оболенскихъ въ Могилевской губ., гдѣ еще недавно пожаръ уничтожилъ всѣ собранные этимъ родомъ семейные документы и прочіе предметы старины) или гибнутъ вслѣдствіе небрежности или недостатка уваженія со стороны лицъ, владѣющихъ памятниками родной старины. Принимая во вниманіе все это, августѣйшій предсѣдатель предложилъ собранію обратиться отъ имени общества къ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ просьбою довести до свѣдѣнія дворянъ ихъ губерній и уѣздовъ о цѣляхъ и задачахъ возникшаго нынѣ русскаго генеалогическаго общества и оповѣстить ихъ, что общество обладаетъ помѣщеніемъ при музеѣ имени императора Александра III, куда дворяне, не располагающіе достаточно безопасными отъ пожаровъ и другихъ бѣдствій помѣщеніями и сочувствующіе цѣлямъ общества, могутъ доставлять имѣющіеся у нихъ грамоты, акты и разнообразныя памятники прошлаго на вѣчное храненіе въ специально образуемомъ для этого музеѣ при русскомъ генеалогическомъ обществѣ. Выслушавъ предложеніе августѣйшаго предсѣдателя, собраніе постановило: поручить секретарю общества составить такое обращеніе и, по надлежщемъ рассмотрѣніи и утвержденіи, разослать его, по принадлежности ко всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Предложеніе

В. В. Руммеля о собираніи матеріаловъ для генеалогическаго словаря русскаго дворянства и объ изданіи представленныхъ въ концѣ XVII вѣка въ разрядъ— представителями дворянскихъ родовъ — гербовъ и родословныхъ росписей было также принято собраніемъ, при чемъ относительно изданія росписей принята была предложенная Н. П. Лихачевымъ поправка: предварительно составить по архивнымъ матеріаламъ полный списокъ дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ или копіяхъ росписей, и только окончательно выяснивъ наличный матеріалъ, издать и самыя росписи. Въ концѣ засѣданія, послѣ обсужденія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ дѣлъ общества, Н. П. Лихачевъ прочелъ сообщеніе по вопросу о нетитулованныхъ Рюриковичахъ. Указавъ на сомнѣнія, которымъ въ настоящее время подвергается дѣйствительность происхожденія и существованіе нетитулованныхъ Рюриковичей вообще, докладчикъ привелъ въ видъ исключенія примѣръ изъ исторіи рода Монастырскихъ (которые считаются потомками кн. Бѣлозерскихъ), изложилъ родословное развѣтвленіе этого обширнаго рода, изъ котораго ни одна вѣтвь не носила княжескаго титула, и указалъ на исключительный фактъ титулованія въ древней грамотѣ (1519 г.) «княжнѣмъ» сыномъ Ивана Александровича Кнутова («а на то послуши Ивагъ княжъ Александровъ сынъ Кнутовъ»), праправнука родоначальника Александра Монастыря. Въ заключеніе сообщаемъ списокъ должностныхъ лицъ общества: предѣдатель — великій князь Георгій Михайловичъ; члены правленія: Г. А. Власьевъ (онъ же и казначей), Н. П. Лихачевъ, гр. Г. А. Милорадовичъ, кн. М. С. Путятинъ, гр. С. Д. Шереметевъ и Г. Θ. Штендманъ, секретарь общества—В. В. Руммель (Мытнинская ул., 7), къ которому и слѣдуетъ обращаться за справками и свѣдѣніями по дѣламъ общества.

Юрьевское учено-литературное общество. 10 мая, въ 1 ч. дня, въ совѣтскомъ залѣ университета состоялось первое годичное засѣданіе учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ. Мысль объ учрежденіи при университетѣ русскаго ученаго общества возникла среди нѣкоторыхъ профессоровъ въ мартѣ 1896 года. 4 марта 1897 года уставъ общества былъ утвержденъ, а 27 апрѣля 1897 года состоялось первое общее собраніе. На первыхъ порахъ даже среди лицъ, симпатизировавшихъ молодому русскому обществу, существовало сомнѣніе въ томъ, достанетъ ли у него силъ и средствъ для дальнѣйшаго усѣбнаго существованія, тѣмъ болѣе, что въ Юрьевѣ съ давнихъ поръ существуетъ нѣсколько нѣмецкихъ обществъ, располагающихъ большими матеріальными средствами, имѣющихъ прекрасныя бібліотеки и насчитывающихъ въ числѣ своихъ членовъ даже немало русскихъ. Однако, къ большому удовольствію всѣхъ любителей русскаго просвѣщенія, новое общество въ первый же годъ своего существованія сумѣло привлечь къ себѣ общее сочувствіе и проявило широкую дѣятельность. Въ теченіе отчетнаго года въ общество вступило 57 членовъ (въ числѣ ихъ есть много иногороднихъ), имѣло 6 закрытыхъ и 9 открытыхъ засѣданій, на которыхъ доложено было 14 сообщеній, вызывавшихъ иногда оживленныя и очень интересныя пренія. Открытыя засѣданія общества привлекали, кромѣ его членовъ, всегда немало гостей. Въ бібліотеку общества поступили пожертвованія книгами отъ лицъ иногороднихъ (между прочимъ, и изъ Москвы). Плодомъ дѣятельности обще-

ства является изданіе перваго тома сборника трудовъ, содержащаго въ себѣ 17 печатныхъ листовъ. Научный отдѣлъ сборника, изданный подъ редакціей дѣйствительнаго члена общества, профессора Е. В. Пѣтухова, заключаетъ въ себѣ десять статей. Скромное празднованіе годовщины общества началось служеніемъ въ совѣтскомъ залѣ молебна, предъ началомъ котораго протоіерей А. С. Царевскій, профессоръ православнаго богословія въ университетѣ, обратился къ присутствующимъ со слѣдующими словами: «Учено-литературное общество наше празднуетъ нынѣ первую годовщину своего существованія и во главу этого празднованія полагаетъ молитву. Начало похвальное, ибо безъ благословенія Божія не дѣлается никакое доброе дѣло, не увѣнчивается успѣхомъ никакое доброе предпріятіе. Аще убо не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущіе, говоритъ Слово Божіе. Поэтому мы должны не только благодарить Бога за истекшій годъ, ознаменовавшійся довольно благотворными результатами, но и просить о небесномъ благословеніи для дальнѣйшаго преуспѣянія и процвѣтанія нашего общества, помня слова апостола: всякое убо даваніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ. Въ Священномъ Писаніи неоднократно упоминаются одни общества, съ которыми наше общество имѣетъ нѣкоторое сходство—это пророческія школы, основанныя пророкомъ и судіею израильскаго народа — Самуиломъ. Задачей этихъ школъ было просвѣщеніе еврейскаго народа, охраненіе и разработка еврейской національной литературы и науки. Да почтеть же на нашемъ обществѣ благословеніе Божіе, какъ почивало оно на пророческихъ школахъ Самуила, и да будетъ это благословеніе залогомъ его дальнѣйшаго преуспѣянія и процвѣтанія!» Во время молебна, къ которому, кромѣ членовъ общества, собралось не мало лицъ, ему сочувствующихъ, пѣли сами члены общества. Затѣмъ послѣдовало открытое засѣданіе, въ которомъ предсѣдатель А. С. Будиловичъ произнесъ рѣчь: «Нѣсколько данныхъ и соображеній объ успѣхахъ русскаго языка въ дерптско-юрьевскомъ университетѣ въ текущемъ столѣтіи», а секретарь общества М. Е. Красноженъ прочиталъ отчетъ общества за истекшій годъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ закрытомъ засѣданіи, въ которомъ по уставу присутствовали одни члены, былъ утвержденъ отчетъ за прошлый и смѣта на будущій годъ; далѣе происходило избраніе новыхъ членовъ и должностныхъ лицъ на 1898—1899 г. Избранными оказались: предсѣдателемъ общества—ректоръ университета А. С. Будиловичъ, товарищемъ его—проф. М. Н. Крашенинниковъ, секретаремъ—проф. М. Е. Красноженъ, казначеемъ—проф. С. К. Богусевскій; членами совѣта—проф. В. Г. Алексѣевъ, директоръ классической гимназіи Н. И. Ивановъ и инспекторъ народныхъ училищъ Е. А. Гравитъ.

Географическое общество. Въ соединенномъ засѣданіи отдѣленій географіи математической и географіи физической, происходившемъ 12-го мая подъ предсѣдательствомъ профессора г. Мушкетова, обсуждался вопросъ объ организаціи ряда научныхъ экспедицій, каждый годъ снаряжаемыхъ обществомъ. Профессоръ Казанскаго университета по кафедрѣ ботаники г. Сорокинъ обратился къ географическому обществу съ проектомъ огромной экспедиціи въ Среднюю Азію въ область Лобъ-Ноора, для ботаническихъ, зооло-

гическихъ, метеорологическихъ и т. п. изслѣдованій. Во главѣ предполагаемой экспедиціи будетъ стоять самъ г. Сорокинъ, а въ составъ ея входятъ специалисты по разнымъ отраслямъ естественно-научныхъ знаній. Профессоръ Сорокинъ заручился согласіемъ управляющаго военнымъ министерствомъ ген.-лейт. Куропаткина оказать экспедиціи содѣйствіе командированіемъ съ нею пяти казаковъ. Минимальный расходъ на эту экспедицію г. Сорокинымъ опредѣленъ въ 15 тысячъ рублей. Общество, однако, не нашло возможнымъ асигновать такой крупной суммы и вынуждено было отказаться отъ снаряженія такой экспедиціи. Отклонена была также и просьба г. Пельца о выдачѣ ему 300 рублей на экскурсію въ устья Волги, гдѣ на островахъ онъ предполагаетъ заняться ловлей особой породы болотныхъ птицъ для коллектированія— въ виду того, что такого рода научныя работы не входятъ въ кругъ дѣятельности общества. Членъ общества г. Поггеншоль командированъ съ научною цѣлью на Кавказъ, г. Лидскій—для изслѣдованія ледниковыхъ группъ въ верховьяхъ Зарявшана, а г. Звѣринцеву, отправляющемуся по порученію минералогическаго общества, въ Олонекскую и Архангельскую губерніи, общество окажетъ свое содѣйствіе. Предсѣдатель сообщилъ о составленномъ имъ отчетѣ международной ледниковой комиссіи, который переводится на французскій языкъ для разсылки его членамъ комиссіи. Избравъ комиссію для присужденія медалей въ 1899 г., собраніе выслушало сообщенія Н. М. Шокальскаго и С. А. Совѣтова о предварительныхъ результатахъ изслѣдованія распределенія температуры въ Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ.

Археологическія раскопки въ Бахчисараѣ. При весеннихъ раскопкахъ членовъ Таврической ученой архивной комиссіи въ Бахчисараѣ недалеко отъ Успенскаго монастыря подъ землей обнаружено зданіе съ куполообразнымъ сводомъ. Сводъ мавзолея выкрашенъ въ сѣро-голубую краску, а по поясу свода тянулась въ видѣ красивой гирлянды надпись изъ Корана, составлявшая стихъ Суры «Ивна-Фехтъ-Айно», то-есть боевую молитву. Ниже въ парусахъ купола помѣщены восточные «ковровые» рисунки. На полу мавзолея лежало тринадцать скелетовъ. Изъ нихъ въ порядѣ лежалъ лишь средній, а остальные лежали, какъ попало. На скелетахъ видѣлись остатки сафьяна, а на среднемъ была замѣтна шелковая золототканная парча. Были также остатки гробовыхъ деревянныхъ досокъ. Кто могъ быть погребенъ подъ сводами этого прекрасно сохранившагося мавзолея? Пока трудно дать прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ, но во всякомъ случаѣ раскопки открываютъ собою завѣсу съ такой исторической поры, о которой не сохранилось никакихъ лѣтописныхъ памятниковъ. Предполагаютъ, что это гробница хановъ орды, періода до Гиреевъ. На древность мавзолея указываетъ, между прочимъ, то, что о существованіи мавзолея, занесеннаго землей, позабыли не только современники, но даже ихъ прадѣды, такъ какъ сверху мавзолея были погребены другіе мертвецы, умершіе, какъ свидѣлствуютъ надгробныя надписи, въ средніи и даже началѣ прошлаго столѣтія. О древности же свидѣлствуетъ характеръ буквъ надписи, окаймляющей красивою гирляндою сводъ внутри мавзолея. Надпись эта составляетъ молитву изъ Корана, стихъ о ниспосланіи побѣды и счастья въ этомъ и загробномъ мірѣ, причѣмъ характеръ буквописи

не закругленный, какъ нынѣ, но клинообразный, острый. Въ Крыму сохранились безспорныя мусульманскія надписи, насчитывающія по четыре и болѣе сотенъ лѣтъ, но на всѣхъ ихъ буквы носятъ современный закругленный характеръ, и нигдѣ нельзя найти остраго, клинообразнаго. Отдаленное сходство въ нѣкоторыхъ буквахъ имѣется на каменной надписи въ Чуфутъ-Кале на надгробномъ памятникѣ дочери Тохтамышъ-хана Ненкеджанъ-ханымъ, скончавшейся въ 1437 году нашей эры (841 мусульманской), но и то эти письма болѣе схожи съ современными, чѣмъ тѣ, что на открытомъ «турбѣ». Такимъ образомъ допустимо двоякое предположеніе: или эта постройка сооружена въ очень древнія времена, или же надпись эту сдѣлалъ мастеръ чужеземецъ. Разрѣшить это сомнѣніе можно лишь тогда, когда будутъ разрыты сосѣдніе курганы, въ которыхъ, быть можетъ, найдутся также надписи. Если тѣ надписи будутъ имѣть въ очертаніи буквъ обще-крымскій характеръ, то смыслъ открытой теперь надписи носитъ случайный характеръ, если же и тамъ буквы будутъ имѣть острый клинообразный видъ, то зданія въ Ханкалы-доре должны произвести настоящій переворотъ въ исторіи мусульманскаго владычества въ Крыму. Краски надписи и ковроваго рисунка въ парусахъ купола розовато-оранжевыя и поражаютъ своею свѣжестью, словно ихъ написала рука нѣсколько лѣтъ назадъ, а не нѣсколько столѣтій. Удивляешься, какъ сохранило ихъ время. Но еще болѣе удивляешься присутствію въ открытой усыпальницѣ, не знавшей свѣта цѣлыя столѣтія (во времена русскаго владычества въ Крыму это «турбѣ» было безусловно зарыто), живаго существа— паука. Когда открыли этотъ мавзолей, то въ одномъ углу на паутинѣ оказался большой черный паукъ. Пауковъ такой породы теперь въ Бахчисараѣ не встрѣчается. Паукъ былъ олуживой. Когда его тронули палочкой, то онъ еле-еле зашевелилъ ногами, но съ мѣста не сдвинулся. Паука взялъ редакторомъ газеты «Переводчикъ» Измаиломъ Гаспринскимъ на сохраненіе для представленія специалисту губернскому земскому энтомологу. Интересно также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ была небольшая кучка высохшаго ила (повидимому, мавзолей былъ когда-то затопленъ), проросла трава, которая, несмотря на то, что была лишена солнечнаго свѣта, имѣла яркозеленую окраску. Въ общемъ, внутри усыпальницъ — было сухо. Въ числѣ другихъ предметовъ, найденныхъ въ усыпальницѣ, обращаютъ на себя вниманіе, во-первыхъ, пучекъ пальмовыхъ тонкихъ стружекъ, привозимыхъ благочестивыми мусульманами изъ Мекки и употребляемыхъ при омовеніи покойниковъ, а, во-вторыхъ, севебряные тонкіе наугольники, вѣроятно, служившіе для закрѣпленія парчи на углахъ гроба. Гвозди же были простые, желѣзные. Ихъ найдено довольно много. Подробное описаніе внутренности мавзоля, открывшейся при первомъ входѣ въ него, сдѣлано было членами ученой архивной комиссіи гг. Кашперомъ и Маркевичемъ. 26-го апрѣля кости, находившіяся въ усыпальницѣ, собраны въ кучу и похоронены въ одной изъ нишъ мавзолея муллою по мусульманскому обряду. Найдены два золотыхъ кольца изъ толстой круглой проволоки. Кольца сдѣланы изъ высокопробнаго золота и гнутся, какъ мягкій воскъ. Можно предположить, что на этихъ кольцахъ висѣли кисти парчевыхъ покрововъ. Колечки эти взяты на сохраненіе также Измаиломъ Ага-Гаспринскимъ.

Является еще одно совершенно непонятное обстоятельство: какимъ образом можно было устраивать гробницы хановъ или даже просто высокопоставленныхъ особъ въ долинѣ, постоянно заливавшейся потоками весенней и даже дождевой воды, стремящейся съ сосѣднихъ горъ. Вообще произведенная раскопка очень загадочна. Такъ, на примѣръ, на одномъ изъ камней, употребленномъ, какъ матеріалъ стѣны, находится изображеніе креста, а на другихъ камняхъ, лежавшихъ сверху мавзолея, находится сдѣланное точками изображеніе Георгія Побѣдоносца на конѣ. Это указываетъ, что здѣсь еще прежде погребенія найденныхъ мусульманъ, существовало христіанское кладбище, надгробныя плиты котораго употреблены были, какъ строительный матеріалъ. Страннымъ является такое присутствіе въ сравнительно небольшомъ помѣщеніи (поль около шести квадратныхъ сажень) 13 труновъ, притомъ лежавшихъ въ безпорядкѣ. Выходъ мавзолея достигаетъ почти 8 аршинъ. Въ стѣнахъ сдѣланы четыре отверстія, снабженные гончарными вентиляціонными трубами, благодаря чему воздухъ въ усыпальницахъ былъ совершенно чистъ. Даже первый сиустившійся подъ своды раскопанной многовѣковой могилы дышалъ тамъ совершенно свободно, не чувствуя ни малѣйшаго стѣсненія, что достигается цѣлой системой трубъ. Это послѣднее обстоятельство, т.-е. наличность вентиляціонныхъ трубъ, невольно заставляетъ задуматься, для чего онѣ устроены. Для чего могильному помѣщенію потребовалась такая воздухоочистительная система, которой могутъ позавидовать наши школы, думы, клубы и другія общественныя собранія. Является еще одинъ вопросъ довольно спорный, а именно: былъ ли открытый мавзолей надземнымъ или подземнымъ строеніемъ; одни стоятъ за первое мнѣніе, другіе за второе. Если взглянуть на наружную сторону открытаго зданія, то верхняя его половина является облицованною правильными плитами, слѣдовательно была «надземною частью», а нижняя сдѣлана изъ бута и была «подземною частью». На это послѣднее обстоятельство указываетъ и длинный боковой входъ — коридоръ, не имѣющій ступеней, что было бы неминуемо, если бы все зданіе было подземнымъ. Кореспондентъ «Новаго Времени» посѣтилъ усыпальницу, когда кости еще не были прибраны. Свѣтъ, падавшій сверху черезъ другое отверстіе, достаточно освѣщалъ и своды, и всю внутренность мавзолея. Посреди лежалъ сохранившійся костякъ. Голова лежала на боку, какъ у настоящаго правовѣрнаго мусульманина, лицо котораго поворачивается въ сторону Мекки. На востокъ зіяло отверстіе въ кости. Кто сдѣлалъ его: всесокрушающее время или ударъ руки врага, отъ которой, быть можетъ, скончался этотъ вѣкогда знатный, а теперь никому невѣдомый покойникъ? Теперь всѣ костяки собраны въ одну изъ нишъ и засыпаны землей. Помѣщеніе все прибрано, и туристы могутъ любоваться прекрасной архитектурой мнувшихъ столѣтій. Очищенный отъ мусора полъ представляетъ прекрасно сдѣланный кирпичный плитнякъ темно-желтаго цвѣта. Швы плитъ залиты цементомъ. Въ виду первостепенной важности въ историческомъ, археологическомъ и даже отчасти этнографическомъ отношеніяхъ открытой въ Бахчисарай древней гробницы, Императорская археологическая коммиссія рѣшила послать въ Бахчисарай особую ученую коммисію для точнаго опредѣленія времени и характера столь

неожиданно открытаго памятника сѣдой старины. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ археологическую комиссію представлены фотографическіе снимки внѣшняго и внутренняго вида мавзолея и только что сдѣланный специалистами переводъ клинообразной арабской надписи, оцоясывающей внутри сводъ мавзолея и воиолнѣ подтверждающей древность зданія. Переводъ этой надписи гласитъ дословно слѣдующее: 1) «Мы одержали для тебя знаменитую побѣду» (Толкователи предполагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о «Хайбери», еврейской крѣпости, или о Монтѣ, городѣ Византійской имперіи); 2) «Затѣмъ, что Богъ доказываетъ тебѣ, что прощаетъ тебѣ старыя и недавнія проступки»; 3) «Затѣмъ, что исполняетъ свои благодѣянія для тебя и направляетъ тебя на путь истинный»; 4) «Затѣмъ, что помогаетъ тебѣ своей могучей помощью»; 5) «Это онъ повѣлѣваетъ сходить спокойствію на сердца вѣрныхъ, чтобы они безиреицественно увеличивали свою вѣру»; 6) «Войска небесныя и земныя у Бога, полнаго знанія и мудрости».

Археологическая экспедиція. Извѣстные путешественники Роборовскій и Коаловъ доставили въ Императорскую академію наукъ весьма интересные фрагменты рукописей, открытыя ими въ развалинахъ древняго буддійскаго монастыря по ту сторону Тянь-Шаня, въ недалекомъ разстояніи отъ Турфана. Въ виду серьезнаго интереса, представляемаго для науки этими фрагментами, конференція академіи наукъ, по словамъ «Новостей», постановила снарядить особую экспедицію изъ трехъ лицъ, подъ начальствомъ ученаго консерватора музея по антропологии и этнографіи, Д. А. Клеменца, для ближайшаго въ теченіе наступающаго лѣта обследованія монастырскихъ развалинъ въ урочищѣ Тоюкъ-Мазаракъ. Означенной экспедиціи предложено предоставить безилатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ во второмъ классѣ отъ Петербурга до Томска (или Красноярска).

XI археологическій сѣздъ. Въ началѣ мая посѣтила Кіевъ графиня П. С. Уварова, предѣлательница Московскаго археологическаго общества, состоящая предѣлательницей подготовительной комиссіи по устройству XI-го археологическаго сѣзда, который соберется въ августѣ мѣсяцѣ 1899 г. въ Кіевѣ. Главное вниманіе сѣздъ намѣренъ обратить на разработку вопросовъ, касающихся Волыни. Рѣшено въ теченіе нынѣшняго лѣта совершить цѣлый рядъ поѣздокъ по Волыни съ цѣлью осмотра выдающихся памятниковъ старины въ этой мѣстности. Съ этой цѣлью получили командировки для производства изысканій проф. В. Б. Антоновичъ и Е. Н. Мельникъ, которые займутся археологическими изысканіями во Владимірѣ Волынскомъ, Луцкѣ, Кременцѣ, Ковенскомъ уѣздѣ, Дубенскомъ и прилегающихъ мѣстностяхъ. Предполагается произвести цѣлый рядъ предварительныхъ изслѣдованій по раскопкѣ кургановъ. Членъ комитета П. М. Котоминъ осмотритъ памятники письменности, хранящіяся въ монастырскихъ бібліотекахъ и у частныхъ лицъ на Волыни. Имъ будетъ собранъ матеріалъ для устройства палеографической выставки во время сѣзда. М. П. Истоминоу осмотритъ памятники церковной старины, главнымъ образомъ живописи. Н. Ф. Вѣляшевскій произведетъ изслѣдованіе въ области р. Буга, въ части Волынской губерніи, соприкасающейся съ Привислинскимъ краемъ, а также въ губерніи Сѣдлецкой. В. Г. Ляскоронскій

осмотритъ бассейнъ р. Сеулы въ Полтавской губ. и произведетъ изслѣдованіе кургановъ въ этой области. Всѣ эти подготовительныя работы имѣютъ цѣлью обставить возможно цѣлесообразнѣе поѣздку членовъ на Волынь во время съѣзда. Предполагается совершить поѣздку во Владиміръ-Волыньскъ для осмотра развалинъ нынѣ возобновляемаго Мстиславова храма. Памятникъ этотъ представляетъ особенный интересъ для археологовъ, какъ остатокъ архитектурнаго зодчества XII вѣка. Предполагается посѣтить также Кременецъ и Луцкъ и, если окажется возможнымъ, то и Почаевскую лавру. Особая экскурсія предполагается также въ Черниговъ для осмотра старинныхъ храмовъ и другихъ памятниковъ старины. Съ цѣлью сдѣлать пребываніе въ Кіевѣ членовъ съѣзда наиболѣе приятнымъ, рѣшено устроить нѣсколько экскурсій по болѣе живописнымъ окрестностямъ города. Главная цѣль поѣздокъ на Волынь—археологическія раскопки. Многія мѣстности Волыни изобилуютъ курганами, разрытіе которыхъ прольетъ новый свѣтъ на населеніе части юго-западной Россіи въ древнія времена. Въ центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владиміра, гдѣ хранятся актовыя книги со всего Юго-Западнаго края и другіе документы, члены съѣзда найдутъ обширное поле для изысканій. Архивъ этотъ—одинъ изъ обширнѣйшихъ въ Россіи. Однихъ актовыхъ книгъ хранится болѣе 6 тыс., при чемъ въ каждой такой книгѣ отъ 1 до 2 тыс. разнаго рода документовъ. Общее число документовъ, хранящихся въ этомъ архивѣ, около 5 милл. («Нов. Вр.», № 7978).

Музей П. И. Щукина. Недавно вернулся изъ-за границы владѣлецъ извѣстнаго музея, въ Москвѣ, на Малой Грузинской ул., П. И. Щукинъ и привезъ для пополненія своихъ коллекцій нѣсколько старинныхъ французскихъ и итальянскихъ тканей, вышивокъ и пр. Кромѣ того, г. Щукинымъ въ Парижѣ пріобрѣтено до 15-ти картинъ новѣйшихъ французскихъ художниковъ. Несмотря на богатство коллекціи Щукинскаго музея, несмотря на обиліе интересныхъ экземпляровъ, находящихся здѣсь, этотъ музей почему-то мало посѣщается публикой, и знаютъ о немъ только специалисты, преимущественно археологи, такъ какъ г. Щукинъ, главнымъ образомъ, собираетъ древнія русскія вещи, а также старинныя бумаги, рукописи и пр., имѣющія касательство къ Россіи. Недавно владѣльцемъ музея пріобрѣтенъ архивъ кн. С. М. Воронцова, среди котораго несомнѣнный интересъ представляютъ документы и письма, касающіеся пребыванія русскаго военнаго корпуса во Франціи, въ 1815—1818 годахъ, которымъ тогда командовалъ кн. С. М. Воронцовъ. Въ архивѣ имѣются и другія рукописи, между прочимъ, относящіяся къ XVII столѣтію. Пополняемый постоянно новыми вещами, музей П. И. Щукина становился въ теченіе 9-ти лѣтъ обширнѣе и обширнѣе. Въ прошломъ году въ зданіи, которое было выстроено во дворѣ владѣнія г. Щукина, стало тѣсно, и явилась потребность расширить музей; въ прошломъ же году состоялась закладка новаго дома, выходящаго фасадомъ на М. Грузинскую улицу. Теперь это новое зданіе уже готово; осталось только выполнить часть внутренней отдѣлки. Сюда будутъ перевесены изъ прежняго помѣщенія часть коллекцій, а также бібліотека и картинная галлерей. Зданіе, выполненное преимущественно въ русскомъ стилѣ, и внутренняя отдѣлка очень красивы; для картинной галлерей въ центрѣ от-

ведена зала съ стекляннымъ потолкомъ и съ балкономъ, окаймляющимъ стѣны. Другая зала предназначена для библіотеки музея; зала эта такой же вышины, какъ и предъидущая, устроена въ два свѣта и также снабжена балкономъ. Рядомъ съ ней помѣстится читальня, гдѣ могутъ работать интересующіеся матеріаломъ библіотеки. Парадная лѣстница, ведущая въ эти залы, сдѣлана изъ бѣлаго мрамора, равно какъ и полы въ залахъ. Принята во вниманіе безопасность въ пожарномъ отношеніи: все дѣлается изъ негоряемаго матеріала. Потолки расписаны въ читальнѣ и библіотекѣ древне-русскими орнаментами. Остальное помѣщеніе въ домѣ отойдетъ подъ квартиру, гдѣ будетъ жить самъ владѣлецъ музея, при чемъ кабинетъ хозяина, представляющій изъ себя много интереснаго, также будетъ доступенъ для осмотра публики. Здѣсь помѣстятся образцы современнаго искусства, преимущественно — картины. Новое зданіе музея соединяется со старымъ, для удобства публики, особымъ подземнымъ тоннелемъ, освѣщаемымъ сверху иллюминаторами. Въ этомъ тоннелѣ будутъ помѣщены также нѣкоторыя древнія вещи. Въ срединѣ августа новое зданіе будетъ совершенно окончено, и къ сентябрю музей будетъ открытъ для публики. («Нов. дня» № 5392).

Памятникъ на могилѣ Ю. Н. Говорухи-Отрока. Въ іюлѣ 1896 года, по кончинѣ Юрія Николаевича Говорухи-Отрока, среди друзей и почитателей покойнаго возникла мысль поставить совмѣстными стараніями памятникъ на могилѣ его, на кладбищѣ Скорбященскаго монастыря у Бутырской заставы. Дѣло это естественно сосредоточилось въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и нынѣ приближается къ осуществленію. Послѣ нѣкоторыхъ другихъ предположеній, рѣшено было съ просьбой о составленіи проекта обратиться къ Виктору Михайловичу Васнецову, котораго талантъ, чисто русскій, проникнутый глубокимъ религіознымъ элементомъ, столь соотвѣтствуетъ литературному направленію покойнаго критика. Знаменитый художникъ охотно предложилъ безвозмездно пожертвовать на это дѣло свой трудъ, взявъ на себя не только составленіе проекта, но и изготовленіе исполнительныхъ рисунковъ въ натуральную величину, а равно и надзоръ за правильностью исполненія работъ. Единственное условіе, поставленное при этомъ В. М. Васнецовымъ, состояло въ томъ, чтобы памятникъ былъ исполненъ безъ малѣйшаго отступленія отъ его проекта. Съ благодарностью принявъ этотъ даръ знаменитаго художника, редакція «Московскихъ Вѣдомостей» въ то же время принимала понемногу поступающія пожертвованія. Въ настоящее время пожертвованія достигли уже 500 рублей. Исполнительные рисунки В. М. Васнецова уже окончены. Согласно его проекту, памятникъ представляетъ бѣлый осьмиконечный мраморный крестъ, съ крышею сверху. Крестъ обильно украшенъ рѣзными орнаментами и надписями. Послѣднія выбраны изъ Св. Писанія отцомъ архимандритомъ Ипкомомъ (изъ Сергіевой лавры) и отцомъ Іосифомъ Фуделемъ. Форма же буквъ принадлежитъ В. М. Васнецову. Съ передней стороны, по срединѣ креста, находится цвѣтной мозаичный образъ Нерукотворнаго Спаса, по рисунку В. М. Васнецова. Крестъ, вышиной три аршина, водруженъ на пьедесталѣ изъ темнаго гранита, на переднемъ откосѣ котораго должна находится надгробная надпись Ю. Н. Говорухи-Отрока. Рисунки проекта желающіе могутъ видѣть въ редакціи «Мо-

сковскихъ» Вѣдомостей. Исполненіе проекта В. М. Васнецова поручено извѣстному мастеру художественныхъ каменныхъ работъ И. А. Орлову, по смѣтѣ котораго исполненіе памятника обойдется приблизительно въ 900 рублей. Извѣщая о семь друзей и почитателей покойнаго, которые пожелали бы принять участіе въ подпискѣ на его памятникъ, редакція «Московскихъ Вѣдомостей» проситъ ихъ не медлить взносами, чтобы не задержать постановки памятника въ настоящемъ году.

† **Е. М. Теокистовъ.** 16-го іюня въ Царскомъ Селѣ скончался бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, сенаторъ, тайн. сов. Евгений Михайловичъ Теокистовъ. Покойный родился въ 1829 году, и высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета (1847 — 1851 г.). По окончаніи курса въ 1851 году со степенью кандидата правъ, онъ примкнулъ къ учено-литературному кружку Москвы, группировавшемуся вокругъ извѣстнаго изслѣдователя Н. Г. Фролова; въ журналѣ послѣдняго «Магазинъ Землевѣдѣнія и Путешествій» (1852 г., т. I) скоро появились двѣ первыя переводныя работы покойнаго — «Чай» и «Сахарный тростникъ», изъ Карла Риттера. При его же «содѣйствіи», какъ недавно стало извѣстно, И. С. Тургеневу удалось помѣстить въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1852 г., № 32) «Письмо изъ Петербурга по поводу кончины Гоголя», надѣлавшее много шума среди тогдашняго общества. Съ 1 февраля 1853 года Е. М. Теокистовъ поступилъ было на службу въ Таврическую палату государственныхъ имуществъ, но уже въ слѣдующемъ году вернулся въ Москву, гдѣ недолго служилъ въ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора, а затѣмъ перешелъ на педагогическое поприще: онъ былъ назначенъ учителемъ исторіи въ Александровскій сиротскій кадетскій корпусъ. Къ этому же періоду дѣятельности покойнаго относится его живое участіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ только что возникшемъ съ 1856 года, подъ редакціей М. Н. Каткова, «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились между прочимъ: его статья «Шотландія въ прошлое и настоящее время (1856 г., № 118 и 120) и «Заграничныя письма» (1857 г., № 1, 6, 18, 38, 39, 52, 58, 68, 79, 85, 116 и 117), а въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Историческій Альманахъ Раумера» (1856 г., кн. 6), «Донъ-Карлосъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ» (кн. 8), «Ансельмъ Кентерберійскій» (кн. 12 и 13), «Пруссія предъ походомъ Наполеона въ 1806 году» (кн. 18), «Статьи Вильмена о предшественникахъ Шекспира» (кн. 20), «Шлемонъ и Австрія съ исхода XVIII вѣка» (1858 г., кн. 2 и 3), «Годовщина Московскаго университета въ Парижѣ» (кн. 3), «Кампанія 1815 года» (кн. 6), «Записки Гизо: имперія и реставрація» (кн. 21), «О религіозной свободѣ во Франціи» (кн. 19), «Водвореніе іюльской монархіи, изъ записокъ Гизо» (1859 г., кн. 8 и 10), «Алексій Токвиль» (кн. 7), «Г. Абу о римскомъ вопросѣ» (кн. 14) и «Стачка рабочихъ въ Лондонѣ» (1859 г., кн. 7). вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь нзрѣдка имъ помѣщались немногіе труды въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ, напримѣръ: «Жакъ Керъ и Карль VII, или Франція въ XV вѣкѣ» (1854 г., кн. 2) и «Фридрихъ Великій во внутреннемъ управленіи своего государства» (1860 г., кн. 10). Съ начала 1861 года покойный явился помощникомъ графини Е. В. Сальясъ-Турнемыръ по веденію

ея журнала «Русская Рѣчь», а затѣмъ (съ № 39)—самостоятельнымъ редакторомъ того же періодическаго изданія, посвященнаго литературѣ, политикѣ, исторіи, искусствамъ и общественной жизни на западѣ и въ Россіи. Но этотъ журналъ выходилъ лишь одинъ годъ и прекратился на первомъ номерѣ 1862 года, послѣ чего и самъ Теохтистовъ покинулъ Москву, такъ какъ былъ причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ Головинѣ.

Съ переездомъ въ Петербургъ, покойный не разорвалъ дружественныхъ связей съ М. Н. Катковымъ и попрежнему, кромѣ рѣдкаго участія въ «Отечественныхъ Запискахъ» («Кавнингъ и его время», 1862 г., кн. 3, и «Борьба Греціи за независимость», 1862 г., кн. 7—11 и отдѣльный оттискъ: Спб., 1863 г., 238 стр.) и «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» («Замѣтки о пребываніи графа Каподисторіи въ Россіи», 1868 г., кн. 2, и «Очеркъ народнаго образованія въ Британской Индіи», 1869 г., кн. 1), оставался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника», причемъ большинство его трудовъ въ этомъ журналѣ за пятилѣтній періодъ (1864—1869 г.) касалось исторіи Россіи и Польши, какъ, напримѣръ: Магницкій, матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи (1874 г., кн. 6—8, затѣмъ отдѣльною книгою: Спб., 1865 г., 227 стр.), «Польскія интриги въ первой четверти нынѣшняго столѣтія» (1865 г., кн. 7), «Польша послѣ 1815 года» (кн. 8), «Начало русскаго владычества на Кавказѣ» (1867 г., кн. 1), «Русская политика на Востокъ предъ Крымскою войною» (1868 г., кн. 1), «Русская дипломатія въ борьбѣ Греціи за независимость» (кн. 5), «Эпизодъ изъ исторіи русской политики на Востокъ» (кн. 10), «Очерки изъ новѣйшей исторіи» (1869 г., кн. 2 и 4), «Судьбы папской власти при Наполеонѣ I» (кн. 9), «Россія и Сербія предъ послѣднею восточною войною» (кн. 12). Даже назначеніе Е. М. Теохтистова съ 1871 года редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, когда покойному приходилось заботиться о большемъ развитіи этого министерскаго органа, не помѣшало ему продолжать свое сотрудничесто и въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но то уже были послѣднія его работы по исторіи, а именно: «Парижъ и парижане во время осады» (1871 г., кн. 6), «Уроки исторіи», очерки современной Франціи (1871 г., кн. 9), «Интимная переписка послѣдняго короля Польши» (1875 г., кн. 11) и «Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елисаветы Петровны» (1882 г., кн. 5, 7, 8 и, отдѣльнымъ оттискомъ: М., 1882 г., 204 стр.). Е. М. Теохтистовъ скончался въ почетномъ званіи сенатора, но вся его жизнь тѣсно была связана съ исторіею нашей журналистики почти за цѣлое послѣднее полустолѣтіе безъ малаго. Вполнѣ свободно владѣя перомъ, онъ охотно писалъ на самыя разнообразныя темы—и о предшественникахъ Шекспира, и о Токвиллѣ, Жозефѣ де-Местрѣ, Гизо, Каннингѣ, стачкахъ англійскихъ рабочихъ и пр. Жилка истаго журналиста сказывалась въ этихъ разнообразныхъ, по темѣ и содержанію, статьяхъ покойнаго, относящихся, впрочемъ, къ болѣе раннимъ годамъ его жизни, къ первому десятилѣтію его литературной дѣятельности. Затѣмъ Е. М. Теохтистовъ отдался занятіямъ исторіею—русскою и иностранною. Въ области первой онъ интересовался преимущественно исторіею нашей

общественности. Его этюдъ «Жозефъ де-Местръ въ Петербургѣ» и книга о Магницкомъ и его времени—чрезвычайно цѣнные вклады въ русскую науку. Написанные живымъ литературнымъ языкомъ, по новымъ источникамъ, проникнутые самостоятельнымъ и оригинальнымъ взглядомъ, они имѣли полный успѣхъ у нашей серьезной читающей публики. «Борьба Греціи за независимость» и «Исторія Венгріи», два наиболѣе крунныхъ труда Е. М. Теокистова по иностранной исторіи, также отличались значительными научными достоинствами. Превосходную память по себѣ оставилъ онъ, какъ редакторъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», поставленнаго имъ на высоту живого, отзывчиваго на научныя явленія и вполне серьезнаго изданія. Тринадцатилѣтнее управленіе Е. М. нашимъ цензурнымъ вѣдомствомъ, которое было ему ввѣрено въ 1883 году, ждегъ, конечно, своего историка, которому оказались бы доступными нужные матеріалы изъ архивовъ этого вѣдомства, а также министерства внутреннихъ дѣлъ и другихъ министерствъ. Напомнимъ только сохранившееся извѣстіе, что въ спеціальной комиссіи 1863 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по разработкѣ проекта закона о печати, покойный, вмѣстѣ съ Гиляровымъ-Платоновымъ и Андреевскимъ, высказывалъ мнѣніе, весьма любопытное для будущаго начальника цензуры, что нельзя допустить права административной власти налагать безъ суда взысканія по дѣламъ печати. Мнѣніе это, какъ извѣстно, не нашло сочувствія у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1896 г., когда покойный былъ еще начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, ему было предоставлено на правахъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ вести сношенія за министра и присутствовать въ государственномъ совѣтѣ при слушаніи дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ маѣ того же года покойный былъ назначенъ сенаторомъ. Теокистовъ велъ дѣятельную переписку со многими выдающимися людьми своего времени, между прочимъ съ И. С. Тургеневымъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ писать свои «Записки», очень любопытныя какъ по талантливому литературному изложенію, такъ и по содержанію. И наблюдательности, и образованія, и сношеній съ лицами, игравшими большую роль, было довольно у покойнаго, чтобъ придать своимъ «Запискамъ» значительность. Обладая мѣткимъ юморомъ, онъ былъ прекраснымъ собесѣдникомъ, рельефно очерчивалъ характеры и иллюстрировалъ ихъ занимательными анекдотами. Можетъ быть, и эта черта осталась не чуждою его «Запискамъ». («Нов. Вр.», № 8011; «Моск. Вѣд.», № № 164 и 165).

† Г. Д. Филимоновъ. 26-го мая въ Сухумѣ скончался хранитель Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ. Покойный, сынъ дворянина, родился въ 1829 году и воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, откуда поступилъ на философскій (историко-филологическій) факультетъ Московскаго университета. Тотчасъ же по окончаніи курса кандидатомъ въ 1849 году, уже давно чувствуя особенную склонность къ занятіямъ археологіей, онъ издалъ свой первый трудъ, подъ заглавіемъ: Описаніе памятниковъ древности церковнаго и гражданскаго быта изъ русскаго музея П. Θ. Коробанова (М., 1849 г., 32 стр. съ рисунками). Поступивъ затѣмъ на должность хранителя Московской Оружейной

Палаты, Г. Д. Филимоновъ въ теченіе пятидесятихъ годовъ продолжалъ изучать памятники русскихъ древностей и съ результатами своихъ изслѣдованій познакомилъ ученыхъ черезъ слѣдующіе свои труды: «О древней въ Россіи портретной живописи» (Архивъ Калачева 1850 г., кн. 1), Археологическія изслѣдованія по памятникамъ, выпускъ первый: церковь св. Николая на Липнѣ близъ Новгорода и вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ (М., 1859 г., 62 стр. и XV снимковъ), Дополнительныя свѣдѣнія къ исторіи Остромирова Евангелія (Лѣтописи Тихонравова 1859 г., т. 1), а также, какъ членъ Московскаго общества исторіи и древностей, помѣстилъ свои разысканія о Мстиславовомъ Евангеліи (Чтенія 1859 г., кн. 3; 1860 г., кн. 4), вышедшія и отдѣльнымъ изданіемъ (М., 1861 г., 76 стр.). Съ открытіемъ въ Москвѣ Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, покойный археологъ занялъ, одновременно со службою въ Оружейной Палатѣ, мѣсто хранителя древне-христіанскихъ и русскихъ древностей. Въ это время его болѣе стали занимать вопросы о древне-русской иконописи, какъ показываютъ его статьи: Открытіе фресковъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ (Современная Лѣтопись 1863 г., № 26) и Палехъ, о состояніи иконописнаго искусства (День, 1863 г., №№ 34 и 35). Тогда-то онъ вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, проф. Ѳ. П. Буслаевымъ и археологомъ А. Е. Викторовымъ основалъ при Румянцевскомъ и Публичномъ музеяхъ «Общество древне-русскаго искусства» (1864 г.). Въ изданіяхъ этого общества, вышедшихъ подъ названіемъ Сборникъ (1866 г.) и Вѣстникъ (1874—1876 г.г.), нашли себѣ мѣсто многіе труды покойнаго, какъ, напримѣръ, «Значеніе луны подъ крестомъ», «Византійская архитектура», «Древнія украшенія великокняжескихъ одеждъ», «Симонъ Ушаковъ и современная эпоха русской иконописи», «Очерки русской христіанской иконографіи», «Иконные портреты русскихъ царей» и, особенно, Иконописный подлинникъ сводной редакціи XVII вѣка (М., 1876 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ покойный составилъ интересный Каталогъ отдѣленія доисторическихъ древностей Московскаго Публичнаго музея (М., 1874 г.). Въ послѣдніе же годы своей жизни Г. Д. Филимоновъ издалъ лишь немногіе труды. Къ нимъ относятся: Румянцевъ, какъ археологъ-собираетель (Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцевскаго музея, М., 1882 г., вып. 1), Описныя книги царскихъ палатъ Золотой и Грановитой (М. 1882 г.) и Указатель всѣхъ марокъ на серебрянѣ Московскаго Оружейной Палаты (М., 1893 г., 66 стр.). Находясь на службѣ въ Оружейной палатѣ до октября 1893 года, но оставаясь до кончины хранителемъ Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, покойный незадолго до смерти занялся рѣшеніемъ вопроса «О времени и происхожденіи знаменитой шапки Мономаха». Онъ прочелъ нѣсколько рефератовъ по поводу этого предмета въ Обществѣ исторіи, сущность которыхъ сводилась къ тому, что «Мономахова шапка», по его мнѣнію, относится къ XIV вѣку (см. Чтенія 1898 г., кн. 2, отд. IV, стр. 61—62). Кромѣ званія почетнаго члена и бібліотекаря Общества исторіи и древностей россійскихъ, Г. Д. Филимоновъ состоялъ членомъ-основателемъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества и дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности

(съ 13 марта 1878 г.). «Краеугольный камень его дѣятельности, сказано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ № 145, составляетъ основаніе имъ, совмѣстно съ покойными А. Е. Викторовымъ, профессоромъ Ѳ. П. Буслаевымъ и княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, Общества древне-русскаго искусства, немало способствовавшаго выясненію прошлыхъ судебъ нашего искусства и въ частности русскаго иконографіи, которой покойный посвятилъ нѣсколько крупныхъ и высокоинтересныхъ работъ. Будучи глубокимъ знаткомъ нашей иконографіи, почившій, конечно, съ грустью видѣлъ, какъ постепенно, подъ вліяніемъ западныхъ пріемовъ академической живописи, утрачиваются нашими иконописцами преданія, завѣщанія имъ древнерусскими мастерами, и не могъ не желать, чтобы святыя изображенія возвратились къ тѣмъ подлинникамъ, которые оставила намъ въ наслѣдіе православная Византія. Сознывая необходимость, такъ сказать, реставраціи древне-русскаго направленія въ нашей иконописи, покойный немало способствовалъ своими учеными трудами успѣхамъ этого направленія. Немалая заслуга принадлежитъ Г. Д. Филимонову и въ дѣлѣ приведенія въ строгій порядокъ московскихъ хранилищъ древностей, а также въ ихъ описаніи и каталогизаціи. Всесторонне образованный, обладая широкими познаніями по археологіи и исторіи искусства, со свойственною ему энергіей онъ опредѣлилъ эпоху и значеніе цѣлаго ряда предметовъ, которыми гордится первопрестольная столица. Отдѣленіе доисторическихъ и христіанскихъ древностей Московскаго публичнаго музея, во главѣ котораго такъ долго стоялъ Г. Д., своимъ образцовымъ порядкомъ и доступностью для ученыхъ работъ всецѣло обязано трудамъ почившаго. Этому хранилищу отдавалъ онъ свою любовь къ родной наукѣ, свою истиннѣйшую энергію и глубокія знанія». («Моск. Вѣд.», № № 145 и 146; «Нов. Вр.», № 7993).

† **И. В. Миловидовъ.** 6-го апрѣля, въ Костромѣ, скончался преподаватель костромскаго реальнаго училища, И. В. Миловидовъ. Покойный заслужилъ себѣ общую симпатію со стороны учениковъ и сослуживцевъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, своею мягкостью и снисходительностью. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Костромской архивной комиссіи, которая обладаетъ теперь, благодаря его неустаннымъ трудамъ по разбору старинныхъ историческихъ рукописей, многими цѣнными вкладами. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ мѣстномъ органѣ, издаваемомъ при Костромской архивной комиссіи.

† **И. П. Ендогуровъ.** Въ Италіи, на островѣ Капри, скончался 17-го мая, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, одинъ изъ талантливѣйшихъ молодыхъ русскихъ пейзажистовъ, Иванъ Ивановичъ Ендогуровъ. И. П. — сынъ контръ-адмирала И. А. Ендогурова, родился въ Кронштадтѣ 23-го октября 1861 г. По окончаніи курса въ классической гимназіи онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по юридическому факультету въ теченіе двухъ лѣтъ. Страсть къ живописи заставила его прервать слушаніе университетскихъ лекцій и всецѣло посвятить себя искусству. Живописью онъ началъ заниматься съ гимназической скамьи. Сперва его руководителемъ былъ Е. Е. Волковъ, затѣмъ И. П. работалъ самостоятельно, избравъ себѣ учителемъ природу. Въ первый разъ онъ вы

ступилъ передъ публикой на академической выставкѣ 1885 г. съ картинами «Ранняя весна», «Задворки» и «Березовая роща». Затѣмъ его пейзажами стали украшаться выставки «Товарищества передвижныхъ выставокъ». Изъ многочисленныхъ художественныхъ произведеній назовемъ: «Оттепель», «Послѣ грозы» (1886 г.), «Дорога», «На берегу рѣчки», «Заброшенный проселокъ» (1887 г.), «На этюдѣ», «Наступленіе ночи», «Прибой изъ Севастополя», «Осень въ Крыму», «Пасмурный день», «Вечеръ», «Ноябрьскія сумерки», «Тихій день», «Осенью», «День догораетъ» (1897 г.) и др. Во время парижской всемірной выставки И. И. получилъ за участіе въ русскомъ художественномъ отдѣлѣ серебряную медаль. («Нов. Вр.», № 7983).†

† **Н. А. Богдановъ.** 12-го мая въ С.-Петербургѣ скончался извѣстный художникъ-иллюстраторъ Николай Антоновичъ Богдановъ, бывший редакторъ журнала «Стрекоза» и сотрудникъ почти всѣхъ журналовъ, печатающихъ карикатуры. Сюжетомъ для своихъ рисунковъ и карикатуръ покойный чаще всего выбиралъ веселыя, «игривыя» темы и въ этой области почти не имѣлъ соперниковъ. Не меньшею извѣстностью пользовался покойный, и какъ миниатюристъ. Его миниатюры (преимущественно дамы и дѣти) на слоновой кости находили въ былое время большой спросъ, равно какъ и различныя виньетки для меню и пр. Н. А. родился въ 1840 году, учился въ кievской гимназiи. Страсть къ рисованію и замѣчательно быстрые успѣхи въ этой художественной отрасли побудили покойнаго переселиться въ Петербургъ, гдѣ онъ и нашелъ себѣ хорошій заработокъ. Умеръ онъ отъ туберкулеза въ костяхъ, послѣ продолжительной болѣзни. («Нов. Вр.», № 7976).

~~~~~

РѣДКІЕ ПОРТРЕТЫ.

I.

Неизвѣстный портретъ Е. А. Баратынскаго.

Пріобрѣтенный мною года два тому назадъ у одного изъ петербургскихъ букинистовъ и прилагаемый къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ Баратынскаго совершенно неизвѣстенъ въ русской иконографіи. Сходство его съ другими портретами и бюстомъ поэта настолько мимолетно, что въ значительной степени его приходится признать произведеніемъ фантазіи художника. Впрочемъ, для окончательнаго рѣшенія вопроса о сходствѣ между поэтомъ и настоящимъ, чрезвычайно эффектнымъ, изображеніемъ его нужны нѣкоторыя свѣдѣнія, которыми я не располагаю: нужно, именно, установить, къ какому времени портретъ относится и гдѣ онъ напечатанъ. Находящаяся подъ портретомъ, съ правой стороны, помѣтка: Lithographie de l'Administration Principale des Ponts et Chaussées (литографія главнаго управленія

вѣдомства путей сообщенія), какъ будто говорить о томъ, что портретъ приготовленъ въ Петербургѣ. Но въ какомъ году? Для этого нужно знать, когда литографія вѣдомства путей сообщенія была заведена. Если въ 20-хъ годахъ, то изображеніе прекраснаго юноши на портретѣ, рисованномъ Шевалье, можетъ быть, и соответствовало дѣйствительности: въ 20-хъ годахъ Баратынскому было тоже двадцать съ небольшимъ лѣтъ. Но если портретъ напечатанъ въ Парижѣ, въ литографіи французскаго вѣдомства путей сообщенія, онъ, всего естественнѣе, долженъ быть отнесенъ ко времени пребыванія Баратынскаго въ Парижѣ, то-есть къ 1844 году, и, тогда, конечно, портретъ становится фантастическимъ. Сорокачетырехлѣтняго, много испытавшаго и глубоко переживавшаго мужа, портретъ прекраснаго юноши, изображеннаго Шевалье, уже всего менѣе напоминаетъ.

Извѣстный собиратель и знатокъ русскихъ гравюръ П. Я. Дашковъ, въ коллекцію котораго я передалъ оригиналъ настоящаго портрета въ благодарность за всегдашнюю готовность П. Я. дѣлиться своими художественными и литературными сокровищами, находитъ, что портретъ русскаго происхожденія. Если бы онъ былъ гравированъ за границею, то, по мнѣнію П. Я. Дашкова, подпись подъ портретомъ едва ли могла бы быть награвирована такъ безукоризненно въ орнографическомъ отношеніи. Пошибъ почерка чисто-русскій.

О. Венгеровъ.

НА ЗАРЪ

—
РОМАНЪ

ИЗЪ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ГРЕКОВЪ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Е. БЕНСОНА.

—
ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

—
(The Vintage)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1898

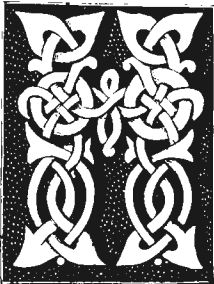

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

А КРАЮ золотистой бухты безмолвно гнѣздилась Навплия, словно мертвый городъ. Жгучее южное солнце заливало своими лучами главную улицу, тянувшуюся съ набережной до площади, и только мѣстами виднѣлась узкая полоса синеватой тѣни.

Вдоль одной стороны площади возвышались казармы турецкаго гарнизона—двухъэтажное, бурое, каменное зданіе, солидное, но душное, и украшенное съ фасада длинною аркадой. Здѣсь помѣщались три роты, собственно занимавшія городъ и поневолѣ завидовавшія остальному гарнизону, занимавшему Паламедскую крѣпость, которая царила надъ равниной, на высотѣ пятисотъ футовъ. Въ западномъ флигелѣ казармъ жили офицеры, а въ противоположномъ—находилась тюрьма, переполненная, по обыкновенію, мѣстными греками, отбывавшими наказаніе за неплатежъ турецкимъ ростовщикамъ, которые давали имъ деньги въ займы подъ сорокъ и пятьдесятъ процентовъ. Противъ казармъ рядъ лавокъ и кофеенъ придавалъ общему виду мирный оттѣнокъ.

На восточной сторонѣ площади начиналась узенькая улица и, пройдя чрезъ всю длину города, она прокладывала себѣ дорогу

далѣе, чрезъ старыя венеціанскія укрѣпленія, образовавшія нѣчто въ родѣ туннеля. Направо, отвѣсно, подымалась сѣрая крѣпостная гора, мѣстами испещренная выгорѣвшею на солнцѣ травой. У подножія этой горы, за городомъ, ютились двѣ или три бѣлыя виллы среди кипарисовыхъ и гранатовыхъ деревьевъ, а дорога, пройдя мимо нихъ, выходила на открытую равнину, гдѣ съ одной стороны разстилались мансовыя поля и виноградники, а съ другой—открывалось болото, покрытое тростникомъ и оканчивавшееся на берегу бухты. Весна была очень сухая, и въ эти ранніе іюньскіе дни вся страна уже представляла пожелтѣвшій, засохшій видъ.

Полуденный жаръ еще усиливался поднявшимся съ юга удушливымъ сирокко, который засыпалъ тонкою бѣлою пылью всѣхъ прохожихъ.

На дорогѣ, въ милѣ отъ города, стояла маленькая винница, выдающійся портикъ которой былъ украшенъ олеандрами, образовавшими нѣчто въ родѣ навѣса. Нѣсколько деревянныхъ стульевъ и еле державшійся на своихъ ножкахъ столъ приглашали путниковъ отдохнуть и выпить вина. Но, очевидно, гостей бывало немного, такъ какъ хозяинъ лежалъ на скамьѣ, подъ тѣнью стѣны, и спалъ, широко открывъ ротъ. Большая, некрасивая собака охраняла его сонъ и безнадежно ловила мухъ.

Прямо противъ винницы виднѣлся чисто выбѣленный домъ, обнаруживавшій большія притязанія на удобства, чѣмъ обыкновенное пепилище греческихъ поселянъ. Передъ нимъ красовался садъ съ серебристыми тополями, а съ двухъ сторонъ его окружала веранда, по деревяннымъ колонкамъ которой ползли цвѣтущія розы. Въ одномъ концѣ веранды стоялъ низкій диванъ, на которомъ сидѣло два человѣка. Они оба молчали; на одномъ изъ нихъ была священническая ряса.

Царившая повсюду тишина неожиданно была нарушена мяуканьемъ кошки, которая выбѣжала изъ-за угла веранды, и громкимъ смѣхомъ преслѣдовавшаго ее длинновязаго юноши. На немъ была бѣлая полотняная, короткая юбка и такіе же узкіе панталоны; онъ былъ босой и съ непокрытою головой. Увидавъ сидѣвшихъ на диванѣ, онъ, не останавливаясь, пробѣжалъ мимо съ крикомъ:

— Кошка хотѣла схватить рыбу. Вотъ я ей задамъ!

Одинъ изъ сидѣвшихъ посмотрѣлъ на юношу и улыбнулся.

— Ты дойдешь до грѣха, если будешь бѣгать по солнцу съ непокрытою головой. Посиди съ нами. У тебя нѣтъ никакихъ манеръ, Митсось. Развѣ ты не видишь отца Андрея?

Митсось подошелъ къ священнику и преклонилъ одно колѣно.

— Да благословить тебя Господь!—сказалъ отецъ Андрей, положивъ руку на его голову.

— Ну, садись, Митсось, и расскажи, чѣмъ провинилась передъ тобой кошка,—произнесъ отецъ.

При этихъ словахъ лице юноши, принявшее серьезное выраженіе подь благословеніемъ священника, снова просіяло.

— Гадкая кошка пробралась въ кладовую, куда я положилъ рыбу, и я едва успѣлъ схватить ее за хвостъ; но она такъ меня оцарапала, что я выпустилъ ее. Но погоди! Я тебя еще догоню и задамъ тебѣ потурецки двойную порку.

— Полно, Митсось,—отвѣчалъ отецъ:—пора тебѣ перестать гоняться за кошками: вѣдь тебѣ уже восемнадцать лѣтъ, и ты знаешь, что сегодня вечеромъ прибудетъ твой дядя.

— Дядя Николай?

— Да. Поди-ка, вымой руки и накрой столъ, а потомъ свари яицъ, принеси хлѣба, сыра, да набери вишенъ.

— А отецъ Андрей будетъ кушать?

— Конечно. Да не забудь надѣть башмаки къ обѣду.

Митсось удалился въ домъ.

— Онъ совершенный ребенокъ,—замѣтилъ отецъ Андрей.

— И мнѣ такъ кажется,—отвѣчалъ хозяинъ,—но вотъ увидимъ, что скажетъ Николай. Впрочемъ Митсось здоровый, крѣпкій дѣтина и сумѣетъ сохранить тайну.

Священникъ всталъ и, бросивъ злобный взглядъ по направленію къ крѣпости, сказалъ:

— Справедливый Боже! Когда Ты воздашь туркамъ по ихъ заслугамъ? Они не знаютъ милосердія, и имъ не будетъ оказано пощады! Смерть и гибель врагамъ Греціи! Да будутъ они прокляты!

Одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ отецъ Андрей былъ вынужденъ отправиться въ Аоины, чтобы продать участокъ земли, принадлежавшій его недавно умершей женѣ, такъ какъ, при существованіи турецкихъ налоговъ, земля скорѣе приносила убытокъ, чѣмъ доходъ. Онъ взялъ съ собою маленькую шестилѣтнюю дочь, которая уже тогда обѣщала развиться въ несравненную красавицу. На возвратномъ пути, въ недалекомъ разстояніи отъ Аоинъ, на него напала шайка турокъ и, оставивъ его на дорогѣ окровавленнымъ, похитила его дочь съ цѣлью, вѣроятно, продать ее въ какой нибудь гаремъ. Нѣсколько часовъ бѣдный отецъ Андрей лежалъ безъ чувствъ, а когда очнулся, то едва добрался обратно до Аоинъ, гдѣ провелъ двѣ недѣли въ тщетныхъ поискахъ за исчезнувшей дочерью. Власти не хотѣли и слушать его жалобъ о похищеніи турками денегъ и дочери. Въ то время турецкія власти обходились съ греками, какъ съ собаками. Жестокость, грабежъ и казнь составляли единственные орудія ихъ управленія.

Съ тѣхъ поръ одна мысль денно и ночью преслѣдовала отпа Андрея—месть туркамъ, не только тѣмъ, которые украли его дочь, но всей расѣ этихъ дьяволовъ. Одиннадцать лѣтъ онъ не разставался съ этою мыслью и сначала выражалъ ее только гнѣвными словами, а въ послѣднее время сталъ уже принимать участіе въ

организациі общаго возстанія, которое тайно, но вѣрно подготовлялось клубомъ патріотовъ.

Отецъ Андрей былъ человѣкъ высокаго роста, хорошо сложенный и, судя по его внѣшности, онъ дѣйствительно, какъ всегда увѣрялъ, былъ чисто греческаго происхожденія. Онъ былъ уроженцемъ юго-западной Арголіды, отдаленной горной страны, которую турки никогда себѣ не подчинили. Отецъ его умеръ пять лѣтъ передъ тѣмъ, но когда Андрей вернулся изъ Аѳинъ безъ дочери, то старикъ прогналъ его изъ дому.

— Ребенокъ — Божье благословеніе, — сказалъ онъ: — и отецъ долженъ скорѣе отдать свою жизнь, чѣмъ лишиться Божьяго благословенія! Ты обезчестилъ меня, отдавъ мою внучку проклятымъ туркамъ. Я не хочу болѣе тебя видѣть.

— Да что же я могъ сдѣлать?—отвѣчалъ Андрей:—ихъ было шестеро, а я одинъ. Я боролся съ ними сколько могъ, и они бросили меня на дорогѣ замертво.

— Жаль, что они не убили тебя и твоей дочери!

— Я съ тобой согласенъ, но вѣдь въ этомъ я не виноватъ. Неужели ты мнѣ никогда не простишь!

— Не прежде, чѣмъ узнаю о смерти Федоры.

— Какъ Федоры! Зачѣмъ ты теперь желаешь ея смерти?

— Потому что она выростетъ среди позора и выйдетъ замужъ за окаяннаго турку, а этого еще не было въ нашемъ роду. Ступай и не возвращайся никогда.

Пять лѣтъ они не видались, но наконецъ старикъ, чувствуя, что дни его сочтены, отправился въ Навилію, гдѣ поселился Андрей. Послѣдній былъ внѣ себя отъ радости, увидѣвъ отца.

— Я пришелъ къ тебѣ, сынъ,—сказалъ старикъ:—потому что я старъ, и мнѣ надоѣло быть одному.

День за днемъ сидѣлъ старикъ дома и смотрѣлъ на пыльную дорогу, поджидая Федору. Но она не возвращалась, и однажды вечеромъ старикъ, вернувшись въ комнату, сказалъ торжественно:

— Я умираю и теперь не время болтать попустому. Когда вернется Федора, то скажи ей, что я ее очень любилъ и ждалъ день за днемъ. А если тебѣ, Андрей, не будетъ подъ силу ей простить, то прости ее ради меня, вѣдь она была очень молода и ни въ чемъ не виновна. И ты не виноватъ, такъ что я напрасно накинулся на тебя. Но если бы я не питалъ къ тебѣ горячей любви, то и не сердился бы на тебя. Только помни, Андрей, что если ты не отомстишь туркамъ, когда настанетъ день возмездія, то я явлюсь и не дамъ тебѣ покоя. Мечь! — прибавилъ старикъ, вставая съ мѣста:—мечь всѣмъ проклятымъ изувѣрамъ. Убивай безпощадно мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Не жалѣй никого. Ты христіанинъ, а они окаянныя язычники. Мечь! Мечь! Мечь!

Онъ тяжело опустился въ свое кресло. Голова его поникла, руки

опустились, какъ плети. Спустя нѣсколько минутъ, онъ умеръ съ мезью на устахъ, съ мезью въ сердцѣ.

Съ того печальнаго дня отецъ Андрей сталъ вдвойнѣ ненавидѣть турокъ и мечтать о мести. Онъ желалъ одного, чтобы принять личное участіе въ очищеніи Греціи отъ нечестивыхъ мусульманъ. Но, несмотря на пламя мести, овладѣвшее его сердцемъ, онъ сдерживалъ себя и терпѣливо ждалъ, пока не наступитъ день общаго возстанія. Уже болѣе года въ сѣверной Греціи дружно работали два тайныхъ комитета, собирая деньги посредствомъ секретныхъ агентовъ и всячески разжигая пламя патріотизма. Теперь было недолго ждать: сѣтъ, окружавшая враговъ, быстро затягивалась, и вскорѣ долженъ былъ настать великій день освобожденія.

Но вернемся къ Митсосу. Онъ успѣшилъ исполнить приказаніе отца: развелъ огонь, согрѣлъ воду и, отобравъ изъ корзины восемь яицъ, положилъ ихъ вариться, а самъ пошелъ набирать вишни.

Впродолженіе прошедшаго года Константинъ, отецъ Матсоса, обрабатывалъ вмѣстѣ съ юношей свой участокъ земли, какъ простой рабочій; два года передъ тѣмъ проѣзжавшій мимо турецкій паша, Абдуль-Ахметъ, плѣнился климатомъ Навплии и построилъ себѣ домъ на берегу бухты, на землѣ, принадлежавшей Константину. Онъ обѣщалъ щедро заплатить за нее, и Константинъ согласился уступить свою землю, такъ какъ хорошо зналъ, что въ противномъ случаѣ паша отниметъ ее насильно. Конечно, онъ до сихъ поръ не получилъ ни гроша, и домъ знатнаго турка мозолилъ ему глаза тѣмъ болѣе, что возвышался на мѣстѣ его стараго виноградника.

Абдуль-Ахметъ былъ губернаторомъ Аргоса и, пользуясь тѣмъ, что Навплия находилась недалеко отъ его мѣста должности, онъ поселился тутъ со своимъ гаремомъ. Въ теплые лѣтніе вечера можно было видѣть, какъ женщины этого гарема смотрѣли чрезъ высокую стѣну, которая отдѣляла ихъ садъ отъ берега. Самъ Абдуль былъ дородный турокъ среднихъ лѣтъ, очень лѣнивый и молчаливый. Если онъ не платилъ Константину свой долгъ, то это объяснялось столько же неаккуратностью, сколько и турецкой привычкою никогда ничего не платить грекамъ.

Константинъ нѣсколько разъ спрашивалъ его о деньгахъ, но потомъ махнулъ рукой. Онъ принадлежалъ къ высшему классу земледѣльцевъ, которые были собственниками земли, обрабатываемой не только собственными руками, но и наемнымъ трудомъ. Этого рода люди были въ то время солью греческой земли. Подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ, онъ былъ трудолюбивъ и бережливъ, но въ настоящее время, лишившись своего виноградника и обязанный платить громадныя подати, онъ нашелъ нужнымъ болѣе не нанимать рабочихъ, а воздѣлывать землю самому съ сыномъ. Они работали безъ устали на оставшемся у нихъ участкѣ земли, развели новый виноградникъ и, собравъ виноградъ, приготовляли

изъ него вино. Даже въ свободное время они за деньги помогали сосѣдямъ на ихъ виноградникахъ.

Но, несмотря на это, Константинъ ощущалъ перемѣну въ своемъ положеніи. Въмѣсто того, чтобы распоряжаться нанятыми рабочими, ему приходилось работать самому и не только у себя, но и на чужой землѣ; при этомъ онъ чувствовалъ всю несправедливость своего униженія, такъ какъ онъ былъ ни въ чемъ не виноватъ. Кромѣ недобросовѣстнаго поступка Абдула, его тяготили вѣчно увеличивающіеся подати и налоги. Полгода передъ тѣмъ онъ вынужденъ былъ продать хорошую лошадь, такъ какъ турки ввели новый налогъ на лошадей, и теперь у него оставались только плохая, маленькая лошаденка, старый домъ и лодка. Однако, онъ все-таки переносилъ все терпѣливо и даже удивлялъ своимъ хладнокровіемъ сосѣдей при встрѣчѣ съ ними въ кофейнѣ: въ то время, когда они ворчали и шопотомъ проклинали турокъ, Константинъ молчалъ и спокойно улыбался. Дня за два передъ началомъ нашего разсказа, одинъ изъ сосѣдей прямо спросилъ его:

— Послушай, Константинъ, ты пострадалъ болѣе насъ всѣхъ, за исключеніемъ тѣхъ, у кого взрослые дочери. Отчего ты все молчишь и улыбаешься? Развѣ у тебя идутъ такъ хорошо дѣла?

Очевидно, этотъ вопросъ былъ заранѣе подготовленъ, и двое другихъ грековъ подошли къ Константину, ожидая съ нетерпѣніемъ его отвѣта.

Онъ медленно вынулъ изо рта чубукъ и хладнокровно произнесъ:

— Нѣтъ, у меня дѣла идутъ плохо, но я умѣю держать языкъ за зубами. Впрочемъ, я вамъ скажу кое-что: Николай Видались пріѣдетъ сюда черезъ три дня.

— Ну, такъ чтожь?

— Николай посоветуетъ вамъ держать языкъ за зубами, подобно мнѣ, а, быть можетъ, онъ скажетъ вамъ и что нибудь другое. Ну, мнѣ пора домой. Доброй ночи, друзья!

И теперь, когда отецъ Андрей громко проклиналъ турокъ, Константинъ съ улыбкой сказалъ:

— Прости, отецъ Андрей, но Николай не любитъ, когда много болтаютъ. Ты знаешь его: онъ никогда не скажетъ лишняго слова.

— Ты правъ и не правъ, — отвѣчалъ священникъ, — Николай человекъ добросовѣстный и молчаливый, но я далъ клятву: каждый день три раза проклинать турокъ — на разсвѣтѣ, въ полдень и при закатѣ солнца. Мнѣ все равно, что бы тамъ ни говорилъ Николай, но я буду свято исполнять свою клятву.

— Вотъ идетъ Митсось, пожимая плечами: ты хоть при немъ удержишься. Митсось, обѣдъ готовъ?

— Обѣдъ-то готовъ, — отвѣчалъ юноша, — но я не могу найти второго башмака, а ты не велѣлъ мнѣ обѣдать безъ башмаковъ.

— Ну, такъ поищи хорошенько.

— Я вездѣ искалъ и нигдѣ его нѣтъ, а если бы ты зналъ, отецъ, какъ я голоденъ!

Но Константинъ не уступилъ.

— Какъ хочешь, а найди прежде банимакъ, а потомъ приходи обѣдать,—сказалъ онъ,—ну, отецъ Андрей, пойдемъ.

И они оба усѣлись за столъ, а бѣдный Митсось остался безъ башмака и безъ обѣда.

II.

Черезъ часъ Митсось, найдя свой второй башмакъ и пообѣдавъ, спокойно спалъ на верандѣ. Большую часть предыдущей ночи онъ ловилъ рыбу, а такъ какъ жатва окончилась, то и ему не было срочной работы, кромѣ поливки виноградныхъ лозъ, по удаленіи солнца изъ виноградника, что не могло быть ранѣе 4-хъ часовъ. Онъ спалъ, какъ собака, по выраженію его отца, потому что онъ лежалъ, свернувшись въ клубокъ, и сонъ его былъ такой легкой что онъ открывалъ глаза отъ малѣйшаго шороха.

Митсось былъ громаднымъ юношей обычнаго греческаго типа, съ кудрявыми, черными волосами, ниспадавшими на плеча, прямыми также черными бровями и большими глазами одинаковаго цвѣта. Носъ у него былъ короткій, толстый, а прекрасныя очертанія рта обнаруживали всѣ самыя мельчайшія тѣни душевнаго настроенія. Его лице и руки не знали никакихъ косметическихъ средствъ, кромѣ солнца, вѣтра и дождя, а потому отличались бурнымъ цвѣтомъ, принимавшимъ болѣе темный оттѣнокъ подъ глазами и волосами. Его руки и ноги, съ которыхъ онъ сбросилъ башмаки, были поразительно чисты, что составляетъ характеристичную особенность греческаго крестьянина.

Проспавъ часа два, онъ проснулся, благодаря тому, что солнце изъ-за угла веранды уже свѣтило ему прямо въ лице. Сначала онъ повернулся къ стѣнѣ, но черезъ минуту вскочилъ и лѣниво потянулся. Затѣмъ онъ пошелъ къ каменному колодцу, находившемуся за домомъ, и окунулъ голову въ свѣжую воду. Когда же сонъ совершенно прошелъ, Митсось посмотрѣлъ на большой тополь, бросавшій тѣнь поперекъ всего виноградника, взялъ лопату и пошелъ на работу.

Небольшой ручей, протекавшій черезъ садъ и терявшійся внизу въ бухтѣ, былъ на протяженіи полумили покрытъ каменнымъ сводомъ, изъ-подъ котораго можно было отвести воду на лозы, окопанныя вокругъ.

Митсось прежде всего очистилъ отъ всякой налетѣвшей дряни резервуарчики у каждой лозы и затѣмъ пустилъ воду, быстро разлившуюся. Убѣдившись, что вода всюду проникла, онъ заткнулъ землей отверстіе каменнаго свода, и быстрый источникъ вернулся

въ свое русло. Наконецъ, подойдя къ лозамъ, онъ сталъ копать вокругъ нихъ съ тою цѣлью, чтобъ вода могла омыть всѣ корни, очень засохшіе во время продолжительной засухи.

Хотя солнце прямо не свѣтило на землю, но было очень жарко, такъ какъ сирокко еще усилился и жегъ, словно выходя изъ горячей печи. Темнозеленые листья виноградныхъ лозъ съ подвѣтренной стороны были покрыты мелкою бѣлою пылью, принесенною съ обнаженныхъ послѣ жатвы полей. По временамъ Митсось прерывалъ свою работу и отиралъ рукой потъ со лба, а затѣмъ снова принимался за лопату, напѣвая вполголоса крестьянскія пѣсни. Онъ уже почти покончилъ свою работу, какъ увидалъ отца, подходившаго къ нему.

— Что, Митсось,—сказалъ Константинъ,—тебѣ сегодня пришлось одному работать? Мнѣ надо было сходить въ Навдлію. Ты хорошо полилъ всѣ лозы?

— Нѣтъ, еще осталось три.

— Поди, отдохни, а я кончу за тебя.

Митсось съ удовольствіемъ бросилъ на землю лопату.

— Врядъ ли въ аду такъ жарко! Бѣдный дядя Николай совѣмъ изжарится, направляясь сюда черезъ равнину.

— Онъ, конечно, потребуеть ванну, и тебѣ придется принести воду изъ колодца.

— Это ничего, — замѣтилъ Митсось и, бросившись на землю, сталъ смотрѣть, какъ работалъ отецъ.

— Ну, вотъ и кончено, — произнесъ Константинъ, спустя полчаса, — ты отправишься снова ловить рыбу сегодня ночью? Вѣтеръ что-то великъ.

— Можетъ быть, онъ спадетъ послѣ заката. Во всякомъ случаѣ, я вчера наловилъ довольно рыбы на два дня, положилъ ее въ воду и вынесъ на ледникъ; надѣюсь, что она не испортится.

Они оба пошли домой и, увидавъ, что передъ дверью стоятъ три мула, Константинъ ускорилъ шаги.

— Вѣроятно, прибылъ Николай, — сказалъ онъ, — его никогда не приходится ждать. Ну, пойдѣмъ, Митсось.

Вся веранда была заставлена ящиками и узлами, а въ комнатѣ, на низенькомъ стулѣ, сидѣлъ Николай.

— Ну, Константинъ, — произнесъ онъ, вставая, — какъ ты поживаешь? А ты, Митсось, все растешь. Когда ты будешь такимъ же высокимъ, какъ отецъ, то я дамъ тебѣ сто пиастровъ. Ну, ужъ, Константинъ, какая сегодня проклятая погода! Я просто не зналъ, куда дѣться отъ вѣтра и пыли. Митсось, въ порядкѣ ванна, которую мы съ тобой сколотили изъ досокъ? Погонщики муловъ помогутъ тебѣ наполнить ее водой, а если она протекаетъ, то это не бѣда. Ты просто молодецъ, — прибавилъ онъ, потрепавъ юношу по плечу, — достань мнѣ побольше воды, дай мнѣ помыться

десять минутъ, а когда я буду одѣваться, мы съ тобой поговоримъ.

Митсось вышелъ изъ комнаты, а Константинъ, обернувшись къ зятю, спросилъ:

— Ну, что ты скажешь?

— Онъ славный мальчуганъ, — отвѣчалъ Николай, — только можно ли на него надѣяться?

— Въ немъ не обманется и турокъ.

— Ну, это излишне! А какъ онъ насчетъ трусости?

— Онъ не знаетъ, что такое страхъ.

— Это напрасно. Нельзя быть храбымъ, не испытавъ страха. Ну, да мы это увидимъ.

Николай такъ же, какъ Константинъ, былъ одѣтъ поалбански: на немъ была открытая, красная, вышитая куртка, рубашка, короткая юбка и узкіе бѣлые штаны, завязанные внизу. Онъ былъ высокаго роста, худощавый, и на взглядъ ему было или сорокъ лѣтъ, если онъ жилъ шибко, или пятьдесятъ, если онъ велъ спокойную жизнь. Въ сущности же ему было подъ шестьдесятъ лѣтъ. Чисто выбритый и очень блѣдный, онъ, повидимому, никогда не выходилъ на воздухъ, но подобное предположеніе нельзя было сдѣлать, при видѣ его свѣжей кожи. Его большіе, темно-сѣрые глаза были полускрыты густыми черными бровями. У него былъ тонкій, почти орлиный носъ съ точеными ноздрями, которыя вѣчно были въ движеніи и нюхали воздухъ, какъ кровный конь. Его тонкія губы имѣли аскетическій отгѣнокъ, а волоса, очень густые и длинные, едва обнаруживали сѣдину на вискахъ. Голова гордо и прямо сидѣла на мощныхъ плечахъ, а шея его была слишкомъ длинна, но безупречно прямая. При его высокомъ ростѣ и необыкновенной худобѣ онъ казался гигантомъ.

— Я пріѣхалъ изъ Коринѳа и многое имѣю тебѣ рассказать, — произнесъ Николай, — наконецъ, клубъ патріотовъ отдалъ въ мои руки всю Морею. Мнѣ предоставлено употреблять фонды, какъ я найду нужнымъ, и подать сигналъ къ борьбѣ съ турками. А что, здѣсь есть люди, на которыхъ можно надѣяться, или они всѣ погонщики муловъ и болтуны?

— Твоя правда: всѣ они еще тупѣ погонщиковъ муловъ и умѣютъ только болтать.

— Чтожъ, и ихъ можно будетъ запрячь въ дѣло, но кому поручить предводительствовать ими? Тутъ, кажется, былъ священникъ отецъ Андрей. Мнѣ хотѣлось бы его видѣть. Я помню, что онъ много болталъ, но это ничего. Его можно сдержать.

— Онъ далъ клятву три раза въ день проклинать турокъ, и свято ее держать.

— Ну, отъ этого туркамъ не будетъ хуже! Лучше бы онъ получилъ благословлять ихъ, тогда, по крайней мѣрѣ, ихъ можно было

бы обойти. Ну, да все равно. А! Митсось, ну, готова ванна? Прости, Константинъ, но я не свой человѣкъ, когда чувствую на себѣ грязь. Приходи ко мнѣ, Митсось, черезъ десять минутъ, и тогда ты расскажешь мнѣ о себѣ.

— Да мнѣ нечего рассказывать.

— Это очень хорошо; значить, все благополучно. Ахъ, да, Константинъ, я привезъ вина, но прикажи Митсосу опустить его въ колодезь. Человѣкъ, себя уважающій, не можетъ пить теплаго вина.

Митсось не спускалъ глазъ съ Николая, пока тотъ не исчезъ за дверью, а затѣмъ шепотомъ сказалъ отцу:

— У меня очень грязныя руки отъ работы, и я боюсь, что это замѣтитъ дядя Николай.

— Вѣроятно, замѣтилъ: онъ все видитъ; такъ вымой руки, прежде чѣмъ пойти къ нему.

Митсось обожалъ дядю Николая, и въ его глазахъ это былъ лучший человѣкъ, какого онъ когда либо видѣлъ. Николай ходилъ не разъ по морю въ большихъ судахъ и видывалъ заграничныя страны. Однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ говорилъ по-французски съ матросами, выброшенными бурей на берегъ съ погибшаго корабля, и на это не былъ никто способенъ въ ихъ околоткѣ, даже городской голова, который, слушая непонятный ему языкъ матросовъ, увѣрялъ, что это птичій. Николай постоянно предпринималъ таинственныя поѣздки, изъ которыхъ возвращался всегда неожиданно; онъ отличался удивительно мелодичнымъ голосомъ, длинными мускулистыми руками, умѣньемъ стрѣлять голубей на лету и почти всезнаніемъ. Ему были извѣстны названія всѣхъ птицъ и растений, а когда Митсось какъ-то серьезно занемогъ, то онъ набралъ листьевъ невѣдомаго растенія и сварилъ настой, отъ котораго мальчикъ выздоровѣлъ на другой же день. Но всего болѣе Митсосу нравилось въ Николаѣ умѣнье рассказывать интересныя исторіи о всемъ видѣнномъ въ различныхъ странахъ.

Умывъ руки, юноша поспѣшилъ въ комнату Николая, и уже засталъ его полуодѣтымъ. Грязное бѣлье лежало на полу, и, указывая на него, онъ сказалъ:

— Я останусь здѣсь, по крайней мѣрѣ, на четыре дня, и, пожалуйста, Митсось, распорядись, чтобы это все вымыли. Всего важнѣе на свѣтѣ — быть чистымъ.

— А вотъ отецъ Андрей говоритъ, что всего важнѣе — любить Бога и ненавидѣть чорта, то-есть турокъ.

— Конечно, онъ правъ, но и я не ошибаюсь. Ну, Митсось, садись къ окну и расскажи мнѣ, что ты дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.

— Я ухаживаю за виноградными лозами съ тѣхъ поръ, какъ кончилась жатва, и почти каждую ночь ловлю рыбу.

— Хорошо. Завтра мы отправимся съ тобой вмѣстѣ на рыбную ловлю, а сегодня мнѣ надо о многомъ поговорить съ твоимъ отцомъ.

— Какъ я буду радъ поѣхать въ лодкѣ съ тобой, и ты мнѣ расскажешь новыя исторіи!

— Да и совершенно особаго рода. Меня очень интересуеѣтъ узнать, какъ онѣ тебѣ понравятся. А сколько тебѣ лѣтъ?

— Въ ноябрѣ будетъ девятнадцать, и у меня уже пробиваются усы.

— Да, пушечкѣ виденъ. Ну, а къ чему тебѣ усы?

— У всѣхъ мужчинъ усы.

— А ты хочешь быть мужчиной? Такъ помни, что не усы дѣлаютъ юношу человекомъ, а храбрость и добродѣтель. Прежде чѣмъ мы выйдемъ изъ этой комнаты, я долженъ тебѣ сказать, что если бы у тебя какой нибудь турокъ спросилъ обо мнѣ: гдѣ я и куда отправляюсь, то ты всегда отвѣчай—не знаю, я не видалъ его съ годъ.

— Да, я такъ всегда и скажу.

— А если ты отвѣтишь туркамъ иначе и выдашь меня, то я могу поплатиться за это жизнью. Дай мнѣ слово, что этого никогда не сдѣлаешь.

— Обѣщаю.

— А если тебѣ пригрозятъ смертью?

— Ну, такъ чтожъ: я вѣдь обѣщаль!

Николай положилъ руку на плечо юноши и со сверкающими глазами произнесъ:

— Слава Богу! Я нашолъ того, кого мнѣ нужно.

Во время наступившей ночи сирокко стихъ, выпала роса, и на слѣдующее утро весь міръ проснулся съ улыбкою, послѣ миновавшей непогоды.

Почти съ разсвѣта Митсось постоянно варилъ кофе, такъ какъ именитые греки всего околотка, узнавъ о прибытіи Николая, посѣтили его, и каждому изъ нихъ онъ обязательно предлагалъ чашку турецкаго кофе. Сидя на верандѣ и почти не выпуская изо рта трубки, онъ, повидимому, давалъ инструкціи своимъ посѣтителямъ.

Однимъ изъ первыхъ пришолъ отецъ Андрей, къ которому Николай отнесся съ особымъ уваженіемъ. А по окончаніи визита проводилъ его до задней калитки сада, которая выходила въ поле, и Митсось, мывшій чашки у колодца, слыпалъ, какъ онъ сказалъ, прощаясь съ отцемъ Андреемъ:

— Главное молчи. Впослѣдствіи твой зычный голосъ намъ потребуется, но теперь одно лишнее слово можетъ все погубить. Вотъ ты ничего не замѣчаешь, а я знаю, что Митсось насъ подслушиваетъ. Эй, Митсось! Поди сюда.

Юноша подошолъ къ нему, покраснѣвъ, какъ ракъ.

— Ты несправедливъ ко мнѣ, дядя Николай; я не подслушивалъ,

но не могъ не слышать твоихъ словъ, когда ты говорилъ громко рядомъ со мной, хотя меня и скрывали кусты.

— Полно, голубчикъ, я и не думалъ тебя осуждать,—отвѣчалъ Николай,— я только хотѣлъ доказать отцу Андрею, какъ неосторожно болтать. Ну, теперь прощай, отецъ Андрей. Вотъ возьми мою ленту Господу Богу за мое счастливое прибытіе сюда.

Николай сдержалъ свое обѣщаніе, и, какъ только сѣло солнце, онъ отправился съ племянникомъ къ лодкѣ. Митсось несъ мѣшокъ съ факелами, корзинку для рыбы и двѣ остроги, а Николай слѣдовалъ за нимъ съ сѣтью на плечахъ. Они рѣшили начать съ ловли острогами, а когда взойдетъ луна, то пробраться на противоположный берегъ бухты, гдѣ мелкая вода, и тамъ пустить въ ходъ сѣти. Николай, однако, сѣлъ въ лодку съ сѣтью, а предоставилъ Митсосу одному работать острогой.

Юноша снялъ съ себя полотняные штаны и башмаки, закрѣпилъ свою рубашку вокругъ пояса, закинулъ за плечи мѣшокъ и, взявъ въ лѣвую руку зажженный факель, а въ правую острогу, вошелъ по колено въ воду. Онъ держалъ огонь низко къ поверхности воды, чтобы рыба могла его видѣть, а острога была у него наготовѣ, чтобы не дать промаха при появленіи рыбы.

Это была сцена, которую Рембрандъ изобразилъ бы съ любовью на полотнѣ. Луна еще не взошла, но небо было свѣтлое, звѣздное, а по поверхности бухты пробѣгала лишь легкая зыбь, терявшаяся въ тѣни противоположнаго берега. При слабомъ мерцаніи факела едва можно было отличить очертаніе лодки, въ которой Николай приготовлялъ сѣть, а среди окружающаго мрака только свѣтлѣли юная фигура Митсоса и маленькое пространство воды вокругъ него. Но временамъ онъ быстро опускалъ острогу и чрезъ мгновеніе вытаскивалъ ее изъ воды среди тысячи брызгъ съ той или другой рыбы на острияхъ. Очень рѣдко онъ давалъ промахъ и тогда съ улыбкой показывалъ Николаю пустую острогу.

Прошло полчаса, зыбь посвѣжѣла, и стало трудно видѣть въ водѣ рыбу, а потому Митсось направился къ лодкѣ, вскочилъ въ нее, поднялъ парусъ, и лодка понеслась по мрачной поверхности бухты. Николай сѣлъ на руль, а Митсось помѣстился рядомъ съ нимъ.

— Ну, что, дядя,—сказалъ юноша:—у насъ двадцать рыбъ. Вѣдь это не дурно для получасовой ловли. Держи вонъ на тотъ домъ, окна котораго свѣтятся на берегу.

— Хорошо, но вѣдь туда далеко. Раньше часа мы не дойдемъ.

— Ну, такъ что же, ты мнѣ расскажешь пока твои новыя исторіи.

— Нѣтъ, каждая изъ этихъ исторій очень длинная, и мы лучше займемся ими на возвратномъ пути, такъ какъ противъ вѣтра намъ придется еще дольше идти.

Болѣ часа они плыли, почти не прерывая молчанія. Вѣтеръ еще болѣе посвѣжѣлъ, и на вершинахъ горъ, по направленію къ Триполи, по временамъ сверкала молнія. Свѣтъ въ томъ домѣ, на который указывалъ Митсось, погасъ, но коса, на которой онъ стоялъ, рельефно выдавалась въ темнотѣ.

— Ну, Митсось, опустимъ теперь сѣть,—сказалъ Николай, когда они приблизились къ берегу:—можно пристать къ этой косѣ?

— Да, тамъ глубоко.

Спустя нѣсколько минутъ, лодка остановилась, и Митсось привязалъ ее къ скалѣ, а потомъ вмѣстѣ съ Николаемъ перетацилъ на берегъ сѣть, такъ какъ они должны были ловить рыбу по другую сторону косы, гдѣ водилось болѣе рыбы. Выходя изъ лодки, Николай надѣлъ высокіе сапоги Константина, а Митсось, по обыкновенію, разулся.

Сѣть имѣла въ длину двадцать пять ярдовъ, и Митсось, взявъ ее за одинъ конецъ, пошелъ по водѣ, а когда она вся вытянулась, то Николай послѣдовалъ за нимъ. Въ короткое время они укрѣпили сѣть поперегъ теченія и стали ждать рыбу. Луна уже взошла, и при ея свѣтѣ можно было легко различить серебристую камбалу, которая одна за другой запутывалась въ петляхъ сѣти.

Прошло часа полтора, но ловля не оказалась успѣшной, и Митсось предложилъ пойти подальше, гдѣ водилась мелкая рыба. Но тамъ было глубже, и Митсось раздѣлся догола. Тутъ имъ повезло, и въ короткое время они наловили много рыбы.

— Теперь надо поскорѣе достичь берега!—воскликнулъ юноша:—потому что рыбы такъ много, что она можетъ прорвать петли и уйти.

Дѣйствительно, не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ сѣть лопнула, и при лунномъ свѣтѣ заблестѣла масса серебристой чешуи.

— Проклятые турки!—произнесъ Митсось,—всѣ улизнули.

— Погоди,—отвѣчалъ Николай:—надо вытянуть сѣть, можетъ быть, что вѣбудь осталось.

— Нѣтъ, — промолвилъ Митсось: — если они уйдутъ, то всѣ разомъ.

Такъ дѣйствительно и оказалось: въ глубинѣ сѣти было двѣ или три рыбки, которыхъ не стоило брать.

— Ну, теперь не довольно ли, дядя?—сказалъ юноша:—мы побывали во всѣхъ лучшихъ мѣстахъ для ловли.

Николай согласился, и, пока Митсось одѣвался, онъ сложилъ сѣть, а затѣмъ они оба вернулись къ лодкѣ.

III.

Вѣтеръ между тѣмъ усилился и дулъ прямо противъ нихъ, такъ что лодкѣ пришлось лавировать.

— Ну, теперь время и для твоихъ рассказовъ, дядя,—произнесъ Митсось, закрѣпивъ парусъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Николай:— я теперь расскажу тебѣ истинную исторію, случившуюся со мной. До сихъ поръ я баловалъ тебя, какъ ребенка, сказками, а пришло время рассказать тебѣ исторію для взрослыхъ. Все, что ты услышишь, произошло двадцать лѣтъ тому назадъ, когда ты еще не родился, а я былъ разбойникомъ.

— Ты, дядя Николай, разбойникомъ!—воскликнулъ съ удивленіемъ Митсось.

— Да, я былъ тогда разбойникомъ, отщепенцомъ, внѣ закона, клефтомъ, какъ хочешь! Голова моя была оцѣнена, и у меня не было ни крова, ни пріюта, кромѣ горныхъ ущелій. Но бываетъ жизнь и похуже этого, когда попадешь въ руки турокъ. А сдѣлался я разбойникомъ въ ту ночь, какъ у меня умерла жена. Мы жили въ то время въ Демицанѣ, въ Аркадіи, а какъ случилась смерть моей жены, ты узнаешь потомъ. Сдѣлавшись разбойникомъ, я дни и ночи скитался въ горахъ, поджидая турокъ, на которыхъ я охотился, какъ на дикаго звѣря. Спустя мѣсяць или два, ко мнѣ присоединилось нѣсколько человекъ такихъ же отверженцевъ, какъ я. Тогда у насъ пошла игра на большую ногу. Мы хватали турокъ, и когда попадались богатые, то брали за нихъ большой выкупъ, но никогда мы не трогали грековъ или женщинъ, все равно, греческихъ или турецкихъ. Мы вели дѣло счастливо, и ни одинъ изъ насъ не попалъ въ руки турокъ, а если двое или трое были ранены, то мы сами, похристіански обლობызавшись съ ними, отправили ихъ на тотъ свѣтъ, чтобы не отдать на посрамленіе мусульманамъ.

Николай замолчалъ, но черезъ нѣсколько минутъ продолжалъ съ улыбкой:

— Никогда я не забуду, какъ мы взяли въ плѣнъ Магомета-бей. Это былъ толстый, жирный дьяволъ, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, какъ у женщины. Попавъ къ намъ въ руки, онъ кричалъ и ревѣлъ безъ устали, несмотря на мои слова, что мы задержимъ его дня на два, пока родственники или друзья не пришлютъ выкупъ за него. Я отъ души смѣялся надъ его страхомъ и до сихъ поръ не могу вспомнить объ этомъ безъ улыбки. Но въ разбойничьемъ существованіи не всегда весело, а часто приходится цѣлыми сутками оставаться безъ ѣды и питья. Большею частью мы скитались на сѣверѣ Аркадіи, но однажды лѣтомъ я почувствовалъ непреодолимое желаніе вернуться на родину. Товарищи согласились со мной, и мы отправились въ Демицану. Не желая подвергать ихъ опасно-

сти, я одинъ пошолъ въ селеніе. По дорогѣ мнѣ попало нѣсколько знакомыхъ грековъ, но я знаками просилъ, чтобы они не выдавали меня, а турецкій гарнизонъ перемѣнился, и никто изъ солдатъ меня не зналъ. Приблизившись къ моему дому, я увидѣлъ, что онъ былъ безъ оконъ и дверей, которыя турки сорвали въ досадѣ, что не нашли меня въ моемъ жилищѣ. На порогѣ сидѣлъ мой старикъ отецъ, которому было уже за восемьдесятъ лѣтъ, и безсознательно укачивалъ куклу, когда-то принадлежавшую моей дочери. Я не вытерпѣлъ, бросился къ нему, покрылъ его поцѣлуями и воскликнулъ: «неужели, отецъ, ты меня не узнаешь?». Онъ ничего не отвѣчалъ, какъ-то странно посмотрѣлъ на меня и продолжалъ укачивать куклу. Я остался въ своемъ родномъ селеніи около часа и, прежде чѣмъ уйти оттуда, произнесъ клятву, исполнить которую ты можешь мнѣ теперь помочь, Митсось.

— А въ чемъ заключалась эта клятва, и какъ я могу тебѣ, дядя Николай, помочь ее исполнить?

— Узнаешь въ свое время, а теперь пора тебѣ объяснить, почему я сдѣлался разбойникомъ. Ты никогда не видалъ моей жены по той простой причинѣ, что она умерла прежде твоего рожденія. Она была лучшая и прекраснѣйшая изъ женщинъ, а ея дочь Елена походила бы во всемъ на нее, если бы осталась въ живыхъ. По несчастью, въ Деличану прибылъ новый начальникъ гарнизона. Этотъ офицеръ былъ очень пріятный человекъ и обращалъ на меня большое вниманіе, такъ какъ я былъ тогда старостой селенія. Онъ часто обѣдалъ у насъ, и я иногда посѣщалъ его, но Катеринѣ онъ не нравился, и она очень мало говорила съ нимъ. Прошло не болѣе двухъ недѣль послѣ его прибытія къ намъ, какъ я былъ вынужденъ отпавиться на два дня въ селеніе Андрисену, гдѣ у меня была земля, и мнѣ приходилось принять участіе въ выборахъ старосты. Но по дорогѣ я встрѣтилъ знакомаго поселянина, который сказалъ мнѣ, что выборы отложены. Я, конечно, вернулся домой, но достигъ Деличаны только поздно вечеромъ. Окна моего дома не были освѣщены, и войдя я не нашелъ ни жены, ни ребенка. Я прождалъ ее нѣсколько времени, думая, что она у кого нибудь изъ знакомыхъ. Но время шло, а она не возвращалась. Тогда я обѣгалъ всѣхъ знакомыхъ, и нигдѣ ея не оказалось. Наконецъ, я направился къ офицеру, чтобы спросить у него, не видѣлъ ли онъ моихъ. Дверь его дома была заперта, но въ окнѣ верхняго этажа виднѣлся свѣтъ. Не успѣлъ я подойти къ дому, какъ услышалъ женскій вопль. Сердце у меня ёкнуло, и я зарядилъ пистолетъ, никогда меня не покидавшій. Однимъ ударомъ я выломалъ дверь и очутился въ темной комнатѣ, изъ которой вела лѣстница на верхъ. Я бросился туда, и въ ту же минуту по лѣстницѣ сбѣжала ко мнѣ моя маленькая Елена, которой было тогда семь лѣтъ, съ крикомъ: «папа! папа!» Не успѣла она приблизиться ко мнѣ, какъ на верху лѣстницы пока-

зался офицеръ и выстрѣлилъ. Онъ не попалъ въ меня, но убилъ мою дочь. Я спустилъ курокъ, и онъ грянулся на полъ мертвымъ. Между тѣмъ ко мнѣ тихо подошла Катерина и сказала: «ты опоздалъ! Мнѣ остается только одно»... она выхватила у меня двухствольный пистолетъ и выстрѣлила себѣ въ голову. Я не успѣлъ еще опомниться отъ ужаса, какъ на меня навинулись два солдата, разбуженные выстрѣлами. Я оттолкнулъ ихъ отъ себя и выскочилъ въ окно. Милосердный Боже! Пресвятая Богородица и святой Николай! помогите мнѣ исполнить мою клятву!..

— Я знаю твою клятву!—воскликнулъ Митсось:—ты поклялся извести всѣхъ турокъ въ нашей странѣ. Я завтра пойду въ церковь и дамъ ту же клятву. Да помогутъ мнѣ всѣ святые и всѣ черти исполнить ее! Но ты только, дядя, научи меня, что дѣлать.

— Конечно. Но теперь довольно.

Въ это время лодка проходила мимо садовой стѣны у дома Абдула-Ахмета.

— Что это! Новый домъ?—спросилъ Николай.

— Да, это жилище свиньи Ахмета.

— Почему онъ свинья болѣе другихъ турокъ?

— Потому, что онъ отнялъ отъ насъ виноградникъ, и хотя обѣщалъ за него заплатить, но не далъ до сихъ поръ ни піастра. Посмотри, дядя, на террасѣ двѣ женщины.

Дѣйствительно двѣ женщины стояли, облокотясь на стѣну. Въ эту минуту къ нимъ подошелъ какой-то мужчина, вѣроятно, евнухъ, и ударилъ одну изъ нихъ.

— Зачѣмъ ты меня бьешь?—промолвила она со слезами.

Николай вздрогнулъ и съ удивленіемъ произнесъ:

— Ты слышалъ, Митсось? Она говорила погречески.

— Ну, такъ чтожъ!

— Какъ чтожъ? Откуда она знаетъ погречески?

— Да, твоя правда. Это странно.

IV.

Слѣдующіе два дня Николай посвятилъ обученію Митсоса. Онъ взялъ его съ собой на охоту. Въ горахъ, за Навплией, по направленію къ Эпидавру, водилось много зайцевъ и оленей. Къ концу второго дня они возвратились домой съ порядочной добычей: на спинѣ лошаденки Константина висѣли два оленя и нѣсколько зайцевъ, а Митсось, который самъ убилъ одного оленя, скорѣе тянулъ ее за уздцы, чѣмъ вель за собою.

— Ну, Митсось, я доволенъ тобой,—сказалъ Николай:—если ты умѣешь подкараулить и напасть невзначай на оленя, то ты можешь сдѣлать то же съ человѣкомъ, который въ сущности самое

глупое животное въ свѣтѣ. А въ охотѣ за человѣкомъ, или, что гораздо хуже, во время охоты человѣка за тобой, главное дѣло—незамѣтно приближаться и скрываться. Черезъ два дня я уѣду, но оставлю тебѣ ружье.

— Неужели, дядя!—воскликнулъ Митсось внѣ себя отъ радости.

— Да, но это не игрушка, и я дамъ тебѣ ружье не для забавы. Ходи съ нимъ ежедневно на охоту, но веди себя въ отношеніи оленя, какъ будто онъ человѣкъ, и да будетъ тебѣ стыдно, если онъ когда нибудь увернется отъ твоего выстрѣла. Точно также лови рыбу каждую ночь, но не для удовольствія, а старайся набить себѣ руку въ управленіи лодкой и парусомъ.

— Никто лучше меня въ Навплии не управляетъ лодкой!—воскликнулъ гордо Митсось.

— Но вѣдь Навплия маленькій городокъ, а тебѣ надо заткнуть за поясъ всѣхъ въ этомъ отношеніи. Изучи хорошенько всѣ перемѣны вѣтра, и въ какое время дня и ночи онѣ чаще случаются, а также изучи внѣшніе берега бухты, со всѣми ихъ заводами и косами.

— Но, какъ же я могу днемъ охотиться, а ночью ловить рыбу? Кто же будетъ работать въ нашемъ и сосѣднихъ виноградникахъ?

— Не безпокойся объ этомъ. Я говорилъ съ твоимъ отцомъ, и все устроится. Потомъ не сиди дома по вечерамъ, а посѣщай кофейни и играй въ карты или шашки; но не для забавы, а держи ухо востро и запомни все, что будутъ говорить при тебѣ о туркахъ. Когда я вернусь, то ты мнѣ укажешь на добрыхъ грековъ, готовыхъ на все для родины, и на негодяевъ, думающихъ только о пьянствѣ и животныхъ удовольствіяхъ. Главное же не забудь, что ты меня не видалъ годъ или два.

— Только бы ты вернулся назадъ скорѣе этого срока,—со смѣхомъ замѣтилъ Митсось.

— Почему знать? Ты теперь вполнѣ взрослый молодецъ... Ну, да мы поговоримъ обо всемъ по моему возвращеніи. Дай мнѣ поводъ лошади. Ты, кажется, очень усталъ?

— Не усталъ, а голоденъ.

— И я также, но я привыкъ къ голоду и усталости. Погоди, и тебѣ они будутъ ни почемъ. Но довольно на сегодня. Прибавимъ шагу. Пора намъ отдохнуть.

На слѣдующій день Николай отправился въ Навплию и взялъ съ собою Митсосу, которому приказалъ одѣться почище.

Они прямо отправились къ городскому головѣ, который принялъ Николая очень почтительно и приказалъ женѣ подать кофе. Потомъ онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Митсосу, и юношѣ показалось, что они перемигнулись съ Николаемъ.

— Такъ это твой волченокъ?—произнесъ голова, котораго звали Димитріемъ:—что же онъ началъ скалить зубы?

— Еще бы, онъ только ждетъ добычи,—произнесъ Николай и

прибавилъ:—а знаешь что, другъ Димитрій, завтра я уѣзжаю, и во время моего отсутствія, сдѣлай милость, держи языкъ за зубами. Я здѣсь сдѣлалъ все, что надо, и желалъ бы, чтобы вы молча ждали сигнала. Вонъ въ Аѳинахъ много надѣлала зла глупая болтовня. Тамошніе патриоты собрали много людей и денегъ, но все выболтали. Пожалуйста, не сдѣлайте вы здѣсь того же. Когда настанетъ минута разговора, то за насъ за всѣхъ будетъ говорить отецъ Андрей. Съ какимъ бы удовольствіемъ я отдалъ пять лѣтъ моей жизни, чтобы у меня былъ такой языкъ, какъ у него.

— Ты отдалъ бы за это слѣдующія пять лѣтъ твоей жизни?— переспросилъ съ улыбкой Димитрій.

— Нѣтъ, эти пять лѣтъ я не отдамъ за пять тысячъ лѣтъ въ царствіи небесномъ. Ну, Димитрій, есть у тебя зерно?

— Черное, для турокъ?

— Конечно!

— И теперь мельницы работаютъ его,—произнесъ Димитрій, искоса поглядывая на Митсосу.

Юноша ничего не понялъ изъ этихъ словъ, и Николай нашелъ нужнымъ только сказать ему:

— Ты потомъ узнаешь, что это за зерно, изъ котораго мы спечемъ славные хлѣба. А теперь забудь, что ты слышалъ отъ насъ. А что же, Димитрій, ты приготовилъ мнѣ людей?

— Да. Нужно тебѣ прислать ихъ сегодня?

— Нѣтъ, Митсось проводитъ меня до Навплии, а ты пришли ихъ туда къ завтрашнему вечеру. Имъ безопаснѣе быть въ турецкой одеждѣ.

Съ этими словами Николай всталъ.

— Куда ты торопишься? Выпей водки.

— Нѣтъ, спаснбо. Ты знаешь, что я не пью.

На закатѣ слѣдующаго дня Николай отправился въ путь, такъ какъ въ тѣ времена для грековъ было безопаснѣе путешествовать по ночамъ. Турки начинали подозрѣвать, что готовится какое-то народное движеніе, и часто солдаты останавливали мирныхъ путниковъ въ горныхъ проходахъ и подвергали допросу. Въ сущности большинство простолюдиновъ не знало о планѣ дѣйствія, подготовленномъ вожаками, а потому и пойманные турками греки ничего не могли имъ сказать; но они принимали это незнаніе за упорство, и нерѣдко дѣло кончалось пулей, или висѣлицей. Но по обыкновенію турки были такъ лѣнны и безпечны, что по ночамъ спали и не караулили дорогъ, а также не увеличивали своихъ гарнизоновъ. Поэтому Николай, отправлявшійся въ такую часть страны, гдѣ особенно сильно развилось недовольство, предпочиталъ путешествовать по ночамъ, а дни проводить въ селеніяхъ.

Онъ и Митсось поѣхали верхами по равнинѣ, направляясь къ Коринѳу. Дорога вела чрезъ Аргосъ, но они миновали этотъ городъ

и взяли направо, вдоль рѣки. Около десяти часовъ вечера, при лунномъ свѣтѣ, они увидали бѣлые дома Фактіи. Но и тутъ они уклонились съ большой дороги, чтобы избѣгнуть вниманія турецкаго гарнизона. Проѣзжая мимо стѣнъ древней Микены, Николай оставилъ лошадь и, указывая на нихъ, сказалъ Митсосу:

— Тутъ, говорятъ, похоронены греческіе цари и, быть можетъ, прежде чѣмъ у тебя вырастетъ борода, снова въ Греціи будутъ цари.

Отъ Микенъ горная тропинка вывела ихъ на большую дорогу между Коринѳомъ и Аргосомъ; но въ ту самую минуту, какъ они очутились на этой дорогѣ, лошади наострили уши и задрожали всѣмъ тѣломъ.

— Что съ ними?—воскликнулъ Митсось, соскакивая на землю.

Но онъ самъ вздрогнулъ, увидавъ на сосѣднемъ деревѣ висѣвшаго человѣка. На Николая это зрѣлище не произвело сильнаго впечатлѣнія, и онъ спокойно, сойдя съ лошади, вынулъ изъ кармана ножъ и перерѣзалъ веревку, на которой висѣлъ человѣкъ.

— Мы опоздали!—сказалъ онъ.—Онъ давно умеръ.

Неожиданно этотъ мужественный, хладнокровный человѣкъ, ничего не боявшійся и смѣло встрѣчавшій всякую опасность, горько зарыдалъ.

— Ты его зналъ, дядя Николай? — спросилъ Митсось, растроганный до глубины сердца.

— Нѣтъ, но онъ принадлежитъ къ греческой расѣ, которую черти-турки всячески притѣсняютъ, обращаясь съ нами, какъ съ собаками. Митсось, поклянись что ты никогда не забудешь этого зрѣлища! Они убили его только потому, что онъ грекъ, и съ тобой сдѣлаютъ то же, если поймутъ тебя въ уединенномъ мѣстѣ. Ты слыхалъ, какъ они убили Казантона и его брата? Они колотили ихъ до смерти деревянными молотками, и, чтобы они дольше жили, не затрагивались до головы, но Георгій, здоровый молодой парень, съ перебитыми руками и ногами, громко издѣвался надъ своими палачами.

— Довольно! Довольно! Пойдемъ отсюда! Я не могу болѣе смотрѣть на ужасный трупъ.

— Нѣтъ! смотри,—продолжалъ Николай въ дикомъ изступленіи:—смотри и поклянись именемъ Бога, что ты въ минуту расчета не пожалѣешь ни старика, ни женщины, ни ребенка!

Юноша повиновался и, мужественно взглянувъ на повѣшеннаго, произнесъ требуемую клятву.

— А теперь бери его за ноги, и похоронимъ его.

Но прежде онъ оторвалъ кусокъ отъ одежды несчастнаго и, написавъ на ней его кровью, сочившеюся изъ плеча, слово — «мести», привязалъ его къ веревкѣ, на которой только что висѣлъ грекъ. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ Митсосомъ отнесли трупъ за кусты и навалили на него нѣсколько большихъ камней, такъ что его нельзя было ви-

дѣтъ. Когда все было окончено, Николай обнажилъ голову и торжественно произнесъ:

— Боже Милостивый, прости ему всѣ его согрѣшенія и покарай вдвое его убійцу! Боже справедливый, даруй мнѣ возможность во Имя Твое убивать безъ конца и безъ усталости враговъ христіанства.

Они вернулись къ лошадямъ, но одна изъ нихъ убѣжала, и Николай настоялъ, чтобы Митосъ сѣлъ на оставшуюся лошадь, такъ какъ ему приходилось вернуться домой пѣшкомъ, а самъ пошелъ рядомъ. Они продолжали путь молча и черезъ часъ достигли перекрестка двухъ дорогъ: изъ Неми и Коринеа.

— Здѣсь мы разстанемся, — сказалъ Николай, — мнѣ безопаснѣе ѣхать далѣе одному, а тебѣ пора идти домой. Да, смотри, торопись — ночи вѣдь коротки. Ну, прощай, да помни, что многое можетъ зависѣть отъ тебя. Я давно слѣдилъ, какъ ты развивался, и, признаюсь, ты превзошелъ всѣ мои надежды. Не бойся ничего, вѣрь только отцу и мнѣ, а подозрѣвай всѣхъ и каждого. Береги себя: ты нуженъ мнѣ и нашему святому дѣлу. Я вернусь черезъ годъ, полгода, можетъ быть, завтра или никогда. Если меня не будетъ, то отецъ скажетъ тебѣ, что дѣлать. Прощай, Митосъ!

Онъ поцѣловалъ его въ обѣ щеки и, вскочивъ на лошадь, ускакалъ.

Юноша долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, а потомъ быстро пошелъ домой.

Спустя пять минутъ, Николай достигъ селенія, куда онъ приказалъ Димитрію прислать трехъ человѣкъ. Всѣ они были греки, но одинъ слуга, а двое другихъ мѣстные вожаки народнаго движенія противъ турокъ. Они были одѣты потурецки, и слуга подалъ Николаю турецкую одежду, которую онъ быстро надѣлъ.

— Веди лошадь подъ уздцы, а я пойду пѣшкомъ.

Между тѣмъ Митосъ быстро направлялся по дорогѣ къ Аргосу. Онъ находился въ мрачномъ настроеніи, и ему было непріятно думать, что придется пройти мимо того дерева, на которомъ онъ видѣлъ повѣшеннаго, но, мужественно поборовъ свое волненіе, онъ смѣло повернулъ на тропинку и рѣшительными шагами направился къ роковому мѣсту. Однако прошло немного времени, какъ онъ услышалъ за собою поспѣшные шаги. Онъ бросился въ кусты, чтобы скрыться отъ преслѣдователей, и, спрятавшись за груду валежника, сталъ поджидать, что будетъ.

Спустя нѣсколько минутъ, на тропинкѣ показалось двое людей, въ которыхъ онъ тотчасъ узналъ турокъ. Они тихо о чемъ-то говорили между собой, и одинъ изъ нихъ, какъ бы сговорившись, убѣжалъ въ противоположную сторону, съ цѣлью, какъ онъ полагалъ, розыскать его.

Видя, что остался только одинъ врагъ, Митосъ вспомнилъ слова Николая и сталъ тихо, какъ кошка, пробираться къ туркѣ. Но неожиданно подъ его ногами затрещали сухіе сучья, и въ ту же ми-

нугу турокъ, стоявшій на тропинкѣ, громко крикнулъ, призывая на помощь товарища. Митсось пустился бѣжать, слыша за собой погоню, и инстинктивно сунуль руку за поясъ, чтобы выхватить ножъ, но, къ его изумленію, его тамъ не оказалось. Это было очень странно, такъ какъ онъ никогда не выходилъ изъ дому безъ ножа, но теперь не было времени разсуждать о странности, а надо было искать способа къ спасенію.

Онъ ускорилъ шаги, но наткнулся на какіе-то корни и упалъ. Впервые въ жизни имъ овладѣлъ страхъ.

Въ ту же минуту на него набросились турки и, связавъ его по рукамъ и по ногамъ, понесли къ тому самому дереву, на которомъ онъ недавно видѣлъ повѣшеннаго грека.

Тамъ уже сидѣлъ третій турокъ и хладнокровно курилъ трубку. Увидавъ товарищей, онъ что-то сказалъ имъ потурецки, чего не понялъ Митсось.

Черезъ минуту одинъ изъ захватившихъ его людей сказалъ погречески:

— Скажи намъ, гдѣ Николай Видались, и мы тебя отпустимъ.

Митсось ничего не отвѣтилъ.

— Мы знаемъ, кто ты такой. Ты Митсось Кодонесъ, сынъ Константина изъ Навплии и племянникъ Николая.

— Это вѣрно, — отвѣчалъ юноша, поднявъ голову, — но я не видалъ дядю Николая болѣе года.

— Пустяки, — произнесъ турокъ со смѣхомъ, — тебя видѣли вчера съ нимъ въ Навплии! Скажи намъ, гдѣ онъ, и ты получишь горсть піастровъ.

Митсось также засмѣялся, но какимъ-то неестественнымъ смѣхомъ, который показался страннымъ даже ему самому.

— Это ложь, — сказалъ онъ, — дядя Николай не бывалъ въ Навплии уже болѣе года. А если бы дѣйствительно я лгалъ, а не вы, то неужели вы думаете, что меня можно купить деньгами? Убьрайтесь къ чорту со своими піастрами!

И онъ снова захохоталъ.

— Даю тебѣ минуту на размышленіе. Если ты не исполнишь нашего требованія, то мы тебя повѣсимъ на деревѣ. Я вижу, что кто-то снялъ висѣвшаго на немъ негодяя, но оставшейся веревки довольно, чтобы тебя повѣсить.

И они оба направились къ третьему туркѣ.

— Не пустить ли сейчасъ же въ дѣло конецъ этой веревки? — сказалъ одинъ изъ нихъ, — быть можетъ, онъ тогда открылъ бы намъ всю правду?

Но сидѣвшій турокъ молча покачалъ головой.

Митсось безпомощно смотрѣлъ вокругъ себя: онъ видѣлъ луну, медленно выходившую изъ-за тучъ, онъ чувствовалъ дуновеніе во-

сточнаго вѣтра, колыхавшаго веревку на деревѣ, и слышалъ щебетаніе птицы, вылетѣвшей изъ куста.

Наконецъ палачи приблизились къ нему, завязали петлю на веревкѣ и накинули ее на его шею.

— Ну, молодецъ, говори! Еще не поздно! — произнесъ одинъ изъ нихъ.

Митсось закрылъ глаза и стиснулъ зубы. Прошло мгновеніе томительнаго ожиданія.

— Ну! Подтягивай! — послышалось ему.

Сердце его екнуло, и онъ ждалъ, что веревка стянетъ его шею, но его кто-то обнялъ и тихо произнесъ:

— Митсось! Мой славный, храбрый Митсось!

Онъ открылъ глаза: передъ нимъ стоялъ Николай.

— Ты здѣсь? — промолвилъ онъ.

— Да, я. Прости меня, Митсось! Я самъ тебѣ вполнѣ вѣрю, но для другихъ было необходимо доказательство твоего мужества. Ну, полно дрожать. Теперь все прошло. Скажи же мнѣ что нибудь, дитя мое.

Но Митсось опустился на землю блѣдный, дрожащій.

— Выпей водки, — прибавилъ Николай, поднося фляжку къ губамъ юноши.

Митсось никогда не пилъ крѣпкихъ напитковъ, и водка подѣйствовала на него живительно. Онъ быстро оправился и съ дѣтскою улыбкой спросилъ:

— Такъ я хорошо велъ себя, дядя Николай?

— Еще бы. Твой отецъ былъ правъ, говоря, что ты умѣешь держать тайны.

— Въ такомъ случаѣ я ни о чемъ не сожалѣю. Вотъ только досадно, что у меня пропалъ ножъ.

— Вотъ онъ, — отвѣчалъ Николай со смѣхомъ, — я вынулъ его у тебя изъ-за пояса, когда ты дремалъ, сидя на лошади. Я боялся, чтобы ты безъ всякой причины не отправилъ на тотъ свѣтъ мирнаго грека.

— Ну, что жъ! Мнѣ пора идти, — произнесъ юноша, засовывая ножъ за поясъ.

— Я провожу тебя немного, а потомъ мы разстанемся.

Дѣйствительно, пройдя нѣсколько шаговъ, Николай остановился и сказалъ на прощаніе:

— Ну, иди съ Богомъ! Ты молодецъ вышелъ изъ тяжелаго искуса. Я былъ въ тебѣ увѣренъ, и очень радъ, что ты оправдалъ мое довѣріе. Греція отомститъ своимъ врагамъ, и ты будешь въ первомъ ряду ея мстителей!

Они разстались, и при первыхъ лучахъ утренняго солнца Митсось былъ уже дома.

V.

Мирно прошло лѣто въ Навплии, хотя изъ другихъ частей страны получались извѣстія о нестерпимыхъ жестокостяхъ турокъ, о новыхъ тяжелыхъ налогахъ и всякаго рода притѣсненіяхъ. Но спокойствіе сохранилось въ этомъ округѣ, благодаря съ одной стороны здравому смыслу губернатора, который чувствовалъ, что не надо переходить границъ даже въ отношеніи невѣрныхъ собакъ, а также совѣтамъ Николая и отца Андрея, чтобы греки молчали въ ожиданіи дня мести.

Въ іюлѣ и августѣ было очень жарко, но отъ жары спѣлъ виноградъ, и на это нельзя было жаловаться, тѣмъ болѣе, что въ половинѣ сентября уже можно было его собирать, тогда какъ въ другіе годы приходилось иногда ждать этого радостнаго событія до конца октября.

Между тѣмъ Митсось со времени отъѣзда Николая совершенно перемѣнился. Онъ неожиданно созналъ свою возмужалость и пересталъ гоняться за кошкой, а все свое свободное время проводилъ, по совѣту дяди, въ охотѣ и катаньѣ на лодкѣ въ бухтѣ и внѣ ея. Такъ такъ на сушѣ и на водѣ онъ всегда былъ одинъ, то на свободѣ обдумывалъ то, что слышалъ отъ Николая и отъ сосѣдей объ ужасномъ положеніи родины. Но съ особой силой вліяли на него слова дяди, которому онъ всецѣло подчинялся.

Что касается до Константина, то онъ не мѣшалъ ему исполнять совѣтовъ дяди, тѣмъ болѣе, что Николай просилъ его не занимать юноши слишкомъ много ручнымъ трудомъ, что могло бы его отвлечь отъ подготовки служенію родинѣ. Онъ даже обѣщалъ заплатить ему изъ денегъ, отпущенныхъ аѣинскимъ комитетомъ, за наемъ рабочаго въ случаѣ надобности. Впрочемъ въ продолженіе этихъ мѣсяцевъ было мало работы въ виноградникѣ, такъ что и самъ Митсось, видя, что отецъ не нуждается въ его трудѣ, спокойно проводилъ свое время въ охотѣ и на лодкѣ, а также по вечерамъ ходилъ въ кофейню, гдѣ слушалъ разговоры и игралъ въ карты или шашки. Въ послѣдней игрѣ онъ сдѣлался такъ искусенъ, что могъ вести три игры за разъ.

Однажды вечеромъ, незадолго до сбора винограда, Митсось вернулся домой ранѣе обыкновеннаго и съ недовольнымъ лицомъ.

— Ты слышалъ, что турки придумали на счетъ сбора винограда?— воскликнулъ онъ, входя на веранду, гдѣ сидѣлъ отецъ.

— Что такое?

— Въмѣсто платежа десятины намъ придется вносить сборщикамъ податей седьмую часть сбора и то виномъ.

— Это невозможно! Отъ кого ты это слышалъ?

— Объ этомъ всѣ говорятъ въ кофейнѣ на площади. Всѣ тамъ кричать и бранятся, а солдаты ходятъ по улицамъ.

— Мнѣ надо пойти туда, — произнесъ Константинъ, вскакивая съ мѣста:— вотъ этого-то и боялся Николай! А, что? Еще не было драки между греками и солдатами?

— Какъ же. Янко выбилъ всѣ зубы у турецкаго солдата, который называлъ его собакой, и его повели въ тюрьму.

— А когда его выпустятъ оттуда, то я задамъ ему взбучку. Онъ вѣрно былъ пьянъ, по обыкновенію. Вотъ дуракъ-то! Развѣ, выбивъ зубы у солдата, можно отмѣнить новый налогъ? А отецъ Андрей тамъ?

— Я его встрѣтилъ на дорогѣ: онъ отправлялся въ городъ.

— Останься дома, Митсось, а я догоню отца Андрея и заставлю его убѣдить народъ успокоиться. Съ его краснорѣчіемъ можно все сдѣлать.

— А развѣ я не могу идти съ тобою?—спросилъ Митсось, не желая, чтобы безъ него обошлась свалка.

— Тебѣ хочется, чтобы помяли тебѣ ребра. погоди! Не уйдетъ отъ тебя драка, но за лучшее дѣло.

Константинъ пошелъ быстрыми шагами и достигъ отца Андрея, прежде чѣмъ тотъ вошелъ въ городъ.

— Отецъ Андрей, — сказалъ онъ, — угомони дураковъ; они тебя послушаются. Помнишь, что тебѣ говорилъ Николай?

— Я затѣмъ и иду въ городъ, — отвѣчалъ священникъ, — до меня дошли слухи о ссорѣ грековъ съ турками. Николай правъ. Мы должны платить все, что съ насъ потребуютъ, но за каждое ведро излишняго оплоченного вина мы впослѣдствіи возьмемъ бочку турецкой крови.

— Тише! тише! Вонъ турецкіе солдаты.

Часовые сначала не хотѣли ихъ пропустить въ городъ, но Андрей, не задумавшись ни на минуту, сказалъ, что онъ идетъ исповѣдывать умирающаго, а Константинъ его прислужникъ. Турки повѣрили и пропустили обоихъ.

— Богъ мнѣ проститъ эту ложь, — сказалъ отецъ Андрей, очутившись на пустынной улицѣ, — вѣдь я лгу для торжества его святого дѣла.

Послѣ ухода Митсоса безпорядокъ все увеличивался. Около пятидесяти грековъ собралось на площади, а турецкіе солдаты сбѣгались со всѣхъ сторонъ. У грековъ всегда были ножи за поясомъ, но больше ничего, а турки были вооружены пистолетами и ружьями. Въ народной толпѣ слышался грозный ропотъ, и дѣло кончилось бы кровопролитіемъ, если бы не подоспѣлъ отецъ Андрей.

Сказавъ Константину, чтобы онъ не входилъ въ толпу, онъ сталъ быстро пробираться сквозь ея ряды, громко говоря:

— Пропустите! Я служитель алтаря.

Греки почтительно разступались передъ нимъ, и хотя нѣкоторые

турецкіе солдаты хотѣли преградить ему дорогу, но онъ остановилъ ихъ такимъ повелительнымъ жестомъ, что и они отступили. Онъ уже достигъ центра толпы, какъ неожиданно, передъ самымъ его лицомъ произошла грубая перебранка между грекомъ и туркомъ, а вслѣдъ затѣмъ грекъ нанесъ ножомъ ударъ въ плечо своего противника. Тотъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и грекъ упалъ мертвымъ на землю.

Толпа взволновалась, и слышались дикіе крики, но Андрей поднялъ руку кверху и громко воскликнулъ:

— Я отецъ Андрей! Вѣдь вы все меня знаете. Заклинаю васъ именемъ Бога! Выслушайте, что я вамъ скажу.

Наступило молчаніе, и Андрей продолжалъ:

— Да будетъ проклятъ тотъ грекъ, который станетъ продолжать эту кровопролитную стычку! Кто здѣсь старшій офицеръ?

— Я,—отвѣчалъ молодой турецкій офицеръ, подходя къ священнику,—и я тебѣ приказываю уйдти, а то мы тебя арестуемъ вмѣстѣ съ другими зачинщиками.

— Я не уйду. Здѣсь мое мѣсто.

— Смотри! Я тебѣ говорю въ послѣдній разъ. Уходи!

— Я готовъ служить заложникомъ, что греки болѣе не нарушатъ порядка,—спокойно произнесъ отецъ Андрей,—къ сожалѣнію, кровь пролита, но я для того и пришелъ сюда, чтобы этого болѣе не повторилось. Дозволь мнѣ обратиться къ нимъ съ нѣсколькими словами, а потомъ арестуй меня, и даже убей, если безпорядки возобновятся.

— Хорошо,—отвѣчалъ офицеръ,—я объ тебѣ слышалъ и готовъ доставить тебѣ случай усмирить толпу. Я такъ же, какъ ты, нимало не желаю дальнѣйшаго кровопролитія.

Толпа съ лихорадочнымъ любопытствомъ ждала, чѣмъ кончится разговоръ отца Андрея съ турецкимъ офицеромъ.

— Глупыя дѣтя!—воскликнулъ священникъ,—что вы дѣлаете? Правда, султанъ прибавилъ ко всемъ налогамъ еще новый, но вѣдь вамъ будетъ не легче, если васъ перебьютъ, какъ собакъ. У васъ только ножи, а у турокъ — ружья. Умершій бѣднякъ понялъ это различіе, но уже поздно. Какую пользу принесетъ ему тотъ фактъ, что онъ поранилъ своего противника. А васъ всехъ повѣсятъ, если вы не прекратите безпорядковъ. Я ничѣмъ не вооруженъ, что и слѣдуетъ, какъ служителю алтаря, и если вы не разойдетесь мирно по домамъ, то меня также повѣсятъ, такъ какъ я ручался за васъ. Ну, ступайте по домамъ!

Толпа внимательно выслушала священника, и нѣкоторые заткнули за поясъ ножи, но все-таки никто не тронулся съ мѣста.

— Ступайте по домамъ!—повторилъ отецъ Андрей,—и если кто изъ васъ содержитъ винницу, то закройте ее, такъ какъ сегодня пролита христіанская кровь.

Но толпа попрежнему стояла на мѣстѣ, и даже слышался

среди нея ропотъ. Тогда отецъ Андрей схватилъ перваго попавшагося ему человѣка и сказалъ:

— Ну, вотъ ты, Христофоръ, что же ты не идешь домой? Вѣдь ты живешь близко, и тебя ждетъ жена, лучше ты иди самъ домой, а то тебя отнесутъ, да еще ногами впередъ.

Слова отца Андрея наконецъ подѣйствовали, и толпа медленно разошлась.

Когда на площади остался только отецъ Андрей и турецкіе солдаты съ офицеромъ, то онъ обратился къ послѣднему:

— Я въ твоемъ распоряженіи. Дѣлай со мной, что хочешь, пока исполнѣ не убѣдишься, что порядокъ водворенъ.

— Я не желалъ бы поступить съ тобой нелюбезно,—отвѣчалъ офицеръ послѣ минутнаго молчанія,—но для общаго спокойствія я полагаю, что ты не прочь посидѣть въ нашей офицерской дежурной комнатѣ часа два. Если позволишь, то я прикажу отвести тебя туда.

Онъ махнулъ рукой двумъ солдатамъ, и они повели отца Андрея. Самъ же офицеръ остался на площади еще съ часъ времени и только когда совершенно убѣдился, что безпорядки не возобновятся, то пошелъ въ казармы къ отцу Андрею.

— Что ты хочешь: курить или пить?—спросилъ онъ у священника, снявъ свою саблю и положивъ ее на столъ.

— Я не курю и не пью,—отвѣчалъ отецъ Андрей.

— Ты долженъ насъ ненавидѣть,—сказалъ офицеръ, смотря на него пристально,—а если бы не твое вмѣшательство, то была бы пролита кровь и не однихъ грековъ. Я бы желалъ знать, почему ты прекратилъ бунтъ.

— Развѣ недостаточна та причина, которую я объяснилъ толпѣ?—замѣтилъ съ улыбкой Андрей.

— Конечно, достаточна, но только я думалъ, что у тебя есть и другая причина. Ну, все равно. Я не стану тебя больше задерживать, такъ какъ безпорядки сегодня болѣе не возобновятся.

Отецъ Андрей всталъ, и они оба гордо посмотрѣли другъ другу въ лице. Каждый изъ нихъ былъ типомъ своей расы: грекъ—смѣлый и вспыльчивый, а турокъ—смѣлый, но флегматичный.

— Доброй ночи!—произнесъ офицеръ,—можетъ быть, мы еще разъ встрѣтимся когда нибудь. Меня зовутъ Магометъ-Саликъ. Мы другъ другу ничѣмъ не обязаны: ты прекратилъ мятежъ и избавилъ меня отъ неприятностей. Я удержалъ тебя подъ арестомъ, пока не убѣдился, что не будетъ болѣе безпорядковъ. Поэтому, если мы встрѣтимся когда нибудь, то врагами и не будемъ жалѣть другъ друга.

— При такой встрѣчѣ я никого не пожалѣю и не попрошу ничьей жалости,—отвѣчалъ отецъ Андрей.

На слѣдующей недѣлѣ начался сборъ винограда и приготовленіе вина. Митсосу пришлось на это время отказаться отъ прогулокъ

въ лодкѣ, такъ какъ онъ одинъ зналъ до тонкости всѣ приемы Константина въ винодѣліи. Такъ какъ дѣло было трудное, то Константинъ пригласилъ себѣ въ помощь нѣсколько сосѣднихъ молодыхъ дѣвушекъ и мальчика Сперо, который въ послѣдніе дни отгонялъ птицъ отъ виноградника. Они начали со сбора винограда, и когда наполнились двѣ большія корзины спѣлыми, сочными кистями, то приступили къ выжимкѣ сока. Эту обязанность принялъ на себя одинъ Митсось, и когда Сперо предложилъ помочь ему въ этомъ, то онъ презрительно воскликнулъ:

— Мы дѣлаемъ вино не для того, чтобы ты мылъ въ немъ ноги! Иди собирать виноградъ.

Самъ же Митсось засучилъ штаны по колѣно, старательно вымылъ ноги горячей водой и, прыгнувъ въ чанъ, наполненный сочнымъ виноградомъ, началъ безъ усталости мять его. По мѣрѣ того какъ увеличивалось количество темнаго сока, сборщики всыпали въ чанъ новыя корзины. Такъ работалъ Митсось до девяти часовъ. Константинъ тогда подошелъ къ нему и сказалъ:

— Кажется, достаточно для одного боченка? Но хотя мы и выпустимъ вино, тебѣ все-таки одному не поспѣть. Собираютъ виноградъ скорѣе, чѣмъ ты его мнешь.

— Я и то умаялся, — отвѣчалъ юноша, отирая рукой потъ съ лица, — если ты полагаешь, что я не справлюсь одинъ, то пришли дѣвушку, но вели ей прежде хорошенько вымыть ноги.

Константинъ засмѣялся.

Черезъ нѣсколько минутъ Марія явилась на помощь Митсосу. Это была хорошенькая семнадцатилѣтняя дѣвушка, съ большими глазами и матовымъ цвѣтомъ лица. Когда она подошла къ чану, приподняла свою юбку и обнажила свои розовыя ноги, то Митсось не могъ не замѣтить ихъ красиваго очертанія. Онъ протянулъ ей руку, чтобы помочь ей вскочить въ чанъ, и глаза ихъ встрѣтились.

— Ну, теперь у насъ пойдетъ дѣло отлично! — сказалъ онъ.

Дѣйствительно они стали такъ дружно работать, что когда черезъ короткое время явился съ боченкомъ Константинъ, то уже не осталось не размятой ни одной виноградины.

— Открой втулку! — сказалъ Константинъ.

Митсось и Марія бросились исполнить его приказанія, но они не сразу ее нашли и, шаря руками, ненарочно или нарочно, постоянно дотрогивались другъ до друга. Наконецъ Марія нашла втулку, но она такъ забухла, что даже Митсось съ трудомъ ее вытащилъ.

Между тѣмъ Константинъ подставилъ къ отверстію боченокъ, куда шумно полился пурпурный сокъ съ примѣсью зернышекъ и кожицы. Митсось зорко слѣдилъ за выливавшеюся массой, и, какъ только она наполнила три четверти боченка, закрылъ втулку, потому что при броженіи жидкость подымается до самаго верха. Затѣмъ

Константинъ и Сперо отнесли боченокъ на веранду и накрыли его полотномъ.

Въ полдень наступилъ общій отдыхъ, и всѣ работники пообедали подь тѣнью тополя у колодезя. Они принесли съ собою обѣдъ, кромѣ Маріи, которая увѣряла, что она не голодна; но Митсось, подлѣ котораго она сидѣла, замѣтилъ ея утомленный видъ и, молча вставъ, принесъ ей хлѣба и сыра, при видѣ чего апетитъ у молодой дѣвушки вернулся, и она поѣла съ удовольствіемъ.

Послѣ обѣда всѣ улеглись спать: кто на верандѣ, кто подь деревьями. По прошествіи часа Митсось первый проснулся и пошелъ будить остальныхъ. Марія лежала подь отдаленнымъ тополемъ, и изъ-подь ея короткой юбки выглядывали обнаженные выше колѣнъ ноги. Митсось снова замѣтилъ ихъ красоту и вообще удивился, что ранѣ онъ не обращалъ вниманія на такую хорошенькую дѣвушку.

Пока онъ молча любовался на нее, она открыла глаза и покраснѣла, спрятавъ обнаженные ноги.

— Пора работать!—сказала она:—а я тутъ сплю, какъ противная соня.

— Помочь тебѣ встать?—спросилъ юноша, протягивая руку.

Но она потянулася и вскочила безъ всякой помощи.

Работа возобновилась, и ее прекратили только при закатѣ солнца, такъ какъ еще два боченка были наполнены виномъ, а четвертаго нельзя было докончить до наступленія сумерекъ.

Митсось и Константинъ отужинали вдвоемъ, и юноша въ этотъ день не пошелъ въ кофейню, а растянулся на полу веранды, чтобы отдохнуть отъ тяжелаго труда.

Въ девять часовъ онъ всталъ и произнесъ зѣвая:

— Я пойду спать. Но, отецъ, ты замѣтилъ, какая хорошенькая Марія! Странно, что я этого не находилъ до сегодняшняго дня.

— Всякій находитъ въ свое время, что есть на свѣтѣ хорошенькая дѣвушка,—отвѣчалъ съ улыбкой Константинъ:—я также пришелъ къ этому сознанию въ твои лѣта.

— А что ты тогда сдѣлалъ?

— По Божьей милости я женился на той, которую нашелъ красивѣе всѣхъ!

— На моей матери. Я едва ее помню. Но я не намѣренъ жениться на Маріи, а все-таки она очень, очень хорошенькая!

На слѣдующій день продолжался сборъ винограда, а Митсось и Марія попрежнему работали ногами въ чану; но теперь Митсось не спускалъ глазъ съ молодой дѣвушки, рассказывалъ ей исторіи о своихъ подвигахъ на охотѣ и вообще велъ себя, какъ молодой пѣтухъ передь курицей.

Такъ какъ для третьяго дня сбора винограда не было нужды въ дѣвушкахъ, то вечеромъ второго дня Константинъ ихъ расчиталъ. Такимъ образомъ Митсосу пришлось расстаться съ красивой Маріей,

и онъ на прощанье повелъ ее къ вишневному дереву, ловко взлѣзъ на него и сталъ бросать ей внизъ самыя слѣдыя ягоды. Затѣмъ онъ слѣзъ и, проводивъ ее до калитки, съ удивленіемъ увидѣлъ, что она чему-то смѣялась.

— Прощай, маленькій Митсось! — сказала она, какъ бы издѣваясь надъ нимъ:—приходи на мою свадьбу.

Митсось вздрогнулъ отъ этихъ словъ, несмотря на то, что накануне говорилъ отцу о своемъ нежеланіи жениться на Маріи.

— Ты выходишь замужъ! А за кого?

— За Янко Влахоса. По крайней мѣрѣ онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я не отказала ему.

— За Янко? Да онъ грубый уродъ!

— Я не нахожу его уродомъ.

— Но хотя онъ уродъ,—поправился Митсось:—я его очень люблю, и онъ храбрый человѣкъ. На прошлой недѣлѣ онъ нанесъ такой ударъ одному туркѣ, что тотъ долго не опомнится.

— Да, онъ очень хорошій человѣкъ,—прибавила Марія и удалилась, но съ прежнимъ страннымъ смѣхомъ.

Третій день сбора былъ посвященъ приготовленію вина изъ отборнаго сорта винограда, и теперь Митсосу показалось, что одному работать ногами гораздо скучнѣе, чѣмъ когда рядомъ съ нимъ находилась хорошенькая дѣвушка. Когда боченокъ былъ наполненъ этимъ отборнымъ сокомъ, то наступилъ послѣдній актъ сбора винограда, напоминавшій языческіе обычаи. Митсось вынесъ изъ дома большой сосудъ, а Константинъ наполнилъ его оставшимся на лозахъ виноградомъ. Затѣмъ они поставили его посрединѣ виноградника на съѣденіе птицамъ.

Послѣ сбора винограда и приготовленія вина наступилъ отдыхъ для Митсоса, и онъ сталъ попрежнему ловить рыбу по вечерамъ и ночамъ.

Однажды, на закатѣ солнца онъ сѣлъ въ лодку и поплылъ по бухтѣ къ противоположному берегу. Сумерки быстро смѣнились ночной темнотой, и когда онъ приблизился къ своей цѣли, то едва могъ разглядѣть возвышавшуюся прямо передъ нимъ бѣлую стѣну жилища Абдула-Ахмета. Къ этому времени вѣтеръ совершенно спалъ, и онъ только что хотѣлъ взяться за весло, чтобы обогнуть садовую стѣну, прямо опускавшуюся въ воду, какъ неожиданно услыхалъ женскій голосъ, пѣвшій погречески народную пѣсню винодѣловъ.

Онъ не могъ видѣть пѣвицы, но ея пріятный мелодичный голосъ какъ-то странно взволновалъ его сердце. Неподвижно, какъ бы очарованный, онъ слушалъ это пѣніе, а когда голосъ невидимой пѣвицы умолкъ, онъ всталъ на кормѣ своей лодки и громко запѣлъ второй куплетъ пѣсни. Затѣмъ наступила безмолвная тишина, и Митсось сталъ съ удивленіемъ спрашивать себя, кто могла быть эта женщина, пѣвшая погречески въ турецкомъ гаремѣ. Вдругъ онъ

вспомнилъ, что во время прогулки на лодкѣ съ Николаемъ, онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ злой турокъ ударилъ женщину на этой самой террасѣ, а она вскрикнула погречески: «за что?».

Эти мысли такъ всецѣло заняли Митсосу, что онъ совершенно забылъ о ловлѣ рыбы, а лодка, предоставленная судьбѣ, медленно вышла въ открытое море. Когда онъ созналъ это обстоятельство, то нимало не испугался, а воспользовавшись поднявшимся вѣтромъ, поставилъ парусъ, какъ слѣдовало, и лодка быстро понеслась обратно къ бухтѣ. Вдали, надъ горами, блеснула, молнія и пошелъ крупный дождь. Но юноша думалъ только о томъ, какъ бы вернуться къ бѣлой стѣнѣ и снова услышать пѣснь невидимой женщины.

Вскорѣ онъ достигъ этой стѣны, но, конечно, на террасѣ никакого не было, и ему пришлось среди грозной непогоды возвращаться домой чрезъ всю бухту, по которой бѣгали сѣдые валы. Много труда стоило ему, чтобы направить свою лодку мимо всѣхъ опасныхъ мѣстъ бухты къ жилищу отца, и только поздно ночью онъ вышелъ на берегъ, гдѣ его ждалъ отецъ.

— Ты напрасно, Митсось, плаваешь въ лодкѣ въ такую бурную ночь,—сказалъ онъ,—самый лучший морякъ съ трудомъ справился бы съ непогодой.

— Я люблю бороться съ вѣтромъ и волнами,—отвѣчалъ Митсось, напѣвая въ полголоса пѣснь винодѣловъ.

Константинъ не сталъ его спрашивать и, напоивъ горячимъ кофе, отпустилъ спать.

Два дня Митсось былъ занятъ дальнѣйшимъ процессомъ винодѣлія, но на третій вечеромъ Константинъ отправился въ Навплию, а юноша бросился въ лодку и полетѣлъ къ бѣлой стѣнѣ, которая во все это время не выходила у него изъ головы. Къ его неописанному блаженству онъ издали увидѣлъ на террасѣ ее. Онъ былъ убѣжденъ, что—это именно та очаровательная пѣвица, голосъ которой все еще плѣнительно раздавался въ его ушахъ.

При видѣ этого юноши, сидѣвшаго на кормѣ лодки, она также поняла, что онъ пѣлъ второй куплетъ пѣсни винодѣловъ среди окружавшей его ночной темноты. Глаза ихъ встрѣтились и образовали въ прозрачномъ, насыщенномъ солнечными лучами воздухѣ золотой мостъ для соединенія ихъ сердець.

Однако, когда лодка подошла къ самой стѣнѣ, то она опустила голову, оторвала нѣсколько розъ, вившихся по стѣнѣ и стала медленно отрывать ихъ лепестки и тихо, въ полголоса пѣть первый куплетъ пѣсни винодѣла. Потомъ она перешла ко второму, но на третьей строфѣ остановилась, какъ бы забывъ слова, и Митсось, не спуская съ нея глазъ, спѣлъ конецъ. Не поднимая головы, она повторила за нимъ пропущенныя ею строфы, а затѣмъ снова спѣла весь второй куплетъ.

Солнце уже сѣло, но вершины горъ еще алѣли на востокѣ.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

Магазиновъ, Новаго Времени,

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ЮНЪ 1898 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

- Абамеленъ-Лазаревъ, С.** (князь). Джерапъ (Gerasa). Археологическое изслѣдованіе. Спб. 1897. Ц. 10 р.
- Алларъ, П.** Христіанство и Римская имперія отъ Нерона до Феодосія. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Аметистовъ, Н.** Средство противъ переутомленія или какъ надо работать, чтобы вмѣсто переутомленія получалась жизнерадостность. Изд. 3-е. Харьковъ. 1898 г. Ц. 20 к.
- Андреевскій, С.** Защитительныя рѣчи. 3-е дополи. изд. 1898 г. Ц. 2 р.
- Андріановъ, С.** Накаунъ Вѣлинскаго. Спб. 1898. Ц. 40 к.
- Акимовъ, И.** Руководство для начинающихъ фотографовъ-любителей. Съ 90 полтипажами. Изд. 4-е. Спб. 1898. Ц. 40 к.
- Аничковъ, Д.** Орлиное гнѣздо. (С. Кончанское). Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Арепьевъ, Н.** Женское медицинское образованіе въ Россіи и женскій медицинскій институтъ. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Балтановъ, Ц.** Принципы критики В. Г. Вѣлинскаго. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Эстетика В. Г. Вѣлинскаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополненія. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Баранцевичъ, Е.** Чума, появленіе и распространеніе ея у человѣка. Историко-медицинскій очеркъ. Съ рисунками. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Двѣ жены (Семейный очагъ). Романъ. Изданіе 3-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Батюшковъ, К. Н.** Сочиненія. Изд. 6-е. М. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бѣлинскій, В. Г.** Часть первая. Обзоръ русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина. Ц. 20 к. Часть вторая. Критическія статьи о А. С. Пушкинѣ. Ц. 25 к. Дешевая бібліотека А. С. Суворина, №№ 201—202. — Сочиненія въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Т. I и II. М. 1898 г. Ц. каждого тома по 65 к.
- Беллинъ, Э.** (проф.). Гипнотизмъ и его значеніе въ наукѣ, въ правѣ и уголовномъ судопроизводствѣ. Харьковъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Бѣлоцерновецъ, П.** Справочная книга и самоучитель для желѣзнодорожныхъ мастеровъ. Съ чертежами. Изд. 4-е, испр. и доп. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Berggr, Paul (d-r).** Гигіена слабонервныхъ. Дѣта, режимъ и леченіе. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Бешъ, В. М.** Рыбные промыслы Западной Европы. I. Промыслы у Лофотенскихъ острововъ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.
- Блюхъ, И.** Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. 7 томовъ и приложенія. Спб. 1898 г. Ц. 18 р. 50 к.
- Богушевскій, С.** Нѣсколько мыслей о системѣ сельскохозяйственнаго образованія въ Россіи. Юрьевъ. 1898. Ц. 25 к.
- Борисовъ, В.** Изъ подководческой практики. I. Попытка выяснить мемуаръ Мольтке на случай войны съ Россіей. II. Планъ эрцгерцога Альбрехта для союзной войны противъ Пруссіи (въ 1870 г.) и значеніе начальника генеральнаго штаба. Варшава. 1898 г. Ц. 50 к.

Борьба съ вредными насекомыми и паразитными грибами въ садоводствѣ посредствомъ опрыскиванія. Сост. по книгѣ Эрнеста Лоджена «The spraying of plants» (опрыскиваніе растений). Перев. съ англ. Н. И. Кигунова. Съ 41 рис. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Брюль, н. 1. Общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, измѣненный и дополненный изданными на 1-е марта 1898 г., въ развитіе и разъясненіе отдѣльныхъ его статей постановленіями и распоряженіями. II. Международная конвенція о перевозкѣ грузовъ. III. Тарифная узаконенія и распоряженія. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Будаевскій, С. Курсы артиллеріи. Часть третья. Орудія, лафеты, снаряды и повозки. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Булганенъ, Ѡ. Венера и Аполлонъ въ живописи и скульптурѣ. 40 фотогравюръ in-folio съ наилучшихъ произведеній знаменитѣйшихъ художниковъ идеальныхъ школъ греческаго искусства и эпохи возрожденія. Съ пояснительнымъ описаніемъ произведеній и биографіями ихъ авторовъ. Вып. II. Спб. 1898 г. Ц. за 8 вып. по подпискѣ 16 р.

Буновичъ, Г., и Врублевскій, Ф. Электрическое освѣщеніе и какъ имъ надо пользоваться. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Бынова, А. Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты. Съ 7 рисунками въ текстѣ и съ географич. картой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. М. 1898 г. Ц. 50.

Быстрининъ, В. Сказки жизни. М. 1898 г. Ц. 50 к.

Büttner, Oskar, Dr. и Müller-Kurt, Dr. Техника и примѣненіе рентгеновскихъ лучей въ медицинѣ. Съ приложеніемъ: 0 діагностику внутреннихъ болѣзней по G. Rosenfeld'у. Пер. и доп. д-ра Я. Эйгера. Съ 36 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Бѣлянскій, Н. (проф.). Рабочіе дома и дома трудолюбія. Юрьевъ. 1898 г. Ц. 30 к.

Ванновъ, С. Н. Металлическія сваи въ примѣненіи ихъ къ основаніямъ искусственныхъ сооружений. Съ 53-мя рисунками. Спб. 1898. Ц. 1 р. 40 к.

Варпаховскій, Н. А. Рыболовство въ бассейнѣ рѣки Оби. I. Орудія рыболовства и продукты рыбнаго промысла. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

— Опредѣлитель прѣсноводныхъ рыбъ Европейской Россіи. Съ 102 рисунками въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Васильевъ, А. 0 киргизскомъ языкѣ и его транскрипціи. Оренбургъ. 1898 г. Ц. 10 к.

— Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 2 р., на велевеной бумагѣ 3 р.

— Образцы киргизской народной словесности. Вып. I. Киргизскія сказки. Оренбургъ. 1898 г. Ц. 75 к.

— Образцы киргизской народной словесности. Киргизская народная пѣсня о трехъ молодцахъ. Оренбургъ. 1897 г. Ц. 25 к.

Вахтеровъ, В. Секція IX общихъ вопросовъ. Высочайше разрѣшенный 2-й сѣздъ

русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи 1895—1896 гг. М. 1898 г. Ц. за 2 ч. 3 р.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Изданіе Г. В. Юдина. Вып. XXIV. Вочи-Вринкъ. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.

Веревундовъ, С. Вліяніе городского филтра на брюшной тифъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Ветуховъ, А. «А. А. Потебня», † 29-го ноября 1891 г. Варшава. 1898 г. Ц. 50 к.

Вирховъ, Р. (проф.). Пѣлательныя силы организма (самоизлеченіе). Пер. съ нѣмец. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.

Внутреннія и дѣтскія болѣзни. Перевели съ нѣмецкаго: д-ръ М. Е. Люнь, д-ръ Д. Г. Фридрихъ, д-ръ мед. М. З. Геселевичъ. Подъ редакціей д-ра В. А. Окса (Библиотека медицинскихъ наукъ). Томъ II, вторая половина. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.

Врублевскій, В. Самоучитель итальянскаго языка или легчайшій способъ научиться безъ помощи учителя читать, писать и говорить по-итальянски. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Гаммондъ, Вилліамъ (д-ръ). Половое безсиліе у мужчинъ и женщинъ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Гаррисонъ (проф.). Развитіе силы и нарощеніе мышцъ гириями. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.

Гейне, Г. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Томъ I. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Heubner, Ott. (d-r). Сифилисъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Съ нѣмец. 1898 г. Ц. 60 к.

Гигіена купающагося (когда, гдѣ и какъ нужно купаться), подъ редакціей д-ра А. Лаура. Спб. 1898. Ц. 10 к.

Гильти, К. (проф.). Популярныя очерки по нравственной философіи. Перев. Л. Гольдмерштейнъ. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Гладній, В. Ученіе Святаго Іоанна Златоустаго о пастырскомъ служеніи по бесѣдамъ его и письмамъ. Казань. 1898 г. Ц. 30 к.

Глансъ, Ю. (проф.). Гидротерапія. Переводъ съ нѣмец. Съ 73 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Гоголь-Янонскій, Г. Задачи рациональнаго виноградарства и винодѣлія на Кавказѣ. Тифлисъ. 1898 г. Ц. 25 к.

Гольдштейндеръ (проф.). Діагностика болѣзней нервной системы. Руководство къ изслѣдованію нервныхъ больныхъ. Съ 52 рис. Перев. съ нѣмец. д-ра Л. Оршанскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гордѣенко, Я. Курсы желѣзныхъ дорогъ. По программѣ, утвержденной г. Министромъ путей сообщенія 4-го апрѣля 1888 г. для экзамена на званіе техника путей сообщенія. Изд. 3-е, просмотрѣнное и дополн. Спб. 1898 г. Ц. 4 р. 50 к.

Гомилевскій, В. Теорія образованія свѣдѣтельныхъ заносовъ и практическія указанія относительно борьбы съ этими стихійнымъ явленіемъ. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.

Горяиновъ, С. Уставы о воинской повинности, (сводъ законовъ. Томъ IV. Книга I. изд. 1897 г.), дополненное всѣми поздѣй-

шими узаконеніями по 1-е мая 1898 г. Изд. 8-е, пересмотрѣнное и дополн. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.

Граничъ, Ф. Ключъ въ сборнику алгебраическихъ задачъ 0. Вычкова на сложные проценты, ежегодные взносы и срочныя уплаты съ краткимъ объясненіемъ ихъ формулъ. Отдѣлъ алгебры 6-го класса гимназій на примѣненіе логарифмовъ. Одесса. 1898 г. Ц. 60 к.

Гренгагенъ, К. Путеводитель по водолѣбнымъ, дачнымъ и живописнымъ мѣстностямъ Восточной Финляндіи (Корелія и Саволакъ). Съ приложеніемъ 7 картъ. Спб. 1898 г. Ц. въ переплетѣ 1 р. 85 к.

Гулевичъ, А. Война и народное хозяйство. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Гусевъ, Д. Чтенія по патрологіи. Періодъ христіанской письменности съ половинки II и до начала IV вѣка. Св. Густинъ, мученикъ и философъ. Казань. 1898 г. Ц. 30 к.

Денисовъ, Я. Дохміи у Эсхила. Исслѣдованіе. Харьковъ. 1898 г. Ц. 4 р. 50 к.

Джемсъ, в. Стоитъ ли жить? Переводъ съ англійскаго. М. 1898 г. Ц. 20 к.

— У. Психологія. Перев. съ англ. И. И. Лапшина. Съ 66 рис. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Дневникъ палестинскаго паломника архимандрита Меодія, настоятеля Никандровской пустыни Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Живописное обозрѣніе русскихъ святыхъ мѣсть. Валаамскій монастырь. Вып. 7-я. Одесса. 1898 г. Ц. 25 к. Александро-Невская лавра. Вып. 3-я. Одесса. 1898 г. Ц. 25 к.

Жизнь и чудеса святителя Христова Николая Чудотворца, архіепископа Миръ-Лицкаго. Одесса. 1898. Ц. 20 к.

Житновъ, С. Золотоискатель Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Зегосинъ, М. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Спб. Ц. по подпискѣ на 10 томовъ 15 р.

Зангвилль, І. Дѣти Гетто. Романъ въ двухъ книгахъ. Спб. 1898 г. каждой книги по 2 р., обѣ вмѣстѣ 3 р.

Захаринъ, И. (Якунинъ). Хиба. Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 году и «Первое посольство въ Хиву» въ 1842 году. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Золотаревъ, Л. Самообразование сельскихъ хозяевъ. М. 1898 г. Ц. 30 к.

И. М. Русская журнальная литература въ настоящее время. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Ивановъ, Ив. Герой современной легенды. Люди и факты западной культуры. Совѣсть въ исторіи одной жизни. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Иже будетъ во мнѣ и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ. Объясненіе Вожегственной литургіи по чину св. Іоанна Златоуста. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Избранная статья для семьи и школы подъ ред. В. Г. Острогорскаго. Съ предисловіемъ, биограф. очеркомъ, портретомъ и факсимиле. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Найгородовъ, Д. Изъ парства пернатыхъ.

Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. V. Ц. 50 к.

Нагъ, Эммануиль. Критика способности сужденія. Перев. Н. И. Соколова. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Машнаровъ, М. Денежное обращеніе въ Россіи. Т. I. Ассигнаціи. Возстановленіе металлическаго обращенія. Кредитные билеты. Золотая, платиновая, серебряная и мѣдная монета. Вексельные курсы и лажъ. Законодательныя мѣры къ упорядоченію денежнаго обращенія. Обороты вѣншей торговли. Т. II. Оперціи Государственнаго банка. Обороты сберегательныхъ кассъ. Финансовыя итоги послѣдняго десятилѣтія (1887—1896 гг.). Приложенія. Историко-статистическое изслѣдованіе. Спб. 1898 г. Ц. за 2 тома 6 р.

Мервъ, Э. Ива, ея значенія, разведеніе и употребленіе. Изд. 3-е, дополн. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Kleiber, Max. Курсъ проекціоннаго черченія. Руководство для технич. училищъ, ремеслен. и художеств.-промышл. школъ, а также для самообученія. Переводъ съ нѣмец. М. 1898 г. Ц. 5 р.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Вып. I. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.

Коганъ, А. О постройкѣ Екатеринославской городской электрической желѣзной дороги. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Корнуновъ, Н. Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коршъ, Д. Сборникъ законоположеній о сбереженіи и охраненіи лѣсовъ частныхъ и общественныхъ, съ приложеніемъ инструкцій и постановленій, утверж. министромъ госуд. имущ. о порядкѣ приведенія въ исполненіе положенія о сбереженіи лѣсовъ 4-го апрѣля 1888 г. и рѣшеніе правител. сената по лѣсоохранит. дѣламъ. Изд. 4-е, дополнен. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Костычевъ, П. Почва, ея обработка и удобреніе. Практическое руководство. Пособіе для агрономовъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Краевскій, Г. Міровая-транзитная Сибирская желѣзная дорога. Иркутскъ. 1898 г. Ц. 1 р.

Краткое руководство къ шелководству. Оренбургъ. 1898 г. Ц. 15 к.

Краусгаръ А. Жертва терроризма. Съ польскаго. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.

Крицій, П. Полная справочная книжка для молодыхъ людей при отбываніи ими воинской повинности по жеребью и на правахъ вольноопредѣляющихся, а также для отбывшихъ уже воинскую повинность и желающихъ поступить на службу охотникамъ. Спб. 1898 г. Ц. 95 к.

Крюке, Арн. (д-ръ). Шведская гимнастика, какъ способъ леченія многихъ хроническихъ болѣзней. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Курпьянова, Л. Современная Бельгія въ связи съ ея историческимъ развитіемъ. Съ

- 8-ю рисунками въ текстѣ и приложеніемъ карты. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Лависсъ, Эрн., и Рамбо, Альфредъ.** Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. IV. Возрожденіе и реформація. Новый свѣтъ 1492—1559. М. 1898 г. Ц. 3 р.
- Ланге, А. (д-ръ).** Волѣзны сердца. Гигіена, діета и леченіе. Перев. съ 6-го нѣмец. изд. врача С. Ногкина. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Лашаревъ, А.** Иллюстрированная классификація главнѣйшихъ сортовъ луговыхъ травъ съ краткимъ описаніемъ каждой травы въ отдѣльности. Спб. 1898 г. Ц. по подпискѣ на 6 вып. 24 р.
- Ле-Дантенъ,** Живое вещество (*La matière vivante*), съ двумя дополнителными статьями того же автора «Жизнь и смерть». Перев. съ франц. М. 1898 г. Ц. 75 к.
- Лихачевъ, Н.** По поводу сборника А. И. Юшкова: Акты XIII—XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителямъ служивыхъ фамилій послѣ отмянны мѣстничества. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Лобyseвичъ, Ф.** Описаніе Хивинскаго похода 1873 года. Подъ ред. В. Н. Троцкого. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Лунашевичъ, С.** Практическое руководство по устройству дешевыхъ несгораемыхъ построекъ. Вып. П. Глинобитныя стѣны. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Лухманова, Н.** Короткіе рассказы о горѣ и счастья людскомъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Мезьеръ, А.** Мирабо. Перев. М. Г. Васильевского подъ ред. и съ предислов. Н. И. Карѣва. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Мильманъ, М.** Ученіе о заразныхъ болѣзняхъ. Инфлуэнца, тифъ, корь и скарлатина. Одесса. 1897 г. Ц. 20 к.
- О ревматизмѣ. Одесса. 1897 г. Ц. 25 к.
- О чахоткѣ, леченія ея и новомъ туберкулиѣ Коха. Одесса. 1897 г. Ц. 20 к.
- Михайловъ-Стоянъ, Н.** Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго пѣнія. Руководство къ быстрому достиженію правильнаго и хорошаго пѣнія. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Michaud. Histoire de la troisième croisade.** Съ словаремъ и примѣчан. А. Корде. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Модестовъ, Б.** Двойныя звѣзды. Вычисленіе эллиптическихъ орбитъ изъ наблюденій микрометромъ, меридіаннымъ кругомъ и спектроскопомъ. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мольте, графъ.** (Посмертный трудъ). Первая датская кампанія (1848—1849 г.) Перевелъ генеральнаго штаба полковникъ Николаевъ. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Мордовцевъ, Д.** Послѣдніе дни Иерусалима. Историческая повѣсть. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Моррисонъ, Артуръ.** Рассказы о жалкихъ улицахъ. (Очерки изъ жизни рабочаго Лондона). Перев. съ англ. А. В. Гименскаго. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Мясоѣдовъ, А.** Иванъ Стамезкинъ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Назарьева, К.** Дорогой цѣной. Романъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Немировъ, Г.** «Русь» и «Варяги». Происхожденіе словъ. Замѣтки для выясненія древнѣйшей исторіи Петербургскаго края. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Никифоровъ, Л.** Элементарный курсъ психологіи. Руководство для воспитателей. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- О народныхъ книгахъ по гигиенѣ и медицинѣ.** Вып. I. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Оловениновъ, В.** Справочная книжка для больныхъ. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Орловскій, С.** Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (1810—1848). Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Павловъ-Сильванскій, Н.** Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Пантоховъ, И. Д-ръ.** Къ статистикѣ кавказской патологіи. Тифлисъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пареной, А.** Практическое руководство для водостныхъ судовъ, преобразованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г. М. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Перро.** Волшебный міръ. Сказки. Перев. Ек. Урсыновичъ. М. 1898 г. Ц. 75 к.
- Песоцій, Н.** Машины и станки для обработки дерева. дѣйствующіе отъ ручного и ножного привода. Практическія указанія и данныя для постройки этихъ машинъ и употребленія. Съ чертежами. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Петровъ, Б.** Записная и справочная книжка фотографа. М. 1897 г. Ц. 65 к.
- Покровскій, В.** Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Поссе, В.** Европа въ 1897 г. Событія западно-европейской жизни съ января 1897 г. по апрѣль 1898 г. Ц. 40 к.
- Путеводитель по заграничнымъ курортамъ** подъ редакціею д-ра Г. М. Герценштейна. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Путеводитель по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ и Вѣдой на 1898 годъ.** Годъ четвертый. Казань. 1898 г. Ц. 30 к.
- Рассказы о подвигахъ челоѣческаго ума** или о чудесахъ науки. М. 1898 г. Ц. 30 к.
- Ришельевскій лицей и Императорскій Новороссійскій университетъ.** Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Часть I. Одесса. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Робзнъ, А.** Руководство къ частной терапіи. Выпускъ V. Леченіе заразныхъ болѣзней. Часть II. (Продолженіе и конецъ). Переводъ съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ромеръ, Ф.** Стихотворенія. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Рузье, Поль (де).** Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Перев. съ франц. подъ ред. П. Струве. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Руководство къ производству археологическихъ раскопокъ и храненію добываемыхъ при раскопкахъ предметовъ древности.** Со второго нѣм. изданія перевела С. А. Д-ва. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени.** Вып. первый. М. 1898 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Руцкій, П.** Къ оазисамъ Сахары и по Италіи. Путевыя впечатлѣнія. Съ 32 видами Африки. Рига, 1898 г. Ц. 1 р.
- Рыбановъ, С.** Отчетъ его о поѣздкѣ къ

киргизамъ лѣтомъ 1896 г. по порученію Императорскаго Географическаго общества. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Савва (высокопреосвященный архіепископъ Тверской и Кашинскій). Хроника моей жизни. Автобіографическія записки. Томъ первый. (1819—1850 гг.). Сергіевъ Посадъ. Ц. 2 р.

Сальниковъ, А.—В. Г. Бѣлинскій. О воспитаніи умственномъ и нравственномъ. Посвящается родителямъ и наставникамъ. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

— **В. Г. Вѣлинскій.** Для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности, съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзіи. Пособіе для среднихъ учебн. заведеній. М. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

— **В. Г. Вѣлинскій.** Объ искусствѣ. (Основы эстетики). М. 1898 г. Ц. 75 к.

Саловъ, В. Историческій очеркъ Петербургскихъ наводненій и предположеній относительно предохраненія низменныхъ частей города С.-Петербурга отъ затопленія. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Сборникъ свѣдѣній по сельскохозяйственному образованію. Вып. I. Женское образованіе. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ Царя Михаила Феодоровича Романова. Родословная рода Захарьинныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ. По матеріаламъ И. П. Сахарова, протѣренными и дополненными Н. Н. Селифонтовымъ. Часть II. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. I. 1898 г. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. II. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Сельское хозяйство и сельскохозяйственные промыслы. Съ 9-го нѣмецк. изданія, перев. и дополи. Э. Моганъ и А. Тарле подъ ред. Н. Песочкаго. т. III, ч. I. Сельское хозяйство. Т. III, ч. II. Сельскохозяйственные промыслы. Спб. 1898 г. Ц. ч. I 2 р., ч. II 1 р. 60 к.

Семь статей В. Г. Вѣлинскаго. Юбилейное изданіе. 1848—26-го мая—1898 г. Текстъ дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ редакціей П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Сессе, Эмиль. Еврейская философія. Маймонидъ и Спиноза. Съ 2 портретами. Одесса. 1898 г. Ц. 30 к.

Случевскій, К. Сочиненія въ 6 томахъ. Съ портретами. Вышло 3 тома. Спб. 1898 г. Ц. 7 р. 50 к.

Соколовъ, М. Великорусскія свадебныя пѣсни и причитанія, записанныя въ Саратовской губерніи. Саратовъ. 1898 г. Ц. 60 к.

Соловьевъ, С. Курсъ новой исторіи. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Справочныя свѣдѣнія о дѣятельн. земствѣ по сельскому хозяйству (по даннымъ на 1897 годъ). Годъ третій. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Спутникъ женщины. Настольная книга для женщинъ подъ ред. Н. А. Лукмановой. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Счетоводство потребительныхъ обществъ в мелочного и розничнаго торго по упро-

щенной русской тройной системѣ, предлагаемой Ѳ. В. Езерскимъ. Въ двухъ частяхъ: теоретической и практической. Изданіе третье. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Тень-Бринъ, Бернардъ. Лекціи о Шекспирѣ. Съ нѣмец. И. Д. Городецкаго. М. 1898 г. Ц. 40 к.

Титинъ, Н. Византійское право, какъ источникъ уложенія 1648 года и новоуказныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія. Одесса. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. Л. Рассказы изъ времянь студентства. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Умѣнье наслаждаться жизнью. Извлечено изъ сочин. Дж. Миллера, И. Смайльса, Дж. Рескина и друг. М. Ловцовой. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.

Фабръ. Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Перев. съ франц. Е. И. Шевыревой. Съ 213 рис. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Феокистовъ, Ив. Сводъ мнѣній Вѣлинскаго о дѣтской литературѣ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

Филимоновъ, Ф. Стихотворенія. I. Пѣсни Сибиряка. — II. Шутки и народн. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Фогпарі (д-ръ). Гигіена любви. Перев. съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Хрулевъ, С. Нашъ ипотечный кредитъ. Опытъ статистическаго выясненія состоянія землевладѣнія въ зависимости отъ его задолженности. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Черскій, Леонидъ. Дети улицы. Рассказъ. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Шахъ-Назеровъ, С. (д-ръ). Основныя положенія физиологической психологіи по Вундту, Цигену и Мейнерту. I. Теорія апперуенціи В. Вундта. М. 1898 г. Ц. 75 к.

Шевляновскій, М. Винтъ (во всѣхъ видахъ). Полное собраніе практич. совѣтовъ, законовъ и правилъ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Шерръ, I. Комедія всемірной исторіи. Историческій очеркъ событій 1848 г. Перев. съ нѣм. Т. I. Спб. Ц. по подпискѣ на 2 т. — 3 р. 50 к.

Штарнеръ, Е. Гигіеническая поваренная книга, могущая служить руководствомъ бывшимъ посетителямъ санаторіи д-ра Ламанна въ Вейссеръ-Гришъ, близъ Дрездена, и послѣдователямъ вегетаріанизма. Дрезденъ. 1897 г. Ц. 2 р.

Штейнбахеръ, И., д-ръ. Мужское безсиліе. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. д-ра В. И. Рамма. Спб. 1898 Ц. 35 к.

Эсмень, А. Основныя начала государственнаго права. Перев. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Т. I. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Югорскій, С. По берегамъ Средиземнаго моря. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Яновскій, Д. Къ вопросу о преподаваніи ц.-славянскаго, русскаго и польскаго языковъ. Варшава. 1898 г. Ц. 25 к.

Яромъ, С. Воспоминанія о театрѣ (1867—1897 г.). Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ярышкинъ, А. Царство зла. Вѣсѣды о пьянствѣ. Вып. I. Одесса. 1898 г. Ц. 35 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я. 2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я. 3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я. 4. — То же. Книга II-я. 5. Бальзанъ. Шагрневая кожа. Романъ. 6. Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Грие. Ром. 7. Крэнъ, А. Д. Эмилиѣ. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго. 8. Мингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й. 9. — То же. Томъ II. 10. Жоржъ-Зандъ. Орасъ. Романъ. 11. Мериме, П. Жаверія. Сцены изъ феодальныхъ временъ. 12 и 13. Динкенсъ, Ч. Лавка древностей. Ром. 14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром. 15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ козичкаго дворянства. Романъ. 16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й. 17. — То же. Томъ II-й. 18. — То же. Томъ III-й. 19. Ясинскій, Сер. Старый другъ. Романъ. 20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й. 21. — То же. Томъ II-й.	22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром. 23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последніе дни Помпей. Ром. Томъ I-й. 24. — То же. Томъ II-й. 25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Вуллена. Томъ I-й. 26. — То же. Томъ II-й. 27. Сю, Евгений. Въчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й. 28. — То же. Томъ II-й. 29. — То же. Томъ III-й. 30. — То же. Томъ IV-й. 31. — То же. Томъ V-й. 32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром. 33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц. 35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М. 36. Янушкинъ, П. Великъ Богъ земли русской! и другіе рассказы. 37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ. 39 и 40. Поэ, Эдгаръ. Необыкновенные рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспомнанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неподученія какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЦЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

АВГУСТЪ, 1898

СОДЕРЖАНИЕ.

АВГУСТЪ, 1898 г.

	стр.
I. Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). XX—XXI. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	401
II. Воспоминанія Константина Карловича Жерве. VII—VIII. (Продолженіе).	420
III. Изъ давно минувшаго. М. П. Межецкаго.	458
IV. Тарасова ночь. (Украинская легенда). Бориса Корженевского.	477
V. Памирскій походъ. VI—VIII. (Продолженіе). (Воспоминанія очевидца). Л. Б. Тагъева	489
VI. Отщепенецъ. (Страница изъ быта глаголемыхъ старообрядцевъ). Е. Н. Опочинина.	520
VII. Походъ въ Хиву въ 1839 году. (Изъ записокъ участника). Е. Н. Косырева.	538
VIII. Французъ-конфедератъ въ Сибири. Г. А. Воробьева.	546
IX. Дома трудолюбія въ С.-Петербурѣ. С. И. Уманца.	554
иллюстраціи: 1) Домъ трудолюбія для женщннъ на Гулярной улицѣ.—2) Домъ трудолюбія для образованныхъ женщннъ.—3) Евангелическій домъ трудолюбія.—4) Городской домъ трудолюбія.—5) Домъ трудолюбія на Обводномъ каналѣ.	
X. Судъ и казнь Салаватки. (Къ исторіи Пугачевского бунта). П. Л. Юдина.	579
XI. Недуги средняго образованія. I—V. Б. В. Глинскаго.	587
XII. По китайскому побережью. VI. Городъ Фу-чжоу-фу. (Продолженіе). В. Д. Черевкова	617
XIII. Мемуары князя Сангушки. I—V. В. И. Харкевича.	671
XIV. Критика и библиографія.	701

1) Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX столѣтій. В. А. Верещагинъ. Спб. 1898. А. Фаресова.—2) Изданіе О. Н. Поповой. «Финляндія» подъ редакціей Д. Протопопова, при участіи И. Андреева, В. Вейлина, Г. В., А. Гронфельта, О. Грунстрема, Slegicus, К. Лейно, Neuter, Д. Протопопова, В. Скалона, І. Тикконена, г-жи Т. Хультинъ, Т. Фирселя, г-жи Фрибергъ и Э. Эркко. Спб. 1898. Б. Глинскаго.—3) Христіанство и Римская имперія отъ Нерона до Феодосія. Сочиненіе Поля Алляра. Спб. 1898. С.—4) Описаніе документовъ архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ. 1470—1700 г., кн. I. Спб. 1897. В. Р.—ва.—5) Киз. Барашевичъ. Сказки жизни. 18 рассказовъ. Спб. 1898. Б. Гл.—6) Историческій очеркъ петербургскихъ наводненій и предложеній относительно предохраненія низменныхъ частей города С.-Петербурга отъ затопленія. Составилъ, по порученію главнаго правленія императорскаго русскаго общества спасанія на водахъ, членъ главнаго правленія инженеръ путей сообщенія В. В. Саловъ. Спб. 1898. В. П.—на.—7) Н. Э. Глокке. Янъ Кохановскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVI вѣка. Кіевъ. 1898. И. х.—Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. (1758—1839). Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Спб. 1898. П. щ.—8) Лавинъ и Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ четвертый. Возрожденіе и реформація. Новый Свѣтъ. 1492—1559. Переводъ В. Невдамскаго. Спб. 1898. И.—9) Вл. А. Тихоновъ. Разбитые куиры. Повѣсти и рассказы. Спб. 1898. Г. л. и.—10) «Album biograficzne zasłużonych polaków

Ом. слѣд. стр.

і polek XIX wieku» (Биографическій альбомъ славныхъ поляковъ и полековъ XIX стол.). Выпускъ I—III. Варшава. 1898. г. **А. Воробьева.**—11) Два письма князя В. О. Одоевского къ ея императорскому высочеству великой княгини Еленѣ Павловнѣ. Спб. 1898. щ.—12) Мои воспоминанія. Академика О. П. Буслая. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. Фонъ-Вооля. Москва. 1898. в. Б.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 723

1) Что предало Иерусалимъ въ руки мусульманъ? — 2) Агнеса Сорель.—3) Шекспиръ не Шекспиръ, а Марло.—4) Карлъ I.—5) Взятіе Гаванны англичанами въ 1762 г.—6) Государственный переворотъ 1772 г. въ Швеціи.—7) Каліостро въ Петербургѣ и въ Бастиліи.—8) Переходъ Ионическихъ островъ изъ французскихъ рукъ въ русскія въ 1799 г.—9) Замѣчанія генерала Драгомирава о революціонно-наполеоновской арміи.—10) Взятіе Плевны.

XVI. Смѣсь 738

1) Юбилей Симбирска. — 2) Херсонская архивная комиссія и археологическій музей. — 3) Раскопки Муранскаго могильника. — 4) Археологическія находки.—5) Общество нумизматовъ.—6) Новыя коллекціи Эрмитажа.—7) Премія Гильфердинга.—8) Некрологи: М. А. Саблинъ; М. П. Савостьяновъ; Н. А. Ярошенко; Н. Е. Сверчковъ.

XVII. Замѣтки и поправки 747

1) По поводу некролога Г. И. Паульсона. н. с.—2) По поводу воспоминаній К. К. Жерве. Генераль-лейтенанта О. Л. Фельдмана. — 3) Къ некрологу Л. П. Сабаньва. П. Полевога.—4) По поводу статьи «На царскомъ пути». **Вѣры Бутановой.**—5) Къ некрологу Г. Д. Филимонова.

XVIII. Рѣдкіе портреты. Александръ Петровичъ Сумароковъ. 752

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Петровича Сумарокова.—2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. **Е. Бенсона.** Часть первая. VI—VIII. Часть вторая. I—II. Переводъ съ англійскаго. (The Vintage).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Б. ГЛИНСКАГО:

„Виссаріонъ Григорьевичъ БѢЛИНСКІЙ

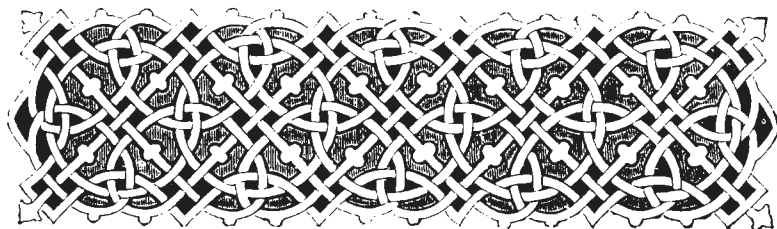
И

ЧЕСТВОВАНІЯ ЕГО ПАМЯТИ“.

Съ пятью иллюстраціями и приложеніемъ его юношескаго «Журнала поѣздки въ Москву и пребыванія въ оной».

Цѣна 75 коп.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾.

(Романъ-хроника).

XX.

БЫЛО ОКОЛО девяти часовъ утра.

Мсьё Шарль Лаглуаръ, давно ужъ превратившійся для большинства своихъ знакомыхъ (онъ съ 1815 года жилъ въ Петербургѣ) въ Карла Маврикіевича Лагларова, откушавъ утренній чай и для моціона погулявъ въ своемъ маленькомъ, но прелестно устроенномъ садикѣ, собирался ѣхать на Крестовскій островъ, гдѣ проводила лѣто семья князя Мезерскаго, въ которой онъ давалъ уроки. Онъ оправлялъ передъ зеркаломъ тугонакрахмаленные воротнички, торчавшіе въ видѣ заячьихъ ушей изъ-подъ высокаго, подложеннаго волосомъ, бѣлаго батистоваго галстука, заложенаго складками и съ огромнымъ спереди бантомъ. Этотъ модный галстукъ подпиралъ гладко выбритый подбородокъ и щеки съ узкими бакенбардами, безподобно окрашенными превосходною черною краскою, которую мсьё Лаглуаръ выписывалъ изъ Парижа со множествомъ другихъ принадлежностей туалета.

Черный, модный кокъ, гордо возвышаясь надъ лбомъ, между аккуратно зачесанными височками, придавалъ такой бравый видъ его сухощавой фигурѣ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и умными карими глазами, что только при ближайшемъ изслѣдованіи и пред-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 5.
«истор. вѣстн.», августъ, 1898 г., т. LXXIII.

взятой недоброжелательности можно было подмѣтить мелкую сѣть тонкихъ морщинъ, покрывавшую его лицо, искусно подмалеванное косметиками, чуть-чуть, какъ разъ настолько, чтобъ обладатель его казался лѣтъ на десять моложе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Остальной костюмъ мсьё Лаглуара изяществомъ и свѣжестью соответствовалъ прическѣ; безупречно сшитый у лучшаго портного фракъ сизо-голубого цвѣта съ серебряными пуговицами, зеленый верпомъ жилетъ съ рисункомъ нѣжныхъ цвѣтовъ и бланжевые панталоны довершали его щегольской лѣтній нарядъ.

На столѣ, въ залѣ, Оедька приготовилъ шляпу, перчатки и трость съ золотымъ набалдашникомъ, а въ прихожей, гдѣ на коникѣ дремалъ въ ожиданіи барскаго звонка казачокъ, висѣлъ синій плащъ со множествомъ воротниковъ, подбитый чернымъ бархатомъ, которыми, въ виду предательскаго петербургскаго климата, даже и въ юлѣ мѣсяцѣ предусмотрительный французъ не забывалъ застаться, разѣзжая по окрестностямъ города.

Экипажъ, который долженъ былъ доставить учителя на дачу князя Мезерскаго, еще не пріѣхалъ, но мсьё Лаглуаръ не даромъ славился аккуратностью, не было еще примѣра, чтобъ онъ заставилъ ждать присланныхъ за нимъ лошадей, а потому, когда, вмѣсто княжескихъ дрожекъ съ знакомымъ кучеромъ, по пустынной еще улицѣ загромычала наемная карета и остановилась передъ запертыми воротами особняка, принадлежавшаго французу, и соскочившій съ занятаго ливрейный лакей прошелъ черезъ калитку по мосткамъ къ крыльцу, весь домъ всполошился, и въ сѣни выскочилъ вмѣстѣ съ казачкомъ поваръ, прачка, домоправительница, вся челядь Карла Маврикіевича, чтобъ узнать, кому вздумалось пріѣхать къ ихъ барину именно въ ту минуту, когда онъ долженъ ѣхать на урокъ.

— Господинъ Лаглуаръ дома?—спросилъ лакей.

— Дома еще, но за ними сейчасъ отъ князя Мезерскаго должны пріѣхать,—началъ было объяснять Оедька, но его прервали на полусловѣ.

— Доложите: графиня Маржерецкая желаетъ ихъ видѣть по весьма важному дѣлу,—объявилъ, надменно возвышая голосъ, лакей.

Оедька побѣждалъ докладывать.

— Какъ? Графиня Маржерецкая? Я не знаю никакой графини Маржерецкой. Ты, вѣрно, перепуталъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Лакей ихній именно такъ и сказалъ: графиня Маржерецкая, я очинно хорошо запомнилъ-съ.

«Кто-бъ это могъ быть?—продолжалъ недоумѣвать Лаглуаръ.— Мать этого *raucage diable* Xavier умерла, сестеръ и братьевъ у него нѣтъ. И самъ онъ мнѣ сколько разъ повторялъ, что онъ послѣдній въ родѣ»...

— Прикажете принять?—повторилъ Оедька, котораго разбирало нетерпѣніе посмотреть на неожиданную гостью.

— Проси... За мной сейчасъ должны пріѣхать, но все равно, проси, — послѣ небольшого раздумья отвѣтилъ его господинъ, принимаясь торопливо оканчивать свой туалетъ.

Успокоившись на счетъ кока, взбитаго Федькой сегодня особенно мастерски (не даромъ отдавалъ онъ его учиться къ лучшему куаферу въ городѣ), мсьё Лаглуаръ потянулъ себѣ на уши идеально торчавшіе воротнички, повертѣлъ головой, чтобъ убѣдиться, что подбородокъ его свободно входитъ и выходитъ изъ галстуха, прицѣпилъ къ жилету массивную золотую цѣпочку со множествомъ брелоковъ и съ часами, — настоящій брегетъ, украшенный эмалевымъ вензелемъ въ цвѣтахъ, поднесенный ему однимъ изъ многочисленныхъ его пріятелей въ знакъ благодарности за оказанную услугу, — надушилъ тонкими духами носовой платокъ прежде, чѣмъ положить его вмѣстѣ съ золотою табакеркой и кошелькомъ въ карманъ, и, обозвавъ мысленно некстати явившуюся посѣтительницу авантюрьеркой и интриганкой, съ которою слѣдуетъ держать ухо остро, чтобъ не дать себя провести и впутать въ какую нибудь непріятную исторію, мсьё Лаглуаръ прошелъ въ гостиную какъ разъ въ ту минуту, когда дверь растворялась, и изъ прихожей доносился шелестъ шелковыхъ юбокъ.

Невзирая на свои сомнѣнія и подозрѣнія, мсьё Лаглуаръ, какъ галантный кавалеръ, не могъ не выйти въ залу на встрѣчу къ посѣтительницѣ съ готовымъ привѣтствіемъ на устахъ. Кто бы ни была эта дама, проходимка или настоящая графиня, надо принять ее вѣжливо, показать ей, что онъ умѣетъ жить и никогда не заставитъ женщину пожалѣть, что, довѣряясь его чести, она, вопреки законамъ свѣтскаго приличія, удостоила посѣщеніемъ его холостой домъ.

Во всякомъ случаѣ, визитъ долго продолжаться не можетъ, сейчасъ за нимъ пріѣдетъ княжескій экипажъ, и благовидный предлогъ сократить аудіенцію съ докучливою незнакомкою представляется самъ собой.

Но всѣ эти соображенія, какъ стая вспугнутыхъ птицъ, вылетѣли у него изъ головы при первомъ взглядѣ на особу, назвавшую себя графиней Маржерепкой.

Одѣта она была очень просто, но такой знатокъ, какъ Лаглуаръ, не могъ не оцѣнить изящества этого на видъ простого наряда, не могъ не восхититься небрежною граціей, съ которою она драпировала свою стройную фигуру въ тысячную турецкую паль и откинула съ лица вуаль, изъ настоящаго *point d'alençon*, приколотый къ ея простенькой изъ тончайшей соломы шляпѣ.

Да, передъ нимъ стояла не авантюристка и не интриганка, а настоящая дама, привыкшая съ пеленокъ къ роскошной и красивой обстановкѣ. Она не произнесла еще ни слова, а онъ ужъ чувствовалъ себя въ ея присутствіи и смущеннымъ, и польщеннымъ

въ одно и то же время, а на ея довольно-таки надменный кивокъ изогнулся въ три погибели, какъ передъ принцессой крови.

— Жена графа Ксаверія, — сдержанно проговорила незнакомка, останавливая на немъ пытливый взглядъ своихъ великолѣпныхъ, черныхъ глазъ.

Не давая ему опомниться, не дожидаясь его приглашенія, съ развязностью особы, всюду чувствующей себя дома, она сѣла на первое попавшееся кресло и продолжала:

— Я та самая Катерина Артемьевна Коржина, про которую графъ вамъ писалъ... Мой мужъ далъ мнѣ прочитатъ вашъ отвѣтъ на его письмо, — прибавила она, помолчавъ немного, какъ бы для того, чтобъ подчеркнуть значеніе своихъ словъ.—О, не извиняйтесь, пожалуйста,—остановила она движеніемъ маленькой ручки, затянутой въ длинную шведскую перчатку, протестъ, готовый сорватъ съ его языка,—я на васъ нисколько не сержусь, вѣдь вы меня не знаете... Но не въ томъ дѣло, графъ увѣренъ, что вы можете мнѣ быть полезны, и усердно рекомендовалъ мнѣ ничего не предпринимать безъ вашего совѣта. И вотъ, какъ видите, я исполнила его желаніе, пріѣхала третьяго дня, а сегодня ужъ у васъ...

Она говорила совершенно просто, немножко свысока и не спуская пытливаго взгляда съ своего слушателя, точно желая по выраженію его лица узнать: можетъ ли она на него рассчитывать? Все въ ней дышало такою правдивостью, что искренность ея невольно ему общилась, и эта банальная фраза: «всею душой радъ служить вамъ, графиня», которую онъ произнесъ, прикладывая руки къ груди и почтительно наклоняя голову, дѣйствительно, вырвалась у него изъ глубины сердца.

Она это замѣтила, и голосъ ея зазвучалъ мягче и дружелюбнѣе.

— Дѣло мое вамъ извѣстно, я должна уничтожить довѣренность, данную мною моему брату Леонтію Артемьевичу Коржину, и вытребовать отъ него отчетъ въ управленіи моимъ состояніемъ, хотя бы со дня моего совершеннолѣтія, если нельзя раньше. Для этого надо найти знающаго и опытнаго человѣка, который взялся бы за мои дѣла...

— Мы отыщемъ такого человѣка, графиня.

— Который не побоялся бы возстановить противъ себя г-на Коржина? — спросила она съ усмѣшкой.

Этотъ намекъ на его предостереженіе графу заставилъ Лаглуара покраснѣть.

— Если позволите, графиня, я возьму часть вашего дѣла на себя, и самую трудную, а именно предварительные переговоры съ г. Коржиннымъ,—поспѣшилъ онъ заявить.

Она съ каждой минутой казалась ему обаятельнѣе, эта черноокая красавица, съ гордымъ, умнымъ взглядомъ, и заслужить ея благодарность казалось ему въ эту минуту истиннымъ счастьемъ.

Предложенію его она нисколько не удивилась и приняла его, какъ должную себѣ дань, но онъ и это нашелъ весьма естественнымъ; разумѣется, она привыкла къ поклоненію, иначе и быть не можетъ.

— И вы это можете скоро сдѣлать? — спросила она такъ просто, какъ будто дѣло идетъ о самой пустой, ничего не стоящей услугѣ — купить ей конфетъ или нанять карету.

— Г. Коржинъ въ настоящее время только что вернулся съ министромъ изъ путешествія по Россіи и проѣхалъ къ своей супругѣ прямо на дачу, въ Петергофъ, — тономъ человѣка, которому хорошо извѣстно то, о чемъ онъ говоритъ, объявилъ Лаглуаръ. — Постараюсь сегодня же узнать, по какимъ днямъ онъ пріѣзжаетъ въ министерство, а, можетъ быть, — прибавилъ онъ, подумавъ, — я побываю у него на дачѣ. Во всякомъ случаѣ, буду имѣть честь въ самомъ непродолжительномъ времени васъ увѣдомить о результатѣ моихъ съ нимъ переговоровъ.

— Merci.

Она поднялась съ мѣста, протянула ему руку, къ которой онъ поспѣшилъ почтительно приложиться, и объявила, что остановилась въ домѣ нѣкоего купца Вирбасова, на Мѣщанской, близъ Казанскаго собора...

— Я васъ отыщу, сударыня, — поспѣшилъ заявить Лаглуаръ.

— Третій домъ налѣво... Я васъ, можетъ быть, задержала, извините... Мнѣ непременно надо было съ вами переговорить, прежде чѣмъ что либо предпринять... Графъ настоятельно просилъ меня обратиться къ вамъ раньше всѣхъ...

Слова эти она отрывисто роняла, проходя своею легкою, самоувѣренною походкой черезъ залу въ прихожую, а оттуда, спускаясь съ крыльца къ каретѣ, не оборачиваясь къ слѣдовавшему за нею хозяину дома и только, когда онъ посадилъ ее въ экипажъ, а лакей захлопнулъ дверцу, вскочивъ на запятки, и закричалъ кучеру: «Пошелъ!» — кивнула она съ любезною улыбкой своему новому покровителю.

— Настоящая графиня! — съ восхищеніемъ повторялъ себѣ мсье Лаглуаръ.

Онъ не сомнѣвался бы въ этомъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ Оедька не поспѣшилъ передать ему свой разговоръ съ ея лакеемъ.

— Этотъ малый — полякъ, и съ тѣхъ поръ, какъ графъ Маржерекій на свѣтѣ, ему служить...

— Не зовутъ ли его Казимиромъ? — спросилъ съ живостью его господинъ.

— Точно такъ-съ.

— Ну, такъ и есть. Я этого Казимира знаю... самый близкій человѣкъ къ графу. Что-жъ онъ тебѣ сказалъ?

— Много онъ рассказывалъ! И про то, какъ графъ въ крѣпости содержался, и какъ...

— Это все извѣстно, а еще что? Про то, когда онъ женился, не говорилъ?

— Какъ же-съ, и про это говорилъ. Передъ самымъ отъѣздомъ они обвѣнчались... Изъ церкви новобрачная, не заѣзжая домой, прямо сѣла въ карету съ ребенкомъ и поѣхала.

— Съ какимъ ребенкомъ?

— Съ ейнымъ. Вдовой она за графа-то вышла, и мальчикъ у нея пяти лѣтъ.

— Вдова... Diable, diable! И прямо изъ церкви въ Петербургъ укатила?

— Точно такъ-съ.

У Лаглуара глаза заискрились любопытствомъ и изумленіемъ. Онъ хотѣлъ еще предложить нѣсколько вопросовъ, но воздержался, подмѣтивъ, что Оедька, думая о томъ же, о чемъ и онъ подумалъ, лукаво посмѣивается.

— Отъ князя дрожки ужъ давно ожидаютъ, кучеръ спрашиваетъ: изволите сегодня ѣхать или нѣтъ?— доложилъ казачекъ.

— Дрожки... отъ князя? Скажи, сейчасъ, сію минуту,—захлопотаь мсьё Лаглуаръ, поспѣшно надѣвая шляпу и перчатки.

Онъ совсѣмъ забылъ про урокъ у Мезерскихъ. Новая знакомая окончательно выбила его изъ обычной колеи, ни о чемъ не могъ онъ думать, кромѣ какъ о ея дѣлѣ, о томъ, какъ бы за него ловчѣе приняться, чтобъ, Боже упаси, съ самага начала не испортить.

А испортить было легко. Съ каждой минутой онъ все больше и больше убѣждался въ этомъ.

День былъ прелестный, и княжеская лошадь мчала его съ обычной быстротой мимо утопающихъ въ изумрудной зелени знакомыхъ дачъ, одна другой наряднѣе и красивѣе. Обыкновенно мсьё Лаглуаръ внимательно всматривался въ растворенныя окна и балконы этихъ дачъ, чтобъ раскланяться съ обитателями, которые почти всѣ ему были знакомы и часто задерживали его на минуту, на двѣ, чтобъ поболтать о городскихъ сплетняхъ, но сегодня онъ ѣхалъ, не оглядываясь ни вправо, ни влѣво, углубившись въ размышленія.

И чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что сдѣлалъ большую неосторожность, вызвавшись лично переговорить съ г. Коржинымъ.

Правда, онъ встрѣчалъ его и жену его въ домахъ, гдѣ онъ давалъ уроки и былъ принятъ, какъ другъ дома, но это нельзя было назвать знакомствомъ, и во всякомъ случаѣ разговаривать съ г. Коржинымъ, какъ съ равнымъ, даже и о постороннемъ предметѣ, мсьё Лаглуаръ ни за что бы не рѣшился, а тутъ предстояло затронуть вопросъ, лично до него касающійся, щекотливый и крайне непріятный.

Diable, diable! гдѣ у него былъ умъ, когда онъ легкомысленно вызывался на такую услугу!

Найти повѣреннаго графинѣ Маржерецкой тоже не совсѣмъ-то легко, но все же возможно, если хорошенько поискать. Сегодня же примется онъ за поиски и, чтобъ вернуться пораньше въ городъ, откажется отъ обѣда на дачѣ.

Никогда еще не видѣли его такимъ озабоченнымъ и разсѣяннымъ, какъ въ этотъ день.

— Что съ вами, мсьё Лаглуаръ, вы нездоровы? — спрашивали у него наперерывъ и княжны, и молодые князья, и сама княгиня, которой дѣти успѣшили сообщить, что учитель ихъ такъ разстроенъ и озабоченъ, что ничего не слышитъ и не понимаетъ.

— Извините меня, княгиня, я дѣйствительно разстроенъ, и напрасно пріѣхалъ къ вамъ сегодня на урокъ, но это обрушилось мнѣ на голову неожиданно... экипажъ вашъ ужъ стоялъ у моего подъѣзда, и я рѣшился все-таки поѣхать, въ надеждѣ, что воздухъ меня освѣжитъ, а между тѣмъ вышло наоборотъ.

— Но что же съ вами случилось? — продолжала допрашивать его съ участіемъ княгиня, выславъ изъ комнаты дѣтей.

— Со мной ничего, княгиня, дѣло касается одного изъ моихъ пріятелей.

— Все равно... Но вамъ, можетъ быть, легче будетъ объяснить вашу бѣду князю, чѣмъ мнѣ? Вотъ, кстати, и онъ пріѣхалъ.

— Княгиня, вы ангелъ! — вскричалъ восторженно Лаглуаръ, цѣлуя ея руки.

Еслибъ князь, который хорошъ съ Коржинымъ и равенъ ему по состоянію и общественному положенію, взялся съ нимъ переговорить, было бы отлично. Разумѣется, было бы еще лучше, еслибъ можно было имъ показать графиню Маржерецкую, тогда ужъ, безъ сомнѣнія, они приняли бы въ ней самое горячее участіе, но заразы всего не устроишь.

Мысли эти мелькали у него въ головѣ въ то время, какъ онъ здоровался съ княземъ, а княгиня со свойственной ей добротой облегчала ему приступъ къ разговору, объявляя мужу, что мсьё Лаглуаръ сильно разстроенъ несчастьемъ, приключившимся съ однимъ изъ его друзей.

— Это собственно нельзя назвать несчастьемъ, княгиня, — поправилъ ее взволнованный французъ, — это... это хуже всякаго несчастья.

Князь съ пріятливою улыбкой пригласилъ его объяснить.

— Мой другъ, графъ Ксаверій Маржерецкій... — началъ мсьё Лаглуаръ, но его прервали.

— Это тотъ, который изъ крѣпости сосланъ въ провинцію? — спросилъ князь.

— Тотъ самый. Молодой человѣкъ, красавецъ собой, блестяще воспитанъ... аристократъ... послѣдній въ родѣ... огромное состояніе, — началъ излагать, воодушевляясь, мсьё Лаглуаръ.

— Имѣнія его конфискованы,—замѣтилъ князь.

— И ему ихъ никогда не возвратятъ, я слышала это у Коржиныхъ не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ,—подхватила княгиня.

— И что же съ нимъ случилось?—обратился ея мужъ къ Лаглуару.

— Онъ женился въ Одессѣ на особѣ, которую раньше зналъ и любилъ. Она сирота и очень богата, но всѣмъ ея состояніемъ завѣдуетъ опекунъ, и ей теперь надо уничтожить довѣренность, которую она ему дала...

— Ничего нѣтъ легче,—замѣтилъ князь.

— Но есть основаніе предполагать, что ея довѣренностью злоупотребляли, и вообще могутъ встрѣтиться препятствія, однимъ словомъ, графиня желала бы, прежде чѣмъ передать управленіе своимъ состояніемъ въ другія руки, узнать, какъ къ этому отнесется ея бывший опекунъ... Она боится... или, лучше сказать, не она, а я за нее боюсь... и не столько за нее, сколько за ея мужа, который ужъ столько выстрадалъ!.. Здоровье его совсѣмъ разрушено заточеніемъ въ крѣпости... Политическій преступникъ, понимаете, шансы слишкомъ неравны... бороться съ такимъ человѣкомъ, какъ г. Коржинъ...

— Коржинъ? При чемъ же тугъ Коржинъ? — вскричалъ озадаченный князь.

— Да онъ-то и есть опекунъ графини Маржерецкой, рожденной Коржиной,—съ отчаянною рѣшимостью выпалилъ Лаглуаръ.

— Чего же она боится? Я не понимаю, — сказалъ, пожимая плечами, князь.

— А я ее понимаю, — объявила ея жена.—На ея мѣстѣ я бы тоже боялась. Его считаютъ на все способнымъ, этого Коржина.

— Какой вздоръ! Пусть ваша графиня возьметъ другого повѣреннаго, если она не довольна управленіемъ... Какъ ей доводится Коржинъ, дядей?

— Братомъ,—отвѣчалъ Лаглуаръ.—Она дочь третьей жены старика Артемія Коржина, того самаго, котораго прозвали коршуномъ.

Лица его слушателей измѣнились, и они переглянулись между собой. Въ глазахъ княгини выразился испугъ, а мужъ ея, сдвинувъ брови и выпятивъ нижнюю губу, помолчавъ немного, сдержанно замѣтилъ:

— Ваша protégée личность слишкомъ извѣстная, мсье Лаглуаръ, и сомнительно, чтобы вы нашли ей здѣсь покровителей.

— Ваше сіятельство! — вскричалъ внѣ себя отъ волненія Лаглуаръ, — если даже она и дѣйствительно вела себя предосудительно раньше, когда была еще неопытною дѣвочкой, чему я положительно не могу вѣрить, развѣ это даетъ право г. Коржину разорять ее?

— Нисколько, а потому я еще разъ вамъ повторяю, посовѣтуйте ей взять повѣреннаго и дать дѣлу законный ходъ,—холодно

возразилъ князь, поднимаясь съ мѣста и давая этимъ понять, что дальнѣйшую бесѣду на эту тему считаетъ неудобною.

Вотъ что называется фіаско. Полнѣйшее. *Diable, diable!*

И какъ было не предвидѣть этого раньше? Куда дѣлась его пронизательность и знаніе людей, которыми онъ такъ кичился, старый дуракъ! Развѣ можно ждать чего нибудь добраго отъ этихъ бездушныхъ аристократовъ? Какой нибудь мерзавецъ, отвергнутый воздыхатель или, можетъ быть, самъ Коржинъ изъ злобы, досады и зависти пустилъ ложный слухъ, а другіе подхватили и повторяютъ. И всѣ вѣрятъ, не давая себѣ труда узнать—не вранье ли это, измышленное съ преступною цѣлью оклеветать добродѣтель и погубить невинность? О люди! Вездѣ вы одинаково мерзки! Этотъ князь, еслибъ онъ только зналъ, что болтаютъ въ городѣ про него и про его супругу, въ какую бы ярость и негодованіе онъ пришелъ! Онъ тогда отнесся бы, можетъ быть, человѣчнѣе къ тѣмъ, на которыхъ возводятъ небылицы. Но кто же рѣшится ему это сказать,—съ горькою досадою размышляя мсѣ Лаглуаръ на возвратномъ пути въ городъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ безвыходнѣе представлялось ему положеніе его новой знакомой.

Къ довершенію всего, *diable, diable*, обвѣнчана она съ графомъ всего только три недѣли тому назадъ, а при ней ребенокъ... пяти лѣтъ, кажется... и чей—неизвѣстно... и его считаютъ ея сыномъ... Правда, что графъ Ксаверій на это не посмотрѣлъ и далъ ей свое имя... значить, онъ увѣренъ въ ея добродѣтели... Но развѣ великосвѣтскія лицемѣрки захотятъ это понять? Ни за что! У всѣхъ у нихъ есть любовники, всѣ развратничаютъ, но *desoum* строго соблюденъ, а для свѣта ничего больше не требуется. А мужчины—подлецы. Каждый на стѣну полѣзетъ, ни денегъ, ни времени не пожалѣетъ, чтобъ поухаживать за такой красоткой, но, чтобъ явно и благородно за нее вступить, ни одинъ не рѣшится, побоятся Коржина! Трусы, негодяи! Вотъ каковы въ наше время люди! Нѣтъ больше рыцарей, какъ бывало прежде, нѣтъ болѣе защитниковъ сиротъ и угнетенныхъ! Скоро самое воспоминаніе о честныхъ людяхъ исчезнетъ съ лица земли. Вотъ и хлопочи послѣ этого за графиню Маржерецкую... Разумѣется, ничего не выйдетъ...

Тѣмъ не менѣе, проѣзжая мимо дачи знакомаго ему чиновника и завидѣвъ его самого на балконѣ, мсѣ Лаглуаръ вспомнилъ, что этотъ господинъ знаетъ со множествомъ судейскихъ, и, приказавъ остановиться, соскочилъ съ дрожекъ.

— Подожди, я сейчасъ вернусь,—закричалъ онъ княжескому кучеру, растворяя калитку и скрываясь въ густомъ садикѣ.

Съ Петровымъ, маленькимъ, лысымъ человѣчкомъ, съ умнымъ лицомъ, онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей приступилъ къ дѣлу.

— Одной моею знакомой, богатой женщиной, нуженъ повѣренный

по дѣламъ, не можете ли вы мнѣ рекомендовать дѣльнаго человѣка, на котораго можно было бы положиться?—спросилъ онъ у него.

— Повѣренныхъ по Петербургу много шатается, но такихъ, за которыхъ можно было бы поручиться, мало,—отвѣтилъ г. Петровъ.

Однако, не прошло и пяти минутъ, какъ онъ ужъ горячо рекомендовалъ ему Тюбетейкина, который ведетъ дѣла богачей Свибловыхъ, баронессы Брискуль, купцовъ Раздергаевыхъ и многихъ другихъ.

— Человѣкъ умственный, опытный и со связями.

— Моя знакомая желаетъ уничтожить довѣренность, данную своему бывшему опекуну, такъ какъ есть основаніе думать, что онъ злоупотребляетъ этой довѣренностью,—сказала Лаглуаръ.

— Такъ-съ. Это бываетъ-съ,—равнодушно замѣтилъ г. Петровъ.

— Такъ вы думаете, что этотъ вашъ Тюбетейкинъ возьмется за это дѣло.

— Почему же не взяться? Онъ за всякія дѣла берется, которыя выиграть можно, а это суціе лустяки. Каждый день это случается, что довѣренности уничтожаютъ, для этого и повѣреннаго не надо, но, разумѣется, особа женскаго пола ни формъ, ни правилъ, какъ это дѣлается, не знаетъ, а потому лучше будетъ, если она къ знающему человѣку обратится. А особенно, если какъ вы говорите, есть основаніе предполагать какія нибудь мошенничества съ противной стороны. Тутъ придется тяжebное дѣло заводить, а тяжбы, сами знаете, безъ подмазокъ не выигрываются,—прибавилъ онъ, вскидывая пытливый взглядъ на своего собесѣдника.

Мсье Лаглуаръ понималъ значеніе этого взгляда: отъ него ждутъ большей откровенности, и скрытность его наводитъ на подозрѣніе, но ему претило произносить имя графини Маржерецкой и посвящать этого гоцъятъ въ ея дѣла съ г. Коржинымъ, будетъ и того, что теперь про это знаютъ у князя.

Правда, что Тюбетейкину придется все рассказывать и съ самой графиней его познакомить... но люди эти ужъ по профессіи обязаны быть скромными.

— Моя знакомая—женщина съ состояніемъ,—сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста,—передъ издержками на веденіе дѣла дѣла она не остановится, такъ и скажите вашему Тюбетейкину.

— Очень хорошо-съ. Когда же ему къ вамъ объявиться?—спросилъ Петровъ, тоже вставая.

— Я къ вамъ еще разъ заѣду.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—холодно и видимо негодуя на него за недоувѣріе, объявилъ Петровъ.

Лаглуаръ крѣпко пожалъ ему руку и уѣхалъ, довольный тѣмъ, что ему удалось хоть на нѣсколько часовъ сохранить тайну своей protégée.

У князя, послѣ неприятнаго оборота, принятаго разговоромъ, ему

не хотѣлось оставаться обѣдать; свиданіе съ Петровымъ отняло у него всего только полчаса времени, и вечеръ еще не наступалъ, когда дрожки остановились передъ его домомъ. Онъ подумалъ, что ему можно успѣть еще сегодня сдѣлать визитъ графинѣ Маржерецкой, если не ждать, чтобъ поваръ изготовлялъ ему обѣду дома, а поѣсть чего нибудь въ ресторанѣ, и забѣжалъ къ себѣ для того только, чтобъ оправить свой измятый и запыленный костюмъ, да захватить послѣднее письмо графа Ксаверія, то самое, въ которомъ онъ распространялся про ту, что сдѣлалась теперь его женой.

Письмо это надо перечитать. Онъ его только пробѣжалъ тогда и, кромѣ опасности для графа ухудшить свое положеніе ссорами съ вліятельными людьми, ничего въ немъ не понялъ. Боже мой, какъ безсовѣстно сгущалъ онъ тогда краски, передавая ему слухи про ту, которую несчастный Ксаверій любилъ больше жизни! Ему было стыдно про это вспомнить. Она это знаетъ, и все-таки обратилась къ нему за поддержкой! Какое великодушіе! Или лучше сказать, какая увѣренность въ силѣ своихъ правъ и невинности! Одной только добродѣтели присуща такая увѣренность.

Ресторанъ, въ который онъ зашелъ, былъ почти пустъ, и всякому другому напомнили бы, что обѣды подаются здѣсь только до пяти часовъ по полудни, но для мсьё Лаглуара тотчасъ же вызвались принести чашку бульона, котлету съ зеленью и бутылку его любимого вина, а пока все это подогрѣвали и стряпали, онъ сѣлъ къ столу и углубился въ чтеніе принесеннаго изъ дому письма.

Но, увы, чѣмъ больше онъ его читалъ, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что съ г. Коржинымъ не сладить обычнымъ путемъ. Онъ такъ ловко оградилъ себя, что законнымъ образомъ ничего съ него не требуешь.

Первое впечатлѣніе мсьё Лаглуара было правильно: графу Маржерецкому крайне опасно вмѣшиваться въ дѣло Коржина съ сестрой. И оттого, что онъ сдѣлался мужемъ этой послѣдней, положеніе дѣла не улучшилось, скорѣе даже ухудшилось. Ничего не выиграла она оттого, что сдѣлалась законной супругой государственнаго преступника графа Маржерецкаго, чловѣка, стоящаго внѣ закона, котораго при малѣйшемъ подозрѣніи могутъ снова заключить въ крѣпость или сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, не говоря ужъ о томъ, что и возвращеніе ему конфискованныхъ имѣній зависитъ отъ множества случайностей, которыхъ предвидѣть и предотвратить невозможно. Недаромъ также носится въ городѣ слухъ, что имѣнія эти отняты у него навсегда. Княгиня Мезерская слышала это у Коржиныхъ. *Diable, diable!*..

Надо, во что бы то ни стало, все это скорѣе выяснить, рѣшилъ мсьё Лаглуаръ, испуганный не на шутку зловѣщими комбинаціями, возникшими въ его воображеніи, логично цѣпляясь одно за другое, по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ дебри этой мрачной исторіи.

И выяснитъ это слѣдуетъ самому, не довѣряясь никакимъ Тюбетейкинымъ, какъ бы ловки и опытны они ни были. Тутъ не столько ловкость нужна, сколько преданность.

Онъ отправился отыскивать графиню Маржерецкую, провелъ у нея цѣлый вечеръ, ушелъ отъ нея очарованнѣе прежняго и на слѣдующій же день принялся дѣятельно искать случая повидаться съ г. Коржинымъ.

Но достигнуть этого такъ скоро, какъ бы ему хотѣлось, оказалось невозможнымъ. Время было лѣтнее. Леонтій Артемьевичъ пріѣзжалъ въ министерство рѣдко и на короткое время; приходилось искать случая повидаться съ нимъ въ другомъ мѣстѣ, а случай этотъ, какъ на зло, не представлялся.

Каждый почти день заглядывалъ мсьё Лаглуаръ къ своей прогѣе и находилъ ее все въ тѣхъ мысляхъ — скорѣе узнать, какъ отнесется ея бывший опекунъ къ ея требованію получить отчетъ въ управленіи ея состояніемъ, а затѣмъ, сообразно обстоятельствамъ, дѣйствовать, то-есть уничтожить довѣренность, взять управляющаго, самой съ нимъ съѣздить въ принадлежащія ей имѣнія, сообщая съ нимъ устроить и, узнавъ навѣрняка, сколько у сына ея дохода, вернуться въ Одессу.

Отвлекалась она отъ этого плана только заботами о ребенкѣ, который захирѣлъ отъ переменъ климата и новыхъ жизненныхъ условій и приводилъ ее въ отчаяніе блѣдностью, отсутствіемъ аппетита и вялостью. Онъ здѣсь не хотѣлъ ни играть съ другими дѣтьми въ Лѣтнемъ саду, ни гулять съ матерью по улицамъ и безпрестанно спрашивалъ: когда вернуться они домой, къ морю и къ его другу графу?

Невзирая на увѣщанія Демьяновны, не перестававшей ему твердить, что графъ теперь его отецъ, и онъ долженъ звать его папенькой, Свѣтикъ этого новаго родства признавать не хотѣлъ и упорно возражалъ на всѣ эти доводы, что у него одна только мама, а отца нѣтъ.

Катерина Артемьевна улыбалась, прислушиваясь къ этимъ спорамъ между нянькой и ребенкомъ, въ душѣ вполнѣ одобряя послѣдняго. Она чувствуетъ то же самое къ графу, уважаетъ его и безконечно ему благодарна, но ни малѣйшаго желанія сблизиться съ нимъ, какъ съ мужемъ, не ощущаетъ и самую мысль объ этомъ сближеніи гонитъ прочь отъ себя, какъ несносный призракъ.

Впрочемъ, думать о будущемъ ей здѣсь много не приходилось. Она жила въ одномъ городѣ съ Леонтіемъ Артемьевичемъ и каждый день могла его нечаянно встрѣтить на улицѣ — этого убѣжденія достаточно было, чтобъ волновать ей душу самыми противоположными и мучительными чувствами.

Она себя не узнавала съ тѣхъ поръ, какъ была здѣсь и дышала однимъ воздухомъ съ нимъ. Такія дикія мысли лѣзли ей въ голову,

что ей минутами казалось, что она съ ума сходитъ. Точно злой духъ какой-то въ нее вселился и овладѣлъ всѣмъ ея существомъ, сердцемъ и волей, заставляя мыслить и чувствовать наперекоръ совѣсти и разуму.

И наконецъ вотъ до чего дошло: въ одно прекрасное утро, на разсвѣтѣ, послѣ безсонной ночи, она вскочила съ постели, торопливо одѣлась, никѣмъ не замѣченная вышла изъ дому и направилась къ той улицѣ, гдѣ былъ домъ Коржиныхъ. Шла она, какъ во снѣ, не отдавая себѣ отчета, куда и для чего, понуждаемая непреодолимымъ желаніемъ увидѣть Леонтія Артемьевича и высказать ему все, что у нея на душѣ противъ него. Городъ начиналъ пробуждаться, и рѣдкіе прохожіе съ любопытствомъ оглядывались на нарядную молодую барыню, съ блѣднымъ лицомъ и растеряннымъ взглядомъ, торопливо пробиравшуюся по улицамъ и переулкамъ пѣшкомъ и безъ лакея. Ужъ и будочники ее примѣтили и слѣдили за нею на всякій случай, а она шла себѣ да шла, не оглядываясь ни вправо, ни влѣво, и тогда только опомнилась, когда очутилась передъ знакомымъ домомъ, въ который ее привезли послѣ смерти отца и гдѣ она прожила два года въ семьѣ опекуна.

Ворота и ставни были заперты.

Стучать бесполезно, отворить некому, всѣ на дачѣ, домъ пустъ.

И слава Богу, что пустъ! Что сталась бы съ нею, еслибъ вдругъ которое нибудь изъ этихъ оконъ растворилось, и въ немъ показалась бы Марья Алексѣвна...

Отъ одной этой мысли у нея отъ ужаса помутилось въ глазахъ, она невольно отшатнулась въ сторону и, низко опустивъ голову подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей, побрела назадъ.

Дома всѣ еще спали, когда она вернулась, и никто не узналъ про то, что она выходила.

Въ обычный часъ горничная, вошедшая на ея звонокъ въ спальню, нашла барыню, какъ всегда, въ постели, только блѣднѣе обыкновеннаго, можетъ быть, и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, но съ тѣхъ поръ, какъ они здѣсь, люди привыкли ее видѣть въ тревогѣ и волненіи.

За утреннимъ чаемъ она объявила Демьяновнѣ, что хочетъ непременно сегодня же съѣздить къ сестрицѣ Лизаветѣ Артемьевнѣ.

— Все одно да одно, надо же мнѣ наконецъ съ кѣмъ нибудь изъ родныхъ повидаться,—прибавила она, раздражаясь молчаніемъ старухи и угрюмымъ выраженіемъ ея лица.

— Чтожъ, поѣзжай, если ужъ не терпится, а только, по-моему, лучше бы подождать,—проговорила, отвертываясь, Демьяновна.

— Да чего ждать-то?

— Вотъ придетъ вечеромъ Карлъ Маврикіевичъ съ вѣстями, можетъ, хорошими...

— Я поѣду къ сестрицѣ,—объявила ея госпожа.

— И я съ тобой, мама,—умоляюще протянулъ Свѣтикъ.

Она взглянула на Демьяновну, но та продолжала стоять, наступившись и сердито стиснувъ губы.

— Нельзя, голубчикъ, мнѣ надо сначала одной повидаться съ тетенькой, — обратилась Катерина Артемьевна къ ребенку, нѣжно обнимая его.

— Вотъ потому-то я и говорю, что надобно подождать, — не стерпѣла, чтобъ не пробурчать себѣ подъ носъ старуха.

Катерина Артемьевна вспыхнула.

— Ступай за каретой, — приказала она Казимиру, стоявшему въ дверяхъ.

И порывистымъ движеніемъ поднявшись изъ-за стола, она пошла одѣваться.

— Эхъ, головушка горемычная! — съ глубокимъ скорбнымъ вздохомъ послала ей вслѣдъ старая нянька.

XXI.

Катерина Артемьевна не знала навѣрное, гдѣ живетъ сестра. Послѣ свиданія въ Москвѣ онѣ не видѣлись и не переписывались, а по пріѣздѣ сюда ей и въ голову не приходило ее розыскивать, но сегодня ей такъ захотѣлось увидѣть родное лицо, услышать слово привѣтствія и ласки, что оставаться одной съ своими думами и воспоминаніями ей было не подъ силу. Много испытала она горя въ своей жизни, но никогда еще не чувствовала себя подъ гнетомъ такого смертельнаго унынія, какъ въ этотъ день, никогда не признавала себя такой одинокой и безпомощной.

Сестра Лиза была всегда къ ней добра, всегда терпѣливо переносила ея капризы и покорялась ея своеволію, она и теперь отнесется къ ней съ любовью и поддержитъ ее своимъ участіемъ.

Точнаго ея адреса она не знала, но ей помнилось, что Лизавета Артемьевна переѣхала отъ сестры Марѣи къ Невскому монастырю, и едва забѣдились стѣны обители, какъ она приказала ѣхать тише и спрашивать у встрѣчныхъ людей: гдѣ тутъ живетъ барышня Коржина?

Долго не находилось никого, кто бы могъ отвѣтить на ея вопросъ, наконецъ, какая-то баба указала на женщину, повязанную чернымъ платочкомъ, стоящую у калитки огороженнаго заборомъ двора съ домикомъ въ глубинѣ, и объявила, что этотъ домъ, куда черничка идетъ, этой самой Коржинской барышнѣ и принадлежить.

У Катерины Артемьевны забилось отъ радости сердце. Она вышла изъ кареты и, не дозволяя Казимиру за собою слѣдовать, поспѣшно прошла вслѣдъ за черничкой, черезъ калитку, въ довольно обширный дворъ, поросшій травой, съ кое-гдѣ торчащими убогими деревцами.

Тутъ не было ни души, а черничка, низко ей поклонившись,

юркнула куда-то раньше, чѣмъ Катерина Артемьевна успѣла спросить у нея: какъ пройти къ барышнѣ Коржиной? но за то не прошло и минуты, какъ дверь съ крыльца растворилась, и въ нее просунулось знакомое лицо Мароуши, той самой, что ходила за барышней Лизаветой Артемьевной, когда еще старый баринъ былъ живъ.

— Мароуша, сестрица дома?—радостно улыбаясь, спросила по-сѣтительница.

— Катерина Артемьевна!—вскричала, всплескивая руками, внѣ себя отъ изумленія, Мароуша.

— Ты меня узнала?

— Какъ не узнать! Господи Боже мой!.. да какъ же это такъ! Надо барышнѣ сказать...

И она шмыгнула назадъ, затворивъ за собою дверь.

Прошло нѣсколько минутъ, показавшихся цѣлою вѣчностью Катеринѣ Артемьевнѣ. Что это значитъ, что ее такъ долго заставляютъ ждать? почему сестрица не бѣжитъ къ ней навстрѣчу?—спрашивала она себя съ возрастающимъ недоумѣніемъ. А вмѣстѣ съ недоумѣніемъ росло въ ней и чувство обиды. Ей было оскорбительно стоять передъ дверью сестры и ждать, какъ милости, чтобъ ее впустили въ домъ, какъ нищую, явившуюся за подаваніемъ. Но еслибъ она знала, что происходитъ въ эту минуту за этой запертой дверью, она навѣрно убѣждала бы назадъ, не дождавшись приглашенія войти.

Еслибъ Лизаветѣ Артемьевнѣ пришли доложить, что привидѣніе съ того свѣта желаетъ ее видѣть, она, кажется, меньше бы испугалась, чѣмъ при извѣстіи о приѣздѣ сестры Кати.

Какъ угорѣлая, бѣгала она по комнатѣ, схвативъ себя за голову и растерянно повторяя:—Откуда? Зачѣмъ? Что ей надо? Какъ быть? Что скажетъ братецъ Леонтій Артемьевичъ?

А окружающія ее женщины и дѣвки изъ двора, приживалки, богомолки, юродивыя и странницы съ улицы и съ церковныхъ папертей, которыми постоянно былъ биткомъ набитъ ея домъ, вздыхая и крестясь, шептали заклинанія, какъ отъ бѣсовскаго нашествія. Наконецъ, Мароуша рѣшительно выступила впередъ и объявила, что нельзя заставлять сестрицу ждать на дворѣ, какъ проходимку какую, а пожаловала, такъ ужъ надо ее принять и угостить по-родственному.

— А братецъ-то, братецъ-то что скажетъ, какъ узнаетъ, что я съ ней вижу?—вскричала барышня.

— Да ужъ что-бъ онъ ни сказалъ, а не принять ихъ вашей милости никакъ невозможно,—стояла на своемъ Мароушка, раскормленная толстуха лѣтъ сорока, съ румянымъ лицомъ и ласковыми глазами.

— Ты думаешь нельзя не принять?

— Нельзя, сударыня, родная вѣдь она вамъ сестрица.

— Правда... правда... А только... Она не жить къ намъ пріѣхала? нѣтъ?—дрогнувшимъ голосомъ спросила Лизавета Артемьевна, боязливо озираясь по сторонамъ.

— Зачѣмъ жить, сударыня? Просто пріѣхали васъ навѣстить.

— А вдругъ Леонтій пріѣдетъ да увидитъ ее у насъ?

— Леонтій Артемьевичъ недавно у насъ были, съ какой стати имъ сегодня опять пріѣзжать.

— А знаетъ онъ, что она здѣсь? Ты бы спросила у нея... Пожалуйста, Мароуша, спроси!—умоляюще протянула она.

Мароуша наконецъ вышла изъ терпѣнія.

— Да полно вамъ робѣть, сударыня, не маленькія, слава Богу!

Слова эти, произнесенныя строгимъ тономъ, подѣйствовали, какъ нельзя лучше.

— Ну, пусть придетъ, скажи, что я прошу ее войти.

— А вы, сударыня, приберитесь маленько, мантилью надѣньте, да хоть кружева на голову извольте накинуть. Сестрица давно васъ не видѣла, испужаться могутъ.

Мароуша была права, Катерина Артемьевна испугалась, увидавши сестру, но ее не столько поразила перемѣна въ ея наружности, сѣдые волосы, морщины и болѣзненный цвѣтъ лица, сколько недовѣрчивость, почти враждебность, выражавшаяся въ каждомъ ея взглядѣ и движеніи.

Почти тотчасъ, не давъ ей опомниться, не давъ ей ничего о себѣ сказать, заговорила Лизавета Артемьевна о братцѣ Леонтіи.

— Онъ, знаете, не любитъ, чтобъ ко мнѣ ходили гости... Да и правда, зачѣмъ? Сплетни расплывать, чтобъ судили да рядили, зачѣмъ я такъ живу, а не этакъ... Невпримѣръ лучше съ чужими не знаться... Если что нужно—у меня братецъ есть, онъ лучше всякаго сумѣетъ все обмыслить и устроить, его и важные сановники слушаются, противъ него никто не рѣшится идти, всѣмъ его разумъ извѣстенъ... И совсѣмъ покойна съ тѣхъ поръ, какъ предоставила ему все мое состояніе... Онъ лучше меня знаетъ, что мнѣ нужно. Что я въ дѣлахъ понимаю? меня всякій провести можетъ,—нескладно и сбивчиво, какъ заученный урокъ, проговорила она глухимъ голосомъ, вскидывая исподлобья испуганный взглядъ на посѣтительницу.

— Такъ ты въ дружбѣ съ братомъ Леонтіемъ?—спросила дрогнувшимъ голосомъ эта послѣдняя.

— Съ братцемъ Леонтіемъ Артемьевичемъ? О, да, разумѣется, я съ нимъ дружна,—подхватила съ живостью Лизавета Артемьевна.—Онъ мой благодѣтель... я безъ него бы пропала... Да съ нимъ всѣ дружны... онъ всѣмъ нуженъ...

И вдругъ лицо ея исказилось ужасомъ.

— Да ты это съ чего? Развѣ тебѣ сказалъ кто нибудь, что я

имъ недовольна, что я на него ропщу? Это не правда... ты не вѣрь... ради Бога не вѣрь... это злодѣи мои выдумываютъ, чтобъ насъ поссорить...

И попавъ на свой пунктикъ, несчастная никогда бы съ него не соскочила, еслибъ не вмѣшалась въ разговоръ Мароуша.

— Да полно вамъ, сударыня, пустяковиной-то сестрицу занимать. Присѣсть бы вы ихъ попросили, да о здоровьѣ ихъ спросили, и по какой причинѣ къ намъ въ Питеръ пожаловали, — проговорила она съ настойчивою твердостью, которой ея барышня, какъ видно, привыкла безропотно повиноваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно подмигивая гостьѣ, она дотронулась до своего лба, давая этимъ понять, что у ея госпожи умъ въ разстройствѣ.

А Катерина Артемьевна ѣхала сюда, чтобъ найти духовную поддержку своимъ изнемогающимъ нравственнымъ силамъ! Она воображала, что ей можно будетъ поговорить по душѣ съ сестрой, что она поможетъ ей разобраться въ хаосѣ мучительныхъ чувствъ, терзавшихъ ей душу! И вмѣсто того она нашла полумное существо, нуждающееся, можетъ быть, больше, чѣмъ она, въ поддержкѣ и участіи.

— Почему она такая? Кто ее до этого довелъ? Леонтіи? — спросила она у Мароуши, которая вышла проводить ее до кареты.

Изъ опасенія, чтобъ ихъ не подслушали, она заговорила только тогда, когда они перешли дворъ и вышли на улицу, кругомъ не было ни души, но Мароуша, потупившись, молчала.

— Говори, я тебя не выдамъ. Кто ее до этого довелъ? Леонтіи? — повторила свой вопросъ Катерина Артемьевна.

Мароуша кинулась цѣловать ея руки.

— Матушка, барышня, ужъ такъ мы напужаны, такъ напужаны!.. вѣдь они у насъ барышню-то совсѣмъ сповили!..

Голосъ ея порвался отъ рыданій.

У Катерины Артемьевны морозъ пробѣжалъ по тѣлу. Такъ вотъ онъ на что способенъ! А она воображала, что хорошо его знаетъ!

Мароуша же, точно угадывая ея мысли, продолжала задыхающимся отъ волненія шопотомъ: — Какъ отказала барышня жениху, да поссорившись съ сестрицей Марою Артемьевной, переѣхала на отдѣльную квартиру, тутъ на насъ Леонтіи Артемьевичъ и насѣлъ. Сталь ѣздить кажинный день, да цѣлыми корзинами сластей да вивъ привозить, а разговорами-то ее все разстроиваетъ да пугаетъ. «И какъ ты, говорить, одна, и долго ли тебя обобратъ, законовъ ты, говорить, не знаешь, еще, пожалуй, такое подпашешь, что и въ Сибирь угодишь». Ну, она ему довѣренность на все и дала. Но ему этого мало, и все онъ округъ насъ кружить, все кружить, да норовить пріѣхать все на ночь. До утра, бывало, послѣ него не заснуть. Ну, вотъ тутъ, отъ безсонницы, барышня и стала випо кушать, да и привыкла. Теперь, не выпивши, въ постель и не ложится. А какъ хмель-то сойдетъ, стыдно имъ станетъ да тоскливо, и опять выпь-

еть съ горя, такъ и пошло, дальше да дальше, теперича тверезая, почитай, что никогда и не бываетъ. А все онъ... Людямъ-то и не въ домекъ кто всему причиною, ну, а я-то знаю, все знаю, при миѣ все дѣлалось. И вотъ, какъ передъ Богомъ, готова подь присягой сказать: стараго барина у насъ звѣремъ считали, коршуномъ народъ его прозвалъ... ну, а этотъ хуже... Сколько народу на своемъ вѣку погубилъ, страсть! Какъ есть злодѣй... ни жалости въ немъ, ни совѣсти, ни Бога не боится, ни людей...

И вдругъ, спохватившись, что она разоткровенничалась съ той, которая, можетъ быть, покрѣче другихъ связана судьбой съ ихъ злодѣемъ, Мароуша смолкла на полусловѣ и устремила умоляющій взглядъ на свою слушательницу.

— Не бойся, я тебя не выдамъ,—поспѣшила ее уснокоить Катерина Артемьевна.

Казимирка, завидѣвъ свою барыню изъ переулка, гдѣ каретѣ приказано было ждать, вышелъ къ ней на встрѣчу, и она стала торопливо прощаться со своей спутницей.

— Не унывай... можетъ, Господь и смилуеться... И не давай ты ее, ради Бога, никому въ обиду, я тебя за это не оставлю,—проговорила она ей на ухо, въ то время, какъ Мароуша, бормоча сквозь слезы клятвенныя увѣренія, цѣловала ея руки.

— А вы, сударыня, къ намъ опять заглянете?

— Пріѣду, непременно пріѣду.

Она сѣла въ карету и уѣхала. А Мароуша вернулась домой совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа, чѣмъ когда вышла. Она чувствовала себя бодрѣе, точно и въ самомъ дѣлѣ нашла защиту отъ ихъ властителя и притѣснителя; проблески радужныхъ надеждъ замелькали въ окружающемъ ихъ духовномъ мракѣ. Барышня Катерина Артемьевна никогда не была изъ трусливыхъ, можетъ, она и въ самомъ дѣлѣ за нихъ вступится... У нея слезы навернулись на глазахъ отъ жалости, глядя на сестрицу... А ее Мароутку, какъ она крѣпко поцѣловала на прощаніе, не какъ холопку, а какъ родную!.. А какая красавица! И какъ богато одѣта... Лакей величаетъ ее сіятельствомъ... Замужъ, вѣрно, за князя либо за графа вышла... Надо бы все это разспросить, да не до того было... И какъ никакъ, а Леонтію Артемьевичу все-таки надо сегодня же безпремѣнно донести про все, чтобъ, Боже упаси, черезъ другихъ не узналъ!.. Шпіоновъ-то у нихъ въ домѣ не мало... Мигомъ донесутъ, чтобъ подслужиться, и тогда бѣда! До смерти запороть, въ дальнюю деревню сослать—ему ничего не стоитъ...

И не теряя времени, она стала проситься у барышни отлучиться на вечерокъ по дѣлу.

— А я хотѣла тебя къ братцу Леонтію Артемьевичу послать,—сказала барышня, все еще не успокоившаяся послѣ неожиданнаго посѣщенія.

— Извольте посылать, я свое дѣло отложу до другого дня,— отвѣчала Мароуша, которая тотчасъ же догадалась, что онѣ сошлись въ мысляхъ.

— Да, ужъ ты, пожалуйста, дѣло свое отложи, это нужнѣе... надо братцу сказать про то, что Катя у насъ была, чтобъ не подумалъ, что мы ее зазвали... Ты ему объясни, что мы и не знали... врасплохъ она насъ застала, не могли мы ее не принять...

— Да какъ же было не принять-то?..

— Ну, да. И объясни ты ему, ради Бога, что она всего только минуточку у насъ пробыла, даже не сядила, и ни про что я съ ней не говорила...

— Все скажу, не извольте беспокоиться.

— Да не забудь узнать, какъ намъ впередъ съ нею быть, если еще вздумаетъ прѣхать.

— И это узнаю, ужъ вы меня не учите, какъ съ ними разговаривать, слава Богу, не въ первый разъ.

— А если станеть про нее спрашивать, скажи, что мы ничего не знаемъ.

— Да мы и не знаемъ.

— Ну, да, а знали бы что—сказали бы. Ничего нельзя отъ брата Леонтія Артемьевича скрывать, надо все, все ему говорить, какъ на духу священнику,—продолжала она съ возрастающимъ волненіемъ, понижая голосъ и боязливо оглядываясь по сторонамъ,— онъ нашъ благодѣтель... мы бы безъ него пропали.

— Да ужъ знаю, зачѣмъ вы себя мыслями разстраиваете, накушайте-ка лучше чаю съ вареньемъ да сядьте съ Ефимовной въ дурачки поиграть, а я поѣду... Къ вечернѣ заблаговѣстили, дай Богъ къ ночи-то оборотиться.

— Ты у попа лошадку возьмешь?

— У попа.

— А гостинца мнѣ привезешь?

— Безпремѣнно привезу. Хорошенькихъ пряничковъ да винца бутылочку французскаго.

У барышни загорѣлись радостно глаза.

— У брата Леонтія Артемьевича выпросишь?

— У него. Онъ безъ гостинца не отпустить.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ¹⁾.

VII.

Мое возвращеніе въ Петербургъ въ 1843 году.—Казенная служба вообще и инженерная въ частности въ то время.—Доносъ на инженеровъ.—Государь Николай Павловичъ и Н. И. Денъ.—Случай въ Новогеоргиевскѣ.—Вторичное вступленіе въ службу.—Командировка изъ Москвы въ Петербургъ для постройки капсюльнаго завода.—Странный сюрриризь.—Высочайше утвержденный проектъ и его составители.—Трудности выполненія его и переписка съ департаментомъ военныхъ поселеній.—Дюймъ въ дюймъ, но безъ отвѣтственности.—Производство работъ и прїѣздъ Фалиса.—Опять затрудненія.—Личныя объясненія въ департаментъ и неожиданный результатъ ихъ.—Сдача построекъ и денежные итоги.—Докладъ департамента военному министру князю Чернышову.—Разслѣдованіе дѣла по особому порученію военного министра полковникомъ Глинкою.—Первое свиданіе съ нимъ.—По документамъ.—На чистую воду.—Награда.—Моя болѣзнь.

ПРИБЪХАЛЪ въ Петербургъ въ 1843 году съ твердымъ намѣреніемъ не вступать болѣе на службу въ инженерный корпусъ, если къ тому не принудитъ меня крайняя необходимость. Я видѣлъ всю неблагодарность этой службы, всю незавидность положенія въ будущемъ. Нельзя было и думать объ обезпеченіи себя впослѣдствіи, не отступая отъ честныхъ правилъ, съ которыми, по моему взгляду на жизнь, мнѣ было слишкомъ трудно разставаться. Впрочемъ, правду сказать, въ то время на пріобрѣтеніе состоянія на счетъ казны или не совсѣмъ правильнымъ путемъ смотрѣли далеко не такъ строго, какъ нынѣ: все пользовались, кто только могъ. Правительство

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 30.

очень хорошо знало это, и если подобныя выгоды были не слишкомъ осязательны, то не препятствовало имъ и даже само какъ бы подавало поводъ, зная, что хорошо служащихъ и дѣльныхъ людей оно вознаграждаетъ очень скудно; правительство чувствовало, что получаемымъ отъ казны содержаніемъ нельзя жить хоть сколько нибудь прилично. Разительный примѣръ тому, какъ снисходительно смотрѣлъ на неправильный, въ сущности, доходъ даже самъ покойный государь Николай Павловичъ,—виденъ изъ слѣдующаго положительно вѣрнаго факта.

Послѣ возстанія 1830 года и умиротворенія поляковъ, въ царствѣ Польскомъ предприняты были грандіозныя инженерныя работы. Въ Варшавѣ строили Александровскую цитадель, и такимъ образомъ, что въ случаѣ новаго возстанія бомбардировка изъ орудій съ валовъ ея уничтожила бы городъ Варшаву въ 24 часа. Новогеоргіевская крѣпость, громадное сооруженіе, строилась съ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ правилъ и съ вновь изобрѣтенными приспособленіями, оказавшимися полезными по наукѣ и на практикѣ. Крѣпости Брестъ-Литовскъ и Замостье укрѣплялись сильнѣе и болѣе соотвѣтственно требованіямъ. Строилась новая крѣпость Иванъ-городъ, предполагалась еще другая крѣпость Жванецъ, около Хотина... Всѣ эти громадныя работы требовали много знающихъ, толковыхъ и усердныхъ исполнителей. Генераль Денъ понималъ это очень хорошо, но былъ увѣренъ, что не въ состояніи осуществить предположеній государя и исполнить порученіе, данное ему, какъ главному начальнику инженеровъ царства Польскаго. Онъ зналъ, что производство работъ отчетливое, прочное и съ полнымъ знаніемъ дѣла возможно лишь съ хорошими исполнителями утвержденныхъ предположеній. А такимъ людямъ, при весьма серьезныхъ и отвѣтственныхъ работахъ, требовавшихъ постояннаго и самаго бдительнаго вниманія и самаго энергичнаго распоряженія, необходимо было дать средства, чтобы матеріальная жизнь ихъ была совершенно обезпечена и ихъ не тревожила бы мысль о содержаніи себя и семейства; напротивъ, имъ слѣдовало дать всевозможныя средства жить хорошо и даже съ комфортомъ, дабы именно этотъ комфортъ служилъ имъ отдыхомъ и отрадою послѣ тяжкихъ трудовъ. Поэтому генераль Денъ нисколько не противился, если 10 или въ иныхъ случаяхъ 12% отъ общей подрядной суммы, по уговору съ подрядчиками, удерживались въ пользу строителей, и затѣмъ эти удержанныя деньги раздавались офицерамъ сообразно трудамъ и пользѣ, которую каждый приносилъ дѣлу своею распорядительностью и знаніемъ. Къ этому надо прибавить, что подрядчики съ большимъ удовольствіемъ соглашались на подобную уступку, всегда увѣренные въ томъ, что заинтересованный строитель употребитъ все свое усердіе, чтобы работы были произведены прочно, согласно съ предположеніями и къ назначенному сроку. Послѣднее обстоятельство для подрядчика также очень

важно, потому что въ такомъ случаѣ онъ получаетъ заработанныя деньги въ срокъ и самъ можетъ своевременно расплачиваться сполна и не терпѣть убытковъ отъ проволочекъ.

Государь Николай I пріѣхалъ въ Варшаву, посѣтилъ цитадель, былъ проѣздомъ въ Брестъ-Литовскъ, въ Иванъ-городъ, въ Ново-георгіевскъ и остался чрезвычайно доволенъ какъ самымъ производствомъ работъ, такъ и успѣшнымъ выполненіемъ всѣхъ его предначертаній къ назначенному времени. Онъ всегда умѣлъ цѣнить дѣйствительный трудъ и знаніе, а также распорядительность Дена, хотя и не знаменитаго инженера, но имѣвшаго великій даръ выбрать дѣльныхъ людей и поставить ихъ именно туда, гдѣ они приносили громадную пользу своими познаніями и неусыпнымъ усердіемъ.

Инженеры, получая большія субсидіи, жили хорошо. Зависть смотрѣла косо на это, и нашлись люди, которые передали прямо въ руки покойному государю доносъ, въ которомъ значилось, что Денъ получилъ въ этомъ году столько-то, такой-то генераль столько-то, однимъ словомъ, подробный списокъ всѣмъ вообще инженерамъ, которые, съ вѣдома Дена, получали отъ работъ субсидіи, въ общемъ итогѣ составлявшія довольно круглую сумму. Государь послалъ за Деномъ и, когда тотъ прибылъ, принялъ его у себя въ кабинетѣ. Государь подаль Дену этотъ доносъ и сказалъ:

— На-ка, прочти это, Иванъ Ивановичъ.

Денъ взялъ доносъ, очень хладнокровно прочелъ его и, возвращая его государю, сказалъ:

— Ваше величество, это не совсѣмъ вѣрно.

— Какъ такъ?—спросилъ государь.

— Да такъ,—отвѣчалъ Денъ.—Здѣсь показано мало, на этотъ предметъ израсходовано гораздо больше.

— Какъ это?—снова спросилъ государь.

— Да неужели же вы, ваше величество, сами хорошо зная, что значатъ инженерныя постройки, могли полагать, что я былъ бы въ состояніи производить всѣ эти обширныя работы такъ успѣшно, прочно, красиво и своевременно, если бы не давалъ большихъ денежныхъ наградъ тѣмъ лицамъ, которыя съ утренней зарей начинаютъ свой трудъ, подчасъ не успѣваютъ выспаться и очень часто даже поѣсть во время? Неужели за жалованье въ 400—600 рублей можно заставить этихъ тружениковъ принимать на себя такую громадную отвѣтственность въ виду всей Россіи, скажу болѣе—всей Европы? Наши работы безпримѣрны: нигдѣ, никогда и никѣмъ не производились такія громадныя работы. На насъ весь свѣтъ смотритъ, а я стану на исполненіе этой сложной задачи смотрѣть съ расчетомъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ! Было бы грѣшно, была бы горькая, непростительная ошибка съ моей стороны въ такую важную минуту останавливаться передъ деньгами, чтобы вознаграждать дѣйствительно полезный и тяжкій трудъ. Тѣмъ болѣе, ваше вели-

чество, что послѣ всѣхъ возможныхъ повѣрокъ какъ въ округѣ, такъ и въ инженерномъ департаментѣ представляемыхъ смѣтъ мы получаемъ уже свѣдѣнія, какая сумма назначена правительствомъ на производство работъ, значить, правительство уже готово на эту издержку. Затѣмъ, мы производимъ торги, которые рѣдко не приносятъ 15—20, а иногда 30⁰/₀,—это чистая выгода казнѣ. Сверхъ того, рѣдкая работа не принесетъ казнѣ экономіи еще до 5⁰/₀ послѣ всѣхъ расходовъ и издержекъ, несмотря на уменьшенныя торгами цѣны. Что же болѣе можетъ требовать казна отъ насъ? А если бы мы не принесли и ¹/₁₀ этой выгоды, никто насъ и упрекнуть не имѣлъ бы права. Но если еще за всѣмъ этимъ, по уговору съ подрядчиками и вслѣдствіе особыхъ трудовъ и особаго вниманія, производители работъ умѣютъ удѣлить въ свою пользу 10 и 12⁰/₀, кто можетъ имъ это поставить въ упрекъ? Вотъ изъ этихъ-то денегъ я получаю обыкновенно 4 или 5⁰/₀, а остальные 6 или 7⁰/₀ идутъ на всѣхъ лицъ, участвующихъ въ работахъ. Если ваше величество за это хотите покарать меня, то я долженъ тотчасъ отказаться отъ всего и дамъ вамъ честное слово, что только при такомъ взглядѣ на это дѣло оно можетъ идти хорошо и успѣшно, а во всякомъ другомъ изворотѣ падетъ и падетъ невозвратно.

На это государь сказалъ:

— Въ твоемъ отвѣтѣ много правды. Я согласенъ. Впрочемъ, отдаю все на твою совѣсть, дѣлай, какъ знаешь, лишь бы работы шли такъ хорошо, какъ до сихъ поръ, а о прочемъ не хлопочи. Я понимаю тебя вполне, и все останется между нами.

Вскорѣ послѣ этого разговора государь былъ въ Новогеоргіевскѣ и, идя по валу крѣпости, хвалилъ работы. Кто-то изъ свиты его замѣтилъ: «Положимъ, работы превосходныя; да что стоятъ эти работы?» Услышавъ это, государь сказалъ:

— Что эти работы стоятъ, знаютъ Богъ, я и Иванъ Ивановичъ Денъ, а болѣе никому и знать не надо.—Всѣ прикусили языкъ.

Для пріисканія себѣ мѣста я всюду бросался. Но тогда, чтобы получить мѣсто въ какомъ либо вѣдомствѣ, необходимо было заплатить тѣмъ господамъ, которые доставятъ мѣсто,— и чѣмъ лучше мѣсто, тѣмъ дороже. Взятничество было совершенно открытое, никто не стѣснялся, а такъ какъ по полученіи мѣста возвратъ издержанной на взятки суммы основывался опять-таки на взяточничествѣ моемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я служилъ бы, то это сильно меня отталкивало, да и денегъ не было у меня лишнихъ. Такимъ образомъ я прожилъ въ Петербургѣ мѣсяца четыре и ничего не добился. Былъ я однажды у фонъ-Цурмиллена¹⁾, и онъ спросилъ меня, не желаю ли я вступить въ корпусъ инженеровъ военныхъ

¹⁾ Андрей Андреевичъ фонъ-Цурмилленъ въ то время командовалъ лейб-гвардіи сапернымъ баталіономъ.

поселеній. Такъ какъ я ничего другого пока не имѣлъ въ виду и только понапрасну проживался въ Петербургѣ, то согласился. Цурмилленъ переговорилъ съ Витовтовымъ ¹⁾, и они вмѣстѣ поѣхали къ генераль-лейтенанту барону Николаю Ивановичу Корфу, бывшему тогда директоромъ департамента военныхъ поселеній. Ему нужны были хорошіе инженерные офицеры; онъ тотчасъ согласился на ихъ просьбу обо мнѣ и черезъ нихъ приказалъ мнѣ явиться къ нему. Я представился барону Корфу, который принялъ меня очень ласково и исполнилъ мое желаніе опредѣлиться во II округъ корпуса инженеровъ военныхъ поселеній въ Москву.

Я поступилъ на службу 18-го февраля 1844 года и уже въ маѣ мѣсяцѣ того же года въ Москвѣ получилъ предписаніе изъ департамента военныхъ поселеній немедленно прибыть въ Петербургъ для исполненія особаго возлагаемаго на меня порученія, но какого — о томъ не говорилось. Снова пріѣхалъ я въ Петербургъ и явился къ Корфу, который объявилъ мнѣ, что по высочайшему повелѣнію за Охтенскими пороховыми заводами долженъ быть построенъ капсюльный заводъ для выдѣлки капсюлей къ вновь передѣлываемымъ на всю армію ружьямъ; проекты и смѣты уже готовы, высочайше утверждены, деньги назначены, всѣ планы и проекты будутъ мнѣ переданы изъ особо назначеннаго для постройки капсюльнаго завода комитета подъ предѣлительствомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія генераль-лейтенанта Андрея Даниловича Ротмана, къ которому я долженъ явиться. По полученіи всѣхъ плановъ и проектовъ, мнѣ приказано было разсмотрѣть ихъ и какъ можно скорѣе приступить къ работамъ, такъ какъ всѣ работы непременно должны были быть окончены къ 1-му октября сего же года, потому что къ этому числу ожидали въ Петербургъ бельгійскаго подданнаго Фалиса съ необходимыми машинами для установки ихъ въ капсюльномъ заводѣ. Я явился къ генералу Ротману, котораго зналъ еще въ институтѣ корпуса путей сообщенія, гдѣ онъ служилъ при мнѣ майоромъ и учителемъ рисованія и черченія. Онъ принялъ меня очень ласково. По его указанію, заѣхалъ въ комитетъ, получилъ планы и проекты и затѣмъ отправился на пороховой заводъ.

Мнѣ указали мѣсто, гдѣ предположено было построить капсюльный заводъ, смотрю — на этомъ мѣстѣ растетъ густой сосновый лѣсъ. Мнѣ показалось это нѣсколько страннымъ: соображаю слова барона Корфа «приступить какъ можно скорѣе къ работамъ», — а тутъ лѣсъ. Это какъ-то несомвѣстимо...

Я съ завода прямо поѣхалъ къ Корфу и говорю ему, что, по его словамъ, работы должны быть спѣшныя... — «Да, очень спѣшныя», перебиваетъ онъ меня. — «А между тѣмъ къ работамъ приступить нельзя», — говорю я ему.

¹⁾ Генераль-адъютантъ Павелъ Александровичъ Витовтовъ былъ тогда начальникомъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. В. Ж.

Онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ и спросилъ: «это почему?».

— Да потому, ваше превосходительство, что на мѣстѣ, гдѣ предположено построить капсюльный заводъ, растетъ огромный, густой лѣсъ...

— Какой лѣсъ? Кто вамъ сказалъ? Тамъ чистое мѣсто.

Я отвѣтилъ, что самъ былъ на мѣстѣ и видѣлъ, что тамъ растетъ лѣсъ. Старикъ встрепенулся, послалъ за начальникомъ отдѣленія проектовъ и смѣтъ подполковникомъ Павловскимъ¹⁾. Баронъ передалъ ему, что я видѣлъ, и говорить:

— Какимъ же образомъ до сихъ поръ объ этомъ лѣсѣ ничего не было извѣстно?

Павловскій отвѣтилъ, что этого быть не можетъ. Я сказалъ ему, что лично былъ на мѣстѣ, на которомъ предположена постройка капсюльнаго завода, и самъ видѣлъ тамъ густой лѣсъ, до срубки котораго и выкорчеванія корней къ работѣ приступлено быть не можетъ. Пошла кутерьма. Мнѣ сказали, чтобы я пришелъ на слѣдующее утро.

Когда въ первый разъ я былъ у барона Корфа, то засталъ у него отставнаго генераль-майора барона Федора Федоровича Розена, «кривошейку», котораго я зналъ еще въ институтѣ корпуса путей сообщенія. Баронъ Корфъ отрекомендовалъ мнѣ его, какъ подрядчика, взявшаго на себя постройку капсюльнаго завода. Розень во всѣхъ отношеніяхъ былъ отличный человѣкъ, хорошо образованный, дѣльный и благородный. Отъ барона Корфа я поѣхалъ къ нему и рассказалъ о лѣсѣ на мѣстѣ будущаго завода. Я посоветовалъ ему тотчасъ съѣздить къ Корфу и предложить свои услуги вырубить лѣсъ и выкорчевать пни въ три недѣли, если ему уступятъ этотъ лѣсъ, не требуя за это никакой платы. Судя по настоящему положенію дѣла, можно было съ увѣренностью предсказать разрѣшеніе приступить немедленно къ рубкѣ лѣса на вышеизложенныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что краткость времени, назначеннаго на постройку всѣхъ строеній, должна была вынудить департаментъ военныхъ поселеній на все согласиться, лишь бы успѣть окончить постройки. Розень тотчасъ поѣхалъ къ Корфу, и дѣло уладилось совершенно такъ, какъ я предполагалъ. Розень, конечно, былъ очень доволенъ, такъ какъ операція оказалась весьма выгодною. Послѣ обѣда мы съ нимъ поѣхали на мѣсто, обсудили дѣло, опредѣлили необходимое

¹⁾ «Павловскій—бездарный, пустой человѣкъ, не имѣвшій никакого понятія о строительномъ искусствѣ, необразованный, взяточникъ — родной младшій братъ Павла Михайловича Павловскаго, окружнаго командира Херсонскаго округа и строителя Севастополя. Евграфъ Михайловичъ Павловскій служилъ въ артиллеріи; выпущенный изъ какого-то корпуса, онъ, Богъ знаетъ какимъ образомъ, былъ переведенъ въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній и назначенъ начальникомъ отдѣленія проектовъ и смѣтъ».

количество рабочихъ, и уже на другой день лѣсъ приняли въ топоры, работа закипѣла.

Между тѣмъ я разсмотрѣлъ переданные мнѣ смѣты и планы и нашелъ ихъ совершенно несообразными съ требованіями Фалиса. По проектамъ, присланнымъ Фалисомъ, всѣ машины для выдѣлки капсулей должны были быть приспособлены въ деревянномъ строеніи, по проекту же департамента военныхъ поселеній онѣ должны были быть приспособлены въ каменномъ строеніи. При этомъ совершенно упустили изъ виду, что стѣны деревяннаго строенія имѣютъ толщину въ 6 вершковъ, а ихъ каменное строеніе — одинъ аршинъ. Ясно, что такимъ образомъ всѣ комнаты уменьшились, и всѣ машины, которыя привезетъ Фалисъ, должны были не помѣститься въ каменномъ зданіи. Это обстоятельство и многія другія упущенія я изложилъ въ особой докладной запискѣ, поданной при рапортѣ въ комитетъ, и представилъ 28 пунктовъ, по которымъ считалъ проектированныя постройки для капсульнаго завода не соответствующими предположенной цѣли и прямо указалъ, что проекты похожи на казарму, но отнюдь не на заводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предложилъ: по подробномъ разсмотрѣніи проектовъ и плановъ я совершенно убѣжденъ, что при существующихъ данныхъ бельгіецъ Фалисъ не будетъ въ состояніи приспособить свои машины ко вновь возводимому строенію; такъ какъ вырубка и корчеваніе лѣса непрерывно продолжатся три недѣли, то было бы весьма рационально на это короткое время откомандировать меня въ Бельгію, гдѣ я могъ бы осмотрѣть заведеніе г. Фалиса, узнать всѣ его требованія, окончательно съ нимъ уговориться, — и тогда я могъ бы быть увѣренъ, что постройки произведутся правильно и безошибочно. Въ этомъ мнѣ отказали, мои возраженія оставили безъ вниманія и предписали производить работы по выданнымъ мнѣ планамъ. Несмотря на это, я вторично подалъ въ комитетъ рапортъ о томъ, чтобы на время производства работъ прикомандировали только-что возвратившагося изъ-за границы и видѣвшаго все устройство капсульнаго заведенія г. Фалиса лейбъ-гвардіи конной артиллеріи капитана Лихачева, дабы онъ могъ указать, что необходимо при постройкѣ этого заведенія. И въ этомъ отказали и повторили, чтобы производить работы по даннымъ мнѣ смѣтамъ и планамъ. Тогда я въ третій разъ подалъ рапортъ, которымъ предупредилъ, что дюймъ въ дюймъ произведу работы по полученнымъ мною планамъ и смѣтамъ, но затѣмъ отрекаюсь отъ всякой отвѣтственности, если вновь построенное зданіе не будетъ соответствовать требованіямъ г. Фалиса при установкѣ имъ привезенныхъ готовыхъ машинъ. Баронъ Розенъ работалъ усиленно, такъ что вырубку лѣса и выкорчеваніе пней окончилъ въ первыхъ числахъ іюля.

8-го іюля я пригласилъ барона Корфа, генерала Ротмана и нѣкоторыхъ другихъ лицъ для присутствованія при закладкѣ строеній

каковыхъ предстояло возвести 4 каменныхъ и 5 деревянныхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,—задача довольно трудная, но я надѣялся успѣть при усиленной работѣ, если только не будетъ замедленія въ доставкѣ матеріаловъ и рабочихъ. По вырубкѣ лѣса, посреди очищенной отъ деревьевъ площади оказалась глубокая рытвина съ потокомъ воды, что въ проектѣ не было показано, и поэтому общее расположеніе всѣхъ строеній, по необходимости, должно было измѣниться противъ имѣющагося плана. Нѣкоторыя строенія необходимо было отодвинуть; одинъ конецъ главнаго строенія приходился надъ зыбкимъ болотомъ, поэтому подъ фундаментъ зданія нужно было вбивать сваи; черезъ рытвину пришлось перекинуть два деревянныхъ мостика. Всѣ эти дополнительные работы не были обозначены въ проектахъ. Мнѣ пришлось поэтому составить новый планъ съ показаніемъ рытвины и вновь предполагаемаго расположенія строеній. Эти затрудненія и замедленія, однако, нисколько не останавливали хода работъ: я продолжалъ работать усиленно, несмотря даже на то, что лѣто было очень дождливое (только 70 дней безъ дождя), и пришлось даже крыши крыть желѣзомъ подъ дождемъ. Самъ я поселился въ слободкѣ за пороховымъ заводомъ у поселеннаго солдата. Довольно часто я бывалъ у начальника пороховыхъ заводовъ генерала Синельникова и у другихъ знакомыхъ и родныхъ. Не забывали и они меня. Такъ въ одинъ прекрасный день Константинъ Карловичъ¹⁾ съ товарищами своими, подпоручикомъ гвардейскаго генеральнаго штаба графомъ Теодоромъ Логгиновичемъ Гейденомъ²⁾ и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручиками Кущелевымъ и Эртелемъ, пріѣзжали посмотрѣть мои работы по капсюльному заведенію и, кстати, осмотрѣть пороховой заводъ. Они обѣдали у меня и провели весь день до поздняго вечера.

Между тѣмъ я продолжалъ свои работы и къ 1-му октября успѣлъ ихъ окончить совсѣмъ. Пріѣхалъ Фалисъ, осмотрѣлъ строенія и остался ими крайне недоволенъ. Начальнику штаба генеральфельдцейхмейстера князю Долгорукову онъ представилъ свои замѣчанія о несоответственной постройкѣ капсюльныхъ заведеній, совершенно отступающихъ отъ его проекта. Эти замѣчанія были написаны на французскомъ языкѣ и состояли изъ 26-ти пунктовъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми моими 28-ю пунктами, которые я подалъ въ комитетъ еще до начала работъ. Лишь въ двухъ пунктахъ мы съ нимъ нѣсколько разошлись, и то только потому, что въ полученномъ мною изъ комитета проектѣ о нихъ вовсе не упоминалось, а я предполагалъ ихъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ Фалисъ.

¹⁾ Константинъ Карловичъ Жерве, двоюродный племянникъ дѣда. О немъ упоминается выше (гл. IV).

²⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ, бывшій генераль-губернаторъ въ Финляндіи.
В. Ж.

Затѣялась переписка очень серьезная. Только что возведенныя строенія, стоившія 70.000 рублей серебромъ, большею частію оказались неподходящими для установки машинъ Фалиса; а главная бѣда состояла въ томъ, что подъ главнымъ строеніемъ слѣдовало углубить фундаментъ на 4 аршина для установки паровой машины и котла, о которыхъ въ данномъ мнѣ проектѣ и помину не было. Комитетъ переданныя ему замѣчанія Фалиса возвратилъ въ департаментъ военныхъ поселеній и написалъ, что капитанъ Жерве тѣ же самыя замѣчанія представилъ еще до начала работъ, что такыя были посланы въ департаментъ съ просьбою обратить на нихъ вниманіе, но что департаментъ два раза повторенное комитетомъ представленіе не принялъ и не исполнилъ требованій его; что всѣ затѣмъ уже сдѣланныя предложенія на счетъ поѣздки капитана Жерве на короткое время въ Бельгію для переговоровъ съ Фалисомъ, также просьба о прикомандированіи капитана Лихачева на время работъ къ капсульному заведенію — также отвергнуты. Поэтому комитетъ считаетъ себя отстраненнымъ отъ всякой отвѣтственности и, сверхъ того, проситъ департаментъ военныхъ поселеній, согласно рапорту капитана Жерве, по имѣющимся описямъ принять строенія, вновь выстроенныя согласно планамъ и смѣтамъ, полученнымъ имъ изъ департамента. Пока же строенія не будутъ приняты департаментомъ, комитетъ не можетъ допустить какую либо перестройку или перемѣну внутри строеній, дабы на немъ не оставалась какая нибудь отвѣтственность за неправильное производство работъ. Находя представленіе капитана Жерве совершенно справедливымъ, комитетъ проситъ назначить архитектора и члена для освидѣтельствованія и принятія по описямъ всѣхъ строеній инженерами. Департаментъ военныхъ поселеній волею-неволею вынужденъ былъ прислать инженера и избралъ подполковника Павловскаго, начальника отдѣленія проектовъ и смѣтъ, въ вѣдѣніи котораго извѣстный проектъ и составился. Павловскій явился черезъ три дня. Какъ ни придирался онъ, какъ ни вымѣрять по дюймамъ, строенія оказались возведенными совершенно точно и правильно. Актъ о такомъ результатѣ былъ подписанъ всѣми участвовавшими въ освидѣльствованіи построекъ и отправленъ въ департаментъ военныхъ поселеній, который былъ вынужденъ приступить къ составленію новаго проекта и смѣтъ тѣмъ дополнительнымъ работамъ, которыя требовалъ Фалисъ.

Для переговоровъ меня потребовали въ общее присутствіе департамента военныхъ поселеній. Здѣсь нѣкоторые изъ членовъ, подерживаемые барономъ Корфомъ и не знавшіе, вѣроятно, всего хода дѣла, начали упрекать меня, какъ могъ я допустить такое положеніе дѣла, которое теперь приходится передѣлать совершенно вновь, притомъ въ зимнее время. Я посмотрѣлъ на нихъ и началъ высказывать, какъ неосновательно вообще дѣйствовалъ департаментъ

военныхъ поселеній, какъ онъ могъ поручить людямъ совершенно несвѣдущимъ составлять проектъ такихъ построекъ, о которыхъ они не имѣли никакого понятія, и подобный проектъ представить на высочайшее утвержденіе, какъ никому даже не пришла мысль осмотрѣть мѣстность, на которой предполагались постройки, какъ вмѣсто готоваго для постройки мѣста я нашелъ густой дѣсъ, какъ на мои 28 пунктовъ указаній на недостатки проекта не обратили никакого вниманія, несмотря на всю убѣдительность ихъ, и какъ, наконецъ, мои указанія точно согласовались съ замѣчаніями Фалиса. Всѣ эти непріятности, говорилъ я, были бы совершенно устранены, если бы я на двѣ недѣли былъ командированъ въ Бельцію для осмотра капсюльнаго заведенія Фалиса и уговора съ нимъ; эта поѣздка едва ли стоила бы 1.000 рублей, тогда какъ теперь всѣ передѣлки обойдутся врядъ ли менѣе 40.000 рублей. Я говорилъ громко, ясно, убѣдительно и, такъ какъ меня задѣли за живое, высказалъ всю несправедливость сдѣланнаго мнѣ упрека и всю неосновательность дѣйствій департамента военныхъ поселеній. Когда я кончилъ, всѣ молчали, было совершенно тихо. Тогда баронъ Корфъ, какъ директоръ и предсѣдатель, обратился ко мнѣ съ недовольнымъ видомъ:

— Такъ изъ вашихъ словъ видно, что вы во всемъ обвиняете департаментъ военныхъ поселеній.

— Позвольте же мнѣ вмѣсто отвѣта спросить ваше превосходительство, кого же вы можете обвинить въ этомъ дѣлѣ? Я сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать подчиненный, а если не хотѣли внять моему представленію, сдѣланному своевременно по чистой совѣсти и по долгу службы, то я умываю руки, отказываюсь отъ всякой отвѣтственности, какъ объявилъ о томъ рапортомъ комитету заранѣе, когда мои предложенія были отвергнуты.

Опять общее молчаніе.

Наконецъ, членъ общаго присутствія генераль-майоръ Амосовъ всталъ и сказалъ:

— Дѣло сдѣлано. Такъ или иначе, но оставить его нельзя, на то есть высочайшая воля. Поэтому намъ остается только спросить капитана Жерве, возможно ли и какими средствами онъ полагаетъ исправить испорченное дѣло.

Тогда и баронъ Корфъ обратился ко мнѣ:

— Да, скажите, какъ поправить дѣло.

На это я отвѣтилъ:

— Пусть скажутъ, что желаютъ исправить, тогда я скажу, можно ли исправить.

Амосовъ взялъ донесеніе Фалиса и прочиталъ, что первое требованіе его состоитъ въ томъ, чтобы въ главномъ строеніи сдѣлать углубленіе въ 4 аршина подъ одною изъ залъ, выходящихъ на боковой фасадъ, и устроить тамъ паровую машину съ печью.

— Развѣ возможно углубиться въ землю, — отвѣтилъ я, — подѣлюю четвертью строенія на 4 аршина, вырыть землю подѣлюю и потомъ вновь возвести, не разобравъ всей этой части строенія? Вѣдь этого допустить нельзя теперь, въ зимнее время, и во всякомъ случаѣ работа потребуетъ слишкомъ много времени, а между тѣмъ Фалису приходится платить 30 тысячъ въ мѣсяць. Такъ отчего же, спросилъ я, департаментъ военныхъ поселеній не согласился на производство этой работы, когда я представилъ объ этомъ въ 3-мъ пунктѣ моей докладной записки?

— Гдѣ, гдѣ?—спросили всѣ. Взяли мою докладную и нашли, что я настоятельно требовалъ такое устройство. Тогда Амосовъ спросилъ меня:

— Возьметесь ли вы въ настоящее время произвести эту работу, если бы рѣшились, несмотря на усиленную издержку, поручить ее вамъ?

— Съ какимъ намѣреніемъ, ваше превосходительство, вы дѣлаете мнѣ подобный вопросъ? Я думаю, вы такъ же хорошо, какъ и я, знаете, что съ отвѣтственностью за прочность каменныхъ работъ зимою производиться не могутъ. Ваше превосходительство видѣли производство моихъ работъ и читали мою докладную записку о недостаткахъ проекта постройки капсульнаго заведенія; надѣюсь, вы могли найти во мнѣ строителя, увѣреннаго въ своемъ дѣлѣ и потому не подавашаго вамъ повода полагать, что я рѣшился бы на подобное предложеніе.

Корфъ, кажется, наконецъ потерялъ терпѣніе:

— Вотъ уже полтора часа, какъ мы здѣсь трактуемъ, а дѣло поправить необходимо, такъ придумайте, господа, средство. Теперь часъ, въ 3 часа я вернусь отъ военнаго министра и жду, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ. Прошу васъ, капитанъ, также быть здѣсь въ это время.

Я поклонился всему собранію и вышелъ. Остались старики въ раздумьѣ, каждый про себя писалъ, что онъ предполагаетъ. Къ 3 часамъ Корфъ возвратился, но прошло еще около часу, пока меня позвали въ присутствіе. Здѣсь Корфъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Въ такое короткое время гг. члены общаго присутствія не могли придумать что либо удобоисполнимое, а потому завтра мы опять соберемся, и вы должны быть здѣсь.

Тогда я рѣшился сказать барону Корфу:

— Я слишкомъ убѣжденъ, что всѣ возможныя предложенія на сооруженіе зимою каменныхъ построекъ не могутъ дать какой либо удовлетворительный результатъ. Зная крайнюю необходимость подземнаго помѣщенія для паровой машины, зная, что, не сдѣлавъ его при самомъ началѣ постройки, потомъ уже дѣла не поправишь, я углубилъ фундаментъ подѣлюю на 4 аршина, — и помѣщеніе для паровой машины готово. Эту работу я произвелъ на свой страхъ,

но прошу какъ слѣдуетъ удовлетворить подрядчика, который, опираясь только на одни мои слова, согласился произвести эту цѣнную работу.

Корфъ и всѣ члены присутствія крайне обрадовались моему сообщенію. Баронъ искренно благодарилъ меня за предусмотрительность и приказалъ удовлетворить подрядчика, какъ только онъ подастъ счетъ. Всѣ члены одинъ за другимъ подходили ко мнѣ и благодарили за то, что я вывелъ ихъ изъ крайне затруднительнаго положенія.

— А скажите-ка, капитанъ,—сказалъ тогда Корфъ,—отчего вы насъ такъ долго промучили и не объявили ранѣе о сдѣланномъ вами?

— Ваше превосходительство, я желалъ прежде вполне удостовѣриться, что вы и гг. члены общаго присутствія ясно увидѣли безвыходность положенія, въ которое совершенно произвольно поставилъ себя департаментъ военныхъ поселеній; я желалъ, чтобы всѣ окончательно убѣдились, что такой грубый пропускъ въ составленномъ проектѣ неисправимъ. Только въ такомъ случаѣ сдѣланное мною распоряженіе можетъ имѣть полную оцѣнку и оказаться дѣйствительно полезнымъ. Согласитесь сами, что я сильно рисковалъ, производя работу, не обозначенную на планѣ и не включенную въ смѣту, и мнѣ стоило не мало труда убѣдить подрядчика производить ее на-авось.

— Ну, слава Богу,—сказалъ Амосовъ,—самая главная и менѣе всего подававшая надежду на исправленіе бѣда миновала. Но остаются еще многія другія, которыя необходимо также устроить. Возьметесь ли вы, капитанъ, удовлетворить Фалиса?

Я отвѣтилъ, что другіе предметы почти всѣ знаю, и хотя нѣкоторые очень затруднительны, все же полагаю возможнымъ исполнить необходимое. Несмотря на то, что Фалисъ очень капризенъ и заносчивъ, я сумѣю его поставить на надлежащее мѣсто и не постѣсняюсь указать ему, какія его требованія излишни. Дѣло это я знаю теперь хорошо, но долгомъ считаю предупредить общее присутствіе, что работы будутъ не дешевы.

— Это меня не очень беспокоитъ,—сказалъ баронъ Корфъ,—у насъ есть большая сумма отъ уторжекъ, такъ что средства будутъ. Спѣшите только съ работой.

Казалось бы, дѣльнѣе и блистательнѣе трудно было бы оправдать мои дѣйствія, а между тѣмъ послѣдствія покажутъ, какое зло крылось въ департаментѣ военныхъ поселеній между тѣми лицами, незнаніе дѣла и бездарность коихъ были причиною всей этой сумятицы, и докажутъ вполне недобросовѣстность окружавшихъ добраго старика барона Корфа.

Еще лѣтомъ я заболѣлъ довольно сильно. Вѣроятно, дурное питаніе на пороховыхъ заводахъ испортило мой желудокъ: случались частыя и какія-то особенныя рвоты, я чувствовалъ большую сла-

бость и очень похудѣлъ. Болѣзнь моя продолжалась и теперь, но, тѣмъ не менѣе, я принялся съ усердіемъ за работу. Капризы и безграничныя требованія Фалиса заставили меня принять энергическія мѣры. Я донесъ рапортомъ о всѣхъ его продѣлкахъ, клонившихся лишь къ корыстолюбивымъ цѣлямъ, какъ можно болѣе продлить свое пребываніе въ Россіи, хотя всѣ его требованія давно уже были удовлетворены; я съ точностью опредѣлилъ, что еще съ недѣлю назадъ всякая плата ему должна быть прекращена, такъ какъ работы окончены. Несмотря на сопротивленіе Фалиса, я заставилъ его привести машины въ дѣйствіе. Фалисъ страшно бѣсился, но долженъ былъ покориться. Самое большое затрудненіе составляло возведеніе небольшой, правда, полукруглой пристройки изъ кирпича для гремучаго пороха. Я работалъ въ декабрѣ и производилъ кирпичную кладку во время полудня, когда морозы нѣсколько спадали. Известь разводилъ я на кипяткѣ и водкѣ и, слава Богу, постройка уцѣлѣла хорошо, если не считать небольшихъ трещинъ, показавшихся весною у соединенія стѣнъ, но и эти трещины были задѣланы.

Между тѣмъ мое здоровье все еще было плохо, я исхудалъ и былъ изнеможенъ до нельзя. Совѣтовали мнѣ всевозможныя средства, но всѣ они весьма мало помогали. Напримѣръ, по совѣту докторовъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ я купался въ Невѣ, противъ Лѣтняго сада. Тогда докторъ Моргулисъ содержалъ водолѣчебное заведеніе по способу Присница. Меня сажали здѣсь въ паровую ванну съ температурой до 36° тепла, изъ этой ванны я бросался прямо въ Неву, градуса въ 3—4, и, пробывъ въ водѣ минуты 3, выскакивалъ, одѣвался и, быстро побѣгавъ, черезъ Лѣтній садъ возвращался домой, гдѣ простывшій чай и котлетка изъ сырого мяса составляли мой завтракъ. Однако, промучивъ себя такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ, я не получилъ ни малѣйшаго облегченія. Лѣчился я декоктомъ, массажемъ, обращался къ знаменитому гомеопату доктору Оксу, потомъ къ доктору Зейдлицу — вообще всюду бросался, но нигдѣ помощи не находилъ.

Несмотря на болѣзнь, я успѣлъ окончить всѣ работы на капсульномъ заведеніи, и машины, съ грѣхомъ пополамъ, были поставлены на мѣсто. Фалпсъ, который по контракту обязанъ былъ поставить всѣ машины въ теченіе одного мѣсяца, пробылъ вмѣсто одного четыре мѣсяца и получилъ не 30, а 120 тысячъ рублей. По требованіямъ Фалиса, работы по передѣлкѣ капсульнаго заведенія обошлись въ 44 тысячи рублей. Итакъ, казна потеряла 44 тысячи рублей только потому, что проектъ былъ составленъ людьми, не имѣвшими никакого понятія о сути его, а также и потому, что не хотѣли принять моихъ предложеній изъ-за одного чванства: какъ, молъ, мы всѣ будто не сумѣли сообразить и безъ него то, что нужно. Въ общемъ итогѣ передержано: Фалису за 3 лишніхъ мѣсяца 90 тысячъ рублей, передѣлка заведенія—44 тысячи рублей, всего—134 тысячи

рублей. Производство работъ, по даннымъ мною предложеніямъ, не привысило бы ассигнованной суммы въ 70 тысячъ рублей, а теперь онѣ обошлись въ 20½ тысячи рублей!..

Однако по окончаніи всѣхъ расчетовъ дѣло доходило до отчета. Какъ показать такой громаднѣйшій излишекъ чуть не вдвое противъ первоначально требовавшейся суммы? Какъ ни былъ я боленъ, все-таки по порученію комитета успѣлъ сдать капсюльное заведеніе въ артиллерійское вѣдомство. При этомъ я испыталъ всю гадость артиллерійскаго департамента, назначившаго къ приемкѣ своего архитектора и своихъ артиллерійскихъ офицеровъ, которые на всякомъ шагу дѣлали придирки, тянули сдачу до невозможности и дѣлали мнѣ ясныя намеки, что пока я не дамъ имъ порядочной взятки, они отъ меня строеній не примутъ. Но я имъ прямо объявилъ, что всѣ строенія возведены совершенно правильно и изъ самыхъ доброкачественныхъ матеріаловъ, и поэтому я имъ ни одной мѣдной копейки не дамъ и считаю для тебя унижительнымъ даже подавать поводъ думать, что желаю задобрить приемщиковъ какою либо платою. Въ послѣднемъ случаѣ я далъ бы имъ поводъ думать, что недостатки дѣйствительно есть, но такъ какъ я совершенно убѣжденъ, что ихъ нѣтъ, то я и не намѣренъ задабривать приемщиковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ я объявилъ имъ, что съ этого дня на сдачу зданій уже болѣе не явлюсь, пусть принимаютъ какъ хотятъ, а если найдутъ какіе либо недостатки, то пусть пишутъ и подаютъ на бумагѣ отзывъ о таковыхъ. Дѣйствительно, они написали о 4-хъ пунктахъ недостатковъ какую-то бумагу, которую департаментъ военныхъ поселеній передалъ мнѣ, вѣроятно, не прочитавъ, потому что эти замѣчанія были такъ неосновательны, безграмотны и такъ ясно доказывали отсутствіе всякаго знанія строительнаго искусства, что они дали мнѣ поводъ послать отвѣтъ въ самомъ вѣдомѣ, саркастическомъ тонѣ; я осмѣлялъ ихъ замѣчанія очень вѣжливо, но крайне колко. Послѣ этого тотчасъ были высланы приемныя описи за подписью приемщиковъ.

Департаментъ военныхъ поселеній видѣлъ, что сдѣланную имъ передержку въ 44 тысячи рублей, собственно по перестройкѣ капсюльнаго заведенія, придется принять на себя, что, вѣроятно, барону Корфу сдѣлаютъ довольно строгій выговоръ, начальнику отдѣленія проектовъ и смѣтъ и составителямъ проекта не миновать гауптвахты, да, пожалуй, наложатъ и денежный штрафъ на общее присутствіе для пополненія суммы, израсходованной безъ всякаго уважительнаго повода. Поэтому департаментъ счелъ за лучшее свалить всю эту бѣду на меня и объяснить въ своемъ донесеніи военному министру, что она произошла отъ ошибки производителя работъ, но совершенно неумышленно, и что, несмотря на это, можно быть совершенно увѣреннымъ въ моихъ знаніяхъ и способностяхъ. Это послѣднее замѣчаніе было сдѣлано для того, чтобы военный министръ,

прочитавъ докладъ и увидя такой сильный промахъ строителя, не придавъ бы дѣлу серьезный оборотъ и, пожалуй, не отдалъ бы меня подь судъ,—тогда все обнаружилось бы.

Однако военный министръ, князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, поступилъ иначе. Когда онъ прочиталъ докладъ инженернаго департамента, ему показалось страннымъ, что такой непростительный промахъ могъ сдѣлать инженерный офицеръ, ему хорошо извѣстный своими практическими познаніями, къ тому же съ хорошей стороны ему отзывался обо мнѣ самъ государь, когда узналъ о назначеніи меня строителемъ капсюльнаго завода, которымъ государь очень интересовался. Кромѣ того, князю было очень хорошо извѣстно, что проектъ и всѣ планы были заранѣе составлены и высочайше утверждены, и что я призванъ былъ только производить работы по готовому проекту. Какъ же было возможно на работы, утвержденныя въ 70 тысячъ рублей, употребить сверхъ того 40 тысячъ рублей!.. Какъ человѣку проникательному, это дѣло показалось ему нечистымъ. Ему было неприятно, во-первыхъ, потому, что онъ долженъ былъ, при докладѣ объ окончательной постройкѣ капсюльнаго заведенія, объяснить государю причину такой значительной передержки и, во-вторыхъ, обвинить въ передержкѣ этой офицера, съ хорошей стороны извѣстнаго государю; да, наконецъ, нельзя было и знать, какъ государь приметъ подобный докладъ, можетъ быть, прикажетъ прозвезсти слѣдствіе, которое Богъ знаетъ чѣмъ кончится. Всѣ эти причины, вѣроятно, заставили князя Чернышева дознаться до истины помимо департамента военныхъ поселеній, и на этомъ основаніи онъ далъ приказаніе состоявшему при немъ для особыхъ порученій генеральнаго штаба полковнику Глинкѣ повидаться со мною, просить меня въ откровенномъ сознаніи объяснить, по какому случаю мною сдѣлана такая огромная передержка, удостовѣриться въ истинѣ моихъ словъ и обо всемъ, что онъ узнаетъ, донести ему, князю Чернышеву. Мнѣ же о продѣлкахъ департамента военныхъ поселеній ничего не было извѣстно, и потому я немало удивился, получивъ въ одно утро слѣдующую записку:

«Состоящій при военномъ министрѣ генеральнаго штаба полковникъ Глинка просить его высокоблагородіе г-на инженеръ-капитана Жерве пожаловать къ нему, полковнику Глинкѣ, на квартиру завтрашняго числа утромъ въ 10 часовъ для объясненій по службѣ». Адресъ.

Глинку я никогда не видалъ. Какое могъ онъ имѣть дѣло, касающееся меня, я никакъ не могъ сообразить. Но какъ ни былъ я боленъ, на другой день поѣхалъ къ нему. Онъ жилъ недалеко отъ меня на Знаменской улицѣ, въ домѣ Яхонтова,—домъ мнѣ очень знакомый: еще при вступленіи моемъ въ кондукторскую роту мы жили въ немъ. Глинка принялъ меня очень вѣжливо, объявилъ, что имѣеть весьма неприятное для меня порученіе отъ военнаго министра,

и объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Я крайне удивился его словамъ, но, нисколько не сконфузившись, усмѣхнулся. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ я вижу, къ моему большому удовольствію, вы, кажется, этимъ ничуть не встревожены.

— Скажите мнѣ, полковникъ, откровенно, — спросилъ я его, — военный министръ дѣйствительно желаетъ узнать всю правду въ этомъ дѣлѣ, или это только одна формальность?

— Военный министръ имѣетъ именно искреннее желаніе узнать всю правду, и если вы дѣйствительно сдѣлали неумышленную ошибку, слѣдствіемъ которой была громадная передержка, то князь общаетъ вамъ свое полное покровительство.

— Потрудитесь, полковникъ, доложить князю, что я весьма благодаренъ его сіятельству за его милостивое предложеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что оно, вѣроятно, не дастъ мнѣ случая воспользоваться имъ. А такъ какъ всякое серьезное дѣло можетъ быть выяснено только положительными фактами, то я не могу дать вамъ, полковникъ, никакого опредѣленнаго отвѣта прежде, чѣмъ вы возьмете на себя трудъ вытребовать изъ комитета, завѣдывавшаго постройкою капсюльнаго завода, подъ предсѣдательствомъ путей сообщенія генераль-лейтенанта Ротмана, полное дѣло объ этой постройкѣ съ самаго начала. Когда же вы получите его, потрудитесь прислать за мною, и тогда я объясню вамъ все, уже основываясь на фактахъ.

Глинка, какъ казалось, очень обрадовался моему предложенію и сказалъ мнѣ:

— Вы такъ хладнокровно и увѣренно говорите со мною, что уже этимъ однимъ совершенно успокоили меня. По обязанности своей, я долженъ тотчасъ же дать отвѣтъ князю о нашей первой встрѣчѣ и воспользуюсь случаемъ сообщить ему о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое вы произвели на меня вашимъ спокойствіемъ, и предувѣдомляю васъ, что ваше оправданіе будетъ князю чрезвычайно пріятно, потому что только его проникательности можно будетъ приписать открытіе клеветы, которою васъ хотѣли запятнать.

Я очень поблагодарилъ Глинку за его участіе и ушелъ.

Дней черезъ пять полковникъ Глинка пригласилъ меня снова къ себѣ. Вхожу къ нему въ кабинетъ, вижу — указанное мною дѣло лежитъ на столѣ. Поздоровавшись со мною очень любезно, онъ показалъ мнѣ на дѣло.

— Прежде, чѣмъ приступлю къ объясненію, — сказалъ я, — которое подтвердится формальными документами, находящимися въ дѣлѣ, я считаю своею обязанностью передать вамъ обстоятельство, о которомъ здѣсь въ дѣлѣ вы ничего не найдете, и которое департаментъ военныхъ поселеній считалъ нужнымъ скрыть.

Тутъ я рассказалъ ему, какъ я нашелъ на мѣстѣ предполагавашагося

завода густой лѣсъ, о которомъ никто ничего не зналъ, — явная небрежность составителей проекта, — какъ для выигрыша времени подрядчику дозволили вырубить лѣсъ и выкорчевать пни, и за это въ его пользу былъ предоставленъ весь лѣсъ изъ 5000 здоровыхъ, толстыхъ сосенъ, не считая мелкаго лѣса. Не говоря о дровяномъ лѣсѣ, котораго получилось болѣе 150 сажень, на строевомъ лѣсѣ казна потеряла minimum 20 тысячъ рублей серебромъ, считая каждое цѣльное, лишь хорошее дерево по самой умѣренной цѣнѣ въ 4 рубля. Объ этой уtratѣ нигдѣ ничего не упомянуто, а между тѣмъ это факты неопровержимые, такъ какъ директоръ департамента военныхъ поселеній баронъ Корфъ и всѣ члены общаго присутствія это хорошо знаютъ, сами уговаривались съ подрядчикомъ; да и подрядчикъ, отставной генераль-майоръ баронъ Розенъ, слишкомъ благородный человѣкъ, чтобы скрыть сдѣланное ему весьма выгодное предложеніе, если бы это понадобилось для моего оправданія. Это и была причина, почему я приступилъ къ работѣ цѣлымъ мѣсяцемъ позже, чѣмъ предполагалось. Все это я передаю вамъ для свѣдѣнія, — продолжалъ я: — хотите воспользоваться фактами — я готовъ представить вамъ факты, не угодно — я согласенъ оставить это дѣло безъ огласки.

— Нѣтъ, я не смѣю скрыть отъ князя такой неблагоприятный поступокъ департамента военныхъ поселеній, — сказали Глинка.

Я передалъ ему адресъ подрядчика барона Розена и просилъ его вызвать и, по крайней мѣрѣ, изустно удостовѣриться въ справедливости моихъ словъ. На это Глинка согласился. Потомъ я объяснилъ ему, какъ, разсмотрѣвъ высочайше утвержденный проектъ капсюльнаго завода, составленный департаментомъ военныхъ поселеній, я нашелъ его совершенно неосновательнымъ и совершенно несоотвѣтствовавшимъ цѣли; какъ подалъ при рапортѣ докладную записку, въ 28-ми пунктахъ которой выяснилъ всѣ недостатки проекта, доказывая фактически, что предполагаемая постройка не заводъ, а казарма. Этотъ рапортъ и докладную мы отыскали въ дѣлѣ и прочли вмѣстѣ съ Глинкою. Затѣмъ я показалъ Глинкѣ мой второй рапортъ, въ которомъ просилъ департаментъ о командировкѣ меня въ Бельгію на заводъ Фалиса, — и третій мой рапортъ съ просьбою о прикомандированіи на время работъ капитана Лихачева, прибывшаго недавно изъ-за границы послѣ знакомства съ капсюльнымъ заводомъ Фалиса. Прочли мы также отказы всѣхъ моихъ предложеній, изложенныхъ въ трехъ рапортахъ, и мой четвертый рапортъ, которымъ предупреждалъ, что въ виду настояній департамента я произведу работы согласно его проекту, но слагаю съ себя всякую отвѣтственность, если не представится возможности поставить и привести въ дѣйствіе машины Фалиса. Потомъ указалъ полковнику Глинкѣ возраженія Фалиса, почти тождественныя съ моими, сообщилъ ему о сдѣланномъ мною углубленіи въ 4 аршина подъ фундаментомъ главнаго зданія для пароваго котла, безъ

чего неминуемо пришлось бы скрыть одну четверть зданія совершенно и вновь построить ее, напомнилъ, что эту добавочную работу я произвелъ на свой страхъ и уговорилъ на это дѣло подрядчика. Глинка не могъ надивиться моею осторожности и убѣдился въ моемъ знаніи дѣла, въ особенности, когда я показалъ ему, какъ ухитрился въ послѣдствіи удовлетворить всѣмъ требованіямъ Фалиса и обуздать его алчность при желаніи воспользоваться сдѣланною ошибкою. Глинка просто изъ себя выходилъ, видя низость департамента военныхъ поселеній, который всю свою непростительную бездарность вваливалъ на меня. Онъ видимо былъ взволнованъ этой подлостью и довольно долго молча ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Наконецъ, немного успокоившись, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Повѣрьте мнѣ, капитанъ, я сумѣю настроить военнаго министра. Онъ выместитъ имъ за васъ хорошенько.

— Но не забудьте, полковникъ, что мнѣ вѣдь придется продолжать службу въ департаментѣ военныхъ поселеній; они мнѣ въ послѣдствіи будутъ мстить, не забудутъ, что я ихъ такъ чувствительно задѣлъ.

— На этотъ счетъ будьте совершенно покойны,—возразилъ мнѣ Глинка.— Князь сумѣетъ поставить васъ такъ, что они не посмѣютъ васъ коснуться, и, вѣроятно, разрѣшитъ вамъ при малѣйшемъ неприятомъ случаѣ прямо явиться къ нему. Но мнѣ пришла въ голову еще одна мысль, чтобы имѣть полное понятіе о всемъ дѣлѣ: поѣдьте вмѣстѣ на капсульный заводъ, и я съ вами осмотрю все подробно.

Я былъ этому очень радъ и сказалъ ему, что завтра утромъ, въ часъ, когда ему удобнѣе, заѣду за нимъ въ своемъ экипажѣ. На другое утро мы съ нимъ поѣхали на капсульный заводъ, и здѣсь я еще подробнѣе объяснилъ ему все. Возвратившись, Глинка сказалъ мнѣ:

— Теперь я попрошу васъ, капитанъ, составить черновой докладъ для представленія военному министру; напишите все, не пропускайте ничего, не щадите никого и завтра утромъ пожалуйте ко мнѣ, мы его прочтемъ вмѣстѣ.

Такъ было и сдѣлано. Прочли мы черновой докладъ, который Глинка одобрилъ вполне.

— Князь, вѣроятно, будетъ очень доволенъ докладомъ: онъ написанъ правдиво, энергически и дѣльно, коротко, ясно и безъ напора пустыхъ словъ. Къ завтрашнему утру онъ будетъ переписанъ набѣло, приходите, мы еще разъ прочтемъ бѣловой.

На другой день я пришелъ. Прочтя бѣловой докладъ, Глинка при мнѣ подписалъ его. Я сказалъ ему на прощаніе:

— Теперь для меня уже слишкомъ мало, что я буду оправданъ только передъ княземъ: я желалъ бы быть оправданъ и передъ всѣми. Потрудитесь передать мое желаніе князю.

— О, это непременно. Я все передамъ князю,—успокоилъ меня Глинка.

Болѣзнь моя принимала все болѣе и болѣе суровые симптомы. Я иногда до того ослабѣвалъ, что долженъ былъ лежать въ постели, и исхудалъ страшно. Къ Святой мнѣ дали Станислава на шею, это меня порадовало, а вслѣдъ за этимъ я былъ назначенъ членомъ Петербургскаго поседеннаго инженернаго окружнаго управленія. Въ это время оба мои мальчика ¹⁾ заболѣли корью, и я пригласилъ къ нимъ доктора Гейденрейха. Людвигъ Андреевичъ, осмотрѣвъ дѣтей, обратилъ вниманіе и на мое положеніе. Онъ освидѣтельствовалъ меня, распросилъ подробно все о моей болѣзни и посовѣтовалъ мнѣ созвать консиліумъ и начать серьезно лѣчиться. Спустя дня три, пріѣхали ко мнѣ доктора: Зейдлицъ, Арндтъ, Эдекауеръ и Гейденрейхъ, и на консиліумѣ согласились съ мнѣніемъ Гейденрейха, что у меня «Artretism» въ желудкѣ, т. е. подагрическое разстройство. Рѣдкій случай подобной болѣзни привлекалъ множество докторовъ, мною вовсе не приглашенныхъ на консиліумы, которые повторялись еженедѣльно. Гейденрейхъ началъ мое лѣченіе пилюлями, въ составъ которыхъ входилъ адскій камень,—это былъ совершенно новый способъ лѣченія, который Гейденрейхъ впервые примѣнилъ къ практикѣ. Я принялъ въ первый день одну пилюлю, на слѣдующій—двѣ и такъ продолжалъ увеличивать приемы до 18 пилюль, послѣ чего въ той же постепенности уменьшалъ приемы, пока совсѣмъ не прекратилъ ихъ. При этомъ я соблюдалъ довольно строгую діету и пилъ только сельтерскую воду. Средство Гейденрейха мнѣ очень помогло, и я поправился.

VIII.

Мое назначеніе смотрителемъ зданія главнаго штаба его императорскаго величества въ 1846 году. — Причины этого назначенія. — Вступленіе въ должность и новые порядки. — Торжественныя встрѣчи министра и отпѣна ихъ. — Распущенность команды. — Исправительныя мѣры и взыскапія. — Мои помощники. — Посѣщеніе главнаго штаба императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1847 году. — Благосклонный отзывъ государя. — Осмотръ зданія главнаго штаба княземъ Чернышевымъ и данное имъ мнѣ полномочіе. — Награды. — Просьба военнаго министра и мой невольный отказъ ему. — Производство въ подполковники и новая должность. — Представленіе князю Чернышеву. — Подполковникъ Якубовскій. — Пріемъ отъ него дома военнаго министра. — Знакомство съ семействомъ князя Чернышева. — Прислуга. — Вода и газъ въ главномъ штабѣ. — Мои проекты объ усовершенствованіи водоснабженія и освѣщенія. — Порученіе князя Чернышева.

28 сентября 1846 года состоялся высочайшій приказъ, которымъ я назначенъ смотрителемъ зданія главнаго штаба его императорскаго величества. Хотя подобное назначеніе мнѣ казалось не совсѣмъ соотвѣтствующимъ званію инженернаго офицера, но причины по-

¹⁾ Сыновья дѣда: Николай и Владиміръ.

добнаго назначенія были весьма уважительны. Зданіе главнаго штаба огромное и еще увеличено въ 1846 году присоединеніемъ къ нему дома, купленнаго у вольно-экономическаго общества, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади. Онъ былъ перестроенъ подъ одинъ фасадъ съ зданіемъ главнаго штаба и приспособленъ къ обширному помѣщенію военно-топографическаго депо съ чертежными и обширнымъ архивомъ. Смотрителемъ этого зданія состоялъ армейскій подполковникъ Петерсонъ, а архитекторомъ Русско, производившій работы въ зданіи. Вѣчныя распри и жалобы этихъ двухъ лицъ одного на другого, доходившія даже до государя, надоѣли страшно начальству, разбирательствамъ не было конца. Поэтому государю Николаю угодно было высказать военному министру князю Чернышеву мысль о назначеніи смотрителемъ зданія главнаго штаба одного хорошаго инженернаго офицера и сдѣлать его полнымъ хозяиномъ какъ по административной, такъ и по технической, строительной, экономической и хозяйственной частямъ. Тогда и всѣмъ дрызгамъ конецъ, и дѣло должно было навѣрное пойти хорошо. На этомъ основаніи военный министръ передалъ волю государя директору департамента военныхъ поселеній, и онъ избралъ меня. Я предполагалъ двѣ причины этого назначенія: во-первыхъ, постройка капсюльнаго завода показала весьма ясно, что дѣло свое по строительной части я знаю хорошо, а, во-вторыхъ, моя борьба съ департаментомъ военныхъ поселеній доказала, что на ногу себѣ наступить я никому не позволю; къ тому же отношенія, въ которыя поставленъ смотритель зданія главнаго штаба между генераль-квартирмейстеромъ и дежурнымъ генераломъ съ одной стороны и между департаментами генеральнаго штаба и инспекторскимъ съ другой — были весьма щекотливы и требовали большаго такта и твердой настойчивости, чтобы не быть причиною ссоръ главныхъ лицъ и департаментовъ, какъ это случалось прежде. Между тѣмъ подполковникъ Петерсонъ вообразилъ себѣ, вѣроятно, что его смѣняютъ по моимъ интригамъ, и ему въ голову не приходила мысль, что онъ самъ былъ причиною своего смѣщенія. Ему покровительствовалъ тогда генераль-квартирмейстеръ, генераль-адъютантъ Бергъ. Дежурнымъ генераломъ былъ въ то время генераль-адъютантъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ. По обязанности вновь прибывшаго служащаго, я явился къ дежурному генералу Игнатьеву, принявшему эту должность отъ генерала Веймарна, послѣ должности директора пажескаго корпуса. Онъ помнилъ хорошо покойнаго Костю ¹⁾, вообще благоволилъ ко всѣмъ членамъ нашей фамиліи и меня принялъ довольно ласково. Послѣ него я явился къ генераль-квартирмейстеру, котораго засталъ въ кабинетѣ въ департаментѣ генеральнаго штаба. Онъ принялъ меня вѣжливо, но явно холодно — причина понятна.

¹⁾ Константинъ Карловичъ Жерве былъ дважды записанъ на мраморную доску въ пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1837 году. В. Ж.

Пріемъ зданія главнаго штаба былъ очень затруднителенъ. Описей зданія не существовало, и я нашелъ только четыре старинныхъ плана, на которыхъ даже не было нанесено вновь присоединенное зданіе. Людей я опрашивалъ довольно подробно, одежду и вещи осматривалъ очень тщательно, но, слава Богу, ничего особеннаго не нашелъ. Хотя Петерсонъ сердился, что я такъ долго опрашивалъ и осматривалъ людей и вещи, — я при людяхъ же объяснилъ ему, что это необходимо для его и для моего спокойствія. Имущество, сбрую и лошадей я принялъ скоро, но трехъ лошадей не оказалось на лицо. За нихъ департаментъ генеральнаго штаба внесъ мнѣ деньги, на какомъ основаніи — не знаю... Наконецъ я принялъ зданіе и донесъ о томъ по командѣ; Петерсону выдалъ полную квитанцію.

На другой день послѣ моего вступленія въ должность, мой старшій помощникъ, титулярный совѣтникъ Мальковъ, приходитъ въ мундирѣ въ канцелярію, гдѣ я занимался съ Петерсономъ, и обращается ко мнѣ:

— Константинъ Карловичъ, пора идти къ дежурному генералу.

— Это зачѣмъ? — спросилъ я.

— Военный министръ сейчасъ будетъ изъ дворца.

— Такъ что же?

— Надо его встрѣтить.

— Это къ чему?

— Такъ велось искони, что смотритель, его помощникъ, фельдфебель и дежурный унтеръ-офицеръ всегда встрѣчаютъ его сіятельство у подъѣзда дежурнаго генерала.

— Это я нахожу совершенно лишнимъ. Потрудитесь переодѣться, и чтобы ни вы, ни фельдфебель, ни дежурный унтеръ-офицеръ при подъѣздѣ не были.

— Помилуйте, это невозможно, такъ всегда велось. Князь разсердится.

— Сдѣлайте одолженіе, не разсуждайте. Потрудитесь исполнить мое приказаніе въ точности, чтобы отнюдь никого не было у подъѣзда дежурнаго генерала.

Дѣлать нечего: приказаніе отдано опредѣленно. Со страхомъ, издалека посматривали эти господа, ожидая пріѣзда князя. Князь пріѣхалъ, посмотрѣлъ на обѣ стороны, не сказалъ ни слова и, не остановившись ни на минуту, вошелъ къ дежурному генералу. На другой день, на третій — то же самое. Этимъ и кончился пустой обрядъ потери времени. Петерсонъ, бывший свидѣтелемъ отданнаго мною приказанія, не умѣлъ скрыть внутренней радости, что я прямо лѣзу на непріятности, но, узнавъ о результатѣ, крайне удивился: онъ полагалъ, что меня по крайней мѣрѣ посадятъ на гауптвахту, а кончилось все весьма благополучно. Не могли не удивиться и всѣ подчиненные мои, считая мой поступокъ крайне дерзкимъ. Но я зналъ, что имѣлъ дѣло съ умнымъ человѣкомъ, который, какъ и

Домъ трудолюбїи на Обводномъ каналѣ.

обязанности и никакихъ несправедливыхъ навѣтовъ не допущу. Пусть всякій знаетъ, что я дѣлаю, и я увѣренъ, что каждый вдумывающійся человекъ найдетъ мои поступки правдивыми, а болѣе мнѣ ничего не надо.—Этимъ я прекратилъ всякое научничество.

При встрѣчахъ на улицѣ люди не умѣли отдавать воинской чести начальствующимъ лицамъ, уходили со двора безъ спроса и не по формѣ одѣтыми. Я завелъ свою учебную команду, гдѣ по очереди человекъ по 10—15 обучались основнымъ правиламъ фронтовой службы: они должны были знать повороты, какъ останавливаться, какъ отдавать честь, какъ отвѣчать при встрѣчѣ съ начальниками и проч. Фельдфебелю и частнымъ унтеръ-офицерамъ я приказалъ строго наблюдать, чтобы никто не уходилъ безъ спроса, и дабы увольняемые люди были одѣты по формѣ, чисто и опрятно; ходилъ самъ на ученіе, какъ можно чаще осматривалъ бѣлье и вещи, часто по ночамъ обходилъ казармы и строго взыскивалъ, если находилъ беспорядки или карточную игру. Такой порядокъ крайне не понравился распущеннымъ людямъ, и несмотря на то, что въ три мѣсяца я исключилъ до 60 негодяевъ и четырехъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ отправилъ въ отдаленныя мѣста (на Аландъ, въ Оренбургъ и даже въ Сибирь), все-таки прошло еще болѣе года, пока я привелъ команду въ надлежащій порядокъ. Однажды фельдфебель при рапортѣ доложилъ мнѣ, что 12 человекъ просятъ на Кавказъ. Я приказалъ составить имъ списокъ, собралъ всю команду и сказалъ имъ, что 12 человекъ желаютъ служить на Кавказѣ,—дѣло похвальное. Вызвалъ ихъ всѣхъ по списку и спросилъ, какая причина ихъ просьбы,—уважительныхъ причинъ не оказалось. Потомъ я спросилъ, не имѣютъ ли они претензіи на начальство или, можетъ быть, имъ не выдали всего имъ слѣдующаго,—и этого не оказалось. Изъ всего мною слышаннаго, объявилъ я имъ, видно, что все это... что все это одинъ капризъ и самовольство, а этого въ службѣ не допускается. Велѣлъ принести скамейку и розогъ и съ перваго до послѣдняго, несмотря ни на какія мольбы, наказалъ какъ слѣдуетъ; затѣмъ спросилъ, нѣтъ ли еще желающихъ на Кавказъ или въ другія мѣста,—желающихъ не оказалось. И какъ рукой снялъ я на будущее время всякую мысль о неповиновеніи, люди сдѣлались шелковые, и дѣло пошло, какъ по маслу. Прекратились воровства, въ большой мѣрѣ пьянство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлесныя наказанія. Я сталъ принимать людей только по особымъ рекомендаціямъ, съ ручательствомъ за хорошее поведеніе.

Моего старшаго помощника Малькова, котораго я успѣлъ сбыть, доставивъ ему мѣсто смотрителя преображенскихъ казармъ, смѣнилъ Алексѣевъ. У него на рукахъ былъ провіантъ для людей и фуражъ для лошадей. Я очень хорошо видѣлъ, что онъ меня обманываетъ, но трудно было мнѣ обнаружить все его ухищренія. Однако, чтобы прекратить зло, по крайней мѣрѣ, относительно людей, я приказалъ

составить списокъ имъ, ежемѣсячный приходъ провіанта, расходъ его и остатокъ для продажи въ экономическую сумму команды, количество проданнаго экономическаго провіанта и сумму выручки. Такіе отчеты, за подписью Алексѣева, я велѣлъ выставить во всѣхъ помѣщеніяхъ и возобновлять ихъ ежемѣсячно. Этимъ распоряженіемъ, видимо, люди были очень довольны. Но такъ какъ Алексѣевъ мошенничалъ вмѣстѣ съ каптенармусомъ и артельщиками, то я все-таки не совѣмъ былъ увѣренъ, что эта мѣра радикально уничтожила зло. Тѣмъ не менѣе пока и этого было достаточно: по крайней мѣрѣ, люди видѣли, что я желаю быть справедливымъ и ни въ какіе компромиссы не вхожу.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ моего назначенія смотрителемъ зданія, какъ военный министръ увѣдомилъ меня, что государь желаетъ осмотрѣть главный штабъ. Такъ скоро встрѣтить государя я никакъ не ожидалъ, а потому мнѣ стоило много хлопотъ представить государю зданіе въ болѣе блестящемъ видѣ. Но, значъ хорошо, что именно государь любитъ при осмотрѣ работъ вообще, и принимавши его столько разъ на своихъ работахъ въ Бобруйскѣ, я все-таки успѣлъ приготовить все, что возможно было для приѣма государя. Я составилъ также краткое статистическое описаніе зданія, на маломъ форматѣ бумаги, въ $\frac{1}{16}$ долю листа: подъ печатными заголовками было показано, сколько въ зданіи живущихъ мужского и женскаго пола, сколько чиновниковъ и служителей, сколько постороннихъ лицъ, сколько жилыхъ и нежилыхъ помѣщеній и проч. Когда государь подѣхалъ къ главному входу, съ угла Невскаго проспекта, въ прихожей уже собрались военный министръ, генераль-квартирмейстеръ, дежурный генералъ и много другихъ лицъ. Я встрѣтилъ государя, отрапортовалъ о благополучіи и подалъ ему краткое описаніе зданія. Государь раскланялся съ присутствовавшими и, поднимаясь по лѣстницѣ, прочиталъ записку.

— Это очень недурно придумано,—сказалъ онъ. — Не худо бы принять къ руководству и при другихъ казенныхъ зданіяхъ и заведеніяхъ,—и передалъ записку дежурному генераль-адъютанту. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Какъ твоя фамилія?

Я назвалъ себя.

Государь, будто обрадовавшись, сказалъ:

— Изъ Бобруйска?

— Точно такъ, ваше величество.

— Однако мы, братъ, съ тобою оба порядкомъ постарѣли.

Обратился потомъ къ князю Чернышеву и сказалъ:

— Рекомендую тебѣ, князь: это мой старый сотрудникъ, мы съ нимъ много поработали (вѣроятно, вспомнилъ нашъ бывшій споръ) и спорили,—сказалъ государь съ усмѣшкой. — Прошу любить и жаловать,—это мой старый камадъ.

Подъ впечатлѣніемъ такого отзыва государя все оказалось въ самомъ лучшемъ видѣ. Онъ многое обошелъ, подъ конецъ сталъ уставать и приказалъ мнѣ проводить его къ выходу. Я повелъ государя обратно. Онъ благодарилъ меня за все сдѣланное въ такое короткое время и, обратившись ко всѣмъ возлѣ него стоявшимъ, громко сказалъ:

— Теперь я спокоенъ и увѣренъ, что дѣло пойдетъ прекрасно.— Указавъ на меня, государь прибавилъ:— У него никакого дѣла изъ рукъ не выпадеть,—и уѣхалъ.

Здѣсь были и баронъ Корфъ, и баронъ Притвицъ, вице-директоръ департамента военныхъ поселеній. Князь Чернышевъ и всѣ прочіе обратились ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ, и князь, вспомнивъ, вѣроятно, мое дѣло съ департаментомъ военныхъ поселеній, сказалъ:

— Я очень, очень радъ, что государь лично васъ такъ хорошо знаетъ и остался всѣмъ такъ доволенъ, и еще больше радъ, что я въ васъ не ошибся. Надѣюсь, что мы съ вами будемъ часто видѣться.

Спустя дня три-четыре, я получилъ извѣщеніе, что военный министръ князь Чернышевъ будетъ осматривать зданіе. Я не понималъ сначала цѣли этого посѣщенія, но во всякомъ случаѣ былъ имъ доволенъ, такъ какъ князь явно благоволилъ ко мнѣ. Опять собралось все начальство главнаго штаба и департамента военныхъ поселеній. Князь прибылъ, и я такъ же, какъ и государю, отпраповалъ ему и подаль статистическую записку. При этомъ онъ обратился къ дежурному генералу Игнатьеву:

— А, кстати, государю очень понравился придуманный капитаномъ Жерве способъ давать краткое понятіе о посѣщаемомъ зданіи. Надо подобныя записки примѣнить ко всѣмъ казеннымъ помѣщеніямъ, а потому отдайте приказъ по военному министерству и приложите для образца копію съ этой записки, я подпишу.

Затѣмъ я повелъ князя для осмотра зданія, но осмотръ былъ крайне непродолжительный, послѣ чего князь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня и сказалъ:

— Трудитесь и приведите мнѣ зданіе главнаго штаба въ стройный порядокъ, на что я съ полнымъ убѣжденіемъ уповаю. Знаю, что эта задача очень нелегкая: вы полный и единственный хозяинъ, стронтель, архитекторъ и администраторъ этого огромнаго зданія, но вижу, что вы съ самаго начала принялись съ усердіемъ и знаніемъ за дѣло и повели его такъ, какъ до васъ никому и въ голову не приходило. Полагаю при томъ, что встрѣтите непременно препятствія и несогласія съ вашимъ взглядомъ на дѣло; потому, чтобы доказать вамъ полное довѣріе,—во всѣхъ случаяхъ, когда вы найдете малѣйшее сопротивленіе вашимъ распоряженіямъ или препятствіе къ исполненію вашихъ требованій,—разрѣшаю вамъ дѣйстви-

вать мной, военнаго министра, именемъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ оки- нулъ взглядомъ все окружавшее насъ начальство.

Князь снова обратился ко мнѣ, подалъ мнѣ руку.

— Прощайте, благодарю васъ еще разъ. Продолжайте смѣло начатое вами дѣло и будьте увѣрены въ моей поддержкѣ.

Надо сказать, что князь Чернышевъ держалъ себя чрезвычайно высоко; онъ не былъ гордъ, но важенъ, не былъ надмененъ, но трудно доступенъ всѣмъ, кромѣ своихъ приближенныхъ. Отъ подобнаго человѣка такія ласки и такія права удивили всѣхъ и меня— больше всего. Я сталъ на твердую ногу и поднялся во мнѣніи начальства и сослуживцевъ—со мною, значить, нельзя было обойтись безъ осторожности и вниманія. Во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, я формальнымъ рапортомъ донесъ департаменту военныхъ поселеній о данномъ мнѣ военнымъ министромъ правѣ и просилъ передать слова его сіятельства въ оба департамента—инспекторскій и генеральнаго штаба ¹⁾.

Немного времени спустя, я былъ вызванъ къ барону Корфу, который отъ имени военнаго министра передалъ мнѣ, что князь, видя мои распоряженія, которыми день ото дня становится все болѣе и болѣе доволенъ, просить принять въ мое вѣдѣніе и домъ военнаго министра, въ которомъ онъ живетъ, и что завѣдывающимъ этимъ домомъ подполковникомъ Якубовскимъ онъ очень недоволенъ. На это я сказалъ барону Корфу, что довѣріе князя считаю для себя большою честью и при первой возможности исполню его приказаніе, но пока прошу его еще немного подождать, такъ какъ приведеніе въ порядокъ зданія главнаго штаба, найденнаго мною въ крайне запущенномъ видѣ, а также дома военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), которымъ я еще вовсе не успѣлъ заняться,—отнимаетъ у меня всякую возможность принять домъ военнаго министра. Баронъ удивился моему отказу.

— Какъ же можно отказать военному министру въ его просьбѣ? Вѣдь это то же приказаніе. Будьте осторожны: князь можетъ разсердиться, и вы все потеряете.

Но я успокоилъ Корфа:

— Если я приму домъ, то мнѣ придется заняться имъ серьезно, потому что отъ хорошаго управленія домомъ зависитъ спокойствіе живущихъ въ немъ. А такъ какъ я не имѣю на это времени и не вижу возможности принимаемую на себя обязанность исполнять доб-

¹⁾ Послѣ посѣщеній главнаго штаба государемъ и военнымъ министромъ, дѣдъ удостоился высочайшихъ наградъ, официально подтвердившихъ милостивое къ нему отношеніе покойнаго Николая Павловича. Въ послужномъ спискѣ дѣда значится: «1847 г. января 16—за содержаніе и устройство въ отличномъ видѣ дома генеральнаго (главнаго) штаба объявлено высочайшее благоволеніе. 1847 г. апрѣля 21—за отличіе по службѣ (произведенъ) въ подполковники».

росовѣстно, то лучше предупредить князя, чѣмъ потомъ навлечь на себя неприятность.

Когда баронъ Корфъ передалъ князю мои слова, то онъ сказалъ:

— Жаль, очень жаль. Ну, нечего дѣлать, надо подождать. Я изъ этого вижу, что Жерве не хочетъ дѣлать свое дѣло какъ нибудь, а добросовѣстно. Во всякомъ случаѣ передайте ему, что я все-таки желаю, чтобы онъ скорѣе принялъ домъ, въ которомъ я живу.

Корфъ передалъ мнѣ слова князя, и я обѣщаль постараться при первой возможности исполнить его приказаніе.

Прежняя холодность Берга очень скоро обратилась въ самое лучшее ко мнѣ расположеніе. Онъ вскорѣ увидѣлъ, что дѣла идутъ несравненно лучше, команда точно переродилась, воровство уничтожено, пьянство, по возможности, прекращено. Чердаки, которые я нашель въ неописуемомъ видѣ, очищены (одного голубиного помета свезли съ чердаковъ 8 возовъ, не говоря о мусорѣ). По новымъ правиламъ, едва смеркнется, каждый частный унтеръ-офицеръ обязанъ былъ запираеть всѣ чердаки своей части на замокъ. Ключи со всѣхъ чердаковъ сносились внизъ, гдѣ висѣли подъ надзоромъ часового на особой вѣшалкѣ подъ воротами Кушелевскаго двора; кромѣ фельдфебеля и дежурнаго унтеръ-офицера, никто не имѣлъ права брать ключей. Безъ дежурнаго унтеръ-офицера на чердакъ съ огнемъ никто не входилъ, и лица, имѣвшія надобность на чердакъ, всегда сопровождались дежурнымъ.

Къ Святой 1847 года, за отличіе по службѣ, меня произвели въ подполковники. Надо было видѣть радость матери, когда она увидала меня въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ. Вскорѣ послѣ производства, когда князь мимоходомъ напомнилъ Корфу о своемъ домѣ, я согласился принять его. Баронъ Притвиць повезъ меня въ канцелярію военнаго министерства, гдѣ князь приказалъ мнѣ къ нему явиться. Я былъ поставленъ въ длинный рядъ представлявшихся въ тотъ день генераловъ, полковниковъ и проч. Князь вышелъ изъ кабинета и вѣжливо, но важно сталъ принимать представлявшихся ему. Князь Чернышевъ въ осанкѣ своей и въ приемахъ имѣлъ что-то невольнo внушавшее уваженіе и нѣкоторую сдержанность. Надо сказать, что въ свое время онъ былъ совершенный красавецъ: прекрасное лицо съ умнымъ выраженіемъ, красивые, блестящіе каріе глаза, одѣтъ всегда чисто и щегольски. Всѣ слухи о немъ, что онъ румянится, шнуруется и употребляетъ разныя косметическія средства для приданія себѣ болѣе моложаваго вида, совершенно несправедливы, въ чемъ я легко могъ удостовѣриться лично, часто присутствуя при его туалетѣ, когда бывалъ впослѣдствіи по утрамъ у него. Правда, онъ носилъ всегда прекрасный парикъ; парики онъ получалъ обыкновенно изъ Парижа, и приготовлялъ ихъ ему его камердинеръ, крѣпостной человекъ Петръ. Кромѣ того, онъ носилъ

еще челюсти отлично сдѣланныхъ зубовъ, которыя также получалъ изъ Парижа; на ночь онъ опускалъ ихъ въ стаканъ свѣжей воды, стоявшій на маленькомъ столикѣ подлѣ кровати его. Князь всегда держался прямо, роста былъ болѣе средняго, не толстъ, но плотенъ. Когда онъ обходилъ представлявшихся, то никому не подавалъ руки, нѣкоторымъ говорилъ нѣсколько словъ, съ рѣдкими разговоривалъ нѣсколько больше, обыкновенно же только кивнетъ головой и пройдетъ дальше. Дежурный при немъ адъютантъ читалъ званія и фамиліи представлявшихся и пояснялъ причины представленія каждаго лица.

Когда очередь дошла до меня, князь прямо подошелъ ко мнѣ, подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Очень радъ, что вы, наконецъ, согласились вступить въ новую должность, — и сдѣлалъ мнѣ глубокой поклонъ. — Отдаю себя въ ваше полное распоряженіе.

— Я глубоко чувствую ту честь и все то довѣріе, которымъ ваше сіятельство меня почтили, — отвѣтилъ я.

Князь улыбнулся и сказалъ отходя:

— Надѣюсь, будемъ часто видѣться.

Привнаюсь, я былъ тронутъ его ласкою, сдѣлалъ ему низкій поклонъ, — и это вовсе не удивительно, потому что вмѣсто ласки я могъ ожидать холодный пріемъ за мою медленность въ принятіи должности. Зато описать, что дѣлалось съ тѣми, кто были свидѣтелями такой изъ ряду вонъ выходящей ласки князя, я не берусь. Взглянувъ на нихъ, я увидѣлъ удивленіе, недоумѣніе: имъ казалось непонятнымъ, чѣмъ я, подполковникъ, могъ заслужить столь большое вниманіе такого лица, которое имъ, гораздо болѣе заслуженнымъ, было недоступно. Когда я уходилъ, образовался проходъ, какъ бы между шпалерами, и всѣ мнѣ по очереди поклонились, а нашъ вице-директоръ баронъ Притвицъ, который представлялъ меня князю, былъ въ восторгѣ.

Я немедленно приступилъ къ пріему дома министра, нисколько не затруднилъ подполковника Якубовскаго въ сдачѣ, но, познакомившись съ нимъ при этомъ нѣсколько короче, я вовсе не удивился, что князь имъ былъ недоволенъ. Это былъ человекъ, можетъ быть, и хорошій, но безъ всякаго образованія, неотесанный простакъ, съ грубыми манерами. Онъ былъ далеко необходимый и вообще совершенно не подходящій къ занимаемой имъ должности, въ особенности, если принять во вниманіе, какъ я и предполагалъ, что онъ долженъ былъ нерѣдко по разнымъ случаямъ обращаться къ самой княгинѣ. Не затруднять его въ сдачѣ дома я считалъ своею обязанностью, потому что, во-первыхъ, «лежачаго не бьютъ», а, во-вторыхъ, и потому, что я надѣялся все исправить и уладить какъ слѣдуетъ тѣми средствами, которыя были въ моихъ рукахъ по управленію тремя такими значительными домами (главный штабъ, воен-

ная академія и домъ военнаго министра); къ тому же я узналъ, что Якубовскій претерпѣваетъ уже второе фіаско. Онъ былъ назначенъ отъ воротъ-майоромъ Зимняго дворца для завѣдыванія имъ и, какъ неостестъ, поднялъ свой носъ слишкомъ высоко. Между прочимъ, онъ отпустилъ себѣ бороду à la jeune France. Это увидѣлъ государь, рассердился и посадилъ его на гауптвахту. Якубовскаго смѣнили и на его мѣсто назначили Карла Леонтьевича Кубе, также подполковника, который на этой должности достигъ всего, что только можно достигнуть, и пользовался большимъ расположеніемъ всей царской фамиліи.

Въ ближайшее воскресеніе послѣ моего представленія князю я пріѣхалъ къ нему въ мундирѣ, но безъ шарфа, для полученія приказаній. Онъ только что возвратился отъ государя, не заставилъ себя долго ждать и принялъ меня очень мило.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—что вы пришли: я представлю васъ княгинѣ.

Ведя меня по внутренней лѣстницѣ на верхъ, онъ спросилъ меня, говорю ли я пофранцузски, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, очень ему обрадовался:

— Это много облегчитъ ваши сношенія съ княгиней, которая у меня полная хозяйка въ домѣ.

Придя на верхъ, онъ попросилъ меня подождать, а самъ пошелъ къ княгинѣ. Спустя минутъ пять, князь возвратился и сказалъ:

— Княгиня не совсѣмъ здорова и сожалеетъ, что не можетъ васъ принять. Но теперь это уже ничего не значитъ: при первой надобности она васъ пригласитъ и, такъ какъ уже совершенно предувѣдомлена мною, то вы можете представиться ей сами. Князь поклонился мнѣ, и я ушелъ.

Прошло недѣли двѣ. Я успѣлъ познакомиться со всѣми подробностями дома и узналъ, между прочимъ, что *factotum* въ домѣ англичанка *miss Corr*. Дровами и освѣщеніемъ завѣдывалъ вахтеръ Петровъ, человѣкъ хотя и расторопный, но вышивавшій иногда; однако такъ какъ онъ хорошо ладилъ съ людьми, то я его оставилъ пока на мѣстѣ. Подъ его надзоромъ состояла команда въ 20 человѣкъ; изъ нихъ 9 человѣкъ были постоянно у воротъ на часахъ, 1 въ помощь швейцару, 2 на кухнѣ; главный поваръ *m-r Lefort*, славный мастеръ своего дѣла и хорошій человѣкъ, не любилъ дрягъ и держалъ себя хорошо. Изъ крѣпостныхъ людей занималъ должность швейцара Алексѣй; два лакея, Андрей и Филиппъ, прислуживали у стола,—изъ нихъ Андрей былъ очень хорошій кондитеръ, Петръ, камердинеръ князя, и при немъ мальчикъ помощникъ. Сверхъ того, нанимались выѣздной для князя и выѣздной для княгини и одинъ кучеръ для нея же. Въ распоряженіи князя былъ придворный экипажъ,—двухмѣстная карета и четверка лошадей съ фореиторомъ. постоянно стояла готовою для князя. Лошади стояли въ княже-

ской конюшнѣ, но кормились на счетъ придворной конюшенной конторы; кучеръ и фореиторъ получали жалованье и харчевыя деньги оттуда же. Зиму и лѣто князь ѣздилъ въ двухмѣстной каретѣ, запряженной четверкою цугомъ, и всегда съ лакеемъ въ военной ливреѣ. Выѣздного лакея нанималъ князь отъ себя, кормилъ и одѣвалъ самъ.

Въ штабѣ и въ домѣ академіи мало-по-малу порядокъ началъ явно высказываться. Въ академіи у меня былъ смотрителемъ отставной майоръ Терещенко, бездарный хохоль; при присмотрѣ за нимъ исполнялъ свою должность хотя не отлично, но порядочно. Я его не стѣснялъ и предоставлялъ ему полное завѣдываніе командой, освѣщеніемъ и отопленіемъ, но случалось съ нимъ ссориться за безопасность и недовольно добросовѣстное исполненіе своей обязанности. Долго не могъ онъ привыкнуть къ мысли, что прежде всего дѣло нужно вести такъ, чтобы не вызывать жалобъ, а потомъ уже думать о себѣ; терпѣніемъ и настойчивостью, «потихоньку да полгоньку» я поставилъ его на надлежащую точку.

Зданіе главнаго штаба въ 1846 году было вновь перестроено переименованнымъ изъ архитекторовъ въ майоры Иваномъ Денисьевичемъ Черникомъ, казакомъ по рожденію. Онъ очень хорошо рисовалъ, щегольски, красиво умѣлъ представлять чертежи проектовъ, но о практическомъ исполненіи ихъ не имѣлъ никакого понятія. Черникъ встрѣтилъ во время поѣздки своей за границу наслѣдника, нынѣ царствующаго государя Александра Николаевича, и, представившись наслѣднику, понравился ему. Благодаря ему же, онъ былъ, какъ выше сказано, переименованъ въ майоры, состоялъ въ корпусѣ инженеровъ военныхъ поселеній и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ общаго присутствія департамента. Ему была поручена перестройка главнаго штаба, и онъ, правду сказать, показалъ при этомъ, что умѣетъ ладить съ подрядчиками, и, кажется, при этой постройкѣ нажилъ себѣ хорошія деньги. Однако онъ дѣло сдѣлалъ очень неладно, и мнѣ приходилось возиться года три сряду, пока разными средствами удалось все исправить. Такъ, напримѣръ, я нашелъ 9 печей, у которыхъ трубы были пробиты только по одному этажу, а выше оставлены глухими, — разумѣется, онѣ постоянно дымили; только при лѣтнихъ работахъ слѣдующаго года недостатокъ былъ обнаруженъ и исправленъ. Генеральный штабъ и передѣланное изъ дома вольно-экономическаго общества военно-топографическое депо были крайне небрежно отдѣланы. Всѣ перемычки надъ дверьми растрескались, и эти трещины продолжаютъ ежегодно показываться и по сіе время, несмотря на исправленія и перекладки ихъ вновь; балки въ потолкахъ положены или слишкомъ тонкія или рѣдко, приходилось почти ежегодно перебирать всѣ потолки, чтобы избавиться отъ постоянныхъ трещинъ; было много и другихъ недостатковъ. О трещинахъ надъ перемычками я доносилъ даже формально,

«истор. вѣстн.», августъ, 1898 г., т. LXXIII.

но такъ какъ Черникъ всегда присутствовалъ при освидѣтельствваніяхъ ихъ, то всегда дѣло кончалось замазываніемъ да запечатуркою.

Къ князю въ домъ я ходилъ ежедневно и очень часто видѣлся съ нимъ. Недѣли двѣ спустя послѣ моего частнаго представленія князю я получилъ извѣщеніе, что княгиня желаетъ меня видѣть и ждетъ меня въ часъ по полудни у себя. Когда я пріѣхалъ, она не заставила себя ждать и приняла меня въ верхнемъ этажѣ въ своей (не парадной) гостиной, подлѣ спальни, очень мило и съ комфортомъ убранной комматнымъ ситцемъ и обставленной хорошенькою мебелью. Я вошелъ въ комнату и, поклонившись, началъ съ того, что представляюсь по ея приказанію.

— A, m-r Gervais, je suis très contente de vous recevoir enfin. Le Prince m'a dit tant de bonnes choses de vous, que je suis pleinement persuadée que nous arrangerons nos affaires de ménage à merveille ¹⁾.

— M-me la Princesse, j'ose dire que le Prince me comble de tant de bonté que je suis tout à fait confondu comment les meriter ²⁾.

— Nous nous entendrons, mon cher m-r Gervais, je ne suis pas trop exigeante, ni capricieuse, mais je desire l'ordre dans ma maison et la bonne volonté de mon entourage, ce qui m'est très mal reussis jusqu'à present ³⁾.

При этомъ княгиня обратилась ко мнѣ съ какою-то пустою просьбою, исполнить которую я не нашелъ ни малѣйшаго затрудненія. Черезъ нѣсколько дней случилось то же, потому она пожелала сдѣлать небольшое перемѣщеніе людей, что повлекло за собою передѣлку двухъ печей и постановку небольшой перегородки. Когда я согласился и на эти просьбы съ полною любезностью, тогда княгиня воскликнула:

— Mais mon Dieu, je commence à respirer, c'est tout à fait autrement que comme il était jusqu'à present. Permettez que je vous présente mon factotum, ma ménagère, une anglaise qui m'est attachée corps et âme ⁴⁾.

Княгиня позвонила и вошедшему человѣку приказала позвать miss Corr. Вопля женщина болѣе чѣмъ средняго роста, лѣтъ 37—38,

¹⁾ «А, м-г Жерве, я очень рада наконецъ васъ принять. Князь говорилъ мнѣ о васъ такъ много хорошаго, и я вполне увѣрена, что мы поведемъ наши дѣла чудесно».

²⁾ «Княгиня, осмѣлюсь сказать, князь такъ добръ ко мнѣ, что я совершенно смущенъ и не знаю, чѣмъ заслужить это».

³⁾ «Мы сойдемся, милѣйшій м-г Жерве, я не слишкомъ требовательна, не капризна, но желаю порядокъ въ моемъ домѣ и добрую волю окружающихъ меня, что до сихъ поръ мнѣ мало удавалось».

⁴⁾ «О, я могу вздохнуть свободно: теперь все пошло иначе, чѣмъ было прежде. Позвольте вамъ представить моего factotum, мою экономку, англичанку, которая мнѣ предана душою и тѣломъ».

дородная, очень прилично одѣтая. Княгиня представила ее мнѣ и просила соглашаться на всѣ предложенія miss Corr, а ей предложила во всѣхъ случаяхъ прямо обращаться ко мнѣ. Я видѣлъ, въ чемъ дѣло, и нетрудно было догадаться, что, живя въ согласіи съ miss Corr, дѣло можно повести хорошо; имѣя же въ главномъ штабѣ команду мастеровыхъ въ 40 человѣкъ, легко возможно было удѣлять по временамъ на работы по дому князя нѣсколькихъ человѣкъ для исполненія желаній княгини. Miss Corr ушла, княгиня поблагодарила меня и увѣряла, что, по крайней мѣрѣ, первое впечатлѣніе отъ моего разговора съ нею было для нея пріятное; подала мнѣ руку, и я ушелъ.

Должно быть, княгиня описала своему мужу нашу первую встрѣчу въ очень живыхъ краскахъ. На другой день, вернувшись отъ дежурнаго генерала, онъ приказалъ посмотрѣть, въ домѣ ли я. Случайно я находился тамъ, исполняя какое-то порученіе княгини. Князь приказалъ меня просить къ себѣ, и я сказалъ человѣку, что тотчасъ приду, если князь разрѣшитъ мнѣ прійти въ сюртукѣ, какъ я на работѣ.

— Князь просилъ васъ пожаловать, какъ вы теперь одѣты, — сказалъ человѣкъ.

И пошелъ къ нему въ кабинетъ. Князь сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ; онъ встрѣтилъ меня съ веселою улыбкою, попросилъ меня подойти, подалъ мнѣ руку и, посадивъ подлѣ себя, сказалъ:

— Такъ какъ я по всему вижу, что теперь вы уже сдѣлаетесь у насъ своимъ человѣкомъ, то долженъ вамъ сказать, что только и живу для того, чтобы моя княгиня была всѣмъ довольна и покойна. Вотъ почему я вамъ чрезвычайно благодаренъ за то, что съ перваго раза вы успѣли пріобрѣсти ея совершенное расположеніе. Она отзывалась о васъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и очень благодарила меня за сдѣланный мною выборъ. Остальное уже будетъ зависѣть отъ того, какъ вы поведете дѣло впослѣдствіи; впрочемъ, я убѣжденъ, что все пойдетъ хорошо, такъ какъ первый шагъ сдѣланъ удачно.

— Ваше сіятельство, — отвѣтилъ я князю, — вы можете быть вполне убѣждены, что я приложу всѣ возможныя старанія, дабы быть полезнымъ и пріятнымъ княгинѣ. Но такъ какъ я не могу быть постоянно въ домѣ, то желалъ бы получить разрѣшеніе вашего сіятельства имѣть здѣсь постояннаго чиновника, какъ это положено по штату; такового я имѣю уже въ виду, если угодно будетъ вашему сіятельству согласиться на мое предложеніе.

— Это я вамъ предоставляю вполне. Распоряжайтесь, какъ вы найдете лучшимъ, и что бы вы ни сдѣлали, будьте совершенно увѣрены, что я впередъ уже буду во всемъ согласенъ.

Я поблагодарилъ князя за его довѣріе и присовокупилъ, что

постараюсь заслужить его. Князь разрѣшилъ мнѣ при этомъ всегда приходить къ нему просто въ сюртукѣ и при малѣйшей надобности приказывать докладывать о себѣ; меня обѣщаль принимать во всякое время, будетъ ли онъ занятъ или нѣтъ.

Такъ прошло еще недѣли двѣ. Всѣ желанія княгини я старался исполнять безъ замедленія. Князю было пріятно видѣть, что я часто навѣщаю домъ. Однажды князь прислалъ мнѣ приглашеніе обѣдать у него на другой день въ 5 часовъ. Это было просто событіе. Такъ какъ фельдъегерь, которому князь приказалъ меня пригласить, не зналъ моей квартиры и пошелъ узнавать о ней въ канцеляріи дежурнаго генерала, то вскорѣ всѣ, кто были тамъ, узнали объ этомъ и не могли надивиться, такъ какъ этой чести мало кто удостоивался, въ особенности въ моемъ чинѣ и званіи. Когда на другой день я прибылъ къ князю, онъ самъ повелъ меня на верхъ, гдѣ я засталъ княгиню въ собственной гостиной подлѣ столовой. Она приняла меня очень ласково и уже какъ хорошаго знакомаго. Хозяинъ представилъ меня своему семейству, которое состояло изъ двухъ дочерей и сына. Старшая дочь, Елизавета Александровна, очень красивая, молоденькая женщина, была замужемъ за княземъ Владиміромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, состоявшимъ адъютантомъ при князѣ Чернышевѣ¹⁾; вторая дочь, Александра Александровна, не столь красивая, какъ старшая, но миловидная особа, и сынъ Левъ Александровичъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Въ числѣ гостей находился баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, флигель-адъютантъ, жившій въ зданіи главнаго штаба и служившій въ канцеляріи военнаго министерства, очень милый, любезный человекъ, съ которымъ мы хорошо познакомились впоследствии. Когда человекъ вошелъ съ докладомъ, что кушанье подано, княгиня встала, сама подала мнѣ руку, и я повелъ ее въ столовую. Князь подзвалъ меня къ себѣ и посадилъ подлѣ себя по лѣвую руку; по другую сторону отъ него сѣли Вревскій, князь Барятинскій и затѣмъ дамы. Столъ былъ прекрасный, все приготовлено очень вкусно, довольно обильно. Разговоръ оживленно поддерживался хозяевами и дамами. Вставъ изъ-за стола, я поблагодарилъ князя, который порядочно постарался угостить своего сосѣда хорошимъ винцомъ. Послѣ обѣда мы возвратились въ гостиную; здѣсь княгиня сѣла

¹⁾ Приписано на поляхъ: «Въ приданое своей дочери Елизаветѣ Александровнѣ князь далъ каменный домъ на углу Большой Милліонной и Мошкова переулка, и понынѣ принадлежащій ей. Этотъ домъ прежде принадлежалъ казнѣ и былъ занятъ ордонансъ-гаузомъ, который перевели въ Большую Садовую, гдѣ и теперь находится комендантское управленіе. Домъ государь подарилъ князю, тотъ его отдѣлалъ и отдалъ въ приданое дочери, а для военнаго министра купили другой, на углу Малой Морской и Гороховой, въ которомъ жилъ князь Александръ Ивановичъ, когда я былъ назначенъ смотрителемъ».

на диванъ и попросила меня сѣсть подлѣ нея въ кресло. Побесѣдовавъ довольно долго съ нею, послѣ кофе я ушелъ домой.

Въ главномъ штабѣ у меня дѣла шли хорошо. Въ самомъ зданіи помѣщался газовый аппаратъ для добыванія газа изъ жира. Газъ былъ отличный, но дорогой, и при томъ вещь довольно опасная: при малѣйшей неосторожности могъ произойти взрывъ. Освѣщеніемъ и производствомъ газа завѣдывалъ мастеръ, англичанинъ Ковенъ, знающій и толковый человѣкъ. За газовымъ аппаратомъ и правильнымъ освѣщеніемъ зданія наблюдалъ специально одинъ изъ моихъ младшихъ помощниковъ Великовъ и съ нимъ два унтеръ-офицера (газники); эти послѣдніе, при помощи двухъ сторожей, зажигали и тушили газъ въ назначенные часы по лѣстницамъ и коридорамъ. Хотя это освѣщеніе было весьма хорошее и выгодное, однако, я никогда не былъ спокоенъ, такъ какъ взрывъ газоваго аппарата могъ произойти отъ весьма незначительныхъ причинъ. Я не разъ докладывалъ объ этомъ князю, который былъ со мною совершенно согласенъ, но все-таки дѣло какъ-то оставалось безъ дальнѣйшаго хода. Накачиваніе воды составляло мою другую довольно значительную работу. По чугунной трубѣ, проведенной изъ Невы въ зданіе, вода накачивалась машиною въ резервуары и по всѣмъ трубамъ. Машина приводилась въ движеніе ручною силою, что было крайне затруднительно, потому что три раза въ сутки наряджались изъ команды по 20 человѣкъ по очередно для накачивания воды въ теченіе 3—4 часовъ въ каждую смѣну,—работа довольно трудная и притомъ отвлекавшая людей отъ прямыхъ своихъ обязанностей. По поводу этого послѣдняго неудобства я составилъ проектъ о замѣнѣ ручной силы машиною, приводимою въ движеніе посредствомъ лошадей. Для этой работы, между прочимъ, я предложилъ употреблять казенныхъ лошадей изъ числа двадцати, имѣвшихся при зданіи для перевозки дровъ съ дровянаго двора, не замедляя послѣднюю. За это дѣло горячо принялся генералъ Бергъ, который, съ своей стороны, просилъ барона Корфа непременно утвердить мой проектъ. Проектъ утвержденъ, 1.500 рублей выданы, и въ теченіе шести недѣль было окончено машинистомъ Прокофьевымъ устройство новой машины, которую потомъ освидѣтельствовали и нашли исполнѣе хорошою.

Привести въ исполненіе другой мой проектъ—уничтожить добываніе газа въ самомъ зданіи — помогъ мнѣ, косвеннымъ образомъ, большой взрывъ въ Дублинѣ, причинившій огромный вредъ городу и много несчастій людямъ, занимавшимся этимъ дѣломъ. Газетныя извѣстія объ этомъ были показаны князю Чернышеву, который, призвавъ меня, приказалъ мнѣ составить проектъ объ уничтоженіи газоваго аппарата внутри зданія и о соединеніи газовыхъ трубъ зданія съ городскими для полученія угольнаго газа изъ общей городской трубы. Проектъ объ этомъ существовалъ уже раньше, и его

хотѣли выполнить при общей перестройкѣ зданія главнаго штаба въ 1846 году; но такъ какъ онъ вызвалъ бы расходъ въ 33.000 р., то по договорившѣ отъ него отказались. Разсмотрѣвъ внимательно это дѣло, я увидѣлъ, кромѣ договоривши, что проектъ составленъ крайне неудачно. Принялся я составлять новый и ограничилъ его 14.000 рублей. Я спросилъ моего мастера Ковена, можетъ ли онъ взять на себя производство предположенныхъ моимъ проектомъ работъ и окончить ихъ въ четыре лѣтнихъ мѣсяца, когда газъ почти не горитъ въ зданіи. Когда онъ на это согласился, мой проектъ былъ представленъ въ департаментъ военныхъ поселеній съ подпискою мастера Ковена и съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы производство этихъ работъ не было предъявлено на торги, но отдано мастеру Ковену; въ противномъ случаѣ, нельзя было ручаться за прочность и безопасность работъ, такъ какъ онѣ требовали specialнаго искусства и большого пракческаго знанія. Кромѣ того, я просилъ департаментъ безъ промедленія разрѣшить эту работу, если ему угодно, чтобы газъ горѣлъ отъ города съ сентября мѣсяца, такъ какъ желѣзныя трубы и другія принадлежности должны быть теперь же заказаны въ Англіи и оттуда съ первымъ отходящимъ судномъ перевезены въ Петербургъ. Для удешевленія работъ я просилъ также департаментъ военныхъ поселеній снестись съ министерствомъ финансовъ, чтобы предметы газоваго освѣщенія, привозимые для казны изъ Англіи, не подвергались таможенной пошлинѣ. Удешевленіе цѣны на 19.000 рублей сравнительно съ цѣною по прежнему проекту и разъясненія, сдѣланныя мною въ особой докладной запискѣ, убѣдили департаментъ военныхъ поселеній, откуда мой проектъ былъ очень скоро представленъ въ военный совѣтъ. Здѣсь князь Чернышевъ безъ промедленія просилъ утвердить мой проектъ и назначить деньги, и по моему распоряженію былъ сдѣланъ заказъ въ Англіи. Какъ только земля оттаяла, начались притотовительныя работы. Желѣзныя трубы прибыли въ первыхъ числахъ іюня и всѣ до единой были лично мною испытаны посредствомъ гидравлическаго пресси; негодныя забракованы, годныя перевезены въ штабъ. Работы шли успѣшно, кончились къ надлежащему времени, и 1-го сентября 1851 года штабъ былъ освѣщенъ угольнымъ газомъ. Такимъ образомъ, мнѣ удалось примѣнить въ зданіи главнаго штаба два крайне важныхъ усовершенствованія и сложить съ себя вѣчное безпокойство о возможности взрыва.

Въ 1849 году авторитетъ Черника крайне пострадалъ. Глухіе слухи о его корыстолюбивомъ окончаніи построекъ главнаго штаба и о прочихъ темныхъ дѣлахъ разными путями дошли и до князя Чернышева; къ тому же Черникъ началъ уже зазнаваться, подымать носъ, не такъ акуратно исполнялъ требованія князя. Вслѣдствіе этого или, можетъ быть, потому, что княгиня была дѣй-

ствительно ко мнѣ очень благосклонна, однажды утромъ, когда я довольно рано пришелъ въ домъ, князь позвалъ меня къ себѣ. Онъ совершалъ въ то время свой туалетъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, такъ какъ считалъ меня уже вполне своимъ человѣкомъ.

— Не доѣзжая до Шлиссельбурга,—сказалъ онъ,—верстахъ въ 40 отъ Петербурга, на лѣвомъ берегу Невы у меня есть маленькая дача. Тамъ не болѣе 40 душъ крестьянъ, довольно большой деревянный господскій домъ со всѣми удобствами, службы, большой садъ, огородъ, паркъ и, между прочимъ, небольшая оранжерея. Эта оранжерея нагрѣвается посредствомъ огромной печи внутри ея, чѣмъ занято слишкомъ большое мѣсто, и оранжерея стѣснена. Нынѣшнимъ лѣтомъ княгиня съ моимъ семействомъ желаетъ провести тамъ нѣкоторое время, поэтому надо осмотрѣть домъ и службы и что нужно исправить такъ, чтобы княгиня могла прожить тамъ съ тѣмъ комфортомъ, къ которому она привыкла. Изъ Невы въ домъ проведена вода. Говорятъ, что этотъ водопроводъ, устроенный Черникомъ и стоившій порядочную сумму, совершенно испортился. Зная, что по всѣмъ этимъ частямъ вы имѣете хорошія познанія, и основываясь, главнымъ образомъ, на желаніи княгини, которая ни въ какомъ случаѣ не желаетъ поручить это дѣло Чернику и указала на васъ, имѣя къ вамъ полное довѣріе,—я прошу васъ съѣздить въ Елизаветино (такъ зовутъ эту дачу). Осмотрите все подробно, опишите все, что надо и можно сдѣлать, дабы привести дачу въ совершенно исправный видъ, и подайте мнѣ записку, въ которой прошу васъ обозначить, хотя приблизительно, во что могутъ обойтись всѣ предполагаемыя работы.

Я поблагодарилъ князя за его довѣріе и сказалъ, что для меня будетъ самымъ пріятнымъ дѣломъ исполнить его желаніе, и что я готовъ немедленно съѣздить. Князь видимо обрадовался моей готовности, такъ какъ предполагалъ возможность отказа, зная, какъ я занятъ дѣлами по управленію тремя домами.

— Но прежде чѣмъ отправиться,—продолжалъ онъ,—зайдите къ княгинѣ, которая, вѣроятно, будетъ очень довольна, что вы беретесь за это дѣло, и надо полагать, дастъ вамъ, съ своей стороны, кое-какія порученія по этому предмету.

Я откланялся и, часа три спустя, пошелъ къ княгинѣ. Она приняла меня въ своей спальнѣ, и когда я передалъ ей, по какому случаю взялъ на себя смѣлость беспокоить ее, она такъ обрадовалась, что, протянувъ мнѣ обѣ руки, сказала:

— *Savez vous que le Prince n'a pas voulu vous faire cette proposition en vue de vos grandes occupations que vous avez, mais je l'ai persuadé et je suis très contente que je me ne suis pas trompée du zèle et de l'attachement que vous nous montrez à chaque pas. Je vous suis très redevable et intérieurement persuadée que vous menerez nos affaires là-bas avec beaucoup plus de soins et savoir que m-r Tsch-*

nik qui joue le grand seigneur en oubliant pleinement les énormes services que le Prince lui a fait ¹).

Сочтя долгомъ нѣсколько заступиться за Черника, я сказалъ, что онъ еще молодъ, но, насколько я его знаю, уважаетъ князя безгранично.

— Voilà le noble cœur,—воскликнула княгиня,—savez vous, m-r Gervais, vous m'attachez de plus en plus et je serais vraiment heureuse de vous prouver de ma part comme j'estime toute votre noble conduite ²).

Поблагодарилъ я княгиню за ея высокоцѣнное мною расположение и, послѣ общаго совѣта ея съ miss Corr, получилъ нѣсколько порученій. Дабы не даромъ терять время въ Елизаветинѣ, я взялъ съ собою кондуктора и машиниста Прокофьева, и мы пустились въ путь на пароходѣ. Домъ оказался наглухо забитъ, водопроводъ испорченъ по небрежности людей, которые оставили воду въ трубахъ на зиму, вслѣдствіе чего трубы полопались, оранжерея же требовала совершенно новаго устройства. Осмотрѣвъ все подробно, я возвратился вечеромъ домой и составилъ записку. Я предполагалъ сломать въ оранжереѣ всю дѣйствительно громадную печь, которая, требуя огромное количество дровъ, нагрѣвала оранжерею неравномѣрно, такъ что въ противоположномъ концѣ ея температура воздуха была недостаточна для содержанія растений и цвѣтовъ въ необходимой для нихъ теплотѣ. Такъ какъ оранжерея стояла на довольно высокомъ мѣстѣ, то я предположилъ сдѣлать подъ нею углубленіе въ землѣ и поставить туда небольшую чугунную печь, которую выложить внутри англійскимъ кирпичемъ на англійской же огнепостоянной глинѣ; къ печи приспособить два мѣдныхъ котла и систему желѣзныхъ трубъ подъ поломъ, по стропиламъ и между оконными рамами. Кипятокъ долженъ былъ проходить по трубамъ, равномѣрно нагрѣвать всю оранжерею и, по минованіи надобности, стекать въ особый резервуаръ. При этомъ я упомянулъ, что чугунная печь, англійскій кирпичъ, глина и все необходимое количество желѣзныхъ трубъ у меня есть въ наличности: все это найдено мною между разнымъ хламомъ въ зданіи главнаго штаба и не состоитъ вовсе въ описяхъ. Такимъ образомъ главный расходъ требуетъ покупка двухъ мѣдныхъ котловъ, пудовъ въ 20-ть каждый, рублей на 120, и то, что заплатится рабочимъ мастеровымъ изъ

¹) Знаете, князь не желалъ вамъ предложить это въ виду вашихъ усиленныхъ занятій, но я его уговорила и очень довольна, что не ошиблась въ вашемъ усердіи и преданности, которую вы намъ выказываете на каждомъ шагу. Я вамъ крайне обязана и искренно убѣждена, что вы поведете тамъ наши дѣла съ гораздо большимъ стараніемъ и знаніемъ, чѣмъ Черникъ, который играетъ роль барина, совершенно забывая громадныя услуги, оказанныя ему княземъ.

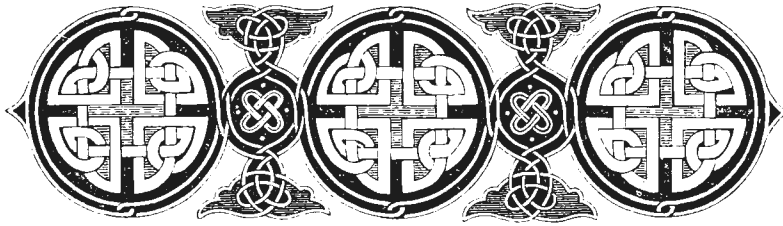
²) Вотъ благородное сердце! Знаете, мосье Жерве, вы привлекаете меня къ себѣ все больше и больше, я, право, была бы счастлива доказать вамъ съ своей стороны, на сколько я уважаю ваше благородное поведеніе.

числа людей, имѣющихся въ достаточномъ количествѣ при садѣ, огородахъ и службахъ. Что касается водопровода, то собственно водоподъемная машина оказалась въ довольно исправномъ видѣ и требовала самой незначительной поправки. Нѣсколько свинцовыхъ трубъ необходимо было частью спаять, частью замѣнить новыми, сажень на пять; этихъ послѣднихъ у меня было также много, и онѣ могли быть положены безъ всякой издержки. Внутри дома я предполагалъ выбѣлить нѣсколько потолковъ, одну комнату оклеить простенькими обоями, всѣ полы паркетные и крашенные вымыть, а паркетные натереть воскомъ, поручивъ это тому же полотеру, который законтрагованъ для дома министра. Всѣ издержки по приведенію въ порядокъ всего дома, водопровода, службъ и оранжереи, по моимъ расчетамъ, не должны были превысить 200—225 рублей. Надо было видѣть, какъ былъ доволенъ князь, когда я представилъ ему эту записку: дѣло въ томъ, что послѣ своего обзора Черникъ представилъ ему записку, въ которой разсчиталъ, что всѣ эти работы обойдутся, если не ошибаюсь, не менѣе 2.000 рублей. Правда, онъ включилъ сюда окраску крыши, что я предоставилъ благоусмотрѣнію князя или княгини, при желаніи которыхъ эта работа могла быть исполнена въ однѣ сутки и обоилась бы въ 400 рублей, такъ какъ крыша зеленого цвѣта. Князь разрѣшилъ тотчасъ приступить къ работамъ. Дня два я употребилъ на заготовку и покупку матеріаловъ, снарядилъ для нихъ пять казенныхъ подводъ въ Елизаветино, а остальную часть матеріаловъ, мастеровыхъ и рабочихъ взялъ съ собою на пароходъ и отправился туда же. Здѣсь я сдѣлалъ необходимыя указанія относительно производства работъ и, когда послѣднія были окончены, возвратился въ городъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

К. Жерве.

ИЗЪ ДАВНО МИНУВШАГО.

I.

Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

Бѣ дѣтствѣ мнѣ часто случалось гостить въ домѣ нашего ближайшаго деревенскаго сосѣда, отставнаго полковника Михаила Герасимовича Ардабьева. Это было въ сороковыхъ годахъ. Ардабьевъ давно уже былъ въ отставкѣ; оставивъ службу, онъ женился на дочери одного богатаго помѣщика нашего уѣзда, взявъ за ней въ приданое нѣсколько сотъ душъ, ретиво принялся устраивать это имѣніе и вскорѣ прослылъ въ округѣ образцовымъ хозяиномъ. Въ сущности хозяйственные приемы Ардабьева были и не новы и не сложны; онъ примѣнялъ къ дѣлу поговорку: «хозяинскій глазокъ—смотрѣкъ»; все, что дѣлалось у него въ полѣ, на гумнѣ, въ амбарахъ, въ лѣсу, усадьбѣ и на деревнѣ, никогда не ускользало отъ его зоркаго глаза, все дѣлалось съ его вѣдома, по его предварительнымъ распоряженіямъ. Дѣла его процвѣтали на удивленіе и зависть сосѣдей, изъ которыхъ очень немногіе лично принимали въ веденіи хозяйства такое непосредственное участіе, какъ Михаилъ Герасимовичъ. Ардабьевъ былъ высокаго роста, бодрый старикъ лѣтъ семидесяти, съ красивыми чертами лица, держался онъ прямо и могъ безъ усталы цѣлые дни съ ранняго утра проводить на сельскихъ работахъ; былъ, какъ самъ онъ говорилъ про себя, «старога лѣса кочерга». Служба его прошла въ самое интересное время. Онъ при-

нималъ участіе во всѣхъ войнахъ Александровской эпохи и былъ кавалеромъ множества русскихъ и иностранныхъ орденовъ, патенты на которые въ рамкахъ за стекломъ красовались на стѣнахъ его кабинета. Въ его время патенты на ордена за военные отличія выдавались за подписью государя, и я помню—любовался затѣйливо-кудрявымъ росчеркомъ на патентахъ Александра I. Изъ иностранныхъ орденовъ я помню прусскій орденъ «Pour le mérite», который полковникъ носилъ на шеѣ; вѣроятно, я потому его и запомнилъ, что мнѣ особенно нравился этотъ большой свѣтло-синій крестъ съ вырѣзами по краямъ, на широкой, черной съ бѣлымъ лентѣ. Кромѣ патентовъ съ царскими подписями, въ кабинетѣ на стѣнахъ висѣло холодное и огнестрѣльное оружіе, а на особо устроенныхъ полочкахъ серебряные и золотые сосуды замысловатой формы: кувшинчики, чашечки и другія посудыны. Все это составляло, такъ сказать, боевые трофеи Ардабьева, было приобрѣтено на поляхъ битвъ или при взятіи непріятельскихъ городовъ. Изъ этихъ вещей у меня осталась въ памяти, тоже очень понравившаяся мнѣ, небольшая чашечка для кофе, золотая съ красивою эмалью, помѣщавшаяся въ особомъ сафьяновомъ футлярѣ. По словамъ Ардабьева, чашечка эта была приобрѣтена имъ за безцѣнокъ отъ одного казака при занятіи и разграбленіи какого-то турецкаго города. Тогда еще было въ обычаѣ отдавать войскамъ на разграбленіе города при взятіи ихъ открытою силой.

Много было у Михаила Герасимовича разказовъ изъ этихъ интересныхъ временъ, и онъ любилъ дѣлиться своими воспоминаніями съ пріѣзжавшими къ нему въ гости сосѣдями; а особенно съ тѣми изъ нихъ, которые подобно ему принимали участіе въ Отечественной и другихъ войнахъ александровской эпохи. Разговоры и разказы, касавшіеся этого времени, обыкновенно начинались, когда собесѣдники послѣ раннего, деревенскаго ужина удалялись въ кабинетъ хозяина. Я усиленно хлопоталъ, чтобы меня непременно положили спать въ этомъ кабинетѣ; большею частью мнѣ это удавалось, и я къ великому моему удовольствію водворялся тамъ на посланной на полу перинѣ; на диванахъ устраивались постели для старшихъ. И вотъ иногда далеко за полночь шли одинъ за другимъ разказы бывалыхъ людей о событіяхъ изъ далекой старины и изъ относительно недавнихъ временъ царствованія Благословеннаго, а я, не подавая знака, что бодрствую, притворяясь спящимъ, неустанно слушалъ и слушалъ эти повѣсти про дѣла дѣдовъ и отцовъ. Конечно, въ бесѣдахъ этихъ первенствовалъ Михайлъ Герасимовичъ.

Со времени Отечественной войны прошло съ небольшимъ тридцать лѣтъ, и событія ея были еще свѣжи въ памяти всѣхъ классовъ общества. Весной въ деревняхъ парни и дѣвки, вода хороходы, распѣвали, помню, такую пѣсню:

И на островъ родился,
 Во Францыи проявился,
 То Наполеонъ!
 Казакъ Платовъ догонялъ,
 Пушки, ружья отбиралъ,
 То Наполеонъ!

Далѣ слова этой патріотической пѣсни я забылъ, знаю только, что въ ней изображались бѣдствія Наполеоновской арміи въ 1812 году съ припѣвомъ къ каждому куплету: «То Наполеонъ!» Въ лавкахъ и у разносчиковъ продавались набивные платки съ изображеніями выдающихся военныхъ событій двѣнадцатаго года или съ картинами политической карьеры Наполеона, какъ, на примѣръ, разстрѣліаніе герцога Ангіенскаго, удушеніе въ тюрьмѣ предводителя Сенъ-Домингскихъ негровъ Туссена-Лувертюра и другія темныя дѣянія Бонапарта; на лубочныхъ картинахъ встрѣчались такія изображенія: мужика Долбины и солдата Гвоздили, какъ гласила надпись подъ картиной, представлявшей худоцаваго француза, опрокинувшася навзничъ подъ ударами дубины мужика Долбины и штыка солдата Гвоздили; тогда же въ народную среду проникли такія слова, какъ «шваль», «шерамыга», «аблимантъ»; первые два, взятые съ французскихъ словъ «cheval» и «cher ami», употребляются, какъ выраженія презрѣнія; извѣстно, что въ двѣнадцатомъ году лошади во французской кавалеріи были въ отчаянномъ положеніи, представляя собой настоящихъ одровъ: въ умѣ русскаго человѣка, слышавшаго отъ французовъ слово «cheval», какъ названіе лошади, съ этимъ словомъ соединилось и утвердилось представленіе о чемъ-то слабомъ и никуда негодномъ. Точно также часто употребляемое французами выраженіе «cher ami», слышанное отъ людей, находившихся въ ужасномъ положеніи отъ голода и холода, въ невозможной, обтерханной одеждѣ, несомнѣнно отразилось въ народномъ умѣ въ видѣ представленія о человѣкѣ, дошедшемъ до послѣдней степени матеріальныхъ лишеній, и, передѣлывая по-своему это выраженіе, народъ обзываетъ «шерамыгой» такую личность, которая даетъ основаніе подозрѣвать, что ея бѣдственный внѣшній видъ—послѣдствіе ея собственныхъ, непохвальныхъ дѣяній. Слово «аблимантъ» употребляется также въ презрительномъ тонѣ; говорятъ, на примѣръ, «я и аблиманту не возьму и глядѣть-то на него»; т. е., не возьму на себя труда, обязанности; слово это несомнѣнно происходитъ отъ французскаго «obligeamment». Вѣроятно, есть и другія слова и реченія, зашедшія въ ту эпоху въ нашу простонародную рѣчь съ французскаго.

И такъ бесѣды собравшихся современниковъ Александра Благословеннаго большею частью вращались около военныхъ событій, происходившихъ въ царствованіе этого государя.

Михаилъ Герасимовичъ всегда упорно стоялъ на томъ, что число

наведенныхъ въ Россію двадцати языковъ было ровно миллионъ, и сердился, когда кто либо изъ собесѣдниковъ, на основаніи новѣйшихъ историческихъ свѣдѣній, оспаривалъ эту цифру, уменьшая ее до пятисотъ или шестисотъ тысячъ.

— Много знаетъ вашъ Махайловскій-Данилевскій,—говаривалъ онъ, когда спорящій ссылался на этотъ авторитетъ.—Однихъ мерзлыхъ было навѣрное больше полумилліона; вѣдь вдоль всей дороги отъ Москвы до Вильны лежали складенные въ большія полѣвницы мерзлые французы; а тутъ вѣдь тысяча верстъ; вотъ и сочти, сколько ихъ тутъ было наложено. Надобно вамъ сказать, что тогда же, не дожидаясь весны, начальство распорядилось согнать мужиковъ, убирать въ полѣвницы и жечь трупы. А сколько погибло въ битвахъ, взято въ плѣнъ, потонуло въ Березинѣ?

Когда рѣчь заходила о причинахъ неудачъ французовъ въ двѣнадцатомъ году, Михаилъ Герасимовичъ высказывалъ такое мнѣніе:

— Конечно, все Господь; Его Божья воля; именно, какъ сказано на медали: не намъ, не намъ, а Имени Твоему; а все же, надобно сказать, что не одинъ только морозъ сгубилъ французовъ; морозъ—морозомъ, но вѣдь морозъ былъ для всѣхъ одинъ—и для нихъ и для насъ. И у нашихъ солдатъ, и даже у насъ, офицеровъ, не было теплой одежды; поодѣвали отъ стужи тоже, что попадетъ подъ руку; иной въ разныхъ отрепьяхъ выглядывалъ не лучше француза. Правда, офицеры потомъ почти всѣ раздобылись полушубками или тулупами; бывало, сразу и не узнаешь, что офицеръ; подпояшешься поверхъ полушубка форменнымъ офицерскимъ шарфомъ, да пристегнешь на грудь офицерскій знакъ¹⁾, только и отличіе. Нѣтъ, не одинъ морозъ сгубилъ Наполеона, много значила храбрость, а главное выносливость нашихъ войскъ.

Ардабьевъ въ составѣ десанта плавалъ въ эскадрѣ адмирала Сенявина въ Архипелагѣ, побывалъ на всѣхъ почти Ионическихъ островахъ, и это плаваніе въ южномъ морѣ, а особенно личность начальника эскадры, было однимъ изъ самыхъ любимыхъ его воспоминаній.

— Да, — говорилъ Михаилъ Герасимовичъ,—вотъ это былъ начальникъ, такъ начальникъ! Строгій, взыскательный, но и знающій; а какой простой, какой хлѣбосоль; за столомъ со всѣми одинаковъ, ласковъ, всѣхъ одинаково угощаетъ, что капитана корабля, что нашего брата пѣхотнаго офицера. Любили его всѣ, и за него готовы были въ огонь и въ воду!

— Въ эскадрѣ съ нами,—разсказывалъ Михаилъ Герасимовичъ,—былъ извѣстный силачъ, флотскій капитанъ Лукинъ. Такъ вотъ съ этимъ силачемъ какой, я вамъ разскажу, былъ случай. Въ де-

¹⁾ Серебряный знакъ въ видѣ полумѣсяца съ изображеніемъ на немъ золотого двуглаваго орла пристегивался на груди около шеи.

сантъ былъ одинъ пѣхотный офицеръ, тоже малый здоровенный, но только, само собой разумѣется, куда же ему до Лукина, который прославился своей силой, можно сказать, на весь свѣтъ! Надо было вамъ сказать, у офицера этого были кривыя ноги, совсѣмъ колесомъ, какъ у какого нибудь калмыка или башкира; въ кавалеріи бы ему служить съ этими ногами, а не въ пѣхотѣ. Такъ вотъ этотъ офицеръ и предложилъ Лукину тянуться съ нимъ на палкѣ¹⁾, утверждая что Лукинъ его ни за что не перетянетъ; ударились объ закладъ, ужъ не помню о сколько червонцевъ. Что жъ вы думаете? Вѣдь не перетянулъ Лукинъ нашего кривоногаго! Потомъ разъясняли, что Лукинъ оттого и не перетянулъ, что у того кривыя ноги—значить упору въ нихъ больше. Ну, говоритъ Лукинъ, далъ же я маху, не сообразилъ эти твои ноги; что дѣлать, твое счастье!.. Да, силачъ-силачъ, а и его убило у насъ ядромъ въ морскомъ сраженіи. И такъ странно вышло, и кривоногаго-то офицера тоже убили въ этомъ сраженіи.

Къ туркамъ, какъ воинамъ, Михаилъ Герасимовичъ относился довольно пренебрежительно. По его словамъ, турки храбро дрались въ крѣпостяхъ и въ укрѣпленныхъ позиціяхъ; тутъ они упорно оборонялись, и ихъ трудно было выгнать. Но при атакахъ стремителенъ и страшенъ былъ только ихъ первый натискъ; имъ давали передъ атакой ошума или гашиша, и подъ вліяніемъ этихъ одурманивающихъ средствъ они лѣзли на штыки, какъ бѣшеные; этотъ искусственно возбужденный пылъ скоро проходилъ; стоило только выдержать это бурное нападеніе, оно уже не повторялось, и вся эта дикая орда, не успѣвъ сломить твердый, пѣхотный строй, обращалась въ беспорядочное бѣгство; тогда оставалось только безъ устали преслѣдовать и колоть бѣжавшихъ. Замѣтимъ отъ себя, что въ то время у турокъ не было регулярныхъ войскъ.

— Вообще, по-моему, турки въ полѣ трусы, — заканчивалъ Михаилъ Герасимовичъ характеристику боевыхъ качествъ этой націи и продолжалъ:—да еще какую подлую манеру взяли: рѣзать головы нашимъ убитымъ и раненымъ. Начальство ихъ, видите ли, выдавало по червонцу за каждую голову. Сказывали, правда,—нѣтъ ли, будто эти головы солили въ боченкахъ и отсылали въ Стамбулъ къ самому султану. И какіе вѣдь закоренѣлые каналы: ужъ если отрѣзалъ голову, то скорѣе съ жизнью разстанется, чѣмъ съ этой головой! Вотъ у меня, я вамъ расскажу, какой былъ случай; надо было вамъ сказать, въ одномъ дѣлѣ моей ротѣ велѣно было сѣсть въ засаду въ виноградникъ и отнюдь не стрѣлять до времени. Пе-

¹⁾ Тянутся на палкѣ такимъ образомъ: противники садятся на полъ, вытянувъ ноги и упирались одинъ другому въ подошвы, а руками уцѣпившись за палку, которая такимъ образомъ приходится между ними на уровнѣ груди, и по командѣ вразъ начинаютъ тянуть каждый къ себѣ.

редь виноградникомъ было открытое мѣсто, и на немъ пагахъ во ста отъ насъ валялся нашъ убитый солдатъ. Вдругъ я замѣтилъ, что изъ-за холмика, который былъ тутъ по близости, выползъ турокъ и сталъ осторожно, потихоньку, овираясь на всѣ стороны, словно охотникъ какой, подбираться къ убитому; турокъ этотъ былъ уже старикъ съ сѣдой бородой, довольно полный, въ чалмѣ, курткѣ, на ногахъ туфли, въ рукѣ ятаганъ наголо. Я тотчасъ послалъ трехъ солдатъ виноградникомъ ему въ тылъ, чтобы захватить его и не дать ему надругаться надъ нашимъ убитымъ; однако онъ успѣлъ прежде ихъ подобраться къ тѣлу, живо отрѣзалъ голову и побѣждалъ, держа ее за волосы, къ тому мѣсту, откуда появился, но вдругъ увидѣлъ подбѣгавшихъ къ нему моихъ солдатъ. Тутъ недалеко росло толстое чинаровое дерево; турокъ прислонился къ нему спиной, держа въ одной рукѣ отрѣзанную голову, а въ другой обнаженный ятаганъ. Вѣдь вотъ какой, говорю я вамъ, закоренѣлый; чего ужъ тутъ, смерть на носу, а онъ нѣтъ таки, не бросаетъ головы, все держитъ ее, какъ и невѣсть какое сокровище! Солдаты подбѣжали къ нему, онъ что-то залапоталъ имъ—по дальности я не слышалъ голоса, а только видѣлъ, что онъ раскрываетъ беззубый ротъ и болтаетъ языкомъ. Солдаты съ разбѣга всадили въ него штыки и положили на мѣстѣ. Такъ вотъ какіе воины: старичишка, а идетъ рѣзать голову убитаго; тоже, видите, желательно прослыть храбрецомъ и получить червонецъ! Потомъ главнокомандующій Михаилъ Ларионовичъ Кутузовъ послалъ къ ихнему визирю парламентаря съ объявленіемъ, что если будутъ рѣзать головы, то онъ велитъ вѣшать ихъ плѣнныхъ; а надобно вамъ сказать, у турокъ повѣшеніе считается самой поворной смертью: вѣшаютъ де только собакъ!.. Ну, послѣ этого объявленія, а особливо, когда повѣсили на аванпостахъ человѣкъ двухъ плѣнныхъ, рѣзаніе головъ прекратилось!

Великъ былъ запасъ воспоминаній Михаила Герасимовича изъ событій первыхъ четырнадцати лѣтъ нашего столѣтія; въ воспоминаніяхъ этихъ встрѣчались эпизоды изъ боевой жизни у себя на родинѣ и за границей, мелкія черты изъ жизни тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей, которыя довелось наблюдать или самому Ардабьеву, или слышать отъ своихъ современниковъ, такъ что если бы эти воспоминанія остались не въ устномъ преданіи, а получили бы болѣе прочную форму письменнаго изложенія, они навѣрное составили бы цѣнный матеріалъ для характеристики того времени. Къ сожалѣнію, моя дѣтская память удержала очень немногое изъ слышаннаго отъ Ардабьева; вѣроятно, только то, что особенно поразило дѣтское воображеніе, какъ, на примѣръ, картина сложенныхъ по дорогѣ цѣлыми полѣницами мерзлыхъ французовъ, или бѣгущаго съ отрѣзанной головой въ рукѣ старика турка, погибающаго тутъ же подъ штыками солдатъ. Но когда воскрешаю въ памяти образъ Михаила Герасимовича, складъ его рѣчи, стараюсь вызвать изъ забвенія слы-

шанные отъ него рассказы, предо мной довольно отчетливо возстають еще рассказанные имъ, какъ очевидцемъ, два эпизода изъ царствованій императоровъ Павла и Александра I. Въ нихъ встрѣчаются черты, какія оказываются въ характерѣ этихъ государей и по новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ. Постараюсь, насколько удастся мнѣ возстановить въ памяти складъ рѣчи ветерана рассказчика, передать эти эпизоды его словами. — «Надобно вамъ сказать», — этой часто употреблявшейся имъ фразой полковникъ начиналъ нерѣдко свои повѣствованія, — «надобно вамъ сказать, что я изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ; у батюшки съ матушкой, царство имъ небесное, было всего пятнадцать душъ мужеска пола, а семья была порядочная: три сына и три дочери. Я прожилъ дома до двадцати лѣтъ, когда богатый сосѣдъ нашъ, Семень Петровичъ Худояровъ, вздумалъ сряжать сына своего Ивана на службу въ Петербургъ, въ гвардію. Покойный батюшка упросилъ Худоярова отправить съ сыномъ и меня. Это былъ очень подходящій случай; какъ никакъ, на службу поступать надо, а тутъ есть случай ѣхать въ самый Петербургъ, да еще и даромъ тысячу верстъ. Мы съ Иваномъ Худояровымъ отправились въ путь послѣ хлѣбной уборки и пріѣхали въ Петербургъ незадолго до кончины императрицы Екатерины II. Худояровъ поступилъ рядовымъ въ Семеновскій полкъ. Надобно вамъ сказать, я былъ парень рослый, видный, что называется кровь съ молокомъ; меня тоже зачислили рядовымъ въ Семеновскій полкъ въ одну роту и плутогъ ¹⁾ съ землякомъ Худояровымъ. Въ началѣ ноября скончалась императрица Екатерина, на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ, и сряду же начались всякія перемѣны и въ строю и въ обмундированіи. Особенно намъ, солдатамъ, претили пукли, косы и штилеты; бывало цидульничъ туго-натуго подовѣтъ тебѣ пукли, скрутить косу, такъ что слеза прошибетъ, потомъ намажетъ ихъ свѣчнымъ саломъ и обышлетъ ржаной мукой; штилеты были длинные, выше колѣнъ, изъ телячьей кожи; чтобы надѣть, надо было сначала размочить ихъ и мокрыми натянуть на ноги задолго до какого нибудь парада или развода, или выхода въ караулъ; а высохнуть — опять бѣда: ноги сдѣлаются, какъ палки, согнуть нельзя; ни присѣсть тебѣ, ни пройти, какъ должно; сиди все время съ вытянутыми ногами, а идти — такъ вышагивай, точно журавль. А ужъ эти пукли и косы, вотъ ужъ было чистое наказаніе! Бывало въ караулѣ и не подумай прислониться головой къ стѣнѣ и немного подремать: того гляди сомнешь косу, либо пуклю; а то и такъ бывало: коли вздремнешь покрѣпче, хватъ и нѣтъ либо косы, либо пуклей — крысы отъѣли! Да, ужъ въ этомъ, надобно сказать, служба была тяжела. Гвардейскіе полки по очереди ходили въ караулъ во дворецъ, но насъ съ Худояровымъ, какъ новичковъ, въ

¹⁾ По-нынѣшнему взводъ.

такой карауль не назначали. Времени свободнаго, по правдѣ сказать, было довольно, и я имъ воспользовался. Дома я выучился только читать церковную печать, а въ Петербургѣ, въ гвардіи, благо нашлись между товарищами добрые люди, которые занялись со мной, я выучился читать и писать по гражданскому и ариметикѣ; особенно я благодаренъ за выучку этой наукѣ; безъ учителя её понять мудрено, а она вѣдь корень, можно сказать, мать всѣхъ наукъ. На слѣдующій годъ и насъ съ Худояровымъ стали назначать въ дворцовый карауль, сначала на наружныя, а потомъ и на внутреннія посты. Надобно вамъ сказать, что у Павла Петровича была любимая собака; такъ себѣ немудрящая собаченка изъ дворняшекъ; мохнатенькая, небольшого роста; бывало все съ государемъ, куда онъ, туда и она: на прогулки, на смотры, парады, разводы, всюду за нимъ; бывало императоръ стоитъ, смотритъ, какъ проходятъ войска, и она около него сядетъ на заднія лапы и тоже ровно присматривается, какъ идутъ солдаты, поворачиваетъ морду, то на одну, то на другую сторону; а то, когда стоишь въ караулѣ, подойдетъ къ часовому, сядетъ противъ на заднія лапы и долго, долго смотритъ на него. Звали ее Серваномъ ¹⁾. Рассказывали, что какъ-то на прогулкѣ Павелъ Петровичъ увидалъ, какъ мальчишки тащили къ Невѣ топить собаченку; собаченка какъ-то вырвалась, бросилась бѣжать въ ту сторону, гдѣ былъ императоръ, и, подбѣжавши къ нему поближе, сѣла передъ нимъ на заднія лапы; она была въ самомъ негодномъ видѣ: съ веревкой на шеѣ, худая, облѣзлая; государь сжался надъ ней, велѣлъ ее взять къ себѣ во дворецъ, назвалъ Серваномъ, и съ тѣхъ поръ она не разставалась съ нимъ. Вотъ чрезъ этого Сервана мы съ Худояровымъ попали было въ такую бѣду, что, прямо можно сказать, одно чудо спасло насъ! Какъ-то разъ мы назначены были съ Худояровымъ въ дворцовый карауль на внутренній постъ въ парные часовые къ дверямъ царской столовой. Тогда часовымъ на внутреннихъ дворцовыхъ постахъ вмѣсто ружей давали такія высоченныя, сажени по полторы длиннику—аллебарды: наверху топорикъ съ пикой, а подъ нимъ подвѣшена большая пѣвѣнная кисть. Этой аллебардой отдавали кому слѣдуетъ по артикулу честь; стоять съ ней надобно было, держа ее въ одной рукѣ и оставивъ отъ себя на длину руки. Несуразная была штука эта аллебарда! Намъ съ Худояровымъ пришлось стоять какъ разъ во время царскаго ужина. Мы стояли по обѣимъ сторонамъ затворенной двустворчатой двери въ огромной пустой залѣ; посрединѣ съ потолка свѣшивалась большущая стеклянная люстра со множествомъ зажженныхъ свѣчей; нѣсколько другихъ дверей выходило въ эту залу, и съ обѣихъ сторонъ каждой двери висѣли такія же люстры съ зажженными свѣчами, только много меньше той, что была посре-

¹⁾ Вѣроятно, съ французскаго «servant»—служащій.
«истор. вѣстн.», августъ, 1898 г., т. LXXII.

динѣ. Въ залѣ было свѣтло, тепло, какъ лѣтомъ въ ясный, солнечный день; стѣны, полъ блестѣли точно зеркальные; мнѣ даже стало какъ-то весело на сердцѣ и вспало на мысль: дай посмотрю, какъ купаются пари, такъ же ли, какъ и мы, грѣшныя? Конечно, молодѣ еще быть, глупѣ! Вотъ я потихоньку и пріотворилъ немного одну половинку дверей. Столовая была много меньше залы, гдѣ мы стояли; посрединѣ былъ столъ, за которымъ кушала царская семья; я разглядѣлъ, что, кромѣ государя, государыни, тутъ были великіе князья Александръ и Константинъ съ супругами, еще какіе-то генералы и барыни; императоръ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Но долго разглядывать мнѣ не пришлось. Вдругъ мнѣ показалось, что императоръ поворачиваетъ голову въ мою сторону, и въ то же время я почувствовалъ, что кто-то силится шире раскрыть дверь... Я поспѣшилъ пріотворить ее, и въ ту же секунду раздался отчаянный, собачій визгъ!.. Это я прищемилъ Сервана, который просунулся было въ пріотворенную мною дверь.

— Что тамъ такое?—послышался хриплый, гнусавый голосъ Павла Петровича вмѣстѣ со стукомъ отодвигаемаго стула.

Мы съ Худояровымъ оробѣли, засуетились, и ужъ не знаю, какъ его угораздило задѣть аллебардной одну изъ люстръ, что висѣла у двери. Задребезжали разбитыя стекла, дверь изъ столовой отворилась, и мы увидѣли предъ собой разгнѣваннаго Павла Петровича; былъ ли еще кто съ нимъ, я уже не разсмотрѣлъ отъ испуга. Говоря откровенно, надобно сказать, что Павелъ Петровичъ былъ не красивъ; однако въ спокойномъ видѣ у него въ лицѣ была какая-то пріятность, какъ бы сказать, доброта, что ли. Но тутъ предо мной былъ совсѣмъ другой человѣкъ: глаза точно хотѣли выскочить, лицо поблѣднѣло, даже нѣсколько посинѣло, словно у мертваго, на губахъ показалась пѣна; говорить онъ отъ гнѣва не могъ и только судорожно тыкалъ на насъ пальцемъ. Я, какъ говорится, не взвидѣлъ свѣта; все помутилось у меня въ головѣ; зала съ ея огнями, товарищъ Худояровъ, все куда-то пропало; я видѣлъ предъ собой одного только Павла Петровича въ его ужасающемъ отъ гнѣва видѣ.

— Дать имъ!.. Дать имъ!.. По пятидесяти фухтелей!.. — вырвалось наконецъ вмѣстѣ съ пѣной прерывающимся хрипѣніемъ гнѣвное приказаніе Павла.

Кто-то меня подхватилъ, потащилъ, и мы опомнились съ Худояровымъ уже въ кордегардіи. Горе и страхъ нашъ нельзя и рассказать. Пятьдесятъ фухтелей!.. Вѣдь это знаете, чѣмъ пахло? Это ни больше, ни меньше, какъ пятьдесятъ ударовъ плашмя обнаженнымъ тесакомъ по спинѣ и прочему. Я видалъ, какъ давали много меньше этихъ фухтелей, и то люди долго не могли оправиться. Говорить, что мы дворяне? Но къ чему это поведетъ, кто послушаетъ, когда самъ императоръ лично отдалъ такое приказаніе? Ужъ не знаю, не

могу вамъ сказать, почему не тотчасъ было выполнено это приказаніе, но только вскорѣ, такъ черезъ полчаса, въ кордегардію явился великій князь наслѣдникъ Александръ Павловичъ. Онъ тогда командовалъ Семеновскимъ полкомъ.

— Исполнено наказаніе? — освѣдомился онъ у начальника караула.

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское высочество, — отвѣчалъ начальникъ.

— Такъ не наказывать, а государю доложить, если спросить, что исполнено, — распорядился великій князь.

Александръ было тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Всѣмъ извѣстно, какой это былъ красавецъ. Но тутъ мнѣ показалось, что самъ ангелъ въ его образѣ явился къ намъ въ кордегардію. Съ невыразимо милой, благосклонной улыбкой, которую и описать трудно, онъ взглянулъ на насъ съ Худояровымъ, и отъ этой улыбки, отъ этой неожиданной милости, избавлявшей отъ варварскаго наказанія, просвѣтлѣло въ душѣ, и плохо освѣщенная кордегардія показалась лучше горѣвшей огнями царской залы.

Больше насъ съ Худояровымъ на внутренніе посты во дворецъ не назначали, а еще черезъ годъ я былъ выписанъ въ армію подпоручикомъ.

Уѣхавши изъ Петербурга, я долго не имѣлъ счастья видѣть вблизи Александра Павловича: то стоялъ съ полкомъ въ такихъ захлустяхъ, въ которыхъ не доводилось быть государю, то находился въ заграничныхъ походахъ. За все время до четырнадцатаго года, если и случалось видѣть его, то мелькомъ, да и то издали.

Въ началѣ тысяча восемьсотъ четырнадцатаго года я былъ уже капитаномъ, командующимъ баталіономъ въ Козловскомъ мушкатерскомъ полку; младшій братъ мой Егоръ въ чинѣ подпоручика командовалъ одной изъ ротъ въ моемъ баталіонѣ. Передъ нашимъ полкомъ всегда бывало ходилъ козелъ; солдаты первой гренадерской роты ¹⁾ подыскали большого козла съ огромными рогами, бѣлой какъ кипень длинной шерстью, раскормили его такъ, что козелъ вышелъ на славу! Бывало на походѣ идетъ впереди нѣсельниковъ или музыкантовъ; шерсть мягкая да длинная, борода тоже длинная, рога вызолочены, на нихъ повѣшены бубенчики, погремушки разныя; идетъ себѣ козелъ преравно, бородой потряхиваетъ, да нѣтъ, нѣтъ, подыметъ на дыбки, да такъ и пройдетъ нѣсколько шаговъ; ну, всѣ и знаютъ, что идетъ нашъ Козловскій полкъ. Съ этимъ козломъ прошли всю Германію и вступили во Францію.

Въ день взятія союзниками Парижа, девятнадцатаго марта, нашъ полкъ участвовалъ въ занятіи Монмартскихъ высотъ. Дѣло, правду сказать, было не изъ горячихъ; непріятель держался слабо и скоро

¹⁾ Въ мушкатерскихъ полкахъ первыя роты баталіоновъ назывались гренадерскими, а въ егерскихъ полкахъ карабинерными.

уступалъ. Мы не смѣли подвигались впередъ, когда по всей линіи раздался отбой, и мы остановились. Вскорѣ по войскамъ прошла вѣсть, что Парижъ сдается на капитуляцію. Пальба повсемѣстно прекратилась, но приказанія двигаться впередъ не было, и мы продолжали стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ насъ засталъ отбой. Мѣсто это было на полугорьѣ, а внизу разстилалась равнина, по которой раскидано было множество мѣстечекъ и отдѣльныхъ домовъ; между ними виднѣлись повсюду двигавшіяся наши и союзническія войска; день былъ ясный, и съ горы далеко видно. Нашимъ полкомъ командовалъ генераль-майоръ Трубачевъ, человекъ очень горячій, бывало ни за что оборветъ. Надобно вамъ сказать, что за время похода солдаты страшно оборвались и обносились; поэтому незадолго до того, какъ подошли къ Парижу, начальство отдало приказъ, чтобы захваченные во французскихъ складахъ и обозахъ мундиры и кивера пригнать на нашихъ солдатъ, а такъ какъ у французовъ были синіе мундиры, то окрасить сажей въ черный цвѣтъ ¹⁾. Для этого въ роты и были розданы французскіе мундиры и кивера, чтобы окрасить и пригнать. Въ то время какъ мы послѣ отбоя стояли, ожидая приказаній, нашъ генераль вздумалъ провѣрять, исполнено ли распоряженіе на счетъ мундировъ. Рота моего брата стояла на лѣвомъ флангѣ полка, какъ разъ на одной изъ дорогъ, ведущихъ съ равнины на Монмартръ; тутъ же валялись двѣ пушки, брошенныя непріятелемъ при отступленіи. Когда генераль подъѣхалъ къ моему баталіону, я, конечно, честь честью поѣхалъ съ нимъ по ротамъ. На вопросъ, изготовлены ли французскіе мундиры, братъ отвѣчалъ, что не успѣлъ. Вотъ генераль и напустился на него:

— Какъ вы смѣете, — кричитъ, — не исполнять въ точности приказанія высшаго начальства? Готовимся вступить въ столицу Франціи, а въ чемъ вы вступите? Развѣ можно вести такихъ оборванцевъ? Да я васъ на гауптвахтѣ заморю! Роту отниму! Да я васъ... вдругъ послышались крики «ура», сначала гдѣ-то вдаль, въ равнинѣ, потомъ стали все разливаться шире и шире, ближе да ближе... Командиръ примолкъ; всѣ мы обратились въ ту сторону, откуда неслись крики, и увидѣли приближающуюся къ Монмартру большую толпу всадниковъ; крики «ура» все разрослись, усиливались, охватили всю линію войскъ и неслись, словно какая буря. Не было сомнѣнія, что это приближается государь. Ему надобно было ѣхать, какъ разъ той дорогой, на которой мы стояли. Вотъ уже мы отчетливо стали различать лошадей и мундиры громадной свиты, впереди которой ѣхали государь и прусскій король. Наконецъ они приблизились къ намъ. Государь остановился. Конечно, съ тѣхъ поръ,

¹⁾ Пишущій эти строки, состоя полковымъ адъютантомъ и разбирая приказы по полку за 1814 годъ, самъ читалъ приказы о такой передѣлкѣ французскихъ мундировъ и киверовъ.

какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, онъ много перемѣнился, возмужалъ, но все также былъ красивъ, а въ эту минуту особенно: радостью свѣтлѣло лицо его, любовью и благоволеніемъ.

— А — а, — сказалъ онъ, увидѣвъ брошенныя французскія пушки.—Непріятельскія орудія!.. Кто ротный командиръ?

Нашъ генераль представилъ брата.

— Поздравляю васъ,—обратился императоръ къ брату,—георгіевскимъ кавалеромъ,—и съ этими словами тронулъ лошадь; оба государя, сопровождаемые свитой двинулись далѣе. Отъ свиты отдѣлился какой-то молодой полковникъ, спросилъ брата, какой полкъ, рота, чинъ, фамилію и сталъ записывать въ книжечку.

— Позвольте, господинъ полковникъ, объяснить...—началъ было братъ, желая сказать, какъ очутились тутъ пушки, но полковникъ прервалъ его словами:

— Некогда, некогда, г. офицеръ!—и ускакалъ за удалявшеюся свитой.

Ну, конечно, послѣ этого отошелъ гнѣвъ и у нашего командира, онъ поздравилъ брата, сказалъ, что давеча погорячился, что кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ...

Такимъ-то манеромъ братъ мой удостоился такой великой милости; не спалъ, не видѣлъ, а просто, можно сказать, на радостяхъ получилъ Святого Георгія четвертаго класса!

II.

Дуня краденая.

Няня Авдотья Антоновна вынянчила въ нашей семьѣ два поколѣнія: нашу мать и насъ, ея дѣтей. Но Авдотья Антоновна, кажется, никогда не признавала свои обязанности оконченными, потому что, когда я уже взрослымъ пріѣзжалъ домой, няня каждый вечеръ на сонъ грядущій являлась меня укладывать: подоткнетъ одѣяло, поправитъ подушки и усядется въ ногахъ у моей кровати съ классическими круглыми очками на носу и шерстянымъ чулкомъ на толстыхъ спицахъ. Я не препятствовалъ Авдотѣ Антоновнѣ; эти заботливыя ухаживанья такъ напоминали далекое, милое дѣтство. Тогда, въ дѣтствѣ, няня, занявъ, бывало, свою позицію въ ногахъ кровати, начинала рассказывать сказки, которыя, смотря по ихъ содержанию и степени новизны, или вовсе прогоняли сонъ, или создавали какую-то особую прелесть изъ перехода отъ дѣйствительности ко сну, когда сказочные, фантастическіе образы смѣшивались съ образами, выплывавшими изъ слабѣйшаго сознанія. Съ большимъ «дѣтей», какъ продолжала насъ называть няня, сказки замѣнялись рассказами и воспоминаніями о томъ, какъ жили въ старину.

— Что, батюшка, давно хотѣла я тебя спросить: кончилось ли у васъ насчетъ Мурзихинской-то дачи? — спросила Авдотья Антоновна, уложивъ меня и усѣвшись на своемъ мѣстѣ, однажды вечеромъ, при посѣщеніи мною нашего имѣнія, гдѣ въ заброшенной барской усадьбѣ продолжала жить старушка.

— Что ты, няня! все давнымъ-давно кончено, еще при покойномъ отцѣ,—отвѣчалъ я.

— Ну, то-то же; а то вѣдь я помню «все» Петръ Петровичъ этотъ препятствовалъ.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ въ нашемъ уѣздѣ проживалъ богатый помѣщикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Петровичъ Богдановъ, владѣлецъ чуть ли не десяти тысячъ душъ крестьянъ; главная резиденція его находилась верстахъ въ десяти отъ нашего села. Этотъ Петръ Петровичъ былъ совладѣльцемъ по Мурзихинской дачѣ, въ которой ему принадлежала самая значительная часть; желая захватить себѣ лучшіе участки, онъ являлся единственнымъ препятствіемъ къ благополучному окончанію такъ называвшагося «полюбовнаго» размежеванія этой дачи, которое и тянулось что-то необыкновенно долго. Кромѣ среднихъ и мелкихъ дворянъ, совладѣльцами были и казенные крестьяне, представителемъ которыхъ на сѣздахъ для полюбовнаго размежеванія являлся правительственный чиновникъ, носившій официальное названіе «уполномоченный отъ министерства государственныхъ имуществъ», но крестьяне передѣляли этотъ титулъ и называли этого защитника ихъ интересовъ коротко «маломошный». Дѣйствительно, большею частью, уполномоченный, вращаясь въ помѣщичьей средѣ, ночуя, обѣдая, ужиная у мѣстныхъ дворянъ, какъ-то слабо поддерживалъ интересы крестьянъ; не «держалъ», по ихъ выраженію, «ихъ руку».

— Да, ужъ этотъ Петръ Петровичъ, прости Господи, вотъ жадный-то, все бы ему одному; весь видно въ папеньку, покойнаго Петра Ѳедоровича. Вотъ тоже былъ человѣчекъ! Вѣдь богатство-то это все онъ нажилъ, Петръ Ѳедоровичъ! — проговорила няня, впадая въ область своихъ воспоминаній, и продолжала: — отъ родителей-то всего у него было сто ли, полтора ста ли душъ, а теперь на-ко какое царство! А все вѣдь какъ? Почитай все грабежомъ! Спервоначала-то, слышь, кого-то обыгралъ въ карты. Какъ завелись денежки, вошелъ въ дружбу съ приказными; поить, кормить, ну, такая пріязнь, что водой не разольешь; вотъ онъ и давай оттягивать у сосѣдей, которые не изъ крупныхъ, ихъ вотчины. Сказывали, дока былъ въ этихъ самыхъ бумагахъ и законахъ; сейчасъ напишетъ въ судъ прошеніе, что такъ и такъ молъ, сосѣдъ владѣеть моимъ имѣніемъ; того въ судъ, а тамъ у Петра Ѳедоровича всѣ други, всѣ пріятели, ну, и отсудятъ ему чужое добро. Такимъ-то манеромъ онъ многихъ по сосѣдству обобралъ; которые сами продали ему за безцѣнокъ, чтобы уйти отъ расходовъ да волокиты.

Собралось у него ужъ за тысячу душъ; тутъ уже онъ сталъ большой панъ; началъ тягаться съ кѣмъ и покрупнѣе, да съ денешками и пріятелями все прибиралъ, да прибиралъ вокругъ къ своимъ рукамъ. У него и мужики-то, слышь, не умирали; онъ всѣхъ принималъ къ себѣ: бѣглыхъ разныхъ, бродягъ, ссыльныхъ, да и записывалъ ихъ подъ именами тѣхъ мужиковъ, что поумирали. Съ такими бродягами расправа у него была короткая: чуть что не такъ, сейчасъ его на водяную мельницу подъ колесо, и поминай, какъ звали. А ужъ до бабъ и дѣвокъ какой былъ лютой! Вѣда! Такъ жили въ домѣ полюбовницы изъ своихъ крѣпостныхъ, кто въ ключахъ ходилъ ¹⁾, кто въ горничныхъ при барынѣ; а то у кого изъ мелкопомѣстныхъ понравится ему дочка, упробитъ погостить къ своей женѣ; ну, конечно, отказать не смѣютъ, а тамъ, глядишь, дочка-то назадъ ѣдетъ съ прибылью. А то еще такой порядокъ у него былъ: какъ отъ вѣнца, такъ молодая, чтобы къ нему; ну, которая понравится, оставить у себя ночевать, которую такъ отпустить; вотъ за это больше всего мужики его и не любили. И сынокъ-то, Петръ Петровичъ, теперь не слышно, а смолоду то же творилъ, что и папенька; служилъ онъ въ Питерѣ и въ вотчину наѣзжалъ только по лѣтамъ; такъ до него не смѣли ни одной свадьбы вѣнчать; когда пріѣдетъ, начнутъ вѣнчать, и молодыхъ бабенокъ изъ-подъ вѣнца къ нему. А тоже вѣдь женатый самъ; да что и говорить, грѣхководники были окаянныя! У Петра Ѳедоровича всего и дѣтей было, что два сына; старшій Ѳедоръ Петровичъ и второй Петръ Петровичъ. Петръ Петровичъ по судамъ служилъ, а старшій братъ въ Питерѣ, въ полку, при самой царцѣ; Катерина тогда была царица. Служилъ тамъ, служилъ Ѳедоръ Петровичъ, да и замотался; въ картишки ли проигрался, казенныя ли деньги протурилъ, ужъ не могу тебѣ сказать. Только пишеть родителю, такъ и такъ, высылай деньги, а то совсѣмъ капуть пришелъ! Петръ Ѳедоровичъ взбѣсилъ, да отказъ ему; знать, моль, тебя безпутнаго не хочу. Ѳедоръ Петровичъ изъ полка бѣжать... Подобралъ себѣ молодцовъ, да и давай разбойничать по большимъ дорогамъ. А тѣмъ часомъ Петръ Ѳедоровичъ, ничего не зная, не вѣдая, смилостивился и послалъ въ Питеръ къ сыну съ деньгами и разнымъ добромъ его стараго дядьку, который выходилъ Ѳедора Петровича; надобно же быть грѣху, молодцы-то Ѳедора Петровича, не знавши, что это дядька, встрѣтили его гдѣ-то и ухлопали. Еще пуще осатанѣлъ отъ этого Ѳедоръ Петровичъ и хотѣлъ непременно добраться до отца; очутился съ шайкой въ лѣсу, верстахъ во ста отъ отцовской вотчины; тутъ на него послали команду; разбойниковъ кого убили, кого переловили; Ѳедора Петровича тоже убили; его признали по примѣтѣ на щекѣ; когда его мать была имъ тяжела, во снѣ увидѣла мышъ, испугалась, и ребенокъ родился съ

¹⁾ Ключницей.

мышью на щекѣ; красное такое пятно, какъ есть мышь! У вашего прадѣдушки Михайлы Ивановича и-и какая ссора завелась съ Петромъ Ѳедоровичемъ; такъ и умерли оба не помирившись. А дѣло стало вотъ изъ-за чего.

Тутъ няня приостановилась, улыбнулась, какъ бы вспомнивъ что-то особенно пріятное, покачала головой и промолвила:

— Охъ, дѣла, дѣла!

И продолжала:

— Бабинька ваша, Алена Михайловна, куда изъ себя красивы были: что ростъ, что глазъ, что бровь, что коса, всѣмъ взяла; нонѣ что-то ужъ и не видашь такихъ красавицъ; бывало, какъ пойдутъ въ манимаскѣ или въ матрадурѣ, танцы такіе тогда были, такъ что это только такое? Картина, заглядѣнье! Или русскую, плыветъ тебѣ, ровно лебедь бѣлая. Я при нихъ тогда во фрейлинахъ была. Крѣпко понравилась бабинька Петру Ѳедоровичу, онъ и присталъ къ прадѣдушкѣ, пусти да пусти погостить къ его женѣ Алену Михайловну. Наши господа пуцай и не изъ крупныхъ были, такъ надо сказать, изъ средственныхъ дворянъ, а барскую честь свою высоко ставили. Прадѣдушка сталъ отказывать, а Петръ Ѳедоровичъ пуще приставать, нашъ баринъ и скажи ему: «Ну, какъ я къ тебѣ пушу дочь, когда не то, что гостить, а и такъ бывать у тебя въ домѣ хорошей дѣвицѣ не приходится». Осердился на это Петръ Ѳедоровичъ и тогда же, слышь, сказалъ: «Ну, ладно, сосѣдь любезный, попомни ты это себѣ, да не забудь», а старыи баринъ на отвѣтъ: «Э!—говорить,—Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!». Мы тогда, особливо по зимамъ, въ праздники, часто ѣздили въ Сосновку къ Шигаевымъ; родня еще они приходились вамъ. Вотъ гдѣ веселье-то было! Домъ большой, господъ съѣдется много, особливо на святкахъ, на масляную; рядятся, пляшутъ, кіятръ представляютъ: «Филатку и Мирошку», «Мельникъ-колдунъ»; и тутъ бабинька была изъ всѣхъ первая; голосъ какой былъ! Бывало, въ «Филаткѣ и Мирошкѣ», какъ выйдутъ да запоютъ:

«Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
Вѣкъ бы тѣ цвѣты расцвѣтали,
Ахъ, кабы не кручина,
Ни о чемъ бы я, млада, не тужила!»

Такъ инда слеза тебя прошибетъ. Вотъ какъ-то вскорѣ послѣ того, какъ у прадѣдушки съ Петромъ Ѳедоровичемъ размолвка вышла, на святкахъ поѣхали мы въ Сосновку. Народу собралось, какъ водится, веліе; и Петръ Ѳедоровичъ тутъ—его крѣпша была верстахъ въ десяти отъ Сосновки; къ бабинькѣ не подходитъ, а только глазъ съ нея не спускаетъ; вытаращилъ глаза, ровно сова, а самъ все теребитъ себя за бакенбарды; жиденькія такія росли онѣ у него; лысына во всю голову, чай лѣтъ шестьдесятъ ему было тогда. По-

гостили господа въ Сосновкѣ, навеселились и собрались ѣхать по домамъ. Петръ Ѳедоровичъ уѣхалъ впередъ всѣхъ. Былъ у него лакей, болтали, что изъ бѣглыхъ-ссылныхъ, Истукашкой ¹⁾ звали; ужъ и подлинно настоящій истуканъ: сажень ростомъ, да толстый, ровно медвѣдь; сказывали, въ немъ было десять пудовъ; лапищи тоже, какъ у медвѣдя, голова съ пивной котель, волосы на головѣ косматые, овины овиномъ, рожа разбрюзгая отъ пьянства, на бордѣ и ухахъ волосъ отъ волоса не слышать человѣчьяго голоса. Петръ Ѳедоровичъ всегда его возилъ съ собой, въ родѣ какъ бы бѣлохранителя.

Выѣхали мы изъ Сосновки ужъ при огняхъ, въ открытыя саняхъ тройкой; барышня Алена Михайловна съ тетенькой Анной Ивановной, сестрой стараго барина, дѣвицей, сидѣли рядомъ, я у нихъ въ ногахъ, а на козлахъ съ кучеромъ увязался съ нами офицеръ Алексѣй Максимычъ Трындинъ; это то-есть самый твой дѣдушка теперь. Тогда у насъ въ округѣ гусары стояли, и Трындинъ служилъ въ этомъ полку, а вотчина его была въ другомъ уѣздѣ рядомъ съ нашимъ. Крѣпко приударялъ онъ за Аленой Михайловной, ферлакурилъ, какъ говорили тогда господа; ну, и бабинька тоже склонность къ нему оказывали; ну, конечно, человѣкъ молодой, да и видный изъ себя къ тому же. Въ одно время выѣхали съ нами изъ Сосновки еще троекъ пять; кои разѣхались, еще не доѣзжая Богдановской крѣпости, а тройки двѣ должны были ѣхать съ нами до самаго нашего села. Только мы стали подъѣзжать къ Богдановской крѣпости, глядимъ, у самой дороги стоятъ сани тройкой; поровнялись мы съ ними; видимъ, лошади господскія, Богдановскія, сани тоже господскія съ ковромъ, а въ саняхъ, окромя кучера, мужиковъ человѣкъ пять, и промежъ нихъ стоитъ ровно столбъ верстовой Истукашка, да такъ пристально, пристально всматривается въ насъ. А ночь-то была свѣтлая, мѣсячная, видно, какъ днемъ. Проѣхали мы, я и говорю: «ой, господа, не ладно что-то! Не было бы за нами погони; давайте-ка, барышня, говорю Аленѣ Михайловнѣ, перемѣнимся съ вами: вы надѣньте мой полушубокъ, а я вашъ салонъ». На барышнѣ былъ лисій салонъ, крытый голубымъ сетянтюркомъ, голова закутана ковровымъ платкомъ, тетенька Анна Ивановна были въ темной шубейкѣ, а я въ бѣломъ нагольномъ полушубкѣ, голова и лицо тоже закутаны платкомъ: шибко студено было. Алексѣй Максимычъ сталъ держать мою руку: «а вѣдь Дуня правду говоритъ, какъ бы какой бѣды съ вами, Алена Михайловна, не вышло». Только мы, проѣхавши крѣпость, передѣлись, я сѣла рядомъ съ тетенькой, а Алена Михайловна на мое мѣсто, надобно быть грѣху, вывернулась оглобля, передовья-то тройки уѣхали впередъ, а мы остались одни въ полѣ; кое-какъ удѣлали, только тронулись, слышимъ, и вправду... гонять за нами! Погналъ

¹⁾ Св. Истукарія память 8 ноября.

и нашъ кучеръ; ну, да гдѣ уйдти—тамъ не лошади, а звѣри настоящіе! Бабинька заробѣли: «Алексѣй Максимычъ, тетенька, Дуня милая, что мнѣ дѣлать, что со мной будетъ?!»—«А вы, говорю, барышня сидите да молчите—помалкивайте». Какъ только сравнялись съ нами Богдановскія сани, такъ Истукашка со всего маха брякъ къ намъ въ сани, схватился за возжи и сразу остановилъ лошадей. Алексѣй Максимычъ выставилъ было свою сабельку. «Ну, баринъ, ты это оставь», это Истукашка-то ему говорить, вырвалъ у него сабельку и, какъ соломинку, переломилъ пополамъ. «Вотъ, говоритъ, тебѣ и шпажка твоя, и съ тобой самимъ то же будетъ, коли еще сунешься», да съ этими словами схватилъ меня, какъ перышко, закрылъ голову капишномъ — тогда салопы съ капишонами длинными такими носили: «на! крикнулъ, бери ребята и айда!». Помчали меня, рабу Божью!.. Упало во мнѣ сердечушко! Заробѣла я; что думаю, какъ Петръ Ѳедоровичъ въ сердцахъ да велитъ меня спустить тоже подъ мельничное колесо. Примчались мы скоро; сани остановились; меня опять подхватили, все еще съ закутанной капишномъ головой, и понесли; чувствую, что внесли въ горницу; слышу Истукашкинъ голосъ, хриплый такой: «бери, получай кладъ, велѣлъ прямо въ кабинетъ». Опять меня куда-то понесли. Когда мнѣ откинули съ головы капишонъ, я увидѣла, что лежу въ барышнинномъ салопѣ на диванѣ, около меня два лакея, ковровый платокъ снимаетъ съ меня самъ Петръ Ѳедоровичъ, а у самого руки такъ и трясутся. Вдругъ какъ заоретъ въ превеликую:

— Кого это вы ко мнѣ, дураки, притащили! Позвать сюда Истукашку!

Я тѣмъ часомъ съ дивана поднялась, стою ни жива, ни мертва, какъ была въ салопѣ.

Ввалился въ кабинетъ Истукашка и сталъ около двери.

— Ахъ, ты, такой, сякой, — напустился на него Петръ Ѳедоровичъ, — какую это ты мнѣ рожу привезъ? Подойди-ка, взгляни, что это за жаръ-птица-синица? Что правда, то правда, и смолоду я не красива была.

Подошелъ Истукашка, глаза вытаращилъ:

— Вотъ такъ оказія! — говорить. — Значить, я обманурился ¹⁾! Да чтожъ, сударь, я чѣмъ виноватъ? Барышню я въ лицо плохо знаю, такъ вамъ и докладывалъ; вы велѣли брать ту, что въ шелковомъ салопѣ, я и взялъ, а въ лицо разглядывать тутъ было некогда.

— А ты, голубушка, эіюпка ты эдакая! — крикнулъ на меня Петръ Ѳедоровичъ, — какъ смѣла выдать себя за барышню и явиться ко мнѣ? Твое дѣло было сказать, кто ты, когда везли тебя сюда. Да я изъ тебя, кричить, щепъ и лучины настрогаю!

Распалился страсть какъ, не роди мать на свѣтъ!

¹⁾ Обманулся, ошибся.

— Воля ваша, сударь,—отвѣчаю ему,—но только какъ есть я раба, наше дѣло хлопское, что велятъ, то и дѣлай, а за барышню свою я и помереть готова.

Должно, понравились эти мои рѣчи Петру Ѳедоровичу; стихъ онъ; помолчалъ маленько и говорить Истукашкѣ и лакеямъ:

— Вотъ, говорить, скоты, какъ надобно служить, а не то, что... Молодецъ, говорить, дѣвка; за эти твои рѣчи прощаю тебя и жалую, и подарилъ мнѣ серебряный рублевикъ.

— Сейчасъ же, говорить, на тѣхъ же лошадахъ, сохранно довести ее до Князева—вотчина наша Князево называлась.

Довезли меня въ Князево до околицы, тутъ отпустили, и я пришла въ барскіе хоромы, гдѣ еще всѣ не спали. Смотрю, старый баринъ пресердитый расхаживаетъ по залѣ; я ему все рассказала, какъ что было, а баринъ: «ахъ, онъ поганецъ эдакій, говорить, да какъ онъ смѣлъ помыслить только эдакое на мою дочь; ну, я ему этого ни въ жисть не подарю!». Съ тѣхъ поръ дворня и прозвала меня Дуня краденая; у насъ въ дворнѣ было три Авдотьи, вотъ для отлички меня и стали такъ звать; бывало и господа, и всѣ такъ и кличутъ: Дуня краденая! Въ тѣ поры царица-то Катерина умерла, царемъ сталъ сынокъ ея Павелъ Петровичъ. Пали и къ намъ вѣсти, что новый царь доискивается все правды, ящикъ такой выставилъ, куда всякій, у кого обида какая, аль нужда, кладетъ просьбу, а царь самъ каждый день всѣ ихъ разбираетъ. Вотъ старый баринъ Михайла Иванычъ и срядился въ Питеръ; тамъ все, слышь, прописалъ въ бумагѣ про Петра Ѳедоровича, и какъ онъ бѣглыхъ держать, какъ сосѣдей обобралъ, какъ своихъ бабъ и дѣвокъ позорить; какъ и его дочку хотѣлъ украсть, да бумагу эту и положилъ въ царскій ящикъ. Долго ли, коротко ли, послѣ того, какъ старый баринъ вернулся, слышимъ, въ городъ пріѣхалъ отъ царя какой-то большой начальникъ наводитъ слѣдствіе о Петрѣ Ѳедоровичѣ. Долго что-то онъ его наводилъ, и что дозналъ, неизвѣстно, только пришелъ отъ царя указъ, чтобы Петръ Ѳедоровичъ никуда не смѣлъ изъ деревни носа показывать, а пуще всего, Боже сохрани, не попадаться на глаза царю. Такъ и умеръ онъ подъ царскимъ гнѣвомъ.

Послѣ его смерти прошелъ между мужиками слухъ, что онъ по ночамъ выходитъ изъ могилы и бродитъ по селу; мужики ночью вырыли его, взяли, да и забили ему въ спину осиновый колъ; съ тѣхъ поръ, слышь, пересталъ ходить ¹⁾.

А бабинькѣ Аденѣ Михайловнѣ, видно, ужъ на роду было написано быть выкраденной. Старый баринъ и слышать не захотѣлъ,

---

¹⁾ Не знаю, существуетъ ли теперь въ простонародѣ это повѣрье: забивать мертвецу, который будто выходитъ изъ могилы, колъ въ спину, или пониже, и непременно осиновый. Не по связи ли это съ народной легендой, что Иуда повѣсился на осинѣ, листья которой будто съ тѣхъ поръ и трясутся постоянно?

когда Алексѣй Максимычъ присватался къ барышнѣ. «Молодъ, говорить, и деньга не держится, много зря мотаетъ». Ну, Алексѣй Максимычъ и выкралъ барышню, повѣнчался съ ней, а на другой день оба явились къ батюшкѣ съ матушкой съ повинной; баринъ посердился, пошумѣли, да что тутъ станешь дѣлать, простили. И какъ еще хорошо прожили: дѣдушка остепенился, вышелъ въ отставку, сталъ хозяйничать, въ бабинькѣ души не чаялъ; я пошла за ней въ приданое. Господа хотѣли еще тогда, какъ захватилъ меня Петръ Федоровичъ, дать мнѣ вольную, да я сама не захотѣла; куда я пойду отъ барышни? Вотъ Богъ привелъ вынянчить и дѣтокъ и внучатокъ ея! Ну, дитѣ милое, никакъ ужъ ты и задремалъ, заговорила я тебя; да и мнѣ самой пора на покой,—закончила, позъывая, Авдотья Антоновна свою повѣсть изъ стародавнихъ временъ.

М. Межецкій.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ.

доз. ценз. 27 июля 1898 г. спб.

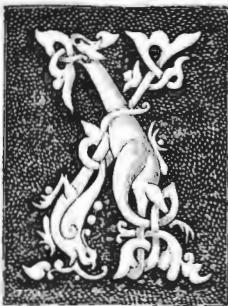
ТАРАСОВА НОЧЬ.

Украинская легенда.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи?

.....
Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средѣ полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?
И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?
Гр. А. Толстой.

1.

ОРОШО ПОЕТЪ старый бандуристъ, слѣпой Грицкó. Торопливо перебираетъ онъ струны своего незатѣйливаго инструмента, и тягучіе, меланхолическіе звуки разливаются вокругъ звенящею волною. Весь хуторъ собрался слушать дѣдову пѣсню... Парубки и дивчата толпой окружили слѣпца и боятся перевести дыханіе, чутко прислушиваясь къ родному напѣву. Старики чинно усѣлись на завалинки и, свѣсивъ на грудь сѣдые головы, задумчиво теребятъ концы своихъ длинныхъ, желтоватыхъ усовъ.

А кругомъ — тихій лѣтній вечеръ разливаетъ прохладу... Медленно угасаетъ вдали за Днѣпромъ алая заря, и послѣдніе ея от-

блески прихотливо золотятъ листву пирамидальныхъ тополей, багрятъ низенькія бѣлыя хаты. Красиво раскинулись онѣ на береговомъ обрывѣ и, осѣненные вѣтвями старыхъ раскидистыхъ вязы, привѣтливо выглядываютъ изъ зелени вишневыхъ садовъ и грушевыхъ деревьевъ. Желтая, размытая весенними дождями, круча волнистыми песчаными гребнями спускается внизъ, теряясь въ прозрачной рѣчной глубинѣ. Уто Днѣпръ внизу, широкой и плавный, беззвучно катитъ свои холодныя воды.

Въ теплое вечернее время воздухѣ—ни звука. Лишь изрѣдка всплещетъ рыба за песчаною отмелью, и широкіе круги побѣгутъ отъ нея, расплываясь по темносиней рѣчной поверхности, да порой запоздалая утка, грузно махая крыльями, перерѣжетъ воздушную синеву и, отрывисто крикнувъ, торопливо опустится въ густые камыши—въ темныя заводья противоположнаго берега. И опять все стихло, и опять ни звука... Только одинъ дѣдъ попрежнему задумчиво поетъ свою пѣсню, и мѣрно несутся въ вышину протяжные звуки. Плавно переливаются они въ мягкомъ вечернемъ воздухѣ и замираютъ вдаль, дробясь и теряясь въ береговомъ очеретѣ... Поетъ слѣпой Грицкó, тихо перебирая костяными наконечниками звенящія струны, и послушно вторитъ знакомому напѣву его вѣрная подруга—бандура. Поетъ онъ толпѣ про родную Украину, про знаменитую Сѣчь, про удалъ и молодечество дѣдовъ... Вспоминаетъ былую казацкую волю, грозные набѣги лихихъ запорожцевъ, походы въ «чайкахъ» да въ крѣпкихъ «дубахъ» по бурливому Черному морю... И плавно разворачивается предъ увлеченными слушателями живая историческая картина.

Все больше и больше оживляется бандуристъ и, полный охватившаго его вдохновенія, поднимаетъ къ небу свои незрячіе глаза. Мощно звучатъ его струны, и будятъ онѣ въ меланхолическомъ сердцѣ малоросса былыя могучія силы... Прислушиваясь къ пѣснѣ—думной правдѣ облюбванной, ниже поникаютъ сѣдыми головами старики, и невольнó бѣгутъ слезы по ихъ морщинистымъ лицамъ. Поминаетъ пѣвецъ старыхъ гетмановъ, гордость и славу отчины, битвы ихъ съ ляхами да крымцами, и былые походы—вѣковую грозу Рѣчи Посполитой. Палей, Мазепа, Кочубей, Сагайдачный и гетманъ Острианица проходятъ одинъ за другимъ въ плавной нити его разказа, и волнуютъ они горячую кровь въ казацкихъ жилахъ... Бьются сильнѣе сердца парубковъ отъ дѣдовой пѣсни; яркимъ румянцемъ вспыхиваютъ щеки, и все молодеватѣ заламываются на бекрень высокія баранковыя шапки.

2.

Но вотъ и конецъ пѣснѣ... Замолкъ старый Грицкó, откинувъ за спину привязанную на ремень бандуру и принялся ощупью ша-

рнить вокругъ себя дрожащими руками. Проворная молодуха осторожно поднесла ему полную кружку, и жадно прильнулъ къ ней дѣдъ воспаленными губами. Съ наслажденіемъ тянетъ онъ холодный «сыроець¹⁾», а толпа, охваченная воспоминаніями о родной старинѣ, еще долго стоитъ передъ нимъ неподвижно, безмолвно потупивъ головы. Еще долго звучитъ въ ушахъ парубковъ призывная пѣснь удальца-запорожца, и слышится въ ней молодецкій разгулъ, отъ котораго сильнѣе бьется въ груди молодое казацкое сердце...

Солнце почти уже скрылось. На крутомъ холмѣ противоположнаго берега въ багрянцѣ заката ярко вырѣзались причудливыми очертаніями удѣлѣвшіе столѣтніе дубы, да заросшіе мохомъ огромные камни. Отдаленнымъ заревомъ пожара казалась за ними потухавшая заря, и какимъ-то зловѣщимъ пламенемъ освѣщала она вершины одинокихъ деревьевъ.

— Бачъ, якъ палаé «прокляте місце»!..²⁾— замѣтилъ кто-то изъ парубковъ, и вся толпа поспѣшно обернулась назадъ къ фантастическому зрѣлищу.

— Здаётця й справді колись знаходивсь оттамъ, на горі, «лысый дідько»!³⁾

Но не успѣлъ говорившій произнести послѣднихъ словъ, какъ рѣзкій, протяжный крикъ пронесся вдругъ надъ рѣкою, гулко отозвался на другомъ берегу, и вслѣдъ за нимъ внезапно поднявшійся вѣтеръ глухо зашумѣлъ густымъ очеретомъ. За минуту спокойная широкая гладь могучей рѣки дрогнула мелкою рябью, и вотъ, ударяя одна за другой въ береговые уступы, шумно хлынули волны и пошли вертѣть воронкой пѣнистую воду. И зашумѣлъ, заплескался Днѣпръ въ крутыхъ своихъ берегахъ, и отвѣтно завылъ ему на холмѣ холодный вѣтеръ. Бѣлою пеленой разостлался туманъ надъ зелеными камышами...

— На горі чути стѣинъ дубівъ — буде вранці буря!..⁴⁾— говорятъ старики и тревожно прислушиваются къ раскатиному рѣчному говору.

— Бачъ, якъ Дніпрѣ дмѣтця горію-на лѣхо, бачця расходився!..⁵⁾— перешептываются между собою парубки, внимательно вглядываясь въ пѣнистыя волны прибоя.

— Таце усé мабуть на тій горі орудєе отѣй «лысый дідько!..»⁶⁾

И, слушая ихъ разговоръ, слѣпой бандуристъ съ усмѣшкой качаетъ головою. Знаетъ онъ вѣрнѣе другихъ, почему вдругъ загудѣлъ

1) Родъ хлѣбнаго кваса.

2) «Вишь, какъ горитъ «проклятое мѣсто»!..

3) «Видно, вправду жила тамъ прежде «лысый дидько»!..

4) «Стонуть дубы на горѣ — будетъ къ утру буря!..»

5) «Днѣпръ бурлитъ, хлонцы, не къ добру расходился!»

6) Это все мутитъ, тамъ на горѣ «лысый дидько».

такъ Днѣпръ и отчего быстрѣе покатишь свои плавныя, спокойныя воды.

— Эхъ вы, хлопці, хлопці нерозумні! Слухайте вже краще мою пісню, чимъ брехати бабьи казки!.. ¹⁾—вздыхаетъ слѣпой и опять беретъ въ руки свою бандуру.

— Не дмѣться Днѣпрѣ, хлопцы, не дмѣться—аграе! Пізнавъ вінъ, що прійшовъ его часъ, помятае, могучій, Тарасову нічъ!.. ²⁾

И опять стали налаживать струны Грицкѣ и перебирать ихъ костяными наконечниками. Плотнѣе сдвинулись вокругъ него слушатели и съ замираніемъ сердца ждуть, не дождутся дѣдовой пѣсни... Молодухи перемѣшались съ дивчатами, пожилые казаки съ хлопцами, даже сѣдые старцы и тѣ повставали съ своихъ завалинокъ и сѣли поближе, чтобы слушать слѣпого. Ударилъ дѣдъ по струнамъ и подъ тихіе звуки бандуры спѣлъ толпѣ о быломъ, давно позабытомъ дѣлѣ.

Много лѣтъ прошло ужъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ слѣпой, но кому привелось слышать ту пѣсню, помнятъ дословно родное преданіе, не забыли пѣвучихъ звенящихъ аккордовъ дѣдова аккомпанимента, полного дивной мощи и вдохновенія...

3.

Въ старину, не на памяти отцовъ, а едва на памяти дѣдовъ стоялъ здѣсь, у Днѣпра, на песчаномъ холмѣ панскій хуторъ. Богатому ляху достался онъ отъ знаменитыхъ предковъ, но не наследовалъ ихъ гордый внукъ ни дѣдова ума, ни батькова добраго сердца. Безъ толку шумѣлъ онъ на сеймахъ, махая руками, и одинъ собрался подчинить цѣлую Запорожскую Сѣчь Рѣчи Посполитой. Надменный и кичливый, онъ жестоко притѣснялъ своихъ хлопцевъ, награждая батогами за вѣрную службу. Не мало народа безъ вины погубилъ безбожный панъ, и много вдовъ и сиротъ горько плакалось на него Богу. Умерла съ горя любимая женка, но не смирилъ его Господь такимъ испытаніемъ... Только больше ожесточился съ того дня старикъ, сталъ сильнѣе мучить людей и ненавидѣть ихъ безъ причины. Прошли года, не раскаялся грѣшникъ, и вотъ рѣшилъ Господь жестоко наказать безумнаго ляха...

4.

Плавнѣе катитъ Днѣпръ свои могучія волны... Широкою лентой извивается онъ, холодный и чистый, и яркое лѣтнее солнце, играя

¹⁾ Эхъ, вы, хлопцы неразумные, слушайте ужъ лучше мою пѣсню, чѣмъ врать бабьи сказки.

²⁾ Не бурлитъ Днѣпръ, хлопцы, не бурлитъ, а играетъ. Свѣдалъ онъ, что пришло его время, помнитъ, могучій, Тарасову ночь.

лучами, отражается въ его прозрачной глубинѣ золотистымъ огненнымъ шаромъ. Красиво бѣлѣютъ на холмѣ богатые панскіе хоромы и, утопая въ зелени роскошныхъ садовъ, картинно выдвигаются надъ крутымъ береговымъ обрывомъ. Змѣйкой вьется по песчаному скату едва примѣтная дорожка и, взбѣжавъ, наконецъ исчезаетъ въ тѣни густой тополевой аллеи.

Тихо въ панскихъ хоромахъ... Плотно закрыты вездѣ двери и ставни, оберегая внутри прохладу. Только одно окно распахнулось настежь, и въ немъ виднѣтся красивая женская головка. Это молодая паненка, красавица Марина, задумчиво глядитъ на Днѣпровскую ширь, любуясь ея синеватымъ отливомъ. Пышныя косы обвились вокругъ шеи, и мѣрно дышитъ высокая грудь. Скучно дивчинѣ одной въ батьковомъ хуторѣ; какъ зѣницу ока, бережетъ старый магнатъ единственную дочку, и не смѣетъ ни вѣтеръ пахнуть на ея бѣлыя плечи, ни солнце заглянуть въ голубыя красавицы очи.. Прекрасна, какъ Божій ангелъ, Марина, и не даромъ на шумныхъ вечеринкахъ любитъ ея вся молодежь, да не смѣетъ выдавать дочку гордый, надменный старикъ. Хочетъ онъ сосватать ей жениха перваго въ Польшѣ, да не простой, а королевской крови. Томится панночка въ родномъ домѣ, какъ въ злой неволѣ, некого полюбить ей горячимъ молодымъ сердцемъ, не съ кѣмъ подѣлиться завѣтными думами... Глядитъ красавица на зеленые лѣса, на песчаный обрывистый берегъ и все больше задумывается о томъ вольномъ краѣ, куда мчатъ родная рѣка свои прозрачныя волны...

5.

Вдругъ слабый дрожащій звукъ пронесся надъ Днѣпромъ, и вслѣдъ за нимъ звенящею, мелодичною волной полилась задушевная пѣсня. Вадрогнула мечтавшая панночка и стала жадно прислушиваться къ незнакомому ей напѣву. А пѣсня неслась все далѣе и далѣе, разливаясь надъ полями, и слышалась въ ней горячая страсть вмѣстѣ съ нѣжною сердечною тоскою...

Ой ти, місяць-місячѣнку!
И ти, зоре ясна!
Світнѣжъ мнѣ стежѣчкою
Де дівчина краса!
Ой вяжежъ її не бачивъ я
Три дні, три години;
Світнѣжъ, світи місячѣнку
До моеї дівчини!..

Угадала въ той пѣснѣ красавица Марина вздохъ молодой кипучей груди, почувствовала, какъ замерло вдругъ въ трепетномъ ожиданіи ея собственное сердце.

Генъ вже ба́чу га́рну ха́ту,
 Де ря́сні топо́лі!..
 Сві́тлжъ, сві́ти місяче́нку
 До ми́лої мої!
 Ой-жъ ти місяць-місяче́нку
 Сві́тлжъ—не́стдумля́йся!
 А якъ бу́ду ко́ло не́ї —
 Го́ді захова́йся!..

И вдругъ, изъ-за песчаной косы, шуриша рѣчнымъ тростникомъ бойко выбѣжала на середину быстрая запорожская лодка. Молодой казакъ въ бѣлой нарядной свиткѣ ловко взмахнулъ длинными веслами, и, какъ птица, повеслась легкая ладья на встрѣчу теплому вѣтру. Но не успѣла она поровняться съ панскими хоромами, какъ укоротились молодецкіе взмахи, и замерли неподвижно поднятыя вверхъ бѣлыя кленовыя весла... Увидаль казакъ въ растворенномъ окнѣ панночку, оборвалъ свою удалую пѣсню и, очарованный ея красотой, заглядѣлся на бѣлое личико, залюбовался голубыми очами. Зардѣлась и Марина отъ жгучаго взора черноброваго удальца; трепетяще забилось пылкое сердце отъ его молодецкой пѣсни, и все, что таило оно въ глубинѣ, поднялось теперь съ неудержимою силой. Безпомощно упали на колѣна бѣлыя ручки, и поникла въ раздумьѣ на пышную грудь ея чудная русая головка.

Вотъ отрывисто затрубилъ вдали рожокъ—это старый панъ возвращается съ охоты. Быстро захлопнула окно молодая панна, а казакъ уронилъ въ Днѣпръ заломленную набекрень высокую барашковую шапку...

6.

— Что съ тобой, Тарасъ, отъ чего повѣсилъ ты удалую голову?..

— Скучно мнѣ, хлопцы; сосеть неотвязная тоска ретивое сердце!..

И качаютъ парубки головами и не надивятся, что сталося вдругъ съ ихъ товарищемъ, лихимъ атаманомъ. Чуть только вечеръ стаетъ спускаться на землю, а казакъ уже ладитъ свою легкую лодку; беретъ саблю да бандуру, и богатырскіе взмахи его весель несуть челнъ къ крутому обрыву... И звучитъ тамъ и льется волной молодецкая пѣсня и дрожитъ замирая ея страстный напѣвъ въ панскихъ садахъ и аллеяхъ.

Каждый разъ, при первомъ знакомомъ звукѣ, распаивается за вѣтное окно, и красавица паненка, подперевъ руками чудную головку, садится слушать любимую пѣсню. Медленно текутъ слезы по ея вѣжнымъ, пылающимъ щекамъ, съ волненіемъ всматривается она въ багряную даль, и не замѣчаетъ гордая Марина, какъ въ порывѣ охватившей ее страсти невольно взмахнула платкомъ бѣлая ручка и какъ въ отвѣтъ ей еще громче полились пѣвучія, задумшевыя ноты...

Не стерпѣло долго молодое сердце; загорѣлось оно жгучимъ огнемъ, и безумно полюбила панночка красиваго казака, черноброваго Тараса.

7.

Сумраченъ ѣдетъ съ охоты домой старый панъ, и едва передвигаетъ подъ нимъ рѣзвыя ноги измученный иноходецъ. Молча плетется усталая дворня, не смѣя перекинуться словомъ, и боязливо поглядываетъ на своего повелителя. А гордый панъ не даромъ не въ духѣ. Давно уже не запомнить онъ такой неудачной охоты и въ сильной злобѣ крутить сѣдые усы, сдвигаетъ хмурыя брови. Словно на смѣхъ, съ утра не могли выгнать доѣзжачіе ни одного звѣря, и клянетъ спесивый старикъ Бога и Его святыхъ за свою неудачу. Голодный и злой срываетъ онъ сердце на бѣдномъ конѣ и хлещетъ нагайкой его взмыленную шею. Запылился богатый кунтушъ, забрызганы пѣной дорогіе шаровары, колючимъ кустарникомъ поцарапаны руки, но разсерженный панъ ничего не замѣчаетъ; все думаетъ онъ объ охотѣ и рѣшаетъ наконецъ полевать съ этихъ поръ каждый день, хотя пришлось бы заморить всѣхъ коней и хлоповъ, пока не подыметъ звѣря на славу, не затравитъ огромнаго лѣснаго вепря. И трубитъ онъ съ утра по полямъ, едва ночью возвращаясь къ дому.

8.

Медленно догораетъ за рѣкою солнце, и широкими багровыми полосами разбѣгаются его лучи, слабо освѣщая затихающія окрестности. Длинные тѣни протянулись отъ деревьевъ, и сильнѣе пахнетъ трава въ тепломъ вечернемъ воздухѣ. Въ голубой вышинѣ постепенно вспыхиваютъ яркія звѣздочки, и бѣжить и шумить и плещается Днѣпръ, плавно покачивая скрытую въ камышахъ казацкую лодку. Тихій, страстный шопотъ доносится изъ темной аллеи... Это Тарасъ держитъ въ объятіяхъ красавицу Марину и зоветъ ее съ собой на родную Украину.

— Эхъ, мое сѣрденько, понесемъ скорѣй въ моей легкой ладѣ къ Черному морю, къ батькову дому!.. Подыму я бѣлый парусъ, широко размахну веслами, и не догонятъ насъ вражьи ляхи...

— Нѣтъ, казакъ, не могу я бѣжать съ тобою... Отцово проклятье падетъ на насъ обоихъ, и не принесетъ мнѣ счастья твоя любовь, не дастъ отрады вольная Украина...

— Полно, Марина, не мучь, не томи меня, моя голубонько! Понапрасну не терзай молодого сердца. Полюбилъ я тебя не даромъ больше Божьяго свѣта, больше казацкой воли! Не пойдешь сама— такъ умчу тебя силой; жизнь отдамъ за тебя, моя кохана, но не разстанусь съ тобою...

Шуршитъ вѣтеръ береговымъ очерётомъ, таинственно перешептываются въ густѣющемъ сумракѣ старые дубы, и молча борется съ горячимъ сердцемъ горделивая панна.

— Подожди, подожди, мой милый! Придетъ время, принудить судьба—я сама убѣгу съ тобою. Видно, такъ ужъ судилъ тогда Богъ, и не мнѣ преступить Его волю!.. А пока жди, Тарась, условнаго знака: брошу я съ обрыва кружевной платокъ, и готовъ ты тогда свою легкую лодку, подымай на ней бѣлый парусъ... Выйду я на закатѣ въ темную аллею и буду ждать тамъ дорогой встрѣчи!..

Долго стоитъ казакъ, опершись на весло передъ своимъ челномъ и задумчиво крутитъ черный усъ, прислушиваясь къ тихому шелесту буквъ. Давно замолкъ вокругъ людской гомонъ; только Днѣпръ звучнымъ плесомъ волны будто шепчетъ, зоветъ казака и торопитъ вернуться въ Украину...

9.

Весель вернулся домой старый панъ, затравивъ желаннаго вепря. Но онъ сталъ еще веселѣе, прочитавъ письмо, привезенное ему гонцомъ отъ литовскаго воеводы. Вѣрный другъ сыскалъ наконецъ жениха для красавицы Марины, знатнаго магната королевской крови. И улыбается самодовольно кичливый ляхъ, перечитывая знакомыя строки, горделиво подымаетъ свою сѣдую голову.

Некрасивъ и немолодъ облюбованный женихъ, не подь стать онъ пышной паненкѣ; но властному старику нѣтъ дѣла, полюбить ли дочь своего будущаго мужа. Онъ спѣшитъ только объявить ей радостную новость и торопитъ свадьбой ошеломленную Марину. Горько плачетъ бѣдная панночка, не смѣя противиться строгой отцовской волѣ, напрасно рыдаетъ, ломая руки, у ногъ упрямаго старика. Умоляетъ она отказать жениху, пощадить ея молодость, не губить безъ вины ея жизни...

Но даль уже согласіе самолюбивый деспотъ, и скорѣе готовъ онъ пожертвовать любимую дочью, чѣмъ отказаться отъ своего «панскаго» слова, отъ выполненія завѣтной мечты и честолюбивыхъ плановъ.

10.

Свѣтлая, лунная ночь нависла надъ Днѣпромъ, и горитъ онъ весь и сверкаетъ, переливаясь серебромъ, отражая въ темно-синей глубинѣ блестящія звѣзды. Весь залитый лунными лучами бѣлѣетъ на холмѣ панскій хуторъ, и тихо шепчутся вокругъ него пирамидальные тополи, качаютъ вершинами старые буки. Желтымъ пятномъ вырѣзывается надъ рѣкой песчаный обрывъ съ едва приметною узкою дорожкой.

Вотъ медленно отдѣлилась отъ противоположнаго берега длинная тѣнь и плавно заскользила по спокойной рѣчной поверхности; это казакъ погналъ дубъ въ камышевую заросль. Пристально вглядывается Тарасъ въ знакомую аллею, и чудится ему вдалькѣ бѣлая женская фигура. Чу!.. кто-то быстро приближается къ обрыву; еще моментъ... и бѣлый платокъ замелькалъ въ воздухѣ, падая въ воду съ отвѣсной кручи.

Рѣзко свистнула Тарасъ, и пронесся отрывистый звукъ, замирая въ ночной тишинѣ надъ спокойною рѣкою. Блеснули въ тонкихъ лучахъ мѣсяца мокрыя весла, разлетѣлись отъ нихъ серебристые брызги, и поплылъ черный дубъ по теченію, унося съ собою казака, затянувшаго молодецкую пѣсню.

11.

Недоволенъ старый панъ своей дочкой. Пристально слѣдитъ онъ за нею, и кажутся подозрительными опытному отцу нетерпѣливые взгляды Марины, ея порывистыя движенія и постоянная задумчивость. Въ его сѣдую голову не даромъ закралось сомнѣніе, и тайныя предчувствія не даютъ покоя мятежному сердцу. Зорко наблюдаетъ онъ за дочерью, и хочется старику тайно провѣрить нелѣпый доносъ своего вѣрнаго хлопа.

Уже къ вечеру близится день, а панъ велитъ сѣдлатъ лошадей и отправляется на охоту. Простился онъ съ Мариной, не велѣлъ ждать себя ближе утра и поѣхалъ не спѣша къ темному лѣсу, приказавъ доѣзжачимъ спустить своры. Вотъ уже замеръ вдали лошадиный топотъ, и только слышитъ панночка, какъ затрубили охотничьи рога, залились псы по поднятому звѣрю. Осталась красавица одна, быстро собралась въ дорогу и спѣшитъ на обрывъ, въ темную аллею, къ условному мѣсту. Вѣжитъ она съ милымъ отъ постылой свадьбы на далекую чужую сторону, и бьется трепетно сердце паненки, болѣзненно замирая, и невольно гнутся подъ ней дрожашія колѣна.

12.

Ниже и ниже спускается солнце съ голубого небеснаго свода, и садится оно за холмомъ, одѣвая въ багрець густыя вершины деревьевъ. Легкія перистыя облачка столпились на краю горизонта, и потухающая заря заволакиваетъ ихъ нѣжно-розовою дымкой. Свѣжій вѣтерокъ, шелестя листвою, гонитъ по Днѣпру шумящія волны. Бѣгутъ онѣ торопливо журча и переливаясь и одна за другой ударяются въ песчаные береговые уступы. Сумерки постепенно одѣваютъ окрестности, и бѣлый паръ клубами стелется надъ водою.

Внизу въ камышахъ чернѣетъ привязанный «дубъ»; на обрывѣ

Тарасъ ждетъ свою паненку. Вотъ мелькнуло что-то вдали: въ темной глубинѣ аллеи бѣлая женская фигура, торопливо приближается она къ условному мѣсту.

— Здравствуй, мое сѣрденько, здравствуй, моя кохана!.. — шепчетъ казакъ, привлекая къ себѣ робкую красавицу; крѣпко сжимаетъ онъ ее въ страстныхъ объятіяхъ, и дрожитъ Марина, отвѣчая нѣжными поцѣлуями на его ласки. Только яркія звѣзды глядятъ съ вышины, да шумитъ внизу Днѣпръ, гулко переливая бурливыя волны.

— Я бѣгу съ тобою, Тарасъ! — говоритъ паненка, и порывисто обвиваютъ шею казака бѣлыя, полныя ручки. — Продалъ меня отецъ въ злую неволю — старому воеводѣ; не хочетъ онъ слушать моей мольбы, не щадитъ моей молодости... Я бѣгу съ тобою, мой милый, къ вольному морю!..

Съ восторгомъ слушаетъ ея дѣтскій лепетъ молодой казакъ, любуясь голубыми очами, гладитъ ея шелковистые волосы.

— Бѣжимъ, бѣжимъ, моя кохана! — радостно отвѣчаетъ онъ, и всыхиваютъ черные глаза запорожца яркимъ блескомъ.

— Вырву я тебя, мое сѣрденько, изъ злой неволи, умчу далеко на родную Украину, и не сыскать насъ тамъ ни гордому пану, ни его жениху, ни цѣлой Рѣчи Посполитой!..

— Вѣрю, мой милый, да боюсь одного: твоей легкой лодки. Не сдержатъ ей насъ въ лихую непогоду, не снести двойной ноши. Не страшна мнѣ рѣчная глубина — тяжела съ тобою разлука! Полюбила я тебя, Тарасъ, всею душою за удалое сердце, за твою молодецкую пѣсню. Не забыть, видно, мнѣ никогда ея чудныхъ звуковъ, какъ не вырвать изъ груди горячаго чувства. Невольна я въ немъ, и не осудитъ меня Богъ въ ослушаніи отцовской воли!..

Шумитъ внизу, бурлитъ, плещется Днѣпръ, а вверху темныя облака заволакиваютъ чистое небо. Крѣпчаетъ вѣтеръ, гулко переливаются волны, ломая зеленый тростникъ, и боязливо прислушивается къ ихъ глухому торопливому рокоту поблѣднѣвшая Марина.

— Чу! Днѣпръ бурлитъ, Тарасъ!.. Днѣпръ бурлитъ... Приближается буря!.. испуганно лепечетъ она, прижимаясь къ груди казака, и слѣшитъ успокоить робкую панночку удалой запорожець.

— Не страшись Днѣпра, моя радость! Разыгрался онъ въ эту ночь, торопя насъ бѣжать на Украину, разгоняя былую кручину!.. Эта ночь — Тарасова ночь, моя дорогая Марина... Помогаетъ она вмѣстѣ съ быстрой рѣкой увезти казаку свое счастье!.. Не грозитъ батько Днѣпръ, не собирается буря!.. Не бурлитъ онъ, мое сѣрденько, не бурлитъ, а играетъ!..

13.

И не договорилъ казакъ послѣднихъ словъ, какъ вспыхнулъ вдругъ огонь за кустами; гулкій выстрѣлъ раздался, прогремѣлъ.

надъ рѣкою, отозвался на другомъ берегу, подхваченный эхомъ. Съ воплемъ ринулась панночка, покачнулся, схватившись за грудь, Тарасъ и, какъ подкошенный, упалъ на землю. Еще мгновенье, и улѣтѣла въ поднебесье душа изъ молодецкаго тѣла. Безумно рыдаетъ надъ нимъ Марина, ломая руки, и не слышитъ, какъ злобно смѣется подлѣ нея старый панъ, продувая винтовку.

— «Моя краля, мое сѣрденько, ха, ха, ха! Не дрожи, не бойся!».. съ ненавистью повторяетъ ляхъ подслушанныя рѣчи.

— «Убѣжимъ съ тобою, моя кохана, раздобудемъ скоро желанное счастье. Не бурлитъ батько Днѣпръ, не бурлитъ, а играетъ!».. Ха, ха, ха!.. По дѣломъ же тебѣ, подлый воръ, казацкій бродяга. Не зналъ, видно, ты моей скорой расправы; не взялся бы тогда увозить, низкій хлопъ, вельможной панны... Прогуляйся теперь одинъ на твою Украйну!..

И спихнулъ старый панъ своимъ узорчатымъ сапогомъ бездыханное казацкое тѣло съ крутого обрыва. Окровавленное покатилося оно внизъ и съ плескомъ упало въ воду. Дико завылъ на холмѣ холодный вѣтеръ, грозно закачалъ онъ темныя вершины деревьевъ, и отозвался ему батько Днѣпръ, играя сѣдыми волнами. Подхватили онѣ холодный трупъ запорожца и помчали его, шума и плескаясь, внизъ по теченію...

— А ты, красавица, вались отцу въ ноги!.. обратился къ дочери старый панъ, сверкая очами.—Да моли пощадить твою дѣвичью честь, не порочить знатнаго имени!.. Отвернулся-бъ съ презрѣньемъ гордый женихъ, если-бъ зналъ, на кого ты его промѣняла!..

— Ненавижу я, отецъ, твоего жениха; проклинаю посылую свадьбу!—рыдаетъ ему въ отвѣтъ обезумѣвшая Марина.—Не разлучить тебѣ дочери съ милымъ, не измѣнить Божьей воли. Я любила его страстно, всею душою, и никому другому въ цѣломъ мірѣ не буду принадлежать больше!.. Прочь, прочь отъ меня, ненавистный убійца, на твоей сѣдой головѣ невинная кровь, мое проклятье и моя гибель!..

И, размахнувъ бѣлыми руками, громко рыдая, бросилась съ кручи красавица Марина. Только крикъ раздался надъ рѣкою, да всплеснули внизу, подъ обрывомъ, холодныя волны и заходили кругами... Застоналъ старый ляхъ, заметался, охваченный ужасомъ, и какъ безумный бросился къ дому. А могучій Днѣпръ еще грознѣе заревѣлъ ему вслѣдъ и понесся съ дорогою ношей, ударяя о крутые песчаные берега, ломая тростникъ, опрокидывая по пути рыбацкія лодки. . . . .

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

14.

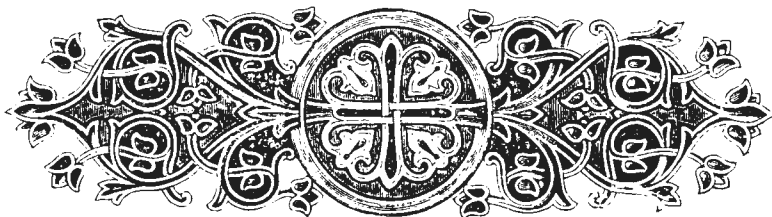
Прошли года, и на мѣстѣ панскаго хутора остались одни обожженные пни да почернѣлые камни. Въ грозную ночь ударила Божья гроза, и сгорѣли дотла богатые хоромы; а на песчаномъ обрывѣ уцѣлѣли только три дуба отъ огромнаго стараго сада. Повредился въ умѣ гордый, кичливый панъ, и увезли лѣчить въ Польшу его слабую голову. Такъ и пошло прахомъ, по волѣ Божьей, все богатство предковъ съ той самой Тарасовой ночи!..

Старики бають, будто ничего не растетъ съ той поры на «проклятѣмъ мѣстѣ». Будто горить оно каждый разъ при вечернемъ закатѣ, а въ роковую ночь надъ пустынною кручей бродятъ страшные мертвецы, раздаются вдали за холмомъ протяжные, заунывные крики... Только одинъ Днѣпръ попрежнему катитъ свои могучія воды, подмывая годъ отъ году все больше и больше песчаный обрывъ, словно мститъ ему за бывшее. Десятки лѣтъ, тихій и плавный, играетъ онъ въ Тарасову ночь, и думаютъ всѣ, что не даромъ бурлятъ его холодныя волны, готова къ утру опасную бурю...

Но взойдетъ лѣтнее солнце, и затихъ онъ опять, величавый; попрежнему плавно идетъ, звеня и сверкая, его голубая ширина, тихо шелеститъ вѣтерокъ береговымъ очерѣтомъ, и таинственно шепчутся на холмѣ старыя дубы, качая зелеными вершинами...

Борисъ Корженевскій.

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ ¹⁾.

(Воспоминанія очевидца).

VI.

ЕДЛЕННО движется длинная вереница сѣрыхъ, утомленныхъ солдатъ, пробирающихся между большими каменными глыбами и поднимающихся вверхъ по Кизиль-артскому ущелью. Это ущелье врѣзывается узкою щелью въ Заалайскій хребетъ, поднимаясь отъ Алайской долины къ перевалу Кизиль-артъ, и затѣмъ съ вышки его снова спускается въ долину рѣки Марканъ-су. Шумя и пѣнясь, бѣжитъ навстрѣчу идущимъ горная рѣчка Кокъ-сай, затѣйливо извиваясь между камнями и утесами и тѣмъ еще болѣе затрудняя и безъ того нелегкое движеніе отряда. Чуть проходима тропа вьется, круто поднимаясь вверхъ и часто пересѣкаемая быстрою рѣчкой, представляетъ собою немалое препятствіе для движущагося обоза и пѣхоты, не говоря уже про совьючившуюся артиллерію, которой особенно тяжело было пробираться въ этихъ мѣстахъ. 19-го іюня, погода была пасмурная, облака почти спустились на землю и, казалось, что вотъ-вотъ коснешься ихъ головою. Дорога, благодаря небольшой ширинѣ и нагроможденнымъ всюду камнямъ, была чрезвычайно неудобна. Вьюки поми-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 111.

нотно задѣвали за большіе обломки скаль, лежаціе на протяженіи всего пути, обрывались и падали, такъ что бѣдные солдаты положительно выбивались изъ силъ, поминутно перевьючивая лошадей. Часамъ къ восьми поднялся холодный вѣтеръ, облака совершенно спустились на землю, снѣжная крушица стала гуще падать и немилосердно бить въ лицо, но вскорѣ повалиль сначала мелкій, а затѣмъ крупный снѣгъ. Закрутилась мятель, кругомъ не видно ни зги. Спереди, сзади, съ боковъ—все бѣло, все несется въ какомъ-то фантастически-ужасномъ вихрѣ. Идти приходилось положительно ощупью, наобумъ выбирая дорогу. Измокшіе и прозябшіе солдаты, одѣтые полѣтнему, старались быстрою ходьбою хоть немного разогрѣть свои окоченѣвшіе члены. Но, несмотря на всю неприглядную и тяжелую обстановку, въ нашемъ солдатѣ сказывался бодрый, свѣжій, не унывающая русскій духъ, тотъ духъ, который руководилъ имъ и при переходѣ черезъ Балканы и въ альпійскихъ походахъ Суворова. Вотъ подъ большимъ камнемъ, немного прикрывающимъ собою отъ снѣга и вѣтра, собралась кучка измокшихъ и иззябшихъ солдатъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, закручиваются «цыгарки», и, вслѣдъ за подбадривающимъ табачнымъ дымкомъ, слышатся солдатскіе остроты и разговоры:

— Ну, что, братцы, совсѣмъ зимушка-то расейская, смотри: всѣ уши залѣпило,—говорить одинъ.

— А въ Маргеланѣ-то, поди, теперь солдаты лежатъ себѣ да фрухтой разной обжираются,—добавляетъ другой солдатъ, выколачивая о каблукъ трубку.—И не пойму, для ча это насъ повели сюды, кому нужны эти гали (камни),—пропади они совсѣмъ, ишь сапожишки о нихъ, проклятыхъ, размочалиль,—прибавляетъ онъ, разсматривая свои изорванные и никуда уже негодные сапоги.

Но недолго длится приваль; раздается команда. Медленно, какъ будто нехотя, поднимаются съ своихъ мѣстъ солдаты и снова безмолвно лѣзутъ впередъ, на встрѣчу разсвирѣпѣвшей стихіи. Какъ ни хотѣлось бы подольше отдохнуть, но положительно нѣтъ физической возможности дѣлать болѣе или менѣе продолжительные привалы въ такую погоду, когда даже во время ходьбы холодъ пронизываетъ до костей, а попадающій за воротникъ снѣгъ, тая, холодными струйками бѣжитъ по спинѣ. Но вотъ, послѣ полудня, снѣгъ мало-по-малу началъ стихать, туманъ разсѣялся, и дорогу можно было уже различать на довольно далекое разстояніе. Люди и обозъ страшно растянулись, и кое-гдѣ, между камней, мелькали вяло идущіе, измученные солдаты и вьючныя лошади, сопровождаемыя керекешами. Несчастныя существа эти керекешы—просто жаль смотрѣть на нихъ. Оборванные, при томъ вѣчно голодные, находящіеся въ полной зависимости отъ своихъ караванбашей и, конечно, страшно эксплуатируемые ими, они къ окончанію похода превращались просто въ нищихъ. Съ какою грустью и отчаяніемъ на лицѣ

приходили многіе изъ нихъ къ офицерамъ, заявляя плачевнымъ тономъ: «тюра, тюра, алаша кунчалъ!» то-есть, что лошадь, не вынеся тяжести вьюка, пала. Часто приходилось слышать такія восклицанія, но кому же какое дѣло до чужого горя?

Стало яснѣе, кругомъ все заслано бѣлою снѣжною пеленою, какъ бы накрыто одною сплошною скатертью и, благодаря этому, и безъ того мертвый пейзажъ получалъ видъ еще болѣе грустный и удручающій. Пасмурны и недовольны лица у идущихъ солдатъ, какъ-то апатично переставляютъ ноги усталыя лошади, и у каждого на лицѣ можно прочесть одну мечту, одно лишь скромное желаніе— лечь и отдохнуть; еще только полчаса ходьбы и это осуществится. Кто не бывалъ въ походахъ, а особенно въ горныхъ, тотъ не можетъ понять того восторга, подъема духа и прелести, какія доставляетъ усталому, измученному человѣку голубая струйка дыма бивуачной кухни, весело поднимающаяся змѣйкой къ облакамъ. Будь солдатъ изнеможенъ до послѣдней степени, онъ оживетъ, силы его возобновятся, какъ только онъ издали увидитъ этотъ соблазнительный бивуачный дымокъ. Но не только люди, даже лошади прибодряются, ощущая запахъ бивуака, и радостно ржутъ и рвутся изъ-подъ своихъ тяжелыхъ и неудобныхъ вьюковъ. Показался дымокъ. «Бивуакъ!» раздается крикъ замѣтившихъ его. «Бивуакъ!» разносится радостное извѣстіе по всѣмъ концамъ растянувшагося отряда, и всѣ, напрягая послѣднія силы, стараются возможно скорѣе преодолѣть небольшое разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ желаемой цѣли.

Около кухоннаго котла уже сгруппировалась кучка подошедшихъ погрѣться солдатъ, ружья составлены въ козлы, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ подхода людей. Маленькій костеръ, сложенный изъ небольшого количества захваченнаго топлива, мигая, еле-еле горитъ, распространяя вокругъ себя ѣдкій дымъ тлѣющаго сырого «терескена», но все же, несмотря на эту неприятность, каждый старается ближе протянуть къ нему свои окоченѣвшія руки. Кухонная прислуга, припедная раньше, поставила палатку, въ которую забрались офицеры, въ ожиданіи своихъ вещей и палатокъ. Снѣгъ продолжалъ падать, но не въ такомъ обильномъ количествѣ, какъ во время перехода; вѣтра не было, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоставало и топлива. Подошедшіе люди были посланы собирать кизякъ, котораго находилось очень немного, да и тотъ намокъ и не горѣлъ. Уже подобралось порядочно народу, но обоза, конвоя его и аррьергарда все еще не видно. Сидятъ люди подъ открытымъ небомъ, терпѣливо ожидая своихъ незатѣйливыхъ походныхъ хорѣмъ, а снѣгъ все сыплеть да сыплеть. Только спустя четыре часа, подошелъ наконецъ и обозъ съ промокшими подстилочными кошмами, палатками и разными солдатскими венцами. Палатки мигомъ засѣрѣли на бѣломъ снѣжномъ фонѣ, и прозябшіе солдаты стали, было, грѣть воду въ манеркахъ,

но мокрый князкъ не горѣлъ; такъ и пришлось лечь, не согрѣвшись чайкомъ.

«Хотя бы водочки выдали!»—ворчали солдаты, кутаясь въ мокрые тулупы и лежа на сырой кошмѣ, подъ промокшими палатками; но водка почему-то выдана не была, а супъ съ совсѣмъ недовареннымъ мясомъ поспѣлъ только къ первому часу ночи, и, конечно, разоспавшіеся люди такъ его и не поѣли, и онъ былъ вылитъ изъ котловъ завьючившейся съ разсвѣтомъ кухней. Никогда еще такъ скоро не были стюкованы вещи и навьючены лошади, какъ на слѣдующее утро; къ тому же погода прояснилась, и сквозь сѣрые клочки снѣжныхъ облаковъ просвѣчивало голубое небо; удалось «согрѣть» и чайники. Какимъ вкуснымъ показался на этотъ разъ черствый сухарь съ чаемъ, сильно пахнущимъ дымкомъ, съ какимъ наслажденіемъ пили всѣ его, начиная съ командира и кончая послѣднимъ керекешомъ. Раздалась команда: «въ ружье!» и отрядъ тронулся, круто поднимаясь на переваль Кизиль-артъ. Тяжело дышится на высотѣ 14.000 футовъ, часто останавливаются солдаты запыхавшись, захватывая полною грудью, какъ вытщенная изъ воды рыба, разрѣженный воздухъ. Круто поднимается узенькая тропа, заваленная камнями; справа обрывъ, на днѣ котораго бѣжитъ рѣчка Кокъ-сай, извиваясь между гранитными утесами. Переваль покрытъ снѣгомъ, кругомъ не видно ни деревца, ни кусточка—все сѣро, пустынно и мрачно. Часто попадаются то съ правой, то съ лѣвой стороны тропинки, трупы лошадей и верблюдовъ, многіе изъ нихъ уже совершенно ислѣвшіе.

Вотъ двое солдатъ добираются уже до вышки, за ними карабкается еще небольшая кучка. Остановились и смотрятъ вверхъ.

— «А што, братцы, вотъ и на небо сичасъ запрыгну,—шутить одинъ изъ нихъ.—Смотри, ребята!»—и онъ съ крикомъ «ура!» бросается впередъ, карабаясь по снѣгу, и вмигъ взбирается на вершину перевала. Но тутъ силы покидаютъ его, и онъ, въ изнеможеніи, переводя духъ, садится на снѣгъ.

— Ну, и гора! Ну, и горища, дьяволь ты побери!—говоритъ другой, остановившись и тяжело дыша, глядитъ вверхъ на скрывающуюся въ облакахъ всю вершину перевала, раздражаясь при этомъ цѣлымъ потокомъ крѣпкихъ русскихъ словечекъ, и, какъ будто облегчивъ себя этимъ, ползеть далѣе, работая руками и ногами...

Вышка перевала значительно поднимается надъ окрестными вершинами, и чудный видъ открывается передъ глазами: съ боковъ вершины горъ угрюмо и мрачно стоятъ у подножія перевала, а спереди зияетъ крутой обрывъ, въ концѣ котораго виднѣется долина рѣки Марканъ-су, и каждый, видя себя выше окружающихъ вершинъ, невольно испытываетъ радостное чувство оттого, что забрался такъ высоко, выше облаковъ, въ которыхъ еще вчера проходилъ отрядъ. Задымились «цыгарки» и трубки, и вчерашняго настроенія

какъ бы не бывало; всѣ веселы, шутятъ, и кто-то было зататянулъ пѣсню, но, не встрѣтивъ, однако, поддержки, оборвалъ ее и замолкъ.

— Ну, что отдохнули, братцы? — спрашиваетъ подѣхавшій офицеръ.

— Еще бы маленько, ваше благородіе,—какъ бы сговорившись, отвѣчаютъ солдаты.

— Ну, садись!

И самъ онъ слѣзаетъ съ лошади и садится на камень.

— Спасибо тебѣ, перевалушко,—шутить солдатъ, отдирая уцѣлѣвшіе лоскутья подошвъ,—удружилъ ты намъ сегодня, да и себя не забылъ, ишь подметки да подборы себѣ на память оставилъ!

Всѣ хохочуть.

Спускъ въ долину рѣки Марканъ-су довольно крутъ и извилистъ, но подѣ гору идти не то, что въ гору, а потому чуть не бѣгомъ спускаются солдаты, перегоняя одинъ другого, и, перейдя въ бродъ рѣку, идутъ по глубокому песку, вдоль по широкому ущелью, окаймленному невысокими, покрытыми снѣгомъ, горами.

Тяжело было идти, послѣ труднаго перевала, по рыхлой песчаной дорогѣ, а тутъ еще высота 12.000 футовъ сильно отзывалась на непривыкшихъ къ разрѣженному воздуху людяхъ. Встрѣчный вѣтеръ, несущій цѣлыя облака пыли, также сильно препятствовалъ движенію отряда, такъ что люди и лошади, тяжело дыша, еле тащили ноги. По пути поминутно попадались отдохавшіе солдаты, грустно сидѣвшіе, безъ обычной болтовни, протирая отъ пыли глаза и уши. Воды не было—рѣка осталась позади. Вотъ одинъ тщедушный, выбившійся изъ силъ солдатикъ, захватился за болтающійся конецъ вьючной веревки и машинально переступаетъ ногами, буксируемый лошадыю, и не замѣчаетъ, какъ та, прижимая уши и скаля зубы, намѣревается лягнуть его, чтобы отдѣлаться отъ лишняго груза; но вьюкъ не даетъ ей привести въ исполненіе свое намѣреніе, и животное, въ безсильной злобѣ, покоряется своей участи.

— А что, землякъ, усталъ?—раздается сочувственный голосъ казака:—садись ко мнѣ!—и онъ сдвигается на крупъ лошади и сажаетъ солдатика въ сѣдло.

Вообще казаки во время Памирскаго похода съ жалостью относились къ пѣхотѣ, на долю которой доставалось болѣе тягости, чѣмъ другимъ родамъ оружія. Казаки, бывало, то и дѣло сажаютъ на свою лошадь измученнаго ливейца, а сами идутъ пѣшкомъ, солдатикъ же съ блаженной улыбки отдохающаго человѣка покачивается на спинѣ казачьяго мастачка. Еще одно замѣчательное свойство оренбургцевъ: во все время похода они никогда ни въ чемъ не нуждались. Какими-то способами они доставали себѣ всегда все необходимое, тогда какъ пѣхота пзывала отъ жажды и голода.

Идетъ казачья сотня, а между лошадьми, семеня ногами, бѣжитъ баранъ, привязанный за шею чумбуромъ, а иной разъ и цѣлая корова.

— Откуда, такія вы сякія дѣти, набрали скота?—кричитъ офицеръ.

— Присталъ по дорогѣ самъ, ваше благородіе!—отвѣчаютъ казаки, и офицеръ, удовлетворенный поясненіемъ, успокоивается.

Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сценки. Бѣдетъ керекешъ, апатично сидя на своемъ вьючкѣ, и цѣлая вереница завьюченныхъ бѣлыми сухарями ¹⁾ лошадей слѣдуетъ за нимъ, связанная въ одну линію хвостъ съ поводомъ. Сидитъ керекешъ и поетъ пѣсню, а казакъ, живо смекнувъ, что, молъ, время терять нечего, соскочилъ съ мастака, вынулъ пашку да и ткнулъ ею снизу въ одинъ изъ каповъ. Сухари одинъ за другимъ посыпались на землю, а казакъ, подбирая ихъ, складывалъ въ торбу. Когда торба была наполнена, онъ привязалъ ее къ сѣдлу и крикнулъ покиргизски керекешу:

— Ей, уртакъ (землякъ), ты такъ всѣ сухари растеряешь!—и при этомъ указалъ на валившіяся лепешки.

Соскочилъ киргизъ, увидалъ дыру въ мѣшкѣ, покачалъ головою и давай ее завязывать, а казака благодарить и суетъ ему въ награду два сухаря, приговаривая: «Казакъ якши, казаку силаю (награду) биряманъ (даю)». «Якши, якши», подлакиваетъ казакъ, пряча за пазуху сухари, и похлопываетъ по плечу керекеша. Другой разъ случай былъ еще характернѣе. Это было около бивуака, когда отрядъ проходилъ мимо юрта отряднаго подрядчика. Около одной изъ нихъ киргизъ возился надъ приготовленіемъ плова (это было въ самое время, когда солдаты ужасно голодали, а подрядчикъ немовѣрно наживался). Уже закрылъ киргизъ крышкою котель и огонь выгребъ—посиѣлъ значитъ. Проѣзжаетъ мимо оренбуржецъ.

— Ей, уртакъ, апранъ борма ²⁾?—кричитъ казакъ киргизу.

— Хазыръ, хазыръ, таксыръ ³⁾,—отвѣчаетъ киргизъ и уходитъ въ юрту. А казакъ скокъ съ лошади да къ котлу. Снялъ крышку и вывалилъ весь пловъ, часть въ фуражку, а часть въ манерку, закрылъ снова пустой котель крышкою, сѣлъ на коня, да и былъ таковъ. Все это было сдѣлано съ поразительною быстротою и ловкостью.

Выходитъ киргизъ съ чашкой, наполненною апраномъ, и, не видя казака, угощаетъ подошедшихъ пѣхотныхъ солдатъ.

— Апранъ якши ⁴⁾?—скала свои жемчужные зубы, спрашиваетъ онъ линейца.

— Якши, якши!—хлопая по плечу киргиза, отвѣчаетъ солдатъ и продолжаетъ свой путь, а киргизъ идетъ къ котлу посмотрѣть на

¹⁾ Т. е. сартовскими лепешками, заготовленными для подрядчика и его прислуги, такъ какъ туземцы русскихъ сухарей не ѣдятъ.

²⁾ Землякъ, есть ли кислое молоко съ водой (питье)?

³⁾ Сейчасъ, сейчасъ, баринъ.

⁴⁾ Апранъ хорошъ?

приготовленное кушанье, осторожно снимаетъ крышку и замираетъ съ нею въ рукахъ...

А между тѣмъ на бивуакѣ цѣлый кружокъ солдатъ и казаковъ сидятъ на землѣ, ѣдятъ да похваляютъ «сартовскую палаву». И сколько такихъ случаевъ можно было наблюдать надъ казаками за походъ и зимовку на Памирахъ.

По этому поводу я однажды имѣлъ разговоръ съ однимъ есауломъ и критиковалъ поведеніе оренбуржцевъ, удивляясь, что казацки офицеры легко относятся къ нижнимъ чинамъ за ихъ продѣлки.

— А знаете, что я на это вамъ скажу, — объяснилъ есаулъ, — что я, напримѣръ, никогда не вздую казака, если онъ украдетъ, да не попадется. Съ такимъ, который только одними казенными харчами довольствуется, пропадешь въ походѣ. Возьмите-ка да посмотрите на нашу службу — гоняютъ, гоняютъ, отдыху не даютъ, интендантство фуража не доставляетъ, а подлецъ подрядчикъ только о барышнѣ думаетъ; вѣдь сами знаете, какъ вашъ солдатъ голодаетъ, а коли стянетъ чтонибудь, такъ у васъ его сейчасъ — подъ судъ, а у насъ немного проще: укралъ да попался — нагайкой отхлещемъ, а не попался — твое счастье. Вотъ намедни, когда мы на рекогносцировку ходили, вѣдь трое сутокъ сломя голову шли, корму подножного — хоть бы травинка, а ячменя интендантъ, чтобъ ему пусто было, видите ли, опоздалъ доставить. Я для своего коня запасъ ячменя берегъ въ курджумахѣ, какъ золото, и въ палаткѣ вмѣсто подушки подъ голову клалъ. Просыпаюсь это я, гляжу, а половины ячменя нѣтъ! Выкрали подлещу, изъ-подъ головы своего сотеннаго командира выкрали, а что подѣлать? Такъ у насъ ужъ поставлено дѣло, что заставляютъ казака красть — ничего не подѣлаешь.

И есаулъ былъ правъ.

Еще верстъ шесть протянулся отрядъ ущельемъ, затѣмъ повернулъ вправо, и вдругъ передъ нашими глазами открылась огромная равнина, окруженная кольцомъ совершенно бѣлыхъ, снѣговыхъ горъ, среди которыхъ блестѣло озеро Кара-куль, на южной сторонѣ котораго была назначена завтрашняя стоянка отряда.

— Ну, ребята, завтра мы значить на эфту самую Памиру зайдемъ! Самъ слышалъ, какъ ротный господамъ сказывалъ! — сообщаетъ солдатъ собравшейся кучкѣ товарищей, и всѣ довольны, что наконецъ добрались до Памира, но никто не думаетъ о томъ, сколько ему еще предстоитъ впереди погулять по этой каменной, горной пустынѣ и натерпѣться всякихъ невзгодъ.

VII.

— Осмѣлюсь доложить!

— Что такое? — спросилъ я просунувшаго голову въ палатку унтеръ-офицера Бѣлова.

— Тилля умираетъ, пожалуйста въ лазаретъ, докторъ просить!

Я вскочилъ и бѣгомъ пустился къ лазаретной юртѣ. Я былъ дежурнымъ по баталіону, а потому меня и позвалъ докторъ. Тилля былъ довольно замѣчательная личность. Онъ былъ простымъ сартомъ и когда-то служилъ у меня малайкой (лакеемъ), всегда отличался влеченіемъ ко всему русскому и даже охотно носилъ русскій костюмъ. Это былъ рослый, здоровый сартенокъ, съ сильной мускулатурой, весьма неглупый и расторопный. Когда былъ объявленъ Памирскій походъ, ему во что бы то ни стало захотѣлось поступить солдатомъ въ отправляющійся на Памиры отрядъ. Не долго думая, онъ явился къ командиру баталіона и изложилъ ему свою просьбу; но такъ какъ до сихъ поръ ни одинъ сартъ въ военную службу не принимался и законоположеній на случай поступленія узбековъ добровольцами въ русскую армію не было, то командиръ отказалъ Тиллѣ въ принятіи его добровольцемъ. Однако, сартенокъ не потерялъ энергіи и явился съ той же просьбой къ начальнику отряда, Іонову, который прямо отвѣтилъ ему, что сартовъ въ военную службу не принимаютъ. Потерпѣвъ и здѣсь неудачу, Тилля отправился къ губернаторскому дому и дождавшись, когда командующій войсками выходилъ, чтобы сѣсть въ коляску, подалъ генералу прошеніе и еще разъ изложилъ лично свою просьбу. Послѣ этого, черезъ нѣсколько дней, состоялся приказъ о зачисленіи Тилли рядовымъ во 2-й Туркестанскій линейный баталіонъ. Очень скоро усвоилъ молодой солдатъ все, что требуется отъ рядоваго, и выступилъ въ походъ уже совершенно готовымъ солдатомъ, ничѣмъ не уступавшимъ старослужащимъ. Службу Тилля несъ исправно, порученія исполнялъ точно и сразу попалъ на хорошій счетъ у ротнаго командира.

Первое время, когда бывало онъ сильно уставалъ во время тяжелыхъ переходовъ, солдаты посмѣивались надъ нимъ.

— Что, сартъ, ноги не идутъ!—говорили они.

— Ничего, пойдутъ!—отшучивался Тилля и догонялъ товарищей.

Только при подъемѣ на перевалъ Кизиль-артъ съ нимъ случилось странное явленіе. До самой вышки онъ бодро шелъ, много шутить и дышалъ почти свободно, когда прочіе солдаты сильно задыхались.

— Ишь сарту духу хватаетъ!—ворчали они.

Но только поднялся Тилля на перевалъ, какъ кровь хлынула у него изъ горла, онъ лишился чувствъ и съ полъ-часа пролежалъ въ безсознательномъ состояніи. Фельдшеръ кое-какъ помогъ несчастному добровольцу, и онъ, придя въ себя, какъ ни въ чемъ не бывало отправился дальше, такъ что даже и въ околотокъ не явился. Только вдругъ, придя на южный берегъ озера Кара-куль, гдѣ всѣ жаловались на сильное удушье, благодаря высотѣ 13.300 футовъ, Тилля началъ задыхаться, и съ нимъ случился второй припадокъ, заставившій солдатъ внести его въ лазаретъ. Теперь онъ умираетъ.

Когда я вошелъ въ лазаретную юрту, то увидѣлъ передъ собою полунагого человѣка. Я узналъ сейчасъ же Тиллю, хотя онъ сильно измѣнился. Лицо его было синебагроваго цвѣта, глаза какъ-то странно вытаращены, изо рта текла пѣна, а руки были согнуты кулаками къ груди. Онъ сильно хрипѣлъ и конвульсивно дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ я доктора.

— Сейчасъ будетъ готовъ,—сказалъ онъ мнѣ,—доложите начальнику отряда—параличъ легкихъ. И чего было брать его въ походъ, жилъ бы себѣ въ малайкахъ, а тутъ вотъ...—покачалъ онъ головою.

— Высоты не вынесъ?—спросилъ я.

— Да, конечно, шутка ли такіе переходы, на 14.000 футахъ, погодите, это еще цвѣточки,—указалъ онъ на умирающаго,—ягодки еще впереди, много будетъ такихъ...

Вдругъ умирающій какъ будто немного приподнялся и, издавъ страшный крикъ, какъ-то сильно захрипѣлъ и опрокинулся на подушку; руки его повисли, и одна спустилась на землю; онъ сразу осунулся и сдѣлался какимъ-то особенно маленькимъ, какъ будто провалился въ кровать.

— Готовъ,—сказалъ докторъ, взявъ руку несчастнаго охотника, и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:—идите докладывайте.

Я вышелъ изъ юрты и направился къ начальнику отряда.

Похоронили мы Тиллю съ воинскими почестями. Мулла изъ ближайшаго аула отчиталъ умершаго; надъ могилой его киргизы поставили памятникъ, сложенный изъ каменьевъ, и завалили его архарьями рогами.

— Да, едва вошелъ отрядъ въ область Памира, а жертва уже есть,—подумалъ я, направляясь послѣ похоронъ Тилли въ свою палатку, а съ бивуака доносилась солдатская пѣсня, и гдѣ-то гремитъ гармоника, неизбѣжная спутница русскаго воина. Иной разъ каждая пуговица кажется тяжелѣе чугунной гири, и солдатъ со злобой срыгаетъ ее прочь, а гармоника неизмѣнно треплется за его спиною, и лишь только придетъ измученный солдатъ на бивуакъ, поставитъ палатку и не успѣетъ еще отдохнуть, а ужъ гармоника заливается, наигрывая неизбѣжную «Матаню».

Кара-куль лежитъ на высотѣ 13.000 футовъ; это—большое озеро съ горько-соленою водою и мертвыми солонцеватымъ берегами, окаймленное кольцомъ снѣговыхъ горъ. Среди озера, ближе къ сѣвернымъ берегамъ его, тянется довольно большой, скалистый островъ, съ такою же мертвою природою, какъ и берега самаго озера. Мнѣ захотѣлось пробраться на этотъ островъ, тѣмъ болѣе, что мѣстные киргизы увѣряли, что еще ни одинъ европеецъ не проникалъ туда.

Приказавъ сложить парусинную лодку, я взялъ двухъ рядовыхъ охотничьей команды, и мы поплыли по озеру.

Воды его, казалось, впервые носили на поверхности своей судно и словно сердито морщились, уступая человѣческой силѣ. На зеркальных водахъ озера плавало множество водяной птицы, которая близко подплывала къ лодкѣ, съ удивленіемъ поглядывая на насъ. Стайка гусей подплыла почти на 8 шаговъ, и я, схвативъ ружье, приложился и выстрѣлилъ. Громъ выстрѣла глухо пронесся надъ водою и замеръ, подхваченный эхомъ въ ущельяхъ окружающихъ горъ. Одинъ гусь былъ убитъ, и тѣло его мѣрно колыхалось на поверхности озера; прочіе поднявшись отлетѣли немного въ сторону и спустились на воду. Настрѣлявъ множество дичи, мы пристали къ острову, и я принялся за съемку его. Это былъ голый, скалистый островъ, сплошь усѣянный утиными гнѣздами, въ которыхъ находились еще неоперившіеся птенчики. Нанеся островъ на планшетъ, я съ богатой добычей вернулся въ отрядъ, гдѣ вечеромъ всѣ съ аппетитомъ ѣли вкусную, жареную птицу.

Въ 1894 году, шведскій путешественникъ Свенъ-Хединъ пробрался на этотъ островъ по льду зимою и произвелъ его промѣры.

По берегамъ озера въ обильномъ количествѣ растетъ небольшими кусточками терескенъ. Это растеніе представляетъ собою великолѣпное и единственное топливо на Памирѣ, оно одинаково хорошо горитъ, какъ въ сыромъ, такъ и въ сухомъ видѣ, а также иногда, за неимѣніемъ подножнаго корма, служило пищею для отрядныхъ лошадей. Терескенъ представляетъ собою небольшой колючій кустикъ съ зелено-оранжевыми, мясистыми листочками, имѣющими большое сходство съ листьями барбариса, и съ толстымъ, короткимъ корневищемъ, неглубоко сидящимъ въ рыхлой, солонцеватой почвѣ. На Памирахъ его такое множество, что нѣкоторыя долины на протяженіи многихъ десятковъ верстъ сплошь покрыты этимъ растеніемъ, безъ котораго жутко пришлось бы отряду среди снѣговъ и бурновъ Памира.

— Господа,—сказалъ намъ за ужиномъ П.,—доставайте-ка на завтрашній день потеплѣе одежду, на такое мѣстечко придемъ, просто бѣда.

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Да на Музь-куль, гдѣ Бржезицкій китайцевъ поролъ; тамъ ужасные морозы.

И дѣйствительно капитанъ былъ правъ. Лишь только мы спустились въ долину ледянаго озера, какъ на насъ повѣялъ холодный вѣтеръ, и вскорѣ морозъ заципалъ носъ и уши. Дневка была необходима, такъ какъ впереди предстоялъ перевалъ Акъ-Байталъ въ 15.070 футовъ, но на Музь-куль оставаться было немислимо. Июньская зима давала себя чувствовать, морозъ дѣлался все сильнѣе, а вѣтеръ усиливался такъ, что отрядъ, несмотря на сорокакаптиверстный переходъ, отодвинулся еще на 10 верстъ и сталъ бивуакомъ подъ переваломъ на берегу рѣчки Чонъ-су. Тутъ съ памирскимъ

отрядомъ случилась большая непрятность: онъ потерялъ много лошадей, которыя моментально издыхали безъ видимой тому причины.

Мы просто недоумѣвали, отчего появилась такая смертность на лошадей. Дошли преимущественно сартовскія и русскія лошади, киргизскіе же мастачки оставались невредимыми.

Совершенно случайно вопросъ этотъ разрѣшился. Проѣзжалъ мимо отряда киргизъ изъ ближайшей кочевки и, увидя дохлыхъ лошадей, сказалъ керекешамъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что подъ переваломъ Акъ-Байталъ растетъ трава «ать-ульдды» (т. е. лошадиная смерть); достаточно, чтобы лошадь съѣла самое небольшое ея количество, какъ она моментально околѣетъ, между тѣмъ киргизская лошадь никогда не будетъ ѣсть этой травы. Киргизъ указалъ еще нѣсколько такихъ же, гибельныхъ для лошадей, мѣстъ, лежавшихъ на пути слѣдованія отряда, и тамъ отрядныя лошади не пустились на подножный кормъ, а кормились ячменемъ изъ запасовъ, заготовленныхъ интендантствомъ.

Переваль Акъ-Байталъ (15.070 ф.) доставилъ немало затрудненія отряду. Подъемъ его со стороны Музь-куля чрезвычайно крутъ, хотя и не очень продолжителенъ, затѣмъ переходитъ въ небольшой отлогій спускъ по гребню и, образуя сѣдловину, сразу опять поднимается на 2.000 футовъ, а съ этого мѣста начинается крутой и неудобный спускъ къ рѣкѣ Акъ-Байталъ. Здѣсь особенно давалъ себя чувствовать разрѣженный воздухъ, и только нѣкоторая привычка, уже прибрѣтенная людьми, способствовала отряду къ болѣе или менѣе успѣшному преодолѣнію этой заоблачной преграды, но зато тяжело навьюченные верблюды и лошади сильно страдали, ежеминутно развьючивались и падали. Солдаты положительно изнемогали отъ ежеминутной выючки. Они въ полномъ безсиліи сидели на камни, ноги отказывались служить имъ, а по чернымъ обвѣтреннымъ лицамъ катились цѣлые ручьи пота, несмотря на страшный холодъ, царившій надъ переваломъ.

— Самъ еле ноги тащишь, а тутъ еще и лошади подсобляй!— ворчали они.

Спускъ съ перевала былъ значительно легче, и отрядъ потянулся вдоль рѣки Акъ-Байталъ, которую и перешелъ въ бродъ около Рабата № 1.

— Да какъ же это мы, братцы, въ темнотѣ переправляться-то будемъ?—спрашивали другъ друга солдаты, подойдя къ рѣкѣ уже въ совершенную темноту.

— А вотъ такъ и будешь,—отвѣтилъ фельдфебель:—скинешь сапоги и пойдешь.

И пошли солдатки, только многимъ изъ нихъ пришлось принять холодную ванну, окунувшись нѣсколько разъ съ головою въ быстрыя воды Акъ-Байтала. Много вещей утонуло при переправѣ черезъ эту рѣку и, что всего ужаснѣе, была потоплена отрядная

соль, захваченная въ Боръ-да-ба, которая, пока доставали ее, успѣла почти вся раствориться въ водѣ.

— Посолили мы рѣку немного казенной солью! Солоно ей досталось, а все не такъ, какъ намъ пришелся Акъ-Байталъ! Эхъ-ма! — острили солдаты.

Однако, не прошла даромъ эта ночная переправа; число больныхъ увеличилось, и уже нѣкоторые были на краю могилы, у многихъ шла горломъ кровь и, кромѣ того, въ отрядѣ открылся тифъ, а одинъ канониръ конно-горной батареи умиралъ отъ воспаления брюшины. Наконецъ, 27-го июня, отрядъ двинулся къ рѣкѣ Мургабу (верховье Аму-Дарьи) и сталъ бивуакомъ недалеко отъ кладбища Кара-гулъ, около слиянія рѣкъ Акъ-Байтала и Акъ-су съ Мургабомъ.

— Ну, слава Богу, отдохнемъ наконецъ, — думалъ каждый, напившись чайку и отдыхая въ своей палаткѣ.

— Долго здѣсь простои́мъ? — спросилъ я, зайдя въ палатку штабъ-ротмистра Ш., исполнявшаго должность адъютанта у начальника отряда.

— Да съ недѣлку навѣрное, — сказалъ онъ: — кромѣ того, получено предписаніе до особаго распоряженія не переходить на правый берегъ рѣки Мургаба.

Я былъ очень обрадованъ этимъ извѣстіемъ; двадцатипятидневный почти непрерывный горный походъ ужасно утомилъ меня, и я чувствовалъ, что не выдержи дальнѣйшаго движенія безъ основательнаго отдыха.

Ну, и поѣли же рыбы ¹⁾ солдаты за стоянку свою на рѣкѣ Мургабѣ. Ее ловили пудами попросту палатками, такъ что весь отрядъ питался ею до тѣхъ поръ, пока она не опротивѣла. А тутъ еще изъ г. Оша прибылъ маркитантъ и раскинулъ своей гостеприимный шатеръ на берегу Мургаба, снабжая насъ всевозможными винами и яствами за неслыханную цѣну. Да и не мыслимо было иначе. Половина товара его или утонула или разбилась во время ужасной дороги; пришлось наверстывать убытки, и всѣ, несмотря на высокія цѣны, охотно покушали у него продукты и были довольны. Каждый день музыка по вечерамъ играла въ лагерѣ, солдаты собирались, пѣли и плясали; оживленіе было полное.

Между тѣмъ, съ Япиль-куля приходили все болѣе и болѣе тревожные слухи. Каждый день къ начальнику отряда являлись Аличурскіе киргизы и жаловались ему на насиліе афганцевъ, которые, притѣсняя киргизъ, выдвигали свои посты далеко за нашу границу. Но и на китайской границѣ было также неспокойно. Китайцы, узнавъ о нашемъ появленіи на Памирахъ, выслали съ восточной части Памира нѣсколько лянцзъ ²⁾, во главѣ съ Джанъ-дариномъ,

¹⁾ Рыба изъ семейства *Jalnoforio* «османъ» очень вкусна, но костлява; напоминаетъ очень форель.

²⁾ Лянцза — эскадронъ.

и выстроили крѣпость Акъ-Ташъ, грозя отряду, стоявшему на рѣкѣ Мургабѣ, въ случаѣ отдѣленія его части на Яшиль-куль, внезапнымъ нападеніемъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, полковникъ Іоновъ рѣшилъ предпринять двѣ рекогносцировки въ глубь Памировъ—одну подъ своимъ личнымъ начальствомъ произвести на озеро Яшиль-куль въ сторону афганцевъ, а другую, подъ командой капитана Скерскаго, черезъ Акъ-Ташъ и Большой Памиръ на то же озеро, гдѣ оба отряда и должны были соединиться. 4-го іюля выступилъ рекогносцировочный отрядъ Скерскаго, а седьмого—третья рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, саперная команда, вторая сотня оренбуржцевъ и взводъ конно-горной батареи подъ командой самого начальника отряда двинулись къ переправѣ Шаджанъ. Остающіеся роты съ музыкой провсжали отрядъ версты за десять вверхъ по рѣкѣ Мургабу и около переправы, напившись чайку, простились съ уходящими товарищами, а кругомъ суровыя снѣжныя вершины мрачно смотрѣли на небольшую, сѣрую кучку людей, дерзавшихъ такъ смѣло бороться съ ихъ суровою, грозною природою.

VIII.

— Афганца поймали, — сообщилъ мнѣ на другой день послѣ переправы поручикъ Барановъ, разбудивъ меня въ 5 часовъ утра.

Я вскочилъ, какъ ужаленный, такъ какъ мнѣ послышалось: «афганцы идутъ».

Понявъ, въ чемъ дѣло, я побѣжалъ къ кружку солдатъ, обступившихъ человека въ красномъ мундирѣ, около котораго съ побѣдоноснымъ видомъ стоялъ киргизъ. Афганецъ былъ еще молодой человекъ, съ правильными, красивыми чертами лица. Онъ дико смотрѣлъ исподлобья на столпившихся солдатъ и видимо еще не вышелъ изъ состоянія неожиданности, попавъ врасплохъ въ нашъ лагерь.

— Гдѣ его взяли?—спросилъ я у киргиза.

Тотъ только этого и ждалъ, потому что началъ, какъ трещетка, передавать мнѣ подробности поимки афганца.

— Ъхаль я, таксыръ, по ущелью, — говорилъ киргизъ, — гляжу, а передо мной, точно изъ земли выросъ, афганецъ. Испугался я ужасно, да вдругъ вспомнилъ, что русскіе солдаты близко. «Кайда урусъ?»¹⁾ — спрашиваетъ меня афганецъ. — Ладно, думаю, скажу я тебѣ, гдѣ русскіе. — Ничего я не слыхалъ объ урусахъ, — говорю я афганцу. — «Ну, такъ проводи меня въ ближайшій аулъ», — говоритъ онъ. — Съ удовольствіемъ, говорю я, а самъ и думаю, какъ же,

¹⁾ Гдѣ русскій?

сведу я тебя, собаку, въ аулъ! Уже начинало свѣтать: когда мы подъѣхали къ казачьимъ патрамъ. «Нема бу?» (что это такое) испуганно спрашиваетъ меня афганецъ.—Урусляръ (русскіе), говорю я ему, а самъ посмѣиваюсь въ душѣ, какъ ловко провелъ я афганца. Оторопѣлъ онъ, да и хотѣлъ скакать обратно, но было ужъ поздно: двое казаковъ держали подъ уздцы его лошадь, и развѣдчикъ былъ стащенъ на землю.—Киргизъ кончилъ и протянулъ мнѣ свою руку.—Дай, тюра, силау-манъ байгунъ санъ тюра ¹⁾),—сказалъ онъ. Я положилъ на его ладонь монету, и онъ, скорчивъ гримасу отъ удовольствія, сталъ кланяться, приговаривая: кулдукъ, кулдукъ, таксыръ ²⁾).

Афганца повели въ юрту начальника штаба, куда направился и я. Допросъ плѣннаго производился черезъ переводчика.

— Откуда ты?—спросилъ полковникъ В.

— Съ Аличурскаго поста,—отвѣтилъ афганецъ.

— А много васъ тамъ?

— Больше, чѣмъ васъ,—совралъ афганецъ.

— Да ты говори правду,—разсердился на такой отвѣтъ полковникъ.

— Афганцы не врутъ!—обиженно отвѣтилъ плѣнный.

— Не извѣстно ли тебѣ, почему афганцы поставили свой постъ на Аличурѣ?

— Ничего мнѣ неизвѣстно, я простой солдатъ и посланъ раззнать, гдѣ русскіе, и если бы не проклятый киргизъ, то я бы не попался вамъ въ руки.

Афганецъ держалъ себя непринужденно, говорилъ заносчиво и видимо былъ ужасно раздосадованъ, что такъ глупо попался къ намъ въ руки.

— Ты пѣхотный или кавалеристъ?—спросилъ я афганца.

— Рисоля! ³⁾—отвѣтилъ онъ.

И дѣйствительно отобранное у него оружіе состояло изъ кривой шашки и кавалерійскаго карабина системы Пибоди-Мартини.

Болѣе ничего обстоятельнаго не сообщилъ пойманный, и его показанія шли совершенно въ разрѣзъ съ донсеніями киргизъ, которые увѣряли, что на Аличурскомъ посту, подъ командой афганскаго капитана Гулямъ-Айдаръ-Хана, находится небольшое число афганцевъ, которые ожидаютъ свѣжихъ силъ, но что подкрѣпленіе еще не подоспѣло, да и врядъ ли подойдетъ къ двадцатымъ числамъ іюля, тогда какъ мы должны были быть на Шпиль-кулѣ двѣнадцатаго.

Тѣмъ не менѣе, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, мы дви-

¹⁾ Дай, баринъ, на чай, я бѣднякъ, а ты баринъ.

²⁾ Спасибо, спасибо, ваше благородіе.

³⁾ Рисоля (кавалеристъ).

нулись далѣе и, переночевавъ въ урочищѣ Комарь-Утекъ, съ разсвѣтомъ двинулись къ камню Чатырь-Тапъ.

— Запасись водой, ребята, — приказалъ ротный командиръ, — переходъ будетъ тяжелый.

Дорога тянулась широкою долиною, окаймленною довольно высокими горами, и поднималась террасами въ гору. Встрѣчный вѣтеръ крутилъ цѣлыя облака мельчайшаго песку, что являлось однимъ изъ самыхъ значительныхъ препятствій для движенія пѣхоты. Къ полудню вѣтеръ усилился, и идти положительно стало невозможно. Песокъ засорялъ глаза, трещалъ на зубахъ, набирался въ носъ и уши, которыя такъ заложило, что невозможно было слышать собственныхъ словъ. Пять часовъ шли уже солдаты; вода была давно уже выпита, а по пути не попадалось ни одного ручейка. Сдѣлали приваль, но что за отдыхъ для солдата безъ освѣжающей водицы, когда ему нѣтъ возможности ни освѣжить воспаленнаго лица, ни утолить жажды. У многихъ болѣла голова, а во рту засохъ языкъ. Появилось много отсталыхъ. На каждомъ шагу попадались то сидящіе, то лежащіе люди. Ужъ на что былъ здоровенный охотникъ Шароновъ, который, казалось, и устали не зналъ, и тотъ теперь шелъ, понурая голову, какъ-то тыкая въ землю ногами. Сильныя ноги его не слушались, гнулись въ колѣняхъ, а воспаленные глаза были апатично устремлены въ даль, гдѣ лишь виднѣлись облака желтой пыли, поднимаемой неугомоннымъ вѣтромъ. На душѣ у него было такъ же безотрадно, какъ и кругомъ. Теперь, когда силы покидали его, когда жажда неистово томила внутренности, а въ головѣ какъ будто стучали желѣзнымъ молотомъ, онъ вдругъ, подъ впечатлѣніемъ переносимыхъ лишеній, рѣшилъ, что онъ лишній на этомъ свѣтѣ. Вспомнилось ему на мгновеніе его бывшее житье въ деревнѣ, его женитьба на красавицѣ, славившейся на всю округу, но воспоминаніе это, отрадною искоркою мелькнувшее въ его воспаленномъ мозгу, быстро пронеслось мимо, отгѣсенное цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ событій прошлаго. Припомнилась ему рекрутчина, побой, взятки дядекъ. Наконецъ, длинное путешествіе въ Туркестанъ, тоска по родинѣ и тяжелая служба молодого солдата. Почему-то вдругъ съ особенною яркостью вспомнилъ онъ, какъ однажды дежурный по батальону далъ ему пощечину за то, что, оставаясь за дежурнаго по ротѣ, онъ не отрапортовалъ ему во время. Слезы навернулись у солдата на глазахъ. «А вѣдь зря тогда саданулъ онъ меня», — подумалъ онъ: — «я тогда и устава не зналъ — не обучался». Припомнилось ему, какъ пришла къ нему съ партіей и жена. Скромная бабенка была. Вывало изъ дому не выгонишь, все время въ работѣ, да избаловалась она, какъ и всѣ солдатки въ Туркестанскомъ краѣ. Долго не подмѣчалъ онъ за нею ничего такого, да вдругъ и засталъ ее съ дружкой за бутылкой сладкой водочки. Охъ, какъ вскипѣло тогда его сердце! Оттаскалъ онъ жену за косы и избилъ

до полусмерти разлучника. Началось слѣдствіе, и посадили солдата на гауптвахту. А женѣ только того и нужно было. Стала его жизнь съ тѣхъ поръ каторгой. Въ батальонѣ солдаты издѣваются, что молъ «жену просмотрѣлъ», а домой лучше не ходи—срамъ одинъ. Онъ и ротному жаловался на свою бабу и билъ ее,—ничего не помогало; хотѣлъ ужъ было руки на себя наложить, да какимъ-то чудомъ Богъ его спасъ—одумался. Грустилъ, грустилъ онъ да и запилъ, плюнулъ на все. Идетъ онъ, а самъ думаетъ, за что на его долю выпала такая тяжелая жизнь! Давно не было такъ тяжело на душѣ у Шаронова, давно не лежало такимъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ его горе. «Ужъ лучше бы околѣть въ горахъ»,—подумалъ онъ. — «Что за жисть! на службѣ тягость одна, а домой придешь, тамъ—жена потаскуха, больше ничего». Онъ остановился и глубоко вздохнулъ, въ глазахъ его запрыгали кровавые круги, горы какъ-то странно перекошились, и онъ опустился на землю. Винтовка выпала изъ рукъ его и, щелкнувъ о камень стволомъ, упала на землю. «На стволѣ, должно, забойна будетъ»,—мелькнуло въ головѣ солдата:— «ну, да чортъ съ нимъ, все равно, съ мертвого не зыщешь»... Какая-то нѣга разлилась по всѣмъ его членамъ, и ему хотѣлось безконечно лежать тутъ среди этой дикой долины, далеко отъ людей и грустной дѣйствительности. Онъ слышалъ, какъ мимо него проходили люди, и ихъ тяжелые шаги беспокоили полный покой, царившій въ его душѣ. «Вотъ, вотъ поднимуть»,—тревожно думалъ онъ, когда раздавались приближающіеся шаги. Но шаги стихали, и онъ успокоивался. Мало-помалу мысли путались въ его головѣ, какая-то истома овладѣла имъ, и онъ больше ни о чемъ не думалъ...

Вдругъ онъ вздрогнулъ, кто-то толкнулъ его. Онъ открылъ глаза и поднялъ голову. Надъ нимъ стоялъ начальникъ арьергарда. Добродушные глаза поручика Гермута съ участіемъ смотрѣли на лежащаго солдата.

— Встань, братецъ, до бивуака недалеко,—сказалъ онъ.

Шароновъ хотѣлъ подняться, но сильная боль въ головѣ, поясницѣ и ногахъ заставила его громко застонать.

— Ой, ваше благородіе, не могу, всего разломил!—проговорилъ онъ.

— Ну, прибодрись, прибодрись, я тебѣ помогу,—говоритъ офицеръ и помогаетъ солдату подняться на ноги.

— Садись на лошадь, а винтовку надѣнь за спину,—говоритъ онъ ему, какъ маленькому ребенку, котораго учить нянька, какъ нужно надѣть шляпу.

Шароновъ покорно садится на офицерскую лошадь и благодарно смотреть на идущаго пѣшкомъ офицера.

— Ишь какой «господить-то» нашъ?—думаетъ Шароновъ:—вотъ кабы такихъ было побольше, и служба другая бы пошла.

Теперь на каждомъ шагѣ стали попадаться то сидящіе, то ле-

жацие, изнеможенные солдаты, ожидающіеся арьергарда, къ которому присоединяются и идуть кое-какъ дальше. Не остаются же одному среди мертвой долины, обрекая себя на голодную смерть или на пищу шакаламъ, все время слѣдившимъ за отрядомъ. А поручикъ Гермутъ на мѣсто отдохнувшего солдата сажаетъ другого и продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока самъ не устанетъ. И часто повторяются подобныя сцены во время этого тяжелого, безводнаго пути. Да и немудрено, идя въ гору, при высотѣ 13.000 футовъ, утомиться, отдохнувъ лишь двадцать минутъ въ теченіе двѣнадцати-часовой ходьбы. Уже солнце спряталось за снѣжныя вершины—шесть часовъ, а бивуака все еще не видно.

— Гдѣ же камень? Кто знаетъ изъ прошлогоднихъ? — спрашиваетъ офицеръ.

— А вотъ за эфтой горкой, ваше благородіе,—указывая на небольшую горку, говоритъ одинъ изъ охотниковъ, бывшій здѣсь во время прошлогодней рекогносцировки.

— Какъ значитъ, этого, выйдемъ на верхъ, такъ и бивакъ увидимъ, если дальше не ушли, добавляетъ онъ, упирая на послѣднее слово, какъ бы боясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ «дальше не ушли».

— Ну, ребята, подбодрись! скоро отдохнемъ, — говоритъ офицеръ,—ужь теперь недалеко.—Но онъ и самъ не вѣритъ своимъ словамъ: ужь не сбились ли съ пути?—думаетъ онъ.

Длинною вереницей, еле волоча ноги, подобрались наконецъ солдаты на вершину небольшой горы, и радостный крикъ «бивакъ!» вырывается изъ устъ каждаго. Одинъ за другимъ подходятъ солдаты на вершинку и, положивъ возлѣ себя ружья и амуницію, смотрятъ на большой четырехъугольный камень, лежащій среди громадной равнины, подъ которымъ блистаютъ огоньки костровъ и бѣлѣютъ, освѣщенныя вечернимъ закатомъ, палатки прибывшихъ туда казаковъ.

— И откуда такая «галья» взялась, братцы?—удивляется солдатъ.

— Откуда взялась, оттуда и есть! — сурово отвѣчаетъ старый охотникъ, бывалый уже въ этихъ мѣстахъ и считающій за нелѣпость задумываться надъ такими пустяками.

Офицеръ скачетъ назадъ и кричитъ отсталымъ, что уже виденъ бивакъ. Всѣ какъ бы перерождаются отъ этого магическаго слова. Новая сила какъ будто вливается въ ихъ утомленные существа, и они нетвердымъ шагомъ подходятъ къ отдыхающимъ на вершинѣ товарищамъ. Отдохнувъ минутъ съ пятнадцать, добрались измученные солдаты наконецъ и до желаннаго бивуака, пройдя вмѣсто 45 верстъ добрыхъ шестьдесятъ.

Камень Чатыръ-Тапъ представляетъ собою довольно странное явленіе среди Памирской природы. Онъ совершенно отдѣльно лежитъ среди огромной котловины, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ окружающихъ горъ, и кажется свалившимся съ неба. Недалеко отъ камня стоитъ очень интересное строеніе, представляющее со-

бою надгробный памятникъ надъ могилой знатнаго туземца. Заинтересовавшись памятникомъ, я пошелъ осмотрѣть его. Это строеніе имѣло видъ часовни и состояло изъ четырехъугольнаго корпуса съ коническою куполообразною крышей. Съ передней части устроены входъ въ видѣ небольшой пристройки со стрѣльчатою дверью. Внутренняя часть зданія довольно обширна и освѣщена отверстиями, продѣланными въ куполѣ, а также окномъ съ правой стороны. Когда я вошелъ въ зданіе и очутился среди довольно обширнаго четырехъугольнаго пространства, вдругъ кто-то сзади подошелъ ко мнѣ. Я оглянулся и вздрогнулъ. Передо мною стоялъ высокій, худой, какъ смерть, старикъ съ длинною сѣдою бороδοю.

— А таксыръ, тюра, саломать ¹⁾!—проговорилъ онъ, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ, и только послѣ этого привѣтствія я понялъ, что имѣю дѣло съ живымъ человѣкомъ, до того онъ напоминалъ выходца съ того свѣта.

— Кто ты?—спросилъ я его.

— Киргизъ!—отвѣтилъ старикъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Хайдоръ-бій, у меня не далеко отсюда кочевки.

— Давно ты здѣсь живешь?

— О давно, таксыръ, еще мой прадѣдъ родился на Памирѣ.

— А не знаешь ли, чья эта могила?—спросилъ я.

— Нѣтъ, таксыръ, не знаю, а только мой дѣдъ еще рассказывалъ, что это самая старая могила на Памирѣ, и похороненъ въ ней святой человѣкъ.

Говорившему со мной старику было лѣтъ 80, а потому я невольно подивился долговѣчности памятника, сооруженнаго изъ простой бѣлой глины. При подобной прочности, если ее возможно достигнуть намъ, русскимъ, подумалъ я, такія строенія, сохраняющіяся такъ долго въ полной исправности, несмотря на постоянные вѣтры и морозы, господствующіе на Памирѣ, можно бы смѣло утилизировать для военныхъ надобностей, если не войскъ, которымъ стоять въ этихъ мѣстахъ не придется, то для станцій военнаго телеграфа или же для помѣщенія почтовыхъ джигитовъ, которые, въ особенности, обставлены въ этомъ отношеніи очень скверно, тѣмъ болѣе это было бы примѣнимо, что способъ постройки очень простъ и былъ бы удобенъ за полнымъ отсутствіемъ въ этихъ мѣстахъ строевого лѣса.

Я вышелъ изъ строенія; киргизъ послѣдовалъ за мной.

— Мана Чатыръ-Ташъ ²⁾! — сказалъ онъ, указывая на возвышавшійся камень.

¹⁾ А, господинъ, здравствуй!

²⁾ Вотъ «Чатыръ-Ташъ».

— Знаю,—отвѣчалъ я,—а откуда взялся онъ здѣсь, вѣдь не ска- тилась же съ горы эта громада?

— Нѣтъ, тюра, это не простой камень, этотъ камень чувствуетъ, какъ мы съ тобой, и слышитъ все, что мы говоримъ, только не можетъ онъ самъ ни говорить ни пошевелиться. Давно-давно ле- житъ этотъ камень на этой равнинѣ. Это было еще въ тѣ времена, когда люди жили въ мирѣ съ Аллахомъ, когда Всевышній часто слеталъ съ неба и бесѣдовалъ съ ними. Въ это время Памиръ былъ богатѣйшею страной. Великолѣпные сады и луга покрывали всѣ долины, много верблюдовъ и барановъ паслось на травѣ, много звѣ- рей жило въ горахъ, и птицы небесныя пѣли свои пѣсни. Да, тюра, такъ не поютъ теперь птицы, какъ пѣли онѣ тогда. Въ ихъ пѣсняхъ слышались рассказы о томъ, какъ великій Аллахъ создалъ миръ и человѣка.

Мусульманскій народъ жилъ на Памирѣ въ то время и упра- влялъ имъ Яръ-ханъ, который жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ, сложенномъ изъ гранита и драгоценныхъ камней. Не было еще на свѣтѣ такого дворца. Крыша его была сдѣлана изъ чистаго золота, вмѣсто стеколъ самоцвѣтные камни, въ тѣнистомъ саду журчали фонтаны, и въ нихъ, плескаясь холодною водою и наполняя воздухъ веселымъ смѣхомъ, купались прекрасныя жены Яръ-хана. Хорошо жилось памирскому народу, всего было вдосталь, ни въ чемъ ни- кто не нуждался! Однако народъ, упоенный своимъ счастьемъ, за- былъ вскорѣ Аллаха; за это великій Вседержитель разгнѣвался на него и рѣшилъ уничтожить неблагоприятное племя.

Въ то время на пустынномъ озерѣ Яшилъ-куль¹⁾, гдѣ семи- главъ драконъ свилъ себѣ гнѣздо въ гранитныхъ скалахъ, въ одной изъ огромныхъ пещеръ у Гуръ-тага, жилъ великанъ Худамъ. Это чудовище достигало головою до облаковъ и обладало неслыханною силой. Вотъ его-то Аллахъ и послалъ на невѣрныхъ, и великанъ сталъ появляться на Аличурѣ въ долинахъ Акъ-су и Мургаба, производя неслыханныя опустошенія. Въ ужасъ пришло населеніе, и съ жаркой молитвою обратились памирцы къ Аллаху, а Яръ-ханъ, обливаясь слезами, молилъ Всевышняго пощадить народъ его. Аллахъ услышалъ молитву хана, во время сна явился къ нему и сказалъ: «молитва твоя услышана. Я хочу спасти народъ твой, но для этого ты долженъ исполнить волю мою: пусть единственный сынъ твой идетъ навстрѣчу великану, я буду помощникомъ юношѣ, и онъ сломитъ силу чудовища».

Видѣнье исчезнуло, а Яръ-ханъ въ страхѣ проснулся.

¹⁾ Яшилъ-куль прежде назывался драконовымъ озеромъ. Въ виду того, что ни одинъ человѣкъ не посѣтилъ его береговъ, благодаря трудной одолжимости окру- жающихъ переваловъ, объ этомъ озерѣ ходили разные баснословные слухи, и ко- чевники вѣрили, будто на немъ живутъ лишь драконы и разныя чудовища. Раз- сказы о первыхъ были занесены китайцами.

Но усомился невѣрный ханъ, пожалѣлъ онъ сына и, призвавъ своего визиря Риза-Казія, сказалъ: «сегодня ночью мнѣ явился великій Аллахъ, сжалился Вседержитель надъ народомъ своимъ и научилъ меня, какъ освободить нашу страну отъ нападений чудовища. Пойди ты домой и скажи своему сыну Изгару, чтобы онъ, набравши самыхъ смѣлыхъ воиновъ, шелъ на встрѣчу великану. Аллахъ поможетъ ему, и мы навсегда избавимся отъ великаго горя».

Повѣрилъ Риза-Казій словамъ своего повелителя и, поклонившись ему, немедленно отправился исполнить его волю. Не теряя времени, смѣлый юноша собралъ воиновъ, и тѣ, руководимые имъ, наточивъ клынчи ¹⁾ и копьа, пошли противъ Худамъ.

Однако Аллахъ въ невѣрїи Яръ-хана увидѣлъ, что далеко не исправился повелитель Памира, и жестоко разгнѣванный непослушаніемъ его, рѣшилъ истребить неисправимое племя. Увидя великана, отдыхавшаго на берегу озера, онъ сказалъ ему: «ты пойдешь и разрушишь дворецъ Яръ-хана, уничтожишь городъ невѣрныхъ и сокрушишь все, не щадя ни дѣтей, ни женъ, ни самого хана. Только дома Риза-Казія и его семейства за то, что они съ вѣрою отнеслись къ моему повелѣнію, ты не коснешься, иначе жестоко заплатишься за каждую каплю ихъ крови». И вотъ, сокрушая все на пути своемъ, убивая жителей, ломая сакли и вырывая съ корнями деревья, пошелъ Худамъ на Памирское ханство. Яръ-ханъ молился въ мечети, умоляя Аллаха пощадить его, а народъ окружилъ дворецъ и требовалъ головы своего повелителя, считая его причиною всѣхъ бѣдствій, разразившихся надъ странюю. Но великъ былъ гнѣвъ Аллаха, и судъ его свершился. Худамъ перебилъ всѣхъ воиновъ и, сожравъ сына Риза-Казія, пошелъ на городъ. Погибъ Яръ-ханъ отъ руки великана, погибъ и весь народъ его; только семья Риза-Казія, скрытая Аллахомъ въ одной пещерѣ, осталась нетрогнутою. Въ ярость пришелъ, опьяненный кровію, великанъ, онъ искалъ Риза-Казія и не находилъ его. Въ изступленіи и захлебываясь отъ злобы, сѣлъ великанъ среди равнины и сталъ, дерзкій, хулить Аллаха. «Бй, Владыка! — кричалъ онъ, — куда ты скрылъ Риза-Казія, пославшаго на меня воиновъ, отдай мнѣ его, а не то я побросаю въ небо огромныя скалы, которыя сѣдыми вершинами окружаютъ равнину. Мнѣ не страшень Ты, Аллахъ, я жажду крови Риза-Казія!»

Великанъ умолкъ, и въ отвѣтъ на его рѣчи вдругъ густая тьма настала надъ Памиромъ, грянулъ громъ, и сверкнула молнія, и среди вихря раздался голосъ съ неба: «Отнынѣ будешь ты лежать здѣсь, дерзкій червь, до скончанія вѣка, точимый дождемъ и вѣтрами, и не будетъ тебѣ покоя, пока не превратишься ты въ сыпучій песокъ, и доколѣ не развѣютъ его вѣтры по всему Памиру, тогда душа твоя

¹⁾ Мечи.

будеть низвержена въ вѣчный огонь!» Голосъ затихъ, и настала глубокая тишина. Хотѣлъ великанъ насмѣшливо отвѣтить Аллаху, что не страшны ему угрозы Его, но почувствовалъ, что окоченѣлъ его дерзкій языкъ. Хотѣлъ подняться Худамъ, но ноги и руки какъ бы приросли вдругъ къ землѣ и отказывались повиноваться его волѣ. Въ адской злобѣ онъ сдѣлалъ страшное усиліе, но напрасно. Худамъ превратился въ камень, по одному слову Всевышняго. Съ тѣхъ поръ сталъ лежать великанъ среди равнины, обросъ мохомъ и принялъ совершенный видъ камня, подъ которымъ отдыхаетъ усталый путникъ¹⁾. И страшно мучится Худамъ, видя свободного человѣка или караванъ, отдыхающій подъ его тѣнью, когда онъ, проклятый Аллахомъ, не можетъ даже пошевелить своими окаменѣлыми членами. Проклялъ Аллахъ и всю страну, въ которой царствовалъ ханъ-ослушникъ и жилъ дervновенный исполинъ, и перестала страна эта произращать растенія, и превратилась она въ голую пустыню, гдѣ лишь господствуютъ вѣтры да мятели.

Спасенная же Аллахомъ семья Риза-Казія положила начало кочевому населенію Памира.

Старикъ кончилъ, и мы подходили къ камню, о которомъ только что я слышалъ легенду.

— А знаешь что, тюра, — сказалъ киргизъ, — если раскопать немного этотъ камень и пробить слой гранита, то можно увидѣть черное тѣло великана Худамъ. Только горе тому, кто сдѣлаетъ это. Лишь только онъ увидитъ тѣло нечестивца, какъ самъ обратится въ камень.

— А вотъ я сейчасъ посмотрю, — сказалъ я и направился къ камню.

— Ой, койсанча, тюра²⁾, — испуганно крикнулъ киргизъ и схватилъ меня за руку, — Боже, тебя сохрани!

Въ его голосѣ я подмѣтилъ такой испугъ и опасеніе за мою участь, а также и глубокую вѣру въ то, что я неминуемо обращусь въ камень, если взгляну «на тѣло Худамъ», что я рѣшилъ не тревожить бѣднаго старика и, давъ ему нѣсколько монетъ, направился къ своей палаткѣ.

На бивуакѣ все уже спало, и только кое-гдѣ около откинутаго полотнища виднѣлась солдатская фигура, запивавшая истрепанную одежду. Солнце почти совершенно погасло, скрывшись за сѣдые хребты, и только послѣдній лучъ его золотилъ запоздавшее облачко, которое несло къ западу, какъ бы догоняя умчавшихся впередъ товарищей. На другой день съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся къ камню Потулакъ-Кара-Ташъ. Условія пути были тѣ же; развѣ только воды было достаточно на протяженіи всего перехода.

¹⁾ Почему камень этотъ и называется Чатыръ-Ташъ, т. е. камень-шатеръ.

²⁾ Ай, оставь это, господинъ!

Было одиннадцатое іюля—Ольгинъ день. Конно-горная батарея праздновала свой храмовой праздникъ, но въ виду близости противника торжества никакого не было, и нижніе чины получили только по чаркѣ, разведеннаго водой, спирта.

Относительно афганцевъ свѣдѣнія были доставлены не совсѣмъ точныя и противорѣчащія одно другому. Киргизамъ было приказано угнать табуны афганскихъ лошадей и доносить немедля обо всемъ, что только будетъ извѣстно объ афганцахъ. Напряженіе въ отрядѣ было общее. Палатокъ не разставляли, и никто не ложился спать, ежеминутно ожидая выстушенія. Кругомъ бивуакъ былъ окруженъ цѣпью парныхъ часовыхъ, и въ два пункта были высланы секреты. Луна уже выплыла изъ-за черныхъ силуэтовъ памирскихъ вершинъ и играла своимъ серебристымъ свѣтомъ на стали штыковъ и орудій, тишина соблюдалась полная. Мы сидѣли въ палаткѣ у ротнаго командира и съ удовольствіемъ попивали чаекъ. Разговоръ поддерживался на тему о предстоящемъ столкновеніи съ афганцами.

— А вѣдь съ разсвѣтомъ чтонибудь да будетъ, господа,—сказалъ капитанъ П.,—ужь у меня душа чуетъ. Бывало и раньше въ походахъ то же самое было. Ноетъ душа и конецъ, какъ бы съ тѣломъ прощается—ужь это признакъ самый вѣрный.

— А вы развѣ въ предрасудки вѣрите?—спросилъ я.

— Да, вѣрю, и нельзя не повѣрить послѣ нѣсколькихъ случаевъ въ моей жизни. Вотъ хоть бы во время кокандскаго похода. Дѣло было подѣ Ходжентомъ жаркое, халатники раза два отражали штурмъ, но наконецъ надломилсь, и крѣпость пала. Нѣкоторое время постояли мы въ Ходжентѣ и двинулись дальше; я былъ въ это время ординарцемъ у Скобелева, который командовалъ кавалеріей. Идемъ мы это однажды походомъ. По обыкновенію, Скобелевъ рассказываетъ намъ анекдоты, а мы неистово хохочемъ—ужь очень онъ живо рассказывалъ. Всѣ были веселы, какъ будто ѣхали на какоенибудь празднество, а не въ дѣло. Только одинъ молоденькій адъютантъ, изъ оренбургскихъ казаковъ, сотникъ Х., сидитъ въ сѣдлѣ грустный такой, ни слова не проронилъ всю дорогу.

— Да что вы больны?—спрашиваю я его.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ.

— А что же это съ вами сегодня?—Х. отличался всегда веселымъ и живымъ характеромъ, а потому такое его настроеніе было очень подозрительно.

— Ничего, такъ себѣ, взгрустнулось,—сказалъ онъ, и больше я уже и не спрашивалъ его о причинѣ его грусти.

Приѣхали мы на ночевку и остановились въ степи. Надо замѣтить, что во время кокандскаго похода, когда шайки кокандцевъ и кишчаковъ ежеминутно нападали на отрядъ, мы избѣгали выбирать мѣсто для бивуака гдѣнибудь въ кишлакѣ или садахъ; напротивъ, отрядъ располагался на открытомъ мѣстѣ и въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ видѣ огромнаго карре, фронтомъ въ поле, строилась пѣхота, образуя какъ бы брустверь укрѣпленія; въ интервалахъ между баталіонами становилась артиллерія, далѣе внутри карре были составлены арбы, а также располагался и отрядный штабъ. Каждый изъ баталіоновъ впередъ себя высылалъ шаговъ на сто парныхъ часовыхъ, а на двухъ стахъ шагахъ располагались секреты. Лишь только секретъ или кто либо изъ постовыхъ замѣчалъ приближающуюся кавалерію, то, не входя въ подробности о числѣ противниковъ, давалъ выстрѣлъ. По этому выстрѣлу солдаты отряда, спавшіе не раздѣваясь, хватили ружья и строились въ указанномъ порядкѣ и были готовы встрѣтить дружнымъ залпомъ противника. Поражающее зрѣлище представляло собою подобное карре, когда оно, открывая залповой огонь во время ночи, посылало во всѣ четыре стороны свинцовый дождь, заставлявшій противника отказываться отъ попытокъ атаки. Вотъ и тогда, прійдя на бивуакъ и разставивъ отрядъ въ обычный порядокъ, мы закусили въ общей столовой и разбрелись по палаткамъ. Ночь была темная и довольно прохладная. Я долго не могъ уснуть, все что нибудь мѣшало мнѣ, когда я погружался въ дремоту. То отрядная собака, пробѣгая мимо палатки, задѣвала за веревку, то вдругъ казалось, что фаланга проползала по тѣлу—однимъ словомъ у меня была безсонница. Я уперся глазами въ уголь палатки, закурилъ папироску и задумался. Вдругъ чьи-то шаги обратили мое вниманіе. Шаги затихли около моея палатки.

— Вы спите?—раздалось снаружи.

— Нѣтъ!—встрепенулся я, узнавъ голосъ Х.,—заходите.

Онъ низко пригнулся и какъ бы накорточкахъ вползъ въ палатку.

— Я вамъ не мѣшаю?—спросилъ онъ, усаживаясь въ ногахъ на постели.

— Нисколько, напротивъ, я очень радъ, что вы заглянули ко мнѣ,—мнѣ что-то не спится. Не хотите ли папироску?—я протянулъ ему портсигаръ.

— Спасибо, не курю,—сказалъ онъ.

— Ахъ, да! вы вѣдь не курите,—спохватился я и зажегъ спичку. Въ палаткѣ стало на минуту свѣтло. Спичка красноватымъ свѣтомъ озарила лице сотника: оно было слегка блѣдно, глаза лихорадочно блестя, а волосы, какъ растрепанная грива, выбивались изъ-подъ папахи.

— Послушайте, Николай Николаевичъ, — сказалъ онъ, — я къ вамъ съ просьбой.

— Съ какой?

— Вотъ съ какой,—началъ онъ послѣ минутнаго раздумья.— Меня, навѣрное, убьютъ въ первомъ же дѣлѣ... не перебивайте,—сказалъ онъ, замѣтя, что я собираюсь возражать,—ужъ я не ошибаюсь—я буду убитъ, такъ вотъ я вамъ хочу передать 75 рублий

денегъ и это кольцо. Вы все это передайте въ Оренбургѣ моей невѣстѣ—знаете, дочка войскового старшины Вагина, вотъ ей и отдайте, да скажите, что я до послѣдней минуты думалъ о ней.

— Да, что это вы себя заживо хороните?—возмущился я:—бросьте это и ложитесь-ка со мною—мѣста хватить.

— Нѣтъ, нѣтъ, я серьезно вамъ говорю. Нонче ночью мнѣ матушка моя, покойница, являлась, долго плакала она надо мною и говорить мнѣ: готовься, Миша, Господь посылаетъ за твоею душой. Вотъ у меня и заняло сердце, а сердце вѣдь вѣщунъ.

Вижу я, что не по себѣ человѣку, а въ душѣ посмѣиваюсь надъ глупостью предразсудковъ.

— Такъ возьмете?—спросилъ онъ, протягивая мнѣ пакетикъ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ я,—только по-моему это совершенно вы напрасно дѣлаете.

Я взялъ вещи и положилъ ихъ на ягдъ-ташъ.

— Ну, прощайте, спасибо.

Онъ нервно схватилъ мою руку, и спустя мгновеніе торопливые шаги его раздавались за палаткой.

Больной человѣкъ, подумалъ я и, завернувшись въ одѣяло, старался задремать, и, казалось, сонъ распускалъ надо мною свои крылья.

Вдругъ раздался отдаленный ружейный выстрѣлъ, который среди ночной тишины какъ-то продолжительно, но слабо пронесся надъ спящимъ бивуакомъ. Я поднялъ голову—все какъ будто было тихо. Вотъ еще выстрѣлъ, и за нимъ, словно рой пчелъ, что-то зашуршало на бивуакъ—это выбѣгали изъ палатокъ люди и строились. Схвативъ револьверъ и пашку, я черезъ нѣсколько секундъ былъ около юрты отряднаго штаба. Все было попрежнему тихо, только отрядъ былъ въ полной готовности. Проскакало нѣсколько офицеровъ, и сотня казаковъ выѣхала въ степь. Я подошелъ къ 1-ому стрѣлковому баталіону. Изъ темноты раздавались чьи-то торопливые шаги. «Кто идетъ?»—раздался голосъ часоваго. «Свой—секреты!»—послышался отвѣтъ. Нѣсколько солдатъ въ шинеляхъ подошли къ части. Нѣкоторые взяли къ ногѣ, а нѣкоторые оставались съ ружьемъ на плечѣ. Офицеры столпились вокругъ нихъ.

— Видали, что ли?—спросилъ командиръ баталіона.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отъ насъ и выстрѣлъ былъ.

— Много?

— Точно такъ, страсть сколько,—отвѣтилъ солдатъ,—туды пошли,—прибавилъ онъ, указывая рукою по направлевію къ западу.

Въ это время какъ бы свистъ сильнаго вѣтра пронесся по степи, и, казалось, на бивуакъ налеталъ цѣлый ураганъ.

— Картечь!—раздалось гдѣ-то слѣва по кавалеріи.

— Пальба, ротами!—скомандовалъ полковникъ. Лязгнули затворы, и все замерло въ ожиданіи, шумъ приближался.—Роты!—командовалъ

полковникъ и выждалъ.—Пли!—вдругъ рѣзко крикнулъ онъ. Трахъ, раздался дружный залпъ. На мгновенье блеснувшій огонь освѣтилъ впереди какую-то массу.

Слѣва блеснула какъ будто молнія; бумъ, бумъ, трахъ трахъ!—раздались орудiйные выстрѣлы. Неприятельскiй отрядъ очевидно показалъ тылъ, такъ какъ никого не появлялось. На другихъ фасахъ карре было то же самое. Наши казаки бросились въ темноту, и вскорѣ гдѣ-то издалека послышались выстрѣлы.

Уже разсвѣло. Передъ 1-ымъ баталiономъ пагахъ въ 300-ахъ валялось нѣсколько убитыхъ коканцевъ, а изъ степи показались возвращавшiйся сотни казаковъ, между которыми видѣлись и плѣнные въ пестрыхъ халатахъ. Мимо меня проскакало двое казачьихъ офицеровъ и остановились около кибитки начальника штаба. Я пошелъ туда. Въ юртѣ встрѣтилъ меня адъютантъ Б. Полковника не было.

— А знаете новость?

— Что такое?

— Сотникъ Х. убитъ.

Я вздрогнулъ.

— Не можетъ быть, говорю.

— Пойдите, посмотрите—его привезли, лежитъ въ юртѣ.

Я чуть не бѣгомъ бросился къ казачьему лазарету; сердце мое сильно стучало, когда я входилъ въ юрту. На санитарныхъ носилкахъ лежалъ Х. Лицо его было открыто, а на правомъ вискѣ виднѣлся слѣдъ заекшейся крови. Оно было совершенно спокойно, только какая-то складка легла между бровей. Зубы чуть-чуть были оскалены, но это не безобразило лица покойнаго. Слезы катились у меня изъ глазъ, и я, глубоко вздохнувъ, перекрестился... Ну, какъ же не сдѣлаешься послѣ этого фаталистомъ, господа?—спросилъ капитанъ.

Наступило гробовое молчанiе. Разсказъ П. передъ дѣломъ заставилъ каждого задуматься. Было уже около двухъ часовъ ночи, когда въ палатку вошелъ отрядный адъютантъ.

— Начальникъ отряда приказалъ выступать къ Яшиль-кулю со всѣми предосторожностями,—сказалъ онъ въ полголоса капитану:—получены точныя свѣдѣнiя объ афганцахъ.

— Господа! поднимайте людей,—сказалъ П., и мы одинъ за другимъ вышли изъ палатки.

Роты уже строились, и среди ночной тишины раздавалась переключка. Выславъ впередъ разъѣзды и патрули, отрядъ двинулся форсированнымъ маршемъ. Темень была полная. Луна скрылась уже за горами, тишина царила надъ суровымъ Памиромъ, и слышались только легкiй шумъ, сопровождающiй движенiе части, и побрякиванiе орудiй. Начиная свѣтатъ. Все ярче и ярче вырисовывались кон-

туры окружающих долину горъ. Гдѣ-то неистово вылъ шакаль. Всѣ шли молча, у каждаго на лицѣ было что-то серьезное.

Наконецъ, авангардъ отряда подошелъ къ небольшому обрыву надъ рѣкою Аличуромъ и остановился. Казаки сѣпшились и залегли по гребню яра. Внизу, на небольшой, покрытой травой, площадкѣ около самой рѣки виднѣлись юрты, составлявшія лагерь афганскаго поста.

— Послать ко мнѣ переводчика!—приказалъ въ полголоса полковникъ Іоновъ. Опершись обѣими руками о луку сѣдла, онъ въ раздумьи устремилъ свой взоръ на юрты. Ему было неприятно, что афганцы не подозрѣвали о приходѣ отряда, и онъ хотѣлъ посредствомъ переговоровъ заставить ихъ уйти съ поста и оставить такимъ образомъ русскую территорию. Послать ли офицера къ афганскому капитану? подумалъ онъ и даже сдѣлалъ соответствующее распоряженіе, но вдругъ переѣнилъ свое намѣреніе. Въ это время къ нему подошелъ пожилой киргизъ съ сытымъ и плутоватымъ лицомъ. Снявъ свою мѣховую шапку, киргизъ всталъ въ почтительную позу, готовый выслушать приказаніе начальника.

— Послушай, Сяба-Тулла,—сказалъ полковникъ,—спустись въ афганскій аулъ и скажи начальнику поста, что русскій полковникъ требуетъ его наверхъ для переговоровъ. Понялъ?

— Слушаю-съ, таксыръ,—отвѣсивъ кулдукъ, сказалъ переводчикъ и пошелъ по направленію къ обрыву. Было замѣтно, что онъ дрогнулъ. Идти одному въ непріятельскій лагерь было довольно рискованно. Киргизъ началъ спускаться и вдругъ оглянулся назадъ. Казачьи винтовки и бѣлые чехлы фуражекъ рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ оврага. Эта картина какъ будто пріободрила его, и онъ, быстро спустившись, вошелъ въ самую большую юрту. Посылка переводчика безъ русскаго офицера была одною изъ ошибокъ полковника Іонова. Какъ бы то ни было, на посту былъ афганскій капитанъ и, какъ оказалось, человѣкъ развитой и вполне достойный уваженія. Не будь этого промаха, быть можетъ, дѣло бы рѣшилось гораздо проще. Часть афганцевъ спала, а часть пила чай, когда Сяба-Тулла поднялъ опущенную дверь юрты.

— Гдѣ начальникъ поста?—спросилъ переводчикъ у сидѣвшихъ афганцевъ, которые удивленно смотрѣли на вооруженнаго киргиза; въ ихъ лицахъ выразилось безпокойство.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ афганцевъ и, выйдя изъ юрты, пошелъ къ отдѣльно стоявшей желомейкѣ.— Здѣсь,—сказалъ онъ слѣдовавшему за нимъ киргизу, поднявъ висячую дверь.

Киргизъ нагнулся и вошелъ.

Передъ нимъ, на низенькомъ табуретѣ, съ чашкой въ рукахъ, сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина въ бѣломъ мундирѣ съ золотыми плечевыми погонами. Стройная талія его была перехвачена ремнемъ,

на которомъ висѣла афганская сабля съ сильно изогнутымъ клинкомъ. Подстриженная клинышкомъ борода, черные пушистые усы и сросшіяся надъ переносицей брови придавали его смуглому лицу особенно отважный отгѣнокъ. Онъ пристально взглянулъ на киргиза. По костюму его было видно, что онъ готовился куда-то ѣхать.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ онъ и поправилъ надѣтую на головѣ бѣлую чалму, изъ-подъ которой на вискахъ выбивались взбитые пучки волосъ.

— Меня послалъ русскій полковникъ,—отвѣтилъ киргизъ,—который требуетъ васъ на яръ для переговоровъ.

— Какой полковникъ?—удивился капитанъ.—Если онъ хочетъ говорить со мною, то пусть придетъ сюда; мы съ нимъ напьемся чаю и переговоримъ,—сказалъ онъ.

— Полковникъ не придетъ сюда, а если вы не выйдете на верхъ, то вамъ будетъ плохо, дерзко возразилъ киргизъ:—все равно вѣдь повѣсятъ!...

Въ это время съ испуганнымъ лицомъ въ юрту вбѣжалъ афганецъ. Капитанъ безпокойно взглянулъ на него.

— Кифтанъ¹⁾! Киргизы насъ продали,—заговорилъ онъ,—табунъ нашъ угнанъ, посланный на развѣдки джигитъ въ рукахъ русскихъ, и ихъ войско не далеко отъ насъ.

Капитанъ вздрогнулъ. Наступила минута замѣшательства, которою сумѣлъ воспользоваться переводчикъ. Онъ съ быстротою кошки бросился изъ юрты и черезъ нѣсколько минутъ доложилъ полковнику, что афганцы берутся за оружіе.

Съ обрыва было видно, какъ перебѣгали изъ одной юрты въ другую афганцы, какъ на пути запоясывались они и закладывали патроны въ ружья. И вотъ цѣлая вереница красныхъ мундировъ, во главѣ со своимъ начальникомъ, стала подниматься на яръ и скоро построилась развернутымъ фронтомъ передъ нами. Ихъ лица горѣли негодованіемъ и рѣшимостью.

Капитанъ сдѣлалъ честь полковнику Ионову, приложивъ руку ко лбу и сердцу. Полковникъ отвѣтилъ ему порусски подъ козырекъ. Начались переговоры черезъ переводчика.

— На какомъ основаніи вы выставили свой постъ на нашей территоріи?—спросилъ полковникъ.

— Потому что земля эта наша,—возразилъ афганецъ и, скрестивъ на груди руки, принялъ вызывающую позу,—мы владѣемъ ею по договору съ Англіей съ 1873 года,—прибавилъ онъ.

— Намъ нѣтъ дѣла до вашихъ договоровъ о нашей землѣ,—возразилъ полковникъ,—и я, исполняя возложенныя на меня обязанности, прошу васъ положить оружіе и уйти отсюда прочь.

Капитанъ вспыхнулъ.

¹⁾ Кифтанъ—капитанъ повфгански.

— Я работъ не былъ и не буду,—сказаль онъ,—а если вамъ угодно наше оружіе, то перебейте насъ и возьмите его—афганцы не сдаются,—заклучилъ онъ свою рѣчь.

— Такъ вы не оставите нашихъ владѣній?—спросилъ полковникъ.—Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ.

— Я сказаль все!—отвѣтилъ афганецъ.

Видя, что путемъ переговоровъ ничего не подѣлать съ афганцами, и избѣгая кровопролитія, полковникъ хотѣлъ неожиданно схватить ихъ.

«Хватай ихъ, братцы!»—въ полголоса передалъ онъ приказаніе казакамъ.

Но не тутъ-то было. Не успѣли наши сдѣлать и шага впередъ, какъ афганцы дали дружный залпъ, и двое изъ нашихъ грохнулись на землю. Раздался глухой, раздирающій душу, стонъ.

— Бей ихъ!—крикнулъ полковникъ, и все ринулось впередъ.

Полковникъ Іоновъ спокойно сидѣлъ на лошади, наблюдая за дерущимися; въ пяти шагахъ отъ него стоялъ афганскій капитанъ, который прехладнокровно стрѣлялъ изъ револьвера и вдругъ, рванувшись впередъ, подбѣжалъ къ лошади полковника. Блеснул огонекъ, и выстрѣлъ прогремѣлъ надъ самымъ ухомъ начальника отряда. Какъ-то инстинктивно полковникъ подался на шею лошади, и пуля прожужжала мимо. Капитана окружили казаки. Но афганецъ уже успѣлъ выхватить изъ ножонъ свою кривую саблю и, какъ тигръ, бросился на нихъ. Вотъ упалъ уже одинъ казакъ подъ ударомъ кривого клинка капитанской шашки. Вотъ снова она то поднимаясь, то опускаясь наноситъ удары направо и налево.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ хорунжій Каргинъ и смотритъ на эту картину, пули свистятъ вокругъ него, а онъ стоитъ, какъ будто не дѣйствительность, а какая-то фантастическая феерія разыгрывается передъ нимъ.

— Хорунжій, да убейте же его наконецъ!—раздается роковой приговоръ полковника, и вотъ, вмѣсто того, чтобы схватить свой револьверъ или шашку, хорунжій, не отдавая себѣ отчета, хватается валяющуюся на землѣ винтовку раненаго казака и прицѣливается. Онъ даже не справляется, заряжено ли ружье, и спускаетъ ударникъ. Выстрѣлъ теряется среди общей трескотни и шума, и только легкій дымокъ на мгновенье скрываетъ отъ глазъ фигуру капитана. Какъ-то странно вытянулся вдругъ афганецъ, взмахнулъ одной рукой, другой схватился за чалму, на которой заалѣло кровавое пятно и стремглавъ полетѣлъ съ яра...

На одного ефрейтора наскочило двое афганцевъ, завязалась борьба. Ефрейторъ неистово ругался, желая освободиться отъ насѣдавшего на него непріятели, но въ это время подоспѣлъ казакъ.

— Не плошай!—кричалъ онъ издали отбивавшемуся ефрейтору, и съ этими словами шашка его опустилась на окутанную чалмою голову афганца. Вотъ и другой уже на землѣ съ проколотою грудью.

Страшно хрипитъ онъ, издавая звуки, какъ бы прополаскивая себѣ горло собственной кровью, и, несмотря на это, силится подняться и зарядить ружье, но силы измѣняются ему, кровь хлынула горломъ, и онъ склонилъ свою голову.

Не далеко отъ мѣста стычки, подъ большимъ камнемъ, докторъ перевязываетъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ съ совершенно перебитою голенью неистово стонетъ.

— Ничего, ничего, потерпи, голубчикъ,—успокаиваетъ его докторъ.—Ужъ мы тебѣ ножку твою вылѣчимъ. Давай коріи,—кричитъ онъ фельдшеру, который мечется съ трясущеюся нижнею челюстью отъ одного къ другому изъ раненыхъ.

— Ой, больно, ваше высокоблагородіе!—стонетъ раненый, пока докторъ вынимаетъ висящіе снаружи осколки раздробленной кости.

Выстрѣлы все еще продолжаютъ, потому что засѣвшіе въ юртахъ афганцы все еще продолжаютъ стрѣлять. Наконецъ, раздался рѣзкій звукъ трубы, игравшей отбой, и пальба мало-по-малу утихла. Изъ юрты выползли раненые афганцы.

Тяжелое зрѣлище представлялъ собою весь скатъ и зеленая площадка берега Аличура. Вездѣ валялись убитые или корчились раненые; послѣдніе, силясь подняться на руки, молили о помощи.

Подоспѣлъ резервъ, и всѣ сгруппировались около мѣста, гдѣ лишь нѣсколько минутъ тому назадъ стояли передъ нами полные жизни люди, и гдѣ теперь валялись одни лишь обезображенные трупы.

Тихо между солдатами, нѣтъ ни веселаго говора, ни пѣсенъ; у cadaго на умѣ, что, быть можетъ, и его постигнетъ такая же участь, какъ и этихъ афганцевъ.

— Саперы впередъ!—раздается команда,—рой могилу!

Дружно принялись солдаты за работу, и черезъ четверть часа яма была уже готова. Одного за другимъ стащили афганцевъ и положили въ яму, а на верхъ всѣхъ былъ положенъ капитанъ Гулямъ-Хайдаръ-Ханъ; пуля пробила ему голову, ударивъ въ лѣвый високъ.

— Ишь ты, тоже сражался,—сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Извѣстно, сражался, а то какъ же?—замѣтилъ другой,—тоже вѣдь офицеръ!

Мѣрно падала земля съ лопатокъ на тѣла убитыхъ, покрывая ихъ одного за другимъ своимъ холоднымъ слоемъ, какъ бы поглощающая на вѣки павшихъ героевъ. Вотъ бѣлѣется кусокъ мундира афганскаго капитана, но одна, другая лопатка, и все покрыто землею.

Могилы зарыты, и поверхъ ея сложенъ изъ камней памятникъ. Пѣхота трогается дальше.

— Пѣсельники на правый флангъ!—раздается команда ротнаго командира, и веселая солдатская пѣсня слышится съ прикрикиваньемъ и присвистываніемъ на всѣ лады, но въ ней нѣтъ той веселой нотки, какая обыкновенно бываетъ замѣтна въ обычной

солдатской пѣснѣ. Запѣвало и то какъ-то нехотя и протяжно затягиваетъ свою обычную арію.

Отрядъ подошелъ къ восточному берегу озера Яшилъ-куль и расположился бивуакомъ противъ развалинъ китайской крѣпости Суми-Ташъ.

Тихо на бивуакѣ. Нѣтъ ни обычныхъ пѣсень, и даже гармошки не слышно; все толкуютъ солдаты объ «аванганцахъ».

— Ну, и храбрые они, братцы, пра, храбрые,—говорить одинъ солдатъ, сидя накорточкахъ и покуривая трубку:—ни одинъ, что есть, ни сдался, всѣхъ перехлопали; не положимъ, говорятъ, оружію, уставъ, молъ, не дозволяетъ!

— И што тупко за храбрость! Значить, у аванганца солдатъ службу знаетъ: коли на постъ поставили, такъ значить и стой, «хотя бы и жисти опасность угрожала!»—повторилъ слова устава фельдфебель,—ты самъ, чай, уставъ-отъ гарнизонный знаешь? А еще капраль! Ишь храбрость какую нашель! Меня коли, этта, на постъ поставятъ, то я за тридцать верстъ противника унюхаю, а ёнъ што?.. Спитъ себѣ и не видитъ, что наши у него на носу... Тьфу, а не офицеръ!—и фельдфебель сердито сплюнулъ, посылая ругань по адресу афганцевъ.

Показались носилки, на которыхъ лежали раненные. На одной изъ нихъ тяжело раненый казакъ Борисовъ еле-еле стонетъ. Тяжелое шестіе... «Афганцы, афганцы!» раздается крикъ,—и всѣ бросаются смотрѣть плѣнныхъ. Это были шугнанцы, между которыми выдѣлялся одинъ молодой афганецъ, красавецъ юноша. Два пучка взбитыхъ волосъ, съ каждой изъ сторонъ головы, красиво выбивались изъ-подъ прострѣленного головнаго убора. Пробитый пулями мундиръ его былъ изорванъ, видимо, во время рукопашной схватки. Онъ шелъ, высоко поднимая голову, и окидывалъ сверкающимъ взглядомъ солдатъ. Шугнанцы почтительно шли съ грустными лицами, видимо ожидая чего нибудь страшнаго въ русскомъ лагерѣ.

— Ишь, смотри-ко, братцы,—говорить одинъ изъ солдатъ, указывая на афганца,—что значить судьба-то. Не суждено, такъ не умрешь. Глянь-ко у энтото аванганца и чалма и мундиръ прострѣленъ да какъ рѣшето истыканъ, а на емъ ни единой царапины нѣту, а давѣ, когда мы въ аванганскую-то юрту забѣжали, глянулъ я въ ящикъ, а тамъ шугнанецъ, поваръ ихъ, сказывали, сидитъ, я его оттуда и выволокъ. Глянулъ, а онъ мертвый, пуля, значить, ему это въ самый глазъ угодила, какъ ни прятался сердешный, а нашла таки она его и въ ящикѣ подъ кошмами.

— Все Богъ,—возразилъ вздохнувъ другой солдатикъ,—на все Его святая воля.

— А «ёнъ» какой вѣры будетъ?—спрашиваетъ молодой солдатъ унтеръ-офицера.

— «Магометчикъ»,—серьезно отвѣчаетъ тотъ.

— А энто что же за вѣра такая будетъ? — интересуется солдатъ.

— А такая же, какъ и у сарта, — поясняетъ унтеръ.

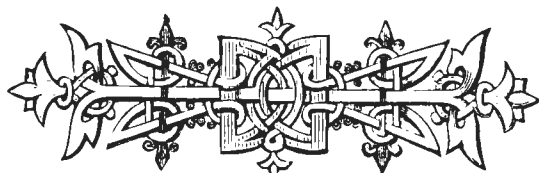
Удовлетворенный солдатикъ успокоивается.

Раздается барабанный бой къ обѣду.

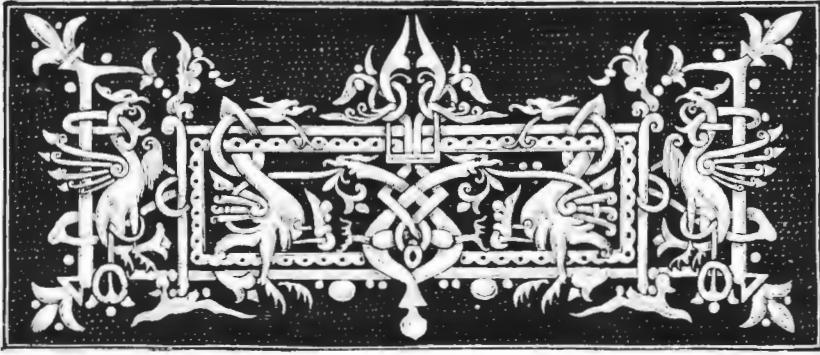
— Становись на молитву! — кричитъ дежурный по ротѣ, и кучка солдатъ съ котелками въ рукахъ нестройнымъ хоромъ поетъ «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ!»...

Б. Л. Тагѣвъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

(Страница изъ быта глаголемыхъ старообрядцевъ).

В СЪВЕРОВО-ВОСТОЧНОМЪ углу Рыбинскаго уѣзда (Яросл. губ.), среди единственныхъ почти во всей сторонѣ большихъ лѣсовъ, на полдорогѣ между истокомъ и впадениемъ красивой Ухры,—расположено небольшое торговое село Арефино. Это одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ во всемъ уѣздѣ, хотя въ то же время и бывший, и настоящій административный центръ огромной Мамоновской вотчины, или такъ называемой Мамоновщины. Плохія дороги, отдаленность отъ городовъ и недостаточность образовательныхъ учреждений, вѣроятно, являются причиною того, что жители окружающихъ Арефино деревень въ большинствѣ до сихъ поръ придерживаются старины, хотя открыто и не принадлежатъ къ какому либо толку; они только молятся «большимъ» крестомъ и считаютъ непремѣнною обязанностью читать молитвы по переводной Виленской псалтыри, а кто побогаче и по Иосифовской. Впрочемъ, есть здѣсь и настоящіе сектанты, даже такіе, какъ «странники» или бѣгуны. Но ихъ и безъ того немногочисленные ряды съ каждымъ годомъ становятся рѣже: старики вымираютъ, а молодые, просвѣ-

щаясь на промыслѣ въ столицахъ, оставляютъ заблужденіе и обращаются къ церкви.

Люблю я этотъ глухой уголокъ, еще полный остатковъ стараго быта, гдѣ можно записать и интересный причетъ створѣнки, и своеобразную старую пѣсню. Люблю я его и нерѣдко посѣщаю и потому, что здѣсь еще встрѣчаются у крестьянъ рѣдкіе рукописные памятники и образцы стараго искусства въ видѣ утвари и другихъ бытовыхъ предметовъ, работы мѣстныхъ искусниковъ-самоучекъ.

Съ годъ назадъ, во время одного изъ моихъ посѣщеній Арефина, ко мнѣ, въ избу, гдѣ я остановился, пришелъ еще нестарый, чисто одѣтый мужикъ. Меня поразило въ немъ необыкновенно добродушное выраженіе лица и какая-то особенная мягкость взгляда. Онъ засунулъ руку въ пазуху и, вытащивъ оттуда небольшой сверточекъ какихъ-то бумагъ, протянулъ его мнѣ, говоря:

— Вотъ не пригодится ли? Могу пожертвовать... Я слышалъ, вы собираете.

Пересмотрѣвъ наскоро содержимое свертка, я увидѣлъ, что это были небольшія тетради съ выписками изъ старообрядскихъ сборниковъ и другихъ учительныхъ книгъ. Написаны онѣ были ровнымъ красивымъ полууставомъ. Заглавныя буквы у нѣкоторыхъ изъ нихъ были замысловато разрисованы красками и золотомъ и занимали почти всю страницу. Одна тетрадка, озаглавленная: «О бритіи брады», начиналась проклятіемъ по адресу этой «ереси»: «проклиною,—говорилось въ ней,—богоненавидимую блудолюбнаго образа предель, душегубительныя помраченныя ереси, еже остригати браду»...

«Старообрядецъ»,—думаю. Дай, побесѣдую съ нимъ—любопытно послушать, что онъ будетъ говорить.

— Кто же это писалъ?—спрашиваю я.—Рукописи вѣдь недавнія...

— А это я самъ работалъ, Бога ради.

— Такъ вы, стало быть, «по вѣрѣ» (старообрядецъ)?

— Никакъ нѣтъ. Былъ, дѣйствительно, да ужъ давно обратился. Наши меня отщепенцемъ называютъ... Видите, вотъ я и зелья придерживаюсь,—сказалъ мой новый знакомецъ, и вынулъ изъ кармана берестяную тавлинку, какъ доказательство своего «отщепенства».

— Гдѣ же выучились вы такъ писать?—спросилъ я его.

— За границей,—говорить,—въ Пруссіи: въ ученѣ я тамъ былъ, въ монастырѣ...

Часъ отъ часу, думаю, не легче. Куда только судьба не занесетъ русскаго человѣка!

Поговорилъ я съ старообрядцемъ минутъ десятокъ и убѣдился, что онъ обладаетъ недюжиннымъ умомъ, и рассказы его чрезвычайно интересны.

— Вотъ,—говорю я ему,—вы бы на свободѣ мнѣ подробно рассказали о вашихъ приключеніяхъ...

— Отчего же,—говорить,—можно. Только вѣдь я бражникъ, ино-

сказуемо, алкоголикъ и говорю плохо: въ головѣ-то и есть, а языкъ прильпе къ гортани. Инорядъ и молоткомъ изъ нея ничего не выбьешь...

Дальше изъ разговора выяснилось, что знаконца моего зовутъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Могилевымъ, что онъ пошехонскій мѣщанинъ, по ремеслу сапожникъ, а живетъ въ Арефинѣ. Долго потомъ не случилось мнѣ быть въ Мамоновщинѣ. Наконецъ, ужъ какъ-то недавно, снова пришлось побывать въ Арефинѣ. Спросилъ о Могилевѣ... «Ничего,—говорятъ,—работаетъ, да по разу въ мѣсяцъ загуливасть»... Говоримъ такъ о немъ, а онъ самъ легокъ на поминѣ.

— Съ прїѣздомъ!—говоритъ и протягиваетъ мнѣ какую-то тетрадь изъ старой синей бумаги.

— Что это?—спрашиваю я,

— А вы рассказать-то просили о моихъ приключеніяхъ. Такъ вотъ я и написалъ, какъ умѣлъ. Только ужъ не обезсудьте. Сами знаете, какой я грамотей, да еще и бражникъ...

Раскрылъ я поданную тетрадь. Вижу: писано тѣмъ же полууставомъ, а начальная буква разрисована чуть не во всю страницу. Прочитавъ эту наивную автобіографію, я нашель ее столь интересной, что рѣшился привести ее здѣсь, по возможности придерживаясь выраженій и особенностей оригинала.

I.

«Родился я въ 1855 году въ селѣ Арефинѣ. Отецъ мой, Ѳедоръ Васильевичъ Могилевъ, былъ кузнецъ и въ то же время самоучка-механикъ. Въ Арефино онъ прїѣхалъ въ концѣ сороковаго года работать оконныя рѣшотки у строившейся тогда зимней церкви, да такъ тутъ прижился, что остался и навсегда. Кузница, гдѣ онъ работалъ, была церковная и помѣщалась въ одной изъ тѣхъ башенъ, что стоятъ по угламъ ограды. Въ Арефинѣ отецъ мой и женился на крестьянкѣ-старовѣркѣ изъ сосѣдней деревни Ивановской, Глафирѣ Житковой. Ея отецъ былъ, впрочемъ, православный, но за то мать раскольница самая ревностная. Дочерей своихъ,—а ихъ у нея было пять,—воспитала она, какъ говорится, въ страхѣ Божіемъ и всѣхъ счастливо выдала замужъ. Черезъ нихъ наша семья породнилась между прочимъ, съ Мальцевыми, богатыми рыбинскими купцами-старообрядцами...

«Немудрый мой рассказъ, не взыщите, и воспоминанія отрывочны... Вспоминаю я свое ученье. Начала меня учить моя мать, какъ водится, молитвамъ, а потомъ по старообрядческому букварю въ старинномъ Іосифовскомъ часовникѣ. Не въ судъ ей скажу, но добиться толку отъ меня ей было трудно: женщина она была слабо-

характерная и сердобольная, съ плачущимъ плакала, а я мальчишкой былъ упрямъ и скудоумень. Къ тому же, какъ единственный сынъ, я былъ баловень и матушкинъ сынокъ. Обыкновенно занятія наши начинались молитвами передъ ученіемъ, а потомъ я садился и наизусть долбилъ азбуку: азъ, буки, вѣди, глаголь и т. д. безъ конца; но только стоило матушкѣ отъ меня отойти, какъ я уже и на улицѣ, съ ребятишками, и большого труда ей стоило меня заманить снова учиться. Только голодъ или обѣщаніе гостинца возвращали меня домой. Сколько указокъ я переломалъ во время ученья! Сколько азовъ истыкалъ ими до дыръ! Мѣсяца въ три добился я, однако, что всю азбуку знать на память, а сложить не могъ ни одного слова... Немудрено, поэтому, что матушка частенько выходила изъ себя и принуждена была «учить» меня лѣстовкой, а то такъ и розгой. Бывало, разсердится на меня и заговорить таково круто: «Господи Іеусе, помилуй мя, грѣшницу», да и дастъ мнѣ порцію лѣстовкой. Розогъ я пробовалъ рѣдко; я успѣвалъ отъ нихъ убѣгать: пока ихъ ищутъ, а мой ужъ и слѣдъ простылъ. Ну, а лѣстовка, та всегда на рукѣ... Впрочемъ, большею частью моя мать обращалась со мною ласково и кротко. Очень ужъ она меня любила. Отецъ въ моемъ ученіи и воспитаніи не принималъ никакого участія. Я даже и видѣлъ его не часто: все онъ былъ за работой, а въ кузницу къ нему ходилъ я рѣдко, да и то только затѣмъ, чтобъ побаловаться его инструментами или висѣвшимъ въ кузницѣ ружьемъ. Человѣкъ онъ былъ добрый и кроткій. Живя постоянно среди крестьянъ, гдѣ слова не услышишь безъ брани, онъ никогда не бранился. Единственнымъ браннымъ словомъ у него было «езопъ». И теперь я иногда думаю: что это за слово? Неужели имя баснописца, о которомъ когда-то я читалъ въ старинной лубочной книжкѣ? Мастеръ мой отецъ былъ очень хорошій. Помню я, какъ поднималъ онъ на колокольную нашъ большой церковный колоколъ, какъ поправилъ онъ кому-то швейную машину, которую и въ Петербургѣ настоящіе мастера отказались починить. Между прочимъ, онъ былъ и хорошій токарь. Станокъ его собственной работы и теперь еще живъ. Одинъ изъ его товарищей, крестьянинъ Василій Ивановичъ Спассковъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ долго трудился надъ какой-то летательной машиной, но такъ ея и не сдѣлалъ. Передъ смертью моего отца окрестили старовѣры... Однако, я нѣсколько отступилъ отъ разказа. Обращусь опять къ своему дѣтству. Мнѣ было шесть лѣтъ, какъ родилась моя сестра Ольга. Заботъ моей матери прибавилось, самой учить меня ей стало нѣкогда, и отдала она меня къ пономарю. Но недолго я у него проучился: въ домѣ одного изъ сосѣдей, Виктора Заморова, открылась школа, и меня отдали туда. Но и здѣсь я пробылъ только нѣсколько дней, а потомъ и пошелъ гулять по рукамъ у старовѣрокъ. Послѣдняя моя учительница была старуха въ деревнѣ Поздняковѣ. Тутъ я учился уже по старопечатной Псалтыри. Затѣмъ,

былъ я отправленъ въ городъ Рыбинскъ, къ одному родственнику, купцу Василию Евграфовичу Мальцеву. Не могу съ точностью вспомнить, сколько времени я у него жилъ. Только помню, что не очень долго, не больше года, и за это время ходилъ я учиться въ моленную, къ старовѣркѣ. У Мальцева прислуживалъ я въ лавкѣ и въ мастерской у портныхъ; былъ подъ рукой и у скорняка, гдѣ сшивалъ мѣха изъ доскутковъ. И столько попадало мнѣ тутъ колотковъ, что едва изъ меня всѣ каѳизмы не выколотили...

II

Вотъ въ это-то самое время родственники и одновѣрцы моей матери и задумали передѣлать меня, раба Божія Николая, на Андрея. Какъ сейчасъ, помню я это событіе. Стояло лѣто; былъ погожій ясный денекъ. Тетушка моя, сестра матери, Августа Николаевна, какой-то старообрядецъ изъ жидовъ, по имени Николай Ивановичъ, и инокъ о. Николай, называвшій себя ставленникомъ о. Павла Прусскаго, взяли меня и отвели за городъ, на рѣчку Коровку. Тамъ выбрали неглубокій бочажекъ, поперекъ его положили доску. Меня раздѣли, заставили войти по грудь въ воду, потомъ трижды погрузили съ головой, и обрядъ былъ конченъ. Вода въ рѣчкѣ была довольно холодная, и я поозябъ. Идя обратной дорогой, я вздрагивалъ, а мои крестители говорили: «Ишь, душа-то передъ Духомъ Святымъ робѣетъ»... Не понималъ я тогда, что они хотѣли этимъ сказать, да и теперь, говоря по правдѣ, не понимаю. Помню, дорогой много говорили о Павлѣ Прусскомъ. Больше рассказывалъ о немъ инокъ, о. Николай, и очень хвалилъ его, сравнивая съ Павломъ, епископомъ коломенскимъ, какъ я узналъ потомъ, также чтимымъ старообрядцами. «Воистину,—говорилъ онъ, какъ по книгѣ,—начальникъ онаго добраго воинства не отъ простаго народа, ниже отъ поселянска трепутія, но пастырь Христова стада, стражъ добрый церковныя доброты, труба златокованная благочестія»... Твердо запомнились мнѣ эти слова потому, что впоследствии я не разъ ихъ переписывалъ, обучаясь полууставному письму.

Всѣ эти рассказы объ о. Павлѣ и его восхваленія очень меня заинтересовали. Помню, онъ представлялся дѣтскому воображенію моему въ видѣ высокаго старца, въ свѣтлой мантии, съ крестами на ней и въ бѣломъ клобукѣ. Гдѣ-то тогда я видѣлъ такое изображеніе, на иконѣ ли, или на картинѣ. Что значилъ продѣланный надо мною обрядъ, я тогда не понималъ. А теперь, вспоминая, возмущаюсь... Нужно, подумаешь, старообрядцамъ увеличивать число своихъ одновѣрцевъ, насильно обращая несмысленныхъ дѣтей! Это, думаю, первое доказательство того, что вѣра ихъ—заблужденіе, при всей изворотливости, а иногда и большомъ умѣ ихъ отцовъ и на-

четчиковъ, не могущее привлечь къ себѣ взрослого, способнаго разсуждать человѣка. А вѣдь мнѣ было тогда всего лѣтъ восемь...

У Мальцевыхъ вскорѣ случилась свадьба, и мнѣ, какъ бы въ награду за послушаніе, спили поддевичку—ходить въ моленную. Тамъ насъ, мальчиковъ, училось много, и всѣ мы долбили наизусть каѳизмы.

Такъ прошло около года. Въ Рыбинскъ тогда пріѣхалъ какой-то землякъ о. Павла Пруссаго, направлявшійся къ нему изъ Сызрани за границу по дѣламъ. Вотъ меня и стали уговаривать ѣхать съ нимъ къ о. Павлу. Насказали мнѣ съ три короба, наобѣщали Богъ вѣсть чего, а я, малоопытный, повѣрилъ всему и согласился. Изъ Рыбинска мы съ моимъ новымъ покровителемъ поѣхали на пароходъ до Твери, а потомъ по желѣзной дорогѣ до Питера, гдѣ остановились мы у одного изъ родственниковъ, А. В. Мальцева, жившаго недалеко отъ какого-то моста на Фонтанкѣ. У него была своя одешная лавка въ Апраксиномъ рынкѣ, который въ то время только что отстраивался послѣ пожара. Пробыли мы въ Петербургѣ всего нѣсколько дней. А. В. Мальцевъ повезъ меня въ каретѣ на Варшавскій вокзалъ и тамъ сдать съ рукъ на руки моему проводнику въ Пруссию. Это былъ человѣкъ высокаго роста, одѣтый въ длинную чуйку. Помню, онъ постоянно закрывался воротникомъ и нахлобучивалъ шапку, какъ бы опасаясь, чтобы его не узнали. Говорилъ онъ со мной мало. Я думаю теперь, что это былъ какой-нибудь старообрядческій инокъ. Съ молитвой сѣли мы въ вагонъ и поѣхали въ Псковъ, потомъ въ Вильну и Ковно. Въ Псковѣ мы останавливались, но пробыли недолго. Въ Ковнѣ же пробыли дня три, причѣмъ остановились у старообрядца за городомъ, на большой дорогѣ. Я ходилъ гулять и любоваться на городъ. Какъ сейчасъ, его помню: стоитъ онъ подъ горой, а внизу широкая рѣка. Черезъ нее плашкотный мостъ, и на немъ стоятъ два солдата и смотрятъ, что несешь. Въ городѣ, на площади—какой-то памятникъ. Задней стороною городъ упирается въ гору, въ которой устроены кузницы. Ночевали мы у нашего одновѣрца въ свѣтелкѣ, гдѣ было сыпано множество яблоковъ и лѣсныхъ грушъ. Я хотя и былъ охотникъ до всякихъ плодовъ, но этихъ ѣсть не могъ,—такъ они были горьки. Оказалось, что ихъ прежде вялятъ, а потомъ уже употребляютъ въ пищу. На четвертый день поѣхали мы уже на лошадахъ по большой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ обсаженной ивами, у которыхъ вершинки были спилены, а отъ стволовъ пошли отростки густо-на-густо и образовали какъ бы шапки. Забылъ я упомянуть, что, когда мы проѣзжали Вильно, тамъ осматривали нашъ багажъ и потребовали паспорта. Эти строгости принимались по случаю мятежа...

Ѣхали мы отъ Ковно, какъ я сказалъ, по большой дорогѣ, поднятой высоко и крѣпко убитой щепнемъ¹⁾. Вотъ подѣзжаемъ къ

¹⁾ Вѣроятно, по шоссе.

первой станціи, и лошади упираются въ шлагбаумъ. Въ то же время выдвигается длинный шестъ съ кошелешъ на концѣ. Ямщикъ кладетъ въ него плату, и кошель исчезаетъ, а затѣмъ поднимается и шлагбаумъ. Сейчасъ за шлагбаумомъ подѣхали мы къ постоялому двору, или шинку. Входимъ въ шинокъ, а тамъ, какъ говорится, дымъ коромысломъ. Вглядѣлись: за стойкой жидъ, не изъ такихъ, какъ я видалъ у насъ, а настоящій, заправскій, въ долгополомъ кафтанѣ, туфляхъ и съ длинными пейсами. Всѣ лавки и скамьи полны народомъ: кто сидитъ, кто лежитъ, а кто и стоитъ у ручки. И у всѣхъ въ зубахъ красивыя, изукрашенныя фигурами фарфоровыя трубки. Чубукъ у нихъ дугой книзу, такъ что когда курящій говоритъ, трубка стучитъ ему въ грудь. Жидъ корчмарь провелъ насъ въ другую комнату, гдѣ былъ только большой столъ да нары. Мой провожатый потребовалъ закусить; но я ничего не могъ ѣсть, потому что отъ всего сильно пахло чеснокомъ. Пошелъ я и попросилъ воды напиться, но и отъ воды, оказалось, тотъ же запахъ... Такъ пошло и дальше по нашей дорогѣ: тѣ же шинки, тѣ же жида, которыхъ къ границѣ становилось все больше и больше. А поляковъ, наоборотъ, стало встрѣчаться меньше. Скоро поѣхали мы уже по проселочнымъ дорогамъ, причемъ на каждомъ перекресткѣ намъ попадались высокіе, аршинъ въ пять, столбы, у которыхъ сверху были маленькія кровельки, а подъ ними расшатіе. Въ лѣсу на дорогѣ встрѣчались еще какія-то вышки, сажень въ 10 и больше. Устроены онѣ были такъ: къ самому высокому дереву, съ двухъ сторонъ, придѣланы были лѣстницы, а на верху площадка, на которой ходилъ дежурный. Ужъ не знаю, кто устроилъ эти вышки: наши ли, или польскіе мятежники.

Послѣдняя наша станція была отъ границы верстахъ въ шести. Это была маленькая усадьба на голомъ полѣ. Только около самага шинка стояла рябина. Тутъ встрѣтило насъ цѣлое полчище жиденятъ, человекъ 20. И, Господи, какихъ, какихъ тутъ не было! И голые-то, и босоногіе, и паршивые...

Скоро пришло нѣсколько взрослыхъ жидовъ, и тутъ произошелъ генеральный совѣтъ на счетъ того, какъ перебѣжать границу. Видно, провожатый мой на деньги не скупился, потому что жида не знали, какъ и угодить «пану». Во время этого совѣщанія изъ корчмы выходитъ старый жидъ, маленькій, горбатенькій, въ бархатной ермолкѣ. Онъ началъ учить моего проводника, какъ лучше перебѣжать границу, и тутъ же далъ намъ провожатаго. Запрягли пару воловъ, усѣлись и только что хотѣли тронуться,—вдругъ соддать тутъ какъ тутъ... Нечего дѣлать, мой проводникъ полѣзъ скорѣй въ кошелекъ и далъ ему «на зубокъ»... Солдатъ только пожелалъ намъ счастливо доѣхать. Черезъ нѣкоторое время пріѣхали мы къ какому-то домику, обнесенному кругомъ заборомъ. Постучали, и насъ пустили въ избу. На стѣнѣ множество иконъ; кругомъ лавки; чи-

стота вездѣ. Это было жилье старообрядца; но его я видѣлъ только мелькомъ. Была тутъ еще какая-то женщина. Проводникъ мой, надо сказать, во всю дорогу при мнѣ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, — все таился отъ меня. Вотъ почему я и плохо запомнилъ личности, встрѣчавшіяся намъ на остановкахъ въ дорогѣ.

На этой послѣдней станціи на совѣщаніе также всѣ вышли въ другую комнату. Мнѣ въ это время захотѣлось пить. Взялъ я ковшъ и зачерпнулъ имъ въ стоявшей тутъ же кадкѣ. Попробовалъ: кисло. Смотрю — въ кадкѣ что-то красное. «Ну, думаю, кровь. Видно мы въ польскую банду попали (наслушался я о нихъ въ дорогѣ), тутъ нашъ и конецъ будетъ». Я весь дрожалъ, когда пришла хозяйка и объяснила мнѣ, что это не кровь, а крашенная моченая свекла... Стыдно стало мнѣ моего глупаго страха.

Только стало смеркаться, какъ мы пѣшкомъ пустились въ путь къ границѣ. Осторожно шли мы, крались, какъ лисицы, и прямо опустились въ ровъ. Въ немъ было сухо, и мы, согнувшись въ три погибели, чтобы не быть замѣченными пограничной стражей и не попасть подъ пули, бѣжали такъ съ версту. Потомъ намъ стали попадаться кустики, а затѣмъ и лѣсокъ. Тутъ мы вышли изъ рва и побѣжали лѣсомъ. Смотримъ: опять такой же домикъ, да еще съ моленной: вся стѣна въ одной комнатѣ заставлена иконами, а передъ ними негасимо горятъ лампы. Тутъ мы ночевали. На утро проводникъ мой сказалъ мнѣ:

— Андрей! что есть у тебя лишняго, оставь здѣсь.

Немного, однако, чего у меня оказалось: только кошелекъ, подарокъ крестной (по старообрядству), да жетонъ въ память тысячелѣтія Россіи. Все это, по совѣту проводника, я и зарылъ въ землю, близъ стѣны моленной. Затѣмъ, мы отправились дальше къ городу Югансбургу. Ъхали ли, шли ли — не помню, потому что, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ становилось мнѣ тяжелѣе и скучнѣе. По прибытіи въ городъ пошли мы прямо въ типографію Гаврилова. Типографія эта была небольшая и рабочихъ въ ней было только трое. Городъ, помнится, былъ маленькій, съ прямыми улицами, на которыхъ подъ одну линію стояли, низенькіе одноэтажные дома.

III.

Въ городѣ мы пробыли недолго и на волахъ поѣхали въ монастырь, гдѣ имѣлъ пребываніе о. Павелъ Прусскій. Насъ везъ какой-то полякъ. Съ трепетомъ сердечнымъ приближался я къ конечной цѣли своего путешествія.

Монастырь стоитъ отъ города верстахъ въ 25, такъ что мы пріѣхали въ деревню, находящуюся отъ него на разстояніи около версты, уже вечеромъ и тамъ остались на ночлегъ. Помню, хозяинъ

дома, гдѣ мы остановились, далъ мнѣ картофелю или, какъ тамъ называютъ, бульбы съ саломъ и сказалъ:

— Ъшь, хлопче, ѣшь! Больше тебѣ не придется ѣсть бульбу съ саломъ...

Утромъ встали мы рано и отправились въ монастырь къ о. Павлу. Его застали мы дома, и встрѣтилъ онъ насъ ласково и любезно. Никогда я его не забуду. Это былъ высокій и въ то время еще не старыи челоуѣкъ, съ чисто русскимъ лицомъ, не большой, но густой и окладистой бородой, строгимъ, хотя и не суровымъ взглядомъ. Поступь его была тяжелая или, можетъ быть, казалась такою оттого, что онъ постоянно, зимою и лѣтомъ, носилъ катаные сапоги, высоко обшитые кожей. Правсе плечо было у него ниже лѣваго. Одѣтъ онъ былъ въ темной ряскѣ, а на головѣ у него было что-то въ родѣ круглаго башлыка, спускающагося сзади до пояса и закрывающаго плечи. Во время же службы онъ надѣвалъ безрукавую мантию, похожую на широкій плащъ.

Послѣ свиданія нашего съ о. Павломъ, насъ размѣстили по кельямъ для отдыха. Когда я отдохнулъ, меня снова позвали къ о. Павлу, и онъ тутъ же велѣлъ меня переодѣть. Мнѣ дали длинную, ниже колѣнъ, рубаху, ряску, на ноги что-то въ родѣ опорковъ, а на голову шапочку, похожую на скуфью. Въ руки мнѣ сунули кожаную лѣстовку. Наученный ранѣе, я поклонился о. Павлу въ ноги и сказалъ:

— Отче, благослови меня здѣсь пожить и поучиться.

А онъ говоритъ мнѣ въ отвѣтъ:

— Богъ тебя благословить, Андрей!

Послѣ того всѣ пошли за трапезу, обѣдать.

Послѣ молитвы насъ, мальчиковъ, въ числѣ семи, посадили за особый столъ. Съ нами сѣлъ и нашъ дядька, старыи, высокій монахъ. Онъ наблюдалъ, чтобы мы сидѣли смирно, не шалили и не вели никакихъ разговоровъ. Дядька посадилъ меня рядомъ съ собою, велѣлъ надѣть на лѣвую руку лѣстовку и сказалъ:

— Лѣвую руку на столъ никогда не клади. Это помни. По сторонамъ тоже не гляди. Смотри только на то, что передъ тобой. Если забудешь, то попробуешь лѣстовки или розогъ.

Столъ, за которымъ сидѣли мы, равно и тотъ, за которымъ трапезовала «братія», не былъ покрытъ ничѣмъ. Передъ каждымъ обѣдающимъ положена дощечка, верхка въ 4 длиной и въ 3 шириной, а на ней хлѣбъ и ложка. Если кому хлѣба окажется мало, сиди и не проси: дядька увидитъ и самъ дастъ. Такой же строгий порядокъ былъ и у старшихъ. Они обѣдали на правой сторонѣ трапезы, а мы—на лѣвой, яко козлища. Посрединѣ стоялъ наложъ, на которомъ, во время трапезы, читались житія святыхъ и разныя душеспасительныя поученія. Говорили за трапезой только самъ о. Павелъ да кандидатъ его о. Варнава. Они объясняли и наиболѣе

непонятныя мѣста изъ читаемаго. Не помню теперь, въ какой-то большой праздникъ читали за трапезой, и встрѣтилось мѣсто: «Неумытному Твоему образу поклоняемся, Христе»... Вотъ о. Павелъ и спрашиваетъ братію:

— Что значить это слово—«неумытному»? Всѣ молчатъ. Тогда онъ началъ объяснять толково и понятно. Изъ братіи также дозволялось спрашивать объясненія непонятныхъ мѣстъ. Вопросавшій вставалъ и говорилъ:

— Честный отче, благослови спросить.

Старшій—о. Павелъ или о. Варнава—отвѣчалъ:

— Богъ благословитъ,—и затѣмъ давалъ отвѣтъ на вопросъ.

Но вотъ и еще разъ я отступилъ отъ своего разсказа. Подали намъ кушанье... Ужъ не знаю, какъ и назвать его. Ну, назову хоть кашницей изъ тыквы. Она мнѣ сразу опротивѣла. Хлѣбъ оказался тоже не лучше этой похлебенки. Онъ былъ ячменный, и безъ привычки его не проглотить. Затѣмъ подали кашу, только не изъ крупы, а изъ картофеля, даже неочищеннаго отъ шелухи. Я было взялъ ложку этой каши, но мнѣ какъ разъ попалась шелуха, и я хотѣлъ было ее выбросить. Но дядька строго на меня взглянулъ и сказалъ:

— Не смѣй! Не хочешь—не ѣшь.

Послѣ дали всѣмъ по яблоку и по грушѣ. Такъ, на первый разъ и остался я голоднымъ. По окончаніи обѣда, всѣ разошлись по кельямъ.

IV.

Меня водворили на постоянное житье въ келью къ отцу Ивану, о которомъ подробнѣе сообщу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же скажу только, что это былъ полякъ, бѣжавшій изъ Россіи отъ наказанія за участіе въ повстаніи. Келья наша помѣщалась въ маленькомъ домикѣ, въ который вело низкое и узкое крылечко, устроенное по-средины. У о. Ивана было двѣ комнатки: спальня въ одно окно и рабочая, побольше, въ два окна. Съ другой стороны, черезъ небольшой коридорчикъ, было еще двѣ комнатки, и въ одной изъ нихъ, съ окномъ въ садъ,—лежанка, на которой постоянно стоялъ деревянный лотокъ съ душистымъ воскомъ. Изъ этого воска старикъ иннокъ дѣлалъ свѣчи для монастыря. Отъ лежанки, по стѣнѣ, была поставлена узкая койка съ деревяннымъ изголовьемъ и постелью изъ тростника. Ни подушки, ни одѣяла не полагалось: первую замѣняла шапка, а послѣднее—ряска. И при этихъ удобствахъ свернешься, бывало, калачикомъ и спишь, какъ убитый. Келья наша выстроена была изъ дубоваго дерева, и ей было тогда уже лѣтъ около тридцати. Въ помѣщеніи было невысоко, вездѣ темно и грязно. Ни половъ, ни стѣнъ не мыли никогда. Только и есть, что подметутъ

бывало соръ. Полы были совсѣмъ гнилые, такъ что растущія подъ окномъ о. Ивана сливы пропустили корни подъ стѣну, а отсюда и въ самую келью, гдѣ и видны были ихъ побѣги аршина въ полтора вышиной.

Но вотъ въ четыре часа прозвонили къ вечернѣ, и мы пошли въ моленную, находившуюся отъ нашей кельи всего аршинахъ въ десяти. Первое, что я увидѣлъ, проходя въ моленную, была звоница, то-есть два столба съ кровелькой, подъ которой висѣли два колокола: одинъ вѣсомъ около пуда и другой въ 20 фунтовъ. Большимъ колоколомъ сзывали на молитву, а малымъ—къ трапезѣ.

Вошли мы съ о. Иваномъ въ моленную и стали на правый клиросъ. Прочитали приходныя молитвы, положивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ иконамъ, а потомъ особо три раза земно поклонились братіи. Разстановились всѣ на клиросѣ такъ: о. Иванъ, съ нимъ рядомъ два инока, затѣмъ, во второмъ ряду—четверо старшихъ учениковъ и, наконецъ, въ третьемъ ряду—трое насть, младшихъ. Меня, какъ новичка, поставили ближе къ стѣнѣ, у окна. Одинъ изъ старшихъ учениковъ, по имени Мина, лѣтъ 18-ти былъ залпечнымъ мастеромъ о. Ивана. Онъ также былъ изъ поляковъ... Впрочемъ, о немъ я расскажу также въ своемъ мѣстѣ.

О. Иванъ далъ мнѣ подробное наставленіе, какъ слѣдуетъ себя вести во время службы:

— Лѣстовку,—говорилъ онъ,—надо взять въ лѣвую руку и обѣ руки сложить на груди. Въ окно не глядѣть, не оборачиваться назадъ; креститься и кланяться надо вмѣстѣ и слушать, что читаютъ и поютъ. Да смотри, чтобы лѣстовка не висѣла праздно, а перебирай ее съ молитвой.

Вечерня продолжалась два часа, затѣмъ былъ ужинъ, послѣ котораго около часа читали правило на сонъ грядущій и, наконецъ, всѣ разошлись на покой. Во второмъ часу началась всенощная. Только на большіе праздники всенощная начиналась въ двѣнадцать часовъ и продолжалась до шести; въ будни же она тянулась часа четыре. Въ 9 часовъ утра опять начиналась служба: часы и обѣдница, занимавшіе не меньше двухъ часовъ; потомъ слѣдовала трапеза, на которую полагался часъ. Если бывалъ дванадесятый праздникъ, то изъ моленной приносили въ келарню праздничную икону и пѣли передъ нею тропарь празднику. Икону обыкновенно несъ или о. Варнава, или его кандидатъ о. Онуфрій.

Я говорилъ уже раньше, что нану обычную ницу составляли похлебка изъ тыквы и картофель, обращенный во что-то въ родѣ каши. Какъ я ни старался привыкнуть къ этому столу, но первые три дня ничего не могъ ѣсть, даже и хлѣба. Только я и питался что яблочкомъ, которое мнѣ давалъ о. Павелъ, или пряникомъ, получаемымъ также отъ него. Онъ любилъ пряники, и для него ихъ пекли въ самомъ монастырѣ. Какъ-то о. Павелъ, замѣтивъ, что я сижу въ трапезѣ и ничего не ѣмъ, говорить мнѣ:

— Андрей, что ты ничего ѣшь? Ты вѣдь ослабнешь и захворашь. Надо тебѣ привыкать къ нашей пицѣ...

— Да я ѣлъ, говорю ему.

— Что же ты ѣлъ?

— Мнѣ кто-то ночью приносилъ хлѣбныхъ корочекъ, вотъ я и сытъ.

Павель размѣялся и сказалъ:

— Это, вѣрно, ангель приносилъ тебѣ корокъ. Ну, теперь ты все будешь ѣсть.

А я дѣйствительно видѣлъ во снѣ, что ѣмъ хлѣбныя корки.

Много лѣтъ спустя, когда я увидѣлся съ о. Павломъ уже въ Россіи, снѣ вспоминалъ объ этомъ случаѣ.

Въ праздники наша пища нѣсколько разнообразилась: пекли такъ называемую «мякушку»¹⁾ и готовили рыбу. Я и забылъ сказать, что монастырь расположенъ на маленькомъ полуостровѣ при озеркѣ, длиною около двухъ верстъ и шириною около версты. Вотъ въ этомъ-то озерѣ и водились въ большомъ количествѣ леци, караси, лини и угри. Больше же всего было «колючки», мелкой рыбешки, не больше вершка ростомъ, покрытой острыми колючками. Эту рыбу ловятъ тамъ въ огромномъ количествѣ и варятъ только для корма свиньямъ.

Мѣсто, гдѣ стоитъ монастырь, — неровное и очень каменистое. Только и поровнѣе то маленькое мѣстечко, гдѣ стоитъ моленная. Камня тамъ такъ много, что изъ него можно бы построить и весь монастырь. Только работа по раскалыванію камня трудна и стоитъ дорого. При мнѣ этимъ занимались два какихъ-то поляка. Они разрывали камни порохомъ. Разъ, помню, иду я мимо, а поляки только что взорвали камень. Вотъ одинъ изъ нихъ и кричитъ мнѣ:

— Эй, хлопче! Вотъ московске злѣто,—и далъ мнѣ кусокъ вынутой имъ изъ камня слюды.

Упомянулъ я, что можно бы весь монастырь построить изъ камня. И дѣйствительно, въ немъ и тогда было нѣсколько каменныхъ построекъ. Изъ нихъ особенно памятенъ мнѣ какой-то подвалъ, выложенный изъ дикаго камня въ горѣ. Въ немъ была небольшая передняя комнатка, въ которой всегда находились заступы, мотыги и еще кое-какія орудія. Тутъ же былъ... говорить ли?... цѣлый уголь розогъ, да еще какихъ! Настоящихъ, заправскихъ, березовыхъ, въ аршинъ съ четвертью длиною... Здѣсь-то насъ и кормили березовой кашей, на которую не былъ скупъ о. Иванъ, не тѣмъ онъ будь помянуть, а особенно его любимецъ и заплечный мастеръ Мина. Кстати, расскажу здѣсь, за что такъ щедро насъ наказывали. Подумайте: можно ли десятилѣтнему мальчику выстоять безъ отдыха, ну, хоть будничную всенощную? Ужъ я не говорю о праздничной, которая

¹⁾ Хлѣбъ въ родѣ ситнаго, безъ дрожжей.

продолжалась шесть часовъ... Во второмъ часу ночи мы уже на клиросѣ и стоимъ по порядку, каждый на своемъ мѣстѣ. Служба идетъ медленно, медленно. При этомъ въ будни очень много читаютъ. Во время праздничной стоять было легче, такъ какъ за ней много пѣли. Кромѣ того, въ праздничную службу давался часъ отдыха въ то время, когда читали «слово» на праздникъ или житіе празднуемаго святаго. Въ это время всѣ садились на скамейки, сдѣланныя по стѣнамъ и на клиросѣ. У старшихъ эти скамейки были устроены такъ: доска на петляхъ прикрѣплялась къ стѣнѣ съ отдѣльными же ножками. Стоило только поднять, и сидѣнье готово. Во время чтенія пареміи позволялось садиться и намъ, младшимъ. Мы сидѣли по-просту на полу. Ну, а въ будничную долгую, томительную службу бывало не выстоишь и задремлешь,—вотъ за это и сѣкли; и часто это случалось. Самые старые изъ братій просиживали почти что всю службу. У нихъ и для земныхъ поклоновъ у каждаго было особое приспособленіе, именно особыя скамеечки, вершковъ въ 6 вышиной, на которыя и клался «подручникъ». Полагая поклонъ, старикъ опирался рукой на скамейку и касался лбомъ подручника, не нагибаясь до полу.

Начиналъ службу всегда о. Павелъ словами: «За молитвами святыхъ отецъ нашихъ» и т. д., стоя посреди моленной. Затѣмъ, онъ отходилъ къ задней скамьѣ, а службу исправлялъ Варнава у лѣваго клироса. Когда слѣдовало что нибудь читать, онъ выходилъ на средину. На лѣвомъ клиросѣ стояло два аналоя: одинъ для чтенія, а на другомъ находился желтый, покрытый лакомъ, ящикъ съ мощами за стекломъ. Тутъ, помню я, были: частица мощей св. митрополита московскаго Филиппа въ видѣ косточки величиной съ орѣшекъ, обложенной ватой, часть ризы Николая Чудотворца, листочекъ съ дуба Мамврійскаго, хлѣбецъ Пресвятыя Богородицы и, наконецъ, часть древа Господня, что-то въ родѣ стружечки. Остальныхъ частей не упомяну, а ихъ было всего около тридцати. Въ праздники ящикъ съ мощами выносили на средину моленной для поклоненія.

Сознаю, что отрывистъ и непослѣдователенъ мой рассказъ... Но пишу то, что вспоминается. Вспомнилъ еще подробность объ отцѣ Павлѣ и нахожу необходимымъ о ней упомянуть. Именно, я обратилъ вниманіе, что отецъ Павелъ за службой всё сидѣлъ; даже и тогда, когда надо было класть поклоны, онъ не вставалъ. Изъ этого уже можно видѣть, что въ то время онъ неособенно слѣдилъ за собой въ исполненіи всѣхъ обрядностей. Онъ уже началъ и тогда колебаться въ своей вѣрѣ и тяготѣть къ православію, котораго уже не громилъ болѣе, какъ раньше... Столпъ и устой «пребеззаконныхъ» пошатнулся, да не въ долгъ и склонился въ сторону истиннаго свѣта и правды.

Въ послѣднее время отецъ Павелъ такъ былъ занятъ, что не всегда выходилъ и за службу: все сидѣлъ въ своей кельѣ. Это была

квадратная комната аршинъ въ восемь, и въ ней помѣщалась библиотека. Все ея убранство составляли: диванъ, на которомъ обыкновенно сидѣлъ или лежалъ нашъ «большакъ»; передъ нимъ большой столъ и большой же шкафъ съ книгами, который былъ всегда тщательно запертъ. Кромѣ того, по стѣнамъ были надѣланы еще полки, и на нихъ также были книги, но лишь болѣе новыя. Въ шкафу же сохранялись исключительно книги старопечатныя и древнія рукописныя; но намъ ихъ не давали, а давали читать и списывать, чтобы мы лучше запоминали, лишь книги болѣе новыя и притомъ самаго возмутительнаго содержанія: «объ антихристовой печати, знаменуемой триперстнымъ сложеніемъ креста», о томъ какъ совершать въ моленной службу, какъ крестить, исповѣдывать. Затѣмъ намъ внушали не сообщаться съ «церковниками» (православными), такъ какъ они «никоніаны», т. е. ученики Антихристовы, не пить, не ѣсть съ ними, хотя бы это были отецъ, мать или братъ, а также не молиться на ихъ иконы. Если же кто изъ никоніанъ, по незнанію, помолится на «христіанскія» иконы,—поучали насъ,—то должно взять кадильницу и крестообразно кадить всѣ иконы, чтобы и духу церковническаго не было... Вотъ какихъ предѣловъ достигаетъ ихъ пагубное заблужденіе! Я потомъ видалъ фанатиковъ изъ старообрядцевъ, которые, послѣ посѣщенія людей, не принадлежащихъ къ вѣрѣ, вытирали тряпкой даже скобы у дверей, чтобы «отмести» всякій слѣдъ прикосновенія Антихристовой печати. Намъ усердно научали тому же, видимо, готовя въ проповѣдники «вѣры». Для этого всячески старались вдохнуть въ насъ духъ нетерпимости и ненависти къ православію. Не знаю, какъ на другихъ, а на меня эти старанія подѣйствовали въ обратную сторону. Вѣдь только добро скоро и безъ труда проникаетъ въ сердце ребенка, а тутъ каждое слово дышало ненавистью и злобой. Укрѣпляли въ насъ этотъ духъ нетерпимости, давая намъ читать о питерскихъ, соловецкихъ и др. мученикахъ раскола, о томъ, какъ они сжигали себя цѣлыми скитами. Объ этомъ, я помню, была большая рукописная книга, называвшаяся, кажется, «Виноградъ россійскій».

Я заговорилъ было о монастырской моленной, но только и успѣлъ сказать о ковчегѣ съ святынями, какъ отвлекся и перешелъ къ нашей библиотекѣ, а попутно и къ тому, что намъ давали читать и списывать. Теперь снова обращусь къ моленной и прежде всего скажу объ ея размѣрахъ. Она—15 аршинъ въ длину и около 10 въ ширину. Высотой зданіе внутри аршинъ 8. Иконы больше все мѣстныя, значительнаго размѣра. Помнится мнѣ, въ срединѣ иконостаса находился образъ Господа Иисуса Христа на престолѣ. Бывало, я грѣшный, куда ни зайду, съ какой стороны ни посмотрю на Господень ликъ,—Онъ все глядитъ и взглядомъ проникаетъ въ душу. Икона эта—одна изъ самыхъ древнихъ и весьма чтимая.

Вся задняя стѣна моленной была завѣшана картинами. Тутъ, пре-

жде всего, были: Псалтырь въ лицахъ—150 отдѣльныхъ изображеній на каждый псаломъ; ватѣмъ—«родословное древо истинныхъ христіанъ». Здѣсь, въ одномъ изъ кружечковъ, было и имя о. Павла, изображенное на стволѣ, на самомъ верху. Слава Богу, что древо это перестаетъ расти... Всѣ эти картины были писаны тутъ же, въ монастырѣ, года за два до моего пріѣзда, двумя учеными старообрядскими иноками. Я еще засталъ ихъ славу. О нихъ говорили, что это были примѣрные богомольцы, постники, защитники «христіанства» и притомъ удивительно искусные иконописцы. Конечно, и эти картины, и все монастырское убранство, да и самый монастырь были устроены стараніемъ и заботами о. Павла и его друга и товарища о. Пафнутія. Они были основателями этой «обители» безбрачной оедосеевщины, у которой основное правило: «хоть семерыхъ роди, только замужъ не ходи»... Изъ приведеннаго прекраснаго правила можно видѣть, насколько нравственны люди, принадлежащіе къ этой сектѣ... Впрочемъ, я долженъ сказать, что о. Павелъ, болѣе разумный, никогда не раздѣлялъ подобныхъ взглядовъ и не сочувствовалъ имъ, только не высказывался опредѣленно, можетъ быть, «страха ради Іудейска». Позже онъ, однако, отшатнулся отъ Пафнутія, признавъ необходимость брака. Тогда Павелъ остался въ монастырѣ, а Пафнутій основалъ свой «безбрачный» монастырь верстахъ въ пяти, гдѣ вмѣстѣ живутъ и женщины. Самъ Пафнутій, впрочемъ, не живетъ тамъ: онъ поселился около Павлова монастыря одинъ, и основаннымъ имъ монастыремъ управляетъ «кандидать». Кромѣ нашего, о. Павломъ былъ основанъ женскій монастырь верстахъ въ 18-ти. Мнѣ, однажды, лѣтомъ, пришлось съѣздить туда за сѣномъ, и поѣздка эта осталась у меня въ памяти, потому что насъ угощали тамъ молочною кашей, которую я ѣлъ во всѣ три года только одинъ разъ. Вообще молока мы и не видавали: только на Свѣтлый праздникъ приносили его намъ изъ деревни, да и то «наведеннаго». Тогда же давали по яичку на брата. Посудите, каково было мнѣ, маленькому мальчику, взрослому при матери, балованному любимцу! Да и не только мнѣ, всѣмъ было тяжело. Труды было много: каждодневная долгая служба, работа въ монастырскомъ саду, а сна и пищи полный недостатокъ. Ужъ воистину «въ потѣ лица» ѣли мы плохой, ячменный хлѣбъ нашъ.

Ко всему этому надо еще прибавить постоянныя наказанія, которыми насъ подвергали при каждомъ удобномъ случаѣ. Но не виноваты были въ этихъ истязаніяхъ о. Павелъ: онъ былъ человекъ кроткій и добрый. Не таковъ былъ отецъ Иванъ... Бывало, измученный цѣлодневной работой, задремлешь во время ночной службы,—Иванъ сначала дернетъ за рукавъ, погрозитъ лѣстовкой и скажетъ на своемъ полупольскомъ языкѣ:

— Бронь, Боже! Не спи!

А потомъ, если снова задремалъ, ударитъ лѣстовкой по головѣ

такъ, что едва устоишь на ногахъ. Покажется ему, что крестъ неправильно (не постарообрядчески) сложилъ, или неистово перекрестился, или шепнулъ что нибудь товарищу,—тоже ударъ лѣстовкой. А надо сказать, что лѣстовка, или «лѣствица къ небесамъ» и бичъ для насъ, кощунниковъ, была въ 10 вершковъ длины, въ карандашъ толщиною и дѣлалась изъ плсто скрученныхъ нитокъ. На ней было 102 узла и три большихъ костяныхъ четки, которыхъ мы боялись хуже всякихъ розогъ, особенно же средней изъ нихъ, самой большой.

Этой-то костью и любилъ, бывало, бить добрый полякъ, о. Иванъ. Чуть задремлешь таково сладко, какъ вдругъ очнешься отъ страшнаго удара по головѣ. Сначала все потемнѣетъ въ глазахъ, потомъ станетъ красно и очутишься словно въ сказочномъ дворцѣ: все кружится—и полъ и потолокъ, а огонь отъ свѣчей и лампадъ издаетъ большіе лучи, опоясанные всѣми цвѣтами радуги. Затѣмъ, по всему тѣлу пробѣжитъ какъ бы ознобъ, а тамъ кинетъ въ жаръ. Вотъ какъ учили насъ не дремать и, конечно, достигали цѣли. Послѣ такой неожиданности пропадалъ всякій сонъ. А то, бывало, не удовольствуются и этимъ наказаніемъ,—выведутъ въ келарню, и тутъ Миша отпуститъ десятокъ розогъ. Заплакать и не подумай, а опять иди въ моленную. Заплакать, — вернуть назадъ и снова накажутъ. И съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ злорадствомъ работалъ заплечный мастеръ Миша! Случается, мнѣ, взрослому уже теперь человѣку, приснится, что я въ старообрядческомъ монастырѣ и подвергаюсь излюбленному нашими тогдашними наставниками наказанію,— я вскакиваю въ ужасѣ и трясусь, какъ въ лихорадкѣ...

Вотъ какова была наша жизнь. Ко всему этому, нами пользовались, какъ рабочей силой, извлекая изъ насъ послѣднее здоровье. Не было той работы, которой бы мы не исполняли. Зимой мы фальцовали листы для псалтырей и всевозможныхъ другихъ книгъ, печатавшихся въ типографіи Гаврилова; переплетали эти книги; переписывали рукописи, шлифовали заставки для книгъ, рѣзали соломѣ, мыли бѣлье и исполняли всякое другое домашнее дѣло. А лѣтомъ—работа въ саду, въ огородѣ, въ поляхъ, на кирпичномъ и торфяномъ заводахъ. Кромѣ того, мы же поочереди пасли свиней и воловъ.

Немудрено, что эта тягота жизни, вмѣстѣ съ тоской по родицѣ, неудержимо влекла меня домой, въ родное Арефино. Ко всему этому присоединялась еще какая-то внутренняя тревога и невольная ненависть къ своимъ мучителямъ, заставлявшая ждать чего-то лучшаго, какого-то просвѣта...

Какъ я уже упомянулъ раньше, о. Павелъ Прусскій въ мое время уже не былъ такимъ ревнителемъ раскола, какъ прежде. Я прожилъ въ монастырѣ два года и девять мѣсяцевъ, и во все это время онъ

былъ у насъ раза три или четыре. Больше онъ жилъ въ Россіи. Говорили, что онъ изучалъ и разсматривалъ въ это время древнія книги, кресты и иконы. Этому можно повѣрить, такъ какъ въ каждый свой пріѣздъ къ намъ онъ привозилъ множество снимковъ съ древнихъ православныхъ памятниковъ и затѣмъ подробно объясняли братья, гдѣ и на какой иконѣ какъ изображена благословляющая десница Спасителя и Святое имя Иисусъ.

Многое, касавшееся разногласій старообрядцевъ съ православіемъ, онъ объяснялъ имъ и по древнимъ рукописнымъ книгамъ. Говорилъ онъ вразумительно, толково и неспѣшно. Однако слушали его мало: для большинства не выгодно было внять его проповѣди и пойти за нимъ. Онъ въ это время былъ уже не раскольникъ, а увѣровавшій Оома. Его обращенію предшествовало нѣсколько бесѣдъ или преній о бракѣ или безбрачїи. Первая изъ этихъ бесѣдъ была въ нашемъ монастырѣ. На ней были: противникъ Павла—Пафнутій съ «братіей» и много народа изъ деревень. Второе собраніе происходило въ монастырѣ у Пафнутія и было посвящено также вопросу о бракѣ. Помню, я съ однимъ изъ монаховъ возилъ туда на лошади цѣлый возъ книгъ. Тѣснота была страшная, даже въ двери нельзя было пройти, такъ что мы принуждены были выставить въ моленной раму и въ окно подавали книги.

Содержаніе этихъ бесѣдъ въ то время было для меня непонятно. Знаю только, что о. Павелъ говорилъ и отвѣчалъ толково, смиренно и не выходилъ изъ себя, какъ другіе. Его рѣчь тутъ же записывалъ типографъ Гавриловъ.

Только теперь, взрослымъ, я понялъ, что Павелъ былъ искренній, честный человекъ; что онъ искалъ свѣта не только для себя, но и для другихъ, и для насъ въ томъ числѣ. Помню я, съ какой добротой и сердечностью прощался онъ съ нами въ послѣдній разъ. Онъ сталъ посреди моленной, положилъ уставный началъ, до земли поклонился на всѣ стороны и сказалъ въ такомъ родѣ:

— Отцы и братія! Я всю жизнь свою заблуждался и васъ ввелъ въ заблужденіе... Нынѣ я убѣдился, что православная церковь свята и непорочна...

Затѣмъ онъ сказалъ, что у него есть другая обитель, въ Москвѣ, гдѣ служба будетъ совершаться по старинѣ, и пригласилъ желающихъ слѣдовать за нимъ.

Желающихъ—оказалось четверо взрослыхъ и трое насъ, мальчиковъ. Нѣтъ словъ, что бы передать то, что мы чувствовали. Сначала мы были поражены, какъ громомъ, а потомъ стали плакать неудержимыми радостными слезами. Впереди намъ, бѣднымъ, видѣлась твердая и надежная пристань, тамъ далеко за рубежемъ, на родинѣ...

Однако, о. Павелъ пока уѣхалъ одинъ, а мы должны были остаться, такъ какъ у насъ не было паспортовъ, и прошло долгихъ два мѣ-

сяца, прежде чѣмъ мы покинули ненавистную раскольничью обитель. Не буду описывать, что мы вытерпѣли за это время отъ нашего страшнаго о. Ивана. Озлобленный нашимъ отреченіемъ, онъ удвоилъ наказанія и истязалъ насъ на каждомъ шагѣ. Но вотъ намъ присланы билеты и деньги, и мы отправились въ путь.

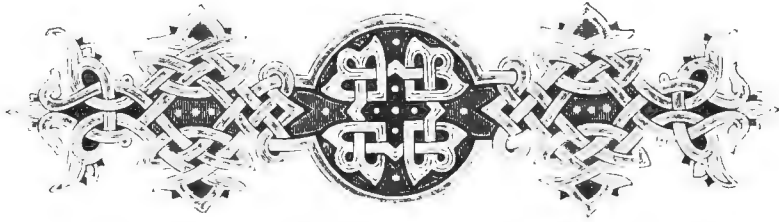
Теперь во всѣхъ городахъ мы останавливались уже у православныхъ, но я мало помню эту обратную дорогу: я ѣхалъ, словно въ полуснѣ, словно ослѣпленный какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ...

Нынѣ понимаю я, что этотъ свѣтъ только преддверіе вѣчнаго сіянія правды, ожидающаго насъ тамъ, въ другой жизни.

Ради этой надежды, да простится всѣмъ, обидѣвшимъ меня!

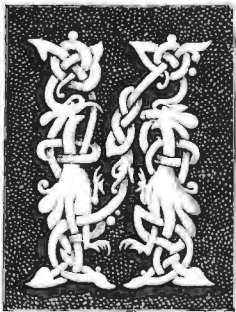
Е. Опочининъ.

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ ВЪ 1839 ГОДУ.

(Изъ записокъ участника).

ЗВѢСТНО, что въ 1839 году былъ совершенъ генераль-адъютантомъ Перовскимъ походъ въ Хиву, окончившійся полною неудачею, благодаря жестокой зимѣ, стоявшей въ этотъ злощастный годъ, и необыкновенно сильнымъ метелямъ, свирѣпствовавшимъ въ обширныхъ степяхъ Средней Азіи.

Небольшой отрядъ Перовскаго не былъ въ состояніи бороться съ стихіей и послѣ 8-ми-мѣсячной борьбы съ вьюгами и морозомъ вернулся въ г. Оренбургъ, похоронивъ половину людей въ азіатскихъ степяхъ и положивъ массу больныхъ въ госпитали.

Въ виду того, что имѣющіяся свѣдѣнія объ этомъ походѣ весьма ограничены, каждый новый матеріалъ о немъ, особенно же записки очевидца и участника, представляютъ безспорно большой интересъ, я считаю нелишнимъ помѣстить записки о походѣ въ Хиву, которыя случайно получилъ отъ ветерана николаевскихъ временъ, участника покоренія Средней Азіи, полковника Егора Михайловича Косырева, бывшаго очевидцемъ бѣдствій и неудачъ, испытанныхъ хивинскимъ отрядомъ зимою 1839 года.

Еще съ 1837 года начали готовиться въ Оренбургѣ къ хивинскому походу. Пѣхота обмундировывалась въ теплую одежду и обувь, по изобрѣтенной формѣ для зимняго времени; шились теплыя шапки,

на манеръ сѣрыхъ арестантскихъ, съ назатыльниками изъ чернаго сукна, съ краснымъ околышемъ и огромнымъ четырехъугольнымъ козырькомъ. Полушубки были сдѣланы изъ джибаги, т. е. изъ сваленой бараньей шерсти, нашитой на холстъ, поверхъ которой надѣвались сѣрыя шинели. Подштанники также были на киргизской шерсти и туго простеганы; шаровары, сшитые изъ толстаго и чернаго сукна, были приспособлены къ тому, чтобы шинель и полушубокъ могли свободно входить въ нихъ и затягиваться особо устроеннымъ гашникомъ (поясомъ). Сапоги были настолько широки, что въ нихъ помѣщались кошемныя (войлочные) валенки, а на ноги солдатъ надѣвались шерстяные чулки и портянки. Къ воротнику шинели пристегивались на крючкахъ, сдѣланные изъ заячьего мѣха, накладные воротники, обшитые снаружи краснымъ сукномъ, а для предохраненія лица, носа и подбородка отъ мороза шились изъ чернаго сукна маски, съ прорѣзанными отверстиями для рта и глазъ и пришитыми суковными носами.

Одѣтые въ такую форму солдаты были до безобразія толсты и неповоротливы, а въ маскѣ и съ ружьемъ въ лѣвой рукѣ солдатъ уже терялъ совершенно человѣческій обликъ и походилъ на чорта, какой обыкновенно изображается на лубочныхъ картинкахъ, продающихся въ мелочныхъ лавкахъ.

На зауральской сторонѣ, въ берегу рѣки Старицы было устроено много русскихъ печей, въ которыхъ выпекались хлѣба и сушились сухари для формировавшагося отряда. Съ этою цѣлью были командированы отъ всѣхъ частей хлѣбопеки и особые кашевары, которые занимались сушкою свеклы, картофеля, моркови и лука. Въ манежѣ была поставлена паровая машина для прессованія сѣна въ кубы, чтобы его было удобнѣе выючить на верблюдовъ. Этимъ дѣломъ былъ занятъ, спеціально выписанный по этому случаю, англичанинъ. Во всѣхъ военныхъ мастерскихъ заготавливались лодки, понтоныя сани, для похода; вьюки для верблюдовъ, бочки, бочата, ящики разной величины и т. п.

Въ это же время солдаты обучались собирать и разбирать киргизскія кибитки, выючить ихъ на верблюдовъ и, развьючивая, опять ставить на землю. Для этого подавалась команда: «навьючивай!» или «развьючивай!», «разбирай кибитку!» или «ставь кибитку!». Солдаты быстро усвоили себѣ способы вьючки и установки своихъ будущихъ походныхъ хоромъ, но только не въ походной одеждѣ, въ которой солдатъ чувствовалъ себя совершенно скованнымъ. Наконецъ, къ осени 183⁰ года поспѣли и верблюды.

Такимъ образомъ, были приготовлены къ походу 5-й оренбургскій линейный баталіонъ и двѣ роты 3-го баталіона, одинъ полкъ уральскихъ казаковъ, уфимскій казачій полкъ, бывший въ то время регулярнымъ полкомъ на такихъ же правахъ, какъ и уланскіе, который впоследствии былъ расформированъ за упраздненіемъ, въ г.

Чугуевѣ въ 1845 году. Одна батарея и одна полубатарея казачьей конной артиллеріи и часть крѣпостной гарнизонной артиллеріи, командъ: саперовъ и піонеровъ.

Хивинскій отрядъ состоялъ изъ 5.217 человекъ при 22-хъ орудіяхъ 4-хъ ракетныхъ станкахъ, и былъ окончательно сформированъ къ 18-му ноября 1839 года.

Второй оренбургскій линейный баталіонъ съ небольшимъ числомъ уральскихъ казаковъ еще лѣтомъ отправился впередъ для приготовленія въ степяхъ колодцевъ и возведенія двухъ временныхъ укрѣпленій на рѣкѣ Эмбѣ и Акъ-булакѣ. Выполнивъ свою задачу, баталіонъ этотъ, оставивъ часть своихъ ротъ и казаковъ въ укрѣпленныхъ имъ пунктахъ, возвратился къ осени въ Оренбургъ. 18-го ноября, въ 11 часовъ утра, былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго корпуса генераль-адъютантомъ Перовскимъ смотрѣ войскамъ, а затѣмъ и выступленіе въ походъ.

Рано утромъ, отрядъ сталъ собираться за крѣпостными самарскими воротами, началась выючка верблюдовъ и укладка въ сани всевозможныхъ принадлежностей, заготовленныхъ къ походу. Въ сани впрягали верблюдовъ, и когда эта работа была окончена, отрядъ сталъ строиться въ указанномъ порядкѣ. Морозъ былъ довольно значительный, но солдаты, одѣтые въ теплую одежду, чувствовали себя бодро и, подпучивая надъ смѣшнымъ своимъ одѣяніемъ, ожидали выступленія. Въ 9¹/₂ часовъ къ отряду пріѣхалъ начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Толмачевъ, въ походной формѣ, т. е. въ сюртукѣ, подбитомъ мѣхомъ, при эполетахъ, шарфѣ и въ шапкѣ съ большимъ козырькомъ и, осмотрѣвъ отрядъ, сталъ ожидать главнаго начальника отряда генераль-адъютанта Перовскаго. Оригинальное зрѣлище представлялъ собою отрядъ, наряженный въ неуклюжую свою форму и съ масками на лицахъ у солдатъ—онъ положительно имѣлъ видъ легіона бѣсовъ, явившихся изъ преисподней. Въ 11 часовъ прибылъ къ отряду и генераль Перовскій, поздоровался съ войсками и, объѣхавъ ихъ, приказалъ двинуть отрядъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно на взводныя дистанціи чрезъ самарскія ворота на «плаць-парадное мѣсто», куда онъ и отправился впередъ, чтобы пропустить мимо себя войска. Генераль-лейтенантъ Толмачевъ повелъ колонну справа повзводно и, подойдя къ мѣсту, гдѣ стоялъ окруженный свитою начальникъ отряда, и, отсалютовавъ ему шпагою, подошелъ къ генералу Перовскому и оставался возлѣ него до тѣхъ поръ, пока не прошли всѣ части. Тогда онъ сѣлъ верхомъ на лошадь и поскакалъ впередъ. Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ скорымъ шагомъ, держа ружья подъ прикладъ. Сначала шла пѣхота, имѣвшая по 32 ряда во взводахъ трехшереножнаго строя, потомъ уфимскій казачій полкъ, уральскіе казаки, артиллерія и далѣе вагенбургъ. Прохожденіе войскъ длилось около 3-хъ часовъ мимо начальника от-

ряда, который внимательно осматривалъ каждого солдата и повозки. Пройдя въ такомъ порядкѣ уральскія ворота, отрядъ перешелъ по льду рѣку Уралъ и остановился верстахъ въ двухъ отъ города по ту сторону рѣки, гдѣ и расположился въ видѣ четырехугольника, вокругъ приготовленнаго аналоя. По прибытіи всѣхъ чиновъ отряда, начался напутственный молебенъ. Наступила глубокая тишина, и только голосъ священника и стройное пѣніе походныхъ пѣвчихъ раздавались среди молящейся толпы людей, готовой черезъ нѣсколько минутъ вступить въ тяжелый степной походъ во время суровой зимы съ ея вьюгами и мятелями.

Этотъ день былъ замѣчателенъ тѣмъ, что съ выступленіемъ за Уралъ отряда пошелъ сильный снѣгъ, а на первомъ же полупереходѣ поднялся сильный буранъ, который продолжался, не переставая, трое сутокъ, и суровая степная зима съ этой поры вступила въ полныя права свои, то засыпая горсточку смѣлыхъ русскихъ воиновъ цѣлыми сугробами снѣга, то обдавая ихъ трескучимъ морозомъ и вѣтромъ. Зима того года была особенно снѣжная и морозная, а лежащій въ степи глубокій снѣгъ сильно препятствовалъ движенію отряда. На первыхъ же порахъ оказалось много отмороженныхъ рукъ и ногъ, появились заболѣвшіе, и много солдатъ успокоилось навсегда подъ холодною пеленою снѣга въ необозримыхъ азіатскихъ степяхъ. Отрядъ, кромѣ припасовъ для согрѣванія сбитня, не захватилъ для нижнихъ чиновъ ни водки, ни спирту, которые въ тяжелые походные дни сильно поднимаютъ бодрость духа утомленнаго и полупростуженнаго солдата. Между тѣмъ снѣгъ становился все глубже и глубже. Морозы усиливались. Вѣтеръ пронизывалъ каждого насквозь. Джибага нисколько не грѣла, и было бы удобнѣе, если бы вмѣсто нея одѣли солдата въ овчинны тулупы. Тяжелые сапоги при глубокомъ снѣгѣ сильно утомляли пѣхоту. Въ отрядѣ скоро наступило полное уныніе. «Хоть бы водочки выдали»,—стонали иззябшіе, полубольные люди. Но водки не было, а вмѣстѣ съ тѣмъ не доставало и топлива для согрѣванія сбитня. Положеніе отряда становилось критическимъ. Люди стали болѣть, верблюдыдохнуть такъ, что грузъ, который не на чемъ было перевозить дальше, былъ употребленъ или на топливо, или затопленъ въ рѣкѣ Эмбѣ.

Кое-какъ, съ большими лишеніями дотащился отрядъ до Чушкакуля (Свиное озеро) и остановился бивуакомъ. Между людьми появились различныя болѣзни, и почти всѣ заболѣли цынгою. Верблюды за малымъ исключеніемъ почти всѣ передохли, а тѣ, которые и остались, еле-еле волочили ноги и были совершенно негодны для перевозки не только груза, но даже и одного больнаго.

При движеніи въ Хиву, отрядъ былъ раздѣленъ на нѣсколько колоннъ, называвшихся по фамиліи начальствующихъ офицеровъ, и

всѣ онѣ одинаково находились въ тѣхъ же тяжелыхъ условіяхъ, какъ и главный корпусъ отряда.

На одну изъ такихъ колоннъ, а именно майора Симбухина, пользуясь печальнымъ состояніемъ людей ея, набѣхла ночью шайка хивинцевъ и, отбивъ табунъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ, погнала ихъ въ степь, мимо колонны поручика Ерощеева. Этотъ офицеръ прибылъ передъ хивинскимъ походомъ изъ арміи, принявъ роту въ 3-мъ Оренбургскомъ линейномъ баталіонѣ, съ которою и выступилъ въ походъ. Присоединивъ къ колоннѣ своей сотню уральцевъ, поручикъ Ерощеевъ за Акъ-Булакомъ остановился на ночлегъ, сдѣлалъ изъ тюковъ преграду отъ снѣга и возлѣ нея уложилъ верблюдовъ. Такая ограда, въ случаѣ внезапнаго нападенія непріятеля, должна была служить и закрытіемъ. За тюками были разставлены кибитки, въ которыхъ кое-какъ согрѣвались нижніе чины. Какъ рассказывалъ поручикъ Ерощеевъ, у него къ этому времени было болѣе половины больныхъ людей, и треть всего числа, бывшихъ при колоннѣ, верблюдовъ издохла. Хивинцы, гнавшіе отъ колонны Симбухина верблюдовъ, наткнулись на его колонну и не застали ея врасплохъ только потому, что дежурный барабанщикъ (изъ цыганъ) ударилъ тревогу. Хивинцы подумали, что здѣсь расположенъ большой отрядъ, испугались, а отъ внезапнаго барабаннаго боя, раздававшегося среди глубокой тишины, аргамаки ихъ стали бѣситься, сбрасывая съ себя сѣдковъ. Замѣтивъ это, поручикъ Ерощеевъ приказалъ и другому барабанщику бить дробь и открылъ по непріятелю огонь. Въ это время одинъ изъ смѣлыхъ солдатъ, во главѣ съ нѣсколькими линейцами, черезчуръ близко набѣжалъ на хивинцевъ; одинъ изъ нихъ накинулъ на него арканъ и, оттащивъ на отдаленное разстояніе, вмѣстѣ съ другими подоспѣвшими хивинцами началъ сдирать съ него съ живаго кожу. Несчастный испускалъ неистовые крики, которые рвали на части души его товарищей, и тогда поручикъ Ерощеевъ, во главѣ съ уральцами, бросился на выручку товарища, но хивинцы оставили верблюдовъ и скрылись. Далекое преслѣдованіе ихъ въ степи было рискованно, такъ какъ легко можно было сбиться съ пути, да и преслѣдованіе на измученныхъ киргизскихъ маштачкахъ степныхъ хивинскихъ скакуновъ было бы безумною попыткою. Отбитые верблюды были загнаны къ колоннѣ и положены около тюковъ. По утру, судя по числу оставшихся слѣдовъ лошадиныхъ копытъ, было опредѣлено, что хивинцевъ было болѣе тысячи человекъ. Стали отыскивать захваченнаго солдата, и нашли его трупъ обезглавленнымъ и съ отрубленными руками и по колѣна ногами. Такой же участи могъ подвергнуться одинъ офицеръ С., который, услыша раздирающіе душу крики захваченнаго солдата, вскочилъ на лошадь и въ безумномъ порывѣ съ нагайкою въ рукахъ бросился на выручку, но во время былъ остановленъ казаками, которые воротили его въ колонну. За это дѣло поручикъ Ерощеевъ

еоевъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и капитаны и награжденъ орденомъ Святаго Владиміра съ мечами и бантомъ ¹⁾. А барабанщикъ, забившій во время тревогу, получилъ Георгіевскій крестъ.

Отъ Акъ-Булака отрядъ, соединивъ всѣ свои части, двинулся къ Чушка-кулю, но киргизы-возчики отказались слѣдовать далѣе, что заставило главнаго начальника отряда подѣ страхомъ смерти принудить ихъ поднять грузы и идти далѣе. Съ большими лишениями дотянулся отрядъ до Чушка-куля, но и тутъ оказалось не лучше. Зима становилась суровѣе. Морозы и вѣтры донимали людей и верблюдовъ. Лошади почти всѣ передохли, а офицеры шли пѣшкомъ. Большинство вьюковъ было сожжено или брошено въ степи. Провіанту и топлива не хватало. Болѣзни усилились, и смертность стала увеличиваться. Въ джибагѣ завелись насѣкомыя, такъ что солдаты предпочли побросать ихъ, и ни одинъ не принесъ обратно съ собою это одѣяніе. Солдаты замерзали, неся сторожевую службу. Однажды, одинъ изъ колонныхъ начальниковъ, повѣряя передовые посты, увидѣлъ солдата въ полулежачемъ положеніи, держащаго ружье въ рукѣ. Онъ подошелъ къ нему и, громко крикнувъ: «чего ты сидишь, такой-сякой, на посту», ткнулъ его въ шею. Солдатъ свалился на снѣгъ и лежалъ неподвижно. Оказалось, что онъ былъ уже замерзшій трупъ.

Въ такомъ состояніи отрядъ простоялъ на Чушка-кулѣ до начала весны и съ первыми лучами весенняго солнца двинулся обратно въ Оренбургъ, убѣдившись въ невозможности идти дальше.

Послѣ восьми-мѣсячнаго пребыванія въ степи, 8-го іюля 1840 года, хивинскій отрядъ прибылъ въ Оренбургъ и остановился на зауральской сторонѣ на берегу рѣки Урала, противъ Баннаго озера, оставивъ погребенными въ степи нижнихъ чиновъ 1.054 человекъ да еще, по прибытіи, положивъ въ Оренбургскій госпиталь цынготныхъ 609 человекъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ. Больныхъ привезли въ госпиталь 6-го іюля; я тогда былъ дежурнымъ еще въ чинѣ прапорщика; картина, открывшаяся предо мной и бывшая не такою замѣтною въ походѣ, была ужасна. Жаль было смотрѣть на больныхъ, хотѣлось выразить участіе несчастнымъ страдальцамъ, но не было никакой возможности стоять долго въ палатѣ. У каждаго больнаго десна распухли, и изъ образовавшихся на нихъ тре-

---

¹⁾ Капитанъ Броосевъ, по возвращеніи изъ похода, былъ командированъ въ учебный образцовый полкъ на годъ и, возвратившись майоромъ, принялъ 3-й Оренбургскій линейный баталіонъ. Затѣмъ былъ комендантомъ Оренбургскаго укрѣпленія, а потомъ Раимскаго, гдѣ за отличіе произведенъ въ подполковники. Въ это же время онъ началъ сильно пить, заболѣлъ и вслѣдствіе этого уволенъ отъ службы. Но, благодаря ходатайству генерала Перовскаго, былъ снова принятъ на службу и зачисленъ младшимъ штабъ-офицеромъ въ Самарскій губернскій баталіонъ, на каковой должности и умеръ.

щинъ текли кровь и матерія съ ужаснымъ запахомъ, ноги были у всѣхъ сведены и въ ранахъ. Нѣкоторые въ тотъ же день и умерли. Офицеры, какъ и нижніе чины, были въ одинаковомъ положеніи. Цѣлыя толпы родственниковъ, женъ и дѣтей, собрались въ госпиталь, несмотря на страшную атмосферу, стоявшую въ зданіи. Несчастные мученики рассказывали, со слезами на глазахъ, своимъ близкимъ про тѣ бѣдствія, которыя перенесли они за этотъ несчастный походъ. Они ярко рисовали картину, какъ остались они безъ топлива, какъ все лишнее жгли вмѣсто дровъ, какъ рубили оглобли и сани и, наконецъ, кибитки для того, чтобы разогрѣть въ чайникѣ воду. Дѣйствительно эти люди испытали все, что можетъ только переиспытать человѣкъ, заброшенный въ пустыню во время суровой зимы, безъ пищи, крова и топлива.

Не помню, какъ долго стоялъ отрядъ, по прибытіи изъ степи, въ лагеряхъ, но, кажется, мѣсяца два или три. Уныніе было полное, и, чтобы поднять духъ солдатъ, а главное, чтобы не бросался ярко въ глаза трагическій исходъ похода, начальство устраивало ежедневно въ лагерѣ отряда празднества (было что праздновать!). Ежедневно съ 4-хъ часовъ и до пробитія вечерней зори играла тамъ военная музыка, по вечерамъ устраивались танцы, садъ иллюминировался, и пускался фейерверкъ. На эти вечера собиралось множество семействъ изъ общества Оренбурга, но вечера были вялы и не удачны.

Больные въ Оренбургскомъ госпиталѣ не поправлялись, и только нѣкоторые къ концу года выздоровѣли, а большинство отправилось въ вѣчность.

Памятенъ былъ всѣмъ Хивинскій походъ, о которомъ каждый отзывался съ необыкновенною грустью и неохотно пускался въ описаніе подробностей пережитаго. Дорого обошелся и государству этотъ походъ, кромѣ погибшихъ полныхъ силъ людей, на него было затрачено 1.700.000 рублей ассигнаціями и 12.000 червонныхъ.

Въ концѣ октября мѣсяца, 1840 года были возвращены изъ Хивы 600 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, отсталыхъ отъ отряда, подобранныхъ хивинцами, которые всюду слѣдовали по пятамъ русскихъ, а также захваченныхъ ими, еще до выступленія русскихъ въ Хивинскій походъ, съ нашихъ пограничныхъ пунктовъ. Жалкій видъ имѣли плѣнные. Въ оборванныхъ хивинскихъ халатахъ, съ выбритыми головами или же уже съ отросшими лохматыми волосами, они положительно едва сохранили образъ человѣческій. На лицахъ ихъ можно было прочесть тѣ страданія, какія пришлось перенести имъ въ плѣну у дикихъ хивинскихъ племенъ. Эти несчастные мученики рассказывали ужасныя подробности о вынесенныхъ ими страданіяхъ. Ихъ продавали въ рабство, били кнутами и нагайками, держали въ клоповникахъ безъ пищи, оставляя на произволъ ужаснымъ насекомымъ. Глубокіе шрамы на плечахъ и спинѣ свидѣтельствовали

объ истязаніяхъ, которымъ подвергались эти несчастные люди. Нѣсколько человекъ были съ выколотыми глазами и, возвратясь на родину, уже не видали ея, а рыдали, обнимая своихъ земляковъ. Что было на душѣ у этихъ несчастныхъ,—одному Богу извѣстно. Измученныя, съ безжалостно оскорбленною честью женщины были ужасны. Безъ слезъ нельзя было смотрѣть на нихъ. Душа кипѣла мщеніемъ за эту горсть собратій, для которыхъ жизнь уже поблекла, для которыхъ не открывалось уже розоваго будущаго, такъ какъ лучшіе годы ихъ и лучшія силы ушли въ рабствѣ, насиліи и поруганіи. Многіе не выдержали всеунигнетающаго рабства, сложили въ Хивѣ свои кости, многіе были казнены за попытки къ бѣгству. Нѣкоторые удавалось и бѣжать, но и ихъ участь была не лучше, они погибли отъ голода и жажды въ безпредѣльныхъ степяхъ, замесенные пескомъ или снѣгомъ. Были и такіе, которые перемѣнили Христову вѣру и стали жить въ почетѣ среди мусульманъ, но такихъ насчитывалось очень немного—большинство рвалось на родину, сохранивъ вѣру Христа и любовь къ Россіи.

Одновременно съ возвращеніемъ плѣнныхъ былъ изданъ хивинскимъ ханомъ фирманъ о запрещеніи не только ловить русскихъ, но и покушать ихъ у барантачей (разбойниковъ).

Е. Косыревъ.

ФРАНЦУЗЪ-КОНФЕДЕРАТЪ ВЪ СИБИРИ.

ОСЛѢ ниспроверженія Барской конфедераціи, когда толпы захваченныхъ поляковъ гнали въ глубь Россіи: за Уралъ, въ Сибирь, въ Камчатку, въ Нерчинскіе рудники, въ числѣ ихъ находился нѣкто Белькуръ — «пѣхотный полковникъ краковской конфедераціи», родомъ французъ. Между барскими конфедератами было много иноземцевъ, особенно французовъ.

Белькуръ прожилъ въ Сибири три года (1770—1773 гг.).

Жизнь его въ изгнаніи описана въ вышедшей въ 1776 г. въ Амстердамѣ на французскомъ языкѣ — книжкѣ, подъ заглавіемъ: «*Journal d'un officier françois au service de la confederation de Pologne, pris par les Russes et relegué en Sibirie*»¹⁾. Авторъ этой пынѣ весьма рѣдкой книжки, подписавшійся подъ «предисловіемъ» къ ней инициалами Th. de V., былъ самъ Белькуръ, и инициалы эти слѣдуетъ читать какъ: *Thesby de Belcour* — полная его фамилія.

Большая часть содержанія книжки посвящена этнографическому описанію Сибири. Опуская это описаніе, извлекаемъ изъ нея лишь то, что лично относится къ его автору.

¹⁾ Книжка эта существуетъ въ переводахъ на языки нѣмецкій (Естрейхеръ, «*Bibliogr.*», XII, 444) и польскій (въ прибавленіи къ «*Dzienn. liter. lwowsk.*», 1866 г.). Ею также пользовался въ широкихъ размѣрахъ авторъ сочиненія «*Konfeder. barsey na Syberyi*», Краковъ, 1895 г.

Г. В.

Франсуа-Огюсть Тесби-де-Белькуръ — такъ звали нашего героя — принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ французовъ съ англичанами изъ-за обладанія Канадой, — войнѣ, окончившейся, какъ извѣстно, уступкою Канады Англии по версальскому миру 1763 года. Белькуръ попалъ къ англичанамъ въ плѣнъ и, когда получилъ свободу, въ 1769 г., прельщенный обѣщаніями награды и отличій, выѣхалъ въ Польшу.

Здѣсь онъ примкнулъ къ краковской конфедераціи, провозглашенной маршаломъ-княземъ Юріемъ-Мартиномъ Любомірскимъ.

Когда Яковъ Шанявскій выступилъ со своею дивизіею изъ-подъ Затора (окрестностей Кракова) въ познанское и гнѣздненское воеводства, для подкрѣпленія формирующихся тамъ конфедерацій, — Юсифъ Вѣжинскій и Фран. Держжановскій, оба храбрые и извѣстные своими способностями вояки, получили приказъ соединить свои отряды съ его дивизіею.

Около Піотркова (Петрокова), подъ д. Ленчино, Тесби-де-Белькуръ, бывшій уже въ чинѣ полковника и входившій въ составъ дивизіи Шанявскаго, слѣдуя въ авангардъ со своимъ отрядомъ, неожиданно подвергся нападенію Дренича и хотя оказалъ ему сильное сопротивленіе, однако, русскіе своею численностію одержали верхъ, разсѣяли отрядъ Белькура, а его самого взяли въ плѣнъ.

Раздѣтыхъ и разутыхъ конфедератовъ погнали черезъ Варшаву ¹⁾ въ Кіевъ, а оттуда черезъ Тулу и Казань въ Сибирь.

Въ октябрѣ 1770 г. Белькуръ прибылъ въ Тобольскъ.

Здѣсь онъ прожилъ безъ малаго три года.

Общая цифра сосланныхъ въ то время въ Сибирь конфедератовъ достигала (если еще не превышала) 5.000 человекъ.

Тогдашній сибирскій, или тобольскій, генераль-губернаторъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ относился къ нимъ довольно сурово ²⁾.

Плѣнный французъ-конфедератъ былъ лично извѣстенъ генераль-аншефу, гр. Зах. Гр. Чернышеву, занимавшему тогда въ Петербургѣ видный постъ вице-президента военной коллегіи. Благодаря этому обстоятельству, Белькуръ не только не боялся Чичерина, но еще могъ оказать большія услуги товарищамъ по ссылкѣ. Благодаря ему, многіе изъ плѣнныхъ были освобождены отъ службы «въ казакахъ». Служить въ казакахъ — значило въ то время быть приписаннымъ къ сословію казаковъ и наравнѣ съ ними нести военную службу. Какая масса была приписанныхъ, видно изъ того, что

¹⁾ Здѣсь ихъ показывали для чего-то королю (Залескій, «Panow. Stan. Augusta», Познань. 1887 г., 263). Г. В.

²⁾ Чичеринъ, Д. И., † въ 1785 г. въ чинѣ генераль-поручика. Съ 1762 г. 18 лѣтъ управлялъ Сибирью. Пользовался неограниченною властью, дарилъ своимъ чиновникамъ заимки около Тобольска и производилъ въ сибирскіе дворяне. Г. В.

въ концѣ прошлаго столѣтія въ Сибири образовались изъ нихъ даже цѣлыя полки. А какова была въ нихъ служба, показываетъ записанная Белькуромъ «казацья пѣсня»:

«Ой летить воронъ зъ чужихъ сторонъ
Тай жалобенко краче.
Не одна мила чернобрыва
За конфедератомъ плаче...

Ей ты сторонко, вихри далеко,
Не могу тидь докинуть.
Ей просы Бога, моя дѣвиченко.
Штобъ въ России не згинуть!»

Однажды, прислали изъ Казанской губерніи въ Тобольскъ семерыхъ бывшихъ польскихъ офицеровъ. Ихъ обвинили въ намѣреніи бѣжать. Казанскій губернаторъ, не разобравши, по словамъ Белькура, дѣла, велѣлъ ихъ заковать, уменьшилъ ежедневное содержаніе (четыре гроша на человѣка) и отослалъ на распоряженіе Чичерина. Послѣдній хотѣлъ отправить ихъ дальше — въ Сибирь. Белькуру, при посредствѣ друзей, удалось освободить ихъ отъ кандаловъ, дальнѣйшаго путешествія и вернуть прежнее содержаніе.

Въ другой разъ, нѣкто Баньковскій, въ сильный морозъ, пришелъ въ церковь и забылъ снять шапку въ церковныхъ дверяхъ. Генераль-губернаторъ приказалъ его арестовать и заковать въ кандалы, а на другой день назначилъ дать ему извѣстное число плетей, и только заступничество Белькура и его знакомыхъ избавило Баньковского отъ позорнаго наказанія.

Но не всегда удавалось Белькуру избавлять своихъ товарищей по несчастію отъ жестокой расправы съ ними тобольскаго генераль-губернатора. Вотъ нѣсколько картинокъ такой расправы.

Ссылные Янковскій и Островскій хорошо играли на струнныхъ инструментахъ. Чичеринъ приказалъ взять ихъ въ свою капеллу. Какъ-то разъ они играть не пришли, отговариваясь, что на получаемое ими содержаніе четыре гроша въ сутки не въ состояніи покупать струны. За это генераль-губернаторъ посадилъ ихъ въ тюрьму, велѣлъ надѣть имъ на шею цѣпи съ рогами и гонять на работы—копать канавы.

Капитанъ Мочидловскій, поселенный въ Тюмени, по жалобѣ своей квартирной хозяйки, что очень ужъ беспокойный, получилъ двѣсти палокъ. При этомъ, по ходатайству тюменскаго городничаго, любовника этой хозяйки, приказано было всю партію ссылныхъ отправить въ Тобольскъ. Нѣсколькихъ человѣкъ изъ нихъ Чичеринъ взялъ къ себѣ на услуги.

Не взлюбилъ генераль-губернаторъ нѣкоего ротмистра Петра Тжаску. Казался онъ Чичерину очень гордымъ. Тжаска, когда прибылъ въ Тобольскъ, получалъ содержанія по 50 грошей въ сутки. Генераль-губернаторъ убавилъ его сначала до 4 грошей. Потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда за Тжаску вступились «русскіе полковники» и нѣкоторыя другія вліятельныя особы, Чичеринъ приказалъ отпускать ему по 24 гроша суточныхъ. Потомъ снова то уменьшалъ, то увеличивалъ до 20—5—10 грошей и, наконецъ, назначивъ 6 грошей, отправилъ Тжаску въ Березовъ, «край неплодородный, пустынный и холодный».

За Тжаску вступились его товарищи. Свыше тридцати человекъ ссыльных подали въ защиту его плацъ-майору записку, прося доложить ее генераль-губернатору. Послѣдній, не зная еще хорошо, чего просители хотятъ,—приказалъ наказъть ихъ палками публично. Послѣ такой экзекуціи одинъ изъ конфедератовъ—Гролицкій, едва не умеръ.

Особенно нещадно расправлялся генераль-поручикъ Чичеринъ съ тѣми изъ конфедератовъ, которые отказывались присягать на вѣрность императрицѣ, чего требовалъ генераль-губернаторъ, насильно зачисляя ихъ въ войска, или которые были заподозрѣны въ намѣреніи бѣжать.

«Казацкій полковникъ» Слупницкій зашелъ въ церковь, когда тамъ приводили поляковъ къ присягѣ. Какой-то солдатъ (русскій), будучи на него сердитъ, донесъ, что Слупницкій пришелъ только затѣмъ, чтобы отговаривать «своихъ» отъ присяги. Генераль-губернаторъ посадилъ Слупницкаго на гаунтвахту, приказалъ заковать его по рукамъ и по ногамъ и никого къ нему не пускать; а потомъ велѣлъ объявить, что будь онъ, Чичеринъ, здоровъ (а онъ былъ тогда боленъ), не миновать бы Слупницкому висѣльницы...

«Стольникъ и ротмистръ» Нидецкій, какъ-то, въ ссорѣ съ военнымъ судьей Ненхой, который какимъ-то путемъ успѣлъ приобрѣсти къ себѣ расположеніе Чичерина, замѣтилъ, что вотъ де хотя и пользуешься такимъ благоволеніемъ генераль-губернатора, однако ничего ему не говоришь о полякахъ, которымъ онъ чинитъ такія несправедливости и обиды...

Ненха, конечно, не замедлилъ передать эти слова Чичерину, и Нидецкаго заковали, посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ бродягами и, пока сидѣлъ, гоняли рыть канавы. Поручика Цигельскаго, на котораго донесли, будто онъ собирается бѣжать, велѣно бить плетми, а когда онъ сталъ оправдываться, его еще больше били и, въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ однимъ фельдшеромъ, на котораго былъ сдѣланъ такой же самый извѣтъ, отправили въ Березовъ.

Съ плѣнными солдатами Чичеринъ совѣмъ уже не церемонился.

Онъ раздавалъ ихъ въ услуженіе купцамъ и офицерамъ (русскимъ), а тѣ употребляли ихъ на всевозможныя работы. За каж-

дый ихъ проступокъ, о которомъ ему докладывали, наказывалъ безъ пощады. Такъ одного рядоваго наказали плетью на рынкѣ за то, что онъ ударилъ по лицу кабатчика, который самъ же началъ драку—отколотилъ солдата палкой...

Били солдатъ и не за вину, а такъ просто по капризу всеильнаго генерала.

Одинъ купецъ послалъ, отданнаго ему въ работу, рядоваго поляка за водой на саняхъ. Дѣло было лѣтомъ. Увидѣлъ это Чичеринъ и приказалъ наказать плетью поляка: зачѣмъ де лѣтомъ ѣздишь на саняхъ.

Въ другой разъ, генералъ встрѣтилъ такого же поляка—работника. Тотъ везъ траву и сидѣлъ на возѣ. Чичеринъ приказалъ тутъ же его разложить и наказать плетью, приговаривая:

— Зачѣмъ сидишь на возѣ, а не ведешь лошадь за поводья?

Белькуръ, видя все это, обратился съ жалобою къ своему покровителю, графу Чернышеву.

Чернышевъ сдѣлалъ Чичерину строгій выговоръ (*reprimande*).

Съ этихъ поръ генералъ-губернаторъ поляковъ уже такъ не тѣснилъ, а всю свою злобу обратилъ противъ Белькура и началъ преслѣдовать его всѣми способами. Прежде всего выжилъ Белькура изъ прежней его квартиры и приказалъ отвести ему помѣщеніе у «ошельмованнаго сапожника». При переходѣ Белькура на новую квартиру солдатамъ приказано выбрасывать вещи бѣднаго французъ въ окно, благодаря чему онъ немало понесъ убытка. Отдано было приказаніе слѣдить, не выходитъ ли Белькуръ изъ дома послѣ переклички, и если его встрѣтятъ гдѣ нибудь на улицѣ, сейчасъ же арестовать и доставить въ полицію. Но этого не случилось. Французъ велъ себя скромно и осторожно. Тогда мстительный и нетерпѣливый Чичеринъ велѣлъ арестовать Белькура на квартирѣ и привести въ полицію. Ночью, въ 4 часа, Белькура арестовали. Пришедшему за нимъ солдату онъ сказалъ:

— За что меня братъ, когда мнѣ эту квартиру далъ плацъ-майоръ?

— Иди,—отвѣчалъ солдатъ,—а не то тебѣ достанется...

Въ полиціи его продержали ровно сутки, не давши ни пить, ни ѣсть и никого къ нему не допуская.

Потомъ снова водворили у сапожника.

Прошло нѣсколько времени.

Разъ, въ страшную непогоду, приказано было всѣмъ полякамъ немедленно явиться въ канцелярію плацъ-майора, которая, къ слову сказать, находилась очень далеко отъ квартиръ ссыльныхъ. Когда всѣ собрались, генералъ-губернаторъ обратился со слѣдующими словами:

— Поблагодарите, господа, господина Белькура, ибо все терпите черезъ него... и приказалъ прочитать указъ, чтобы никто изъ ссыльныхъ не смѣлъ ничего писать безъ вѣдома и разрѣшенія начальства.

Все это было продѣлано для того, чтобы возбудить противъ Белькура неудовольствіе прочихъ ссыльныхъ.

Белькуръ это понялъ и не задумался обратиться съ новою жалобою и на этотъ разъ не къ одному Чернышеву, но и къ самой императрицѣ.

Послѣ того изъ военной коллегіи пришелъ генераль-губернатору приказъ переимѣнить свое отношеніе къ полякамъ и быть къ нимъ снисходительнѣе, а равнымъ образомъ устанавливалась постоянная цифра ежедневнаго содержанія: дворянамъ по 20 грошей, нижнимъ чинамъ по 10, а французскимъ офицерамъ по 40 грошей. За обиды же, причиненныя полякамъ и Белькуру, Чичеринъ получилъ выговоръ. Сверхъ того, Чернышевъ особымъ письмомъ просилъ генераль-губернатора быть снисходительнѣе къ Белькуру: что каждый знакъ вниманія его къ Белькуру онъ будетъ считать сдѣланнымъ какъ бы ему, Чернышеву. Въ письмо Чичерину было вложено, въ особомъ конвертѣ, письмо Чернышева Белькуру.

Съ этихъ поръ Чичеринъ, повидимому, оставилъ въ покоѣ и поляковъ и Белькура.

Но вотъ въ 1773 году пришелъ указъ императрицы освободить конфедератовъ.

Высочайше утвержденнымъ 10 сентября того же года докладомъ военной коллегіи предоставлялась свобода конфедератамъ подъ условіемъ никогда противъ Россіи не воевать и ни къ какой конфедерации не приставать.

Однако милость эта не распространялась: во-первыхъ, на разныхъ преступниковъ и виновныхъ въ нападеніи на русскій гарнизонъ въ Краковѣ, во-вторыхъ, на молодого Пулавскаго (сосланнаго въ Казань) за преступленія его отца, въ-третьихъ, на находящихся въ нерчинскихъ среброносныхъ рудникахъ и, въ-четвертыхъ, на принявшихъ уже греко-россійскую вѣру и, въ-пятыхъ, на тѣхъ, которые задолжали; впрочемъ послѣдніе отдавались подъ административный надзоръ и могли быть освобождены послѣ уплаты своихъ долговъ ¹⁾.

Снова пробудилась въ Чичеринѣ ненависть къ ссыльнымъ полякамъ и французамъ. Онъ, вопреки указу, выбралъ однихъ офицеровъ, да еще старцевъ и калѣкъ, а молодежь задержалъ. Не освободилъ и тѣхъ, которыхъ раньше насильно взялъ въ военную службу.

Составили партію. Въ ней находился и Белькуръ. Когда пришло время выходить, Белькуру передали распоряженіе генераль-губернатора остаться, говоря, что его отправятъ на почтовыхъ, и онъ такимъ образомъ догонитъ партію, идущую на подводахъ.

Конечно, пришлось согласиться.

Когда же остальные конфедераты, товарищи Белькура, нижніе

¹⁾ Полн. собр. зак. Росс. имп., т. XIX, № 14388.

Г. В.

чны и даже отданные въ работу, узнали о днѣ его выѣзда, то пришли къ нему на квартиру и просили:

— Мы видимъ: всѣ насъ оставляютъ — и офицеры и маршалки, будьте хоть вы добры, не оставляйте насъ! Мы тутъ одни пропадемъ... Въ заключеніе они заявили въ одинъ голосъ:

-- Мы васъ, г. полковникъ, не отпустимъ.

И только уступили тогда, когда Белькуръ далъ имъ честное слово офицера и поклялся, что доведетъ объ нихъ до свѣдѣнія Рѣчи Посполитой и приметъ всѣ съ своей стороны мѣры къ ихъ освобожденію.

Въ сентябрѣ 1773 г., Белькуръ уже былъ на пути въ Польшу. Посѣтилъ Казань въ эпоху бунта Пугачева. Въ февралѣ 1774 года находился уже въ Москвѣ, волновавшейся слухами объ успѣхахъ самозванца. Наконецъ, прибывъ въ Варшаву, занялся судьбою конфедератовъ, оставшихся въ Сибири. Онъ подалъ королю и сейму прошеніе, въ которомъ указывалъ на самоволіе тобольскаго генералъ-губернатора, позволившаго себѣ совершенно неосновательно задержать въ Сибири большую часть конфедератовъ. Прошеніе заканчивалось такими словами: «Будучи убѣжденъ, что повелѣнія всенесвѣтлѣйшей императрицы всероссійской касательно освобожденія польскихъ плѣнныхъ являются единственно результатомъ состраданія и милосердія вашего королевскаго величества, я почитаю за пріятную для себя обязанность сообщить вашему королевскому величеству о несправедливостяхъ тобольскаго губернатора и стать у подножія трона въ защиту угнетеннаго человѣчества».

По исчисленіямъ Белькура, должно было еще вернуться изъ Сибири 5.290 конфедератовъ, а сумма долговъ, надѣланныхъ ими, не превышала 7.000 рублей. Сумму эту Белькуръ даже пытался собрать путемъ складокъ между сенаторами. Прочитавъ прошеніе, король проникся было жалостью къ бѣднякамъ, оставшимся въ Сибири, но сенаторы не хотѣли вѣрить и твердили, что уже всѣ плѣнные воротились въ Польшу ¹⁾.

Видя безуспѣшность своихъ хлопотъ, живой французъ посвятилъ себя инымъ занятіямъ, онъ сталъ работать надъ распространеніемъ идей «больныхъ каменщиковъ» и въ качествѣ уполномоченнаго французской ложи «добраго пастыря», существовавшей въ Вильнѣ, прикнудилъ въ 1784 году къ числу редакторовъ «устава великаго востока королевства польскаго и великаго княжества литовскаго» (*Ustawy Wielkiego Wschodu Krol. Polskiego i W. X. Litewskiego*) ²⁾.

Нѣмецкичъ въ своихъ воспоминаніяхъ ³⁾ упоминаетъ о Белькурѣ,

¹⁾ Что это неправда, можно видѣть, напримѣръ, изъ именныхъ указовъ Екатерины II отъ 28-го іюля и 19-го ноября 1781 г. (Полн. собр. зак., т. XXI, №№ 15198 и 15282).—Г. В.

²⁾ Смоленскій, *Przewrót umysłowy w Polsce w. XVIII*, Кр.—Спб., 1891 г., 188.

³⁾ *«Famiecié czasów moich»*, Парижъ, 1818 г., 50—62.

какъ командирѣ полка имени Массальскихъ, набраннаго на Литвѣ княземъ-епископомъ, который былъ самъ его шефомъ. «Этотъ князь-епископъ, — пишетъ Нѣмцевичъ, — имѣлъ особенное представленіе о военной дисциплинѣ. Онъ думалъ, что каждый высшаго ранга можетъ бить палкой низшаго себя... И такъ: поручикъ—хорунжаго, капитанъ—поручика...

«И вотъ разъ, разсердившись на своего полковника Белькура, бросился на него съ палкой.

«Французъ схватилъ его за грудь и поднялъ кверху:

— *Vouslez-vous, mon prince*, — крикнулъ онъ, — *que je vous jette par la fenêtre!* и уже поднесъ его къ окну. Несчастное созданіе начало извиняться, и этимъ все кончилось».

11-го сентября 1789 года, Белькуръ перешелъ на службу тѣмъ же чиномъ—полковника—въ польскія войска, поступилъ въ полкъ имени Дзялынскихъ.

Въ слѣдующемъ году онъ получилъ права польскаго дворянства ¹⁾.

«Видать я часто у посланника Штакельберга, — говоритъ В. Енгестромъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» ²⁾, — стараго француза, по имени Белькура, полковника, командира полка имени Дзялынскихъ. Большой былъ весельчакъ и говорилъ тономъ тамбурь-мажора, какъ утверждали военные, о чемъ я не могу судить, такъ какъ никогда не слышалъ ни одного тамбурь-мажора. Вольно ему было болтать, что ему нравилось»...

Конецъ военной карьеры Белькура не согласовался съ ея прекраснымъ началомъ.

Вотъ что мы находимъ объ немъ въ «запискахъ» польской дамы конца XVIII столѣтія—Уршули Тарновской, урожденной Устжицкой ³⁾.

«Француза Белькура, полковника полка Дзялынскихъ, — пишетъ она, — великаго вора, расточающаго полковую кассу, урывающаго жалованье у офицеровъ и содержаніе у солдатъ и, наконецъ, подающаго ложный рапортъ о составѣ полка въ 1.200 человекъ, тогда какъ въ немъ на самомъ дѣлѣ едва было 600 человекъ, — за такія злоупотребленія не повѣсили и не разстрѣляли, только посредствомъ военной комиссіи лишили чина и прогнали изъ полка»...

13-го мая 1793 года, Тарговицкіе генеральные чины, возвращая права и преимущества утратившему ихъ адаму Понинскому, отмѣнили выше помянутый приговоръ военной комиссіи и относительно Белькура ⁴⁾.

Дальнѣйшая судьба Тесби-де-Белькура покрыта мракомъ неизвестности.

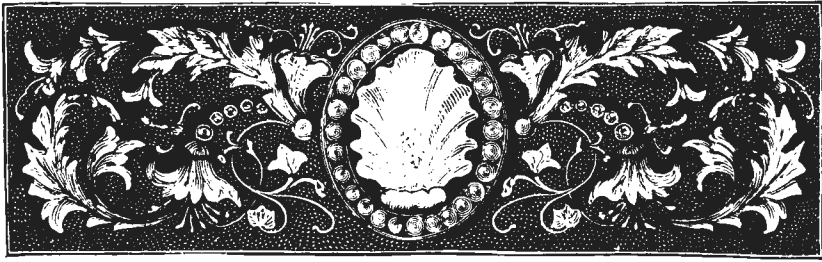
Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ *Volunt. Ieg.*, IX, 192 (по изд. Akad. Umiejęt).

²⁾ Изд. въ Позн. въ 1875 г., стр. 43.

³⁾ *Pamięt. damy polskiej z XVIII w.*, Львовъ. 1876 г., 56.

⁴⁾ «*Korresp. krajowy i zagran.*» на 1793 г., № 41, «*Konfeder. barscy na Syberyi.*» 11.—Г. В.

ДОМА ТРУДОЛЮБІЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

АХОДИВШЕЕСЯ у насъ еще такъ недавно въ самомъ зачаточномъ состояніи дѣло по устройству домовъ трудолюбія быстрыми шагами двигается впередъ. Энергія состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительства о домахъ трудолюбія приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе и возбуждаетъ самое искреннее и горячее сочувствіе. Попечительство это учреждено весьма недавно,—лишь въ сентябрѣ 1895 года, а между тѣмъ имъ уже сдѣлано такъ много! Крупныя денежныя средства, которыми, благодаря Монаршей волѣ, располагаетъ попечительство, въ значительной степени всюду облегчаютъ уже давно назрѣвшій въ Россіи вопросъ объ устройствѣ домовъ трудолюбія, задачей которыхъ является оказывать помощь бездомнымъ бѣднякамъ, лицамъ, выпущеннымъ изъ больницъ и не имѣющимъ еще заработка, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія и всѣмъ вообще впавшимъ въ крайнюю бѣдность, посредствомъ предоставленія имъ труда и пріюта.

Изъ опубликованныхъ ко всеобщему свѣдѣнію данныхъ о дѣятельности попечительства, со дня его учрежденія по 1 января текущаго года, мы узнаемъ, какихъ вполне благоприятныхъ и серьезныхъ результатовъ успѣло уже достигнуть это въ высокой степени симпатичное и гуманное дѣло, осчастливленное быть поставлен-

нымъ подъ Августѣйшее руководство Ея Величества Государыни Императрицы.

По свѣдѣніямъ отчета комитета ¹⁾ попечительства, домовъ трудолюбія ко времени открытія дѣятельности попечительства было весьма немного, а именно: 4 въ Петербургѣ, одинъ въ Москвѣ и 35 въ разныхъ городахъ Россіи. За сказанный періодъ времени вновь открыты дома трудолюбія въ Баку, Боровичахъ, Бузулукѣ, Варшавѣ, Верхнеуральскѣ, Вологдѣ, Двинскѣ, Екатеринбургѣ, Ельцѣ, селѣ Ивановскомъ (С.-Петербургской губерніи), Казани, Курганѣ, Курскѣ, Новой Ладогѣ, Великихъ Лукахъ, Новгородѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Петрозаводскѣ, Плецкѣ, Порховѣ, Ревелѣ, Ростовѣ на Дону, Самаркандѣ, Сувалкахъ, Сызрани, Ташкентѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкѣ, Уфѣ, Хабаровскѣ, Харьковѣ, Челябинскѣ, Череповцѣ, Читѣ и Яранскѣ.

Кромѣ того, учрежденъ еще одинъ новый домъ трудолюбія въ Москвѣ, и вновь открыто еще 11 домовъ трудолюбія въ Петербургѣ: 8 въ самомъ городѣ и 3 въ его окрестностяхъ, а именно въ Царскомъ Селѣ, Царской Славянкѣ (Ольгинскій дѣтскій домъ трудолюбія, близъ Павловска) и Петергофѣ.

Издавна живо интересуясь вопросомъ устройства у насъ домовъ трудолюбія, мы подробно осмотрѣли нѣкоторыя изъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, любопытныхъ домовъ трудолюбія въ Петербургѣ ²⁾,

¹⁾ Находящійся подъ Августѣйшимъ предѣдательствомъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны комитетъ попечительства о домахъ трудолюбія состоитъ изъ вице-предѣдателя оного, гофмейстера А. С. Танѣева и слѣдующихъ членовъ: о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій), министръ внутреннихъ дѣлъ д. т. с. И. Л. Горемыкинъ, М. Н. Галкинъ-Враской, сенаторъ А. Н. Марковичъ, В. А. Ратьковъ-Рожновъ, баронъ О. О. Буксгевденъ, шталмейстеръ высочайшаго двора баронъ А. А. Будбергъ, баронъ П. Л. Корфъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета В. П. Герье и камергеръ высочайшаго двора графъ П. А. Ламздорфъ, исполняющій обязанности члена-дѣлопроизводителя комитета. Секретаремъ при комитетѣ состоитъ камергеръ М. В. Арцимовичъ, а казначеемъ камеръ-юнкеръ баронъ П. Б. фонъ-Вольфъ. При попечительствѣ издается и свой специальный органъ «Трудовая Помощь», ежемѣсячный журналъ, имѣющій цѣлью знакомить какъ съ дѣятельностью попечительства, такъ и съ современной постановкой дѣла общественной благотворительности у насъ и за границей.

²⁾ Въ настоящее время въ Петербургѣ существуютъ слѣдующіе дома трудолюбія: по Большому Охтенскому пр., № 36 (женскій), по Спасскому пер., № 7 (женскій), по Гулярной ул., № 8 (женскій), Евангеличeskій (мужской) домъ трудолюбія (по Большому Самсоновскому пр., № 97), домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ (Знаменская ул., № 28), по Широкой ул., № 36 (мужской), домъ трудолюбія (женскій) Казанскаго благотворительнаго общества (по Екатерининскому каналу, № 33), по Обводному каналу, № 145 (для мужчинъ и женщинъ), по Глухоозерской ул., № 9 (мужской), на углу Косой линіи и Большого проспекта, № 1—66 (дѣтскій), по Паличной ул., № 2 (общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Троицкой церкви, что въ Суворовскомъ участкѣ), по Грязной ул., № 14 (дѣтскій) и Городской (для мужчинъ и женщинъ) домъ трудолюбія (на Никольской площади). Первые четыре дома трудолюбія открыты до учрежденія попечительства о домахъ трудолюбія, остальные послѣ.

какъ по образцовой постановкѣ въ нихъ дѣла, такъ и по достойной вниманія ихъ внутренней организаціи.

Мы дѣлимся здѣсь съ читателями нашими непосредственными впечатлѣніями, вынесенными изъ этого осмотра.

Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе производитъ домъ трудолюбія для женщинъ на Гулярной улицѣ, № 8, на Петербургской сторонѣ.

Домъ этотъ основанъ въ 1895 году по инициативѣ извѣстной благотворительницы Ю. Г. фонъ-Валь, покойной супруги бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника, и принадлежитъ обществу дешевыхъ чайныхъ и столовыхъ.

Труженицы ¹⁾ занимаются, главнымъ образомъ, шитьемъ бѣлья и мужскаго платья. Насколько дѣло здѣсь идетъ успѣшно, видно уже изъ того, что домъ, по словамъ управляющей, имѣетъ постоянные заказы на мужское платье отъ обмундировальной мастерской С.-Петербургской городской полиціи, артиллерійскаго училища и варшавской желѣзной дороги. Что касается бѣлья, то мы имѣли возможность лично убѣдиться, при подробномъ осмотрѣ дома, что оно выходитъ изъ рукъ труженицъ ничуть не хуже, чѣмъ изъ любой бѣлошвейной мастерской средняго уровня. Расчетъ за работы производится поденно (10—20 коп. въ день).

При домѣ существуетъ спеціальная школа кройки (по системѣ Базаровой), куда принимаются ученицы на шесть мѣсяцевъ съ трехрублевымъ ежемѣсячнымъ взносомъ. Школа идетъ прекрасно: отъ желающихъ поступить въ нее часто нѣтъ отбоя. Школа находится подъ опытнымъ руководствомъ особой закройщицы-учительницы, о преподаваніи которой управляющая домомъ отзывалась намъ съ большою похвалою.

Наконецъ, при домѣ имѣется обширная прачешная, съ катальной, гладильной и сушильной, принимающая заказы на стирку всевозможнаго бѣлья и состоящая подъ надзоромъ и контролемъ особаго лица.

Эта прачешная производитъ весьма хорошее впечатлѣніе по чистотѣ въ ней, порядку и, такъ сказать, комфорту помѣщеній. Пріятно знать, что бѣлье ваше моется въ такихъ благопріятныхъ, санитарныхъ условіяхъ.

Рабочій день въ домѣ начинается съ 7 — 7³/₄ часовъ утра; въ полдень труженицы обѣдаютъ, получая свои порціи, по выбору, изъ находящейся въ томъ же домѣ, но въ совершенно особомъ помѣщеніи, выходящемъ на улицу, столовой, содержимой тѣмъ же обществомъ дешевыхъ чайныхъ и столовыхъ, которому принадлежитъ

---

¹⁾ По комплекту въ домѣ работаетъ не свыше 30, многія берутъ работу къ себѣ домой.

Домъ трудолюбія для женщинъ на Гулярной улицѣ.

и самый домъ трудолюбія; столовая находится въ вѣдѣніи особаго лица. Въ 6 часовъ вечера труженицы пьютъ чай, получаемый ими отъ дома, и, кромѣ того, имъ предлагается чай еще разъ, въ 2 часа по полудни, благодаря любезности и доброму желанію управляющей домою, взявшей расходы на это на себя.

Домъ ¹⁾ стоитъ во дворѣ, двухъэтажный; въ немъ девять комнатъ, не считая двухъ, занимаемыхъ школой, и помѣщенія подъ прачешной.

Въ окна видѣется свѣжая зелень сосѣднихъ садиковъ, которыми такъ богата Петербургская сторона, всюду масса свѣта, воздуха, чистота и строгій порядокъ. Видно, что домъ находится въ хорошихъ рукахъ человѣка, всѣмъ сердцемъ любящаго свое дѣло, и поэтому успѣшно выполняетъ свою высокую и благую цѣль.

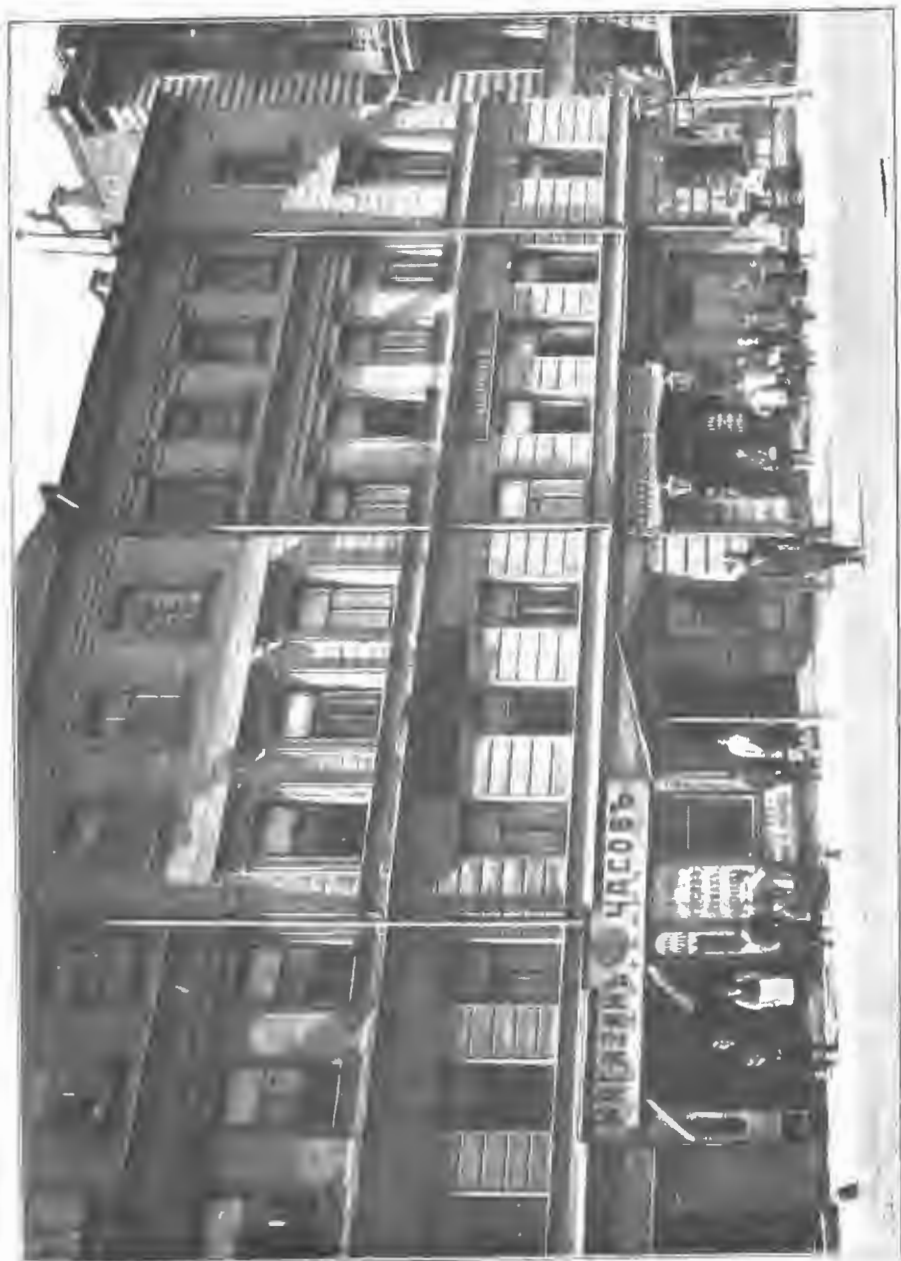
Намъ бы очень хотѣлось, чтобы эти строки не пропали даромъ, и чтобы нашлись люди, которые пожелали бы воспользоваться бѣлошвейными работами этого симпатичнаго дома трудолюбія и его образцовой прачешной. Мы увѣрены, что они не раскаялись бы въ этомъ.

Въ Петербургѣ существуетъ совершенно особый домъ трудолюбія, единственный пока во всей Россіи, стоящій совершенно отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ нынѣ учрежденныхъ у насъ домовъ трудолюбія обыкновеннаго типа. Это — домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ.

Въ началѣ 1896 года, среди нѣсколькихъ лицъ въ Петербургѣ возникла, по истинѣ, благая мысль основать спеціальнѣйшій домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, съ попечительнымъ при немъ обществомъ, приспособленный къ положенію, силамъ и нуждамъ собственно этой, весьма, къ сожалѣнію, многочисленной въ нашей столицѣ категоріи бѣдствующихъ, гдѣ бы попечительное общество могло оказывать имъ своевременную помощь, предоставляя такимъ женщинамъ, по возможности, трудъ и заработокъ, впредь до болѣе прочнаго устройства ихъ судьбы, опредѣленіемъ ихъ къ постояннымъ занятіямъ.

При самомъ даже поверхностномъ взглядѣ на положеніе безпомощныхъ и бѣдствующихъ образованныхъ женщинъ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что положеніе ихъ часто становится трагическимъ и безвыходнымъ. Многія изъ нихъ видѣли въ дѣтствѣ и юности другіе, лучшіе дни, воспитываясь въ довольствѣ, а не рѣдко и въ роскоши, и, готовясь къ иной долѣ, получили прекрасное образованіе и воспитаніе, но совершенно не соотвѣтствующее тѣмъ реаль-

¹⁾ Домъ пожертвованъ обществу дешевыхъ чайныхъ и столовыхъ купцомъ Алексѣевымъ, выговорившимъ себѣ лишь право пожизненно пользоваться въ немъ даровой квартирой.

Домъ трудолюбия для образованныхъ женщинъ.

нымъ и часто жестокимъ запросамъ суровой дѣйствительности, съ которыми имъ приходится зачастую считаться впослѣдствіи, по волѣ злой судьбы. Къ этимъ несчастнымъ, помимо ихъ волн, уже съизмала успѣли органически привиться вкусы, привычки, потребности и понятія той культурной и достаточной среды, въ которой онѣ первоначально вращались. Трудно даже представить себѣ всю тяжесть, безпомощность и трагизмъ положенія такихъ женщинъ, когда, вслѣдствіе постигшаго ихъ семью несчастія или крушенія въ ихъ личной жизни, онѣ подъ ударами разразившейся надъ ними грозы вдругъ останутся въ громадномъ, шумномъ и иногда мало имъ знакомомъ городѣ одинокими, беззащитными, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ всякой нравственной и матеріальной поддержки, выброшенныя, такъ сказать, жизнью на мостовую, на произволь судьбы, на встрѣчу всякимъ бѣдамъ, соблазнамъ и паденію...

Куда имъ дѣваться, этимъ несчастнымъ, куда и къ кому идти, что дѣлать?

Онѣ не приучены къ «черному» труду, въ нихъ нѣтъ, при всемъ добромъ желаніи, ни силъ, ни умѣнья съ нимъ справиться.

Онѣ, конечно, не могутъ успѣшно конкурировать съ простыми, «чернорабочими» женщинами ни въ мытьѣ половъ, ни въ стиркѣ бѣлья, ни въ поденныхъ работахъ на кухнѣ или въ огородѣ. Да если бы онѣ и желали приняться за все это, ихъ, безъ сомнѣнія, не допустили бы къ такимъ работамъ ихъ потребители, которые предпочли бы въ данномъ случаѣ мускульную силу, привычку къ физическому труду, неутомимость и неприхотливость рабочей массы.

Все это, безъ сомнѣнія, очень печально, наводитъ на грустныя мысли и свидѣтельствуетъ о ненормальности физическаго воспитанія нашего интеллигентнаго класса, гдѣ физическій трудъ является болѣе или менѣе забавой или извѣстной модой на «народничество» или «толстовщину», изъ-за которой люди начинаютъ вдругъ тачать сапоги, въ большинствѣ случаевъ весьма неудобноносимые...

Но фактъ, однако же, остается непреложнымъ фактомъ, и съ нимъ волей-неволей приходится такъ или иначе считаться.

Это соображеніе и вызвало, благодаря энергіи и первоначальной необходимой поддержкѣ серьезно сочувствующихъ дѣлу лицъ, появленіе въ Петербургѣ «дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ», сначала не официально, подъ видомъ благотворительныхъ мастерскихъ для ищущихъ труда и заработка интеллигентныхъ женщинъ. Впослѣдствіи, по утвержденіи правительствомъ устава, учредители попечительнаго общества вошли въ составъ этого общества вмѣстѣ съ лицами, заявившими о желаніи вступить въ него. Организовалось избранное общимъ собраніемъ учредителей правленіе общества, и такимъ образомъ домъ трудолюбія, первоначально управлявшійся временнымъ распорядительнымъ комитетомъ, перешедшимъ въ полномъ своемъ составѣ въ правленіе, открылъ, въ 1896 году, свою

дѣятельность уже вполне официально, какъ окончательно сформировавшееся учрежденіе трудовой помощи.

Первоначальная возможность къ открытію дома была дана, главнымъ образомъ, единовременнымъ пособіемъ въ 1.500 рублей, ассигнованнымъ состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительствомъ о домахъ трудолюбія; къ этому не замедлили присоединиться и щедрыя частныя пожертвованія, что весьма способствовало укрѣпленію вновь зародившагося благого начинанія.

Тотчасъ же по открытіи дома обнаружилось, насколько настоятельна и существенна была нужда именно въ такомъ видѣ благотворительности. Къ помощи дома обратилась сразу масса образованныхъ женщинъ и дѣвушекъ, крайне нуждающихся и ищущихъ труда и хотя какого нибудь заработка.

Уже въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ его существованія въ домѣ работало до 150 женщинъ, воспользовавшихся, въ той или иной формѣ, его помощью. Изъ нихъ двадцать шесть получили затѣмъ мѣста на желѣзныхъ дорогахъ, телефонѣ, гувернантокъ, боннѣ, занятія на пишущихъ машинахъ, уроки музыки и другихъ предметовъ, занятія по хозяйству и т. п.

Во время посѣщенія нами дома, помѣщающагося въ центральной части города, на Знаменской улицѣ (№ 28), въ началѣ мая текущаго года, труженицъ было, по заявленію завѣдующей домою, 53.

Домъ трудолюбія занимаетъ очень уютную, довольно съ виду помѣстительную и свѣтлую квартиру во второмъ этажѣ, состоящую изъ шести комнатъ, не считая кухни.

Помѣщенія этого оказывается, однако, крайне недостаточно: осенью и зимой, при постоянно возрастающемъ числѣ обращающихся къ помощи дома лицъ, малый объемъ помѣщенія сказывается самъ собою весьма существенно, и было бы весьма желательно, въ видахъ пользы и расширенія дѣла, постараться найти возможность перевести домъ въ болѣе обширную квартиру.

Чѣмъ же занимаются труженицы?

Прежде всего—перепиской на пишущихъ машинахъ. Съ одной стороны, спросъ на такого рода переписку все болѣе и болѣе увеличивается, съ другой—это занятіе, требующее не только одной простой грамотности, но извѣстнаго образованія и развитія, наиболѣе подходящее дѣло для труженицъ-интеллигентокъ, большинство которыхъ окончило курсъ въ пансіонахъ, гимназіяхъ, институтахъ и на педагогическихъ курсахъ.

Затѣмъ въ домѣ введено теоретическое и практическое обученіе кройкѣ и шитью. Для этого домою приглашены, за извѣстное вознагражденіе, двѣ опытныхъ преподавательницы, изъ которыхъ одна проходитъ съ труженицами теоретическій курсъ кройки, а другая, закройщица, руководить ихъ работами практически.

Оба эти отдѣла труда въ домѣ—переписка на пишущихъ машинахъ и шитье, весьма, однако, страдаютъ отъ отсутствія необходимыхъ для болѣе широкой постановки дѣла средствъ: въ домѣ слишкомъ недостаточно пишущихъ и швейныхъ машинъ, и это обстоятельство очень вредитъ развитію указанныхъ отдѣловъ, которые имѣютъ всѣ шансы идти весьма успѣшно, такъ какъ заказы на шитье и переписку исполняются въ высшей степени добросовѣстно, вызываютъ одобреніе заказчиковъ и заказчицъ и могли бы значительно увеличиться и доставлять хорошій заработокъ труженицамъ.

Далѣе, въ видахъ облегченія трудящимся возможности найти себѣ постоянныя занятія въ банкахъ, конторахъ и разныхъ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, въ домѣ было введено преподаваніе бухгалтеріи. Уроки эти давались бесплатно и въ настоящее время, какъ намъ сообщила завѣдывающая домою, къ сожалѣнію, прекратились. Ими воспользовались пятнадцать труженицъ.

Кромѣ того, въ домѣ производятся еще слѣдующія работы: переписка перомъ (на четырехъ языкахъ), переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій и обратно, мѣтка гладью, плетенье и починка брюссельскихъ и валансьенскихъ кружевъ, живопись по стеклу, фарфору, бархату и атласу и разныя вязанныя рукодѣлія.

Всѣ вообще работы въ домѣ исполняются крайне добросовѣстно, быстро и аккуратно, въ чемъ мы имѣли не разъ случай лично убѣдиться, а цѣны на нихъ назначены самыя умѣренныя, такъ какъ домою преслѣдуется, конечно, не меркантильныя, а совсѣмъ инныя цѣли.

Домъ основанъ очень недавно: онъ только что вступилъ въ третій годъ своего существованія, а между тѣмъ его дѣятельность, въ высокой степени симпатичная и гуманная, уже принесла добрые плоды: однѣ изъ прибѣгшихъ къ его помощи научились перепискѣ на пишущихъ машинахъ, что далеко не такъ легко и просто, какъ, можетъ быть, кажется съ перваго взгляда, другія освоились съ мастерствомъ шитья бѣлья и платья, третьи усвоили основныя правила бухгалтеріи, — словомъ, труженицы имѣли возможность подготовиться болѣе или менѣе къ посильнымъ для нихъ видамъ труда, который можетъ давать имъ готовый кусокъ хлѣба. Нѣкоторымъ же изъ нихъ уже посчастливилось найти, при посредствѣ дома, и постоянныя занятія.

Недостатокъ въ средствахъ не позволялъ донинѣ дому расширить свою благотворную дѣятельность, и мѣшала устройству при немъ проектируемаго администраціей дома пріюта для временнаго призрѣнія образованныхъ женщинъ, гдѣ бы наиболѣе бѣдствующія изъ нихъ могли найти на время даровое убѣжище до болѣе прочнаго устройства ихъ судьбы. Будемъ надѣяться, что этотъ проектъ осуществится при дружныхъ усиліяхъ сочувствующихъ дѣлу лицъ, число которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ, такъ какъ домою трудо-

Евангеліческій домъ трудолюбія.

любія для образованныхъ женщинъ вполне заслуженно возбуждаетъ къ себѣ всеобщія симпатіи столичнаго населенія.

Только при этомъ условіи, т. е. при основаніи вышеупомянутаго пріюта, домъ можетъ считать свою организацію вполне законченною и сдѣлаться въ полномъ смыслѣ слова спасательною станціей для безпомощныхъ и погибающихъ, гдѣ бы онѣ могли найти себѣ, кромѣ труда, и временный пріютъ, и нравственную поддержку, и удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, а слѣдовательно и возможность физическаго и нравственнаго оздоровленія, для выхода потомъ, съ новыми силами и свѣтлыми надеждами, на путь самостоятельнаго труда.

Насколько намъ извѣстно, въ самое недавнее время комитетомъ попечительства, по волѣ Августѣйшей ея Предсѣдательницы, обращено серіозное вниманіе на нужды дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ. Ему отпущены довольно значительныя суммы, которыя, несомнѣнно, дадутъ правленію этого дома возможность расширить дѣятельность разсматриваемаго нами благотворительнаго учрежденія.

Сядьте въ паровой трамвай, у клиники Вилье, что идетъ въ Лѣсной, и поѣзжайте по Большому Самсоніевскому проспекту. Черезъ какіе нибудь полчаса вы поровняетесь съ большимъ земельнымъ участкомъ (№ 97), огороженнымъ крѣпкимъ заборомъ, изъ-за котораго виднѣтся высокій каменный, выстроенный изъ простыхъ красныхъ кирпичей, домъ незатѣливо-суроваго, казарменнаго типа.

На воротахъ русская надпись: «Евангелическій домъ трудолюбія» и нѣмецкая «Ewangelisches Arbeitshaus».

Вы звоните, вамъ отворяетъ калитку привратникъ, и вы входите на обширный дворъ, на который выходитъ фасадъ дома: со стороны проѣзжей дороги видна лишь боковая часть его.

Домъ безъ всякихъ украшеній и затѣй въ стилѣ и отдѣлкѣ. Это, воплощенная простота, самая примитивная!

Вокругъ дома—садъ или, правильнѣе, обширное пространство съ тѣнистыми деревьями, гдѣ разведенъ прекрасный огородъ; тутъ же небольшая оранжерейка. Во дворѣ птичій и скотный дворы; здѣсь, между прочимъ, разводятъ іоркширскую породу свиней, что даетъ изрядный доходъ дому. Тутъ, на открыгомъ воздухѣ, вдали отъ шумнаго города, на лонѣ природы, мирно работаютъ трудолюбцы, испытывая на себѣ всю справедливость извѣстной теоріи о нравственной пользѣ для испорченныхъ жизнью натуръ правильно организованнаго физическаго труда.

Мы застали на огородѣ много питомцевъ дома, въ которомъ учреждено общежитіе на 120 человекъ. Они усердно и сосредоточенно работали на грядахъ. У нихъ былъ довольный, спокойный видъ лю-

дей, удовлетворенныхъ сознаниемъ, что они «при дѣлѣ», что имъ нечего думать о кускѣ хлѣба, что надъ ними кровь.

— Цѣль наша,—сказалъ намъ завѣдывающій домою, симпатичный, всецѣло преданный своему дѣлу и глубоко вѣряющій въ его широкое будущее Г. Н. Кромель,—наша священная цѣль—не только дать бездомнымъ бродягамъ, бѣднякамъ, несчастнымъ, впавшимъ въ нищету волею судьбы, вслѣдствіе пожара, разоренія, тяжелой болѣзни, и лицами, выпущеннымъ изъ мѣстъ заключенія, честный заработокъ и временный пріютъ, но и исправлять, по мѣрѣ возможности, тѣхъ изъ пришедшихъ къ намъ исковерканныхъ жизнью и порокомъ людей, которые уже не могутъ встать на прямой путь безъ посторонней помощи, нравственнаго воздѣйствія, сердечнаго участія, братскаго, добраго слова. Въ этомъ наша главная задача, нашъ идеаль, къ которому мы стремимся, и который, по моему мнѣнію, долженъ составлять завѣтнѣйшую мечту каждаго правильно поставленнаго дома трудолюбія...

Мы застали г. Кромеля въ канцеляріи дома, смежной съ его квартирой, гдѣ онъ записывалъ въ особую книгу вновь вступающаго въ число его питомцевъ старичка, уже нѣкогда побывавшаго въ домѣ и рѣшившагося отказаться отъ протягиванія руки на улицахъ и снова приняться за честный трудъ.

Вступленіе въ домъ новыхъ пришельцевъ совершается такимъ образомъ.

По ознакомленіи съ правилами пребыванія въ домѣ, поступающій долженъ расписаться въ томъ, что согласенъ имъ подчиниться. Затѣмъ онъ моется въ банѣ и получаетъ чистое бѣлье и одежду,—рабочую блузу, общую для всѣхъ питомцевъ. Свою же одежду онъ отдаетъ смотрителю, который записываетъ каждую принятую имъ вещь и потомъ отдаетъ чистить, насколько это представляется возможнымъ. Вымытый и одѣтый въ новую одежду, питомецъ получаетъ обѣдъ. Подкрѣпившись, онъ идетъ на работу.

Работы въ домѣ весьма разнообразны: въ домѣ заведено цѣлыхъ восемь мастерскихъ: коробочная, переплетная, столярная, портняжная, сапожная, механическая (слесарно-токарная), кузнечная и обійно-малаярная.

Домъ постоянно имѣетъ массу заказовъ, и плата за работы производится слѣдующимъ образомъ: трудолюбецъ, заработавшій 50 коп. въ день, отдаетъ дому 40, оставляя себѣ 10, заработавшій 60 к. вручаетъ дому тѣ же 40, оставляя въ свою пользу 20 к., заработавшій 70 к. отдаетъ дому 45, оставляя себѣ 25 к., заработавшій 80 к. отдаетъ 50, оставляя себѣ 30 к., и т. д. въ подобной же пропорціи. Изъ полученныхъ денегъ домъ беретъ себѣ лишь часть за содержаніе питомца, а остальные записываются въ общую книжку, такъ что заработанныя деньги не выплачиваются питомцу тотчасъ же, и онъ получаетъ ихъ только при выходѣ изъ дома, и то только въ томъ

случаѣ, если онъ окажется серьезнымъ, достойнымъ довѣрія труженникомъ. Въ противномъ же случаѣ принадлежащія ему деньги передаются родственникамъ или довѣреннымъ лицамъ, которыя могутъ ихъ отдать собственнику уже по собственному усмотрѣнію.

Внушившимъ къ себѣ довѣріе питомцамъ разрѣшается расходовать свои заработки на возобновленіе и пополненіе себѣ одежды.

Менѣе двухъ недѣль въ домѣ никто не остается. Питомцы могутъ по желанію отлучаться изъ дома, но въ 9 ч. веч. должны быть уже на мѣстѣ, иначе они подвергаются домашнему аресту. Это оговорено въ правилахъ и трудолюбцамъ заранѣе извѣстно.

За канцеляріей, гдѣ г. Кромель сообщилъ намъ вышеприведенныя свѣдѣнія, находится складъ жертвуемыхъ дому разными лицами вещей, — главнымъ образомъ видѣли мы тамъ носильное платье и бѣлье. Все это аккуратно записано въ реестрѣ и хранится подъ ключемъ въ особыхъ шкафахъ.

Изъ канцеляріи мы вмѣстѣ вышли въ садъ, о которомъ было уже сказано выше, а оттуда прошли въ домъ.

Общія спальни—обширныя, свѣтлыя комнаты, безукоризненныя въ гигиеническомъ отношеніи, съ массой воздуха, врывающагося изъ сада чрезъ настѣжь открытыя широкія окна. Правильными рядами разставленныя койки напоминаютъ школу.

Я сказалъ объ этомъ г. Кромелю.

— Нашъ домъ, конечно, отчасти и школа,—замѣтилъ онъ, улыбаясь,—такъ какъ, какъ я уже вамъ сказалъ, мы стараемся и о воспитаніи нашихъ питомцевъ.

— Надъ какимъ же именно, главнымъ образомъ, типомъ испорченныхъ питомцевъ приходится вамъ всего больше работать?

— Много приходятъ къ намъ такихъ, которые отбились отъ работы, боятся честнаго, здороваго, хоть и не легкаго труда, которые промышляютъ попрошайствомъ, всякими вымогательствами, мелкими обманами... Болѣе же всего приходится возиться намъ съ алкоголиками...

— Ну, и что же, есть результаты?

— Да... Есть—которые болѣе или менѣе исправляются, поступаютъ отъ насъ на мѣста, но есть и такіе, что снова сбиваются съ пути и запиваютъ... и тогда опять приходятъ къ намъ, ища нравственной помощи.

Мы, къ удивленію, узнали, между прочимъ, что въ числѣ трудолюбцевъ бываютъ и люди высшаго общества, и люди съ серьезнымъ образованіемъ. Такъ сюда уже два раза являлся графъ Р., пробывъ нѣскольکو мѣсяцевъ сряду баронъ М., а недавно уѣхалъ изъ дома молодой человекъ, окончившій курсъ въ политехникумѣ, въ Ригѣ...

Въ евангелической домъ трудолюбія принимаютъ исключительно лютеране. Было бы большою ошибкой видѣть въ этомъ какія либо соображенія національнаго свойства. Дѣло объясняется очень

Городской домъ трудолюбя.

просто: въ числѣ средствъ нравственнаго воздѣйствія на питомцевъ, которыхъ домъ задался цѣлью вести по пути нравственнаго совершенствованія, первое мѣсто, конечно, занимаетъ общая молитва по лютеранскому обряду и проповѣдь пастора.

Кромѣ этого, г. Кромель постоянно и систематически ведетъ съ своими питомцами назидательныя бесѣды при чтеніяхъ сочиненій этико-философскаго характера, а также и нѣмецкихъ классиковъ. При домѣ существуетъ большая бібліотека.

Мы видѣли и самый залъ, гдѣ проповѣдуетъ пасторъ и ведетъ свои собесѣдованія г. Кромель. Это высокая, большая и пуританская по обстановкѣ (какъ и все въ этомъ домѣ) комната съ каедрой, изреченіемъ изъ св. писанія на стѣнѣ и рядами скамеекъ. Пропо-
вѣдуетъ достопочтенный пасторъ А. Мазингъ.

Рядомъ—курильня; здѣсь, въ свободное отъ занятій время, трудолюбцы сходятся покурить и побесѣдовать другъ съ другомъ.

Въ этомъ же этажѣ и небольшой домовый лазаретъ. Имъ, впрочемъ, трудолюбцы почти не пользуются, такъ какъ, по заявленію г. Кромеля, очень рѣдко заболѣваютъ заразными болѣзнями, требующими ихъ отдѣленія отъ остальныхъ.

Мы прошлись также и по всемъ мастерскимъ. Въ нихъ, по причинѣ лѣтняго времени, работы было не много. Изъ мастерскихъ самая большая—коробочная. Здѣсь изготовляютъ картонажныя издѣлія, начиная отъ простыхъ картонокъ подъ шляпы и кончая изящными, съ большимъ вкусомъ сдѣланными бонбоньерками всевозможныхъ фасоновъ, размѣровъ и цвѣтовъ.

— И хорошо идутъ у васъ такія работы?—полюбопытствовали мы.

— Прекрасно! Не успѣваемъ изготовлять заказовъ.

И это вполне понятно: работа трудолюбцевъ этого дома опрятная, добросовѣстная, исполненная съ той солидной, методической аккуратностью, которая лежитъ въ самомъ характерѣ нѣмецкой на туры.

Мы остановились подольше въ переплетной мастерской: намъ хотѣлось видѣть этотъ рядъ издѣлій осматриваемаго нами дома. Переплеты отличались изяществомъ и чистотой отдѣлки, ничуть не уступающими специально переплетнымъ заведеніямъ. Заказами на эти работы домъ также заваленъ.

Зашли мы и въ столовую, помѣщающуюся въ нижнемъ этажѣ. Это обширная зала, рядомъ съ кухней; въ ней царилъ пріятный полумракъ и свѣжесть, въ раскрытыя окна заглядывала зелень сада.

Намъ принесли отвѣдать «трудового» хлѣба: онъ оказался очень вкусно и хорошо испеченнымъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что тѣмъ изъ призрѣваемыхъ, которые исполняютъ при домѣ какія нибудь постоянныя обязанности, домъ назначаетъ опредѣленное мѣсячное жалованье, какъ, напримеръ, повару, булочнику, дворнику и кучеру.

Домъ трудолюбїи на Обводномъ каналѣ.

Евангелическій домъ трудолюбія вступилъ уже въ тринадцатый годъ своего существованія, возродившись изъ очень маленькаго пріюта для бѣдныхъ, въ три комнаты, основаннаго здѣшней лютеранской общиной. Теперь домъ помѣщается въ собственномъ зданіи, состоящемъ изъ четырехъ обширныхъ этажей, со всѣми службами, садомъ, огородомъ, что, въ общемъ, занимаетъ принадлежащій дому большой земельный участокъ почти въ двѣ десятины. Домъ съ инвентаремъ и принадлежащей ему землею оцѣнивается въ 46.000 руб.

Изъ маленькаго дѣла возникло понемногу крупное, достойное всякаго уваженія, похвалы и подражанія благотворительное учрежденіе. Крошечное зерно принесло обильные плоды: оно принесло спасительные плоды на пользу обиженныхъ, изувѣченныхъ судьбою нашихъ сирыхъ и убогихъ братьевъ, которымъ не только протянута рука помощи, дающая работу, но и дана возможность возродиться и воскреснуть нравственно, отрясти съ себя пыль порока и снова выйти на прямой, чистый, свѣтлый путь труда и самосознанія!

А развѣ этого мало?!

Во время осмотра дома г. Кромель (педагогъ по специальности, оставившій службу, чтобы всецѣло преслѣдовать дорогія ему воспитательныя цѣли дома, о которыхъ мы говорили) развивалъ предъ нами свои планы на будущее. Ему хотѣлось бы видѣть возникновеніе тутъ же вблизи и особаго дома трудолюбія для малолѣтнихъ, изъятыхъ изъ дурныхъ семей мальчиковъ, которые могли бы подучаться ремесламъ подъ руководствомъ своихъ старшихъ сотоварищей трудолюбцевъ и такимъ образомъ готовиться снѣзала къ трудовой жизни.

Эта мысль достойна полнаго сочувствія, и нѣтъ причинъ думать, чтобы она со временемъ не осуществилась.

Городской домъ трудолюбія помѣщается на Никольской площади, близъ церкви Николы Морского.

Это—красивое трехэтажное зданіе, специально выстроено петербургскимъ общественнымъ управленіемъ въ самое послѣднее время.

Домъ официально открылъ свою дѣятельность лишь съ февраля текущаго года.

Домъ проектированъ для мужчинъ и женщинъ, но пока, къ сожалѣнію, въ немъ открыто лишь одно женское отдѣленіе, на каковой предметъ ежегодно отпускается городской управой 5.000 руб. Отдѣленіе же для мужчинъ по какимъ-то непонятнымъ причинамъ до сихъ поръ еще не вошло въ городскую смѣту и поэтому начнетъ свою дѣятельность лишь тогда, когда вышеприведенное обстоятельство будетъ, наконецъ, устранено.

Внутренность дома производитъ прекрасное впечатлѣніе. Обширныя и высокія мастерскія буквально залиты свѣтомъ, вливающимся

въ нихъ широкой волной чрезъ громадныя, итальянскія окна, расположенныя съ обѣихъ сторонъ залъ. Всюду масса воздуха, простора, вездѣ строгій порядокъ и образцовая чистота.

Труженицы работаютъ здѣсь надъ изготовленіемъ простаго бѣлья и больничнаго и казеннаго платья. Плата за труды выдается въ домѣ поштучно ¹⁾, что, разумѣется, весьма содѣйствуетъ успѣхамъ работницъ, которыя стараются какъ можно скорѣе и лучше обучиться своему дѣлу, чтобы получить побольше выручки. Этотъ способъ вознагражденія труженицъ должно признать вполне рациональнымъ и практичнымъ, такъ какъ онъ подымаетъ производительность труда и способствуетъ расширенію дѣятельности дома, чего нельзя, конечно, сказать о системѣ поденнаго вознагражденія за трудъ, практикующагося въ нѣкоторыхъ домахъ трудолюбія и не вызывающаго никакого соревнованія у работницъ, уже заранѣе знающихъ, что каждая изъ нихъ, сколько бы ни трудилась, не можетъ, по правиламъ дома, заработать болѣе установленной нормы вознагражденія.

Дѣятельность дома идетъ въ высшей степени успѣшно. Это видно уже изъ массы заказовъ на бѣлье и платье, постоянно получаемыхъ домою отъ разныхъ мѣстъ и учреждений, какъ, напримѣръ, отъ кавалерійскаго училища, морского корпуса, барачной больницы, Обуховской больницы, Пантелеймоновской больницы, психіатрической лѣчебницы св. Николая Чудотворца, больничной комиссіи, Крестовоздвиженской общины, училища для глухонѣмыхъ и др.

Насколько заказы выполняются здѣсь добросовѣстно, видно изъ того, напримѣръ, факта, что изъ полученнаго домою матеріала отъ больницы св. Николая Чудотворца вышло, благодаря умѣлой аккуратности и вполне честной кройкѣ, нѣсколько десятковъ лишнихъ халатовъ для больныхъ, а при отправкѣ заказа по назначенію былъ посланъ туда же и цѣлый мѣшокъ всевозможныхъ, оставшихся отъ работы обрѣзковъ и лоскутьевъ для починки больничной экипировки.

Было бы очень пріятно, чтобы подобнымъ отношеніемъ къ дѣлу руководствовались и всѣ вообще мастерскія портняжнаго и бѣлошвейнаго дѣла, отличающіяся совершенно противоположными качествами.

Однако, благотворная дѣятельность дома, дающаго честный трудовой кусокъ хлѣба и заработокъ сотнямъ бѣдныхъ женщинъ нашей столицы ²⁾, не можетъ и не должна считаться вполне законченной, пока всѣ содержимыя на средства городского самоуправления Петербурга больницы не будутъ отдавать городскому дому трудолюбія

¹⁾ Изъ записей заработанныхъ труженицами денегъ видно, что нѣкоторыя изъ нихъ доводили свою выручку до 6 р. 50 к. въ недѣлю, т. е. до 26 руб. въ мѣсяцъ. При поденной платѣ это совершенно невозможно.

²⁾ Въ домѣ можетъ работать сразу до 200 женщинъ. Обыкновенно число ихъ колеблется между 40 и 80.

заказовъ на бѣлье и платье, которые исполняются нынѣ на сторонѣ, при посредствѣ служащихъ при больницахъ лицъ. Эту постановку дѣла отнюдь нельзя признать правильною. Устроивъ на спеціальныя средства города особый домъ трудолюбія, за что столица можетъ только поблагодарить петербургскую городскую управу, общественное самоуправленіе тѣмъ самымъ должно озаботиться и естественнымъ вопросомъ о доставленіи дому постоянной работы. Обязательная отдача дому подвѣдомственными городу больницами вышеупомянутыхъ заказовъ являлась бы вполне логичнымъ и крайне желательнымъ результатомъ учрежденія самаго дома.

Надо надѣяться, что на эту аномалію будетъ вскорѣ обращено надлежащее вниманіе нашего городского самоуправления.

Нельзя также считать дѣятельность дома нормальной и до тѣхъ поръ, пока не будетъ, наконецъ, открыто въ домѣ мужское отдѣленіе.

Въ настоящее время, къ сожалѣнію, работы производятся, какъ уже сказано, однѣми женщинами въ верхнемъ, второмъ, этажѣ дома, подъ руководствомъ энергичной и преданной своему дѣлу управляющей домою, М. Н. Замысловской, много лѣтъ работавшей съ успѣхомъ на этомъ поприщѣ и пріобрѣтшей надлежащій навыкъ и солидную опытность.

Тутъ же, въ смежной мастерской, труженицы занимаются также вязаньемъ чулокъ на спеціальныхъ машинахъ. Заказы на этого рода работу сдѣланы училищной комисіей при с.-петербургской городской думѣ.

Весь же первый и подвальный этажи, предназначенные для мужскихъ мастерскихъ, пока совершенно безлюдны и пусты, а нужда въ этихъ мастерскихъ весьма велика, и открытіе ихъ, въ возможно непродолжительномъ времени, является насущной потребностью, въ виду массы бѣдности нашего столичнаго населенія, для которой не хватаетъ и всѣхъ возникшихъ въ Петербургѣ въ послѣднее время домовъ трудолюбія.

Кстати сказать, подвальное помѣщеніе, о которомъ мы только что упомянули, довольно сыровато и требуетъ предварительно осушки...

Ко всему вышесказанному нельзя не присовокупить, что городской домъ трудолюбія лишь только тогда будетъ вполне отвѣчать высокогуманнымъ цѣлямъ, преподаннымъ съ высоты Престола, въ Высочайшемъ указѣ отъ 1-го сентября 1895 г., въ коемъ обращается вниманіе на судьбу тѣхъ несчастныхъ, которые, «терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта»,—когда выстроенный столичнымъ городскимъ самоуправленіемъ и помѣщающійся рядомъ съ городскимъ домою трудолюбія ночлежный пріютъ, предназначенный сначала для трудолюбцевъ этого дома, но нынѣ обращенный почему-то временно въ больницу, будетъ отвѣчать своей первоначальной цѣли.

На Обводномъ каналѣ, почти напротивъ вокзала Балтійской желѣзной дороги, высится красивое, сложенное изъ краснаго кирпича зданіе, отдѣленное отъ улицы легкой чугунной рѣшеткой.

Это «первый домъ трудолюбія С.-Петербургскаго столичнаго попечительнаго общества о домахъ трудолюбія», сооруженный на ассигнованную комитетомъ состоящаго подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы попечительства о домахъ трудолюбія сумму, въ размѣрѣ 40.000 рублей. Мѣсто для этого дома отведено городомъ безвозмездно, изъ бывшаго Измайловскаго плаца-парада, величиною въ 447 съ небольшимъ квадратныхъ сажень.

Закладка дома состоялась 21 іюля 1896 г., къ 15 августа была уже окончена каменная кладка стѣнъ, черезъ мѣсяць все зданіе было возведено вчернѣ и приступлено къ работамъ по внутреннему его устройству. Эти работы закончены были въ декабрѣ мѣсяцѣ, а съ февраля прошлаго года домъ официально открылъ свою благотворительную дѣятельность.

Описываемый нами домъ трудолюбія имѣетъ свою особую окраску и характеръ. Онъ предназначенъ специально для оказанія помощи пришлому, оставшемуся безъ работы, люду, знающему ремесла, и чернорабочимъ, рассчитанъ на 250 человекъ и принимаетъ къ себѣ мужчинъ и женщинъ.

Именно такого пришлаго рабочаго элемента въ нашей столицѣ чрезвычайно много. Съ удешевленіемъ желѣзнодорожнаго тарифа сюда стекается ежегодно изъ провинціи масса рабочихъ, которые частью вслѣдствіе безработицы, частью вслѣдствіе разгула и пьянства, частью же и вслѣдствіе болѣзней и разныхъ невзгодъ, остаются на улицѣ незнакомаго имъ города безъ куска хлѣба и положительно не знаютъ, куда идти и что дѣлать. Прямымъ и логическимъ исходомъ изъ этого критическаго положенія само собой является нищенство, какъ самый легкій способъ пропитанія. Это занятіе, за которое сначала берутся, скрѣпя сердце, единственно во избѣжаніе голодной смерти, до такой степени мало-по-малу втягиваетъ въ себя, что несчастные, протягивающіе сперва руку за подаеніемъ съ краской стыда, вполне привыкаютъ къ своей «профессіи» и уже не могутъ отъ нея отстать, какъ пьяница отъ рюмки водки... Нищенство, какъ легчайшій способъ существованія, до такой степени распространено въ Петербургѣ, что здѣсь промышляютъ имъ цѣлыя волости, яркимъ примѣромъ чего могутъ служить уроженцы Себежскаго уѣзда Витебской губерніи, устроившіе въ столицѣ свой особый притонъ для выходцевъ своего уѣзда, на артельныхъ началахъ, со старостой во главѣ. Клиенты этой своеобразной артели оставляютъ часть вырученныхъ отъ подаенія денегъ у себя, въ свою пользу, часть же вносятъ въ общую кассу, для нуждъ артели.

Контингентъ нищихъ пополняется мѣстными чернорабочими, уда-

ленными отъ работъ за нетрезвое и дурное поведеніе и проводящими время со сбившимися съ пути пришлыми мастеровыми въ кабакахъ и притонахъ разврата. Здѣсь-то, въ этихъ вертепахъ, воспитываются будущіе мошенники, пройдохи-попрошайки, воры и преступники, являясь тяжкимъ бременемъ, какъ для столицы, такъ и для мѣстъ своей осѣдлости, куда ихъ высылаютъ административнымъ порядкомъ. Среднее число ежегодно выселяемыхъ изъ Петербурга за нищенство доходитъ до 5.000 случаевъ. Если предположить, согласно произведенному расчету, что средняя стоимость содержанія въ полицейскомъ домѣ и пересыльной тюрьмѣ, проѣздъ до мѣста высылки и экипированіе высылаемыхъ, составляетъ приблизительно 2 р. 60 коп. на каждое выдвореніе, то получится весьма крупная сумма въ 13.000 рублей, расходуемыхъ изъ года въ годъ на нищенство въ столицѣ! Прибавимъ къ этому, что деньги эти, къ сожалѣнію, тратятся совершенно непроизводительно, такъ какъ громадное большинство выселяемыхъ возвращаются снова, потому что находятъ такія путешествія для себя весьма выгодными, обращая въ свою пользу казенное платье, которое имъ выдается при отправкѣ на родину. Платье это, немедленно же по прибытіи къ мѣсту назначенія, или пропивается или продается... Подъ Петербургомъ, въ Шлюссельбургѣ, Любани, Бронницахъ и другихъ пунктахъ существуютъ даже особія конторы скупщиковъ такого именно казеннаго платья, которое охотно несутъ имъ эти періодически выселяемые и вновь пробирающіяся въ столицу нищія-бродяги, получившіе въ народѣ особое названіе «спиридоновъ-поворотовъ»...

Вотъ для систематической борьбы съ этой именно мрачной стороной нашей столичной жизни и основанъ домъ трудолюбія на Обводномъ каналѣ. Учрежденіе его явилось крайней необходимостью и вызвано, такъ сказать, самой жизнью, такъ какъ всѣ существующіе въ Петербургѣ дома трудолюбія приспособлены преимущественно къ трудоспособности городского населенія, но мало рассчитаны для предоставленія соотвѣтственныхъ занятій простому рабочему и притомъ по своей вмѣстимости далеко не отвѣчаютъ численности нуждающагося въ трудовой помощи рабочаго класса.

Такимъ образомъ основанный, въ виду приведенныхъ соображеній, домъ трудолюбія на Обводномъ каналѣ является главнымъ образомъ и по преимуществу мѣстомъ труда самаго простого люда столицы, — нищихъ временной поддержки мастеровыхъ, пришедшихъ въ Петербургъ искать счастья, спившихся, но рѣшившихъ взяться за умъ чернорабочихъ, предпочитающихъ заработать нѣсколько копеекъ въ день, чѣмъ просить милостыню, и женщинъ, жаждущихъ честнаго труда, спасающаго отъ нравственнаго паденія.

Всѣмъ имъ домъ дастъ работу, и всѣмъ имъ найдется тамъ довольно мѣста!

Въ домѣ устроены мастерскія: швейная, обойная, мастерская для

выдѣлки матовъ изъ смоляного каната, гамаковъ, ковриковъ и спасательныхъ круговъ, столярная, малярная, сапожная (гдѣ производится только починка обуви); въ отдѣленіи для чернорабочихъ производится щипка пеньки, идущей для построекъ, щипка мочалы для матрасовъ и изготовленіе швабръ. Специальныя работы производятся подъ наблюдениемъ специальныхъ мастеровъ, а швейной женской мастерской завѣдуетъ особая закройщица.

Мастерскія, куда въ зимнее время съ утра валомъ валитъ простой народъ за заработкомъ,—высокія, просторныя комнаты съ большими итальянскими окнами, дающими массу свѣта.

Чистота и порядокъ въ домѣ образцовые. Въ нижнемъ, подвальномъ его этажѣ семь комнатъ: раздѣвальная, двѣ столовыхъ—для мужчинъ и женщинъ отдѣльно,—кухня, двѣ кладовыя, для матеріаловъ и готовыхъ издѣлій, и комната для чернорабочихъ. Въ первомъ—прихожая, канцелярія, гдѣ ведется отчетность по дому и запись поступающихъ на работы, приемный покой и четыре мастерскихъ, а въ верхнемъ этажѣ—комната смотрителя дома и также четыре обширныхъ мастерскихъ.

Трудолюбцы обѣдаютъ въ домѣ, при чемъ изъ поденныхъ денегъ cadaго вычитается за это по 7 коп. съ человѣка.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что кухня дома поражаетъ какъ своей удивительной чистотой, такъ и комфортабельностью и красотой помѣщенія. Блестящая чистотой кухонная утварь, въ порядкѣ разставленная по полкамъ посуда и изящный, лакированный, съ пестрымъ рисункомъ бетонный полъ производятъ удивительно пріятное впечатлѣніе. Смѣемъ думать, что въ рѣдкомъ первоклассномъ ресторанѣ Петербурга встрѣтите вы такую во всѣхъ отношеніяхъ образцовую кухню, какъ въ этомъ скромномъ домѣ труда для самаго «сѣраго» населенія столицы.

Разнообразныя, но простыя по качеству, матеріалу и отдѣлкѣ, работы трудолюбцевъ продаются домомъ ежегодно въ большомъ количествѣ, и общій оборотъ отъ продажи издѣлій дома достигаетъ въ зимнее время до 1.500 рублей въ мѣсяцъ, изъ каковой суммы домъ закупаетъ потомъ нужный матеріалъ и платитъ за работы трудолюбцамъ.

Вотъ списокъ работъ, производимыхъ въ домѣ и продаваемыхъ по весьма дешевой цѣнѣ: разныя блузы, бумазейныя, байковыя и сатиновыя, ситцевыя рубахи разныхъ цвѣтовъ, передники, русскіе флаги, шерстяные и бумажные, попоны, спасательные круги, смоляные маты, табуреты, всевозможные матрацы, отъ самыхъ простыхъ до пружинныхъ, гамаки, швабры, коврики изъ суконныхъ кромокъ и такія же дорожки.

Вы видите, что все это самыя незатѣливыя, самыя простыя вещи, но именно эта-то ихъ простота и является ручательствомъ ихъ успѣшнаго и постояннаго сбыта, будучи въ то же время при-

норовленой къ трудоспособности рабочаго контингента питомцевъ дома.

Къ сожалѣнію, при домѣ нѣтъ общежитія, но оно, какъ намъ сообщили, проектируется въ особомъ флигелѣ, во дворѣ дома, намѣченномъ къ постройкѣ при первой же возможности. При домѣ предполагается также построить баракъ для черныхъ работъ на лѣтнее время, дезинфекціонную камеру и прачешную съ ваннами или баню.

Дѣятельность дома продолжается не весь круглый годъ: съ 15 мая по 1 сентября, въ виду значительнаго уменьшенія наплыва трудолюбцевъ, менѣе нуждающихся съ наступленіемъ тепла въ поддержкѣ дома, чѣмъ въ зимнее время, домъ прекращаетъ работы и занимается лишь продажей ранѣе заготовленныхъ трудолюбцами издѣлій.

Въ остальное же время домъ, какъ уже было сказано, буквально переполненъ народомъ, что совершенно ясно, лучше всякихъ словъ и разсужденій, показываетъ, какъ именно такой домъ трудолюбія необходимъ нашей столицѣ, и какъ успѣшно ведетъ онъ начатую имъ нелегкую борьбу съ распространенными въ Петербургѣ нищенствомъ и бродяжествомъ, которыя могутъ уменьшиться только тогда, когда бродячій элементъ безработныхъ скитальцевъ, погибающихъ въ разныхъ трущобахъ, будетъ имѣть возможность немедленно получить и трудовую помощь и здоровый кусокъ хлѣба.

Возникновеніемъ дома трудолюбія на Обводномъ каналѣ мы всецѣло обязаны с.-петербургскому градоначальнику генераль-майору Н. В. Клейгельсу, благодаря инициативѣ и энергіи котораго онъ учрежденъ, за что нельзя не принести ему самой искренней благодарности.

Намъ остается еще добавить, что на 5-ой улицѣ Песковъ (№ 21) находится бесплатная швейная мастерская, какъ филиальное отдѣленіе женской мастерской описываемаго нами дома трудолюбія.

Кто изъ жителей Петербурга не знаетъ или не слыхалъ о знаменитомъ домѣ князя Вяземскаго (нынѣ г. Болотова), близъ Сѣнной площади? Исторія ночлежныхъ домовъ и притоновъ, которые наполняютъ собой этотъ въ своемъ родѣ историческій «домъ», занимающій цѣлый кварталъ, идущій вкось отъ начала Забалканскаго проспекта къ набережной Фонтанки и застроенный цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ корпусовъ, — носить на себѣ полудогендарный характеръ, напоминая баснословные разсказы о лондонскомъ White-Chapel, гдѣ нѣкогда отличался пресловутый «Джэкъ, вспарыватель животныхъ». Длинный рядъ кровавыхъ драмъ, вереница изумительно дерзкихъ мошенничествъ и цѣлая живописная фаланга своего рода Каргушей, Рокмболоей и Джэковъ неразрывно связаны съ этимъ пресловутымъ домомъ нищеты, порока и преступленія, интересной ареной для петербургскихъ Лекоковъ. Домъ Вяземскаго съ его оби-

тателями послужилъ даже темой романа одному изъ нашихъ крупныхъ беллетристовъ, покойному Всеволоду Крестовскому, написавшему рядъ превосходныхъ очерковъ изъ жизни столичныхъ вертеповъ и пригоновъ, подъ названіемъ «Петербургскія труппы».

И вотъ именно тутъ, въ этомъ ужасномъ вертепѣ разгула и злодѣяній, на почвѣ всевозможныхъ грѣховъ и безконечныхъ паденій, возникло недавно доброе и святое дѣло общественной благотворительности: въ началѣ мая въ домѣ Вяземскаго открытъ домъ трудолюбія для дѣтей обоого пола. Цѣль дома—вырвать, по возможности, бѣдныхъ малолѣтнихъ дѣтей изъ порочныхъ семей, гдѣ они поневолѣ съ пеленокъ приучаются къ разврату и растутъ въ тлетворной атмосферѣ безпросыпнаго кутежа, пьянства и всякаго разгула.

Трудно себѣ представить болѣе подходящее мѣсто для указанной цѣли. Домъ Вяземскаго искони весь кипитъ такими семьями, гдѣ дѣтямъ съ молокомъ матери преподаются мудрыя правила всевозможныхъ обмановъ, попрошайства, воровства, профессиональнаго нищенства. Нравственное оздоровленіе несчастныхъ дѣтей, хотя бы на первое время въ одномъ только домѣ Вяземскаго, и это уже является, съ общественной точки зрѣнія, величайшимъ благодѣяніемъ и дѣломъ, по истинѣ, святымъ. Сколько еще маленькихъ душъ, уже близкихъ къ гибели, спасетъ этотъ новый дѣтскій домъ трудолюбія, сколько людей во время удержитъ отъ паденія, сколько сердецъ, уже начинавшихъ навсегда черствѣть и глохнуть для добра, заставитъ онъ снова раскрыться къ воспріятію свѣтлыхъ началъ любви и правды!

Этотъ новый дѣтскій домъ трудолюбія ¹⁾ основанъ на частныя средства и носитъ пока названіе «бесплатной мастерской для дѣтей».

Домъ помѣщается въ крошечной квартиркѣ, въ самомъ задѣ обширнаго двора дома Вяземскаго, вблизи той самой знаменитой «стеклянной галлерей», гдѣ во время оно разыгралось столько кровавыхъ сценъ...

По одной изъ каменныхъ лѣстницъ вы подымаетесь во второй этажъ кирпичнаго корпуса, тянущагося вдоль всей правой стороны двора, и входите прямо въ кухню съ крохотной русской печью. Это самая помѣстительная комната квартиры. Прямо изъ кухни, возлѣ которой за деревянной перегородкой помѣщается комнатка смотрительницы,—двѣ смежныя мастерскія: для дѣвочкикъ направо и для мальчииковъ налево. Вотъ пока и все помѣщеніе.

Мастерскія рассчитаны пока на 64 питомца, по 32 человѣка въ

¹⁾ Въ Петербургѣ уже существуютъ нѣсколько домовъ трудолюбія для дѣтей, какъ, напримѣръ, на Васильевскомъ островѣ (уголь Косой линіи и Большого проспекта, № 1—66), на Грязной улицѣ, № 14, и одинъ подъ Петербургомъ, въ Царской Славянкѣ (Ольгинскій).

каждой. Дѣвочки занимаются шитьемъ себѣ платья и бѣлья, подъ руководствомъ смотрительницы, изъ матеріала, пожертвованнаго добрыми людьми. Мальчиковъ предполагаютъ обучать прежде всего сапожному мастерству. Всѣ необходимыя для этого принадлежности и инструменты пожертвованы баронессой К—дорфъ.

При мастерскихъ проектируются также воспитательныя чтенія. Подобныя чтенія и назидательныя бесѣды вообще происходятъ отъ времени до времени въ петербургскихъ домахъ трудолюбія ¹⁾, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и пользуются популярностью среди трудолюбцевъ, охотно ихъ посѣщающихъ.

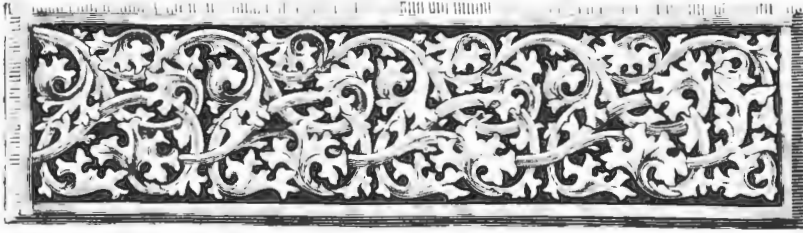
Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что выработка наилучшаго типа дѣтскихъ домовъ трудолюбія, которыхъ пока еще очень не много и въ Петербургѣ и въ губерніяхъ, весьма озабочиваетъ попечительство о домахъ трудолюбія. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года, какъ мы слышали, Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ благоудно было поручить отправившемуся въ Данію члену Русскаго Литературнаго Общества П. Г. Ганзену, датчанину по происхожденію, много занимавшемуся вопросами общественной самопомощи ²⁾, поближе изучить постановку дѣла дѣтскихъ домовъ трудолюбія, какъ въ самой Даніи, такъ и въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ онѣ достигли наибольшаго развитія и процвѣтанія.

С. Уманецъ.

¹⁾ Въ домѣ трудолюбія на Обводномъ каналѣ читалъ поручикъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Д. Н. Ломанъ: въ одномъ изъ столичныхъ домовъ трудолюбія прошлой зимою состоялось чтеніе миссіонера о. Арсенія.

²⁾ «Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи», 25 очерковъ П. Ганзена, Спб., 1898 года.

СУДЪ И КАЗНЬ САЛАВАТКИ.

(Къ исторіи Пугачевского бунта).

ПУГАЧЕВЩИНА, эта печальная страница славнаго царствованія Екатерины II, до сей поры еще не изслѣдована подробно, несмотря на изысканія Д. Л. Мордовцева («Самозванцы и понизовая вольница», т. I—II) и обширный трудъ Н. О. Дубровина («Пугачевъ и его сообщники», I—III). Значительный пробѣлъ въ этихъ трудахъ, а особенно въ «Исторіи Пугачевского бунта» Пушкина замѣчается относительно сѣверныхъ провинцій Приуралья; а между тѣмъ тамъ-то Пугачевскій бунтъ и произвелъ болѣе сильное впечатлѣніе на инородцевъ и заводскихъ крестьянъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ края.

Если не главнымъ, то и не послѣднимъ явленіемъ въ этихъ мѣстахъ было возмущеніе башкиръ, подъ предводительствомъ знаменитаго сподвижника Пугачева, Салаватки Юлаева, о судьбѣ и дѣяніяхъ котораго еще очень мало данныхъ въ печатныхъ произведеніяхъ, хотя дѣяствія его вполне заслуживаютъ подробнаго описанія, такъ какъ Салаватка былъ чуть не единственнымъ, во время Пугачевщины, руководителемъ башкирскаго возстанія, служа у самозванца правой рукой и первымъ вербовщикомъ для него разношерстныхъ шаекъ. Даже съ полною увѣренностью можно сказать, что не будь у Пугачева такого рьянаго и «свирѣпаго» помощника, онъ врядъ ли бы могъ продержаться долго въ Башкиріи, чтобы,

послѣ цѣлаго ряда неудачъ отъ Михельсона и Декалонга, успѣть снова набрать мятежныя толпы, съ которыми потомъ двинулся къ Казани.

Недостатокъ въ существующихъ печатныхъ источникахъ свѣдѣній о Салаваткѣ, видимо, произошелъ отъ того, что слѣдственное дѣло о немъ и судъ и казнь надъ нимъ были произведены не въ Москвѣ, какъ надъ другими преступниками, и не въ Оренбургѣ, центрѣ тогдашняго управленія завожскимъ краемъ, а въ глухомъ и незначительномъ по тому времени городишкѣ Уфѣ.

Лѣтомъ 1897 года, намъ удалось розыскать въ Уфимскомъ губернскомъ архивѣ почти всю слѣдственную переписку объ этомъ мятежникѣ и объ отцѣ его Юлаѣ, что и даетъ намъ возможность освѣтить найденныя, хотя не многія, новыя данныя, затерявшіяся «въ пыли вѣковъ»¹⁾.

Какъ извѣстно, отецъ Салавата, Юлай Азналиховъ и раньше Пугачевского мятежа принималъ участіе въ башкирскихъ возмущеніяхъ; но, будучи въ 1755 году²⁾ процентъ всемилостивѣйшимъ манифестомъ, возвратился къ мирнымъ занятіямъ кочевника и настолько загладилъ свои вины, что черезъ 12 лѣтъ послѣ этого оренбургскимъ губернаторомъ княземъ Путятинымъ³⁾ былъ пожалованъ званіемъ башкирскаго старшины деревни Юлаевой, Уфимской провинціи, Сибирской дороги⁴⁾. Пугачевское возмущеніе вновь заставило всколыхнуться задремавшего было въ лѣсной тиши безпокойнаго башкирца, жаждавшего крови и добычи, чтобы подъ шумокъ, пользуясь такимъ удобнымъ моментомъ, опять безнаказанно крошить и уничтожать ненавистныхъ русскихъ, такъ дерзко, будто бы, и незаконно завладѣвшихъ ихъ землями, ихъ исконными вла-

¹⁾ Собственно въ Уфимскомъ архивѣ имѣется трехтомное дѣло о Пугачевщинѣ. Но, къ сожалѣнію, первый томъ, болѣе интересный, исчезъ безслѣдно. Переписка же второго тома начинается только съ 1-го мая 1774 г. Здѣсь, какъ и въ третьемъ томѣ, заключаются свѣдѣнія исключительно о волненіяхъ въ Уфимской провинціи, хотя далеко не подробныя, но тѣмъ не менѣе и въ нихъ есть новыя и неизвѣстныя еще данныя. Переписка о Салаватѣ находится въ концѣ III-го тома.

²⁾ Пушкинъ въ «Исторіи Пугачевского бунта», VI, прим. 1, говоритъ, что Юлай, послѣ казни 1741 года, скрылся въ Башкиріи. Это невѣрно. По вышепоказанному слѣдственному дѣлу видно, что въ 1775 году Юлаю было 45 лѣтъ. Слѣдовательно, во время башкирскаго возмущенія 1735—1741 гг. ему насчитывалось 5—10 лѣтъ отъ роду. Какимъ же образомъ онъ могъ принимать въ этомъ волненіи участіе?

³⁾ Тайн. сов. кн. Авраамъ Артемьевичъ Путятинъ управлялъ Оренбургскимъ краемъ съ 1767 по 1769 годъ.

⁴⁾ Башкирскій народъ по управленію раздѣлялся на четыре дороги (округи): Сибирскую, Ногайскую, Казанскую и Осинскую. Самый большой районъ былъ Сибирской дороги, заключавшій въ себѣ семь волостей, или главныхъ родовъ, и 55 тюрбей, или родовыхъ отдѣленій. (См. Рычковъ, «Исторія Оренбургская», въ «Переводахъ Ежемѣсячн.», 1759, февраль, 120—123).

дѣнями отъ отцовъ и дѣдовъ. На этотъ разъ побудительной причиною стать Юлаю во главѣ мятежниковъ былъ, по его показанію ¹⁾, захватъ коллежскими совѣтниками Твердышевымъ и Мясниковымъ всецѣло принадлежащей ему земли и постройка на ней Симскаго завода ²⁾. Для Юлая, конечно, не было надобности развѣдывать и досконально узнавать, кто шелъ разорять русскіе города и селенія—законный ли государь, или самозванецъ. Врожденная кровожадность требовала только жертвъ и грабежа. Изданный 29-го ноября 1773 года высочайшій манифестъ, даровавшій мятежникамъ полное прощеніе, «ежели они сознаютъ свои вины и впредь не будутъ чинить злодѣйства» ³⁾, нисколько не удержалъ его отъ попытокъ производить грабежи, но еще больше разжегъ его намѣреніе соединиться съ самозванцемъ и совместно вредить Россіи.

Когда, въ сентябрѣ 1773 года, генераломъ Рейнсдорпомъ были разосланы въ Уфимскую и Исетскую провинціи циркулярныя предписанія съ требованіемъ немедленной помощи Оренбургу «противъ злодѣя Пугачева»,—Юлай, собравъ 95 башкиръ, съ сыномъ Салаватомъ (21-го года), выступилъ изъ Башкиріи. Но рыскавшія кругомъ Оренбургской крѣпости шайки пугачевцевъ не допустили башкирцевъ соединиться съ правительственными войсками. Атаманомъ Овчинниковымъ Салаватка и отецъ его были захвачены въ плѣнъ и увезены въ Берду къ Пугачеву, который, по обыкновенію, обладалъ ихъ, насулилъ имъ горы наградъ, правъ, вольностей. Бойкій и смышленный Салаватъ такъ понравился самозванцу, что онъ тутъ же произвелъ его въ полковники и, вмѣстѣ съ отцомъ, командировалъ въ Башкирію, чтобы распространять тамъ свѣдѣнія о немъ, какъ о «государѣ законномъ и прирожденнымъ», набирать команду и возвратиться къ нему ⁴⁾.

¹⁾ См. въ дѣлѣ показаніе его, данное въ тайной экспедиціи.

²⁾ Симскій заводъ, на р. Симѣ, въ 356 верстахъ отъ Оренбурга, построенъ въ 1759 году.

³⁾ Къ сожалѣнію, въ мѣстныхъ архивахъ не сохранилось этого манифеста. Въ приложеніяхъ же къ «Ист. Пугач. бунта» значится только манифестъ 23-го декабря 1773 года.

⁴⁾ Въ своемъ показаніи въ главной слѣдственной комиссіи, подъ предѣтельствомъ генералъ-майора Потемкина, въ Казани, Салаватъ, однако, показывалъ, что онъ вступилъ въ шайку Пугачева по принужденію, «боясь смерти, по молодости лѣтъ», хотя «считалъ его за законнаго государя». Въ одно изъ злодѣйскихъ нападеній на Оренбургъ онъ, будто бы, хотѣлъ бѣжать отъ Пугачева; но Лицкіе казаки его поймали, «кололи пиками и сдѣлали ему двѣ раны: въ лѣвую щеку подъ лѣвымъ ухомъ, да въ правую руку: кололи въ спину, но, черезъ вольчугу, не причинили ему вреда, хотѣли лишить его живота, только наѣхавшими башкирами онъ отъ смерти, по просьбѣ ихъ, былъ избавленъ». Салаватка опять былъ представленъ Пугачеву, «который уговаривалъ его служить ему вѣрой и правдой», угрожая смертью въ случаѣ новаго бѣгства. Тутъ самозванецъ произвелъ его въ полковники. «Но какъ онъ Салаватъ отъ полученныхъ ранъ былъ боленъ, то былъ отпущенъ съ десятью заболѣвшими башкирами до выздоровленія въ его жилище».

Но еще за нѣсколько дней до прибытія Салавата въ Уфимскую провинцію тамъ успѣлъ похозяйничать ранѣ посланный Пугачевымъ «полковникъ» Иванъ Грязновъ, который «силой» вербовалъ башкиръ въ свою команду, билъ и мучилъ сопротивлявшихся, при чемъ «одного башкирскаго сотника Колбу Девлетова повѣсилъ, а у другого разграбилъ домъ» ¹⁾. Толпа Грязнова съ каждымъ днемъ росла и увеличивалась. Захватывая башкиръ, крестьянъ, солдатъ, казаковъ и разоряя поселенія, предводитель этотъ не щадилъ и женщинъ и не оставлялъ ихъ безъ поруганія. Въ попутныхъ крѣпостяхъ онъ забиралъ все боевые припасы и оружіе, и, усиливъ такимъ образомъ толпу свою до 4 тысячъ человекъ, часть ея послалъ подъ Уфу къ «графу Чернышеву» (Чика-Зарубинъ), а съ другою частью отправился подъ Яицкъ ²⁾.

Мятежъ разгорался все больше и больше. Салаватъ, вѣрный велѣніямъ «своего государя», пробывъ въ своей деревнѣ Юлаевкѣ только два дня, сталъ также разѣзжать по окружнымъ башкирскимъ селеніямъ Сибирской дороги, набирая падкихъ на грабежи туземцевъ «на царскую службу». Уже въ концѣ 1773 года видѣли его, какъ онъ, предводительствуя толпою въ 800 человекъ, вмѣстѣ съ атаманомъ Иваномъ Басовымъ напалъ на с. Сарapulъ ³⁾. Цѣлый день мятежники сражались съ застигнутыми врасплохъ жителями и только къ вечеру отхлынули прочь, захвативъ нѣсколько человекъ сарapulцевъ, которые были отвезены въ Чесноковку ⁴⁾ къ Чикѣ. Въ началѣ слѣдующаго года Салаватка цѣлую недѣлю свирѣпствовалъ съ своей толпой въ Красноуфимской крѣпости, захватилъ тамъ 4 пушки, 19 пудовъ пороху, канонировъ съ учениками 24 человекъ, 100 казаковъ, и 15-го января двинулся къ Кунгуру ⁵⁾.

Соединившись по пути съ толпой Табынскаго кузнеца, именовавшаго себя «бригадиромъ», Иваномъ Степановымъ Кузнецовымъ, и увеличивъ такимъ образомъ свою шайку до 4 тысячъ человекъ, Салаватъ, въ первыхъ числахъ февраля, подступилъ къ Кунгуру, намѣреваясь «штурмомъ» завладѣть имъ; но попытка его не удалась. Бунтовщики цѣлый день кружились около него, но были отражены всюду. Салаватку ранили въ правый бокъ. «Сдѣлавшись

¹⁾ Изъ показанія Салаватки.

²⁾ Изъ показанія Салаватки. Очевидно, подъ Верхнеуральскъ, а не подъ Нижне-Яицкъ, такъ какъ известно, что Грязновъ дѣйствовалъ въ верховьяхъ Яика и въ Башкиріи.

³⁾ Это былъ нынѣшній уѣздный городъ Вятской губерніи Сарapulъ, на правомъ берегу р. Камы, который до 1779 года считался селомъ.

⁴⁾ Деревня Чесноковка находится въ 18 верстахъ отъ Уфы по Оренбургскому тракту. Какъ объ этомъ, такъ и о нижеприведенныхъ обстоятельствахъ имѣть еще свѣдѣній въ печати.

⁵⁾ По показаніямъ свидѣтелей. Самъ же Салаватка говоритъ, что подъ Красноуфимскую подступали Грязновъ и Овчинниковъ, и только когда они потребовали отъ него подмоги, онъ привелъ имъ 2.000 разношерстной рати.

оттого боленъ», онъ не могъ уже управлять толпой «и былъ отпущенъ въ жилище свое»¹⁾. Однако, слѣдуя домой, онъ по пути не переставалъ понуждать жителей идти «служить государю Петру Федоровичу» и посылалъ для набора шаекъ своихъ казаковъ даже до с. Троицкаго²⁾ и дер. Озерковъ³⁾.

Опять появился Салаватка на аренѣ кровавой рѣзни только послѣ вступленія въ Башкирію Пугачева. Первымъ его дѣйствіемъ, весной 1774 года, вмѣстѣ съ отцомъ Юлаемъ, было оцѣпленіе Симскаго завода купца Твердышева. Здѣсь бунтовщики «священника и крестьянъ 60 человекъ перекололи, заводъ разграбили и выжгли»⁴⁾. Послѣ того свирѣпый предводитель, съ башкирами и заводскими крестьянами, въ числѣ 2.000 человекъ, выдержавъ три сраженія съ подполковникомъ Михельсономъ⁵⁾, пошелъ на Саткинскій заводъ, въ которомъ захватилъ было въ свою толпу, съ намѣреніемъ казнить, неповиновавшагося ему, «Казанскаго 1-го баталіона солдата Бородина»; но, «услышавъ приближеніе полковника Михельсона отослалъ его скованнымъ въ башкирскую деревню, въ 20 верстахъ отъ завода».

Тѣмъ временемъ посланные имъ башкирцы, Аладинъ и Бахтіяръ Каскеевъ, въ Уфимскомъ уѣздѣ⁶⁾ набирали еще толпы, съ которыми потомъ подступили къ Бирску, но, будучи разбиты тамъ правительственными войсками, принуждены были скрыться въ деревню Пулевку, куда изъ-подъ Саткинскаго завода, боясь преслѣдованія Михельсона, съ 200 уцѣлѣвшими отъ погрома башкирами и казаками, прискакали и только что произведенный въ бригадиры Салаватъ. Соединивъ кое-какъ свои разрозненные шайки, онъ направился по Сибирской дорогѣ, командировавъ, подъ начальствомъ черемиса деревни Бургашевой Уфимскаго уѣзда, Ямбаева, 100 мятежниковъ «развѣдывать о вѣрныхъ войскахъ и доносить ему» на Уфимскую дорогу, гдѣ они, близъ деревни Сюбаевой, въ полѣ про-

¹⁾ Изъ показанія Салаватки.

²⁾ Изъ показаній свидѣтелей. С. Троицкое стоитъ на Камѣ, нынѣ Осинскаго уѣзда, Пермской губерніи.

³⁾ Деревня Озерки находится въ 30 верстахъ отъ с. Троицкаго.

⁴⁾ Изъ показаній свидѣтелей. Какъ рассказываетъ самъ Юлай, заводъ собственно выжженъ имъ, ибо «онъ былъ построенъ на его землѣ». Салаватъ же, въ обществѣ двухъ какихъ-то полковниковъ, съ частью злодѣйской толпы, но безъ вѣдома Пугачева, выжегъ только двѣ деревни, принадлежащія этому заводу (показаніе Салавата).

⁵⁾ Изъ показаній свидѣтелей. По Пушкину («Ист. Пуг. б.», VI, 76—81) это произошло между 5 и 27 мая 1774 года.

⁶⁾ По показанію свидѣтелей. «Въ д. Балтачевой жители знали, что Салаватъ служить злодѣю, но какъ онъ развѣзжаетъ по жительствовамъ съ великою толпою, то принуждены были дать Аладину 15 человекъ». «Въ д. Старой Тертековой пріѣхавшій Каскеевъ, съ 300 мятежниковъ, предъявилъ старшинѣ данный ему отъ Салаватки о наборѣ людей указъ, ночевать здѣсь и взять въ толпу 20 человекъ» и т. д.

стояли по июль мѣсяць, когда уже Пугачевъ перешелъ Каму и направился къ Казани, а Салаватка воротился въ Башкирію набирать новыя толпы, чтобы уже лично отъ себя производить грабежи и разоренія ¹⁾.

На Сибирской дорогѣ къ Салавату присоединилось 300 башкиръ. Въ деревнѣ Узяковой онъ еще «набиралъ людей», потомъ въ селѣ Касеевѣ «огранилъ перковы и нѣсколько обывательскихъ домовъ» и, собравъ пятитысячную рать, слѣдовалъ за подвигавшимся къ Красноуфимску ²⁾ Пугачевымъ къ Осѣ, которая и была взята обоими мятежниками ³⁾. Въ этомъ сраженіи Салаватъ былъ тяжело раненъ въ правую ногу ружейной пулей ⁴⁾ и былъ отпущенъ на излѣченіе домой.

Самозванецъ, тѣмъ временемъ, перейдя Каму, направился къ Казани. Салаватъ же, воротившись въ Уфимскій уѣздъ, гдѣ у него была оставлена наблюдательная партія, вновь сталъ разсылать по окрестнымъ деревнямъ вѣрныхъ ему башкиръ и черемисъ ⁵⁾ набирать «команду», съ которой производилъ грабежи даже послѣ поимки Пугачева. Осенью, съ толпой въ 200 человекъ, онъ явился въ деревню Балтачеву, «захватилъ тамъ людей» и съ той же цѣлю направился было въ деревню Имянгуле, но высланныя противъ него войска не допустили его дальше. Салаватъ былъ разбитъ и, преслѣдуемый по пятамъ подполковникомъ Аршеневскимъ, наконецъ, 25-го ноября 1774 года былъ захваченъ и закованъ въ кандалы ⁶⁾. Не много ранѣе, видя свое дѣло проиграннымъ, по вызову старшинъ явился къ коллежскому совѣтнику Тимашеву и отецъ его Юлай. Преступники были посажены въ Уфѣ, а потомъ пересланы въ главную слѣдственную комиссію въ Казань. Но здѣсь, на допросахъ, оба предводителя не сознались въ совершенныхъ ими

¹⁾ Изъ показаній свидѣтелей. Пушкинъ же говоритъ (гл. VI, 83), что Бирскъ былъ сожженъ въ іюні, почти въ виду полковниковъ Якубовича и Обернибѣсова и майора Дуве.

²⁾ Изъ пок. свид. «Когда прошелъ слухъ, что Пугачевъ, побывавши у Салавата, пойдетъ по Красноуфимской дорогѣ на Казань, жители д. Епалчихи условились о повинненіи послать ему рапортъ».

³⁾ Показ. свид. По Пушкину (VI, 84) Оса взята 18-го іюня.

⁴⁾ Показ. Салавата. Между тѣмъ Пушкинъ (VI, 82) увѣряетъ, что Салаватка былъ раненъ въ сраженіи 30-го мая, но гдѣ происходило это сраженіе, — неизвѣстно. Трудно, однако, повѣрить, чтобы онъ успѣлъ поправиться въ такой короткій срокъ отъ ранъ, чтобы успѣть собрать 5 тысячъ мятежниковъ.

⁵⁾ Показ. свид. «Тутъ онъ (то-есть Салаватъ) отъ черемисъ одного Пзибалъ наименовалъ полковникомъ и далъ ему о томъ на татарскомъ языкѣ письмо».

⁶⁾ Показ. свид. Самъ же Салаватъ о своемъ захватѣ говоритъ, что воротившись изъ-подъ Осы «на излѣченіе въ свою деревню, онъ былъ взятъ въ ней правительственными войсками, при чемъ весь его домъ разоренъ, три жены и два сына взяты въ плѣнъ, и гдѣ находится, — не знаетъ. Онъ, Салаватъ, съ прочими привезенъ къ подполковнику Аршеневскому, у котораго, при спрашиваніи его злодѣйствъ, сѣченъ былъ батожекъ, а отъ него отосланъ въ Казань».

преступленіяхъ. Салаватъ каялся только въ своемъ вынужденномъ участіи съ толпой мятежниковъ «во многихъ сраженіяхъ противъ правительственныхъ войскъ и въ разореніи многихъ селеній», но «не винился въ грабежахъ и убійствахъ». Отецъ его Юлаѣ сначала также отрицалъ всякое сообщничество съ мятежниками, но «напослѣдокъ» сознался, что былъ захваченъ въ шайку Пугачева «по неволѣ» и выжегъ Симскій заводъ за то, что онъ построенъ «на его землѣ». Однако, оба преступника десятию содержавшимися въ Казани колодниками и башкирскимъ старшиной Кулеемъ Балтаевымъ были изобличены въ другихъ еще большихъ своихъ злодѣйствахъ.

Тогда бунтовщики, при особой запискѣ, были препровождены генераломъ Потемкинымъ въ Петербургъ въ специально для разбора дѣлъ надъ мятежниками учрежденную при сенатѣ тайную экспедицію, куда они прибыли 25-го февраля 1775 года. Но и тамъ злодѣи не сдѣлали чистосердечнаго признанія. Въ виду этого, хотя по собраннымъ даннымъ Юлаѣка «за разграбленіе завода былъ достоинъ лишенія живота», а Салавата, «яко клятвопреступника и бунтовщика, слѣдовало бы подвергнуть смертной казни»..., «но понеже» первый изъ нихъ, «на допросѣ добровольно раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, отъ злодѣйской толпы отсталъ и явился вѣрныхъ войскъ у начальника Тимашева, а по показанію Балтаева напередъ сего былъ поведенія хорошаго и служилъ ея императорскому величеству въ польскомъ корпусѣ вѣрно и усердно»; второй же, хотя «изобличенъ въ своихъ поступкахъ, но въ оныхъ не признался», то, «держась правосудія», «дабы все ихъ злодѣйства въ самую точность привести и обличить ихъ чрезъ такихъ людей, которые были свидѣтелями чинимыхъ ими убійствъ», тайная экспедиція опредѣлила послать ихъ для дальнѣйшаго производства слѣдствія и суда «на мѣсто въ Оренбургскую губернію».

Сообщая объ этомъ (въ письмѣ 17-го марта 1775 года) оренбургскому губернатору, генераль-поручику Рейнсдорпу, генераль-прокуроръ князь А. А. Вяземскій добавлялъ еще, что «если по немъ (Юлаѣ) доброе поручительство будетъ, то о свободѣ его отъ всякаго наказанія поступить по силѣ всемиловитваго 1773 г. ноября 29-го дня манифеста и на конецъ привести въ вѣрности ея императорскому величеству къ присягѣ. Буде же по развѣдываніи окажется, въ толькихъ злодѣйствахъ находился, какъ его сынъ, то по законамъ судить; учинить допросъ: самъ ли Юлаѣ отъ злодѣевъ отсталъ—разспросить сосѣднихъ башкирскихъ старшинъ и лучшихъ людей, насколько онъ наполненъ зломъ... Если онъ и сынъ Салаватъ окажутся соучастниками мятежа добровольно, то, по силѣ указа 1754 года, мая 13-го, сослать въ каторжную работу въ Рогервикъ».

Преступники были отправлены въ Оренбургъ, а оттуда, при предписаніи Рейнсдорпа, 23-го апрѣля (№ 879), въ провинціальную канцелярію въ Уфу, подъ конвоемъ подпоручика Пушкарева и четы-

рехъ солдатъ, Юлайка—въ ножныхъ, а Салаватъ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ.

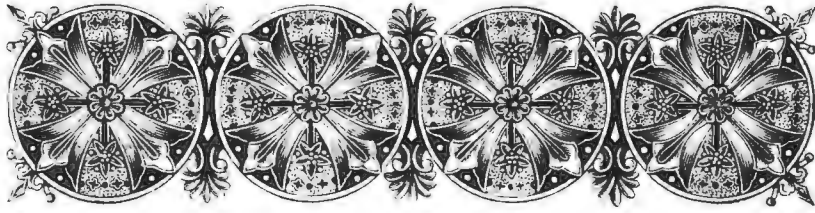
Въ уфимской провинціальной канцеляріи мятежныя дѣйствія обоихъ преступниковъ вполне подтвердились допросами. Помимо совмѣстнаго сожженія Симскаго завода, Юлай разграбилъ еще заводы Усть-Катавскій, Катавскій (или Катавъ-Ивановскій) и деревню Орловку; Салаватъ же—деревни Юлаеву, Лакъ и посады Красноуфимскъ, Кунгуръ, Осу. Поэтому провинціальная канцелярія признала поступки ихъ заслуживающими высшей мѣры наказанія и 6-го іюля 1775 года приговорила: «Юлая и Салавата, наказавъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя на лбу и щекахъ знаки, сослать въ каторжную работу въ Рогервикъ вѣчно», а затѣмъ 22-го іюля опредѣлила: «Наказаніе крутомъ учинить въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они злодѣйства дѣлали, а именно: Юлаю—въ Симскомъ заводѣ—45 ударовъ, Усть-Катавскомъ—45, Катавскомъ—45, деревнѣ Орловкѣ—40; Салавату—на Симскомъ заводѣ—25 ударовъ, деревнѣ Юлаевой—25, деревнѣ Лакъ—25, въ Красноуфимскѣ—25, Кунгурѣ—25, Осѣ—25 и въ томъ числѣ, гдѣ онъ, не добѣзая Юлдака, чинилъ съ подполковникомъ Рылѣвымъ сраженіе,—25»; затѣмъ Юлаю—въ Орловкѣ, а Салавату, гдѣ произошло сраженіе съ Рылѣвымъ, «вырвать ноздри и поставить на лбу знаки»¹⁾.

Остальные знаки на щекахъ были поставлены въ Уфѣ, откуда преступники въ октябрѣ того же года, чрезъ Казань, были отправлены въ мѣсто вѣчной каторги.

П. Юдинъ.

¹⁾ Въ «Матеріалахъ по исторіи, этнографіи и проч. Оренбургской губерніи» 1877 г., отд. II, 31, неправильно показано, что Салавату на каждомъ мѣстѣ велѣно давать по 40 ударовъ. По полученіи «болѣе 400 ударовъ, онъ остался живъ»... Между тѣмъ изъ вышеприведеннаго видно, что какъ ему, такъ и его отцу, дано было всего по 175 ударовъ.

НЕДУГИ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ.

I.

ОСЛѢ долгаго затишья въ печати о недугахъ русской «средней» школы, и главнымъ образомъ классической гимназіи вопросъ этотъ въ послѣднее время снова получаетъ право гражданства, и обсужденіе этихъ недуговъ привлекаетъ на страницы періодической прессы все большее и большее количество работниковъ пера. Два фельетона въ «Новомъ Времени» (№№ 7982 и 7991) П. Гн—ча «Среднее образование» и, какъ дополненіе и живая иллюстрація къ нимъ, «Этюдъ» (№ LXIII) Old Gentlemen'a въ той же газетѣ, за текущее лѣто, поставили вопросъ о нашей классической гимназіи ребромъ; въ этихъ фельетонахъ оба автора, со свойственной имъ беллетристической яркостью и образностью, выпукло обрисовали передъ читателями фронтоны тѣхъ «серединныхъ» храмовъ науки, куда ежедневно, въ теченіе всего учебнаго сезона, стекаются десятки тысячъ русскаго учащагося юношества. И. Гн—чь и Old Gentleman отнесли совершенно отрицательно къ педагогическимъ условіямъ, въ кои поставлены въ этихъ храмахъ наши младшіе братья, сыновья и родственники, и о которыхъ и мы, представители старшаго поколѣнія русскаго общества, побывавшіе лично тамъ, вспоминаемъ подчасъ съ чувствомъ неподдѣльной горечи. Въ отмѣченныхъ фельетонахъ «Новаго Времени» недостатки дѣйствующей системы средней школы обрисованы лишь въ общихъ контурахъ, лишь рѣзкими штри-

хами, и представлены, въ интересахъ образности изложенія, конкретными фактами. Болѣе глубоко и шире, хотя чисто теоретически, разработали тѣ же вопросы, въ ихъ историческомъ, педагогическомъ и публицистическомъ освѣщеніи, С. Н. Южаковъ и П. Каптеревъ на страницахъ ежемѣсячныхъ журналовъ — «Русскаго Богатства» и «Русской Школы». Нынѣ эти работы вышли отдѣльными изданіями; перваго изъ нихъ подъ заглавіемъ «Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты», второго — «Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленіе и дѣятели». Нѣкоторымъ дополненіемъ къ этимъ работамъ можетъ служить брошюра П. М. Луговскаго «На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу», являющаяся собраніемъ статей за 1897 годъ, напечатанныхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и принадлежащихъ, повидимому, перу челоуѣка, стоящаго близко къ дѣлу гимназическаго обученія.

Въ названныхъ работахъ дѣйствующая въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ система разсмотрѣна принципиально, съ точки зрѣнія ея историческаго *raison d'être* и ея современной цѣлесообразности; критикѣ подвергнута вся школьная схема, а также отмѣчено, что новаго должно быть внесено въ учебное дѣло, дабы оно получило направленіе, которое ему указываютъ опытъ старшихъ культурныхъ народовъ и соображенія лучшихъ былыхъ представителей отечественной педагогикн. Г. Южаковъ не ограничивается въ своей книгѣ только такой постановкой вопроса, но пытается (и, нужно сознаться, вполне удачно) распространить свой анализъ и на дробныя части дѣйствующей системы или, правильнѣе, существующихъ школьныхъ программъ. Поэтому имъ притянуты къ отвѣту не только составныя части гимназическаго учебнаго дѣла, но и тѣ орудія, при помощи которыхъ предназначено этимъ составнымъ частямъ выполнять свои функціи. Онъ подвергъ критикѣ гимназическіе учебники по главнѣйшимъ жизненнымъ предметамъ обученія и пришелъ здѣсь къ высшей степени любопытнымъ результатамъ, нарисовалъ здѣсь такую картину извращенія элементарныхъ понятійи учениковъ, отъ означенія съ которой жутко становится за молодое поколѣніе.

Эта детальная, такъ сказать, работа въ области современной русской педагогикн совпадаетъ съ тѣми задачами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудятся въ настоящее время и спеціальные педагогическіе журналы — «Русская школа» Я. Гуревича, «Образованіе» А. Острогорскаго и московскій «Вѣстникъ Воспитанія» д-ра Н. Михайлова. Во всѣхъ названныхъ изданіяхъ поставлены также на очередь разсмотрѣнія и рѣшенія вопросы методовъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и орудій этого преподаванія, то-есть учебниковъ, причемъ главное вниманіе удѣлено преподаванію русской грамотности, исторіи и географіи. Рядомъ съ такого рода литературно-педагогическимъ теченіемъ надлежитъ отмѣтить и стремленіе выяснитъ вопросъ о подготовкѣ преподавателей въ среднихъ

учебныхъ заведеніяхъ къ предстоящей имъ дѣятельности, вопросъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ рѣзко поставленъ въ нашей литературѣ извѣстной брошюрой Н. Скворцова «О надлежащемъ приготовленіи учителей гимназій».

Какъ видятъ читатели, вопросы, выдвинутые печатью, общей и специальной, въ области русскаго школьнаго дѣла, вопросы—капитальнаго значенія, отъ правильной постановки которыхъ зависитъ судьба молодыхъ поколѣній, ихъ пригодность служенія родной землѣ и благо послѣдней. Школьное неустройство, которое рѣшительно всѣми единогласно признается, какъ фактъ несомнѣнный, явленіе слишкомъ серьезное, чтобы къ нему можно было относиться безучастно и пассивно, и благо нашему времени, что оно имѣетъ возможность нынѣ гласно обсудить всѣ эти вопросы, имѣетъ возможность привлечь къ этому обсужденію элементы общественные. Было время, и еще не такъ давно, когда затрогивать среднюю школу, и въ особенности классическую гимназію, считалось чуть ли не преступнымъ и во всякомъ случаѣ неудобнымъ. Въ критикѣ дѣйствовавшей системы классическаго образованія усматривали почему-то посягательство на коренные устои русской жизни, посягательство съ никуда негодными средствами и дѣлами противъ существующаго государственнаго порядка вещей. Отсюда наложеніе печати молчанія на всѣ вопросы средней школы и ея режима, которая, сокрытая бдительной охраной отъ ревизіи гласности и предоставленная самой себѣ, въ виду отсутствія живого обмѣна съ остальными элементами общественнаго строя, слишкомъ долго оставалась въ состояніи косной неподвижности и мертвенной затхлости. Но вотъ, когда подъ вліяніемъ напора насущныхъ потребностей русской жизни, въ послѣдніе годы министерства покойнаго графа И. Д. Делянова, эта печать была сломлена, и русская срединная школа выступила передъ нами обнаженною отъ окутывавшей ее такъ долго плотной завѣсы: всѣ тѣ, кто рѣшился поближе подступить даже къ ея наружному фасаду, ужаснулись ея печальному виду. Дальнѣйшее ознакомленіе съ тѣмъ, въ какой видъ пришли за двадцать пять почти лѣтъ остальные части срединнаго храма науки, давало все болѣе и болѣе неожиданные и вмѣстѣ съ тѣмъ грустные результаты. Оказалось, что все школьное зданіе, начиная съ его устарѣвшей архитектуры, съ его неудобными и нецѣлесообразными покоями и кончая даже его обитателями изъ числа командующаго состава, нуждается въ переустройствѣ, въ фундаментальномъ ремонтѣ, въ смѣнѣ и обновленіи этого состава. Отсюда въ короткое время народженіе цѣлой литературы, посвященной «среднему образованію», литературы, которая со свойственнымъ ей доброжелательствомъ и энергіей поспѣшила на помощь власть имущимъ съ указаніями и предложеніями. Эти указанія, эта доброжелательная критика, эти предложенія своихъ услугъ опыта и знанія настолько любопытны и знаменательны, что популяризація ихъ,

компановка этой литературы по нѣкоторымъ наиболѣе существеннымъ рубрикамъ вопросовъ, предлагаемая мною въ настоящемъ очеркѣ читателямъ, будетъ бесполезною въ общей литературѣ вопроса о среднемъ образованіи.

Я нарочно предупреждаю, что именно эта популяризація, эта компановка и является главною моею задачею, такъ какъ, пройдя лично по всѣмъ коридорамъ и покоямъ серединой русско-классической школы съ года ея основанія, ея расцвѣта и примѣненія къ ней всевозможныхъ способовъ ухода, я могъ бы, подобно, напри- мѣръ, Old Gentleman'у, дать вмѣсто такой работы нѣчто иное лишь того же типа, въ родѣ воспоминаній о цѣлыхъ трехъ классическихъ гимназіяхъ семидесятихъ годовъ, въ коихъ по волѣ судьбы пришлось побывать по нѣскольку лѣтъ. Но къ этимъ воспоминаніямъ по кое-какимъ соображеніямъ я сейчасъ приступить не считаю удобнымъ, какъ равно не полагаю возможнымъ по условіямъ журнальной программы «Историческаго Вѣстника» представить здѣсь собственные размышленія о русской классической школѣ. Поэтому, поставивъ себѣ темою очерка одинъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ, всплывшихъ на поверхность нашей журнальной жизни, я, отвѣчая на запросы читателя, и предпочитаю разработать этотъ вопросъ библиографическимъ способомъ, т. е. попытаюсь познакомить читателей съ тѣмъ, что по поводу недуговъ нашего среднего образованія успѣла къ настоящему времени заявить текущая литература. Исчерпать весь печатный, накопившійся по настоящему предмету матеріалъ, конечно, невозможно; онъ слишкомъ великъ по своему объему и слишкомъ дробенъ по составнымъ частямъ. Газеты, даже провинціальныя (на- примѣръ, «Варшавскій Дневникъ» текущаго года), постоянно и систематически приподносятъ все новыя и новыя данныя по тому же предмету, такъ что рѣшительно теряешься въ безбрежномъ морѣ печатной бумаги. Волею-неволею приходится, особенно экономизпруя мѣсто, ограничиваться лишь существеннымъ и притомъ ведущимъ свое происхожденіе только отъ нашихъ дней, во главѣ коего и положены мною книги — С. Южакова «Вопросы просвѣщенія», П. Каптерева «Новая русская педагогія» и Н. Скворцова «Недуги нашего учебнаго дѣла». Сюда же присоединены мною отмѣченные выше фельетоны «Новаго Времени» и нѣкоторыя наиболѣе подходящія статьи изъ перечисленныхъ педагогическихъ журналовъ.

II.

Русская дореформенная школа носила на себѣ преимущественно утилитарный характеръ, и образованіе здѣсь юношества было при- норовлено къ государственнымъ потребностямъ, подготавливая изъ этого юношества служилыхъ людей и различныхъ техниковъ. Пе- дагогія обрѣталась также въ жалкомъ положеніи и, по свидѣтель-

ству г. Каптерева, «преобразовательная эпоха застала русскую педагогію въ крайне слабомъ состояніи, ея почти даже не было. Были у насъ школы разныхъ наименованій, были учителя, было начальство школьное, но все это было казенное, офіціальное... Постановка образованія была строго принудительная, регламентированная до мелочей государствомъ: учителя по обязанности учили, начальство награждало и наказывало учениковъ, совершались выпуски окончившихъ школьный курсъ—вотъ и все».

Преобразовательная эпоха, вдохнувшая въ русскую жизнь, во всѣхъ ея слояхъ и проявленіяхъ, свѣжую атмосферу, всколебавшая эту жизнь въ самыхъ ея глубокихъ и коренныхъ основаніяхъ, совершила истинную метаморфозу и въ русскомъ школьномъ дѣлѣ, въ области русской педагогической мысли. Все здѣсь пришло въ движеніе, и точно по мановенію какой-то волшебной руки создались у насъ школы, учителя, учебники, педагогическая журналистика, педагогическая литература, педагогическая теорія и практика. «Въ послѣднія 40—50 лѣтъ,—говорить г. Каптеревъ,—теоретическая и практическая педагогія сдѣлала у насъ также огромные успѣхи, какихъ она не дѣлала въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ столѣтій». Причина успѣха, по мнѣнію почтеннаго автора, заключается въ томъ, что воспитаніе перестало быть дѣломъ исключительно одного лишь государства, но стало и живымъ общественнымъ дѣломъ. До эпохи освобожденія образованіе, подвѣдомственное казеннымъ канцеляріямъ, было поставлено безжизненно, отвлеченно и односторонне; въ послѣдовавшій же періодъ общество горячо заинтересовалось имъ, и въ участіи общества это образованіе почерпнуло живительную силу. Общество выставило рядъ дѣятелей по образованію и теоретической педагогикѣ, для которыхъ педагогическіе вопросы стали дѣломъ жизни, дѣломъ свободнаго избранія, дѣломъ естественнаго и безкорыстнаго призванія. На пустомъ педагогическомъ мѣстѣ дореформеннаго періода эти дѣятели, воодушевленные горячею любовью къ родинѣ, къ народу, къ просвѣщенію, сумѣли насадить новые идеалы, большинство которыхъ вошло въ плоть и въ кровь современнаго общества и по всей справедливости считается неотъемлемымъ достояніемъ нашего историческаго самосознанія. Развитие и формулировка этихъ идеаловъ по ихъ главнѣйшимъ рубрикамъ приведена въ работѣ г. Каптерева «Новая русская педагогія», а еще полнѣе, но безъ всякаго освѣщенія и обработки, въ педагогической хрестоматіи М. И. Демкова «Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ», являющейся любопытною новинкою на нашемъ книжномъ рынкѣ, и которую я, невзирая на ея нѣкоторые недостатки, главнымъ образомъ біографическаго характера, охотно рекомендую читателямъ, интересующимся педагогическими вопросами. На основаніи этихъ-то трудовъ—г. Каптерева и г. Демкова, ознакомимся вкратцѣ, какія требованія предъявили русской, главнымъ образомъ, средней школѣ

представители нашей педагогики, съ Н. И. Пироговымъ, авторомъ знаменитыхъ «Вопросовъ жизни», во главѣ.

Начало разсужденія о сущности, задачахъ и средствахъ общечеловѣческаго воспитанія было положено журналомъ «Морской Сборникъ», напечатавшимъ статью Бема о воспитаніи вообще, по поводу каковой редакція тутъ же вызывала лицъ, желающихъ высказаться по тому же предмету. Изъ числа этихъ откликовъ на приглашеніе особенное историческое значеніе имѣетъ статья Пирогова «Вопросы жизни». Почти одновременно появилась на страницахъ «Журнала для воспитанія» Чумикова статья П. Г. Рѣдкина «Что такое воспитаніе?». Эти-то двѣ статьи, надѣлавшія въ свое время столько шума, и дали толчокъ развитію у насъ тѣхъ педагогическихъ теченій, которыя въ конечномъ своемъ результатѣ привели нашихъ мыслителей къ поклоненію передъ общечеловѣческими идеалами, гдѣ все временное, мѣстное, случайное, тонуло въ вѣчномъ, общемъ и постоянномъ. «Мыслители, бравшіеся за разрѣшеніе педагогическихъ вопросовъ, не имѣли въ виду удовлетворить лишь потребностямъ минуты,—говоритъ г. Каптеревъ,—они хотѣли, удовлетворяя временную нужду, указать вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчное и постоянное въ данной области, положить такой твердый, надежный фундаментъ, на которомъ могло бы строиться все дальнѣйшее образованіе русскаго народа, чтобы путемъ этого образованія русскій народъ братски вошелъ въ семью образованныхъ западно-европейскихъ народовъ».

Въ статьѣ «Что такое воспитаніе?»¹⁾, имѣющей богословское основаніе, Рѣдкинъ, говоритъ: «Очевидно для всѣхъ и каждаго, какъ важна, велика, трудна задача воспитанія. Сдѣлать изъ юноши и дитяти челоѣка въ полномъ смыслѣ этого слова; способствовать естественному развитію ихъ нравственной свободы; укрѣплять ихъ волю такъ, чтобы они могли дѣйствовать самостоятельно; изоцирить ихъ духовное зрѣніе, чтобы они ясно смотрѣли на жизнь, созная задачу ея и стараясь всѣми силами рѣшить ее; посѣять въ душѣ ихъ и взрости все прекрасное, истинное и доброе; возжечь въ груди ихъ пламенную любовь къ Богу и ближнему; ввести ихъ въ свѣтъ здравыми тѣломъ и духомъ, способствовать продолжать дальнѣйшее свое образованіе и дѣйствовать для пользы общей и во славу Всевышняго — вотъ черты истинной идеи воспитанія. Кто не согрѣтъ эту идею, тотъ не можетъ называться воспитателемъ въ истинномъ смыслѣ слова. Но воспитатель, носящій въ умѣ и сердцѣ своемъ идею воспитанія, обязанъ мало-по-малу знакомить съ нею и самого воспитанника, представляя ее, нагляднымъ образомъ, въ идеалахъ. Да будетъ же самъ воспитатель ближайшимъ идеаломъ для своего воспитанника! Но какъ бы ни былъ самъ воспитатель того достоинъ, во всякомъ случаѣ онъ не можетъ проявить въ

¹⁾ П. М. Демковъ, стр. 209—218.

одномъ себѣ всей идеи. Проводите же, воспитатели, постоянно предъ воспитанниками вашими тѣ великія и благородныя личности, которыхъ исторія увѣнчала вѣчно-зеленѣющимъ вѣнкомъ безсмертія! Соединяйте въ одинъ образъ тѣ отдѣльныя черты изъ жизни историческихъ людей, которыми каждый изъ нихъ наиболѣе приблизится къ идеалу! Всего же болѣе старайтесь возбудить воспитанника вашего къ подражанію тому Высочайшему идеалу, который призываетъ всѣхъ насъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, который Самъ сказалъ о Себѣ: «Образъ дахъ вамъ, да яко же Азъ сотворилъ вамъ, и вы творите»...

Такимъ образомъ, идеаль воспитанія и всей воспитательной системы, какъ ее опредѣляетъ В. Рѣдкинъ, есть выработка «человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова»; средствами же для того, по крайней мѣрѣ главнѣйшими, имъ рекомендуются основы гуманитарнаго знанія, во главу которыхъ положены историческія свѣдѣнія о жизни великихъ людей.

Большее значеніе, нежели статья Рѣдкина, имѣли для исторіи педагогической эволюціи въ нашемъ отечествѣ знаменитые «Вопросы жизни» Пирогова, гдѣ послѣдній кратко формулировалъ задачи воспитанія основнымъ положеніемъ, что идеаломъ воспитанія должно быть стремленіе школы приуготовить изъ учащагося «человѣка» при помощи самопознанія. Развитие этого основнаго положенія, поскольку оно вытекаетъ изъ всей философской схемы, набросанной Пироговымъ, и, какъ его опредѣляетъ г. Каптеревъ, слѣдующее: «Убѣжденія даются не каждому, они даръ неба. Только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто хотя однажды проникательно взглянулъ на себя, точнѣе — въ себя. Начало перевоспитанія — познаніе себя. А это неимоверный трудъ. Самый главный результатъ самопознанія—сознаніе непрерывной борьбы между наружнымъ и внутреннимъ человѣкомъ, между влеченіями инстинктовъ и силою воли. Такая двойственность и есть наше зло, борьба съ двойственностью есть основная задача нашей дѣятельности. Побѣда надъ двойственностью ведетъ къ безсмертію, обѣщанному откровеніемъ. Кто дошелъ до убѣжденія въ необходимости борьбы съ двойственностью, тотъ убѣжденъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ предстоящемъ ему безсмертіи. Но съ двойственностью нужна борьба, а не вражда. Не враждуя съ матеріей, не враждуя съ окружающимъ міромъ, нужно вступить въ борьбу ради недосягаемаго на землѣ идеала».

Сопоставляя настроеніе Пирогова съ тѣмъ, что говорилось до него, и даже съ тѣмъ, что провозглашалось Рѣдкинымъ, г. Каптеревъ заключаетъ, что: «въ прежнихъ идеалахъ царила вѣра, а здѣсь — критика; прежде господствовалъ авторитетъ, а теперь — самопознаніе, правда, авторитетовъ всецѣло не отрицающее; прежде призывали къ послушанію, къ переламыванію воли, а теперь гово-

рять о свободномъ и самодѣтельномъ служеніи высокимъ идеаламъ».

Стремясь провести въ общество идею о необходимости примиренія школы и жизни во имя высшаго нравственнаго идеала, Пироговъ въ статьѣ «Школа и жизнь» ¹⁾ говоритъ: «Во всѣхъ народныхъ, сельскихъ и городскихъ школахъ общечеловѣческое образованіе должно какъ можно ранѣе и какъ можно прямѣе переходить въ реальное и прикладное. А общечеловѣческое образованіе среднихъ и высшихъ классовъ, до перехода въ спеціальное, ничѣмъ въ сущности не можетъ быть различно. Уровень его для этихъ двухъ классовъ можетъ быть повышеиъ или понижеиъ, не по сословіямъ и не по кастамъ, а по состоянію, смотря по тому, кто богаче или бѣднѣе, кто болѣе или менѣе можетъ обойтись безъ матеріальныхъ пособій, доставляемыхъ приложеніемъ науки къ жизни. Опредѣливъ, что уровень общечеловѣческаго образованія долженъ быть въ настоящее время двоякій для различныхъ слоевъ общества, нужно еще опредѣлить, какія отрасли вѣдѣнія и въ какомъ объемѣ должны относиться къ одному и какія къ другому уровню. Но этотъ вопросъ никогда не разрѣшится окончательно. Его разрѣшить можно не иначе, какъ пожертвовавъ одною отраслью знанія для другой, какъ доказавъ математически, что одна отрасль несравненно болѣе содѣйствуетъ развитію всѣхъ способностей души, чѣмъ другая. А этого доказать нельзя. Но если этотъ вопросъ и остается еще не разрѣшеннымъ для науки и педагогическаго искусства, то это не интересуеиъ родителей. Если у васъ есть больное дитя, то развѣ для васъ не все равно, по какой методѣ его будутъ лѣчить,—лишь бы возвратили здоровье. Для чего же вамъ спорить, хлопотать и теряться въ недоумѣніяхъ, что полезнѣе вашему сыну—учиться ли полатыни и погречески, или пофранцузски и поанглійски? Повѣрьте, въ рукахъ дѣльнаго педагога, и древніе, и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія, не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Ищите убѣдиться въ другомъ,—въ самомъ главномъ,—въ личности людей, которымъ вы повѣряете образованіе вашего сына. Посредствомъ ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естествовѣдѣнія совершится общечеловѣческое образованіе вашего сына, все равно — лишь бы сдѣлали его человѣкомъ. Преимущество и выгоды различныхъ способовъ этого образованія такъ очевидны и такъ значительны, что нѣтъ возможности въ настоящее время сказать, который лучше.

«Когда школа была въ полномъ разладѣ съ жизнью; когда она и родителямъ, и дѣтямъ казалась какимъ-то гробомъ, то и грамота и изученіе родного слова, казались бременемъ, вовсе лишнимъ для жизни, жилось и такъ прекрасно. Теперь это повѣрье перешло на

¹⁾ Сочиненія Н. П. Пирогова, т. II, стр. 291—295.

древніе языки, да и на другіе предметы гуманнаго образованія. И теперь еще не совсѣмъ кончилась борьба жизни съ грамотою. Какъ прежде, въ разгарѣ этой борьбы, для самыхъ высшихъ слоевъ общества, нужна была польза отъ связи жизни съ грамотою, и они поддерживали эту борьбу напропалую, такъ и теперь еще для многихъ не разъяснилась органическая связь жизни съ высшими звеньями гуманизма, и они отъ грамоты, съ которою уже помирились, сгѣшпать, что называется, сломя голову, удариться въ реализмъ. Школа и жизнь все еще не помирились».

Изъ этой длинной приведенной мною тирады Пирогова мы видимъ, что онъ ставитъ базисомъ всякой школы—общечеловѣческое образованіе, которое для низшихъ и недостаточныхъ классовъ должно перейти въ реальное и прикладное или профессиональное, какъ мы его теперь именуемъ. Для среднихъ же и высшихъ классовъ, въ интересахъ которыхъ создаются наши гимназій, онъ намѣчаетъ, какъ лучший путь достиженія высшаго человѣческаго идеала, гуманитарное образованіе, опирающееся или на изученіе древнихъ языковъ, или на ознакомленіе съ новыми—безразлично. Такимъ образомъ и Пироговъ, подобно Гѣдкину, ставитъ два необходимыхъ условія нашей школы: 1) чтобы она была гуманитарною, т. е. опиралась бы на циклъ гуманитарныхъ наукъ, и 2) чтобы она преслѣдовала цѣль—созданія изъ учащихся людей въ высшемъ значеніи этого слова, согласно Божественному ученію.

Здѣсь Пироговъ не подчеркиваетъ необходимости для русскаго гуманизма въ качествѣ обязательной основы монополіи древнихъ языковъ. Эту тенденцію онъ проводитъ въ слѣдующей своей статьѣ «Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія»¹⁾, гдѣ утверждаетъ: «Мы теперь не безъ людей, желающихъ высшаго образованія, хотя еще ихъ и немного; число ихъ, нѣтъ сомнѣнія, еще увеличится, если одинъ родъ школъ поддержитъ и разовьетъ эту наклонность. Мы имѣемъ опять много такихъ, которые, по несклонности и по недостатку матеріальныхъ средствъ, не могутъ долго учиться и просятъ скорѣе въ практическую жизнь. Мы должны удовлетворить и тѣхъ, и другихъ. Для однихъ пусть будутъ назначены классическія гимназій, открывающія путь въ университеты, для другихъ—реальные, съ выходомъ въ практическую жизнь. Здѣсь не мѣсто распространяться, почему я отдаю безусловное преимущество классическому образованію для вступающихъ въ университетъ. Скажу только, что это я дѣлаю потому, что приписываю высшую образовательную силу исключительно глубокому изученію древнихъ языковъ, языка отечественнаго, исторіи и математики. Я сошлюсь въ этомъ на вѣковую опытъ, который, вопреки всѣмъ возгласамъ противни-

¹⁾ «Сочиненія», т. II, стр. 316—317.

ковъ, все-таки доказаль, что изученіе этихъ наукъ одно и само по себѣ уже достаточно образуетъ и развиваетъ духъ человѣка, приготавлиая его къ воспріятію всевозможныхъ и нравственныхъ и научныхъ истинъ. Оно достигаетъ этой цѣли, имѣя предметомъ преимущественно міръ внутренній (субъективный) человѣка (т. е. самого себя), открываемый религіей, словомъ и исторіею, и міръ внѣшній (объективный), изслѣдуемый математикою въ ближайшей его связи (черезъ отвлеченіе) съ міромъ внутреннимъ. Реализмъ же, хотя и развиваетъ наблюдательную способность и разумъ человѣка упражненіемъ чувствъ и изученіемъ міра внѣшняго, но никогда еще одинъ, самъ по себѣ, не могъ вполне развить всѣ высшія способности духа. Соединить эти два начала можно, но не иначе какъ насчетъ полноты и глубины изученія каждой изъ образовательныхъ наукъ, входящихъ въ составъ и того, и другого; а тогда легко можетъ случиться, — какъ и случается на дѣлѣ, — что черезъ насильственное соединеніе выходятъ наружу одни только недостатки и того, и другого».

Эти слова Пирогова чрезвычайно характерны для того времени. Онъ выступаетъ здѣсь убѣжденнымъ сторонникомъ классической системы, какъ переходнаго этапа къ высшему университетскому образованію, въ полномъ объемѣ воплощающему въ себѣ высшія идеи знанія и просвѣщенія. Реализмъ же, который и Пироговъ и всѣ дѣятели на педагогическомъ поприщѣ того времени смѣшивали съ профессионализмомъ, разсматривается лишь, какъ кратчайшій путь служенія не существеннымъ и настоящимъ потребностямъ государства и страны, въ сферѣ интересовъ экономическихъ, а какъ путь къ достиженію лишь личныхъ матеріальныхъ благъ, какъ кратчайшая дорога своего рода жизненнаго карьеризма. Далѣе нашъ мыслитель рѣшительно возстаетъ противъ смѣшенія принциповъ реализма съ принципами гуманизма и каждую категорію этихъ принциповъ размѣщаетъ въ соотвѣтствующія школьныя системы, изъ коихъ одна рекомендуется людямъ несостоятельнымъ, ищущимъ куска хлѣба, живыхъ «хлѣбомъ единымъ», а другая для лицъ со средствами, могущихъ современемъ явиться «солью» родной земли. Такимъ образомъ, гуманизмъ, опирающійся на систему классическаго образованія, въ духѣ тогдашняго западно-европейскаго и, главнымъ образомъ, нѣмецкаго просвѣщенія, устами Пирогова громко провозглашается, какъ наилучшій способъ самопознанія и приближенія къ общечеловѣческому идеалу воспитанія; реализмъ же допускается въ качествѣ своего рода необходимой уступки матеріалистическому злу, проѣвшему, какъ ржа желѣзо, нашу жизнь.

Въ униссонъ Рѣдкину и Пирогову вторили и педагогическія изданія 1850—1860 годовъ, которыя, съ легкой руки этихъ двухъ мыслителей, начавъ съ идей общечеловѣческихъ, универсальныхъ, постепенно, но вполне логически-последовательно перешли къ ши-

рокому заимствованію западно-европейскихъ идей, оказавшихся на лицо въ тамошней педагогической литературѣ и практикѣ. Это увлеченіе иностранными готовыми и обработанными уже образцами со страницъ журналовъ и отъ теоретиковъ-мыслителей перешло и въ правящія сферы, сдѣлалось обязательнымъ указаніемъ и для русскаго государственнаго опыта въ области школьнаго дѣла. Всѣ увлеклись идеей гуманизма, отождествленнаго вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыми съ дѣйствовавшимъ въ Германіи классицизмомъ, и идеаль всечеловѣка положительно затмилъ собою образъ гражданина, на обязанности котораго лежитъ забота о государствѣ, о родномъ народѣ, о насущныхъ надобностяхъ Русской земли.

III.

Рядомъ съ этимъ доминировавшимъ общественнымъ настроеніемъ родилось, въ качествѣ боковой вѣтви его, иное движеніе, съ виду діаметрально-противоположное и противорѣчивое первому, но, по моему искреннему убѣжденію, вытекавшее изъ того же нѣмецкаго источника теоретизма и отвлеченія мысли отъ реальныхъ корней жизни, движеніе, окрещенное г. Каптеревымъ именемъ «національнаго» и явившееся на сцену, какъ реакція общечеловѣческому идеалу воспитанія, выдвинутому съ особенной силой Пироговымъ и Рѣдкинымъ. Представителями его въ нашей литературѣ явились К. Д. Ушинскій и В. Я. Стоюнинъ, впервые поднявшіе вопросъ о необходимости строго-національной окраски воспитанія.

Наиболѣе полно и обстоятельно развиты Ушинскимъ, родоначальникомъ національнаго движенія въ русской педагогикѣ, излюбленныя и основныя положенія его общей системы въ статьѣ «О народности въ общественномъ воспитаніи»¹⁾, — положенія, сведенныя самимъ авторомъ къ слѣдующему резюме:

1. Общей системы народнаго воспитанія для всѣхъ народовъ не существуетъ не только на практикѣ, но и въ теоріи, и германская педагогика есть не болѣе, какъ теорія нѣмецкаго воспитанія.

2. У cadaго народа своя особенная національная система воспитанія, потому заимствованіе однимъ народомъ у другого воспитательныхъ системъ является невозможнымъ.

3. Опытъ другихъ народовъ въ дѣлѣ воспитанія есть драгоцѣнное наслѣдіе для всѣхъ, но точно въ томъ же смыслѣ, въ которомъ опыты всемірной исторіи принадлежатъ всѣмъ народамъ. Какъ нельзя жить по образцу другого народа, какъ бы заманчивъ ни былъ этотъ образецъ, точно также нельзя воспитываться по чужой педагогической системѣ, какъ бы ни была она стройна и хорошо

¹⁾ Нѣсколько отрывковъ изъ нея приведены въ «Хрестоматіи» М. Н. Демкова, стр. 253—261.

обдумана. Каждый народъ въ этомъ отношеніи долженъ пытаться собственными своими силами.

4. Наука не должна быть смѣшиваема съ воспитаніемъ. Она обща для всѣхъ народовъ; но не для всѣхъ народовъ и не для всѣхъ людей составляетъ цѣль и результатъ жизни.

5. Общественное воспитаніе не рѣшаетъ само вопросовъ жизни и не ведетъ за собою исторіи, но слѣдуетъ за нею. Не педагогика и не педагоги, но самъ народъ и его великіе люди прокладываютъ дорогу въ будущее; воспитаніе только идетъ по этой дорогѣ и, дѣйствуя заодно съ другими общественными силами, помогаетъ идти по ней отдѣльнымъ личностямъ и новымъ поколѣніямъ.

6. Общественное воспитаніе только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждого. Система общественного воспитанія, вышедшая не изъ общественного убѣжденія, какъ бы хитро она ни была обдумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ готовить техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, и если они будутъ появляться, то независимо отъ воспитанія.

7. Возбужденіе общественного мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія есть единственно прочная основа всякихъ улучшеній по этой части: гдѣ нѣтъ общественного мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественного воспитанія, хотя можетъ быть множество общественныхъ учебныхъ заведеній.

Эти тезисы педагогическаго profession de foi представляютъ собою собственно сплошное «общее мѣсто», заволоченное дымкою тумана, изъ-за котораго достаточно неясно обрисовывается лишь общая идея народности, но въ какихъ опредѣленныхъ конкретныхъ явленіяхъ она должна реализоваться, о томъ Ушинскій не даетъ указаній. Г. Каптеревъ приводитъ одну тираду знаменитаго педагога, въ качествѣ «самаго рѣшительнаго мѣста» изъ всего имъ сказаннаго по вопросу о національномъ и народномъ воспитаніи, которую и привожу здѣсь въ извлеченіи, сдѣланномъ авторомъ «Новой русской педагогіи». Ушинскій говоритъ:

«Глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, чуждые, съ одной стороны, юридической строгости римскаго права, болѣе или менѣе легшаго въ основу быта западныхъ народовъ, а съ другой — меркантильной жесткости и расчетливости; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою, славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омуту на вершины человѣческаго достоинства; необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ; необыкновенная, изумляющая иностран-

цевъ, воспримчивость ко всему чуждому, льется ли оно съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто бессознательная; наконецъ, древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ,—религія, превратившаяся въ кровь и плоть народа; вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія, если оно хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ выраженіемъ народной жизни, а не насильственнымъ, чуждымъ народности, подражаніемъ, не растеніемъ безъ корня, которое, безпрестанно увядая, безпрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться съ чуждой почвы, пока наша вновь его испортить».

Приводя эту выдержку, г. Каптеревъ вполне справедливо произноситъ надъ ней довольно строгій приговоръ, утверждая, «что эта тирада оставляетъ читателя въ туманѣ относительно національной русской школы. Въ тирадѣ много лирики, краснорѣчія, но мало точности и опредѣленности. Каковы задачи, курсъ и направленіе русской національной школы—все это неясно, нисколько не разрѣшается приведенными словами. Ушинскій чертитъ какой-то расплывчатый образъ психическихъ особенностей русской народности; но дѣйствительно ли эти особенности составляютъ самую душу русскаго народа, нѣтъ ли другихъ, болѣе характерныхъ, свойствъ у русскаго человѣка, и какъ указанныя особенности повліяютъ на строй школы—ничего такого не выяснено. А безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ дѣло національной русской школы мало подвинется впередъ».

Если Ушинскому не удалось начертать облика чисто-русской, исторически-національной школы, съ ея оригинальной и самобытной программой обученія и самобытными методами обученія, то одну сторону этой программы онъ поставилъ дѣйствительно блестяще, развѣвъ широко и обстоятельно, а именно значеніе родного языка для національнаго образованія. Эта сторона русской педагогики имъ разработана вполне обстоятельно, и по всей справедливости она должна бы считать мысли Ушинскаго по настоящему предмету краеугольными камнями въ современномъ намъ школьномъ преподаваніи русскаго языка.

Значеніе языка обрисовано Ушинскимъ въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ ¹⁾: «Языкъ народа — лучшій, никогда не увядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами исторіи. Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина, въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея

¹⁾ «Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ» М. Демкова, стр. 267—268.

поля, ея горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокий, полный мысли и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждаго поколѣнія остаются въ языкѣ—въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницу роднаго слова складывается одно поколѣніе за другимъ, плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитаго горя и прожитыя радости,—словомъ весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно эта самая жизнь: когда исчезаетъ народный языкъ—народа нѣтъ болѣе!.. Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до тѣхъ поръ живъ и народъ. И нѣтъ насилія болѣе не выносімаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ. Отнимите у народа все—и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе не создастъ его, новую родину даже можетъ создать народъ, но языкъ—никогда! Вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ. Но если человѣческая душа содрагается передъ убійствомъ одного недолговѣчнаго человѣка, то что же должна бы чувствовать она, когда посягають на жизнь многовѣковой исторической личности народа, этого величайшаго изъ всѣхъ созданій Божіихъ на землѣ?»

Въ дальнѣйшемъ, какъ увидятъ читатели, введенная система средняго образованія, съ древними языками въ основѣ, совершила именно то посягательство, о коемъ говорилъ Ушинскій, такъ какъ дѣйствительно она въ нѣкоторомъ родѣ убила въ классическихъ гимназіяхъ историческое пониманіе русской рѣчи, владѣніе ею, принизила ея значеніе за счетъ мертвыхъ и чуждыхъ намъ языковъ. Но объ этомъ дальше, а пока слѣдуетъ остановиться на второмъ видномъ представителѣ идеи національной русской педагогики—В. Я. Стоюнинѣ

Окидывая взоромъ реформированную уже серединную школу, Стоюнинъ находилъ ее неудовлетворяющею потребностямъ и задачамъ русской жизни, усматривая главный ея недостатокъ и недугъ въ ея космополитизмѣ, въ отсутствіи у нея системы прочныхъ національныхъ основъ. Въ отзывѣ «Чего не досказали намъ нѣмецкіе педагоги», приведенномъ въ хрестоматіи М. Демкова ¹⁾, Стоюнинъ,

¹⁾ Стр. 307.

констатируя существовавшее недовольство реформированной школой, иронически спрашивает: намъ ли, повидимому, быть недовольными, если ужъ извѣстные нѣмецкіе педагоги одобряли и системы, и планы, и программы, которыя, къ стыду нашему, посылались на ихъ просвѣщенный приговоръ и на авторитетъ которыхъ мы такъ покорно полагались? «Да,—отвѣчаетъ онъ,—имъ, конечно, было лестно, что чужой народъ нуждается въ ихъ умѣ, не довѣряя своему собственному, хоть, можетъ быть, они не знали убѣжденія нѣкоторыхъ нашихъ головъ, что «намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья». Они одобрили наши проекты, но все ли они высказали, что могли бы высказать, и все ли взяли въ расчетъ, на что указываетъ ихъ педагогическая теорія, практика и исторія? Имъ, можетъ быть, не пришло въ голову повторять тѣ истины, которыя для нихъ такъ очевидны и общеизвѣстны. Иначе бы они сказали, что дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначается, въ связи съ его природными способностями и наклонностями, въ связи съ его семьей и общественнымъ положеніемъ и требованіями, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой исторіи и по чужимъ опытамъ, потому что эти опыты дѣлались въ извѣстной средѣ, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время, можетъ быть, и очень продолжительное; они дѣлались не изъ подражанія кому нибудь, а вызывались требованіями времени согласно съ его духомъ. Они объясняются и исторіей, и характеромъ народа. Эти педагоги похвалили бы насъ, что мы изучаемъ ихъ педагогію, но при этомъ прибавили бы, что она годна во всѣхъ своихъ частяхъ для ихъ школы, а для нашей, можетъ быть, и не совсѣмъ пригодится; они намъ рекомендовали бы только выведенное изъ физиологіи и психологіи, да и тутъ должны бы были прибавить, что, кромѣ общей психологіи, у каждаго народа есть еще своя психологія, т. е. извѣстное направленіе духа, созданное всей обстановкой вѣковой жизни народа. Они намъ сказали бы: если вы хотите создать живую школу, то, не пренебрегая той общей наукой, до которой дошли мы, изучите, сколько можете, и свою народную психологію, пользуясь и исторіей, и современнымъ бытомъ народа, и сравненіемъ его съ другими народами. Мы не думаемъ, прибавили бы они, что русскій народъ похожъ на нѣмецкій, что его исторія имѣетъ что нибудь общее съ нѣмецкою; не думаемъ, что и сколки или слѣпки съ нѣмецкихъ школъ не окажутся мертвыми въ жизни русскаго народа. Если бы они дали намъ такой совѣтъ, то дѣйствительно поучили бы насъ уму-разуму и заставили бы внимательнѣе подумать, какимъ образомъ создать школу живую, способную развиваться въ связи съ психическими и общественными требованіями. Тогда, конечно, намъ стыдно было бы думать, что для школы довольно опредѣленной программы, высиженной въ кабинетѣ, довольно инструкцій,

и школа будетъ жить, развиваться и готовить къ какой угодно дѣятельности».

Продолжая ту же критику дѣйствовавшей системы, Стоюнинъ, утверждаетъ: «Не забыли бы они прибавить и другой совѣтъ: если вы хорошо вглядывались въ устройство нашихъ учебныхъ заведеній, то должны были замѣтить, что во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ у насъ свой человѣкъ, а не иноземець, у котораго не можетъ быть нравственной связи ни съ нашими дѣтьми, ни съ семьями, ни съ обществомъ. Если вы хотите подражать имъ, то обратите вниманіе на это обстоятельство. Мы хлопочемъ о томъ, чтобы наша школа могла назваться національною, въ этомъ должна заключаться ея жизнь. Совѣтуемъ и вамъ похлопотать о томъ же всѣми силами».

Стоюнинъ, подобно Ушинскому, оказался силенъ въ критикѣ существовавшей общей системы воспитанія, въ отрицаніи ея отвлеченнаго космополитическаго характера, но сдѣлать свое новое оригинальное построеніе школы, съ детальною разработкою ея составныхъ частей, онъ не сумѣлъ. Но какъ Ушинскій въ желательной ему системѣ національнаго воспитанія выдвинулъ съ особенною силою значеніе изученія родной рѣчи, такъ Стоюнинъ разработалъ въ общемъ преподаваніи значеніе русской словесности и русской литературы; эти предметы онъ поставилъ на особую высоту и въ этой области занялъ особенно авторитетное положеніе.

Минуя послѣдующихъ представителей идеи національнаго воспитанія и сводя къ единому средству, предложенныя въ этихъ видахъ, мы получаемъ слѣдующія указанія со стороны представителей школы педагогическихъ националистовъ: 1) уменьшеніе непосредственныхъ иностранныхъ вліяній, каковы окруженіе дѣтей иностранными боннами и гувернантками, и порученіе русскихъ учебныхъ заведеній руководительству нѣмцевъ и чеховъ; 2) общественный починъ и энергичная общественная дѣятельность въ дѣлахъ образованія; 3) самостоятельная педагогическая литература; 4) самостоятельность въ извѣстныхъ предѣлахъ педагогической корпораціи, ея участіе въ выработкѣ законовъ, касающихся постановки воспитанія и образованія, свобода педагогическихъ обществъ, собраній, съѣздовъ; 5) видное мѣсто въ образовательномъ курсѣ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ родину, каковы русскій языкъ и исторія съ русской литературой, исторія Россіи, географія и этнографія Россіи, обстоятельное знакомство съ русской флорой и фауной; 6) общая русская обстановка школъ въ бытовомъ отношеніи, религіозномъ, поэтическомъ и всѣхъ другихъ; 7) укрѣпленіе въ учащихъ чувства законности и большаго уваженія къ наукѣ.

Идеи школы Ушинскаго и Стоюнина не повліяли на складъ по реформенной школы—она осталась внѣ сферы ихъ воздѣйствія, какъ равно не оказала давленія на ея обликъ и третья категория педаго-

гических идеаловъ, выдвинутая тѣмъ же періодомъ оживленія русской жизни, т.-е. шестидесятью годами. Эта третья категория, окрещенная г. Каптеревымъ названіемъ «радикальной», выставила устами Д. И. Писарева и гр. Л. Н. Толстого идею «свободнаго образования», гдѣ нѣтъ ни государственнаго контроля, ни государственнаго почина, ни государственнаго воздѣйствія. Сущность этого свободнаго образования сводится къ прегражденію вліяній старшаго поколѣнія на младшее, родителей на дѣтей, учителей на учениковъ. Старшее поколѣніе должно только предлагать пищу тѣлесную и духовную, но отнюдь не руководить младшимъ поколѣніемъ. Последнее пусть само выбираетъ, что ему угодно, одно беретъ, другое отвергаетъ, такъ какъ старшее поколѣніе не знаетъ, что нужно младшему, а потому и не можетъ руководить имъ, не можетъ учить.

Эти идеи, явившіяся на поверхности русской жизни шестидесятью годовъ, какъ крайнія проявленія только-что освободившагося отъ тѣсныхъ путъ общественнаго настроенія, видной роли вообще въ нашей педагогикѣ не сыграли и не имѣли рѣшительно никакого вліянія на судьбу русской школы. Я привелъ ихъ только, какъ указаніе на существовавшія общія теченія того времени, когда правительство приступило къ созданію въ нашемъ отечествѣ правильно организованной и мобилизованной школы,—теченія, съ которыми такъ или иначе, но все же приходилось тогда считаться.

Передъ творцами новой школы предстояли такимъ образомъ три пути слѣдованія: одинъ указывалъ будущей школѣ на идеаль челоуѣка вообще, который достижимъ при помощи гуманитарнаго образования, скроеннаго по подобію западно-европейскому, съ выработанной уже классической системой, второй—указывалъ на тотъ же идеаль лишь въ его національной окраскѣ, при чемъ въ числѣ орудій образования на первомъ мѣстѣ ставилось отечествовѣдѣніе, съ основнымъ знаніемъ русскаго языка и русской литературы; наконецъ, третій рисовалъ какія-то туманныя перспективы въ видѣ малопонятнаго и ужъ совершенно непрактичнаго «свободнаго образования», съ устраненіемъ отсюда всякихъ воспитательныхъ вліяній. Последніе два пути были отринуты, и для русской школы былъ избранъ первый, какъ онъ уже сложился у западныхъ сосѣдей и въ особенности у нѣмцевъ. Этотъ путь заимствованія былъ наиболѣе легкій, наиболѣе скорый. Къ избранію его не требовалось ни личнаго творчества, ни особенныхъ знаній, ни особаго труда, къ тому же здѣсь, повидимому, сыграли не малую роль и тѣ политическія преданія, по коимъ русская жизнь и русскій народъ вѣчно ходили на послугахъ и приносились въ жертву интересамъ «дорогихъ сосѣдей», т.-е. нѣмцевъ. Къ послѣднимъ и по школьному вопросу предпринято было паломничество, встрѣченное ими, конечно, милостиво и благосклонно, какъ беззвыгодное и сулившее въ будущемъ хорошіе барыши. Создатели русской новой школы, подобно Рѣдкину и Широкову, были очевидно теоретиками, почерпавшими

всю мудрость изъ нѣмецкаго философскаго источника. Философскій идеаль всечеловѣка былъ плѣнителенъ; путь, приводившій къ осуществленію этого идеала, былъ уже твердо утоптанъ ногами нѣмецкихъ буршей. Слѣдовательно... слѣдовательно, нечего было сомнѣваться, и позанмствование шаблона было сдѣлано смѣлой и широкой рукой.

«Займствовались не только частные приемы и методы преподаванія, займствовались не только общія руководящія идеи и цѣлыя педагогическія міросозерцанія, займствовались даже люди, выполнители началъ нѣмецкой педагогіи, говоритъ г. Каптеревъ. Министерство просвѣщенія при министрѣ Толстомъ выписывало нѣмцевъ и чеховъ въ учителя русскихъ гимназій и даже въ инспектора и директора, хотя эти иностранцы и не умѣли говорить порусски; у нѣмцевъ была открыта русская семинарія для подготовки учителей въ русскія среднія учебныя заведенія; разные планы, программы и системы, предполагавшіеся ко введенію въ русскія школы, были предварительно посылаемы на просмотръ и одобреніе заграничныхъ ученыхъ и педагоговъ — мы, дескать, сами не знаемъ, что намъ нужно и хорошо, научите, пожалуйста; вы, нѣмцы, народъ умный. Съ трудомъ вѣрится, чтобы 30 лѣтъ назадъ директоръ русскаго учебнаго заведенія могъ утверждать, что учитель для него то же, что наборщикъ для метранпажа, что для учащихся совершенно безразлично, русскій или не русскій человѣкъ имъ преподаеть, лишь бы преподавалъ дѣло».

IV.

Теперь умѣстно поставить вопросъ, каково же историческое происхожденіе того источника, откуда были сдѣланы для русскаго школьнаго дѣла позанмствования, и въ какихъ формулахъ онъ обозначался на мѣстѣ своей родины? Для рѣшенія поставленной задачи обратимся къ книгѣ С. Южакова «Вопросы просвѣщенія» и Н. Скворцова «Недуги нашего учебнаго дѣла».

Уже въ началѣ своего публицистическаго труда г. Южаковъ говоритъ, что земное человѣчество имѣетъ въ своей далеко нерадостной исторіи одинъ въ высшей степени свѣтлый и отрадный эпизодъ, одинъ ни съ чѣмъ несравненный періодъ всесторонняго подъема человѣческаго гения.

Періодъ этотъ — классическая исторія, главнымъ образомъ исторія Эллады, этотъ расцвѣтъ человѣческаго творчества и человѣческаго достоинства въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Эти Аѳины, въ три поколѣнія развернувшія культуру, на которую другіе народы и все человѣчество тратило напрасно цѣлыя тысячелѣтія; эта Спарта, воинская доблесть которой никогда не была превзойдена и которая истинно-легендарнымъ патріотизмомъ является вѣчною укоризною эгоизму и своекорыстію человѣчества; это свѣтское просвѣщеніе,

дотолѣ вовсе невѣдомое міру и затѣмъ снова утраченное человѣчествомъ на два тысячелѣтія; эта философія, что сумѣла затронуть всѣ основныя идеи всѣхъ главныхъ философскихъ школъ всѣхъ временъ и народовъ; это искусство, что доселѣ приводитъ въ восхищеніе и служитъ поученіемъ художественному міру; однимъ словомъ, эта Эллада, что не имѣетъ себѣ равной на пространствѣ всего земного шара, на протяженіи всѣхъ пяти тысячелѣтій всемірной исторіи,—развѣ это не является именно такимъ несказанно свѣтлымъ эпизодомъ въ жизни человѣчества, жизни, достаточно сѣрой и недостаточно отрадной? И человѣчество дѣйствительно хранитъ и не можетъ, не смѣетъ не хранить, память объ этомъ періодѣ и съ умиленіемъ улыбается, вспоминая этотъ небывалый подъемъ своей даровитости и энергіи, своего творчества и своей доблести, своей умственной и нравственной силы. Эта страница исторической жизни человѣчества научаетъ насъ уважать, а не презирать человѣчество, вкладываетъ въ нашу грудь вѣру въ его силу и энергію, въ его достоинство и будущность... Исторія и дѣянія эллинскаго періода—великая, поучительная и возвышающая душу книга, которую никогда не надо забывать и повторять которую никогда не мѣшаетъ. Исторія римскаго народа является необходимымъ дополненіемъ греческой исторіи. Римъ, повторивъ сначала легендарныя доблести Спарты, затѣмъ принялъ аѳинское наслѣдство, усвоилъ его, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развилъ и сохранилъ для послѣдующаго человѣчества. Въ формулахъ права Римъ резюмировалъ свободную и свѣтскую гражданственность классическаго міра. Таково было то наслѣдство, которое въ XV вѣкѣ, послѣ паденія Константинополя и переселенія въ Италію послѣднихъ могикианъ греческой образованности, открылось романо-германской Европѣ, какъ разъ въ это время уже доразвившейся до идеи свѣтскаго просвѣщенія. Его не приходилось даже искать. Оно, совсѣмъ готовое, со всѣмъ обаяніемъ никогда дотолѣ непревазойденнаго генія, открылось очамъ, уже ищущимъ истины и свѣта.

«Если созданіе цивилизованнаго человѣка есть задача образованія, если лучшимъ путемъ для этого является изученіе дѣяній и твореній цивилизованныхъ людей въ ихъ лучшихъ и совершеннѣйшихъ представителяхъ, то для европейскаго общества XIV—XVI вв. не могло быть лучшей школы, какъ классическая,—утверждаетъ г. Южаковъ. Германскій дикарь, въ теченіе V—VII вв. завоевавшій и ниспровергшій древній цивилизованный міръ романскій и кельтическій, былъ еще такъ невиненъ въ смыслѣ культуры и просвѣщенія, что могъ только истребить цивилизацію, но не перенять. Идеаль цивилизованнаго человѣка,—всѣ эти Аристиды, Периклы, Гракхи, Бруты, Сократы, стоики,—былъ ему совершенно недоступенъ и непонятенъ. Ихъ чувства и мысли, ихъ радости и горести, ихъ подвиги и ихъ униженія, всѣ ихъ страсти, стремленія и же-

ланія были ему совершенно чужды до совершенной непостижимости, не говоря ужъ объ ихъ идеяхъ, міропониманіи, общественномъ идеалѣ, наукѣ, искусствѣ. Этому дикарю, талантливому, но грубому уму и чувству, надо было дать предварительное медленное, но суровое и неослабное перевоспитаніе. Римская церковь взялась за это дѣло. Убіеніе плоти съ ея необузданными страстями; уваженіе къ духовному началу; почитаніе подвиговъ самоотверженія, страданія и милосердія; суровая дисциплина покаянія и духовной покорности; доступные пониманію средневѣкового человѣка библейскіе рассказы о добродѣтельной, но простой жизни древнихъ патріарховъ; обаяніе исполненной труда и подвига жизни святыхъ и праведныхъ—и явились этою необходимою школою. Въ XIV—XV вв. общество стало уже переростать эту школу, а невозбранное многовѣковое господство ея представителей, католическаго духовенства, постепенно вытравило въ ней духъ творчества и добродѣтели и открывало ее справедливой критикѣ. Протестантизмъ и Возрожденіе явились одинаково отвѣтомъ на эту отсталость и упадокъ средневѣковой школы. Протестантизмъ былъ болѣе рѣзкою по формѣ, Возрожденіе болѣе глубокою по идеѣ реформою духовной жизни народовъ Западной Европы. Что было вполне пригодно и полезно для дикаря VI в., изъ того уже выросъ полу-варварь XV в. Непонятное и недоступное для перваго стало для втораго обаятельно привлекательнымъ. Самъ онъ еще не былъ цивилизованнымъ человѣкомъ, но уже могъ понять чувства, идеи и стремленія цивилизованнаго человѣка. Это пониманіе дала ему новая тогда, а нынѣ столь прѣстарѣлая, классическая школа».

По мнѣнію автора «Вопросовъ просвѣщенія», «никогда въ другой разъ школѣ не удавалось сотворить такого поистинѣ великаго дѣла, какое выпало на долю и на счастье классической школѣ, по справедливости назвавшей себя школою гуманистической, школою человѣчности. Черезъ нее огромный запасъ накопленнаго знанія древняго классическаго міра, еще болѣе огромный запасъ идей, общественныхъ идеаловъ, художественнаго творчества, весь этотъ, казалось, мертвый капиталъ, погребенный подъ обломками пятнадцати вѣковъ, сразу открылся молодой Европѣ, уже жаждающей просвѣщенія, истины и правды. Это была такая громадная сила, явившаяся внезапно на помощь прогрессивнымъ силамъ того времени, что оцѣнить ея значеніе возможно только теперь, когда уже завершилась ея роль. Богъ знаетъ, сумѣла ли бы Европа справиться съ одолѣвавшими ее мрачными силами обскурантизма и косности, если бы не эта счастливая и могущественная поддержка, оказанная умственнымъ и нравственнымъ наслѣдствомъ великихъ мыслителей и дѣятелей греко-римскаго міра. Классическая школа явилась въ свое время проводникомъ этого наслѣдства, и въ этомъ ея величайшая историческая заслуга».

Таково—въ прекрасномъ изложеніи и освѣщеніи г. Южакова— историческое происхожденіе и оправданіе классической школы, какъ системы, основанной на всестороннемъ ознакомленіи учащагося поколѣнія съ твореніями и дѣяніями греческаго и римскаго міра. Въ этомъ ея основная сущность. Учебная программа сложилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ условій мѣста и времени. Въ тѣ времена, когда складывалась учебная программа классической школы, выработаннаго литературнаго и научнаго языка не имѣли ни французы, ни нѣмцы, ни англичане. Имѣли итальянцы языкъ Данте, но все-таки не для науки и философіи. Варварская средневѣковая латынь служила во всей романо-германской Европѣ и у западныхъ славянъ языкомъ литературы и науки, языкомъ просвѣщеннаго класса. Замѣнить неуклюжую, испорченную, не изящную и мало литературную варварскую латынь подлиннымъ, красивымъ, выразительнымъ, стройнымъ языкомъ Горація и Тацита явилось, такимъ образомъ, естественною задачею новой классической школы, естественною и необходимою, потому что ни дѣйствительное постиженіе древне-римской жизни и литературы, ни развитіе литературнаго вкуса, не могли быть достигнуты инымъ путемъ. Та же причина заставила столь же прилежно заняться и греческимъ языкомъ.

«Только продолжительное, изъ поколѣнія въ поколѣніе, усвоеніе образованнымъ европейскимъ обществомъ классическихъ языковъ съ ихъ высоко развитою литературною формою и глубокимъ идейнымъ содержаніемъ могло такъ скоро создать цивилизованное общество изъ полуварваровъ и схоластиковъ недавняго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ быстро и удачно разрѣшить задачу созданія новыхъ національныхъ языковъ, литературныхъ и научныхъ,—говорить г. Южаковъ.—Итальянскій языкъ сложился и выработался первымъ, въ XIV—XV вв. Всѣ шансы опередить его имѣлъ только языкъ провансальскій, но горестныя политическія судьбы провансальскаго народа не только задержали, но даже совершенно остановили развитіе его прекраснаго и много обѣщавшаго языка, передавшаго свое наслѣдство языку французскому, который одновременно съ испанскимъ и португальскимъ и получаетъ литературную и философскую обработку въ XVI в. Тогда же складывается и англійскій языкъ. Въ XVII в. въ литературный фазисъ существованія вступаютъ языки голландскій и польскій. Тягостная политическая исторія Германіи въ теченіе XVI и XVII вв. тормозитъ развитіе нѣмецкаго языка, который сложившимся можно считать лишь съ XVIII в. Русскій литературный языкъ есть уже созданіе XIX вѣка. Такимъ образомъ, мало-по-малу, въ теченіе четырехъ столѣтій окончательно вырабатываются и складываются, на почвѣ усвоенія классической литературы, ея формъ и вкуса, всѣ новые европейскіе языки (кромѣ русскаго, для котораго ту же службу сослужили языки французскій и нѣмецкій). Повидимому, эта роль и назна-

ченіе классической школы завершились, и новые языки и новыя литературы, воспринявъ и переработавъ богатое лингвистическое и литературное наслѣдство древняго міра, продолжаютъ дальше развитіе, уже не нуждаясь въ классическихъ образцахъ и далеко переросши классическія идеи. Повидимому, стало быть, и самой школѣ классической наступаетъ время подумать о наслѣдникѣ».

Схоластическая школа господствовала въ теченіе девяти вѣковъ во всей Европѣ. Вполнѣ отвѣчавшая потребностямъ VII—VIII вв., она должна быть помянута съ благодарностью. Она много потрудилась надъ перевоспитаніемъ дикаря и для приобщенія его къ духовной жизни. Когда школа, вмѣстѣ съ другими, болѣе могучими, факторами исторіи, совершила эту задачу, и европейскій варваръ, приобщенный къ духовной жизни, потребовалъ духовной пищи, схоластическая школа не могла удовлетворить этой новой потребности. Ее замѣнила классическая, блистательно выполнившая свою задачу и создавшая цивилизованное общество новой Европы.

«Для общества, знавшаго только схоластику, философія Платона, Зенона, Эпикура, Демокрита была истиннымъ откровеніемъ,—свидѣтельствуеетъ авторъ «Вопросовъ просвѣщенія»,—для нашего общества эта философія любопытна лишь, какъ гениальное предвосхищеніе идей, всестороннее и широкое обоснованіе и развитіе которыхъ мы будемъ искать, конечно, не у древнихъ. Для общества, которое имѣло только рыцарскую поэзію трубадуровъ и миннезингеровъ и эпическія сказанія, изящная литература Греціи и Рима открывала собою цѣлый новыи міръ образовъ, формъ, художественныхъ идей; для современныхъ европейскихъ обществъ съ ихъ еще болѣе богатыми и разносторонними литературами, классическія литературы сохранили, конечно, интересъ и поучительность, но уже не могутъ имѣть наставляющаго и руководящаго значенія. Для общества, дико-не-вѣжественнаго и суевѣрнаго, какимъ было общество XV в., наука Аристотеля, Птолемея, Плинія была очень крупнымъ, прямо драгоценнымъ приобрѣтеніемъ; она—только историческій памятникъ для современнаго общества. Формы древней цивилизаціи съ ихъ свободными учрежденіями, съ ихъ свѣтскостью и сравнительною гуманностью, съ ихъ патриотизмомъ и самоотверженіемъ, съ ихъ признаніемъ неприкосновенности права, эти формы могли быть идеаломъ для общества, построеннаго на феодальной іерархіи и не знавшаго отечества, съ суровыми деспотическими правительствами, съ безправіемъ и безсудіемъ. Надо, однако, вспомнить, что древняя цивилизація никогда не могла освободиться отъ рабства, и если освобождала женщину изъ-подъ замковъ гинекея, то развѣ для разврата. Конечно, такая цивилизація уже не можетъ быть идеаломъ современнаго общества. Для общества XV вѣка классическая цивилизація должна была представляться идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ; современное общество во всѣхъ отношеніяхъ переросло эту цивили-

зацію. Оно переросло, слѣдовательно, и классическую школу, которой великая историческая задача и великая историческая заслуга и заключались въ томъ, чтобы варварскому обществу привить высшую цивилизацію. Покамѣстъ классическая цивилизація была выше новоевропейской, до тѣхъ поръ классическая школа имѣла великое цивилизующее значеніе. Съ тѣхъ же поръ, какъ современная новоевропейская цивилизація далеко опередила классическую, и образованіе классическое потеряло главную основу своего существованія. Въ настоящее время оно пережило само себя, и одряхлѣвшая, извѣрившаяся, потерявшая весь былой престижъ и бывшее значеніе, классическая школа держится только преданіемъ».

Когда въ Западной Европѣ проявилась необходимость созданія новаго типа школы, которая бы смѣнила собою старую классическую, то, оставивъ въ неприкосновенности бывшее наслѣдіе историческихъ вѣковъ, т. е. заслуженную классическую гимназію, рядомъ съ нею основали новую, названную «реальною», которая по составу входящихъ въ нее реальныхъ отраслей знанія являлась какъ бы отвѣтомъ на запросы новаго времени. Значеніе этой реальной школы печальное, — утверждаетъ г. Южаковъ. «Классическая школа даетъ цивилизацію, хотя устарѣлую и стоящую ниже современной, — говоритъ онъ: — реальная школа вовсе не даетъ цивилизаціи, совѣмъ не ставитъ ее своей задачей, ограничиваясь сообщеніемъ полезныхъ свѣдѣній. Правда, и въ реальныхъ училищахъ преподается исторія, родной языкъ и родная литература, но, во-первыхъ, они отодвинуты на задній планъ, и, во-вторыхъ, усвоеніе національной цивилизаціи хотя и должно входить въ составъ общаго образованія, не есть, однако, общее образованіе. Даже такіа богатая культурою нація, какъ англичане, французы или нѣмцы, не могли бы, безъ большого ущерба для самой культуры своей, замкнуться въ ней и не оплодотворять ее общеніемъ съ другими культурами. Такимъ образомъ, если классическое образованіе не соответствуетъ современному уровню цивилизаціи, то реальное вовсе не есть образованіе. Классическая школа пережила уже свое время и должна быть замѣнена новою школою, но никакъ не реальныя училища могутъ быть этою новою школою. Неудачное порожденіе неудачнаго компромисса защитниковъ старой школы съ нарождающимися новыми потребностями, реальная школа не должна пережить классическую и одновременно съ нею должна уступить мѣсто новой школѣ, которая, подобно классической, должна ставить своей задачей образованіе цивилизованнаго чловѣка, но при этомъ должна быть согласована съ современнымъ высшимъ уровнемъ цивилизаціи».

Такова историческая роль, происхожденіе и значеніе двухъ главныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, послужившихъ прототипами нашихъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ, когда пореформенная эпоха русской жизни поставила для нашего отечества

на очередь необходимость созданія на гуманитарныхъ основаніяхъ и во имя общечеловѣческаго идеала системы средняго образованія. Мы уже знаемъ, какую выдающуюся роль сыграла въ исторіи западноевропейскаго человѣчества классическая гимназія; такую же роль, какъ надѣялись книжные люди, теоретики, стоявшіе у кормила государственнаго управленія въ нашемъ отечествѣ, эта школа, пересаженная на русскую дѣвственную ниву пореформенной жизни, сыграла и у насъ. Образецъ былъ найденъ скоро и рѣшительно, и пересадка сдѣлана властной и энергичной рукой. Общественное мнѣніе на самыхъ первыхъ порахъ какъ будто встрѣтило и сочувственно эту пересадку; протесты были не Богъ вѣсть какъ громки и во всякомъ случаѣ не отличались единодушіемъ. Принципы гуманизма и идеализма, идеалы общечеловѣческаго воспитанія были слишкомъ привлекательны и заманчивы. Въ униссонъ этому настроенію вторили выдающіеся голоса компетентныхъ людей, расхваливавшихся лишь въ мнѣніи о второстепенныхъ составныхъ частяхъ системы; антитезы, строго обдуманной и ясно формулированной, въ наличности не было, и вотъ классическая система искусственно вѣдряется въ составъ коренныхъ устоевъ русской новой культуры, на многіе годы становится рѣшительницею судебъ нашего юношества.

V.

Что же представляли собою на мѣстѣ родины избранные нами для заимствованія прототипы учебныхъ заведеній, и каковы были ихъ составныя части, выполнявшія необходимый просвѣтительный процессъ? За указаніями по настоящему предмету обратимся къ труду Н. Скворцова «Недуги нашего учебнаго дѣла».

Нѣкогда въ Западной Европѣ гимназія находилась въ непосредственной и непрерывной связи съ университетомъ, и она являлась приготовительною школою къ этому высшему разсаднику научнаго знанія, и даже нѣкоторыя изъ этихъ школъ сами были органическими зародышами университетовъ. Такъ произошли, на примѣръ, университеты Кембриджскій и Парижскій. «Потребность университетовъ имѣть въ органической связи съ собою приготовительную школу сознавалась вообще такъ ясно,—говоритъ г. Скворцовъ,—что въ Англіи, на примѣръ, вмѣстѣ съ основаніемъ университетскихъ коллегій основывались и приготовительныя къ нимъ школы. Такъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ основаніемъ въ Оксфордѣ коллегіи New college Винчестерскимъ епископомъ (въ 1386 г.) въ самомъ Винчестерѣ была основана имъ же приготовительная для нея школа; равнымъ образомъ знаменитая Итонская школа была основана королемъ Генрихомъ VI одновременно съ основанною имъ Kings college въ Кембриджѣ (1411 г.). Точно также и Парижскій университетъ еще въ XIII вѣкѣ имѣлъ подъ своимъ руководствомъ много приготовительныхъ къ нему

школь, какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. То же было и въ другихъ государствахъ. У насъ, въ Россіи, въ первое время существованія нашихъ университетовъ, низшія, приготовительныя къ нимъ школы находились также въ болѣе непосредственной связи съ ними, чѣмъ теперь; онѣ даже управлялись ими, и это, конечно, было гораздо лучше, какъ для школь, такъ и для самихъ университетовъ».

Органическое отношеніе, по указаніямъ автора «Недуговъ», между университетскимъ и приготовительнымъ къ нему школьнымъ ученіемъ въ эпоху возрожденія наукъ не только не измѣнилось, но еще рѣзче выразилось и опредѣлилось. Дѣло въ томъ, что основные предметы ученія въ средневѣковыхъ университетахъ, особенно первоначально, были тѣ же, что и въ тѣхъ школахъ, изъ которыхъ или на почвѣ которыхъ они выросли. Это именно теологія и *artes liberales* (свободныя искусства). Раздѣленіе университета въ средніе вѣка на факультеты представляетъ только нѣкоторое обособленіе *artium liberalium* отъ теологіи и нѣкоторое развитіе въ то же время римскаго права и врачебнаго искусства—предметовъ, которые также преподавались въ нѣкоторыхъ, особенно итальянскихъ университетахъ. А такъ какъ *artes liberales* были также учебнымъ матеріаломъ для школь, на почвѣ которыхъ такъ или иначе выросли университеты, то ясно, что въ учебномъ матеріалѣ того времени не было основанія для какой нибудь особой организаціи приготовительной къ университету школы. Въ эпоху возрожденія, съ развитіемъ учебнаго содержанія *artium*, вслѣдствіе внесенія въ него соответствующихъ элементовъ изъ древности и съ наибольшимъ обособленіемъ наукъ другихъ факультетовъ, приготовительная школа къ университетскому ученію формируется уже наиболѣе опредѣленнымъ образомъ. То была такъ называемая латинская школа, которая въ учебномъ своемъ содержаніи сложилась изъ основныхъ собственно школьныхъ элементовъ факультета *artistarum*. Самъ же факультетъ этотъ мало-помалу сталъ философскимъ, разсматриваемымъ, какъ начало и корень другихъ факультетовъ. Съ теченіемъ времени онъ сравнялся съ прочими факультетами и по научному своему содержанію нерѣдко являлся даже какъ бы доминирующимъ среди нихъ, а латинская школа въ то же время въ позднѣйшую гимназію. Въ общей организаціи ученаго образованія, какъ эта организація слагалась исторически, латинская школа, въ качествѣ органа всей системы, явно функционировала только нѣкоторую часть той задачи, которая лежитъ теперь на гимназіи — приготовленіе къ университетскому ученію; другую, важнѣйшую функцію въ этомъ дѣлѣ исполнялъ самъ университетъ черезъ свой философскій факультетъ, или чрезъ *facultas artistarum*. Гимназія же, вмѣсто того, чтобы принять въ себя учебные элементы, первоначально входившіе въ составъ факультета философскаго, или *artistarum*, все болѣе и болѣе ассимилировалась

по своему учебному содержанию со школами энциклопедического учебнаго состава. Усиливая постоянно въ себѣ элементы модерные (новые языки, новую литературу, исторію и проч.), она вступила въ конкуренцію съ прочими школами по пути доставленія ученикамъ своимъ общаго образованія. Не подымаясь до значенія, которое имѣли въ свое время въ дѣлѣ ученаго образованія факультеты *artistarum*, гимназія естественно слабѣла, какъ органъ собственно ученаго образованія и чрезъ это все болѣе и болѣе утрачивала значеніе школы, приготовительной къ университету. Преимущество латинской школы передъ нашей теперешней гимназіей состоитъ въ томъ, что она, особенно въ началѣ эпохи возрожденія, въ XVI и въ началѣ XVII вѣка, не отдѣлялась такъ рѣзко, какъ теперешняя гимназія, отъ университета. Университетъ былъ мѣстомъ завершенія того образовательнаго процесса, который совершался въ латинской школѣ. Эта непрерывность учебнаго дѣйствія въ университетѣ и въ латинской школѣ и давала послѣдней ту образовательную силу, которую она имѣла, именно какъ приготовительная школа къ университету.

«Разстройство органическаго отношенія между университетомъ и приготовительною къ нему школою началось собственно въ XVIII вѣкѣ,—говоритъ г. Скворцовъ. Этотъ вѣкъ просвѣщенія, *siècle éclairé*, или философскій, какъ его называли современники, былъ на самомъ дѣлѣ вѣкомъ резонерства и утопій всякаго рода, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Источникомъ всѣхъ этихъ заблужденій служила совершенно ложная мысль, что образованіе будто бы имѣетъ силу и должно человѣка, какъ разумное существо, сдѣлать господиномъ надъ всѣмъ существующимъ, какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ нравственномъ. Мысль объ этомъ совершенно безцѣльномъ, да и невозможномъ господствѣ человѣка, какъ о задачѣ не только его образованія, но и самого призванія въ мірѣ, тѣмъ болѣе владѣла умами, чѣмъ менѣе было содержанія въ самомъ образованіи... Принципъ просвѣщенія не внесъ въ образованіе никакого своего собственнаго содержанія; принципъ этотъ совершенно формальный—возбужденіе разума къ самостоятельному сужденію и къ приобрѣтенію знаній, практически примѣнимыхъ. Согласно съ этимъ, отношеніе умовъ въ эту эпоху къ самой основѣ ученаго образованія, къ классическому міру, было двойное. Съ одной стороны, преклонялись предъ мудростію древнихъ, въ ученіи ихъ видѣли религію разума, при которой не нужно даже никакого откровенія. Сократъ, Сенека представлялись образцами совершеннаго ума и добродѣтели; съ другой стороны, въ учебномъ дѣлѣ держались вообще того взгляда, что въ просвѣщеніи современники превосходятъ древнихъ».

Господство надъ умами того мнѣнія, что образованіе есть просвѣщеніе разума для индивидуальной пользы каждаго въ отдѣль-

ности, продолжаетъ царить и въ XIX в. Поворотомъ въ этой области служить ученіе Шлейермахера, виднаго представителя «исторической школы», который утверждалъ, что ученіе, черезъ которое образуется умственно и нравственно молодежь, есть процессъ обновленія человѣческой жизни, путемъ котораго возростающее поколѣніе не только доводится умственно и нравственно до той высоты, на которой находится поколѣніе, сходящее съ жизненнаго поприща, но и становится способнымъ образовательную работу двинуть впередъ еще далѣе.

Такимъ образомъ, говоритъ г. Скворцовъ, «понятіе просвѣщенія потеряло мало-по-малу свою чарующую силу и уступило мѣсто понятію культуры... На мѣсто индивида, о личной пользѣ котораго заботилась эпоха просвѣщенія, идеаломъ образованія явилась *humanitas*, чистое человѣчество (*reine Menschenthum*), по выраженію Гердера,—подъ которымъ должно понимать гармоническое развитіе всѣхъ силъ тѣла и души, внѣ всякаго отношенія этого развитія къ призванію и назначенію человѣка въ обществѣ. Это и есть тотъ новый гуманизмъ, который доселѣ еще держитъ подъ своимъ знаменемъ школы нашего вѣка. Однимъ изъ выразительныхъ проповѣдниковъ идеи новаго гуманизма былъ именно Гердеръ. «Гуманизмъ, говоритъ онъ, есть сокровище, добытое человѣческими усиліями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть искусство нашего поколѣнія. Что въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ служить къ образованію гуманнаго человѣка, составляетъ *humaniora*, будетъ ли то краснорѣчіе или поэзія, философія или исторія. Наука и искусство не имѣютъ иной цѣли, какъ только гуманизовать насъ». Къ цѣлямъ гуманнаго образованія должна была вести филологія, но не та филологія прежней латинской школы, которая въ ряду наукъ, составляющихъ *universitas litterarum*, имѣла пропедевтическое значеніе, а та новая наука, которая, какъ самостоятельный предметъ знанія и умѣнія, впервые была создана Фр. Авг. Вольфомъ. Въ составѣ разнообразныхъ дисциплинъ, филологія была въ его глазахъ наукою о томъ, «что только есть наивысшаго и наиболѣе важнаго для человѣка».

Согласно съ этимъ ученіемъ, гимназія изъ школы, приготавливающей къ университету, превращалась въ какую-то идеальную школу, долженствующую доводить всѣ силы духа учащихся до наипрекраснѣйшей гармоніи. Ибо *studia humanitatis*, по словамъ Вольфа, обнимаетъ все то, посредствомъ чего чисто человѣческое образованіе всѣхъ силъ ума и воли доводится до прекрасной гармоніи внутренняго и внѣшняго человѣка. Благодаря такой постановкѣ вопроса, классическій филологизмъ образовалъ окончательную пропасть между средней и высшей школой, придавая первой изъ нихъ совершенно самостоятельное значеніе и возлагая на нее исключительную миссію гуманизации подростящихъ поколѣній. Но эта пропасть, созданная искусственнымъ путемъ, въ интересахъ админи-

стративныхъ и полицейскихъ, терпима быть не могла; черезъ нее необходимо было перекинуть какой нибудь постоянный мостикъ. И вотъ его постепенно начали наводить въ видѣ такъ называемаго экзамена зрѣлости, воплощающаго въ себѣ символъ отношенія гимназій къ университету.

Разсматривая многолѣтнюю исторію этого экзамена въ Пруссіи, г. Скворцовъ приходитъ къ заключенію, что «искусственный механизмъ, придуманный для того, чтобы возстановить чрезъ него порванную разными учебными теоріями натуральную органическую связь между этими двумя органами учебнаго дѣла, экзамень зрѣлости во всю свою столѣтнюю исторію не былъ въ состояніи возсоздать между ними эту живую связь. Напротивъ, самъ онъ, очевидно, рушится теперь, какъ средство малонадежное, и считается даже только неизбѣжнымъ зломъ; а молодые люди, проходящіе чрезъ него, какъ черезъ мостъ изъ гимназій въ университеты, какъ профессорами, такъ и самой учебной администраціей, и теперь все еще считаются нерѣдко недостаточно зрѣлыми. Отчего же это происходитъ? Отъ того, конечно, что современная гимназія сама по себѣ не есть въ истинномъ смыслѣ школа, приготавливающая къ университету».

Таковъ историческій путь и философское происхожденіе современной классической гимназій у нашихъ сосѣдей, долженствовавшей и отчасти понынѣ долженствующей выполнять задачу гуманизации юношества при посредствѣ классической филологіи, въ составъ которой обязательно входили оба древнихъ языка — латинскій и греческій. Но рядомъ съ этой классической гимназіей историческимъ же путемъ образовался тамъ и второй типъ средняго учебнаго заведенія — реальнаго училища, послужившаго видовымъ прототипомъ аналогичныхъ училищъ у насъ.

Въ періодъ образованія, послѣдовавшій за временемъ возрожденія, когда ученое образованіе разложилось на двѣ стадіи — гимназію, или собственно латинскую школу и университетъ, реальной школы не существовало. Она возникла въ XVIII вѣкѣ, въ періодъ «просвѣщенія», въ интересахъ тѣхъ, кто хотѣлъ имѣть образованіе «безъ латыни». Начавшись такимъ образомъ, реальная школа служила сперва собственно пригтовительною школою къ технико-промышленной и вообще хозяйственной дѣятельности, и только впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, она стала возвышаться надъ уровнемъ задачъ образованія, соответствующихъ непосредственно интересамъ хозяйственнымъ. Это произошло мало-по-малу, вмѣстѣ съ послѣдовательнымъ развитіемъ техническихъ и вообще прикладныхъ знаній и съ возрастаніемъ къ нимъ интереса въ обществѣ. Въ глазахъ общества и самого государства, которое первоначально относилось къ реальной школѣ не безъ предубѣжденія, она постепенно получила современное значеніе школы, приготавливаю-

щей къ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ и даже къ нѣкоторымъ университетскимъ факультетамъ. Согласно съ этимъ, въ административномъ порядкѣ учебнаго дѣла она заняла мѣсто на ряду съ гимназіей, ставъ при этомъ въ конкуренцію съ нею на поприщѣ общаго образованія. Во мнѣніи общества и нѣкоторыхъ учебныхъ управленій получались такимъ образомъ двѣ школы, близкія одна къ другой по своему значенію въ системѣ образованія.

«Но ставъ во мнѣніи общества и правительства въ такое отношеніе къ гимназіи и вообще къ ученому образованію, реальная школа на дѣлѣ, внутри себя самой, дидактически, доселѣ не сложилась, какъ истинно ученая школа, или какъ гимназія новѣйшей формаціи,—говоритъ г. Скворцовъ. Откуда—то затрудненіе, въ которое вездѣ болѣе или менѣе поставлено теперь учебное дѣло въ этой своей части. Оно состоитъ въ томъ, что въ реальной школѣ, которая исторически образовалась изъ нѣкоторыхъ учебныхъ элементовъ, въ виду особыхъ цѣлей образованія, для которыхъ гимназія, и исторически и по существу своего дѣла не имѣетъ надлежащихъ средствъ,—хотя бы теперь имѣть не что иное, какъ гимназію *vis*. Потому, какъ отъ реальной школы требуютъ того, что лежитъ въ цѣляхъ гимназіи, то-есть служить дѣлу ученаго образованія, такъ въ свою очередь и отъ гимназіи требуютъ услугъ тѣмъ интересамъ образованія, въ виду которыхъ сложилась реальная школа. Согласно съ этимъ, несмотря на то, что внутренно, по существу дѣла и по происхожденію своему, реальная школа есть какъ бы отрицаніе гимназіи, или—что то же—есть школа не ученаго, а свѣтскаго образованія, доселѣ еще у нѣмцевъ она традиціонно числится въ разрядѣ «ученыхъ школъ», и вся исторія ея въ Европѣ до самыхъ послѣднихъ дней представляетъ рядъ попытокъ подвести подъ нее дидактическое научное основаніе, съ тѣмъ, чтобы она, какъ гимназія, была также ученою школою».

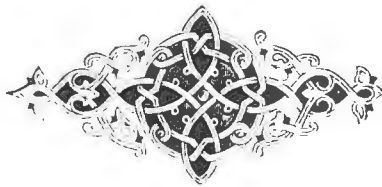
Эти попытки, по свидѣтельству автора «Недуговъ нашего учебнаго дѣла», не привели къ желаннымъ результатамъ, и реальная школа не сдѣлалась школою истинно ученою. «Причина заключается въ исторической тенденціи самой школы и въ дидактическихъ условіяхъ ея учебныхъ предметовъ,—говоритъ Н. Скворцовъ. Тяготѣніе къ настоящему, къ тому, что дано въ окружающей дѣйствительности и входитъ непосредственно въ интересы жизни, составляетъ отличительный характеръ образованія, къ развитію котораго исторически призвана реальная школа. Потому, съ одной стороны, новые языки ставятъ здѣсь обыкновенно гораздо сильнѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ: ихъ и начинаютъ раньше и больше времени на нихъ употребляютъ, съ другой,—также согласно съ характеромъ образованія, къ которому тяготѣетъ реальная школа, естественное и математика занимаютъ здѣсь наиболѣе видное мѣсто среди прочихъ учебныхъ предметовъ».

Стремясь во что бы то ни стало поставить реальныя училища на одну доску съ гимназіями, въ интересахъ свободной конкуренціи, въ Пруссіи въ началѣ текущаго столѣтія начали вводить обученіе въ этихъ реальныхъ училищахъ латинскому языку, сначала необязательное, а потомъ обратившееся въ принудительное. Но этотъ типъ «реальной гимназіи» я разсматривать не буду, такъ какъ онъ не сыгралъ никакой роли въ судьбахъ русскаго образованія. Для насъ важно было лишь отмѣтить историческую судьбу и происхожденіе классической гимназіи и реального училища, исключительно привлечшихъ къ себѣ въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ вниманіе нашихъ руководителей учебнаго дѣла и по образцу которыхъ была создана русская пореформенная средняя школа.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

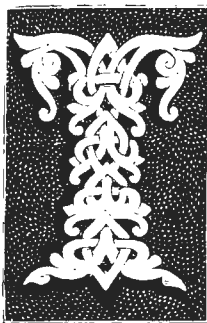

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ¹⁾.

VI.

Городъ Фу-чжоу-фу.

АКЪ вонуть туземцы столицу Фокіенской провинціи, причемъ удареніе рѣзко слышится на первомъ Фу; англичане называютъ ее Фу-чау, французы—Фу-чеу, на преискурантахъ московскихъ чайныхъ фирмъ этотъ городъ обратился въ Фу-че-фу,—слово, знакомое всѣмъ намъ съ дѣтства и довольно близко подходящее своимъ началомъ къ французскому названію, а концомъ — къ китайскому. Этотъ конецъ, то-есть послѣднее фу, употребляется здѣсь только при обозначеніи губернскихъ городовъ областей; уѣздные города имѣють другія приставки, смотря по своей важности и значенію.

Не только среди такъ называемыхъ договорныхъ портовъ Средняго царства, то-есть тѣхъ городовъ, что открыты иностранцамъ для торговли и свободнаго проживанія въ нихъ, въ силу трактатовъ, заключенныхъ китайскимъ правительствомъ въ разное время съ разными европейскими и неевропейскими государствами, но и вообще на всемъ приморскомъ побережьѣ Китая нѣтъ другаго города, котораго ближайшія окрестности были бы болѣе интересны и живописны, чѣмъ окрестности Фу-чжоу.

Расположенный въ области, производящей громадныя количества чая, онъ давно уже сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 271.

вывоза этого продукта въ другія страны, между прочимъ, и къ намъ въ Россію. Съ семидесятыхъ годовъ здѣсь существуетъ даже крошечная колонія русскихъ людей, занимающихся чайнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, Фу-чжоу представляется однимъ изъ весьма немногихъ пунктовъ Китая, гдѣ можно встрѣтить нашихъ соотечественниковъ не въ качествѣ залетной *avis rarissima*, а въ видѣ осѣдлой общины, хотя и микроскопической по размѣрамъ, но сильной своимъ влияніемъ и общественнымъ положеніемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ произведенъ подсчетъ всѣхъ иностранцевъ, проживающихъ въ Китаѣ, давшій слѣдующія любопытныя цифры распредѣленія ихъ по національностямъ: англичанъ оказалось 3.317, гражданъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 1.153, японцевъ 883, нѣмцевъ 648, португальцевъ 610, французовъ 589, испанцевъ 304, шведовъ и норвежцевъ 155, русскихъ 131, датчанъ 85, итальянцевъ 74, австрійцевъ 65, голландцевъ 41, бельгійцевъ 28, бразильцевъ 2, всего 8.081 человекъ.

Къ сожалѣнію, статистики различныхъ иностранныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ китайскія предпріятія, не существуетъ: но если бы она была, то несомнѣнно, что мы заняли бы въ ея таблицахъ гораздо болѣе высокое мѣсто, чѣмъ то, какое мы имѣемъ въ приведенномъ только что рядѣ, ибо значительное число членовъ русской группы такъ или иначе связаны съ нашими заправилами чайнаго дѣла; а эти заправки ворочаютъ здѣсь большими миллионами.

Мнѣ пришлось быть въ Фу-чжоу три раза; но два послѣдніе, отдѣленные промежутками въ нѣсколько лѣтъ, послужили только для того, чтобы освѣжить, провѣрить и дополнить тѣ впечатлѣнія и свѣдѣнія, какія дало мнѣ первое посѣщеніе этого порта, гдѣ мы простояли тогда три мѣсяца, причемъ, благодаря любезности нашего консула Н. А. Попова и другихъ членовъ мѣстной русской колоніи, я имѣлъ возможность близко ознакомиться не только съ самимъ Фу-чжоу, но и съ его наиболѣе замѣчательными окрестностями.

Это было слишкомъ 12 лѣтъ тому назадъ когда я увидѣлъ впервые ту рѣку, на которой, кромѣ Фу-чжоу, стоятъ еще тридцать городовъ, обнесенныхъ стѣнами, историческую рѣку Минъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ разыгрался одинъ изъ знаменательнѣйшихъ эпизодовъ той длинной, сложной, нерѣдко кровавой драмы, какую представляетъ исторія сношеній Китая съ сильными государствами Запада и Востока за послѣдніе полъ-вѣка.

Дулъ свѣжій береговой бризъ, ясный солнечный день уже склонялся къ вечеру, когда мы 1-го декабря 1885 года взяли курсъ съ моря къ устью Мина послѣ плаванія, хотя въ общемъ и неособенно тяжелаго, но все-таки надорвавшего силы нашего «Моржа», который теперь еле-еле тащилъ свои старыя кости. Давно уже въ фіолетовой дымкѣ дали виднѣлись огромные массивы прибрежныхъ горныхъ хребтовъ, въ беспорядкѣ громоздившіеся другъ надъ другомъ.

По мѣрѣ нашего приближенія, они начинаютъ вырисовываться все яснѣе и яснѣе; брошенные въ море скалистые острова отдѣляются отъ фона материка, на которомъ они доселѣ неподвижно проектировались, и какъ бы оживаютъ, обособляясь въ самостоятельныя тѣла, каждое съ своей собственной фizioноміей и жизнью.

Мы принимаемъ лопмана. Горныя вершины мрачными, рѣзкими линіями выступаютъ на темнѣющемъ прозрачно-чистомъ небѣ. Направо отъ насъ, у самаго берега виднѣется островъ; на немъ бѣлѣютъ какія-то зданія европейской архитектуры: это Sharp-pick ¹⁾.

Шарпикъ—нѣчто въ родѣ санитарной станціи для европейцевъ, живущихъ въ городѣ Фу-чжоу: сюда бѣгутъ спасаться отъ томительныхъ лѣтнихъ жаровъ, бѣгутъ больные перемежающейся лихорадкой, выздоравливающіе отъ различныхъ тяжелыхъ мѣстныхъ болѣзней, бѣгутъ для того, чтобы подышать чистымъ морскимъ воздухомъ, покататься въ морѣ, наконецъ, просто отдохнуть отъ сутолокъ городской жизни и дѣлъ. Санаторіей завѣдуетъ врачъ, миссіонеръ одной изъ тамошнихъ протестантскихъ миссій. Больные принимаются на полное содержаніе за извѣстную помѣсячную плату.

Передъ нами открывается узкій проходъ между двумя скалами. Мы входимъ, минуемъ баръ (глубина надъ нимъ въ часы отлива всего лишь 10—12 футъ) и плывемъ по узкому ущелью между громадами гранита. По берегамъ рисуются силуэты укрѣпленій: это проходъ и форты Кинпао. Занимъ открывается широкая долина, прекрасно воздѣланная и богато орошенная многочисленными каналами. Рѣка въ своемъ теченіи расширяется; но мы идемъ малымъ ходомъ, и все чаще и чаще слышится команда лопмана: право! лѣво! такъ держать! Повороты самые неожиданныя! Но вотъ разступившіяся было горы снова сдвигаются, оставляя ущелье, еще болѣе узкое, чѣмъ Кинпао, и очень извилистое. Это Мининганскій проходъ. Мгла стелется надъ рѣкой, шумно и быстро льющей свои воды. На склонахъ скалъ опять укрѣпленія: форты Миннгана. Мы проходимъ еще мимо какой-то неопредѣленной постройки на берегу.

Совсѣмъ стемнѣло. Не вотъ блеснулъ огонекъ, характерный огонь орудія, за нимъ другой, третій, и гулъ пушечныхъ выстрѣловъ звонкимъ рокотомъ отдался въ ущельяхъ горъ. На вершинахъ, точно по волшебству, засвѣтились вдругъ разноцвѣтные фонарики и волнующимися, длинными рядами закачались надъ землей. Едва смолкъ послѣдній пушечный выстрѣлъ, какъ возлѣ этихъ фонариковъ закипѣли каскады огней, и цѣлый хаосъ трескучихъ звуковъ наполнилъ воздухъ: ружейные залпы, взрывы хлопкопушекъ, вспышки бенгальскихъ огней, все слилось вмѣстѣ, и все вмѣстѣ было такъ неожиданно странно. Густой дымъ заволокъ окрестности и скрылъ совсѣмъ очертанія береговъ.

¹⁾ Шарпикъ значитъ острый пикъ.

— Что это?—спрашиваемъ у лодмана. Тотъ хохочетъ, держась руками за бока.

— Этакіе ослы! Этакіе ослы!—повторяетъ онъ сквозь слезы.

— Да въ чемъ дѣло?

Произошло, оказывается, довольно забавное *qui pro quo*: въ этотъ вечеръ ожидался въ Фу-чжоу одинъ очень важный мандаринъ изъ Пекина; мѣстные власти распорядились устроить ему торжественную встрѣчу; между прочимъ, форты, расположенные по рѣкѣ, должны были салютовать пушечными выстрѣлами, а собранныя пѣхотныя войска ружьями и хлопучками; фонарики, что мелькали въ воздухѣ, принадлежали тоже солдатамъ: каждый китайскій воинъ имѣетъ присвоенный ему ночью фонарикъ, а днемъ—свое особое знамя, или значекъ. Мандаринъ-то, дѣйствительно, пріѣхалъ, но почему-то не пожелалъ слѣдовать дальше вверхъ по рѣкѣ, а остался на ночь у бара; пришли же къ бару и мы и онъ почти одновременно; и его судно и наше очень похожи съ перваго взгляда; а если принять въ расчетъ ночное время и нервно возбужденное состояніе лицъ, ожидающихъ прибытія начальства, то вотъ и причина всей происшедшей путаницы и тѣхъ овацій, которыхъ мы такъ незаконно удостоились. А ихъ было достаточно: укрѣпленія, мимо которыхъ мы проходили, продолжали жарить изъ пушекъ, пѣхота палила изъ ружей, вездѣ по склонамъ горъ мелькали огоньки, по временамъ доносился отдаленный гулъ музыки: глухо звенѣли мѣдные гонги, стучали барабаны, слышались какіе-то крики; иногда во мракѣ, освѣщенные свѣтомъ фонарей, вырѣзывались кучки людей; качались носилки, въ которыхъ несли, вѣроятно, офицеровъ: въ общемъ получалась эффектная картина, полная жизни и движенія, красивый моментъ красивой сценической пьесы, разыгранной только не на театральныхъ подмосткахъ, среди картонныхъ пейзажей, въ спертomъ воздухѣ душной залы, а въ грандіозной рамкѣ живой природы, среди настоящихъ китайскихъ горъ, подъ темнымъ южнымъ китайскимъ небомъ, обвѣянной свѣжестью мягкой зимней ночи юга.

За Миннанскимъ ¹⁾ ущельемъ рѣка разливается въ широкую водную равнину, имѣющую форму озера; однако мы идемъ все также тихо, какъ и раньше, и все также часто раздаются предостерегающіе возгласы лодмана: подъ широкой спокойной гладью рѣки—масса предательскихъ, песчаныхъ отмелей, чуть видныхъ островковъ и камней. Но вотъ замелькали судовые огоньки стоящихъ на якорѣ пароходовъ, затѣмъ блеснули освѣщенные окна зданій на берегу, и передъ нами вырисовался довольно большой островъ съ пагодой на вершинѣ. Это и есть островъ Пагоды (Pagoda Island), или Pagoda anchorage, мѣсто якорной стоянки судовъ, приходящихъ въ Фу-чжоу. И мы

¹⁾ Или вѣрнѣе, пожалуй,—Миннанскимъ.

здѣсь отдали якорь, пройдя отъ устья рѣки 26 миль (около 45 верстѣ). Собственно до города отсюда еще 9 миль; но выше рѣка становится слишкомъ мелкой и доступна лишь для судовъ съ очень малой осадкой. Два раза въ мѣсяцъ, въ періоды наиболѣе сильныхъ приливовъ, суда, сидяція не выше 9 футъ, могутъ еще подняться къ самому Фу-чжоу, или, вѣрнѣе, къ острову Нантаю, на которомъ разбросалась мѣстная европейская колонія; но за Нантаемъ плаваніе возможно только для совсѣмъ плоскодонныхъ туземныхъ барокъ. Приблизительно въ пяти миляхъ отсюда, на поль-дорогѣ между островомъ Пагоды и Нантаемъ, китайцы въ 1840 году, желая помѣшать англійскимъ военнымъ судамъ подняться по Мину до города Фу-чжоу, запрудили рѣку громадными камнями, что и повело, съ теченіемъ времени, къ образованію песчаныхъ отмелей выше мѣста запруды.

На другой день съ утра насъ осадилъ цѣлая куча продавцовъ мѣстныхъ издѣлій. Фу-чжоу славится своими подѣлками изъ такъ называемаго мыльнаго камня, добываемаго въ окрестныхъ горахъ, и корней какого-то тамошняго дерева. Миниатюрныя пагоды, столики, гробницы, чашки, блюда, изображенія людей, птицъ, животныхъ, рыбъ,—все это, сдѣланное съ тѣмъ кропотливымъ стараніемъ, которое характеризуетъ китайское искусство, цѣлая куча бездѣлушекъ, очень оригинальныхъ, не лишенныхъ своеобразнаго изящества и вкуса, завалили верхнюю палубу и скоро обратили ее въ настоящій базаръ.

День чудный. Солнце свѣтитъ ярко. Легкій паръ подымается изъ ущелій и прозрачной дымкой стелется по склонамъ горъ. Мы точно въ громадной бухтѣ: рѣка здѣсь очень широка,—около 5-ти верстѣ, говорятъ. На рейдѣ стоятъ нѣсколько большихъ купеческихъ пароходовъ, да вдали бѣлѣетъ маленькая англійская канонерка «Firebrand». На первомъ ближайшемъ къ намъ берегу рѣки виднѣтся большое трехэтажное каменное зданіе таможни; по склонамъ лѣпятся нѣсколько европейскихъ домовъ общаго всему Востоку типа постройки. Дальше безпорядочной кучей толпятся китайскіе домишки. Большой, близко придвинувшійся къ лѣвому матерому берегу, островъ увѣнчанъ девяти-этажной пагодой, отъ которой вся окрестная мѣстность получила свое названіе. Одинъ мысъ сѣвернаго берега рѣки выдался въ видѣ полуострова, и на немъ расположенъ знаменитый Фу-чжоускій арсеналь; на элингахъ острова Пагоды видны корпуса двухъ строящихся военныхъ судовъ. Ошвартовавшись у берега, стоятъ двѣ китайскія канонерки, носяція на себѣ всѣ слѣды недавняго пребыванія на днѣ рѣчномъ: это остатки той злосчастной флотиліи, которую потопили здѣсь французы въ августѣ 1884 года. Китайцы поднимаютъ тѣ изъ затопленныхъ судовъ, какія можно поднять, чинятъ ихъ и снова пускаютъ въ ходъ.

Учрежденія, извѣстныя подъ общимъ именемъ Арсенала Фу-чжоу, заключаютъ въ себѣ, кромѣ складовъ оружія и военныхъ запасовъ,— доки, обширныя мастерскія, снабженныя прекрасными европейскими машинами, и два училища для подготовки изъ туземцевъ морскихъ офицеровъ, механиковъ, корабельныхъ инженеровъ, чертежниковъ и проч.

Исторія возникновенія Фу-чжоускаго арсенала была въ свое время разсказана однимъ изъ профессоровъ его, французомъ Руссѣ, стоявшимъ очень близко къ инициаторамъ и руководителямъ замѣчательнаго учрежденія. Это, въ сущности, цѣлая глава изъ новѣйшей исторіи Китая, чрезвычайно интересная и поучительная.

Послѣднее грандіозное народное возстаніе въ Китаѣ, извѣстное подъ именемъ Тайпинскаго мятежа, свирѣпствовавшее безъ малаго 15 лѣтъ на пространствахъ $\frac{3}{4}$ Китайской имперіи, унесшее 20 милліоновъ человѣческихъ жизней, обратившее многочисленные города и цѣлыя цвѣтущія области страны въ груды развалинъ,— возстаніе это, какъ и всякая крупная революція, должно было выдвинуть и дѣйствительно выдвинуло на первый планъ политической сцены рядъ талантливыхъ и энергичныхъ людей. Особенно широкой извѣстности между ними, далеко распространившейся и за предѣлы имперіи, достигли три лица: Тсенгъ-куо-фанъ, Лихунчанъ и Тсо-Тсонъ-Танъ. Получивъ, послѣ разсѣянія мятежниковъ, порученіе возстановить изъ развалинъ провинціи, которыя они только-что усмирили, эти люди обнаружили и на мирномъ поприщѣ столь же блистательные административныя таланты, сколько проявили твердости и мужества на поляхъ сраженій. Громадная опасность, угрожавшая самому существованію имперіи, внутри отъ Тайпиновъ, извнѣ отъ иноплеменнаго нашествія, извѣстнаго подъ именемъ англо-французской экспедиціи, открыла этимъ людямъ глаза: болѣе умные и дальновидные, чѣмъ большинство ихъ соотечественниковъ, они поняли, что если Китаю и удалось на этотъ разъ избѣгнуть гибели, то для предотвращенія подобной опасности въ будущемъ онъ долженъ прежде всего заняться улучшеніемъ своихъ средствъ обороны и ввести въ свою администрацію нѣкоторыя неизбѣжныя реформы, требуемыя измѣнившимися условіями сношеній Европы съ Дальнимъ Востокомъ. Они явились инициаторами движенія въ пользу этихъ реформъ и принялись за энергическую борьбу съ приверженцами неподвижной старины. Эта политическая борьба, замкнутая въ тѣсный кругъ сановниковъ имперіи и въ тайники департаментовъ правительственныхъ канцелярій Пекина, не производила, однако, большаго шума. Народъ совсѣмъ и не зналъ о ней. Довольный той большой индивидуальной свободой, которой онъ пользуется, не стѣсняемый мелочнымъ вмѣшательствомъ правительственной власти въ его внутреннюю жизнь, народъ китайскій не занимается политикой и позволяетъ управлять собою легко, до тѣхъ

поръ пока злоупотребленія мандариновъ или ихъ агентовъ не принудятъ его къ актамъ насилія или возстанія. Но въ правительственныхъ сферахъ образовались двѣ партіи: одна—строго-консервативная, старо-китайская,— партія сопротивленія всякому измѣненію и заимствованію; другая—партія либеральная, прогрессивная, радикальная, назовите ее, какъ хотите,— въ данномъ случаѣ дѣло не въ названіи: было бы очень большой ошибкой думать, что сторонники этой послѣдней партіи суть утописты, жаждущіе сначала ниспровергнуть весь существующій государственный и общественный строй, для того чтобы на развалинахъ его воздвигнуть потомъ новое зданіе новаго общества, устроеннаго по собственному плану и вкусу; они не только безконечно далеки отъ мысли о чемъ нибудь подобномъ, но даже очень далеки и отъ восторженнаго преклоненія передъ цивилизаціей и существующимъ строемъ жизни Запада, и если имъ захотѣлось сдѣлать изъ этой цивилизаціи позаимствованія, которыя они считали безвредными для основъ своего социальнаго строя, то это лишь для того, чтобы имѣть возможность успѣшнѣе бороться съ Европой, а вовсе не затѣмъ, чтобы открыть ей настежь всѣ ворота застѣннаго Китая. Они—радикалы только съ точки зрѣнія ихъ противниковъ,— слѣпыхъ приверженцевъ старины. Въ дѣйствительности же между обѣими политическими партіями существуетъ глубокая внутренняя связь, ихъ соединяетъ одно общее чувство, одинаково сильное въ обѣихъ: это чувство — любовь къ своему, китайскому, сознаніе кореннаго превосходства основъ своего быта надъ всякой иноземщиной. У экзальтированныхъ непримиримыхъ оно могло принимать иногда характеръ ненависти къ иностранцамъ; у прогрессистовъ, болѣе умѣренныхъ по темпераменту и одаренныхъ лучшимъ пониманіемъ положенія дѣлъ, оно выражалось въ желаніи — во всякомъ случаѣ сохранить своей цивилизаціи все то, что составляетъ ея оригинальность и силу. Такимъ образомъ, основная цѣль, преслѣдовавшаяся обѣими партіями, въ сущности была одна и та же. Онѣ расходились только въ выборѣ средствъ для ея достиженія. Прогрессисты предлагали правительству заимствовать отъ Европы ея усовершенствованное оружіе, военную организацію, военныя суда,— ея орудія обороны всѣхъ сортовъ. Это былъ, если угодно, шагъ, сдѣланный по дорогѣ прогресса, но въ направленіи, діаметрально противоположномъ тому, что большинство европейскихъ резидентовъ въ Китаѣ желало бы видѣть отъ его правительства. Если прогрессисты, казалось, хотѣли уступить Европѣ въ данный моментъ, то это лишь для того, чтобы получить возможность успѣшнѣе бороться съ ней въ слѣдующій,— и, становясь на точку зрѣнія китайскихъ патриотовъ, нельзя не признать мудрости людей, ставшихъ во главѣ такъ называемой партіи прогресса. Несмотря на упорное сопротивленіе, которое они встрѣтили и противъ котораго должны были отчаянно

бороться, они кончили тѣмъ, что побѣдили, благодаря, главнымъ образомъ, могущественной поддержкѣ принца Кунга.

Тсо-Тсонъ-Тагъ одинъ изъ первыхъ перешелъ отъ разсужденій къ дѣлу, къ примѣненію своихъ взглядовъ на практикѣ. По изгнаніи мятежниковъ изъ Чекіанской провинціи, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, Тсо, въ награду за услуги, оказанныя государству, былъ назначенъ вице-королемъ Фокіенской и Чекіанской областей. Еще во время кампаніи противъ Тайпиновъ, онъ, для скорѣйшаго подавленія возстанія, прибѣгъ къ употребленію такъ называемыхъ франко-китайскихъ отрядовъ, то-есть, войсковыхъ частей, сформированныхъ изъ китайскихъ солдатъ, но находившихся подъ командою французскихъ офицеровъ и инструкторовъ. Видя собственными глазами дѣйствія европейскихъ офицеровъ, Тсо имѣлъ возможность оцѣнить какъ ихъ службу, которой онъ былъ обязанъ рядомъ блестящихъ побѣдъ, такъ и преимущества европейскаго обученія и вооруженія. Тамъ же, на поляхъ сраженій, онъ составилъ себѣ очень высокое понятіе о мужествѣ и преданности своему долгу командировъ этихъ отрядовъ, людей выдающагося ума и энергіи, видя, что изъ четырехъ офицеровъ, послѣдовательно занимавшихъ командирскій постъ, двое — Le Brethon и Tardif de Moidray, были ранены смертельно, а третій—Giquel—очень тяжело, и онъ рѣшилъ употребить съ болѣею пользою для дѣла тѣхъ, которые еще остались въ живыхъ послѣ этой кампаніи. Пораженный могуществомъ французской Тихо-океанской эскадры и полагая, что, въ виду огромнаго развитія китайской береговой линіи, его странѣ принесло бы неизмѣримую пользу обладаніе своимъ собственнымъ военнымъ флотомъ, могущимъ охранять подступы къ ней съ моря, онъ въ 1864 году обратился къ французскимъ морскимъ офицерамъ, лейтенантамъ Giquel'ю и d'Aiguebelle'ю, съ просьбою составить ему проектъ созданія въ г. Фу-чжоу большаго учрежденія для постройки паровыхъ военныхъ судовъ. Два года спустя, онъ представилъ императору планъ этихъ офицеровъ и по утвержденіи его заключилъ съ ними контрактъ, главные, наиболѣе существенные пункты котораго были слѣдующіе: втеченіе пяти лѣтъ въ Фу-чжоу должны быть устроены, во-первыхъ, мастерскія и доки, необходимые для постройки судовъ и ихъ машинъ; во-вторыхъ, созданы школы для подготовки изъ туземцевъ личнаго персонала будущаго мѣстнаго военнаго флота, то-есть штурмана, механики, морскіе офицеры, и проч.; въ третьихъ, законтрактованъ на тотъ же срокъ достаточный европейскій персоналъ, вполне компетентный для того, чтобы вести, какъ сама работа, такъ и дѣло обученія китайцевъ въ мастерскихъ, докахъ и школахъ; въ-четвертыхъ, выстроены 15 паровыхъ судовъ различнаго водоизмѣненія, долженствовавшихъ послужить ядромъ собственнаго флота.

Подобная инициатива была вещью очень новою въ Китаѣ, и

требовалось много гражданского мужества, чтобы взять на себя такую большую ответственность. Центральное правительство въ Китаѣ, по принципу, никогда активно не вмѣшивается ни въ какія предпріятія, имѣющія даже общегосударственное значеніе: оно до-вольствуется тѣмъ, что отвергаетъ или одобряетъ проекты, которые ему предлагаютъ, оставляя авторамъ такихъ проектовъ всю отвѣт-ственность ихъ исполненія. Рѣдко бываетъ, что эти авторы видятъ осуществленіе своихъ думъ и трудовъ: зависть соперниковъ, воз-бужденная успѣхомъ, заставляетъ ихъ пускаться въ ходъ все, чтобы помѣшать довести дѣло до конца, и зачастую смѣлые инициаторы видятъ свою карьеру разбитою, личное состояніе потеряннымъ, не-рѣдко даже самая жизнь ихъ подвергается опасности. Вотъ почему въ большую заслугу Тсо надо вмѣнить его смѣлость начать, за собственный страхъ и рискъ, такое новое и большое дѣло, и этого акта разумной личной инициативы было бы одного вполне доста-точно, чтобы обезпечить ему почетное мѣсто въ современной исто-ріи Китая. Помощникомъ себѣ по выполненію своихъ обширныхъ плановъ Тсо выбралъ мандарина Шен-пао-чена, человѣка тоже замѣчательнаго ума и характера.

Работы, начатыя въ 1868 году, были въ самомъ разгарѣ, какъ вдругъ Тсо отозвали съ поста вице-короля Фокіена и Чекіана и на-значили вице-королемъ Шень-зи и Кансу для усмиренія мусульманъ, возставшихъ на другомъ концѣ имперіи. Въ этомъ внезапномъ пере-мѣщеніи, кромѣ желанія воспользоваться военными талантами Тсо, не малую роль, конечно, сыграли придворныя интриги, зависть вра-говъ, недовѣрчивая подозрительность центральнаго правительства и желаніе удалить вліятельнаго вице-короля, уже пріобрѣвшаго боль-шую популярность, отъ учрежденія, которое должно было еще больше увеличить его престижъ и значеніе, давъ ему въ руки такія могу-щественныя орудія войны: вице-короли различныхъ областей Китая сохранили въ себѣ еще очень много характерныхъ чертъ древнихъ сатраповъ; это — настоящіе правители, пользующіеся гораздо большею властью, чѣмъ просто генераль-губернаторы, какъ ихъ иногда счита-ютъ у насъ; и центральное правительство постоянно и очень зорко слѣдитъ за каждымъ ихъ шагомъ.

Во главѣ Фу-чжоускаго арсенала остался Шень-пао-ченъ.

Въ 1874 году, благодаря энергіи европейскаго персонала и под-держкѣ Шен-пао-чена, несмотря на безчисленныя препятствія всякаго сорта, всѣ пункты контракта оказались выполненными. Достигнутые за такой короткій срокъ результаты были поразительны: сотни хо-рошо обученныхъ туземныхъ рабочихъ наполняли обширныя мастер-скія, совершенно оборудованныя; 15 военныхъ судовъ спущены на воду и вооружены; въ школахъ ученики, меньше чѣмъ въ 5 лѣтъ, прошли полный курсъ наукъ и могли съ успѣхомъ примѣнять свои

знанія тутъ же, на судахъ, въ чертежныхъ и кораблестроительныхъ мастерскихъ.

Въ отчетѣ, который представило тогдашнему французскому морскому министру командированное имъ въ Фу-чжоу довѣренное лицо, занимавшее очень видное мѣсто въ министерствѣ, содержатся, между прочимъ, слѣдующія любопытныя строки: «въ дѣлѣ г-на Giquel'я есть одна сторона, болѣе всего поразительная; не трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ даже издали, что при извѣстныхъ средствахъ возможно устроить подобное учрежденіе, организовать кадры рабочихъ и выстроить пѣлюю флотилію; но понятно, что было гораздо труднѣе открыть въ ученикахъ скрытые таланты къ изученію столь чуждыхъ имъ наукъ, къ разумѣнію абстрактныхъ идей, въ нихъ заключающихся, которыя, казалось бы, должны были остаться совершенно непонятными людямъ, не имѣющимъ въ своемъ языкѣ даже словъ для ихъ выраженія. И однако же этотъ результатъ былъ достигнутъ, и я думаю, что въ выучкѣ личнаго персонала изъ туземцевъ г. Giquel выполнилъ больше, чѣмъ обѣщанія своей программы. Въ мое посѣщеніе училищъ, созданныхъ его усиліями и составлявшихъ постоянно предметъ его особеннаго вниманія, я былъ пораженъ полученными результатами. Я посѣтилъ французское училище, предназначенное для образованія корабельныхъ инженеровъ и механиковъ, и англійское морское училище. И въ томъ, и въ другомъ преподаваніе поставлено очень хорошо. Воспитанники французскаго училища получаютъ даже первыя понятія объ интегральномъ и дифференціальномъ исчисленіяхъ. Профессора этого училища, въ исполненіи своей задачи, столь трудной, обнаружили удивительное терпѣніе и преданность дѣлу. Ихъ усилія не остались безплодными, и я могъ убѣдиться изъ вопросовъ, предложенныхъ въ моемъ присутствіи, что ученики вполне сознательно усвоили себѣ преподаваемые имъ предметы. За то же самое говорятъ и письменныя рабсты ихъ, взятыя мною наудачу, безъ всякаго выбора».

Хотя достигнутые результаты были такимъ образомъ и очень велики, китайскія власти арсенала считали, однако, услуги и помощь европейцевъ въ данномъ дѣлѣ необходимыми въ теченіе еще нѣкотораго довольно продолжительнаго времени; но высказать это громко они не рѣшались. Несмотря на осязательныя доказательства, что извѣстная программа, обусловленная контрактомъ, была дѣйствительно выполнена въ срокъ,—заявить, что надобность въ сохраненіи при арсеналѣ европейцевъ продолжаетъ еще существовать, значило признать передъ центральнымъ правительствомъ въ собственной несостоятельности, дать въ руки враждебной партіи оружіе для самыхъ тяжелыхъ нападковъ и компрометтировать какъ главнаго инициатора предпріятія, такъ и тѣхъ лицъ, кому было поручено дальнѣйшее веденіе его. Лучше было сказать, что китайцы считаютъ себя вполне удовлетворенными и не нуждаются больше въ услугахъ европейскаго

персонала, который помогалъ имъ до сихъ поръ. Такой выходъ вполнѣ согласовался съ исконными традиціями китайской бюрократіи, и Шен-пао-ченъ не былъ бы сыномъ своей страны, если бы онъ поступилъ иначе.

Результатомъ его доклада императору въ этомъ именно смыслѣ было увольненіе въ 1874 году всѣхъ европейцевъ, служившихъ въ арсеналѣ Фу-чжоу, при чемъ императоръ пожаловалъ имъ разныя болѣе или менѣе высокіе чины и отличія, и арсеналъ съ тѣхъ поръ поступилъ въ исключительное завѣдываніе китайскихъ чиновниковъ.

Прошло 10 лѣтъ. По странной ироніи судьбы, на долю французовъ же въ 1884 году выпало разрушить то, что было воздвигнуто въ Фу-чжоу ихъ соотечественниками въ 1874 году.

Такъ какъ вопросы большой политической важности, возникшіе между Франціей и Китаемъ около этого времени, не могли быть улажены дипломатическимъ путемъ, то Франція прибѣгла къ ряду такъ называемыхъ «репрессаліи» и, между прочимъ, къ «морской демонстраціи» на рѣкѣ Минъ, которая окончилась разрушеніемъ части арсенала, значительнаго числа китайскихъ военныхъ судовъ и всѣхъ фортовъ по рѣкѣ французскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмирала Курбе.

Комиссаръ Каралль (Deputy Commissioner Carall), бывшій очевидцемъ этого побоища, далъ интересный отчетъ о немъ, многія подробности котораго очень разнятся отъ официальной французской версіи этого громкаго дѣла.

Силу обоихъ противниковъ, стоявшихъ другъ противъ друга близъ острова Пагоды,—говоритъ Каралль,—составляли: у французовъ— 9 обшитыхъ броней кораблей и 2 миноносца, 1830 человекъ команды, 77 крупныхъ орудій и масса скорострѣльныхъ пушекъ; у китайцевъ— 11 деревянныхъ судовъ, 1190 человекъ команды и 45 орудій, изъ которыхъ только немногія были большаго калибра. Но количество судовъ, пушекъ и людей не даетъ еще надлежащаго понятія о боевой силѣ сражающихся сторонъ: необходимо помнить, что французскіе корабли представляли образецъ современнаго морского строительнаго искусства, ихъ пушки—торжество техники этого сорта, а люди стояли на уровнѣ современныхъ требованій къ судовымъ командамъ, тогда какъ китайскую флотилію, за исключеніемъ двухъ или трехъ кораблей, составляли небольшія суда, несшія береговую полицейскую службу, главнымъ образомъ преслѣдовавшія мѣстныхъ пиратовъ и совершенно неспособныя противостоять сокрушительной силѣ металла, посланнаго на нихъ съ близкаго разстоянія. То, что команды ихъ не дезертировали цѣлыми массами раньше боя, когда онъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль стояли подъ заряженными дулами вражескихъ пушекъ, совершенно ясно понимая свою полную беспомощность,—просто удивительно и должно въ значительной мѣрѣ парализовать обвиненіе въ малодушіи, высказанное противъ нѣкото-

рыхъ изъ нихъ за то, что они не остались до конца у своихъ пушекъ, пока ихъ корабли не пошли ко дну ¹⁾).

Бой начался въ 1 час. 56 мин. по полудни 23-го августа, въ тотъ моментъ, когда условія прилива дали большую свободу флоту для дѣйствій. Когда на «Volta» взвился красный флагъ, «Lunx» открылъ огонь, а вслѣдъ за нимъ начали стрѣлять и остальные суда французской эскадры. Черезъ нѣсколько секундъ два китайскія судна пошли ко дну; два другія бѣжали вверхъ по рѣкѣ и разбились у Лин-пу; еще пара затонула тутъ же на рейдѣ; три другія хотя и не затонули сейчасъ же, но были приведены въ полную негодность тотчасъ послѣ начала боя. Только «Янгву» и «Ченвей» обнаружили необыкновенное мужество, сражаясь до конца. «Янгву» вступилъ, было, въ бой съ «Volta»; первый же снарядъ съ китайскаго судна разорвался на мостикѣ французскаго адмиральскаго корабля, убивши лопмана и пять человекъ команды; адмиралъ Курбе едва избѣгъ опасности, такъ какъ онъ стоялъ рядомъ съ лопманомъ, когда снарядъ разорвался. Минный катеръ съ «Volta», посланный немедленно къ «Янгву», взорвался его на воздухъ черезъ 27 секундъ отъ начала сраженія. Маленькій «Ченвей», осыпaeмый выстрѣлами съ «Villars» и «d'Estaing» и изрѣшетенный снарядами изъ большихъ орудій «Triomphante'a», геройски бился до конца. Весь въ пламени, уносимый теченіемъ и утопая, «Ченвей» продолжалъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ французскихъ миноносцевъ не довершилъ дѣла его разрушенія; но, даже идя совсѣмъ ко дну, онъ успѣлъ выстрѣлить еще въ своего разрушителя и серьезно ранилъ командира французскаго миноносца и двухъ его людей.

Хотя уже черезъ семь минутъ отъ начала сраженія, каждое китайское военное судно перестало фактически существовать, какъ боевая единица, французы продолжали заливать противниковъ свинцомъ, стрѣляя изъ ружей, крупныхъ орудій и пушекъ Гочкиса, не обращая вниманія на раненыхъ и безпомощныхъ людей на гибнущихъ судахъ.

Огонь продолжался съ небольшими перерывами до 8 час. вечера, будучи направленъ теперь главнымъ образомъ по различнымъ отрядамъ китайскихъ солдатъ, стоявшихъ лагерями на окрестныхъ холмахъ.

У французовъ было 5 убитыхъ и 15 раненыхъ, у китайцевъ — 419 убитыхъ, 128 раненыхъ и 51 пропавшихъ безъ вѣсти, кромѣ 102 убитыхъ и 22 раненыхъ на военныхъ джонкахъ.

Рано утромъ 24-го августа французы послали 3 паровыхъ катера и 5 шлюпокъ, вооруженныхъ скорострѣльными пушками, вверхъ

¹⁾ На нѣкоторыхъ китайскихъ судахъ, при первыхъ же непріятельскихъ выстрѣлахъ, команды, да и офицеры, предпочли бѣгство бою; многіе изъ нихъ тутъ же въ рѣкѣ и потонули; другіе, которымъ удалось добраться до берега, были, говорятъ, убиты окрестными крестьянами за нарушеніе вѣрности долгу службы.

по небольшой рѣкѣ, впадающей въ Минь близъ таможни, для уничтоженія всѣхъ китайскихъ судовъ, какія тамъ только встрѣтятся, что и было ими исполнено въ точности. Въ 10 час. утра того же дня «Volta», «Aspic» и «Lunx», выстроившись противъ арсенала, открыли по немъ орудійный огонь, который продолжался съ перерывами нѣсколько часовъ. Въ теченіе дня пять сильныхъ взрывовъ были слышны изъ арсенала, а около 3-хъ часовъ по полудни отъ него взвился огромный столбъ пламени и дыма.

25-го августа, въ 12 час. 40 мин. дня, французская эскадра снялась съ якоря и пошла къ Минганскому ущелью. Остановившись близъ острова Spiteful, она въ 5 час. дня начала бомбардировку фортговъ, находящихся въ началѣ прохода. На этотъ огонь форты были не въ состояніи отвѣчать: ихъ амбразуры оказались построенными такъ, что орудія могли стрѣлять только внизъ по рѣкѣ и, слѣдовательно, были безсильны противъ непріятеля, находившагося выше ихъ. То же относится и ко всѣмъ другимъ фортамъ по рѣкѣ. Но что они могли представить серьезное препятствіе непріятелю, приближающемуся къ нимъ съ моря, это было достаточно демонстративно показано въ тотъ же день утромъ. «La Galissonière», въ то время одинъ изъ наиболѣе сильныхъ броненосцевъ французской эскадры въ этихъ водахъ, вошелъ въ рѣку. Пройдя 2½ мили, онъ подставилъ свой бортъ фортамъ, и случаемъ этимъ они не замедлили воспользоваться. Первые три выстрѣла не попали въ корабль; онъ отвѣтилъ сильнымъ огнемъ, при чемъ его снаряды рвались у самыхъ амбразуръ китайскихъ батарей; но вскорѣ форты пристрѣлялись, и два выстрѣла подъ рядъ попали во французскій корабль. Слѣдующіе же были настолько удачны, что заставили его повернуть назадъ и искать безопасной якорной стоянки.

Съ 25-го по 29-е августа суда французской эскадры занимались разрушеніемъ укрѣпленій и лагерей вдоль рѣки отъ острова Пагоды до Шарпика и окончательно ушли въ море въ 3 час. дня 29 августа.

Первый же выстрѣлъ у Пагоды 23-го августа былъ сигналомъ къ отбѣзду Чан-Пей-Луна, императорскаго комиссара береговой обороны, и Хо-жу-чана, императорскаго комиссара арсенала. Они оставались было сдѣлать привалъ у Куай-ан'а, мѣстечка на вершинѣ Кушанскаго гребня; встрѣтивъ тамъ враждебный приѣмъ со стороны мѣстныхъ жителей, первый отправился въ Пентъ-ченъ, деревушку неподалеку отсюда, а второй — въ г. Фу-чжоу.

Черезъ недѣлю послѣ ухода французской эскадры въ море, въ Фу-чжоу пришла англійская канонерка «Zephyg». Въ то время, когда она поднималась вверхъ по рѣкѣ, командиръ одного изъ фортговъ, принявши «Zephyg» за французское военное судно, приказала открыть пальбу. Одинъ снарядъ разорвался на мостикѣ канонерки, убилъ стоявшаго тамъ лейтенанта и ранилъ нѣсколькихъ матросовъ.

Китайскія власти приняли немедленно мѣры для предотвращения возможности повторенія подобныхъ несчастныхъ случаевъ: всѣ суда дружественныхъ націй были снабжены бѣлыми флагами съ черными письменами на нихъ, обозначающими національность даннаго корабля; эти флаги суда должны были нести на фокъ-мачтахъ во все время прохожденія по р. Минъ.

Отмѣтимъ здѣсь еще нѣсколько интересныхъ эпизодовъ изъ того времени, сообщенныхъ намъ мѣстными европейскими обывателями Фу-чжоу, которые имѣли возможность быть ближайшими свидѣтелями событій знаменательныхъ дней, пережитыхъ столицей Фокіена въ августѣ 1884-го года.

Китайскія власти Фу-чжоу, получивъ строжайшій приказъ изъ Пекина ни въ какомъ случаѣ не затрогивать французовъ и не подавать съ своей стороны ни малѣйшаго повода къ началю какихъ либо непріязненныхъ дѣйствій, не вѣрили въ возможность нападенія вплоть до самой бомбардировки, стоившей имъ девяти военныхъ судовъ, тринадцати военныхъ джонокъ, арсенала и фортовъ, то-есть, около 20 милліоновъ рублей убытку. Тѣмъ сильнѣе было негодованіе китайцевъ на коварныхъ противниковъ, напавшихъ на нихъ совершенно врасплохъ. Послѣ перваго же дня побоища у Пагоды городское начальство распорядилось вывѣсить повсюду объявленія, гдѣ за каждую доставленную ему голову француза была назначена извѣстная плата. При этомъ матросская голова была оцѣнена въ 200 ланъ (ланъ тогда равнялся около 2¹/₂ р.), офицерская въ 500 ланъ, капитанская въ 2.000 и адмиральская въ 30.000 ланъ. Европейскіе консулы немедленно протестовали противъ такого распоряженія, подвергавшаго опасности жизнь каждаго иностранца въ Фу-чжоу, и объявленія на слѣдующій день были сняты. Въ центрѣ китайскаго города въ то же время едва не разыгралась кровавая драма. Когда англійскій консулъ Синклеръ отправился къ генераль-губернатору, живущему въ застѣнномъ Фу-чжоу съ представленіями по поводу этихъ объявленій, чернь, страшно возбужденная и раздраженная враждебными дѣйствіями европейцевъ у Пагоды, узнавши о пребываніи консула въ домѣ начальника края, потребовала его выдачи. Генераль-губернаторъ долго и на всѣ лады уговаривалъ толпу оставить въ покоѣ представителя иностранной державы, находящагося у него въ гостяхъ, сталъ, наконецъ, на колѣни, говоря, что онъ отвѣтитъ головой за такую выдачу, всячески оттягивалъ время до прихода войскъ; а когда войска явились, Синклера переродѣли въ китайское платье, посадили въ закрытыя носилки и подъ сильнымъ конвоемъ доставили въ домъ консульства. Въ тотъ же день, съ англійскихъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ Фу-чжоу былъ сведенъ десантъ въ 250 человекъ для защиты мѣстной европейской колоніи.

Трупы матросовъ, погибшихъ у острова Пагоды, долгое время

оставались неубранными; ихъ носило то вверхъ, то внизъ по рѣкѣ: въ отливъ они быстро спускались по теченію, застрѣвали гдѣнибудь на отмеляхъ, начинался приливъ, и ихъ снова несло назадъ, пока, наконецъ, европейцы не побудили китайскія власти принять мѣры къ погребенію убитыхъ.

На материкѣ, близъ острова Пагоды, видно большое огороженное пространство, внутри котораго тянутся длинныя плиты: здѣсь погребены китайскіе солдаты, павшіе въ этой, единственной въ своемъ родѣ, «войнѣ».

Разгромъ китайской эскадры у острова Пагоды и разрушеніе береговыхъ фортовъ по р. Минъ воочію показали китайскому правительству, что военное образованіе его офицеровъ и обученіе солдатъ далеко еще недостаточны, что вообще въ дѣлѣ улучшенія средствъ береговой обороны страны необходимы дальнѣйшія, самыя серьезныя усилія, и что прежде всего надо поднять учрежденія арсенала Фу-чжоу до уровня съ аналогичными учрежденіями Европы и построить здѣсь новыя верфи, которыя были бы въ состояніи спускать на воду военные корабли, достаточно могущественные для боя съ иностранными судами новѣйшихъ типовъ. И вотъ на сцену снова появляется старшій Тсо-Тсунъ-Танъ; онъ уже въ началѣ 1884-го года былъ назначенъ спеціальнымъ императорскимъ комиссаромъ для защиты южнаго побережья Китая. Вскорѣ послѣ Фу-чжоускаго побойща ему было поручено опять заняться своимъ дѣтищемъ, — тамошнимъ арсеналомъ, за что Тсо и принялся со всею ему обычной энергіей, и опять былъ отозванъ съ своего поста въ самый разгаръ начатой работы, — на этотъ разъ смертью: одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Китая умеръ въ 1885 году. Если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, несомнѣнно, что многія начинанія его въ арсеналѣ пошли бы гораздо скорѣе. Но какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ тамъ введено было много прибавленій и улучшеній въ мастерскихъ и школахъ, выстроены нѣсколько хорошихъ военныхъ кораблей и положено начало сухому доку, разсчитанному для судовъ, имѣющихъ до 4000 тоннъ водоизмѣщенія.

Старые форты по рѣкѣ Минъ теперь уже совсѣмъ возстановлены изъ развалинъ, воздвигнуты, кромѣ того, много новыхъ фортовъ, и подступы къ арсеналу стали теперь куда грознѣе, чѣмъ они были въ дни знаменитыхъ французскихъ «репрессалій». Рейдъ острова Пагоды обстрѣливается четырьмя батареями, поставленными на соседнемъ высокомъ холмѣ; каждая батарея состоитъ изъ одного восьмидюймоваго и двухъ шестидюймовыхъ орудій. Ближайшій къ арсеналу Минганскій проходъ представляетъ на обонхъ своихъ берегахъ рядъ сильныхъ крѣпостныхъ сооружений: на лѣвомъ берегу стоитъ фортъ изъ трехъ батарей, вооруженныхъ однимъ 12-ти-дюймовымъ, четырьмя шести-дюймовыми орудіями и семью

пушками мелкаго калибра; на правомъ берегу—два форта: первый изъ двухъ батарей, вооруженныхъ двѣнадцатью мелкокалиберными пушками; второй—изъ трехъ казематированныхъ батарей, имѣющихъ шесть 6-ти-дюймовыхъ и 18 мелкихъ орудій. Укрѣпленія эти построены неподалеку отъ воды; казематы батарей сложены изъ гранитныхъ плитъ, облицованныхъ цементомъ, и помѣщаются на гранитномъ же фундаментѣ. Крайній къ выходу въ море проходъ Кинъ-пао укрѣпленъ еще сильнѣе. Здѣсь мы имѣемъ: во-первыхъ, «Черный» фортъ, названный такъ по цвѣту краски, которою выкрашены его каменные стѣны; онъ состоитъ изъ четырехъ батарей, вооруженныхъ семью орудіями крупнаго калибра и шестью пушками мелкаго калибра; во-вторыхъ, фортъ на высококомъ холмѣ, съ двумя 12-ти-дюймовыми и двѣнадцатью 6-ти-дюймовыми орудіями; далѣе, фортъ у самой воды съ четырьмя 6-ти-дюймовыми пушками; наконецъ, три форта, одинъ надъ другимъ, вооруженныхъ 12-ю или 15-ю орудіями тоже крупныхъ калибровъ. Кромѣ того, на окрестныхъ холмахъ находятся еще 5 укрѣпленныхъ лагерей для сухопутныхъ войскъ мѣстнаго горнизона. Всѣ эти форты и лагеря расположены на лѣвомъ берегу Кинпайскаго прохода.

Укрѣпленія праваго берега составляютъ: фортъ, расположенный на склонѣ горы и вооруженный тремя орудіями очень крупнаго калибра; на значительной высотѣ надъ нимъ разбитъ большой, укрѣпленный лагерь; еще одинъ такой же лагерь устроенъ близъ самой рѣки; эти лагеря служатъ для помѣщенія мѣстныхъ войскъ, имѣющихъ задачей не допустить здѣсь высадки непріятельскаго десанта; другой фортъ, съ батареей изъ трехъ 6-ти-дюймовыхъ пушекъ, лежитъ внизу; тотчасъ же надъ нимъ виднѣется довольно обширная площадка, съ сигнальной мачтой, батареей изъ нѣсколькихъ пушекъ и лагерьмъ при ней. Въ общемъ получается весьма внушительная оборонительная линія, прорвать которую съ моря едва ли представляется какая либо возможность въ настоящее время.

Сообщеніе якорной стоянки пароходовъ, т. е. рейда острова Пагоды, съ городомъ производится на маленькихъ, мелкосидящихъ стимъ-ленчахъ, принадлежащихъ мѣстнымъ европейскимъ торговымъ домамъ. Но ничего срочнаго въ этомъ сообщеніи нѣтъ: если вы хотите ѣхать въ городъ, вы даете отсюда телеграмму въ Фу-чжоу къ одному изъ такихъ пароходовладѣльцевъ, прося его выслать свое суденышко; за пользованіе имъ въ одинъ конецъ платится обыкновенно семь долларовъ. Если почему либо въ данный моментъ нельзя достать пароходикъ, то можно всегда нанять китайскую шлюпку; но тогда приходится слишкомъ ужъ зависѣть отъ вѣтра, прилива и отлива: одинъ разъ можно добраться до города въ 2 часа, другой разъ мало и пяти часовъ. Пароходикъ же съ попутнымъ тече-

ніемъ идетъ часа 1¹ 2, съ противнымъ до 2¹ 2 часовъ. Ночью, во всякомъ случаѣ, брать туземную шляпку не безопасно, такъ какъ рѣка Минъ кипитъ, говорятъ, пиратами, не брезгающими и мелкимъ грабительствомъ.

Было ясное, солнечное утро, когда мы, взявши стимъ-ленчъ, отправились въ городъ Фу-чжоу. Надъ горами висѣлъ сизый, прозрачный туманъ; на солнцѣ было тепло, даже жарко; но въ тѣни декабрь давалъ себя чувствовать замѣтной прохладой.

Ноябрь и декабрь—лучшее время въ Фу-чжоу: съ января идутъ дожди; а съ конца апрѣля начинается томительная жара, продолжающаяся вплоть до глубокой осени, съ лихорадками, дизентеріей, холерой и т. п. прелестями.

Намъ показываютъ нѣсколько буйковъ на поверхности воды, оказавшихся знаками, поставленными по распоряженію туземныхъ властей надъ могилами затопленныхъ французамъ въ прошломъ году китайскихъ военныхъ судовъ и джонокъ. Лѣвый берегъ рѣки становится все выше, правый—пологий; но направо—не материкъ, а большой островъ. Дѣло въ томъ, что выше города Фу-чжоу рѣка Минъ развѣтвляется въ своемъ теченіи на два рукава, которые идутъ раздѣльно на протяженіи 15-ти миль, омывая образовавшійся здѣсь значительной величины островъ, и сливаются вмѣстѣ лишь по близости арсенала. Имя этому острову—Нантай. На сѣверной оконечности его и основалась здѣшняя европейская колонія. Рукавъ, по которому мы теперь идемъ, ограниченъ съ сѣвера материкомъ (лѣвый берегъ рѣки), а съ юга—Нантаемъ. Шибко бѣжитъ нашъ пароходикъ; но мы не очень-то быстро движемся впередъ: со середины рѣки вдругъ бросимся въ сторону, идемъ, идемъ, чуть въ берегъ не ткнемся круто поворачиваемъ и черезъ всю ширину рѣки бѣжимъ опять къ противоположному берегу, а тамъ снова на средину рѣки, и такъ нѣсколько разъ: очень ужъ много отмелей, да и время отлива къ тому же. Горы все время провожаютъ насъ справа; склоны ихъ во многихъ мѣстахъ представляютъ сплошь обработанныя террасы; у подножія лѣплятся деревушки, виднѣются рощи и зеленѣющія поля. На рѣкѣ—жизнь и движеніе. А вверху—голубое, ясное небо и мягко грѣющее солнце. Но вотъ среди вершинъ (все того же лѣваго берега) выдѣляется знаменитый своимъ монастыремъ Ку-шанъ,—горный массивъ, возвышающійся на три слишкомъ тысячи футъ надъ уровнемъ моря. Неподдалеку отсюда, насупротивъ мыса Лин-пу и набросаны были туземцами въ 1840 году камни въ рѣку, чтобы помѣшать англичанамъ, воевавшимъ тогда съ Китаемъ, подняться къ самому Фу-чжоу.

— Теперь недалеко и до города,—говорятъ намъ. Но это «недалеко» равняется еще добрымъ тремъ-четвертямъ часа хода: Кушанъ—какъ разъ на половинѣ пути между Фу-чжоу и островомъ Пагоды.

Наконецъ, вдали начинаютъ вырисовываться очертанія строеній,

а передъ ними—цѣлый лѣсъ мачтъ туземныхъ джонокъ. Надъ крышами показавшихся зданій возвышаются три заводскія трубы; ясно уже можно различать дома европейской архитектуры; еще два-три поворота,—мы врѣзываемся въ водяной городъ, съ его тысячами обитателей, и, наконецъ, пристаемъ къ каменной набережной, усаженный деревьями. Это—европейскій Фу-чжоу. Китайскій застѣнный городъ—въ семи верстахъ дальше, на материкѣ; но и въ европейскомъ китаецевъ достаточно: цѣлые кварталы здѣсь сплошь заселены ими. Съ набережной, по узкой улицѣ, застроенной каменными, двухъэтажными европейскими домами, мы попадаемъ въ крошечную колонію нашихъ соотечественниковъ, — чайныхъ купцовъ. Въ то время здѣсь были три русскія чайныя фирмы: «Спѣшиловъ», «Пятковъ и Молчановъ» и «Токмаковъ, Молотковъ и К^о». Съ тѣхъ поръ фирма Спѣшилова исчезла; въ распредѣленіи именъ компаньоновъ двухъ другихъ товариществъ произошли нѣкоторыя измѣненія; но самыя фирмы, представляющія столпы русскаго чайнаго дѣла въ Китаѣ, конечно, остались.

Вездѣ у соотечественниковъ мы встрѣтили такой широкой, радужный приемъ, какъ будто мы были если не близкіе родственники, то, по крайней мѣрѣ, старинные, дорогіе друзья, хотя мы встрѣтились другъ съ другомъ здѣсь въ первый разъ въ жизни.

Нашъ русскій консулъ Н. А. Поповъ живетъ довольно далеко отъ набережной, и, чтобы добраться къ нему, надо пройти порядочную часть китайскаго квартала: вонь, грязь, тѣснота, давка,—всѣ прелести уличной китаецины такъ и бьютъ по нервамъ! Но вотъ и наше консульство, съ которымъ у всѣхъ, посѣщавшихъ Фу-чжоу русскихъ, навѣрное, связаны одни изъ лучшихъ воспоминаній.

Тамъ, гдѣ стоитъ наше консульство, дома страшно разбросаны, улицы кривы и узки, мѣстами онѣ совсѣмъ переходятъ въ тропинки. Дѣло въ томъ, что китайское правительство отвело европейцамъ ту часть Нантая, гдѣ находится одно изъ туземныхъ кладбищъ, и значительное количество европейскихъ жилищъ разсѣяно между могилами. Снести ихъ, чтобы разровнять и расширить путь, нельзя: это было бы такимъ оскорбленіемъ религіознаго чувства туземцевъ, которое не прошло бы безнаказаннымъ для нарушителей покоя предковъ, и дорожки вьются, старательно обходя всѣ могилы.

На югѣ Китая могила — это цѣлая каменная постройка, болѣе или менѣе затѣйливая, смотря по общественному положенію покойника; существующую часть ея составляетъ, обложенный снаружи землею, низкій, каменный, сводчатый склепъ, куда вдвигается гробъ; входное отверстіе закладывается каменною же, вертикально поставленною, узкою плитою; у бѣдныхъ и простыхъ людей установкою такой плиты все дѣло кончается; но на могилахъ богатыхъ или знатныхъ особъ отъ плиты начинается въ обѣ стороны (направо и налево) каменная кладка, придающая могилѣ видъ огромной лошади-

ной подковы, поставленной вертикально и похожей издали на тѣ водоемы, которые въ такомъ обилии разсѣяны по Болгаріи и Турціи. Могилы здѣсь часто располагаются на склонахъ горъ; отъ могильной плиты идутъ террасами ступеньки; нерѣдко у послѣднихъ ступенекъ возвышаются два каменные столба съ перекладиной вверху, покрытою письменами. Иногда, направо и налево отъ сооруженія идутъ каменные изваянія разныхъ животныхъ, — вѣроятно, символическія изображенія доблестей, какими отличался покойникъ при жизни. Могила одного мандарина составляетъ даже достопримѣчательность Фу-чжоу: окруженная тѣнистой рощей, построенная чрезвычайно монументально, она обставлена большимъ количествомъ высѣченныхъ изъ камня фигуръ звѣрей и въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе, не лишенное своеобразной величавости. Изящества здѣсь нѣтъ съ нашей, европейской точки зрѣнія: это — «тотъ первобытный стиль, красота котораго заключается въ его совершенной прочности».

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ, 9-го или 10-го декабря, не помню, мы, пользуясь новолуніемъ и большимъ приливомъ, перешли отъ острова Пагоды къ самому городу и стали на якорь въ виду набережной европейскаго квартала Фу-чжоу.

Та часть Нантая, гдѣ ютится европейскій кварталъ, холмиста, покрыта во многихъ мѣстахъ рощами и представляетъ прекрасные уголки для прогулокъ. Съ холмистыхъ вершинъ острова открывается обширный видъ на рѣку и на лежащія за нею равнины, густо заселенныя, и на далекія синія горы.

Городъ расположился на сѣверномъ берегу Мина; застѣнная часть его находится отъ рѣки въ разстояніи трехъ или четырехъ верстъ; отъ стѣны же до Мина тянутся пригороды, представляющіе у самыхъ береговъ рѣки огромную, беспорядочную массу зданій. На рѣкѣ, противъ европейскаго квартала Нантая, лежитъ другой, маленькій островокъ Чун-чжеу, весь облѣпленный домами. Небольшой гранитный мостъ соединяетъ Нантай и Чун-чжеу, а между послѣднимъ и сѣвернымъ берегомъ рѣки перекинутъ длинный, каменный мостъ, называемый «Мостомъ десяти тысячъ лѣтъ». Онъ построенъ въ XI столѣтіи нашей эры, имѣетъ около 200 сажень длины и три сажени ширины и состоитъ изъ сорока крѣпкихъ быковъ, сдѣланныхъ изъ тесаннаго камня и соединенныхъ наверху гранитными плитами, толщиной мѣстами до аршина и длиною до 6 сажень; онѣ поддерживаютъ гранитную настилку моста; невысокія каменные перила его, состоящія изъ перпендикулярныхъ столбовъ и поперечныхъ тесинъ, точно обтаяли отъ времени.

Общій видъ, открывающійся съ высотъ Нантая, — эта рѣка съ плодучимъ городомъ, усыпанный домами островокъ Чун-чжеу, мостъ

десяти тысячъ лѣтъ съ его громаднымъ движеніемъ, колоссальные пригороды Фу-чжоу, застѣнный городъ съ его холмами и высоко къ небу подымающимися пагодами, синѣюще на горизонтѣ массивы горъ, — вся эта картина, залитая лучами солнца, полная жизни и движенія, глубоко врѣзывается въ душу своими рѣзко-оригинальными чертами, оставляя то своеобразное, смутно-тревожное ощущеніе подавляющей грандіозности, какое я испытывалъ такъ часто въ этой далекой странѣ.

Въ предмѣстьѣ, которое начинается тотчасъ за длиннымъ мостомъ и раскинулось выше его по лѣвому берегу рѣки, находится кварталъ, называемый тамошними туземцами кварталомъ «цвѣтовъ» и «ивъ».

Цвѣты—это дамы полусвѣта, молодыя и граціозныя особы, въ шелковыхъ платьяхъ, съ коралловыми губами, съ лилейнымъ цвѣтомъ лица, съ волосами, темными, какъ агаты, составляющими лучшее ихъ украшеніе.

Въ застѣнномъ городѣ имъ жить нельзя, и онѣ нашли себѣ убѣжище въ этой части предмѣстья, гдѣ мѣстная золотая молодежь и купцы «богатые, невѣжественные и чувственные образуютъ среду, наиболѣе благоприятную для ихъ процвѣтанія».

«Ивы» — фигуральное названіе молодыхъ актеровъ, ловкихъ и гибкихъ, специальность которыхъ исполненіе женскихъ ролей, такъ какъ женщины въ Китаѣ не могутъ показываться на театральныхъ подмосткахъ. Эти актеры въ такомъ совершенствѣ подражаютъ голосу, манерамъ и внѣшнему виду женщинъ, что иллюзія бываетъ полная.

Здѣсь же, въ этомъ кварталѣ, помѣщаются лучшіе туземные театры и рестораны.

Предмѣстье, такъ широко раскинувшееся непосредственно у рѣки, дальше по направленію къ застѣнному городу переходитъ въ одну длинную, длинную улицу, гдѣ главныя корпораціи купцовъ и ремесленниковъ сгруппировались по кварталамъ. Эта улица, страшно шумная, тѣсная, какъ бы сдавленная, упирается своими нагроможденными, беспорядочными постройками въ самыя стѣны города.

Издѣлія Фу-чжоу не представляютъ ничего похожаго на производства Нин-по: болѣею частью это—грубыя, топорныя вещи, но тѣмъ не менѣе довольно дорогія. Мы натолкнулись здѣсь какъ-то на интересную мастерскую одного изъ мѣстныхъ скульпторовъ. Среди кучи недоконченныхъ фигуръ, на полкахъ стояло нѣсколько готовыхъ статуэтокъ изъ розовой глины, изображавшихъ туземцевъ въ разныхъ одеждахъ и позахъ съ такою живостью и вѣрностью, которыя показывали очень недюжинный талантъ въ мастерѣ. Я хотѣлъ купить что нибудь; но мнѣ сказали, что это—лѣпки съ живыхъ лицъ, приготовляемые только назаказъ. Двое изъ нашихъ офицеровъ пожелали сдѣлать такой же заказъ; послѣ нѣ-

котораго колебанія скульпторъ согласился на ихъ просьбу, условился въ цѣнѣ (5 долларовъ за экземпляръ), и на другой же день прѣхалъ къ намъ. Онъ очень быстро, въ одинъ сеансъ,—слѣпилъ головы и объявилъ, что черезъ двѣ недѣли статуи будутъ готовы. Въ назначенный срокъ онъ, дѣйствительно, принесъ ихъ; но, Боже, какія это были уморительныя фигуры! Художникъ, конечно, не думалъ лѣпить каррикатуры; но работать надъ европейскимъ лицомъ ему пришлось, очевидно, впервые, и онъ просто не въ силахъ былъ сладить съ трудной задачей—уловить характерныя черты лица расы, столь ему чуждой.

Городскія стѣны, вышиною около 5 и шириною до двухъ сажень, имѣютъ 12 верстъ въ окружности. Семь воротъ, увѣнчанныхъ караульными башнями, ведутъ внутрь застѣннаго города. Отъ южныхъ воротъ, въ которыя мы попадаемъ изъ предмѣстья, начинается главная городская улица. Она еще тоже довольно шумна; но стоитъ только свернуть въ одинъ изъ сосѣднихъ кварталовъ, и картина сразу рѣзко мѣняется: широкія и чистыя улицы пустыны, домовъ не видать изъ-за высокихъ стѣнъ, тишину нарушаетъ только шумъ шаговъ, звонко отдающихся отъ гранитныхъ плитъ мостовой. Въ такихъ-то кварталахъ, далекихъ отъ тревожныхъ центровъ города, и живетъ ученая буржуазія, этотъ цвѣтъ страны, воплощеніе ея лучшихъ духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ.

На улицахъ застѣннаго Фу-чжоу, за исключеніемъ двухъ-трехъ важнѣйшихъ артерій его, рѣдко когда можно встрѣтить мѣстныхъ обывателей. Видъ улицъ однообразно-простъ и утомительно-скученъ: даже въ торговыхъ кварталахъ здѣсь нѣтъ ничего, что могло бы развлечь взоръ, било бына показъ, на эффектъ: въ китайскихъ магазинахъ вообще нѣтъ витринъ, вовсе нѣтъ той блестящей выставки товаровъ, которая придаетъ столько красоты европейскимъ улицамъ. Одинъ очень умный французъ, долго жившій въ Китаѣ и оставившій одно изъ лучшихъ описаній его (о немъ мы имѣли уже случай говорить), совершенно вѣрно замѣтилъ, что это отсутствіе наружной роскоши является естественнымъ слѣдствіемъ отсутствія участія женщины въ тамошней общественной жизни: китайцы оставили для внутренней, интимной жизни дома все то, что можетъ льстить зрѣнію, тщеславію или любопытству ихъ женъ и дочерей, ибо онѣ у домашняго очага занимаютъ столь же много мѣста, насколько мало имъ отведено его въ общественныхъ отношеніяхъ.

Неподалеку отъ южныхъ воротъ поднимаются двѣ старинныя, многоэтажныя погоды, видныя издалека; здѣсь помѣщается правительственный пороховой заводъ,—удивительная небрежность, которая въ случаѣ несчастія можетъ стоить безчисленнаго множества жертвъ. По близости отсюда находятся два холма: «Холмъ чернаго камня»,—чудеснаго камня, упавшаго по преданію съ неба, и «Холмъ

деяти геніевъ», съ однимъ большимъ храмомъ и массою маленькихъ кумиренъ на его вершинѣ.

Восточная часть застѣннаго города заключаетъ въ себѣ отдѣльный кварталъ, отведенный специально для войскъ манчжурскаго гарнизона. Улицы здѣсь очень широкія, дома низенькія, оконъ на улицу нѣтъ совсѣмъ, а есть только узкая входная дверь; на бѣлыхъ наружныхъ стѣнахъ нарисованы черные круги и какіе-то знаки, вѣроятно, для обозначенія различныхъ военныхъ частей. Манчжурскія войска, число которыхъ простирается здѣсь до восьми тысячъ человекъ, живутъ со своими семьями уединенно отъ остальнаго туземнаго населенія. Манчжурскія женщины всѣ — съ естественными, неизуродованными ногами, одѣты въ длинныя бѣлыя платья съ широкими рукавами, отороченными черными каймами. Дѣти удивительно похожи на нашихъ татарчатъ.

Вотъ, собственно, и все по части достопримѣчательностей Фу-чжоу, который вообще красой не блещетъ. Вся страна, лежащая выше Фу-чжоу по рѣкѣ Минъ, несетъ свои продукты въ главный городъ провинціи, торговля и процвѣтаніе котораго зависятъ, такимъ образомъ, цѣликомъ отъ окружающихъ его мѣстъ. Самъ же Фу-чжоу почти вовсе не имѣетъ сколько нибудь важныхъ мануфактуръ. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ Нин-по, который производитъ такую массу мебели, шелка, циновокъ и проч. Фу-чжоу, имѣющій свыше милліона жителей, гораздо больше Нин-по, но въ немъ нѣтъ такихъ огромныхъ магазиновъ, которые мы тамъ видѣли, нѣтъ такихъ прекрасныхъ храмовъ, да и всѣ дома, кажется, выстроены хуже, смотрятъ бѣднѣе и мрачнѣе. Народъ здѣсь тоже какъ будто другой: что-то жесткое, грубое, подчасъ вызывающее сквозить въ ихъ обращенія съ европейцами; въ отношеніяхъ другъ къ другу, поскольку это можно замѣтить при наблюденіи уличной толпы, тоже замѣчается отсутствіе той мягкости и привѣтливости, какія мы до сихъ поръ встрѣчали у сѣверянъ: это рѣзко бросается въ глаза. Фу-чжоусцы, до послѣдняго франко-китайскаго столкновенія, чрезвычайно гордились тѣмъ, что никогда не терпѣли отъ иностраннаго нашествія, тогда какъ и Кантонъ, и Нин-по, и Шангай, и даже самъ Пекинъ побывали въ рукахъ «заморскихъ дьяволовъ». На улицахъ — толпы нищихъ, особенно въ предмѣстьяхъ. Много замѣчается преступниковъ съ головами, продѣтыми сквозь тяжелыя доски; эти доски они должны носить на плечахъ, не снимая, пока не кончится срокъ наказанія.

Столица Фокіена лежитъ подъ 26° 2' 24" сѣверной широты и 119° 20' восточной долготы.

Въ переводѣ Фу-чжоу значитъ «Счастливый уголокъ»; у туземцевъ онъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Гокчію; его называютъ также «Юнченъ», т. е. «городъ, окруженный баньяновыми рощами». Фу-чжоу давно уже привлекалъ вниманіе иностранцевъ, какъ весьма

удобный пунктъ, гдѣ могла бы завязаться торговля чаемъ, громадныя плантаціи котораго находятся именно въ бассейнѣ рѣки Минъ. До открытія порта иностранцамъ чай перевозился отсюда въ Кантонъ сухимъ путемъ, что было крайне неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому Остъ-Индская компанія въ 1830 г. сдѣлала представленіе передъ китайскимъ правительствомъ о допущеніи ея агентовъ въ Фу-чжоу, но не добилаь ничего опредѣленнаго до заключенія Нанкинскаго трактата въ 1842 г. Первое время по открытіи порта, сношенія съ туземцами завязывались очень туго; плаваніе по рѣкѣ, вслѣдствіе незнакомства съ причудливымъ и измѣнчивымъ фарватеромъ, было очень затруднительно для европейскихъ судовъ; а тутъ еще часто тревожили разные инциденты съ туземцами; въ общемъ получалась очень непріятная обстановка для иностранцевъ, рѣшившихся поселиться здѣсь. Спустя десять лѣтъ, чай стали понемногу вывозить изъ внутреннихъ округовъ страны для продажи европейцамъ; а затѣмъ этотъ вывозъ началъ съ каждымъ годомъ такъ быстро увеличиваться, что Фу-чжоу вскорѣ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ портовъ Китая по торговлѣ чаемъ. Увеличеніе это шло crescendo до восьмидесятихъ годовъ, когда вслѣдствіе конкуренціи со стороны другихъ странъ, начавшихъ производить чай для мировыхъ рынковъ, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, благодаря тому, что мѣстные китайцы стали въ очень широкихъ размѣрахъ употреблять разныя подмѣси къ чаю, идущимъ за границу, спросъ на эти чаи началъ быстро падать. О размѣрахъ такого упадка могутъ дать понятіе слѣдующія двѣ цифры: въ 1880 г. изъ Фу-чжоу было вывезено въ чужія страны чернаго чая безъ малаго 737.000 пикюлей, а въ 1896 г. уже только 412.000 пикюлей, причемъ изъ этого послѣдняго количества около 100.000 пикюлей приходится на долю кирпичнаго чая. Въ фальсификаціи фу-чжоускихъ чаевъ надо винить не столько самихъ китайцевъ, сколько иностранныхъ купцовъ: желая, несмотря на измѣнившіяся условія, извлекать здѣсь тѣ же барыши, что и прежде, они стали назначать такія цѣны на продуктъ, по которымъ туземные производители не могли доставлять его безъ убытка для себя и волей-неволей принуждены были обратиться къ разнымъ подмѣсямъ.

Хотя земледѣліе представляетъ главное занятіе жителей Фокіенской области, но здѣсь производится очень ограниченное количество злаковыхъ растеній; въ деревенскихъ округахъ, втеченіе многихъ лѣтъ, культивировка чая стояла на первомъ планѣ, такъ какъ производство чая было до недавняго времени самымъ выгоднымъ занятіемъ; но паденіе цѣны на чай сильно оразилось на его производствѣ, и многіе округа, гдѣ росли лучшіе чаи, представляютъ въ настоящее время печальное зрѣлище запустѣнія: разведеніе сладкаго картофеля теперь выгоднѣе, чѣмъ культура чая.

Одну изъ очень видныхъ доходныхъ статей Фу-чжоускаго округа

составляетъ торговля строевымъ лѣсомъ, котораго покажутся еще много растеть по верхнему теченію Мина на высокихъ горахъ; лѣсъ этотъ въ видѣ бревенъ и досокъ отправляется отсюда въ Шангай и города по Янтескіану.

Выдѣлка бумаги изъ бамбука занимаетъ тоже немаловажное мѣсто среди другихъ производствъ Фокіена. Хотя этотъ продуктъ и не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ лучшими сортами китайской бумаги, но онъ вывозится въ большомъ количествѣ изъ Фу-чжоу, находя себѣ сбытъ главнымъ образомъ въ отдаленныхъ округахъ по Янтескіану.

Изъ продуктовъ, какіе стали дѣлаться въ новѣйшее время въ Фу-чжоускомъ округѣ, имѣютъ, повидимому, большой успѣхъ ткани, приготовляемыя изъ хлопчатобумажной пряжи, ввозимой изъ-за границы. Ткани эти идутъ на платья, какія носятъ тамошніе простолюдины, и бываютъ двухъ сортовъ: кусокъ перваго сорта имѣетъ въ длину $22\frac{1}{2}$ фута, въ ширину 15 дюймовъ и стоитъ 40 центовъ; кусокъ втораго сорта стоитъ 35 центовъ и короче перваго на 2 фута. Такимъ образомъ эта матерія стоитъ на $\frac{1}{4}$ и на $\frac{5}{10}$ дешевле той, которая выдѣлывается въ Шангаѣ для туземцевъ. Фу-чжоуское хлопчато-бумажное производство имѣетъ тенденціей сдѣлать Фокіенскую область независимую въ данномъ отношеніи не только отъ иностранныхъ рынковъ, но и отъ Шангая.

Главными предметами иностраннаго ввоза въ настоящее время являются: керосинъ, опиумъ, иглы, американская мука, японскія спички и мыло.

Торговля порта испытываетъ большія колебанія, зависящія главнымъ образомъ отъ колебаній въ экспортѣ. Въ 1882 г., напримѣръ, она равнялась 15 милліонамъ тэль, въ 1888 г.—17 милліонамъ, въ 1891 г.—12 милліоновъ тэль ¹⁾. Кромѣ 350 иностранныхъ пароходовъ, въ Фу-чжоу приходятъ ежегодно до 2.000 большихъ джонокъ, занимающихся специально каботажемъ. Всѣ онѣ группируются въ 4 класса, смотря по области, къ какой принадлежатъ, и отличаются цвѣтомъ наружной окраски. Первое мѣсто, до 50⁰, общаго числа ихъ, занимаютъ джонки Нин-по; корпусъ ихъ окрашенъ въ черный цвѣтъ; второе—джонки Фокіенской провинціи: у нихъ зеленая носовая часть; третье—кантонскія джонки, съ красной носовой частью; наконецъ, четвертое—формозскія джонки, имѣющія нижнюю половину окрашенную въ бѣлый цвѣтъ.

Черныя джонки (изъ Нин-по) совершаютъ рейсы, между Чіао-чау, Нин-по и Фу-чжоу; въ годъ онѣ дѣлаютъ три рейса и привозятъ въ Фу-чжоу бумажныя матеріи, рисъ, масло и соленую рыбу; а вывозятъ отсюда лѣсъ, бумагу и бамбуковые побѣги. Зеленыя

¹⁾ Въ 1882 г. одинъ тэль стоилъ 5 шиллинговъ $8\frac{1}{2}$ пенс., въ 1888 г. 4 шилл. $8\frac{3}{8}$ п., въ 1891 г. 4 шилл. 11 п.

джонки (Фокіенскія) ходятъ между Фу-чжоу и сѣверными портами до Тянь-цзина; круговой рейсъ ихъ занимаетъ цѣлый годъ; онѣ вывозятъ изъ Фу-чжоу, главнымъ образомъ, бумагу и бамбуковые побѣги, а привозятъ фрукты, бобы и лѣкарственные снадобья.

Джонки Чюан-чау, принадлежащія къ этой же группѣ, ходятъ между Фу-чжоу и Формозой; онѣ привозятъ на островъ разные мелочные товары, вывозятъ съ него сахаръ и соль. Красныя, или кантонскія, джонки тоже занимаются торговлей между Фу-чжоу и сѣверными портами Китая. Ихъ появленіе въ здѣшнихъ водахъ вызвано тѣмъ, что спросъ на туземныя каботажныя суда по квантунскому побережью уменьшился, благодаря развитію тамъ парового каботажна. Вѣлыя, или формозскія, джонки плаваютъ между Фу-чжоу и сѣверомъ Формозы. На островъ онѣ везутъ сосновыя бревна, а привозятъ съ него сюда рисъ и сахаръ.

Туземныя джонки, занимающіяся каботажемъ, имѣютъ, смотря по размѣру, отъ 20 до 30 матросовъ, изъ которыхъ каждый получаетъ отъ хозяина два доллара въ мѣсяцъ жалованья, столъ и извѣстное пространство на суднѣ, гдѣ онъ можетъ держать товары для продажи ихъ за собственный счетъ. Шкиперъ служитъ по контракту и получаетъ опредѣленный процентъ съ доходовъ. Одна джонка можетъ въ теченіе года перевезти товаровъ на сумму отъ 20 до 30 тысячъ долларовъ и даетъ въ хорошій годъ валоваго дохода до 20⁰/₀.

Для облегченія торговыхъ сношеній, въ Фу-чжоу постоянно находятся два отдѣленія европейскихъ банковъ: «*Honkong and Shanghai Banking Corporation*» и «*Chartered Bank of India, Australia and China*», шесть крупныхъ китайскихъ банковъ, до шестидесяти небольшихъ банкирскихъ конторъ, не считая массы мѣняльныхъ лавокъ. Кромѣ того, на время чайнаго сезона, здѣсь открываются отдѣленія слѣдующихъ иностранныхъ банковъ: «*National Bank of India*», «*Chartered Mercantile Bank of India, London and China*», «*Agra Bank*» и «*Comptoir d'Escompte de Paris*».

Крупныя туземныя банки Фу-чжоу имѣютъ дѣловыя сношенія со всѣми важнѣйшими торговыми центрами Китая; главнымъ же образомъ они ведутъ дѣла съ Пекиномъ. Эти банки даютъ деньги подъ товары и другія имущества и берутъ отъ 8 до 25 процентовъ въ годъ. Они также ссужаютъ деньгами лицъ, ожидающихъ полученія мѣсть въ чиновномъ мирѣ; но здѣсь величина процента зависитъ отъ степени риска. Сумма годовыхъ оборотовъ всѣхъ этихъ шести большихъ китайскихъ банковъ Фу-чжоу, полагаютъ, равняется 4 милліонамъ тѣль (одинъ милліонъ фунт. стерл.).

Мелкія банкирскія конторы, которыхъ здѣсь насчитываютъ до 60, обладаютъ капиталами отъ 20 до 50 тысячъ долларовъ и взимаютъ за свои ссуды отъ 15 до 30⁰/₀ въ годъ. Дѣятельность мѣ-

няльныхъ лавокъ ограничивается размѣномъ банковыхъ билетовъ или серебряныхъ долларовъ на очень мелкую туземную мѣдную монету, такъ называемые кэши, которые продаются цѣлыми связками; въ одномъ долларѣ бываетъ до 1200 и болѣе такихъ монетъ. Выгода мѣняль зависитъ главнымъ образомъ отъ большаго или меньшаго количества фальшивыхъ кэшъ въ каждой связкѣ, какое имъ удастся благополучно спустить въ публику. Насколько подобная операція была прибыльна, показываетъ тотъ фактъ, что до недавняго времени такія лавочки въ каждой улицѣ насчитывались дюжинами. Правительство въ послѣднее время обратило вниманіе на эти мошенническія продѣлки; за мѣнялами былъ учрежденъ строгій надзоръ, что повело, говорятъ, къ сильнымъ сокращеніямъ ихъ заработковъ. Обратный капиталъ мѣняльныхъ лавокъ очень невеликъ: рѣдко когда онъ достигаетъ 500 долларовъ ¹⁾.

Климатъ Фу-чжоу влажный и теплый. Лѣтомъ въ долинахъ здѣсь очень жарко. Зимы дождливы. Морозы бываютъ, но очень рѣдко (разъ въ 30—40 лѣтъ). Снѣгъ выпадаетъ только на вершинахъ окрестныхъ горъ и исчезаетъ черезъ нѣсколько часовъ.

Иностранцевъ въ Фу-чжоу до 200 человекъ; между ними миссіонеровъ до 40.

Въ Фокіенѣ работаютъ въ настоящее время четыре иностранныхъ миссіонерскихъ общества: одно римско-католическое, одно англійское протестантское и два американскихъ. Самое старинное изъ нихъ—римско-католическое, которое ведетъ свое начало съ 1632 г., когда первые представители испанскихъ доминиканцевъ поселились въ этой области. Теперь здѣсь имѣются два епископа: одинъ въ Фу-чжоу, другой—въ Амоѣ. Сѣверное, или Фу-чжоуское епископство имѣетъ 19 испанскихъ патеровъ, 13 священниковъ изъ туземцевъ и насчитываетъ 34.000 обращенныхъ. Мѣстное миссіонерское общество владѣетъ въ предмѣстьѣ Фу-чжоу, близъ южныхъ воротъ застѣннаго города католической семинаріей, гдѣ изъ китайскихъ юношей выработываютъ будущихъ проповѣдниковъ. Рядомъ съ семинаріей находится пріютъ для туземныхъ дѣвушекъ, которымъ завѣдуютъ три сестры и гдѣ воспитываются 200 малолѣтнихъ и 50 взрослыхъ дѣвушекъ. Внутри застѣннаго города находятся еще три такихъ же пріюта для 130 дѣвушекъ.

Англійское миссіонерское общество основалось здѣсь въ 1850 г. Личный персоналъ его въ настоящее время составляютъ: 33 иностранныхъ и 100 туземныхъ священниковъ, 110 учителей изъ туземцевъ, завѣдующихъ 107 школами въ деревняхъ и около 9.000 обращенныхъ. Американское Board of commissioners for Foreign missions основалось въ 1847 г.; личный составъ его—9 американцевъ и 13 американокъ, между которыми есть нѣсколько врачей; число обращенныхъ туземцевъ 1600 человекъ. Общество имѣетъ 2 госпи-

¹⁾ China, Imperial Maritime Customs. Decennial Reports. 1893.

таля, одну аптеку и надзоръ за 23 школами, гдѣ получаютъ воспитаніе около 500 туземцевъ.

Второе американское миссіонерское общество (American methodist episcopal church mission), учредившееся здѣсь тоже въ 1847 г., располагаетъ теперь слѣдующимъ персоналомъ: 16 американцевъ (мужчинъ и женщинъ) и 166 проповѣдниковъ изъ туземцевъ. Общество имѣетъ въ своемъ завѣдываніи: такъ называемый англо-китайскій колледжъ въ Фу-чжоу, обязанный своимъ возникновеніемъ одному богатому китайцу-христіанину, далѣе—духовное училище, высшую школу для мальчиковъ, 96 школъ для обоихъ половъ, 5 школъ для взрослыхъ дѣвушекъ и 1 пансіонъ для малолѣтнихъ дѣвочекъ. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ учатся 900 мальчиковъ и 100 слишкомъ дѣвушекъ; преподавательскій персоналъ составляютъ 118 учителей. Число обращенныхъ доходитъ до десяти тысячъ душъ. Богатые туземцы-христіане дѣлаютъ щедрія пожертвованія на нужды этого миссіонерскаго общества, и оно, какъ рассказываютъ, пользуется вообще здѣсь въ народѣ извѣстными симпатіями, что весьма вѣроятно: главную дѣятельность свою общество направило, повидимому, на школы; а школы въ Китаѣ издревле составляютъ предметъ самаго глубокаго почтенія.

Фу-чжоу является столичнымъ городомъ Фокіенской области. Область эта, лежащая на юго-восточномъ берегу Китая, между 24 и 28 градусами сѣверной широты, граничитъ съ провинціями: Квантунской на югѣ, Чекіанской на сѣверѣ и Кіанси на западѣ; береговая линія ея, омываемая водами Формозскаго пролива, вездѣ крута, обрывиста. Страна изрѣзана повсюду хребтами высокихъ горъ; самый западный изъ нихъ, образующій естественную границу ея съ провинціей Кіанси, даетъ начало многимъ рѣчкамъ, которыя вскорѣ соединяются въ три большіе потока, сливающиеся у города Юнпин-фу въ одну большую рѣку; до границъ Фу-чжоускаго округа эта рѣка носитъ названіе Чен-чянъ, а начиная отсюда зовется Мин-чянъ, или просто Минъ. Южные округа Фокіена орошаетъ рѣка Люн-чянъ. Близъ устій этихъ двухъ рѣкъ только и находятся сколько нибудь обширныя равнины. Поверхность земли, годной для обработки, вообще не велика, почва песчана и нуждается въ обильномъ удобреніи, для того, чтобы на ней могли произрастать такіа растенія, какъ пшеница и ячмень, представляющія злаки, наиболѣе культивируемые мѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Но, несмотря на чрезвычайное трудолюбіе этого населенія, добываемыхъ продуктовъ не хватаетъ на нужды его; поэтому сюда ввозится много зерна изъ другихъ провинцій, пользующихся лучшими естественными преимуществами. Разведеніе чая составляло до недавняго времени одну изъ важнѣйшихъ доходныхъ статей населенія: чай превосходно растетъ на легкой, сухой почвѣ здѣшнихъ холмовъ; но эта промышленность теперь сильно сократилась, какъ сократится,

вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ и лѣсной промыселъ, благодаря безопасному истребленію лѣсовъ внутри страны. Населеніе Фокіенской области считается приблизительно въ 30 милліоновъ душъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ по рѣкѣ выше Фу-чжоу находится очень важный металлическій округъ Ку-тиень, гдѣ добывается желѣзо изъ той магнитной окиси желѣза, которая въ такомъ обилии разсыяна по всей этой вулканической почвѣ. Добыча желѣза является промысломъ мѣстныхъ кустарей, употребляющихъ для своихъ маленькихъ, переносныхъ горновъ исключительно древесный уголь. Желѣзо поступаетъ на рынокъ въ болванкахъ и, говорятъ, по своимъ качествамъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Близъ Фу-чжоу, въ горахъ, фабрикуются тоже кустарями разныя вещицы изъ мягкаго серебра, преимущественно предметы женскаго туалета: шпильки, цвѣты, браслеты, кольца, серьги и т. п. Ничего изящнаго на европейскій взглядъ они, однако, не представляютъ. Всѣми этими украшеніями китайскихъ женщинъ мы могли вдовольствоваться съ нашего судна, возлѣ котораго постоянно толклись сампанги, или, какъ ихъ называютъ русскіе вездѣ на Востоку, шампунки, — эти подвижные дома, гдѣ проводятъ всю свою жизнь огромное водное населеніе Китая. Не видя собственными глазами, трудно повѣрить возможности для цѣлой большой семьи жить на такомъ маленькомъ пространствѣ. Вообразите себѣ шлюпку, длиною сажени три, шириною около сажени и аршина 2 глубины; въ кормовой своей части она покрыта навѣсомъ изъ циновокъ, открытымъ къ носу и напоминающимъ верхнюю часть нашихъ кибитокъ; на ночь завѣшивается и открытая часть, и тамъ въ два яруса укладывается спать вся семья; ребяташки запикиваются куда-то въ тартарары, на дно шлюпки, въ самую глубь кормы, а взрослые, съ грудными ребятами укладываются на верхней палубѣ; здѣсь же спитъ домашняя птица, которую держатъ на привязи, чтобы не ушла или не улетѣла куда нибудь; на носу, на цѣпочкѣ, бѣгаетъ маленькая собаченка—сторожъ, а днемъ, на точно такихъ же коротенькихъ цѣпочкахъ приковываютъ маленькихъ ребятъ, чтобы они не свалились за бортъ. Въ носовой части шлюпки помѣщается маленькая жаровня, гдѣ женщины готовятъ пищу семьѣ; здѣсь же растутъ въ горшкахъ цвѣты, составляющіе предметъ большаго ухода и любимое головное украшеніе женщинъ. Промыселъ водныхъ жителей — перевозка пассажировъ и грузовъ; довольствуются они самымъ малымъ, часто голодаютъ, и все богатство ихъ заключается въ шлюпкѣ: на берегу у нихъ нѣтъ ни клочка земли. Не оттого ли и ухаживаютъ они съ такой любовью за этими бѣдными цвѣтами въ горшкахъ, земля которыхъ представляетъ собою весь ихъ на-дѣлъ? Есть преданіе, что китайскіе водные жители—потомки искон-

ныхъ обитателей страны, покоренныхъ пришлыми съ запада завоевателями, которые въ незапамятныя времена согнали ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и, завладѣвъ всею землею, заставили ихъ переселиться на воду. Водное населеніе отличается бѣльшимъ развитіемъ мускульной системы и вообще болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, чѣмъ наземное населеніе страны, чему, конечно, долженъ былъ содѣйствовать вліявшій въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ образъ жизни, гдѣ постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ и упражненіе мускуловъ тѣла при греблѣ, стоя, играетъ такую важную роль. Особенно рѣзко сказывается эта разница на женщинахъ: китайская водная женщина, со своими крѣпкими ногами, не изуродованными узкой обувью, съ сильными мускулистыми руками, могучимъ торсомъ, съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ, представляетъ разительный контрастъ съ горожанкой, набѣленной и подрумяненной, съ зеленовато-желтымъ цвѣтомъ кожи, съ искалѣченными ногами, тонкими и худыми руками и со всей ея немного согбенной фигурой, такой хилой и хрупкой на видъ. Любо бываетъ смотрѣть, когда за отсутствіемъ мужчинъ, двѣ женщины, одна на носу, другая на кормѣ, управляютъ съ какимъ нибудь тяжелымъ баркасомъ на быстромъ теченіи; движенія ихъ смѣлы и увѣренны, и обнаруживаютъ онѣ много силы, ловкости и своеобразной граціи. Когда мужъ умираетъ, а сыновья еще малы, завѣдываніе шлюпкой принимаетъ на себя жена, входящая, какъ полноправный членъ, въ корпорацію лодочниковъ.

Хозяева большихъ джонокъ, ихъ матросы и купцы, имѣющіе дѣла съ каботажнымъ флотомъ и водными жителями, населяютъ, главнымъ образомъ, островокъ Чун-чжеу. На этомъ же островкѣ помѣщается англійскій миссіонерскій госпиталь для китайцевъ: обширный двухъэтажный каменный домъ, съ операціонной комнатою, приемнымъ покоемъ и аптекой на верху, и съ палатами для больныхъ внизу. Количество приходящихъ больныхъ очень велико; до 12 тысячъ въ годъ; со всей этой массой справляется одинъ врачъ, — англичанинъ, и справляется, насколько я могъ видѣть, хорошо. На женской половинѣ госпиталя меня заинтересовала разъ одна больная, т. е. не она сама, а ея ноги. Это были маленькія, изуродованныя ноги, закутанныя такъ, какъ ихъ обыкновенно закутываютъ китайскія женщины, и я не устоялъ передъ искушеніемъ взглянуть собственными глазами на пресловутое китайское чудо: я попросилъ доктора показать мнѣ ногу его пациентки. Это оказалось тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что у больной на одной голени была язва, такъ что просьба разбинтовать ногу не могла показаться ей слишкомъ не деликатнымъ желаніемъ европейца проникнуть въ одну изъ тайнъ ея туалета, столь ревниво охраняемую вообще отъ глазъ не только чужеземцевъ, но и своихъ. Съ видимою неохотою больная развязала бинты, и мнѣ, вмѣсто есте-

ственныхъ формъ человѣческой ноги, представилось нѣчто въ высшей степени уродливое. Тыльная поверхность стопы оказалась сильно выпуклой, большой палецъ выдался впередъ, четыре остальные пальца подвернуты къ подошвѣ, пятка обложена съ пальцами, слѣдствіемъ чего явилась глубокая борозда по срединѣ подошвы и выпуклость свода стопы. Холодная на ощупь, какъ ледъ, синеватоблѣдная на видъ, нога эта производитъ впечатлѣніе безжизненнаго патологическаго препарата, а не ноги живой, въ остальномъ совершенно здоровой женщины. Всѣ эти измѣненія достигаются путемъ постепеннаго тугаго бинтованія ноги, начинающагося съ семи лѣтъ и продолжающагося до 15-го года жизни.

Вотъ что рассказываетъ туземное преданіе о возникновеніи этой странной и уродливой моды. Послѣдній представитель Тан'ской династіи Ли-И, послѣ потери почти всего своего царства, владѣлъ еще втеченіе довольно долгаго времени маленькимъ удѣломъ, имѣя свою резиденцію въ Нанкинѣ. Въ 975 г. городъ этотъ былъ взятъ войсками Чао-Куан-ин'а, основателя Сун'ской династіи. Ли-И предпочелъ плѣнъ самоубійству и былъ отосланъ въ г. Кай-фен-фу, новую столицу имперіи, ждатель распоряженій воцарившагося владыки. Послѣдній, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, даровалъ жизнь своему плѣннику, пожаловалъ ему почетный титулъ и оставилъ въ покоѣ. Въ Нанкинѣ, въ дни своего благополучія, Ли-И имѣлъ много женъ, и одна изъ нихъ, по имени Ю-Ніанъ, особенно кружила ему голову своими граціозными танцами. Въ танцевальной залѣ дворца находился цвѣтокъ лотоса, сдѣланный изъ глины, густо-вызолоченный и имѣвшій 6 футовъ высоты. Въ дни новолунія черезъ лепестки лотоса былъ виденъ молодой мѣсяцъ, который сіялъ нѣжнымъ свѣтомъ среди плававшихъ по небу облаковъ, игравшихъ разными цвѣтами. Ли-И пожелалъ, чтобы его любимая жена во время танцевъ передъ своимъ повелителемъ, изображала платьемъ облака вечерняго неба, окрашенныя въ ихъ естественные цвѣта, а ногами — серпъ мѣсяца, сверкающій между ними, — и приказалъ Ю-Ніанъ начать стягивать свои ноги шелковыми бинтами, чтобы ступни ихъ приняли форму молодого мѣсяца, — что ею и было достигнуто. Желаніе имѣть маленькую ногу, изогнутую, какъ серпъ луны, сдѣлалось своего рода маніей среди женщинъ Нанкина, откуда мода постепенно распространилась по всей имперіи. Такимъ образомъ, государь, котораго исторія осудила, какъ нерѣшительнаго и неспособнаго правителя, положилъ основаніе модѣ, удержавшейся въ теченіе уже слишкомъ тысячи лѣтъ. Такъ гласитъ преданіе, окутывая начало существующаго обычая густой дымкой поэтическаго тумана. Въ дѣйствительности, дѣло, вѣроятно, происходило не совсѣмъ такъ. Извѣстно, какую громадную роль играло въ исторической жизни человѣчества стремленіе мужчины удержать женщину въ своемъ безраздѣльномъ обладаніи. Китайская мода уродованія

женскихъ ногъ имѣеть своимъ источникомъ, по всей вѣроятности, то же стремленіе мужчины, представляя собою одинъ изъ безконечныхъ способовъ закрѣпощенія женщины въ тѣсный кругъ семейныхъ интересовъ и обязанностей: съ искалѣченными ногами трудно убѣжать далеко отъ повелителя въ странѣ, гдѣ и донинѣ нѣтъ ни омнибусовъ, ни почтовыхъ, ни желѣзныхъ дорогъ, а въ тѣ давно-прошедшія времена, откуда идетъ обычай, не было и другого способа передвиженія, какъ только пѣшкомъ.

Въ экскурсіяхъ по Фу-чжоу, его пригородамъ и ближайшимъ окрестностямъ, въ посѣщеніяхъ знакомыхъ, мы и не замѣтили, какъ подошли Рождественскіе праздники, во время которыхъ наши матросы изображали своего традиціоннаго «Царя Максимилиана», къ величайшему удовольствію здѣшнихъ соотечественниковъ, никогда, оказывается, не издавшихъ этой чудовищной пьесы, и къ еще большому удовольствію самихъ актеровъ, чувствовавшихъ себя героями минуты. Насталъ русскій Новый годъ. Мы встрѣтили его у нашего консула, куда собралась и вся мѣстная, маленькая русская колонія. А тамъ, недѣли двѣ спустя, наступили и китайскіе праздники Новаго года. Уже дней за 8 можно было замѣтить на улицахъ признаки ихъ приближенія, въ видѣ усиленнаго и необычнаго мытья дверей, ставней, стульевъ и проч. На окружающихъ насъ большихъ и малыхъ джонкахъ шла такая же приборка: вездѣ мылись, терлись, скреблись, чистились; по нѣскольку семей перебирались на время въ одну шлюпку, гдѣ стискивались до полнѣйшей, казалось, невозможности повернуться, и гдѣ тѣмъ не менѣе не только умудрялись ѣсть, пить и спать, но даже готовить огромныя порціи свинины, какихъ-то лепешекъ, сладкихъ пироговъ и т. п. прелестей къ предстоящему празднику. На улицахъ бойко торговали: восковыми свѣчами, выкрашенными въ красный цвѣтъ и болѣе или менѣе пышно разрисованными, которыя цѣлыми пучками и старъ, и младъ тащили въ свои дома; маленькими, красными хлопучками, предназначавшимися для стрѣльбы въ ночь на Новый годъ; цвѣтами, сдѣланными изъ фольги; продолговатыми разныхъ размѣровъ листами бумаги, преимущественно краснаго цвѣта, простыми и позолоченными, съ письменами на нихъ, означающими разныя благія пожеланія, и другимъ товаромъ, нужнымъ для близкаго праздника.

Наступилъ канунъ Новаго года. На улицахъ толкотня и давка: всѣ торопятся, бѣгутъ, спѣшатъ закончить свои дѣла. Къ вечеру стѣны, дверные косяки и притолки домовъ, магазиновъ, храмовъ, всѣ шлюпки на рѣкѣ, даже весла разукрасились налѣпленными на нихъ, длинными, узкими полосами красной бумаги, исписанными большими письменами и придававшими всему необыкновенно-оригинальный и веселый видъ. Не силошь, впрочемъ, видны на домахъ

и шлюпкахъ однѣ только красныя бумаги; тамъ и сямъ онѣ перемежаются съ бумагами другихъ цвѣтовъ, означающими, что въ истекшемъ году смерть посѣтила обитателей жилища. Въ каждомъ домѣ совершаются очистительныя жертвы и моленія. Передъ таблицами предковъ, изукрашенными цвѣтами, ставятся чашечки риса и другихъ блюдъ, зажигаются красныя свѣчи и благовонія. Мы имѣли возможность видѣть эти церемоніи съ борта нашего судна, въ открытыя помѣщенія китайскихъ шлюпокъ. То же самое дѣлалось во всѣхъ домахъ на берегу, богатыхъ и бѣдныхъ. Украшеніе домашнихъ алтарей предковъ, убранство всего дома цвѣтными бумагами, картинами, живыми и искусственными цвѣтами и плодами, приготовленіе огромнаго количества разнообразныхъ блюдъ—все это занимаетъ большую часть предпраздничной ночи. Наканунѣ праздника принято также давать подарки подчиненнымъ и слугамъ; а купцы рассылаютъ ихъ своимъ постояннымъ покупателямъ.

Время предъ Новымъ годомъ—пора сведенія счетовъ и платежа долговъ. Долгамъ не полагается переходить изъ стараго года въ новый, ихъ надо такъ или иначе оплатить. Тѣ лица, долги которыхъ превышаютъ ихъ платежныя средства, обязаны ликвидировать въ это время свои дѣла и отдать всю свою собственность въ руки кредиторовъ. Слѣдствіемъ такого обычая является возвышеніе въ эту пору стоимости денегъ и паденіе цѣнъ на большую часть продуктовъ и товаровъ.

Моментомъ наступленія новаго года считается и въ Китаѣ полночь. Около полуночи, на улицахъ Фу-чжоу и на рѣкѣ началась невообразимо-шумная трескотня отъ хлопункъ, сжигавшихся повсюду тысячами тысячъ. Къ этому шуму присоединилось вскорѣ битье въ гонги и мѣдныя тазы; послышались отдаленные выстрѣлы изъ ружей и пушекъ; воздухъ наполнился трескомъ, дымомъ, копотью, которая жгла глаза; а въ нихъ и безъ того уже рябило отъ безпрестанно-вспыхивающихъ огоньковъ маленькихъ петардъ. Хлопушки жгутся у дверей домовъ и на палубахъ джонокъ, передъ отходомъ въ вѣчность стараго и появленіемъ новаго года, для того, говорятъ, чтобы отогнать отъ жилья злыхъ духовъ, и потребленіе ихъ такъ громадно, что онѣ довольно толстымъ слоемъ покрываютъ улицы своими обрывками и шеломъ. Всю ночь почти продолжалась эта стрѣльба. А на утро внезапная тишина улицъ поразила насъ. Тамъ, гдѣ наканунѣ кипѣла такая бойкая жизнь,—теперь царствовало глубокое безмолвіе: все точно вымерло. Запертые дома и лавки придавали еще больше странности этому необычному виду китайскихъ улицъ.

Около полудня улицы стали наполняться одѣтымъ въ новыя платья людомъ, спѣшившимъ, кто въ носилкахъ, кто пѣшкомъ, дѣлать свои новогодніе визиты. При встрѣчахъ въ этотъ день китайцы привѣтствуютъ обыкновенно другъ друга фразами: «почтительно

желаю вамъ счастья», «да будетъ новая радость съ вами», что совершенно соотвѣтствуетъ нашему: «съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ». Обычай визитировать въ день новаго года не Китай, конечно, взялъ у Европы, а Европа заимствовала его у Китая. Личныя поздравленія здѣсь обязательно должны быть сдѣланы родителямъ, учителямъ и властямъ. Другіе визиты могутъ наноситься помощью присылки визитныхъ карточекъ; на тѣхъ изъ нихъ, которыя идутъ къ близкимъ роднымъ и знакомымъ, бываетъ изображено пожеланіе трехъ высшихъ благъ: дѣтей, долготѣней жизни и высокаго общественнаго положенія; другія карточки, представляющія изъ себя продолговатыя полосы красной бумаги, съ письменами, означающими общее пожеланіе счастья, рассылаются остальнымъ знакомымъ, постояннымъ покупателямъ и проч.

Въ этихъ визитахъ, поздравленіяхъ, молитвахъ въ храмахъ и у алтарей, усиленной ѣдѣ и питьѣ, карточныхъ играхъ, въ посѣщеніяхъ театралныхъ зрѣлищъ проводятъ вездѣ въ Китаѣ праздники новаго года. Длятся они три дня для бѣдныхъ и до двухъ недѣль у богатыхъ, и что поражаетъ русскій глазъ, это полное отсутствіе пьяныхъ, нигдѣ вы не услышите ни пьяныхъ криковъ, ни шума драки, не замѣтите вообще никакихъ безобразій, чѣмъ такъ обычны всѣ наши большіе и малые праздники.

Первый день Новаго года считается китайцами также днемъ рожденія всей націи, и начало возраста каждаго считается съ началомъ года, такъ что ребенокъ, родившійся, напримѣръ, только за недѣлю до Новаго года, съ наступленіемъ его считается вступившимъ уже во второй годъ своей жизни,—въ первый день перваго мѣсяца. Этотъ официальный, такъ сказать, счетъ лѣтъ не мѣшаетъ, впрочемъ, праздновать и годовщину дѣйствительнаго дня рожденія.

Кромѣ Новаго года, въ Китаѣ существуютъ еще слѣдующіе праздники: первое полнолуніе новаго года, день поклоненія предкамъ на ихъ могилахъ (бываетъ около половины апрѣля), дни осенняго и весенняго равноденствій и праздникъ дракона (въ 5-й день 5-го мѣсяца). Вотъ и все. Ничего, подобнаго воскресенью христіанъ, субботѣ евреевъ, пятницѣ магометанъ,—словомъ, ничего, соотвѣствующаго седьмому дню отдыха, или религіозному почитанію такого перерыва времени, не существуетъ у китайцевъ. Такая малочисленность праздничныхъ дней въ году, въ связи, конечно, съ національной умѣренностью, честностью, трезвостью, трудолюбіемъ и умѣнемъ низводить до minimum'a свои потребности, дѣлаютъ изъ китайца всюду, куда онъ только ни прійдетъ,—страшнаго конкурента мѣстному рабочему.

Изъ ближайшихъ окрестностей Фу-чжоу особенной симпатіей мѣстной европейской колоніи и громкой извѣстностью во всей странѣ пользуется гора Кушанъ. Мы видѣли эту гору издали, когда шли отъ острова Пагоды въ Фу-чжоу. Въ январѣ намъ удалось побывать и на вершинѣ ея. Былъ теплый сѣренькій день, когда мы, забравши съ собою всевозможной провизіи, отправились большой компаніей внизъ по рѣкѣ, въ очень помѣстительной баркѣ китайскаго типа, но убранной внутри поевропейски,—такъ называемомъ «гаусботѣ».

Минуть черезъ 50 плаванія гаусботѣ присталъ къ плоскому, илистому берегу. Послѣ получасоваго странствованія по узкимъ возвышеннымъ тропинкамъ между полями мы подошли къ подножію священной горы. Передъ нами вилась широкая, пологая лѣстница, вырубленная въ скалѣ. Начался подъемъ. Съ обѣихъ сторонъ каменной дороги поднялись сосновыя, дубовыя и бамбуковыя рощи,—та странная смѣсь сѣверной и южной флоры, свойственная возвышенностямъ тропическихъ поясовъ, которая своими живыми контрастами производитъ такое глубокое впечатлѣніе. Каменные ступени смѣнялись по временамъ широкими каменными площадками. На высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ показалась постройка, въ видѣ открытаго со всѣхъ сторонъ павильона, увѣнчаннаго тяжелой крышей характернаго китайскаго типа: тамъ стояли скамьи для отдыха, и китайскіе монахи,—хозяева горы,—предлагали угощеніе, состоявшее изъ чашечки зеленого чая. Съ высотъ этой первой станціи открывался широкій видъ на рѣку и на глубокую долину, лежащую влѣво между ущельями горъ, съ ярко зеленѣющими по ней нивами, узкими ленточками каналовъ, разбросанными тамъ и сямъ деревушками,—обычный китайскій пейзажъ, полный, какъ и всякій подобный пейзажъ, глубокаго мира и покоя, если смотрѣть на мятущуюся внизу жизнь *à vol d'oiseau*. Отдохнувъ немного, мы двинулись дальше. Вотъ сверкнулъ въ ущельѣ направо серебристый каскадъ ручья, стремящагося въ долину, шумъ котораго еще издали, въ видѣ неяснаго ропота, доносился до насъ; и живой говоръ, и веселый блескъ его струй, дышащихъ чарующей свѣжестью силы и молодости, такъ странно гармонировалъ съ молчаливо-сумрачнымъ видомъ влажныхъ скалъ, черезъ которыя онъ прыгалъ, и величаво гордою осанкой старыхъ, высокихъ деревьевъ, обступившихъ его со всѣхъ сторонъ... Идемъ все выше и выше. По временамъ намъ попадаются стоящіе на площадкахъ каменные столбы, въ видѣ памятниковъ, съ письменами на нихъ. Такія же странныя письмена, только огромныхъ размѣровъ, чернаго и краснаго цвѣта, видѣются на окрестныхъ скалахъ:

Это—молитвы, или описанія проѣзда разныхъ высоко-поставленныхъ лицъ на Кушанъ. Мы встрѣтили на пути еще три или четыре павильона одинаковаго типа съ первымъ. Съ одного изъ

нихъ мы долго любовались роскошной панорамой развернувшейся широкой картины: точно рамкой, охватили ее темнѣвшіе на далекомъ горизонтѣ массивы синихъ горъ, съ набѣгавшими на нихъ бѣлыми облаками; застѣнный городъ и пригороды стояли, окутанные сырмъ туманомъ собственной копоти, пыли, дыханій массы столпившихся тамъ человѣческихъ жизней; прихотливыя излучины Мин-чана сверкающими лентами обвивали острова и бороздили долины; большой притокъ Мина, рѣка У-лон-кианъ бѣжала по одной изъ нихъ, длинной и узкой, сплошь поросшей, говорятъ, рощами апельсиновыхъ деревень; по рѣкѣ медленно ползли черныя точки судовъ; кое-гдѣ виднѣлся дымокъ парохода; и всѣ эти издѣлія рукъ человѣческихъ: джонки, пароходы, деревни, пригороды, самъ городъ, вся людская жизнь, съ ея борьбой, шумомъ, грязью, казались отсюда только темными пятнами на фонѣ грандіозной картины, написанной гигантскими размахами творческой кисти природы...

Отъ послѣдняго павильона пошла широкая, великолѣпно-построенная дорога, окаймленная по сторонамъ крѣпкой оградой изъ правильно-отесанныхъ большихъ, каменныхъ плитъ, за которой поднимались старыя, тѣнистыя деревня. Вотъ, наконецъ, и ворота монастырской ограды. Входимъ. Передъ нами глубокое ущелье, замыкаемое высочайшей вершиной Ку-шана; направо, на пригоркѣ, прудъ, обдѣланный камнями; его питаетъ горный ключъ; въ прудѣ масса рыбы; на берегу—павильонъ, гдѣ монахи продаютъ крѣпкіе бѣлые сухари желающимъ покормить эту священную рыбу, наслаждающуюся здѣсь совершенною безопасностью; повсюду роскошная растительность. Широкая, вымощенная гранитными плитами дорога приводитъ насъ къ главному входу въ монастырь. Возлѣ входа стоятъ колоссальныя размалеванныя статуи съ самымъ суровымъ выраженіемъ страшныхъ лицъ; подъ ихъ ступнями лежатъ фигуры какихъ-то демоновъ, корчащихся въ мукахъ,—обыкновенные атрибуты преддверій китайскихъ храмовъ, отличающіеся отъ другихъ видѣнныхъ нами статуй того же рода только своею громадностью. Минуемъ широкій коридоръ и вступаемъ въ четырехугольный дворъ, также сплошь вымощенный каменными плитами. Посреди двора—небольшой прудъ съ перекинутымъ черезъ него въ видѣ арки мостомъ. Вокругъ двора—крытыя веранды, защищающія прогуливающихся здѣсь монаховъ отъ дождя и солнца. По сосѣдству съ прудомъ—два кривыя зданія; въ одномъ изъ нихъ, когда мы были, шли ремонтныя работы; въ другомъ—подвѣшенъ бронзовый колоколь. Неподалеку, межъ двухъ столбовъ съ перекладиной, виситъ на веревкѣ большая, деревянная рыба, по которой бьютъ кускомъ дерева во время богослуженія. Черезъ дворъ мы попадаемъ въ обширный залъ,—внутренность святилища. Здѣсь то же, что мы видѣли не разъ въ китайскихъ буддійскихъ храмахъ: прямыя колонны, красиво разрисованныя, покрытыя золотыми письменами, идутъ строй-

ными рядами, поддерживая высокій потолокъ; съ потолка спускается масса люстръ и отдѣльныхъ фонарей, заполняя сверху промежутки между колоннами; длинные ряды отдѣльныхъ скамеечекъ занимаютъ значительное пространство храма; передъ каждой изъ нихъ—маленькій аналой; въ нѣсколькихъ шагахъ впереди перваго ряда возвышается большой деревянный алтарь, гдѣ стоятъ вазы, курильницы, свѣчи, живые цвѣты и лежатъ разноцвѣтныя бумажки; за алтаремъ—одна огромная раззолоченная статуя посрединѣ и двѣ другія, меньшей величины, статуи по бокамъ, также богато вызолоченныя: это—три изображенія Будды: Будды Прошедшаго, Настоящаго и Будущаго; вдоль стѣнъ стоятъ рядами фигуры въ челоувѣческой ростъ,—статуи буддійскихъ святыхъ; въ углу виситъ «тамъ-тамъ»; свѣтъ проникаетъ черезъ очень высокія окна; частый деревянный переплетъ дѣлаетъ ихъ похожими на рѣшетки; вмѣсто стеколъ—толстая бумага. Черезъ боковую дверь входимъ въ другое гораздо меньшее помѣщеніе; здѣсь бонзы показываютъ намъ лежащій передъ статуей Будды на столѣ, покрытомъ шелковой скатертью, подъ стекляннымъ колпакомъ,—громадный зубъ, очевидно, какого-то допотопнаго животнаго, который они почему-то считаютъ зубомъ Сакья-Муни; въ стоящей тутъ же урнѣ, сдѣланной изъ зеленоватаго стекла, съ добрый стаканъ вмѣстимостью, виднѣтся прозрачная жидкость: это, говорятъ намъ, слезы великаго учителя, пролитыя имъ за грѣшный міръ. Такихъ зубовъ и слезъ много разсыяно по Цейлону, южному Китаю, Сіаму; немало храмовъ гордятся тѣмъ, что имѣютъ у себя подобныя священныя реликвіи, и Кушанскій монастырь представляетъ одинъ изъ такихъ храмовъ. Отъ главнаго зданія отходятъ боковыя крылья, гдѣ расположены монастырскія кельи, помѣщенія для гостей, общая столовая и кухня. Столовая и кухня вмѣстѣ помѣщаются въ очень большомъ и просторномъ сараѣ; на одномъ концѣ его находятся нѣсколько чугунныхъ котловъ для варки пищи, вдѣланныхъ въ каменныя кладки, подъ которыми разводится огонь, а на другомъ стоятъ рядами длинныя скамьи и столы; полъ—земляной; посрединѣ его, въ деревянномъ жолобѣ, бѣжитъ горный ручей. Чистота повсюду—удивительная. Помѣщенія для гостей—небольшія комнатки, съ самой простой обстановкой: деревянная кровать, такой же столъ, одинъ—два стула, и ничего больше; всѣ комнаты имѣютъ второй выходъ на наружную, крытую веранду, окружающую то зданіе, гдѣ онѣ помѣщаются, и которое прилѣпилось къ выступамъ камней, какъ орлиное гнѣздо. Мрачныя скалы, поросшія высокими деревьями и кустами, повисли надъ нимъ сверху; густая зелень лѣсовъ застилаетъ лежащія внизу пропасти. Трудно передать словами своеобразное впечатлѣніе этого эффектнаго сочетанія простой монастырской обстановки съ величественной красотой роскошной природы, всю эту оригинальную прелесть сильныхъ контрастовъ, сплетающихся здѣсь въ такое гармоническое цѣлое.

Лѣтомъ, когда въ долинѣ наступаетъ періодъ томительныхъ жаровъ, семейства нѣкоторыхъ изъ европейскихъ обывателей Фу-чжоу перебираются на житье въ Ку-шанскій монастырь. Они кутятся здѣсь, въ этихъ именно келейкахъ, изображающихъ тогда собою оригинальныя дачи. Чудный, горный и лѣсной воздухъ, великолѣпныя, густыя, тѣнистыя рощи, роскошные виды, открывающіеся повсюду, прохлада, тишина и чистота, отсутствіе холеры и лихорадокъ дѣлаютъ эту возвышенность прекраснымъ дачнымъ мѣстомъ. Плата за комнату—30—40 долларовъ въ мѣсяцъ.

Черезъ прелестную рощу граціозно-стройныхъ, молодыхъ бамбуковъ, начинающуюся за рыбнымъ прудомъ, мы поднялись въ гору, въ сторону отъ храма, и послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы попали въ очень милый уголокъ, гдѣ притаилась небольшая кумирня; на пути къ ней лежитъ узкій, глубокій оврагъ, на днѣ котораго чуть-чуть струится ручей; черезъ оврагъ перекинутъ каменный мостикъ. Одной стороною своей кумирня уперлась въ скалу; съ трехъ другихъ—зданіе совершенно открыто; тяжелая крыша его покоится на толстыхъ деревянныхъ брусьяхъ; а сквозь просвѣты между столбами виднѣтся зелень кустовъ и камни скаль, съ высѣченными на нихъ крупными письменами молитвъ; внутри—низко, сумрачно, слышится запахъ сырости и тихое журчанье ручья: изъ-подъ тѣхъ камней, что образуютъ собою почти глухую стѣну кумирни, бѣжитъ струйка воды; она принимается деревяннымъ желобомъ, падаетъ загѣмъ на желобоватое же колесо, въ родѣ нашихъ водяныхъ мельничныхъ, и, приводя его въ движеніе, заставляетъ дѣлать оборотъ черезъ опредѣленные промежутки времени; а такъ какъ къ оси тяжелаго колеса привязана веревка, другимъ концомъ своимъ укрѣпленная за языкъ металлическаго колокола, который виситъ въ углу кумирни, то глухой, протяжный звонъ раздается здѣсь день и ночь, съ однообразной правильностью заведенной машины. Не всегда, впрочемъ, ручей даетъ одно и то же количество воды въ минуту: иногда онъ вдругъ почти совсѣмъ перестаетъ течь; говорятъ, будто бы такой феноменъ обыкновенно предшествуетъ мѣстнымъ землетрясеніямъ, въ настоящее время, впрочемъ, очень слабымъ въ этой области. Немного выше этой маленькой кумирни находится другая, еще меньшая, съ массою кропечныхъ идоловъ. А надъ нею подымается высшій пикъ горной группы Ку-шана. Отсюда можно видѣть не только устье Мина и море, но въ хорошую погоду даже островъ Формозу. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось полюбоваться такой грандіозной картиной: начиналъ моросить мелкій дождь, въ горахъ клубился туманъ, и очертанія даже ближнихъ долинъ затягивались волнующеюся бѣлой пеленой его. Въ одной изъ большихъ залъ, прилегающихъ къ главному храму, мы напились чаю, закусили тѣми запасами, что принесли съ собой, и вернулись домой подъ проливнымъ дождемъ.

Въ Фу-чжоу есть двѣ русскія фабрики для выдѣлки кирпичнаго чая. Такая фабрика представляетъ обширный, высокій сарай, гдѣ вдоль одной изъ стѣнъ идетъ рядъ котловъ съ кипящей водой, а почти посрединѣ находится огромный, деревянный прессъ, приводимый въ движеніе ручной силой. Матеріаломъ для приготовления кирпичнаго чая служатъ обломки листьевъ и корешки ихъ, являющіеся, какъ отбросъ при приготовленіи черныхъ и зеленыхъ чаевъ. Не надо понимать слово «отбросъ» въ смыслѣ дурнаго качества: это—тѣ же чайные листья, которые идутъ и въ настоящіе черные и зеленые чай, но только пострадавшіе при многочисленныхъ операціяхъ производства послѣднихъ и сдѣлавшіеся, по своей формѣ, непригодными къ свертыванью. На фабрикахъ кирпичнаго чая такой матеріалъ кладется на выгнутыя сита; послѣднія ставятся надъ парами кипящей въ котлахъ воды и закрываются сверху крышкой; когда онъ достаточно размякнетъ, его вкладываютъ въ особыя деревянныя формы, сдѣланныя въ видѣ кирпича, посыпаютъ сверху мелкимъ порошкомъ чая для приданія поверхности однообразно-ровнаго вида, закрываютъ плотно деревянной же крышкой и затѣмъ кладутъ подъ прессъ, съ громадной силой сплющивающей эту чайную массу въ форму плотнаго кирпича. Вся эта процедура идетъ очень быстро, благодаря непрерывной цѣпи рукъ, передающихъ матеріалъ и кирпичи со скоростью и точностью машины. Приготовленные чайные кирпичи складываются въ такія же большія кладки, какъ и глиняные, съ отдушинами для провѣтриванія, и когда остынутъ, завертываются въ бумагу и укладываются въ ящики для отправки ихъ въ Сибирь, которая, среди русскихъ земель, является одною изъ главныхъ потребительницъ этого сорта чая. Китайцы также фабрикуютъ кирпичный чай, идущій главнымъ образомъ въ Тибетъ и Монголію. Китайскій способъ прессованія отличается отъ русскаго тѣмъ, что приготовленную на парахъ чайную массу смачиваютъ рисовой водой передъ формовкой ея въ кирпичи. Въ разныхъ странахъ и мѣстностяхъ разное пьютъ этотъ чай. Тибетцы и монголы отламываютъ кусокъ кирпича и кипятятъ его съ молокомъ, масломъ, водою и небольшимъ количествомъ перца; приблизительно также пьютъ его наши инородцы юго-восточныхъ степей Россіи, Средней Азіи и Западной Сибири; въ Восточной Сибири, гдѣ онъ массами идетъ на золотыя прииски и въ мѣстныя войсковыя части, его просто кипятятъ съ водою, къ которой иногда прибавляется небольшое количество соли. Стоитъ такой чай очень дешево: на мѣстѣ онъ обходится около 5 коп. фунтъ; даже и послѣ длинной перевозки, когда онъ прошелъ черезъ множество всякихъ посредствующихъ рукъ, стоимость его все-таки ничтожна съ цѣнами черныхъ чаевъ (что-то около 20—25 коп. за фунтъ).

Въ началѣ 80-хъ годовъ русскіе въ Ханькоу стали выдѣлывать изъ матеріала, остающагося послѣ приготовления высшихъ сортовъ

чернаго чая, особый видъ чая, на манеръ кирпичнаго, но спрессованнаго въ плитки, напоминающія своею формою толстыя плитки шеколада. Такой же плиточный чай начали производить съ 1886-го года русскіе и въ Фу-чжоу; но уже въ слѣдующемъ году это производство было приостановлено, такъ какъ генераль-инспекторъ китайскихъ морскихъ таможенъ, сэръ Робертъ Хартъ, произвольно увеличилъ вывозную пошлину на этотъ сортъ чая. Хотя русскія консульства въ Фу-чжоу и Ханькоу тогда же протестовали противъ такого самовольнаго повышенія пошлины, и протестъ ихъ встрѣтилъ энергическую поддержку со стороны нашей миссіи въ Пекинѣ, тѣмъ не менѣе, однако же, распоряженіе Харта до послѣдняго времени оставалось въ своей силѣ.

Плиточный чай стоитъ дороже кирпичнаго, но гораздо дешевле даже низшихъ сортовъ черныхъ чаевъ; а между тѣмъ это — все-таки настоящій, неподдѣльный чай, который по своимъ качествамъ и дешевизнѣ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми наглыми фальсификаціями чая, что такъ распространены въ Европейской Россіи, составляя предметъ безобразнѣйшей эксплуатаціи бѣднаго люда и чрезвычайно доходную статью нашихъ чаоторговцевъ третьяго и четвертаго разбора. Неподдѣльный черный чай въ Россіи доступенъ только состоятельнымъ людямъ, которые могутъ платить за фунтъ отъ двухъ до 4-хъ рублей. Остальная масса, пробавляющаяся разными «экономическими» чаями ниже 2-хъ рублей, пьетъ настой не столько чая, сколько разныхъ болѣе или менѣе грубыхъ фальсификацій его. Черный чай на мѣстѣ, хотя бы, на примѣръ, въ Фу-чжоу, обходится нашимъ тамошнимъ фирмамъ отъ 30 до 80 коп. за фунтъ. Возьмите стоимость ящиковъ, укупорку, вывозную пошлину, уплачиваемую въ мѣстную китайскую таможду за каждый цибикъ чая, плату за доставку груза на чайный пароходъ, стоимость перевозки отсюда въ Одессу, наши чудовищныя золотыя пошлины на этотъ продуктъ, перевозку съ судна на вокзалъ, плату по желѣзнымъ дорогамъ, на примѣръ, до Москвы, процентъ, какой должны получить фу-чжоускіе комиссіонеры и ихъ московскіе заказчики, процентъ прибыли, который хотятъ, въ свою очередь, имѣть второстепенныя, третьестепенныя и т. д. фирмы, закупающія чай у главныхъ воротилъ этого дѣла въ Москвѣ, и вы увидите, что и за 2 рубля нельзя имѣть въ Россіи даже тою чая, какой на мѣстѣ стоитъ 30—40 коп. фунтъ.

Вотъ почему представляется болѣе цѣлесообразнымъ и желательнымъ, при такой постановкѣ дѣла и теперешнемъ нашемъ таможенномъ тарифѣ, широкое распространеніе плиточнаго чая, ибо это все-таки настоящій, неподдѣльный чай, стоитъ неизмѣримо дешевле поддѣльнаго чернаго и отличается только своимъ нѣсколько своеобразнымъ, но вовсе не противнымъ вкусомъ, къ которому легко привыкнуть, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ чай рѣдко пьютъ чистый, а большею частью съ молокомъ, лимономъ или вареньемъ.

Выдѣлкою кирпичнаго чая въ Фу-чжоу занимаются только зимою, въ періодъ сравнительнаго дѣловаго затишья, когда всѣ освободились отъ гнета той страдной поры, что зовется здѣсь чайнымъ сезономъ. Сезоновъ этихъ два въ году: весенній и лѣтній. Тогда готовятся, пробуются и отправляются исключительно только черные и зеленые чаи.

Родиной чайнаго дерева считаютъ именно Фокіенскую область, главнымъ городомъ которой является Фу-чжоу. Отсюда, изъ Фокіена, оно распространилось постепенно къ югу до Кантона, къ сѣверу до Пан-чао-фу, въ Шантунской провинціи (т. е. отъ 23 до 35 градуса сѣверной широты), къ западу—до Юннана. Затѣмъ, въ культивированномъ уже состояніи растеніе перешло въ Японію, Корею Тонкинъ, Кохинхину, Ассамъ, Бенгалію, на острова: Яву, Суматру и Цейлонъ. Когда начали воздѣлывать чай въ Китаѣ, въ точности неизвѣстно; полагаютъ, что между 350 и 500 годами по Рождествѣ Христовѣ. Китайскія преданія говорятъ, что первымъ, открывшимъ драгоцѣнныя свойства чайныхъ листьевъ, былъ нѣкто Бодхи-Дарма, индусъ, пришедшій въ Китай, какъ апостоль буддизма, и спасавшійся въ одной пещерѣ, въ нынѣшней провинціи Фокіентъ, гдѣ онъ и сдѣлалъ свое великое открытіе.

Чайный кустъ настолько родственъ различнымъ сортамъ камелій, что китайцы называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ оба эти растенія. Главное различіе для обыкновеннаго наблюдателя между листьями японской камеліи и чайнаго дерева заключается въ томъ, что чайный листъ тонокъ и нѣженъ, тогда какъ листъ камеліи—гладкій и плотный. И камелія, и чайное дерево, если имъ дать свободу, вырастаютъ въ большія деревья (чайное дерево, напримѣръ, достигаетъ 14—17 арш. высоты при 7 верш. толщины); но при культивировкѣ чайному деревцу не даютъ расти больше одного—двухъ аршинъ; съ этою цѣлью у молодыхъ растеній срѣзаютъ верхушки, вслѣдствіе чего они начинаютъ сильно куститься и расти преимущественно въ листъ. Чайное дерево, какъ и камелія, принадлежатъ къ числу вѣчно зеленыхъ растеній: листья ихъ не опадаютъ; они имѣютъ продолговатую или эллиптически-яйцевидную форму и рѣдко бываютъ длиннѣе пяти и шире $2\frac{1}{2}$ сантиметровъ; край ихъ слегка зазубренъ. Чайные цвѣты—маленькіе, бѣлаго цвѣта, сидятъ на довольно-длинныхъ черешкахъ, не имѣютъ запаха и скоро опадаютъ. Чайныя сѣмена, три маленькіе орѣшка, заключены въ трехъ-гранную скорлупу, съ перегородками внутри, которыя, когда сѣмя поспѣетъ, лопаются. Сѣмена камелій—такія же, но они болѣе маслянисты. Въ Китаѣ воздѣлываются два сорта камелій изъ-за ихъ мяслянистыхъ сѣмянъ, и получаемое отъ нихъ масло извѣстно у туземцевъ подъ именемъ чайнаго масла. Сѣмена чайнаго дерева созреваютъ въ октябрѣ. Ихъ кладутъ тогда въ землю, смѣшанную съ пескомъ, которую часто увлажняютъ, пока они не дадутъ ростъ

ковъ. Въ мартѣ ихъ засѣваютъ въ питомники; а въ слѣдующемъ году молодыя растенія разсаживаютъ, каждое отдѣльно, рядами на разстояніи около 4-хъ футовъ одно отъ другаго. Когда кустику минетъ три года, съ него начинаютъ собирать листья, и этотъ процессъ повторяется раза три-четыре въ годъ, пока кустъ не истощится. Это наступаетъ обыкновенно на восьмомъ году жизни растенія; тогда его вырываютъ вонъ на дрова, чтобы дать мѣсто новымъ, свѣжимъ росткамъ.

Такъ называемыя чайныя плантаціи — просто маленькіе клочки земли, съ посаженными на нихъ чайными кустами, обрабатываемые отдѣльными мелкими собственниками. Наиболѣе тонкіе сорта чая воздѣлываются бонзами маленькыхъ монастырей, пріютившихся между холмами чайныхъ округовъ. Плантаціи чая находятся здѣсь всегда на склонахъ холмовъ, высотой въ двѣ-три тысячи футовъ,—въ мѣстахъ, гдѣ вода стекаетъ быстро, оставляя влаги лишь столько, сколько нужно.

Сборъ листьевъ начинается въ первыхъ числахъ апрѣля, до наступленія періода весеннихъ дождей. При сборѣ этихъ самыхъ раннихъ весеннихъ листьевъ не обрываютъ растеніе все цѣликомъ, а стараются оставить достаточно листьвы на концахъ вѣтвей.

Для полученія второго (самаго богатаго) сбора необходимы правильные и обильные весенніе дожди. Правильность дождя—вообще самое существенное условіе въ культурѣ чая. Первый сборъ чайныхъ листьевъ—наиболѣе хлопотливъ, требуетъ наибольшаго количества труда и даетъ лучшіе сорта чернаго и зеленаго чаевъ.

Время второго сбора — вторая половина мая, когда листва чайнаго куста достигаетъ своей наибольшей густоты и пышности.

Третій сборъ бываетъ въ концѣ іюня, а въ августѣ производится иногда и четвертый.

Оба послѣдніе сбора даютъ низшіе сорта чая. Общее количество свѣжихъ листьевъ, собираемыхъ съ одного совершенно здороваго растенія, колеблется между 5 и 6 фунтами, дающими въ окончательномъ результатѣ 1—1½ фунта готоваго чая.

Время второго сбора въ чайныхъ округахъ Китая — это пора преимущественно дѣтскаго и женскаго труда. Дѣти и женщины окрестныхъ селеній цѣлыми толпами отправляются къ комиссіонерамъ, закупившимъ листья на кустахъ, или къ собственникамъ тѣхъ участковъ, гдѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ, и предлагаютъ имъ свои услуги. Приступивъ къ дѣлу, такая толпа быстро очищаетъ вѣтви чайныхъ кустовъ и наполняетъ свои корзины только хорошими, свѣжими листьями, отбрасывая прочь мелкія вѣточки и желтые листки, такъ какъ имъ платятъ лишь за совершенно чистый сборъ. 15 фунтовъ чайныхъ листьевъ считается мѣрой хорошей, дневной работы для одного человѣка; а поденная плата за подобный

трудъ равняется 10 — 15 копеекъ на наши деньги. Второй сборъ продолжается около 12 дней.

У комиссіонеровъ имѣются особые саран, или сушильни, куда сносятся какъ тѣ чайные листья, которые они скупили на корню и собрали помощью наемныхъ рабочихъ, такъ и сборы, самостоятельно сдѣланные мелкими владѣльцами, продающими сюда же свой продуктъ по рыночной цѣнѣ. Сортировка собранныхъ листьевъ (по величинѣ, толщинѣ и проч.) занимаетъ массу рукъ, ибо это — очень важный пунктъ по отношенію къ чистотѣ различныхъ родовъ чая: рассортировать и очистить чайные листья отъ постороннихъ примѣсей — такая же существенная вещь въ чайномъ дѣлѣ, какъ хорошо сохранить и высушить ихъ.

Свѣже собранные листья чайнаго дерева не имѣютъ ни одного изъ качествъ готоваго чая: ни его аромата, ни вкуса; то и другое образуется только при особой обработкѣ ихъ, послѣ чего получаютъ, смотря по употребленному способу, разные сорта чая, которые можно раздѣлить на двѣ основныя группы: черные и зеленые чаи.

Приготовленіе черныхъ чаевъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: когда свѣжіе листья принесутъ въ сушильню, ихъ тотчасъ же разсыпаютъ тонкимъ слоемъ на циновкахъ и выставляютъ на солнцѣ, приблизительно на часъ времени, — подвяливаютъ. Затѣмъ, ихъ собираютъ и несутъ въ сарай, гдѣ разсыпаютъ по тростниковому столу. Каждый рабочій беретъ пригоршню листьевъ, мнетъ ее въ форму шара и начинаетъ катать взадъ и впередъ по столу, чтобы выжать изъ нихъ влагу, причѣмъ листья свертываются и скручиваются. Послѣ этой операціи, продѣлываемой много разъ, ихъ кладутъ въ въ кучки, покрываютъ крышками и оставляютъ лежать такъ около часа. Листья начинаютъ тогда слегка разогрѣваться, причѣмъ въ нихъ наступаетъ своеобразное броженіе, сопровождающееся измѣненіемъ ихъ цвѣта и образованіемъ пахучихъ веществъ; потомъ листья снова разсыпаютъ тонкимъ слоемъ на циновки, выносятъ наружу и даютъ имъ лежать подъ горячими лучами солнца часа три; въ это время они сохнутъ, свертываются, чернѣютъ, давая тотъ тонкій, нѣжный ароматъ, котораго до этого не было. Теперь ихъ переносятъ въ сарай, гдѣ отбираютъ негодные (не свернувшіеся, поломанные или сырые) листья, а годные подвергаютъ такъ называемому поджариванію: въ небольшихъ печахъ, открытых сверху, зажигаютъ древесный уголь; когда онъ перегоритъ, перестанетъ давать дымъ и затянется легкимъ слоемъ пепла, — надъ печкой ставится особая корзина, съ перехватомъ посрединѣ и открытая съ обоихъ концовъ; нижнимъ концомъ она помѣщается надъ горячей золой, а въ верхній вкладывается частая бамбуковая рѣшетка, на которой тонкимъ слоемъ разсыпаются чайные листья; они здѣсь подогрѣваются 5—6 минутъ, послѣ чего ихъ складываютъ въ корзины; содержимое корзины переворачивается, пока все не остынетъ,

не высохнуть, и листья не сдѣлаются все одинаково черными. Затѣмъ, ихъ отправляютъ на ближайшія фабрики, гдѣ, послѣ вторичнаго поджариванья ихъ, начинается длинный процессъ просѣиванія черезъ различной величины сита и провѣиваніе на вѣялкахъ, причемъ помощью искусственно производимаго вѣтра отлетаетъ чайная пыль и легкій, ломанный листъ въ одну сторону, а тяжелый въ другую. Изъ полученныхъ такимъ путемъ листьевъ дѣлаютъ смѣсь слѣдующимъ образомъ: въ крытомъ и сухомъ помѣщеніи загораживаютъ досками съ боковъ извѣстное пространство, причемъ получается кубъ, открытый сверху; на дно такого ящика, объемъ котораго равняется приблизительно тремъ кубическимъ саженьямъ, сыплютъ тонкій слой тяжелыхъ листьевъ, сверху—слой чая полегче и третій слой еще болѣе мелкаго листа; потомъ опять идетъ слой тяжелаго чая и т. д. Изъ этихъ закромовъ рассыпаютъ чай уже по ящикамъ и готовятъ партии ихъ къ отправкѣ. Таковъ, въ общихъ чертахъ, сложный процессъ приготовления низшихъ сортовъ чернаго чая, предназначеннаго къ вывозу изъ страны. Между ними наибольшей извѣстностью у насъ пользуются «байховый» и «фамильный» чаи. Лучшій сортъ байховаго чая въ Фу-чжоу называется «пакланъ» или «пеклинъ»: по всей вѣроятности, испорченное китайское слово «Бей-Линъ», означающее названіе мѣстности, гдѣ начинаются однѣ изъ важнѣйшихъ чайныхъ плантацій Фокіенской области. Высшіе сорта чернаго чая приготовляются болѣе тщательно, требуя гораздо больше времени для своей сортировки. Такихъ смѣсей, о какихъ говорилось выше, въ нихъ не дѣлаютъ.

Для Америки, Австраліи и частью Англии приготовляютъ еще особые сорта такъ называемыхъ надушенныхъ чаевъ (scented tea): партию чая смѣшиваютъ, напр., съ лепестками цвѣтка жасмина, перекладывая чай послойно съ этимъ цвѣткомъ; смѣсь оставляютъ обыкновенно на однѣ сутки, послѣ чего цвѣты удаляются провѣиваніемъ, и чай, принявшій ароматъ жасмина, упаковываютъ для отправки за границу. Если чай недостаточно пропитался ароматомъ цвѣтка, процессъ надушиванія повторяютъ еще разъ.

Для надушиванія чаевъ, кромѣ жасмина, берутъ лепестки апельсиноваго цвѣта, розы, азалии, гарденіи: апельсиноваго цвѣта нужно 40 фунтовъ на каждые 100 фунтовъ чая, жасмина немного больше, азалии почти половина на половину и т. д. Надушенные чаи обыкновенно подмѣшиваются, въ извѣстной пропорціи, къ высшимъ сортамъ чистыхъ черныхъ чаевъ.

Зеленый чай готовится изъ тѣхъ же самыхъ листьевъ, срываемыхъ въ одну и ту же пору, съ тѣхъ же чайныхъ кустовъ, что и черный, и главная разница въ приготовленіи зеленаго и чернаго чаевъ заключается въ томъ, что послѣдній всегда сушится на солнцѣ (чѣмъ горячѣ лучи солнца,—тѣмъ лучше) и, сложенный затѣмъ въ кучи, подвергается нѣкоторому броженію, отчего онъ и чернѣетъ,

тогда какъ зеленый засушивается въ тѣни, на вѣтру, отчего листья его не чернѣютъ, а остаются зелеными. Далѣе, листья зеленого чая, тотчасъ послѣ трехчасоваго подвяливанія, поджариваются на разогрѣтыхъ предварительно сковородахъ и потомъ уже слегка выжимаются, свертываются и скручиваются. Затѣмъ ихъ еще разъ поджариваютъ, снова закручиваютъ, подвергаютъ повторному просѣиванію и провѣиванію и раздѣляютъ на различные сорта. Зеленые чай, такимъ образомъ, благодаря подвяливанію въ тѣни, немедленному послѣ этого поджариванію и послѣдующему быстрому охлажденію, удерживаютъ гораздо больше эфирнаго масла и сока въ листьяхъ, чѣмъ черные. Меньшему содержанию эфирнаго масла и другихъ летучихъ веществъ въ черныхъ чаяхъ способствуетъ еще и другая причина: большее окисленіе ихъ сравнительно съ зелеными сортами, происходящее вслѣдствіе болѣе продолжительнаго соприкосновенія листьевъ растенія съ атмосфернымъ воздухомъ, когда они, находясь во влажно-тепломъ состояніи, просушиваются въ кучахъ послѣ перваго поджариванія.

Всѣ сорта зеленого чая имѣютъ темно-зеленый оттѣнокъ, переходящій въ голубоватый или въ сѣроватый. Черный чай китайцы называютъ краснымъ отъ цвѣта его настоя. Настой зеленого чая— соломенно-желтый. Хотя каждый чайный кустъ можетъ давать и зеленый и черный чай всякихъ сортовъ, но изъ разныхъ провинцій получаютъ только опредѣленные сорта чая, такъ какъ обитатели одной мѣстности, вслѣдствіе многовѣковой практики, научились готовить одни сорта высшаго рода и качества; а въ другой мѣстности умѣютъ дѣлать лучше другіе сорта. Почва также оказываетъ большое вліяніе на модификацію продукта, какъ это имѣетъ мѣсто и въ культурѣ винограда.

Лучшіе сорта чая называются китайцами или по мѣстности ихъ производства, или (что гораздо чаще) они носятъ фантастическія прозвища, намекающія на ихъ аромать, цвѣтъ, форму и проч. Для черныхъ чаевъ существуютъ, на примѣръ, такія названія: «Рови Лаотее», «Цвѣтъ краснаго пера», «Зерно лотоса», «Шаръ дракона», «Осенняя роса»; для зеленыхъ чаевъ— «Глаза жестокаго крабба», «Прежде дождей», «Цвѣтущая весна» и т. д. Въ торговлѣ чаи классифицируются не столько по названію, сколько по мѣстности гдѣ они растутъ, такъ какъ эта послѣдняя классификація основана на хорошо-замѣченномъ фактѣ постоянства главныхъ свойствъ продукта, производящагося изъ года въ годъ въ той или другой области.

Одинъ иностранецъ составилъ карту чайныхъ округовъ Китая, съ обозначеніемъ при каждомъ округѣ свойственныхъ ему главныхъ сортовъ чернаго и зеленого чая. Площадь всѣхъ такихъ областей занимаетъ около 470.000 квадратныхъ миль, и главнѣйшихъ только сортовъ чая на этой картѣ нанесено: 45 чернаго и 9 зеленого.

Средневѣковые путешественники, на примѣръ, Марко Поло, ничего

не говорят о чаѣ: очень вѣроятно, что и въ самомъ Китаѣ онъ не имѣлъ еще въ тѣ времена повсемѣстнаго распространенія.

Среди западныхъ народовъ чай вводился вначалѣ медленно и туго. Голландцы ввезли его въ Европу впервые въ 1591 году; но ничтожное количество его указываетъ, что онъ доставленъ былъ не для торговли, а какъ курьезъ. Въ Россію онъ былъ привезенъ въ первый разъ въ 1638 году Старковымъ, ѣздившимъ въ качествѣ посла къ Алтынъ-хану и привезшимъ съ собою 150 фунтовъ чая въ видѣ подарка царю Михаилу Феодоровичу отъ хана. Вкусъ къ чаю быстро, чѣмъ гдѣ либо, развился въ Англии, которая и въ настоящее время является страной, потребляющею наибольшія количества чая: въ 1670 году ввозъ чая въ Англію равнялся 80 фунтамъ; 50 лѣтъ спустя, его ввезли сюда уже 375.000 ф.; а теперь ежегодное потребленіе чая одной только Великобританіей исчисляется сотнями миллионѣвъ фунтовъ. Полагаютъ, что общее количество чая, добываемаго въ различныхъ мѣстахъ его произрастанія, простирается въ настоящее время до 40 миллионѣвъ пудовъ, и что болѣе 650 миллионѣвъ человекъ пьютъ этотъ напитокъ.

Химическій анализъ показалъ, что въ чаѣ содержатся три главныхъ дѣйствующихъ вещества, которымъ онъ и обязанъ своими качествами. Первое вещество—летучее эфирное масло, которое получается при перегонкѣ чайныхъ листьевъ съ водою: изъ 100 фунтовъ сухого чая добывается около 1 фунта такого масла. Много его выжимается и улетучивается изъ свѣжихъ листьевъ во время свертыванія ихъ, поджариванія и засушиванія; но извѣстное количество его все-таки остается. Дѣйствіе его въ чистомъ видѣ на человѣческій организмъ очень энергично: это весьма сильное возбуждающее, разрушительнымъ образомъ дѣйствующее на нервную систему. Пробники чая самымъ нагляднымъ образомъ подтверждаютъ это положеніе о губительномъ дѣйствіи на организмъ значительныхъ количествъ свѣжаго эфирнаго масла, содержащагося въ крѣпкихъ настояхъ чая, массу которыхъ они обязаны перепробовать въ теченіе каждаго чайнаго сезона. Потеря аппетита, исхуданіе, бессонница, дрожаніе рукъ и ногъ и рядъ всевозможныхъ нервныхъ расстройствъ характеризуютъ собою хроническое чайное отравленіе пробициковъ. Особенно много эфирнаго масла содержится въ зеленыхъ чаяхъ. Въ черныхъ—количество его настолько ничтожно, что они въ среднихъ настояхъ не только не имѣютъ никакого вреднаго вліянія на взрослый организмъ, но, производя легкое возбужденіе нервной системы, дѣйствуютъ на нее весьма благотворно. Благотворное вліяніе чая было давно уже замѣчено китайцами. Объ этомъ вліяніи существуетъ тамъ цѣлая литература. Между прочимъ, одинъ изъ туземныхъ ученыхъ, Павелъ Сю, обращенный въ христіанство въ 1620 году, изложивъ въ своемъ трактатѣ правила воздѣлыванія и обработки чая, въ заключеніе говоритъ: «Чай имѣетъ свойства освѣ-

жающія; это чрезвычайно полезное растеніе, культивировка и благодѣянія котораго должны быть широко распространены; пойте его, и духъ вашъ будетъ бодръ и ясенъ». Дѣйствительно, дѣятельность органовъ чувствъ, при употребленіи чая, повышается такъ же, какъ способность переработывать полученныя впечатлѣнія. Такое дѣйствіе чая должно быть отнесено, главнымъ образомъ, къ присутствію въ немъ эфирнаго чайнаго масла, что подтверждаютъ и прямые опыты съ этимъ масломъ.

Другое вещество, которое анализъ открываетъ въ чаѣ, и которому онъ также обязанъ извѣстною долею своего благотворнаго дѣйствія,—теинъ. Теинъ представляетъ кристаллическое вещество, безъ цвѣта и запаха, но со слабымъ горькимъ вкусомъ. Онъ содержитъ около 30% азота. Какъ доказали опыты, теинъ замедляетъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ, т. е. уменьшаетъ трату составныхъ частей его тканей, необходимую для совершенія жизненныхъ процессовъ движенія и выработки тепла: при употребленіи чая, слѣдовательно, эти процессы идутъ съ меньшимъ ущербомъ для организма.

Третье вещество, содержащееся въ чаѣ,—таннинъ, или танниновая кислота. Она придаетъ вяжущій вкусъ настою чайныхъ листьевъ и содержится въ количествѣ 17% въ хорошо высушенномъ черномъ чаѣ и въ гораздо большемъ количествѣ въ зеленомъ. Нѣкоторые ученые смотрятъ на таннинъ, какъ на средство, содѣйствующее усилению благопріятнаго дѣйствія чая.

Кромѣ этихъ трехъ веществъ, въ чаѣ имѣются еще: гумми, декстринъ, клѣтчатка и бѣлковыя вещества, общія съ другими кормовыми растеніями; они образуютъ третью часть вѣса листьевъ, но, при обыкновенномъ способѣ употребленія чайнаго настоя, почти цѣликомъ отбрасываются вмѣстѣ съ листьями. Чтобы извлечь пользу отъ ихъ присутствія въ чаѣ, мы должны были бы усвоить себѣ привычку ѣсть его листья. Питательными свойствами чайныхъ бѣлковыхъ веществъ объясняется, до нѣкоторой степени, общераспространенное употребленіе кирпичнаго чая среди полудикакихъ племенъ Азіатскаго материка, такъ какъ при употребленіи кирпичнаго чая въ формѣ супа, съ солью, перцемъ, молокомъ, поѣдаются вмѣстѣ и листья. Но для всѣхъ прочихъ народовъ, т. е. для огромнаго числа потребителей чая, тѣхъ, что пьютъ только его настой, его бѣлковыя вещества питательнаго значенія не имѣютъ. Значеніе чая для этихъ народовъ, какъ мы видѣли, другое и можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: «чай есть такое средство, которое понижаетъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ и позволяетъ послѣднему производить усиленную работу съ сохраненіемъ собственнаго запаса питательныхъ веществъ, т. е. его тканей». Именно этому свойству чай и обязанъ своимъ распространеніемъ, хотя, несомнѣнно, здѣсь играетъ роль и то легкое возбуждающее дѣйствіе, о которомъ мы говорили раньше.

Существующее у многих мнѣніе о вредѣ чая должно быть отнесено, главнымъ образомъ, за счетъ употребленія крѣпкихъ настоевъ зеленого чая, что, безъ сомнѣнія, вредно. Сами китайцы пьютъ всегда очень слабый настой его, и опыты пятнадцати столѣтій доказали, что здоровье, тѣлесное и душевное, всѣхъ классовъ общества въ Китаѣ ничуть не пострадало отъ этого напитка, тогда какъ 15 столѣтій такого же употребленія алкоголя, навѣрное, привели бы эту великую и прекрасную страну къ состоянію вырожденія и полнѣйшаго упадка во всѣхъ отношеніяхъ, къ чему бы полная свобода «распивочно и навынось» привела и настъ еще черезъ немного поколѣній, если бы правительство не взяло, наконецъ, въ свои руки упорядоченіе торговли этимъ ужасающимъ продуктомъ, который, какъ и всякое другое сильно дѣйствующее вещество, будетъ современемъ продаваться, конечно, только по предписаніямъ врачей.

Въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, губящимъ нашъ народъ, чай представляетъ единственное безвредное замѣняющее средство. Поэтому необходимо, чтобы съ упорядоченіемъ водочной торговли шло рука объ руку и облегченіе для народа возможности имѣть хорошій, неподдѣльный чай по цѣнамъ, доступнымъ его карману; и на первомъ планѣ здѣсь, конечно, должно стоять уничтоженіе таможенной пошлины на чай, этой ужасной пошлины въ рубль золотомъ съ фунта. Министерство финансовъ могло бы получать чай изъ первыхъ рукъ, отъ нашихъ крупныхъ чайныхъ фирмъ, имѣющихъ дѣла непосредственно съ Ханькоу и Фу-чжоу, и организовать продажу его въ тѣхъ же казенныхъ лавкахъ, въ которыхъ продается теперь и водка, причемъ доходы казны отъ этой статьи, съ теченіемъ времени, съ расширеніемъ потребленія чая, не только покроютъ недоборъ съ государственныхъ доходовъ вслѣдствіе уничтоженія чайной пошлины, но и убытки отъ сокращенія у насъ въ будущемъ пьянства.

Переходъ съ водочнаго режима на чайный, въ числѣ прочихъ благъ для массы населенія, принесетъ съ собой и привычку пить, вмѣсто сырой воды, кипяченую, какъ это дѣлаютъ китайцы, которые вообще не ѣдятъ и не пьютъ ничего, что не было бы хорошо проварено и прожарено, — причина, почему въ Китаѣ даже такія, напримѣръ болѣзни, какъ холера, производятъ сравнительно ничтожныя опустошенія, что, при тамошней грязи и скученности, представляется явленіемъ, особенно рѣзко бросающимся въ глаза.

Кипятить воду для питья простой народъ у насъ, конечно, самъ не станетъ, сколько бы вы ни убѣждали его въ полезности такой мѣры; но если чай будетъ очень дешевъ, онъ съ удовольствіемъ будетъ пить его гораздо чаще и для утоленія жажды начнетъ, поэтому, гораздо рѣже прибѣгать къ сырой водѣ.

Какую роль играетъ чай и кипяченая вода въ прекращенія даже

начавшихся кишечныхъ заболѣваній, показываетъ случай со старымъ нашимъ фрегатомъ «Свѣтланой»: въ 1872 году, на одномъ изъ переходовъ, если не ошибаюсь, въ Тихомъ океанѣ, на «Свѣтланѣ» вспыхнула эпидемія желудочно-кишечныхъ разстройствъ. Старшій корабельный врачъ предложилъ судовому начальству закрыть лагуны, то-есть тѣ большія посудыны, откуда команда беретъ воду для питья, и выдавать ей, вмѣсто воды, усиленные порціи чая. Результатомъ такой мѣры, принятой немедленно, явилось быстрое прекращеніе заболѣваній, грозившихъ было принять очень серьезныя размѣры. Этотъ блестящій «урокъ нагляднаго обученія» послужилъ впоследствии исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда санитарныхъ мѣропріятій на судахъ нашего флота и, между прочимъ, къ разрѣшенію выдавать командамъ въ плаваніи лишнія чайныя порціи, по рапортамъ судовыхъ врачей и усмотрѣнію командировъ, и къ замѣнѣ сырой воды для питья водою опрѣсненной, что при плаваніяхъ въ водахъ Дальняго Востока, напримѣръ, представляется одною изъ мѣръ, безусловно-необходимыхъ для предупрежденія развитія разныхъ неприятныхъ заболѣваній.

Конечно, тамъ, гдѣ населеніе имѣетъ возможность пить чистую, ключевую воду, такая вода будетъ всегда предпочитаться кипяченой; но подобныхъ мѣстъ у насъ немного; огромное же большинство сѣль и городовъ, расположенныхъ по нашимъ рѣкамъ, загрязненнымъ всевозможными фабричными и другими отбросами, кишацимъ мириадами микроорганизмовъ, пьютъ не воду, а самую вредную фальсификацію ея; городовъ же, имѣющихъ хорошую проведенную воду, — разъ-два, и обчелся. Наши водопроводы, не исключая и знаменитаго петербургскаго, стоящіе такія огромныя деньги, далеко не удовлетворяютъ современнымъ научнымъ требованіямъ къ подобнаго рода сооруженіямъ и, обогащая отдѣльныхъ лицъ, служатъ только къ отягощенію городскихъ бюджетовъ и еще бѣльшей задолженности нашихъ нищихъ городовъ, безъ особой пользы для здоровья обывателей. Ждать, пока всѣ грады и веси нашей обширной имперіи обогатятся настолько, чтобы завести у себя дѣйствительно хорошую проведенную воду, — это хуже, чѣмъ ничего не дѣлать. Подобнаго рода надежды и ожиданія — утопіи, относящіяся къ области того «болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго», которое въ настоящій моментъ можетъ представляться лишь однимъ изъ видовъ самой приторной маниловщины. Но сдѣлать шагъ къ замѣнѣ питья сырой воды питьемъ воды кипяченой и дать въ руки населенію хоропій и дешевый чай, который можетъ, помимо всего прочаго, послужить еще надежнымъ замѣвляющимъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, — это лежитъ въ предѣлахъ возможнаго даже въ теперешней нашей дѣйствительности.

Зима 1886 года въ Фу-чжоу стояла дождливая, какъ всегда, и очень холодная, что рѣдко тамъ бываетъ: одинъ разъ выпалъ даже снѣгъ на вершинахъ горъ; онъ, впрочемъ, въ тотъ же день и стаялъ. Только въ концѣ февраля перестало хмуриться небо, стало чаще проглядывать солнце, и потянуло замѣтнымъ тепломъ. Прошла и масленица, которую мы отпраздновали въ дружескомъ кругу здѣшнихъ знакомыхъ; починки въ машинѣ «Моржа» приближались къ концу, и недалеко уже было время нашего ухода изъ гостепріимнаго Фу-чжоу; но передъ тѣмъ, какъ покинуть его, быть можетъ, навсегда, мнѣ хотѣлось побывать на чайныхъ плантаціяхъ, отстоящихъ отъ города въ какихъ нибудь двѣнадцати часахъ ходьбы. Охотниковъ сопровождать меня въ это интересное путешествіе не оказалось, такъ что пришлось отправиться одному. Мнѣ наняли паланкинъ съ двумя смѣнами носильщиковъ, нашли проводника, китаецъ, объяснявшагося съ грѣхомъ пополамъ тѣмъ уродливимъ англійскимъ языкомъ, какимъ говорятъ на Востокѣ и который извѣстенъ подъ именемъ птичьяго англійскаго языка (*pedjion english*), и 3-го марта въ теплый весенній день мы двинулись въ путь. Носильщики быстро пронесли меня по грязнымъ улицамъ Нантая, далеко не благоухавшимъ подъ лучами яркаго солнца, чуть не бѣгомъ прошли оба моста и то обширное предмѣстье, которое тянется отъ берега Мина до стѣнъ собственно города, и, миновавъ мрачными, узкими закоулками застѣнный Фу-чжоу, выбрались, наконецъ, на обширную, низменную площадь, окруженную рѣдко-разбросанными убогими домишками и одной стороною примыкавшую къ высокимъ городскимъ стѣнамъ. Въ этомъ маленькомъ предмѣстьѣ, близъ восточныхъ воротъ города находится много теплыхъ минеральныхъ ключей. Большинство ихъ содержатъ лишь слѣды минеральныхъ солей, главнымъ образомъ щелочныхъ земель; есть и сѣрные источники. Надъ этими минеральными источниками устроены примитивныя купальни, днемъ постоянно наполненныя больными; главную массу ихъ составляютъ страдающіе кожными болѣзнями, которыхъ такъ много въ Китаѣ. Температура здѣшнихъ ключей отъ 52 до 74 градусовъ Цельзія.

Солнце стояло довольно низко, когда мы вышли отсюда на дорогу, мѣстами переходившую въ тропу, которая вилась по глинистой дамбѣ между болотистыми равнинами полей. Встрѣчные смотрѣли на меня во всѣ глаза, нѣкоторые спрашивали о чемъ-то моихъ носильщиковъ, тѣ на ходу бросали имъ короткій отвѣтъ и быстро шли дальше. Я, наконецъ, не выдержалъ этого торжественнаго несенія въ паланкинѣ и пошелъ пѣшкомъ. Путешествіе на людяхъ, столь распространенное на Востокѣ, — всегда болѣе или менѣе непріятная необходимость: слишкомъ ужъ наивно-откровенно сказывается здѣсь этотъ взглядъ на человѣка, какъ на вьючное животное. Мы перевалили нѣсколько невысокихъ холмовъ и очу-

тились среди крайне пересѣченной мѣстности, гдѣ холмики, кусты, овраги и поля перепутались въ какой-то сплошной лабиринтъ. Свечерѣло. Надъ землей низко стлался густой туманъ. Небо было пасмурно. Темнѣвшія вдаль вершины горъ закутались черными тучами, которыя по временамъ прорѣзывали молніи. Издали слышались отдаленные раскаты грома. Проводникъ мой заволновался: «нельзя идти», «нельзя идти»,—твердилъ онъ,— «сегодня въ горахъ дождь».

— Что же мы будемъ дѣлать?—спросилъ я его.— Не ночевать же, въ самомъ дѣлѣ, среди этой вредоносной равнины.

— Скоро будетъ деревня, тамъ остановимся до утра,—отвѣчалъ китаецъ. Однако, китайское «скоро» тянулось добрыхъ четыре часа. Туманъ поднялся выше и сгустился такъ, что мы шли, мнѣ казалось, наугадъ. Тусклый фонарь тускло мерцалъ въ этомъ туманѣ, чуть освѣщая дорогу подъ ногами. Ходьба точно ощупью, неровная почва, покрытая выбоинами и колдобинами, частые ровики и овраги, все это дѣйствовало странно-раздражающимъ образомъ на нервы и ужасно утомляло. Послѣ многочасоваго плутанья проводникъ объявилъ, что жилье—недалеко. Дѣйствительно, издали слышался лай собакъ, потомъ смутно вырисовались какія-то темныя пятна—неопредѣленные силуэты строеній и деревьевъ, подъ ногами застучала каменная мостовая, и мы вступили въ селеніе. Туманъ разсѣялся; въ вышинѣ засверкали яркія звѣзды; въ воздухѣ вѣяло свѣжестью недавно бывшаго дождя, о чемъ говорили и мокрыя плиты мостовой и весело шумѣвшіе ручьи. Перспектива ночевки въ глухой китайской деревушкѣ не особенно улыбалась мнѣ; но дѣлать было нечего, и я приказалъ проводнику попросить когонибудь изъ крестьянъ впустить насъ. Хотя было уже поздно по деревенскому времени (часовъ около 11-ти); но жители еще не спали; по крайней мѣрѣ, изъ закрытыхъ домовъ слышался оживленный шумъ разговоровъ и рѣзкій запахъ китайской кухни. Оглушительный лай собакъ и громкій стукъ моихъ шаговъ, звонко отдававшійся въ ночномъ воздухѣ, заставили нѣкоторыхъ обывателей выглянуть на улицу, чтобы узнать причину шума. Появленіе мое, очевидно, произвело сенсацію, и когда одинъ изъ домовъ открылъ намъ, наконецъ, свои двери, послѣ отчаянныхъ криковъ моего проводника, оказавшихся, впрочемъ, самымъ обыкновеннымъ разговоромъ, а вовсе не руганью, какъ можно было бы думать, — то вслѣдъ за нами туда же привалила цѣлая толпа крестьянъ. Первая комната представляла изъ себя очень большое помѣщеніе, съ простымъ, землянымъ поломъ, деревянными, потемнѣвшими отъ копоти стѣнами, но безъ потолка: потолкомъ служила сама крыша. Большая, низкая печь, съ замазанными въ нее котлами, занимала середину одной изъ стѣнъ; возлѣ двухъ другихъ стѣнъ стояли деревянные столы и длинныя, деревянные же скамьи. Остальное пространство тонуло въ глубокомъ

мракѣ, такъ какъ освѣщеніе составляли всего двѣ восковыя свѣчи, вставленныя въ жестяные подсвѣчники, очень грубой работы. Хозяева толпились у входа, смотря на меня съ неописаннымъ изумленіемъ. Я сказалъ проводнику, что хочу имѣть какое нибудь отдѣльное помѣщеніе. Меня повели тотчасъ же въ смежную комнату, еще бѣднѣе обставленную: широкія сплошныя лавки у стѣнъ, покрытыя циновками, и столъ посрединѣ составляли всю ея меблировку. Полъ былъ и здѣсь земляной, а сквозь стѣны во многихъ мѣстахъ виднѣлось звѣздное небо. Проводникъ сталъ хлопотать насчетъ кипятку, такъ какъ чай, сахаръ и все прочее было со мною. Въ мою комнату набилась вдругъ масса народа: чуть не вся деревушка сбѣжалась сюда посмотрѣть на такое рѣдкое явленіе, какое представляла для нихъ моя особа; но толпа вела себя сначала замѣчательно сдержанно. Скоро чай былъ готовъ. Китайцы слѣдили за всѣми моими движеніями, комментируя ихъ, очевидно, на свой ладъ. Я налилъ стаканъ вина и предложилъ его одному почтенному на видъ старику, стоявшему близко отъ стола. Онъ сначала крайне изумился, даже отшатнулся, но потомъ, подстрекаемый криками толпы, рѣшился попробовать, осторожно отпилъ глотокъ и передалъ стаканъ сосѣду; сосѣдъ также отпилъ немного и передалъ вино дальше. Такимъ образомъ его перепробовали человѣкъ десять и, видимо, остались очень довольны, потому что, когда я налилъ другой стаканъ, то за нимъ уже протянулись разомъ десятка полтора рукъ. Кусокъ бѣлаго хлѣба также обошелъ толпу; всѣ очень глубокомысленно его жевали и тоже одобрили. Но настоящій восторгъ вызвалъ сахаръ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось угостить имъ кого нибудь изъ ребятъ, которые, держась за платки взрослыхъ, смотрѣли на меня во всѣ глаза; но едва я протянулъ кусокъ сахара тому изъ нихъ, кто былъ ко мнѣ поближе, какъ онъ съ дикимъ крикомъ, выражавшимъ глубочайшій ужасъ, бросился прочь. Толпа добродушно разсмѣялась и стала его уговаривать взять то, что я давалъ; но китайченокъ такъ и не подошелъ. Тогда я протянулъ сахаръ маленькой дѣвочкѣ, лѣтъ двухъ-трехъ, сидѣвшей на рукахъ матери. Сахаръ, очевидно, пришелся ей по вкусу, потому что когда мать захотѣла сама попробовать, что это за штука, то дѣвочка начала усиленно пихать его въ ротъ, обнаруживая явное нежеланіе подѣлиться своимъ добромъ. Послѣ такого нагляднаго опыта дѣти стали подбѣгать ко мнѣ уже гораздо смѣлѣе, но, получивъ кусокъ, сейчасъ же удирали: я роздалъ горсти три,—почти весь мой запасъ, причемъ нѣсколько кусковъ достались взрослымъ, и эффектъ, повторяю, былъ чрезвычайный. Толпа пришла въ веселое настроеніе, послышался смѣхъ, оживленный говоръ, и ко мнѣ стали лѣзть уже довольно безцеремонно. Наконецъ, я сказалъ проводнику, что хочу спать; онъ передалъ мое желаніе толпѣ, и черезъ какихъ нибудь три-четыре минуты никого изъ чужихъ не осталось въ отведенной мнѣ комнатѣ. На нардахъ

хозяева постлали для меня чистыя циновки и удалились. Была глубокая ночь, когда я проснулся отъ нестерпимо-тяжелого запаха. Зажегши свѣчу, я осторожно пробрался въ сосѣднее помѣщеніе. Тамъ спала семья моего хозяина, на такихъ же нарахъ, укутанная толстыми одѣялами; возлѣ печи я увидѣлъ огромную, открытую, четырехъ-угольную каменную кадку, въ которой гнила отвратительная жижа человѣческихъ экскрементовъ. Вѣроятно, кто нибудь изъ семьи потревожилъ эту жижу, отчего и распространился тотъ ужасный запахъ, который лучше всякихъ словъ показалъ мнѣ, до чего здѣсь простирается забота о важнѣйшемъ предметѣ удобренія китайскихъ полей. Какъ я ни кутался, какъ ни закрывалъ носъ, но заснуть больше не могъ. Надъ деревней разразилась гроза, и цѣлые потоки дождя полились на землю; съ часъ продолжался этотъ ливень; потомъ все опять стихло. Съ нетерпѣніемъ дождался я разсвѣта, разбудилъ проводника и отправился дальше, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій, утренній воздухъ.

Деревушка, гдѣ мы ночевали, находится недалеко, — въ какомъ нибудь часѣ ходьбы, отъ подножія тѣхъ горъ, на которыя намъ предстояло теперь взбираться, и откуда начинается чайное царство Фокіена. Густой, бѣлый туманъ клубился надъ горами, откуда-то вырвался вдругъ холодный вѣтеръ, и пронизывающая сырость его неприятно охватила тѣло. Но вотъ мы и у подошвы Бейлинскихъ горъ. Разсвѣло совсѣмъ, но сѣро и смутно кругомъ. Широкія, каменные ступени, въ родѣ тѣхъ, что ведутъ на Ку-шанъ, вьются куда-то въ высъ. Подъемъ здѣсь, однако, гораздо круче. Ноги скользятъ на мокрыхъ, истертыхъ плитахъ. Слева — сплошной горный массивъ; справа — широкая и глубокая разсѣлина, по скатамъ которой виднѣются смутныя силуэты большихъ деревьевъ. Съ трудомъ добрался я до первой площадки. Носильщики сами предложили мнѣ паланкинъ; но совѣстно было воспользоваться ихъ услугами; они же шли въ гору необыкновенно легко, будто шутя. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ все круче и круче становилась лѣстница. Только въ одномъ мѣстѣ пришлось пройти немного по ровной площадкѣ, гдѣ лѣпились нѣсколько избъ, образуя маленькую деревушку, — угрюмо и мрачно смотрятъ окрестности. Горныя ущелья затянуты пеленой волнующагося тумана, сквозь который изрѣдка прорѣзываются верхушки деревьевъ и сѣрыя, каменные глыбы. Прозрачная бѣлая дымка покрываетъ небо; а передъ глазами — все то же нескончаемое, змѣистое, ослизлое, каменное чудовище — лѣстница. «Еще немного, скоро, теперь совсѣмъ скоро», — ласково подбадриваетъ меня время отъ времени проводникъ. Наконецъ мы перевалили черезъ послѣдній гребень и очутились на вершинѣ той обширной области, что зовется Бейлинскими горами. Было девять часовъ утра. Солнце осилило, наконецъ, туманъ и яркимъ, теплымъ свѣтомъ обдало открывшуюся предо мной картину. Повсюду, куда я ни смотрѣлъ теперь,

возвышались волнистыя очертанія горныхъ вершинъ или отдѣльно стоящія, оголенные холмы, бросающіеся сначала въ глаза только ярко-желтымъ цвѣтомъ своей почвы. Подъ ногами была такая же глинистая, желтая земля. Заросли какихъ-то безлиственныхъ кустарниковъ окаймляли узкую тропинку, по которой мы пробирались. Но вотъ на южномъ склонѣ одного изъ ближайшихъ холмовъ я замѣтилъ разсаженные правильными рядами небольшіе, низенькіе кустики, покрытые зелеными листьями; это и были чайныя деревца. Необыкновенная тщательность, съ какою раздѣлана земля у корней, величайшая заботливость, окружающая каждый отдѣльный кустикъ и сквозящая въ неподдающихся описанію мелочахъ, кажутся тѣмъ болѣе поразительными, что количество такихъ кустиковъ невообразимо громадно. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ все больше и больше открывалось этихъ чайныхъ полей, или, вѣрнѣе, садиловъ: склоны холмовъ отъ подножія до самой вершины были покрыты террасами ихъ; они занимали и отдѣльныя полянки, представлявшія лишь необходимыя условія со стороны свѣта и стока влаги. Предо мною развертывалась необъятная картина человѣческаго труда, утомлявшая воображеніе, подавлявшая его своимъ грандіознымъ величіемъ. Мы шли, а чайное царство все шире и шире развертывало свои границы; конца-края, казалось, не будетъ ему. Между холмами виднѣлись улыбающіяся долины, покрытыя кустами и деревьями, представителями сѣвера и юга, ярко зеленѣвшими подъ лучами весенняго южнаго солнца. Одного недоставало оригинально-прекрасной картинѣ: жизни и шума людскаго. Мертвенно-пустынно было теперь чайное царство...

Близокъ былъ полдень. Горный воздухъ и изрядная прогулка давали себя знать. Я попросилъ проводника распорядиться на счетъ завтрака. «Скоро будетъ монастырь», отвѣтилъ онъ. Дѣйствительно, немного погодя, къ живописному уголку, среди зелени высокихъ деревьевъ, близъ серебряныхъ струй ручья, показались зданія маленькаго монастыря. Вышедшій навстрѣчу монахъ очень вѣжливо предложилъ намъ гостепримство, и въ одной изъ монастырскихъ пристроекъ я расположился, какъ у себя дома. Стѣны этой пристройки оказались испещренными надписями на различныхъ европейскихъ языкахъ. Больше всего, конечно, было англійскихъ, затѣмъ немного французскихъ и нѣмецкихъ, русскихъ я совсѣмъ не замѣтилъ. Я не устоялъ передъ искушеніемъ расписаться и оставить здѣсь слѣдъ своего пребыванія въ такой невинной и безобидной формѣ. Несмотря на злое двустишіе какого-то француза, написавшаго на самомъ видномъ мѣстѣ большими буквами:

Les noms des fous
S'écrivent partout!

и, тѣмъ же не менѣе, вырѣзалъ свое «помъ» и имя той сибирской канонерской лодки, которая, старая и гнилая, все-таки принесла насъ въ эти далекіе края.

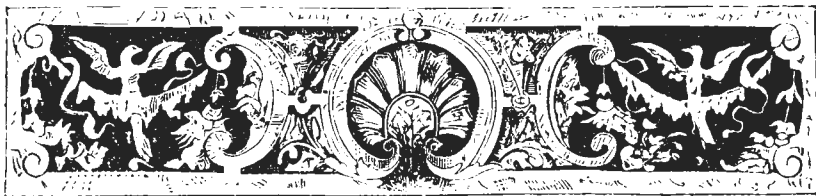
Позавтракавши, мы двинулись дальше: все тѣ же безконечныя чайныя плантаціи, въ перемежку съ террасами хлѣбныхъ полей.

Мы вернулись иной дорогой, спустившись по другому склону Бейлинскихъ горъ, и пересѣкли такимъ образомъ лишь маленькій клочекъ той площади, занятой чайными садами, которая тянется отсюда на многія тысячи квадратныхъ верстъ внутрь страны. Холмы съ террасами чайныхъ плантацій стали попадаться все рѣже и рѣже, пропали обработанныя поля; мѣстность снова приняла характеръ угрюмый и дикій. Мы шли безъ признаковъ какой либо дороги, по оврагамъ и косогорамъ. Но вотъ предъ нами вырѣзался мрачный утесъ, показалась тропинка и пошла виться змѣею внизъ. Начался спускъ. По лѣвую сторону стѣною встали высокія скалы, по правую пошли глубокія разсѣлины, поросшія рѣдкимъ лѣсомъ. Скользко. Тропа очень узкая: два человѣка едва могутъ идти въ рядъ. Проводникъ заботливо поддерживаетъ меня при каждомъ неловкомъ шагѣ. Здѣсь нѣтъ каменной лѣстницы, какъ на томъ подъемѣ. Тропинка вдругъ круто поворачиваетъ влѣво, и мы выходимъ на широкій просторъ: далеко, далеко внизу узкой лентой льется рѣка; серебристыя ниточки многочисленныхъ каналовъ сверкающей сѣтью опоясываютъ островки зеленыхъ и темныхъ полей; клѣтками гигантской шахматной доски представляются они съ этой высоты; тамъ и сямъ кажутся свои сѣрые силуэты деревенки и отдѣльные крестьянскіе дворы; ближе, чуть видными черными точками копошатся на поляхъ люди, а на горизонтѣ, повсюду, куда ни бросишь взоръ, синѣютъ горы, обступившія, точно огромный амфитеатръ, чудесную панораму. Гдѣ-то близко немолчно гремитъ каскадъ бѣгущаго съ горъ потока. «Такъ глубоко, глубоко спокойно» смотреть темно-синее небо; а южное весеннее солнце горячо обдастъ землю своими страстными, зовущими къ жизни лучами...

Спускъ съ Бейлина показался мнѣ очень тяжелымъ, и я былъ радъ, когда у подножья горъ я могъ, безъ особеннаго на этотъ разъ зазрѣнія совѣсти, усѣсться въ паланкинъ. Носильщики ловко подхватили меня и ровнымъ, гимнастическимъ шагомъ понесли по тропинкамъ межъ полей. Вскорѣ они выбрались на широкую дорогу, по которой теперь тяжело и медленно тащились черные буйволы, запряженные въ скрипучія телѣги; быстро бѣжали носильщики, нагруженные тяжестями, и цѣлыя вереницы молодыхъ крестьянокъ несли на коромыслахъ большія ведра, наполненныя удобреніемъ для полей. Ни одной изъ нихъ не было съ изуродованными ногами. Но вотъ и стѣны Фу-чжоу, его пригороды, мосты, Нантай. «Моржъ» перешелъ къ острову Пагоды. Прощай, Фу-чжоу!

В. Черевковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕМУАРЫ КНЯЗЯ САНГУШКИ.

ОЗДАНИЕ герцогства Варшавскаго пробудило надежды поляковъ, которые не безъ основаній усмотрѣли въ этомъ актѣ Наполеона I намѣреніе возстановить Польшу. Вѣнскій миръ 1809 года, значительно увеличившій территорию новаго герцогства, далъ еще болѣе почвы такимъ мечтамъ, и въ 1812 году, когда величайшій полководецъ во главѣ вооруженной Европы стоялъ на границахъ Россіи, множество польскихъ патриотовъ устремилось подъ его знамена, желая принять участіе въ борьбѣ за возстановленіе отчизны. Результаты гигантскаго похода, затѣяннаго Наполеономъ, какъ извѣстно, привели къ полному крушенію пламенныхъ надеждъ борцовъ за польскую независимость.

Подобно тому, какъ и другія народности, участвовавшія въ походѣ 1812 года, поляки дали довольно обширную библиографію великой войны, кончившейся столь неудачно для Наполеона. По неизвѣстнымъ, однако, причинамъ польская литература, относящаяся къ 1812 году, остается до настоящаго времени совершенно незнакомою русскому обществу. За исключеніемъ двухъ сочиненій, изданныхъ на французскомъ языкѣ—Огинскаго (*Memoires sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu'en 1815. Paris. 1826*) и Солтыка (*Napoleon en 1812. Memoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris. 1836*) и маловажныхъ, напечатанныхъ въ Россіи мемуаровъ—Хлопницкаго (*Pamiętnik. Z czasów kampanii Napoleona, spisane z ustnych opowiadań. Wilno. 1849*) и Плачковскаго (*Pamiętniki.*

Zytomierz. 1861), остальные не только не появлялись въ видѣ переводовъ или извлеченій на русскомъ языкѣ, но даже не имѣются въ богатѣйшемъ изъ нашихъ книгохранилищъ—Императорской публичной библиотекѣ.

Предполагая ознакомить читателей съ наиболѣе интересными воспоминаніями поляковъ, участниковъ отечественной войны 1812 года, мы помѣщаемъ мемуары князя Евстаѳа Сангушки (Pamiętnik 1786—1815 wydany Józef Szujski w Krakowie 1876). Авторъ ихъ—близкій другъ извѣстнаго сподвижника Наполеона, князя Юсифа Понятовскаго; вмѣстѣ съ послѣднимъ боролся за независимость родины подъ знаменами Костюшки. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши обширныя родовыя помѣстья Сангушки на Волыни вошли въ составъ Русской имперіи. Въ 1812 году, когда французская армія уже стояла на Вислѣ, и война съ Россіей была рѣшена, Наполеонъ черезъ своего резидента въ Варшавѣ, Прадта, вызвалъ Сангушко въ главную квартиру. Присутствіе польскаго магната, обладавшаго извѣстнымъ именемъ, большими связями и знакомаго съ условіями театра войны, могло быть полезно въ предстоявшей борьбѣ. Сангушко съ радостью послѣдовалъ призыву. Походъ 1812 года онъ сдѣлалъ при главной квартирѣ Наполеона, нося почетное званіе адъютанта императора. Роковой исходъ войны нанесъ жестокій ударъ ожиданіямъ поляковъ. Разочарованный Сангушко послѣ оставленія французскою арміею предѣловъ Россіи воспользовался амнистіею, дарованною императоромъ Александромъ, и возвратился на Волынь.

Записки Сангушки были составлены имъ въ 1815 году, когда въ его памяти были вполне свѣжи впечатлѣнія великихъ событій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ. Предназначенныя авторомъ для его дѣтей, онѣ отличаются безыскусственностью, носятъ мѣстами характеръ поученія и дышатъ правдою. Близость же автора къ главной квартирѣ Наполеона придаетъ сообщаемымъ имъ фактамъ и подробностямъ большой интересъ.

Мемуары Сангушки по отношенію къ 1812 году помѣщаются въ подробномъ извлеченіи. Мы позволили себѣ только привести въ нѣкоторый порядокъ послѣдовательность изложенія, потому что авторъ, предназначая свои записки близкимъ роднымъ, не заботился объ ихъ отдѣлкѣ и въ своемъ разказѣ нерѣдко или опережаетъ событія, или возвращается къ событіямъ, изложеннымъ ранѣе.

I.

Приемъ Сангушки Наполеономъ въ Гумбиненѣ. — Первые дни пребыванія въ Ковнѣ. — Безпорядки во французской арміи. — Вступленіе въ Вильну. — Характеристика приближенныхъ императора. — Засѣданіе у герцога Бассано. — Столкновение съ Сапѣгой. — Приемъ Наполеономъ литовской депутаціи. — Путь отъ Вильны до Свенцянъ. — Французская конница въ Виднахъ. — Характеристика начальствующихъ лицъ французской арміи.

Сангушко засталъ главную квартиру Наполеона въ Гумбиненѣ. Принятый императоромъ, онъ удостоился продолжительной аудіенціи, и, отпуская его, Наполеонъ сказалъ:

— Оставайся при мнѣ. Не скрываю, что мнѣ предстоитъ тяжелая война, и ты будешь свидѣтелемъ событій, которыхъ Европа еще не видала.

«Я оставилъ его, пишетъ Сангушко, проникнутый величіемъ героя, а призракъ отчизны, возстановленной его рукой, заставилъ меня боготворить его въ сердцѣ моемъ».

Послѣ совершенія французской арміей переправы черезъ Нѣманъ, Наполеонъ остановился на нѣсколько дней въ Ковнѣ. Онъ былъ замѣтно недоволенъ тѣмъ, что русскіе отступили безъ боя. Когда, по вступленіи въ городъ, на возвышенностяхъ праваго берега Вилии были обнаружены казаки, императоръ приказалъ эскадрону польскихъ гвардейскихъ уланъ подъ начальствомъ Козетульскаго перейти рѣку. Поляки съ громкими восклицаніями устремились въ воду. Последняя не уменьшила пыла храбрецовъ, и утопавшіе, которыхъ погибло пять человекъ, продолжали кричать «да здравствуетъ императоръ!»¹⁾

На слѣдующій день, передъ разсвѣтомъ, Наполеонъ по дурному мосту переѣхалъ Вилию. Въ то время, когда онъ спускался съ крутой горы, песокъ осыпалъ подъ ногами его коня, и тотъ упалъ на бокъ. Такое вступленіе подъ дурнымъ предзнаменованіемъ на русскую землю, повидимому, не произвело на императора впечатлѣнія.

Наполеонъ поручилъ Сангушкѣ съ промокшимъ эскадрономъ Козетульскаго выслать разѣзды вслѣдъ за Витгенштейномъ, отсту-

¹⁾ Эпизодъ переправы черезъ Вилию въ романтическомъ описаніи Сегюра — *Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812*, представляетъ въ видѣ гибели большей части польскаго эскадрона. Въ дѣйствительности число жертвъ было скорѣе меньше, нежели указываетъ Сангушко. По крайней мѣрѣ Залусскій, командовавшій 1-й ротой въ эскадронѣ Козетульскаго, въ своихъ воспоминаніяхъ (*Wspomnienia o pułku lekkokonnym polskim gwardyi Napoleona I*) прямо говоритъ, что утонулъ только одинъ уланъ, по фамиліи Шцинскій. То же свидѣтельствуется Гурто (*Napoléon et la grande armée en Russie*). Гемпель, служившій офицеромъ въ эскадронѣ Козетульскаго, упоминаетъ (*Z czasów Napoleońskich. Wspomnienia wojenne*) о гибели трехъ уланъ.

павшимъ на Кейданы, и захватить паромы на Нѣманѣ. Когда Сангушко явился съ докладомъ объ исполненіи порученія, Наполеонъ, выслушавъ его, сказалъ:

— Все это хорошо, но слѣдовало доставить мнѣ какого нибудь барона ¹⁾, ксендза или солдата.

Сангушко, который зналъ о прибытіи въ Ковну съ праваго берега Вилии владѣльца Червоннаго двора, Георгія Забѣлло, пріѣхавшаго съ своимъ пробощемъ, и къ которому крестьяне привели отсталого русскаго егеря, могъ отвѣтить императору, что всѣ три названныхъ имъ лица находятся уже въ коридорѣ его квартиры.

Когда Сангушко увидѣлъ впервые французскія войска въ Гумбиненѣ, армія поразила его своимъ великолѣпіемъ и мощью. Но онъ удостовѣряетъ, что безпорядокъ и разстройство, начало которыхъ существовало уже во время движенія черезъ Пруссію, послѣ переправы черезъ Нѣманъ быстро достигли значительныхъ размѣровъ. Солдаты, подобно разъяренной стаѣ, наводнили край, убивая вмѣсто врага невинныхъ жителей и уничтожая мѣстныя средства, сохраненіе которыхъ было такъ важно на случай отступленія.

Лѣто 1812 года отличалось необычайными засухами и зноемъ. Земля была накалена не только на поверхности, но жаръ проникалъ вглубь на цѣлую сажень, особенно въ лѣсахъ, гдѣ имѣлись вѣковые торфяники. Пожары въ степяхъ и сухихъ болотахъ, покрытыхъ мхомъ, были непрерывны. Многія селенія были уничтожены огнемъ.

Дорога отъ Ковны до Вильны была усѣяна трупами павшихъ лошадей ²⁾. Зеленая рожь, которою приходилось кормить ихъ за неимѣніемъ другого корма, дѣйствовала самымъ губительнымъ образомъ. Съ приближеніемъ къ Вильнѣ распространилось извѣстіе о томъ, что русскіе намѣреваются принять бой. При этой вѣсти, несмотря на зной и сыпучіе пески, французскія войска устремились впередъ, обгоняя другъ друга. Надежда на сраженіе была однако непродолжительна, и авангардъ безпрепятственно вступилъ въ городъ.

Литовцы радостно привѣтствовали вступавшія войска. Они были въ восторгѣ отъ Наполеона и съ жадностью прислушивались ко всѣмъ новостямъ. Прибывшій изъ Варшавы сенаторъ Выбицкій привезъ извѣстіе объ открытіи сейма подъ предѣдательствомъ князя Чарторыйскаго, о которомъ Сангушко говоритъ съ большимъ уваженіемъ, называя его Несгоромъ Литвы.

Радостное настроеніе литовцевъ было отравлено гнуснымъ по-

¹⁾ Французы называли барономъ всякаго дворянина, имѣвшаго усадьбу.

²⁾ Денъе (Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812) свидѣтельствуетъ, что на пути отъ Ковны до Вильны французская армія потеряла 5.000 лошадей.

веденіемъ французовъ. Русскіе при отступленіи увезли различные склады и запасы продовольствія. Обозы не поспѣвали за войсками, которыя терпѣли отъ недостатка продовольствія, и ничто не могло остановить солдата, разгоряченнаго алчностью.

Первое впечатлѣніе, произведенное на Сангушку приближенными Наполеона, было далеко не изъ благопріятныхъ. Потомку знатнаго рода казались неблагородными вновь испеченные короли и выскочки, окружавшіе императора. Въ Вильнѣ онъ ближе познакомился съ дворомъ, и лица, составлявшія его, нѣсколько выиграли при этомъ въ его глазахъ. Сангушко былъ любезно принятъ маршаломъ Дюрокомъ, которому Наполеонъ платилъ за столъ cadaго изъ состоявшихъ при немъ, и вскорѣ убѣдился, что въ придворномъ кружкѣ легко было имѣть успѣхъ, особенно для человѣка, умѣющаго играть въ карты. Постоянно вращаясь въ приближенной къ императору средѣ, Сангушко даетъ характеристику многихъ изъ составлявшихъ ее лицъ.

Наполеонъ избѣгалъ окружать себя выдающимися людьми, не желая ни съ кѣмъ въ малѣйшемъ отношеніи дѣлиться славою и властью. Первое мѣсто принадлежало Бертье, и въ 1812 году это было единственное лицо, близкое императору. Бертье обладалъ невзрачною наружностью и скрипучимъ голосомъ. Онъ показался Сангушкѣ, имѣвшему однажды случай бесѣдовать съ нимъ продолжительное время, человѣкомъ ограниченнымъ. Нечего было опасаться, чтобы онъ бросилъ какую либо тѣнь на славу ревниваго монарха. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ любилъ иногда его унижать словомъ или дать порученіе, не соотвѣтствовавшее его высокому положенію. Сангушко рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ однажды во время гололедицы императоръ, замѣтивъ фургонъ, перерѣзавшій походную колонну и успѣвшій удалиться на значительное разстояніе, приказалъ Бертье догнать его и отколотить возницу. Бертье исполнилъ приказаніе невѣрной походкой, ковыляя на своихъ старческихъ ногахъ, и возбудилъ смѣхъ Наполеона и присутствовавшихъ. Но сцена эта далеко не была смѣшною съ точки зрѣнія поддержанія дисциплины.

Коленкуръ, обладавшій умомъ и представительною наружностью, былъ правдивымъ и благороднымъ придворнымъ. Герцогъ Бассано, относившійся къ полякамъ доброжелательно, пріятный въ сношеніяхъ, вѣжливый и краснорѣчивый, былъ въ сущности плохимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Важнѣйшіе вопросы сводились у него къ фразамъ дюжиннаго краснорѣчія. Въ трудныхъ обстоятельствахъ конца царствованія Наполеона императоръ не могъ найти помощника въ слугѣ, отличавшемся только пріятными качествами. Дѣйствительно не было слышно, чтобы дѣятельность герцога Бассано въ то время была удачна и соотвѣтствовала обстоятельствамъ.

Наружность старика Нарбонна напоминала королевскую Фран-

цію. Генералы Мутонъ, Дюронель, Лористонъ, Рапшъ, Сегюръ и многіе другіе при ограниченномъ образованіи отличались честностью.

Въ Вильнѣ Сангушко пробылъ всего восемь дней. Совершенно неожиданно получилъ онъ вдругъ приказаніе ѣхать въ Свенцяны для отвода квартиры императору. Самъ онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причину своей высылки изъ Вильны.

У герцога Бассано происходили засѣданія, имѣвшія цѣлью выработать устройство занятого французами края. На одномъ изъ засѣданій Сангушко присутствовалъ вмѣстѣ съ княземъ Александромъ Сапѣгой и генераломъ Викентіемъ Красинскимъ ¹⁾. При обсужденіи положенія о комиссіяхъ, являвшихся органами административнаго управленія края и состоявшихъ изъ гражданскихъ и военныхъ членовъ, предстояло рѣшить вопросъ относительно предсѣдательства въ нихъ. Герцогъ Бассано высказался въ пользу военнаго предсѣдателя, не настаивая, однако, на своемъ мнѣніи. Сапѣга и Красинскій согласились съ нимъ. Сангушко, оскорбленный предложеніемъ, которое ставило чужеземца, простаго унтеръ-офицера ²⁾, незнакомаго съ мѣстными условіями края, выше коренныхъ жителей страны, горячо протестовалъ противъ такого рѣшенія вопроса. Онъ сказалъ, что его не удивляетъ предложеніе герцога Бассано, не имѣющаго осязательныхъ доказательствъ самопожертвованія литовцевъ, но удивляетъ, что соотечественники его раздѣляютъ мнѣніе герцога. Подобный порядокъ не практиковался даже въ Испаніи и въ такой преданной странѣ, какъ Польша, могъ только охладить пылъ народа. Разгоряченный Сангушко не ограничился этимъ и прибавилъ, что пока изъ событій настоящей войны видно, что на первомъ планѣ стоитъ императоръ и Франція, а объ его родняѣ и помину нѣтъ.

Въ тотъ же день многія изъ вліятельныхъ лицъ Вильны обратились къ Сангушкѣ за совѣтомъ, поступать ли имъ на службу или выждать еще до лучшаго выясненія обстоятельствъ. Сангушко откровенно отвѣтилъ, что, хотя онъ самъ и участвуетъ въ предпріятіи Наполеона, но его тревожитъ за будущее большой беспорядокъ. Слова Сангушки, вѣроятно, сдѣлались извѣстными и были причиною отправки его въ командировку въ Свенцяны.

Вечеромъ того же дня, во дворцѣ, Сангушко обмѣнялся колкостями съ Сапѣгой, бывшими какъ бы продолженіемъ столкновенія ихъ у герцога Бассано. Въ то время, когда Сангушко любовался

¹⁾ Князь Александръ Сапѣга—членъ временнаго литовскаго правительства, управлявшій военнымъ комитетомъ (министерствомъ). Викентій Красинскій—извѣстный командиръ польскаго гвардейскаго уланскаго полка, командовавшій имъ подъ Соммо-Сьеррой.

²⁾ Въ виду потребности значительнаго числа членовъ отъ войскъ въ гражданское управленіе и нежеланія отрывать изъ арміи офицеровъ, рѣшено было назначать унтеръ-офицеровъ.

развалинами замка Ягеллоновъ, къ нему подошелъ Дюрокъ и спросилъ его, литовецъ ли онъ. Стоявшій возлѣ Сапѣга предупредилъ Сангушку отвѣтомъ, сказавъ:

— Князь Сангушко не литовецъ.

Усмотрѣвъ въ словахъ Сапѣги умышленное желаніе задѣть его, Сангушко, желая быть понятымъ Дюрокомъ, отвѣтилъ ему пофранцузски:

— Повидимому, князь, ты хочешь прослыть за умнаго. Ты очень золъ, но недостаточно образованъ, иначе замокъ Ягеллоновъ, который торчитъ у тебя передъ глазами, долженъ бы былъ тебѣ напомнить, что я литовецъ ¹⁾.

Изъ времени своего пребыванія въ Вильнѣ Сангушко приводитъ еще слѣдующій эпизодъ. Въ самый день высылки его въ Свенцянны Наполеонъ давалъ аудіенцію депутаци изъ мѣстныхъ жителей. Императоръ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и дѣлалъ обѣщанія возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ за исключеніемъ только Галиціи. Это былъ уже не тотъ осторожный полководецъ, который за двѣ недѣли передъ тѣмъ въ Гумбиненѣ не скрывалъ, что ему предстоитъ тяжкая война съ Россіей, обладавшей одинаковыми силами для борьбы, и сознавался, что исходъ войны, столь отдаленной отъ Франціи, могъ быть для него сомнительнымъ. Теперь онъ низводилъ численность русской арміи до ста двадцати тысячъ ²⁾ и нѣсколько разъ сказалъ, что армія эта быстрымъ отступленіемъ доведена до невозможности защищаться. Трудно было понять, шутилъ ли онъ или увлекался въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ легкомысленно и не имѣя достаточныхъ основаній. Многіе поляки, раздѣляя радужное настроеніе императора, въ увлеченіи готовы были закидать всю Россію шапками.

Аудіенція до извѣстной степени напоминала сеймикъ. Французы съ любопытствомъ окружали небольшую кучку литовцевъ, обступившихъ Наполеона, стоявшаго по срединѣ пріемной залы. Вскорѣ, однако, наскучивъ затянувшимся и постороннимъ для нихъ дѣломъ, они разошлись по сосѣднимъ комнатамъ. Сангушко находился въ залѣ. Считаясь въ числѣ придворныхъ, онъ не могъ примкнуть къ депутаци и стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, съ интересомъ прислушиваясь къ словамъ Наполеона. При этомъ, чтобы лучше слышать, онъ обернулся бокомъ, опершись на ладонь и закрывъ лицо рукою. Въ такой позѣ Сангушко стоялъ нѣкоторое время, неодобрительно покачивая головою каждый разъ, когда, по его мнѣнію, На-

¹⁾ Сангушки ведутъ свой родъ отъ Любарта, князя володимірскаго и луцкаго, потомка Гедимина.

²⁾ Въ дѣйствительности цифра эта довольно точно опредѣляла численность 1-й западной арміи. По свѣдѣніямъ, представленнымъ Наполеону Зіюля (н. ст.), численность 1 западной арміи была показана въ 105.775 ч., но имѣлись нѣкоторыя части принадлежность которыхъ къ той или другой арміи не была выяснена.

полеонъ или депутаты говорили не то, что слѣдовало. Когда зала опустѣла отъ французовъ, въ кругу, обступившемъ Наполеона, образовался просвѣтъ, и Сангушко оказался на виду у императора, наблюдавшаго за нимъ нѣкоторое время. Наконецъ Сангушко нетерпѣливымъ движеніемъ опустилъ руку и оказался лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, который пронзилъ его своимъ пронизательнымъ взоромъ.

Путь изъ Вильны въ Свенцяны Сангушко совершилъ вмѣстѣ съ генераломъ Сегюромъ. Впечатлѣніе, произведенное на Сангушку этимъ путешествіемъ, было самое тяжелое. Въ варварскія времена слѣды Аттилы, пишетъ онъ, не могли представлять ничего болѣе ужаснаго. Войско, слѣдовавшее въ беспорядкѣ нѣсколькими колоннами, позволяло себѣ всевозможныя своевольства и беззаконія, истощая и разоряя край до послѣдней степени ¹⁾. Въ Свенцянахъ къ Сангушкѣ подошелъ почтенный на видъ и почти нагой старикъ съ просьбою дать ему кусокъ хлѣба. Сангушко подалъ ему милостыню, вызвавшую краску на лицѣ старика, который заявилъ, что онъ проситъ пищи, а не денегъ. Оказалось, что то былъ пользовавшійся уваженіемъ и достаткомъ князь Пузина, доведенный до нищенства, какъ и большинство мѣстныхъ жителей, подъ предлогомъ отсутствія патриотизма.

Въ Видзахъ Сангушко впервые увидѣлъ массу французской конницы, въ числѣ до пятидесяти тысячъ, подъ командой короля Неаполитанскаго. Она находилась уже въ крайне печальномъ состояніи. Хвосты и гривы лошадей вылѣзли отъ голода и лишеній. «Если бы я имѣлъ конницу, замѣчаетъ Сангушко, я ввѣрилъ бы ее Мюрату не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы онъ предводительствовалъ ею пѣшкомъ». Онъ, однако, отдаетъ справедливость мужеству короля Неаполитанскаго и свидѣтельствуетъ, что послѣдній отличался настолько же быстрымъ соображеніемъ въ бою, насколько былъ ограниченъ въ остальное время.

Изъ сподвижниковъ Наполеона Сангушко особенно высоко ставитъ вице-короля и Даву. Первый, по его мнѣнію, отличался талантами, отвагою и скромностью истиннаго гения; второй — справедливый и непреклонный, казалось, вполне соответствовалъ занимаемому имъ мѣсту. Въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ говоритъ онъ о Неѣ, походившемъ на Мюрата, хотя и болѣе вынесшемъ сравнительно съ послѣднимъ изъ всего боеваго опыта, объ Удино и Бесьерѣ. Мортъе показался ему челоукомъ мало образованнымъ, а о Лефеврѣ и Жюно онъ отзывался неодобрительно.

Общее впечатлѣніе, произведенное на Сангушку начальствующими

¹⁾ Великая армія, пишетъ Солтыкъ, проходила по странѣ, подобно разрушительному потоку: посѣвы вытаптывались, дома предавались грабежу и часто разрушенію. Небрежность приводила неразъ даже къ пожарамъ, обращавшимъ въ пепель цѣлыя поселенія.

лицами французской арміи, было, однако, далеко не изъ благоприятныхъ. Онъ нашелъ репутацію, приобретенную ими, какъ результатъ двадцати-лѣтнихъ войнъ, значительно преувеличенною, и ему представлялось загадкой, какимъ образомъ подъ начальствомъ лицъ, выдѣлявшихся изъ уровня только мужествомъ и слѣпою вѣрою въ Наполеона, могла быть покорена значительная часть міра. Онъ останавливается на участи французской арміи, которая пришла къ уничтоженію тогда, когда познанія, приобретенныя новымъ поколѣніемъ, въ соединеніи съ опытностью и отвагою старыхъ ветерановъ, казалось, должны были увеличить ея силу. «Таково дѣйствіе Твоей воли и предопредѣленія, Боже!—воскликаетъ Сангушко.—Вынужденный къ тому множествомъ преступленій и слезами невинныхъ, Ты отнял Твою всемогущую десницу и лишилъ разума того чловѣка, который въ своемъ высокомѣріи равнялъ себя съ Богомъ, и передъ которымъ народъ, забывшій Твои милости, повергся ницъ съ самымъ низкимъ идолопоклонствомъ».

II.

Постепенное разстройство французской арміи при движеніи къ Витебску.—Уклоненіе русскихъ отъ генеральнаго сраженія.—Вступленіе въ Витебскъ.—Прибытіе адъютанта князя Понятовскаго съ донесеніями.—Рѣшеніе Наполеона остановиться въ Витебскѣ.—Гществіе Наполеона.—Соображенія Сангушки, представленныя императору.—Поѣздка Сангушки съ порученіемъ въ Могилевъ.—Потери, понесенныя польскимъ корпусомъ отъ усиленныхъ маршей.—Возвращеніе Сангушки въ Витебскъ.

Французская армія, ослабляя себя усиленными переходами и существуя только грабежомъ, приближалась къ Витебску. Отступленіе русскихъ, которое совершалось едва ли по заранѣе выработанному плану, самымъ дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовало ея разстройству, особенно при системѣ войны, принятой Наполеономъ, который съ массою въ нѣсколько сотъ тысячъ вторгся въ страну, разоренную уже противникомъ, не имѣя другихъ средствъ существованія, кромѣ насилія. Послѣдствія не замедлили сказаться. Армія, составленная изъ множества народностей, начала принимать все болѣе и болѣе разстроенный видъ. Войска должны были ослаблять себя на половину фуражировками для добыванія продовольствія. Подъ предлогомъ же фуражировокъ люди разбрѣдались по окрестностямъ и предавались разнымъ неистовствамъ.

Колонна главныхъ силъ, при которой слѣдовалъ Наполеонъ, представляла кишку, растянувшуюся на двадцать миль, что крайне затрудняло передачу необходимыхъ приказаній. Наполеонъ совершалъ свои переѣзды съ самымъ ничтожнымъ конвоемъ, и Сангушко выражаетъ удивленіе, что онъ ни разу не подвергся нападенію русской

легкой конницы, къ чему особенно благопріятныя условія представляли Виленскіе лѣса ¹⁾).

Бои подъ Островцем ²⁾ и Витебскомъ имѣли удачный для французовъ исходъ. Встрѣченное со стороны русскихъ сопротивление возродило въ Наполеонѣ надежду достигнуть цѣли, къ которой онъ стремился—генеральнаго сраженія. Однако послѣ мужественнаго отпора на всѣхъ пунктахъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ русская армія очистила позиціи подъ Витебскомъ. Вой былъ данъ только для выигрыпа времени, и самое отступление послужило нагляднымъ доказательствомъ дисциплины, существовавшей въ арміи противника. Оно было исполнено въ такомъ порядкѣ и такъ скрытно, что не оставило никакихъ слѣдовъ относительно направленія, въ которомъ ушли русскія войска.

Съ занятіемъ Витебска французская армія овладѣла обширнымъ пространствомъ. Нравственный духъ противника былъ ослабленъ. Но на ряду съ этими положительными результатами Сангушко указываетъ на разореніе Литвы и значительныя потери, понесенныя французами въ паркахъ и обозахъ. Отзываясь довольно презрительно о дѣйствіяхъ русской конницы, онъ объясняетъ ея постоянныя успѣхи беспорядкомъ, царившимъ во французской арміи. Беспорядокъ же, по его мнѣнію, являлся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ непродуманности Наполеона, создавшаго арміи такія условія, что она могла существовать только посредствомъ грабежа.

Зло было еще поправимо при условіи остановки и отдохновенія въ Витебскѣ. Урожай былъ необыкновенно обилденъ, а перевозочныя средства крестьянъ, находившіяся въ рукахъ французовъ, обеспечивали всѣ транспортныя потребности. Окружающіе Наполеона надбѣялись, что онъ остановится въ Витебскѣ. Съ одной стороны расположеніе арміи въ изобильной странѣ надъ рѣками, носившими громкія имена Двины и Бориссена, прославленныя исторіей, должно было льстить тщеславію императора ³⁾; съ другой—наступилъ уже августъ мѣсяць, и приближалось позднее время года, неудобное для веденія операцій. Самая обширность Витебска представляла значительныя удобства для расположенія главной квартиры.

¹⁾ Солтыкъ свидѣтельствуетъ, что для лучшаго скрытія предположеній императора высланы въ разныхъ направленіяхъ подставы и заводныя лошади. Большая часть главной квартиры узнавала объ отъѣздѣ Наполеона тогда, когда онъ былъ уже далеко. Даже дежурные при его особѣ офицеры получали приказанія сопровождать императора только въ самый моментъ отъѣзда.

²⁾ Подъ Островной.

³⁾ Сангушко удачно подмѣтилъ отличительную черту Наполеона—слабость къ громкимъ историческимъ именамъ, дѣйствовавшимъ на воображеніе. Во время нахожденія императора въ м. Глубокомъ было получено донесеніе маршала Даву о прибытіи на берега Днѣпра. Наполеонъ, находясь въ монастырской столовой, громко провозгласилъ названіе «Бориссенъ» и обнаруживалъ замѣтное неудовольствіе, когда рѣку называли Днѣпромъ.

По вступленіи Наполеона въ городъ, его встрѣтилъ адъютантъ князя Понятовскаго, Антонъ Потоцкій, присланный съ донесеніями въ главную квартиру. Принявъ привезенныя денешни, Наполеонъ началъ рѣзко порицать дѣйствія князя Понятовскаго и другихъ генераловъ, приписывая имъ неудачный результатъ операціи своего праваго крыла. Потоцкій остановилъ изліянія императора, доложивъ, что вина въ этомъ должна лежать на королѣ Вестфальскомъ, командовавшемъ войсками праваго крыла. Наполеонъ замолчалъ, въ раздраженіи быстро сѣлъ на коня и, проѣхавъ городъ, продолжалъ подвигаться впередъ съ войсками ¹⁾.

Мрачною тѣнью покрылись лица тѣхъ, которые уже мечтали объ отдыхѣ. Солнце послало съ неба раскаленные лучи и жгло онѣмѣвшіе отъ утомленія члены. Войска сдѣлали, однако, всего нѣсколько миль, затѣмъ были остановлены и отведены назадъ. Вступая обратно въ Витебскъ, Наполеонъ сказалъ:

— Тутъ я останусь. Мнѣ необходимо собрать свѣдѣнія, сосредоточиться, дать отдыхъ арміи и устройство Польшѣ. Война 1812 года окончена, а война 1813 года сдѣлаетъ остальное ²⁾.

Всѣ корпуса отдыхали, занявъ линію Днѣпра и Двины, кромѣ Шварценберга, который отсталъ, умышленно избѣгая соединенія съ главными силами. Дѣйствительная причина была искусно скрыта австрійскимъ полководцемъ въ донесеніяхъ, присланныхъ къ императору въ Витебскъ съ майоромъ Войной. Судьбѣ было угодно, чтобы бдительность Наполеона на этотъ разъ была обманута.

Сангушко заявляетъ, что уже въ Витебскѣ увлеченіе Наполеономъ, какъ освободителемъ его родины, стало въ немъ ослабѣвать, и онъ сталъ сомнѣваться относительно истинныхъ намѣреній императора. Понемногу стала спадать маска добраго расположенія къ полякамъ и обнаруживать только одно ненасытное честолюбіе ³⁾. Порывистый Наполеонъ, какъ и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, не ожидалъ конца предпріятія, чтобы выказать себя въ настоящемъ свѣтѣ. Въ своемъ высокошѣрин онъ уже достигалъ Москвы и Петербурга, а обѣщанія, данныя Польшѣ, тяготили его. Онъ сознавалъ, что когда цѣль будетъ достигнута, придется выполнить принятые обязательства, которыя какъ бы сводили на нѣтъ его ловкость и хвастливыя заявленія, что онъ быстро сокрушитъ Россію.

¹⁾ Солтыкъ, передавая разговоръ Наполеона съ графомъ Потоцкимъ, замѣчаетъ: «Поляки снова вызвали неудовольствіе императора, неудовольствіе, которое усилилось влѣдствіе неумѣстныхъ отвѣтовъ Потоцкаго». Изъ разсказа Солтыка видно, что особенное раздраженіе Наполеона вызвалъ докладъ Потоцкаго о недостаткѣ продовольствія и обуви, который терпѣлъ польскій корпусъ, и о неполученіи послѣднимъ жалованья.

²⁾ Буквально тѣ же слова приводитъ Сегюръ.

³⁾ Когда польскій корпусъ въ первый разъ представлялся ему подъ Смоленскомъ, Наполеонъ умышленно выказалъ ему невниманіе—повернувшись къ войскамъ спиною, онъ дѣлалъ часъ сбивалъ вѣткой песокъ съ коня.

Трудно встрѣтить примѣръ человѣка, пишетъ Сангушко, въ которомъ встрѣчались бы одновременно столь различныя страсти. Рядомъ съ исполиномъ въ немъ существовалъ карликъ. На ряду съ ключемъ къ всемірному господству онъ хотѣлъ, чтобы ему были подносимы ключи мѣстечекъ, черезъ которыя онъ проходилъ. Подъ Витебскомъ Сангушко, бродя въ задумчивости, наткнулся нечаянно на Наполеона, по его собственному выраженію, «какъ на кабана въ берлогѣ»: въ такомъ скверномъ расположеніи духа онъ былъ, ожидая депутаціи съ изъявленіемъ покорности со стороны жителей, обобранныхъ до послѣдней нитки ¹⁾. Подобная сцена повторялась неоднократно.

Еще въ Свенцянахъ Сангушко черезъ маршала Дюрока получилъ приказаніе Наполеона представить письменно соображенія съ изложеніемъ взгляда на современное положеніе дѣлъ. Причину такого приказанія Сангушко ищетъ въ приведенной выше сценѣ въ приемной залѣ Виленскаго дворца, когда отъ зоркаго глаза Наполеона не укрылись знаки неодобренія польскаго магната ко многому тому, что говорилось императоромъ и литовскими депутатами.

Въ запискѣ, поданной въ Свенцянахъ же, Сангушко ограничился защитой Виленскаго комитета, состоявшаго изъ пяти членовъ, противъ котораго Наполеонъ былъ разгнѣванъ за выѣздъ изъ Вильны ²⁾, а также далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ условіяхъ края. Получивъ милостивое одобреніе императора, Сангушко представилъ въ Витебскѣ вторую записку, въ которой онъ указывалъ на необходимость быстрого наступленія Шварценберга въ предѣлы Волыни и Украйны съ цѣлью воспользоваться ихъ богатыми средствами, а также въ видахъ занятія оборонительныхъ линій по Слугу и Стыри для обезпеченія праваго фланга французской арміи. Познакомившись ближе съ Наполеономъ, Сангушко не рѣшился высказать свое мнѣніе о возможности неблагоприятнаго исхода войны, однако упомянулъ о суровомъ климатѣ, который могъ вызвать значительную убыль въ арміи. Онъ выступилъ также съ оригинальнымъ предло-

¹⁾ Солтыкъ, посланный Наполеономъ въ Витебскъ за депутаціей, даетъ слѣдующія подробности. Прибывъ въ городъ, онъ съ трудомъ собралъ нѣсколькихъ дворянъ и привелъ ихъ къ императору, который прогуливался на лужайкѣ близъ большой дороги въ глубокомъ размышленіи съ руками, скрещенными на груди. Депутаты, пройдя значительное разстояніе пѣшкомъ, занялись и, не приготовивъ заранее рѣчи, стояли растерянные передъ Наполеономъ, ожидая его вопросовъ. Молчаніе депутаціи видимо раздражило императора, который, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о непріятельской арміи, сказалъ имъ отрывистымъ тономъ, что его армія нуждается въ продовольствіи, фуражѣ и особенно въ хлѣбѣ, и затѣмъ, прервавъ тотчасъ разговоръ, воскликнулъ: «Я вижу, что здѣсь нѣтъ болѣе поляковы: этотъ край уже не польскій».

²⁾ Трудно понять, о какомъ комитетѣ говоритъ Сангушко. Виленская губернія управлялась административною комиссіею изъ трехъ человѣкъ подъ пресѣдательствомъ французскаго интенданта.

женіемъ формировать зимою партизанскіе отряды на саняхъ, которые обезпечивали бы быстрое перемѣщеніе изъ одного пункта въ другой и могли бы служить для прикрытія въ бою. Наконецъ въ запискѣ были высказаны соображенія относительноковки лошадей, не соотвѣтствовавшей мѣстнымъ особенностямъ лѣтнихъ и зимнихъ путей.

Сангушко, предполагая, что быстрое вторженіе въ предѣлы Литвы было слѣдствіемъ знакомства императора съ оборонительною силою Полѣсья и желанія скорѣе миновать эту преграду, надѣялся, что Наполеонъ отнесется сочувственно къ его идеѣ относительно дѣйствій Шварценберга. Прошелъ, однако, довольно продолжительный промежутокъ времени послѣ представленія записки, прежде чѣмъ онъ получилъ приказаніе явиться къ императору. Сангушко поспѣшилъ во дворецъ, но полученная изъ Парижа почта помѣшала разговору, который состоялся только на слѣдующій день. Наполеонъ встрѣтилъ польскаго магната довольно привѣтливо, но колко замѣтилъ, что его размѣшило желаніе Сангушки учить его. Затѣмъ, не обсуждая высказанныхъ въ запискѣ соображеній, онъ приказалъ Сангушкѣ ѣхать съ порученіемъ въ польскій корпусъ Понятовскаго, давъ, однако, понять, что онъ намѣревается говорить съ нимъ по возвращеніи.

Сангушко кратчайшимъ путемъ, проселками, направился въ Могилевъ. Повернувъ съ большой дороги, онъ рассчитывалъ оставить позади себя бѣдствія, которымъ подверглись лежавшія вдоль нея селенія. Но оказалось, что и уединенныя мѣстности не были защищены отъ необузданныхъ и голодныхъ солдатъ, которые, благодаря болѣе вѣрной безнаказанности, еще беззастѣнчивѣе грабили страну и притѣсняли жителей. Путь Сангушки лежалъ черезъ Славяны и Толочинь, одну изъ древнѣйшихъ вотчинъ его рода. Имѣніе, несмотря на десятидневный грабежъ, которому оно подверглось, изобиловало разными запасами. Сангушко распорядился ихъ собрать и отправить для гвардіи. Въ отвѣтъ онъ получилъ благодарственное письмо, написанное Коленкурромъ по приказанію Наполеона.

Страна между Витебскомъ и Могилевомъ показалась Сангушкѣ довольно богатою. Дороги, обсаженныя березами, несмотря на однообразіе, придавали ей красивый видъ. Сангушко, прибывъ въ Могилевъ, нашелъ князя Понятовскаго озабоченнымъ значительными потерями, понесенными польскимъ корпусомъ во время движенія. Онъ успокоилъ его, объяснивъ, что дѣло обстоитъ не лучше въ главной французской арміи, потери которой въ людяхъ и лошадахъ были еще ужаснѣе.

Сангушко пробывъ въ Могилевѣ сутки, Понятовскій поручилъ ему доложить императору, что съ отдѣленіемъ генерала Домбровскаго съ восемью тысячами къ Бобруйску онъ будетъ имѣть подъ ружьемъ не болѣе двѣнадцати тысячъ, потому что около двѣнадцати

тысячъ потеряно королемъ вестфальскимъ Иеронимомъ, вслѣдствіе неправильной и безцѣльной форсировки движенія.

По возвращеніи въ Витебскъ, Сангушко нашель армію готовою къ выступленію. Подобно тому, какъ огромное скопленіе воды, не обращающае вниманія на берега и плотины, ищетъ новаго выхода и срываетъ все, попадающеея ей на пути, французская армія, отличавшаяся всегда подвижностью, устремилась по направленію не къ одной изъ столицъ, а вправо, захватывая и наводняя край. Сангушко получилъ приказаніе ѣхать съ Сегюромъ въ мѣсто нахожденія дивизіи Гюдена для отвода квартиры Наполеону. Подобныя порученія, имѣвшія цѣлью заботу объ удобствахъ монарха, считались при дворѣ почетными, но они тяготили Сангушку, незнакомаго съ придворными тонкостями, а потому исполнявшаго ихъ не вполне удачно.

III.

Наступленіе русской арміи къ Витебску.—Сложность плана Наполеона даетъ возможность Барклаю избѣгнуть генеральнаго сраженія.—Поляки подъ Смоленскомъ.—Понятовскій посылаетъ Сангушку съ порученіемъ въ главную квартиру.—Сангушко передъ Наполеономъ и Мюратомъ.—Оставленіе русскими Смоленска.—Наполеонъ на батареѣ на берегу Днѣпра.—Бездѣйствіе Жюно въ бою при Валутинной горѣ.—Грабежи въ Смоленскѣ.—Наполеонъ рѣшается продолжать наступленіе.—Неудовольствіе во французской арміи.—Наполеонъ, виновникъ нравственнаго упадка французскаго народа.

Движеніе французской арміи къ правому флангу было вызвано желаніемъ Наполеона рѣшить участь кампаніи генеральнымъ сраженіемъ. Русскія войска, по соединенія подъ Смоленскомъ, перешли въ наступленіе къ Витебску. Барклай-де-Толли, вопреки своему мнѣнію о необходимости отступленія, подъ вліяніемъ настойчивыхъ просьбъ, повидимому, потерялъ наконецъ терпѣніе и двинулся впередъ, ища рѣшительнаго боя съ французской арміей. Можно думать, что русскіе подвергались опасности совершеннаго пораженія. Поэтому Барклаю дѣлають честь проявленныя въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ самообладаніе и пожертвованіе ради пользы дѣла собственнымъ самолюбіемъ. Удостоверившись, что движеніе Наполеона угрожаетъ его лѣвому флангу, онъ воспользовался невыгоднымъ положеніемъ французовъ, двигавшихся проселочными дорогами, испорченными непрерывными дождями, и потерявшихъ много лошадей, и снова отступилъ къ Смоленску.

Изъ изложеннаго видно, что операція между Витебскомъ и Смоленскомъ должны были бы привести къ генеральному сраженію, если бы не слишкомъ сложный планъ французовъ, который ясно обнаружилъ ихъ намѣренія и вынудилъ русскихъ къ отступленію.

Трудно однако, пишет Сангушко, высказать правильное сужденіе, потому что планы нельзя оцѣнивать только по однимъ результатамъ, предварительныя же намѣренія полководцевъ намъ неизвѣстны. Вообще же генералы—стая мухъ, надутыхъ самолюбіемъ и убѣжденныхъ, что единственно ихъ дѣйствія вращаютъ и тормозятъ колесо тяжелаго воза судебъ міра. Объясненія, соотвѣтствующія обстоятельствамъ, даются ими лишь по совершеніи событій. Одинъ Фридрихъ Великій умѣлъ дѣлать многое при помощи малыхъ средствъ.

Французская армія наконецъ выбралась на большую дорогу, представлявшую лучшія условія для движенія. Мюрать, двигаясь впереди ея, боемъ открывалъ дорогу Наполеону.

Атака Смоленска безъ всякой развѣдки мѣстности и безъ подготовки средствъ для овладѣнія городомъ была явной неудачей, неудачей тѣмъ болѣе тяжелой, что увлеченіе Наполеона имѣло результатомъ значительное число жертвъ. Поляки потеряли генерала Грабовскаго убитымъ и генерала Заюнчека, полковника Круковецкаго и многихъ другихъ раненными. Польскихъ рекрутъ не удивила огромная стѣна, окружавшая городъ, а старыхъ солдатъ не смутило то обстоятельство, что имъ не придали ни артиллеріи, ни лѣстницъ. Тѣ и другіе склонили головы передъ ревомъ тысячи пушекъ, потрясавшихъ своимъ громомъ широкія обводныя стѣны.

Сангушко, узнавъ, что поляки предназначены для атаки Смоленска, и желая видѣть ихъ въ дѣлѣ, отправился туда, гдѣ правый флангъ Даву примыкалъ къ лѣвому флангу польскаго корпуса. По рѣдкой для столь многочисленной арміи случайности здѣсь дрались французскій и польскій полки, носившіе одинъ и тотъ же номеръ. Поэтому во время штурма часто раздавалось то пофранцузски, то попольски восклицаніе «впередъ пятнадцатый!». Оба полка, достигнувъ вѣковой стѣны, опоясывавшей городскую твердыню, не хотѣли уступить занятаго пространства и провели ночь такъ близко отъ башенъ, что русскіе черезъ старый, засыпанный сухимъ камнемъ проломъ (носившій названіе Чарторыйскаго пролома, потому что по преданію его нѣкогда пробилъ князь Чарторыйскій) выходили, разговаривая попольски, смѣшивались съ поляками и захватывали плѣнныхъ.

Бой продолжался до наступленія сумерекъ. Вечеромъ князь Понятовскій поручилъ Сангушкѣ доставить въ главную квартиру императора русскаго майора Чичагова, взятаго въ плѣнъ во время штурма. Наполеонъ съ гвардіей ночевалъ въ полумилѣ отъ Смоленска. Сангушко нашелъ его въ небольшой палаткѣ съ королемъ неаполитанскимъ. Императоръ не пожелалъ принять плѣннаго офицера. Была страшная жара. Наполеонъ сидѣлъ раздѣтымъ между постелью и столикомъ, а по другой сторонѣ столика помѣщался Мюрать, и Сангушкѣ показалось, что послѣдній былъ пьянъ, а императоръ выпивши.

Въ присутствіи Сангушки въ палатку былъ приведенъ крестьянинъ, возвращавшійся изъ русской арміи. Наполеонъ долго разспрашивалъ его о движеніи противника и наконецъ приказалъ Сангушкѣ спросить его, чего бы онъ желалъ для себя. Сангушко старался, впрочемъ, осторожно, потому что Наполеонъ понималъ немного попольски, дать понять простаку, что это для него счастливый случай. Крестьянинъ не хотѣлъ, однако, ничего, кромѣ возвращенія въ свою деревню, объяснивъ, что онъ торопится домой, потому что онъ помолвленъ. Тогда императоръ въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ приказалъ его спросить, въ какихъ отношеніяхъ онъ состоитъ съ своей невѣстой. Наконецъ, не добившись отъ него отвѣта, подарилъ ему два наполеондора и приказалъ дать пинка на дорогу.

Императоръ спросилъ Сангушку, какъ идетъ со Смоленскомъ, и велики ли потери. Сангушко отвѣтилъ, что все идетъ хорошо, и хотя городъ не взятъ, но мостъ на Днѣпрѣ находится въ рукахъ атакующихъ. Подобно многимъ другимъ, Сангушко былъ введенъ въ заблужденіе, принявъ довольно значительный протокъ передъ одними изъ воротъ города за Днѣпръ, а мостъ черезъ этотъ протокъ за Днѣпровскій мостъ. Борьба за упомянутыя ворота продолжалась до ночи. Вслѣдствіе грохота орудій и дыма отъ горящаго города, а также страшной пыли, не было возможности не только ориентироваться, но даже видѣть въ двухъ шагахъ. Относительно потерь Сангушко доложилъ, что онѣ не значительны, если принять во вниманіе силы и позицію непріятеля. «Счастье видимо благопріятствуетъ арміи вашего императорскаго величества,—прибавилъ онъ:—король неаполитанскій былъ вчера свидѣтелемъ, какъ десятки выстрѣловъ картечью по его авангарду имѣли результатомъ только потерю руки однимъ изъ канонировъ».

— Вѣрно,—отвѣтилъ Мюратъ,—канониръ еще изъ тѣхъ молодцовъ, которые были съ нами въ Египтѣ, и который меня зоветъ не королемъ, а Мюратомъ.

— А! это изъ тѣхъ молодцовъ ¹⁾,—сказалъ Наполеонъ,—которые и меня называютъ до сихъ поръ Бонапартомъ.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ разговорился. «Я думалъ, пишеть Сангушко, что я стою передъ Тамерланомъ или Аттилою». Говоря объ императорѣ Александрѣ, Наполеонъ выражался однако съ расположеніемъ, но, мало зная его характеръ, упрекалъ его въ недостаткѣ постоянства. Отпуская Сангушку, Наполеонъ позвалъ мамелюка Рустана и приказалъ ему дать шампанскаго. Рустанъ досталъ бутылку изъ-подъ кровати императора, и Сангушко съ удовольствіемъ осушилъ стаканъ за его здоровье.

¹⁾ Въ дѣйствительности Наполеонъ и Мюратъ употребили гораздо болѣе энергичное, но неудобное въ печати выраженіе.

Польскій генералъ Грабовскій палъ раненнымъ въ предмѣстьѣ въ то время, когда велъ свою бригаду въ атаку. Дымъ и пыль были ужасны; охваченный огнемъ онъ долженъ былъ сгорѣть. Въ деревянныхъ домахъ длинной улицы выше моста черезъ Днѣпръ лежало до трехъ тысячъ обгорѣлыхъ тѣлъ русскихъ раненныхъ, представлявшихъ ужасный видъ.

Въ ту же ночь русскіе очистили Смоленскъ, и городъ еще до разсвѣта былъ занятъ французами. Того же результата, замѣчаетъ Сангушко, можно было достигнуть безъ потерь, если бы войска были употреблены цѣлесообразно, и если бы было руководство ими¹⁾.

Наполеонъ утромъ объѣхалъ пункты атаки и около 10 часовъ отправился въ городъ. Здѣсь онъ отдалъ приказаніе приступить какъ можно скорѣе къ исправленію моста черезъ Днѣпръ, сожженного русскими при отступленіи. Ожидая въ нетерпѣннѣйшій окончанія работъ, императоръ вошелъ на батарею, построенную въ прежнія времена поляками и обращенную горжей къ рѣкѣ. Нѣсколько русскихъ орудій дѣйствовало еще съ противоположнаго берега, и едва Наполеонъ вступилъ на батарею, какъ непріятельское ядро ударило ему между ногъ. Онъ остался, однако, на батарее, несмотря на настоятельныя просьбы окружавшихъ, убѣждавшихъ его удалиться²⁾.

Мостъ былъ оконченъ къ вечеру. Маршалъ Ней тотчасъ перешелъ рѣку и, продвинувшись двѣ мили впередъ, имѣлъ славное дѣло у Валутиной горы. При небольшомъ счастьѣ русскіе, сбившіеся съ дороги, могли бы здѣсь найти свою могилу. Но въ то

¹⁾ «Жюно, пишетъ Кастелланъ (Journal du maréchal Castellane), упорно принималъ изгороди за массы русскихъ, которые будто бы мѣшали наступать, и, несмотря на то, что ему доказывали противное, ни за что не хотѣлъ двинуться впередъ». Турго (Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812) даетъ слѣдующія подробности. «Несмотря на настоящія короля неаполитанскаго, вопреки приказаніямъ и инструкціямъ императора, переданнымъ ему ординарцемъ, Жюно ни за что не хотѣлъ направиться на дорогу въ тылъ русскимъ. Этотъ генералъ, давшій столько доказательствъ самой блестящей храбрости, повидимому, испытывалъ уже начало болѣзни, отъ которой онъ умеръ нѣкоторое время спустя. Ординарецъ (Турго), видя, что онъ не желаетъ исполнить переданное ему приказаніе, сказалъ: «Г. герцогъ, что долженъ я передать императору?» Герцогъ Абрантесъ, окруженный штабомъ, казалось, былъ въ большомъ уныніи. Онъ отвѣтилъ съ неудовольствіемъ: «Вы передадите, что я остановился, потому что наступила ночь». Напрасно ординарецъ возражалъ, что еще оставалось около четырехъ часовъ до наступленія темноты, что маршалъ Ней, вынужденный вести атаку съ фронта, несетъ большія потери. Всѣ его представленія оказались безполезными. Герцогъ Абрантесъ не хотѣлъ двинуться съ мѣста».

²⁾ «На берегу Днѣпра, пишетъ Фанъ (Manuscrit de mille huit cent douze). Наполеонъ сходитъ съ коня и, чтобы лучше разсмотрѣть позицію, которую непріятель продолжаетъ занимать на противоположной сторонѣ рѣки, становится въ амбразуру старой башни... Въ избранномъ имъ мѣстѣ императоръ подвергается опасности—пули и ядра бьютъ безпрестанно въ стѣны возлѣ него, но онъ занятъ исключительно рекогносцировкой позиціи. Пробывъ здѣсь болѣе часу, онъ садится снова на коня и ѣдетъ въ крѣпость».

время, когда Ней съ горстью войскъ творилъ чудеса, Жюно, выйдя во флангъ непріятеля, несмотря на неоднократныя приказанія императора, переданныя ему черезъ генерала Паца, не хотѣлъ двинуться впередъ подъ предлогомъ, что кустарникъ на его флангѣ скрываетъ русскихъ и не позволяетъ ему вступить въ бой подъ вечеръ. Увѣдомленный объ этой отговоркѣ, Наполеонъ сказалъ: «Если бы я былъ Жюно, я лучше бы пустилъ себѣ пулю въ лобъ». Императоръ хотѣлъ тогда же лишить его командованія корпусомъ. Смерть Жюно отъ сумасшествія избавила Наполеона отъ полученія въ отвѣтъ совѣта покончить самому съ собою. Въ это время императоръ, замѣчаетъ съ насмѣшкою Сангушко, началъ уже, подобно страусу, все переваривать.

Въ Смоленскѣ оставалось еще довольно много жителей, но обращеніе съ ними французовъ было таково, что они тотчасъ же разбѣжались. Молва о совершенныхъ насиліяхъ далеко предупредила французскую армію, и при дальнѣйшемъ наступленіи она уже почти нигдѣ не встрѣчала живой души. Въ Смоленскѣ сохранилось нѣсколько мѣховыхъ лавокъ, наполненныхъ товаромъ. Онѣ были разграблены въ мгновеніе ока. Важнѣйшія лица арміи не гнушались принять участіе въ захватѣ этой добычи и навьючивали своихъ лошадей шкурками обыкновенныхъ бѣлыхъ кроликовъ.

Сангушко рассказываетъ, что подъ Смоленскомъ вниманіе императора привлекло большое стадо дикихъ гусей, летѣвшихъ въ теплые края. Столь ранній отлетъ не навелъ его, однако, на мысль о близости зимы. Императоръ провелъ въ Смоленскѣ всего около десяти дней. Для рѣшенія вопроса, продолжать ли дальнѣйшее наступленіе, былъ собранъ имъ военный совѣтъ. Наконецъ желаніе достигнуть столицы взяло въ немъ верхъ. По слухамъ, Мюратъ и Даву стояли за движеніе впередъ ¹⁾.

Въ дѣйствительности французы, утомленные длиннымъ рядомъ войнъ, только и мечтали о возвращеніи. Наиболѣе преданные Наполеону говорили: «Правда, императоръ осыпалъ насъ богатствами, но что же намъ въ нихъ, если мы не можемъ ими пользоваться и если наши жены и дѣти намъ также чужды, какъ и комфортъ и увеселенія Парижа». Неудовольствіе французовъ было столь сильно, что рѣдкіе изъ нихъ за глазами у начальства исполняли удовлетворительно свои обязанности.

Наполеонъ, пишетъ Сангушко, пожалъ только то, что самъ посяялъ. Онъ сдѣлалъ все, чтобы развратить свой народъ и искоре-

¹⁾ Фезенгамъ, состоявшій при главной квартирѣ, свидѣтельствуетъ напротивъ (*Journal de la campagne de Russie*), что Мюратъ не переставалъ твердить, что войска доведены до изнеможенія, лошади питаются только соломой съ крышъ и не въ состояніи противостоятъ усталости; если продолжать наступленіе, является рискъ потерять все.

нить врожденное послѣднему чувство чести. Чтобы вѣрнѣе достигать своей цѣли, онъ прикрывалъ низости внѣшнею блестящею оболочкою и лѣпилъ изъ французовъ, какъ изъ воску. Богъ предоставилъ каждому человѣку свободную волю и затѣмъ судить насъ по нашимъ поступкамъ. Онъ далъ французамъ одинаковую склонность и стремленіе къ алчности и чести. Когда послѣдняя руководила ими, они горѣли яркимъ блескомъ стараго французскаго рыцарства. Вслѣдъ за Дюгескленомъ, Баярдомъ и многими другими можно привести въ примѣръ мужественный родъ Гизовъ. Въ позднѣйшія времена тысячи жертвъ разнаго положенія и возраста клали свои головы подъ топоръ гильотины. Наконецъ французскій солдатъ былъ образцомъ отваги и безстрашнаго мужества. Много поэтому, восклицаетъ Сангушко, долженъ былъ Наполеонъ дать себѣ труда, чтобы совершенно развратить ихъ и довести до того состоянія, въ которомъ они находятся теперь, въ 1815 году.

IV.

Движеніе французской арміи отъ Смоленска къ Можайску. — Бородинское сраженіе. — Слова Наполеона при восходѣ солнца. — Нерѣшительность императора. — Отданное и вслѣдъ затѣмъ отмѣненное приказаніе гвардіи атаковать. — Предложеніе Даву наканунѣ сраженія. — Ошибки Наполеона.

Послѣ Смоленска и Валутина до Можайска не происходило крупныхъ боевъ, и только перестрѣлка конной артиллеріи и кавалерійскія дѣла нарушали однообразіе скучнаго марша. Недостатокъ фуража во время этого движенія заставлялъ французскую армію терпѣть сильныя лишенія. Прилежавшія къ дорогѣ селенія предавались пламени. Огонь — обыкновенный спутникъ войны, замѣчаетъ Сангушко, но нигдѣ два великихъ народа не производили при его посредствѣ упорнѣе и послѣдовательнѣе столькихъ опустошеній.

Французская армія достигла Бородинской позиціи. 5 сентября, послѣ упорнаго боя, поляки и двѣ бригады корпуса Даву овладѣли сильной батареей на правомъ флангѣ ¹⁾. Одержанный успѣхъ въ виду сильной русской позиціи имѣлъ существенное значеніе. Главная квартира провела 6-е сентября близъ взятой батареи. 7 сентября императоръ поднялся еще до разсвѣта и съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія дня. При восходѣ солнца, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Привѣтствую тебя, солнце! Ты то же, что и подъ Аустерлицемъ». Произнесенныя слова и скрытый въ нихъ смыслъ быстро пронесли по шеренгамъ, горѣвшимъ желаніемъ боя, и онѣ, подобно молніи, устремились впередъ. Въ центрѣ подѣ

¹⁾ Шевардинскій редутъ.

«истор. вѣстн.», августъ, 1898 г., т. LXXIII.

сильнымъ огнемъ пяти русскихъ батарей двинулся Ней въ колоннахъ, по своему обыкновенію безъ выстрѣла; правымъ флангомъ командовалъ Даву, лѣвымъ — вице-король, подававшій собою примѣръ мужества итальянской арміи. Понятовскій, сохраняя связь съ арміей, двигался въ обходъ черезъ лѣса, преодолевая на пути величайшія затрудненія.

Сангушко, не имѣя опредѣленныхъ обязанностей, старался удовлетворить своему любопытству. Наблюдая за Наполеономъ, онъ пришелъ къ заключенію, что императоръ въ этотъ день не проявилъ своего искусства. Не было видно того полководца, который, устремившись съ вершины Альпъ, искусными дѣйствіями и мужественной настойчивостью сломилъ оплотъ прекрасной Ломбардіи и наложилъ цѣпи неволи на огромную армію могущественной Австріи. Вслѣдствіе своего безмѣрнаго тщеславія императоръ требовалъ отъ своей арміи необыкновенныхъ усилій и трудовъ, не раздѣляя своей особой опасностей, которымъ ее подвергалъ, и нисколько не стараясь избѣгать бесполезнаго пролитія крови такихъ храбрецовъ ¹⁾.

Около десяти часовъ утра нельзя было уже сомнѣваться, что сраженіе выиграно французами, а между тѣмъ въ полдень немного не доставало, чтобы оно не только приняло нерѣшительный исходъ, но даже было проиграно ими. Храбрая дивизія Фриана, восемьдесятъ гвардейскихъ орудій и всѣ резервы, кромѣ гвардіи, едва возстановили бой въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, которые уже значительно подались назадъ. Приведенное обстоятельство подтверждаетъ, насколько нерѣшительно дѣйствовалъ въ этомъ бою побѣ-

¹⁾ «Наполеонъ, пишетъ Пелэ (Bataille de la Moskwa), состоявшій при главной квартирѣ французской арміи, выѣхалъ къ Шевардинскому редуту въ два часа ночи, когда было еще совершенно темно. Восходящее яркое солнце онъ привѣтствовалъ воспоминаніями объ Аустерлицѣ. Императоръ находился впереди редута на небольшой возвышенности, командовавшей всѣми пунктами поля сраженія, простиравшагося не болѣе двухъ съ половиною верстъ. Ни съ какой другой точки Наполеонъ не могъ бы видѣть совокупность и подробности сраженія. Находясь въ 500 саженихъ отъ неприятельской линіи, куда часто уносились ядра, онъ управлялъ дѣйствіями этой великой драмы... Если бы даже Наполеонъ и могъ нѣсколько ближе слѣдить за движеніями атаки, то и тогда онъ не сдѣлалъ бы большаго». Леженъ, другой очевидецъ, состоявшій при главной квартирѣ, пишетъ слѣдующее о дѣятельности Наполеона въ день Вородинскаго сраженія (Mémoires du général Lejeune): «Я былъ удивленъ, не видя въ императорѣ той дѣятельности, которая обезпечивала успѣхъ въ прежніе годы. Въ этотъ день онъ сѣлъ на коня только для переѣзда къ полю сраженія. Тамъ онъ усѣлся на холмѣ, откуда могъ видѣть все. Возвращаясь по выполненіи данныхъ мнѣ порученій, я постоянно находилъ его въ томъ же положеніи слѣдящимъ въ подозрную трубку за всѣми движеніями и отдающимъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ приказанія. Но намъ не суждено было видѣть его, какъ въ прежнія времена, электризующимъ войска на пунктахъ, гдѣ упорное сопротивленіе противника затягивало бой и дѣлало успѣхъ его сомнительнымъ. Всякій изъ насъ удивлялся, не видя человѣка Маренго, Аустерлица. Мы не знали, что Наполеонъ былъ нездоровъ».

датель при Маренго и Лоди. Первый успѣхъ надъ противникомъ зависитъ отъ случая, потому что главнокомандующій дѣйствуетъ болѣе или менѣе ощупью безъ знанія силъ и намѣреній противника и нравственнаго состоянія арміи. Но, разъ взявши надъ нимъ верхъ, было бы грубой ошибкой или оплошностью позволить ему оправиться настолько, чтобы онъ приобрѣлъ существенный успѣхъ.

Гордясь при мысли, что наканунѣ овладѣлъ укрѣпленіями, какъ бы прикрывавшими Москву, Наполеонъ спокойно занимался своимъ завтракомъ и спрашивалъ, почему онъ видитъ мало взятыхъ плѣнныхъ и отбитыхъ орудій ¹⁾. Въмѣсто того, чтобы усилить атаку противъ ослабѣвавшихъ русскихъ, онъ, благодаря отсутствію энергии, перешелъ отъ атаки къ оборонѣ, ограничиваясь удержаніемъ взятыхъ батарей. «Развѣ для того, восклицаетъ Сангунко, употребила армія столько усилій и стояла лицомъ къ лицу съ ужасной продолжительной зимой, чтобы императоръ обнаруживалъ колебанія и медлительность въ ту минуту, когда наступила столь нетерпѣливо жданная развязка! Такая чрезмѣрная осторожность приводила въ безпокойство всѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ ея.

Около полудня, маршалы Лефевръ и Мортъе, первый во главѣ старой гвардіи, а второй—молодой гвардіи, получили приказаніе усилить Даву, прорвать расположеніе противника и отдѣлить войска Багратіона, находившіяся на лѣвомъ флангѣ русской позиціи, отъ главныхъ силъ Кутузова. Въмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду прижать русскую армію къ рѣкѣ Москвѣ, протекавшей въ двухъ или трехъ верстахъ въ тылу позиціи. Въ минуту отдачи приказанія генералъ Моранъ взялъ укрѣпленіе, находившееся впереди большой центральной батареи и, за исключеніемъ послѣдней, переходившей уже разъ въ ихъ руки, французы владѣли всѣми укрѣпленіями.

Приказаніе, отданное Лефевру и Мортъе, должно было имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія. Таково было всеобщее мнѣніе. Неизвѣстно, почему, однако, оно не было приведено въ исполненіе. Сангунко ищетъ объясненія въ томъ обстоятельствѣ, что Моранъ былъ вслѣдъ затѣмъ выбитъ русскими изъ взятой имъ батареи, а также въ нежеланіи Наполеона ввести въ дѣло гвардію. Послѣднюю причину онъ считаетъ болѣе вѣроятной—отступленіе Морана могло задержать предположенное движеніе лишь на короткое время, потому что уже вскорѣ онъ вмѣстѣ съ Компаномъ вторично овладѣлъ потерянною батареей.

Во французской арміи носился слухъ, будто бы Монбренъ, павшій въ самомъ началѣ сраженія, имѣлъ особыя указанія отъ императора. Сангунко опровергаетъ это мнѣніе, приводя въ подтвержденіе, что извѣстіе о смерти Монбрена не встревожило Наполеона,

¹⁾ Неудобно удостовѣрять, что и при взятіи Шевардинскаго редута Наполеонъ выражалъ неудовольствіе по поводу малаго числа взятыхъ плѣнныхъ.

который ограничился отдачей приказанія Коленкуру, брату великаго конюшаго, заступить мѣсто Монбрена. Затѣмъ, когда палъ Коленкуръ, на смѣну его былъ отправленъ Раппъ, который былъ израненъ и замѣненъ генераломъ Себастиани. Притомъ было извѣстно, что Монбрень, хотя и пользовался отличной репутаціей, какъ храбрецъ и прекрасный кавалеристъ, но не обладалъ талантами полководца. Наконецъ, указанія императора должны были бы быть переданы не Монбрену, а Даву, который являлся старшимъ на данномъ участкѣ позиціи ¹⁾.

Сангушко высказываетъ сожалѣніе, что мнѣніе Даву, поданное наканунѣ сраженія, было отвергнуто. Даву предлагалъ атаковать лѣвое крыло русскихъ во флангъ, со стороны старой дороги изъ Смоленска на Москву, на которой сражался Понятовскій, и которая пролежала въ одной милѣ отъ поля сраженія. Даву ручался за успѣхъ, если только ему оставятъ дивизію Морана и придадутъ польскій корпусъ, и высказывалъ убѣжденіе, что онъ заставитъ русскихъ перемѣнить фронтъ и очистить укрѣпленія въ то время, какъ императоръ будетъ демонстрировать съ фронта. Планъ этотъ обѣщалъ самые лучшіе результаты.

Въ началѣ боя Даву былъ нѣсколько не въ своей тарелкѣ. Ядро, уложившее четырехъ артиллерійскихъ лошадей, убило подъ нимъ коня и причинило ему болѣзненную контузію. Наполеонъ, уже давно сердившійся на маршала, который раздѣлялъ немилость съ Мюратомъ и Неемъ, обвинялъ его въ вялыхъ дѣйствіяхъ въ этотъ день. Даву съ своей стороны былъ недоволенъ тѣмъ, что у него отняли Морана, безъ котораго онъ былъ слишкомъ слабъ для охвата русской арміи. Онъ встрѣтилъ Сангушку словами, что «не бывало еще такой жестокой и безпорядочной битвы». Рѣшительный пунктъ атаки находился въ участкѣ дѣйствій Даву, и Кутузовъ не упустилъ занять его двойными силами и поддержать сильными резервами. Достаточно, однако, сказать, что пунктъ этотъ должна была атаковать старая гвардія Наполеона, удару которой въ то время невозможно было противостоять. Французы подъ Можайскомъ творили чудеса, но Наполеонъ, вслѣдствіе излишней заботливости о своей особѣ и необычайной нерѣшительности, тормозилъ все.

Отрицать у Наполеона высшія военныя способности было бы равносильно тому, чтобы спорить противъ того, что ясно, какъ день, но въ свою кампанію противъ Россіи онъ сдѣлался жертвой величайшей небрежности. Подъ Можайскомъ Наполеонъ правильно оцѣнилъ расположеніе противника и наиболѣе сильныя и слабыя пункты позиціи. Доказательствомъ сказаннаго служитъ направленіе,

¹⁾ Сангушко ошибается—Раппъ былъ посланъ на смѣну раненаго Компана, бывшаго подъ командой Даву. Монбрень вовсе не былъ подчиненъ послѣдному и дѣйствовалъ въ промежуткѣ между Неемъ и вице-королемъ.

указанное для неприведенной въ исполненіе атаки гвардіи. Глазъ, однако, обманулъ его относительно силы русскихъ укрѣпленій, которыя онъ принялъ за значительно болѣе слабыя, нежели они были въ дѣйствительности. Поэтому и степень настойчивости его въ атакахъ не была достаточна. Онъ дрался по всему фронту и ни одной изъ атакъ не довелъ до рѣшительнаго удара.

Справедливо, что вести войну въ незнакомой странѣ и притомъ въ столь значительномъ удаленіи отъ отечества необходимо было съ величайшею осторожностію. Но подобное соображеніе не можетъ служить оправданіемъ Наполеону, который нигдѣ не проявилъ ея, за исключеніемъ этой битвы, почему и не воспользовался представлявшимся благоприятнымъ случаемъ. Въ Можайскѣ игра шла во всю. Солдатъ самымъ доблестнымъ образомъ выполнилъ свой долгъ, не доставало только желанія и распорядительности со стороны полководца, который исключительно себѣ долженъ приписать нерѣшительность результатовъ. Наполеонъ потерялъ, считая съ ранеными, нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ и до сорока генераловъ, изъ которыхъ каждый былъ для него дорогъ по своей преданности службѣ и закаленности въ перенесеніи лишеній. Потеря русскихъ, хотя и болѣе значительная по числу выбывшихъ нижнихъ чиновъ, могла быть и дѣйствительно была немедленно пополнена.

«Нѣтъ сомнѣнія, говорятъ Сангушко по поводу сраженія подъ Можайскомъ, что выгоднѣе ничего не дѣлать, нежели дѣлать то, что не можетъ принести существенной пользы. Убѣдительнымъ доказательствомъ тому служатъ послѣдствія сраженія подъ Можайскомъ. Уменьшеніе силъ противника, хотя бы вызывавшее одновременное уменьшеніе собственныхъ силъ, было благоразумно со стороны Кутузова, потому что онъ дѣйствовалъ у себя. Напротивъ со стороны Наполеона было ошибкой безъ рѣшительныхъ выгодъ ослаблять себя въ чужой странѣ. Въ каждомъ дѣлѣ, дѣйствуя противъ желаній противника, мы обезпечиваемъ себѣ половину успѣха. Поэтому не слѣдовало давать боя тамъ, гдѣ этого желалъ Кутузовъ. Наше движеніе вправо заставило бы русскихъ очистить позицію, извѣстную за чрезвычайно сильную, или по крайней мѣрѣ вынудило бы ихъ выйти изъ укрѣпленій и дѣйствовать въ облическомъ порядкѣ, наиболѣе трудномъ для войска менѣе искуснаго въ маневрированіи. Движеніе арміи нашей, произведенное на слѣдующій день послѣ сраженія въ этомъ направленіи, утвердило меня еще болѣе въ моемъ предположеніи. Нечего было опасаться, чтобы противникъ совершенно отказался принять бой для защиты святынь своей столицы. Я проигралъ пари, утверждая, что сраженія не будетъ подъ Можайскомъ, и рѣшительно обязанъ этимъ Наполеону».

V.

Барклай де Толли и Кутузовъ въ положеніи главнокомандующаго русской арміей.— Сужденіе Сангушки о полякахъ.— Наполеонъ передъ Москвою.— Значеніе Московскаго пожара.— Сабля Опалинскаго.— Грабежъ дворцовой церкви.— Отношеніе Наполеона къ полякамъ.— Смоленскій бюллетень.— Усыпленіе Наполеона въ Москвѣ.— Причина гибели французской арміи не занятіе Москвы, а продолжительное въ ней пребываніе.— Опасное положеніе Мюрата.— Впечатлѣніе, произведенное на Наполеона извѣстіемъ о сраженіи при Тарутинѣ.

Наступленіе французской арміи отъ Можайска продолжалось съ тѣми же постоянными лишеніями, которыя сопровождали ее при началѣ движенія. Попутныя селенія были обращены въ пепель. По временамъ встрѣчались болѣе ужасныя зрѣлища—обгорѣлыя трупы людей, которые подъ вліяніемъ утомленія отъ ранъ или холодныхъ ночей искали крова и погибли отъ огня по неосторожности,

Кутузовъ съ самаго вступленія въ командованіе русской арміей дѣйствовалъ благоразумно. Хотя въ этомъ отношеніи нельзя было сдѣлать никакого упрека Барклаю, но довѣріе, которымъ издавна пользовался у русскихъ Кутузовъ, давало ему полное господство надъ умами солдатъ. Барклай, напримѣръ, не могъ бы уступить Москвы безъ еще одной послѣдней битвы, которая несомнѣнно принесла бы много зла для Россіи.

Съ высотъ къ западу отъ Москвы французамъ неожиданно открылась древняя столица царей. Видъ ея восхитилъ поляковъ, имѣвшихъ въ то время основаніе надѣяться, что занятіе Москвы будетъ имѣть результатомъ восстановленіе ихъ родины. «Иначе судила судьба,—говоритъ Сунгушко,—она не измѣнила своего постоянного сокровеннаго пути. Раздоры, нежеланіе повиноваться, постыдное стремленіе стоять выше закона и отсутствіе здраваго смысла дѣлаютъ насъ неспособными къ управленію собою безъ желѣзной руки, которою едва ли рѣшился бы быть соотечественникъ въ виду частыхъ примѣровъ, представляемыхъ проплывъ. Однако, подобно тому, какъ и въ природѣ всякія уродливости имѣютъ свой конецъ, можно надѣяться, что и у насъ наконецъ скоро откроются глаза. Родина, погруженная, благодаря нерадивости нашихъ предковъ, въ бездну бѣдствій, можетъ быть, и будетъ выведена изъ этого состоянія только при томъ условіи, если изъ нашего характера исчезнутъ несчастное легкомысліе и ложное тщеславіе, выражающееся подражаніемъ чужимъ народамъ».

Когда Наполеонъ остановился на мѣстѣ, откуда открывалась Москва, на лицѣ его можно было замѣтить тайную радость, соединенную съ безпокойствомъ, потому что, пронизывая взоромъ предмѣстье, онъ не видѣлъ денутаціи, являвшейся обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Въ нетерпѣніи онъ разослалъ одного за дру-

гнѣмъ окружавшихъ его поляковъ, не высказавъ имъ, однако, по давъ понять, чего онъ ожидаетъ ¹⁾).

Литовскій генералъ Моравскій привелъ толпу пропойць и нищихъ, которыхъ Наполеонъ прогналъ, разбранивши его. Сангушко прихватилъ какого-то провинціального чиновника изъ арміи Багратиона и при представленіи его не былъ счастливѣе. Сцена продолжалась отъ второго часа по полудни до наступленія сумерекъ. Наконецъ, Наполеонъ спустился въ лежавшее у ногъ его предмѣстье. Сангушко не былъ свидѣтелемъ конца сцены, потому что императоръ приказалъ ему съ пятнадцатью уланами захватить магазины, находившіеся у калужскихъ воротъ. Пройдя вдоль города, Сангушко исполнилъ полученное приказаніе, но, будучи окруженъ партіями драгунъ и казаковъ, пробился только съ восемью человекъми.

Пожаръ Москвы и отсутствіе покорности со стороны города, вызвавшее гнѣвъ Наполеона, составляетъ заслугу жителей, если только послѣднее не было дѣломъ случая, вслѣдствіе бѣгства населенія. Пребываніе въ Москвѣ болѣе всего разстроило французъ, потому что сохранить порядокъ въ еще дымившихся развалинахъ даже при желаніи было невозможно. Менѣе подверглась разстройству гвардія, занимавшая казармы въ Кремлѣ. Императоръ въ непреодолимомъ упрямствѣ допустилъ всевозможныя своевольства, не принявъ въ соображеніе, что этимъ онъ болѣе вредитъ самому себѣ, нежели кому другому.

Сангушко относится поэтому съ похвалою къ подвигу Ростопчина, считая его виновникомъ московскаго пожара. Онъ предполагаетъ, однако, что въ намѣренія московскаго генералъ-губернатора не входило сжечь городъ настолько, насколько онъ выгорѣлъ въ дѣйствительности. Сильный вѣтеръ, срывавшій крыши и продолжавшійся три дня, несомнѣнно увеличилъ размѣры пожара.

Огонь начался съ лавокъ, гдѣ имѣлись огромные запасы всевозможныхъ товаровъ, которые нельзя было увезти и которые могли быть полезны французамъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вся эта часть города была населена иностранцами и ремесленниками, которымъ нельзя было вполне довѣрять или требовать отъ нихъ, чтобы они жертвовали работою, добровольно покидали свое имущество и уничтожали продовольствіе, которое должно было сдѣлаться при этихъ условіяхъ добычей французовъ. «Свидѣтельствую по собственному опыту,—пишетъ Сангушко,—что сожженіе Москвы было не напраснымъ шагомъ. При всемъ стараніи, въ теченіе семи недѣль я не могъ достать себѣ пары сапогъ, безусловно мнѣ необходимыхъ.

¹⁾ «Императоръ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидать ключей города,—пишетъ Денъе,—съ нетерпѣніемъ тѣмъ болѣе понятнымъ, что за часъ прибытія къ воротамъ Москвы онъ подозвалъ генералъ-адъютанта графа Дюроеля и сказалъ ему: «Отправляйтесь въ городъ, установите порядокъ и соберите депутацію для поднесенія мнѣ ключей».

Употреблены были все мѣры для тушенія пожара, который былъ невыгоденъ для вступившей въ городъ арміи. Магазиновъ дѣйствительно не было вовсе, и я нашелъ въ томъ, который былъ подъ калужскими воротами, едва нѣсколько десятковъ корцовъ хлѣба. Хлѣбъ, а въ особенности овесъ, былъ рѣдокъ уже вскорѣ послѣ нашего вступленія въ Москву».

Потери большой цѣны воспаляютъ людей и увлекаютъ сердца ихъ къ мщенію и возмездію. Окрестные поселяне, видя разореніе священной для нихъ столицы и приписывая пожаръ ея врагамъ, а также несчастные горожане, скрывавшіеся по близости, подали первый примѣръ нападенія на французовъ и захвата ихъ въ плѣнъ. До этихъ поръ даже фурлейты и денщики производили фуражировки безъ прикрытія и безъ оружія, никогда не подвергаясь нападеніямъ. Первая попытка подобнаго рода со стороны крестьянъ причинила весьма значительныя потери.

Замыселъ Ростопчина могъ, кромѣ того, имѣть въ основаніи вѣрное соображеніе заставить противника терять драгоценное время въ борьбѣ съ пожаромъ. Наполеонъ вынужденъ былъ странствовать изъ Кремля въ Петровскій дворецъ и обратно и въ теченіе нѣсколькихъ дней не имѣлъ квартиры въ городѣ, что должно было оказать значительное вліяніе на ходъ дѣла (если бы онъ занимался имъ, какъ слѣдуетъ, прибавляетъ Сангушко). Никто изъ командруемыхъ не могъ получить точныхъ свѣдѣній относительно своей команды. Сангушко, едва спасшись отъ огня, въ теченіе пяти дней тщетно розыскивалъ своихъ людей, которые затерялись въ общемъ безпорядкѣ.

Кремлевскій дворецъ и церковь показали Сангушкѣ пострадавшими отъ грабежа еще до вступленія французовъ, можетъ быть, потому, замѣчаетъ онъ, что предполагалось, что въ нихъ будетъ жить Наполеонъ. Арсеналь былъ разграбленъ, и оружіе, казавшееся испорченнымъ, было выброшено въ окна. Куча его лежала на маленькой улицѣ, которая вела ко дворцу. Генераль Сулковскій и адъютанты князя Понятовскаго, Бжостовскій и Свейковскій, проѣзжая по этой улицѣ, обратили вниманіе на палашъ, лежавшій вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ. Свейковскій поднялъ заржавѣвшую саблю, возлѣ которой находились старинныя ножны, и поляки съ удивленіемъ увидѣли вырѣзанные на саблѣ 1606 годъ, гербъ и фамилію Опалинскаго, павшаго при оборонѣ Кремля. Неожиданно приобретенная драгоценность была поднесена князю Понятовскому, который принялъ подарокъ въ надеждѣ сдѣлать его національнымъ достояніемъ.

Во время пребыванія въ Москвѣ Сангушко находился при Наполеонѣ, когда была ограблена дворцовая церковь. Непріятно было даже присутствовать при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ, — пишетъ онъ. — Императоръ осматривалъ принадлежности и вещи, имѣвшія большую цѣнность, спрашивая при этомъ Бертье, не ошибается ли онъ въ

ихъ стоимости. Затѣмъ по указанію императора вещи складывались въ кучи и предназначались къ отправкѣ въ Парижъ. Сангушко отдаетъ справедливость присутствовавшему при этомъ генералу Мутону, который былъ въ отчаяніи отъ распоряженій Наполеона.

Первая недѣля пребыванія въ Москвѣ ушла у Сангушки на охраненіе себя отъ огня и отъ своевольства солдатъ, а также въ поискахъ квартиръ, такъ какъ, благодаря пожару, приходилось переноситься ежедневно. Изгоняемый нѣсколько разъ огнемъ, Сангушко выбралъ жилищемъ уединенный домъ, окруженный садами въ отдаленной мѣстности, предпочитая подвергнуться нѣкоторому риску нападенія, нежели запаху гари отъ пожаровъ и ужаснымъ зрѣлищамъ, попадавшимъ на каждомъ шагу въ предѣлахъ города. Сангушкѣ удалось прожить спокойно въ избранномъ имъ жилищѣ съ нѣсколькими семьями, принятыми имъ подъ покровительство, и которыхъ онъ кормилъ до самаго выѣзда мукой и крупой, спасенными изъ огня.

Охлажденіе Наполеона къ полякамъ и польскому дѣлу было замѣчено Сангушкою уже въ Витебскѣ. Польша тяготила императора, и Сангушко свидѣтельствуетъ, что отношенія его къ полякамъ совершенно утратили прежній благосклонный характеръ. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слѣдующее.

Подъ Вязмой подскакалъ къ Наполеону съ донесеніемъ офицеръ польской гвардіи. Выслушавъ приказаніе императора, онъ повернулся кругомъ и, прыгая черезъ ровъ, по неловкости упалъ съ коня. Наполеонъ вышелъ изъ себя и, изливъ свое неудовольствіе противъ упавшаго, перешелъ вообще къ полякамъ, говоря: «что они не тѣ люди, которые могли бы управлять собою, что они до сумасбродства преданы страстямъ» и т. п. Онъ говорилъ, что ему приходило на языкъ, и, когда порядочно отдѣлалъ поляковъ, Сангушко вышелъ изъ свиты, окружавшей императора, и съ почтительнымъ поклономъ доложилъ, что упавшій офицеръ, хотя и служить въ польской гвардіи, французъ по фамиліи Ля Рохэ. Наполеонъ грубо разсмѣялся и, желая остаться правымъ, сказалъ, что «онъ видитъ, что сукно дѣлаетъ монаха», «но не ѣздока, ваше величество», отвѣтилъ Сангушко.

Находясь почти постоянно во дворцѣ, Сангушко не могъ не обратить вниманія на то, что въ прежнее время императоръ на ежедневной аудіенціи какимъ либо словомъ или знакомъ отличалъ cadaго поляка, состоявшаго при его особѣ. За все же время пребыванія въ Москвѣ Сангушко не замѣтилъ, чтобы онъ обратился къ кому либо изъ его соотечественниковъ. Одинъ изъ послѣднихъ, Александръ Ружнецкій, получивъ аудіенцію при отъѣздѣ изъ Москвы, повидимому, былъ принятъ весьма сухо, потому что вышелъ отъ императора сильно смущеннымъ.

Въ Москвѣ Сангушкѣ впервые попался Смоленскій бюллетень.

Прочитавъ его, онъ былъ жестоко оскорбленъ выраженіемъ бюллетеня: «Русскіе, привыкнувъ пренебрегать поляками, были удивлены, встрѣтивъ въ нихъ столько отваги». Кромѣ умышленнаго оскорбленія, Сангушко усмотрѣлъ въ этихъ словахъ со стороны Наполеона коварную цѣль, лстя Россіи и принося ей въ жертву Польшу, облегчить заключеніе мира. Прочитавъ «Мониторъ» передъ самымъ обѣдомъ, онъ, сдерживая негодованіе, сѣлъ за столъ. Его разстресненный видъ бросился въ глаза окружавшимъ, и на него посыпались вопросы о причинѣ его унынія. Сангушко сначала отмалчивался, но наконецъ не выдержалъ и высказался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ по поводу статьи «Монитера». Сидѣвшіе по сторонамъ его Сегюръ и Тюреннъ, предполагая, что онъ не знаетъ, что авторъ бюллетеня Наполеонъ, изъ доброжелательства оба уцѣпнули его. Маршалъ Дюрокъ послѣшилъ замаять разговоръ»¹⁾.

Видя, что интересы Польши отошли на послѣдній планъ, Сангушко утѣшался тѣмъ, что заключеніе мира представлялось сомнительнымъ. Онъ даже желалъ, чтобы какая нибудь неудача снова сдѣлала поляковъ нужными. «Но я не могъ предугадать, пишетъ онъ, что великій итальянецъ настолько поглупѣетъ и опустится, что не приметъ въ соображеніе важнѣйшихъ потребностей для существованія предводительствуемой имъ арміи и суровыхъ условій климата, и дѣла Польши окажутся въ худшемъ видѣ, нежели это можно было ожидать въ случаѣ заключенія мира».

Сангушко былъ знакомъ съ барономъ д'Альбъ, котораго онъ характеризуетъ, какъ прямую и хорошую личность. Д'Альбъ служилъ при Наполеонѣ съ начала его карьеры и во всякое время имѣлъ доступъ въ кабинетъ императора. Однажды, въ Москвѣ, Сангушко навѣстилъ д'Альба, чувствовавшаго себя больнымъ, и тотъ въ откровенномъ разговорѣ высказалъ опасеніе за здоровье и образъ мыслей императора, который только около 9 часовъ утра показывается двору, а остальное время, уже пятнадцать дней, проводитъ въ бездѣятельности (какъ бы въ летаргін), и его не пробуждаютъ изъ усыпленія даже почты, прибывающія изъ Парижа.

Нѣсколько дней спустя послѣ вступленія въ Москву, Сангушко, возвращаясь ночью домой, среди зарева пожаровъ, непрерывно отражавшихся на небѣ, различилъ сѣверное сіяніе. Вскорѣ послѣ этого генераль-интендантъ Дарю обратился къ нему, какъ болѣе знакомому съ климатомъ, съ вопросомъ, что онъ думаетъ о погодѣ, которая начала портиться. Сангушко, зная, что сѣверное сіяніе служитъ всегда предвѣстникомъ хорошей погоды, утверждалъ, что она простоятъ въ теченіе цѣлаго оборота луны, и объяснилъ, на чемъ

¹⁾ По мнѣнію Сегюра. Наполеонъ умышленно употребилъ въ бюллетенѣ оскорбительное выраженіе съ цѣлью вызвать негодованіе поляковъ, рассчитывая, что результаты этого негодованія должны были пасть на русскихъ.

онъ основываетъ свое заключеніе. Дарю переспросилъ, можетъ ли положиться на его свѣдѣнія императоръ, котораго надлежало въ такомъ случаѣ объ этомъ увѣдомить. Сангушко, имѣя въ виду выйти изъ мышеловки, въ которую попала французская армія, ручался головою за вѣрность своего предсказанія. Дѣйствительность превзошла его ожиданія—наступила отличная погода и простояла непрерывно въ теченіе семи недѣль.

Желаніе Наполеона заключить миръ устранило, однако, вѣрное средство къ спасенію—возможно быстрое очищеніе Москвы. По мнѣнію Сангушки, не занятіе этой столицы погубило французскую армію, а слишкомъ долгое въ ней пребываніе ¹⁾. Если бы Наполеонъ, пишетъ Сангушко, остался въ Москвѣ только двѣ недѣли и притомъ принялъ мѣры для сохраненія въ войскахъ дисциплины, онъ могъ отойти назадъ или черезъ Украину, разбивъ по пути Чичагова, или же сѣвернымъ направленіемъ, захвативъ въ плѣнъ Витгенштейна и Ростовчина ^(?), изъ которыхъ противъ послѣдняго императоръ былъ особенно раздраженъ. Мюратъ, выдвинутый на сто слишкомъ верстъ и имѣвшій свыше двадцати тысячъ человѣкъ, былъ бы достаточно силенъ сравнительно съ непополненной русской арміей, чтобы прикрыть отступленіе Наполеона.

Между тѣмъ Мюратъ скоро оказался въ самомъ опасномъ положеніи. Корпусъ его, составленный преимущественно изъ конницы и вынужденный прибѣгать къ фуражировкамъ на большія разстоянія, ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ; люди и лошади терпѣли голодъ и лишенія. Въ то же время армія Кутузова быстро усиливалась. Молодецкая храбрость Мюрата, умѣстная при борьбѣ одинъ на одинъ, принесла здѣсь только вредъ, потому что онъ въ ослѣпленіи продолжалъ стоять на мѣстѣ, ругаясь Наполеону за свою безопасность и по недоразумѣнію увѣровавъ въ перемиріе, на которое не согласился Кутузовъ.

Противники находились въ столь маломъ удаленіи другъ отъ друга, что было видно каждое движеніе французовъ въ ихъ шалашахъ. 18 октября, было произведено нечаянное нападеніе на французскій лагерь въ ту минуту, когда одни отправлялись на фуражировку, другіе на водопой. Мюратъ былъ опрокинутъ, и остается только удивляться, что онъ не былъ взятъ въ плѣнъ.

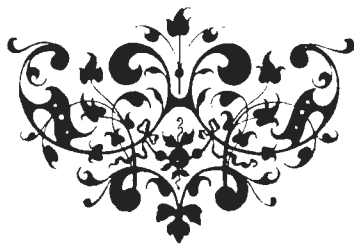
Извѣстіе о понесенной неудачѣ быстро достигло Наполеона, и

¹⁾ Опасность промедленія въ Москвѣ сознавалась многими еще во время пребыванія французской арміи въ столицѣ. Леженъ приводитъ слова генерала Гоксо: «это должно насъ привести скоро къ оборонѣ Парижа».—«Многіе генералы, пишетъ Плана (Vie de Planat de la Faye), называли императора сумасшедшимъ и говорили, что онъ погубитъ всѣхъ до послѣдняго человѣка. Самые оскорбительныя отзывы объ императорѣ исходили изъ штаба принца Нейштательскаго. Императоръ знаетъ объ этомъ, почему онъ и не любилъ этого штаба, пополняемый Бертъ главнымъ образомъ изъ С.-Жерменскаго предмѣстья».

онъ убѣдился, что надежда на миръ его обманула. «Нуженъ рѣзецъ Гомера и творческій его талантъ, пишетъ Сангушко, чтобы представить себѣ вполне Наполеона въ эту минуту. Внезапное его появленіе изъ глубины императорскихъ покоевъ съ измѣнившимся лицомъ и неожиданное обращеніе ко мнѣ, когда я съ глазу на глазъ встрѣтился съ нимъ въ передней, поразили меня, подобно встрѣчѣ съ сумасшедшимъ. Два раза видѣлъ я Наполеона замѣтно обнаружившимъ тревогу—въ этотъ разъ и въ Толочинѣ»¹⁾).

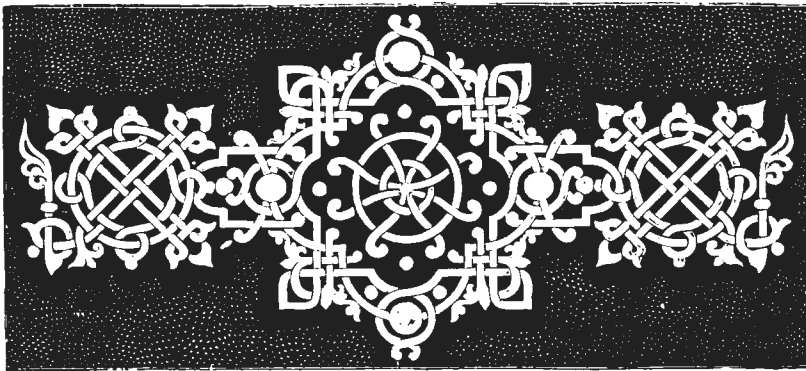
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Харкевичъ.

---

¹⁾ Имѣются многочисленные свидѣтельства, что извѣстіе о боѣ подъ Тарутиннымъ было подучено Наполеономъ въ то время, когда онъ производилъ въ Кремлѣ смотръ корпусу Нея. Донесеніе о неудачѣ было привезено адъютантомъ Мюрата Беранже. Императоръ былъ видимо озабоченъ полученнымъ извѣстіемъ и сократилъ смотръ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX столѣтій.
В. А. Верещагинъ. Спб. 1898.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ опытъ г. Верещагина о книжной иллюстраціи обнимаетъ время съ 1820 по 1870 г. и напечатанъ въ ограниченномъ количествѣ (425 экз.). Слѣдуетъ сказать, что до сихъ поръ въ трудахъ библиографовъ и въ каталогахъ книгопродавцевъ почти совсѣмъ не упоминается, при обозначеніи книгъ, о томъ, находятся ли въ нихъ иллюстраціи и какія именно. «Единственнымъ пособіемъ для собирателей русскихъ иллюстрированныхъ изданій, — говоритъ г. Верещагинъ, — можетъ считаться превосходный трудъ Ровинскаго «Словарь русскихъ гравюровъ». Но свѣдѣнія о книжной иллюстраціи занимаютъ въ «Словарѣ» второстепенное мѣсто, такъ какъ Ровинскій интересовался исключительно граверами, то-есть исполнителями, а не художниками, создавшими исполняемые рисунки, что собственно для собирателя иллюстрированныхъ книгъ не можетъ быть признано достаточнымъ. Съ другой стороны, даваемые имъ свѣдѣнія касаются почти исключительно изданій съ гравюрами на мѣди. Въ задачу покойнаго ученаго не входило описаніе цѣлой области гравюры на деревѣ, стали и литографіи. Всѣ эти способы передачи

рисунка обогатили, однако же, русскую книжную иллюстрацію такими произведениями, которыя, по своему историческому значенію и глубинѣ внутренняго содержанія, бесспорно и значительно превосходятъ все то, что дала въ этомъ смыслѣ гравюра на мѣди». О своемъ собственномъ трудѣ г. Верещагинъ отзывается въ томъ смыслѣ, что собранные имъ матеріалы позволяютъ ему предложить болѣе или менѣе подробное описаніе одной тысячи русскихъ иллюстрированныхъ книгъ и изданій, начиная съ 1720 года, то-есть почти съ самаго начала появленія въ русской книгѣ гравюры свѣтскаго содержанія, и кончая шестидесятыми годами текущаго столѣтія, когда новѣйшіе способы воспроизведенія рисунка путемъ фотографіи начали мало-по-малу замѣнять гравюру, особенно въ обыкновенныхъ изданіяхъ, и у насъ, и за границей.

«Конечно, замѣчаетъ г. Верещагинъ, одной тысячею названій не можетъ быть исчерпанъ перечень русскихъ иллюстрированныхъ книгъ за этотъ длинный періодъ, да это врядъ ли и необходимо. Для любителя гораздо важнѣе имѣть въ своемъ распоряженіи описанія хотя бы тѣхъ иллюстрированныхъ изданій, которыя почему либо заслуживаютъ вниманія; описанія же громаднаго большинства такихъ изданій нашли себѣ мѣсто въ настоящемъ сборникѣ. Описанія книгъ и изданій состоятъ изъ перечисленія находящихся въ книгѣ гравюръ, съ поименованіемъ именъ художниковъ и граверовъ и, по возможности, краткимъ обозначеніемъ сюжетовъ гравюръ. Кроме того, нѣкоторыя изъ книгъ снабжены указаніями на ихъ исключительную рѣдкость, на существовавшія прежде на нихъ цѣны, на тѣ или другія особенности ихъ изданія и тому подобными свѣдѣніями, которыхъ, къ сожалѣнію, удалось собрать далеко не въ желаемомъ количествѣ».

Недостатки эти вполнѣ извинительны, потому что добываніе свѣдѣній объ иллюстрированной литературѣ крайне у насъ затруднено.

Но имѣется въ этомъ дѣлѣ вина и самого г. Верещагина. Помѣщая въ свой каталогъ книги, которыми пользовался Д. А. Ровинскій при составленіи «Словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ», г. Верещагинъ не имѣлъ подъ руками критическихъ замѣчаній о «Словарѣ» Ровинскаго, сдѣланныхъ въ «Русскомъ Художественномъ Архивѣ» И. Остроглазовымъ. Поэтому ошибки г. Ровинскаго о художественной старинѣ вошли и въ трудъ г. Верещагина. Затѣмъ уже бѣдность книжной иллюстраціи въ Россіи, конечно, не зависитъ отъ составителя руководства къ ней, но обусловлена исторіей литературы и живописи. Поэтому и г. Верещагинъ вполнѣ правъ, говоря: «такъ какъ литература и живопись развились и получили у насъ самостоятельное національное значеніе только въ самое послѣднее время, то и книжная иллюстрація могла развиваться только сравнительно весьма недавно и успѣла дать лишь весьма незначительное число произведеній самобытныхъ, художественныхъ и типичныхъ».

Авторъ намѣчаетъ въ русской иллюстраціи четыре важныхъ періода: первый изъ этихъ періодовъ, съ середины XVI вѣка до временъ Петра I, благодаря исключительному господству во всѣхъ сферахъ общественной жизни интересовъ и вліянія церкви, характеризуется преобладаніемъ въ русской иллюстрированной книгѣ гравюры духовнаго содержанія. Эти гравюры были

рѣзаны преимущественно на деревѣ (первая гравюра на мѣди появились въ русской книгѣ въ 1647 году), и, въ виду, съ одной стороны, узкихъ предѣловъ религіозныхъ требованій, съ другой — отсутствія хорошихъ рисовальщиковъ и гравировъ, была однообразна и скудна по содержанію и исполненію. Съ начала XVIII вѣка подъ влияніемъ петровскихъ реформъ и появленія гравировъ на мѣди, въ русской иллюстрированной книгѣ появляется гравюра на мѣди, которая сперва начинаетъ украшать собой книги по разнымъ отраслямъ прикладныхъ знаній, а потомъ — разные официальные изданія, то-есть тѣ почти единственные произведенія печатнаго слова, которыя пользовались въ то время извѣстнымъ распространеніемъ. При этомъ, въ виду той второстепенной роли, которую играли въ общественной жизни доброй половины XVIII столѣтія литература и живопись, изъ этой же роли и за все это время не выходила и книжная гравюра. Въкѣ Екатерины былъ переходнымъ временемъ для нашей книжной иллюстраціи. Просвѣдительная дѣятельность императрицы и ея современниковъ, покровительство, оказываемое литераторамъ, и появленіе частной издательской дѣятельности дали сильный толчекъ развитію русскаго книжнаго дѣла. Съ этихъ поръ гравюра начинаетъ украшать собою, кромѣ официальныхъ изданій, и произведенія изящной словесности, и, наконецъ, въ началѣ XIX столѣтія, главнымъ образомъ, благодаря распространенію литературы среди широкой публики, перестаетъ быть въ книгѣ тѣмъ рѣдкимъ исключеніемъ, какимъ она была прежде, и вступаетъ въ третій періодъ своего развитія. При этомъ, продолжая оставаться въ полной зависимости отъ направленія и содержанія отечественной живописи и заимствуя у ней и форму, и сущность, гравюра приобретаетъ всѣ ея отличительныя черты и особенности: строгость рисунка и условность содержанія. Начало четвертаго періода историческаго развитія нашей книжной иллюстраціи совпадаетъ съ началомъ 40-хъ годовъ. Въ это время все подъ тѣмъ же влияніемъ и литературы и живописи, которыя успѣли уже твердо встать на національную почву, книжная иллюстрація начинаетъ тоже черпать содержаніе изъ дѣйствительной жизни и, благодаря цѣлому ряду талантливыхъ исполнителей, достигаетъ своего расцвѣта. вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе появленія новыхъ способовъ воспроизведенія рисунка, она становится разнообразнѣе. Въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, кромѣ гравюры на деревѣ, снова замѣнившей къ этому времени гравюру на мѣди, появляются гравюры на стали и литографія. Наконецъ, съ начала 1870-хъ годовъ наша книжная иллюстрація вступаетъ въ свой послѣдній фазисъ, въ которомъ она находится и понынѣ. Съ этихъ поръ гравюра замѣняется, почти вездѣ, разными другими способами воспроизведенія рисунка, путемъ фотографіи, какъ-то: фототипіею, цинкографіею, фотографіею и т. п. Всѣ эти способы, передавая рисунокъ художника съ такою точностью, до которой гравюра дойти не можетъ, да и не должна, оставаясь въ предѣлахъ самостоятельнаго искусства, а не простого ремесла, обходятся къ тому же значительно дешевле. Вотъ почему, переставъ отвѣчать нѣкоторымъ изъ цѣлей, для которыхъ она предназначена, гравюра уступаетъ и въ книгѣ свое мѣсто механическимъ способамъ воспроизведенія рисунка. Для гравюры осталась, такимъ образомъ, возможность исполнить свое послѣднее, хотя и далеко не вто-

ростепенное назначеніе, то-есть давать произведенія самостоятельнаго художественнаго творчества, въ видѣ работъ живописцевъ-граверовъ. Это въ сущности главная форма, въ которой, повидимому, возможно впредь ея дальнѣйшее развитіе, особенно въ книгѣ. Въ такомъ случаѣ единственнымъ способомъ воспроизведенія рисунка могъ бы, кажется, служить одинъ только офортъ, который наиболее легко, изящно и вѣрно передаетъ мельчайшіе оттѣнки мысли художника.

Съ этимъ очеркомъ г. Верещагина объ иллюстраціи охотно можно согласиться, но, собравъ въ одно руководство всѣ «Иллюстрированныя изданія XVIII и XIX столѣтій», авторъ сдѣлалъ свое руководство именно такимъ, что руководиться-то имъ и нельзя при работахъ. Оно, какъ справочная книга, совершенно бесполезно. Вѣдь надобность въ названіи того или другого иллюстрированнаго изданія является только тогда, когда мы ищемъ въ немъ чей нибудь портретъ или рисунокъ; само по себѣ, по заглавіямъ книгъ, рѣдко кто заинтересуется ими: они нужны только для справокъ. Чтобы отыскать въ трудѣ г. Верещагина то именно иллюстрированное изданіе, въ которомъ имѣются для ученаго подходящіе портреты и сюжеты, нужно перелистовать каждый разъ всю книгу, перечитывать тысячу оглавленій перенумерованныхъ имъ иллюстрированныхъ книгъ, чтобы найти, наконецъ, въ которой же изъ нихъ обрѣтается искомый портретъ. Разумѣется, на такую справку не хватаетъ времени и охоты. Между тѣмъ, исправить этотъ существенный недостатокъ своего труда г. Верещагинъ могъ бы, если бы составилъ къ своей книгѣ указатель портретовъ такъ же, какъ онъ составилъ оглавленіе по заглавіямъ книгъ и оглавленіе по именамъ авторовъ, издателей и граверовъ. Все это у него имѣется, а самое главное забыто. Когда нужны справки о книгахъ, объ авторахъ и граверахъ, то ихъ легко найти у Верещагина; но если надо вамъ справиться, есть ли въ русской литературѣ портретъ такого-то поэта или дѣятеля прошлаго времени, и гдѣ именно находится, то вы его не найдете у г. Верещагина, или должны будете читать всю его книгу и тогда только случайно нападете на знакомое вамъ имя. Вамъ хочется знать, гдѣ имѣются портреты Петра Могилы, Кочубея, Мазены, Нарѣжнаго и т. д. Вы должны для этого перелистовать всю книгу Верещагина, перелистовать каждую его страницу, и только въ срединѣ книги узнаете, что есть трудъ П. Бекетова: «Изображеніе людей знаменитыхъ или чѣмъ нибудь замѣчательныхъ, принадлежащихъ по заслугамъ или рожденію Малороссіи», въ которомъ имѣются портреты названныхъ лицъ и т. д. Мы нарочно подробно говоримъ о существенномъ недостаткѣ въ работѣ г. Верещагина, дѣлающемъ весь его трудъ совершенно непрактичнымъ для пользованія, а между тѣмъ этотъ недостатокъ вполне устранимъ: стоитъ только автору, въ дополненіе, составить подробный указатель портретовъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ XVIII и XIX столѣтій. Въ 1874 году А. Н. Неустровъ издалъ «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ за 1703—1802 гг.», и пользоваться имъ было крайне затруднительно, пока въ настоящемъ году не появился «Указатель» къ его «Историческому розысканію». Именно такой точно алфавитный указатель портретовъ долженъ быть сдѣланъ и г. Верещагинимъ къ книжной иллю-

страціи Россіи. Тѣмъ болѣе, что Д. А. Ровинскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ разобралъ массу портретовъ и картинокъ; описалъ ихъ, привелъ въ порядокъ и, какъ замѣчаетъ И. Остроглазовъ: «указалъ каждаго портрета художественное и историческое значеніе, создалъ стройную систему, образовалъ особую область вѣдѣнія». Съ изданіемъ такого «указателя» портретовъ и картинъ, книга г. Верещагина сдѣлается чрезвычайно полезнымъ трудомъ для справокъ и пользованія иллюстрированной литературой.

А. Фаресовъ.

Изданіе О. Н. Поповой. „Финляндія“ подъ редакціей Д. Протопопова, при участіи И. Андреева, В. Вейлина, Г. В., А. Гронфельта, О. Грунстрема, Clericus, К. Лейно, Neuter, Д. Протопопова, В. Скалона, I. Тикконена, г-жи Т. Хультинъ, Т. Фирсея, г-жи Фрибергъ и Э. Эркко. Спб. 1898.

Давая лѣтъ семь тому назадъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» отзывъ о книгѣ покойнаго вынѣ Ордина «Покореніе Финляндіи», я рядомъ съ недостатками этого обширнаго труда отмѣтилъ и то его достоинство, что здѣсь впервые русскіе читатели получили возможность хоть нѣсколько ознакомиться съ культурными особенностями небольшой страны по ту сторону Сестры рѣки, о коихъ до тѣхъ поръ въ нашей повременной печати ходили самые разнорѣчивые и смутные толки. Но цѣль книги г. Ордина была политическая, пристрастная при томъ изъ злого источника—желанія увидѣть одинъ малевскій, покоренный народъ за счетъ сильнаго и могущественнаго его покорителя, благодаря чему я и окрестилъ всю книгу кличкой «злой книги», названіемъ, отъ котораго не отрекаюсь и понынѣ. Политическій элементъ въ работахъ научнаго характера всегда вноситъ начала тенденціозности, обусловленные какъ свойствомъ литературной дѣятельности того, чьему перу принадлежитъ работа, такъ и тою цѣлью, ради которой она написана. Г. Ординъ, намѣтивъ себѣ главною задачею обличеніе дѣятельности финляндскихъ патріотовъ, въ значительной степени свелъ значеніе своей исторической работы къ политическому памфлету, роль котораго въ литературѣ общаго вопроса о Финляндіи должна была быть боевою, бьющею врага не на животъ, а на смерть. Въ аналогичное отношеніе иной лишь окраски къ тому же вопросу о Финляндіи сталъ редакторъ вышедшей вынѣ въ изданіи О. Н. Поповой книги, заглавіе которой приведено выше. Г. Протопоповъ, а еще болѣе главный его сотрудникъ В. Скалонъ, не остались также чужды начала тенденціозности и попытались, такъ сказать, создать русскими руками реваншъ покойному автору «Покоренія Финляндіи». Предстояла ли въ этомъ насущная надобность для нашихъ дней, сомнѣваюсь; во всякомъ случаѣ, ставъ въ нѣсколько воинственную позицію, они оказали дѣлу культурнаго сближенія Россіи и Финляндіи слабую услугу, когда выстѣсь съ тѣмъ въ ихъ распоряженіи были болѣе сильныя средства и орудія. Эта сила заключалась пменно въ возможности, обходя большыя и щекотливыя стороны политическихъ взаимоотношеній двухъ народовъ, на основаніи богатѣйшаго бывшаго въ ихъ распоряженіи матеріала представить исключительно культур-

ный расцвѣтъ симпатичной русской окраины, наблюдая жизнь которой невольно приходишь въ умиленіе передъ массою труда, затратою духовныхъ силъ и любовью къ просвѣщенію, вложенными финнами въ современную жизнь ихъ родины. Заручившись рядомъ цѣнныхъ сотрудниковъ изъ числа финляндской интеллигенціи, редакторъ книги далъ здѣсь богатѣйшія свѣдѣнія о жизни маленькаго трудолюбиваго народа, нарисовалъ намъ такую картину культурнаго роста страны, что, ознакомившись съ этими данными, врядъ ли у кого, въ чьемъ сердцѣ сохранилась только любовь къ человѣчеству, шевельнется иное чувство, какъ только глубокаго уваженія къ нашимъ сосѣдямъ и желанія, чтобы условія культурнаго существованія, приведшія ихъ къ нынѣшнему состоянію и благоденствію, оставались неизблѣнными на вѣчныя времена. Законодательство, судъ и управленіе, финансы, промышленность и торговля, сельское хозяйство, сельскій бытъ, общественная жизнь, періодическая печать, народное образованіе на его низшихъ, среднихъ и высшихъ ступеняхъ, наука, литература и искусство, благотворительность и борьба съ порочными наклонностями — вотъ страницы жизни сосѣдняго съ нами народа, которыя, нарисованныя свѣдущими лицами, вызываютъ, можно сказать, удивленіе. Всѣ эти стороны народной жизни, которыя и исчерпываютъ собою главнымъ образомъ суть современной жизни народовъ, представлены въ книгѣ «Финляндія» отдѣльными главами, гдѣ предметъ изложенъ въ современномъ его состояніи и историческомъ развитіи. Статистическій матеріалъ, специальная номенклатура не давятъ читателей, изложеніе ведется просто, ровно и спокойно, безъ отступленій въ сторону риторической морали, общихъ вопросовъ и широкихъ обобщеній; масса приложенныхъ фототипій, почерпающихъ свое содержаніе изъ общественной жизни народа, прекрасно дополняетъ и освѣщаетъ то, о чемъ идетъ рѣчь на страницахъ текста. Если принять во вниманіе вдобавокъ къ этому выпуклость цѣнныхъ результатовъ работы финскаго духа, изображенныхъ въ книгѣ «Финляндія», то значеніе послѣдней для русскихъ читателей и для самого финляндскаго вопроса, въ культурной постановкѣ котораго желательно его видѣть въ нашей печати, приобретаетъ особенную цѣнность, особенную поучительность. Оставаясь въ этихъ предѣлахъ, при строгомъ соблюденіи общей программы, безъ отступленій въ сторону большихъ политическихъ вопросовъ, изданіе г-жи Поповой, какъ я уже сказалъ, могло бы сослужить и русскимъ и финнамъ добрую службу. Первые имѣли бы передъ собою поучительные примѣры подражанія для своего отечества, для своего народа; вторые приобретали бы обширное число друзей и поклонниковъ, добрыя чувства которыхъ во всякомъ случаѣ имъ могутъ въ настоящемъ и будущемъ пригодиться. Теперь же, когда книга, можетъ быть, и противъ воли редактора и сотрудниковъ, приобретаетъ какъ бы характеръ политическаго реванша за трудъ Ордина, я боюсь, она произведетъ въ нѣкоторыхъ кругахъ обратное дѣйствіе. Густыя краски, наложенныя на нѣкоторыя страницы, когда идетъ рѣчь о государственномъ значеніи Финляндіи и ея политическомъ отношеніи къ Россіи, могутъ вызвать раздраженіе и озлобленіе нѣкоторыхъ патріотовъ нашей печати. Отсюда, какъ логическое слѣдствіе, новая трепка финляндскаго вопроса, новая словесная война, послѣдствія которой бываютъ если не кровопролитны, то во всякомъ

случаѣ и не на пользу тѣхъ, во имя которыхъ подъята вся брань, во имя которыхъ выдвинуты ресурсы агитаціи. Я думаю, что политическій элементъ въ книгѣ о Финляндіи явился здѣсь продуктомъ недостаточной обдуманности, недостаточной общественной опытности. Намѣренія несомнѣнно были добрыя, но, вѣдь, не всегда же во всякомъ дѣлѣ можно дѣйствовать на распашку — иногда эта распашка можетъ погубить и самое дѣло, которому служишь. Бываютъ времена, когда кое о чемъ полезно и не договаривать, полезно и помолчать; правда, это лишаетъ говорящаго нѣкоторой торжественности и эффективности, срывающихъ ему кое-какіе аплодисменты, но смущаться этимъ могутъ лишь слабые и недалководные. Вѣдь важны не аплодисменты друзей и единомышленниковъ, а то, на защиту чего ты всталъ на общественную каеедру.

В. Глинскій.

Христіанство и Римская имперія отъ Нерона до Θεодосія. Сочиненіе Поля Алляра. Спб. 1898.

Исторія первыхъ вѣковъ христіанства полна самаго глубокаго научнаго интереса по своей необыкновенной исключительности въ общеміровой жизни, какъ эпоха борьбы одряхлѣвшаго древне-классическаго міра съ новою религіею, принесшей въ среду человѣчества новыя начала жизни личной и общественной, возвѣстившей новыя заповѣди касательно всего соціальнаго строя и окончательно и всесторонне возродившей древній языческій міръ для жизни лучшей, христіанской. Поэтому историческая наука, иностранная и русская, съ особымъ вниманіемъ занималась разработкой этой любопытной эпохи, извѣстной въ наукѣ подъ именемъ эпохи гоненій, и достигла, можно сказать, довольно крупнаго успѣха въ этой своей части. Изъ русскихъ сочиненій достаточно указать на весьма солидный трудъ профессора А. П. Лебедева «Эпоха гоненій на христіанъ» (см. «Историческій Вѣстникъ», 1897 г.), отличающійся большими учено-литературными достоинствами. Къ труду русскаго автора близко примыкаетъ по своимъ достоинствамъ и отмѣченное выше сочиненіе французскаго ученаго Поля Алляра, напечатанное въ русскомъ переводѣ Синодальной типографіей. Книга Алляра обнимаетъ собою первые четыре вѣка христіанства, т. е. его исторію съ того дня, когда христіанство въ первый разъ появилось въ Римской имперіи, и до того времени, когда оно сдѣлалось въ ней единственною, признаваемою закономъ, религіею. Въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій христіанство защищаетъ себя противъ язычества, поддерживаемаго императорскою властью; въ продолженіе четвертаго столѣтія оно пользуется тою же силою для ниспроверженія идолопоклонства. Здѣсь, за два неравные періода времени, происходитъ полная перемѣна положенія, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что христіанство было преслѣдуемо до пролитія крови включительно, а язычество исчезло частью вслѣдствіе убѣжденія, частью по силѣ законовъ, причемъ его приверженцы не подвергались гоненіямъ. Впрочемъ, сочиненіе Алляра, при очень ограниченнхъ размѣрахъ, не пытается изложить въ соответствующемъ объемѣ столь пространную исторію, для чего понадобилось бы нѣсколько томовъ, но оно имѣетъ цѣлью представить возможно точно тѣ результаты, которые счи-

таются окончательно добытыми историческою наукою относительно этихъ обоихъ предметовъ.

Свою задачу книга Аллара выполняетъ въ восьми главахъ слѣдующаго содержанія. Въ первой главѣ (стр. 1—26) рѣчь идетъ объ отношеніи къ христіанамъ римскихъ императоровъ перваго вѣка. Въ частности здѣсь сперва уясняются религіозныя вѣрованія римлянъ, а затѣмъ описываются гоненія противъ христіанъ при Неронѣ и Домиціанѣ. Необычайныя жестокости и ужасы этихъ гоненій достаточно извѣстны. Вторая глава (стр. 27—64) изображаетъ положеніе христіанства въ Римской имперіи во времена Антониновъ. Императоры изъ династіи Антониновъ отличались высокими умственными и нравственными качествами. Въ періодъ ихъ царствованія императорская власть достигла весьма блестящей поры, а ихъ управленіе отличалось безиримѣною до тѣхъ поръ въ цивилизованномъ мірѣ умѣренностью. Такъ, Траянъ возобновилъ древнія римскія традиціи серьезностью своей политики и послѣдовательностью своихъ начинаній; непостоянство и скептицизмъ Адриана не имѣли вліянія на его политическую дѣятельность и не препятствовали ему выполнять свои обязанности высшаго правителя; Антонинъ былъ простъ, трудолюбивъ и добръ, а съ Маркомъ Авреліемъ вступаютъ на престолъ добродѣтели философа. И христіанство въ это время выступаетъ изъ скрывавшаго его мрака и выставляетъ своихъ защитниковъ предъ правителями въ лицѣ христіанскихъ апологетовъ, которые стараются убѣдить первыхъ въ невинности и политической вѣрности христіанъ. Казалось, что сближеніе христіанства съ имперіей было подготовлено со всѣхъ сторонъ, однако его не произошло ни при одномъ изъ указанныхъ императоровъ, а изъ всѣхъ усилій и благопріятныхъ обстоятельствъ получился только одинъ результатъ: большая ясность, болѣе точныя формы уголовного судопроизводства въ примѣненіи къ подданнымъ, обвиненнымъ въ христіанствѣ. Эти мысли въ подробностяхъ и раскрываются во второй главѣ, причемъ въ частности уясняется смыслъ рескрипта императора Траяна, изданнаго по поводу донесенія о христіанахъ Плинія Младшаго, а также рескриптовъ Адриана и Антонина, описывается дѣятельность христіанскихъ апологетовъ и рассказывается о гоненіи на христіанъ во время Марка Аврелія. Глава третья (стр. 65—116) описываетъ взаимоотношеніе христіанской церкви и римскаго государства въ третьемъ вѣкѣ, когда христіанская община окончательно вышла изъ скрывавшаго ея успѣхи мрака и сдѣлалась довольно многочисленной. Въ виду этого измѣнилось и отношеніе къ ней представителей гражданской власти, которые стали видѣть въ христіанствѣ большую опасность для государства и берутъ на себя преслѣдованіе христіанъ. Гоненіе начинается въ силу эдикта и становится всеобщимъ, хотя иногда и прерывается перемпріями. Императоръ Септимій Северъ положилъ начало этому гоненію, издавши въ 202 году эдиктъ, запрещающій переходъ изъ язычества въ христіанскую вѣру. При слѣдующихъ императорахъ третьяго вѣка гоненія то вновь воздвигались (при Каракаллѣ, Максиминѣ, Деціи, Валеріанѣ, Клавдіи, Авреліанѣ), то прекращались (при Геліогабалѣ, Александрѣ Северѣ, Гордіанѣ, Филиппѣ, Галліенѣ), причемъ жестокость и сила гоненій постепенно увеличивались. Тѣмъ не менѣе христіанская церковь въ третьемъ вѣкѣ успѣла приобрести имущество, необходимое для бо-

гослуженія, погребенія умершихъ и т. п., явилась въ этомъ отношеніи кполнѣ законченнымъ обществомъ, пользуясь при этомъ съ формально-юридической стороны правомъ то какъ погребальнаго, законно утвержденнаго братства, то просто какъ фактически существующаго союза. Въ главѣ четвертой (стр. 117—150) рѣчь идетъ о послѣднемъ гоненіи на христіанъ при Діоклетіанѣ и его соправителяхъ, которое превзошло своею жестокостію всѣ предыдущія и грозило христіанству полнымъ истребленіемъ. Но въ дѣйствительности произошло иное: Миланскимъ эдиктомъ Константина Великаго (313 г.) на неизблемыхъ основаніяхъ была установлена свобода совѣсти во всей Римской имперіи. Въ слѣдующей пятой главѣ (стр. 151—190) авторъ и характеризуетъ религіозную политику императора Константина и его сыновей. Она велась въ духѣ Миланскаго эдикта. Константинъ въ теченіе своего царствованія поддерживалъ религіозную терпимость, объявленную этимъ эдиктомъ, и оказывался благосклоннымъ къ лицамъ безъ различія ихъ религіи. Но онъ вовсе не заботился скрывать свое предпочтеніе къ христіанской вѣрѣ и свое возрастающее отвращеніе къ язычеству. Такъ дошелъ онъ до того, что мало-по-малу сталъ давать и позволять язычеству только самое необходимое и экономно, такъ сказать, отмѣривалъ ему самый воздухъ для дыханія, и наконецъ, рѣшительно сталъ на сторону христіанства. Его сыновьямъ Константу и Констанцію не удалось исполнѣть продолжитъ политику отца, и церковь при нихъ переживала менѣе спокойное время, тѣмъ болѣе, что въ нѣдрахъ ея возникло аріанское движеніе. А при преемникѣ ихъ Юліанѣ открылась языческая реакція, подробности коей описываются въ шестой главѣ (стр. 191—232). Юліанъ стремился подавить христіанство и возсоздать язычество, для чего пользовался различными средствами, но цѣли своей не достигъ и лишь еще болѣе ослабилъ язычество своей неудачной попыткой. Послѣ Юліана наступила, такъ сказать, переходная эпоха (глава седьмая, стр. 233—256): императоръ Валентиніанъ унаслѣдовалъ религіозную политику Константина Воликаго, императоръ Валентъ былъ сторонникомъ еретическаго аріанскаго движенія, а Граціанъ подготавливалъ ту перемѣну въ отношеніи государства къ христіанству и язычеству, которая произошла потомъ при императорѣ Феодосіи. А при Феодосіи, какъ разсказывается въ восьмой главѣ (стр. 257—283), греко-римское государство сдѣлалось христіанскимъ: законами 391 и 392 годовъ язычество было совершенно запрещено, а цѣлымъ рядомъ другихъ узаконеній Феодосій упротворилъ церковь и благоустроилъ ее. Таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе разсматриваемой книги.

Книга французскаго автора очень богата фактическимъ матеріаломъ, который излагается здѣсь съ строгимъ историческимъ безпристрастіемъ. Авторъ избѣгаетъ субъективнаго освѣщенія этого матеріала и предлагаетъ дѣлать изъ фактовъ выводы самому читателю. При этомъ матеріалъ носитъ безусловно научный характеръ и извлеченъ изъ первоначальныхъ источниковъ (древніе историки, отцы церкви, мученическіе акты, собраніе законовъ, постановленія соборовъ и т. п.) и изъ новѣйшихъ лучшихъ научно-историческихъ изслѣдованій, обширный указатель коихъ помѣщенъ въ концѣ сочиненія (стр. 285—291). Языкъ сочиненія простъ и изященъ. Въ небогатой русской церковно-истори-

ческой наукѣ сочиненіе Аллара займетъ непослѣднее мѣсто по своей объективности, фактической доказательности и простотѣ изложенія. О.

Описаніе документовъ архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ. 1470—1700 г. кн. I. Спб. 1897.

Въ 1847 г. синодальный архивъ обогатился новымъ приобретениемъ — документами, составлявшими архивъ униатскихъ митрополитовъ. Конечно, въ виду своей исторической важности, документы эти были извѣстны много раньше. Такъ, значительное ихъ число было пздано археографическою комиссіею въ первыхъ трехъ томахъ «Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи». Затѣмъ не мало помѣстилъ ихъ и К. А. Говорскій въ своемъ журналѣ «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи» и С. Т. Голубевъ въ приложеніи къ своей книгѣ «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники» (Кіевъ, 1883 г., ч. I). Для своихъ ученыхъ работъ этимъ архивомъ пользовались: митрополитъ Макарій, М. О. Кояловчъ, И. А. Чистовичъ, П. О. Бобровскій и др.

По словамъ составителя «Описанія» (печатавшагося подъ наблюдениемъ А. Ѳ. Бычкова) г. Рункевича, архивъ униатскихъ митрополитовъ «содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ его названіе: кромѣ документовъ, относящихся къ высшему управленію униатской церкви въ западной Россіи за все время существованія тамъ униі, въ архивѣ сохранилось значительное количество памятниконъ болѣе давняго времени, когда въ западной Россіи всецѣло царило православіе, а объ униі и не помышляли». Документы же униатскаго періода, по его раздѣленію, состоятъ изъ четырехъ главныхъ группъ: 1) относящіяся до сношеній королевской и папской власти съ представителями западно-русской униатской іерархіи по разнаго рода дѣламъ, каковы: королевскія подтвержденія правъ, привилегій, презенты, универсалы, фундаціи, папскія буллы, бреве, индульгенціи; 2) относящіяся къ насильственному введенію униі въ западно-русскихъ областяхъ, къ исторіи ея распространенія и героической борьбы съ нею западно-русскихъ православныхъ, завершившейся торжествомъ православія 25-го марта 1839 г.; 3) документы, касающіяся собственно униатской церковной іерархіи, и 4) разнаго рода имущественныя дѣла, главнымъ образомъ, земельныя, объ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ. Къ этому послѣднему разряду относятся и документы за время, предшествовавшее униі.

Въ настоящемъ томѣ описаны документы этого архива за время отъ 1470 до 1700 г.; при этомъ извлечены изъ нихъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся духовенства, церкви, монастырей, благотворительныхъ учрежденій, школъ, типографій, учителей; упомянуты почти всѣ имена лицъ духовныхъ и учителей. Само описаніе преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, краткое содержаніе документовъ; иногда указываются мотивы его появленія, подписи и т. п. Но всегда сообщаются данныя о его внѣшнемъ состояніи, и въ случаѣ напечатанія ранѣе дается указаніе, гдѣ именно напечатано.

Въ концѣ «Описанія» приложены три указателя: личный, географическій и предметный.

Всѣхъ документовъ описано—1065; изъ нихъ къ XV ст. относится только 6, всѣ на русскомъ; отъ XVI ст. сохранилось—39 на польскомъ яз., 4—на литовскомъ (древнѣйшій документъ отъ 1555 г. — грамота короля Сигизмунда-Августа митрополиту кѣвскому Макарію объ отсылкѣ на его рѣшеніе поступившаго на королевскій судъ дѣла относительно принадлежности Упѣвскаго монастыря къ владимірской или львовской епархіи) и остальные—194 на русскомъ языкѣ; изъ нихъ нѣкоторые сохранились и въ польскихъ спискахъ, равно какъ польскіе документы въ спискахъ на русскомъ языкѣ. Къ XVII вѣку, какъ видно, относится большинство описанныхъ документовъ, именно 822. Приблизительно до 1630-хъ гг. большая часть ихъ писана на русскомъ языкѣ, но послѣ этого времени преобладаютъ документы на польскомъ языкѣ и затѣмъ на литовскомъ. На послѣднемъ языкѣ болѣе всего встрѣчается документовъ послѣ 1670 года. И одинъ только списокъ литовскаго документа отъ 1640 г.—«Копія завѣщанія митрополита Рафаила Корсака»—сдѣланъ на итальянскомъ языкѣ.¹

По роду названій документовъ находимъ здѣсь королевскія резолюціи, приказы, указы, грамоты, утвержденія, универсалы; митрополичьи разнаго рода грамоты; посланія и постановленія духовенства; выписи изъ гродскихъ (довольно много) и земскихъ книгъ, записи, завѣщанія, «видимусы», росписки, инвентаріи, реестры, «листы», присяги, позовы въ судъ и т. п.

Что же касается содержанія, то большинство документовъ касается земельных надѣловъ, имѣній, по поводу покупки, продажи, наслѣдованія, раздѣла или самовольнаго пользованія ими. Не мало также документовъ, касающихся исключительно суда свѣтскаго и духовнаго; документы отъ 1595 и 1596 г. трактуютъ преимущественно объ уніи; встрѣчаются документы и «дѣла» о «злоупотребленіяхъ» духовныхъ властей, «о разрѣшеніи совершать богослуженіе», о «поставленіи» въ священника и т. п.

Многіе изъ документовъ, впервые описываемые въ рассматриваемой нами книгѣ, справедливо по своей важности заслуживаютъ быть изданными въ ближайшемъ времени.

Наконецъ къ исторіи сейма относятся: 1) переписка Сигизмунда I съ радой, подробно раскрывающая предметы обсужденія на сеймахъ и личный взглядъ короля на значеніе сейма, его компетенцію и на самый порядокъ сеймовыхъ собраній, и 2) сеймовые документы времени Сигизмунда-Августа. При немъ, какъ извѣстно, сеймъ получилъ уже правильную постановку, а вмѣстѣ съ нимъ получили опредѣленную форму и сеймовые документы, которые, по дѣленію г. Довнаръ-Запольскаго, состоятъ изъ трехъ категорій: сеймовыхъ ухвалъ, просьбъ пословъ и отказовъ на нихъ господаря и наконецъ господарскихъ универсаловъ, проводящихъ тѣ или иныя постановленія сейма. Въ «Описаніи» помѣщены первыя двѣ категоріи документовъ, относящихся къ вилевскимъ сеймамъ—1547 г., на которомъ были подняты «весьма важные» вопросы внутренней политики; 1563 г. и 1565 г.; къ берестейскому сейму 1566, люблинскому 1569 и городенскимъ 1567 и 1568 гг.

Документы напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ

правописанія памятниковъ. Въ концѣ книги приложены три указателя: «географическихъ названій» (составленъ безъ опредѣленія мѣстностей), «личныхъ именъ» и «предметовъ».

В. Р.—въ.

К. Варанцевичъ. Сказки жизни. 13 рассказовъ. Спб. 1898.

Извѣстность г. Баранцевича, какъ одного изъ наиболѣе выдающихся и популярныхъ беллетристовъ литературнаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ, настолько всеми признана, что врядъ ли нужно много говорить въ краткой рецензіи о его литературномъ дарованіи вообще. Человѣкъ тонкой наблюдательности, съ большимъ запасомъ юмора, съ просвѣщеннымъ взглядомъ на запросы жизни и рѣдкій въ нашей литературѣ знатокъ сѣренскихъ буденъ столичной бѣдноты, онъ въ каждой своей повѣсти, въ каждомъ очеркѣ и рассказѣ, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ мелкими эпизодами повседневной жизни, въ которыхъ, однако, заключено множество больныхъ вопросовъ, столь сильно волнующихъ современную интеллигенцію. Г. Баранцевичъ — не спокойный наблюдатель смѣны окружающихъ его явленій, онъ не индифферентно взираетъ «на правыхъ и виновныхъ» и не живописуетъ своихъ сценъ и портретовъ съ холодной безпристрастностью чистаго жреца бездушнаго искусства; вѣтъ, онъ — весь волненіе, весь страданіе за горе и несчастье людское, за ту бездну нелѣпостей и несуразностей, которыя глубоко и беспощадно вѣлись въ нашу жизнь въ ея среднихъ и низшихъ общественныхъ слояхъ и въ которыхъ главнымъ образомъ виноваты мы сами своимъ эгоизмомъ, холодной черствостью, себялюбіемъ и той искусственной недалекостью, которая позволяетъ намъ самоуспокаиваться въ тѣхъ случаяхъ, когда на самомъ дѣлѣ мы бы должны были быть на сторожѣ и на чеку серьезныхъ грозящихъ намъ индивидуальныхъ и социальныхъ опасностей. Симпатичный беллетристъ не беретъ на себя роли морализующаго проповѣдника, легко разводящаго руками чужія бѣды, онъ только при помощи легкихъ эскизовъ и силуетовъ указываетъ читателямъ, гдѣ кроется насущная бѣда, каковы ея генезисъ, и каковы послѣдствія ложно взятаго курса жизни. Эти свойства его дарованія съ особенною наглядностью проявляются въ только-что вышедшихъ «Сказкахъ жизни», по поводу которыхъ и идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь о г. Баранцевичѣ. «Сказки жизни» — это небольшой сборникъ, состоящій изъ 13 рассказовъ, посвященныхъ семейному и главнымъ образомъ дѣтскому вопросу. Здѣсь проходитъ передъ читателями обширная галлерей разнообразныхъ типовъ отцовъ и дѣтей въ самой будничной обстановкѣ и въ совершенно обыкновенныхъ взаимоотношеніяхъ; тутъ нѣтъ какихъ нибудь экстраординарныхъ происшествій — убійствъ, проклятіи и подобныхъ драматизированныхъ эпизодовъ. Все просто, обыденно пошло, буднично, но вы видите, что въ этихъ пошлыхъ будняхъ кроются своего рода жестокія драмы, гдѣ въ однихъ случаяхъ страдающими являются родители, въ другомъ дѣти. Страданія дѣтей по большей части являются результатомъ родительскаго эгоизма, сосредоточившагося на поискахъ матеріальнаго счастья, на заботахъ о личномъ comfortѣ и побуждающаго ихъ сторониться и не вникать въ психологию дѣтской души. Отсюда ненормальность отношеній между дѣтской и

тѣми покоями, гдѣ пребываютъ взрослые, криво и косо, на основаніи лишь послѣдней прочитанной книжки, толкующіе о задачахъ воспитанія и примѣняющіе къ своимъ дѣтямъ совершенно дикіе и вредные методы. Нежеланіе проникаться интересами маленькихъ героевъ г. Баранцевича создаетъ изъ послѣднихъ въ концѣ концовъ тѣхъ нравственныхъ уродовъ, тѣхъ вырожденцевъ, которые впослѣдствіи, ставъ на ноги, являются по отношенію взростившихъ ихъ родителей какъ бы безсознательными, невольными мстителями. Жалко дѣтей, но жалко становится и родителей, особенно въ тѣхъ недостаточныхъ классахъ, гдѣ люди именуется «маленькими», и гдѣ любовь и доброе согласіе, пониманіе другъ друга и жизнь другъ для друга должны бы служить краеугольными камнями существованія. Но этого согласія, этой любви, этой жизни нѣтъ въ наличности, и отсюда сѣрмя потемки будничныхъ дней, гдѣ нѣтъ ни тепла, ни радости, ни покоя.

Пессимистическая точка зрѣнія автора на жизнь не вызываетъ, однако, излобленія или отчаянія; она вызываетъ лишь тихую грусть, сожалѣніе о недостаткахъ людей, о маломъ пониманіи ими смысла жизни и недостаточномъ сознаніи возложенныхъ на нихъ этой жизнью обязанностей. Поэтому ознакомленіе съ очерками г. Баранцевича пробуждаетъ въ читателяхъ рядомъ съ чувствомъ художественнаго удовольствія еще потребность анализа своихъ отношеній къ окружающей ближайшей средѣ, воплощаемой домохозяевами большими и малыми, размышленіе надъ значеніемъ своего маленькаго «я» въ его настоящемъ и недалекомъ сравнительно будущемъ, когда у тебя и «глаза выцвѣтуть», и явится «кашель въ сырую погоду». Представленная авторомъ въ разныхъ положеніяхъ и разныхъ проявленіяхъ старость и молодость, обѣ въ невеселыхъ краскахъ, одинаково поднимаютъ въ умахъ читателей рядъ вопросовъ, надъ которыми полезно почаще сосредоточиваться, и которые во всякомъ случаѣ, обдуманые и рѣшенные, согласно велѣнію сердца, дадутъ въ конечномъ результатѣ для нашего опыта добрые результаты въ смыслѣ улучшенія собственной жизни и жизни ближайшихъ намъ лицъ. В. Г.

Историческій очеркъ петербургскихъ наводненій и предположений относительно предохраненія низменныхъ частей города С.-Петербурга отъ затопленія. Составилъ, по порученію главнаго правленія императорскаго россійскаго общества спасанія на водахъ, членъ главнаго правленія инженеръ путей сообщенія В. В. Саловъ. Спб. 1898.

Можно было бы не спорить съ такимъ длиннымъ заглавіемъ очень маленькой книжки, если бы его еще удлинить однимъ начальнымъ словомъ «краткій» историческій и т. д., такъ какъ работа В. В. Салова ограничилась въ первой части повтореніемъ данныхъ о наводненіяхъ, находящихся въ третьей главѣ книги М. П. Пыляева «Старый Петербургъ», съ заимствованіемъ оттуда же и одного изъ двухъ имѣющихся тамъ видовъ наводненія 1824 года и съ заимствованіемъ интереснаго и остроумнаго письма Екатерины Великой

къ Гримму, по поводу наводненія 10-го сентября 1777 года и многихъ другихъ свѣдѣній, причѣмъ однако опущены всѣ подробности о наводненіяхъ, причинившихся водами Невы въ XVII вѣкѣ, когда вода поднималась до 25 (?) футовъ надъ ординаромъ, и немногочисленные жители этихъ негостепримныхъ береговъ, по словамъ Пыляева, бѣжали спасаться на Дудорову гору. Вторая часть брошюры г. Салова также заимствована изъ обстоятельной статьи инженера Кушрянова, написанной въ 1858 году, по вопросу о предохраненіи С.-Петербурга отъ наводненій. Нѣсколько подробнѣе и новѣе въ работѣ нашего знаменитаго инженера подробности о проектѣ генерала Э. П. Тилло, который, въ сущности повторяя только проектъ Миниха, воплѣтъ, изъ всѣхъ болѣе или менѣе дикихъ предложеній, дѣлавшихся французскими инженерами и физикомъ Парротомъ для той же цѣли, отвѣчалъ и цѣлямъ и задачи избавить городъ отъ наводненій и не превосходилъ тѣхъ средствъ, какія возможно и досегодня употребить на это дѣло.

Собственно же проектъ Миниха былъ только распространеннымъ и въ инженерномъ смыслѣ оформленнымъ желаніемъ Петра Великаго поднять всю мѣстность новой столицы путемъ прямой насыпки земли на 10 футъ выше невискаго ординара. Но почему-то простѣйшія мысли съ трудомъ находятъ себѣ защитниковъ и покровителей, и вотъ мысль ясная и простая, существовавшая еще до постройки города, остается единственно разумною и единственно исполнимою и въ наше время. На этомъ же выводѣ, повидному, останавливается и В. В. Саловъ. Говорю—повидному, потому что нашъ знаменитый инженеръ кажется, не слишкомъ былъ затронутъ важностью принятой имъ на себя задачи. Онъ, по порученію главнаго правленія общества спасанія на водахъ, написалъ коротенькую записку, которая можетъ годиться для историческихъ справокъ безъ деталей, конечно, но въ крупныхъ фактахъ, и въ то же время совершенно бесполезна для тѣхъ, кто занятъ серьезно вопросомъ предохранить городъ отъ наводненій, трата на это какъ можно меньше средствъ и времени и по возможности не нанося ущерба ни большому невискому судоходству, ни санитарнымъ условіямъ города, и безъ того неблагополучнымъ. Съ послѣдней точки зрѣнія, конечно, надо остановиться на идеѣ Петра Великаго и въ помощь ей, покуда, оградить дамбами мѣстности Васильевскаго острова и Петербургской стороны, которыя заливаются водою уже при возвышеніи воды въ рѣкѣ всего на три фута. Выстроивъ здѣсь покуда хотя бы пятифутовые дамбы и набережныя, можно на двѣ трети уменьшить грозящую этой мѣстности опасность. Ну, а затѣмъ, конечно, надо бы было похлопотать также объ исполненіи старѣйшей, давно закономъ установленной мѣры, не допускать въ городѣ вообще жилыхъ подваловъ. При этомъ надо, раньше чѣмъ обрушиться за невыполненіе этого закона на частныхъ лицъ, потребовать исполненія его отъ строителей домовъ казенныхъ. Новы и интересны въ брошюрѣ г. Салова свѣдѣнія объ удачной канализаціи съ помощью керамиковыхъ трубъ мѣстности, на которой расположенъ Институтъ путей сообщенія. Послѣ устройства этой канализаціи подвальные помѣщенія института высохли и перестали страдать отъ наводненій достаточно частыхъ и достаточно высокихъ именно за послѣдніе годы. Вопросъ, однако, въ томъ: возможно ли примѣнить эту частную и роскошную по

размѣрамъ коллектора канализацію ко всему городу, но если это возможно, то, конечно, самая трудная часть дѣла огражденія города отъ наводненія, а именно парализировать подъемъ грунтовой воды въ зависимости отъ напора воды въ рѣкѣ, рѣшается превосходно, дешево и просто.

Вообще же, пора бы бросить старую исторію этого дѣла и приняться за ея новое продолженіе въ будущемъ, признавъ разъ навсегда, что ничего лучше проекта Э. П. Тилло, Миниха и Петра Великаго нѣтъ и быть не можетъ. Нынѣ, при колоссальныхъ рѣчныхъ землесосахъ, способныхъ подавать массы земли съ глубины рѣчной на берегъ и въ то же время автоматически уплотнять эту землю лучше, чѣмъ это достижимо какими бы то ни было укатывателями и трамбовательными аппаратами, за баснословно дешевую цѣну, — идея Петра является и наилучше отвѣчающей характеру задачи и наиболѣе просто осуществимой. Затѣмъ, надо серьезно и послѣдовательно закрывать подвалы, выводя ихъ несчастное населеніе въ дешевые дома для рабочихъ, попытка постройки которыхъ уже дѣлается. Хорошая канализація, хотя бы сначала девяти незарѣчныхъ частей, начиная съ низменной Коломны, также много бы помогла тому же благому дѣлу. Но, если В. В. Саловъ мимоходомъ и говоритъ все это вѣрное и справедливое своему читателю, все же онъ немного отдалъ своей специальной авторитетной интеллигенціи этому дѣлу. Инженерная техника могла бы отъ сочиненія, украшеннаго его извѣстнымъ именемъ, ждать гораздо, гораздо большаго.

В. П.—нѣ.

Н. Э. Глокке. Янъ Кохановскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVI вѣка. Кіевъ. 1898.

Изслѣдованіе г. Глокке, посвященное одному изъ корифеевъ польской поэзіи XVI в., производитъ впечатлѣніе очень старательно и усердно исполненной ученой работы, не блещущей, правда, новизною и оригинальностью выводовъ, но вполне удовлетворяющей читателя тщательнымъ подборомъ фактовъ и умѣлою ихъ группировкой. Въ 1884 году, по поводу исполнившагося трехсотлѣтія со дня смерти Кохановскаго, польская литература обогатилась немалымъ количествомъ монографій и небольшихъ эскизовъ, посвященныхъ выясненію личности и творчества этого поэта. Въ виду скудости біографическихъ данныхъ о Кохановскомъ и многихъ пробѣловъ, учеными было высказано немало гипотезъ, часто противоположныхъ одна другой, причемъ нерѣдко даже основные мотивы поэзіи его истолковывались неодинаково. Разобраться во всемъ этомъ, сопоставить неоднородные научные домыслы и выбрать изъ нихъ болѣе достовѣрные, подвести итоги всему, что было высказано доселѣ о роли и значеніи Кохановскаго въ исторіи польской поэзіи — такова была задача, предстоявшая г. Глокке.

При исполненіи этой задачи авторъ нѣсколько отступилъ отъ пріема, который можно считать обычнымъ, какъ бы традиціоннымъ въ изслѣдованіяхъ даннаго типа. Какъ извѣстно, наиболѣе общепринятою является та композиція, при которой біографическія свѣдѣнія выдѣляются въ формѣ самостоятельнаго разсказа, при чемъ послѣдній играетъ лишь вспомогательную

роль по отношенію къ обзору историко-литературнаго характера, выдвигаемому на первый планъ. Между тѣмъ у г. Глокке на всемъ протяженіи книги канвой разсказа является біографія поэта, въ связи съ которою онъ шагъ за шагомъ рассматриваетъ его литературную дѣятельность. Къ лучшему ли это — затрудняемся сказать. Хотя, по мнѣнію г. Глокке, «такой способъ изложенія кажется наиболѣе удобнымъ для читателя, который, не отдѣляя жизни писателя отъ его произведеній, выносить цѣльное впечатлѣніе о немъ», но необходимо здѣсь имѣть въ виду и то соображеніе, что частная жизнь Кохановскаго и его поэтическая дѣятельность не всегда были въ такой ужъ неразрывной связи, чтобы отъ разграниченія въ изложеніи могла пострадать цѣльность впечатлѣнія, получаемаго читателемъ. Затѣмъ слѣдуетъ указать, что литературная дѣятельность Кохановскаго очень часто стояла въ зависимости и связи съ умственными теченіями запада и съ религіозно-общественнымъ движеніемъ въ Польшѣ, толчокъ которому былъ данъ реформаціей. Біографическій методъ изложенія, принятый г. Глокке, въ данномъ случаѣ привелъ къ тому неудобству, что авторъ лишь отрывочно касается во многихъ мѣстахъ своей книги этихъ важныхъ факторовъ, лежащихъ въ основѣ немалого количества произведеній Кохановскаго. Вообще способъ изложенія г. Глокке, кромѣ указываемыхъ авторомъ удобствъ, имѣетъ и неудобства, испытываемыя читателемъ едва ли не на всемъ протяженіи диссертаци.

Все изслѣдованіе состоитъ изъ VI главъ, распланированныхъ по главнѣйшимъ моментамъ жизни поэта: въ I-й главѣ содержится сводъ свѣдѣній о жизни Кохановскаго до отъѣзда за границу, во II-й — о жизни за границей (въ Венеціи, Падуѣ и Парижѣ), III — трактуетъ о жизни на родинѣ, при чемъ попутно даны свѣдѣнія о религіозно-общественной борьбѣ въ Польшѣ и выяснено отношеніе Кохановскаго къ его предшественникамъ, въ IV-й — рассматривается служба Кохановскаго при королевскомъ дворѣ, въ V-й — жизнь до брака и женитьба, въ послѣдней — послѣдніе годы жизни. Въ связи съ біографическими свѣдѣніями подробно рассматриваются литературныя произведенія, написанныя поэтомъ въ данный періодъ жизни, при чемъ вкратцѣ пересказывается содержаніе, указываются главные особенности, размѣръ стихосложенія и т. д. Намъ нѣсколько удивило, почему г. Глокке такъ мало остановился на известномъ произведеніи «*Odręawa posłów greckich*» (всего 6 страницъ), которое считается замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ польской письменности даннаго періода, и почти ничего не сказалъ о значеніи Кохановскаго въ исторіи польской драмы, родоначальникомъ которой называютъ обыкновенно именно его. Это произведеніе во всякомъ случаѣ болѣе достойно и сыграло большую роль въ исторіи польской поэзіи, чѣмъ написанныя за границей латинскія произведенія Кохановскаго, которыя авторъ анализируетъ съ такою любовью и тщаніемъ, что приводитъ читателя въ досадливое чувство.

Заключеніе, въ которомъ г. Глокке суммируетъ выводы о политическихъ, религіозныхъ и общественныхъ взглядахъ Кохановскаго и указываетъ значеніе его литературной дѣятельности, написано съ должнымъ соблюденіемъ мѣры въ оцѣнкѣ какъ личности, такъ и творчества поэта. Главнѣйшей заслугой Кохановскаго г. Глокке считаетъ то, что онъ привилъ польской поэтической

рѣчи западно-европейскія литературныя формы, при чемъ силою своего таланта поставилъ польскую поэзію на ряду съ другими европейскими литературами. Какъ истинный поэтъ, онъ сумѣлъ и въ польской рѣчи найти такую же силу, красоту и звучность, какими обладаетъ поэтическая рѣчь западно-европейскихъ народовъ.

Въ приложеніи г. Глокке далъ нѣсколько стихотворныхъ переводовъ изъ Яна Кохановскаго. Стихъ г. Глокке очень гладокъ и звученъ, читается легко. Приходится лишь пожалѣть, что авторъ привелъ слишкомъ мало образцовъ. У насъ стихотворныхъ переводовъ съ польскаго (а тѣмъ болѣе удачныхъ) очень немного; поэтому г. Глокке, удачно владѣющій стихомъ и, повидному, безъ особаго труда справляющійся съ нелегкимъ для перевода польскимъ стихомъ, оказалъ бы значительную услугу русской литературѣ переводами изъ Кохановскаго и другихъ польскихъ поэтовъ.

К. Х.

**Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839).
Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Спб. 1898.**

Монографія г. Шумигорскаго, изданная теперь отдѣльной книжкой, печаталась на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ. Это обстоятельство снимаетъ съ насъ обязанность распространяться о достоинствахъ книги г. Шумигорскаго, оцѣненной и нашими читателями и критикой періодической печати. Написанный чрезвычайно интересно, очеркъ г. Шумигорскаго, посвященный ангелу хранителю императора Павла, фрейлинькѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой, даетъ новыя подробности и новое освѣщеніе дѣятельности непонятаго ни современниками, ни потомствомъ императора, жертвы времени. «Изучая событія Павловскаго царствованія, говоритъ г. Шумигорскій въ приложенномъ къ отдѣльному изданію предисловіи, мы не можемъ сочувствовать нравственному уровню этого желѣзнаго вѣка, хотя въ открывающемся передъ нами историческомъ калейдоскопѣ не можемъ не удивляться оригинальной комбинаціи политическихъ силъ, постоянно борющихся между собою, но дѣйствовавшихъ въ одномъ и томъ же направленіи и приводившихъ къ одной и той же цѣли. Императоръ Павелъ, напримеръ, во все кратковременное свое царствованіе жаждалъ уничтоженія словесныхъ привилегій, водворенія правды и законности въ государствѣ, но, по революціонному духу времени, для достиженія этихъ цѣлей употреблялись и революціонныя средства: административный произволъ, ссылка и кнутъ; эта двойственность въ политикѣ Павла чувствовалась всемімъ: недаромъ французы называли его якобинцемъ. на тронѣ, крестьяне Пугачевымъ, а раскольники царемъ Развѣемъ. Съ другой стороны, враги Павла—«наши русскіе Мирабо, за измятое жабо хлеставшіе Гаврилу и въ усь, и въ рыло», были ли это масоны или «вольтерьянцы», все равно,—смотрѣли на совершавшіяся кругомъ событія, очевидно, съ иной точки зрѣнія, чѣмъ ихъ крѣпостные, и «les droits de l'homme» прилагали лишь къ себѣ и къ своему сословію. Первый шагъ къ уравненію сословій былъ сдѣланъ несомнѣнно императоромъ Павломъ, и хотя

произведенная имъ «революція сверху» не сопровождалась такими ужасами, какъ французская, но жертвой ея сдѣлался онъ самъ. Въ этомъ смыслѣ, по моему глубокому убѣжденію, Павелъ Петровичъ есть одно изъ самыхъ трагическихъ лицъ нашей исторіи: фанатикъ своихъ идей, онъ велъ непрерывно борьбу одинъ противъ всѣхъ, и духовныя его силы оказались недостаточны, чтобы безнаказанно вынести на себѣ всю ея тяжесть». Отношенія Павла къ Нелидовой одинъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ его жизни и, слѣдовательно, его царствованія. Правильное разъясненіе ихъ способствуетъ разсѣянію «анекдотическаго тумана», окружающаго личность императора Павла. Отсюда ясно значеніе труда г. Шумигорскаго, уже давно работающаго надъ эпохой конца XVIII и начала XIX в. Значеніе увеличивается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рукахъ біографа Нелидовой находилось немало не опубликованныхъ документовъ.

П. Щ.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ четвертый. Возрожденіе и реформація. Новый Свѣтъ. 1492—1559. Переводъ В. Невѣдомскаго. Спб. 1898.

Появившійся недавно IV-й томъ «Исторіи» Лависса и Рамбо въ русскомъ переводѣ охватываетъ одну изъ самыхъ живыхъ эпохъ въ культурно-соціальной исторіи человѣчества — гуманизмъ и реформацію. XV столѣтіе, которое французскіе историки разсматриваемаго нами сочиненія относятъ къ новой исторіи, имѣетъ двойственный, переходный характеръ. Въ этомъ переходѣ и заключается трудность изученія эпохи. Какъ и все сочиненіе Лависса и Рамбо, вышедшій томъ страдаетъ основнымъ недостаткомъ: нѣтъ общей точки зрѣнія, подъ которой разсматривались бы событія, не указаны основныя явленія, около которыхъ группируется жизнь Европы. XV и XVI вѣка составляютъ центральную эпоху въ исторіи Западной Европы, такъ какъ гуманизмъ и реформація начинаютъ собою новый періодъ западно-европейской исторіи. И вотъ изъ 933 страницъ вышедшаго тома итальянскому гуманизму (этого слова въ русскомъ переводѣ нѣтъ, оно замѣнено словомъ «возрожденіе») отвели авторы немного меньше одной страницы, а вообще возрожденію — 46 стр. Конечно, читатель не составитъ себѣ никакого рѣшительно даже представленія о гуманизмѣ, который сольется у него, какъ въ старое время, съ различными раскопками и интересомъ къ классической древности. Въ III-мъ томѣ возрожденію въ Италіи (русскій переводъ) удѣлено 55 стр. (стр. 559 — 615), изъ которыхъ нельзя познакомиться съ характеромъ гуманизма. Между тѣмъ, этотъ вопросъ теперь достаточно разработанъ, и французскимъ ученымъ все же слѣдовало для полноты библиографіи хоть указать на капитальный трудъ русскаго ученаго, профессора М. Корелина «Ранній итальянскій гуманизмъ», тѣмъ болѣе, что Рамбо прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ. Весь первый отдѣлъ книги «Италія въ эпоху Возрожденія» сводится, главнымъ образомъ, къ внѣшней исторіи итальянскихъ государствъ, къ войнамъ Карла VIII, Людовика XII, Франсиска I и Генриха II. Хорошо составлены главы, касающіяся политическихъ, административныхъ и общественныхъ преобразо-

ваий Франціи, гдѣ разсмотрѣна королевская власть со времени вступленія на престоль Карла VIII до конца царствованія Генриха II, судопроизводство и администрація, организація арміи, и слабѣ представлена картина общества того времени. Прекрасный очеркъ далъ извѣстный историкъ-экономистъ Levasseur экономического прогресса, земледѣлія, промышленности и торговли во Франціи въ половинѣ XVI вѣка. Такъ какъ авторы не задавались опредѣленною цѣлью дать исторію общества и личности въ ихъ взаимодѣйствіяхъ, то въ ихъ программу входитъ и философія, и наука, искусство, литература. Глава VI посвящена французской литературѣ въ первой половинѣ XVI вѣка, седьмая — искусству въ Европѣ: итальянскому, французскому, нѣмецкому, англійскому, а также и музыкѣ, восьмая — наукѣ въ Европѣ. Конечно, трудно познакомить обстоятельно съ литературой на 20 страницахъ (209—229 стр.), но указать связь ея съ историческимъ движеніемъ — необходимо. Иначе, для чего помѣщать во «Всеобщей исторіи» литературу? Недостатокъ этого живо написаннаго очерка литературы и заключается въ томъ, что литература разсматривается здѣсь съ эстетической точки зрѣнія, съ литературной, но не выяснено оппозиціонное отношеніе литературы къ средневѣковымъ формамъ, такъ ярко характеризующее переломъ въ умственной жизни Европы. Послѣ очерка исторіи Испаніи, весьма хорошо составленнаго Марьежолемъ, извѣстнымъ и русской публикѣ, идетъ эпоха реформаціи, — въ Германіи (X глава), Швейцаріи (XI глава), Франціи (XII глава), Англии (XIII и XIV главы) и Скандинавіи (XV глава). Этотъ крупный моментъ въ исторіи Европы имѣетъ универсальное значеніе. Поэтому необходимо было бы выяснитъ причины реформаціи и связь ея съ гуманизмомъ. Составитель очерка реформаціи Denis говоритъ: «нѣкоторые полагаютъ, что реформація находилась въ связи съ возрожденіемъ, но это едва ли безусловно вѣрно», — и не доказываетъ, почему нѣтъ связи между гуманизмомъ, нѣмецкимъ въ особенности, и реформаціей. Реформація имѣла не только религіозную сторону, но и социальную. Последняя сторона выяснена очень слабо у составителей «Всеобщей исторіи». Не разобраны аграрныя и политическія требованія крестьянскаго возстанія, не выяснены социальныя черты анабаптизма; въ исторіи Германіи не разобраны причины ея упадка, въ связи съ экономическимъ переворотомъ. Зато почти 200 страницъ отведены на исторію Оттоманской имперіи (глава XIX, 643—722 стр.), революціи въ Сѣверной Африкѣ (глава XX), Индостану и имперіи Великаго Могола (стр. 773—813). Двѣ послѣднія главы — 22 и 23 — посвящены открытіямъ португальцевъ въ Африкѣ и Азіи и открытію Америки, причемъ выдвинута описательная сторона этихъ фактовъ, но не указано вліяніе открытія Новаго Свѣта на Европу, въ которой совершился въ началѣ новой исторіи важный экономическій переворотъ.

Полезьа такого сочиненія, особенно для русской публики, несомнѣнна: разница между этой «Исторіей» и исторіей Вебера громадная. Трудъ Лависса и Рамбо можно съ большимъ интересомъ читать, такъ какъ французы умѣютъ писать (только ихъ плохо переводятъ), но недостатки, въ смыслѣ постановки вопросовъ, все же крупные.

К.

Вл. А. Тихоновъ. Разбитые кумиры. Повѣсти и рассказы. Спб. 1898.

Изящный стиль, несложная фабула повѣствованія, несложные характеры и не Богъ вѣсть сколь сложные положенія — вотъ существенныя особенности выпущенной г. Тихоновымъ его новой книжки «Разбитые кумиры». Авторъ хорошо знакомъ съ столичной буржуазіей, знаетъ вдоль и поперекъ ея слабости, мелкія страсти и вождельнія, грязную подоплеку ея домашняго обихода и мастерски дѣлится этими знаніями съ широкой аудиторіей читателей. Прекрасный рассказчикъ и занимательный собесѣдникъ, онъ не утомляетъ слушателей длинными монологами, резонерствомъ и стремленіемъ дѣлать изъ мухи слона. Съ славянскимъ добродушіемъ, приправленнымъ безобидной провіей, взпраетъ онъ на героевъ столичной суголоки, не придавая особенно серьезнаго значенія ихъ горестямъ и драмамъ и точно подтверждая изображеніемъ послѣднихъ справедливость народнаго проречія — «по дѣломъ и мука вору». Вотъ глава семьи, построившій личное благополучіе на расчетахъ выгоднаго брака дочерп и окончательно запутавшійся въ долгахъ, вотъ чиновникъ - супругъ, заводящій у себя въ домѣ амурныя шашки съ бонной и разбивающій тѣмъ самымъ крѣпость семейнаго очага, вотъ другой чиновникъ, ставшій лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ и грознымъ призракомъ смерти и внезапно прозрѣвшій всю суетность прожитой жизни, вотъ цѣлый рядъ побочныхъ дѣйствующихъ лицъ изъ числа столичныхъ обывателей средняго класса, живущихъ изо дня въ день безъ Бога въ сердцѣ и не отдающихъ себѣ хорошенько отчета, зачѣмъ они живутъ и каковы обязанности, возлагаемыя на нихъ жизнью. «Кумиры» г. Тихонова не высокой дѣйности, да онъ и не тичится вытягивать ихъ за уши; крушенія этихъ «кумировъ» не вызываютъ слезъ соболѣзнованія ни въ авторѣ, ни въ читателяхъ, и къ нимъ менѣе всего подходитъ стихъ поэта:

Храмъ разрушенный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

Тѣмъ не менѣе знакомство съ средою и типами этой среды, выведенными даровитымъ писателемъ, поучительно и неминуемо вызываетъ въ читателяхъ серьезное размышленіе касательно современнаго семейнаго строя и обязанностей, возлагаемыхъ на человека его семейнымъ положеніемъ. Г. Тихоновъ, по-видимому, ставитъ себѣ въ настоящее время главной задачей разработку именно семейныхъ мотивовъ въ буржуазныхъ слояхъ общества, которые ему близко знакомы, и, надо отдать ему справедливость, справляется съ этой задачей вполне удовлетворительно. Книжка его, благодаря легкости манеры повѣствованія и занимательности содержанія, несомнѣнно можетъ оказаться полезнымъ факторомъ проведенія въ общество этическихъ началъ. Современный семейный строй, какъ извѣстно, не отличается крѣпкими устоями, свѣтлыми идеалами и правильными взаимоотношеніями членовъ семьи между собою; поэтому всякая литературная попытка внести сюда необходимыя коррективы и указанія на главнѣйшія язвы заслуживаетъ призывности и поддержки. Г. Тихоновъ внесъ въ современную литературную работу съ такими задачами и такого направленія свою посплывую лепту, и его «Разбитые кумиры» являются виднымъ слѣдомъ указаннаго литературнаго теченія.

Г. Л. И.

„Album biograficzne zasłużonych polaków i polek XIX wieku“ (Биографическій альбомъ славныхъ поляковъ и полячекъ XIX стол.).
Выпускъ I—III. Варшава. 1898.

Благодарность и память каждого общества въ отношеніи людей, послужившихъ ему въ его прошломъ, обыкновенно, бываетъ единственною наградою ихъ заслугъ и потому должна быть обязательною для общественной совѣсти. Такими, очевидно, соображеніями руководилась между прочимъ редакція варшавскаго иллюстрированнаго «Воскреснаго Курьера» («Kurjer niedzielny», II-й годъ изданія), приступивъ къ изданію художественнаго біографическаго альбома своихъ соотечественниковъ, прославившихся въ текущемъ столѣтіи на поприщѣ науки, искусства и общественной жизни. Въ вышедшихъ до сихъ поръ трехъ выпускахъ этого интереснаго и цѣннаго въ историческомъ отношеніи альбома помѣщены между прочимъ портреты и біографическіе очерки генерала Генриха Домбровскаго и полковника Яна Козегульскаго — героевъ наполеоновской эпохи, великаго литовскаго капцлера Іоакима Хрентовича, профессоровъ Андрея Снядецкаго и Евс. Словацкаго, придворнаго живописца короля Станислава-Августа Марцеллія Бачіарелли (Marcello Baciarelli), государственнаго мужа Тадеуша Чацкаго, извѣстнаго политическаго дѣятеля Мавркія Мохнацкаго, славнаго композитора Карла Курпинскаго, высокообразованной княгини Изабеллы Чарторыйской, супруги князя Адама-Казиміра, «генерала земель подольскихъ», знаменитаго поэта и духовнаго оратора, архіепископа варшавскаго Яна-Павла Воронича, храбраго, безвременно погибшаго князя Іосифа Понятовскаго, талантливаго живописца Смуглевича, извѣстнаго историка Нѣмцевича, поэта времени Станислава-Августа Карпинскаго, извѣстнаго своимъ участіемъ въ войнѣ съ русскими 1794 г., дивизіоннаго генерала Карла Княжевича (біографія написана извѣстнымъ г. Алекс. Краусгаромъ), памятнаго Варшавѣ д-ра медицины Франца Брандта, даровитаго художника Антона Бродовскаго (очеркъ принадлежитъ перу проф. г. Войцѣха Герсона), писательницы, княжны Маріи Виртембергской, дочери вышепомянутой Изабеллы Чарторыйской, автора знаменитыхъ «Деревенскихъ пѣсенъ» («Pieśni wiejskie», Кр., 1811) Казиміра Бродзинскаго (жизнеописаніе составлено проф. г. П. Хмѣловскимъ), творца чудныхъ полонезовъ кн. Мих. Огинскаго, замѣчательнаго педагога, ксендза-піара Онуфрія Копчинскаго, превосходнаго живописца Мих. Стаховича, доктора Рафаила Червяковскаго и профессора литературы въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ Леона Боровскаго (біографическій очеркъ написанъ г. Фердин. Гезикомъ). Всѣхъ выпусковъ, въ которыхъ предполагается дать до тысячи портретовъ, будетъ 30, и стоитъ они будутъ 15 рублей.

Г. А. Воробьевъ.

Два письма князя В. О. Одоевскаго къ ея императорскому
высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Спб. 1898.

Письма князя Владиміра Теодоровича Одоевскаго являются въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати. Лекціи А. О. Кони вызвали живѣйшій интересъ къ личности покойнаго филантропа и разносторонняго общественнаго дѣятеля.

«истор. вѣстн.», августъ, 1898 г., т. LXXIII.

21

Письма, изданныя г. Н. Карцевымъ, проливаютъ свѣтъ на ту сторону дѣятельности В. Θ. Одоевского, которой отводили до сихъ поръ слишкомъ мало мѣста, говоря о его жизни и трудахъ. Дѣятельность эта — педагогическая. В. Θ. былъ педагогомъ практикомъ. Въ письмахъ своихъ Одоевскій останавливается на рѣшеніи и изложеніи чисто практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ благополучіемъ Маріинскаго института. Въ первомъ письмѣ Одоевскій рѣшаетъ вопросы о поведеніи и отлучкахъ классныхъ дамъ, второе письмо даетъ характеристику тогдашняго положенія института. Касаясь ближайшимъ образомъ этого заведенія, письма В. Θ. содержатъ богатый матеріалъ для исторіи русскаго педагогическаго дѣла въ сороковыхъ годахъ. Щ.

Мои воспоминанія. Академика Θ. И. Вуслаева. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. фонъ-Вооля. М. 1898.

Вышедшія теперь отдѣльнымъ изданіемъ «Воспоминанія» академика Вуслаева не представляютъ собой чего либо новаго: они были уже напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» за 1890—1892 годы. Къ сожалѣнію, въ новое изданіе не включены даже дополненія, продиктованныя Вуслаевымъ послѣ того, какъ были отпечатаны его воспоминанія въ журналѣ. Какъ видно изъ предисловія, послѣдніе годы жизни Вуслаевъ сильно хворалъ, а въ 1893 году разболѣлся до такой степени, что вынужденъ былъ прекратить всякія занятія и даже писаніе воспоминаній. Въ это время онъ могъ только вспоминать устно, «разсказывать». Одинъ изъ его друзей началъ записывать его разсказы, и однажды прочелъ Вуслаеву все записанное имъ, прося позволенія записывать послѣ каждой бесѣды и потомъ прочитывать ему слышанное. Вуслаевъ не только согласился на это, но даже взялся самъ диктовать ему различныя событія, не вошедшія въ отпечатанныя уже «Мои воспоминанія». Такимъ образомъ составила интересная рукопись, которую самъ Вуслаевъ озаглавилъ «Дополненія къ моимъ воспоминаніямъ». Съ 24-го августа 1893 г. по 1-е марта 1896 г. Вуслаевъ аккуратно два раза въ недѣлю диктовалъ «Дополненія» и довелъ ихъ до конца (рукопись заключаетъ въ себѣ 406 страницъ листового формата). Почему не включены въ книгу эти дополненія, часть которыхъ уже была напечатана, совершенно непонятно. Издатель настоящей книги, г. фонъ-Вооль, объясняетъ, что онъ сдѣлалъ это, не желая «нарушать цѣльность записокъ Вуслаева». Казалось бы, наоборотъ, что изданіе дополненій вмѣстѣ съ основными «Воспоминаніями» придастъ имъ большую цѣльность. Но, разъ ужъ такая ошибка допущена, намъ остается только пожелать, чтобы «Дополненія» были изданы въ возможно скорѣйшемъ времени. Желательно было бы, чтобы къ нимъ былъ приложенъ именной указатель, который отсутствуетъ, къ сожалѣнію, въ настоящемъ изданіи. Вошедшія въ настоящій томъ воспоминанія обнимаютъ собой періодъ времени съ 1834 по 1877 г. По своему содержанію они слишкомъ субъективны и заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для біографіи самого Вуслаева, хотя немало также найдется въ нихъ интересныхъ фактовъ для характеристики Московскаго университета, профессоровъ и ученыхъ.

В. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГО ПРЕДАЛО Іерусалимъ въ руки мусульманъ? Извѣстный англійскій публицистъ, Станлей Ланъ-Пуль, въ июльской книжкѣ «Cornhill Magazine» ¹⁾ рисуетъ хотя бѣглыми, но живыми чертами картину тѣхъ событій въ Палестинѣ въ 1187 г., которыя привели къ потерѣ христіанами Іерусалима и къ овладѣнію имъ мусульманами, не выпускающими его изъ своихъ рукъ до сихъ поръ. Съ самаго начала этого злополучнаго года для крестоносцевъ, которые твердо держались въ Іерусалимѣ, Акрѣ, Тирѣ, Сидонѣ, Аскалонѣ и многихъ другихъ твердыняхъ въ Святой Землѣ, всѣ знали, что близится критическій моментъ въ борьбѣ христіанъ съ невѣрными. Два года передъ тѣмъ графъ Раймундъ Триполісскій, регентъ Іерусалимскаго королевства во время малолѣтства Вальдуина V, самый способный и разумный человѣкъ среди послѣднихъ крестоносцевъ, заключилъ съ Саладиномъ трактатъ на четыре года, въ продолженіе которыхъ христіане должны были воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, а сарацины—не переступать границъ своихъ владѣній за Іорданомъ. Саладинъ свято держалъ свое слово, котораго онъ никогда не нарушалъ, но за христіанъ было трудно поручиться, такъ какъ ихъ постоянно подстрекали къ нападеніямъ на мусульманъ пастеры и монахи. Къ тому же въ ихъ лагерѣ взяли верхъ молодые дѣятели; по смерти Вальдуина V они возвели на престолъ Сивиллу, представительницу королевскаго

¹⁾ The fight that lost Jerusalem, by Stanley Lane-Poole. Cornhill Magaz. July.

дома, и она дѣлила корону съ своимъ мужемъ Гвидо Лузиньяномъ. Раймундъ удалился въ свой Тиверіадскій замокъ на берегу Галилейскаго озера, и отъ страха Гвидо, который постоянно грозилъ подвергнуть тяжелой карѣ измѣнника святому кресту и друга Саладина, онъ даже окружилъ себя стражей изъ сарацинъ, присланныхъ для его защиты Саладиномъ. Но въ то время какъ христіане ссорились между собою, мусульмане никогда не были такъ тѣсно сплочены, какъ при Саладинѣ, который соединилъ въ одно могучее цѣлое различныя расы и племена, обитавшія всю страну между Ниломъ и Тигромъ. Изъ простого рядового въ арміи Нур-ед-дина онъ сдѣлался вице-королемъ Египта и, присоединивъ къ нему Сирію и Месопотамію, дошелъ до того, что самъ Багдадскій халифъ называлъ его султаномъ ислама. Но всего этого Саладину было мало, и онъ мечталъ объ освобожденіи Іерусалима изъ рукъ «язычниковъ». Для него Іерусалимъ былъ столько же святъ, какъ для крестоносцевъ, ради Іисуса, сына Маріи, котораго все мусульмане чтятъ и еще болѣе потому, что тамъ пророкъ вознесся для обозрѣнія тайнъ рая и все вѣрныя соберутся въ день страшнаго суда. Поэтому очищеніе Святой Земли отъ «идолотенетовъ» было его излюбленной мечтой. Много лѣтъ онъ подготавливалъ ударъ, который долженъ былъ повести къ достиженію этой цѣли, но съ нѣкоторыхъ поръ онъ зналъ, что часъ насталъ, и сами христіане дадутъ ему предлогъ къ началу военныхъ дѣйствій. Ему пришлось ждать недолго. Регинальдъ Шатильонскій первый нарушилъ перемиріе, заключенное Раймундомъ. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ сарацинской тюрьмѣ и поклялся имъ отомстить; дѣйствительно онъ повременамъ покидалъ свой замокъ въ Каракѣ, къ востоку отъ Мертваго моря, и, несмотря на протесты Іерусалимскаго короля, дѣлалъ набѣги до Медины и грабилъ караваны. Въ концѣ 1186 г. онъ отбилъ большой караванъ, въ которомъ по слухамъ находилась сестра Саладина, и на возраженіе мусульманъ, что существовало перемиріе, онъ отвѣчалъ: «Вы надѣетесь на Магомета, пусть онъ васъ спасетъ». Узнавъ объ этомъ, Саладинъ поклялся лично убить владѣльца Карака. Взятіе каравана погубило Іерусалимъ, говоритъ одинъ изъ христіанскихъ лѣтописцевъ. Саладинъ призвалъ всехъ вѣрныхъ на святую войну, собралъ войска изъ Сиріи, Месопотаміи и Египта въ Дамаскъ и 28 мая 1187 г. поднялъ свое желтое знамя въ Асгаратской равнинѣ. Крестоносцы рѣшились дать отпоръ, предчувствуя, что настала послѣдняя битва христіанъ за обладаніе гробомъ Господнимъ. Гвидо помирися съ Раймундомъ, и все христіанскія силы собрались въ Сафувиѣ. 2 іюля получилось извѣстіе, что Саладинъ перешелъ Іорданъ и осадилъ Тиверіадскій замокъ, гдѣ находилась жена Раймунда. Несмотря на это обстоятельство, Раймундъ совѣтовалъ крестоносцамъ не идти на встрѣчу къ могущественному врагу по мѣстности, лишеной ручьевъ и источниковъ, а обойти его флаговымъ маршемъ и отрѣзать ему отступленіе черезъ Іорданъ. «Лучше, чтобы погибли моя Тиверіада, мое имущество и моя жена, чѣмъ вся страна, которая непременно погибнетъ, если вы пойдете прямо на враговъ», сказалъ Раймундъ. Но его не послушали, и Гвидо, находившійся всецѣло подъ вліяніемъ главы храмовниковъ, приказалъ 3 іюля двинуться на Саладина. Армія послѣдняго состояла изъ 12.000 хорошо вооруженныхъ всадниковъ, а христіане имѣли такое же или немного большее войско, но оно со-

стояло изъ тяжелой пѣхоты и еще болѣе тяжелой конницы. Главное же, какъ боялся Раймундъ, пройдя значительное пространство въ тяжелой бронѣ по палашему солнцу и иволнѣ изнуренные жаждой, которой нечѣмъ было утолить, крестоносцы потеряли по дорогѣ многихъ храбрецовъ и не были въ состоянiи вступить въ бой съ сарацинами, какъ только они достигли ихъ въ Хитинѣ. Они остановились для отдыха на ночь, но вмѣсто отдыха они потеряли свои послѣднiя силы, въ агонiи жажды, тщетно оглашая воздухъ криками: «Воды, воды». На слѣдующее утро начался роковой бой, послѣднiй бой крестоносцевъ въ Святой Землѣ. Свѣжимъ, фанатичнымъ мусульманамъ было легко справиться съ изнуренными, потерявшими всякую энергiю, христіанами, тѣмъ болѣе, что они оттянули бой до того времени, какъ солнце еще болѣе истомило крестоносцевъ и, кромѣ того, подожгли сухіе кустарники для увеличенiя ихъ страданiй. Несмотря на все, крестоносцы дрались, какъ львы, но они не могли въ изнеможенiи своихъ силъ противостоять стремительнымъ нападениямъ мусульманской конницы. Самъ Саладинъ вихремъ носился по всему полю сраженiя, былъ вездѣ и всюду, лично ведя безумныя атаки. Наконецъ крестоносцы стали бросать оружіе съ крикомъ: «Не можемъ драться, хотимъ пить», и большiя ихъ массы спасались въ горы, надѣясь тамъ найти каплю воды. Гвидо въ отчаянiи поручилъ Раймунду сдѣлать послѣднее усилiе и повести въ атаку оставшихся крестоносцевъ; онъ взялся за это отчаянное дѣло. Но при ихъ натискѣ сарацины разступились, а потомъ окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Видя, что все пропало, Раймундъ искалъ спасенiя въ бѣгствѣ. Онъ благополучно достигъ Тира, но, преслѣдуемый проклятіями христіанъ, видѣвшихъ въ немъ измѣнника, онъ вскорѣ умеръ. Что касается до остальныхъ вождей крестоносцевъ, то они или погибли въ бою, или были взяты въ плѣнъ; къ послѣднимъ принадлежали король и Регинальдъ Шатильонскiй, котораго, согласно клятвѣ, Саладинъ собственноручно убилъ въ своей палаткѣ. Битвой подъ Хитиномъ окончилось христіанское царство въ Палестинѣ; у крестоносцевъ не осталось болѣе армiи, и 2 октября Иерусалимъ сдался Саладину. Тогда началось въ Святой Землѣ царство мусульманъ, продолжающееся до сихъ поръ.

— Агнеса Сорель. Въ *Revue Hebdomadaire* отъ 2-го іюля помѣщенъ отрывокъ изъ подготовленной къ печати книги г-жи Вланинъ Когенъ «*Les reines de France et les favorites des rois de France*», въ которой авторъ рисуетъ портреты всѣхъ женщинъ, раздѣлявшихъ тронъ французскихъ королей и вліявшихъ на нихъ въ качествѣ фаворитокъ. Эти портреты основаны какъ на печатныхъ, такъ и на рукописныхъ матеріалахъ, а самыя характеристики героинь отличаются рельефною картинностью. Въ настоящемъ отрывкѣ авторъ знакомитъ съ двумя фаворитками Карла VII: Агнесой Сорель и баронессой Антуанетой Вилинье¹⁾. Первая изъ нихъ извѣстна, какъ одна изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятельницъ освобожденiя Франціи отъ англійскаго владычества. Она вырвала слабохарактернаго короля изъ постыдной апатiи, заставивъ его болѣе достойно исполнять свои королевскiя обязанности и принять услуги Іоанны д'Аркъ, которой она всячески содѣйствовала. Агнеса Сорель была дочерью провинціаль-

¹⁾ *Les favorites de Charles VII. Par Blanche Cohen.*

наго судьи и совѣтника графа Клермонскаго. Еще ребенкомъ она была взята ко двору герцога Лотарингскаго и воспитывалась вмѣстѣ съ его дочерью Изабеллою. Послѣ замужества Шубемы съ герцогомъ Анжуйскимъ, Агнеса вмѣстѣ съ нею перешла во французскій дворъ, и тамъ Карль VII тотчасъ влюбился въ нее. Ей тогда было двадцать лѣтъ, и, отличаясь серьезнымъ, благоаумнымъ характеромъ, она долго сопротивлялась недостойнымъ предложеніямъ короля и уступила только въ виду увѣщеваній самой королевы и ея матери, которыя рассчитывали на ея доброе вліяніе на короля. Дѣйствительно, въ продолженіе двадцатилѣтнихъ отношеній къ нему Агнеса никогда ничего не дѣлала, кромѣ добра, ни ему, ни Франціи. «Дама Красоты», какъ ее всѣ называли, не только отличалась необыкновенной красотой, но и замѣчательнымъ умомъ и глубокими нравственными достоинствами. Она была добрая, сочувственно относилась къ горестному положенію народа и старалась всячески улучшить его долю. Фонтенель въ своихъ діалогахъ вкладываетъ въ уста Агнесы очень характеристичное объясненіе ея роли въ исторіи Франціи: «король, который меня любилъ, хотѣлъ уступить свое королевство иностраннымъ узурпаторамъ и удалиться со мной въ горы, но я отвратила это злое намѣреніе слѣдующей страгемой. Я вызвала ко двору астролога и, сговорившись съ нимъ тайно, представила его королю, при которомъ попросила астролога предсказать мнѣ мою будущность. Онъ отвѣчалъ, что сочетаніе планетъ предсказываетъ мнѣ любовь могущественнаго короля. Тогда я сказала Карлу: «въ виду этихъ словъ астролога не разсердитесь, если я отправлюсь къ англійскому двору, такъ какъ вы не хотите быть могущественнымъ королемъ, и мнѣ надо искать другого». Изъ боязни потерять меня онъ рѣшился сдѣлаться могущественнымъ королемъ и съ этой минуты сталъ энергичнѣе». Благодарная Франція не забыла услугъ королевской фаворитки, и ея имя уважалось народомъ болѣе многихъ королевъ. Несмотря на все вліяніе Агнесы и преданную любовь короля къ ней, она впродолженіе десяти лѣтъ ловко ступневывалась при дворѣ, несмотря на пожалованный ей титулъ графини Шентьевръ. Но потомъ, когда она стала бояться соперницъ, она начала открыто разыгрывать роль фаворитки, что навлекло на нее непріязнь многихъ при дворѣ и даже недоброжелательство народа. Послѣднее обстоятельство, выразившееся враждебнымъ пріемомъ парижанъ въ 1448 году, при ея проѣздѣ чрезъ столицу, такъ повліяло на нее, что она удалилась въ свой замокъ Аневиль и, спустя два года, умерла на сороковомъ году жизни. Ее похоронили въ соборѣ, въ Лошъ, гдѣ Карль VII воздвигнулъ ей великолѣпный памятникъ. Ея портретъ сохранился въ видѣ мадонны въ Антверпенскомъ музеѣ, съ надписью: «Пресвятая Дѣва Марія въ образѣ Агнесы Сорель, фаворитки Карла VII, короля французскаго, умершей въ 1450 году». Но, по словамъ Бланшъ Когенъ, врядъ ли сама Агнеса, въ виду ея искренней религіозности, рѣшилась бы позировать для картины, изображающей Богородицу, а потому этотъ портретъ ея не достовѣренъ, и слѣдуетъ положительно отдать предпочтеніе портрету Агнесы Сорель, находящемуся въ Версали, хотя и безъ подписи. Къ чести этой королевской фаворитки надо еще сказать, что она всегда оставалась вѣрной Карлу VII и очень любила трехъ дочерей, которымъ она подарила короля. Быть можетъ, ея слава никогда бы не достигла

такого апогея, какъ послѣ ея смерти, еслибъ ея жѣсто не заняла ея двоюродная сестра, Антуанета Маньеле, выданная королемъ замужъ за барона Виленье. Новая фаворитка была рѣзкой противоположностью старой. Самолюбивая, думавшая только о себѣ и развратная Антуанета не только имѣла любовниковъ помимо короля, но и сама поставляла ему любовницъ. Поэтому при дворѣ ее ненавидѣли, а вся Франція презирала ее, и съ злорадствомъ всѣ противопоставляли ей свѣтлый образъ Агнесы Сорель.

— Шекспиръ не Шекспиръ, а Марло. Американцы, повидимому, поставили себѣ задачей развѣнчивать Шекспира, и если имъ не удалось замѣнить его Беконемъ, то теперь явился новый иконокласъ, который смѣло доказываетъ, что шекспировскія пьесы писалъ Христофоръ Марло. Никто не отвергалъ до сихъ поръ драматическихъ заслугъ Марло, одного изъ предшественниковъ и современниковъ Шекспира, но, чтобы онъ написалъ Гамлета, никто не подозрѣвалъ, и это великое открытіе сдѣлалъ надняхъ американецъ Вильбуръ-Глосонъ-Цейглеръ, который, по его собственнымъ словамъ, съ помощью жены и матери, написалъ курьезную книгу, не то біографію, не то романъ, подъ заглавіемъ: «Это былъ Марло—исторія трехвѣковой тайны»¹⁾. Цейглеръ задумалъ доказать, что Марло способенъ былъ сдѣлаться Шекспиромъ. Приводимые имъ аргументы въ доказательство новой антишекспировской теоріи болѣе чѣмъ оригинальны. Конечно, прежде всего нужно было отвергнуть права Шекспира и даже Бекона на шекспировскія пьесы, и этотъ вопросъ американецъ разрѣшаетъ очень просто. Ни тотъ, ни другой не говорили ни слова о своихъ пьесахъ въ завѣщаніяхъ, а потому очевидно, по словамъ Цейглера, что не они были авторами «Гамлета», «Макбета» и т. д. Но чѣмъ же онъ доказываетъ авторство Марло? Также очень просто. Подвергнутый судебному преслѣдованію за богохульство, Марло искалъ спасенія въ укрывательствѣ отъ суда, а слѣдовательно не могъ писать пьесы подъ своимъ именемъ. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, онъ предложилъ своему пріятелю актеру Шекспиру подискивать за него эти пьесы. На это будто бы Шекспиръ, если вѣрить американцу, отвѣчалъ со смѣхомъ: «какъ, я буду писать пьесы? Что вы, да этому никто не повѣритъ! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сторожилъ лошадей передъ театрами, а тутъ вдругъ буду авторомъ пьесъ». Какъ бы то ни было, а, по увѣренію Цейглера, Марло скрылся отъ судебныхъ властей въ какой-то лондонской трущобѣ, а его пьесы давались подъ именемъ Шекспира. Какъ безспорное доказательство того, что Марло дѣйствительно писалъ шекспировскія пьесы, Цейглеръ приводитъ въ концѣ своей книги разговоръ Бена Джонсона съ Томасомъ Нашемъ, послѣ перваго представленія «Гамлета». Нашъ доказывалъ, что Шекспиръ виновенъ въ плагиатѣ, именно заимствовалъ цѣлую фразу изъ пьесы Марло «Эдуардъ Второй», но Бенъ Джонсонъ отвѣчалъ: «это нимало не плагиатъ, а только доказываетъ, что самую пьесу писалъ Марло». Если къ тому же выводу не приходитъ читатель, прочитавшій книгу американца, то въ этомъ виновать не авторъ, который изъ кожи лѣзетъ, чтобы доказать свой тезисъ.

¹⁾ It was Marlowe: a story of the secret of three centuries. By Wilbur Gleason Zeigler. New-York. 1898.

— Карлъ I. Конечно, исторія не пуждалась въ новой апології Карла I, и всѣ спорные вопросы относительно его борьбы съ парламентомъ давно разрѣшены. Факты этой борьбы общезвѣстны, и хотя судъ исторіи можетъ замѣниться въ мелочахъ, но въ принципѣ онъ уже безапелляціонно высказался противъ несчастнаго представителя дома Стюартовъ. Однако, недавно умершій сэръ Джонъ Скелтонъ нашелъ нужнымъ составить новую біографію Карла въ строго панегирическомъ духѣ ¹⁾, и хотя въ ней нѣтъ ничего новаго, но она написана такъ умѣренно и литературно, а издана такъ изящно, благодаря приложенію къ ней прекрасныхъ снимковъ съ портретовъ Вандика, видовъ Вестминстера, картинъ важнѣйшихъ историческихъ событій того времени, что его трудъ является нелишнимъ. Конечно, какъ торій старой школы, авторъ доказываетъ, что палата общинъ виновата въ возбужденіи борьбы, что король былъ обязанъ сопротивляться ея требованіямъ, что религія была въ основѣ распри, и форма религіи, отстаиваемая палатой, отличалась невозможнымъ фанатизмомъ, что поведеніе палаты нарушало конституцію, что казнь Карла была политическимъ безуміемъ, что палата обнаружила неспособность его къ управленію страной, и что Кромвель, деспотизму котораго палата предала страну, далеко не былъ искреннимъ и благороднымъ героемъ, какъ его рисуетъ Карлайль. Но защищая, такимъ образомъ, своего кумира, сэръ Джонъ Скелтонъ все-таки признаетъ въ немъ безтактность и отсутствіе благоразумія, а въ его совѣтникахъ, особенно въ королевѣ Генріетѣ-Маріи и архіепископѣ Лаудѣ, многіе недостатки. Хотя, по его словамъ, онъ основываетъ свои аргументы на почтенномъ, безпристрастномъ историческомъ трудѣ Гардинера, но нельзя не сказать, что онъ черпаетъ изъ него только то, что подтверждаетъ его собственные взгляды, не касаясь очень серьезныхъ его осужденій той или другой стороны стюартовскаго управленія страной.

— Взятіе Гаванны англичанами въ 1762 г. Въ июльской книжкѣ «Nineteenth Century» помѣщенъ очень кстати, въ виду испано-американской войны, очеркъ взятія главнаго города Кубы англійской эскадрой за сто тридцать шесть лѣтъ тому назадъ ²⁾. Авторъ, подполковникъ Ади, основалъ свой живой рассказъ преимущественно на біографіи адмирала Кенпеля, героя этого подвига англичанъ, показавшаго примѣръ, какъ слѣдуетъ овладѣть Гаванной дружнымъ натискомъ съ моря и суши. Эта осада, начавшаяся 7-го іюля и окончившаяся 8-го октября, происходила въ самое неблагоприятное время, среди постоянныхъ дождей, такъ что рядомъ съ потерей 560 человекъ убитыми и ранеными, англичане лишились 4.708 человекъ, благодаря болѣзнямъ. Война была объявлена 4-го января, но морская экспедиція вышла изъ Портсмута только 5-го мая, а къ атакѣ Гаванны приступлено 7-го іюля. Англійская эскадра состояла изъ 27 линейныхъ кораблей, 20 мелкихъ судовъ и 156 транспортовъ съ 11.350 солдатами. На другой день послѣ прибытія къ Гаваннѣ сдѣланы распоряженія къ высадкѣ къ востоку отъ форта Моро между

¹⁾ Charles I, by sir John Skelton. London. 1898.

²⁾ The capture of Havana by England in 1762, by lieut. col. Adye. Ninet. Cent. July.

устьями рѣкъ Бока-Нао и Коксилгара. Испанскій флотъ былъ запертъ въ Гаванской бухтѣ, потому что испанцы потопили три изъ своихъ лучшихъ судовъ въ проходѣ въ бухту, чтобъ помѣшать англичанамъ проникнуть туда. Фортъ Моро сдѣлался предметомъ нападенія англичанъ. Испанцы мужественно защищались, такъ что только 30-го юля англичане, получивъ покрѣпленія съ Ямайки и изъ Америки, взяли приступомъ фортъ Моро. Но и тогда испанцы не хотѣли сдаться, и бомбардировка Гаванны началась 10-го августа. Спустя четыре дня, городъ сдался, и англичанамъ достались девять линейныхъ кораблей, кромѣ трехъ потопленныхъ, что все вмѣстѣ составляло пятую часть тогдашнихъ морскихъ силъ Испаніи, и около 3 милліоновъ ф. ст., находившихся въ Кубинскомъ казначействѣ. Вся семья Кенпелъ, члены которой занимали высокіе посты во флотѣ и арміи, получила на свою долю призовыхъ денегъ не менѣе 150.000 ф. ст. Однако Гаванна оставалась въ рукахъ Англіи только годъ и была возвращена Испаніи по миру 1763 г.

— Государственный переворотъ 1772 г. въ Швеціи. Французскій историкъ Бонневиль де-Марсанжи поставилъ себѣ спеціальною цѣлью изученіе извѣстнаго дипломата XVIII столѣтія Вержена и, напечатавъ исторію его посольства въ Константинополь (*Le chevalier de Vergenne; sa vie à Constantinople*), онъ теперь посвятилъ свой новый трудъ его посольству въ Швеціи ¹⁾. Такъ же, какъ и первое сочиненіе ученаго автора, вторая книга Верженъ основана на тщательномъ изслѣдованіи архивныхъ документовъ и имѣетъ большой интересъ для русскихъ, такъ какъ поле дѣятельности Вержена одинаково въ Константинополь и въ Стокгольмѣ соприкасалось съ русской политикой. При Людовикѣ XV французская дипломатія очень цѣнила союзъ съ Швеціей и платила ей значительныя субсидіи. Кромѣ того, ея представители вмѣшивались въ борьбу шведскихъ политическихъ партій, поддерживая аристократическую противъ демократической, которой оказывали помощь Англія и Россія, и это вмѣшательство стоило Франціи въ 1769 году 1.648.000 ливровъ, а въ слѣдующемъ году 1.400.000. Съ восшествіемъ на престолъ молодого Густава III въ 1771 г. дипломатическія интриги европейскихъ кабинетовъ въ Стокгольмѣ еще усилились, и Франція рѣшила назначить туда неминистра резидента, а посла съ широкими полномочіями, и выборъ Людовика XV палъ на Вержена. Этотъ ловкій, опытный дипломатъ зналъ, что въ тогдашней Швеціи ничего нельзя было сдѣлать безъ денегъ, и въ виду преобладанія въ парламентѣ демократической партіи потребовалъ значительныхъ финансовыхъ средствъ. Ему въ этомъ не отказали, и французское правительство назначило шведскому королю ежегодную субсидію въ 1.500.000 ливровъ, на подкупы мѣстныхъ политическихъ дѣятелей 2 милліона и Вержену 100.000 содержанія, 150.000 прибавки и 700.000 въ мѣсяцъ на расходы во время сессіи шведскаго сейма. Снабженный такими обильными средствами, Верженъ думалъ разыграть роль полубога въ Стокгольмѣ, но онъ ошибся, и вожаки аристократической партіи Шляпъ такъ закидали его требованіями денегъ, что онъ израсходовалъ живо все, что имѣлъ,

¹⁾ *Le comte de Vergennes, son ambassade en Suède, par M. Bonneville de Marsangy. Paris. 1898.*

а въ результатѣ ничего не добился. Демократическая партія Шапокъ одержала верхъ, Густавъ долженъ былъ ей уступить въ дѣлѣ выбора председателя сейма, и вообще, по словамъ Вержена въ его депешѣ отъ 15 августа, «эти люди составляютъ душу шведскаго управленія». Такимъ образомъ Франція тщетно израсходовала 2¹/₂ милліона ливровъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Бгвильонскій, заявилъ Вержену, что съ 1 января 1772 г. будутъ прекращены шведскія субсидіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ Густаву отъ имени короля, что лучшимъ выходомъ изъ критическаго положенія для него было учинить государственный переворотъ съ помощью арміи. Этотъ совѣтъ исполнѣ согласовался съ тайными желаніями короля, но онъ боялся открыто пойти противъ всеильнаго парламента и не рассчитывалъ на войско, которое присягало конституціи, къ тому же Верженъ, не знавшій о перемѣнѣ мнѣній Версальскаго правительства, которое, какъ всегда, вело двѣ политики: открытую черезъ посла и тайную посредствомъ секретныхъ писемъ, продолжалъ уговаривать Густава дѣйствовать осторожно и не предпринимать ничего противъ конституціонныхъ порядковъ. Поэтому Густавъ сталъ медлить, торжественно присягнувъ конституціи и поклялся не только поддерживать существовавшую конституцію, но и подвергнуть примѣрному наказанію, какъ измѣнника, всякаго, кто предприметь чтонибудь для ея уничтоженія или измѣненія. Однако это ему не помѣшало совершить государственный переворотъ, когда настало для того удобное время, и съ помощью Вержена, который получилъ тогда увѣдомленіе о перемѣнѣ Версальской политики и выдалъ королю по распоряженію своего правительства 600.000 ливровъ. 19 августа Густавъ пригласилъ ко дворцу 200 офицеровъ, объявилъ имъ, что хочетъ спасти страну отъ ига партій, отправился съ ними и съ отрядомъ солдатъ въ сенатъ, арестовалъ всѣхъ сенаторовъ и возвратился во дворецъ триумфаторомъ въ сопровожденіи войска. Члены палаты пытались произвести народное возстаніе, но безуспѣшно, и 21 августа, созвавъ сеймъ, Густавъ заставилъ его присягнуть новой конституціи, списанной съ той, которая существовала въ Швеціи отъ Густава Адольфа до Карла XI. Все обошлось мирно какъ въ Стокгольмѣ, такъ и во всей странѣ, которой надоѣла борьба партій изъ-за личныхъ и корыстолюбивыхъ цѣлей. Шведскій государственный переворотъ произвелъ большое впечатлѣніе на всю Европу. Франція ликовала, Англія безмолвствовала, Екатерина II сначала пришла въ ярость и грозилла вторженіемъ въ Финляндію, но объясненія Густава ее успокоили. Верженъ за свое участіе въ этомъ событіи получилъ титулъ графа, а спустя два года, по вошествіи на престолъ Людовика XVI, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

— Каліостро въ Петербургѣ и въ Вастиліи. Во второй іюльской книжкѣ *Revue des Revues* ¹⁾ напечатаны отрывки изъ мемуаровъ барона Гейкинга, которые появились въ русскомъ переводѣ въ «Русской Старинѣ». По словамъ редакціи французскаго журнала, подлинникъ написанъ пофранцузски, и внукъ автора доставилъ ей четыре главы, не вошедшія въ русскій переводъ, и потому имѣющіе характеръ неизданной новинки. Самъ баронъ Гейкингъ, по происхожденію курляндецъ, воспитывался въ Варшавѣ, и нахо-

¹⁾ *Memoires inedites du Baron Heiking. Revue des Revues. 15 juillet.*

дился какъ въ гражданской, такъ и военной службѣ сначала въ Польшѣ, а потомъ въ Россіи, гдѣ умеръ сенаторомъ, а потому его воспоминанія о событіяхъ конца XVIII и начала XIX столѣтія представляютъ значительный и разнообразный интересъ. Такъ въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ *Revue des Revues*, рассказывается величіе и паденіе Карла, сына саксонскаго короля Августа III, который былъ избранъ Курляндіей въ герцоги и управлялъ этой страной въ промежутокъ времени отъ ссылки въ Сибирь знаменитаго Бирона и его возвращенія при Петрѣ III; затѣмъ проходятъ передъ читателями картина барской конфедераціи, портреты нѣкоторыхъ французовъ, игравшихъ роль въ Варшавѣ того времени, а наконецъ живая сценка изъ пребыванія Каліостро въ Петербургѣ. Двѣ странички, касающіяся этого пресловутаго мага и волшебника, представляетъ, быть можетъ, наибольшій интересъ изъ новыхъ воспоминаній барона Гейкинга. По его словамъ, Каліостро прибылъ съ женою въ Петербургъ въ 1779 году изъ Митавы, гдѣ онъ вскружилъ всѣмъ головы, въ томъ числѣ барону Медему и фонъ-Говену, который далъ ему рекомендательное письмо къ Гейкингу. Поэтому Каліостро первымъ дѣломъ послѣ приѣзда въ русскую столицу явился къ нему съ этимъ письмомъ. Сначала онъ началъ разговоръ пофранцузски, но Гейкингъ отвѣчалъ поитальянски и они продолжали разговоръ на этомъ языкѣ, причѣмъ оказалось, что знаменитый графъ выражался на очень грубомъ, народномъ нарѣчьи, безъ малѣйшей тѣни литературной культуры. Онъ тотчасъ пригласилъ своего новаго пріятеля къ себѣ, чтобъ познакомить его съ женой, которая, по его словамъ, была гросмейстериной ордена Усыновленія, а по происхожденію принцессой Делла-Кроче. Въ дѣйствительности она оказалась бѣдной угнетенной женщиной съ заплаканными глазами, которую ея мужъ заставляетъ насильно плясать по своей дудкѣ. «Облобызай этого именитаго брата,—воскликнулъ входя курьезный магъ:—онъ принадлежитъ къ нашему ордену». Она поцѣловала Гейкинга, а Каліостро продолжалъ, обращаясь къ нему: «Я приѣхалъ сюда, чтобъ увидѣть великую Екатерину, Семирамиду сѣвера, и чтобъ распространить свѣтъ на востокъ. Воспитанный въ египетскихъ пирамидахъ, я научился тамъ всѣмъ тайнымъ наукамъ, и я глава князей...». Онъ умолкъ и, взявъ со стола звѣзду на красной лентѣ, прибавилъ: «Вотъ знакъ моего высокаго званія». Гейкингъ узналъ въ звѣздѣ орденъ Станислава, въ которомъ шифръ короля былъ замѣненъ вышитой розой, и не скрылъ этого отъ Каліостро. Онъ пришелъ въ смущеніе, но живо оправился, объяснивъ, что дѣйствительно это была звѣзда Станислава, которую ему далъ фонъ-Говень, такъ какъ его настоящую звѣзду украли въ Римѣ. «Ну, а это вы знаете?» воскликнулъ онъ нахально, подавая своему собесѣднику листъ, испещренный іероглифами. Гейкингъ взглянулъ и отвѣчалъ: «Я выдалъ такіе листы у архиваріуса Бернгарди, но не понимаю ихъ смысла. Хотите, я завтра принесу вамъ десять такихъ листовъ, въ которыхъ вы наравнѣ со мной ничего не поймете». «Я прощаю вамъ,—торжественно произнесъ ловкій шарлатанъ:—ваше недовѣріе и ваше невѣжество, потому что вы младенецъ въ нашемъ орденѣ, несмотря на всѣ ваши масонскія званія. Еслибъ я хотѣлъ, то могъ бы васъ заставить дрожать передъ мною». «Да,—отвѣчалъ Гейкингъ:—еслибъ вы прежде передали мнѣ лихорадку».

такое лихорадка для графа Калиостро, повелѣвающаго духами! Знайте, что я...». Въ эту минуту въ комнату вошелъ слуга и доложилъ, что повѣренный въ дѣлахъ Испаніи проситъ, чтобъ господинъ Калиостро, какъ испанецъ, немедленно явился къ нему. Великій магъ поблѣдвѣлъ и, понизивъ тонъ, сказалъ: «Что ему нужно отъ меня, этому дипломатишкѣ? Я не имѣю ничего общаго съ нимъ и дамъ ему хорошеенько». Было уже около часа дня, и Калиостро пригласилъ Гейкинга обѣдать, на что тотъ съ удовольствіемъ согласился, чтобъ имѣть возможность изучить этого человѣка, казавшагося ему самымъ нахальнымъ и невѣжественнымъ шарлатаномъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о химіи, ни о физикѣ, но безцеремонно говорилъ: «Химія ничего не значить для человѣка, знающаго алхімію, а въ свою очередь, что такое алхімія для того, кому повинуются духи. У меня есть золото и брилліанты, но я ихъ презираю, и все мое счастье заключается въ томъ, что духи мнѣ повинуются, и умершіе являются по моему зову. Кого изъ умершихъ вашихъ родственниковъ вы желаете видѣть? прибавилъ онъ, видя недоувѣрчивую улыбку Гейкинга. Послѣдній отвѣчалъ: «Дяди, но подъ тѣмъ условіемъ, что я выстрѣлю изъ пистолета въ его тѣнь; такъ какъ это тѣнь, то отъ этого не будетъ вреда». — «Вы чудовище, я ничего вамъ не покажу, вы недостойны этого! — воскликнулъ Калиостро и вѣвъ себя отъ злобы выскочилъ въ другую комнату. Жена его испугалась и сказала Гейкингу, что очень боится гвѣвныхъ вешинскъ мужа, но черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и весело воскликнулъ: «Молодець, я такихъ люблю. Но вы современемъ узнаете Калиостро и его тайную власть». Но Гейкингу не пришлось ближе узнать ни того ни другого, такъ какъ онъ вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга, а самого Калиостро вслѣдъ затѣмъ удалили изъ Петербурга, хотя онъ сумѣлъ обойти многихъ знатныхъ лицъ, въ томъ числѣ генерала Мелиссино.

О томъ же Калиостро и объ его женѣ, но уже не въ Петербургѣ, а въ Бастиліи сообщаетъ новыя свѣдѣнія К. Бадеръ въ статьѣ «Новые документы о Бастиліи», помѣщенной надняхъ въ газетѣ «Journal des Debats» ¹⁾. На основаніи вновь открытыхъ и доселѣ неизвѣстныхъ документовъ изъ архива Бастиліи, авторъ представляетъ любопытныя письма Мальзербъ и Буаси д'Англа о королевскихъ приказахъ объ арестѣ въ Бастиліи (*lettres de cachet*), о казенныхъ расходахъ на узниковъ и наконецъ о пребываніи въ Бастиліи въ 1785 г. Калиостро съ подругой его жизни Лоренцой Фелиціани. Эта женщина была дѣйствительно его женою, что доказывается процессомъ, который велъ противъ нея ея мужъ, подъ именемъ Юсифа Бальзамо, въ Парижѣ въ 1773 г., но она тогда сидѣла въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи подъ своимъ дѣвичьимъ именемъ Лоренцы Фелиціани. Такъ называли ее и въ процессахъ 1785 г., когда ее судили съ мужемъ за участіе въ знаменитомъ дѣлѣ ожерелья королевы, и 1789 г. въ Римѣ, окончившемся пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ великаго шарлатана и заточеніемъ его несчастной жертвы въ монастырь св. Аполинариц, гдѣ она и умерла. Дочь бѣднаго рабочаго Фелиціани, она вела

¹⁾ Nouveaux documents sur la Bastille, par C. Bader. Journal des Debats. 14, 16—18 juillet.

честную, трудовую жизнь, пока не встрѣтила Каліостро, который плѣнилъ ее своими чарами, не тайными, а явными, и всю жизнь держалъ ее подъ своимъ роковымъ вліяніемъ, заставляя ее предаваться разврату изъ своихъ выгодъ и обращаясь съ нею самымъ жестокимъ образомъ, несмотря на то, что она на судѣ какъ въ Парижѣ, такъ и въ Римѣ всячески старалась его защитить.

— Переходъ Ионическихъ острововъ изъ французскихъ рукъ въ русскія въ 1799 г. С. Радоконаки помѣстилъ въ четырехъ послѣднихъ книжкахъ «*Revue Nouvelle*» обширную статью объ Ионическихъ островахъ въ теченіе трехъ лѣтъ отъ 1797 до 1799 годовъ. Въ эти года архипелагъ Адриатическаго моря перемѣнилъ трехъ владѣтелей и постепенно переходилъ отъ венеціанцевъ къ французамъ, а отъ французовъ къ русскимъ. Первые заняли Корфу и остальные острова вслѣдствіе уничтоженія Наполеономъ Венеціанской республики, которой уже давно принадлежали Ионическіе острова. «Корфу, Занте и Кефалонія для насъ интереснѣе, чѣмъ вся Италия, — писалъ Наполеонъ директорѣмъ, — имперія турокъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрушается, и, владѣя этими островами, мы получимъ возможность поддержать ее насколько возможно или взять подобающую намъ долю въ дѣлежѣ». Поэтому онъ послалъ въ май 1797 г. французскій отрядъ въ 3.500 человекъ подъ начальствомъ генерала Жентили, родомъ изъ Корсикки, для занятія Ионическихъ острововъ отъ имени новой республики, которая замѣнила Венеціанскую и была «сестрой французской». Обитатели Корфу и другихъ острововъ приняли французовъ радостно, сожгли золотую книгу мѣстнаго дворянства и стали всюду сажать деревья свободы. Жентили велъ себя очень осторожно и хотя управлялъ поддиктаторски, но для вида учредилъ народныя собранія и муниципалитеты изъ мѣстныхъ жителей. Однако вскорѣ между представителями населенія и французами пошли столкновения, и дѣло кончилось тѣмъ, что по миру въ Кампо-Форміо Ионическіе острова были безцеремонно присоединены къ Франціи, при чемъ ихъ раздѣлили на три департамента: Корцирскій, Итакскій и Егейскій, а высшее управленіе было раздѣлено на гражданское и военное, во главѣ которыхъ за выходомъ въ отставку Жентили назначены Комейрасъ и генералъ Шабо. Но не долго французы мирно владѣли своей новой добычей: сначала Шабо пришлось бороться съ знаменитымъ Али-пашей изъ Янины, а затѣмъ появился въ Ионическихъ водахъ соединенный русско-турецкій флотъ. У него въ Корфу было всего 1.500 человекъ, а на остальныхъ островахъ маленькіе гарнизоны. Адмиралъ Ушаковъ, командовавшій эскадрой, прежде всего атаковалъ островъ Чериго, который послѣ бомбардировки и высадки русскихъ, устроившихъ на берегу батарею, сдался. Занте и Кефалонія подверглись той же участи тѣмъ болѣе, что на этихъ островахъ поселяне открыто привяли сторону своихъ единовѣрцевъ русскихъ, хотя послѣдніе и дѣйствовали по странному капризу Павла I вмѣстѣ съ турками. Только на островкѣ Санъ-Маръ французскій гарнизонъ въ 300 человекъ оказалъ упорное сопротивленіе высадившимся русскимъ, хотя въ концѣ концовъ долженъ былъ одинаково сдаться послѣ двухнедѣльной осады. Между тѣмъ Шабо, насколько могъ, укрѣпилъ Корфу, и 4-го ноября передъ островомъ появились семь судовъ русско-турецкаго флота. На слѣдующій день

русскій парламентаръ съѣхалъ на берегъ и предложилъ Шабо сдаться подь условіемъ, что гарнизонъ будетъ отпущенъ куда угодно съ военными почестями. Отвѣтивъ гордымъ отказомъ, французскій генераль роскошно угостилъ парламентаря и сопровождавшихъ его двухъ офицеровъ, а также свезъ ихъ въ театръ, гдѣ восторженно пѣли «Марсельезу». Отпустивъ съ честью представителей непріятели, Шабо заявилъ жителямъ Корфу, что подь крѣпостью и городскими стѣнами проведены мины, которыя онъ подожжетъ въ крайности, но ни за что не сдастся. Началась осада, и Шабо было еще труднѣе защищаться въ виду возстанія сельскаго населенія по подстрекательству русскихъ и краснорѣчиваго мѣстнаго адвоката Каподистрія. Албанцы и русскіе дѣлали ежедневныя нападенія, но французы стойко держались, истребляя огнемъ предметя, чтобъ очистить мѣстность передь крѣпостью и городскими укрѣпленіями. Такъ прошло два мѣсяца, и Ушаковъ рѣшилъ покончить съ упорствомъ французовъ. На возвышенностяхъ противъ города были возведены батареи, но Шабо сдѣлалъ энергичную вылазку для уничтоженія произведенныхъ работъ. Однако на ихъ натискъ русскіе и албанцы отвѣчали такимъ же и вынудили французовъ удалиться съ значительнымъ урономъ и безъ всякаго результата. Нѣсколько дней къ ряду албанцы производили ярвыя нападенія на фортъ Спасителя, а русскіе, занявъ Панталеонскій островъ, осыпали городъ ядрами. 21-го февраля прибылъ англійскій корабль «Леандеръ» съ морскимъ офицеромъ Стюартомъ, котораго англійское правительство послало на помощь союзникамъ. Это былъ человекъ очень энергичный и способный. Онъ тотчасъ понялъ, что ключемъ Корфу былъ островъ Мира, и 1-го марта 22 непріяельскихъ корабля открыли убійственный огонь противъ него. Гарнизонъ острова въ 450 человекъ, подь начальствомъ генерала Пиверана, мужественно выдержалъ бомбардировку, но когда на островъ нахлынули 1.500 русскихъ и 2.500 турокъ съ албанцами, то произошла безжалостная рѣзня, хотя русскіе старались всячески защитить французовъ; только 50 человекъ изъ нихъ успѣли спастись. Въ то же самое время остальные русско-турецкія силы съ помощью мѣстныхъ поселянъ устремились на крѣпость и форты, но французамъ еще удалось сохранить свою позицію. Ночь прекратила бой. Тогда Шабо очистилъ фортъ Спасителя и въ виду возведенія на островѣ Мира русскими нѣсколькихъ батарей, съ которыхъ они утромъ стали громить городъ, вступилъ въ переговоры о капитуляціи. Турки стали сопротивляться, желая разграбить городъ, но русскіе ихъ пересилили, и капитуляція была подписана. Французы послѣ двадцатимѣсячнаго владѣнія Юническими островами должны были уступить ихъ русскимъ, а сами удалились на союзныхъ судахъ въ Тулонъ съ обязательствомъ не воевать въ продолженіе 1½ года противъ побѣдителей. Русскіе очень любезно обошлись съ французами: Ушаковъ обѣдалъ у Шабо и принималъ его радушно на своемъ флагманскомъ кораблѣ, а по случаю похоронъ французскаго офицера Тиссо русскіе офицеры и солдаты проводили его вмѣстѣ съ французами до могилы, при чемъ музыка играла «Марсельезу». На этомъ кончается очеркъ Радоконаки, основанный на печатныхъ и рукописныхъ матеріалахъ, изъ которыхъ послѣдніе принадлежатъ архивамъ французскихъ министерствъ: военнаго и иностранныхъ дѣлъ.

— Замѣчанія генерала Драгомирова о революціонно-наполеоновской арміи. Генераль Драгомировъ, постоянный сотрудникъ «Nouvelle Revue», напечаталъ въ июльскихъ книжкахъ этого журнала съ своимъ предисловіемъ подлинникъ «Замѣчаній о французской арміи», которыя написаны въ Петербургѣ въ 1808 г. и впервые появились, хотя не вполне, въ «Русской Старинѣ» нѣсколько лѣтъ тому назадъ ¹⁾. Теперь Драгомировъ случайно нашелъ печатный подлинникъ статьи, тогда какъ «Русская Старина» пользовалась рукописной копіей съ пропусками. По его словамъ, авторъ этого замѣчательнаго сочиненія хотя и неизвѣстенъ, но долженъ быть французъ, близко видѣвшій войну и получившій хорошее какъ общее, такъ и спеціально военное образованіе. «Только французъ,—замѣчаетъ русскій генераль,—могъ такъ хорошо знать французскую армію, только человекъ, самъ бывавшій на войнѣ, могъ такъ тонко указать на психологическую основу военныхъ успѣховъ, и только высокообразованный и знающій военную технику писатель могъ такъ ясно и систематично анализировать столь сложный предметъ, между прочимъ указать, что до сихъ поръ еще не всѣ понимаютъ, на вредъ рабскаго подражанія чужеземной націи. Я полагаю, что эта записка представляетъ большой интересъ, выставляя въ настоящемъ свѣтѣ заслуги Карно, этого «организатора побѣды», какъ называютъ его французы, столь великаго по своей скромности и котораго Наполеонъ безцеремонно и всячески ступшевывалъ. Судя по влеченію анонимнаго автора, хотя въ умѣренной формѣ, къ старой французской монархіи, надо предположить, что онъ принадлежалъ къ числу извѣстныхъ эмигрантовъ, а его сочиненіе входило въ циклъ многочисленныхъ записокъ, которыя подавались ими русскому правительству съ цѣлью побудить его къ войнѣ съ Наполеономъ. Практическая цѣль этихъ «Замѣчаній» обнаруживается во второй ихъ части, гдѣ, между прочимъ, указывается на возможность основать нравственный духъ арміи на религиозныхъ убѣжденіяхъ, что составляетъ очевидный намекъ на русскую армію». Кромѣ историческаго значенія этого анонимнаго сочиненія, Драгомировъ высоко цѣнитъ его съ военно-технической стороны; указанія автора на причины успѣховъ французской арміи могутъ служить образцомъ подобныхъ изслѣдованій, а гипотезы о системѣ будущихъ войнъ походятъ на пророчество: на примѣръ, его предвидѣніе того, что быстрота стрѣльбы замѣнитъ ея мѣткость, какъ дѣйствительно было въ эпоху отъ 1840 по 1860 г. Изъ всѣхъ элементовъ нынѣшней военной системы онъ пропустилъ только одинъ: индивидуальное воспитаніе и обученіе солдата. Что касается до «теоріи невозможнаго», то, по мнѣнію Драгомирова, она въ послѣднее время, повидимому, забыта и замѣнена порядкомъ, организаціей и обученіемъ, но никто не можетъ отрицать, что она способна на великія дѣла въ совокупности съ этими основными условіями, такъ какъ порядокъ, организація и обученіе не могутъ ничего сдѣлать противъ «теоріи невозможнаго», если ихъ не поддерживаетъ рѣшимость сдѣлать все, даже то, что кажется невозможнымъ. «Сочиненіе анонимнаго автора, — прибавляетъ русскій генераль — еще интересно и потому, что даетъ

¹⁾ Remarques sur l'armée française de 1792 à 1808, par le general Dragomirof. Nouvelle Revue. 1—15 juillet.

возможность сравнивать прошедшее съ настоящимъ и убѣдиться въ томъ, что всякій народъ остается вѣренъ себѣ. Такъ прусаки, стремившіеся въ прошедшемъ столѣтїи къ скорости стрѣльбы, обученію и дресированію солдата, продолжаютъ эту работу и по настоящее время. Напротивъ французы, изучившіе въ старину мѣткость стрѣльбы, и въ нашъ вѣкъ постоянно шли впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи. Параллельно они первые стали пытаться вызвать въ солдатѣ высшую человѣческую натуру и развить въ немъ умственную сторону. Вѣдствїя 1870 г. доказываютъ только, что правительственная система, какъ та, которую создалъ Наполеонъ, можетъ растлѣть какую угодно страну».

— Взятіе Плевны. Въ первой іюньской книжкѣ «Revue de Paris» помѣщенъ отрывокъ изъ воспоминаній полковника Вонлярлярскаго о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ, которыя, по словамъ редакціи журнала, вскорѣ выйдутъ въ французскомъ переводѣ, а затѣмъ уже появятся въ русскомъ подлинникѣ, хотя они уже были однажды напечатаны порусски, но въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не пущены въ продажу. Судя по отрывку, касающемуся взятія Плевны ¹⁾, эти воспоминанія очевидно врядъ ли прибавятъ что новое къ свѣдѣніямъ о событіяхъ послѣдней русско-турецкой войны, но во всякомъ случаѣ они написаны живо и читаются легко. Авторъ, бывший ординарцемъ при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, начинаетъ свой рассказъ съ утра 28 ноября 1877 года, когда въ 6 часовъ утра его разбудилъ другой ординарецъ главнокомандующаго, корнетъ Дерфельденъ, крикомъ: «вставай живо, Османъ рискнулъ выйти изъ Плевны. Великій князь уже на конѣ, и мы сопровождаемъ его... Вонлярлярскій черезъ десять минутъ былъ уже въ сѣдлѣ. Великій князь забылъ о своемъ нездоровьѣ, отправился верхомъ въ Тушеницу, гдѣ находился Тотлебенъ со своимъ штабомъ. Тамъ уже знали, что Османъ-паша атаковалъ гренадеръ, стоявшихъ къ востоку отъ Плевны, по ту сторону Вида, въ 7 верстахъ отъ города, гдѣ и слышалась пальба. Тотлебенъ временно оставался въ Тушенцѣ, но великій князь болѣе нервный и нетерпѣливый поспѣшилъ впередъ и приказалъ войскамъ двинуться къ Плевнѣ. «Страшное зрѣлище представилось нашимъ глазамъ, когда мы достигли турецкихъ траншей,—разсказываетъ Вонлярлярскій:—тѣла нашихъ храбрыхъ солдатъ, павшихъ въ битвѣ 30 августа, валялись на землѣ, одни на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ сразили пули, а другіе— скорченные отъ ужасныхъ страданій вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ. Всюду виднѣлись ружья, снаряды, не лопнувшія бомбы, амуниція, солдатская одежда. Съ трудомъ перебрались мы чрезъ траншеи, глубоко вырытыя въ землѣ и вообще устроенныя мастерски, а затѣмъ передъ нами показалась Плевна. Во время всей дороги мы не встрѣтили ни одного турка; очевидно, Османъ-паша покинулъ эти позиціи ночью. Вызвали волонтеровъ и послали ихъ впередъ; они скоро вернулись и заявили, что въ городѣ остались только больные и раненые, а Османъ-паша ушелъ ночью со всей арміей и обозомъ, съ цѣлью пробиться на Софійскую дорогу. Великій князь направился въ городъ со своей свитой и эскортомъ. Я не помню, въ какомъ именно часу мы вступили въ Плевну, но, должно быть, между 7 и 8. Всюду можно было замѣтить

¹⁾ Prise de Plevna, par le colonel Vonlarlarski. Revue de Paris. 1 juin.

слѣды нашей бомбардировки, и на всѣхъ домахъ были видны знаки отъ бомбъ. Мы благополучно проѣхали черезъ городъ и помѣстились на Кришинской высотѣ, къ югу отъ Шлевны. Вдали слышалась неумолкаемая пальба. «Лярскій, — сказалъ мнѣ великій князь, — ступай къ Ганецкому (командиру гренадерскаго корпуса) и узнай, что тамъ дѣлается. Но будь остороженъ и смотри въ оба. У меня нѣтъ никакихъ извѣстій о немъ, и я не знаю, очистили ли турки всѣ траншеи». Вонлярлярскій взялъ съ собою солдата и направился на удачу черезъ мѣстность между турецкими и русскими траншеями; долго странствовалъ онъ, не встрѣчая никого, потому вдали послышались крики «ура», но русскихъ не было видно, а стали попадаться турецкіе отряды, но въ такомъ уныломъ настроеніи, очевидно, побѣжденные, что они пропускали, не трогая и ничего не спрашивая у русскаго офицера съ его солдатомъ. Наконецъ, Вонлярлярскій достигъ того мѣста, гдѣ сдался Османъ-паша. При входѣ туда офицера, Османъ сидѣлъ рядомъ съ генераломъ Ганецкимъ, который, обращаясь къ Вонлярлярскому, сказалъ: «Объявите великому князю, что вся турецкая армія сдалась безъ всякихъ условій». Но прежде чѣмъ отправиться въ обратный путь, надо было дать отдохнуть лошади, и Вонлярлярскій пошелъ къ офицерамъ, которые стояли на дорогѣ тѣсною группою. Всѣ были такъ рады побѣдѣ и такъ весело болтали о подробностяхъ сдачи Османа, что въ штабѣ забыли послать гонца къ императору съ счастливымъ извѣстіемъ. Вонлярлярскій слышалъ, какъ полковникъ М^е спрашивалъ, «послали ли къ батюшкѣ царю», но на него никто не обратилъ вниманія, и онъ самъ, по словамъ автора воспоминаній, отправился верхомъ и первый сообщилъ императору вѣсть о взятіи Шлевны, за что произведенъ въ флигель-адъютанты. Вонлярлярскому не удалось этого сдѣлать относительно великаго князя, потому что, всгрѣтивъ на пути множество преградъ, онъ достигъ главнокомандующаго только на Плевненской дорогѣ, когда онъ уже получилъ вѣсть о сдачѣ Османа отъ адъютанта Ганецкаго.

С М Ъ С Ь.

БИЛЕЙ Симбирска. 4-го октября, по инициативѣ мѣстной ученой архивной комиссіи, Симбирскъ будетъ праздновать 250-лѣтнюю годовщину своего основанія (1648—1898). Къ выбору этого дня послужила отчасти неизвѣстность, къ какому мѣсяцу и числу въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича могло бы быть отнесено устройство бояриномъ Хитрово «города», въ смыслѣ укрѣпленнаго центра Московскаго государства. Между тѣмъ выбранный день самъ по себѣ имѣетъ важное историческое значеніе не только для исторіи края, но и для всего Поволжья. Только благодаря мужеству и вѣрности службы симбирскихъ ратныхъ людей, князь Бярятинскій успѣлъ во время прійти на выручку воеводы князя Милославскаго и въ ночь на 4-е октября 1670 г., подъ стѣнами Симбирска, нанести Стенькѣ Разину рѣшительный погромъ, поколебавшій престижъ послѣдняго въ глазахъ народа. Костомаровъ говоритъ, что «симбирская битва, столь напоминающая пораженіе южно-руссовъ подъ Берестечкомъ, была ва-банкъ воровскаго атамана». Оставовившись на этомъ днѣ, архивная комиссія нашла вполне цѣлесообразнымъ связать его воспоминаніе съ годовщиною основанія города, который черезъ 22 года сослужилъ государству такую славную и похвальную службу. Программа предстоящаго празднованія удостоилась высочайшаго утвержденія и въ общемъ отличается отъ другихъ подобныхъ юбилейныхъ торжествъ лишь крайней скромностью денежныхъ затратъ со стороны городского управленія. Безплатный патріотическій спектакль, съ угощеніемъ отъ города, не былъ принятъ думою, и все ея матеріальное участіе выразилось въ отпускѣ 850 р. архивной комиссіи на изданіе исторіи города и изготовленіе нѣсколькихъ жетоновъ. Первый день юбилей предполагается ознаменовать

торжественной литургіей въ соборѣ и крестнымъ ходомъ по чертѣ быннаго кремля, съ молебствіемъ на площади и многолѣтіемъ государю императору, царствующему дому и всѣмъ трудящимся на пользу города. Въ 1 ч. дня послѣдуетъ засѣданіе городской думы и пріемъ поздравленій. Вечеромъ—плюминація. Второй день, 5-го октября, 2 ч. дня, назначено торжественное засѣданіе ученой архивной комисіи въ залѣ дворянскаго собранія и открытіе исторической юбилейной выставки. Комиссія, принявъ на себя устройство выставки, имѣетъ въ виду собрать возможно болѣе предметовъ и воспоминаній, относящихся до симбирской старины. Особенное значеніе будутъ имѣть отдѣлы старинныхъ гравюръ извѣстнаго собранія П. М. Дашкова и другихъ лицъ, любезно обѣщавшихъ свое содѣйствіе, предметовъ масонскаго ритуала симбирской ложи «ключа къ добродѣтели», портреты и автографы мѣстныхъ выдающихся уроженцевъ. Комиссія надѣется на сочувствіе и участіе и другихъ владѣльцевъ коллекцій. Ко времени юбилея комиссія издастъ обширный трудъ своего члена П. Л. Мартынова — «Симбирскъ за 250 лѣтъ существованія», съ изящными фототипіями и цинкографіями, и 500 брошюръ краткой исторіи города, составляемой ея другимъ членомъ М. Ф. Суверанскимъ, для безплатной раздачи учащейся молодежи. Въ іюнѣ выйдутъ изъ печати изданія комисіи: «Собраніе грамотъ и актовъ второй половины XVII в.», подъ редакціей В. Н. Поливанова и В. Э. Красовскаго, «Описаніе Симбирской и Кореунской десятины патріаршей области», составленной В. П. Холмогоровымъ, и «Хронологическій перечень историческихъ событій Симбирской губ.», собранный В. Э. Красовскимъ.

Херсонская архивная комиссія и археологическій музей. 31 мая, въ залѣ Херсонской общественной бібліотеки состоялось, какъ сообщаетъ «Одесскій Листокъ», торжественное открытіе губернской ученой архивной комисіи и археологическаго музея. Основатель археологическаго музея при губернскомъ статистическомъ комитетѣ В. П. Гошкевичъ ознакомилъ собраніе, открывшееся послѣ молебствія, съ исторіей возникновенія музея, а затѣмъ и архивной комисіи. Лѣтъ 6 назадъ г. Гошкевичъ занялся изслѣдованіемъ «песчаныхъ дѣлъ» на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона. Здѣсь оказалась масса остатковъ каменнаго вѣка, скифской эпохи, времени переселенія народовъ и т. п. Покойный губернаторъ Веселкинъ, содѣйствуя г. Гошкевичу, обратился къ нѣкоторымъ лицамъ въ губерніи съ просьбой присылать описаніе мѣстностей, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи, а также найденные предметы древности. На этотъ призывъ откликнулись многіе изъ разныхъ уголковъ губерніи. Въ настоящее время такихъ добровольныхъ соудниковъ у г. Гошкевича имѣется свыше 100. Наиболѣе неутомимымъ дѣятелемъ является г. Стемиковский, который вскрылъ уже въ Тираспольскомъ уѣздѣ свыше 200 кургачовъ. Съ разрѣшенія Императорской археологической комисіи, всѣ предметы, добываемые г. Стемиковскимъ, передаются въ Керченскій музей. Самъ г. Гошкевичъ производилъ раскопки въ трехъ уѣздахъ Херсонской губ., но, по требованію археологической комисіи, большинство изъ добытыхъ имъ вещей препровождалось частью въ Императорскій Эрмитажъ, частью въ Московскій историческій музей, и только небольшое ихъ количество сдѣлалось достояніемъ Херсонскаго музея.

Раскопки Муранскаго могильника. На границѣ Саратовской и Симбирской губерній находится одинъ изъ могильниковъ, пользующихся особеннымъ вниманіемъ какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ ученыхъ. Это—Муранскій могильникъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Саратовскаго Листка» г. Краснодубровскій помѣстилъ любопытную статью, посвященную обзору раскопокъ названнаго могильника. Изъ этого обзора видно, что раскопки могильника въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ производились почти ежегодно. Въ 1890 г. по порученію Императорской археологической комиссіи предсѣдатель Симбирской ученой архивной комиссіи В. Н. Поливановъ изслѣдовалъ 377 могилъ; послѣ этого раскопки неоднократно производились подъ наблюденіемъ симбирскаго губернатора В. Н. Акинфова, барона де-Бай, нынѣ покойныхъ А. В. Толстого и Ѳ. Ѳ. Чекалина, посѣтившаго могильникъ въ 1891 г. До настоящаго времени изслѣдовано не болѣе $\frac{1}{20}$ части Муранскаго могильника, едва ли не самаго обширнаго, почему онъ не утратилъ значенія богатѣйшаго матеріала для будущихъ изслѣдователей и несомнѣнно дастъ еще рядъ новыхъ открытій, имѣющихъ высокую научную цѣнность. Совмѣстными раскопками г. Краснодубровскаго съ В. Н. Поливановымъ открыта новая сторова въ могильникѣ, доселѣ неизвѣстная наукѣ: въ могилахъ найдено много драгоценностей, сдѣланныхъ изъ благородныхъ металловъ и дорогихъ камней. Невозможно допустить, чтобы въ отдаленную до-татарскую эпоху золото и серебро были обычными предметами въ туалетѣ сельчанъ; на основаніи этого можно думать, что вопросъ о существованіи городовъ въ до-татарскую эпоху въ предѣлахъ средняго Поволжья, теперь оспариваемый очень многими учеными, долженъ получить иную обстановку и освѣщеніе. Въ текущемъ году раскопки продолжались въ теченіе четырехъ дней, съ 27 по 30 мая включительно. Приглашено было 52 человѣка рабочихъ. Вскрыто 168 могилъ. Какъ способы погребенія, такъ и вещи, встрѣчающіяся при костякахъ, были обстоятельно описаны въ книгѣ г. Поливанова. Но помянутыя совмѣстныя г. Краснодубровскаго раскопки значительно расширили добытый имъ матеріалъ. Костякъ клался въ деревянномъ гробу, сбитомъ гвоздями, или въ долбленой колодѣ (большинство) въ срединѣ могильной ямы. вмѣстѣ съ трупомъ въ могилѣ оставались любимыя вещи покойника; по послѣднимъ легко опредѣлить полъ погребеннаго лица. Общими принадлежностями почти всѣхъ могилъ служатъ: а) горшокъ, поставленный въ ногахъ костяка; иногда въ горшкахъ встрѣчаются птичьи (куриныя) кости; б) въ мужскихъ могилахъ также въ ногахъ крестцовая (тазовая) кость лошади, а въ женскихъ — лопатка коровы. Во всемъ прочемъ мужскія могилы значительно отличаются отъ женскихъ. Никакихъ признаковъ головнаго убора мужчинъ не найдено. Почти во всѣхъ мужскихъ могилахъ у пояса лежатъ топоръ, ножъ, огниво; въ одной могилѣ найдена стрѣла, а въ одной длинный ножъ, а можетъ быть, и мечъ. Въ болѣе богатыхъ могилахъ найдены наборные пояса (въ родѣ кавказскихъ). На ногахъ встрѣчаются сапоги безъ толстыхъ подошвъ, въ родѣ тѣхъ, которые носятся татарами. Предметы роскоши, то-есть кольца, цѣпи, перстни въ мужскихъ могилахъ—явленіе рѣдкое. Женскія могилы можно раздѣлить на три категоріи: а) на могилы, въ которыхъ встрѣчается золото, б) на могилы съ вещами изъ серебра и в) на могилы съ дешевыми мѣдными

вещами. Могилъ первой категоріи встрѣчено только три. По своему устройству онѣ значительно разнятся отъ другихъ. Прежде всего онѣ поражаютъ своими обширными размѣрами. Въ одной изъ могилъ яма имѣла 8 аршинъ въ длину, 6 въ ширину и $3\frac{1}{2}$ въ глубину, то-есть болѣе 6 кубическихъ сажень. На полу дѣлался деревянный настилъ, на который ставился гробъ; послѣдній былъ сбитъ огромными гвоздями вершковъ 8—10 въ длину и въ $\frac{1}{4}$ вершка въ толщину. Гробъ дѣлался почтенныхъ размѣровъ и изъ очень толстыхъ досокъ. Слѣдовъ головныхъ украшеній нигдѣ не найдено. На шеѣ—подвѣски (скольгамы) изъ серебра и золота прекрасной работы. Такія же подвѣски найдены были графомъ А. С. Уваровымъ въ мерянскихъ могилахъ. Въ одной могилѣ найдено кольцо изъ 47 серебряныхъ бусинъ. Кольцо поражаетъ тонкостью и изяществомъ работы. Затѣмъ идутъ обычныя дамскія украшенія—бусы изъ горнаго хрустала, янтара (цѣннѣвшагося въ то время на вѣсъ золота), стекла, сердолика и т. д. Найдено много бусинъ болгарскаго типа. На рукахъ золотыя и серебряныя кольца, золотыя и серебряныя браслеты очень тонкой работы. У пояса — пряслица изъ сердолика. Въ одной могилѣ встрѣчена серебряная подъ чернью рукоятка ножа. Волосы (косы) женщинъ наматывались на дубовый или тальниковый пруть, обвивались тонкимъ ремнемъ, затѣмъ вкладывались въ лубки и снова обвивались ремнемъ, перевитымъ серебряною проволокою. На одномъ костякѣ сохранились остатки одежды съ золотыми нитями (по всему вѣроятію, золотой парчи). Женскихъ могилъ съ серебряными украшениями найдено очень много (изъ 108—53). Въ нихъ встрѣчаются тѣ же предметы, то-есть браслеты, кольца, подвѣски, бусы, пряслицы, но все это значительно бѣднѣе. Особенно интересны серебряныя перстни и браслеты; болгарское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ они тождественны съ тѣми, которые находятъ въ развалинахъ Булгара (около Казани), но много встрѣчается перстней съ несомнѣнными признаками дамасской и багдадской работы, съ типичнымъ азіатскимъ рисункомъ и роскошнѣйшею чернью, не утратившею красоты даже и черезъ сотни лѣтъ. Данныя, добытыя при раскопкахъ, приводятъ изслѣдователей пока къ слѣдующимъ несомнѣннымъ выводамъ: а) обитатели Муранки имѣли посредственныя или непосредственныя сношенія съ одной стороны съ Булгаромъ, о чемъ свидѣлствуетъ множество вещей болгарскаго происхожденія, а съ другой — съ Аравіей, Туркестаномъ, Персіей, Индіей и Византіей, имѣвшими сравнительно высокую культуру. Золотыя и серебряныя вещи подъ чернью, несомнѣнно, привезены изъ Азіи. Парча, найденная въ одной могилѣ, свидѣлствуетъ о сношеніяхъ съ Византіей; б) несомнѣнно, что населеніе городища было очень богато. Былъ ли здѣсь городъ или простой торговый поселокъ, — пока трудно сказать. Вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ лишь тогда, когда раскопано будетъ городище; но если здѣсь былъ и поселокъ, то поселокъ очень богатый; в) погребеніе въ Муранскомъ могильникѣ существенно отличается отъ погребенія татарскаго. Несомнѣнно, что татары здѣсь не жили, и весьма вѣроятно, что населеніе Муранки жило здѣсь ранѣе первой половины XIII вѣка.

Археологическія находки. Извѣстный любитель и археологъ В. В. Хвойка продолжаетъ свои изслѣдованія могильниковъ въ Кіевскомъ районѣ, гдѣ были

уже найдены неизвѣстные доселѣ сосуды и фигурки съ оригинальною и разнообразною орнаментацией. При дальнѣйшей разработкѣ почвы было найдено множество глиняныхъ изображеній нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, — овецъ, коровъ и пр., указывающихъ, несомнѣнно, на пастушескій и, можетъ быть, поэтому, кочевой образъ жизни оставившаго ихъ племени, имѣвшаго, судя по нѣкоторымъ слѣдамъ восточнаго вліянія на его культуру, какія-то отдаленныя сношенія съ востокомъ. На это указываетъ какъ сходство нѣкоторыхъ фигуръ и орудій съ извѣстными уже кипрскими и финикійскими, такъ и особый характерный пошибъ найденныхъ предметовъ, въ которыхъ чувствуется вліяніе весьма древняго, полуварварскаго востока съ зарождающимся уже элементомъ, изъ котораго впоследствии созданъ извѣстный типъ. Одною изъ самыхъ интересныхъ находокъ послѣдняго времени, по словамъ газеты «Жизнь и Искусство», было открытіе довольно большого плана со слѣдами разрушенныхъ глинобитныхъ стѣнъ. При дальнѣйшей раскопкѣ обнаружилась небольшая, твердо смазанная глиной, площадка, на которой найденъ былъ слой отчасти обуглившейся, но по мѣстамъ удивительно сохранившейся крупнозернистой пшеницы, не принадлежащей ни къ одной изъ существующихъ породъ и, судя по ея составу, представляющей предметъ жертвоприношенія, для котораго въ древности хлѣбныя зерна поджаривались.

Другое любопытное приобрѣтеніе представляетъ найденный приблизительно въ той же мѣстности (недалеко отъ Витичева) очень хорошо сохранившійся большой глиняный сосудъ, наполненный множествомъ разнообразныхъ кремневыхъ орудій различныхъ типовъ.

Общество нумизматовъ. Среди лицъ, интересующихся нумизматикой, возникла мысль объ учрежденіи въ Петербургѣ нумизматическаго общества. Проектируемое общество, какъ передаютъ газеты, имѣетъ цѣлью развитіе нумизматики въ Россіи, обсужденіе вопросовъ нумизматики, исторіи и археологіи монетъ, коллектированіе монетъ и т. п. Предсѣдателемъ общества намѣченъ профессоръ военно-юридической академіи Пановъ.

Новыя коллекціи Эрмитажа. Императорскій Эрмитажъ обогатился новыми цѣнными коллекціями восточныхъ древностей. Вернувшійся надняхъ изъ Египта старшій хранитель Эрмитажа В. Г. Бокъ привезъ изъ Египта обширную коллекцію рѣдчайшихъ мусульманскихъ древностей: оружія, блюды, сосуды и другихъ предметовъ домашняго обихода и цѣлую серію цѣнныхъ греческихъ, арабскихъ и коптскихъ надписей. Кроме того, надняхъ государственныи банкъ передалъ Эрмитажу собраніе персидскихъ золотыхъ монетъ царствованія шаховъ: Фетъ-али, Мухамедъ-шаха и Насръ-Эддина.

Премія Гильфердинга. Въ настоящее время возобновленъ конкурсъ на преміи имени А. Ф. Гильфердинга, учрежденныя 11 мая 1893 года. Преміи присуждаются и выдаются, на основаніи особаго положенія, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы: а) премія въ 3.000 рублей тому, кто представитъ сжатый, но обстоятельный очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до нашихъ дней, — въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исто-

рѣп южныхъ и западныхъ славянъ и указатель, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи; б) въ случаѣ, если бы не было представлено ни одного сочиненія, заслуживающаго преміи въ 3.000 рублей, эта сумма можетъ быть раздѣлена на шесть премій по 500 рублей каждая. Преміи эти могутъ быть присуждены и выданы тѣмъ авторамъ, которые представляютъ части очерка исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, а именно очерки исторіи: 1) болгарь, 2) сербовъ, 3) хорватовъ, 4) словинцевъ, 5) словаковъ, 6) чехо-мораванъ, 7) поляковъ или ляховъ и вообще польской группы и 8) полабскихъ славянъ, какъ вымершихъ, такъ и живущихъ. Премія въ 1.000 рублей выдается тому, кто представитъ обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской), въ отношеніяхъ: политическомъ, религіозномъ и экономическомъ (за послѣднее время), причемъ къ сочиненію должна быть приложена карта заграничной Руси. Сочиненія на премію должны быть представлены въ совѣтъ Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, обязательно на русскомъ языкѣ, не позднѣе 14 февраля 1901 года.

† М. А. Саблинъ. 14-го мая въ Одинцовѣ, подъ Москвою, скончался одинъ изъ членовъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» Михаилъ Алексѣевичъ Саблинъ. Покойный родился въ 1842 г. въ Вологодской губерніи, въ дворянской семьѣ. Окончивъ курсъ въ мѣстной гимназій, онъ поступилъ на юридическій факультетъ сначала Московскаго, а потомъ Петербургскаго университета, гдѣ и получилъ въ 1863 году степень кандидата и сдѣлался стипендіатомъ существовавшихъ въ то время при Московскомъ университетѣ педагогическихъ курсовъ для подготовки учителей гимназій — по предмету географіи, а въ 1865 году началъ преподавать географію въ 1-й московской гимназій, въ гимназій Креймана, учительской семинаріи военнаго вѣдомства и въ нѣсколькихъ женскихъ школахъ. Впослѣдствіи онъ былъ еще преподавателемъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ и въ Строгановскомъ училищѣ технического рисованія. Въ 1868 году М. А. получилъ приглашеніе на должность секретаря московскаго губернскаго статистическаго комитета, а въ слѣдующемъ году, по присоединеніи къ губернскому московскаго городского статистическаго комитета, былъ назначенъ секретаремъ того и другого. Въ этой должности М. А. оставался до самой кончины. Въ 1872 году М. А. Саблинъ, оставивъ учительскую службу, принялъ должность секретаря московскаго отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ, которую и занималъ до 1883 года. Изъ общественной дѣятельности покойнаго отмѣтимъ, что съ 1870 г. онъ состоялъ постояннымъ членомъ московскаго общества сельскаго хозяйства, въ 1872 г. участвовалъ, какъ учредитель, въ основаніи комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ и съ тѣхъ поръ состоялъ безсмѣннымъ секретаремъ этого комитета, а въ 1882 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, внесъ въ московское юридическое общество предложеніе объ устройствѣ при немъ статистическаго отдѣленія съ цѣлью создать общеніе между лицами, занимающимися статистическими изслѣдованіями въ Москвѣ и въ провинціи, преимущественно при земствахъ. По утвержденіи устава статистическаго

отдѣленія М. А. былъ избранъ въ товарищи предсѣдателя его. Въ послѣдніе годы, М. А. Саблинъ состоялъ гласнымъ московской думы и принималъ постоянное участіе какъ въ засѣданіяхъ думы, такъ и въ нѣсколькихъ думскихъ комиссіяхъ. Нельзя не отмѣтить наконецъ работу М. А. на московскихъ выставкахъ. Въ 1872 году для политехнической выставки онъ собралъ свѣдѣнія по кустарнымъ промысламъ Московской губерніи; въ 1882 году на всероссійской промышленно-художественной выставкѣ его попеченію почти всецѣло ввѣрено было устройство кустарнаго отдѣла. Имя М. А. Саблина связано съ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и изданій. Немедленно по вступленіи въ должность секретаря статистическаго комитета, по инициативѣ М. А., статистическимъ комитетомъ была произведена въ Московской губерніи подворная перепись чрезъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, при участіи мировыхъ посредниковъ и духовенства. Въ 1873 году появился обширный томъ «Свѣдѣнія о селеніяхъ и жителяхъ Московской губерніи, выпускъ 1, Богородскій уѣздъ», въ которомъ по каждому изъ 459-ти селеній уѣзда приведены всѣ перечисленные выше данныя. Болѣе половины тома составляетъ статистика занятій. Къ изданію была приложена превосходная карта Богородскаго уѣзда. Недостатокъ средствъ помѣшалъ выпустить въ свѣтъ перепись по прочимъ уѣздамъ, но это научное предпріятіе сослужило все-таки добрую службу дѣлу изученія губерніи. Оно дало толчекъ и отчасти матеріалъ для предпринятаго вскорѣ послѣ того московскимъ земствомъ подробнаго изслѣдованія губерніи, которое въ свою очередь сдѣлалось прототипомъ подобныхъ же изслѣдованій и въ другихъ мѣстностяхъ. Далѣе, при горячемъ участіи покойнаго произведена была и однодневная перепись населенія Москвы въ 1871 году. Разработка переписи производилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ М. А. Въ 1874 году появилось въ свѣтъ изданіе московскаго столичнаго и губернскаго статистическаго комитета «Статистическія свѣдѣнія о жителяхъ города Москвы по переписи 12 декабря 1871 года», въ которомъ изложены полученные результаты. Къ этому изданію написано М. А. предисловіе, кратко передающее главные выводы народонисчисления. Занимаясь разработкой переписи, М. А. обратилъ вниманіе на необходимость усовершенствовать данныя о движеніи населенія. Благодаря его настойчивымъ усиліямъ, введена была въ Москвѣ карточная система собиранія данныхъ о рожденіяхъ, бракахъ и смертныхъ случаяхъ. Эти карточки подвергались въ статистическомъ комитетѣ немедленной разработкѣ, результаты которой печатались въ «Извѣстіяхъ Московской Городской Думы». Съ конца 70-хъ годовъ, благодаря этимъ публикаціямъ, накопился по Москвѣ драгоценный запасъ матеріаловъ относительно движенія населенія. Почти одновременно съ переписью 1872 года, М. А. работалъ надъ картою раскольниковыхъ селеній въ Московской губерніи. Въ картѣ и въ приложенныхъ къ ней таблицахъ по каждому изъ этихъ селеній отмѣчено, какую долю всѣхъ жителей составляютъ раскольники, и къ какому разряду поповцевъ или безпоповцевъ они принадлежатъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ подготавливаемая политехническая выставка привлекла вниманіе М. А. Саблина къ вопросу о мелкой кустарной промышленности. По порученію распорядительнаго комитета выставки, М. А. объѣхалъ всѣ мѣстности губерніи, гдѣ были

развиты кустарные промыслы. Результатомъ этой поѣздки, кромѣ коллекцій, собранныхъ для выставки, былъ очеркъ главныхъ ручныхъ производствъ въ Московской губерніи, появившійся въ свѣтъ въ изданіи центральнаго статистическаго комитета: «Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручного труда въ Россіи» («Статистическій Временникъ Росс. имп.», вып. 3, Сиб., 1872 г.). Въ 1876 году бывший московскій генералъ-губернаторъ кн. В. А. Долгоруковъ учредилъ комиссію для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ и назначилъ М. А. Саблина председательствующимъ ея членомъ. Въ числѣ изданій комиссіи появился трудъ, выполненный самимъ М. А. Саблинымъ — «Сборникъ русскихъ фабричныхъ законовъ», дополненіемъ къ которому служить указатель, изданный въ отдѣльномъ выпускѣ. Здѣсь выбрано изъ Свода и изъ Полнаго Собранія Законовъ все, что имѣетъ какое либо отношеніе къ фабричной промышленности. Служба въ Московскомъ отдѣленіи совѣта торговли и мануфактуръ подала поводъ къ одной изъ работъ М. А. Саблина. Секретарь отдѣленія обязанъ ежегодно составлять для представленія правительству отчетъ о состояніи торговли и промышленности по матеріаламъ, сообщаемымъ членами отдѣленія и другими свѣдущими лицами. Эти отчеты обыкновенно не печатаются; но М. А. сдѣлалъ опытъ изданія ихъ въ свѣтъ, опубликовавъ, съ разрѣшенія отдѣленія, «Обзоръ состоянія торговли и промышленности въ 1876 году». Въ началѣ 80-хъ годовъ М. А. задумалъ подвергнуть разработкѣ статистику пожаровъ въ Москвѣ. Матеріаломъ для этой работы послужили вѣдомости, доставлявшіяся полицією, и дѣла пожарнаго депо. М. А. Саблинъ составилъ таблицы за 10 лѣтъ, съ 1870 по 1879 годы, въ которыхъ пожары распределены по кварталамъ и частямъ города, по количеству убытковъ, по мѣсяцамъ и частямъ сутокъ, по размѣрамъ, по сословіямъ домовладѣльцевъ, по числу и роду пострадавшихъ владѣній. Эти таблицы подвергнуты М. А. обработкѣ въ монографіи, которая вмѣстѣ съ таблицами была издана московскою городскою думою въ 1882 году. Еще съ начала 70-хъ годовъ, когда «Русскія Вѣдомости» издавались Н. С. Скворцовымъ, М. А. вошелъ въ составъ кружка, сплотившагося около газеты, и принималъ въ ней близкое участіе, съ 1883 же года, когда она перешла къ настоящимъ издателямъ, отдался ей всецѣло. Въ теченіе многихъ лѣтъ М. А. завѣдывалъ отдѣломъ внутреннихъ извѣстій, а позднѣе занимался хозяйственною частью изданія, сохранивъ за собою только общее руководство отдѣломъ, которымъ завѣдывалъ вначалѣ. («Русск. Вѣд.», № 112).

† **М. П. Савостьяновъ.** 28 мая, послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ Воронежѣ Михаилъ Павловичъ Савостьяновъ. Многимъ лицамъ былъ извѣстенъ покойный своею службой въ провинціи и въ Москвѣ. Такъ, одно время онъ состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ началѣ девяностыхъ годовъ занималъ должность смотрителя по хозяйственной части въ Московскомъ училищѣ ордена св. Екатерины. Среди служебной дѣятельности М. П. Савостьяновъ нерѣдко принималъ участіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», печатая въ нихъ публицистическія статьи по дворянскому и земскому вопросамъ. Особенно были важны «Письма стараго предводителя», которыя помѣщались покойнымъ на страницахъ «Моск. Вѣд.» за 1896 и 1897 годы, съ под-

писью «М. П. С.—въ». Эти «Письма» представляли подробный разборъ «проектовъ» и «мнѣній» о положеніи русскаго дворянства, выраженныхъ въ печати, и, на основаніи долговременнаго опыта автора, заключали въ себѣ немало-важныя указанія на правильное рѣшеніе «дворянскаго вопроса». («Моск. Вѣд.» № 153).

† **Н. А. Ярошенко.** 26 іюня, въ 9 часовъ утра, скоропостижно скончался въ Кисловодскѣ извѣстный художникъ Николай Александровичъ Ярошенко. Покойный родился въ 1846 году и самостоятельную художественную дѣятельность началъ въ 1870-хъ годахъ, къ которымъ относятся едва ли не все лучшія его произведенія. Хотя спеціальностью Н. А. Ярошенко, главнымъ образомъ, были портреты и жанръ, но онъ въ то же время былъ и прекраснымъ пейзажистомъ. Его работы въ этомъ родѣ носятъ отпечатокъ своеобразнаго дарованія, непосредственности и силы. Принадлежащіе кисти покойнаго портреты, по выразительной правдивости и сходству выдѣляютъ его среди лучшихъ русскихъ портретистовъ. Бытовые сюжеты, служившіе Н. А. Ярошенко для его картинъ, крайне своеобразны, но нельзя сказать, чтобы привлекательны. Въ погонѣ за содержательностью, онъ нерѣдко поступался самымъ главнымъ въ искусствѣ—красотой: сюжетами для него весьма часто служили «мотивы гражданской скорби», и появленіе его картинъ на обычныхъ ежегодныхъ выставкахъ «Товарищества» вызывало постоянно не мало толковъ, какъ въ критикѣ, такъ и среди зрителей. Изъ его картинъ, пользовавшихся наибольшою извѣстностью, назовемъ: «Кочегаръ» (собственность П. М. Третьякова), «Заключенный» (собственность П. М. Третьякова), «Старое и молодое», «Невскій проспектъ ночью», «Слѣпцы», «Курящая», «Причины неизвѣстны», этюдъ «Сестра милосердія», «Всюду жизнь», «На качеляхъ» и др. По пейзажной живописи покойному принадлежитъ цѣлый рядъ картинъ и этюдовъ кавказской природы. Таковы, между прочимъ, находящіяся въ Московской галлерей П. и С. Третьяковыхъ: «Березовая балка», «Клухорскій переваль», «Въ Сванегіи», «Судакская бухта», «Гунибъ» и др. Изъ портретовъ его работы лучшими признаются: П. А. Стрепетовой, А. М. Унковскаго, Г. И. Успенскаго, Д. И. Менделѣева, А. Н. Плещеева, В. Д. Спасовича, К. Д. Кавелина и др. Военный по образованію и службѣ, покойный Н. А. Ярошенко страстно любилъ искусство и отдавалъ ему все свое свободное отъ занятій время. Последніе годы, страдая чахоткой, Н. А. постоянно проживалъ на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ, гдѣ и скончался. (Нов. Вр., № 8020; «Моск. Вѣд.», № 175).

† **Н. Е. Сверчковъ.** 25-го іюня, въ Царскомъ Селѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался профессоръ живописи Николай Егоровичъ Сверчковъ. Покойный принадлежалъ къ числу нашихъ самыхъ извѣстныхъ художниковъ, въ изображеніи лошадей и сценъ изъ охотничьей жизни не имѣвшій себѣ соперниковъ. Н. Е. Сверчковъ родился въ Петербургѣ, 6 марта 1817 г., и своимъ артистическимъ развитіемъ обязанъ всецѣло природному дарованію и влеченію къ искусству. Съ самаго ранняго дѣтства Н. Е. проявлялъ способность къ живописи и любилъ рисовать животныхъ, особенно лошадей. Матеріалъ для наблюденія онъ находилъ въ изобиліи въ придворныхъ конюшняхъ, по вѣдомству которыхъ служилъ его отецъ. Въ 1832 г. Н. Е. поступилъ на службу

въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ находился 11 лѣтъ. Съ 1843 г. покойный оставилъ службу и всецѣло посвятилъ себя художественной дѣятельности; съ 1844 г. его работы стали появляться на академическихъ выставкахъ и вскорѣ обратили на себя общее вниманіе, какъ по исполненію, такъ и потому, что это были первыя по времени картины изъ русскаго народнаго быта. Въ 1852 г. Академія Художествъ присудила ему званіе академика за картину «Помѣщичья тройка, пересѣкающая на всемъ скоку цѣпь обоза, тянущагося по большой дорогѣ». Черезъ три года Н. Е. получилъ званіе профессора за картину «Грузный экипажъ съ пассажирами тянется въ лѣтній знойный день по тяжелой песчаной дорогѣ измученными шестью почтовыми лошадьми». Съ этого времени Н. Е. становится извѣстнымъ художникомъ и проявляетъ необыкновенную плодовитость. Съ 1856 г. Н. Е. получилъ извѣстность и за границей. Картины покойнаго, выставленныя въ парижскомъ салонѣ, были отмѣчены критикой, какъ работы оригинальныя и интересныя. На парижской выставкѣ 1863 г. императоръ Наполеонъ III приобрѣлъ въ собственность его картину «Возвращеніе съ медвѣжьей охоты»; кромѣ того, картины «Ярмарка» и «Станція» были также проданы. Тогда же покойному былъ присужденъ орденъ Почетнаго Легіона. Въ томъ же году Н. Е. написалъ для Брюссельской выставки три картины: «Туманное утро при восходѣ солнца» (сцена изъ охотничьей жизни), «Путники, застигнутые вьюгою зимою» и «Портретъ г. Чихачова верхомъ во время его путешествія въ Турцію въ турецкомъ костюмѣ». Въ 1864 г. Н. Е. вернулся изъ-за границы и въ слѣдующемъ году написалъ по высочайшему заказу картину «Выѣздъ царя Алексѣя Михайловича на смотръ войскъ въ 1664 г.». Всего написано покойнымъ до 300 картинъ большихъ и исполнено болѣе тысячи рисунковъ и акварелей. Изъ большихъ картинъ Н. Е. назовемъ: «Царь Алексѣй Михайловичъ съ боярами на соколиной охотѣ около Москвы» (находится въ собственномъ Его Величества Анничковомъ дворцѣ), «Поѣздъ царя Иоанна Грознаго, ѣдущаго на богомолье» (находится въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ), «Переходъ гвардіи черезъ Балканы» (находится въ Зимнемъ дворцѣ), «Конная ярмарка» (находится въ Академіи Художествъ), «Бой съ медвѣдемъ при царѣ Иоаннѣ Грозномъ», «Ѣзда гуськомъ въ лѣсу», «Охотникъ съ двумя собаками», «Отъѣздъ помѣщицы изъ деревни въ городъ», «Праздникъ въ деревнѣ святыхъ Флора и Лавра», и друг. Кромѣ живописи, Н. Е. занимался и лѣпкой (лошадь изъ воска, 1865 г.). Н. Е. скончался на 81 году (Нов. Вр., № 8.019; ср. «Моск. Вѣд.», № 175).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу некролога Г. И. Паульсона.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, въ некрологѣ Г. И. Паульсона, между прочимъ, сказано, что «въ шестидесятыхъ го-

дахъ І. И. основать вмѣстѣ съ Н. Х. Весселемъ первый русскій педагогическій журналъ «Учитель». Это указаніе не выполнѣ вѣрно. Журналъ «Учитель», издававшійся, дѣйствительно, въ шестидесятыхъ годахъ, не можетъ считаться «первымъ русскимъ педагогическимъ журналомъ», такъ какъ еще въ 1830 году въ Петербургѣ стали выходить «Педагогическій Журналъ» Ободрова, Гурьева и Гугеля. Изданіе это просуществовало, впрочемъ, всего два года. Также непродолжительно было существованіе и слѣдующаго педагогическаго журнала, издававшагося въ 1832 и 1833 гг. преподавателемъ русской словесности въ Ревельской гимназіи Андреемъ Бюхеромъ, — подъ заглавіемъ «Радуга, журналъ философіи, педагогіи и изящной литературы»¹⁾. Въ 1843 году появляется уже третье педагогическое изданіе — «Библіотека для воспитанія» П. І. Рѣдкина, которая, помимо главной своей задачи — давать матеріалъ для дѣтскаго чтенія, помѣщала и статьи по педагогикѣ.

Но и по отношенію къ эпохѣ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, когда въ русскомъ обществѣ съ особою энергіею пробудился интересъ къ педагогическимъ вопросамъ, журналъ «Учитель» не является первымъ педагогическимъ журналомъ. За нѣсколько лѣтъ до его основанія, съ января мѣсяца 1857 г. стали выходить (сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ) «Журналъ для воспитанія» А. А. Чумикова. Журналъ этотъ выходилъ въ теченіе 7 лѣтъ (по 1863 годъ), и до основанія собственнаго изданія въ немъ принималъ дѣятельное участіе и покойный І. И. Паульсонъ.

Въ томъ же 1857 году, но съ февраля мѣсяца, приступилъ и Н. А. Вышнеградскій къ изданію своего «Педагогическаго Вѣстника». Н. С.

II.

По поводу воспоминаній К. К. Жерве.

К. К. Жерве въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на стр. 772 и 773 сообщаетъ о моемъ покойномъ отцѣ, генералъ-адъютантѣ Фельдманѣ, вымышленныя данныя, которыя могутъ дать ложное представленіе объ этомъ высокочестномъ чловѣкѣ, пользовавшемся общимъ уваженіемъ и особымъ довѣріемъ императора Николая І. Въ словахъ генерала Жерве, какъ я докажу ниже, нѣтъ и тѣни правды.

К. К. Жерве говоритъ, что императоръ Николай въ 1834 году, проѣздомъ черезъ Кіевъ, остался чрезвычайно доволенъ работами, произведенными полковникомъ Дзичканцомъ, отличалъ его на каждомъ шагѣ и постоянно приглашалъ къ себѣ обѣдать. «Генералъ-адъютантъ Фельдманъ испугался особаго расположенія государя къ Дзичканцу и, управляя тогда инженернымъ департаментомъ, придумывалъ разныя средства, какъ бы повредить І. Г. Дзичканцу въ мнѣніи государя, и вотъ что наконецъ придумалъ». Онъ послалъ своего племянника инженеръ-поручика Кесслера въ Кіевъ съ наставленіемъ поймать

¹⁾ Въ этомъ журналѣ, повидимому, принималъ негласное, но дѣятельное участіе извѣстный Магницкій, который находился тогда въ ссылкѣ въ Ревель (см. объ этомъ статью г. Чумикова въ «Русской Старинѣ» за 1875 г., ноябрь).

Дзичканца на какойнибудь незаконности. Кесслеръ обнаружилъ поставку подрядчиками матеріаловъ для не разрѣшенныхъ еще работъ будущаго года и послалъ объ этомъ въ III Отдѣленіе доносъ, по которому назначено было слѣдствіе. Благодаря этому, Дзичкавецъ не получилъ ожидаемаго имъ званія флигель-адъютанта.

Далѣе г. Жерве объясняетъ назначеніе моего отца въ флигель-адъютанты, послѣдовавшее въ 1831 г., тѣмъ, что онъ, будучи командиромъ Ревельской инженерной команды, встрѣтилъ на пристани (въ 1817 г.) императрицу Александру Теодоровну, а ея величество дала себѣ зарокъ составить счастье перваго офицера, котораго она встрѣтитъ, вступая на русскую землю, и который заговоритъ съ нею на ея родномъ языкѣ.

Въ 1817 г. отецъ мой былъ въ Петербургѣ преподавателемъ инженернаго училища; строителемъ же Ревельскихъ укрѣпленій онъ назначенъ былъ только въ 1825 г., а потому на встрѣчѣ императрицы Александры Теодоровны не участвовалъ. Званія флигель-адъютанта онъ удостоился, вѣроятно, потому, что съ чина поручика былъ лично извѣстенъ императору Николаю Павловичу, который съ 1817 г. по день вступленія на престолъ занималъ должность генераль-инспектора инженеровъ и всегда особенно отличалъ моего отца.

Авторъ воспоминаній утверждаетъ, что генераль-адъютантъ Фельдманъ въ 1834 г. управлялъ инженернымъ департаментомъ, между тѣмъ онъ съ 1832 по 1846 г. состоялъ, не занимая никакой должности, въ свитѣ (т. е. при особѣ) его величества и только въ 1846 г. назначенъ былъ вице-директоромъ, а въ 1849 г. директоромъ инженернаго департамента.

Записки К. К. Жерве не предназначались имъ для печати, потому не могу винить его за небрежное ихъ составленіе. По моему мнѣнію, отвѣтственность за искаженіе истины всецѣло падаетъ на г. Виктора Жерве, который опубликовалъ воспоминанія своего дѣда, не убѣдившись въ его правдивости и не провѣривъ фактовъ, которые могутъ бросить тѣнь на безусловно честныхъ людей.

Генераль-лейтенантъ **Θ. Л. Фельдманъ.**

III.

Къ некрологу **Л. П. Сабанѣва.**

Въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній годъ, на стр. 1074, въ некрологѣ Л. П. Сабанѣва я нашелъ слѣдующія строки: «средства на изданіе (Природы) Л. П. употребилъ отчасти свои, отчасти полученные отъ владѣльца желѣзодѣлательныхъ заводовъ г. Пастухова»... Это указаніе невѣрно, и я считаю долгомъ его исправить. Во-первыхъ, Пастуховъ, давшій средства на изданіе «Природы», вовсе не былъ владѣльцемъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Николай Александровичъ Пастуховъ былъ средній изъ трехъ сыновей извѣстнаго ярославскаго заводчика и оптоваго торговца желѣзомъ Александра Петровича Пастухова. Никакими торговыми дѣлами

Н. А. Пастуховъ не занимался и никакого отношенія къ желѣзодѣлательнымъ заводамъ своего отца не имѣлъ, не чувствуя къ этому никакой склонности. Но обладая очень хорошимъ состояніемъ и живя болѣе чѣмъ скромно, онъ весьма охотно помогалъ различнымъ литературнымъ и издательскимъ предпріятіямъ и дѣлалъ очень много добра. Къ сожалѣнію, этотъ умный, добрый и прекрасный человѣкъ скончался слишкомъ рано... Во-вторыхъ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ средства на изданіе «Природы» были даны Л. П. Сабанѣву Николаемъ Александровичемъ Пастуховымъ, который выдалъ на это дѣло одновременно 10.000 р. сер.

П. Полевой.

IV.

По поводу статьи «На царскомъ пути.» -

Не получая сама журнала «Историческій Вѣстникъ», я только теперь, пріѣхавъ въ деревню, имѣла случай прочесть статью г. Федорова «На царскомъ пути», напечатанную въ апрѣльской книжкѣ этого журнала за текущій годъ.

Говоря о гр. Остенъ-Сакенѣ, авторъ статьи упоминаетъ имена братьевъ Лореръ, Дмитрія и Николая Ивановичей, сосѣдей и близкихъ друзей графа и графини Остенъ-Сакенъ. Но свѣдѣнія о нихъ г. Федорова далеко не всѣ вѣрны.

Дѣйствительно, декабристъ Никол. Пванов. Лореръ, переведенный изъ Сибири на Кавказъ по ходатайству своей племянницы фрейлпы Россети, съ Кавказа былъ возвращенъ въ деревню на родину ранѣе другихъ своихъ товарищей и тогда только женился, а не до ссылки въ Сибирь. Жена его умерла рано, оставивъ маленькую дочь, Катерину, которая росла у отца въ имѣніи Вадяной, подъ надзоромъ своей тѣтки, жены Дм. Пв. Лореръ, рожденной княжны Волконской. Двѣнадцати лѣтъ, въ 1858-мъ году, маленькая Лореръ поступила въ Кіевскій институтъ, и съ этого времени началось наше знакомство. Отецъ ея Ник. Пв. Лореръ продолжалъ жить съ братомъ въ имѣніи, выѣзжая иногда въ Москву и Кіевъ для свиданія съ дочерью. Выйдя изъ института въ 1860 году, Катер. Никол. Лореръ поселилась съ отцомъ въ родной деревнѣ въ скромномъ флигелѣ, вблизи такого же скромнаго и «большаго дома», гдѣ жили ея дядя и тетка. Я бывала у нихъ тамъ. Ни блестящихъ барскихъ хоромъ ни роскошнаго парка въ Вадяной не было, а къ дому примыкалъ большой, хорошій садъ, хорошій особенно для степной Херсонской губ.

Лореры жили скромно, хотя съ полнымъ удобствомъ; и всегда было извѣстно, что дѣвица Лореръ единственная наслѣдница весьма хорошаго семейнаго состоянія. Слѣдовательно, никто не могъ смотрѣть на нее, какъ на бѣдную родственницу, какъ говоритъ г. Федоровъ. Добрые Остенъ-Сакенъ очень любили молоденькую сосѣдку и были къ ней очень внимательны. Черезъ годъ или два по выходѣ изъ института, Кат. Ник. встрѣтила у нихъ полковника ба-

рона Гр—са, тогда уже командовавшаго Ольвіопольскимъ полкомъ и бывшаго прежде адъютантомъ графа. Баронъ пользовался большимъ расположеніемъ графа и графини, и точно они способствовали его свадьбѣ съ дѣвицей Лореръ; но не для осуществленія этой свадьбы получилъ баронъ полкъ, а гораздо ранѣе.

Послѣ свадьбы, Катер. Николаевна жила съ мужемъ въ Елисаветградѣ, гдѣ стоялъ Ольвіопольскій полкъ, но вскорѣ умеръ ея дядя, п Гр—сы перѣѣхали на житье въ Вадяну, гдѣ оставались до 1880 года.

Баронесса усердно занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей и за все это время только раза три выѣзжала съ мужемъ и дѣтьми въ Курляндію къ родственникамъ.

Баронъ Гр—съ умеръ лѣтъ 7 тому назадъ въ Курляндіи, куда онъ перевезъ семью 1880 году, убѣдивъ жену продать одно за другимъ ея херсонскія имѣнія. Хозяйничанье не удалось барону, болѣе военному человѣку, чѣмъ сельскому хозяину, и, огорченный разстройствомъ дѣлъ, онъ рѣшился навсегда остаться въ Курляндіи, гдѣ жизнь дешева и удобна. Баронесса и теперь живетъ въ небольшомъ имѣніи съ прекраснымъ домомъ, паркомъ и лѣсомъ, которые приобрѣла еще при жизни мужа. Въ 1897 году, зимою, она въ первый разъ въ жизни ѣздила въ Италію для здоровья одной изъ младшихъ дочерей; значитъ, свѣдѣніе г. Федорова, что баронесса Катер. Николаевна перѣѣздомъ своимъ въ Италію съ дѣтьми способствовала разстройству дѣлъ, не вѣрно. Не вѣрно тоже, что, бывъ серьезно больна, Катер. Ник. потратила много денегъ на лѣченье. На самомъ же дѣлѣ здоровье ея поправилось отъ одного пребыванья на дачѣ возлѣ Одессы и купанья въ морѣ.

Не могу себѣ объяснить, почему г. Федоровъ, говоря о гр. Остенъ-Сакенѣ, нашель, что «тутъ кстати сказать нѣсколько словъ о м-ше Лореръ», и плохо освѣдомленный, рѣшился все же набросить нѣкоторую тѣнь на лице, если и интересное, то именно своими недюжинными качествами умной, скромной, серьезной и беззавѣтно преданной матери,—качествами, о которыхъ г. Федоровъ и не знаетъ!

Вѣрность моего опредѣленія характера Катер. Никол. Гр—съ могутъ подтвердить всѣ лично знающіе ее, напримѣръ, ея бывшіе сосѣди по имѣнію Дудниковы (село Остановка въ 3-хъ верстахъ отъ Вадяной) и всѣ ея многочисленные друзья въ Курляндіи. Вѣра Бутакова.

V.

Къ некрологу Г. Д. Филимонова.

Къ библиографическимъ указаніямъ въ концѣ некролога («Историческій Вѣстникъ» 1898 г., июль, стр. 397) слѣдуетъ прибавить, что по возобновеніи «Русскихъ Вѣдомостей» въ этой газетѣ появился обстоятельный некрологъ покойнаго (№ 115).

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

Съ именемъ Сумарокова неразрывно связана исторія возникновенія и развитія русскаго театра и драматической литературы. Онъ былъ первымъ директоромъ русскаго публичнаго театра и первымъ его драматургомъ, написавъ съ 1747 по 1761 годъ нѣсколько трагедій и комедій, пользовавшихся, въ свое время, огромнымъ успѣхомъ. Кромѣ того, какъ извѣстно, Сумароковъ написалъ множество одъ, басенъ и сатиръ и съ 1759 по 1760 годъ издавалъ первый въ Россіи сатирической журналъ «Трудолюбивая Пчела».

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ Сумарокова воспроизведенъ съ очень рѣдкой гравюры Валькера. Оригиналь, съ котораго Валькеръ гравировалъ, писанъ масляными красками художникомъ Лосенко и находится въ Академіи Художествъ, куда подаренъ самимъ Сумароковымъ, въ благодарность за избраніе его въ члены, въ 1770 году. Подъ гравюрой Валькера находится слѣдующее четверостишіе:

- Изображается потомству Сумароковъ,
- Парящій, пламенный и вѣжнѣй сей творецъ,
- Который самъ собой достигъ Пермскихъ токовъ;
- Ему Расинъ поднесъ и Лафонтенъ вѣнецъ».

Но Митсось видѣлъ только молодую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, съ золотымъ кушакомъ, бѣлую руку, державшую розы и лице, закрытое фатой до самыхъ глазъ.

— Есть еще третій куплетъ,—произнесъ онъ.

Она подняла голову, и ея черные глаза весело улыбались.

— Ты научишь меня третьему куплету въ другой разъ,—произнесла она.—Вотъ тебѣ награда за урокъ. А теперь удались, иди.

Она бросила собранныя розы въ лодку и отошла отъ стѣны.

По близости слышались голоса, и Митсось налегъ на весла.

Сердце его было полно блаженства. Онъ впервые позналъ, что такое любовь.

На слѣдующее утро произошло вѣнчаніе Маріи, и юноша пошелъ на свадьбу безъ малѣйшаго непріязненнаго чувства. Онъ даже нашелъ, что молодые составляли прекрасную парочку.

Въ 4 часа онъ уже собирался на берегъ къ лодкѣ, какъ отецъ остановилъ его словами:

— Мы сегодня кончимъ вино. Помоги мнѣ, Митсось.

— Я только что хотѣлъ покататься въ лодкѣ,—отвѣчалъ юноша,—развѣ нельзя подождать съ виномъ до завтра?

— Нѣтъ, да мы скоро кончимъ. Ты еще успѣешь покататься.

— Дядя Николай велѣлъ мнѣ каждый день...—началъ Митсось, но отецъ перебилъ его:

— Онъ также велѣлъ тебѣ слушаться меня.

Митсось съ минуту колебался, но потомъ покорно произнесъ:

— Да, отецъ. Мнѣ очень жаль, но пойдемъ.

Какъ только работа была окончена, юноша, не прикасаясь къ ужину, вскочилъ въ лодку и сталъ гребти изо всѣхъ силъ.

Вскорѣ забѣлѣла стѣна, и снова въ темнотѣ раздался чудный голосъ.

VI.

Николай благополучно добрался до Коринѳа рано утромъ послѣ того, какъ расстался съ Митсосомъ, но вынужденъ былъ ждать два дня кайка для переправы въ Патрасъ. Подготавливавшаяся революція на Пелопонезѣ была сосредоточена въ рукахъ архіепископа Германа. Подобно Николаю, онъ жестоко потерпѣлъ отъ турокъ и согласенъ былъ отложить свою месть до той поры, пока назрѣтъ общее дѣло возмездія. Его гонецъ встрѣтилъ Николая въ Коринѳѣ и передалъ ему желаніе архіепископа видѣть его, какъ можно скорѣе. Но Николай намѣревался прямо отправиться въ Патрасъ и приказалъ гонцу сказать архіепископу, что онъ скоро будетъ, но предпочитаетъ, для бѣльшей безопасности, путь по морю. Онъ хорошо зналъ, что турки подозрѣвали его въ заговорѣ противъ нихъ, а такъ какъ его планъ возстанія уже мало-по-малу приводился въ исполненіе, и онъ со-

стоялъ главнымъ представителемъ революціоннаго клуба въ Морѣѣ, то онъ не желалъ рисковать, проѣзжая чрезъ гарнизонные города на берегу залива.

Однако на второй день, нагруженный смоквой, каякъ вышелъ изъ Коринѣа, и на его палубѣ находился Николай, перебравшійся туда въ сумерки.

Они пустились въ путь около полуночи. Сначала дулъ небольшой вѣтерокъ, но часамъ къ четыремъ утра онъ совершенно стихъ, и поверхность моря стала стеклянной. На сѣверѣ въ утренней зарѣ видѣлся Парнасъ, а прямо передъ ними была Итея, на противоположномъ же берегу бѣдѣли на горныхъ вершинахъ остатки прошлогодняго снѣга, ослѣпительно блестяшіе при первыхъ лучахъ солнца.

Эти лучи разбудили Николая, и онъ увидалъ, что рядомъ съ нимъ шкиперъ.

— Совсѣмъ нѣтъ вѣтра,—сказалъ онъ:—и мы можемъ промаяться здѣсь нѣсколько часовъ. Ты очень торопишься?

— Я никогда не тороплюсь, — отвѣчалъ Николай, старательно наполняя табакомъ трубку: — и нечего торопиться, когда нельзя ускорить каяка. Я не могу создать вѣтеръ: значить надо ждать. А что у тебя тяжелый грузъ?

— Да, и онъ былъ бы еще больше, если бы проклятые дьяволы не захватили въ Коринѣѣ шести кратъ смоквы.

— Кто, турки?

— Кто же другой? Они увѣряли, что это портовый налогъ. Хорошъ портъ Коринѣѣ: навалена груда каменьева въ воду и сдѣлано пять ступеней, вотъ и все!

— Портовый налогъ? Это что-то новое! Давно онъ заведенъ?

— Съ мѣсяць, но я полагаю, что онъ недолго продержится.

— Отчего?

— Отъ того, что скоро будутъ рѣзать свиней. Я всю жизнь провожу на морѣ и рѣдко слышу новости. Но вѣдь ты былъ въ Коринѣѣ. Развѣ ты не слышалъ тамошніе толки, что не пройдетъ и года, какъ греки освободятся отъ своихъ тирановъ?

Произнося эти слова, шкиперъ махнулъ рукой близъ стоявшему матросу, чтобы онъ удалился.

— Я не люблю говорить объ этомъ при своихъ людяхъ, но тебѣ отчего не сказать. Ты высадишься въ Патрасѣ, а я пойду далѣе. Къ тому же, хотя на тебѣ турецкая одежда, но ты не турокъ; у нихъ короткія ноги, а у тебя длинныя. Вчера вечеромъ въ кофейнѣ я слышалъ эти толки: четыре турка говорили, что поселяне припасаютъ оружіе. Кромѣ того, они упоминали о какомъ-то Николаѣ Видалисѣ, котораго они хотѣли арестовать при его появленіи въ Коринѣѣ, такъ какъ онъ былъ одинъ изъ вождей.

— Что же, имъ не удалось поймать? А кто этотъ Николай?

— Я его не знаю. Я съ острововъ, и думалъ, что, можетъ быть, ты скажешь мнѣ, что это за человѣкъ.

— А ты съ какого острова?

— Съ острова Псары.

Николай затянулся, пристально посмотрѣлъ на собесѣдника и спокойно сказалъ:

— Я Николай Видалисъ, тотъ самый человѣкъ, котораго турки такъ желаютъ поймать. Теперь ты можешь сдѣлать одно изъ двухъ: или выдать меня туркамъ въ Патрасѣ, или помочь мнѣ въ нашемъ святомъ дѣлѣ. Въ такомъ дѣлѣ нельзя говорить: моя хата съ краю. Ты долженъ принять ту или другую сторону. Я тебѣ довѣрился, потому что ты можешь быть намъ полезенъ. Ты уроженецъ Псары, и, вѣроятно, тебѣ берегъ Греціи также хорошо извѣстенъ, какъ свой сапогъ. У насъ довольно людей для борьбы на сухомъ пути и довольно денегъ, но намъ нужны маленькія суда, для преслѣдованія турокъ, если они вздумаютъ искать спасенія на морѣ.

При этихъ словахъ глаза Николая засверкали, какъ угли.

— Я отъ тебя не скрою!—воскликнулъ онъ громко:—что близка заря, которая освѣтитъ гибель этихъ проклятыхъ дьяволовъ. Ты знаешь, какая человѣческая страсть всего сильнѣе овладѣваетъ сердцемъ? Это—ни любовь, ни страхъ, а месть. А если бы ты страдалъ столько же, сколько я, то понялъ бы, какъ страшно вѣчно думать только объ однихъ ненавистныхъ врагахъ. Я вижу кровь и въ восходѣ солнца и въ закатѣ; я пересталъ быть человѣкомъ, а сдѣлался огненнымъ мечемъ, которымъ руководитъ десница Божія. Я только тогда стану снова человѣкомъ, когда не останется болѣе турокъ на нашей землѣ, и когда эта земля сдѣлается жилищемъ свободнаго народа. Ну, отвѣчай, чью сторону ты берешь?

Николай всталъ, и его собесѣдникъ послѣдовалъ его примѣру. Глаза ихъ встрѣтились. Все существо Николая горѣло патріотическимъ энтузіазмомъ, которымъ невольно заразился шкиперъ.

— Скажи мнѣ еще объ этомъ святомъ дѣлѣ! — произнесъ онъ съ оживленіемъ:—но погоди: вѣтеръ поднимается.

Онъ поспѣшилъ къ матросамъ, и раздалась его громкая команда. Хотя море представляло гладкую равнину, но вдали показалась легкая зыбь, которая стала быстро приближаться и принимать видъ прежде волнъ, а потомъ серебристыхъ валовъ. Матросы быстро закрѣпили паруса и взялись за весла, поставивъ канкъ прямо противъ вѣтра. Они быстро понеслись, разрѣзая волны.

Николай зорко слѣдилъ за всѣми движеніями матросовъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что они прекрасно знали свое дѣло. Онъ никогда не пропускалъ случая отмѣтить въ своей памяти то или другое обстоятельство, которое могло быть полезно въ день расчета съ турками. Какъ онъ сказалъ шкиперу, Николай предчувствовалъ, что суда и моряки потребуются для освобожденія родины. Возстаніе

должно было начаться въ Целополезѣ, а отгуда распространиться на сѣверъ. Патрасъ и Мисалонги отстояли другъ отъ друга по морю только на нѣсколько миль, но для того, чтобы они могли подать другъ другу помощь, слѣдовало между ними обезпечить водяное сообщеніе.

Спустя полчаса, Николай и Канарисъ, какъ звали шкипера, сидѣли за завтракомъ. Николай объяснилъ своему новому пріятелю всю подноготную народнаго движенія и необходимость дружнаго дѣйствія на сушѣ и на водѣ. Онъ выразилъ желаніе, чтобы Канарисъ продолжалъ для вида заниматься торговлей, но всегда былъ бы готовъ для дѣйствія. Когда вспыхнетъ возстаніе, то, вѣроятно, турки, особенно живущіе на морскомъ берегу, станутъ искать спасенія въ морѣ, но этого не должно имъ дозволить, такъ какъ война съ ними не будетъ имѣть дипломатическаго характера, а сдѣлается съ самаго начала безжалостной кровавой рѣзней. Николай подробно развилъ планъ военныхъ дѣйствій, отраслю которыхъ было пресѣченіе бѣгства турокъ и на водѣ. Канарисъ слушалъ его съ пылающимъ сердцемъ и поклялся именемъ Бога сдѣлать все для успѣха святаго дѣла.

Около полудня вѣтеръ снова спалъ, и каикъ сталъ лѣниво колыхаться на гладкой поверхности. Николай съ пользой употребилъ это время и подробно разспросилъ Канариса о его прошедшемъ. Онъ, оказалось, происходилъ изъ многочисленной семьи моряковъ, которые изъ поколѣнія въ поколѣнія всю жизнь ходили по морю и знали море, какъ свои пять пальцевъ. Николай общалъ въ концѣ года посѣтить Цсару, если у него на это хватитъ времени.

Спустя три часа, вѣтеръ посвѣжѣлъ, и Канарисъ приказалъ поставить паруса, а самъ продолжалъ бесѣду съ Николаемъ, который дѣйствовалъ на него какимъ-то плѣняющимъ образомъ.

На слѣдующее утро не успѣлъ встать съ кровати патрасскій епископъ Германъ, какъ къ нему явился гонецъ съ извѣстіемъ, что Николай скоро прибудетъ. Кромѣ того, онъ сообщилъ и о тѣхъ толкахъ въ кофейняхъ, о которыхъ говорилъ Канарисъ. Епископъ улыбнулся и приказалъ гонцу распространять слухъ, что Николай былъ взятъ турками и убитъ.

— Турки съ удовольствіемъ повѣрятъ тому, чего желаютъ, — прибавилъ онъ: — а греки знаютъ, что съ Николаемъ теперь ничего не случится: онъ слишкомъ нуженъ для святаго дѣла. Приготовь комнату для моего умершаго друга, а также ванну, чтобы обмыть его мертвое тѣло.

Германъ былъ прекраснымъ типомъ грека, чистой, не смѣшанной крови. Его семья происходила съ острова Делоса, и изъ поколѣнія въ поколѣнія члены ея родились только обитателями острова. Самъ Германъ былъ выше средняго роста, а, благодаря своему черному клобуку, казался выше. Согласно церковному уставу,

онъ носилъ длинные волосы, ниспадавшіе черными кудрями на его плечи, а такая же черная борода покрывала волной его грудь. Хотя въ продолженіе трехъ или четырехъ послѣднихъ лѣтъ онъ энергично организовалъ предстоящее возстаніе своихъ соотечественниковъ, турки не подозрѣвали его сообщничества и оказывали ему полное довѣріе, что, конечно, много содѣйствовало успѣху его пропаганды. Несмотря на то, что Германъ далеко не зналъ свѣта такъ хорошо, какъ Николай, онъ все-таки былъ человѣкъ культурный, воспитанный, уже не говоря объ его умѣ и ловкости. Поэтому Николай всегда съ удовольствіемъ встрѣчался съ нимъ послѣ постоянныхъ сношеній съ необразованными поселянами.

Прибывъ къ Герману передъ самымъ обѣдомъ, Николай былъ встрѣченъ очень радушно, и, садясь за столъ, сказалъ:

— Я познакомился съ хорошимъ человѣкомъ. Это шкиперъ судна, на которомъ я прибылъ. Я хотѣлъ привести его къ тебѣ, но онъ занятъ выгрузкой своего товара и обѣщавъ зайти къ намъ завтра утромъ.

— Ты неутюмишь, другъ Николай, — отвѣчалъ Германъ: — я думаю, никто на свѣтѣ не сталъ бы думать объ обращеніи грубаго моряка въ горячаго патріота. Жаль, что ты не священникъ. Но почему ты догадался, что изъ него можетъ выйти сторонникъ нашего святого дѣла?

— Я дошелъ до этого убѣжденія мало-по-малу. Онъ очень рѣзко выражался о портовомъ налогѣ въ Кориноѣ, и я тогда рискнулъ объяснить ему все.

— Какой тамъ портовый налогъ, когда нѣтъ еще порта!

— Онъ такъ и говорилъ. Но все-таки у него взяли шесть кратъ смоквы.

— Хотя Богъ велитъ любить всѣхъ людей, я ненавижу турокъ и каждый день молюсь, чтобы какъ можно большее ихъ число было прибрано въ царствіе небесное, или въ какое другое мѣсто.

Николай улыбнулся:

— Ты настоящій христіанинъ! Ты молишься не о гибели, а о спасеніи своихъ враговъ.

— Я не могу любить турокъ, хотя Богъ и повелѣваетъ, потому что люблю свою родину, а удаленіе изъ нея турокъ будетъ величайшимъ благомъ. Къ тому же святой пѣснопѣвецъ, хотя и не знавшій турокъ, говоритъ: «я умою свои ступни въ крови безбожниковъ».

— Насколько мнѣ извѣстно, турки добивались моей крови въ Кориноѣ, — сказалъ Николай: — но они прозѣвали меня. Они ждали моего прибытія въ Коринѣ, когда я уже уѣхалъ отсюда.

— А какъ дѣла въ Навплии?

— Лучше, чѣмъ я ожидалъ. Я нашелъ въ моемъ юномъ племянникѣ именно такого человѣка, какого мнѣ нужно.

— Ты говоришь о Митсосѣ? А сколько ему лѣтъ?

— Восемнадцать, но онъ высокаго роста, очень силенъ, и я могу положиться на него.

— Восемнадцать лѣтъ немного мало. Относительно же довѣрія къ кому бы то ни было будь всегда остороженъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Николай разсказалъ о томъ искусѣ, которому онъ подвергнулъ Митсосу.

— Вѣроятно, ты правъ,—замѣтилъ Германъ:—и во всякомъ случаѣ юноша менѣе возбудить подозрѣнія, чѣмъ взрослый человѣкъ. Но какъ ты могъ поступить столь жестоко съ нимъ?

— Правда, это было дѣло жестокое, но мнѣ нужны люди желѣзные, и я хотѣлъ убѣдиться, можно ли на него надѣяться.

— А что ты хочешь съ нимъ дѣлать?

— Вотъ за этимъ-то я пришелъ къ тебѣ. Пора приниматься за дѣло! Ты знаешь, что клубъ патріотовъ даетъ мнѣ самыя широкія полномочія и открылъ неограниченный кредитъ. Митсосъ обойдетъ всѣ селенія, особенно вокругъ Спарты, и скажетъ всюду, что надо быть готовымъ для дѣла. Турки меня караулятъ, и я не могу безопасно разъѣзжать по сгранѣ.

— Съ чего ты велишь начинать?

— Ты еще спрашиваешь! Конечно, я велю имъ молоть черное зерно для турокъ. Это должно быть сдѣлано быстро и въ тайнѣ, преимущественно въ селеніяхъ Майны. Ну, а здѣсь, ты собираешь оружіе?

— Не здѣсь, а въ Мегаспелайонской обители. Значительная часть оружія куплена у турокъ, а монахи возятъ его скрытымъ подъ майсомъ и тростникомъ. Отца настоятеля надняхъ встрѣтили турецкіе солдаты и спросили, зачѣмъ монахи возятъ столько тростника, а онъ отвѣчалъ, что для покрытія монастырской крыши.

— И они ничего не подозрѣваютъ?

— Нѣтъ, они подозрѣваютъ, но не могутъ ничего открыть. Я съ удовольствіемъ дозволю имъ произвести обыскъ во всей обители. Ты помнишь тамошнюю часовню?

— Конечно.

— Подъ алтаремъ монахи вынули одну плиту пола и продѣлали отверстіе въ склепъ, а дверь туда заложили камнемъ и забѣллили ее, такъ что въ стѣнѣ не видно ничего. На прошлой недѣлѣ былъ тамъ новый губернаторъ Триполи, Магометъ-Саликъ. Хотя онъ очень недовѣрчивый человѣкъ для своего молодого возраста, но онъ осмотрѣлъ всю обитель и ничего не нашелъ.

— Это хорошо! А сколько у васъ ружей?

— Около тысячи и вдвое болѣе сабель. Черезъ мѣсяцъ у насъ все будетъ готово. Мегаспелайонъ гораздо лучшій центръ, чѣмъ Патрастъ, такъ какъ онъ ближе къ Триполи. Тамъ слѣдуетъ начать борьбу.

— Кто знаетъ? Когда все будетъ готово, то мы начнемъ, гдѣ будетъ удобно. Лично я бы предпочелъ, чтобы первый ударъ былъ нанесенъ въ Каламатѣ и въ Навплии. Мы вѣдь хотимъ не войны по правиламъ международнаго права, а кровавой рѣзни.

— Кровавая рѣзня не христіанское дѣло! Подумай о женщинахъ и дѣтяхъ.

— Какое мнѣ дѣло до турецкихъ женщинъ и дѣтей!—воскликнулъ Николай, вскакивая и шагая въ сильномъ волненіи взадъ и впередъ по комнатѣ: — я когда-то ихъ жалѣлъ, а турки пожалѣли мою жену и дочь? Если Богъ справедливъ, то онъ поможетъ мнѣ оказать имъ такое же сожалѣніе, какое они оказали мнѣ.

Германъ ничего не отвѣчалъ и послѣ нѣкотораго молчанія произнесъ:

— Хочешь еще вина? Если нѣтъ, то пойдемъ на балконъ. Вечеръ теплый. Я думаю, что ты правъ, и дѣйствительно лучше нанести первый ударъ туркамъ гдѣнибудь на югѣ, такъ какъ они тогда бросились бы искать спасенія въ Триполи, самой сильной ихъ твердыни. Я прежде думалъ, что удобнѣе начать дѣло въ центрѣ, но теперь вижу, что твой планъ практичнѣе. Пойдемъ на воздухъ, Николай.

Домъ Германа стоялъ на границѣ города, высоко на горѣ, и съ его балкона виднѣлись свѣтъ въ фортѣ, гнѣздившемся внизу, водяная равнина, залитая серебристыми лучами мѣсяца, и потивоположный берегъ, гдѣ вдали чернѣлъ Мисалонги.

Мальчикъ подаль имъ кофе, сваренный потурецки, и двѣ трубки. Николай и Германъ закурили и долго молчали.

— Повторяю, —сказалъ Николай, первый нарушая безмолвіе:—что когда настанетъ день возмездія, то отъ меня не будетъ никому пощады.

— А я,—отвѣчалъ Германъ: — не приму участія ни въ какой рѣзнѣ беззащитныхъ. Конечно, кровь пролить надо, безъ этого не обойдешься, но и, кромѣ меня, много палачей, я же не изъ ихъ числа. Во время боя не жалѣй никого, Николай, но когда дѣло будетъ кончено, то пусть турки мирно удалятся со своими семьями изъ нашей страны.

Они снова замолчали, и когда Германъ вторично заговорилъ, то произнесъ со смѣхомъ:

— Однако молодцы турки! Они думаютъ, что ты умеръ. Я приказалъ моему мальчику распространить вѣсть о томъ, что тебя убили въ Кориноѣ. Пусть они вѣрятъ этому вздору. Сегодня здѣсь былъ Махмедъ-Ахмедъ и выражалъ свое сожалѣніе о твоей смерти, хотя глаза его говорили другое. Они тебя всѣ здѣсь знаютъ?

— Нѣтъ! Никто. Это мнѣ на руку. А что ты намѣренъ дѣлать завтра?

— Что хочешь. Намъ бы хорошо съѣздить съ тобою въ Мегас-

пелайонъ. Мы бы туда достигли въ одинъ день, если вѣтеръ будетъ попутный. И тебѣ уже говорилъ, что у монаховъ преинтересный склепъ, и тебѣ не мѣшало бы на него взглянуть.

Николай улынулся.

— Чѣмъ больше человекъ видитъ, тѣмъ лучше,—отвѣчалъ онъ:— но пора тебѣ сказать о моихъ дальнѣйшихъ планахъ. Я думаю въ ноябрѣ быть въ Навплии, а до того времени я отправлюсь въ Майну къ моему двоюродному брату, Петросу Мавромихали, чтобы разузнать, готовъ ли онъ присоединиться къ общему возстанію со всѣмъ своимъ родомъ. Потомъ мнѣ снова надо повидать Канариса; онъ очень ловко управляетъ своимъ судномъ, хотя я увѣренъ, что Митсось заткнетъ его за поясъ.

— Твоя мысль объ устройствѣ брандера, для поджега турецкихъ кораблей, мнѣ не нравится, Николай. Она слишкомъ ужасна.

— Это правда, но зато она необходима. Мы не можемъ дозволить, чтобы турки беспрепятственно получали моремъ оружіе и снаряды. Такъ какъ мы, по всей вѣроятности, не увидимся съ тобой ранѣе дня расчета, то выслушай меня внимательно, я тебѣ повѣдаю всѣ мои планы.

И пѣлый часъ Николай оживленно рассказывалъ о своихъ намереніяхъ Герману, который внимательно его слушалъ, и хотя возражалъ, но большею частью одобрялъ его. Изъ словъ Николая оказывалось, что клубъ патріотовъ въ сѣверной Греціи далъ ему безграничное полномочіе дѣйствовать его именемъ до того времени, когда придется клубу послать своего официального представителя, такъ какъ если бы теперь турки узнали о всѣхъ подготовленіяхъ къ возстанію, то дѣло не удалось бы. Затѣмъ Николай подробно объяснилъ о распространеніи патріотическаго движенія среди поселянъ, которые должны были составить основу возстанія.

Окончивъ свой рассказъ, Николай пристально взглянулъ на Германа. Глаза ихъ встрѣтились и засверкали одинаковымъ блескомъ.

VII.

Канарисъ къ вечеру кончилъ свою выгрузку и предложилъ отвезти Николая и Германа на другой день на зарѣ въ Остицу, маленькое рыбацье селеніе, отстоявшее на четыре мили отъ ущелья, надъ которымъ возвышался Мегаспелайонъ. Тамъ они могли достать муловъ и доѣхать къ вечеру до монастыря.

Они охотно согласились и, благодаря попутному вѣтру, прибыли черезъ четыре часа въ Остицу, гдѣ Германъ прямо пошелъ въ домъ турецкаго губернатора съ Николаемъ, котораго выдалъ за своего родственника. Они втроемъ распили кофе, и въ разговорѣ всѣ единогласно признали нелѣпымъ слухъ о какомъ-то подготовлявшемся возстаніи грековъ, а также выразили удовольствіе, что Николай

былъ убитъ въ Коринноѣ. По словамъ епископа, это былъ безпкойный человекъ, не понимавшій всей прелести мирнаго спокойствія, а его родственникъ также подтвердилъ, что Николай постоянно возбуждалъ ссоры въ кофейняхъ.

Видя, что его собесѣдники разсуждаютъ такъ благоразумно, губернаторъ, Саидъ-Ага, приказалъ уважить ихъ просьбу о доставленіи имъ двухъ муловъ для дальнѣйшаго путешествія. Прежде чѣмъ разстаться съ ними, онъ сообщилъ, что въ Діакоптонѣ, въ трехъ миляхъ отъ Остицы, надняхъ были безпорядки, и убитъ турецкій сборщикъ податей.

— Охъ, ужъ этотъ строптивый народъ!—замѣтилъ Германъ: — а изъ-за чего вышла исторія?

— Изъ-за пустяка,—отвѣчалъ Саидъ-Ага:—турокъ взялъ у грека жену, а тотъ его убилъ. Хотя грекъ и бѣжалъ, но его поймаютъ и предадутъ казни. По-моему это все пустяки. Если мы, турки, владѣемъ страной, и законъ дозволяетъ намъ имѣть много женъ, то всѣ должны намъ повиноваться.

— Еще бы,—отвѣчалъ Николай.—Богу не угодно, чтобы всѣ люди были равны.

— Я очень радъ, что вы не вѣрите въ возможность возстанія грековъ: это было бы слишкомъ глупо съ ихъ стороны. Но, право, не знаю почему, а слухи о возстаніи все болѣе и болѣе распространяются. Вотъ недавно говорили, что у монаховъ въ Мегаспелайонѣ складъ оружія, и мой товарищъ Магометъ-Саликъ, очень энергичный молодой человекъ, недавно назначенный губернаторомъ Триполи, сдѣлалъ тамъ обыскъ; но, конечно, ничего не оказалось.

Германъ весело засмѣялся.

— Мы, служители Бога, люди мирные, — произнесъ онъ:— но наши мулы, вѣроятно, готовы, и намъ пора ѣхать. Благодарю ваше превосходительство за вашу любезность.

Спустя нѣсколько минутъ, они уже ѣхали по улицѣ селенія, которая была замощена крупными, неровными камнями. Всѣ жители были заняты сборомъ плодовъ, и въ домахъ никого не оставалось, кромѣ собакъ, которыя громко лаяли на проѣзжихъ и юныхъ погонщиковъ муловъ.

Солнце уже садилось, когда они выбрались на большую дорогу, которая вела изъ глубины долины къ монастырю. Передъ ними тянулся рядъ нагруженныхъ муловъ, рядомъ съ которыми шли два монаха. Увидавъ архіепископа, они подошли къ нему подъ благословеніе.

— Вы везете тростникъ?—спросилъ онъ:—откуда вы его взяли и для чего?

— Изъ Коловраты,—отвѣчалъ одинъ изъ монаховъ:—мы нагрузили тростникомъ шесть муловъ, а нуженъ онъ намъ для покрытія монастырской крыши.

Младшій монахъ улынулся.

— Многое, что требуетъ починки, отецъ,— произнесъ онъ:— вотъ мы и готовимся къ этому.

Николай осадилъ мула.

— А у васъ есть черное зерно?— спросилъ онъ:— хорошее черное зерно для турокъ?

— Я не понимаю,— отвѣчалъ монахъ, качая головою.

— Прежде надо починить крышу, Николай,— замѣтилъ съ улыбкой Германъ:— а потомъ придетъ время и для чернаго зерна. Ну, сынъ мой,— прибавилъ онъ, обращаясь къ младшему монаху:— иди скорѣе въ обитель и скажи отцу настоятелю, что я съ моимъ двоюроднымъ братомъ скоро буду къ нему. Мы останемся у него дня на два, такъ какъ я хочу осмотрѣть починку вашей крыши, дабы все было сдѣлано во славу Божію.

Спустя полчаса, среди наступившихъ сумерекъ, путешественники приблизились къ монастырю. Въ узенькихъ, маленькихъ окнахъ, гнѣздившихся другъ надъ другомъ, виднѣлся свѣтъ, а направо, въ большихъ воротахъ, мелькали фонари, доказывая, что братья приготовили встрѣчу своему владыкѣ. Дѣйствительно, у самыхъ воротъ на террасѣ монахи выстроились въ два ряда съ юными послушниками впереди. Подъ сводами же воротъ стоялъ отецъ-настоятель, красивый старикъ, высокаго роста, съ длинною сѣдою бородой. Онъ помогъ архіепископу сойти съ мула и, опустившись на колѣни, принялъ его благословеніе. Германъ остановился на порогѣ обители и громко сказалъ, обращаясь ко всей братіи:

— Да будетъ благословеніе Божіе на эту обитель и на всѣхъ, живущихъ въ ней, а также на то святое дѣло, которому они служатъ.

Увидавъ Николая, котораго онъ давно зналъ, настоятель вздрогнулъ, словно ему явился призракъ.

— А мы слышали, что ты умеръ,— сказалъ онъ.

— Я очень радъ, что ты это слышалъ,— отвѣчалъ Николай съ улыбкой:— и прошу тебя, не распространяй вѣсти, что я живъ.

Они втроемъ пришли въ келью настоятеля, и когда остались наединѣ, то Германъ произнесъ:

— Я вижу, поправка крыши идетъ хорошо. Мы встрѣтили по дорогѣ нѣсколько нагруженныхъ муловъ. Николай хотѣлъ лично убѣдиться въ томъ, что тутъ дѣлается. Онъ нашъ... ну, какъ это сказать?— распорядитель, а мы работники. Онъ намъ скажетъ, къ какому времени кончить дѣло. Ну, теперь пойдѣмъ въ церковь и поблагодаримъ св. Луку, основателя вашей обители, и пресвятую Богородицу за наше благополучное прибытіе. Таковъ долгъ всѣхъ истинныхъ слугъ Божіихъ.

Настоятель пошелъ впередъ и, отворивъ тяжелую бронзовую дверь въ церковь, пропустилъ Германа. Архіепископъ пошелъ къ алтарю и опустился на колѣни передъ образомъ Богородицы, написаннымъ,

по преданію, евангелистомъ Лукой, и произнесъ благодарственную молитву за себя и Николая. Затѣмъ они вернулись въ келью настоятеля и вторично пошли въ церковь.

На этотъ разъ настоятель заперъ за собою дверь, такъ какъ еще не многимъ изъ братьевъ была извѣстна тайна склепа. Онъ зажегъ фонарь, потому что въ церкви было темно, и только кое-гдѣ мерцали лампы. Пройдя въ восточный уголъ церкви, онъ вошелъ въ алтарь и, вынудивъ изъ-подъ престола ломъ, приподнялъ четырехугольную плиту, подъ которой было отверстіе достаточно большое, чтобы пролѣзъ одинъ человѣкъ. Деревянные ступени вели внизъ, и они опустились по нимъ одинъ за другимъ. Склепъ имѣлъ въ длину сорокъ футовъ, а въ ширину двадцать, и при свѣтѣ фонаря всѣ стѣны блестѣли отраженіемъ стали. Со времени послѣдняго посѣщенія Германа, число ружей, развѣшанныхъ по стѣнамъ, значительно увеличилось, и Николаю показалось съ перваго взгляда, что тамъ ихъ было не менѣе тысячи пятисотъ. Его глаза засверкали, и онъ живо сталъ обходить всѣ стѣны, высоко поднимая фонарь.

— Ну, вы собрали достаточно, — сказалъ онъ: — только теперь этотъ тростникъ станетъ требовать пищи, и надо смолотъ большое количество черного зерна.

— Уже? — спросилъ настоятель.

— Уже. Теперь августъ, а весной настанетъ жатва, жатва кровавая. Гдѣ ты помѣстишь пищу для этихъ голодныхъ глотокъ?

— Тутъ мѣста довольно, но не слѣдуетъ здѣсь сохранять черное зерно. Сюда нельзя ходить иначе, какъ съ фонаремъ, а, Боже избави, можетъ случиться бѣда. Мы лучше пойдемъ, Николай, завтра утромъ и осмотримъ всю обитель. Ну, а теперь-то ты доволенъ?

— Мнѣ всегда мало! Если бы всѣ ангелы небесные спустились на землю съ огненными слезами, то и ихъ мнѣ показалось бы мало. Но полно говорить о пустякахъ. Сколько ты можешь поднять людей?

— Пятисотъ въ одну минуту и двѣ тысячи въ то время, какое понадобится, чтобы достигнуть отсюда Калавриты.

— Вотъ это хорошо! Ну, слушай меня. Мы, можетъ быть, не увидимся до славной минуты. Черезъ четыре мѣсяца, но дня назначить нельзя, начнется славное дѣло, и ты будь готовъ. Слушайся во всемъ архіепископа, какъ меня самаго. Мы съ нимъ дѣйствуемъ заодно. Главное, смотри, отецъ-настоятель, за тѣмъ, чтобы въ этотъ славный день никто не думалъ о самомъ себѣ. Кому бы ни досталась честь и слава, все равно — только бы Греція была свободна! Если ты, на-примѣръ, отецъ-настоятель, желаешь почестей и богатствъ, то я тебѣ уступлю все, что можетъ прійтись на мою долю. Прости, что я такъ говорю, но наше дѣло можетъ пострадать только отъ личнаго самолюбія, и я этого боюсь болѣе десяти султановъ. Я объ этомъ твержу всѣмъ и напоминаю себѣ ежедневно. Мнѣ поручено вести дѣло въ Морей, и я отдалъ этому святому дѣлу свою жизнь

и все, что имѣю. Вмѣстѣ со мной работаютъ архіепископъ, Петросъ Мавромихали изъ Майны и другіе. Я даю клятву, что съ Божьею помощію честно исполню свой долгъ и не буду добиваться ничего для себя. Мы сообща будемъ рѣшать планъ дѣйствій, но когда наступитъ время его исполнить, то если одинъ голосъ возвысится противъ меня, то я откажусь отъ предводительства и займу мѣсто простого солдата. Повторяю, пока борьба не началась, будемъ разсуждать и собираться, но какъ только грянетъ громъ, то всѣ должны повиноваться одному. Нашъ успѣхъ зависитъ отъ быстроты и единства, а этого нельзя добиться безъ должнаго повиновенія.

— Но какъ мы узнаемъ о твоёмъ распоряженіи, когда начинать дѣло? — спросилъ настоятель: — ужь не лучше ли мнѣ дѣйствовать самостоятельно, если тебя здѣсь не будетъ?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! — отвѣчалъ Николай: — по всему, что я вижу здѣсь въ Мегаспелайонѣ и Патрасѣ, надо заключить, что первый ударъ и первый успѣхъ будутъ здѣсь. Какъ потомъ пойдетъ война — извѣстно одному Богу, но, во всякомъ случаѣ, я требую безусловнаго повиновенія. Ты получишь отъ меня вѣсть и повилуйся. Вотъ и все.

— Но какъ я узнаю, что вѣсть отъ тебя?

— Очень просто: когда нибудь въ теплый лѣтній день или въ холодную зимнюю ночь къ тебѣ явится монахъ и скажетъ: тебя, настоятель, желаетъ видѣть какой-то человекъ или мальчикъ, или даже дѣвочка. Ты выйди къ посланному, и онъ тебѣ скажетъ: «мнѣ поручено спросить, есть ли у тебя зерно для тѣхъ, кто въ немъ нуждается?.. А ты отвѣчай: тебѣ надо черное зерно и для кого, для голодныхъ или для турокъ? Тогда посланный произнесетъ: пошли черное зерно къ туркамъ въ Каламату или Калавриту, или въ какое другое мѣсто, и пусть его понесутъ двѣсти, или пятьсотъ, или тысяча человекъ». Ты можешь получить и другія распоряженія, но всегда въ этой формѣ, и если ты свято ихъ исполнишь, то Господь уготовитъ тебѣ мѣсто на небѣ, среди его святыхъ угольниковъ.

— Ты правъ, Николай, — отвѣчалъ настоятель: — и клянусь Пресвятой Богородицей, что буду слѣпо тебѣ повиноваться. Ну, пойдемъ снова на верхъ.

Они опять пошли въ церковь, опустили по лѣстницѣ въ нижній этажъ, гдѣ чисто выбѣленный коридоръ велъ въ монастырскую библіотеку и въ келью отца настоятеля. По дорогѣ Николай постукивалъ своей палкой по стѣнамъ:

— Здѣсь, кажется, стѣна потоньше, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ, — произнесъ онъ съ улыбкой и, остановившись, пристально взглянулъ на настоятеля: — однако Магометъ-Саликъ слишкомъ хитеръ, чтобы обратить вниманіе на такую простую вещь.

— Слава Богу, что наши враги такіе умные, — замѣтилъ Германъ, сопровождавшій Николая.

Вернувшись въ келью настоятеля, Николай закурилъ трубку и сказалъ, что съ позволенія настоятеля ляжетъ спать, такъ какъ на другое утро ему надо встать рано и отправиться далѣе.

— А ты куда?

— На югъ. Мнѣ надо посѣтить много мѣстъ въ Мессеніи и повидать моего родственника Петровія. Онъ взялся поднять округъ Майны. Все дѣло въ томъ, чтобы начало грянуло, какъ громъ, а потомъ все пойдетъ хорошо.

Дѣйствительно на слѣдующій день Николай всталъ при первомъ звонѣ колоколовъ, призывавшихъ къ заутрени. Онъ прямо пошелъ въ церковь, а послѣ службы вышелъ на террасу вмѣстѣ съ настоятелемъ и Германомъ. Издали за ними слѣдили съ любопытствомъ монахи, среди которыхъ распространился слухъ, кто такой Николай, и зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ ихъ мирную обитель. Наговорившись досыта и выпивъ кофе, Николай сталъ прощаться.

— Благослови меня, отецъ настоятель,—сказалъ онъ:—мы, можетъ быть, увидимся до начала дѣла, а, можетъ быть, и нѣтъ. Во всякомъ случаѣ мы съ тобой работники на одномъ полѣ, хотя это поле очень большое, и тебѣ придется работать на сѣверѣ, а мнѣ, можетъ быть, на югѣ.

VIII.

Кончался ноябрь среди холодныхъ дождей и буйныхъ вѣтровъ. Стаи глухарей налетѣли на равнину вокругъ Навилин. Вдали, на вершинахъ горы Иліасъ виднѣлись снѣга, а туманъ и дождь заволакивали неприглядною мглой всю окрестную страну.

Митсось безъ умолка проклиналъ непогоду, которая не позволяла ему кататься въ лодкѣ по заливу. Если же онъ иногда выходилъ изъ терпѣнія и садился въ лодку, то въ концѣ концовъ онъ возвращался домой мокрый, не достигнувъ своей цѣли. Въ послѣднее время Константинъ удивлялся поведенію сына, но объяснялъ его непонятнымъ для самого юноши физическимъ развитіемъ и, предоставляя все волѣ Божіей, не тревожилъ его вопросами, зная, что онъ, при своей скрытной натурѣ, ничего не скажетъ. При этомъ его утѣшала мысль, что Митсось во всѣхъ отношеніяхъ развивался, и что Николай, о которомъ не было ни слуху, ни духу, по своему возвращенію будетъ очень доволенъ, найдя въ немъ возмужалаго юношу.

Но отецъ не зналъ, что дѣлалось въ душѣ Митсоса. Его знакомство съ Зюлеймой, молодой гречанкой изъ гарема богатаго турка, продолжалось такъ же странно, какъ началось. Ночь за ночью онъ подъѣзжалъ въ лодкѣ къ бѣлой стѣнѣ и цѣлыми часами разговаривалъ съ нею до той минуты, когда она махала ему рукой, чтобы онъ удалился, въ виду приближенія другой дѣвушки гарема или прислуги.

Такъ дѣло шло до одного вечера, передъ самымъ началомъ непогоды, когда Митсосъ захватилъ съ собою веревочную лѣстницу. Зюлейма обѣщала прійти на террасу попозже, но зато спуститься къ нему въ лодку и покататься по бухтѣ.

Этотъ вечеръ, или, лучше сказать, ночь, остался памятнымъ на вѣки имъ обоимъ. Несмотря на страхъ, чтобы ея не поймали, Зюлейма была очень рада быть на свободѣ хотя часа два. Она весело приподняла съ лица покрывало, по просьбѣ юноши, и обнаружила прелестныя черты этого лица. Потомъ она рассказала свою исторію, какъ много лѣтъ тому назадъ ее похитили турки, и какъ она помнила изъ своего дѣтства только то, что отецъ ея былъ высокаго роста и въ черной одеждѣ. Она очень мило, но съ затрудненіемъ говорила погречески и презабавно обращалась съ Митсосомъ, какъ съ мальчикомъ, хотя сама была моложе его на годъ. Вообще для нея эта прогулка была дѣтской забавой, хотя ему казалось, что онъ былъ на седьмомъ небѣ.

На возвратномъ пути онъ сталъ спрашивать ее объ ея несчастной жизни, но она отвѣчала, что была очень довольна своимъ положеніемъ, хотя старшій Абдуль-Ахметъ былъ порядочной свиньей; но она жила спокойно, ничего не дѣлала, хорошо ѣла, и только изрѣдка Абдуль сердился, а евнухъ наносилъ ей удары. Къ тому же въ гаремѣ Абдула жизнь не была такая строгая, какъ въ другихъ. Абдуль былъ очень старъ и только хороводился съ одной изъ нихъ. Что касается Зюлеймы, то она въ сущности не принадлежала къ гарему, а была любимой служанкой главной жены Абдула. Вообще ей недурно жилось, а если бы Митсосъ по временамъ каталъ ее въ лодкѣ, то она была бы совершенно счастлива, тѣмъ болѣе, что онъ ей нравился. Въ дурную погоду ему не стоило являться, такъ какъ гаремъ былъ тогда запертъ, и она не могла выйти тогда въ садъ.

Послѣ этой очаровательной прогулки наступила непогода, продолжавшаяся двѣ недѣли. Въ это унылое время Митсосъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда разгуляется погода настолько, чтобы можно было кататься въ лодкѣ. Поэтому при первой улыбкѣ природы онъ послѣ обѣда рѣшился попробовать счастья и отправиться въ лодкѣ къ бѣлой стѣнѣ. Но теперь впервые онъ сталъ заботиться о своей внѣшности. Ему было стыдно за свою старую заштопанную одежду, и онъ надѣлъ свое праздничное платье, старательно причесалъ себѣ волосы, завязалъ свои сандалии до самаго верха и молодцевато надѣлъ на бокъ феску.

Было уже девять съ половиною часовъ, когда онъ отправился въ путь, и луна поднялась высоко. Около часа ему понадобилось для того, чтобы добраться до бѣлой стѣны. Увидавъ ее издали, онъ почувствовалъ, что его сердце сильно забилося, и онъ напрягъ свое зрѣніе, чтобы поскорѣе убѣдиться въ присутствіи любимаго созданія.

Дѣйствительно, что-то облѣло на стѣнѣ, и онъ живо подвелъ лодку къ каменнымъ устоямъ.

Въ ту же минуту раздался веселый голосъ:

— Я была увѣрена, что ты явишься, такъ какъ сегодня первая звѣздная ночь. У насъ всѣ спятъ. Я подслушивала у двери Магомета и ушла только тогда, когда раздался его громкій храпъ.

Митсось ничего не отвѣчалъ, вскочилъ въ лодкѣ и ловко забросилъ веревку съ лѣстницей за стѣну.

— Да, я явился сюда при первой возможности,—сказалъ онъ,—а все это время я проклиналъ дождь, да проститъ мнѣ Господь!

— Какой ты сегодня нарядный,—замѣтила Зюлейма, пристально смотря на него,—развѣ греки всегда ловятъ рыбу въ своей лучшей одеждѣ?

Митсось улыбнулся и, очень довольный тѣмъ, что принарядился, отвѣтилъ:

— Мы объ этомъ поговоримъ въ лодкѣ. Спускайся внизъ.

Когда они благополучно очутились въ лодкѣ, то Митсось спросилъ:

— Куда мы поѣдемъ сегодня?

— Въ море, открытое море, подальше отъ этого проклятаго мѣста!—воскликнула Зюлейма со смѣхомъ,—а гдѣ мнѣ сѣсть?

Митсось вынулъ изъ сѣти захваченную имъ изъ дому подушку и положилъ ее на скамейку въ кормѣ.

— Вотъ видишь,—продолжалъ онъ,—я вспомнилъ, что, сидя прошлый разъ на моей сѣти, ты сказала, что она сильно пахнетъ рыбой, поэтому я и захватилъ для тебя свою подушку. Теперь ты будешь сидѣть, какъ царица.

Она молча усѣлась, а Митсось сдѣлалъ нѣсколько взмаховъ веслами, чтобы стоять отъ стѣны, и потомъ поднялъ парусъ. Лодка быстро понеслась къ выходу изъ бухты.

— Что же, ты кончилъ свою работу?—спросила Зюлейма.

— Да. Теперь мы можемъ кататься по морю, сколько тебѣ угодно.

— Ну, такъ садись рядомъ со мной,—отвѣчала молодая дѣвушка.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ они хранили молчаніе. Она весело улыбалась, а онъ серьезно, пристально смотрѣлъ на нее. Наконецъ она вынула изъ кармана маленькій ящикъ и открыла его.

— Я принесла тебѣ сладкаго,—сказала она наконецъ:—это рыхать-лукумъ. Я не знаю, какъ его называютъ у васъ, въ Греціи. Ты любишь сладкое?

Она отломилла пальцами кусочекъ вязкой ароматной сладости и подала ему съ наивной улыбкой ребенка, угощающаго своего товарища.

— Что же, тебѣ нравится?—спросила она,—Абдуль далъ мнѣ этотъ ящикъ вчера вечеромъ, по я, признаюсь, испугалась его любезности. Я вѣдь тебѣ говорила, что я не принадлежу къ гарему.

Митсось покраснѣлъ. Ему была не выносима мысль, что старый турокъ могъ дѣлать подарки Зюлеймѣ.

— Что это ты молчишь, Митсось?—продолжала молодая дѣвушка,—разскажи мнѣ, что ты дѣлалъ все это время. Я же ничего не дѣлала, ничего, ничего. Право, мнѣ никогда не было такъ скучно.

Юноша быстро взглянулъ на нее.

— А теперь тебѣ не скучно?—спросилъ онъ,—ты любишь кататься со мной?

— Конечно,—отвѣчала она:—иначе я не выходила бы къ тебѣ. Я просто скучала по тебѣ, что очень странно, такъ какъ прежде я никогда ни о комъ не скучала. Я никого не люблю въ домѣ, а нѣкоторыхъ ненавижу.

— Обѣщай мнѣ, что никогда не будешь ненавидѣть меня,—произнесъ Митсось, взявъ ее за руку.

— Это трудно обѣщать,—отвѣчала она со смѣхомъ,—«никогда» величайшее изъ словъ, оно больше, чѣмъ всегда, но врядъ ли я когда буду тебя ненавидѣть. Ты мнѣ понравился сразу, даже прежде, чѣмъ я тебя увидѣла, а именно когда я слышала только твой голосъ въ темнотѣ. Но пѣть подъ нашей стѣной было очень неосторожно, такъ какъ, еслибъ объ этомъ узналъ Абдулъ, то онъ незадумавшись приказалъ бы застрѣлить тебя. Вотъ еслибъ я была не я и сказала бы ему о твоёмъ пѣніи, такъ тебѣ бы болѣе не пѣть.

— Но ты этого не сдѣлала, потому что ты—ты,—отвѣчалъ Митсось,—да и еслибъ ты была не ты, я не пѣлъ бы.

— Ты говоришь пустяки. Но вотъ Зулейка.

— Кто это Зулейка?

— Это женщина, которая караулитъ, чтобъ никто не замѣтилъ нашихъ свиданій. Она старая, хотя помоложе Абдула, и ждетъ уплаты съ твоей стороны. Ты знаешь, она поставила условіемъ, чтобъ ты поцѣловалъ ее за каждое наше свиданіе. Она уже считаетъ, что мы видались съ тобой четыре раза, хотя по-моему теперь только третій. Когда же ты расквитаешься съ ней?

Митсось вскочилъ.

— Что мнѣ Зулейка!—воскликнулъ онъ гнѣвно.

Молодая дѣвушка пристально посмотрѣла на него.

— Зачѣмъ ты сердиться, Митсось?—сказала она.—Нечего сердиться. Зулейка говоритъ, что ты красивѣе всѣхъ людей, такъ зачѣмъ же ты выходишь изъ себя?

— Бросимъ Зулейку,—отвѣчалъ юноша:—говори мнѣ лучше о себѣ. Я такъ люблю слушать твой голосъ. И дай мнѣ свою руку. Я никогда не видалъ такой бѣлой и гладкой руки.

Зюлейма разсмѣялась.

— Пустяки. Да не сжимай мнѣ такъ руки, больно. Что же мнѣ говорить о себѣ? Право, не знаю. Ничего со мной не случилось за это время. Зулейка...

— Не говори о ней.

— Да я и не хочу говорить о ней. Но смотри, Митсось, какъ мы далеко въ морѣ. Навпليا осталась за нами. Вернемся.

— Нѣтъ, еще рано.

— Пора, пора. Понадобится добрый часъ на возвращеніе. Пожалуйста, Митсось, поѣдемъ назадъ.

Юноша ничего не отвѣтилъ, а послѣ минутнаго молчанія произнесъ шепотомъ:

— Скажи, что не хочешь вернуться.

— Конечно, не хочу. Я желала бы вѣчно быть такъ съ тобой, съ тобой однимъ.

Митсось вскочилъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—теперь мы вернемся.

Онъ повернулъ парусъ, и когда лодка быстро понеслась назадъ, то Митсось попрежнему сѣлъ рядомъ съ Зюлеймой.

— Теперь пойдетъ хорошая погода,—сказалъ онъ:—и ты будешь выходить ко мнѣ? Ты вѣдь сказала, что тебѣ нравятся эти прогулки.

— Да, онѣ мнѣ очень нравятся, но намъ не надо слишкомъ ихъ учащать,—отвѣчала молодая дѣвушка, прижимаясь къ нему:—но ты можешь ежедневно приближаться къ стѣнѣ, и я скажу тебѣ, можно ли намъ покататься. А въ будущій разъ, Митсось, захвати свои орудія рыбной ловли. Я хочу посмотрѣть, какъ ты ловишь рыбу.

— Къ чорту рыбу! Я предпочитаю разговаривать съ тобою.

— Какъ смѣшно! А мнѣ бы лучше хотѣлось смотрѣть, какъ ты ловишь рыбу; впрочемъ это не мѣшало бы намъ разговаривать. И ты позволишь мнѣ помогать?

— Ты бы не совладала съ полной сѣтью,—сказалъ онъ, снова взявъ ея руку:—ты не знаешь, какъ это тяжело.

— А сколько рыбъ въ полной сѣти?

— По пятидесяти на каждый твой палецъ, да еще сотня на прибавку,—сказалъ со смѣхомъ Митсось:—я разъ порѣзалъ себѣ палецъ до кости веревкой отъ сѣти.

Онъ поднялъ свою загорѣлую большую руку, и Зюлейма провела своимъ маленькимъ пальчикомъ по шраму на указательномъ пальцѣ.

— Какъ ужасно!—воскликнула она:—много пло крови?

— Поль-ведра.

Въ это время вѣтеръ посвѣжѣлъ, и Зюлейма, завернувшись въ свой бурнусъ, еще крѣпче прежняго прижалась къ Митсосу.

— Тебѣ холодно?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, если ты будешь сидѣть смирно. Хочешь еще кусочекъ рахатъ-лукума?

— Да, только положи мнѣ сама въ ротъ.

Спустя десять минутъ, они пристали къ бѣлой стѣнѣ, и поставивъ уже одну ногу на веревочную лѣстницу, Зюлейма наклонила голову и быстро поцѣловала въ лобъ юношу.

— Доброй ночи, милый Митсось,—прошептала она и, вся вспыхнувъ, прибавила:—не цѣлуй Зулейки: она гадкая старуха.

И, не дожидаясь его отвѣта, она взобралась по лѣстницѣ и исчезла въ темнотѣ.

Долго Митсось сидѣлъ неподвижно въ лодкѣ; кровь прилила къ его вискамъ. Онъ чувствовалъ, что пересталъ быть ребенкомъ, и что неожиданно въ немъ проснулся человѣкъ, съ пламенными страстями. Наконецъ онъ очнулся и съ улыбкой счастья на лицѣ отправился домой.

Но Зюлеймѣ эта прогулка обошлась недешево. Въ саду ее поймалъ евнухъ, и хотя она объяснила свой выходъ въ садъ ночью головою болью, и Зулейка не проболталась, а Митсосу никто не видалъ, ей все-таки досталось порядочная встреча, и она рѣшила болѣе не имѣть хоть на время головныхъ болей. Такимъ образомъ въ продолженіе двухъ недѣль она не выходила на террасу. Но, благодаря счастливой звѣздѣ влюбленныхъ, старый евнухъ напился пьянъ, и Абдуль его немедленно прогналъ. Зюлейма стала старательно присматриваться къ привычкамъ его преемника и съ удовольствіемъ замѣтила, что онъ рано ложился и спалъ крѣпко. Поэтому она рѣшила возобновить прогулки въ лодкѣ и снова вышла на террасу 1 января 1821 г.

Но она такъ же, какъ Митсось, за это время совершенно пережѣнилась; со времени послѣдней прогулки и поцѣлуя она сознавала, что ощущаетъ къ юношѣ какое-то особое чувство, и понимала, что онъ чувствуетъ относительно ея то же.

Выйдя на террасу за полчаса до условленнаго времени, она съ нетерпѣніемъ ждала его и даже заплакала при мысли, что онъ можетъ не явиться. Нѣтъ, онъ долженъ былъ прійти; она не могла жить безъ него. Что значило ему двѣ недѣли являться безуспѣшно; вѣдь онъ долженъ былъ понять, что она не выходила, потому что не могла. Наконецъ въ темнотѣ показался бѣлый парусъ, и лодка пристала къ стѣнѣ.

— Это ты, Митсось?—произнесла она шепотомъ, и въ ту же минуту онъ бросилъ на террасу веревку, а затѣмъ и самъ стоялъ рядомъ съ ней.

Они молча опустились въ лодку, но какъ только она сѣла на заднюю скамью, онъ подошелъ къ ней и сказалъ тихо:

— Ты, Зюлейма, поцѣловала меня въ прошедшій разъ; могу я теперь отдать тебѣ этотъ поцѣлуй?

— Да,—отвѣчала она, и сердце ее переполнилось радостью.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ее также въ лобъ, но они уже не были болѣе дѣти, и ихъ уста встрѣтились въ первомъ поцѣлуѣ влюбленныхъ.

На этотъ разъ лодка понеслась не къ морю, а къ тому мѣсту бухты, гдѣ Митсось когда-то ловилъ рыбу съ Николаемъ. Онъ захватилъ съ собою сѣть, острогу и факелы. Спустя полчаса, они при-

стали къ берегу, и Митсось, взявъ на руки Зюлейму, снесъ ее на песокъ и, устроивъ ей изъ тростника уютное гнѣздышко, самъ пошелъ въ воду и сталъ ловить рыбу.

Она слѣдила съ любопытствомъ за всѣми его движеніями, его красивой фигурой рельефа, освѣщенной мерцающимъ огнемъ факела. Уловъ былъ счастливый, и молодая дѣвушка весело смѣялась каждый разъ, какъ онъ ей показывалъ большую рыбу. Вскорѣ она такъ увлеклась новымъ для нея зрѣлищемъ, что покинула свое гнѣздо и стала быстро шагать назадъ и впередъ по песчаному берегу, не спуская съ глазъ Митсоса.

Наконецъ онъ присоединился къ ней съ большимъ количествомъ рыбы, и она стала съ любопытствомъ разсматривать добычу. Потому она вынула изъ кармана турецкій табакъ, набила его трубку и зажгла ее. Этотъ табакъ она принесла изъ гарема, гдѣ всѣ женщины курили, кромѣ нея.

Ночь была самая благопріятная для влюбленныхъ; легко дышалось свѣжимъ, майскимъ воздухомъ, луна скрылась за горами, и только звѣзды блестяли, какъ козы на безоблачномъ небѣ. Факель, воткнутый въ песокъ, медленно догоралъ. Влюбленные сидѣли обнявшись, и горячій, пламенный поцѣлуй не покидалъ ихъ жадныхъ устъ.

Сколько прошло времени въ этомъ небесномъ блаженствѣ, они сами не знали, но неожиданно Митсось услышалъ на берегу за высокимъ тростникомъ тяжелые шаги мула. Сердце у него ёкнуло, и онъ сталъ прислушиваться съ какимъ-то инстинктивнымъ страхомъ. Черезъ нѣсколько минутъ на дорогѣ показалась фигура всадника. Прямо противъ Митсоса, спрятаннаго въ тростникахъ, онъ остановился, высѣкъ кремнемъ огонь, закурилъ трубку и поѣхалъ далѣе.

Митсось узналъ въ путникѣ Николая. Лицо его поблѣднѣло, и зрачки расширились, словно онъ увидалъ призракъ.

— Кто это? — спросила тихо Зюлейма, нѣжно взявъ его въ руку: — онъ не видалъ насъ.

— Это мой дядя, — глухо отвѣчалъ Митсось. — Конечно, онъ насъ не видалъ. Но я боюсь, что онъ пріѣхалъ за мною.

— За тобой? Что это значитъ?

— Мнѣ надо уѣхать. Но, пресвятая Богородица, я не могу покинуть тебя. Я не знаю, что онъ намѣренъ дѣлать, но онъ увезетъ меня, и, можетъ быть, мы никогда болѣе не увидимся. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, я не могу.

— Не говори такъ, Митсось, ты терзаешь мое сердце! — воскликнула испуганная Зюлейма, заливаясь слезами.

— Прости меня, красавица, — отвѣчалъ онъ нѣжно, стараясь успокоить ее. — Все устроится, и я вернусь, да, я непременно вернусь.

Но я далъ слово помочь ему въ его дѣлѣ и долженъ сдержать свое обѣщаніе.

— А развѣ ты не можешь сказать мнѣ, что это за дѣло?

— Не могу. Одно могу тебѣ сказать, но ты дай слово никому не проболтаться. Говорятъ, что греки вскорѣ возстанутъ и выгонятъ турокъ. Такъ какъ ты ненавидишь турокъ не менѣе моего, то ты будешь рада, если это осуществится. Можетъ быть, нападутъ и на домъ Абдула, но ты не бойся. Твоя жизнь въ безопасности, если ты заявишь, что ты гречанка. Моли Бога и Пресвятую Дѣву, Зюлейма, чтобъ это случилось поскорѣе; тогда мы будемъ принадлежать всецѣло другъ другу.

— Такъ вотъ для чего ты уѣзжаешь?

— Нѣтъ, цѣль моего отъѣзда совсѣмъ иная,—произнесъ Митсоъ, помня данное имъ обѣщаніе Николаю.—Прости меня, Зюлейма, что я такъ перепугалъ тебя. Это все пустяки—выходи на террасу, какъ можно чаще. Если я и уѣду, то не надолго, и какъ только вернусь, то сейчасъ явлюсь подъ твою террасу.

Зюлейма успокоилась, взяла обѣими руками его голову, опустила ее и покрыла поцѣлуями.

— Я буду выходить на террасу, когда только могу, потому что ты мнѣ дороже всѣхъ на свѣтѣ. Ну, теперь носи меня на лодку, мой силачъ. Пора домой.

Митсоъ поднималъ ее на руки, и она нѣжно обвила его руками. Но онъ не чувствовалъ прежняго блаженства: мысль о разлукѣ съ нею сокрушала его сердце. Къ чему онъ непременно долженъ былъ жертвовать собою и своимъ счастьемъ родинѣ, когда у нея было столько другихъ и лучшихъ слугъ? Что ему была слава и почести, когда онъ долженъ былъ купить ихъ цѣною любви?

Обуреваемый подобными мыслями, онъ достигъ лодки, посадилъ на скамейку миловидную дѣвушку и отвезъ ее домой. Но пока онъ тревожился, она спокойно полулежала въ лодкѣ, припавъ головой на его грудь, и, совершенно успокоенная, смотрѣла ему прямо въ глаза.

Выйдя изъ лодки, она молча обняла его, и ихъ губы еще разъ слились въ долгомъ поцѣлуѣ. Потомъ она побѣжала къ дому, а онъ вернулся къ отцу.

Несмотря на поздній часъ, Константинъ съ Николаемъ сидѣли и о чемъ-то говорили съ жаромъ.

— А вотъ и ты, Митсоъ, — воскликнулъ Николай при видѣ юноши,—насталъ часъ. Тебѣ надо отправиться сейчасъ.

Митсоъ молча посмотрѣлъ на дядю и твердо сказалъ:

— Я готовъ. Куда надо отправиться?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Съ августа мѣсяца Николай исколесилъ Целопонезъ, и вездѣ его принимали съ распростертыми объятіями, какъ одного изъ всѣми признаваемыхъ вожаковъ народнаго движенія. Турки, давно уже подозрѣвавшіе его и знавшіе, что готовится возстаніе, по своей фаталистической безпечности ничего не предпринимали противъ того и другого, а надѣялись, что слухъ о его смерти охладить революціонный пылъ, овладѣвшій страной. Но греки, по вѣрному замѣчанію Германа, знали, что «Николай былъ не изъ тѣхъ людей, которые умираютъ, и хитрость турокъ, помогавшихъ распространять вѣсть объ его смерти, обратилась только противъ нихъ самихъ. Она давала ему возможность болѣе свободнаго передвиженія, и въ октябрѣ, находясь снова въ Коринѣ, онъ самъ вырѣзалъ небольшой деревянный крестъ съ своимъ именемъ и надписью: «Трубный гласъ раздастся, и мертвые возстанутъ»; въ сумеркахъ онъ пошелъ на греческое кладбище и водрузилъ этотъ знаменательный памятникъ на свѣжую могилу. Когда объ этомъ узнали, то греки смѣялись, но турки не поняли всей ироніи этой шутки. Впрочемъ, они не смѣли нарушить покой греческаго кладбища, такъ какъ мертвецы пользовались ихъ уваженіемъ, тогда какъ живыхъ они не ставили ни въ грошъ, и потому около года простоялъ этотъ странный крестъ надъ могилой живого человѣка.

Декабрь и половина января были проведены Николаемъ среди своихъ родственниковъ къ югу изъ Спарты, и оттуда онъ ѣхалъ въ Навплию, узнавъ, что его присутствіе въ Майнѣ стало извѣстно туркамъ, и что губернаторъ Триполи, Магометъ-Саликъ, потребовалъ отъ греческаго бея этого округа Петроса Мавромихили, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Петровія, выдачи Николая по старому обвиненію его въ разбойничествѣ. Петровій такъ же, какъ Германъ, имѣлъ высокое положеніе, и турки, повидимому, не подозрѣвали, что они стояли во главѣ народнаго движенія.

Конечно, получивъ такую бумагу, онъ сталъ совѣтоваться съ Николаемъ, что дѣлать. Николай полагалъ, что ему слѣдовало официально увѣдомить Магомета-Салика о смерти Николая и погребеніи его на коринѣскомъ кладбищѣ, гдѣ возвышается крестъ надъ его могилой. Но Петровій держался другаго мнѣнія. По его словамъ, онъ могъ приносить большую пользу дѣлу возстанія, пока турки не подозрѣваютъ его участія въ движеніи, и считалъ, что всего лучше было Николаю удалиться куда нибудь, гдѣ его не стануть

искать, а онъ, Петровій, начнетъ официально его разыскивать, чтобъ доказать свою преданность турецкому правительству. Вѣдь у Николая былъ зять въ Навплии, и трудно было придумать лучшаго убѣжища, такъ какъ вообще люди, а турки въ особенности, никогда не производятъ розыска у себя подъ носомъ. Но имъ необходимо было лице, на которое можно было бы вполне положиться для поддержанія между ними постоянныхъ сношеній. Николай говорилъ не разъ о своемъ племянникѣ, жившемъ въ Навплии, и Петровій совѣтовалъ ему тотчасъ отправиться въ Навплию, а въ Майну прислать своего племянника, который могъ быть тамъ очень полезенъ.

Николай согласился, и немедленно Петровій написалъ Магомету-Салику очень любезное письмо, въ которомъ заявляя, что его домъ все равно, что домъ Магомета-Салика, и что онъ считаетъ за честь исполнять его приказанія, онъ сообщилъ о слухахъ насчетъ пребыванія Николая недавно въ Майнѣ. Однако, прибавилъ онъ, такъ какъ съ другой стороны говорили, что Николай похороненъ надняхъ въ Коринѣ, то, можетъ быть, эти слухи ложны; во всякомъ случаѣ онъ послалъ двадцать развѣдчиковъ во всѣ стороны, которые, конечно, поймаютъ эту адскую собаку, если онъ живъ, и доставятъ въ Триполи.

Петровій былъ главой многочисленнаго и могущественнаго рода Мавромихали, который составлялъ ядро народнаго возстанія. Хотя истый грекъ, онъ былъ губернаторомъ округа Майны и получилъ это назначеніе отъ султана по той причинѣ, что родъ Мавромихали не дозволилъ послѣднимъ тремъ губернаторамъ изъ турокъ просуществовать болѣе мѣсяца. Его братья, родные и двоюродные, были головами и землевладѣльцами окрестныхъ сельскихъ общинъ; подобно семьѣ Николая, ихъ кровь не была запятана никакой смѣсью съ турецкой, и такъ какъ Николай былъ имъ родственникъ, то они принимали горячее участіе въ его несчастьѣ и жаждѣ мести. Поэтому, когда онъ вызвалъ своего зятя Димитрія и сказалъ ему при пяти посланныхъ, принесшихъ письмо Магомета-Салика, что ихъ проклятый родственникъ Николай Видались разыскивается турками, то Димитрій не вѣрилъ своимъ ушамъ, а посланные были пріятно поражены. Спустя часъ, они еще съ большимъ удовольствіемъ увидѣли, какъ двадцать конныхъ развѣдчиковъ поскакали на югъ съ приказаніемъ во что бы то ни стало розыскать Николая. Въ тотъ же вечеръ они сами отправились обратно въ Триполи съ отвѣтомъ Петровія, который на прощанье напоилъ ихъ.

Послѣ ихъ отъѣзда они съ Николаемъ поужинали. Рѣшено было, что въ эту ночь онъ покинетъ Паницу, чтобъ достигнуть на слѣдующее утро Гинтіи.

— Я сожалѣю, другъ,—сказалъ Петровій:—что я не могу самъ тебя проводить или послать съ тобою одного изъ нашихъ родственниковъ, но это было бы неблагоуразумно.

— Мнѣ никого не надо, — отвѣчалъ Николай: — въ два или три дня я достигну Навплии и тотчасъ пришлю тебѣ Митсосу. Ты можешь исполнѣ положитьсь на него. Я тебѣ, кажется, говорилъ о выдержанномъ имъ искусствѣ.

— Да. Онъ будетъ намъ очень полезенъ, потому что пора пускать въ ходъ мельницы, а такой юноша можетъ свободно ходить по всей странѣ, не возбуждая подозрѣній. Ну, дорогой родственникъ, я нарушу свои обычаи и выпью за твое здоровье и скорѣйшее осуществленіе твоей мести.

Они чокнулись, опорожнили стаканы и снова наполнили ихъ виномъ.

— Я не забываю обиды, и турки меня не забудутъ, — сказалъ Николай: — зерно уже колосится, и жатва будетъ богатая. Твое здоровье, родичъ, и въ память той, которую мы оба не забываемъ.

Водворилось молчаніе, такъ какъ Петровій зналъ, что Николай говорилъ о своей женѣ.

Когда они выпили кофе, то лошадь Николая привели къ двери. Онъ дошелъ съ Петровіемъ до конца селенія, и тамъ они простились.

— Я, вѣроятно, не увижу тебя до славнаго пира, — сказалъ Николай: — тогда мы насытимся вдоволь. Прощай, родичъ.

Они поцѣловались, и Николай уѣхалъ.

Спустя недѣлю, прибылъ въ Паницу Митсось, благополучно проѣхавшій черезъ Триполи и Спарту. Слѣдуя указаніямъ Николая, онъ остановился въ Триполи въ греческой гостиницѣ и весь превратился въ слухъ, благодаря чему узналъ кое-что. Случайно онъ встрѣтился съ однимъ изъ турецкихъ посланныхъ къ Петровію, и тотъ разсказалъ, что Магометъ-Саликъ остался очень доволенъ письмомъ Петровія и оставилъ въ его рукахъ, какъ надежнаго человѣка, все дѣло Николая. Кромѣ того, до его слуха дошло, что собраніе примасовъ и епископовъ, обыкновенно созываемое въ апрѣлѣ, состоится въ мартѣ, а также что городскія стѣны послѣшно укрѣпляются.

Вторую ночь юноша провелъ въ Спартѣ, третью въ Марафинизи, береговомъ городѣ, а около полудня четвертаго дня онъ приблизился къ Паницѣ. Лошадь его устала отъ долгаго пути, и юноша, соскочивъ, повелъ ее подъ уздцы вверхъ въ гору, на которой гнѣздилося селенье.

Въ это время Петровій сидѣлъ передъ кофейней при вѣздѣ въ Паницу и, увидавъ красиваго юношу, пристально посмотрѣлъ на него.

— Это онъ, — произнесъ Петровій, обращаясь къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ молодому человѣку: — Николай не ошибся въ своемъ выборѣ.

И они послѣдовали за Митсосомъ, который, увидавъ ихъ, остановился.

— Гдѣ живетъ Петросъ Мавромихали? — спросилъ онъ.

— А къ чему онъ тебѣ? — отвѣчалъ Петровій.

Митсось взглянулъ холодно на незнакомаго ему человѣка и пожалъ плечами.

— Вотъ видишь, другъ,—произнесъ онъ:—у меня свое дѣло, а у тебя свое дѣло. Если ты мнѣ скажешь, гдѣ живетъ Петросъ Мавромихали, то хорошо, если же нѣтъ, то я спрошу объ этомъ у когонибудь другаго.

Петровій разсмѣялся.

— Ты, конечно, Митсось,—сказалъ онъ:—привѣтствую тебя радостно, дорогой родственникъ, ради Николая и тебя самого.

— Мнѣ очень жаль, что я поступилъ съ тобой грубо, но вѣдь я не могъ догадаться, кто ты!—воскликнулъ юноша.—И прибылъ изъ Навплии. Дядя Николай прибылъ къ намъ благополучно.

— Это хорошо и хорошо, что ты также прибылъ сюда здоровымъ и невредимымъ. Это мой сынъ Яни и твой родичъ. Яни, возьми его лошадь.

— Благодарю,—отвѣчалъ Митсось, нерѣшительно смотря на Яни:—но я самъ отведу лошадь на кошюшню, только укажите мнѣ, гдѣ она. Отецъ велѣлъ мнѣ никогда не довѣрять никому своей лошади. Въ Триполи смѣялись надо мной за это.

— Неужели? Я никогда не смѣялся бы надъ тобой,—замѣтилъ Петровій:—что же ты сдѣлалъ съ насмѣшниками въ Триполи?

— Я одного повалилъ на землю, а другіе болѣе не смѣялись.

— Не бойся, отдай лошадь Яни, дитя мое.

Митсось повиновался, и они вошли въ домъ, гдѣ былъ уже накрытъ столъ; у Петровія обѣдъ былъ важнымъ дѣламъ, и оставивъ обоихъ юношей на верандѣ, онъ пошелъ на кухню посмотреть, чтобъ поваръ не испортилъ поросенка.

— Надо всегда заглянуть самому, — объяснилъ онъ возвращаясь:—можешь себѣ представить, въ прошлый разъ этотъ дуракъ поваръ начинилъ поросенка чеснокомъ,—какой ужасъ!

Яни засмѣялся, а Петровій прибавилъ:

— Да, и мой сыночекъ хорошъ: онъ не отличить куропатку отъ глухаря и закуриваетъ, не допивъ вина. Ну, ребята, за столъ. Мы потомъ наговоримся. Ну, глупая саранча, подавай,—закричалъ онъ, открывая дверь въ кухню.

За обѣдомъ Петровій очень мало говорилъ, придерживаясь правила, что рѣчь портитъ трапезу. Онъ ѣлъ тихо, смакуя каждый кусокъ, а когда подали жаренаго поросенка, то онъ принялъ серьезный, озабоченный видъ, какъ бы опасаясь, что кожа не будетъ достаточно хрустѣть.

— Ничего,—сказалъ онъ, прожевавъ:—кожа хорошо хруститъ, хотя могла бы и больше.

Митсось обнаружилъ необыкновенный апетитъ и этимъ снискалъ одобреніе Яни.

-- Ты хорошій человѣкъ, потому что хорошо ѣшь,—сказалъ онъ.

Послѣ обѣда они вгрозѣ усѣлись на верандѣ.

— Твой дядя Николай,—произнесъ Петровій:—сказаль, что я могу слѣпо довѣриться тебѣ, и я имѣю тебѣ сообщить много такого, которое если ты передашь туркамъ, будетъ стоить жизни мнѣ и многимъ другимъ.

— И мнѣ между прочимъ, не забывай этого,—прибавилъ Яни, растянувшійся на соломенномъ матѣ.

Но Митсось ничего не отвѣтилъ, а только пристально посмотрѣлъ на Петровія, который продолжалъ:

— Недолго терпѣть намъ дьяволовъ турокъ; они исчезнутъ, какъ снѣгъ весною. Тебѣ и Яни придется ходить по селеніямъ и сообщать нѣчто извѣстнымъ личностямъ. Первое ваше странствіе, которое начнется завтра, займетъ двѣ недѣли, и вамъ придется плохо ѣсть, да, быть можетъ, вамъ все равно. Покончивъ дѣло, вы вернитесь. Помни, Митсось, что вы вдвоемъ должны сдѣлать то, на что неспособенъ ни одинъ изъ насъ, такъ какъ два мальчика съ мулами съ грузомъ апельсиновъ могутъ проникнуть всюду. На первый разъ Яни будетъ тебя сопровождать, потому что онъ хорошо знаетъ мѣстность, но затѣмъ каждый изъ васъ получитъ особое порученіе. Вы войдете въ дома указанныхъ вамъ лицъ и спросите: «Вы мелете зерно?» Вамъ отвѣтятъ: «Зерна для голодныхъ или для турокъ?» Тогда вы скажите: «Черное зерно для турокъ; если вы еще не начинали, то начинайте и живо».

— Что это значитъ?—спросилъ Митсось.

Петровій улыбнулся, вынулъ изъ-за пояса пороховницу, высыпалъ немного пороху на руку и, подбросивъ его на воздухъ, сказалъ:

— Славное черное зерно для турокъ!

— Вотъ теперъ я понимаю,—со сверкающими глазами сказалъ Митсось.

— Для первой экспедиціи этого будетъ достаточно. Яни будетъ съ тобой, и тебѣ не представится никакихъ затрудненій. Потомъ тебѣ придется уже странствовать одному, между прочимъ ты посѣтишь Навплию, гдѣ найдешь Николая, а Яни отправится въ Триполи.

— Чортъ бы побралъ Триполи!—воскликнулъ Яни.

— А зачѣмъ ты пошлешь Яни въ Триполи?—спросилъ Митсось.

— Можетъ быть, дѣло обойдется безъ этого, но если онъ отправится въ Триполи, то будетъ тамъ заложникомъ за мою вѣрность. Турціи. Не таращи глазъ, Митсось, его не убьютъ, потому что я начну вести себя дурно только послѣ его возвращенія. А, право, я даже сожалѣю, что не могу быть на его мѣстѣ: у Магомета-Салика чудный поваръ! Во всякомъ случаѣ отъѣздъ Яни въ Триполи зависитъ отъ того, начнутъ ли меня подозрѣвать турки или нѣтъ: но смотри, Митсось, объ этомъ никому ни слова. Вообще не отвѣчай ни на какіе вопросы объ мнѣ или Николаѣ. Еще помни: испол-

нивъ свое порученіе, не оставайся ночевать въ деревнѣ, а спи днемъ въ лѣсахъ; путешествуй же по ночамъ, но въ селенія входи днемъ, какъ простой поселянинъ; наконецъ, будь всегда готовъ скрыться отъ сильнѣйшаго врага и вступить въ бой съ равнымъ себѣ. Ты, я думаю, предпочелъ бы сражаться со всѣми, но это не благоразумно. Вообще, прежде старайся скрыться отъ всякаго врага и уже въ крайности вступай въ бой. Гораздо полезнѣе для дѣла, если твои экспедиціи обойдутся мирно.

— А я предпочелъ бы хорошую драку, — сказалъ съ улыбкой Митсось.

— Я въ этомъ увѣренъ, — замѣтилъ Яни: — но я не понимаю, отецъ, зачѣмъ ты говоришь о дракѣ и о бѣгствѣ? Вѣдь ты насъ посылаешь къ друзьямъ, и намъ придется только передать имъ твое порученіе, а потомъ продолжать путь.

— Дай Богъ, чтобы все обошлось мирно, — отвѣчалъ Петровій: — но вѣдь тѣ, кого мы считаемъ друзьями, могутъ оказаться предателями. Однако довольно. Мнѣ надо пойти къ Димитрію, а ты, Яни, познакомь Митсосу съ другими его родичами. Вечеромъ мы еще поговоримъ.

Оставшись наединѣ, молодые люди быстро подружились. Яни былъ красивый, хорошо сложенный грекъ, выше средняго роста. Всѣ его движенія поражали быстротой и ловкостью, а веселая добродушная улыбка играла на его лицѣ.

— Я очень радъ, что мы отправимся вмѣстѣ съ тобой, — сказалъ Митсось, пока Яни набивалъ трубки себѣ и гостю.

— И я также. Работать или охотиться вдвоемъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ одному; неприятности кажутся вдвое меньше, а удовольствія вдвое больше. Попробуй этотъ табакъ. Онъ турецкій и гораздо лучше нашего. Отецъ не курить, и когда турки присылаютъ ему въ подарокъ таканъ, то онъ достается мнѣ. Ты никогда не куришь турецкаго табаку?

— Курилъ надняхъ, — отвѣчалъ Митсось, покраснѣвъ при воспоминаніи о томъ, отъ кого онъ получилъ этотъ табакъ: — и онъ мнѣ очень понравился. Но расскажи мнѣ поподробнѣе о нашей предстоящей экспедиціи.

— Мы одѣнемся бѣдными поселянами и поѣдемъ на старыхъ мулахъ, но отецъ дастъ по двухствольному пистолету, а муловъ нагрузить апельсинами. Поѣдемъ на другую сторону дома; оттуда видна мѣстность, по которой мы поѣдемъ въ первый день пути.

Паница ютилась на откосахъ Тайгета, на вершинахъ котораго виднѣлись обнаженные утесы. Въ шестнадцати миляхъ къ сѣверу возвышалась наибольшая изъ нихъ, гора Илиасъ, покрытая снѣгомъ. Изъ Паницы тропинка извивалась на протяженіи пяти или шести миль, по краю откоса, до селенія Каливіи, гдѣ, по словамъ Яни, они должны были сдѣлать первый привалъ. Затѣмъ

тропинка пересѣкала ущелье и опускалась съ другой стороны къ морю. Цѣлый день имъ понадобится для достиженія Плацы, гдѣ они ночуютъ.

— Ты увидишь, Митсось, какая это будетъ славная прогулка!— воскликнулъ Яни послѣ всѣхъ этихъ объясненій.

Но Митсось невольно вспомнилъ о Навплии и вздохнулъ, хотя Петровій и обѣщалъ ему, что онъ вскорѣ вернется туда.

Вообще онъ былъ очень доволенъ, что будетъ продолжать путь не одинъ, а съ юношей, одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, такъ что не будетъ возможности всецѣло предаваться грустнымъ мыслямъ о покинутой красавицѣ. Эти мысли въ первые дни, когда онъ ѣхалъ одинъ, такъ угнетали его, что онъ не разъ приходилъ въ отчаяніе и даже хотѣлъ вернуться назадъ. Только мысль, что онъ не только влюбленный юноша, но и преданный сынъ родины, останавливала его. Теперь же, собираясь въ дальнѣйшій путь, съ пріятнымъ товарищемъ, онъ уже не такъ мрачно смотрѣлъ на жизнь. Дѣйствительно, когда на слѣдующее утро Митсось и Яни выѣхали изъ Паницы, то первый съ легкимъ сердцемъ и искренней веселостью насвистывалъ пѣснь винодѣловъ.

II.

Утро было свѣжее, ясное. Ночью былъ маленькій морозецъ, и дышалось полной грудью. Митсось и Яни, въ грубой крестьянской одеждѣ, медленно шли за тяжело переступавшими мулами, съ грузомъ апельсиновъ. Поэтому имъ понадобилось три часа, чтобы достигнуть перваго селенія, въ которомъ имъ надлежало передать порученіе Петровія. Яни уже бывалъ тутъ не разъ и прямо направился къ дому, сосѣднему съ водяной мельницей.

Они постучали въ запертыя ворота, и сначала откликнулся только ярый лай собаки, но потомъ на балконѣ, выходившемъ на улицу, показалась женщина и спросила, что имъ надо.

— Мы пришли къ Георгію Грегори, — отвѣчалъ Яни: — но неужели ты меня не узнаешь?

Женщина бросила какой-то деревяшкой въ собаку, которая завывала, и затѣмъ перестала лаять.

— Ты—Яни Мавромихали?—спросила женщина.

— Конечно.

Она на минуту исчезла въ домъ, а потомъ ея шаги послышались на дворѣ, и она отворила ворота. Собака съ прежнимъ неистовымъ лаемъ бросилась на Митсосу, но онъ замахнулся кнутомъ, и собака тотчасъ спряталась.

— Войди, Яни, — сказала женщина: — зачѣмъ ты пришелъ?

— Съ порученіемъ отъ Петровія къ твоему мужу.

— А это что за великанъ?—спросила жена Грегори, указывая на Митсосу.—Ты ведешь его показывать на ярмарку?

Яни засмѣялся.

— Нѣтъ, это мой родичъ. Но мы торопимся. Скажи намъ, гдѣ найти Георгія.

— Онъ на мельницѣ. Но оттуда вернитесь сюда и выпейте стаканъ вина.

Горный ручей, который приводилъ въ движеніе колесо мельницы, протекалъ въ узкомъ каменистомъ руслѣ, а въ мельницу вода проходила черезъ деревянный желобъ. Митсось и Яни подошли къ двери мельницы, но она была заперта и отворилась только послѣ того, какъ Яни громко назвалъ себя по имени.

— Что тебѣ надо, Яни Мавромихали?—спросилъ чей-то голосъ.

— Спросить у тебя, мелешь ли ты зерно.

— Зерно для голодныхъ или для турокъ?

— Черное зерно для турокъ.

Дверь отворилась, и на порогѣ показался сѣдой старикъ, съ морщинистымъ лицомъ и подозрительно глядѣвшими изъ-подъ нависшихъ бровей глазами. Увидавъ Митсосу, онъ хотѣлъ захлопнуть дверь, но Яни ему помѣшалъ.

— Это кто?—спросилъ старикъ.

— Мой родичъ,—отвѣчалъ Яни:—онъ вмѣстѣ со мною присланъ Петровіемъ по дѣлу къ тебѣ о черномъ зернѣ. Не бойся, если насъ поймутъ, то мы все не избѣгнемъ висѣлицы.

Старикъ тотчасъ успокоился и любезно сказалъ, широко отворяя дверь:

— Входите оба.

Внутри мельницы стоялъ оглушительный шумъ, но Георгій остановилъ колесо, и жернова перестали стучать.

— Ты спросилъ, przygotowляю ли я черное зерно для турокъ,—сказалъ старикъ, пристально посмотрѣвъ въ глаза Яни:—я только это и дѣлаю съ утра до ночи. Я не военный человекъ, пусть дерутся такіе силачи, какъ твой родичъ, но вѣдь драка не можетъ обойтись безъ помощи такихъ людей, какъ я. Только ты, Яни, не болтай объ этомъ бабамъ, а то мнѣ не дадутъ покою. Вонъ посмотри,—прибавилъ онъ:—сколько я надѣлалъ хорошаго, черного зерна.

И онъ пустилъ снова въ ходъ жернова, изъ-подъ которыхъ сталъ сыпаться въ боченокъ черный порошокъ.—Это уголь,—объяснилъ онъ:—а вотъ сѣра и сидитра. Ночью я ихъ смѣшаю, и каждое зерно отправить на тотъ свѣтъ проклятаго турка!

Митсось и Яни поснѣшно простились съ нимъ и, выходя изъ мельницы, услышали, какъ щелкнулъ ключъ въ замкѣ двери.

Они продолжали свой путь отъ Каливіи въ гору, а потомъ, по западному ея склону, до равнины, разстилающейся по берегу Ка-

матской бухты. На закатѣ солнца они достигли Плацы и, чтобы поддержать свою роль торговцевъ апельсинами, остановились на рыночной площади и стали предлагать свой товаръ. Потомъ они остановились на ночь въ маленькой гостиницѣ, и на вопросы ея посѣтителей Митсось отвѣчалъ, что они везутъ изъ Спарты апельсины и возвращаются домой въ Цимолу, что было очень вѣроятно, и потому никто не выразилъ никакого сомнѣнія.

На слѣдующій день они двинулись вдоль берега, и къ полудню остановились въ Прастіонѣ, гдѣ имъ надо было исполнить второе порученіе Петровія. Имъ нетрудно было найти необходимаго человѣка, такъ какъ онъ былъ головою сельской общины. Яни остался съ мулами на дорогѣ, а Митсось пошелъ въ указанный имъ виноградникъ, гдѣ находился Заравенось, по указанію прохожихъ. Вскорѣ онъ нашелъ его за работою среди виноградныхъ лозъ и прямо спросилъ:

— Ты—Заравенось?

Хозяинъ виноградника молча кивнулъ головою и подозрительно посмотрѣлъ на пришельца.

— Ты мелешь зерно?

— Да,—отвѣчалъ онъ, боязливо озираясь по сторонамъ:—но о какомъ зернѣ говоришь ты: о зернѣ для голодныхъ или для турокъ?

— О зернѣ для турокъ.

— Слава тебѣ, Господи! Неужели настала часъ? Скажи мнѣ, кто тебя прислалъ. Николай? Я его хорошо знаю.

— Кто такой Николай?—отвѣчалъ Митсось, помня совѣты Петровія:—мнѣ поручено тебѣ сказать, что если ты не началъ молоть зерно, то начинай и поскорѣй. Вотъ и все.

— Ты, вѣроятно, Митсось?—произнесъ Заравенось, пристально смотря на юношу:—Николай говорилъ мнѣ, что пришлетъ тебя къ намъ. Будь со мной откровененъ; я тебя увѣрю, что Николай мой лучшій другъ, и я очень бы хотѣлъ знать, гдѣ онъ и все ли съ нимъ обстоитъ благополучно.

— Я не знаю, о комъ ты говоришь,—отвѣчалъ Митсось, качая головою, хотя ему очень хотѣлось успокоить добраго человѣка на счетъ безопасности Николая.

Въ продолженіе шести дней юные друзья странствовали, направляясь къ сѣверу то вдоль берега, то поднимаясь по склону Тайгета, гдѣ гнѣздились маленькія уединенныя селенія. Большою частью они шли по ночамъ, а около полудня входили въ селеніе, отыскивали необходимаго имъ человѣка, передавали ему порученіе Петровія и отправлялись далѣе. Почти всегда ихъ встрѣчали со сверкающими глазами и радостно отвѣчали на сообщенную вѣсть, но иногда, именно въ близости турокъ, имъ дѣлали сухой, даже холодный пріемъ, а одинъ старикъ, выслушавъ ихъ слова, покачалъ

головой и сказали, что онъ ничего не понимаетъ. Конечно, тутъ они вспомнили о совѣтѣ Петровія и удалились какъ можно скорѣе.

На седьмой день они дошли до Каламаты и провели тамъ два дня, потому что они не только должны были передать тамъ порученіе Петровія тремъ именитымъ грекамъ, но навести справки о силѣ гарнизона и о томъ, дѣйствительно ли, какъ носились слухи, городскія укрѣпленія были возобновлены. Оттуда они на лодкѣ добрались до порта Цимова, гдѣ начинался ихъ обратный путь въ Паницу чрезъ Майну.

Они уже были въ дорогѣ двѣнадцать дней, и Яни грустно разсчитывалъ, что имъ оставалось только четыре дня пріятнаго путешествія. Онъ никогда не проводилъ такихъ веселыхъ дней, какъ въ обществѣ Митсоса, къ которому онъ привязался всеѣмъ сердцемъ. Съ своей стороны Митсось отвѣчалъ ему взаимностью и даже разсказалъ новому другу исторію своей любви, что придало ему въ глазахъ Яни вполне геройское значеніе.

На тринадцатый день, послѣ полудня, они приближались къ селенію Нимфин, какъ неожиданно ихъ перегнали турецкій солдатъ верхомъ. Онъ спросилъ, что они за люди и куда отправились, а Яни, ненавидѣвшій турокъ, грубо отвѣчалъ:

— А тебѣ какое дѣло, свинья!

Солдатъ ничего не отвѣтилъ и быстро направился въ то же селеніе, куда держали путь молодые друзья. Достигнувъ его, онъ остановился у мельницы и постучался въ дверь.

— Кринасъ,—сказалъ онъ человѣку, отворившему дверь:—я обогналъ по дорогѣ мальчишку, котораго я видѣлъ вчера въ Котѣ, а два дня тому назадъ въ Акіи; ихъ двое. Можетъ быть, онъ везетъ къ тебѣ какую нибудь вѣсточку.

— Но если ихъ двое, то вѣдь и насъ только двое,—отвѣчалъ Кринасъ, не отличавшійся храбростью.

— Глупости, мы впустимъ только одного. Онъ мальчишка, и мы съ нимъ легко справимся. Къ тому же не время посылать въ селеніе, да и тамъ все греки изъ грековъ. Мальчикъ сейчасъ явится. Помни, не надо убивать его; пусть онъ прежде повѣдаетъ всю правду.

— Если онъ изъ рода Мавромихали, то мы отъ него ничего не добьемся.

— Увидимъ. Я встану за дверью и схвачу его, когда онъ войдетъ, а ты потомъ захлопни дверь, а второй останется на дорогѣ.

Юные друзья очень хорошо сдѣлали, что поспѣшно удалились изъ Пигадіи, отъ личности, къ которой ихъ послалъ Петровій. У турокъ были повсюду шпіоны, которымъ было поручено играть роль патриотовъ и доносить начальству объ всемъ, что они узнаютъ. На другой день послѣ отъѣзда Митсоса и Яни изъ Пигадіи отправился на югъ подобный шпіонъ. Въ Цимовѣ онъ спросилъ, были ли тамъ юноши, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, такъ какъ они

были въ Каламатѣ, донесъ обо всемъ мѣстному турецкому начальнику и продолжать свой путь. Въ Нимфіи онъ посѣтилъ Кринаса, который также былъ купленъ турками, и приказалъ ему добиться отъ таинственныхъ посѣтителей какъ можно больше свѣдѣній. Затѣмъ онъ отправился на лодкѣ въ Гитію, куда вовсе не собирались друзья.

Турецкій начальникъ въ Цимовѣ отличался обычнымъ мусульманскимъ нерадѣніемъ, и онъ ограничилъ свою дѣятельность тѣмъ, что заявилъ солдатамъ гарнизона о выдачѣ награды тому, кто представитъ обоихъ подозрительныхъ юношей или одного изъ нихъ. Одинъ изъ солдатъ рѣшился заработать обѣщанныя деньги и пустился на розыски. Вотъ онъ это перегналъ друзей по дорогѣ въ Нимфію и предупредилъ объ ихъ приходѣ Кринаса, который считался патриотомъ, но въ сущности былъ предателемъ и хотя приготавливалъ порохъ, но для турокъ.

Такимъ образомъ была подготовлена западня для Митсоса и Яни, которые, ничего не подозрѣвая, явились къ мельницѣ, но тутъ они увидали лошадь солдата, и Яни узналъ ее. Они тотчасъ поняли, что попали въ западню, но рѣшили не отступать, а смѣло вступить въ бой, такъ какъ они не подозрѣвали Кринаса въ измѣнѣ и видѣли врага только въ солдатѣ. Во всякомъ случаѣ имъ надо было исполнить свою обязанность и передать Кринасу порученіе Петровія.

Поэтому Яни подошелъ къ двери мельницы и постучалъ, а Митсось спрятался за уголъ дома.

— Кто тамъ?—откликнулся голосъ изнутри.

— Все равно. Ты мелешь зерно?

— Для голодныхъ или для турокъ?

— Для турокъ.

Дверь отворилась, и Яни вошелъ, но Кринасъ не успѣлъ ее захлопнуть, и Митсось ворвался въ мельницу.

Солдатъ и Кринасъ уже боролись съ Яни. Бросившись на нихъ, Митсось оттащилъ Кринаса, и они стали ломать друга друга. Митсось былъ выше и больше, но Кринасъ мускулистѣе. Наконецъ юноша услышалъ, что чьи-то кости хрустнули, очевидно, не у него, и въ ту же минуту правая рука Кринаса опустилась за поясъ. Онъ, конечно, хотѣлъ прибѣгнуть къ помощи ножа или пистолета. Митсось напрягъ всѣ свои силы, приподнялъ соперника и бросилъ его на полъ, но и самъ отъ силы удара грохнулся на него. Раздался ужасный стонъ, затѣмъ затихло. Голова Кринаса попала между жерновами, которые были въ движеніи и раздавили ее, какъ орѣхъ. Митсосу не было времени торжествовать побѣду. Онъ быстро вскочилъ и бросился къ Яни, котораго солдатъ повалилъ на полъ. Въ эту самую минуту онъ выхватилъ пистолетъ, но Митсось сдѣлалъ то же, и разомъ раздалось два выстрѣла. Солдатская пуля вонзилась въ стѣну, а греческая не дала маху. Турокъ упалъ навзничъ съ прострѣленной напролетъ головой.

Митсось поднялъ Яни, но онъ былъ безъ чувствъ, и волоса его были опалены. Юноша выбѣжалъ на дворъ, принесъ воды, при-мочилъ ему голову.

Вскорѣ Яни открылъ глаза и сталъ тупо смотрѣть вокругъ себя. Потомъ онъ улыбнулся и промолвилъ:

— Черти!

Онъ приподнялся и взглянулъ на трупъ турка.

— Я помню только,—продолжалъ Яни,—что упалъ и ударился о что-то головой. Ты хорошо сдѣлалъ, что убилъ его, а другой гдѣ?

Онъ съ трудомъ поднялся, и глаза его съ ужасомъ остановились на жерновахъ, откуда текла кровь.

— Онъ самъ туда упалъ,—произнесъ Митсось.— Пойдемъ отсюда; я поддержи тебя.

Они вышли во дворъ и стали со страхомъ осматриваться. Но никого не было видно.

— Яни,—сказалъ Митсось,—что намъ теперь дѣлать? Жаль, что съ нами нѣтъ дяди Николая. Кажется, никто не слышалъ выстрѣловъ, и намъ надо бѣжать. Но что намъ сдѣлать съ трупами?

— Черти!—промолвилъ Яни, который еще не могъ совершенно прійти въ себя.

— Они уже въ аду! О нихъ нечего думать. Но намъ-то что дѣлать?

— погоди, я придумалъ,—воскликнулъ Яни, сверкая глазами:— тамъ много пороха. Взорвемъ мельницу, тогда не будетъ на насъ подозрѣнія. Пойдемъ скорѣе.

Они вернулись на мельницу, остановили колесо, и Митсось вытащилъ изъ-подъ жернововъ обезглавленный трупъ, а Яни сталъ искать порохъ.

— Посмотри,—воскликнулъ онъ наконецъ,—вотъ цѣлый боченокъ. Я не разъ взрывалъ дома утесы, и знаю, какъ сдѣлать пороховую дорожку. Поди, Митсось, за мулами и отведи ихъ съ лошадей солдата въ сосѣдній лѣсъ, а я все устрою.

Дѣйствительно они вдвоемъ наложили оба трупа на боченокъ, въ которомъ Яни сдѣлалъ отверстіе, и пока Митсось пошелъ во дворъ, Яни насыпалъ пороховую дорожку отъ боченка по полу и подъ дверь. Когда все было готово, Митсось вернулся и сказалъ:

— Ну, теперь ты иди къ муламъ и лошади. Я скорѣе тебя бѣгаю, особенно теперь, и мнѣ лучше поджечь порохъ.

Онъ такъ и сдѣлалъ изъ-подъ затворенной двери и пустился бѣгомъ къ лѣсу, гдѣ Яни уже снялъ съ лошади солдата турецкое сѣдло и уздечку.

Спустя нѣсколько минутъ, раздавался страшный трескъ. Порохъ сдѣлалъ свое дѣло.

Митсось посадилъ Яни на лошадь, самъ сѣлъ на мула, взялъ поводъ другого, и они поскакали.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» въ прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1898 г.

	стр.
I Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). XXII—XXIV. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	753
II. Воспоминанія Константина Карловича Жерве. IX—X. (Продолженіе).	789
III. Воспоминанія изъ безпокойнаго времени на Литвѣ 1861—1863 гг. М. П. Межецкаго.	825
IV. Памирскій походъ. IX—XI. (Продолженіе). (Воспоминанія очевидца). В. Л. Тагъева.	859
V. Черты быта и нравовъ XVIII столѣтія. (По новымъ матеріаламъ). В. О. Михневича.	889
VI. Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ и селѣ Спасскомъ. (Посвящается Маріи Гавриловнѣ Савиной). М. А. Щепкина.	907
иллюстраціи: 1) Господскій домъ въ селѣ Спасскомъ.—2) Церковь и школа въ селѣ Спасскомъ.—3) Кабинетъ И. С. Тургенева въ селѣ Спасскомъ.	
VII. Записки сибиряка. А. П.	925
VIII. Воспоминанія о Михаилѣ Григорьевичѣ Черняевѣ. С. Б. Литвина.	938
IX. Просвѣтительное дѣло. А. Де-ла-Фосса.	952
X. Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 года. Ф. Ф. Серно-Соловьевича.	975
XI. Могила священника Іоанна Кирикова. П. Н. Герасимова.	980
XII. Двинскій военно-крѣпостной соборъ. В. В. Жерве.	988
иллюстраціи: 1) Двинскій военно-крѣпостной соборъ въ 1894 году.—2) Двинскій военно-крѣпостной соборъ въ настоящее время.—3) Иезуитская костельная печать на колоколѣ.	
XIII. Недуги средняго образованія. VI—XII. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго.	997
XIV. «Clubland». Организанія и дѣятельность англійскихъ политическихъ клубовъ. Л. А. Б—ича.	1041
XV. Мемуары князя Сангушки. VI—IX. (Окончаніе). В. П. Харкевича.	1062
XVI. Критика и биб. топографія.	1085
1) Александръ Хахановъ. Очерки по исторіи грузинской словесности. Древняя литература до конца XII вѣка. Москва. 1898. С.—2) Ст. О. Гулишамбаровъ. Всемирная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи. Спб. 1898. и. х.—3) Баръ А. Религіи Индіи. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ князя С. Трубецкаго. (Научно-популярная бібліотека «Русской Мысли»). М. 1897. Ольденбургъ Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ со втораго исправленнаго изданія П. Николаева. Изд. 3-е. Ефимова. Москва. 1898. П. Ц.—4) Собраніе восточныхъ монетъ Императорскаго Эрмитажа. Каталогъ джеляридскихъ монетъ. Составилъ А. К. Марковъ. Спб. 1898. в. Р—ва.—5) Ивановичъ.	

Оч. слѣд. стр.

Собрание сочинений въ трехъ томахъ. Томъ первый. Изд. А. И. Попова. Москва. 1898. п. щ.—6) А. В. Кругловъ. Старь и новь. Повѣсти, очерки и рассказы. Издание В. С. Спиридонова. Москва. 1898. А. н.—иша.—7) В. Глинскій. Виссарионъ Григорьевичъ Бѣлинскій и чествованія его памяти. Спб. 1898. Б. А.—8) Вертеловскій, А. Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму. Харьковъ. 1898. н.—9) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидиакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ третій. Москва. 1898. С.—10) Пмятныя князья: I. Сувалской губерніи на 1898 годъ. Суваки. 1898. II. Ломжинской губерніи на 1898 годъ. Ломжа. 1898. В. Р. Б.—11) К. В. Назарова. «Дорогой цѣной». Романъ. Спб. 1898. Б. Г.—12) Шантеш-де-ля-Сосей. Иллюстрированная исторія религіи. Переводъ съ послѣдняго вѣмецкаго изданія подъ редакціей В. Н. Мендъ. Выпуски I и II. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Москва. 1898. щ.—13) Іоаннъ Шерръ. Историческія женщины. Переводъ съ вѣмецкаго. Спб. 1898. н.—14) Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета за истекшую третью четверть вѣка его существованія. 1869—1894. Т. II. М.—Я. Спб. 1898. А. Б.—иша.—15) Kolačzkowski, Klemens, general. Wspomnienia z r. 1793—1813. Księga I. Kraków. 1898. Г. А. Воробьева.—16) Суворовъ. Средневѣковые университеты. Москва. 1898. Е. щ.—17) Зин, Венгерова. Литературныя характеристики (Прерафаэлитское движеніе въ Англии. Д. Г. Росетти. В. Моррисъ. О. Уайльдъ. Д. Мердиль. Р. Броунингъ. В. Блэкъ. Французскіе поэты-символисты: П. Верянь. К. Ж. Гюисмансъ. Г. Гауптманъ. Г. Ибсенъ. Вліяніе Данте на современность. Францискъ Ассизскій, Боттичелли). Спб. 1897. А. н.—18) Любецкій архивъ графа Милорадовича. Выпускъ первый. Кіевъ. 1898. В. Б.—19) Документы Московскаго архива министерства юстиціи. Томъ I. Москва. 1897.—Журналы дежурныхъ генераль-адъютантовъ. Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Повседневныя записки генеральнаго ея императорскаго величества дежурства. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ. Выпускъ I-й—1745. 1748—1751 г. Спб. 1898. п. Щеголева.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1112

1) Средневѣковые университеты. — 2) Марысянка. — 3) Мемуары герцога Де-Кроа. — 4) Новые труды о французской революціи. — 5) Столѣтній юбилей пражскаго возстанія 1798 года. — 6) Полувѣковая годовщина убійства графа Росси.

XVIII. Изъ прошлаго 1124

Какъ смотрѣли въ старину на обязанности школьнаго учителя. С. С.

XIX. Смѣсь 1128

1) Открытіе памятника императору Александру II въ Любечѣ.—2) XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. — 3) Реставрація древняго храма. — 4) Двадцатилѣтіе Минусинскаго музея. — 5) Историческій музей императора Александра III. — 6) Русскій музей имени императора Александра III.—7) Премія М. И. Михальсона.—8) Премія кн. Н. Б. Юсупова.—9) Некрологи: М. Ф. Каменская; Ю. К. Арнольдъ; И. Я. Красвицкій; В. А. Абазя; С. И. Коссовичъ.

XX. Замѣтки и поправки 1136

1) По поводу сочиненія «Бѣлинскій, какъ моралистъ». А. Хитрово.—2) Къ статьѣ «Хивинскій походъ 1869 года».

XXII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Михаила Григорьевича Черняева (въ 1898 г.).—2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. Е. Бенсона. Часть вторая. III—VII. Переводъ съ англійскаго. (The Vintage).

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1898 года).

	стр.
Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). XVIII—XXIV. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	5, 401, 753
Воспоминанія Константина Карловича Жерве . V—X. (Продолженіе).	30, 420, 789
Деревенскіе дѣльцы. (Изъ воспомнаній земскаго начальника). II. (Окончаніе). В. А. Тимашева-Беринга	74
Штурмъ Карса 17-го сентября 1855 г. (Изъ записокъ очевидца полковника де-Саже). П. Ф. К.	92
Пампрскій походъ I—XI. (Воспоминанія очевидца). Б. Л. Тагѣва	111, 489, 859
Иностранецъ-доброжелатель Россіи въ XVII столѣтіи. Н. П. Лихачева . . . . . <i>Иллюстрація: Пасторъ Іоаннъ-Готфридъ Грегоріи.</i>	139
Театральныя воспоминанія. V—VI. (Окончаніе). В. А. Тихонова	153
Поселеніе русскихъ старообрядцевъ въ Буковинѣ. Григорія Купчанко	182
Кругосвѣтное путешествіе нѣсколькихъ японцевъ черезъ Сибирь, столѣтъ назадъ. (Переводъ съ нѣмецкаго). В. Турновскаго	193
Древности города Гомбина (Путевыя замѣтки). Г. А. Воробьева . . . . . <i>Иллюстраціи: 1) Часть алтарной стѣны съ древними кафлями костела г. Гомбина.—2) Еврейская деревянная божница въ г. Гомбинѣ.</i>	211
Раскопки въ Россіи въ 1897 году. В. В. Жерве	218
В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти. IX—XV. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго	224
По китайскому побережью. V—VI. (Окончаніе). В. Д. Черевнова	271, 617
Профессоръ А. Х. Гольмстенъ . (По поводу двадцатипятилѣтія его учено-литературной дѣятельности). Б. В. Никольскаго	302
<i>Иллюстрація: Адольфъ Христіановичъ Гольмстенъ.</i>	
Записки архіепископа Фелпскаго. І. Кучинскаго	313
Изъ давно минушаго. М. П. Межецкаго	458
Тарасова ночь. (Украинская легенда). Бориса Корженевскаго	477
Отщепенецъ. (Страница изъ быта глаголемыхъ старообрядцевъ). Е. Н. Опочинина	520
Походъ въ Хиву въ 1839 году. (Изъ записокъ участника). Е. Н. Косюрева	538
Французъ-конфедератъ въ Сибири. Г. А. Воробьева	546
Домъ трудолюбія въ С.-Петербургѣ. С. И. Уманца	554
<i>Иллюстраціи: 1) Домъ трудолюбія для женщинъ на Гулярной улицѣ.—2) Домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ.—3) Евангелическій домъ трудолюбія.—4) Городской домъ трудолюбія.—5) Домъ трудолюбія на Обводномъ каналѣ.</i>	

	стр.
Судъ и казнь Салаватки. (Къ Исторіи Пугачевского бунта). П. Л. Юдина.	579
Недуги средняго образованія. Б. Б. Глинскаго.	587, 997
Мемуары князя Сангушки. В. И. Харневича.	671, 1062
Воспоминанія изъ безпокойнаго времени на Литвѣ 1861—1863 гг. М. П. Межецкаго.	825
Черты быта и нравовъ XVIII столѣтія. (По новымъ матеріаламъ). В. О. Михневича.	889
Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ и селѣ Спасскомъ. (Посвящается Ма- ринѣ Гавриловнѣ Савиной). М. А. Щепкина.	907
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Господскій домъ въ Селѣ Спасскомъ.—2) Церковь и школа въ Селѣ Спасскомъ. — 3) Кабинетъ И. С. Тургенева въ селѣ Спас- скомъ.	
Записки Сибиряка. А. П.	925
Воспоминанія о Михаилѣ Григорьевичѣ Черняевѣ. С. К. Литвина.	938
Просвѣдительное дѣло. А. Де-ла-Фосса.	952
Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 года. Ө. Ө. Серно-Соловьевича.	975
Могила священника Іоанна Кпрікова. П. Н. Герасимова.	980
Двинскій Военно-Крѣпостной соборъ. В. В. Жерве.	988
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Двинскій военно-крѣпостной соборъ въ 1894 году.— 2) Двинскій военно-крѣпостной соборъ въ настоящее время.—3) Іезуитская костельная печать на колоколь.	
«Clubland». Организация и дѣятельность англійскихъ политическихъ клубовъ. Л. А. Б—ича.	1041
КРИТИКА и ВНЕБЛЮГРАФІЯ.	334, 701, 1085

1) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ второй. Публицистика. Съ портретомъ автора, вступительною статью В. Д. Спасовича и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1898. д. **корсакова.**—2) Догма римскаго права. Лекціи В. В. Ефимова, Спб. 1898.—Система римскаго права профессора Барона, перевелъ Л. Петражицкій. 2-е изданіе, исправленное по 9-му нѣмецкому изданію. Выпускъ 1-й. Общая часть. Москва. 1898.—Л. П. Загурскій. Элементарный учебникъ римскаго права. Общая часть; выпускъ 1-й, 3-е изданіе. Харьков. 1897; выпуски 2-й и 3-й, 2-е изданіе. Харьков. 1898. Особенная часть, семейное право, выпускъ 1-й и 2-й, 2-е изданіе. Харьков. 1898. **Б. Никольскаго.**—3) И. Н. Божеряновъ. Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ, его жизнь, литературные труды и двадцатилѣтняя дѣятельность управленія министерствомъ финансовъ. Изданіе графа И. В. Канкринна. Спб. 1897. **Б. гл.**—4) Сочиненія Н. Э. Гейнце. Четыре тома съ портретомъ автора и предисловіемъ. Изданіе В. В. Комарова. Спб. 1898. **С. Л—ина.**—5) Джонъ Буль конца вѣка. М. Л. Златковскій. Спб. 1898. **А. Ф—ва.**—6) Дж. Эшли. Экономическая исторія Англій въ связи съ экономической теоріей. Переводъ подъ редакціей Д. М. Петрушевскаго. Москва. 1897. **к.**—7) Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ VI. Исслѣдованіе И. П. Дубасова. Тамбовъ. 1897. **П. Щеголева.**—8) Минусинскіе и ачинскіе инородцы (матеріалы для изученія). Статьи А. А. Кузнецовой и И. Е. Кулакова. Изданіе Енисейскаго губернскаго статистическаго комитета. Красноярскъ. 1898. **В. Р—ва.**—9) Сводъ Законовъ Россійской имперіи. Неофіціальное изданіе въ одной книгѣ, подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Изданіе Товарищества Общественная Польза. Выпуски 1—6, томы 1—X, часть I Свода Законовъ. Спб. 1897—1898. **Б. Никольскаго.**—10) И. С. Блюхъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ отношеніяхъ. Шесть томовъ, съ 1,500 рисунковъ, чертежей, картъ и картограммъ. Спб. 1898. **В. Петерсена.**—11) Исторія л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Томъ второй. 1866—1896. Составилъ того же полка ротмистръ Ю. Елецъ. Спб. 1897. **С—наго.**—12) Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. Спб. 1898. **В. Боцяновскаго.**—13) Стихотворенія А. И. Плещеева (1844—1891). Третье дополненное изданіе подъ редакціей П. В. Бякова. Спб. 1898. **гл.**—14) Хроника моей жизни. Автобіографическія замѣтки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Томъ первый. Сергіевъ Посадъ. 1898. **В. Б.**—15) Отчетъ о дѣятельности

православнаго братства святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго за 1895—1896 годы. Вязники. 1897. щ.—16) Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX столѣтій. В. А. Верещагинъ. Спб. 1898. А. Фаресова.—17) Изданіе О. Н. Поповой. «Финляндія» подъ редакціей Д. Протопопова, при участіи Н. Андреева, В. Вейлина, Г. В., А. Гронфельда, О. Грюнстрема, Slegicus, К. Лейно, Neuter, Д. Протопопова, В. Скалона, І. Тикконена, г-жи Т. Хультивъ, Т. Фирселя, г-жи Фрибергъ и Э. Эркаю. Спб. 1898. Б. Глинскаго.—18) Христіанство и Римская имперія отъ Нерона до Феодосія. Сочиненіе Поля Алліяра. Спб. 1898. с.—19) Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ: 1470—1700 г. ки. І. Спб. 1897. В. Р.—ва.—20) Князъ Баранцевичъ. Сказки жизни. 13 рассказовъ. Спб. 1898. Б. Гл.—21) Историческій очеркъ петербургскихъ наводненій и предположеній относительно предохраненія низменныхъ частей города С.-Петербурга отъ затопленія. Составилъ, по порученію главнаго правленія императорскаго русскаго общества спасенія на водахъ, членъ главнаго правленія инженеръ путей сообщенія В. В. Саловъ. Спб. 1898. В. П.—на.—22) Н. Э. Глокке. Янъ Кохановскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVI вѣка. Кіевъ. 1898. ц. х.—Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. (1758—1839). Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Спб. 1898. п. щ.—23) Лависъ и Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ четвертый. Возрожденіе и реформація. Новый Свѣтъ. 1492—1559. Переводъ В. Невѣдомскаго. Спб. 1898. к.—24) Вл. А. Тихоновъ. Разбитые кумиры. Повѣсти и рассказы. Спб. 1898. г. л. и. — 25) «Album biograficzne zasłużonych polaków i polek XIX wieku» (Биографическій альбомъ славныхъ поляковъ и полекъ XIX стол.). Выпускъ I—III. Варшава. 1898. г. А. Воробьева. — 26) Два письма князя В. Ѳ. Одоевскаго къ ея императорскому высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Спб. 1898. щ.—27) Мои воспоминанія. Академикъ О. И. Буслаева. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. Фовъ-Боода. Москва. 1898. В. Б.—28) Александръ Хахановъ. Очерки по исторіи грузинской словесности. Древняя литература до конца XII вѣка. Москва. 1898. с.—29) Ст. О. Гулишамбаровъ. Всемирная торговля въ XIX вѣкѣ и участие въ ней Россіи. Спб. 1898. к. х. — 30) Вартъ А. Религіи Индіи. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ князя С. Трубецкаго. (Научно-популярная бібліотека «Русской Мысли»). М. 1897. Ольденбергъ Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ со второго исправленнаго изданія П. Николаева. Изд. 3-е. Ефимова. Москва. 1898. п. щ.—31) Собраніе восточныхъ монетъ Императорскаго Эрмитажа. Каталогъ джедаирдскихъ монетъ. Составилъ А. К. Марковъ. Спб. 1898. В. Р.—ва.—32) Ивановичъ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Томъ первый. Изд. А. И. Попова. Москва. 1898. п. щ.—33) А. В. Кругловъ. Старыя новы. Повѣсти, очерки и рассказы. Изданіе В. С. Спиридонова. Москва 1898. А. Н.—ина.—34) Б. Глинскій. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и чествованія его памяти. Спб. 1898 Б. А.—35) Вертеловскій, А. Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму. Харьковъ. 1898. к.—36) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидякономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ третій. Москва. 1898. с.—37) Памятная книжка: І. Сувальской губерніи на 1898 годъ. Сувалка. 1898. П. Ломжинской губерніи на 1898 годъ. Ломжа. 1898. В. Р. Б.—38) К. В. Назарова. «Дорогой цѣной». Романъ. (Спб. 1898. Б. г.—39) Шаветти-де-ля-Соссея. Иллюстрированная исторія религіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей В. И. Мендѣ. Выпуски I и II. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Москва. 1898. щ.—40) Юганнъ Шерръ. Историческія женщины. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1898. к.—41) Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета за истекшую третью четверть вѣка его существованія. 1869—1894. Т. II. М—Я. Спб. 1898. А. А.—ина.—42) Kołaczowski, Klemens, jeneral. Wspomnienia z r. 1793—1813. Księga 1. Krakow. 1898. г. А. Воробьева. — 43) Суворовъ. Средневѣковые университеты. Москва. 1898. Е. щ.—44) Зин. Венгерова. Литературные характеристики (Прерафаэлитское движеніе въ Англіи. Д. Г. Россети. В. Моррисъ. О. Уайльдъ. Д. Мердентъ. Р. Броунингъ. В. Блэкъ. Французскіе поэты-символисты: П. Верленъ. К. Ж. Гюисмансъ. Г. Гауптманъ. Г. Юсень. Влѣніе Данте на современность. Францискъ Ассизскій, Боттичелли). Спб. 1897. А. К.—45) Любешкій архивъ графа Милорадовича. Выпускъ первый. Кіевъ. 1898. В. Б.—46) Документы Московскаго архива министерства юстиціи. Томъ I. Москва, 1897. Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Поседневныя записки генеральнаго ея императорскаго вѣдства дежурства. Сообщилъ Л. В. Едковимовъ. Выпускъ I-й—1743. 1748—1751 гг. Спб. 1898. П. Щеголева.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 359, 723, 1112

1) Цицеронъ въ потокѣ столѣтій.—2) Религіозная революція въ Миланѣ въ XII вѣкѣ.—3) Куба четыреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.—4) Испанская армада.—5) Литература юбилея Васко де-Гама.—6) Колдуньи, и колдуньи въ Баваріи.—7) Трехсотлѣтняя годовщина Папского эдикта.—8) Наполеону ли принадлежитъ слава творца Наполеоновскаго кодекса?—9) Новые мемуары графини Потоцкой.—10) Леопарди и Антуанета Томазини.—11) Трансваальская республика и ея президентъ Крюгеръ.—12) Гладстониана.—13) Французы о Россіи.—14) Что предало Иерусалимъ въ руки мусульманъ?—15) Агнеса Сорель.—16) Шекспиръ не Шекспиръ, а Марло.—17) Карлъ I.—18) Взятіе Гаванны англичанами въ 1762 г.—19) Государственный переворотъ 1772 г. въ Швеціи.—20) Каліостро въ Петербургѣ и въ Вастиліи.—21) Переходъ Ионическихъ острововъ изъ французскихъ рукъ въ русскія въ 1799 г.—22) Забѣганіи генерала Драгомирова о революціонно-наполеоновской арміи.—23) Взятіе Плевны.—24) Средневѣковые университеты.—25) Марыинка.—26) Мемуары герцога Де-Кроа.—27) Новые труды о французской революціи.—28) Столѣтній юбилей прандскаго возстанія 1798 года.—29) Подувѣжковая годовщина убійства графа Россіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 1124

Какъ смотрѣли въ старину на обязанности школьнаго учителя. С. С.

СМѢСЬ 380, 738, 1128

1) Актъ Археологическаго института.—2) Юбилей Николаевскаго каварійскаго училища.—3) Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ г. Вильнѣ.—4) Диспутъ В. А. Тураева.—5) Генеалогическое общество.—6) Юрьевское учено-литературное общество.—7) Географическое общество.—8) Археологическія раскопки въ Бахчисараѣ.—9) Археологическая экспедиція.—10) XI археологическій съездъ.—11) Музей П. И. Щукина.—12) Памятникъ на могилѣ Ю. И. Говорухи-Отрока.—13) Юбилей Симбирска.—14) Херсонская архивная комиссія и археологическій музей.—15) Раскопки Нуранскаго могильника.—16) Археологическія находки.—17) Общество нумизматовъ.—18) Новая коллекція Эрмитажа.—19) Премія Гильфердинга.—20) Открытіе памятника императору Александру II въ Любечѣ.—21) XI археологическій съездъ въ Киевѣ.—22) Реставрація древняго храма.—23) Двадцатилѣтіе Минусинскаго музея.—24) Историческій музей императора Александра III.—25) Русскій музей имени императора Александра III.—26) Премія М. И. Михельсона.—27) Премія кн. И. Б. Юсупова.—28) Некрологи: Е. М. Феоктистовъ; Г. Д. Филимоновъ; И. В. Миловидовъ; И. И. Ендогуровъ; Н. А. Богдановъ; М. А. Саблинъ; М. П. Савостьяновъ; Н. А. Ярошенко; Н. Е. Сверчковъ; М. О. Каменская; Ю. К. Арнольдъ; И. Я. Красницкій; В. А. Абаза; С. И. Косовичъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ. 747, 1136

1) По поводу некролога Г. И. Паульсона. н. с.—2) По поводу воспоминаній К. К. Жерве. Генералъ-лейтенанта **О. Л. Фельдмана**.—3) Къ некрологу Л. И. Сабанѣва. **П. Полевого**.—4) По поводу статьи «На царскомъ пути». **Вѣры Бугановой**.—5) Къ некрологу Г. Д. Филимонова.—6) По поводу сочиненія «Вѣлинскій, какъ моралистъ». **А. Хитрово**.—7) Къ статьѣ «Хивинскій походъ 1839 года».

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ: 399, 752

1) Неизвѣстный портретъ Е. А. Баратынскаго. **С. А. Венгерова**.—2) Александръ Петровичъ Сумароковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты Евгенія Абрамовича Баратынскаго.—2) Александра Петровича Сумарокова.—3) Михаила Григорьевича Черняева (въ 1898 г.).—2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. **Е. Бенсона**. Части первая (I—VIII) и вторая (I—VII). Переводъ съ англійскаго. (The Vintaye).—3) Объясненія.

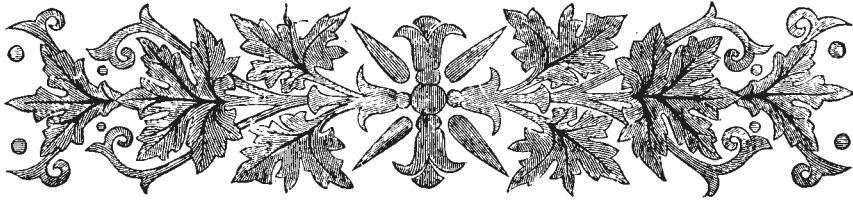

МИХАИЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЯЕВЪ.
(въ 1898 году).

ДОВ. ЦЕНЗ. 25 АВГУСТА 1898 Г. СПБ.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾.

(Романъ-хроника).

XXII.

В ЭТОТЪ самый день утромъ мсьё Лаглуарь отправился давать урокъ къ Мезенскимъ.

Послѣ выпеприведеннаго разговора съ княземъ про графиню Маржерецкую, засиживаться у нихъ послѣ урока онъ избѣгалъ и тотчасъ по окончаніи занятій спѣшилъ уѣзжать домой. Такъ намѣревался онъ поступить и сегодня, когда встрѣтилъ въ прихожей, вернувшуюся съ утренней прогулки, хозяйку дома.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и разговора о дѣтяхъ она спросила:

— Вы у насъ обѣдаете?

Мсьё Лаглуарь сослался на дѣла. Его ждуть дома, и какъ ему ни жаль, но онъ принужденъ отказаться отъ любезнаго приглашенія ея сѣятельства.

Съ этими словами онъ раскланялся и хотѣлъ пройти на крыльцо, но его задержали.

— А вы до сихъ поръ еще не были у г. Коржина?—спросила у него княгиня.

— Нѣтъ еще, ваше сѣятельство,—отвѣчалъ удивленный французъ.

— Напрасно. Ему извѣстно, какое горячее участіе вы принимаете въ его сестрѣ, и онъ васъ ждетъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 401.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1898 г., т. LXXIII.

— Въ такомъ случаѣ я непременно къ нему отправлюсь.

— Прекрасно сдѣлаете. Онъ вамъ все объяснитъ...

Разговоръ происходилъ пофранцузски, тѣмъ не менѣ княгиня, оглянувшись на двухъ лакеевъ, стоявшихъ у дверей, понизила голосъ почти до шопота, чтобъ прибавить:— Эта личность, которою вы такъ заинтересовались, не въ своемъ умѣ... съ нею опасно имѣть дѣло... весь городъ это знаетъ.

Не дожидаясь возраженія и привѣтливо ему кивнувъ, она пошла въ свои покои, а мсьё Лаглуаръ, отказавшись отъ экипажа, ожидавшаго его у крыльца, пошелъ въ городъ пѣшкомъ, въ надеждѣ усиленнымъ моціономъ успокоить душевное волненіе и привести въ порядокъ мысли.

Но на этотъ разъ обычное средство плохо дѣйствовало, и въ ушахъ его продолжали звенѣть послѣднія слова княгини: «не въ своемъ умѣ... весь городъ это знаетъ»... А онъ, единственный человѣкъ въ Петербургѣ, принимающій въ этой несчастной сердечное участіе и готовый на все, чтобъ ей помочь, онъ ничего про ея прошлое не знаетъ. Онъ только подозрѣваетъ, что она не вдовой, а дѣвицей вышла замужъ за графа, но кто отецъ ея ребенка, это для него до сихъ поръ остается тайной.

А между тѣмъ, тайна эта, безъ сомнѣнія, и даетъ право Коржину ее преслѣдовать, разорять и распускать на ея счетъ гнусныя клеветы.

«Надо ей это объяснить и заставить ее понять, что она должна быть со мной откровеннѣе, если хочетъ, чтобъ я ей былъ полезенъ», думалъ мсьё Лаглуаръ, шагая по дорогѣ въ городъ.

Впрочемъ, домой онъ не торопился, понимая, какъ нельзя лучше, что войти въ обычную колею жизни ему до тѣхъ поръ будетъ невозможно, пока черныя тучи, сгущавшіяся надъ головою графини Маржерецкой, хоть сколько нибудь не прояснятся.

Объ обѣдѣ онъ не думалъ, отъ безпокойства у него пропалъ аппетитъ, и, проходя мимо дачи Петрова, онъ зашелъ къ нему, чтобъ узнать, гдѣ живетъ Тюбетейкинъ.

— А что? понадобился?—съ лукавой усмѣшкой спросилъ Петровъ.

— Да, моя знакомая рѣшила начинать дѣло,—отвѣчалъ смущаясь Лаглуаръ.

— Да кто она такая, эта ваша знакомая? Чего вы скрываете?—продолжалъ онъ, замѣтивъ, какъ передернуло его посѣтителя при этомъ вопросѣ. Вѣдь Тюбетейкину—то все равно придется сказать.

Онъ былъ правъ. Да ужъ теперь поздно и скрывать, «весь городъ знаетъ», повторилъ онъ про себя слова княгини.

— Я изъ этого и не дѣлаю секрета,—объявилъ онъ развязно.— Особу, нуждающуюся въ совѣтахъ г. Тюбетейкина, зовутъ графиней Маржерецкой.

— Полька? И вѣрно хлопочеть, о возвращеніи конфискованныхъ имѣній во время возстанія, или о помилованіи близкаго человѣка?

И не дожидаясь отвѣта: — Всѣ они теперь объ этомъ захлопотали, да ничего не выходитъ. Рано еще, — прибавилъ онъ тономъ человѣка, посвященнаго въ государственныя тайны, простымъ смертнымъ недоступныя.

Ему не противорѣчили. — А какъ вы думаете, — спросилъ Лаглуаръ: — застану я теперь дома вашего Тюбетейкина? Ужъ пятый часъ.

— Самое время его застать, онъ спитъ послѣ обѣда, но его разбудятъ.

Мсье Лаглуаръ отправился по данному адресу и познакомился съ знаменитостью тогдашняго времени, ходатаемъ по дѣламъ Василюмъ Антоновичемъ Тюбетейкинымъ, высокимъ, сутуловатымъ человѣкомъ съ крупнымъ мясистымъ носомъ и маленькими, острыми глазами на изрытомъ оспой, широкомъ лицѣ.

Съ этимъ нельзя ужъ было лавировать и уклоняться отъ прямыхъ отвѣтовъ на вопросы; онъ удивительно ловко умѣлъ выворачивать душу тому, кто попадался ему въ руки.

— Графиня Маржерецкая, гм... фамилія знатная... гм... гм... А какъ приходится она тому Маржерецкому, который сидѣлъ здѣсь въ крѣпости? Мать? Сестра? — произносилъ онъ отрывисто и рѣзко впиваясь въ глаза вопрошаемаго пристальнымъ пытливымъ взглядомъ.

— Она супруга графа Ксаверія.

— Супруга? Да вѣдь онъ холостой?

— Недавно женился.

— Гдѣ? Въ ссылкѣ?

— Да, въ ссылкѣ.

— Гм... Вѣрно зналъ ее раньше?

— Да.

— А кто она урожденная?

— Коржина.

Тюбетейкинъ приподнялъ брови.

— Какъ вы сказали?

— Коржина, — повторилъ Лаглуаръ.

— Родня сенатору?

— Сестра по отцу, отъ разныхъ матерей.

Лицо дѣльца приняло строгое выраженіе.

— Въ какихъ она съ нимъ отношеніяхъ?

— Да она противъ него-то и желаетъ начать дѣло. Сначала онъ управлялъ ея состояніемъ, какъ опекунъ, а потомъ по довѣренности, которую она теперь желаетъ уничтожить...

— По какой причинѣ? — еще строже спросилъ дѣлецъ.

— Графиня вамъ это сама объяснить.

Онъ на минуту задумался. — Хорошо-съ, передайте графинѣ, что

я у нихъ буду,—объявилъ онъ и, поднимаясь съ мѣста въ знакъ того, что аудіенція кончена, прибавилъ: — завтра до одиннадцати буду васъ ждать.

Всталъ и мсьё Лаглуаръ. Перемѣна въ тонѣ г. Тюбетейкина при имени Коржина не ускользнула отъ него, и тревожное состояніе, въ которомъ онъ сюда пришелъ, нимало не уменьшилось, а скорѣе усилилось послѣ этого свиданія.

Усиливалось съ минуты на минуту и нервное его нетерпѣніе скорѣе переговорить съ графиней, а потому ему стало досадно, когда онъ не засталъ ея дома.

— Сестрицу Лизавету Артемьевну поѣхали отыскивать,—угрюмо проворчала Демьяновна, отворяя ему дверь. Впрочемъ она пригласила его войти и подождать, а затѣмъ, когда онъ принялъ приглашеніе и усѣлся въ гостиной, она стала рассказывать ему, какъ имъ скверно живетъ въ Петербургѣ. Свѣтикъ таетъ, какъ воскъ. Никакой болѣзни въ немъ не замѣтно, а, должно быть, сглазилъ кто, ни сна настоящаго, ни аппетита у него нѣтъ. Слабость такая напала, что десяти шаговъ не можетъ пробѣжать, чтобъ духъ ему не перехватило.

— Это климатъ. Напрасно его сюда привезли,—замѣтилъ мсьё Лаглуаръ.

— Да развѣ барыня можетъ безъ него жить?—вскричала старуха.— Съ тѣхъ поръ какъ родился, ни на минуту она съ нимъ не разставалась. Ужъ на что моя преданность ей извѣстна, а и мнѣ она его не довѣряетъ. Вотъ потому-то я и говорю, что долго не замѣшкается у сестрицы, ничѣмъ ее вдали отъ ребенка не удержишь. Изъ-за него на все готова. Замужъ даже вышла за поляка, чего же больше!—прибавила она брюзгливо.

Мсьё Лаглуара покорило отъ такого презрительнаго отношенія къ графу, но, сообразивъ, что разболтавшаяся старуха можетъ нечаянно открыть ему кое-что изъ прошлаго своей госпожи, онъ скрылъ свое негодованіе, чтобъ спросить у нея:

— А скоро послѣ рожденія малютки первый супругъ графини скончался?

Демьяновна пронизала его острымъ взглядомъ и открыла было ротъ, чтобъ рѣзкимъ словомъ, безъ сомнѣнія, заставить его раскаяться въ неумѣстномъ любопытствѣ, но сдержалась и вмѣсто отвѣта на его вопросъ отрывисто предложила ему чаю.

Сдержанность эта не предвѣщала ничего добраго, тѣмъ не менѣе онъ дождался возвращенія графини, которая, узнавъ, что у нея гость, прошла изъ прихожей прямо въ спальню и, пробывъ тамъ довольно долго, явилась наконецъ въ гостиную, держа за руку сына.

Съ перваго взгляда на нее мсьё Лаглуаръ понялъ, что она употребила это время на то, чтобъ смыть съ лица слѣды слезъ и придать себѣ бодрый и спокойный видъ, но, увь, усилія ея были на-

прасны: холодная вода не вызвала румянца на ея блѣдныхъ щекахъ и не уменьшила красноту наплаканныхъ глазъ, а, цѣлуя ея руку, онъ не могъ не замѣтить, что она холодна, какъ ледь.

— Вы, вѣрно, узнали что нибудь новое, мсьё Лаглуаръ?—спросила она съ натянутой улыбкой, усаживаясь на диванъ и любезнымъ движеніемъ приглашая его занять мѣсто на креслѣ рядомъ.

Свѣтикъ, не выпуская руки ея изъ своей, вскарабкался къ ней на колѣни и, уютно примостившись въ этомъ своемъ излюбленномъ гнѣздышкѣ, прижался головкой къ груди матери.

— Какъ вы его находите?—спросила она у Лаглуара, пригибаясь къ ребенку и цѣлуя его въ лобъ.—Неправда ли, онъ сегодня кажется гораздо здоровѣе, чѣмъ вчера? Мы поправляемся и начинаемъ привыкать къ гадкому Петербургу... Вѣдь такъ, мое сердце?—продолжала она, обращаясь то къ гостю, то къ мальчику, не ожидая отвѣтовъ на свои вопросы и съ оживленіемъ, которое казалось мсьё Лаглуару такъ же малоестественнымъ, какъ и улыбка ея и веселый беззаботный тонъ.

— Но еще будетъ лучше, если вы скорѣе его покинете, нашъ гадкій Петербургъ,—замѣтилъ французъ.

— О, это еще усилится!—вырвалось у нея.

— Не думаю, чтобъ графъ Ксаверъ былъ такого мнѣнія...

Ироническая усмѣшка проскользнула по ея губамъ, на одно только мгновеніе, но онъ ее замѣтилъ, и ему стало обидно за своего друга.

— Хорошо, что ему не извѣстно про то, что здѣсь происходитъ,—замѣтилъ онъ.

— А что такое?—разсѣянно спросила она, поддерживая одной рукой ребенка, а другой нѣжно глядя его головку и щечку.

Свѣтикъ какъ будто только ждалъ этой ласки, чтобъ задремать. Наступило молчаніе. Мсьё Лаглуаръ не торопился отвѣтить на ея вопросъ, а она, углубившись въ свои думы, не настанвала. Такъ прошло минуты двѣ. Мальчикъ не шевелился. Убѣдившись, что онъ заснулъ, она снова спросила у своего гостя: что онъ такое узналъ про ея дѣло?

— Обстоятельства такъ складываются, что вамъ необходимо какъ можно скорѣе объясниться съ г. Коржинымъ, и, если позволите, я вамъ завтра же привезу знающаго и опытнаго человѣка, который возьмется увѣдомить его о вашемъ намѣреніи уничтожить данную ему довѣренность,—отвѣчалъ мсьё Лаглуаръ.

Оба говорили тихо, чтобъ не разбудить заснувашаго ребенка.

— Почему такъ скоро?

— Г. Коржину извѣстно, что вы здѣсь...

— Да? Ну, и что же?—съ живостью перебила она его.

— Есть данныя предполагать, что онъ ужъ принимаетъ противъ васъ мѣры...

— Какія мѣры? Говорите! Я должна все знать.

Рука, которой она продолжала гладить ребенка, вздрогнула, но голосъ ея былъ твердъ, и въ глазахъ выражалась рѣшительность. Отвѣтить на ея вопросъ было очень трудно, но не исполнить ея требованія еще труднѣе.

— Что онъ за человѣкъ, вамъ извѣстно,—началь уклончиво Лаглуаръ,—отъ него всего можно ждать.

«О, да, всего!»—согласилась она съ нимъ мысленно, и печальный образъ сестры Лизаветы, отошедшій было на задній планъ при видѣ сына, выступилъ съ новой силой передъ ея духовными очами.

— О, да, онъ на все способенъ,—повторила она вслухъ, со вздохомъ.

Вздохъ этотъ ввелъ ея собесѣдника въ заблужденіе.

— Вы твердо рѣшились довести ваше дѣло съ г. Коржинымъ, во что бы то ни стало, до конца?—спросилъ онъ.

Она съ удивленіемъ на него посмотрѣла.

— Да вѣдь я для этого сюда пріѣхала.

— Правда. Но вы могли и не знать, чему вы подвергаетесь, и я самъ только сегодня... однимъ словомъ, отъ него всего можно ждать, у него полонъ Петербургъ друзей, т. е. людей, которые его боятся и нуждаются въ немъ... Высшее общество, администрація, все будутъ за него, а за васъ одно только ваше право... У васъ никого нѣтъ на свѣтѣ... Супругъ защищать васъ не можетъ. Онъ въ такомъ положеніи, что г. Коржину ничего не стоитъ отстранить его со своего пути и окончательно погубить его...

— Это я знаю, а еще что?—прервала она его съ раздраженіемъ, точно досадуя за то, что онъ безнокоитъ ее предметомъ, не достойнымъ ея вниманія.

«Бѣдный мой Ксаверъ, она тебя совѣмъ не любитъ»,—съ горечью подумалъ Лаглуаръ. И прибавилъ вслухъ съ несвойственной ему рѣзкостью:—Да и вамъ лично могутъ надѣлать неприятностей...

— Все это мнѣ извѣстно лучше, чѣмъ вамъ, для чего вы мнѣ это говорите?—спросила она холодно.

— Чтобъ посоветовать вамъ быть благоразумной, отказаться отъ неравной борьбы, кончить дѣло съ г. Коржинымъ полюбовно, или вовсе его не начинать и вернуться къ мужу...

Глаза ея сверкнули гнѣвомъ.

— Вы съ ума сошли!—прошептала она.

И, поднявшись съ мѣста, она вышла изъ комнаты съ ребенкомъ на рукахъ, не удостоивая своего посѣтителя взглядомъ.

Но не успѣлъ онъ еще въ замѣшательствѣ своемъ рѣшить, остаться ли ему или уйти, какъ вошла горничная съ зажженными свѣчами.

— Барыня проситъ васъ крошечку подождать,—объявила она, ставя свѣчи на столъ,—онѣ какъ уложить ребенка, такъ къ вамъ выйдутъ.

Мсьё Лаглуаръ сталъ въ волненіи прохаживаться по комнатѣ.

Онъ не раскаивался въ томъ, что глупою рѣчью навлекъ на себя гнѣвъ этого прелестнаго и страннаго существа, нѣтъ, теперь, послѣ ея вспышки, онъ еще сильнѣе вѣрилъ въ ея правоту и въ то, что уступить безъ борьбы, изъ трусости, чтобъ не навлечь ни на себя, ни на своихъ бѣды, простительно всякой другой женщинѣ, только не ей. Коржинъ слыветъ очень ловкимъ и жестокимъ чело-вѣкомъ, но она такъ благородна, правдива и прекрасна, что когда эти двѣ силы столкнутся, — неизвѣстно еще, на чьей сторонѣ окажется перевѣсъ. Покорила же она себѣ окончательно графа Мар-жерецкаго.

А самъ онъ, Лаглуаръ, развѣ не подпалъ подъ ея обаяніе? Развѣ не предался ей всей душой съ первой минуты, какъ увидаль ее? Да онъ съ этихъ поръ своею жизнью и не живетъ, и каждый оскорбительный о ней отзывъ уязвляетъ его до глубины души больнѣе, чѣмъ еслибъ оскорбленіе касалось его лично...

Она не долго заставила себя ждать, и когда вернулась въ гостиную, отъ вспышки гнѣва, вызваннаго его непрощеннымъ совѣтомъ, не оставалось и слѣда; лицо ея было, какъ всегда, холодно и спокойно, но въ глазахъ, кромѣ печали, ничего не выражалось, и протягивая ему съ улыбкою руку, которую онъ поспѣшилъ почти-тельно поцѣловать, она выразила сожалѣніе за то, что съ такимъ раздраженіемъ отнеслась къ его добродушному участію.

— Съ вашей стороны такъ естественно опасаться для меня дурныхъ послѣдствій отъ столкновенія съ этимъ чело-вѣкомъ, вѣдь вы моей исторіи не знаете... вы не знаете, что онъ имѣетъ причины меня бояться гораздо больше, чѣмъ я его... Про мои отношенія съ графомъ, — продолжала она отрывисто и съ усиліемъ, — вамъ тоже самое главное не извѣстно, вы не знаете, что я вышла за него замужъ единственно только для того, чтобъ дать имя моему ребенку, только для этого. Я его не люблю... и онъ это знаетъ... онъ знаетъ, что я никого не могу любить, — прибавила она, не спуская вызывающаго взгляда со своего слушателя. «Вотъ я какая. Рѣшай теперь, стоитъ ли принимать во мнѣ участіе», говорилъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ этотъ откровенный, гордый взглядъ.

Мсьё Лаглуаръ, порывистымъ движеніемъ прижимая руки къ груди, низко преклонилъ голову передъ нею, а она продолжала:

— Мы обвиняны. Это даетъ мнѣ положеніе въ свѣтѣ, необходимое для моего ребенка. Что же касается до интимныхъ подробностей нашей семейной жизни, никому до этого нѣтъ никакого дѣла. Если я вамъ открыла нашу тайну, такъ это только для того, чтобы вы поняли, что мнѣ легче умереть съ голоду, чѣмъ пользоваться состояніемъ графа. Я всегда была богата. И даже въ то время, когда страсть всецѣло владѣла всѣмъ моимъ существомъ, когда я отдалась беззавѣтно любимому чело-вѣку, сознаніе, что я богаче и его, и всѣхъ,

въ окружающей меня средѣ, сознание это ни на минуту не покидало меня и было для меня источникомъ величайшаго наслажденія... Чистыя радости, безъ примѣси удовлетвореннаго тщеславія, есть, ихъ испытываютъ другіе, но я ихъ не знаю и для сына моего вижу счастье только въ богатствѣ и власти, ни въ чемъ больше. Меня всю жизнь такая глубокая пропасть отдѣляла отъ бѣдныхъ и зависящихъ, что я не могу себѣ представить моего Свѣтика въ положеніи несчастнаго сироты, воспитывающагося изъ милости у графа Маржерецкаго... Мысль эта для меня невыносима, и примириться съ нею я никогда не буду въ состояніи... Ужъ я пробовала, и ничего изъ этого не вышло. Сознание, что я графу буду всеѣмъ обязана, — сдѣлаетъ его мнѣ еще болѣе ненавистнымъ, вотъ и все. Вѣрьте, я себя знаю... Во многомъ я себя передѣлала, много дурного въ себѣ поборола, но въ этомъ себя измѣнить я не могу. Во мнѣ кровь отца, стараго коршуна, а ему все покорялись... все отъ него зависѣли... И сыну моему полнѣйшая независимость, нравственная и матеріальная такъ же необходима, какъ воздухъ, которымъ онъ дышитъ. Какъ и я, онъ родился богатымъ и привыкъ давать, а не брать. И онъ долженъ умереть богатымъ, — продолжала она, съ отрывистою рѣзкостью отчеканивая слова. — Ни передъ чѣмъ я не остановлюсь, чтобъ заставить г. Коржина вернуть мнѣ мое состояніе, и достигну этого... Но надо дѣйствовать скорѣе... Послѣ того, что онъ сдѣлалъ съ сестрой Лизаветой, отъ него всякихъ ужасовъ можно ждать...

Голосъ ея порвался, но, стиснувъ губы, она подавила рыданіе, рвущееся у нея изъ груди. — Я хочу сама къ нему завтра утромъ ѣхать.

— Не дѣлайте этого! — вскричалъ съ испугомъ мсье Лаглуаръ.

— Почему? Вы что нибудь узнали? — спросила она, сдвигая брови.

— Да... Но зачѣмъ вамъ прежде времени знать?.. можетъ быть, это и не правда... Я это слышалъ не отъ него самого... Позвольте мнѣ переговорить съ нимъ раньше, чѣмъ вы его увидите, умоляю васъ! И человекъ маленькій, но многихъ здѣсь знаю, и мнѣ удалось оказать услуги людямъ, которые этого не забыли, — произнесъ онъ съ чувствомъ.

— Когда вы это сдѣлаете? Надо скорѣе, а онъ на дачѣ въ Петергофѣ живетъ.

— Завтра утромъ къ нему поѣду.

— Хорошо. У меня есть еще другой планъ... но про него мы поговоримъ, если... если то, что вы слышали, правда, — прибавила она съ горькой улыбкой. — Вы ему скажите, что я замужемъ за графомъ Мержерецкимъ, что я желаю вступить въ управленіе моимъ состояніемъ и пришлю къ нему моего повѣреннаго, которому прошу сдать все мои документы...

— Да, да, я ему скажу все, что нужно, не беспокойтесь, — подхватилъ французъ, — не беспокойтесь... Но надо все предвидѣть...

дайте мнѣ записку, въ которой вы уполномочиваете меня за васъ говорить... Меня или кого я для этого изберу... напишите: «подателю записки», не обозначая имени,—прибавилъ онъ, подумавъ немного.—Не спрашивайте у меня ничего, графиня,—продолжалъ онъ, замѣтивъ недоумѣніе, выразившееся на ея лицѣ,—я заяцъ травленный и съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, видѣлъ столько необыкновенныхъ приключеній и странныхъ, необъяснимыхъ исчезновеній, что нѣтъ такого предположенія, которое я нашелъ бы невѣроятнымъ... Если меня поставятъ въ невозможность дѣйствовать за васъ, если я исчезну, хотя бы на время, надо, чтобы другой продолжалъ начатое дѣло.

— Хорошо, я вамъ дамъ къ нему письмо,—прервала она его, садясь за столъ и принимаясь писать.

Съ этимъ письмомъ мсьё Лаглуаръ, невзирая на поздній часъ, въ тотъ же вечеръ отправился въ домъ Коржина, чтобы узнать, когда лучше застать Леонтія Артемьевича. И тамъ, гдѣ въ тотъ же день рано утромъ графиня Маржерецкая нашла полнѣйшее запустѣніе, онъ розыскалъ въ одномъ изъ флигелей жену старшаго камердинера, оставленную тутъ съ двумя парнями для присмотра за барскими хорами, во время пребыванія господъ на дачѣ. Днемъ женщина эта уходила иногда посидѣть къ сосѣдямъ, но подъ вечеръ возвращалась домой. На ея обязанности лежало наблюдать за сторожами, которые должны были всю ночь, поочередно, обходить дворъ, чтобы, Боже упаси, мошенники не залѣзли какъ нибудь въ домъ. Задобривъ ее серебряной монетою, мсьё Лаглуаръ узналъ, что г. Коржинъ, вотъ ужъ съ недѣлю, какъ живетъ въ городѣ, съ Яковомъ Ивановымъ камердинеромъ, въ комнатахъ наверху, что въ садъ окнами выходятъ, а внизу ставней отворять не велить. И дворъ чистить имъ не приказано, по той причинѣ, что не надолго они въ городъ пріѣхали, и днемъ ихъ никогда дома нѣтъ.

— А кушаютъ они гдѣ?—спросилъ мсьё Лаглуаръ.

— Да все въ гостяхъ. Яковъ Ивановичъ сказывалъ, что все больше у князя Ивана Владиміровича, а экипажъ имъ отъ господъ Рязановыхъ присылаютъ.

Мсьё Лаглуаръ зналъ этого князя Ивана Владиміровича, близкаго пріятели и свояка графа Бенкендорфа, и ему жутко стало при мысли о томъ, какими связями обставленъ ихъ противникъ. Но если онъ и оробѣлъ, то на одно только мгновеніе.

— Мнѣ непремѣнно надо, какъ можно скорѣе и по весьма важному дѣлу повидать вашего барина,—объявилъ онъ.—Въ которомъ часу онъ встаетъ?

— Встаютъ они рано, къ семи часамъ я имъ самоваръ ставлю, а только никого не велятъ принимать...

Посѣтитель вынулъ изъ бокового кармана червонецъ и, небрежно повертывая его между пальцами, спросилъ, нельзя ли повидать камердинера г. Коржина?

— Почему нельзя, можно... Яковъ Ивановичъ, пожалуйста сюда, васъ тутъ баринъ одинъ спрашиваетъ,—проговорила она, растворяя дверь въ сосѣдную горенку.

— Кого еще чортъ принесъ?—раздался сердитый голосъ.

— Баринъ гутъ одинъ по важному дѣлу.

— Сейчасъ.

Передъ посѣтителемъ предстала взъерошенная заспанная фигура пожилого человѣка съ благообразнымъ, тщательно выбритымъ лицомъ, въ синемъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Мнѣ необходимо повидаться съ г. Коржинимъ.

— Такъ - съ,—протянулъ Яковъ Ивановичъ, продолжая опытнымъ окомъ разглядывать посѣтителя:—я имъ доложу-сь, не знаю только, захотятъ ли они васъ принять; они здѣсь, такъ сказать, инкогнито,—продолжалъ онъ, развязно произнося иностранное слово,—по личному своему дѣлу, и всѣхъ просителей приказано въ министерство отсылать...

— Я не проситель и хочу повидать г. Коржина по его же дѣлу,—перебилъ его мсье Лаглуаръ, ловко пропуская приготовленный червонецъ въ руку своего собесѣдника, который низко поклонился.

— Пожалуйста завтра въ восемь часовъ утра, сударь, застанете барина за чаемъ, я имъ доложу...

— Доложи... А фамилію свою я лучше завтра скажу, она мудреная, пожалуй, забудешь...

— Мусью Лагларовъ?—съ усмѣшкой спросилъ камердинеръ.

— Ты меня знаешь?

— Вдругъ-то я вашей милости не призналъ, а только думалъ себѣ, на васъ гляючи: гдѣ я этого барина видѣлъ? Ну, а потомъ и фамилію вашу вспомнилъ. Изволите въ своемъ домѣ въ переулкѣ за Гороховой жить.

— Такъ, такъ,—вставилъ съ улыбкой французъ.

— Въ позапрошломъ году меня посылали господа къ вашей милости за рецептомъ для куренія...

— Именно, теперь и твое лицо мнѣ припоминается, братецъ. Такъ завтра, въ восемь часовъ... А куда мнѣ войти? Парадный подъѣздъ у васъ запертъ.

— Не сумлѣвайтесь, завтра найдете дверь отпертой. Вотъ она васъ и встрѣтитъ, если что у барина меня задержитъ,—прибавилъ онъ, кивая на свою сожительницу.

Дѣло устроивалось лучше, чѣмъ можно было ждать, не для чего было и лошадей нанимать, чтобъ въ Петергофъ тащиться, не къ чему и Тубетейкина предупреждать, чтобъ онъ раньше вечера къ

графинѣ Маржерецкой не являлся; поздняя обѣдня еще не отойдетъ, когда намѣренія г. Коржина имъ будутъ извѣстны.

На слѣдующее утро, ровно въ восемь часовъ, мсьё Лаглуаръ входилъ черезъ калитку во дворъ Коржинскаго дома. Его уже ждали.

— Пожалуйте, сударь, въ садъ. Баринъ нашъ изволятъ купить чай на террасѣ. Я имъ доложилъ про вашу милость, изволили приказать провести васъ къ нимъ, какъ только пожалуете,—объявилъ камердинеръ, выходя къ нему съ низкимъ поклономъ

И онъ прошелъ впередъ, огибая домъ, къ густому прекрасно содержимому саду, на который выходилъ красивый фасадъ барскаго дома. Дойдя до цвѣтника, раскинутого передъ террасой, на которой г. Коржинъ, сидя въ покойномъ креслѣ съ газетой въ рукахъ, прихлебывалъ чай изъ большой чашки севрскаго фарфора, онъ остановился и пропустилъ впередъ мсьё Лаглуара въ ту самую минуту, когда Леонтій Артемьевичъ, отложивъ въ сторону газету, привѣтствовалъ посѣтителя любезнымъ вопросомъ:

— А! мсьё Лаглуаръ! Я васъ давно жду. Иди себѣ,—приказалъ онъ камердинеру, указавъ съ привѣтливой улыбкой посѣтителю на стулъ противъ себя.

— Неужели я опоздалъ, ваше превосходительство?—возразилъ французъ, вынимая часы.—Мнѣ было сказано явиться въ восемь часовъ, а теперь только десять минутъ девятого.

— Вамъ сказали въ восемь? Эти дураки вѣчно перевираютъ... Я долженъ быть у министра къ двѣнадцати, а онъ въ Царскомъ, какъ вамъ извѣстно... Но во всякомъ случаѣ съ полчаса времени я могу уделить на бесѣду съ вами.

Мсьё Лаглуаръ молча поклонился. Беззаботное радушіе и безпечная самоувѣренность, которыми дышала вся фигура этого красиваго барина, его громкій, звучный голосъ, неуловимая иронія, просвѣчивающая въ его улыбкѣ и въ прищуренныхъ глазахъ съ острымъ, умнымъ взглядомъ, все это такъ его смущало, что онъ съ недоумѣніемъ себя спрашивалъ: хватить ли у него духу приступить къ изложенію крайне неприятнаго и щекотливаго дѣла, для котораго онъ сюда явился?

Но ему облегчили эту задачу.

— Я васъ давно жду,—началъ Коржинъ, небрежно откидываясь на спинку кресла и разглядывая свои выхоленные розовые ногти.—Еще на прошлой недѣлѣ слышалъ я у князя Мезенскаго, что вы случайно познакомились съ моей сестрой, Катериной Артемьевной Коржиной?

— Я не случайно съ нею познакомился, ваше превосходительство, съ ея супругомъ, графомъ Ксаверіемъ Маржерецкимъ, меня связываетъ самая.....

— Неужели она дѣйствительно вышла замужъ?—съ изумленіемъ перебилъ его Коржинъ.

— Да, они обвинены.

Лицо Леонтія Артемьевича выразило живѣйшее состраданіе.

— Бѣдный Маржерецкій! Вотъ ужъ именно можно сказать, что злой рокъ его преслѣдуетъ. Несчастный! Но васъ, можете быть, обманываютъ? Вы, можете быть, имѣете дѣло съ какойнибудь самозванкой?... Нѣтъ? Ну, знаете, это ужасно прискорбно, и мнѣ отъ души жаль бѣднаго графа. Какъ это ему не пришло въ голову обратиться ко мнѣ за совѣтомъ, или даже просто увѣдомить меня о своемъ намѣреніи? Понять не могу! Я для него такъ много сдѣлалъ десять лѣтъ тому назадъ, что считалъ себя вправѣ ожидать съ его стороны, если не благодарности, то, по меньшей мѣрѣ, довѣрія... Все это такъ странно, такъ на него не похоже... Я, признаться сказать, не повѣрилъ княгинѣ Мезенской, но вы утверждаете, что этотъ злополучный бракъ состоялся, стало быть, оно такъ и есть,—прибавилъ онъ, разводя руками.—Однако скажите, пожалуйста, какъ это могло случиться? И какъ могъ онъ отпустить ее такъ далеко одну? Это очень опасно, вѣдь она... человѣкъ не нормальный.

— Графиня пріѣхала съ сыномъ.

Леонтіи Артемьевичъ брюзгливо поморщился и, съ раздраженіемъ потирая себѣ лобъ, вздохнулъ.

— Да, къ довершенію всего, тутъ еще ребенокъ, съ которымъ она не расстанется,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Все это крайне непріятно... для всей ея родни вообще, а для меня въ особенности... Вы, вѣроятно, слышали, я былъ ея опекуномъ, она воспитывалась въ моей семьѣ, и когда случился этотъ позоръ... Все это пришлось скрывать, чтобъ спасти ея репутацію... И мнѣ бы это удалось, еслибъ я имѣлъ дѣло съ менѣе испорченной натурой... Но съ нею не было никакой возможности сладить. Отъ развратнаго поведенія она впала въ умственное разстройство, на нее стали періодически находить припадки остраго помѣшательства, отъ которыхъ она долго лечилась въ Москвѣ... Доктора предписали полнѣйшее уединеніе и спокойствіе... Благодаря этому режиму, она стала поправляться, припадки случались все рѣже и рѣже, но вполне выздоровѣть она не можетъ... На нее находятъ меланхолія съ галлюцинаціями даже въ то время, когда она кажется вполне здоровой; все ей тогда представляется въ превратномъ видѣ, всѣхъ она подозрѣваетъ въ злостныхъ противъ нея намѣреніяхъ, ей кажется, что ее хотятъ отравить, ограбить... Абсолютно вѣрила она только одному мнѣ, но теперь, вотъ ужъ скоро два года, какъ и я впалъ у нея въ немилость, я вижу по ея письмамъ, что она считаетъ и меня тоже злѣйшимъ своимъ врагомъ... Ну, будетъ объ этомъ, въ каждой семьѣ своя язва... Для чего она сюда пріѣхала, вотъ вы мнѣ что скажите?—скорбнымъ тономъ человѣка, не желающаго поддаваться удручающимъ духъ воспоминаніямъ, отрывисто спросилъ онъ.

— Графиня желаетъ сама управлять своимъ состояніемъ и уничтожить довѣренность, данную вашему превосходительству...

Коржинъ съ изумленіемъ приподнялъ брови.

— Какимъ состояніемъ?

— Которое ей досталось отъ отца, — робко вымолвилъ мсьё Лаглуаръ, озадаченный апломбомъ своего собесѣдника.

— Да отъ этого состоянія давно ничего не осталось, — вскричалъ Коржинъ. — Она давно все промотала... Тому негодяю... который обезчестилъ ее, ему одному, чтобъ заставить его молчать, пришлось отдать десятки тысячъ... Я все это могу доказать документами, если она меня къ этому принудитъ. Непроданными у нея остались только пустоши въ Оренбургской губерніи, но дохода съ этой земли, которая сдана въ аренду, не хватаетъ ей на жизнь, и вотъ ужъ третій годъ, какъ я высылаю ей свои деньги, а у меня семья и состояніе очень ограниченное... И послѣ этого она еще толкуеть о какой-то довѣренности, ха, ха, ха! Какого еще больше доказательства, что она не въ своемъ умѣ? Довѣренность! Ха, ха, ха... Что тебѣ? — порывисто обернулся онъ къ появившемуся въ дверяхъ лакею.

— Экипажъ пріѣхалъ отъ Рязановыхъ, ваше превосходительство.

— Хорошо, я сейчасъ. Ступай.

Диверсія эта заставила его опомниться. Вспышка гнѣва мгновенно погасла, и, поднявшись съ мѣста, онъ со свойственнымъ ему надменнымъ самообладаніемъ, продолжалъ прерванную бесѣду со своимъ посѣтителемъ: — Мнѣ очень жаль, что я не могу съ вами долше побесѣдовать, но, какъ я вамъ уже сказалъ, меня ждутъ въ Царскомъ къ двѣнадцати, а теперь половина десятаго, только, только успѣю доѣхать.

— Не найдете ли вы полезнымъ, ваше превосходительство, повидаться съ... графиней и лично съ нею переговорить? — освѣдомился смущенный французъ.

— Зачѣмъ? — отрывисто спросилъ Коржинъ, сердито сдвигая брови. — Зачѣмъ мнѣ видѣть сумасшедшую женщину, которая возбуждена противъ меня? Кромѣ безумныхъ словъ, я ничего отъ нея не услышу, а ей, мое согласіе допустить ее до себя, дастъ поводъ вообразить себѣ всевозможный вздоръ...

Онъ помолчалъ немного, какъ бы соображая что-то, а затѣмъ, вскидывая на своего собесѣдника пытливый взглядъ, спросилъ: — вы у меня это спрашиваете отъ себя или по ея порученію?

— Я имѣю основаніе предполагать, что графиня желала бы сама съ вами повидаться, — уклончиво отвѣчалъ Лаглуаръ.

Опять наступило молчаніе. Коржинъ видимо колебался. По его красивому и энергичному лицу пробѣгали тѣни, и онъ даже поблѣднѣлъ отъ борьбы, поднявшейся въ его душѣ. Чувство, которое онъ считалъ давнымъ давно потухшимъ, съ странною настойчивостью въ немъ зашевелилось съ первыхъ словъ Лаглуара.

При одной мысли, что это возможно, и что и она тоже этого хочетъ, страстное желаніе ее видѣть, слышать ея голосъ, очутиться

съ нею, хотя бы на нѣсколько минутъ наединѣ, желаніе это возростало въ немъ съ такой безумной силой, что, предчувствуя минуту, когда противиться ему станетъ невозможно, онъ успѣвшиль оттолкнуть искушеніе, пока оно еще не успѣло имъ овладѣть вполне.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу ее видѣть... Она слишкомъ передо мной виновата!—вскричалъ онъ съ возрастающею запальчивостью.— Скажите ей, что моя дверь навсегда для нея закрыта... И чтобъ она не вздумала пріѣхать къ женѣ, ее и тамъ не примутъ... Никто изъ родныхъ не хочетъ ее видѣть... Всѣмъ внушаетъ она страхъ и отвращеніе... Всѣ знаютъ, что она сумасшедшая! Всѣ, слышите ли, всѣ! У меня есть на это доказательства! Она, можетъ быть, воображаетъ, что это пустая угроза съ моей стороны, чтобы заставить ее уѣхать... она ошибается, у меня есть доказательства, есть,—повторилъ онъ въ изступленіи, возвышая голосъ до крика.

— Это ваше послѣднее слово, ваше превосходительство?—позволилъ себѣ спросить Лаглуаръ.

Вопросъ этотъ, хотя произнесенный очень робко, мгновенно отрезвилъ Леонтія Артемьевича; искаженное гнѣвомъ лицо его точно застыло, только грудь продолжала вздыматься подъ учащеннымъ и неровнымъ дыханіемъ.

— У меня никогда не бываетъ противорѣчія между первымъ и послѣднимъ словомъ, милостивый государь, и мнѣ страннымъ кажется, что вы позволяете себѣ въ этомъ сомнѣваться,—произнесъ онъ, рѣзко и съ ледяною холодностью отчеканивая слова.

И высокомернымъ кивкомъ отвѣтивъ на низкій поклонъ Лаглуара, онъ вошелъ въ домъ.

Переконфуженный французъ прошелъ во дворъ черезъ садъ той же самой дорогой, по которой его провели сюда, и очутился на улицѣ много раньше, чѣмъ г. Коржинъ успѣлъ переодѣться, сѣсть въ коляску и уѣхать.

Но куда идти? Diable, diable! И что теперь дѣлать?

Вопросъ этотъ онъ задалъ себѣ тогда только, когда прошелъ нѣсколько улицъ, совершенно сбитый съ толку и озадаченный свиданіемъ съ противникомъ своей protégée. Подъ впечатлѣніемъ этого свиданія, мысли одна другой неприятели и мрачнѣе такимъ неудержимымъ вихремъ кружились въ его отуманенной головѣ, что ни на одной изъ нихъ онъ не могъ остановиться, чтобъ трезво обсудить положеніе. Съ кѣмъ бы посоветоваться прежде, чѣмъ явиться передъ нею?

И вдругъ, приближаясь къ какой-то церкви, онъ услышалъ звонъ, вспомнилъ, что его ждетъ Тюбетейкинъ и, не задумываясь, свернулъ къ тому переулку, гдѣ былъ домъ знаменитаго ходатая по дѣламъ.

Дѣло графини мсье Лаглуаръ считалъ совсѣмъ потеряннымъ, и если теперь заботился о чемъ нибудь, то только о томъ, чтобъ за-

ставить и ее въ этомъ убѣдиться и уѣхать скорѣе къ мужу. Чтобъ помочь ему въ этомъ, онъ надѣялся на Тюбетейкина. Когда этотъ извѣстный по всему Петербургу дѣлецъ объяснить ей, что начинать дѣло съ Коржинымъ не стоитъ, потому что она не можетъ его выиграть, и докажетъ ей, какимъ она ужаснымъ послѣдствіямъ подвергнется, если станетъ упорствовать, она повѣритъ ему и покорится.

Но захочетъ ли онъ это сдѣлать?.. Это было болѣе, чѣмъ сомнительно.

Вотъ съ какими мыслями шелъ мсье Лаглуаръ къ дѣльцу. Засталъ онъ его дома и ужъ по одной поспѣшности, съ которой его ввели въ кабинетъ, онъ догадался, что его ждутъ; а по тому, съ какимъ привѣтливымъ лицомъ Тюбетейкинъ поднялся къ нему на встрѣчу и усадилъ на диванъ, онъ понялъ, что къ его словамъ отнесутся совсѣмъ иначе, чѣмъ вчера.

Это придало ему бодрости, и онъ рѣшился быть вполне откровеннымъ и рассказать все, что случилось съ той минуты, какъ они накануне разстались.

Его слушали съ большимъ вниманіемъ.

Онъ увлекся и вдавался въ такія подробности про свою графиню и ея супруга, про ея прелести и ея благородство, что по временамъ ему становилось совѣстно за свою нескромность, но слушатель его выказывалъ столько участія къ судьбѣ его друзей и такъ ловко наводилъ его на интимныя изліянія, что остановиться онъ уже не могъ и рассказалъ все, что про нихъ зналъ, начиная съ того, что они сами ему открыли, и кончая городскими слухами и сегодняшней бесѣдой съ Коржинымъ.

— Такъ онъ не желаетъ съ нею видѣться?—спросилъ Тюбетейкинъ, напирая на слово «желаетъ».

— Нѣтъ, хотя по лицу его видно было, что онъ колебался... Одну минуту мнѣ даже казалось, что онъ согласится на это свиданіе, но я ошибся; въ концѣ концовъ онъ категорически объявилъ, что дверь его всегда останется для нея запертой. И какъ онъ грозно вскрикнулъ при этомъ! Глаза его метали искры отъ бѣшенства...

— Онъ производитъ впечатлѣніе очень жестокаго человѣка,—прибавилъ Лаглуаръ, помолчавъ немного.

— Коршунъ!—произнесъ, какъ бы про себя, Тюбетейкинъ. И, поразмысливъ еще съ минуту, онъ спросилъ:—хороша она собой?

— Красавица. А какъ умна! И такую-то женщину считаютъ сумасшедшей! Я знаю ее всего только двѣ недѣли, но готовъ чѣмъ угодно поручиться, что это клевета! Гнусная, наглая клевета! Никогда не была она помѣшанной... Такія натуры, какъ она, слишкомъ сильны, чтобъ свихнуться отъ чего бы то ни было... Сколько въ ней самообладанія! Чувства собственнаго достоинства! Она пала, это правда. Замужемъ она всего только недѣль шесть, а сыну ея

пять лѣтъ, стало быть, сомнѣваться въ этомъ нельзя, но я не могу себѣ представить, чтобъ она могла отдаться человѣку низкаго происхожденія, какъ увѣряеть Коржинъ... Это невозможно, невозможно,—повторилъ онъ съ жаромъ, не замѣчая огонька, разгоравшагося все ярче и ярче въ глазахъ его слушателя.

— Такъ кто же, по-вашему, ея соблазнитель?—спросилъ этотъ послѣдній.

— Не знаю. Но графу это извѣстно...

— Извѣстно?—съ живостью подхватилъ дѣлецъ.

— Да. Она мнѣ сама сказала, что ничего отъ него не скрыла, принимая его предложеніе, а ей нельзя не вѣрить, она не можетъ лгать.

— Вы говорите, что графъ ее зналъ раньше, когда она была еще дѣвочкой?

— Да, онъ хотѣлъ начать какое-то дѣло съ Коржинымъ, строить фабрику на его землѣ, что-то въ этомъ родѣ, пріѣхалъ для этого въ ихъ родовое имѣніе, гдѣ жила его семья, и тамъ познакомился съ Катериной Артемьевной... Это было давно, десять лѣтъ тому назадъ... ей не было еще шестнадцати лѣтъ.

— И она ужъ тогда ему понравилась?

— Онъ съ тѣхъ поръ безъ ума въ нее влюбленъ.

— Почему же онъ тогда на ней не женился?

— Ему отказали подъ тѣмъ предлогомъ, что она слишкомъ молода.

— Кто отказалъ?

— Ея опекунъ, Коржинъ. Впрочемъ, и сама она не хотѣла тогда выходить замужъ... Да и теперь обвинчалась только для ребенка, чтобъ дать ему имя... Графъ обѣщаль его усыновить.

— И это тоже графу извѣстно?

— Что она его не любитъ? О, да!—отвѣчалъ со вздохомъ месье Лаглуаръ.

Собесѣдникъ его поднялся съ мѣста и въ глубокомъ раздумьѣ прошелся по комнатѣ, а затѣмъ, остановившись передъ нимъ:—мнѣ надо съ нею повидаться,—сказалъ онъ.

— И вы ей скажете, чтобъ она бросила мысль о томъ, чтобъ начинать дѣло противъ Коржина, не правда ли?—вскричалъ Лаглуаръ, хватая его руки и крѣпко сжимая ихъ.—Вы ей объясните, какимъ ужасамъ она подвергается! О! какъ мы съ графомъ вамъ будемъ благодарны! Можно себѣ представить, какія онъ испытываетъ муки въ ея отсутствіи! Вѣдь она уѣхала сюда въ день своей свадьбы, прямо изъ церкви, изъ-подъ вѣнца, такъ сказать, а онъ до безумія въ нее влюбленъ. И ему невозможно было сопровождать ее, невозможно воспользоваться своимъ священнымъ правомъ защищать свою законную супругу, спасти ее отъ враговъ... Что можетъ быть ужаснѣе такого положенія!

— Да, положеніе не изъ пріятныхъ,—согласился Тюбетейкинъ дѣловитымъ тономъ человѣка, привыкшаго имѣть дѣла съ людьми, барахтающимися и не въ такихъ затрудненіяхъ, какъ это.—И онъ богатъ, этотъ графъ? Состояніе его не все конфисковано?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, богатъ. Капиталы его помѣщены въ Англіи, да и имѣнія ему, безъ сомнѣнія, возвратятъ, онъ попался въ самомъ началѣ возстанія и не успѣлъ надѣлать непоправимыхъ бѣдъ ни себѣ, ни другимъ, за него многіе хлопочуть,—поспѣшилъ объявить Лаглуаръ, приписывая любопытство дѣльца сердечному участию къ несчастной жертвѣ коршуна.

— А съ кѣмъ она здѣсь?

— Одна, совѣтъ одна, друзей у нея нѣтъ, родные ее не хотятъ знать...

— Я не про то,—перебилъ Тюбетейкинъ:—изъ прислуги кого она сюда привезла?

— Изъ прислуги при ней—довѣренный камердинеръ графа, полякъ, да нянька изъ ея крѣпостныхъ.

— Старая нянька-то?

— Старая.

— И давно при ней?

— Всю жизнь. Няньчила еще ея мать, а теперь при ея ребенкѣ. Обожаетъ свою госпожу, это сейчасъ видно... Суровая женщина, но очень умная.

— Когда могу я видѣть графиню?

— Да хоть сейчасъ, она васъ ждетъ. Я ее вчера предупредилъ, что познакомился съ вами, и что вы сегодня въ одиннадцать часовъ обѣщали у нея быть.

— Такъ ѣдемте. Вы пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— Въ такомъ случаѣ я прикажу заложить дрожки. Пѣшкомъ я ходить не люблю, это отнимаетъ много времени, и подвергаешься досаднымъ встрѣчамъ. Попрошу васъ здѣсь немножко подождать.

Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Но сборы его продолжались недолго; не прошло и десяти минутъ, какъ по двору задребезжали дрожки, а вскорѣ затѣмъ онъ вернулся въ кабинетъ прифранченный, со шляпой въ рукахъ, и предложилъ мсье Лаглуару пуститься въ путь.

«Какой, однако, добрый человѣкъ!»—думалъ этотъ послѣдній, сидя верхомъ на узенькихъ дрожкахъ позади Тюбетейкина.—«И какъ наружность обманчива! Вчера я принялъ его за безсердечнаго ярыгу, готоваго изъ-за денегъ продать родного отца, а сегодня, движимый состраданіемъ къ угнетенной невинности, онъ самъ вызывается помочь мнѣ ее образумить и наставить на путь истины. Деньгами такую услугу не оплатишь, но когда графъ Ксаверій про это узнаетъ,

онъ, безъ сомнѣнія, пришлетъ ему какойнибудь цѣнный сувениръ въ знакъ своей благодарности»...

Ему теперь все нравилось въ г. Тюбетейкинѣ, и разпросы его, въ которыхъ онъ усматривалъ сердечное участіе къ несчастной жертвѣ коршуна, и то, что онъ разодѣлся франтомъ, чтобъ сдѣлать ей визитъ, и почтительный тонъ, съ которымъ онъ обратился къ вышедшей къ нимъ на встрѣчу Демьяновнѣ, прося ее доложить о немъ ея госпожѣ.

Демьяновнѣ онъ тоже понравился.

— Французъ нашъ привезъ какого-то чужого, по всему видать, господинъ сурьезный и не изъ простыхъ,—объявила она, растворяя дверь въ дѣтскую, гдѣ барыня ея сидѣла у кровати Свѣтика.— Иди къ нимъ скорѣе, сынокъ и безъ тебя заснетъ, умаялся, по солнышку-то гуляя, паритъ сегодня, какъ у насъ въ Одессѣ.

— А графинѣ извѣстно про ваше свиданіе съ г. Коржинымъ?—спрашивалъ между тѣмъ Тюбетейкинъ у Лаглуара, ожидая въ гостиной появленія хозяйки.

— Она сама просила меня зайти къ нему сегодня утромъ, но о послѣдствіи нашего свиданья ей ничего еще не извѣстно: я отъ него прямо къ вамъ прошелъ.

— И хорошо сдѣлали. Вы должны при мнѣ повторить ей слово въ слово весь вашъ разговоръ съ г. Коржинымъ, а потомъ...

— Повторить ей все, что онъ про нее сказалъ?! Да это невозможно, у меня языкъ не повернется...

— Въ такомъ случаѣ ужъ я самъ...

Онъ смолкъ; въ комнату входила графиня Маржерецкая. Сдержанно отвѣтивъ на его поклонъ и указавъ ему движеніемъ руки на кресло, она прежде, чѣмъ сѣсть, спросила у мсье Лаглуара, ласково кивнувъ ему:

— Удалось вамъ повидать г. Коржина!

— Позвольте мнѣ отвѣтить на вопросъ вашего сіятельства,—началъ Тюбетейкинъ.—Г. Лаглуаръ прямо отъ его превосходительства Леонтія Артемьевича Коржина изволилъ пожаловать ко мнѣ за совѣтомъ...

— Да, пусть ужъ онъ лучше вамъ все расскажетъ,—подхватилъ французъ.

— Вы знаете г. Коржина?—спросила Катерина Артемьевна, озадаченная безцеремоннымъ вмѣшательствомъ дѣльца.

— Кто въ Петербургѣ г. сенатора Коржина не знаетъ, ваше сіятельство! Достаточно они извѣстны, а ужъ особливо въ нашемъ судейскомъ мірѣ,—уклончиво отвѣчалъ этотъ послѣдній. И по свойственному ему обычаю, не дожидаясь новыхъ вопросовъ, самъ принялся ихъ задавать своей слушательницѣ.—Вы изволили дать имъ довѣренность на управленіе всѣми вашими дѣлами въ день вашего совершеннолѣтія, ваше сіятельство?

— Да. Мое состояніе тогда заключалось въ...

— Извините, если я васъ перебую, но мнѣ все это лучше извѣстно, чѣмъ вамъ самимъ.

И онъ перечислилъ ей всѣ имѣнія и капиталы, которые завѣщалъ ей отецъ.—Кромѣ того, у васъ еще было драгоценныхъ вещей тысячь на полтораста.

Вспомнивъ, при какихъ обстоятельствахъ она лишилась шка-тулки съ драгоценностями, Катерина Артемьевна вспыхнула и молча кивнула.

— И все это вы успѣли промотать въ пять лѣтъ?—спросилъ онъ, не спуская съ нея пристального взгляда.

— Какъ промотать?—вскричала она съ негодованіемъ.

— Г. Коржинъ сегодня утромъ объявилъ г. Лаглуару, что вы промотали все ваше состояніе, и что вотъ ужъ третій годъ, какъ онъ содержитъ васъ на свой счетъ... Такъ ли я говорю, Карлъ Маврикіевичъ?

Изъ угла, въ который забился Лаглуаръ, послышалось невнятное мычаніе.

— Онъ это смѣлъ сказать?!

Голосъ ея порвался отъ гнѣва, но она сдѣлала надъ собой усиліе и прибавила отрывисто и съ горькой ироніей:—На что же могла я промотать мое состояніе? Онъ это долженъ доказать... Моя жизнь извѣстна...

— Кому?—съ живостью подхватилъ Тюбетейкинъ.

— Да всѣмъ, кто меня окружалъ съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ, моимъ людямъ...

— Увы, ваше сіятельство, свидѣтельства крѣпостныхъ на судѣ не принимаются.

— А его жена! Его дочери... его дочь?—поправилась она, вспо-мнивъ, что Маши уже нѣтъ на свѣтѣ.—Онѣ знаютъ, я съ ними жила до отбѣзда въ Москву, каждая моя издержка была имъ извѣстна.

— Неужели же вы полагаете, что Коржинъ дозволить своимъ близкимъ свидѣтельствовать противъ себя? Да онѣ и сами на это ни за что не пойдутъ.

— Да, вы правы, онѣ на это не пойдутъ, —повторила она упавшимъ голосомъ.—Я совсѣмъ одна на свѣтѣ... Надѣяться мнѣ не на что... опереться не на кого... всѣмъ я чужда и ненавистна... Онъ можетъ торжествовать... ему удалось меня ограбить... совратить... лишить всего... всего... Онъ все у меня отнялъ... надежду на счастье, сердце, честь... Мое прошлое—одна гнусность, ложь и обманъ! Будущее—безвыходный ужасъ, мой сынъ---нищій!.. И все это, благодаря ему, моему злодѣю... Онъ взялъ въ свои жестокія руки мою жизнь и безжалостно исковеркалъ ее... Но этого ему было мало, онъ и душу мнѣ искалѣчилъ...

Послѣднія слова она произнесла такъ тихо, что узнать ихъ можно было только по движенію ея губъ. Наступило молчаніе. Блѣдная, съ спущеными губами и устремленнымъ въ пространство пристальнымъ взглядомъ, она долго что-то обдумывала, не замѣчая пытливаго любопытства, съ которымъ разсматривалъ ее Тюбетейкинъ, и не слыша Лаглуара, который, ёжась въ своемъ углу, громко вздыхалъ, бормоча себѣ подъ носъ проклятія.

Но вдругъ она вспыхнула, глаза ея загорѣлись и, порывисто сорвавшись съ мѣста, вскрикнула:

— И все-таки я не дамъ ему безнаказанно насмѣяться надо мной! И ни передъ чѣмъ не отступлю, чтобъ разоблачить его передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Тюбетейкинъ тоже всталъ. Но прежде, чѣмъ заговорить, онъ обернулся къ Лаглуару и знакомъ попросилъ его удалиться. А когда они остались вдвоемъ, онъ заговорилъ:

— Вотъ какой я хотѣлъ васъ видѣть, Катерина Артемьевна,—сказалъ онъ съ улыбкой.— Не надо падать духомъ, не надо давать злодѣямъ торжествовать, это грѣхъ-съ. Это даже, можно сказать—недостойное великой души преступленіе, такъ-то-съ. Мы съ Божіей помощью заставимъ г. Коржина подчиниться нашимъ условіямъ, да-съ,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ.—Вотъ вы сейчасъ изволили удивиться моей проникающей, когда я вамъ въ точности доложилъ, сколько вамъ вашъ батюшка богатства оставилъ. А какая тутъ проникающая! Это каждый можетъ узнать, стоитъ только для этого къ которому нибудь изъ членовъ Коржинской фамиліи обратиться, а ихъ, сами изволите знать, какое множество. И всѣ, если не лично, то по наслышкѣ васъ знаютъ. О вашемъ сердцѣ, характерѣ и умѣ судятъ, разумѣется, вкривъ и вкось, но про то, какъ васъ покойный папенька, умирая, обставилъ, это каждому изъ вашихъ родственниковъ достовѣрно извѣстно. И не надо быть мудрецомъ, чтобъ догадаться, что произошло послѣ его кончины. Папенька васъ обожалъ-съ. И все въ мірѣ сдѣлалъ, чтобъ возбудить противъ васъ всеобщую зависть и ненависть. Умный былъ человѣкъ покойный Артемій Васильевичъ, а того не домыслилъ, что гибель онъ вамъ готовитъ, такъ-то-съ. Это бываетъ-съ. Особливо, когда человѣкъ не въ мѣру корысть къ деньгамъ въ себѣ разовьетъ. А онъ именно этой корыстью и грѣшенъ былъ, покойникъ. До сихъ поръ у насъ, промежъ старыхъ приказныхъ, розсказни про его умѣнье наживать деньгу ходятъ. Вотъ и покаралъ его Господь, напустилъ на него слѣпоту. Думалъ сдѣлать лучше, а выбралъ вамъ такого опекуна, отъ котораго, кромѣ зла, ничего нельзя было ждать... Вамъ это не понятно, но я слишкомъ много видалъ на своемъ вѣку, чтобъ подобнымъ явленіямъ удивляться, да-съ. Извините меня, моя сударыня, за это отступленіе,—продолжалъ онъ съ теплымъ участіемъ въ голосѣ и взглядѣ.—Васъ, можетъ быть, уди-

вляеть моя проповѣдь? Вы не ждали найти во мнѣ филозофа? Но мнится мнѣ, что вы изъ тѣхъ, съ которыми можно говорить по душѣ.

— Все, что вы говорите, мнѣ и самой не разъ приходило въ голову,—возразила она,—но вы всего не знаете...

— И не надо мнѣ и знать! Храните вашу тайну, я у васъ ее не выпытываю,—съ живостью перебилъ онъ ее. — Будеть и того, что онъ это знаетъ и чувствуетъ себя передъ вами преступнымъ... Да-съ, ужъ вѣрьте мнѣ, что чувствуетъ,—съ жаромъ продолжалъ Тюбетейкинъ.—За что же онъ и ненавидитъ васъ, какъ не за это? Почему же такъ боится встрѣтиться съ вами лицомъ къ лицу? Все изъ-за того же, такъ-то-съ. Вы даже и представить себѣ не можете, какво человѣку сознавать, что ему удалось весь міръ обмануть клеветой на невиннаго! Бремя-то грѣха онъ со своихъ плечъ какъ будто свалилъ и, казалось бы, чего лучше? А оно, это самое бремя, въ десять разъ болѣе тяжкимъ гнетомъ ему на душу легло. Будь у него сообщники, ему было бы легче, онъ могъ бы хотя, по временамъ, на мгновение заглушить угрызеніе совѣсти, свернувъ на другихъ часть своей вины, но онъ одинъ орудовалъ, одинъ свершилъ затѣянное противъ васъ злодѣйство, и тяжело ему теперь, страсть какъ тяжело! Могучъ и силенъ онъ только съ виду, а борьбы съ вами ему не выдержать. Онъ это понимаетъ лучше насъ съ вами и теперь, съ отчаянья, на все пойдетъ, чтобъ стереть васъ съ лица земли.

— Надо, значитъ, немедля, подать на него искъ?—спросила Катерина Артемьевна.

Но собесѣдникъ ея замахалъ руками.

— Безъ свидѣтелей? Безъ документовъ? Да Боже васъ упаси!

— Такъ чтожъ мнѣ дѣлать?

Онъ помолчалъ немного, а затѣмъ съ возрастающею торжественностью снова заговорилъ:

— Еслибъ мы были въ другомъ государствѣ, гдѣ судьбу людей предоставлено рѣшать другимъ людямъ, имъ подобнымъ, и по писаннымъ законамъ, я бы вамъ сказалъ: откажитесь отъ всего и покоритесь, лбомъ стѣну не прошибешь. Но у насъ есть царь. Онъ выше всѣхъ судей. Ему одному можно то, чего никому нельзя. Съ той высоты, на которую его поставилъ Богъ, всѣ русскіе люди богатые и бѣдные, знатные и простые, сильные и слабые, всѣ передъ нимъ равны. Только его сердцу и можетъ быть доступна правда. Онъ выше всѣхъ судей. Вамъ надо искать защиты у царя.

— У царя?—повторила Катерина Артемьевна.

Лицо ея просвѣтлѣло, а глаза загорѣлись восторгомъ.

— Но какъ дойти до царя? Какъ сдѣлать, чтобъ онъ меня выслушалъ? О, скажите!.. Научите меня!.. Я на все для этого пойду, на все!

— Напишите государю. Помолитесь Богу да изложите въ письмѣ къ царю всѣ ваши печали и обиды, вотъ вамъ мой совѣтъ.

— Написать?.. И онъ прочтетъ? Вы навѣрное знаете, что онъ прочтетъ? О, только бы онъ прочелъ, только бы онъ прочелъ!—вторяла она внѣ себя отъ радостнаго волненія.

— Онъ прочтетъ. Онъ читаетъ все, что ему пишутъ... Я знаю множество примѣровъ... И могу вамъ назвать по имени тѣхъ несчастныхъ, судомъ осужденныхъ, всѣми покинутыхъ, которыхъ царь однимъ своимъ словомъ спасъ отъ безчестія и разоренія потому только, что они обратились къ нему съ полнымъ довѣріемъ, съ чисто-сердечною исповѣдью и съ упованіемъ на его милосердіе и справедливость. Чѣмъ откровеннѣе вы напишите, тѣмъ лучше будетъ: царю лгать нельзя. Ему надо сказать все, все безъ утайки, даже и то, въ чемъ вамъ передъ самой собою стыдно и тяжело сознаться...

Она съ достоинствомъ выпрямилась.

— Я русская дворянка и знаю, какъ говорить съ моимъ царемъ, не учите меня,—прервала она его.

И, помолчавъ немного, прибавила мягче:—пріѣзжайте завтра вечеромъ, письмо мое будетъ готово.

XXIII.

Она всю ночь писала это письмо.

Давно ужъ разсвѣтало, и весь домъ поднялся, когда, внявши, наконецъ, мольбамъ Демьяновны, которую не на шутку испугала ея блѣдность и утомленный видъ, Катерина Артемьевна рѣшилась, наконецъ, собрать раскиданные по столу листы бумаги, исписанные ея твердымъ и красивымъ почеркомъ, запереть ихъ въ ящикъ бюро и лечь отдохнуть.

Такъ она была занята этимъ письмомъ, что даже и про Свѣтика не спросила.

— А онъ, голубчикъ, съ этой ночи и расхворался,—разсказывала, много лѣтъ спустя, Демьяновна, припоминая эти роковые для нихъ дни.—И какъ встала, не вспомнила про него, а сейчасъ эта опять за писаніе принялась, да такъ до вечера, не пимши, не ѣмши и съ мѣста не поднимаясь, все писала да писала. Мы думали, она въ умѣ рехнулась, право! А вечеромъ этотъ, котораго наканунѣ французъ привозилъ, Тюбетейкинъ, опять пріѣхалъ, а она ужъ его съ конвертомъ въ рукахъ встрѣчаетъ. «Вотъ, говоритъ, у меня готово». И радостно такъ, точно и не вѣсть какого счастья она себѣ въ отвѣтъ на это письмо ждала. И сейчасъ это затворилась въ гостиной и не велѣли никого впускать. А я къ Свѣтику пошла. Онъ въ жару, все къ постелькѣ его тянетъ и про маму спрашиваетъ: «зачѣмъ не придетъ къ нему и къ себѣ не зоветъ»? Ужъ я его и такъ и эдакъ ублажала, и все толку нѣтъ, ни пѣсенъ, ни сказокъ не хочетъ слушать, игрушки прочь отъ себя кидаетъ и, нѣтъ-нѣтъ, на боль въ головкѣ жалуясь, и всплакнетъ...

Въ тотъ вечеръ Катерина Артемьевна толковала съ Тюбетейкинымъ, какъ передать письмо государю. Стряпчій былъ такого мнѣнія, что всего лучше ей самой это сдѣлать, и я имѣю въ рукахъ нѣсколько писемъ изъ семейнаго архива, довѣреннаго мнѣ моимъ московскимъ пріятелемъ, изъ которыхъ видно, что она именно такъ и поступила.

Событіе это подняло въ то время много шума и говору въ городѣ и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, о поступкѣ графини Маржерецкой судили и рядили разнo. Были и такіе, что одобряли ее, но осторожно, не безъ оговорокъ и скорѣе изъ ненависти къ Леонтію Артемьевичу, чѣмъ изъ участія къ ней; большинство же представителей и въ особенности представительницъ того свѣта, къ которому она принадлежала по рожденію своему, по воспитанію и по состоянію, и въ которомъ, благодаря исключительно сложившимся для нея обстоятельствамъ, никто не имѣлъ понятія о ея душѣ и характерѣ, большинство представителей этого свѣта такъ и умерли въ убѣжденіи, что это чудовище разврата и злобы осталось вѣрно себѣ, рѣшаясь оклеветать брата въ глазахъ самого царя.

Оставляя въ сторонѣ пустые толки и предположенія, представляющіе мало интереса читателю, знакомому съ настоящей подкладкой этой исторіи, я приведу только то, что относится къ событію, послужившему ей эпизодомъ.

Вотъ отрывокъ изъ письма Марьи Алексѣевны Коржиной къ дочери ея, Софѣ Леонтьевнѣ, отъ 7-го августа 1832 года:

«...непріятности съ «чудовищемъ» не прекращаются, и каждый день она выдумываетъ новыя козни, чтобъ отравлять намъ существованіе. Съ тѣхъ поръ какъ папенька узналъ, что она изволила явиться въ Петербургъ, онъ такъ разстроены, что приступать къ нему съ разспросами невозможно, но вчера онъ самъ мнѣ сказалъ, что намѣренъ просить освидѣтельствовать ея умственные способности и заключить ее, если не въ домъ умалишенныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ монастырь. Въ томъ, что она не въ своемъ умѣ, сомнѣваться трудно. Представь себѣ, что, между прочимъ, она выдаетъ себя за законную жену графа Маржерецкаго! Вѣроятно, того самого Маржерецкаго, котораго она такъ подло отбила у нашего ангела, Маши, упуская при этомъ изъ виду, что несчастнаго графа и на свѣтѣ нѣтъ. Онъ, какъ ты знаешь, убитъ во время возстанія. И вмѣстѣ съ тѣмъ она всюду таскаетъ за собой своего ребенка отъ монаха, это живое доказательство ея распутства и позора. Она и здѣсь съ нимъ и со старой своей вѣдьмой Демьяновной. Всѣ ее осуждаютъ, находя, что идти дальше въ развратѣ и наглости нельзя, но, какъ всегда, злорадство и любопытство примѣшиваются къ чувству справедливости и приличія, и въ толкахъ, поднявшихся по этому поводу въ городѣ, не мало комковъ грязи уже пущено и еще

будеть въ насъ пускаться по этому случаю. Что всего прискорбнѣе, это—то, что и родственники наши позволяютъ себѣ оскорбительныя противъ насъ инсинуаціи. Особенно дурно поступаетъ относительно вашего отца мужъ тетки Марѣы, которая съ лѣтами до того поглубѣла, что въ собственномъ домѣ утратила всякое вліяніе. Надняхъ князь позволилъ себѣ сказать у графа Петра Васильевича, при многочисленной публикѣ, что вашъ отецъ управлялъ состояніемъ своей меньшей сестры безконтрольно. Ужъ это совсѣмъ не по-родственному, вѣдь ему извѣстно, что графъ все передаетъ женѣ, а она—первая сплетница въ городѣ и ужъ доказала прошлой зимой свое къ намъ недоброжелательство, помѣшавъ Сашѣ жениться на Нустошкиной. Можешь себѣ представить, какъ все это дѣйствуетъ на папеньку! Надо надѣяться, что съ выѣздомъ отсюда «чудовища» все успокоится и войдетъ въ прежнюю колею, но когда это будетъ — вотъ вопросъ! Я забыла тебѣ сказать, что она позволила себѣ пріѣхать къ сестрѣ Лизѣ, и та такъ перепугалась, что заболѣла отъ волненія. Папенька долженъ былъ къ ней доктора привозить. Однимъ словомъ всѣхъ хлопотъ и непріятностей, которыя она намъ надѣлала, и не перечислить...».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 15-го августа, находятся такія строки:

«...кажется, есть надежда на скорое избавленіе. Папенька былъ у Николая Степаныча, и онъ обѣщаль переговорить съ Леонтіемъ Васильевичемъ. Ее заставятъ покинуть Петербургъ, а если она заупрямится—примутъ мѣры... Скандаловъ здѣсь не любятъ. Но вотъ что непріятно: оказывается, что слухъ о смерти Маржерецкаго не вѣренъ, и что она дѣйствительно обвѣнчалась съ нимъ! Его захватили въ плѣнъ въ самомъ началѣ возстанія, продержали въ крѣпости около двухъ лѣтъ и сослали въ Одессу, гдѣ они встрѣтились, и она послѣшила заставить его на себѣ жениться. Вотъ какая пройдоха! Я ужасно боюсь, чтобы она и здѣсь всѣхъ не провела. Ужъ по городу начинаютъ болтать про ея красоту, ею интересуются, а у папеньки враговъ много. Стараюсь не останавливаться на этихъ мысляхъ и пишу это вамъ не для того, чтобы васъ пугать, а только потому, что, зная вашу любовь ко мнѣ и къ папенькѣ, не могу ничего отъ васъ скрыть. Мезенскіе рассказываютъ, что за нее здѣсь хлопочетъ французъ Лаглуаръ, тотъ самый, что давалъ уроки у Оболенскихъ, а также Лоло и Додо Водорѣцкимъ, помнишь? Онъ оказывается въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ графомъ Ксаверомъ и даже, говорятъ, будто бы, черезъ связи съ Голицыными и Блудовыми, способствовалъ его освобожденію изъ крѣпости. Все это до извѣстной степени, можетъ быть, и вѣрно, но во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы ничтожному французишкѣ, бѣгающему по урокамъ, удалось выпутать ее изъ осинаго гнѣзда, въ которое она по своей собственной винѣ попала. Другихъ же явныхъ по-

кровителей у него пока нѣтъ. Князь Мезенскій прямо объявилъ, что не желаетъ вмѣшиваться въ это дѣло, когда Лаглуаръ явился къ нему за покровительствомъ для вновь испеченной графини Мержерецкой. Вотъ примѣръ которому долженъ былъ бы послѣдовать мужъ сестры Мары, но увы!..

«Въ сущности самое опасное, что она можетъ сдѣлать, это обратиться противъ папеньки съ искомымъ прошеніемъ въ судъ, но ей тамъ откажутъ, такъ какъ кляуза ея основана на однихъ словесныхъ показаніяхъ, а у папеньки на все есть оправдательные документы, значить бояться намъ нечего, но, разумѣется, все это крайне непріятно, потому что дастъ нашимъ недоброжелателямъ и вообще всѣмъ злымъ языкамъ (а ихъ здѣсь такъ много!) пишу для сплетенъ на нашъ счетъ.

«Увѣряютъ, будто Дина Пракосова находитъ романъ графа Мержерецкаго съ этой несчастной крайне интереснымъ, и будто, благодаря ей, про него говорили во дворцѣ. Извѣстіе это меня чрезвычайно огорчило. Я всегда считала Дину легкомысленной женщиной, но не до такой степени».

Въ томъ же письмѣ слѣдующая приписка: «Распечатываю мое письмо, чтобъ сообщить тебѣ нелѣпый слухъ, пущенный со вчерашняго дня по городу: рассказываютъ, будто она осмѣлилась подойти къ государю въ Лѣтнемъ саду и передать ему письмо. Это вздоръ, безъ сомнѣнія, но братья твои это слышали отъ Левшина, гусара, который нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ имъ это сообщить.

«Боже, Боже, какъ люди злы!»

А того же самаго числа мужъ старшей дочери, княгини Мары Артемьевны, по всему видно, вращавшійся въ большомъ свѣтѣ, вотъ что писалъ своей женѣ въ деревню:

«...вездѣ только и рѣчи, что о вчерашней встрѣчѣ государя съ таинственной особой, которая выдаетъ себя за графиню Мержерецкую, то-есть съ твоей теткой, Катериной Артемьевной Коржиной. Говорятъ, что она прекрасна, какъ ангелъ, что государь былъ пораженъ ея красотой, изяществомъ ея костюма, граціей, умою, однимъ словомъ всей ея особой. Говорятъ, что онъ не только принялъ письмо, которое она ему подала, но самъ предложилъ ей нѣсколько вопросовъ, говорятъ, будто онъ милостиво протянулъ къ ней руку, когда она сдѣлала видъ, что хочетъ опуститься передъ нимъ на колѣни, говорятъ... Но всего, что говорить, не перескажешь. Твой отецъ потираетъ себѣ руки отъ восторга и съ особеннымъ наслажденіемъ собираетъ сплетни про антагонистку дяди Коршуна. Ты вѣдь знаешь, какъ онъ его терпѣть не можетъ. Все, что я тебѣ сегодня пишу, я узналъ отъ него. Остальные слухи передавать не стоитъ, такъ какъ за достовѣрность ихъ ручаться невозможно, но твоему отцу все извѣстно изъ перваго источника, и, должно быть, источникъ этотъ — сама правда, если такой куртизанъ, какъ онъ,

при каждомъ удобномъ случаѣ громогласно заявляетъ о нашемъ родствѣ съ этой особой. Вчера, узнавши, что я знакомъ съ Лаглуаромъ, онъ просилъ меня съ нимъ повидаться, чтобъ разузнать все подробно. «У васъ есть къ этому предлогъ, говоритъ, Катерина Артемьевна доводится вашей женѣ двоюродной сестрой...». Вотъ ужъ до чего дошло! Еще немножко, и онъ самъ, пожалуй (*malgré l'enfant*) поѣдетъ ей представиться! Будетъ очень забавно, если, по изслѣдованіи дѣла, окажется, что она всѣхъ надула, и дяденька Коршунъ выйдетъ сухимъ изъ воды. А такъ какъ и это можно предвидѣть, то и съ визитомъ къ французу я повременю. Впрочемъ, надѣюсь встрѣтиться съ нимъ у Ладогиныхъ, гдѣ онъ раньше обѣдалъ по вторникамъ, и куда ужъ, безъ сомнѣнія, его опять стали зазывать. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ моду, благодаря дружбѣ съ загадочной красавицей, всѣ хотятъ заниматься французской литературой, даже такія переспѣлыя дѣвицы, какъ Тюфяевы, разумѣется, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобъ уроки давалъ Лаглуаръ. Говорятъ, будто онъ ужъ возвысилъ себѣ цѣну до двухъ червонцевъ за часъ, но такъ какъ слухъ этотъ распространяется не къмъ инымъ, какъ небезызвѣстнымъ князюшкой Глѣбушкой, то предоставляю на ваше усмотрѣніе рѣшить, насколько онъ можетъ быть вѣренъ...».

Но Лаглуаръ оказался тактичнѣе и скромнѣе, чѣмъ предполагали, и во все время, что длилось разслѣдованіе жалобы, поданной государю графиней Мержерецкой на ея бывшего опекуна, отъ него нельзя было ничего узнать интереснаго. Да его и видѣть было трудно, такъ какъ онъ даже уроками манкировалъ, чтобъ заниматься дѣломъ супруги своего пріятеля.

А между тѣмъ, въ домикѣ близъ Владимірской церкви, гдѣ жила личность, сдѣлавшаяся внезапно предметомъ всеобщаго любопытства въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ, готовилась страшная катастрофа. Ребенокъ, для котораго Катерина Артемьевна стремилась всѣми силами души вернуть похищенное у нея состояніе, для котораго вооруженная только убѣжденіемъ своей правоты и вѣрой въ справедливость царя, она съ такой изумительной энергіей и смѣлостью шла на борьбу съ человѣкомъ во сто разъ сильнѣе и опытнѣе ея во злѣ, и котораго всѣ боялись, ребенокъ ея былъ близокъ къ смерти.

Въ возбужденіи своемъ она этого не замѣчала, а Демьяновна, понимавшая какъ нельзя лучше важность предпріятія, увлекавшая ея госпожу до забвенія всего, что составляло ея единственное счастье и утѣшеніе на землѣ, Демьяновна не уступала ей въ силѣ воли и стойкости характера и съ истерзаннымъ сердцемъ выдавливала улыбку на своихъ поблекшихъ губахъ, донося ей каждое утро, что Свѣтикъ

чувствуетъ себя лучше, чѣмъ вчера.—Вотъ только бѣда, чуть свѣтъ проснулись и, поигравши съ часочекъ, опять задремали, а теперь почиваютъ, ужъ вы ихъ, сударыня, лучше не беспокойте,—спѣшила она прибавлять, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ барыни, угадывая по ея лицу каждое ея желаніе и всячески стараясь помѣшать ей повидать сына передъ отъѣздомъ изъ дому.

Всю эту недѣлю Катерина Артемьевна каждое утро, съ шести часовъ утра была уже на ногахъ и нервно прохаживалась по комнатамъ, въ ожиданіи Лаглуара, который пріѣзжалъ за нею въ каретъ, чтобъ везти ее въ Царское Село. Они пріѣзжали туда къ тому времени, когда государь выходилъ на прогулку въ паркъ, и Катерина Артемьевна ждала случая предстать передъ царемъ, чтобъ изложить ему свою просьбу, близъ той аллеи, по которой, какъ было основаніе предполагать, онъ пройдетъ.

Съ того дня, какъ между Лаглуаромъ и Тюбетейкинымъ было рѣшено, что самый лучший способъ обратить вниманіе царя на графиню Мержерецкую, это попасться ему на глаза безъ свидѣтелей, рано утромъ, въ царскомъ паркѣ, Лаглуаръ поселился у одного изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ въ Царскомъ и весь день проводилъ въ томъ, что всевозможными путями и, разумѣется, съ должною осторожностью разузнавалъ, когда, куда и съ кѣмъ выйдетъ государь на свою обычную утреннюю прогулку.

Ждать тотчасъ же успѣха, конечно, было невысказано, но въ данномъ случаѣ даже Тюбетейкинъ сталъ приходить въ отчаяніе отъ неудачъ, преслѣдовавшихъ его кліентку. Какъ нарочно пріѣхали какіе-то принцы изъ-за границы, и встрѣтить государя одного въ паркѣ нельзя ужъ было ни въ какое время дня.

Впрочемъ, случилось однажды такъ, что Катерина Артемьевна увидала царя въ двухъ шагахъ отъ себя, но это случилось неожиданно, и отъ пристальнаго взгляда, которымъ онъ на ней на мгновеніе остановился, она отъ волненія чуть не лишилась чувствъ.

Государь былъ ужъ далеко, когда Лаглуаръ, наблюдавшій издали за этой сценой, къ ней подбѣжалъ, а она все еще находилась въ такомъ смятеніи, что ни слова не могла произнести.

— Но она навѣрное знаетъ, что государь обратилъ на нее вниманіе? Ей это не показалось?—спросилъ Тюбетейкинъ, когда французъ передалъ ему о случившемся.

— О, въ этомъ нельзя сомнѣваться! Она именно и растерялась отъ его взгляда. Ей до сихъ поръ кажется, что государь на нее смотритъ,—отвѣчалъ Лаглуаръ,—вотъ какое сильное произвелъ онъ на нее впечатлѣніе.

Собесѣдникъ его улыбнулся.

— Надо надѣяться, что и государь ее не забудетъ. Такихъ красавицъ, какъ она, здѣсь мало.

— Такъ вы думаете, что ей все-таки надо продолжать искать случая передать ему лично письмо?

— Еще бы! Да это единственное средство выиграть дѣло. А теперь, послѣ сегодняшней встрѣчи, ей несравненно легче будетъ дѣйствовать. Второй разъ царь ужъ не смутить ея своимъ взглядомъ, и она не растеряется, вотъ увидите. Можно сказать, что напе дѣло на половину выиграно. Государь ее теперь знаетъ, и, безъ сомнѣнія, она ужъ ему любопытна,—прибавилъ Тютетейкинъ, весело потирая руки.—Надо, чтобъ она завтра же опять отправилась въ паркъ...

— Завтра нельзя.

— Почему?

— Государь сегодня выѣхалъ въ Петербургъ и пробудетъ здѣсь всю эту недѣлю.

Тютетейкинъ съ досадой крикнулъ.

— Скверно!—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Коршунъ дремать долго не станетъ. А ему не нужно ловить случая повидать государя въ паркѣ, чтобъ передать свою просьбу, ему стоитъ для этого только къ графу Бенкендорфу съѣздить... Если надо чему нибудь удивляться, такъ развѣ тому, что онъ до сихъ поръ этого не сдѣлалъ...

— А вы въ этомъ увѣрены?—спросилъ Лаглуаръ.

— Что онъ еще медлитъ противъ насъ дѣйствовать?—переспросилъ стряпчій, пытливо глянувъ на француза.—Да, увѣренъ,—отрывисто объявилъ онъ.—И немало этому удивляюсь,—прибавилъ онъ послѣ небольшого раздумья.

— Не попытаться ли ей подойти къ государю здѣсь гдѣ нибудь?—замѣтилъ Лаглуаръ.

— Здѣсь?... Въ Лѣтнемъ саду или на набережной... Чтожъ, надо попытаться, ничего больше не остается,—проговорилъ онъ раздумчиво.—Пусть отправится завтра утромъ пораньше въ Лѣтній садъ и непременно въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ ее видѣлъ государь, чтобъ отнюдь ничего не измѣнила, слышите, это очень важно! Не забудьте моихъ указаній. И пусть рѣшительно къ нему подойдетъ, ничѣмъ не смущаясь, даже окружающей публикой, и подастъ ему письмо. Больше учить ее нечему. Какъ и что отвѣчать въ случаѣ, еслибъ царь съ нею заговорилъ, это она лучше насъ съ вами знаетъ.

Изъ приведенныхъ выше отрывковъ семейной корреспонденціи мы видѣли, что онъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Катерина Артемьевна сумѣла внушить довѣріе царю немногими словами, вырвавшимися у нея изъ глубины души въ отвѣтъ на вопросы, которые онъ ей предложилъ.

А правдивая исповѣдь всей ея скорбной и одинокой жизни, изложенная въ письмѣ, которое царь милостиво принялъ изъ ея рукъ, укрѣпила въ немъ это довѣріе.

Сомнѣваться въ успѣхѣхъ нельзя было.

— Теперь васъ скоро потребуютъ къ графу Бенкендорфу или къ Дубельту, но послѣ вашего свиданія съ государемъ это ужъ

будеть одна формальность. Вамъ останется только повторить то, что написано въ письмѣ къ царю,—сказаль Тюбетейкинъ, котораго она нашла у себя дома, дожидавшагося вмѣстѣ съ Лаглуаромъ ея возвращенія изъ Лѣтняго сада.

Оба они, уже по сіяющему восторгомъ лицу ея, угадали, что на этотъ разъ успѣхъ превзошелъ всѣ ея ожиданія.

— А, можетъ быть, найдутъ нужнымъ подвергнуть графиню очной ставкѣ съ г. Коржиннымъ,—робко вставилъ Лаглуаръ.

— Да я только этого и желаю для моего полнаго торжества!—вскричала она съ сверкающимъ восторженною рѣшимостью взглядомъ.—Я и государю такъ сказала: «при мнѣ онъ не посмѣетъ опровергнуть истину моихъ показаній!»

— И что же на это сказалъ государь?—съ живостью спросилъ Тюбетейкинъ.

— Онъ сказалъ: «увидимъ». Но по лицу его я видѣла, что онъ мнѣ вѣритъ! И я чувствовала, всею душой чувствовала, что онъ меня понимаетъ. О, какія чудныя минуты я пережила! Никогда, во всю мою жизнь не была я такъ счастлива, какъ сегодня... Я и раньше сознавала, что съ царемъ говорить, не то что съ простымъ смертнымъ, но чтобъ подъемъ духа достигъ во мнѣ до такой степени, чтобъ въ сердцѣ моемъ пробудилось вдругъ такое страстное такое непреодолимое желаніе открыть ему всю правду и такая увѣренность, что онъ все пойметъ и оцѣнитъ, этого я раньше представить себѣ не могла! Мнѣ казалось, что, невзирая на мое рѣшеніе все сказать безъ утайки, будутъ слова, которыя мнѣ будетъ трудно и даже невозможно произнести въ его присутствіи, но такихъ словъ не оказалось. Государь все теперь про меня знаетъ,—заявила она съ восхищеніемъ.

И, помолчавъ немного, она прибавила съ счастливой улыбкой:—Мнѣ ужъ теперь кажется, что я только для этого и пріѣзжала сюда, право! Не для того, чтобъ вырвать мое состояніе изъ хищныхъ когтей коршуна, а для того только, чтобъ государь узналъ, какъ меня обидѣли, какъ гнусно воспользовались моимъ сиротствомъ, дурными наклонностями, страстнымъ необузданнымъ нравомъ, чтобъ въ конецъ омрачить мою душу, не оставить въ ней ни одного святого и чистаго уголка, опозорить и погубить меня! Теперь государь это знаетъ, и мнѣ ничего больше не надо. Я даже объ остальномъ и думать не хочу . . . . .

XXIV.

Ей объ остальномъ не для чего было и думать.

Время отъ времени появляются на землѣ существа, вся жизнь которыхъ складывается такимъ страннымъ и роковымъ образомъ,

что невольно задумаешься о таинственномъ законѣ возмездія за грѣхи предковъ.

Любимица стараго коршуна принадлежала къ числу такихъ существъ. Послѣ описанныхъ событій она прозябала на землѣ еще нѣсколько лѣтъ, но личной ея жизни, съ присущими каждому смертному радостями, надеждами и разочарованіями, суждено было прекратиться въ самый прекрасный день ея жизни. Къ вечеру этого дня, начавшагося для нея такъ свѣтло и радостно, когда всѣми ненавидимая, всѣми презираемая и всѣмъ чуждая душа ея, тщетно жаждущая со дня своего появленія на свѣтъ сочувствія, обрѣла наконецъ это сочувствіе въ лицѣ царя,—къ вечеру этого дня Господь отнялъ у нея ребенка.

Свѣтикъ тихо скончался на ея рукахъ. Маленькое, бездыханное тѣло взяли отъ нея; оно лежало, холодное и неподвижное, съ навѣки закрытыми глазками, разряженное въ атласъ и кружева, на столѣ, между зажженными свѣчами въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, принесенныхъ изъ сосѣдней церкви. Запахъ ладона и гнусавые возгласы дьячка, читавшаго псалтырь, напоминали о смерти и тлѣніи, о слезахъ и рыданіяхъ и о вѣчной разлукѣ; ему вторили сдержанные вопли Демьяновны и Казимира; все вокругъ нея подтверждало роковую истину: ея мальчика, солнца ея души, единственнаго источника для нея свѣта и счастья, нѣтъ больше на землѣ, и никогда, никогда больше не увидитъ она его живымъ, не прижметъ къ своему сердцу, не услышитъ его голоса!

Но она не могла этому вѣрить, не могла проникнуться сознаниемъ обрушившейся на нее бѣды. Въ сердцѣ ея такъ еще живо было впечатлѣніе счастья, черезитаго нѣсколько часовъ тому назадъ, въ залитой солнцемъ аллѣй высокихъ, зеленыхъ деревьевъ, подъ привѣтливымъ взглядомъ царя, что только это одно и казалось ей дѣйствительностью, а все остальное мрачнымъ сновидѣніемъ, которое, вотъ-вотъ, сейчасъ испарится, исчезнетъ, какъ мракъ при наступленіи свѣта...

Но, увы, мракъ не разсѣялся, а съ каждой минутой становился все мрачнѣе и недоступнѣе для свѣта и надежды.

Предположенія Тюбетейкина оправдались: графиню Маржерецкую потребовали въ собственную его величества канцелярію для личныхъ объясненій по просьбѣ, изложенной ею въ письмѣ къ государю императору.

Въ этотъ день похоронили Свѣтика.

Катеринѣ Артемьевнѣ всѣ дивились, такъ спокойно отнеслась она къ своей потерѣ. Сама и съ обычною ей ясностью ума, всѣмъ

распожаралась она и пользоваалась каждой свободной минутой, чтобы постоять передь мертвымъ ребенкомъ и смотрѣть на него.

Лаглуаръ предложилъ привезти живописца, который увѣковѣчилъ бы на полотнѣ дорогой образъ, но она отвѣчала, что ей этого не надо.

— Онъ и безъ того никогда не изгладится изъ моей памяти,— объявила она.

Голосъ ея звучалъ кротко и милостиво, а блѣдное, съ осунувшимися чертами лицо, кромѣ холоднаго спокойствія и утомленія, ничего не выражало.

Выраженіе это такъ и застыло на немъ до конца ея жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ Свѣтикъ умеръ, никто не видалъ ее ни плачущей, ни слѣющей, ни гнѣвной, ни радостной, движенія ея сдѣлались медленны, голосъ тихій, и сидѣть неподвижно въ креслѣ, съ опущенными рѣсницами, точно свѣтъ мѣшаетъ ей сосредоточиваться въ созерцаніи внутренняго міра, сдѣлалось для нея потребностью.

Конвертъ, привезенный жандармомъ въ то время, какъ она была на кладбищѣ, ей передали по возвращеніи ея домой. Не торопясь сломала она печать, прочитала бумагу, заключавшуюся въ немъ, и, не выпуская ея изъ рукъ, такъ глубоко задумалась, что Демьяновна, догадывавшаяся о содержаніи бумаги изъ разговора съ Лаглуаромъ, не вытерпѣла, чтобы не спросить у нея, какъ думаетъ она поступить.

Но вмѣсто того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Катерина Артемьевна заговорила про Свѣтика.

— Съ какихъ поръ ты знала, что онъ умретъ?—спросила она.

— Господи Боже мой, Мать, Царица Небесная! да съ тѣхъ поръ, какъ ангелочекъ нашъ родился, всѣ, окромя тебя, видѣли, что онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ...

Голосъ старухи порвался въ рыданіяхъ.

— Я у тебя спрашиваю, съ какихъ поръ вы всѣ убѣдились, что это случится скоро?—повторила Катерина Артемьевна свой вопросъ, терпѣливо переждавъ, чтобы Демьяновна успокоилась и отерла кончикомъ платка на головѣ слезы, струившіяся по ея старымъ, морщинистымъ щекамъ.

— Да въ тотъ день, помнишь, какъ ты сестрицу Лизавету Артемьевну поѣхала розыскивать, онъ, голубчикъ, всю ноченьку напролетъ въ жару прометался. А утромъ и говоритъ мнѣ: «къ намъ, няничка, нынче ночью ангелы прилетали и долго, долго надъ кроваткой моей кружились, бѣлые, съ золотыми крылышками. Они пѣсни мнѣ пѣли. Хорошо такъ, какъ мама. Они, говоритъ, меня къ себѣ зовутъ, няничка». Съ этого дня совсѣмъ пересталъ кушать, въ игрушки бросилъ играть и слабѣть сталъ. Знобило его почти что постоянно, и ничѣмъ не согрѣть. Ужъ чѣмъ, чѣмъ мы его не поили, и малинкой, и липовымъ цвѣтомъ, и бузиной; святымъ маслицемъ изъ не-

угасимой лампадки, что въ Казанскомъ соборѣ передъ образомъ Богородицы теплится, я его натирала, ничего не помогало, все ему холодно. Ужь это, значить, смерть къ нему приступала. Ты дѣломъ тогда занялась, безпокоить тебя было не слѣдъ. Кажинный день оба они, и французъ и Тюбетейкинъ, наказывали мнѣ скрывать отъ тебя про Свѣтика, что онъ помираетъ, а мы всѣ видѣли, что часъ его наступилъ. Хозяйка знахарку приводила, такъ та, какъ взглянула на него: «гробикъ, говоритъ, готовьте, ангельская душа въ Божій рай отлетаетъ». Я такъ и взывала... Спасибо Казимиркѣ, двери всѣ приперъ, чтобы крикъ мой до тебя не дошелъ... Ты въ эту ночь письмо писала царю...

Неужели это она писала это письмо? Неужели это она волновалась, негодовала, роптала на судьбу и возмущалась, припоминая всю свою жизнь и повергая ее на судъ царя? А потомъ, неужели это она съ такимъ самообладаніемъ и искренностью говорила съ государемъ, что онъ не могъ ей не повѣрить, не могъ отказать ей въ правосудіи?

А восторженная радость, которой переполнена была ея душа, а радужныя надежды, сверкавшія передъ нею въ будущемъ, все это Свѣтикъ унесъ съ собою, отлетая отъ нея навѣки. Въ душѣ ея теперь навсегда холодъ, пустота и мракъ. Жизнь ея кончена.

— Письмо къ царю...—раздумчиво повторила она послѣднія слова Демьяновны.

— Знаю я, что ты для нашего ангела хлопотала, — подхватила старуха.—Ну, чтожъ дѣлать, воля Божія, противъ нея не пойдешь, а роптать грѣхъ...

— Я не ропщу,—возразила Катерина Артемьевна.

И опять смолкла, погрузившись въ думу.

Прохаживавшійся въ тоскливомъ нетерпѣннн по коридору Казимирка долго ничего не слышалъ, кромѣ всхлипываній Демьяновны. А между тѣмъ онъ не только прикладывалъ ухо къ замочной скважинѣ двери, но даже рѣшился пріотворить ее и могъ безпрепятственно смотрѣть на графиню.

Она неподвижно полулежала въ глубокомъ креслѣ, съ блѣднымъ лицомъ и закрытыми глазами. Она казалась старухой, и такой страшной, что у Казимирки морозъ пробѣгалъ по тѣлу, на нее глядя.

А не дальше, какъ за минуту передъ тѣмъ онъ мысленно упрекалъ Демьяновну за то, что она медлитъ напомнить своей госпожѣ про графа и не спроситъ у нея, скоро ли она прикажетъ домой собираться, къ супругу... Какъ будто съ нею можно разговаривать о земномъ, когда она все равно, что мертвая? Хоть вопи теперь надъ нею, какъ надъ покойницей, ей все равно, она ничего не услышитъ,—думалъ онъ, не спуская съ нея глазъ.

Она заговорила наконецъ, и онъ вздрогнулъ отъ страха, но отъ двери не отошелъ. Судьба его господина была такъ тѣсно связана

съ этой странной женщиной, что онъ на все былъ готовъ, чтобъ только узнать, чего его графу ожидать отъ нея.

— Тебя когда же туда вызываютъ-то?—повторила свой вопросъ Демьяновна, дотрогиваясь до бумаги, которую ея госпожа продолжала держать въ опущенной рукѣ.

— Завтра,—отрывисто отвѣтила Катерина Артемьевна.

— А потомъ, въ родовое гнѣздо, въ Коржино, что ли, поѣдемъ?

— Нѣтъ.

— Значить, въ Одессу? Назадъ къ графу?... И туда не хочешь? Такъ гдѣ же ты думаешь жить? Неужто здѣсь?

Чтобы услышать отвѣтъ на этотъ вопросъ, Казимирка такъ неосторожно просунуль голову въ дверь, что графиня увидѣла его и подозвала къ себѣ.

— Тебѣ надо скорѣе ѣхать къ графу,—сказала она, когда онъ, весь красный отъ смущенія, остановился въ двухъ шагахъ отъ ея кресла.

— Слушаюсь, ваше сіятельство,—машинально отвѣчалъ онъ.

— Надо увѣдомить его про то, что у насъ здѣсь произошло,—продолжала она, медленно и съ усиленіемъ произнося слова.—Лучше тебя никто этого не сдѣлаетъ, ты ему преданъ и любишь его...

— А какъ же на счетъ... на счетъ ясновельможной пани?... Что сказать моему графу?—съ трудомъ сдерживая рыданія, рвущіяся у него изъ горла, спросилъ Казимирка.

— Мой поклонъ ему передай и скажи, что благодарю его за все... И за любовь его къ Свѣтику и за преданность намъ обоимъ... Дай Богъ ему за это счастья... Скажи ему, что я до конца жизни молиться за него буду и прошу его на меня не сѣтовать.

— А когда же намъ ждать ваше сіятельство? Панъ грабій захочетъ знать...

— Не надо меня ждать, Казимиръ. Скажи графу, что я никогда съ нимъ больше не увижусь на этой землѣ.

— Никогда?!—горестно всплеснулъ руками Казимиръ.—О ваше сіятельство!

— Никогда,—спокойно повторила Катерина Артемьевна.—И пусть онъ меня не ищетъ, ему меня не найти,—прибавила она.

А затѣмъ она приказала Демьяновнѣ подать шкатулку изъ спальни, вынула изъ нея свертокъ червонцевъ и подала его растерявшемуся отъ волненія и печали камердинеру.

— Вотъ тебѣ на дорогу, а что останется, возьми себѣ. И скажи графу, что я прошу его взять себѣ на память все, что онъ пожелаетъ изъ моихъ вещей въ домъ... Остальное Анна Никитишна уложить и отправить, куда ей будетъ приказано. Ей объ этомъ напишутъ.

— А моему графу ваше сіятельство не напишетъ?—спросилъ Казимиръ.

— Нѣтъ, теперь не могу... Послѣ, можетъ быть, но теперь не могу, силъ нѣтъ... Да и некогда. Ты скорѣе соберись, чтобъ сегодня къ вечеру непременно выѣхать.

— А сама-то, сама-то ты что же надъ собой хочешь сдѣлать?— вскричала Демьяновна, когда Казимиръ вышелъ, и она осталась съ своей госпожей наединѣ.

— Завтра все узнаешь, а теперь пошли за Тюбетейкинымъ, времени у насъ осталось мало, терять его нельзя,—отвѣчала Катерина Артемьевна.

Казимиръ уѣхалъ въ тотъ же день вечеромъ и, по приѣздѣ его въ Одессу три недѣли спустя, одно только могъ прибавить къ разсказу о петербургскихъ происшествіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, это то, что послѣ разговора съ нимъ графиня послала за тѣмъ лысымъ стряпчимъ, который занимался ея дѣлами, и сидѣла запершись съ нимъ очень долго, а послѣ его ухода пришелъ мсьѣ Лаглуаръ, но его не приняли, приказали зайти завтра вечеромъ.

— Карлъ Маврикіевичъ просили кланяться вашему сіятельству и сказать, что вы получите отъ нихъ письмо...

Письмо это было уже получено раньше, чѣмъ Казимиръ, ѣхавшій съ попутчикомъ на долгихъ, успѣлъ добраться до Одессы, но оно не принесло ничего утѣшительнаго для графа.

Лаглуаръ увѣдомлялъ его о смерти Свѣтника, о томъ, что графинѣ посчастливилось заручиться покровительствомъ государя, и что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дѣло, для котораго она приѣхала въ Петербургъ, кончится въ ея пользу, но къ этому онъ прибавлялъ, что смерть ребенка произвела такой переворотъ въ ея планахъ, что нельзя знать, какъ устроить она теперь свою жизнь, но ждать, чтобъ она вернулась къ супругу,—нельзя. Скорѣе можно думать, что она поступитъ въ монастырь, такъ какъ отчаяніе убило въ ней всякій вкусъ къ свѣту и къ жизни. Во всякомъ случаѣ для графа она навсегда потеряна, и ему слѣдуетъ съ этою мыслью примириться.

Прощаясь съ Лаглуаромъ, она отдала ему обручальное свое кольцо, безъ сомнѣнія, чтобъ онъ передалъ его своему другу. Куда она уѣхала, кромѣ Тюбетейкина, которому она оставила довѣренность для окончанія дѣла съ г. Коржинымъ, никто не знаетъ, а Тюбетейкинъ не такой человѣкъ, чтобъ выдать тайну своей кліентки. Съ собой она взяла одну только Демьяновну, и, безъ сомнѣнія, обѣ постригутся въ какомъ нибудь дальномъ монастырѣ.

Предположеніе француза въ то время многими раздѣлялось въ Петербургѣ.

Изъ письма княгини Мары Артемьевны къ дочери мы узнаемъ, что Кукла на допрашивавшихъ ее въ III Отдѣленіи произвела такое же благопріятное впечатлѣніе, какъ и на государя:

«...всѣ отъ нея въ восторгѣ, и брату Леонтію Артемьевичу пришлось бы плохо, еслибъ она не объявила, что теперь требовать

возвращенія всего своего состоянія она не желаетъ, такъ какъ сынъ ея умеръ, и деньги ей нужны только на добрыя дѣла. Говорятъ, будто государь пожелалъ еще разъ ее видѣть, но гдѣ именно состоялось это свиданіе, никому не извѣстно, одно только не подлежитъ сомнѣнію: это—то, что, благодаря ей просьбѣ, дядю вашего оставили на занимаемомъ имъ мѣстѣ и не выслали изъ Петербурга, но во всякомъ случаѣ карьера его кончена, и посланникомъ, какъ онъ надѣялся, ему никогда не быть. Говорятъ также очень много про письмо, на которое онъ возлагалъ большія надежды, какъ на доказательство своей правоты, но дѣло такъ повернулось, что онъ не могъ имъ воспользоваться и теперь, подъ видомъ глубочайшей тайны, онъ показываетъ его тѣмъ, чѣмъ мнѣніемъ особенно дорожить, какъ, напримѣръ, князю Петру Михайловичу, Неѣлову и еще кое-кому, но никто не вѣритъ, чтобъ это письмо было написано ею; еслибъ въ игрѣ его былъ такой козырь, онъ не преминулъ бы имъ воспользоваться. Впрочемъ, за справедливость всѣхъ этихъ розказней я не ручаюсь, большую часть изъ нихъ я знаю черезъ вашего отца, а онъ такъ ненавидитъ дядю Леонтія, что готовъ вѣрить всему дурному, что про него распускаютъ. Мари держитъ себя съ большимъ достоинствомъ, и по ея виду невозможно подозрѣвать, что мужъ ея переживаетъ такія страшныя неурядности. Я видѣла ее третьяго дня у Гагариныхъ, она казалась совершенно спокойна и даже не забыла про тебя спросить. Вотъ что значитъ хорошее воспитаніе.

«Слышалъ я также, будто *la personne en question* хочетъ поступить въ монастырь. По-моему это все, что ей остается дѣлать, потому что, какъ тамъ ни превозносятъ ее наши мужчины, а къ нашему обществу она никогда принадлежать не можетъ, слишкомъ много было скандаловъ въ ея жизни. Если ты спросишь: какую же роль играетъ во всемъ этомъ графъ Мержерецкій?—я отвѣчу тебѣ: никакой. Объ немъ никто и не говоритъ. И я начинаю думать, что Иванъ Петровичъ былъ правъ, увѣряя съ самаго начала этой исторіи, что никогда она замужъ ни за кого не выходила. Во всякомъ случаѣ все это очень запутано, таинственно и загадочно, настоящій романъ Анны Радкляфъ»...

Вообще, изъ этой переписки видно, что вся эта исторія длилась какое короткое время и кончилась такъ неожиданно, что про нее къ зимѣ совсѣмъ забыли, и ужъ въ ноябрѣ того же года, т. е. мѣсяца три послѣ исчезновенія несчастной Куклы съ петербургскаго горизонта, Марья Алексѣевна, поздравляя дочь со днемъ ея рожденія, увѣдомляла ее, что папенька совсѣмъ теперь спокоенъ и усердно занимается дѣлами, чтобъ поправить состояніе, разстроенное послѣдними событіями. Съ этою цѣлью семья Коршуна урѣзываетъ себя во всемъ. Сыновья, за невозможностью поддерживать прежній строй жизни, переходятъ изъ дорогаго полка, въ которомъ служили,

въ другой стоящій въ Варшавѣ, а Марья Алексѣвнѣ, вмѣсто поѣздки за границу для поправленія здоровья, мужъ предлагаетъ провести зиму въ Коржинѣ. Но ее пугаетъ мысль увидѣть тотъ прудъ, въ которомъ утопилась ея старшая дочь, и жить въ домѣ, гдѣ каждый уголокъ, каждая вещь будетъ напоминать прошлое ей такъ тяжело, что она предпочитаетъ провести зиму въ семьѣ дочери, въ глухой провинціи.

На этомъ прекращаются свѣдѣнія, почерпнутыя мною на счетъ Екатерины Артемьевны въ семейномъ архивѣ, предоставленномъ въ мое распоряженіе моимъ московскимъ знакомымъ.

Все остальное про нее узналъ я изъ документовъ, хранящихся въ Куклинѣ, у Анны Никитишны, а также изъ рассказовъ этой послѣдней.

Анна Никитишна прожила съ Екатериной Артемьевной около шести лѣтъ въ томъ глухомъ уголкѣ въ степяхъ, гдѣ эта послѣдняя скрывалась до самой смерти такъ тщательно, что даже графъ Мержерецкій, поставившій себѣ, повидимому, цѣлью жизни ее отыскать, нашелъ ее уже въ могилѣ, подъ камнемъ съ надписью, которой она и послѣ смерти протестовала противъ брака съ нимъ.

Демьяновна только на нѣсколько мѣсяцевъ пережила свою пи-томицу. И, какъ сказано въ началѣ этого повѣствованія, похоронена у ея ногъ.

Гробикъ съ тѣломъ Свѣтика перевезенъ былъ изъ Петербурга во время постройки церкви, воздвигнутой Екатериной Артемьевной въ Куклинѣ, и опущенъ въ склепъ въ день освященія новаго храма.

Теперь имѣніе принадлежитъ Аннѣ Никитишнѣ, и все здѣсь пока дышитъ воспоминаніями и завѣтами покойной владѣлицы, но внучкѣ Демьяновны уже болѣе семидесяти лѣтъ, и врядъ ли наслѣдники ея найдутъ для себя удобнымъ такъ свято хранить культъ той, которой они обязаны своимъ благосостояніемъ; заростутъ, безъ сомнѣнія, сорной травой дорожки, по которымъ жертва коршунувъ прохаживалась, въ одиночествѣ переживая мысленно свою скорбную жизнь, развалится церковь надъ ея могилой, и самое имя ея исчезнетъ изъ памяти здѣшнихъ обитателей.

Что же касается до лоскутковъ бумаги съ начертанными на нихъ строками пожелтѣвшими отъ времени чернилами, съ которыхъ Анна Никитишна дозволила мнѣ снять копію, ихъ, безъ сомнѣнія, постигнетъ участь всѣхъ письменныхъ документовъ, забытыхъ съ нашихъ старыхъ, дворянскихъ гнѣздахъ: въ одинъ прекрасный день ими затопятъ печку, или дѣти изорвутъ ихъ на бумажные змѣи.

Н. Мердеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

IX.

Неожиданное покровительство князя и два слова государю.—Пожаръ въ инспекторскомъ департаментѣ.— Столкновеніе съ дежурнымъ генераломъ Пгнатьевымъ.— Награда за награду.—Вниманіе ко мнѣ князя.—Князь Чернышевъ и великій князь Михаилъ Павловичъ на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ.—Сюрпризъ князя Чернышева супругѣ: неожиданное затрудненіе и устраненіе его.—Partie de plaisir въ Елизаветино: семейный кругъ князя и его друзья.—Встрѣча съ Чернышевымъ въ концертѣ.—Другая встрѣча.—Визитъ государя къ княгинѣ Чернышевой.—Личное приказаніе государя.—Независимость князя Чернышева и близость его къ государю Николаю Павловичу.—Вниманіе ко мнѣ князя во время болѣзни.—Производство моего сына Николая въ офицеры.—Просьба князя Чернышева къ наслѣднику цесаревичу.—Баронъ П. А. Вревскій и его благотворительность; смерть.—Свадьба княжны А. А. Чернышевой съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.—Оставленіе княземъ должности военнаго министра и милости къ нему государя.—Прощальные обѣды.—Кукольникъ, исторія съ нимъ въ Павловскѣ.—Признательность ко мнѣ князя.—Его преемникъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ.—Пожаръ въ главномъ штабѣ; благополучные результаты.

ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ (1850) году, я попрежнему нерѣдко обѣдывалъ у князя. Однажды, послѣ обѣда, княгиня сидѣла въ своей гостиной на диванѣ и посадила меня подлѣ себя. Когда мы пили кофе, въ разговорѣ она обратилась ко мнѣ, между прочимъ, съ нѣсколькими вопросами о моемъ семействѣ, при чемъ я сказалъ ей, что у меня есть маленькая дочь ²⁾ и два сына ³⁾: старшій въ школѣ гвардейскихъ подпорщиковъ, а младшій въ корпусѣ путей сообщенія.

— Mais, mon cher m-r Gervais: quelle idée séparer les frères? Pourquoi ne les pas avoir tous deux à l'Ecole des porte-enseignes?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ IXXIII, стр. 420.

²⁾ Ольга Константиновна.

³⁾ Николай и Владимиръ Константиновичи.

— M-me la princesse trouvera bien juste cette mesure en entendant que je n'ai pas les moyens de payer la somme nécessaire pour leur éducation dans l'École des porte-enseignes. Cela coute trop cher.

— Et vous croyez que le prince ne pourrait rien faire pour trouver les moyens nécessaires, si vous le desirez?

— Je ne sais rien, m-me la princesse, mais autant que je puis juger ce n'est pas faisable, parce que mon fils cadet reçoit son éducation à l'Institut des eaux et des voies aux frais de la couronne.

— Mais il faut essayer, il faut demander le prince.

— Oh, m-me la princesse, je ne voudrais pas importuner le prince par une prière que je sais difficile, même impossible.

— Alors c'est moi qui essaierai, — и княгиня обратилась къ мужу: — prince, prince, approchez-vous de nous pour un moment. Voilà m-g Gervais à qui j'ai fait des demandes, m'annonce qu'il a deux fils et que les frères ne peuvent être élevés dans la même Institution parce qu'il lui manque les moyens ¹⁾.

Тогда князь попросилъ меня пересѣсть къ нему и спросилъ подробно.

— Такъ второй сынъ вашъ воспитывается на счетъ суммъ департамента военныхъ поселеній въ институтѣ корпуса путей сообщенія?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Такъ съѣздите вы къ Николаю Ивановичу Корфу и передайте ему мое желаніе, чтобы онъ приготовилъ докладъ государю о переводѣ вашего сына въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и о томъ, что департаментъ военныхъ поселеній теперь платимую имъ сумму въ институтѣ будетъ платить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

— Ваше сіятельство, — отвѣтилъ я князю, — я вамъ безпредѣльно благодаренъ за ваше предложеніе, но признаюсь откровенно — мнѣ совѣстно ѣхать съ подобнымъ предложеніемъ къ барону Николаю Ивановичу: онъ можетъ подумать, что я смѣлъ беспокоить ваше сіятельство столь изъ ряду выходящею просьбою.

— Ну, пусть себѣ Николай Ивановичъ думаетъ что хочетъ, но

¹⁾ «Но, милѣйшій м-г Жерве, зачѣмъ разлучать братьевъ? Отчего бы имъ не быть вмѣстѣ въ школѣ?» — «Княгиня, вы найдете это вполне основательнымъ, если примете во вниманіе, что у меня нѣтъ средствъ платить необходимую сумму за ихъ воспитаніе въ школѣ. Это стоитъ слишкомъ дорого». — «А вы думаете, что князь не могъ бы найти средства, если вы того желаете?» — «Не знаю, княгиня, но, насколько я могу судить, это невозможно, потому что мой младшій сынъ воспитывается въ институтѣ путей сообщенія на казенный счетъ». — «Но нужно попытаться, нужно спросить князя». — «О княгиня, я не желаю бы беспокоить князя просьбою, которая, я знаю, трудна, даже невозможна». — «Въ такомъ случаѣ я попытаюсь». — и княгиня обратилась къ мужу: — «князь, князь, подойдите къ намъ на минутку. Вотъ м-г Жерве, котораго я разспрашивала, говоритъ мнѣ, что у него два сына, и что братья не могутъ воспитываться въ одномъ заведеніи, потому что у него нѣтъ средствъ».

объявите ему, что это есть моя непремѣнная воля.—Ma chère princesse,—обратился князь къ супругѣ,—si vous pouvez vous passer pour le moment de m-r Gervais, je lui donnerai une commission de laquelle il doit s'acquitter encore ce soir et c'est votre compassion pour lui qui m'a donné l'idée de la lui donner ¹⁾).

При этихъ словахъ княгиня подала мнѣ руку.—Oh, si c'est pour cela c'est avec beaucoup de plaisir que je lui donne pleine liberté, mais j'espère, m-r Gervais, que vous m'avertirez comment votre affaire tournera ²⁾).

Князь улыбнулся, и я, распростившись съ хозяевами, прямо поѣхалъ къ барону Корфу, но, признаться откровенно, съ не совѣмъ приятнымъ чувствомъ при мысли о томъ, какъ будутъ смотрѣть на подобное предложеніе. Однако дѣлать было нечего, я долженъ былъ исполнить волю князя. Приѣхалъ я къ барону уже около восьми часовъ вечера, велѣлъ о себѣ доложить и былъ принятъ имъ въ кабинетѣ. Увидѣвъ меня въ мундирѣ, онъ очень удивился (противъ обыкновенія, въ этотъ день я былъ дѣйствительно по какому-то случаю въ мундирѣ).

— Что это вы въ такое время и въ такомъ нарядѣ?

— Ваше превосходительство, я только что съ обѣда отъ князя Чернышева, и, по порученію его, мнѣ надо вамъ лично передать кое-что.

Баронъ попросилъ выйти докладчика чиновника Никитина, который представлялъ ему бумаги къ разсмотрѣнію и подписи. Тогда я подробно разсказалъ ему, какъ все случилось, и объявилъ волю князя.

Баронъ призадумался... Странно,—сказалъ онъ,—очень странно. Сказать по правдѣ, васъ я нисколько не виню, но тѣмъ не менѣе вы поставили меня въ довольно затруднительное положеніе.

— Я самъ это очень хорошо вижу и понимаю прекрасно, какъ это трудно. Но какъ же прикажете мнѣ-то быть, ваше превосходительство? Мнѣ вѣдь нельзя не исполнить воли князя.

— Подумаю, какъ это сдѣлать, посмотрю и доложу князю.

Откланявшись, я поѣхалъ домой и передалъ женѣ о случившемся. Она была очень рада за Володю и вообще тому, что братья будутъ вмѣстѣ. На слѣдующее утро я получилъ записку о томъ, чтобы тотчасъ прибыть къ барону Корфу. Оказалось, что князь уже утромъ въ 9 часовъ прислалъ къ барону фельдъегеря спросить, готовъ ли докладъ о сынѣ подполковника Жерве для представленія государю. Поэтому Корфъ самъ съѣздилъ къ князю, переговорилъ съ нимъ и попросилъ меня сообщить о себѣ въ департаментъ нѣкоторыя свѣдѣнія, искать которыя теперь нѣтъ вре-

¹⁾ «Милая княгиня, если позволите отвлечь отъ васъ на минутку м-г Жерве, я дамъ ему порученіе, которое онъ долженъ исполнить сегодня же вечеромъ. Ваше сочувствіе къ нему подало мнѣ мысль дать ему это порученіе».

²⁾ «О, если ради этого, я съ удовольствіемъ даю ему полную свободу, но надѣюсь, м-г Жерве, вы извѣстите меня, чѣмъ кончится ваше дѣло».

мени: князь требует непременно, чтобы докладъ былъ сегодня же готовъ для представленія государю на завтрашнее утро.

Черезъ день дежурный генералъ послалъ за мною и передалъ, что военный министръ ждетъ меня въ кабинетѣ. Правду сказать, я забылъ въ ту минуту о переводѣ Володи и ожидалъ, что князь найдетъ что либо мнѣ замѣтить. Всегда ходилъ я къ дежурному генералу и къ генералъ-квартирмейстеру просто въ сюртукѣ безъ оружія, такъ и въ этомъ случаѣ я не считъ нужнымъ измѣнять принятаго порядка и пошелъ въ чемъ былъ—въ сюртукѣ. Какъ только вошелъ я въ общую пріемную залу, гдѣ было большое собраніе генералитета, ко мнѣ подошелъ дежурный генералъ Игнатьевъ и сказалъ: «идите прямо въ кабинетъ, князь васъ ждетъ». Я пошелъ, но легко себѣ представить впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ присутствовавшихъ тѣмъ, что я просто въ сюртукѣ вошелъ прямо къ князю въ кабинетъ, гдѣ принимались имъ только избранныя лица. Князь сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда я вошелъ къ нему, улыбнулся и кивнулъ мнѣ.

— Je vous felicite, mon cher.

— A l'occasion de quoi, mon prince?—Я посмотрѣлъ на него нѣсколько удивленно.

— M-r votre fils est transporté à l'école des porte-enseignes.

— Oh, mon prince, vous savez faire des miracles. Je ne trouve pas de mots pour vous remercier!

— Avec tout cela je suis content de l'avoir fait et voilà l'entretien que j'ai eu avec l'Empereur. En me voyant présenter mon rapport, il me demande: это что ¹⁾? Я объяснилъ, въ чемъ дѣло.—Да,—сказалъ государь:—это князь Чернышевъ желаетъ, и въ такомъ случаѣ я согласенъ.

Дѣйствительно не прошло и недѣли, какъ Володя былъ переведенъ, и оба сына пріѣхали въ субботу домой гвардейскими подпорщиками ²⁾.

Осенью этого года въ инспекторскомъ департаментѣ однажды подъ вечеръ случился пожаръ. При перестройкѣ всего зданія Главнаго штаба въ 1846 году была заложена ниша въ полутемной комнатѣ, гдѣ принимались конверты; ниша забрана была досками и заштукатурена, а между тѣмъ въ эту нишу проходили трубы отъ печей, вслѣдствіе чего доски внутри загорѣлись. Придя на мѣсто, я тотчасъ приказалъ выломать доски ниши, послѣ чего и пожаръ вскорѣ

¹⁾ «Поздравляю васъ, мой милый».—Съ тѣмъ, ваше сіятельство?—«Вашъ сынъ переведенъ въ школу гвардейскихъ подпорщиковъ».—Ваше сіятельство, вы творите чудеса. Не нахожу словъ васъ благодарить.—«Все-таки я доволенъ, что устроилъ это дѣло, и вотъ весь мой разговоръ съ государемъ. Когда я представилъ ему докладъ, онъ спросилъ: «это что?»

²⁾ Владиміръ Константиновичъ Жерве теперь генералъ-лейтенантъ и командуетъ московскою мѣстною бригадою. В. Ж.

прекратили. Но шумъ, тревоги собравшихся были нескончаемы, трусость ихъ до смѣха забавна. Я приказалъ нишу заложить кирпичемъ и заштукатурить, чѣмъ навсегда были устранены подобные случаи въ будущемъ.

Затѣмъ какъ-то въ квартирѣ Игнатьева въ столовой около плинтуса показался дымъ; когда отодрали плинтусъ, то отверстіе въ дымовомъ каналѣ оказалось незаложеннымъ, что немедленно исправили. Послѣ этого въ той же квартирѣ оказались еще кое-какіе недостатки, которые также были легко исправлены. Игнатьевъ видѣлъ, что всѣ эти неисправности въ его квартирѣ никакъ не могли быть приписываемы моему нерадѣнію или незнанію дѣла, а были чисто случайныя и всегда неизбѣжныя въ такомъ огромномъ зданіи, какъ главный штабъ; онѣ были и до моего вступленія въ должность и обнаруживались частью отъ времени, частью вслѣдствіе небрежной постройки зданія. Генераль, однако, пожелалъ придать важность этому дѣлу, а, вѣрнѣе, что его кто нибудь настроилъ противъ меня. Однажды, утромъ, когда собрались у него въ пріемномъ залѣ вице-директоръ инспекторскаго департамента Кривошипинъ, нѣсколько начальниковъ отдѣленій и старшихъ адъютантовъ, онъ послалъ и за мною. Я вхожу въ пріемную и вижу это собраніе. Игнатьевъ выходитъ изъ боковыхъ дверей и обращается прямо ко мнѣ:

— Я, полковникъ, вынужденъ вамъ сказать, что у меня въ квартирѣ постоянно происходятъ разныя неисправности, и если таковыя не прекратятся, то я долженъ буду подать рапортъ по начальству, что въ этой квартирѣ жить не могу.

Это рѣзкое замѣчаніе Игнатьева, высказанное имъ при другихъ, очень задѣло меня. Признаюсь, я даже не совсѣмъ сдержалъ себя и отвѣтилъ ему что-то въ родѣ того, что свое дѣло, по возможности дѣлаю добросовѣстно, всѣхъ неисправностей заранѣе предусмотрѣть не могу, и потому меня удивляютъ его требованія и угроза.

Игнатьевъ, никакъ не ожидавшій отъ меня подобнаго отвѣта, поблѣднѣлъ, какъ полотно, не сказалъ ни слова и быстро ушелъ въ свой кабинетъ. Всѣ присутствовавшіе ахнули, приступили ко мнѣ: какъ это можно вамъ такъ отвѣчать дежурному генералу?

— Я сказалъ только правду. Всѣ претензіи Павла Николаевича, — возразилъ я, — пустыя, вздорныя, а неисправности могутъ повторяться и почти неизбѣжны въ такомъ громадномъ зданіи, какъ Главный штабъ. Если же генераль не желаетъ принять это во вниманіе, такъ это уже не моя вина. Угодно ему — пусть жалуется, и тогда я уже фактически и на бумагѣ докажу, что претензіи ко мнѣ Павла Николаевича пустячныя. На это мѣсто я былъ назначенъ противъ моей воли и нисколько имъ не дорожу, но пока я здѣсь и пока вся отвѣтственность за исправность и безопасность зданія лежитъ на моихъ плечахъ, я никому не позволю мною помыкать, — въ этомъ можете быть увѣрены. Не секретничаю, а говорю это во всеуслы-

паніе, и вы можете цѣпликомъ передать мои слова Павлу Николаевичу, — раскланялся и ушелъ.

Мои слова дѣйствительно были переданы; онъ крѣпко разсердился и поѣхалъ къ князю Чернышеву жаловаться на меня. Князь выслушалъ его жалобу, потомъ спросилъ, почему онъ мнѣ выговаривалъ, и, когда Игнатъевъ разсказалъ, князь улыбнулся и сказалъ ему:

— Ну, скажите же теперь, въ чемъ же собственно состоитъ вина Жерве? Ну, что онъ собственно могъ сдѣлать, дабы предупредить эти недостатки? Вѣдь святымъ духомъ впередъ не могъ же онъ знать, что у васъ тамъ-то будетъ дымить, тамъ-то будетъ сквозить, а когда оказалось—поправилъ; вотъ все, что онъ могъ сдѣлать. Эхъ, Павелъ Николаевичъ, не трогайте его въ занятіяхъ: слава Богу, что есть человѣкъ, который вполне понимаетъ и исполняетъ свою обязанность. Повѣрьте мнѣ, что по этой части у него знанія и ума въ мизинцѣ больше, чѣмъ у насъ съ вами, — я это уже испыталъ.

При первой встрѣчѣ моей съ княземъ онъ, однако, спросилъ меня, что было у меня тамъ съ Павломъ Николаевичемъ.

— Если вамъ разсказать всю исторію, ваше сіятельство, такъ это займетъ слишкомъ много вашего драгоценнаго времени. Главная пружина здѣсь—пріятели, зависть и нашептываніе, и Павелъ Николаевичъ увлекся; я же не поддался и со всею откровенностью моего характера высказалъ его «пріятелямъ» всю гнусность ихъ клеветы.

Князь передалъ мнѣ при этомъ весь свой разговоръ съ Игнатъевымъ и сказалъ, что послѣ этого, вѣроятно, Игнатъевъ будетъ ко мнѣ очень благосклоненъ, но и меня просилъ стараться не раздражать его, что я обѣщалъ исполнять. И въ самомъ дѣлѣ послѣ того случая Игнатъевъ былъ со мною всегда очень любезенъ, ласковъ и привѣтливъ.

Къ Святой этого же года я получилъ корону къ Аннѣ. Князь самъ прислалъ мнѣ орденъ съ своимъ фельдъегеремъ. Когда на другое утро я пріѣхалъ къ нему благодарить за награду, онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и поздравилъ.—«Да вѣдь съ васъ за орденъ вычтутъ, это надо поправить», — сказалъ князь, написалъ записочку, отдалъ ее мнѣ и попросилъ лично отвезти къ барону Вревскому. Тотъ также поздравилъ меня, прочелъ записку князя, улыбнулся и пошелъ со мною наверхъ, въ канцелярію. Сиустя четверть часа, мнѣ выдали годовой окладъ жалованья... Объ этомъ я донесъ департаменту военныхъ поселеній.

Вообще, князь всегда и вездѣ, даже публично, выказывалъ мнѣ свое расположеніе. Такъ осенью, кажется, въ августѣ 1849 года, когда послѣ смерти великаго князя Михаила Павловича тѣло его прибыло изъ Варшавы въ Петербургъ, всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ приказано было прибыть къ зданію Дворянскаго

полка, что на Обуховскомъ проспектѣ, и оттуда уже примкнуть къ кортежу каждому въ опредѣленное ему мѣсто. Я поѣхалъ также туда. Масса придворныхъ, генераловъ и вообще присутствовавшихъ толпилась около главнаго крыльца. Когда стѣздъ кончался, князь Чернышевъ прискакалъ во весь опоръ въ своей знаменитой каретѣ, запряженной четверкою цугомъ, и остановился тамъ, гдѣ собрался генералитетъ. Князь вышелъ изъ кареты, очень важно раскланялся со всѣми. Къ нему многіе подходили съ низкими поклонами; кое съ кѣмъ онъ загаваривалъ, но съ большинствомъ раскланялся молча и важно. Вдругъ князь увидѣлъ меня. «Colonel Gervais!» — обратился онъ ко мнѣ, и нѣсколько голосовъ повторили за нимъ: «Colonel Gervais! Colonel Gervais!» Я вышелъ впередъ. Князь дружески кивнулъ мнѣ головою, заговорилъ со мною и все время, прогуливаясь со мною бокъ о бокъ, разговаривалъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ до тѣхъ поръ, пока не показался кортежъ. Тогда онъ обратился ко мнѣ и довольно громко сказалъ: «Mais nous nous verrons demain, vous viendrez diner chez moi»¹⁾. Я поклонился князю и отошелъ въ сторону — и кто только хоть немного зналъ меня, счелъ необходимою поздороваться со мною.

Къ слову сказать, князь Чернышевъ былъ не въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и это началось вскорѣ послѣ вступленія на престолъ государя Николая Павловича. По новому положенію, вообще всѣ войска какъ гвардіи, такъ и арміи находились въ полномъ вѣдѣніи военнаго министра, а великій князь командовалъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Однажды, въ воскресенье, былъ назначенъ государемъ разводъ въ Михайловскомъ манежѣ. На разводѣ великій князь былъ верхомъ передъ фронтомъ. Пріѣзжаетъ военный министръ. При входѣ его въ манежъ великій князь подъѣзжаетъ къ нему, салютуетъ и хочетъ рапортовать. Но князь Чернышевъ останавливаетъ Михаила Павловича:

— Ваше высочество, ваше мѣсто на правомъ флангѣ войска, и вы обязаны встрѣтить военнаго министра, когда онъ подъѣдетъ къ фронту.

Великій князь, озадаченный, повернулъ лошадь и сталъ на флангѣ. Князю Чернышеву подали верховую лошадь, онъ сѣлъ и шагомъ приближается къ фронту. Великій князь опять подъѣзжаетъ къ князю и хочетъ рапортовать, но тотъ снова останавливаетъ его:

— Ваше высочество, не угодно ли скомандовать «на-краулъ» и тогда подъѣхать ко мнѣ...

Великій князь поблѣднѣлъ, отъѣхалъ назадъ, скомандовалъ «на-краулъ». снова подъѣхалъ, отрапортовалъ и подалъ военному министру почетный рапортъ. Князь принялъ рапортъ, передалъ его

¹⁾ «Вѣдь мы увидимся завтра. Вы придете ко мнѣ обѣдать».

своему дежурному адъютанту, приказаль скомандовать «на плечо» и «къ ногѣ» и сталъ дожидаться государя. Послѣ развода великій князь, крайне огорченный, поѣхалъ къ государю и рассказалъ ему все, что было. Государь послалъ за Чернышевымъ и сказалъ ему, что великій князь очень обидѣлся за пріемъ его въ манежѣ. На это Чернышевъ отвѣтилъ:

— Ваше величество, напрасно великій князь обижается: это — служба. Военному министру совершенно все равно, кто командуетъ частью, и, во всякомъ случаѣ, при приближеніи его къ этой части, начальникъ ея долженъ скомандовать «на-краулъ» и тогда подѣхатъ къ военному министру.

Едва-едва государь уладилъ дѣло и то только тѣмъ, что князь Чернышевъ выѣхалъ изъ своего дома къ великому князю въ то же самое время, когда Михаилъ Павловичъ выѣхалъ къ Чернышеву. Они разѣхались, но сдѣлали другъ другу визитъ.

Вообще, князь Александръ Ивановичъ держалъ себя очень важно. Онъ вернулся однажды изъ какой-то поѣздки, не помню куда, и государь въ тотъ же день приказалъ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу одѣться въ полную парадную форму и поѣхать поздравить князя Чернышева съ пріѣздомъ.

Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ какъ-то въ откровенную минуту рассказывалъ мнѣ, что въ своей жизни много перенесъ горя. Онъ былъ женатъ въ третій разъ. Первая его жена была княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская, фамилію второй я забылъ; онъ потерялъ обѣихъ женъ и всѣхъ дѣтей, съ ними прижитыхъ. «Эти удары не легко переносятся», говорилъ онъ мнѣ съ навернувшимися на глаза слезами. Въ третій разъ онъ женился на графинѣ Зотовой. Какъ было сказано выше, отъ нея онъ имѣлъ сына и трехъ дочерей, изъ которыхъ младшая, Марія, родилась уже во время моего завѣдыванія домомъ князя. Для родовъ ея былъ выписанъ изъ Англіи акушеръ, который прожилъ въ домѣ князя шесть недѣль. Марія была очень красива, имѣла прекрасные черные глаза, но на четвертомъ году вдругъ ослѣпла: у нея оказалась такъ называемая «черная вода»—глаза открыты, но ничего не видятъ. Мать княгини, графиня Зотова, жившая постоянно въ Орлѣ, гдѣ имѣла большой каменный домъ и около Орла довольно большое имѣніе, часто пріѣзжала къ дочери въ Петербургъ. Она была прекрасная, добрейшая старушка, съ которой я очень хорошо сошелся и съ которой часто проводилъ длинные вечера.

Однажды лѣтомъ княгиня поѣхала за границу и обѣщала вернуться оттуда осенью. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда князь призвалъ меня къ себѣ и передалъ, что желаетъ къ возвращенію княгини изъ-за границы сдѣлать ей сюрпризъ: всю парадную гостиную въ бельэтажѣ передѣлать совершенно наново, всѣ стѣны обить новымъ шелковымъ штофомъ, всю мебель вызолотить и обить также шелко-

вымъ штофомъ, на окнахъ и дверяхъ сдѣлать повѣя бархатныя драпри и пр. и пр. Князь просилъ меня при этомъ сдѣлать какъ можно скорѣе смѣту для всѣхъ этихъ работъ. Дня черезъ 3—4 послѣ того князь получилъ изъ-за границы письмо и посылку отъ княгини. Она прислала 230 аршинъ какого-то особеннаго мебельнаго ситца, по 1 рублю 30 копеекъ аршинъ; письмомъ же просила меня, черезъ князя, снять въ ея гостиной старую желтую шелковую матерію со стѣнъ, съ мебели, съ оконъ и дверей и замѣнить ее присланнымъ ситцемъ. Князь передалъ мнѣ желаніе княгини и просилъ меня включить и эту передѣлку въ смѣту, которую я составилъ тогда для парадной гостиной. Надо полагать, что князь уже тогда имѣлъ въ виду оставить свой министерскій постъ и, вѣроятно, предвидѣлъ, что при увольненіи отъ должности государь подаритъ ему домъ, въ которомъ онъ жилъ, — такъ не мѣшало возобновить его, пока возможно было. Вѣроятно, и княгиня имѣла это же въ виду. Я составилъ смѣту, и несмотря на всевозможные экономическіе извороты, эта передѣлка и раставрація оказалась въ 22 тысячи рублей серебромъ. Князь посмотрѣлъ, включена ли стоимость ситца въ смѣтную сумму, и, увидя ее тамъ, взглянулъ на итогъ и отдалъ мнѣ смѣту. Онъ приказалъ мнѣ отвезти ее къ барону Корфу и получить у него необходимыя деньги. Поѣхалъ я къ Корфу, передалъ смѣту и приказаніе князя. Корфъ взбеленился и сказалъ, что на такіе громадныя расходы у него денегъ нѣтъ...

— Ваше высокопревосходительство, я только передаю приказаніе князя, а тамъ ужъ не мое дѣло. Только князь, вѣроятно, тотчасъ спроситъ меня о результатѣ, и я вынужденъ буду передать его сиятельству вашъ отказъ.

— Пусть князь себѣ сердится, а у меня денегъ нѣтъ,—закончилъ Корфъ.

Я ушелъ. Часа черезъ два является фельдъегерь и проситъ меня къ князю. Иду. Онъ спросилъ меня о результатѣ разговора съ барономъ Корфомъ. Пришлось передать его отказъ. Князь только улыбнулся и сказалъ мнѣ:

— Нечего время терять. Вы съ завтрашняго дня приступите къ работамъ, а деньги вамъ будутъ вручены.

Я сдѣлалъ необходимыя распоряженія, и на другой же день мастеровые приступили къ работѣ. Князь же тотчасъ послѣ моего ухода послалъ за барономъ Вревскимъ, который былъ тогда уже свиты его величества генераль-майоромъ и директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Не знаю, о чемъ тамъ было говорено между ними, только въ тотъ же день директоръ департамента военныхъ поселеній генераль-отъ-артиллеріи баронъ Корфъ получилъ формальное предписаніе приказать привезти на другой день къ 11 часамъ утра въ канцелярію военнаго министерства всѣ наличныя, безъ исключенія, суммы, какого бы названія онѣ ни были. Корфъ

очень смутился, такъ какъ и ему было приказано къ этому же времени прибыть въ канцелярію. Князь Чернышевъ принялъ барона Корфа очень сухо, дѣлалъ ему разныя колкія замѣчанія, приказалъ суммы положить въ казначейство канцеляріи, вносить туда же каждую копейку, поступающую въ департаментъ военныхъ поселеній, и никакого расхода безъ разрѣшенія его, военнаго министра, не производить. Никакія просьбы, никакія представленія не помогли: деньги были сданы по приказанію. Такъ промучилъ князь барона Корфа дней пять, и, только по просьбѣ барона Бревскаго, суммы, наконецъ, вернулись въ департаментъ военныхъ поселеній, но съ тѣмъ, однако, чтобы всѣ требованія князя исполнялись немедленно и безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Мнѣ же предписано было департаментомъ военныхъ поселеній прибыть за деньгами. На первый случай я взялъ 10 тысячъ рублей, а остальные деньги получалъ по мѣрѣ надобности.

Лѣтомъ 1851 года съ Кавказа пріѣхалъ въ отпускъ свиты его величества генераль-майоръ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, котораго я очень часто встрѣчалъ въ домѣ Чернышевыхъ. Князь Чернышевъ попросилъ меня съѣздить къ нему въ Елизаветино, осмотрѣть и привести тамъ все въ порядокъ, такъ какъ онъ пожелалъ поѣхать туда со всѣмъ семействомъ и съ гостями, чтобы провести тамъ цѣлый день. Я устроилъ тамъ игры, очень хорошенькую палатку, досталъ изъ комиссаріата киргизскую кибитку, приказалъ прибрать домъ получше и, возвратившись изъ Елизаветина, объявилъ князю, что все устроено. Князь написалъ записку князю Меншикову (морскому министру), и въ назначенный день къ 9 часамъ утра за Лѣтнимъ садомъ близъ Литейнаго моста былъ приготовленъ большой казенный пароходъ, подъ командою флотскаго штабъ-офицера, съ хоромъ музыки. Князь пригласилъ на эту *partie de plaisir* всѣхъ трехъ Барятинскихъ: Александра Ивановича, Владиміра Ивановича и Анатолія Ивановича. Владиміръ Ивановичъ былъ тогда ротмистромъ Кавалергардскаго полка и женатъ на старшей дочери князя Чернышева, Елизаветѣ Александровнѣ, очень хорошенькой, милой и любезной особѣ. Анатолій Ивановичъ былъ въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи конной артиллеріи; съ нимъ была его молодая жена, очень недуренькая особа, чрезвычайно нѣжнаго, деликатнаго тѣлосложенія. Оба брата состояли адъютантами при князѣ, Анатолій Ивановичъ былъ только что назначенъ. Кромѣ того, были приглашены: князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ (впослѣдствіи вице-предсѣдатель государственнаго совѣта), старый другъ дома Чернышевыхъ, князь Меццерскій съ женою, родной сестрою князя Чернышева, министръ финансовъ Вронченко, баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, князь Кочубей съ женою, урожденною княжною Бѣлосельскою-Бѣлозерскою, баронъ Зеебахъ съ женою, урожденною графинею Нессельроде, штабсъ-капитанъ и адъютантъ князя Чернышева, графъ Гри-

горій Александровичъ Строгановъ, Николай Александровичъ Бутурлинъ съ женою и дѣтьми, подростками дѣтямъ князя; меня онъ также удостоилъ приглашеніемъ.

День былъ великолѣпный,—теплый и солнечный. Какъ князь назначилъ, къ 9 часамъ утра всѣ собрались у пристани; мы, кавалеры, всѣ были въ сюртукахъ. Князя и княгиню встрѣтили съ музыкою и, когда все общество размѣстилось, пароходъ отчалилъ. Подали шоколадъ, накрыли два ломберныхъ стола, предложили карты. Князь составилъ для себя партію: Гагаринъ, Бутурлинъ, Вронченко и онъ; на другомъ столѣ играли: князь Александръ Ивановичъ Бярятинскій, князь Мещерскій, Зеебахъ и я; другіе отказались играть, а занимали дамское общество. Мы сѣли играть въ вистъ, и объявлено было «по маленькой», но какой кушъ—я не зналъ. Около часу насъ всѣхъ позвали въ каютъ-компанію къ маленькому завтраку *à la fourchette*. Завтракъ былъ роскошный, и тутъ Анатолій Бярятинскій, баронъ Вревскій и Григорій Строгановъ выпили не одну бутылку шампанскаго. Чрезвычайная любезность князя и княгини и въ особенности веселое расположеніе князя, котораго раньше я никогда не видалъ въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, придавали празднику замѣчательную оживленность, тѣмъ болѣе, что это былъ вполнѣ свой семейный кружокъ, безъ всякаго стѣсненія. Князь нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ, самъ потчевалъ, расхаживалъ со мною подъ-руку, какъ бы стараясь показать всѣмъ присутствовавшимъ, насколько онъ ко мнѣ расположенъ.

Сѣли опять за карты, и такъ какъ солнце уже очень допекало, то командиръ судна, пока мы завтракали внизу, натянулъ *teinte* надъ всею палубою; за это вниманіе князь лично благодарилъ командира. Свою партію князь кончилъ нѣсколько ранѣе насъ и, подойдя къ нашему столу, подошелъ ко мнѣ и сталъ слѣдить за моею игрою.

— О, да вы отлично играете, какъ я вижу,—сказалъ князь:—вамъ можно вести и серьезную игру. Хорошо, что я это узналъ: вы будете нашимъ пріятнымъ партнеромъ.

Кончилась игра и оказалось, что «по маленькой» значить по 3 рубля серебромъ за *point*. Хотя я и взялъ съ собою, на всякій случай, рублей 600, но хорошо, что повезло, а то легко пришлось бы приплатить и болѣе 600 рублей. Я выигралъ 800 съ чѣмъ-то рублей, и князь былъ этимъ чрезвычайно доволенъ, просто радовался, что я далъ такой хорошій урокъ моимъ партнерамъ.

Такимъ образомъ, мы незамѣтно доѣхали до Елизаветина и причалили къ берегу. При выходѣ *m-me* Бутурлина взяла меня подъ руку своимъ провожатымъ. Мнѣ было пріятно такое вниманіе моей дамы, всегда очень любезной и умной. Князь, увидя насъ вмѣстѣ, подошелъ съ княгиней къ *m-me* Бутурлиной и сказалъ:

— Ah! vous avez choisi mon protégé pour votre cavalier. Vous

n'auriez pas pu faire un meilleur choix, je l'aime et je l'estime beaucoup ¹⁾).

И совѣтъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Mais, mon prince, — отвѣтилъ я, — vous me comblez des vos bontés ²⁾).

Князь улыбнулся супругѣ и, какъ бы вполголоса, но довольно громко сказалъ ей:

— «On ne trouve pas souvent des hommes dans son âge qui rougissent par modestie» ³⁾).

Когда мы довели дамъ до дому, онѣ поднялись на верхъ поправить свои туалеты, а мы, кавалеры, могли любоваться прекрасною природою, насъ окружавшею. Княгиня скоро возвратилась и съ крыльца веселымъ голосомъ крикнула:

— «M-r Gervais, venez à mon aide, nous sommes ici les vrais hôtes et les ressorts pour faire plaisir à mon chér prince» ⁴⁾).

И отправился къ ней, и мы обошли приготовленный столъ. Miss Corr уже успѣла все устроить (она еще наканунѣ приѣхала въ Елизаветино), а m-r Lefort успокоилъ княгиню, объявивъ, что черезъ часъ обѣдъ будетъ готовъ.

Вся компанія разбрелась кто на горы, кто на качели, кто въ паркъ, въ садъ, въ оранжерею и т. д. Дѣтей очень забавляли устроенные мною pas de géants, также довольно высокій круглый столбъ съ сюрпризомъ на верху и большою сѣткою внизу, чтобы въ случаѣ паденія не ушибиться, многихъ интересовала палатка, бесѣдка. Но князь особенно благодарилъ меня за устройство киргизской кибитки, которая была убрана такъ, какъ у богатыхъ киргизовъ. Княгиню болѣе всего радовало то, что князь былъ такъ веселъ, и, желая особенно поблагодарить меня за хлопоты, она пошла ко мнѣ и дружески протянула мнѣ руку.

— «Mais, m-r Gervais, vous êtes intarissable d'inventions. Oh! je vous suis redevable et je vous remercie de plein cœur» ⁵⁾), — сказала она.

Большимъ звонкомъ дали знать разсѣявшейся компаніи, что обѣдъ готовъ. Я предложилъ руку m-me Бутурлиной, которую повелъ къ столу. Она посадила меня подлѣ себя, а по лѣвую сторону около меня сѣла Елизавета Александровна Барятинская. Обѣдъ былъ великолѣпный, пили много, весело было всѣмъ и въ особен-

¹⁾ «А, вы выбрали кавалеромъ моего protégé. Вы не могли бы сдѣлать лучшаго выбора: я его люблю и очень уважаю».

²⁾ «Право, князь, отвѣтилъ я, вы слишкомъ добры».

³⁾ «Рѣдко можно встрѣтить людей его возраста, которые краснѣютъ отъ скромности».

⁴⁾ «M-r Жерве, помогите мнѣ, мы съ вами здѣсь настоящіе хозяева и постараемся сдѣлать все, чтобы доставить удовольствіе моему милому князю».

⁵⁾ «Но, m-r Жерве, вы неисчерпаемы въ изобрѣтеніяхъ. И вамъ очень признательна и благодарна васъ сердечно», сказала она.

ности потому, что князь былъ въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Мы пили здоровье хозяевъ и предлагали разные тосты другъ другу. Князь поднялъ бокалъ и, кивнувъ мнѣ головой, сказалъ вполголоса (онъ сидѣлъ недалеко отъ меня):

— A votre santé, mon cher Gervais ¹⁾.

Княгиня замѣтила это и смѣясь бойко подхватила:

— Ah, le prince joue cache-cache avec m-r Gervais, cela ne va pas. A votre santé, mon cher Gervais, et milles et milles remerciements ²⁾.

При этомъ и сосѣдки мои и нѣсколько другихъ особъ выпили за мое здоровье. Послѣ обѣда вынесли стулья на террасу, и здѣсь мы пили кофе. Князь заранее просилъ меня сдѣлать сюрпризъ гостямъ: послѣ обѣда устроить кавалькаду. Поэтому, когда я раньше ѣздилъ въ Елизаветино, то у окрестныхъ помѣщиковъ завербовалъ нѣсколько верховыхъ лошадей съ мужскими и дамскими сѣдлами, и, надо отдать справедливость, всѣ съ большою готовностью предложили свои услуги и выслали лошадей, штукъ до восьми; кромѣ того, я привезъ еще изъ города нѣсколько сѣделъ, которыми осѣдлали деревенскихъ лошадей. Для княгини и ея дамъ была приготовлена коляска, для князя большія дрожки, для другихъ нѣсколько простыхъ телѣгъ, покрытыхъ коврами. Князь послѣ кофе переглянулся со мною, и все приготовленное для кавалькады было подано. Мы поѣхали по отличной дорогѣ въ деревню Елизаветино; кавалеры большею частью верхами сопровождали дамскій train. Въ деревнѣ крестьяне ожидали насъ въ праздничныхъ костюмахъ и, увидя насъ, устроили хороводъ подъ звуки свирѣли, на которой очень хорошо игралъ мужичекъ, приглашенный мною изъ сосѣдняго села генераль-адъютанта Кокошкина. Это очень развеселило все общество, и княгиня улыбаясь обратилась ко мнѣ:

— Toujours et partout la même amabilité, la même prévoyance ³⁾.

Князь ничего не сказалъ, только, вставъ противъ меня, снялъ фуражку и низко поклонился. Видно, онъ былъ тронутъ тѣмъ, что я такъ удачно умѣлъ придать его мысли столь пріятное направленіе. На обратномъ пути къ дому много хохотали, дурачились, перегоняя другъ друга, и въ самомъ веселомъ настроеніи приѣхали съ прогулки. Я обратился къ княгинѣ:

— M-me la princesse, est ce que cela sera importun de ma part si j'ose proposer une contredance pour la jeunesse. La musique est là, le salon est prêt ⁴⁾.

¹⁾ «За ваше здоровье, милый Жерве».

²⁾ «А, князь играетъ въ прятки съ м-г Жерве, это не годится. За ваше здоровье, милѣйшій Жерве, тысячу разъ благодарю васъ».

³⁾ «Всегда и вездѣ та же любезность, та же предупредительность».

⁴⁾ «Княгиня, не будетъ ли скучно, если я осмѣюсь предложить кадрили молодежи. Музыка здѣсь, заль готовъ».

— Il fait un peu chaud,—отвѣтила княгиня,—et nous n'avons pas beaucoup de temps, mais je parlerai au prince ¹⁾).

Она подошла къ князю и передала ему мое предложеніе.

— Mais c'est charmant!—воскликнулъ князь.—Une heure de plus ne gâtera rien et que tout le monde y prend part—cela amusera la société» ²⁾).

Сказано—сдѣлано: тотчасъ составила французская кадрили. Я ангажировалъ Александру Александровичу Чернышеву, а моимъ vis-à-vis былъ Строгановъ съ Елизаветой Александровной. Онъ былъ отличный танцоръ и дирижеръ; когда очередь дошла до grand rond, онъ уморилъ насъ всѣхъ своими турами; послѣ того протанцовали еще вальсъ и немного польку. Затѣмъ напились чаю и часовъ около 9-ти отправились на пароходъ для обратнаго путешествія. Воздухъ былъ замѣчательно теплый, вовсе не чувствовалось обычной свѣжести на водѣ, и было совершенно тихо. Брезентъ сняли, и для большого эффекта, когда начало смеркаться, пароходъ иллюминировался. Мы опять сѣли за карты. Я былъ очень радъ дать реваншъ и проигралъ большую половину моего выигрыша. Пароходъ шель довольно скоро, только у пороговъ нѣсколько убавлялъ ходъ и около 12^{1/2} часовъ ночи подошелъ къ пристани. Князь и княгиня всѣхъ благодарили за пріятно проведенный день, и мы, съ своей стороны, высказали имъ нашу искреннюю благодарность. Такъ кончился этотъ весьма памятный для меня день, который оставилъ по себѣ самое пріятное воспоминаніе.

Осенью, если не ошибаюсь, того же года, въ дворянскомъ собраніи устраивался концертъ съ участіемъ какой-то знаменитости. Я былъ въ креслахъ. Въ антрактѣ вижу князя съ семействомъ въ большой ложѣ, противъ царской. Я поклонился Чернышевымъ и отправился къ нимъ въ ложу, потому что князь пальцемъ манилъ меня къ себѣ. Княгиня и вся ея семья встрѣтили меня очень любезно и ласково, а князь самъ пододвинулъ ко мнѣ кресло и посадилъ меня подлѣ себя.

— Je suis persuadée, que m-r Gervais est artiste lui même, n'est ce pas?—спросила княгиня.

— Je vous demande pardon, m-me la princesse, j'ai été dans ma jeunesse un assez bon violoniste, mais le service sérieux et surtout la perte de mon violon, un Cremon excellent, m'ont fait oublier la musique, mais je suis resté un mélomane assidu. Je choie la musique

¹⁾ «Немного жарко,—отвѣтила княгиня,—и у насъ времени немного, но я скажу князю».

²⁾ «Да, это превосходно,—воскликнулъ князь.—Лишній часъ ничего не значить, и пусть всѣ принимаютъ въ этомъ участіе—это развеселитъ общество».

dans mes enfans et je visite l'opéra italien chaque une fois par semaine ¹⁾).

Въ это время кончился антрактъ, но я до конца концерта сидѣлъ въ ложѣ, такъ какъ князь просилъ меня остаться съ ними.

Какъ-то разъ, въ залѣ же дворянскаго собранія былъ устроенъ базаръ. Приѣхавъ въ собраніе, я встрѣтилъ тамъ княгиню Чернышеву съ дочерью Александрой Александровной.

— Ah, comme je suis contente de vous voir. Je suis fatiguée jusqu'au dernier degré, je cherche le prince qui voulait venir nous trouver ici et je ne le vois pas.

— M-me la princesse, — отвѣтилъ я княгинѣ, — voudriez vous avoir la bonté de me suivre quelques pas. Voilà la loge de m-me Boutourline, vous y pouvez vous reposer quelques minutes, j'irai chercher le prince et je vous l'amenerai tout de suite ²⁾).

— Oh, merci.

Я отвелъ княгиню въ ложу Бутурлиной, пошелъ искать князя, котораго дѣйствительно скоро встрѣтилъ, и передалъ, гдѣ находится его супруга и дочь. Князь казался не въ духѣ. Я привелъ его въ ложу m-me Бутурлиной, и здѣсь онъ сказалъ княгинѣ:

— Mais, princesse, vous deviez être dans la loge de la grande duchesse Alexandra Iosifovna, et ne vous trouvant pas là, j'ai courru dans tout le salon sans vous trouver. Mais je n'ai pas pu entrer dans la loge de la grande duchesse: elle n'y était pas encore. Въ это время князь увидѣлъ великую княгиню, которая входила въ свою ложу: «Voilà la grande duchesse qui arrive. Allons'y» ³⁾).

Они отправились туда, а я пошелъ бродить по залу.

Отношенія великой княгини къ Чернышевой были очень близки. Послѣдняя была очень дружна съ матерью великой княгини и въ постоянной съ нею перепискѣ. Великая княгиня Александра Иосифовна часто бывала у княгини Чернышевой, приѣзжала къ завтраку, пила кофе, и княгиня также очень часто навѣщала великую княгиню.

¹⁾ «Я увѣрена, что m-г Жерве самъ артистъ, не правда ли?» — спросила княгиня.

— «Виновать, княгиня. Въ молодости я былъ довольно хорошимъ скрипачемъ, но серьезная служба и въ особенности потеря моей превосходной кремонской скрипки заставили меня позабыть музыку, но я остался усерднымъ меломаномъ. Я поощряю музыку въ дѣтяхъ и посѣщаю итальянскую оперу каждую недѣлю».

²⁾ «А, какъ я рада васъ видѣть. Я совсѣмъ устала; я иду князя, который хотѣлъ прийти къ намъ сюда, и я его не вижу».

— «Княгиня, — отвѣтилъ я, — не будете ли вы добры, пожаловать за мною. Вотъ ложа m-me Бутурлиной. вы могли бы здѣсь отдохнуть нѣсколько минутъ. Я поиду князя и приглашу его къ вамъ сейчасъ».

³⁾ «Но, княгиня, вы должны были бы находиться въ ложѣ великой княгини Александры Иосифовны, и, не найдя васъ тамъ, я обошелъ весь залъ, не встрѣтивъ васъ. Я не могъ войти въ ложу великой княгини: ея тамъ еще не было». Въ это время князь увидѣлъ великую княгиню, которая входила въ свою ложу. «Вотъ приѣхала великая княгиня. Пойдемте туда».

Государь Николай Павловичъ иногда заѣзжалъ къ княгинѣ по утрамъ. Однажды, я сходилъ по лѣстницѣ отъ княгини и встрѣтилъ государя, поднимавшагося къ ней на верхъ.

— Что княгиня дома?—спросилъ меня государь.

— У себя. Я тотчасъ доложу, ваше величество,—отвѣтилъ я и взбѣжалъ на верхъ къ княгинѣ, которой передалъ о прїѣздѣ государя. Она сказала мнѣ, чтобы я попросилъ государя войти въ ея гостиную и доложилъ, что она сейчасъ выйдетъ къ нему. Я передалъ государю просьбу княгини. Идя въ гостиную, онъ спросилъ меня:

— А что, сосѣдъ (такъ называлъ меня государь постоянно при всякой встрѣчѣ, даже въ маскарадахъ), ты вѣрно управляешь и домогъ военнаго министра?

— Точно такъ, ваше величество.

— Смотри же, чтобы всѣ малѣйшія требованія князя и княгини были исполняемы немедленно. Я этого желаю.

— Я такъ и дѣлаю, ваше величество.

— Это хорошо,—сказалъ государь и вошелъ въ гостиную.

Однако, о его приказаніи я донесъ формально департаменту военныхъ поселеній.

Въ доказательство того, какъ независимъ былъ князь Чернышевъ, и какъ близко стоялъ онъ къ императору Николаю, приведу слѣдующій достовѣрный фактъ. Это было осенью 1851 года. Однажды, послѣ обѣда, мы играли у князя въ вистъ: князь, Павелъ Павловичъ Гагаринъ, я и не помню кто еще четвертый, кажется, министръ финансовъ Брокъ. Около 9 часовъ вечера князь получаетъ отъ государя записку—эту записку мы всѣ читали—слѣдующаго содержания: «Prince, venez me voir à l'instant. J'ai besoin de vous. Nicolas ¹⁾». Князь прочелъ записку, положилъ ее на столъ, такъ что и мы всѣ прочли ее, и обратился къ сыну:

— «Leo, apportez moi de mon cabinet un crayon bien taillé» ²⁾.

Левъ Александровичъ принесъ карандашъ, подалъ князю, и онъ на той же запискѣ государя написать карандашемъ: «Sire, jusqu'a demain 9 heure du matin. Tschernischeff» ³⁾. Запечаталъ и отправилъ записку обратно государю. Запечаталъ же онъ ее облаткой, которую княгиня, по просьбѣ его, передала ему со своего письменнаго стола. Не думаю, чтобы кто нибудь другой, кромѣ князя, рискнулъ на подобный поступокъ, въ особенности съ покойнымъ государемъ...

Въ этомъ же году князь Чернышевъ былъ возведенъ въ свѣтлѣйшіе князья и показывалъ мнѣ грамоту, полученную имъ при рескриптѣ отъ государя, — великолѣпный подарокъ. Однако, онъ

¹⁾ «Князь прїѣзжайте сейчасъ, мнѣ васъ нужно видѣть. Николай».

²⁾ «Левъ, принесите мнѣ изъ кабинета хорошо оцинкованный карандашъ».

³⁾ «Государь, въ 9 часовъ утра завтрашняго дни. Чернышевъ».

сталъ уже поговаривать о томъ, что въ слѣдующемъ году истекаетъ 25 лѣтъ его службы въ должности военнаго министра, которую послѣ этого срока онъ намѣренъ оставить вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Лѣтомъ этого года я заболѣлъ простудою и не могъ выходить изъ дому. Князь ежедневно утромъ и вечеромъ регулярно присылалъ фельдъегеря узнавать о моемъ здоровьѣ. А когда онъ уѣзжалъ въ Царское, то фельдъегерь, который привозилъ оттуда бумаги въ Петербургъ, получалъ приказаніе зайти ко мнѣ и справиться о моемъ здоровьѣ. Когда я уже выздоравливалъ, князь прислалъ мнѣ однажды записку, которою просилъ меня исполнить нѣкоторыя маленькія его порученія. Такъ какъ фельдъегерь долженъ былъ прибыть въ Петербургъ очень рано, то на конвертѣ подъ адресомъ было написано рукою князя: «Не будить, а вручить, когда его высокоблагородіе пробудится. Отъ князя Чернышева». До чего князь былъ внимателенъ ко мнѣ, видно изъ этой надписи. Этотъ конвертъ хранится у меня по сіе время ¹⁾.

Лѣтомъ 1852 года, князь на нѣкоторое время поѣхалъ за границу, чтобы привезти оттуда княгиню и дочь Александру Александровну, которая была невѣстою флигель-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго, страшнаго богача, но очень скупого. Въ этомъ году старшій сынъ мой Николай долженъ былъ выйти въ офицеры изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Производство приближалось и начальникъ школы генераль-лейтенантъ Сутгофъ, не по балламъ, а по своему капризу, назначилъ Колю въ 3-ю гвардейскую дивизію въ Волынскій полкъ. Я поѣхалъ къ Сутгофу узнать причину этого назначенія, и онъ сказалъ мнѣ:

— Я назначилъ вашего сына въ Волынскій полкъ, потому что у васъ есть протекція, и вы всегда можете перевести его куда угодно.

Но я настоятельно просилъ его выпустить сына въ тотъ полкъ, въ который ему слѣдуетъ поступить по балламъ, и его назначили въ Павловскій полкъ. Тогда я просилъ дежурнаго генерала Игнатьева ходатайствовать у генерала Сутгофа, чтобы Коля былъ выпущенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ память того, что мой покойный отецъ служилъ въ этомъ полку. Сутгофъ отказалъ ему. Послѣ этого я обращался къ генераль-квартирмейстеру Бергу, затѣмъ къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса Витовтову, и имъ Сутгофъ отказалъ. Князь былъ за границей. Дѣлать нечего, по-немногу пришлось готовить обмундированіе, такъ какъ 13 августа, долженъ былъ послѣдовать выпускъ. 6-го августа прѣзжаетъ князь изъ-за границы. Я явился къ нему, и онъ, какъ всегда, принялъ меня крайне ласково, благодарилъ за исправность и благополучіе какъ въ домѣ, такъ и въ Елизаветинѣ. Однако въ

¹⁾ Оригиналъ конверта, для памяти, вклеенъ на поляхъ мемуаровъ дѣда.
В. Ж.

этотъ день я рѣшилъ ни о чемъ ему не говорить. На другой день, это было въ воскресенье, я проснулся съ мыслью о Колѣ и сказалъ себѣ: одѣнусь и пойду къ князю, застану его дома, попрошу о сынѣ. Надѣлъ мундиръ, поѣхалъ къ князю. Кдва хотѣлъ войти въ кабинетъ къ нему, какъ мнѣ на встрѣчу выходить изъ кабинета баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій ¹⁾.

— Что, вы къ князю?

— Да.

— Вы еще не видѣли его послѣ приѣзда?

— Видѣлъ и являлся ему.

— Такъ если вамъ не очень нужно, не мѣшайте ему: онъ занятъ.

На это я сказалъ барону, что имѣю небольшую просьбу къ князю, и рассказалъ ему, въ чемъ дѣло. Князь, вѣроятно, услышалъ мой голосъ и довольно длинный разговоръ съ Вревскимъ, открылъ дверь изъ кабинета и, заглянувъ къ намъ, очень привѣтливо сказалъ:

— *Bonjour, mon cher Gervais. Qu'avez vous à vous entretenir si sérieusement avec Pavel Alexandrovitsch* ²⁾.

¹⁾ Баронъ П. А. Вревскій вообще каждому охотно подавалъ руку помощи. Помню, напримѣръ, такой случай. Когда я служилъ еще въ Добруйскѣ, тамъ жила бѣдная вдова гарнизонной артиллеріи поручика Саврасова. Не имѣя средствъ дать своимъ двумъ сыновьямъ хоть сколько нибудь приличное воспитаніе и образованіе, въ одно прекрасное утро она дала мальчикамъ, изъ которыхъ старшему было лѣтъ 15, нѣсколько рублей денегъ и отправила ихъ въ Петербургъ, чтобы они сами себѣ пробили тамъ дорогу. Бѣдные мальчики кое-какъ добрались до Петербурга и очутились здѣсь, какъ въ лѣсу. Но Богъ помогъ имъ. Старшій, Михаилъ, увидѣлъ меня, когда я ѣхалъ по Невскому, узналъ меня, поѣхалъ за мною вслѣдъ и успѣлъ замѣтить, что я вѣхалъ въ ворота зданія главнаго штаба. Розыскавъ мою квартиру, онъ пришелъ ко мнѣ и рассказалъ свое горе. Я принялъ участіе въ мальчикахъ и, благодаря вліянію барона Вревскаго, старшаго помѣстили въ учебный морской экипажъ, а младшаго въ аудиторское училище. Старшій потомъ пожелалъ перевестись въ Гельсингфорсъ въ юнкерское училище, откуда вышелъ въ офицеры и, стараніями того же барона Вревскаго, экипированъ. Онъ участвовалъ въ Севастопольской кампаніи и былъ тяжело раненъ въ челюсть и шею; сначала онъ лежалъ въ госпиталѣ въ Крыму, а затѣмъ попалъ въ число раненыхъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны въ Петербургѣ. Когда впоследствии мнѣ удалось ему выхлопотать мѣсто плацъ-адъютанта въ Кронштадтѣ, онъ женился на той самой сестрѣ милосердія, которая ухаживала за нимъ во время войны. Второй братъ Иванъ, по окончаніи аудиторской школы, былъ назначенъ аудиторомъ д.-гв. Финляндскаго полка, а потомъ перевелся въ Бессарабію, гдѣ въ молодыхъ лѣтахъ умеръ.

Что же касается добрѣйшаго, человѣколюбиваго и во всѣхъ отношеніяхъ прекраснѣйшаго человѣка барона П. А. Вревскаго, то во время крымской кампаніи онъ былъ посланъ государемъ по какому-то дѣлу къ князю Горчакову, который принялъ его не такъ, какъ къ тому привыкъ этотъ достойный генералъ. Но, несмотря на это, Вревскій участвовалъ въ сраженіи, кажется, при приступѣ на Оedyxину гору, гдѣ былъ убитъ ядромъ, которое снесло ему голову. Такъ кончилась жизнь этотъ славнѣйшій человѣкъ!.. Въ немъ я много потерялъ.

²⁾ «Здравствуйте, мой милый Жерве. О чемъ вы такъ серьезно говорите съ Павломъ Александровичемъ?»

Я посмотрѣлъ на Вревскаго, тотъ улынулся и передалъ мою просьбу князю.

— Oh, volontier, mon cher, volontier. Cher Pavel Alexandrovitch, écrivez tout de suite une lettre au chef du corps de gardes à Son Altesse Impériale le Grand Duc Héritier. J'attendrai la lettre, et nous la ferons partir encore aujourd'hui, il n'y a pas de temps à perdre» ¹⁾).

Я не зналъ, какъ и благодарить князя, и, растроганный, подошелъ къ нему. Онъ обнялъ и поцѣловалъ меня.

— Mais, mon cher, cela ne vaut pas la peine; je suis très content de pouvoir vous être utile» ²⁾).

Письмо къ государю наслѣднику было написано очень убѣдительное, и въ немъ было упомянуто, что это, вѣроятно, послѣдняя просьба князя, какъ военнаго министра, къ его высочеству. Наслѣдникъ отвѣтилъ князю очень любезнымъ письмомъ, которымъ увѣдомилъ его, что приказалъ отдать по военно-учебнымъ заведеніямъ приказъ о томъ, что подпрапорщикъ Жерве долженъ быть произведенъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. По приказанію князя Чернышева, баронъ Вревскій прислалъ мнѣ для прочтенія письмо наслѣдника цесаревича. Я немедленно написалъ записку Колѣ и съ нарочнымъ послалъ въ Петергофъ, гдѣ тогда стояла лагеремъ школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Вѣсть объ этой перемѣнѣ мигомъ разнеслась по лагерю, дошла и до Сутгофа, который порядочно разозлился, но дѣлать было нечего: вскорѣ онъ получилъ приказъ государя наслѣдника. Немедленно перемѣнили мы экипировку сына и съ нетерпѣніемъ стали ждать дня его производства. Наконецъ, школа возвратилась изъ лагеря, и государь поздравилъ выпускныхъ съ производствомъ въ офицеры, а Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, товарищъ его высочества, приказалъ имъ раздать высочайшій приказъ. Я послалъ со своимъ человѣкомъ сыну экипировку и бѣлье въ школу и свой экипажъ. Видимъ, летитъ Николай Константиновичъ, въ офицерской шинели и въ сюртукѣ, съ братомъ ³⁾, который перешелъ въ старшій классъ и произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры. На другой день у насъ собрались гости, и мы вдвойнѣ праздновали производство сына и день рожденія моей младшей дочери Ольги.

Вскорѣ послѣ пріѣзда князя изъ-за границы сыграли свадьбу его дочери Александры Александровны съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ; свадьба была очень скромная. Государь былъ поса-

¹⁾ «О, съ удовольствіемъ, мой дорогой, съ удовольствіемъ. Милый Павелъ Александровичъ, напишите сейчасъ письмо командиру гвардейскаго корпуса, его императорскому высочеству наслѣднику цесаревичу. Я подожду письмо, и мы отправимъ его сегодня же, нечего терять время».

²⁾ «Полноте, мой милый, не стоитъ труда. Я очень доволенъ, что могу быть вамъ полезнымъ».

³⁾ Владимиромъ Константиновичемъ Жерве.

В. Ж.

женымъ отцемъ и подѣхалъ къ крыльцу дома со двора. Въ честь жениха (лейбъ-гусара) онъ былъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, съ краснымъ ментикомъ, но безъ доломана. Князь въ приданое дочери отдалъ Елизаветино.

Между тѣмъ подошелъ день двадцатипятилѣтія князя Чернышева въ должности военного министра. Государь на прощанье устроилъ ему великолѣпный обѣдъ въ Петергофѣ послѣ того, какъ всѣ чины военного министерства откланивались князю при прощаніи съ нимъ въ Петергофскомъ дворцѣ. Николай Павловичъ назначилъ князя председателемъ государственнаго совѣта и подарилъ ему казенный домъ военного министра въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы на ремонтъ его князю навсегда отпускалось по 15 тысячъ рублей серебромъ въ годъ. Князь прощался со всѣми чинами военного министерства, давая въ три категории обѣды. Я участвовалъ во всѣхъ. Одинъ разъ я пришелъ какъ-то пораньше, когда гостей было еще очень мало. Князь обнялъ меня и, разговаривая, расхаживалъ со мною такимъ образомъ; въ это время вошелъ въ комнату назначенный на его мѣсто военнымъ министромъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, который увидѣлъ насъ и, вѣроятно, удивился столь нѣжной позѣ. На каждомъ прощальномъ обѣдѣ князь говорилъ небольшую рѣчь. Помню, особенно интересенъ былъ тотъ обѣдъ, въ которомъ участвовали Кукольникъ и свиты его величества генераль-майоръ Чернышевъ, племянникъ князя Александра Ивановича,— оба страшные говоруны и прекрасные анекдотисты.

Кукольникъ былъ очень умный и образованный человѣкъ; съ нимъ случилась весьма непріятная исторія въ 1851 году. Поѣхалъ онъ въ Павловскъ послушать музыку,— тогда только-что возникла слава Штрауса,— сѣлъ себѣ скромно въ рядахъ на второй или третьей скамейкѣ. Вдругъ проходитъ какой-то армейскій, кажется, гусарскій офицеръ, котораго Кукольникъ никогда и въ глаза не видалъ, и далъ ему, ни съ того ни съ сего, полномѣсную пощечину. Смирный, флегматичный Кукольникъ никакъ не ожидалъ подобной выходки, и, пока опомнился, офицеръ успѣлъ скрыться. Бѣдняга ужасно встревожился, считалъ себя публично поруганнымъ и рѣшилъ немедленно выйти въ отставку; онъ служилъ статскимъ совѣтникомъ въ военномъ министерствѣ при князѣ Чернышевѣ. Но князь Александръ Ивановичъ и самъ государь просили его остаться на службѣ, такъ какъ этимъ поступкомъ онъ нисколько не можетъ считать себя даже обиженнымъ, не только обезчещеннымъ: ударилъ его человѣкъ пьяный, который вовсе не зналъ его, и котораго Кукольникъ также никогда не зналъ, слѣдовательно, это поступокъ взбалмошнаго сумасброда, уже отданнаго подъ судъ и не сегодня завтра разжалованнаго въ солдаты. Долго длились переговоры, пока Кукольникъ, наконецъ, согласился остаться на

службѣ; но отъ огорченія захвораль и едва потомъ могъ поправиться.

Казенные служащіе изъ дома князя были распущены, а управлять домою приглашенъ былъ г. Рейнке. Домъ я сдалъ очень скоро и безъ малѣйшихъ затрудненій, послѣ чего получилъ отъ князя письмо слѣдующаго содержанія.

«Милостивый государь

«Константинъ Карловичъ!

«Сформировавъ наконецъ наемную команду изъ рядовыхъ и рабочихъ людей для смотрѣнія за домою, всемилостивѣйше мнѣ пожалованнымъ, первымъ пріятнымъ долгомъ считаю изъяснить вашему высокоблагородію отъ жены моей и отъ меня лично искреннюю признательность за то время, когда подъ главнымъ вашимъ наблюденіемъ состоялъ домъ, въ которомъ я жительствоваю. Намъ всегда памятна будетъ та обязательная готовность, съ которою вы исполняли малѣйшія наши требованія.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенной моей къ вамъ признательности и уваженіи

«Князь А. Чернышевъ».

«22-го ноября 1852 года» ¹⁾.

Когда затѣмъ князь занималъ должность предсѣдателя государственнаго совѣта, я попрежнему очень часто навѣщаль его, и нерѣдко онъ приглашалъ меня къ себѣ обѣдать. Лѣтомъ на Каменномъ островѣ онъ нанималъ дачу князя Волконскаго. Здѣсь же жилъ и князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, который занималъ нѣсколько комнатъ и почти постоянно бывалъ у князя Александра Ивановича. Съ княгиней мы частенько совѣщались о дѣлахъ по дому и по поводу предполагаемой ею перестройки его.

Должность князя Александра Ивановича занялъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, уже далеко не тотъ военный министръ, какимъ былъ Чернышевъ, хотя состоялъ при немъ года полтора товарищемъ министра. Онъ не имѣлъ достаточныхъ административныхъ познаній и былъ далеко не такъ уменъ, чтобы быть въ состояніи замѣнить своего предмѣстника, къ тому же эгоистъ до черствости, сухъ, флегма и безъ всякаго чувства человѣколюбія. Игнатьевъ послѣ ухода князя Чернышева вскорѣ былъ назначенъ военнымъ генераль-губернаторомъ С.-Петербурга, а дежурнымъ генераломъ назначенъ былъ генераль-адъютантъ Катенинъ.

Дѣла мои по Главному штабу шли своимъ порядкомъ. Разъ какъ-то утромъ я выѣхалъ съ женою въ гостинный дворъ за покупками.

¹⁾ Письмо приложено къ мемуарамъ. Здѣсь же помѣщены нѣсколько записокъ княгини къ дѣду, весьма точныхъ по содержанию. В. Ж.

Вижу — летитъ мой унтеръ-офицеръ и, завидя издали нашъ экипажъ, направляется прямо ко мнѣ и докладываетъ, что въ Главномъ штабѣ, въ новомъ домѣ (съ Невскаго) пожаръ. Поскакалъ я туда и когда сталъ подыматься по лѣстницѣ, то встрѣтилъ военнаго министра и наслѣдника цесаревича, спускавшихся внизъ. Я не зналъ еще, что и гдѣ горитъ, но когда министръ спросилъ меня объ этомъ, я сказалъ, что опаснаго ничего нѣтъ. Онъ приказалъ мнѣ, когда кончится пожаръ, донести ему обо всемъ. Я побѣжалъ на верхъ, и оказалось, что балка была пропущена черезъ нижнюю часть печи въ той комнатѣ, въ тоторой жили механики. Не успѣлъ я оглянуться, какъ князь Долгоруковъ присылаетъ фельдъегеря сказать, чтобы я пріѣхалъ къ нему съ донесеніемъ. Я просилъ фельдъегеря доложить князю, что мое присутствіе здѣсь необходимо, опаснаго ничего нѣтъ, и что я пріѣду, когда все окончится. Черезъ часъ я былъ уже у князя въ канцеляріи военнаго министерства и доложилъ ему, что пожаръ прекращенъ совершенно безъ вреда для зданія, поврежденіе—самое вздорное, которое я исправлю своими средствами. Князь Долгоруковъ приказалъ мнѣ составить планъ, показать, гдѣ горѣло, описать подробно причины и пр., пріѣхать на слѣдующее утро къ нему въ скютукъ и приготовить ему все для доклада государю. На другой день утромъ я привезъ князю планы и все, что нужно было, и объяснилъ ему подробно все, о чемъ слѣдовало доложить государю, предупредивъ, что въ этомъ дѣлѣ государь все знаетъ очень хорошо. Князь приказалъ мнѣ у дежурнаго генерала ждать его возвращенія послѣ доклада, чтобы передать мнѣ, что скажетъ государь. Военный министръ возвратился изъ дворца около 11 часовъ и вошелъ въ пріемный залъ дежурнаго генерала. Хотя на лицѣ князя обыкновенно нельзя было прочесть никакого выраженія, такъ сухо и строго всегда держалъ онъ себя, однако на этотъ разъ очевидно было, что онъ доволенъ. Онъ передалъ, что государь приказалъ выразить мнѣ свое удовольствіе по поводу моихъ распоряженій и предоставилъ мнѣ исправить все по собственному моему усмотрѣнію,—«и тогда государь будетъ увѣренъ, что все устроится хорошо». При этомъ князь поздравилъ меня съ тѣмъ хорошимъ мнѣніемъ, какое имѣетъ обо мнѣ государь, и съ тѣхъ поръ былъ всегда со мною вѣжливъ и ласковъ. Тѣ, кто предполагали, что меня, по крайней мѣрѣ, посадятъ на гауптвахту, были крайне поражены; я же, съ своей стороны, былъ увѣренъ, что государь убѣдится въ моей невинности въ данномъ случаѣ.

X.

1854 годъ.—Наши окраины въ началѣ Севастопольской войны.—Петръ Любимовичъ Жерве.—Его батарея близъ Малахова кургана.—Рана Тотлебена.—Нахимовъ у Петра Любимовича; странная случайность.—Штурмъ 6 іюня и «батарея Жерве».—Рана Петра Любимовича.—Царскія милости.—Дѣйствія союзниковъ.—Кончина государя Николая Павловича.—Болѣзнь и послѣднія распоряженія императора.—Значеніе горькой для меня утраты.—Странное предзнаменованіе.—Поклоненіе праху усопшаго императора.—Его погребеніе.—Вступленіе на престолъ императора Александра II.—Удаленіе графа Клейнмихеля.—Стихотвореніе по этому поводу.—Мое столкновеніе съ Клейнмихелемъ.—Новая военная форма.—Командировка моего сына Владимира въ Севастополь.—Прибытіе его туда и мытарства.—Окончаніе командировки сына и его возвращеніе.—Конецъ Севастопольской войны и Парижскій миръ.—Коронація императора Александра II въ Москвѣ.—Петербургская встрѣча царской фамиліи.—Градіозная иллюминація зданія Главнаго штаба.

Приближался страшный 1854 годъ, годъ Крымской войны ¹⁾...

Государь манифестомъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе о томъ, что Турція, не исполняя его справедливыхъ требованій и нарушая всѣ трактаты, вызываетъ россійскаго императора на объявленіе ей войны. Вскорѣ послѣ этого турки послали довольно значительный флотъ въ Черное море, на берегахъ котораго сосредоточились всѣ силы союзниковъ. Севастополь сталъ цѣлью ихъ стремленій, и они задумали овладѣть имъ. Для обороны его были стянуты русскія войска, воодушевленные святыми чувствами долга, не жалѣвшія ни трудовъ, ни крови, ни жизни. Здѣсь гибли сотни и тысячи людей—и всѣ были счастливы, что умираютъ за родину.

Несмотря на геройскую защиту Севастополя и самоотверженіе каждаго изъ участниковъ его обороны, паденіе его можно было предвидѣть. И другія наши окраины не оставлены были противникомъ безъ вниманія. Флотъ его показался въ Финскомъ заливѣ, гдѣ бомбардированъ Свеаборгъ, взятъ Соммерсундъ (Аландскіе острова), и плѣнены комендантъ генераль-майоръ Бодиско и нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ ²⁾. Въ Вѣломъ морѣ былъ бом-

¹⁾ Дѣдъ не принималъ личнаго участія въ Севастопольской войнѣ, но его небольшой рассказъ объ этой интересной эпохѣ заслуживаетъ вниманія и довѣрія, такъ какъ составленъ по свѣдѣніямъ ся участниковъ, въ числѣ которыхъ были его сынъ и племянникъ; кромѣ того, главный штабъ, гдѣ онъ служилъ въ то время, былъ средоточіемъ всякихъ извѣстій о ходѣ кампаніи и служилъ источникомъ для дѣда; наконецъ, частныя толки дополняютъ остальное, полнѣе выясняя настроеніе общества въ періодъ войны. В. Ж.

²⁾ Въ числѣ послѣднихъ находился тамъ военный инженеръ капитанъ Теше, сынъ родного брата моего товарища Карла Ефимовича Теше. Братъ К. Е. въ кампанію 1809 года перешелъ на сторону шведовъ, но потомъ, по просьбѣ и ходатайству графа Сухтелена, нашего посланника въ Швецію, ему разрѣшили возвратить его сына въ Россію, гдѣ онъ былъ опредѣленъ въ главное инженерное училище.

бардированъ Соловецкій монастырь; сдѣлано нападеніе на Камчатку, на Одессу и пр. и пр... Но взоры Россіи и всей Европы были съ трепетомъ обращены на скромный Севастополь, гдѣ небольшая еще горсть моряковъ защищала его твердыни. Здѣсь умирали за другихъ, здѣсь клали души «за други своя».

Въ оборонѣ Севастополя участвовалъ, въ числѣ моряковъ, мой племянникъ, Петръ Любимовичъ Жерве ¹⁾, сынъ брата Любима Карловича. Небольшого роста, довольно слабого тѣлосложенія, кроткаго, застѣнчиваго нрава, но ревностный служака, совѣтъ молодой мичманъ, казалось, и не помышлялъ о славѣ героя, съ какою вернулся съ войны.

Въ декабрѣ 1854 года, Петръ Любимовичъ былъ назначенъ командиромъ батареи, находившейся близъ Малахова кургана, надъ Доковымъ оврагомъ. Сначала это была лишь штурмовая батарея, вооруженная десяткомъ орудій, а потомъ она обратилась въ дѣйствующую и, усиленная еще нѣсколькими орудіями, впоследствии принимала участіе во всѣхъ бомбардировкахъ нашей оборонительной линіи. По разсказу Петра Любимовича, Тотлебенъ былъ раненъ здѣсь. Однажды, они вмѣстѣ стояли на банкетѣ и разсматривали расположеніе противника; въ это самое время пуля попала Тотлебену въ ногу. Первую перевязку ему сдѣлали въ землянкѣ Петра Любимовича.

Нахимовъ и Хрулевъ также не разъ посѣщали эту батарею, безстранно раздѣляя опасности защитниковъ Севастополя и ободряя

Затѣмъ онъ служилъ въ Динабургѣ и по возвращеніи изъ плѣна женился на англичанкѣ, бывшей гувернанткѣ въ домѣ Карла Ефимовича. Въ 1869 году я встрѣтился съ нимъ на билетахъ Николаевского инженернаго училища; онъ былъ тогда подполковникомъ».

¹⁾ Петръ Любимовичъ Жерве, изъ дворянъ Петербургской губ., родился 14 декабря 1829 года и первоначальное воспитаніе получилъ въ морской ротѣ Александровскаго кадетскаго корпуса, въ Царскомъ Селѣ, откуда поступилъ въ морской кадетскій корпусъ 21 февраля 1841 года. Произведенъ въ мичмана 9 августа 1850 года съ зачисленіемъ въ 39 Черноморскій экипажъ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Севастополѣ съ 13 сентября 1854 года, когда неприятель послѣ Альминскаго сраженія перешелъ съ Сѣверной стороны на Южную, всѣ экипажи Черноморскаго флота составили съ пѣхотными частями гарнизонъ Севастополя. Здѣсь же находился и П. Л. съ начала осады до 10 июля 1855 года, когда былъ раненъ на батарее своего имени. Впоследствии, по окончаніи Крымской войны, онъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ командовалъ сначала судами 3-го ранга, а затѣмъ въ 1865 году назначенъ старшимъ офицеромъ монитора «Ураганъ», командиромъ котораго, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, былъ назначенъ въ слѣдующемъ году и занималъ эту должность почти 20 лѣтъ. Въ 1885 году П. Л., какъ георгіевскій кавалеръ, былъ зачисленъ по флоту съ сохраненіемъ полного содержанія пожизненно, а 29 февраля 1888 года, по прошенію на высочайшемъ имя, вслѣдствіе ранъ и контузіи былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ контръ-адмирала.

Уважасмый участникъ славной Севастопольской обороны здравствуетъ понынѣ. В. Ж.

них своимъ присутствіемъ. Къ Петру Любимовичу Нахимовъ относился особенно благосклонно и, видя его труды, самъ представилъ его къ производству въ лейтенанты. Странная случайность! Обыкновенно, уходя съ батареи племянника, онъ протягивалъ ему руку, говоря: «до свиданья», а въ роковой день 28 іюня Нахимовъ, разставаясь съ Петромъ Любимовичемъ, сказалъ ему: «прощайте!».. Точно предчувствовалъ онъ близкую кончину, точно чуялъ вѣрную смерть: по уходѣ съ батареи на Малаховъ курганъ, онъ былъ раненъ пулею въ голову, и на другой день доблестнаго героя не стало.

Во время штурма 6 іюня, на батарею Петра Любимовича былъ направленъ отрядъ французовъ въ нѣсколько тысячъ, у него былъ только батальонъ, но столь разстроенный прежними потерями, что оставалось отъ него не болѣе половины. Хрулевъ самъ принялъ участіе въ отбитіи атаки и прогналъ французовъ. Въ реляціи объ этомъ дѣлѣ Хрулевъ впервые назвалъ батарею Петра Любимовича «батареєю Жерве», и съ тѣхъ поръ она навсегда сохранила это названіе.

Черезъ мѣсяць послѣ того, 10-го іюля, племянникъ пошелъ осмотрѣть пороховой погребъ, находившійся шагахъ въ ста отъ его батареи, и, возвращаясь изъ погреба, былъ раненъ рикошетной пулей въ лѣвую руку; ему раздробило при этомъ мизинный палецъ и контузило большой. Его подъ руки повели на перевязочный пунктъ въ Корабельную слободку. Здѣсь ему ампутировали палецъ и затѣмъ уже отправили для излѣченія раны на Сѣверную сторону, въ Михайловскую батарею. Кромѣ того, онъ былъ контуженъ въ голову, чего сразу не почувствовалъ: только впоследствии эта контузія стала оказывать вліяніе на его здоровье. Послѣ этой раны онъ болѣе на батарею не возвращался, такъ какъ войска наши вскорѣ выступили изъ Севастополя. Петра Любимовича хорошо наградили за кампанію: кромѣ того, что батарея навсегда названа его именемъ, онъ получилъ чинъ лейтенанта, Анну 4-й степени за храбрость, Анну 3-й степени и Владиміра 4-й степени — съ мечами и бантами и, наконецъ, Георгія 4-й степени ¹⁾.

Въ февралѣ 1855 года, совершилось событіе, которое постигло Россію внезапно и опечалило всѣхъ до глубины души: я говорю о кончинѣ въ Возѣ почившаго императора Николая. Вотъ что было напечатано объ этомъ въ особомъ прибавленіи къ № 41 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» отъ 23 февраля 1855 года.

«27 января государь императоръ заболѣлъ гриппомъ, но продол-

¹⁾ Кромѣ того, въ послужномъ спискѣ П. Л. значится: «За блистательный подвигъ, оказанный во время бомбардированія г. Севастополя 5 и 6 октября получилъ въ числѣ прочихъ, искреннюю душевную государя императора признательность 13 октября 1854 года». В. Ж.

жалъ, по обыкновенію, неутомимо заниматься государственными дѣлами. Черезъ нѣсколько дней, именно 9-го февраля, чувствуя себя лучше, вопреки совѣтамъ пользовавшихъ его врачей, лейбъ-медика Мандта и доктора Карелля, изволилъ послѣ преждеосвященной обѣдни выѣхать въ экзерциргаузъ инженернаго замка для осмотра маршевыхъ батальоновъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго и Егерскаго полковъ.

— «Ваше величество,—сказаль докторъ Карелль,—нѣтъ ни одного медика въ вашей арміи, который позволилъ бы рядовому выписаться изъ госпиталя въ такомъ положеніи, въ какомъ вы находитесь, и при такомъ морозѣ (23°). Мой долгъ требовать, чтобы вы еще не выходили изъ комнаты.

— «Ты исполнилъ свой долгъ,—отвѣчалъ государь,—позволь же мнѣ исполнить мой.

«Въ часъ по полудни государь отправился въ экзерциргаузъ, не взявъ даже предосторожности (несмотря на убѣжденія государя цесаревича и просьбу близкой своей прислуги) одѣться потеплѣе обыкновеннаго. Послѣ осмотра заѣзжалъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а отъ нея къ бывшему тогда больнымъ военному министру; возвратясь же почувствовалъ себя хуже, чѣмъ наканунѣ. Кашель и одышка, уже и въ предшествовашіе дни иногда появлявшіеся, увеличились. Ночь его величество провелъ безъ сна; однако на другой день, 10 числа, изволилъ опять выѣхать въ тотъ же экзерциргаузъ для осмотра маршевыхъ батальоновъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго резервныхъ полковъ и людей лейбъ-гвардіи Сапернаго резервнаго полубатальона. Съ этого дня всѣ болѣзненные припадки начали усиливаться: государь уже не выходилъ изъ комнаты. 11-го числа хотя и намѣревался быть у преждеосвященной обѣдни, но не могъ и слегъ въ постель. Вечеромъ болѣзнь оказалась очевидно тяжкою, и признаки опасности жизни начали развиваться съ неимовѣрною быстротою ¹⁾. Несмотря на болѣзненное свое положеніе, государь не покидалъ занятій государственными дѣлами и только 12 числа, по настоянію врачей, рѣшился предоставить трудъ сей цесаревичу.

«Когда опасность признана была несомнѣнною, государыня императрица, скрѣпя сердце, рѣшилась предложить августѣйшему супругу своему пріобщиться Святыхъ Тайнъ. Государь началъ было на первой недѣлѣ поста говѣть и съ понедѣльника по четвергъ включительно изволилъ постоянно присутствовать при Божественной службѣ, но, неоднократно жалуясь на слабость здоровья, выражалъ сомнѣніе, въ силахъ ли будетъ исполнить этотъ христіанскій долгъ. Несмотря, однако же, на слабость, ни разу въ продолженіе службы

¹⁾ Когда еще прежде покойному императору случалось заболѣвать, онъ не соглашался на изданіе бюллетеней, чтобы не тревожить публики. Такъ и нынѣ, за три дни до кончины, онъ изволилъ сказать цесаревичу:

«Надѣюсь, что не обезпечили публики бюллетенями о моей болѣзни».

не садился, хотя и былъ къ тому убѣждаемъ протопресвитеромъ Бажановымъ. Императрица воспользовалась этимъ случаемъ.

— «Если ты,—сказала она,—не могъ окончить начатаго говѣнія и приобщиться Святыхъ Тайнъ на первой недѣлѣ, то не хочешь ли исполнить это теперь? Хотя состояніе здоровья твоего вовсе не опасно, но сколько примѣровъ, что съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ Богъ посылаетъ страждущимъ облегченіе!

— «Нѣтъ, я не могу приступить къ такому таинству въ постели, не одѣтый. Лучше тогда, когда буду въ силахъ совершить его личнымъ образомъ.

Императрица замолчала.

Вскорѣ онъ замѣтилъ на глазахъ ея слезы.

— «Ты плачешь?

— «Нѣтъ, это отъ насморка.

«Черезъ нѣсколько минутъ императрица тихо начала читать: «Отче нашъ».

— «Ты читаешь молитву... Зачѣмъ?

— «Я молюсь о твоёмъ выздоровленіи.

— «Развѣ я въ опасности?

— «Нѣтъ...

«У ея величества не хватило духу отвѣчать утвердительно.

— «Но ты очень разстроена. Ты устала, поди, успокойся.

«Императрица вышла.

«Около 3-хъ часовъ ночи государь спросилъ Мандта:

— «Скажите мнѣ откровенно, какая у меня болѣзнь. Вы знаете, что и прежде я всегда приказывалъ предупредить меня во-время, если заболѣю тяжело, чтобы не упустить христіанскаго долга.

— «Не могу скрыть предъ вашимъ величествомъ, что болѣзнь ваша становится серьезною: у васъ поражено правое легкое.

— «Вы хотите сказать, что ему угрожаетъ параличъ?

— «Если болѣзнь не уступитъ нашимъ усиліямъ, то, конечно, это можетъ послѣдовать; но мы того еще не видимъ и не теряемъ надежды на ваше выздоровленіе.

— «А, теперь я понимаю мое положеніе; теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

«Отпустивъ доктора, государь позвалъ наслѣдника и спокойно сообщилъ ему о безнадежности своего положенія, промолвивъ:

— «Надѣюсь, что ты еще ничего не сказалъ и не скажешь ма-тушкѣ. Прикажи позвать духовника.

«Протопресвитеръ Бажановъ находился уже во дворцѣ. Тутъ вошла императрица. Когда духовникъ началъ читать предшествующія исповѣди молитвы, государь благословлялъ стоявшихъ у постели его на колѣняхъ императрицу и цесаревича. Засимъ они вышли. По окончаніи исповѣди государь, перекрестившись, про-изнесъ:

— «Молю Господа, чтобы онъ принялъ меня въ Свои объятія.

«Священный обрядъ причащенія, совершенный по желанію его величества въ присутствіи императрицы и цесаревича, исполнилъ онъ съ полнымъ самосознаніемъ, съ умиленнымъ благоговѣніемъ и необыкновеннымъ спокойствіемъ. Молитву же «Вѣрую и исповѣдую» прочиталъ онъ отъ начала до конца довольно твердымъ голосомъ. Послѣ того позвалъ къ себѣ государыню цесаревну, великаго князя Константина Николаевича, великихъ княгинь Александру Іосифовну, Марію Николаевну, Елену Павловну и внучатъ, проводившихъ всю ночь безъ сна, въ сосѣднихъ комнатахъ; съ твердостью объявилъ имъ о близкой кончинѣ; со всѣми простился, всѣхъ благословилъ. Произнесенныя имъ въ эти священные и торжественныя минуты слова, конечно, останутся навсегда зачатлѣвыми въ сердцахъ осиротѣвшаго августѣйшаго семейства. Императрица воскликнула:

— «Боже! Почему я не могу умереть вмѣстѣ съ тобою!

— «Ты должна жить для нихъ.

«Обратившись къ государю наслѣднику цесаревичу, императоръ сказалъ:

— «Ты знаешь, что всѣ мои попеченія, всѣ усилія стремились къ благу Россіи. Я хотѣлъ продолжать трудиться такъ, чтобы оставить тебѣ государство благоустроенное, огражденное безопасностью извнѣ, совершенно спокойное и счастливое, но ты видишь, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ я умираю,—видно, такъ угодно Богу. Тяжело тебѣ будетъ!...

«Залившійся слезами цесаревичъ отвѣчалъ:

— «Если уже суждено мнѣ тебя лишиться, то я увѣренъ, что ты и тамъ будешь молиться о Россіи, о насъ всѣхъ, о святой Ею мнѣ помощи понести тяжкое бремя, имъ же на меня возлагаемое.

— «Да, я всегда молился Ему за Россію и за васъ всѣхъ; буду, буду молиться и тамъ. Вы же,—обращаясь къ окружавшему болѣзненный одръ его августѣйшему семейству и указывая на императрицу, продолжалъ государь,—останьтесь навсегда, какъ было доселѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной.

«Послѣ сего государь потребовалъ къ себѣ министра двора, графа Адлерберга, графа Орлова и военного министра князя Долгорукова, въ трогательныхъ словахъ благодарилъ ихъ за службу, за испытанную преданность, поручилъ ихъ наслѣднику, благословилъ и простился.

«Засимъ, снова обращаясь къ наслѣднику и къ графу Адлербергу, отдалъ послѣднія приказанія относительно своихъ похоронъ: самъ назначилъ залу нижняго этажа Зимняго дворца, въ которой должны быть выставлены смертныя его останки, и указалъ мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ соборѣ; требовалъ, чтобы погребеніе совершено было съ возможно меньшею роскошью, безъ пышнаго ка-

тафалка, безъ всякихъ великолѣпныхъ въ залѣ и церкви убранствъ, дабы избѣжать напрасныхъ издержекъ ¹⁾.

«Умирающій государь находился въ полной еще памяти, когда духовникъ приступилъ къ чтенію отходной, и изволилъ повторять за нимъ молитвы хотя слабымъ уже голосомъ, но покойно. Вскорѣ голосъ его пресѣкъся. Онъ знаками подозвалъ къ себѣ духовника, пожалъ ему руку, поцѣловалъ наперсный его крестъ и, не въ силахъ уже будучи произнести ни одного слова, движеніемъ руки и глазъ показывалъ на императрицу, на наслѣдника, какъ бы желая сказать, чтобы онъ за нихъ молился. До послѣднихъ минутъ жизни не покидалъ онъ руки императрицы и наслѣдника и крѣпко жалъ ихъ.

«Въ двадцать минутъ перваго часа по полудни не стало государя, почти тридцать лѣтъ украшавшаго престолъ російскій, обладавшаго въ высшей степени чувствомъ священнаго своего долга и неусыпно, съ полнымъ самоотверженіемъ трудившагося для блага отечества».

Къ этому можно прибавить еще слѣдующее. При распоряженіи о похоронахъ государь приказалъ похоронить себя въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Государь имѣлъ продолжительный съ глазу на глазъ съ наслѣдникомъ разговоръ, который продолжался часа полтора. По окончаніи его, когда были призваны свѣтлѣйшій князь Чернышевъ, графы Киселевъ, Адлербергъ, Панинъ и Орловъ и другія близкія къ императору особы, государь въ ихъ присутствіи спросилъ наслѣдника, исполнить ли онъ все то, о чемъ они говорили. Наслѣдникъ былъ смущенъ... Государь повторилъ вопросъ. Тогда наслѣдникъ произнесъ:

— Клянусь, исполню.

Сына наслѣдника, великаго князя Николая Александровича, во все время болѣзни своей государь очень ласкалъ, давалъ ему разные совѣты и приказалъ слушаться отца.

Великому князю Константину Николаевичу давалъ пресерьезныя наставленія и, говорятъ, клятвенно обязалъ его слушаться брата безпрекословно.

Душеприказчиками своими назначилъ князя Чернышева, графа Адлерберга и графа Орлова. Увѣдомленіе о близкой смерти своей, говорятъ, государь самъ отправилъ въ Пруссію и Австрію.

Когда великая княгиня Елена Павловна вошла къ нему, государь обратился къ ней:

— Bonjour, m-me Helène! Voila c' est mon tour: je m'en vais ²⁾.

¹⁾ По духовному завѣщанію блаженной памяти императора Николая Павловича, вскрытому послѣ его кончины царствующимъ государемъ, онъ требовалъ, чтобы срокъ траура по немъ назначенъ былъ самый краткій.

²⁾ «Здравствуй, Елена. Вотъ и мой чередъ: я отправляюсь».

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1898 г., т. LXXIII.

Чувствуя, что осталось недолго жить, Николай Павловичъ сказалъ наслѣднику:

— Ну, снимай аксельбанты: теперь ты уже государь.

Наслѣдникъ горько заплакалъ, сталъ на колѣни и произнесъ:

— Позволь, государь, мнѣ оставаться навсегда твоимъ генераль-адъютантомъ.

— Дѣлай какъ хочешь,—отвѣтилъ умирающій.

Наслѣдникъ, вступивъ на престолъ, постоянно носилъ аксельбанты и шифръ «Николай I» на эполетахъ.

На меня смерть государя произвела неизвѣстно сильное впечатлѣніе, хотя его опасное положеніе было намъ всѣмъ извѣстно, и мы нѣкоторымъ образомъ были уже подготовлены къ этой потерѣ. Однако, зайдя въ канцелярію дежурнаго генерала около двухъ часовъ по полудни и получивъ достовѣрное свѣдѣніе, что государь скончался, я остолбенѣлъ... Какъ дошелъ я домой, уже не помню. Знаю только, что со мною въ первый разъ въ жизни сдѣлался сильный истерическій припадокъ, что побѣжали за докторомъ, притащили перваго встрѣчнаго, который далъ мнѣ какое-то средство, и только часа черезъ полтора меня привели въ чувство. Не мудрено, впрочемъ: я и вообще всѣ мы, военные инженеры, были сильно привязаны къ государю. Онъ былъ нашимъ первымъ руководителемъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, зналъ наше дѣло хорошо, отличалъ насъ, любилъ насъ. Его прїѣздъ на наши работы всегда бывалъ для насъ праздникомъ: мы знали, что сумѣемъ угодить ему. Онъ понималъ наши труды, цѣнилъ ихъ, и его ласковое слово, его лестный отзывъ бывали для насъ гораздо большею наградою, чѣмъ всѣ получаемыя по приказамъ.

И дѣйствительно, императоръ Николай былъ великій государь. Что ни говори, онъ трудился неутомимо, заботился и старался возвысить Россію. Онъ въ самомъ полномъ и обширномъ смыслѣ слова былъ рыцаремъ чести, и какъ ни сурова казалась иногда его наружность, сердце его было золотое. Онъ былъ великодушень, щедръ, и тѣхъ, кто служилъ ему вѣрою и правдою, не забывалъ никогда. Правда, онъ и каралъ, но только тогда, когда совершенно убѣждался, что кара необходима. Но зато сколько онъ и миловалъ!..

На другой день кончины государя, принесли приказъ, чтобы 20-го быть на выходѣ. Народу собралось множество. Видно было, что государь Александръ II сильно разстроень. Императрица со дня смерти государя слегла въ постель.

13 февраля, въ Казанскомъ соборѣ шла служба по церковному чиноположенію перваго воскресенья послѣ первой седмицы поста и, между прочимъ, пѣли «вѣчная память». По окончаніи этого пѣнія, по тому же чиноположенію, слѣдовало исполнить «многая лѣта» о здравіи и благоденствіи царствующаго императора Николая Павловича, но по ошибкѣ запѣли «вѣчная память»... Странное пред-

знаменованіе! Регентъ долженъ былъ быть разжалованъ въ солдаты, но государь простилъ его.

22-го февраля, въ числѣ другихъ, я ѣздилъ во дворецъ, чтобы проститься съ тѣломъ покойнаго государя. Пришлось очень долго ждать, пока карета доплелась до подъѣзда. Впускаютъ въ залу по одиночкѣ; давка, крикъ, говоръ, совершенно неприличный такому торжественному обряду. Двери, сквозь которыя впускали народъ, держалъ одинъ, вѣроятно, изъ самыхъ послѣднихъ служителей въ грязной парусиновой курткѣ. Это производило на всѣхъ присутствовавшихъ самое неприятное впечатлѣніе. Какъ можно было допустить такую непростительную небрежность? Что же смотреть тѣ, кому поручено охраненіе порядка при допускѣ публики!... Почетный караулъ помѣстился въ коридорѣ. Комната, гдѣ покоился прахъ государя, тѣсная, ничѣмъ не обитая; лишь ступени къ возвышенности, на которой стоялъ гробъ, были обиты краснымъ сукномъ. Тогда, конечно, мы не знали, что распоряженіе объ этомъ было сдѣлано самимъ покойнымъ императоромъ. Онъ весь, съ головою закутанъ бѣлою кисеею и покрытъ глаzetовымъ покрываломъ.

Въ то же время вся гвардія совершала походъ въ Польшу, гдѣ должна была смѣнить квартировавшія тамъ войска для движенія ихъ къ Севастополю. Въ Петербургѣ оставались только вновь сформированныя гвардейскія резервныя части. Въ приказѣ военнаго министра по инспекторскому департаменту было подробно указано расположеніе частей войскъ при печальномъ перенесеніи тѣла покойнаго государя въ Петропавловскую крѣпость. Войскамъ и всѣмъ воинскимъ чинамъ приказано было быть одѣтыми въ полной парадной формѣ, въ мундирахъ, караульной амуниціи и въ глубокомъ траурѣ. Кorteжъ былъ точно такой, какъ при погребеніи императора Александра I, съ тою лишь разницею, что на этотъ разъ ни государь, ни свита его, и никто изъ представителей сословіи не имѣли, какъ тогда, длинныхъ черныхъ мантий и большихъ круглыхъ шляпъ съ широкими полями; впрочемъ, это придадо corteжу больше блеска. Погода была переменчивая, но не очень холодная. При выносѣ тѣла изъ воротъ Зимняго дворца выпалъ крупный снѣгъ, но минутъ черезъ пять пересталъ, небо разъяснилось и засіяло солнце. Когда спускали гробъ въ могилу, то при салютѣ съ крѣпости одному артиллеристу, по неосторожности, оторвало обѣ кисти рукъ. Изъ Пруссіи къ похоронамъ государя прибылъ принцъ Карлъ; изъ Австріи—эрцъ-герцогъ Альбертъ, тотъ самый, который имѣлъ намѣреніе жениться на великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, но свадьба разстроилась, потому что княжна не пожелала переменить религію.

Тѣло покойнаго государя, съ открытымъ лицомъ, стояло на катафалкѣ въ Петропавловскомъ соборѣ въ теченіе пяти сутокъ. На шестой день состоялось погребеніе его съ подобающею церемоніей.

Итакъ, совершилось грустное для Россіи событіе—опустили въ

могилу великаго человѣка! Вступилъ на престолъ юный царь Александръ. Начались разныя реформы и, между прочимъ, одно изъ первыхъ распоряженій молодого государя состояло въ томъ, что онъ удалилъ графа Клейнмихеля, продѣлки котораго зналъ хорошо и потому самъ не долюбивалъ его. Въ то время по этому поводу ходило по рукамъ слѣдующее стихотвореніе.

Итакъ, сбылись завѣтныя желанья..
 Прости навѣкъ, нашъ грозный падишахъ,
 Благодаримъ за всѣ благодѣянья:
 За сѣдины въ поручичьихъ чинахъ,
 За рядъ обидъ и мелкихъ оскорбленій,
 Которыя ты щедро расточалъ,
 За глубину того униженья,
 Въ которое ты насъ умышленно втопталъ.
 Ты дерзостно смѣялся надъ искусствомъ,
 Талантъ и умъ нещадно презиралъ
 И въ насъ убить хотѣлъ зародышъ чувства,
 Котораго, слѣпецъ, ты самъ не понималъ.
 Гордились мы своимъ образованьемъ,
 Почтенъ былъ передъ всѣми нашъ мундиръ,
 Но, не понявъ великаго призванья,
 Ты всѣхъ въ него безмысленно рядилъ.
 Ты въ насъ убить хотѣлъ сознание чести,
 Лишь воровство и подлость поощрялъ,
 Ты награждалъ лишь тѣхъ, кто наглою лестью
 И рабскою трусостью твоей гнѣвъ предупреждалъ.
 Плебей душой, плебей происхожденьемъ,
 Ты историческимъ преданьямъ вѣрнѣе былъ
 И приближалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто по рожденью
 Немножко имя громкое носилъ.
 Тревожимый тщеславіемъ непопулярнымъ,
 Ты измѣнилъ религіи отцовъ,
 Ты возмечталъ, что царь нашъ благовѣрный
 Твой родъ включить въ сонмъ княжескихъ родовъ.
 Но кончимъ счетъ. Прощай—и Богъ съ тобою!
 Вѣдь на Руси лежачаго не бьютъ,
 Мы не злопамятны. Да будетъ надъ тобою
 Лишь царскій праведный да грозный Божій судъ!
 Разстались мы съ тобой, и слава Богу.
 Опять за все тебя благодаримъ:
 За Уайенса желѣзную дорогу,
 За то, что нѣтъ еще дороги въ Крымъ,
 За капиталъ, разбросанный въ пустыни,
 За все, чѣмъ ты хотѣлъ насъ оскорбить,
 Благодаримъ за то, что ужъ отнынѣ
 Не будемъ мы тебя благодарить.

Можно съ увѣренностью сказать, что эти стихи принадлежатъ перу инженера путей сообщенія. Служившіе въ этомъ корпусѣ болѣе всего терпѣли отъ деспота Клейнмихеля, который совершенно не понималъ науки и инженернаго искусства. Онъ тормозилъ всюду

ходъ работъ въ ущербъ государственнымъ интересамъ и неограниченно пользовался своимъ вліяніемъ, угнетая того, кто бывалъ ему не по нутру, или не подставлялъ смиренно вѣи, когда наука и здравый смыслъ требовали противодѣйствія.

Когда я былъ членомъ окружного управленія С.-Петербургскаго инженернаго округа корпуса инженеровъ военныхъ поселеній, то получалъ очень маленькое содержаніе и, естественно, искалъ мѣста съ бѣльшимъ вознагражденіемъ. Вице-директоромъ инспекторскаго департамента былъ тогда генераль-майоръ Кривошипинъ, съ которымъ я познакомился еще въ Бобруйскѣ, когда онъ состоялъ старшимъ адъютантомъ при дежурномъ генералѣ графѣ Клейнмихелѣ. Когда Клейнмихель занималъ должность главноуправляющаго корпусомъ путей сообщенія, Кривошипинъ былъ попрежнему близокъ къ нему, такъ какъ вель его нѣкоторыя личныя дѣла болѣе интимнаго характера. Какъ-то въ разговорѣ я сказалъ Кривошипину, что желалъ бы получить мѣсто съ бѣльшимъ содержаніемъ, и онъ вызвался переговорить обо мнѣ съ графомъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ Клейнмихеля записку, которою онъ проситъ меня пожаловать къ нему въ такой-то день къ 10 часамъ утра. Это было лѣтомъ, въ жаркій день. Онъ жилъ тогда въ зданіи главноуправляющаго на Фонтанкѣ, у Обуховскаго моста. Вхожу въ большую пріемную залу, въ которой многія собравшіяся лица расхаживаютъ и сидятъ въ разныхъ углахъ. Подходить ко мнѣ адъютантъ, которому передаю, что прибылъ по приглашенію графа. Онъ тотчасъ пошелъ обо мнѣ доложить и минуты черезъ двѣ попросилъ меня войти въ кабинетъ, огромную полутемную и прохладную комнату съ завѣшанными окнами.

За бѣльшимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ Клейнмихель, котораго я увидѣлъ тогда въ первый разъ: небольшого роста, довольно плотный мужчина, круглолицый, здоровый, безъ особаго выраженія лица.

— Вы желаете перейти въ корпусъ путей сообщенія?—спросилъ онъ меня.

— Если по указанію вашего сіятельства я найду, что буду въ состояніи исполнять свою обязанность, то почту большою честью служить подъ вашимъ начальствомъ.

— Хорошо, подавайте прошеніе, я васъ приму.

— Ваше сіятельство,—отвѣтилъ я,—позвольте спросить, на какое мѣсто вы меня опредѣляете. Я человекъ семейный и охотно перейду на другую службу, если ваше сіятельство мнѣ укажетъ, что меня ожидаетъ, и если содержаніе по предлагаемому мнѣ мѣсту будетъ превышать то, что я получаю нынѣ. Только въ такомъ случаѣ я могу согласиться.

— Я теперь не знаю, куда васъ опредѣлю, притомъ со мною торговаться нельзя: или переходите безусловно, или я васъ принять не могу.

— Въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство, позвольте мнѣ отказаться и извинить меня, что я васъ потревожилъ. Хотя я могъ бы надѣяться, что вы дали бы мнѣ хорошее мѣсто, однако перемѣнить вѣрное, хотя и малое, на невѣрное мнѣ кажется неблагоприятнымъ.

Графъ покраснѣлъ и сказалъ только:

— Какъ угодно.

И ушелъ, и такъ кончилось это дѣло.

Со вступленіемъ на престолъ государя Александра Николаевича намъ измѣнили форму одежды, очень упростивъ и облегчивъ ее. Разрѣшили носить фуражки почти всегда, кромѣ нѣкоторыхъ праздничныхъ дней, когда попрежнему слѣдовало надѣвать каски; вмѣсто однобортныхъ съ фалдами мундировъ дали двухбортные съ лапами повыше колѣнъ. Эполеты замѣнили погонами, полусаблю кавалерійскою саблею въ желѣзныхъ ножнахъ, отмѣнили ботфорты и пр. Кое-что изъ мелочей формы въ послѣдствіи измѣнялось еще не разъ.

Въ 1855 году, мой сынъ Владиміръ, подпоручикъ л.-гв. Семёновскаго полка, былъ командированъ въ артиллерійское вѣдомство для изученія приготовленія новыхъ патроновъ и для ознакомленія съ нарѣзными ружьями, которыя тогда вводились въ армію. Изъ cadaго гвардейскаго полка для этой цѣли было командировано по одному офицеру. Грустно было разставаться съ сыномъ, молодымъ человѣкомъ, которому предстояло ѣхать въ тотъ омутъ, гдѣ каждый шагъ опасенъ, гдѣ каждая минута можетъ стоить жизни. Надо было быть готовымъ ко всякимъ лишеніямъ, неизбѣжнымъ при столь громадномъ скопленіи войскъ на такомъ пунктѣ, куда были устремлены все вниманіе и всѣ усилія союзниковъ, которые ничего не жалѣли, дабы уничтожить Севастополь и черноморскій флотъ. 1-го марта, мы проводили сына на московскій вокзалъ; вслѣдствіе разныхъ задержекъ въ пути, только 23 марта пріѣхалъ онъ въ Севастополь. Здѣсь онъ остановился въ штабѣ Семякина, которому явился; но тотъ объявилъ, что онъ уже больше не начальникъ штаба, и предложилъ Владиміру явиться Коцебу. Но оказалось, что князь Горчаковъ, прибывъ въ Севастополь, привезъ съ собою весь свой штабъ, а прежній распустилъ, вслѣдствіе чего для Владиміра начались мытарства, не знали, куда съ нимъ дѣваться: Коцебу отослалъ его къ графу Сакену, Сакенъ къ князю Васильчикову, а онъ къ генералу Мартинау,—на немъ и остановились. Ушакова балка, въ которой мы когда-то проводили такъ много пріятныхъ дней, расположена была прямо противъ квартиры сына; но о садѣ и помину нѣтъ, ни пней, ни даже кореньевъ не осталось—все употребили на дрова.

На Святой недѣлѣ служба часто заглушалась выстрѣлами, которые не прекращались ни днемъ, ни ночью. Въ первый день Пасхи къ нему приходилъ Петръ Любимовичъ, и братья чрезвычайно обрадовались другъ другу.

Наконецъ, Владиміра командировали на Инкерманскія высоты, гдѣ расположена была дивизія Липранди; но, несмотря на всѣ его старанія, онъ могъ начать свое дѣло только послѣ 4-го апрѣля. Вскорѣ дивизію Липранди перевели съ Инкермана въ Севастополь, а Владиміра съ командой помѣстили на Сѣверной сторонѣ. Онъ представлялся князю Горчакову, которому показывалъ всѣ новые приемы обращенія съ нарѣзными ружьями. Сыну пришлось быть свидѣтелемъ четырехъ страшныхъ бомбардировокъ Севастополя и многихъ ужасовъ его осады. Въ началѣ августа его занятія кончились, и онъ получилъ предписаніе возвратиться въ Петербургъ. Мы ждали его дома съ особеннымъ нетерпѣніемъ, такъ какъ 17-го августа наступалъ день нашей серебряной свадьбы. Сынъ пріѣхалъ какъ разъ наканунѣ этого дня; такимъ образомъ собралась вся наша семья, и въ родственномъ кругу отпраздновали счастливый день.

Въ мартѣ 1856 года былъ заключенъ въ Парижѣ миръ, и въ томъ же году была назначена коронація ихъ императорскихъ величествъ въ Москвѣ. Резервная гвардія отправилась на это торжество. Мы снарядили нашего Николая ¹⁾, какъ подобаешь гвардейскому офицеру: онъ взялъ съ собою верховую лошадь, какъ баталіонный адъютантъ, и выѣздную лошадь съ дрожками и кучеромъ. Всѣ войска были собраны въ лагерѣ на Ходынскомъ полѣ. Коронаваніе ихъ величествъ совершилось 26 августа съ полною помпой и великолѣпіемъ.

У насъ же, въ Петербургѣ, для встрѣчи царской четы и императорской фамиліи въ разныхъ мѣстахъ города готовилась богатая иллюминація. Въ это время у меня было много хлопотъ, такъ какъ я получилъ приказаніе иллюминировать зданіе Главнаго штаба великолѣпно, что я и постарался исполнить возможно лучше. Весь фасадъ дуги зданія отъ большой арки по обѣ стороны, весь фасадъ по Адмиралтейской площади, уголъ и загибъ на Невскій проспектъ были обнесены рѣшетчатыми стелажамъ съ разными рисунками, звѣздами, вензелями, большими флагами, аллегорически разрисованными у всѣхъ воротъ арками и пр. До 60 флаговъ и 200 значковъ были особо заказаны и разрисованы въ Адмиралтействѣ, 8 штандартовъ и 12 огромныхъ флаговъ были сдѣланы, кромѣ того. На дворцовой площади я устроилъ изъ желѣзныхъ листовъ огромную вазу, съ подножкою и пьедесталомъ, діаметромъ въ 5 и высотой въ 6 аршинъ. Ваза имѣла очень красивую форму, была выкрашена подъ цвѣтъ малахита и покрыта особымъ лакомъ. Я наполнилъ ее экзотическими растеніями и множествомъ цвѣтовъ, а между зеленью оставилъ 24 большихъ матовыхъ стеклянныхъ шара съ лампами внутри. Всѣ растенія въ вазѣ и внизу у пьедестала были обло-

¹⁾ Николай Константиновичъ, старшій сынъ дѣда, служилъ тогда въ л.-гв. Семеновскомъ полку. В. Ж.

жены ноздреватымъ камнемъ и цвѣтнымъ мхомъ; весь пьедесталь былъ кругомъ обложенъ цвѣтами. Изъ-подъ фундамента зданія главнаго штаба къ этому мѣсту я провелъ свинцовыми трубами воду и среди вазы устроилъ фонтанъ, который билъ въ высоту сажени на двѣ. При громадной массѣ огня (кромѣ разныхъ лампъ, свѣчей и пр., горѣли 120 тысячъ бѣлыхъ и разноцвѣтныхъ шкаликовъ) ваза съ фонтаномъ производила дивный эффектъ. На фронтисписѣ зданія фасадомъ на Адмиралтейскую площадь красовался огромный щитъ государственной короны, а на углу у Невского проспекта вензелевое изображеніе именъ государя и государыни подъ большимъ государственнымъ гербомъ, орелъ котораго транспарантивно и ажурно былъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями. 80 человѣкъ матросовъ и 60 человѣкъ своей команды понадобилось, чтобы успѣть зажечь иллюминацію въ теченіе 20 минутъ; болѣе 50 лѣстницъ были скрытно разставлены въ разныхъ мѣстахъ, чтобы удобнѣе зажигать огни. Надо прибавить, что въ первый день иллюминаціи на Дворцовой площади былъ назначенъ парадъ, благодаря чему къ устройству вазы съ фонтаномъ я могъ приступить только въ 4 часа дня. Въѣздъ царской фамиліи въ золотыхъ каретахъ совершился въ чудный, свѣтлый, теплый день. Эффектъ общей картины Дворцовой площади и зданія Главнаго штаба былъ, вѣроятно, очень значителенъ, такъ какъ государь и великіе князья спрашивали меня, кто это устроилъ. Иллюминація эта горѣла 26, 27, 28 и 30 августа и въ день въѣзда царской фамиліи, кажется, 4 сентября. Она стоила казнѣ 16 тысячъ рублей и то лишь потому, что я имѣлъ подъ рукой до 100 человѣкъ своей команды, около 60 человѣкъ военныхъ рабочихъ, до 50 человѣкъ вольнонаемныхъ и *carte blanche* братъ изъ комиссаріатскаго департамента и изъ крѣпости разные военные доспѣхи, каски, кирасы, сабли, ружья, пики, трубы, литавры, и сколько было штандартовъ; не будь этого, все обошлось бы гораздо дороже. Какъ мнѣ передавали, объ этой иллюминаціи говорили въ Петербургѣ. Но болѣе всего я былъ доволенъ тѣмъ, что она удалась, и не произошло ни одного несчастнаго случая во время весьма опаснаго зажигания плошекъ, особенно по крышамъ, карнизамъ и фронтонамъ.

К. Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ БЕЗПОКОЙНАГО ВРЕМЕНИ НА ЛИТВѢ 1861—1863 ГОДАХЪ.

АННЕЮ весной 1861 года Нарвскій пѣхотный полкъ ¹⁾, въ которомъ я состоялъ тогда полковымъ адъютантомъ, выступилъ въ походъ изъ Курляндіи, гдѣ онъ предъ тѣмъ квартировалъ, въ г. Лиду Виленской губерніи. Выступленіе это отличалось нѣкоторою поспѣшностью: намъ не дали даже дожидаться на мѣстѣ Свѣтлаго праздника, и этотъ великій день пришлось встрѣтить на походѣ. Канунъ праздника захватилъ насъ въ грязномъ жидовскомъ мѣстечкѣ въ одномъ переходѣ отъ г. Шавли. На площади поставили аналой, пространство вокругъ него огородили воткнутыми въ землю ёлками, и въ этомъ импровизированномъ храмѣ, подъ открытымъ небомъ, нашъ полковой священникъ отслужилъ пасхальную заутреню; конечно, крестнаго хода не было—вокругъ чего же было ходить?.. Помню, ночь была тихая, но темная, пасмурная и сырая: шелъ то снѣгъ хлопьями, то мелкая изморозь. Никогда, ни прежде, ни послѣ, мнѣ не приходилось такъ печально, при такой обстановкѣ, встрѣчать день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Про г. Лиду, въ которомъ мы прожили цѣлый годъ, существуетъ въ Литвѣ поговорка: «не видавши Лиду, не узнаешь бѣду». Это-

¹⁾ Нынѣ 3-й пѣхотный Нарвскій генералъ-фельдмаршала князя Вороцова полкъ.

небольшой литовскій городъ, населенный преимущественно евреями и расположенный въ невеселой мѣстности; въ немъ былъ одинъ польскій костель и православная церковь, помѣщавшаяся въ низенькомъ, деревянномъ, невзрачной наружности домикѣ. Въ городѣ не нашлось даже хотя сколько нибудь удобной квартиры для семейства полковаго командира, который поэтому принужденъ былъ поселиться въ помѣщичьей усадьбѣ, верстахъ въ десяти отъ города. Въ это время волненія еще не принимали послѣдующаго остраго характера, и подобное помѣщеніе полковаго командира не представляло опасности. Еще не раздавались знаменитые гимны «*Boże coś polską i «z dymem rozagródw»*; пока все ограничивалось усиленными разъѣздами и съѣздами другъ у друга помѣщиковъ и появленіемъ ихъ, хотя и рѣдко, въ національномъ костюмѣ — конфедераткѣ и чемаркѣ. Прошло только нѣсколько мѣсяцевъ со дня манифеста объ освобожденіи крестьянъ, и у помѣщиковъ начались съ ними какія-то недоразумѣнія, постоянно требовавшія вмѣшательства военной силы; кажется, это и было причиной послѣдшаго вызова нашего полка изъ Курляндіи въ Литву. Во все время квартированія въ Лидскомъ уѣздѣ полкъ, что называется, былъ въ разгонѣ: роты, по одной и по двѣ, находились почти въ непрерывномъ передвиженіи, совершая переходы изъ одного селенія въ другое, для усмиренія, по требованію мѣстныхъ властей, состоявшихъ исключительно изъ поляковъ, какихъ-то крестьянскихъ бунтовъ; усмиренія эти сопровождались, какъ водится, розгами; однако не было слуховъ, чтобы во время этой эпидеміи бунтовъ со стороны крестьянъ противъ кого либо было употреблено насиліе. Говорили впоследствии, что эти бунты создавались искусственно, и ихъ усмиреніе военной силой входило въ программу подготовительныхъ къ мятежу мѣръ, съ цѣлью возбудить въ крестьянскомъ населеніи ненависть къ москалямъ.

Офицерство наше жило замкнуто въ своей полковой семьѣ и съ помѣщиками не сближалось; по крайней мѣрѣ, такъ было съ офицерами русскаго происхожденія; офицеры же изъ поляковъ и литовцевъ, которыхъ было довольно въ полку, конечно, знакомились съ дворянами-землевладѣльцами, посѣщали ихъ и принимали у себя. Поэтому и намъ, русскимъ, случалось встрѣчаться съ этими помѣщиками иногда у нашихъ товарищей, а чаще въ единственномъ въ Лидѣ трактирѣ, или, какъ называли это заведеніе, «пукернѣ», нѣкоего шляхтича пана Андрушкевича, куда паны заходили съ своими знакомыми офицерами-поляками. При этихъ встрѣчахъ помѣщики сначала бывали очень сдержаны въ обращеніи съ нами, русскими, но когда вино развязывало языки, начинались горячія увѣренія въ необходимости сближенія двухъ родственныхъ народовъ, восхвалялись старопольскіе порядки, порицались «московскіе», какъ они называли, и высказывались жалобы на угнетеніе Польши. Мы пили,

спорили, въ чемъ и соглашались, но расходились какъ-то необъ-
жденные въ искренности дружески-братскихъ изліяній этихъ едино-
племенниковъ, которымъ, надобно сказать, такъ и не удалось при-
обрѣсти между нами сторонниковъ ихъ политическихъ взглядовъ и
домогательствъ. Вообще годичное пребываніе полка въ городѣ Лидѣ
и его уѣздѣ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось, и весной 1862 г.
мы съ удовольствіемъ разстались съ этимъ захолустьемъ особенно
въ виду того, что мѣняли его на Вильно, куда полкъ получилъ
назначеніе.

Въ Вильнѣ уже начались пѣніе революціонныхъ гимновъ въ
костелахъ у Острой Браны предъ чудотворной иконой Божіей Ма-
тери и другія политическія демонстраціи по подобію варшавскихъ.
Такъ, незадолго до прихода нашего полка, устроена была процессія
съ хоругвями, знаменами, гербами Польши и Литвы, которая съ
пѣніемъ гимна «*Boże coś polską*», сопровождаемая массой народа,
двинулась на встрѣчу такой же процессіи, по слухамъ, шедшей
будто бы отъ Ковна. По распоряженію начальства, войска—пѣхота
и казаки—загородили процессіи дорогу на выходѣ изъ города; мѣсто
это представляло узкое дефиле, съ обѣихъ сторонъ котораго шли
довольно высокіе заборы выходившихъ сюда садовъ; демонстранты,
имѣя во главѣ фанатичекъ-барынь, старались прорваться сквозь
ряды войскъ, причемъ, какъ намъ рассказывали очевидцы, барыни
дѣйствовали зонтиками, направляя ихъ концами въ лица казаковъ
и солдатъ; тогда казаки принялись за нагайки, и толпа разсѣялась.
Были ушибленные и раненые съ обѣихъ сторонъ, но дѣло обошлось
безъ убитыхъ. Когда мы пришли, въ городѣ только и было толковъ,
что объ этомъ событіи. Фантазія рьяныхъ патриотовъ и патриотокъ
старалась придать ему ужасающіе размѣры. Рассказывали о свирѣ-
пости русскихъ войскъ и ихъ начальниковъ, о множествѣ погиб-
шихъ, тѣла которыхъ будто бы запрудили Вилюю. Впрочемъ, по-
добныя демонстраціи болѣе не повторялись во все время квартиро-
ванія полка въ Вильнѣ, и только ношеніе женщинами траура, а
мужчинами конфедератокъ и чемарокъ, да постоянное пѣніе предъ
Острой Браной колѣнопреклоненной толпой революціонныхъ гим-
новъ напоминали о броженіи умовъ въ польско-литовскомъ насе-
леніи города.

Публичному пѣнію гимновъ и сборамъ въ костелахъ пожерт-
вованій на «народное дѣло» была предоставлена полная свобода;
никакихъ мѣръ къ прекращенію этого начальствомъ не принима-
лось. По расположенію моей квартиры, мнѣ часто приходилось про-
ходить чрезъ Острую Брану въ то время, когда тамъ стояла на
колѣняхъ и распѣвала «*Boże coś polską*» многолюдная толпа; бы-
вало пробираешься осторожно, чтобы когонибудь не толкнуть, не
задѣть, и видишь кругомъ враждебные взгляды, а иная молящаяся
пани или паненка въ «жалобѣ», т. е. траурѣ, взглянувъ и увидѣвъ
русскій мундиръ, не преминетъ благочестиво отпльнуть.

Виленскимъ, гродненскимъ и ковенскимъ генераль-губернаторомъ состоялъ тогда Владиміръ Ивановичъ Назимовъ; въ томъ же 1862 году были введены военные округа, и Назимовъ, оставаясь генераль-губернаторомъ, былъ назначенъ и командующимъ войсками Виленскаго округа. Я видѣлъ его только три раза: разъ, когда, по полученіи назначенія командующимъ войсками, онъ смотрѣлъ нашъ полкъ; затѣмъ, въ концертѣ, который давалъ въ залѣ генераль-губернаторскаго дома извѣстный впослѣдствіи пѣвецъ Радонежскій, возвращавшійся, по окончаніи музыкальнаго образованія, изъ-за границы, и наконецъ при встрѣчѣ въ 1863 году перваго гвардейскаго эшелона. Это былъ небольшого роста, плотный старикъ, съ серьезнымъ, но добрымъ лицомъ. Онъ снисходительно относился ко всемъ этимъ пѣніямъ гимновъ, патриотическимъ сборамъ; считалъ ихъ, какъ говорили, за ребячество; впрочемъ, такое мнѣніе раздѣляли и другія начальствующія лица. Когда разыгрался мятежъ съ его разорительными для помѣщиковъ послѣдствіями, мнѣ не разъ приходилось слышать сѣтованія пановъ, что много было бы лучше, если бы Муравьевъ вступилъ ранѣе въ управленіе краемъ, что навѣрное онъ многое бы предупредилъ и не допустилъ до тѣхъ бѣдствій, которыя мятежъ причинилъ странѣ.

Весь полкъ въ полномъ составѣ былъ расположенъ въ Вильнѣ въ казармахъ, и наша жизнь шла въ ненарушимомъ, обычномъ порядкѣ: ученія, парады, смотры, посѣщенія товарищей, разныхъ цукерней и кавярней, а также и театра, на которомъ довольно порядочная польская труппа давала, разумѣется, на польскомъ языкѣ, пьесы по большей части изъ старопольскаго быта въ любезныхъ патриотамъ старинныхъ польскихъ костюмахъ. Вездѣ господствовалъ польскій языкъ, даже на вывѣскахъ. Изъ тѣхъ именъ, съ которыми мы познакомились потомъ, какъ съ именами предводителей мятежническихъ шаекъ, всѣхъ этихъ Сѣраковскихъ, Яблоновскихъ, Колышекъ, Корево и tutti quanti, намъ была извѣстна въ это время одна фамилія Жвирждовскаго. Это былъ блестящій капитанъ генеральнаго штаба, состоявшій при штабѣ командующаго войсками, пользовавшійся расположеніемъ Назимова. Мнѣ случалось встрѣчаться съ нимъ; молодой, лѣтъ около тридцати, средняго роста, очень красивый блондинъ, съ нѣсколько надменнымъ и презрительнымъ выраженіемъ, онъ имѣлъ большой успѣхъ среди дамъ мѣстной польской знати. Когда начался мятежъ, Жвирждовскій скрылся, явился въ Польшѣ предводителемъ шайки подъ именемъ Топора, потерялъ поражение, взятъ въ плѣнъ и погибъ на висѣлицѣ.

Изъ Польши доходили до насъ извѣстія о разныхъ демонстраціяхъ, политическихъ убійствахъ и покушеніяхъ, но у насъ въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ было пока тихо, поэтому я безъ затрудненія, въ половинѣ декабря, получилъ двадцативосьмидневный отпускъ и отправился къ роднымъ въ Москву.

Весело проводилъ я, благодаря московскому гостепрѣимству, рождественскіе праздники, также весело встрѣтилъ въ дворянскомъ собраніи новый 1863 годъ, когда въ первыхъ числахъ января въ газетахъ появились первыя телеграммы о начавшемся въ царствѣ Польскомъ вооруженномъ возстаніи и нападеніи на наши войска. Не дожидаясь окончанія отпуска, я поспѣшилъ возвратиться въ полкъ.

Желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ я ѣхалъ, прибылъ въ Вильно вечеромъ. На станціи я увидѣлъ пѣхотный караулъ съ офицеромъ; жендармовъ было значительно больше; городъ казался опустѣлымъ; по улицамъ часто попадались кавалерійскіе разъѣзды и патрули отъ пѣхотныхъ частей, да изрѣдка виднѣлся одинокій, движущійся огонекъ: это пробирался какой нибудь обыватель съ фонаремъ; Вильно было объявлено на военномъ положеніи, и жителямъ поставлено въ обязанность выходить съ наступленіемъ темноты не иначе, какъ съ фонаремъ. Осмотрѣвшись на другой день, я замѣтилъ, что молодежи попадалось меньше; гимназисты и молодые чиновники] куда-то исчезли, вѣроятно, поступили въ шайки; пѣніе гимновъ прекратилось; вообще городская жизнь какъ-то замерла; обыватели словно поспрачались куда.

Въ Польшѣ происходили уже стычки съ мятежниками; чрезъ Вильно начали слѣдовать въ царство Польское гвардейскіе и армейскіе полки; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, остались въ Литвѣ. Такъ прошелъ январь и болѣе половины феврала. За это время стоитъ упомянуть о нѣкоторыхъ приключеніяхъ, изъ которыхъ въ одномъ мнѣ пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ. Возвратясь какъ-то съ обѣда отъ командира полка, я нашелъ у себя на столѣ запечатанную записку, на которой довольно безграмотнымъ почеркомъ было написано «Господину адъютанту»; этимъ и ограничивался весь адресъ. Содержание записки, писанной тѣмъ же почеркомъ, было приблизительно слѣдующее: «господинъ адъютантъ, одна дама очень желаетъ васъ видѣть; вѣроятно, вы не откажетесь исполнить желаніе молодой и хорошенькой женщины»; назначался вечерній часъ свиданія, и слѣдовало адресъ; подписи не было. Денщикъ объяснилъ, что принесла какая-то женщина. По правдѣ сказать, у меня не было никакихъ такихъ знакомыхъ, молодыхъ дамъ, которыя бы могли изъявлять желаніе видѣть меня въ таинственной обстановкѣ. Но записка заинтриговала меня, и я рѣшился тотчасъ же еще днемъ сдѣлать рекогносцировку. Указанный въ запискѣ домъ оказался въ глухой улицѣ, одну сторону которой занимала высокая, каменная стѣна какого-то католическаго монастыря. Въ довольно приличной квартирѣ меня приняла пожилая женщина съ плутоватымъ лицомъ, принадлежавшая, повидимому, къ мелкой шляхтѣ, и на мои разспросы, кто именно желаетъ меня видѣть, отвѣчала съ хитрой

улыбкой, что я самъ узнаю все, придя въ назначенное время; болѣе я ничего не могъ отъ нея добиться. Захвативъ револьверъ, въ назначенный часъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, я снова явился на мѣсто свиданія. Въ небольшой передней меня встрѣтила та же пожилая особа и, попросивъ обождать, юркнула въ дверь налѣво; вскорѣ эта дверь чуть-чуть пріотворилась, и я услышалъ за ней шепотъ попольски: «не тень, не тень», то-есть не тотъ, не тотъ. Затѣмъ все смолкло, и воцарилась полная тишина. Я стоялъ одинъ въ прихожей, раздумывая, что сіе значить. Между тѣмъ изъ другихъ дверей направо появились двѣ довольно плотныя фигуры съ старопольскими, отвислыми усами и съ вызывающимъ видомъ поглядывали на меня. Тогда, обращаясь къ двери, изъ-за которой я слышалъ восклицаніе «не тень», я громко предложилъ свои услуги къ розысканію требуемаго адъютанта, вмѣсто котораго ошибочно явился я; на это отвѣта не послѣдовало, и я, какъ говорится, благоразумно ретировался. Что это было—дѣйствительно ли назначавшееся любовное свиданіе или приготовлявшаяся кому либо заплата?..

Другой случай былъ таковъ. Въ Софійскій полкъ одной съ нами 1-й пѣхотной дивизіи былъ переведенъ съ Кавказа поручикъ Вернеръ, родомъ пруссакъ; офицеръ этотъ служилъ прежде въ прусской арміи, пожелалъ познакомиться съ войной и поступилъ въ русскую службу на Кавказъ. Не знаю, почему онъ перевелся въ Россію, по пріѣздѣ въ Вильно подалъ въ отставку, собираясь воротиться на родину; рапортовался больнымъ и по выступленіи Софійскаго полка остался прикомандированнымъ къ нашему. Однажды довольно поздно вечеромъ, совсѣмъ въ неурочное время, меня потребовали къ командиру полка. Полковникъ приказалъ мнѣ тотчасъ отправиться къ Вернеру, отобрать у него саблю, объявить домашній арестъ и явиться съ докладомъ объ исполненіи. Я отправился. Поручикъ Вернеръ квартировалъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ старинномъ домѣ съ толстыми стѣнами, узкими, продолговатыми окнами, высокою, крутой, черепичной крышей; такихъ домовъ было много въ Вильнѣ. Комната поручика находилась въ самомъ верху, чуть не на чердакѣ; къ ней вела узкая, дѣлавшая нѣсколько поворотовъ въ каменныхъ стѣнахъ, крутая лѣстница. Вернеръ еще не спалъ; онъ принялъ меня въ дезабильѣ; голова его была повязана окровавленнымъ бѣлымъ платкомъ; порусски онъ понималъ, но говорилъ плохо, вмѣшивая въ разговоръ нѣмецкія фразы. Когда я сообщилъ ему причину моего прихода, онъ категорически отказался отдать саблю и быть подъ арестомъ, потому что не считаетъ себя ни въ чемъ виновнымъ.

— Я гулялъ передъ вечеромъ въ Ботаническомъ саду, — рассказывалъ мнѣ Вернеръ, — изъ офицеровъ былъ только одинъ я; вообще публики было немного, преимущественно молодые люди,

по разговорамъ, поляки; проходя мимо меня, они отпускали на мой счетъ оскорбительныя насмѣшки — попольски я понимаю. Видя, что въ саду я одинъ изъ русскихъ офицеровъ, я направился во избѣжаніе дальнѣйшихъ неприятностей къ выходу изъ сада. Здѣсь уже поджидала меня толпа человѣкъ въ двадцать; изъ толпы этой опять послышались оскорбленія по моему адресу; не отвѣчая, я продолжалъ идти къ выходу, когда вдругъ въ меня бросили камнемъ, который попалъ мнѣ въ голову и настолько сильно, что, несмотря на бывшую на мнѣ фуражку, сдѣлалъ рану. Тогда я выхватилъ саблю «und ich habe Luft gemacht—закончилъ храбрый поручикъ, показывая выразительнымъ жестомъ, какимъ движеніемъ сабли онъ очистилъ вокругъ себя воздухъ.— Кому-то изъ ближе стоявшихъ сабля попала по головѣ, онъ свалился, толпа разступилась предо мной и дала свободный проходъ.

Я предложилъ Вернеру отправиться вмѣстѣ со мной къ полковому командиру и лично объяснить случившееся; онъ согласился. Полковникъ ждалъ меня и, выслушавъ Вернера, не нашелъ возможнымъ арестовывать его и отпустилъ, а самъ тотчасъ же отправился къ генераль-губернатору, у котораго, какъ оказалось, онъ игралъ въ карты въ этотъ вечеръ, когда Назимову было доложено, что Вернеръ въ саду тяжело ранилъ какого-то обывателя. Однако, на другой день утромъ, по личному приказанію генераль-губернатора, полковникъ велѣлъ мнѣ снова отправиться къ Вернеру и арестовать его съ посаженіемъ на гауптвахтѣ. Распоряженіе это страшно возмутило Вернера. «Подъ арестъ я рѣшительно не пойду и сабли не дамъ»,—объявилъ онъ,— «пусть попробуютъ взять меня силой, я буду защищаться; у меня револьверъ и два ружья; вы видѣли, какой узкій ходъ ко мнѣ; я могу сопротивляться цѣлой ротѣ». Стараясь успокоить его, я предложилъ подать рапортъ, что по болѣзни, усилившейся отъ полученной раны, онъ не можетъ идти подъ арестъ; такъ и сдѣлали; я написалъ рапортъ, Вернеръ подписалъ, и я понесъ рапортъ къ полковнику. Назначено было медицинское освидѣтельство; полковой врачъ, полякъ, далъ заключеніе о ничтожности раны, и что она не препятствуетъ аресту Вернера на гауптвахтѣ. Вернеръ снова отказался идти подъ арестъ. Окончаніе этой исторіи осталось для меня неизвѣстнымъ, такъ какъ полкъ выступилъ въ Ковно, а тутъ же вскорѣ состоялась замѣна Нахимова Муравьевымъ. Вѣроятно, упрямый пруссакъ успѣлъ таки отстоять себя.

Въ лейбъ-гвардіи стрѣлковый его величества баталіонъ поступили рядовыми человѣка два раскольниковъ, успѣвшихъ совратить въ свое вѣроученіе нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ изъ православныхъ. Во время какого-то праздника, когда баталіонъ былъ выстроенъ для молебствія, всѣ эти раскольники вышли изъ рядовъ и заявили, что они не могутъ по своимъ религіознымъ убѣжде-

ніямъ присутствовать при православномъ богослуженіи. Всѣхъ ихъ выписали въ армейскіе полки, и двое попали въ нашъ; пока сидѣли подъ арестомъ, пока слѣдовали въ нашъ полкъ, они успѣли отростить порядочныя бороды, которыя наотрѣвъ отказались сбрить, объясняя на угрозы подвергнуться за ослушаніе наказанію, что «желаютъ лучше претерпѣть временныя мученія, нежели вѣчныя за искаженіе образа Божія». Надъ ними назначено было слѣдствіе, и они такъ и остались въ казематѣ Виленской цитадели, когда полкъ выступилъ изъ Вильны. Дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. Теперь, при разрѣшеніи носить бороды военнослужащимъ, такой случай нарушенія дисциплины, конечно, сдѣлался рѣшительно невозможнымъ.

Остается упомянуть еще объ одномъ приключеніи. Я уже говорилъ, что по объявленіи Вильны на военномъ положеніи на желѣзнодорожной станціи поставленъ былъ офицерскій караулъ. Однажды въ караулѣ этомъ стоялъ штабсъ-капитанъ нашего полка М—скій, родомъ полякъ, имѣвшій несчастную слабость къ вину и потому, несмотря на свой чинъ, не получавшій въ командованіе роты. Слабость эта окончательно и сгубила его. Находясь въ караулѣ, онъ напился пьянъ, и когда прибылъ поѣздъ, ему пришло въ голову дѣлать обыски пассажировъ и при томъ исключительно дамъ; обыски эти онъ производилъ самъ съ весьма неприличными и оскорбительными приѣмами; тотчасъ же было дано знать командиру полка, тотъ распорядился смѣнить М—скаго, а на другой день утромъ, когда у обѣднаго штабсъ-капитана еще болѣла съ похмелья голова, я принесъ ему приказаніе полковника о немедленной подачѣ прошенія объ отставкѣ.

Еще въ началѣ 1862 г. военнымъ министерствомъ было предложено офицерамъ польскаго происхожденія, служившимъ въ полкахъ, расположенныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, переходить въ войска, находившіяся въ великороссійскихъ губерніяхъ. Изъ нашего полка, благодаря симпатичной личности полковаго командира, перешли весьма немногіе, такъ что составъ офицеровъ почти не измѣнился. Полкомъ нашимъ съ 1857 г. командовалъ баронъ Эдуардъ Карловичъ Деллинсгаузенъ¹⁾; до этого онъ съ успѣхомъ служилъ на Кавказѣ и принялъ нашъ полкъ еще совсѣмъ молодымъ тридцатипятилѣтнимъ полковникомъ, что было тогда большою рѣдкостью въ арміи. Это былъ человекъ въ высшей степени сдержанный, вѣжливый — что тоже нечасто встрѣчалось въ тѣ времена—и вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшій необходимой въ начальникѣ твердостью и самостоятельностью; всегда готовый оказать чѣмъ могъ помощь и защиту подчиненному, онъ оставилъ по себѣ наилучшія воспоминанія.

Въ концѣ февраля начали доходить слухи о появленіи шаекъ

¹⁾ Въ кампанію 1876—1877 г. командовалъ корпусомъ.

и въ нашемъ районѣ, то-есть въ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Гродненской. Въ мѣстечкѣ Семятичи ¹⁾ сформировалась большая свыше тысячи человекъ шайка, однообразно обмундированная и хорошо вооруженная, которая, какъ потомъ оказалось, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца открыто проживала въ мѣстечкѣ и панскомъ палацѣ, занимаясь военными экзерпиціями на глазахъ мѣстныхъ властей; вѣсть о существованіи шайки дошла до виленскаго начальства помимо этихъ властей. Пронеслись слухи о появленіи какого-то Доленго—псевдонимъ Сѣраковскаго—носившаго титулъ воеводы виленскаго и ковенскаго, подъ начальствомъ котораго образовалось значительное скопище въ лѣсахъ близъ курляндской границы. Первое дѣло съ повстанцами имѣли павлоградскіе гусары, встрѣтившіе и разсѣявшіе незначительную партію. На Семятичи посланъ былъ отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія подъ начальствомъ генерала Манюкина. Произошло жаркое дѣло, кончившееся полнымъ пораженіемъ мятежниковъ и уничтоженіемъ отъ огня мѣстечка. Генералъ Манюкинъ доносилъ съ суворовскимъ лаконизмомъ: «шайка и мѣстечко Семятичи не существуютъ». Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ февраля полкъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Ковно. Этотъ городъ казался такимъ же опустѣлымъ, какъ и оставленное нами Вильно. На улицахъ преобладалъ военный элементъ; кромѣ нашего полка, въ Ковнѣ находились стрѣлковые баталіоны, части другихъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, гусары, драгуны, казаки, конная и пѣшая артиллерія. Полковой штабъ съ нѣкоторыми ротами остался въ Ковнѣ, остальные роты заняли разные пункты Ковенской губерніи. Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Ковно было получено свѣдѣніе, что на ближайшую къ городу станцію желѣзной дороги, занятую одной изъ нашихъ ротъ, повстанцы намѣрены ночью сдѣлать нападеніе, и что начальство готовящейся къ нападенію партіи имѣетъ притонъ у арендатора значительной водяной мельницы, находящейся невдалекѣ отъ линіи желѣзной дороги. На командира нашего полка было возложено по этимъ указаніямъ отправиться на поиски шайки. Ночью мы сѣли на особо приготовленный для насъ поѣздъ; отрядъ нашъ состоялъ изъ трехъ ротъ и человекъ двадцати донскихъ казаковъ. Снѣгъ на поляхъ уже сошелъ, было сыро, грязно, темно, что называется, ни зги не видать. Съ нами ѣхалъ начальникъ движенія, нѣмецъ, бывшій офицеръ австрійской службы. Подойдя къ тому пункту дороги, отъ котораго недалеко была мельница, поѣздъ остановился; отъ отряда отдѣлился взводъ съ офицеромъ и направился къ мельницѣ для обыска и арестованія арендатора. Локомотивъ съ тендеромъ отцѣпили, и мнѣ было приказано отправиться на локомотивѣ къ станціи, чтобы освѣдомиться, все ли тамъ благополучно, и предупредить командира роты

¹⁾ Гродненской губерніи, на границѣ съ царствомъ Польскимъ.
«истор. вѣстн.», сентябрь, 1898 г., т. lxxiii.

о возможности нападенія. Я отправился; со мной поѣхалъ и начальникъ движенія; мы стояли на площадкѣ локомотива противъ парового котла, около котораго суетился кочегаръ, и летѣли въ непроглядной тѣмѣ, по временамъ освѣщаемые огнемъ паровика, когда кочегаръ подкладывалъ въ него топливо, послѣ чего окружающій мракъ, казалось, еще болѣе сгущался. Вдругъ машинистъ, кочегаръ и начальникъ движенія что-то забормотали понѣмецки и поспѣшно, съ видимой тревогой, стали останавливать машину. Признаюсь, минута была не изъ пріятныхъ! Уже были случаи, что повстанцы снимали рельсы и нападали на поѣзда при этихъ невольныхъ остановкахъ. Я подумалъ, что и съ нами произошло нѣчто подобное. Тревога оказалась фальшивой; какъ объяснилось дѣло, желѣзнодорожный сторожъ показалъ сначала сигналъ, что путь исправленъ, а потомъ вдругъ перемѣнилъ этотъ сигналъ на противоположный. Вскорѣ, но уже болѣе тихимъ ходомъ, мы подошли къ станціи, гдѣ нашли все благолучнымъ. Исполнивъ порученіе, я немедленно отправился назадъ къ поѣзду. Команда, посылавшаяся на мельницу для обыска, воротилась, и мы уже всѣмъ отрядомъ поѣхали къ станціи. Тамъ мы дождались разсвѣта и пѣшкомъ двинулись къ одному селенію, верстахъ въ десяти отъ станціи, въ которомъ по имѣвшимся свѣдѣніямъ также появлялась шайка, а подъ костеломъ находился складъ оружія. Дорога все время шла лѣсомъ, который прерывался верстахъ въ полтора отъ селенія, расположеннаго на небольшой возвышенности. Когда мы стали приближаться и были примѣрно въ полуверстѣ, въ селеніи произошла тревога; какіе-то люди поодиночкѣ и группами бѣгали по улицѣ и затѣмъ куда-то исчезли. Кто это были—обезнокоенные ли нашимъ неожиданнымъ появленіемъ мирные жители или повстанцы, осталось неизвѣстнымъ. Замѣтивъ эту тревогу, отрядъ ускорилъ шагъ, но когда мы вошли въ селеніе, тамъ все представляло самый мирный и спокойный видъ. Осмотрѣвъ костелъ и подвалъ подъ нимъ, командиръ полка—а при немъ и я—съ одной ротой и казаками произвелъ рекогносцировку еще версть на пять далѣе; но слѣдовъ шайки не обнаружилось. Когда мы возвратились въ селеніе, гдѣ оставались наши двѣ роты, начинало уже смеркаться, а при выступленіи въ обратный путь къ станціи и ожидавшему насъ тамъ поѣзду совсѣмъ стемнѣло. Солдаты обѣихъ остававшихся ротъ были что-то очень оживлены и шумно веселы. Когда же при быстро наступившей темнотѣ мы тронулись въ путь, оказалось, что люди этихъ ротъ сильно подгуляли, не соблюдали порядка въ рядахъ, громко разговаривали, не стѣняясь присутствіемъ начальства, смѣялись, многіе пошатывались. Такъ втянулись мы въ лѣсъ, но одна изъ пьяныхъ ротъ отстала. Командиръ полка велѣлъ мнѣ ѣхать назадъ и ускорить движеніе этой роты. Я поскакалъ, но ѣхать скоро было затруднительно: къ вечеру подморозило, сдѣлалась гололедица,

некованная казачья лошадь безпрестанно скользила, грозя ежеминутнымъ паденіемъ въ темнотѣ. Не встрѣтивъ роты, я выѣхалъ изъ лѣса и очутился въ полѣ; вдали мерцали огоньки оставленнаго нами селенія, роты было не видать. Я находился въ крайнемъ затрудненіи; рота выступила изъ селенія вмѣстѣ со всѣми, куда же она могла дѣваться? Наудачу я двинулся по дорогѣ къ селенію и вскорѣ встрѣтилъ мужика, объясниваго мнѣ, что рота пошла другой, ближайшей къ станціи дорогой. Тогда я поѣхалъ обратно. Въѣхавъ снова въ лѣсъ, я наткнулся на двухъ нашихъ солдатъ; одинъ, пьяный, валялся на дорогѣ, а другой, болѣе трезвый, стоя надъ нимъ, держалъ такую рѣчь: «вотъ, землякъ, какая ты свинья; еще хвалился: трехъ мятежниковъ отъ разу на штыкъ посажу, а самъ пьянъ напился. Теперь, того гляди, насъ самихъ порѣшать поляки! За что мнѣ-то съ тобой пропадать?». Я велѣлъ оратору поднять пьянаго; оказалось, что онъ можетъ еще передвигать ноги, и я рѣшилъ слѣзть съ лошади и помочь вести его. Вдругъ мы услышали, съ той стороны, куда двигался отрядъ, стукъ колесъ; это возвращался въ оставленное нами селеніе мужикъ, везшій съ мельницы муку въ мѣшкахъ. Я остановилъ его, помѣстилъ пьянаго и его товарища на возъ и велѣлъ мужику ѣхать назадъ въ догонку за недалеко шедшимъ, по его словамъ, отрядомъ, а самъ опять сѣлъ на лошадь въ видѣ конвоира этого поѣзда. Дѣйствительно вскорѣ мы догнали отрядъ и отпустили нашего возницу. По приходѣ на станцію, остававшійся тамъ, арестованный арендаторъ мельницы принесъ полковнику жалобу, что солдаты похитили у него мелкими серебряными деньгами свыше ста рублей, все чайное и столовое серебро, сорвали съ шеи учительницы его дѣтей мѣшочекъ съ зашитой въ него сторублевой бумажкой. Тутъ мы и узнали причину того, что солдаты наши неожиданно, изъ какихъ-то невѣдомыхъ средствъ, такъ сильно подгуляли. Тотчасъ же былъ сдѣланъ обыскъ, и, за исключеніемъ пропитыхъ рублей десяти, все похищенное найдено, отобрано и возвращено потерпѣвшему вмѣстѣ съ свободой, такъ какъ никакихъ уликъ противъ него не было добыто. Дѣло произошло такъ: командовавшій взводомъ, отправленнымъ на мельницу, подпоручикъ Д—цкій, по незнанію ли, по опасенію ли наткнуться на мятежниковъ, не оцѣнилъ, какъ бы слѣдовало, домъ солдатами съ тѣмъ, чтобы послѣ того самому съ конвойными войти внутрь и сдѣлать обыскъ, а ввелъ въ домъ всю команду. Солдаты безъ надзора ворвались въ домъ, захватили арендатора за счетомъ выручки, состоявшей изъ мелкаго серебра, взяли эту выручку, а также найденныя ими при обыскѣ столовое и чайное серебро и деньги бѣдной учительницы. Объ этомъ непріятномъ случаѣ никакого дѣла не производилось; время было горячее; было не до того, чтобы заводить слѣдствіе и таскать людей на допросы въ качествѣ сви-

дѣтелей и обвиняемыхъ; дѣйствительно, вскорѣ, дня черезъ три, четыре, съ этими же ротами пришлось идти въ новую экспедицію.

Были получены свѣдѣнія, что въ лѣсахъ близъ мѣстечка Кейданы, верстахъ въ пятидесяти отъ Ковна, появились значительныя партіи мятежниковъ. Предводителями называли ксендза Мацкевича, нѣкоего Колышко и Корево. Въ это время правительство распорядилось о немедленномъ прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ охваченныхъ мятежомъ губерній, и войскамъ было приказано при движеніи объявлять эту новость во всѣхъ селеніяхъ, лежащихъ на пути, и всѣмъ встрѣчнымъ крестьянамъ. Командиру нашего полка поручено было идти въ мѣстечко Кейданы, гдѣ уже стояли двѣ наши роты подъ командой майора Г—вича. Отрядъ нашъ сформировался изъ прежнихъ трехъ ротъ, нѣсколькихъ донскихъ казаковъ и эскадрона лейбъ-драгунскаго Московскаго его величества полка. Незадолго до выступленія я приобрѣлъ гуттаперчевый плащъ съ такимъ же башлыкомъ, которые и были привязаны у меня къ сѣдлу, когда въ пасмурный мартовскій день, рано утромъ, отрядъ нашъ вышелъ изъ Ковна по дорогѣ на Кейданы. Заморосилъ дождь; не слѣзая съ лошади, я надѣлъ гуттаперчевый плащъ и накинулъ на голову башлыкъ. Вскорѣ мнѣ понадобилось что-то поправить въ сѣдловкѣ и для этого слѣзть; лошадь, никогда не выдавшая меня въ этомъ нарядѣ, начала рваться, я ее старался удержать, но упалъ, лошадь зацупталась ногами въ плащъ и изорвала его въ клочки, нанеся мнѣ копытомъ рану въ голову; по счастью, лошадь была кована не на всѣ ноги, и рана оказалась настолько легкой, что я могъ исполнять свои обязанности.

Согласно полученному приказу, мы останавливали встрѣчныхъ крестьянъ и объявляли имъ объ окончательной отмѣнѣ и совершенномъ уничтоженіи барщины. Мужики выслушивали это какъ-то недоумѣло и недоувѣрчиво; видимо, они не знали, кому и чему вѣрить; поляки тоже сулили имъ полную свободу, да еще вдобавокъ и землю даромъ. Кому вѣрить, кого держаться? Только послѣ неудачъ, постигшихъ повстанцевъ при встрѣчахъ съ войсками, крестьяне, которымъ нарочно поручалось убирать тѣла убитыхъ мятежниковъ, сдѣлались смѣлѣе и отважились явно держать нашу сторону.

Кажется, наканунѣ нашего выступленія изъ Ковна сдѣлалась извѣстною новость объ арестованіи одного изъ предводителей мятежниковъ, офицера корпуса лѣсничихъ Корево. Арестъ этотъ произошелъ не совсѣмъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Корево уже розыскивался, и примѣты его были сообщены кому слѣдуетъ. Проѣзжая на почтовыхъ, онъ встрѣтился на дорогѣ съ жандармскимъ офицеромъ, который опозналъ его по сообщеннымъ примѣтамъ и остановилъ; когда офицеръ потребовалъ у него удостовѣренія, кто онъ такой, Корево выхватилъ револьверъ, хотѣлъ выстрѣлить въ упоръ въ офицера, но тотъ успѣлъ отмахнуть дуло револьвера, вы-

стрѣль послѣдовалъ на воздухъ, и Корево былъ обезоруженъ и арестованъ. Какъ офицеръ русской службы, онъ былъ по приговору суда разстрѣлянъ. Имѣніе матери Корево находилось недалеко отъ Ковна на пути нашего отряда. Мы сдѣлали въ этомъ имѣніи продолжительный привалъ. Ходили слухи, что здѣсь нерѣдко бывали и пользовались широкимъ гостепріимствомъ хозяевъ главари возстанія. Поэтому полковникъ нашелъ нужнымъ произвести въ домѣ и усадьбѣ обыскъ, для розысканія, не найдется ли чего, имѣющаго связь съ мятежомъ и могущаго дать полезныя указанія о мѣсто-нахожденіи повстанцевъ. При этомъ полковникъ объяснилъ помѣщицѣ, что основаніемъ для обыска служить, кромѣ свѣдѣній о собственной ея политической неблагонадежности, и то обстоятельство, что сынъ ея, недавно арестованный, принималъ самое близкое участіе въ мятежѣ. Помѣщица и всѣ ея дочери, еще молодыя особы, видимо, знали объ этомъ арестѣ; онѣ выслушали сообщеніе о томъ полковника съ видомъ героинь-патріотокъ, готовыхъ на всякія жертвы; мать прямо заявила, что у нея для родины есть еще три сына. Тѣмъ не менѣе хозяева предложили угостить весь отрядъ обѣдомъ и поднести водки нижнимъ чинамъ. Полковникъ наотрѣзъ отказался отъ угощенія нижнихъ чиновъ и самъ не принималъ участія въ обѣдѣ, поданномъ офицерамъ, изъ которыхъ многіе послѣдовали его примѣру. Хозяева, особенно дочери, съ насмѣшкой спрашивали, неужели полковникъ и офицеры боятся отравы. Онѣ не ошибались: это опасеніе, оправдываемое извѣстною ненавистью къ русскимъ членамъ этого семейства, заставило съ недовѣріемъ отнестись къ ихъ гостепріимству.

Въ Кейданы мы прибыли въ сумерки. Это было очень большое, населенное преимущественно евреями мѣстечко. Въ немъ находилась семиклассная гимназія, въ которой преподаваніе въ это время прекратилось за уходомъ большей части учениковъ «до ясу».

Какъ я уже говорилъ, въ Кейданахъ стояли двѣ наши роты подъ командой майора Г—вича, и одна изъ нихъ ушла на поиски къ находившемуся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кейданъ селенію, въ которомъ былъ винокуренный заводъ. По приходѣ нашемъ, офицеры кейданскаго отряда рассказали намъ забавный случай съ ихъ командиромъ. Майоръ Г—вичъ квартировалъ съ однимъ офицеромъ, исполнявшимъ при немъ обязанности адъютанта. Занимаемая ими квартира состояла изъ двухъ комнатъ и сѣней. По ночамъ въ сѣняхъ, по распоряженію майора, находились нѣсколько солдатъ съ ружьями; въ комнатѣ, въ которую былъ ходъ изъ сѣней, спали денщики, и наконецъ въ слѣдующей была спальня майора и его адъютанта. Какъ-то ночью этотъ послѣдній во снѣ сталъ кричать и вскочилъ съ постели; проснувшійся майоръ въ испугѣ подумалъ, что ворвались повстанцы, схватилъ саблю и бросился на него; проснулись солдаты въ сѣняхъ и денщики въ слѣдующей комнатѣ;

майоръ съ отчаянными криками бѣгалъ по комнатамъ за офицеромъ; солдаты ломились изъ сѣней въ дверь спасать начальство; денщики, думая, что это повстанцы, употребляли всѣ усилія, чтобы не пускать ихъ; наконецъ-то, дѣло какъ-то разъяснилось.

Командиръ полка занялъ квартиру во второмъ этажѣ одного дома, а внизу въ томъ же домѣ помѣстился я съ двумя офицерами; въ сѣняхъ, на случай тревоги, находился барабанщикъ. Солдатамъ не велѣно было раздѣваться и указаны мѣста, куда должны собираться роты по тревогѣ; драгунамъ приказано размундштучить лошадей, но не разсѣдывать. Мнѣ что-то долго пришлось провозиться съ составленіемъ и перепиской донесенія о нашемъ движеніи отъ Ковна до Кейданъ и приказа по отряду. Конечно, я и товарищи мои не раздѣвались на ночь, ограничившись только тѣмъ, что сняли оружіе, пальто и мундиры. Было уже за полночь, когда къ намъ явился майоръ Г—вичъ, замѣтно встревоженный, и передалъ мнѣ, что, беспокоясь продолжительнымъ невозвращеніемъ роты съ поиска, онъ послалъ казака посмотреть, не идетъ ли она, и что казакъ роты не встрѣтилъ, а видѣлъ какую-то шедшую къ Кейданамъ подозрительную толпу. Позванный майоромъ казакъ и мнѣ разсказалъ, что, отъѣхавъ версты три отъ мѣстечка, онъ замѣтилъ какую-то нестройную толпу, шедшую ему навстрѣчу; толпа эта что-то громко галдѣла, и онъ, не рѣшаясь подпустить ее ближе, поспѣшилъ назадъ въ мѣстечко. Майоръ требовалъ, чтобы я тотчасъ разбудилъ полковника и доложилъ ему. Потревоженный мною отъ сна полковникъ, хотя и выразилъ недовѣріе, чтобы замѣченные казаконъ люди могли быть повстанцы, однако велѣлъ послать въ эскадронъ приказаніе замундштучить лошадей и быть въ готовности. Только что я сошелъ отъ полковника внизъ и сталъ отдавать приказаніе въ драгунскій эскадронъ, какъ вбѣжалъ въ страшномъ перепугѣ майоръ Г—вичъ, крича: «мятежники на площади! мятежники на площади! Бѣгите къ полковнику!». Я опять бросился наверхъ къ командиру полка; барабанщикъ затрещалъ тревогу; сдѣлался страшный переполохъ; на улицѣ послышались бѣготня, встревоженные голоса; вдругъ снова появился Г—вичъ съ сіяющимъ лицомъ и радостнымъ крикомъ: «свои! свои!» Это была возвращавшаяся съ поиска рота, повстанцевъ она не встрѣтила, а нашла любезный пріемъ на винокуреномъ заводѣ, порядочно подгуляла и шла назадъ въ самомъ веселомъ настроеніи, возбудившемъ въ казакѣ подозрѣнія.

Проживавшій въ Кейданахъ приставъ польскаго или литовскаго происхожденія, явившись къ полковнику, на его разспросы доложилъ, что есть слухи о появленіи въ окрестныхъ лѣсахъ шаекъ, но гдѣ именно онѣ, ему неизвѣстно, и по этому предмету онъ продолжаетъ, какъ онъ выразился, собирать еще справки. Полковникъ довольно сурово сдѣлалъ ему внушеніе, чтобы справки эти собирались съ большей энергіей и вели къ болѣе полезнымъ результатамъ,

чѣмъ это было до сихъ поръ. Приставъ обѣщаль приложить все стараніе, однако прошло дня три или четыре, а свѣдѣній о повстанцахъ никакихъ не получалось, и мы, скучая отъ бездѣйствія, какъ говорится, сидѣли у моря и ждали погоды.

Однажды, вечеромъ, мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть какой-то чужого полка солдатъ по секретному дѣлу. Явился рядовой въ гарнизонной формѣ и заявилъ, что онъ имѣетъ передать очень большой секретъ и потому желаетъ говорить со мной наединѣ. Желаніе его было исполнено, и онъ приступилъ къ сообщенію своего секрета. Разсказъ его почему-то врѣзался у меня въ памяти, и я постараюсь, конечно, приблизительно, передать его собственными его словами, какъ они мнѣ теперь, спустя много лѣтъ, припоминаются.

— «Я, ваше благородіе,—началь онъ чистымъ русскимъ языкомъ,—рядовой рижскаго баталіона внутренней стражи, католикъ, уроженецъ адѣшней губерніи и уѣзда; начальство отпустило меня на нѣсколько дней въ отпускъ, и я пришелъ погостить къ родной сестрѣ моей, которая замужемъ за лѣсникомъ казенной дачи и живетъ съ мужемъ въ лѣсной сторожкѣ. Прогостилъ я, ваше благородіе, у сестры дня три; какъ-то днемъ вздумалось мнѣ, извините, ваше благородіе, пойти на чердакъ пощупать куръ, которыя съ яйцомъ; только вдругъ вижу съ чердака—скачутъ къ сторожкѣ пять чловѣкъ верховыхъ, какъ есть во всей польской аммуниці; сестра сказывала мнѣ, что въ лѣсу у нихъ стало безпокойно, шляются паны-измѣнники; ёкнуло во мнѣ сердце: ну, думаю, безпремѣнно это за мной, слышу—спрашиваютъ сестру: а гдѣ у тебя тутъ русскій солдатъ? Сестра было запирается: нѣтъ, говоритъ, у меня никакого солдата; они давай ее стращать: сказывай, говорятъ, а то сами найдемъ—бѣда будетъ тебѣ; тутъ я, ваше благородіе, жалѣючи сестру, самъ спустился къ нимъ; говорю: вотъ я, господа, что вамъ угодно? Ну, говорятъ, идемъ-ка съ нами, начальство тебя требуетъ. Повели меня недалеко, въ Храповицкіе лѣса, и тутъ, ваше благородіе, я увидѣлъ всю ихъ многочисленную армію,—объяснялъ солдатъ, впадая въ нѣсколько книжный слогъ и ударяя на слова «многочисленная армія» съ произнесеніемъ даже въ первомъ словѣ буквы «о» въ обоихъ случаяхъ.—Привели меня къ ихъ начальнику,—продолжалъ онъ,—тотъ давай меня корить; какъ же, говоритъ, братецъ, ты католикъ, литвинъ, а служишь... извините, ваше благородіе, это онъ сказалъ... а служишь, говоритъ, москалямъ, противъ своихъ идешь; чтожъ, говорю, ваше высокоблагородіе или превосходительство, не знаю, молъ, какъ васъ величать, наше дѣло подневольное. Служи, говоритъ, намъ; я ему въ ноги: отпустите, говорю, ваше превосходительство, пожалѣйте бѣднаго чловѣка, поймаютъ меня вмѣстѣ съ вами, не миновать мнѣ злой смерти; нѣтъ, отвѣчаетъ, теперь ужъ мы тебя не отпустимъ, ты все у насъ видѣлъ; принимай присягу,

позвали ксендза, нечего дѣлать, присягнулъ! Пробылъ я у нихъ дня три, да ночью и бѣжалъ прямо сюда. Чтожъ, ваше благородіе, я хоть и присягалъ имъ, да то присяга не въ присягу, не законная; законная присяга, значить, государю императору». Закончилъ солдатъ свой разсказъ и заявилъ, что онъ проведетъ нашъ отрядъ къ расположенію шайки. Я тотчасъ отвелъ его къ полковнику, которому онъ повторилъ все сообщенное мнѣ, и на другой день, 15-го марта, на разсвѣтѣ, отрядъ нашъ въ составѣ трехъ ротъ пѣхоты, нѣсколькихъ казаковъ и драгунскихъ наѣздниковъ ¹⁾ при офицерѣ, имѣя проводникомъ явившагося солдата, подъ начальствомъ командира полка, выступилъ по направленію къ селенію Новобиржѣ близъ Храповицкихъ лѣсовъ. Нижнимъ чинамъ съ ночи была приготовлена горячая мясная пища; предъ выступленіемъ они позавтракали похлебкой, а мясо разобрали на руки для закуски на привалѣ; сухарей было взято на три дня. Такой порядокъ продовольствія велся во все время нашихъ экспедицій. Обозъ нашъ состоялъ изъ двухъ подводъ для кашеваровъ съ ротными котлами и провіантомъ для нижнихъ чиновъ и одной подводы съ поваромъ и кухней нашего хлѣбосола-полковника, который въ этихъ походахъ угощалъ отъ себя офицеровъ отряда чаемъ, обѣдомъ и ужиномъ.

Было часовъ около десяти утра, когда мы завидѣли селеніе Новобиржу, а за нимъ на незначительномъ отъ него разстояніи тянулись обширные лѣса, носившіе названіе Храповицкихъ. Командиръ полка остановилъ отрядъ и велѣлъ разсыпать цѣпи такъ, что онѣ образовали каре, за фасама котораго находились въ сомкнутомъ строю резервы. Въ такомъ порядкѣ мы двинулись дальше, предшествуемые въ авангардѣ драгунскими наѣздниками. Селеніе Новобиржа осталось у насъ влѣво, но между нимъ и лѣсомъ, къ которому велъ насъ проводникъ, находилась, совсѣмъ близко отъ лѣса большая панская усадьба; нашъ путь лежалъ мимо нея, и панская дворня вышла поглазѣть на проходившій отрядъ; драгуны выхратили изъ среды этой дворни, какъ потомъ оказалось, повара и велѣли ему показывать, гдѣ тутъ скрываются мятежники. Авангардъ вопелъ въ лѣсъ, какъ вдругъ послышались выстрѣлы: это авангардъ наткнулся на конный, повстанскій пикетъ, который выстрѣливъ бросился назадъ, преслѣдуемый драгунами. Пѣхота бѣглымъ шагомъ вступила въ лѣсъ; въ немъ оказалось нѣчто въ родѣ засѣкъ изъ срубленныхъ и поваленныхъ поперегъ пути большихъ деревьевъ; эти препятствія, конечно, не остановили наступленія, и мы, быстро пройдя эту часть лѣса, вышли на обширную въ нѣсколько десятинъ поляну; вправо отъ насъ стоялъ домъ лѣсника, а напротивъ насъ, на противоположной сторонѣ поляны, у самой опушки, виднѣлся въ развернутомъ фронтѣ съ конницей по флан-

¹⁾ Прежде назывались флакеры.

гамъ отрядъ повстанцевъ. Какъ только солдаты увидѣли ихъ, раздалось оглушительное, неумолкающее «ура», и цѣпи, теряя порядокъ, въ которомъ онѣ двигались, бѣгомъ бросились почти безъ выстрѣла на мятежниковъ; послѣдніе не выдержали этого, можно сказать, бѣшенago наступленія; какъ какимъ нибудь вихремъ, смело ихъ всѣхъ въ лѣсу, прежде нежели добѣжали до нихъ солдаты; наши послѣдовали за ними, и въ лѣсу началась оживленная, сопровождаемая громкими криками перестрѣлка. Мы съ полковникомъ остались на полянѣ съ резервами, драгунами и казаками. У опушки валялось нѣсколько убитыхъ повстанцевъ. Въ это время я замѣтилъ у дома лѣсника скопленіе солдатъ; я подскакалъ туда; на землѣ валялась огромная винная бочка съ выбитымъ дномъ, и драгоценная влага уже впиталась почти въ землю; на лицахъ окружающихъ солдатъ и казаковъ было написано непритворное сожалѣніе, кто-то изъ офицеровъ догадался выбить дно и выпустить водку. Изъ дома выносили мясо, окорока, хлѣбы, ишено; видно было, что домъ служилъ для шайки кладовой съѣстныхъ припасовъ. Пока я стоялъ тутъ, съ чердака дома послышался крикъ: «ваше благородіе, здѣсь мятежникъ!»—«Такъ бери его»,—отвѣчала я.—«Да онъ хочетъ стрѣлять!»—«Ну, самъ стрѣляй въ него!» Черезъ минуту изъ избы, въ сопровожденіи солдата, несшаго охотничье ружье, вышелъ молодой человекъ въ конфедераткѣ, чемаркѣ сѣраго сукна, такихъ же штанахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги, рекомендовался дворяниномъ Когновицкимъ и, какъ бы съ удивленіемъ прислушиваясь къ раздававшимся въ лѣсу выстрѣламъ, спросилъ: «Что это за стрѣльба?» И отвѣчалъ, что «ему должно быть хорошо извѣстно, что это за стрѣльба». На это плѣнникъ началъ увѣрять, что онъ ничего не знаетъ, ни къ какому дѣлу не принадлежитъ (*nie do czego nie należam*), что онъ пріѣхалъ на охоту къ лѣснику и уснулъ на чердакѣ. Кромѣ ружья, при немъ былъ найденъ еще и пистолеть. Я сдалъ его драгунамъ, подъ надзоромъ которыхъ находилось уже съ десятокъ плѣнныхъ, приведенныхъ изъ лѣса; одинъ былъ раненъ штыкомъ въ животъ, изъ котораго висѣли какія-то окровавленные лохмотья. Огрядный врачъ осмотрѣлъ его и безнадежно махнулъ рукой.

Между тѣмъ перестрѣлка въ лѣсу начала стихать, и командиръ полка велѣлъ ударить отбой. Солдаты выходили изъ лѣса съ оживленными разгоряченными лицами, неся повстанское огнестрѣльное и холодное оружіе. Отрядъ построили, сдѣлали повѣрку; оказалось двое убитыхъ, оба изъ одной роты, и пятеро раненыхъ. Убитые оставались въ лѣсу, и полковникъ приказалъ ротному командиру отправиться съ людьми и вынести тѣла для должнаго потребенія. Мятежники уже разсѣялись, стрѣльба совершенно прекратилась, и убитые были вынесены безпрепятственно. Положивъ на подводы убитыхъ, захваченные провіантъ и оружіе, забравъ плѣнныхъ, мы

тронулись въ обратный путь. По выходѣ изъ лѣса, отрядъ расположился на привалѣ; солдаты стали закусывать; командиръ полка велѣлъ растянуть, въ видѣ шалаша, свою бурку, поставили барабаны, денщикъ полковника принесъ вина и закуски, за которые мы и принялись съ особымъ аппетитомъ, усиленнымъ пережитыми волненіями. Въ это время подѣхалъ къ намъ въ прекрасномъ рессорномъ экипажѣ владѣлецъ той усадьбы, мимо которой мы проходили, человѣкъ уже пожилой, и сталъ выговаривать, зачѣмъ солдаты схватили его повара, увели съ собой, и теперь онъ воротился съ смертельной раной въ грудь штыкомъ; что онъ самъ отставной гвардейскій офицеръ, измѣнникомъ не былъ, повара его убили напрасно, онъ не повстанецъ. Полковникъ отвѣчалъ, что въ военное время бываютъ такіе прискорбные случаи, но что вина тѣхъ, кто вызвалъ войну, и странно, что г. помѣщикъ, бывшій офицеръ, не зналъ о такой близости къ его усадьбѣ повстанцевъ и не донесъ о томъ. На это помѣщикъ ничего не нашелся сказать и уѣхалъ. Кто и за что ранилъ несчастнаго, дѣйствительно, повидимому, ни въ чемъ неповиннаго повара, открыть не удалось.

Оказалось, что мы имѣли дѣло съ соединенными шайками ксендза Мацкевича и Колышки; послѣдній былъ убитъ въ этой стычкѣ. Разсѣявшіяся шайки опять было собрались, но въ тотъ же день по другую сторону лѣса натолкнулись на отрядъ командира стрѣлковаго баталіона полковника Божерянова, снова понесли поражение, послѣ котораго окончательно разсѣялись, и имя ксендза Мацкевича уже не упоминалось болѣе, какъ имя предводителя значительной шайки, а встрѣчалось иногда, какъ имя начальника небольшой конной партіи жандармовъ-вѣшателей. Въ концѣ 1863 года онъ былъ пойманъ и повѣшенъ, кажется, въ Поневѣжѣ.

Въ Кейданы мы прибыли при наступленіи темноты. Долго пришлось мнѣ составлять и переписывать донесеніе о нашей встрѣчѣ съ мятежниками, такъ что я легъ спать довольно поздно. На разсвѣтѣ меня разбудилъ барабанъ; били тревогу. Было грязно, пасмурно, падалъ частыми, большими хлопьями снѣгъ. Части отряда быстро собрались и заняли назначенныя имъ мѣста; полковникъ, сопровождаемый мною, объѣхалъ войска; допросилъ казака, поднявшаго тревогу; казакъ, видимо, съ сильнаго похмелья, объяснилъ, что онъ отсталъ наканунѣ отъ отряда и, подѣвзая на разсвѣтѣ къ Кейданамъ, увидѣлъ идущую къ мѣстечку большую партію мятежниковъ, сдѣлалъ выстрѣлъ, на аванпостахъ произошла тревога, которую подхватили въ самомъ мѣстечкѣ. Были посланы конные разъѣзды въ окрестности и, между прочимъ, въ лежащую въ четверти версты отъ Кейданъ мызу графа Чапскаго. Однако нигдѣ, ниоткуда не видно и не слышно было непріятели. Истина обнаружилась потомъ. Казакъ обрѣлъ гдѣ-то въ повстанскомъ скарбѣ бутылку рома, вышилъ ее, охмелѣлъ и, отставъ отъ отряда, заночевалъ въ полѣ

недалеко отъ Кейданъ. Утромъ съ тяжелой отъ похмелья головой онъ приближался къ мѣстечку и принялъ мелькавшую между хлопьями снѣга городьбу за наступавшихъ повстанцевъ. Рассказывали, что за эту тревогу, обезпокоившую усталый отрядъ, атаманы-молодцы¹⁾ раздѣлялись съ виновнымъ по своему — ременными поводьями. Пока дѣло не разъяснилось, и мы съ полковникомъ, въ ожиданіи возвращенія разъѣздовъ, стояли около одной изъ выстроившихся ротъ, мы увидѣли приближающееся къ намъ шествіе. Впереди шель среднихъ лѣтъ человекъ, въ крытомъ полушубкѣ, картузѣ и, несмотря на грязь, въ однихъ туфляхъ; лицо его выражало крайнее недовольство. За нимъ съ серьезнымъ видомъ человекъ, исполнившаго важное, государственное дѣло, ѣхалъ верхомъ казакъ; онъ держалъ въ рукахъ охотничье ружье, патронташъ, ягдташъ и расшитый золотомъ камергерскій мундиръ.

— Помилуйте, полковникъ, что это такое происходитъ? — заговорилъ порусски господинъ въ туфляхъ. — Я здѣшній уѣздный предводитель дворянства, пріѣхалъ въ имѣніе графа Чапскаго для разверстки съ крестьянами, и вдругъ меня схватили съ постели и чуть не въ одномъ бѣльѣ и босикомъ погнали сюда! Возможно ли такъ дѣлать?

— Вреть онъ, ваше высокоблагородіе, — напелъ нужнымъ вмѣшаться казакъ, — это самый ихъ главный начальникъ и есть; у него надъ кроватью и кафтанъ этотъ самый, и ружье, и сумка висѣли.

Полковникъ извинился, сославшись на неизбежность въ военное время такихъ неприятныхъ недоразумѣній и указавъ, что не мы виноваты въ настоящемъ положеніи дѣлъ въ краѣ. Предводитель удалился пѣшкомъ, какъ пришелъ, но уже безъ конвоира. Мундиръ графа Чапскаго былъ водворенъ на прежнее свое мѣсто, а войска распущены по квартирамъ.

Въ этотъ же день было назначено погребеніе двухъ убитыхъ солдатъ-католиковъ. Полковникъ приказалъ передать ксендзу, чтобы погребеніе совершалось со всевозможной торжественностью; приказаніе это, хотя и съ видимою неохотой, ксендзомъ было исполнено. Костель былъ ярко освѣщенъ, игралъ органъ, гробы, предшествуемые духовенствомъ, несли офицеры, мѣняясь съ нижними чинами; процессію сопровождалъ отрядъ пѣхоты и кавалеріи. Дня черезъ три или четыре послѣ того прослѣдовалъ чрезъ Кейданы отрядъ въ составѣ лейбъ-гвардіи стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи, съ командиромъ полковникомъ М. И. Чертковымъ, одной казачьей донской сотни и двухъ орудій конной артиллеріи подъ общимъ начальствомъ нашего начальника дивизіи барона Егора Ивановича Майделя¹⁾. Это былъ начальникъ, тоже оставившій по себѣ

¹⁾ Такъ донскіе казаки называютъ другъ друга.

²⁾ Скончался въ 1881 г. въ чинѣ генерала отъ инфантеріи комендантомъ Петропавловской крѣпости.

одни добрыя воспоминанія. Служба Егора Ивановича до назначенія его въ 1858 г. начальникомъ нашей 1-ой пѣхотной дивизіи прошла на Кавказѣ; во время неудачнаго штурма Карса колонна Егора Ивановича выполнила свое назначеніе, ворвавшись въ крѣпость, но не поддержанная должна была отступить, при чемъ Егоръ Ивановичъ получилъ двѣ раны. Въ обращеніи съ подчиненными Майдель отличался внимательностью, вѣжливостью и совершеннымъ отсутствіемъ требовательности по части утонченной шагистики, равненія, чистоты ружейныхъ приемовъ и т. под. Все это было и для насъ, офицеровъ, и для нижнихъ чиновъ пріятной новостью, послѣ тѣхъ генераловъ, которые передъ тѣмъ командовали дивизіей, и Майдель вскорѣ пріобрѣлъ искреннія симпатіи подчиненныхъ. Какъ образчикъ его служебныхъ отношеній, приведу одинъ лично меня касавшійся случай. Въ Вильнѣ, въ концѣ мая, Егоръ Ивановичъ производилъ инспекторскій смотръ нашего полка. Два баталіона онъ осмотрѣлъ утромъ, а смотръ третьяго баталіона и стрѣлковыхъ ротъ отложилъ до утра. Я не вслушался въ приказаніе, которое отдавалъ мнѣ командиръ полка, и вмѣсто того, чтобы выводить людей на смотръ въ 5 часовъ утра на слѣдующій день, я передалъ въ роты приказаніе выводить въ 5 часовъ по полудни того же дня. Роты выстроились на площадкѣ передъ казармами; я тоже вышелъ въ парадной формѣ; въ это время на балконѣ своей квартиры, выходившей на ту же площадку, показался полковой командиръ. Пожуривъ меня за сдѣланный промахъ и зная хорошо Майделя еще по Кавказу, онъ послалъ меня къ нему, приказавъ объяснить сдѣланную мною ошибку и спросить, не угодно ли будетъ ему теперь же осмотрѣть приготовившихся къ смотру людей. Егоръ Ивановичъ ни однимъ словомъ не выразилъ мнѣ порицанія или неудовольствія и приказалъ сказать, чтобы роты вели на мѣсто смотра, куда онъ сейчасъ пріѣдетъ. Смотръ, какъ всегда, сошелъ благополучно, и всѣ были предовольны, что отдѣлались въ одинъ день отъ этой процедуры.

Послѣ довольно продолжительнаго привала, отрядъ начальника дивизіи съ пѣснями оставилъ мѣстечко и направился на Россіены. Какъ мы потомъ узнали, отрядъ этотъ назначался противъ высадки, которую предполагали сдѣлать близъ Полангена ѣхавшіе на кораблѣ польскіе эмигранты; но корабль бурей закинуло къ шведскимъ берегамъ, и высадка не состоялась.

На другой день, на разсвѣтѣ, выступили и мы въ составѣ трехъ ротъ пѣхоты, нѣсколькихъ казаковъ и эскадрона драгунъ, подъ начальствомъ нашего полковника, на подкрѣпленіе отряда Майделя. Теперь мы шли безъ проводника, спрашивая встрѣчныхъ крестьянъ, а также въ лежащихъ на пути селеніяхъ, не скрываются ли гдѣ повстанцы; повсюду получались одни отрицательные отвѣты. Такъ прошли мы весь тотъ день, переночевавъ въ какомъ-то селеніи со

всѣми предосторожностями военного времени, выставивъ подальше конные пикеты, а поближе къ селенію цѣпь аванпостовъ. На разсвѣтѣ мы снова выступили въ походъ. Это было 21 марта. Стоялъ солнечный, весенній день. Послѣ полудня мы слѣдовали по ровной, открытой мѣстности; вдали, на горизонтѣ, со всѣхъ сторонъ виднѣлись лѣса, то приближавшіеся, то удалявшіеся отъ дороги, по которой мы шли; по временамъ изъ этихъ лѣсовъ выскакивали какіе-то всадники, какъ бы наблюдавшіе за отрядомъ, и скрывались снова въ чащу; по этимъ примѣтамъ мы заключили, что непріятель гдѣ нибудь близко. Въ это время изъ авангарда привели пятерыхъ крестьянъ; это былъ сотскій съ двумя мужиками, которые при формальной бумагѣ отъ высшаго сельскаго начальства вели на расправу къ начальнику шайки двухъ человекъ, обвиняемыхъ въ кражѣ. Такимъ образомъ оказывалось, что предводители повстанцевъ начали уже присвоивать себѣ въ краѣ и гражданскую власть; въ той же бумагѣ сообщалось, что на близъ лежащей водяной мельницѣ сдѣлана большая заготовка муки для народнаго ополченія. Сотскій утверждалъ, что ему велѣно было довести воровъ только до мельницы и тамъ ждать повстанцевъ, а гдѣ они, ему неизвѣстно. Отрядъ поспѣшилъ къ мельницѣ. Людей тамъ никого не оказалось, но дѣйствительно было найдено множество мѣшковъ съ мукой. Полковникъ приказалъ побросать всѣ эти мѣшки въ воду. Пока солдаты занимались этимъ, кто-то закричалъ, что на насъ идутъ мятежники; тотчасъ эскадронъ драгунъ переправился на ту сторону рѣчки, и тутъ увидѣли, что примѣрно въ верстѣ отъ насъ по дорогѣ къ лежащему впереди лѣсу подвигалась не на насъ, а напротивъ уходя отъ насъ, какая-то толпа. Пѣхота поспѣшила покончить съ мѣшками, и какъ только она переправилась, отрядъ поспѣшилъ въ догонку за уходящими повстанцами, которые тѣмъ временемъ успѣли войти въ лѣсъ. Время близилось къ закату. Та часть лѣса, куда скрылись повстанцы, представляла собой, выдающійся изъ общей массы лѣса, мысъ, тянувшійся влѣво отъ насъ и прерывавшійся, не доходя до лежащаго неподалеку селенія Ленчи; вправо, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мысъ соединялся съ остальнымъ лѣсомъ, виднѣлась полянка, и на ней скопилась значительная толпа. Полковникъ приказалъ эскадронному командиру идти въ атаку на эту толпу, а между тѣмъ пѣхота, рассыпавшись въ цѣпь, имѣя позади резервы, съ пальбой начала наступленіе, чтобы занять опушку той части лѣса, которую я назвалъ мысомъ. Изъ лѣса начали посвистывать пули, но наступленіе велось быстро, и мы безъ потерь заняли опушку. Между тѣмъ эскадронъ тронулся рысью и не успѣлъ перейти въ карьеръ, какъ мятежники поспѣшили очистить полянку; часть ихъ ушла вправо, въ глубину лѣса, часть влѣво на мысъ; эскадронъ сталъ на полянкѣ, пѣхотныя цѣпи залегли въ опушкѣ. Резервы и мы съ полковникомъ оставались на открытомъ мѣстѣ. По временамъ надъ

нами пролетали съ ноющимъ жужжаньемъ пули. Полковникъ со мной подѣхалъ къ цѣпи; въ это время надъ нами пронесся цѣлый рой пуль; оказалось, что мятежники вздумали атаковать нашу цѣпь; въ этомъ мѣстѣ лѣсъ, состоявшій изъ большихъ деревьевъ, былъ довольно рѣдокъ, такъ что движеніе непріятеля можно было отчетливо видѣть; на насъ двигалась сомкнутая колонна косиньеровъ, имѣя по флангамъ нѣчто въ родѣ стрѣлковой цѣпи; впереди колонны шель молодой человѣкъ въ чепаркѣ и бѣлой конфедераткѣ. Полковникъ приказалъ совсѣмъ прекратить пальбу и усилить цѣпь людьми изъ резерва, такъ что образовался почти развернутый фронтъ. Мятежники продолжали подвигаться. Вдругъ послѣдовалъ съ нашей стороны дружный залпъ. Человѣкъ въ бѣлой конфедераткѣ упалъ; въ сопровождавшей его толпѣ кто упалъ, кто споткнулся на упавшихъ, словомъ произошла каша, и косиньеры, кидая косы, пустились бѣжать; тѣ, которые ударились вправо къ полянкѣ, попали подъ шапки драгунъ, а бѣжавшіе влево подъ выстрѣлы занимавшихъ опушку солдатъ; они бѣжали и, на бѣгу снимая папки, кланялись въ сторону солдатъ, выражая этимъ мольбу о пощадѣ. Шайка разсѣялась. При убитомъ молодомъ человѣкѣ, ведшемъ косиньеровъ, оказалось свидѣтельство Кіевского университета на имя студента, фамилію котораго я забылъ. Потеря наша въ этой стычкѣ ограничивалась двумя или тремя ранеными. Начинало уже вечерѣть, и отрядъ занялъ селеніе Ленчу, гдѣ и заночевалъ.

На другой день на привалѣ мы присоединились къ отряду начальника дивизіи и слѣдовали съ нимъ далѣе въ направленіи къ прусско-литовской границѣ. Въ верстѣ отъ дороги, по которой мы шли, находилась помѣщичья усадьба; имѣлись свѣдѣнія, что владѣлецъ ея снабжалъ продовольствіемъ повстанцевъ. Полковникъ приказалъ мнѣ съ двадцатью казаками отправиться въ эту усадьбу, взять лучшаго быка, сколько окажется печенаго хлѣба и догонять отрядъ, который уже приближался къ мѣсту ночлега. Въ усадьбѣ меня встрѣтилъ самъ владѣлецъ, человѣкъ добродушно-веселаго вида, не изъявившій никакого неудовольствія, когда я объявилъ ему цѣль моего пріѣзда. Пятнадцать казаковъ я оставилъ на дворѣ, приказавъ имъ не спѣшивать, а самъ съ урядникомъ и четырьмя казаками въ сопровожденіи хозяйна осмотрѣлъ домъ и всѣ надворныя постройки. Въ амбарахъ оказалось множество ковригъ печенаго хлѣба, и на вопросъ мой, для чего такъ много напечено, хозяинъ отвѣчалъ, что у него много рабочихъ. На скотномъ дворѣ казаки выбрали самаго лучшаго быка, хозяинъ одобрилъ этотъ выборъ и распорядился, по моему требованію, снарядить подводу, на которую мы наложили ковриги хлѣба, а сзади привязали быка. Всѣ это заняло съ часъ или болѣе, и отрядъ успѣлъ за это время отдалиться. Хозяинъ предлагалъ мнѣ выпить и закусить, а также угостить и казаковъ, но я рѣшительно отъ всего этого отказался.

Когда мы тронулись въ путь, хозяинъ, прощаясь со мной, въ насмѣшку ли, желая ли испытать, какое это произведетъ на меня впечатлѣніе, сказалъ, что удивляется нашей смѣлости, какъ мы рѣшились въ такомъ незначительномъ числѣ заѣхать сюда; развѣ не могла здѣсь скрываться шайка; даже сію минуту онъ не можетъ ручаться, что вдругъ повстанцы нагрянутъ откуда нибудь. Я отвѣчалъ, что, находясь все время при мнѣ, онъ былъ для меня лучшей охраной, а въ случаѣ чего и первой жертвой.

Переночевавъ съ отрядомъ барона Майделя, на другой день мы еще прошли нѣсколько часовъ вмѣстѣ, а затѣмъ отдѣлились и направились по другой дорогѣ. Наканунѣ кавалеристы изъ отряда начальника дивизіи поймали выскочившаго на нихъ нечаянно изъ лѣса коннаго повстанца. Онъ оказался бѣглымъ юнкеромъ какого-то пѣхотнаго полка и командиромъ небольшой конной партіи. Баронъ Майдель передалъ его въ нашъ отрядъ для отправки въ Ковно на распоряженіе засѣдавшей тамъ военно-судной комиссіи. Его, конечно, ожидала, какъ дезертира и измѣнника, печальная участь, тѣмъ болѣе, что за короткое время своей дѣятельности онъ успѣлъ съ своей партіей навести ужасъ на окрестное населеніе, преимущественно на сельскія власти. Съ своей партіей онъ развѣзжалъ по селамъ и деревнямъ, боями и розгами вымогая у сельскаго начальства и у болѣе зажиточныхъ крестьянъ деньги. Мы остановились на ночлегъ въ какомъ-то селеніи; командиръ полка помѣстился въ одной избѣ со мной, а плѣнный повстанецъ на томъ же дворѣ въ отдѣльной нежилой избѣ подъ усиленнымъ карауломъ изъ четырехъ рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ.

Въ ночь палъ сильный туманъ, такъ что въ двухъ шагахъ нельзя было ничего различить. Чуть только начало брезжить, какъ меня разбудилъ караульный при плѣнномъ унтеръ-офицерѣ и встревоженнымъ голосомъ объявилъ: «несчастье, ваше благородіе! Повстанецъ убѣжалъ!» Вотъ какъ это случилось: плѣнный попросилъ вывести его на дворъ для естественной надобности; солдаты вывели его и стали въ нѣкоторомъ отдаленіи; какъ я уже сказалъ, былъ сильный туманъ, которымъ плѣнный и воспользовался, чтобы ускользнуть изъ глазъ караульныхъ и убѣжать. Была отправлена въ разныя стороны погоня, но бѣглець скрылся безслѣдно; нашли только въ полѣ сапоги его, которые онъ, вѣроятно, сбросилъ для болѣе быстрого бѣга.

Къ вечеру мы возвратились въ Кейданы, а чрезъ нѣсколько дней перешли въ Ковно. Здѣсь мы узнали о пораженіи въ лѣсахъ близъ м. Биржи у границъ Курляндіи генераломъ Ганецкимъ десяти-тысячнаго скопища подъ начальствомъ Доленгѣ-Сѣраковскаго, о взятіи его самого въ плѣнъ, а также о назначеніи генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Михаила Николаевича Муравьева.

Въ Ковнѣ мы пробыли недолго, не болѣе недѣли; было получено распоряженіе о переводѣ полковаго штаба въ г. Шавли. Составился громаднѣйшій обозъ; впереди шла также направлявшаяся въ Шавли пѣшая батарея полковника Мореншильда въ полномъ составѣ со всѣмъ своимъ и солдатскимъ имуществомъ, затѣмъ наши патронныя ящики, перковныя, лазаретныя фуры, полковой денежный ящикъ, канцелярія, музыканты, портные, лазаретные служители и цѣлая вереница обывательскихъ подводъ съ разнымъ полковымъ, офицерскимъ и солдатскимъ имуществомъ; весь этотъ обозъ растягивался версты на двѣ, и для прикрытія его были только двѣ роты. Будь у повстанцевъ болѣе предприимчивые предводители и болѣе надежныя въ боевомъ смыслѣ люди, намъ не удалось бы такъ покойно совершить этотъ, почти въ двѣсти верстъ, походъ отъ Ковна до Шавли.

Въ Шавли находился отрядъ изъ двухъ ротъ нашего полка подъ начальствомъ майора Свирскаго. Въ самый день вступленія нашего въ Шавли отрядъ этотъ имѣлъ удачное дѣло съ шайкой, сформированной изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и мелкой шляхты и занимавшей панскую усадьбу верстахъ въ двадцати отъ города. Многіе изъ этихъ помѣщиковъ были убиты, нѣкоторые тяжело ранены и привезены въ городъ, гдѣ умерли отъ ранъ. Помѣщики эти познакомились съ нашими офицерами, незадолго до стычки кутили съ ними въ трактирѣ и взяли слово, что на Пасхѣ, которая скоро должна была наступить, офицеры пріѣдутъ въ гости именно въ ту усадьбу, гдѣ произошло потомъ столкновеніе съ войсками.

Квартиру я занялъ въ одномъ домѣ съ командиромъ полка—онъ вверху, я внизу; черезъ дворъ въ другомъ домѣ помѣщалась канцелярія. Между тѣмъ начали уже приводиться въ исполненіе первыя распоряженія М. Н. Муравьева. Губерніи были раздѣлены на отдѣлы изъ нѣсколькихъ уѣздовъ; отдѣлами завѣдывали генералы съ званіемъ «начальствующій такимъ-то отдѣломъ такой-то губерніи», уѣздами—командиры полковъ и батарей съ званіемъ «военный начальникъ такого-то города съ уѣздомъ»; въ станахъ были назначены оберъ-офицеры съ званіемъ «военный начальникъ стана»; всѣ гражданскія власти въ городѣ и уѣздѣ были всецѣло подчинены военному начальству. Нашъ полковникъ баронъ Деллинсгаузенъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ г. Шавли съ уѣздомъ, а начальникъ дивизіи баронъ Майдель—начальникомъ отдѣла, къ которому принадлежалъ Шавельскій уѣздъ; мѣстопробываніемъ своимъ онъ избралъ Шавли. Сначала при военныхъ начальникахъ уѣздовъ не было помощниковъ, и мнѣ пришлось вести переписку и по полку и по новой должности нашего командира, т. е. по званію военного начальника. Въ Шавли учреждена была при управленіи военного начальника военно-судная комиссія по политическимъ дѣ-

ламъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, разбиравшихся въ этой комиссіи, было дѣло о пятисотскомъ изъ мелкой шляхты Сципіонѣ и подчиненномъ ему сотскомъ изъ крестьянъ. Начальникъ одного изъ нашихъ отрядовъ поручилъ этому пятисотскому передать въ другой нашъ отрядъ записку съ предложеніемъ напасть соединенными силами на выслѣженную шайку повстанцевъ. Пятисотскій отправилъ эту записку съ сотскимъ, но не въ отрядъ нашъ, а къ повстанцамъ, вслѣдствіе чего задуманное нападеніе на шайку не могло состояться. Этотъ поступокъ Сципіона и его подчиненнаго какъ-то обнаружился, и военный судъ приговорилъ ихъ къ разстрѣлянію. Аудиторъ, на обязанности котораго лежало объявленіе на мѣстѣ казни приговора, объяснилъ нашему полковнику, что по слабости нервъ онъ боится упасть въ обморокъ и просилъ избавить его отъ обязанности читать приговоръ. Полковникъ, снисходя къ его просьбѣ, поручилъ мнѣ замѣнить аудитора. Такимъ образомъ мнѣ пришлось присутствовать при совершеніи смертной казни.

За городомъ, въ полѣ, были выкопаны рядомъ двѣ могилы, на краю которыхъ врыты столбы въ ростъ человѣка. Вокругъ этихъ могилъ, оставляя свободнымъ довольно большое пространство, расположились четырехугольникомъ войска. Былъ прекрасный, солнечный, весенній день. Часовъ въ девять утра изъ города показались осужденные; они шли рядомъ съ ксендзомъ, державшимъ въ рукахъ распятіе, окруженные сильнымъ конвоемъ изъ казаковъ и пѣхотныхъ солдатъ; за ними валила густая толпа народа. Осужденныхъ ввели въ карре, окружавшее могилы съ столбами; я сталъ предъ ними съ приговоромъ въ рукахъ; конвойные солдаты окружали насъ, держа ружья на руку; войска взяли на караулъ, раздалась и смолкла дробь барабановъ; я началъ читать приговоръ. Сципіонъ, худощавый, среднихъ лѣтъ человѣкъ, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ, хотя и покрытымъ смертельной блѣдностью, смотрѣлъ однако бодро, съ полнымъ самообладаніемъ; не то представлялъ изъ себя его товарищъ; отъ ужаса онъ, кажется, потерялъ сознаніе всего, что вокругъ него творилось, впалъ въ совершенную апатію и двигался, какъ автоматъ, повинуюсь—куда стать, куда идти—чужой, направившей его рукѣ. Чтеніе приговора кончилось. Сципіонъ обратился съ просьбой не завязывать ему глаза; но просьба эта не была уважена. Снова раздался барабанный бой, не умолкавшій до самаго окончанія казни. На осужденныхъ надѣли длинныя полотняныя рубахи съ длиннѣйшими рукавами и башлыкомъ и повели къ столбамъ; тамъ нахлобучили имъ на глаза башлыки, а рукавами прикрутили къ столбамъ; затѣмъ изъ рядовъ войскъ вышли стрѣлки и стали по двѣнадцати человѣкъ противъ каждаго осужденнаго; офицеръ махнулъ платкомъ, раздался залпъ, и въ то же мгновеніе мнѣ показалось, что изъ груди Сципіона вырвался точно паръ, и тутъ же грудь окрасилась широкимъ, кровавымъ пятномъ; оба осу-

жденные какъ-то завалились назадъ и въ бокъ у своихъ столбовъ и въ то же время какъ бы скользнули по нимъ внизъ; къ нимъ подбѣжали солдаты, еще дали по одному выстрѣлу въ упоръ въ голову и отвязали тѣла, которыя тутъ же рухнули въ могилы; ихъ сейчасъ же забросали землей, заровняли, столбы сняли, и войска прошли вокругъ мѣста казни, направляясь къ городу. Во все время отъ мѣста казни и до самыхъ квартиръ въ рядахъ солдатъ, противъ обыкновенія, царствовало глубокое молчаніе; всё выглядѣло какъ-то пасмурно, невесело; было замѣтно, что только что видѣнное зрѣлище на всѣхъ произвело тяжелое впечатлѣніе.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, какъ-то вечеромъ, денщикъ доложилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть какой-то баринъ. Я велѣлъ просить. Къ моему крайнему изумленію, предо мной явился повстанецъ въ загрязненной чемаркѣ и штанахъ, въ высокихъ, облѣпленныхъ грязью, сапогахъ. Это былъ невысокаго роста человекъ лѣтъ 25-ти, весьма симпатичной наружности блондинъ. Онъ отрекомендовался помѣщикомъ Шавельскаго уѣзда, Станкевичемъ. Я пригласилъ его сѣсть. «Мнѣ нечего, конечно, объяснять,—началь посѣтитель порусски,—откуда я являюсь къ вамъ; мой костюмъ достаточно свидѣтельствуеетъ о томъ. Увлеченный общимъ движеніемъ, я поступилъ въ одну изъ партій, сформировавшихся въ нашемъ уѣздѣ. Вскорѣ я пришелъ къ убѣжденію, что изъ затѣй нашихъ ничего не выйдетъ. Эти безцѣльные шатанья по лѣсамъ; боязнь встрѣчи съ русскими отрядами, вызывавшая постоянные переходы съ мѣста на мѣсто; пребываніе въ раннее, весеннее время въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ, нерѣдко голоднымъ, не смѣя развести огня, въ мокрой, грязной одеждѣ и бѣльѣ,—всѣ это скорѣ охладило мое увлеченіе, тѣмъ болѣе, что въ смыслѣ патріотическомъ и политическомъ представлялось рѣшительно безрезультатнымъ. Но положеніе было безвыходное; самовольное оставленіе партіи грозило безпощадной мстью со стороны инсургентовъ и не избавляло отъ отвѣтственности предъ правительствомъ, разъ оно узнаетъ о моемъ участіи въ мятежѣ. Наконецъ, не такъ давно къ намъ въ лѣса дошло извѣстіе, что правительство объявило амністію всѣмъ, покинувшимъ ряды возставшихъ до 1-го апрѣля ¹⁾. Хотя срокъ и былъ пропущенъ, однако я началъ говорить товарищамъ о безполезности нашихъ дѣйствій, невозможности желаемого восстановленія польскаго государства, и что намъ всего лучше разойтись. Но мнѣніе это не нашло сторонниковъ. Между тѣмъ я началъ кашлять, чувствовать припадки ревматизма, почему и сталъ проситься, чтобы меня отпустили. Сначала не соглашались, но въ концѣ концовъ, видя, что я въ самомъ дѣлѣ нездоровъ, отпустили. Я отправился верхомъ на собственной лошади въ свою усадьбу. Только что я

¹⁾ Амністія эта дѣйствительно была объявлена еще въ мартѣ мѣсяцѣ.

успѣлъ войти въ свой домъ, какъ прислуга закричала, что къ усадьбѣ скачутъ конные инсургенты. Я подумалъ, что товарищи раздумали отпускать меня, что меня хотятъ опять забрать въ партію, вскочилъ снова на ту же лошадь и погналъ сюда. Загнанная мною лошадь пала верстахъ въ трехъ отъ города, и я уже пѣшкомъ явился къ вамъ. Я прошу, какъ милости, немедленно посадить меня въ тюрьму и содержать тамъ, пока не утихнетъ возстаніе. Если инсургенты узнаютъ, что я добровольно явился къ начальству, они непременно сожгутъ мою усадьбу». Я повелъ Станкевича къ нашему полковнику, который, выслушавъ его, приказалъ исполнить его просьбу посадить въ тюрьму и подробно донести о немъ М. Н. Муравьеву. Предварительно этого донесенія была сдѣлана провѣрка объясненія Станкевича, которое и подтвердилось: павшая подъ нимъ лошадь найдена верстахъ въ трехъ отъ города; въ усадьбу онъ дѣйствительно вернулся и тотчасъ же ускакалъ при приближеніи конныхъ повстанцевъ, которые, прибывъ въ усадьбу, искали его тамъ. М. Н. Муравьевъ приказалъ содержать Станкевича въ тюрьмѣ, но суду не предавать, а въ 1864 году, когда мятежъ затихъ, велѣлъ освободить его совсѣмъ. Станкевичъ явился ко мнѣ радостный, въ щегольскомъ, общепринятомъ костюмѣ, благодарить меня за то, что я помогъ ему, по словамъ его, выйти изъ опаснаго и непріятнаго положенія. Врядъ ли кому еще приходилось получать благодарности за посаженіе въ тюрьму отъ самого посаженнаго!

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, вышли награды за дѣла съ мятежниками въ Храповицкомъ лѣсу и близъ Ленчи; командиръ полка былъ произведенъ въ генералъ-майоры, я въ слѣдующій чинъ поручика, всѣ безъ исключенія офицеры отряда награждены или чинами или орденами; въ роты и эскадронъ выслано по нѣсколько георгіевскихъ крестовъ; конечно, не забыть былъ и нашъ проводникъ, рядовой рижскаго баталіона. Болѣе мнѣ не пришлось быть въ дѣлахъ съ повстанцами; полковой командиръ нашъ уже не принималъ участія въ экспедиціяхъ, совершавшихся небольшими частями въ составѣ одной или двухъ ротъ, подъ начальствомъ младшихъ штабъ-офицеровъ.

За это время самымъ крупнымъ дѣломъ въ нашемъ районѣ было дѣло лейбъ-гвардіи стрѣлковаго его величества баталіона, къ сожалѣнію, окончившееся съ значительной потерей въ людяхъ. Отрядъ въ составѣ двухъ ротъ стрѣлковаго его величества баталіона и двухъ ротъ Эстляндскаго полка подъ начальствомъ полковника Данилова встрѣтился съ шайкой Яблоновскаго. Эта шайка состояла изъ обученныхъ и хорошо вооруженныхъ нарѣзнымъ оружіемъ людей; какъ говорили, она приготавливала инструкторовъ для другихъ шаекъ. При встрѣчѣ съ нашими войсками шайка занимала опушку лѣса, предъ которымъ тянулось довольно вязкое болото. Гвардейскіе стрѣлки и эстляндцы бодро повели наступленіе,

но, попавъ въ болото, нѣсколько позамѣпкались въ своемъ движеніи, въ это время повстанцы изъ лѣса дали по нимъ залпъ, сразу произведшій значительное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. Начальникъ отряда отвелъ его назадъ, перестроилъ и снова двинулъ въ атаку, но также безуспѣшно и съ новой потерей. Много было раненыхъ и убитыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ; послѣднихъ убито свыше тридцати человѣкъ. По удаленіи отряда, повстанцы, какъ рассказывали очевидцы, выскакивали изъ лѣса и добивали раненыхъ, остававшихся въ болотѣ; такъ, сказывали, погибъ поручикъ стрѣлковаго его величества баталіона Гогель. Но начальнику шайки Яблоновскому, когда отрядъ окончательно отступилъ, удалось спасти двухъ нашихъ раненыхъ солдатъ; по его приказанію, находившійся въ шайкѣ врачъ сдѣлалъ имъ перевязку, и затѣмъ ихъ отвезли въ нашъ отрядъ. Это было единственное, неудачное для насъ дѣло. По распоряженію начальника отдѣла генерала Майделя тотчасъ было сформировано нѣсколько отрядовъ и направлено съ разныхъ сторонъ на шайку Яблоновскаго. Нѣкоторое время ему удавалось ускользать отъ этихъ отрядовъ, направляясь къ прусско-литовской границѣ, но наконецъ онъ былъ достигнутъ близъ мѣстечка Крожи отрядомъ изъ двухъ ротъ нашего полка подъ начальствомъ подполковника Пушкина (командиры ротъ штабсъ-капитаны Пинько и Жукевичъ-Стошъ).

Шайка была разбита въ пухъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе полутора убитыми; наша потеря заключалась въ семи убитыхъ и девятнадцати раненыхъ. Побѣдителямъ досталось тридцать двѣ лошади и много хорошаго, огнестрѣльнаго оружія.

Еще многія роты нашего полка имѣли дѣла съ повстанцами, всѣ удачно кончавшіяся. Изъ нихъ особенно замѣчательно по сопровождавшимъ его обстоятельствамъ дѣло капитана Тумковскаго въ мѣстечкѣ Ворнѣ. Въ мѣстечкѣ этомъ имѣлъ пребываніе съ небольшою командой военный начальникъ стана. Довольно значительная шайка конныхъ и пѣшихъ повстанцевъ, хорошо обмундированныхъ и на хорошихъ лошадяхъ, подъ начальствомъ нѣкоего Нечуя—вѣроятно, псевдонимъ—ворвалась въ мѣстечко съ цѣлью нападенія на военнаго начальника и его людей. Но въ это самое время неожиданно вступила въ мѣстечко рота капитана Тумковскаго, конвоировавшая почту, между прочимъ, и съ денежными вложеніями почти на сто тысячъ рублей. Завязалось упорное дѣло. Повстанцы оказались людьми храбрыми и обученными. Пришлось дѣйствовать штыками и самому ротному командиру рубить шашкой. Часть мятежниковъ засѣла въ домахъ; солдаты подожгли ихъ, пожаръ распространился, и всего вмѣстѣ съ занятыми мятежниками домами сгорѣло до двадцати домовъ, принадлежавшихъ евреямъ, и ихъ школа. Шайка почти вся погибла, частью въ бою, частью въ пламени.

Я уже говорилъ, что на предложеніе правительства офицерамъ

польскаго происхожденія перейти въ полки, расположенные во внутреннихъ губерніяхъ, изъ нашего полка согласились очень немногіе, не болѣе пяти человекъ. Оставшіеся же въ полку офицеры поляки и литвины безукоризненно исполняли свои обязанности во все время мятежа. Единственнымъ изъ нихъ печальнымъ исключеніемъ былъ прапорщикъ Николаи, уроженецъ г. Вильно, полунѣмецкаго, полупольскаго происхожденія, даже и не католикъ, а лютеранинъ. Оставшись въ Вильнѣ въ госпиталѣ, онъ по выздоровленіи въ полкъ не воротился, а поступилъ въ шайку Сѣраковскаго. При разгромѣ этой шайки генераломъ Ганецкимъ, Николаи былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Настоящую свою фамилію и званіе онъ, конечно, скрылъ, и раненый лежалъ въ больницѣ подъ вымышленнымъ именемъ. Кто-то изъ офицеровъ нашего полка посѣтилъ зачѣмъ-то больницу, гдѣ лежалъ Николаи, и, не зная объ его измѣнѣ, такъ сказать, мимовольно выдалъ его, назвавъ настоящей фамиліей и начавъ разспрашивать. По излѣченіи раны, Николаи былъ преданъ суду, по приговору котораго разстрѣлянъ.

Однажды, когда я обѣдалъ у полковаго командира, доложили о приходѣ какого-то солдата, желающаго что-то объявить. Солдата позвали; онъ оказался рядовымъ нашего полка, прибывшимъ изъ Поневѣжскаго лазарета, и объяснилъ, что слѣдовалъ изъ Поневѣжа съ четырьмя другими солдатами разныхъ полковъ, также бывшими на излѣченіи въ лазаретѣ. Не доходя верстъ десяти до Шавли, они остановились на ночлегъ въ мѣстечкѣ Шадовѣ. Ночью въ мѣстечко явилась шайка, узнала, что здѣсь русскіе солдаты, забрала ихъ и увела въ лѣсъ. На разсвѣтѣ къ каждому изъ этихъ солдатъ подошли по два повстанца и развели ихъ въ разныя страны. Конвойные разсказчика вывели его изъ лѣса, указали направленіе на Шавли, сказали, чтобы онъ помолился за нихъ, и велѣли, какъ можно скорѣе уходить. Когда онъ нѣсколько отошелъ, послышались два выстрѣла. По указаніямъ этого солдата былъ осмотрѣнъ тотъ лѣсъ, куда завели его съ товарищами повстанцы, и въ немъ были найдены трупы четырехъ застрѣленныхъ солдатъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, мы простились съ нашимъ командиромъ барономъ Эдуардомъ Карловичемъ Деллинсгаузенемъ, получившимъ назначеніе въ Одесскій округъ. Его замѣнилъ полковникъ И—невъ, представлявшій во всѣхъ отношеніяхъ совершенную противоположность съ прежнимъ командиромъ. Я посѣшилъ оставить полкъ, и уже 31 августа 1863 г. состоялся приказъ о переводѣ меня въ лейбъ-драгунскій Московскій его величества полкъ, расположенный въ городѣ Тельши, но отправиться туда мнѣ не пришлось, такъ какъ по распоряженію начальника отдѣла я получилъ назначеніе въ члены военно-судной комиссіи, а съ 27 декабря въ помощники военнаго начальника г. Шавли съ уѣздомъ. Первымъ почти дѣломъ, рѣшавшимся въ комиссіи при моемъ участіи, было дѣло о нѣкоемъ

Кучинскомъ изъ мѣстной мелкой шляхты. Вотъ въ чемъ заключалось это дѣло. Еще лѣтомъ въ самый разгаръ мятежа въ одно селеніе явился верхомъ вооруженный повстанецъ также изъ мѣстной шляхты, бывший до мятежа волостнымъ писаремъ, хорошо извѣстный крестьянамъ этого селенія. Повстанецъ гарцовалъ передъ собравшимися мужиками на конѣ, когда къ нему подошелъ одинъ изъ крестьянъ, человѣкъ высокаго роста и сильнаго сложенія, и сталъ хвалить лошадь и обмундировку пана писаря; затѣмъ, вдругъ схватилъ повстанца, субъекта довольно тщедушнаго, сбросилъ съ сѣдла на землю и моментально обезоружилъ, выхвативъ у него изъ-за пояса пару пистолетовъ и оторвавъ саблю; на требованіе его подать веревку, чтобы связать повстанца, никто изъ бывшихъ тутъ крестьянъ не отозвался, и веревку подала родная сестра смѣлаго жмудина.

Повстанца отвезли въ военному начальнику стана, который, опасаясь мести повстанцевъ, убѣждалъ крестьянина оставаться пока при немъ, но тотъ въ виду наступавшихъ полевыхъ работъ не согласился. Опасенія военнаго начальника оправдались. Спустя нѣкоторое время, въ селеніе явилось человѣкъ пятнадцать конныхъ повстанцевъ подъ начальствомъ Кучинскаго. Повстанцы потребовали крестьянина, арестованнаго бывшаго писаря. Онъ оказался въ полѣ; за нимъ послали пятерыхъ повстанцевъ. Замѣтивъ ихъ приближеніе, крестьянинъ пустился бѣжать къ находившейся невдалекѣ барской усадьбѣ, а когда повстанцы догоняли его, онъ билъ бывшимъ у него въ рукахъ кнутомъ по мордамъ лошадей преслѣдователей; лошади бѣсались, сбрасывали сѣдковъ на землю, а крестьянинъ тѣмъ временемъ продолжалъ бѣжать. Однако, спастись ему не удалось; онъ былъ схваченъ, приведенъ въ селеніе и повѣшенъ на одномъ деревѣ съ сестрой своей противъ дома этой послѣдней. Хотя крестьяне и скрыли, кто былъ начальникомъ этихъ вѣшателей, но военному начальнику стана удалось собрать негласнымъ путемъ свѣдѣнія о примѣтахъ этого начальника, и что это былъ Кучинскій. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда мятежъ сталъ уже затихать, задержали и доставили къ тому же военному начальнику стана повстанца, въ которомъ по примѣтамъ онъ заподозрѣлъ Кучинскаго. Сначала арестованный отвергалъ, что онъ Кучинскій, а назывался другимъ именемъ, но потомъ призналъ себя Кучинскимъ и сознался, что командовалъ той партией, которою были повѣшены крестьянинъ съ сестрой, изложивъ все это въ подробномъ собственноручно написанномъ имъ показаніи. Крестьяне того селенія, гдѣ было совершено это преступленіе, отозвались, что они не могутъ признать въ Кучинскомъ предводителя вѣшателей. Такимъ образомъ, для рѣшенія военно-судной комиссіи въ качествѣ матеріала было одно собственное сознаніе обвиняемаго, котораго предстояло судить въ двадцать четыре часа. На судѣ Кучинскій, человѣкъ еще молодой,

крѣпкаго сложенія, грубой и отталкивающей наружности, признавая, что онъ дѣйствительно Кучинскій, отвергалъ свое участіе въ повѣшеніи, утверждая, что онъ при этомъ вовсе не былъ, а данное имъ военному начальнику показаніе объяснялъ тѣмъ, что начальникъ допрашивалъ его съ пристрастіемъ подъ ударами казачьихъ нагаекъ. Дѣйствительно, при осмотрѣ въ комиссіи, на спинѣ Кучинскаго оказалось нѣсколько синебагровыхъ полосъ, повидимому, слѣдовъ нагаекъ. Въ виду этого новаго обстоятельства комиссія постановила воздержаться отъ рѣшенія и представить дѣло на усмотрѣніе командующаго войсками. М. Н. Муравьевъ, возвращая дѣло, предписалъ комиссіи судить въ двадцать четыре часа по имѣющимъ въ дѣлѣ даннымъ. По приговору Кучинскій былъ подвергнутъ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Вообще, въ бытность мою, въ продолженіе года, въ Шавли тамъ подверглись смертной казни упомянутый мною Сципіонъ съ сотскимъ, Кучинскій, одинъ крестьянинъ, уличенный въ разбоѣ, и юнкеръ Богдановичъ. Богдановичъ бѣжалъ къ повстанцамъ съ дѣйствительной службы въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ и командовалъ шайкой во все время мятежа. Когда крупныя шайки разсѣялись, и остались мелкія партіи человекъ изъ десяти и менѣе, образъ дѣйствій которыхъ имѣлъ уже чисто разбойническій характеръ, Богдановичъ въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ былъ захваченъ въ Шавельскомъ уѣздѣ, привезенъ въ Шавли и по приговору суда разстрѣлянъ. Особенную извѣстность Богдановичъ получилъ своей расправой съ становымъ приставомъ Пастернаковымъ, который долго служилъ въ этой должности въ одной мѣстности и возстановилъ противъ себя населеніе. Богдановичъ прибылъ съ своей шайкой въ мѣстечко, гдѣ проживалъ приставъ—это было еще въ началѣ мятежа—и учинилъ судъ и расправу, повѣсивъ старика Пастернакова.

Послѣднимъ, имѣвшимъ нѣкоторый интересъ, дѣломъ съ повстанцами было столкновеніе ихъ съ казаками верстахъ въ семи отъ Шавли. Казачья сотня изъ молодыхъ, слѣдовавшихъ прямо съ Дона, казаконъ конвоировала почту и проѣзжающихъ. Не доходя нѣсколькихъ верстъ до Шавли, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ по одну сторону дороги, подходя къ ней вплотъ, тянулся лѣсъ, а по другую—шла изгородь, вдругъ изъ лѣса открылась пальба по казакамъ и конвоируемой ими казаконъ. Непривычныя къ стрѣльбѣ лошади начали бѣситься и сбрасывать всадниковъ; ускакать—значило предоставить казаконъ въ добычу непріятелю; казаки спѣшились и вступили съ повстанцами въ перестрѣлку; въ это время спавшій на одной изъ подводъ, слѣдовавшій съ казаконъ по выпискѣ изъ лазарета рядовой лейбъ-гвардіи стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи, разбуженный выстрѣлами, увидя, что происходитъ, закричалъ: «Э! да адѣсь, братцы, нужна пѣхота!»—схватилъ винтовку и съ громкими

криками «ура» бросился въ лѣсъ; почти тутъ же онъ былъ убитъ, но тѣмъ не менѣе повстанцы отступили, и казаки съ оказіей могли продолжать путь. Въ Шавли прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ о нападеніи, тотчасъ была выслана на помощь рота, которая подошла, когда повстанцы уже ушли. Потомъ изъ этой шайки нѣкоторые были захвачены и на разпросы, почему они не воспользовались выгодами своего положенія и отступили,—отвѣчали, что они знали о движеніи однихъ казаковъ, а тутъ вдругъ явилась откуда-то пѣхота; а пѣхотой этой и былъ стрѣлокъ, бросившійся въ лѣсъ и выведшій, какъ оказалось, отрядъ изъ опаснаго положенія, распространивъ между повстанцами своимъ появленіемъ встревожившую ихъ вѣсть о прибытіи пѣхоты.

Съ 27-го декабря 1863 года я былъ прикомандированъ къ управленію военнаго начальника города Шавли съ уѣздомъ съ возложеніемъ на меня обязанностей помощника этого начальника, которыя отправлялъ до 24-го мая 1864 года. Вся переписка по управленію лежала на мнѣ, поэтому я могъ ознакомиться съ тѣми мѣрами, которыя предпринимались М. Н. Муравьевымъ по усмиренію мятежа и непосредственными исполнителями которыхъ являлись управленія съ подвѣдомственными имъ военными начальниками становъ.

Распоряженія М. Н. Муравьева представляютъ, во-первыхъ, мѣры, имѣвшія цѣлью прекращеніе вооруженнаго возстанія, и, во-вторыхъ, мѣры по обрусенію края, усиленіемъ въ немъ русскаго элемента. Такъ какъ мнѣ пришлось быть помощникомъ военнаго начальника въ такое время, когда приводились въ исполненіе преимущественно мѣры перваго рода, то я главнымъ образомъ и буду говорить о нихъ, упоминая изъ мѣръ второго рода лишь о такихъ, которыя исполнялись въ бытность мою помощникомъ.

Вооруженное возстаніе началось при дѣятельномъ содѣйствіи мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ; они дѣлали денежные сборы, необходимые для первоначальнаго сформированія, обмундированія и вооруженія; многіе изъ нихъ непосредственно участвовали въ качествѣ или начальниковъ, или рядовыхъ повстанцевъ; они же оказывали повстанцамъ матеріальную помощь, снабжая ихъ продовольствіемъ и тѣмъ способствуя поддержанію мятежа. Надобно принять во вниманіе еще и то, что возстаніе, вызвавъ передвиженіе войскъ, заставило правительство произвести значительные расходы.

Исходя изъ этихъ основаній, М. Н. Муравьевымъ, по вступленіи его въ должность генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края и командующаго войсками Виленскаго округа, принять былъ рядъ слѣдующихъ мѣръ. Введенъ былъ десяти-процентный налогъ со всѣхъ недвижимыхъ имѣній дворянъ-землевладѣльцевъ. Незадолго до освобожденія крестьянъ и чуть ли не въ виду этого правительственнаго акта, въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края производился кадастръ помѣщичьихъ имѣній. Благодаря стараніямъ владѣльцевъ,

по ихъ желанію, кадастръ этотъ былъ показанъ очень высокимъ. Къ великому огорченію помѣщиковъ, Муравьевъ по этому высокому кадастру и назначилъ обложеніе ихъ имѣній 10⁰/₀ сборомъ на покрытие расходовъ, вызванныхъ мятежомъ. Къ этой мѣрѣ—бить не столько дубьемъ, какъ рублемъ—присоединялись и другія, имѣвшія, такъ сказать, частный характеръ, какъ относившіяся только къ данной мѣстности. Такъ, по Ковенской губерніи производился съ помѣщиковъ еще сборъ на пополненіе убыли лошадей въ казачьихъ полкахъ; въ нашемъ отдѣлѣ приказано было собрать съ помѣщиковъ—если не ошибаюсь—семнадцать тысячъ рублей пособія евреямъ, жителямъ м. Борне, дома которыхъ сгорѣли во время стычки съ повстанцами роты нашего полка. Эпизодъ этотъ я рассказалъ выше.

Чтобы облегчить движеніе войскъ въ лѣсахъ, было велѣно для расширенія лѣсныхъ дорогъ по обѣимъ ихъ сторонамъ рубить деревья и, смотря по мѣстнымъ условіямъ, дѣлать новыя просѣки. Этой участи подверглись преимущественно помѣщичьи лѣса, такъ какъ въ казенныхъ уже и до этого существовали просѣки для правильнаго дѣленія на участки. Рубка предложена крестьянамъ съ предоставленіемъ въ ихъ пользу срубленнаго лѣснаго матеріала. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ помѣщики, находившіеся въ отсутствіи изъ своихъ имѣній, подъ угрозой потери ихъ, воротились къ назначенному сроку и находились дома. Мѣра эта вызвана тѣмъ, что не ушедшіе въ шайки помѣщики разѣхались кто за границу, кто въ сосѣднія Ригу и Митаву. Оставшіеся въ имѣніяхъ экономы, исполняя наказъ своихъ патроновъ, снабжали шайки всѣмъ необходимымъ, и если русскія власти узнавали о томъ, экономы эти несли только личную отвѣтственность, подвергаясь заключенію въ тюрьмѣ; преемники же ихъ снова слѣдовали ихъ примѣру, принимая и продовольствуя шайки. Дѣло стало иначе, когда въ имѣнія воротились сами владѣльцы. Выѣздъ ихъ изъ имѣній обставленъ былъ чрезвычайными затрудненіями; чтобы отлучиться изъ имѣнія до уѣзднаго города, требовалось письменное разрѣшеніе военнаго начальника стана; для проѣзда въ сосѣдніе уѣзды было необходимо брать паспортъ съ описаніемъ примѣтъ изъ управленія военнаго начальника уѣзда, а для поѣздки въ губернской городъ испрашивать чрезъ военнаго начальника, разрѣшеніе генераль-губернатора. Когда помѣщики осѣлись такимъ образомъ въ своихъ усадьбахъ, въ случаѣ дознаннаго появленія у кого либо изъ нихъ шайки и снабженія ея провіантомъ, владѣлецъ подвергался заключенію въ тюрьму, а на имѣніе накладывался секвестръ, и оно поступало въ казенное управленіе. Эта мѣра была изъ самыхъ дѣйствительныхъ. Помѣщики умоляли повстанцевъ разойтись, не показываться къ нимъ и не подвергать ихъ разоренію; начали даже враждебно относиться къ нимъ, и были случаи арестованія помѣщиками и представленія русскимъ властямъ отдѣльныхъ, появившихся въ ихъ

усадыбы повстанцевъ. По разсказамъ нѣкоторыхъ повстанцевъ, въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что нигдѣ и ни за какія деньги нельзя было достать куска хлѣба, и тѣ, которые не чувствовали за собой какихъ либо тяжкихъ преступленій, добровольно сдавались русскимъ властямъ. Всѣ чиновники польскаго происхожденія были замѣнены русскими. Говорили потомъ, что это былъ какой-то оказавшійся негоднымъ у себя дома отбросъ русскаго чиновничества. Сколько мнѣ самому пришлось наблюдать и слышать отъ другихъ, попадались между этими чиновниками личности во всѣхъ отношеніяхъ дурныя, но какъ исключеніе, большинство же, въ особенности лица по крестьянскому управленію, были вполнѣ безукоризненны. Для наблюденія за движеніемъ партій, а также за отдѣльными подозрительными людьми были устроены въ селеніяхъ и по дорогамъ сельскіе караулы, на содержаніе которыхъ производился особый сборъ съ помѣщиковъ. Шайки преимущественно составлялись изъ помѣщиковъ и мелкой шляхты. Какъ потомъ оказалось, предводители дворянства, чтобы увеличить число шляхты, на которую главнымъ образомъ разсчитывали, какъ на готовый контингентъ шаекъ, еще за нѣсколько лѣтъ до возстанія позаботились записать въ шляхтичи людей вовсе не шляхетскаго происхожденія. Генералъ-губернаторъ приказалъ всѣмъ, именующимъ себя шляхтой, представить письменныя тому доказательства, и всѣ тѣ, у которыхъ такихъ доказательствъ не оказалось, или представленные признаны сомнительными, были переписаны въ податныя сословія.

Въ концѣ мая 1864 года я уѣхалъ въ Петербургъ по случаю прикомандированія меня къ лейбъ-гвардіи стрѣлковому его величества баталіону и оставилъ г. Шавли, въ которомъ среди быстро мѣнявшихся лицъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ событій и такихъ же занятій, незамѣтно промелькнулъ для меня памятный на Руси и Литвѣ 1863 годъ.

М. П. Межецкій.

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ ¹⁾.

(Воспоминанія очевидца).

ІХ.

ОСПОДА, не угодно ли вымыться въ банѣ?—спросилъ, входя въ бухарскую палатку, гдѣ собралось не мало офицеровъ, капитанъ П.

— Что такое, въ банѣ?—удивились мы.

— Да, и въ самой настоящей, натопленной самой природою, — отвѣтилъ онъ. — Не вѣрите?—пойдемте, — прибавилъ капитанъ, видя недоумѣніе, съ которымъ мы отнеслись къ его новости.

— Пойдемте, — въ одинъ голосъ отвѣчали мы. — А далеко это?

— Нѣтъ, по другую сторону дельты р. Аличура, почти противъ нашего бивуака.

Мы отправились.

Подойдя къ рѣкѣ, мы на вьючныхъ лошадяхъ переправились на другой берегъ и пошли внизъ по Аличуру. На большой площадкѣ, въ низменномъ мѣстѣ берега, стояла киргизская юрта, около которой копошилось нѣсколько копавшихъ землю солдатъ, которые при приближеніи нашемъ приостановили свою работу и вытянулись.

— Кончили, братцы?—спросилъ П.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 489.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, почти совсѣмъ откопали, таперича юрту съ боковъ заваливаемъ.

Далѣе по берегу видѣлось нѣсколько голыхъ солдатъ, умывавшихся не въ рѣкѣ, а въ какихъ-то лужахъ на берегу, отъ которыхъ подымался паръ. Когда я заглянулъ въ стоящую здѣсь юрту, то такъ и отшатнулся назадъ,—она была вся переполнена паромъ и дѣйствительно напоминала собою парную баню. Оказалось, что весь правый берегъ рѣки Аличура, при дельтѣ ея, покрытъ теплыми и горячими сѣрными источниками, изъ которыхъ самый горячій 70° R.; вода сѣрная и свободная сѣра отлагается на прибрежныхъ камняхъ, которые, благодаря этому, мѣстами золотистаго и зелено-желтаго цвѣта.

— Что за прелесть! вотъ сюрпризъ!—вскрикнулъ я, лишь только обдало меня паромъ.

Всѣ товарищи также раздѣляли мой восторгъ. Да и было отчего: полтора мѣсяца ни разу не удалось хорошенько помыться, когда зачастую приходилось по недѣлямъ спать не раздвываясь. Какъ же тутъ не обрадоваться банѣ, посланной намъ самою судьбою? Вода была настолько горяча, что въ источникъ мы наливали нѣсколько ведерокъ холодной воды, которую въ парусиновыхъ ведрахъ таскали намъ солдаты.

— А отколѣ это вода такая берется, ваше благородіе?—спросилъ одинъ изъ солдатъ, выливая холодную воду въ источникъ.

— А это, видишь, подъ землею огонь есть, который и нагрѣваетъ протекающую близко его воду, вотъ она и выходитъ на поверхность земли горячею.

Солдатъ глупо улыбнулся и, подойдя къ собравшимся въ кружокъ линейцамъ, сказалъ:

— А чудно, ей, Богу, братцы, господа сказывали, что подъ землею огонь; такъ, какъ же это мы не спечемся? должно, брехотня одна.

— Сказывали, значить, такъ оно и есть, не съ твоимъ кауномъ ¹⁾ господскія рѣчи судить.

— Ишь, умникъ нашелся!—подхватилъ другой, и солдатъ сконфуженно ретировался.

— Ну, давай, что ли, чайники-то, чего ротъ-отъ разинулъ!—крикнулъ на молодого солдата «сердитый» ефрейторъ, дядька Максимовъ.

Солдатъ нагнулся и зачерпнулъ въ источникъ горячую воду.

— А чаю засыпаль?—спросилъ ефрейторъ.

— Сейчасъ, дядька Максимовъ, засыплю.

— А ты какъ засыплешь, то чайникъ-то въ водѣ еще погрѣй!

— Слушаю.

— Ишь, благодать-то, братцы,—повернувшись къ солдатамъ, продолжалъ ефрейторъ.—Господь-то Богъ сжалился надъ солдатомъ, что ему нечѣмъ водицы себѣ согрѣть, и готовой послалъ.

¹⁾ Каунъ-дыня (солдаты про глупую голову говорятъ такъ).

Скоро подъ всевозможныя прибаутки чайникъ переходилъ изъ рукъ въ руки, наполняя деревянныя походныя чашки.

Часа черезъ три послѣ бани я проходилъ мимо солдатскихъ палатокъ и слышу разговоръ:

— А что, Потапычъ, съ готоваго-то кипяточку у меня брюхо ужъ больно болить, а ты какъ?

— Да и у меня, дядька Максимовъ, тоже, должно, придется къ фершалу пройти, чтобы капдевъ дать.

— А что и въ самомъ дѣлѣ, а то коли на работу какую назначать—бѣда.

И оба солдата отправились въ околотокъ.

Между тѣмъ къ вечеру число больныхъ желудкомъ прибывало и прибывало, а на слѣдующій день около горячихъ ключей уже не было видно солдатъ, толпящихся съ чайниками или манерками.

Когда я подходилъ къ своей палаткѣ, то сожитель мой, поручикъ Барановъ, вышелъ изъ нея и направился къ виднѣвшимся вдали юртамъ.

— Куда это вы?—спросилъ я.

— Да хочу поговорить съ плѣнными, пойдемте заодно.

— Пойдемте.

И мы отправились къ противоположному концу бивуака.

На разостланной кошмѣ, около небольшого шатра, сидѣло нѣсколько шугнанцевъ, а въ отдаленіи отъ нихъ въ красномъ мундирѣ, поджавъ подъ себя ноги,—афганецъ. Это былъ еще совершенно молодой, высокій, съ дышащимъ отвагою красивымъ лицомъ, юноша. Красный мундиръ чрезвычайно шелъ къ его смуглому лицу, а черные усики красиво пушились надъ верхней губою, придавая молодому лицу его нѣсколько возмужалый видъ. Онъ бросилъ на насъ свой огненный взглядъ и поправилъ чалму на головѣ.

Подошелъ переводчикъ, и у насъ завязался оживленный разговоръ. Афганецъ отвѣчалъ очень охотно, и въ его тонѣ не было замѣтно и тѣни ненависти.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Гулдабанъ-Кудрявъ-ханъ, — отвѣтилъ плѣнный, — я родной братъ убитаго вчера капитана Гулямъ-Айдаръ-хана,—и въ его голосѣ прозвучала грустная нотка.

— А самъ ты—офицеръ или солдатъ?

— Я?—вопросительно вскинулъ онъ глазами и ткнулъ себя въ грудь пальцемъ:—я солдатъ, но я окончилъ военную Кабульскую школу и долженъ два года отслужить въ войскахъ рядовымъ, и потомъ буду произведенъ въ дофордары, а тамъ и въ офицеры.

— А твой братъ, давно онъ былъ капитаномъ и на Аличурскомъ посту?

— Видите ли,—началъ афганецъ,—мой братъ занималъ очень видный постъ при эмирѣ; но когда въ 1888 году у насъ въ Афга-

нистанѣ вспыхнуло возстаніе, и братъ эмира Исхакъ-ханъ отложился, то и мой братъ былъ на сторонѣ послѣдняго; за это, послѣ подавленія возстанія, онъ былъ лишенъ флигель-адъютантства и долгое время былъ въ изгнаніи, но потомъ вина его была прощена, и онъ получилъ назначеніе на Памиръ. Бѣдный, бѣдный мой братъ!—прибавилъ афганецъ и покачалъ головой. — Что теперь будетъ съ его семьею, если и меня разстрѣляютъ?

Онъ низко опустилъ голову.

— Нѣтъ, русскіе не разстрѣливаютъ своихъ военноплѣнныхъ,— успокоилъ я афганца:—напротивъ, лишь только наступитъ возможность, всѣ вы будете отпущены.

— А что большая семья осталась у твоего брата?—спросилъ Барановъ.

— Нѣтъ, только жена да маленькій сынъ,—отвѣтилъ плѣнный,—жена его молода и красива, и, оставшись совершенно одна, она скоро погибнетъ—у насъ въ Афганистанѣ не щадятъ красивыхъ женщинъ. Ахъ, зачѣмъ вы убили Гулима!—покачалъ онъ опять головою.—А раненые гдѣ?—спросилъ онъ.

Я сказалъ, что оставлены на попеченіи киргизъ.

— Ну, значитъ, они умрутъ.

— Почему это?—удивился я,—къ нимъ два раза въ день ѣздитъ докторъ.

— Все равно,—отвѣтилъ афганецъ:—киргизы ненавидятъ насъ и непременно прирѣжутъ ихъ при удобномъ случаѣ.

— А, пожалуй, это и правда,—сказалъ мнѣ Барановъ,—я тоже согласенъ съ предположеніемъ плѣннаго.

Распроцавшись съ афганцемъ, мы отправились къ раненымъ. Сердце сжалось, когда я вошелъ въ темную юрту. Запахъ гніющаго тѣла заставилъ невольно сдѣлать шагъ назадъ. На грязной кошмѣ что-то копошилось, но глазъ, не привыкшій еще къ темнотѣ, не могъ различать предметы. Когда былъ отдернутъ тюнтякъ ¹⁾, то передо мною открылась поражающая картина: двое раненыхъ афганцевъ лежали на кошмѣ и казались мертвыми. Двое сидѣли съ замотанными головами, а на перевязкѣ виднѣлись слѣды крови. Одинъ изъ несчастныхъ повернулъ ко мнѣ голову и что-то сказалъ. Это были не слова, а какіе-то раздирающіе душу стоны, вырвавшіеся изъ его прострѣленной въ двухъ мѣстахъ груди. Одинъ изъ лежавшихъ на землѣ пошевелился и поднялъ голову, другой оставался неподвижнымъ. Эта неподвижность особенно обратила мое вниманіе. Конецъ ноги его, высунувшейся изъ-подъ закрывавшаго его тулупа, былъ какъ будто выточенъ изъ пожелтѣлой кости.

— Говорить ли ктонибудь изъ васъ поузбекски?—спросилъ я.

¹⁾ Верхняя кошма, закрывающая отверстіе съ веру палатки.

— Да, тюра, я немного говорю,—отвѣтилъ слабымъ голосомъ другой раненый, сидѣвшій въ глубинѣ юрты.

— Бываетъ ли у васъ докторъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, тюра, не бываетъ, какъ перевязали насъ первый разъ, такъ и не прѣвжалъ. Вотъ одинъ изъ товарищей уже вчера умеръ, и никто его даже не уберетъ изъ юрты. Мы просили киргизъ, а тѣ говорятъ: «вытащимъ всѣхъ васъ, когда передохнете, собаки».

Я слушалъ, не вѣря ушамъ своимъ, но факты были на лицо.

— Мы ничего не ѣли съ тѣхъ поръ, какъ помѣстили насъ сюда, во рту горитъ, какъ въ печкѣ, а воды подать некому, киргизы совершенно отказываются помогать намъ, и даже грозилась прірѣзать насъ, какъ барановъ. Попробовалъ я было проползти до рѣки,—говорилъ несчастный,—но силы не позволили, хотѣлъ изъ юрты вытащить мертваго—тоже не могъ... А вотъ этотъ, вѣроятно, не сегодня, такъ завтра отдастъ Богу душу,—сказалъ онъ, указывая на лежавшаго ничкомъ товарища...

У меня слезы подступили къ горлу. Барановъ, понуря голову, не понимая нашего разговора, сидѣлъ устремивъ свой взоръ въ сторону.

Когда я сказалъ ему о томъ, что слышалъ отъ афганца, онъ возмутился.

— Это же свинство наконецъ,—проговорилъ онъ.—Вотъ наша пресловутая гуманность къ врагамъ, вотъ краснорѣчивый примѣръ ея,—возмутился онъ, и мы, обѣщавъ раненымъ сегодня же облегчить ихъ участь, отправились на бивуакъ. Разсказъ нашъ о состоянii раненыхъ произвелъ сенсацию между офицерами, многіе изъ нихъ сейчасъ же отправились къ несчастнымъ, захвативъ съ собою обильное количество провіанта, а къ вечеру афганцы эти были переведены въ отрядный лазаретъ; двое изъ нихъ были уже мертвы, а потому похоронены возлѣ могилы своихъ товарищей, павшихъ 12-го іюля.

Оставалось еще осмотрѣть развалины китайской крѣпости, гнѣздившейся надъ озеромъ, на одной изъ прибрежныхъ скалъ, и я отправился туда въ сопровожденiи мѣстнаго киргиза. Крѣпость представляла собою не что иное, какъ четырехугольное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ, частью уже обвалившеюся, глинобитною стѣною и, видимо, съ проходомъ въ сѣверо-западной части. Здѣсь же стояли двѣ могилы съ старыми, полуразвалившимися надгробными памятниками и китайская кумирня съ камнемъ для жертвоприношенія Сума-Ташъ.

— Когда построена эта крѣпость?—спросилъ я у киргиза.

— Давно, тюра, я не помню, когда ее построили, но знаю, что китайцы занимали въ ней гарнизонъ, и ихъ джандаринъ ежегодно требовалъ отъ насъ, чтобы наши бii (старшины) прѣвжали разъ въ годъ къ нему и кланялись въ ноги. Конечно, каждый изъ нихъ

подносилъ джандарину или барана, или яка, а кто побогаче, то и цѣлаго верблюда—въ этомъ и состояла вся наша повинность. Вдругъ въ 1888 году нагрянули сюда афганцы. Китайцы хотѣли не допустить ихъ до занятія Яшилъ-куля, да только не смогли, и афганцы прогнали ихъ за переваль Харгушъ, разорили крѣпость и оставили на берегу рѣки Аличура своихъ солдатъ.

— Ну, а при комъ вамъ покойнѣе жилось,—спросилъ я,—при афганцахъ или при китайцахъ?

— Конечно, таксырь, при китайцахъ. Афганцы — это лютые звѣри,—съ ожесточеніемъ въ голосѣ говорилъ киргизъ.— Они обирали насъ, силою отнимали женъ и дочерей и держали на своемъ посту.

Теперь я понялъ глубокую, мстительную ненависть, которую питали киргизы къ своимъ истязателямъ.

Мы стали спускаться съ горы и уже совершенно дошли до озера, какъ вдругъ киргизъ тревожно схватилъ меня за рукавъ.

— Смотри, тюра, что это?—испуганно спросилъ онъ, указывая на столбъ пыли, поднимавшійся въ долину. Я заслонилъ глаза рукою отъ солнечныхъ лучей и взглянулъ. Нашъ табунъ, погоняемый солдатами, бѣжалъ по направленію къ бивуаку.

Сотня казаковъ пронеслась мимо меня, а въ лагерѣ была тревога. Войска становились въ ружье.

— Что такое?—спрашивалъ я каждого, попадавшагося мнѣ на встрѣчу, но никто ничего не зналъ. Я сѣлъ на лошадь и поскакалъ за казаками.

— Что такое означаетъ эта тамаша ¹⁾?—спрашиваю казачьяго офицера.

— А видите ли, афганскій кавалерійскій развѣздъ, не зная о стычкѣ 12-го іюля, случайно наткнулся на наши пикеты и, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, показалъ тылъ,—отвѣтилъ мнѣ хорунжій.

Мы ѣхали рысью. Киргизы скакали впереди, отыскивая слѣды афганскихъ лошадей. Около ущелья слѣды исчезли, а потомъ ясно было замѣтно, что они расходились въ двѣ противоположныя стороны. Очевидно, афганцы раздѣлились на двѣ партіи.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія было рѣшено направить погоню по двумъ направленіямъ. Было уже темно, когда мы остановились въ темнои узкомъ ущельѣ, рѣшивъ, что поиски совершенно напрасны. Лошади наши сильно утомились и были покрыты пѣною. Луна своимъ желтымъ дискомъ блѣдно освѣщала вершины горъ.

— Что-жъ, назадъ?—обратился къ намъ капитанъ С., участвовавшій также въ погонѣ.

¹⁾ Тамаша—собственно празднество, а также употребляется иногда въ смыслѣ кавардакъ.

Въ это время нѣсколько камней скатилось съ противоположнаго скалистаго обрыва.

— Тсъ! господа, архары ¹⁾—обратился къ офицерамъ С., ярый и безстрашный охотникъ:—они теперь спускаются для водооя. Не поймали афганцевъ, то, по крайней мѣрѣ, привеземъ архара, все же не съ пустыми руками возвратимся.

Съ этими словами онъ взялъ у одного казака винтовку и, оставивъ лошадей, направился къ мѣсту, куда свалились камни. Прошло уже достаточно времени, а выстрѣла не было. Вдругъ до насъ долетѣлъ громкій голосъ С., кричавшаго намъ: «сюда!—афганцы!». Въ одинъ моментъ мы были на лошадяхъ и подскочили къ тому мѣсту, откуда раздавался голосъ. Подняться на лошади было невозможно на крутой скатъ, и мы, оставивъ ихъ коноводамъ и карабаясь по камнямъ, забрались на вершину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ капитана валялся трупъ павшей лошади, а не далеко отъ нея стоялъ человекъ. Другой сидѣлъ верхомъ и не скрывался при нашемъ появленіи, очевидно, не желая оставлять товарища. Мы подошли къ нимъ. Это были два афганскихъ кавалериста. Просто невѣроятнымъ казалось, что они поднялись по такой кручѣ на лошадяхъ.

— Гдѣ остальные?—спросилъ капитанъ афганца.

— Это они сами знаютъ,—отвѣтилъ афганецъ.

Казаки сняли съ нихъ оружіе, послѣ чего одинъ изъ риссоля (кавалеристовъ) разсмѣялся.

— Отчего онъ хохочетъ, спроси его?—сказалъ переводчику капитанъ.

— Оттого, что я теперь настоящая баба! — отвѣчалъ чистымъ узбекскимъ языкомъ афганецъ, такъ что я понялъ его отвѣтъ, и при этомъ онъ указалъ жестомъ, что лишень оружія.

Офицеры наши, бывшіе здѣсь, предупредили его, что русскіе обращаются съ плѣнными гуманно, но онъ, повидимому, мало убѣдился этимъ и возразилъ:

— Дайте мнѣ чаю и лепешекъ, а потомъ вѣшайте, только теперь я очень голоденъ!

Всю дорогу онъ шутилъ и велъ себя такъ, что приобрѣлъ всеобщую симпатію.

— Вотъ тебѣ и архаръ,—шутилъ С.,—ужъ такого архара я никакъ не ожидалъ встрѣтить.

У пойманнаго афганца было найдено письмо къ убитому Гулямъ-Айдару, которому Файзабадскій губернаторъ предлагалъ возвратиться въ Бадахшанъ, передавъ постъ посланному, а также и письмо отъ жены несчастнаго капитана. Но не суждено было ему читать эти строки, написанныя любящей рукой. Читалъ ихъ на-

¹⁾ Архаръ (*Polis ovis*)—каменный баранъ, живущій только на снѣговой линіи Памира.

чальникъ отряда, и слезы покатались по щекамъ туркестанскаго героя. Бѣдная женщина умоляла мужа скорѣе прѣхать въ Файзабадь для опредѣленія сына въ военную школу. Столько заботливости и нѣжной любви было въ этомъ письмѣ! Тяжело становилось при мысли, что скоро бѣдная афганка узнаеть о судьбѣ своего любимаго мужа, и горькія слезы польются рѣкою изъ ея прекрасныхъ глазъ.

X.

Быль необыкновенно жаркій день. Солнце какъ бы остановилось въ зенитѣ и своими палящими лучами особенно пригрѣвало каменистую почву Памира. Удивительное дѣло, вчера холодъ, даже снѣжокъ передъ разсвѣтомъ выпалъ, а теперь вдругъ такая жара, что еле, еле спасаешься отъ нея подъ низкой палаткой, на которую солдаты то и дѣло льютъ воду изъ парусиновыхъ ведеръ.

— Ухъ!—стонетъ мой сосѣдъ, валяясь въ одномъ бѣльѣ на своей походной кровати.—Просто невыносимо становится, не пройти ли намъ въ юрту къ капитану С.,—говоритъ онъ,—тамъ навѣрно прохладнѣе.

— А чтожъ, идемте,—отвѣчаю я.

И мы, надѣвъ на босую ногу уже изрядно истрепанныя туфли, идемъ по направленію къ виднѣющейся юртѣ ротнаго командира.

Мы были не первые. Въ юртѣ капитана собралось довольно много народа; всѣ были въ костюмахъ, подобныхъ нашимъ, т. е. вѣриѣ безъ костюмовъ, и въ разнообразныхъ положеніяхъ сидѣли на посланныхъ кошмахъ. Посреди кружка стоялъ уже опустѣвшій кунганъ.

— Милости просимъ,—привѣтствовалъ насъ хозяинъ.—Чайку не прикажете ли?—и онъ, не дожидаясь нашего отвѣта, позвалъ денщика и приказалъ «подогрѣть кунганъ».

Въ юртѣ было свѣжѣе. Небольшой сквознячекъ пріятно подувалъ на насъ и, охлаждая вспотѣвшее тѣло, заставилъ свободно и легко вздохнуть полною грудью.

— Что новаго, господа?—спросилъ поручикъ Барановъ, когда мы усѣлись на кошмѣ.

— Да ничего утѣшительнаго,—отвѣтилъ капитанъ:—сидимъ на мѣстѣ, да и только, приказаній для дальнѣйшаго слѣдованія все еще нѣтъ, и полковникъ опасается, какъ бы намъ не опоздать съ углубленіемъ въ Шугнанъ, такъ какъ иначе перевалы будутъ закрыты, и возвращеніе въ Фергану отрѣзано.

— Да чего же онъ не двигается самъ дальше, не дожидаясь приказаній?—спросилъ я,—вѣдь пошелъ же онъ сюда даже совершенно въ разрѣзъ съ предписаніемъ? Вѣдь за стычку 12-го іюля онъ не имѣлъ никакого разноса, напротивъ государь императоръ прислалъ по поводу ея даже телеграмму: «иногда не мѣшаетъ про-

учить». Слѣдовательно отчего же и не проучить еще разъ, не правда ли, господа?

— Совершенно вѣрно,—замѣтилъ С.,—вы правы, да и самъ Ионовъ нисколько не прочь сейчасъ же двинуться и занять Шугнанъ, это вѣдь его завѣтная мечта, и онъ страшно досадуетъ теперь, что она почти неосуществима.

С., котораго очень любилъ начальникъ отряда, хорошо зналъ положеніе дѣла, а потому мы особенно внимательно отнеслись къ этой новости.

— Почему же неосуществима?—спросилъ Барановъ.

— А по простой причинѣ,—отвѣтилъ С.,—когда у одного ребенка десять вянекъ, то дитя зачастую остается безъ глазъ.

Мы съ удивленіемъ взглянули на капитана, который не замедлилъ удовлетворить наше любопытство.

— Видите ли, господа,—сказалъ онъ.—Полковникъ Ионовъ былъ еще до начала похода противъ назначенія подполковника Громбчевскаго въ составъ отряда. Онъ хорошо понималъ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся. Какъ Громбчевскій, такъ и Ионовъ оба стремились къ одной цѣли блеснуть звѣздою надъ «крышею міра»: Громбчевскому это удалось ранѣе, и онъ уже создалъ себѣ имя извѣстнаго изслѣдователя Памира. Теперь предстояло завоеваніе этой обширной области, которое было возложено на нашего начальника отряда. Вдругъ къ нему назначаютъ совершенно постороннее лицо, и не подъ его вѣдѣніе, а совершенно самостоятельно дѣйствующее на Памирѣ, «начальникомъ Памирскаго населенія», подполковника Громбчевскаго, которому вѣнчается содѣйствовать отряду въ доставкѣ перевозочныхъ средствъ, проводниковъ, а такъ же, какъ прекрасно знающему географическое положеніе Памира, быть руководителемъ отряда при переходахъ черезъ изслѣдованныя Громбчевскимъ мѣста, карты которыхъ еще не вышли изъ Туркестанскаго топографическаго отдѣла. Такое назначеніе было не особенно-то пріятно Ионову, человѣку самостоятельному и рѣшительному, а потому онъ очень недружелюбно отнесся къ Громбчевскому. Между обоими штабъ-офицерами на первыхъ же порахъ завязались враждебныя отношенія. Какъ вы знаете, они оба избѣгаютъ встрѣчи, и Громбчевскій поставилъ свои юрты даже внѣ района расположенія отряда.

— Но, причеиъ же теперь-то Громбчевскій въ вопросѣ дальнѣйшаго движенія?—спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ узнаете,—сказалъ капитанъ и, затянувшись трубкой, продолжалъ:—теперь, послѣ донесенія начальника отряда военному министру о необходимости дальнѣйшаго движенія, онъ смѣло бы могъ, не дождавшись отвѣта, несомнѣнно отрицательнаго, двинуться дальше. Вѣдь афганцы недалеко и грозятъ наступленіемъ, и это обстоятельство можетъ служить вѣрнѣйшимъ поводомъ

къ походу. Пройдетъ два, три дня, войска будутъ уже далеко, а телеграмма о возвращеніи опоздаетъ, и цѣль Іонова будетъ достигнута, начнется война съ Афганистаномъ, и на его долю выпадетъ слава завоевателя Памира, Шугнана и Рошана. Но вотъ тутъ-то и явилась помѣха въ лицѣ начальника памирскаго населенія. Запасы истощились, ячменя совершенно нѣтъ, такъ что небольшое его количество выписано съ Мургаба и не сегодня, завтра прибудетъ съ первюю ротой, уже выступившей къ намъ. Для того же, чтобы поднять отрядъ и направиться въ глубь Шугнана, необходимъ огромный транспортъ, для котораго у насъ не имѣется лошадей, ни подъ сухари, ни подъ фуражъ. Вотъ тутъ-то полковникъ и обратился къ Громбчевскому, конечно, официальнымъ путемъ, чтобы тотъ доставилъ ему необходимое количество лошадей для движенія въ Шугнанъ. Не тутъ-то было. Отлично зналъ Громбчевскій, что начальникъ отряда хочетъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для выступленія, не дожидаясь приказаній, и отвѣтилъ ему, что не имѣетъ возможности исполнить просьбу, но что на случай приказанія, которое ожидается черезъ нѣсколько дней, имъ уже сдѣлано распоряженіе о пригонѣ табуновъ. Вотъ теперь полковнику и приходится сидѣть на Яшиль-кулѣ, досадуя на себя, что не захватилъ отряднаго обоза. Сдѣлалъ поблажку подрядчику, разрѣшилъ ему въ два приѣма перевозить фуражъ, вотъ теперь и сидимъ, когда могли бы уже быть въ Шугнанѣ.

— Да, досадно,—сказалъ Барановъ.

— Еще бы не досадно! Хорошо, если приказаніе будетъ немедленно двигаться дальше, а если нѣтъ?—тогда вѣдь зазимуемъ на этомъ проклятомъ мѣстѣ,—отвѣтилъ С.

Нечего сказать, пріятная перспектива,—подумалъ я и, наливъ въ чашку горячаго чайку, сталъ отхлебывать его, обливаясь струями пота, который, охлаждаемый вѣтромъ, пріятно-холодными струйками текъ по шеѣ. Вдругъ дверь кибитки поднялась, и согнувшись вошелъ въ юрту казачій офицеръ.

— А Петръ Петровичъ!—привѣтствовали мы его.

Начались рукопожатія.

— А я, господа, къ вамъ съ предложеніемъ,—обратился онъ къ намъ,—не составитъ ли кто мнѣ компанію поохотиться за архарами.

— За архарами?—переспросилъ я,—развѣ теперь время?

— Самое настоящее,—замѣтилъ хорунжій,—тѣмъ болѣе, что съ нами отправляется извѣстный охотникъ, киргизъ Хасанъ-бекъ.

— Вотъ охота по горамъ таскаться,—возразилъ капитанъ, видимо очень недовольный, что казакъ покушается нарушить его собраніе и лишитъ его возможности продолжать начатую бесѣду. Однако ему не пришлось лишиться своихъ собесѣдниковъ. На вызовъ хорунжаго отозвался лишь я одинъ. Охота на архара или кійка всегда была для меня мечтою, и вотъ эта мечта осуществляется.

Положимъ, я уже и ранѣе охотился въ горахъ, но охоты были всѣ неудачны, и я ограничился лишь тѣмъ, что видѣлъ только слѣды звѣрей, за которыми ползаль по скаламъ въ теченіе трехъ сутокъ.

— Когда же ѣдемъ?—спросилъ я.

— Да что же, съ разсвѣтомъ можно. Берите карабинъ, чая заварки двѣ, сахару да чашку, больше ничего не нужно. Ну, такъ больше никто, господа?—спросилъ онъ.

Никто не выразилъ желанія.

— Ну, до свиданія,—сказалъ хорунжіи и, отдавъ честь компаніи, вышелъ.

Болѣе меня уже не интересовали разговоры, я думалъ о предстоящей охотѣ и радовался удачному времени, въ которое выпалъ мнѣ этотъ случай.

Уже свѣтало, когда мы сѣли на лошадей и въ сопровожденіи какого-то киргиза тронулись въ путь. Узкая тропа пролегла по краю обрыва, то поднимаясь то опускаясь почти совершенно къ шумящей рѣкѣ. Два раза пришлось намъ перейти въ бродъ рѣку, и наконецъ мы свернули въ одно изъ чернѣвшихъ ущелій, продолжая слѣдовать за проводникомъ. Чѣмъ дальше углублялись мы въ ущелье, тѣмъ природа окружающихъ горъ замѣтно измѣнялась. Наконецъ на одной изъ зеленыхъ площадокъ я увидѣлъ нѣсколько киргизскихъ юртъ, маленькими грибочками сѣрѣвшихъ на зеленомъ фонѣ травы. Около одной стояла киргизка, у которой на рукахъ былъ грудной ребенокъ. Увидя насъ, она быстро скрылась въ юрту, откуда вышелъ старшій киргизъ съ почтенною наружностью.

— А саломатъ! саломатъ! тюраляръ! (здравствуйте, господа)—прошамкалъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ, взялъ подъ уздцы мою лошадь одной рукой и принялъ поводья изъ рукъ хорунжаго.

— Эй, Игамъ-берды!—крикнулъ онъ.

— А?—лѣниво отозвался кто-то на его зовъ изъ юрты, и вслѣдъ затѣмъ толстый, но еще молодой киргизъ, съ лоснящимися жирными, сильно выдающимися скулами выдѣзъ изъ узкой двери юрты и, улыбаясь во весь ротъ, обнажилъ свои ровные, сверкающіе бѣлизною зубы.

— Возьми лошадей,—сказалъ ему старикъ, и киргизъ, апатично собравъ поводья и заложивъ руки назадъ, сталъ водить лошадей.

— Хасанъ екъ,—сказалъ киргизъ.—Хасанъ уѣхалъ, завтра пріѣдетъ.

Такое извѣстіе сильно огорчило насъ. Безъ Хасанъ-бека, знавшаго всѣ мѣста, какъ свои пять пальцевъ, охота была бы затруднительною. Дѣлать нечего, мы рѣшились ждать его до слѣдующаго дня, а тамъ, если бы онъ не пріѣхалъ, охотиться однимъ. Старикъ отстегнулъ висячую, сдѣланную изъ длинныхъ щепочекъ, дверь, и мы, согнувъ спины, вошли въ юрту. Непріятный, кислый запахъ чего-то прѣлага сразу пахнулъ на насъ, и я просилъ хозяина открыть

тютякъ, т. е. снять кусокъ кошмы, закрывавшей верхнее отверстіе юрты. Яркій свѣтъ ворвался въ темную кибитку, и я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ меня киргизку, возвышующаясь съ небольшимъ барашкомъ, повидимому, чѣмъ-то больнымъ. Хозяинъ, видя, что намъ непріятно такое зрѣлище, сморщилъ брови и суровымъ голосомъ крикнулъ «китъ!» (пошла), и киргизка моментально исчезла.

Мы сидѣли на коврѣ. Въ юрту понемногу стали набираться обитатели аула, и всѣ они, каждый погладивъ обѣими руками бороду и проговоривъ свое «саломъ-а-лейкумъ» (здравствуйте), протянувъ намъ каждому обѣ руки, садились, поджавъ подъ себя ноги, и сказавъ «хасанъ ёкъ», изрѣдка перебрасывались другъ съ другомъ фразами, а снаружи доносились распоряженія хозяина о приготовленіи намъ угощенія. Вскорѣ турсуки съ кумысомъ, киргизскій творожный сыръ «крутъ» — лепешки на бараньемъ салѣ, каймакъ — сливки, все было передъ нами, а въ заключеніе мы были угощены жареною на вертелѣ бараниной, да такою, что просто слюнки текли при видѣ немного подпеченнаго куска жирной баранины. Между тѣмъ для насъ была приготовлена самая нарядная юрта; появились прекрасныя одѣяла и даже сальная свѣча была вставлена въ какой-то допотопный, но русской фабрикаціи подсвѣчникъ, какими-то судьбами попавшій въ эту горную трущобу Памира. Устроившись въ новомъ номѣщеніи, мы пригласили хозяина къ себѣ и угостили его водкой, до которой «старикъ оказался большимъ охотникомъ; проглотивъ стаканчикъ, онъ сталъ вдругъ замѣчательно разговорчивымъ и веселымъ. Удивительное дѣло, какъ туземцы любятъ «аракъ» — водку, съ какимъ удовольствіемъ пьютъ ее они, но такъ какъ по Корану спиртные напитки имъ запрещены, то они употребляютъ ихъ чрезвычайно секретно. Русскихъ они, въ этомъ случаѣ, не стѣсняются, но всегда просятъ никому не говорить.

Такимъ образомъ мы остались до сумерекъ въ юртахъ и, благодаря теплымъ одѣяламъ, довольно сносно провели ночь, которая не отличалась теплотою. Я проснулся почти съ разсвѣтомъ и первымъ дѣломъ пошелъ освѣδοчиться, пріѣхалъ ли Хасанъ. Какова же была моя радость, когда на мой вопросъ изъ темноты раздался голосъ старика: «Кильды, тюра, Хасанъ кильды!» (пріѣхалъ, баринъ, Хасанъ пріѣхалъ).

Вслѣдъ за этимъ изъ юрты вылѣзъ и самъ ожидаемый охотникъ. Это былъ средняго роста, крѣпко сложенный, батырь съ смуглымъ лицомъ и сильно выдающимися скулами. Узкіе прорѣзы глазъ, покитайски, подвнялись наружными уголками къ верху, и черезъ нихъ лукаво проглядывали быстрые и нелишенные ума зрачки. Маленькіе черные усы и на концѣ подбородка жалкая мочалистая бородка дополняли наружность его; что поражало въ немъ — это бѣлые, какъ бы выточенные изъ слоновой кости, крѣпкіе зубы. Вообще киргизы отличаются прекрасными зубами и объясняютъ это

тѣмъ, что не ѣдятъ совсѣмъ ничего соленого и мало употребляютъ мяса, питаются молочною пищею.

— Кайда, тюра, казакъ? (гдѣ казакъ?)—спросилъ Хасанъ, протягивая мнѣ обѣ руки.

— Спать!—сказалъ я, и мы направились къ нашей юртѣ.

— Ну, что ѣдемъ?—спросилъ я Хасана.

— Якши, тюра! хорошо. Только знаешь что?—сказалъ онъ,—лучше выѣдемъ мы сейчасъ верхами, у Ходжа-Серкера въ аулѣ оставимъ лошадей, поднимемся по ручью «екибулакъ» и какъ разъ къ вечеру будемъ на мѣстѣ, гдѣ я въ прошлый разъ убилъ кинка (козла), когда онъ спускался на водопой; тамъ переночуемъ и на утро поднимемся къ снѣгу, а тамъ если архаровъ не увидимъ, то навѣрное убьемъ кинка.

— А развѣ архаровъ нѣтъ?—спросилъ я, съ горечью въ душѣ думая, что и теперь не поохочусь за архарами.

— Нѣтъ, тюра, архаръ есть, только ужъ высоко очень. Если хочешь, поднимемся и выше—«хопъ?» (хорошо)—закончилъ онъ свой проектъ.—Только, тюра, «итыкъ яманъ!» (сапоги плохе),—прибавилъ Хассанъ, глядя на мои выростковые сапоги.—Мои лучше—а? Хочешь, у меня есть еще пара, я тебѣ ихъ дамъ, да и другому тюрѣ—казану, достану.

Скрывшись въ юрту, онъ вытащилъ оттуда два свертка кожи. Конечно, я не замедлилъ тщательно разсмотрѣть предложенную мнѣ обувь, которая состояла въ мягкомъ сапогѣ безъ каблукъ и изъ нѣсколькихъ кусковъ сыромятной кожи; изъ нихъ одинъ накладывался подъ подошву, а остальными обматывалась вся нога, и все это завязывалось воловьими жилами. Въ такой лишь обуви и возможно бродить по горнымъ дебрямъ и въ особенности въ погонѣ за кинками и архарами. Поблагодаривъ киргиза за цѣнный, въ настоящую минуту, подарокъ, я отдалъ его кинжаломъ и обѣщаль дать водку, чему онъ особенно обрадовался, и мы пошли будить спящаго товарища.

— Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ,—тормошилъ я спящаго хорунжаго.

— Мм... аа?..—произнесъ онъ и потянувшись поднялся на руки.

— Ёдемъ! Хасанъ уже здѣсь.

Онъ вскочилъ.

— Хасанъ!—крикнулъ онъ.

— До-бай, тюра? (что прикажете?)—спросилъ киргизъ.

— Ёдемъ!

— Хопъ, таксыръ (слушаю-съ).

Черезъ нѣсколько минутъ мы въ сопровожденіи Хасана выѣхали въ путь и направились въ верхъ по горному ручью, берега котораго были покрыты колючими кустиками терескена. Высокія скалы сурово громоздились надъ нами, а впереди въ голубое небо

уходили снѣжныя вершины одного изъ отдаленныхъ хребтовъ. Путь, устѣянный острыми осколками сорвавшихся и расколовшихся каменныхъ глыбъ, былъ достаточно неудобенъ для лошадей, но наши киргизскіе горцы, очевидно, привыкшіе къ подобнымъ путямъ, шли бодро, ловко лавируя между камнями. Было довольно свѣжо, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ холодъ дѣлался ощутительнѣе. Наконецъ, стали попадаться уже цѣлыя площади неоттаявшаго еще съ зимы свѣга, вѣроятно, потому, что солнечные лучи не проникаютъ въ это темное, узкое, загроможденное скалами, ущелье. Такимъ образомъ, проѣхавъ безъ остановки часа четыре, все поднимаясь по тому же ручью, мы повернули въ одно изъ ущелій, въ которомъ, говорилъ Хасанъ, находится знакомый ему аулъ, гдѣ и предполагалось остаться на ночевку. Дѣйствительно, на небольшой равнинѣ намъ попался, на тощей, съ виду заморенной, лошаденкѣ, киргизъ, гнавшій небольшое стадо барановъ, который, обмѣнявшись привѣтствіемъ съ Хасаномъ, что-то сказалъ ему и проѣхалъ мимо.

Наконецъ, я увидѣлъ четыре юрты, и мы на рысяхъ подѣхали къ аулу.

Та же встрѣча любопытныхъ обитателей, то же угощеніе бараниной и кумысомъ, какъ и у Хасана, повторились и здѣсь, только съ тою разницею, что приносила намъ угощеніе жена аульнаго старшины, молодая, здоровая и чрезвычайно красивая киргизка, все время закрывавшаяся рукавомъ своей рубашки и скалившая прелестные бѣлые зубы. Хасана обступила цѣлая толпа, и мы, въ отведенной намъ юртѣ, уже пили чай и рѣшили, передохнувъ немного, идти въ засаду, гдѣ козель спускается на вечерній водопой.

Начинало смеркаться.

— Ну, тюра, «айда» (пойдемъ),—сказалъ мнѣ Хасанъ.

Онъ все время обращался ко мнѣ, такъ какъ я говорилъ по-киргизски. На этотъ разъ лицо его было серьезно; за спиной былъ крѣпко притороченъ мултукъ (ружье), а на поясѣ болтались разные мѣшочки съ порохомъ и дробью, неизбѣжный ножъ, а также кремень и кресала.

Презабавная штука у киргизъ—это ихъ «мултукъ», и можно лишь удивляться, какъ они мѣтко и всегда удачно изъ него стрѣляютъ, да иначе же представить себѣ невозможно, такъ какъ на заряденіе его употребляется не менѣе 20 минутъ. Мултукъ состоитъ изъ толстаго, утолщеннаго къ верхней части, ствола съ нарѣзнымъ каналомъ въ 8 мм. въ діаметрѣ. Стволъ привязанъ проволокой къ куску дерева, напоминающаго пистолетное ложе. Около дульной части устроена рогатина, служащая стойкою и упоромъ во время стрѣльбы. Выстрѣлъ производится помощью фитиля, приставляемаго къ затравкѣ. Зарядъ и пуля закладываются съ дульной части; пуля представляетъ собою просто кусочекъ спрессованнаго свинца и туго забивается въ дуло. Однако такое первобытное ору-

жѣ не мѣшаетъ киргизу стрѣлять изъ него на довольно далекое разстояніе и быть отличнѣмъ стрѣлкомъ.

Въ нѣсколько минутъ я уже былъ готовъ, а хорунжій отказался идти, говоря, что лучше побережъ силы для завтрашней тяжелой и болѣе интересной охоты, и хотя я сначала и подсадовалъ на него за подобную, недостойную охотника, лѣнность, однако впоследствии ужасно завидовалъ его бодрости духа.

Мы вышли съ Хасаномъ вдвоемъ и бодрѣмъ шагомъ стали подниматься по довольно крутому скату горы. Мѣстами намъ попадались узенькія, едва замѣтныя тропинки, пробитыя козлами, которые всегда ходятъ по старымъ путямъ. Уже было почти совсѣмъ темно, когда мы подошли къ журчащему по камнямъ ручейку и сѣли подъ большою, старою арчею.

— Ну, здѣсь,—сказалъ Хасанъ,—теперь, тюра, сиди и смотри, а я пойду вонъ за ту арчу.

Приведя въ порядокъ свое оружіе, онъ отправился по указанному направленію и скоро скрылся за камнями. Громадный дискъ луны какъ бы вынырнулъ изъ-за горъ и своимъ мѣднымъ свѣтомъ озарилъ ущелье, живописно играя въ журчащей водѣ ручейка. Стало довольно свѣтло, и я даже различалъ арчу, за которой сидѣлъ Хасанъ. Все было тихо, и мнѣ казалось, что я слышу удары своего сердца; я ждалъ съ нетерпѣніемъ желаннаго гостя, но, повидимому судьба намъ не благопріятствовала.

Просидѣвъ такимъ образомъ часа два, я вдругъ услышалъ приближающійся шорохъ по камнямъ, взвелъ курки и приготовился. Шорохъ затихъ и вдругъ снова раздался съ большею силой. Каково же было мое разочарованіе и досада, когда вмѣсто кійка ко мнѣ подошелъ Хасанъ.

— Нѣтъ, тюра, теперь кійкъ уже не придетъ,—сказалъ онъ,—пойдемъ-ка въ аулъ и съ разсвѣтомъ сами отправимся на поиски.

— Не повезло!—подумалъ я и печально побрелъ за Хасаномъ.

— Что много убили?—иронически спросилъ меня хорунжій.

Но мнѣ было не до шутокъ, и я оставилъ вопросъ его безъ отвѣта. Съ чувствомъ полного разочарованія закутался я въ одѣяло и крѣпко заснулъ. Однако не долго пришлось мнѣ отдыхать. Хорунжій спалъ цѣлый день, отчего ему и не спалось, и онъ, сговорившись съ Хасаномъ выйти возможно раньше, въ три часа безпощадно разбудилъ меня. Дѣлать было нечего: несмотря на то, что хотѣлось страшно спать, я былъ менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ совершенно готовъ, а умывшись свѣжею водою и выпивъ чашку кумысу, даже почувствовалъ себя необыкновенно бодрѣмъ. Начинало свѣтать, когда мы подошли къ ручью, по которому ѣхали вчера, и стали подниматься по направленію къ снѣжнымъ вершинамъ, казавшимся въ весьма близкомъ отъ насъ разстояніи и скрывавшимся изъ глазъ, по мѣрѣ приближенія нашего къ крутой горѣ, по кото-

рой мы начали взбираться. Лѣзть было довольно тяжело; камни вырывались изъ-подъ ногъ и съ шумомъ, увлекая въ своемъ паденіи множество мелкихъ осколковъ, катились внизъ. Иногда попадалась небольшая, полусгнившая арча.

Ну, вотъ наконецъ вершина,—подумалъ я, глядя вверхъ и замѣчая, что гора будто кончается; я собираю силы и въ одинъ махъ залѣзаю на мнимую вышку, но, увы! передо мной открывается небольшая равнина, а дальше опять такая же и даже болѣе высокая гора, надъ которой все такъ же близко возвышаются снѣжныя вершины.

— Что, Хасанъ, скоро снѣгъ?—спросилъ я.

— Гокъ (нѣтъ), къ вечеру развѣ доберемся,—невозмутимо лѣниво, небрежно переставляя ноги, сказалъ онъ.

Я сѣлъ на камень и, закуривъ папироску, невольно бросилъ взглядъ и не могъ не полюбоваться чудной картиной. Ручейка не было видно, и громадныя камни, казавшіеся такими большими, теперь имѣли видъ булавочной головки, а ущелье, изъ котораго мы вышли, утопало въ какомъ-то дымчато-голубоватомъ туманѣ. Со всѣхъ сторонъ возвышались снѣжныя хребты, утопавшіе въ голубомъ небѣ своими, позолоченными восходомъ солнца, снѣжными головами. Дальше подъемъ становился все тяжелѣе и тяжелѣе. Часто приходилось чуть не ползкомъ пролѣзть по такимъ мѣстамъ, гдѣ, какъ сказалъ поэтъ: «лишь злой духъ одинъ шагаль, когда, низверженный съ небесъ, въ бездонной пропасти исчезъ». Голова не выдерживала, когда посмотришь внизъ, и мысль о томъ, что легко сорваться, заставляетъ быть очень осторожнымъ.

Ползя все выше и выше и часто спугивая кекеликовъ ¹⁾ и уларовъ ²⁾, мы къ полудню забрались на значительную высоту и пошли по гребню хребта, покрытому арчею.

— Вотъ туда пойдѣмъ,—сказалъ Хасанъ, указывая на виднѣвшуюся снѣжную массу, какъ разъ впереди насъ:—тутъ, коли Аллахъ поможетъ, мы козловъ увидимъ.

Я чувствовалъ сильную усталость и досадовалъ на хорунжаго, который слегка подтрунивалъ надо мною и вчерашней моей охотой. Мы усѣлись подъ небольшимъ камнемъ и закусили захваченной вареной бараниной и лепешками. Становилось значительно теплѣе, и солнце даже довольно сильно припекало. Подкрѣпивъ свои силы, мы вскорѣ, карабкаясь по невѣроятнымъ глыбамъ, добрались часамъ къ четверемъ до снѣговой линіи.

Холодъ былъ сильный и, несмотря на солнце, давалъ себя чувствовать. Мы были на краю громаднаго обрыва. Ноги и руки, ирванныя о камни, сильно болѣли, и отдыхъ казался необходимымъ.

¹⁾ Кекеликъ—горный рябчикъ.

²⁾ Уларъ—горная видюшка.

— Здѣсь заночуемъ?—спросилъ я Хасана.

— Какъ хочешь, тюра...

Онъ не договорилъ и сталъ пристально смотрѣть внизъ, гдѣ далеко въ пропасти виднѣлись нѣсколько деревьевъ арчи.

— Кіики!—таинственнымъ голосомъ проговорилъ Хасанъ.

— Кіики?—повторили мы, и всякая усталость была забыта.

Я долго не могъ разглядѣть ничего тамъ, куда указывалъ мнѣ пальцемъ Хасанъ, и, наконецъ, увидѣлъ двухъ козловъ, щипавшихъ траву около небольшой арчи. Мы порѣшили спуститься. Кіики были возлѣ самага обрыва, на небольшомъ почти неприступномъ карнизѣ, и убить ихъ тамъ было бы бесполезно, такъ какъ они достались бы развѣ беркутамъ и стервятникамъ; мы рѣшили дѣйствовать такимъ образомъ. Хасанъ долженъ спуститься и зайти по возможности въ сторону и выстрѣломъ заставить ихъ перемѣнить свое мѣсто, а мы предполагали спуститься и ждать, когда добыча приблизится на ружейный выстрѣлъ.

Хасанъ быстро исчезъ, а я и хорунжій стали спускаться. Спускъ представлялъ собою совершенно крутую осыпь, покрытую сплошь осколками аспида, который катился вмѣстѣ съ нами, увлекая за собою массу другихъ мелкихъ камней; казалось, что мы плыли вмѣстѣ съ горою. Мѣстами приходилось захватываться за вѣтви арчи или упираться ногами на попадавшіеся большіе камни, которые, между тѣмъ, скользя, сопутствовали намъ далѣе. Наконецъ, спустившись на достаточное разстояніе, мы пошли вправо, по узкому карнизу, по тропѣ, протоптанной кіиками, и, снова перелѣзая съ камня на камень, со скалы на скалу, стали спускаться дальше. Кіики были въ разстояніи не болѣе четырехъ сотъ шаговъ и видимо не замѣчали насъ, находившихся, какъ разъ противъ нихъ, на краю страшной пропасти.

Стрѣлять или нѣтъ, подумалъ я и рѣшилъ лучше еще спуститься, но было поздно: Хасанъ выстрѣлилъ. Глухой звукъ выстрѣла разнесся по ущельямъ и продолжительнымъ, раскатистымъ эхомъ долго переливался по горамъ. Кіики вздрогнули, насторожились и вдругъ въ одинъ моментъ огромными прыжками бросились вправо отъ насъ. Хорунжій выстрѣлилъ, но очевидно промахнулся. Одинъ кіикъ вдругъ остановился и, перемѣнивъ направленіе, сталъ подниматься съ правой стороны, прямо на насъ.

Мы притаились за камнями.

Ровные щелчки его крѣпкихъ копытъ о камни уже ясно долетали до насъ; громкое сопѣнье, какъ отъ паровоза, которое всегда сопровождаетъ кіика во время бѣга, слышалось сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ справа отъ меня, шагахъ въ 45-ти, появилась его мощная, сѣро-бурая, стройная фигура. Громадные рога загибались далеко за спину, длинная борода была почти прижата къ груди; пораженный неожиданностію непріятной съ нами встрѣчи, онъ какъ бы вдругъ окаменѣлъ и сдѣлалъ быстрый поворотъ.

Мы съ хорунжимъ выстрѣлили почти разомъ.

Стремглавъ, увлекая за собою цѣлыя глыбы камней, полетѣлъ кикъ въ вѣящую черную пропасть, оставляя за собою цѣлый столбъ пыли.

Иногда видѣлъ я, какъ онъ, ударившись о камень, дѣлая чудовищный сальтомортале, отлеталъ въ сторону и снова катился внизъ. Наконецъ, около арчи, запутавшись ногами въ ея корняхъ, торчащихъ надъ землею, онъ недвижно легъ. Между тѣмъ новый выстрѣлъ Хасана заставилъ насъ отвлечься на минуту отъ убитой добычи, но никто не появлялся, и мы стали осторожно спускаться къ нашему трофею.

Какъ это потащимъ мы его оттуда, думалъ я, вѣдь въ немъ добрыхъ пудовъ шесть, если не болѣе.

Мы все ниже и ниже спускались и, наконецъ, подошли къ арчѣ. Громадный кикъ лежалъ съ окровавленной мордой; голова его была прострѣлена одной пулей; кто изъ насъ попалъ — неизвѣстно; каждый приписывалъ удачный выстрѣлъ себѣ. Сосчитавъ число шипекъ на рогахъ, мы увидѣли, что козлу было не болѣе семи лѣтъ, и приблизительно вѣсилъ онъ $5\frac{1}{2}$ пудовъ. Подумавъ и посоветовавшись другъ съ другомъ, что намъ предпринять, мы порѣшили общими силами затащить его на верхъ; привязавъ его за ноги взятыми съ собою арканами и передохнувъ немного, мы принялись за свою тяжелую ношу и такъ измучились, какъ еще никогда, по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось. Два раза онъ срывался у насъ, и приходилось снова спускаться внизъ и затащить на пройденное уже разстояніе. Между тѣмъ Хасана не было, и мы не могли понять, что бы это значило. Уже совершенно стемнѣло, когда мы добрались до мѣста, откуда увидѣлъ Хасанъ кикка. Ноги и руки сильно болѣли. Я чувствовалъ, что болѣе не въ силахъ сдѣлать шагу. Хорунжій былъ бодрѣ меня, но и онъ молчалъ, закинувъ руки за голову и лежа въ растяжку на землѣ.

— Хасанъ!—громко крикнулъ хорунжій.

Эхо повторило его крикъ, но отвѣта не послѣдовало.

— Куда же Хасанъ дѣлся въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я,—ужь не убится ли, чего добраго?

— Что вы? киргизъ—да убьется! Нѣтъ. Мы съ вами пять разъ успѣли бы сломать себѣ шею, прежде чѣмъ онъ хоть разъ остушился бы,—возразилъ мнѣ хорунжій.

Мы оба замолчали.

Собравъ немного сухой травы и наломавъ вѣтокъ арчи и подбросивъ терескена, мы развели костеръ, и яркое пламя освѣтило большое пространство.

Я поудобнѣе устроился около огня и облокотился головою на убитаго кикка. Луна не всходила.

«Эге!»—раздался крикъ, и я съ радостью узналъ голосъ Хасана,

но каково же было наше удивленіе и радость, когда онъ свалилъ на землю огромную тушу. Я взглянулъ и даже глазамъ своимъ не повѣрилъ — это былъ настоящій архаръ. Громадные рога, загнутые спиралью, красовались на его свѣтло-сѣрой головѣ. Въ изнеможеніи Хасанъ сѣлъ у огня. Потъ ручьями лилъ съ него, и онъ, самодовольно улыбаясь, проговорилъ: «Якши архаръ?» (хорошій архаръ).

— Да гдѣ ты встрѣтилъ его? — спросилъ я, досадуя, что не на мою долю выпала эта добыча.

— Ухъ, высоко, «мана унда» (вотъ тамъ), — махнулъ въ пространство рукою охотникъ.

Правда, что добыча Хасана была по величинѣ значительно меньше нашей, но дотащить одному и такую было положительно подвигомъ съ его стороны.

— Ну, что Хасанъ усталъ? — спросилъ я его.

— Немножко, тюра, — отвѣтилъ онъ. — Ну, тузукъ (довольно), тюра. Скоро пойдемъ?

Я вытаращилъ на него глаза.

— Какъ! идти въ аулъ? Нѣтъ, я не иду ранѣе, чѣмъ взойдетъ солнце. Такъ, безъ отдыха, и ногъ не дотащишь.

Съ этимъ рѣшеніемъ я сталъ дремать у костра, а Хасанъ, между тѣмъ, налаживалъ палки для приготовленія ужина, состоявшаго изъ куска жареной козлятины да кунгана чаю. Товарищъ мой спалъ, положивъ, какъ и я, голову на спину убитаго кіика. Сонъ покинулъ меня, и я съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ Хасанъ поворачивалъ надъ огнемъ большой кусокъ мяса, и соблазнительный запахъ жаркаго пріятно щекоталъ мой пустой желудокъ. Поужинавъ, мы завалились спать и съ первыми лучами солнца направились въ обратный путь. Въ аулахъ насъ встрѣтили возгласами одобренія. Въ лагерѣ толпа товарищей обступила нашихъ лошадей, разсматривая добычу. Вполнѣ довольные, мы сидѣли въ своей палаткѣ, и я рассказывалъ впечатлѣнія объ удачной охотѣ.

Вдругъ въ палатку просунулась голова адъютанта.

— Прочтите, — протянулъ онъ мнѣ приказъ по отряду.

Я прочелъ, но сразу даже не повѣрилъ и перечелъ снова. Въ приказѣ говорилось объ арестѣ меня и хорунжаго на 3 сутокъ за то, что мы о побѣдѣ своей не доложили дежурному по отряду.

— Вотъ тебѣ и на! — сказалъ я.

Приказъ обомель черезъ всѣ руки, и подтруниваніе товарищей посыпалось со всѣхъ сторонъ.

Нечего дѣлать, пришлось отсидѣть безвыходно въ палаткѣ, около которой мѣрными шагами расхаживалъ часовой.

XI.

— Послать рабочихъ по 20 человѣкъ съ роты!—раздался громкій крикъ дневальнаго подъ самой моею палаткой. Барановъ вскочилъ и полусонными глазами обвелъ палатку.

— Что такое? тревога?—безпокойно спросилъ онъ.

— Рабочихъ зовутъ!—отвѣтилъ я.

— Ахъ, рабочихъ!—и онъ снова завернулся съ головой въ одѣяло.

— Осипъ!—крикнулъ я денщика.

— Чего изволите?

— Куда это рабочихъ?

— Баню строить; сказываютъ, что воду горячую нашли.

— Что ты врешь!

— Никакъ нѣтъ, извольте сами посмотрѣть.

Я одѣлся и, освѣжившись водой, направился къ берегу рѣки Аличура.

— Гдѣ баню строятъ?—спросилъ я попавшагося мнѣ солдата.

— А вонъ тамъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ онъ, указывая на противоположный берегъ рѣки, гдѣ около поставленной юрты копошились рабочіе.

Я пошелъ къ рѣкѣ и на керекешной (вьючной) лошади переправился на другую сторону.

Весь правый берегъ Аличура былъ покрытъ какъ бы небольшими лужами, наполненными чистою прозрачною водой. Надъ одной изъ такихъ лужъ была поставлена юрта. Густой паръ валилъ сквозь верхнее отверстіе ея. Я попробовалъ было войти въ юрту, но это оказалось невозможнымъ, до такой степени въ ней было жарко.

Я обошелъ всѣ ключи; ихъ было семь, и температура въ каждомъ была особенная. Какъ оказалось по изслѣдованіи, вода въ источникахъ была сильно насыщена сѣрою, отчего прибрежные камни имѣли золотистожелтый цвѣтъ. Самый горячій источникъ имѣлъ 70° R., такъ что, когда мы пользовались природной баней, то пришлось прибавлять въ источникъ много ведеръ холодной воды, чтобы имѣть возможность мыться въ немъ. Для этой цѣли рабочіе прокопали канавку и изъ рѣки пустили въ нее холодную воду. Что за блаженство было вымыться въ подобной банѣ, и мы всѣ отдали ей должную честь. Съ самаго утра и до заката солнца, когда на бивуакѣ раздавался оглушительный сигналъ къ зарѣ, около бани-юрты толпился народъ въ ожиданіи своей очереди. Между тѣмъ солдаты нашли и другое примѣненіе этихъ ключей.

Аличурскіе горячіе ключи за свое цѣлебное свойство почитаются у туземнаго населенія святыми. Они, какъ говорили мнѣ киргизы, совершенно излѣчиваютъ застарѣлый ревматизмъ, а также многія другія болѣзни. Афганцы и стоявшіе здѣсь до 1888 года китайцы

также считали ихъ священными и даже построили въ честь этихъ источниковъ кумирню съ камнемъ для жертвоприношеній Сума-Ташъ. Эта кумирня поставлена около китайской крѣпости, отъ которой остались теперь однѣ лишь развалины. Тогда-то китайцы заняли Памиры подъ предводительствомъ генерала джандарина Джанъ-Хунга и, подчинивъ себѣ киргизъ, поставили гарнизонъ въ выстроенной ими крѣпости Сума-Ташъ, гдѣ и находились до 1888 года. Во время афганской смуты, когда междоусобія въ Афганистанѣ заставили Абдурахмана послать свои войска на Памиры, китайцы были прогнаны, а ихъ крѣпость разрушена, и только кумирня съ жертвенникомъ пощажена непріателемъ. Послѣ чудной бани, такъ пріятно подѣйствовавшей на мое существо, я зашелъ въ общую столовую, т. е. въ длинную палатку, поставленную надъ двумя, вырытыми параллельно другъ другу, канавами, служившими намъ для помѣщенія ногъ. Народу уже было много — всѣ ожидали завтрака.

Около одного конца стола (которымъ была тоже земля) столпилась группа офицеровъ. Одинъ изъ толпы металъ банкъ, прочіе понтировали.

— Бита!—раздавался равнодушный голосъ банкюмета, и его рука, какъ-то особенно жадно растопыря пальцы, сгребала съ положенной доски деньги.

— Господа! да будетъ вамъ — завтракъ поданъ, — кричалъ съ другого конца палатки капитанъ С.

— Да ну васъ съ вашимъ завтракомъ. Здѣсь серьезная игра, а онъ съ своимъ завтракомъ! Тѣшите на здоровье, если голодны! — сердито отозвался штабсъ-капитанъ, очевидно сильно уже проигравшійся и питавшій надежду отыграться.

Мы усѣлись за ѣду и, окончивъ трапезу, направились по своимъ палаткамъ, оставивъ игроковъ доигрывать свой штоссъ.

День былъ жаркій, въ палаткѣ стояла невозможная духота; я было легъ отдохнуть, но потъ градомъ лилъ съ моего лица, и я выползъ наружу.

— Чаю хотите? — окликнулъ меня изъ палатки военный инженеръ С—овъ, одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ офицеровъ отряда.

— Съ удовольствіемъ выпью чашку, — отвѣтилъ я и направился къ палаткѣ капитана. Я очень любилъ побесѣдовать съ этимъ человѣкомъ, а тутъ еще надѣялся, что онъ сообщитъ мнѣ что либо относительно нашей судьбы. Но новаго я ничего не узналъ — мы продолжали сидѣть въ ожиданіи распоряженій, а распоряженій никакихъ не поступало. Становилось просто невыносимо.

У С—ва я засталъ эсаула В.; онъ сидѣлъ на яганѣ и пилъ коньякъ.

— Съ легкимъ паромъ! — сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. — Правда, прелестная баня?

— Чудо! — отвѣтилъ я и присѣлъ на складной стулъ.

— А вотъ Николай Николаевичъ интересныя вещи мнѣ рассказываетъ,—сказалъ капитанъ, обращаясь ко мнѣ,—объ этой рекогносцировкѣ, что за два дня до нашего выступленія была произведена Скерскимъ.

— Да развѣ ваша сотня ходила? — удивился я, обращаясь къ эсаулу,—а я думалъ—третья.

— А то какъ же,—конечно, наша.

— Ну, такъ рассказывайте,—перебилъ насъ капитанъ.

Я превратился въ слухъ и приготовилъ записную книжку. Эта рекогносцировка меня очень интересовала, и я только ждалъ случая услышать о ней что либо. И вотъ случай представился.

— И такъ, господа,—началъ эсаулъ,—разставшись съ отрядомъ 5 июля, наша сотня двинулась вверхъ по рѣкѣ Акъ-су. Погода стояла хорошая, лошади шли бодро, да и мы, подъ впечатлѣніемъ товарищескаго завтрака, чувствовали себя прекрасно. Часу въ третьемъ дня, миновавъ мѣстечко Аю-Кузы-Аузы, гдѣ сдѣлали небольшой привалъ, подошли мы къ обрывистому берегу рѣки Акъ-Буры, гдѣ и остановились на ночевку. Стоянка была довольно сносная, тѣмъ болѣе, что травы для лошадей нашлось достаточно, но за то ночью вдругъ выпалъ снѣгъ, который съ первыми лучами солнца началъ таять, и къ выступленію только въ нѣкоторыхъ лощинкахъ оставались слѣды июльской зимы. Цѣлью нашей рекогносцировки было обойти Малый и Большой Памиры, а также очистить отъ китайцевъ крѣпость Акъ-Ташъ, которую они построили на нашей территоріи, послѣ чего и соединиться на озерѣ Яшилъ-куль съ отрядомъ.

Чуть свѣтъ казаки стали сѣдлатъ лошадей и выючить обозъ, и мы, напившись чайку и пропустивъ на дорогу «по единой», выступили въ путь. Однако этотъ переходъ не особенно-то отличался удобствомъ. Только что миновали мы могилу Гударъ, какъ по пути стали попадаться топкія болота, образовавшіяся отъ собравшейся съ окрестныхъ горъ воды. Лошадь ежеминутно увязала въ размяшей глинѣ, а тутъ еще одно обстоятельство, при этомъ весьма не-приятнаго свойства, заставило насъ прійти въ отчаяніе. Только что моя лошадь успѣла выкарабкаться на клочекъ сухой земли, какъ начальникъ партіи обратилъ вниманіе на странный темноватый туманъ, низко державшійся надъ виднѣвшимися впереди болотами.

— Смотрите,—сказалъ онъ,—а вѣдь это какое нибудь мерзкое испареніе. Говорятъ, что въ этихъ дебряхъ скопляются удушливые газы. Однако же это на нашемъ пути?

— Все равно не минуешь, надо ѣхать,—отвѣтилъ я и съ этими словами далъ коню нагайку и рысью врѣзался въ виднѣвшійся туманъ.

Что вдругъ со мною сдѣлалось, одному Богу извѣстно.

Я бросилъ поводья и сталъ нещадно бить себя по лицу, въ

которое впилося по крайней мѣрѣ тысячи три самыхъ злѣйшихъ болотныхъ комаровъ, показавшихся намъ туманомъ.

Лошадь моя мотала головой, махала хвостомъ и вдругъ, не смотря на усталость и убійственный путь, понесла меня карьеромъ по направленію къ ущелью Шинды-Аузы. Я обернулся назадъ. Сотня скакала за мною. Казаки махали руками, и до меня долетѣла ругань, направленная по адресу проклятыхъ комаровъ. Зрѣлище было до того комическое, что я, несмотря на то, что лицо мое страшно горѣло и чесалось, отъ души хохоталъ, глядя на борьбу человѣка съ комарами и бѣгство отъ нихъ. Комары были такіе мелкіе, что забирались даже подъ одежду, и долго приходилось потомъ почесываться и помнить это ужасное мѣсто. Однако непріятель нашъ продолжалъ преслѣдовать сотню до самаго ущелья Шинды-Аузы, гдѣ на выручку явился внезапно налетѣвшій порывъ холоднаго вѣтра. Комары сразу исчезли.

— А, вотъ и аулы!—услышалъ я возгласъ одного изъ казаковъ.

Взглянувъ и къ своему удовольствію увидѣлъ нѣсколько юртъ, уютно расположившихся подъ одной изъ нависшихъ скалъ. Увидя приближающуюся сотню, киргизы выѣхали къ намъ на встрѣчу. Это были киргизы, считающіе себя китайскими подданными. Типомъ своимъ они немного отличались отъ алайскихъ кочевниковъ и скорѣе походили на китайцевъ или дунгановъ, чѣмъ на киргизъ. Одинъ изъ нихъ, очевидно старшина, на дряхлой клячкѣ подѣхалъ къ намъ и, соскочивъ съ лошади, прижавъ руки къ животу, поклонился.

Сотенный переводчикъ сейчасъ же появился на сцену, и мы стали допрашивать старшину о китайцахъ, но онъ отвѣчалъ намъ неопредѣленно, и я даже подмѣтилъ въ его отвѣтахъ, что онъ вполне симпатично относился къ китайцамъ. Надо замѣтить, что памирскіе киргизы сильно поддерживаютъ китайцевъ, любятъ ихъ и съ большою охотою подчиняются волѣ уполномоченныхъ богдыхана. Во-первыхъ, эта симпатія истекаетъ уже изъ того, что китайцы не берутъ никакихъ податей съ кочеваго населенія, не притѣсняють своихъ подданныхъ кочевниковъ, а только требуютъ, чтобы одинъ разъ въ годъ аульные старшины ѣздили въ крѣпость Ташъ-Курганъ, на поклонъ къ джанъ-дарину. Конечно, подобное иго вполне сносно для киргизъ, и они съ удовольствіемъ несутъ его, тогда какъ другая часть кочевниковъ страдаетъ подъ властью афганцевъ, варварски обращающихся со своими подданными ¹⁾.

¹⁾ Къ русскимъ киргизы относятся также недоброжелательно, и когда мы были на Памирахъ, то не могли узнать ничего достовернаго о китайцахъ, а послѣднимъ быть извѣстенъ каждый шагъ Памирскаго отряда. Между тѣмъ объ афганцахъ намъ доносились киргизами все, и вообще они очень сочувствовали, когда отрядъ прогонялъ афганскія войска.

Старшина намъ сказалъ, что китайцы занимаютъ гарнизонъ въ крѣпости Акъ-Ташъ, что нѣсколько китайскихъ лянцзъ недавно были здѣсь и скоро опять прїѣдутъ. Говорилъ, что китайцы хорошіе стрѣлки, однимъ словомъ старался пугнуть насъ, надѣясь, что мы возвратимся назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ, соблюдая восточное гостепріимство, онъ предложилъ намъ занять лучшую юрту. Конечно, мы не отказались отъ этого и вскорѣ пріятно потягивали чаекъ, лежа на мягкихъ киргизскихъ кошмахъ. Между тѣмъ, на всякій случай были выставлены пикеты въ ту сторону, откуда могли появиться китайцы. Небо мало-по-малу заволакивалось тучами, пошелъ дождь, который лилъ въпродолженіе цѣлой ночи. Холодъ былъ ужасный, и только юрты выручили насъ отъ весьма непріятнаго положенія, въ которомъ мы бы очутились, сидя подъ палатками во время такого ливня. Все было спокойно. Съ разсвѣтомъ вернулись пикеты, не привезя никакихъ свѣдѣній о китайцахъ. Мы тронулись къ Акъ-Ташу. Здѣсь значительная высота мѣстами (17.000 ф.) особенно давала себя чувствовать. Лошади изнемогали, и дыханіе ихъ становилось похожимъ на шипѣніе паровой машины. Мы ѣхали, выславъ впередъ разѣздъ. Къ полудню былъ задержанъ разѣздомъ китайскій кавалеристъ и представленъ къ начальнику партіи. Это существо вызвало всеобщій дружнѣй смѣхъ. Не то старая баба, не то какое-то странное чучело сидѣло на тощей клячѣ съ закинутою за спиною магазинкой. Это необыкновенное существо махало руками и что-то безъ умолку говорило. Мы вызвали мѣстнаго киргиза, который переводилъ нашему переводчику то, что говорилъ китаецъ. Трудно было вести разговоры съ подобнаго рода парламентаромъ, который не давалъ возможности дослушать переводимой фразы и снова начиналъ свое. Онъ говорилъ, что китайцы въ крѣпости, что теперь ихъ очень немного, но что вотъ надняхъ шесть лянцзъ явятся на помощь, и тогда мы будемъ принуждены уйти отсюда. Между тѣмъ, пока длилась эта канитель, я разсматривалъ наружность китаецъ. Знаете, если взять для сравненія самую старую и безобразную киргизку, то можно составить нѣкоторое представленіе о памирскомъ китаецѣ. Его безбородое, похожее на печеное яблочко лицо, на которомъ гашнишъ и опіумъ положили отпечатокъ какой-то дряблости и тусклости, придаютъ ему отвратительный видъ. Полугнилые черные зубы и узкіе прорѣзы глазъ, поднятыхъ наружными уголками кверху, довершаютъ безобразіе слуги богдыхана.

— Скажи ему, что онъ можетъ ѣхать, мы скоро будемъ въ крѣпости,—сказалъ начальникъ партіи.

Переводчикъ перевелъ это китаецу, и тотъ понесся обратно, надѣляя свою клячу усиленными ударами нагайки.

Мы двинулись къ крѣпости и черезъ полчаса были подъ стѣнами ея. Никого не было видно, какъ будто бы ни одной души ни-

когда и не было на Акъ-Ташѣ. Небольшая глинобитная курганча возвышалась на одномъ изъ предгорій и равнодушно смотрѣла на насъ своими черными бойницами. Мы вѣхали въ укрѣпленіе, и слѣдующая картина представилась моему взору: пѣлая толпа такихъ же чучель, какое уже попало намъ на встрѣчу, стояла со сложеннымъ передъ собою оружіемъ. Лица ихъ, какъ будто отчеканенныя однимъ и тѣмъ же штампомъ, были необыкновенно схожи между собою, а головы, повязанныя синими платками, украшенными бѣлыми узорами, съ торчащими кончиками на затылкѣ, напоминали деревенскихъ бабъ.

— Да никакъ это бабы!—раздавалось между казаками.—Ей-Богу, «бабы», а не солдаты, тьфу, ты, гадость какая!—сердился урядникъ.

Обмундировка этихъ солдатъ состояла изъ куртки безъ рукавовъ, сдѣланной изъ плотной грубой матеріи съ кругами на груди и спинѣ, на которыхъ гласила надпись, съ какого года на службѣ состоитъ воинъ, какого рода оружія, чинъ, званіе и фамилія, а также названіе лянды. Длинный коричневый полукафтанъ съ боковыми разрѣзами, спускавшійся до самой земли, имѣлъ видъ сарафана. По бокамъ коленкоровые набедренники, спускавшіеся до колѣнъ, поддерживались такого же цвѣта чулками. На ногахъ ихъ пестрѣли узорами вышивки желтые сапоги, подбитые войлокомъ.

Я подошелъ къ одному изъ нихъ и взялъ лежащую передъ нимъ магазинку. Китаецъ вздрогнулъ, покосился на меня, но сейчасъ же успокоился, лишь только я положилъ обратно его собственность. Это была магазинка Винчестера и при томъ въ весьма сносномъ состояніи. Ни ржавчинъ, ни царапинъ не было видно. Однако не у всѣхъ оказалось подобное оружіе. Тутъ были и мултуки (фитильныя ружья) и даже шомпольныя ружья тульской фабрикаціи и англійскіе скорострѣльные карабины, а также двѣ или три, не помню, берданки. За то холодное оружіе было у всѣхъ одинаково и отличалось выдержанностію китайскаго стиля. Оно состояло изъ клынча (прямая пашка) длиною въ 1½ аршина съ прямымъ обоюдоострымъ клинкомъ и костяною рукояткою съ предохранительнымъ кружкомъ, сдѣланною изъ чешуи какого-то животнаго--думаю, что—или изъ кожи змѣи или шкуры крокодила.

Ихъ начальникъ, ксуакъ, т. е. унтеръ-офицеръ, объяснилъ намъ, что онъ не хочетъ драться, или вообще вступать въ ссору съ русскими, такъ какъ не уполномоченъ на это своимъ правительствомъ, но что если мы займемъ крѣпость, то придутъ китайскіе лянды краснаго и синяго знамени и прогонятъ насъ. Несчастный китаецъ думалъ, что мы намѣрены задержать его гарнизонъ, и даже выразилъ крайнее удивленіе, когда ему было сказано, чтобы онъ убирался восвояси. Лишь только переводчикъ передалъ это, какъ китайцы схватили свое оружіе, повскакали на лошадей и, захвативъ значекъ свой, понеслись, перегоняя другъ друга, и скоро исчезли въ ущельѣ. Они,

повидимому, ужасно боялись, какъ бы мы не передумали нашего великодушнаго рѣшенія и не вернули ихъ обратно.

Вообще, надо замѣтить, что пограничныя китайскія войска не отличаются боевою подготовкой и только называются солдатами, на дѣлѣ же они никуда не годятся. Они набираются преимущественно изъ китайцевъ, уроженцевъ провинцій Кашгаръ и Анси, и охотно несутъ регулярную службу за 6 ланъ въ мѣсяць, т.-е. на наши деньги около 12-ти рублей. Между тѣмъ иррегулярное войско и по наружному виду и по качеству представляетъ полную противоположность первому. Оно состоитъ изъ кашгарскихъ каракиргизъ и изображаетъ что-то подобное нашимъ казакамъ. Ихъ скуластыя плоскія лица, черныя чалмы, длинная пика и винтовки за плечами придаютъ имъ весьма внушительный и воинственный видъ. Они прекрасно владѣютъ пикою и мѣтко стрѣляютъ. Мнѣ пришлось однажды видѣть, какъ подобный кавалеристъ убилъ изъ винтовки бѣгущаго памирскаго зайчика. Однако, эта кавалерія очень незначительна, да и мало полезна для китайцевъ, такъ какъ, не получая никакого вознагражденія, отбываетъ свою повинность и, для существованія своего, занимается грабежемъ, нерѣдко нападая и на китайцевъ.

Лишь только уѣхалъ храбрый гарнизонъ изъ крѣпости, я пошелъ осматривать и наносить планъ ея на походный планшетъ. Это укрѣпленіе было попросту четырехугольное пространство, обнесенное глинобитною стѣною, вдоль которой съ внутренней стороны тянулась стрѣлковая ступень. По фронту фасаы его имѣли 34, а въ глубину 32 шага съ 17-ю бойницами по длиннымъ и 13-ю по короткимъ фасамамъ. Здѣсь было устроено также помѣщеніе для гарнизона и лошадей. Нѣсколько мѣшковъ ячменю да немного муки, которые трусливый гарнизонъ впопыхахъ оставилъ въ крѣпости, достались намъ, и наши лошади на славу поужинали китайскимъ кормомъ, а мы, переночевавъ въ ней и отправивъ донесенія, съ разсвѣтомъ выступили дальше.

Дорога наша тянулась по довольно широкой долинѣ и вела къ рѣкамъ Акъ-су и Кара-су. Я любовался на мертвенно-грозная скалы, рѣзко выдѣлявшіяся на голубомъ небѣ. Иногда орелъ, распутивъ огромныя крылья, высоко парилъ надъ нами, высматривая себѣ добычу. Но врядъ ли могъ царь птицъ здѣсь что нибудь высмотрѣть. Скалы, камни и песокъ, отсутствіе живности, вотъ обстановка, которая окружала насъ. Миновавъ нѣсколько небольшихъ подъемовъ, мы спустились къ рѣкѣ и перешли въ бродъ Акъ-су, а затѣмъ, миновавъ небольшое ущелье, переправились и черезъ Кара-су. Послѣдняя переправа была очень неудобна. Малѣйшая неосторожность всадника или невѣрный шагъ лошади—и оба они навѣрное погибнутъ безвозвратно, такъ какъ рѣка при достаточной глубинѣ такъ быстротечна и несетъ такое множество камней, что

лошадь ежеминутно рискуетъ получить страшный ударъ въ ногу, и тогда умѣнье сдержать ее является спасителемъ всаднику—иначе же конецъ. Разъ лошадь упала, ее уже не поднимешь — быстрыя воды унесутъ и ее и сѣдока.

Послѣ переправы ландшафтъ сильно измѣнился. Кое-гдѣ попадалась зеленѣющая трава. Киргизскіе аулы съ большимъ количествомъ барановъ и яковъ стали встрѣчаться все чаще и чаще. Слѣдуя болотистымъ берегомъ рѣки Кизиль-Р'абатъ, оставя аулы въ правой сторонѣ, мы стали замѣтно подниматься на переваль того же имени.

— Однако, господа, мы заночуемъ подъ переваломъ, — сказалъ намъ начальникъ партіи.

— Почему же это? вѣдь еще рано, и мы смѣло перевалимъ черезъ него, — замѣтилъ ему я.

— Вотъ то-то и дѣло, что не перевалимъ. Меня особенно предупреждали на счетъ этого мѣста, и даже на картѣ Юновъ мнѣ отмѣтилъ его, какъ самое неприятное. Здѣсь царить такъ называемый «тутекъ», — сказалъ онъ.

— Тутекъ? Что это такое? — удивился я.

— А видите ли, — объяснилъ мнѣ капитанъ, — тутекъ значитъ удушье; происходитъ оно отъ того, что въ этомъ мѣстѣ, благодаря свойству почвы, а также безвѣтрію, скопляется угольная кислота, которая, приблизительно, на протяженіи болѣе половины человѣческаго роста, держится надъ землею. Этакихъ мѣстъ довольно много на Памирахъ, и они являются истиннымъ бичемъ для путешественника, потому что разъ только человѣкъ или лошадь упадетъ на землю, то подняться имъ не суждено, они навѣрное задохнутся. Я васъ прошу, господа, — сказалъ онъ намъ, — особенно слѣдить за людьми, чтобы они не отдыхали и не садились на землю для различныхъ надобностей — упаси Богъ, если даже будутъ чувствовать себя совершенно больными — это здѣсь неминуемо. Ну, какъ же я могу рѣшиться, не запасшись свѣжими силами, преодолѣть такую преграду?

Конечно, мы вполне согласились съ мнѣніемъ начальника и охотно переночевали подъ переваломъ.

При подъемѣ было очень холодно. Сырой вѣтеръ пронизывалъ меня до костей, проникая даже сквозь теплый бешметъ. Крупные осколки скаль загромождали и безъ того узкую тропу, такъ что все время приходилось лавировать между ними, а также поминутно пересѣкать текущіе съ перевала ручьи. Нѣсколько небольшихъ озеръ, лежащихъ по склону горы одно выше другого и соединенныхъ шумящими протоками, попалось намъ по пути, но они были совершенно мертвы. Ни птицы на ихъ водахъ, ни рыбы не было замѣтно въ нихъ, и только пустынная масса воды мрачно смотрѣла среди сѣрой, неприглядной обстановки. Вотъ около этихъ-то озеръ

мы и почувствовали тутекъ. Я не знаю, что въ это время чувствовали другіе, но я постараюсь передать вамъ то ощущеніе, которое переносилъ я, и то, что видѣлъ я, наблюдая сотню и товарищей. При подъемѣ ко второму озеру меня начало душить. Воротъ казался узкимъ, и я разстегнулъ его, но это не помогало. Въ ушахъ стоялъ шумъ, а въ вискахъ стучала кровь. Удары сердца становились очень неровные. То вдругъ казалось мнѣ, что оно переставало биться, дыханье захватывало, и я въ испугѣ невольно хватался за грудь и щупалъ пульсъ на рукѣ—мнѣ казалось, что я умираю. Біеніе пульса было еле-еле слышно. Это явленіе очень скоро проходило. Нѣсколько разъ кровь лила изъ носа, а какъ я замѣтилъ, то у многихъ слюна была сильно окрашена кровью. Лошади сильно сопѣли и поднимали кверху свои морды. Я чувствовалъ полное ослабленіе. Рука моя устала держать поводъ и свалилась на луку, пашка оттягивала плечо, голова склонялась, и вдругъ на меня напала полная сонливость. Мнѣ хотѣлось спрыгнуть съ лошади и свалиться на камни и заснуть. О, сколько бы я далъ тогда за осуществленіе моей заветной мечты. Каждый камень, бросившій тѣнь на песокъ, манилъ меня подъ свою сѣнь. Лошадь моя стала спотыкаться, такъ что пришлось слѣзть и идти пѣшкомъ. Казаки все уже спѣшились. Двѣ выючныя лошади издохли, а все остальные страдали острымъ катарромъ кипокъ.

— Кто тамъ слѣзъ?—услышалъ я голосъ капитана.

— Моченьки нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—животъ подвело.

— Встать!—крикнулъ капитанъ,—экій ипакъ этакій! Умирать тебѣ захотѣлось что ли? Вотъ спустимся съ перевала, и все пройдетъ.

Казакъ неохотно поднялся и, сгибая колѣна, поплелся далѣе. Часа полтора спустя, издохло еще три казачьи лошади. Тяжело было видѣть, какъ боролось бѣдное животное со смертью, какъ задыхалось оно, лежа на землѣ, не въ силахъ подняться на ноги, какъ молилъ его кроткій взглядъ о помощи.

Положеніе мое становилось критическимъ. Животъ болѣлъ нестерпимо—хотѣлось кричать, и памирская болѣзнь разразилась со всей своей силой.

Мнѣ напоминаетъ это положеніе морскую болѣзнь съ тою разницею, что нѣкоторые выносятъ ее, здѣсь же cadaго постигаетъ совершенно одинаковая участь—каждый долженъ отдать дань Памиру—и мы ее отдали.

Спустившись съ перевала и потерявъ нѣсколькихъ лошадей, мы остановились на берегу рѣки Кара-су южнѣ кладбища Джарты-Гумбезъ и навѣстили могилу ефрейтора Лохматкина, умершаго отъ тутека во время первой рекогносцировки генерала Іонова въ 1891 г. Печально смотрѣлъ на насъ одинокій крестъ, сколоченный изъ палокъ походной носилки, на которой и умеръ первый русскій солдатикъ на Памирѣ.

Съ какимъ удовольствіемъ, несмотря на холодъ и на вѣтеръ, выкупался я въ рѣкѣ, тѣмъ болѣе, что лишь только спустились мы въ долину Малаго Памира, какъ силы наши возобновились, и болѣзненное состояніе исчезло. Мы даже были въ весьма хорошемъ настроеніи духа и подшучивали другъ надъ другомъ.

Далѣе намъ предстоялъ путь къ Большому Памиру по отвратительной дорогѣ, ведущей къ озеру Викторіи (Зоръ-куль). Вѣтеръ продолжалъ дуть въ лицо. Нѣсколько озеръ попало намъ по пути, и цѣлыя стаи гусей и утокъ держались на водахъ ихъ, такъ что выстрѣломъ изъ винтовки мнѣ удалось убить сразу двухъ. Наконецъ, мы спустились по очень неудобному и каменистому откосу и вышли на котловину, окаймленную со всѣхъ сторонъ кольцомъ снѣговыхъ горъ. Котловина эта тянулась съ востока къ западу, имѣя продолговатую форму. Густыя бѣлыя облака затянули небо, какъ бы сплошною пеленою, и только иногда солнце, прорываясь черезъ ихъ сѣроватую массу, освѣщало сѣдня, закутанныя въ облака, мрачныя вершины, которыя, какъ бы любуясь своимъ величіемъ, отражались въ зеркальныхъ водахъ громаднаго Зоръ-куля, напоминавшаго кусокъ зеркала, положеннаго среди этой котловины. Несмотря на іюль мѣсяцъ, здѣсь было очень холодно, и только успѣли мы поставить палатки, какъ повалилъ снѣгъ, закрутилась метель, и іюльская зима нисколько не уступала сѣвернымъ февральскимъ. Въ какойнибудь часъ все уже было бѣло, и толстый слой снѣга покрылъ всю котловину, а окрестныя горы были почти незамѣтны подъ закутавшей ихъ бѣлой пеленою. Не скажу, чтобы было пріятно ночевать въ палаткѣ, тѣмъ болѣе, что раздобыть огня и топлива для согрѣванія воды не было никакой возможности, и оставалось одно средство—это закутаться въ теплый тулупъ и, заваливъ себя кошмами, постараться, если позволить холодъ, уснуть, что я и сдѣлалъ. На сей разъ холодъ оказался снисходительнѣе и неособенно беспокоилъ меня и только иногда пробѣгалъ вдоль спины. Я спалъ крѣпко, а между тѣмъ снѣгъ все сыпалъ и сыпалъ, и слой его, все прибывая и прибывая, заваливалъ мое незатѣйливое жилище, и наконецъ я съ палаткой совершенно скрылся подъ нимъ.

Пройдя рѣкою Памиръ, мы преодолѣли значительный перевалъ Каинды и стали подниматься на Хоргушъ. Чудная картина, представляющая собою рѣзкій контрастъ Памирской природѣ, открылась передъ нашими глазами на перевалѣ. Онъ весь былъ покрытъ зеленымъ ковромъ сочной травы, на которомъ пестрѣло всевозможными колерами множество полевыхъ цвѣтовъ. Но только мы спустились къ озеру Чукуръ-кулю, какъ опять сѣрая пустыня сурово открылась передъ нами. Здѣсь насъ встрѣтили киргизы и сообщили, что на Аличурѣ стоятъ афганцы. Принявъ всѣ мѣры предосторожности, въ полной готовности на отпоръ въ случаѣ внезапнаго на-

паденія, мы двигались къ Яшиль-кулю. Я ужасно желалъ скорѣе встрѣтиться съ афганцами, мнѣ хотѣлось сильныхъ ощущеній; но не суждено мнѣ было испытать ихъ; они выпали на вашу долю, счастливыцы. Какая страшная досада охватила меня, что не днемъ раньше мы пришли на Яшиль-куль. А все тутекъ проклятый, не будь его, не дневали бы, и мои мечты осуществились бы. Ну, да еще впереди много предстоитъ. Поживемъ—увидимъ.

Эсауль всталъ.

Мы поблагодарили его за любопытное сообщеніе, пожали другъ другу руки и разошлись по палаткамъ.

Б. Л. Тагъевъ.

(Окончаніе съ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕРТЫ БЫТА И НРАВОВЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

(По новымъ матеріаламъ).

I.

Наборъ великановъ.

ОЛЫШОЙ любитель всякихъ монстровъ и раритетовъ, Петръ Великій любилъ также и великановъ, которыхъ, по высочайшимъ указамъ, искали и привозили изъ разныхъ мѣстъ Россіи въ столицу, чаще всего, конечно, за неволю. Не довольствуясь отечественнымъ приплодомъ великановъ, Петръ, случалось, изыскивалъ способы сманивать и иностранныхъ, иноплеменнаго происхожденія. Такъ, въ одну изъ своихъ иностранныхъ поѣздокъ царь ангажировалъ, приобрѣвшаго историческую извѣстность, великана-француза Буржуа, чучело и скелетъ котораго до сихъ поръ сохранились въ академической кунсткамерѣ. Буржуа имѣлъ 3 аршина и 3 вершка роста, но поражалъ онъ больше всего своей безобразной толщиной, грузной непропорціональностью головы, рукъ и туловища, и чудовищнымъ обжорствомъ. У себя дома онъ показывалъ свою особу за деньги. Петръ увидѣлъ буржуа въ Калѣ, и монстръ этотъ до того ему приглянулся, что, согласивъ его ѣхать въ Россію, государь не поскупился назначить ему 600 рублей жалованья (по Берхгольцу — 300 р.) въ годъ, а матери его приличную пенсію, да сверхъ того пожаловалъ въ Петербургъ домъ.

Это была не одна только прихоть, но и расчетъ, хотя очень странный и эфемерный. Дѣло въ томъ, что великаны могли представлять тогда очень прибыльный предметъ для вывоза: ихъ продавали въ Берлинъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму, почти помѣшанному на страсти къ великорослымъ солдатамъ, которыми онъ комплектовалъ свою гвардію, рекрутируя ихъ гдѣ только можно было, всякими правдами и неправдами. Въ королевской гвардіи были цѣлый баталіонъ, сплошь сформированный изъ великановъ.

Вслѣдствіе берлинскаго усиленнаго спроса на великановъ, цѣна на нихъ была настолько хорошая, что, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, Петръ серьезно задумывалъ, со своей обычной, ни передъ чѣмъ не останавливавшейся, практичностью, учредить нѣчто въ родѣ государственнаго завода великорослыхъ людей. Были произведены даже неоднократные опыты принудительнаго спариванія великановъ съ великаншами, но, разумѣется, желаемого результата не получилось.

Съ этой же цѣлью былъ ангажированъ и Буржуа. «Царь держитъ его,—категорически засвидѣтельствовалъ Берхгольцъ,—только для того, чтобы имѣть отъ него рослыхъ людей». По приѣздѣ Буржуа въ Петербургъ, «государь тотчасъ же женилъ его на чухонкѣ чрезвычайно великаго жъ роста, съ которою онъ прижилъ одного сына и двухъ дочерей»¹⁾. Берхгольцъ прибавляетъ, что ихъ «соединили еще до брака, и государь только тогда приказалъ обвинять ихъ, когда убѣдился, что они могутъ имѣть дѣтей; въ противномъ случаѣ чухонка-великанша досталась бы одному изъ царицыныхъ гайдуковъ, также огромнаго роста и весьма красивому»²⁾. Невдолгѣ Буржуа спился и скоростижно умеръ.

Теперь изъ опубликованныхъ впервые бумагъ Аннинскаго кабинета министровъ узнаемъ, что подборомъ великановъ, — неизвѣстно только, по какимъ поводамъ и для какихъ надобностей,— было озабочено и правительство императрицы Анны Іоанновны въ первые же годы ея царствованія.

Въ журналѣ кабинета министровъ отъ 11 ноября 1731 года читаемъ: «Приказано взять изъ военной коллегіи вѣдомость (sic!) о великанахъ—сколько гдѣ въ какую мѣру оныхъ напередъ сего сыскано, которые никуда еще не посланы, и что ихъ здѣсь въ полкахъ имѣется, и велѣтъ и мѣры имъ принести съ описаніемъ. А къ генералу графу фонъ-Вейсбаху изготовить указъ и послать великанамъ мѣру, чтобы выбралъ изъ армейскихъ и ландмилицкихъ полковъ такихъ великорослыхъ человекъ съ 15 или 16, которыхъ прислать въ Москву безъ замедленія»³⁾.

¹⁾ «Кабинетъ Петра Великаго» — О. Вязлева.

²⁾ «Дневникъ Берхгольца», т. I, 54.

³⁾ «Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества», т. 104, стр. 13 и слѣд.

Изъ этой выписки видно, что вопросъ о великанахъ не былъ случайнымъ. Военная коллегія, оказывается, постоянно вела «вѣдомость о великанахъ», и это входило въ обычный и обязательный кругъ ея дѣлопроизводства. Всѣ, имѣвшіеся налицо въ полкахъ, великаны были на счету и подробно описаны; не всегда только являлся на нихъ изъ столицы спросъ — и они оставались при своихъ командахъ. На этотъ разъ спросъ былъ экстренный, такъ какъ уже 13-го ноября указъ генералу Вейсбаху «о выборѣ и присылкѣ великановъ отъ 15 до 20 человѣкъ» былъ подписанъ императрицей, причемъ была «взята изъ военной коллегіи прусская (sic!) мѣра великанамъ, съ которой велѣно, такую же новую сдѣлавъ, послать при указѣ». Черезъ мѣсяць, именно 11-го декабря, «богемскій графъ», какъ титулуется мѣстами генералъ Вейсбахъ въ кабинетскихъ журналахъ, прислалъ «доношеніе о полученіи указа о великанахъ»; объ исполненіи же кабинетъ получилъ отъ него рапортъ уже въ слѣдующемъ году, 8-го марта, да и то неудовлетворительный.

Вейсбахъ доносилъ, что «въ присланную великанамъ мѣру» нашелся въ подвѣдомственныхъ ему войскахъ только одинъ — капралъ Пересѣчкинъ, который и посланъ по назначенію. Кабинетъ, однако, этому не повѣрилъ, какъ видно изъ того, что 13-го марта Вейсбаху былъ посланъ вторичный, настойчивый указъ «о сыскѣ и присылкѣ великановъ отъ 15 до 20 человѣкъ, кромѣ шляхетства». Кабинетъ адресовался съ этимъ требованіемъ, именно, къ Вейсбаху на томъ, вѣроятно, основаніи, что послѣдній командовалъ на югѣ украинскими войсками, которыя комплектовались, главнымъ образомъ, изъ рекрутовъ мѣстнаго населенія, отличавшагося искони высокимъ ростомъ.

Вопросомъ этимъ кабинетъ настолько интересовался, что на другой день послѣ отсылки повторительнаго указа Вейсбаху, то-есть, 14-го декабря, приказалъ съ вѣдома императрицы прибывшему великану Пересѣчкину явиться немедленно въ военную коллегію «для надлежащаго опредѣленія». Пересѣчкинъ прибылъ съ доношеніемъ отъ Вейсбаха, которое, какъ мы видѣли, не удовлетворило кабинетъ. Онъ числился въ азовскомъ полку капраломъ и былъ «изъ шляхетства» — условіе тоже не желательное для кабинета.

Точно ли прусская мѣра великанамъ выходила изъ ряду вонъ, или «богемскій графъ» недостаточно рачительно искалъ въ рядахъ своихъ войскъ подходящихъ подъ эту мѣру верзилъ, но, во всякомъ случаѣ, кабинетъ въ повторительномъ указѣ о присылкѣ великановъ сбавилъ требованіе: предписывалось искать ихъ хотя бы и «ниже посланной мѣры».

Вейсбахъ, однако, медлилъ и послѣ вторичнаго указа, чѣмъ возбуждалъ подозрѣніе, что онъ завѣдомо «укрываетъ» великановъ — не сказано только, съ какого резона и для какого интереса. Рѣшились обратиться къ другимъ источникамъ и, вообще, расширить поиски.

Въ журналѣ отъ 25-го мая читаемъ: «ходили навѣрхъ къ ея императорскому величеству (министры) для подписанія указовъ, которые ея величество изволила подписать:

«1) къ гетману Апостолу — объ отдачѣ посланному изъ Малой Россіи великорослыхъ людей безъ утайки (sic); 2) въ такой же силѣ — о великанахъ къ сибирскому губернатору Плещееву...».

На другой день, 26-го мая, императрица подписала еще два указа въ такой же силѣ: 1) въ военную коллегію — о выборѣ великановъ изъ полковъ московской и украинской командъ и сибирскихъ гарнизоновъ, и 2) генералу фонъ-Вейсбаху — о тѣхъ же великанахъ, чтобъ посланному велѣлъ объявить «безъ укрытія».

Неудачный опытъ отысканія великановъ при посредствѣ Вейсбаха научилъ кабинетъ не полагаться въ этомъ дѣлѣ на расторопность мѣстныхъ командировъ, которые не прочь, пожалуй, завѣдомо утаить искомымъ монстровъ. Поэтому сочли за благо отправить на поиски благонадежныхъ и уполномоченныхъ сыщиковъ. Въ Москву и Украину былъ посланъ капитанъ Ливенъ, а въ Сибирь — подпоручикъ Аргамаковъ.

Мѣра оказалась дѣйствительной. Изъ командированныхъ искателей великановъ особенно отличился капитанъ Ливенъ, какъ можно судить по результатамъ его командировки. Едва онъ явился, въ сопровожденіи какого-то Колдау, въ Украину, къ Вейсбаху, какъ великаны тотчасъ же нашлись — и въ болѣе, чѣмъ желаемомъ количествѣ.

29-го іюня 1732 года, Вейсбахъ доносилъ кабинету о состоявшемся выборѣ на Украинѣ, по указу, великановъ и объ отправленіи изъ нихъ 16-ти человекъ по назначенію. Одновременно писалъ, съ своей стороны, и гетманъ Апостоль, что, въ исполненіе полученнаго указа, онъ приказалъ выбрать великановъ, гдѣ придется.

Выборъ и отправка затянулись до поздней осени. 14-го ноября кабинетъ получилъ отъ Апостола доношеніе объ исполненіи указа, а при немъ и составленный Ливеномъ именно списокъ взятыхъ изъ Малой Россіи, по распоряженію гетмана, великановъ. Днемъ позже прислалъ донесеніе и Вейсбахъ о выборѣ Ливеномъ въ слободскихъ полкахъ 4-хъ великановъ — сверхъ ли ранѣе отысканныхъ 16-ти, или въ томъ же числѣ, неизвѣстно.

Расторопность Ливена, видно, обратила на себя благосклонное вниманіе начальства, судя потому, что онъ подъ конецъ своей командировки былъ произведенъ изъ капитановъ въ секундъ-майоры.

Что сдѣлалъ другой искатель великановъ, подпоручикъ Аргамаковъ, — неизвѣстно, такъ какъ нѣтъ извѣстій и о результатѣ самихъ поисковъ въ московскомъ и сибирскомъ районахъ. Быть можетъ, они тамъ и совсѣмъ не производились, въ виду успѣшнаго поиска въ Украинѣ капитана Ливена. Неизвѣстно также, для чего собственно предназначались искомые великаны. Знаемъ мы только,

что императрица Анна Иоанновна также питала большую привередливую пассію ко всякимъ монстрамъ и раритетамъ. Напримѣръ, тогда же, по ея указамъ, одновременно съ великанами, искали въ Сибири рѣдкостныхъ звѣрей «мороловъ», какъ въ другое время искали по всему государству, для ея забавы, бѣлыхъ воронъ и проч.

II.

Цензъ грамотности для офицеровъ.

Достойна вниманія забота Аннинскаго правительства о подъемѣ образовательнаго ценза среди военныхъ чиновъ. Много положилъ на это труда и заботы Петръ Великій, но, за всѣмъ тѣмъ, какъ въ его царствованіе, такъ и позднѣе, среди офицеровъ, не говоря уже о нижнихъ чинахъ, сплошь и рядомъ встрѣчались люди, не только лишенные всякаго образованія, но и совершенно безграмотные. Не составляли счастливаго исключенія въ этомъ отношеніи даже иные заслуженные отцы командиры высшихъ ранговъ и знатныхъ фамилій.

Во всякомъ случаѣ, обязательнаго ценза по этому пункту не существовало, да и мудрено было его предъявлять среди сплошнаго невѣжества, въ которомъ пребывало большинство призывавшихся на военную службу дворянскихъ недорослей даже до позднѣйшаго времени, какъ это краснорѣчиво засвидѣтельствовано безсмертною комедіей Фонвизина.

Попытку установить такой цензъ — неизвѣстно только, въ какой степени успѣшно — сдѣлала императрица Анна Иоанновна, по представленію военной коллегіи и съ разсмотрѣніа кабинета министровъ, какъ узнаемъ теперь изъ опубликованныхъ кабинетскихъ бумагъ ¹⁾.

17-го ноября 1731 года, въ присутствіи кабинета былъ прочитанъ докладъ военной коллегіи «о произведеніи въ секундъ-майоры безграмотныхъ капитановъ». Кабинетъ-министры были нѣсколько озадачены этимъ рѣшительнымъ требованіемъ, какъ можно заключить изъ того, что прежде рѣшенія вопроса въ принципѣ они постановили затребовать «изъ гвардіи (?) вѣдомости, есть ли (то-есть, былъ ли когда нибудь изданъ) такой указъ, чтобы урядниковъ безграмотныхъ въ офицеры не производить?»

Уже одно то, что гг. министры ничего не знали о такомъ указѣ и даже не подозревали объ его существованіи,—весьма характеристично. Ясно, что дотолѣ вопросъ этотъ даже и не поднимался. И точно, указа, по справкѣ, не оказалось; тѣмъ не менѣе, представленіе военной коллегіи возымѣло силу. 23-го того же ноября императрица подписала указъ въ помянутую коллегію, чтобы впредь

¹⁾ «Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества», т. 104.

«безграмотныхъ изъ солдатъ въ унтеръ, а изъ унтеръ — въ оберъ-офицеры не производить»; но такъ какъ законъ не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія, и чтобы не обидѣть несильныхъ въ грамотѣ старыхъ офицеровъ, то въ концѣ сдѣлана была оговорка: «кои нынѣ въ офицерахъ есть (изъ безграмотныхъ), тѣхъ не обходить».

Этотъ замѣчательный актъ слѣдуетъ, кажется, привести въ связь съ другимъ, одновременно состоявшимся и еще болѣе замѣчательнымъ, просвѣтительнымъ мѣропріятіемъ Аннинскаго царствованія. Тогда только что былъ учрежденъ знаменитый шляхетскій кадетскій корпусъ, призванный снабжать русскую армію контингентомъ образованныхъ офицеровъ и, дѣйствительно, давшій столько выдающихся, талантливыхъ и просвѣщенныхъ «мужей битвы и совѣта».

Въ то время, какъ былъ изданъ указъ объ обязательномъ цензѣ грамотности для офицеровъ, въ Зимнемъ дворцѣ у дежурнаго генералъ-адъютанта, по именному повелѣнію, производилось «записываніе въ кадетскій корпусъ шляхетскихъ недорослей». Въ виду этого, было, конечно, несообразно на дальнѣйшее время поощрять безграмотныхъ Митрофановъ въ достиженіи «степеней извѣстныхъ».

III.

Изъ-за тещи.

А что Митрофанамъ, даже титулованнымъ и знатнымъ, жило въ то время несовѣмъ хорошо и часто приходилось съ горечью испытывать неавантажность своего безчиновнаго, темнаго, зависимаго положенія, — можетъ служить доказательствомъ любопытное дѣло князя Алексѣя Крапоткина, впервые подробно опубликованное въ 101-мъ томѣ «Сборника Историческаго Общества» въ числѣ другихъ бумагъ верховнаго тайнаго совѣта за 1729—1730 годы.

Въ оправданіе французскаго слѣдственнаго афоризма — *cherchez la femme* во всякомъ уголовномъ процессѣ, приводимое здѣсь скандальное дѣло также возникло первоначально изъ-за тещи.

Изъ всего можно заключить, что, игравшій страдательную роль въ этомъ дѣлѣ, князь Алексѣй Ивановичъ Крапоткинъ во многомъ отождествлялъ фонвизинскаго Митрофана. Молодой еще человѣкъ, лишенный всякаго образованія и даже безграмотный (на его челобитныхъ подписывался, за неграмотностью князя, его дядя — совѣтникъ Аничкинъ), Крапоткинъ, несмотря на свой титулъ, представлялъ собой круглое ничтожество въ общественномъ отношеніи. За неволю, онъ отбылъ службу въ гвардіи и, при первой удобной оказіи выйдя въ отставку въ чинѣ капрала, удалился въ свое владимірское помѣстье, сельце Морковское, гдѣ и мирно зажилъ мелкопомѣстными интересами. Отсутствіе честолюбія и даже чувства

личнаго достоинства краснорѣчиво сказалось въ князѣ, какъ увидимъ, и въ финалѣ поднятой имъ тяжбы.

Жилъ Крапоткинъ въ своей деревнишкѣ, повидимому, не очень-то мирно. По сосѣдству съ нимъ находились деревня Кузьмина и село Фелисово, принадлежавшія тещѣ (имя ея не названо въ дѣлѣ) столичнаго барина Григорія Александровича Петрова-Соловovo. Въ противоположность Крапоткину, баринъ этотъ былъ преисполненъ задорной амбиціей и мнилъ о себѣ гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ значилъ. Будучи всего камеръ-юнкеромъ, онъ, въ бытность свою въ Владимірской провинціи, выдавалъ себя — ни много, ни мало, какъ за гофъ-маршала двора ея императорскаго высочества государыни цесаревны Елисаветы Петровны, и даже рисковалъ самозванно подписываться этимъ титуломъ.

У Крапоткина съ тещей Соловovo выпли обычные сосѣдскіе нелады изъ-за смежныхъ крестьянскихъ земель. Ссорились сначала изъ-за межи крестьяне смежныхъ помѣстій, но князь заблагоразсудилъ вмѣшаться въ эту ссору и, при его содѣйствіи, обиженной стороной оказались подданные тещи Соловovo. Дѣло, видно, происходило съ дракой и насилиемъ, такъ какъ на слѣдствіи обнаружилось, что во время ссоры, «по приказу Крапоткина, собственные его люди на крестьянахъ тещи въ спорныхъ мѣстахъ изрѣзали ножемъ платье» (?).

Съ этого и началось.

Теща не снесла такой обиды, но, какъ благородная дама, слабая и одинокая, не могла лично тягаться съ грубымъ и нецеремоннымъ сосѣдомъ. Одна надежда у нея была на зятя, сильнаго придворнаго человѣка, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, на ея вопли о защитѣ и является вскорѣ на мѣсто дѣйствія. Когда и откуда пріѣхалъ онъ къ тещѣ въ село Фелисово — неизвѣстно. Дѣло происходило въ 1729 году. Несомнѣнно, однако, что, подстрекаемый обиженной тещей, Соловovo тотчасъ же по пріѣздѣ рѣшился посвойски отомстить неотесанному князю и, притомъ, по заранѣе обдуманному довольно коварному плану.

20-го августа Крапоткинъ получилъ отъ Соловovo такую любезную цидулу:

«Мой государь Алексѣй Ивановичъ! увѣдомился я, что вы завтрашняго числа отъѣзжаете въ Москву, прошу васъ пожаловать посѣтить меня въ Фелисовѣ, ибо я до васъ имѣю нужду; иногѣ къ объявленію не имѣю, токмо остаюсь вашъ доброжелательный» и проч.

Хотя, казалось бы, если Соловovo «имѣлъ нужду» къ Крапоткину, то могъ самъ къ нему пожаловать, но, будучи придворнымъ человѣкомъ и выдавая себя за гофъ-маршала, Соловovo считалъ себя неизмѣримо выше какого-то деревенскаго, захудалаго князька въ капральскомъ чинѣ. Да и послѣдній, видно, также смотрѣлъ на

разстояніе, отдѣлявшее его отъ высокой особы «гофъ-маршала», и не только счелъ естественнымъ, что тотъ приглашаетъ его пожаловать, но и принялъ самое приглашеніе за особенную для себя честь.

Простоватый князь, словомъ, далъ себя поймать въ грубо разставленную западню, не догадываясь, что его заманиваютъ на жестокою расправу за обиды тещи «лестнымъ обманомъ».

На другой день по полученіи любезной цидулы, Крапоткинъ отправился въ Фелисово. Онъ зналъ, что разговоръ будетъ о спорныхъ смежныхъ земляхъ, но, усыпленный лестнымъ приглашеніемъ, рассчитывалъ на мирный, безобидный исходъ.

Ограждая ли слабонервную тещу отъ дикой сцены или по другимъ соображеніямъ, Соловово предупредилъ пріѣздъ Крапоткина въ Фелисово и рѣшилъ расправиться съ нимъ въ Кузьминой. Едва князь вѣхалъ во владѣнія своихъ добрыхъ сосѣдей, какъ на дорогѣ встрѣтилась ему, сопровождаемая вершниками, коляска. Въ коляскѣ сидѣли Петровъ-Соловово и его пріятель семеновскаго полка подпоручикъ Гаврило Дубасовъ, для котораго, повидимому, происшедшая вслѣдъ затѣмъ расправа была не совсѣмъ не ожидаемымъ и не безпріятнымъ зрѣлищемъ, хотя на слѣдствіи онъ это и отрицалъ. Для «жестокихъ нравовъ» того времени въ битвѣ и истязаніи заключался своего рода спортъ. Поэтому можно допустить, что Дубасовъ, ровно ничего лично не имѣвшій противъ Крапоткина, тѣмъ не менѣе, завѣдомо, изъ-за своеобразнаго острого спортивнаго интереса, а отчасти изъ угоды пріятелю, согласился присутствовать (если не участвовать), какъ столичный кавалеръ стаетъ «учить» вѣжливости и законности деревенскаго неуча.

При встрѣчѣ, Соловово все еще продолжалъ играть комедію. «Призвавъ Крапоткина и, лестно, обманомъ, посадивъ къ себѣ въ коляску», онъ ласково сталъ выговаривать ему:

— Спасивъ де ты, князь! Я де къ тебѣ посылалъ письмо, чтобы ты былъ ко мнѣ еще вчера, а ты де не пожаловалъ.

Среди такихъ увѣтливыхъ разговоровъ пріѣхали въ Кузьмину; остановились въ крестьянской избѣ, сѣли обѣдать — и тутъ Соловово, вѣроятно, вдохновившись затрапезными возліаніями, сразу снялъ маску. Устронилъ онъ нѣчто въ родѣ судилища «скорого», но не милостиваго надъ злополучнымъ княземъ: призвалъ крестьянъ своихъ и сталъ спрашивать, «нѣтъ ли имъ отъ кого обиды, и они сказали, что больше всѣхъ имъ обиды отъ онаго Крапоткина, и принесли крестьянскій кафтанъ изрѣзанный, который на крестьянинѣ рѣзалъ онъ, Крапоткинъ. А Крапоткинъ говорилъ, что онъ обиды имъ никогда не чинилъ и кафтана не рѣзалъ и, кромѣ того, противнаго ему, Соловову, ничего не говорилъ. И онъ, Соловой, ударилъ его, Крапоткина, по щекѣ...».

Такъ началась расправа по свидѣтельскому показанію Дубасова; въ дальнѣйшемъ ея описаніи у него вышло съ челобитной Крапот-

кина разнорѣчіе, но не по существу, а лишь относительно личнаго участія въ возмутительной сценѣ самого свидѣтеля, старавшагося всячески выгородить себя отъ отвѣтственности за потворство и сообщничество. Но послушаемъ самого пострадавшаго.

«Не говоря съ нимъ ничего,—жаловался князь въ своей челобитной,—безъ всякой его противности и злобы, учаль онъ (Соловово) его, Крапоткина, бить по щекамъ и приказаль людямъ своимъ, при себѣ и при подпоручикѣ Дубасовѣ, бить его Крапоткина, снемъ рубаху, плетьюми, и били его смертнымъ боемъ. И въ то время просиль онъ, Крапоткинъ, онаго Дубасова, чтобъ отъ тѣхъ побой его отнялъ и убить до смерти не допустилъ, но оный Дубасовъ его не отнялъ, знатно (sic!) по согласію съ Солововымъ, и, бивъ, покинули едва живаго, и приказаль оный Солововъ его, Крапоткина, съ того крестьянскаго двора стащить за ноги на улицу. Стаща со двора, паки, по приказу его, Соловова, люди его и крестьяне били его, Крапоткина, плетьюми и дубиньемъ смертнымъ же боемъ, и крестьянинъ его, Николай Аонасьевъ сынъ Пучковъ, приговариваль, чтобъ бить его, Крапоткина, до смерти, и, бивъ, покинули замертво. Потомъ человекъ его, Крапоткина, взявъ его въ домъ свой чуть жива и въ тотъ же день, не надѣясь отъ тѣхъ побой себѣ быть живу, былъ онъ исповѣданъ и приобщенъ Святыхъ Тайнъ...».

Оскорбленія и истязанія, нанесенныя князю Крапоткину, могли показаться чрезмѣрными и чрезвычайными даже и для тогдашняго глаза, привыкшаго ко всякимъ ужасамъ жестокости и кривды, которыми такъ богата данная эпоха. Такими же считаль ихъ на первыхъ порахъ и пострадавшій. Не давъ еще зажить ушибамъ и ранамъ на своемъ тѣлѣ,—напротивъ, стараясь сохранить ихъ въ неприкосновенности, какъ вещественную улику, Крапоткинъ бросился въ Москву, куда онъ, впрочемъ, ранѣе собрался ѣхать. Тамъ, вѣроятно, по указаніямъ и внушеніямъ дяди, опытнаго приказнаго, совѣтника Аничкина, князь уллучилъ минуту подать челобитную императору отроку Петру II и настолько заинтересоваль государя своей обидой, что тотъ лично осматриваль на его тѣлѣ слѣды нанесенныхъ побоевъ.

Не подлежить, кажется, сомнѣнію сильное и дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ хитроумнаго барона Андрея Ивановича Остермана, пользовавшагося тогда большимъ вліяніемъ на юнаго государя. Не доброжелательно настроенный къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, всячески старавшійся помѣшати сближенію съ нею своего царственнаго питомца (Остерманъ былъ воспитателемъ Петра II), баронъ не могъ не ухватиться за такой скандалезный случай, какъ расправа съ Крапоткинымъ, въ которомъ былъ замѣшанъ одинъ изъ придворныхъ цесаревны, чтобы уронить въ глазахъ государя и ее самое и ея партію: вотъ, молъ, какими непорядочными людьми и самоуправцами окружена цесаревна!

Безъ этого предположенія, трудно было бы объяснить и то теплое участіе, какое приняли въ пострадавшемъ, какомъ-то безъизвѣстномъ, захудаломъ князькѣ далеко не жалостливый въ другихъ случаяхъ баронъ Андрей Ивановичъ, а чрезъ него и самъ государь, и ту необыкновенную слѣдственно-судебную ретивость, какую выказалъ верховный тайный совѣтъ къ жалобѣ Крапоткина.

Уже 8 сентября челобитная князя была заслушана въ засѣданіи совѣта; «притомъ, — сказано какъ бы мимоходомъ въ журналѣ, — баронъ Андрей Ивановичъ изволилъ объявить, что того Крапоткина его императорское величество изволилъ осматривать самъ». Понятно, что, послѣ такого «заявленія», члены совѣта обнаружили особое вниманіе къ челобитчику и въ полномъ составѣ тутъ же, съ своей стороны, его осмотрѣли, причемъ «на немъ битыхъ мѣстъ явилось: спина и лѣвый бокъ изсѣчено знатно плетми и мѣстами кожа пробита и заструпѣло; тако-жь лѣвое стегно бито же знатно палкою».

Послѣ освидѣтельствованія, совѣтъ постановилъ немедленно «сыскать» Соловово и свидѣтелей, и «допрашивать, и буде не запрется въ бою того Крапоткина, или свидѣтели уличатъ, то держать за карауломъ, а буде запрется, то отдать на поруки до съѣзду министерскаго» (т. е., до слѣдующаго засѣданія совѣта).

Особенно усердствовалъ въ скорѣйшемъ привлеченіи Соловово къ строгой отвѣтственности баронъ Остерманъ, какъ это видно изъ донесенія совѣту командированнаго для «сыску» сержанта Преображенскаго полка Аонасія Веревкина: 9-го сентября, т. е., на другой день послѣ вышеописаннаго засѣданія совѣта, Веревкинъ явился къ оберъ-гофмейстеру двора цесаревны Елисаветы Петровны, С. Г. Нарышкину, съ требованіемъ о «присылкѣ» Соловово. Послѣдняго на лицо не оказалось; Нарышкинъ собирался къ себѣ въ деревню, тѣмъ не менѣе, уступая переданному чрезъ Веревкина «приказу д. т. с., барона Андрея Ивановича, онъ, Нарышкинъ, посылалъ на дворъ Соловово, и тому посланному, — доносилъ сержантъ, — въ домѣ его сказали, на Москвѣ де его, Соловово, нѣтъ, а поѣхалъ въ деревню, и для того (Нарышкинъ?) послалъ по немъ нарочнаго, а послушаетъ ли де оный Солововъ Нарышкина или нѣтъ, не знаетъ, ибо и въ деревню поѣхалъ онъ, Солововъ, безъ вѣдома его».

Андрей Ивановичъ, видно, этимъ отвѣтомъ не удовлетворился. Безъ сомнѣнія, по его настоянію, тотчасъ же полетѣлъ во Владимірскую провинцію грозный высочайшій указъ — немедленно разыскать обвиняемыхъ и свидѣтелей по дѣлу Крапоткина, взять подъ караулъ и доставить въ Москву. Все владимірское начальство поднялось на ноги, разослало подьячихъ съ солдатами хватать искомымъ рабовъ Божіихъ и тянуть на цугундеръ; но дѣлалось это, вѣроятно, слишкомъ шумно, торопливо и неловко, ибо нѣкоторые изъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ съ перепугу «отъ взятія укрывались». Впрочемъ, главныя дѣйствующія лица, включительно до

смиреннаго деревенскаго попа, исповѣдывавшаго избитаго Крапоткина, были розысканы и доставлены въ Москву. Соловово же и Дубасовъ заблагодарасудили сами явиться для дачи показаній въ совѣтѣ. По отобраніи отъ нихъ показаній, перваго посадили за караулъ, а втораго обязали «являться въ канцелярію верховнаго тайнаго совѣта по всеѣ дни и безъ указа изъ Москвы отнюдь не съѣхать».

Дѣло велось съ такой необычайной ретивостью и поспѣшностью, что къ концу сентября слѣдствіе было уже закончено, въ чемъ опять таки нельзя не подмѣтить сильной, расторопной руки барона Андрея Ивановича, дѣйствовавшаго, по всегдашней своей манерѣ, въ подобныхъ щекотливыхъ оказіяхъ не открыто и прямо, а больше закулисно, какъ бы со стороны.

Соловово повинился въ причиненныхъ Крапоткину побояхъ, хотя и очень сбавилъ ихъ мѣру и жестокость. Въ оправданіе же свое показалъ, что онъ «хотѣлъ просить Крапоткина, чтобъ тотъ теңи его крестьянъ со своими крестьянами въ спорныхъ земляхъ и крестьянскихъ обидахъ развелъ полюбовно». Въ такомъ намѣреніи и письмо ему послалъ; но Крапоткинъ де къ нему, Соловово, не поѣхалъ, а сказалъ, что никакой нужды до него онъ не имѣеть. Встрѣтились де они случайно, и Крапоткинъ, будто бы, «пришелъ къ коляскѣ его, Соловово, безъ просьбы и по тому его приходу въ ту коляску онъ его съ собою и посадилъ». По пріѣздѣ же въ Кузьмину, «Крапоткинъ де сталъ ему, Соловово, говорить противно и, къ тому же, что пріѣхалъ къ нему не званъ, и за то онъ его билъ». Это путанное оправданіе, конечно, не заслуживало никакого вниманія.

Дубасовъ, оказавшійся, по справкѣ, всего лишь фендрикомъ, а не подпоручикомъ, за какового онъ выдавалъ себя, подтвердилъ, какъ мы уже знаемъ, показанія челобитчика. Отрицалъ онъ только прикосновенность свою къ расправѣ. Возражая Крапоткину, жаловавшемуся, что на его вопли о заступничествѣ Дубасовъ остался глухъ, послѣдній показывалъ, что онъ, напротивъ, заступился за князя: «говорилъ Соловову, что де нехорошо—такъ гостей не потчеваютъ; но Солововъ де сказалъ ему, Дубасову, что де не твое дѣло», и заперъ его въ избѣ, а самъ вышелъ на дворъ, гдѣ Крапоткина били, а чѣмъ, того онъ, Дубасовъ, не видалъ, а слышно было, что плетъми. И онъ де, Дубасовъ, вышелъ для отъему его, Крапоткина, на дворъ, и въ то время Соловово велѣлъ того Крапоткина бить перестать», а его, Дубасова, «паки возвратилъ въ избу, а Крапоткину велѣлъ идти со двора домой. И Крапоткинъ, надѣвъ кафтанъ, со двора пошелъ самъ, а никто его никакъ не тащилъ»..

Правду ли показывалъ Дубасовъ, или, себя выгораживая, кривилъ душой—подробность несущественная. Не существенны были также отнѣкиванія и ссылки на «запамятованіе» холопей Соловово, исполнявшихъ по барскому приказу, экзекуцію, послѣ того, какъ

самъ баринъ повинился въ самоуправствѣ. Бѣдный попъ села Муромскаго, о. Петръ, притянутый къ дѣлу за благовременное исполненіе церковной требы, подтвердилъ, что исповѣдывавшійся у него кн. Крапоткинъ, точно, находился «въ тяжкой болѣзни» отъ побоевъ.

Дѣло вполне разъяснилось—оставалось бы только изречь нелицепріятный приговоръ; но почему-то верховный тайный совѣтъ затянулъ рѣшеніе на цѣлыхъ два мѣсяца. Только 2-го декабря того же 1729 г. совѣтъ издалъ слѣдующее постановленіе:

«Хотя по уложенію,—сказано въ совѣтскомъ протоколѣ,—надлежало Григорію Петрову Соловово за то (прописываются нанесенныя имъ Крапоткину битье и безчестье)... учинить жестокое наказаніе—бить кнутомъ по торгамъ и скинуть въ тюрьму на мѣсяць, да на немъ же доправить безчестье и увѣчье; но его императорское величество милосердуя указалъ: вмѣсто того учинить ему наказаніе—бить на площади батагами, да сверхъ того за безчестье и увѣчье взять изъ деревень его, Соловово, отъ двадцати до тридцати дворовъ и отдать тому Крапоткину въ вѣчное владѣніе, дабы впредь такихъ продержостей другимъ чинить было не повадно»...

Замѣчательно, что на «подлинномъ» протоколѣ подписались только три члена верховнаго тайнаго совѣта: графъ Головкинъ, князь Василій Долгоруковъ и князь Дмитрій Голицынъ. Главное—нѣтъ подписи Остермана, и ужъ, конечно, это не случайность. Хитроумный Андрей Ивановичъ остался и въ этомъ случаѣ вѣренъ свой извилистой, двуличной полтиркѣ!

«Милосердная» замѣна кнута батагами мало смягчала суровость наказанія. Петрову-Соловово естественно было употребить все старанія избѣжать хотя бы и «милосерднаго» дранья, да еще на площади. Для этого оставался, повидимому, одинъ путь—ублаготворить потерпѣвшаго и войти съ нимъ въ мировую сдѣлку. Соловово и удалось этого добиться, но не въ благородномъ великодушій Крапоткина, не въ христіанскомъ всепрощеніи нашель онъ отзывчивую почву для примиренія, а въ мелкомъ, пошломъ корыстолюбіи князя-капрала.

Въ 20-хъ числахъ декабря поступила въ совѣтъ отъ тяжущихся на высочайшее имя мировая челобитная, въ которой читаемъ: «нынѣ я, князь Алексѣй, по просьбѣ его ко мнѣ, Григорьевой, съ нимъ договорился, въ чемъ онъ, Григорій Соловово и запись мнѣ на себя далъ съ неустойкой, а мнѣ, князю Алексѣю, на него, Григорія, и на крестьянъ его по тому дѣлу нынѣ и впредь не бить челомъ, а въ винѣ его, Григорія, по тому дѣлу волеиъ ваше императорское величество, а ежели по тому дѣлу потребуются какія пошлины, и тѣ пошлины платить мнѣ, Григорію Соловово. Всемилостивѣйшій государь, просимъ ваше императорское величество, да повелитъ ваше державство сію нашу челобитную сообщить къ показанному дѣлу!» (слѣдуютъ подписи).

Тутъ опять, въ финалѣ этой трагикомедіи, появляется баронъ

Андрей Ивановичъ! Нѣтъ сомнѣнiя, что самая мировая тяжущихся не прошла мимо рукъ его—была слажена и пущена въ ходъ не иначе, какъ съ его вѣдома и благословенiя. Это видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ строкъ комментированнаго нами дѣла:

«1729 г. декабря 31, отъ д. т. с. и кавалера барона Андрея Ивановича Остермана, иностранной коллегiи кописеть Филлиппъ Астафьевъ въ канцелярiи верховнаго тайнаго совѣта объявилъ мировую челобитную отставнаго капрала князя Крапоткина съ Григорiемъ Солововымъ съ такимъ приказомъ, чтобъ ту челобитную принять къ дѣлу, а Григорiя Соловова изъ-за караула освободить и шпагу ему отдать.

«И по тому приказу означенный Соловова изъ-за караула освобожденъ, и шпага ему отдана того же числа».

Это былъ канунъ новаго года—тѣмъ живѣе долженъ былъ почувствовать освобожденный признательность къ доброму и милосердному барону Андрею Ивановичу!

IV.

Генераль Дукласъ и его супруга.

Помнится, не очень давно одинъ губернаторъ, человекъ, надо полагать, суровый и не галантный, разрѣшился внушительнымъ циркуляромъ по подвѣдомственнымъ ему присутственнымъ мѣстамъ, чтобы чиновники, имѣющiе къ нему нужду, отнюдь не утруждали его подачей просьбъ чрезъ или отъ своихъ женъ, дочерей, сестеръ и, вообще, особъ прекраснаго пола.

Этотъ соблазнительный способъ ходатайства — соблазнительный тѣмъ болѣе, когда, ходатайствующiя за своихъ мужей, отцовъ и братьевъ, особы—дѣйствительно прекрасны и на своихъ прелестяхъ основываютъ успѣхъ хожденiя по начальству,—практиковался и въ прошломъ столѣтiи, причемъ признавался, какъ увидимъ, вполне умѣстнымъ.

Передъ нами курьезная и во многихъ отношенiяхъ характеристичная просьба жены генераль-лейтенанта Елены Дукласъ «о непосылкѣ ея мужа въ Персiю или о дачѣ въ Лифляндiи на аренду имѣнiя». Дѣло происходило въ концѣ 1731 г.

Графъ Оттонъ-Густавъ Дукласъ или—точно—Дугласъ (Douglas), представитель знаменитаго шотландскаго рода, въ молодости служилъ въ шведской армiи, въ моментъ Полтавской битвы состоялъ адъютантомъ Рейншильда и былъ взятъ въ плѣнъ. Плѣнникъ обратилъ на себя благосклонное вниманiе Петра и, приглашенный въ русскую службу, въ такой степени понравился царю своей дѣльностью и расторопностью, что очень скоро достигъ «степеней извѣстныхъ». Въ 1717-мъ году, Петръ довѣрчиво поручаетъ Дукласу управление завое-

ванною частью Финляндіи, и послѣдній вполне оправдываетъ это довѣріе. Милость къ нему государя была такъ велика, что, когда около этого времени Дукласъ въ запальчивости убилъ русскаго капитана, то, вмѣсто пожизненнаго заключенія въ крѣпости, къ которому приговорилъ его судъ, Петръ ограничилъ все наказаніе трехнедѣльной работой въ петербургскомъ Лѣтнемъ саду, безъ лишенія чиновъ и правъ.

По смерти Петра, Дукласъ, въ генеральскомъ чинѣ, занималъ видный постъ въ нашей украинской арміи и, конечно, далеко не находился въ томъ безпомощномъ матеріальномъ положеніи, въ какомъ представила это его благовѣрная супруга въ своей слезной всеподданнѣйшей просьбѣ. Очевидно, храброму генералу очень не хотѣлось идти въ дальній и трудный походъ, куда его командировали, а, если ужъ назначенія этого нельзя было обойти, то за свою сговорчивость желалъ онъ что нибудь пожирнѣе сорвать. Неловко, щекотливо и нестаточно было ходатайствовать въ этомъ направленіи самому Дукласу персонально, и вотъ, какъ бы независимо отъ него, по собственной догадкѣ и отъ себя, выступая со всенижайшей и очень странной челобитной его нѣжная супруга.

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня Анна Іоанновна!—пишетъ она:—въ прошедшемъ ноябрѣ сего 1731 г., по указу вашего императорскаго величества, объявленному изъ военной коллегіи чрезъ генералитетъ украинскаго корпуса, велѣно мужамоего, г.-л. графа Дукласа, отправить въ низовой корпусъ и слѣдовать ему туда прямо немедленно, по которому со всеусердіемъ во исполненіе производить долженствуетъ; точію оный мужъ мой, яко чужестранный, не имѣя здѣсь (кромѣ малаго экипажа, который отъ одного только жалованья по крайней возможности содержимъ) дому, деревень и никакого иждивенія, можетъ, за такимъ дальнимъ командированіемъ, меня и дѣтей малыхъ, которыхъ нынѣ, за благодатію Божіей, со удовольствіемъ находятся, отстать, понеже съ собою забрать отъ неспособнаго и дальняго пути нельзя, а въ здѣшнихъ мѣстахъ оставить не при чемъ—дому и деревень, какъ выше сказано, не имѣемъ; къ тому-жъ онъ и жалованья получаетъ, со опредѣленія въ настоящій рангъ, замѣтно (P) по генераль-майорскому рангу, чрезъ что, производя по саржѣ своей надлежащее содержаніе, а особливо, какъ имѣлъ при украинскомъ корпусѣ главную команду, испрожилъ и немалымъ числомъ денегъ остался долженъ, которыхъ заплатить чѣмъ не имѣеть, и исправиться къ тому пути никакъ не можетъ. Всемилостивѣйшая государыня императрица, припадая къ стопамъ вашего величества, прошу, да повелитъ высокодержавство ваше, по природной монаршеской щедротѣ и милосердію, аще ли возможно (sic!) отъ означеннаго командированія въ низовой корпусъ, показанныхъ ради нашихъ нуждъ и бѣдности, чтобъ я и дѣти наши не допущены были во всеконечную скудость,

мужа моего освободить! А егда такого призрѣнія преизобрѣсти допущены не будемъ, что въ высокодержавномъ и милостивомъ соизволеніи вашего величества состоитъ, то, хотя, для такой дальней мужу моему посылки, въ Эстляндіи или Лифляндіи къ пропитанію мнѣ и дѣтямъ дать на аренду деревню, гдѣ бы могла я съ дѣтьми своими остаться при отправленіи его въ то командированіе опредѣленнымъ временемъ, насколько тамо ему быть, противъ другихъ его братьи, состоитъ, милостиво снабдить, ибо о томъ точно въ указѣ не изображено и въ нынѣшнее зимнее время (въ которое чрезъ великія и пустыя степи проѣхать будетъ безъ конвою никакъ невозможно), до весны или перваго лѣтняго пути посылкою его обождать, дондеже исправиться могли бы и малой багажъ свой, котораго въ такой дальней путь забрать нельзя, продать и для оногo-жъ дальнаго проѣзда и снабденія меня и дѣтей, тако-жъ расплаты долговъ, денежное жалованье, со опредѣленія въ настоящій генераль-лейтенантскій рангъ, впредь на годъ, по его саржѣ, выдать, а проѣзду-жъ ради чрезъ степныя мѣста конвоємъ отъ команды до команды милостивѣйше снабдить». (Подписано Helena Douglas) ¹⁾.

Подобную наивно-наглую просьбу только и могла отважиться подать дама, особа слабаго пола, ктому-жъ, чужестранка. Даже и въ то простодушное время ходатайствовать генералу, уже назначенному въ военную, отвѣтственную экспедицію, о томъ, чтобъ его освободили отъ этой чести ради жены и малыхъ дѣтишекъ, или, «егда такого призрѣнія преизобрѣсти» невозможно, то пожаловали бы деревней,—казалось не совсѣмъ приличнымъ и несообразнымъ. Тертый калачъ былъ генераль Дукласъ, но, очевидно, и онъ не счелъ удобнымъ лично обращаться съ такою нелѣпою просьбой. Пригодилась добрая жена, которая, ничѣмъ не рискуя, взяла на себя щекотливую миссію и, къ удивленію, добилась полнаго успѣха.

Освободить Дукласа отъ похода, «аще ли возможно», не освободили; зато въ декабрѣ того же 1731 г. состоялся высочайшій указъ о пожалованіи Дукласу и женѣ его въ Лифляндіи мызы въ 23 гака «въ аренду на обыкновенные годы».

V.

Первый мостъ черезъ Неву въ Петербургѣ.

При Петрѣ Великомъ моста черезъ Неву не существовало, но съ той поры, какъ государь особенно возлюбилъ Васильевскій островъ и старался пощеголеватѣе застроить его на амстердамскій манеръ, мысль

¹⁾ Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общества, т. 104-й.

о сооруженіи такого моста стала насущною. Начали появляться и проекты для ея осуществленія. Какой-то смѣлый самоучка-инженеръ представилъ Петру остроумную модель каменнаго моста черезъ Неву на Васильевскій о-въ объ одной аркѣ. (Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣетъ 300 саж.). Царь, разумѣвшій толкъ въ этихъ вещахъ, принялъ модель, похвалилъ за усердіе и, чтобъ не обижать изобрѣтателя, въ шутку обѣщаль воспользоваться въ другое время его нелѣпой затѣей.

Живѣ всѣхъ тогдашнихъ петербуржцевъ чувствовалъ потребность въ мостѣ черезъ Неву, проживавшій на Васильевскомъ островѣ, всемогущій князь Меншиковъ, особенно съ той поры, когда, со смертію Петра, верховная государственная власть перешла въ его руки, и онъ не зналъ границъ своему самовластію. Поэтому одною изъ первыхъ заботъ его по благоустройству столицы было сооруженіе моста черезъ Неву, какъ разъ противъ своего дворца на Васильевскомъ островѣ (гдѣ нынѣ Петровская площадь, на линіи Исаакіевскаго собора).

Мостъ, конечно, деревянный, пловучій, и былъ построенъ въ 1727 г., но его инициатору, князю Меншикову, недолго пришлось имъ пользоваться. 27-го іюля, князь присутствовалъ на молебнѣ и освященіи новаго моста, а съ небольшимъ черезъ мѣсяць надъ нимъ разразилась грозная опала.

Столько же почти времени существовалъ и этотъ первый черезъ Неву мостъ—первый, можетъ быть, отъ сотворенія міра. Безъ сомнѣнія, этотъ плашкоутный мостъ на такой могучей рѣкѣ, какъ Нева, представлялъ для инженернаго искусства того времени очень смѣлое сооруженіе—настолько смѣлое и рискованное, что новые предержатели власти, низвергнувшіе Меншикова, испугались его и 16-го сентября того же 1727 г., т.-е., черезъ нѣсколько дней послѣ паденія князя, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ постановили—новый Исаакіевскій мостъ снять и замѣнить попрежнему перевозомъ «для удобства судового хода». Покойный П. Н. Петровъ, авторъ известной «Исторіи Санктъ-Петербурга», утверждаетъ,—къ сожалѣнію, безъ указанія источника по своему обыкновенію, во многомъ обезцѣнившему его трудолюбивыя изысканія,—будто не «удобство судового хода» озабочивало верховниковъ, уничтожившихъ новый мостъ, а ихъ ревнивое желаніе «держать императора (Петра II) въ Лѣтнемъ дворцѣ», пока домъ Меншикова будетъ подвергаться описи и конфискаціи. «Думали,—заключаетъ Петровъ,—что при существованіи моста, удобно могли (кто?) что либо увезти изъ пустыхъ (?) строеній».

Если опасались за какія нибудь драгоценности, то ихъ гораздо удобнѣе могли увезти и безъ существованія моста. Еще неосновательнѣе было (если оно только было) опасеніе за императора-отрока, будто онъ, при существованіи моста, не усидѣлъ бы въ Лѣтнемъ

дворцѣ и расположился бы въ домѣ Меншикова, тогда какъ достоверно извѣстно, что Петръ въ это время относился съ гнѣвнымъ раздраженіемъ къ самому имени Меншикова и ко всему, что могло его напоминать.

Что-то здѣсь не такъ. Или Петровъ откуда-то взялъ свою справку и перепуталъ, или, если это его собственная догадка, то—крайне неудачная. Мы стоимъ на предположеніи, что самая идея моста могла показаться рискованной, да, вѣроятно, на первыхъ порахъ построень онъ былъ такъ неискусно, что, дѣйствительно, могъ мѣшать свободному «ходу судоходства».

Въ короткое царствованіе Петра II, съ паденіемъ Меншикова, дворъ удалился въ Москву, Петербургъ сильно обезлюдѣлъ и почти совсѣмъ былъ заброшенъ. Ожилъ онъ только съ возвращеніемъ двора, при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, въ 1731 г. Одновременно возникла и мысль о проведеніи моста черезъ Неву. 4 марта 1732 г. императрица подписала указъ объ этомъ предметѣ, а 20-го того же марта въ кабинетѣ министровъ было заслушано и утверждено «всеподданнѣйшее доношеніе изъ адмиралтейской коллегіи» такого содержанія:

«Сего 4-го числа, по именному Вашего Императорскаго Величества указу, велѣно для ѣзды коннымъ и ходу пѣшимъ черезъ Неву-рѣку, съ Адмиралтейской стороны на Васильевскій островъ, сдѣлать мостъ въ прежнемъ мѣстѣ, гдѣ былъ сдѣланъ въ 1727 г. на баркахъ, съ двумя большихъ да съ однимъ мелкихъ судовъ пропусками, адмиралтейской коллегіи адмиралтейскими служителями и готовыми припасы по вскрытіи льду, безъ всякаго замедленія, и для того по оному строенію опредѣлить нынѣ изъ офицеровъ, по разсмотрѣнію. И по оному Вашего Императорскаго Величества именному указу, къ строенію онаго моста опредѣленъ корабельный мастеръ Пальчиковъ, который у того строенія и прежде былъ, и къ нему въ помощь для смотрѣнія и въ работѣ понужденія, опредѣлены оберъ и унтеръ-офицеры, и велѣно ему, Пальчикову, тотъ мостъ сдѣлать безъ всякаго замедленія; а объ отпускѣ къ тому строенію, по требованію Пальчикова, въ конторы адмиралтейскую и оберъ-серваерскую указы отъ коллегіи посланы. Марта 20-го дня 1732 года. Вашего императорскаго величества нижайшіе раби: Th. Gordon... Иванъ Козловъ, Иванъ Кошелевъ»¹⁾.

Мы не знаемъ, какого именно мѣсяца и числа мостъ этотъ былъ открытъ и въ какую сумму онъ обошелся — въ опубликованныхъ

¹⁾ «Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества», т. 104-й. — «Доношеніе» это мы привели здѣсь цѣликомъ, такъ какъ оно впервые увидѣло свѣтъ на страницахъ «Сборника». Петровъ въ своей «Исторіи» его просмотрѣлъ или вовсе о немъ не зналъ.

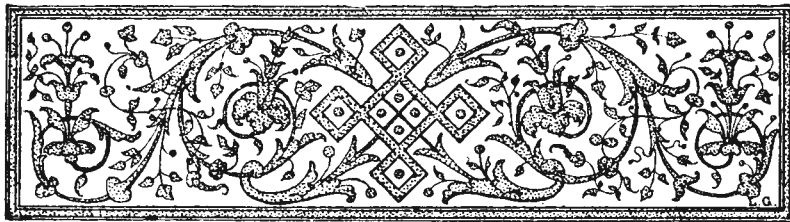

нынѣ кабинетскихъ бумагахъ на это нѣтъ указаній. Не зналъ этого и Петровъ, почему-то отмѣтившій, какъ фактъ достойный удивленія, что мостъ велѣно строить «даже раньше вскрытія Невы» (4-го марта); между тѣмъ, въ Петербургѣ и по сіе время деревянные мосты иначе не строятся и не могутъ строиться, какъ зимою, «до вскрытія», и ничего въ этомъ удивительнаго нѣтъ.

Несомнѣнно, однако, что мостъ, построенный Пальчиковымъ, былъ открытъ въ томъ же 1732 году, и по немъ началось движеніе за плату съ каждаго пѣшехода и экипажа. Мостъ назывался Исаакіевскимъ. Въ 1736 году, адмиралтейская коллегія донесла о необходимости увеличить мостовой сборъ для покрытія издержекъ по наводу и разводу и по содержанію моста. Сборъ былъ усиленъ и взимался въ такихъ размѣрахъ: съ каретъ и колясокъ парами по 5 копеекъ, съ городскихъ одиночекъ по 3 копейки, съ воза по 2 копейки, съ кучеровъ и лакеевъ, а равно со всѣхъ пѣшихъ по 1 копейкѣ, съ десяти мелкихъ скотинъ по 2 копейки. За проходъ же каждаго судна, при разводкѣ моста, по 1 рублю.

Вл. Михневичъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВЪ И СЕЛЪ СПАСКОМЪ.

(Посвящается Маріи Гавриловнѣ Савиной).

ЕЛО Спаское-Лутовиново, имѣніе Ивана Сергѣевича Тургенева, находится въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи и частью переходитъ въ Чернскій уѣздъ Тульской губерніи.

Отъ г. Мценска до Спасскаго—12 верстъ, а отъ полустанка Московско-Курской желѣзной дороги «Бастыево»—5 верстъ. Желающимъ побывать въ Спаскомъ слѣдуетъ ѣхать по Московско-Курской желѣзной дорогѣ, до станціи «Мценскъ», которая расположена въ самомъ городѣ, нанять тамъ извозчика,—всѣ тамошніе извозчики знаютъ дорогу до Спасскаго; стоимость проѣзда отъ 1 р. 50 к. до 2 р. При выѣздѣ изъ города по Троицкой улицѣ дорога поднимается на «Виселевскую» гору, съ вершины которой развѣтывается красивая панорама города Мценска. Дорога идетъ большимъ Бѣлевскимъ трактомъ, вдоль праваго берега рѣки «Зуши»; по тому же берегу также идетъ и линія желѣзной дороги, пересекающая Бѣлевскій трактъ.

За «Зушей»,halb отъ ѣдущаго въ Спасское, мѣстность возвышенная и волнистая; по ней раскинулись березовыя рощи, деревни и помѣщичьи усадьбы—общій видъ отъ дороги очень красивый. Въ четырехъ верстахъ отъ Мценска съ Бѣлевской дороги есть поворотъ вправо на проселокъ, которымъ можно проѣхать въ Спасское, и этотъ путь даже короче, но не всегда удобенъ для

ѣзды, такъ какъ часто размывается дождями; удобнѣе, хотя и дальше, ѣхать Бѣлевскимъ трактомъ.

Первая подгородная деревня на этомъ трактѣ,—Нижняя-Зароца; проѣхавъ по деревнѣ и по мосту, построенному черезъ рѣчку «Зароцу», отъ которой получила названіе и деревня, нужно свернуть на проселокъ, идущій отъ Нижней Зароцы до сельца Катушищева. Отъ Катушищева рукой подать до Спасскаго,—всего не болѣе двухъ верстъ.

При вѣздѣ въ село Спасское построена часовня, въ память императора Александра II-го (въ ней находится образъ св. Александра Невскаго, написанный на цинковой доскѣ, художникомъ Фаргусовымъ). Построена часовня на средства Ивана Сергѣевича Тургенева. Самое село расположено на ровномъ мѣстѣ; избы, стояція въ два ряда, большею частью деревянные, крыты соломой, только за послѣднее время стали строиться кирпичныя и земляныя. Видъ села самый заурадный. Въ концѣ улицы—выгонъ съ неизмѣнной «гамазеей» для засыпки общественнаго хлѣба; дорога идетъ и далѣе все въ томъ же направленіи. По лѣвую сторону дороги, прижавшись къ фруктовому саду Ивана Сергѣевича Тургенева, стоятъ двѣ небольшія усадьбы бывшихъ дворовыхъ людей Тургенева: одна изъ нихъ принадлежала садовнику Ивану Цуканову (нынѣ принадлежитъ прасолу Сергѣю Поликарпову), другая принадлежитъ и теперь бывшему камердинеру Ивана Сергѣевича Тургенева, Петру (онъ же Калпистратъ) Михайлову Перегримову.

За усадьбами, все съ той же лѣвой стороны, продолжается ограда фруктоваго сада, потомъ красивый домикъ,—бывшая Тургеневская богадѣльня; позднѣе въ ней помѣщалась также аптека; рядомъ съ богадѣльней, по той же лѣвой сторонѣ, рѣшетчатые ворота въ усадьбу Тургенева и зданіе училища; вправо отъ училища къ саду каменная церковь Спаса Преображенія. Съ правой стороны дороги, напротивъ двухъ усадебъ дворовыхъ, двороваго сада и богадѣльни, раскинулась небольшая слободка, называемая крестьянами «Поповка»: здѣсь стоятъ усадьбы священнослужителей Спасской церкви и далѣе противъ училища небольшое кладбище, упраздненное въ 1870 году, посрединѣ котораго высится полуразрушенный мавзолей рода Лутовиновыхъ, окруженный елями и весь обросшій кустами бузины; онъ постоянно запертъ, и ключъ отъ него находится у священника. Мавзолей разрушается и быть въ немъ опасно; на полу лежатъ кирпичи, падающіе изъ куполообразнаго свода. Внутри карнизъ кое-гдѣ обвалился; на упавшихъ внизъ плитахъ высѣчены буквы: по всему вѣроятію, по карнизу идетъ связная надпись, но разобрать ее невозможно. На полу посрединѣ находится чугунная плита съ надписью, гласящей, что мавзолей выстроенъ на могилѣ какого-то ребенка; тутъ же похороненъ и строитель мавзолея, уже упомянутый Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ, въ 1813 году. Рядомъ съ мав-

волеемъ памятникъ въ видѣ урны. Съ одной стороны—стихотвореніе, которое все разобрать нельзя. Уцѣлѣло только слѣдующее:

«Тому, кто здѣсь лежитъ»
 < — спасать — должна похвалы»,
 «Но чтобы слухъ дѣлъ его повсюду простирался»,
 «Что — мужъ жилъ честно и скончался»,
 «Училъ дитя, родителей покоилъ»,
 «Примѣромъ былъ благимъ»,
 «Сей памятникъ ему построилъ»
 «Лутовинъ».

На другой сторонѣ:—Здѣсь лѣжитъ тело француза лотарингскава уроженца города Нанси Николая Этьенъ венеи дефренъ въ Россию 1769 году приѣхалъ сканчался 1793 г. июля 15 дня. На третьей: корона и буквы N. D.; на четвертой: два крыла и черепъ, черепъ лежитъ на двухъ крестообразно сложенныхъ костяхъ. Любопытно, что этими надписями воспользовался Иванъ Сергѣевичъ въ разсказѣ «Льговъ»; въ дѣйствительномъ селѣ «Льговѣ» подобнаго памятника нѣтъ.

Мнѣ пришлось провести нѣсколько лѣтъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло дѣтство Тургенева и которыя не разъ были описаны имъ въ его сочиненіяхъ.

Я былъ также свидѣтелемъ послѣднихъ приѣздовъ его на родину— въ село Спасское-Лутовиново. Въ 1870 году, отецъ мой купилъ въ Мценскомъ уѣздѣ имѣнье, сельцо Катужицево, которое отстояло отъ Спасскаго всего только въ двухъ верстахъ; переехали мы въ свою деревню лѣтомъ, и очень скоро дѣла заставили отца моего прѣхать къ управляющему села Спасскаго. Управляющимъ Тургенева былъ тогда Никита Алексѣевичъ Кишинскій. Съ отцомъ отправился и я; мнѣ, пятнадцатилѣтнему юношѣ, очень хотѣлось взглянуть на имѣніе знаменитаго писателя, уже знакомаго мнѣ заочно, и посмотреть домъ и усадьбу автора «Записокъ охотника». Уже при въѣздѣ усадьба производила впечатлѣніе: сельскохозяйственныя постройки, амбары, службы для дворовыхъ, нѣсколько кузницъ, шорныя, конюшни, каретные сараи и разныя мастерскія, скученные на двухъ десятинахъ, сразу представлялись взору въ концѣ аллеи, ведущей въ усадьбу; все было ново, крыши, только что покрытыя дранью, блестѣли на солнцѣ, какъ вылощенные, всѣ постройки были вновь выкрашены, вообще о старинѣ говорили только двѣ неотреставрированныя постройки: флигель, гдѣ жилъ управляющій, да главный домъ, гдѣ выросъ Иванъ Сергѣевичъ, и гдѣ помѣщался онъ во время своихъ приѣздовъ изъ-за границы. Хотя это послѣднее зданіе, стоявшее вправо въ концѣ аллеи, и носило названіе «главнаго дома», но это были только остатки огромныхъ старыхъ хоромъ, большая часть которыхъ сгорѣла въ 1840 году. Центральное строеніе, какъ передавалъ Иванъ Сергѣевичъ, заключало въ себѣ громадную залу въ два свѣта съ колоссальными колоннами изъ цѣльнаго ясеня. Къ

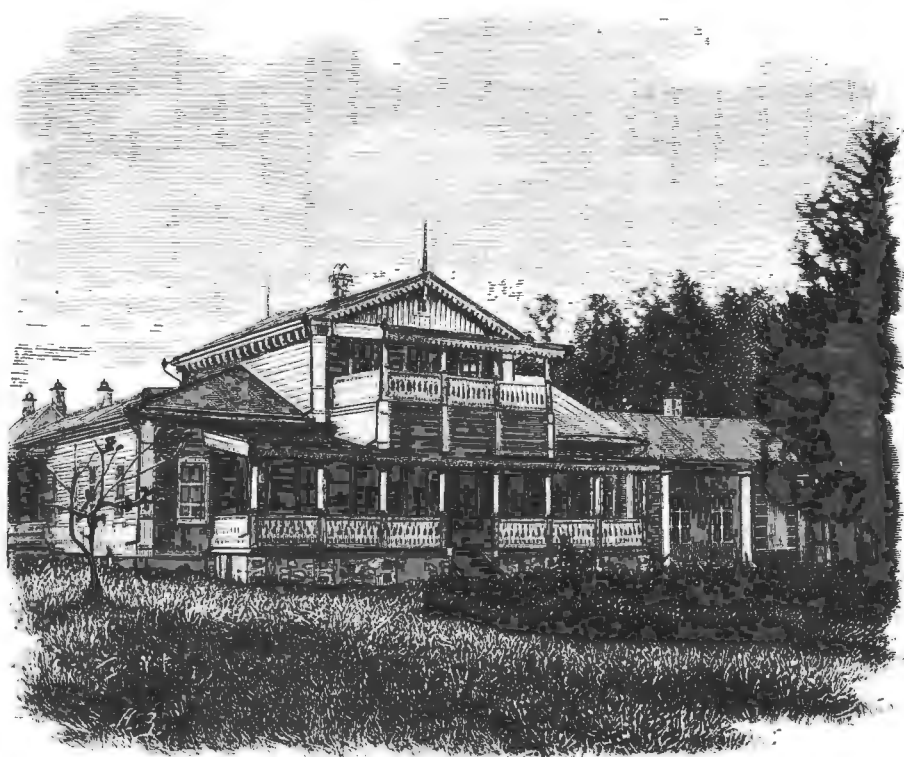
хоромамъ примыкали сарава и слѣва огромные флигеля, каждый изъ двухъ длинныхъ корпусовъ, образующихъ прямой уголъ. Этимъ угломъ флигеля выходили къ въѣзду. То, что уцѣлѣло отъ пожара, былъ лишь правый флигель, который соединялся съ главнымъ домомъ каменною, крытою желѣзомъ, галлереей, также уцѣлѣвшей до настоящаго времени. Флигель имѣеть мезонинъ; во время матери Тургенева весь этотъ флигель былъ отведенъ подъ крѣпостныхъ музыкантовъ, число которыхъ доходило до шестидесяти человѣкъ. На мѣстѣ сгорѣвшихъ хоромъ и лѣваго флигеля и по старому двору разросся садъ. Только часть двора, примыкавшая къ балкону сохранившагося флигеля, попрежнему была занята цвѣтниками.

Управляющій любезно предложилъ отцу осмотрѣть усадьбу и остатки обширнаго дома. Я опишу все это въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы осматривали усадьбу: мы начали осмотръ съ сельскохозяйственныхъ построекъ и разныхъ машинъ, особенно занимавшихъ моего отца. Нѣсколько каретныхъ сараевъ были сплошь наполнены старинными экипажами, число которыхъ было весьма значительно: однихъ тарантасовъ было штукъ восемь; были линейки, кибитки, другія повозки и даже охотничьи трончныя телѣги для собакъ. Существовали приспособленія для подъема экипажей на верхъ при помощи блока. Такимъ образомъ, поднимались на верхъ весною зимніе экипажи, осенью лѣтніе. Вниманіе наше привлекъ громадный дормезъ вѣнской работы; въ немъ была устроена и спальня и «столовая»,—отдѣленіе, гдѣ стоялъ столъ, и вокругъ него скамейки для сидѣнья; кучерскія козлы были очень высоко; сзади помещеніе съ откиднымъ верхомъ—для горничной и лакея, а на верху всего сооруженія разные важи для вещей. Впрягалось въ эту громаду, смотря по дорогѣ, отъ восьми до десяти лошадей. Въ этомъ дормезѣ мать Ивана Сергѣевича, Варвара Петровна, съ дѣтьми, послѣ смерти своего мужа Сергѣя Николаевича Тургенева въ 1835 году, совершала путешествіе за границу. Эту рѣдкость экипажнаго искусства управляющій потомъ разобралъ, а желѣзо пошло на подѣлку. Очень жалѣлъ Иванъ Сергѣевичъ, когда узналъ, что этотъ дормезъ не существуетъ, и не разъ говорилъ, «что онъ напоминалъ ему многое». Осмотрѣвъ усадьбу, мы направились къ дому; въ немъ было нѣсколько подѣздовъ: два подѣзда со стороны прежняго задняго двора; изъ нихъ одинъ велъ на мезонинъ и служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ чернымъ ходомъ, а другой велъ въ нежилую часть дома. Главнымъ подѣздомъ уцѣлѣвшаго строенія поневолѣ сдѣлалась терраса, выходившая на цвѣтникъ. Странно было видѣть посѣтителей, подѣзжающихъ къ этой террасѣ и входящихъ прямо въ маленькую гостиную. Тѣмъ же способомъ проникли въ домъ и мы съ отцомъ при первомъ осмотрѣ. Передъ террасой на площадкѣ разбиты были клумбы, сплошь усыяныя цвѣтами; на главной клумбѣ посрединѣ была посажена елка; съ террасы открывался пре-

лестный видъ на двѣтннкѣ. Маленькая гостиная въ то время замѣняла прихожую. Въ ней не стоялъ еще диванъ «самосонъ»; онъ былъ заброшенъ въ сараѣ, и только позднѣ Иванъ Сергѣевичъ вспомнилъ объ немъ и велѣлъ привести его въ порядокъ и внести въ гостиную; это было въ послѣдній прїѣздъ Тургенева въ Спасское. Тургеневъ увѣковѣчилъ этотъ диванъ, весьма точно описавъ его въ повѣсти «Наканунѣ». Вокругъ гостиной по стѣнамъ стояли стулья краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями, съ сидѣньями, обитыми тисненой кожей. Портретъ отца Ивана Сергѣевича, Сергѣя Николаевича, теперь виситъ надъ «самосономъ». Въ мой первый прїѣздъ онъ висѣлъ въ кабинетѣ, а на томъ мѣстѣ въ гостиной былъ только портретъ брата Тургенева, — Николая Сергѣевича. Въ гостиной было три двери: одна направо вела въ столовую, примыкавшую къ упомянутой крытой каменной галлерей, ведшей къ сгорѣвшему главному корпусу; другая налево въ «угольную гостиную», комнату, составлявшую упомянутый уголь дома, третья дверь — прямо противъ входа, вела въ коридоръ; изъ коридора по лѣстницѣ можно было подняться на мезонинъ. Въ столовой по срединѣ стоялъ старинный раздвижной дубовый столъ, стулья были, какъ и въ гостиной, краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями, налево у стѣны стоялъ огромный рѣзной буфетъ. Голыя стѣны комнаты оживлялись лишь однимъ портретомъ: на немъ былъ изображенъ мужчина въ зеленомъ камзолѣ Екатерининскихъ временъ, обшитомъ галуномъ, въ трехугольной шляпѣ. Портретъ былъ проколотъ, повидимому, шпателью, какъ разъ на мѣстѣ сердца изображеннаго мужчины. Не трудно было узнать въ этомъ портретѣ прототипъ картины, описанной Тургеневымъ въ одной изъ его повѣстей «Три портрета». Преданіе, вполне сходное съ содержаніемъ Тургеневской повѣсти, долго держалось среди старыхъ дворовыхъ. Старикъ бурмистръ Луговской (онъ же Тереховъ) и горничная матери Тургенева, Александра Семеновна, умершая въ Тургеневской богадѣльнѣ, подтверждали мнѣ, что дядя матери Ивана Сергѣевича, Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ, сдѣлалъ роковой проколъ. Остальные фамильные портреты Лутовиновскаго рода были только позднѣ привезены изъ Московскаго пречистенскаго дома послѣ смерти брата Ивана Сергѣевича, Николая Сергѣевича, и развѣшены въ столовой передъ послѣднимъ прїѣздомъ Ивана Сергѣевича въ Спасское, лѣтомъ 1881 года. Изъ столовой мы вернулись въ маленькую гостиную, служившую прихожей, и перешли налево въ «угольную гостиную»; мебель въ ней была мягкая, обитая темнозеленымъ сафьяномъ, работы Тура; по стѣнамъ висѣли роскошныя Каламовскія гравюры, изображавшія стадо, охоту и проч., и портретъ любимой собаки Ивана Сергѣевича «Діанки». «Діанка», умнѣйшая изъ четвероногихъ, упомянутая въ отрывкѣ «Довольно», погребена въ Спасскомъ саду подъ дубомъ, недалеко отъ дома. Въ

углу, направо отъ входа въ «угловую гостиную», стояла стеклянная горка, въ которой были разставлены старинныя фарфоровыя вазы, чашки и разныя бездѣлушки. На ломберномъ столѣ у окна стояли бронзовыя съ фигурами часы Нортонской работы. Угловой гостинойю оканчивался первый корпусъ флигеля, тянувшійся съ сѣвера къ югу, вдоль стараго двора, и начинался примыкавшій подъ прямымъ угломъ второй, болѣе длинный корпусъ, тянувшійся съ востока на западъ. Въ этомъ направленіи изъ «угловой гостиной» дверь вела въ кабинетъ Ивана Сергѣевича, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ ему и спальней. Между окнами, къ простѣнку бокомъ, стоялъ письменный столъ Тургенева, передъ столомъ большое старинное полумягкое кресло; на столѣ, кромѣ письменныхъ принадлежностей, стоялъ старинный темнобронзовый подсвѣчникъ на двѣ свѣчи съ подвижнымъ стекляннымъ абажуромъ, имѣвшимъ какой-то замысловатый рисунокъ. Въ углу висѣлъ большого размѣра образъ Нерукотвореннаго Спаса съ богатымъ серебрянымъ вѣнцомъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Про эту икону Иванъ Сергѣевичъ говаривалъ, что она въ ихъ роду со временъ Іоанна Грознаго. Какъ сейчасъ помню, потемнѣвшій отъ времени, ликъ со строгимъ выраженіемъ. Цѣнная икона, которая дѣйствительно могла относиться къ XVI вѣку, послѣ смерти Ивана Сергѣевича по наслѣдству должна была перейти во владѣніе Ольги Васильевны Галаховой, или Клеопатры Дмитриевны Сухотиной. Противъ стола, у стѣны, за ширмами изъ корельской березы, раскрашенными цвѣтами, стояла широкая краснаго дерева кровать безъ полога; около кровати небольшой, круглый изъ корельской березы столикъ, а сбоку у стѣны небольшой гардеробъ. На простѣнкѣ у стола висѣли три литографированные портрета: на верху портретъ какой-то пожилой женщины, а ниже рядомъ еще два портрета: изъ нихъ одинъ В. Г. Вѣлинскаго, а другой М. С. Щукина. На другой стѣнѣ, сзади кресла, висѣлъ портретъ отца Ивана Сергѣевича, — Сергѣя Николаевича, въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ съ георгиевскимъ крестомъ, съ прекраснымъ, юношескимъ, почти женскимъ лицомъ; ниже висѣло въ рамкѣ за стекломъ нарисованное красками родословное дерево рода Лутовиновыхъ. Это была акварель большого размѣра, около полутора аршинъ въ высоту, представлявшая дубъ; среди вѣтвей и зеленой листвы видѣлись въ кругахъ имена отдѣльных членовъ безконечнаго Лутовиновскаго рода. Далѣе, рядомъ съ кабинетомъ, находилась комната, которая носила названіе «казино»; дала ей это названіе мать Ивана Сергѣевича, — Варвара Петровна. Вся мебель въ «казино» была изъ корельской березы, передъ диваномъ стоялъ огромный овальной формы столъ «геридонъ» съ шестью ящиками, ручки которыхъ, бронзовыя, имѣли видъ собачьихъ головъ. Верхняя доска стола была сдѣлана изъ четырехъ цѣльныхъ кусковъ корельской березы; Иванъ Сергѣевичъ рассказывалъ,

что за этимъ столомъ они съ братомъ Николаемъ Сергѣевичемъ учились въ дѣтскіе годы. Иванъ Сергѣевичъ придавалъ этому столу большую цѣнность и значеніе рѣдкости. Надъ диваномъ висѣлъ портретъ поэта Тютчева, по стѣнамъ стояли шкафы съ книгами: англійскими, французскими и итальянскими; всѣ шкафы были занумерованы. Изъ «казино» была дверь и маленькая лѣсенка въ садъ на югъ; террасы передъ «казино» въ мой первый пріѣздъ не было, она выстроена позже, когда передѣлывали домъ въ ожида-

Господскій домъ въ селѣ Спасскомъ.

ніи лѣтняго пріѣзда Ивана Сергѣевича въ 1881 году. Изъ «казино» и изъ кабинета были еще маленькія дверки въ особый коридорчикъ, который велъ въ «Савинскую» комнату, расположенную рядомъ съ «казино», окнами на сѣверъ, во дворъ. Названіе «Савинской» она пріобрѣла съ 1881 года, когда Тургеневъ въ послѣдній разъ гостилъ въ родовомъ имѣніи. Эту комнату занимала тогда, пріѣхавшая гостить къ Ивану Сергѣевичу, извѣстная артистка императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ Марья Гавриловна Савина, а первоначально комната эта предназначалась также для пріѣзда го-

стей; такъ въ ней во время своихъ прїѣздовъ въ Спасское жили: Д. В. Григоровичъ, Н. В. Гербель, гр. Л. Н. Толстой, въ ней же жилъ въ 1872 году извѣстный Рольстонъ, гостившій у Ивана Сергѣевича. Тургеневъ нарочно устраивалъ для него народные праздники въ Спасскомъ. Одновременно съ М. Г. Савиной, у Тургенева въ 1881 году цѣлое лѣто гостилъ извѣстный поэтъ Яковъ Петровичъ Полонскій съ своимъ семействомъ. Далѣе, по направленію этого корпуса, дверь вела изъ «казино» въ библіотеку; эта комната выходила окнами на двѣ стороны: въ садъ и во дворъ; по срединѣ стоялъ бильярдъ; стѣны были сплошь и подъ самый потолокъ уставлены шкапами съ книгами. Библіотека была приведена въ порядокъ старичкомъ землемѣромъ, Дмитріемъ Ивановичемъ Брюхановымъ, который производилъ размежку имѣній Ивана Сергѣевича и затѣмъ прожилъ у него около пяти лѣтъ; библіотека имѣла пять тысячъ названій, и имѣлся обстоятельный каталогъ, писанный рукою Д. И. Брюханова. Въ Тургеневскую библіотеку вошла часть библіотеки В. Г. Бѣлинскаго, которую послѣ его смерти Иванъ Сергѣевичъ купилъ; часть эта была журнальная. Въ первоначальной библіотекѣ было много цѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ, русскихъ и иностранныхъ; нѣкоторыя книги вполнѣдствіи Иваномъ Сергѣевичемъ пожертвованы въ С.-Петербургскую Публичную библіотеку, такъ, напримѣръ, старинное изданіе «Книги о китайскихъ законахъ». Далѣе, во всю длину корпуса слѣдовали одна за другой, безъ коридора, небольшія комнаты, которыя предназначались для прїѣзда гостей и не представляли изъ себя ничего особеннаго, кромѣ одной, которая была рядомъ съ библіотекой; въ ней по стѣнамъ были развѣшены старинныя гравюры, изображавшія различныя сцены охоты, да въ рамкахъ подъ стекломъ висѣло два патента, на чины штабсъ-ротмистра и ротмистра, отца Ивана Сергѣевича, подписанные императоромъ Павломъ I-мъ. Въ мезонинѣ изъ упомянутаго выше коридора вела узенькая лѣстница; въ мезонинѣ было три небольшихъ комнаты: въ одной изъ нихъ, которая была заперта, былъ сваленъ разный хламъ, преимущественно масса связокъ старыхъ дѣлъ, плановъ, какіе-то длинные свернутые въ трубку пергаментные листы съ всякими печатями на шнуркахъ; вѣроятно, между ними были очень старыя родовыя грамоты; всѣхъ этихъ документовъ вполнѣдствіи и слѣда не осталось. Камердинеръ Ивана Сергѣевича, Захаръ-Кривой, не зная имъ цѣны, свезъ ихъ въ городъ Мценскъ и продалъ на обертки въ лавки. Осмотрѣвъ домъ, мы опять тѣмъ же ходомъ, т. е. черезъ террасу, спустились въ садъ и направили свой путь къ оранжереѣ, которая находилась въ сѣверной части сада. Отъ дома къ оранжереѣ шло нѣсколько дорожекъ, и мѣстность представляла покатошь, впередъ и въ стороны, вблизи отъ дома росли больше липы, березы, дубы и ясень въ перемежку съ осиной. Вся усадьба Спасскаго занимаетъ болѣе тридцати

десятинь. По крайней мѣрѣ, двѣ трети этого пространства захватилъ, въ мое время, разросшійся, запущенный садъ. Онъ тянется отъ дома главнымъ образомъ къ сѣверу и къ востоку. Ближайшія къ дому части сада моложе—заросли здѣсь по большей части невысоки, поляны и лужайки попадались чаще; въ этой части находятся и обросшіе остатки сгорѣвшаго стараго центрального зданія и флигеля. Мѣстность склоняется главнымъ образомъ къ сѣверу, гдѣ садъ заключается огромнымъ прудомъ. Часть сада, примыкающая къ пруду, старше, и тѣни въ ней больше. Первоначальный планъ огромнаго сада исчезъ подъ зарослью. Сохранилось только нѣсколько старыхъ аллей, остальные дорожки были разбиты вновь по прихоти или по хозяйственнымъ нуждамъ. Окинемъ взглядомъ нѣкоторыя, особенно живописныя

Церковь и школа въ селѣ Спасскомъ.

или чѣмъ нибудь замѣчательныя части этого сада. Въ сѣверо-восточномъ углу, у восточнаго края пруда и плотины цѣлая роща столѣтнихъ елей. Въ глубинѣ далѣе къ сѣверу высятся липы, а рядомъ старыя приземистыя и развѣсистыя сосны, могучія вѣтви которыхъ низко наклонились къ пруду. На западъ здѣсь же, около большого пруда растетъ громадная ель подъ названіемъ «Два брата», обхвата въ два толщины, которая на высотѣ сажени раздѣляется на два ствола. На корѣ были вырѣзаны различные инициалы гостившихъ въ Спасскомъ литераторовъ. Послѣ смерти Тургенева масса народа пріѣзжала смотрѣть Спасское и изрѣзала весь штампъ дерева своимъ ничею незначащими именами и надписями. Внизу кто-то вырѣзалъ: «Любовь сильнѣе смерти», и другая надпись читается почти у самаго корня:

«Тургеневъ умеръ, но живъ для насъ». Недалеко отъ ели стояла скамейка, и Иванъ Сергѣевичъ любилъ на ней сидѣть. Къ противоположному концу пруда преобладаютъ липы, тонкія, часто стояція: онѣ высоко вытянули свои вершины къ небу, а за ними у самаго пруда, близъ моста и дороги на хуторъ, старая березовая роща раскинулась здѣсь по скатамъ оврага. Березы сплошь покрыты грачними гнѣздами. Это самая дикая часть сада, со слѣдами старой канавы и вала, шедшаго вокругъ усадьбы. Иванъ Сергѣевичъ не велѣлъ разорять эту шумливую колонію; онъ приказалъ подъ этими березами вырыть колодезь и около колодца поставить маленькую часовенку съ образомъ св. Герасима Грачевника. Колодезь начали рыть, но до воды не докопались, и яму потомъ засыпали; часовенка же долго стояла, пока не развалилась отъ ветхости. Въ серединѣ сада близъ оранжереи устроено множество грядъ для клубники, рядомъ правильныя линіи ягодныхъ кустовъ: крыжовника, смородины и малины; въ мой первый прѣздъ все это было подвязано и подрѣзано, и видна была опытная рука садовника; тутъ же рядомъ оранжерея, парники и грунтовые сараи. Оранжерея была персиковая и абрикосовая, всѣ деревья усыпаны были плодами, въ грунтовыхъ сараяхъ зрѣли уже испанскія вишни и сливы. Дорожки шли въ этой части сада по всѣмъ направленимъ: отъ дома къ оранжереѣ, къ пруду и различнымъ бесѣдкамъ, и были вычищены и посыпаны пескомъ; любопытное воспоминаніе связано съ этимъ пескомъ: въ Спасскомъ совершенно не было песку, и повинность доставлять песокъ, а равно дичь къ столу, лежала въ крѣпостныя времена на «Каленскихъ» крестьянахъ (д. «Кальва» на Снѣжедѣ, Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда). Эти крестьяне, бывшіе крѣпостные Тургенева, и впослѣдствіи, когда прѣзжалъ Иванъ Сергѣевичъ, появлялись въ Спасскомъ толпой человекъ въ 50 поздравить съ прѣздомъ и по старому обычаю привозили пару дикихъ утокъ и 50 возовъ песку.

Съ востока и запада садъ огражденъ громаднымъ землянымъ валомъ съ глубокой канавой. По всему саду, въ разныхъ мѣстахъ, разбросаны кучи липъ, которыя образовали бесѣдки съ лавочками и столиками. Особенно замѣчательна липовая круглая бесѣдка въ юго-восточномъ углу сада, близъ церковной ограды; она существуетъ и до сего времени, въ ней были три лавочки и посрединѣ овальной формы столъ. Бесѣдку эту Иванъ Сергѣевичъ любилъ и часто сиживалъ съ книгой или что нибудь писалъ; въ ней, между прочимъ, написанъ «Рудинъ». Отъ стоявшаго на дворѣ флигеля, гдѣ жилъ управляющій, шла вдоль западной окраины сада дорожка къ упомянутому уже «большому пруду», обсаженная березами, теперь разросшимися въ огромныя деревья; недалеко отъ пруда березы оканчивались, и вдоль дорожки, которая поворачивала и бѣжала далѣе вдоль пруда, начинались молодыя липы, правильно

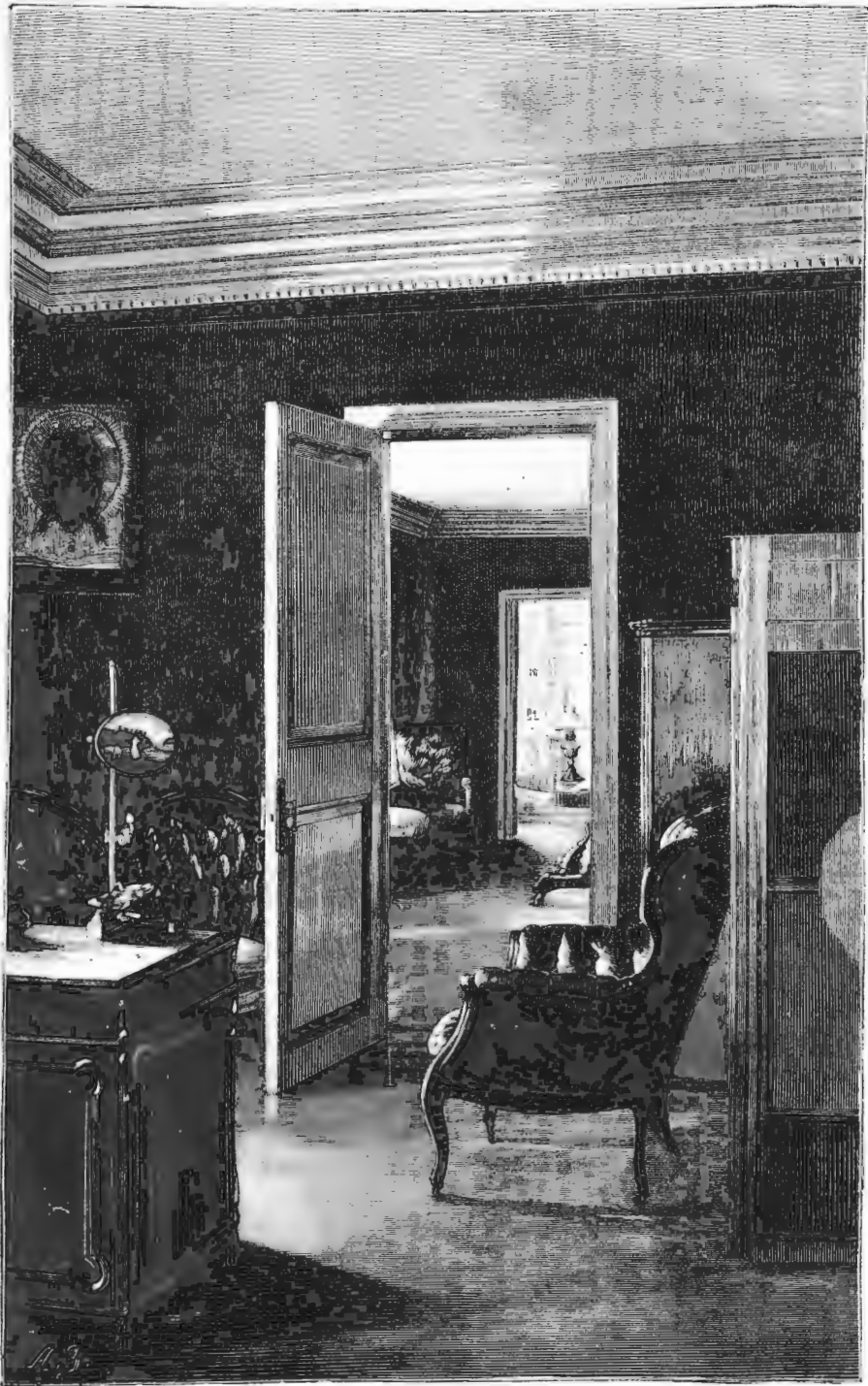
посаженныя; аллея эта въ усадьбѣ носила названіе «аллея ссыльнаго»; эту аллею Иванъ Сергѣевичъ посадилъ своими руками въ 1853 году, когда былъ высланъ изъ Петербурга на житье въ Спасское (за статью на смерть Н. В. Гоголя).

Къ саду примыкають овраги, въ различныхъ мѣстахъ запруженные и образующіе нѣсколько прудовъ; ближайшій изъ нихъ носилъ названіе «Кузнечнаго»; этотъ прудъ былъ очень глубокій, и вода въ немъ была замѣчательно прозрачна, около него стояли нѣкогда кузница и подвалъ; развалины кузницы цѣлы и въ настоящее время, а яма съ бузиновымъ кустомъ и до сихъ поръ обозначаетъ мѣсто подвала; здѣсь помѣщался винный погребокъ матери писателя; у старыхъ дворовыхъ погребовъ носилъ названіе «лабораторіи» (лабораторіи). Въ полуверстѣ отсюда есть еще третій прудъ въ оврагѣ: «Варнавицкій»; въ 1822 году страшнымъ ливнемъ прорвало плотину этого пруда, прудъ ушелъ и не былъ возобновляемъ. Въ хвостѣ Варнавицкаго пруда былъ колодезь съ навѣсомъ; вода въ немъ была на вкусъ пріятная, сюда каждый день послѣ обѣда Иванъ Сергѣевичъ приходилъ съ кружкой пить воду, говоря, что такой воды «нѣтъ и въ Парижѣ». Отъ колодца къ югу стояла маленькая усадьба, принадлежавшая Порфирію Тимошеевичу Кудряшеву, слугѣ Ивана Сергѣевича, бывшему съ Тургеневымъ въ Берлинѣ и вмѣстѣ съ нимъ слушавшему лекціи; вернувшись въ Россію, Кудряшевъ выдержалъ экзаменъ на зубного врача и одно время былъ земскимъ докторомъ въ Мценскомъ уѣздѣ. Онъ былъ страстный охотникъ и увлекающійся рассказчикъ своихъ охотничьихъ подвиговъ. Про усадьбу Тургенева среди спасскихъ крестьянъ сложились разныя легенды: крестьяне говорятъ, напримѣръ, что въ полночь около «Большаго пруда» по дорожкѣ ходитъ Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ нагнувшись и какъ будто что-то ищетъ; другіе говорятъ, будто нѣсколько разъ видѣли, что внутренность дома освѣщена, раздается музыка, и въ окнахъ какъ бы въ туманѣ мелькали тѣни танцующихъ. Эти легенды передавали мнѣ камердинеръ Тургенева, Захаръ Кривой, и кучеръ калмыкъ Василій Серебряковъ. Какъ стары эти легенды, видно изъ того, что отголосокъ первой изъ нихъ—привидѣніе стараго барина, ищущаго разрывъ траву, слышится въ «Запискахъ охотника» (Бѣжинъ лугъ).

Въ настоящее время усадьба великаго писателя представляетъ печальную картину запустѣнія: школа закрыта, въ домикѣ, гдѣ была богадѣльня, живетъ урядникъ. Варскій домъ опустѣлъ, полы въ библиотечной залѣ и «казино» провалились, мебели нѣтъ; обширная библиотечка представляетъ полнѣйшій хаосъ; часть книгъ, которыя уцѣлѣли, есть только остатокъ обширной Спасской библиотечки. Но на садъ время мало повліяло. Вѣковыя липы, свидѣтели многихъ событій, все также шумятъ вѣтвями, какъ и въ былое время. Лицамъ, намѣревающимся посѣтить Спасское, совѣтую взгля-

нута на лѣса и урочища, принадлежащія Спасскому; мѣстоположеніе ихъ живописно и красиво; урочища эти: «Чаплыгинъ», «Трацкое», «Высокое» съ «Варвариной» поляной; часть ея переходитъ въ Чернскій уѣздъ Тульской губерніи, она же и «Марьина», по старымъ планамъ, «Ямы», «Старостина поляна», «Клены» и «Пришневъ»; верхи (вѣрхомъ въ Орловской губерніи называются суходольные луга, а небольшіе «отвершками») «Липовець», «Малаховъ», «Плоскій», «Живлатый» (онъ же «Страшиловъ»), «Трацкой», «Кобылій верхъ», «Грушки», около «Грушекъ» «Малинникъ» (принадлежащій князю Меншикову). Съ «Грушекъ»—предестный видъ на Спасское и хуторъ Петровскій. Всѣ эти названія небезразличны для насъ: они встрѣчаются въ «Запискахъ охотника» и повѣстяхъ Тургенева. Взглянувъ на эти луга и лѣса, вамъ приходитъ на память, что вы ихъ какъ будто бы давно видѣли, такъ художественно сдѣланы описанія этихъ мѣстностей въ сочиненіяхъ Ивана Сергѣевича. Недалеко отъ «Кленовъ»,—«Ивановскій» прудъ, около котораго прежде была расположена деревня «Ивановка», принадлежавшая Петру Ивановичу Лутовинову (брату Ивана Ивановича Лутовинова). Усадьба была около «Кленовъ», гдѣ и по сію пору видны ея остатки, заросшіе кустарникомъ и бурьяномъ. Деревня «Ивановка» была переведена въ Спасское, которое тогда носило названіе «Никольской слободки»; соединенныя вмѣстѣ, онѣ получили общее названіе села Спасскаго-Лутовинова въ честь церкви Спаса Преображенія (церковь выстроена въ 1808 году) и семьи исконныхъ владѣльцевъ. Въ храмѣ два придѣла: одинъ во имя святителя чудотворца Николая, а другой—во имя великомученика Никиты; храмовыхъ праздниковъ въ Спасскомъ два: 6-го августа и 15-го сентября, такъ называемый «Никитинъ день». Все экономическое хозяйство Спасскаго велось и теперь ведется на хуторѣ Петровскомъ, который отстоитъ отъ главной усадьбы въ полъ верстѣ. На Петровскомъ при матери Ивана Сергѣевича была больница и отдѣленіе въ родѣ богадѣльни. Послѣ ея смерти, больница и богадѣльня были уничтожены, а самый флигель, гдѣ помѣщались старухи, приспособленъ былъ для хозяйственныхъ цѣлей.

Въ 1870 году, Иванъ Сергѣевичъ приказалъ управляющему Кишинскому выстроить богадѣльню, недалеко отъ церкви, на мѣстѣ, гдѣ при Варварѣ Петровнѣ была земская изба, куда изъ всѣхъ имѣній, а ихъ было не малое количество, разъ въ годъ съѣзжались: земскіе, бурмистры и старосты съ «бирками» для учета въ главную контору. Старинная «бирка»—это четырехугольная палочка, на которой нарѣзаны черточки, крестики и полукрестики, означающіе копны, крестцы и снопы. Когда складывался скирдъ хлѣба, дѣлалась другая «бирка», одна втыкалась въ скирдъ, другую же староста оставлялъ у себя и везъ барынѣ. Въ мезонинѣ надъ домомъ такихъ бирокъ лежали цѣлыя груды, потому ихъ сожгли.

Кабинетъ И. С. Тургенева въ селѣ Спаскомъ.

Въ новой богадѣльнѣ жило пять старухъ и два старика; старухи были все бывшія дворовыя Варвары Петровны, изъ стариковъ одинъ былъ кучеръ, а другой бурмистръ. Среди старухъ была одна очень симпатичная, бывшая главная горничная Варвары Петровны, Александра Семеновна, уже упомянутая ранѣе. И часто заглядывалъ въ богадѣльню послушать рассказы Александры Семеновны про старинное житье-бытье. Рассказы были интересны: она говорила, что на себѣ испытала, и горе и радость, и что вообще, кто былъ ближе къ Варварѣ Петровнѣ, на томъ чаще всего отражались капризы и своеволие барыни: «два раза, батюшка, ссылала она меня на скотный дворъ въ дальнюю деревню; одинъ разъ за то, что, подавая чай, недоглядѣла, какъ попала муха въ чашку съ чаемъ, а другой разъ я не успѣла стереть пыль съ рабочаго столика». А дѣвушкамъ пядишницамъ и кружевницамъ, говорила Александра Семеновна, которыя провинятся: отрѣзали косу и отправляли съчь на конюшню; наказаніе производили тѣ дворовые, которыхъ барыня подозрѣвала въ винѣ...

Каждый день, рассказывала далѣе Александра Семеновна, посылался верховой въ городъ Мценскъ за письмами; дворецкій имѣлъ приказъ, что если среди писемъ съ красной печатью будетъ письмо съ черной, то чтобы было разъ навсегда установлено слѣдующее: крѣпостной флейтистъ долженъ былъ играть, смотря по печати, если красная—веселую мелодію, а если черная, то грустную, дабы не испугать барыню, и только тогда подавать письмо. Много передавала Александра Семеновна про разныя жестокости и чудачества своей своенравной барыни.

Когда Марья Гавриловна Савина извѣстила Тургенева, что пріѣдетъ къ нему въ Спасское погостить, Иванъ Сергѣевичъ сталъ узнаваемъ: самъ составлялъ списокъ вещей, потребныхъ для обстановки комнаты, которую предназначалъ для ея пребыванія (въ этой комнатѣ, какъ выше упомянуто, останавливались раньше: Григоровичъ, Толстой и другіе гости, пріѣзжавшіе къ Ивану Сергѣевичу), поѣхалъ въ Орелъ за покупкой мебели и заѣхалъ къ намъ въ с. Катушицево, чтобы сообщить моему отцу свою радость, говоря, «что ждетъ къ себѣ изъ Петербурга гостью, знаменитую артистку Марью Гавриловну Савину, которую по таланту можеть сравнить только съ Рашелью, и что никто послѣ Рашели своей игрой не производилъ на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ она»; это было въ послѣдній пріѣздъ Тургенева въ Спасское.

Повѣсть «Степной король Лиръ» взята Ивановъ Сергѣевичемъ изъ дѣйствительнаго происшествія, случившагося недалеко отъ Спасскаго. Въ двухъ верстахъ отъ Спасскаго-Лутовинова есть село, называемое второе Меркулово (Протасово тожъ), которое принадлежало прежде мелкопомѣстнымъ дворянамъ Ярышевымъ, и вотъ одинъ изъ нихъ, какъ передавали мнѣ дворовые, Степанъ Ивановичъ Яры-

шевь, отдалъ своимъ дочерямъ всю свою землю, оставивъ за собою одинъ только маленькій флигелекъ. Степанъ Ивановичъ былъ высокаго роста, фигуру имѣлъ нескладную, но обладалъ феноменальною силою; жизнь велъ самую простую, зимою носилъ постоянно полушубокъ, а лѣтомъ носилъ домашняго сукна просторный сюртукъ. Онъ часто бывалъ въ Спасскомъ, и мать Ивана Сергѣевича любила побесѣдовать съ нимъ о сельскомъ хозяйствѣ. Старики дворовые рассказывали мнѣ много легендъ про силу Степана Ивановича; такъ, на примѣръ, они передавали случаи, когда онъ спасъ Варвару Петровну Тургеневу отъ неминуемой смерти. Однажды Варвара Петровна ѣхала въ каретѣ шестерикомъ по плотинѣ Петровскаго пруда, какъ вдругъ лошади чего-то испугались и бросились въ сторону, карета совсѣмъ повисла надъ оврагомъ, но въ этотъ моментъ подоспѣлъ Степанъ Ивановичъ, который въ это время удилъ рыбу на Петровскомъ прудѣ; онъ, ухватившись за заднія колеса кареты, втащилъ ее на плотину и держалъ до тѣхъ поръ, пока Варвара Петровна не вышла изъ кареты, и лошади были выпряжены. Когда зятя выгнали Степана Ивановича изъ его флигелечка, онъ, страшно убитый, пришелъ въ Спасское къ Варварѣ Петровнѣ Тургеневой и жаловался на безсердечіе дочерей и просилъ поселиться въ Спасскомъ; Варвара Петровна, разумѣется, позволила, и Степанъ Ивановичъ остался въ Спасскомъ. Рыбную ловлю совсѣмъ забросилъ, до которой былъ страстный охотникъ, и съ мѣсяцъ ходилъ угрюмый по Спасскому саду, ни съ кѣмъ не разговаривая. Въ одно воскресенье онъ утромъ куда-то исчезъ изъ Спасскаго, и не прошло трехъ часовъ времени его отсутствія, какъ прискакалъ изъ Меркулова верховой, сообщившій, что Степанъ Ивановичъ разбился на смерть, упавъ съ крыши своего флигелька, которую сталъ разламывать. Этотъ случай и послужилъ темой для повѣсти Ивана Сергѣевича.

До 1876 года, во время пріѣздовъ Ивана Сергѣевича изъ-за границы, его пребыванія въ Спасскомъ были очень кратковременны и обуславливались приведеніемъ въ порядокъ денежныхъ дѣлъ или продажей какого нибудь имѣнія. Въ Спасскомъ Иванъ Сергѣевичъ пробывалъ не болѣе недѣли. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, — это было лѣтомъ въ 1872 году, — Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ къ намъ въ Катусищево, по просьбѣ моего отца остался у насъ обѣдать, былъ очень веселъ, много рассказывалъ о томъ, какъ Михайлъ Семеновичъ Щепкинъ возилъ его знакомить съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ. За обѣдомъ Ивану Сергѣевичу предложили землянику съ молокомъ, которую онъ очень любилъ; онъ сказалъ при этомъ, что для него земляника такое лакомство, отъ котораго онъ съ малолѣтства никакъ не можетъ отказаться, даже во время діеты. Нѣзжая послѣ обѣда, Иванъ Сергѣевичъ просилъ моего отца навѣстить его на другой день, говоря, что онъ скучаетъ въ одиночествѣ; отецъ далъ слово, но, увы, на другой день рано утромъ Иванъ

Сергѣевичъ прислалъ письмо, въ которомъ извинялся и сообщалъ, что вслѣдствіе внезапной болѣзни уѣзжаетъ въ Москву. Въ Мпенскомъ уѣздѣ въ то время была холера, и въ ту ночь въ самомъ Спасскомъ было три смертныхъ случая; почувствовавъ себя нездоровымъ, Иванъ Сергѣевичъ побоялся сдѣлаться жертвой роковой эпидеміи; Иванъ Сергѣевичъ вообще отличался мнительностью; въ послѣдствіи приходилось быть очевидцемъ того, какъ небольшое недомоганіе повергало его въ большое безпокойство.

Въ 1876 году, Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Спасское въ началѣ іюня мѣсяца и думалъ по обыкновенію черезъ недѣлю уѣхать, но въ этотъ пріѣздъ ему пришлось прожить долго, слишкомъ два мѣсяца. Иванъ Сергѣевичъ думалъ, что управляющій по пріѣздѣ снабдитъ его деньгами, и что онъ уѣдетъ; но вышло нѣчто, чего Иванъ Сергѣевичъ не ожидалъ: управляющій объявилъ, что денегъ нѣтъ, а что если ему очень нужно, то надо продать часть лѣса.

Несмотря на всю свою непрактичность и незнаніе всѣхъ тонкостей хозяйства, Иванъ Сергѣевичъ сразу убѣдился, что его хотятъ провести, и не задумываясь немедленно уволилъ управляющаго, который много лѣтъ пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ. Иванъ Сергѣевичъ такъ былъ радъ скорой развязкѣ, что былъ этимъ чрезвычайно оживленъ; отъ тотчасъ же написалъ къ моему отцу письмо, которое начиналось такъ: «Добрѣйшій Александръ Михайловичъ, наконецъ мнѣ удалось свергнуть Абдуль-Азиса, не прибѣгая къ ножницамъ; пріѣзжайте для совѣта, жду къ обѣду». Отецъ поѣхалъ къ Ивану Сергѣевичу, и первыя слова Тургенева, обращенныя къ моему отцу, были: «Александръ Михайловичъ, выручите меня изъ затрудненія, мнѣ желалось бы, чтобы вашъ сынъ былъ моимъ управляющимъ (братъ мой Н. А. Щепкинъ служилъ податнымъ инспекторомъ въ г. Ельцѣ) надъ всѣми моими имѣніями, а вы возьмите Спасское въ аренду, такъ какъ я больше не рѣшусь никому отдать Спасское». Отца такое неожиданное предложеніе смутило; онъ сказалъ Ивану Сергѣевичу, что нужно подумать; Тургеневъ на это отвѣтилъ: «нужно ковать желѣзо, пока горячо, а то меня въ конецъ обворуютъ». Въ виду такого довода отецъ на первое условіе согласился, и братъ сталъ главнымъ управляющимъ; а объ арендѣ отецъ все-таки обѣщался подумать; Иванъ Сергѣевичъ былъ очень доволенъ и сказалъ отцу, что онъ теперь будетъ спать спокойно. Тургеневъ просилъ отца, чтобы онъ прислалъ меня въ помощь землемѣру старичку, уже упомянутому Дмитрію Ивановичу Брюханову, который составлялъ описи инвентаря и принималъ движимое имущество отъ управляющаго, прислуга котораго тащила все, по выраженію Тургенева, «какъ сороки». Я немедленно пріѣхалъ въ Спасское и явился къ Ивану Сергѣевичу; онъ принялъ меня очень любезно и повелъ знакомить съ Дмитріемъ Ивановичемъ. Одѣтъ Иванъ Сергѣевичъ былъ

въ синюю просторную блузу французскаго покроя, носилъ ее не подпоясывая; гуляя по саду, надѣвалъ на голову соломенную шляпу «панаму» и въ руки бралъ ружье или небольшую записную книжку. Въ такихъ записныхъ книжкахъ Иванъ Сергѣевичъ любилъ писать свои сочиненія, такъ, напримѣръ, была написана «Новь». Дмитрій Ивановичъ былъ въ оранжереѣ, и Иванъ Сергѣевичъ повелъ меня къ нему; идя по саду, Тургеневъ неумолкая рассказывалъ про различныя мѣста сада, говоря, что каждый кустикъ въ Спасскомъ саду дорогъ ему по воспоминаніямъ дѣтства, что дорогіе образы и событія вереницей встаютъ передъ нимъ. «Когда я подъѣзжаю къ Спасскому,—говорилъ Тургеневъ,—меня въ каждый пріѣздъ охватываетъ страшное волненіе, да и не мудрено: я провелъ здѣсь лучшіе годы моей жизни!» Подходя къ оранжереѣ, мы увидѣли, идущаго къ намъ навстрѣчу, Дмитрія Ивановича, которому Тургеневъ меня представилъ и сказалъ, что я пріѣхалъ ему помогать; пожелавъ намъ успѣха въ трудахъ, онъ самъ направился по аллеѣ къ «Большому пруду». Такова была моя первая встрѣча съ Тургеневымъ.

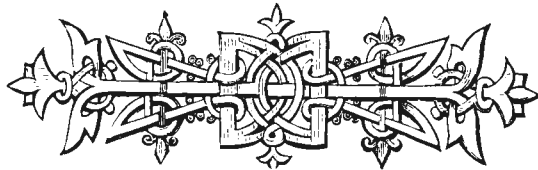
Спустя два дня послѣ моего пріѣзда въ Спасское, я былъ очевидцемъ слѣдующаго эпизода: сидѣли мы втроемъ за обѣдомъ,— Иванъ Сергѣевичъ, Дмитрій Ивановичъ и я; вдругъ входитъ Захаръ, камердинеръ Тургенева, и говоритъ, что пріѣхалъ мельникъ Жикинъ (Жикину была Ивановъ Сергѣевичемъ продана «Каленская мельница», находящаяся въ Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, на р. Свѣждѣ); за Жикинымъ Иванъ Сергѣевичъ посылалъ въ виду того, что каленскіе мужики приходили къ нему жаловаться, что Жикинъ ихъ притѣсняетъ, не позволяетъ ѣздить по плотинѣ, и они его просятъ, какъ бывшаго барина, за нихъ заступиться.

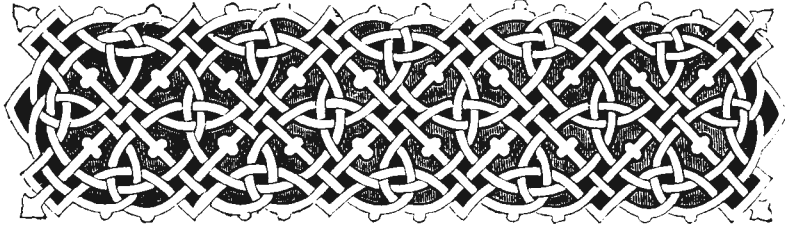
Жикинъ былъ въ полномъ смыслѣ кулакъ. Иванъ Сергѣевичъ сказалъ Захару, чтобы Жикинъ подождалъ, пока отобѣдаемъ. Едва затворилась дверь за Захаромъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ, смѣясь, обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «прошу васъ, господа, быть моими зрителями, смотрите, какъ я буду актерствовать». Кончили обѣдъ; Иванъ Сергѣевичъ велѣлъ позвать Жикина. Тотъ вошелъ степенно и, поклонившись намъ, поглаживая свою жиденскую бородку, подобострастно обратился къ Ивану Сергѣевичу: «зачѣмъ изволили посылать?» Едва произнесъ онъ эту фразу, какъ Иванъ Сергѣевичъ обрушился на него потокомъ такихъ грозныхъ словъ, что Жикинъ задрожалъ, какъ осиновый листъ; рѣчь Тургенева лилась плавно и чего только въ ней не было—и сенатомъ-то онъ ему грозилъ, грозилъ, что доведетъ до свѣдѣнія государя объ его притѣсненіяхъ; Жикинъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и едва держался на ногахъ; намъ съ Дмитріемъ Ивановичемъ даже жаль стало его. несмотря на то, что мы хорошо знали, что все это напускное, только Иванъ Сергѣевичъ кончилъ, какъ Жикинъ повалился въ ноги со словами: «не погубите», и зарыдалъ, какъ ребенокъ;

Иванъ Сергѣевичъ растерялся и сталъ его поднимать; Жикинъ поднялся съ полу и далъ слово, что притѣснять больше не будетъ, и шатаясь вышелъ изъ столовой. Едва затворилась за нимъ дверь, какъ Иванъ Сергѣевичъ расхохотался и, обратясь къ намъ, сказалъ: — что, господа, въ актеры гожусь? — и тутъ же еще прибавилъ: — меня ужасно испугало, съ чего это онъ повалился ко мнѣ въ ноги. — Но нужно было быть очевидцемъ, какая это была рѣчь, чтобы понять, отчего мельника прошибла слеза, и отчего онъ повалился въ ноги. Впоследствии дѣло съ Жикинымъ дошло до суда; Иванъ Сергѣевичъ велѣлъ моему брату пригласить адвоката защищать интересы крестьянъ; это стоило около 400 рублей; но дѣло Иванъ Сергѣевичъ проигралъ, и Жикинъ взялъ верхъ. Въ письмѣ къ Ж. А. Полонской отъ 20-го декабря 1881 года (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 396) мы находимъ по этому поводу слѣдующія строки: «Скажите Якову Петровичу, что я ничего не понялъ изъ всего, что онъ сообщилъ мнѣ по поводу Тонорова, моего управляющаго, его адвоката, Жикина и графа Голенищева-Кутузова, да оно и не нужно. Дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ, и въ концѣ концовъ Жикинъ остался непобѣдимымъ, что и требовалось доказать».

Какъ любилъ Иванъ Сергѣевичъ Спасское, видно изъ письма къ Я. П. Полонскому (въ тѣхъ же письмахъ, стр. 493): Р. S. «Когда вы будете въ Спасскомъ, поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу, родня поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда не увижу. Буживаль, 30 мая 1882 года».

М. Щепкинъ.

ЗАПИСКИ СИБИРЯКА.

РОДИЛСЯ въ 1813 году, и это важное для меня событие совершилось въ одной изъ внутреннихъ губерній, въ усадьбѣ моего дѣда—помѣщика. Не помню ни мѣста, гдѣ я родился, ни людей, среди которыхъ прошли первые годы моей жизни. Четырехлѣтнимъ ребенкомъ привезли меня въ Сибирь, въ Иркутскъ.

Случилось это вотъ почему. Имѣніе моего дѣда было заложено въ опекуномъ совѣтѣ. Дѣдъ умеръ внезапно, не оставивъ завѣщанія. Послѣ смерти дѣда начался разборъ между тремя сыновьями его изъ-за наслѣдства. Кончилось тѣмъ, что имѣніе продали за невзносъ процентовъ. На долю моего отца пришлось что-то очень не много. Повѣривъ разсказамъ, что въ Сибири соболи бѣгають по улицамъ, а золото копають въ огородахъ, простодушный отецъ мой отправился въ Сибирь искать счастья, съ женою, матерью жены и двумя мальчиками. Помню, мы пріѣхали въ Иркутскъ зимою и пріютились въ какомъ-то невзрачномъ домѣ; окна были маленькія, обледененныя, трещали отъ мороза.

Жутко намъ было въ этой сторонкѣ, холодной, непривѣтливой, особенно въ первое, по пріѣздѣ, время. Отецъ, сообразивъ, что ему, какъ бывшему помѣщику, всего лучше заняться сельскимъ хозяйствомъ, арендовалъ нѣсколько десятинъ земли близъ города и устроилъ мельницу. Мысль устроить образцовое хозяйство и показать сибирякамъ, какъ вести это дѣло, поддерживала его энергію.

Не повезло ему, бѣдному. Онъ былъ постоянно въ хлопотахъ и тревогѣ: то потрава хлѣба чужимъ скотомъ, то похищеніе

сѣна, то плотину мельницы прорвало, то шестерня испортилась. Кончилось тѣмъ, что все это надо было бросить.

Между тѣмъ, семья наша увеличилась. Кромѣ меня и брата, были еще три сестренки. Я старшій. Хорошо приготовленный дома матерью, я поступилъ въ первый классъ гимназіи и, когда гимназія изъ 4-хъ-классной была преобразована въ 7-ми-классную, я, какъ первый ученикъ, былъ переведенъ изъ 1-го въ 5-й классъ.

Жили мы тихо, уединенно. Я и братъ учились въ гимназіи, сестренки дома. Особенное оживленіе въ домѣ было передъ праздниками Рождества и Пасхи: все чистилось, мылось. Во время святокъ собирались къ намъ знакомые, танцовали подъ музыку органа, пѣли святочные пѣсни. Въ то время и во всемъ городѣ жило просто, патриархально.

Въ концѣ августа и въ сентябрѣ, бывало, по всему городу раздавались пѣсни и стукотня; это рубили капусту. Почти въ каждомъ домѣ поочередно собирались знакомые помочь хозяевамъ рубить и приготовить этотъ продуктъ на зиму.

При этомъ случаѣ пѣли, угощались, вечеромъ танцовали. Такое развлеченіе называлось капустникомъ. Громкія пѣсни раздавались въ городѣ и по случаю свадебъ. Были какъ бы присяжныя пѣвуньи, иногда пѣлый хоръ женскій.

Время шло, и четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ я кончилъ гимназію, получивъ право на чинъ, золотую медаль, премію за сочиненіе и предложеніе ѣхать, на счетъ казны, въ университетъ Казанскій или Московскій. Сколько радости было дома, когда я явился туда со всеми этими прелестями. Въ университетъ принимались тогда только достигшіе 16 лѣтъ, и потому мнѣ пришлось бы попасть туда черезъ два года; чтобы не терять времени даромъ, меня зачислили на службу въ главное управленіе Восточной Сибири.

Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ семьей нашей. Хозяйство и вообще дѣла отца всевѣмъ разстроились. Онъ былъ постоянно печальный, задумчивый. Мать часто плакала, но казалась веселою, старалась скрывать жалкое положеніе семейства. Не вынесла, бѣдная, лишений и горя, слегла въ постель, чтобы уже не подняться съ нея.

Когда она умерла, мы не плакали, но, какъ окаменѣлые, проводили ее въ могилу. Справедливо повѣрье: придетъ бѣда, отворяя ворота. Только что схоронили мы матушку, умеръ братишка—одиннадцатилѣтній гимназистикъ, а вскорѣ—сестра шестнадцатилѣтняя, ангелочекъ, какъ называли ее знакомые. Черезъ годъ не стало и отца. Онъ умеръ внезапно, оставивъ намъ два мѣдныхъ пятака, но ни копейки долгу. Не забуду тѣхъ страшныхъ минутъ, когда я стоялъ надъ могилой отца, когда ее зарывали, и очнувшись увидѣлъ, что никого изъ бывшихъ на похоронахъ уже нѣтъ, и я, мальчикъ, остался въ этомъ мірѣ одинъ, безъ средствъ къ жизни и безъ друзей, съ двумя юными сиротами и едва двигающейся бабушкой. Остав-

шись единственнымъ кормильцемъ ихъ, мнѣ было уже не до университета. Потомъ сестры вышли замужъ, но и тутъ судьба, какъ злая мачиха нашей семьи, не благословила ихъ ни семейнымъ счастьемъ, ни долгой жизнью. Старшая умерла черезъ три года, меньшая черезъ годъ послѣ замужества.

Но какая иронія? Вскорѣ послѣ того, какъ вся семья моя, кромѣ бабушки, преждевременно сошла въ могилу, можетъ быть, отъ горя и лишений, бабушка неожиданно—негаданно получила наслѣдство, и значительное, послѣ дальняго родственника, умершаго бездѣтнымъ.

Вотъ я и на службѣ въ главномъ управленіи Восточной Сибири. Оно состояло тогда изъ четырехъ отдѣленій и совѣта, въ которомъ предсѣдательствовалъ генераль-губернаторъ. Четверо членовъ совѣта, управлявшихъ отдѣленіями, назначались въ эти должности по избранію генераль-губернатора, а трое были представителями министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ. Они назначались министрами и утверждались верховною властью. По дѣйствовавшему въ то время сибирскому уложенію, 1822 года, члены совѣта отъ министерствъ должны были быть противовѣсомъ генераль-губернаторской власти, т. е. не допускать ее до произвола; на самомъ же дѣлѣ выходило, что эти противовѣсы были покорными слугами власти, а если кто вздумалъ высказывать мнѣнія, негодныя генераль-губернатору, такого смѣльчака, какъ безпокойнаго, убивали съ мѣста.

Восточная Сибирь была въ то время необъятною. Въ составъ ея входили: Иркутская, Енисейская губерніи, Забайкальская, Якутская области съ Камчаткою и островами Алеутскими и Курильскими.

Если Филиппъ II-й испанскій хвасталъ, что во владѣніяхъ его не заходило солнце, то генераль-губернаторъ тогдашней восточной Сибири могъ похвалиться, что въ сѣверныхъ частяхъ управляемой имъ территоріи солнце не показывается въ теченіе полугода.

Надъ такимъ необъятнымъ пространствомъ земли царил почти неограниченная власть одного лица, и горе было странѣ, если власть эта попадала въ недобрыя руки. Ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа еще не было. Почта приходила изъ Петербурга въ Иркутскъ черезъ мѣсяць, а весною и осенью, въ распутицу, черезъ два и даже три мѣсяца. Въ мѣста же отдаленныя, какъ Камчатка, Охотскъ, корреспонденція попадала иногда черезъ годъ. При такихъ условіяхъ края, произволу власти былъ просторъ полнѣйшій. Но все терпѣлось. Народная пословица: до Бога высоко, до царя далеко, безъ сомнѣнія, сложилась въ Сибири.

Не считаю лишнимъ сказать нѣсколько словъ о членахъ совѣта, управлявшихъ отдѣленіями главнаго управленія и считавшихся помощниками генераль-губернатора. Начальникъ 2-го отдѣленія писалъ доклады и рѣшенія по дѣламъ такъ туманно и плодовито, что читать и слушать ихъ считалось наказаніемъ, пыткой. На періоды и подраздѣленія, при изложеніи обстоятельствъ дѣла,

пускались въ ходъ: а, б, в, и когда недоставало алфавита, употреблялись: аа, бб, вв, и такъ далѣе. Начальникъ 1-го отдѣленія подписывалъ все, что написали столоначальники, и стрѣлялъ тѣмъ, чѣмъ его зарядятъ. Рассказывали, что когда онъ получилъ вторую ленту, то, не потрудившись заглянуть въ правило, какъ слѣдуетъ носить ее, повѣсилъ на себя обѣ ленты крестообразно и въ этомъ каррикатурномъ видѣ показывался въ торжественныхъ случаяхъ, пока его не образумили. Начальникъ 3-го отдѣленія—коренной сибирякъ, самоучка, знавшій отлично край и его нужды, былъ едва ли не единственный чиновникъ того времени—безупречный во всѣхъ отношеніяхъ. 4-е отдѣленіе (горное) составляло тогда особое царство. Оно вѣдало всѣ казенные горные заводы и золотые прииски, считалось богатѣйшимъ и попасть туда на службу удавалось только счастливымъ. Должности горныхъ исправниковъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ были тогда, да и теперь, чиновничьимъ эльдорадо. На эти должности попадали или по сильной протекціи или ловкачи и скоро дѣлались богачами. Вообще же чиновники главнаго управленія были люди весьма приличные, какъ подобаеть служащимъ въ высшемъ учрежденіи, и на чиновъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ смотрѣли свысока, какъ на людей низшей расы. Однако высокое о себѣ мнѣніе не мѣшало имъ уходить на должности земскихъ засѣдателей, исправниковъ и вообще на мѣста выгодныя. Взятки не считались дѣяніемъ предосудительнымъ. Всѣ знали, какія должности и сколько даютъ дохода, кромѣ жалованья. Винный откупъ щедро награждалъ чиновниковъ и деньгами и водкой. Получавшій 1.000 рублей въ годъ казеннаго жалованья, это было въ то время большимъ окладомъ, жилъ такъ, какъ можно жить, получая нѣсколько тысячъ. Молодець, говорили одни, умѣетъ пользоваться своимъ положеніемъ, счастливецъ—завидовали другіе. Оправдывались тѣмъ, что казна, отпуская чиновникамъ мизерное жилованье, какъ бы узаконила этимъ побочные доходы.

Главный начальникъ края—обрусѣлый нѣмецъ, величавой наружности, человекъ добрый, смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ жилились его любимцы, и, какъ говорили, самъ былъ не безъ грѣховъ.

Замѣчательно, что народъ, на счетъ котораго богатѣли «баринны», какъ называлъ народъ засѣдателей, исправниковъ, не жаловался, потому ли что жилъ, сравнительно съ теперешнимъ, зажиточнѣе, или молчалъ изъ боязни прослыть за безпокойнаго. Последнее вѣроятнѣе. Однако, какъ оказалось, не все было шито да крыто. Неожиданно нагрянула на Восточную Сибирь сенаторская ревизія. Переполохъ былъ сильный, особенно въ чиновничьемъ мірѣ. Пркутянъ очень занимали красный мундиръ сенатора и золоченные придворные мундиры его чиновниковъ. Народъ сбѣгался туда, гдѣ могъ видѣть диковинные для него костюмы. Сенаторъ Толстой былъ серьезный, симпатичный. Свита его почти всѣ титулованные моло-

дые люди, прибывшіе для дѣла, но на самомъ дѣлѣ, чтобы потомъ поразсказать о своихъ трудахъ въ суровой, дикой сторонѣ и получить приличную награду. Сначала приемы ревизоровъ никого не пугали. Начальникъ края и ревизующій сенаторъ были, повидимому, довольны другъ другомъ. Городъ повеселѣлъ: балы и праздники устраивались безпрестанно. Но, увы, это продолжалось недолго. Пробѣжала черная кошка. Праздники прекратились. Сенаторская свита стала особнякомъ, какъ бы замкнулась въ своемъ кругу. Туземные чиновники раздѣлились на партіи. Многіе, заискивая у ревизоровъ, обнаруживали разныя продѣлки своихъ сослуживцевъ, не сознавая, что этимъ выставляли себя въ самомъ некрасивомъ видѣ. Лагерь генераль-губернаторскій пустѣлъ. Оставили его и тѣ, которые были обязаны ему своимъ служебнымъ и обеспеченнымъ, не по заслугамъ, положеніемъ. Справедливо сказано кѣмъ-то, что человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ особенно рѣзкимъ качествомъ—неблагодарностію. Однако ничѣмъ полезнымъ для края сенаторская ревизія не выразилась. Осталось, кромѣ увольненія нѣсколькихъ мелкихъ чиновъ, все постарому. Поплатился за все и за всѣхъ только главный начальникъ края тѣмъ, что вскорѣ послѣ отъѣзда ревизоровъ уѣхалъ изъ Восточной Сибири.

Настало затишье, какъ бываетъ передъ грозой и бурей. И гроза не замедлила разразиться въ лицѣ новаго генераль-губернатора Муравьева. Это была необыкновенно дѣятельная, энергичная, честнѣйшая личность, но слишкомъ предубѣжденная противъ сибиряковъ и особенно противъ чиновниковъ-туземцевъ. Это онъ не стѣснился высказать на первомъ официальномъ приѣмѣ. Впослѣдствіи, присмотрѣвшись ближе къ жизненнымъ условіямъ края и людямъ, онъ жалѣлъ, что опрометчиво и рѣзко относился ко всѣмъ туземцамъ въ первое, по приѣздѣ, время. Добрѣйшій, но вспыльчивый, онъ часто раздражался и въ минуты гнѣва былъ страшенъ. Былъ такой случай. Маленькій чиновникъ Крюковъ производилъ какое-то слѣдствіе. Сторона, недовольная слѣдствіемъ, жаловалась, что оно производится нечисто, пристрастно. Муравьевъ повѣрилъ извѣту, разгромилъ Крюкова, грозилъ ссылкой его въ Нерчинскіе каторжные рудники. Крюковъ на эти угрозы флегматично отвѣтилъ, что никого изъ Крюковыхъ въ Нерчинской каторгѣ еще не было, а Муравьевы были. Затѣмъ, изъ генераль-губернаторскаго дома, стоящаго на берегу Ангары, Крюковъ отправился къ рѣкѣ и противъ оконъ дома, переломилъ свою шпагу и бросилъ ее и трехугольную шляпу въ рѣку, громко возглашая, что мундиръ его опозоренъ.

Къ чести Муравьева, онъ не разсердился на дерзкій, дикій отвѣтъ Крюкова и выходку его съ мундиромъ. Узнавши потомъ суть дѣла, которое производилъ Крюковъ, и его совершенную не-

винность, Муравьевъ старался приблизить его къ себѣ и былъ внимателенъ къ нему и ласковъ.

Чтобъ облагородить земскую службу, какъ тогда говорилось, на мѣсто исправниковъ и засѣдателей посадили молодыхъ чиновниковъ, прїѣхавшихъ съ Муравьевымъ, но они не сумѣли расположить къ себѣ народъ, обращались съ нимъ свысока, не входили въ его нужды, и волостные писаря попрежнему властвовали надъ мужиками.

Въ числѣ эпизодовъ, имѣвшихъ мѣсто во время управленія Муравьева, нельзя не вспомнить о дуэли чиновниковъ его Б. и Н., кончившейся смертью Н. Это небывалое въ Иркутскѣ событіе взволновало весь городъ. Одни смотрѣли на дуэль, какъ на неизбежное зло по обще принятымъ понятіямъ о чести, другіе видѣли тутъ преднамѣренное убійство. Такъ посмотрѣлъ на дѣло и тогдашній дореформенный окружный судъ и написалъ грозное постановленіе. За эту смѣлость, не имѣющую значенія безъ утвержденія высшей инстанціи—губернскаго суда, двое членовъ окружнаго суда были уволены отъ службы, а двое, должно быть, самые заядлые, посидѣли въ острогѣ. Антагонисты дуэли величали ихъ героями, но никто не помогъ бѣднякамъ, когда они, лишившись службы, остались безъ хлѣба.

Мысль о присоединеніи къ Россіи рѣки Амура возникла у Муравьева вскорѣ по прибытіи его въ Восточную Сибирь. Нетерпѣливый, онъ энергично принялся за дѣло. Для рекогносцировки Амура и земель по теченію его посланы были топографы, изъ которыхъ одинъ, молодой Вагановъ, былъ убитъ дикарями. Собирались свѣдѣнія и преданія о попыткахъ извѣстныхъ смѣльчаковъ Хабарова и другихъ овладѣть Амуромъ, отправлены изъ Забайкальскаго края нѣсколько семей тамошнихъ казаковъ для поселенія на берегахъ Амура, были двинуты туда и пушки, на случай столкновенія съ китайцами.

Но сыны поднебесной имперіи, ошеломленные смѣлостью русскихъ, не оказали никакого сопротивленія, и правая сторона Амура отъ Срѣтенска, прежней границы съ Китаемъ, до восточнаго океана, была занята русскими, не потерявшими при этомъ ни одного солдата.

Первые годы новый край былъ тяжелымъ бременемъ для казны и для Забайкальской области. Изъ Забайкалья переселялись на Амуръ казаки и крестьяне, большею частью, недобровольно. Изъ Забайкалья бралось продовольствіе для экспедиціи и для переселенцевъ. Изъ казны требовалось много денегъ на колонизацію новаго края, на равныя постройки и укрѣпленія, передвиженіе военныхъ командъ, командировки чиновниковъ. Сколько было случаевъ не предвидѣнныхъ: то барку съ хлѣбомъ и припасами разбило, то хлѣбъ подмокъ и сдѣлался ни на что негоднымъ. Былъ такой ужасный случай: небольшая военная команда, поздно осенью, когда Амуръ уже замерзалъ, возвращалась берегомъ рѣки въ Срѣтенскъ. Хлѣба

достало у солдатъ только на половину пути. Измученные труднымъ походомъ, холодомъ, снѣжными бурями, голодные солдаты сдѣлались канибалами. Жребій—кого съѣсть, палъ на юнкера Г., и его съѣли. Купцы, поставщики на Амуръ хлѣба и припасовъ, конечно, не упускали случаевъ пользоваться и поставляли все по баснословнымъ цѣнамъ.

Н. Н. Муравьевъ былъ гостемъ въ Иркутскѣ. Раннею весною онъ отправлялся на Амуръ и возвращался оттуда поздно осенью, а зимою ѣздилъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій по дѣламъ Амурскаго края. Въ отсутствіе его предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ главнаго управления Венцель, губернаторъ иркутскій, старикъ добродушный и пренаивный.

Разсказывали о немъ много забавныхъ анекдотовъ. Въ отсутствіе Муравьева начальникъ штаба З. и провіантмейстеръ Т. заключили съ нѣсколькими иркутскими купцами контрактъ на поставку разныхъ припасовъ для Амурскаго края. Венцель утвердилъ контрактъ своею подписью. По возвращеніи въ Иркутскъ, Муравьевъ призвалъ къ себѣ Венцеля и взволнованный, сердитый, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Въ числѣ многихъ непріятныхъ для меня случаевъ, въ мое отсутствіе, выдается особенно контрактъ на поставку продовольствія для Амурскаго края. Прошу послушать: хлѣбъ на рынкѣ 35 коп. пудовка, по контракту выдано купцамъ по 2 р. 25 к.»! — «Ай, ай, ай!»—воскликнулъ Венцель.— «Крупа на базарѣ по 1 р. 50 к., въ контрактѣ же она по 3 р. 50 к.».— «Ай, ай, ай!»—качалъ головою Венцель.— «Горохъ стоитъ 70 коп., по контракту же 2 р. 70 к.»— «Ай, ай, ай!»—вздыхаетъ Венцель и спрашиваетъ, кто же подписалъ этотъ ужасный контрактъ, и на отвѣтъ Муравьева: «подписали вы, ваше превосходительство»,— «ай, ай, ай!»—ломаю руки, простоналъ Венцель. Какъ ни былъ Муравьевъ вѣдливъ, но такая дѣтская наивность Венцеля обезоружила его; онъ не могъ удержаться отъ смѣха. Совершившіе такой выгодный для казны контрактъ, начальникъ штаба З. и провіантмейстеръ Т. до возвращенія Муравьева въ Иркутскъ, вѣроятно, предчувствуя грозу, исцели въ отпускъ и въ Иркутскъ уже не возвращались.

Съ Венцелемъ было много разныхъ приключеній. Разъ, въ числѣ другихъ представлялся ему молодой офицеръ и, спускаясь съ лѣстницы губернаторскаго дома, внезапно умеръ отъ аневризма. Это тяжело подѣйствовало на Венцеля, хотя онъ былъ тутъ не причемъ. Вскорѣ послѣ того, въ числѣ просителей, пришла къ Венцелю какая-то барыня. Венцель, выслушавъ просьбу ея, сталъ объяснять ей, что претензія ея не основательна. Барыня, не убѣдившись его словами, обозвала его колпакомъ.

— Какой вы губернаторъ,—кричала она,—не губернаторъ, а колпакъ.

Нѣмецъ, какъ ни былъ сдержанъ, вспылилъ.

— Вижу, сударыня,—отвѣтилъ онъ,— что вы дура, дура,— и скрылся въ кабинетъ.

Но вдругъ его обезпокоила мысль, что, можетъ быть, этимъ браннымъ словомъ онъ поразилъ бѣдную женщину и, вспомнивъ внезапную смерть офицера, струсилъ.

Прислушивается: въ пріемной тихо, это взволновало его еще болѣе.

— Ради Бога,—сказалъ онъ случившемуся у него чиновнику,— идите скорѣе, узнайте, что дѣлается съ барыней, которая обругала меня колпакомъ.

Чиновникъ скоро воротился и отрапортовалъ, что «барыня идетъ по улицѣ и громко ругаетъ ваше превосходительство».

— Слава тебѣ, Господи,—обрадовался Венцель и перекрестился.

Кажется, въ 1857 г. Иркутскъ праздновалъ присоединеніе къ Россіи Амурскаго края и полученіе Н. Н. Муравьевымъ графскаго титула. 12-ти-лѣтнее управленіе Муравьевымъ Восточною Сибирью должно быть вписано крупными буквами въ лѣтописяхъ Сибири. Онъ пробудилъ край отъ вѣковой спячки; явилось сознаніе, что не одни личные интересы, но и интересы общественные и государственные должны занимать каждаго разсуждающаго человѣка и гражданина. Край оживился. Заговорили о неотложной необходимости школъ для народа, которыхъ до того было очень немного и только въ центрахъ, густо населенныхъ. Въ то время декабристы кончили сроки наказанія и были разселены по разнымъ городамъ и селеніямъ Сибири. Волконскіе, Трубецкіе, Юшневскіе и друг. были поселены въ деревняхъ близъ Иркутска. Муравьевъ позволилъ имъ жить въ Иркутскѣ. Они жили тихо. Ихъ деликатное обращеніе со всѣми и порядочность, стремленіе пробудить въ другихъ сознаніе чловѣческаго достоинства оказали полезное, въ нравственномъ отношеніи, вліяніе, можно сказать, на весь городъ. Муравьевъ оставилъ Иркутскъ въ 1860 г., сопровождаемый горячимъ и искреннимъ изъявленіемъ признательности и уваженія.

Послѣ Муравьева генераль-губернаторомъ былъ М. С. Корсаковъ. Главною заботою его десятилѣтняго управленія Восточной Сибирью было поддерживать то, что создано Муравьевымъ. Въ первые три или четыре года до женитьбы на вдовѣ иркутскаго полицеймейстера, Корсаковъ жилъ весело, постоянно окружаемый толпой дамочекъ иркутскаго бомонда. Въ этомъ миломъ кружкѣ составлялось мнѣніе о лицахъ служебнаго міра, испрашивались награды и милости.

Управленіе Корсакова ознаменовалось двумя весьма непріятными эпизодами. Первый—побѣгъ извѣстнаго анархиста Бакунина, который былъ сосланъ въ Восточную Сибирь, подъ непосредственный надзоръ генераль-губернатора, втерся въ довѣріе его, выпросился на Амуръ, будто бы, изъ любознательности и убѣжалъ оттуда, кажется, въ Америку. Второй прискорбный случай—бунтъ ссыльныхъ поляковъ на Круго-Байкальской дорогѣ. Ранѣе, сообщеніе съ Забай-

кальскимъ краемъ было черезъ Байкаль на парусныхъ купеческихъ судахъ и на единственномъ пароходѣ, который ходилъ тихо и неисправно. Сухопутная дорога въ Забайкалье проходила чрезъ высокія горы только верхомъ. Проѣзжая по этой головоломной дорогѣ, проложенной когда-то давно землемѣромъ Чортовымъ по фамиліи, я видѣлъ на стѣнахъ одной станціи разныя надписи, проклинавшія дорогу и ея строителя, и, между прочимъ, стихи:

Ну, Чортовъ ты заставилъ
Себя невольнo помянуть,
Своимъ путемъ себя прославилъ:
Ужъ настоящій чортовъ путь.

Признано было, въ управленіе Корсакова, цѣлесообразнымъ устроить дорогу берегомъ Байкала отъ села Култука до монастыря Посольскаго, на протяженіи болѣе 200 верстъ. Для работъ было отправлено вмѣстѣ съ ссыльно-поселенцами русскими около сотни ссыльныхъ поляковъ. Это было, сколько помню, въ 1865 г. Руководителями работъ, по проложенію дороги, были полковники Шоцъ и Черняевъ. Поляки, стоворившись между собою, напали врасплохъ на конвойныхъ солдатъ, захватили ихъ ружья, арестовали Шоца и Черняева, хотѣли ихъ повѣсить. Къ счастью ихъ, одинъ изъ поляковъ, не соглашавшійся на такое постыдное убійство, далъ имъ возможность ночью спастись бѣгствомъ. Національная черта характера поляковъ высказалась тотчасъ же. Начались споры изъ-за власти: кому командовать и въ какую сторону броситься. Для укрощенія бунтовщиковъ была послана изъ Иркутска военная команда, подъ начальствомъ энергичнаго полковника Рика. Укрываясь въ лѣсу и въ ущельяхъ горъ, поляки стрѣляли въ солдатъ и убили офицера.

Сформировался небывалый до того времени въ Иркутскѣ публичный судъ надъ бунтовщиками. Жалко было смотрѣть въ судѣ на это панургово стадо, увлеченное въ преступленіе нѣсколькими отчаянными головами. Четверо главныхъ зачинщиковъ и руководителей бунта были повѣшены.

Послѣ Корсакова генераль-губернаторомъ Восточной Сибири былъ Н. П. Синельниковъ. Онъ, ранѣе того, губернаторствовалъ въ Воронежской, Волынской и Московской губерніяхъ и оставилъ тамъ хорошую о себѣ память. Онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ въ мартѣ 1871 г., когда городъ и окрестности его бѣдствовали отъ дороговизны хлѣба, по неурожаю его въ предыдущихъ годахъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, или дорогою еще, Синельниковъ узналъ, что много хлѣба давно уже закуплено богатыми иркутскими жидами, и они не пускаютъ хлѣбъ въ продажу, ожидая еще большаго повышенія цѣны. Синельниковъ пригласилъ ихъ къ себѣ, и на другой же день послѣ разговора его съ жидами явилось на рынкѣ много хлѣба, и продавали его вмѣсто трехъ рублей за пудъ по рублю и дешевле. Этимъ

Н. П. расположилъ къ себѣ городъ и особенно бѣдное населеніе. Черезъ годъ послѣ этого праздновалось 50-лѣтіе службы Синельникова. Было много рѣчей и стиховъ въ честь юбиляра. Помню одинъ куплетъ:

Въ тотъ тяжкій для Иркутска годъ,
Когда въ уныніи народъ
О хлѣбъ Господу молился,
Ты къ намъ Іосифомъ явился.

Несмотря на преклонный возрастъ, Н. П. былъ удивительно дѣятеленъ и энергиченъ. Каждое утро онъ принималъ просьбы, большую часть которыхъ разрѣшалъ тутъ же. «Этого нельзя, милый,—говорилъ онъ просителю, возвращая просьбу,—нельзя по закону»,—или посылалъ адъютанта въ присутственное мѣсто за справкой, почему не кончается дѣло, и съ приказаніемъ рѣшить немедленно; часто раздавалъ просителямъ деньги, убѣдившись, что они нуждаются. Да, это былъ популярнѣйшій начальникъ края. Народъ смѣло шелъ къ нему съ своими нуждами и оставался доволенъ его рѣшеніемъ. Пойдемъ къ «самому», такъ называлъ его народъ, онъ разберетъ и въ обиду не дастъ. Съ богатыми купцами и золото-промышленниками онъ обращался такъ, что они охотно, даже съ удовольствіемъ, жертвовали огромныя суммы на какое либо общественное для города и края дѣло. Такъ на эти пожертвованія, не прибѣгая ни къ казнѣ, ни къ городскимъ средствамъ, Синельниковъ устроилъ прочный, красивый валь по берегу Ангары, для огражденія города отъ наводненія при разливахъ рѣки, иногда затоплявшихъ всѣ низменныя части города, построилъ домъ для благороднаго собранія, театръ, который процвѣталъ въ его время, при удачномъ подборѣ актеровъ, улучшилъ больничныя и тюремныя помѣщенія введеніемъ тамъ строгаго порядка и контроля.

Моя служба шла незавидно. Меня обходили повышеніемъ, наградами, называли гордецомъ, и я дѣйствительно гордился тѣмъ, что не заискивалъ ни у кого и ничего себѣ не просилъ. Однако, несмотря на такой несовременный взглядъ на жизнь и на службу, я давно бы распрощался съ Сибирью, если бы не жаль было оставить старушку—бабушку. Въ 1871 г. я похоронилъ ее и собрался оставить Иркутскъ навсегда. Я уже упаковалъ чемоданъ, когда получилъ повѣстку явиться къ генераль-губернатору.

— Повремените малость уѣзжать изъ Сибири,—сказалъ мнѣ Синельниковъ.—Составьте докладъ о причинахъ частыхъ побѣговъ каторжныхъ изъ казенныхъ солеваренныхъ заводовъ и предположеніе, какими средствами удержать ихъ отъ побѣговъ. Желательно, чтобы эти средства были гуманныя.

Взявъ изъ горнаго отдѣленія переписку по этому предмету, я написалъ докладъ. Н. П. нашолъ его удовлетворительнымъ и предложилъ мнѣ остаться на службѣ членомъ совѣта главнаго управле-

нія Восточной Сибири отъ министерства финансовъ. Представленіе его объ этомъ утверждено въ Петербургѣ, и такимъ образомъ я вошелъ въ составъ высшей администраціи Восточной Сибири. Служить съ Синельниковымъ было нелегко. Какъ члену совѣта, не имѣвшему никакой отдѣльной части управленія, мнѣ приходилось управлять тѣми отдѣленіями главнаго управленія, которыя почему либо оставались временно безъ начальника, ѣздить на ревизію губерній. Однимъ словомъ я никогда не сидѣлъ безъ дѣла.

Памятна мнѣ поѣздка съ Н. П. въ Забайкалье. Отъ Иркутска до Читы, главнаго города Забайкальской области, 700 верстъ, и мы добрались туда только черезъ недѣлю. А почему?

На каждой станціи, особенно въ селеніяхъ многолюдныхъ, генераль-губернатора ожидала толпа. Онъ выслушивалъ просьбы, желанія народа, и тутъ же творилъ, какъ говорится, судъ и расправу, раздавалъ подарки. Адъютантъ, сопровождавшій его, возилъ съ собою шкатулку съ золотыми и серебряными вещами, присланными изъ кабинета его величества, въ распоряженіе генераль-губернатора, для поощренія трудолюбія и хорошаго поведенія крестьянъ и инородцевъ, а также дарственные кафтаны изъ синяго и темно-зеленаго сукна, украшенные позументомъ.

— Есть ли у тебя дѣти?—спросилъ Н. П. на одной станціи въ большомъ селѣ у благообразнаго старика.

— Четверо, батюшка, и двѣ дочери.

Тутъ подлѣ старика стояло трое его сыновей, рослыхъ молодыхъ. Изъ разспросовъ оказалось, что всѣ они живутъ вмѣстѣ, дѣлиться не хотятъ, старика уважаютъ, и онъ и сыновья трудолюбивы, въ кабакъ не ходятъ, и домъ ихъ, какъ говорится, полная чаша.

— Спасибо, старикъ, что выростилъ такихъ хорошихъ сыновей и хорошо живешь и ведешь свое хозяйство. Вотъ жалуется тебѣ государемъ кафтанъ, въ награду за хорошую жизнь и трудолюбіе.

Тутъ же облекли старика въ дарственный кафтанъ, и народъ въ восторгѣ кричалъ: справедливо, отецъ, праведно, спасибо, спасибо!

На другой станціи въ толпѣ стояла крестьянка съ двумя мальчиками 6 и 7 лѣтъ, умытыми, въ чистыхъ рубашкахъ, что рѣзко отличало ихъ отъ другихъ ребятъ—замарашекъ.

— Гдѣ живешь ты? — спросилъ Н. П. крестьянку-мать этихъ двухъ мальчиковъ.—Хочу посмотрѣть твое житье-бытье.

Пошли, сопровождаемые народомъ. Изба большая, раздѣленная крыльцомъ на двѣ половины. На дворѣ все прибрано, чисто, въ избѣ опрятно, столы покрыты бѣлой изъ крестьянскаго холста скатертью, на стѣнѣ—ручники, или полотенца, чистые. По словамъ сосѣдей, эта крестьянка справляется съ хозяйствомъ и дѣтьми одна, безъ работницы и находитъ еще возможность помогать мужу на полевыхъ работахъ.

Тутъ же даны ей золотыя серьги — царскій подарокъ за домовитость и опрятность. Такихъ случаевъ въ нашу поѣздку было нѣсколько. За то, въ каждомъ селеніи, гдѣ есть волостное правленіе, Н. П. громилъ волостныхъ писарей и старшинъ. Оказывалось при ревизіи книгъ, что, кромѣ сбора казеннаго подушнаго, и на мірскіе расходы, разрѣшенные начальствомъ, съ крестьянъ дѣлались еще поборы темные и въ размѣрѣ, въ три, четыре раза превышающемъ сборъ казенный. На какіе же предметы? На разныя общественныя нужды, отвѣчалъ бойкій писарь, какъ-то: наёмъ приличной квартиры для засѣдателей, исправниковъ и чиновниковъ, пріѣзжающихъ изъ губерніи, на угощеніе ихъ, на прибавку жалованья волостному писарю и старшинамъ.

— Ты и себя считаешь общественной нуждой? — спрашиваютъ писаря.

— Такъ точно, — самоувѣренно отвѣтилъ писарь.

Въ волостные писаря попадаютъ разными происками, большею частію, ссыльно-поселенцы и вообще людъ, прошедшій огонь и мѣдныя трубы. Прикрываясь авторитетомъ волостныхъ старшинъ и старость, почти вездѣ безграмотныхъ или умѣющихъ только кое-какъ подписать свое имя, волостные писаря властвуютъ и богатѣютъ на счетъ народа. Н. П. говорилъ, что темные поборы съ крестьянъ не даютъ ему уснуть спокойно. Послѣдовалъ грозный циркуляръ, чтобы всѣ поборы съ крестьянъ были гласныя, чтобы не смѣли требовать ничего, кромѣ тѣхъ платежей, которые разрѣшены губернскимъ начальствомъ, чтобы за все, что съѣдятъ и выпьютъ гг. чиновники, платилось хозяину квартиры по таксѣ. Написана была и повѣшена на видномъ мѣстѣ и такса. Написанъ проектъ устройства въ многолюдныхъ селеніяхъ школъ, для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ на должности писарей и сельскихъ учителей. Но, увы, такса была только для вида, угощеніе шло попрежнему. Такъ глубоко вкоренился этотъ гостенримный, на счетъ народа, обычай. Школы для писарей, устроенныя въ нѣсколькихъ селеніяхъ, тоже не привились и едва ли теперь есть гдѣ нибудь.

Н. П. не жаловалъ евреевъ. По закону, евреямъ запрещено пріѣзжать въ Сибирь и тамъ селиться. Могутъ проживать тамъ куццы, первогильдейцы, пробывшіе въ первой гильдіи не менѣе десяти лѣтъ, и ремесленники, послѣдніе временно. Несмотря на законъ, евреевъ наплодилось въ Сибири множество и въ городахъ и въ селахъ. Прикрываясь званіемъ ремесленника, они занимались излюбленнымъ своимъ ремесломъ: продажею водки, корчемствомъ, процентами за ссуды и вообще жидовскими гешефтами. Никакой казенный подрядъ не обходился безъ участія евреевъ, если не лично, то подъ именемъ кого нибудь правоспособнаго. Циркуляръ Синельникова о немедленномъ выселеніи изъ Восточной Сибири всѣхъ евреевъ, не имѣющихъ, по закону, права жить тамъ осѣдло, былъ для нихъ громовымъ ударомъ. Немногіе изъ нихъ выбрались изъ Восточной Сибири, но только на

время, пока гроза не утихнет. Большинство попряталось куда кто. Только что Синельниковъ выѣхалъ изъ Иркутска, жида выползли изъ всѣхъ норъ и щелей, воротились и тѣ, которыхъ выпроводили изъ Восточной Сибири. Оставляя Сибирь, восемь лѣтъ тому назадъ, я съ горестію и ужасомъ видѣлъ, что евреевъ, этихъ всемірныхъ шіявиць, расплодилось тамъ великое множество. Нѣсколько евреевъ приняло св. крещеніе, но это только для отвода глазъ, нѣсколько пробралось и въ государственную службу, а одинъ еврейчикъ, истый Янкель, получившій высшее образованіе въ школѣ кантонистовъ, ловкій, умбющій угодить кому выгодно, теперь на видомъ мѣстѣ и едва ли не въ генеральскомъ чинѣ.

Нельзя не отдать справедливости симпатичнымъ качествамъ Синельникова. Онъ искренно желалъ и стремился избавить народъ отъ тяготы и произвола высшихъ надъ нимъ, улучшить его положеніе, освѣтить темныя стороны и быть, несмотря на кратковременное управленіе, популярнымъ начальникомъ края. Но была и обратная сторона медали. Своею для всѣхъ доступностію, желаніемъ все знать и видѣть самому, онъ, такъ сказать, парализовалъ права и власть губернскихъ и уѣздныхъ инстанцій. Всѣ, съ своими просьбами и нуждами, стремились къ нему «самому», какъ выражался народъ, игнорируя ближайшія власти, къ которымъ, прежде всего, слѣдовало обратиться.

Преемникъ Синельникова, баронъ Фредериксъ—джентльменъ съ наилучшемъ значеніемъ этого слова, съ прекрасными качествами души и сердца, не былъ популяренъ. Женильба его на разведенной женѣ бывшаго иркутскаго полицеймейстера и страшный пожаръ, истребившій въ 1879 г. болѣе половины Иркутска, случившійся, впрочемъ, когда Фредериксъ былъ въ Забайкальѣ, омрачили, такъ сказать, безупречное во всѣхъ отношеніяхъ его управленіе краемъ.

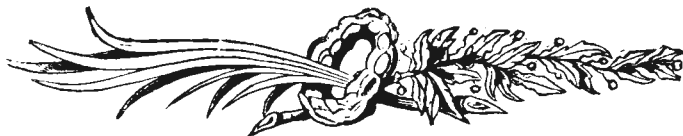
Послѣдовавшее послѣ Фредерикса управленіе Восточною Сибирью, ознаменовалось раздѣленіемъ ея на два генераль-губернаторства: Амурское—изъ областей Забайкальской, Амурской, Приморской съ Камчаткою, Командорскими островами, Сахалиномъ; Иркутское—изъ губерній Иркутской, Енисейской и Якутской области. Главное управленіе Восточной Сибири и совѣтъ съ представителями отъ министерствъ упразднены. При генераль-губернаторѣ осталась небольшая канцелярія.

Уже восемь лѣтъ, какъ я оставилъ Сибирь. Теперь этотъ край, еще недавно какъ бы забытый и забытый, неузнаваемъ. Великій, желѣзный путь прорѣзываетъ его отъ Урала до Восточнаго океана. Дѣйствуетъ тамъ гласный судъ, положившій конецъ произволу и мраку. Край освѣщается новыми силами. Туда стремятся туристы, русскіе и иностранцы. Тамъ работаютъ ученые комиссіи для изслѣдованія богатствъ, еще не тронутыхъ.

Все обѣщаетъ Сибири великую будущность.

А. П.

ВОСПОМИНАНІЯ О МИХАИЛѢ ГРИГОРЬЕВИЧѢ ЧЕРНЯЕВѢ.

ВГУСТА 4-го, въ своемъ родовомъ имѣніи Тубышки (Могилевской губерніи и уѣзда), неожиданно скончался генераль-лейтенантъ, членъ военнаго совѣта, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, 70 лѣтъ отъ роду. Наканунѣ смерти, 3 августа, Михаилъ Григорьевичъ чувствовалъ себя, какъ обыкновенно, подрѣзалъ кусты въ саду, ѣздилъ въ лѣсъ на прогулку, побывалъ въ сельской школѣ, созданной имъ, и отмѣрилъ три десятины земли для отведенія ея подъ ремесленное училище, которое Михаилъ Григорьевичъ думалъ устроить въ Тубышкахъ. По пріѣздѣ туда, въ іюнѣ, Михаилъ Григорьевичъ принялся за устройство склепа возлѣ церкви и, сидя на скамьѣ возлѣ липы, ежедневно слѣдилъ за работой. Въ день своей кончины, пообѣдавъ по обыкновенію и выпивъ чаю, Михаилъ Григорьевичъ почувствовалъ боль въ лѣвомъ боку и просилъ растереть себѣ бокъ спиртомъ и все безпокоился, что нѣтъ почты. На предложеніе послать за докторомъ онъ сказалъ, что ему лучше, и отпустилъ прислуживавшаго ему человѣка.

Въ десять часовъ утра онъ обыкновенно звонилъ, но вотъ бьетъ 11, бьетъ 12, звонка нѣтъ, тогда вошли въ комнату и застали его уже отошедшимъ въ вѣчность. Лежалъ онъ точно спящій, выраженіе лица ясное, вполне спокойное. Докторъ, констатировавшій смерть, сказалъ, что она произошла мгновенно, безъ всякихъ страданій, во время сна, отъ разрыва сердца.

Михаилъ Григорьевичъ оставилъ письмо съ надписью: «вскрыть послѣ моей смерти». Въ немъ выражено желаніе «быть похороненнымъ безъ всякихъ знаковъ отличія на гробѣ и за гробомъ, умаляющихъ значеніе смерти». Мѣсто погребенія назначено «или на Сар-

тюбѣ близъ Ташкента, гдѣ мною рѣшена судьба средней Азіи, или въ Тубышкахъ возлѣ церкви».

8-го августа, прахъ Михаила Григорьевича былъ отпущенъ въ склепѣ въ присутствіи родныхъ и крестьянъ села Тубышекъ.

Такимъ образомъ, послѣдняя воля покорителя Ташкента и все-славянскаго вождя была исполнена: его похоронили «безъ всякихъ знаковъ отличія, умаляющихъ значеніе смерти». Въ этихъ краткихъ словахъ вылился весь Черняевъ. Скромный, невзыскательный при жизни, таковымъ захотѣлъ остаться и послѣ смерти.

Дѣятельность Черняева принадлежитъ исторіи, и настанетъ время, когда вся она будетъ занесена на ея страницы, и великій образъ русскаго вятязя предстанетъ предъ нашимъ потомствомъ, окруженный блескомъ заслуженной имъ славы. Теперь же, надъ свѣжей могилой Михаила Григорьевича, я хочу подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми своими воспоминаніями о немъ, рисующими великаго усюпшаго внѣ сферы его исторической дѣятельности, а въ сферѣ его жизни, какъ человѣка частнаго. Я былъ настолько счастливъ, что въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ стоялъ близко къ этому замѣчательному человѣку и за все это время пользовался неизмѣнно его дружбой, а потому, благоговѣйно чтя о немъ память, постараюсь въ моихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ быть только правдивымъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ память мнѣ измѣнитъ, лучше не договаривать, чѣмъ прибавлять отъ себя.

Одна изъ симпатичнѣйшихъ чертъ характера Михаила Григорьевича была его замѣчательная правдивость, и эта его правдивость, доходившая до рѣзкости, несомнѣнно много мѣшала ему въ жизни. Михаилъ Григорьевичъ сознавалъ это, тѣмъ не менѣе никогда не отступалъ отъ правдивости, никогда не жертвовалъ ею!.. Это должно налагать на всякаго, кто о немъ пишетъ, обязанность быть правдивымъ и только правдивымъ, дабы не оскорбить его память...

I.

Это было въ 70-хъ годахъ. Я только что пріѣхалъ изъ Вильны, гдѣ кончилъ существовавшее тамъ тогда специально еврейское раввинское училище (нынѣ преобразованное въ еврейскій учительскій институтъ), и поступилъ вольнослушателемъ въ Горный институтъ. Писать и печататься я началъ, будучи ученикомъ раввинскаго училища, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» и въ существовавшемъ тогда въ Вильнѣ ежемѣсячномъ журналѣ «Вѣстникъ Западной Россіи». Спустя мѣсяца два—три по пріѣздѣ въ Петербургъ, написалъ я статью, какого содержанія, теперь ужъ забылъ. Помню только, что по формѣ статья была свойства обличительнаго. Таково тогда было время: обличеніе еще не вышло изъ моды; обличали тогда всѣ—обличалъ и я. Написавъ статью, мнѣ надо было гдѣ нибудь ее напечатать.

Долго думалъ я, куда направить мою статью. И вотъ однажды на углу Литейнаго проспекта и Симеоновской улицы вижу вывѣску: «Русскій Міръ». Не безъ страха поднялся я по лѣстницѣ и въ первый разъ въ жизни переступилъ порогъ петербургской редакціи. Тамъ меня встрѣтила высокая, черная дама, приняла у меня рукопись и сказала, чтобы я пришелъ за отвѣтомъ черезъ три дня. Назначенный срокъ прошелъ, и я вторично явился въ редакцію «Русскаго Мира» за отвѣтомъ. Дама, принявшая у меня рукопись, была чѣмъ-то занята и очень долго заставила меня ждать. Наконецъ, она обратилась ко мнѣ и спросила, что мнѣ нужно. Очевидно, она меня не узнала. Я сказалъ.

— Хорошо, что вы пришли теперь,—произнесла она, лишь только я назвалъ себя:—васъ желаетъ видѣть Михаилъ Григорьевичъ. Онъ какъ разъ теперь здѣсь, и статья ваша у него. Сейчасъ ему доложить о васъ.

Она распорядилась, и черезъ нѣсколько минутъ появился лакей и произнесъ:

— Пожалуйте, генераль васъ ждетъ.

Я послѣдовалъ за лакеемъ, который раскрылъ предо мною двери кабинета, и я въ первый разъ въ жизни оцутился предъ Черныевымъ.

Окинувъ меня своимъ быстрымъ, орлинымъ взглядомъ, онъ привѣтливо отвѣтилъ на мой робкій поклонъ и, указавъ на кресло противъ себя, произнесъ:

— Садитесь.

Я сѣлъ.

— Вы авторъ этой статьи?—произнесъ онъ, вторично окинувъ меня своимъ орлинымъ взоромъ, держа въ рукахъ мою рукопись.

— Да, это моя статья...

— Статья интересная и хорошо написана. Я ее непременно напечатаю и очень скоро, но вѣдь она не окончена...

— Да, не окончена,—подтвердилъ я.

— Когда же вы доставите мнѣ конецъ?

— Завтра...

— Очень хорошо... Доставьте непременно завтра. Но какъ вы думаете ее окончить? Какіе у васъ еще матеріалы?..

До сихъ поръ я отвѣчалъ Михаилу Григорьевичу только на его вопросы кратко, но теперь мнѣ ужъ нужно было пространно и длинно передать ему дальнѣйшее содержаніе моей статьи.

Я заговорилъ и, должно быть, отъ волненія заговорилъ весьма безтолково, а, главное, больше жестами, чѣмъ словами, и, какъ потомъ, смѣясь, передавалъ мнѣ Михаилъ Григорьевичъ, даже переищивалъ русскую рѣчь непонятными словами, должно быть, еврейскимъ жаргономъ... Но, какъ бы то ни было, я очень увлекся своей передачей Михаилу Григорьевичу содержанія моей статьи и вдругъ,

къ моему ужасу, былъ прерванъ гнѣвнымъ окрикомъ моего собесѣдника:

— Довольно!—крикнулъ Михаилъ Григорьевичъ.—Что за подлая мистификація!..

Онъ поднялся во весь ростъ, отодвигая отъ себя съ шумомъ кресло, и, стукнувъ по письменному столу кулакомъ, гнѣвнымъ жестомъ указалъ мнѣ на дверь и презрительно произнесъ:

— Вонь!..

Я былъ ошеломленъ, уничтоженъ этой неожиданной выходкой, въ буквальномъ смыслѣ слова, грознаго въ тотъ моментъ Михаила Григорьевича, но тѣмъ не менѣе не тронулся съ мѣста.

— Вонь!—вторично сказалъ Михаилъ Григорьевичъ.

— За что обижаете меня?—произнесъ я наконецъ, приходя въ себя.

— За что?.. За обманъ!.. За самозванство!.. За издѣвательство надо мною!.. Какой же ты авторъ статьи? Ты наглый жидъ, обманщикъ!.. Статья принадлежитъ перу писателя, а не тебѣ, не умѣющему слова сказать порусски.

— Вы говорите неправду!.. Статья моя... Я самъ ее написалъ... Я вамъ это докажу!..

— Чѣмъ же ты это докажешь?

— А я тутъ же, въ вашемъ кабинетѣ, на вашихъ глазахъ, напишу окончаніе статьи...

И выкрикивая почти каждое слово, я вдругъ разрыдался, и со мною сдѣлалась истерика.

Мнѣ подали воды, и когда я успокоился, Михаилъ Григорьевичъ распорядился, чтобы дали бумагу и меня усадили въ отдѣльной комнатѣ, и я въ ней сталъ дописывать свою статью.

Прошелъ часъ, а, можетъ быть, и больше, я сидѣлъ и писалъ, а въ глазахъ моихъ безпрестанно наворачивались слезы. Вдругъ дверь тихо отворяется, входитъ Михаилъ Григорьевичъ, молча беретъ со стола исписанный листочекъ и быстро его пробѣгаетъ.

— Милый,—обращается онъ ко мнѣ,—вы меня ради Бога простите... Я передъ вами виноватъ... очень виноватъ... Простите же и не сердитесь... Не только я, никто бы не повѣрилъ, что вы авторъ статьи... Ради Бога, забудьте о случившемся... Но какъ же это, вамъ необходимо научиться говорить порусски... Изъ васъ выйдетъ русскій писатель, а русскому писателю не умѣть говорить порусски нельзя...

Онъ меня обнялъ...

II.

Съ этой первой встрѣчи Михаилъ Григорьевичъ мною заинтересовался и слѣдилъ за мной съ отеческой заботливостью. Онъ очень часто принималъ меня, предлагалъ свою помощь и, когда я

долго къ нему не заходилъ, приглашалъ меня къ себѣ коротенькими записками и даже заѣзжалъ на мою студенческую квартиру меня провѣдать. Я былъ обѣденъ, но отъ денежной его помощи всегда отказывался. Это его сердило.

— Вижу, вы нуждаетесь,—говаривалъ онъ мнѣ часто,—вамъ надо много работать, а у васъ нужда... Берите у меня, я отъ всего сердца даю. Когданибудь сочтемся...

— Вы бы мнѣ лучше, Михаилъ Григорьевичъ, дали работу въ нашей газетѣ,—постоянно отвѣчалъ я ему въ такихъ случаяхъ.

Но пристроить меня къ своей газетѣ Михаилъ Григорьевичъ отказывалъ мнѣ всегда наотрѣзъ. На мои приставанья онъ однажды даже очень разсердился и довольно рѣзко сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

— Вы не годитесь въ сотрудники... Писать вы умѣете, но у васъ нѣтъ еще достаточныхъ знаній, нѣтъ достаточнаго развитія... Вамъ надо учиться, а не писать, учить другихъ... Вы полнѣйшій невѣжда, и вамъ нечего сказать...

Разъ какъ-то онъ заѣхалъ ко мнѣ вечеромъ и нашелъ меня чрезвычайно разстроеннымъ. Жилъ я тогда на Васильевскомъ островѣ, на углу 17 линіи и Средняго проспекта и занималъ комнату вдвоемъ съ товарищемъ по институту у женщины, которая содержала биржу ломовыхъ извозчиковъ. Чтобы пробраться ко мнѣ, надо было пройти черезъ большую комнату, гдѣ были устроены около стѣнъ нары, на которыхъ извозчики спали. Съ пяти часовъ утра до самаго вечера въ квартирѣ царствовала тишина. Но часовъ съ 9 вечера, когда извозчики собирались на ночлегъ, часа два подрядъ, пока они не ложились спать, шумъ въ квартирѣ стоялъ такой, что въ моей комнатѣ ни работать, ни читать не было возможности. Михаилъ Григорьевичъ пріѣхалъ ко мнѣ, когда всѣ извозчики были въ полномъ сборѣ, и, очутившись въ моей комнатѣ и поздоровавшись со мной и моимъ товарищемъ (Гринвальдомъ, нынѣ умершимъ), произнесъ:

— Вамъ надо, господа, отсюда переѣхать... Развѣ вы можете здѣсь заниматься?..

— Мнѣ не только изъ этой квартиры придется скоро уѣхать, а кажется и изъ Петербурга,—отвѣтилъ я.

— Развѣ у васъ чтонибудь случилось особеннаго!..

— Нѣтъ, особеннаго ничего не случилось, но меня, вѣроятно, уволятъ изъ института за невзносъ платы...

— Такъ внесите...

— Нечего вносить: у меня денегъ нѣтъ...

— Вы вздоръ говорите, берите у меня сколько нужно и внесите за слушаніе лекцій...

И тутъ же Михаилъ Григорьевичъ вручилъ мнѣ требуемую сумму. Это былъ единственный разъ въ жизни, что я принялъ отъ

Черняева денежную помощь, которую, впрочемъ, я ему, спустя много времени, полностью возвратилъ. Рассказываю объ этомъ случаѣ потому, что въ одной петербургской газетѣ было надняхъ напечатано, что Черняевъ много мнѣ благодѣтельствовалъ... И хотя въ газетѣ я по фамиліи не былъ названъ, но что рѣчь тамъ идетъ обо мнѣ, было ясно...

Въ Петербургѣ прожилъ я тогда года три и по волѣ судьбы уѣхалъ оттуда, не окончивъ курса. Поселился я на нѣкоторое время у родителей въ Вильнѣ, а потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ думалъ поступить въ императорское московское техническое училище, но, увлекшись литературой, бросилъ навсегда мысль объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія и пристроился въ редакцію «Современныхъ Извѣстій».

Прошло много лѣтъ. Съ Михаиломъ Григорьевичемъ я не только не встрѣчался, но и не переписывался съ нимъ. Я думалъ, что онъ совершенно забылъ о моемъ существованіи; тѣмъ болѣе, когда за этотъ долгій промежутокъ времени ему выпало на долю такъ много трудовъ, и за это время онъ успѣлъ сдѣлать свое историческое дѣло въ Сербіи и во второй разъ прославить свое имя на столько, что популярнѣе его не было въ Россіи человѣка. Въ особенности благоговѣла передъ Михаиломъ Григорьевичемъ Москва, которая считала его своимъ и гордилась его дѣлами. Могъ ли я при такихъ обстоятельствахъ думать, что Черняевъ помнитъ обо мнѣ? А между тѣмъ, какъ оказалось, онъ не только не забылъ меня, но судьба моя его всегда интересовала.

Въ 1883 г. Михаилъ Григорьевичъ пріѣхалъ изъ Ташкента въ Москву, чтобы присутствовать при священномъ коронованіи императора Александра III. Я жилъ тогда на Петровкѣ, въ домѣ Хомякова, въ меблированныхъ комнатахъ, которыя содержала полковница Бурцова. О томъ, что Черняевъ въ Москвѣ,—я зналъ. Разумѣется, я очень хотѣлъ повидать его, но не рѣшался къ нему заѣхать: много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ его въ послѣдній разъ и, какъ знать, отнесется ли такъ же ко мнѣ теперь Черняевъ, туркестанскій генераль-губернаторъ, какъ когда-то относился Черняевъ, редакторъ газеты. Я ужъ тогда успѣлъ на опытъ узнать, какъ по большей части мѣняются люди, выдвигаясь впередъ, и насколько большее положеніе, ими занимаемое, портитъ ихъ характеръ... Но Черняевъ стоялъ выше обыкновеннаго уровня людей, и никакое положеніе не могло его испорить, не могло повліять на его доброе сердце, на его выдающуюся скромность—эту симпатичнѣйшую черту его благородной натуры. Въ этомъ я убѣдился по слѣдующему случаю.

Разъ утромъ, часовъ въ восемь, когда я еще спалъ, такъ какъ по случаю торжественныхъ дней коронаціи легъ весьма поздно, ко мнѣ врывается коридорный меблированныхъ комнатъ и безъ всякой церемоніи начинаетъ меня будить.

— Что случилось?—спрашиваю.

— Вставайте, баринъ, скорѣй... Михайло Григорьевичъ здѣсь...

— Какой тамъ Михайло Григорьевичъ?..

— Его превосходительство Михайло Григорьевичъ...

Я ничего не понялъ. Не могъ же я предполагать, что ко мнѣ, въ меблированныя комнаты, пріѣхалъ прославленный на всю Россію Черняевъ, туркестанскій генераль-губернаторъ, и еще въ такое раннее время. Но раздается стукъ въ двери, и на мой вопросъ: «кто тамъ», слышу знакомый голосъ: «да впустите же меня, С. К.».

Когда я наскоро одѣлся и вышелъ къ Михайлу Григорьевичу, то увидѣлъ его сидящимъ у моего письменнаго стола одѣтымъ въ полной парадной формѣ.

— Заѣхалъ повидать стараго знакомаго,—произнесъ Михайлъ Григорьевичъ, поднимаясь мнѣ на встрѣчу.—Ну, покажитесь...

И окинувъ меня быстрымъ взглядомъ съ головы до ногъ, прибавилъ:

— А вѣдь вы ничуть не измѣнились, я бы васъ на улицѣ узналъ.

Я былъ чрезвычайно обрадованъ, но и смущенъ визитомъ Михаила Григорьевича.

— Но какъ вы меня нашли?—вырвался у меня глупый вопросъ.

— Я получилъ справку изъ адреснаго стола... Вотъ она, если не вѣрите...

— Но зачѣмъ же вы потрудились ко мнѣ... Могли меня вызвать...

— Ну, знаете, это было бы потруднѣе... Я такъ занятъ... Меня буквально одолеваетъ со всѣхъ сторонъ... Ни одной свободной минуты... Ну, да что объ этомъ говорить: захотѣлъ съ вами повидаться и заѣхалъ...

И онъ произнесъ эти слова такъ задушевно, такъ просто, что я былъ растроганъ.

Михайлъ Григорьевичъ просидѣлъ у меня больше часа, хотя съ самаго начала моего визита заявилъ, что ему некогда. Все время онъ спрашивалъ меня о моихъ дѣлахъ, о литературныхъ занятіяхъ и, между прочимъ, замѣтилъ мнѣ, что я сдѣлалъ успѣхи въ разговорной русской рѣчи.

Въ самый разгаръ нашего разговора вдругъ раздается стукъ въ двери. Разумѣется, принять кого бы то ни было, когда у меня сидѣлъ Черняевъ, я не желалъ, да и не могъ, а потому, вмѣсто обычнаго въ такихъ случаяхъ «войдите», я, извинившись передъ Михайломъ Григорьевичемъ, пошелъ посмотреть, кто у меня стучится. Это оказался Н. Э. Гейнце, теперешній редакторъ газеты «Свѣтъ», который жилъ со мною рядомъ въ комнатахъ. Мы ужъ тогда были съ нимъ очень дружны и на «ты».

— Что тебѣ?—спрашиваю сердито.

— У тебя сидитъ Черняевъ, я никогда его не видѣлъ...

— Такъ что же изъ этого?

— Я очень желаю его повидать...

— Не могу же я тебя съ нимъ познакомить, безъ его разрѣшенія.

— Такъ ты его спроси...

— Убирайся,—произнесъ я сердито и закрылъ передъ его носомъ дверь.

Тѣмъ не менѣе, я передалъ Михаилу Григорьевичу о желаніи Гейнце. Михаилъ Григорьевичъ засмѣялся и произнесъ:

— Если г. Гейнце такъ хочется познакомиться со мной, то попросите его.

Когда Н. Э. Гейнце явился на мой зовъ, Михаилъ Григорьевичъ встрѣтилъ его съ свойственною ему ласковостью и положительно очаровалъ его.

Когда я вдвоемъ съ Н. Э. Гейнце вышли, чтобы проводить Михаила Григорьевича, длинные коридоры нашихъ меблированныхъ комнатъ оказались переполненными людьми: тутъ были не только жильцы, но прямо съ улицы явилось много народу, наполнившаго не только коридоры, но и всю лѣстницу; собрался весь этотъ людъ, чтобъ посмотрѣть на Михаила Григорьевича и поклониться ему. Съ большимъ трудомъ мы подвигались впередъ, пока не сошли съ лѣстницы и достигли дождавшейся у подъѣзда коляски Черняева. Когда лошади тронулись, раздалось даже «ура».

Послѣ описаннаго визита, въ теченіе трехъ, четырехъ лѣтъ, я видѣлся съ Черняевымъ только два раза, но съ этого времени онъ со мною переписывался.

III

Послѣ смерти М. Н. Каткова, которая совпала съ окончаніемъ срока его аренды «Московскихъ Вѣдомостей», появилось много конкурентовъ на эту аренду; въ числѣ ихъ былъ и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, редакторъ-издатель «Современныхъ Извѣстій», въ которыхъ я работалъ больше десяти лѣтъ. Покойный Н. П. собрался по этому поводу въ Петербургъ, чтобы хлопотать тамъ объ арендѣ «Московскихъ Вѣдомостей», и взялъ меня съ собой, чтобы ему не было скучно, въ свободное отъ хлопотъ время. Остановились мы въ Петербургѣ, въ гостиницѣ «Бель-Вю», на Большой Морской. Первый человѣкъ, котораго мы встрѣтили въ гостиницѣ, поднимаясь въ первый разъ по лѣстницѣ, былъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, который очень обрадовался встрѣчѣ и вмѣстѣ съ нами поднялся на четвертый этажъ и вошелъ въ отведенный намъ номеръ.

— Вотъ вы и рядомъ со мной поселились,—произнесъ Михаилъ Григорьевичъ.—Я этому очень радъ.

Когда онъ разговаривался съ Никитой Петровичемъ и узналъ о цѣли его прїѣзда въ Петербургъ, то сообщилъ, что и онъ хлопотеть объ арендѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

— Два дня тому назадъ,—передавалъ намъ Михайлъ Григорьевичъ,—я сильно надѣялся на полученіе аренды, но теперь сомнѣваюсь въ успѣхѣ... Я видѣлся вчера съ Деляновымъ, и онъ противъ меня, но окончательно надежды еще не теряю и буду продолжать хлопотать... Я теперь въ ужасномъ положеніи, и это ужасное положеніе тянется такъ долго... Еслибъ мнѣ отдали аренду «Московскихъ Вѣдомостей», я бы воспрянулъ... Я многое имѣю, что сказать въ газетѣ, и я бы сказалъ...

— Мы съ вами, Михайлъ Григорьевичъ, оказывается, конкуренты,—перебилъ его Никита Петровичъ своимъ медленнымъ, мелодичнымъ голосомъ, устремляя на собесѣдника свои вѣчно задумчивые, чудные, голубые глаза.—Не открывайте же мнѣ своихъ картъ...

— Мы другъ другу мѣшать не можемъ и интриговать не въ моемъ и не въ вашемъ характерѣ, то отчего же намъ скрытничать и таиться? Будемъ хлопотать и увидимъ, что изъ этого выйдетъ... Впрочемъ, можно, кажется, предсказать, что «Московскія Вѣдомости» не достанутся ни вамъ, ни мнѣ, а получить ихъ кто нибудь половчѣе насъ...

И тутъ они, не стѣняясь, начали сообщать другъ другу о своихъ хлопотахъ въ этомъ дѣлѣ съ полною откровенностью.

Мы прожили въ Петербургѣ дня четыре и по вечерамъ проводили время или въ номерѣ Михаила Григорьевича, или Михайлъ Григорьевичъ приходилъ въ нашъ номеръ.

Какъ-то, въ отсутствіе Н. П., Михайлъ Григорьевичъ предложилъ мнѣ вопросъ, которымъ смутилъ меня.

— А вы пойдете ко мнѣ работать, если получу «Московскія Вѣдомости»?..

— Не знаю...

— Простите,—спохватился онъ.—Я не имѣю никакого права требовать это отъ васъ... Вы такъ многимъ обязаны Н. П., онъ изъ васъ сдѣлалъ писателя и привязанъ къ вамъ? Вы должны остаться при его газетѣ.

— А, помните, Михайлъ Григорьевичъ, какъ отказывали мнѣ въ сотрудничествѣ въ «Русскомъ Мирѣ»!

Онъ засмѣялся.

Спустя недѣли двѣ, Никита Петровичъ поѣхалъ въ Петербургъ вторично, но ужъ безъ меня и, какъ извѣстно, внезапно скончался отъ разрыва сердца, въ той же гостиницѣ «Бель-Вю», въ которой остановился и во второй свой прїѣздъ. Когда родные привезли прахъ его для погребенія въ Москву, то не безъ негодованія передали мнѣ, что Черняевъ поступилъ очень нехорошо по отношенію къ покой-

нику. Лишь только по гостиницѣ узнали, что Никита Петровичъ умеръ, Черняевъ не только не выказалъ никакихъ заботъ о покойникѣ, но немедленно переѣхалъ въ другую гостиницу. Онъ не присутствовалъ ни на одной панихидѣ и только на одну минуту появился къ выносу тѣла.

Черезъ полгода, когда я переѣхалъ на жительство въ Петербургъ и увидалъ Михаила Григорьевича, то спросилъ его, почему онъ такъ поступилъ. Черняева, очевидно, мой вопросъ смутилъ; тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ мнѣ.

— Видите ли, С. К., тутъ все дѣло заключалось въ одной моей слабости, которую вамъ открою. Вообразите, — я боюсь покойниковъ... Ужасно ихъ боюсь...

— Какъ такъ?—удивился я, менѣе всего приготовленный къ подобному отвѣту отъ Черняева.

— Да, такъ... Мнѣ никогда не было страшно встрѣчать смерть лицомъ къ лицу, видѣть цѣлое поле, усѣянное трупами и ранеными, самому убивать; наконецъ, я рѣшительно не боюсь собственной смерти. Но видѣть покойника при обыкновенной обстановкѣ я не могу... На меня нападаетъ какой-то внутренній трепетъ, граничащій съ ужасомъ... Я не могу чувствовать себя спокойнымъ, даже если узнаю, что въ сосѣднемъ со мною домѣ находится покойникъ... Вѣрьте, что это не трусость, а что-то другое, чего я понять не могу...

IV.

Какъ я уже упомянулъ, спустя полгода послѣ смерти Никиты Петровича Гилярова-Платонова, я переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ, гдѣ живу донинѣ. За эти послѣднія 10—12 лѣтъ я окончательно сблизился съ Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ. Отношенія между нами установились почти родственныя. Бывалъ онъ у меня весьма часто, и еще чаще бывалъ я у него. Такъ продолжалось до послѣдняго времени, вилоть до самой его кончины. Михаилъ Григорьевичъ посвящалъ меня почти во всѣ свои личныя дѣла и, когда бывало нужно, обращался къ моей помощи и къ моему содѣйствію. Онъ зналъ, что услужить ему, быть ему полезнымъ, составляло для меня истинное удовольствіе.

Приведу слѣдующій случай.

Лѣтомъ 1895 года, жилъ я на дачѣ въ нѣмецкой колоніи, въ Колпинѣ. Въ концѣ іюля, получаю изъ Тубышекъ отъ Михаила Григорьевича письмо, въ которомъ онъ писалъ: «Савелій Константиновичъ. Только къ вамъ могу обратиться съ просьбой, въ увѣренности, что вы немедленно ее исполните. Поѣзжайте въ Петербургъ, повидайте В. И. Аристова, который можетъ вамъ передать всѣ подробности о моихъ хлопотахъ въ святѣйшемъ синодѣ о возобно-

влениі прихода въ моемъ имѣніи. В. И. помогаль мнѣ въ моихъ хлопотахъ, а потому ему извѣстно, въ какомъ положеніи было дѣло въ синодѣ предъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, т. е. ему извѣстно, что мнѣ обѣщали все сдѣлать, какъ я просилъ. Когда отъ Аристова узнаете все нужное,—заѣзжайте отъ моего имени къ В. К. Саблеру и спросите, отчего до сихъ поръ не сдѣлано никакихъ распоряженій и въ мѣстной консисторіи, и въ канцеляріи мѣстнаго архіерея о томъ, что рѣшено возобновить приходъ въ моемъ имѣніи. Ради Бога, не откладывайте поѣздку въ Петербургъ и телеграфируйте мнѣ о результатахъ вашего разговора съ В. К. Саблеромъ. Дѣло это для меня чрезвычайно важно, оно меня волнуетъ, не даетъ покоя; успокойте же меня, а то боюсь, что послѣ моего отъѣзда въ синодѣ перерѣшили мое дѣло».

Дальше слѣдовалъ въ письмѣ цѣлый рядъ жалобъ на петербургскую канцелярщину и медленность въ дѣлахъ, а затѣмъ М. Г. заканчивалъ:

«Крѣпко на васъ надѣюсь и жду отъ васъ телеграмму. Письмо это покажите Аристову только въ крайнемъ случаѣ и, во всякомъ случаѣ, не оставляйте его у него. Крѣпко жму вашу руку. М. Черняевъ. Тубышки, пятница, іюль, 94 г.».

М. Г. имѣлъ обыкновеніе очень часто вмѣсто числа мѣсяца въ своихъ письмахъ обозначать день недѣли.

Прочитавъ письмо, я съ первымъ поѣздомъ отправился въ Петербургъ и прямо къ В. И. Аристову.

Разумѣется, что прежде всего предъявилъ ему письмо М. Г. и просилъ его совѣта и указаній.

В. И., прочитавъ письмо, улыбнулся и произнесъ:

— Какъ я узнаю въ этомъ письмѣ Михаила Григорьевича... И отчего это онъ пожелалъ, чтобы вы мнѣ показали письмо только въ крайнемъ случаѣ?.. А вы, его другъ, тоже хороши, выдали мнѣ М. Г. головой, безъ всякой надобности предъявили мнѣ письмо... Надѣйся, послѣ этого, на друзей...

И Василій Ивановичъ разсмѣялся.

— Хорошо,—продолжалъ онъ.—Дня черезъ два я увидаю Владимира Карловича, переговорю съ нимъ, о результатѣ дамъ вамъ знать, и вы напишете Черняеву... Впрочемъ, я бы вамъ посоветовалъ сегодня, и даже сейчасъ, отправиться въ святѣйшій синодъ и переговорить самому съ В. К. Сегодня какъ разъ онъ тамъ принимаетъ...

— Но Владиміръ Карловичъ меня не знаетъ, и не знаю, какъ онъ меня приметъ...

— Вы, С. К., говорите такъ потому, что боитесь генераловъ... Я вѣдь знаю, что вы ихъ трусите... Повѣрьте мнѣ, Владиміръ Карловичъ человѣкъ обходительный и никакого страха на васъ не нагонитъ... Только ему ужъ письмо Черняева не показывайте, чтобы

онъ не обидѣлся за недоброжелательный отзывъ М. Г. о маленькихъ чинахъ синода... Оставьте лучше письмо у меня, чтобы избѣгнуть соблазна показать его Владиміру Карловичу.

Письмо М. Г. я ему не оставилъ и прямо отъ него поѣхалъ въ святѣйшій синодъ. В. К. Саблеръ, какъ и предсказывалъ В. И. Аристовъ, принялъ меня хотя официально, но изысканно любезно и, когда я ему передалъ, по какому дѣлу явился къ нему, съ улыбкой, пожимая плечами, произнесъ:

— Какой М. Г., право, нетерпѣливый... Мы же рѣшительно все для него сдѣлали, и если могилевская консисторія не получила до сихъ поръ указа, то это потому, что почта у насъ дѣйствуетъ медленно... Сообщите генералу, чтобъ онъ не беспокоился... Впрочемъ, въ настоящее время указъ синода, вѣроятно, ужь полученъ могилевской консисторіей.

Изъ синода я отправился въ главный почтамтъ и телеграфировалъ М. Г. отвѣтъ В. К. Саблера и въ тотъ же день написалъ ему подробное письмо.

Въ ноябрѣ того же 1895 года, Михаилъ Григорьевичъ возвратился въ Петербургъ и поселился на Пантелеймоновской ул., д. № 5.

Какъ-то, утромъ, получаю отъ него лаконическую записку: «С. К. Заѣзжайте вечеромъ. Буду весьма радъ повидать васъ и поболтать съ вами. Жму руку. М. Черняевъ».

Я, разумѣется, поспѣшилъ на зовъ и явился къ М. Г. часамъ къ 8 вечера. Михаилъ Григорьевичъ, очевидно, поправился въ деревнѣ и чувствовалъ себя очень бодрымъ. Безъ обычныхъ оховъ и вздоховъ и даже безъ помощи своего коротенькаго, чернаго костыля, поднялся онъ мнѣ на встрѣчу и тихо улыбаясь, что свидѣтельствовало о его прекрасномъ состояніи духа, дружески пожимая обѣ мои руки, произнесъ:

— Спасибо, что пришли... Очень, очень хотѣлъ васъ видѣть... Я предъ вами въ долгу, не отвѣтивъ на послѣднее ваше письмо, но мнѣ такъ трудно писать... Къ тому, я былъ такъ занятъ въ деревнѣ, такъ занятъ...

Мы сѣли.

— Надѣюсь, вы ко мнѣ на цѣлый вечеръ?

— Если не наскучу вамъ.

— Такъ я распоряжусь насчетъ чая и мы потолкуемъ... Я расскажу вамъ много интереснаго.

Въ тотъ вечеръ М. Г. передалъ мнѣ исторію возобновленія церковнаго прихода въ его имѣніи Тубышки и видимо былъ чрезвычайно счастливъ, что дѣло это, наконецъ, завершилось. Въ его родовомъ имѣніи существуетъ старинная церковь во имя св. Николая Чудотворца. Церковь эта была приходская, но во времена управленія святѣйшимъ синодомъ покойнымъ графомъ Д. А. Толстымъ много приходовъ было упразднено, въ томъ числѣ былъ упраздненъ и

приходъ св. Николая Чудотворца въ Тубышкахъ, въ имѣніи М. Г. Черныяева. И вотъ теперь М. Г. выхлопоталъ возобновленіе стариннаго прихода въ Тубышкахъ. Это удалось ему не безъ большихъ трудовъ. Церковь св. Николая М. Г. заново реставрировалъ и выстроилъ при ней колокольню въ 10 саж. вышины. Въ 1876 году, когда Черныяевъ дѣлалъ свое историческое дѣло въ Сербіи, московское купечество прислало въ даръ русскому витязю походную церковь, и когда М. Г. уѣзжалъ оттуда, московскій даръ былъ отданъ на храненіе въ монастырь св. Романа въ Сербіи. Въ 1884 году церковь эта была доставлена въ Тубышки. И теперь эта походная церковь помѣщается въ храмѣ св. Николая Чудотворца. Чтобы обезпечить причтъ при возобновленномъ приходѣ, М. Г. выдѣлилъ изъ своего имѣнія достаточное количество земли въ пользу священнослужителей. Кромѣ того, онъ основалъ въ своемъ приходѣ церковно-приходскую школу и мечталъ о томъ, чтобы основать и ремесленное училище въ своемъ имѣніи. М. Г. и для церковно-приходскаго училища тоже выдѣлилъ землю изъ своего имѣнія.

Передавая мнѣ всѣ эти подробности, Михаилъ Григорьевичъ говорилъ съ большимъ воодушевленіемъ, и я положительно не помню, чтобы видѣлъ его когда либо въ лучшемъ настроеніи, чѣмъ въ тотъ вечеръ.

— Слава Богу,—произнесъ М. Г.,—дѣло сдѣлано и хотя израсходовался страшно и даже надѣлалъ долговъ, изъ которыхъ, не знаю, какъ выпутаюсь, а все-таки мое завѣтное желаніе исполнилось. Одно только меня крайне огорчаетъ, что нѣтъ у меня больше средствъ, чтобы ужъ окончательно завершить дѣло... Колокольню при церкви я выстроилъ на славу, а на соответствующій звонъ денегъ не хватило, и гдѣ ихъ взять, не знаю... Обратился я къ одному московскому пріятелю (М. Г. назвалъ извѣстнаго адвоката), онъ обѣщалъ собрать на звонъ въ Москвѣ, забралъ у меня планъ колокольни и ничего не сдѣлалъ... Я бы очень желалъ получить звонъ отъ москвичей, тѣмъ болѣе, когда внутренность церкви въ Тубышкахъ, иконостасъ, св. сосуды, а также священническія облаченія, я получилъ отъ Москвы...

Мнѣ пришла мысль предложить М. Г. обратиться къ издателю «Московскаго Листка» Н. И. Пастухову и просить его собрать деньги для звона у москвичей.

— Я ему объ этомъ писать не могу,—сказалъ М. Г.—Говорятъ, что онъ, разбогатѣвъ, очень зазнался, и согласитесь, обратиться къ Пастухову и получить отказъ—это было бы ужъ слишкомъ...

— Въ такомъ случаѣ, я ему напишу отъ вашего имени.

— Это было бы очень хорошо.

На слѣдующій день я написалъ Н. И. Пастухову. Долго, очень долго не получалось отъ него никакого отвѣта. М. Г. былъ на меня въ претензій, что я натолкнулъ его на мысль о Пастуховѣ и даже

сердился на меня за это, какъ вдругъ, спустя почти годъ, ко мнѣ въ редакцію «Свѣта» является сотрудникъ «Московского Листка» и просить, чтобъ я ему доставилъ надписи для главнаго колокола уже заказаннаго звона въ Ярославлѣ на фабрику Оловянишникова, для колокольной церкви св. Николая Чудотворца въ Тубышкахъ.

Я моментально бросилъ занятія въ редакціи и полетѣлъ къ М. Г. обрадовать его доброю вѣстью.

— Спасибо вамъ, спасибо Пастухову!...—растроганно произнесъ Мих. Григор. — Сейчасъ же сяду и напишу ему благодарственное письмо. Но почему же онъ до сихъ поръ ни слова не написалъ?..

— Знаете, — отвѣтилъ я, — Ник. Ив. хоть и литераторъ, но письма писать не любитъ... Онъ больше любитъ телеграфировать...

— А намъ онъ даже и не телеграфировалъ, — засмѣялся Михаилъ Григорьевичъ.

Колокола были поставлены въ Тубышки великимъ постомъ 1897 г.

Главнымъ жертвователемъ на этотъ звонъ помимо Н. И. Пастухова былъ Савва Тимофеевичъ Морозовъ, имя котораго выгравировано на большомъ колоколѣ.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Михаиломъ Григорьевичемъ 18 июня сего года на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги. Онъ въ тотъ день уѣзжалъ къ себѣ въ деревню, и я пришелъ провожать его. Кромѣ меня, пришли провожать его, старый товарищ Мих. Гр. по дворянскому полку Ю. С. Лосъ-Рощковскій и близкій другъ его Г. М. Жоховъ. Мы застали Михаила Григорьевича съ его сыномъ Александромъ Михайловичемъ за обѣдомъ. Михаилъ Григорьевичъ былъ очень оживленъ, много говорилъ и между прочимъ произнесъ меланхолически:

— Желалъ бы не возвращаться больше сюда. Впрочемъ, — добавилъ онъ, — всякій разъ, когда я уѣзжаю отсюда, у меня является это желаніе, а все-таки возвращаюсь...

На этотъ разъ слова его оказались пророческими...

Предъ самымъ отходомъ поѣзда Михаилу Григорьевичу принесли на вокзалъ его фотографическіе портреты, такъ какъ онъ за нѣсколько дней снялся, и фотографъ едва успѣлъ ихъ сдѣлать. Всѣмъ провожавшимъ его онъ подарилъ по портрету.

Послѣдніе портреты М. Г. вышли весьма удачно, въ чемъ читатели «Истор. Вѣст.» могутъ убѣдиться, такъ какъ помѣщенный въ настоящей книжкѣ журнала портретъ Михаила Григорьевича сдѣланъ съ подаренной покойнымъ мнѣ фотографіи на Николаевскомъ вокзалѣ.

С. Литвинъ.

ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЕ ДѢЛО ¹⁾.

ЕСНОЮ 1897 года, въ правленіе С.-Петербургскаго Педагогическаго общества взаимной помощи было внесено его членомъ, инспекторомъ учебной части министерства финансовъ, С. С. Григорьевымъ, предложеніе объ организаціи курсовъ или классовъ по разнымъ предметамъ общаго образованія, такъ какъ подобныя классы представляются необходимыми для очень большаго числа обывателей Петербурга, не получившихъ полнаго средняго образованія и не имѣющихъ возможности, по своимъ специальнымъ занятіямъ или по возрасту, посѣщать то или другое учебное заведеніе. Въ Петербургѣ есть очень много людей, какъ состоящихъ на государственной службѣ, такъ и занимающихся частнымъ трудомъ, писцовъ, мелкихъ чиновниковъ, приказчиковъ, конторщиковъ, ремесленниковъ, мужчинъ и женщинъ, которые очень желали бы пополнить и освѣжить свои свѣдѣнія по разнымъ наукамъ, но положительно лишены возможности идти для этого въ учебныя заведенія: для средней школы они не подходятъ по возрасту, высшая школа недоступна имъ по ихъ образовательному цензу, а, кромѣ того, существующіе типы учебныхъ заведеній несомнѣнны съ профессиональными занятіями этихъ лицъ, ставя передъ ними альтернативу — или учиться, не имѣя средствъ къ жизни, или отдаваться той или другой отрасли труда, отложивъ заботу о расширеніи своего образованія. Для такихъ людей нужны вечерніе классы, куда они могли бы приходять въ свободное отъ занятій время, и гдѣ они за самую умѣренную плату получали бы

¹⁾ Матеріаломъ для настоящей статьи послужили: брошюра г. Арабажина «Народный университетъ въ Петербургѣ», а, кромѣ того, «Справочный листокъ» С.-Петербургскаго Педагогическаго общества и дѣла этого общества по курсамъ.

руководительство въ тѣхъ отрасляхъ наукъ, въ которыхъ они чувствуютъ себя недостаточно свѣдущими. Такіе классы облегчатъ этимъ «недоучкамъ» тягостное сознаніе бесплодной, хотя бы происшедшей и не по ихъ винѣ, утраты учебныхъ годовъ, удовлетворять ихъ духовную жажду, дадутъ имъ познанія, полезныя для ихъ же профессиональнаго дѣла, и спасутъ отъ многихъ пагубныхъ послѣдствій, къ которымъ неминуемо приводитъ умственная праздность. Можно смѣло рассчитывать, что среди петербургскихъ педагоговъ найдется немало такихъ людей, которые охотно пойдутъ на помощь «недоучкамъ», пожертвовавъ нѣсколько часовъ въ годъ на уроки въ новыхъ общеобразовательныхъ классахъ; трудъ преподавателей долженъ быть бесплатный, такъ какъ классъ, не превышающій 40 человѣкъ, не можетъ при минимальной платѣ слушателей доставить средства для вознагражденія преподавателямъ; въ виду этого приходится раздробить предметы такимъ образомъ, чтобы на каждаго отдѣльнаго преподавателя приходилось не болѣе 50 уроковъ за весь годъ; подобное дробленіе, нарушая съ одной стороны, можетъ быть, систематичность преподаванія, можетъ быть нѣкоторой гарантіей успѣшности дѣла: не такъ ощутительна неудача 5 уроковъ, какъ неуспѣхъ цѣлаго курса, а къ такимъ неудачамъ мы должны быть готовы, такъ какъ и среди патентованныхъ педагоговъ найдется достаточно поклонниковъ рутины, убивающей всякую охоту къ учебнымъ занятіямъ. Новое дѣло обученія взрослыхъ людей потребуетъ, конечно, новыхъ приемовъ, и тѣмъ, которые выступаютъ на это поприще, предстоитъ серіозная работа надъ собой, чтобы примѣниться къ разнообразнымъ потребностямъ и различному умственному уровню слушателей будущихъ классовъ, но эта работа будетъ несомнѣнно полезна для самихъ дѣятелей, которые, кромѣ того, получатъ самое лучшее вознагражденіе въ удовлетвореніи своихъ альтруистическихъ, общественныхъ стремленій, такъ какъ относительно серіознаго общественнаго значенія будущаго дѣла никакого спора быть не можетъ.

Это скромное предложеніе г. Григорьева, встрѣченное съ живѣйшимъ сочувствіемъ членами правленія Педагогическаго общества, было зерномъ, которому суждено было дать впослѣдствіи пышный цвѣтъ и обильные плоды. Уже въ самомъ началѣ стало выясняться, что это дѣло должно принять гораздо болѣе широкіе размѣры, чѣмъ это предположилъ его инициаторъ. Какъ велики должны быть проектированные г. Григорьевымъ классы? Если нормальный составъ класса не превышаетъ 40 человѣкъ, то сколько классовъ придется открыть при сотняхъ слушателей, и откуда для всѣхъ этихъ классовъ набрать достаточное число преподавателей? Слѣдуетъ ли открывать классъ, если явится только 5—6 слушателей? Какой характеръ будетъ имѣть преподаваніе? Будутъ ли это лекціи или уроки? Будутъ ли они вестись вполне по гимназической программѣ, или

необходимы какія нибудь отступленія отъ этой программы? Какъ приноровиться къ разнородному составу слушателей? Не нужна ли классификація слушателей по ихъ подготовкѣ? Какъ провѣрять результаты преподаванія? Какъ подыскать достаточное число удовлетворяющихъ дѣли преподавателей и какъ распредѣлить между ними работу? Какъ организовать контроль надъ преподаваніемъ? Гдѣ найти помѣщенія для предполагаемыхъ классовъ? Какъ обставить ихъ въ матеріальномъ отношеніи? Откуда найти средства для удовлетворенія постоянныхъ потребностей преподаванія? Какую назначить плату? Должна ли быть плата за дѣльный курсъ или за разовыя посѣщенія? Какъ устроить администрацію классовъ? Весь этотъ рядъ существеннѣйшихъ вопросовъ возникъ вполне естественно, какъ только приступили къ обсужденію проекта г. Григорьева, и вызвалъ не мало разныхъ, одно другому противорѣчащихъ, мнѣній среди первыхъ начинателей дѣла. Однако различіе, даже противорѣчіе мнѣній не могло охладить интереса къ самому дѣлу, а напротивъ побудило заняться вопросомъ повнимательнѣе. Важность дѣла была несомнѣнна для всѣхъ членовъ правленія, успѣхъ его зависѣлъ отъ свободнаго единенія педагогическихъ силъ, необходимо было столкнуться, подвергнуть дѣло широкому и всестороннему обсужденію, — правленіе не могло взять на себя въ этомъ случаѣ какой либо исключительной компетенціи и рѣшило обратиться къ дѣлому ряду специалистовъ-педагоговъ, призвать ихъ въ комиссію, которая должны были работать, какъ общій вопросъ объ организаціи дѣла, такъ и планы преподаванія отдѣльныхъ предметовъ.

Первыя комиссіи начали свою дѣятельность уже весною 1897 года, а въ теченіе осени организовалось уже 6 комиссій по отдѣльнымъ предметамъ, комиссію административная и учебный совѣтъ, которому принадлежитъ роль главнаго руководителя и объединителя всей учебной дѣятельности классовъ, или, какъ ихъ уже въ это время стали называть, курсовъ. Работа началась кипучая: педагогическій міръ встрепенулся, оживился, увидѣлъ, что ему впереди предстоитъ серьезное испытаніе и важный общественный трудъ. Въ дѣлѣ приняло участіе около 400 человекъ, при чемъ въ общей дружной работѣ сошлись представители высшей науки, академики и профессора университета и военно-медицинской академіи, съ преподавателями среднихъ учебныхъ заведеній и самыми скромными (но очень почтенными) тружениками народнаго просвѣщенія, учителями и учительницами городскихъ школъ. Уже одинъ этотъ фактъ товарищескаго единенія людей, обыкновенно между собой разобщенныхъ и столь далеко стоящихъ другъ отъ друга въ іерархическомъ отношеніи, можетъ считаться въ высшей степени отраднымъ явленіемъ: люди перезнакомились, сошлись, обмѣнялись взглядами, одни увидѣли, что олимпійцы только на первый взглядъ кажутся недоступными и напротивъ очень охотно вступають въ общеніе съ людьми,

стоящими ниже ихъ; другіе узнали, что и на низшихъ ступеняхъ педагогической іерархіи дѣйствуютъ не какіе нибудь ирокезы или тунгусы, а есть не мало людей со свѣтлыми взглядами, самоотверженно преданныхъ своему дѣлу. Обиѣнъ мнѣніи многое уяснилъ и тѣмъ и другимъ въ начинавшемся дѣлѣ и для многихъ послужилъ ободряющимъ нравственнымъ импульсомъ.

Но это есть, такъ сказать, идейный результатъ сближенія различныхъ дѣятелей просвѣщенія, практическій же оказался въ работкѣ обстоятельныхъ программъ по отдѣльнымъ предметамъ и въ административной организаціи курсовъ.

На долю предметныхъ комиссій выпало рассмотрѣніе тѣхъ изъ указанныхъ мною выше общихъ вопросовъ, которые касались дѣла преподаванія, и, какъ обнаружилось, дать общее рѣшеніе по каждому данному вопросу было крайне затруднительнымъ, и пришлось примѣняться къ обстоятельствамъ и къ спеціальнымъ свойствамъ того или другаго предмета. Такъ, прежде всего двойственное рѣшеніе получилъ вопросъ о томъ, какова должна быть виѣшность преподаванія, будутъ ли это лекціи или уроки: по нѣкоторымъ предметамъ (арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи) члены комиссій высказались за урочную систему при небольшомъ числѣ слушателей, такъ какъ по этимъ предметамъ невозможно дальнѣйшее прохожденіе курса безъ прочнаго усвоенія предшествующихъ его частей; такимъ образомъ при этой системѣ устанавливается постоянный контроль надъ работой слушателей. По другимъ предметамъ, на которые можно было ожидать весьма значительнаго наплыва учащихся, урочная система оказывалась практически неосуществимой: такъ, на примѣръ, при предположеніи, что на курсъ литературы запишется всего 200 человекъ, пришлось бы, держась урочной системы, открыть 5 классовъ, на которые при раздробленіи курса по частямъ потребовалось бы 50 преподавателей, а на такое число комиссія никоимъ образомъ не могла бы рассчитывать; поэтому и пришлось остановиться на лекціяхъ. Впослѣдствіи практика вполне оправдала предположенія комиссіи, при чемъ оказалось даже, что ея расчетъ былъ весьма умѣреннымъ: на литературу записалось 600 человекъ, и по урочной системѣ для удовлетворенія этого спроса далеко не хватило бы всѣхъ наличныхъ преподавательскихъ силъ Петербурга. То же самое пришлось установить относительно занятій по исторіи русской и всеобщей, по всеобщей географіи, по анатоміи и физиологіи. Но какъ устроить контроль успѣховъ слушателей? Мѣриломъ въ этомъ случаѣ могла быть степень посѣщаемости лекцій: если число слушателей на лекціяхъ не убываетъ, или же убываетъ въ слабой степени, то это можно признать доказательствомъ не только возбужденной любознательности слушателей, но и доступности для нихъ содержанія курса; можно на это возразить, что иногда слушатели привлекаются эффектами изложенія; однако опытъ показалъ, что самыя

эффѣктные приемы, при пустотѣ или недоступности содержанія, могутъ удержать аудиторію лекцій на 5—6, не болѣе. Такимъ образомъ посѣщаемость есть одинъ изъ показателей успѣха, но на ней одной нельзя основывать прочное заключеніе, и для большей провѣрки нужно общеніе между лекторомъ и аудиторіей: лекторъ можетъ ставить слушателямъ письменные вопросы, можетъ вступать съ ними въ бесѣду послѣ лекціи, долженъ цѣнить всякое обращеніе къ нему съ тѣмъ или другимъ вопросомъ со стороны слушателя, наконецъ, можно даже впослѣдствіи прибѣгнуть къ экзамену для желающихъ.

Разъ рѣшено было для нѣкоторыхъ предметовъ ввести преподаваніе по системѣ лекцій, возникалъ вопросъ, какъ можетъ лекторъ примѣниться къ своей аудиторіи, состоящей изъ самыхъ разнородныхъ по своему образованію элементовъ? Весьма возможнымъ представлялось, что курсы привлекутъ не однихъ «недоучекъ» средней школы, что на лекціи пойдутъ и люди съ элементарнымъ образованіемъ городского или сельскаго училища, и лица, прошедшія полный курсъ среднеучебнаго заведенія, и даже получившія высшее образованіе, желающія возобновить въ своей памяти тотъ или другой отдѣлъ средняго общеобразовательнаго курса. Новое для одного могло оказаться азбучнымъ понятіемъ для другаго, и наоборотъ то, что лекторъ предполагаетъ всѣмъ извѣстнымъ, большинству слушателей неизвѣстно. Чтобы избѣжать такихъ случайностей, предполагалось классифицировать публику, деликатно объясняя менѣе подготовленнымъ слушателямъ, что для нихъ открывается болѣе элементарный курсъ въ другомъ отдѣленіи, что такая-то аудиторія предназначена для людей низшаго образованія, а другая для болѣе интеллигентныхъ слушателей. Однако такой способъ дѣйствія многими участниками комиссій признавался не совсѣмъ удобнымъ и гораздо болѣе рациональнымъ оказалось прибѣгнуть къ двумъ наставленіямъ знаменитыхъ европейскихъ популяризаторовъ: 1) предполагать, что аудиторія не имѣетъ никакихъ знаній, такъ какъ за исключеніемъ специалистовъ даже люди съ высшимъ образованіемъ могутъ оказаться не знающими самыхъ элементарныхъ отдѣловъ даннаго предмета, и 2) помнить, что самыя сложныя научныя построенія могутъ быть переданы всякому человеку, какъ бы ни былъ малъ его образовательный цензъ, равъ мы не затемняемъ изложенія путанной (особенно иностранной) терминологіей, не прибѣгаемъ къ «страшнымъ, ученымъ словамъ», а говоримъ общечеловѣческимъ языкомъ. Итакъ, содержаніе курсовъ должно быть строго научнымъ, лекціи должны стремиться стоять на высотѣ современнаго знанія, но изложеніе должно быть абсолютно яснымъ, элементарнымъ. Задача, конечно, крайне трудная, но она должна была быть поставленной и по возможности разрѣшенной,—иначе курсы теряли бы значительную долю своей пользы.

Такой постановкой задачи опредѣлилось и отношеніе отдѣльных предметныхъ комиссій къ программамъ среднеобразовательнаго гимназическаго курса. Въ общемъ, почти всѣ программы, выработанныя комиссіями, по содержанію подходятъ къ матеріалу программъ среднихъ учебныхъ заведеній, причѣмъ надо имѣть въ виду не только гимнази, но и корпуса и женскія учебныя заведенія; однако въ частностяхъ и въ системѣ преподаванія комиссіи признали необходимымъ кое въ чемъ отступить отъ среднеучебныхъ курсовъ. Въ чемъ состояли эти отступленія, можно видѣть изъ объяснительныхъ записокъ предсѣдателей отдѣльныхъ комиссій.

Предсѣдатель комиссіи естественныхъ наукъ ¹⁾, академикъ А. С. Фаминцынъ, такъ опредѣляетъ задачи предстоящаго курса:

«Естествовѣдѣніе обнимаетъ собою цѣлый циклъ наукъ, имѣющихъ задачею всестороннее изученіе природы со включеніемъ человѣка, какъ частички мірозданія. Всякому извѣстно, сколь многоразличныя и частныя узы связываютъ насъ съ окружающимъ міромъ, и какія потребовались неимоверныя усилія и сколько неустаннаго труда, чтобы высвободиться изъ-подъ рабской зависимости первобытнаго человѣка отъ окружающихъ условій и достигнуть сравнительно значительной свободы, которой мы пользуемся въ настоящее время. Человѣкъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ окружающей природой и переустраиваетъ ее въ виду своихъ личныхъ выгодъ. Могущественный талисманъ, который онъ нашелъ и которымъ научился пользоваться съ возрастающимъ успѣхомъ, измѣняя природу по своему усмотрѣнію—ни для кого не тайна,—это есть знаніе. Многія тысячи человѣкъ занимаются въ настоящій вѣкъ изученіемъ природы; невидимо и неслышно идетъ каждый своимъ путемъ, посвящая нерѣдко всю жизнь одному какому нибудь, сравнительно со всѣмъ естествознаніемъ, мелкому вопросу, возбуждая удивленіе, а нерѣдко и насмѣшки со стороны людей, не посвященныхъ въ тайны естествознанія. Исслѣдованія подобнаго рода нерѣдко крайне утомительны и скучны; они зачастую не вознаграждаютъ даже исслѣдователя никакимъ выдающимся выводомъ, но взятыя въ совокупности превращаются въ рукахъ избранныхъ науки въ результаты въ высшей степени важныя, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Результаты естествознанія носятъ особый отпечатокъ, доставившій наукамъ о природѣ почетный титулъ: наукъ точныхъ. Онѣ рождаются лишь изъ сочетанія фактовъ, добытыхъ строго научнымъ путемъ. Точно обслѣдованный фактъ—основа естествознанія. Предметы, не подлежащіе ни наблюденію, ни опыту, исключены изъ области послѣд-

---

¹⁾ Въ этой комиссіи принимали участіе академики В. В. Заленскій и С. И. Коржинскій, профессора Ю. Н. Вагнеръ, Д. П. Никольскій, П. А. Земятченскій, С. В. Шидловскій и др.

няго. Поэтому не блескомъ и отвагой обобщенія, а всестороннимъ обслѣдованіемъ опредѣляется цѣнность естественно-историческихъ выводовъ. обстоятельное фактическое знакомство съ предметомъ, подлежащимъ разслѣдованію, есть первѣйшее и необходимѣйшее условіе его дальнѣйшей ученой разработки. Изученіе естествознанія въ настоящее время въ чрезвычайной степени затруднено вслѣдствіе двухъ причинъ: 1) наличностью несмѣтнаго количества добытыхъ фактовъ, которые, не поддаваясь еще обобщенію, составляютъ лишь сырой матеріалъ, которымъ поэтому приходится овладѣвать лишь памятью, и 2) неизбежною для каждаго изслѣдователя необходимостью детальнаго знакомства съ множествомъ чисто техническихъ знаній при производствѣ ученой работы. Неупорядоченное еще состояніе несмѣтнаго числа фактическихъ данныхъ отражается и на способѣ преподаванія естествознанія и сильно его затрудняетъ. Не разглагольствованіе о модныхъ выводахъ науки, а ознакомленіе слушателей съ фактической стороной дѣла, при посредствѣ возможно наглядной и полной демонстраціи предметовъ изложенія, сопровождаемое по возможности и опытами, должно лечь въ основу преподаванія; изложеніе приѣмовъ изслѣдованія и работы мысли, проявленной при научномъ разслѣдованіи, разъясненіе положенія излагаемаго вопроса въ настоящемъ, какъ слѣдствія работъ предшествовавшихъ труженниковъ науки и какъ залога дальнѣйшей разработки его въ ближайшемъ будущемъ, указаніе на вопросы разслѣдованія, стоящіе на очереди,—вотъ главнѣйшія задачи и общеобразовательнаго курса естествознанія. Это направленіе и положено въ основу преподаваемыхъ чтеній».

Изъ приведенныхъ словъ А. С. Фаминцына видно, что коммиссія естествознанія поняла свою задачу далеко незауряднымъ образомъ, и какъ ни высоко ставитъ почтенный академикъ значеніе для естественныхъ наукъ факта, нельзя не замѣтить, что выработанная подъ его руководствомъ программа не могла бы обратить естествознаніе въ безсистемный наборъ массы всяческаго матеріала, не имѣющій никакого значенія для цѣлей общаго образованія; напротивъ, въ ней несомнѣнно присутствіе философскаго элемента, конечно, философіи, опирающейся на факты, а не на метафизическія хитросплетенія; а, кромѣ того, программа вводитъ слушателя въ лабораторію науки, говоря о работахъ предшественниковъ, знакомитъ съ историческимъ ходомъ развитія науки, и эти-то два элемента, философскій и историческій, являются существеннѣйшей стороной программы, сближаютъ ее съ высшимъ преподаваніемъ.

Такое же философски обобщающее направленіе видно и въ программѣ коммиссіи по географіи: нисколько не тайна, что въ средней школѣ географія обращается на практикѣ въ предметъ почти совсѣмъ необразовательный, обременяющій память учениковъ бал-

ластомъ опредѣленій и именъ, которыя чрезвычайно быстро забываются, не оставляя никакого слѣда въ умственномъ развитіи учащихся. Все это происходитъ опять же отъ отсутствія объединяющаго философскаго элемента, и вотъ въ запискѣ предсѣдателя комиссіи, проф. Э. Ю. Петри, этотъ пробѣлъ представляется заполненнымъ.

«Конечная задача географіи, говоритъ записка, дать полную характеристику земли. Географія поэтому не можетъ считаться исключительно описательнымъ предметомъ. Въ своихъ обобщеніяхъ, въ своемъ стремленіи къ выясненію взаимоотношеній географическихъ элементовъ этотъ предметъ по преимуществу истолковывающаго характера. Географія всецѣло создается на почвѣ естественнонаучной, тогда какъ въ дальнѣйшей разработкѣ ея участвуютъ науки историческаго характера. Такимъ образомъ географія обобщаетъ науки естественныя и историческія.

«Положеніе географіи, какъ школьнаго предмета, однако, таково, что учащіеся въ большинствѣ учебныхъ заведеній лишены подготовки по естественнонаучнымъ предметамъ и, помимо того, пріобрѣтаютъ знакомство съ основами общей географіи, т. е. географіею математическою и физическою, въ младшихъ классахъ, слѣдовательно на дѣтской ступени развитія.

«Въ виду этого, въ нашъ курсъ введена Общая географія, дающая характеристику нашей земли, какъ цѣлаго, какъ съ точки зрѣнія астрономической, такъ и физико-географической. Курсъ этотъ имѣетъ въ виду дать слушателямъ въ 60 лекціяхъ тѣ фактическія свѣдѣнія, которыя не могли быть пріобрѣтены при современной постановкѣ географіи въ большинствѣ школъ, и поднять общій уровень ихъ представленій о природѣ земли. Поэтому въ общей географіи отведено также мѣсто, какъ фактическому матеріалу, такъ и выясненію взаимоотношеній географическихъ элементовъ.

«Курсъ общей географіи начинается съ краткаго введенія, имѣющаго задачей выяснить передъ слушателями идею взаимоотношеній географическихъ элементовъ, объединяющую весь курсъ. Затѣмъ слѣдуетъ курсъ астрономической географіи, изучающей положеніе нашей земли въ мірозданіи и зависимость ея отъ космическихъ силъ.

«Послѣдніе вопросы представляютъ естественный переходъ къ характеристикѣ сферъ земной поверхности. Общая характеристика распредѣленія суши и воды соединяется съ описаніемъ главныхъ формъ земной поверхности и отличительныхъ особенностей водной оболочки. Атмосфера изучается по преимуществу съ точки зрѣнія климатической, а не метеорологической, и притомъ въ связи съ извѣстными уже космическими вліяніями и точно также выясненными условіями распредѣленія суши и воды и главнѣйшими формами земной и водной оболочки. Разобранныя въ предшествующихъ отдѣлахъ явленія обобщаются въ отдѣлѣ «Измѣненія земной поверх-

ности», являющемся до известной степени центромъ всего курса. Такимъ образомъ подготавливается обширный матеріалъ для выясненія условій жизни и географическаго распредѣленія организмовъ растительнаго и животнаго міра. Значительнымъ отдѣломъ нашего курса является, наконецъ, міръ человѣческой. Въ этомъ отдѣлѣ послѣ введенія, разъясняющаго законы существованія человѣка и распредѣленія его на землѣ, слѣдуетъ курсъ народовѣдѣнія, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ въ известныхъ предѣлахъ краткимъ повторительнымъ курсомъ такъ называемой политической географіи.

«На ряду съ курсомъ общей географіи нами поставленъ въ текущемъ году курсъ географіи Россіи въ 60 лекцій. Мы придаемъ этому курсу особое значеніе, полагая, что онъ долженъ отвѣчать потребностямъ общества въ ближайшемъ ознакомленіи съ родиною или, во всякомъ случаѣ, пробудить эти потребности. При разумномъ направленіи отечественной географіи, въ лицахъ, изучающихъ ее, развивается и укореняется сознательная любовь къ родинѣ и здравый патріотизмъ. Трудно, съ другой стороны, быть гражданиномъ своей страны, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не зная ни этой страны, ни отношеній ея къ прочимъ странамъ міра.

«Курсъ открывается подробной характеристикой мірового положенія Россійской имперіи и оцѣнкою историческаго и современнаго значенія ея границъ. Затѣмъ слѣдуетъ краткій очеркъ геологическаго прошлаго Европейской Россіи, являющійся основаніемъ для послѣдующихъ болѣе подробно излагаемыхъ отдѣловъ устройства поверхности и орошенія Европейской Россіи. Растительный и животный міръ Европейской Россіи характеризуется вкратцѣ, излагается лишь въ общихъ чертахъ и въ связи съ уже изученнымъ матеріаломъ; болѣе вниманія удѣляется народамъ Европейскій Россіи. Въ заключеніе предлагается обобщающій все предыдущее обзоръ экономической жизни Европейской Россіи.

«Азіатскія владѣнія Россіи описываются по той же программѣ, хотя и болѣе кратко; тѣмъ не менѣе, въ виду возрастающаго значенія этихъ владѣній и несомнѣнной будущности ихъ, описанію Россійской Азіи отводится не менѣе 10 лекцій.

«Слѣдуя общему направленію современнаго преподаванія географіи, стремящагося къ наглядному демонстрированію описываемыхъ явленій и предметовъ, лекторы предполагаютъ наиболѣе широкимъ образомъ пользоваться при своихъ чтеніяхъ туманными и прочими картинами, моделями, коллекціями предметовъ въ натуральномъ ихъ видѣ и прочими наглядными пособіями.

«Курсы внѣевропейскихъ странъ поставлены будутъ въ послѣдующіе годы».

Тотъ же самый характеръ объединенія и философскаго освѣщенія строго научнаго фактическаго матеріала внесенъ былъ и въ курсъ исторіи, какъ это видно изъ записки предсѣдателя комиссіи, проф. С.-Петербургскаго университета, О. Ф. Зѣлинскаго.

«Что касается характера чтеній, пипетъ г. Зѣлинскій, то прежде всего было рѣшено, что главнѣйшій фактическій матеріаль, какъ внѣшней, такъ и внутренней исторіи долженъ быть переданъ слушателямъ. При этомъ, однако же, комиссія высказалась въ томъ смыслѣ, что во избѣжаніе обремененія памяти слушателей желательно ограничить выборъ именъ и цифръ самымъ необходимымъ. Не было равнымъ образомъ разногласій и по поводу того, что слѣдуетъ нѣсколько раздвинуть рамки политической исторіи введеніемъ въ нее культурно-историческаго элемента; этотъ послѣдній, однако, предполагается ограничить спеціально умственной и экономической культурой. Отъ привлеченія такъ называемой матеріальной культуры было рѣшено воздержаться, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка времени. Да и въ области умственной культуры было признано за лучшее устранять исторію литературы и искусства; при этомъ комиссія, кромѣ только что указаннаго соображенія, руководилась и тѣмъ, что открытіе особыхъ курсовъ по исторіи всеобщей литературы и исторіи искусствъ, будучи въ высшей степени желательнымъ, послѣдуетъ, вѣроятно, въ не особенно продолжительномъ времени. Не было также особенныхъ колебаній и по вопросу объ «идейности» курсовъ, т. е. о томъ, желательно ли ограничиваться изложеніемъ фактовъ, какъ таковыхъ, предоставляя имъ самимъ говорить за себя, или же лекторъ долженъ отъ себя освѣщать ихъ, приходя на помощь сообразительности своей аудиторіи. Было признано безспорнымъ, что на обязанности лектора лежитъ одинаково, какъ изложеніе, такъ и освѣщеніе фактовъ, но что это послѣднее должно держаться въ установленныхъ наукою границахъ и не переходить ихъ въ угоду излюбленнымъ тенденціямъ и идеямъ. При этомъ однако опредѣленіе мѣры въ разграниченіи того и другого элемента пришлось и тутъ предоставить самимъ лекторамъ.

«При такомъ положеніи дѣлъ весьма вѣроятно, что изъ всѣхъ намѣченныхъ для преподаванія предметовъ именно исторія будетъ отличаться наибольшимъ разнообразіемъ въ характерѣ чтенія отдѣльныхъ своихъ частей, такъ какъ комиссія намѣренно и сознательно воздержалась отъ стѣсненія индивидуальнаго вкуса своихъ лекторовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это могло бы быть осуществлено лишь постановленіемъ большинства, а не приведеніемъ объективной, убѣдительной для самого лектора причины. Весьма возможно, что съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ успѣха перваго опыта и эта разнохарактерность уменьшится и удастся выбрать нѣсколько болѣе единый типъ: вообще же слѣдуетъ считаться съ фактомъ, что нѣкоторая неопредѣленность находится въ зависимости отъ индивидуальности самого изучающаго и составляетъ органическое свойство исторической науки».

Эта записка показываетъ, что кромѣ обобщающаго элемента, матеріаль курса исторіи расширяется введеніемъ въ него такихъ сто-

ронъ, которыя мало затрогиваются въ обычномъ преподаваніи. Такое же расширеніе круга предметовъ, подлежащихъ изученію, обнаруживается и въ объяснительной запискѣ приватъ-доцента Б. А. Тураева, который указываетъ на необходимость при изложеніи исторіи древняго востока принять во вниманіе всѣ научныя открытія послѣдняго времени, установившія полную несостоятельность взгляда на замкнутость и разобщенность древне-восточныхъ культуръ, а также ввести въ программу ознакомленіе съ культурами Сиріи, Палестины, Финикии, Эііопіи, Закавказья. «Послѣднее, говоритъ г. Тураевъ, при той славной исторической роли, которая выпала на его долю, въ то же время должно возбуждать особый интересъ по своему географическому положенію въ предѣлахъ Россіи и потому, что памятники его зависящей отъ Ассиріи культуры находятся въ предѣлахъ нашего отечества. Наконецъ, признано полезнымъ ввести слушателей и въ знакомство съ христіанскими преемниками носителей древне-восточныхъ культуръ—коптами и несторіанами, этими этнографическими потомками древнихъ хамитовъ и семитовъ, черезъ Византію духовными родственниками древней Россіи».

Подобное же видоизмѣненіе и расширеніе матеріала намѣчено и комиссіею русской исторіи, предѣдатель которой, проф. С. М. Середонинъ, въ своей объяснительной запискѣ говоритъ о предстоящемъ курсѣ слѣдующее: «Наука русской исторіи постоянно обогащается новыми изслѣдованіями и матеріалами; къ сожалѣнію, новый историческій матеріалъ крайне рѣдко становится прочнымъ достояніемъ общественнаго сознанія; отъ вниманія даже образованной части нашего общества ускользаетъ не только все то, что печатается въ специальныхъ изданіяхъ ученыхъ обществъ, но та же участь постигаетъ и научныя изслѣдованія по русской исторіи; если одной причиною этого печальнаго явленія служить то обстоятельство, что ученые труды по своей формѣ и изложенію не всегда доступны для обыкновенныхъ читателей, то другая, болѣе существенная причина заключается въ недостаточной исторической подготовкѣ большинства нашей интеллигенціи, вынесенной ею изъ средней школы, программа же средней школы рассчитана на пониманіе людей 14—18 лѣтняго возраста, поэтому она или обходитъ или даетъ второстепенное мѣсто вопросамъ социальнымъ и экономическимъ, равно какъ и вопросамъ государственнаго управленія и устройства, т. е. вопросамъ, которые наиболѣе интересны для людей, уже сознательно относящихся къ явленіямъ общественной жизни. При составленіи программы по русской исторіи имѣлось въ виду съ одной стороны ознакомить слушателей со всѣми новыми положеніями, выработанными научными трудами, равно какъ и тѣми данными, которыя видоизмѣняютъ или колеблутъ старые выводы и взгляды, широко распространенные въ обществѣ, съ другой стороны—изложить слушателямъ тѣ стороны прошлаго русской жизни, которыя остаются въ тѣни

при изложеніи этого предмета въ средней школѣ. Составители программы, желая сдѣлать изложеніе возможно доступнѣе, рѣшили держаться обычной системы распредѣленія матеріала по царствованіямъ, а не по предметамъ; по этому же самому рѣшено было и не обезличивать русской исторіи, удѣляя всегда нѣсколько времени на характеристику ея главныхъ дѣятелей».

Комиссія преподавателей словесности, подъ предѣдательствомъ приватъ-доцента А. К. Бороздина, по своему предмету имѣла въ виду тѣ же принципы, которыми руководились въ своей дѣятельности другія комиссія. Пришлось отказаться отъ принятой въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ системы изученія ничѣмъ между собою не связанныхъ литературныхъ образцовъ и, держась въ кругу болѣею частью тѣхъ же памятниковъ, изъ которыхъ берутся эти образцы, выработать программу курса исторіи русской литературы, при чемъ была признана полная невозможность избѣгать услугъ господствующаго въ наукѣ сравнительнаго метода, какъ единственнаго орудія, помогающаго во многихъ случаяхъ установить строго-научную генетическую связь между отдѣльными фактами литературнаго развитія; конечно, научный и педагогическій тактъ лекторовъ и обсужденіе комиссіи должны указывать тѣ разумные предѣлы, за которыми наступаютъ крайности и заблужденія въ пользованіи историко-литературными параллелями, кстати сказать, совершенно исключенными изъ курса средней школы. Приведемъ общую характеристику курса словесности изъ объяснительной записки г. Бороздина:

«Въ началѣ курса поставлена часть теоретическая, при чемъ изученіе стилистики и теоріи прозы и поэзіи предположено вести преимущественно на иностранныхъ образцахъ, такъ какъ русскіе памятники будутъ разсматриваться въ историческомъ курсѣ, а знакомство съ классическими произведеніями античной и западно-европейскихъ литературъ необходимо въ цѣляхъ общаго образованія, поставленныхъ на первый планъ при учрежденіи курсовъ.

«Понятія изъ психологіи и логики, выдѣленные въ программѣ въ особую рубрику, желательно сообщать не отдѣльно, а попутно при прохожденіи тѣхъ или другихъ частей теоретическаго курса. Въ этой теоретической части курса указаны нѣкоторые вопросы, не всегда затрогиваемые въ обыденномъ преподаваніи, а именно: вопросы о свободѣ творчества и о моральныхъ и социальныхъ задачахъ искусства, объ отношеніи стихотворной формы къ содержанию, о смѣшеніи поэтическихъ родовъ, о методахъ критики и изученія литературы. Введеніе этихъ вопросовъ въ курсъ представляется полезнымъ въ виду ихъ обобщающаго значенія и по тому разнорѣчію взглядовъ на нихъ, которое господствуетъ въ образованномъ обществѣ: въ этомъ отношеніи преподаватель долженъ помочь своей аудиторіи разобраться въ такихъ противорѣчивыхъ взглядахъ и

указать, что сдѣлано для уясненія этихъ вопросовъ положительной наукой.

«Вторая часть программы русской литературы заканчивается петровской эпохой. Литература этой эпохи и дѣятельность Кантемира и Тредьяковскаго разсматриваются въ этомъ отдѣлѣ, такъ какъ онѣ имѣютъ тѣсную связь съ культурными стремленіями XVII вѣка.

«Въ исторіи древне-русской литературы нѣкоторое отличіе сравнительно съ гимназической программой представляется по отношенію къ XVI и XVII вѣкамъ; здѣсь признано необходимымъ болѣе освѣтить, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, развитіе художественной литературы, остановиться на религіозныхъ и культурныхъ столкновеніяхъ, подготовившихъ переходъ къ новому періоду русской литературы.

«Третья часть посвящена народной слаvesности, и здѣсь существеннымъ дополненіемъ является сообщеніе свѣдѣній объ изученіи народнаго творчества и о результатахъ этого изученія.

«Въ четвертомъ отдѣлѣ къ программѣ гимназій добавленъ обзоръ дѣятельности западниковъ и славянофиловъ, входящій въ программу педагогическихъ классовъ женскихъ институтовъ.

«Разсмотрѣніе критическихъ и философскихъ взглядовъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Хомякова, Кирѣевскаго, Самарина, существенно необходимо для изученія послѣдующей, новѣйшей эпохи нашей литературы. Эта послѣдняя эпоха, тоже входящая въ программу институтовъ, разсматривается по родамъ литературныхъ произведеній; здѣсь три отдѣла: романъ, лирика и драма, при чемъ роману и качественно и количественно должно быть отведено первое мѣсто».

При изложенныхъ планахъ преподаванія, на полный курсъ русской исторіи должно быть отведено 60 часовъ, русской литературы — 90 и всеобщей исторіи (со включеніемъ исторіи востока) — 120.

Такимъ образомъ, приведенныя объяснительныя записки показываютъ, что комиссіи во многомъ отступили отъ обычныхъ учебныхъ плановъ; подобныя же отступленія явились и въ программахъ комиссій физики (предсѣдатель профессоръ И. И. Боргманъ) и математическихъ наукъ (предсѣдатели—А. И. Гольденбергъ и профессоръ С. Ѳ. Селивановъ). Всѣ такія видоизмѣненія объясняются, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что составъ слушателей будущихъ курсовъ и ихъ требованія предполагались далеко не тѣ, съ какими приходится имѣть дѣло въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: только крайній minimum слушателей могъ быть изъ малолѣтнихъ, а потому, соразмѣрно ихъ возрасту и обусловленному имъ умственному развитію, и характеръ преподаванія долженъ былъ оказаться иной, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Всѣ программы, выработанныя комиссіями, поступили въ учебный совѣтъ, а отъ него черезъ правленіе Педагогическаго общества

были представлены попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа. Кромѣ этой научной стороны, устройство курсовъ потребовало очень сложныхъ заботъ по части административно-хозяйственной: нужно было отыскать помѣщенія для классовъ и аудиторій, конечно, помѣщенія даровыя, такъ какъ средствами на наемъ ихъ Педагогическое общество не могло располагать; надо было приобрести обстановку курсовъ, мебель, волшебный фонарь, канцелярскія принадлежности, книги, учебныя пособія и т. п.; нужно было организовать управленіе и постоянное дежурство въ разныхъ отдѣленіяхъ курсовъ, предстояло множество мелкихъ, трудно заранѣе опредѣлимыхъ, заботъ и хлопотъ,—и вся эта многосложная и трудная дѣятельность выпала на долю административной комиссіи, во главѣ которой сталъ товарищъ предсѣдателя правленія, К. И. Арабаджинъ, вынесшій на своихъ плечахъ такую массу труда, что его имя, несмотря на всякіе промахи и ошибки, которыхъ невозможно миновать въ такомъ сложномъ и совершенно новомъ дѣлѣ, несмотря на змѣиный шипъ враговъ, неизбѣжно встрѣчающихся каждому общественному дѣятелю, неизгладимо должно быть вписано въ исторію этого важнаго просвѣтительнаго дѣла.

Въ ноябрѣ курсы были разрѣшены, благодаря просвѣщенному участию попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, М. Н. Капустина, и его ближайшихъ помощниковъ, которые увидѣли въ новомъ просвѣтительномъ предпріятіи Педагогическаго общества дѣло общепольное и вполне соответствующее интересамъ народнаго просвѣщенія, на стражѣ которыхъ призваны стоять эти лица. Тогда же были утверждены и списки лекторовъ, представленные комиссіями, и въ концѣ ноября появились въ газетахъ публикаціи о приѣмѣ записей на «курсы общеобразовательныхъ предметовъ», какъ официально было названо новое учрежденіе. Уже раньше этихъ публикацій молва разнесла по городу извѣстіе, что Педагогическимъ обществомъ открывается «народный университетъ» или «вольный университетъ»; слухи проникли въ провинцію и даже, какъ намъ извѣстно, за границу: такъ, изъ Парижа нѣкоторые изъ учащихся тамъ русскихъ собирались ѣхать домой, въ новую «русскую Сорбонну». Конечно, въ этихъ слухахъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи дѣла, было слишкомъ много преувеличенія, въ дѣйствительности дѣло было гораздо скромнѣе; однако, какъ только появились газетныя объявленія, начались записи, и количество ихъ превзошло самыя смѣлыя ожиданія: бюро Педагогическаго общества оказалось почти въ осадномъ положеніи, каждый день въ теченіе цѣлаго мѣсяца прибывали новые и новые слушатели, и къ началу 1898 года пришлось приостановить запись на нѣкоторые предметы. Всего записалось болѣе 1.000 человекъ.

9-го января, въ невскомъ отдѣленіи курсовъ (въ помѣщеніи 2-й прогимназіи) были прочитаны вступительныя лекціи по русской

литературѣ приватъ-доцентомъ А. К. Бороздинымъ и по русской исторіи профессоромъ С. М. Середонинымъ при огромномъ стеченіи слушателей самыхъ разнообразныхъ слоевъ столичнаго населенія; а на другой день, 10-го января, состоялось въ залѣ городской думы торжественное открытіе курсовъ, послѣ молебна, который совершалъ извѣстный проповѣдникъ, о. Ф. Н. Орнатскій. Зала была наполнена многочисленной публикой, среди которой находились представители учебной администраціи, окружные инспекторы А. В. Муромцевъ и А. Д. Мохначевъ, директора гимназій, профессора, дѣятели будущихъ курсовъ. Предъ началомъ молебствія отецъ Орнатскій произнесъ прочувствованное, краснорѣчивое слово, въ которомъ отмѣтилъ, какъ велика нужда въ такого рода просвѣтительныхъ предпріятіяхъ въ настоящее время, когда «народъ самъ стремится къ свѣту — его не надо звать, онъ бѣжитъ въ школу или въ аудиторию», гдѣ, къ сожалѣнію, часто не оказывается мѣста. Проповѣдникъ пожелалъ успѣха курсамъ, указать, какъ на образецъ такого успѣха, на дѣятельность общества распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, отмѣтилъ великое значеніе евангельскаго идеала въ духѣ будущаго преподаванія и заключилъ такими пожеланіями:

«Пусть же изящная словесность, не прикрашивая пошлой дѣйствительности, лишь истинными, хотя и преходящими, красотою жизни возводитъ умы и сердца слушателей къ вѣчной красотѣ небесной, переноситъ ихъ изъ этого міра печали и слезъ въ царство безгрѣшныхъ духовъ. Пусть исторія народовъ показываетъ постоянную смѣну формъ жизни, правленія, народовъ, исчезновеніе съ лица земли однихъ и появленіе другихъ, но пусть она утверждаетъ въ умахъ слушателей и неопределимое стремленіе духа человѣческаго, безъ различія націй и вѣрованій, къ совершенству, идеалъ котораго — въ Богоподобіи — начертанъ въ душахъ человѣческихъ. Пусть науки математическія знакомятъ учащихся съ постоянными, всегда себѣ равными законами мышленія, свидѣтельствующими о неизмѣнности и постоянствѣ общаго всему міру Законодателя. Пусть науки естественныя, знакомя людей съ видимымъ міромъ, въ самомъ великомъ, какъ и въ мельчайшемъ, невидимомъ для невооруженнаго глаза, показываютъ величіе, благость и премудрость Творца».

Послѣ молебна правленіе педагогическаго общества помѣстилось на эстрадѣ, я были произнесены рѣчи предсѣдателемъ общества, барономъ А. М. Гертомъ, К. И. Арабажинымъ и секретаремъ А. Л. Липовскимъ. Ораторы кратко представили собравшейся публикѣ исторію дѣла, выяснили цѣли, характеръ и общую организацію курсовъ и указали, насколько важна для начинающихъ курсовъ поддержка со стороны общества и печати.

Послѣ этого торжественнаго открытія началась будничная работа курсовъ, будничная только въ смыслѣ отсутствія внѣшняго

блеска, но полная энергія, жизни и бодрящихъ импульсовъ для всѣхъ ея участниковъ. 11-го января, было открыто второе отдѣленіе курсовъ на Казанской улицѣ: въ этомъ отдѣленіи сосредоточилось классное преподаваніе математическихъ наукъ, а въ невскомъ шли лекціи по литературѣ, исторіи, географіи и гигиенѣ. 15-го января открылось отдѣленіе на Васильевскомъ острову (въ 8-й гимназіи и въ залѣ столовой фонтанъ-Дервизъ), параллельное невскому и отчасти казанскому. Однако, наплывъ новыхъ слушателей, для которыхъ въ открытыхъ отдѣленіяхъ уже не оказывалось мѣста, особенно по литературѣ, заставилъ открыть еще новое отдѣленіе на Гороховой, въ залѣ училища глухонѣмыхъ. Такимъ образомъ, въ теченіе какого нибудь мѣсяца дѣятельность курсовъ разрослась до очень внушительныхъ размѣровъ, что лучше всего можно увидѣть изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ.

Общее число слушателей достигло 1.204 человекъ, изъ нихъ мужчинъ 507, то-есть 42⁰/₁₀₀, а женщинъ 697, то-есть 57,9⁰/₁₀₀. Такое замѣтное преобладаніе женскаго пола можетъ объясняться различными причинами: прежде всего сравнительно болѣе низкимъ уровнемъ средняго женскаго образованія, вслѣдствіе чего вполне естественно стремленіе его дополнить, затѣмъ въ массѣ случаевъ спеціальными цѣлями подготовки къ тому или другому экзамену (на медицинскіе курсы, на званіе домашней учительницы), для чего курсы по своей дешевизнѣ являлись отличнымъ подспорьемъ: нанимать учителей было бы слишкомъ дорого, въ приготовительныя школы по возрасту попасть невозможно, а на курсахъ слушаніе предмета въ теченіе полугодія стоитъ всего 2 рубля, такъ что полный курсъ даже такого предмета, какъ всеобщая исторія, который рассчитанъ на 4 полугодія, обходится всего въ 8 рублей, чего, конечно, нельзя достигнуть ни въ школѣ, ни у частныхъ преподавателей. Близко къ этой категоріи стоятъ лица, имѣвшія нужду въ изученіи какого либо предмета для своихъ профессиональныхъ занятій. Наконецъ, весьма возможно, что перевѣсъ числа женщинъ надъ мужчинами въ нѣкоторой части объясняется диллетантствомъ, отсутствіемъ такихъ занятій, которыя поглощаютъ весь интересъ и все время.

Интересны тѣ данныя, которыми мы располагаемъ относительно возрастнаго состава слушателей; здѣсь мы можемъ установить такое распредѣленіе:

	До 15 лѣтъ	12 чел.	1 ⁰ / ₁₀₀
Отъ 15	» 20	» 322	» 26,7 ⁰ / ₁₀₀
» 20	» 25	» 439	» 36,4 ⁰ / ₁₀₀
» 25	» 30	» 238	» 19,7 ⁰ / ₁₀₀
» 30	» 40	» 162	» 13,5 ⁰ / ₁₀₀
	Болѣе 40	» 31	» 2,7 ⁰ / ₁₀₀

алочисленная первая категорія дѣликомъ состоитъ изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній: эти дѣти (двоимъ по 11 лѣтъ) или подростки записывались почти исключительно на одинъ какой нибудь предметъ, больше на арифметику, потому, должно быть, что она у нихъ хромала въ классѣ, и имъ хотѣлось частными занятіями поправить свою плохую классную отмѣтку, хотя относительно одного 11-ти-лѣтняго мальчика, окончившаго уже городскую школу, можно предположить развитіе любознательности.

Отчасти то же стремленіе — облегчить себѣ классныя занятія — можно видѣть и у многихъ лицъ второй категоріи, тоже изъ учащихся; однако примѣръ воспитанниковъ одного учебнаго заведенія, исключительно записывавшихся на зоологію, ботанику, физику, космографію и начальный курсъ естествовѣдѣнія, можетъ считаться показателемъ того, что постановка преподаванія того или другаго предмета настолько возбуждаетъ любознательность учащихся, что они ищутъ ея удовлетворенія сверхъ классныхъ занятій. Въ этой же категоріи есть, по всему вѣроятію, не мало лицъ, желающихъ себѣ найти помощь въ подготовкѣ къ какому нибудь экзамену.

Въ третьей категоріи, по численности самой большой, есть также много учащихся, но здѣсь причина посѣщенія курсовъ уже иная: это все почти студенты разныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, желающіе пополнить пробѣлы своего средняго образованія по тому или другому предмету и не находящіе къ тому средствъ въ своемъ учебномъ заведеніи (напримѣръ, путейцы интересовались анатоміей или физиологіей); этимъ и объясняется, почему между ними нѣтъ студентовъ университета, всегда имѣющихъ возможность слушать лекціи чужаго факультета. Далѣе въ этой категоріи большинство составляютъ или служащіе на государственной и частной службѣ или люди свободныхъ профессій: они привлекаются или потребностями профессиональными, какъ, напримѣръ, чертежники или ремесленники, изучающіе математическія науки, или желаніемъ также восполнить пробѣлы своего образованія, освѣжить въ памяти кое-что забытое, или наконецъ тѣмъ, что мы выше назвали диллетантизмомъ.

Послѣднія три причины, вѣроятно, больше всего дѣйствуютъ по отношенію къ лицамъ двухъ слѣдующихъ категорій (то-есть въ возрастѣ отъ 25—30 и 30—40 лѣтъ). Наконецъ, что касается слушателей старше 40-лѣтняго возраста, то изъ нихъ несомнѣнное большинство составляютъ родители, сопровождающіе своихъ взрослыхъ дочерей, хотя и между ними есть нѣкоторые любители просвѣщенія: къ послѣднимъ можно, напримѣръ, отнести даму 60 лѣтъ и сенатскаго чиновника 65 лѣтъ, получившаго высшее юридическое образованіе и слушающаго ботанику.

Для характеристики распредѣленія слушателей по образованію мы можемъ представить слѣдующую таблицу:

Домашняго образованія . .	151 чел.	12,5 ⁰ / ₀
Низшаго » . . .	230 »	19 ⁰ / ₀
Неполнаго средняго » . . .	266 »	22 ⁰ / ₀
Средняго » . . .	513 »	42,8 ⁰ / ₀
Высшаго » . . .	44 »	3,7 ⁰ / ₀

Что касается лицъ первыхъ трехъ группъ, составляющихъ большинство слушателей, то ихъ потребность дополнить свое образованіе не можетъ подлежать сомнѣнію: это именно тѣ самые недоучки, которые имѣлись прежде всего въ виду при учрежденіи курсовъ. Въ числѣ лицъ четвертой группы большую часть составляютъ женщины, среднее образованіе которыхъ, какъ мы уже сказали, нуждается въ дополненіи гораздо больше, чѣмъ мужское, въ особенности еще потому, что изъ мужчинъ большинство, окончившихъ среднюю школу, идетъ или въ университетъ или въ специальные институты. Для тѣхъ людей, которые закончили свое образованіе средней школой, курсы являются отличнымъ средствомъ возобновленія, освѣженія и расширения приобрѣтенныхъ раньше познаній. Наконецъ, группа пятая, то-есть людей съ высшимъ образованіемъ, или состоитъ изъ специалистовъ или изъ такихъ лицъ, которыя въ курсахъ находятъ опять таки способъ возобновленія прежнихъ знаній, частью возможность съ пользою употребить досугъ.

Имѣетъ также значеніе и слѣдующая таблица, показывающая распредѣленіе слушателей по занятіямъ:

Состоящихъ на государственной службѣ	92 чел.	7,6 ⁰ / ₀
Состоящихъ на частной службѣ и лицъ свободныхъ профессій	125 »	10,3 ⁰ / ₀
Педагоговъ	84 »	6,9 ⁰ / ₀
Учащихъ	167 »	13,8 ⁰ / ₀
Ремесленниковъ и рабочихъ	62 »	5,2 ⁰ / ₀
Живущихъ при мужѣ или при родителяхъ . . .	455 »	37,8 ⁰ / ₀
Неопредѣленныхъ или неизвѣстныхъ занятій, или живущихъ своими средствами	219 »	18 ⁰ / ₀

Наибольшій процентъ въ этомъ распредѣленіи выпадаетъ на долю лицъ, живущихъ при мужѣ и при родителяхъ. Относительно первыхъ, те-есть «при мужѣ», можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: однѣ особенно интересуются гигиеной, имѣя, конечно, въ виду здоровье своихъ дѣтей; другія занимаются арифметикой, географіей, литературой или исторіей, чтобы помогать своимъ учащимся дѣтямъ; третьи, особенно молодыя жены, сопровождаютъ на лекціи своихъ мужей (мотивъ, по существу вполне уважительный, такъ какъ женѣ естественно раздѣлять научные интересы мужа, особенно если для этого есть время, не занятое хозяйственными хлопотами); наконецъ, нѣкоторый незначительный процентъ можетъ быть отнесенъ на счетъ диллетантизма,—иногда нѣтъ дѣтей, и женщина

вмѣсто другого удовольствія избираетъ лекціи. Живущія при родителяхъ или готовятся къ экзаменамъ или просто руководятся любопытностью, аккуратно посѣщая лекціи по многимъ предметамъ. Вторую группу по численности составляютъ люди неопредѣленныхъ или неизвѣстныхъ занятій: среди нихъ можно предположить большее число диллетантовъ, чѣмъ въ другихъ группахъ, но съ другой стороны и между ними, судя по возрасту и по выбору предметовъ, есть лица, готовящіяся къ той или другой практической цѣли,—и такихъ немало. Слѣдующую группу составляютъ учащіяся,—о цѣли ихъ занятій мы уже сказали, рассматривая возрастной составъ. Для состоящихъ на государственной или частной службѣ и для лицъ свободныхъ профессій курсы имѣютъ значеніе съ одной стороны профессиональное, а съ другой чисто образовательное. Группа «педагоговъ» почти исключительно состоитъ изъ городскихъ учителей и учительницъ и лицъ, живущихъ частными уроками,—для нихъ также курсы являются средствомъ расширенія профессиональныхъ свѣдѣній. Наконецъ, о рабочихъ и ремесленникахъ приходится сказать, что ихъ цѣли чисто практическія: они въ большинствѣ обучаются ариметикѣ, алгебрѣ или геометріи, которыя имъ нужны для производства болѣе сложныхъ работъ ихъ специальности.

Изъ статистическихъ данныхъ по курсамъ не малый интересъ представляютъ свѣдѣнія о количествѣ изучаемыхъ предметовъ и о числѣ записей на отдѣльные предметы, представляемыя въ двухъ слѣдующихъ таблицахъ:

Слушали 1 предметъ . . . 667 чел.	55,3 ⁰ / ₀	} Общее число записей—2096.
» 2 » . . . 321 »	26,6 ⁰ / ₀	
» 3 » . . . 131 »	10,8 ⁰ / ₀	
» 4 » . . . 53 »	4,4 ⁰ / ₀	
» бол. 4 » . . . 32 »	2,6 ⁰ / ₀	

Запись на отдѣльные предметы:

1) Литература	587	27,9 ⁰ / ₀
2) Русская исторія	261	12,5 ⁰ / ₀
3) Всеобщая исторія	264	12,6 ⁰ / ₀
4) Географія Россіи	44	2,1 ⁰ / ₀
5) Всеобщая географія	182	8,7 ⁰ / ₀
6) Анатомія и физиологія	180	8,6 ⁰ / ₀
7) Гигіена	111	5,3 ⁰ / ₀
8) Физика и космографія	78	3,7 ⁰ / ₀
9) Начальное естествовѣдѣніе	54	2,5 ⁰ / ₀
10) Зоологія	35	1,7 ⁰ / ₀
11) Ботаника	28	1,3 ⁰ / ₀
12) Ариметика	67	3,2 ⁰ / ₀
13) Алгебра	95	4 ⁰ / ₀
14) Геометрія	66	3,1 ⁰ / ₀
15) Тригонометрія	44	2,1 ⁰ / ₀

Въ первой изъ приведенныхъ таблицъ больше всего слушающихъ одинъ предметъ, и въ этомъ случаѣ мы скорѣе всего можемъ предположить диллетанство, или же увлеченіе блестящимъ, талантливымъ изложеніемъ лектора; но вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь въ очень многихъ случаяхъ видно серьезное стремленіе къ ученю, такъ какъ трудно даже предположить диллетанство при единичной записи на ту или другую изъ математическихъ наукъ; то же придется сказать и о многихъ записяхъ исключительно на литературу, такъ какъ ихъ источникъ можно видѣть въ полномъ отсутствіи историческаго курса литературы въ большинствѣ, если не во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Записи на нѣсколько предметовъ обнаруживаютъ въ большинствѣ случаевъ, такъ сказать, факультетскую группировку предметовъ, хотя встрѣчается достаточно случаевъ соединеній разнородныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, литературы съ физикой, всеобщей исторіи съ ботаникой; такая группировка разнородныхъ наукъ особенно часто встрѣчается при записяхъ на 4 и болѣе предметовъ: такъ одинъ юноша сразу записался на 9 курсовъ по исторіи, литературѣ, математическимъ наукамъ, физикѣ и естествовѣдѣнію. Запись на отдѣльные предметы между прочимъ показываетъ, какъ измѣнились вкусы и запросы учащихся за послѣдніе годы: слабѣе всего запись по естественнымъ наукамъ, тогда какъ на исторію и литературу болѣе половины всего числа записей, при чемъ на литературу больше четверти.

Сводя общіе итоги, представляемые приведенными цифровыми данными, мы можемъ видѣть, что для внушительнаго большинства слушателей посѣщеніе курсовъ объясняется серьезною потребностію учиться, и только для немногихъ курсы явились развлеченіемъ или средствомъ занять свободное время: конечно, эта вторая категория представляетъ не особенно желательный элементъ, хотя надо сказать, что отъ такихъ посѣтителей не гарантированы вообще всякія учебныя заведенія. Не въ обиду будь сказано, и среди студентовъ университета найдется достаточно такихъ диллетантовъ, зачастую привлекаемыхъ въ аудиторію не наукой, а желаніемъ получить дипломъ, дающій извѣстныя права, или же блестящимъ, а иногда даже грубовато бьющимъ на эффектъ изложеніемъ: *potius sunt odiosa*, но приходилось слышать о лекторахъ, какъ бы ставящихъ себя цѣлью потѣшать аудиторію, которая въ такихъ случаяхъ оказывалась полною.

Однако, обращаясь къ нашимъ курсамъ, считаю не лишнимъ, кромѣ цифръ, передать и тѣ личныя впечатлѣнія, которыя вынесены были многими лекторами изъ этихъ вольныхъ аудиторій. Всѣ лекторы остались въ высшей степени довольны своими слушателями и свидѣтельствовали, что такого внимательнаго отношенія къ дѣлу, какое замѣчалось на курсахъ, имъ почти не приходилось встрѣчать въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ за посѣщеніемъ лекцій суще-

ствуесть специальный надзоръ. Здѣсь можно было убѣдиться, какое важное значеніе имѣеть *Lernfreiheit*, т. е. свобода учиться: слушателей никто не гонитъ въ аудиторію, никакіе педеля не записываютъ не явившихся, не существуетъ никакихъ приманокъ въ видѣ дипломовъ, аттестатовъ или служебныхъ правъ, а между тѣмъ посѣщеніе лекцій чрезвычайно аккуратное, и убыль въ количествѣ слушателей къ концу полугодія сравнительно оказалась очень умѣренной. Лекціи окончились въ началѣ мая, и по отмѣткамъ дежурныхъ, на большинствѣ курсовъ убыло не болѣе $\frac{2}{5}$ общаго числа слушателей: эта убыль представится совсѣмъ ничтожной, если мы вспомнимъ, что въ это время у большой группы слушателей начались уже экзамены, такъ что досуга для посѣщенія курсовъ уже не было, что вообще въ апрѣлѣ и въ началѣ мая довольно тяжело сидѣть вечеромъ въ аудиторіи или въ классѣ, и если, наконецъ, примемъ въ расчетъ, что въ университетѣ уже въ мартѣ многія аудиторіи уподобляются безлюднымъ пустынямъ, изъ 600 студентовъ I курса юридическаго факультета врядь ли увидишь на лекціяхъ человѣкъ 30, т. е. всего $\frac{1}{20}$ часть.

Отношеніе слушателей къ дѣлу во время самыхъ лекцій положительнo не оставляетъ желать ничего лучшаго: вниманіе самое напряженное, видно, что каждое слово лектора какъ бы ловится на лету, многіе записываютъ, хотя это крайне неудобно, такъ какъ столотъ нѣтъ; записываются лекціи очень толково, такъ что можно замѣтить, что слушатели умѣютъ отдѣлать общее положеніе отъ иллюстрирующаго примѣра; послѣ лекцій многіе являются къ лекторамъ съ тѣми или другими вопросами, относящимися къ содержанію лекціи, или другими вопросами, относящимися къ содержанію лекціи; или просятъ библиографическихъ указаній, стараются узнать мнѣніе лектора о той или другой книгѣ по данному предмету. Впечатлѣніе такимъ образомъ получается чрезвычайно отрадное: лекторъ начинаетъ любить свою аудиторію, чувствуетъ себя вполне нравственно вознагражденнымъ и идетъ на лекцію, не какъ на какую-то скучную повинность, а какъ на праздникъ. Для такихъ слушателей очень и очень стоитъ работать: съ ними голосъ лектора не уподобляется гласу вопіющаго въ пустынѣ. Интересъ возбужденъ, сѣмя знанія посѣяно, идетъ работа кипучая, бодрящая.

Въ этихъ-то бодрящихъ впечатлѣніяхъ, производимыхъ самою аудиторію, ея внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу, можно видѣть источникъ положительнаго успѣха многихъ лекцій, хотя уже подготовительный періодъ исторіи курсовъ давалъ возможность надѣяться, что лекторы отнесутся къ своей задачѣ серіозно, какъ къ очень сложному экзамену, такъ какъ для всѣхъ дѣло было совершенно новымъ. Къ чести петербургскаго педагогическаго міра надо сказать, что эти надежды вполне оправдались: если и было 3—4 случая неуспѣха лекцій, то этотъ неуспѣхъ произошелъ отъ нѣумѣнія приноровиться къ аудиторіи, отъ недостаточной научной подготовки лектора, но нельзя ука-

затѣ ни одного случая небрежности. Манкировки лекцій были крайне рѣдки, объясняются исключительно болѣзнями, и всегда отсутствовавшій лекторъ замѣнялся другимъ лицомъ, такъ что слушатели ущерба не терпѣли, хотя относительно замѣны однихъ лекторовъ другими обнаружилась нѣкоторая непредусмотрительность предсѣдателей комиссій; поэтому предсѣдателямъ пришлось экспромтомъ замѣнять многихъ лекторовъ; такъ, напримѣръ, приватъ-доцентъ Бороздинъ вмѣсто 10 прочиталъ почти 50 лекцій. Относительно многихъ лекторовъ слѣдуетъ сказать, что и по содержанію своихъ курсовъ они оказались на высотѣ задачи; нѣкоторые скептики заранѣе предсказывали неудачу, такъ какъ для строго научной популяризации, которая была поставлена цѣлью курсовъ, по ихъ мнѣнію, нужно быть первокласснымъ ученымъ; однако можно было на дѣлѣ убѣдиться, что не надо быть ни Араго, ни Тиндалемъ, чтобы рѣшить задачу, разъ отношеніе къ ней вполнѣ добросовѣстное. Успѣхъ нѣкоторыхъ лекцій былъ выдающійся, такъ что вслѣдствіе запросовъ слушателей можно ожидать ихъ появленія въ печати. Кромѣ лекторовъ, необходимо упомянуть и объ участникахъ административныхъ комиссій, которые несли на себѣ огромный, отвѣтственный, хотя и не столь замѣтный, эффектный трудъ, какъ лекторы: ихъ отношеніе къ этому мелочному труду показало высоту ихъ этического пониманія дѣла; добровольно принятый на себя долгъ выполнялся съ рѣдкой добросовѣстностью, доходившей порою до самоотверженія. Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что петербургскіе педагоги выдержали свой общественный экзаменъ блистательно.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о матеріальной сторонѣ дѣла: благодаря тому, что всѣ помѣщенія для классовъ и лекцій были предоставлены бесплатно, расходы оказались очень незначительными. Всего за полугодіе на освѣщеніе, письмоводство, типографію, учебныя принадлежности, разъѣзды и т. д. израсходовано 1119 рублей 70 коп. Конечно, при этомъ не слѣдуетъ забывать, что трудъ участниковъ былъ также бесплатный.

Таково то важное просвѣтительное дѣло, о которомъ мы хотѣли сообщить свѣдѣнія читателямъ «Историческаго Вѣстника». Кажется, нечего говорить, насколько велико его общественное значеніе, какъ очевидна польза, приносимая курсами столичному населенію. Нельзя не пожелать поэтому самаго широкаго развитія этому симпатичному учрежденію. Мелкіе промахи и недочеты были, конечно, неизбѣжны въ началѣ дѣла, но опытъ учить, и въ дальнѣйшемъ теченіи такіе промахи можно надѣяться не повторятся. Главная нужда курсовъ — денежныя средства: они нужны и для учебныхъ пособій и для упроченія дѣла, такъ какъ впослѣдствіи необходимо будетъ подумать и о матеріальномъ вознагражденіи лекторовъ. Безплатное чтеніе лекцій есть въ извѣстномъ смыслѣ благотвореніе, а благотворительностью трудно заниматься тѣмъ людямъ, которые сами въ большинствѣ крайне

скудно обезпечены. Точно такимъ же образомъ долженъ вознаграждаться трудъ другихъ участниковъ курсовъ. Принципъ платнаго труда положенъ въ основу дѣятельности московской комиссіи домашнихъ чтеній, а намъ думается, нѣтъ никакой возможности заподозрѣть это почтенное учрежденіе въ корыстныхъ видахъ. Помощи курсамъ слѣдовало бы ожидать отъ города, такъ какъ даетъ же Одесса на подобное дѣло 3.500 р. въ годъ. И такъ еще разъ повторимъ искреннее пожеланіе, чтобы это дѣло не заглохло, и чтобы дѣятельность курсовъ не только не встрѣчала препятствій къ своему расширенію, но получила бы возможность развиваться на прочномъ экономическомъ и юридическомъ основаніи.

А. Де-ла-Фоссъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1863 ГОДА¹⁾.

ВЪ 8 ЧАСОВЪ утра, 29-го іюля 1863 года, въ квартирѣ виленскаго губернскаго предводителя дворянства Домейко (католика, но преданнаго русскому правительству), проживавшаго на бойкой, въ центрѣ Вильны, Нѣмецкой улицѣ, явился неизвѣстный чело-вѣкъ, подъ предлогомъ подачи прошенія «генералу». Слуга просилъ его подождать въ передней и отпра-вился доложить о просителѣ своему барину. Домейко только-что всталъ, и потому былъ въ халатѣ, въ ка-ковомъ и вышелъ въ приемную, куда велѣлъ пригласить просителя. Впустивъ неизвѣстнаго просителя въ приемную, лакей остался въ пе-редней, гдѣ растворялъ окна на улицу. Услышавъ внезапный крикъ въ приемной, онъ бросился туда и въ дверяхъ столкнулся съ этимъ «про-сителемъ», въ рукахъ котораго былъ окровавленный кинжалъ; лакей хотѣлъ было схватить злодѣя, но, получивъ отъ него нѣсколько ранъ тѣмъ же кинжаломъ, упалъ за-мертво, а убійца скрылся. Оказалось, что злодѣй, при входѣ Домейки въ приемную, подошелъ къ нему и, подавая ему два листа бумаги, исписанной попольски, моментально выхватилъ изъ кармана кинжалъ и направилъ его прямо въ сердце Домейки, но тотъ сталъ защищаться локтемъ лѣвой руки, согнувъ ее въ видѣ щита, что и предохранило его отъ смертельной раны;

¹⁾ Записанъ со словъ здравствующаго и понынѣ, бывшаго во время мятежа военнаго аудитора при штабѣ войскъ Виленскаго военнаго округа, потомъ военнаго судьи Тифлискаго военно-окружнаго суда, состоящаго нынѣ въ отставкѣ, почетнаго мироваго судьи Виленскаго округа, д. с. с. О. О. Бобровскаго, проживающаго въ Вильнѣ.

на этой рукѣ оказалось семь большихъ, но неглубокихъ ранъ, такъ какъ фланелевый толстый рукавъ халата значительно ослаблялъ ударъ. На крикъ Домейко и бросился въ пріемную его лакей, что заставило злодѣя бѣжать изъ квартиры, причемъ, пролагая себѣ путь къ выходу, онъ и ранилъ лакея, но не смертельно. Поданные злодѣемъ Домейкѣ два листа немедленно были отправлены генералъ-губернатору Муравьеву, въ канцеляріи котораго тотчасъ же былъ сдѣланъ имъ переводъ. На одномъ листѣ было постановленіе «верховнаго совѣта народнаго трибунала», грозившаго военнымъ полевымъ судомъ всѣмъ лицамъ, подписавшимъ вѣрноподданнической адресъ государю императору Александру II,—коимъ Домейко, какъ одно изъ главныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ пользу подписи этого адреса между дворянами-помѣщиками, присуждался къ немедленной смертной казни. Исполнителемъ этого постановленія и былъ скрывшійся злодѣй. Къ этому документу приложена была синяя печать, съ изображеніемъ соединенныхъ гербовъ Литвы и Польши, и съ надписью круговою: «печать народнаго жонда, отдѣлъ литовскій». На другомъ листѣ оказался приказъ исполнительнаго отдѣла Литвы за подписью проживавшаго въ Вильнѣ начальника этого отдѣла; подпись нельзя было разобрать и по ней отыскать этого «начальника».

Немедленно подана была медицинская помощь какъ Домейкѣ, такъ и его лакею, который на первыхъ порахъ мало подавалъ надежды на выздоровленіе. Къ дому Домейки приставленъ былъ караулъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. По всей Нѣмецкой улицѣ, во всѣхъ квартирахъ и на заднихъ дворахъ произведены были обыски. Городъ былъ оцѣпленъ войсками, и по всѣмъ его направленіямъ были отправлены разъѣзды, коимъ сообщены были примѣты скрывшагося злодѣя: «средняго роста, рыжій, съ короткими волосами, одѣтъ въ сѣрое пальто».

Вечеромъ, съ 9 часовъ, воспрещено было выходить жителямъ изъ своихъ квартиръ, на площадяхъ поставлены были караулы, а ночью назначенъ былъ повсемѣстный и одновременный обыскъ во всѣхъ частныхъ квартирахъ, который поручено было произвести чинамъ гвардіи. Къ этому именно моменту и относится разсказъ г. Бобровскаго, почти буквально записанный нами съ его словъ.

«Служилъ я тогда, — говоритъ О. О. Бобровскій, — старшимъ аудиторомъ въ Вильнѣ при штабѣ мѣстныхъ войскъ. Въ самый день покушенія на жизнь Домейки, въ нашемъ окружномъ штабѣ закипѣла работа по части изготовленія разныхъ секретныхъ распоряженій, которыя частью перешли и въ наше судное отдѣленіе, гдѣ по этому случаю занятія въ этотъ день закончились лишь во второмъ часу ночи.

Жилъ я тогда на Бакштѣ, противъ зданія Андреевскаго духовнаго мужскаго училища, кажется, въ домѣ Черноцкаго (нынѣ На-

жимской), вмѣстѣ со своимъ сотоварищемъ по службѣ, аудиторомъ Иваномъ Петровичемъ Эланскимъ, если не ошибаюсь, окончившимъ курсъ въ калужской духовной семинаріи ¹⁾. Занимали мы квартиру въ три комнаты и, какъ военные аудиторы, имѣли при себѣ двухъ денщиковъ.

Въ канцеляріи штаба, которая помѣщалась тогда въ нижнемъ этажѣ его нынѣшняго зданія противъ Николаевской церкви, — я, какъ сказалъ выше, во второмъ часу ночи, вмѣстѣ съ товарищемъ Эланскимъ, по Андреевской улицѣ возвратился домой. Будучи оба страшно утомлены усиленною экстренною работою, мы скоро уснули. Во время перваго сна слышу, что въ нашу дверь стучать, настоятельно требуя открыть ее «именемъ закона». Къ намъ вбѣгаютъ въ спальныя наши денщики и спрашиваютъ: «что прикажете дѣлать? это, должно быть, явились къ намъ поляки — жандармы-вѣшатели!» — Эланскій выругался изъ своей спальни. Между тѣмъ въ двери продолжали стучать все усиленнѣе и настойчиво требовали «именемъ закона» открыть ее.

— Осипъ Осиповичъ! слышите? Требуютъ открыть дверь въ нашу квартиру во имя закона, которому мы служимъ, предъ которымъ преклоняемся и которому безпрекословно повинемся; повѣрьте, что это требованіе не можетъ исходить отъ чортовакаго какого-то жонда.

— Именемъ закона прошу отпереть дверь! — какъ бы въ отвѣтъ Эланскому, снова раздался твердый голосъ съ лѣстницы. Эланскій приказалъ денщикамъ немедленно исполнить это требованіе, и къ намъ вошли шесть солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ ружьями безъ офицера. Я и Эланскій выскочили со своихъ постелей и въ одномъ бѣльѣ предстали предъ ними. Эланскій, прекрасно знавшій уставъ караульной службы, при видѣ этихъ бравыхъ преображенцевъ накинулся на нихъ.

— Вонъ отсюда! Какъ вы осмѣлились войти въ офицерскую квартиру безъ начальника своего офицера?! Вонъ!

Оказалось, что бывший при этомъ караулѣ прапорщикъ, князь Бяратинскій, въ то время находился во дворѣ дома нашей квартиры, гдѣ курилъ папирску. По требованію Эланскаго, офицеръ этотъ немедленно вошелъ къ намъ и объявилъ, что военный патруль явился къ намъ за производствомъ обыска въ нашей квартирѣ по случаю покушенія на жизнь Домейки. Тутъ одинъ изъ солдатъ, указывая кн. Бяратинскому на меня, замѣчаетъ, что я по виду, бакенамъ, рыжимъ волосамъ короткимъ и фигурѣ подхожу вполне къ примѣтамъ «жандарма-кинжальщика», покушавшагося на жизнь Домейки. Прапорщикъ Бяратинскій въ виду такого заявленія своего подчи-

¹⁾ Ив. П. Эланскій впоследствии былъ судебнымъ слѣдователемъ, а потомъ товарищемъ прокурора въ своей родной Калужской губ. и умеръ отъ чахотки въ концѣ 1870-хъ годовъ.

неннаго объявляетъ мнѣ, что я имъ арестованъ, и приказываетъ мнѣ немедленно одѣваться, самъ же уходитъ изъ квартиры, оставивъ въ ней свой патруль. Я надѣлъ на себя полную парадную форму старшаго военнаго аудитора, со всѣми своими орденами, вышелъ къ конвойнымъ, которые, при выходѣ моемъ изъ квартиры, разступились и дали мнѣ пройти среди себя впередъ, конвоируя меня, при сходѣ по лѣстницѣ лишь сзади. Эланскій не вытерпѣлъ.

— Стой! Какъ вы ведете арестованнаго?! — крикнулъ онъ на преображенцевъ.—Одинъ конвойный долженъ идти впереди его, а другой, замыкающій, позади!

Мои конвоиры исполнили команду моего товарища.

Былъ уже третій часъ ночи, когда патруль преображенцевъ провелъ меня на военную гауптвахту лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, помѣщавшуюся въ домѣ Снядецкаго, нынѣ Кочаргина, по Губернаторской улицѣ ¹⁾. Привели меня въ арестантскую этой гауптвахты, гдѣ, кромѣ голой деревянной скамейки, никакой постели не имѣлось и не нашлось для меня, хотя я, какъ сказалъ выше, былъ въ военномъ мундирѣ. Надо мною сжалился сторожъ и далъ мнѣ подъ головую кожаную подушку. Лишь только я прилегу на этой узкой скамейкѣ, какъ въ мою камеру одинъ за другимъ стали заходить офицеры, юнкера и вольноопредѣляющіеся; каждый изъ нихъ пристально вглядывался въ мою фізіономію и затѣмъ уходилъ съ улыбкою на лицѣ. Никто изъ нихъ не проронилъ ни одного слова, не издалъ ни единого звука. Хотя я догадывался, что всѣ они видѣли или признавали во мнѣ замаскированнаго «жандарма-кинжалщика», покушавшагося на жизнь Домейки, но чѣмъ и какъ могъ я разувѣрить ихъ въ томъ и убѣдить, что я не только настоящій старшій военный аудиторъ Бобровскій, но и докладчикъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края генерала Муравьева по политическимъ дѣламъ суднаго отдѣленія штаба Виленскаго военнаго округа? Сознавая свое полное безсиліе, я также молча и серьезно озиралъ каждого изъ приходившихъ въ мою камеру поинтересоваться моею фізіономіей. Впрочемъ это продолжалось недолго. Тотчасъ же послѣ моего ареста Эланскій отправился къ нашему начальнику, оберъ-аудитору Павлу Филипповичу Неѣлову (нынѣ члену главнаго военно-суднаго управленія). Несмотря на то, что уже былъ третій часъ ночи, Неѣловъ находился еще съ докладомъ у Муравьева, во дворцѣ котораго Эланскій и нашелъ его, сообщивъ ему о моемъ арестѣ, а Неѣловъ передалъ объ этомъ дежурному адъютанту Муравьева, полковнику Петру Александровичу Черевину (впослѣдствіи дежурному генералу при особѣ его величества, умершему въ февралѣ 1896 года); Черевинъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ казусѣ Муравьеву. Последній, выслушавъ сообщеніе Черевину, выразился такъ: «Заставъ

¹⁾ По странной случайности г. Бобровскій нынѣ живетъ въ той самой квартирѣ, въ которой была его арестантская 35 лѣтъ тому назадъ.

дураковъ Богу молиться — они и лбы себѣ разобьютъ; немедленно освободить аудитора Бобровскаго!»

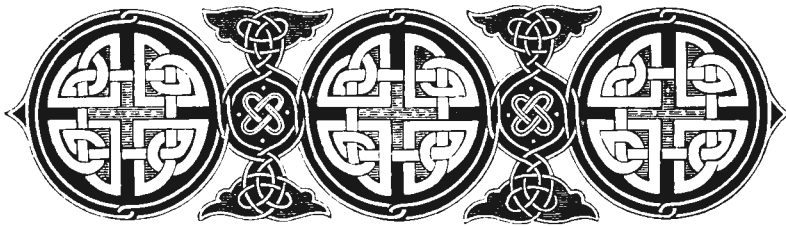
Два слова о томъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ арестованъ злодѣй, покушавшійся на жизнь Домейки, «жандармъ-кинжальщикъ народнаго жонда» Беньковскій.

Онъ былъ арестованъ совершенно случайно, 6-го августа 1863 года, т. е. недѣлю спустя послѣ неудавшагося преступленія, съ двумя своими соучастниками, на виленскомъ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ жандармскимъ офицеромъ, штабсъ-капитаномъ Сабинимъ. Офицеръ этотъ обратилъ вниманіе на двухъ молодыхъ людей, прибывшихъ на вокзалъ за часъ до отхода поѣзда на Варшаву и за границу, — именно потому, что при видѣ его они растерялись и торопились поскорѣе взять билеты въ кассѣ. По требованію жандармской полиціи, они предъявили свои заграничные паспорта, которые найдены въ исправности, а потому возвращены имъ обратно съ контрмарками; получивъ послѣднія, они потребовали себѣ въ кассѣ билеты въ Варшаву. Это показалось подозрительнымъ офицеру Сабину, все время за ними слѣдившему, такъ какъ за границу нужно ѣхать только до ст. Вержболово.

— Почему вы ѣдете на Варшаву?—спросилъ ихъ г. Сабинъ.

Они смутились и не нашлись, что отвѣтить. Тогда офицеръ этотъ приказалъ жандарму арестовать ихъ, при чемъ одинъ изъ нихъ упалъ въ обморокъ. Онъ оказался потомъ другомъ и сообщникомъ Беньковскаго, т. е. второго молодого человѣка, весьма бойкаго, въ лицѣ котораго Домейко и его лакей нашли много общаго съ преступникомъ, покушавшимся на ихъ жизнь; но черныя цвѣтъ волосы, гладко выбритое лицо и платье не имѣли ничего общаго съ разыскиваемымъ преступникомъ. Спустя нѣсколько дней, волосы его изъ черныхъ стали принимать фіолетовый цвѣтъ и наконецъ перешли въ рыжій. Ему смыли голову; волосы оказались выкрашенными. Тогда онъ снова былъ предъявленъ Домейкѣ и его лакею, и тѣ на этотъ разъ признали въ немъ человѣка, покушавшагося на ихъ жизнь. Беньковскій, — имъ и оказался этотъ послѣдній молодой человѣкъ, — не сталъ долѣе заператься, выдалъ двухъ своихъ товарищей Чаплинскаго и Мирочевского (уже находившагося подъ арестомъ въ Вильнѣ по другому дѣлу) и объяснилъ, что «варшавскій революціонный народный жондъ» командировалъ его и Чаплинскаго въ Вильну, въ распоряженіе виленскаго исполнительнаго отдѣла, членомъ котораго состоялъ Мирочевскій, для исполненія смертныхъ приговоровъ этого «жонда» какъ надъ самимъ генераломъ Муравьевымъ, такъ и надъ тѣми дворянскими поляками, которые рѣшили, во главѣ своего предводителя Домейки, подать вѣрнопопданническій адресъ государю императору Александру II. Беньковскій, какъ и Чаплинскій, родомъ былъ изъ Варшавы, по ремеслу цирюльникъ, не болѣе 20 лѣтъ отъ роду.

Ө. Ө. Серно-Соловьевичъ.

МОГИЛА СВЯЩЕННИКА ЮАННА КИРИКОВА.

ОГИЛЫ, расположенныя не на кладбищахъ, невольно привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе всякаго сколько нибудь наблюдательнаго человѣка; когда же онѣ занимаютъ мѣсто въ самомъ центрѣ большого города, да еще представляются единичными, то понятно, что интересъ къ нимъ значительно возрастаетъ, и становится вполне естественнымъ желаніе допытаться: кого, внѣ общихъ правилъ, приняла въ свои нѣдра некладбищенская земля, и составляетъ ли такое исключительное погребеніе простую случайность, или оно было слѣдствіемъ особыхъ, въ свое время, заслугъ покойнаго?

Къ числу такихъ могилъ, достойныхъ быть отмѣченными, по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ, думается мнѣ, надо отнести и могилу священника Юанна Кирикова, погребеннаго въ оградѣ церкви Владимирской Божіей Матери въ С.-Петербургѣ, и столь скромную, что мѣсто послѣдняго упокоенія почившаго пастыря едва замѣтно.

Хотя церковь Владимирской Божіей Матери, видимая съ самыхъ разныхъ и отдаленныхъ точекъ города и воздвигнутая близъ главной артеріи Петербурга—Невскаго проспекта, величіемъ и изяществомъ своего стиля хорошо извѣстна не только каждому мѣстному обывателю, но и большинству случайно и временно посѣщающихъ столицу, однако расположенную въ церковной оградѣ могилу не знаютъ даже старожилы, а въ томъ числѣ и тѣ изъ нихъ, которые живо интересуются прошлымъ Петербурга, между тѣмъ весьма возможно, что самое созданіе храма или не было бы совершенно осу-

щественно, или, уже навѣрное, не получило бы своихъ настоящихъ грандіозныхъ размѣровъ, если бы не жилъ на свѣтѣ тотъ, кому принадлежитъ единственная при церкви могила. Вотъ почему я позволяю себѣ надѣяться, что читатели «Историческаго Вѣстника» не посѣтуютъ на меня за настоящую замѣтку, изъ которой будетъ видно, что священникъ Іоаннъ Кириковъ по своей энергіи, честности и по особымъ къ нему довѣрію и симпатіи прихожанъ былъ недюжинною личностью, и что краткій очеркъ былой дѣятельности отошедшаго въ вѣчность іерея даетъ достаточно поучительный матеріалъ.

* * *

Владимірская церковь, находящаяся на площади, между Колокольной улицей и Кузнечнымъ переулкомъ, до сей поры сохранила официально не отмѣненное, но мало теперь извѣстное названіе: «церковь во имя Божіей Матери Владимірскія иконы, что въ придворныхъ слободахъ».

Основана она была въ 1746 году и помѣщалась тогда въ частномъ домѣ, принадлежавшемъ комиссару главной дворцовой канцеляріи Федору Якимову; а домъ послѣдняго стоялъ на углу Басманной (нынѣшня я Колокольная) и Грязной (нынѣшня я Николаевская) улицъ.

Изъ дѣлъ по сооруженію храма видно, что онъ учреждался для чиновъ и служителей придворнаго вѣдомства, которые въ то время были размѣщены въ мѣстности около Владимірской церкви, въ вытянутыхъ рядами строеніяхъ, образовавшихъ такъ называемыя придворныя слободы. Отсюда становятся понятными наименованія улицъ, ближайшихъ къ храму и сохранившихъ свои названія до нашего времени, таковы, напримѣръ, Стремянная, населенная когда-то стремянными, Поварской переулкомъ — поварами, Кузнечный — кузнецами и т. д.

Вѣроятно, на первыхъ же порахъ обнаружилось, что, при помѣщеніи въ частномъ домѣ, церковь была недостаточно вѣстительна и не отвѣчала всему количеству прихожанъ, потому что уже въ 1747 г. было куплено разобранное, деревянное зданіе церкви св. Сергія, находившейся на Литейномъ проспектѣ, и изъ пріобрѣтенныхъ матеріаловъ собрана была Владимірская церковь и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь высится пятиглавый каменный храмъ во имя той же иконы.

Извѣстная благочестіемъ императрица Елисавета Петровна относилась съ большимъ, повидимому, вниманіемъ къ вновь воздвигнутому храму, что можно заключить по значительному количеству земли, уступленной казною въ церковную собственность, а также и потому, что государыня, въ первое же посѣщеніе новой церкви, состоявшееся на другой день послѣ освященія послѣдней, пожертвовала на церковныя нужды 300 рублей.

Главными радѣтелями по построению и благоустройству церкви были оберъ-гофмаршалъ Дмитрій Шепелевъ и комиссаръ Ѳеодоръ Якимовъ, но душою всего дѣла, черезъ кого оно неукоснительно и неустанно подвигалось впередъ, надо признать священника Іоанна Кирикова.

Самое назначеніе его настоятелемъ новаго храма, невзирая на то, что о. Кириковъ не носилъ еще сана протоіерея, слѣдуетъ отмѣтить, какъ исключительное и характерное, такъ какъ это назначеніе состоялось не по выбору епархіальнаго начальства, а по просьбѣ самихъ прихожанъ, которые въ своемъ прошеніи архіепископу Гавриилу писали: «Понеже за неимѣніемъ настоятеля и состоитъ вся церковная утварь безъ описи; изъ чего отъ неимѣнія кому смотрѣть могутъ чиниться утраты, и чтобъ не всѣ безъ разбора волочили (?) церковную ризницу, желаемъ мы, чтобы все въ церкви нашей поручено было изъ оныхъ священниковъ ¹⁾ Іоанну Кирикову, яко старшему и лѣтъ и священствомъ и рачительнѣйшему о церковномъ благочиніи. Да въ здѣшней Литейной части и благочинія надзирателя не имѣется, а оный священникъ Іоаннъ и того достоинъ, И того ради, ваше преосвященство, всепокорно просимъ, дабы повелѣно было онаго священника Іоанна опредѣлить тоя церкви настоятелемъ, чтобы было не безъ благочиннаго и порядочнаго смотрѣнія».

Ходатайство прихожанъ было уважено, и въ началѣ 1763 г. священникъ Кириковъ былъ опредѣленъ настоятелемъ своей излюбленной церкви. Недаромъ, незря, а съ полнымъ основаніемъ и сознаниемъ, о комъ и о чемъ просятъ, подняли голосъ прихожане, вопреки существовавшихъ да и существующихъ правилъ и обычаевъ: изъ дѣлъ, хранящихся въ консисторіи и въ архивѣ Владимірской церкви, не трудно видѣть, что священникъ Іоаннъ Кириковъ былъ пастырь добрый, всю душу свою полагавшій за овцы своя. По массѣ потраченнаго труда и неустанной энергіи, направленныхъ прежде всего къ благоустройству церкви, у алтаря которой онъ священнослужительствовалъ, можно прійти къ безошибочному заключенію, что Іоаннъ Кириковъ принадлежалъ къ рѣдкимъ людямъ, очень мало заботящимся о себѣ, но за то всецѣло преданнымъ порученнымъ имъ обязанностямъ. Конечно, и плоды такой безкорыстной и незнавшей отдыха заботливости не о себѣ, а о дѣлѣ, были и долговѣчны, и внушительны.

Вся огромная площадь земли, принадлежащая Владимірской церкви, т. е. та, на которой теперь стоятъ три каменные, церковные дома и, сверхъ того, размѣщенъ очень значительный по пространству дровяной дворъ, приписана къ церкви усердіемъ и стараніями перваго настоятеля храма. Въ «данной на землю», выданной изъ главной

¹⁾ Таковыми въ церкви въ то время состояли, кромѣ о. Кирикова, еще о. Романъ Михайловъ и о. Іаковъ Іоанновъ. Прим. авт.

полицеймейстерской канцеляріи на имя священника Іоанна Кирикова, значится:» По именному блаженной памяти государыни императрицы Анны Іоанновны 1739 года августа 20 дня указу, повелѣно: у имѣющейся въ московской части, посреди опредѣленныхъ придворной и дворцовой команды служителемъ мѣстъ, торговой площади, огдать подъ строеніе церковныхъ дворовъ шесть мѣстъ, изъ коихъ два и были отданы оной церкви дьячку да просфиріѣ, а за тѣмъ осталось четыре мѣста».

Ясно, что къ такой неточности указа и къ этимъ оставшимся незанятыми, а потому неотмежованными и какъ бы не закрѣпленными за церковью, четыремъ мѣстамъ совершенно равнодушно Кириковъ относиться не могъ, почему онъ и просилъ о новомъ указѣ, дающемъ право на земли. Ходатайство Кирикова не осталось безрезультатнымъ, и оставшіяся незанятыми мѣста новымъ указомъ уже императрицы Елисаветы Петровны были повторительно отданы церкви въ 1752 году.

* * *

Непрестанно хлопоча о расширеніи церковной земельной собственности, о. Кириковъ вмѣстѣ съ тѣмъ тратилъ много времени на возможное увеличеніе церковныхъ суммъ, лелѣя въ душѣ излюбленную мечту: замѣнить деревянную церковь—каменной; да и деревянная нуждалась для лучшаго благолѣпія еще во многомъ; такимъ образомъ деньги нужны были не малыя; но Кириковъ не смущался трудностью взятой на себя задачи и, не щадя своего покоя, не признавая отдыха, радѣлъ о томъ, чтобы церковная казна прибывала, въ твердой надеждѣ увидѣть воздвигнутымъ каменный храмъ. Кириковъ для сбора пожертвованій не разъ посѣщалъ Москву, и книжки изъ консисторіи для этой цѣли выдавались именно на его имя.

Полагать надо, что пожертвованія въ Петербургѣ и внѣ его поступали довольно щедро, такъ какъ уже въ 1761 году была заложена и поднесъ блистающая своими золотыми главами каменная двухъэтажная Владимірская церковь, а въ 1768 году она была открыта для богослуженія по освященіи средняго престола нижняго этажа ¹⁾.

Если знать, что казна не принимала никакого участія въ расходахъ по сооруженію какъ деревяннаго, такъ и каменнаго храмовъ, со всѣми къ нимъ относящимися зданіями и пристройками, то и переданнаго читателямъ довольно, чтобы въ служеніи Кирикова видѣть нѣчто высшее простой добросовѣстности.

¹⁾ Черезъ годъ были готовы и освящены и оба боковые придѣла. По церковнымъ документамъ нельзя узнать, кто былъ составителемъ плана сооруженія храма, и кто выполнилъ составленный планъ; по преданіямъ же, сохранившимся среди причта, проектъ сооруженія былъ будго бы сдѣланъ извѣстнымъ Растрелли, что не отрицается и знатоками архитектуры.

Естественно, что труженики такого характера, какимъ обладалъ Кириковъ, не останавливаются на поль-дорогѣ, почему и о. Іоаннъ, заботясь о главномъ, не только не упускалъ второстепеннаго, а входилъ во всякую мелочь дѣла, имъ предпринятаго и руководимаго. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что большинство всѣхъ предметовъ, составляющихъ, по выдающемуся художественному достоинству или по высокой матеріальной стоимости, гордость церковнаго имущества и благодѣнія, обязано своимъ нахожденіемъ въ храмѣ заботливости священника Кирикова.

Къ числу такихъ предметовъ, между прочими, надо отнести слѣдующіе: а) точная копія съ чудотворнаго образа Владимірской Божіей Матери, хранящагося въ московскомъ Стрѣтенскомъ монастырѣ, выписанная изъ Москвы Кириковымъ, при усердіи прихожанъ. Одни украшенія въ этой иконѣ-копіи, кромѣ работы и живописи, цѣнятся въ 1.500 рублей сер. б) Высокоцѣнная икона Господа Вседержителя въ серебряной ризѣ, осыпанная алмазами и изумрудами. Вышина иконы 2 арш. 13 вер. при ширинѣ въ аршинъ слишкомъ; на ризѣ имѣется надпись: «Икона сія сооружена въ 1759 г. тщаніемъ іерея Іоанна К.». в) Серебряный потиръ — вѣсомъ въ 6 фунт. 30 золот., съ надписью «въ 1759 году подаваніемъ мірскихъ людей, тщаніемъ іерея Іоанна К.», при потирѣ серебряные дискосъ и другія принадлежности. г) Евангеліе, отпечатанное въ Москвѣ 1759 г., высотой въ аршинъ при ширинѣ въ 11¹/₂ в., вѣситъ оно 1 пудъ 34 ф. 24 золотн. и настолько богато осыпано яхонтами, изумрудами и гранатами по всей чеканной изъ серебра доскѣ съ алмазнымъ крестомъ, что стоимость евангелія равняется 1.500 рублей. Это евангеліе приобрѣтено церковью въ 1764 г. на пожертвованія благотворителей, при участіи и содѣйствіи Іоанна Кирикова.

Вотъ свѣдѣнія, далеко впрочемъ не полныя, о неустанныхъ и безкорыстныхъ трудахъ энергичнаго священнослужителя на пользу созданной имъ Владимірской церкви, не предчувствовавшаго, что ему, послѣ открытія каменнаго храма, придется священнослужительствовать въ немъ менѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ въ 1770 году доблестный пастырь, неутомимый труженикъ, погибъ мученическою смертью, изъ-за своего усердія къ интересамъ церкви. Объ этомъ печальномъ событіи по сохранившимся въ С.-Петербургской духовной консисторіи донесеніямъ и удержавшимся среди мѣстнаго причта воспоминаніямъ можно передать слѣдующее: въ виду частыхъ поѣздокъ Кирикова въ Москву для сбора пожертвованій и его для всѣхъ замѣтной, усиленной дѣятельности по сооруженію и убранству храма, среди обывателей мѣстностей, близъ лежащихъ къ послѣднему, упорно держались слухи, что у о. Кирикова всегда имѣются при себѣ крупныя суммы; эти слухи и были причиной его страдальческой смерти, о которой такъ говорятъ донесенія благо-

чиннаго Спасосѣиновской церкви, священниковъ Владимірской и родного брата погибшаго о. Іоанна—Петра Кирикова, протоіерея Троицкаго собора: «Сего октября 19 дня 1770 года, часу въ 12-мъ по полудни, или по полуночи въ первомъ, церкви Владимірской Божіей Матери къ настоятелю священнику Іоанну Кирикову пришли въ домъ его незнаемо какіе люди, котораго били ломомъ желѣзнымъ, а на послѣдокъ дали ему ранъ до осьми ножемъ и закололи до смерти, а именно: голова сквозь проломлена; подъ лѣвою мышкою проколото пониже противъ сердца, въ ребро проколото, лѣвая рука на цѣпи перерѣзана, правая рука вся изрѣзана. Да еще видно, что хотѣли его повѣсить на желѣзномъ крюкѣ, который въ томъ мѣстѣ прицѣпленъ, только онымъ злодѣямъ не достало времени...». «На другой день въ ночи оные злодѣи восемь человекъ пойманы, изъ которыхъ одинъ кексгольмскаго пѣхотнаго полку солдатъ Сергѣй Козьминъ Вялый, а прочіе разныхъ чиновъ люди» ¹⁾).

Такимъ образомъ, о. Кириковъ, отличавшійся высокою честностью, предприимчивостью и неустаннымъ трудолюбіемъ, палъ жертвой гнусной и преступной алчности какихъ-то негодяевъ, при чемъ этимъ послѣднимъ не удалось многимъ покорыствоваться, такъ какъ, несмотря на жестокия пытки, которымъ подвергали убійцы несчастнаго мученика, съ цѣлью дознаться, гдѣ хранятся у него церковныя деньги, такихъ при о. Іоаннѣ не оказалось, за исключеніемъ лично ему принадлежавшихъ 40 копеекъ, которыя и унесли злодѣи съ собой, послѣ убійства, разграбивъ также пожитки своей жертвы.

Когда минуло сто лѣтъ со дня мученической кончины о. Кирикова, священнослужители Владимірской церкви съ прихожанами, желая почтить память лица, отдававшаго все силы сооруженію храма, возложили по подпискѣ на его могилу мраморную плиту съ надписью: «Строителю Владимірской церкви священнику Іоанну Кирикову отъ священнослужителей, старосты и прихожанъ Владимірской церкви, 1870 г.».

* * *

Изложеннымъ исчерпывается намѣченная мною тема; дальнѣйшія же строки пишутся главнымъ образомъ для любителей художественной стороны, а въ этомъ отношеніи Владимірская церковь заслуживаетъ ихъ полнаго вниманія.

Прежде всего, иконостасъ, за исключеніемъ царскихъ вратъ, какъ работы позднѣйшихъ художниковъ и образа Тайной Вечери надъ ними, о которомъ я упомяну дальше, представляется высокоцѣннымъ художественнымъ произведеніемъ, уже потому, что все

¹⁾ Т. е. сбродъ неопредѣленнаго званія и занятій, такъ какъ они въ донесеніяхъ не поименованы, а только упомянуты послѣ простаго рядового.

Прим. авт.

размѣщенныя въ немъ иконы принадлежатъ кисти лучшихъ художниковъ временъ императрицъ Елисаветы и Екатерины II. И это неудивительно, такъ какъ весь украшающій нынѣ Владимірскую церковь иконостасъ принадлежалъ до 1810 года кабинетской, или капитульской церкви, бывшей въ Аничковомъ дворцѣ, по закрытіи которой, онъ, по высочайшему повелѣнію, и былъ переданъ Владимірской церкви.

На одной изъ иконъ иконостаса—образъ Алексѣя, челоѵка Божія, образъ замѣчательной итальянской живописи, имѣется надпись «1782 года іюня 17 дня сей образъ Алексія челоѵка Божія прибылъ въ градъ св. Петра иждивеніемъ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова и поставленъ въ иконостасъ церкви Аничкова дворца».

Икона «Тайной Вечери», вышиной 2 арш. 4 верш. и шириной 3 арш. 2 верш., составляетъ исключительное произведеніе искусства, что единогласно подтверждаютъ всѣ осматривавшіе эту икону художники и лица, компетентныя въ живописи, признавшіе образъ за работу Рубенса, или одного изъ даровитѣйшихъ его учениковъ. Свѣдѣній въ церковныхъ дѣлахъ, какимъ путемъ эта икона сдѣлалась собственностью церкви, не имѣется; точно также нѣтъ свѣдѣній о многихъ другихъ иконахъ замѣчательной работы.

Вниманіе любителей изящной и тонкой работы должно найти полное удѣлствореніе, при созерцаніи дарохранительницы Владимірскаго храма, какъ свидѣтельствуемъ нынѣшній настоятель его протоіерей Николай Вирославскій, единственной въ Петербургѣ по искусству исполненія и цѣнности. Всѣ фигуры и отдѣльные предметы дарохранительницы отлиты и собраны въ Россіи, по мастерскому рисунку протоіерея Голубева, французомъ Помо въ 1810 г. Совокупность великолѣпно отлитыхъ изображеній дарохранительницы представляетъ полную исторію страданій, смерти и воскресенія Спасителя въ художественно расположенныхъ группахъ. На отлитіе дарохранительницы употреблено серебра и золоченой бронзы болѣе четырехъ пудовъ, и за одну только работу, по приговору экспертовъ, уплачено Помо 13.000 рубл. ассигнаціями, что, по тогдашнему времени, составляло огромную сумму.

Нельзя обойти молчаніемъ и даръ храму графини Шереметевой, дочери графа Петра Борисовича Шереметева. Ею были пожертвованы воздухи съ покровцами изъ малиноваго бархата, расшитые золотомъ и серебромъ и богато осыпанные драгоценными камнями и жемчугомъ. Помимо значительной матеріальной стоимости, эти воздухи являются рѣдкостью стариннаго цѣннаго шитья, какового теперь уже не знаютъ.

Насколько тщательно сохранялись во Владимірской церкви иконы, затѣмъ предметы, украшающіе ее, а также относящіеся къ отправленію служенія, настолько же назидательно съ отрицательной

стороны ознакомленіе съ церковной библіотекой и архивомъ; я не говорю о послѣднихъ десятилѣтіяхъ и не вхожу въ разборъ причинъ былой и несомнѣнной небрежности къ церковнымъ книгамъ и документамъ, а лишь подчеркиваю грустный фактъ, съ которымъ зачастую приходится считаться изслѣдователямъ не однихъ церковныхъ книгохранилищъ, а вообще старинныхъ архивовъ и библіотекъ. Да, надо сознаться, неособенно на Руси любили и умѣли сохранять книги и, пожалуй, не будетъ ошибкой добавить, что и потомки не торопятся въ этомъ отношеніи очень обгонять предковъ. Между тѣмъ, небрежность книгохраненія не что иное, какъ расхищеніе и неосмысленная растрата человѣческаго ума и знаній, собиравшихся вѣками... И казалось бы: гдѣ, какъ не въ церковныхъ библіотекахъ и архивахъ, искать порядка и аккуратности? Хотя бы даже потому, что большая часть находящихся тамъ книгъ и документовъ, помимо научныхъ разслѣдованій, имѣетъ прямое, житейское значеніе по вопросамъ спорныхъ наслѣдствъ, отысканія правъ рожденія и по многимъ другимъ.

Къ сожалѣнію, архивъ Владимірской церкви находится въ довольно плохомъ положеніи. Съ ея основанія и по 1772 годъ, кромѣ одной расходной книги за 1746 г., никакихъ записей и документовъ, относящихся къ этому періоду времени, нѣтъ, а съ 1772 по 1804 годъ копія съ метрическихъ книгъ¹⁾ сохранены неполностью; исправно содержатся обыски и брачные документы лишь съ 1790 г.

Изъ памятниковъ старинной печати можно отмѣтить: требникъ знаменитаго Петра Могилы, отпечатанный въ листъ въ кievской типографіи, но годъ изданія этого требника неизвѣстенъ, такъ какъ заглавный листъ испорченъ; потомъ «Служба на страстную недѣлю»; эта книга пожалована императрицей Екатериной II въ 1768 г.; да еще двѣтословъ въ доскахъ, отпечатанный въ Москвѣ въ 1706 году.

Въ заключеніе считаю обязанностью выразить глубокую благодарность уважаемому настоятелю Владимірской церкви протоіерею о. Николаю Вирославскому, за сдѣланныя имъ мнѣ разъясненія и любезное разрѣшеніе пользоваться его трудомъ «Описаніе церкви во имя Божіей Матери Владимірскія иконы, С.-Петербургъ, 1876 г.».

П. Герасимовъ.

¹⁾ Не лишены интереса, въ смыслѣ статистическихъ данныхъ, вычисленія, которыя получаются изъ вѣдомости за пять десятилѣтій, начиная съ 1814 г., о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ; такъ, напримѣръ, въ 1-ое десятилѣтіе, то-есть съ 1814 по 1824 г., приходится на каждую тысячу рожденныхъ при брачной жизни—494 младенца, родившихся отъ вѣббрачнаго сожителства; во 2-е десятилѣтіе на 1.000 первыхъ—412 вторыхъ; затѣмъ въ 3-е десятилѣтіе вторыхъ насчитывается 590; въ 4-е—781; и наконецъ въ пятое десятилѣтіе, то-есть съ 1854 по 1864 г., число рожденій перваго рода незначительно разнится отъ числа рожденій втораго рода, числа, выражающагося крупной цифрой—807.

Прим. авт.

ДВИНСКІЙ ВОЕННО-КРѢПОСТНОЙ СОБОРЪ.

В НАЧАЛѢ настоящаго года случай привелъ меня въ крѣпость Двинскъ, гдѣ мнѣ удалось познакомиться съ одною изъ замѣчательныхъ церквей русскаго запада—крѣпостнымъ соборомъ. Уже верстахъ въ 20-ти отъ крѣпости стройныя колокольни ея собора ясно виднѣются, обращая на себя вниманіе красотою и оригинальностью своего внѣшняго вида. Красивый стиль «Renaissance» собора сразу заинтересовалъ меня, и я былъ очень доволенъ, когда отъ его настоятеля о. Лавра Конопацкаго мнѣ удалось получить свѣдѣнія о прошломъ этого храма, тѣмъ болѣе, что въ печати, сколько мнѣ извѣстно, этихъ свѣдѣній почти не имѣется.

Городъ Двинскъ (прежде Динабургъ) основанъ въ XVI вѣкѣ, по однимъ преданіямъ—въ 1582 году польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, по другимъ—еще раньше, въ 1577 году Іоанномъ Грознымъ. Двинская же крѣпость, въ своемъ первоначальномъ видѣ, еще древнѣе, если вести ея происхожденіе отъ древняго Динабургскаго замка, основаннаго въ 1275 году магистромъ Ливонскаго ордена Эрнестомъ Рассбургомъ. Собственно говоря, этотъ замокъ, по словамъ А. Сапунова (въ его книгѣ: «Рѣка Западная Двина»), былъ построенъ въ 18 верстахъ выше теперешней крѣпости, гдѣ нынѣ селеніе Старый Замокъ, и только Стефанъ Баторій перенесъ его на настоящее мѣсто крѣпости (въ 1582 г.). Двинскъ долгое время переходилъ изъ рукъ въ руки: онъ видѣлъ подъ стѣнами своими и литовцевъ, и поляковъ, и шведовъ и русскихъ, отъ которыхъ снова переходилъ къ полякамъ, пока, наконецъ, въ 1772 году, оконча-

тельно былъ присоединенъ къ Россіи и въ 1893 году получилъ настоящее названіе вмѣсто прежняго — Динабургъ.

Къ сожалѣнію, въ 1795 году польскіе конфедераты подъ начальствомъ Огинскаго сожгли его, причѣмъ сгорѣлъ здѣсь и архивъ, заключавшій въ себѣ, безъ сомнѣнія, немало интересныхъ историческихъ свѣдѣній и о крѣпостномъ двинскомъ соборѣ, за первыя 170 лѣтъ его существованія. Тѣмъ не менѣе, извѣстно, что въ 1626 году польскій воевода Гонсѣвскій основалъ костель и іезуитскую коллегію въ Динабургѣ (въ 1746 году этотъ костель былъ перестроенъ). Красота и величіе архитектурнаго зданія даютъ право съ увѣренностью предполагать, что этотъ костель былъ сооруженъ подъ руководствомъ искусныхъ итальянскихъ зодчихъ того времени. Въ 1656 году царь Алексѣй Михайловичъ, завладѣвши Динабургомъ, наименовалъ его Борисоглѣбскомъ и построилъ здѣсь церковь во имя свв. Бориса и Глѣба (какъ сказано было въ разрядныхъ книгахъ: «изволили праздновать страсотерпцамъ Христовымъ Борису и Глѣбу и слушалъ всенощную»). Обращаемъ вниманіе на это послѣднее обстоятельство, такъ какъ оно играетъ нѣкоторую роль въ дальнѣйшей исторіи собора.

Въ 1811 году русское правительство купило у іезуитовъ костель, коллегію¹⁾ и прилегающія земли, обязавшись въ теченіе 10 лѣтъ выдавать имъ по 30 тысячъ рублей. При этомъ же динабургскій костель былъ обращенъ въ православный военный храмъ. Когда именно началось въ этомъ упраздненномъ іезуитскомъ костелѣ православное богослуженіе, съ точностью неизвѣстно. Въ письменныхъ книгахъ собора есть указаніе (въ 1827 г.) на антиминосъ, выданный сюда преосвященнымъ Данииломъ (вѣроятно, могилевскимъ) въ 1817 году, и антиминосъ этотъ называется прочнымъ, «а иконостаса надлежащаго нѣтъ». Двинскіе старожилы рассказываютъ, что въ началѣ XIX вѣка здѣсь, на берегу Двины, была древняя православная церковь (не Борисоглѣбская ли, основанная Алексѣемъ Михайловичемъ?)—и она сгорѣла. Быть можетъ, спасенная отъ пожара святыня этой церкви была перенесена въ упраздненный костель, и тамъ тогда началось православное богослуженіе. Поэтому годъ выдачи вышеупомянутаго антиминоса—1817-й—и можно считать съ вѣроятною достовѣрностью началомъ преобразованія іезуитскаго костела въ православный храмъ. Окончательное же устройство настоящей Двинской крѣпости, а съ нею и полное внутреннее преобразование костела въ войсковой соборъ совершилось лишь въ царствованіе императора Николая Павловича.

¹⁾ Капитальное 3-хъ-этажное зданіе бывшей коллегіи теперь занято аптечнымъ складомъ военнаго вѣдомства и расположено въ видѣ буквы П позади собора. Первоначально коллегія соединялась съ нимъ каменнымъ зданіемъ, впоследствии уничтоженнымъ. На мѣстѣ послѣдняго, при устройствѣ въ 1896 г. ледника для аптечнаго склада, здѣсь найдено было большое количество человѣческихъ череповъ и костей.

Въ 1828 году на пожертвованная государемъ 10 тысячъ рублей въ соборъ устроены существующий и нынѣ величественный иконостасъ со святыми иконами, писанными на холстѣ; въ прошломъ году этотъ иконостасъ капитально реставрированъ и возобновленъ на

Двинскій военно-крѣпостной соборъ въ 1894 году.

средства казны. Въ среднемъ ярусѣ его помѣщены, въ круглыхъ медальонахъ, иконы свв. Петра и Павла замѣчательно художественной итальянской живописи, заслуживающей вниманія знатоковъ искусства. По мнѣнiю художника Молокина, реставрировавшаго въ ми-

Двинскій военно-крѣпостной соборъ въ настоящее время.

нувшемъ году иконостасъ храма, медальоны эти, несомнѣнно, принадлежатъ кисти одного изъ древнихъ лучшихъ итальянскихъ мастеровъ, имя котораго могъ бы выяснитъ лишь специалистъ. Посреди иконостаса, на малахитовомъ фонѣ, золотыми буквами блистаютъ слова Спасителя: «Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы». Необходимою утварью и ризницей соборъ первоначально былъ снабженъ изъ департамента удѣловъ. При сооруженіи иконостаса устроенъ соответствующій величинѣ храма возвышенный амвонъ съ семью ступенями во всемъ главномъ алтарѣ и клиросы. Амвонъ отдѣленъ отъ середины церкви точеными изъ ясеня полированными перилами. Существовавшія по правой и лѣвой сторонамъ нынѣшняго алтаря два особыхъ отдѣленія обращены: правый — въ придѣлъ Покрова Пресвятой Богородицы, лѣвый — въ ризницу. Такъ какъ при такомъ устройствѣ иконостаса и алтаря необходимо было снять св. престолъ съ мѣста, то съ полною увѣренностью можно предположить, что въ томъ же 1828 году совершилось и новое освященіе храма, хотя въ церковныхъ документахъ объ этомъ и не упоминается. Римская архитектура (базилика) собора внутри его придаетъ ему величественный видъ, благотворно дѣйствующій на душу христіанина. Восемь стройныхъ и красивыхъ колоннъ, увѣнчанныхъ коринтскими капителями, легко уходятъ въ высь, подпирая собою сводъ храма на высотѣ 24 аршинъ. Вместительность храма, рассчитанная на 1.200 человекъ, также достаточно велика, имѣя площадь длиною въ 45 и шириною въ 29 аршинъ.

Главнѣйшую святыню и замѣчательную древность собора представляетъ собою св. икона Владимірской Божіей Матери, писанная древнимъ греческимъ письмомъ на доскѣ высотой 1 аршинъ и шириною 11 вершковъ. Эта икона первоначально находилась въ Динабургскомъ крѣпостномъ саперномъ баталіонѣ, участвовавшемъ въ постройкѣ крѣпости, и въ честь ея въ баталіонѣ ежегодно праздновался баталіонный праздникъ. Въ 1829 г., во время турецкой войны, этотъ баталіонъ выбылъ изъ крѣпости въ походъ, и икона съ тѣхъ поръ осталась въ соборѣ, ибо баталіонъ въ крѣпость не возвратился, о чемъ сохранилась записка діакона Успенскаго, служившаго въ соборѣ въ 1841 году. Надо полагать, что по окончаніи турецкой войны саперный баталіонъ, которому принадлежала икона, былъ совсѣмъ расформированъ, ибо нельзя думать, что саперы, возвратясь съ войны, не перевезли бы и свою баталіонную икону на мѣсто ихъ новой стоянки. На иконѣ прежде былъ металлическій вѣнчикъ изъ стариннаго серебра, съ надписью: «Положенъ вѣнецъ Д. Г. (двинскаго гарнизона) рядовымъ Кирилоу Добросенкова 1783 г., сентября 13 дня». Вѣнчикъ хранится въ ризницѣ собора и свидѣтельствуетъ о древности этой иконы и о принадлежности ея русскимъ войскамъ. Этотъ вѣнчикъ находился на иконѣ до 1855 г., когда на нее была устроена серебряная вызолоченная риза вѣсомъ въ 10 фунт. (84-й

пробы), работы Сазикова; средства на это были собраны бывшимъ настоятелемъ собора протоіереемъ Ляшкевичемъ, открывшимъ для этой цѣли въ своемъ приходѣ подписку.

Икона Владимірской Божіей Матери пользуется большимъ почитаніемъ среди мѣстныхъ жителей. Даже католики съ особеннымъ благоговѣніемъ часто молятся передъ иконой несомнѣнно греческаго письма, о чемъ свидѣлствуетъ и греческая надпись на ней. Часто можно видѣть предъ нею колѣнопреклоненныхъ богомольцевъ со сложенными въѣстъ ладонями или распростертыхъ «кржижемъ» (крестомъ), какъ это принято у католиковъ. Мало того, по словамъ настоятеля собора о. Лавра Конопацкаго, эта икона пользуется уваженіемъ даже среди евреевъ: о. Лавръ самъ былъ свидѣтелемъ случая, когда старикъ-еврей молился передъ образомъ Божіей Матери. По словамъ этого еврея, онъ обѣщаль принести жертву предъ чудотворной иконой, если получитъ исцѣленіе отъ слѣпоты, и, прозрѣвъ, дѣйствительно явился въ соборъ, купилъ здѣсь двѣ рублевья свѣчи и, поставивъ ихъ передъ образомъ, горячо молился за свое исцѣленіе. Объ этомъ случаѣ о. настоятель счелъ нужнымъ официально довести до свѣдѣнія о. протопресвитера военного духовенства. Въ память событія 17 октября 1888 г. установлено съ 1889 года, по поведѣльникамъ, въ 11 часовъ дня читать торжественный акаѳистъ Божіей Матери, съ благовѣстомъ въ большой колоколь 11 разъ, такъ какъ чудесное спасеніе царской семьи Промысломъ Божиимъ совершилось въ 11 часовъ утра.

Не перечисляя всего церковнаго имущества собора и не касаясь вопроса о его средствахъ, доходахъ, служащемъ персоналѣ и проч., скажемъ лишь, что въ настоящее время въ матеріальномъ отношеніи онъ достаточно обезпеченъ, но всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ этому старинному памятнику христіанской древности грозила опасность стать жертвою всеразрушающаго времени.

Прилагаемый рисунокъ даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, насколько внѣшній видъ собора въ 1892 году уже пострадалъ отъ времени. Штукатурка стала обваливаться большими кусками, такъ что приходилось на колокольни собора нарочно посылать рабочихъ, съ опасностью для ихъ жизни, чтобы отбивать куски извести, наиболѣе грозившіе паденіемъ; въ окнахъ не доставало рамъ, мѣстами были разбитыя стекла; когда-то бѣлыя стѣны пожелтѣли и потемнѣли, обнаруживая пятнами красные кирпичи... А въ довершеніе всего на обѣихъ колокольняхъ высились еще католическіе черные кресты, и на фронтонѣ между ними красовалась папская тіара...

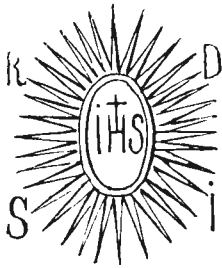
Еще въ 1881 году крѣпостные военные инженеры проектировали переустройство внѣшняго латинскаго вида собора на православный; но достигли лишь того, что имъ разрѣшено было передѣлать высокую и архитектурную крышу собора на обыкновенную. Она лежала прежде на каменныхъ сводахъ и колоннахъ, которыя служили

продолженіемъ вышеупомянутыхъ внутреннихъ колоннъ. Башни собора были крыты толстымъ слоемъ красной мѣди, выработанной, по всѣмъ признакамъ, ручнымъ, а не машиннымъ способомъ. Подъ крышей было обширное помѣщеніе, высотой въ 9 аршинъ, и верхняя часть ея доходила до высоты бывшей папской тиары. Отъ пониженія прежней величественной крыши собора и замѣны ея обыкновенною, на деревянныхъ стропилахъ, башни собора, такъ сказать, оголились, и соборъ, по свидѣтельству видѣвшихъ его раньше, снаружи потерялъ много своей первоначальной архитектурной красоты: крыша перестала гармонировать съ высокими и стройными башнями.

Въ одной изъ нихъ помѣщаются старинные желѣзные часы, которые заводятся ежедневно и бьютъ часы и четверти. Въ другой башнѣ устроена колокольня: въ ней 9 разныхъ колоколовъ, изъ которыхъ 3 съ латинскими надписями и печатями. На большемъ изъ послѣднихъ, вѣсомъ въ 120 пудовъ, слѣдующая надпись:

IN EXCELSIS DEO GLORIA.

Иезуитская костельная печать на колоколѣ.

IN LIVONUM TERRIS LUCEM DAT FLAMMA VIDERE
THADDEI NOMEN DAS CASIMIRE LEVANS
AME FESTA DECUS SUMUNT, ET FUNERA PLANCTUS
DISSIPO SI PULSOR FULCURA SÆVA SONO
ME FUDIT GUSTAVUS MÖRK ANNO 1756.

(Переводъ:

Слава въ вышнихъ Богу

Въ земляхъ ливонцевъ пламя даетъ свѣтъ

Тебѣ дается имя Таддея вмѣсто Казимира

Праздники отъ меня получаютъ украшеніе, а погребенія—скорбь

Если въ меня звонятъ, то я разгоняю дикія грозы

Меня вылилъ Густавъ Мёркъ въ 1756 году).

На одномъ изъ колоколовъ есть русская надпись: «Вылить изъ орудій, отобранныхъ у польскихъ мятежниковъ. Повѣшенъ въ 1833 году». Самый большой колоколъ, вѣсомъ въ 228 пудовъ 30 фунтовъ, перелить въ 1869 году изъ разбитаго соборнаго колокола на счетъ инженернаго вѣдомства.

Нынѣшній настоятель собора засталъ проектъ военныхъ инженеровъ снять башни собора ради стратегическихъ соображеній (для непріятеля далеко видимая цѣль) и замѣнить ихъ небольшими византийскими главками на фронтонахъ. Но этотъ проектъ не былъ утвержденъ высшимъ военнымъ начальствомъ и, къ счастью, не

встрѣтилъ сочувствія со стороны археологической комиссіи. Настоятель собора, въ заботахъ о своемъ храмѣ, въ 1894 году просилъ, чрезъ о. протопресвитера военнаго духовенства А. Желобовскаго, подлежащія инженерныя власти о капитальномъ наружномъ и внутреннемъ ремонтѣ собора, о поддержаніи этого православнаго храма и объ окончательномъ переустройствѣ его въ духѣ православія.

Просьбы и ходатайства о. Лавра были не напрасны, и къ тому же счастливый случай ускорилъ дѣло. Въ 1895 году чрезъ Двинскъ проѣзжалъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, которому пришлось ожидать отъ поѣзда до поѣзда около 5 часовъ. Воспользовавшись этимъ временемъ, о. Іоаннъ пожелалъ осмотрѣть городъ и проѣхать черезъ крѣпость, гдѣ его вниманіе обратилъ на себя соборъ, тогда уже значительно поврежденный снаружи. Узнавъ отъ о. настоятеля о причинѣ такого неудовлетворительнаго состоянія храма, о. Іоаннъ пожелалъ успѣха въ поддержаніи собора и, для начала, просилъ принять отъ него 100 рублей на ремонтъ. Съ легкой руки глубокоуважаемаго пастыря и благодаря усиленному ходатайству командующаго войсками Виленскаго военнаго округа генерала В. Н. Троцкаго, дѣло подвинулось, и въ 1896 году были отпущены, въ разсрочку на два года, 32 тысячи на внутренній и внѣшній ремонтъ собора.

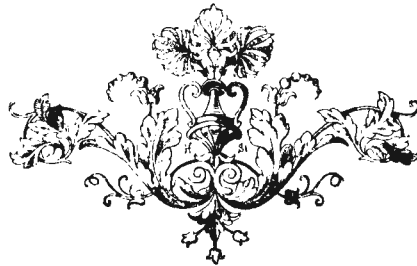
Внутри пришлось, главнымъ образомъ, реставрировать и вообще освѣжить все находящееся въ храмѣ, при чемъ существовавшіе до этого времени при шести внутреннихъ колоннахъ костельные каменные престолы были сняты. Снаружи же предстояло больше работы, производство которой связано съ любопытнымъ обстоятельствомъ. Дѣло въ томъ, что бывшія на башняхъ римскія главы и іезуитскіе черные кресты нужно было снять и вмѣсто нихъ соорудить византійскія главы съ золочеными луковицами, увѣнчанными православными золочеными крестами; папскую тиару на фронтонѣ предстояло также снять и замѣнить золоченымъ куполомъ съ крестомъ. И вотъ мѣстные ксендзы, а за ними и болѣе ярые ихъ приверженцы стали распускать въ городѣ слухи, что рабочіе, которые осмѣлятся замѣнить католическіе кресты православными, погибнуть... Конечно, работы были закончены вполнѣ благополучно, но во всякомъ случаѣ этотъ эпизодъ достаточно подтверждаетъ, что польское духовенство не совсѣмъ еще равнодушно къ успѣхамъ православія въ краѣ.

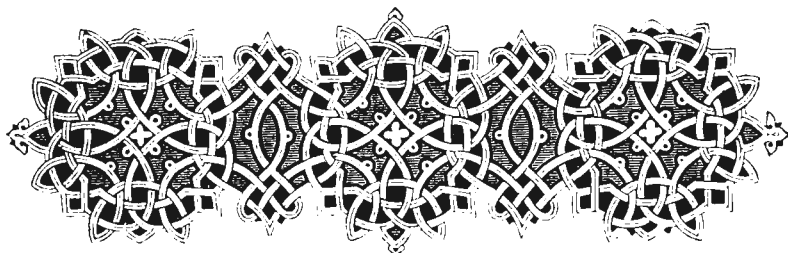
Въ настоящее время войсковому двинскому собору, наконецъ, приданы православный видъ и подобающія святынѣ красота и благолѣпіе. Фронтонъ его въ архитектурной нишѣ, подъ мѣстомъ бывшей папской тиары, украшенъ большого размѣра иконою Спасителя, со оруженною на пожертвованіе о. Іоанна Кронштадтскаго, молитва котораго помогла обновленію храма. 6-го декабря минувшаго года, въ присутствіи коменданта крѣпости генерала Н. М. Горбенкова, генералитета и войскъ крѣпостнаго гарнизона духовенствомъ собора было торжественно совершено малое освященіе обновленнаго и окон-

чительно реставрированнаго храма. На послѣднемъ рисунокѣ представленъ видъ собора въ настоящее время.

Даже бѣглый историческій очеркъ Двинскаго крѣпостнаго собора, какъ мы видѣли, не лишенъ интереса, и слѣдуетъ пожалѣть, что объ этомъ древнемъ храмѣ, въ особенности о первыхъ двухъ вѣкахъ его существованія, сохранилось такъ мало историческихъ свѣдѣній. Двинскій соборъ своею исторіею можетъ служить какъ бы нагляднымъ доказательствомъ того, какъ долго и трудно утверждалось въ этомъ краѣ православіе. Своимъ же внѣшнимъ архитектурнымъ величіемъ и красотою этотъ храмъ можетъ вполне служить прекраснымъ образцомъ церковнаго зодчества начала XVII столѣтія.

В. Жерве.

НЕДУГИ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ ¹⁾.

VI.

АКОВЪ былъ въ Россіи прежній господствовавшій типъ средняго учебнаго заведенія гражданскаго вѣдомства? Въ виду того, что основы просвѣщенія, способы его распространенія и контроль надъ этимъ распространеніемъ были заимствованы нами изъ Западной Европы, то уже въ началѣ XVIII вѣка правительство основываетъ по плану Байера академическую гимназію, раздѣленную на два отдѣла: нѣмецкую школу, или приготовительную, подраздѣленную на три класса, и латинскую, состоявшую изъ двухъ классовъ.

Въ 1733 г. Фишеръ составилъ для этой гимназіи уставъ, поднимавшій ее до значенія гуманистической германской школы и вводившій въ ея курсъ, кромѣ латинскаго языка, греческій языкъ, чтеніе римскихъ поэтовъ, правила ораторскаго искусства и логику. Послѣ цѣлаго ряда перипетій, главнымъ образомъ административныхъ, гимназія такого типа признана была неудовлетворительною, по отсутствію основательнаго устава, опредѣленныхъ цѣлесообразныхъ программъ и многочисленности начальствующаго персонала.

Второю по времени русскою гимназіею была гимназія, основанная при Московскомъ университетѣ, подъ именемъ университетской

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 587.

или также академической. Назначение ее было готовить слушателей къ университету, причемъ по составу учащихся она дѣлилась на два сословныхъ отдѣленія: одно для разночинцевъ, другое для дворянъ, для коихъ, однако, объемъ курса ученія былъ одинаковъ съ первыми. Каждое отдѣленіе подраздѣлялось на четыре школы, которыя, въ свою очередь, дѣлились на классы ¹⁾. Въ первой (россійской) были слѣдующіе классы: 1) грамматика, 2) стихосложеніе и 3) краснорѣчіе; во второй (латинской)—1) грамматика и 2) синтаксисъ латинскаго языка; въ третьей (научной)—1) ариѳметика, 2) геометрія и географія и 3) философія и въ четвертой—языки европейскіе и греческій (для желающихъ—восточные). Гимназія эта существовала до пожара 1812 года, послѣ чего она уже не возобновлялась.

Гимназія Московскаго университета, несмотря на всѣ ея недостатки, проистекавшіе изъ качественного состава преподавательскаго состава и содержанія учебниковъ—главнымъ образомъ, достаточно для своего времени отвѣчала возложенной на нее задачѣ, дѣйствительно органически состояла въ связи съ университетомъ и за свое полувѣковое существованіе подготовила немало будущихъ университетскихъ дѣятелей и дала Россіи образованныхъ людей. По типу московской гимназіи была основана таковая же въ Казани, съ тою только разницею, что въ виду сосѣдства съ инородцами здѣсь было обращено особенное вниманіе на изученіе восточныхъ языковъ. Въ концѣ прошлаго вѣка она, послѣ временнаго закрытія, была реформирована въ учебное заведеніе для дѣли «образованія молодыхъ людей для воинской службы, а не для ученаго состоянія». Въ 1804 г. она снова была преобразована въ гражданское заведеніе, подчинена только что основанному министерству народнаго просвѣщенія и введена въ составъ общихъ гражданскихъ учебныхъ школъ этого вѣдомства.

Такова судьба средняго образованія въ нашемъ отечествѣ на зарѣ нашей общеевропейской жизни. Мы копируемъ начала, дѣйствовавшія въ тогдашней нѣмецкой школьной системѣ, но тѣмъ не менѣе пытаемся внести и нѣчто оригинальное отъ себя, стремимся приспособить ее къ домашнимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Судьба эта скудна фактами, смѣною событій, широтою замысловъ, какъ вообще скудны были всѣ тогдашнія образовательные планы и задачи. На надлежащій путь исторія средняго образованія у насъ вступаетъ только въ царствованіе Александра I и съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ заботахъ о распространеніи образованія въ имперіи, правительство Екатерины II успѣло основать только «главныя народныя учи-

¹⁾ Эти и послѣдующія свѣдѣнія о классныхъ занятіяхъ и планахъ учебныхъ заведеній заимствованы изъ статей В. Рудакова въ 16 полутомѣ словаря «Брокгауза и Ефрона».

лица», коихъ въ каждомъ губернскомъ городѣ должно быть по одному, и которыя подчинены были приказу общественнаго призрѣнiя. Училище состояло изъ четырехъ классовъ, и каждый классъ имѣлъ свой опредѣленный кругъ предметовъ преподаванiя. Въ 1-мъ классѣ проходило чтенiе, письмо и основы хрестiанскаго ученiя, во 2-мъ—пространный катехизисъ, ариѳметика, грамматика русская, чистописанiе и рисованiе; въ 3-мъ классѣ—повторенiе катехизиса, ариѳметика, всеобщая исторiя, географiя, руссiйская грамматика съ упражненiями и чистописанiе; въ 4-мъ классѣ, имѣвшемъ два отдѣленiя,—исторiя (всеобщая и русская), географiя (всеобщая, русская и математическая), руссiйская грамматика, геометрiя, механика, физика, естественная исторiя, гражданская архитектура и рисованiе. Для желающихъ, начиная съ 1-го класса, преподавали также латинскiй языкъ и одинъ изъ новыхъ.

Эти учебныя заведенiя, при нѣкоторой суженности цикла преподаваемыхъ здѣсь наукъ, обращаютъ на себя вниманiе жизненностью своей программъ, ихъ приспособленностью къ потребностямъ времени и удивительною опредѣленностью. Правительству нужны были люди, не оторванные отъ земли и не принесенные въ жертву отвлеченной мысли, люди-практики и воспитанные въ духѣ православной церкви. Къ этимъ запросамъ и примѣнены были программы умнаго и практическаго правительства Екатерины II.

Съ учрежденiемъ министерства народнаго просвѣщенiя картина мѣняется и, согласно «Уставу учебныхъ заведенiй», обнародованному въ 1804 году, отмѣченныя губернскiя учебныя заведенiя переименовываются въ всесословныя гимназiи, подвѣдомственныя университету и попечителямъ округовъ и имѣющiя цѣлями: 1) готовить учащихся къ слушанiю университетскихъ наукъ, 2) преподавать свѣдѣнiя, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка, и 6) готовить желающихъ къ учительскому званiю въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ низшихъ училищахъ.

Цѣли эти опредѣлили и планы ученiя, составленные Фусомъ по образцу французскихъ лицеевъ и приноровленные къ основнымъ четыремъ классамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: А. Математика—18 уроковъ (1 классъ—алгебра, геометрiя и плоская тригонометрiя; 2 классъ—окончанiе чистой математики и начало прикладной и 3 классъ—прикладная математика и опытная физика). Б. Исторiя, географiя и статистика—18 уроковъ (1 классъ—древняя исторiя и географiя, миѳологiя и древность; 2 классъ—исторiя и географiя новыя и въ частности исторiя и географiя отечественныя; 3 классъ—общая статистика и 4 классъ—статистика Россiйской имперiи). В. Философiя, изящныя науки и политическая экономiя—20 уроковъ. (1 классъ—логика и всеобщая грамматика; 2 классъ—психологiя и нравоученiе; 3 классъ—эстетика и риторика и 4 классъ—право естественное и право народное и политическая экономiя).

Г. Естественная исторія, технологія и коммерческія науки (3 классъ— естественная исторія, приуроченная къ сельскому и лѣсному хозяйству, и 4 классъ— естественная исторія въ болѣе широкихъ размѣрахъ, технологія и наука о торговлѣ). Д. Латинскій языкъ—16 уроковъ (1 классъ—грамматика; 2 классъ—чтеніе болѣе легкихъ прозаическихъ писателей и 3 классъ—поэтовъ; во 2 классѣ одна часть посвящали переводамъ съ русскаго языка на латинскій, а въ 3 классѣ—на обученіе «въ составленіи латинскихъ стиховъ»). Е. Языки: нѣмецкій и французскій—по 16 уроковъ во всѣхъ 4 классахъ (1 классъ—грамматика, 2 классъ—переводы съ языковъ, 3 классъ—объясненіе прозаическихъ писателей и переводы на отечественный языкъ, и 4 классъ—чтеніе поэтовъ и стихотворство). Ж. Рисованіе—4 урока. Обязательныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ было 32, при чемъ разрѣшалось, если гимназіи обладаютъ достаточными для того средствами, имѣть здѣсь учителей танцованія, музыки и гимнастики; разрѣшалось также, съ дозволенія высшаго начальства, умножить число учебныхъ предметовъ.

Сравнивая новый курсъ гимназіи съ курсомъ главныхъ народныхъ училищъ, мы видимъ, что изъ послѣднихъ исключено совершенно рядомъ съ преподаваніемъ архитектуры и преподаваніе русскаго языка и Закона Божія, каковое отнесено къ вѣдѣнію уѣздныхъ училищъ, откуда именно должны были поступать учащіеся въ гимназіи. Многопредметность курса является отличительною особенностью гимназіи Александровской эпохи; ея энциклопедизмъ обязательно долженъ былъ породить диллетантизмъ, совершенно непригодный и даже отчасти вредный для неустроенной тогдашней государственной и общественной жизни Россіи. Французскій шаблонъ, доставшійся намъ заднимъ по наслѣдству числомъ, отъ конца XVIII вѣка, менѣе всего могъ удовлетворять насущнымъ потребностямъ жизни и, по моему искреннему убѣжденію, несмотря на свое наружное кажущееся превосходство, являлся шагомъ назадъ въ исторіи культурнаго развитія Россіи по сравненію съ Екатерининской эпохой. Тамъ учили немногому и плохо, хотя и строго опредѣленному, здѣсь стали учить сразу очень многому, и чему-то неопредѣленному, но также не лучше, несмотря на принятія мѣропріятія къ составленію полезныхъ и необходимыхъ учебныхъ пособій, изъ каковыхъ мѣропріятій ничего толковаго не вышло. Пушкинъ былъ совершенно правъ, такъ характеризуя тогдашнюю образованность: «мы всѣ учились понемногу, чему нибудь и какъ нибудь».

Сознавая всю недостаточность и искусственную неестественность учебнаго плана Фуса, графъ Уваровъ уже въ 1811 году считаетъ необходимымъ приступить къ новой реформѣ написанъ учебныхъ заведеній; въ этихъ видахъ преобразовывается, на первыхъ порахъ, Петербургская гимназія, для которой графъ Уваровъ

ставитъ исключительною цѣлью приготовленіе учащихся къ слушанію университетскихъ лекцій. Въ программу Петербургской гимназіи было введено преподаваніе отечественнаго языка и Закона Божія, а классическіе языки объявлены «главнѣйшимъ способомъ образованія». Согласно этому плану, начали дѣлаться измѣненія въ программахъ и другихъ гимназій, главнымъ образомъ по введенію греческаго языка и исключенію права естественнаго и народнаго, политической экономіи, мифологіи и др.

Въ 1826 году, былъ организованъ «Комитетъ устройства учебныхъ заведеній», который и выработалъ новый уставъ для гимназій, утвержденный 8-го декабря 1828 года. Согласно этому уставу, гимназіямъ поставлена двоякая цѣль: 1) приготовить къ слушанію университетскихъ лекцій, и 2) доставить способы приличнаго воспитанія. Реформированная гимназія состояла изъ семи классовъ; изъ нихъ первые три имѣли во всѣхъ гимназіяхъ одни и тѣ же предметы и одинаковое распредѣленіе ихъ, а начиная съ 4-го класса гимназіи раздѣлялись на гимназіи съ греческимъ языкомъ и гимназіи безъ греческаго языка. Въ измѣненіе курса легли слѣдующія начала: устраненіе лишнихъ предметовъ, «примѣненіе ученія къ потребностямъ учащихся», основательность знаній и національность. Главными предметами признаны древніе языки и математика: первые — «какъ надежнѣйшее основаніе учености и какъ лучшій способъ къ возвышенію и укрѣпленію душевныхъ силъ юношей; послѣдняя — какъ служащая, въ особенности, къ изощренію ясности въ мысляхъ, ихъ образованію, пронизательности и силы размысленія». Увеличено было число уроковъ по Закону Божию и отечественному языку; изъ остальныхъ предметовъ сохранены: географія и статистика, исторія, физика, новые языки, чистописаніе и рисованіе.

Уставъ 1828 года вошелъ окончательно въ силу во всѣхъ гимназіяхъ лишь въ 1837 году, но нѣкоторыя измѣненія и дополненія къ нему дѣлались и раньше и особенно умножились въ министерство графа Уварова (съ 1833 г.). Во весь періодъ съ 1828 года по 1849 годъ учебные планы гимназическаго преподаванія неоднократно подвергались измѣненіямъ. Такъ въ 1844 году отсюда исключена была статистика, а черезъ три года и логика, какъ «недоступное ни возрасту, ни степени развитія гимназистовъ»; въ 1845 году отмѣнено преподаваніе начертательной и аналитической геометріи и вообще измѣненъ весь планъ преподаванія математики; въ 1843 году ослаблено преподаваніе латинскаго языка и допускалось оканчивать гимназіи и безъ этого предмета, если кто не стремился получить аттестата объ окончаніи полнаго курса гимназіи. Съ 1835 года были введены въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ восточные языки, а съ 1845 года — законовѣдѣніе. Въ отношеніи административномъ новыя гимназіи отличались отъ предыдущихъ тѣмъ, что онѣ потеряли всякую органическую связь съ университетами, и ихъ хозяевами сдѣлались,

вмѣсто членовъ училищнаго комитета изъ профессоровъ университета, попечители съ ихъ помощниками и инспекторами, специально назначенными для наблюденія за учебными заведениями.

Общій характеръ гимназій перваго времени царствованія Николая I, вообще, весьма блѣдный, неопредѣленный, съ неустойчивыми цѣлями и задачами. Здѣсь видно какъ будто идеалистическое стремленіе «возвышать души», проглядываетъ также желаніе націонализировать школу, но средства выполненія этихъ задачъ очень слабо выражены и не проведены черезъ программы съ должною рѣшимостью. Замѣтно также нѣкоторое разочарованіе въ спасительности классицизма, который хотя и признается основаніемъ системы, но основаніемъ преднамѣренно недостаточно глубоко заложеннымъ, какъ бы временнымъ, могущимъ легко быть замѣненнымъ чѣмъ нибудь инымъ, болѣе желаннымъ самимъ правительствующимъ сферамъ. Самъ же Уваровъ, создатель классической гуманистической гимназій, подъ конецъ своего управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія охладѣлъ въ своихъ симпатіяхъ къ западно-европейскому классицизму и безъ особеннаго сопротивленія допустилъ полный его упадокъ въ нашихъ гимназіяхъ. Этому особенно содѣйствовали революціонныя событія 1848 года, которыя подали мысль нашему правительству, что изученіе писателей республиканской древности можетъ дурно вліять на благонадежность учащихся въ гимназіяхъ (та же мысль о вредномъ вліяніи лежала и въ основаніи реформы французскихъ средне-учебныхъ заведеній, предпринятой почти въ то же время правительствомъ Наполеона III).

VII.

Съ этого историческаго момента начинается свое исчисленіе 3-й періодъ жизни нашихъ гимназій, которыя и были реформированы по уставу 1849 года. Согласно новой реформѣ, гимназическій курсъ былъ раздѣленъ на общее и специальное обученіе, при чемъ науко-раздѣльной чертой являлся четвертый классъ включительно.

Въ первыхъ трехъ классахъ (общихъ для всѣхъ) постановлено обучать: Закону Божію (по 2 ур. въ каждомъ классѣ), русскому и славянскому языку (по 4 ур.), математикѣ (по 4 ур.), географіи (въ I и II кл. по 3 ур. и III—5 ур.), нѣмецкому языку (по 3 ур.), французскому—(по 3 ур.), чистописанію (въ I и II кл. по 4 и III—2) и черченію и рисованію (по 1 ур.). Въ специальныхъ классахъ общіе предметы для всѣхъ гимназій: Законъ Божій (IV—2 ур., въ остальныхъ по 1 ур.), русскій и славянскій языки (по 3 ур.), математика (по 3 ур.), физика и математическая географія (по 2 ур., начиная съ V кл.), исторія всеобщая и русская (IV кл.—4 ур., въ остальныхъ кл. по 3 ур.), нѣмецкій и французскій языки (по 3 ур.) и черченіе и рисованіе для желающихъ. Кромѣ этихъ общихъ предме-

товъ, для готовившихся на службу преподавались еще: русскій и славянскій языки (2 ур. въ IV кл.), математика (2 ур. IV кл.), русское законовѣдѣніе (по 4 ур., начиная съ V кл.), а для готовившихся въ университетъ: латинскій языкъ (по 4 ур. въ каждомъ кл.) и греческій языкъ для желающихъ (по 2 ур. въ каждомъ кл.). Законовѣдѣніе преподавалось по программѣ, составленной профессоромъ Неволинымъ такъ: V классъ — 1) основные законы; 2) учрежденія, вмѣстѣ съ уставами о службѣ гражданской, и 3) законы о состояніяхъ. VI классъ — законы гражданскіе, со включеніемъ судопроизводства гражданского. VII классъ — законы уголовные и полицейскіе, съ уголовнымъ судопроизводствомъ.

Г. Рудаковъ въ своей монографіи о «гимназіи» (словарь Брокгауза и Ефрона), изъ коей и взяты вышеприведенныя фактическія указанія, повѣствуетъ, что, «читая смѣту по министерству народнаго просвѣщенія на 1852 г., Николай I нашелъ расходъ на жалованье преподавателямъ греческаго языка лишнимъ и потребовалъ отъ Норова мнѣнія объ изъятіи греческаго языка изъ программы гимназій, за исключеніемъ 2 или 3 южныхъ гимназій. Такъ какъ министръ держался противоположныхъ воззрѣній, то изданные въ 1854 г. новые учебные планы были нѣсколько мягче къ греческому языку: онъ оставался въ 9 гимназіяхъ». Въ дополненіе къ отмѣченному отношенію Николая Павловича къ древнимъ языкамъ слѣдуетъ прибавить, что эти языки не пользовались его сочувствіемъ еще съ дѣтскаго возраста; онъ терпѣть не могъ уроковъ Аделунга, такъ что старался на его урокахъ сдѣлать своему наставнику всяческую непріятность: то кусалъ его въ плечо, то отдавливалъ ему подъ столомъ ноги ¹⁾. Эту антипатію къ классицизму онъ сохранилъ на всю жизнь и, ставъ отцомъ семейства, вычеркнулъ древніе языки изъ предметовъ преподаванія своимъ дѣтямъ. Такимъ образомъ, 1848-й годъ и въ связи съ нимъ пересмотръ гимназическаго устава послужилъ лишь удобнымъ моментомъ къ тому, чтобы нанести классицизму рѣшительный ударъ. Этотъ ударъ былъ смягченъ сопротивленіемъ министра народнаго просвѣщенія Норова, но тѣмъ не менѣе классическія гимназіи, какъ ихъ взлелѣялъ нѣкогда графъ Уваровъ, потеряли свой прежній престижъ.

Согласно правиламъ 1854 г. гимназіи были раздѣлены: 1) на такія, гдѣ преподавались естественная исторія и законовѣдѣніе, 2) или одно законовѣдѣніе, 3) или латинскій языкъ въ большемъ объемѣ и языкъ греческій. Поэтому классическими гимназіями могли называться лишь гимназіи третьей категоріи. Почти въ каждой изъ гимназій обученіе шло по особой программѣ, хотя и для нихъ существовалъ общій планъ. Латинскій языкъ, по этому плану, начинался со 2-го класса, греческій — съ 4-го класса. По латинскому

¹⁾ Записки барона Корфа въ «Сборн. Императорскаго истор. общ.», т. 98-й.

языку въ четырехъ старшихъ классахъ читались творенія святыхъ отцовъ: Климента Римскаго, Кипріяна, Августина, Тертуліана и Лактанція. При составленіи программы греческаго языка имѣлось въ виду «основательное изученіе твореній эллинскихъ писателей и въ особенности святыхъ отцовъ восточной церкви: Юстиніана философа, Иринея, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Кромѣ реформы учебныхъ плановъ, въ гимназіяхъ введенъ суровый режимъ и самое преподаваніе принимаетъ офиціальное, канцелярское служебное значеніе. Дисциплина учащихся и учащихся, виѣшняя отчетность и показная сторона дѣла заслоняють собою живую сторону школьной жизни, и послѣдняя принимаетъ исключительно служебное значеніе, въ интересахъ канцелярской благонамѣренности и лицемерно благочестивой исполнительности.

Въ такомъ видѣ гимназіи просуществовали до 1864 г., когда онѣ были вновь видоизмѣнены, разбитыя на три категоріи—гимназіи классическія, реальныя и прогимназіи. Въ первыхъ курсѣ назначенъ семиклассный, а въ прогимназіи — четырехклассный. Особенности новыхъ учебныхъ плановъ состояли въ увеличеніи числа уроковъ по Закону Божію, математикѣ и древнимъ языкамъ, въ введеніи въ число необходимыхъ предметовъ гимнастики и пѣнія, въ отмѣнѣ преподаванія законовѣдѣнія и въ полной свободѣ преподавателей и педагогическаго совѣта въ составленіи программъ и въ выборѣ учебниковъ. Допущенъ былъ, какъ это имѣло мѣсто и въ Германіи, еще третій родъ гимназій, гдѣ отсутствовалъ языкъ греческій, а латинскій преподавали въ количествѣ 39 уроковъ (на 5 болѣе, нежели въ гимназіяхъ съ двумя древними языками). Окончившіе курсъ въ гимназіи классической могли поступать въ университеты, а свидѣтельства объ окончаніи реальной гимназіи «принимались въ соображеніе» при поступленіи въ высшія спеціальныя учебныя заведенія.

Дабы не возвращаться болѣе къ изложенію фактической стороны нашего средняго учебнаго дѣла и образованія юношества здѣсь, прежде освѣщенія этихъ фактовъ и выясненія ихъ значенія и слѣдствій, изъ нихъ вытекающихъ, приведу вкратцѣ, согласно статьѣ В. Рудакова, что внесла въ наши гимназіи послѣдняя коснувшаяся ихъ реформа при графѣ Д. А. Толстомъ, каковому періоду и посвященъ настоящій очеркъ. Графъ Толстой съ перваго же года своего назначенія министромъ народнаго просвѣщенія (1866 г.) составилъ комиссію для выработки новаго устава гимназій, который и былъ утвержденъ 30-го іюля 1871 г. Этотъ уставъ признаетъ, въ качествѣ истинныхъ учебныхъ заведеній, стоящихъ на высотѣ просвѣтительнаго своего призванія, лишь классическія гимназіи съ двумя древними языками и прогимназіи. Реальныя гимназіи переименовываются въ реальныя училища, и доступъ изъ нихъ въ университеты прекращается. Цѣлью гимназій при-

знается общее гуманитарное образованіе и подготовленіе молодежи къ университетамъ. Сначала гимназіи опредѣлены курсомъ семилѣтнимъ, а съ 1875 г. восьмилѣтнимъ; прогимназіямъ же, не имѣющимъ самостоятельной подготовительной въ высшее учебное заведеніе школы, дали четырехлѣтніе и шестилѣтніе курсы. Гимназіямъ разрѣшены приготовительные классы. Особенностями новаго учебнаго плана явились: 1) признаніе главнаго значенія за обоими древними языками, при чемъ число уроковъ по латинскому языку доведено до 49, а по греческому—до 37; 2) прекращеніе преподаванія естествознанія, сначала въ низшихъ классахъ, а затѣмъ и во всѣхъ послѣдующихъ; 3) замѣна космографіи математическою географіею; 4) введеніе логики въ старшихъ классахъ; 5) уменьшеніе числа уроковъ чистописанія, рисованія и черченія; 6) уменьшеніе числа уроковъ исторіи съ 14 на 12 уроковъ въ недѣлю; 7) уменьшеніе уроковъ по Закону Божію съ 14 на 12 уроковъ; 8) повторительное прохожденіе географіи въ VII и VIII классахъ.

Этотъ учебный планъ съ 1872 г. по 1893 г. дважды подвергался частичнымъ измѣненіямъ. Первое состоялось въ 1877 г., когда главныя перемѣны коснулись преподаванія исторіи (отдѣльное преподаваніе систематическаго курса всеобщей и русской исторіи и расширеніе курса средней исторіи введеніемъ фактовъ изъ славянской и византійской исторіи), русскаго языка (самостоятельное преподаваніе литературы и теоріи словесности, а не при изученіи образцовыхъ произведеній, какъ было раньше) и логики (въ VII классѣ). Во второй разъ, въ 1890 г., главныя перемѣны коснулись: древнихъ языковъ, преподаваніе которыхъ уменьшено на 11 часовъ (кромя того, сокращенъ грамматическій матеріалъ, уменьшены въ старшихъ классахъ переводы съ русскаго языка на древніе, сосредоточено вниманіе на чтеніи авторовъ, съ объясненіемъ ихъ содержанія); географіи (отмѣнено повтореніе ея въ VII и VIII классахъ); гимнастики, которая сдѣлана обязательнымъ предметомъ для всѣхъ классовъ, и, наконецъ, русскаго языка, число уроковъ котораго усидено въ младшихъ классахъ гимназіи.

Реформою 1871 г. экзамены установлены устные и письменные. Окончившіе въ классическихъ гимназіяхъ курсъ получаютъ «аттестаты зрѣлости», открывающіе доступъ во всѣ учебныя высшія заведенія, при чемъ—въ университеты безъ провѣрочнаго экзамена, а въ спеціальныя заведенія съ экзаменомъ по нѣкоторымъ предметамъ математическаго курса. Эти же аттестаты даютъ право на вступленіе въ государственную службу предпочтительно передъ небывшими въ классическихъ гимназіяхъ, съ производствомъ въ первый классный чинъ, по выслугѣ опредѣленныхъ сроковъ.

Такимъ образомъ, классической гимназіи съ двумя древними языками съ 1871 г. дано первенствующее значеніе въ системѣ прочихъ среднихъ учебныхъ заведеній страны, и она признана

единою, достойною всяческаго поощренія со стороны государства. За ней оставляется государственное служилое значеніе, и она должна являться краеугольнымъ камнемъ высшаго образованія, заключеннаго въ университетскомъ кругѣ наукъ. Но университетъ лишень всякаго права ее контролировать, какъ нѣкогда было прежде; она учебная единица самоконтролирующая, но связанная лишь съ университетскимъ преподаваніемъ искусственнымъ мостомъ, построеннымъ по типу прусской архитектуры. Мостъ этотъ тотъ экзамень «зрѣлости», о коемъ уже шла рѣчь въ главѣ V настоящаго очерка, всецѣло находящійся въ рукахъ заинтересованнаго начальства средней классической школы, бдительно имъ охраняемый и легшій тяжкимъ нравственнымъ бременемъ на всѣ высшія учебныя заведенія.

VIII.

Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію дѣйствующей съ 1871 г. системы графа Толстого и его сподвижниковъ, я позволю себѣ привести, и въ довольно подробныхъ извлеченіяхъ, два чрезвычайно для меня важныхъ и для дѣла колоритныхъ свидѣтельствъ о нашей классической гимназій, принадлежащихъ лицамъ разныхъ историческихъ формацій. Первое изъ нихъ принадлежитъ Old Gentleman'у, воспитаннику перваго выпуска, «принявшаго Толстовскую реформу всю цѣликомъ, съ перваго класса до восьмого», второе—г. Розанову, бывшему преподавателю гимназій, очевидцу введенія знаменитой реформы, въ качествѣ дѣйствовавшаго лица. Учитель и ученикъ, притомъ имѣющіе въ своей литературной дѣятельности относительно мало точекъ соприкосновенія, надѣюсь, свидѣтели вполне достовѣрные, и подъ ихъ благосклонною защитою я считаю себя внѣ всякихъ подозрѣній въ тенденціозной пристрастности.

Old Gentleman — воспитанникъ Московскаго учебнаго округа, я—петербургскаго; но когда мнѣ попалъ на глаза его «этюды» LXIII въ № 7987 «Новаго Времени», я невольно пришелъ въ изумленіе: мнѣ казалось, что я читаю былыя страницы своей жизни которыя по нѣкоторымъ соображеніямъ не могли до сихъ поръ появиться въ печати. Весь несуразный строй гимназической жизни, съ ея страннымъ отношеніемъ и къ учащимъ и къ учащимся, возсталъ предо мною, какъ живой, и снова заныли старыя раны, которыхъ и о сю пору не могутъ залѣчить протекшіе многіе годы. Да, да, все правда, что сказалъ фельетонистъ «Новаго Времени», безъ всякаго шаржа, прикрасъ и увлеченій, все голая правда, которую мы, мальчишки, поступившіе въ гимназію графа Д. А. Толстого, испытали горькимъ опытомъ и полили горячими слезами... Но прочь личныя воспоминанія!—я уже условился въ началѣ очерка, что

буду свидѣтельствовать и показывать черезъ чужое посредство, съ чужого голоса: такъ пусть ужь говорить за меня Old Gentleman.

«Мы, люди восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ,—повѣствуетъ онъ, — испытавшіе прелесть русской средней школы въ семидесятыхъ, то-есть непосредственно по введеніи толстовскаго устава, лишь завистливымъ скептицизмомъ встрѣчаемъ красивыя описанія школьнаго строя, товарищества, отношеній между преподавателями, какими испещрены воспоминанія нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Странная вещь! непонятная вещь! Школа отцовъ и дѣдовъ была груба; ихъ драли; учителя говорили имъ «ты»; среди учителей попадались люди грязные, пошлые, неучи, даже, прямо сказать, изверги; однако, очень рѣдкій изъ отцовъ и дѣдовъ не сохранилъ памяти о своемъ ученическомъ періодѣ, какъ объ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ полосъ въ жизни, хотя и испещренной черными пятнами. Мы, воспитанники толстовскаго режима, такой памяти не унесли, да и не могли унести. Насъ не истязали физически, однако и не ласкали; съ нами были вѣжливы, но суровы къ нашему пониманію и поведенію и безразличны къ нашему духовному міру; между каедрою и партами лежала непроходимая пропасть; съ одной стороны—формальный учитель; съ другой—формальные ученики; ему не было никакого дѣла до насъ, внѣ отвѣчаемыхъ нами ему уроковъ, намъ—до него; я не разъ удивлялся, когда старики, вспоминая свои школьные годы, даютъ подробнѣйшія характеристики своихъ наставниковъ, какъ людей, сообщаютъ обстоятельства ихъ частной жизни, семейнаго быта. Мы положительно не знали, что за люди насъ учатъ, какъ, въ свою очередь, учителя не знали насъ—не умѣли, не хотѣли, да и не имѣли времени приглядѣться къ маленькому дѣтскому стаду, которому судьба бросила ихъ въ пастухи. Они пасли насъ въ стѣнахъ гимназіи, но были рѣшительно всѣ, безъ исключенія, глубоко равнодушны къ тому, что дѣлалось съ нами за стѣнами этими. Пресловутый принципъ раздѣленія семьи и школы слагался во что-то архинелѣпное: школа насъ учила, но не воспитывала, ибо предполагалось, что воспитывать дѣло семьи; а семья было насъ воспитывать некогда, потому что ей было въ пору только вздыхать о насъ, заваленныхъ обузами толстовской программы, потому что наши «хорошіе ученики» за зубрежкой, только что лицъ отца и матери не позабывали. Такъ и росли мы—отбитые у семьи и непринятые школою, безъ семьи и безъ школы».

Далѣе почтенный участникъ нашихъ горькихъ дней вполне справедливо говоритъ:

«Толстовскій уставъ, какъ извѣстно, былъ призванъ скрѣпить якобы расшатанные устои Россіи, якобы потрясенной, возмущенной до опаснаго броженія умовъ реформами шестидесятыхъ годовъ. Мечтали поразить гидру нигилизма, социалистическихъ ученій, возстановить здравыя государственныя понятія, преданность право-

славію. Съ искреннимъ убѣжденіемъ могу сказать, что, если кто содѣйствовалъ потрясенію основъ въ нашей полудѣтской средѣ,— то это, конечно, графъ Д. А. Толстой и его классическая система, наиболѣе отрицательная изъ всѣхъ педагогическихъ системъ. Для насъ были сочтены опасными естественныя науки, якобы внѣдряющія безбожіе, но насъ не только не учили богопознанію, а, наоборотъ, пріучили насъ считать науку его весьма незначительною и второстепенною, гораздо низшею изученія греческихъ спряженій, которыя мы долбили семь разъ въ недѣлю, а законъ Божій слушали только два раза, да и то, несмотря на прекраснаго законоучителя, самымъ формалистическимъ образомъ, словно для очистки совѣсти. Въ сущности говоря, программа преподаванія Закона Божія въ гимназіяхъ, въ полномъ объемѣ своемъ, такъ колоссальна, что если законоучитель, при отведенныхъ ему двухъ-трехъ урокахъ, вздумаетъ отнестись къ ней добросовѣстно, то-есть не заставляя учениковъ зубрить на вѣру формулы учебниковъ, но толкуя и изъясняя, ему ни въ одномъ классѣ не хватитъ времени дойти и до половины опредѣленнаго курса.

«Когда наше поколѣніе упрекаютъ въ слабости религіозной, въ легкости, съ какою оно подчиняется рационалистическимъ ересямъ и толкамъ,— мнѣ всегда приходитъ въ голову возраженіе:

— «Кто же виноватъ? Вѣра въ Бога можетъ быть природною; но слѣдованіе той или другой формѣ богопочтенія есть дѣло разума, убѣжденія, внѣдряемыхъ съ дѣтства въ семьѣ и школѣ. Толстовская школа отняла ребенка у семьи и не исполнила главной обязанности семьи—не дала ему религіи, замѣнивъ ее небрежнымъ преподаваніемъ сухихъ, голыхъ схемъ, зазубриваемыхъ механически и скоро исчезающихъ изъ памяти. Человѣкъ выходитъ изъ гимназіи, въ сущности, религіознымъ дикаремъ, и первый миссіонеръ со стороны легко побѣждаетъ его, потому что ему защищаться-то нечѣмъ: нѣтъ ни знанія области своей формальной вѣры, ни умѣнья примѣнить знаніе. Развѣ гимназистъ знаетъ Евангеліе? Нѣтъ, онъ знаетъ, да и то кое-какъ, священную исторію новаго завѣта, сочиненія священника Рудакова. Его—православнаго, но не умѣющаго защитить свое православіе—не можетъ не взять, какъ гольца, прямо руками любой начитанный сектантъ-раціоналистъ. Толстовщина графа Льва Николаевича есть прямое возмездіе за религіозный индифферентизмъ классической толстовщины графа Дмитрія Андреевича. Нельзя не учить дѣтей религіи, а у насъ ей двадцать пять лѣтъ фактически не учатъ, да и учить не могутъ: ни времени, ни мозговъ не хватаетъ у гимназистовъ.

«Какъ ни странно, а даже ославленные нигилистами люди шестидесятихъ годовъ, цѣлью оппозиціи пагубному отрицанію которыхъ задавалась толстовская учебная реформа, оказались куда стойче нашего поколѣнія, хотя бы въ томъ же отпорѣ ученію непротивленіи

злу; при всемъ своемъ уваженіи къ графу Льву Николаевичу, своему сверстнику и сотруднику, они за нимъ мало что не пошли, стали рьяными его опонентами, а кинулась за нимъ именно та молодежь, которую предназначали быть защитниками національной религіи, да, за множествомъ другихъ дѣлъ и занятій, забыли обучить, какая это религія, въ чемъ она состоитъ, гдѣ ея основы и опоры».

Другой принципъ, якобы поколебленный шестидесятыми годами, на самомъ же дѣлѣ старательно вытравленный изъ нашихъ сердець, былъ принципъ отечества, національнаго самоповнанія. «Даже теперь,—вполнѣ справедливо за все наше «классическое» поколѣніе утверждаетъ авторъ этюда,—восемнадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ кончилъ я гимназическій курсъ, мнѣ стыдно и больно вспомнить, въ какомъ жалкомъ состояніи представляли намъ всѣ предметы, связанные именно съ этимъ великимъ принципомъ. Однихъ учебниковъ г. Иловайскаго совершенно достаточно, чтобы отшибить человѣка отъ исторіи на пушечный выстрѣлъ. Сверхъ того, я, не рискуя ошибиться, могу сказать, что у насъ неблагосконно смотрѣли, какъ на предметъ этотъ, такъ и на тѣхъ, кто имъ усердно занимался... Пятилѣтній курсъ исторіи скользнулъ по нашимъ мозгамъ, ничуть не зацѣпивъ ихъ».

Другой писатель, касавшійся той же темы,—г. П. Гн—чѣ въ очеркѣ «Среднее образованіе» (№ 7982 «Новаго Времени») иллюстрируетъ это преподаваніе такъ:

«По исторіи требуется большинствомъ учителей строжайшая хронологія, и они принимаютъ за личное оскорбленіе ошибку ученика на десять лѣтъ, при опредѣленіи года рожденія Пепина Короткаго. Кромѣ того, біографическія подробности объ отдѣльныхъ личностяхъ играютъ столь важную роль въ программѣ, что за ними рѣшительно не видно исторіи народа. Такъ и кажется, что воюетъ Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Валленштейнъ, Мольтке,—а самый народъ, войско—это все тѣ же статисты, которые, по приказанію генераловъ, диктаторовъ и прочихъ главнокомандующихъ, проходятъ черезъ сцену исторіи, побѣждаютъ или побѣждаются. Иногда, по такому же приказу, они принимаютъ крещеніе или, по внушенію какого нибудь вельможи или солдата, поднимаютъ бунтъ и все перевертываютъ въ государствѣ. Это не живое, органическое, самостоятельное цѣлое, а группа безмолвныхъ актеровъ, которая, по мановенію режисера, кричитъ: «долгой тирана!» или «смерть отравителю!».

«Бѣднымъ ученикамъ и въ голову не приходитъ, а кто же строилъ дивные храмы, создавалъ статуи, воздвигалъ плотины, изобрѣталъ снаряды, ткалъ, чеканилъ и отливалъ? Вѣдь можно увѣрять, что Ришелье построилъ академію, а калифы — Альгамбру. Однако извѣстно, что ни Ришелье, ни калифы архитектурѣ не обучались, а строили ихъ художники,—какъ художники писали картины, поэмы, но-

веллы, дѣлали утварь—словомъ создавали духовную жизнь народамъ. Двигатели мысли—философы, ученые создавали въ Александріи, въ калифатахъ, во Флоренціи, въ Падуѣ цѣлыя системы,—но о нихъ никто не хочетъ слышать, говорятъ, что это не нужно для средняго образованія, а гораздо важнѣе перечислить всѣхъ Карловъ французской исторіи.

«Почему въ жизни Карлъ VIII важнѣе іоническаго ордена, Венеры Милосской, системы Декарта? Почему Фридрихъ Барбарусса важнѣе для человѣческаго прогресса, чѣмъ Леонардо да-Винчи? Это все вопросы первой важности, но на которые намъ не дается отвѣтовъ».

Иллюстрація эта, относящаяся къ днямъ настоящимъ, еще болѣе примѣнима къ 1870—1880-мъ годамъ, о коихъ говоритъ г. Old Gentleman и о коихъ я веду бесѣду въ настоящемъ отеркѣ. Преподаваніе географіи, физики, новыхъ языковъ, поставлено было изъ рукъ вонъ плохо, но что всего печальнѣе—это изученіе родного языка. «Русскій языкъ преподавался у насъ мертво и тошнотворно, и чѣмъ старше былъ классъ, тѣмъ мертвѣе и тошнотворнѣе подносилась намъ, черезъ чашъ по столовой ложкѣ, родная рѣчь, свидѣтельствуешь авторъ «Этюдъ». Всѣ знали, что русскій языкъ—это «не главное», и ничего не дѣлали по этому предмету. Самостоятельность и оригинальность мысли большинствомъ учителей ставились ни во что, какъ нѣчто лишнее, не только не выполняющее программы, но даже мѣшающее ей. Не давали намъ и задумываться надъ чѣмъ либо «постороннимъ». Участь въ открытомъ учебномъ заведеніи, мы были отрѣзаны отъ міра нравственнаго. Великія событія, современныя нашему отрочеству, сербская война, Черняевъ, турецкая кампанія, Плевна, даже мученическая смерть императора Александра II—прошли для насъ блѣдными тѣнями, никто намъ ихъ не толковалъ, никто намъ не говорилъ о нихъ, никто не бросилъ въ наши сердца патріотической искры, зажженной на очагѣ ихъ. Гдѣ-то дрались люди за крестъ и честь Россіи, умиралъ царь-освободитель, а мы зубрили аористы»...

Что же въ свое время далъ нашему поколѣнію и завѣщалъ современному покоиный творецъ классической системы, г. К. А. Толстой? «Ни воспитанія, ни образованія,—отвѣчаетъ Old Gentleman,—ни семья, ни школы; вѣра, которую плохо знаешь, отъ ество, котораго не знаешь. И въ заключеніе—блистательное крушеніе мыльнаго пузыря, для выдуванія коего принесены всѣ эи жертвы: крушеніе восьмилѣтнимъ курсомъ достигаемаго классическаго ценза, рецидивъ классической безграмотности. Изъ-за деревьевъ не видать лѣсу,—говоритъ пословица. Наша гимназія берется показать русскому юношѣ дивный лѣсъ классическаго міра, а показываетъ вмѣсто него дерево за деревомъ, лѣсной складъ формъ и исключеній. И за осиновыми да дубовыми полѣньями неправильныхъ

глаголовъ, ит'овъ и аористовъ, классическаго лѣса, дѣйствительно, не видать — настолько не видать, что даже сомнительно становится его существованіе, сказочными кажутся его громко обѣщанныя выгоды и красоты. Учится юноша и самъ не вѣритъ тому, во что учится... И живая вода знанія становится въ его устахъ водою мертвою».

Не такъ горячо, но не съ меньшимъ остроуміемъ разбираетъ планы ученія въ классическихъ гимназіяхъ другой бывшій воспитанникъ гимназіи, П. Гн-чъ, въ цитированномъ уже выше фельетонѣ. Въ дополненіе къ тому, что отмѣтилъ Old Gentleman, онъ прибавляетъ, что, если знакомство съ русской литературой сомнительно въ лицахъ, окончившихъ гимназію, то объ европейской и говорить не стоитъ: это полнѣйшее невѣжество.» О Гёте имѣютъ представленіе только по оперѣ «Фаустъ», о Сервантесѣ по балету «Донъ-Кихотъ», да и то тѣ немногіе, что бывають иногда въ театрѣ,—вполнѣ справедливо утверждаетъ онъ.—Байронъ кажется имъ чѣмъ-то въ родѣ органической химіи: чортъ знаетъ, какъ его опредѣлить: писатель, введшій «разочарованность», вліявшій на Лермонтова и только. О Данте слышали что-то смутное. О Тассо, Кальдеронѣ, Мильтонѣ нечего и говорить: это какія-то «жупельныя слова». Большинство кончающихъ курсъ плохо знаютъ Толстого, Гончарова, даже Гоголя.

«По новѣйшимъ языкамъ выходящіе изъ гимназіи знаютъ очень мало. Если судьба загонитъ ихъ за границу, они не умѣютъ въ буфетѣ спросить себѣ котлетку, а въ театральной кассѣ—мѣсто на вечерній спектакль, не могутъ объясниться въ таможнѣ, потому что не знаютъ самыхъ обыденныхъ словъ, по той простой причинѣ, что слова эти никогда не попадались имъ въ классахъ при переводахъ. Говорить на иностранномъ языкѣ почти никто не умѣетъ, а если и умѣетъ, то только благодаря домашнему воспитанію». Не въ лучшемъ положеніи обрѣтается и преподаваніе географіи, какъ то указываетъ П. Гн-чъ. Она является «какимъ-то побочнымъ предметомъ, и опять-таки изучаютъ ее чрезвычайно странно. Вдругъ требуется перечисленіе всѣхъ мануфактурныхъ центровъ Бельгіи, рѣкъ и озеръ въ Швейцаріи, и не рассказывается исторія захвата европейцами колоній въ прочихъ частяхъ свѣта. Географія—политическая и этнографическая—совершенная нелѣпость, если не берутся при этомъ въ расчетъ историческія данныя, а вѣдь только тогда въ географіи есть смыслъ, и она можетъ имѣть какое нибудь значеніе. Развѣ Нарва для насъ интересна писчебумажной фабрикой Штиглица, а не Иванъ-Городомъ, до сихъ поръ сурово воздымающимъ свои башни, не «Рыцарской улицей», не «домикомъ Петра», не воспоминаніемъ о *Голодномъ городѣ*—Гунгербургѣ? Географія безъ рисунковъ и хорошихъ описаній путешественниковъ сводится къ путеводителю Бедекера, да и то Бедекера можно предпочесть, потому

что въ немъ звѣздочками отмѣчается все существенное, и свѣдѣнія провѣрены авторомъ на мѣстѣ, тогда какъ у насъ учебники географіи пишутся обыкновенно гдѣ нибудь на Арбатѣ или на Васильевскомъ островѣ. Въѣсто живой и интересной науки землеописание превращается въ справочный отдѣлъ любого календаря, и тутъ требуется такое зубреніе, какъ при заучиваніи неправильныхъ глаголовъ, текстовъ, катехизиса, формулъ тригонометріи, стиховъ Расина.

«Физика и космографія—объ въ законѣ. Учатъ ихъ какъ-то между прочимъ. Но опять-таки,—какъ же физику мыслимо читать въ классѣ, а не въ физическомъ кабинетѣ? Физика—сплошной опытъ. Рисовать на доскѣ систему блоковъ, или устройство электрической машины, или рассказывать про X-лучи,—нелѣпость. Тогда не надо ходить въ классъ, а купить учебникъ физики и читать дома. А у насъ учитель жуесть въ классѣ то, что давно напечатано, а не вводитъ самаго главнаго: не указываетъ ученикамъ метода, съ какимъ должно приступать къ опытной наукѣ».

Что касается преподаванія самихъ древнихъ языковъ, ради которыхъ принесено въ жертву остальное духовное состояніе нашего юношества, то авторъ фельетоновъ о «среднемъ образованіи» говорить объ этомъ такъ: «Останавливаться ли на этомъ больномъ мѣстѣ нашего образованія? Слишкомъ много писали о нашихъ педагогахъ-варягахъ, призванныхъ для приведенія въ порядокъ нашихъ знаній. Въ мое время (въ эпоху примѣненія классической реформы во всей силѣ) ихъ прошелъ передо мною цѣлый рядъ. Быть можетъ, они и знали мертвые языки, но—Богъ имъ прости!—не знали совсѣмъ русскаго. Учебники были положительно безграмотны, а словари болѣе чѣмъ странны. Я не могу забыть одного греческаго словаря, гдѣ глаголѣ ραστανζιφω переведенъ слѣдующимъ образомъ: «бью себя по поясницѣ ладонью такъ, что слышно другимъ, и тѣмъ прогоняю отъ себя». Отъ насъ не требовали главнаго: понимать красоты классиковъ, и никто не обращалъ вниманія на то, что мы переводили бессмысленно, безсвязно, грубо, подставляя случайныя слова и не заботясь объ истинѣ».

Приговоръ г. Гн-ча, какъ и Old Gentleman'a, надъ нашими гимназіями чрезвычайно неутѣшительный. Онъ утверждаетъ, что «молодой человѣкъ въ случаѣ пораненія не знаетъ, чѣмъ остановить кровь, не знаетъ, какъ и отъ чего надо дать противоядіе. Онъ не знаетъ языковъ, онъ не знакомъ ни съ какимъ ремесломъ, не умѣетъ ни косить, ни фехтовать, ни строгать, ни чинить замки, ни чистить сапоги. Онъ не научился писать порусски: пишетъ «въ забытъи» вмѣсто въ «забытъѣ», «ни кто иной» вмѣсто «не кто иной», даже «явства» вмѣсто «яства», какъ я недавно видѣлъ въ фельетонѣ одной газеты. Бросьте такого молодого человѣка съ среднимъ образованіемъ, безъ средствъ, въ любой большой городъ Западной Европы,—и посмотрите, что съ нимъ будетъ. Онъ умретъ съ голода, потому что никому ни на что не нуженъ. Девять лѣтъ пребыванія

въ гимназіи не дали ему никакого знанія, которое годилось бы практически примѣнить къ жизни. Онъ можетъ быть на родинѣ писцемъ, секретаремъ, дѣлопроизводителемъ, директоромъ департамента, — но все это помимо своихъ знаній, такъ какъ все почерпнутое имъ рѣшительно ни на что не нужно даже для чиновника.

«Наконецъ, слѣдуетъ прибавить, что молодой человѣкъ, заморенный надъ лексиконами, является хилымъ, неловкимъ, безсильнымъ существомъ, неспособнымъ проскакать нѣсколько десятковъ верстъ на лошади, спуститься, въ случаѣ пожара, по водосточной трубѣ, оборониться отъ нападенія грабителей. На физическую сторону развитія никто не обращаетъ вниманія, и только безцѣльная комнатная гимнастика какъ будто отчасти напоминаетъ о томъ, что, кромѣ духа, еще имѣется и тѣло, которое слѣдуетъ воспитывать».

Вотъ два свидѣтельства лицъ, прошедшихъ самолично классическую гимназію, много думавшихъ надъ ея системой и пришедшихъ къ самымъ печальнымъ заключеніямъ. Я могъ бы съ своей стороны, какъ ихъ сверстникъ, многое, очень многое прибавить ко всему сказанному, подтверждая каждое ихъ положеніе фактами съ ссылками на человѣческіе документы, съ обозначеніемъ именъ, мѣстъ дѣйствія (вѣдь цѣлыхъ три гимназіи!) и хронологическихъ датъ, но лишаю себя этого удовольствія на сей разъ и перехожу къ показаніямъ представителя старшаго поколѣнія, г. Розанова, бывшаго преподавателя классической толстовской гимназіи.

IX.

Г. Розановъ счелъ долгомъ посвятить статью о классической гимназіи — «О гимназической реформѣ семидесятыхъ годовъ», десятой годовщинѣ смерти второго насадителя классицизма, М. Н. Каткова. Статья появилась на страницахъ все того же «Новаго Времени» прошлымъ лѣтомъ, т. е. за годъ до появленія фельетоновъ Old Gentleman'a и П. Гн-ча, и должна быть разсматриваема, какъ жестокая отвѣдь педагога отживающей нынѣ системѣ и грозная обвинительная рѣчь на могилѣ того, кому она посвящена, т. е. Каткова. Нынѣшнимъ лѣтомъ у насъ опять сильно занимались памятью Каткова, прославленіемъ его необыкновенныхъ заслугъ передъ Россіей, при чемъ раздались и голоса, потребовавшіе постановки ему всенароднаго благодарственного памятника. Панегиристы и благодарные ученики при этомъ, однако, старательно замалчивали его классическую систему, ради которой онъ поработалъ наравнѣ со своимъ alter ego, Леонтьевымъ, еще много больше самого министра гр. Толстого. Если послѣдній властью, ему довѣренной, являлся официальнымъ насадителемъ классической системы, то редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ своимъ другомъ-единомышленникомъ соста-

вляли истинную душу реформы, ея наиболѣе существенную пружину, которая и приводила весь механизмъ въ движеніе. Поэтому-то свѣдѣтельство г. Розанова, не подлежащаго никоимъ образомъ подозрѣнію по общему характеру его литературной дѣятельности въ непремѣнномъ желаніи во что бы то ни стало дискредитировать обаяніе почившаго государственнаго и общественнаго дѣятеля нашего отечества, для насъ чрезвычайно важно, и каждое его слово тутъ имѣетъ особенную цѣнность. При томъ же онъ педагогъ, имѣющій за собою длинное педагогическое прошлое и глубокой практической опытъ... Г. Розановъ сначала рисуетъ общій фонъ, ту историческую перспективу, на которыхъ такъ рельефно обнажились къ настоящему времени недуги нашей школы. Онъ говоритъ:

«Въ семидесятые годы въ нашемъ учебномъ мірѣ происходило величайшее волненіе: повсюду, даже въ исключительно фабричныхъ мѣстностяхъ, открываемы были прогимназіи, четырехклассныя и шестиклассныя, которыя имѣли возрасти до полныхъ гимназій; какъ бы желая порвать всякую связь съ традиціей, съ условіями своего времени и своей исторіи, для преподаванія древнихъ языковъ, и особенно вновь введеннаго греческаго, были вызваны учителя изъ славянскихъ земель Австріи, причемъ обойдены были питомцы своихъ духовныхъ академій; въ то же время были приняты всѣ мѣры, чтобы стѣснить, сузить, принизить реальныя училища, ученики которыхъ всюду рвались и никуда не допускались. Это были годы полного административнаго торжества классической системы и вмѣстѣ, какъ это можно видѣть теперь, по истеченіи 27-ми лѣтъ, годы глубокаго культурнаго паденія этой системы, страннаго и небывалаго у насъ изсякновенія интереса къ классическому міру, запускѣ историко-филологическихъ факультетовъ, совершеннаго перерыва въ появленіи выдающихся работъ по исторіи Греціи и Рима, которыхъ выходило такъ много до реформы. «Пропилеи» Леонтьева, труды Благовѣщенскаго, Помяловскаго, Модестова—все это было до административнаго торжества системы; и все это исчезло, разсѣялось послѣ реформы жалкими компиляціями, безъ любви и интереса къ предмету, изготовляемыми для полученія ученыхъ степеней. Въ восьмидесятихъ годахъ уже началось административное отступленіе системы. Стали закрываться классическія прогимназіи; такъ, въ одномъ Московскомъ учебномъ округѣ закрылись четыре прогимназіи—въ Брянскѣ, Ефремовѣ, Касимовѣ, Бѣлевѣ; то же совершилось и въ другихъ учебныхъ округахъ. Появились сперва требованія, а, наконецъ, и уступки въ способахъ преподаванія древнихъ языковъ; къ письменнымъ переводамъ исключительно съ русскаго на древніе языки присоединились письменные же переводы съ древнихъ языковъ на русскій. Раздались всеобщія жалобы на порчу русскаго языка, русской письменной рѣчи учениковъ. На иностранцевъ-учителей, которые къ тому времени передвинулись на должности инспекторовъ и директо-

ровъ гимназій, рѣже жаловались потому только, что, очевидно, выписанный ихъ контингентъ уже некуда было дѣвать, и оставалось выжидать естественнаго ихъ вымиранія. Никому, однако, не пришло бы на умъ теперь повторить экспериментъ подобной выписки. Наконецъ, съ конца восьмидесятыхъ годовъ и до сихъ поръ дѣлаются величайшія усилія насадить у насъ профессиональное обученіе; и въ самой настойчивости этихъ усилій видится молчаливое разочарованіе собственно въ классической системѣ. Замѣчательно, что спеціальныя министерства, какъ финансовъ и земледѣлія, ревностно охраняютъ открываемыя школы въ своемъ вѣдомствѣ и даже переводятъ въ свое вѣдѣніе часть школъ, ранѣе находившихся подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія.

«Очевидно изъ всѣхъ этихъ фактовъ, что были допущены какія-то ошибки въ самую минуту торжества системы; что-то необдуманное, или обдуманное неполно, закралось уже тогда, въ самомъ началѣ, въ нее. Кто отступаетъ, и такъ быстро, не былъ правъ, или не во всемъ былъ правъ, когда наступалъ такъ бурно».

Главный общій выводъ г. Розанова изъ его наблюденій надъ тѣмъ, какъ вводилась знаменитая реформа, сводится къ тому, что классицизмъ не былъ привитъ къ намъ, какъ живое къ живому, но былъ механически вдвинутъ въ нашу школу. Поэтому въ семидесятые годы совершилось исключительно административное торжество идеи, отчего эта идея и не вросла въ жизнь школы, не пустила въ ней корней, не даетъ юныхъ побѣговъ и, если остается донинѣ властною, то во всякомъ случаѣ мертвою, а не живою дѣйствительностью.

Механичность введенія школьной реформы, по мнѣнію автора, съ особенною наглядностью проявляется въ положеніи, занятомъ въ реформированной школѣ личностью учителя, и въ значеніи здѣсь новыхъ учебниковъ, приспособленныхъ къ новой системѣ. «Характерно для всей реформы,—утверждаетъ г. Розановъ, что личность учителя не играла въ ней никакой роли; что въ этой личности не предполагалось никакого значенія: лишь бы человекъ обладалъ знаніемъ предмета, правительственнымъ (австрійскимъ) удостовѣреніемъ въ этомъ знаніи—этого было совершенно достаточно, чтобы на двадцать пять лѣтъ поручить ему преподаваніе гдѣнибудь въ Калугѣ или Орлѣ. Это—чиновникъ, который не можетъ не исполнить своего дѣла, потому что за нимъ будетъ надзоръ; а что онъ исполнитъ его удовлетворительно, въ этомъ ручательствомъ служила удовлетворительность (и даже превосходство) данныхъ ему инструкцій (программа и объяснительная къ ней записка). Такъ его или безтактность въ обращеніи съ учениками, талантъ или неспособность къ преподаванію—объ этомъ (при реформѣ) не было никакого вопроса, самая мысль объ этомъ не приходила на умъ, и въ общемъ она до сихъ поръ отсутствуетъ въ учебномъ мирѣ. И до сихъ поръ

учителя нашихъ гимназій не выбираютъ, а назначаютъ; они назначаютъ по диплому; они нигдѣ и никогда къ преподаванію не готовились, и ихъ преподавательскихъ способностей, ранѣ назначенія, никто не испытывалъ. Наблюденіе, которому онъ потомъ подвергается, есть болѣе административное, чѣмъ педагогическое; и при «исправности» въ «службѣ», если онъ «не пропускаетъ уроковъ», если на уроки не является «въ нетрезвомъ видѣ»,—при этихъ условіяхъ, если бы даже его педагогическая умѣлость была нулевой или отрицательной, онъ не будетъ ни въ какомъ случаѣ подвергнутъ такой административной карѣ, какъ лишеніе должности. Онъ не умѣетъ преподавать, не имѣетъ такта съ учениками: но вѣдь этого и не искалось въ немъ. Объ этомъ ни у кого не спрашивалось, это никѣмъ не испытывалось, къ этому ничѣмъ онъ не подготовлялся. Какъ же вы это спросите у него послѣ того, какъ онъ опредѣленъ на службу, т.-е. спросите о томъ, о чемъ заранѣе не спрашивали и въ чемъ нисколько не условливались».

Итакъ, молодая реформа зачислила личность учителя въ цехъ простыхъ «ремесленниковъ», мало того, она взглянула и на учебникъ, какъ на долото, какъ на механическій инструментъ, верстакъ въ ремеслѣ, въ приготовленіи котораго не требуется искусства. «Поэтому,—говоритъ г. Розановъ,—съ семидесятыхъ годовъ открылась у насъ эра педагогической промышленности, промышленности черезъ учебники, черезъ составленіе ихъ. Учебникъ составленъ «по программѣ» и представленъ «на одобреніе»: какая причина, какое есть законное, формальное основаніе не «одобрить» его, то-есть отвергнуть, забраковать, нанести составителю формальный ущербъ, когда написанная имъ работа грамотна и до ядовитости точно отвѣчаетъ всѣмъ самымъ мелкимъ требованіямъ печатнаго экземпляра программы и «объяснительной къ ней записки»? Это—педагогическая макулатура, вы скажете, убійственная по бездушности и безталанности. Но гдѣ же опредѣлено и даже опредѣлимо ли, что такое макулатура и что такое не макулатура: это—художественное требованіе, художественное воззрѣніе на предметъ, и его не содержится ни въ какихъ правилахъ, не содержится въ требующей учебника «системѣ». Вѣдь совершенно возможно было, при составленіи программы, составлять ее не абстрактно въ примѣненіи къ предмету (съ предоставленіемъ потомъ свободы писать на него учебники), но въ примѣненіи къ частному и уже превосходному руководству по предмету, какое имѣлось въ литературѣ нашей или даже иностранной (которое въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало перевести). Вѣдь всѣ преподаваемые предметы уже столѣтія преподаются; надъ ними работали мастера, художники науки и педагогическаго искусства. Есть по геометріи Эвклидъ—зачѣмъ потребовался еще Давидовъ? Но Давидовъ—еще мастеръ; пришли «Ивановы» и «Петровы», не «одобрить» которыхъ рѣшительно не нашлось никакой причины, они всякую

причину заботливо устранили, и которые вытѣснили Эвклида, какъ другіе и въ другомъ вытѣснили все то, что, будучи прекрасно, одушевлено,—естественно не отвѣчаетъ маленькимъ подробностямъ и частностямъ новой абстрактной программы, а потому и не удобно, «незаконно» стало при прохожденіи, при полной и обдуманной «законности» «Иванова». Вотъ второй огромный провалъ, не обдуманный «системою» при бурномъ «наступленіи». Учебникъ и учитель—это есть единственное въ «системѣ», съ чѣмъ соприкасается ученикъ, что онъ чувствуетъ изъ нея на себѣ, чѣмъ онъ собственно воспитывается и образуется. Безъ учебника и безъ учителя, то-есть не выработавъ ихъ до виртуозности, до достижимаго совершенства,—невозможно въ педагогикѣ идти ни на какую реформу, а съ ними можно предпринять всякую. Они и составляютъ не только единственно живую, но единственно дѣйствительную, потому что единственно чувствуемую ученикомъ, сторону всего педагогическаго дѣла; ибо все въ немъ остальное—номинально и даже просто недѣйствительно. И вотъ, тогда какъ учитель и его лицо были пренебрежены, «забыты»,—въ вопросѣ объ учебникѣ все было предоставлено алчности, «предусмотрительно» передано въ руки алчной конкуренціи. «Одобренный» учебникъ—это обезпеченность на старость и даже улыбающееся богатство; при забитости и скудности учительскаго положенія—это подняло на ноги и взбудоражило худшими чувствами весь личный персоналъ; можно худо учить, но нужно составить «хорошій» учебникъ. «Хорошій», то-есть который раскупался бы, его предпочтительно выбирали бы учителя: при которомъ учителю не нужно бы много объяснять, и по которому ученику легко было бы готовить уроки. Неуловимо, повинуваясь этому требованію, учебникъ (то-есть всѣ учебники) изъ руководства, составляемаго съ мыслью о предметѣ, сталъ переходить въ руководство, составляемое съ мыслью объ ученикѣ и учителѣ, примѣняясь къ лѣни ихъ и неспособности, отчасти къ дѣйствительному недосугу. «Учебникъ сталъ не истиненъ». Результаты такого положенія при новомъ порядкѣ вещей оказались чрезвычайно печальные: реформа осталась при однѣхъ «программахъ» и «объяснительныхъ запискахъ», но безъ реальныхъ средствъ къ выполненію. Этихъ средствъ не то, чтобы не нашлось: ихъ не искали, какъ въ сферѣ учителей (или они были испорчены), такъ въ сферѣ учебниковъ. Все дѣло съ перваго же шага, твердо и блистательно съ административной стороны, поэтому именно съ педагогической стороны, въ черной работѣ, пошло неспособно, а съ ученической—естественно и лѣнностно. Учителя не умѣли и не хотѣли учить, ученики не хотѣли учиться; тѣ и другіе были лишъ «при исполненіи обязанностей», одни—на 25 лѣтъ, другіе—на 8, безъ любви и пониманія дѣла, которое они дѣлаютъ. Казалось, все было выиграно—выигрышъ въ центрѣ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и рядомъ съ этимъ все было проиграно на урокѣ, въ душахъ учениковъ и учителей, въ классѣ гимназій.

Г. Розановъ говоритъ:

«Возлѣ семинаріи, которая уже существовала, слѣдовало именно развить во всю полноту типа классическую школу и создать вновь школу реальнаго, опытнаго знанія (безъ непремѣннаго практическаго характера или и съ нимъ — это безразлично), и питомцевъ всѣхъ трехъ школъ съ равнымъ правомъ допустить до высшаго образованія (университетъ и высшія техническія школы), отнявъ у нихъ право самоконтролироваться (испытанія зрѣлости) и возложивъ право контролировать на то учебное заведеніе, которое принимаетъ въ себя питомцевъ. Университетъ одинъ компетентенъ судить, какіе слушатели ему пригодны, потому что одинъ онъ наблюдаетъ ихъ у себя въ аудиторіяхъ, испытываетъ на экзаменахъ, читаетъ ихъ рефераты и курсовыя сочиненія, слѣдитъ за интересомъ ихъ къ наукѣ и способностью къ занятіямъ; и если ему не дано даже взглянуть на качества подготовки слушателей, которые вводятся въ его стѣны, то, естественно, онъ перестаетъ быть отвѣтственъ и за весь ходъ занятій ихъ у себя, а также и за поведеніе, тѣсно связанное съ занятіями (точнѣе — съ незанятостью, праздною, безъинтересностью къ наукѣ). Сверхъ этого, «самоконтролированіе» гимназій породило то неисчислимо зло, что все вниманіе ихъ обращено было на качества отчета передъ округомъ, а не на дѣйствительныя учебныя качества ученика, не на подготовленность его къ слушанію университетскихъ лекцій: именно «зрѣлость» и была подсѣчена черезъ установленіе «испытанія зрѣлости». «На работѣ зрѣлости, если пишущій ее отлучается по нуждѣ, должно быть точно обозначено, въ часахъ и минутахъ, время выхода изъ залы и возвращенія въ залу»; и вотъ подъ темою: «Пушкинъ, какъ народный поэтъ», директоръ пишетъ: «вышелъ въ часъ 45 минутъ — вернулся въ часъ 49 минутъ». Все канцелярское — записано; но что ученикъ не читалъ Пушкина иначе, какъ въ приведенныхъ въ хрестоматіи образцахъ, и что его оцѣнку онъ тайно дѣлаетъ по Бураковскому (есть такой «критикъ» для гимназій), не читалъ 8-го тома Бѣлицкаго, не подозреваетъ критическихъ работъ Ап. Григорьева, Ник. Страхова и даже рѣчи Достоевскаго при открытіи Пушкинскаго памятника; да и ни одной изъ тѣхъ замѣчательныхъ рѣчей, въ которыхъ Пушкинъ былъ какъ бы сообща обдуманъ русскими писателями, — это все не записано, не записуемо и даже вообще это не останавливаетъ ничьего вниманія. Не останавливаетъ — въ округѣ («что ему Гекуба?»), и потому не останавливаетъ въ гимназіи. Работа все-таки ничего себѣ. Правда — ужасно страненъ языкъ: такъ не говорилъ и не писалъ никто въ Россіи до реформы 70-го года; чуть-чуть онъ неправиленъ, но это въ немъ не главное: онъ какъ-то сдѣланъ, придуманъ; точно это — языкъ для письменныхъ испытаній, специфически выработавшійся педагогическій «воляпюкъ». Его образцы слѣдовало бы опубликовать: это —

обезьяна, выученная порусски, какъ въ зоологическомъ саду есть слоны, танцующіе французскую кадрили; русскій языкъ въ колоритности и живости своей, въ своемъ народно-бытовомъ ароматѣ—потерянъ, забытъ вовсе, и, можетъ быть, онъ расцвѣтетъ только гдѣ нибудь въ меблированныхъ комнатахъ около университета, въ разговорахъ съ половымъ и «напрасныхъ усиліяхъ любви» около гризетки. Языкъ, какъ національное достояніе, въ гимназіяхъ умеръ. За какую цѣну? т. е., на ряду съ безчисленными и другими благами, здѣсь не называемыми, онъ отданъ.—За чтб?»

Такъ что же, наконецъ, по опредѣленію г. Розанова, представляетъ собою типъ классической гимназіи, вокругъ которой сгруппировалось въ свое время столько преній, столько горячихъ споровъ, та система, которую съ такою страстностью отстаивали Катковъ и Леонтьевъ въ печати и которую деспотически властно прикрылъ своимъ административнымъ авторитетомъ графъ Д. А. Толстой отъ общественной критики и нападокъ? «Типъ школы вовсе не былъ классическимъ—вотъ тайна, оставшаяся вовсе не замѣченной для самой «системы»,—отвѣчаетъ г. Розановъ.—Типъ этотъ былъ абстрактно гимнастическимъ, и древніе языки по тому же методу и въ тѣхъ же цѣляхъ лексически расчленялись, какъ и въ какихъ цѣляхъ на урокахъ математики расчленялась алгебраическая задача или теорема геометріи, и еще на другихъ урокахъ упражнялись мускулы при помощи шведской гимнастики. Идея пластическаго воспитанія, идея художественной законченности, какъ истинное и единственное основаніе классицизма, была не только умалена,—она была вовсе не замѣчена, просто она не пришла на умъ, какъ въ другой сферѣ выпали изъ памяти учителя и учебникъ. У Пушкина и Баратынскаго, не говоря уже о Батюшковѣ, больше слѣдовъ классическаго образованія, чѣмъ у писателей, теперь выступающихъ или недавно выступившихъ:

Читаль охотно Апулея,
А Цицерона не читаль

— и непріязнь и «охота» въ этихъ словахъ живы, они текутъ изъ живого впечатлѣнія отъ древняго міра, изъ умѣнья различить Апулея отъ Цицерона; но для ученика нашихъ дней Цицеронъ и Апулей—тожественны, какъ «фразы для перевода съ латинскаго языка на русскій» при повтореніяхъ Кюнера. Мы имѣемъ «филологическіе классы», спеціальные, узко спеціальные, даже узко профессиональные, какъ «мореходные классы» Кронштадта и Одессы; и говорить объ «едино-спасительной школѣ», какую мы, будто бы, имѣемъ въ этихъ гимнастическихъ реперторіумахъ, не только недозволительно, но и почти смѣшно. Смѣшно говорить о ихъ преимуществахъ передъ реальными училищами: вѣдь если въ «умственной гимнастикѣ», а не въ художественной сторонѣ дѣло, то на обильномъ изученіи тамъ теоретической механики, съ ея теоремами, сообразительность

гимнастируется такъ же, какъ и на древнихъ языкахъ. Ибо очевидно, что если «въ уровень» съ математикою и «для того же» поставлена древняя филологія, то и обратно математика стоитъ «въ уровень» съ древнею филологіею: и въ равныхъ пропорціяхъ одно можетъ замѣщать другое. Но о художественной сторонѣ, какъ, вѣроятно, никто не отвергнетъ, нѣтъ и воспоминанія въ гимназической системѣ, въ самомъ, такъ сказать, завиткѣ ея, ея духѣ; вообще о ней не упоминалось и при реформѣ, въ числѣ мотивовъ; не выставляемая, какъ мотивъ, она затѣмъ не вошла и въ дѣйствительность. «Классическое» образованіе у насъ и не поучительно для ума, какъ анализъ прекраснаго умершаго; и не воспитательно, потому что «прекрасное»-то изъ него и вынута. Вынуть тотъ «лавръ и кинмонъ», о которомъ вспоминалъ Пушкинъ; и есть что-то среднее между препаровочною комнатою анатомическаго театра и нѣмецкою кухнею, гдѣ рѣшительно никто и нисколько не можетъ воспитаться и не воспитывается».

X.

Сведя теперь къ одному сказанное въ предшествовавшихъ главахъ настоящей части моего очерка, мы видимъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія русская средняя школа Екатерининской эпохи была школой жизненной, съ нѣсколькими практическимъ утилитарнымъ характеромъ (архитектура и механика), согласно требованіямъ того времени. Въ Александровскій періодъ типъ школы видоизмѣняется и конструируется по французскому шаблону эпохи энциклопедистовъ конца XVIII столѣтія, теряетъ всякую связь съ коренными элементами русской жизни и ея историческими устоями (исключеніе преподаванія Закона Божія и русскаго языка). Энциклопедизмъ учебныхъ плановъ былъ давью своему времени, вполне законною, при помощи которой наивно полагали получить искусственно, сразу и много образованныхъ людей, столь необходимыхъ для тогдашней, начинавшей жить новой жизнью, государственности съ ея широкими планами и замыслами. Графъ Уваровъ, приступившій къ реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній, выкидываетъ изъ новой системы въ первое время своего министерства принципъ послужного утилитаризма и стремится идеализировать школу при помощи знакомства учащихся съ античными древностями, при содѣйствіи античныхъ классиковъ. Грамматизмъ и фонологія не должны, по его идеѣ, заслонять собою живого учительства и ученія; древніе языки или точнѣе чтеніе классиковъ предназначаются въ общей системѣ «высшать и укрѣплять души юношей», а параллельное имъ изученіе математики должно имѣть цѣлью «ивоцрять ясность въ мысляхъ». Принципы системы графа Уварова были сами по себѣ достаточно симпатичны, но они въ значительной степени были мертвою буквою,

такъ какъ у него не хватало ни нужныхъ исполнителей, ни орудій выполненія, такъ какъ тогдашняя русская жизнь не обладала ни потребнымъ количествомъ педагоговъ, ни необходимыми учебниками. Тѣмъ не менѣе для созданія того и другого, какъ показано будетъ дальше, кое-что уже дѣлалось, и дѣлалось притомъ національными силами и средствами. Во всякомъ случаѣ, за графомъ Уваровымъ остается несомнѣнная заслуга передъ родною землею, что онъ первый у насъ ясно намѣтилъ необходимость гуманизации школы, необходимость національныхъ элементовъ въ ней. Но графъ Уваровъ, по свойству своего ума и характера, не былъ типичнымъ государственнымъ борцомъ, человѣкомъ стойкимъ и непоколебимымъ; онъ легко уступалъ, склоненъ былъ къ компромиссамъ — отсюда нѣкоторая блѣдность, неопредѣленность его системы. Подъ конецъ жизни онъ даже сжигаетъ то, чему нѣкогда поклонялся, и средняя русская школа, конца царствованія Николая I, какъ общеобразовательное учебное заведеніе, приходитъ въ полное запустѣніе, теряетъ всякій элементъ творческой жизненности и обращается въ нѣчто подготовительное къ будущему отправленію канцелярскихъ обязанностей; съ 1854 же года ей, кромѣ того, придается характеръ лживой благочестивости. Будущій благонамѣренный и формально благочестивый чиновникъ, исключительно послушный волѣ начальства, становится волею-неволею идеаломъ этой школы.

Но вотъ наступила преобразовательная эпоха незабвеннаго царствованія Александра II, а съ нею вмѣстѣ выступилъ наружу и вопросъ о нашемъ среднемъ образованіи. Оказалось, что у насъ есть чиновники, много чиновниковъ, но нѣтъ образованныхъ людей, оказалось, что средній уровень образованія за послѣдніе десяткъ-полтора лѣтъ жизни значительно понизился, оказалось, что самую среднюю школу, со всѣми необходимыми ей атрибутами, надо перестраивать заново, согласно новымъ требованіямъ времени и сообразно съ запросами только что реформировавшейся русской жизни. Отсюда зарожденіе и рожденіе отечественной теоретической и практической педагогіи, о коей говорено въ первыхъ главахъ настоящаго очерка, согласно указаніямъ знатока нашей педагогической литературы, г. Каптерева. Намъ уже извѣстно, что въ тѣ дни говорила эта педагогія устами ея лучшихъ представителей — Пирогова, Рѣдкина, Ушинскаго, Стоюнина и др., почему и не стану здѣсь повторяться. Отмѣчу лишь одно, что всѣ названныя лица единогласно указывали новой русской школѣ путь гуманитарнаго развитія, причемъ разсужденія однихъ (Пирогова, Рѣдкина) отличались отвлеченнымъ характеромъ, разсужденія же другихъ (Ушинскаго, Стоюнина) носили отпечатокъ живой національности. Новое министерство графа Толстого не осталось очевидно глухо ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, но выполнило дѣло школьной и педагогической реформы въ своемъ родѣ оригинально и посвоему самобытно.

Оно признало необходимость принципа гуманности для школы, причемъ положило этотъ принципъ гуманности исключительно въ изученіе классической филологіи и фонологіи. На глазахъ всей литературы и всего общества произошла совершенно непонятная фальсификація значенія классической образованности, фальсификація, произведенная исключительно въ нѣдрахъ департаментовъ новаго министерства народнаго просвѣщенія. Графъ Д. А. Толстой, при всѣхъ своихъ достоинствахъ ума и характера, былъ типичнымъ представителемъ бюрократическаго режима Николаевской эпохи, почему и отнесся совершенно презрительно и отрицательно къ общественному мнѣнію въ области педагогическихъ вопросовъ шестидесятихъ годовъ. Единственный голосъ, къ которому онъ не только прислушивался, но и который свято слушалъ, былъ голосъ Каткова, а этотъ голосъ ко времени реформы средней школы принималъ все болѣе жесткія и монотонныя ноты. Катковъ былъ съ ногъ до головы западникомъ-теоретикомъ, почерпнувшимъ всю свою мудрость изъ нѣмецкаго философскаго источника (шеллингизма, гегеліанства), бывшимъ слушателемъ германскихъ университетовъ и при этомъ человекомъ необыкновеннаго упорства. Умъ крайне односторонній и холодный, онъ никогда не могъ сблизиться съ поборниками исторической народности въ жизни, въ литературѣ, въ наукѣ, въ педагогіи, каковыми несомнѣнно были, несмотря на всѣ свои увлеченія и крайности, наши славянофилы. Катковъ практически не зналъ и Россіи, занятый въ первое время своими университетскими лекціями, а впослѣдствіи громадной журнальной и редакціонной работой; не вѣрилъ онъ и въ живыя силы русскаго народа, когда онъ проявлялись въ чемъ либо не по мановенію руки вышаго начальства. Д. А. Толстой былъ, съ одной стороны, тоже типичнымъ теоретикомъ, человекомъ кабинетнаго мышленія, а съ другой, какъ я уже сказалъ выше, вѣрнымъ сыномъ бюрократической Россіи Николая I. Сошлись на жизненномъ пути два человѣка, одаренные силою случая и историческаго каприза обширною властью и широкимъ вліяніемъ. Въ рукахъ одного была сильная власть административная, въ рукахъ другого общественный органъ гласности, къ которому послѣ извѣстныхъ польскихъ событій шестидесятихъ годовъ правительство внимательно прислушивалось по всѣмъ безъ исключенія вопросамъ русской жизни. Исторія еще не выяснила, какъ, при какихъ обстоятельствахъ и въ какой именно моментъ состоялось сближеніе этихъ двухъ людей, но намъ извѣстно лишь одно, что въ дни реформы средней школы Катковъ и министр Толстой дружно дѣйствовали въ одномъ направленіи, одинъ какъ теоретикъ-публицистъ, другой въ качествѣ практика-администратора. Этотъ союзъ однородныхъ умовъ и одотонныхъ настроеній имѣлъ гибельныя послѣдствія для дѣла русской средней школы. Новая будущая система была обдумана въ тиши въ петербургскихъ канцелярій и редакціон-

наго кабинета на Страстномъ бульварѣ, была скроена по образцу прусскихъ гимназическихъ программъ, безъ всякаго участія въ этой работѣ силъ общественныхъ, и отправлена на просмотръ и одобреніе нѣмецкихъ мудрецовъ за границу.

И вотъ, когда эти программы будущей русской школы вернулись къ намъ обратно и были опубликованы, все русское, живое, историческо-національное оказалось въ нихъ вытравленнымъ, приспособленнымъ исключительно для «гимнастики ума», предназначеннымъ для полнаго обезличенія нашей учащейся молодежи. Было до очевидности ясно, что надъ бѣдной русской жизнью продолжаетъ тяготѣть печальный рокъ служенія и подражанія иностраннымъ интересамъ и образцамъ, рокъ, ниспосланный намъ за наши историческія прегрѣшенія еще со временъ преемниковъ Великаго Петра. Но мало того, что наши учебные планы были скопированы съ иноземныхъ образцовъ, насъ, въ какомъ-то ослѣпленіи, заставили идти въ угоду сосѣдямъ еще дальше: въ то время, какъ тѣ свято сохранили въ своихъ гимназіяхъ, возникшихъ тамъ естественнымъ путемъ, о чемъ мною сказано въ началѣ, отечествовѣдѣніе, у насъ имъ поступились, какъ ненужнымъ для русскихъ юношей: православное исповѣданіе, игравшее такую выдающуюся роль даже въ Екатерининскихъ школахъ, русская рѣчь, русская исторія и ея преданія, описаніе родной земли, все было отодвинуто на задній планъ и принесено въ жертву формальной классической филологіи и фонологіи. Какъ ни были несовершенны гимназіи графа Уварова и даже гимназіи Александровскаго времени, но въ нихъ древніе языки (латинскій языкъ въ особенности) предназначались, какъ орудія познанія красотъ и совершенствъ античной рѣчи и тѣмъ самымъ какъ средства «возвышенія души». Ни о чемъ подобномъ въ программахъ гр. Толстого нѣтъ и рѣчи: здѣсь интересъ къ душѣ совершенно отсутствуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проявлена особенно нѣжная забота о крѣпости и гимнастикѣ ума, гдѣ синтаксическія формулы и грамматическія правила должны были исполнять своего рода роль «шведской гимнастики». Читенію классиковъ, переводамъ съ древняго языка на родной, согласно новымъ программамъ, отводилось микроскопическое мѣсто и притомъ всего поставлено самое подробное изученіе, во всевозможныхъ вариантахъ, правилъ грамматическихъ со всѣми ихъ безконечными исключеніями и переводы съ русскаго на латинскій и греческій или, такъ называемыя, *extemporalia*. Цѣлью такой системы было какъ будто исключительное созданіе у насъ умственно высоко развитого поколѣнія, но рядомъ съ этою цѣлью была и другая, о которой громко не говорилось въ свое время, но которая въ наши дни, на пространствѣ извѣстнаго протекшаго времени, вполне ясна. Эта вторая цѣль, какъ ее формулировали въ своемъ фельетонѣ *Old Gentleman*, заключалась въ томъ, «чтобы скрѣпить якобы рас-

шатанные устои Россіи, якобы потрясенной, возмущенной до опаснаго броженія умовъ реформами шестидесятыхъ годовъ», чтобы «поразить гидру нигилизма, социалистическихъ ученій, возстановить здравья государственныя понятія, преданность правословію». Такимъ образомъ, на древніе языки въ реформированной гимназіи сразу были возложены двѣ діаметрально-противоположныя задачи — одна созидательная, активная въ положительномъ смыслѣ, другая — пассивная и чему-то противоборствующая. Первая должна была обогатить Россію умственно-зрѣлыми людьми, вторая должна была вытравить изъ этихъ людей все самостоятельно-живое, почему-то непременно приравненное къ опасному, злему и пагубному для благоденствія отечества.

Катковъ со времени польскаго возстанія видѣлъ рѣшительно всюду крамолу и гидру нигилизма, нѣкоторыя крайности обновленной русской жизни окончательно его убѣдили, что Россія стоитъ на краю гибели, и что она спасена можетъ быть лишь усиленной дозой успокоительныхъ и усыпляющихъ капель. Того же взгляда держался и гр. Толстой, и вотъ отсюда проистекла та именно фальсификація гуманитарнаго просвѣщенія, которая вмѣсто необходимыхъ для школы жизни и движенія внесла сюда мертвенный покой и начала полной пассивности. Глагольныя формы, грамматическія исключенія, синтаксическія ухищренія — вотъ тѣ сильно дѣйствовавшія средства, которыя, сохраняя на себѣ для видимости отпечатокъ чего-то гуманитарнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были убить наповалъ въ учащихся всякое движеніе души, всякое проявленіе самостоятельности, особенно національной, всякое творчество... И мы видѣли изъ показавій гг. Розанова и Old Gentleman'a, что система Катковско-Толстовская достигла этой возложенной на школу задачи пассивнаго сопротивленія, обративъ ее не то въ «препаровочную комнату анатомическаго театра», не то въ «нѣмецкую кухню», гдѣ дѣйствительно никто рѣшительно не можетъ воспитаться. Отсюда главнѣйшее зло русской жизни школьно-пореформенной эпохи — она утратила рядъ поколѣній съ живою творческою идеей, съ силою національнаго сопротивленія, съ любовью къ отчеству и вѣрою въ Бога, о чемъ такъ прекрасно и такъ искренно засвидѣтельствовалъ Old Gentleman.

Но, кромѣ этого главнаго и органическаго недуга, въ отношеніи котораго при гр. Деляновѣ принимались нѣкоторыя палліативныя средства, несмотря на хмурые окрики Каткова, былъ еще одинъ не менѣ существенный недугъ, на который мѣтко указалъ г. Розановъ. Недугъ этотъ былъ и есть понынѣ «механическое», чисто-искусственное приспособленіе нашей средней школы къ русской жизни, благодаря которому школа обратилась въ огромную мастерскую со всѣми атрибутами мастерской, ремесленниками и мертвыми инструментами, работающими и выполняющими заказы по рецептамъ и методамъ, посылаемымъ изъ министерской канцеляріи Петербурга.

Учитель обращенъ въ министерскаго чиновника, не смѣющаго имѣть своего сужденія, своихъ педагогическихъ методовъ и взглядовъ, но обязательно во всемъ повинующаго слѣдовать указаніямъ лицъ, изготовляющихъ петербургскіе циркуляры, хотя бы эти лица были совершенно непричастны и некомпетентны въ педагогическомъ дѣлѣ. Формальное соотношеніе министерства, какъ административной руководящей и контролирующей инстанціи, и преподавательскаго состава, какъ живой дѣйствующей силы, одно изъ величайшихъ золъ, вносящихъ въ русское школьное дѣло начала мертвенности и разложенія. Онъ—чиновникъ 20-го числа, связанный циркулярами и предписаніями, обязанный извѣстными отчетами и рапортами по начальству, но не живой человекъ на живомъ дѣлѣ.

Г. Скворцовъ, касаясь также этой стороны нашей классической педагогіи, въ брошюрѣ «Недуги нашего учебнаго дѣла», говоритъ: «Легко понять, сколько формализма, мертвенности и бездушія вносится въ учебное дѣло, когда оно ведется исключительно въ бюрократическомъ порядкѣ государственной педагогики, притомъ лицами, не то чтобы съ пренебреженіемъ относящимися къ истинной или научной педагогикѣ, а просто не могущими даже и представить себѣ, что бы такое она могла быть!». «А наши среднія учебныя заведенія ведутся именно въ этомъ бюрократическомъ порядкѣ, въ принципахъ исключительной государственной педагогіи, какъ она существуетъ въ составѣ дискреціонныхъ постановленій по гимназическому ученію». Въ виду этого значенія нашей педагогики, «учителя среднихъ учебныхъ заведеній у насъ почти никогда, кромѣ развѣ только въ простомъ разговорѣ, не провѣряютъ значенія ея постановленій, по существу самого дѣла, а держатся обыкновенно того мнѣнія, что эти постановленія и суть самое дѣло».

Вслѣдствіе этого, по мнѣнію г. Скворцова, государственная педагогика у насъ такъ увѣрена въ достоинствѣ своего дѣйствія, что не только не заботится о томъ, чтобы учителя, каждый по своему разумѣнію, свободно высказывались о дѣлѣ по существу его, какъ это изстари ведется въ Пруссіи и вообще въ Германіи и такъ высоко цѣнятся тамъ, но обыкновенно вовсе не обращаетъ никакого вниманія на то, что кто либо иногда и выскажетъ въ интересѣ учебнаго дѣла, самого по себѣ... Однимъ словомъ, не ложно сказать, что, кромѣ государственной, у насъ нѣтъ никакой самостоятельной педагогіи... При такомъ печальномъ положеніи дѣла учитель въ нашей школѣ и въ частности въ гимназіи работаетъ по рецепту. Ему все предписано—не только что и когда преподавать... но и то, какъ цѣнить познанія учениковъ въ томъ или другомъ случаѣ. Существуетъ цѣлый канонъ постановленій государственной педагогики по разнымъ вопросамъ о степени удовлетворительности познаній учениковъ по классамъ и по предметамъ. Постановленія эти даны въ причудливой формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, коими, предполагается,

исчерпываются всё возможные случаи учебнаго положенія живыхъ существъ. И вотъ учителя и педагогическіе совѣты, при томъ или другомъ вопросѣ объ успѣшности и надежности учениковъ въ учебномъ отношеніи, старательно отыскиваютъ прежде всего въ канонѣ тотъ вопросъ, подъ который подходитъ данный случай съ живымъ существомъ, и, нашедши, прилагаютъ къ нему находящійся въ канонѣ отвѣтъ, какъ къ мертвому».

Такимъ образомъ, вмѣсто живого педагогическаго дѣла министерство гр. Толстого, какъ бы по преданіямъ, по наслѣдству отъ николаевскаго бюрократическаго режима, создало обширный канцелярскій механизмъ, гдѣ всё малѣйшія колеса и пружины были заранѣе строго обдуманы въ томъ направленіи, чтобы ими замѣнить живыхъ людей, живыя дѣйствія и жизненные ощущенія. Все было подробно регламентировано, замѣнено механическими отправлениями, и отовсюду изгнаны чувство и живая мысль. При такой постановкѣ дѣла, въ связи съ тѣми двумя задачами, которыя были положены въ основаніе всей среднеучебной системы, вполне понятно то чувство неприязни, съ коимъ общество, въ лицѣ своихъ старшихъ и младшихъ членовъ, съ коимъ печать вся цѣликомъ, за исключеніемъ Катковскихъ органовъ, отнеслись къ мѣропріятіямъ новаго министерства. Эта неприязнь не сгладилась и съ теченіемъ времени, такъ что г. Розановъ, напримѣръ, рѣшается даже указывать на далеко неблагоприятное отношеніе къ министерству народнаго просвѣщенія спеціальныхъ министерствъ—финансовъ и земледѣлія. Эти министерства, утверждаетъ онъ, «ревностно охраняютъ открываемыя школы въ своемъ вѣдомствѣ и даже переводятъ въ свое вѣдѣніе часть школъ, ранѣе находившихся подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія». Ложныя основы, положенныя въ реформу г. Толстымъ, дискредитировали не только среднія учебныя заведенія, но подорвали вѣру въ способность министерства руководить правильно и ходомъ нашего народнаго образованія, почему духовное вѣдомство, ратуя за основы религіи, распатанныя въ гимназіяхъ, энергично поспѣшило взять въ свои руки и школы для народа. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени церковно-приходская школа положительно заслонила собою школу министерскую.

XI.

Мы уже видѣли, что всё писатели, коихъ я на протяженіи настоящаго очерка цитировалъ немало, единогласно указываютъ, какъ на одинъ изъ величайшихъ хроническихъ недуговъ средней школы, на отсутствіе у нея хорошаго состава педагогическаго персонала, при чемъ всё опять таки достаточно согласно свидѣтельствуютъ, что существенной ошибкой системы гр. Толстого было довѣріе ея иноземнымъ пришельцамъ. Правда, что за странная, нынѣ для насъ

совершенно непонятная, мысль была обратиться за людьми для русскаго дѣла, неразрывно связаннаго со всѣми особенностями русскаго бытоваго уклада, въ заграничныя, чуждыя намъ государства! И въ этомъ обращеніи, въ этомъ историческомъ ва новый лишь ладъ призывѣ варяговъ сказалось все недовѣріе, все презрительное отношеніе къ силамъ и способностямъ русскихъ людей; въ этомъ же сказалось все высокомѣріе, все гордое ослѣпленіе вѣрою во всемогущество бюрократической опеки и регламентаціи. Учитель былъ обращенъ въ ремесленника, безъ собственныхъ думъ, чувства и воли, который долженъ былъ механически исполнять заказы, предписываемые и предназначенныя ему изъ петербургскихъ канцелярій. И вотъ, когда въ шумныя шестидесятыя годы Катковъ и гр. Толстой заподозрѣли въ крамолѣ и нигилизмѣ чуть не поголовно всѣхъ русскихъ людей, они и обратили свои милостивыя взоры на имперію Габсбурговъ, которая въ теченіе многихъ лѣтъ дарила насъ всяческими священными союзами. И вотъ мы создали новый союзъ, союзъ педагогическій, принесшій новую обиду Русской землѣ. Согласно этому союзу, австрійское учительское свидѣтельство являлось надежнымъ патентомъ на право педагогическаго руководства русскимъ учащимся юношествомъ; мало того, что такое положеніе дѣла само уже по себѣ являлось крайне ненормальнымъ, эта аномальность усугублялась еще тѣмъ, что именно этимъ пришельцамъ съ австрійскими патентами вручалось самое казовое, излюбленное министерствомъ преподаваніе древнихъ языковъ, которые въ количественномъ отношеніи заслонили собою всѣ прочіе предметы. Понятно поэтому, что эти господа своей ломаной западнославянскою рѣчью внесли настоящее опустошеніе въ строѣ національнаго воспитанія нашего юношества, убивъ въ немъ всякую любовь, всякое довѣріе и уваженіе къ родной рѣчи, къ родной литературѣ и роднымъ преданіямъ, о чемъ такъ согласно говорятъ и г. Розановъ, и г. Old Gentleman, и г. Гн—чъ, и о чемъ въ свое время съ такимъ гнѣвомъ и страстностью твердилъ непрестанно покойный Стоюнинъ.

Но въ какомъ положеніи обрѣтался до графа Толстого вопросъ о педагогическомъ персоналѣ для нашихъ учебныхъ заведеній, кто же именно руководилъ юношествомъ въ гимназіяхъ, и почему бывшій источникъ оказался вдругъ непригоднымъ? Обратимся для отвѣта къ исторіи и наведемъ здѣсь нужную справку.

Заботы о подысканіи учителей для нашихъ учебныхъ заведеній восходятъ къ очень раннему времени. Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія для академической гимназіи брались учителя изъ числа недоучившихся студентовъ, а также изъ числа случайно захватившихъ въ Россію иностранцевъ. Въ московской же гимназіи второй половины XVIII вѣка учителя были по большей части студенты университета, а также нѣкоторые изъ числа бывшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій и академій. Въ царствованіе Ека-

терины II, а именно въ 1786 г. для образованія учителей въ главныя народныя училища учреждена была учительская семинарія, переименованная въ 1803 г. въ учительскую гимназію. Учащимися въ той и другой были казеннокоштные студенты. Курсъ ученія, въ который входилъ, кромѣ предметовъ главнаго народнаго училища, еще греческій языкъ, дѣлился на два разряда: 1) математическій и 2) историческихъ наукъ. Въ теченіе 15-тилѣтняго существованія семинарія приготовила 275 учителей, по исчисленію В. Рудакова¹⁾, отъ котораго и заимствуются свѣдѣнія объ учителяхъ въ настоящей главѣ. Въ 1804 г. семинарія получила новый уставъ и наименованіе «Педагогическаго института», который находился въ непосредственномъ вѣдѣніи попечителя округа и управлялся особымъ директоромъ и его помощникомъ-смотрителемъ, причѣмъ дѣла по учебной части рѣшались въ конференціи изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ директора. Кругъ преподаваемыхъ здѣсь наукъ состоялъ изъ: 1) чистой и прикладной математики, 2) логики, 3) метафизики, 4) нравоучительной философіи, 5) географіи, 6) естественной исторіи, 7) всеобщей и русской исторіи, 8) химіи, 9) опытной физики, 10) политической экономіи и коммерческихъ наукъ, 11) сельскаго домоводства, 12) эстетики, 13) языковъ и словесности—латинской, нѣмецкой и французской, 14) рисованія и черченія. Въ 1806 г. къ нимъ прибавлены право естественное и публичное, а въ 1811 г.—Законъ Божій, право уголовное и римская и греческая словесность. Ученіе въ институтѣ по уставу продолжалось три года, но, за малоуспѣшностью учащихся, затягивалось и до шести. Лучшіе изъ окончившихъ курсъ отправлялись на казенный счетъ за границу, для приготовленія къ профессорской дѣятельности.

23 декабря 1816 г. Педагогическій институтъ получилъ названіе «Главнаго педагогическаго института» и уставъ, опредѣлявшій новый курсъ преподаванія шестилѣтнимъ. Въ первые два года проходили предварительный курсъ наукъ: 1) логики и метафизики, 2) чистой и высшей математики, 3) всеобщей и математической географіи, 4) физики, 5) всеобщей исторіи, 6) древней географіи, 7) міеологіи и древностей, 8) реторики, 9) грамматики и словесности языковъ—русскаго, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, а также искусствъ: гражданской архитектуры, рисованія, черченія, музыки и фехтованія. Въ слѣдующемъ курсѣ высшихъ наукъ (3 года) были факультеты: 1) наукъ философскихъ и юридическихъ, 2) физическихъ и математическихъ и 3) историческихъ и словесныхъ. Послѣдній годъ ученія въ Главномъ педагогическомъ институтѣ посвящали собственно педагогіи. Студенты (около 100 человѣкъ) были казеннокоштные, большею частію изъ духовныхъ семинарій и сравненные въ своихъ правахъ съ университетомъ.

¹⁾ Статья въ энциклопедическомъ словарѣ Ефрона и Брокгауза.

Въ 1817 г. при институтѣ былъ открытъ «для образованія благороднаго юношества» «Благородный пансіонъ», подобно тому, который находился при Московскомъ университетѣ; для него былъ установленъ особый 4-лѣтній курсъ. Пансіонъ просуществовалъ до 1830 г., когда былъ преобразованъ въ нынѣшнюю 1-ю гимназію. Одновременно съ пансіономъ былъ открытъ въ институтѣ второй разрядъ, для приготовленія учителей въ среднія учебныя заведенія, съ 4-лѣтнимъ курсомъ; онъ былъ закрытъ въ 1822 году. 8 февраля 1819 г. Главный педагогическій институтъ былъ преобразованъ въ Петербургскій университетъ и возобновленъ только въ 1828 г. съ тѣмъ же уставомъ. Съ этого года онъ существовалъ до 1859 г., когда былъ окончательно закрытъ.

За 30-лѣтнее существованіе институтъ выпустилъ преподавателей въ высшія учебныя заведенія—42, въ среднія—377 и низшія—261 человекъ, итого въ общей сложности—680 преподавателей, специально подготовленныхъ къ практической педагогії. Все время институтъ находился подъ управленіемъ только двухъ директоровъ: Миддендорфа и Давыдова. При первомъ (до 1846 г.) возстановленъ прежній второй разрядъ (1838) и открытъ еще приготовительный курсъ (1832 г.). Давыдовъ, желая поднять научную сторону образованія студентовъ, достигъ упраздненія второго разряда, приготовительнаго курса и юридическаго факультета (1848) и ввелъ слѣдующія перемѣны: въ предварительномъ курсѣ метафизика замѣщалась психологіей, реторика — теоріей поэзіи и прозы; исключались математическая и древняя географія и вводились языки русскій и церковно-славянскій. Въ курсѣ высшихъ наукъ оба факультета, историко-филологическій и физико-математическій, дѣлились на два отдѣленія, съ двухгодичнымъ курсомъ каждое. Полный курсъ ученія попрежнему былъ 6-лѣтній, пока въ 1849 г. Давыдову не удалось выхлопотать сокращенія курса института до 4 лѣтъ, наравнѣ съ университетомъ. Въ 1852 г. старшій курсъ физико-математическаго отдѣленія института раздѣленъ на 2 отдѣленія: наукъ математическихъ и естественныхъ. Въ 1854 г. послѣдовало подобное же раздѣленіе историко-филологическаго факультета на 2 отдѣленія: чисто-филологическое и историческое. Тогда же включены въ послѣднее отдѣленіе—дипломатія и общенародное право; преподаваніе педагогики отнесено къ младшимъ курсамъ и въ обоихъ факультетахъ вмѣсто двухлѣтнихъ курсовъ установлено 4 однолѣтнихъ. Таковы внѣшнія, фактическія данныя, относящіяся къ жизни того учебнаго заведенія, которое было главнымъ разсадникомъ и поставщикомъ русскихъ педагоговъ въ дореформенное время. Хорошо ли, дурно ли оно исполняло возложенную на него національную задачу, вопросъ другой; во всякомъ случаѣ здѣсь крѣпко держалась національная педагогическая идея, идея о необходимости имѣть для Россіи своихъ собственныхъ и нарочито къ учебному дѣлу подгото-

вленныхъ будущихъ дѣателей отечественной школы. Такъ было въ дореформенный періодъ жизни; не то мы видимъ съ наступленіемъ самаго серіознаго момента въ исторіи нашего школьнаго дѣла, когда вдругъ, по непонятной прихоти судьбы, этой идеѣ наносится смертельный ударъ, и она сама безвозвратно сдается въ архивъ забвенія. Исторію этого въ своемъ родѣ національнаго преступленія и послѣдствій, отсюда неизбежно проистекшихъ, мы находимъ въ обстоятельной статьѣ С. Зенченко «О подготовкѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній къ педагогической дѣятельности», напечатанной въ московскомъ «Вѣстникѣ воспитанія» доктора Михайлова за текущій годъ¹⁾.

Постановка дѣла подготовленія преподавателей въ главномъ педагогическомъ институтѣ была несоотвѣтствующею своему назначенію, такъ что въ 1857 г. въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возникъ вопросъ объ улучшеніи способа образованія (подготовки) учителей преимущественно для среднихъ учебныхъ заведеній. «Министерство, какъ сообщаетъ г. Зенченко, было недовольно дѣятельностью главнаго педагогическаго учрежденія, какъ равно педагогическихъ институтовъ при университетахъ и находило, что они не достигли своей дѣли по двумъ главнымъ причинамъ: 1) при поступленіи въ эти заведенія отъ молодыхъ людей требовалось только знаніе полнаго гимназическаго курса, а не обращалось вниманіе на то, имѣютъ ли кандидаты педагогическія способности и склонность къ педагогическимъ занятіямъ, и 2) въ самыхъ институтахъ будущіе педагоги исключительно почти занимались научнымъ своимъ образованіемъ и не имѣли необходимой для нихъ педагогической практики. Иными словами — формулируетъ эти положенія г. Зенченко: 1) институты обратились въ высшія учебныя заведенія, дававшія своимъ питомцамъ научное образованіе, т. е. обратились въ физико-математическій и историко-филологическій факультеты, что было излишне при существованіи соотвѣтствующихъ факультетовъ въ университетахъ съ болѣе основательной постановкой учебнаго дѣла; 2) теоретическими курсами педагогики «на младшихъ курсахъ» они нисколько не подготовляли учителей; 3) принимали всѣхъ, желавшихъ и не желавшихъ быть учителями, способныхъ и неспособныхъ къ педагогическому дѣлу, т. е. теряли значеніе спеціальнаго учрежденія, куда идутъ по призванію, что очень важно для педагога.

По этимъ соображеніямъ, 15-го ноября 1858 г. педагогическіе институты были закрыты, и главное правленіе училищъ постановило учредить педагогическіе курсы при университетахъ: Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ подготовлялись преподаватели среднихъ

¹⁾ 1898 г., № 4, апрѣль, стр. 60—96.

учебныхъ заведеній и для другихъ учебныхъ округовъ. Въ 1860 г., по положенію 20-го марта, педагогическіе курсы были открыты, но вслѣдъ за тѣмъ, въ связи съ извѣстными университетскими волненіями, вскорѣ уничтожены.

Въ 1864 г., при введеніи новаго гимназическаго устава, главное правленіе училищъ, при представленіи устава въ государственный совѣтъ, приложило мотивированную записку, въ которой восхваляло уставъ 1804 г. за то, что онъ не считалъ достаточнымъ лишь «знаніе предмета преподаванія, а требовалъ отъ учителя и особаго испытанія въ способахъ преподаванія». Такой взглядъ составителей гимназическаго устава 1864 г. нашелъ себѣ выраженіе и въ самомъ уставѣ,—свидѣтельствуешь г. Зенченко. Такъ въ § 26 (о преподавателяхъ) сказано: «Въ учителя принимаются тѣ, которые окончили полный университетскій курсъ (научная подготовка) и выслушали особый педагогическій курсъ» (спеціальная педагогическая подготовка) — очевидно на педагогическихъ курсахъ по положенію 20-го марта 1860 г. Это требованіе спеціальной подготовки распространялось и на преподавателей искусствъ: они должны были дать доказательства знанія метода преподаваемого искусства. «Больше того,—утверждаетъ почтенный авторъ статьи «О подготовкѣ преподавателей»,—отъ воспитателей гимназическихъ пансіоновъ также требовалось (хотя и съ отступленіями) свидѣтельство о выслушаніи педагогическаго курса, а это могло быть предъявлено лишь къ лицамъ, окончившимъ университетъ, тѣмъ болѣе, что на воспитателей возлагалась обязанность замѣщать преподавателей на урокахъ и слѣдить за приготовленіемъ учениками задаваемыхъ уроковъ—требованіе, основанное на важныхъ педагогическихъ соображеніяхъ. Какое важное значеніе имѣло обладаніе спеціальными свѣдѣніями, видно изъ того, что по уставу 1864 г. въ каждой гимназіи подъ руководствомъ директора были «педагогическія совѣщанія преподавателей для обмѣна мнѣній и преній о способахъ преподаванія». Эти совѣщанія имѣли въ виду дальнѣйшее совершенствованіе уже спеціально подготовленныхъ преподавателей. Другой вопросъ — достигли ли эти совѣщанія своей цѣли».

Для привлеченія на педагогическое поприще лучшихъ работниковъ, министерство при введеніи устава 1864 г. высказалось за необходимость увеличенія содержанія преподавателей, дабы отвратить отъ гимназій «опасность остаться безъ необходимыхъ для нихъ просвѣщенныхъ и опытныхъ дѣятелей».

Уничтоживъ «Главный педагогическій институтъ» и педагогическіе курсы и лишь увеличивъ учительское содержаніе, министерству ничего не оставалось другого, какъ только почерпать комплектъ необходимыхъ ему для гимназій педагоговъ изъ числа кандидатовъ двухъ университетскихъ факультетовъ историко-филологическаго и физико-математическаго, на коихъ по существу дѣла вовсе не лежала за-

бота о педагогической подготовкѣ своихъ слушателей, такъ какъ «наука читается въ университетѣ для науки... университетское преподаваніе можетъ принести истинную пользу тѣмъ, которые ищутъ въ немъ знаніе, а не идутъ туда, движимые матеріальными, спекулятивными побужденіями». Такимъ образомъ, получилась ужасающая путаница въ нашемъ учебномъ дѣлѣ: съ одной стороны факультеты были лишены всякаго пракческаго утилитарнаго характера, съ другой имъ же навязалась именно утилитарная задача — быть отвѣтственными нѣкоторымъ образомъ за составъ педагогическій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ! Въ кандидатскихъ аттестатахъ былъ даже помѣщенъ параграфъ, по которому обладатель этого аттестата можетъ быть опредѣленъ на мѣсто преподавателя, не подвергаясь для этого специальному испытанію; такимъ образомъ университетъ насильственно былъ выведенъ за предѣлы своей компетенціи. Нелѣпая постановка вопроса о преподавателяхъ повела къ удивительнымъ несообразностямъ. Г. Зенченко приводитъ чрезвычайно поучительный примѣръ одной изъ такихъ несообразностей. «Поступивъ на службу, напримѣръ, по вѣдомству императрицы Маріи, — говоритъ онъ, — кандидатъ университета числится въ IX классѣ по должности и можетъ получить, оставшись учителемъ, лишь чинъ коллежскаго совѣтника. Если бы онъ захотѣлъ состоять по должности въ VIII классѣ и получить современемъ чинъ статскаго совѣтника, то до недавняго времени онъ доставалъ изъ университета, сверхъ того, свидѣтельство на званіе учителя, не подвергаясь особому для того испытанію, а лишь заплативъ 7 р. 5 к. Случалось, что такое свидѣтельство выправляли себѣ преподаватели, прослужившіе уже нѣсколько лѣтъ. Слѣдовательно, свидѣтельство на званіе учителя можетъ быть представлено послѣ того, какъ лицо уже нѣсколько лѣтъ было учителемъ безъ этого свидѣтельства, и не для того, чтобы получить право на преподаваніе, а лишь возможность стать однимъ классомъ выше на служебной лѣстницѣ».

Оцѣнивая подготовленіе къ педагогической карьерѣ по сравненію съ прочими общественно-государственными поприщами, что мы видимъ? Будущій докторъ уже на 4-мъ курсѣ готовится къ предстоящей ему жизненной дорогѣ и отъ своихъ руководителей узнаетъ средства врачеванія и способы изслѣдованія больного; инженеръ-путеецъ и технологъ еще въ старшихъ классахъ специальныхъ своихъ заведеній посылаются на практическія работы и только по завершеніи цѣлаго опредѣленнаго цикла такихъ работъ пракческаго характера получаютъ право на примѣненіе своихъ знаній къ жизни; окончившій курсъ въ университетѣ юристъ не можетъ сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ, занимать судебныя должности, не научившись въ теченіе опредѣленнаго срока разбираться въ дѣлахъ, не ознакомившись съ судебнымъ процессомъ, не научившись въ житейскихъ мелочахъ находить осуществленіе и

приложеніе научныхъ юридическихъ данныхъ. И такъ—на всѣхъ поприщахъ, на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни. Одинъ лишь преподаватель считается совершенно подготовленнымъ къ своей дѣятельности тотчасъ по выходѣ изъ университета; ему безбоязненно вручаютъ охрану нравственнаго здоровья и умственныхъ интересовъ дѣтей! Поэтому нельзя не согласиться съ г. Зенченко, когда онъ говоритъ: «вслѣдствіе отсутствія спеціальной подготовки и спеціального испытанія на должность преподавателей, физико-математическій и историко-филологическій факультеты¹⁾ являются истинными поставщиками чиновниковъ учебнаго вѣдомства, съ чиновничьимъ для большинства пониманіемъ своихъ обязанностей, чему, при современныхъ условіяхъ, способствуетъ и самое однообразіе педагогической дѣятельности».

Еще вчера студентъ этихъ двухъ факультетовъ толково не зналъ и не отдавалъ себѣ яснаго отчета, что ему съ собою, по полученіи кандидатскаго диплома, дѣлать: идти ли ему на частную службу въ агенты, причислится ли къ какому нибудь спеціальному министерству или учрежденію, заняться ли какой нибудь свободной профессіей, или посвятить себя педагогикѣ, ему всѣ роды этой дѣятельности были безразличными, лишь бы они не допускали до голодной смерти, лишь бы они давали обезпеченный кусокъ хлѣба. Подвергается, благодаря случайности или связямъ, учительское мѣсто, дающее сразу обезпеченное содержаніе и связанное съ извѣстными выгодами по класснымъ должностямъ и съ вопросомъ о пенсіи, и вчерашній студентъ, ничего же сумняся, беретъ за учительство, начинаетъ мудрить надъ десятками и сотнями мальчугановъ, исключительно руководясь въ своей дѣятельности текстами безобразныхъ учебниковъ, часто противорѣчащихъ научнымъ даннымъ, почерпнутымъ имъ изъ университета, но нелѣпости каковыхъ учебниковъ онъ не имѣетъ права опровергнуть, руководясь безчисленными циркулярами, предписаніями, отношеніями и канцелярскими распоряженіями. Воистину, онъ обращается въ простого чиновника министерства народнаго просвѣщенія, человѣка 20-го числа, изъ дѣятельности котораго вычеркнуто все живое, творческое, оригинальное, то-есть тѣ элементы, которые именно и должны являться составными частями его дѣятельности, понимаемой во всемъ ея высокомъ значеніи. И такъ, самое трудное дѣло въ жизни — учительство, наставничество, было выкинуто за бортъ изъ системы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и замѣнено чиновничествомъ и ремесленнымъ отправленіемъ обязанностей. Формальная, канцелярская точка зрѣнія на значеніе учителя въ общемъ режимѣ и въ функціяхъ школы дошла до того, что самое отвѣтственное въ этихъ функціяхъ, а именно преподаваніе въ младшихъ классахъ, гдѣ главнѣйше тре-

¹⁾ Главные питомники нашего педагогическаго персонала.

буется педагогическій навыкъ въ обращеніи съ дѣтьми, было возложено на самыхъ молодыхъ учителей, только что перешагнувшихъ порогъ учебнаго заведенія. Тутъ примѣнена была идея чиновнаго восхожденія по іерархическимъ ступенямъ школьной лѣстницы: младшій учитель, старшій учитель, классный наставникъ, инспекторъ, директоръ... На бумагѣ, со всѣми ея входящими и исходящими, было все проектировано прекрасно; забыли лишь о маленькомъ: о дѣтскихъ душахъ и свойствахъ сложной дѣтской природы. Ихъ принесли въ жертву министерскимъ циркулярамъ и исполненію формальныхъ обязанностей отъ 20-го до 20-го числа...

Итакъ, съ закрытіемъ Главнаго педагогическаго института, какъ плохъ онъ ни былъ, совершенно пропадаетъ слѣдъ русскаго самобытнаго педагога. Реформа графа Толстого не потрудилась отыскать этотъ слѣдъ, и его даже старательно замели. Въмѣсто русскаго педагога, какимъ его рисовалъ нѣкогда въ своихъ горячихъ статьяхъ Ушинскій, на свѣтъ выступилъ все тотъ же старый знакомый—чиновникъ, и въ дополненіе и на подмогу ему, такъ какъ его не хватало въ численномъ отношеніи, былъ еще вызванъ изъ имперіи Габсбурговъ австрійскій чиновникъ-педагогъ, съ австрійскимъ дипломомъ въ карманѣ.

Наши гимназіи въ численномъ отношеніи прогрессировали такъ: въ 1854 году ихъ было на всю Россію 77 съ 17.873 учащимися, въ 1863 году—94 съ 31.132 учащимися и послѣ реформы графа Толстого, къ 1876 году—131 гимназія, 72 прогимназіи съ 52.455 учащимися. Быстрый ростъ числа учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ, въ связи съ усилившимся количествомъ уроковъ по древнимъ языкамъ, естественно потребовалъ и усиленія преподавательскаго состава. Откуда же было почерпнуть необходимое число педагоговъ? Педагогическій институтъ былъ закрытъ, историко-филологическіе факультеты давали сравнительно незначительный % учителей классиковъ, вотъ тутъ-то, вмѣсто того, чтобъ обратиться къ исконному и испытанному русскому источнику—духовнымъ академіямъ и духовнымъ семинаріямъ, сыгравшимъ такую видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія, обратились къ западнымъ славянамъ, чехамъ, словакамъ и др. и имъ въ гимназіяхъ вручили главныя бразды правленія, владычество надъ душами и мыслями учащагося поколѣнія. Совершилась величайшая историческая несправедливость, въ своемъ родѣ національное преступленіе: исконные русскіе люди были отставлены отъ дѣла, безъ всякаго на то разумнаго основанія, и замѣнены иноземцами, которые въ силу своей разной съ нами природы и убили всякое проявленіе національнаго творчества въ нашихъ гимназіяхъ. И опять таки здѣсь рядомъ съ чиновной точкой зрѣнія, что, молъ, при хорошихъ циркулярахъ всякій можетъ хорошо отправлять порученное ему дѣло, рядомъ съ этимъ мертвымъ взглядомъ на вещи, ясно сказалось кабинетное настроеніе творцовъ и

вдохновителей классической реформы. Случайно оказалось, видите ли, что нѣкоторые изъ бывшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій принимали слишкомъ близкое участіе въ острыхъ перипетіяхъ шестидесятихъ годовъ, были слишкомъ замѣшаны въ смуту и волненія; и вотъ отсюда уже готовъ общій выводъ: всѣ семинаристы крамольники и люди вредные для учащагося юношества... Дальше такого теоретическаго построенія нельзя было идти; кабинетная и бюрократическая мысль выказали здѣсь все свое безсиліе. Кладбищенская, въ своемъ родѣ, работа дала и мертвые результаты: главный разсадникъ педагоговъ закрыли, передъ семинаристами и академиками плотно закрыли двери гимназій, а университетскую молодежь обратили въ чиновниковъ, пополнивъ ее щедрою рукою иностранцами... Какой вышелъ изъ всего этого результатъ, мы знаемъ изъ показаній гг. Розанова, Гн—ча, Old Gentleman'a и еще раньше ихъ изъ свидѣтельства В. Стоюнина. Школа была обезличена, лишена своего главнаго живого нерва—учителя, и, при помощи неимовернаго числа департаментскихъ циркуляровъ, механически вдвинута въ современную жизнь.

XII.

Кромѣ этихъ главныхъ недуговъ нашей средней школы общеобразовательнаго характера ¹⁾, въ нее проникъ еще одинъ недугъ, который принесъ немало зла нашему учащемуся юношеству. Уже г. Розановъ, какъ это видно было, въ общихъ чертахъ намѣтилъ весь вредъ, проистекающій отъ практикуемой у насъ въ интересахъ средняго образованія «фабрикаціи» учебныхъ пособій и «спекуляціи» ими за счетъ живого преподаванія. Обстоятельнѣе занялся этимъ вопросомъ г. Южаковъ въ извѣстной уже читателямъ книгѣ «Вопросы просвѣщенія», который и посвятилъ вопросу о нашихъ «гимназическихъ учебникахъ» обширную главу своей прекрасной книги.

Въ дорформенное время, при слабой постановкѣ вообще вопроса о просвѣщеніи, не могло, конечно, быть и рѣчи о правильно и надлежащимъ образомъ составленныхъ учебникахъ—ихъ просто не было, а тѣ, которые и были, представляли собою нѣчто весьма неудовлетворительное и въ педагогическомъ отношеніи и съ точки

¹⁾ О реальной я здѣсь не говорю, такъ какъ со вступленіемъ въ министерство г. Толстого она была отодвинута на совершенно второстепенное мѣсто и разсматривалась въ качествѣ необходимой уступки жизни, какъ подготовительная школа въ спеціальныя учебныя заведенія. За реальной школой не признавалось самостоятельнаго просвѣдительнаго значенія, да и въ дѣйствительности она его не имѣла. Но во всякомъ случаѣ то, что выше говорено объ учителяхъ и что дальше будетъ сказано объ учебникахъ, одинаково примѣнимо какъ къ ней, такъ и къ классической гимназій.

зрѣнія вложеннаго сюда матеріала. Реформаторскій періодъ, поставивъ на очередь всяческіе вопросы нашей общественной жизни, выдвинулъ и вопросъ объ учебникахъ. Лихорадочная поспѣшность, съ которой вводилась гимназическая реформа, не коснулась, однако, этой стороны дѣла, и вопросъ объ учебникахъ не былъ серьезно обсужденъ инициаторами реформы. Какъ въ вопросѣ объ учителяхъ, такъ и въ дѣлѣ составленія учебниковъ, все было предоставлено волѣ Божіей, или, правильнѣе, все было возложено на канцеляризмъ, который механическимъ путемъ долженъ былъ создавать фактическое знаніе. Министерство не взяло на себя живого и творческаго дѣла созданія учебныхъ орудій, оно предоставило это общественному почину, выставивъ лишь опредѣленные програмныя требованія и оставивъ за собою лишь власть контролирующую въ лицѣ учебнаго комитета министерства.

Результаты такого положенія вещей не замедлили дать себя знать: мы быстро обогатились многочисленными учебниками, частью переведенными варварскимъ русскимъ языкомъ съ нѣмецкаго, частью скомпилированными и скомпилированными по нѣмецкимъ источникамъ. Какъ въ общихъ принципахъ вводимой реформы, такъ и въ дѣлѣ созданія гимназическихъ учебниковъ, Германія и главнымъ образомъ Пруссія сыграли рѣшающую роль. Учебники по древнимъ языкамъ и словари были прямо списаны и русскій языкъ обогатили такими удивительными образами и представленіями, какъ указанные выше «бю себя ладонью по поясницѣ...» или «человѣкъ, любящій сосредоточенно ѣсть въ одиночку» и такъ далѣе. Гг. Кюнеры, Кесслеры, Ходобаи и прочіе, и прочіе, немало таки потрудились, чтобъ убить нашъ дивный русскій языкъ, исковеркать завѣщанныя намъ словесныя сокровища Пушкинымъ, Гоголемъ и другими корифеями нашей литературной рѣчи. Боясь утомить читателей и не желая повергать ихъ въ полное уныніе отъ ознакомленія съ непонятными для нихъ словечками, фразами и такъ далѣе, почерпнутыми мною изъ латинскихъ и греческихъ грамматикъ и синтаксисовъ, я не стану касаться послѣднихъ. Обратимся лучше къ тому, въ чемъ мы ближе всего заинтересованы, что для насъ болѣе понятно и что имѣетъ отношеніе непосредственное къ отечествовѣдѣнію и міровѣдѣнію—учебникамъ по русскому языку, по исторіи и географіи, которые и призваны къ отвѣту въ книгѣ г. Южакова.

Обращаясь къ учебникамъ по русскому языку, авторъ «Вопросовъ просвѣщенія» разсматриваетъ главнѣйшіе (6) изъ нихъ, рекомендованные ученымъ комитетомъ, выдержавшіе немало изданій, какъ, на примѣръ, извѣстный учебникъ Кирпичникова и Гилярова, выпущенный уже 25 изданіемъ и разошедшійся въ 73 десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Г. Южаковъ ведетъ свое разсмотрѣніе по частямъ рѣчи, и анализируетъ выводы, правила и опредѣленія,

сдѣланные составителями учебниковъ. Онъ начинается съ глагола и съ опредѣленій видовъ глагола. Оказывается, что у всѣхъ шести авторовъ учебниковъ, одинаково охотно «рекомендованныхъ ученымъ комитетомъ», существуетъ по настоящему предмету удивительная разногласица, такъ что «гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ находятъ три вида, г. Смирновскій указываетъ два вида и два подвида, г. Преображенскій считаетъ всѣ четыре вида самостоятельными, при чемъ совершенный видъ раздѣляется на два подвида, окончательный и начинательный. Г. Рыбаковъ указываетъ три вида (продолжительный, однократный и многократный). Г. Петровъ находитъ шесть видовъ (несовершенный многократный, несовершенный неопредѣленный, несовершенный опредѣленный, совершенный однократный, совершенный начинательный и совершенный окончательный). Г. Богдановъ, наконецъ, поучаетъ насъ пяти видамъ (несовершенный, совершенный, многократный, однократный и однократный мгновенный). «Итакъ,—говоритъ г. Южаковъ,—сколько же видовъ имѣетъ русскій глаголъ: три ли, какъ думаетъ г. Кирпичниковъ; четыре ли, какъ учитъ г. Преображенскій; пять ли, какъ полагаетъ г. Богдановъ, или, наконецъ, шесть, какъ извѣстно г. Петрову? Не трудно понять всякому, хотя немного знакомому съ стройностию ученія о глаголахъ другихъ индо-европейскихъ языковъ, что такое или иное дробленіе глаголовъ по видамъ существенно измѣняетъ все представленіе о русскомъ глаголѣ, потому что въ самомъ основаніи этого представленія лежитъ ученіе о глагольномъ видѣ». Разсмотрѣніе опредѣленій видовъ глагола, сдѣланныхъ авторами учебниковъ, приводитъ также къ несомнѣнному выводу, что ученіе о видахъ излагается во всѣхъ учебникахъ русскаго языка, господствующихъ въ нашей средней школѣ, неясно, сбивчиво и невѣрно, изобилуя порою самыми элементарными ошибками. «Если бы ученики вполнѣ усвоили предписанія своихъ грамматикъ,—говоритъ г. Южаковъ,—они не научились бы, а разучились бы употреблять правильно виды нашихъ глаголовъ. Хотя семья и литература и ограничиваютъ это пагубное вліяніе школы, тѣмъ не менѣе даже природнымъ русскимъ школа значительно портитъ ихъ языкъ. Инородцевъ же она, конечно, ничему не научаетъ». Не лучше обстоитъ дѣло и съ ученіемъ о залогахъ, наклоненіяхъ и причастіяхъ. Оказывается, что ученіе обо всѣхъ этихъ глагольныхъ формахъ излагается всѣми учебниками, нынѣ господствующими въ нашей средней школѣ, также взаимно противорѣчиво, неясно, сбивчиво и невѣрно, какъ и ученіе о видахъ. Г. Южаковъ на примѣрѣ спряженія страдательнаго залога вполнѣ наглядно показалъ, что даже съ числомъ формъ спряженія не знакомы составители учебниковъ.

Обращаясь къ именамъ существительнымъ, мы видимъ, что гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ сообщаютъ въ своемъ учебникѣ свѣдѣнія о трехъ склоненіяхъ, столько же склоненій знаетъ и г. Смирновскій.

Однако уже г. Преображенскій съ ними не согласенъ и перечисляетъ пять склоненій. Г. Рыбаковъ никакихъ склоненій не признаетъ, а просто различаетъ склоненія по родамъ. Выходитъ, стало быть, три склоненія, но совершенно иныхъ, чѣмъ у Кирпичникова и Смирновскаго. У г. Петрова мы находимъ четыре склоненія и у г. Богданова—тоже. Сколько же въ самомъ дѣлѣ склоненій въ русскомъ языкѣ: три, четыре или пять? «Учебники,—говоритъ г. Южаковъ,—въ этомъ отношеніи вполне не согласны между собою». Приводя далѣе ужасающую путаницу почти во всѣхъ грамматическихъ опредѣленіяхъ, обрѣтающихся въ шести учебникахъ, указавъ здѣсь образцы полнаго непониманія и невѣжества, авторъ приходитъ къ печальному заключенію о совершенной непригодности учебниковъ русскаго языка, общепринятыхъ въ нашей средней школѣ. Благодаря этому,—утверждаетъ онъ,—школа разучиваетъ русскихъ дѣтей родному языку и отучиваетъ ихъ отъ правильнаго пользованія богатыми и разнообразными средствами родной рѣчи... Школа положительно разучиваетъ писать, и давно пора обратить на это самое серьезное вниманіе».

Таковы печальные результаты прославленной въ свое время реформы г. Толстого. Она убила русскую рѣчь, совершила то національное преступленіе, о которомъ съ такой горячностью нѣкогда говорилъ Ушинскій. Русскій языкъ, отодвинутый въ задній уголъ гимназическаго зданія, былъ лишенъ не только живыхъ своихъ пѣстуновъ въ лицѣ необходимыхъ наставниковъ, онъ былъ лишенъ и учебнаго руководства, о коемъ никто въ свое время не позаботился, и меньше всего само министерство.

Невесела и картина, рисуемая намъ г. Южаковымъ въ области географическихъ познаній нашего юношества. Онъ внимательно разбираетъ содержаніе учебника географіи Смирнова, вышедшаго 35-мъ изданіемъ и по коему обучились «милліоны» учениковъ и нынѣ учатся сотни тысячъ юношей, уличаетъ его въ массѣ неправильностей, невѣрныхъ опредѣленій и даже въ извращеніи фактическихъ данныхъ. Приговоръ автора надъ этимъ учебникомъ суровый и беспощадный. Вотъ онъ въ заключительныхъ словахъ г. Южакова:

«Это не географія, а географическая номенклатура, одно обременительное упражненіе памяти, не дающее представленія о земномъ шарѣ. Къ этому основному недостатку надо прибавить чрезвычайное обиліе невѣрностей, порою изумляющихъ по своему безпросвѣтному невѣжеству. Пора, давно пора этотъ старый хламъ выбросить за бортъ и позаботиться, чтобы такой важный образовательный предметъ, какъ географія, получилъ подобающее мѣсто въ системѣ средней школы.

«Въ заключеніе, укажу на слѣдующій поистинѣ замѣчательный фактъ. Я слышалъ разобранное выше тридцать пятое изданіе учебника г. Смирнова со вторымъ, вышедшимъ тридцать три года на-

задъ, въ 1864 году. Сличеніе это во всѣхъ отношеніяхъ не въ пользу изданія 1896 года. Учебникъ значительно ухудшился. Въ первыхъ изданіяхъ г. Смирновъ тоже не отличается дарованіемъ, но онъ пробуетъ найти хотя какую нибудь ариаднину нить для странствія по этому лабиринту именъ. Онъ старается ихъ оживить и осмыслить, дѣлаетъ сравненія и сближенія, указываетъ связь и вліяніе. Видно вліяніе географовъ-мыслителей, изъ которыхъ кое-что заимствовано. Все это тщательно и окончательно истреблено въ рядѣ изданій до тридцати пятаго включительно. Общее пониженіе уровня напей средней школы сказалось и въ этомъ самоискаженіи г. Смирнова. Не велики были достоинства его учебника и въ первыхъ изданіяхъ, потому что не велики таланты автора. Но тамъ былъ методъ, была идея, былъ осмысленно выбранный путь. Была, словомъ, попытка къ чему-то лучшему. А теперь? Пожалуй, и о старикѣ Ободовскомъ пожалѣть можно. Если назначить премію за худшій учебникъ географіи, то едва ли нашелся бы другой, болѣе достойный преміи, нежели учебникъ г. Смирнова».

Мнѣ пришлось слышать отъ одного безпристрастнаго и вполне компетентнаго педагога, что обвиненія, возведенныя г. Южаковымъ на учебникъ г. Смирнова, грѣшатъ преувеличеніями, неправильнымъ приложеніемъ требованій новѣйшей науки и новѣйшихъ открытій къ учебному дѣлу, не могущему всегда угнаться за послѣднимъ вчерашнимъ словомъ науки; что грѣхи г. Смирнова не такъ ужъ велики и во всякомъ случаѣ ложатся тяжкимъ бременемъ не столько на его совѣсть, сколько на тѣ нѣмецкіе образцы, по коимъ этотъ русскій учебникъ скроенъ и откуда заимствовано его содержаніе. Охотно готовъ вѣрить сдѣланнымъ указаніямъ «въ общихъ чертахъ», но такъ какъ въ печати за учебникъ г. Смирнова никто не заступился, а спеціально-педагогическая литература даже отмѣтила статьи г. Южакова на своихъ страницахъ, какъ работы, достойныя вниманія и поучительныя, то и мнѣ не остается ничего иного, какъ привести приговоръ автора цѣликомъ, по невозможности въ краткомъ очеркѣ провѣрить всѣ его положенія и указанія.

Врядъ ли нужно на страницахъ «Историческаго Вѣстника» излагать все то, что говоритъ г. Южаковъ о самыхъ распространенныхъ и единственныхъ даже учебникахъ всеобщей и русской исторіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — объ учебникахъ г. Иловайскаго. Это такой позоръ для нашей исторической науки, что изъ чувства уваженія къ историческому журналу я не стану излагать здѣсь всѣхъ выловленныхъ у г. Иловайскаго авторомъ «Вопросовъ просвѣщенія» нелѣпостей, ошибокъ, курьезовъ и несообразностей. Наша литература, общая и спеціальная, уже давно протестуетъ противъ трудовъ московскаго ученаго, протестуетъ, впрочемъ, достаточно безуспѣшно: «г. Иловайскій» одобренъ, утверждёнъ, рекомендованъ... Чтò въ томъ, что онъ извращаетъ истори-

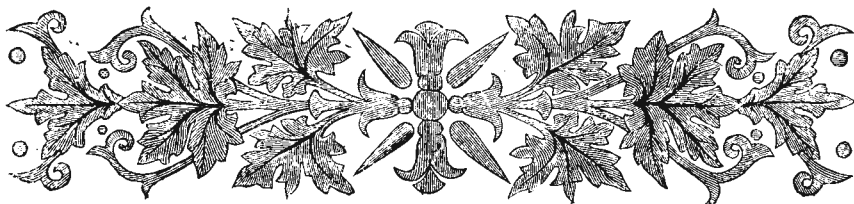
ческія познанія учащагося юношества — вѣдь эти извращенія не касаются аористовъ и цѣловъ, ну, и пусть себѣ: исторія предметъ второстепенный и даже, по свидѣтельству Old Gentlemen'a, какъ будто и подозрительный!

Общій итогъ обзорѣній, сдѣланный г. Южаковымъ нашимъ учебнымъ пособіямъ, чрезвычайно прискорбный, и авторъ рѣшительно затрудняется: «кому отдать пальму первенства, учебникамъ ли русскаго языка за ихъ безграмотность, или географическимъ учебникамъ за ихъ полное незнакомство съ географіей, или, наконецъ, руководствамъ по исторіи столько же за извращеніе, сколько непониманіе исторіи? Впрочемъ, это безразлично, кто восторжествовалъ бы въ этомъ оригинальномъ состязаніи—г. Преображенскій, г. Смирновъ или г. Иловайскій: не безразлично только одно—это ихъ господство въ школахъ и то пониженіе школьнаго уровня, которое знаменуетъ это прискорбное господство. Уже многія поколѣнія, благодаря этому, лишены возможности научиться правильному литературному употребленію родной рѣчи, а по общеобразовательнымъ предметамъ получаютъ какіе-то безсвязные, неосмысленные обрывки, зачастую невѣрные, элементарно ложные...».

На этомъ я закончу свое обзорѣніе «недуговъ» нашего средняго образованія, нашей средней общеобразовательной школы. Построенная по чужестранному образцу, съ двумя фальшивыми принципами въ основаніи, механически вдвинутая въ нашу общественную жизнь, безъ живыхъ людей, какъ исполнителей, съ нигуда негодными орудіями просвѣщенія въ видѣ безобразныхъ учебниковъ, она нуждается въ радикальномъ лѣченіи, гдѣ не должно быть мѣста ни палліативамъ, ни системѣ отсрочекъ. Но что же должно предпринять въ интересахъ ея врачеванія, гдѣ тѣ цѣлебныя средства, которымъ суждено залѣчить больныя раны? Отвѣтъ на этотъ вопросъ чрезвычайно труденъ и сложенъ, хотя въ общихъ чертахъ, въ главныхъ своихъ принципахъ онъ уже опредѣлился въ нашей литературѣ. Но рѣчь объ этомъ совершенно выходитъ за предѣлы настоящей темы, и объ этомъ, если обстоятельства будутъ благоприятствовать, я постараюсь какъ нибудь поговорить въ другой разъ.

Б. Глинскій.

„CLUBLAND“.

Организація и дѣятельность англійскихъ политическихъ клубовъ.

ГРАНА, не упоминаемая въ учебникахъ географіи, но извѣстная въ Лондонѣ подь именемъ «Clubland», настолько же ничтожна географически, насколько важна и могущественна въ социальномъ и политическомъ отношеніяхъ. Расположенная въ Вестъ-Эндѣ Лондона и лишь на четырехъ изъ улицъ этой аристократической части столицы (Паль-Маль, Нортумберландъ Авеню, Пиккадилли и Сентъ-Джемсъ Стритъ), она, можно сказать, если не управляетъ все́мъ Британскимъ міромъ, то является его головой и душой.

Клубы имѣются и въ другихъ странахъ на континентѣ и въ Новомъ Свѣтѣ, но нигдѣ нѣтъ «Clubland»'а, нѣтъ людей, къ которымъ приложимо качественное опредѣленіе «clubable», нѣтъ клубовъ въ истинномъ смыслѣ, иначе въ англійскомъ, ибо англійскіе клубы, будь они политическіе, литературные, художественные или просто общественные, представляютъ собраніе личностей, воспитанныхъ въ пресловутой свободѣ и широко ее культивирующихъ, чего нѣтъ нигдѣ, нѣтъ даже (какъ ни странно это) въ республиканской Франціи, нѣтъ и въ странѣ долларовъ. Сказанное относится ко всякаго рода клубамъ, но къ политическимъ въ особенности,—во Франціи о нихъ лишь начинаютъ думать, въ Соединенныхъ же Штатахъ они находятся во власти «Tammany Hall» и ему подобныхъ негласныхъ по-

литических учреждений, руководимых такими дѣятелями, какъ «король Нью-Йорка» Крокеръ и его коллеги въ другихъ центрахъ.

Первыми клубами въ Англіи, зародившимися въ царствованіе Елисаветы, въ «золотой вѣкъ поэзіи», были клубы литературные.

Уольтеръ Ралей (Walter Raleigh), привезшій изъ Америки картофель и табакъ, былъ основателемъ перваго клуба, собиравшагося въ Фридай-Стритъ, въ старой тавернѣ «Сирена». Изъ писемъ современниковъ, Бомона и Фаллера, мы знаемъ, какія краснорѣчивыя пренія велись въ клубѣ этомъ между Шекспиромъ, Джономъ Флетчеромъ и тѣмъ Бенъ Джонсономъ, на могилѣ котораго въ Вестминстерскомъ аббатствѣ красуется эпитафія «O! rare Ben Johnson».

Бесѣды о литературѣ, философскіе дебаты и.... вино привлекали сюда всѣхъ выдающихся дѣятелей литературы «золотого вѣка».

Со смертью Шекспира клубъ этотъ распался, и на мѣсто его Бенъ Джонсономъ основанъ былъ другой въ тавернѣ Діавола, который существовалъ лишь до 1654 года, когда конецъ ему положила желѣзная рука Оливера Кромвеля. Для литературныхъ клубовъ, какъ и для театра, эпоха возрожденія настала при Карлѣ II.

Въ первый же годъ Реставраціи основанъ былъ въ кафе Will'a (Will's Coffee House) новый литературный клубъ, въ которомъ царствовалъ Dryden, но, по словамъ современника, вокругъ поэта собирались не одни литераторы, а «звѣзды всѣхъ величинъ и ленты всѣхъ цвѣтовъ», т. е. представители всѣхъ политическихъ партій, отличавшихся цвѣтомъ лентъ на шляпахъ. Продолжая собираться на нейтральной почвѣ ради бесѣдъ литературныхъ, люди политики (члены парламента, главнымъ образомъ) уже въ слѣдующемъ, 1662 г. основали свои клубы, политическіе исключительно,—тори—«Confederacy of the Kings» и виги—«Kings Head Club». Почетнымъ членомъ перваго клуба былъ самъ король Карлъ II, и въ клубъ принимались всѣ граждане, соглашавшіеся присоединить къ своему имени окончаніе гоу (король); этимъ путемъ основатели клуба надѣялись избѣгнуть присутствія республиканскаго элемента въ составѣ клуба. Либеральный «клубъ королевской головы», члены котораго носили на шляпахъ зеленныя ленты, въ отличіе отъ красныхъ лентъ консерваторовъ, дѣятельно занимался прозелитизмомъ, и многочисленное общество его членовъ имѣло и вліяніе и власть во всей Англіи.

Вечернія рѣшенія клуба устно разносились и на утро извѣстны были всей странѣ, получая силу чуть ли не закона. Въ эпоху религиозныхъ смуть, виги, вообразивъ, что имъ грозитъ опасность, стали носить кольчуги подъ платьемъ,—это дошло до свѣдѣнія торійскаго клуба; консерваторы прозвали противниковъ своихъ «свиньями броненосными», кланчка стала извѣстною въ странѣ, и клубъ, оказавшій Англіи не мало услугъ, растаялъ, исключительно благодаря насмѣшкамъ.

«Scriblers club», «October club», члены которых именовались братьями, и «Kit-cat-club» были скорѣе политическими, чѣмъ литературными клубами, и послѣдній также немало оказалъ услугъ обществу. Время было чрезвычайно мрачное: семь епископовъ томились въ Лондонской Башнѣ, паписты жестоко агитировали отъ имени Иакова II, и граждане боялись друга друга, какъ и всегда въ смутное время.

Клубъ собирался въ Ширъ-Ленъ у пирожника, который славился своими mutton pies и, подъ предлогомъ смакованія пирожковъ съ бараниной, члены клуба обсуждали и принимали мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать, а затѣмъ успокоить кровавое возстаніе, не замедлившее вспыхнуть. Walpole говорилъ, что «члены Kit-cat-club'a, о которомъ рассказывали, что они только обжоры и пьяницы, на самомъ дѣлѣ были истинными патриотами и спасли Великобританію». Во главѣ клуба стояли герцоги Мальборо и Сомерсетъ, а при королевѣ Аннѣ клубъ среди своихъ членовъ насчитывалъ болѣе 40 знаменитостей того времени. Инициатива литературныхъ конкурсовъ приписывается между прочимъ этому же клубу, — онъ давалъ ежегодно 4000 гиней за лучшую трагедію.

Кровавая эпоха гражданскихъ войнъ не могла, однако, благопріятствовать ни политическимъ, ни литературнымъ клубамъ; но разрозненнымъ элементамъ общества нужно было единеніе, а такъ какъ въ вопросѣ о boіге и manger согласиться легче, чѣмъ въ вопросахъ религіозныхъ, философскихъ или политическихъ, то и явились новые клубы, въ основу которыхъ легли исключительно ѣда и вышивка. Появились знаменитые въ лѣтописяхъ «Calf's head club», «Coose club» и «Beefsteak club», гдѣ за круговой чашей, забывая политику и философію, собирались рядомъ съ принцами королевскаго дома такіе дѣятели на разныхъ поприщахъ, какъ Гогардъ, Шериданъ, Фоксъ, Гарриксъ, народный трибунъ Wilkes, герцоги Суссекскій, Норфолькскій, Кларенскій и др. Это же смутное время породило и такіе клубы, какъ «клубъ дуэлистовъ», «Man Killing club», попросту «клубъ убійцъ», члены котораго продавали свою шпагу и отправляли на тотъ свѣтъ по такѣ и, наконецъ, противоестественный «Mohock club», имѣвшій одну цѣль—войну съ чело-вѣческимъ родомъ.

Такие клубы, какъ «Beefsteak club», сыграли, однако, свою благую роль, собирая воедино, хотя бы и за чашей круговой, общество лучшихъ людей; смутное время прошло, страсти успокоились, политика вновь могла выступить на сцену, и тѣ клубы, которые, казалось, занимались лишь ѣдой и выпивкой, сразу дали готовые кадры новымъ политическимъ клубамъ. Тотъ же «Beefsteak club» сдѣлался однимъ изъ политическихъ центровъ, въ которомъ царствовалъ великій Питтъ, но конецъ XVII и начало XVIII вѣка были переходнымъ еще временемъ для политическихъ клубовъ, и

члены ихъ большую часть времени посвящали въ нихъ Мамону, Бахусу и игрѣ.

Обѣды и lunchеour'ы «Beefsteak club»'а обращались въ пиры, по окончаніи политическихъ бесѣдъ, и лучшіе поэты эпохи пѣли гимны Бахусу. Гимнами этими славились и Чарльзъ Моррисъ и Теннисонъ (въ молодые годы), и Кэмбль, Коббъ и Фергюсонъ. Пѣли и пили всѣ, но... вино не душило ума.

Сто лѣтъ тому назадъ члены парламента чуть ли не начетверенькахъ входили въ Вестминстеръ обсуждать государственныя дѣла, послѣ основательнаго lunch'a или обѣда,—однажды, именно послѣ такового, великій Питтъ съ пріятелемъ, также министромъ, прямо изъ «beefsteak club»'а, жестоко балансируя, отправились въ парламентъ.

— «Странно!—замѣтилъ Питтъ, войдя въ залъ парламента,—я не вижу президента»... — «Дѣйствительно странно,—отвѣчалъ министр-собутыльникъ,—а я вижу двухъ!».

Теперь гг. консерваторы, хотя во внутренней политикѣ и подерживаются кабатчиками, съ которыми состоятъ въ дружбѣ, свойствѣ и родствѣ, такъ не пьютъ уже... не пьютъ такъ и либералы, но... и Питтовъ великихъ среди нихъ нѣтъ... Насталъ и девятнадцатый вѣкъ, но политическіе клубы не выливались еще въ той формѣ, въ какой мы видимъ ихъ теперь,—партіи уже имѣли свои строго опредѣленныя мѣста собраній, но собирались члены клубовъ далеко не ради однихъ лишь политическихъ дѣлъ и, если гомерическое пьянство XVIII вѣка значительно поблѣднѣло, политики Англии начала нашего вѣка немало времени отдавали азартной игрѣ и кутежамъ въ размѣрахъ достаточно таки большихъ. Переходными къ современнымъ, основываемымъ на принципахъ безусловной солидарности, въ началѣ XIX вѣка явились, такъ называемые, Subscription Clubs'ы, содержимые частными лицами, обязавшимися за извѣстную плату предоставлять членамъ опредѣленныя выгоды и удобства. Изъ этого рода клубовъ доживаютъ еще свой вѣкъ старѣйшій изъ либеральныхъ—«Brook's Club», старѣйшій изъ консервативныхъ—«White's Club» и «Boodle's Club».

«Brook's Club» былъ значительно скромнѣе въ отношеніи азартныхъ игръ «Crookford's Club»'а, исторія котораго есть исторія разоренія многихъ членовъ англійской аристократіи, но члены перваго играли крупную политическую роль въ Англии,—клубъ назывался «государствомъ въ государствѣ». Вокругъ имени Брука, основателя и хозяина клуба, группировались такія имена, какъ принца Уэльскаго (впослѣдствіи король Георгъ IV), Фокса, Греля, Сельдона, Сельвина и Шеридана.

По словамъ Шеридана, членами клуба этого было много потрачено ума и краснорѣчія, но еще больше—денегъ; самъ Шериданъ, впрочемъ, тратилъ только первое. Лѣтопись клуба рассказываетъ, и

самъ авторъ «Школы злословія» подтверждаетъ слѣдующій случай, характеризующій нравы и отношенія между собою высокопоставленныхъ членовъ клуба. Шериданъ, выходя однажды изъ клуба, встрѣтилъ у сямыхъ дверей входившихъ въ клубъ принца Уэльскаго, будущаго короля Англій, и его брата, герцога Йоркскаго. — «Вотъ кстати,—замѣтилъ послѣдній,—я только что спорилъ съ принцемъ, кто вы такой, на самомъ дѣлѣ,—бездѣльникъ или дуракъ?»—«Я... между ними», отвѣчалъ Шериданъ, ставъ между принцами и взявъ ихъ подъ руки...

Давно уступившій свое политическое значеніе и вліяніе болѣе молодымъ, клубъ этотъ скромно доживаетъ свой вѣкъ, какъ и «White's Club», считавшій въ числѣ членовъ своихъ Питта младшаго, Дундаса, де-Роза, Каннинга и другихъ знаменитостей консервативнаго лагеря стараго времени.

Начало столѣтія нашего было для «White's Club»'а золотымъ временемъ во многихъ отношеніяхъ, и чрезвычайно богатый клубъ поцарски принималъ коронованныхъ гостей. Въ 1814 году клубомъ былъ данъ обѣдъ императору Александру I и его союзникамъ-монархамъ; обѣдъ этотъ стоитъ 9.849 фунтовъ стерлинговъ, или около 100 тысячъ рублей серебромъ, и въ такихъ же размѣрахъ повторенъ былъ черезъ три недѣли въ честь герцога Веллингтонскаго, побѣдителя Наполеона I при Ватерлоо.

Будучи наиболѣе *colletmonté* изъ всѣхъ клубовъ столицы, «White's Club» не имѣетъ большаго политическаго значенія, а относительно тароватости—

Нынче скромень нашъ клубъ именитый:
Рѣдки въ немъ и не громки ширь...

Догораетъ жизнь и «Brook's Club»'а.

Въ тридцатыхъ годахъ стали основываться клубы чисто политическіе, безъ шировъ и картъ, съ нравами и обычаями болѣе скромными, съ цѣлями и задачами болѣе широкими и благородными, а во второй половинѣ нашего вѣка они размножились въ такой степени, которая сама по себѣ уже указываетъ на ихъ *raison d'être* и пользу этого существованія.

Не собираясь изучать клубы Англій, любому иностранцу, лишь прогулявшись по «Clubland»'у, легко убѣдиться въ томъ, какое громадное значеніе въ англійской жизни имѣютъ клубы.

Сенъ-Джемскій паркъ является центромъ «Клублэнда». У самаго парка и дворца, на Сенъ-Джемсъ Стритъ, вы увидите роскошный дворецъ Conservative Club'a, а за нимъ, по Сенъ-Джемсъ Стритъ и Пиккадилли въ одну сторону и по Паль-Маль и Нортумберландъ Авеню въ другую, среди прочихъ домовъ шаблонной, казарменной лондонской архитектуры, разбросаны многочисленные дворцы, «Club-houses»'ы всевозможныхъ стилей, отличающіеся главнымъ образомъ тѣмъ, что вы ни одинъ клубъ-дворецъ не примите за общественное

зданіе, какими, казалось бы, должны быть эти громадные мраморныя и гранитныя массы,—всеѣ они имѣютъ видъ жилаго, семейнаго дома. Если вы спросите, кто же эти лорды-милліонеры, которые въ эпоху всевозможныхъ кризисовъ могутъ поддерживать столь разорительныя жилища, вамъ отвѣтятъ: «это наши коллективныя лорды». По истинѣ «коллективныя», ибо хозяиномъ такого мраморнаго дворца, одно отопленіе котораго стоитъ 10.000 рублей въ годъ и столько же освѣщеніе («Reform Club»), является собраніе двухъ-трехъ тысячъ джентельменовъ, въ общемъ, далеко не всегда богатыхъ, причѣмъ каждому изъ нихъ принадлежитъ одна двухъ-трехъ тысячная часть дворца de jure и весь дворецъ de facto.

Перейдемте въ сторону Пиккадилли. За «Консервативнымъ клубомъ» мы увидимъ дворцы «Младшаго клуба арміи и флота» (Junior Army and Navy), «Cocoa-Thee Club», «Arthur's Club», знакомый намъ «Brooke's Club», «New University Club» и vis-à-vis съ нимъ «Boodle's Club», затѣмъ «White's Club», о которомъ уже шла рѣчь, недавно открытый «Royal Societies Club», члены котораго, какъ названіе показываетъ, принадлежатъ къ различнымъ обществамъ, имѣющимъ право именоваться королевскими, и, наконецъ, «Devonshire Club».

На Пиккадилли ваше вниманіе въ особенности остановятъ «Badminton Club», «Navy and Military», «St'James's», «Savile» и «Junior Athenaeum» Clubs'ы.

Возвратитесь къ Сентъ-Джемсъ парку и на Паль-Маль, пройдя мимо «Клуба гвардіи» и «Клуба Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ», вы невольно остановитесь передъ «Carlton Club'омъ», консервативнымъ par excellence клубомъ, зданіе котораго, точно символизируя высокоумѣрность и замкнутость членовъ клуба, стоитъ въ сторонѣ отъ другихъ, величественное и по истинѣ великолѣпное. Если «Army and Navy Club» здѣсь же на Паль-Маль является точной копіей дворца Сонаго въ Венеціи, то «Carlton Club» имитация и очень удачная Венеціанской же библиотеки св. Марка. Рядомъ съ этимъ величественнымъ клубомъ консерваторовъ высятся громадная масса либеральнаго «Reform Club'а», самаго значительнаго изъ клубовъ этой партіи, точно нарочито помѣстившагося въ сосѣдствѣ съ своимъ противникомъ. Рассказываютъ даже, что членамъ-провинціаламъ, впервые попадающимъ въ «Клублэндъ», случается ошибаться клубомъ и проникать въ неприятельскій лагерь. Построенный по образцу дворца Фарнезе въ Римѣ, «Reform Club», хотя и не такъ внушительнъ, какъ его соперникъ, тѣмъ не менѣе служитъ украшеніемъ Паль-Маль. Рядомъ съ «Реформъ Клубомъ» красуются уже не въ итальянскомъ, а въ греческомъ стилѣ выстроенныя «Travellers Club» и «Athenaeum», а съ другой стороны Ватерлооской площади «United Service Club». По сѣверной сторонѣ Паль-Маль расположены менѣе значительныя, но не менѣе уважаемыя «Junior Carlton Club», также консервативный, какъ его старшій

братъ—«Клубъ арміи и флота», и «United University Club». Упомянувъ на Сентъ-Джемсъ Сквэрѣ «East India Club» и «Wyndham Club», перейдемъ по Паль-Маль и черезъ Трафальгаръ Сквэръ въ Нортумберландъ Авеню, гдѣ найдемъ консервативный «Constitutional Club» и либеральный «National Liberal Club». Какъ «Карлтонъ» и «Реформъ», они являются вражескими цитаделями, ревниво глядящими другъ на друга, но менѣе древними и болѣе доступными. Наконецъ, слѣдуя набережной Викторіи, мы достигнемъ консервативнаго «Saint-Stephen's Club»'а, расположеннаго противъ часовой башни Вестминстерскаго дворца, гдѣ засѣдаютъ обѣ палаты. Какъ не трудно замѣтить, всѣ политическіе клубы Лондона, весь «Клублендъ» расположенъ, такимъ образомъ, очень близко къ парламенту и министерствамъ; впрочемъ, перечислили мы не всѣ, а главнѣйшіе лондонскіе клубы, изъ коихъ не всѣ опять-таки являются политическими, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Мы остановимся, однако, лишь на тѣхъ изъ нихъ, дѣятельность которыхъ непосредственно чувствуется въ странѣ, вліяніе которыхъ на политическую жизнь страны безспорно. Эти послѣдніе могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы, смотря по партіямъ, представителями которыхъ они являются: съ одной стороны клубы консервативные, признающіе первенство «Карлтонъ Клуба», и главнѣйшими изъ которыхъ являются «Консервативъ Клубъ», «Младшій Карлтонъ Клубъ», «Конституціонный», «Уайтъ» и «Сентъ-Стефенъ Клубъ»: съ другой стороны клубы либеральные, менѣе многочисленные, имѣющіе во главѣ «Реформъ Клубъ», послѣ котораго слѣдуетъ назвать «Національ Либераль», «Бруксъ» (политикой, однако, занимающійся немного), «Кобденъ» (занимающійся болѣе политической экономіей, чѣмъ чистою политикой), «Eighty Club», названный такъ, потому что онъ основанъ въ 1880 году, и являющійся скорѣе политической ассоціаціей, чѣмъ клубомъ, ибо не имѣютъ опредѣленнаго помѣщенія и, пропагандируя либеральныя идеи, собирается время отъ времени въ зданіи ассоціаціи, не принадлежащемъ ему; наконецъ, «Дэвонширъ Клубъ», который не сегодня, завтра грозитъ или сдѣлаться клубомъ исключительно свѣтскимъ, или значительно измѣнить свою первоначальную программу, благодаря схизмѣ, раздѣлившей либераловъ. Замѣтимъ, что разрывъ, происшедшій въ либеральной партіи по ирландскому вопросу, значительно вообще отразился на составѣ клубовъ, зависящихъ отъ политическихъ партій, и мы останавливаемся на этомъ пунктѣ, какъ на имѣющемъ общій интересъ. Во всѣхъ странахъ съ парламентскимъ режимомъ можетъ случиться и случается, что партіи раздѣляются, извѣстное число членовъ остается вѣрнымъ первоначальнымъ принципамъ партій, другіе же воспринимаетъ новые принципы, кажущіеся имъ болѣе отвѣчающими благу страны, или тому дѣлу, ради котораго они работаютъ, и такимъ образомъ вездѣ можетъ возникнуть тотъ вопросъ, который безпокоитъ «Клублендъ» Англій съ момента раздѣла либеральной партіи.

Либералы-унионисты, съ Чемберленомъ во главѣ, не согласившись на проектъ гомъ-руля, въ коемъ они видѣли опасность для единства и безопасности страны, соединились съ консерваторами на базисѣ неразрывности связей, соединяющихъ Великую Британію съ Ирландіей, но... не оставили своихъ либеральныхъ идей. Отсюда и явился этотъ щекотливый вопросъ: какъ должна принять консервативная партія унионистовъ? какъ должны къ нимъ отнестись либералы, отъ которыхъ они отдѣлились? Консервативные клубы не заперли дверей своихъ передъ новыми пришельцами и, надо полагать, поступили благоразумно. Оттолкнуть этихъ пришельцевъ было бы не политично уже потому, что это могло ихъ сдѣлать недовольными и вернуть къ своей старой партіи, или, что хуже, заставить ихъ образовать новую, независимую партію, хоторая явилась бы для консервативной партіи противникомъ, съ которымъ пришлось бы считаться. Не желая имѣть новыхъ противниковъ, консервативная партія предпочла поглотить унионистовъ и широко открыла имъ двери. Большинство консерваторовъ является настолько значительнымъ, что пришельцы никоимъ образомъ не могли повліять на перемѣну ихъ общей политики, и наоборотъ консерваторы могли умѣряющимъ образомъ повліять на унионистовъ.

Рѣшить этотъ вопросъ для либераловъ было гораздо труднѣе, и различные клубы различно и рѣшили его. «Національ либераль клубъ», на примѣръ, рѣшилъ, что, влияя дѣйствительно на политическую жизнь страны, на что онъ претендуетъ съ достаточнымъ правомъ, онъ встрѣтитъ серьезное препятствіе къ этому, сохранивъ въ средѣ своей контингентъ членовъ, не раздѣляющихъ его идей по такому важному вопросу, какъ гомъ-руль. Схизматики были исключены, и членами клуба остались лишь либералы, безусловно вѣрные идеямъ Гладстона, каковою чистотой клубъ немало гордится, чего нельзя сказать о другомъ значительно либеральномъ «Реформъ» клубѣ,—здѣсь унионисты не исключены, благодаря чему клубъ въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ чувствуетъ себя парализованнымъ. «Поддерживать добрыя отношенія между братьями, раздѣленными на выборной почвѣ, но соединенными въ салонѣ, которымъ является клубъ»,—вотъ *raison d'être* «Реформъ клуба», по словамъ его президента *sir Wemyss Reid'a*. «Реформъ клубъ»—старѣйшій изъ либеральныхъ клубовъ и думаетъ, очевидно, что ему время отдохнуть, предоставивъ дѣло защиты и пропаганды либерализма своимъ младшимъ братьямъ. Этотъ вольный или невольный нейтралитетъ «Реформъ клуба» на выборной почвѣ не лишаетъ его, однако, политическаго значенія, ибо цѣль англійскихъ политическихъ клубовъ не состоитъ исключительно въ дѣятельной выборной агитации, но и въ общеніи лицъ, раздѣляющихъ общія политическія идеи или имѣющихъ общіе пункты въ ихъ программахъ.

Если бы клубы обращались исключительно къ тѣмъ, кто изъ

политики сдѣлали свою профессію, то и тогда уже они имѣли бы свой *raison d'être* и значеніе. Не говоря уже о матеріальных удобствахъ, которыя представляетъ организованный съ комфортомъ клубъ, клубы предоставляютъ членамъ своимъ непрестанную возможность общенія между собою, что въ особенности важно въ періоды парламентскихъ каникулъ. Но англійскіе клубы преслѣдуютъ другую, столь же важную партійную цѣль—ободрять и привязывать къ себѣ тѣхъ лицъ, которыя, интересуясь политикой и имѣя мнѣнія вполне опредѣленныя, не имѣютъ достаточной естественной смѣлости, чтобы ринуться самимъ въ партійную борьбу: вотъ эти-то силы и привлекаются политиками по профессіи, предлагающими имъ матеріальныя удобства клубовъ. Лица нерѣшительныя, скромныя, разъ попавъ въ эту среду, подвергаются непосредственному вліянію партіи, ихъ окружающей, принимаютъ въ политическихъ дѣлахъ болѣе живой интересъ и, подчиняясь общему импульсу, начинаютъ активно участвовать въ дѣлѣ партіи.

Клубами члены вербуются далеко не въ одномъ Лондонѣ,—чтобы поощрять партизановъ своихъ и привлекать ихъ, они обращаются къ провинціи, и каждый лондонскій клубъ, благодаря этому, имѣетъ двѣ категоріи членовъ,—*town members* (городскіе члены) и *country members* (провинціальные члены), причемъ послѣдніе, являясь нерѣдко многочисленнѣе первыхъ, составляютъ связующее звено между главной квартирой партіи и всѣми областями Соединеннаго Королевства. Живя вдали отъ столицы, они время отъ времени пріѣзжаютъ сюда, видятся въ клубахъ съ выдающимися дѣятелями своей партіи, и эти свиданія одинаково полезными являются какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

Интересны мнѣнія выдающихся государственныхъ людей Англій о цѣляхъ и вліяніи англійскихъ политическихъ клубовъ. Вотъ что, напримѣръ, говорилъ лордъ Грэнвилъ 2-го мая 1883 года въ рѣчи, при открытіи «Національнаго либеральнаго клуба»: «Греки и римляне тоже имѣли клубы, но я сомнѣваюсь, чтобы въ Римѣ или другомъ современномъ городѣ было столько клубовъ, сколько въ нашей столицѣ. Мы имѣемъ клубы профессиональные, религіозные, коммерческіе, у насъ есть клубы, культивирующіе науки и литературу; другіе имѣютъ въ виду исключительную цѣль общенія; есть, наконецъ, и такіе, которые занимаются лишь бесѣдами, даже такіе, члены которыхъ посѣщаютъ клубъ только ради того, чтобы выпить тамъ,—занятія безъ сомнѣнія пріятныя... Есть у насъ и клубы игроковъ въ шахматы и вистъ. Я лично состою членомъ ни болѣе, ни менѣе, какъ пяти политическихъ клубовъ въ столицѣ, которые въ разной степени и разными путями значительно вліяютъ на ходъ политики. Докторъ Джонсонъ говорилъ, что клубъ есть ассамблея добрыхъ пріятелей, собирающихся при извѣстныхъ условіяхъ, а серъ Вильямъ Гаркуръ недавно замѣтилъ, что докторъ Джонсонъ считалъ

величайшей любезностью сказать другу своему, что онъ «clubable». Я сомнѣваюсь, однако, чтобы можно было когда либо мечтать о такой степени общенія, при которой въ одинъ вечеръ могли бы собраться 1900 «clubables» — всѣ члены одного клуба — представителей, какъ въ данномъ случаѣ, 400 значительнѣйшихъ городовъ нашего отечества. Я убѣжденъ, что эти многочисленные члены нашего клуба испытываютъ равный интересъ къ вопросу объ управленіи страной нашей, и что они найдутъ въ этомъ клубѣ всѣ удобства матеріальнаго комфорта и общенія, но надѣюсь, что вы, какъ и я, не видите въ этомъ исключительную цѣль клуба. Для такого истиннаго лондонца, какъ я, нетрудно оцѣнить удобство, представляющееся для людей, разумно интересующихся политикой, въ возможности, при случаѣ, собираться въ такомъ пунктѣ, изъ котораго обстоятельства сдѣлали политическій очагъ. Но я также рѣшительно убѣжденъ и въ томъ, что для тѣхъ, кто въ Лондонѣ занимается политическими дѣлами, также выгодно имѣть возможность входить въ непосредственныя и личныя сношенія съ тѣми, кто можетъ имъ выразить желанія страны и можетъ ихъ ознакомить даже съ тѣми предубѣжденіями, которыя выражаются въ интеллектуальныхъ и промышленныхъ центрахъ нашей имперіи. Я, напримѣръ, не могу не думать, что многимъ вліятельнѣйшимъ членамъ парламента любознательно было бы знать мнѣніе страны относительно того, какъ функционируетъ великій политическій организмъ, ими составляемый. Относительно игры говорятъ часто, что тѣ, кто присутствуетъ при ней, понимаютъ ее лучше, чѣмъ тѣ, которые въ ней участвуютъ. Конечно, для желающихъ быть законодателями страны своей министерскій кабинетъ мѣсто доброе, но... я 37 лѣтъ тому назадъ оставилъ палату общинъ и, чѣмъ высказать свое мнѣніе объ этомъ важномъ пунктѣ, я предпочитаю услышать ваше».

Сдѣлавъ затѣмъ обзоръ нѣкоторыхъ современныхъ событій, относительно которыхъ желательно было бы, чтобы страна была наилучшимъ образомъ освѣдомлена, что и будетъ имѣть мѣсто, разъ либеральная партія, подъ видомъ клуба, содержащаго всѣ главные элементы, учредить однородное тѣло, дѣянія котораго будутъ чувствоваться во всей странѣ, лордъ Грэнвилъ продолжалъ рѣчь, определяя то полезное вліяніе, которое можетъ имѣть «Национальный либеральный клубъ» на ходъ парламентскихъ работъ:

«Во время одного изъ моихъ первыхъ визитовъ къ сэру Дж. Уитфорду, одному изъ величайшихъ инженеровъ міра, я имѣлъ случай получить очень полезный урокъ. Онъ объяснилъ мнѣ, между прочимъ, заботы его о томъ, чтобы всѣ машины были старательно промаслены въ должной мѣрѣ и во время, для чего у него и имѣлся специальный рабочій, такъ какъ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ промасливаніе несвоевременное или презмѣрное. Не могу не думать, что въ палатѣ общинъ нѣтъ недостатка въ такихъ «промасливателяхъ»,—

я не могу себя представить лучших специалистовъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ лордъ Гровеноръ, лордъ Кенсингтонъ, Котсъ, Дэфъ... Равно убѣжденъ я и въ томъ, что вы имѣете величайшаго инженеръ-механика въ дѣлѣ законодательства. Богу не угодно, чтобы я называлъ его имя ¹⁾... Развѣ же не обидно, если такія преимущества остаются безъ результатовъ, благодаря недостатку небольшого количества чистаго масла? Гдѣ, однако, можетъ быть добыто это чистое масло? Мнѣ кажется, что я знаю это. Я думаю, что оно можетъ быть представлено выраженіемъ мыслей тѣхъ 400 городовъ, представителями либеральныхъ элементовъ которыхъ вы здѣсь являетесь».

«Говорятъ, что мы живемъ въ эпоху, когда власть принадлежитъ тѣмъ, кто наиболѣе дѣйствительно практикуетъ агитацію», — съ своей стороны, на томъ же митингѣ, говорилъ М. Джонъ Морлей. — «Что касается до меня, то я на агитацію смотрю, какъ на вполне рациональный методъ національныхъ преній. Безъ агитаціи не была одержана ни одна изъ нашихъ великихъ побѣдъ, и очень мало странъ можно назвать, гдѣ онѣ одерживались бы безъ сильной агитаціи. Смотря изъ палаты общинъ на политическое положеніе, я убѣждаюсь въ томъ, что агитація болѣе чѣмъ когда либо нужна, дабы заставить учрежденіе это считаться съ волею избирателей. Говорятъ нерѣдко, что либералы слишкомъ смѣлы,—по моему мнѣнію, ихъ вина скорѣе въ томъ, что имъ не достаетъ смѣлости и рѣшительности. Если бы либеральные избиратели страны умѣли заставить слушать желанія ихъ, мы не знали бы тѣхъ золъ, которыя съ прискорбіемъ констатировались здѣсь первымъ министромъ и лордомъ Грэнвилемъ. Если парламентъ ничего не дѣлаетъ, то потому, что палата общинъ не знаетъ достаточно удовлетворительно того, что думаетъ и чего желаетъ страна. Сосредоточеніе намъ нужно въ особенности и, такъ какъ нашъ клубъ явится очагомъ, представляющимъ волю страны, вліяніе его дастъ себя скоро почувствовать. Съ точки зрѣнія политической атмосферы, которою мы дышимъ въ этой великой столицѣ, нельзя не назвать расслабляющею. Когда я бываю на берегахъ Тайна или Мерсея, я чувствую въ общеніи съ общественнымъ мнѣніемъ чистое вѣяніе, которое, къ несчастію, не знакомо намъ на берегахъ Темзы. Вотъ почему, между прочимъ, мы должны радоваться тому, что клубъ нашъ предоставитъ возможность значительному числу изъ васъ сблизиться съ своими представителями въ парламентѣ и настаивать передъ ними, вопреки вліяній, ихъ окружающихъ, на томъ, что вамъ желательно. Прежде чѣмъ кончить, позвольте мнѣ высказать нѣсколько мыслей по поводу будущаго нашего клуба,—я надѣюсь, что онъ будетъ превосходнѣйшимъ

---

¹⁾ Речь шла о Гладстонѣ, присутствовавшемъ на митингѣ, гдѣ произнесена была эта речь.

въ обыкновенномъ смыслѣ, даваемомъ слову «клубъ». Съ одной стороны вы найдете здѣсь желательный комфортъ, съ другой же онъ будетъ на высотѣ той мисси, которая подобаеъ такому учрежденію. Онъ будетъ мѣстомъ, гдѣ могутъ свободно и откровенно обмѣниваться мнѣнія о всѣхъ великихъ вопросахъ дня. При входѣ въ клубъ мы будемъ вспоминать, что каждый изъ насъ играетъ предназначенную ему роль въ великой политической драмѣ, что онъ принимаетъ участіе въ великомъ движеніи идей. Поступая такъ, мы будемъ знать, что служимъ интересамъ страны».

Взаимодѣйствіе провинціи на Лондонъ и Лондона на провинцію не ограничивается однимъ лишь вліяніемъ столичныхъ клубовъ, состоящихъ изъ провинціальныхъ и столичныхъ элементовъ,—по всему пространству соединеннаго королевства, кромѣ того, разбросаны многочисленныя политическія ассоціаціи, тѣсно связанныя съ лондонскими клубами, которымъ онѣ ежегодно вносятъ опредѣленныя суммы, какъ то дѣлаютъ провинціальные члены клубовъ въ формѣ членскаго взноса. Эти ассоціаціи являются, въ нѣкоторомъ родѣ, добавленіями центральной организаціи, находящейся, въ столицѣ и вліяніе которой онѣ распространяютъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ къ этому способны изолированныя члены клубовъ. Кромѣ того, въ большихъ провинціальныхъ городахъ имѣются свои клубы, которые зачастую ни въ чемъ не уступаютъ своимъ столичнымъ собратьямъ,—къ числу этихъ вліятельныхъ провинціальныхъ клубовъ принадлежатъ, на примѣръ, ливерпульскій «Reform club» и «Conservative Club», бирмингамскіе «Midland Conservative Club», «Conservative Club» и «Birmingham Liberal Club», эдинбургскій «Scottish Conservative Club» и др. Всѣ эти клубы, хотя и не являются филиальными отдѣленіями клубовъ лондонскихъ, поддерживаютъ съ послѣдними самыя тѣсныя и дружескія сношенія. Многие изъ провинціальныхъ клубовъ пользуются особенно цѣнною привилегіей—представлять своихъ кандидатовъ въ лондонскіе клубы, принадлежащіе къ той же политической партіи,—такъ, на примѣръ, въ лондонскій «Національный либеральный клубъ» кандидатъ можетъ быть представленъ или двумя членами того же клуба, или комитетомъ одного изъ десяти провинціальныхъ клубовъ, упомянутыхъ въ статутѣ клуба. Благодаря этому преимуществу, провинціалы, не имѣющіе особыхъ связей въ Лондонѣ, получаютъ свободный доступъ въ столичные клубы.

Посмотримъ теперь, какъ, достигнувъ своей ближайшей цѣли—сближенія членовъ одной партіи, служатъ клубы своему дѣлу не только передъ ограниченнымъ числомъ членовъ своихъ, но передъ націей самой, иначе, что дѣлаютъ они для распространенія своихъ идей и въ особенности для проведенія въ парламентъ представителей, раздѣляющихъ эти идеи.

Первымъ условіемъ активной дѣятельности въ этомъ направленіи является тѣсное соглашеніе, исключаящее какой бы то ни было

антагонизмъ между клубами и ассоціаціями, или комитетами политическими. Казалось бы, что политическіе клубы дѣлають совершенно излишними избирательные комитеты и политическія ассоціаціи, и что соперничество между этими учреждениями различнаго рода должно привести къ уничтоженію тѣхъ или другихъ, но на самомъ дѣлѣ клубы и ассоціаціи живутъ рядомъ въ прекраснѣйшей гармоніи, оказывая другъ другу участіе, такъ что въ данномъ случаѣ передъ нами не соперничество, а вполне благое соревнованіе. Кромѣ значительнаго числа мѣстныхъ комитетовъ, въ Англии функціонируютъ двѣ великія ассоціаціи, представляющія каждая одну изъ двухъ наслѣдующихъ другъ у друга партій: «Національная либеральная федерація» и «Центральная консервативная ассоціація». Именно имъ и принадлежитъ высшее управленіе дѣлами партій, и никогда ни одинъ клубъ не подумаетъ претендовать на права этихъ ассоціацій. Дабы точнѣе охарактеризовать прерогативы этихъ двухъ властей, можно сказать, что ассоціаціи управляютъ официально, клубы же оказываютъ имъ участіе, хотя и офиціозное, но всегда могучее и нерѣдко необходимое. Въ случаѣ выборовъ, напримѣръ, клубъ не вмѣшивается въ дѣло до тѣхъ поръ, пока къ нему не обратится ассоціація, но обратится съ просьбою объ участіи совершенно въ интересахъ ассоціаціи, ибо, прежде всего, клубъ располагаетъ значительнымъ выборомъ кандидатовъ, за которыхъ ручается и къ которымъ поэтому ассоціація можетъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ. Ассоціаціи приходится обратиться къ клубу не только съ просьбою о кандидатахъ, но и объ ораторахъ, которые безвозмездно, въ интересахъ лишь дѣла, поддержать выборную кампанію. Клубы придаютъ этому пункту чрезвычайное значеніе, ибо группирующаяся вокругъ нихъ молодежь въ избирательные періоды находитъ себѣ полезную дѣятельность, которой отдается всѣмъ сердцемъ и которая вырабатываетъ изъ нихъ прекрасныхъ борцовъ для будущаго.

Съ другой стороны, клубы располагаютъ значительнымъ состояніемъ, поддержка котораго, въ широкомъ смыслѣ, не можетъ не быть существенною. На это дѣло политической агитаціи посвящается не какая либо доля обыкновеннаго бюджета партіи клуба, а спеціальныя фонды, секретныя, такъ сказать, составляющіеся изъ особыхъ взносовъ богатыхъ членовъ, къ щедрости которыхъ и обращаются клубы. Фонды эти всегда находятся въ распоряженіи комитета клуба.

Было время, когда средства эти употреблялись не совсѣмъ безупречно, когда, благодаря имъ, практиковался попросту подкупъ избирателей. Еще и сейчасъ показываютъ въ «Реформъ клубѣ» маленькую комнатку, гдѣ происходили конфиденціальныя бесѣды по этому деликатному вопросу, — на одной изъ стѣнъ комнаты этой виситъ даже портретъ худаго и высокаго дженгельмена съ поли-

цейской физиономіей, который стяжалъ себѣ особую славу на этомъ поприщѣ и состоялъ на сей предметъ уполномоченнымъ клуба. Все это, однако, принадлежитъ исторіи,—законодатель давно уже нашелъ нужнымъ положить предѣлъ такого рода практикѣ, и нынѣ «секретные фонды» имѣютъ болѣе честное назначеніе.

Такимъ образомъ, клубы являются прекрасно вооруженными для дѣйствительной, если не официальной, роли въ періоды выборовъ, когда они представляютъ главныя квартиры партій. Сюда со всѣхъ сторонъ соединеннаго королевства направляются депеши, сообщающія результаты выборовъ, и, подражая крупнымъ органамъ печати, клубы сообщаютъ народу о результатахъ выборовъ этихъ освѣщенными транспарантами на окнахъ и балконахъ второго этажа. Мы помнимъ, какія громадныя толпы народа собирались вечерами дѣтотъ 1895 года передъ «Національ либераль клубомъ» и «Консервативнымъ клубомъ», чтобы слѣдить за переѣздами транспарантовъ, сообщающихъ о побѣдахъ и пораженіяхъ тѣхъ или другихъ любимцевъ этой толпы.

Пропагандою идей своей партіи клубы заняты не только въ періоды выборовъ,—даже и въ «мирное» время они не остаются бездѣтельными, хотя слѣдуетъ замѣтить, что дѣятельностью своею они отличаются далеко не въ равной степени. Если, какъ мы говорили выше, «Реформъ клубъ», благодаря составу своему изъ либераловъ и либераль-унионистовъ, вынужденъ отказаться отъ активной дѣятельности, то другіе остаются бездѣтельными безъ всякихъ уважительныхъ причинъ. Есть даже и такіе клубы, именующіеся, однако, политическими, которые считаютъ ниже своего достоинства заниматься пропагандой, и, такимъ образомъ, когда одни считаютъ своимъ правомъ, если не долгомъ, отдыхать, другіе работаютъ на пользу защищаемого ими дѣла, и впереди послѣднихъ идутъ самыя молодые и обладающіе наибольшимъ количествомъ членовъ и вліяніемъ «Національный либеральный» и «Консервативный» клубы.

Вотъ примѣръ того, въ чемъ состоитъ ихъ дѣятельность въ «мирное» время. Должнымъ образомъ оцѣнивая опасность нападеній, которымъ въ послѣднее время подвергаются либеральныя доктрины въ отношеніи политической экономіи, «Національный либеральный клубъ», войдя въ соглашеніе съ «Кобденъ клубомъ», рѣшилъ дать въ залѣ своей въ прошломъ году серію конференцій, настоящей курсъ теоріи и исторіи свободнаго обмѣна. Курсъ этотъ, порученный извѣстному въ Англии экономисту А. Milnes'у и прочтенный въ октябрѣ и ноябрѣ 1897 года, имѣлъ очень крупный успѣхъ и привлекалъ массу слушателей не только изъ среды членовъ клуба, но совершенно постороннихъ клубу лицъ, любезно допущенныхъ въ виду чрезвычайной важности для клуба распространенія и укрѣпленія идей свободнаго обмѣна. Для пропаганды въ провинціи этотъ же клубъ прибѣгаетъ къ очень оригинальному и полезному сред-

ству. Клубъ, между прочимъ, очень гордится своей по истинѣ прекрасной библіотекой, содержащей свыше 12.000 томовъ и называемой въ честь «Великаго Старца» Gladstone Library. Комитету клуба пришла счастливая мысль удѣлить въ распоряженіе провинціи часть богатствъ своей библіотеки и въ сельскіе округа, для образованія передвижныхъ сельскихъ библіотекъ, стали посылаться книги въ опредѣленномъ количествѣ и безъ какихъ либо издержекъ для сельскихъ читателей. По прочтеніи, книги возвращаются въ Лондонъ, откуда направляются въ другія сельскія библіотеки, и, какъ кровообращеніе въ человѣческомъ организмѣ, циркуляція этого воспитательнаго матеріала происходитъ безостановочно.

Часто, однако, общественное воспитаніе, предлагаемое клубами, не имѣетъ абсолютно политическаго характера. Въ минувшую зиму (1897—1898 г.) въ «Конституціонномъ клубѣ», напримѣръ, прочтены были слѣдующія публичныя лекціи: «Англія въ Египтѣ», «Защита Британской имперіи», «Канада», «Индія», «Южная Африка», «Будущее Британской націи», «Исторія войны въ Матабелеландѣ» и т. д. Такого рода воспитаніе, повидимому, носитъ скорѣе національный, нежели политическій характеръ, но не трудно понять, что оно немало служитъ къ развитію и расположенію въ пользу консервативной политики, которую защищаетъ «Конституціонный клубъ».

Такимъ образомъ, политическіе клубы въ Англіи помимо того, что предоставляютъ членамъ своимъ значительныя матеріальныя удобства, на которыхъ мы дальше остановимся, приносятъ несомнѣнную пользу тому политическому дѣлу, поборниками котораго являются. Чѣмъ не менѣе, для того, чтобы дѣятельность ихъ была безусловно полезна, необходимо соблюденіе еще одного условія, — необходима дисциплина, которая одна можетъ устранить опасность анархіи, соблюденіе же этого условія представляетъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Въ дѣйствительности далеко нелегко сгруппировать значительное число людей, культивирующихъ буквально одинаковыя мнѣнія по всеѣмъ представляющимся и могущимъ представиться вопросамъ, — ихъ можетъ соединять одна общая, главная, идея, но въ деталяхъ она не можетъ не вызывать различныхъ мнѣній. Такимъ образомъ, если члены одного и того же клуба недостаточно способны къ самоотреченію, не проникнуты настолько чувствомъ дисциплины, чтобы принести въ жертву извѣстныя личныя идеи ради успѣха дѣла, являющагося общимъ для всеѣхъ ихъ, если каждый членъ клуба пойдетъ по своему собственному направленію, тогда клубъ не будетъ принципомъ силы. Клубы признаютъ значеніе этого затрудненія и, насколько это возможно, устраняютъ его. Прежде всего установлено, что желающій вступить въ клубъ этимъ самымъ уже присоединяется къ политическому принципу, представителемъ котораго является клубъ. Въ статьѣ I-ой статута «Junior Carlton Club»'а, напримѣръ, точно ука-

зано, что «членами клуба могутъ быть лишь тѣ лица, которыя исповѣдываютъ консервативные принципы и признають шефами своими шефовъ, признанныхъ консервативною партіей». Тожественныя условія мы видимъ и въ статутахъ клубовъ либеральныхъ.

Лично каждый членъ свободенъ «смытъ свое сужденіе имѣть», но разъ клубъ имѣетъ общую программу, она должна быть принята всеми. Отъ членовъ клуба отнюдь не требуется, чтобы они думали согласно съ большинствомъ,—имъ предлагается лишь, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не согласны съ этимъ большинствомъ, не афишировать публично ихъ несогласія, не пропагандировать идей, не входящихъ въ программу клуба и не оппонировать идеямъ, въ этой программѣ заключающимся. Нельзя не признать это минимумомъ того, что можно требовать въ смыслѣ дисциплины отъ членовъ одного и того же клуба.

Случается, однако, что недисциплинированность нѣсколькихъ изолированныхъ членовъ можетъ серьезно компрометировать и угрожать относительной однородности, необходимой для правильнаго функціонирования учрежденій такого рода. Въ такихъ случаяхъ клубы прибѣгаютъ къ прискорбному, но необходимому средству,—къ исключенію изъ среды своей вредныхъ членовъ, и мы видимъ, что «Конституціонный клубъ», напримѣръ, по этому поводу, въ статьѣ 40-ой своего статута, говоритъ такъ: «по предоставленіи члену, противъ котораго формулированы жалобы, возможности объясненія и защиты, на обязанности комитета лежитъ исключить его, если будетъ доказано, что характеръ его, или поведеніе (какъ съ точки зрѣнія политической, такъ и соціальной) несовмѣстимы съ цѣлями клуба, или могутъ нанести ущербъ интересамъ дѣла консерваторовъ». Въ тождественной статьѣ статута «Національнаго либеральнаго клуба» (37) предусматривается компрометирующій образъ дѣйствій не только изолированныхъ членовъ, но и филиальныхъ ассоціацій и отдѣленій клуба въ провинціяхъ. Добавимъ, однако, что мѣра эта примѣняется чрезвычайно рѣдко въ англійскихъ клубахъ, такъ же рѣдко, какъ рѣдки бываютъ такіе случаи раскола, какъ послѣдній въ либеральной партіи, внесшій за собою расколъ и въ клубы. Вообще, благодаря устойчивости традицій и урегулированному темпераменту, отличающему англичанъ, политическіе клубы ихъ въ обыкновенное время весьма мало предоставлены опасностямъ, являющимся результатомъ раздѣленія мнѣній и слѣдующей затѣмъ анархіи.

Обрисовавъ въ главнѣйшихъ чертахъ, съ точки зрѣнія политической, характеръ и дѣятельность англійскихъ политическихъ клубовъ, скажемъ теперь нѣсколько словъ объ ихъ составѣ, управленіи и внутренней организаціи.

И безъ того громадное число лондонскихъ клубовъ растетъ съ каждымъ годомъ, во-первыхъ, благодаря той популярности, которую

пользуются эти учрежденія, а, во-вторыхъ, потому, что въ большинствѣ изъ нихъ (въ старѣйшихъ, главнымъ образомъ) число членовъ строго ограничено, а членскіе взносы очень высоки. Разъ въ существующихъ клубахъ нѣтъ вакансій, а число кандидатовъ, ожидающихъ таковыхъ, громадно, остается лишь основывать новые клубы для лицъ, желающихъ пользоваться удобствами этихъ учрежденій. Съ другой стороны, чрезвычайно большіе взносы членскіе дѣлаютъ неизбѣжнымъ основаніе новыхъ клубовъ, приемъ въ которые не требуетъ особенно значительныхъ жертвъ.

Вотъ списокъ главнѣйшихъ клубовъ Лондона по старшинству ихъ основанія, съ указаніемъ числа членовъ ихъ и цифры взносовъ, какъ единовременныхъ, при вступленіи въ клубъ, такъ и годовыхъ для членовъ столичныхъ и провинціальныхъ:

	Годъ основанія.	Число членовъ.	Единовременн. взносъ.	Годовой	
				столичн.	провинц.
Уайтсъ Клубъ	1693	750	20 ф.	12	12
Бруксъ	1764	600	26 »	12	12
Карлтонъ	1832	1300	30 »	12	12
Реформъ	1836	1400	40 »	10	10
Консервативный	1840	1300	30 »	10	10
Младшій Карлтонъ	1864	2100	39 »	10	10
С. Стефенсъ	1871	1250	0 »	10	10
Дэвонширъ	1874	1200	15 »	10	10
Эйги	1880	596	1 »	1	1 ¹⁾ .
Національн. либеральн.	1882	6000	0 »	6	3
Конституціонный	1883	6500	15 »	5	3

Итакъ, несравненно болѣе прочихъ вербуютъ членовъ и наименьшій взносъ требуютъ именно два главнѣйшіе и наиболѣе молодые либеральный и консервативный клубы, число членовъ которыхъ неограничено, почти же во всѣхъ прочихъ оно строго ограничено. Ограниченное число это не включаетъ, однако, ни членовъ палаты общинъ, ни пэровъ и ихъ наслѣдниковъ, — всѣ эти особы составляютъ привилегированный классъ, принятіе членовъ котораго въ клубы слишкомъ драгоцѣнно, дабы его стѣснять какими либо предѣлами. Въ нѣкоторыхъ клубахъ особы эти считаются почетными членами и, какъ таковыя, въ ограниченное число членовъ не входятъ.

Кромѣ двухъ категорій членовъ, о которыхъ мы говорили, — членовъ столичныхъ и членовъ провинціальныхъ, въ лондонскихъ клубахъ бываютъ члены пожизненные, почетные, сверхштатные и временные. Пожизненными являются тѣ, которые вносятъ разъ навсегда значительную сумму денегъ, почетными — выдающіеся поли-

1) Незначительность взноса въ этомъ клубѣ объясняется его социальнымъ характеромъ, о чемъ мы говорили выше.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1898 г., т. LXXIII.

тическіе дѣятели, сверхштатными—тѣ члены, которые на болѣе или менѣе долгое время удалились изъ столицы, временные же члены составляютъ специальную категорію, заслуживающую нѣсколькихъ лишнихъ словъ о ней.

Временными членами называются лица британской національности или иностранцы, которые обыкновенно живутъ или въ британскихъ колоніяхъ или въ другихъ странахъ и, временно находясь въ Лондонѣ, принимаются на ограниченный періодъ времени въ качествѣ членовъ въ клубы, гдѣ пользуются, съ точки зрѣнія матеріальныхъ удобствъ, тѣми же привилегіями, что и обыкновенные члены клуба, не платя, однако, никакого взноса. Эта комбинація столь же удобна для временныхъ членовъ, сколько и для самихъ клубовъ, ибо будь эти члены иностранцами или англичанами, живущими за границей или въ колоніяхъ (дипломаты, чиновники и офицеры колоній, просто колонисты), эти сношенія лондонскихъ клубовъ съ элементами, прибывающими извнѣ, не могутъ не принести добрыхъ плодовъ, и это въ особенности справедливо относительно иностранцевъ, такъ какъ, благодаря ихъ присутствію, совершается обмѣнъ мыслей между людьми различныхъ странъ, пользующихся различными учрежденіями, каковой обмѣнъ представляетъ весьма значительный интересъ.

Съ другой стороны, съ точки зрѣнія международной, сношенія политическихъ дѣятелей, писателей и журналистовъ разныхъ странъ не могутъ не содѣйствовать уничтоженію многихъ предубѣжденій и предрасудковъ, которыми мы еще страдаемъ, къ сожалѣнію, и мы изъ нашего личнаго опыта знаемъ безусловную пользу сношеній этихъ

Что касается иностранцевъ, постоянно или болѣе или менѣе продолжительное время живущихъ въ Лондонѣ, то, хотя въ принципѣ и необходима британская національность для приѣма членомъ въ клубъ, иностранцы на практикѣ могутъ быть постоянными членами клубовъ, ибо разъ они приняты на годовой срокъ—срокъ этотъ продолжается по мѣрѣ необходимости безконечно. Въ такомъ случаѣ мы платимъ такой то взносъ, какъ и члены англичане, но не пользуемся правомъ голоса въ обсужденіяхъ клубныхъ дѣлъ. Статуты «Реформъ клуба» въ особенности либеральны въ этомъ отношеніи,—иностранцы, прожившіе въ Англіи не менѣе трехъ лѣтъ, являются въ этомъ клубѣ совершенно равноправными сочленами съ англичанами, почему, конечно, въ немъ и насчитывается иностранцевъ болѣе, чѣмъ въ другихъ клубахъ.

За весьма рѣдкими исключеніями, избраніе кандидатовъ совершается комитетомъ, избираемымъ въ свою очередь общимъ собраніемъ членовъ и являющимся въ извѣстной степени правленіемъ клуба. Такой комитетъ состоитъ, во-первыхъ, изъ пяти—шести trustees, избираемыхъ на всю жизнь, и дѣйствительнаго комитета, члены

котораго смѣняются ежегодно въ количествѣ трети состава. Trustees'ы, которымъ довѣряется все состояніе клуба, верѣдко очень значительное, избираются изъ выдающихся дѣятелей партіи: такъ, на примѣръ, trustees'ами въ «Карлтонъ клубъ» состоятъ настоящий первый министр маркизъ Сольсбери и маркизъ Лондондери, а въ «Реформъ клубъ» въ этомъ званіи мы видимъ герцога Дѣвонширскаго и маркиза Лаунсдона (члены либеральнаго клуба и.... члены настоящаго правительства,—не неудобство, о которомъ мы выше говорили); въ «Національномъ либеральномъ клубѣ» trustees'ами состоятъ лордъ Розбери, виконтъ Оксенбриджъ, лордъ Джемсъ Геререфордъ; въ «Конституціонномъ» герцогъ Норфолькскій, лордъ Бальфордъ Бурлей и т. д. Рядомъ съ комитетомъ, или точнѣе главнымъ комитетомъ, управляющимъ дѣлами клуба въ ихъ ансамблѣ, имѣются въ нѣкоторыхъ клубахъ политическіе комитеты, которые вѣдаютъ вопросы, касающіеся общей политики, и пропаганду; затѣмъ различные комитеты, вѣдающіе спеціальные вопросы, интересующіе клубъ, въ особенности съ точки зрѣнія его матеріальной организаціи, вплоть до комитета «винъ и сигарь».

Не слѣдуетъ забывать, что какъ бы ни былъ великъ интересъ учредителей клуба къ политическому дѣлу, которому они служатъ, комфортабельное устройство клуба является необходимымъ условіемъ его существованія, —клубъ долженъ быть не только «домомъ партіи», но и домомъ каждаго члена его, помимо какихъ бы то ни было политическихъ вопросовъ. Англичане давно уже постигли эту необходимость, и вотъ почему ихъ клубы достигаютъ той степени процвѣтанія, которая такъ поражаетъ насъ иностранцевъ. Чтобы оцѣнить удобство клубовъ лондонскихъ, посѣтимъ одинъ изъ нихъ—«Національный либеральный клубъ».

Зданіе клуба этого, расположенное въ Уатъ-Холль Плэсѣ, на берегу Темзы, въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія отъ парламента, очень красиво и обширно, выстроено въ строгомъ и элегантномъ стилѣ и украшено высокой башней, заканчивающейся пирамидой. Внутренность зданія также красива и роскошна, и можно сказать, что здѣсь соединено все необходимое для того, чтобы сдѣлать изъ клуба, по выраженію Гладстона, «храмъ роскоши и благополучія», наиболѣе совершенный въ Лондонѣ. Кстати о Гладстонѣ,—онъ по истинѣ считался богомъ этого клуба, и первое, на чемъ останавливается вашъ взоръ при входѣ въ клубъ,—это прекрасный мраморный бюстъ великаго государственнаго дѣятеля Англіи.

Рядомъ съ вестибюлемъ и ложей привратника расположена большая и прекрасная пріемная для постороннихъ лицъ, а за нею небольшая комната съ телефономъ, гдѣ, кромѣ того, помѣщенъ аппаратъ Exchange Telegraph Company, почти непрерывно работающій. Спеціальныи служитель время отъ времени отрѣзаетъ ленту и наклеиваетъ ее на черныя доски, висящія по стѣнамъ. Сидя въ клубѣ,

членъ его можетъ, благодаря этому аппарату, слѣдить за дебатами въ палатѣ общинъ и знать новости со всѣхъ концовъ міра, не ожидая многочисленныхъ специальныхъ и экстра-специальныхъ изданій газетъ. Одна доска предназначается для парламентскихъ дебатовъ, другая для внутреннихъ новостей, третья для внѣшнихъ, четвертая для финансовыхъ и т. д. Въ глубинѣ пріемной залы имѣется дверь, ведущая въ залъ конференцій, куда посторонняя публика, допускаемая на публичныя лекціи, проникаетъ черезъ особый для нея входъ съ Уайтъ-Холль Авеню, благодаря чему въ главномъ вестибюлѣ никогда не бываетъ значительнаго скопленія посѣтителей. Изъ вестибюля въ верхніе этажи ведетъ красивая и широкая лѣстница, опирающаяся на колонны изъ алжирскаго оникса, у основанія же лѣстницы этой черезъ широкую дверь мы спускаемся въ Smoking room, которая представляетъ не только курительную, но и читальную залу клуба, гдѣ на столахъ, стѣнахъ и люпитрахъ можно найти всѣ газеты не только соединеннаго королевства, но и всѣхъ британскихъ колоній, равно какъ и главнѣйшіе органы печати всѣхъ странъ континента (кромѣ Россіи) и Новаго Свѣта. По свѣдѣніямъ почтоваго статистическаго комитета, послѣ Британскаго музея больше всего періодическихъ изданій доставляется «Национальному либеральному клубу».

Рядомъ съ читальной и курительной залой расположена громад-ная биллиардная.

Поднявшись по лѣстницѣ или по подъемной машинѣ, мы найдемъ въ первомъ этажѣ большую столовую, стѣны которой украшены портретами Гладстона, лорда Грэнвиля, Кобдена, Джона Брайта и другихъ покойныхъ и здравствующихъ шефовъ либеральной партіи. Въ столовой масса свѣта, благодаря широкимъ окнамъ, выходящимъ на Темзу, куда открывается красивый видъ. Здѣсь обѣдаютъ и завтракаютъ на маленькихъ столахъ, и столовая всегда переполнена въ особенности въ продолженіе парламентскихъ сессій. Рядомъ съ этой расположена другая столовая зала, Grill room, учрежденіе чисто британское, гдѣ вы сами выбираете мясо или другой продуктъ, и гдѣ кушанье готовится на вашихъ глазахъ. Огонь пылаетъ здѣсь круглый день, что представляетъ громадное удобство для членовъ, которые не могутъ прибывать въ клубъ къ обыкновенному времени lunch'a или обѣда.

Между этими двумя столовыми расположена вторая читальная зала, гдѣ на столахъ разложены многочисленные журналы, Reviews and Magazines, энциклопедіи, справочныя книги, указатели, атласы, календари и т. д. На многочисленныхъ маленькихъ столикахъ разложены письменныя принадлежности, всевозможныхъ форматовъ бумага и конверты съ гербами и шифрами клуба и т. д. Здѣсь читаютъ, работаютъ, пишутъ, и потому въ залѣ этой царить всегда

внушительная тишина, также строго соблюдаемая, какъ и въ Британскомъ музеѣ.

Во второмъ этажѣ находятся: вторая билліардная зала, игорная комната, ибо въ карты даже и въ политическихъ клубахъ играютъ, бюро секретаря клуба, комната, гдѣ происходятъ засѣданія комитета, малая курительная и, наконецъ, библиотека, Gladstone Library, о которой мы выше говорили уже.

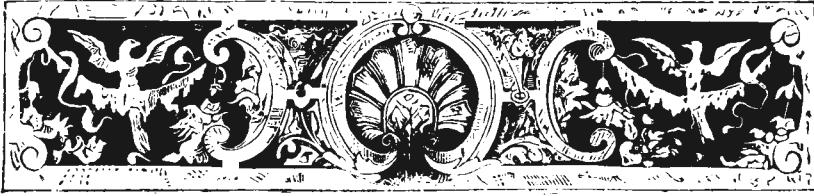
Въ третьемъ этажѣ расположено 120 спальныхъ комнатъ, для прїѣзжающихъ въ Лондонъ провинціальныхъ членовъ, которымъ, благодаря этому, не нужно останавливаться въ гостиницахъ. Этимъ удобствомъ отличаются, впрочемъ, очень немногіе изъ лондонскихъ клубовъ. За комнаты эти, правда, взимается плата, но, принимая во вниманіе столичныя цѣны и удобства клуба, плату (4 шилл. въ день) нельзя считать значительною. По правиламъ, этими комнатами члены не могутъ пользоваться долѣе двухъ недѣль, но такъ какъ комнатъ много, требованій же не много, то на дѣлѣ многіе члены живутъ въ клубѣ по мѣсяцамъ, если не по годамъ. Такая организація предоставляетъ не только удобства провинціальнымъ членамъ клуба, но и довольно значительный доходъ самому клубу, хотя при этомъ клубъ ничѣмъ не походитъ на гостиницу и является истиннымъ home'омъ для своихъ гостей.

Можно было бы скорѣе подумать, что гости эти будутъ чувствовать себя при такихъ условіяхъ слишкомъ «у себя дома», но... статутномъ клуба и это предусмотрено. «Никто изъ членовъ клуба не долженъ показываться въ халатѣ и туфляхъ и вообще дезабилье въ тѣхъ апартаментлахъ клуба, которые предназначены для всѣхъ его членовъ», гласитъ одинъ изъ параграфовъ статута. Не одинъ костюмъ, никогда не теряющій своихъ правъ въ англійскомъ обществѣ, но многіе нравы и обычаи въ клубахъ строго регламентированы ихъ статутами. Такъ, напримѣръ, строго воспрещается подъ какимъ бы то ни было предлогомъ вводить въ помѣщеніе клуба собакъ; курить строго воспрещается во всѣхъ залахъ клуба, кромѣ определенныхъ для этой цѣли; статутъ «Конституціоннаго клуба» обязываетъ членовъ своихъ никогда не выходить изъ клуба и не входить въ оный съ... сигарой въ зубахъ и т. д. и т. д.

Быть можетъ, правила эти найдены будутъ стѣнительными? Нѣтъ,—члены англійскихъ клубовъ не находятъ ихъ такими.

Таковы съ точекъ зрѣнія политической и свѣтской англійскіе клубы, не имѣющіе пока примѣра себѣ ни на континентѣ, ни въ Новомъ Свѣтѣ.

Л. А. Б.—ичъ.

МЕМОАРЫ КНЯЗЯ САНГУШКИ ¹⁾

VI.

Выступление французской арміи изъ Москвы.— Обремененіе солдатъ и обоза награбленною добычей.— Конница, какъ источникъ продовольствія арміи.— Бой подъ Малоярославцемъ.— Распоряженія Наполеона по полученіи донесенія объ отступленіи Кутузова.— Причина движенія Наполеона на Малоярославецъ.— Нападеніе казаковъ на императора.— Радостное настроеніе французовъ послѣ поворота на Можайскъ.— Лишенія французской арміи во время отступленія.— Прибытіе въ Смоленскъ.— Бой подъ Краснымъ.— Встрѣча Наполеона съ Понитовскимъ.

ФРАНЦУЗЫ БОЛѢе семи недѣль промедлили въ Москвѣ ²⁾. Застигнутые врасплохъ извѣстіемъ о пораженіи подъ Тарутинымъ, они начали выступленіе въ глухую ночь. На улицахъ происходили столкновеніе и давка, которыми съ успѣхомъ могли бы воспользоваться при нѣкоторомъ искусствѣ русскіе партизаны, потому что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тарутинскаго боя должно было быть очищеніе города.

Добыча, взятая изъ Москвы, требовала расхода значительнаго числа офицеровъ и солдатъ. Команды, назначенныя начальствующими лицами для охраны награбленнаго имущества, по численности своей равнялись порѣдѣвшимъ рядамъ. Однимъ изъ главныхъ гра-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 671.

²⁾ Французы вступили въ Москву 2-го (14-го) сентября и выступили изъ нея 7-го (19-го) октября, слѣдовательно провели въ ней 35 дней.

бителей былъ французскій генералъ Клапаредъ, командовавший ви-
слянскими легіонами. Подъ видомъ имущества, взятаго въ казну,
онъ навьючилъ солдатъ, бывшихъ подъ его командой, добычей.
Пользовавшійся общимъ уваженіемъ генералъ Хлопицкій, находясь
въ отсутствіи по причинѣ раны, не могъ воспрепятствовать этому
позору. Ранцы французскихъ солдатъ вѣсили свыше ста фунтовъ.
Они стонали подъ тяжестью серебра и другихъ цѣнностей, но не
желали разстаться съ ними. Аммуниція, воинское снаряженіе и ко-
вочныя принадлежности выбрасывались изъ фургоновъ и замѣня-
лись награбленнымъ имуществомъ, отнимая послѣднія силы у ло-
шадей, итакъ уже едва волочившихъ ноги. Подобный же грузъ обре-
менялъ чемоданы конницы.

При выступленіи изъ Москвы императоръ приказалъ войскамъ
обезпечить себя провіантомъ на двадцать дней. Но отъ слова до
дѣла далеко. Въ виду недостатка провіанта средствомъ продоволь-
ствія явилась конина. Жестокій способъ, которымъ умерщвлялись
бѣдныя животныя, превышалъ всякія границы. Не давая себѣ труда
предварительно ихъ зарѣзать, солдаты изъ живыхъ вырѣзывали куски
мяса. Сангушко говоритъ, что за все время похода ему только одинъ
разъ пришлось замѣтить проявленіе жалости къ лошадямъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней марша французская армія достигла
городка Малоярославца. Важно было предупредить въ немъ рус-
скихъ, если только имѣлось въ виду воспользоваться для движенія
на Смоленскъ еще не разоренною дорогою черезъ Калугу. Горсть
итальянцевъ, слѣдовавшая въ авангардѣ, овладѣла городомъ. По-
слѣдній представлялъ весьма выгодныя условія для обороны, но
потому ли что не позаботились усилить позиціи, или же потому, что
армія не успѣла подойти во время, итальянцы были ночью выбиты,
и непріятель, занявъ Малоярославецъ, выдвинулъ сильную артил-
лерію для обстрѣливанія подступовъ по плотинѣ и мостамъ.

Наполеонъ отдалъ приказаніе вице-королю овладѣть городомъ,
что тотъ и исполнилъ послѣ кроваваго боя, продолжавшагося цѣл-
ый день. Въ этомъ случаѣ, пишетъ Сангушко, особенно замѣтно
проявилось помраченіе, нашедшее на императора. Вопреки пред-
ставленій вице-короля и Даву, онъ хотѣлъ непремѣнно овладѣть Ма-
лоярославцемъ съ той стороны, которая по естественнымъ своимъ
свойствамъ представляла наиболѣе затрудненій для атаки. Между
тѣмъ, всего въ четверти мили находился удобный бродъ черезъ
рѣку, воспользовавшись которымъ и выйдя на обширную равнину,
командующую городомъ, можно было вынудить противника къ не-
избѣжному очищенію крѣпкой позиціи.

Обѣ стороны понесли значительныя потери. Наполеонъ гото-
вился на слѣдующій день дать новую битву. По мнѣнію Сангушки,
Кутузову, располагавшему сильной кавалеріей и превосходной кон-
ной артиллеріей, было выгодно принять бой. Въ случаѣ неудачи

онъ сохранялъ вполнѣ обезпеченный путь отступленія въ глубь страны безъ опасенія быть преслѣдованнымъ, въ случаѣ же побѣды ему нечего было бы ожидать сомнительныхъ еще результатовъ березинской операціи. Кутузовъ, имѣя, конечно, на то свои основанія, уклонился отъ боя и отступилъ около десяти верстъ.

Сангушко вмѣстѣ съ полковникомъ Фальковскимъ находился недалеко отъ Наполеона, когда прибыло донесеніе объ отступленіи русскихъ. Императоръ сидѣлъ на складномъ стулѣ посреди широкой почтовой дороги, устремивъ взоры къ Малоярославцу. Получивъ донесеніе, онъ, не вставая со стула, повернулся вмѣстѣ съ нимъ кругомъ, говоря: «на Верею, Можайскъ къ Смоленску». «Я опѣпенѣлъ, услышавъ эти слова, — пишетъ Сангушко, — и сказалъ Фальковскому: мы несомнѣнно погибли; государь сошелъ съ ума. И дѣйствительно какихъ послѣдствій и бѣдствій не принесъ намъ этотъ путь, на которомъ голодъ погубилъ людей и лошадей!».

Сангушко высказываетъ мнѣніе, что движеніе Наполеона къ Малоярославцу было вызвано исключительно политическими соображеніями — скрыть отъ всѣхъ собственную слабость и нанести передъ отступленіемъ еще одинъ сильный ударъ. Въ военномъ отношеніи движеніе къ Малоярославцу представлялось въ высшей степени невыгоднымъ. Французская армія сближалась съ непріателемъ, какъ будто съ тою цѣлью, чтобы облегчить ему преслѣдованіе ея. Слабый въ кавалеріи, вѣрнѣе даже не имѣя ея, Наполеонъ не могъ рассчитывать на задержаніе противника настолько, чтобы обезпечить свободное отступленіе пѣхоты, артиллеріи и обозовъ. Оставляя Москву, онъ могъ выбирать только между кратчайшей и выгоднѣйшей дорогами. Путь черезъ Малоярославецъ на Можайскъ и Вязму являлся наиболѣе длиннымъ, труднымъ и совершенно лишеннымъ средствъ. Движеніе это заставило потерять около пятнадцати дней — время, весьма драгоцѣнное въ его положеніи. Бой, приведшій къ отступленію Кутузова на нѣсколько верстъ, не избавлялъ французскую армію отъ присутствія его на ея флангѣ и только стянулъ къ мѣсту нахождения Наполеона болѣе или менѣе разбросаннаго противника. Выборъ дороги на Малоярославецъ могъ быть сдѣланъ въ военныхъ соображеніяхъ, только развѣ имѣя въ виду продолжать по ней отступленіе, такъ какъ безъ поворота на Можайскъ армія еще до начала дурной погоды успѣла бы миновать Смоленскъ и не лишилась бы совершенно артиллеріи, которую она вынуждена была покинуть во время гололедницъ, благодаря отсутствіюковки лошадей на острые шиши.

Сангушко говоритъ, что подъ Малоярославцемъ Наполеонъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ относительно Украйны и возможности занятія ея на зимнія квартиры. Императоръ какъ бы обнаруживалъ колебанія относительно способа выполненія обратнаго движенія изъ Москвы.

Подобно ребенку, испорченному матерью, Наполеонъ былъ избалованъ счастьемъ и безгранично вѣровалъ въ него. Имѣвъ всегда успѣхъ въ сраженіяхъ, гдѣ лично предводительствовалъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что то же счастье должно служить его вѣтравамъ. Вслѣдствіе тщеславія и небрежности, императоръ не обращалъ должнаго вниманія на потери, которыя несъ и избѣжать которыхъ внѣ власти побѣдителей, и при опредѣленіи численности корпусовъ преувеличивалъ свои силы¹⁾. Онъ не сомнѣвался, что на мѣстѣ Сенъ-Сира онъ уничтожилъ бы Витгенштейна. Не принимая въ соображеніе измѣчивости счастья и способностей противниковъ, Наполеонъ твердилъ, что побѣда должна быть нераазлучна съ его маршалами, и что Шварценбергъ несомнѣнно преданъ его дѣлу и славѣ. Императору не приходило въ голову, что австрійскій полководецъ явно его обманывалъ и преслѣдовалъ цѣли, указанныя ему его правительствомъ.

Сангушко былъ очевидцемъ извѣстнаго нападенія казаковъ на Наполеона подъ Малоярославцемъ, едва не приведшаго къ захвату императора въ плѣнъ. Не было ничего легче,— пишетъ онъ,— чтобы предпріятіе это увѣнчалось успѣхомъ. Часто случалось, что ни гвардія, ни конвой не могли поспѣть за Наполеономъ. Иногда они сбивались съ дороги, и императоръ проводилъ ночь съ малымъ прикрытіемъ или даже совѣмъ безъ него. Разнообразіе народностей, входившихъ въ составъ арміи, облегчало неприятелю доступъ и даже пребываніе въ лагерѣ. Предосторожностей противъ нападенія не принималось. Во время отступленія, въ виду продолжительныхъ ночей, императоръ выѣзжалъ до разсвѣта. Когда онъ садился на коня или въ карету, то кто нибудь высылался впередъ лишь для указанія дороги. Подъ Малоярославцемъ Наполеонъ подвергся нападенію отряда казаковъ при выѣздѣ съ ночлега, въ ста шагахъ отъ бивуака главной квартиры. Было еще темно, конвой гренадеровъ конной гвардіи былъ на нѣкоторомъ разстояніи впереди, и при императорѣ находилось всего нѣсколько лицъ. Несмотря на это и несмотря на смятеніе впереди, Наполеонъ не хотѣлъ выждать или

---

¹⁾ Справедливо, что въ послѣдніе годы своего царствованія великій полководецъ, избалованный счастьемъ и твердо вѣруя въ свою непогрѣшимость, нерѣдко даже обстановку стремился подчинить своему деспотизму, настойчиво отвергая дѣйствительность, разъ она не согласовалась съ его желаніями. Но нельзя согласиться съ упрекомъ, брошеннымъ Сангушкою, что Наполеонъ не обращалъ должнаго вниманія на потери. Напротивъ, извѣстно, какое значеніе придавалъ постоянно императоръ цифровымъ даннымъ состава своей арміи и какой педантичной точности требовалъ онъ въ подаваемыхъ ему свѣдѣніяхъ. Достаточно пересмотрѣть его переписку во время похода 1812 года и въ послѣдующія войны, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Если Наполеонъ преувеличивалъ силы своихъ корпусовъ и, прибавимъ, уменьшалъ силы противника, то дѣлалось это умышленно, не съ цѣлью самообмана, а какъ одно изъ средствъ для достиженія успѣха.

повернуть назад и продолжалъ свой путь. Наконецъ, Коленкуръ и Раппъ остановили его. Раппъ въ этой схваткѣ былъ раненъ¹⁾. Сангушко по этому поводу приводитъ другой случай подъ Краснымъ, когда Наполеонъ сбился съ дороги и уже около полудня остановился на ночлегъ въ уединенномъ дворѣ посреди лѣса. Падаль сильный снѣгъ, и гвардія, заблудившись, миновала его квартиру. До поздней ночи при императорѣ находилось только нѣсколько человѣкъ, которые, сбросивъ въ сторону гордость, занимались колкой дровъ и топкой печей. Впрочемъ, прибавляетъ Сангушко, захватъ Наполеона не представлялъ въ то время выгодъ для Россіи, потому что онъ самъ губилъ себя самымъ дѣйствительнымъ образомъ.

Вслѣдъ за повернувшей французской арміей потянулась длинная вереница обозовъ, занявшая дорогу на протяженіи нѣсколькихъ миль. Французы, не заботясь о будущности, которая могла ожидать ихъ съ поворотомъ на смоленскую дорогу, начали проявлять радость, утѣшая себя, что уже не подаются болѣе вглубь непривѣтливой страны и находятся на пути къ Франціи. Съ этой минуты только и слышны были разговоры о Парижѣ. Добыча, какъ средство для доставленія удовольствій, заботитъ и радуется ихъ, оружие же, какъ ненужное бремя, бросается въ придорожные рвы. Можно ли было, однако, удивляться простымъ солдатамъ, когда и высшихъ лицъ только и занимали такія же ребяческія мысли. Въ Москвѣ при дворѣ только и былъ разговоръ о лисьихъ, кроличьихъ и собольихъ мѣхахъ. Только легкомысліе французскаго народа, говоритъ Сангушко, обезпечиваетъ равновѣсіе въ Европѣ. Иначе, при его выдающихся способностяхъ и энергіи, онъ сталъ бы во главѣ міра.

Съ началомъ неудачъ французской арміи мелкія лишенія коснулись даже лицъ, близко стоявшихъ къ императору. Обозы подвергались нападеніямъ и захватамъ. Мюрать, любившій одѣваться причудливо, послѣ Тарутина остался только въ бархатной чемаркѣ фіо-

---

¹⁾ Солтыкъ, бывший въ свитѣ Наполеона во время нападенія, слѣдующимъ образомъ описываетъ этотъ случай. 25 (13) октября въ 5 часовъ утра Наполеонъ сѣлъ на коня и въ сопровожденіи штаба и конвоя направился шагомъ по большой дорогѣ къ Малоярославцу. Онъ уже поднялся на довольно высокой косогоръ, командующій деревней Городня, когда находившіяся впереди пикетъ гвардейскихъ егерей замѣтилъ длинную цѣль всадниковъ, приближавшихся къ большой дорогѣ. Сначала нельзя было разобрать—свои это или чужіе, потому что едва начинало свѣтать. Но, скоро убѣдившись, что это непріятель, егеря голопомъ повернули назадъ, чтобы предупредить объ опасности. Все это произошло въ полной тишинѣ: не раздавалось ни одного крика, ни одного выстрѣла. Какъ только Наполеонъ удостоверился, что непріятель былъ такъ близко, онъ повернулъ лошадь и галопомъ поспекалъ къ дежурнымъ эскадронамъ, которые слѣдовали за нимъ. Въ то же время генералы и офицеры, сопровождавшіе императора, обнажили сабли и атаковали вмѣстѣ съ конвоемъ переднихъ казаковъ, остановили ихъ. Генералъ Раппъ во время сшибки получилъ ударъ пикой.

летнего цвѣта польско-венгерскаго покроя и въ бархатной шапкѣ на манеръ прежнихъ конфедератокъ. Обстоятельство это не оказало впрочемъ вліянія на расположеніе его духа. Подъ Смоленскомъ, замѣтивъ Сангушку, сидѣвшаго въ сторонѣ на колодѣ и курившаго трубку, Мюратъ подошелъ къ нему и привѣтливо спросилъ его, какъ онъ поживаетъ. Сангушко отвѣтилъ, что плохо, но у него передъ глазами примѣръ благороднаго самоотверженія короля неаполитанскаго, который не утопаетъ въ роскоши, а находится въ одномъ кафтанѣ. «Меня нечего жалѣть,—отвѣтилъ Мюратъ,—потому что мнѣ прислали изъ Неаполя въ Вильну (отъ которой въ это время французская армія находилась въ разстояніи 600 миль и 3 недѣль марша) бархагу на цѣлыхъ три костюма». «Я готовъ былъ,—пишетъ Сангушко,—отъ всего сердца обнять прямодушнаго солдата, котораго не измѣнили почести». Сангушко признается въ похищеніи имъ въ передней императора плаща генерала Нарбонна. Онъ вынужденъ былъ къ этому покражей тамъ же его собственнаго плаща и утѣшаетъ себя тѣмъ, что у Нарбонна имѣлся запасъ шубъ, а онъ остался послѣ пропажи въ одномъ мундирѣ.

Послѣ чрезвычайныхъ лишеній, которыя не поддаются описанію, французская армія едва въ половинномъ составѣ прибыла въ Смоленскъ. Тамъ должна была она найти обильные запасы провіанта, и предвидѣлся конецъ невыносимаго голода. Однако надежды не оправдались, а отсутствіе порядка уничтожило тѣ ограниченныя средства, которыя имѣлись. Ослабленнаго солдата ожидала впереди еще болѣе тяжкая участь. Средствомъ для поддержанія существованія оставались мелкія лошади жмудской породы, которыя отличались большей выносливостью, сравнительно съ французскими и нѣмецкими клячами, и привлекали къ себѣ жадные взоры голодныхъ.

Въ Смоленскѣ, по желанію императора, Сангушко представилъ ему новую записку. Но блѣдныя разсужденія, замѣчаетъ онъ, тамъ, гдѣ холодно, голодно и далеко отъ родины. Наступившій въ Смоленскѣ двѣнадцати-градусный морозъ губительно подѣйствовалъ на обезсиленный организмъ людей. Сангушко видѣлъ въ этотъ день цѣлый бивуакъ замерзшихъ и замерзающихъ.

Въ Красномъ французская армія обязана была своимъ спасеніемъ мужеству молодой гвардіи, которая оттѣснила атаковавшаго противника. На слѣдующее утро, когда подошелъ свѣжій корпусъ Милорадовича, а молодая гвардія была еще занята боемъ, начатымъ ночью, Наполеонъ выступилъ къ мѣсту сраженія передъ разсвѣтомъ, пѣшкомъ, съ двумя баталіонами старой гвардіи и, выдвинувъ одинъ баталіонъ въ боевую линію, а другой оставивъ въ резервѣ, выдерживалъ канонаду до тѣхъ поръ, пока его не смѣнилъ Даву.

Такъ какъ вслѣдствіе гололедицы лошади падали, Наполеонъ значительную часть пути шелъ пѣшкомъ. При выходѣ изъ Краснаго онъ встрѣтился съ Понятовскимъ, который при паденіи съ коня

вывихнул ногу и ѣхалъ въ каретѣ. Императоръ не видѣлъ Понятовскаго послѣ Можайска, когда онъ относился къ нему весьма хорошо. Теперь же ласково привѣтствовалъ его и, ставъ на подножку кареты, довольно долго съ нимъ разговаривалъ. Надежда на миръ его обманула, съ горечью прибавляетъ Сангушко, и онъ началъ дѣлаться болѣе внимательнымъ къ полякамъ.

VII.

Прибытіе французской арміи въ Оршу.—Присоединеніе маршала Ней.—Разговоръ Сангушки съ Наполеономъ въ Оршѣ.—Состояніе французской арміи на пути отъ Днѣпра къ Березинѣ.—Равнодушіе Наполеона среди бѣдствій арміи.—Мѣры, принятія Наполеономъ при движеніи къ Москвѣ для охраны Березины.—Важное значеніе Борисова.—Печальное состояніе Литвы.—Положеніе въ тылу французской арміи.—Потеря французами Борисова.—Открытіе брода у Студенки.

Съ прибытіемъ французской арміи къ Оршѣ, она нашла мостъ и переправу черезъ Днѣпръ обезпеченными нѣсколькими десятками жандармовъ. Возвышенности праваго берега отъ Дубровны до Орши образуютъ какъ бы амфитеатръ, лѣвый берегъ рѣки открытъ и безлѣсенъ и въ случаѣ, если бы французы встрѣтили малѣйшее противодѣйствіе, форсированіе переправы для нихъ было бы невозможно.

Въ Оршѣ къ французской арміи присоединился маршалъ Ней, бывшій въ арьергардѣ, считавшійся уже погибшимъ и спасшійся только благодаря необыкновенному мужеству. По словамъ командира 1-го конно-егерскаго полка, полковника Пшебендовскаго, посланнаго ему на встрѣчу, маршалъ находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, что предлагалъ ему пустить себѣ пулю въ лобъ.

Сангушко вообще держался въ сторонѣ и избѣгалъ высказывать свое мнѣніе безъ необходимости. Но въ Оршѣ, будучи свидѣтелемъ страшнаго безпорядка въ арміи, онъ не выдержалъ. Находясь въ помѣщеніи главной квартиры и переговоривъ предварительно съ Дюрокомъ и Коленкуркомъ, онъ воспользовался и самъ обратился къ императору. «Извѣстія, получаемыя о непріятелѣ, должны менѣе беспокоить ваше императорское величество, началъ онъ, нежели безпорядокъ и своевольтва, существующія въ арміи». Наполеонъ, сидѣвшій между вице-королемъ и Мюратомъ, обратившись къ нимъ, сказалъ: «онъ правъ». Ободренный этимъ Сангушко сталъ доказывать, что, установивъ порядокъ, можно было бы избѣжать многихъ бѣдствій. Онъ, между прочимъ, упомянулъ о зарядныхъ ящикахъ, которые вмѣсто артиллерійскихъ припасовъ были нагружены добычею, увезенною изъ Москвы. При послѣднихъ словахъ Сангушко замѣтилъ движеніе въ глубокой нишѣ монастырскаго окна и узналъ начальника артиллеріи арміи, Лярибуазьера,

пользовавшагося его искренней привязанностью и уваженіемъ. Почувствовавъ глубокую жалость къ старику, противъ котораго онъ вынужденъ былъ бросить обвиненіе, Сангушко постарался нѣсколько смягчить свои слова, указавъ на болѣзнь Лярибуазьера, мѣшавшую послѣднему вникать въ дѣло и облегчавшую виновнымъ скрытіе злоупотребленій¹⁾, и затѣмъ продолжалъ: «мы теряемъ орудія, увозя имущество, доставляющее намъ только безполезныя затрудненія; имущество это все равно невозможно увезти и слѣдовало бы сжечь». Замѣтивъ одобреніе Наполеона, Сангушко усилилъ было свои доводы, но былъ прерванъ вопросомъ императора, «какимъ путемъ совѣтовалъ бы онъ отступать къ Вильнѣ—черезъ Минскъ или черезъ Сморгонь, и гдѣ полагалъ бы занять зимнія квартиры». «Въ Галиціи у вашего тестя, государь,— отвѣчалъ Сангушко:— не жалѣйте пожертвованіемъ Триеста, Фиуме, а, можетъ быть, и Тироля, которые въ спокойное время должны быть возвращены обратно въ видѣ приданого (?). Мы имѣли бы прекраснѣйшія зимнія квартиры и сохранили бы возможность предпринять весной новый походъ противъ Россіи, начавъ наступленіе отъ Бродъ и Каменца. Карпаты даютъ намъ сильную опору, а золото обезпечить привязанность венгерцевъ, вино и лошадей. Герцогство Варшавское можетъ служить намъ только хорошими солдатами, которыхъ оно намъ доставляетъ и безъ того. Шварценбергъ будетъ насъ прикрывать, сражаясь безъ задней мысли, или по крайней мѣрѣ отражать попытки противъ Галиціи. Сообщенія вашего императорскаго величества съ Франціей будутъ лучше обезпечены черезъ Баварію или Италію, нежели черезъ сѣверную Германію, которая постоянно угрожаетъ измѣной. Между тѣмъ маршалъ Викторъ и Гренье²⁾, прикрывая сѣверный театръ и Литву, не дозволятъ непріятелю вторгнуться вглубь Польши и дадутъ намъ время для отдыха и снабженія себя необходимымъ». Затѣмъ, отвѣчая на второй вопросъ императора, Сангушко сказалъ: «Что касается до выбора направленія отступления—на Минскъ или на Сморгонь, я не могу ничего сказать, не имѣя ни малѣйшаго представленія о дѣйствіяхъ войскъ въ тылу».

Выслушавъ Сангушку, Наполеонъ кивнулъ головой, повторивъ снова, что онъ правъ. Затѣмъ, потребовавъ коня, императоръ отправился къ лагерю и отдалъ приказаніе предать огню переправившіяся повозки. Такимъ образомъ, вмѣсто освобожденія повозокъ

---

¹⁾ Планъ, дѣлавшій походъ 1812 года при Лярибуазьерѣ, пишеть, что послѣ смерти младшаго сына, раненаго смертельно подъ Бородинамъ, Лярибуазьеръ совершенно упалъ духомъ. Начиная съ этой минуты до смерти, послѣдовавшей въ Кенигсбергѣ, никогда не выдалъ улыбки на его лицѣ, а также, чтобы онъ обнаруживалъ интересъ къ чему либо.

²⁾ Сангушко говорилъ такъ на основаніи бюллетеня, утверждавшаго, что французскія войска отступали изъ-подъ Полоцка, не будучи разбитыми, и что Гренье съ большими силами шель къ нимъ на соединеніе.

отъ груза, нѣсколько десятковъ ихъ было сожжено безъ всякой цѣли. Мѣра эта въ общемъ не дала иныхъ результатовъ, кромѣ непріятности тѣмъ, перевозочныя средства которыхъ подверглись уничтоженію. Вслѣдствіе всегдашняго нашего несчастья, — прибавляетъ Сангушко, — наиболѣе сгорѣло повозокъ, принадлежавшихъ полякамъ.

Сангушко на основаніи приведеннаго разговора съ Наполеономъ высказываетъ заключеніе, что императоръ далеко не былъ такъ недоступенъ, какъ его рисуютъ, и онъ не прочь былъ бы принять совѣтъ отъ болѣе близкихъ и довѣренныхъ лицъ, если бы угодничество не являлось препятствіемъ къ проявленію съ ихъ стороны такой смѣлости. Сангушко даже замѣтилъ, что со времени разговора въ Оршѣ Наполеонъ сталъ относиться къ нему благосклоннѣе прежняго. Въ разстройствѣ французской арміи болѣе, чѣмъ Наполеона, Сангушко винитъ Бертье, который, по его мнѣнію, могъ хотя отчасти сохранить внутренній порядокъ, что и лежало на его обязанности.

Отъ Орши до Березины путь пролегалъ среди болотъ. Армія, нѣкогда блиставшая гордостью и славою, теперь имѣла видъ похороннаго шествія. Она представляла собраніе разныхъ народовъ въ самыхъ дикихъ и оборванныхъ нарядахъ. Голодъ и звѣрская жадность выражались на пересохшихъ устахъ и лицахъ, изможденныхъ лишеніями и законченныхъ дымомъ биваковъ. На каждомъ шагѣ валились люди и лошади, остальные, отмѣченные перстомъ смерти, медленно подвигались впередъ. Угрюмая тишина отчаянія прерывалась только проклятіями и богохульствами. Оружіе бросалось, сначала по небрежности, а потомъ по невозможности владѣть имъ — лишь кое-гдѣ блисталъ штыкъ. Таковъ былъ видъ гордой и непобѣдимой арміи.

Сангушку поразила встрѣча съ гренадеромъ, котораго еще недавно видѣлъ онъ стоящимъ на правомъ флангѣ и, подобно дубу на опушкѣ лѣса цѣлой головой превышавшимъ своихъ сосѣдей. Онъ нашелъ его лежащимъ на землѣ въ горькихъ слезахъ, какъ оказалось, вслѣдствіе того, что у него отняли послѣдній кусокъ хлѣба. Тѣмъ болѣе отрадное поэтому впечатлѣніе производили воинственныя лица людей, сохранившихъ мужество и хорошо одѣтыхъ.

Глухота, ослабленіе зрѣнія и разстройство нервовъ, проявившееся такою же, какъ и въ дѣтствѣ, склонностью къ слезамъ, — были общимъ результатомъ перенесенныхъ бѣдствій. Вопли блѣдныхъ людей, шатавшихся круглую ночь и отовсюду отгоняемыхъ, въ тихія сумерки и при тѣняхъ непогасшихъ огней пробуждали въ умѣ представленія о преисподней.

По срединѣ печальнаго шествія шестерка сильныхъ, вороныхъ лошадей шагъ за шагомъ везла самодовольнаго Наполеона. Хладнокровно взиралъ онъ на ужасныя зрѣлища. Онъ ѣхалъ вдвоемъ съ

Бертъе, оба въ черныхъ шапочкахъ и въ собольихъ шубахъ, крытыхъ матеріей темнаго цвѣта. Они были подобны двумъ философамъ, которые, имѣя, что ѣсть, пить и гдѣ выспаться, стоятъ выше бѣдствій человѣчества. Часто останавливались они среди дороги для обѣда, на который торжественно сзывалъ Бертъе своимъ гнусливымъ голосомъ. Мюратъ въ театральной чепаркѣ, стоя съ лѣвой стороны Наполеона и замѣняя Бертъе, имѣлъ еще болѣе веселый видъ. Хладнокровіе въ опасностяхъ, замѣчаетъ Сангушко, имѣетъ свою цѣну и даже необходимо, но только тогда, когда несчастья переносятся вмѣстѣ и начальниками и подчиненными.

Съ приближеніемъ къ Березинѣ начались небольшие морозы. Гололедица заставляла всадниковъ спѣшиваться. Лошади часто падали, причемъ при паденіи особенно лошади гренадеръ конной гвардіи своими тяжелыми тѣлами давили людей, не успѣвавшихъ въ тѣснотѣ отскочить въ сторону.

При движеніи французской арміи къ Москвѣ для охраны Березины и наблюденія за Бобруйскомъ былъ выдѣленъ въ Могилевѣ генераль Домбровский съ восемью тысячами человѣкъ. Силъ этихъ было недостаточно для указанной цѣли. Рѣки, хотя и составляютъ препятствіе для наступающаго и усиливаютъ оборону, но на короткое время и при условіи, что силы обороняющагося мало уступаютъ противнику; иначе потери, понесенныя послѣднимъ при форсированіи переправы, бывають щедро вознаграждаемы послѣдующими результатами, такъ какъ обороняющійся въ невѣдѣніи, гдѣ можетъ послѣдовать переправа, бываетъ вынужденъ къ разброскѣ войскъ.

Важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ на Березинѣ являлся Борисовъ съ постоянной переправой черезъ рѣку. Пунктъ этотъ долженъ былъ быть вполне обезпеченъ сильнымъ гарнизономъ и запасами продовольствія. При соответственномъ его состояніи, онъ могъ бы имѣть огромное значеніе для французовъ, потому что ни Чичаговъ, ни Витгенштейнъ не могли бы форсировать преграду, представляемую Березиной, даже если бы они нанесли поражение противоположеннымъ имъ Шварценбергу и С. Сиру.

Наполеонъ былъ убѣжденъ, что достаточно ему произнести «fiat», чтобы дѣло было сдѣлано. Только этимъ можно объяснить, что онъ считалъ Борисовъ обезпеченнымъ. Онъ, однако, повидимому, придавалъ ему должное значеніе, потому что по его приказанію воинское обмундированіе, ризь и другіе запасы были сложены въ Минскѣ въ расчетъ, что Литва наполнитъ устроенные тамъ магазины своимъ хлѣбомъ. Но Литва была совершенно ограблена, крестьяне разорены, и притомъ населеніе, приведенное въ отчаяніе варварскимъ съ нимъ обхожденіемъ, не только не могло дать средствъ для образованія магазиновъ, но даже не смѣло показаться изъ своихъ домовъ. Герцогъ Бассано, находясь въ Вильнѣ, дѣлалъ несообразныя распоряженія и жаловался на отсутствіе патриотизма у населенія, не вникая

въ то, что, съ отнятіемъ у населенія необходимѣйшихъ средствъ для существованія, подобный упрекъ могъ быть принятъ только за издѣвательство. Совершенно такой же характеръ носили обращенія къ замерзшей арміи: «вы, побѣдители Маренго, Аустерлица» и тому подобныя нелѣпости, которыя звучатъ особенно несообразно, когда ихъ превозглашаетъ, обращаясь къ нищимъ и обнаженнымъ, чело-вѣкъ сытый и одѣтый, какъ въ данномъ случаѣ.

Въ числѣ другихъ многочисленныхъ ошибокъ Наполеона немало вреда принесло ему недовѣріе къ полякамъ, по отношенію которыхъ онъ не исполнилъ данныхъ обѣщаній. Находясь въ усыпленіи въ Москвѣ, желая только мира и для достиженія его готовый принести въ жертву поляковъ, императоръ не могъ особенно стремиться къ усиленію Польши. Онъ, кромѣ того, помнилъ, что ограбленная Литва не въ состояніи оправиться безъ денежныхъ пособій изъ его кармана. Такимъ образомъ Наполеонъ удовлетворялъ чувству скупости и слѣдовалъ фальшивой политикѣ, имѣя наготовѣ отличный упрекъ, что онъ не возстановилъ страны, которая не дала доказательствъ патриотизма. Та же коварная уловка, при помощи которой онъ въ разныхъ случаяхъ рѣшалъ въ неблагопріятную сторону участь другихъ народовъ.

Несмотря на невыгодныя условія, рвеніе и патриотизмъ литовцевъ, преданныхъ отечеству, подвигли ихъ почти на невозможное. Образъ мыслей ихъ оставался неизмѣннымъ, несмотря на тяжелыя матеріальныя потери вслѣдствіе постоянныхъ передвиженій Шварценберга, немилосердно разорявшаго страну, и частыхъ вторженій русскихъ партизановъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вопреки господствовавшему общему безпорядку, численность литовской арміи превысила двадцать тысячъ чело-вѣкъ. Но войска эти были плохо вооружены.

Въ то время какъ Наполеонъ дремалъ въ Москвѣ, министръ его бездѣйствовалъ въ Вильнѣ, смотрѣлъ сквозь пальцы на операціи Шварценберга и прикрашивалъ ихъ въ своихъ донесеніяхъ. Передъ выступленіемъ французской арміи изъ Москвы и съ появленіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій Чичагова, австрійцы очистили Стырь и часть Волыни. Сангушко передаетъ, какъ достовѣрно извѣстный ему фактъ, что австрійскому полководцу ежедневно доставлялось отъ волынскаго губернатора Комбурлея черезъ Браницкую, урожденную Энгельгардтъ, пять тысячъ золотыхъ съ тѣмъ, чтобы онъ не переправлялся черезъ Стырь, и этимъ путемъ было выиграно пять дней.

Послѣ успѣха, одержаннаго Витгенштейномъ надъ С. Сиромъ, русскія арміи Чичагова и Витгенштейна старались подать другъ другу руку, отрѣзать Наполеону дорогу и заставить его положить оружіе или броситься въ непроходимыя минскія болота. Прибывшій изъ Вильны маршалъ Викторъ дѣйствовалъ противъ Витгенштейна также неудачно и, получивъ задачу облегчить императору

переправу черезъ Березину, отступалъ передъ Витгенштейномъ, ограничиваясь обороной.

Теперь было ясно, насколько крупную ошибку совершилъ Наполеонъ тѣмъ, что при движеніи на Москву онъ не оставилъ подъ непосредственной своей командой Шварценберга. Плохіе результаты дала самонадѣянность, которую онъ обнаружилъ еще въ Вильнѣ, воображивъ, что уже настолько поработилъ народы, чтобы произвольно распоряжаться ими и ихъ интересами и возстановливать прежнюю Польшу при помощи Пруссіи и Австріи.

Чичаговъ, освободившись отъ австрійцевъ, для наблюденія за которыми былъ оставленъ генераль Сакенъ, прибылъ на берега Березины. 9—21 ноября Ламбертъ атаковалъ Домбровскаго, который, потерявъ въ бою половину дивизіи, вынужденъ былъ уступить значительно сильнѣйшему противнику Борисовъ.

Извѣстіе о потерѣ Борисова было получено Наполеономъ въ Толочинѣ и повергло его въ сильное смущеніе. Между тѣмъ маршалъ Удино, отдѣлившись отъ Виктора, поспѣшно двинулся на встрѣчу Ламберту и нанесъ ему поражение. Ламбертъ при отступленіи сжегъ за собою мостъ черезъ Березину.

Въ бою 21 ноября командиръ пѣхотнаго полка Сѣравскій, будучи отрѣзанъ, успѣлъ укрыться въ полосу лѣсовъ, сопровождающихъ теченіе Березины, и, ища соединенія съ своими, открылъ при деревнѣ Студенкѣ бродъ. О сдѣланномъ открытіи онъ увѣдомилъ Удино ¹⁾. Съ этой минуты Наполеонъ могъ быть спокоенъ. Гренадеры пѣшей гвардіи, закаленные, какъ сталь, находились еще въ довольно хорошемъ состояніи, потому что при раздачѣ провіанта только о нихъ и заботились. Наполеонъ былъ увѣренъ, что онъ будетъ въ безопасности всюду, куда только донесутъ ноги его гренадеры, хотя въ данномъ случаѣ спасеніе было возможно только съ большими потерями.

VIII.

Прибытіе французской арміи на Березину.—Сосредоточеніе французскихъ войскъ къ Студенкѣ.—Движенія Чаплица къ Борисову.—Переправа корпуса Удино и остатковъ главной арміи.—Безпорядокъ у мостовъ послѣ перехода гвардіи на правый берегъ Березины.—Прибытіе Чичагова и Витгенштейна къ пункту переправы.—Одновременный бой на обоихъ берегахъ Березины.—Мюратъ на батареѣ между позиціями Удино и Виктора.—Оставленіе французскою арміею береговъ Березины.—Прибытіе въ Сморгонь.

25—13 ноября, главная квартира французской арміи достигла болотистыхъ береговъ Березины. Викторъ, еще не соединившись съ глав-

¹⁾ Много лицъ приписывали себѣ въ послѣдствіи открытіе брода у Студенки. Въ дѣйствительности бродъ этотъ былъ извѣстенъ со времени занятія линій Березины при движеніи французской арміи къ Москвѣ. Свѣдѣнія, доставленныя передъ обратной переправой, имѣли однако то значеніе, что они установили степень удобности брода.

ными силами, находился въ одномъ переходѣ. Авангардъ его, въ составѣ шести тысячъ отборныхъ войскъ, подъ командой Партуно, сбившись съ дороги, положилъ оружіе передъ Витгенштейномъ. Такова бываетъ обыкновенно участь отрядовъ при отступленіи въ незнакомой странѣ. Услуги, оказанныя Россіи арміей Вингенштейна, были весьма значительны.

Подобно тому, какъ къ смертному одру бездѣтнаго богача тѣснятся доктора и наслѣдники, первые съ цѣлью поддержать жизнь, а вторые съ желаніемъ смерти больного, стремились войска со всѣхъ сторонъ къ важнѣйшему пункту Березины. Въ то время, какъ одни употребляли всѣ усилія, чтобы захватить Наполеона въ топяхъ и камышахъ, другіе старались устроить ему переправу такъ, чтобы онъ не замочилъ ногъ. Императоръ вовсе не былъ слабымъ больнымъ и отличался дѣятельностью, когда дѣло шло такъ явно о томъ, чтобы погибнуть или спастись. Прибывъ ночью въ Студенку, онъ все время находился у двухъ поспѣшно строившихся мостовъ. Удино искусно демонстрировалъ, выказывая рѣшительное намѣреніе переправиться у Борисова, и затѣмъ быстро сосредоточился къ только что наведеннымъ мостамъ, по которымъ первымъ перешелъ на правый берегъ Березины. Сангушко отдаетъ справедливость неутомимости Удино, который, по его словамъ, поднявшись съ постели, тотчасъ вступалъ въ бой, а изъ боя попадалъ прямо въ постель.

Еще до окончанія постройки мостовъ полковникъ Карлъ Пшездецкій и одинъ французскій офицеръ ¹⁾ переправились черезъ рѣку вбродъ. Отъ захваченнаго ими русскаго мародера они узнали, что генералъ Чаплицъ, очистивъ правый берегъ рѣки, выступилъ за Чичаговымъ къ Борисову. То былъ еще промыселъ Божій надъ Наполеономъ, говоритъ Сангушко, потому что въ ту самую ночь, когда мы прибыли въ Студенку, русскіе двинулись на мѣсто, оставленное нами.

26-го (14-го) и 27-го (15-го) ноября, переправились сохранившія еще достаточный порядокъ войска Удино, а также уцѣлѣвшіе остатки корпусовъ главной арміи. Большая часть обозовъ, женщины, маркитанты и покинувшіе ряды, не имѣя никакого убѣжища на правомъ берегу рѣки, гдѣ видѣлся лишь обнаженный и болотистый лѣсъ, и надѣясь на гвардію, какъ на каменную гору, оставались при бивуачныхъ огняхъ у деревни Студенки. Наполеонъ, не обращая на нихъ вниманія, подъ вечеръ 27-го (15-го) ноября неожиданно отдалъ приказаніе гвардіи выступать. Обозъ, встревоженный торопливымъ уходомъ гвардіи, тотчасъ же по ея переправѣ, въ массѣ устремился на мосты. Неудачно уложенная у вѣзда на мостъ фашина была разбита и сорвана. Быстро нагромождается цѣлая

¹⁾ Командиръ эскадрона Жакмино.

гора задушенныхъ и задавленныхъ людскихъ и конскихъ труповъ. Проваль одного изъ мостовъ, случившійся передъ тѣмъ, возбуждаетъ еще сильнѣйшую тревогу. Орудія и болѣе ерѣпкія повозки шли напроломъ черезъ груды несчастныхъ, нагроможденныхъ на мосту, и коверкали живыхъ и мертвыхъ въ ужасную массу крови и земли. Между тѣмъ, свалка усиливалась, и путь на всемъ протяженіи былъ устланъ трупами. Ужасное зрѣлище этой переправы въ ночную пору было освѣщено пламенемъ костровъ. Отъ крику, стоновъ и суматохи волосы становились дыбомъ на головѣ оцѣпенѣлаго свидѣтеля. Такой ужасъ могъ быть только тогда, — восклицаетъ Сангушко, — когда Ты, Господи, въ гнѣвѣ низвергнулъ въ бездну ада мятежнаго сатану.

Нѣсколько иное, хотя и не менѣе поразительное зрѣлище представляла толпа на правомъ берегу рѣки. Здѣсь особенно замѣтно бросалось въ глаза проявленіе людской жадности. Одни метались надъ берегомъ и въ обманчивой надеждѣ, что ихъ голосъ можетъ быть услышанъ, крикомъ поощряли свои экипажи къ переправѣ. Другіе, не обращая вниманія на караулы и на очевидную опасность, толпою устремлялись на мостъ съ цѣлью помочь переправѣ, низвергая въ воду все то, что было имъ преградой. Впрочемъ, встрѣчались и случаи проявленія самыхъ трогательныхъ чувствъ со стороны лицъ, которыя, переправившись черезъ рѣку, вынуждены были оставить въ лонѣ бѣдствій все то, что было имъ дорого по связямъ родства или сердца.

Было достаточно времени и полная возможность, пока не началась суматоха, устроить не только два, но и десять мостовъ. Но разъ начавшемуся безпорядку конца уже не предвидѣлось. Давка устраняла возможность спасенія, и порядокъ могъ бы быть водворенъ развѣ только при томъ условіи, если бы назадъ была возвращена половина арміи. Вязкій и довольно глубокой, вслѣдствіе поздняго времени года и предшествовавшихъ дождей, бродъ былъ занятъ мостами. Оставшаяся по сторонамъ мостовъ свободною часть брода была завалена затопленными и продолжавшими тонуть людьми и лошадьми, а рѣка, покрытая льдомъ, слишкомъ тонкимъ, чтобы выдержать человѣка, не допускала переправы.

По словамъ свидѣтелей, 28-го (16-го) ноября сумятица была еще ужаснѣе, когда корпусъ Виктора отступалъ въ предмостныя укрѣпленія ¹⁾, открывая себѣ штыками дорогу, а русскія ядра били несчастныхъ.

Было бы легко избѣгнуть напрасныхъ потерь, которыя опредѣлялись въ тридцать тысячъ человѣкъ. Невольно можно прийти къ заключенію, что къ устраненію ихъ не было принято мѣръ умы-

---

¹⁾ Сангушко ошибается. Никакихъ предмостныхъ укрѣпленій для обезпеченія отступления Виктора не было, да и не могло быть возведено.

шленно, чтобы избавиться от обременительной толпы. Но такой выводъ приводитъ въ содроганіе человѣческую природу. Притомъ, самое существованіе толпы начальствующимъ лицамъ было безразлично, потому что она не стоила имъ ни заботъ, ни куска хлѣба.

Чичаговъ, послѣ того, какъ дивизія, высланная имъ для противодѣйствія переправѣ, была отражена, убѣдившись, что онъ былъ оттянутъ на Борисовъ демонстраціями, сосредоточилъ всѣ силы противъ Удино. Сангушко слышалъ впоследствии отъ Чаплица, служившаго въ арміи Чичагова, что будто бы въ намѣренія адмирала не входило преградить дорогу французамъ ¹⁾. Возможно, говорить по этому поводу Сангушко, что Чичаговъ имѣлъ причину остерегаться встрѣчи съ Наполеономъ въ наступательномъ бою, какъ предупреждая его при дальнѣйшемъ движеніи черезъ рѣку и болота, заставить французскую армію сдаться отъ голода. Самый бой 28-го ноября служитъ доказательствомъ, что Чичаговъ не хотѣлъ пропустить Наполеона безпрепятственно.

На правомъ берегу Березины Удино подъ главнымъ начальствомъ императора сражался противъ Чичагова, на лѣвомъ—Викторъ дрался съ Витгенштейномъ. Даже незначительные успѣхи, предшествующіе генеральному сраженію, всегда имѣютъ очень много вліянія на удачный или неудачный исходъ послѣдняго. Солдаты Чичагова, вслѣдствіе пораженія Ламберта и переправы Наполеона черезъ Березину, потеряли въ нравственномъ отношеніи столько же, сколько выиграли солдаты Витгенштейна, благодаря непрерывнымъ успѣхамъ. Корпусъ Виктора, имѣвшій задачей прикрыть переправу всей арміи, достоинъ большой похвалы, потому что, состоя только изъ нѣмецкихъ войскъ, одного привислянскаго легіона и четырехъ неполныхъ полковъ герцогства Варшавскаго, онъ удержалъ за собою поле сраженія, хотя слышалъ и видѣлъ безпорядокъ, совершавшійся въ тылу его на Березинѣ.

Въ критическихъ обстоятельствахъ и трудномъ дѣлѣ,—говоритъ Сангушко,—никогда не слѣдуетъ предоставлять солдата самому себѣ, а или стараться представить ему опасность меньшей, нежели она есть въ дѣйствительности, или же наоборотъ, преувеличивъ ее, возбудить въ немъ чувство чести, воспламенить его и удвоить въ немъ мужество. Первое вступленіе Наполеона въ свѣтъ и первые славные шаги его привлекли къ нему сердца солдатъ и были причиной совершенія великихъ военныхъ подвиговъ. Впоследствии гордость испортила душу Наполеона, но, несмотря на тщеславіе его и сдѣланныя ошибки, даже сильно озлобленная армія была способна къ совершенію дѣлъ, полныхъ блеска.

¹⁾ То же самое утверждаетъ Чаплиць въ своихъ запискахъ «*Remarques sur la campagne de 1812*», хранящихся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба (дѣло № 1765).

Когда Витгенштейнъ появился на высотахъ, окружающихъ Студенку, близкая опасность повергла въ величайшее отчаяніе людей, остававшихся на лѣвомъ берегу Березины. Раздирающіе вопли оглашали воздухъ и отдавались эхомъ въ темныхъ лѣсахъ. Въ то же время на правомъ берегу Березины гремѣли громкіе клики «да здравствуетъ императоръ», слышались трубные звуки и музыка.

Сангушко, сидя на утомленномъ конѣ, не могъ поспѣть за Наполеономъ и остановился на батарее, находившейся на берегу рѣки между позиціями Виктора и Удино. Здѣсь онъ нашелъ короля неаполитанскаго. Горбатаго могила исправитъ. Подобно завязтому игроку, который, прометавъ наличныя деньги и цѣнныя вещи и не имѣя кредита, готовитъ карты для понтировки, Мюрать, легкомысленный, но отважный гасконецъ, уничтоживъ шестьдесятъ тысячъ строевой конницы, занимался стрѣльбой изъ орудій. Сангушко съ находившимся тутъ же бывшимъ минскимъ губернаторомъ Брониковскимъ пристроился къ нему, и оба были осчастливлены обѣщаніемъ неаполитанскаго ордена: «не знаю, получилъ ли его Брониковскій, я же его въ глаза не видалъ». Сангушко не могъ надивиться мѣткости сужденій Мюрата по отношенію къ кавалерійскимъ атакамъ, происходившимъ на лѣвомъ берегу Березины. Съ одного взгляда онъ каждый разъ безошибочно предсказывалъ исходъ ихъ.

Открытая мѣстность на лѣвомъ берегу давала возможность наблюдать движеніе противника, густой лѣсъ на правомъ берегу скрывалъ дѣйствія обѣихъ сторонъ. Насколько, какъ это можно было видѣть, отгѣснялся Викторъ, настолько же, судя по подававшейся впередъ пальбѣ, Удино вынуждалъ къ отступленію Чигагова.

Сангушко съ гордостью отзывался о подвигахъ своихъ соотечественниковъ. Онъ указываетъ на славныя раны, полученныя въ тотъ день генералами Заіончекомъ, Домбровскимъ и Княжевичемъ, служація почетнымъ доказательствомъ руководившаго ими духа мужества, и на блестящую атаку генерала Беркена, который во главѣ двухъ эскадроновъ французскихъ кирасиръ и двухъ эскадроновъ уланъ 8-го полка, подъ командою Томаша Лебенскаго, овладѣлъ батареей, несмотря на то, что въ кустахъ находилось до трехъ тысячъ русской пѣхоты.

Съ отраженіемъ Чигагова путь сдѣлался свободнымъ. Удино, раненный, кончаетъ бой. Викторъ, отгѣсненный въ предмостныя укрѣпленія, дѣлаетъ распоряженія для переправы. Стоны покинутыхъ раненыхъ оглашаютъ поле сраженія. Орудія, лишеныя запряжекъ, оставляются противнику загвожденными, зарядные ящики, которыхъ нельзя увезти по недостатку лошадей, потрясаютъ воздухъ взрывами.

Бои ²⁸/₁₆ ноября являются послѣдними крупными столкновеніями войны 1812 года, но они не заканчиваютъ еще всѣхъ бѣдствій, которыя самымъ тяжкимъ образомъ поразили французскую армію въ концѣ похода.

Главная квартира на слѣдующій день утромъ выступила по дорогѣ на Сморгонь. Мосты и гати, проложенныя черезъ непроходимыя болота и топи на этомъ пути, наводили на мысль объ участи, ожидавшей французскую армію въ томъ случаѣ, если бы дорога была хотя бы слабо обороняема противникомъ, или еще лучше, если бы мосты были сожжены. «Многое, пишетъ Сангушко, необъяснимо для человѣка, который не вполне посвященъ въ дѣло. Я не могу понять, какимъ образомъ переправа могла совершиться столь легко, и по какой причинѣ армія Кутузова или боковые ея отряды, сильныя кавалеріей, прекративъ въ Оршѣ настойчивое преслѣдованіе, не поспѣли за Наполеономъ».

Викторъ едва ^{30/18} ноября окончилъ свою переправу ¹⁾. Послѣ марша въ нѣсколько дней армія, дѣлая дневки, безпрепятственно достигла Сморгони. Только толпы, сворачивавшія въ сторону отъ пути слѣдованія главной колонны, подвергались во время этого движенія нападенію противника. Разбои и нападенія на своихъ сильно умножились и производились даже на глазахъ у Наполеона.

Къ счастью для французской арміи, на избранномъ ею пути сохранились дома, хотя и брошенные жителями, но представлявшіе нѣкоторое укрытіе отъ значительно усилившихся морозовъ. Всѣ постройки обыкновенно разбирались людьми, находившимися на дворѣ, надъ головами тѣхъ, которые въ нихъ отдыхали, однако онѣ все-таки охраняли до извѣстной степени отъ невыносимаго холода. Французы, говоритъ Сангушко, мужественны въ бою, неутомимы во время маршей, необыкновенно падки до малѣйшихъ удобствъ. По его мнѣнію, если бы въ Россіи поселенія не были уничтожены пожарами, число взятыхъ въ нихъ плѣнныхъ превзошло бы то, которое досталось въ руки русскихъ въ полѣ.

IX.

Оставленіе Наполеономъ арміи.—Отъѣздъ Сангушки въ Вильну и затѣмъ вмѣстѣ съ княземъ Понятовскимъ въ Варшаву.—Пребываніе Наполеона въ Варшавѣ.—Свиданіе Сангушки съ герцогомъ Бассано.—Взглядъ Сангушки на политическое положеніе Европы въ концѣ похода 1812 года.—Колебанія правительства въ Варшавѣ.—Назначеніе Понятовскаго главнокомандующимъ.—Характеристика Понятовскаго.—Ошибки Вильгорскаго.—Народное повстаніе.—Назначеніе Сангушки помощникомъ Понятовскаго.—Предложеніе Сангушки дѣйствовать наступательно.—Поѣздка въ Краковъ и Тарновъ.—Рѣшеніе Сангушки подать въ отставку.

Во время пребыванія французской арміи въ Сморгони разнесся слухъ, передававшійся сначала другъ другу шепотомъ, что императоръ тайно покинулъ армію и выѣхалъ въ Парижъ. Сангушко считаетъ выборъ Наполеономъ времени для оставленія арміи неудач-

¹⁾ Викторъ окончилъ переправу ^{17/29} ноября.

нымъ. Съ прибытіемъ подкрѣпленій изъ Вильны и благодаря нѣкоторымъ запасамъ продовольствія, заготовленнымъ на ея пути, армія могла, если не расположиться на зимнихъ квартирахъ, то по крайней мѣрѣ приостановиться и, отразивъ противника, также находившагося въ неблагопріятныхъ условіяхъ, прійти въ нѣкоторый порядокъ. Четырнадцать тысячъ отборныхъ войскъ, обеспечивавшихъ фланги и прикрывавшихъ путь отступленія Наполеона, могли быть притянуты къ арміи. Всѣ возвышенности отъ Сморгони до Ошмянъ были покрыты огнями бивуакирующихъ солдатъ.

Прекрасный уланскій полкъ Стоковского, которымъ нѣкогда командовалъ Конопка, прибывшій изъ Испанія, былъ назначенъ конвоировать Наполеона. Выступивъ изъ Вильны въ парадной формѣ навстрѣчу императору, онъ весь былъ уничтоженъ двадцати-шестиградуснымъ морозомъ, соединеннымъ съ самымъ рѣзкимъ вѣтромъ.

Узнавъ объ отъѣздѣ Наполеона, Сангушко, которому нечего было дѣлать въ Сморгони, въ ту же ночь отправился въ Вильну. Экипажъ его погибъ на Березинѣ. Изъ числа сопровождавшихъ его людей одинъ уланъ замерзъ въ пути, другой покинутъ былъ умирающимъ, и до Сморгони добрался только третій слуга, на попеченіи котораго были оставлены три больныхъ лошади. Добравшись до Вильны Сангушкѣ помогъ одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, находившійся въ родствѣ съ Потоцкими и узнавшій, что мать Сангушки происходитъ изъ этого рода.

Сангушко прибылъ въ Вильну съ полковникомъ Блюмеромъ, раненымъ на Березинѣ и оставшимся съ тѣхъ поръ неперевязаннымъ. Онъ остановился въ квартирѣ князя Понятовскаго. Ужинъ, каминъ, софа, возможность раздѣться—показались ему величайшей роскошью. Особенно былъ тягостенъ недостатокъ бѣлья, котораго Сангушко не мѣнялъ отъ Смоленска, и лишеніе это онъ переносилъ тяжело, не жели голодъ и холодъ.

Въ Вильнѣ безпорядки, смятеніе, несогласія и разбои проявились въ полной силѣ. Узнавъ, что Понятовскій утромъ на слѣдующій день выѣзжаетъ въ Варшаву, Сангушко съ радостью воспользовался любезностью коменданта главной квартиры Шумлянскаго, предоставившаго въ его распоряженіе свои санки. Ранній выѣздъ и начавшійся въ городѣ безпорядокъ помѣшали ему сдѣлать необходимыя закупки. Съ отвращеніемъ надѣл онъ снова свои лохмотья и, въ полномъ смыслѣ слова имѣя все свое на себѣ, занялъ мѣсто въ саняхъ. Проѣхавъ съ Понятовскимъ безъ приключенія Троки, они взяли направленіе на Маріамполь, куда прибыли, перебравшись по толстому льду черезъ Нѣманъ. Дальнѣйшую дорогу они совершили уже на почтовыхъ, путешествуя день и ночь.

За нѣсколько дней до ихъ пріѣзда Наполеонъ по пути въ Парижъ провелъ два часа въ Варшавѣ. Онъ долго и, какъ утверждаютъ, дѣльно разговаривалъ съ государственными сановниками.

Казалось, что умъ его, ослѣпленный въ Москвѣ, съ приближеніемъ къ Польшѣ просвѣтлѣлъ. Онъ даже не вполнѣ оправдывалъ себя въ совершенныхъ ошибкахъ, но, привыкнувъ морочить міръ, старался обратить ихъ въ шутку, выразившись, что «величайшій умъ и легкомысліе раздѣляетъ самый небольшой шагъ» ¹⁾.

«Я часто подчеркиваю ошибки Наполеона, говорить между прочимъ Сангушко, не съ тою цѣлю, чтобы бесполезно бросать въ него грязью, но потому, что не могу восхвалять дурнаго; кромѣ того, разсмотрѣніе участи столь выдающагося человѣка должно быть въ высокой степени поучительно. Мы должны быть благодарны Наполеону за то, что онъ допустилъ насъ раздѣлить блескъ его побѣдоносныхъ орловъ, которыхъ онъ такъ долго и вѣрно водилъ къ славѣ. Та же благодарность не должна никогда угаснуть въ нашихъ сердцахъ по отношенію къ Привислянскимъ легіонамъ, которые съ достоинствомъ поддержали воинскую честь своей родины. Если нашъ народъ страдалъ и страдаетъ нестерпимо, и мы заслужили эти страданія собственной анархіей, мы все-таки съ гордостью можемъ сказать— все отнято у насъ, кромѣ чести. Какого же сожалѣнія достойно ослѣпленіе тѣхъ, которые стыдятся своей родины и имени поляка. За послѣдніе годы ни одному изъ народовъ Европы не удалось такъ благородно бороться за свою независимость, какъ Польшѣ, Преданность отечеству замѣнила у поляка недостатокъ другихъ добродѣтелей и, несмотря на постоянныя неудачи, до сихъ поръ живетъ въ нашихъ сердцахъ».

Вскорѣ вслѣдъ за Понятовскимъ и Сангушкой прибылъ въ Варшаву герцогъ Бассано, который, по мнѣнію Сангушки, сильно содѣйствовалъ общей неудачѣ неосновательнымъ и легкомысленнымъ представленіемъ дѣлъ императору. Сангушко встрѣтился съ нимъ на ужинѣ у своего дяди Станислава Костки Потоцкаго и здѣсь получилъ приглашеніе герцога навѣстить его. При свиданіи Бассано высказалъ, что Сангушко въ письменныхъ представленіяхъ, поданныхъ императору во время войны, самымъ убѣдительнымъ образомъ изложилъ потребности и состояніе страны, и потому онъ проситъ снова составить соотвѣтствующую записку, передавъ ее для доставки, въ виду отъѣзда Бассано, представителю Франціи въ Варшавѣ. Затѣмъ, буквально не давъ ему вымолвить слова, онъ рассыпался множествомъ шутокъ и закончилъ словами «до свиданія, не позже какъ черезъ три мѣсяца въ этомъ же самомъ мѣстѣ». Сангушко былъ очарованъ привѣтливостью министра, но ровно ничего не вынесъ изъ разговора съ нимъ.

Французскій народъ, пишетъ Сангушко, полонъ остроумія и вы-

¹⁾ Фраза, сказанная Наполеономъ, приобрѣла громкую извѣстность въ нѣсколько иной редакціи, переданной Ирадою въ его *Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812*—«отъ великаго до смѣшнаго всего одинъ шагъ».

дающихся военных талантовъ, но не способенъ основаться въ покоренной имъ странѣ. Превосходя всѣ другія народности въ стремительности наводненія края, французы не соображаются съ мѣстными обычаями и являются бременемъ, благодаря своему легкомыслию и тяжелымъ налогамъ.

Никогда еще Европа не переживала такого общаго и сильнаго броженія, какъ въ это время. Испанія и Португалія, поддержанныя могущественною помощью Англіи, стремились сбросить иго французовъ. Нѣмецкія государства, удивленные неожиданною слабостью узурпатора, разнились лишь въ своихъ мнѣніяхъ, но одинаково ненавидѣли его. Австрія колебалась, не зная, чему отдать предпочтеніе — выгодѣ минуты или интересу будущаго. Франція въ отношеніи своей судьбы не имѣла собственнаго сужденія, привыкнувъ слѣпо слѣдовать указаніямъ Наполеона. Огромная Россія, ослабленная лишь временно, сильно поднимала голову. Швеція готовилась отомстить за своего правителя Бернадота. Полякамъ во всякомъ случаѣ грозили однѣ бѣдствія, и они не смѣли надѣяться даже на лучъ счастья.

Центръ тяжести политическаго положенія Европы въ то время долженъ былъ опредѣлиться въ зависимости отъ присоединенія Австріи къ той или другой сторонѣ. Легкость посредничества въ общей бурѣ, неистощенныя силы и центральное положеніе, дѣлали ее распорядительницей событій. Возвращеніе областей, отобранныхъ у нея Франціей, несомнѣнно должно было привлечь ее скорѣе къ тѣсному союзу съ послѣдней, нежели сомнительныя выгоды, которыя она могла получить, присоединившись къ ея врагамъ.

То была минута, когда молодой и скромный монархъ Россіи, недавно испытанный въ школѣ несчастій, проявилъ силу своего ума и твердость духа. Своевременное въ столь важныхъ обстоятельствахъ заключеніе мира съ Турціей и союза съ Швеціей покрываетъ славою его царствованіе. Переправа черезъ Вислу и перенесеніе бѣдствій войны въ чужія страны обезсмертили императора Александра въ исторіи. Съ горстью ослабленныхъ войскъ былъ совершенъ этотъ смѣлый шагъ, имѣвшій важное вліяніе на послѣдующія событія.

Съ отъѣдомъ французскаго министра Прадта, Варшава при неожиданныхъ колебаніяхъ взглядовъ правительства переживала въ сущности междуцарствіе. Такова участь народовъ, которые не могутъ или не умѣютъ возстать собственною силою и въ исключительно тяжкихъ обстоятельствахъ не желаютъ обратиться къ диктатурѣ. Суматоха, шумъ—какъ во время сильнаго пожара, когда всѣ совѣтуютъ, всѣ лѣзутъ на верхъ крыши, и никого нельзя заставить работать насосами.

Небходимо было соединить въ лицѣ князя Понятовскаго, пользовавшагося любовью и уваженіемъ соотечественниковъ, званіе полководца и правителя страны. Между тѣмъ это было выполнено только

отчасти и въ недостаточно ясной формѣ, потому что ему было присвоено лишь званіе главнокомандующаго. Конференція же, хотя и составленная изъ недостойныхъ лицъ, не отвѣчала положенію дѣлъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ необходима единая власть для твердаго управленія кормиломъ.

При всемъ дружескомъ своемъ расположеніи къ Понятовскому, отдавая должное превосходнымъ качествамъ князя, Сангушко указываетъ и на его недостатки. Понятовскій отличался необыкновенно мягкимъ характеромъ. Когда онъ вынималъ ногу изъ стремени, или духъ его былъ менѣе занятъ боевыми громами, онъ проводилъ время въ бездѣтельности, былъ преданъ комфорту и развлечениямъ. Онъ предпочиталъ одиночество или общество небольшого числа лицъ, которыхъ выслушивалъ однако съ неудовольствіемъ, если они прерывали приятную для него праздность. Вслѣдствіе этого благоволеніемъ его замѣтно пользовались тѣ, которые не доставляли ему въ этомъ отношеніи неприятностей, хотя бы они имѣли менѣе доступа къ его сердцу, а за небрежное отношеніе къ обязанностямъ заслуживали бы порицанія князя, какъ начальника.

Вслѣдствіе слабости Понятовскаго, обезпеченіе потребностей арміи оставалось въ неумѣлыхъ рукахъ Вельгорскаго. Послѣдній не сумѣлъ достаточно опредѣленно отдать приказъ о сборѣ уже подготовленныхъ рекрутъ, привести ихъ въ должный видъ, а также обезпечить Модлинъ необходимыми запасами. Между тѣмъ успѣхи русскихъ и двусмысленное поведеніе австрійцевъ, отступавшихъ какъ бы подъ натискомъ первыхъ, не допускали колебаній. Наконецъ, чтобы выйти изъ бездѣйствія, обратились къ старому и извѣстному средству—«народному повстанью». Шагъ этотъ, будучи предпринятъ своевременно, обезпечилъ бы успѣхъ, но когда онъ не поддержанъ хотя бы небольшою вооруженною силой, когда населеніе лишено оружія, лошадей, и непріятель находится среди его, онъ обращается въ пустой звукъ, производящій впечатлѣніе хвастовства. Никакое народное движеніе не можетъ быть произведено безъ твердыхъ основаній, извѣстной системы и вниманія къ мѣстнымъ условіямъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что добровольное движеніе населенія предаетъ его мести непріятеля. Совсѣмъ другое дѣло, когда движеніе это выполняется по распоряженію правительства, необходимость повиновенія которому избавляетъ въ глазахъ врага населеніе отъ отвѣтственности.

Сангушко получилъ приглашеніе занять должность помощника Понятовскаго и согласился на это назначеніе. Французскій министръ Биньонъ, зная затруднительное матеріальное положеніе Сангушки, предложилъ ему нѣсколько тысячъ франковъ. Сангушко отказался отъ услуги, «будучи воспитанъ, пишетъ онъ, въ убѣжденіяхъ, что принять даръ отъ иностранца было бы преступленіемъ».

Всѣ, въ томъ числѣ князь Понятовскій, были того мнѣнія, что

русскіе не перейдутъ Вислы. Небольшіе отряды поляковъ прикрывали люблинскій и сѣдлецкій департаменты. Князя Шварценберга убѣждали занять линію Вислы и обезпечить ея лѣвый берегъ. вмѣсто того Шварценбергъ, разоряя страну, отступилъ въ Галицію. Замѣшательство и ужасъ, вызванные его отступленіемъ, сдѣлали восстаніе въ Малой Польшѣ невозможнымъ. Сангушко, пользуясь всемъ своимъ вліяніемъ на князя Понятовскаго, старался убѣдить его сосредоточить силы и двинуться противъ Сакена. Наступленіе могло бы быть исполнено приблизительно съ шестнадцатью тысячами человекъ и не представляло опасности въ виду возможности опереться на крѣпость Замостье. Между тѣмъ оно должно было возбудить увѣренность въ населеніи, ожидавшемъ съ часу на часъ появленія казаковъ, дать выигрышъ времени для Великой Польши, хотя и ослабленной, но отличавшейся патриотизмомъ. Главныя силы Кутузова, преслѣдовавшія остатки французской арміи, были обезсилены и утомлены. Въ такомъ же положеніи находился и Сакенъ, имѣвшій только то преимущество, что въ его распоряженіи были запасы Украйны и Вольни, которые при наступленіи поляковъ должны были перейти въ ихъ руки.

Понятовскій согласился съ соображеніями Сангушки. Такъ какъ Сакенъ въ это время уже достигъ Вислы, онъ рѣшился сосредоточить войско въ Калишѣ и отправилъ Сангушку въ Краковъ съ приказаніемъ собирать, какія окажется возможнымъ, народныя войска и направлять ихъ туда же.

Сангушко немедленно отправился по назначенію. Но въ самомъ началѣ его ожидало разочарованіе. Онъ нашелъ въ Радомскомъ департаментѣ всего тридцать добровольцевъ, въ Краковскомъ же было собрано менѣе двухсотъ человекъ. Проѣхавъ изъ Кракова въ Тарновъ, чтобы проститься съ семьей и заготовить себѣ лошадей, Сангушко принялъ неожиданное рѣшеніе. Слабость средствъ, оставшихся для борьбы, и свѣдѣнія, собраныя имъ въ Галиціи относительно дальнѣйшаго поведенія Австріи, привели его къ убѣжденію, что дѣло Польши проиграно. Съ другой стороны картина полного разоренія семьи и усиленная просьба депутаціи, прибывшей изъ имѣнія, склонили его воспользоваться амнистіей, дарованной императоромъ Александромъ. Вернувшись въ Краковъ, Сангушко подаль въ отставку, и, написавъ въ Калишъ письмо Понятовскому съ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ его къ такому рѣшенію, онъ отправился на Вольню.

Извѣстіе о поступкѣ Сангушки вызвало самый суровый приговоръ общественнаго мнѣнія въ Варшавѣ по отношенію къ нему. Такъ какъ отставка Сангушки имѣла характеръ отпаденія и являлась соблазномъ для другихъ, былъ поднятъ вопросъ о преданіи его суду. Однако совѣтъ конференціи согласился на предложеніе князя Понятовскаго ограничиться отставленіемъ его отъ службы съ

отдаваемъ въ приказѣ, что «князь Сангушко, удалившись за границу безъ разрѣшенія высшей власти, совершилъ тяжкій проступокъ» ¹⁾.

Снисходительнѣе соотечественниковъ отнесся къ поступку Сангушки другой близко стоявшій къ дѣлу современникъ, французскій резидентъ въ Варшавѣ Биньонъ. «Хотя я и не могу, говорить онъ, защищать князя Сангушку, но по моему мнѣнію онъ гораздо менѣе заслуживаетъ порицанія, нежели сожалѣнія. Я увѣренъ, что онъ долженъ былъ много выстрадать прежде, нежели отдѣлился отъ дѣла, которому былъ искренно преданъ. Очевидно, зная о сношеніяхъ двухъ министровъ герцогства Варшавскаго ²⁾ съ императоромъ Александромъ, развѣ онъ не могъ считать себя, какъ уроженецъ Волыни и русскій подданный, имѣвшій большую часть имѣній собственныхъ и своей семьи, въ русской области, свободнымъ отъ обязательствъ, принятыхъ вслѣдствіе избытка усердія, сдѣлавшагося безполезнымъ. Притомъ была весьма рѣзкая разница между отставкой Сангушки, поданной въ послѣднюю минуту амнистіи, и поведеніемъ тѣхъ лицъ, которыя покинули насъ въ Вильнѣ» ³⁾.

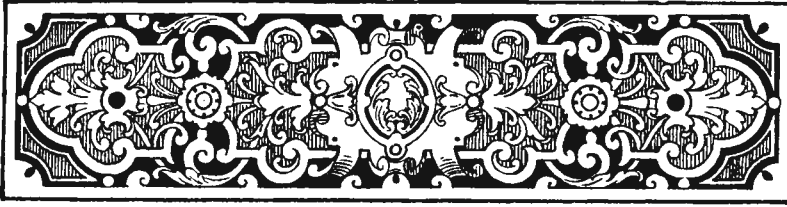
В. Харкевичь.

¹⁾ *Zywot Tomasza Ostrowskiego.*

²⁾ Матусевича и Москковского, предлагавшихъ соединеніе Польши и Литвы въ королевство подъ скипетромъ Александра.

³⁾ *Souvenirs d'un diplomate. La Pologne (1811—1813) par le baron Bignon.* Paris, 1864.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Александръ Хахановъ. Очерки по исторіи грузинской словесности.
Древняя литература до конца XII вѣка. Москва. 1898.**

СТОРИЯ грузинской литературы мало разработана въ наукѣ; поэтому трудъ г. Хаханова является вполнѣ своевременнымъ и необходимымъ. Онъ представляетъ второй выпускъ очерковъ, посвященныхъ авторомъ исторіи грузинской словесности, и обозрѣваетъ письменную литературу грузинъ съ IV-го до конца XII-го вѣка. Этотъ 800-лѣтній періодъ былъ временемъ большой литературной продуктивности грузинскаго народа и ознаменованъ появленіемъ литературныхъ произведеній различнаго рода. Г. Хахановъ не находитъ возможнымъ заняться въ своемъ трудѣ изученіемъ всѣхъ древнихъ памятниковъ грузинской литературы, но останавливается лишь на такихъ произведеніяхъ, которыя болѣе или менѣе рельефно характеризуютъ умственные интересы и нравственное состояніе грузинскаго народа за изучаемый періодъ. Свою задачу авторъ выполняетъ слѣдующимъ образомъ.

Въ введеніи (стр. 1—21) авторъ ведетъ рѣчь о грузинской или иверійской группѣ языковъ и ея отношеніи къ другимъ группамъ языковъ, а также о грузинскомъ алфавитѣ. По воззрѣнію г. Хаханова, грузинскій языкъ входитъ въ составъ иверійской группы языковъ, господствовавшей съ древнихъ временъ и содержащей въ себѣ языки: грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванетскій, съ говорами грузинскихъ горцевъ. Въ сравненіи съ прочими языками этой группы, грузинскій занимаетъ самую большую территорію. При этомъ,

его этимологическія формы оказываются сложнѣе и разнообразнѣе таковыхъ же формъ сродныхъ съ нимъ языковъ, но эта сложность и богатство формъ не даютъ права грузинскому языку быть родоначальникомъ остальныхъ языковъ: онъ лишь ихъ братъ, можетъ быть, и старшій. Прочіе языки иверійской группы получили свое происхожденіе вслѣдствіе территоріальныхъ или политическихъ условій жизни и быта различныхъ племенныхъ группъ грузинскаго народа, но, съ точки зрѣнія лингвистической классификаціи, эти группы должны быть признаны единымъ и нераздѣльнымъ народомъ, а ихъ языкъ — единымъ грузинскимъ языкомъ, на чемъ г. Хахановъ особенно настаиваетъ. Научное изученіе грузинскаго языка началось два вѣка тому назадъ, но до настоящаго времени не привело ученыхъ къ положительнымъ выводамъ: основные законы его внутренняго механизма и грамматическаго строенія и теперь мало изслѣдованы. Открытымъ остается и вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи грузинскій языкъ находится къ другимъ группамъ, хотя разрѣшеніемъ его занимались весьма солидные ученые, какъ-то: философъ Лейбницъ, академикъ Броссе и лингвистъ Бонигъ, проводившіе мысль о сродствѣ грузинскаго языка съ индо-европейскими, англійскій лингвистъ Максъ Мюллеръ, отнесшій грузинскій языкъ къ туранской семьѣ языковъ, вѣнскій профессоръ Фридрихъ Мюллеръ, признававшій иверійскую группу языковъ изолированной, Шлейхеръ и другіе. Лексикографія грузинскаго языка также находится въ неудовлетворительномъ состояніи. Что касается грузинскаго алфавита, то онъ извѣстенъ въ двухъ видахъ: алфавитъ гражданскій (мхедрули) и церковный (хуцური). О происхожденіи ихъ существуютъ различныя мнѣнія, но господствующее значеніе имѣетъ то воззрѣніе, что грузинскій алфавитъ появился еще въ III вѣкѣ до Р. X. при царѣ Фарнавазѣ и, именно, въ формѣ мхедрули (круглое письмо), но съ водвореніемъ въ Грузію христіанства замѣненъ хуцური (прямолинейное письмо), при чемъ замѣна совершилась при участіи армянина Месропа, жившаго въ V вѣкѣ по Р. X. Послѣ этого введенія г. Хахановъ предлагаетъ общій обзоръ грузинской письменности до конца XII вѣка, перечисляетъ сохранившіеся памятники и кратко характеризуетъ ихъ (стр. 22—29). Оказывается, что въ Грузіи, какъ и у насъ въ Россіи, первоначальная (съ V по X вѣкѣ) письменность имѣла церковный характеръ и заключалась въ переводахъ книгъ священнаго писанія, твореній греческихъ отцевъ церкви, назидательныхъ сочиненій и житійхъ святыхъ. Главными дѣятелями просвѣщенія были монахи и вообще служители церкви, которые распространяли въ народѣ свѣтъ знанія вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства и церковнымъ поученіемъ. Лишь съ X-го вѣка въ грузинской литературѣ стали появляться произведенія свѣтскаго характера — хроники, хронографы, художественныя, философскія и юридическія сочиненія. Приступая къ подробному изученію всѣхъ этихъ памятниковъ грузинской литературы, г. Хахановъ для удобства распредѣляетъ ихъ по слѣдующимъ группамъ: 1) памятники агиографическіе и назидательные, 2) памятники историческіе, 3) памятники собственно литературные и 4) памятники юридическіе. Изъ памятниковъ первой группы г. Хахановъ подробно излагаетъ содержаніе и оцѣниваетъ историко-литературное значеніе слѣдующихъ житій: св. Мурваноса (V вѣка), св. Або

(VIII вѣка), св. Нины, св. Георгія, свв. Іоанна и Евѣимія и св. Георгія Мтацминдели. Въ связи съ этими житіями обозрѣвается повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ, переведенная съ греческаго языка на грузинскій св. Евѣимемъ и извѣстная подъ заглавіемъ «Мудрость Балавара», при чемъ авторъ сравниваетъ ее съ жизнью Будды (по изслѣдованію академика Веселовскаго) и приходитъ къ выводу, что исторія Варлаама и Іоасафа есть не что иное, какъ христіанская довольно точная перелицовка повѣсти о жизни и духовномъ развитіи Будды. Наконецъ, въ этой же главѣ обозрѣвается сборникъ хвалебныхъ гимновъ и пѣсенъ на праздники и въ честь святыхъ отъ X-го вѣка (стр. 29—119). Во второмъ отдѣлѣ (стр. 120—148) рѣчь идетъ объ историческихъ памятникахъ. Здѣсь разсматриваются различные варианты лѣтописи «Картлис-Цховреба» (Румянцевскій, царевича Теймураза, кн. Мингрельскаго, Церковнаго музея, царицы Маріи и др.), хроника «Обращеніе Грузіи», гдѣ повѣствуется о событіяхъ въ Грузіи со времени вступленія сюда Александра Македонскаго до X-го вѣка, при чемъ главное вниманіе обращается на проповѣдь христіанства св. Нинной, грузинскіе хронографы, и на основаніи всѣхъ этихъ историческихъ памятниковъ опредѣляются составъ и источники начальной грузинской лѣтописи. Третій отдѣлъ (стр. 149—314) посвященъ собственно литературнымъ памятникамъ грузинской словесности. Они возникли въ эпоху царицы Тамары (1184—1212 гг.), когда Грузія достигла наивысшаго развитія, политическаго и литературнаго. Грузинская литература создалась въ это время подъ воздѣйствіемъ трехъ культуръ — арабской, персидской и византійской, и выразилась въ поэмахъ и романахъ, въ высокой степени замѣчательныхъ. Г. Хахановъ въ настоящемъ отдѣлѣ сперва охарактеризовалъ время царицы Тамары, которую называютъ даже богоравною за ея разнообразную плодотворную для Грузіи дѣятельность, и въ частности, за литературное меценатство, а затѣмъ обозрѣваетъ современныя литературныя произведенія. Въ плеядѣ славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полного совершенства, извѣстны поэты — Шавтели и Чахруха, написавшія поэмы въ прославленіе Тамары, вѣчто въ родѣ державинской Фелицы, романисты — Мосе Хонсли, написавшій «Ампранъ-Дареджаніаны», и Саргисъ Тмогвели, авторъ «Диларіаны»; но дѣятельность этихъ писателей блѣднѣетъ предъ памятью Шота Руставели, имя котораго произносится грузинами съ чувствомъ благоговѣнія, а его романическая поэма «Барсова кожа» сдѣлалась достояніемъ всего грузинскаго народа, многіе ея стихи стали народными поговорками, и нѣтъ ни одного грузина, который бы не зналъ нѣкоторыхъ ея изреченій; глубина мысли и теплота чувствъ, проникающія это высоко-художественное произведеніе, сдѣлали «Барсову кожу» на пространствѣ семи вѣковъ воспитательной книгой грузинскаго народа. Г. Хахановъ подробно обозрѣваетъ произведенія этихъ и другихъ грузинскихъ писателей изъ эпохи царицы Тамары, — излагаетъ ихъ происхожденіе и содержаніе, ведетъ рѣчь о жизни и дѣятельности ихъ авторовъ, ставитъ и рѣшаетъ вопросы объ отношеніи этихъ произведеній къ аналогичнымъ произведеніямъ иностранныхъ литературъ и вообще довольно обстоятельно освѣщаетъ эту наиболѣе любопытную въ исторіи грузинской литературы эпоху. Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги г. Хаханова

(стр. 315—351) обозрѣваются богословскіе, философскіе и юридическіе памятники грузинской литературы. Среди грузинскихъ писателей до конца XII вѣка были и философы, создававшіе свои философскія воззрѣнія на почвѣ богословской; изъ нихъ особенно извѣстны Іоаннъ Петрици, истинный философъ, поэтъ, грамматикъ и астрологъ, познакомившій грузинъ съ Аристотелемъ и неоплатоникомъ Прокломъ, а также Іоаннъ Таридчисдзе, Савва Сингели и другіе. Въ теченіе X—XII вѣковъ въ Грузію проникли и переводные апокрифы, а также фیزیологъ, списокъ коего отъ X-го вѣка открытъ нашимъ авторомъ въ Шатбедскомъ монастырѣ, — эти памятники обозрѣваются въ настоящемъ отдѣлѣ. Наконецъ, изъ числа юридическихъ произведеній здѣсь обозрѣваются монастырскій уставъ XII-го вѣка, данный Сергѣемъ Мхаргрдзели Ваганскому св. Георгія монастырю, постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и различные юридическіе акты, такъ называемые сители и гуджары, касательно постройки церквей и монастырей, ихъ имущества и т. п. Последнія страницы разсматриваемой книги (352—355) заняты дополненіями и поправками къ тексту.

Книга г. Хаханова представляетъ хорошій вкладъ въ русскую литературу и, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ прочтется интересующимися грузинскою словесностью, о которой у насъ существуютъ вообще скудныя свѣдѣнія. Здѣсь обстоятельно раскрываются различныя стороны грузинской литературы, и читатель, въ общемъ, можетъ составить себѣ ясное и полное представленіе о дѣятельности грузинскаго народа на поприщѣ литературномъ въ первыя времена его культурно-исторической жизни. Но, конечно, не все въ книгѣ г. Хаханова одинаково хорошо обработано, и не все безъ колебанія можетъ быть принято читателемъ. Такъ, желательна была бы бoльшая опредѣленность воззрѣнія касательно грузинскаго алфавита. Г. Хахановъ оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, какой изъ двухъ грузинскихъ алфавитовъ долженъ быть признанъ наиболѣе древнимъ — мхедрули, или хуцური, и ставить рѣшеніе этой дилеммы въ зависимость отъ будущихъ филологическихъ изысканій, хотя любопытно было бы услышать и авторитетное слово по этому вопросу нашего автора. Кромѣ того, вопросъ объ историческомъ значеніи «Картлисъ-Цховреба» (лѣтописи) настолько труденъ, что для его рѣшенія требуется специальная работа, и посему едва ли читателя можетъ удовлетворить благоприятный для этой лѣтописи взглядъ г. Хаханова, въ виду многихъ и крупныхъ историческихъ промаховъ и ошибокъ «Картлисъ-Цховреба». Но древняя исторія грузинскаго народа настолько мало разработана въ наукѣ, что недочеты, подобные указаннымъ, можно допустить въ книгѣ г. Хаханова даже а priori, и, конечно, не въ большой ущербъ для этой серьезной и интересной работы.

О.

Ст. О. Гулишамбаровъ. Всемирная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи. Спб. 1898.

Едва ли будетъ ошибкой сказать, что «ближайшихъ», «неотложныхъ», «коренныхъ» и т. д. задачъ наша Русь имѣетъ по меньшей мѣрѣ столько же

сколько публицистовъ. Достаточно просмотрѣть наши періодическія изданія, хотя бы только за мѣсяцъ, чтобы почувствовать просто головокруженіе отъ мелькающихъ въ совершенномъ безпорядкѣ, необъединенныхъ какимъ либо устойчивымъ принципомъ, не освѣщенныхъ яркой идеей «задача», «вопросовъ» и «нуждъ». Не говоря уже о докучливыхъ, потерявшихъ соль и прежнюю силу, завываніяхъ на тему: «славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ? Оно-ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ!» — даже разсужденія о реальныхъ и менѣе фантастическихъ задачахъ поражаютъ своею случайностью. Одинъ хотѣлъ бы всѣ силы Россіи сосредоточить на развитіи тонкорунного овцеводства, другой кричитъ о желѣзной дорогѣ изъ Тегюшъ въ Кобеляки, третьему во что бы то ни стало подавай Костромскую губернію, а до остального онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла; четвертый озабоченъ культурой мака до такой степени, что за остальными задачами готовъ признать лишь второстепенное и подчиненное значеніе. Однимъ словомъ, — кто во что гораздъ. Не говоря уже о явно недобросовѣстныхъ и корыстныхъ попыткахъ защищать непомѣрные дивиденды русскихъ промышленниковъ, прикрываясь высокими фразами о поощреніи отечественнаго производства, хотя бы для этого приходилось обстригать до голой кожи несчастнаго и беззащитнаго потребителя, — даже искренніе и правдивые голоса, въ общемъ, составляютъ какофонію, въ которой ухо русскаго читателя никакъ не можетъ уловить мелодіи, или хотя бы какого нибудь опредѣленнаго мотива.

Говорить ли о вредѣ такой разногласицы? А вреда — очень много. Она поселяет сумбуръ въ русскомъ обществѣ, отвлекаетъ его вниманіе отъ вопросовъ, хотя сѣрыхъ и неэффективныхъ, но, несомнѣнно, жгучихъ, какими являются два: объ упадкѣ благосостоянія крестьянства и о слабомъ развитіи народнаго образованія. Эта же разногласица препятствуетъ созданію въ русскомъ обществѣ хорошо обоснованнаго взгляда на экономическое положеніе нашего отечества и вытекающихъ отсюда дѣйствительныхъ его нуждъ и потребностей. Въглазая газетная замѣтка всегда страдаетъ одностороннимъ сгущеніемъ красокъ въ томъ пунктѣ, на которомъ авторъ таковой хочетъ сосредоточить все вниманіе читателя. Естественно поэтому прійти къ мысли о желательности такихъ изслѣдованій, гдѣ бы извѣстная однородная группа вопросовъ была разработана съ научнымъ безпристрастіемъ, гдѣ бы детали не раздувались, а скромно укладывались, сообразно мѣрѣ дѣйствительнаго своего значенія. Изслѣдованія такого рода давали бы возможность читателю, устранивъ слѣпую довѣрчивость, критически относиться ко всякому выпрыгивающему на газетные столбцы вопросу, а можетъ быть, сократили бы прыть многихъ публицистовъ и экономистовъ, не безосновательно разсчитывающихъ теперь на слабое знакомство публики съ данною областью.

Въ этомъ отношеніи обстоятельный трудъ г. Гулишамбарова, посвященный обзорѣнню международныхъ торговыхъ отношеній въ текущемъ столѣтіи, сослужитъ великую пользу. Укажемъ прежде всего, что г. Гулишамбаровъ даетъ читателю въ руки самый надежный критерій для оцѣнки излагаемыхъ явленій — цифровой: никакими въѣдъ ухищреніями нельзя возвеличить скромной единицы, равно какъ потрясти величавую вѣсковость милліона. Въ заслугу

автора надо поставить, что въ сопровождающемъ числовыя таблички текстѣ онъ никогда не идетъ, такъ сказать, противъ природы вещей, не усиливается дѣлать «превратныхъ толкованій», а лишь поясняетъ читателю, чѣмъ вызванъ былъ скачокъ въ ту или другую сторону числового показателя, почему ослабѣлъ или усилился обмѣнъ даннымъ продуктомъ и т. д. Если при этомъ взять во вниманіе, что г. Гулишамбаровъ излагаетъ каждую главу, посвященную обзору сношеній какого либо государства съ Россіей, историческимъ методомъ, то станетъ понятнымъ высокій интересъ, какой представляетъ собою изслѣдованіе въ его цѣломъ видѣ. Съ особенною же пользою прочтется первая глава изслѣдованія («историческая судьба всемірнаго рынка»), представляющая сжатый и живой очеркъ того, какъ постепенно смѣнялись владыки и главные хозяева всемірнаго рынка. Не безъ грусти читатель убѣждается, что Россія осталась въ меньшинствѣ народовъ, на долю которыхъ не выпадало главенства на міровомъ рынкѣ, и которые всегда стояли въ зависимости отъ другихъ. Впрочемъ, не станемъ особенно сильно возражать, если кто нибудь сочтетъ указанное явленіе принадлежащимъ къ разряду утѣшительныхъ на томъ основаніи, что оно свидѣтельствуетъ о малой дозѣ меркантильности въ характерѣ русскаго народа... Пусть будетъ и такъ. При томъ же Россія настолько громадна, что, быть можетъ, впоследствии сумѣетъ распределить добываемые и обрабатываемые продукты у себя дома, не надрывая своихъ силъ надъ стремленіемъ побольше выбросить за границу.

К. Х.

Вартъ А. Религіи Индіи. Переводъ подѣ редакціей и съ предисловіемъ князя С. Трубецкаго. (Научно-популярная бібліотека „Русской Мысли“). М. 1897.

Ольденбергъ Германъ. Вудда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ со втораго испр. изд. П. Николаева. Изд. 3-е. Ефимова. Москва. 1898.

Будущему историку придется объяснять существованіе въ русскомъ обществѣ конца XIX вѣка двухъ параллельныхъ теченій, не имѣющихъ между собою никакихъ точекъ прикосновенія. Съ одной стороны, увлеченіе экономическими теоріями, сказывающееся въ успѣхѣ книгъ и лекцій, посвященныхъ этимъ теоріямъ, съ другой—стремленіе къ чистымъ «идеологіямъ». По настоящему положенію дѣлъ, трудно судить о томъ, каково будущее этихъ теченій, какое изъ нихъ долѣе продержится. Если теперь въ успѣхѣ перваго нельзя сомнѣваться, онъ у всѣхъ на глазахъ, то глубина и сила втораго, мало замѣтная съ перваго взгляда, станетъ очевидна, лишь только попристальнѣе взглядимся въ факты книжной статистики. Чѣмъ другимъ, какъ не стремленіемъ къ серьезному философскому знанію, объясняется появленіе во второмъ и третьемъ изданіи книгъ философскаго содержанія, и притомъ такихъ серьезныхъ трудовъ, какъ работы по исторіи философіи Виндельбанда, Фалькенберга, Ибервега-Гейнце? Особенно ярко сказались успѣхи философскихъ знаній при открытіи философскаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ.

На ряду съ появленіемъ интереса къ философскимъ вопросамъ нужно отмѣтить обусловленное такими же, какъ и въ первомъ случаѣ, мотивами возникновеніе интереса къ серьезному изученію религіозныхъ вѣрованій прошлыхъ временъ. Очевидно, въ этомъ изученіи желаютъ найти отвѣты на насущные вопросы. Интересъ этотъ возникъ недавно; врядь ли мы ошибемся, если начало его отнесемъ къ эпохѣ 50-хъ годовъ. По всей вѣроятности, вѣкторую долю вліянія на пробужденіе этого интереса оказали сочиненія Л. Н. Толстого, второго періода его дѣятельности. Какъ нельзя болѣе иллюстрируетъ наличность стремленій къ историко-религіознымъ вопросамъ успѣхъ въ русской публикѣ сочиненія Ольденберга, посвященнаго религіи, занимающей первое мѣсто по численности своихъ адептовъ. Три изданія книги по буддизму — это что нибудь значитъ! Для выщцаго эффекта можно указать на то, что въ концѣ прошлаго года трудъ Ольденберга появился третьимъ изданіемъ на нѣмецкомъ языкѣ. При этомъ нужно отмѣтить, что научныя книги въ Германіи находятъ значительный сбытъ въ средѣ ученыхъ. У насъ этого нѣтъ, ибо ученыхъ немного, да и они покупаютъ преимущественно нѣмецкія изданія. Слѣдовательно, большая публика русская интересуется книгой Ольденберга гораздо больше, чѣмъ нѣмецкая.

Написанная широко и талантливо, книга Ольденберга, быть можетъ, не совсѣмъ удовлетворитъ спеціалиста нѣсколько односторонними взглядами и неравномѣрно распределеннымъ вниманіемъ къ источникамъ, но для большой публики она является однимъ изъ лучшихъ сочиненій по буддизму, могущихъ серьезно заинтересовать читателя. Правда, русскій переводъ не можетъ быть названъ вполне удовлетворительнымъ. Переводъ г. Николаева — образецъ ремесленного перевода. Не говоримъ о томъ, что мѣстами переводъ нескладенъ. Гораздо важнѣе неточности: ихъ, впрочемъ, немного. Необходимо отмѣтить также варварское обращеніе съ санскритскими именами и терминами. Конечно, за неимѣніемъ другихъ пособій, и настоящій переводъ сослужитъ службу, хотя мы не можемъ не высказать пожеланія, чтобы явился вновь переработанный переводъ книги Ольденберга или переводъ какой либо другой книги по буддизму. Намъ невольно приходитъ въ голову блестящая работа одного изъ виднѣйшихъ знатоковъ буддизма Рись-Дэвидса (Rhys Davids: *Buddhism being a sketch of the life and teachings of Gautama the Buddha*).

Ольденбергъ писалъ для подготовленныхъ читателей, и его книга предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ предшественницами буддизма: ведійской религіей и религіей брахмановъ. Переводчикъ сочиненія Ольденберга, предвидя отсутствіе этихъ свѣдѣній у русской публики, счелъ нужнымъ прибавить краткій очеркъ ведическихъ и брахманскихъ вѣрованій. Очеркъ этотъ сдѣланъ по первому тому всеобщей исторіи Вебера, книгѣ, о которой никакъ нельзя сказать, что она является вполне надежнымъ пособіемъ по индійскимъ религіямъ. Поэтому, свѣдѣнія, предлагаемая переводчикомъ, не достигаютъ своей цѣли и не даютъ никакого представленія о предметѣ. Впрочемъ, сѣтовать особенно на это не приходится, такъ какъ съ появленіемъ книги Барта въ русскомъ переводѣ, краткое изложеніе содержанія нѣкоторой части Веберовской исторіи, сдѣланное г. Николаевымъ, является ужъ совсѣмъ лишнимъ.

Книга Барта даетъ очеркъ всѣхъ индійскихъ религій, начиная съ религій ведъ и кончая индуизмомъ. Мы не будемъ распространяться объ общепризнанныхъ въ западной наукѣ достоинствахъ книги Барта, одного изъ могиканъ санскритовѣдѣнія. Замѣчательная ясность, блескъ изложенія и глубокая эрудиція—вотъ непремѣнныя свойства работы Барта. «Ему всегда удается отличить самое существенное и сохранить во всемъ вѣрныя пропорціи. Авторъ всюду старается не вносить въ свой трудъ слишкомъ субъективныхъ воззрѣній и искусственного порядка и ясности». Съ большою удачей врядъ ли могъ переводчикъ выбрать книгу, цѣль которой — отвѣтить на историко-религіозныя запросы и пополнить недостатокъ образования. Переводъ сдѣланъ безукоризненно; даже транскрипція санскритскихъ названій вездѣ вѣрна и строго выдержана, достоинство, совершенно не встрѣчающееся въ переводахъ, выполненныхъ не специалистами. Мы настоятельно рекомендуемъ трудъ Барта всѣмъ, интересующимся философскими и религіозными воззрѣніями.

Впрочемъ, одно маленькое «но» мы должны сдѣлать по адресу переводчика книги Барта. Нужно было повременить немного съ выпускомъ перевода, такъ какъ Бартъ въ настоящее время готовитъ новое изданіе своей работы, изданіе, которое явится основательной переработкой старыхъ изданій; недостатокъ ихъ заключается въ устарѣлости матеріаловъ, положенныхъ въ основу труда французскаго ученаго.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о предисловіи г. Трубецкого къ разбираемой книгѣ. Въ немъ дѣло не обошлось безъ недружелюбныхъ упоминаній объ одномъ изъ тѣхъ теченій, о которыхъ мы говорили выше. «Наши культурные историки,—пишетъ г. Трубецкой,—сѣтуютъ на экономическій матеріализмъ и тратятъ много силъ на полемику противъ его отвлеченныхъ положеній. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы, не упуская изъ вида матеріальныхъ факторовъ историческаго процесса, обратиться къ болѣе тщательному изученію его духовныхъ началъ и съ этой цѣлью перестать игнорировать религіозную исторію, столь тщательно разрабатываемую западной наукой въ теченіе настоящаго вѣка». Мы вполне согласны съ г. Трубецкимъ въ томъ, что игнорировать религіозную исторію нельзя, но врядъ ли можно думать, что культурные историки, переставъ тратить силы на отвлеченную полемику и занявшись исторіей религій, могутъ вести успѣшную борьбу съ экономическимъ матеріализмомъ. Къ сожалѣнію, исторію религій, хоть, на примѣръ, Индіи, можно пока строить только лишь, какъ исторію духовныхъ началъ, ибо при настоящей наличности матеріаловъ очень трудно изучать вліянія матеріальныхъ факторовъ историческаго процесса. Конечно, при такомъ положеніи дѣла очень немудрено получить выводы о роли духовныхъ началъ, и такая борьба съ экономическимъ матеріализмомъ будетъ пока очень неравна. Поэтому, врядъ ли можно назвать цѣлесообразнымъ и предложеніе этой борьбы. П. Ш.

Собраніе восточныхъ монетъ Императорскаго Эрмитажа. Каталогъ джелаиридскихъ монетъ. Составилъ А. К. Марковъ. Спб. 1898.

Трудъ А. К. Маркова распадается на три части: 1) историческую монографію династіи Джелаиридовъ; 2) нумизматическій комментарий, подъ заглавіемъ «О монетахъ Джелаиридовъ», и 3) собственно «Каталогъ».

«Историческій очеркъ династіи Джелаиридовъ», или, правильнѣе, Илькиридовъ, составленъ на основаніи сочиненій западно-европейскихъ ориенталистовъ, печатныхъ арабскихъ хроникъ, рукописныхъ источниковъ: лѣтописи Абу-Мухаммеда Мустафы Эль Оженноби, хронологическаго указателя Шехри Заде и большой хроники Бедръ-ед-Дивъ Махмуда-Эль-Ани, и, наконецъ, на основаніи монетъ Джелаиридовъ.

Династія Джелаиридовъ возникла въ Арабскомъ Иранѣ въ половинѣ VIII вѣка гиждры, въ одно время съ другими мелкими мусульманскими династіями, на развалинахъ могущественнаго некогда государства Гулагуидовъ. Утвержденію этой династіи много способствовали распри и междоусобицы, начавшіяся въ самомъ родѣ Гулагуидовъ тотчасъ послѣ смерти Абу-Саида. Несмотря на кратковременное владычество Джелаиридовъ — они едва просуществовали 100 лѣтъ — царствованіе этой династіи, — говоритъ авторъ, — оставило глубокіе слѣды въ прошломъ не только обоихъ Ирановъ, но и всей Персіи, Арменіи, Грузіи и другихъ странъ передней Азіи». По приложенной къ «Историческому очерку» географической картѣ видно, что южная граница ихъ распространенія достигала сѣвернаго берега Персидскаго залива, а сѣверная восходила за 43 параллель, захватывая такимъ образомъ почти весь нашъ Кавказъ. Причину такого выдающагося могущества, несмотря на кратковременность существованія, и важнаго историческаго значенія Джелаиридовъ слѣдуетъ усматривать, по словамъ г. Маркова, «въ неукротимой энергіи, честолюбіи и политической предпримчивости почти всѣхъ представителей династіи Хасана Бюзюрга, ея основателя».

И дѣйствительно изъ біографическихъ очерковъ ихъ видно, что они принимали самое живое участіе въ политической жизни всѣхъ своихъ сосѣдей. Поэтому арабскіе, персидскіе и турецкіе историки сообщаютъ довольно подробныя свѣдѣнія о всѣхъ Джелаиридахъ и въ особенности о знаменитомъ султанѣ Ахмедѣ, сынѣ Овейса, который вмѣстѣ съ султаномъ турокъ Баязидомъ Ильдымиромъ пытался воспротивиться распространенію владычества знаменитаго Тамерлана въ Персіи и Иранахъ; хотя онъ и не достигъ цѣли, но успѣлъ значительно «воею упорною борьбою задержать побѣдоносное шествіе «властиителя двухъ созвѣздіи»».

Между тѣмъ, въ исторической литературѣ до сихъ поръ не было сдѣлано болѣе или менѣе полнаго очерка владычества Джелаиридовъ, и такимъ образомъ, трудъ г. Маркова является восполненіемъ этого пробѣла.

Не распространяясь о двухъ другихъ отдѣлахъ книги А. К. Маркова, собою, на основаніи словъ автора, нѣсколько словъ о монетахъ. Послѣднія въ данномъ случаѣ, кромѣ хронологическихъ данныхъ, даютъ еще возможность по

упоминаемымъ на нихъ городамъ опредѣлить и границы государства. Число монетъ Джелаиридовъ весьма незначительно, что, вѣроятно, зависѣло и отъ кратковременности правленія ихъ и отъ отсутствія надобности въ монетныхъ знакахъ. «Можно сказать съ увѣренностью, — читаемъ на III стр., — что Джелаириды болѣе чеканили монету, чтобы пользоваться правомъ монетной регалии, столь цѣнимою мусульманскими владыками, чѣмъ изъ экономической надобности въ монетѣ для ихъ владѣній». Изъ всѣхъ европейскихъ мицкабинетовъ счастливѣйшимъ исключеніемъ является мицкабинетъ нашего Императорскаго Эрмитажа. Въ немъ 224 монеты Джелаиридовъ, тогда какъ въ британскомъ музеѣ, самомъ богатѣйшемъ названными монетами изъ всѣхъ европейскихъ мицкабинетовъ, насчитывается только 66. Столь богатому собранію монетъ Эрмитажъ обязанъ находкѣ около озера Гокчи (въ Эриванской губерніи) въ іюль 1858 года клада въ 454 штуки серебряныхъ монетъ Джелаиридовъ, изъ которыхъ въ 1888 году авторомъ разсматриваемаго труда было выдѣлено для Эрмитажа 196 экземпляровъ разновидностей и 258 въ дублиеты.

Благодаря тому, что г. Марковымъ не только описаны всѣ эрмитажные экземпляры и упомянуты венаходящіеся въ Эрмитажѣ, но дано «описаніе и изображеніе тѣхъ изъ нихъ, которые до сего времени еще не были нигдѣ изданы», его настоящій трудъ можетъ назваться наиболѣе полною монографіей джелаиридской нумизматики. Кромѣ упомянутой географической карты, въ текстѣ находимъ 4 цинкографическихъ и 15 ксилографическихъ рисунковъ, 1 генеалогическую таблицу и въ концѣ книгъ 9 фотогилотипическихъ таблицъ монетъ.

В. Р—въ.

**Ивановичъ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Томъ первый.
Изд. А. И. Попова. М. 1898.**

Г. Ивановичъ обѣщаетъ намъ собраніе своихъ сочиненій въ трехъ томахъ; мы думаемъ, что не нужно ждать второго и третьяго тома твореній г. Ивановича, чтобы сдѣлать заключеніе о талантахъ автора. Лежащая передъ нами первая книга достаточно ярко обрисовываетъ литературную фізіономію своего автора, и сколько бы еще книгъ онъ ни выпустилъ, сколько бы повѣстей ни написалъ, они врядъ ли измѣнятъ представленіе о пріемахъ и творчествѣ г. Ивановича. Въ литературномъ портретѣ г. Ивановича двѣ черты являются самыми основными, существенными. Г. Ивановичъ, во-первыхъ, не обладаетъ никакимъ художественнымъ дарованіемъ, существеннымъ признакомъ котораго является способность схватить дѣйствительность такъ, какъ она есть, не больше, не меньше; поэтому ему приходится сочинять жизнь. А, во-вторыхъ, г. Ивановичъ — писатель съ идеями. Послѣ каждаго разказа въ головѣ читателя остается всего-на-всего одна фраза, гласящая ту или другую истину, въ родѣ: стремленіе къ высшему женскому образованію — хорошая вещь, одиночное заключеніе — плохая вещь, студенты должны интересоваться общественными вопросами, нужно быть стойкимъ въ проведеніи своихъ взглядовъ, проституція — социальное зло и т. д. Вотъ только эти идеи, съ которыми читатель оказывался

знакомымъ и до чтенія г. Ивановича, и остаются у него въ головѣ. Дѣйствительность можетъ дать сколько угодно яркихъ иллюстрацій справедливости этихъ истинъ, а г. Ивановичъ, въ силу отсутствія въ немъ наблюдательности не можетъ охватить ее и долженъ выдумывать ее изъ своей головы. Мы совершенно не склонны винить его за эти провинности: на нѣтъ и суда нѣтъ. Если дѣло такъ обстоитъ, то тогда ужъ нужно смотрѣть на разбираемые рассказы съ точки зрѣнія доброкачественности идей, а при такомъ взглядѣ они выдержатъ критику. Вотъ рѣзкими штрихами очерченная литературная фizioномія г. Ивановича. Теперь является вопросъ: есть ли польза отъ такихъ произведеній? Съ перваго взгляда, будто бы и нѣтъ никакой, но мы думаемъ, что извѣстное, т. е. желательное, впечатлѣніе рассказы г. Ивановича произведутъ на извѣстныхъ читателей, для которыхъ идеи рассказовъ являются новыми и которые еще не способны чувствовать несоотвѣтствіе между описаніемъ и дѣйствительностью. Сопоставленіе рѣзкихъ контрастовъ, котораго собственно нельзя наблюдать въ жизни, обращаетъ на себя вниманіе такихъ читателей, а идеи этихъ рассказовъ, выплывая при этомъ въ своей ясности, оставляютъ сильное впечатлѣніе и заставляютъ думать. Аналогичное дѣйствіе производитъ на своихъ зрителей столь презираемая эстетическими кодексами мелодрама, успѣхъ которой на сценахъ городскихъ доступныхъ театровъ — внѣ сомнѣнія. Конечно, г. Ивановичъ долженъ искать для своихъ произведеній читателей, много болѣе развитыхъ, чѣмъ публика доступныхъ театровъ. П. Ш.

А. В. Кругловъ. Старь и новь. Повѣсти, очерки и рассказы.
Изданіе В. С. Спиридонова. Москва. 1898.

Авторъ настоящаго сборника, какъ беллетристъ, имѣетъ уже вполне определенную фizioномію. На всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ печать художественной простоты, задушевности, грусти и легкой провиіи, очень рѣдко переходящей въ ѣдкую насмѣшку и сатиру, какъ, напримѣръ, въ «Губернскихъ сказкахъ». У автора своеобразное отношеніе ко многимъ явленіямъ въ жизни, которую онъ освѣщаетъ вѣрно, избѣгая всякой тенденціи, но иногда вноситъ тотъ субъективизмъ, который какъ бы смягчаетъ рѣзкости житейской картины и бросаетъ въ сердце читателя лучъ надежды, говоря: «еще можно и стоить жить». У автора по большей части его герои именно — «не герои» въ обычномъ смыслѣ этого слова, а только «живыя души».

Г. Скабичевскій вполне вѣрно сказалъ о Кругловѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «Среди нашей современной литературы, преисполненной или мрачнаго безнадежнаго унынія и отчаянія въ тщетныхъ поискахъ положительныхъ типовъ и отрадныхъ явленій — или холоднаго пессимизма, ничего не видящаго въ людяхъ, кромѣ одной грязи, г. Кругловъ представляетъ рѣдкое, исключительное совпаденіе писателя реалиста съ свѣтлою и теплою вѣрою».

Изъ рассказовъ, вошедшихъ въ сборникъ, самыми удачными можно признать слѣдующіе: «Старички», «Пачка писемъ», «Страшный дядя», «Дуракъ», «Около жизни» и «Дешевыя слезы». Здѣсь обыденная жизнь съ ея глубокими, часто едва замѣтными, драмами, жизнь, полная «смѣха и слезъ», прожить

которую — по поговоркѣ — не поле перейти. Часто люди сами виноваты въ своихъ страданіяхъ, ибо по большей части люди сами «кузнецы своего счастья», сказалъ поэтъ. Но иногда и условія слагаются такъ, что человекъ не можетъ выбраться на дорогу и побѣдить тяжелыя условія жизни. И чѣмъ лучше человекъ, тѣмъ ему хуже въ жизни, въ этой жестокой «борьбѣ за существованіе». И гибнуть «страшные дяди», юные мечтатели («Около жизни»), чистые сердцемъ, идеалисты въ любви, апостолы мысли («Дешевыя слезы», «Дуракъ»). Иныхъ спасаетъ сама судьба, посылая испытаніе, разбивая призрачное счастье и тѣмъ самымъ сохраняя настоящее счастье жизни («Пачка писемъ», «Пропулась»). Жизнь полна скорби, въ ней много слезъ и мало радости — это съ одной стороны, но съ другой — все же есть хорошіе люди, «живыя души», большею частію среди незамѣтныхъ героевъ, и какъ выводъ: можно жить и надо жить. Съ этими мыслями вы закрываете книгу, послѣднія страницы которой заняты «лирическими аккордами», т. е. стихотвореніями въ прозѣ, которыя проникнуты горячею любовью къ людямъ, и служатъ какъ бы поэтическимъ эпилогомъ ко всѣмъ рассказамъ.

А. Н—икъ.

В. Глинскій. Виссаріонъ Григорьевичъ Вѣлинскій и чествованія его памяти. Спб. 1898.

Читателямъ «Историческаго Вѣстника» извѣстны уже характеръ и отчасти содержаніе настоящаго очерка В. В. Глинскаго, такъ какъ онъ былъ помѣщенъ въ іюньской и іюльской книжкахъ нашего журнала: мы говоримъ, что содержаніе извѣстно лишь въ отчасти, потому что въ отдѣльномъ изданіи статья нашего постоянного соотрудника является значительно расширенной: собственно біографическая часть осталась безъ измѣненій, но за то значительно дополнена вторая часть статьи, содержащая въ себѣ отчетъ о чествованіяхъ памяти величайшаго нашего критика. Добавлено немало подробностей особенно относительно того, какъ прошло это знаменательное литературное торжество въ провинціи, торжество, значеніе котораго лучше всего опредѣляется слѣдующими прекрасными словами автора: «общество сумѣло въ предѣлахъ современной возможности обратить день 26 мая въ настоящій праздникъ мысли, который несомнѣнно благодарнымъ потомствомъ будетъ занесенъ на скрижали исторіи наравнѣ съ страницей извѣстныхъ помпнокъ Пушкина въ Москвѣ. Торжественныя поминки этихъ двухъ писателей, изъ коихъ одинъ явился въ нашей исторіи основателемъ новой русской литературы, а другой — ея блестящимъ истолкователемъ и пророкомъ ея грядущихъ судебъ на долгія времена, служатъ лучшимъ указателями, что русское общество достойно своихъ великихъ учителей, и что работа ихъ не осталась безплодною». Русское общество сумѣло почтить «ненстоваго Виссаріона», а потому книжка В. В. Глинскаго имѣетъ несомнѣнное значеніе, воспроизводя предъ нами со всею полнотою картину этого чествованія и помогая читателю освоиться въ обширной литературѣ, порожденной знаменательными днями. Большую цѣнность отдѣльному изданію придаетъ также приложенный къ нему юношескій «Журналъ Вѣлин-

скаго поѣздки въ Москву и пребыванія въ оной», извлеченный изъ «Живописнаго Обзорѣнія», ярко характеризующій настроеніе и міросозерцаніе будущаго критика.

Б. А.

А. Вертеловскій. Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Харьковъ. 1898.

Отличительную особенность среднихъ вѣковъ составляетъ тѣсная связь богословія съ философіей. Рядомъ съ діалектическимъ направленіемъ развивается въ средніе вѣка и мистицизмъ, явившійся реакціей противъ безжизненной діалектики. Средневѣковая западная мистика, являясь оппозиціей по отношенію къ католичеству, имѣетъ универсальное значеніе: она представляла весьма благодарную почву для образованія новыхъ сектъ съ реформаторскимъ направленіемъ, а нѣмецкая мистика подготовила путь къ протестантизму. Книга г. Вертеловскаго представляетъ очень важный и цѣнный вкладъ въ историко-философской литературѣ. Авторъ не только находитъ генетическую связь между средневѣковыми мистическими сектами и реформаторскими, но и между новѣйшими теософами, нашими массонами и другими сектантами. Необходимо имѣть въ виду, что онъ въ опредѣленіи понятія о мистикѣ разумѣетъ мистиковъ церковныхъ, о которыхъ и трактуетъ въ первомъ отдѣлѣ своего сочиненія.

Все сочиненіе распадается на три отдѣла: церковная мистика, спекулятивно-реформаторская мистика и сектантская мистика. Церковная мистика развивалась на Западѣ съ XII вѣка, но особеннаго развитія достигла въ XIV вѣкѣ. Такъ какъ въ схоластической теологіи XIII в. кроются причины, способствовавшія развитію теософій, то авторъ, представивъ сжатый очеркъ схоластической теологіи, останавливается на главномъ представителѣ нѣмецкаго мистицизма Эккартѣ, дѣлаетъ общую характеристику его міросозерцанія и опредѣляетъ то мѣсто, какое занимаетъ система Эккарта въ ряду однородныхъ, по направленію, системъ средневѣковыхъ философовъ. Эккартъ занимаетъ центральное положеніе въ исторіи мистики, но онъ имѣлъ предшественника въ лицѣ Эригена. Завершивъ собою развитіе средневѣковой мистики въ крайнемъ пантеистическомъ направленіи, Эккартъ въ то же время пролагаетъ путь Лютеру, что особенно важно. Возникнувъ въ періодъ крестовыхъ походовъ, мистика быстро развивалась въ Германіи, особенно вѣдѣтвіе борьбы панства съ государственною властію. Въ это-то время развились сокрушенія во грѣхахъ, самоистязанія флагеллантовъ, и основалось общество «друзей Божіихъ». Авторъ считаетъ, вопреки установившемуся мнѣнію, друзей Божіихъ ближайшими послѣдователями Эккарта, въ смыслѣ пракческаго осуществленія его идей. Отдѣлъ о реформаторской мистикѣ г. Вертеловскій заканчиваетъ очеркомъ развитія мистическаго богословія въ средѣ друзей Божіихъ послѣ Эккарта и останавливается на жизни и проповѣднической дѣятельности Таулера. И здѣсь авторъ занимаетъ самостоятельное мѣсто въ опредѣленіи положенія Таулера въ исторіи богословскаго просвѣщенія на Западѣ. По его взгляду, Таулеръ по своему богословскому міросозерцанію непосредственно

примыкаетъ къ Эккарту; онъ успѣшнѣе другихъ мистиковъ подготовилъ протестантство. Третій отдѣлъ своего труда авторъ посвятилъ сектантской мистикѣ. Мистическія секты, несомнѣнно, одно изъ любопытнѣйшихъ явленій среднихъ вѣковъ, вообще богатыхъ разнообразными религіозными сектами. Мистики рѣшительно отрицали значеніе христіанства, какъ Божественной религіи. Одну изъ самыхъ раннихъ мистическихъ сектъ образовали іоахимиты. Одновременно съ ними во Франціи появилась секта амальриханъ, также стремившаяся къ спиритуализированію религіи. Заканчивается г. Вертеловскій этотъ отдѣлъ разсмотрѣніемъ секты беггаровъ, въ которой мистицизмъ достигъ высшаго и крайняго своего развитія.

Трудъ г. Вертеловскаго, важный для спеціалистовъ, чрезвычайно интересенъ и, сравнительно, доступенъ для широкой публики. Почтенный авторъ его не только прекрасно вооруженъ историческими данными, но и богословскими, рассматривая отступленія мистиковъ отъ Священнаго Писанія и церковнаго преданія. При томъ, на русскомъ языкѣ — это единственный трудъ.

К.

Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, ахидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ третій. Москва. 1898.

Третій выпускъ издаваемаго г. Муркосомъ въ русскомъ переводѣ замѣчательнаго арабскаго произведенія, описывающаго путешествіе въ Россію антиохійскаго патріарха Макарія въ половинѣ XVII вѣка, обнимаетъ первые два съ половиною мѣсяца пребыванія Макарія въ Москвѣ, именно, со 2 февраля по 15 апрѣля 1655 года. Описаніе содержитъ массу разнообразнѣйшихъ и интереснѣйшихъ данныхъ касательно разныхъ сторонъ современной русской жизни и представляетъ не малое и научное значеніе. Въ настоящемъ, третьемъ, выпускѣ помѣщены седьмая, восьмая и девятая главы «Путешествія». Въ частности, въ главѣ седьмой (стр. 1—57) описывается вѣздъ въ Москву патріарха Макарія, странствовавшаго почти три года, пока онъ не прибылъ «въ этотъ великій градъ, столицу, новый Римъ, городъ церквей и монастырей, славный во всемъ мірѣ», — рассказывается о возвращеніи въ Москву патріарха Никона и царя Алексѣя Михаловича, изъ коихъ первый выбылъ изъ столицы по случаю моровой язвы, а второй принималъ участіе въ военномъ походѣ противъ поляковъ, — о торжественномъ приѣмѣ патріарха Макарія у царя и у Никона, коимъ онъ представилъ многочисленные и цѣнные подарки, — о царской милости Макарію и его спутникамъ; кромѣ того, въ этой главѣ описываются различныя церковныя богослуженія, въ совершеніи которыхъ участвовалъ патріархъ Макарій, обѣды у царя и у патріарха Никона, участникомъ коихъ былъ и Макарій, обычай русскихъ бояръ, наконецъ, сообщается о вторженіи въ Украину поляковъ и о борьбѣ съ ними Хмельницкаго. Въ главѣ восьмой (стр. 58—120) содержатся многія историческія свѣдѣнія касательно прошлаго и современнаго положенія Россіи, а именно — рассказывается о царѣ Іоаннѣ Грозномъ и за-

воеваніи имъ Казани, Астрахани и Сибири, о владычествѣ татаръ на Руси, сообщаются свѣдѣнія о Грузіи и царѣ Теймурашѣ, повѣствуется о крещеніи касимовскаго царевича и другихъ иновѣрцевъ, описываются Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, Ивановская и другія кремлевскія колокольни, рассказывается о приготовленіяхъ къ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ, говорится о содержаніи русскаго духовенства, о набожности царя Алексѣя Михайловича и русскаго народа, описываются нѣкоторыя православно-русскія богослуженія. Наконецъ, въ послѣдней главѣ (121—204) также содержатся многія свѣдѣнія относительно церковныхъ богослуженій въ Россіи въ теченіе великаго поста и разныхъ церковныхъ обрядовъ; рассказывается о походѣ царя противъ поляковъ въ союзѣ со шведами, о составѣ и численности русскаго войска, объ отношеніи къ крымскимъ татарамъ, о порядкѣ русскаго управленія въ отсутствіе царя, объ отношеніи патріарха Никова къ духовенству и боярамъ и т. п.

Краткій обзоръ содержанія новаго выпуска «Путешествія антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію» показываетъ, что и онъ богатъ историко-археологическимъ матеріаломъ, какъ и два предыдущіе выпуска. Дѣйствительно, здѣсь встрѣчаются такія свѣденія указаннаго характера, какихъ нѣтъ въ аналогичныхъ историческихъ произведеніяхъ. Такъ, обстоятельное описаніе Успенскаго собора, доселѣ остававшееся неизвѣстнымъ, имѣетъ весьма немаловажное значеніе для отечественной археологій. Оно относится къ 1655 году, т. е. къ тому времени, когда Успенскій соборъ былъ не задолго передъ тѣмъ нововленъ трудами патріарха Никона, и является прекраснымъ дополненіемъ къ сохранившимся другимъ описаніямъ Успенскаго собора. Любопытны также и археологическія свѣдѣнія о другихъ московскихъ храмахъ, а равнымъ образомъ представляется новымъ рассказъ Павла Алеппскаго объ отливкѣ новаго большого колокола. Для исторіи русскаго богослуженія важно описаніе разныхъ церковныхъ службъ, сдѣланное арабскимъ авторомъ, лицомъ очень компетентнымъ въ данномъ случаѣ. Наконецъ, и бытовыя свойства русскаго народа описаны иностраннымъ авторомъ очень внимательно и мѣтко. Словомъ, и третій выпускъ русскаго перевода «Путешествія» приводитъ читателя къ прежнему выводу—о важномъ научномъ историко-археологическомъ значеніи этого произведенія.

С.

Памятныя книжки: I. Сувалкской губерніи на 1898 годъ. Сувалки. 1898. II. Ломжинской губерніи на 1898 годъ. Ломжа. 1898.

Напрасно было бы распространяться о томъ, что издаваемые губернскими начальствами, толково составленныя, памятныя книжки — имѣютъ большую цѣнность не только какъ справочныя изданія, но и какъ собраніе матеріаловъ для исторіи того или другаго уголка нашего обширнаго отечества. Только, къ прискорбію, книжекъ такихъ у насъ появляется очень мало... Въ большинствѣ случаевъ, это никому не нужный хламъ, простая макулатура. Отсюда — тѣмъ пріятнѣе привѣтствовать появленіе двухъ «книжекъ», не похожихъ на боль-

шинство. «Книжки» эти: одна Сувальской губернии, другая Ломжинской — только что вышли. Та и другая, кроме «справочнаго» отдѣла (который составленъ особенно тщательно въ ломжинской книжкѣ), содержатъ въ себѣ еще отдѣлъ «литературный». Это самая интересная часть подобныхъ изданій. Въ сувальской книжкѣ этотъ отдѣлъ занимаетъ, составленная лѣтописнымъ способомъ, «хроника выдающихся событій въ губерніи въ теченіе 1897 года». А такихъ событій въ жизни Сувальской губернии было не мало: соединеніе Сувалокъ желѣзнодорожною линіею съ Олитой и Гродно, закладка моста черезъ р. Черную-Ганчу, посѣщеніе губерніи главнымъ начальникомъ края, варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ А. К. Имеретинскимъ (обѣзжавшимъ губерніи царства Польскаго съ цѣлью узнать лично и на мѣстѣ нужды мѣстнаго населенія), открытіе въ губернскомъ городѣ «безплатной воскресной школы для всѣхъ возрастовъ, безъ различія національностей, съ преподаваніемъ закона Божія по вѣроисповѣданіямъ», устройство въ Сувалкахъ метеорологической станціи, сооруженіе близъ гор. Августова памятника-бюста герою двѣнадцатаго года, кн. Петру Пв. Багратіону и т. д. «Хроника» иллюстрирована 6-ю хорошими фотографіями и сопровождается «краткимъ историческимъ очеркомъ метеорологическихъ наблюденій» въ губерніи. Литературный отдѣлъ ломжинской памятной книжки (изданной подъ наблюденіемъ мѣстнаго историка-археолога Г. А. Воробьева) составляютъ статьи: пребываніе ихъ императорскихъ величествъ въ предѣлахъ Ломжинской губерніи 19 и 23 августа 1897 г., объездъ губерніи кн. А. К. Имеретинскимъ, Наполеонъ въ Ломжѣ въ 1812 г. — ст. Н. К. Шильдера (извлеченная изъ нашего журнала 1897 г.), о курияхъ, — любопытный этнографическій очеркъ г. Незнамова и двѣ замѣтки о мѣстныхъ юбилеяхъ въ 1897 г. — Д. Н. Лабудзинскомъ (ломжинскомъ вице-губернаторѣ, извѣстномъ труженникѣ, председателѣ многообразныхъ комиссій, образованныхъ при штабѣ варшавскаго военнаго округа, — справлявшемъ 40-лѣтіе своей государственной службы) и М. В. Харламовичѣ (начальникъ мѣстной почтово-телеграфной конторы, 50-лѣтіе службы котораго также исполнилось въ минувшемъ году). Текстъ сопровождаютъ три отчетливыя фотографіи (отъездъ ихъ величествъ на червоноборскія позиціи 10 августа, пріемъ депутаціи въ Ломжѣ свѣтлѣйшимъ княземъ Имеретинскимъ и портретъ д. с. с. Лабудзинскаго) и обстоятельно составленный «алфавитный списокъ» фамилій, заключающихся въ справочномъ отдѣлѣ памятной книжки.

Къ типографскомъ отношеніи обѣ книжки изданы щегольски.

В. Р. В.

К. В. Назарьева. „Дорогой цѣной“. Романъ. Спб. 1898.

Г-жа Назарова не принадлежитъ къ звѣздамъ перворазряднаго нашего беллетристическаго горизонта, но тѣмъ не менѣе извѣстность ея за послѣднее время растетъ довольно быстро, и придирчивая русская критика начинаетъ уже обращать на нее свое лестное вниманіе. Это показатель достаточно добрый,

такъ какъ у насъ гораздо охотнѣе вышучиваютъ и бранятъ романистовъ, нежели безпристрастно и съ должнымъ вниманіемъ оцѣниваютъ ихъ посильные труды. Литературная дѣятельность г-жи Назарьевой до послѣдняго времени протекала внѣ благосклоннаго суда критики, и, кажется, въ этомъ повинна она сама, сосредоточивъ свои силы главнымъ образомъ на драматическомъ амплуа, для котораго, чтобъ приобрести себѣ здѣсь почетное имя, нужно особое дарованіе. Имъ почтенная писательница несомнѣнно не обладаетъ или обладаетъ въ очень малой степени. Въ настоящее время она вступила на путь публицистики и беллетристическаго творчества и здѣсь въ достаточно короткое время завоевала себѣ прочное положеніе.

Романъ г-жи Назарьевой «Дорогой цѣной», далеко не заурядное беллетристическое кропаніе, каковыми обычно щеголяютъ наши толстые ежемѣсячники, а романъ, который, если и не особенно богатъ художественными красотою, то во всякомъ случаѣ вызывающій на серьезные размышленія и ставящій на размышленіе читателей животрепещущіе вопросы — о бракѣ, о семьѣ, о дѣтяхъ, рожденныхъ внѣ законнаго брака, о свободной любви и пр., и пр. той же категоріи вопросы, которые такъ часто волнуютъ нашу печать и которые даже вызываютъ къ себѣ вниманіе современнаго законодательства. Въ обилии поставленныхъ на разрѣшеніе вопросовъ и обнаруживается вполне публицистическая жилка г-жи Назарьевой, которая бьется нервнымъ темпомъ въ каждой главѣ и которая достигаетъ наисильнѣйшей пульсаціи въ заключительныхъ страницахъ романа. Романъ этотъ, если позволено такъ выразиться, «феминистскій» и имѣетъ значеніе, какъ горячее слово современной передовой женщины въ защиту широкихъ правъ женщины на свободный трудъ, на равноправное съ мужчиной положеніе въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ. Героиня г-жи Назарьевой, женщина-врачъ, Ольга Бренская, по своимъ нравственнымъ качествамъ, по уму и складу убѣжденій, на голову выше всей той публики, которая ее окружаетъ, и должна представлять собою тотъ независимый и вмѣстѣ съ тѣмъ женственный образъ, подражать которому и приближаться къ которому, по мнѣнію романистки, должна каждая читательница романа. Испытавъ въ жизни горечь мужской власти, Бренская, не отказывая своему сердцу въ свободномъ влеченіи, умѣетъ во второй разъ жизни подчинить себѣ волю любящаго и любимаго человѣка и заставляетъ его устроить ихъ совместную жизнь не по его указкѣ и его желаніямъ, а по собственному усмотрѣнію, какъ ей того хочется и какъ ей то подсказываетъ опытъ жизни. Положенія, въ которыя поставлены герой и героиня романа, въ высшей степени любопытны и являются оригинальной развязкой современной семейной эпопеи.

В. Г.

Шантепи-де-ля-Соссей. Иллюстрированная исторія религіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей В. Н. Мендѣ. Выпускъ I и II. Изданіе магазина „Книжное Дѣло“. Москва. 1898.

Говоря о книгахъ Барта и Ольденберга, мы отмѣтили пробужденіе въ русскомъ обществѣ интереса къ философскому знанію, вообще, къ религіозно-философскому, въ особенности. Появленіе въ русскомъ переводѣ книги, заглавіе которой мы выписали, лишній разъ иллюстрируетъ вѣрность нашего замѣчанія. Здѣсь не мѣсто, конечно, распространяться о томъ, чѣмъ вызывается интересъ къ изученію религіи. Можетъ быть, въ этомъ интересѣ сказывается отвлеченная любознательность; можетъ быть, по выраженію покойнаго И. П. Минаева, въ высшей степени интересовавшагося религіозными вопросами, «въ этомъ вопросѣ сказалась жизненная боль, утолить которую ищетъ современный человѣкъ». Какъ бы тамъ ни было, изученіе различныхъ теорій жизни, — а вѣдь религіи я были теоріями жизни, — имѣетъ важное значеніе для исторіи.

Книга Шантепи-де-ля-Соссей считается въ европейской литературѣ однимъ изъ лучшихъ руководствъ по исторіи религіи. Написанная въ высшей степени объективно, работа Шантепи-де-ля-Соссей даетъ содержательные очерки религіозныхъ ученій, иногда сдѣланные въ сотрудничествѣ специалистовъ. Крупный недостатокъ разбираемой книги въ томъ, что она слишкомъ мало мѣста посвящаетъ теоретическимъ вопросамъ о сущности, значеніи религіи, какъ фактора историческаго развитія. Въ первомъ нѣмецкомъ изданіи книги Шантепи-де-ля-Соссей теоретическому введенію было удѣлено гораздо больше мѣста, чѣмъ во второмъ, по которому сдѣланъ русскій переводъ. Приходится пожалѣть о томъ, что это теоретическое введеніе не переведено на русскій языкъ.

Русскій переводъ, въ общемъ, сдѣланъ удовлетворительно. Невыгодно отзывается на немъ то обстоятельство, что онъ не проверенъ специалистами. Они сிரавились бы съ транскрипціей, непреодолимой для обыкновенныхъ переводчиковъ. Шантепи-де-ля-Соссей даетъ многочисленныя указанія на литературу предмета. Русскому переводчику слѣдовало бы пополнить списокъ автора указаніями на русскую литературу. Правда, она не богата, но въ такомъ случаѣ дать перечень русскихъ работъ — дѣло легкое. Да, кромѣ того, у насъ есть и вполне солидные труды, хотя бы, по Китаю и Монголіи, есть и переводы китайскихъ философовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вполне доступны большой публикѣ, какъ, на примѣръ, переводы, принадлежащіе г. Конисси и помѣщенные въ «Вопросахъ философіи и исторіи». Наконецъ, непростительная вещь для переводчика — не упомянуть о русскихъ переводахъ сочиненій, приводимыхъ Шантепи-де-ля-Соссей.

Щ.

Юганъ Шерръ. Историческія женщины. Переводъ съ нѣм. Спб. 1898.

Шерръ извѣстенъ не только, какъ авторъ «Исторіи всеобщей литературы», недавно вновь переведенный порусски, но и своими историческими сочиненіями, изъ которыхъ его «Комедія всемірной исторіи» была въ свое время очень мод-

ной книжкой. «Историческія женщины» его—рядъ характеристикъ, охватывающихъ періодъ съ V вѣка до Р. Х. по XIX вѣкъ. Вниманіе автора остановилось на 11 женщинахъ: Аспазія (V в. до Р. Х.), Тусвельда (I в.), Мессалина (I в.), Элоиза (XI в.), Іоанна д'Аркъ (XV в.), Елисавета и Марія Стюартъ (XVI в.), Нивона де-Ланкло (XVII в.), Матильда Датская (XVIII в.), Марія-Антуанетта XVIII в.), Каролина Англійская (XIX в.). Читатель невольно спроситъ: какая же связь между Мессалиной и Д'Аркъ, или Елисаветой и Маріей-Антуанеттой? почему именно эти одиннадцать женщинъ избраны авторомъ изъ всего періода XXIV вѣковъ? Къ сожалѣнію, на тотъ и другой вопросы довольно трудно отвѣтить. Портреты излюбленныхъ авторомъ героинь написаны, въ смыслѣ техническомъ, превосходно. Зато «историческія» женщины не всегда выдерживаютъ историческую критику. Главный недостатокъ этой книжки—погоня за фразой, иногда смѣлой, но почти всегда красивой, фразой, въ ущербъ установившимся историческимъ даннымъ. Часто мы находимъ разсужденія о «демоническихъ натурахъ», (Элоиза), о томъ, что такое любовь, свобода, женщина и т. п. Все это авторъ мимоходомъ разбрасываетъ во всей книгѣ. «Кто разрѣшитъ загадку—что такое любовь? Только тотъ, кто рѣшитъ мировую задачу—что такое человѣкъ?» (88 стр.). Описывая внѣшность какой нибудь своей героини, авторъ непременно выскажетъ глубокомысленное замѣчаніе о значеніи красоты, красиваго рта, глазъ, о томъ, что «часто прелестныя и наипрелестныя ручки ласкаютъ ослиныя головы» (254 стр.). На женщину авторъ смотритъ, какъ на «прекраснѣйшее существо вселенной». При такой, «эстетической» точкѣ зрѣнія, Шерръ больше всего интересуется «романами» въ жизни женщинъ, для которыхъ любовь составляетъ «все: цѣль, сущность жизни, небо и адъ». Съ особенной симпатіей относится Шерръ къ Маріи-Антуанеттѣ, послѣдніе дни жизни которой онъ изобразилъ довольно ярко. Рельефно, хотя не безпристрастно, нарисованы двѣ королевы—Марія Стюартъ и Елисавета Тюдоръ, эта «рыжеволосая кошка съ ястребиной фізіономіей». Въ знаменитой англійской королевѣ авторъ отрицаетъ всякую инициативу, съ чѣмъ и враги Англій не согласились бы. Она, по мнѣнію автора, не заслуживаетъ, какъ человѣкъ, ни любви, ни уваженія, олицетворяя въ себѣ прототипъ англійскаго лицемерія, двуличность, ханжество и лукавство. Марія Стюартъ, старается увѣрить насъ Шерръ, была женщиной принципа, «была далека отъ фанатичной католички» (159 стр.), и главнымъ стимуломъ ея дѣйствій было жгучее честолюбіе, а не чувственность и не религіозный фанатизмъ. Взглядъ этотъ, полный романтизма, не особенно мирится съ историческими данными. Хорошъ портретъ и Нивоны де-Ланкло, правдивый и ярко рисующій французское общество XVII в. Если не придавать особеннаго значенія слову «историческія» женщины, то рядъ живыхъ, остроумно написанныхъ Шерромъ характеристикъ выдающихся кокетокъ прочтется съ удовольствіемъ, какъ легкій романъ. Переводъ сдѣланъ весьма недурно.

К.

Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета за истекшую третью четверть вѣка его существованія. 1869—1894. Т. II. М—Я. Спб. 1898.

Въ память исполнившагося 8 февраля 1894 г. семидесятипятилѣтія со дня основанія С.-Петербургскаго университета, его совѣтъ постановилъ напечатать биографическій словарь профессоровъ за послѣднюю четверть вѣка и выполнение этого постановленія возложилъ на комиссію изъ профессоровъ: Н. И. Веселовскаго, Н. И. Карѣева, И. Я. Фойницкаго, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Меншуткина. Комиссія обратилась къ профессорамъ и преподавателямъ университета съ просьбою сообщить ей біографіи и свѣдѣнія о своей учено-литературной дѣятельности, а также о жизни и трудахъ своихъ предшественниковъ по занимаемой кафедрѣ, умершихъ или оставившихъ службу въ университетѣ. Результатомъ является настоящій словарь, первая часть котораго (отъ А до Л) вышла въ свѣтъ въ 1896 г., а вторая напечатана теперь. Соединяя въ себѣ обширный матеріалъ для фактической характеристики учено-литературной дѣятельности университета за истекшее двадцатипятилѣтіе, «Словарь» служитъ продолженіемъ извѣстной книги В. В. Григорьева, посвященной обзору университетской исторіи за первые 50 лѣтъ. Всего въ «Словарѣ» помѣщено 355 автобіографій или біографій, при чемъ первыя являются безъ подписей. Нечего, конечно, говорить, какъ велика важность подобныхъ изданій при общей бѣдности работъ по исторіи нашего просвѣщенія; вмѣстѣ съ тѣмъ такой «Словарь» долженъ являться важнымъ библиографическимъ подспорьемъ, содержа въ себѣ самое полное указаніе трудовъ профессоровъ. Однако, въ примѣненіи къ настоящему «Словарю», при всѣхъ его выдающихся достоинствахъ, приходится замѣтить, что въ отношеніи, какъ біографической, такъ и библиографической полноты, онъ представляетъ много такихъ изъяновъ, которые желательнo было бы устранить. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ относительно автобіографій, которыя въ большинствѣ случаевъ являются уже по своему тону весьма хорошими источниками для характеристики ихъ авторовъ: тутъ передъ нами ярко рисуется чисто ученая скромность однихъ, дающихъ о себѣ самыя сжатые формуляры и даже признающихъ, что ихъ труды не заслуживаютъ упоминанія (хотя, замѣтимъ, въ дѣйствительности между ними есть и очень важныя), и также ярко выступаетъ самодовольство другихъ, цѣнящихъ каждую свою строчку и считающихъ необходимымъ повѣдывать міру подробныя (хотя никому не нужныя) свѣдѣнія о своемъ духовномъ развитіи. Однако, характеризуя своихъ авторовъ, автобіографіи очень часто удовлетворяютъ существенному требованію полноты библиографической: если въ этомъ отношеніи виною скромность или забывчивость авторовъ, то пробѣлъ могъ бы быть легко восполненъ библиографическими списками, составленными ихъ учениками. Что касается біографій, то и въ этомъ случаѣ можно указать нѣкоторые недостатки: рядомъ идутъ отличныя біографіи И. И. Срезневскаго, И. П. Минаева, П. Е. Андреевскаго и совершенно безпѣтная — О. А. Миллера; кромѣ того, въ біографіяхъ замѣчаются тоже и фактическіе недостатки: напримѣръ,

въ біографіи О. Θ. Миллера нѣтъ полнаго перечня его статей и даже не указана весьма въ этомъ отношеніи полезная статья г. Якушкина (Русская Мысль, 1889 годъ, № 9); въ біографіи проф. Пѣтухова не упомянуто ни о его докторскомъ диспутѣ, происходившемъ въ 1895 г., ни о томъ, что г. Пѣтуховъ служитъ въ Юрьевѣ, а не въ Нѣжинѣ; наконецъ, біографія І. А. Шебора оканчивается отмѣткой: «І. А. Шеборъ скончался», безъ всякаго указанія даты его кончины; это послѣднее, положимъ, совсѣмъ не представляется мудренымъ, такъ какъ г. Шеборъ, слава Богу, и теперь живъ; но уже совсѣмъ необъяснимо и неизвинительно, какъ это редакція «Словаря», состоящая изъ профессоровъ, умудрилась такъ небрежно отнестись къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ частныхъ недостаткахъ изданія, нельзя не признать его существенно полезнымъ для исторіи русской науки.

А. Б—инъ.

Kolaczkowski, Klemens, general. Wspomnienia z r. 1793—1813. Księga 1. Kraków. 1898.

Воспоминанія генерала Клеменса Колачковскаго очень интересны. Авторъ — двоюродный братъ Жанеты Грудзинской, вѣдущей княгини Ловичъ — принималъ участіе въ войнахъ Наполеона, въ русско-турецкой кампаніи, служба подъ начальствомъ Дибича, а въ 1831 г. на его долю выпала трудная задача — укрѣпить Варшаву. Воспоминанія начинаются съ описанія дѣтства автора, которое онъ провелъ сначала въ Познани, а потомъ въ великой Польшѣ. Первымъ воспитателемъ его былъ французъ-эмигрантъ. Послѣ Клеменса отдали въ городскую школу въ Бреславль (Влоцлавъ). Здѣсь ему пришлось выдержать осаду города французами. Ученики принуждены были прятаться въ погреба и спасаться отъ непріятельскихъ гранатъ въ обществѣ крысъ. Одна граната пала въ ученическую спальню и все перевернула вверхъ дномъ. По занятіи Бреславля французами, отецъ Колачковскаго поручилъ сына попеченіямъ генерала Гебдовскаго, и этотъ, въ свою очередь, представилъ молодого человѣка генералу Пеллетье, полковнику Малле и директору арсенала Бонтаму. Клеменса отослали въ Сандоміръ, гдѣ въ то время шла горячая работа по укрѣпленію города. Совсѣмъ не то происходило въ главной квартирѣ (въ Тржеснѣ). Здѣсь штабная молодежь кутила направо и жестоко сражалась на зеленомъ полѣ. Колачковскій тоже сдѣлался жертвою «зеленаго поля». Онъ проигралъ 30 червонцевъ, составлявшихъ все его состояніе. Съ этихъ поръ онъ зачался играть въ карты. Изъ Сандоміра нашъ авторъ отправился въ Модлинъ (теперь Новогеоргіевская крѣпость), а изъ Модина въ Сероцкъ. Пункты эти были слабо укрѣплены. Въ Радзимижъ его представили князю І. Понятовскому. Колачковскій подробно описываетъ блестящаго польскаго рыцаря, заполнивашаго его сердце. Въ концѣ 1808 г. нашъ герой познакомился съ Прондзинскимъ ¹⁾ и, поселившись съ нимъ вмѣстѣ, занялся изученіемъ инженернаго дѣла. Въ 1810 г. Колачковскаго произвели въ поручики и

¹⁾ Игнатій Прондзинскій, знаменитый польскій стратегикъ (р. 1792 † 1850), авторъ исторіи войны 1831 г.

Г. В.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1898 г., т. LXXIII.

23

командировали на практическія фортификаціонныя работы въ Замостье. Въ слѣдующемъ году начались грандіозныя работы по укрѣпленію Модлина: работали 6.000 солдатъ и 12.000 крестьянъ. Въ распоряженіи Колачковскаго состояло 4.000 рабочихъ. Описывая свое участіе въ войнѣ народовъ 1812 г., нашъ авторъ останавливается на личности ея полководца. Наполеонъ, котораго онъ видѣлъ подъ Краснымъ, смотрѣлъ спокойно и хмуро, на его лицѣ могли отражаться только или гнѣвъ или радость. Колачковскій подробно описалъ всѣ битвы наполеоновской эпопеи, въ которыхъ принимали участіе поляки. Въ битвѣ подъ Бородинымъ, — рассказываетъ онъ, — французская пѣхота понесла большія потери отъ русскихъ пуль особеннаго образца, на манеръ картечи; съ ними познакомили русскихъ англичане. Если бы, говорить онъ далѣе, — не храбрость и вѣрность польскаго солдата подъ Студенкою, а затѣмъ при переправѣ черезъ Березину, то положительно можно сказать, что ни одинъ человекъ изъ великой арміи не успѣлъ бы спастись. Первая книга «Воспоминаній генерала Клемена Колачковскаго» оканчивается извѣстіемъ о посполитомъ рушеніи (всеобщее ополченіе) въ январѣ 1813 г. въ департаментахъ свободныхъ отъ непріятели.

Г. А. Воробьевъ.

Суворовъ. Средневѣковые университеты. М. 1898.

Средневѣковые университеты, чтобы завоевать себѣ право существованія среди той неурядицы, которая явилась продуктомъ борьбы двухъ началъ феодальнаго строя: опеки и привилегій, должны были при самомъ своемъ возникновеніи выработать прочную организацію, на манеръ уже существующихъ гильдій, цеховъ, корпорацій. И въ самомъ дѣлѣ, университеты, какъ это излагаетъ авторъ въ введеніи, лишь только были вызваны къ жизни, организовались въ прочныя корпораціи, въ общемъ довольно схожія съ ремесленными цехами. Таково было въ средніе вѣка понятіе университета. Цѣль сочиненія, какъ объ этомъ говоритъ самъ авторъ, къ сожалѣнію, сводится къ выясненію, «въ какомъ отношеніи средневѣковые университеты состоятъ къ церкви». Этой цѣлью, естественно, суживаются рамки изслѣдованія и всему сочиненію придается нѣсколько условный и неполный характеръ. Въ первой главѣ авторъ преимущественно останавливается на исторіи двухъ университетовъ, Болонскаго и Парижскаго, какъ стоящихъ во главѣ двухъ различныхъ типовъ университетовъ. Болонскій открываетъ собой рядъ, такъ называемыхъ, «городскихъ» университетовъ, въ которыхъ духовный элементъ стоитъ въ сторонѣ, какъ «внѣшняя, контролирующая власть».

Парижскій, напротивъ, стоитъ во главѣ «канцлерскихъ» университетовъ, въ которыхъ духовный элементъ имѣетъ доминирующее значеніе и «становится въ болѣе близкихъ отношеніяхъ». Давая въ слѣдующихъ главахъ довольно обстоятельный очеркъ внутренней и внѣшней жизни университетовъ выше названныхъ двухъ направленій, авторъ въ виду поставленной цѣли относится къ предмету односторонне. Идетъ ли дѣло о политической регламентаціи университетовъ, или о постановкѣ научной стороны дѣла, или о

внутренней организаціи, всегда авторъ изслѣдуетъ эти вопросы постольку, поскольку они опредѣляются отношеніями къ церкви.

Такимъ образомъ авторомъ незатронуты ни политическое значеніе университетовъ средневѣковой государственной жизни, ни юридическое положеніе ихъ, ни отношеніе и участіе къ общественнымъ теченіямъ. Въ послѣдней главѣ, которую авторъ довольно громко назвалъ—«Итоги къ началу новой исторіи», къ сожалѣнію, тоже мы не находимъ какихъ нибудь положительныхъ выводовъ, не находимъ и указанія на тѣ послѣдовательные этапы, пройти которые должны были университеты, прежде чѣмъ провозгласить свободу науки и свою автономію.

Е. Ш.

Зин. Венгерова. Литературныя характеристики (Прерафаэлитское движеніе въ Англіи. Д. Г. Росетти. В. Моррисъ. О. Уайльдъ. Д. Мередитъ. Р. Вроунингъ. В. Влэкъ. Французскіе поэты-символисты: П. Верлэнъ. К. Ж. Гюисманъ, Г. Гауптманъ, Г. Ибсенъ. Вліяніе Данте на современность. Францискъ Ассизскій, Боттичелли). Спб. 1897.

Очень интересная, полезная и въ общемъ хорошо написанная книга, въ которой, однако же, все можетъ вызвать возраженія, начиная съ самаго ея плана и даже вышеприведеннаго оглавленія. Почему, недоумѣваетъ читатель, Боттичелли попалъ въ разрядъ «литераторовъ»? Какая связь между Верлэнномъ, Ибсеномъ и проч., съ одной стороны, и св. Францискомъ, съ другой. Правда, предисловіе автора пытается уяснить послѣднее недоумѣніе, утверждая, что «литературѣ и искусству послѣднихъ десятилѣтій въ Западной Европѣ присвоено названіе второго возрожденія» (референтъ не знаетъ, гдѣ именно и къѣмъ усвоено), и что поэтому авторъ къ очеркамъ современной литературы присоединяетъ очерки по литературѣ возрожденія; но въ виду того, что на стр. 315 Данте называется «первымъ создателемъ возрожденія», св. Францискъ никоимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ эпохѣ ренессанса.

Начнемъ перелистывать книгу, и на насъ произведетъ нѣсколько непріятное впечатлѣніе небрежность автора въ мелочахъ и слишкомъ рѣшительный и увѣренный тонъ его въ вопросахъ серьезныхъ. Онъ не только въ двухъ строкахъ опредѣляетъ, что воплотилъ Рафаэль въ «Сикстинской Мадоннѣ» (стр. 30) и Леонардо да-Винчи въ «Джіокондѣ» (стр. 31), но столь же кратко и рѣшительно опредѣляетъ, почему романтики симпатизировали среднимъ вѣкамъ (стр. 7). Небрежность автора доходитъ до того, что онъ не потрудился даже глазами пробѣжать статей своихъ, изъ которыхъ составлялъ книгу (вслѣдствіе чего одна изъ лучшихъ главъ—о Вильямѣ Моррисѣ—начинается такъ: «3-го октября н. ст.—безъ обозначенія года,—умеръ въ Лондонѣ поэтъ» и проч.), да и при составленіи статей иногда писалъ и собственные имена, и ученныя слова, и даже факты будто «со слуху», безъ провѣрки ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ настойчиво называетъ предка Данта Caccioguïdo (стр. 333, вм. Caccioguïda) и еще настойчивѣе употребляетъ терминъ «медивіализмъ» (стр. 7, 11 и мн. др., очевидно, вм. медіэвализмъ, изъ англ. medieval, ит. medievale).

23*

А вотъ, какъ онъ, наприимѣръ, рассказываетъ о началѣ борьбы черныхъ и бѣлыхъ во Флоренціи (стр. 330—331): «Послѣ того, какъ въ сосѣднемъ городѣ знатный юноша изъ рода Буондельмонти измѣнилъ своей невѣстѣ изъ дома Донати, городъ подраздѣлился на двѣ новыя партіи, Черки и Донати, или «черныхъ» и «бѣлыхъ» и т. д. Не трудно догадаться, что авторъ смѣшалъ два факта, отдѣленные другъ отъ друга многими десятилѣтіями: въ 1215 г. въ самой Флоренціи (а не въ сосѣднемъ городѣ) Буондельмонти измѣнилъ своей невѣстѣ изъ дома Уберти (собств. Giantruffetti) и взялъ за себя дѣвушку изъ дома Донати; а въ 1285 г. въ сосѣднемъ городѣ Пистомѣ возникли партіи бѣлыхъ и черныхъ изъ борьбы двухъ отраслей фамиліи Канчельери, каковая борьба скоро была перенесена во Флоренцію и приурочилась къ борьбѣ фамиліи Черки и Донати.

Но если мы начнемъ внимательно читать книгу г-жи Венгеровой, мы скоро убѣдимся, что подобныя недосмотры (весьма немногочисленные въ тѣхъ главахъ, гдѣ дѣло идетъ о новѣйшихъ искусствахъ и литературѣ) не могутъ лишить ея статьи интереса и важныхъ достоинствъ. Авторъ взялъ на себя нелегкую задачу изучить рядъ явленій, которыя обыкновенно служатъ предметомъ только самаго поверхностнаго наблюденія, и исполнилъ ее добросовѣстно, объективно и талантливо. Его характеристики явленій менѣе сложныхъ живы и вѣрны; характеристика Ибсена, заключающаяся всего на 22 стр., разумѣется, не можетъ претендовать на полноту и глубину, но и она даетъ общее понятіе о предметѣ, всѣмъ доступное и въ то же время не банальное. Всего лучше удались автору очерки изъ новѣйшей англійской литературы, съ которыми именно наименѣе знакома русская публика; мы только желали бы большаго вниманія къ влиянію романтической школы, на произведенія которой воспитывались не одни люди 50-хъ годовъ.

А. К.

**Любецкій архивъ графа Милорадовича. Выпускъ первый.
Кіевъ. 1898.**

Графъ Милорадовичъ, владѣющій однимъ изъ богатѣйшихъ частныхъ архивовъ, рѣшилъ издать заключающіеся въ этомъ архивѣ документы. Совершенно недоступный и далеко не всѣмъ извѣстный матеріалъ теперь сдѣлается общимъ достояніемъ, пользоваться которымъ свободно можетъ каждый изслѣдователь. Передъ нами первый выпускъ этого изданія. Въ него вошли документы, относящіеся къ второй половинѣ XVIII вѣка. Большая часть ихъ представляетъ собой крайне интересный матеріалъ для характеристики быта малорусскихъ помѣщиковъ того времени. Такъ, «Бумаги Чарнышей», помимо имущественныхъ отношеній, заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ положеніи, которое занимала женщина этого сословія, какъ домоправительница, и даютъ богатый перечень предметовъ домашней обстановки малорусскихъ пановъ конца XVIII вѣка. Особенно интересна въ бытовомъ отношеніи переписка Настасьи Полуботокъ съ зятемъ и внучкой (Н. П. Лашкевичъ) и переписка послѣдней съ своимъ женихомъ. Переписка эта вызвана нежеланіемъ отца Н. П. Лашкевича изъ-за чисто матеріальныхъ соображеній выдавать замужъ дочь

и самовольнымъ замужествомъ послѣдней. Вся переписка свидѣтельствуесть о томъ, что корреспонденты, даже женщины, что особенно рѣдко случалось въ Малороссіи XVIII вѣкѣ, были людьми довольно образованными. Письма жениха къ невѣстѣ мало чѣмъ отличаются, не только по содержанію, но даже по языку отъ большинства любовныхъ посланій нашего времени. Увлеченіе французскимъ языкомъ, господствовавшее въ это время въ Россіи, отражалось и на окраинахъ. По крайней мѣрѣ, Лашкевичъ очень часто шеголяетъ въ своихъ письмахъ такими выраженіями, какъ *ma vie, mon ange, mon tres fidelle coeur* и т. д. Переписка П. С. Милорадовича съ сыномъ касается преимущественно хозяйственныхъ дѣлъ и даетъ понятіе объ интересахъ тогдашняго панскаго хозяйства. Помѣщенные въ концѣ книги «Любецкіе акты», относящіеся къ 1637—1708 годамъ, заключаютъ въ себѣ интересный матеріалъ для изученія юридическаго быта сѣверо-западнаго угла Черниговщины.

Къ книгѣ приложены портреты Настасіи Полуботокъ, Г. П. Милорадовича и жены его Александры Павловны, рожденной Кочубей. Изданы документы вполнѣ научно и тщательно. Нельзя не пожелать, чтобы примѣръ графа Милорадовича нашелъ себѣ послѣдователей среди владѣльцевъ другихъ частныхъ архивовъ.

В. В.

Документы Московскаго архива министерства юстиціи. Томъ I. Москва. 1897.

До послѣдняго времени Московскій архивъ министерства юстиціи издавалъ извѣстныя всѣмъ историкамъ «Описанія документовъ и бумагъ» и «Внутренній бытъ Русскаго государства». Первыхъ вышло девять книгъ, которыя заключали, какъ извѣстно, кромѣ собственно описанія документовъ, цѣлыя обстоятельнѣйшія изслѣдованія; а второе изданіе посвящено учрежденіямъ времени императора Іоанна Антоновича. Согласно распоряженію министра юстиціи, напечатанному въ предисловіи къ IX-й книгѣ «Описанія», изданіе «Внутренняго быта» прекращается, и само «Описаніе» «должно заключать въ себѣ только описаніе архивныхъ документовъ по установленной формѣ, съ указаніемъ нумера, времени, содержанія и внѣшняго состоянія каждой рукописи». Къ исполненію этой задачи и направлены нынѣ всѣ личныя рабочія силы архива. Занявшись на первый разъ разборомъ и описаніемъ столбцовъ бывшаго архива разряднаго приказа и не успѣвъ приготовить къ отпечатанію «цѣлаго тома» такого описанія, администрація архива рѣшила на остающіяся свободныя деньги (1.000 р.) предпринять новое архивное изданіе, подъ заглавіемъ «Документы Московскаго архива министерства юстиціи», въ которомъ будетъ печататься «по мѣрѣ открытія архивный матеріалъ научнаго значенія и особенно документы, представляющіе собою типичныя формы древнихъ актовъ, еще не опубликованныхъ». Благодаря этому, мы и имѣемъ теперь весьма цѣнный первый томъ «Документовъ», посвященный актамъ Литовской метрики и напечатанный подъ наблюденіемъ М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Изъ многочисленныхъ актовъ Литовской метрики въ этотъ томъ вошли только нѣкоторые акты XV—XVI вв. (съ 1430 г. до 1569 г.), посвященные, во-

первыхъ, исторіи служилаго землевладѣнія, во-вторыхъ, исторіи экономического быта крестьянскаго и городскаго сословія и, въ-третьихъ, исторіи сейма. Понятно, что напечатаны только важные документы, характеризующіе строй или всего государства, или крупныхъ частей его. При этомъ надо замѣтить, что они являются впервые въ печати и, за исключеніемъ книги данинъ короля и великаго князя Казимира, не были извѣстны изслѣдователямъ даже въ рукописномъ видѣ. Отсюда уже очевидно, насколько важно и интересно появленіе ихъ въ печати для изслѣдованія, напримѣръ, экономической жизни народа; потому-то мы подробно и остановимся на содержаніи разсматриваемой книги.

Во главѣ документовъ поставлена книга данинъ, подъ заглавіемъ: «Записи земельныхъ дачъ короля и великаго князя Казимира», заимствованныя изъ переписанной въ XVI в. 3-й книги «Записей литовскихъ». «Въ ней, — какъ говоритъ въ своемъ «Введеніи» г. Довнаръ-Запольскій, — болѣе 1.200 краткихъ записей о земляхъ, розданныхъ королемъ служилымъ людямъ въ вотчину или въ помѣстье»... «Награждаемый землею получалъ изъ великокняжеской канцеляріи соотвѣтственную грамоту, а содержаніе этой послѣдней записывалось въ особыя книги, изъ которыхъ и составился разсматриваемый памятникъ»... «Каждая запись заключаетъ въ себѣ свѣдѣніе, кто получилъ землю, гдѣ и какую именно, по чьему приказанію дано, и кто писалъ грамоту» (стр. VI—VII)... Благодаря тому, что въ нихъ отмѣчались цѣлкомъ и условія, опредѣляющія дачу, несмотря даже на ихъ сложность, эти записи являются довольно полнымъ отраженіемъ всѣхъ историко-юридическихъ особенностей раздачи земель служилымъ людямъ. Кромѣ записи данинъ, здѣсь находятся еще записи рѣшеній великокняжескаго суда, преимущественно дѣлъ, касающихся владѣнія землею, и коніи нѣкоторыхъ грамотъ (жалованныхъ или судныхъ).

Не малую, конечно, роль должны играть и хронологическія даты въ этихъ записяхъ, но громадное большинство ихъ не имѣетъ таковыхъ; онѣ могутъ быть установлены только приблизительно и весьма сложнымъ путемъ, какъ утверждаетъ и самъ г. Довнаръ-Запольскій (стр. VIII и XII). Всѣ записи относятся къ 1441—1482 гг. Въ дополненіе къ этимъ документамъ, относящимся къ исторіи землевладѣнія, помѣщены въ концѣ книги въ видѣ «Дополненія»: три грамоты великаго князя Сигизмунда Кейстутевича, пять грамотъ великаго князя Казимира и грамоты старосты жомойтскаго пана Яна Кезгайловича (стр. 535—538).

Значительно больше находимъ въ книгѣ документовъ второго рода, то-есть относящихся къ исторіи экономического быта крестьянъ и горожанъ. Здѣсь первое мѣсто должно быть отведено «Описанію Берестейскаго староства 1566 г.» (стр. 205—448), которое заключало на пространствѣ 99.255,1 десятинъ 83 королевскихъ селенія, раздѣленныхъ въ административномъ отношеніи на 23 войтовства и 7 волостей, находившихся во владѣніи крестьянъ и городскихъ общинъ. Изъ этого «Описанія» видно, что все населеніе староства состояло при 5.599 семьяхъ приблизительно изъ 28.000 д. обоюго пола, по 50 семействъ на селеніе. Большинство населенія составляло городское сословіе, около 52 проц., занимавшееся преимущественно торговлею и ремеслами. Кромѣ «Описанія», сюда относятся инвентарі: имѣнія Яна Скиндеревича (до

1525 г.), мѣст. Гануспшокъ (1534 г.), волости Мядельской (1545 г.), двора Ворненскаго (1547 г.), замковъ Родошковичъ (1549 г.), Довгляшокъ (1553 г.) и Оршанскаго (1560 г.), двора Видигостскаго (1563 г.), имѣній, розданныхъ полочанамъ (1563 г.), и села Рѣчицы (1565 г.).

Журналы дежурныхъ генераль-адъютантовъ. Царствование императрицы Елисаветы Петровны. Повседневныя записки генеральнаго ея императорскаго величества дежурства. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ. Выпускъ I-й—1745, 1748—1751 гг. Спб. 1898.

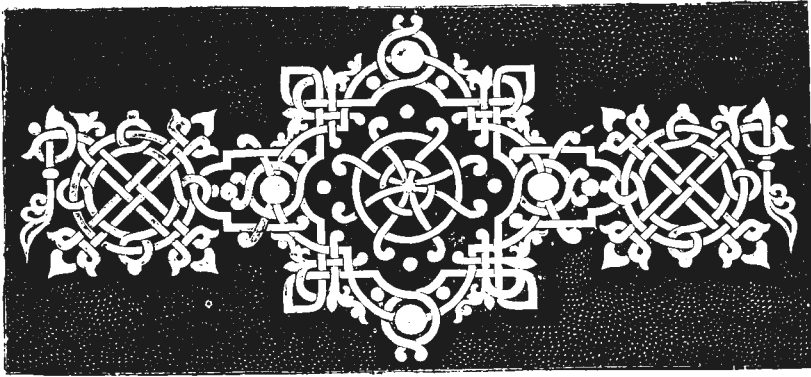
Повседневныя записки генеральнаго ея императорскаго величества дежурства, изданныя г. Евдокимовымъ, имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ вполне достовѣрныя извѣстія. Можетъ быть, въ нихъ и не все записывалось, но во всякомъ случаѣ то, что считали нужнымъ вносить, записывали исправно. Являясь дополненіемъ къ «Камеръ-фурьерскимъ журналамъ», матеріалы, изданныя г. Евдокимовымъ, принесутъ пользу будущимъ изслѣдователямъ эпохи, давъ имъ возможность датировать тѣ или другіе факты.

Въ запискахъ генераль-адъютантовъ можно найти замѣтки о самыхъ разнообразныхъ вещахъ. Большая часть ихъ касается, конечно, самой Елисаветы Петровны, являющейся въ этихъ безхитростныхъ писаніяхъ довольно ярко очерченной. Если бы до насъ не дошло никакихъ другихъ извѣстій, кромѣ этихъ журналовъ, то, право, характеристика Елисаветы Петровны, сдѣланная по нимъ, ничуть бы отъ этого не пострадала. Достаточно, на примѣръ, обратить вниманіе, съ одной стороны, на удивительно малое количество отмѣтокъ о посѣщеніи ею высшихъ государственныхъ учрежденій, а, съ другой, на многочисленныя записи, очерчивающія кругъ домашнихъ интересовъ императрицы. Это — заботы о томъ, чтобъ яблокъ и цвѣтовъ въ саду не рвали, приказы «людей изъ подлоти ко дворцу не подпускать», очень частое посѣщеніе комедій, распоряженія о числѣ выстрѣловъ, которые должны быть сдѣланы въ тотъ или другой высокаторжественный день, и т. д.

Кое-что полезное въ генераль-адъютантскихъ запискахъ можетъ найти и историкъ быта; между прочимъ, могутъ пригодиться кое-какія указанія на положеніе тогдашняго театра.

Къ сожалѣнію, изданіе г. Евдокимова не совсемъ удобно для пользованія, такъ какъ оно лишено указателя именъ, столь необходимаго въ подобнаго рода работахъ. Впрочемъ, можетъ быть, этотъ недостатокъ будетъ исправленъ въ слѣдующихъ выпускахъ изданія.

П. Щеголевъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

СРЕДНЕВѢКОВЫЕ университеты. Американскій профессор П. Гьюггъ помѣстилъ въ майской книжкѣ *Harpers Magazine*¹⁾ краткую, но блестящую характеристику средневѣковыхъ университетовъ. Первые изъ нихъ: Болонскій, Парижскій и Оксфордскій, возникли въ мрачную эпоху среднихъ вѣковъ, и трудно опредѣлить ихъ точное происхожденіе. Управляемые различными статутами и пользуясь правами, предоставленными имъ монархами и папами, они составляли государство въ государствѣ и были такой интеллектуальной силой, такимъ могучимъ органомъ общественнаго мнѣнія, что государи обращались съ ними, какъ равный съ равными. Болонскій университетъ, разсадникъ юристовъ, отличался республиканскимъ направлениемъ. Напротивъ Оксфордскій и Парижскій были преемниками древнихъ монастырскихъ школъ, которыя въ продолженіе 500 лѣтъ сохраняли классическое преподаваніе съ исключительно духовнымъ характеромъ и были долго твердынями западнаго богословія и схоластики. До XV вѣка преподаваніе въ нихъ, какъ словесное, такъ и научное, было крайне скудное и состояло изъ началъ латинскаго языка, реторики и логики, ограниченной силлогизмами, астрономіи, по системѣ Птолемея, и смѣ-

¹⁾ The middle-age universities, by professor W. Huwet.—Harpers Magazine, mai.

панной съ астрологіей, ариѳметики и геометріи съ кабалистическими знаками, при чемъ всѣ эти предметы служили къ символическому выясненію священнаго писанія и католической обрядности. Первые университеты были только ассоціаціями ученыхъ и учениковъ, изъ которыхъ первые распространяли знаніе, а послѣдніе пріобрѣтали его. Первый актъ, давшій имъ официальное существованіе и правильную организацію, былъ эдиктъ Фридриха Барбароссы, подписанный на сеймѣ въ Ронкаглии, въ 1158 г. На этомъ документѣ основываютъ свои привиллегіи и вольности университеты различныхъ странъ. Въ продолженіе многихъ столѣтій эти центры высшаго обученія не имѣли опредѣленныхъ помѣщеній, специальныхъ зданій, а нанимали жилища, а ихъ акты, книги и сокровища хранились въ церквахъ или общинныхъ учрежденіяхъ. Преподаватели читали лекціи вездѣ гдѣ могли; на улицахъ, во дворахъ, подъ портиками церквей, въ темныхъ комнатахъ. Студенты составляли кружки по національностямъ и подъ руководствомъ преподавателя своей національности. Послы иностранныхъ государей, находившіеся въ университетскихъ городахъ, оказывали покровительство своимъ соотечественникамъ среди учащихся. Такъ какъ многіе изъ студентовъ были бѣдны, то пришлось заботиться объ ихъ пропитаніи и помѣщеніи, а также о дисциплинѣ между ними; этой троякой цѣли стали достигать путемъ благотворительныхъ пожертвованій отъ имени государей, епископовъ и знатныхъ особъ. Профессора не менѣе нуждались студентовъ, а потому и они получали долю этихъ пожертвованій. Учрежденіе кафедръ съ опредѣленнымъ содержаніемъ уже относится къ позднѣйшему времени. Долго профессора жили въ однѣхъ гостиницахъ съ своими слушателями по національностямъ; съ теченіемъ времени эти университетскія общины, носившія названія *aulae* и *колегій*, такъ умножились, что въ Оксфордѣ въ XIII столѣтіи ихъ было болѣе 200, а въ каждой считалось до 100 студентовъ. Для того, чтобъ достигнуть университета, бѣдный студентъ, съ котомкой за плечами и вооруженный шпагой, странствовалъ въ караванахъ купцовъ или присоединялся къ пышнымъ поѣздамъ знатныхъ особъ; онъ останавливался на ярмаркахъ и продавалъ амулеты, или предсказывалъ затменія. Богатые студенты, обыкновенно очень юные, путешествовали верхомъ съ значительной свитой наставниковъ и слугъ. Каждый вновь прибывшій въ университетскій городъ студентъ долженъ былъ записаться со всей своей свитой, если таковая у него была, въ списокъ того профессора, подъ руководствомъ котораго онъ хотѣлъ заниматься. Съ тѣхъ поръ онъ уже пользовался всѣми правами и привилегіями университета. Всѣ лица, имѣвшія постоянныя отношенія къ профессорамъ и студентамъ: трактирники, булочники, брадобрен, аптекаря, врачи, мясники, прачки, переплетчики и т. д., также записывались въ университетскіе списки и одинаково съ профессорами и студентами становились подсудными лишь академическому суду. Вели студенты жизнь строго монашескую, и одежда ихъ была простая, скромная; лишь впоследствии во Франціи и Италіи студенты стали щеголять въ шелкахъ и бархатахъ. Многіе изъ студентовъ принимали на себя униженные служебныя должности въ замѣнъ дароваго содержанія. Пища ихъ была самая скудная, а занимаемыя ими комнаты не отоплялись и не освѣщались. Въ нѣкоторыхъ городахъ университетское населеніе очень быстро воз-

ростало, такъ въ Оксфордѣ въ 1209 году было 3.000 студентовъ, а въ 1250—30.000, а въ Болонѣ въ 1192 г. было ихъ 12.000. Въ Парижѣ было столько студентовъ, сколько мѣщанъ, и Филиппъ-Августъ долженъ былъ расширить городъ, отставивъ стѣны. Въ 1500 году число студентовъ въ Прагѣ достигало 20.000. Университеты, сознавая свою силу, часто вступали въ столкновение съ горожанами, муниципальными властями и военными. Если же городскія власти судили какого нибудь профессора или студента за преступление или проступокъ, то весь университетскій персоналъ покидалъ городъ и удалялся въ сосѣднія селенія, при чемъ городъ быстро бѣднѣлъ. Въ большинствѣ случаевъ власти шли на сдѣлку, и дѣло оканчивалось мирно, но бывали случаи, когда за университеты заступались папы, отлучавшіе весь городъ, или государи, посылавшіе войска на защиту студентовъ. Что касается до университетскаго преподаванія, то многіе изъ латинскихъ авторовъ были неизвѣсты, какъ Цицеронъ, Вергилій, Гораций, а любимымъ былъ Овидій. Занятія греческимъ языкомъ ограничивались основаніями грамматики; еврейскій языкъ считался не достойнымъ христіанъ занятіемъ. Эпоха возрожденія и реформація совпали съ развитіемъ эллинизма и изученія восточныхъ языковъ, постановленнаго Вѣнскимъ соборомъ 1311 г. Медицинскіе факультеты были уже созданы только послѣ крестовыхъ походовъ. Степень доктора по той или другой части давала дворянство и на общественныхъ или придворныхъ торжествахъ университетскіе доктора шли впереди мелкихъ дворянъ и именитыхъ горожанъ. Короли и принцы считали за честь получить дипломъ доктора. Университеты въ Кордовѣ и Болонѣ давали докторскіе дипломы женщинамъ.

— Марысинка. Авторъ извѣстныхъ трудовъ на французскомъ языкѣ объ Екатеринѣ II и Петрѣ I, Валишевскій написалъ новую книгу, имѣющую кромѣ историческаго значенія, и романтическій интерес ¹⁾. Онъ избралъ себѣ героиней жену Яна Собѣскаго, Марію де-ла-Гранжъ д'Аркенъ, прозванную въ Польшѣ Марысинкой, и возстановилъ съ помощью архивныхъ находокъ, преимущественно въ Шантвильи, эту курьезную фигуру французской интриганки на польскомъ престолѣ. Хотя русскій полякъ по происхожденію, Валишевскій давно живетъ въ Парижѣ и занимаетъ видное мѣсто среди блестящей плеяды современныхъ французскихъ историковъ, соединяющихъ документальную подкладку съ картинностью изложенія, именно герцога Брولли, Сореля, Вандала, Генри Гусса, Рамбо, Ганого, Фредрика Массона и т. д. Быть можетъ, ни въ одномъ изъ своихъ трудовъ Валишевскій не допустилъ такого преобладанія картинности надъ сухими архивными фактами, но съ одной стороны похождения ловкой француженки, въ основѣ которыхъ лежала любовь, державшая многіе годы связаннымъ по рукамъ и по ногамъ храбраго освободителя Вѣны, невольно соблазнили его своимъ романтическимъ характеромъ, а съ другой—онъ въ предисловіи отрицаетъ возможность исторіи быть точной наукой, какъ химія, и считаетъ ее скорѣе искусствомъ, которому не только дозволительно, но обязательно прибѣгать къ художественнымъ приемамъ. «Цѣль историковъ, приба-

¹⁾ Marysienka, Marie de la Grange d'Arquien, reine de Pologne, femme de Sobiesky. par Waliszewski. Paris, 1898.

вляеть онъ, воскресить прошедшую жизнь, а этого не сдѣлать съ помощью одной мертвой буквы документовъ». Дѣйствительно, его новая книга, хотя и основанная на невѣдомыхъ до сихъ поръ рукописныхъ матеріалахъ, рисуетъ живые портреты Марысинки и слѣпо влюбленнаго въ нее героя, а также окружавшихъ ее второстепенныхъ личностей. Ея жизнь началась, продолжалась и кончилась романтически. Впервые она появляется на сцену четырехъ лѣтъ въ свитѣ принцессы Маріи Гонзасъ, жены польскаго короля Владислава IV, которая, отправляясь изъ Парижа въ 1645 году къ своему мужу въ Варшаву, захватила въ своемъ багажѣ эту малолѣтнюю дочь своей гувернантки, обѣщая сдѣлать ей счастье въ своей новой родинѣ. Дѣйствительно, она сдержала слово, и когда дѣвочка выросла, то выдала ее замужъ за одного изъ первыхъ вельможъ Польши, графа Замойскаго, хотя легенда о томъ, что она была побочной дочерью королевы ничѣмъ не подтверждена, и безспорно, по словамъ ея новаго біографа, что она была дочерью бѣднаго французскаго дворянина, служившаго при дворѣ Генри-де-ла-Гранжъ д'Аркена и его законной жены, Франциски де-ла-Шатръ. Марысинкѣ тогда было пятнадцать лѣтъ, и она отличалась вмѣстѣ правильной и пикантной красотой, и благодаря воспитанію при веселомъ, развратномъ домѣ, она поражала граціей, кокетствомъ и сладострастіемъ. Въ нравственномъ же отношеніи это была ужасная и ловкая интриганка, самолюбивая, корыстная, думавшая только о себѣ. Вскорѣ быть женой Замойскаго ей показалось недостаточнымъ, она стала интриговать вмѣстѣ съ королевой и французскимъ дворомъ насчетъ избранія то одного, то другого польскаго короля. Наконецъ ей удалось найти подходящаго себѣ мужа, и послѣ смерти Замойскаго она прежде тайно, а потомъ явно обвѣнчалась съ Яномъ Собѣскимъ, хотя романъ съ нимъ начался гораздо ранѣе. Но она не удовольствовалась и этимъ и продолжала интриговать, пока Собѣскій не сдѣлался королемъ, а она королевой. Несмотря на побѣды этого героя, доставившія столько славы Польшѣ и спасшія Европу отъ мусульманскаго нашествія, его царствованіе было несчастнымъ, и поляки приписываютъ дурному вліянію Марысинки, что ихъ кумиръ не былъ прекраснымъ королемъ и не сдѣлалъ Польши счастливой, могущественной и цвѣтущей. Но Валлшевскій совершенно справедливо опровергаетъ подобное обвиненіе своей героини. Конечно, она не имѣла на него благотворнаго вліянія, которое могла бы имѣть хорошая, нравственная, благородная женщина, думавшая объ интересахъ своей новой родины, а не исключительно о своихъ мелкихъ, корыстныхъ, эгоистическихъ счетахъ, но невозможно приписывать ей его неудачи, его неумѣнье пользоваться своими побѣдами и отсутствіе въ немъ возвышенныхъ стремленій. Онъ до встрѣчи съ ней отличался слабостью характера, нерѣшительностью, лѣнью, странной наивностью, склонностью къ праздной, сибаритской жизни и отсутствіемъ всѣхъ качествъ, необходимыхъ для вожака людей, что не мѣшало ему быть героемъ на полѣ брани и славнымъ полководцемъ. Такимъ онъ и остался во всю свою жизнь и умирая, онъ прекрасно охарактеризовалъ свою слабую натуру: на всѣ просьбы, чтобы онъ написалъ завѣщаніе, онъ равнодушно отвѣчалъ: «Къ чему? Будетъ ли послѣ моей смерти земля выжжена огнемъ, или волю поѣдятъ съ нея всю траву, иль какое дѣло?» И дѣйствительно, ему никогда не было дѣла ни до чего, кромѣ того,

какъ побѣждать враговъ, когда его ставились ними лицомъ къ лицу, и любить Марысинку. Эта любовь была всей цѣлью, всей задачей его жизни. Онъ любилъ ее и молодымъ и старымъ, и до замужества и послѣ, и частнымъ человѣкомъ и королемъ, и вблизи и вдали, и въ апогее красоты и подъ ея старость, когда она уже родила ему двѣнадцать дѣтей. И нельзя сказать, чтобъ эта любовь была очень спокойная и счастливая; напротивъ, капризная, своенравная Марысинка то ласкала его, то отгоняла отъ себя, и нельзя сказать, чтобы она отличалась супружескою вѣрностью, и онъ это зналъ, но все-таки любилъ ее до того, что на 54 году своей жизни и послѣ двадцатилѣтняго супружества онъ по дорогѣ въ Вѣну, осажденную турками, въ самый славный моментъ своего существованія, писалъ ей по два раза въ день, называя ее Астреей, а себя Селадомомъ, и «цѣлуетъ мысленно всѣ красоты маленькаго обворожительнаго и обожаемаго тѣла», а послѣ побѣды надъ турками онъ прежде всего, требуя на полѣ сраженія барабанъ, пишетъ снова своей Марысинкѣ. Конечно, она умѣло поддерживала въ немъ эту любовь самымъ ловкимъ кокетствомъ, такъ какъ она сама никого не любила, кромѣ себя. Поэтому послѣдніе годы ея жизни, по смерти короля, были очень для нея въ тягость. Она должна была покинуть Варшаву, гдѣ народъ громко проклиналъ ее, называя «старой интриганкой», провела пятнадцать лѣтъ въ Римѣ, ведя веселую жизнь, несмотря на свою старость, даже поддерживая дружбу съ тогдашними кокетками, и наконецъ умерла въ Блуа въ 1716 году. Гдѣ она похоронена, никому неизвѣстно, но въ Польшѣ существуетъ легенда, что въ одну темную ночь привратникъ одного изъ варшавскихъ монастырей, гдѣ временно былъ похороненъ Собѣсскій, нашелъ у воротъ обители гробъ и, открывъ его, узналъ въ покойницѣ Марысинку, принесенную неизвѣстно кѣмъ, чтобъ раздѣлить могилу того, кто любилъ ее болѣе всего на свѣтѣ. По словамъ Валишевскаго, не можетъ быть лучшаго эпилога для жизненнаго романа Марысинки, какъ это таинственное загробное соединеніе Селадона и Астреи.

— Мемуары герцога Де-Кроа. Недавно напечатаны въ «Revue retrospective», а потомъ и отдѣльной книжкой «Воспоминанія герцога Де-Кроа о дворѣ Людовика XV и XVI», которыя найдены виконтомъ Груши въ библиотекѣ института. Это не глубоко продуманное сочиненіе философа или изложеніе взглядовъ политическаго дѣятеля на событія, въ которыхъ онъ игралъ роль, но дневникъ, веденный человѣкомъ, который много лѣтъ видѣлъ и слышалъ все, что дѣлалось и говорилось въ Версалѣ при двухъ послѣднихъ короляхъ XVIII столѣтія. Конечно, отъ автора нельзя требовать общихъ взглядовъ, критическихъ разсужденій, художественныхъ портретовъ знаменитыхъ людей и картинныхъ сценъ, но какъ лицомъ хорошо и близко знавшимъ Версальскую жизнь, имъ записано все, чего былъ свидѣтелемъ, и такимъ образомъ онъ набросалъ вѣрную и живую картину разлагавшагося французскаго общества прошедшаго вѣка. Тѣ изъ его замѣтокъ, которыя касаются придворныхъ обычаевъ и порядковъ, праздниковъ и церемоній, охотъ и банкетовъ, представляютъ значительный историческій интересъ ¹⁾. Конечно, въ рассказахъ герцога много пу-

¹⁾ Memoires du duc de Croy sur les cours de Louis XV и XVI, publiés par le vicomte de Grouchy, Paris, 1898.

стой болтовни, но именно тѣ мелочвыя подробности, которыя онъ сообщаетъ, рельефнѣе объясняютъ цѣлую эпоху, чѣмъ самыя ученныя разсужденія. Воспоминанія герцога указываютъ воочію, какъ фальшивъ и печалень былъ блескъ версальскаго двора, занятаго только суетными удовольствіями и поддержаніемъ внѣшняго этикета, а съ тѣмъ вмѣстѣ даютъ ясное понятіе о томъ, какъ бургонская монархія быстро приходила въ упадокъ. Особенно интересны новыя свѣдѣнія о маркизѣ Помпадуръ, о свадьбѣ Дофина, о представленіи ко двору Дю-Барри, о смерти Людовика XV и коронаціи въ Реймсѣ Людовика XVI. Что касается до послѣдующихъ событій, то авторъ не дожилъ до бури, унесшей хорошо знакомое ему общество, и умеръ въ 1784 году, а потому могъ описать только первые годы новаго царствованія. Самъ же герцогъ былъ, повидимому, исключеніемъ въ тогдашней французской аристократіи и при тогдашнемъ дворѣ, такъ какъ отличался скромностью, добротой, умѣренностью, нравственностью и не только преданностью къ королю, но и любовью къ народу. Его же мемуары въ виду наблюдательности и безпристрастія автора составляютъ драгоценный матеріалъ для историковъ XVIII вѣка.

— Новые труды о французской революціи. Литература великаго политическаго переворота, преобразовавшаго Европу въ концѣ прошедшаго столѣтія, обогащается чуть не ежедневно новыми изслѣдованіями и литературными находками. Въ послѣднее время къ первымъ можно присоединить «Библиографическіе источники исторіи французской революціи», Мориса Терне ¹⁾, а къ послѣднимъ «Тайную переписку аббата Саломана, повѣреннаго въ дѣлахъ Ватикана во время революціи, съ кардиналомъ Гелада», ²⁾ и невѣдомое доселѣ предисловіе Мирабо къ его переводу жизни Агриколы, Тацита. ³⁾ Трудъ Терне, уже написавшаго много солидныхъ сочиненій по французской революціи, состоитъ изъ шести лекцій, прочитанныхъ имъ въ прошедшемъ году въ Оксфордѣ по приглашенію университета. Хотя ни одинъ періодъ французской исторіи такъ не богатъ письменнымъ и печатнымъ матеріаломъ, но только въ послѣдніе годы возникла мысль составить ему инвентарь. Эта задача очень трудная, если принять въ соображеніе, что подъ категорію письменнаго матеріала подходятъ всякаго рода административные акты, протоколы выборовъ представительныхъ собраній и вообще всѣ архивные документы, общую цифру которыхъ даже невозможно намѣтить, что же касается до печатнаго матеріала, то круглой цифрой его можно опредѣлить въ 50.000 названій, не считая современныхъ сочиненій, число которыхъ ежегодно увеличивается въ громадномъ размѣрѣ. Конечно, Терне не предпринялъ на 85 страницахъ разобраться во всемъ этомъ хаосѣ, а поставилъ себѣ цѣлью только дать руководящую нить, которая помогла выйти изъ лабиринта. Прежде чѣмъ указать историческимъ изслѣдователямъ, въ чемъ заключаются общія и спеціальныя собранія матеріаловъ,

¹⁾ Les sources bibliographiques de l'histoire de la Revolution française, par M. Terneux. Paris. 1898.

²⁾ Correspondance secreete de l'abbé de Saloman, chargé d'affaires du Saint Siége pendant la Revolution avec le cardinal de Gelada, publié par le vicomte de Ribemont. Paris. 1898.

³⁾ Mirabeau et Tacite, par H. Welschinger. Revue des Revues. 15 juillet.

онъ сообщаетъ имъ, какъ дѣлается эти сокровища, и знакомитъ ихъ съ коллекціями національнаго архива, національной бібліотеки и другихъ общественныхъ хранилищъ книгъ и рукописей. Потомъ считая, что вся литература революціи могла бы успѣшно составить особую бібліотеку, онъ указываетъ, въ чемъ бы она могла заключаться. Группируя такимъ образомъ всѣ извѣстные матеріалы по спеціальнымъ рубрикамъ, онъ постепенно разсматриваетъ: 1) общіе біографическіе труды; 2) сочиненія и мемуары королевской семьи; 3) воспоминанія о вандейской войнѣ; 4) мемуары, касающіеся эмиграціи, и 5) записки главныхъ дѣятелей революціи и труды о нихъ. Нечего и говорить, что своимъ трудомъ ученый авторъ оказалъ большую услугу всѣмъ, кто занимается изученіемъ французской революціи. Болѣе общій интересъ имѣютъ вышеуказанныя литературныя находки. Аббатъ Саломанъ уже извѣстенъ, какъ авторъ мемуаровъ о революціи, а теперь виконтъ Ришмонъ отыскалъ въ ватиканскомъ архивѣ его перенеску съ кардиналомъ Гелада, исполнявшимъ должность государственнаго секретаря. Письма тайнаго агента папы Пія VI въ Парижѣ и отвѣты его правой руки въ Римѣ обнимаютъ собой два года—1791 и 1792 г. Родомъ изъ Карпентра, Луи де-Саломанъ получилъ двадцати лѣтъ дипломъ доктора богословія и былъ потомъ совѣтникомъ парижскаго парламента, но при началѣ революціи онъ удалился въ Савойю до того времени, какъ вернулся въ Парижъ уже съ тайнымъ порученіемъ папы увѣдомлять его обо всемъ, что тамъ дѣлалось. Конечно, какъ ярый клерикалъ и монархистъ, онъ ненавидѣлъ революцію и называлъ ее огульной спекуляціей страны. Онъ даже враждебно относился къ Маріи-Антуанетѣ за ея либеральныя уступки, а ждалъ спасенія религіи и Франціи только отъ возстановленія прежнихъ порядковъ. Естественно, что при такихъ взглядахъ онъ не могъ понять революціи, и всѣ его сужденія объ ея дѣятеляхъ не имѣютъ никакой цѣны. Но все-таки его воспоминанія представляютъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, особенно о положеніи католической церкви во время революціи. Положеніе папскаго агента въ Парижѣ во время террора подвергло Саломана большимъ опасностямъ, и онъ попалъ въ тюрьму, и если избѣгъ гильотины, то лишь какимъ то чудомъ. Во время директоріи его снова арестовали за тайныя сношенія съ врагами государства, но онъ сумѣлъ вторично выйти сухимъ изъ воды. При имперіи его оставили въ покоѣ, а въ эпоху реставраціи онъ былъ назначенъ епископомъ въ Сень-Флоръ. Личность Мирабо уже такъ хорошо извѣстна и о ней столько писано, что теперь новинка о немъ не возбуждаетъ интереса. Генри Вельшингеръ нашелъ въ коллекціи автобіографовъ химика Дюбрено подлинную рукопись жизни Агриколы, Тацита, которую перевелъ Мирабо, находясь въ Бастиліи. Этотъ переводъ былъ извѣстенъ по ссылкамъ на него Мирабо въ его письмахъ, но до сихъ поръ самый текстъ былъ потерянъ. Но кромѣ самаго перевода, отличающагося энергичнымъ, пламеннымъ, краснорѣчивымъ языкомъ великаго трибуна, онъ еще снабженъ небольшимъ предисловіемъ подъ заглавіемъ: «Агрикола и древніе бриты». Конечно, въ этомъ предисловіи Мирабо восторгается Тацитомъ, и біографію Агриколы ставитъ выше всѣхъ его произведеній, какъ блестящую картину тираніи при Неронѣ Домиціанѣ. Но относительно Агриколы онъ не раздѣляетъ энтузіазма Тацита, а напротивъ, упрекаетъ его въ

томъ, что онъ служилъ такимъ тиранамъ, какъ Неронъ и Домиціанъ, добиваясь отъ нихъ почестей. Въ эпоху общаго разложенія и главное деспотизма, частная жизнь для честнаго человѣка единственное почетное мѣсто. Болѣе того, она становится долгомъ, такъ какъ нѣтъ ни чести, ни добродѣтели, ни достоинства въ служебнѣи тирану. При тиранѣ, солдаты только держатъ гражданъ подъ его погонь. Судья становится рабомъ тирана и руководится его капризомъ вмѣсто закона. Ему необходимо пожирать невинныхъ подъ эгидой судебной формы, чтобъ его самого не пожрали. Чего ищутъ самолюбивые люди при тиранѣ: быть или преступникомъ или жертвой. Зачѣмъ же Агрикола былъ квесторомъ, трибуномъ, полководцемъ и намѣстникомъ при самыхъ безобразныхъ чудовищахъ? Далѣе Мирабо замѣчаетъ, что честный человѣкъ при тиранѣ не можетъ заботиться о славѣ и расширеніи своей родины, такъ какъ это значить только плодить рабовъ. Поэтому онъ возстаетъ противъ побѣдъ Агриколы надъ бритами и высказываетъ сочувствіе бритами, которые защищали свободу, «величайшее благо на землѣ и безъ которой нѣтъ ни счастья, ни справедливости, ни добродѣтели, ни правды». Этими краснорѣчными словами великій трибунъ и оканчиваетъ свое предисловіе, которое онъ писалъ въ Бастиліи ровно за десять лѣтъ до французской революціи.

— Столѣтній юбилей ирландскаго возстанія 1798 года. Въ августѣ мѣсяцъ вся Ирландія праздновала столѣтнюю годовщину неудачнаго возстанія страны противъ англійскаго владычества въ 1798 г. Многочисленные депутаціи ирландцевъ прибыли по этому случаю изъ Америки, гдѣ уже десять лѣтъ существовалъ юбилейный комитетъ подъ предѣлательствомъ Офлагерти и, соединившись съ патриотическими силами внутри страны, подъ руководствомъ Геденонда Дани и миссъ Ганнъ, устроили грандіозное національное торжество, которое длилось много дней. Самыми его видными чертами была закладка памятника душѣ возстанія 1798 года Вольфу Тану въ Эдинбургѣ и генералу Гумберту, начальнику французской экспедиціи на помощь Ирландіи въ Валлинѣ, а характеристичной особенностью всѣхъ этихъ патриотическихъ празднествъ было полное сохраненіе общественнаго спокойствія и хладнокровное отношеніе къ нимъ англійскаго правительства, которое имъ нисколько не мѣшало, хотя они имѣли естественно антианглійскій характеръ. Что же касается до англійскаго общественнаго мнѣнія и прессы, то они пошли еще далѣе и, сочувственно отнесясь къ патриотическимъ изліяніямъ ирландцевъ, старались придать юбилейному торжеству исключительно историческій характеръ и въ одинъ голосъ признавали недостойное, безчеловѣчное поведеніе Англій относительно Ирландіи сто лѣтъ тому назадъ. Въ особенности рѣзко и краснорѣчиво бичуетъ тогдашнее англійское правительство издатель и редакторъ «Review of Review», Стэдъ, въ іюльской книжкѣ своего журнала, въ большой статьѣ, подъ заглавіемъ «Юбилей 1798 года»¹⁾. Онъ прямо обвиняетъ Пита и лорда Каствльри въ томъ, что они нарочно возбудили ирландцевъ къ возстанію неслыханными преслѣдованіями несчастныхъ обитателей Зеленаго острова, причемъ грабежъ, изнасилованіе женщинъ и оцѣстошеніе были лозунгомъ

1) The centenary in 1798, Review of Reviews, July.

англичанъ, а потомъ потопили ими же организованное возстаніе въ крови и, уничтоживъ мѣстный парламентъ, присоединили Ирландію къ Англїи. Что Стэдъ въ своемъ благородномъ негодованїи ничего не преувеличиваетъ, онъ доказываетъ ссылками на слова англійскихъ генераловъ Корнвалиса и сэра Джона Мура, которые вполнѣ признаютъ, что не было бы никакого возстанія, еслибъ англичане обходились съ ирландцами умѣренно и не дозволяли бы солдатамъ грабить и насиловать женщинъ. Въ особенности противъ этихъ порядковъ, или, скорѣе, безпорядковъ, протестовалъ генераль Муръ, одинъ изъ любимыхъ англійскихъ героевъ, воспѣтый въ извѣстномъ стихотворенїи, переведенномъ на русскій языкъ: «Не билъ барабанъ», и «*Cornhill Magazine*», совершенно кстати помѣстилъ въ августовской своей книжкѣ ¹⁾ рассказъ объ его дѣйствїяхъ въ Ирландїи, гдѣ онъ старался примѣнить, насколько возможно, гуманность къ усмиренію возстанія. Естественно, что ирландцы создали по случаю своего національнаго торжества цѣлую литературу, въ которой наиболѣе заслуживаетъ вниманіе: *Исторїя Ирландїи отъ 1798 по 1898 г.*—Оконнора Мориса ²⁾, «*Ирландское возстаніе 1798 г.*, Ф. Паллизера ³⁾, и статья Вильяма Абрайана, напечатанная въ январской книжкѣ *Temperary Review*, а потомъ вышедшая особой брошюрой: «*Кто боится говорить о 1798 г.?*» ⁴⁾. Конечно, и французы вспомнили объ участїи, принятомъ ихъ предками въ ирландскомъ возстанїи. *Temps* помѣстилъ рядъ статей Шарля Легра «*Французское вторженіе въ Ирландію*» ⁵⁾. *Correspondant* напечаталъ въ своемъ номерѣ отъ 25 августа описаніе похождения трехъ французовъ во время возстанія ⁶⁾, а *Revue des Revues* еще въ февральскихъ своихъ книжкахъ посвятило двѣ статьи генералу Гумберу ⁷⁾, которая составилъ по своей книгѣ, изданной въ 1891 г. о томъ же предметѣ на англійскомъ языкѣ русскій американецъ, И. Грибоѣдовъ, живущій 20 лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ. На основанїи этого матеріала можно составить себѣ полное понятіе о самомъ ирландскомъ возстанїи и о французской экспедиціи, которая теперь служитъ предметомъ безконечныхъ празднествъ на Зеленомъ островѣ. Выведенные изъ терпѣнія указанными выше звѣрствами, ирландцы возстали въ Ленстерѣ 23 мая 1798 г., и Стэдъ совершенно правъ, называя это возстаніе безцѣльнымъ, глупымъ, безнадежнымъ. Оно началось съ конфискаціи инсургентами почтовыхъ дилижансовъ, а кончилось огульнымъ избїеніемъ солдатами и пушками поселянъ, защищавшихся силами. Въ Дублинѣ, Митѣ и Кильдерѣ всякая тѣнь возстанія была уничтожена въ два дня. 150 ирландцевъ было убито при осадѣ Наасской тюрьмы, а 130 при защитѣ Килькулена. Изъ 1500 человекъ, которые

¹⁾ Sir John Moore in 1798, by Canon Stavley. Cornhill Magazine, august.

²⁾ Ireland, 1798-1898, by Oconnor Moris London. 1898.

³⁾ The Irish Rebellion of 1798, by Palliser. London. 1898.

⁴⁾ Who fears to speak of 98?—by Wiliam Abrien. Contemporary Riview. January,

⁵⁾ L'invasion Française en Irlande, par Ch. Legras.

⁶⁾ Les trois français de Killala, par le comte G. de Contades. Correspondant, 25 août.

⁷⁾ Les francais à la delivrance de P'Irlande, par V. Griboedoff, Revue des Revues. 1-15 fevrier.

аттаковали Карло, 400 были убиты, 150 сожжены живыми, 200 повѣшены послѣ окончанія битвы. При Гатерангамѣ погибло 400 ирландцевъ, при Гибатѣ 250 и столько же при Тарѣ. Лордъ Кастльри поймалъ ирландцевъ въ западную и подвергъ ихъ безжалостной рѣзни. Только въ Вексфордѣ они дали серьезный отпоръ подъ начальствомъ католическаго патера Дерина Мурфи, который обратилъ въ бѣгство одинъ отрядъ англичанъ за другимъ и въ короткое время овладѣлъ всѣмъ графствомъ. Казалось, что Вексфорду было суждено отомстить за всѣ бѣдствія Ирландіи. Но пораженіе при Риссѣ измѣнило теченіе дѣла, а при Винегръ-Гилѣ англійскій генералъ Лэкъ окончательно разбилъ ирландцевъ и безжалостно преслѣдовалъ ихъ, убивая, какъ собакъ. Послѣ залитія кровью возстанія въ Вексфордѣ произошло такое же безцѣльное движеніе въ Антримѣ. 7 іюня ирландцы овладѣли этимъ городомъ, но ихъ почти немедленно изгнали оттуда; также неудачны были попытки поселянъ возстать въ Лазмѣ, Баллименѣ, Баликастлѣ и Балинаскарти. Послѣднимъ актомъ возстанія 1798 г. было неожиданное прибытіе на трехъ корабляхъ и высадка въ Килалѣ 22 августа генерала Гумбера съ 1000 французами. Занявъ городъ, онъ двинулся далѣе съ 200 своими солдатами и 1500 ирландцами къ Кастельбору, гдѣ разбилъ 28 числа генерала Лэка во главѣ 6000 человекъ, которые обратились въ постыдное бѣгство, и преслѣдованіе ихъ побѣдителями сохранилось въ народной памяти подъ названіемъ кастельберской скачки. Только 8 сентября лордъ Корнвалисъ съ 30.000 солдатъ рѣшился встрѣтить лицомъ къ лицу горсть смѣлыхъ французовъ въ Балинамакѣ. Послѣ отчаяннаго боя, 842 француза сдались, въ томъ числѣ самъ Гумберъ. 12 дней спустя, прибыло подкрѣпленіе въ 2000 французовъ, съ которыми былъ Ваньеръ Танъ, но было уже поздно, и судьба этого отряда была самая печальная, а Ваньеръ Танъ, попавъ въ плѣнъ, избѣгъ висѣлицы самоубійствомъ. Такъ кончилось празднуемое теперь возстаніе, стоившее Ирландіи около 70.000 жертвъ и вѣковаго порабощенія со всѣми его ужасами.

— Полувѣковая годовщина убійства графа Росси. Италия не празднуетъ, а воспоминаетъ въ рядѣ журнальныхъ и газетныхъ статей одинъ изъ печальныхъ эпизодовъ революціи 1848 года, которому 15-го ноября минетъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ одной изъ этихъ статей помѣщенъ подробный обзоръ судебного дѣла объ убійствѣ Росси, перваго министра Піа, которое служило прологомъ революціи 1848 года въ Римѣ, а въ свою очередь «Temps» приводитъ изъ нея интересные отрывки ¹⁾. Графъ Пелегрино Росси родомъ изъ Карары, близъ Генуи, родился въ 1787 году и рано приобрѣлъ политическую и научную извѣстность въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ занималъ высокіе административные посты. Но отличаясь либеральными идеями, онъ вынужденъ былъ послѣ событій 1820 года бѣжать изъ Неаполя и поселился въ Женевѣ, которая въ 1833 году избрала его своимъ представителемъ въ конституціонномъ собраніи въ Люцернѣ, и тамъ ему было поручено составить проектъ союзной конституціи швейцарскихъ кантоновъ. На слѣдующій годъ онъ переехалъ въ Парижъ и занялъ кафедру политической экономіи въ французской

¹⁾ L'assassinat de Pellegrino Rossi. «Temps», 20 août.

«Истор. вѣсти», сентябрь, 1898 г., т. LXXIII.

коллегии, а въ 1845 году французское правительство назначило его посланникомъ въ Римъ. Въ это время онъ еще приобрѣлъ особаго рода извѣстность, женившись на знаменитой пѣвицѣ Зонтагъ. Папа Григорій XVI принялъ его очень любезно, а послѣ его смерти на конклавѣ Росси, какъ представитель Франціи, имѣлъ большое вліяніе на выборы Пія IX. Новый папа не забылъ оказанныхъ ему услугъ и, когда Росси, съ паденіемъ короля Луи-Филиппа, лишился своего высокаго поста, назначилъ его въ сентябрѣ 1848 года первымъ министромъ. Кровавая катастрофа, положившая конецъ первому либеральному министерству Пія IX, случилась два мѣсяца спустя, и до сихъ поръ этотъ прологъ римской революціи не былъ вполне выясненъ. Теперь случайно найдены подлинныя протоколы суда надъ убійцами графа Росси. Это дѣло велось уголовной римской палатой, но по провозглашеніи римской республики и въ виду послѣдующихъ событій оно, конечно, было приостановлено и снова возобновились въ ноябрѣ 1849 и только въ 1854 году состоялся приговоръ суда, по которому Санте Сопетантини и Луиджи Грандани были приговорены къ смертной казни, какъ зачинщики заговора, имѣвшаго цѣлью убійство Росси; двое ихъ сообщниковъ присуждены къ пожизненной каторжной работѣ и трое къ тому же наказанію на двадцать два года. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ римскимъ правительствомъ 17 мая того же года. Изъ слѣдственныхъ документовъ видно, что противъ либеральнаго правительства Пія IX, однако отказывавшагося принять участіе войнѣ съ Австріей, составилось два заговора подъ руководствомъ журналиста Сетембрини и Андреа Брунетти, съ цѣлью овладѣть особой Пія IX, заставить его отказаться отъ власти и привозгласить республику. Хотя одинъ изъ заговорщиковъ выдалъ своихъ товарищей и сообщилъ о подготовлявшемся возстаніи министерству, графъ Росси не хотѣлъ вѣрить этимъ глупостямъ, какъ онъ самъ выражался, и даже болѣе точныя свѣдѣнія, полученныя имъ о новомъ заговорѣ, уже имѣвшемъ прямо цѣлью отдѣлаться, во что бы то ни стало, отъ Росси, при открытіи палаты, 15 ноября, не удержали его. Въ этотъ день, около часу дня, онъ отправился съ министромъ финансовъ, Ринетти, въ каретѣ къ дворцу Саллиагіа; не успѣлъ онъ выйти изъ экипажа, какъ его окружила толпа, оглашавшая воздухъ гнѣвными криками и свистками. Въ общей свалкѣ кто-то нанесъ ему ударъ кинжаломъ, и онъ упалъ на землю. Его отнесли въ квартиру кардинала Гаццони, и онъ тамъ вскорѣ умеръ. Такова была безвременная кончина графа Росси, о которомъ слѣдующимъ образомъ отзывается авторъ очерка «Революція и реакція въ Италіи въ 1848 и 1849 гг.», въ только что вышедшемъ первомъ выпускѣ XI тома «Всеобщей Исторіи», издаваемой подъ редакціей Лависсе и Рамбо¹⁾: «Взявъ въ свои руки власть, графъ Росси показалъ себя способнымъ администраторомъ и осторожнымъ политикомъ. Въ первомъ отношеніи онъ старался реорганизовать внутреннее положеніе папской области и возстановилъ финансы, добившись отъ духовенства займа въ 4 милліона ефимковъ. Съ политической точки зрѣнія онъ пытался составить съ Туриномъ, Флоренціей и Неаполемъ федерацію итальянскихъ го-

¹⁾ Histoire generale du IV siècle à nos jours, ouvrage publié sous la direction des Lavisse et A. Rambaud. Tome XI. Fascicule 122.

сударствъ, чѣмъ хотѣлъ доказать, что можно было и безъ республики и единства Италіи добиться либеральнаго правительства и независимости родины. Но своимъ сухимъ дактринерствомъ онъ возстановлялъ противъ себя умѣренныхъ либераловъ, а враждой къ крайнимъ теоріямъ возбуждалъ ненависть республиканцевъ. Въ результатѣ получилось его убійство неизвѣстнымъ лицомъ при его входѣ въ парламентъ, 15 ноября, среди общаго хладнокровія депутатовъ». Прямымъ послѣдствіемъ этой катастрофы было торжество крайней партіи, бѣгство Піа IX въ Гаэту и провозглашеніе недолговѣчной Римской республики.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Какъ смотрѣли въ старину на обязанности школьнаго учителя.

ВЪ ТѢХЪ ПОРѢ, какъ у насъ введены школьные порядки, по уставу 30 іюля 1871 года, въ обществѣ и въ литературѣ раздаются жалобы на формализмъ, проникающій весь строй учебной жизни и обратившій учителя въ становаго пристава, а ученика—въ рекрута временъ Аракчеева. Эти жалобы, очевидно, вызываются дѣйствительнымъ ненормальнымъ фактомъ, имѣющимъ значеніе общаго явленія, такъ какъ онъ подтверждается такими авторитетными источниками, которые не допускаютъ сомнѣнія въ ихъ достоверности и компетентности. Бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа графъ Капнистъ, въ своей «За-мѣткѣ», напечатанной въ 1896 году въ журналѣ «Русская Школа», №№ 7—8, стр. 191—192, говоритъ: «Руководители учебной реформы семидесятыхъ годовъ были, къ несчастію, до мозга костей проникнуты бюрократической идеей о всеилии предписаній и распоряженій, они слѣпо вѣрили въ безусловное ихъ могущество и были твердо убѣждены, что однихъ подобныхъ мѣръ достаточно, чтобы создать и осуществить что угодно. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было совершенное омертвеніе школы. Разумное и обдуманное обсужденіе педагогическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ жизни школы, замѣнилось заботою о подведеніи каждаго отдѣльнаго случая подъ то или другое правило или предписаніе; живая оцѣнка успѣховъ или неуспѣховъ учащихъ превратилась въ механическое счисленіе балловъ. Учебникъ долженъ былъ сколь возможно болѣе замѣнить собою учителя»¹⁾.

¹⁾ См. «Вѣстникъ воспитанія» 1896 г., № 6, стр. 236—237.

Одновременно съ появленіемъ этого авторитетнаго отзыва гр. П. Капниста о господствѣ формализма въ школѣ, публицистъ, который подписывается анонимомъ «Отецъ», сравниваетъ школьные порядки, бывшіе въ 1861 году въ Кіевскомъ учебномъ округѣ при понечителѣ Н. И. Пироговѣ, съ порядками, существующими нынѣ по уставу 1871 года. Сравненіе это приводитъ его къ основательному заключенію, что школы «обращены нынѣ въ канцеляріи, а учителя—въ чиновниковъ»¹⁾.

До чего формализмъ въ школѣ нынѣ поглощаетъ всю внутреннюю жизнь ученика и учителя, заслуживаютъ вниманія слова челоекка, который самъ испыталъ «прелесть русской школы въ семидесятыхъ годахъ, то-есть непосредственно по введеніи Толстовскаго устава». Слова эти, дышанція неподдѣльною искренностью, гласятъ: «Странная вещь, непонятная вещь! Школа отцовъ и дѣдовъ была груба, ихъ драли, учителя говорили имъ «ты»; среди учителей попадались люди грязные, пошлые, неучи, даже, прямо сказать, изверги; однако рѣдкій, очень рѣдкій изъ отцовъ и дѣдовъ не сохранилъ памяти о своемъ учебническомъ періодѣ, какъ объ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ полосъ въ жизни, хотя и испещренной черными пятнами. Мы, воспитанники Толстовскаго режима, такой памяти не унесли, да и не могли унести. Насъ не истязали физически, да и не ласкали; съ нами были вѣжливы, но суровы къ нашему пониманію и поведенію и безразличны къ нашему духовному міру; между каѳедрою и партами лежала непроходимая пропасть; съ одной стороны — формальный учитель, съ другой—формальные ученики; ему не было никакого дѣла до насъ, въѣ отвѣчаемыхъ нами ему уроковъ, намъ—до него. Въ общемъ, формальная зубрежь, отчужденіе отъ всего живого и полезнаго для познанія мертваго и ненужнаго»²⁾.

Въ недавнее время студентъ университета, прошедшій «классическій» курсъ въ гимназій и говорившій отъ имени своихъ товарищей, между прочимъ выразился такъ: «Въ учебныхъ заведеніяхъ онъ (юноша) — на службѣ, съ нимъ обращаются, какъ будто онъ—слуга, а сами чиновники (учителя)—господа. Эти послѣдніе такъ странно понимаютъ свои обязанности, что пожалуй, можно подумать, что училища учреждены для ихъ кормленія и развлеченія»³⁾.

Полагаю, что названныхъ ссылокъ, число которыхъ можно бы и удвоить и утроить, достаточно для того, чтобы утвердиться въ томъ, что наша школа стала нынѣ канцелярією, а учитель представителемъ той бюрократіи, которая существовала почти во всѣхъ сферахъ нашей государственной и общественной жизни еще во времена Гоголя. Вотъ почему нельзя не согласиться съ авторомъ «Матеріаловъ для исторіи Воронежской гимназій», которые печатались въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ въ «Воронежскомъ Телеграфѣ» Н. Н. Пандѣевскимъ, находящимъ «не лишнимъ и не безынтереснымъ» знакомство съ нравственными устоями русской школы 18 столѣтія и справедливо утверждающимъ, что въ старину «многое и очень многое» было «проще, задушевноѣ, менѣе казенно и шаблонно».

¹⁾ См. «Новое Слово» 1896 года, августъ, ст. «Отца»—Параллели и пр.

²⁾ См. «Новое Время» отъ 24 мая 1898 г. № 7987, «Отюды».

³⁾ См. «Вѣстникъ Европы» 1895 г., июль, стр. 429.

Въ означенныхъ выше «Матеріалахъ» находимъ «Руководство учителямъ перваго и втораго классовъ народныхъ училищъ», изданное по высочайшему повелѣнію императрицы Екатерины II въ 1789 году. Вотъ выдержки изъ этой замѣчательной книги, достойныя особеннаго вниманія въ настоящее время.

«Учители должны, наставляя дѣтей въ Законѣ Божіемъ, дѣлать ихъ благочестивыми христіанами и вѣрными сынами церкви, которые бы правила Закона Божія не токмо знали на словахъ, но и показывали бы оныя на дѣлѣ. Званіе учителей обяываетъ ихъ также стараться сдѣлать изъ учениковъ полезныхъ членовъ обществу; и для сего должны они поощрять юношество къ наблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ учениковъ. Учители, не исполняя должности званія своего, согрѣшаютъ: а) предъ Богомъ, б) предъ правительствомъ, в) предъ родителями учениковъ, г) предъ дѣтьми и д) предъ собою. Всего того, что хотя мало худымъ казаться можетъ, долженъ онъ (учитель) избѣгать, особенно предъ дѣтьми, для того, что дѣти стануть ему подражать, и онъ сдѣлаетъ соблазнъ и поступитъ противъ заповѣди Христовой, которая гласитъ: Иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ. Онъ долженъ поступать со всеми учениками отечески, то-есть ласково и любовно. Любовь сія (учителя къ ученикамъ) должна быть не ребяческая, но соединена всегда съ постояннымъ и важнымъ видомъ; она не должна также основываться на достаткѣ родителей учениковъ, но на благоуравіи и прилежаніи дѣтей. Когда есть у учителя такіе ученики, которые нерадивы, рѣзвы и упрямы, тогда не долженъ онъ выходить изъ терпѣнія. Черезъ нерадѣніе свое потеряетъ учитель довѣренность родителей, любовь дѣтей и свою плату. Благоразумное поведеніе учителя состоитъ въ томъ, чтобъ онъ умѣлъ сдѣлать учениковъ себѣ послушными и зналъ, какъ съ ними безпристрастно и снисходительно поступать въ разсужденіи ихъ различныхъ обстоятельствъ. Для пріобрѣтенія себѣ отъ учениковъ послушанія, долженъ (учитель) напередъ снискать себѣ отъ нихъ (учениковъ):

«1) Уваженіе, которое не что иное есть, какъ доброе мнѣніе, которое ученики объ искусствѣ и исправности учителя своего имѣютъ;

«2) Почтеніе, подъ коимъ разумѣется то наружное почтительное учениковъ съ учителемъ обхожденіе, которое на добромъ ихъ о немъ мнѣніи основано;

«3) Любовь. Подъ оною разумѣется готовность и охота учениковъ дѣлать то, что учителю угодно, потому что мы напоминачію тѣхъ слѣдуемъ охотно, кого любимъ и уважаемъ.

«Чтобы быть безпристрастну и снисходительну, долженъ учитель по различію учениковъ и поступки свои различно устроять».

Согласно съ этимъ общимъ правиломъ, «Руководство» даетъ наставленія относительно обученія дѣтей, «одаренныхъ хорошею памятью, но имѣющихъ малое разсужденіе», дѣтей «со слабою памятью», дѣтей, «которыя мало понимаютъ и помнятъ». И относительно нрава дѣтей «Руководство» предлагаетъ особыя воспитательныя и педагогическія приемы, различая категоріи дѣтскаго нрава: добраго, веселаго, боязливаго, застѣнчи-

ваго, лѣниваго, сонливаго, упорнаго, сердитаго, къ злобѣ склоннаго. По поводу этихъ тонкихъ и вѣрныхъ различій дѣтской, и, пожалуй, всякой человѣческой природы, Н. Н. Пантелѣевскій справедливо усматриваетъ въ «Руководствѣ» «трудъ умѣлаго, опытнаго педагога-психолога, чутко внемлющаго душѣ ребенка и понимающаго его».

Въ главѣ о наказаніяхъ въ «Руководствѣ» содержится слѣдующее общее правило: «Запрещаются всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были». Достоинство вниманія и слѣдующее мѣсто «Руководства»: «Учитель долженъ при наказаніи учениковъ имѣть въ виду одно токмо исправленіе ихъ, причемъ долженъ онъ быть правосуденъ. А какъ въ благоустроенныхъ училищахъ предполагается, что учителя во время ученія безотлучно при дѣтяхъ находятся и за ними смотрѣть будутъ, занимая вниманіе ихъ безпрестанно какимъ ни есть упражненіемъ; то почти нельзя и подумать, чтобы дѣти при такомъ распорядкѣ могли въ школѣ что ни есть такое дѣлать, что бы тѣлеснаго наказанія достойно было. Если бы они таковыя поступки и оказали, то оныя, конечно, должно будетъ причесть въ вину больше учительскому небреженію и не смотрѣнію, нежели худому поведенію учениковъ».

По всѣмъ этимъ выдержкамъ изъ «Руководства», изданнаго по высочайшему повелѣнію 110 лѣтъ назадъ, читатель легко уяснитъ себѣ основы и принципы всего строя, который тогда желательно было видѣть въ школѣ. Принципы эти вполне совпадаютъ съ тѣми, къ чему стремятся въ настоящее время наука и педагогія въ лучшихъ своихъ представителяхъ, къ тому, чтобы въ отношеніяхъ между учителямъ и ученикомъ господствовала любовь и уваженіе къ человѣческой личности, а не казенщина и бюрократическіе распорядки, которые съ дѣломъ воспитанія и образованія не могутъ имѣть ничего общаго.

С. С.

С М Ъ С Ь.

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА императору Александру II въ Любечѣ, Городнянскаго уѣзда, Черниговской губерніи, состоялось 26 іюля. Памятникъ сооруженъ на средства графа Г. А. Милорадовича и крестьянъ Любечской волости. Открытіе монумента совершено послѣ литургіи. Въ 11 часовъ изъ Покровской церкви двинулась къ памятнику процессія всего Любечскаго духовенства во главѣ съ преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ черниговскимъ и нѣжинскимъ, въ преднесеніи креста, множества хоругвей и особо чтимой святыни — чудотворной иконы Любечской Богоматери, поднятой къ крестному ходу изъ Воскресенскаго храма. Затѣмъ у памятника владыка отслужилъ молебенъ съ водосвятиемъ, послѣ чего священникъ Любечской преображенской церкви Василій Васильковскій-Кончіеловъ произнесъ соответствующее случаю слово. Вслѣдъ за симъ владыка окропилъ памятникъ св. водою, и въ заключеніе провозглашено было многолѣтіе Его Величеству Государю Императору и Августѣйшему Дому, вѣчная память Царю-Освободителю, причемъ всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна, и вторично провозглашено было многолѣтіе всѣмъ потрудившимся въ дѣлѣ сооруженія монумента. По оковчаніи духовнаго торжества, къ памятнику подошелъ графъ Г. А. Милорадовичъ и, ставъ лицомъ къ народу, сказалъ слѣдующую рѣчь: «35 лѣтъ тому назадъ съ высоты монаршаго престола раздался голосъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго». И по волѣ Незабвеннаго Монарха 28 милліоновъ крестьянъ были освобождены отъ крѣпостной зависимости. По прошествіи этихъ 37 лѣтъ, благодарные крестьяне Любечской волости, воздвигли монументъ Своему Царю-Освободителю. Какъ владѣлецъ Любеча, бюю вамъ, братцы, низко челомъ, и да будетъ сего-

дня освященный и открытый памятникъ залогомъ для грядущаго поколѣнія любви къ Царю-Благодѣтелю и Его Царственнымъ преемникамъ. Малороссія, а слѣдовательно и Любечъ, недолго знали крѣпостное право, оно здѣсь существовало семьдесятъ семь лѣтъ (1783—1861), и за это время Любечъ имѣлъ всего двухъ помѣщиковъ — моего дѣда и моего отца. Оба они были вѣрные сыны православной церкви, слѣдуя евангельской заповѣди: «люби ближняго твоего», они съ отеческой любовью относились къ крестьянамъ, благодаря чему Любечъ и въ крѣпостное право процвѣталъ и былъ богатымъ мѣстечкомъ. Меня вы знаете съ обнаруженія манифеста 19 февраля 1861 г., когда я вслѣдствіе болѣзни своего отца составлялъ уставныя грамоты и выкупные договоры. Доказательствомъ добрыхъ отношеній моихъ съ вами, въ теченіе всего этого времени служить этотъ монументъ, братски сооруженный совмѣстно съ вами. Отецъ мой и я восторженно привѣтствовали величайшій актъ въ исторіи Россіи, совершенный Царемъ-Благодѣтелемъ, Царемъ-Освободителемъ. Болѣе ста лѣтъ владѣльцы Любеча жили дружно съ крестьянами. Я всегда молю Бога, чтобы дѣти мои и ваши дѣти находились въ тѣхъ же хорошихъ отношеніяхъ. Дѣтямъ моимъ я внушаю любовь къ нашему Самодержавному Монарху, и прошу васъ отцевъ и матерей воспитывать дѣтей вашихъ въ томъ же духѣ. Единеніе составляетъ силу, и эта сила пусть окружитъ нашего дорогаго Самодержавнаго Государя, во славу единой православной и недѣлимой Россіи. Благодарю васъ, любечане, еще разъ за ваше внимательное отношеніе къ церковному и историческому торжеству, радуюсь вашему сознательному участию въ сооруженіи памятника Царю-Освободителю, люблюсь подъему народнаго духа, желалъ бы васъ обнять всѣхъ, но за невозможностію обнимаю бывшаго старшину Пруту, а настоящаго Седяра.» Вслѣдъ за этою рѣчью дѣти графа возложили къ подножію монумента вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Такой же вѣнокъ возложенъ выборными отъ крестьянъ Любечской волости, отъ учениковъ мѣстнаго народнаго училища и четвертый вѣнокъ — отъ евреевъ, проживающихъ въ Любечѣ. Объ открытіи памятника графъ Милорадовичъ сообщилъ телеграммою его императорскому высочеству великому князю Михаилу Николаевичу, отъ котораго въ тотъ же день полученъ былъ милостивый отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Очень тронуть вашей депешей. Искренно благодарю васъ и всѣхъ потрудившихся на сооруженіе памятника Моему незабвенному Брату Императору Александру II. Михаилъ». По случаю открытія памятника, графомъ Г. А. Милорадовичемъ получено было и еще нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ. Крестьяне собственники м. Любеча поднесли графу слѣдующій адресъ: «Ваше сіятельство графъ Григорій Александровичъ. Въ сей торжественный день — день открытія памятника Царю-Освободителю Императору Александру II, Тому, Кто 19-го февраля 1861 года въ манифестѣ своемъ сказалъ намъ: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго». Съ тѣхъ поръ прошло 37 лѣтъ, народъ, слѣдуя этому дорогому завѣщанію, получивъ свободу, предался всѣми силами и средствами оправдать святой завѣтъ Царя-Отца, трудился для своего благополучія и общественнаго блага. Труды крестьянина извѣстны всему міру, а

достигнутое нами благополучіе, благодаря новымъ реформамъ, предначертаннымъ Царемъ-Освободителемъ и постепенно вводимымъ Его Державными Преемниками Императорами Александромъ III и Николаемъ II, обезпечили насъ и дали намъ возможность пріобрѣтать недвижимую собственность, чрезъ посредство открытыхъ правительствомъ крестьянскихъ поземельныхъ банковъ, не говоря уже о многихъ другихъ благодѣтельныхъ милостяхъ, дарованныхъ крестьянамъ въ послѣднее время. Вспоминая съ искреннею благодарностію благодѣтельныя попеченія о насъ Царя-Мученика, положившаго прочное основаніе будущности русскаго крестьянина, а чтобы память Великаго Монарха благодѣтеля сохранилась въ потомствѣ каждаго изъ насъ, по почину вашего сіятельства и большею частію на ваши средства, сооруженъ Ему памятникъ, чтобы мы и наше потомство постоянно созерцали свѣтлый ликъ Того, Кому мы обязаны своею свободою, и молились бы объ успокоеніи чистой души Его. Ваше сіятельство, позвольте принести вамъ глубокую и искреннюю благодарность за ваше отеческое наставленіе и матеріальное участіе въ настоящемъ торжествѣ, оно ляжетъ глубоко въ сердцѣ крестьянъ Любеча, живущихъ подъ вашимъ благороднымъ руководствомъ и не омрачившихъ себя какой либо черною неблагодарностію, избави Боже отъ этого и потомковъ нашихъ и чтобы таковыя хорошія отношенія были и на будущее время и упрочились бы еще болѣе по завѣту Царя-Освободителя, желавшаго положить между помѣщикомъ и крестьянами «взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ». Ваше сіятельство, осмѣливаемся всепокорнѣйше просить ходатайства вашего повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества вѣрнопопданническія чувства, безпредѣльную любовь и преданность крестьянъ собственниковъ м. Любеча. Да царствуетъ Внукъ Царя-Освободителя съ Августѣйшимъ семействомъ въ вождѣльномъ здравіи на многая и многая лѣта». Крестьяне обратились къ губернатору Е. К. Андреевскому съ просьбой повергнуть къ священнымъ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ чувства безпредѣльной, благоговѣйной любви и горячей преданности Престолу. По русскому обычаю, хозяевами Любеча были предложены гостямъ хлѣбъ-соль и народу обильное угощеніе. Торжество совершилось при великолѣпной погодѣ, и весь тотъ день, также какъ и наканунѣ во время вечерней трапезы, у графа игралъ военный оркестръ. Вечеромъ въ воскресенье была иллюминація, вслѣдствіе чего образовалось импровизованное гулянье. Памятникъ Царю-Освободителю поставленъ въ Любечѣ на площади, противъ дома графа Мплорадовича, и противъ окаймляющихъ площадь съ трехъ сторонъ церквей—Преображенской, Успенской и Покровской; сооруженъ у скульптора А. Росси въ Кіевѣ по проекту профессора Лаверецкаго, и представляетъ собою бронзовое погрудное изображеніе Императора, поставленное на пьедесталѣ изъ чернаго лабрадора, на коемъ въ золотомъ вѣнкѣ инициалъ имени Государя, на поясъ: «Царю-Освободителю», а ниже у цоколя: «благодарные графъ Мплорадовичъ съ крестьянами».

XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. Подготовительныя работы къ съѣзду подвигаются впередъ. Главной задачей съѣзда является изслѣдованіе вопросовъ, касающихся Волыни. Нѣсколько членовъ кіевского отдѣленія предварительнаго комитета отправились на Волынь въ ученые командировки для

изслѣдованія нѣкоторыхъ мѣстностей. В. В. Антоновичъ предполагаетъ посвятить все лѣто на производство археологическихъ раскопокъ въ Дубенскомъ, Острожскомъ и Ровенскомъ уѣздахъ Волынской губерніи, посѣтить другія мѣстности Волыни и пополнить собранный имъ матеріалъ для составляемой имъ археологической карты Волынской губерніи. На этой картѣ будетъ нанесено около 1.500 мѣстностей, заслуживающихъ вниманія въ археологическомъ отношеніи. Всѣ извѣстные курганы, могильники, остатки городищъ и т. п. Командировка завѣдующаго кievскимъ центральнымъ архивомъ, И. М. Каманина, имѣетъ цѣлью ознакомленіе съ палеографическими памятниками, хранящимися въ монастырскихъ и церковныхъ бібліотекахъ, а также въ собраніяхъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Во время сѣзда предполагается устроить подъ руководствомъ г. Каманина также выставку старинныхъ книгъ, вышедшихъ изъ-подъ станковъ православныхъ типографій, существовавшихъ въ Западной Руси въ XVI и XVII вв. Профессоръ Кіевской духовной академіи Лашкаревъ командированъ въ Черниговъ для подробнаго ознакомленія и изслѣдованія сохранившихся памятниковъ въ этомъ древнемъ городѣ. Собираніемъ картографическаго матеріала занялся г. В. Ляскоронскій. Результатомъ его трудовъ явилась монографія «Иностранные карты и атласы XVI и XVII вѣковъ, относящіяся къ Южной Россіи». Изъ собраннаго г. Ляскоронскимъ матеріала видно, что въ XVI и XVII вв. существовали весьма обстоятельныя и подробныя карты Юго-Западной Руси. На картахъ этихъ нанесены многія поселенія, которыя впоследствии, во время казацкихъ войнъ и нашествій крымскихъ татаръ, были истреблены.

Реставрація древняго храма. Въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ, какъ сообщаетъ «Кіевлянинъ», идутъ въ настоящее время работы по возстановленію древняго храма Успенія Божіей Матери, рѣдкаго и знаменитаго памятника русскаго зодчества половины XII вѣка. Это такъ называемый Мстиславовъ храмъ. Въ основу этого дѣла положены высочайше пожалованные 30.000 р. Закладка работъ совершена 15 октября 1896 года въ присутствіи великаго князя Константина Константиновича и его супруги Елисаветы Маврикіевны. Мѣстность храма возвышенная, открытая, надъ широкою равниной рѣки Луга, окаймленная на дальней точкѣ къ югу постройками древняго Зимнинскаго монастыря. Сѣверною стороною погостъ примыкаетъ къ городу, и было бы желательно сохранить въ оградѣ высокія изящной постройки старинныя ворота, — нынѣ такихъ воротъ (саженъ въ пять высоты) не поставятъ. Внутри погоста, между этими входными вратами и храмомъ, при спланировкѣ земли оказалась масса костей погребенныхъ, какъ и внутри храма. При подготовительныхъ работахъ найдено нѣсколько интересныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ.

Двадцатилѣтіе Минусинскаго музея. Несмотря на скудныя матеріальныя средства и сравнительное небольшое число сотрудниковъ, Минусинскій музей теперь выросъ въ учрежденіе, полное интереса, которое не миновала ни одна ученая экспедиція, ставившая себѣ задачей изслѣдованіе и изученіе Сибири. Ежегодно музей принимаетъ въ своихъ стѣнахъ до 8.000 посѣтителей: золотопромышленникъ несетъ въ музей для опредѣленія горную породу, кустарь

получаетъ указанія, какъ улучшить производство, геологъ находитъ здѣсь всѣ средства для анализа почвъ, археологъ встрѣчаетъ здѣсь рѣдкіе памятники старины и проч. Съ тою же цѣлью прійти на помощь умственнымъ и практическимъ запросамъ населенія, музей снабжалъ коллекціями и книгами городскія и сельскія школы, а также музеи въ Читѣ, Кяхтѣ, Енисейскѣ, Вѣрномъ и Красноярскѣ и публичныя библіотеки въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ. Въ настоящее время музей раздѣленъ на девять отдѣловъ (естественно-историческій, антропологическій, археологическій, горнопромышленный, сельско-хозяйственный, нумизматическій, образовательный, педагогическій и промышленный), въ коллекціяхъ которыхъ насчитывается 47.808 предметовъ; самыми богатыми по содержанию являются отдѣлы естественно-историческій и археологическій. При музей находится библіотека съ 18.000 томами и метеорологическая станція, наблюденія которой печатаются въ бюлетеняхъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Кромѣ того, музей служитъ посредникомъ по раздачѣ улучшенныхъ сѣмянъ полевыхъ и огородныхъ растений, и при немъ же находится казенный складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Для пополненія своихъ коллекцій музей почти ежегодно снаряжаетъ экспедиціи въ разныя мѣстности и находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ различными учеными учрежденіями, обществами и лицами не только Россіи, но и Западной Европы. За границей явилось немало научныхъ работъ о Сибири, основанныхъ въ значительной мѣрѣ на матеріалахъ нашего Минусинскаго музея. Въ дальнѣйшей своей дѣятельности музей поставилъ себѣ задачей на первую очередь популяризовать свое богатство путемъ устройства чтеній и устныхъ объясненій и издать полные каталоги, отсутствіе которыхъ въ настоящее время составляетъ слабое мѣсто этого хранителя памятниковъ.

Историческій музей императора Александра III пополнился за послѣднее время по отдѣлу живописи новыми цѣнными пріобрѣтеніями. Государыня императрица Марія Ѳеодоровна соизволила пожертвовать музею написанный А. И. Ивановымъ небольшой портретъ Н. В. Гоголя. Статсъ-секретаремъ Половцовымъ пожертвованъ портретъ императора Александра III, работы Крамского. Въ непродолжительномъ времени откроется этнографическій отдѣлъ, обещающій быть выдающимся по богатству и разнообразію экспонатовъ. Проектъ этнографическаго музея уже выработанъ и будетъ переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи изъ специалистовъ, въ которую войдутъ представители академіи наукъ, С.-Петербургскаго университета, географическаго и антропологическаго обществъ и другихъ учрежденій.

Русскій музей имени императора Александра III. Всѣми учебными округами представляются въ настоящее время въ музей фотографіи, рисунки и модели учебныхъ заведеній и другихъ учрежденій, основанныхъ за время царствованія императора Александра III, а также полный перечень всѣхъ ученыхъ учрежденій, учебныхъ заведеній, премій, стипендій и т. п., носящихъ наименованіе въ Божѣ почивающаго императора.

Премія М. И. Михельсона. Академія наукъ разослала въ университеты правила о преміяхъ имени М. И. Михельсона за труды въ области науки о русскомъ языкѣ въ 1.000 р., 500 р. и 300 р. Начиная съ 16 декабря 1900 года

преміи будутъ выдаваться каждыя три года. Допускаются къ сопеканію премій, какъ печатныя труды, такъ и рукописныя сочиненія, на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ. Главная цѣль установленія премій сводится къ тому, чтобы вызвать рядъ работъ, которыя могли бы послужить матеріаломъ для составленія полнаго этимологическаго словаря русскаго языка.

Премія кн. Н. Б. Юсупова. При императорской академіи наукъ образована премія имени князя Н. Б. Юсупова за лучшее описаніе «Исторіи царствованія императора Александра II».

† **М. О. Каменская.** 22 іюля скончалась въ Петербургѣ старѣйшая русская писательница, Марія Ѳеодоровна Каменская, урожденная графиня Толстая. Покойная родилась 3 октября 1817 года и была дочерью извѣстнаго русскаго медальера, вице-президента императорской академіи художествъ, графа Ѳедора Петровича Толстаго, отъ перваго его брака съ А. Ѳ. Дудиною. Послѣ домашняго воспитанія и тщательнаго образованія подъ руководствомъ отца, она въ 1837 году вышла замужъ за писателя романиста П. П. Каменскаго (нынѣ уже покойнаго) и затѣмъ сама выступила на литературное поприще. Ея писательская дѣятельность началась стихотвореніями, напечатанными въ журналѣ А. О. Ишимовой «Лучи» и нѣсколькими драматическими произведеніями, какъ, напримѣръ: комедіи «Искаль булавочку—нашелъ жену» (Спб., 1851 г.), «Волось дологъ, умъ коротокъ» (1851 г.) и «Старина» («Пантеонъ» 1852 г., кн. 4), а также оригинальная драма «Лиза Ѳомина», данная на сценѣ въ 1863 году. Затѣмъ, кромѣ «Сказокъ», помѣщенныхъ въ «Народномъ Читеніи» (1859—1860 гг.), ею написаны романы: «Пятьдесятъ лѣтъ назадъ» («Отечественныя Записки» 1859 г., кн. 10—12) и «Непѣтый» («Свѣточъ» 1860 г., кн. 1—3), воспоминанія былаго «Знакомые» («Время» 1861 г., кн. 10) и рассказъ «Вѣрочка» (Свѣточъ 1861 г., кн. 10). Съ названнымъ романомъ «Непѣтый» случилась странная исторія: онъ почти дословно былъ перепечатанъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» (1880 г.), но подъ другимъ заглавіемъ: «Своя рубашка ближе къ тѣлу». Въ послѣдніе годы жизни М. О. Каменская, какъ свидѣтельница многихъ протекшихъ событій, какъ современница и знакомая замѣчательныхъ писателей, художниковъ и другихъ русскихъ дѣятелей, обратилась къ «дорогому прошлому» и вспомнила «доброе старое время»: она написала біографію своего отца, графа Ѳ. П. Толстаго («Русскій Художественный Архивъ» 1892 г.) и весьма любопытныя «Воспоминанія» («Историческій Вѣстникъ» 1894 г., кн. 1—12). (Московскія Вѣдомости № 2203; «Новое Время» № 8050).

† **Ю. К. Арнольдъ.** 7-го іюля въ Симферополѣ скончался старѣйшій русскій композиторъ, профессоръ музыки и авторъ замѣчательныхъ теоретическихъ работъ по искусству пѣнія, Юрій Карловичъ Арнольдъ. Покойный сынъ русскаго дворянина родился 1 ноября 1811 года въ Петербургѣ, воспитывался въ одномъ изъ пансіоновъ Дрездена, въ Дерптской гимназіи и затѣмъ изучалъ намеральныя науки въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) университетѣ. Съ 1831 года, не окончивъ курса, онъ поступилъ юнкеромъ въ Стародубскій Кирасирскій полкъ и участвовалъ съ нимъ при штурмѣ Варшавы, причѣмъ получилъ Георгіевскій крестъ, но черезъ семь лѣтъ перешелъ на граж-

данскую службу и, по давнишней склонности къ музыкѣ, началъ въ Петербургѣ изучать контрапунктъ и формы музыкальныхъ сочиненій подъ руководствомъ П. Л. Фукса. Съ этихъ поръ онъ постепенно сталъ выступать со своими композиціями: имъ была написана опера «Цыганка», увертюра «Борисъ Годуновъ», рядъ кантатъ, изъ которыхъ «Свѣтлана» получила первую премію на первомъ конкурсѣ Филармоническаго общества. Нѣсколько небольшихъ оперъ, изъ которыхъ двѣ («Инвалидъ» и «За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ») были поставлены въ началѣ 50-хъ годовъ въ Петербургѣ и много романсовъ. Въ 1863 году онъ переселился въ Германію, гдѣ пользовался вліяніемъ въ артистическомъ мірѣ среди представителей новаго движенія въ искусствѣ. Нѣсколько лѣтъ онъ занималъ должность секретаря «Всеобщаго союза нѣмецкихъ музыкантовъ» и одного изъ редакторовъ «N. Zeit. für Musik», гдѣ продолжалъ оставаться вліятельнымъ членомъ редакціи до самой смерти. Его произведенія доставили покойному мѣсто профессора элементарной теоріи музыки въ Московской консерваторіи (съ 1868 года), а черезъ шесть лѣтъ онъ основалъ въ Москвѣ общедоступныя музыкальныя классы (съ 1874 г.) и въ то же время печаталъ свои статьи по музыкѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Съ конца восьмидесятыхъ годовъ покойный переселился въ Петербургъ, но и тутъ, почти до конца жизни, продолжалъ свою литературно-музыкальную дѣятельность. Классическою его работою слѣдуетъ считать «Теорію древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія» и «Гармонизацію церковнаго пѣнія», трактаты рѣдкой учености, полныя глубины и цѣнныхъ выводовъ. Весьма любопытны его «Воспоминанія», доведенныя до 1875 года, въ которыхъ живымъ языкомъ передана общественная и художественная жизнь той долгой эпохи, которой Ю. К. былъ дѣятельнымъ участникомъ. Эти «Воспоминанія»—цѣнный матеріалъ для точнаго знакомства со многими дѣятелями и обстоятельствами прошлаго. Имъ оставлены также конченная и не исполнявшаяся опера «Индія» («Послѣдній день Помпеи») и цѣлый рядъ романсовъ и произведеній камерной музыки, написанныхъ въ послѣдніе годы его жизни. («Моск. Вѣд.» № 186; «Нов. Вр.» № 8033).

† **И. Я. Красницкій.** Въ концѣ іюля скончался въ Маріинской больницѣ въ С.-Петербургѣ бывшій редакторъ-издатель журнала «Изографъ», художникъ Иванъ Яковлевичъ Красницкій. Покойный родился въ Москвѣ въ 1830 г. Художественное образованіе онъ получилъ въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія подъ руководствомъ проф. Зарянка, затѣмъ въ академіи художествъ. И. Я. посвятилъ себя исключительно археологіи. Ему принадлежатъ первыя коллекціи фотографическихъ снимковъ съ московскихъ древностей. Онъ совершилъ рядъ экскурсій по Россіи, фотографируя древности Твери, Ржева, Торжка, Новгорода, с. Грузина и др. Въ 1882 г. И. Я. предпринялъ изданіе, посвященное археологіи и отечественной иконографіи—журналъ «Изографъ», который былъ въ свое время одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Послѣдніе годы своей жизни, состарившійся и одряхлѣвшій, покойный провелъ за разборкой своихъ коллекцій и составленіемъ мемуаровъ, обнимающихъ болѣе полувѣка. Мемуары эти представляютъ особенный интересъ, потому что, воспитываясь въ семьѣ Хомякова, покойный встрѣчался со всѣми выдающимися дѣятелями того времени, былъ лично знакомъ съ Гоголемъ, Вѣлинскимъ, кн. П.

А. Вяземскимъ, Аксаковыми и др. Въ послѣдніе свои дни покойный встрѣтилъ живое участіе со стороны литературнаго фонда, оказавшаго ему существенную помощь. Въ свое время П. Я. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Общества любителей древней письменности. («Нов. Вр.» № 8053).

† **В. А. Абаза.** 5-го іюля скончался на дачѣ въ Теріокахъ, на 65 году жизни, генераль для особыхъ порученій при главномъ артилерійскомъ управленіи, генераль-лейтенантъ Викторъ Анастасьевичъ Абаза, популярный въ военномъ мірѣ, какъ авторъ цѣлаго ряда полезныхъ учебныхъ пособій для нижнихъ чиновъ. Покойный по воспитанію и образованію питомецъ Михайловскаго артилерійскаго училища, изъ котораго былъ выпущенъ офицеромъ въ 1850 году, въ строю прослужилъ до 1868 года, проходя должности младшаго батарейнаго офицера, батарейнаго командира и командира упрядненной теперь кантонистской бригады. Въ 1868 году онъ былъ назначенъ состоять при главномъ артилерійскомъ управленіи и, любя педагогическія и литературныя занятія, оставался до дня смерти при томъ же управленіи, исполняя выпадавшія на его долю отвѣтственныя порученія и свободное время отдавая военной педагогикѣ. Имъ помѣщено немало очерковъ и статей въ журналахъ, предназначенныхъ для солдатскаго чтенія. Изъ его работъ извѣстны «Исторія Россіи» для средне-учебныхъ заведеній и «Исторія Арменіи», («Нов. Вр.», №№ 8032 и 8047).

† **С. И. Коссовичъ.** 26 іюля, скончался въ Парголовѣ послѣ долгой и тяжелой болѣзни предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, дѣйств. ст. сов. Смарагдъ Ігнатъевичъ Коссовичъ. Онъ родился въ 1835 году, образованіе получилъ во Владимирской гимназій. Крымская война увлекла покойнаго на театр военныхъ дѣйствій. Юношей (19-ти лѣтъ) онъ поступилъ въ одинъ изъ артилерійскихъ полковъ и несъ обязанности фейерверкера. Сраженіе при Альмѣ дало возможность ему выказать свою храбрость и отвагу. Въ награду за боевыя отличія П. С. былъ произведенъ въ офицеры. Кончилась война, началась строевая служба, которая не была по душѣ покойному. Онъ сталъ искать другихъ болѣе симпатичныхъ занятій и съ удовольствіемъ согласился быть учителемъ сиб. окружной артиллерійской школы. Въ шестидесятыхъ годахъ С. И. вышелъ въ отставку. Его дѣятельность по дѣламъ печати началась въ 1875 г., когда онъ поступилъ на службу въ главное управленіе по дѣламъ печати. Съ 1878 по 1881 г. покойный былъ младшимъ цензоромъ варшавскаго цензурнаго комитета и затѣмъ служилъ въ сиб. цензурномъ комитетѣ сперва цензоромъ, затѣмъ (послѣ г. Кожухова) предсѣдателемъ комитета. Редакція «Историческаго Вѣстника» сохранить о С. И. Коссовичѣ благодарную память. Во всѣхъ цензурныхъ недоразумѣніяхъ мы постоянно встрѣчали въ немъ готовность разрѣшить ихъ, на сколько это было въ его власти, въ доброжелательномъ для журнала смыслѣ. Его разясненія были всегда спокойны и обстоятельны, и договориться съ нимъ было нетрудно. Онъ исполнять свои нелегкія обязанности съ большимъ тактомъ и, принуждая подчиняться своимъ требованіямъ, никогда не возбуждалъ противъ себя лично чувство неудовольствія. Соболѣзнованія почти всей печати о его кончинѣ служатъ лучшей характеристикой этого прекраснаго и достойнаго уваженія человѣка.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу сочиненія „Вѣлинскій, какъ моралистъ“.

Получивъ надняхъ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ июльскую книжку «Историческаго Вѣстника», я изъ статьи г. Глинскаго: «В. Г. Вѣлинскій и чествованія его памяти», узналъ, что на выставкѣ, устроенной въ память величайшаго русскаго критика Обществомъ любителей россійской словесности, въ числѣ отдѣльныхъ книгъ и брошюръ о Вѣлинскомъ находилось и сочиненіе арх. Теодора: «Вѣлинскій, какъ моралистъ». Это извѣстіе и порадовало меня и поразило. Какъ близко знавшій арх. Теодора и глубоко уважавшій его за его искреннее религіозное чувство и богословскую ученость, я могу лишь радоваться, что есть его сочиненіе и о Вѣлинскомъ и, безспорно, взглядъ его на Вѣлинскаго, какъ моралиста, имѣеть большое значеніе. Мнѣ въ этомъ случаѣ остается лишь пожалѣть, что мнѣ до сихъ поръ не приходилось встрѣчать никакихъ заявленій объ упомянутомъ сочиненіи арх. Теодора. Поразило же и удивило меня извѣстіе о сочиненіи арх. Теодора о Вѣлинскомъ тождественностью заглавія съ моимъ сочиненіемъ, которое въ 1862 г. вышло въ свѣтъ изъ типографіи Шумахера (426 стран.), но безъ обозначенія автора, подъ заглавіемъ «Вѣлинскій, какъ моралистъ». Книга эта явилась, по желанію редактора-издателя А. В. Старчевскаго, изъ перепечатокъ моихъ статей о Вѣлинскомъ, помѣщенныхъ въ «Сынѣ Отечества», и издана въ 500 экз. Долженъ при этомъ объяснить о поводѣ, по какому означенныя статьи были написаны мной: тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, въ виду усилившагося въ учащемъ молодомъ поколѣннн желанія читать сочиненія Вѣлинскаго и большаго спроса ихъ изъ библіотекъ съ одной стороны, а съ другой — остававшагося въ вѣкоторой части русскаго общества предубѣжденія противъ Вѣлинскаго, какъ опаснаго либерала, пожелалъ подробнымъ разборомъ сочиненій и выписками изъ нихъ доказать, что чтеніе сочиненій Вѣлинскаго не представляетъ ничего опаснаго для нравственности читателей, а можетъ вести къ однимъ добрымъ результатамъ. Эта задача и была возложена А. В. Старчевскимъ на меня.

На выставку я не представилъ своего труда, потому что тяжкая болѣзнь, держа меня въ тискахъ, заставляла меня думать не о томъ. Въ настоящее время я считаю нужнымъ заявить о своемъ сочиненіи единственно съ цѣлью устраненія всякаго недоразумѣнія, всегда возможнаго при наличности двухъ различныхъ сочиненій, носящихъ одно и то же заглавіе. А. Хитрово.

II.

Къ статьѣ „Хивинскій походъ 1839 года“.

Въ предисловіи къ воспомнаніямъ о Хивинскомъ походѣ 1839 года Е. М. Косырева, напечатаннымъ въ августовской книжкѣ, по недосмотру, пропущено указаніе, что воспомнанія эти сообщены редакціи «Историческаго Вѣстника» В. Л. Тагѣвымъ.

III.

Нѣсколько времени они ѣхали молча. Яни держался за шею лошади, потому что голова у него кружилась, а Митсось усердно погонялъ палкой муловъ, чтобъ они не отставали. Наконецъ черезъ полчаса Яни натянулъ поводъ.

— Поѣдемъ потише,— сказалъ онъ:—теперь мы миновали опасность. Мы снова на нашей сторонѣ, и никто не видалъ, что мы были на мельницѣ, кромѣ моего двоюроднаго брата Христоса, а у него скорѣе вырвутъ языкъ, чѣмъ заставятъ его говорить. Впрочемъ и говорить-то нечего. Мельницу взорвало. Вотъ и все.

Митсось остановился, соскочилъ съ мула и бросился на землю, полежалъ минуты двѣ, потомъ онъ всталъ, выпилъ изъ фляжки глотокъ вина и началъ къ удивленію Яни бранить Кринаса всѣми ругательными словами, которыми такъ богатъ греческій языкъ.

— А ты слышалъ, какъ голова проклятаго Кринаса щелкнула словно орѣхъ,—продолжалъ Митсось:—онъ думалъ разбогатѣть, благодаря своему пороку, а самъ сдѣлался его жертвой. Нѣтъ, Яни, это такъ смѣшно, что я буду смѣяться до страшнаго суда.

И онъ истерически захохоталъ.

Яни никогда не видалъ припадка истерики, но онъ понялъ, что это вредно для здоровья, и надо тотчасъ его прекратить.

— Митсось,—воскликнулъ онъ гнѣвно:—не будь дуракомъ. Перестань смѣяться, сейчасъ перестань.

Митсось взглянулъ на него, какъ ребенокъ, котораго бранятъ старшіе, и внезапно прекратилъ свой хохоть. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча и нагнувшись рвалъ траву.

— А славный это день,—промолвилъ онъ наконецъ:—подобныя приключенія опьяняютъ меня, какъ вино. Но теперь мнѣ легче. Хорошо поругаться и похохотать. Но отчего я смѣялся? Дядя Николай говорилъ не разъ, что иногда люди сходятъ съ ума послѣ перваго убійства, а я смѣюсь, ха, ха, ха!

И онъ снова захохоталъ.

— Нѣтъ, не надо, Митсось,—воскликнулъ Яни, боясь, не сошелъ ли онъ дѣйствительно съ ума:—ради Бога перестань. Твой смѣхъ такой страшный.

Митсось сдѣлалъ усиліе надъ собой и пересталъ смѣяться.

— Вотъ молодецъ,—произнесъ Яни, соскочивъ съ лошади и сядя на землю:—выпей вина и лежи, а если можешь, то поспи.

Митсось повиновался и, положивъ голову на колѣни Яни, растянулся во всю длину. Спустя минуту, онъ уже спалъ. Яни сидѣлъ очень неловко, но не двигался съ мѣста, боясь разбудить юношу. Ему казалось очень страннымъ поведеніе Митсоса: во время борьбы онъ дѣйствовалъ разумно, хладнокровно, энергично, и лице его дышало геройствомъ, а потомъ онъ сдѣлался слабымъ ребенкомъ.

Долго онъ караулилъ, какъ любящая сестра, спавшаго Митсосу, и послѣдній проснулся только, когда уже солнце стало склоняться къ западу.

— Какое я животное, — воскликнулъ онъ потягиваясь: — я спалъ, а тебѣ тяжело было держать мою голову. Отчего ты ее не столкнулъ съ своихъ колѣнъ? Но пора и въ путь. А ты какъ себя чувствуешь?

— Ничего, все прошло. Ты сядь лучше на лошадь, Митсось.

— Пустяки.

И въ прежнемъ порядкѣ они продолжали свой путь къ сосѣднему селенію Калаврисѣ. Такъ какъ это была одна изъ твердынь семьи Мавромихали, то они были увѣрены въ радушномъ приѣмѣ, но имъ было извѣстно, что тамъ находился пикетъ турецкихъ солдатъ, а потому изъ осторожности сдѣлали крюкъ и вошли въ деревню съ сѣвера.

Туркамъ въ Калаврисѣ жилось нелегко, и его обитатели прямо заявили имъ, чтобъ они ни во что не мѣшались. Если правительство желало держать у нихъ солдатъ, то имъ было все равно, но они должны были вести себя тихо, покупать провизію по дорогой цѣнѣ и не трогать женщинъ. При исполненіи этихъ условій солдаты оставляли въ покоѣ, развѣ только въ праздники греки, напившись пьяными, обзывали ихъ дурными словами. Тогда имъ было лучше не выходить изъ казармъ, такъ какъ имъ могли приключиться непріятности.

Вступивъ въ деревню благополучно, Митсось и Яни отправились въ кофейню. Не успѣли они переступить ее порогъ, какъ на встрѣчу имъ выбѣжалъ человекъ большаго роста и съ громадной бородой.

Это былъ братъ Петровія, и Яни зналъ, что ему можно было откровенно говорить обо всемъ. Дѣйствительно они рассказали ему о своихъ приключеніяхъ на мельницѣ, и онъ выслушалъ ихъ съ живымъ любопытствомъ, одобрительно кивая головой. Наконецъ, услышавъ отъ Яни объ истерическомъ припадкѣ Митсосу, онъ насунилъ брови и заставилъ его выпить залпомъ полъ-бутылки вина.

— Ну, — сказалъ онъ по окончаніи юношами своихъ рассказовъ: — это славный день для нашего рода. Ты также нашъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Митсосу: — и клянусь Богомъ, создавшимъ нашъ родъ, и діаволомъ, родившимъ турокъ, мы гордимся тобой. Вскорѣ сюда соберутся десятки нашихъ, и если ихъ повстрѣчаютъ на улицахъ турки, то будетъ дѣло висѣлицамъ.

Вскорѣ слова Кація Мавромихали оправдались, и его родичи стали собираться одинъ за другимъ. Они слышали, что произошло нѣчто особенное, и пришлось каждому повторить рассказъ Митсосу и Яни. Всѣ ликовали, и для общаго удовольствія недоставало только ссоры съ турками. Но по счастью они не выходили въ этотъ вечеръ изъ казармъ и даже не обратили вниманія на нѣсколькихъ молодыхъ грековъ, которые съ оскорбительными криками стали бить

окна въ казармахъ и разошлись только въ виду энергичнаго вмѣшательства Кація.

На слѣдующее утро получились изъ Нимфіи извѣстія, которыя вполне подтвердили рассказъ юныхъ друзей. Оказалось, что мельница была взорвана, и отъ нея не осталось никакихъ слѣдовъ, а о существованіи Кринаса свидѣтельствовалъ его разбитый черепъ. Но очевидно во время взрыва у него кто-то былъ, такъ какъ нашлись на землѣ сорокъ зубовъ, а такого количества никогда не было у Кринаса.

Кацій съ большимъ числомъ родичей проводилъ своихъ гостей по большей дорогѣ, на разстояніи мили отъ деревни. Митсосу все прославляли, какъ героя, убившаго двухъ враговъ, и Яни нимало не завидовалъ ему, а былъ очень радъ, что и другіе, кромѣ него, признавали Митсосу героемъ, особенно молодежь восторгалась имъ, и когда Кацій съ пожилыми обитателями деревни вернулись домой, то юноши еще далѣе провожали своихъ новыхъ товарищей. Наконецъ, около полудня они распрощались, и друзья, которые уже окончили все данныя порученія, двинулись въ обратный путь.

Они теперь держались берега и ѣхали медленно. Но все-таки къ заходу солнца они достигли Мавромати, гнѣздившагося на восточномъ скатѣ Тайгета. Вершины края были покрыты снѣгомъ, который ослѣпительно блестѣлъ подъ розоватыми солнечными лучами. Но внизу на равнинѣ не видно было слѣдовъ зимы, и все дышало весной. Въ сердцахъ и глазахъ юношей также свѣтилась весна, отблескъ той весны, которая должна была вскорѣ смѣнить пышными цвѣтами свободы, вѣковую хладную мрачную зиму тираніи.

IV.

Молодые люди достигли Паницы въ полдень, и къ нимъ на встрѣчу выѣхалъ Петровій, который, узнавъ объ ихъ походе и смерти Кринаса, преисполнился радостью.

— Я очень сожалѣю,— сказалъ онъ, выслушавъ ихъ рассказы:— но въ виду возбужденныхъ вами подозрѣній среди турокъ васъ надо раздѣлить. Ты, Яни, отправишься въ Триполи, а ты, Митсось — въ Навплию.

— О, какой ты счастливчикъ! — произнесъ въ полголоса Яни, знавшій романъ своего друга:—если только Зулейма тебя не забыла. А когда же мнѣ отецъ,— прибавилъ онъ громко:—отправляться въ турецкую берлогу?

— Черезъ два или три дня. Ты можешь выѣхать отсюда вмѣстѣ съ Митсосомъ.

— А сколько времени мнѣ надо тамъ остаться?

— Надѣюсь, недолго. Можетъ быть, съ мѣсяць. Но ты не будешь жалѣть этой поѣздки. Тебя тамъ примутъ поцарски, потому

что турки не хотятъ ссориться съ нашимъ родомъ. Митсось тебя проводить въ Триполи и останется тамъ съ тобой въ качествѣ слуги дня два, чтобъ знать, гдѣ тебя помѣстятъ въ домѣ губернатора, и откуда тебя придется освободить, когда настанетъ этому часъ.

— А что же мнѣ дѣлать, разставшись съ Яни? — спросилъ Митсось.

— Вернись въ Навплию съ письмомъ отъ меня къ Николаю, но тамъ ты останешься недолго и предпримешь новую экспедицію на сѣверъ къ Герману. Ну, да объ этомъ тебѣ подробно скажетъ Николай.

На третій день послѣ этой бесѣды юноши отправились въ Триполи. На Яни была его праздничная одежда, и онъ ѣхалъ на прекрасномъ сѣромъ конѣ, а за нимъ слѣдовалъ Митсось, одѣтый слугой на мулѣ. Въ поводу же онъ держалъ другого мула, нагруженного багажемъ: четыре дня продолжалось ихъ путешествіе, потому что они не торопились, и когда они очутились наконецъ въ Триполи, то Яни пошелъ прямо въ губернаторскій домъ, а Митсосу оставилъ съ лошадыю и мулами на площади.

Домъ стоялъ на одной сторонѣ площади и представлялъ снаружи обнаженную бѣлую стѣну съ немногими желѣзными рѣшетками вмѣсто оконъ. Митсось увидѣлъ въ одномъ изъ нихъ женское лицо подъ густымъ покрываломъ и понялъ, что тутъ находится гаремъ. Единственнымъ входомъ были ворота, за которыми виднѣлся садъ. Не успѣлъ Яни постучаться, какъ они отворились, и потомъ привратникъ ихъ опять захлопнулъ. Спустя нѣсколько минутъ, снова отворились ворота, и турецкій слуга, подойдя къ Митсосу, помогъ ему внести вещи, но такъ какъ ихъ было немного, то юноша самъ снесъ ихъ, тогда какъ привратникъ въ вышитой курткѣ и красныхъ шароварахъ съ золотыми галунами, оперся на свою длинную палку и смотрѣлъ на него съ пренебреженіемъ, играя серебряной рукояткой своего кинжала. За воротами внутри дома находилась маленькая комната привратника, а налѣво тянулся флигель, выходящій на площадь, и окна были также ограждены желѣзными рѣшетками. Отъ воротъ шла дорожка, окаймленная садовыми куртинами, и Митсось по указанію привратника прошелъ вдоль флигеля къ другому зданію, возвышавшемуся въ его концѣ.

Это строеніе было двухъэтажное съ балкономъ, куда вела наружная лѣстница, на которую выходили четыре двери. Митсось постучался въ первую изъ нихъ, и ее отворилъ молодой турокъ, который, увидавъ грека съ вещами, вынулъ ключъ и отперъ двѣ комнаты; по его словамъ, онѣ были отведены господину Митсосу, и онъ могъ спать въ послѣдней изъ нихъ, если господинъ позволитъ. Такъ какъ Яни не являлся, то Митсось распаковалъ вещи и сталъ дожидаться его съ нетерпѣніемъ.

Наконецъ пришелъ Яни въ сопровожденіи привратника и по удаленіи послѣдняго воскликнулъ:

— Вотъ дьяволь-то! Мы попали въ западню. Я здѣсь, какъ въ тюрьмѣ, и не могу отсюда отлучиться никуда. Меня будутъ кормить и мнѣ дозволяютъ спать и гулять въ этомъ карманномъ садикѣ, но за ворота ни ногой.

Митсось свистнулъ.

— Хорошо, что я проводилъ тебя. Вѣроятно, молодой турокъ, живущій въ сосѣдней комнатѣ, твой сторожъ. Я останусь здѣсь на ночь и осмотрю все снаружи. Теперь надо пойти и посмотреть, куда поставили лошадей и муловъ.

Митсось пропалъ около часа.

— Не хорошо, но могло быть хуже,—сказалъ онъ возвратясь:— на площадь можно попасть только черезъ ворота. Направо отъ воротъ находится угловой домъ на площади, а затѣмъ тянется рядъ домовъ, выходящихъ на улицу, начинающуюся съ площади. Слева длинная задняя стѣна дома выходитъ въ другую параллельную улицу, также начинающуюся съ площади. Но домъ сосѣдній съ жилищемъ Магомета стоитъ въ большемъ саду, окруженномъ небольшою стѣною, на которую нетрудно взлѣзть. Съ этой же стѣны легко пробраться на крышу нашего флигеля, а оттуда стоитъ только спрыгнуть на балконъ, чтобъ быть у тебя. А тамъ, гдѣ прошелъ одинъ, могутъ пройти и двое. Значитъ, тебѣ нечего отчаиваться.

— Тебѣ-то хорошо говорить,—отвѣчалъ мрачно Яни:—но я долженъ сидѣть здѣсь цѣлый мѣсяцъ, какъ индюшка, гулять въ садикѣ и съ горя сосать апельсины. Нечего сказать, веселое существованіе. Вернувшись за мной, ты найдешь меня толстымъ, обрюзгшимъ туркомъ, сидящимъ на одномъ мѣстѣ, поджавъ ноги и покуривая трубку.

— Не бойся,—отвѣчалъ весело Митсось:—ты скоро справишься въ горахъ.

— Но ты не думаешь, — сказалъ Яни, указывая пальцемъ на сосѣднюю комнату турка:—что этотъ молодецъ можетъ подкараулить тебя, когда ты спрыгнешь съ крыши, и поймать тебя?

— Конечно, еслибъ твое окно выходило на улицу, то я могъ бы подать тебѣ сигналъ, а теперь придется мнѣ самому пробраться сюда. Но не бойся, я все устрою.

Митсось остался въ Триполи два дня, и когда онъ уѣхалъ, то Яни смотрѣлъ на будущее далеко не такъ мрачно, какъ въ первую минуту. Какъ турки ни подозрѣвали враждебное настроеніе рода Мавромихали, но они не хотѣли безъ причины навлечь на себя ихъ гнѣвъ, а потому всѣ желанія Яни любезно исполнялись, за исключеніемъ только выхода изъ дома. Въ своемъ конечномъ освобожденіи онъ не сомнѣвался. Митсось еще разъ осмотрѣлъ сосѣднюю стѣну и нашелъ, что бѣгство съ помощью веревки было дѣломъ

самымъ легкимъ. Во всемъ зданіи, гдѣ были комнаты Яни, жилъ только молодой турокъ, его сторожь, и находились кухни, куда ночью никто не ходилъ.

— Что же касается до турка, то мы съ нимъ распорядимся и заткнемъ ему глотку,—сказалъ Яни:—а пока я буду вести себя самымъ образцовымъ образомъ, такъ что не возбужу ни малѣйшаго подозрѣнія.

На третій день въ сумерки, предшествующія восходу солнца, Митсось вошелъ въ комнату Яни, совершенно готовый къ отъѣзду. Яни сказалъ Магомету-Салику, что слуга нуженъ отцу и потому долженъ уѣхать, а Магометъ предложилъ ему услуги турецкаго слуги, отчего, конечно, Яни поспѣшилъ отказаться.

— О Митсось,—сказалъ Яни, прощаясь съ своимъ другомъ:—возвращайся, какъ можно скорѣе. Я буду очень скучать по тебѣ. Я ужасно тебя люблю, и мы такъ славно жили съ тобою.

— Да, Яни,—отвѣчалъ Митсось, цѣлуя его:—я вернусь за тобой при первой возможности, и даже Зулейма меня не удержитъ отъ этого.

— А, у тебя Зулейма,—произнесъ Яни, тяжело вздыхая:—а ты одинъ у меня. Прощай, не забывай меня и возвращайся скорѣе.

Митсось поклялся, что ни мужчина, ни женщина, ни ребенокъ, ни богатства, ни почести не удержатъ его отъ возвращенія къ другу при первой возможности.

Затѣмъ онъ пошелъ сѣдлатъ лошадь въ полупечальномъ, полувеселомъ настроеніи. Правда, онъ разставался съ другомъ, но за то его ожидало свиданіе съ Зулеймой.

Весь день онъ ѣхалъ безъ усталости и ночью при блескѣ луны увидалъ Навлійскую бухту, лежавшую у его ногъ. Онъ выбралъ болѣе далекую дорогу, чтобъ не проѣхать ночью чрезъ Аргось, и когда очутился надъ тѣмъ песчанымъ берегомъ, гдѣ онъ ловилъ рыбу съ Зулеймой, то сердце его радостно забилося. Вскорѣ затѣмъ онъ миновалъ столь хорошо знакомую ему бѣлую стѣну и наконецъ остановился передъ домомъ отца. Собака, спавшая на балконѣ, бросилась на него съ лаемъ, но, узнавъ Митсосу, стала ласкаться къ нему.

Спустя минуту, дверь отворилась, и знакомый голосъ Николая произнесъ:

— Это ты, Митсось?

— Да,—отвѣчалъ юноша:—я вернулся.

Какъ Николай ни горѣлъ желаніемъ узнать о результатахъ поѣздки Митсосу, но онъ не сталъ его спрашивать и далъ ему спать до 9 часовъ слѣдующаго утра. Въ глазахъ Николая все было въ жизни не нужно, даже пить и ѣсть, только спать и мыться онъ считалъ необходимостью. Поэтому, когда юноша проснулся, то увидалъ передъ собой приготовленную ванну. Впрочемъ, Николай также

сварилъ ему кофе и яйца, такъ какъ у Константина дѣла шли плохо, и онъ долженъ былъ обходиться безъ слуги.

Подкрѣпивъ свои силы, Митсось разсказаль о всѣхъ своихъ приключеніяхъ до разставанія съ Яни. Николай выслушалъ его молча, а когда онъ кончилъ, то сказалъ немного словъ, но отъ нихъ стало тепло на сердцѣ у юноши.

! — Ты не могъ поступить лучше, Митсось, и я доволенъ тобою. Дай письмо Петровія.

И онъ прочелъ это письмо вслухъ.

«Любезный братъ, это посланіе тебѣ передастъ Митсось, и я не могу желать лучшаго гонца. Онъ разскажетъ тебѣ все, что онъ сдѣлалъ, и я могъ бы слушать его разсказъ сто разъ безъ малѣйшаго утомленія. Бѣдный Яни сидитъ взаперти въ Триполи, и такъ какъ онъ останется тамъ до начала нашихъ дѣйствій, то подумай о немъ, Николай, и не медли. Въ началѣ марта назначенъ съѣздъ епископовъ, и тебѣ надо послать Митсосу къ Герману. Вотъ еще новость для тебя. Итомскіе монахи приняли сторону отечества, и значить на югѣ не будетъ недостатка въ рукахъ, а потому братья Мегаспелайона могутъ оставаться у себя и возстать въ одно время съ нами въ Каламатѣ. Тогда съ сѣвера до юга пойдетъ такая кутерьма, что собакамъ туркамъ придется искать спасенія въ Триполи. Для дружнаго дѣйствія на сѣверѣ и югѣ потребуется какой нибудь сигналъ; лучше всего зажечь огни ночью. О другъ мой, недалеко нашъ праздникъ, и завоюютъ проклятые отъ Каламаты до Патраса. Клянусь Богомъ, отдашь бы пятьдесятъ паръ тетеревей, хотя ихъ въ нынѣшнемъ году мало, за то, чтобъ хоть однимъ глазомъ увидѣть, какъ твой племянникъ бросилъ Кринаса подъ мельничный жерновъ, а мой Яни выказаль хитрость не по лѣтамъ. Все остальное тебѣ скажетъ Митсось. Посѣти насъ при первой возможности. Да благословить тебя Матерь Божія и св. Николай.

«Петросъ Мавромихали.

«Скажи Митсосу о дьявольскихъ судахъ. Потомъ не будетъ времени».

Прочитавъ письмо, Николай обернулся къ Митсосу и сказалъ:

— Ну, теперь скажи мнѣ, что ты думаешь дѣлать въ будущемъ, но только прежде покури и подумай хорошенько.

Митсось повиновался и, спустя нѣсколько минутъ, отвѣтилъ:

— Прежде всего я отправлюсь въ Патрасъ, ахъ, нѣтъ раньше я посѣщу Мегаспелайонъ, скажу имъ, что ихъ дѣятельность необходима на сѣверѣ, а не на югѣ, и условлюсь съ ними о сигналахъ, съ помощью которыхъ мы съ Тайгета, изъ Каламаты и Паницы могли бы сносятся съ ними. Затѣмъ уже я отправлюсь въ Патрасъ съ порученіемъ отъ тебя къ Герману и предупрежу, его чтобъ онъ

не ѣздилъ въ Триполи на собраніе епископовъ, потому что это западня со стороны турокъ. Наконецъ мнѣ предстоитъ какое-то дѣло относительно дьявольскихъ судовъ, о чемъ я не имѣю понятія, и освобожденіе Яни. Но прежде, вѣроятно, ты поѣдешь къ Петровію.

— У тебя свѣтлая голова,—отвѣчалъ Николай,— хотя, по всей вѣроятности, ты не такъ хитеръ, какъ Яни. Въ настоящую минуту важнѣе всего придумать предлогъ для того, чтобъ Германъ и другіе епископы могли отказаться отъ принятія приглашенія Магомета-Салика съѣхаться въ Триполи.

Митсось задумался.

— А, они не могутъ поѣхать туда, и потомъ спастись изъ вражьяго вертепа, какъ Яни?—спросилъ онъ неожиданно.

— Ну, ты, Митсось, просто дуракъ!—отвѣтилъ Николай, качая головой:—ты хочешь, чтобъ пятьдесятъ старцевъ въ клубкахъ перелѣзли чрезъ каменную стѣну.

— Яни также не разъ говорилъ мнѣ, что я дуракъ,—произнесъ юноша со смѣхомъ:—вѣроятно, это правда.

— Будь благоразумнѣе. Дѣло въ томъ, что лучше отказаться имъ наотрѣзъ или прикинуться, что принимаютъ приглашеніе. Первое просто невысказано, и значить надо разыграть комедію.

— Если они не должны прибыть въ Триполи,—замѣтилъ Митсось,—то что нибудь должно ихъ задержать на дорогѣ.

— Но что?

— Вотъ этой причины для остановки я и не могу придумать. О несчастьѣ, что я родился такимъ глупымъ!

— погоди, дядя,—воскликнулъ Митсось, вскакивая.—Вотъ что придумалъ. Еслибъ мы вообразили, что въ Триполи есть турокъ, сочувствующій Герману, и что онъ напишетъ къ нему письмо, въ которомъ предупредить его не ѣхать въ Триполи. Ты понимаешь? Германъ прочелъ бы это письмо громко святымъ отцамъ, послалъ бы въ Триполи требованіе о ручательствѣ въ ихъ безопасности и выпустилъ бы на всѣ четыре стороны сопровождавшихъ его епископовъ. Скорѣе, дядя Николай, пишите это письмо отъ имени турка.

Николай съ удивленіемъ посмотрѣлъ на юношу.

— Истина глаголетъ устами младенцевъ,—промолвилъ онъ:—о Митсось, какая это блестящая идея. Повторика ее.

— Да, она совершенно проста,—отвѣтилъ юноша, покраснѣвъ отъ удовольствія, что Николай его похвалилъ:—я отправлюсь въ Патрасъ, гдѣ уже, вѣроятно, получено приглашеніе изъ Триполи. Я отдамъ Герману твои инструкціи, и епископы, собравшись въ Патрасъ, отправятся въ путь, а на второй день въ дорогѣ Германъ получитъ письмо изъ Триполи отъ турка, котораго онъ когда-то облагодѣтельствовалъ. «Не пріѣзжайте сюда,—будетъ сказано въ письмѣ,—прежде чѣмъ получите увѣреніе въ своей безопасности, такъ какъ турки вѣроломны». Затѣмъ, Германъ посылаетъ гонца

въ Триполи съ требованіемъ ручательства въ безопасности, а куда распустилъ епископовъ. Прежде же, чѣмъ турки созовутъ новое собраніе и выдадутъ требуемое ручательство, уже наступитъ нашъ пиръ, по выраженію Петровія.

— Однако, ты не дуракъ, — произнесъ Николай послѣ минутнаго молчанія:—а я самъ дуракъ, что сомнѣвался въ твоёмъ умѣ.

Митсось разсмѣялся.

— Что же, мой планъ годится?—спросилъ онъ.

— Еще бы.

Чѣмъ Николай больше думалъ, тѣмъ великолѣпнѣе казался ему планъ Митсоса. Онъ былъ очень простъ и не имѣлъ, повидимому, ни одного слабаго мѣста.

Вторая задача состояла въ томъ, чтобъ увѣдомить Мегаспелайонскую обитель, что ея люди и оружіе потребуются не на югѣ, какъ имъ говорилъ Николай, а на сѣверѣ, и согласиться съ ними насчетъ сигналовъ, съ помощью которыхъ можно было бы сношаться въ теченіе часа или двухъ съ одного конца Пелопонеза до другаго. Конечно, лучшей системой сигналовъ были зажженные ночью костры, что особенно было удобно для Пелопонеза, покрытаго горами, съ выдающимися вершинами. Для соединенія Тайгета съ Мегаспелайономъ было достаточно трехъ такихъ маяковъ, а Мегаспелайона съ Патрасомъ—двухъ.

Такимъ образомъ въ Мегаспелайонѣ надо было исполнить два порученія, но первое не требовало личнаго присутствія тамъ Митсоса, такъ какъ Николай предупредилъ братію, что имъ принесетъ вѣсточку отъ него кто нибудь, мужчина, женщина или ребенокъ, котораго они узнаютъ по паролю о черномъ зернѣ для турокъ, хотя слѣдовало поторопиться съ передачей этого порученія. Что же касается переговоровъ о сигналахъ, то ихъ слѣдовало вести самому Митсосу, которому надо было прежде повидать по этому предмету Германа въ Патрасѣ. Кромѣ того, Николай хотѣлъ, чтобъ онъ еще ранѣе посѣтилъ Коринѣъ, а затѣмъ уже отправился въ Патрасъ и Мегаспелайонъ, откуда онъ вернется не въ Навплию, а въ Паницу, гдѣ къ тому времени будетъ Николай.

— Но кого же послать съ первую вѣстью въ Мегаспелайонъ?—спросилъ юноша.

— Кого мы тамъ по близости знаемъ? — произнесъ Николай, обращаясь къ Константину:—ахъ, да, мѣсяцъ или два тому назадъ, Янко Влахось съ своей женой Маріей перебрался въ тѣ мѣста.

— Марія! — воскликнулъ Митсось:—она славная женщина, но Влахось ни на что не годится, это глупый мулъ.

— А гдѣ онъ живетъ?—спросилъ Николай.

— Въ Гурѣ, на разстояніи дневнаго пути отъ Немен.

— Въ Гурѣ. Тамъ много хорошихъ людей. Тебѣ Митсось надо отправиться туда, переночуй у Янко и устрой тамъ дѣло о пере-

дачѣ порученія въ обитель, а потомъ уже продолжай путь въ Коринѣмъ водой. Если надо, заплати за лошадь и за четыре дня прогугла. Я тебѣ дамъ письма къ Герману и къ настоятелю. Ну, вотъ и все.

— Нѣтъ, остается еще дѣло о дьявольскихъ судахъ и освобожденіе Яни.

— О дьявольскихъ судахъ придется переговорить въ Паницѣ. Когда ты можешь отправиться въ путь?

Митсось вспомнилъ о бѣлой стѣнѣ, и сердце его забилось.

— Завтра,—отвѣтилъ онъ:—лошади надо отдохнуть денекъ.

Николай всталъ изъ-за стола и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я желалъ бы,—сказалъ онъ наконецъ, останавливаясь передъ юношей:—чтобъ Яни не оставался у турокъ ни минуты болѣе, чѣмъ нужно. Это смѣлый шагъ со стороны Петровія, но онъ можетъ оказаться опаснымъ для молодого человѣка.

Митсось задумался. Тяжелая борьба происходила въ немъ. Сколько времени онъ жаждалъ свиданія съ Зулеймой, но съ другой стороны онъ поклялся, что никто, ни мужчина, ни женщина, ни ребенокъ, не задержитъ его отъ явки на выручку Яни.

— Дядя Николай,—сказалъ онъ наконецъ:—если я отправлюсь въ путь сегодня, то Яни освободится днемъ ранѣе?

— Конечно,—отвѣтилъ Николай, пристально смотря на юношу.

— Я поѣду сегодня,—произнесъ Митсось рѣшительнымъ тономъ.—До Неми только день пути. Пиши, дядя, письма.

— Впрочемъ, все равно, если поѣдешь и завтра,—замѣтилъ Николай, видя, что по какой-то причинѣ Митсось хочетъ остаться на ночь дома.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ юноша, — ты сказалъ, что если я поѣду сегодня, то Яни освободится днемъ ранѣе. Довольно. Я ѣду.

Николай съ удивленіемъ посмотрѣлъ на племянника, не понимая его восторженнаго оживленія.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ,—я сейчасъ напишу письма. Твоя правда, чѣмъ скорѣе Яни очутится на свободѣ, тѣмъ лучше.

Митсось отвернулся къ окну, и двѣ крупныя слезы покатались изъ его глазъ. Никто не зналъ, какую тяжелую жертву онъ принесъ.

Николай видѣлъ, что дѣло было неладно, но такъ какъ Митсось не хотѣлъ ему ничего объяснить, то онъ оставилъ его въ покоѣ, но, положивъ руку ему на плечо, сказалъ:

— Ты молодецъ, Митсось, письма будутъ готовы черезъ часъ. Ты отобѣдаешь и отправишься въ путь. До ночи ты достигнешь Неми.

И послѣ обѣда юноша снова пустился въ дорогу. Но сердце у него болѣзненно ныло. Его теперь не поддерживала надежда о ско-

ромъ возвращеніи. Ему приходилось вернуться, по словамъ Николая, не въ Навплию, а въ Паницу, гдѣ ему найдется дѣло до того времени, какъ явится возможность освободить Яни изъ плѣна въ Триполи. Тогда все будетъ готово, маяки загорятся по всему Целопонезу, и вспыхнетъ заразъ возстаніе на сѣверѣ и на югѣ. Мотивъ такого общаго движенія былъ двоякій. Греческія силы не были достаточно организованы, чтобъ рѣшиться на приступъ Триполи, очень сильно укрѣпленнаго и снабженнаго не только многочисленнымъ гарнизономъ, но и достаточнымъ запасомъ воды. Напротивъ, Каламата была менѣе защищена, плохо снабжена водой, и ея гарнизонъ не отличался значительнымъ числомъ. Кромѣ того, это былъ портъ, и, овладѣвъ гаванью, которая не была укрѣплена и находилась далеко отъ цитадели, греки могли побудить турокъ бѣжать въ Триполи. Движеніе на сѣверѣ должно было имѣть тотъ же результатъ. Триполи былъ самой грозной крѣпостью въ Целопонезѣ и особенно, какъ надѣялся Николай, организація грековъ достигла бы такого развитія, чтобъ предпринять осаду этой твердыни, единственнаго къ тому времени убѣжища турокъ. Тамъ произошелъ бы рѣшительный бой, который освободилъ бы весь Целопонезъ. До того же времени предполагалось отрѣзать страну отъ остальнаго свѣта съ помощью флота, формируемаго на островахъ, и брандеровъ, которые уничтожили бы всѣ турецкія суда, входящія въ порты или выходящія изъ нихъ. Практически было только четыре порта — въ Коринѣ, Патрасѣ, Навплии и Каламатѣ. Первые два составляли заботу предводителей возстанія на сѣверѣ, а Каламата и Навплия находились въ распоряженіи Николая и Петровія.

Первую ночь своего новаго путешествія Митсось провелъ въ Немеѣ и весь слѣдующій день странствовалъ по большой внутренней равнинѣ, гдѣ находятся озера. Тамъ всегда дышало весной; цвѣты наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ, и пчелы роями извивались надъ ними. Солнечные лучи весело играли въ прозрачной поверхности ручьевъ, а лошадь Митсоса съ восторгомъ ѣла въ полдень сочную траву. Но весна не отражалась въ сердцѣ юноши; онъ ѣхалъ, мрачно насупивъ брови, и жизнь, полная геройскихъ приключеній, которой онъ пожертвовалъ свое счастье, потеряла для него всякій интересъ. Если бъ онъ зналъ, что его ожидала тяжелая, мучительная агонія, то онъ, быть можетъ, повернулъ бы лошадь и отказался бы отъ исполненія даннаго ему невозможнаго порученія. Но, по счастью для него, онъ зналъ только то, что ему предстояло сдѣлать въ теченіе двухъ недѣль, а исполнить это онъ былъ обязанъ не только въ виду даннаго слова Николаю, своей клятвы Яни и сознанія долга.

На второй день передъ закатомъ солнца онъ увидалъ Гуру на склонѣ горы среди виноградниковъ. Сзади возвышались залитыя солнцемъ снѣжныя вершины горнаго кряжа. Домъ Янко нахо-

дился въ концѣ селенія, и Марія встрѣтила его самой веселой, любезной улыбкой. Янко былъ на работѣ въ полѣ, и молодые люди стали болтать на свободѣ о томъ, что произошло съ ними послѣ ихъ разлуки.

— Янко хорошій мужъ,—говорила Марія,—и онъ получаетъ прекрасное жалованье. Онъ сильнѣе любой лошади и работаетъ за двухъ рабочихъ. Я также сильна, и когда онъ не возвращается до десяти часовъ, я часто иду за нимъ въ винную и толчками провожаю домой. А ты, Митсось, зачѣмъ здѣсь?

— По дѣлу Николая. Янко можетъ намъ оказать большую услугу. Я могу тебѣ объ этомъ сказать Марія, по разрѣшенію Николая. Ему надо снести вѣсточку въ монастырь. Онъ получить за наемъ лошади на четыре дня и сдѣлаеть доброе дѣло.

— Противъ турокъ?

— Конечно.

Марія покачала головой.

— Янко хорошій человекъ,— отвѣчала она,— но онъ думаетъ только о пищѣ и винѣ; все остальное для него не существуетъ. Но онъ вскорѣ вернется, и ты поговоришь съ нимъ. Какъ я рада тебя видѣть, Митсось. Помнишь, какъ мы вмѣстѣ мяли виноградъ осенью? Ты еще выросъ съ того времени. Ты вдвое выше Янко, но онъ вѣдь такой толстый.

Марія смотрѣла на него съ видимымъ удовольствіемъ и была въ какомъ-то сентиментальномъ настроеніи. Митсось напомнилъ ей о Навплии и о тѣхъ дняхъ, когда ей только что минуло семнадцать лѣтъ, и она городилась тѣмъ, что была не только невѣстой, но и предметомъ, если не совершенно любви Митсоса, то во всякомъ случаѣ ухаживанія. Она одно время даже сомнѣвалась, не бросить ли ей Янко ради болѣе красиваго юноши, но благоразуміе взяло верхъ, и она была очень довольна своимъ выборомъ. Однако, увидавъ его, она почувствовала нѣчто среднее между радостью и печалью, тѣмъ болѣе, что его геройскія приключенія и его усыновленіе великимъ родомъ Мавромихали дѣлали его еще болѣе привлекательнымъ въ ея глазахъ. Такимъ образомъ, когда слышались тяжелые шаги Янко, то она пожалѣла, что онъ такъ рано вернулся домой.

Дѣйствительно, толстая, расплывшаяся фигура Янко, его красное, лоснившееся лицо и маленькіе, маслянистые глаза, представляли рѣзкій контрастъ съ загорѣлыми щеками Митсоса и его ясными, сверкающими зрачками. Онъ очень обрадовался Митсосу и отложилъ разговоръ о дѣлахъ до окончанія ужина.

Подкрѣпивъ свои силы пищей и виномъ, Янко выслушалъ Митсоса съ видимымъ безпокойствомъ.

— И я дамъ тебѣ четырехдневную плату за лошадь,— прибавилъ юноша къ изложенію дѣла, которое его привело въ Гуру.

Янко молчалъ нѣсколько минутъ, а затѣмъ приказалъ женѣ подать еще кружку вина. Онъ видимо боялся остраго язычка Маріи и желалъ объясниться съ Митсосою безъ нея, но она поняла его цѣль и быстро вернулась съ виномъ.

— Вотъ видишь, — говорилъ Янко, когда она снова вошла въ комнату, — у меня много полевой работы, и, признаюсь, я бы не желалъ вмѣшиваться въ ваше дѣло, что же касается четырехдневной платы за лошадь, то она покроетъ мои расходы, а что же я получу за хлопоты?

Митсось насупилъ брови.

— Ты не хочешь, такъ не задерживай меня, — воскликнулъ онъ вставая, — мнѣ надо найти когонибудь другого.

— Стыдись, Янко, — воскликнула Марія, — ты не мужъ мнѣ, а какой-то мулъ. Ты думаешь только о пѣстрахъ и боишься посвятить два дня на то, что Митсось дѣлаетъ мѣсяцами. Неужели ты будешь здѣсь ѣсть и пить, пока другіе приносятъ себя въ жертву за родину? Еслибъ я была мужчиной, то не женилась бы на дѣвушкѣ, такой трусливой, какъ ты.

И она бросила презрительный взглядъ на Янко. Потомъ она встала, подошла къ Митсосу и, наливъ два стакана вина:

— За твое здоровье и за здоровье всѣхъ храбрецовъ, — сказала она, чокаясь съ юношей, — а ты, — прибавила она, обращаясь съ прежнимъ презрѣніемъ къ мужу, — ты даже не хочешь пить за здоровье людей, которые гораздо лучше тебя. Я была бы уже на дорогѣ въ монастырь, если бъ Богъ создалъ меня мужчиной, и Митсось далъ бы мнѣ такое порученіе.

— Ты Марія? — воскликнулъ Митсось.

— Да, и я не спросила бы за это ни гроша, мало того поставила бы свѣчку Богородицѣ въ благодарность за то, что мнѣ удалось послужить святому дѣлу.

— Такъ что же, Марія, тебя удерживаетъ? — сказалъ Митсось, вспомнивъ слова Николая, — ты исполнишь порученіе лучше всякаго мужчины. Спроси въ обители настоятеля и передай ему письмо Николая.

— Глупости, Марія, — промолвилъ Янко, — это не бабье дѣло.

— Болтай, ты самъ ходи за виномъ на погребъ, — отвѣчала она съ искреннимъ воодушевленіемъ, — а я исполню то, что ты боишься сдѣлать. Я завтра же на разсвѣтѣ, Митсось, отправлюсь въ путь.

Въ сущности Янко былъ очень доволенъ. Если бъ другой патриотъ исполнилъ то, что предназначалось ему, было бы для него неприятно, а теперь все уладилось къ общему удовольствію. Онъ остался дома, и вмѣстѣ съ тѣмъ никто не узнаетъ объ его отказѣ. Бѣдный Янко отличался робкой натурой, и спокойная, сытая жизнь была его единственной мечтой. Славные подвиги и смѣлыя приключенія не имѣли въ его глазахъ никакой цѣны. Даже въ пьянствѣ

онъ держался принципа умѣренности и никогда не допивался до чортиковъ. Правилomъ его жизни была середина, названная поэтами золотой, хотя неизвѣстно почему, такъ какъ всѣ жвачныя животныя руководствуются этимъ принципомъ. Онъ отличался двумя прекрасными качествами: трудолюбіемъ и преданностью своей замѣчательной женѣ, но въ немъ отсутствовалъ геройскій духъ.

Митсось прибылъ въ Коринѣъ на слѣдующій день, поздно вечеромъ и нашелъ, что черезъ часъ или два каякъ отправлялся въ Патрасъ. Онъ только успѣлъ передать порученіе Николая городскому головѣ, поѣсть и сторговаться съ шкиперомъ за переѣздъ съ лошадыю въ Патрасъ. Вѣтеръ часто мѣнялся во время ночи, но на слѣдующій день задулъ попутный, и онъ вышелъ на берегъ въ Патрасъ въ то самое время, какъ Марія подъѣзжала на мулѣ къ монастырю.

У воротъ обители она увидѣла группу братьевъ, сидѣвшихъ у источника и курившихъ трубки. Одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ, подошелъ къ ней и сказалъ съ оживленіемъ:

— Да благословить тебя Богъ. Зачѣмъ къ намъ пожаловала?

— Мнѣ надо видѣть отца настоятеля,—отвѣчала она.

— Ты говоришь съ нимъ.

— У васъ есть зерно, отецъ святой?

Ея голосъ раздавался ясно, твердо, и всѣ монахи окружили ее, притаивъ дыханіе.

— Для голодныхъ или для турокъ?—спросилъ настоятель.

— Черное зерно для турокъ. Готовьте много зерна, чтобъ не было голода, и пусть 1.500 человекъ понесутъ его, куда нужно, по первому сигналу, котораго теперь ждать придется недолго. Имъ не надо идти далеко; оно понадобится здѣсь въ Калаврисѣ.

Сказавъ это, она нагнулась къ настоятелю и прибавила шепотомъ.

— Мнѣ еще поручено кое-что тебѣ передать, но я забыла буквально эти слова, хотя смыслъ ихъ мнѣ объяснилъ племянникъ Николая, Митсось.

— Говори, какъ помнишь,—отвѣчалъ съ улыбкой настоятель.

— Если у тебя посланы ружья на югъ, то верни ихъ. Дѣло случится не такъ, какъ предполагалъ Николай. Вамъ понадобятся здѣсь все ваше оружіе и всѣ ваши люди.

— Хорошо, а какой будетъ сигналъ?

— Не знаю, но сюда явится черезъ нѣсколько дней Митсось съ Патраса. Ты его узнаешь съ перваго взгляда: онъ высокъ, какъ башня, и лице его свѣтитъ, какъ солнце, а смотрѣть на него отрадно на сердцѣ. Онъ все знаетъ и объяснитъ тебѣ.

— Я буду ждать Митсосу. А ты останешься у насъ ночевать; мы приготовимъ тебѣ комнату для почетныхъ гостей; въ ней однажды жила дочь императора.

— Мнѣ надо отправиться назадъ,— отвѣчала Марія:— я не могу терять ни минуты.

— Ты не хочешь воспользоваться нашимъ гостепріимствомъ. Это нехорошо. Къ тому же ты заговорщица и должна быть осторожна. Чѣмъ ты объяснишь свое быстрое возвращеніе на прежній ночлегъ? Завтра же ты расскажешь, что была въ обители у брата, который только что постригся, и что тебя радушно приняла вся братія. Нечего дѣлать, намъ приходится лгать, и отвѣтственность за это падеть на турокъ. Отдай своего мула послушнику; онъ озаботится о немъ.

Такимъ образомъ Маріи выпалъ случай послужить родинѣ, и она исполнила свой долгъ, а затѣмъ вернулась къ своей скромной деревенской жизни. Гура не принимала никакого участія въ подготавливавшемся великомъ событіи. Это селеніе находилось на монастырской землѣ, и оно не терпѣло преслѣдованій отъ турокъ. Но вѣсть о возстаніи, достигнувъ до этого отдаленнаго уголка, нашла откликъ въ сердцѣ Маріи, и ея скучная, однообразная жизнь освѣтилась сознаніемъ, что она хоть на минуту приложила руку къ общему святому дѣлу.

Митсось легко исполнилъ порученіе Николая въ Патрасѣ. Германъ припелъ въ восторгъ отъ сообщеннаго ему плана дѣйствія и очень удивился, что исторія о подложномъ письмѣ турка придумана юношей, и Митсосу польстило его одобреніе. Разрѣшеніе вопроса о маякахъ потребовало болѣе времени, потому что Митсосу приходилось на пути въ Паницу вступать въ соглашеніе съ лицами, согласными зажечь маяки въ одно время на видныхъ мѣстахъ. Но Германъ зналъ хорошо всю страну и далъ хорошіе совѣты юношѣ насчетъ выбора мѣстностей для маяковъ, такъ какъ, по справедливому его замѣчанію, если маяки зажглись бы на такихъ высотахъ, откуда ихъ снизу не видать, то изъ этого ничего бы не вышло.

Послѣ долгихъ совѣщаній было рѣшено, что Митсось не достигнетъ Паницы ранѣе 10-го марта, а затѣмъ ему будетъ много дѣла, прежде чѣмъ онъ возьмется за освобожденіе Яни изъ Триполи. Поэтому маяки не могли быть зажжены ранѣе 20-го марта, но съ этого дня сигнальщики должны были находиться на своихъ мѣстахъ каждый вечеръ. Относительно того, гдѣ поставить маяки между Патрасомъ и Мегаспелайономъ, не было ни малѣйшаго затрудненія. Два маяка на возвышенныхъ мѣстахъ кряжа могли разнести вѣсть повсюду, и только спорнымъ былъ вопросъ относительно маяка между Тайгетомъ и Гельмосомъ. Германъ полагалъ, что его всего лучше было помѣстить на выдающемся пунктѣ Ликаона, надъ развалинами древняго храма, въ четырехъ миляхъ отъ Андрисены, гдѣ живетъ священникъ, который, конечно, согласится зажечь маякъ.

Митсось распростился съ Германомъ на слѣдующій день и,

спустя сорокъ восемь часовъ, онъ достигъ Мегаспелайона, тамъ узналъ о благополучномъ посѣщеніи обителя Маріей.

— И молодецъ же она,—сказалъ съ восторгомъ настоятель.

Дѣло о маякахъ было скоро покончено, и отецъ настоятель самъ проводилъ Митсосу на вершину кряжа, возвышавшуюся надъ обителью и откуда были одинаково видны тѣ пункты, гдѣ предполагалось устроить маяки на Гельмосѣ и въ Патрасѣ. Мѣсто это было отлично выбрано, и настоятель общалъ, что тутъ съ 20-го марта каждый вечеръ будетъ караулить преданный святому дѣлу монахъ, а какъ только запыхаетъ маякъ на Гельмосѣ, онъ зажжетъ и свой.

V.

Изъ селенія Леондари, лежащаго полукругомъ у подножія Гельмоса, гдѣ должно было находиться второе звено въ цѣпи маяковъ, невозможно было видѣть Андрисену, но Ликаонъ прямо, ясно высматривалъ надъ нею, и Митсось надѣялся, что надъ тянувшимися къ западу небольшими вершинами гнѣздились развалины храма. На слѣдующій день онъ на зарѣ отправился въ Андрисену, куда прибылъ на вторые сутки. Страна, по которой онъ ѣхалъ, была пустынной, обнаженной, и турки, не подозрѣвая въ этомъ отдаленномъ уголкѣ движенія противъ нихъ, не тревожили по дорогѣ Митсосу. Онъ нашелъ радушный пріемъ въ домѣ священника, къ которому Германъ далъ ему письмо, и послѣ обѣда они поѣхали въ горы надъ развалинами храма, чтобъ провѣрить, виденъ ли былъ этотъ путь съ Тайгета на югѣ и съ Гельмоса на сѣверѣ. По словамъ священника, въ прошедшемъ году тамъ былъ какой-то долговязый англичанинъ, который срисовалъ развалины и сказалъ, что это былъ храмъ Аполлона, и древніе греки называли его Бассе.

— Однако мнѣ не нравится это мѣсто,—прибавилъ отецъ Зервасъ.

Спустя часъ, на небѣ показались перистыя облака, и чѣмъ они выше поднимались въ горы, тѣмъ болѣе ихъ заволакивала пелена бѣлаго тумана. Это обстоятельство не общало хорошаго результата ихъ поѣздки, но, по словамъ Зерваса, не стоило возвращаться, такъ какъ эта мгла могла разсѣяться мгновенно, еслибъ только поднялся вѣтеръ. Однако густая пелена все становилась мрачнѣе, совершенно заслонила собою солнце, и они не видѣли десяти шаговъ передъ собой. Наконецъ на откосѣ горы они увидели какія-то громадныя тѣни, и мало-по-малу выступили изъ тумана высокія колонны. Это были развалины.

Въ это время Митсось, чтобъ облегчить путь своей уставшей лошади, соскочилъ на землю и вель ее подъ уздцы. Поэтому онъ отсталъ отъ своего товарища и медленно подвигался за нимъ по крутой тропинкѣ. Неожиданно раздались за пеленой тумана какіе-

то раздирающіе звуки. Митсось вздрогнулъ отъ суевѣрнаго страха и бѣгомъ догналъ отпа Зерваса. Солнце проглянуло сквозь туманъ, и подъ дуновеніемъ сильнаго вѣтра, свистъ котораго такъ перепугалъ юношу, бѣлыя облака быстро разсѣялись. Когда Митсось добрался до гребня, на которомъ находился храмъ, солнце уже весело свѣтило на лазуревомъ небѣ. У его ногъ тянулись живописныя долины, а вдали на югѣ виднѣлась Каламатская равнина, съ окаймлявшимъ ее синимъ моремъ.

Юноша съ удивленіемъ смотрѣлъ на сѣрыя колонны, которыя, казалось, скорѣе выросли изъ горъ, чѣмъ были произведеніемъ человѣческихъ рукъ. Но священникъ торопилъ его говоря:

— Я такъ и ожидалъ. Вѣтеръ прогналъ облака, но они могутъ возвратиться. Намъ надо скорѣе добраться до вершины горъ.

Митсось оставилъ свою лошадь у колоннъ и взобрался по горнымъ уступамъ на высоту двухъ сотъ футовъ надъ храмомъ. На сѣверѣ возвышался Гельмосъ, и ясно обрисовывался на его юго-восточномъ фасѣ утесъ надъ Леондари, словно онъ нарочно былъ созданъ для маяка. Обернувшись къ югу, юноша увидалъ Тайгетъ, поднимавшійся къ небу, представляя дюжину выдающихся пунктовъ.

— Теперь все ясно видно,—произнесъ отецъ Зервасъ, человѣкъ очень осторожный,—но я вотъ что сдѣлаю. Ты вѣдь направляешься на югъ и дня черезъ два будешь въ Каламатъ, такъ третью ночь ты проведешь въ какомъ нибудь селеніи въ горномъ проходѣ, пересѣкающемъ Тайгетъ по направленію къ Спартѣ. Въ эту ночь, послѣ заката солнца я зажгу здѣсь маякъ часа на два, и тогда тебѣ будетъ удобнѣе выбрать мѣсто для маяка на Тайгетѣ. Смотри, мои слова снова исполнились; но, слава Богу, вѣтеръ помогъ намъ сдѣлать, что нужно.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ стали подниматься снизу изъ долинъ бѣлыя облака. Митсось бѣгомъ спустился къ колоннадѣ. Лошадь мирно щипала сочную траву, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ любовался этими остатками культа красоты и бога юности, здоровья, солнечнаго свѣта.

Присоединившись къ нему, священникъ вошелъ въ колоннаду и перекрестился. На вопросъ удивленнаго юноши, что это значило, онъ отвѣчалъ:

— Окрестные жители рассказываютъ, что тутъ обитаетъ чортъ. Я не знаю, вѣрить ли этому или нѣтъ, а потому изъ осторожности осѣняю себя крестнымъ знаменіемъ. Но поспѣшимъ внизъ; здѣсь нехорошо оставаться въ темнотѣ.

Хотя туманъ снова покрывалъ горный откосъ, но онъ не былъ такъ густъ, какъ прежде, и солнечные лучи пробивались чрезъ него. Отъѣхавъ отъ храма, Митсось обернулся, чтобъ бросить на него послѣдній взглядъ, и увидѣлъ какой-то странный свѣтъ, выходявшій

изъ дверей разрушеннаго храма, вѣроятно, отблескъ заходившаго солнца сквозь окружающую мглу.

— Посмотри,—сказалъ онъ, обращаясь къ священнику:—точно храмъ освѣщенъ изнутри.

Отецъ Зервасъ обернулся и, упавъ съ лошади на землю, сталъ креститься, произнося молитвы.

Митсось взглянулъ на его испуганное, блѣдное лице. Между тѣмъ поразившій его свѣтъ исчезъ, и, вскочивъ снова на лошадь, священникъ воскликнулъ:

— Скорѣе, скорѣе, здѣсь не надо оставаться.

И онъ шибко поскакалъ.

Митсось слѣдовалъ за нимъ. Онъ также не былъ спокоенъ. Въ его памяти воскресали слышанные въ дѣтствѣ рассказы о странныхъ образахъ болѣе человѣческаго роста, которые носились вокругъ древнихъ храмовъ на Акрополѣ, и о странныхъ крикахъ, слышавшихся въ горахъ Эгины.

— О,—промолвилъ Зервасъ, когда юноша догналъ его у поворота на большую андрисенскую дорогу:—Господь подвергъ меня тяжелому испытанію. Деметри правъ, говоря, что видѣлъ въ этомъ храмѣ чорта въ видѣ прекраснаго юноши.

И онъ отеръ капли холоднаго пота, выступившаго на его челѣ.

— Но что же ты видѣлъ?—спросилъ Митсось.—Я только замѣтилъ, что изъ двери падалъ лучъ свѣта.

— Да, да,—отвѣтилъ Зервасъ:—я общалъ Герману важечъ маякъ и буду караулить на вершинѣ, тогда какъ свѣтлый юноша, быть можетъ, будетъ караулить меня внизу. Нѣтъ, я выберу другую дорогу и поднимусь въ горы съ сосѣдней долины.

— А что же видѣлъ Деметри?

— Однажды вечеромъ, весной Деметри изъ нашего селенія пасъ овецъ на горномъ откосѣ надъ храмомъ. Его застала ночь, и онъ рѣшилъ остаться до утра въ храмѣ, раздѣленномъ внутри на два покоя. Въ одинъ Деметри загналъ всѣхъ овецъ, а въ другомъ помѣстился самъ у разведеннаго огня. Поужинавъ, онъ прилежъ и хотѣлъ заснуть, но глаза его не закрывались, и онъ сталъ курить трубку. Что-то тревожило и беспокоило его. Въ храмѣ было душно, и тамъ стояло какое-то странное благоуханіе. Деметри всталъ и вышелъ наружу. Тамъ онъ снова улегся передъ дверью храма и снова старался заснуть. Но вдругъ ему казалось, что изъ храма неслись звуки веселыхъ пѣсень; онъ взглянулъ и увидѣлъ, что изъ двери падалъ лучъ свѣта, какъ мы только что видѣли съ тобою. Спустя минуту, послышался топотъ, и овцы выбѣжали съ испугомъ изъ двери и разбрелись во всѣ стороны. Деметри бросился ихъ остановить, но въ дверяхъ храма показался блестящій образъ. Это былъ красивый молодой юноша, граціозный, какъ горная газель;

лице его сіяло неземной красотой. На одномъ плечѣ у него висѣлъ калчанъ съ золотыми стрѣлами, въ лѣвой рукѣ онъ держалъ золотой самострѣлъ, на ногахъ у него были золотыя сандаліи, а на головѣ лавровый вѣнокъ. Онъ былъ совершенно нагъ, какъ майская лунная ночь, и также свѣтилъ, какъ она. Два пальца лѣвой руки онъ положилъ на голову одной изъ овецъ, она стояла неподвижно, не обнаруживая никакого страха. Огонь, разведенный въ храмѣ, тускло мерцалъ въ окружающемъ лучезарномъ свѣтѣ, какъ свѣчка при солнечныхъ лучахъ. Мало-по-малу овцы собрались вокругъ него и смотрѣли, словно очарованныя, на необыкновенное видѣніе. Наконецъ языческій богъ, или просто чортъ, — прибавилъ священникъ, набожно крестясь: — поднялъ глаза и сказалъ: «Ты обратилъ мое святилище въ овечій загонъ, какъ ты не боишься меня?» Деметри преклонилъ колѣна и отвѣчалъ: «Я не зналъ, что этотъ храмъ твой, владыка». — «За наказаніе я беру эту овцу», — произнесъ лучезарный юноша и дотронулся рукой до овцы, которая тихо опустилась къ его ногамъ: — «давно уже я не видѣлъ людей, и они стали некрасивѣе прежняго. Но я тебѣ скажу, что веселье лучше самопожертвованія, и красота выше мудрости или любви къ Богу. Посмотри на меня, и ты убѣдишься въ справедливости моихъ словъ».

Онъ протянулъ руку, но Деметри понялъ, что этотъ красивый юноша былъ злой духъ, и въ отчаяніи сдѣлалъ въ воздухѣ крестное знаменіе. Въ эту минуту въ глазахъ у него почерѣбло, и онъ потерялъ чувство, а когда очнулся, то лежалъ на каменномъ полу храма, а рядомъ валялась мертвая овца. Остальное же стадо спокойно окружало входъ въ храмъ. Было свѣтло, и солнце поднималось на востокъ. Это было десять лѣтъ тому назадъ, но Деметри и теперь съ ужасомъ вспоминаетъ о зловѣщей ночи. Я думалъ до сихъ поръ, что это — пустая сказка, но теперь, увидавъ свѣтъ въ дверяхъ храма, я начинаю вѣрить его словамъ. Но если Господь охранилъ Деметри, то онъ охранитъ и меня, когда я пойду зажигать маякъ. Вѣдь это святое дѣло и угодное Господу.

Митсосъ не зналъ, что и думать о разсказѣ священника. Конечно, тотъ фактъ, что у Деметри была съ собою фляжка вина, могъ нѣсколько разъяснить видѣнное имъ, но, какъ грекъ, юноша былъ склоненъ къ суевѣрію.

— Все это очень странно, — произнесъ онъ: — но вѣдь ты отецъ Зервасъ не откажешься помогать намъ.

— Нѣтъ, я все свято исполню. Я знаю, что тогда Господь не оставитъ меня.

VI.

Въ половинѣ марта Митсось снова поднимался по крутымъ горнымъ откосамъ въ Паницу. Уже часа два, какъ наступила ночь; небо было безоблачно, и хотя луна скрывалась за серебристой макушкой Тайгета, но звѣзды ярко блестѣли. Вдыхая въ себя свѣжій, горный воздухъ, юноша сознавалъ съ удовольствіемъ, что онъ успѣшно исполнилъ все, что было ему поручено. Три дня тому назадъ онъ видѣлъ, какъ маякъ въ Бассѣ неожиданно освѣтилъ всю окружающую мѣстность и блестѣлъ издали, какъ большая звѣзда, а съ тѣхъ поръ онъ ѣхалъ безъ усталости днемъ и ночью, что совершенно утомило его бѣдную лошадь. Очутившись наконецъ передъ домомъ Петровія, онъ постучалъ въ дверь, но на его стукъ откликнулся только Османъ громкимъ лаемъ.

— Османъ, Османъ, молчи, — крикнулъ Митсось: — меня никто не услышитъ.

Наконецъ внутри дома послышались шаги, и, пріотворивъ дверь, Петровій спросилъ:

— Кто тамъ?

— Я, Митсось, — отвѣчалъ юноша.

Черезъ минуту онъ былъ въ объятіяхъ Петровія.

— Очень радъ тебя видѣть, Митсось, — произнесъ онъ: — какъ ты скоро вернулся. Мы ждали тебя только завтра.

— Да, да, я успѣшилъ, но не говорите теперь со мной, — отвѣчалъ юноша: — а дайте мнѣ ѣсть, я голоденъ, какъ заяцъ зимой, а моя лошадь устала до смерти.

— Иди въ комнату, тамъ ты найдешь ужинъ и Николая, а я озабочусь о лошади.

— Нѣтъ, тебѣ неприлично служить мнѣ, мальчишкѣ.

— Пустяки, ступай. Только мы съ Николаемъ съѣли всю рыбу, и тебѣ остался глухарь.

Съ этими словами онъ повелъ во дворъ лошадь. Дѣло было въ томъ, что онъ узналъ отъ Николая о клятвѣ Митсоса относительно освобожденія Яни и объ его самопожертвованіи ради скорѣйшаго ея исполненія, а потому хотѣлъ самъ услужить вѣрному другу сына. Въ чемъ именно заключалось жертва, принесенная юношей, Петровій и Николай не знали, но они рѣшили, что, должно быть, Митсось былъ влюбленъ и пожертвовалъ свиданіемъ съ своей милой, хотя они никакъ не могли догадаться, кто бы она была.

Утоливъ свой голодъ и выкуривъ трубку, Митсось разсказалъ обоимъ друзьямъ все, что онъ сдѣлалъ, а потомъ спросилъ:

— Ну, а у васъ что новаго?

— Много хорошаго и мало дурнаго, — отвѣчалъ Петровій: — начну съ послѣдняго. Николай боится, что вскорѣ въ Триполи узнають объ его пребываніи здѣсь, а это очень не желательно. Четыре дня тому назадъ онъ встрѣтилъ двухъ турецкихъ солдатъ, и ему показалось, что они узнали его. Они направлялись въ Триполи, и я не хотѣлъ бы, чтобъ мнѣ приказали снова отыскивать его. Нашимъ родичамъ много и безъ того дѣла, и отправить двадцать человѣкъ на его поиски было бы неудобно.

— Обо мнѣ нечего говорить, — замѣтилъ Николай: — но меня тревожитъ мысль объ Яни. Онъ до сихъ поръ находится въ полной безопасности, но дѣло приметъ совершенно иной оборотъ, если, напримѣръ, меня и тебя вызовутъ въ Триполи.

— Магометъ-Саликъ не посмѣетъ сдѣлать этого, — отвѣчалъ Петровій со смѣхомъ: — и объ Яни не безпокойся. Онъ только разжирѣетъ; вотъ и все. Вѣдь турки ѣдятъ по пяти разъ въ день. У нихъ нѣтъ причины подовѣрять меня, а самое худшее, что можетъ случиться, это посылка сюда солдатъ для твоего ареста.

— Я очень люблю Яни, и я поклялся освободить его, — сказалъ Митсось зѣвая: — но мнѣ ужасно хочется спать. А когда я отправлюсь за нимъ?

— Черезъ недѣлю, я надѣюсь, а пока ты здѣсь, я тебя познакомлю съ дьявольскими судами, — произнесъ Николай: — ну, теперь ложись въ постель.

— О, какое счастье лечь въ постель послѣ дороги!

— Ну, и хорошій ужинъ не лишне, — замѣтилъ Петровій съ улыбкой.

Слѣдующіе два дня Митсось посвятилъ изученію брандеровъ. Онъ отправлялся съ Николаемъ на зарѣ въ лѣсъ, и тамъ они оставались до солнечнаго заката. Но на второй день, возвращаясь домой, они увидали у двери турецкаго солдата верхомъ. Онъ держалъ въ поводу еще двѣ другія лошади.

— Это не хорошо, — сказалъ Николай, отскакивая въ тѣнь вмѣстѣ съ Митсосомъ: — я такъ и зналъ. Ну, иди въ домъ, Митсось, узнай, что дѣлается, и приди мнѣ сказать. Я буду ждать тебя за мельницей.

И онъ быстро исчезъ въ темнотѣ.

Митсось пошелъ къ дому, но солдатъ его остановилъ:

— Ясакъ, — сказалъ онъ, что значитъ «нельзя пройти».

— Нельзя, что выдумалъ, — отвѣчалъ весело юноша: — отчего же мнѣ нельзя видѣть моего родича?

— Ясакъ, — повторилъ турокъ и выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ.

Митсось задумался. Онъ съ удовольствіемъ вступилъ бы въ

борьбу съ туркомъ, такъ какъ онъ не питалъ ни малѣйшаго уваженія къ мѣткости турецкихъ выстрѣловъ со времени приключенія съ Яни, но онъ зналъ, что въ домѣ было еще два турка, и благо-разумно ретировался, говоря:

— Пойду домой. А какъ ты думаешь, глупая голова, передъ домою моего отца я не найду такого же дурака?

Солдаты ничего не отвѣчали; очевидно, онъ не желалъ затѣвать ссоры съ могущественнымъ родомъ Мавромихали. Митсось медленно пошелъ по дорогѣ, но, повернувъ за уголь, побѣжалъ изо всѣхъ силъ къ мельницѣ, гдѣ его ждалъ Николай.

— Что дѣлать,—промолвилъ онъ шепотомъ:—у Петровія турецкіе солдаты, и они не пускаютъ меня въ домъ. О дядя, плохо будетъ Яни. Что дѣлать?

— Не хорошо. Садись, Митсось, и подумаемъ.

Прошло пять минутъ, и Николай первый прервалъ молчаніе.

— Я знаю, что произошло,—сказалъ онъ:—эти люди явились отъ Магомета-Салика, чтобъ арестовать Петровія. Онъ находится въ ихъ рукахъ, потому что въ случаѣ неповиновенія они могутъ выместить свою месть на Яни. Вотъ что намъ надо сдѣлать: освободить какъ можно скорѣе Яни изъ Триполи и Петровія на дорогѣ туда же, такъ какъ его навѣрно повезутъ къ Магомету-Салику. Но какъ это сдѣлать? Будь молодцемъ, Митсось, придумай выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Мало того, надо еще предупредить всѣхъ родичей Мавромихали о случившемся и о томъ, что нельзя освобождать Петровія, пока Яни въ Триполи, такъ какъ онъ можетъ заплатить за это своей головой. А что касается до меня, то я просто отдамся въ руки турокъ.

— Зачѣмъ?

— Потому что двумъ легче бѣжать, чѣмъ одному, и что, имѣя насъ обоихъ, турки не будутъ торопиться въ Триполи. Иначе они будутъ подозрѣвать, что я отправлюсь на выручку Яни. Да, это прекрасная мысль, но для ея успѣха всѣ родичи должны не двигаться.

— Такъ я поскачу освобождать Яни.

— Какъ можно скорѣе. Гдѣ твоя лошадь?

— У Петровія.

— Такъ ступай къ Деметри, возьми у него лошадь и въ дорогу. Нельзя терять ни минуты! Погоди, куда же ты дѣнешься съ Яни послѣ его освобожденія? Вы должны бѣжать изъ Триполи ночью и отправиться прямо черезъ горы въ верхнюю аркадійскую равнину, гдѣ стоитъ Мегалополисъ. Оттуда пересѣкните Тайгетъ и слѣдуйте до горы Подолидо, гдѣ ты смотрѣлъ на Бассейскій маякъ. Мы будемъ тамъ ждать васъ. Теперь я пойду по всему селенію и объявлю

родичамъ о случившемся и о томъ, что они должны присоединиться къ намъ въ Тайгетѣ, а потомъ я отдамся туркамъ. Ну, ступай, Митсось, и помни, что судьба Яни въ твоихъ рукахъ.

Они разстались. Николай предупредилъ всѣхъ родичей и послать гонцовъ во всѣ окрестныя селенія съ вѣстью о мѣстѣ сбора и о томъ, что борьба начнется съ осады Каламаты. Покончивъ съ этимъ, онъ направился къ дому Петровія.

— Ясакъ,— произнесъ солдатъ, увидавъ его.

— Ты не знаешь, съ кѣмъ говоришь,— гордо произнесъ Николай: — я Николай Видалисъ, о которомъ ты, вѣроятно, слыхалъ?

Солдатъ прицѣлился въ него изъ пистолета и громко крикнулъ:

— Ни съ мѣста, или я выстрѣлю. Ей, сюда!— прибавилъ онъ: — я арестовалъ Николая Видалиса.

Николай не желалъ получить пулю въ упоръ и не перемѣнилъ своей позиціи, а изъ дома выбѣжалъ старшій солдатъ.

— Вы имѣете уполномочіе такъ дѣйствовать?— спросилъ Николай: — или вы дорого заплатите за самоуправство.

— Мы дѣйствуемъ по приказанію губернатора Триполи; онъ велѣлъ арестовать тебя и Петровія, а затѣмъ доставить васъ въ Триполи.

Все это было сказано потурецки, но тутъ Николай заговорилъ погречески.

— За что арестованъ я?

— Не понимаю погречески,— отвѣчалъ солдатъ.

— «И слава Богу»,— подумалъ Николай и повторилъ свой вопросъ потурецки.

— За составленіе заговора противъ верховной власти султана и его представителя въ Триполи, Магомета-Салика.

Николай засмѣялся.

— Это дѣло серьезное. Могутъ войти въ домъ, и если я вашъ плѣнникъ, то вотъ возьмите мой пистолетъ и ножъ.. Но я совѣтую вамъ послѣдовать за мною, а то еслибъ родичи Петровія узнали, въ чемъ дѣло, то вамъ не поздоровилось бы. Мое обвиненіе ложное, но я не хотѣлъ бы, чтобъ ваша кровь или кровь родичей была пролита.

Оба солдата послушались его и ввели во дворъ лошадей.

Петровій радостно услышалъ голосъ Николая. Это, конечно, значило, что онъ нашелъ средство выйти имъ изъ затруднительнаго положенія и спасти Яни. Онъ вопросительно взглянулъ на него и затѣмъ улыбнулся. Петровій понялъ, что все обстоитъ благополучно, и Митсось отправился на выручку Яни.

Николай сѣлъ и продолжалъ вести веселую бесѣду съ солдатами.

— Это недоразумѣніе довольно ясно,—сказалъ онъ:—но я очень радъ увидѣть его превосходительство въ Триполи, куда я не могъ до сихъ поръ явиться.

— Его превосходительство также радостно васъ встрѣтитъ,—произнесъ одинъ изъ солдатъ съ улыбкой:—вамъ извѣстно, что онъ посылалъ за вами прошлую недѣлю, но Петровій отвѣчалъ, что вы исчезли, и что онъ разыщетъ своего проклятаго родича.

— У насъ была маленькая ссора, но мы уже давно помирились, не правда ли, Петровій?—произнесъ Николай и прибавилъ погречески:—слава Богу, они не понимаютъ ни одного греческаго слова.

Петровій кивнулъ головой.

— Мы завтра утромъ очень рано отправимся въ путь,—сказалъ онъ:—а теперь пора ужинать. Прошу васъ теперь садиться. Извините за плохую ѣду, мы не знали, что насъ осчастливятъ своимъ посѣщеніемъ такіе гости.

Съ этими словами онъ ударилъ въ ладоши, и слуга вошелъ въ комнату; это былъ юноша одинаковыхъ лѣтъ съ Яни, Петровій взялъ его въ свой домъ, такъ какъ онъ остался сиротой. Константинъ былъ на половину слуга, а на половину товарищъ Яни, которому онъ былъ очень преданъ.

— Давай ужинъ,—сказалъ Петровій погречески:—и держи ухо востро.

Юноша подалъ ужинъ, и всѣ трое турокъ стали охотно ѣсть и пить. Постоянно вращаясь среди грековъ, они привыкли къ вину и съ удовольствіемъ налегли на него. Николай мало болталъ потурецки, а подъ предлогомъ, что Петровій съ трудомъ объясняется на этомъ языкѣ, онъ говорилъ погречески, Николай переводилъ его слова. Такимъ образомъ они могли при туркахъ безъ малѣйшаго подозрѣнія съ ихъ стороны передать другъ другу, что хотѣли.

Николай сообщилъ Петровію объ отъѣздѣ Митсоса по своимъ дѣламъ бѣгства. Они должны были отправиться въ путь на слѣдующее утро, а такъ какъ Митсось былъ впереди ихъ на двѣнадцать часовъ, то при первомъ привалѣ попытать счастья. Это было бы для нихъ тѣмъ удобнѣе, что они находились бы все еще среди родичей; въ случаѣ надобности они могли прикрыть ихъ бѣгство. Николай предложилъ планъ очень простой, который ему уже разъ исполнѣ удалось. Юноша Константинъ долженъ былъ проводить ихъ съ прислугой для обѣда на первомъ привалѣ, а тамъ въ то время, какъ турки будутъ утолять свой голодъ и жажду, ему предстояло удалиться подъ какимъ нибудь предлогомъ, подрѣзать ремни у турецкихъ сѣделъ и вернуться домой. Подождавъ нѣсколько минутъ, Петровій и Николай вскочили бы на своихъ лошадей и скрылись бы отъ удивленныхъ турокъ, которые не имѣли бы возможности преслѣдовать ихъ.

Все это Николай передалъ Петровію и Константину среди пустыхъ фразъ, сказанныхъ для отвода глазъ туркамъ, а чтобъ убѣдиться, понялъ ли его слуга, Петровій сказалъ:

— Если ты все понялъ, Константинъ, то налей мнѣ стаканъ воды, а если нѣтъ, налей стаканъ вина Николаю.

Константинъ немедленно налилъ вина въ стаканъ хозяина дома и вышелъ изъ комнаты.

Покончивъ съ этимъ, Николай сталъ говорить съ солдатами по-турецки. Онъ выразилъ желаніе, чтобъ они отправились въ путь на слѣдующее утро, какъ можно ранѣе, такъ какъ онъ боялся, чтобъ родичи Мавромихали не напали на нихъ при видѣ, что они увозятъ Петровія, а съ другой стороны, онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе увидѣть Магомета-Салика и выяснить возможное недоразумѣніе. Они согласились и сказали, что если Петровій и Николай не возьмутъ съ собой оружье, то они все поѣдутъ, какъ туристы, тѣмъ болѣе, что за ихъ хорошее поведеніе ручается присутствіе въ Триполи Яни, въ качествѣ заложника.

Хотя на слѣдующее утро они выбрались изъ селенія не очень рано, но по указанію Николая все обитатели попрятались, однако изъ своихъ засадъ они со смѣхомъ слѣдили за процессіей, заранѣе радуясь успѣху стратагемы, которую придумалъ Николай, поразившій всѣхъ родичей наканунѣ своимъ планомъ. Впереди ѣхалъ одинъ солдатъ, за нимъ плелись Николай и Петровій съ остальными солдатами по сторонамъ, а въ арьергардѣ слѣдовалъ Константинъ съ продовольствіемъ. Николай мало молчалъ, занимая турокъ интересными разговорами, и все шло, какъ по маслу.

Спустя три часа, они достигли живописной, тѣнистой рощи, среди которой протекалъ игривый потокъ. Петровій предложилъ остановиться тутъ для обѣда. Турки съ удовольствіемъ изъявили свое согласіе, и Константинъ быстро устроилъ все, какъ было ему приказано. Въ концѣ обѣда онъ удалился за деревья и, быстро исполнивъ данное ему порученіе насчетъ турецкихъ сѣделъ, немедленно ушелъ.

Долго ѣли и пили пятеро, пока, наконецъ, Николай не замѣтилъ, что солнце уже низко, а потому пора ѣхать, если они хотятъ достигнуть Триполи ночью. Солдаты согласились, но неохотно, такъ какъ они выпили болѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Николай и Петровій послѣдовали за ними къ лошадямъ. При этомъ первый съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Константинъ отцѣпилъ кремни въ солдатскихъ ружьяхъ.

— Ну, скорѣе, — воскликнулъ онъ, обращаясь къ своему товарищу.

Они быстро вскочили на лошадей и поскакали въ лѣсъ, тянувшійся до подножія Тайгета. За ними послышались крики удивленія и стукъ кремней, вывалившихся изъ ружей.

Затѣмъ, послѣдовала комическая сцена. Двое солдатъ вскочили на лошадей, но, сдѣлавъ два шага, свалились на землю вмѣстѣ съ своими сѣдлами, а третій, занеся ногу въ стремя, остался стоять рядомъ съ своей разсѣдланной лошадыю.

Болѣе получаса прошло въ устройствѣ сѣделъ, да и то можно было исправить только два. Ихъ владѣльцы вскочили на лошадей и поскакали, одинъ въ погоню за бѣглецами, а другой въ Триполи. Третій же пошелъ пѣшкомъ, неся въ одной рукѣ сѣдло, а другой держа лошадь за узды.

Турокъ, преслѣдовавшій бѣглецовъ, достигъ вскорѣ селенія, гдѣ храбрый родъ Мавромихали былъ въ сборѣ и встрѣтилъ солдата свистомъ пуль. Онъ остановился и бросилъ одинъ только взглядъ на толпу, но этого было достаточно, чтобъ увидѣть среди нея Николая и Петровія, которые учтиво кланялись ему. Онъ повернулъ лошадь и быстро ускакалъ.

VII.

Изъ Паницы въ Гифіумъ было два дня или три ночи пути, считая день въ 12 часовъ, а ночь въ 8, но Митсось, выѣхавъ въ 10 часовъ вечера, достигъ цѣли своего путешествія въ 20 часовъ, то-есть на восходѣ солнца на второй день. А закатъ въ тотъ же день засталъ его въ горномъ проходѣ надъ равниной, гдѣ находится Триполи, куда онъ рассчитывалъ попасть за два часа до восхода солнца, чтобъ имѣть достаточно времени для бѣгства съ Яни до пробужденія жителей. Соскочивъ съ лошади, онъ далъ ей немного отдохнуть, а самъ не присѣлъ, боясь заснуть отъ усталости, а медленно ходилъ взадъ и впередъ, грызя кусокъ чернаго хлѣба и запивая кислымъ виномъ, которымъ онъ наполнилъ свою фляжку въ Гифіумѣ. Покончивъ свою скудную трапезу, онъ закурилъ трубку, такъ какъ табачный дымъ было лучшее средство противъ сна.

Наконецъ, когда лошадь достаточно отдохнула, онъ пустился въ путь. Ночь была темная, и она не успѣла сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ поскользнулась и упала на груды камней, сваливъ на землю Митсосу. Онъ не получилъ ни малѣйшаго ушиба и быстро вскочилъ, но у бѣдной лошади оказалась рана до кости.

— Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ Митсось въ отчаяніи,— что теперь дѣлать?

Еще оставалось до восхода солнца четыре часа, но половина ихъ потребовалась бы на достиженіе Триполи, а теперь съ окровавленной и раненой лошадыю было невозможно это сдѣлать.

Приходилось идти пѣшкомъ, несмотря на усталость и клонившій его сонъ. Но, главное, ему было жаль оставить лошадь въ пустынномъ мѣстѣ на вѣрную смерть послѣ долгихъ страданій. Поэтому онъ рѣшилъ тотчасъ покончить съ нею и, вынувъ пистолеть, застрѣлилъ ее. Когда бѣдное животное растянулось на землѣ, Митсось со слезами на глазахъ пошелъ пѣшкомъ по направленію къ Триполи.

Какъ шло время, онъ не сознавалъ, а машинально шелъ, не оставиваясь, несмотря на утомленіе и напавшую на него дремоту. Только по временамъ онъ чувствовалъ нестерпимую боль въ колѣняхъ отъ удара объ острый камень и вспомнилъ свою бѣдную лошадь. Наконецъ, онъ неожиданно широко раскрылъ глаза. Небо на востокѣ отливало розовымъ оттѣнкомъ и, спустя нѣсколько минутъ, съ южной быстротой показалось надъ горами солнце, облившее своими лучами Триполи, еще отстоявшее на милю.

Митсось окаменѣлъ. Онъ опоздалъ. Днемъ онъ не могъ попасть въ губернаторскій домъ, а къ вечеру явятся солдаты изъ Паницы.

— Яни! Яни!—воскликнулъ онъ, рыдая и ломая себѣ руки.

Онъ упалъ на землю, блестящую отъ ночнаго мороза. У него достало еще сознанія, чтобъ добраться начетверенькахъ за кусты, окаймлявшіе дорогу, и тамъ онъ заснулъ дѣтскимъ непробуднымъ сномъ.

Было уже далеко за полдень, когда онъ открылъ глаза. Сонъ подкрѣпилъ его силы, и онъ чувствовалъ себя совершенно свѣжимъ физически и умственно. Онъ присѣлъ и сталъ обдумывать свое положеніе. Ему нечего было упрекать себя за отдыхъ, такъ какъ это было необходимо. Хотя солдаты должны были достигъ за свѣтло Триполи, но и ему необходимо было отправиться туда же, и, какъ только покажутся солдаты, попытаться счастья достигъ Яни окольнымъ путемъ. Онъ всталъ, быстро дошелъ до города, поѣлъ въ какой-то гостиницѣ и затѣмъ, издали осмотрѣвъ губернаторскій домъ, вернулся на большую дорогу и началъ поджидать солдатъ. Но часы шли за часами, и они не появлялись. Наконецъ, стемнѣло, и Митсось радостно перевелъ дыханіе.

Онъ быстро вернулся на городскую площадь, гдѣ уже по угламъ мерцали масляные фонари. Въ улицѣ, на которую выходила стѣна, сосѣдняя съ домомъ, гдѣ былъ заключенъ Яни, находилась кофейня, и Митсосу пришлось ждать, пока ея не закрыли. Тогда онъ энергично взялся за дѣло. Взлѣзть на невысокую стѣну и оттуда пробраться на крышу флигеля губернаторскаго дома было нетрудно, но по крышѣ ему пришлось ползти, чтобъ не обратить на себя вниманія караульныхъ. Онъ уже добрался до того мѣста крыши, подъ которымъ по его расчету находилась комната Яни, и хотѣлъ опу-

ститься на балконъ, какъ что-то подалось подъ нимъ. Легкая крыша, покрытая по драни черепицей, треснула подъ его тяжестью, и онъ среди дождя черепицъ провалился въ комнату, которая по счастью оказалась темницей Яни.

— Это ты, Митсось,—раздался знакомый голосъ:—разрѣжь скорѣе веревку.

Руки Яни были связаны на спинѣ, и Митсось, выхвативъ изъ-за пояса ножъ, перерѣзалъ веревку. Но въ ту же минуту дверь отворилась, и тюремщикъ показался на порогѣ. Митсось бросился на него и повалилъ на землю, а Яни завязалъ ему ротъ толстымъ шарфомъ.

— Давай веревку,—промолвилъ Митсось и быстро связалъ руки и ноги своей жертвѣ.

— Сейчасъ явится привратникъ,—сказалъ Яни:—запри дверь.

Для большой безопасности они заставили дверь и окно всей мебелью, бывшею въ комнатѣ. Затѣмъ Митсось взлѣзъ на столъ и сквозь отверстіе въ крышѣ пробрался наружу; очутившись тамъ, онъ легъ на животъ и, протянувъ руки, втащилъ туда же Яни.

— Я былъ правъ,—произнесъ онъ шепотомъ:—ты очень растолстѣлъ и сталъ такой тяжелый.

Съ крыши было нетрудно спуститься на стѣну, а оттуда на улицу, теперь совершенно пустынную. Но, добравшись благополучно до городскихъ воротъ, они съ ужасомъ увидѣли, что они были заперты, и подлѣ стоялъ часовой.

Снова ихъ выручила хитрость Яни и сила Митсоса.

— Знаешь что,—шепнулъ первый:—онъ откроетъ тебѣ ворота, принявъ тебя за торговца, возвращающагося хотя поздно съ базара. Ты схвати его за горло и толкни за ворота, а я возьму ключъ изъ воротъ и послѣдую за вами.

Митсось не понималъ, зачѣмъ Яни возьметъ ключъ, но повиновался.

Онъ подошелъ къ часовому и попросилъ отворить ворота, а Яни спрятался за уголъ дома.

— Ты съ базара?—спросилъ часовой.

— Да, и я иду домой въ Тану,—отвѣчалъ Митсось, называя сосѣднее селеніе.

Часовой вынулъ ключъ и отперъ ворота, а Митсось въ ту же минуту схватилъ его, потащилъ за стѣну, грозя убить его, если онъ крикнетъ. Почувствовавъ сильныя руки юноши вокругъ своего горла, турокъ не произнесъ ни звука. Между тѣмъ Яни выхватилъ изъ замка ключъ и поспѣшилъ за ними.

— Брось его подальше,—произнесъ онъ, подбѣгая къ Митсосу,

который немедленно швырнулъ на дорогу турка, оказавшагося по счастью маленькаго роста.

Пока онъ лежа призывалъ себѣ на помощь пророка, Яни заперъ ворота и бросилъ ключъ въ кусты.

Оба юноши съ торжествомъ посмотрѣли другъ на друга и громко разсмѣялись. Дѣйствительно сцена вышла комичная. Но терять время было невозможно.

— Пойдемъ, Яни, — воскликнулъ Митсось: — намъ оставаться тутъ нельзя. Пойдемъ сначала по дорогѣ и ускоримъ шагъ. Мы успѣемъ наговориться потомъ.

Два часа они быстро шли, даже частью бѣжали, хотя дѣйствительно Яни отъ мѣсячнаго заключенія очень обрюзгъ. Наконецъ они достигли на краю небольшой долины, въ горахъ, отдѣляющихъ Триполи отъ Мегалополиса, небольшой гостиницы, содержимой другомъ отца Митсоса. Въ ея окнахъ свѣтился огонь, и друзья постучались въ дверь.

Хозяинъ, котораго звали Анастасіемъ, радостно встрѣтилъ Митсоса, который рассказалъ ему объ ихъ бѣгствѣ и просилъ сказать туркамъ, если они явятся изъ Триполи, что бѣглецы пошли по дорогѣ въ Мегалополисъ.

— Мы идемъ не туда, — прибавилъ Яни: — указавъ имъ ложную дорогу, мы выиграемъ время.

Это показалось очень забавно Анастасію, и онъ весело засмѣялся. Но понимая, что нельзя было терять ни минуты, онъ быстро поставилъ на столъ мясо и хлѣбъ.

Подкрѣпивъ свои силы на скорую руку, друзья бѣгомъ пустились по крутой тропинкѣ, которая вела къ Тайгету. Всю ночь они не останавливались ни на минуту и къ восходу солнца очутились у подножія Тайгета.

Хотя имъ оставалось еще идти цѣлый день до мѣста свиданія, но Яни объявилъ, что онъ не въ состояніи болѣе сдѣлать ни шага. Глаза его слипались отъ сна, и ноги подкашивались. Митсось долженъ былъ примириться съ необходимостью и объявилъ, что они пролежатъ въ кустахъ цѣлый день и только ночью будутъ продолжать свой путь.

— И прекрасно, — отвѣчалъ Яни: — дай мнѣ прежде поспать, и потомъ мы наговоримся всласть.

Онъ бросился на землю и черезъ минуту заснулъ.

Митсось вскорѣ послѣдовалъ его примѣру, но первый проснулся. По положенію солнца было видно, что еще недавно пришелъ полдень, и онъ, тихонько вставъ, чтобъ не разбудить Яни, пошелъ искать воды. Невдалекѣ нашелся источникъ, и вернувшись Митсось засталъ Яни уже вставшимъ. Они поѣли данныхъ имъ Ана-

стасіемъ хлѣба и мяса, а затѣмъ Яни объявилъ, что пора поговорить.

— Ты, Митсось, начинай и Расскажи мнѣ все, что было съ тобой,— прибавилъ онъ.

— Въ первую ночь,— отвѣчалъ Митсось:—я прямо отправился въ Навплию и достигъ туда около полу-ночи, а на слѣдующій день я выѣхалъ оттуда.

— На слѣдующій день?—воскликнулъ Яни:—такъ-то ты любишь Зулейму? Ну, какъ она поживаетъ?

— Это дѣло мое,—произнесъ Митсось, насупивъ брови:—будемъ говорить лучше о другомъ. На слѣдующій день....

— Ты не видалъ Зулеймы?—перебилъ его Яни.

— Не видалъ.

— Отчего же ты не подождалъ ночи и не поѣхалъ въ лодкѣ къ ней?

— Потому, что Николай послалъ меня по дѣлу.

Яни пристально взглянулъ на друга и, положивъ ему руку на плечо, сказалъ нѣжно.

— Милый, милый Митсось, я все понимаю. Ты отправился на слѣдующій день не по приказанію Николая, а въ силу твоей клятвы освободить меня какъ можно скорѣе. Но я боюсь, что ты меня возненавидишь.

— Пустяки, Яни,—отвѣчалъ съ улыбкой Митсось:—клятву нельзя нарушать, и къ тому же, что было бы со мною, еслибъ я опоздалъ въ Триполи, а вѣдь я едва поспѣлъ. Что бы я тамъ нашелъ, еслибъ явился въ Триполи сегодня ночью, а не вчера?

— Я тебѣ объ этомъ скажу потомъ. А теперь продолжай свой рассказъ.

Митсось рассказалъ ему о своихъ походахъ до бѣгства отъ солдатъ.

— Конецъ намъ повѣдаютъ дядя Николай и твой отецъ, когда мы увидимся съ ними на Тайгетѣ,—прибавилъ онъ:—ну, теперь твоя очередь, рассказывай.

— Моя исторія не длинная, и слава Богу,—началъ Яни:—съ недѣлю или двѣ я спалъ и ѣлъ, ѣлъ и спалъ. Я видѣлъ за это время Магомета-Салика раза два, и онъ очень любезно спрашивалъ, хорошо ли мнѣ, и не нуждаюсь ли я въ чемъ. Мнѣ нужна была только свобода и свиданіе съ тобой, а такъ какъ онъ не могъ дать мнѣ ни того ни другаго, то я отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждаюсь.

Потомъ съ недѣлю онъ сталъ чаще посѣщать меня, спрашивая объ отцѣ и родичахъ, а также о томъ, былъ ли въ Паницѣ Николай. Я, конечно, отвѣчалъ, что мои родичи люди хорошіе, спо-

койные, мирно работаютъ въ полѣ и благодарятъ Бога, что ихъ господа, турки, такъ добры и справедливы къ нимъ; а объ Николаѣ я сказалъ, что видѣлъ его только въ дѣтствѣ. Такъ шло время, какъ неожиданно дней пять или шесть тому назадъ пришелъ ко мнѣ Магометъ и сказалъ съ хитрымъ, злобнымъ выраженіемъ лица:

— Такъ ты говоришь, что твои родичи люди хорошіе, спокойные и благодарятъ Бога за то, что имѣютъ добрыхъ, справедливыхъ господъ. Что же ты самъ, Яни, хвалишь ихъ за это?

Я ничего не отвѣтилъ, такъ какъ я думалъ, что онъ и не ждетъ отвѣта, но онъ разсердился и, сверкая глазами, воскликнулъ:

— Отвѣчай, или я велю содрать съ тебя шкуру, собака. Вы всѣ греки собаки, хотя и красивыя. Но собакъ надо держать на привязи. Благодарю Бога, что у тебя такой добрый господинъ, и не сопротивляясь дай связать себѣ руки.

— Зачѣмъ? — спросилъ я.

— Будь благоразуменъ, а то я исполню свою угрозу, — закричалъ онъ.

Дѣлать было нечего. Пришлось подвергнуться этому униженію.

— Вотъ такъ хорошо, — сказалъ Магометъ, успокоившись, когда увидалъ мои руки связанными: — мы скоро научимъ тебя быть послушнымъ, какъ твои родичи. Ты вскорѣ увидишь своего отца и Николаю. Я послалъ за ними. Если они явятся сюда, то хорошо, хотя въ сущности мнѣ все равно. Я не боюсь лающихъ собакъ. Но если ихъ не приведутъ сюда, то придется подумать, что сдѣлать съ тобою. Я еще этого не рѣшилъ, — прибавилъ онъ, смотря пристально мнѣ въ глаза: — можно бы тебя повѣсить, но ты слишкомъ красивый мальчикъ, и я хотѣлъ бы лучше, чтобъ ты служилъ мнѣ, на примѣръ, подавалъ бы розовую воду. Я одѣлъ бы тебя въ голубую безрукавку, вышитую серебромъ, красные шаровары и желтые бапмаки; но я не позволилъ бы тебѣ имѣть при себѣ ни ножа, ни пистолета за поясомъ. Ты слишкомъ злой для этого, несмотря на твою юность. Можно бы изъ тебя сдѣлать и евнуха. Во всякомъ случаѣ ты будешь моимъ слугою, и я буду добрымъ для тебя господиномъ.

Голосъ Яни оборвался, и онъ замолчалъ въ сильномъ волненіи, но черезъ минуту онъ продолжалъ:

— И я долженъ было выслушать все это молча, я свободный грекъ, плевавшій до тѣхъ поръ на турокъ. Но я помнилъ твою клятву, Митсось, и зналъ, что ты меня освободишь. Вотъ почему я молчалъ. Магометъ продолжалъ меня посящать уже каждый день и все повторялъ:

— Время приближается, Яни. Они должны прибыть сюда вскорѣ.

А вчера утромъ онъ сказалъ:

— Они будутъ сегодня.

А я тогда подумалъ: «Значить, меня не будетъ здѣсь сегодня вечеромъ». Митсось меня освободить до того вечера. Такъ и случилось. Болѣе мнѣ нечего рассказывать. Ты меня спасъ, и я тебѣ обязанъ жизнью и сохраненіемъ моей чести,—прибавилъ онъ, протягивая ему обѣ руки:—такъ люблю тебя, что меня не тяготитъ благодарность къ тебѣ, но все-таки я желалъ бы отдать за тебя правую руку или правый глазъ.

Митсось взялъ обѣ руки Яни и произнесъ новую клятву по обычаю грековъ:

— Да превратится для меня вода въ слезы и хлѣбъ въ соль, если я не окажу помощи, когда ты будешь въ ней нуждаться и не буду любить того, кого ты любишь, или ненавиждѣть того, кого ты ненавидишь.

Солнце уже садилось за горы, на западѣ, когда они снова отправились въ путь. Ни тотъ ни другой никогда не бывали въ этой мѣстности, но они надѣялись напасть на тропинку, которая вела бы изъ Аркадской равнины въ одно изъ селеній, сосѣднихъ съ Лангардаскимъ проходомъ.

Чѣмъ болѣе они поднимались въ горы тѣмъ воздухъ становился свѣжѣе, и они шли бодро, весело. Даже Митсось не сожалѣлъ долгой разлуки съ Зулеймой, такъ какъ, благодаря этому, онъ спасъ своего друга.

Около полуночи они остановились для отдыха. При серебряномъ свѣтѣ луны блестяли надъ ихъ головами снѣжныя высоты горъ, и Митсось вспомнивъ, что маякъ находился подъ самой снѣжной линіей, рѣшилъ, что имъ не надо болѣе подниматься на верхъ.

Собравшись съ силами, они взяли направо и шли по узенькой тропинкѣ до той минуты, какъ первые лучи восходящаго солнца показали изъ-за горъ.

— Ужъ день,—сказалъ Яни:—значить, мы близко къ цѣли.

— Да,—отвѣчалъ Митсось:— это и есть мѣсто для маяка. Но кто это?

И онъ показалъ на бѣжавшаго къ нимъ на встрѣчу челоуѣка высокаго роста.

— Это дядя Николай!—воскликнулъ радостно Митсось:—покажемъ ему, что и мы умѣемъ бѣгать.

Спустя двѣ минуты, они оба были въ объятіяхъ Николая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

